

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXXV

1899

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1899

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1899 году
(двѣдцатый годъ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1899 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и предшествовавшія девятнадцать лѣтъ (1880—1898).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ
ЯНВАРЬ, 1899

СОДЕРЖАНИЕ

ЯНВАРЬ, 1899 г.

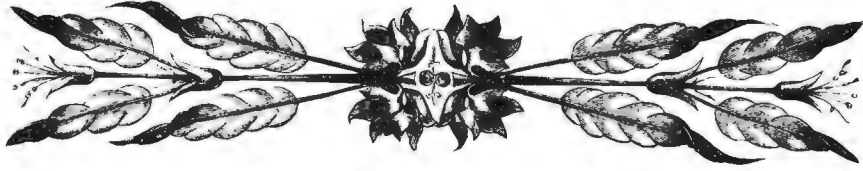
	стр.
I. Владимирскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть первая. I—VIII. Графа Е. А. Салиаса	7
II. Записки графини В. Н. Головиной (1766—1817). I—II.	39
III. Пытливый умъ. И. Н. Потапенко	77
IV. Забѣчательныя русскія женщины. Марья Савишна Перекусихина. Вл. О. Михневича	93
V. Сумерки. (Очеркъ изъ нравовъ 70-хъ годовъ). М. Е. Ермолиной .	118
VI. Сенаторъ Синельниковъ и императоръ Александръ II. П. И. Суворова	137
VII. Памяти Я. П. Полонскаго. С. И. Уманца	147
Иллюстрація: факсимиле Я. П. Полонскаго.	
VIII. Воспоминанія объ И. Ѳ. Горбуновѣ. В. А. Тихонова	167
Иллюстрація: Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ.	
IX. По пути Суворова въ Швейцаріи. М. Б. Стремоухова	187
Иллюстраціи: 1) Схема похода Суворова въ Швейцаріи 1799 г. — 2) Памятникъ сподвижникамъ Суворова у Чортова моста, открытый 14 сентября 1898 года. — 3) Долина р. Тичино. Селеніе Таверно. — 4) Долина р. Тичино. Хижина, пріотиснулся подъ каменной глыбой. — 5) Долина р. Тичино. Горный потокъ въ Биаско. — 6) Долина р. Тичино. Белинцола. Castello Grande. — 7) Долина р. Тичино. Деревяна Айроло, гдѣ начинается подъемъ на С.-Готардъ. — 8) Подъемъ на С.-Готардъ. Бронированная пушка-митральеза, поставленная около шоссе. — 9) Подъемъ на С.-Готардъ. Рѣка Соречія. — 10) Подъемъ на С.-Готардъ. Общій видъ перевала на половинѣ подъема. — 11) С.-Готардъ. Развалины часовни на русской могилѣ. — 12) Камень на С.-Готардъ, съ остатками надписи. — 13) Госпиталь на С.-Готардъ (бывшій странноприимный домъ). — 14) С.-Готардъ. Общій видъ на перевалъ. — 15) С.-Готардъ. Высшая точка перевала (2114 метровъ). — 16) Долина р. Рейса. Госпиталь. — 17) Долина р. Рейса. Андерматъ (Урзерръ). — 18) Долина р. Рейса. Урнерская долина (Urnerloch). — 19) Видъ на Чортовъ мостъ, Урнерскую дыру и памятникъ Суворову (нижняя моста нынѣ не существуетъ). — 20) Долина р. Рейса. Старый мостъ на рѣкѣ. — 21) Люцернское озеро. Видъ на озеро съ юга. — 22) Хребетъ Роштокъ у Люцернскаго озера. — 23) Село Бюрглеъ въ Шехенской долинѣ. — 24) Мутенская долина. Видъ на тропинку черезъ Роштокъ, по которой прошла армія Суворова. — 25) Мутенская долина. Женскій монастырь, гдѣ была главная квартира Суворова. — 26) Мутенская долина. Комната въ монастырѣ, которую занималъ Суворовъ, и гдѣ происходилъ военный совѣтъ. — 27) Мутенская долина и видъ на перевалъ Прагель. — 28) Мутенская долина. Мостъ Суворова (видъ спереди).	
X. Палестина и тяготѣніе къ ней разныхъ народовъ. Б. Б. Глинскаго.	231
XI. Салютисты въ Германіи. Ник. А. Дингельштедта	272
XII. Критика и библиографія.	301

1) С. Бѣлокуровъ. О бібліотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Москва. 1899. А. Л.—на, — 2) М. Ѳ. Суперанскій. Симбирскъ и его прошлое. (1648—1893 гг.). Историческій очеркъ. Изданіе симбирскаго губернскаго ученой архивной комиссіи. Симбирскъ. 1898. и. и. — 3) Г. А. Эзовъ. Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ. Документы, извлеченныя изъ Московскаго главнаго и С.-Петербургскаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, австрійскаго придворнаго и государственнаго архива, королевско-баварскаго тайнаго государственнаго архива и другихъ учреждений. Спб. 1898. в. р.—ва. — 4) Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Виды архива и снимки хранящихся въ немъ документовъ, рукописей и печатей. Съ 23 фотографическими таблицами. М. 1898. С. ш. — 5) Фельдмаршалъ графъ В. П. Шереметевъ. Военно-походный журналъ 1711 и 1712 гг. Изданіе военно-ученаго комитета главнаго штаба. Подъ редакціей полковника А. З. Мышлаевскаго. Спб. 1898. — Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Выпускъ XII. Война съ Турціей 1711 г. (Прусскія операція). Генеральнаго штаба полковникъ А. З. Мышлаевскій, экстра-ординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Спб. 1898. в. б. — 6) Вл. Череванскій. Двѣ войны. Историческая хроника. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1898. б. м. — 7) Ѳ. Шеляговскій. Паденіе Константинополя. Историческій очеркъ. Спб. 1898. г. — 8) Вѣстникъ археологии и исторіи, издаваемый археологическимъ институтомъ. Выпускъ X. Спб. 1898. — 9) Т. Рибо. Философія Шопенгауэра. Переводъ съ пятаго французскаго изданія М. Суперанскаго. Спб. 1898. и. и. — 10) «Миръ искусства». Художественный журналъ. Изд. кн. М. Тенишевой и С. Мамонтова. № 1 и 2. Москва. 1898. г. Эрастова. — 11) Kraushar Alexander.

МАРЬЯ САВИЧНА ПЕРЕКУСИХИНА.

ДОВ. ЦЕНЗ. 22 ДЕКАБРЯ 1898 Г. СПБ.

ВЛАДИМИРСКІЕ МОНОМАХИ.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

(Посвящается Сергѣю Николаевичу Шубинскому).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ВІСОКСКІЕ заводы славились, были извѣстны самой монархинѣ...

Въ огромныхъ барскихъ палатахъ съ двумя крылами, которыя выдвинулись въ садъ, было мертво тихо, какъ бы среди ночи, а между тѣмъ на башнѣ «коллегіи», большомъ зданіи направо отъ палатъ, — гдѣ было главное управленіе всѣхъ заводовъ, селъ и деревень, — пробило два часа по полудни.

Весь рядъ апартаментовъ второго этажа, всѣ гостиныя и большая зала — все было пусто... Только въ первой комнатѣ, просторной, къ дверямъ которой упиралась большая парадная чугунная лѣстница, былъ людъ и шелъ тихій говоръ... Это была передняя, съ ларями и скамьями по стѣнамъ, гдѣ сидѣла дежурная дюжина, двѣнадцать человекъ дворовыхъ людей, смѣнявшихся въ полдень и въ полночь. Среди нихъ былъ всегда одинъ «дюжинный» или главный, считавшійся начальникомъ и отвѣтственный за все...

Люди, размѣстившись кучками, убивали время, какъ всегда, на три способа. Одни дремали сидя, другіе, сбившись въ кружокъ, играли въ «трынку» и въ «Агабью», третьи «лясы точили», бесѣдовали въ полголоса.

Когда башенные часы гулко пробили — два, а эхо далеко разносило басистый звонъ, «дюжинный», пожилой дворовый, произнесъ однозвучно, какъ обычную, давно всѣмъ извѣстную, команду:

— Подберись...

Но дворня уже сама, при звонѣ башенныхъ часовъ, шевельнулась, будто встряхнулась и «подобралась»... Карты исчезли въ ларѣ, болтавшіе смолки, дремавшіе живо очухались, и всѣ размѣстились порядливо и чинно, въ рядъ, по всѣмъ стѣнамъ, будто готовясь...

Дюжинный всталъ и подошелъ къ дверямъ... Внизъ шла широкая, чугунная лѣстница, красивая, сквозная, отлитая «у себя» на заводѣ; вверхъ шла деревянная менѣе широкая лѣстница, выкрашенная подъ дубъ... Верхній этажъ, третій, былъ центромъ или главнымъ важнѣйшимъ пунктомъ всѣхъ палатъ, всей усадьбы, но и равно всего околота, даже уѣзда...

Во всемъ намѣстничествѣ кто-кто не зналъ комнатъ этого этажа усадебнаго дома Высокы. Прошло минутъ восемь послѣ боя часовъ, и чѣмъ далѣе подвигалось время, тѣмъ смиреннѣе и порядливѣе сидѣла дежурная дюжина, тѣмъ внимательнѣе прислушивался къ верху дюжинный...

Наконецъ, вверху послышалась хорошо знакомая трель бѣглыхъ шаговъ, частыхъ и легкихъ... Это были даже не шаги, а, казалось, тамъ кто-то сорвался со ступенекъ и кубаремъ катится внизъ. На лѣстницѣ появился мальчуганъ лѣтъ тринадцати и мчался...

— Баринъ! — пронесся сиплый шопотъ, но сильный, грудной. Эхо повторило слово чрезъ всѣ настежь отворенныя двери анфилады гостиныхъ. — А — аррр!.. — будто отвѣтилъ весь этажъ. Кто произнесъ магическое слово, мальчуганъ ли съ лѣстницы, дюжинный ли на стражѣ, или сама дюжина дежурныхъ — разобрать было трудно... Казалось, всякій самъ себя сказалъ это, и вышелъ единый, однозвучный воскликъ, огласившій всѣ пустыя комнаты. Мальчуганъ опрометью пронесся чрезъ переднюю и понесся по комнатамъ легкими козьими скачками... Люди поднялись и стали навтыяжку, оглядывая себя и другихъ, оправляясь и охорапываясь. На лѣстницѣ раздались медленные шаги и гулкіе удары палки костыля о ступени...

Спускался баринъ, опираясь на свою палку въ видѣ костыля съ золотыми украшениями, за нимъ слѣдовалъ его камердинеръ въ сопровожденіи двухъ молодыхъ лакеевъ...

Баринъ спустился, вошелъ въ переднюю и, окинувъ зоркимъ взглядомъ людей, истуканами стоявшихъ кругомъ, прошелъ... Чрезъ минуту, когда онъ скрылся изъ послѣдней гостиной, повернувъ въ залу, дюжинный шепнулъ: — Пронесло!.. А тебѣ, Сенька, думалъ, достанется... Стоишь, сопишь, что мѣха кузнечные...

Между тѣмъ баринъ шелъ той же медленной правильной походкой, мѣрнымъ и степеннымъ шагомъ, чрезъ обѣ залы, напра-

вляясь въ правое крыло дома, гдѣ была «половина» или комнаты его сына...

Баринъ, владѣлецъ мѣстечка Высокы, собственникъ желѣзныхъ и чугунныхъ заводовъ, занимающихъ цѣлый уѣздъ на громадномъ пространствѣ лѣсовъ, полей и озеръ, и владѣлецъ двадцати тысячъ душъ крестьянъ, былъ Аникита Ильичъ Басманъ-Басановъ, столовой дворянинъ стариннаго рода и бывший офицеръ гвардіи.

Это былъ старикъ шестидесяти трехъ лѣтъ, здоровый, крѣпкій, бодрый... Если бы не серебряная голова, гладко подъ гребенку остриженная, ему легко можно было дать лѣтъ поды пятьдесятъ... Лицо сухое, почти безъ морщинъ, чисто обритое, было бѣло и румяно, было правильное, но непріятное, неясное и непривѣтливое... Маленькіе сѣрые глаза, быстрые, яркіе, горѣли недобрымъ свѣтомъ. Взглядъ ихъ былъ ястребиный, хищный, а поды часъ будто зловѣщій... Даже при веселомъ смѣхѣ эти глаза щурились будто ехидно. Когда же легкій и нѣжный румянецъ на бѣлыхъ щекахъ, — какъ у любой дѣвицы, — вдругъ усиливался, то всякій робѣлъ и терялся. Это было признакомъ возникающаго гнѣва... И чѣмъ сильнѣе, бурливѣе былъ гнѣвъ, тѣмъ тише начиналъ говорить баринъ, но тѣмъ страшнѣе сверкали маленькіе сѣрые глазки, метая искру.

Если онъ съ тихаго голоса переходилъ на шопотъ, то, стало быть, «конецъ», стало быть, «пропалъ человекъ».

II.

Два брата, Аникита и Савва, Басманъ-Басановы родились и жили въ царствованіе императрицъ Анны и Елисаветы, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ, въ полной глуши, въ маленькомъ родовомъ помѣстьѣ при двухъ стахъ душахъ и гдѣ вся семья ихъ нуждалась. Записанные въ Измайловскій полкъ оба брата почти одновременно отправились однако служить въ Петербургъ, и, какъ бѣдные дворяне, бѣдствовали. Отецъ ихъ, Илья Михайловичъ, съ трудомъ высылалъ имъ обоимъ около пяти сотъ рублей въ годъ. Онъ могъ бы давать сыновьямъ болѣе, но жизнь его сложилась такъ, что стоила дорого, несмотря на незатѣйливое существованіе въ глуши деревни.

У Ильи Михайловича Басанова, пятидесятилѣтняго вдовца, была слабость — прекрасный полъ. Съ нимъ вмѣстѣ жило пять женокъ, не считая двухъ старыхъ заштатныхъ... Но это бы еще не бѣда, если бы у всѣхъ этихъ женокъ не рождались постоянно дѣти, которыхъ отецъ, конечно, призрѣвалъ...

Усадьба Басановка смахивала поэтому на нѣчто крайне странное. Мужчинъ, дворовыхъ людей, было не болѣе полудюжины. Женщинъ, считая и женокъ и горничныхъ, было до двухъ дюжинъ... Дѣтей, дѣвочекъ и мальчиковъ, отъ грудныхъ младенцевъ и до 13 и 15 лѣтнихъ, было тоже до двухъ дюжинъ.

Путаница во взаимныхъ отношеніяхъ была полная, такъ какъ тѣ дѣти, которыхъ любилъ баринъ-отецъ, жили на барской ногѣ, а нелюбимыя изображали прислугу.

Сосѣди помѣщики говорили про Басанова:

— Содомъ какой-то. Ничего не разберешь у него. Кто кому братъ, кто кому свать.

Когда оба сына, воспользовавшись «вольностями дворянскими» при восшествіи на престолъ императора Петра Теодоровича, вернулись домой, къ отцу, то нашли почти ровесниковъ себѣ братьевъ и сестрицъ побочныхъ, и оба брата собрались было уѣзжать во свояси отъ «содома».

Но ихъ остановило нѣчто. Въ ихъ глуши Демидовъ вель особое дѣло, копалъ землю, а изъ нея дѣлалъ чугуны и желѣзо, а заведенное дѣло, «заводы» гремѣли на всю Россію... Братья, не зная, что дѣлать, чѣмъ заняться, рѣшились поступить на эти заводы и были приняты.

Но чрезъ четыре гда вдругъ братья получили отъ дальняго родственника неожиданное наслѣдство и, по мнѣнію отца, поступили безразсудно. Продавъ имѣніе, они выручили сорокъ тысячъ, тотчасъ покинули, конечно, заводы, сманивъ, однако, съ собой ученаго нѣмца и челоувѣкъ десять не изъ послѣднихъ искусниковъ мастеровъ, и пошли искать новыя мѣста, такія же, но поближе къ столицамъ. Мѣста эти среди дремучихъ Муромскихъ лѣсовъ были ими найдены, и братья Басановы, истративъ свои невеликія деньги, завели то же дѣло...

Не прошло шести лѣтъ, какъ государынѣ императрицы Екатеринѣ Алексѣевнѣ генераль-прокуроръ уже докладывалъ о важномъ казусѣ:

«Какіе-то два брата дворянина, бывшіе измайловскіе офицеры и сыновья заволжскаго помѣщика, явились въ предѣлы Владимірскіе и, самовольно захвативъ большое количество земель и еще большее количество лѣсовъ, принадлежащихъ казнѣ, основали чугуноплавильные и желѣзные заводы... А главное ихъ самоуправство и беззаконіе въ томъ, что они приписываютъ къ заводамъ всѣхъ бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ со всей Россіи и даже бѣглыхъ солдатъ, да не десятками, а сотнями въ годъ. Особенно послѣ недавняго Пугачевского бунта они вдругъ разошлись, приписавъ сразу къ заводамъ до семи тысячъ бѣглыхъ и сразу расширивъ свое дѣло, производство и сбытъ...».

Государыня приказала тщательно разслѣдовать дѣло и доложить снова. По второму разу, строжайшему слѣдствію и всеподданнѣйшему докладу, оказалось, что два брата Басманъ-Басановы начали дѣло просто грабительское по отношенію и къ казнѣ и къ мелкимъ помѣщикамъ. Но въ непроходимой труппѣ страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ, гдѣ была «стѣна», т. е. непроницаемая дебри, и лишь «одинъ

звѣрь», нынѣ людно и оживленно, тысячи всякаго сброда, сволочи со всѣхъ краевъ Россіи, работаютъ, подати и повинности въ крупныхъ размѣрахъ уплачиваются неукоснительно и вѣрнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Наконецъ за послѣдній годъ былъ сдѣланъ этимъ заводомъ казенный заказъ, съ которымъ собирались уже обратиться за границу... Заказъ былъ исполненъ «весьма рачительно, послѣшно и даже изрядно» къ немалому удивленію самихъ господъ сенаторовъ.

Императрица приказала бѣглыхъ солдатъ строжайше у заводовъ отбирать и за искорененіемъ сего зла наблюдать...

А земли?.. Лѣса? Тысячи бѣглыхъ приписныхъ? Все это имущество миллионное и чужое, среди бѣла дня грабительски присвоенное и присвояемое?

Приказано было: «Оставить и смотрѣть сквозь пальцы»...

И вскорѣ сами братья Басановы почувствовали подъ ногами твердую почву... Они пошли на «авось», но могли теперь сказать себѣ съ полной увѣренностью: «наша взяла!».

Прошло еще десять лѣтъ.

Заводамъ Высокскимъ былъ сдѣланъ важнѣйшій и крупнѣйшій заказъ отъ имени самого свѣтлѣйшаго князя Потемкина... Братья Басановы чрезъ свое довѣренное лицо, петербургскаго виднаго чиновника, взялись поставить требуемое за смѣхотворно дешевую цѣну, но просили упорядочить ихъ «безписьменное» положеніе...

Разумѣется, геніальный свѣтлѣйшій, которому доложили о дѣлѣ и просьбѣ «поставщиковъ» казны, заводчиковъ изъ дворянъ, чугунно-литейщиковъ изъ измайловцевъ,—вникнулъ въ дѣло, разсудилъ по-своему и доложилъ государынѣ на особый ладъ.

Съ этого дня братья Басманъ-Басановы стали законными собственниками огромнаго состоянія, на половину похищеннаго, на половину созданнаго собственными руками.

Но владѣтели Высоксы зато гордо подняли голову и стали распоряжаться и повелѣвать въ своемъ краѣ, уже окончательно ничего и никого не опасаясь. Вскорѣ за ихъ крутыя, громкія, но и разумныя дѣйствія, какой-то петербургскій сенаторъ остроумно даль Басановымъ прозвище «Владимірскіе Мономахи»...

Прозвище дошло и до Высоксы, и понравилось даже тѣмъ, кто и не зналъ, что оно значитъ, но братья заводчики дѣйствительно стали мѣстными рѣшителями судебъ не только помѣстнаго дворянства, но и лицъ, власть предержавшихъ... По жалобѣ Владимирскихъ Мономаховъ былъ вдругъ смѣщенъ и отданъ подъ судъ за самоуправство владимірскій намѣстникъ. Черезъ четыре года волокиты намѣстникъ очистилъ себя предъ судомъ, но уже въ сенатѣ, куда довелъ свое дѣло, и гдѣ доказалъ, что не онъ, а братья Басановы,—самоуправцы и ябедники.

Но братьевъ заводчиковъ все-таки власти не тронули, да и вообще перестали трогать, а стали стараться жить съ нимъ въ ладу. Оно было спокойнѣе, да вдобавокъ и очень выгодно.

Въ тѣ дни, когда, по случаю новой войны съ Турціей, Высокса снова работала для огромной поставки въ казну, главный и истинный создатель заводовъ Савва Ильичъ вдругъ скончался.

Онъ былъ холостъ и даже ненавистникъ женщинъ, и наслѣдникомъ всего остался Аникита Ильичъ. Старшій Басановъ былъ давно женатъ и даже два раза. Первая жена его родомъ Бобрищева, на которой онъ женился, выйдя въ отставку и будучи еще у отца въ вотчинѣ, была неплодна. Шестъ лѣтъ ждалъ Аникита Ильичъ «наслѣдниковъ», и затѣмъ оба брата «Мономахи» рѣшили, что такъ оставить дѣло нельзя... По что же они работаютъ? Для кого? И Раиса Сергѣевна Басанова «по собственной волѣ» была пострижена въ монахини, а черезъ года три умерла, «сокрушаясь по своей мірской жизни».

Аникита Ильичъ тотчасъ же снова женился на красивой дѣвицѣ шестнадцати лѣтъ, княжнѣ Никаевой, отъ которой вскорѣ къ великой радости прижилъ сына, нареченнаго Саввой, потомъ еще сына, названнаго Алексѣемъ, и затѣмъ дочь, названную Дарьей. Старшій сынъ сталъ любимцемъ дяди, и два Саввы не разставались. Когда восьмилѣтній Савва простудившись умеръ въ одну ночь отъ какой-то дѣтской болѣзни, пятидесятилѣтній Савва, крѣпкій на видъ, сталъ страшно тосковать и черезъ годъ, чуть не день въ день, ушелъ за своимъ любимцемъ, маленькимъ Саввушкой.

Спустя года три, умерла и его мать, вторая Басанова, и Аникита Ильичъ остался вдовцемъ съ двумя дѣтьми. Онъ сталъ собираться жениться въ третій разъ, но не иначе, какъ на такой, которая — кто бы она ни была — станетъ беременна... И не мало минуло въ домѣ мимолетныхъ любимицъ.

III.

Высокса, получившая свое имя отъ маленькой, чуть видной рѣченки, не имѣла вида большой барской усадьбы со службами. Она была съ виду посадъ или мѣстечко, или даже уѣздный городокъ, хотя съ начала ея возникновенія прошло только двадцать пять лѣтъ.

Барскія палаты въ три этажа съ двумя крылами стояли на небольшой площади если не мощеной, то съ твердымъ кремнистымъ грунтомъ, утрамбованнымъ отбросами руды съ заводовъ.

Прямо передъ домомъ, но подъ горой или какъ бы въ огромномъ оврагѣ, была заводская домна съ высокими каменными, вѣчно дымящимися трубами. Налѣво разстилалось большое полутораверстное озеро, окруженное лѣсами... Озеро уходило, заворачивало влѣво, скрывалось изъ виду за лѣсомъ и казалось еще больше и шире. Невдалекѣ отъ большого дома высилась главная церковь среди площади, а кругомъ нея и лицомъ къ ней протянулись небольшіе

домики духовенства и главныхъ заводскихъ заправиль, и вольныхъ и крѣпостныхъ. Здѣсь были домики главнаго управителя заводовъ и трехъ главныхъ смотрителей. Направо отъ дома черезъ площадь торчало неуклюжее зданіе, казавшееся съ одной стороны трехугольнымъ, съ другой — пятиугольнымъ, гдѣ была коллегія, т. е. главное управление. Надъ нимъ, по срединѣ, высилась тяжелая четырехугольная башня съ часами, гулкій бой которыхъ былъ слышенъ далеко, въ тихую погоду за версту. Имя «коллегіи» было, конечно, прихотью владѣльца.

Затѣмъ начиналась улица, на которую выходили всѣ службы, конюшни, сарай, кладовыя... Все это было равно каменное, но разнокалиберное, будто строившееся безъ толку, или будто на время, или же ради прихоти.

Послѣ ряда этихъ зданій, большихъ и малыхъ, открывалось большое пустое пространство, гдѣ еженедѣльно бывалъ базаръ. Въ глубинѣhalb виднѣлось темное зданіе въ два этажа съ высокой кругой башней или каланчей. Это была полиція, гдѣ жило тридцать человекъ стражниковъ, имя которыхъ было мѣстное: «рунты»... Полицейскіе эти двухъ сортовъ, старшіе и младшіе, были подъ командой оберъ-рунта, грозы всей Высоксы.

Здѣсь во дворѣ стояли бочки на дрогахъ, всегда полныя воды, а въ конюшняхъ до дюжины рунтовыхъ лошадей, которыя употреблялись только ими: или закладывались въ бочки въ случаѣ пожара или осѣдывались для рунтовъ, когда ихъ «гоняли» съ порученіями по заводамъ или въ уѣздный городъ.

Вдоль базарной площади или поляны тянулись въ рядѣ дома и домики, гдѣ помѣщались главные мастера, между которыми были и иностранцы.

Затѣмъ, далѣе въ полуверстѣ была слобода, гдѣ жили заводскіе крестьяне... Но слобода эта была тоже цѣлый городокъ, такъ какъ къ одной Высоксѣ было приписано десять тысячъ душъ обоого пола.

У слободы была своя церковь, которую звали малой. Рабочій людъ не имѣлъ права являться въ большую церковь, которая впрочемъ и безъ нихъ бывала въ праздничные дни полнехонька «важными» людьми, начиная съ семействъ приживальщиковъ и кончая разными управителями и смотрителями съ семьями.

Кругомъ всей Высоксы стояли вѣковые сосновые лѣса. Во всѣ стороны на десятки верстъ и по тремъ большимъ дорогамъ сплошной массой тѣснился непроходимый лѣсъ. Въ иныхъ мѣстахъ и народное названіе его было: «стѣна». Это были мѣста, въ которыхъ топоръ никогда не бывалъ, и черезъ которыя пролѣзть было совершенно невозможно. Здѣсь, конечно, были царства не только волковъ и лисицъ, но и медвѣдей въ большомъ количествѣ.

Впрочемъ, мишки особенно любопытные или легкомысленные появлялись изрѣдка и въ самой Высоксѣ, гдѣ, конечно, находили

большею частію смерть. Баринъ платилъ вообще за каждаго убитаго медвѣдя—два рубля. А это были деньги не малыя. До полусотни охотниковъ въ Высокѣ не только жили, но богатѣли по милости указаннаго и награждаемаго бариномъ истребленія этихъ опасныхъ и многочисленныхъ сосѣдей.

Наконецъ, въ нѣсколькихъ верстахъ, въ трехъ, въ пяти и въ десяти—были другіе желѣзные и чугунные заводы. Самый дальній былъ проволочный заводъ.

Границъ владѣній барина Басманъ-Басанова никто не зналъ. Да и самъ онъ, казалось, или не зналъ или не хотѣлъ знать. Старожилы помнили хорошо, что мѣста, которыя считались всего лѣтъ десять назадъ казенными,—теперь считались бариновыми.

«Да и все-го... все... откуда взялось?!»

Впрочемъ изъ-за отсутствія или неизвѣстности границъ бывали и непріятности съ губернскими властями.

Но все такое сходило съ рукъ просто. Однажды казенный лѣсничій, вновь назначенный по сосѣдству съ Высокой, сталъ воевать съ бариномъ Аникитой Ильичемъ и добился присылки ревизоровъ и землемѣровъ. Но самъ онъ вдругъ умеръ и странной смертью. Холоднаго квасу выпилъ у себя же дома...

А ревизія явилась, пожила въ Высокѣ съ недѣлю, пировала всякій день, угощаемая бариномъ, и уѣхала... Когда чиновники, и важныя и мелкія, прощались съ бариномъ и говорили «до свиданія», баринъ отвѣчалъ, махнувъ рукой:

— Нѣтъ. Спасибо... Ну, васъ! Развѣ еще заведется какой буянь, и мнѣ опять придется его сплавлять, а вы пріѣдете меня рассуживать. Но только, чуръ, говорю впередъ. Чуръ!

Впрочемъ все намѣстничество давно знало, что Басанова надо «чураться».

Громадный домъ, почти дворецъ, выстроился не сразу. Сначала онъ былъ двухъэтажный, а только послѣ смерти Саввы Ильича братъ не пожелалъ жить въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ они вмѣстѣ провели много лѣтъ, живя душа въ душу.

Аникита Ильичъ пристроилъ для себя мезонинъ въ семь комнатъ, но черезъ три года увеличилъ его и расширилъ во весь домъ, чтобы перевести сюда свою личную канцелярію. Теперь весь верхъ былъ занятъ бариномъ, и люди, говоря о немъ, говорили «верхъ» или «вверху». Они даже выражались: «Нынѣ вверху простудимшись». Или: «Погоди, верхъ узнаетъ, задастъ трепку!»

Во второмъ этажѣ были всѣ парадныя комнаты: три гостиныхъ, китайская комната и итальянская, или портретная. Здѣсь висѣлъ на главномъ мѣстѣ портретъ Саввы Ильича, а по бокамъ его двѣ императрицы: Анна и Елисавета. На противоположной стѣнѣ былъ большой портретъ царствующей государыни «благодѣтельница», какъ звалъ ее баринъ. Послѣ гостиныхъ были двѣ залы; первая

служила столовой, вторая чрезвычайно больших размѣровъ предназначалась только для вечеровъ, празднествъ и пировъ, бывшихъ однако не болѣе пяти-шести разъ въ году. Въ этой залѣ висѣлъ огромный портретъ, цѣлая картина, изображавшая перваго императора, особенно чтимаго обоими братьями Басманъ-Басановыми. Портретъ этотъ кисти иностраннаго художника прибылъ на корабль изъ Голландіи и обошелся крайне дорого. Въ этомъ же залѣ большіе англійскіе часы играли цѣлый концертъ въ полдень.

Въ сторонѣ отъ гостиныхъ, но окнами въ садъ, были комнаты троюродной внучки барина, однако именуемой племянницей, Сусанны Юрьевны Касаткиной. Изъ ея гостиной былъ выходъ на небольшую террасу съ маленькой лѣстницей въ садъ, но особенной, подъемной... Устроилъ ее нѣмецъ-механикъ.

Въ правомъ крылѣ дома, выдвигавшемся въ садъ и полузакрытомъ отъ дома липами, были комнаты молодого барина Алексѣя Аникитича, съ особой террасой и съ особымъ подъездомъ съ улицы.

Въ лѣвомъ крылѣ передняя часть принадлежала «маленькой» — какъ звали ее — барышнѣ, Дарьѣ Аникитишнѣ, жившей съ своей няней бывшей крѣпостной Матвѣевой. Въ задней части крыла, но безъ сообщенія съ комнатами барышнями, было помѣщеніе Никаевыхъ, князя, его сына и дочери.

Всѣ эти отдѣльныя квартиры были вполне особняками съ своими подъездами и выходами. При всѣхъ была своя отдѣльная прислуга и свое маленькое хозяйство... Даже свой собственный особый отпечатокъ замѣчался во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ.

У барина «вверху» сновалъ народъ, кипѣло дѣло. У племянницы бывало иное оживленіе — гости и пріемъ. У молодого барина царилъ мертвая тишина, какъ если бы все правое крыло дома было необитаемо. У «маленькой» барышни было тоже сравнительно тихо, типе, чѣмъ могло бы быть, такъ какъ ея юныя пріятельницы, шумѣвшія у себя, въ гостяхъ у нея притихали, будто изъ подражанія ей.

Только въ нижнемъ этажѣ дома было всегда шумно, но на особый безтолковый ладъ. Здѣсь была вѣчная междоусобица и война. Всѣ сновали и шумѣли перебраниваясь. А всѣхъ было множество.

Нижній этажъ дома былъ отданъ приживальщикамъ, и въ немъ помѣщались, имѣя по три и даже по пяти и шести комнатъ, самые разношерстные дармоѣды.

Цѣлая орава этихъ людей разнаго происхожденія, по мнѣнію дворни, жила, какъ у Христа за пазухой.

Эти люди были сыты, одѣты и обуты на счетъ барина, а работы не имѣли никакой, отвѣтственности поэтому тоже никакой. На нихъ грозный баринъ не имѣлъ ни случая ни повода сердиться. Развѣ кто изъ нихъ «съ жиру взбѣсится» и пойдетъ безобразничать.

Впрочемъ, ихъ безобразничанье не бывало никогда пьянство или

буйство. За подобное баринъ изгонялъ виновнаго немедленно и изъ дома и съ Высоксы: Единственный поводъ, когда нахлѣбникъ шумѣлъ, былъ всегда одинъ и тотъ же... Или онъ жаловался, что его одѣлили мѣсячной провизіей, мукой, свѣчами или сахаромъ. Или же онъ жаловался, что какойнибудь холопъ его оскорбилъ, обидѣлъ непочтеніемъ, грубостью, попрекомъ. Впрочемъ, щепетильнѣе этихъ приживальщиковъ, казалось, и найти было бы нельзя.

Весь нижній этажъ раздѣлялся на шесть частей, раздѣленныхъ двумя коридорами.

Тутъ жила главная нахлѣбническая семья, самая многочисленная, состоящая изъ восьми душъ и наиболѣе скромная и любимая дворовыми. Это была семья Василія Васильевича Ильева съ женой, тремя дочерьми, двумя сыновьями и сестрой.

Они занимали главную самую большую квартиру окнами въ садъ, комнать въ семь.

Противъ нихъ въ четырехъ комнатахъ жила старуха Марья Аонасьевна Бобрищева съ двумя мальчиками въ качествѣ дальней родственницы первой жены Аникиты Ильича. Затѣмъ рядомъ съ ними помѣщались двѣ старыя дѣвицы, тоже дворянки, дочери секундъ-майора, Клавдія и Людмила Саввишны Тотолмины. Дѣвицы попали къ Басанову на хлѣбъ по исключительному поводу. Онѣ просто явились съ просьбой помочь имъ, но случайно попали вскорѣ послѣ смерти Саввы Ильича. И Басановъ, горевавшій о братѣ, оставилъ ихъ навсегда у себя на хлѣбахъ только за то, что онѣ оказались по батюшкѣ Саввишны.

Тутъ же жилъ одинокій, страшно толстый, съ огромнымъ животомъ пандурскій капитанъ Константинъ Константиновичъ Константиновъ. И его призрѣлъ у себя Басановъ невѣдомо какъ и почему, вѣроятно, за однозвучныя имя, отчество и фамилію.

Впрочемъ, изрѣдка, раза два въ мѣсяцъ Басановъ любилъ поиграть въ бостонъ, а его неизмѣнные партнеры были князь Никаевъ и капитанъ Константиновъ.

IV.

Когда баринъ спускался съ верху, въ домѣ всегда происходилъ легкій переполохъ; дворня, дежурная дюжина и лакей въ буфетѣ, насторожившись, пропускали его. Аникита Ильичъ ежедневно въ два часа отправлялся на краткую прогулку въ садъ, такъ какъ ровно въ три былъ обѣдъ, и при первомъ ударѣ на башнѣ всѣ сажались за столъ.

На этотъ разъ, однако, онъ изъ залы не прошелъ на террасу, съ которой обыкновенно спускался въ правую липовую аллею, а, пройдя портретную, вступилъ въ правое крыло дома, гдѣ была «половина» или комнаты его сына...

Старикъ крайне рѣдко бывалъ у сына, за исключеніемъ дней его рожденія, именинъ или какого нибудь особеннаго случая... Теперь уже недѣли съ двѣ онъ ежедневно заходилъ къ сыну на нѣсколько мгновеній.

Причина была на это особая и важная.

Сынъ, молодой человѣкъ двадцати трехъ лѣтъ, лежалъ въ постели, не болѣлъ, не страдалъ, а постепенно ослабѣвалъ.

Еще зимой молодой Алексѣй Аникитичъ чувствовалъ себя плохо, весной сталъ худѣть и слабѣть, а въ маѣ мѣсяцѣ сталъ «прикладываться».

Старикъ сердился на сына, говорилъ, что онъ блажить, и на себя напускаетъ, но за одинъ апрѣль мѣсяцъ убѣдился тоже, что дѣло не ладно...

Теперь всѣ въ домѣ, да и во всемъ намѣстничествѣ, знали, что единственный наслѣдникъ громаднаго состоянія и будущей судьбѣ котораго всегда столь многіе завидовали,—медленно угасаетъ.

За послѣднее время больной не вставалъ вовсе съ постели. Его подымали и перекладывали на диванъ черезъ каждыя сутки, чтобы поправить постель.

Помимо доктора и фельдшера, которые служили при заводахъ, Аникита Ильичъ уже выписалъ доктора нѣмца изъ Москвы, который остался жить и лѣчить молодого человѣка, но почти ежедневно докладывалъ барину, что его присутствіе излишне, что положеніе больного безнадежно... Единственное, что могло бы прежде спасти его—это отъѣздъ, путешествіе на югъ, за границу, на теплыя воды, гдѣ и воздухъ другой... Но на это Аникита Ильичъ отвѣчалъ:

— Еще что поглупѣ выдумаи!

Поѣздка сына въ чужіе края казалась старику нелѣпостью, а улучшеніе отъ якобы «другого» воздуха хитрой выдумкой нѣмца.

— Воздухъ російскій, видишь, хуже нѣмецкаго или французскаго! — презрительно говорилъ онъ.

Докторъ Веніусъ вообще напрасно объяснялъ Басанову, что воздухъ, какъ и теплый климатъ, воды или купанья въ морѣ, цѣлительнѣе лѣкарствъ. Впрочемъ онъ прибавлялъ, что это слѣдовало сдѣлать еще зимой или весной, а теперь поздно...

Аникита Ильичъ, проходя итальянскую гостиную, остановился на мгновеніе передъ портретомъ брата Саввы Ильича, какъ дѣлалъ каждый разъ.

Затѣмъ онъ вошелъ въ гостиную сына, обращенную теперь въ спальню. Въ комнатѣ, довольно большой, всѣ занавѣсы на окнахъ были на половины спущены, а окна, несмотря на июльскіе жаркіе дни, затворены... Все въ комнатѣ пропиталось особымъ спертымъ воздухомъ и удушливымъ запахомъ.

Въ углу, на большой кровати подъ тяжелыми суконными занавѣсами, лежалъ больной...

Измощенное лицо, желтое и испитое, при закрытыхъ глазахъ, казалось лицомъ мертвеца... Но когда молодой человѣкъ открывалъ свои большіе, красивые черные глаза — глаза князей Никаевыхъ, — то лицо его принимало странное выраженіе. Взоръ горѣлъ, сверкалъ жизнью, силой, воодушевленьемъ. Казалось, душа, покидая тѣло, перешла и оставалась покуда, на время, только въ глазахъ.

Отъ массы черныхъ курчавыхъ волосъ, лохматившихся на подушкѣ, испитое лицо казалось маленькое, и больной смахивалъ на 14-ти-лѣтняго отрока, такъ какъ, несмотря на слабость, дворянскій обычай бриться строго соблюдался. Каждый три-четыре дня цирюльникъ брилъ молодого человѣка. Самъ больной, конечно, предпочелъ бы избѣгнуть этого, такъ какъ все подобное утомляло его и отнимало послѣднія силы, но отецъ настаивалъ на «благоприличіи».

Аникита Ильичъ, войдя въ полутемную комнату, прищурился, какъ отъ свѣта... Онъ видѣлъ постель, бѣлую подушку и среди нея черныя кудри, но лица разглядѣть не могъ...

— Алепа, не спишь?—выговорилъ онъ.

— Нѣтъ,—тихо отозвался молодой человѣкъ, хотя дѣйствительно при появленіи отца находился, какъ и всегда, въ полудремотномъ состояніи.

— Ну, что? Все то же?—спросилъ старикъ.

— То же...—еще тише отвѣтилъ больной.

— Такъ и будетъ! Такъ и будетъ! Хуже будетъ! — заговорилъ Аникита Ильичъ, садясь въ кресло у самой кровати... Даже и помереть эдакъ можно...

— Я и то... помираю... Чую, что... недолго...

— Эвона! Ври больше... Слушался бы меня, ничего этого давно бы не было. Давно бы былъ на ногахъ. Вотъ нѣмецъ нашъ на что упрямъ, а со мной согласенъ, когда я сказываю...

— Не могу, батюшка... Слабость...

— Враки! Приневолься... Я по себѣ сужу... Не хочется, а встань, сядь... Не хочется, а ѣшь и больше... Раза четыре въ день... А тамъ въ садъ... Пройдись. Ну, хоть до фонтана и назадъ. А завтра малость побольше съѣшь и малость побольше пройдись... Что?

Молодой человѣкъ ничего не отвѣчалъ. Онъ слышалъ эти слова и эти совѣты все въ тѣхъ же выраженіяхъ почти ежедневно. Иногда длиннѣе, подробнѣе, краснорѣчивѣе, съ отгѣнкомъ даже гнѣва или досады. Старикъ былъ убѣжденъ, что во всякой хворости не надо «даваться». Онъ никогда самъ не поддавался болѣзни, въ постель не ложился и былъ на седьмомъ десяткѣ лѣтъ такъ же бодръ, какъ и въ сорокъ лѣтъ. Но онъ не зналъ, конечно, того, что онъ самъ собственно никогда не болѣлъ серьезно за всю свою жизнь. Какъ не вѣрилъ онъ въ то, что сынъ не можетъ себя приневолить, встать, поѣсть и пройти, также не хотѣлъ онъ вѣрить заявленіямъ доктора Веніуса, что сынъ въ безнадежномъ положеніи...

Старикъ почти ежедневно ожидалъ, что сыну полегчаетъ. Когда прѣѣжіе гости намечали, что молодой человѣкъ очень плохъ, Аникита Ильичъ сердился. Свои домашніе не смѣли это говорить. Лъстецы говорили часто:

— Вотъ какъ только баринъ молодой встанутъ, такъ мы пирь горой устроимъ!

Сидя у кровати спиной къ окнамъ и, наконецъ, приглядѣвшись къ лицу сына, Аникита Ильичъ вдругъ выговорилъ...

— Скажи на милость!.. А-я-яй! Какъ ты себя лежаніемъ ухаживаешь. Лицо-то все худѣ да худѣ... Сегодня почитай хуже вчерашняго... Только глаза прыгаютъ, а то бы и совсѣмъ мертвецъ. Вотъ ужъ можно впрямь сказать: «краще въ гробъ кладугъ».

— Мнѣ... мнѣ... хуже...—заговорилъ больной слабымъ голосомъ.— Ночью было не хорошо... Думалъ—совсѣмъ... Хотѣлъ, батюшка, къ вамъ...

— Что хотѣлъ?

— Дослать... Думалъ, что...

— А ты не думай. Всѣхъ васъ нынѣ заѣло это... Послѣдній дуракъ и тотъ все думаетъ. Мы не думали никогда съ братомъ Савушкой. Когда въ эти здѣшніе лѣса пришли, то прямо за топоръ взялись. И давай ухать... Тяпъ да ляпъ, и корапъ соорудили. А нынѣшняя молодежь да и сорокалѣтніе во всякомъ дѣлѣ все думаютъ. Пороть бы ихъ за это думанье.

И Аникита Ильичъ заговорилъ на свою любимую тему, какъ нынѣшніе люди плоше прежнихъ... А равно и на другую еще болѣе любимую тему, какъ онъ съ братомъ основалъ Высокскіе заводы.

Больной уже раза три слабымъ голосомъ перебывалъ отца словомъ:—Батюшка?—Но старикъ не слыхалъ или не обратилъ вниманія.

— Батюшка? Родитель? — громче, но дрябло произнесъ молодой человѣкъ, двинувшись въ постели.

— Ну? Что?..

— Я, батюшка, хочу... исповѣдоваться и причаститься.

Старикъ молчалъ, какъ бы взятый врасплохъ...

— Я хочу тоже и вамъ, батюшка, все... Много сказать... Тяжко на душѣ... Послѣ исповѣди и причастія я и вамъ...

— Что жъ? Пожалуй... Грѣха тутъ нѣтъ! — угрюмо отвѣтилъ наконецъ Аникита Ильичъ, съ отгѣнкомъ досады въ голосѣ.—Но причащаются только умирающіе... А ты зря вѣдь, Алеша...

— Надо! Надо!—горячо воскликнулъ молодой человѣкъ.—И мнѣ вамъ надо... Да хоть вотъ и сейчасъ. Надо все сказать... Правду...

— Говори, говори, что хочешь... Только я, Алеша, тебя, право, не пойму... Который разъ ты такъ-то сказываешь... «Надо да надо! Сказать надо всю правду!» А тамъ замолчишь, и нѣтъ ничего!.. Скажешь: «послѣ, молъ»...

Покуда отецъ и сынъ разговаривали, за пріотворенной дверью уже давно стояла и прислушивалась внимательно высокая и стройная молодая женщина... Когда баринъ спускался еще отъ себя въ главный парадный этажъ, тотъ же мальчуганъ, который предупредилъ дежурную дюжину, прямо промчался въ апартаменты «барышни» и предупредилъ и ее, что Аникита Ильичъ идетъ либо гулять, либо къ молодому барину. И барышня Сусанна Юрьевна Касаткина немедленно двинулась тоже, обождала у себя за дверью, чтобы старикъ прошелъ, а затѣмъ видя, что онъ направился на половину сына, она явилась вслѣдъ за нимъ, пріотворила дверь спальни и стала... прислушиваясь къ разговору.

Когда молодой человекъ воскликнулъ:—Надо все сказать!—она быстро вошла въ комнату и молча подошла къ его постели. Больной при видѣ ея сильно двинулся, будто дернулся на постели и, тотчасъ отвернувшись къ лицу стѣнѣ, глубоко вздохнулъ.

— Ну, что же? Только того и будетъ?—спросилъ старикъ.

Сынъ не отвѣтилъ, а племянница вымолвила холодно:

— Что такое?

— Да все то же... Который разъ... Собирается мнѣ изъяснить важное что-то. А какъ ты въ двери, такъ молчка. При тебѣ что ли не хочетъ.

И Аникита Ильичъ прибавилъ громче:

— Алеша? При Саннѣ не хочешь?.. Такъ она уйдетъ. Но полагаю, что и при ней...

— У Алеши отъ меня никакихъ тайнъ нѣтъ,—твердо и какъ-то повелительно преребила его Сусанна Юрьевна... — А такое, чтобы отъ меня утаить да вамъ, дяденька, повѣдать, и совсѣмъ не можетъ быть, потому что я Алешѣ болѣе близкій человекъ, чѣмъ вы, родной отецъ. Онъ мнѣ что братъ, сынъ и мужъ вмѣстѣ...

— Слыхалъ... Знаю... Да вотъ, опять, сейчасъ...

— Все это пустое... Такъ!.. Отъ тоски лежанія всякія мысли диковинныя въ голову ему лѣзутъ! Такъ вѣдь, Алеша?—и она сѣла на кровать, положила руку на грудь больного.

Тотъ вздохнулъ снова и снова промолчалъ.

Аникита Ильичъ посидѣлъ еще минутъ десять, разсуждая на ту же тему, что здоровый человекъ можетъ «завалиться» и заболѣть. Затѣмъ онъ поднялся со словами:

— Не могу я тутъ долго быть... Дохнешь... Духотица да и во нища. Точно кладовая, гдѣ смоквы сушатъ. Ну, прости, Алексѣй. Вечеру навѣдаюсь...

Каждый разъ старикъ отецъ уходилъ съ этими одними и тѣми же словами и обѣщаніемъ зайти вновь... Но вновь онъ заходилъ только на слѣдующій день передъ обѣдомъ и старался побыть какъ можно меньше.

V.

Изъ всѣхъ машинъ русскихъ и заморскихъ, которыя дѣйствовали на заводахъ Высокы, самая лучшая, крѣпкая, тщательно и притомъ безсмѣнно работавшая уже болѣе двухъ десятковъ лѣтъ, былъ самъ владѣлецъ, шестидесяти-трехъ-лѣтній человѣкъ.

Аникита Ильичъ вставалъ въ восемь часовъ зимой и въ шесть часовъ лѣтомъ...

Когда онъ просыпался, первыя его слова, всегда говоримыя вслухъ, были:

— Помилуй, Господи, на нонѣшній день, вразуми, оборони, незапнаго конца избави.

Затѣмъ перекрестившись онъ восклицалъ:

— Масеичъ...

Дверь спальни отворялась тотчасъ, и въ ней появлялся камердинеръ барина, двадцать семь лѣтъ ему служащій, Никифоръ Моисеевъ Шлыковъ, бывшій донской казакъ, молчавшій о своемъ прошломъ, о своей молодости. И только одинъ баринъ зналъ давно это прошлое своего любимца... Одно слово барина могло по закону угнать Масеича въ Сибирь, но баринъ, конечно, никогда этого слова не сказалъ бы. Онъ любилъ Масеича, быть можетъ, больше, чѣмъ кого либо, но этого даже не сознавалъ. Когда Масеичъ разъ въ годъ, а то и въ два, хворалъ и не являлся, Аникита Ильичъ былъ не въ духѣ, раздражителенъ и самъ себя чувствовалъ точно хворымъ. А тотъ горемычный, который замѣнялъ хворающаго, конечно, висѣлъ на волоскѣ отъ гнѣва раздосадованнаго барина.

Впрочемъ, за послѣднія пять лѣтъ Масеича въ случаѣ болѣзни замѣнялъ его сынъ двадцати-двухъ-лѣтній Никишка, крестникъ барина и совершенно его не боявшійся, одинъ, пожалуй, на всю Высокую.

Масеичъ вставалъ часомъ ранѣе барина, приходилъ по особой лѣстницѣ и садился за дверью. Жилъ онъ съ семьей въ собственномъ домѣ около большой церкви, но къ часу пробужденія барина былъ неизмѣнно на своемъ мѣстѣ.

Аникита Ильичъ, позвавъ и увидя Масеича, всегда спрашивалъ...

— Ну, что?..

Или просто отзывался изъ постели:

— Ну?

Масеичъ всегда отвѣчалъ кратко, однимъ словомъ:

— Свѣтло... Свѣтлехонько... Горить!.. Тянетъ... Нависло... Дожидеть. Хлещеть...

Все это были давнишнія разъ навсегда принятыя барометрическія показанія.

Объясненіе «тянетъ» Масеичъ не любилъ и избѣгалъ. За это слово ему часто доставалось. Конечно, простой попрекъ никогда не шель далѣ названія «слѣпой курицы». Показаніе «тянетъ» значило, что приближается съ небосклона туча лѣтомъ, или свинцовый кругозоръ грозитъ мятелю... И, разумѣется, камердинеръ часто ошибался, дождя и мятели не было.

Поднявшись съ постели, Аникита Ильичъ тотчасъ переходилъ въ маленькую комнату около спальни съ каменнымъ поломъ, съ однимъ маленькимъ окномъ, куда свѣтило ярко выходящее солнце. Зимой, еще среди темноты или полусумрака разсвѣта, въ углѣ комнаты горѣли четыре свѣчи въ большомъ канделябрѣ.

Здѣсь старикъ сбрасывалъ бѣлье и влѣзалъ въ широкую ванну, сгибался въ три погибели или становился на колѣни, а Масеичъ бралъ ведро въ руки и начиналъ медленно поливать барина... Зимой это была вода, принесенная за часъ предъ тѣмъ и лишь изрѣдка разбавленная теплой водой. Лѣтомъ вода приносилась съ погреба и приготавлилась съ вечера, то-есть насыщалась льдомъ...

Несмотря на долготѣнную привычку къ обливаньямъ ледяной водой, старикъ все-таки «ухаль» и синѣлъ...

Но, выйдя изъ ванны и вытираясь съ помощью Масеича, онъ быстро «отходилъ» и въ эту минуту всегда смотрѣлъ веселѣе и ласковѣе, чѣмъ за всѣ другія минуты дня.

— Вотъ простая, глухая выдумка, а нужно было ее англичанину выдумать. Русскій человѣкъ не додумался!—часто говорилъ старикъ, какъ бы изъ какой-то потребности сказать это. Масеичъ, слышавшій эти слова тысячи разъ, отвѣчалъ всегда кратко:

— Да съ...

И только изрѣдка онъ прибавлялъ что либо, не вполне соглашаясь съ барининомъ.

— У насъ тоже, по православному обнаковенію, народъ изъ бани зимой выбѣгаетъ и въ снѣгу валяется...—замѣчалъ онъ.

— Это другое совсѣмъ, глупая голова!—отвѣчалъ баринъ.—Со снѣгу-то они опять въ жаръ да въ паръ лѣзутъ. А я тутъ самъ себя долженъ согрѣть...

И, дѣйствительно, послѣ холоднаго обливанія, Аникита Ильичъ добивался того, что чувствовалъ себя слегка вспотѣвшимъ или вскорѣ-жь, или послѣ минутъ десяти или пятнадцати...

Для этого у дверей спальни, въ прихожей комнатѣ, гдѣ всегда ожидалъ Масеичъ его пробужденія, стояли козлы, а на нихъ лежало огромное бревно, вершковъ въ шесть толщиной, иногда и въ полъ-аршина...

Аникита Ильичъ бралъ большую голландскую пилу, выписанную изъ Петербурга, и начиналъ пилить бревно, вѣрнѣе, отпиливать отъ края бревна кружокъ... Въ дѣлѣ этомъ старикъ дошелъ до такого искусства, что отпиливалъ тончайшій кружочекъ, который можно было просверлить пальцемъ, какъ пряникъ.

Но въ этомъ пиленіи бревна, какъ и во всемъ, что дѣлалъ Басановъ, была особая «повадка», была метода. Иногда онъ отпиливалъ полъ-кружка и бросалъ дозавтра. Иногда онъ отпиливалъ два и три кружка и пилил мѣрно, не спѣша, минутъ десять—двадцать.

— Что... Аль нонѣ горячѣе водица была?—спрашивалъ Масеичъ, при видѣ начатаго второго кружка, доказывавшаго, что баринъ больше прозябъ...

Послѣ пиленія, старикъ переходилъ въ свою рабочую комнату или кабинетъ. Здѣсь, на столикѣ, уже стояла хрустальная стопа и большой стаканъ. Онъ начиналъ ходить взадъ и впередъ изъ угла въ уголъ и, подходя къ столику, отпивалъ большими глотками изъ стакана чрезъ каждую минуту. Питье было мутно-бѣлое, по виду почти простое молоко, но въ дѣйствительности—особенное снадобье, которое не только пояснять, но и показывать кому либо Аникита Ильичъ не любилъ.

Являлось это питье каждые три дня, привозимое молодымъ парнемъ за двадцать верстъ отъ Высоксы, изъ хутора, гдѣ жила одна уже старая женщина, калмычка, готовившая его.

Многіе, конечно, знали, что привозить парень, откуда и для кого, но болтать объ этомъ было строго запрещено... Тайкомъ и шепотомъ иные передавали, что пронюхали на хуторѣ, но не многіе вѣрили. Пронюхавшіе увѣрили, что на хуторѣ, гдѣ есть и кони, калмычка, по имени Ешка, доить кобылъ. Что питье бариново—кобылье молоко, въ которое колдунья-знахарка примѣшиваетъ разныя травы, а, главнымъ образомъ, «любъ-траву».

— Отъ того баринъ, несмотря на свои годы, все еще и зарится на женскій полъ!—объясняли они.

Но зная, что пить кобылье молоко грѣхъ, и что любъ-травы никто еще въ глаза никогда не видалъ, народъ плохо вѣрилъ объясненію.

— Просто знахаркино снадобье для крѣпости и долгоденствія!—рѣшили умнѣйшіе...

Аникита Ильичъ, пившій это снадобье уже нѣсколько лѣтъ почти ежедневно, не любилъ, чтобы къ нему въ это время кто либо, помимо Масеича, входилъ. Онъ скрывалъ это тщательно. Масеичъ приносилъ бутылку, опоражничивалъ ее въ стопу, а если что оставалось въ ней, то онъ или самъ Басановъ аккуратно выливали остатокъ въ грязное ведро или за окошко. Несмотря на эти мѣры предосторожности, конечно, во всей Высоксѣ все-таки всѣ знали, что барину привозится всегда съ хутора «калмычкино зелье». Но навѣрное узнать, каково оно на вкусъ и изъ чего состоитъ, не удавалось, ибо охотниковъ лѣзть и разузнавать не было. Всѣ помнили случай съ однимъ молодымъ крестьяниномъ.

Парень хвастался, что, пробывъ на хуторѣ недѣлю, онъ доподлинно узналъ, что именно барину готовить старая Ешка.

— Эвто татарская буза,—объяснялъ онъ.—Кто ея набузится, тотъ солону ломить и дерево рветъ съ корнями!

И парень-болтунъ исчезъ безслѣдно.

Такія «пропажи» случались въ Высокѣ.

Черезъ часъ послѣ своего питья, Аникита Ильичъ пилъ чай, иногда заморскій кофе, который дворяне стали пить въ подражаніе великой царицѣ, любившей этотъ напитокъ.

Затѣмъ баринъ принимался за дѣла. Черезъ коридоръ, противъ дверей его пріемной комнаты, гдѣ была его личная контора, съ семи часовъ утра появлялись и садились за работу главный конторщикъ Пастуховъ, умный и дѣльный человекъ, лѣтъ тридцати, его помощникъ, Ильевъ, и пятеро писцовъ.

Только главные дѣла шли черезъ контору самого барина, а всѣ текуція дѣла сосредоточивались въ особомъ зданіи, недалеко отъ барскихъ палатъ, въ «коллегіи», какъ прозвалъ Басановъ главное управленіе своихъ заводовъ. Въ коллегіи начальствовалъ коллежскій правитель Барабановъ и при немъ два помощника и полторы дюжины писарей.

Письменные сношенія заводовъ Высоковы со столицами, съ государственными учрежденіями и съ нѣкоторыми важными сановниками были очень велики и обширны. Коллегія видала у себя такія бумаги, подъ которыми стояли имена: князя Потемкина-Таврическаго, князей Вяземскаго и Безбородки, Троицискаго и иныхъ.

Правительственные заказы были частые и важные, на крупныя суммы. И Высоковскіе заводы считались самыми аккуратными въ поставкѣ.

Докладъ конторщика Пастухова, затѣмъ докладъ и бесѣда съ Барабановымъ, брали ежедневно все время до десяти и одиннадцати часовъ. Ровно въ одиннадцать Аникита Ильичъ «морилъ червячка».

Въ его маленькой столовой подавался завтракъ въ одно блюдо мясное и одно нѣмецкое, то-есть овощи подъ какимъ либо соусомъ.

Съ полудня до двухъ часовъ шелъ пріемъ просителей въ пріемной и въ коридорѣ.

Въ пріемной появлялись и сосѣдніе дворяне и пріѣзжіе по дѣламъ изъ столицъ и изъ дальнихъ краевъ Россіи. И чиновники, и купцы, и всякій людъ — не мужикъ.

Въ коридорѣ всегда ждала толпа человекъ съ полсотни, иногда и болѣе — сплошь крестьяне, мастеровые съ заводовъ и мужики дальнихъ деревень. Иногда появлялись и бабы съ дѣтьми.

Всякій рабъ барина Аникиты Ильича имѣлъ до него доступъ, могъ явиться, не спрашиваясь ни у кого, прямо въ палаты и «на верхъ» и объяснить барину свое дѣло, свою нужду, свою жалобу.

Избави Богъ, если-бъ кто изъ сторожей, сотскихъ, заводскихъ смотрителей или конторскихъ вздумалъ помѣшкать кому либо идти прямо къ барину.

Жалоба: «меня допуститъ не хотѣли», разъ доказанная, имѣла послѣдствіемъ такое наказаніе виновнаго, которое устрашало всякаго.

Бывали поэтому случаи жалобъ не только на главнаго управителя Барабанова, или на Масеича, или на приживальщиковъ, но даже два-три раза явились жалобщики на молодого барина Алексѣя Аникитича за самоуправство и на барышню Сусанну Юрьевну за обиду.

И баринъ разсуживаль тотчасъ же, призывая на расправу обвиняемаго и ставя его рядомъ съ обвинителемъ.

— Для меня всѣ равны! — говорилъ онъ. — Сынъ родной въ неправдѣ какой,—ровня предо мной съ моимъ рабомъ.

Если дѣло было глупое и нелѣпое, если жалоба была неправильная, Аникита Ильичъ разсуживаль и вразумляль, но никогда не только не взыскиваль, но даже не говорилъ ни единаго гнѣвнаго слова.

— Избави Богъ сердать! — объясняль онъ. — Отобьетъ охоту ходить до меня... И ничего я не буду знать... Будетъ въ Высокѣ вмѣсто одного Аникиты Ильича, сто Аникитъ Ильичевъ, сто бариновъ. И пойдетъ кровопивство, Шемякинъ судъ, утѣсненія и гоненія, всякія мерзости и народное крестьянское отчаяніе.

Разумѣется, всѣ дивились, что баринъ, крайне строгій и суровый, почти злой, добродушно выслушиваль самаго отпѣтаго дурня мужика, а то и дурафью бабу... При этомъ съ «дальними» онъ былъ мягче, чѣмъ съ «близкими». Дворня въ усадьбѣ трепетала чуть не ежедневно... Мужикъ дуболомъ, свинопасъ или рыбакъ съ озера, не робѣя, лѣзли, даже спорили съ бариномъ и, поясняя свое дѣло или жалобу, приговаривали:

— Э-эхъ, баринъ, ба-а-ринъ. Ничаво ты, видишь, не смыслишь.

— Толкомъ тебѣ, братъ, сказываютъ...

— Аль тебѣ не вдолбишь... Слышь-ко... Пойми...

Одинъ дальній крестьянинъ дровосѣкъ, никогда не видавшій барина въ лицо и явившійся однажды съ жалобой совершенно безсмысленной, сказалъ, выслушавъ судъ и доводы Аникиты Ильича...

— Д-да... Вонъ оно... Стало, все одинъ отводъ глазамъ. Вижу я, ты не баринъ нашъ, а тебя вонъ эти подставили... Ну, погоди же, ёрникъ... Попадется мнѣ баринъ на улицѣ, я ему все выложу... Онъ вамъ за это кожу всѣмъ спуститъ!

Подобные случаи дѣлали Аникиту Ильича веселымъ и почти добродушнымъ на цѣлый день.

Въ два часа Басановъ, нѣсколько уставшій, шелъ гулять въ садъ и шагаль бодро, шибко, но правильно и мѣрно, по большой главной аллеѣ взадъ и впередъ. Десять концовъ по этой аллеѣ, именуемой «Московской», равнялись четыремъ верстамъ.

Когда башенные часы готовились бить три часа, казачекъ Фунька, сопровождавшій барина боковой маленькой дорожкой на случай приказанія и посылки, подбѣгалъ и докладываль:

— Сейчасъ бить учнугъ-съ...

— Тебя?—изрѣдка спрашивалъ баринъ.

Вообще Аникита Ильичъ любилъ повторять и повторяться... Иные его поступки, шутки, слова казались ему настолько умными и удачными, что ихъ, по его мнѣнію, слѣдовало повторять.

Когда баринъ являлся изъ сада въ малую столовую залу, то всѣ были уже въ сборѣ и ждали, стоя кругомъ накрытаго стола каждый у своего мѣста.

Ктонибудь изъ молодыхъ приживальщиковъ, но чаще всѣхъ юный князь Никаевъ, Юлій, читали молитву... Баринъ садился первымъ, всѣ усаживались, когда онъ уже сидя раскладывалъ на колѣняхъ салфетку.

Послѣ обѣда всѣ вставали прежде барина, но не отходили, а ждали стоя у своихъ мѣстъ, чтобы онъ поднялся.

Въ малой залѣ ежедневно садилось за столъ около тридцати человѣкъ домохозяевъ и приживальщиковъ. По крайней мѣрѣ дюжина изъ нихъ была родней «съ боку». Такова была вся семья Ильева, побочнаго троюроднаго брата Басанова.

За столомъ около барина на лѣвой сторонѣ всегда садилась красавица племянница, направо почетный гость, которые не переводились... На мѣсто одного уѣхавшаго являлось двое новыхъ.

За столомъ шелъ всегда гулъ и шумъ. Басановъ любилъ, чтобы всѣ не стѣняясь бесѣдовали между собой. Черезъ мѣру расходившагося и черезчуръ громко разговаривавшаго онъ, однако, унималъ...

— Эй... Что тамъ?.. Ты? Громче кричи. Въ Питерѣ не слышно!— говорилъ онъ, называя провинившагося по имени.

Сынъ и дочь садились около отца, но ниже племянницы, за ними слѣдовали законные родственники Никаевы и Бобрищева, затѣмъ нахлѣбники изъ дворянъ, а затѣмъ уже побочные родственники Ильевы и наконецъ на краю стола всякая мелкота.

Послѣ стола всѣ переходили въ большую «желтую» гостиную, въ которой подавались всякія сласти, варенья, пряники, наливки, орѣхи...

У главнаго подъѣзда уже ждала барина заморская коляска четверкой великолѣпныхъ лошадей съ главнымъ кучеромъ Игнатовъ, выѣзжавшимъ только съ бариномъ. Но коляска появлялась, когда поѣздка предполагалась дальняя... Когда Аникита Ильичъ долженъ былъ побывать по близости, за версту, за двѣ, то онъ выѣзжалъ въ одноколѣ и правилъ самъ своей любимой лошадыю, сѣрой, старой, начинающей уже слѣпнуть и спотыкаться... Когда-то очень красивой кобылѣ, по имени «Солдаткѣ», было теперь уже семнадцать лѣтъ.

Обѣхавъ тѣ заводы, тѣ деревни или лѣса, тѣ поля и мѣста, гдѣ почему либо присутствіе его было въ этотъ день необходимо,

Аникита Ильичъ возвращался домой не ранѣе, какъ чрезъ часа два и три...

Сумерки проходили въ бездѣльѣ... Онъ шелъ въ гости къ любилицѣ Саннѣ, къ дочери Дарьюшкѣ, къ Ильевымъ, къ князю Никаеву...

Въ восемь или въ девять часовъ, смотря по времени года, былъ снова столъ... Ужинъ.

Но за ужинъ садилось не болѣе восьми или десяти человекъ. Всѣ приживальщики ужинали каждый у себя съ барской же кухни и получали почти то же самое, что и господа.

VI.

Когда Басановъ вышелъ отъ сына, молодая женщина проводила его за двери, видѣла, какъ онъ вышелъ въ садъ въ сопровожденіи Фуньки, и затѣмъ вернулась въ комнату больного...

Она снова сѣла къ нему на кровать, взяла его исхудалую желтую руку въ свои и вздохнула, но не произнесла ни слова... Она думала о томъ разговорѣ, который прервала своимъ появленіемъ и уже не въ первый, а въ четвертый разъ... Онъ думалъ о томъ же, но молчалъ тоже и лежалъ, закрывъ глаза. Прошло съ полчаса... Изрѣдка, однако, открывъ глаза, онъ пристально смотрѣлъ на нее, и его взглядъ принималъ странное выраженіе. Въ немъ была и любовь и скорбь... любовь пылкая и безумная къ ней и скорбь, отчаяніе, отъ яснаго сознанія своего безнадежнаго положенія. Молодой человекъ и зналъ и чувствовалъ, что если душа его все еще кипитъ, еще способна на все земное, то тѣло перестаетъ жить, уничтожается, будто таетъ... Уже часто онъ не ощущаетъ этого своего тѣла, а смотритъ на него, какъ на что-то чуждое, независимое отъ него.

И теперь, зная, что онъ умираетъ, онъ продолжалъ все-таки любоваться этой женщиной, которая пять лѣтъ слишкомъ была ему дорога, дороже всего на свѣтѣ, была его божествомъ. Ей онъ отдалъ лучшіе свои годы, отдалъ и жизнь...

Если бы не она, почему знать, можетъ быть, онъ былъ бы теперь все тотъ же молодой, сильный, счастливый...

Она, нагнувшись надъ нимъ, тоже подолгу глядѣла ему въ лицо, въ глаза, уныло и грустно. Она тоже любила его много, быть можетъ, болѣе, чѣмъ кого либо, когда либо...

Если онъ былъ тѣнью живого существа, то она напротивъ была воплощеніемъ жизни, силы и красоты. Это была высокая, стройная красавица съ лицомъ двадцати-лѣтней дѣвушки, а ей было уже двадцать семь. А то все, что она пережила за послѣднія десять лѣтъ, могло бы легко сдѣлать ее полустарухой.

Ея сильная пылкая натура не поддавалась... Все, что другую подточило бы, сломило бы, для нея было потребностью, нуждой, жаждой, хлѣбомъ насущнымъ.

Ея красивое лице, съ совершенно правильными чертами, было сурово или строго красиво. Большіе глаза, черные, яркіе, упорные, подчасъ грозные, ясно говорили, что сильная, твердая, не женская воля руководить ея помыслами и поступками.

Жизнь ея сложилась и слагалась ужасно! Если-бъ не воля, то она давно бы или совсѣмъ погибла, или была бы несчастлива, какъ никто...

Вся Высокса знала, что барышня Сусанна Юрьевна — кремень нравомъ и неустрашима диковинно... Смѣется, когда за нее вчужѣ страшно...

И если за ней есть грѣхи, есть и одинъ великій грѣхъ, то Богъ простить ей за доброту, за золотое сердце.

Но Высокса ошибалась. Именно сердца-то въ красавицѣ и не было... Былъ только бурный огонь въ крови, владѣющій ею, необоримый, которому она волей-неволей повиновалась. Властная съ другими, со всѣми, сильная умомъ, лукавствомъ и чарами своей чудной внѣшности, она была рабой собственной природы...

Когда больной понемногу крѣпко заснулъ, Сусанна тихо спустилась съ кровати и вышла изъ комнаты. Вернувшись къ себѣ, она, нѣсколько взволнованная, не сѣла въ кресло, а бросилась на коверъ и легла, протянувшись. Это было ея привычкой.

Ея пожилая наперсница Анна Фавстовна Угрюмова тотчасъ замѣтила, что есть что-то новое, вѣроятно, неприятное, и, конечно, тотчасъ подсѣла къ своей барышнѣ.

— Ну, что тамъ еще?..—спросила она.

— Ничего.

— Вижу вѣдь... Говорите ужъ... Съ бариномъ что?

— Нѣтъ... съ Алешей говорила.

— И все опять о томъ же?

— Да. Боюсь я, не догляжу. Боюсь, пошлетъ онъ за нимъ тайкомъ, а то ночью... Да и бухнетъ все...

— Помилуй Богъ! Вы бы ему эдакъ пояснили, что, молъ, тебѣ все равно, если ужъ помираешь. А мнѣ-то, молъ, каково будетъ... Онъ вѣдь прогнать отсюда. Куда тогда идти, что дѣлать... Вы бы такъ ему и сказали.

— Ахъ, Анна Фавстовна! — нетерпѣливо выговорила Сусанна.— Вы все свое заладили. Сказываю вамъ въ десятый разъ, что эти разговоры у насъ были... Сначала мнѣ жалко было ему говорить прямо, что онъ помираетъ... Всякій умирающій все-таки въ надеждѣ, что справится. Самъ говорить: вѣрно помру! А ждетъ, чтобы другой говорилъ ему противное и утѣшалъ. Такъ вотъ и Алеша. Ну, а вчера я ему сказала, что его положеніе не хорошее... Что же

вышло? Сталь просить сейчасъ же исповѣдаться и причаститься... Я, какъ всегда, говорю ему, успѣется, молъ... А онъ говоритъ: неправда, ты все только общаешься... И сегодня сталъ просить самъ дяденьку Аникиту Ильича...

— Что же тотъ?

— Понятно, тотчасъ согласенъ. Вотъ, того гляди, завтра, а то и сегодня, пошлютъ за отцомъ Гавріиломъ...

Сусанна не договорила и махнула рукой.

— Да вѣдь духовникъ не можетъ рассказывать никому, что ему на духу сказано,— сказала Угрюмова.

— Толкуйте. Точно малое дитя... Призоветь его къ себѣ «Кита» и скажетъ: а ну-тко, отецъ Гавріиль, что сынокъ-то больно грѣшенъ? Что онъ тебѣ повѣдалъ? Выкладывай-ко!.. Тотъ все и скажетъ.

— А вы, моя золотая, сдѣлайте, какъ я говорю. Поплите за своимъ отцемъ Григоріемъ. Побесѣдуйте до прежде того съ нимъ... Гавріила мы спровадимъ въ городъ, а Григорія позовемъ съ причастиемъ.

— Я ужъ сто разовъ собиралась такъ-то...

— Нечего собираться. Посылайте за нимъ тотчасъ и ему все и выложите. Покайтесь, будто на духу. Да и попросите крѣпко держать про себя. Поясните, что если баринъ что узнаетъ, вамъ погибель. Отецъ Григорій добрый. Послѣ того пускай идетъ исповѣдывать Алексѣя Аникитича... Знаючи все напередъ, онъ не испушается... Пошлемъ-ко на Проволочный заводъ.

Сусанна молчала.

— Что же? Вѣдь дѣло говорю... Не собирайтесь...

— Знаю. Знаю... Да вотъ...

— Что?

— Ахъ, Анна Фавстовна... Вчужѣ такъ все просто кажется!— воскликнула Сусанна.

— Совѣстно признаваться что ли? Такъ онъ священникъ! Не кто другой. Онъ, поди, на духу какія дѣла слыхалъ. Почище вашего... А что оно?.. Ужъ будто не вѣсть какое страшное... Припрячьте, моя золотая, совѣсть, да и пошлемъ за Григорьемъ Проволочнымъ.

— Какая тутъ совѣсть!—рѣзко вымолвила Сусанна, и глаза ея сверкнули досадой, даже гнѣвомъ.—Просто боюсь довѣриться. Я тяну, думаю, Алеша вдругъ... ну, вдругъ сразу... въ ночь...

— Что?

— Да помретъ! А то что же еще!..

Наступило молчаніе. Анна Фавстовна стала размышлять и наконецъ сказала рѣшительно:

— Хуже. Ей-Богу, хуже... эдакъ тянуть. Боятся, что баринъ за отцемъ пошлетъ средя ночи, да бухнетъ. Боятся тоже сами

отца Григорія допустить къ нему предупредивши... Какъ же тутъ? Надо порѣшить что либо и не мѣшкавая.

И послѣ новаго молчанія и раздумья женщина уже заговорила горячо и водушевляясь.

— Вотъ моя правда и вышла. Сказывала я всегда, не троньте Алексѣя Аникитича. И грѣхъ, и бѣда... Ну, въ грѣхи вы, вишь, безстрашная, не вѣрите. Такъ ради бѣды воздержались бы...

— Кто же могъ эдакое думать,—уныло говорила Сусанна,— что старая Кита переживетъ сына... Кто же могъ ожидать, что Алеша въ двадцать три года будетъ помирать... Конечно, и я виновата. Когда онъ зимой началъ прихварывать, надо было намъ обоимъ быть осторожнѣе... Мнѣ его беречь слѣдовало на всѣ лады... Да, опять таки скажу, кто же эдакое могъ подумать... Да и скоро какъ все потрафилось... Недѣль семь ли, шесть ли тому, еще помните, верхомъ разъ выѣзжалъ... А теперь вотъ совсѣмъ конецъ.

— Да конецъ ли? Враки нѣмцевы, можетъ...

— Конецъ, конецъ!..

— Нѣмецъ говорить?

— Что мнѣ Веніусъ. Я сама вижу. Всякій-то день разница... Всякій-то день хуже... Ужъ теперь живой мертвецъ лежитъ, насилу говорить можетъ.

И Сусанна, протянувшись ничкомъ на коврѣ, скрестила передъ собой руки и положила на нихъ голову, скрывая лице. Анна Фавстовна отошла и ушла къ себѣ, зная, что когда ея красавица барышня уляжется такъ, то лежитъ часами, какъ мертвая, не поведется, но и не спитъ, а думаетъ и думаетъ...

— Надрывается, сокрушается о себѣ,—рѣшила Угрюмова и не ошибалась. Въ эти часы вся жизнь Сусанны возставала и проходила въ ея воображеніи...

VII.

«Барышня», какъ звали ее всѣ, и всѣ при этомъ названіи знали, что дѣло идетъ о Сусаннѣ Юрьевнѣ, была, конечно, главнымъ лицомъ въ Высокѣ послѣ барина. Всѣмъ было извѣстно, что она изъ барина строгаго, крутого, часто жестокаго «веревочки вьетъ».

Сусанна приходилась Аникитѣ Ильичу собственно внучкой, но почему-то называлась племянницей, или просто родственницей, которую, не зная, какъ опредѣлить, стали считать племянницей.

У Ильи Михайловича Басманъ-Басанова еще до рожденья сыновей была въ домѣ сирота племянница, которую онъ выдалъ замужъ за дворянина Касаткина и съ того дня никогда не видалъ. Сыновья тоже не знавали двоюродной сестры и знали только, что отъ этого брака у нея родился сынъ, который, будучи «чуднымъ» мальчикомъ, сталъ еще болѣе «чуденъ», когда выросъ... Звали его Егоромъ.

Когда братья Басановы были въ Петербургѣ на службѣ, то узнали, что ихъ племянникъ—хотя на три года старше ихъ—пропалъ безъ вѣсти. Онъ покинулъ родительскій кровъ, чтобы идти искать, какъ объяснилъ онъ, по свѣту царевну красоту.

И Егоръ пропадалъ около пятнадцати лѣтъ. Когда онъ снова навѣдался къ родителямъ, то былъ уже почти сорокалѣтнимъ мужчиной. Гдѣ онъ мыкался и что дѣлалъ, онъ не объяснилъ, но проговаривался, что долго жилъ за границей, въ королевствѣ Польскомъ.

Проживъ съ отцемъ и матерью около полугода, Егоръ простился со словами загадочными:

— Ну, теперь въ послѣдній разъ... Врядъ ли на этомъ свѣтѣ увидимся. За то вмѣсто себя «Юрьевну» пришлю.

Черезъ два года послѣ вторичнаго исчезновенія сына, Касаткины получили письмо, которое привезъ проѣздомъ черезъ ихъ губернской городъ и дослалъ имъ въ деревню съ нарочнымъ какой-то петербургскій важный баринъ. Егоръ Касаткинъ писалъ, что живетъ въ Грузіи и собирается умирать «саморучно» въ будущемъ октябрѣ мѣсяцѣ, такъ какъ жить наскучило, ибо никакой отъ жизни пользы не видитъ. При этомъ онъ просилъ родительскаго благословенія въ путь на тотъ свѣтъ и, кромѣ того, прибавлялъ кратко:

«Дѣвочку свою я на ваше попеченіе вышлю. Помру я, ее безъ отца и матери злые люди заѣдятъ».

Дѣйствительно, ровно черезъ полгода какая-то барыня помѣщица Воронежской губерніи пріѣхала къ Касаткинымъ и привезла къ нимъ чрезвычайно красивую дѣвочку пяти-шести лѣтъ. Она объяснила, что ребенка ей передала богатая казачка войска Донскаго, а что сама она, эта казачка, получила дѣвочку отъ какого-то капитана, который ее вывезъ и довезъ ей прямо изъ Грузинскаго царства.

Барыня повторила то, что ей сказать велѣли дѣду и бабкѣ, то есть, что ихъ сынъ застрѣлился, а дѣвочка осталась одиныхонька и круглая сирота.

Двѣ бумаги, свидѣтельства о бракѣ и рожденіи, привезенныя и переданныя Касаткинымъ, доказывали, что ребенокъ рожденъ отъ законнаго брака «Юрья» Касаткина съ дѣвицей... имени разобрать было нельзя... Выходило всякое... Выходило: «Амалия-Клара»... Равно можно было прочесть: «Амилохвара».

Сельскій батюшка, позванный на совѣтъ и чтеніе документа, прочелъ: «А была хвоя»... Послѣ этихъ неразборчивыхъ словъ стояло слово крупными литерами: «Чадіэ».

Въ метрикѣ было сказано, что дѣвочка наречена Сусанной.

Была ли это фамилія матери или иное что, конечно, никто понять не могъ. Касаткиныхъ удивило тоже, почему сынъ Егоръ былъ названъ Юремъ.

Но главное было ясно... Было неопровержимо, что маленькая Сусанна дочь ихъ сына, и, стало быть, родная внучка. Этого было достаточно, чтобы старики, одинокіе и добрые, печаловавшіеся постоянно на судьбу сына, приняли дѣвочку въ распростертыя объятія.

Вскорѣ, конечно, старики уже обожали маленькую Сусанну и были въ полномъ рабствѣ у красивой, прихотливой, своевольной, умной, но не доброй дѣвочки. Старуха плакала отъ нея, а старикъ охалъ и горевалъ, какой нравъ у ихъ внучки... Но обожаніе и исполненіе малѣйшихъ желаній дѣвочки шло своимъ чередомъ. Даже «отчество» уступили ей. Старикамъ хотѣлось, чтобы внучку звали Сусанной Егоровной. Но дѣвочка обижалась, изъ себя выходила отъ этого величанія и осталась «Юрьевной».

Такъ прошло, промелькнуло десять слишкомъ лѣтъ... Дѣвочка стала дѣвицей и замѣчательной красавицей. Всѣ дивились ей, ея глазамъ, ея волосамъ, и всѣ находили, что она не русская.

Неразобранныя въ документѣ слова, замысловатыя, странныя «Амалия-Клара» или «Амилохвара» и наконецъ «Чадіэ» если не могли ничего объяснить, то во всякомъ случаѣ заставляли не считать Сусанну, по матери, русской дѣвицей.

Много и часто толкуя объ этомъ обстоятельстве, изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ, старики Касаткины вмѣстѣ съ друзьями и сосѣдями рѣшили, что мать ихъ внучки полька, нѣмка, грузинка или армянка.

Сама Сусанна помнила хорошо отца, помнила даже, какъ онъ лежитъ мертвый на диванѣ, а она плачетъ и боится...

Матери она не помнила... Помнила, однако, что прежде Кавказа, грузинъ и ихъ языка она видѣла себя въ другомъ краю съ другими людьми, не такими черными, и слышала кругомъ себя другой языкъ, не грузинскій. Понемногу выяснилось, что это была Польша... Сусанна, слыша польскую рѣчь, вспоминала и узнавала слова, которыя когда-то какъ будто хорошо знала и сама говорила.

Но была ли мать ея полька или грузинка, она не знала. Только по характеру лица ея, по удивительной красотѣ, смуглотѣ тѣла всѣ были того мнѣнія, что Сусанна скорѣе грузинка или вообще «кавказка». И это опредѣленіе стало ея прозвищемъ во всемъ околоткѣ, гдѣ всѣ знали ее.

Впрочемъ вскорѣ красавица кавказка прошумѣла...

Въ семьѣ мирныхъ стариковъ съ бойкой внучкой случилось совершенно невѣроятное происшествіе.

Ради развлечения, чтобы повеселить семнадцатилѣтнюю Сусанну, старики собрались на рождественскіе праздники въ губернскій городъ, но затѣмъ запоздали и прожили до масляницы.

Да и нельзя было уѣхать. Неблагоразумно и нерасчетливо. Всѣ старые и новые друзья Касаткиныхъ совѣтовали имъ оставаться ради счастья ихъ красавицы и умницы внучки.

Сусанна всёх обворожила своимъ лицомъ и своимъ обращеніемъ. Вся молодежь была въ нее влюблена, а пожилые и старые чуть не на рукахъ носили. Ни единой маленькой вечеринки, не только большого собранія или бала, не обходилось безъ нея. И всюду всегда она была первая.

Самъ намѣстникъ, уже пожилой, дѣловитый и серіозный человекъ, занятый исключительно своимъ дѣломъ, управленіемъ, полупутя повиновался молодой дѣвушкѣ, бросалъ дѣло и являлся туда, куда она тоже шутя, но настойчиво, ему приказывала пріѣхать. Было у намѣстника семейство, съ которымъ онъ враждовалъ — бывшаго предводителя... Сусанна побилась объ закладъ, что помирить двѣ семьи, — и выиграла.

Старшій сынъ намѣстника, двадцати-лѣтній молодой человекъ, былъ сильно увлеченъ дѣвицей Касаткиной, какъ и всё другіе... всюду говорили, что дѣло пахнетъ бракомъ, а отецъ, «плясавшій подь Сусаннину дудку», ничего противъ такого брака имѣть бы не могъ. А то какъ разъ обвинять его въ томъ, что онъ, вдовецъ, самъ на нее «глаза закидываетъ».

Однако случилось совсѣмъ не то, чего ожидало общество. И случилось неожиданно, прогремѣло и ударило, какъ громъ съ небеси.

Послѣ Крещенія пріѣхалъ въ городъ изъ Петербурга важный сановникъ, еще молодой, тридцати-пяти-лѣтній человекъ, чрезвычайно красивый, имѣвшій большое значеніе при дворѣ. Несмотря на свои года, онъ уже былъ при двухъ звѣздахъ и лентахъ, да, кромѣ того, имѣлъ большое состояніе, получивъ недавно до трехъ тысячъ душъ въ Литвѣ и огромныя земли во вновь созданномъ Новороссійскомъ краѣ.

Ходилъ темный слухъ, что молодой сановникъ, графъ Мамонинъ, былъ удаленъ изъ Петербурга и вдругъ потерялъ свое значеніе и вліяніе. Но до этого никому не было дѣла. Дворяне принимали петербургскаго гостя такъ, какъ если бы онъ былъ самъ князь Потемкинъ, или графъ Орловъ.

Богачъ, добрякъ, весельчакъ, красавецъ и не женатый! Чего же еще для семей съ дочками невѣстами? Какъ и всё остальные дворяне, старики Касаткины тоже стали мечтать. Они имѣли на это больше правъ. Ихъ красавица внучка, сведя съ ума все намѣстничество, съѣхавшееся на праздники, могла заставить потерять разумъ и молодого вельможу.

Однако графъ, начавъ ухаживать или, какъ говорили, «махаться» за Сусанной, далѣе извѣстнаго предѣла большаго вниманія и большой любезности не пошелъ. Онъ ухаживалъ, казалось, за всѣми дѣвицами и даже двумя-тремя замужними женщинами и за одной молодой и некрасивой, но умной вдовой капитанъ-поручика — за всѣми совершенно равно и одинаково... Такъ одинаково, что разо-

браться, догадаться, предвидѣть какой либо конецъ было трудно, даже невозможно.

Черезъ мѣсяцъ послѣ приѣзда, графъ не подалъ еще повода назвать кого либо изъ дамъ или дѣвицъ, которая получила бы пальму первенства. Самыя дальновидныя и лукавыя всезнайки замѣтили и объясняли одно—удивительное....

Сановникъ графъ, казалось, кончилъ тѣмъ, что «махается» наиболѣе за капитанъ-поручицей и наименѣе за ихъ первой красавицей и умницей—Сусанной Касаткиной.

Молодая дѣвушка съ своей стороны давала поводъ къ такому же сужденію. Когда графъ приѣхалъ, она видимо, не скрываясь ни отъ кого, «егозила» передъ нимъ, позабывъ всѣхъ своихъ прежнихъ «махателей», даже намѣстникова сына въ томъ же числѣ. Но затѣмъ увидя, вѣроятно, что для избалованнаго своимъ высокимъ положеніемъ и столичной жизнью молодого человѣка—всѣ женщины равны, ровно будто ниже его вниманія и увлеченія, Сусанна стала обходиться съ графомъ Мамонинымъ вѣжливо, почтительно и предупредительно, совсѣмъ такъ, какъ если бы ему было семьдесятъ лѣтъ.

На масляницѣ, въ самый разгаръ веселія, весь городъ взволновался.

Сусанна Касаткина пропала изъ дому и пропала безъ вѣсти...

Наступила первая недѣля поста, а о дѣвушкѣ не было ни слуху ни духу. Старики свалились съ ногъ. Бабушка была въ постели, дѣдушка сидѣлъ въ креслѣ съ поврежденнымъ лицомъ.

VIII.

Намѣстникъ, конечно, поднялъ на ноги всю полицію, какая только была въ его распоряженіи. Во всѣ уѣзды поскакали гонцы съ строжайшими указами—искать молодую дворянскую дочь Касаткину. Одновременно было приказано ловить и, арестовывая, везти въ городъ всѣхъ цыганъ, какіе на лицо окажутся, такъ какъ всѣ пришли къ полному убѣжденію, что красавицу дѣвицу укралъ и силкомъ увезъ таборъ цыганъ, только что прослѣдовавшій черезъ городъ.

Графъ Мамонинъ, уже съ недѣлю собиравшійся уѣзжать въ свое литовское имѣніе около Минска, былъ тоже немало удивленъ и пораженъ... Онъ обѣщалъ свою помощь и покровительство, обѣщалъ написать всѣмъ сосѣднимъ намѣстникамъ и даже московскому генералъ-губернатору Салтыкову о чрезвычайномъ происшествіи съ просьбой помочь розысками и строжайшими распоряженіями въ предѣлахъ своихъ. Однако, прошло два мѣсяца, прошла уже Святая недѣля, наступила Фоминая... А объ украденной красавицѣ, быть можетъ, даже убитой, не было никакихъ извѣстій. Нигдѣ, ни въ одномъ намѣстничествѣ не нашли ея...

До четырехъ сотъ цыганъ были въ разныхъ мѣстахъ арестованы и, просидѣвъ въ острогахъ, были выпущены.

Сусанна канула въ воду.

Но въ концѣ Оминой недѣли, когда старики Касаткины уже были снова въ своей вотчинѣ, снова одинокіе, печальные, убитые горемъ... вдругъ въ сумерки на дворъ шибко въѣхала карета, стала, затѣмъ повернула и выѣхала... и исчезла.

Но среди двора въ полусумракѣ увидѣли кого-то, кто вылѣзъ изъ кареты и остался, а затѣмъ вошелъ на крыльце и въ домъ...

Была это—Сусанна.

Старики обмерли, потомъ очнулись, потомъ плакали и смѣялись...

На вопросы ихъ, гдѣ пропадала внучка, что съ ней приключилось и гдѣ и кто ее нашелъ, молодая дѣвушка отвѣчала кратко:

— Не скажу.

Она отвѣчала это тихо, спокойно... Отвѣчала это въ первое же мгновеніе, и въ первый день и въ первую недѣлю по появленіи... Но чрезъ мѣсяцъ и два тихой жизни въ усадьбѣ дѣда она отвѣчала то же и такъ же...

— Ну, что же! Богъ съ тобой, молчи!—рѣшили старики.

Однако, вернувшись внучка не была та же... Она такъ перемѣнилась и лицомъ и нравомъ, что самый глупый догадался бы... Что нибудь страшное было съ ней. Сусанна похудѣла... Хотя и была красива, даже, пожалуй, красивѣе прежняго... Но иначе красива.

Зато нравомъ она была совершенно другой человѣкъ: молчаливая, угрюмая и злая...

— Да,—вздыхали старики, ахали и люди во двору.—Злая стала она. Обозлило ее это пропаденіе.

Чужіе люди, сосѣди, конечно, догадывались, но молчали...

Исчезновеніе молодой красавицы «кавказки» было дѣломъ простымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хитрымъ. Она просто была похищена возлюбленнымъ.

Лукавая и шустрая молодая дѣвушка дѣйствовала расчетливо, умѣло, тонко, чтобы устроить свое существованіе блестящимъ образомъ.

И у нея были всѣ данныя, всѣ качества, чтобы довести смѣлое дѣло до благополучнаго конца. Но одинъ недостатокъ или порокъ простибельный былъ у нея: довѣрчивость юности.

Она лукавила и хитрила по отношенію къ дѣлу и бабкѣ, къ знакомымъ, къ обществу, но напала на хитрѣйшаго, который, обманывая всѣхъ, обманулъ и ее.

Это былъ, конечно, молодой сановникъ... Ухаживая за ней, онъ объяснился въ своей любви, «открылъ свою пламенную страсть», но заявилъ, что онъ несчастнѣйшій человѣкъ. Родители его никогда не согласятся на его бракъ съ Сусанной, и огорчатъ ихъ неповиновеніемъ онъ не считалъ себя способнымъ «тотчасъ же»... Но по-

немногу, со временемъ, онъ, конечно, можетъ ихъ убѣдить дать свое согласіе... Главное же препятствіе не въ этомъ...

Главное—гнѣвъ государыни...

Онъ не имѣетъ права, по его словамъ, жениться безъ разрѣшенія императрицы, а для того, чтобы получить это разрѣшеніе, надо... Надо представить дѣло въ особомъ видѣ... Въ видѣ ошибки, дурного поступка, неблагороднаго и жестокаго, который надо заглаживать. Тогда государыня сама прикажетъ ему вѣнчаться... А родителямъ останется только повиноваться приказанію.

Сусанна всему повѣрила...

Графъ предложилъ красавицѣ бѣжать съ нимъ тайно отъ всѣхъ въ его литовское имѣніе и сдѣлаться его подругой на какихъ нибудь полгода. За это время онъ брался устроить все... Ъхать въ Петербургъ, рассказать все государынѣ, повиниться и просить разрѣшенія заглаживать свой проступокъ...

Сусанна, хитрившая и влюблявшая въ себя молодого и имени-таго красавца, все-таки сама искренно и сильно увлеклась имъ... Вѣрила же она ему вполне...

Послѣ двухъ мѣсяцевъ жизни въ богатой вотчинѣ графа онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда написалъ ей, что государыня не позволяетъ ему жениться, и что ей приходится оставаться его сожительницей.

Разумѣется, Сусанна поняла, что все это была одна игра, столь же безсердечная, сколько искусная.

И она, отказавшись отъ всѣхъ его подарковъ, отъ его «уплаты» за любовь, попросила только одно: доставить ее домой.

И снова очутилась она въ своей глуши, но уже несчастная, съ разбитой жизнію, безъ права мечтать о замужествѣ. Наконецъ, однажды, послѣ цѣлаго года мертвой тоски у стариковъ въ деревнѣ, Сусанна рѣшилась привести въ исполненіе свою давнишнюю мечту.

Не разъ слыхала она еще въ дѣтствѣ отъ дѣда и бабушки, что ихъ двоюродный братъ Аникита Басманъ-Басановъ страшный богачъ, что живетъ онъ не въ простой усадьбѣ, какъ многіе богатые дворяне, а въ маленькомъ, почитай, городкѣ, который ему принадлежитъ. Кромѣ того, онъ живетъ на широкую ногу, яко бы какой сановникъ. Такъ какъ они старики уже раза три писали ему, собирались навѣстить, но не получили ни отвѣта, ни привѣта, то всякая связь порвалась. Понятно, гордый богачъ знать не хочетъ бѣдныхъ, хоть и очень близкихъ родныхъ. Содержитъ онъ кучу приживальщиковъ и блюдолизовъ, а имъ, Касаткинымъ, ни разу за всю жизнь не прислалъ ни на грошъ ничего.

За послѣднее время, послѣ страннаго приключенія, Сусанна стала спрашивать стариковъ о Басановѣ и о Высокѣ.

Старики знали не много сами, но то, что было имъ извѣстно о суровомъ родственникѣ, было достаточно для дальновидной молодой дѣвушки, рѣшительной и предприимчивой.

Она будто знала старика Аникиту Басанова, никогда его не видавъ, даже будто видѣла его духовными очами, какъ живого, не смотря на то, что еще никогда въ жизни къ нему не приближалась.

Нѣкоторыя подробности жизни и характера этого родственника, приходившагося и ей дальнимъ дѣдомъ, нѣкоторыя пустыя мелочи, которыя не имѣли очевидно никакого значенія для двухъ стариковъ, повѣствовавшихъ ей о Высокѣ, для нея возымѣли важное и рѣшающее значеніе.

Однажды, она заявила старикамъ, что хочетъ ихъ помирить или свести съ суровымъ родственникомъ.

— Родные должны знаться!—сказала она.

Сусанна предложила, не предупреждая даже Басанова, ѣхать къ нему въ Выоксу и представиться.

Дѣдъ и бабка не нашли въ этомъ сначала ничего худого, а затѣмъ нашли дѣло совсѣмъ подходящимъ.

Сусанна быстро собралась.

Однако, одной являться къ дѣду было неблагоприлично, въ особености въ ея года.

Конечно, ни дѣдъ ни бабушка сопровождать ее не рѣшались, ибо въ такомъ случаѣ ея самостоятельный шагъ принималъ другой видъ.

Сусанна заявила, что она остановится въ губернскомъ городѣ, конечно, на этотъ разъ ни съ кѣмъ не выдаясь, и тамъ разыщетъ одну женщину, которую знаетъ.

Женщина эта была ужъ ея повѣренной... Она-то именно когда-то и помогала Сусаннѣ въ дѣлѣ, которое повернулось худомъ. Но она не была въ томъ виновна. Это была Анна Фавстовна Угрюмова, при помощи которой Сусанна тайкомъ видалась съ графомъ Мамонинымъ. Если бы не эта женщина, то красавица, быть можетъ, и не стала бы жертвой графа.

Угрюмова была тридцати-трехъ-лѣтняя вдова чиновница, одинокая и бездѣтная.

Женщина не глупая, приличная, мелкая дворянка и, по рожденію, получившая хорошее воспитаніе, она была принята во всѣ дворянскіе дома губернскаго города, гдѣ когда-то ея мужъ служилъ въ намѣстническомъ управленіи и имѣлъ порядочное жалованье.

Овдовѣвъ, Угрюмова сообразила, что надо найти средства къ жизни, изыскать себѣ занятіе, чтобы не умереть съ голоду или въ лучшемъ случаѣ не сдѣлаться попрошайкой.

И какъ-то незамѣтно для самой себя она стала въ городѣ, во всѣхъ семьяхъ дворянскихъ и богатыхъ купеческихъ, у всякихъ пожилыхъ и семейныхъ женщинъ—свой человекъ и пріятельница.

Одни принимали Анну Фавстовну радушно, потому что она была близкимъ лицомъ у жены губернаторскаго товарища и у жены предсѣдателя солянаго правленія, другіе принимали ее, какъ родную, потому что «всѣ принимаютъ».

Понемногу Анна Фавстовна попала въ совѣтчицы и посланницы по брачнымъ дѣламъ, самымъ изъ всѣхъ дѣлъ щекотливымъ, гдѣ требовались скромность, осмотрительность и особое искусство.

Когда Сусанна явилась въ городъ со стариками Касаткиными, то, конечно, черезъ недѣлю въ ихъ квартирѣ появилась и Угрюмова... Она не представилась, какъ сваха, но отъ нея «пахло» свахой. Поэтому старушка бабушка тотчасъ же обратила на нее вниманіе и стала съ ней ласкова, ради внучки.

Когда у Сусанны началась любовная исторія съ графомъ Мамонинымъ, первая женщина, которая будто нюхомъ все узнала и отгадала, была та же Угрюмова.

И она вкрадчиво, умно и тонко предложила Сусаннѣ свои услуги въ чемъ бы то ни было... такъ, въ случаѣ нужды, если что понадобится.

А понадобилось вскорѣ нѣчто крайне важное. Понадобилось именно видаться глазъ на глазъ.

И тогда произошло въ маленькой квартиркѣ Угрюмовой первое тайное свиданіе графа Мамонина и молодой Касаткиной, за что юркая и хитрая чиновница нажила большія деньги.

И теперь, когда понадобилось добыть кого нибудь въ спутницы, чтобы ѣхать къ дѣду Басанову, Сусанна, конечно, вспомнила и выбрала Угрюмову. Теперь она цѣнила эту вдову чиновницу на особый ладъ. Она понимала, что Анна Фавстовна лукавая женщина и неразборчивая на средства. Но теперь ей именно такая и была нужна. Приходилось ѣхать играть комедію, стало быть, и брать съ собой надо было лицедѣйку.

Графъ Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ.

(1766—1817).

ГРАФИНЯ Варвара Николаевна Головина, урожденная княжна Голицына, принадлежит къ числу замѣчательныхъ русскихъ женщинъ конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка. Съ ранняго дѣтства она имѣла доступъ ко двору императрицы Екатерины II, была замѣчена и любима ею, а вслѣдъ затѣмъ сблизилась съ великой княгиней Елисаветой Алексѣвной, впоследствии императрицей. Въ царствованіе императора Павла придворныя интриги удалили графиню Головину отъ двора и отъ великой княгини Елисаветы Алексѣвны, къ которой она страстно привязалась. Варвара Николаевна окружила себя тогда французскими эмигрантами и иезуитами и въ ихъ обществѣ искала утѣшенія въ постигшихъ ее невзгодахъ; тогда же она приняла затѣмъ католицизмъ. Послѣ смерти императора Павла, В. Н. Головина переселилась въ Парижъ, сдружилась тамъ съ обитателями Сень-Жерменскаго предмѣстья и была свидѣтельницей всѣхъ сценъ, сопровождавшихъ превращеніе консульства въ имперію. Съ наступленіемъ эпохи Наполеоновскихъ войнъ, графиня Головина возвратилась въ Россію, но видимо чувствовала себя уже не совсѣмъ дома: попрежнему вращалась она среди эмигрантовъ и иезуитовъ, пока эмигранты въ 1814 году не возвратились во Францію, когда совершилась реставрація бурбоновъ, а иезуиты не были изгнаны въ 1816 году изъ Россіи. Вскорѣ затѣмъ графиня В. Н. Головина скончалась во Франціи, въ Монпелье, въ 1819 гду.

Уже этот краткій очеркъ внѣшней жизни графини Головиной показываетъ, что ей было о чемъ разсказать въ своихъ «Запискахъ». Интересъ, возбуждаемый ими, увеличивается, благодаря личнымъ свойствамъ ихъ автора. По отзывамъ современниковъ, графиня Головина выдѣлялась въ высшемъ петербургскомъ обществѣ конца XVIII и начала XIX вѣка не только своею красотою, но и своимъ образованіемъ, умомъ и художественными дарованіями; мягкій и добрый характеръ, безупречная репутація, благородство въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, также рѣзко отличали графиню Головину отъ многихъ другихъ представительницъ высшаго общества ея времени ¹⁾. Но въ характерѣ Головиной были особенности, направившія ея дѣятельность по ложной дорогѣ: это было преобладаніе сердца надъ разсудкомъ, чрезмѣрная впечатлительность и, какъ ея послѣдствіе, восторженность чувствъ. Сентиментализмъ былъ руководствующимъ побужденіемъ графини Головиной, не знавшей границъ ни въ своей дружбѣ, ни въ своихъ антипатіяхъ. Графиня Эдлингъ, знавшая Головину уже въ зрѣлые ея годы, замѣчаетъ о ней въ своихъ запискахъ: «Экзальтація г-жи Головиной была иногда трогательна, а иногда становилась просто смѣшною. Я любила слѣдить за игрою ея эксцентричнаго воображенія, которую она принимала за проявленіе чувствительности». Но, — прибавляетъ Эдлингъ, — рѣчи Головиной иногда пробуждали и въ ней чувство восторга ²⁾. Живость воображенія Головиной была такъ велика, что одинъ изъ случайныхъ ея слушателей до глубокой старости не могъ забыть сдѣланнаго ею описанія деревни ея мужа. Головина любила сельскую жизнь, любила природу ³⁾. Всѣми этими качествами Головина приближалась къ типу «прекраснодушныхъ» русскихъ женщинъ второй половины XVIII вѣка, создававшихъ себѣ религію сердца и жаждавшихъ правды и чистой нѣжной любви. Но сѣрая русская дѣйствительность того времени не представляла ни уму, ни сердцу, жаждавшему преклоненія, никакихъ отчетливо сложившихся дисциплинъ; въ русской жизни нужно было тогда разбираться, нужно было самому создавать себѣ въ ней какіе либо интересы: до такой степени она была еще не некультурна и безформенна. Къ такой работѣ неспособны были люди, которые природою и воспитаніемъ предназначены были къ жизни созерцательной; оттого, при первой крупной неудачѣ, при первой

¹⁾ Вилке-Лебрень, близко знавшая Головину, отзывалась о ней, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: «La comtesse Golowine était une femme charmante, pleine d'esprit et de talents, ce qui suffisait souvent pour nous tenir compagnie... Elle dessinait très-bien et composait des romances charmantes, qu'elle chantait en s'accompagnant du piano. De plus elle était à l'affût de toutes les nouvelles littéraires de l'Europe, qui, je crois, étaient connues chez elle aussitôt qu'à Paris». — «Souvenirs de madame Vigée Le Brun», I, 350.

²⁾ Mémoires de la comtesse Edling, 46—47.

³⁾ Записки Тимковскаго («Русск. Арх.», 1874, I, 1463).

жизненной бурѣ, они стремились съ своими духовными запросами туда, гдѣ волновавшія ихъ идеи нашли уже себѣ ясное, опредѣленное отраженіе, отвѣчавшее ихъ чувствамъ, и такимъ образомъ могли содѣйствовать ихъ душевному успокоенію. Дисциплинами этими явились роялизмъ и католицизмъ, представители которыхъ, эмигранты и іезуиты, въ нашемъ офранцузенномъ обществѣ были своими людьми, находя себѣ въ немъ вторую Францію. Воспитаніе, вся свѣтская обстановка русскихъ прозелитокъ была воспроизведеніемъ жизни французскаго общества временъ Людовика XVI: это былъ вѣкъ пудры, вѣкъ декламациі, вѣкъ роскошныхъ, изящныхъ поддѣлокъ подъ природу, возбуждавшихъ въ сентиментальныхъ душахъ возвышенныя чувства, утонченныя ощущенія. Всѣ мелочи жизни, начиная съ костюма, мебели, экипажей и кончая невинными или опасными развлеченіями, напри- мѣръ, танцами и «маханіемъ», представляли, каждая сама по себѣ, законченную поэтическую картинку, ласкавшую глазъ, а все, вмѣстѣ взятое, составляло то эстетическое цѣлое, о которомъ мы, люди житейской прозы и удобствъ, не можемъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія. Міръ матеріальный являлся лишь отраженіемъ міра идеальнаго. Принимали за аксіому, что все возвышенное въ моральномъ, духовномъ мірѣ должно выражаться въ изящно-величественныхъ формахъ, должно быть передано «высокимъ стилемъ», чтобы не оскорбить чувствъ изящно воспитаннаго человѣка и сдѣлать предметы доступными его пониманію. Съ этой эстетической точки зрѣнія, усвоеніе идеи роялизма и католицизма также облегчалось для нашихъ аристократическихъ прозелитокъ: онѣ заслушивались элегантныхъ эмигрантовъ, красиво излагавшихъ повѣсть о своихъ страданіяхъ за вѣрность королю, претерпѣнныхъ ими отъ революціонныхъ кровопійцъ и изверговъ; онѣ преклонялись предъ патеромъ-іезуитомъ, который, будучи по образованію и воспитанію своимъ человѣкомъ въ аристократическомъ кружкѣ, велъ съ ними религіозныя бесѣды на французскомъ языкѣ, со всею присущею католицизму театральностію: русскій «попъ», мало чѣмъ отличавшійся тогда отъ простаго мужика, былъ, конечно, черезчуръ яркой противоположностію отцу-іезуиту. Красоту русскаго духа, прикрытыхъ внѣшнимъ русскимъ убожествомъ, не знали и не понимали; зато казалось вполне понятнымъ воплощеніе монархической идеи—въ рѣчахъ эмигрантовъ, и единеніе съ Богомъ—въ сладкихъ, иногда торжественныхъ проповѣдяхъ іезуитовъ. Оттого болѣе воспримчивыя, болѣе нервныя и, быть можетъ, болѣе даровитыя натуры изъ русскихъ женщинъ высшаго общества и сдѣлались жертвами іезуитской пропаганды: онѣ слишкомъ заняты были внутреннею своею жизнію, и кристальная чистота духовнаго ихъ томленія послужила имъ лишь въ пагубу, оторвавъ ихъ отъ родной почвы. Графиня Головина была одной изъ первыхъ жертвъ,

захваченныхъ іезуитами, а за ней, и отчасти благодаря ея вліянію, послѣдовалъ рядъ другихъ прозелитокъ, въ томъ числѣ подруга ея, знаменитая впослѣдствіи г-жа Свѣчина; но и въ самомъ своемъ отпаденіи отъ родной вѣры онѣ явились яркимъ выраженіемъ русскаго народнаго духа, духа смиренія и самоотреченія. Западъ такимъ образомъ бралъ себѣ первые дорогіе плоды, посѣянные имъ на русской нивѣ образованности.

Записки свои графиня Головина писала главнымъ образомъ для любимой ею императрицы Елисаветы Алексѣевны, съ ея одобренія: естественно, поэтому, что, при всей своей искренности и правдивости, она касалась въ своихъ воспоминаніяхъ только тѣхъ предметовъ, которые она считала интересными для царственной своей подруги, или тѣхъ, на которые она желала обратить ея вниманіе. Оттого біографическія данныя о себѣ самой Головина не сообщаетъ въ «Запискахъ» съ должной полнотой; о нѣкоторыхъ же подробностяхъ своей личной жизни она вовсе не упоминаетъ, хотя онѣ весьма важны для правильнаго освѣщенія ея личности. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о Головиной также не могутъ быть полны, такъ какъ бумаги ея находятся за границей, въ особенности у достопочтенныхъ отцовъ-іезуитовъ, не очень склонныхъ дѣлиться своимъ наслѣдствомъ для уясненія намъ своего и нашего прошлаго; но и того, что есть у насъ, достаточно, чтобы возстановить, хотя въ краткихъ чертахъ, исторію симпатичной русской женщины, превратившейся вѣлѣніемъ судьбы въ ролястку и католичку.

Графиня Варвара Николаевна Головина, урожденная княжна Голицына, родилась въ 1766 году отъ брака генераль-поручика князя Николая Ѳеодоровича Голицына (р. 1728 г., † 1780 г.) съ Прасковьей Ивановной Шуваловой (р. 1734 г., † 1082 г.), любимой сестрой славнаго мецената и любимца императрицы Елисаветы Петровны, Ивана Ивановича Шувалова¹⁾. Варвара Николаевна имѣла двухъ братьевъ, бывшихъ старше ея по возрасту: князя Ѳедора Николаевича (р. 1751 г., † 1827 г.) и князя Ивана Николаевича (р. 1759 г., † 1777 г.). Отецъ Варвары Николаевны былъ, кажется, угрюмаго, сумрачнаго нрава и вовсе не вмѣшивался въ воспитаніе своихъ дѣтей, предоставивъ это дѣло своей женѣ. Подобно брату, И. И. Шувалову, княгиня Прасковья Ивановна отличалась мягкимъ, добрымъ, хотя нерѣшительнымъ характеромъ, и, подобно ему же, любила искусство, умѣла цѣнить образованіе и эти качества передала и своей дочери, княжнѣ Варварѣ. Вмѣстѣ

¹⁾ Въ книгѣ: «Родъ кн. Голицыныхъ», 165, годъ рожденія В. Н. показанъ ошибочно 1756-й, тогда какъ въ «Запискахъ» своихъ гр. Головина указываетъ, что въ годъ рожденія императора Александра Павловича, т. е. въ 1777 г., ей было только 11 лѣтъ. «Записки» подтверждаютъ такимъ образомъ дату рожденія Головиной, встрѣчающуюся у Карабанова («Статсъ-дамы» и проч.)—12-е февраля 1766 г.—«Русск. Стар.», 1871, 396.

съ мужемъ и двумя младшими дѣтьми, княгиня П. И. Голицына жила въ подмосковномъ селѣ Петровскомъ, Звенигородскаго уѣзда, родовомъ имѣніи Голицыныхъ, тогда какъ старшаго ея сына, князя Ѳедора, тотчасъ по вступленіи императрицы Екатерины на престолъ, взялъ съ собою за границу И. И. Шуваловъ, не ладившій съ новой государыней и долгое время послѣ того проживавшій въ чужихъ краяхъ до 1777 г. Дѣтство Варвары Николаевны протекло такимъ образомъ въ деревнѣ, въ замкнутомъ семейномъ кружкѣ, внѣ общества подругъ или сверстницъ, и въ душѣ ея заронилась навсегда склонность къ созерцательной жизни и любовь къ природѣ и тихой сельской жизни. Возвращеніе И. И. Шувалова и старшаго сына изъ-за границы въ 1777 г., смерть младшаго сына, случившаяся въ это же время, побудили княгиню Голицыну поѣхать съ семьей въ Петербургъ. Здѣсь, пользуясь покровительствомъ брата, ласково принятаго императрицей, Прасковья Ивановна получила доступъ ко двору, а сынъ ея, князь Ѳедоръ, пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ. Окончательно поселилась княгиня Прасковья Ивановна въ Петербургѣ лишь въ 1780 году, послѣ смерти своего мужа. И. И. Шуваловъ былъ старый холостякъ и желалъ, чтобы сестра жила къ нему поближе, а на дѣтей ея онъ смотрѣлъ, какъ на своихъ наследниковъ; притомъ, возростъ княжны Варвары требовалъ уже, чтобы она познакомилась съ придворной и свѣтской жизнью и довершила свое воспитаніе. Княгиня Голицына жила въ домѣ, принадлежавшемъ своей стѣной къ дому И. И. Шувалова, такъ что между обоими домами существовало внутреннее сообщеніе, и они составляли какъ бы одну квартиру ¹⁾. Постоянное общество И. И. Шувалова, его бесѣды съ нимъ, способствовали развитію въ княжнѣ Варварѣ литературнаго и художественнаго образованія и вкуса: основатель Московскаго университета и академіи художествъ имѣлъ у себя прекрасную бібліотеку и художественныя собранія; сама Головина рассказываетъ мимоходомъ о своихъ занятіяхъ съ любимымъ дядей. При дворѣ на княжну Голицыну и ея брата смотрѣли, какъ на пріемныхъ дѣтей И. И. Шувалова, государыня ласкала ихъ, и уже въ 1783 году княжна Варвара Голицына была фрейлиной. Но еще ранѣе пятнадцатилѣтняя дѣвушка замѣтила среди придворныхъ кавалеровъ молодого графа Николая Николаевича Головина и полюбила его; Головинъ съ своей стороны не скрывалъ своихъ чувствъ къ ней. Хотя Головинъ, по своему происхожденію и богатству, являлся по взгляду общества вполне приличной партией для княжны, но мать ея и дядя, вслѣдствіе крайней молодости невѣсты, отложили вопросъ о бракѣ ея впредь до возвращенія Головина изъ-за границы, куда онъ отправился для до-

¹⁾ Домъ И. И. Шувалова находился на углу Невскаго и Большой Садовой, нынѣ домъ Шредера, а домъ Голицыной — на Невскомъ, противъ мѣста, занимаемаго теперь Екатерининскимъ скверомъ.

вершенія своего образованія. Трехлѣтняя разлука не измѣнила чувствъ княжны Варвары Николаевны, и по возвращеніи Головина изъ-за границы, она вышла за него замужъ: сама императрица благословила ее къ вѣнцу. Выборъ княжны Варвары, кажется, былъ не вполне удаченъ: о Головинѣ отзывались современники вообще съ невыгодной стороны ¹⁾; интимная дружба его съ Ростовчинимъ, «сумасшедшимъ Ѳедькой», по отзыву Екатерины, также не совсѣмъ говорить въ его пользу ²⁾. Во всякомъ случаѣ, графъ Н. Н. Головинъ ничѣмъ особенно дурнымъ не выдѣлялся изъ ряда многихъ другихъ придворныхъ того времени, былъ свѣтски воспитанъ и образованъ, а жена его, даже разочаровавшись въ немъ впоследствии, ни однимъ словомъ упрека не обмолвилась о немъ въ своихъ «Запискахъ» и была вѣрной супругой и матерью семейства. Первые годы своего замужества молодая графиня Головина провела, однако, вполне счастливо; въ роднѣ мужа нашла она для себя и симпатичную подругу, княжну Анну Ивановну Барятинскую ³⁾, вышедшую замужъ за графа Николая Александровича Толстого. Счастію новобрачной содѣйствовало то обстоятельство, что мужъ ея переселился въ домъ ея матери, и такимъ образомъ она не разлучалась съ нею. Когда, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, графъ Головинъ, числившійся въ рядахъ арміи, долженъ былъ отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, жена его отправилась сама навѣстить его, принявъ для этого тяжелое и утомительное путешествіе изъ Петербурга въ отдаленную Молдавію.

10-го мая 1793 г. императрица Екатерина обручила своего любимого внука и предполагаемаго наслѣдника, великаго князя Александра Павловича, съ принцессой баденской Луизой, нареченной въ православіи великой княжной Елисаветой Алексѣевной. Вслѣдъ затѣмъ для молодой четы образованъ былъ особый дворъ, гофмейстеромъ котораго назначенъ былъ графъ Н. Н. Головинъ. Вѣроятной причиною этого назначенія было желаніе императрицы приблизить къ неопытной и молоденькой своей невѣсткѣ графиню Голо-

¹⁾ Безбородко отзывается о немъ, какъ о «негодяѣ» (Арх. кн. Воронц., XII, 349), а князь Виземскій отзывался о немъ, какъ о пустомъ чловѣкѣ (Полное собр. сочин., IX, 8). Родственникъ Головина, кн. А. П. Виземскій, отецъ предыдущаго, писалъ о немъ «c'est... un homme paresseux, indolent, sybarite» (Арх. кн. Воронц., XIV, 382).

²⁾ «L'ami intime de Rostoptchine»,—говоритъ о немъ гр. П. П. Панинъ (Арх. кн. Воронцова, IX, 111). Часть переписки гр. Н. П. Головина съ Ростовчинимъ, къ сожалѣнію, отрывочная и за позднѣйшее время, напечатана въ «Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rostoptchine, rassemblés par son fils», p. 410 et suiv. Изданіе это напечатано было всего въ 12 экземплярахъ въ Брюсселѣ.

³⁾ Дочь кн. Ивана Сергѣевича Барятинскаго отъ брака съ принцессой Екатериной Петровной Голштейнъ-Бекской. Мать Екатерины Петровны — принцесса Наталиа Николаевна Голштейнъ-Бекская, урожденная графиня Головина, родная тетка гр. П. П. Головина.

вину, которую она давно оцѣнила за ея преданность къ себѣ, мягкій характеръ и нравственную чистоту. Дѣйствительно, когда бракосочетаніе совершилось, и пятнадцатилѣтняя великая княгиня Елисавета очутилась въ новомъ своемъ отечествѣ въ полномъ нравственномъ одиночествѣ, среди чуждой для нея обстановки, она постепенно подружилась съ Головиной, бывшей старше ея по возрасту, но сохранившей свѣжесть чувствъ первой молодости; съ своей стороны, графиня Головина почувствовала къ великой княжнѣ нѣжную привязанность и навсегда осталась ея другомъ. Императрица поощряла эту дружбу, но лица, составлявшія дворъ великокняжеской четы, были недовольны преобладающимъ вліяніемъ Головиной на великую княгиню. Начались интриги противъ нея, и въ нихъ главное участіе принимала гофмейстерина великой княгини, графиня Е. П. Шувалова, и А. Я. Протасовъ: вліянію графини Головиной старались приписывать всѣ ошибки въ поведеніи великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы, доносили о томъ императрицѣ; противъ Головиной высказывалась даже великая княгиня Марія Теодоровна, которая знала о желаніи Екатерины устранить ея супруга отъ престола и боялась вліянія на великокняжескую чету графини Головиной, преданной императрицѣ. Молодая, искренняя и, по характеру своему, неспособная ни къ какимъ интригамъ Головина держалась на своемъ мѣстѣ исключительно, лишь благодаря поддержкѣ императрицы, несмотря даже на враждебныя отношенія къ себѣ Зубова и сдѣлавшагося коварнымъ другомъ великаго князя яраго поляка, кн. Адама Чарторижскаго. Но, со вступленіемъ на престолъ императора Павла, враги Головиной достигли своей цѣли: они успѣли оклеветать ее даже предъ великой княгиней Елисаветой Алексѣевной до такой степени, что великая княгиня сочла ее низкой интриганткой, съ умысломъ вкрадывавшейся въ ея довѣріе, и не захотѣла даже объясниться съ ней. Дружба гр. Н. Н. Головина съ Ростопчинымъ, фаворитомъ новаго императора, давала клеветѣ видъ правдоподобія: говорили, что чета Головиныхъ была де только орудіемъ въ рукахъ Ростопчина, желавшаго, будто бы, съ ихъ помощію вооружить императора противъ наслѣдника престола и его супруги. Сплетня сдѣлала свое дѣло: Головинъ испросилъ себѣ увольненіе отъ должности гофмейстера при дворѣ великаго князя, а послѣдовавшее затѣмъ назначеніе его сенаторомъ и президентомъ почтоваго правленія, находившагося подъ главнымъ начальствомъ Ростопчина, дало видъ достовѣрности клеветамъ враговъ Головиныхъ. Главнымъ виновникомъ этой бѣды Головиныхъ былъ графъ Николай Александровичъ Толстой, который желалъ занять мѣсто графа Головина при великомъ князѣ и, будучи въ это время въ размолвкѣ съ своей женой, подругой графини В. Н. Головиной, объяснялъ именно ея вліяніемъ на жену свои семейныя невзгоды, имѣвшія совершенно другой источникъ. Истина обнаружилась, но спустя лишь десять лѣтъ. Графиня

Эдлингъ, бывшая одною изъ любимыхъ фрейлинъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, писала впоследствии, говоря о дружбѣ, связывавшей императрицу съ графиней Головиной: «Интригъ удалось разъединить ихъ; графиня Головина удалилась тогда отъ предмета своего обожанія, но никогда не переставала любить императрицу»¹⁾. Въ «Запискахъ» своихъ Головина подробно рассказываетъ, какія страданія она выносила, чувствуя незаслуженное невниманіе и даже презрѣніе къ себѣ лица, которому она предана была всѣмъ сердцемъ: положеніе это было тѣмъ болѣе тягостнымъ, что она десять лѣтъ мучилась въ догадкахъ, не зная, въ чемъ именно она была оклеветана предъ императрицей.

Увлекаясь рассказомъ о своихъ отношеніяхъ къ императрицѣ, графиня Головина не упоминаетъ въ своихъ «Запискахъ», что, въ началѣ царствованія Павла, она лишилась своего семейнаго кружка, въ которомъ привыкла жить съ дѣтства. Братъ ея, кн. Федоръ Николаевичъ Голицынъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ императора Павла, назначенъ былъ по просьбѣ дяди, И. И. Шувалова, кураторомъ Московскаго университета и сталъ жить въ Москвѣ, а въ ноябрѣ 1797-го года умеръ и самъ И. И. Шуваловъ. Мало того, именно въ это время она должна была узнать, что мужъ ея имѣлъ побочнаго сына²⁾, а это обстоятельство должно было произвести на любящую и строго-нравственную жену, довѣрившую мужу, тяжелое впечатлѣніе: хотя въ «Запискахъ» она нигдѣ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о постигшихъ ее семейныхъ несчастіяхъ, но съ этого времени почти вовсе не упоминаетъ о мужѣ, говоря о своихъ занятіяхъ и времяпрепровожденіи. Всѣ эти невзгоды страшно повліяли на графиню Головину, которая въ привязанности къ дорогимъ ей людямъ искала себѣ счастья, а между тѣмъ потерпѣла въ этомъ отношеніи жестокое разочарованіе. Остававшаяся еще въ живыхъ мать Головиной, княгиня П. И. Голицына, была уже въ преклонномъ возрастѣ и постоянно хворала, а двѣ дочери были еще дѣтьми. Гдѣ же нашла для себя Головина утѣшеніе и поддержку?

Тимковскій, жившій въ домѣ И. И. Шувалова, незадолго до его смерти, рассказываетъ, что домъ его наполненъ былъ французскими эмигрантами³⁾. Въ числѣ ихъ были и іезуиты, но іезуиты скрытые, еще не обнаруживавшіе своихъ цѣлей и принадлежности къ обществу Іисуса. Княгиня Голицына и графиня Головина постоянно находились при И. И. Шуваловѣ, принимая всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ его. «Молодая, круглая дама», какъ называетъ Головину Тимковскій, была главнымъ центромъ собиравшагося общества; изъ числа собесѣдниковъ выдѣлялся всегда іезуитъ кавалеръ д'Огардъ, подъ личиной

¹⁾ «Mémoires de la comtesse Edling», 46.

²⁾ Сенатскій Архивъ, т. I, 702.

³⁾ Русскій Арх., 1874, I, 1439—1465.

веселаго свѣтскаго болтуна умѣвшій вывѣдывать почву и заручиться расположеніемъ вліятельныхъ лицъ ¹⁾, и покровитель его, графъ Шуазель-Гуфье, только что назначенный директоромъ публичной бібліотеки и, вмѣстѣ съ д'Огардомъ, способствовавшій ея расхищенію. И. И. Шуваловъ, окруженный «чумою», какъ называлъ эмигрантовъ Ростопчинъ, не питалъ къ нимъ однако особаго довѣрія, но терпѣлъ ихъ, по мягкости и нерѣшительности своего характера; старческій, немощный гнѣвъ его проявлялся иногда лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда французы позволяли себѣ затронуть какую либо слабую струну его, и въ этихъ случаяхъ княгиня Голицына и графиня Головина являлись защитницами нескромнаго гостя: однажды Шуваловъ, по ничтожному поводу, выгналъ изъ дому извѣстнаго Пикара, корреспондента князя А. Б. Куракина, и простилъ его лишь по просьбѣ сестры и племянницы.

Но послѣ смерти Н. И. Шувалова эмигранты и іезуиты уже не имѣли нужды стѣсняться въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей, и графиня Головина сдѣлалась болѣе доступной ихъ вліянію. Рѣшающее для нея значеніе имѣло знакомство ея съ извѣстной эмигранткой, принцессой де-Тарантъ, бывшей статсъ-дамой королевы Маріи-Антуанеты. Это была женщина уже пожилая и нѣсколько отгаликивающей наружности, но добродѣтельная и умная, обладавшая притомъ твердымъ, настойчивымъ характеромъ, закалившимся въ горнилѣ революціонныхъ бурь. Подъ вліяніемъ страшнаго урока, даннаго революціей, многія избѣженныя, легкомысленныя французенки, принадлежавшія къ высшей французской аристократіи, испытали своего рода нравственное превращеніе: школа несчастій выработала у нихъ чувство собственнаго достоинства, сознаніе долга къ семьѣ и къ обществу, преданность королю и церкви. Въ женщинахъ же, подобныхъ де-Тарантъ, внезапная перемѣна судьбы должна была возбудить фанатизмъ въ преслѣдованіи идей, которымъ онѣ были вѣрны всю свою жизнь: она была, дѣйствительно, *plus royaliste que le roi-même* и являлась фанатической католичкой, видѣвшей спасеніе отъ растлѣвающихъ ученій якобинства, главнымъ образомъ, въ дѣятельности отцовъ-іезуитовъ. Еще до знакомства своего съ де-Тарантъ, графиня Головина питала къ ней чувство уваженія за преданность, которую она показала къ несчастной королевской семьѣ; между тѣмъ, слыша о разностороннемъ образованіи Головиной, сама де-Тарантъ не думала встрѣтить въ ней единомысліе, считала ее даже «педанткой». Когда обѣ женщины узнали другъ друга ближе, то между ними оказалась полная гармонія: обѣ были несчастны, обѣ чувствовали себя одинокими нравственно, обѣ склонны были къ

¹⁾ «L'honneur de l'introduction du catholicisme parmi les Russes, говоритъ одна изъ его жертвъ, г-жа Свѣчина, est dû au chevalier d'Augard». Falloux: «Madame Swetchine» etc., I, 30.

экзальтациі, но графиня Головина, какъ натура болѣе мягкая, подчинилась нравственному руководительству г-жи де-Тарантъ и восприняла отъ нея уже сложившееся міросозерпаніе, котораго она не могла себѣ выработать сама, благодаря своему безпочвенному, экзотическому, хотя и широкому образованію¹⁾.

Дружба Головиной съ де-Тарантъ была торжествомъ для іезуитовъ. Де-Тарантъ поселилась у своей подруги, и домъ Головиной сдѣлался центромъ католической пропаганды въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Такимъ образомъ, простодушная Головина, сама не зная того, сдѣлалась въ рукахъ іезуитовъ общественной силой для совращенія русскихъ женщинъ высшаго общества въ католичество. Помимо цѣлей религіозныхъ и политическихъ, іезуиты добывали себѣ тѣмъ и матеріальныя средства, путемъ пожертвованій и приношеній на религіозныя и благотворительныя цѣли, а Головины имѣли 100.000 р. годового дохода. Трудно опредѣлить время совращенія Головиной: сама она ни словомъ не упоминаетъ даже о переходѣ своемъ въ латинство, такъ какъ іезуиты требовали, чтобы прозелитки наши сохраняли въ тайнѣ свое отступничество. Вѣроятно, что Головина приняла католичество въ 1800 году, въ одно время съ нѣкоторыми другими представительницами высшаго общества, когда впервые дѣятельность іезуитовъ въ Россіи принесла свои плоды. Вліяніе де-Тарантъ въ домѣ Головиной сдѣлалось такъ велико, что, по отзыву самихъ іезуитовъ, дочери Головиной относились къ ней такъ же, какъ и къ матери (*partageaient leur tendre dévouement entre leur mère et cet hôte illustre*)²⁾. Мужья, въ большинствѣ случаевъ зараженные «вольтерьянствомъ», обыкновенно смотрѣли на религіозную горячку своихъ женъ съ насмѣшливымъ равнодушіемъ, не замѣчая, что ихъ дѣти также становились чужды своему отечеству. Такимъ образомъ, много русскихъ аристократическихъ семействъ сами себя вычеркнули изъ списка русскихъ подданныхъ. Замѣчательно, что со времени обращенія своего въ католицизмъ графиня Головина не говоритъ вовсе о своемъ братѣ, кн. Ѳеодорѣ Ник. Голицынѣ, который въ оставшихся послѣ него «Запискахъ» платитъ сестрѣ тою же монетою, вовсе не упоминая

¹⁾ О де-Тарантъ существуютъ многочисленныя показанія современниковъ. См. Морозкина «Іезуиты въ Россіи», «Арх. кн. Воронцова», *passim*, «Воспоминанія гр. Бутурлина» въ «Русск. Арх.» 1897 г. и т. д. О характерѣ вліянія г-жи де-Тарантъ одинъ историкъ-іезуитъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «Ея политическія идеи не отличались ни серьезностью, ни глубиною, но онѣ сочетались съ такими величественными преданіями, съ такими трогательными несчастіями, что въ ней видѣли живое воплощеніе прошедшаго и приближались къ ней съ чувствомъ глубокаго уваженія и умиленія». Falloux, I, 164. Графиня Эдлингъ, которая не допустила де-Тарантъ совратить себя въ католичество, хвалитъ однако ея умъ и характеръ, но прибавляетъ: «она судила обо всемъ только съ точки зрѣнія своихъ предубѣжденій». *Mémoires*, 45.

²⁾ Falloux, I, 164.

о ней, тогда какъ по нравственнымъ своимъ качествамъ и образованію онъ, наравнѣ съ сестрою, является достойнымъ воспитанникомъ и наслѣдникомъ Шувалова. Не является ли это обстоятельство симптомомъ охлажденія Голицына и Головиной другъ къ другу послѣ принятія Головиной католицизма, такъ какъ кн. Федоръ Николаевичъ, по духу и міросозерцанію своему, былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ? Позволяемъ себѣ эту догадку: до такой степени поразительно это обоюдное умолчаніе, въ особенности со стороны Головиной, которая зато охотно вдается въ совершенно лишнія подробности, говоря объ эмигрантахъ и патерахъ.

Когда во Франціи желѣзная рука перваго консула начала водворять порядокъ, г-жа де-Тарантъ уѣхала во Францію повидаться съ родными. За нею туда же отправились и Головины, такъ какъ, съ восшествіемъ на престолъ императора Александра, имъ было неудобно оставаться при дворѣ, вслѣдствіе прежнихъ недоразумѣній; притомъ здоровье княгини П. И. Голицыной требовало лѣченія за границей. Два года пробыла Головина въ Парижѣ, и здѣсь она окончательно порвала духовныя свои связи съ родиной, но зато вошла въ единеніе съ Сень-Жерменскимъ предмѣстьемъ. Съ началомъ наполеоновскихъ войнъ, Головина должна была возвратиться въ Россію, но ее сопровождала ея неразлучная подруга, де-Тарантъ. Замѣчательно, что, живя вдали отъ двора и отечества, Головина продолжала думать и горевать объ императрицѣ Елисаветѣ, сознавая искренность своей привязанности къ ней и надѣясь когда либо очистить себя въ ея глазахъ. Когда она успѣла достигнуть этой цѣли по возвращеніи въ Петербургъ, велика была ея радость. Годы отчужденія сдѣлали, однако, свое дѣло: прежнія отношенія и прежнее довѣріе уже не могли возвратиться; притомъ императрица Елисавета должна была быть къ ней сдержанной, такъ какъ дѣятельность іезуитовъ въ Россіи уже обратила на себя вниманіе правительства, а графиня Головина всѣмъ была извѣстна, какъ ревностная ихъ покровительница. Въ 1814 году Головину постигъ ужасный ударъ: она лишилась г-жи де-Тарантъ; смерть застигла ее въ то время, когда получена была въ Петербургѣ вѣсть о низложеніи Наполеона и реставраціи Бурбоновъ. Тѣло де-Тарантъ Головины отправили во Францію къ ея роднымъ.

Дальнѣйшая жизнь графини В. Н. Головиной была уже для нея медленнымъ угасаніемъ. Жила она съ мужемъ по преимуществу въ Петербургѣ. Дочери ея получили фрейлинскій шифръ, а графъ Н. Н. Головинъ занималъ высокое положеніе члена государственнаго совѣта, имѣлъ званіе оберъ-шенка и съ 1817 года былъ предсѣдателемъ комиссіи по построенію Исаакіевскаго собора. 9 апрѣля 1816 года, графиня Головина, какъ бы въ забвеніе старыхъ обидъ, пожалована была въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины. Дочери Головиной, воспитанныя въ католицизмѣ, также вышли за-

мужъ за католиковъ: графиня Прасковья Николаевна за графа Максимилиана Фредро, а графиня Елисавета Николаевна за графа Льва Потоцкаго. О послѣднемъ періодѣ жизни Головиной свѣдѣній почти вовсе не сохранилось, за исключеніемъ отрывочныхъ замѣчаній, случайно встрѣчающихся на пути изслѣдователя. Неизвѣстенъ въ точности даже годъ ея смерти: Карабановъ относитъ ее къ 1821 году ¹⁾, историкъ рода Голицыныхъ—къ 1824 году ²⁾, а графъ Андрей Ростопчинъ—къ 1819 г., свидѣтельствуя, что графиня Варвара Николаевна скончалась во Франціи, въ Монпелье, за годъ до смерти мужа, графа Н. Н. Головина, умершаго въ 1820 году ³⁾. Мы принимаемъ послѣднее извѣстіе, какъ самое вѣроятное.

Огромное состояніе Головиныхъ постигла печальная участь. Графъ Н. Н. Головинъ велъ вообще разсѣянную, открытую жизнь, а графиня Варвара Николаевна немало, конечно, помогала іезуитамъ и всякаго рода эмигрантамъ, хотя и умалчиваетъ объ этомъ по скромности. Виже-Лебрень разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что въ царствованіе императора Павла, когда она была въ Петербургѣ и посѣщала Головиныхъ, графъ Н. Н. Головинъ занималъ иногда крупныя суммы у своего управляющаго, на видъ простаго мужика, для расплаты съ долгами; разумѣется, что и управляющій пользовался за это большими выгодами, чѣмъ одной высокой честью, какъ наивно думала графиня, отобѣдать со своимъ принципаломъ ⁴⁾. Это было какъ разъ въ то время, когда князь А. И. Вяземскій писалъ, что у графа Н. Н. Головина 100.000 тысячъ руб. въ годъ дохода ⁵⁾. Разумѣется, что съ теченіемъ времени дѣла Головиныхъ запутывались еще болѣе, долги возростали. Поэтому, по кончинѣ отца въ 1821 году, графиня Фредро и графиня Потоцкая исходатайствовали себѣ, для ликвидаціи дѣлъ по наслѣдству, необычайное право—разыграть всѣ недвижимыя имѣнія графа Н. Н. Головина, въ томъ числѣ известное село Воротынецъ Нижегородской губерніи, въ лотерею. Всѣ имѣнія оцѣнены были въ 8½ милліоновъ рублей; въ одномъ Воротынцѣ съ деревнями считалось 4.108 душъ при 34.000 десятинахъ земли съ богатыми рыбными ловлями, великолѣпной усадьбой, садами

¹⁾ «Русская Старина» («Статьи-дамы» и проч.), 1871, I, 48; X, 395.

²⁾ «Родъ князей Голицыныхъ», 163.

³⁾ «Materiaux» etc., 411.

⁴⁾ «Souvenirs» etc., I, 349. — «Однажды, разсказываетъ г-жа Лебрень, когда я приѣхала обѣдать къ графу Головину, я застала въ залѣ высокаго и породнаго человека, который имѣлъ видъ простаго музика. Когда доложили объ обѣдѣ, этотъ человекъ сѣлъ съ нами за столъ. Это показалось мнѣ до того необыкновеннымъ, что я потихоньку спросила графиню: кто это такой? «Это управляющій моего мужа», — отвѣчала она: «онъ только что далъ графу займы 60 тысячъ рублей, чтобы намъ можно было расплатиться съ нѣкоторыми долгами; такое одолженіе со стороны управляющаго стоитъ обѣда, которымъ мы его кормимъ».

⁵⁾ Архивъ князя Воронцова, XIV, 382.

и большой паровой мельницей, что было въ ту пору чрезвычайною рѣдкостью, почти чудомъ ¹⁾. Неизвѣстно, какую прибыль отъ этой лотереи получили наслѣдницы, хотя всѣ билеты на 8.500.000 рублей были распроданы ²⁾. Головинская дача, любимое мѣстопробываніе графини В. Н. Головиной (на Невѣ, у Строганова моста, у впаденія въ Неву Черной рѣчки) еще ранѣе куплена была императрицей Маріей Оеодоровной для Петербургскаго воспитательнаго дома.

Итакъ, отъ Головиныхъ въ Россіи не осталось ничего: кажется, даже портрета В. Н. Головиной нигдѣ не находится ³⁾. Но В. Н. Головина сама соорудила себѣ памятникъ, написавъ свои «Записки». Судьба этихъ «Записокъ» такъ же замѣчательна, какъ и судьба ихъ автора: 80 лѣтъ оригиналъ лежитъ гдѣ-то за границей подъ спудомъ, и это—въ то время, когда русская наука, въ теченіе 40 слишкомъ лѣтъ, собираетъ всевозможные матеріалы для уясненія русской исторіи за вторую половину XVIII вѣка, и когда мы дорожимъ каждой строчкой правдиваго, искренняго современника Екатерины и Павла. Показанія современниковъ, это—отголосокъ былой жизни, когда-то бившей ключемъ, это открытыя части картины прошедшаго, съ которой мы стараемся снять завѣсу. Есть свѣтила, настолько удаленныя отъ земли, что лучи свѣта отъ нея доходятъ до нихъ чрезъ сотни лѣтъ, такъ что съ нихъ можно было бы, будь соотвѣтствующіе оптическіе аппараты, наблюдать жизнь земли за 200, 300 лѣтъ тому назадъ, видѣть, на примѣръ, Петра Великаго «среди топи блатъ» основывающаго Петербургъ. Эта фантастическая возможность становится реальною, когда мы слышимъ голосъ современника, и чѣмъ болѣе слышимъ этихъ голосовъ, тѣмъ яснѣе и реальнѣе дѣлается картина родной нашей старины.

Въ послѣднее время выражено было мнѣніе, что, къ сожалѣнію, накопленныя груды историческаго матеріала не становятся попутно предметомъ историческаго изслѣдованія, но, сколько намъ извѣстно, крупныя историческія работы по XVIII вѣку иногда являются мало производительными именно вслѣдствіе недостатка матеріала: существуютъ историческіе труды, которые, почти тотчасъ же по появленіи своемъ въ свѣтъ, оказывались устарѣвшими именно вслѣдствіе внезапнаго появленія на свѣтъ Божій матеріаловъ, о существованіи которыхъ даже не догадывались ранѣе. Понятно, поэтому, что русскій историкъ бережетъ силы и время, такъ какъ каждый серьезный трудъ

¹⁾ Карновичъ, Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи, 103—104.

²⁾ Дѣла комиссіи по долгамъ графа Головина и по лотереѣ его имѣній находятся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи (Иконниковъ: «Опытъ русской исторіографіи», I, 420). Къ сожалѣнію, мы не имѣли случая съ ними познакомиться. Хотя, несомнѣнно, въ нихъ есть навѣрно любопытные документы о В. Н. Головиной. Было бы интересно знать, между прочимъ, имѣтъ ли въ дѣлахъ комиссіи фамильныхъ документовъ или бытовыхъ подробностей о Головиныхъ.

³⁾ Виже-Лебрѣнъ, знаменитая портретистка своего времени, упоминаетъ объ одномъ портретѣ Головиной своей работы. «Souvenirs» etc., II, 371.

его есть работа и каменщика, и архитектора въ одно и то же время, и часто притомъ работа впотъмахъ. Оттого, мнѣ кажется, было бы справедливѣе сказать, что мы до сихъ поръ мало знаемъ свою исторію, да и не будемъ хорошо знать до тѣхъ поръ, пока не мы владемъ историческимъ матеріаломъ, а онъ властвуетъ надъ нами, подавляя насъ своей безформенной, неупорядоченной грудой. Вотъ почему русскому историку приходится работать гораздо больше и все-таки менѣе производительно, чѣмъ историку западному: на Западѣ всѣ историческіе матеріалы въ большинствѣ случаевъ разобраны и классифицированы, критика текста составляетъ тамъ удѣлъ однихъ лицъ, а критика историческая и изслѣдованіе эпохи—удѣлъ другихъ; между тѣмъ, у насъ, въ Россіи, историкъ долженъ самъ отыскивать матеріалы, пригодные для его работы,—дѣлать кирпичи для возводимого имъ зданія, онъ же самъ приготовляетъ для нихъ цементъ, самъ наконецъ слагаетъ зданіе. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что въ зданіи этомъ часто оказываются трещины; часто историческое зданіе, съ трудомъ возведенное, оказывается построеннымъ на пескѣ или остается недостроеннымъ, бросаясь въ глаза всѣмъ, интересующимся русской исторіей, своимъ безобразнымъ фасадомъ или одиноко торчащей трубою. Историческая мысль у насъ прогрессировала и отчасти прогрессируетъ главнымъ образомъ въ области теоретическихъ построеній, сообразно вѣяніямъ времени, но для людей науки остается открытымъ одинъ лишь вопросъ о томъ, всегда ли эти построенія должнымъ образомъ фактически обоснованы.

«Записки» Головиной, въ нѣсколькихъ копіяхъ съ французскаго оригинала, извѣстны весьма немногимъ лицамъ, сообщившимъ небольшіе отрывки изъ нихъ во всеобщее свѣдѣніе какъ бы для того только, чтобы подразнить законное любопытство читателей. Прежде всего, выдержки изъ «Записокъ», въ переводѣ на русскій языкъ, привелъ въ своихъ сочиненіяхъ кн. П. А. Вяземскій ¹⁾, а затѣмъ, весьма недавно онѣ появились въ изданіяхъ гр. С. Д. Шереметева ²⁾ и, какъ цитаты, въ сочиненіяхъ г. Вильбасова ³⁾ и Шумигорскаго ⁴⁾. Во Франціи, вѣроятно, изъ іезуитскаго источника также обнародованы два небольшіихъ отрывка изъ «Записокъ» за подписью: одинъ—гр. Фицтума, а другой—маркиза Коста де-Борегара ⁵⁾; онѣ переве-

¹⁾ Кн. П. А. Вяземскій: «Полное собраніе сочиненій», VIII, 84—88.

²⁾ «Отголоски XVIII в.», VI, и «Архивъ села Михайловскаго», I, LXXIV, LXXV.

³⁾ Вильбасовъ: «Исторія Екатерины II», I, 246, II, 456 и слѣд., XII, ч. 2-я, 497—499, 528.

⁴⁾ Шумигорскій: «Екатерина Ивановна Нелидова», *passim*.

⁵⁾ Catherine II d'après des memoires inédits. Par le comte Vitzthum. Paris. 1890.—La mort de l'empereur Paul I. Par m-r le marquis Costa de Beauregard. Paris. 1896. (Revue d'histoire diplomatique, X, 360).

дены были на русскій языкъ г. Шильдеромъ и напечатаны въ «Русской Старинѣ» по поводу исполнявшагося столѣтія со дня кончины Екатерины II ¹⁾, г. Майковымъ въ «Русскомъ Обзорѣніи» ²⁾ и г. Бартечевымъ въ «Русскомъ Архивѣ» ³⁾. Мы сдѣлали переводъ «Записокъ» съ доставшейся намъ копіи съ нихъ, вполне совпадающей своими частями съ напечатанными уже отрывками изъ французскаго оригинала, такъ какъ нѣтъ никакой надежды на то, чтобы владѣльцы оригинала напечатали его хотя бы въ отдаленномъ будущемъ: графъ Фицбургъ и маркизъ де-Борегаръ, печатая свои отрывки, не назвали даже автора ихъ, графиню В. Н. Головину, ссылаясь на данное кому-то обѣщаніе не обнаруживать его имени. Невозможно предполагать, чтобы такое условіе могли поставить потомки Головиной по жевской линіи, если они существуютъ... 80 лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ кончины гр. В. Н. Головиной, и пора наконецъ русскому обществу познакомиться съ нерукотворнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ себѣ нашей благородной и симпатичной соотечественницей, пора ея имени стать на ряду съ именами знаменитыхъ русскихъ женщинъ-мемуаристокъ XVIII в.: Натальи Долгорукой, Екатерины II и княгини Дашковой.

Сама графиня Головина была весьма скромнаго мнѣнія о своихъ запискахъ и не хотѣла дать имъ громкаго названія мемуаровъ: «онѣ, говоритъ она, содержатъ лишь скромныя воспоминанія о царствованіи Екатерины II, Павла I и его сына Александра». Дѣйствительно, рамки ея записокъ довольно узки: мало интересуясь общими и политическими вопросами, она излагаетъ преимущественно только тѣ факты, которые такъ или иначе касались особъ, къ которымъ питала привязанность, такъ что «Записки» Головиной не имѣютъ даже автобіографическаго характера, не представляя почти никакихъ свѣдѣній о ея семействѣ и о ея жизни во всемъ ея цѣломъ. Предъ читателями являются три центральныя фигуры ея воспоминаній: Екатерина II, императрица Елисавета Алексѣевна и принцесса де-Гарантъ, къ которымъ Головина питала любовь, доходившую до обожанія. Искренность и правдивость Головиной не подлежатъ сомнѣнію: о фактахъ, которые ей не нравились, она молчитъ, но не потому, чтобы она сознательно хотѣла извращать истину, а просто потому, что ей тяжело, непріятно о нихъ вспоминать и говорить; зато все, о чемъ она говоритъ, она дѣйствительно видѣла или слышала, придавая слышанному полную вѣру. Такимъ образомъ, личная жизнь Головиной, ея личныя свойства, достаточно ясно опредѣляютъ содержаніе ея «Записокъ», но на объемъ его, кромѣ того, повліяло и др. случайное обстоятельство. Проживъ большую половину жизни и желая возобновить въ памяти подробности о сноше-

¹⁾ «Русская Старина», 1896, XI, 472—480.

²⁾ «Русское Обзорѣніе», III, 811.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1890, II, 281, 1897, II.

нїяхъ своихъ съ любимыми лицами, Головина начала писать свои «Записки» лишь для себя одной, но объ этой ея работѣ узнала императрица Елисавета и пожелала познакомиться съ нею. Начало «Записокъ» (объ екатерининскомъ времени) встрѣтило одобреніе императрицы, и, приглашая Головину продолжать «Записки», она просила ее сообщать ей ихъ и впредь. Легко понять, что это желаніе императрицы Елисаветы Алексѣевны побудило Головину вводить въ свои воспоминанія по преимуществу или тѣ факты, которые касались императрицы, или тѣ, на которые Головина желала обратить ея вниманіе. Поэтому время царствованія Павла I, когда Елисавета Алексѣевна испытывала сильныя огорченія въ семейномъ быту и когда Головина находилась въ Петербургѣ, является наиболѣе полной и любопытной частью ея «Записокъ», также заслужившей полное одобреніе императрицы. Но пребываніе графини за границей, ея сношенія съ обитательницами Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и патерами не могли въ то время интересовать государыню, вообще чуждавшуюся Франціи и не любившую французовъ ни стараго, ни новаго поколѣнія, и она дала замѣтить это графинѣ Головиной; съ другой стороны, Головина не могла уже писать о придворныхъ событіяхъ и о русской современной жизни съ тою же подробностію, какъ прежде, такъ какъ ея «воспоминанія» хронологически превращались уже въ «дневникъ» или, точнѣе, въ «лѣтопись», въ которой уже неудобно было доводить до свѣдѣнія государыни о лицахъ и событіяхъ. Это было причиной того, что послѣдняя часть записокъ Головиной, обнимающая собою время съ 1805 по 1807 годъ, является наиболѣе краткой, до лаконизма, несмотря на важность происходившихъ въ то время событій; но, при всей своей краткости, нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщаемыя Головиной даже въ этой части, чрезвычайно интересны по своему исключительному значенію.

Головина писала для себя и императрицы, которую она чрезвычайно любила: слѣдовательно, она не хотѣла и не могла сочинять; одобреніе императрицы придаетъ «Запискамъ» Головиной также особую цѣну, такъ какъ служить во многихъ отношеніяхъ мѣриломъ чувствъ и мнѣній самой государыни. Но правдивость Головиной не можетъ быть гарантіей достовѣрности фактовъ, о которыхъ она передаетъ по слуху; точно также ея точка зрѣнія на происшедшія предъ ея глазами событія, ея оцѣнка лицъ, съ которыми ей приходилось встрѣчаться,—не всегда отвѣчаетъ дѣйствительности: впечатлительный авторъ «Записокъ», съ одной стороны, слишкомъ увлекался своими симпатіями и антипатіями, а съ другой — склоненъ былъ смотрѣть на вещи исключительно съ моральной и житейски-мелочной точки зрѣнія. Политическую и общественную жизнь графиня Головина знала очень мало и поэтому не понимала сокровеннаго смысла даже тѣхъ событій, въ которыхъ принимала непосредственное участіе, и отъ которыхъ часто страдала, хотя въ корен-

ной причинѣ своихъ страданій не могла дать себѣ отчета. Придворныя интриги были чужды Головиной, и она, напримѣръ, положительно увѣряетъ, что императрица Екатерина не думала лишать Павла Петровича правъ на престолонаслѣдіе, хотя, вѣроятно, охлажденіе къ Головиной великаго князя Александра и великой княгини Маріи Ѳеодоровны вызвано было именно особымъ вниманіемъ Екатерины къ Головиной въ то время, когда, противодѣйствуя планамъ императрицы, они отстраняли отъ себя всѣхъ преданныхъ императрицѣ лицъ. Въ примѣчаніяхъ къ «Запискамъ» мы дѣлаемъ иногда оговорки къ подобнымъ неумышленнымъ ошибкамъ Головиной, но подобныя ошибки являются лишь новымъ доказательствомъ чистоты ея сердца и порукой въ ея безупречно-искреннемъ образѣ дѣйствій въ испорченной нравственно придворной средѣ конца XVIII вѣка.

Фактическая часть «Записокъ» Варвары Николаевны Головиной не исчерпываетъ, однако, ихъ значенія. Во всѣхъ правдиво написанныхъ, не сочиненныхъ мемуарахъ нужно отличать душу ихъ отъ тѣла; факты—это тѣло мемуаровъ, а душу ихъ составляетъ неувидимый, но ясно чувствуемый отпечатокъ эпохи во всѣхъ разсужденіяхъ автора, въ его образѣ мыслей и чувства, во всѣхъ подробностяхъ излагаемыхъ фактовъ и манерѣ ихъ изложенія, и чѣмъ мельче какой либо фактъ, чѣмъ онъ обыденнѣе, тѣмъ ближе, намъ кажется, соприкасаемся мы съ недавней стариною. Отъ «Записокъ» Головиной вѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэзіей: многія изъ нарисованныхъ ею картинъ быта и нравовъ просятся на полотно или на страницы художественнаго историческаго романа. Впечатлѣніе, оставляемое чтеніемъ «Записокъ», такое же чистое, какъ чиста нравственная личность ихъ автора, умѣвшаго любить и не находившаго въ себѣ силъ для вражды.

Въ «Запискахъ» своихъ гр. Головина упоминаетъ нѣсколько разъ о художественныхъ своихъ работахъ. Извѣстенъ, между прочимъ, ея рисунокъ: Екатерина, сидящая въ Царскосельской Камероновской колоннадѣ. На экземплярѣ гравюры съ этого рисунка, принадлежавшемъ гр. Д. А. Толстому, помѣчено внизу перомъ: «Catherine II, dessinée par Mad-e la Comtesse Golowine». По отзыву Д. А. Ровинскаго, рисунокъ этотъ — «очень характерный и схожій профиль Екатерины» ¹⁾. Въ драгоценной своей коллекціи П. Я. Дашковъ успѣлъ сохранить для потомства нѣсколько другихъ работъ Головиной. Если за границей сохранились еще другіе рисунки Головиной, то нельзя не выразить желанія, чтобы они нашли себѣ мѣсто въ русскомъ національномъ музеѣ — императора Александра III, точно такъ же, какъ бумаги ея вполне прилично было бы хранить въ другой русской сокровищницѣ — въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Евгеній Шумигорскій.

¹⁾ Д. А. Ровинскій: «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», II, 856, № 342, IV, 393.

I.

Дѣтство графини В. Н. Головиной, урожденной княжны Голицыной.—Поѣздка въ Петербургъ.—Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.—Семейныя событія и переселеніе въ Петербургъ.—Графъ Н. П. Головинъ.—Придворная жизнь.—Пожалованіе фрейлиной.—Возвращеніе гр. Головина изъ-за границы.—Замужество.—Милости къ графинѣ Головиной императрицы Екатерины и великой княгини Маріи Оеодоровны.—Несчастные роды гр. Головиной.

Есть ранняя эпоха въ нашей жизни, о прошедшихъ моментахъ которой всегда вспоминають съ грустью, — эпоха, когда все способствуетъ нашей самоудовлетворенности: здоровье юности, свѣжесть впечатлѣній, естественная живость, которая владѣетъ нами; ничто тогда не кажется невозможнымъ. Всѣ эти способности мы употребляемъ на то только, чтобы наслаждаться жизнью всевозможными способами. Предметы проходятъ предъ нашими глазами, мы разсматриваемъ ихъ съ большимъ или меньшимъ интересомъ; бывають такіе, которые поражаютъ наше вниманіе, но мы слишкомъ увлекаемся ихъ разнообразіемъ, чтобы въ нихъ вдумываться. Никогда мы не можемъ сосредоточиться на чемъ нибудь одномъ. Воображеніе, чувствительность, которыя наполняютъ наше сердце, эти душевныя движенія, которыя даютъ себя чувствовать для того, чтобы смущать насъ, и которыя какъ бы предваряють насъ, что они должны господствовать надъ нами,—всѣ эти различныя чувства волнуютъ, тревожатъ насъ, а мы не можемъ разобраться ни въ одномъ изъ нихъ... Вотъ что я испытывала, вступая въ свѣтъ, въ ранней своей молодости!

Мое дѣтство протекло почти все въ деревнѣ: мой отецъ, князь Голицынъ ¹⁾, любилъ жить въ готическомъ замкѣ, пожалованномъ царицами его предкамъ ²⁾ Мы оставляли городъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и возвращались туда только въ ноябрѣ. Моя мать была небогата, и потому не могла дать мнѣ блестящаго образованія ³⁾. Я съ ней почти не разлучалась: своей добротой и ласками она вполне приобрьла мое довѣріе; я не ошибусь, если скажу, что съ тѣхъ поръ, какъ я стала говорить, я отъ нея ничего не утаивала. Она позволяла мнѣ свободно бѣгать повсюду одной, стрѣлять изъ лука, спускаться съ холмика, перебѣгать черезъ равнину до рѣчки, okay-

¹⁾ Кн. Николай Оеодоровичъ, генералъ-поручикъ, род. 2 декабря 1728 г., ум. 30 марта 1780 г. Съ 8 октября 1749 г. жен. на Прасковѣ Ивановѣ Шуваловой.

²⁾ Село Петровское, Звенигородскаго уѣзда, Московской губерніи, при впадѣніи Нстры въ Москву.

³⁾ Княгиня Прасковья Ивановна Голицына (род. 10 октября 1734 г., ум. въ 1802 г.), родная и любимая сестра мецената Ивана Ивановича Шувалова, любимаго императрицы Елисаветы. Безкорыстно привязанный къ государынѣ, Шуваловъ не воспользовался своимъ значеніемъ, какъ другіе фавориты, чтобы обогатить себя и своихъ близкихъ.

мляющей ее, гулять по опушкѣ лѣса, куда выходили окна комнаты моего отца, влѣзать на старый дубъ, около самаго дома, и срывать съ него жолуди; но зато мнѣ строго запрещалось лгать, клеветать на когонибудь, невнимательно относиться къ несчастнымъ, презирать нашихъ сосѣдей, людей бѣдныхъ, грубоватыхъ, но добрыхъ. Какъ только мнѣ минуло восемь лѣтъ, моя мать стала нарочно оставлять меня съ ними одну, чтобы я пріучилась занимать ихъ; она уходила, чтобы работать на пяльцахъ, въ сосѣдній кабинетъ, откуда могла, не стѣсня насъ, слышать весь нашъ разговоръ. Уходя, она говорила мнѣ на ухо: «повѣрь, мое дорогое дитя, что нельзя проявить больше любезности, какъ принуждая себя къ ней, и нельзя выказать болѣе ума, какъ въ то время, когда примѣняются къ пониманію другихъ»,—священные слова, которыя принесли мнѣ большую пользу и научили меня никогда ни съ кѣмъ не скучать!

Я бы желала обладать талантомъ для того, чтобы описать наше жилище, которое является однимъ изъ красивѣйшихъ мѣстечекъ въ окрестностяхъ Москвы. Этотъ готическій замокъ имѣлъ четыре башенки; во всю длину фасада тянулась галлерей, боковыя двери которой соединяли ее съ флигелями; въ одномъ изъ нихъ помѣщались моя мать и я, въ другомъ—мой отецъ и пріѣзжавшіе къ намъ гости. Вокругъ замка разстилался громадный красивый лѣсъ, окаймлявшій равнину и спускавшійся, постепенно суживаясь, къ слиянію Истры и Москвы. Въ треугольникѣ воды, образовавшемся этими двумя рѣками, отражались золотые лучи заходящаго солнца; видъ былъ чудесный. Я въ это время садилась одна на ступенькѣ галлерей, съ жадностью любясь этимъ прекраснымъ пейзажемъ. Вздланная, растроганная, я приходила въ особое молитвенное настроеніе духа и убѣгала въ нашу старинную готическую церковь, становилась на колѣни въ одномъ изъ маленькихъ углубленій, въ которыхъ когда-то молились царицы; священникъ одинъ тихимъ голосомъ служилъ вечерню, одинъ пѣвчій отвѣчалъ ему. Я стояла съ наклоненной головой, часто заливаясь слезами. Все это можетъ показаться преувеличеннымъ, но я и упоминаю объ этомъ лишь потому, что все это истинная правда, и потому, что я убѣждена по собственному опыту, что въ насъ существуютъ предрасположенія, которыя проявляются въ насъ еще въ ранней юности и которыя безхитростное воспитаніе развиваетъ тѣмъ легче, что вся его сила заключается въ естественномъ развитіи природныхъ задатковъ. Въ это время я имѣла несчастіе потерять восемнадцатилѣтняго брата¹⁾; онъ былъ красивъ и добръ, какъ ангелъ. Моя мать была удручена

¹⁾ Князя Ивана Николаевича Голицына, гвардіи капрала (род. 1759 г., ум. 1777 г.). Въ изслѣдованіи: «Родъ кн. Голицыныхъ» (Спб., 1892 г.), годъ смерти П. И. Голицына ошибочно показанъ 1780-й.

этимъ горемъ; мой старшій братъ ¹⁾, находившійся въ это время съ дядей, Шуваловымъ ²⁾, во Франціи, пріѣхалъ утѣшать ее. Я была въ восторгѣ отъ его пріѣзда: я жаждала знаній, умственныхъ занятій, я осыпала его вопросами, которые очень его забавляли; я питала настоящую страсть къ искусствамъ, не имѣя о нихъ понятія.

Скоро мы поѣхали въ Петербургъ, для свиданія съ дядей, возвратившимся на родину послѣ пятнадцатилѣтняго отсутствія; тогда мнѣ было десять лѣтъ, такъ что я была для него совершенно новымъ знакомствомъ, тѣмъ болѣе интереснымъ, что я представляла полную противоположность всѣмъ тѣмъ дѣтямъ, которыхъ онъ видѣлъ до сихъ поръ. У меня не было тѣхъ изящныхъ манеръ, какими обыкновенно обладаютъ молоденькія барышни; я любила прыгать, скакать, говорить, что мнѣ приходило въ голову. Дядя меня очень полюбилъ. Нѣжныя чувства, которыя онъ питалъ къ моей матери, усиливали его чувства ко мнѣ; это былъ рѣдкій человѣкъ по своей добротѣ. Онъ пользовался большимъ значеніемъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны и былъ съ того времени покровителемъ искусствъ. Екатерина II отнеслась къ нему также съ особеннымъ вниманіемъ, довѣрила его управленію Московскій университетъ, пожаловала ему званіе оберъ-камергера и орденъ св. Андрея Первозваннаго и св. Владиміра, приказала омеблировать весь его домъ и сдѣлала ему честь у него отужинать. Онъ былъ прекраснымъ братомъ и для дѣтей своей сестры настоящимъ отцомъ. Мать моя любила его, кажется, больше своей жизни. Онъ привезъ изъ-за границы множество самыхъ изящныхъ античныхъ произведеній искусства, при видѣ которыхъ у меня глаза разгорѣлись отъ восхищенія; мнѣ хотѣлось срисовать все, дядя любовался моимъ восторгомъ и поощрялъ мои художественныя наклонности.

Хотя наше пребываніе въ столицѣ было непродолжительное, но я успѣла многое увидѣть и многому научиться. То былъ какъ разъ годъ рожденія великаго князя Александра; у всѣхъ вельможъ устраивались по этому случаю пышныя празднества, на которыхъ присутвовалъ дворъ. У княгини Репниной ³⁾ былъ устроенъ маскиро-

¹⁾ Князь Федоръ Николаевичъ Голицынъ по прозвищу «gentil cavalier», извѣстный впослѣдствіи кураторъ Московскаго университета, тайный совѣтникъ (род. 1751 г., ум. 5 дек. 1827 г.). Подобно сестрѣ, также оставилъ послѣ себя записки («Русскій Арх.», 1874 г., I). Любимый племянникъ Шувалова, кн. О. Н. Голицынъ воспринялъ отъ него любовь къ просвѣщенію и былъ однимъ изъ выдающихся представителей типа *l'homme des lettres* русскаго общества второй половины XVIII в.

²⁾ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, оберъ-камергеръ, любимецъ императрицы Елисаветы Петровны, основатель Московскаго университета и академіи художествъ (род. 1727 г., ум. 1797 г.).

³⁾ Княгиня Наталья Ивановна, урожд. Куракина (род. 1737 г., ум. 1794 г.), жена знаменитаго дипломата и полководца Екатерининскаго вѣка, кн. Николая Васильевича (род. 1734 г., ум. 1801 г.). Вторая дочь Репниныхъ, княжна Прасковья Николаевна (ум. 1784 г.), векоръ затѣмъ вышла замужъ за брата гр. Головиной, князя Федора Николаевича Голицына.

ванный балъ, на которомъ была устроена кадрили изъ сорока паръ, одѣтыхъ въ испанскіе костюмы, составленныхъ изъ дамъ, дѣвицъ и молодыхъ людей наиболѣе замѣтныхъ и красивыхъ; для большаго разнообразія фигуръ кадрили прибавили четыре пары дѣтей отъ 11 — 12 лѣтъ. Такъ какъ одна изъ этихъ маленькихъ танцорокъ заболѣла за 4 дня до праздника, то княгиня Репнина пришла вмѣстѣ съ дочерьми умолять мою мать позволить мнѣ замѣнить эту дѣвочку. Моя матушка всячески увѣряла, что я едва умѣю танцовать, что я маленькая дикарка, но всѣ увѣренія были безуспѣшны: пришлось согласиться, и меня повели на репетицію. Мое самолюбіе заставляло меня быть внимательной: тогда какъ другія танцорки, уже умѣвшія танцовать, или, по крайней мѣрѣ, увѣренныя въ этомъ, репетировали довольно небрежно, я старалась не терять ни одной минуты. Оставалось всего двѣ репетиціи, и я своимъ дѣтскимъ умомъ старалась обдумать все, чтобы какъ можно меньше уронить себя на своемъ первомъ выходѣ на свѣтское поприще. Я рѣшила нарисовать фигуру кадрили на полу у себя дома и танцовать, напѣвая мотивъ танца, который я запомнила. Это мнѣ прекрасно удалось, а когда наступилъ торжественный день, я снискала всеобщее одобреніе. Императрица была ко мнѣ очень мило-стива, великій князь показалъ ко мнѣ особое благоволеніе, которое продолжалось потомъ 16 лѣтъ, но, какъ и все, эта благосклонность измѣнилась, о чемъ я впослѣдствіи скажу подробно.

Императрица приказала дядѣ привезти меня въ собраніе маленькаго эрмитажа; я отправилась туда въ сопровожденіи дяди и матери. Общество, собравшееся тамъ, состояло только изъ старыхъ фельдмаршаловъ и генераль-адъютантовъ, которые также почти всѣ были старики, графини Брюсъ, статсъ-дамы, бывшей подругою императрицы, фрейлинъ, дежурныхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ. Мы ужинали за столомъ съ механизмомъ (*table à machine*): тарелки спускались по шнурку, придѣланному къ столу, подъ тарелками лежала грифельная доска съ грифелемъ, на которой отмѣчали то кушанье, которое желали, тянули за шнурокъ, и черезъ нѣкоторое время тарелка возвращалась съ потребованнымъ блюдомъ. Я была въ восхищеніи отъ этой маленькой забавы, и шнурокъ не переставалъ дѣйствовать.

Я совершила два раза путешествіе въ Москву. Послѣ смерти моего отца, моя мать переѣхала на жительство въ Петербургъ и остановилась въ домѣ дяди; мнѣ тогда было четырнадцать лѣтъ. Именно въ это время я увидѣла и замѣтила графа Головина ¹⁾.

¹⁾ Графъ Николай Николаевичъ Головинъ, р. 1756 г., ум. въ 1820 г. Онъ правнукъ перваго по пожалованію графа въ Россіи, Петровскаго генераль-адмирала, Федора Алексѣевича Головина. Въ раннемъ дѣтствѣ Н. Н. Головинъ былъ товарищемъ дѣтскихъ игръ цесаревича Павла Петровича, а вслѣдъ затѣмъ отправленъ былъ для довершенія образованія за границу. Умеръ въ 1820 г., въ званіи оберъ-шенка и члена государственнаго совѣта.

Я встрѣчала его въ домѣ его тетки фельдмаршальши Голицыной. Репутація почтительнаго сына и вѣрнаго подданнаго, благородство характера, которое онъ выказывалъ, произвели на меня впечатлѣніе; его красивая наружность, высокое происхожденіе, богатство, заставляли смотрѣть на него, какъ на завиднаго жениха. Онъ выдѣлялъ меня среди всѣхъ другихъ молодыхъ особъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ обществѣ, и, хотя онъ не рѣшался сказать мнѣ этого, я его понимала и поспѣшила, прежде всего, сообщить объ этомъ моей матери, которая сдѣлала видъ, что не придаетъ дѣлу серьезнаго значенія. Она не хотѣла смущать моего перваго чувства; мой черезчуръ юный возрастъ—съ одной стороны, путешествіе, которое графъ Головинъ долженъ былъ совершить по Европѣ, съ другой—давали ей средства испытать его чувства. Во время его отсутствія моя мать выказывала мнѣ трогательную нѣжность. Его сестра, г-жа Нелединская, фельдмаршальша ¹⁾, выражала мнѣ участіе и всѣ знаки дружбы; я была чрезвычайно этимъ тронута, такъ какъ эти отношенія соотвѣтствовали тому серьезному чувству, которое начало наполнять мое сердце.

Мнѣ нѣсколько разъ дѣлали предложеніе, но каждую партію, которую мнѣ предлагала моя мать, я тотчасъ отвергала: образъ графа Головина немедленно представлялся моему воображенію. Въ то время молодые люди были гораздо благороднѣе; молодой человекъ придавалъ большую цѣну браку. Въ то время не узаконяли побочныхъ дѣтей: во все царствованіе Екатерины II былъ только одинъ подобный случай съ Чесменскимъ ²⁾, сыномъ графа Алексѣя Орлова. Императоръ же Павелъ болѣе чѣмъ злоупотреблялъ своей властью въ этомъ отношеніи, поощряя, такимъ образомъ, распущенность нравовъ, которая совершенно подрывала основныя начала (principes) священныхъ семейныхъ узъ ³⁾.

Я продолжала бывать на малыхъ эрмитажныхъ собраніяхъ. Туда часто приходилъ великій князь Александръ, которому было тогда четыре года, и трехлѣтній братъ его, великій князь Константинъ;

¹⁾ Анастасія Николаевна Нелединская-Мелецкая (р. въ 1754 г., ум. въ 1803 г.), урожд. Головина, жена дѣйств. тайнаго совѣтника (въ рангѣ фельдмаршала?) Александра Юрьевича Нелединскаго-Мелецкаго, во второмъ его бракѣ (р. въ 1729 г., ум. въ 1804 г.).

²⁾ Александръ Алексѣевичъ, генераль-майоръ.

³⁾ Графиня Головина главнымъ образомъ имѣетъ въ виду, конечно, слѣдующій указъ императора Павла, отъ 2-го января 1801 года, касавшійся ея мужа: «Воспитанникамъ д. т. с. графа Головина, Оедору Ловину, и д. ст. с. Ростопчина, Степану Явленскому, всемилоствѣннѣе жалуетъ дворянское Россійской имперіи достоинство»... По господствовавшему въ XVIII в. обычаю, побочныя дѣти вельможъ получали часто фамиліи своихъ отцовъ, но съ убавленіемъ перваго ихъ слога или буквы. Такимъ образомъ появились Вецкіе (Трубецкіе), Лицыны (Голицыны), Инны (Репнины), Уракины (Куракины), Умянцевы (Румянцевы), Ловины (Головины) и т. д., и т. д.

туда приводили скрипачей, и начинались танцы; я по преимуществу была дамой великаго князя Александра. Однажды, когда нашъ маленькій балъ былъ оживленъ болѣе обыкновеннаго, великій князь, шедшій со мною въ полонезъ, объявилъ мнѣ вдругъ самымъ серьезнымъ тономъ, какимъ только можетъ говорить ребенокъ въ его возрастѣ, что онъ хочетъ повести меня въ крайніе апартаменты дворца, чтобы показать мнѣ нѣчто ужасное; это меня очень заняло и смутило. Дойдя до самой послѣдней комнаты, онъ повелъ меня въ углубленіе, въ которомъ была помѣщена статуя Аполлона, которая своимъ античнымъ рѣзцомъ могла ласкать взоръ артиста, но видъ котораго могъ легко смутить дѣвочку, которая, къ счастью, была слишкомъ наивной, чтобы любоваться выдающимся произведеніемъ искусства въ ущербъ стыдливости. Я позволила себѣ упомянуть объ этомъ маленькомъ событіи для того, чтобы легче восстановить въ своей памяти все видѣнное мной при дворѣ. Я справедливо не признаю въ себѣ никакого особаго таланта и не могу писать мемуаровъ: они были бы недостаточно интересны, а потому мои записки можно назвать просто воспоминаніями, которыя для меня очень дороги и часто занимаютъ мои мысли. Сравненіе прошлаго съ настоящимъ бываетъ для насъ иногда очень полезно; прошлое есть какъ бы счетная книжка, къ которой нужно часто обращаться для того, чтобы имѣть правильное понятіе о настоящемъ и увѣренность въ будущемъ. На своемъ жизненномъ пути мнѣ приходилось встрѣчать чаще цвѣты, чѣмъ шипы, въ полномъ ихъ разнообразіи и богатствѣ. Я была счастлива; настоящее же счастье устраняетъ равнодушіе и располагаетъ насъ принимать живое участіе въ счастья другихъ. Несчастія же покрываютъ окружающіе насъ предметы облакомъ печали и напоминаютъ намъ о нашихъ собственныхъ страданіяхъ, пока Богъ, по своей безконечной милости, не дастъ намъ новаго направленія нашимъ чувствамъ и тѣмъ уничтожить прежнюю горечь.

Въ 16 лѣтъ я получила фрейлинскій шифръ, который имѣли всего 12 дѣвицъ, и ходила каждый день ко двору ¹⁾. По воскресеньямъ было большое собраніе въ эрмитажѣ, на которое допускался весь дипломатическій корпусъ и особы первыхъ двухъ классовъ. Государыня входила въ залъ, гдѣ было собрано все общество, и вела бесѣду съ окружающими; затѣмъ всѣ слѣдовали за ней въ театръ, послѣ чего ужинъ никогда не подавался. По понедѣльникамъ былъ балъ и ужинъ у великаго князя Павла Петровича. По вторникамъ я дежурила вмѣстѣ съ другой фрейлиной; мы почти весь вечеръ проводили въ брилліантовой комнатѣ, получившей свое названіе по множеству драгоцѣнныхъ вещей, находившихся въ ней;

¹⁾ Княгиня Варвара Николаевна Голицына пожалована фрейлиною въ 1782 г. ради заслугъ дяди своего, И. И. Шувалова.

между прочимъ, здѣсь были корона, скипетръ и держава. Императрица играла въ карты со своими старыми придворными. Двѣ дежурныя фрейлины сидѣли у стола, дежурные молодые люди занимали ихъ разговоромъ. Въ четвергъ было малое собраніе въ эрмитажѣ, балъ, спектакль и ужинъ, на которое иностранные министры не были приглашаемы, но они допускались въ воскресенье вечеромъ, также какъ и нѣкоторыя дамы, пользовавшіяся благоволеніемъ государыни. Въ пятницу я опять дежурила, а въ субботу у наслѣдника устроивался прелестный праздникъ, который начинался прямо со спектакля; какъ только ихъ императорскія высочества входили, представление начиналось; балъ, всегда очень оживленный, продолжался до ужина, который подавался въ залѣ, гдѣ былъ спектакль; большой столъ находился посреди залы, маленькіе столы въ ложахъ. Великій князь и великая княгиня ужинали на ходу, принимая своихъ гостей въ высшей степени любезно. Послѣ ужина балъ возобновлялся и кончался очень поздно; гости развѣзжались при свѣтѣ факеловъ, что производило очаровательный и своеобразный эффектъ на ледяной поверхности красавицы-Невы. Это время было самымъ блестящимъ для двора и для столицы; во всемъ была гармонія, великій князь видѣлся съ императрицей-матерью каждый день утромъ и вечеромъ. Онъ былъ допущенъ въ совѣтъ императрицы. Столица была мѣстомъ жительства всѣхъ знатнѣйшихъ фамилій. Общество отъ 30 до 40 человекъ ежедневно собиралось у фельмаршаловъ: Голицына ¹⁾ и Разумовскаго ²⁾, у графа Панина, перваго министра ³⁾, котораго посѣщали часто великій князь и великая княгиня, и у вице-канцлера Остермана ⁴⁾. Здѣсь можно было встрѣтить множество иностранцевъ, являвшихся лицезрѣть великую Екатерину; дипломатическій корпусъ состоялъ изъ людей очень любезныхъ, и вообще общество производило самое благопріятное впечатлѣніе.

Въ 1786 году, около Пасхи, графъ Головинъ возвратился въ Россію послѣ четырехлѣтняго отсутствія. Я отправилась во дворецъ, чтобы поздравить государыню съ Свѣтлымъ праздникомъ. Весь дворъ и вся городская знать собиралась въ этотъ день въ дворцовой церкви, которая была полна народомъ; дворцовая площадь была сплошь покрыта самыми изящными экипажами; дво-

¹⁾ Князь Александръ Михайловичъ (р. 1718 г., ум. въ 1783 г.), генераль-фельдмаршалъ, побѣдитель при Хотинѣ.

²⁾ Графъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій, генераль-фельдмаршалъ, никогда не служившій въ войскахъ, простой баловень фортуны, стяжалъ себѣ репутацію добродушнаго, но хитраго остроумца.

³⁾ Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель великаго князя Павла Петровича, оберъ-гофмейстеръ, управлявшій коллегіею иностранныхъ дѣлъ, 31 марта 1783 года.

⁴⁾ Остерманъ, Иванъ Андреевичъ, вице-канцлеръ при Екатеринѣ, при Павлѣ уволенный отъ службы, р. въ 1725 г., ум. въ 1811 г.

рець утопалъ въ великолѣпіи: не даромъ народъ въ то время представлялъ себѣ его раемъ. Послѣ *baise-main*, мы всѣ отправились въ залу, гдѣ находились великій князь и великая княгиня, чтобы принести императрицѣ поздравленія. Едва я вошла въ эту комнату, какъ замѣтила своего будущаго мужа у окна; боязнь выдать себя увеличивала мое смущеніе. Чистая и истинная любовь всегда соединяется со скромностью; истинная нѣжность, это — сладкій сонъ безъ волненій, его пробужденіе спокойно; сожалѣнія и укоры совѣсти ей незнакомы: она соединяется съ уваженіемъ и дружбой. Счастлива та, которая испытываетъ это чувство; достойная, добрая мать даетъ ему направленіе. Пустота сердца грозитъ величайшими опасностями, сладостная пища является для него спасеніемъ. Чувства являются источникомъ жизни; это — ручей, который течетъ между бурными потоками и плодоносными, улыбающимися равнинами до океана, исчезая въ его безбрежномъ пространствѣ.

Я стала невѣстой въ іюнѣ мѣсяцѣ. Великая княгиня, которая осыпала меня знаками дружбы и доброты, написала мнѣ слѣдующую записку:

«Поздравляю васъ, дорогая крошка, по поводу счастливаго событія, которое установитъ ваши чувства и сдѣлаетъ васъ, надѣюсь, счастливой, согласно моимъ желаніямъ. Пользуйтесь полнымъ счастіемъ и будьте такой же хорошей и доброй женой, какимъ вы были добрымъ ребенкомъ. Пусть ваше чувство къ вашему жениху не помѣшаетъ любить вашего добраго друга. Марія.

«P. S. Цѣлую вашу маман и искренно поздравляю ее также, какъ и вашего дядю. Мой мужъ принимаетъ живое участіе въ вашемъ счастіи».

Девятнадцати лѣтъ я вышла замужъ, моему мужу было 29 лѣтъ¹⁾. Свадьба была отпразднована въ Зимнемъ дворцѣ, 4-го октября. Ея величество лично прикрѣпила брилліанты къ моему платью. Надзирательница за фрейлинами, баронесса Мальтицъ, подала ихъ на подносѣ, государыня прибавила къ обыкновеннымъ драгоценнымъ камнямъ рогъ изобилія; этотъ знакъ вниманія со стороны ея величества не ускользнулъ отъ надзирательницы, которая меня любила и обратила на это мое вниманіе. «Ея величество была такъ добра», сказала она, «что она сама носила это украшеніе, и она дѣлаетъ это отличіе невѣстамъ, которыя ей болѣе всѣхъ нравились». Это замѣчаніе заставило меня покраснѣть отъ удовольствія и благодарности; государыня замѣтила мою робость и, взявъ меня слегка за подбородокъ, изволила сказать: «посмотрите на меня, да вы, въ самомъ дѣлѣ, недурны». Когда я встала, ея величество повела меня

¹⁾ Въ 1785 году. Этимъ показаніемъ опредѣляется время рожденія гр. П. П. Головина — 1756-й годъ, такъ какъ годъ его рожденія не могъ быть съ точностію опредѣленъ («Россійская родословная книга», кн. П. Долгорукова, III, стр. 111, «Родъ князей Голицыныхъ», 163, «Сборникъ П. Р. И. О.», LX, 164.).

въ свою спальню, подвела къ божницѣ, взяла икону, приказала мнѣ перекреститься и поцѣловать образъ. Я бросилась на колѣни, чтобы получить благословеніе отъ государыни, но ея величество обняла меня и съ взволнованнымъ видомъ и голосомъ сказала: «Будьте счастливы, я вамъ желаю этого отъ всего сердца, какъ мать и государыня, на которую вы можете всегда разсчитывать». И государыня сдержала свое слово: ея милость ко мнѣ безпрестанно возростала и продолжалась до самой ея кончины.

Двадцати лѣтъ я перенесла ужасные роды. На восьмомъ мѣсяцѣ беременности я заболѣла страшной корью, которая едва не свела меня въ могилу. Это случилось во время путешествія ея величества въ Крымъ: часть докторовъ находились въ свитѣ ея величества, остальные жили въ Гатчинѣ, во дворцѣ, въ которомъ великій князь Павелъ проводилъ часть лѣта, и такъ какъ маленькіе великіе князья и великія княжны, ихъ сестры, не болѣли еще совсѣмъ этой болѣзнию, то доктора, жившіе тамъ, не могли лѣчить меня.

Мнѣ оставалось обратиться къ полковому хирургу, который вогналъ болѣзнь внутрь; мое нездоровье отозвалось и на моемъ ребенкѣ. И смертельно страдала. Графъ Строгановъ ¹⁾, который былъ ко мнѣ очень привязанъ, отправился къ великой княгинѣ, чтобы возбудить въ ней участіе къ моему положенію, и она тотчасъ послала ко мнѣ доктора и акушера. Мои страданія были такъ велики, что мнѣ дали опиуму, чтобы усыпить меня; пробудившись черезъ 12 часовъ послѣ этой летаргіи, я чувствовала себя слабой. Пришлось обратиться къ инструментамъ. И терпѣливо перенесла эту жестокую операцію. Мой мужъ стоялъ возлѣ меня; я видѣла, что силы его покидаютъ, и боялась, что достаточно было одного моего крика, чтобы онъ лишился чувствъ. Ребенокъ умеръ черезъ 24 часа, но я узнала объ этомъ только спустя три недѣли. Сама я была при смерти, но я безпрестанно спрашивала о немъ; мнѣ постоянно отвѣчали, что волненіе, которое я испытывала бы при видѣ его, отозвалось бы вредно на моемъ здоровьѣ. Когда мнѣ стало лучше, великая княжна прислала ко мнѣ свою подругу г-жу Бенкендорфъ ²⁾ съ очень любезной запиской, которую я привожу здѣсь. «Поздравляю васъ, дорогая графиня, съ разрѣшеніемъ отъ бремени и молю Бога о скорѣйшемъ вашемъ выздоровленіи. Не теряйте надежды, моя крошка, и если Богу будетъ

¹⁾ Графъ Александръ Сергѣевичъ, оберъ-камергеръ, впоследствии членъ государственнаго совѣта и президентъ академіи художествъ, р. 1738., † 1811 г.

²⁾ Извѣстная подруга дѣтства императрицы Маріи Феодоровны, Юліана, урожденная Шиллингъ фонъ-Канштадтъ. По пріѣздѣ своемъ въ Россію выдана была замужъ за майора гатчинскихъ войскъ Христофора Бенкендорфа. Сынъ ея Александръ Христофоровичъ пожалованъ былъ графомъ и былъ первымъ шефомъ жандармовъ, а дочь Дарья Христофоровна, въ замужествѣ княгиня Ливень, прославилась своимъ умомъ и дипломатическими способностями. † 1797 г.

угодно, вы скоро будете только наслаждаться счастьемъ быть матерью и забудете о страданіяхъ, которыя вы перенесли. Г-жа Бенкендорфъ передастъ вамъ, какъ я васъ люблю.

«Вашъ добрый другъ

«Марія».

Во время моей болѣзни я получала очень лестныя и очень трогательныя выраженія сочувствія; безпрестанно заходили въ подъѣздъ нашего дома узнавать о моемъ здоровьѣ даже лица, которыхъ я не знала. Черезъ улицу отъ насъ жила г-жа Княжнина, которой я никогда не знала и не видѣла. Однажды вечеромъ у моего окна заигралъ шарманщикъ, она послала всю дворню, наконецъ сама побѣжала, чтобы заставить его замолчать, повторяя ему нѣсколько разъ, что нельзя играть такъ близко около молодой больной. Моя молодость, мое семейное счастье были причиной общаго ко мнѣ благоволенія. Моя свадьба, кажется, интересовала всѣхъ; всѣ любятъ бракомъ по любви: старики принимаютъ въ этомъ участіе по воспоминаніямъ, а молодые люди по сравненію.

Я поправилась быстро, но тяжелое душевное настроеніе осталось у меня на продолжительное время: я долго не могла равнодушно слышать дѣтскаго крика; но заботы окружавшихъ меня друзей наконецъ успокоили меня.

Въ это время ея величество возвратилась изъ своего путешествія въ Крымъ; мой дядя, который сопровождалъ государыню, отнесся ко мнѣ съ чрезвычайною нѣжностью: онъ былъ такъ счастливъ видѣть меня воскресшей!

II.

Путешествіе императрицы Екатерины въ Крымъ.—Война съ Турціей.—Отъѣздъ графа Головина въ дѣйствующую армію.—Путешествіе графини Головиной въ Молдавію.—Гатчина.—Графъ Ланжеронъ.—Зоричъ въ Шкловъ.—Пассекъ.—Пробываніе въ Кременчугѣ.—Новороссійскія степи.—Встрѣча Головиной съ мужемъ.—Пріѣздъ въ Яссы.—Кн. Долгорукова, г-жа Витъ.—Кн. Потемкинъ и окружавшее его общество.—Праздникъ у кн. Потемкина.—Отъѣздъ Головиныхъ въ Петербургъ.

Путешествіе императрицы въ Крымъ было весьма замѣчательно, и мнѣ кажется, что оно было недостаточно прославлено. Ея величество сопровождали, между прочими, слѣдующія лица: англійскій посоль Фитцъ-Гербертъ, впоследствии лордъ Сентъ-Эленъ, французскій посоль графъ де-Сегюръ, германскій посоль¹⁾, графъ Шуваловъ, мой дядя²⁾, графиня Протасова и графиня Браницкая.

¹⁾ Графъ Кобенцель.

²⁾ И. И. Шуваловъ, по скромности своей, не принялъ отъ императрицы Елисаветы графскаго титула, которымъ пожалованы были дяди его Петръ Ивановичъ и Александръ Ивановичъ Шуваловы.

Князь Потемкинъ, выѣхавшій впередъ, приготовилъ для ея встрѣчи многочисленную стражу; государыня отказалась отъ нея. Императоръ Иосифъ, который скоро присоединился къ государынѣ, казалось, былъ болѣе чѣмъ удивленъ, что принято такъ мало предосторожностей для безопасности императрицы. Государыня ничего не возразила на его замѣчаніе, но слѣдующее событіе оправдало ея образъ дѣйствій. Вновь присоединенные татары встрѣтили ее съ восторгомъ. Экипажъ ея величества поднимался на крутую гору, лошади закусилъ удила, государынѣ угрожала опасность быть выброшенной изъ экипажа. Но мѣстные жители, сбѣжавшіеся встрѣтить свою повелительницу, бросились къ лошадямъ и успѣли остановить ихъ. Нѣсколько человѣкъ было убито, другіе ранены, но воздухъ оглашался радостными криками. «Теперь я вижу,—сказалъ императоръ государынѣ,—что вы не нуждаетесь въ охранѣ».

Иностранные послы были въ восторгѣ отъ этого путешествія. Я вспомнила смѣшной анекдотъ, рассказанный мнѣ графомъ Кобенцелемъ. Государыня путешествовала въ шестимѣстномъ экипажѣ; съ ней вмѣстѣ находились императоръ, германскій посолъ и мой дядя. Другіе послы и двѣ дамы садились попеременно. У государыни была прекрасная бархатная шуба, германскій посолъ восторгался этой шубой. «Моймъ гардеробомъ завѣдуетъ одинъ изъ моихъ лакеевъ», отвѣтила ему государыня: «онъ слишкомъ глупъ для другого занятія». Графъ Сегюръ по своей разсѣянности услышалъ только похвалу шубѣ и поспѣшилъ сказать: «каковъ господинъ, таковъ и слуга (*tel maitre, tel valet*)». Это вызвало общій смѣхъ. Въ тотъ же день за обѣдомъ государыня замѣтила шутя находившемуся постоянно при ней графу Кобенцелю, что ему, должно быть, утомительно находиться постоянно при ней. «*On ne choisit pas ses voisins*» (сосѣдей не выбираютъ), отвѣчалъ тотъ. Эта новая разсѣянность была принята съ такою же веселостью, какъ и первая. Послѣ ужина ея величество рассказывала этотъ анекдотъ. Лордъ Сентъ-Эленъ, выходяшій на короткое время, вернулся, когда она кончала свой рассказъ. Присутствовавшіе выразили ему сожалѣніе, что онъ былъ лишенъ удовольствія его слышать. Государыня вызвалась рассказать снова анекдотъ. Но не успѣла она дойти до половины своего рассказа, какъ лордъ Сентъ-Эленъ заснулъ глубокимъ сномъ. «Недоставало только этого», сказала государыня, «для завершенія вашихъ любезностей: я совершенно удовлетворена».

Въ 1790 году, мой мужъ былъ пожалованъ въ полковники. Императрица дала ему полкъ, и онъ принужденъ былъ отправиться въ дѣйствующую армію¹⁾. Эта разлука для меня была очень тяжела: я едва оправилась послѣ родовъ и была очень слаба.

¹⁾ Вторая при Екатеринѣ война съ Турціей открылась тотчасъ по возвращеніи императрицы изъ ея путешествія въ Крымъ.

Отсутствіе моего мужа продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; возвратившись, онъ долженъ былъ снова покинуть меня. Онъ надѣялся вскорѣ вернуться ко мнѣ, но обстоятельства войны измѣнились. Не имѣя возможности вернуться въ Петербургъ и рассчитывая расположиться съ полкомъ на зимнія квартиры, онъ просилъ меня пріѣхать къ нему и прислалъ двухъ унтеръ-офицеровъ сопровождать меня. Это приказаніе было для меня очень пріятно, но радость была омрачена мыслию, что мой отъѣздъ причинитъ много горя моей матери.

Моя мать занялась приготовленіями къ отъѣзду, нашла врача, окружила меня всевозможными предосторожностями, прибавила къ моимъ двумъ спутникамъ еще третьяго, офицера, и заставила меня взять съ собою компаньонку, которая жила у нея въ домѣ. Это была прекраснѣйшая особа, но большая трусиха. Моя мать проводила меня до Царскаго Села; здѣсь я получила записку отъ брата, служившаго въ Гатчинѣ у великаго князя; онъ писалъ мнѣ, что великая княгиня требуетъ непременно, чтобы я заѣхала проститься съ ней. Это было по дорогѣ, но я была въ дорожномъ костюмѣ; погода была холодная, а предстоявшее мнѣ путешествіе продолжительное и тяжелое. Такъ какъ ея императорское высочество желала непременно видѣть меня въ дорожномъ платьѣ, то я должна была отбросить этикетъ въ сторону. Я пріѣхала, меня повели въ комнату г-жи Бенкендорфъ и чрезъ нѣсколько минутъ позвали къ великой княгинѣ; я вошла въ кабинетъ ея высочества, гдѣ она ждала меня. Она обняла меня и сказала много теплыхъ словъ по поводу моей супружеской привязанности; затѣмъ усадила меня за свой письменный столъ, приказавъ написать письмо моей матери, долго бесѣдовала, послала за великимъ княземъ, заставила его поцѣловаться со мной и наконецъ очень нѣжно распростилась.

И вотъ, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, полная здоровья и отваги, ѣхала я во весь опоръ въ Бессарабію. Недалеко отъ Витебска я вышла изъ экипажа, пока перепрягали лошадей; я вошла въ постройку, похожую на баракъ, гдѣ усѣлась на столъ, такъ какъ всѣ стулья были поломаны. Я приказала распустить нѣсколько плитокъ бульона, чтобы подкрѣпить силы. Вдругъ въ комнату съ шумомъ входитъ какой-то военный и передаетъ мнѣ письмо и толстый пакетъ. Я была въ восторгѣ, узнавъ на письмѣ почеркъ моей матери, и въ радости не замѣтила, кто его принесъ; но, оправившись отъ охватившаго волненія, я узнала графа Ланжерона, французскаго эмигранта¹⁾, который въ качествѣ волонтера отправлялся въ дѣйствующую армію. Я встрѣчалась съ нимъ въ Петербургѣ у графа Кобенцеля и у принцессы Нассауской. Поблагодаривъ его, я опять

¹⁾ Графъ Александръ Федоровичъ, впоследствии генераль-отъ-инфантеріи, р. 1753 г., ум. 1831 г. Оставилъ «Записки».

сѣла на столъ, чтобы продолжать свой завтракъ, за которымъ онъ внимательно слѣдилъ; я старалась доѣсть его поскорѣе, чтобы показать ему, что я вовсе не намѣрена дѣлать его съ нимъ, что я со-всѣмъ не хотѣла его визита, и что онъ могъ уходить. Онъ такъ и сдѣлалъ. Дверь въ сосѣдную комнату была открыта, и я слышала, какъ онъ потребовалъ себѣ, какъ можно скорѣе, молока; какой-то еврей тотчасъ принесъ ему большой кувшинъ молока съ огромнымъ кускомъ хлѣба, но такъ какъ онъ ѣлъ не садясь и все смотрѣлъ въ мою сторону, то это мнѣ наскучило, и я возвратилась въ свой экипажъ, который скоро былъ готовъ.

Пріѣхавъ въ Шкловъ, я торопилась продолжать путешествіе я знала, что мѣстный помѣщикъ Зоричъ¹⁾, человекъ очень любезный и склонный къ пышности, любилъ оказывать пріемъ маломальски извѣстнымъ путешественникамъ. Едва мы вѣхали во дворъ почтовой станціи, какъ я стала требовать лошадей, но въ это время неожиданно предъ дверцами моего экипажа появились графъ Ланжеронъ, который успѣлъ меня обогнать, и графъ Цукато²⁾, оба завитые до ушей, въ пудермантеляхъ; они рассыпались въ извиненіяхъ, что явились въ такомъ смѣшномъ нарядѣ. Я не могла удержаться отъ смѣха, глядя на нихъ, но, чтобы сократить ихъ визитъ, пошла ожидать лошадей въ домъ въ глубинѣ двора, гдѣ, кромѣ меня, никого не было. Я только что сѣла къ окну, какъ услышала хлопанье кнута, и во дворъ вѣхалъ золоченый двухмѣстный экипажъ (*vis-à-vis*) въ роскошной упряжи; я содрогнулась, узнавъ въ немъ г-на Зорича, котораго я въ дѣтствѣ встрѣчала при дворѣ. Онъ на колѣняхъ сталъ умолять меня пріѣхать къ нему на обѣдъ; я употребляла все свое краснорѣчіе, чтобы отказаться отъ этого приглашенія, но ничто не могло поколебать его: пришлось сѣсть къ нему въ экипажъ и позволить везти себя къ его племянницамъ и оставаться у нихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заѣдетъ за мной. Это требовалось приличіемъ: г. Зоричъ не былъ женатъ, и потому не позволилъ себѣ быть со мной *tête-à-tête* въ продолженіе двухъ часовъ, остававшихся до обѣда. Его племянницы были для меня совершенно новымъ знакомствомъ: я ихъ никогда не видѣла и не знала даже, какъ ихъ зовутъ. Онѣ готовили себѣ костюмы на балъ, который предполагался на слѣдующій день; онѣ сдѣлали мнѣ честь, спрашивая моего совѣта. Чтобы имъ угодить, я нарисовала имъ модели шляпъ, токовъ, платьевъ и наколокъ; онѣ были въ восхищеніи отъ меня: я показалась имъ прелестной. Въ назначенный часъ для обѣда г. Зоричъ пріѣхалъ за мной и предложилъ помѣ-

¹⁾ Семенъ Гавриловичъ, генераль-адъютантъ Екатерины II, основатель кадетскаго корпуса въ Шкловѣ, переведеннаго потомъ въ Москву (нынѣ 1-й московскій кадетскій корпусъ), † 1799 г. Зоричъ былъ родомъ сербъ.

²⁾ Графъ Евгеній Гавриловичъ, впоследствии генераль-майоръ, членъ военной коллегии.

ститься въ его элегантномъ *vis-à-vis*, сѣвъ противъ меня. Мой нарядъ былъ совершенной противоположностью его костюму: на мнѣ была надѣта маленькая черная касторовая шляпа съ однимъ перомъ и синее пальто съ краснымъ воротникомъ; это были цвѣта мундира моего мужа; г. Зоричъ былъ въ прическѣ *en ailes de pigeon*, въ вышитомъ кафтанѣ; въ рукахъ онъ держалъ шляпу и былъ надушенъ, какъ султанъ. Я кусала губы, чтобы не размѣяться. Мы пріѣхали, и онъ тотчасъ повелъ меня въ залу, гдѣ было по крайней мѣрѣ 60 человекъ, изъ которыхъ я знала только трехъ: графа Ланжерона, графа Цукато и г-жу Энгельгардтъ ¹⁾, племянницу князя Потемкина, очень красивую особу. Я завела съ ней бесѣду. Обѣдъ былъ продолжительный и утомительный по обилію блюдъ; я думала съ удовольствіемъ о времени, когда можно будетъ вырваться отсюда, но пришлось провести тамъ цѣлый день и даже ужинать. Наконецъ я уѣхала въ сопровожденіи десяти курьеровъ г. Зорича, которые должны были провожать меня со всевозможною скоростью до Могилева.

Я пріѣхала туда очень скоро, утомленная почестями, которыя мнѣ были оказаны. Мы подѣхали къ почтовой станціи, очень красивому каменному двухэтажному дому; я вбѣжала наверхъ, перескакивая черезъ двѣ ступени, пробѣжала черезъ всѣ комнаты и въ послѣдней бросилась на диванъ, тотчасъ заснувъ крѣпкимъ сномъ. Меня разбудили въ семь часовъ утра, благодаря пріѣзду ко мнѣ губернатора ²⁾, который явился предложить свои услуги и осыпалъ меня разспросами о политическихъ дѣлахъ и о дворѣ. Я отвѣчала на всѣ его разспросы несвязно. Едва прекратился его визитъ, и я только что успѣла окончить свой туалетъ, какъ мнѣ доложили объ адъютантѣ г. Пассекѣ ³⁾, могилевскаго губернатора и нашего дальняго родственника, который просилъ меня къ себѣ на обѣдъ въ деревню, находившуюся въ пяти-шести верстахъ отъ города, и предлагалъ свой экипажъ. Я согласилась; за мной была прислана двухмѣстная золоченая карета съ пятью зеркальными стеклами, запряженная четверкой сѣрыхъ лошадей, съ двумя кучерами поанглійски. Я проѣхала черезъ весь городъ, возбуждая всеобщее вниманіе. Евреи, узнававшіе экипажъ губернатора, становились на колѣни; я кланялась на обѣ стороны, забавляясь этой шутовской сценой. По пріѣздѣ своемъ въ деревню, я встрѣтила прекрасный приемъ; мнѣ показали роскошный садъ, прекрасные виды, угостили очень вкуснымъ обѣ-

¹⁾ Четыре племянницы Потемкина, урожденныя Энгельгардтъ, были въ это время уже замужемъ. Рѣчь идетъ, вѣроятно, о женѣ племянника Потемкина, В. В. Энгельгардта.

²⁾ Н. Б. Энгельгардтъ.

³⁾ Пассекъ, Петръ Богдановичъ, въ то время генераль-губернаторъ Бѣлоруссін, одинъ изъ пособниковъ Екатерины при ея восшествіи на престолъ, р. 1736 г., † 1804 г.

домъ, послѣ котораго я сыграла партію въ шахматы съ господиномъ, котораго я никогда не видала, и затѣмъ простилась съ гостепріимнымъ хозяиномъ, чтобы вернуться къ своимъ экипажамъ и снова отправиться въ путь.

На третій день по моемъ выѣздѣ изъ Могилева я получила на одной изъ станцій, гдѣ остановилась, громадный пакетъ. Я была въ восторгѣ, думая, что онъ былъ отъ моей матери; но моя радость смѣнилась удивленіемъ, когда я увидѣла посланіе въ стихахъ и очень почтительное письмо отъ графа Ланжерона. Я была крайне недовольна, обманувшись въ ожиданіи, и рѣшила во что бы то ни стало отомстить за себя. За день до приѣзда въ Кременчугъ, я наскоро закусывала въ маленькомъ городкѣ; въ то время, когда запрягали лошадей, появился графъ Ланжеронъ. «Никогда хорошо написанные стихи не имѣли худшаго успѣха, какъ ваши, — сказала я ему.—Ваши пакетъ меня жестоко обманулъ, такъ какъ я приняла его за письмо отъ моей матери; эта печальная для меня ошибка лишила меня способности почувствовать всю прелесть вашей поэзіи». Онъ принялъ сокрушенный видъ и сказалъ мнѣ со вздохомъ, что онъ только что получилъ изъ Парижа печальное извѣстіе о томъ, что его жена при смерти. Онъ попросилъ меня написать рекомендательныя письма къ моему мужу и княгинѣ Долгорукой¹⁾, надѣясь приѣхать раньше меня двумя днями. Я тотчасъ сѣла писать. Я рекомендовала его, какъ поэта, рыцаря, ищущаго приключеній, но который не находитъ ихъ, какъ сентиментальнаго супруга, оплакивающаго предсмертныя страданія жены, сочиняя стихи. Затѣмъ я сложила оба письма и передала ихъ ему незапечатанными, и онъ простился со мной. Въ то время, какъ я садилась въ экипажъ, мнѣ принесли огромный арбузъ съ новыми стихами отъ графа Ланжерона; къ счастью, они были послѣднія.

Я приѣхала въ Кременчугъ въ холодную и непріятную погоду. Такъ какъ часть моихъ экипажей нуждалась въ поправкѣ, то я отправилась въ деревянный дворецъ, построенный по случаю путешествія государыни въ Крымъ, и заказала себѣ небольшой обѣдъ. Въ то время, какъ я поправляла свой туалетъ, мнѣ доложили о приѣздѣ начальника города, родомъ шведа; наговоривъ мнѣ множество изысканныхъ фразъ, онъ предложилъ мнѣ поѣхать къ нему на обѣдъ, говоря, что онъ былъ предувѣдомленъ о моемъ приѣздѣ, и что онъ все приготовилъ для моего приѣма, но извинялся заранѣе, что жена его, будучи серьезно больна, не могла принять меня съ подобающими мнѣ, какъ онъ думалъ, почестями. Пришлось ѣхать съ нимъ: мы сѣли въ двухмѣстную неопрятную карету съ плохой упряжью, запряженную плохими лошадьми. Мы подѣхали

¹⁾ Княгиня Екатерина Федоровна, впоследствии статсъ-дама, жена кн. Василія Васильевича Долгорукова, урожденнаго княжна Бярянская, р. 1761 г., † 1848 г.

къ одноэтажному деревянному дому. Онъ предложилъ мнѣ руку и повелъ меня въ маленькую гостиную, пригласивъ войти въ сосѣднюю комнату, гдѣ лежала его больная жена. Я согласилась, но какво было мое удивленіе, когда я увидѣла лежащее на диванѣ тѣло и ноги, покрытыя чѣмъ-то бѣлымъ. Въ комнатѣ было очень темно, всѣ занавѣси были спущены, ея цвѣтъ лица сливался съ тѣнью въ комнатѣ. Она слабымъ и тонкимъ голосомъ извинилась, что остается лежать; я усѣлась подлѣ нея, прося ее не беспокоиться, и поддерживала съ ней бесѣду до самаго обѣда, который былъ болѣе, чѣмъ легкій. Нестройный оркестръ рѣзалъ мнѣ ухо, ему вторилъ хоръ съ фальшивыми голосами. Мой хозяинъ восхищался мелодіей и безъ конца повторялъ мнѣ, что это была любимая музыка князя Потемкина. Когда мои экипажи были готовы, и обѣдъ былъ конченъ, господинъ шведъ проводилъ меня до лодки, на которой я должна была переѣхать Днѣпръ. Эта рѣка величественна по своей ширинѣ и довольно опасна для переправы; моя компаньонка дрожала отъ страха, я же любовалась разнообразіемъ волнъ, которыя пересѣкала наша лодка: погода была туманная, вѣтеръ довольно сильный, тучи сталкивались и измѣняли свой видъ съ замѣчательной быстротой, вмѣсто сѣрой массы вдругъ появлялся просвѣтъ, глазъ едва успѣвалъ слѣдить за ихъ движеніями. Я была въ восторгѣ отъ этой картины; въ природѣ все — неожиданности, ея богатство безмѣрно, какъ безконеченъ ея создатель.

Видъ новороссійскихъ степей былъ для меня совершенно новымъ зрѣлищемъ. Направо безпредѣльная равнина, вокругъ ни одного дерева, ни одного жилища, кромѣ казачьихъ постовъ, почтовыхъ станцій, на выжженной отъ солнца землѣ кое-гдѣ виднѣются прекрасные полевые цвѣты; налѣво — довольно возвышенная мѣстность. Казачьи посты представляли собою землянки, соломенные крыши которыхъ торчали изъ-подъ земли на подобіе сахарныхъ головъ; ихъ окружали воткнутыя въ землю пикн, блестящія на солнцѣ, какъ звѣзды. Ночью я остановилась у одной изъ такихъ землянокъ для смѣны лошадей: луна сіяла восхитительнымъ блескомъ, погода была отличная; я вышла изъ экипажа; въ это время я услышала звуки бандуры, выходившіе протяжными, какъ бы изъ земли, во всемъ было что-то магическое; кромѣ этихъ мелодичныхъ звуковъ, вокругъ — безусловная тишина. Я почти разсердилась, что нужно было ѣхать дальше, но все было готово для продолженія пути, и я волей-неволей должна была ѣхать. Преобладающее, не вполне ясное для насъ, желаніе заставляетъ насъ забывать настоящее, все кажется ничтожнымъ передъ нимъ, душа наша стремится вырваться изъ круга обычной жизни. На другой день у меня не оказалось провизіи, пришлось взять обѣдъ у казаковъ; подойдя къ одной изъ землянокъ, я услышала чьи-то радостные крики: «Да здравствуетъ Екатерина Великая, да здравствуетъ мать наша, ко-

торая кормить и прославляет насъ. Да здравствуетъ Екатерина!» Эти слова приковали меня къ мѣсту: я не могла ихъ слышать безъ внутренняго волненія. Никогда я не испытывала восторга болѣ искренняго и болѣ сознательнаго. Это выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ въ степи, въ 2.000 верстахъ отъ столицы, было истиннѣ трогательно. Я спустилась въ землянку, гдѣ шелъ веселый свадебный пиръ. Мнѣ предложили выпить, но я попросила дать мнѣ поѣсть. Тотчасъ при мнѣ стали печь пироги особаго рода: они состояли изъ ржаной муки, смѣшанной съ водой; это тѣсто гладко раскатывалось, въ средину клали творогъ, завертывали края и затѣмъ клали въ кипящую воду, и черезъ 10 минутъ они были готовы. Я проглотила ихъ 6 штукъ, найдя ихъ превосходными; мои спутники сдѣлали то же самое, и мы отправились въ путь. Послѣ двухчасовой ѣзды я опять остановилась у другого поста, такъ какъ, несмотря на то, что я съѣла шесть пироговъ, я была еще очень голодна. Пріотворивъ каретную дверцу, я увидѣла у подножія горы, подъ маленькой палаткой, господина, сидящаго за столомъ и ѣвшаго съ большимъ аппетитомъ. Я послала узнать, кто это. Оказалось, что это былъ полковникъ Рибопьеръ¹⁾, котораго я знала и котораго я очень любила; я послала сказать ему, что умираю отъ голода и прошу его уступить мнѣ часть обѣда. Узнавъ меня, онъ сейчасъ же подбѣжалъ къ моему экипажу, принесъ съ собою половину жаренаго гуся, вина и воды. Онъ былъ въ восторгѣ, что могъ оказать мнѣ эту маленькую услугу, а я была очень довольна быть у него въ долгу. Я была очень рада встрѣтить въ арміи этого прекраснаго человѣка. Онъ былъ несчастливъ, искалъ опасности и былъ убитъ при осадѣ Измаила.

На другой день, въ 70-ти верстахъ отъ Бендеръ, мы пріѣхали къ довольно высокой горѣ; было очень жарко; дорога была песчаная, лошади поднимались съ трудомъ. Я предложила своей компаньонкѣ и горничной выйти изъ экипажа, что онѣ и сдѣлали; экипажи свернули съ дороги, и мы поѣхали по мягкой травѣ. Я осталась одна въ экипажѣ, дверцы котораго были открыты на случай опасности. Черезъ четверть часа я услышала на большой дорогѣ звонъ колокольчика и увидѣла курьерскую телѣжку. Какой-то человѣкъ стоялъ въ ней и смотрѣлъ во всѣ стороны; я узнала моего мужа. Я выскочила изъ экипажа, онъ сдѣлалъ то же: я была болѣ чѣмъ счастлива; мои спутники прибѣжали къ намъ. Онъ оставилъ всѣ экипажи, взявъ только почтовую телѣжку, въ которой ѣхали сопровождавшій меня офицеръ и докторъ; мы поѣхали вдвоемъ. И вотъ мы покатали черезъ холмы и горы по каменистой дорогѣ. Въ 10 часовъ вечера, когда мы пріѣхали въ столицу Бессарабіи (т.-е. въ Бен-

¹⁾ Полковникъ Рибопьеръ, другъ любимца Екатерины, графа Мамонова, замѣшанъ былъ въ исторію брака его съ княжной Щербатовой и удаленъ отъ двора.

деру), мы прошли пѣшкомъ мостъ черезъ Днѣстръ. Мой мужъ повелъ меня къ княгинѣ Долгорукой¹⁾. Она сидѣла въ небольшой гостиной, спиной къ дверямъ; возлѣ нея была г-жа Виттъ, теперь графиня Потоцкая²⁾; въ глубинѣ комнаты находился игорный столъ, окруженный играющими игроками, очень занятыми своимъ дѣломъ. Я подкралась позади кресла, на которомъ сидѣла княгиня, и закрыла ей глаза обѣими руками; она вскрикнула отъ неожиданности, я отскочила назадъ. Г-жа Виттъ, видя незнакомое лицо, сидѣла молча, мужчины, не отворачивая головы, воскликнули: «Это, навѣрно, опять летучая мышь»: наканунѣ въ комнату влетѣла летучая мышь, испугавшая княгиню; я вышла изъ своей западни. Начались крики радости, восклицанія огласили маленькую турецкую гостиную. Послѣ ужина меня проводили домой; мое маленькое жилище было еще не совсѣмъ устроено, дивана еще не было, мои экипажи еще не прибыли. Мой мужъ разостлалъ на полу свой плащъ и устроилъ мнѣ подушку изъ своего мундира, поставилъ свѣчу на полъ и самъ помѣстился рядомъ возлѣ меня охранять меня. Я выпалась прекрасно; проснувшись, я побѣжала осматривать свое жилище, состоящее изъ 3-хъ комнатъ, расположенныхъ въ рядъ, изъ средней былъ выходъ. Стѣны комнаты, въ которой я спала, были деревянные, двери ея были украшены полумѣсяцами; въ глубинѣ двѣ большія двери одного изъ тѣхъ алькововъ, куда турки заключаютъ своихъ женъ. Потолки были тоже обшиты досками, полъ земляной, хорошо убитый; окна съ деревянными рѣшетками, а вмѣсто стеколъ прозрачная бумага, которая могла только пропускать свѣтъ. Я открыла окно, чтобы посмотрѣть на дворъ. Противъ окна находились высохшія лозы винограда и большое вишневое дерево безъ вишенъ, такъ какъ ихъ время уже прошло. Я была печальна, такъ какъ мой мужъ получилъ приказаніе идти осаждать Килію; ему поручили командованіе пѣхотой, тогда какъ его полкъ составляла легкая кавалерія. Мысль о разлукѣ меня очень смущала, тѣмъ болѣе, что я оставалась одна съ перспективой пріѣзда князя Потемкина черезъ десять дней.

Послѣ отъѣзда моего мужа, я заперлась у себя, погруженная въ печальныя думы. Вокругъ меня всѣ были заняты пріѣздомъ князя; это ожиданіе мнѣ крайне не нравилось. Наконецъ онъ пріѣхалъ и просилъ меня прійти къ нему вечеромъ. Княгиня Долгорукая сказала мнѣ: «Будьте внимательны къ князю; онъ здѣсь пользуется властью государя». — «Я его знаю, княгиня», — возразила я: — «я его встрѣчала при дворѣ; онъ обѣдалъ у моего дяди, и я не

¹⁾ Княгиня Екатерина Оедоровна.

²⁾ Извѣстна была подъ именемъ «Красавицы Фанариотки» (la belle Fanariote), родилась въ Константинополѣ въ 1766 г., была сначала замужемъ за генераломъ Виттомъ, а затѣмъ за графомъ Станиславомъ-Феликсомъ Котоцкимъ. Умерла въ 1822 г. Она была тещей графа П. Д. Киселева.

понимаю, почему я должна выдѣлять его изъ всѣхъ, которыхъ я встрѣчала». Я получила этотъ маленькій совѣтъ по дорогѣ къ князю. Этотъ послѣдній встрѣтилъ меня со всѣми выраженіями самой искренней дружбы. «Я очень рада видѣть васъ, князь», — сказала я ему, — «но я признаюсь, что цѣлью моего пріѣзда сюда вовсе не была честь видѣть васъ, но вы отняли у меня моего мужа, и теперь я ваша плѣнница». Я сѣла; большая зала была полна генералами, между которыми я увидѣла князя Репнина ¹⁾, который велъ себя очень сдержанно, что мнѣ крайне не понравилось и увеличило мою смѣлость. «Я здѣсь одна», — думала я про себя: — «у меня нѣтъ руководителя; поэтому мнѣ слѣдуетъ держать себя гордо и съ твердостью». Это поведеніе удалось мнѣ отлично. Вечернія собранія у князя Потемкина становились все чаще. Волшебная азіатская роскошь доходила до крайней степени. Я скоро стала замѣчать его страстное ухаживаніе за княгиней Долгорукой; сначала она воздерживалась при мнѣ, но потомъ чувство тщеславія взяло верхъ, и она предалась самому возмутительному кокетству. Все окружавшее меня не нравилось мнѣ; атмосфера, которой я дышала, казалась мнѣ отравленной. Тѣ дни, когда не было бала, общество проводило вечера въ диванной гостиной. Мебель была покрыта турецкой розовой матеріей, вытканной серебромъ, на полу былъ разостланъ такой же коверъ съ золотомъ. На роскошномъ столѣ стояла филиграновая курильница, распространявшая аравійскія благоуханія. Намъ разносили чай нѣсколькихъ сортовъ. Князь носилъ почти всегда кафтанъ, обшитый соболемъ, и звѣзды: Георгіевскую и Андреевскую, украшенную брилліантами. У княгини было платье, очень похожее на одежду султанской фаворитки: недоставало только шароваръ. Г-жа Виттъ бѣсилась и играла роль простушки, хотя она шла къ ней очень плохо. М-ше Пашкова, въ замужествѣ г-жа Ланская, проживавшая у княгини, держала себя въ сторонѣ, насколько возможно ²⁾. Я проводила большую часть вечера за шахматами съ принцемъ Карломъ Виртембергскимъ ³⁾ и княземъ Репнинымъ. Княгиня Долгорукая не покидала князя Потемкина. Ужинъ подавался въ роскошной залѣ; купанья разносили кирасиры высокаго роста съ огромными воротниками; на головахъ у нихъ были черныя мѣховыя шапки, съ султаномъ; перевязи у нихъ были посеребренныя. Они шли подвое и напоминали гвардейцевъ, которыхъ я видѣла

¹⁾ Кн. Н. В. Репинъ, на дочери котораго женатъ былъ первымъ бракомъ братъ гр. Головиной, кн. О. Н. Голицынъ.

²⁾ Варвара Матвѣевна Пашкова (ум. 1831 г.), бывшая потомъ въ замужествѣ за Василіемъ Сергѣевичемъ Ланскимъ (род. 1751, ум. 1831), дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и членомъ государственнаго совѣта.

³⁾ Принцъ Карлъ Виртембергскій, братъ великой княгини Маріи Оеодоровны (ум. 1791 г.).

на театральной сценѣ. Во время ужина прекрасный оркестръ, изъ пятидесяти роговыхъ инструментовъ, исполнялъ самыя лучшія пьесы. Оркестромъ управлялъ Сарти ¹⁾; все было великолѣпно и величественно, но все это не веселило и не занимало меня: невозможно спокойно наслаждаться, когда забываютъ правила нравственности. Я не буду касаться ежедневныхъ событій: это было самое неприятное время моей жизни. Эта неискренняя любовь, основанная на тщеславіи, это вынужденное знакомство съ г-жей Виттъ, которая могла внушить одно презрѣніе, но къ которой я питала одно только тягостное чувство жалости, вообще все окружающее не отвѣчало моимъ душевнымъ наклонностямъ. Я думала только о томъ, какъ бы вырваться отсюда.

Однажды вечеромъ я услышала пушечные выстрѣлы, возвѣщавшіе о взятіи Киліи ²⁾: у меня сердце содрогнулось. Но, узнавъ, что мой мужъ здоровъ, я была въ восторгѣ, внѣ себя отъ радости. На другой день я отправилась на молебень, послѣ котораго обратилась къ князю, прося его вызвать моего мужа. «Я тотчасъ отправлю приказъ», сказалъ онъ, «и пришлю вамъ съ него копію, чтобы вы имѣли о немъ понятіе». И, дѣйствительно, едва я успѣла вернуться къ себѣ, какъ получила бумагу, въ которой предписывалось отправить, какъ можно скорѣе, графа Головина къ его женѣ, даже въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ противъ этого. На другой день мой мужъ пріѣхалъ верхомъ. Оказалось, что онъ находился въ 100 верстахъ отъ насъ. Теперь я вздохнула свободно. Мнѣ хотѣлось немедленно возвратиться въ Петербургъ, но вскорѣ должны были праздновать день святой Екатерины. Князь готовилъ роскошное празднество; я полагала, что съ моей стороны было бы большою любезностью по отношенію къ князю, если бы я присутствовала на этомъ праздникѣ, такъ какъ онъ все время осыпалъ меня знаками вниманія. Въ день празднества насъ провезли на линейкахъ мимо 200-тысячной (sic) арміи, расположенной по дорогѣ и отдававшей намъ честь. Мы подъѣхали къ обширной подземной залѣ, роскошно убранной. Противъ красиваго дивана было устроено нѣчто въ родѣ галлерей, наполненной музыкантами. Звуки инструментовъ, раздававшіеся въ подземельѣ, казались глухими, но отъ этого они только выигрывали. Вечеръ закончился блестящимъ ужиномъ; мы возвращались въ этихъ же экипажахъ, среди той же боевой арміи. Бочки съ зажженною смолой служили намъ фонарями; все это прекрасно и величественно, но я нисколько не сожалѣла, когда вечеръ кончился, и я вернулась домой. На другой день я послала за генера-

¹⁾ Извѣстный въ то время композиторъ, Юсифъ Сарти (род. 1730 г., ум. 1802 г.). Лучшей его оперой считается «Армида».

²⁾ 18-го октября 1790 г.

ломъ Рахмановымъ ¹⁾, который былъ ко мнѣ очень расположенъ; я просила его выхлопотать у князя, котораго онъ былъ любимцемъ, отпускъ для моего мужа. Онъ отвѣчалъ, что князю будетъ пріятнѣе, если я ему напишу сама, но я настаивала на томъ, чтобы онъ просто исполнилъ мое порученіе, прибавивъ, что потомъ я увижу по обстоятельствамъ, что предпринять. Онъ возвратился, передавъ, что князь умолялъ меня написать ему хотя бы два слова, чтобы доставить ему удовольствіе засвидѣтельствовать мнѣ письменно свои чувства дружбы и уваженія ко мнѣ. Я написала ему наскоро маленькую записку на сколько могла любезно, передала ее генералу Рахманову, который взялся тотчасъ отнести ее; онъ вскорѣ вернулся съ самымъ обязательнымъ отвѣтомъ, скажу даже трогательнымъ. Это письмо у меня хранится до сихъ поръ. Я дѣятельно принялась за приготовленія къ отъѣзду, который огорчалъ князя Потемкина. Княгиня Долгорукая была тоже въ отчаяніи: послѣ моего отъѣзда она оставалась единственной дамой въ арміи, и потому ей было неудобно оставаться тамъ послѣ меня.

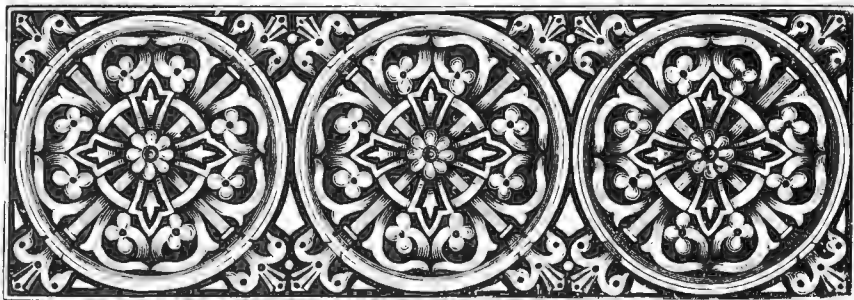
Наканунѣ моего отъѣзда я отправилась проститься съ княземъ Потемкинымъ и поблагодарить его за его знаки вниманія ко мнѣ. Я уѣхала съ мужемъ въ восторгѣ отъ того, что избавилась отъ обстановки, которая мнѣ была совѣмъ не по душѣ.

Графиня В. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Гавриилъ Михайловичъ Рахмановъ. Въ описываемое время онъ былъ еще полковникомъ.

ПЫТЛИВЫЙ УМЪ.

I.

ВЪ ОДНОЙ изъ отдаленныхъ отъ центра улицъ, Петербурга, неподалеку отъ Невы, гдѣ было мало движенія, но много простора и воздуха, въ небольшомъ каменномъ двухъэтажномъ домикѣ, жилъ весьма извѣстный литераторъ съ большой семьей. Литераторъ принадлежалъ къ старому поколѣнью, о чемъ можно было судить по его сѣдой окладистой бородѣ и лицу, изборожденному морщинами. Онъ былъ высокаго роста, но ходилъ уже нѣсколько сгорбившись и основательно опираясь на палку, и въ то время, о которомъ мы говоримъ, рѣдко можно было видѣть его на улицѣ и въ обществѣ, а въ театры и другія мѣста, гдѣ можно было встрѣтить многолюдство, онъ совсѣмъ пересталъ ѣздить.

— Ахъ, милый мой,—говорилъ онъ тому, кто объ этомъ у него спрашивалъ (это было его любимое словечко),— доля писательской души особенная: все на нее нападаетъ, ничто не проходитъ мимо безъ того, чтобъ не кольнуть ея, не ущипнуть, не поцарапать, не обвѣять холодомъ или тепломъ, и на все она откликается, на все отвѣчаетъ, а подъ конецъ жизни эта исколотая, ищипанная душа просто никуда не годится.

И любилъ онъ съ своей усталой душой просиживать долгіе часы въ своемъ глубокомъ, старинномъ креслѣ, въ тиши кабинета,

среди дружески глядѣвшихъ на него многочисленныхъ книгъ, собранныхъ за долгую жизнь, и вспоминать о пережитомъ.

Писалъ онъ уже мало, но всякій разъ, когда появлялось что нибудь, подписанное его именемъ, въ литературныхъ кружкахъ происходило оживленіе, переходившее и въ публику, а онъ издали прислушивался къ легкому шуму этого движенія, и ему было пріятно, онъ чувствовалъ удовлетвореніе. «Значить, не даромъ утомлялъ свою душу; все-таки что нибудь осталось. Есть таки отголосокъ прежняго успѣха, прежняго вліянія»...

И вотъ, однажды, когда онъ сидѣлъ такимъ образомъ въ одиночествѣ, пришла горничная и подала ему визитную карточку.

— Этотъ господинъ желаетъ васъ видѣть,—пояснила она.

Старый писатель взялъ карточку и прочиталъ то, что на ней было написано. Тамъ значилось: «Николай Петровичъ Ракузинъ». И больше ничего.

Кто же этотъ Ракузинъ? Никогда не слышалъ онъ этого имени. А, можетъ быть, по старости и позабылъ...

— Что же ему надо?—спросилъ писатель.

— Не знаю. Хотятъ видѣть.

— По дѣлу?

— Нѣтъ, говорятъ — такъ, просто видѣть.

— Гм...

Въ послѣднее время это случалось уже нѣсколько разъ. Приходили къ нему люди совершенно незнакомые, приходили съ великимъ смущеніемъ и объявляли, что имъ ничего отъ него не нужно, а только видѣть его. Что это значить? Смерть приближается, вотъ что это значить. Вотъ они и идутъ смотрѣть человѣка, котораго скоро не станетъ.

Это была грустная мысль, но въ ней онъ находилъ и кое-что пріятное, какое-то щекотаніе стараго самолюбія. Приходятъ, значить, что нибудь онъ для нихъ составляетъ, чего-то они ищутъ въ немъ.

И у него не было силъ отказать имъ, прогнать ихъ прочь, и онъ впускалъ ихъ къ себѣ, хотя тяжело было говорить съ людьми, которые сами не знали, зачѣмъ пришли, что имъ надо. Они уходили и больше никогда не являлись. Должно быть, и этотъ изъ такихъ же.

Онъ повертѣлъ въ рукахъ карточку. Она ему не понравилась. Небольшихъ размѣровъ, на тонкой бумагѣ цвѣта утиного яйца, съ блѣднозелеными полосками... Богъ знаетъ что! Претензія и безвкусіе. Но это вѣдь ровно ничего не значить.

— Ну, что-жъ, проси его сюда,—сказалъ онъ горничной, и та ушла.

Черезъ минуту явился человѣкъ небольшого роста, плечистый, но въ то же время и хилый, съ широкимъ блѣднымъ лицомъ, съ желтизной на щекахъ и какими-то коричневатыми пятнами на ви-

скалъ. Борода у него была выбрита, волосы на головѣ жиденькіе, причесанные слѣва направо. Глаза маленькіе, «впивчивые».

Возростъ его сразу трудно было опредѣлить. Но молодостью отъ него не вѣяло,—должно быть, нѣсколько болѣе сорока лѣтъ. Это удивило стараго писателя. Тѣ, что являлись къ нему, были все очень молодые люди и ступали робко и неувѣренно.

— Николай Петровичъ Ракузинъ!—еще словесно отрекомендовалъ себя гость.

— Садитесь, пожалуйста,—сказалъ писатель,—и извините старика. Не такъ-то здоровъ и вообще... Вообще скученъ я сталъ въ послѣдніе годы. Какое нибудь дѣло у васъ?

Ракузинъ сѣлъ и, внимательно всмотрѣвшись въ лицо хозяина, отвѣтилъ:— нѣтъ, дѣла никакого не имѣю... А такъ, читаю васъ очень и почитаю и хотѣлъ видѣть воочию человѣка, который задѣлъ меня глубоко.

— Я васъ задѣлъ? Чѣмъ же?

— О, многимъ, многимъ. Я вотъ смотрю на ваше лицо и сравниваю съ портретами, которые видѣлъ. А видѣлъ я ихъ много. И у меня самого имѣется ихъ съ десятокъ. Нѣтъ, не то. Ни одинъ не схватилъ самага главнаго.

— Что же это главное?—спросилъ писатель, съ видимымъ любопытствомъ прислушиваясь къ его не совсѣмъ обычнымъ рѣчамъ.

— Проникновенность! Не могу объяснить точно... Но именно то, чего нѣтъ въ другихъ лицахъ, чего нѣтъ, напримѣръ, въ моемъ лицѣ, что отличаетъ безсмертнаго отъ смертнаго.

Это было, пожалуй, грубо и походило на лесть, и такая мысль мелькнула у писателя, но слабъ человѣкъ, а особенно старый писатель, всю жизнь боровшійся изъ-за успѣха,—существо съ острой гордостью, истерзаннымъ самолюбіемъ. И слова, несмотря на свою грубоватость, подкупили его. Ракузинъ продолжалъ.

— А задѣли вы меня вотъ чѣмъ. Я человѣкъ простой, живу маленькимъ достояніемъ, оставленнымъ мнѣ родителями, кое-когда что нибудь напишу и говорю прямо: безъ дарованія, безъ искры Божіей... Но... ничего, напечатаютъ, спасибо.

— А что же вы писали?

— Такъ, газетныя статейки, безъ имени; а задѣли вы меня вотъ чѣмъ. Въ одной вашей повѣсти говорите вы про писателя точь въ точь вотъ что. Я наизусть эти слова выучилъ: «для писателя чѣмъ больше страданій, тѣмъ лучше, чѣмъ страшнѣй переживаетъ онъ жизнь, тѣмъ глубже онъ научается проникать въ человѣческія души, тѣмъ правдивѣе онъ освѣщаетъ ея темныя глубины. Страданіе, это — школа для писателя. Человѣкъ, который не страдалъ, не можетъ быть писателемъ, и не долженъ брать въ руки пера. Онъ можетъ разсмѣшить, но никогда не тронетъ. Онъ можетъ обидѣть, но никогда не прозвизитъ душу ядовитой стрѣлой»... Выходитъ такъ,

что писатель какъ бы несетъ на себѣ наказаніе за человѣческіе грѣхи. Выходитъ такъ, что въ то время, какъ другіе наслаждаются жизнью, писатель за cadaго изъ нихъ переживаетъ то страданіе, которое лежитъ въ глубинѣ всякаго наслажденія. Когда другіе пьютъ изъ чаши сладкій игристый напитокъ, писатель выпиваетъ только тотъ ядовитый осадокъ, что лежитъ на днѣ чаши...

Старый писатель посмотрѣлъ на него внимательнымъ взглядомъ, какъ бы желая проникнуть, подлинно ли изъ глубины души его вырываются эти мысли. Ему понравился этотъ выводъ изъ его положеній. Казалось, онъ подслушалъ то, что еще осталось въ душѣ его, когда онъ писалъ, и чего онъ не дописалъ потому, что оно было для него неясно.

— Да, вы правы; вы лучше, чѣмъ я, выразили мою основную мысль!—сказалъ хозяинъ.— Одно только прибавить надо: писатель истинный, писатель по призванію...

— Я разумѣлъ это. Это само собой подразумевается. Тотъ, кто посланъ отъ Бога... Пророкъ!

— И это хорошо!—сказалъ хозяинъ.—Истинный писатель, по призванію, это есть пророкъ.

И полилась рѣчь его, какъ давно уже не лилась. Давно онъ ужъ сталъ думать, что источникъ вдохновенія въ душѣ его охладѣлъ или изсякъ,— но нѣтъ, это неправда. Вотъ этотъ неизвѣстный ему человѣкъ точно сорвалъ покрывало съ алтаря, на которомъ онъ прежде приносилъ свои священные жертвы, и опять зажглось на немъ пламя и высоко подымается къ небу дымъ изъ кадиланицы, и онъ ощущаетъ то дивное настроеніе, которое давало ему счастливыя минуты во всю жизнь.

Часы идутъ, а въ кабинетѣ стараго писателя нѣтъ ни одной минуты молчанія; раздается то угрюмый басистый голосъ хозяина, то теноровый, нѣсколько рѣзкій въ минуты увлеченія, голосъ Ракузина. Живой горячій споръ не умолкаетъ.

Принесли свѣчи, подали по стакану чая. Тысяча новыхъ вопросовъ цѣпляются одинъ за другой, и всѣхъ ихъ касается старый писатель и весь высказывается въ откровенныхъ словахъ.

Пробило десять, вошла дѣвочка лѣтъ четырнадцати и тихонько подошла къ старику.

— Папа, ты долженъ ложиться спать. Мама послала меня сказать тебѣ это.

— Ахъ, да, да, дитя мое, мы заболтались. Какъ жаль!.. Докторъ мой не позволяетъ мнѣ ложиться позже десяти.

Ракузинъ поднялся. Старый писатель протянулъ ему руку.

— Я очень радъ нашему знакомству и очень благодаренъ вамъ. Сегодня я узналъ, что я еще не умеръ, что меня еще можно задѣть за живое мѣсто, а значить... значить и живое мѣсто еще есть въ душѣ моей. Прощу васъ, милый мой, заходите еще ко мнѣ...

Ракузинъ поблагодарилъ, попрощался и ушелъ.

II.

Онъ шелъ по улицамъ быстро, какъ человѣкъ, страшно торопящійся по какому нибудь неотложному дѣлу. На каждомъ шагу попадались извозчики, которые предлагали свои услуги, но онъ отвергалъ ихъ. Онъ никогда не ѣздилъ на извозчикахъ, потому что это было ему не по средствамъ. «Достояніе», оставленное ему родителями, было такъ ничтожно, что онъ, живя въ миниатюрной комнатѣ пятаго этажа, принужденъ былъ настоящимъ образомъ обѣдать только два раза въ недѣлю, въ остальные же дни ѣлъ колбасу и запивалъ ее чаемъ. Можетъ быть, отъ этого на лицѣ его появились блѣдность и желтизна, придававшія этому лицу видъ страданія. Но у него были крѣпкія ноги, и онъ никогда не боялся утомить ихъ.

И онъ шелъ съ такой быстротой, что извозчикъ, ѣдущій обычной рысцей, не могъ бы сравняться съ нимъ. И при этомъ, когда онъ проходилъ мимо горѣвшихъ фонарей, и лицо его на секунду освѣщалось, видно было, что въ головѣ его происходила напряженная работа. Онъ какъ бы старался что-то не забыть, удержать въ памяти, не уронить ни одного слова, ни одного звука изъ того, что слышалъ.

Иногда, для большей вѣрности, онъ шепотомъ произносилъ цѣлыя тирады, и губы его тогда быстро двигались; было что-то странное въ этой невысокой коренастой фигурѣ съ развѣвавшимися полами крылатой накидки, торопливо пробиравшейся въ ночное время по улицамъ и переулкамъ и сильно стучавшей по тротуару своими тяжелыми сапогами.

Но вотъ онъ уже перебѣжалъ Невскій, уклонился съ сторону Лиговки и въ довольно отдаленной части этой безконечной улицы вошелъ въ ворота высокаго дома и по темной узкой грязной лѣстницѣ поднялся въ пятый этажъ.

Неохотно отперла ему двери финка съ безцвѣтнымъ бѣлобрысымъ лицомъ, лишеннымъ всякаго выраженія. Было около одиннадцати часовъ, и она уже спала, когда онъ ее потревожилъ. Ракузинъ прошелъ черезъ миниатюрную переднюю, потомъ черезъ кухню, и очутился въ маленькой комнаткѣ съ однимъ окномъ, выходящимъ прямо въ желтую стѣну сосѣдней постройки.

Онъ зажегъ свѣчу, бросилъ на кровать свою крылатую верхнюю одежду и сѣлъ къ столу.

Въ комнатѣ только и было, что кровать, столъ и два стула, да въ углу этажерка съ десяткомъ книгъ и множествомъ длинныхъ и узкихъ тетрадей, составленныхъ и спитыхъ домашнимъ способомъ. Умывался Ракузинъ въ кухнѣ изъ крана. Воздуху въ этой комнатѣ было очень мало, но онъ старался всѣми силами сберечь его. Онъ

не курилъ вовсе и черезъ каждыя полчаса открывалъ на минуту форточку.

Онъ писалъ такъ же быстро, какъ шелъ по улицѣ. Буквы у него были странныя. Казалось, онъ писалъ не той азбукой, которую употребляютъ всѣ, а какой-то особенной, имъ самимъ сочиненной. Но это было не такъ. Это были тѣ же буквы, лишь отъ спѣшности измѣнившія свою форму; но онъ ихъ зналъ хорошо.

То, что онъ писалъ, очевидно, имѣло форму діалога. Иногда онъ останавливался и припоминалъ, а вспомнивъ стремительно клалъ на бумагу. Память у него была удивительная, и когда онъ записалъ весь разговоръ съ старымъ писателемъ отъ начала до конца, то положилъ перо и вытеръ рукавомъ потъ на лбу.

Но на лицѣ его выразилось удовольствіе; онъ былъ радъ, что все это такъ хорошо вышло. До сихъ поръ онъ никогда не видалъ этого писателя, но онъ слышалъ про него много суроваго. Говорили, что онъ сталъ угрюмымъ и рѣдко кого принимаетъ, а если и рѣшается, то изъ него и слова не выжмешь. А вотъ онъ выжалъ и еще сколько драгоценныхъ словъ!

Надо только подойти къ человѣку хорошо вооруженнымъ. Надо задѣтъ въ душѣ его тѣ струны, которыя сильно натянуты, и онѣ зазвучатъ, зазвучатъ неудержимо...

О жизнь! Что за удивительный учитель! Какимъ великимъ истинамъ ты обучаешь! Да, онъ неудачникъ, это вѣрно. Ему до сихъ поръ ничто не удавалось. Ему сорокъ два года...

Боже мой, сорокъ два года! Это больше, чѣмъ половина жизни. Онъ началъ свою литературную дѣятельность, когда ему было двадцать четыре. И вотъ до сихъ поръ живетъ въ этой конурѣ, долженъ ходить черезъ кухню и чуть не переступать черезъ финку, которая спитъ въ кухнѣ, такъ какъ другія двѣ комнаты она отдаетъ другимъ жильцамъ.

Онъ платитъ за комнату всего восемь рублей въ мѣсяцъ. Въ сорокъ два года! Никто этого не знаетъ, но какъ всѣ были бы удивлены... Лѣтъ семнадцать тому назадъ онъ началъ свою литературную дѣятельность. Семнадцать лѣтъ! Да, но какая это дѣятельность! Развѣ это была дѣятельность? Это были попытки, начавшіяся великимъ и дошедшія до поворно малаго.

Онъ началъ съ того, что задумалъ огромный романъ, который долженъ былъ создать новую школу, новое направленіе въ искусствѣ. Когда онъ написалъ его, то романъ вышелъ маленькій, тощій, и все въ немъ было блѣдно, фальшиво, искусственно, и никто не захотѣлъ печатать его.

Но онъ не смирился, онъ пробовалъ еще и еще... Но нѣтъ, это былъ не его жанръ. Онъ искалъ свой жанръ. Онъ пробовалъ себя въ комедіи, въ поэмѣ, писалъ длинныя стихотворенія, но стихъ у него былъ дубовый, неестественный.

Нѣтъ, онъ не драматургъ и не поэтъ; но въ душѣ этого неудачнаго человѣка, гдѣ очевидно и явно уже для всѣхъ не было заложено ни малѣйшей искры Божіей, жили неудержимая энергія и настойчивость. Онъ добивался. Послѣ каждой новой попытки онъ честно признавалъ себя побѣжденнымъ и говорилъ себѣ: этого у меня нѣтъ, поищемъ другого. И онъ писалъ философскія статьи, критическіе отзывы, цѣлые трактаты о народномъ хозяйствѣ,—и все, рѣшительно все, за что онъ ни брался, выходило мертво и искусственно.

И вотъ онъ пришелъ, наконецъ, къ заключенію: нѣтъ, у него ничего нѣтъ. Напрасно онъ выбралъ литературную карьеру. Ему слѣдовало бы заниматься огородничествомъ или открыть маленькій трактиръ безъ крѣпкихъ напитковъ. «Достоянія» какъ разъ на это хватило бы, и, можетъ быть, теперь онъ ѣздилъ бы уже на своихъ лошадяхъ.

Но семнадцать лѣтъ было убито на это, и было уже поздно. Всѣ связи его были въ литературномъ мірѣ. Наконецъ, онъ хотя и ничего не произвелъ замѣчательнаго, былъ литераторъ, и всѣ его знали, какъ литератора. И такъ какъ неудержимая энергія не переставала работать, то его осѣнила мысль, которую онъ самъ, вполне безпристрастный судья самого себя, назвалъ гениальной.

Да, трудно найти свое призваніе. Но если человѣкъ даже послѣ семнадцати лѣтъ попытокъ найдетъ его, то онъ счастливъ, и чего ему еще желать? Ракузинъ нашелъ свое призваніе. Онъ нашелъ его, онъ это чувствовалъ, и нынче это не первый опытъ; это именно то, на что онъ годится. Ничего создать онъ не можетъ, но у него дивная память, и онъ можетъ записать, а записанное никогда не пропадаетъ даромъ. Надо только знать, что записывать. А онъ хорошо зналъ. Не даромъ онъ семнадцать лѣтъ бесплодно вращался въ мірѣ литераторовъ, журналовъ, газетъ и книгъ. И вотъ онъ сидитъ за столомъ и пишетъ, пишетъ. Посмотрѣть со стороны, можно подумать, что его осѣнило вдохновеніе. Глаза горятъ, дыханіе учащено, даже волосы на его головѣ, обыкновенно находившіеся въ образцовомъ порядкѣ, какъ будто вышли изъ повиновенія и уже не такъ безусловно лежатъ слѣва направо. И по внѣшности то, что онъ писалъ, походило на повѣсть или романъ,—спервашло описаніе обстоятельствъ, фигуры, манеры, привычекъ, потомъ длинный безконечный діалогъ.

Но это было вдохновеніе памяти. Онъ напрягалъ ее. Онъ боялся пропустить какую нибудь характерную подробность, и капли пота выступали у него на лбу. Но онъ ихъ не замѣчалъ.

Уже давно прошла полночь, и только тогда, когда свѣча догорѣла до конца и вдругъ комната озарилась яркимъ пламенемъ отъ загорѣвшейся бумаги въ подсвѣчникѣ, онъ пришелъ въ себя и положилъ перо. Свѣчей у него больше не было. Да если бы и были

онъ пощадилъ бы ихъ. Ему было не по средствамъ сжигать по двѣ свѣчи въ вечеръ, да и зачѣмъ? Главное записано. А завтра взойдетъ солнце и дастъ ему достаточно дарового свѣта, чтобы дописать остальное.

Онъ поторопился раздѣться, погасилъ неистовое пламя и легъ въ постель, совершенно довольный сегодняшнимъ днемъ.

Онъ долго не засыпалъ, а все думалъ о своемъ визитѣ и очень хвалилъ себя.

До сихъ поръ онъ никогда не встрѣчался съ старымъ писателемъ. Лѣтъ десять назадъ онъ его видѣлъ издали на одномъ литературномъ вечерѣ, но самъ не былъ замѣченъ имъ; но тогда онъ еще самъ не терялъ надежды занять, если не его мѣсто, то какое нибудь другое, равное по значенію. Тогда онъ пробовалъ себя въ драматической литературѣ.

Теперь, когда онъ пришелъ къ новому заключенію относительно своихъ способностей, онъ вспомнилъ о старомъ писателѣ случайно. Онъ прочиталъ въ какой-то газетѣ замѣтку, въ которой «съ искреннимъ удовольствіемъ» сообщалось, что нашъ уважаемый, извѣстный писатель Н. чувствуетъ себя достаточно здоровымъ и бодрымъ и даже началъ новое произведеніе, которое появится въ одномъ изъ журналовъ къ веснѣ.

Онъ подумалъ: когда о комъ нибудь ни съ того ни съ сего пишутъ, что онъ чувствуетъ себя здоровымъ и бодрымъ и при этомъ еще «съ искреннимъ удовольствіемъ», то, значитъ, въ этомъ сомнѣваются, и, слѣдовательно, писатель Н. не прочтенъ.

Ему оставалось только найти наилучшій способъ познакомиться съ нимъ, именно наилучшій, чтобы вызвать его на откровенность, чтобы внушить довѣріе.

Онъ сталъ ходить въ бібліотеку и усердно читалъ произведенія стараго писателя. Онъ отмѣчалъ у себя въ записной книжкѣ все, что казалось ему характернымъ, и однажды попалъ на ту тираду, которую цитировалъ сегодня во время визита. Ему показалось, что тирада эта написана отъ души, и что она составляетъ какъ бы основную вѣру стараго писателя. И онъ рѣшилъ сѣсть на нее верхомъ и поѣхать. Онъ вызубрилъ ее наизусть и пустилъ въ ходъ. Онъ не ошибся. Писатель отозвался на это усердіе, и узелъ завязался самъ собой.

Да, вся суть въ томъ, чтобы къ человѣку умѣть подойти. Еще третьяго дня онъ бесѣдовалъ съ однимъ знакомымъ литераторомъ, который зналъ хорошо стараго писателя, и тотъ сказалъ: онъ теперь въ безнадежномъ настроеніи. Его лучше и не трогать. И такъ думали всѣ о немъ въ литературныхъ кружкахъ.

Но это просто оттого, что они не умѣли подойти къ нему. А къ человѣку надо подойти вотъ какъ. Надо сперва осторожно от-

крыть всё заслонки, которыми закрывается его душа, и, когда это сдѣлано, прямо въ душу и лѣзть.

Съ этими мыслями Ракузинъ заснулъ и спалъ счастливымъ сномъ.

III.

Дней черезъ пять онъ снова былъ въ отдаленной улицѣ, и на этотъ разъ старый писатель встрѣтилъ его, какъ хорошо знакомаго.

— А, милый мой Ракузинъ, я вамъ радъ. Можете себя представить,—я скучалъ по васъ. Рѣшительно въ васъ есть какая-то волшебная сила. Я васъ сегодня и съ женой моей познакомлю. Вообразите, жена меня не узнавала всё эти дни. И я сказалъ ей, что меня вылѣчилъ Ракузинъ. Но послѣ этого я ужъ обязанъ показать васъ ей.

Ракузинъ выразилъ искреннее удовольствіе и въ этотъ вечеръ пилъ чай за общимъ столомъ. Старый писатель былъ въ духѣ и много говорилъ. Жена его полупутя жаловалась, что онъ сталъ капризенъ и раздражителенъ, и рассказала для иллюстраціи нѣсколько эпизодовъ изъ его жизни.

А Ракузинъ все внимательно слушалъ и складывалъ въ душѣ своей. Когда онъ уходилъ, жена писателя сказала ему:

— Приходите къ намъ почаще. Когда онъ съ вами, онъ становится лучше.

— Ахъ,—подумалъ Ракузинъ,—вотъ что значитъ, какъ слѣдуетъ, подойти къ человѣку!

А самъ хозяинъ протянулъ ему руку и сказалъ:—приходите каждый день и самое лучшее въ обѣденный часъ. Вѣдь вы одиноки, вотъ и будете съ нами обѣдать.

И съ этихъ поръ Ракузинъ бывалъ у стараго писателя почти каждый день. Писатель и вся семья жаловали его. Онъ умѣлъ находить темы для неумолкаемыхъ разговоровъ, а главное видно было, что онъ глубоко изучилъ произведенія хозяина, вдумывался въ нихъ, многія мѣста зналъ наизусть и умѣлъ оригинально освѣщать ихъ, толковать, придавать имъ должное значеніе.

Онъ нерѣдко оставался на весь вечеръ, и тогда въ кабинетъ являлась жена и вся семья, и много часовъ шель дружескій разговоръ. Ракузинъ сдѣлался своимъ человѣкомъ.

Но недолго онъ пользовался этой новой дружбой. Писатель, хотя и сохранялъ хорошее расположеніе духа и даже подъ его влияніемъ дѣйствительно началъ писать новую повѣсть послѣ того, какъ цѣлый годъ не бралъ въ руки пера, тѣмъ не менѣе жаловался на какую-то непонятную боль внутри. И доктора къ нему пріѣзжали и осматривали его, но они какъ-то съ недоумѣніемъ качали головами. По лицамъ ихъ видно было, что его болѣзни они не понимаютъ.

Съ однимъ изъ докторовъ Ракузинъ какъ-то однажды вышелъ на улицу.

— Скажите, докторъ, мнѣ откровенно, я вѣдь человѣкъ дому посторонній, хотя и близкій другъ. Скажите, каково по-вашему его состояніе? Проченъ ли онъ?

— Говоря откровенно, я этого не нахожу,—отвѣтилъ докторъ.

— Такъ что вы думаете...

— Да, думаю, что мы его можемъ потерять внезапно.

— И скоро?

— Трудно предугадать, но организмъ сильно расшатанъ.

И не извѣстно почему, послѣ этого разговора Ракузинымъ вдругъ овладѣло желаніе уѣхать изъ Петербурга. Онъ на другой день побывалъ у писателя и сказалъ тамъ, что одно важное дѣло заставляетъ его недѣли на двѣ уѣхать въ Новгородъ.

— Какъ досадно!—сказалъ старый писатель.—Я безъ васъ опять замру...

— Позвольте же мнѣ писать вамъ!—попросилъ Ракузинъ.

— Ахъ, пожалуйста, почаще, каждый день!—воскликнулъ писатель, и жена его просила о томъ же.

Ракузинъ дружески разстался съ ними, прибѣжалъ домой, захватилъ чемоданчикъ и поѣхалъ въ Новгородъ.

Надо сказать, что въ Новгородѣ у него не было ни души знакомыхъ. Онъ остановился въ дешевенькой гостиницѣ и сейчасъ же написалъ письмо въ Петербургъ, на отдаленную улицу.

Онъ писалъ: «Я не знаю, какъ назвать то чувство, которое владеетъ мною,—словно я оторвался отъ родной семьи! такъ, должно быть, чувствуетъ вѣтка, когда ее отрѣзали отъ дерева. Я думаю, что чувство кровнаго родства есть не больше, какъ остатокъ низшей ступени развитія человѣка, а нынѣ оно должно уступить мѣсто чувству духовному. И это есть самая суть ученія Христа. Какъ вы объ этомъ думаете?»

Онъ писалъ очень мало, не желая такимъ образомъ утруждать вниманіе стараго писателя. Не прошло и двухъ дней, какъ онъ уже получилъ отвѣтъ: пять кругомъ исписанныхъ страницъ.

Старый писатель здѣсь высказывалъ свой взглядъ на родство, и Ракузинъ эти страницы прочелъ съ восхищеніемъ и пришилъ ихъ къ корешку особой тетрадки, которую еще въ Петербургѣ завелъ для этой цѣли.

Переписка продолжалась; онъ получилъ нѣсколько писемъ. Казалось, что Ракузинъ пріѣхалъ въ этотъ городъ единственно ради переписки. Казалось, что письма онъ писалъ такіа, которыя въ петербургскомъ климатѣ никакъ нельзя писать. Въ остальное время онъ ходилъ по городу и изучалъ топографію Новгорода безъ малѣйшей надобности когда нибудь примѣнить ее къ дѣлу.

Прошло дней десять. Тетрадка его, въ которую онъ подшивалъ

письма, сильно потолстѣла, но въ послѣднемъ письмѣ старый писатель жаловался на слабость и прямо просилъ его поскорѣй пріѣхать.

Онъ писалъ: «Я не знаю, кто вы и какъ вы прожили вашу жизнь, но мнѣ этого и не нужно. Съ меня довольно и того, что ваше присутствіе, вашъ пытливый умъ заставляютъ просыпаться во мнѣ мой духъ, который уже тихонько засыпаетъ. Старъ я, старъ, пора мнѣ... И у докторовъ такіе противные глаза. Думаютъ они обо мнѣ одно, а говорятъ мнѣ другое. Меня уже уложили въ постель. Пріѣзжайте, проведемте вмѣстѣ мои послѣдніе дни».

Ракузинъ испугался этого письма и страшно заторопился. Богъ знаетъ, что тамъ можетъ безъ него совершиться. Вѣдь докторъ сказалъ, что «мы можемъ потерять его внезапно».

Съ ближайшимъ поѣздомъ онъ покатилъ въ Петербургъ; а пріѣхавъ забѣжалъ домой, швырнулъ финкѣ свой чемоданъ и поѣхалъ прямо въ отдаленную улицу. И не напрасно онъ боялся. Старый писатель уже лежалъ въ постелѣ и былъ плохъ до послѣдней степени.

Онъ крѣпко пожалъ руку Ракузину и молча показалъ ему мѣсто на кровати близъ себя. Ракузинъ замѣтилъ, что жена его плакала, и понялъ, что конецъ близокъ.

Еще худшимъ признакомъ было то, что появились два, три писателя, которые въ періодъ его здоровья никогда не показывались и, можетъ быть, даже забыли о его существованіи. Но въ городѣ распространились тревожныя извѣстія о здоровьѣ стараго писателя, они и пришли. Заѣхалъ даже одинъ издатель и тихонько спросилъ жену, не писалъ ли онъ чего въ послѣднее время. Жена ничего не могла отвѣтить. Она знала, что было что-то начато, но не хотѣла говорить объ этомъ съ больнымъ.

Наступила ночь. Ракузинъ попросилъ жену писателя отдохнуть, а самъ взялся быть при больномъ.

Это была удивительная ночь. Больной, старый писатель уже навѣрно зналъ, что это—его послѣдняя ночь и, можетъ быть, даже и не вся. Тѣло его ослабѣло, но духъ еще былъ крѣпокъ, и у него явилось какое-то болѣзненное желаніе говорить, изливаться.

И какъ вдохновенно онъ говорилъ! Какихъ сокровенныхъ сторонъ человѣческаго духа онъ касался! Тутъ были и воспоминанія о литературныхъ отношеніяхъ, и характеристики замѣчательныхъ лицъ, и его сокровенныя мысли.

Ракузинъ слушалъ, и каждое слово само собою записывалось у него въ головѣ. Какой богатый матеріалъ для его записной книжки, какія драгоценныя слова!

— И вотъ,—говорилъ больной,—сорокъ лѣтъ я работалъ родинѣ. Сорокъ лѣтъ я развивалъ, увлекалъ, поучалъ и забавлялъ читателей,—а гдѣ они? Кто изъ нихъ пришелъ сказать мнѣ послѣднее прости? Сорокъ лѣтъ я завязывалъ дружескія связи съ собратьями,

а гдѣ они? каждый занятъ своимъ дѣломъ... Пришли вотъ эти, неловко было не прійти, пришли, посмотрѣли холоднымъ взглядомъ и ушли... Сколько сердце переволнуетъ писатель за свою долгую жизнь, сколько сердце бьется вровень съ его сердцемъ,—а когда приходитъ конецъ, его собственное сердце перестаетъ биться одиноко. Вотъ только вы пришли ко мнѣ, Ракузинъ, только вы со мной до конца. Какъ бы я хотѣлъ чѣмъ нибудь отблагодарить васъ, но чѣмъ? Что я могу? что я имѣю?

— Боже мой,—дрожащимъ голосомъ сказалъ Ракузинъ,—если бы только вы захотѣли...

— Что? говорите, что? Я хочу...

— Я знаю, что вы писали ваши воспоминанія... Подарите ихъ мнѣ. Это будетъ для меня драгоценнѣйшимъ залогомъ нашей краткой, но высокой дружбы.

— Но они скучны, милый мой. Что въ нихъ?

— О, это ничего. Они для меня не скучны. Я буду хранить ихъ, какъ самое глубокое ваше вдохновеніе...

— Возьмите, возьмите, милый мой, они тамъ, въ столѣ. Я охотно подарю ихъ вамъ.

Ракузинъ не заставилъ повторять. Онъ подошелъ къ столу. Онъ зналъ, что рукопись въ правомъ ящикѣ—взялъ заветные листки и вернулся къ больному.

— Только одно слово: «на память»... Ваша рука... это для меня такъ важно, такъ драгоценно...

— Она дрожить у меня!—сказалъ писатель.

— Какъ можете. Вѣдь это безцѣнно для меня... Вотъ перо, только одно слово...

Писатель взялъ перо и съ большимъ усиліемъ написалъ: «Другу моему Ракузину на память», и подписалъ свое имя.

Послѣ этого сильнаго напряженія онъ ослабѣлъ и пожелалъ видѣть семью. Ракузинъ спряталъ рукопись въ карманъ и позвалъ жену его и дѣтей, которые не спали. Всѣ собрались около больного. Черезъ часъ его не стало.

V.

Хоронили стараго писателя торжественно. Напрасно онъ такъ сурово отзывался о читателяхъ. Читатели его помнили, но во время его болѣзни каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ, а гробъ его собралъ огромную толпу.

Точно также и писатели не подтвердили его жестокаго мнѣнія о нихъ. Вся литература была на лицо и провожала его на мѣсто послѣдняго успокоенія.

Былъ здѣсь и Ракузинъ, но какъ-то ничѣмъ не проявилъ себя. Можно было ожидать, что онъ, напримѣръ, скажетъ надгробное слово. Но онъ не умѣлъ говорить публично и воздержался.

Однако, всѣмъ стало извѣстно, что въ послѣдніе дни старый писатель очень съ нимъ подружился и довѣрялъ ему. Объ этомъ говорили, и когда печальная процессія дошла до кладбища, къ Ракузину подошелъ издатель одной очень распространенной газеты.

— Скажите, вѣдь это правда, что вы были очень дружны съ покойнымъ?

— О, да, я былъ у него своимъ человѣкомъ.

— И вы присутствовали при его послѣднихъ минутахъ?

— Да, до послѣдняго вздоха.

— По всей вѣроятности, у васъ найдутся интересныя воспоминанія о его послѣднихъ минутахъ?

— Это были самыя вдохновенныя минуты. У меня записаны всѣ его рѣчи отъ слова до слова.

Издатель протянулъ ему руку.

— Пожалуйста, напишите статью... Я съ удовольствіемъ помѣщу ее и, конечно, хорошо оплачу.

— Съ удовольствіемъ!

— И вы понимаете, что это надо скоро, пока еще свѣжа память...

— Я понимаю, еще бы!

И Ракузинъ прямо съ похоронъ, забывъ даже зайти къ несчастной вдовѣ, помчался домой и заперся въ своей конурѣ.

На этотъ разъ онъ сдѣлалъ запасъ свѣчей и не жалѣлъ ихъ. Чтобы удобнѣе было писать, онъ зажегъ двѣ свѣчи, потребовавъ у финки экстраординарный подсвѣчникъ, а когда онѣ сгорѣли, онъ вставилъ новыя.

Онъ писалъ до утра статью, которая называлась: «Послѣднія минуты»... Минуты, конечно, вышли длинныя.

Зная очень хорошо свою собственную бездарность, Ракузинъ тщательно избѣгалъ писать свои слова и прибѣгалъ къ нимъ только въ самыхъ неизбѣжныхъ случаяхъ.

Но тѣ, что говорилъ покойный писатель въ предсмертномъ экстазѣ, были воспроизведены почти стенографически. Статья вышла интересной и захватывающей. Тутъ были его воспоминанія и разсужденія и горькія слова о публикѣ и писателяхъ.

Но Ракузинъ почувствовалъ, что необходимо примирить писателя съ публикой и товарищами, и указалъ на многочисленную толпу тѣхъ и другихъ на похоронахъ.

Только въ пять часовъ утра онъ поставилъ послѣднюю точку и подписалъ свой псевдонимъ, который, хотя принадлежалъ ему давно, но не былъ никому извѣстенъ.

«Низукаръ» — слово, которое представляло не что иное, какъ его фамилію, прочитанную съ конца. Тутъ онъ погасилъ свѣчи и легъ поспать. Въ девять часовъ онъ уже былъ на ногахъ. Его разбудила необходимость. У него, какъ онъ говорилъ, былъ внутри

будильникъ, который заставлялъ его просыпаться именно въ тотъ часъ, когда было нужно.

Одѣвшись и выпивъ стаканъ молока, онъ отправился въ редакцію. Тамъ его ждали. Редакторъ боялся, чтобъ онъ не отдалъ своей статьи въ другое изданіе.

Ракузинъ тотчасъ сообразилъ это и заломилъ за статью большія деньги. Поторговались, но все-таки вышло ничего.

Статья появилась на другой день и обратила на себя общее вниманіе. Другія газеты перепечатали изъ нея отрывки. Ракузинъ получилъ первый въ своей жизни приличный гонораръ. То, что ему платили до сихъ поръ за статейки, лучше даже и не вспоминать.

«Да, да,—говорилъ онъ, радостно потирая руки,—у всякаго человѣка есть какой нибудь талантъ, только надо умѣть отыскать его. Вотъ я и отыскалъ, я отыскалъ въ себѣ талантъ. Воспоминанія—вотъ мой талантъ. И право же, съ этимъ можно недурно прожить жизнь. Я это докажу. Какъ жаль, что я такъ поздно постигъ это, сколько пропущено прекрасныхъ случаевъ!»

Но это было только начало, а какія сокровища были въ его распоряженіи! Нѣсколько тетрадей съ собственными записками, рассказы о покойномъ писателѣ его жены, письма, эти драгоценныя письма, ради которыхъ онъ ѣздилъ въ Новгородъ и провелъ тамъ десять дней, и въ которыхъ покойный писатель такъ ярко высказался по многимъ вопросамъ, интересующимъ общество.

Вѣдь это все мѣшки съ золотомъ, изъ которыхъ можно черпать безъ конца. Наконецъ, онъ обладаетъ еще самой большой драгоценностью—собственными записками умершаго—надъ ними даже работать не надо. Тутъ каждое слово перлъ. Воспоминанія объ отдаленной эпохѣ, десятки всѣмъ извѣстныхъ лицъ, цѣлая галлерей портретовъ, написанная мастерски.

О, жизнь прекрасна, онъ всегда говорилъ это и, несмотря на постоянныя неудачи, никогда не падалъ духомъ.

Первымъ слѣдствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ была перемѣна квартиры. Какъ-то вдругъ оказалось, что Ракузинъ задыхается въ своей маленькой комнаткѣ, хотя прожилъ въ ней около восьми лѣтъ. До послѣдняго времени онъ былъ совершенно доволенъ своей комнатой и до того привыкъ къ финкѣ, что ему казалось невозможнымъ существованіе безъ нея. Но теперь онъ вдругъ и къ финкѣ почувствовалъ ненависть.

Да, все это ужасно, — ходъ черезъ кухню, эта возмутительная желтая стѣна, въ которую чуть не упирается его окно, эта грязная лѣстница, пятый этажъ, все это могло быть терпимо, пока онъ занимался пустяками, а теперь, когда ему предстоитъ трудъ серьезный, все это уже не могло удовлетворять его. Для серьезнаго труда требовалась и обстановка серьезная. Притомъ, зачѣмъ отказывать себѣ въ необходимомъ, разъ у него есть для этого средства?

И онъ нанялъ себѣ комнату на Пушкинской, въ третьемъ этажѣ. Ходъ былъ съ улицы, весьма приличный, съ швейцаромъ. Самая комната тоже не оставляла желать ничего лучшаго. Три окна выходили на улицу и пропускали много свѣта, на окнахъ стояли цвѣты, въ комнатѣ былъ мягкій диванъ, нѣсколько креселъ, письменный столъ, умывальникъ. Все это были такія блага, которыми первое время онъ даже не умѣлъ пользоваться, и ему приходилось дѣлать новыя привычки. Но теперь, по крайней мѣрѣ, къ нему могъ зайти порядочный человекъ, тогда какъ въ прежнее время онъ долженъ былъ тщательно скрывать свой пятый этажъ.

Переселившись на новую квартиру, онъ занялся распредѣленіемъ матеріаловъ. Прежде всего онъ рѣшилъ израсходовать то, что у него было въ головѣ. Этотъ матеріалъ легче всего могъ исчезнуть, такъ какъ голова не такое ужъ прочное помѣщеніе, чтобы ей можно было довѣриться вполнѣ. Потомъ онъ станетъ эксплуатировать записную книжку. Этого богатаго источника хватитъ ему надолго; и, наконецъ, для увѣнчанія зданія, онъ пуститъ въ ходъ записки самого писателя.

Ракузинъ былъ человекъ основательный и потому, приступая къ дѣлу, создалъ себѣ точный и опредѣленный планъ, которому собирался слѣдовать неуклонно. Онъ напишетъ семь статей. Статья первая: «Н., какъ человекъ». Здѣсь онъ воспользуется всѣмъ тѣмъ, что слышалъ отъ самого писателя и отъ его жены и что наблюдалъ самъ. Статья вторая: «Взгляды Н. на положеніе женщины и на семью». Статья третья: «Страданіе, какъ стимулъ вдохновенія. Изъ личныхъ воспоминаній объ Н.». Здѣсь онъ воспользуется разговоромъ, который происходилъ въ его первый визитъ съ покойнымъ писателемъ. Статья четвертая: «Взгляды Н. на отношенія между писателемъ и публикой». Сюда войдутъ послѣднія мысли, высказанныя покойнымъ въ день его смерти. Статья пятая: «Любовь въ произведеніяхъ Н. и его личный взглядъ на этотъ вопросъ». Статья шестая: «Первые шаги Н. на литературномъ поприщѣ по его личнымъ рассказамъ». Седьмымъ номеромъ онъ издастъ свою переписку съ нимъ того времени, когда онъ былъ въ Новгородѣ. Это будетъ имѣть двойное значеніе: во-первыхъ, письма дадутъ ему изрядную сумму, но, кромѣ того, наравнѣ съ извѣстнымъ именемъ Н. будетъ фигурировать и его собственное имя. А это очень важно.

Статьи появятся въ разныхъ журналахъ, куда какая подойдет. А затѣмъ, когда онѣ будутъ напечатаны всѣ, онъ соберетъ ихъ и издастъ самъ отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: «Н. Опытъ характеристики по личнымъ воспоминаніямъ, перепискѣ и проч. съ приложеніемъ подлинныхъ писемъ».

Тутъ можно будетъ приложить и портретъ покойнаго писателя, и при этомъ вотъ великолѣпная мысль! Почему же не приложить и его, Ракузина, портретъ? Вѣдь это такой прекрасный случай пред-

ставиться читателю, такого случая уже и не найдешь. Да, въ самомъ дѣлѣ, онъ непременно приложить и свой портретъ. Но самымъ послѣднимъ, самымъ козырнымъ номеромъ явятся воспоминанія самого Н. Они надѣлаютъ шуму. Въ нихъ затрогиваются такіе вопросы, въ нихъ фигурируютъ такіа замѣчательныя лица...

И вотъ Ракузинъ, составивъ подробный планъ, началъ свою плодотворную дѣятельность. Онъ точно слѣдовалъ своему плану, и въ теченіе года работалъ и усердно пожиналъ плоды. Появился рядъ его статей, всѣ семь номеровъ, которые были намѣчены въ планѣ, потомъ онъ собралъ ихъ воедино и издалъ книжку.

Одна только переменна въ планѣ произошла, когда ему пришло вновѣ обсудить вопросъ о портретахъ. Портретъ покойнаго Н. онъ помѣстилъ, что же касается его собственнаго портрета, то, несмотря на то, что у него было твердое намѣреніе тиснуть его, онъ, самъ не зная почему, въ послѣднюю минуту остановился. Это произошло безъ всякаго внѣшняго побужденія. Вдругъ почему-то ему показалось, что какъ-то неловко, даже совѣстно появиться рядомъ съ Н. Н.—это свѣточъ, Н. притомъ же еще есть источникъ его счастья, и онъ...—что такое въ сущности онъ? Если разсудить добросовѣстно, то онъ въ сущности есть ничто. Ему удалось выудить изъ знаменитаго человѣка много полезныхъ свѣдѣній, удалось поддѣть его на переписку, удалось, наконецъ, выключить его собственныя записки, и этимъ ограничивается вся его роль. Эти соображенія, которыхъ онъ, конечно, никому не высказалъ, заставили его выпустить книжку только съ портретомъ покойнаго Н.

Прошло уже больше года съ тѣхъ поръ, какъ похоронили стараго писателя. Ракузинъ за это время два раза побывалъ у его жены, именно въ день новаго года и въ годовщину смерти писателя.

Наконецъ, наступило время дать ходъ собственнымъ запискамъ покойнаго Н. До сихъ поръ онѣ лежали подъ спудомъ, не было надобности выпускать ихъ въ свѣтъ, потому что былъ запасъ менѣе значительныхъ матеріаловъ.

Ракузинъ засѣлъ за нихъ и принялся редактировать. Онѣ были написаны небрежно и неточно. Онъ переписалъ ихъ, и возстановилъ пропуски, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже поправилъ слогъ, который казался ему недостаточно яснымъ и, когда все было готово, онъ сказалъ себѣ: «это увеличить мое «достояніе» по крайней мѣрѣ втрое».

Рукопись была драгоцѣнна, и онъ рѣшился продать ее дорого. Онъ отправился въ редакцію, которую должна была интересовать такая вещь. Тамъ его знали, онъ помѣстилъ тамъ два номера изъ своего плана.

— Ну, что?—спросили его,—навѣрно опять что нибудь объ Н.? Знаете, о немъ уже слишкомъ много написано, пора бы и помолчать.

— Это не то, что вы думаете,—сказаль Ракузинъ.—Это очень важная вещь. Это записки самого Н.

— А, это совсѣмъ другое дѣло. Записки Н.—это интересно. Вы оставьте у насъ, мы прочитаемъ и посмотримъ.

Ракузинъ оставилъ рукопись, а когда явился вторично, то увидѣлъ, что редакторъ плѣнень.

— Да, записки чрезвычайно интересны!—сказаль редакторъ,—но вотъ вопросъ: какимъ образомъ вамъ досталась эта рукопись?

— Мнѣ подарилъ ее покойный,—отвѣтилъ Ракузинъ.

— У васъ есть доказательства?

— Вы сомнѣваетесь?—слегка обидѣвшись, промолвилъ Ракузинъ.

— Нѣтъ, не то... Но дѣло въ томъ, что я долженъ на что нибудь опираться. У покойнаго Н. есть наслѣдники, они могутъ заявить свои права...

— Хорошо, въ такомъ случаѣ я вамъ дамъ доказательство. Вотъ собственноручная надпись покойнаго Н.

— Да, это несомнѣнно его рука,—сказаль редакторъ и, несмотря на это, все-таки сомнительно покачалъ головой.

— Но въ чемъ вы сомнѣваетесь?—спросилъ Ракузинъ.

— Но изъ этой надписи не слѣдуетъ, что вы можете распорядиться рукописью.

— Какъ не слѣдуетъ?

— Да, здѣсь сказано «на память». Ну, значитъ, вы можете хранить ее для памяти, но распорядиться ею, какъ собственностью, въ смыслѣ напечатанія, вы не имѣете права. Это право наслѣдниковъ. И потому совѣтую вамъ предварительно поговорить съ вдовой покойнаго.

Ракузинъ не только не согласился съ редакторомъ, но даже былъ оскорбленъ. Онъ считаль рукопись своею собственностью. Онъ взялъ ее обратно и удалился.

Онъ такъ свыкъся съ мыслью, что это его собственность, что замѣчаніе редактора показалось ему чѣмъ-то въ родѣ грабежа. Онъ пошелъ въ другую редакцію, тамъ сказали ему то же. Въ третьей тоже не согласились принять. Наконецъ, онъ нашель редакцію, которая, не вникая въ вопросъ о собственности, ухватила обѣими руками за драгоцѣнные матеріалы и напечатала ихъ.

Воспоминанія обратили на себя общее вниманіе и читались на расхватъ. Ракузинъ получилъ значительную сумму и отнесъ ее въ банкъ, присоединивъ къ «достоянію».

Но тутъ какъ-то вдругъ пресѣклись его удачи; ему пришлось претерпѣть нѣкоторыя огорченія. Къ нему явился господинъ, назвавшійся адвокатомъ и повѣреннымъ госпожи Н., вдовы покойнаго писателя. Это былъ очень любезный господинъ, который очень деликатно началъ спрашивать Ракузина о рукописи. Ракузинъ сослался на надпись. Повѣренный попросилъ показать ее и тщательно

изслѣдовалъ. Произошелъ довольно продолжительный разговоръ, результатомъ котораго было полное сознаніе Ракузина въ томъ, что онъ не имѣлъ права печатать чужую рукопись. Онъ кипятился и волновался, но не могъ не признать этого.

— Что же отъ меня хотятъ?—наконецъ спросилъ онъ.

— Возвращенія полностью суммы, полученной вами за рукопись.

— Полностью?—съ какой-то тоской въ голосѣ спросилъ Ракузинъ.

— Да, полностью.

— Но позвольте, вѣдь я работалъ, я редактировалъ, переписывалъ, я хлопоталъ о продажѣ ея.

— Все это были ваши ошибки. Вамъ никто не поручалъ этого.

— Ну-съ, а если я не соглашусь?

— Въ такомъ случаѣ мы предъявимъ къ вамъ искъ.

— Искъ?

Это слово подѣйствовало на Ракузина удручающимъ образомъ, и онъ просилъ дать ему время обсудить. Ему дали время. Ужъ онъ зналъ навѣрное, что неправъ въ этомъ дѣлѣ, что сдѣлалъ крупную ошибку. Да, ошибка, ошибка. И какъ онъ могъ ее сдѣлать? И какъ просто было избѣжать ее! Надо было только вмѣсто одного слова продиктовать другое, и покойный Н. написалъ бы его, онъ все написалъ бы въ ту минуту. Надо было только прибавить: «въ собственность». И какъ это не пришло ему тогда въ голову?

Но все же онъ не хотѣлъ сразу уступать. Онъ сходилъ къ нѣсколькимъ опытнымъ юристамъ и, переговоривъ съ ними, окончательно убѣдился, что неправъ.

Конечно, могли быть разные толкованія, и очень можетъ быть, что можно было бы кое-чего достигнуть... Но искъ? Это ужасно. Его имя теперь только начало приобретать извѣстность, это бѣдное имя, которое столько лѣтъ сидѣло на задворкахъ,—и вся новая карьера его погибнетъ. Ему дѣлалось страшно отъ этого.

Наконецъ, онъ рѣшился. Онъ взялъ «сумму» и поѣхалъ къ вдовѣ покойного Н. Трудно передать то, что онъ говорилъ. Онъ чувствовалъ себя смущеннымъ. Онъ говорилъ, что вышло какое-то недоразумѣніе, и что онъ никакихъ претензій не имѣетъ, но что хотѣлъ бы—и справедливость этого требуетъ—хотѣлъ бы получить только за свои труды. Вѣдь онъ редактировалъ, переписывалъ, хлопоталъ.

Вдова была сговорчива, потому что ей въ это время очень были нужны деньги, и онъ ихъ отдалъ ей, оставивъ у себя въ карманѣ третью часть. Все же это было кое-что.

Но главное—урокъ. Надо всегда быть осмотрительнымъ и точнымъ. Онъ получилъ отъ вдовы росписку и мирно разстался съ

нею. Новое литературное имя такимъ образомъ осталось незапятнаннымъ.

Въ это время у Ракузина уже завязывалось новое знакомство. Старый ученый и публицистъ С., за которымъ, по общему мнѣнью, была очередь освободить мѣсто для новаго поколѣнія и переселиться въ лучшій мѣръ, приобрѣлъ новаго горячаго почитателя и друга, готоваго на всякія услуги. Новая записная книжка каждый день наполнялась свѣдѣніями, накапливая роскошный матеріалъ для воспоминаній, характеристикъ т. п. Талантъ Ракузина зрѣлъ.

И. Потапенко.

ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫЯ РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Марья Савишна Перекусихина.

ЕЗЪ титуловъ, безъ упоминанія фамиліи, а просто по имени и отчеству «Марья Савишна» зная эту женщину при жизни, въ пору ея значенія, весь вліятельный, сановный и чиновный Петербургъ, суетнымъ роємъ кружившійся, по обыкновенію, со своими самолюбіями и страстями, исканіями и интригами, около двора, какъ около притягательнаго центра. Такъ Марьей Савишной — и только — перешла она и въ исторію.

На Руси это особый родъ популярности, чаще всего лестный и симпатичный, достающійся далеко не всякой знаменитости даже съ очень громкой и значительной славой. Въ томъ, что кого нибудь всѣ знаютъ и называютъ не иначе, какъ по имени и отчеству, выражается не только почтеніе, но и извѣстная сердечность — значить уважаютъ и любятъ — любятъ самого человѣка, а не одну лишь «особу», имъ представляемую со стороны знатности и власти.

Впрочемъ, Марья Савишна и въ іерархическомъ отношеніи не представляла изъ себя «особы». Она была не болѣе, какъ «дѣвица М. С. Перекусихина», по официальному опредѣленію указа объ ея отставкѣ, и даже на надгробномъ памятникѣ, гдѣ въ старину такъ любили прописывать всѣ титулы, чины и отличія именитыхъ покойниковъ, она просто и скромно названа «рабой Божіей», безъ всякихъ почетныхъ величаній.

Чѣмъ же эта женщина прославилась у современниковъ и какими заслугами приобрѣла право на особое, хотя бы и очень скромное

мѣсто въ ряду «достопамятныхъ людей Русской земли», въ число которыхъ занесъ ее полстолѣтія тому назадъ Бантышъ-Каменскій, составитель извѣстнаго біографическаго «Словаря»?

Ея роль и историческое значеніе въ двухъ словахъ—Марья Савишна была любимой камеръ-юнгферой ¹⁾ великой Екатерины.

Только и всего. Этого и слишкомъ мало и слишкомъ много для того, чтобы въ такой скромной роли ощутительно выдвинуться изъ блестящей придворной толпы современниковъ и оставить по себѣ память въ потомствѣ. Роль такая чрезвычайно рѣдко дѣлается исторической, хотя часто и представляетъ столько благодарнаго для того и соблазнительнаго матеріала. Обыкновенно, взысканные довѣріемъ и милостью государей домашніе ихъ слуги, приближенные къ нимъ, какъ никто другой, посвященные въ ихъ интимную жизнь, остаются въ тѣни и неизвѣстности за стѣнами дворца и проходятъ совершенно безслѣдно для исторіи. Да въ этомъ и состоитъ даже ихъ главная добродѣтель, ихъ отличительное достоинство, какъ само собой разумѣется.

У императрицы Екатерины перебивало много приближенныхъ къ ея особѣ слугъ, пользовавшихся ея довѣріемъ, лаской и милостью. По штату, при ней полагалось пять камердинеровъ разныхъ классовъ по табели о рангахъ, нѣсколько «дѣвицъ»,—то, что называется «*demoiselles de compagnie*», и болѣе десяти камеръ-юнгферъ и камеръ-медхенъ. Говоримъ лишь о «комнатной услугѣ», состоявшей непосредственно при государынѣ въ ея домашней жизни. Конечно, избирались на эту службу люди, испытанные во всѣхъ отношеніяхъ, безгранично преданные и вѣрные. Какъ трудно было попасть на должность этого рода, и съ какой строгой разборчивостью относилась къ кандидатамъ сама Екатерина, показываетъ слѣдующій примѣръ.

¹⁾ Относительно придворнаго званія Перекусихиной существуетъ разнорѣчіе. У біографовъ она значится камеръ-юнгферой. Между тѣмъ, въ указѣ императора Павла, изданномъ вскорѣ по воцареніи, «относительно комнатной услуги» его матери, Марья Савишна такъ не названа. Тамъ поименно перечислены весь женскій персоналъ этой «услуги», раздѣленный въ нисходящемъ порядкѣ, по существовавшему тогда, очевидно, штату, на три разряда: «дѣвицы», «камеръ-юнгферъ» и «камеръ-медхенъ». Въ званіи «дѣвицы» числены только три лица: М. С. Перекусихина, княжна грузинская Павла Яшвелова и Катерина Балшъ. Во всякомъ случаѣ, «дѣвицы» отличены отъ камеръ-юнгферъ и по положенію и по окладу: онѣ, къ тому же, не несли низшихъ обязанностей комнатной прислуги. Державинъ, лично знавшій Перекусихину, называетъ ее въ своихъ запискахъ «состоявшей при императрицѣ дамой»—въ смыслѣ, конечно, не семейнаго положенія, а официально-служебнаго. Въ «Азбучномъ указателѣ именъ русскихъ дѣятелей, имѣющихъ войти въ издаваемый имп. русск. историческимъ обществомъ «Биографическій Словарь», М. С. титулована камеръ-фрау. Вѣрнѣе, однако жъ, называть ее камеръ-юнгферой, основываясь на томъ, что подъ такимъ, именно, титуломъ Перекусихина значится въ современномъ ей камеръ-фурьерскомъ журналѣ (напр., за 1782 г. и позднѣе).

Когда умеръ любимый камердинеръ императрицы, Поповъ, приближенные вельможи стали прочить на его мѣсто своихъ протеже. Особенно старался помѣстить своего ставленника оберъ-гофмаршалъ, князь Барятинскій, «упросивъ многихъ выхвалять того передъ Екатериной. Она,—разсказываетъ П. И. Сумароковъ,—тогда проникла въ замыселъ и съ насмѣшкой спрашивала: «почему они такъ коротко знаютъ неважнаго придворнаго служителя?»

— «Сіи господа,—замѣтила она,—выбирають мнѣ камердинера для себя, а я хочу имѣть его для себя.

«И всѣ домогательства погибли. Въ другой разъ она поручила своимъ служителямъ выбрать ей въ то званіе и по ихъ назначенію имѣла камердинера»¹⁾.

Тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ служившихъ Екатеринѣ лицъ, близкихъ къ ея особѣ, выдвинулась и приобрѣла историческое имя одна лишь Марья Савишна. Нѣсколько извѣстны ея камердинеры—вышеназванный Поповъ и Захаръ Зотовъ, но далеко не въ такой степени и не въ такомъ выгодномъ свѣтѣ.

«М. С. Перекусихина, любимая камеръ-юнгфера Екатерины II, совершенно ей преданная и пользовавшаяся особой ея довѣренностью, которую никогда не употребляла во зло, заслуживаетъ,—говоритъ Бантышъ-Каменскій,—стоять наряду съ знаменитыми соотечественниками... Она безотлучно находилась при государынѣ; довольствовалась двумя, а иногда одною комнатою во дворцахъ; убѣгала лести, занятая единственно услугою своей благодѣтельница... была счастлива тогда только, когда видѣла спокойствіе на величественномъ челѣ обладательницы многихъ царствъ».

Постараемся провѣрить, въ какой степени эти краснорѣчивыя похвалы оправдываются исторически.

Прежде всего, однако, необходимо выяснитъ ихъ первоначальное происхожденіе. Обыкновенно, ихъ приписываютъ Бантышъ-Каменскому. Такъ, Д. Л. Мордовцевъ, процитировавъ въ своемъ очеркѣ («Русскія женщины», т. III, стр. 111) вышеприведенныя строки изъ

¹⁾ Есть извѣстія, что новые слуги принимались иногда исключительно по протекціи и рекомендаціи одной Перекусихиной, хотя выборъ этотъ не всегда оказывался удачнымъ. Карабановъ разсказываетъ, со словъ Сенявиной, какъ одинъ изъ такихъ протеже Марьи Савишны, сопровождая императрицу на прогулкѣ въ царскосельскомъ саду, заявилъ себя до дикости простоватымъ и неотесаннымъ мужланомъ.

Екатерина подняла съ земли какого-то червячка, который на ладони ея руки мгновенно замеръ. Она обратилась къ новобранцу-слугѣ съ вопросомъ: «Не знаетъ ли онъ средства оживить червячка?»

— Знаю-съ, ваше величество!—отвѣчалъ тотъ,—стоитъ только...—и, не теряя дальше словъ, расторопный дѣтина плюнулъ на червячка.

Червякъ точно ожилъ,—государыня не дала замѣтить своего неудовольствія, но потомъ попрекнула Марью Савишну, что она доставила ей не весьма благовоспитаннаго служителя («Русская Старина», т. X, стр. 781), Авт.

«Словаря достопамятныхъ людей», замѣчаетъ, что это «говорить чловѣкъ, жившій въ то время, когда еще жива была Перекусихина, хотя и писавшій о ней въ то время, когда ея не было уже на свѣтѣ», разумѣя именно Бантышъ-Каменскаго.

По справкѣ же оказывается, что послѣдній почти дословно списалъ ¹⁾ эту хвалебную характеристику изъ «записки» графа Ростопчина, умолчавъ, по обыкновенію, объ источникѣ и прибавивъ отъ себя лишь нѣсколько цвѣтковъ краснорѣчія. Записка эта — «Послѣдній день жизни Екатерины II и первый день царствованія Павла I» — дѣйствительно написана по личнымъ наблюденіямъ и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ и должна считаться первоисточникомъ біографіи Марьи Савишны и ея прославленія. Ростопчинъ писалъ ее въ 1796 г. для Воронцова; въ печати она впервые явилась въ 1864 г. въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древностей». Значитъ, Бантышъ-Каменскій пользовался ею въ рукописи. Теперь намъ остается рѣшить: въ какой мѣрѣ Ростопчинъ въ своемъ отзывѣ о М. С. вѣренъ правдѣ и безпристрастенъ?

Государю, можемъ быть, труднѣе, чѣмъ всякому обыкновенному смертному, найти вокругъ себя, среди этой раболѣпной и льстивой, готовой по первому мановенію на всякія услуги, придворной толпы, искреннее сердце, беззавѣтно и безкорыстно любящее въ немъ не государя только, а чловѣка, любящее тѣмъ прекраснымъ, рѣдкимъ чувствомъ, которое не знаетъ измѣны, которое умѣетъ все понять и все простить въ любимомъ чловѣкѣ и не требуетъ никакой себѣ награды.

Какъ мало бываетъ такихъ сердець у трона и какъ рѣдко пользуются такой любовью государи,—это чудесно угадалъ Шекспиръ. Обманутаго, низложеннаго и отвергнутаго родными дѣтьми Лира сопровождаетъ въ бѣдственномъ изгнаніи одинъ только жалкій шутъ, и одинъ онъ остается до конца вѣренъ несчастному королю.

Такую, по всеѣмъ вѣроятіямъ, любовь питала къ Екатеринѣ Марья Савишна,—и уже это одно безспорно давало ей право на «особую довѣренность» къ ней императрицы и дѣлаетъ ея личность интересною и привлекательною въ нашихъ глазахъ.

Екатерина умѣла угадывать людей и умѣла цѣнить ихъ по достоинству; но нужно было искренно любить ее, хорошо знать ея характеръ, ея слабости, умно и съ тактомъ подлаживаться къ нимъ, обладать пріятнымъ покладистымъ нравомъ, скромностью, способностью во время и кстати отрекаться отъ самого себя, чтобы пріобрѣсть не только ея уваженіе, но и довѣріе и привязанность, и надолго сохранить ихъ за собою.

¹⁾ Сравни приведенную цитату изъ «Словаря» Бантышъ-Каменскаго съ текстомъ записки гр. Ростопчина въ «Архивѣ кн. Воронцова», т. VIII, стр. 170.

Авт.

Только присутвіемъ этихъ качествъ въ Перекусихиной мы можемъ объяснить ея долготѣнную близость къ Екатеринѣ и то вліятельное значеніе, какое, при всей скромности своего officialнаго положенія, она имѣла при дворѣ.

У сильныхъ міра сего, у большихъ баръ, приближенный, любимый слуга часто бываетъ человѣкомъ грубымъ, рѣзкимъ на языкъ и нецеремоннымъ... до извѣстнаго, однако жъ, предѣла. Эта рабья фамиллярность и это ворчливое прямодушіе нерѣдко бываютъ напускныя и разсчитанныя: они какъ бы входятъ въ роль добраго, преданнаго слуги и, на самомъ дѣлѣ, представляютъ только своеобразную форму лести и раболѣпія. За такія качества, какъ и за другія погрѣшности, вѣрнаго «личарду», можетъ быть, иной разъ побраниваютъ, а подъ горячую руку и колачиваютъ, но въ концѣ концовъ ему все прощаютъ изъ привычки и привязанности къ нему, главнѣе же — за его испытанную любовь и собачью преданность.

Таковъ былъ типъ стараго русскаго добраго слуги, мастерски воспроизведенный—и не однажды—въ нашей художественной литературѣ. Къ этому типу принадлежалъ, повидимому, и любимый камердинеръ Екатерины, Поповъ, который часто съ нею спорилъ и ссорился, дѣлалъ ей выговоры, ворчалъ на нее и дерзко рѣзалъ въ глаза правду-матку съ вызывающе-льстивою оговоркой, что «она де сама правду любить», какъ отвѣтилъ онъ однажды въ присутствіи императрицы Григорію Орлову, когда тотъ возмущился его дерзостью съ нею.

Совсѣмъ къ другому типу принадлежала Марья Савишна, какъ можно заключить уже при одномъ внимательномъ знакомствѣ съ ея портретомъ. Въ этомъ чисто русскомъ женскомъ, вѣроятно, очень миловидномъ смолоду лицѣ много той характеристической, внѣшней и внутренней, пріятной «круглоты», которая, по удивительному наблюденію Л. Н. Толстаго, составляетъ типическую особенность хорошей русской фізіономіи. Въ этомъ лицѣ, дѣйствительно, все кругло, мягко, благообразно и—ни одной рѣзкой, непріятной линіи. Передъ вами добрая, умная, привѣтливая, уживчивая, покладистая и веселая старушка. Ничего она значительнаго и важнаго не сдѣлала, но никому и жизни не испортила, да и сама прожила свой вѣкъ легко, безмятежно и весело, въ довольствѣ и холѣ. Къ ней идетъ даже эта нѣсколько жеманная улыбка на мягкихъ губахъ, какая лежитъ на всѣхъ почти женскихъ портретахъ прошлаго столѣтія. У Марьи Савишны эта улыбка не вынужденная, не сейчасъ только для портретнаго сеанса сдѣланная, а, очевидно, давно сложенная и заученная, привычная отъ долготѣвнаго общенія изо дня въ день съ «своей благодѣтельницаей» и «обладательницей многихъ царствъ». Лицо самое ординарное и простое, но одно изъ тѣхъ счастливыхъ, русскихъ «круглыхъ» лицъ, которыя всегда пріятно встрѣчатъ и около себя видѣтъ, къ которымъ скоро и сильно привыкаешь.

Такъ или иначе, изъ всего, что мы знаемъ о сношеніяхъ Екатерины съ ея любимой камеръ-юнгферой, не видно, чтобы сношенія эти, всегда ровныя, добрыя и интимныя, когда нибудь и чѣмъ нибудь нарушались, чтобы они носили малѣйшій оттѣнокъ того взаимнаго порой раздраженія и каприза, какъ въ сношеніяхъ съ Поповымъ.

Никакихъ, конечно, для этого особенныхъ добродѣтелей и подвиговъ самоотреченія не нужно было со стороны Перекусихиной, и напрасно біографы изъ всѣхъ силъ стараются ей ихъ навязать. Ей, на примѣръ, ставятъ въ особенную заслугу и въ подвигъ самоотреченія, что она «не захотѣла выйти въ люди»—не сдѣлалась ни графиней, ни княгиней, пренебрегла возможностью «обогатиться, жить въ своихъ вотчинахъ, повелѣвать тысячами крестьянъ, стоять у трона», и весь вѣкъ оставалась въ старыхъ дѣвахъ.

Все это не болѣе, какъ цвѣты краснорѣчія, въ стремленіи сообщить описываемому историческому лицу непремѣнно и во что бы ни стало героическія черты. Развѣ можно сказать, что Перекусихина не вышла, что называется, въ люди, когда она стала довѣренной наперницей императрицы и, въ силу этого, вліятельнымъ лицомъ при дворѣ? Чего больше и выше могла она себѣ пожелать въ ея скромномъ положеніи и при далеко незнатномъ происхожденіи?—Титула графини или княгини; но, какъ женщина разсудительная, однимъ титуломъ она не могла обольщаться и тѣмъ менѣе, что онъ не только ничего бы ей не прибавилъ, а напротивъ навѣрно убавилъ бы. Чтобы стать графиней или княгиней, она должна была выйти замужъ, а это значило въ ея положеніи промѣнять государыню «благодѣтельницу» и ея милости на мужа князя или графа, можетъ быть, и совсѣмъ не благодѣтеля. Мѣна была очевидно рискованная и невыгодная.

Мы ничего не знаемъ о сердечныхъ влеченіяхъ этого рода, и даже водились ли они у Перекусихиной, но, несомнѣнно, замужество, какъ это само собой понятно, повело бы къ ея удаленію съ занимаемаго ею при дворѣ мѣста и отъ самой особы императрицы. Это она хорошо знала, слѣдовательно, могла изъ простаго расчета, по привычкѣ и, наконецъ, изъ-за искренней привязанности къ Екатеринѣ уклоняться отъ всякихъ матримоніальныхъ исканій и соблазновъ и обречь себя на вѣчное дѣвство, что, вѣроятно, и не составляло большаго лишенія для ея непылкаго, спокойнаго и уравновѣшеннаго темперамента. Что же касается возможности обогащенія, то, хотя и неизвѣстно, водились ли за ней вотчины съ тысячами крестьянъ, прибрѣтать которыя въ ея положеніи было бы и прямо неблаговидно, но возможностью этой, какъ увидимъ, она далеко не пренебрегала...

Нѣтъ, Марья Савишна совсѣмъ не героическая фигура, и самое большое, что ей можно поставить въ заслугу—это то, какъ мы уже

сказали, что она искренно была привязана къ Екатеринѣ, сама пользовалась ея особой довѣренностью и сумѣла сохранить эту довѣренность до конца.

Можно развѣ еще поставить ей въ заслугу происхожденіе одной книжки, которая получила цѣнное значеніе историческаго источника для характеристики личности и частной, интимной жизни Екатерины, — источника, впрочемъ, нѣсколько подобострастнаго, явно апологическаго и поэтому не вполне надежнаго. Зато по отношенію къ самой Перекусихиной книжка эта косвенно лишній разъ подтверждаетъ несомнѣнность ея преданной, благоговѣйной любви къ Екатеринѣ не только при ея жизни, но и послѣ смерти—къ ея памяти.

Такъ какъ о прошломъ Марьи Савишны до появленія ея при дворѣ и объ ея воспитаніи ничего неизвѣстно, то біографы только по догадкѣ дѣлаютъ предположенія, что она должна была быть дѣвушкой образованной. Ссылаются, напримѣръ, на то, что ея старшій братъ, личность совершенно ничтожная, дослужился до тайнаго совѣтника и умеръ сенаторомъ. Доказательство не весьма остроумное и малоубѣдительное.

Безъ сомнѣнія, извѣстный, внѣшній доскъ образованности она не могла не имѣть уже по своему положенію, хотя не нужно забывать, что въ штатѣ «комнатной услуги» просвѣщенной Екатерины бывали и совершенно неотесанные дикари. Такова была, между прочимъ, ея любимая, приближенная камеръ-медхенъ—кровная камчадалка Катерина Ивановна, которая притомъ и служила прескверно. Бывали у нея и довѣренные камердинеры, которые «худо знали грамотѣ», какъ свидѣтельствуетъ современная хроника. Насколько превосходила ихъ въ этомъ отношеніи Перекусихина, прямыхъ указаній нѣтъ, а косвенныя не въ ея пользу. Послѣ нея, напримѣръ, не осталось ни одного письма, ни одной строчки, хотя у нея и было что записать. Положимъ, при жизни «благодѣтельница» заниматься этимъ ея довѣренной камеръ-юнгферѣ было неудобно и крайне рискованно. Сама очень много писавшая и очень хорошо знавшая силу написаннаго, Екатерина не терпѣла, чтобы ея приближенные что нибудь записывали для памяти, къ свѣдѣнію потомства, и крайне подозрительно относилась къ такимъ мемуарнымъ опытамъ и къ ихъ авторамъ, когда про нихъ узнавала. Извѣстно, что Храповицкій изъ-за своего «Дневника» главнымъ образомъ лишился и ея расположенія и статсъ-секретарскаго мѣста.

Знала про это, конечно, и Марья Савишна, но она не могла не понимать также важности и интереса всего того, что ей было исключительно одной извѣстно, что сохраняла ея память изъ долготѣняго близкаго общенія съ великой государыней. Какъ же было не записать все это, если не при жизни Екатерины, то послѣ ея смерти—въ долгіе годы спокойнаго досуга, которые еще прожила Перекуси-

хина? Но, очевидно, трудъ этотъ былъ ей не по силамъ, да и просто не приходилъ ей въ голову, что, во всякомъ случаѣ, не говорить въ пользу ея «образованности».

Только благодаря счастливой случайности, драгоценный запасъ ея памяти не совсѣмъ пропалъ для исторіи. Имъ воспользовался П. И. Сумароковъ, авторъ известной въ исторической литературѣ книжки: «Черты Екатерины Великой». Книга составилась изъ преданій и рассказовъ людей, бывшихъ близкими къ Екатеринѣ, въ особенности же со словъ Перекусихиной¹⁾. Къ сожалѣнію, Сумароковъ не ограничился простымъ, точнымъ записываніемъ слышаннаго, но постарался, сколько отъ него зависѣло, испортить свой богатый матеріалъ слащаво-панегирическимъ тономъ и уснащеніемъ его «такъ называемыми прикрасами слога и разсужденіями». Вѣроятно, усердный не по разуму компиляторъ однимъ этимъ не удовольствовался и съ добрымъ намѣреніемъ налагалъ свою варварскую руку и на самые факты: объ одномъ умолчалъ, другое искажилъ, третье подсахарилъ и т. д., какъ это обыкновенно дѣлывали прежде, да и понынѣ иногда дѣлаютъ историки-апологисты «суздальской школы». Но за всѣмъ тѣмъ въ книжкѣ все-таки осталось много цѣннаго и интереснаго, и она не можетъ не считаться важнымъ источникомъ для историка-портретиста Екатерины въ ея домашнемъ быту.

Вотъ этой-то книжкой въ значительной долѣ мы обязаны Марьѣ Савишнѣ, что и должно быть поставлено ей въ заслугу передъ русской исторіографіей, хотя она, по всѣмъ вѣроятіямъ, никогда объ этомъ и не помышляла.

Перекусихина была на десять лѣтъ моложе Екатерины. Она родилась въ 1739 году и умерла въ 1824 году, значить, прожила восемьдесятъ пять лѣтъ и пережила свою «благодѣтельница» на двадцать восемь лѣтъ. Такъ долго живутъ, обыкновенно, люди крѣпкаго здоровья, спокойнаго, уравновѣшеннаго нрава и безмятежнаго, безпечальнаго житія.

Въ самомъ дѣлѣ, никакихъ печалей, тревоженій и потрясеній въ жизни Марьи Савишны мы не знаемъ, да ихъ навѣрно и не было. Увѣреніе Бантышъ-Каменскаго, что она «была счастлива только тогда, когда видѣла спокойствіе на величественномъ челѣ обладательницы многихъ царствъ», слѣдуетъ понимать условно. Конечно, она не могла оставаться равнодушной къ тревогамъ и огорченіямъ императрицы, и, по движенію преданнаго, любящаго

¹⁾ Нѣкоторые изъ известныхъ анекдотовъ о Екатеринѣ Карабанова также записаны со словъ Перекусихиной (иные изъ нихъ, впрочемъ, только варианты рассказовъ Сумарокова).
Авт.

сердца, очень даже живо ихъ чувствовала, но все же сказать, будто она только и бывала счастлива однимъ «спокойствіемъ» Екатерины, и, помимо этого повода, своего личного счастья не искала и не имѣла,—преувеличеніе, да и исторически невѣрно. Марья Савишна вовсе не забывала ни о себѣ, ни о своихъ родственникахъ, какъ это будетъ видно.

Правда, ея привязанность къ государынѣ носила, повидимому, характеръ той особой, нѣсколько сентиментальной влюбленности, какую нерѣдко питають сиротливыя женщины, преимущественно пожилыя дѣвушки, къ своимъ подругамъ, покровительницамъ, господамъ, тѣмъ болѣе къ государынямъ, если онѣ къ нимъ близки,—вообще, къ болѣе выдающимся, чѣмъ онѣ сами, по красотѣ, по уму и положенію, представительницамъ своего пола, осчастливившимъ ихъ своимъ вниманіемъ.

На это есть нѣсколько характеристическихъ указаній.

Проницательно замѣтивъ, вѣроятно, этотъ отгѣнокъ въ привязанности къ себѣ Перекусихиной, Екатерина часто называла себя въ шутку ея женихомъ и, случалось, съ нѣкоторой даже торжественностью.

Такъ, присутствуя при помолвкѣ племянницы Марьи Савишны и щедро одаривъ невѣсту, она тутъ же пожаловала дорогой перстенъ съ своимъ портретомъ въ мужскомъ костюмѣ и теткѣ.

— Вотъ и тебѣ женихъ,—сказала при этомъ государыня,—которому, я увѣрена, ты никогда не измѣнишь и останешься вѣрною, какъ донинѣ была.

Тутъ заключался намекъ на то, что Перекусихина не искала замужества и предпочитала всѣмъ женихамъ императрицу, что могло произойти не по одной случайности и не потому только, что сватовство не понравилось бы, какъ «измѣна» царственному «жениху» въ юбкѣ, но, вѣроятно, и по искреннему внушенію той влюбленности, которую мы отмѣтили.

Чувство это въ приближенной камеръ-юнгферѣ не могло не льстить Екатеринѣ, и она тѣмъ благосклоннѣе шла къ нему на встрѣчу и всячески его поддерживала, что совершенно увѣрилась въ его чистосердечіи, да и сама съ теченіемъ времени крѣпко привязалась къ Марьѣ Савишнѣ.

Вообще, ласковая, снисходительная и милостивая ко всѣмъ приближеннымъ, даже къ низшимъ слугамъ, императрица постоянно оказывала особое, часто трогательное вниманіе Перекусихиной.

Во время путешествій, на остановкахъ, она всегда озабочивалась—какъ и гдѣ помѣщена ея камеръ-юнгфера. На одной станціи въ Крыму для нея была изготовлена великолѣпная ставка. Войдя въ нее, она сейчасъ же освѣдомилась:

— А гдѣ же помѣщеніе для Марьи Савишны?

Оказалось, что оно состоитъ изъ клѣтушки, заваленной чмода-

нами и дорожной кладью. Государыня прогнѣвалась и сдѣлала за то выговоръ Потемкину.

— Заботясь обо мнѣ,—сказала она ему,—не забывайте и моихъ ближнихъ, особенно Марью Савишну. Она мой другъ, и я хочу, чтобы ей было такъ же удобно, какъ и мнѣ.

Конечно, впредь подобнаго упущенія уже не дѣлалось.

Разъ императрица и Марья Савишна занемогли одновременно и довольно тяжело. Несмотря на собственную слабость, Екатерина «напрягала силы и съ помощью вожатыхъ, какъ передаетъ Сумароковъ, являлась всякой день къ навѣщенію усердной своей служительницы». Когда же болѣзнь усилилась и сдѣлалась опасной, Екатерина кладетъ въ пакетъ 25.000 рублей и надписываетъ на немъ собственноручно: «Марья Савишнѣ послѣ моей смерти».

Болѣзнь счастливо разрѣшилась. Когда миновала опасность, императрица сказала Перекусихиной:

— Мнѣ было очень тяжело, не думала я опять жить съ тобою, однако, все помышляла о тебѣ, и вотъ тому доказательство. Возьми это,—вручила она ей пакетъ,—какъ залогъ моей къ тебѣ дружбы.

Факты эти записаны, надо полагать, со словъ самой Перекусихиной¹⁾; имъ можно вѣрить, такъ какъ особое расположеніе и «дружба» Екатерины къ ней внѣ сомнѣнія и подтверждаются многими сторонними указаніями.

Въ качествѣ довѣренной камеръ-юнгферы, «уважаемой собесѣдницы», какъ называетъ ее Сумароковъ, и друга императрицы, Марья Савишна находилась при ней безотлучно, если не вмѣстѣ, то всегда тутъ же, подъ рукою, въ сосѣдней комнатѣ, сопровождала ее въ путешествіяхъ, на прогулкахъ и даже на парадныхъ выѣздахъ, какъ на то указываетъ современный камеръ-фурьерскій журналъ. Биографы хотятъ поставить ей въ особый подвигъ самоотреченія и скромности даже то, что она, живя во дворцѣ, «довольствовалась де двумя, а иногда одною комнатою». Мудрено понять, для чего понадобилось бы ихъ больше одинокой дѣвушкѣ въ рангѣ камеръ-юнгферы, тѣмъ болѣе, что у самой императрицы, вообще, очень скромной въ домашней жизни, своихъ комнатъ бывало не болѣе трехъ, четырехъ? Притомъ еще—какія комнаты? Марья Савишна помѣщалась всегда рядомъ съ государыней и, надо полагать, что ея комнаты были не маленькія и не плохія, если однажды, въ царско-сельскомъ дворцѣ, въ отсутствіе Екатерины, онѣ были отведены, вмѣстѣ съ другими, для великихъ князей²⁾.

¹⁾ Приведенный фактъ записанъ у Сумарокова. Въ «Запискахъ» Де-Салглена онъ рассказанъ нѣсколько иначе и отнесенъ къ предсмертнымъ днямъ жизни Екатерины, причемъ показана и другая цифра пожалованной награды: не 25 тысячъ, а только 20 тысячъ рублей ассигнаціями. Авт.

²⁾ Это было въ 1787 г. Екатерина изъ Кіева писала воспитателю великихъ князей, Н. И. Салтыкову, чтобы онъ, по случаю происходившей тогда перестройки

Екатерина вставала рано, обыкновенно, въ 6 часовъ, и, пока была молода, обходилась при вставаньи безъ сторонней услуги, но въ преклонныхъ лѣтахъ, не вставая съ постели, давала знать о своемъ пробужденіи звонкомъ. На звонокъ являлась Марья Савишна, которая одна пользовалась правомъ входить въ это время въ спальню государыни, и помогала ей встать съ постели и одѣться. Часто случалось, что Марья Савишна, найдя свою «благодѣтельница» опять започивавшей и не желая ее тревожить, сама располагалась тутъ же на софѣ и крѣпко засыпала, пока проснувшаяся императрица ее не будила.

Въ дальнѣйшемъ утреннемъ туалетѣ, который у Екатерины былъ, впрочемъ, не сложенъ и не прихотливъ, Марья Савишна принимала участіе уже, такъ сказать, верховное, распорядительское. Известно, что, по тогдашнему французскому великосвѣтскому обычаю, утренній туалетъ—часъ довольно сложнаго тогда «волосочесанія», былъ и часомъ приѣма визитовъ, а у государей—дѣловыхъ аудіенцій министровъ и иныхъ сановниковъ. Обычая этого держалась и Екатерина. Для приѣма у нея была особая, парадная уборная, куда собирались всѣ, «имѣвшіе пріѣздъ», около 12-ти часовъ. Императрица, уже причесанная во внутренней уборной, являлась, и тогда,—разсказываетъ Грибовскій,—«общество наше прибавлялось четырьмя пожилыми дѣвицами, которыя приходили для служенія ей при туалетѣ. Одна изъ нихъ, Алексѣева, густо румяненная, подавала ледъ, которымъ государыня терла лицо, можетъ быть, въ доказательство, что она другихъ притираній не любила; другая, Палакучи, накалывала ей на головѣ флеровую наколку, а двѣ сестры Звѣревы подавали ей булавки». Во время туалета Екатерина разговаривала съ присутствовавшими и, затѣмъ, отпустивъ ихъ, «возвращалась съ камеръ-юнгферами въ спальню для одѣванія, причемъ находилась уже и Марья Савишна», очевидно, въ роли старшей и главной.

Для приѣма служила и спальня, куда, впрочемъ, допускались только самыя приближенныя лица, но «какъ скоро, — замѣчаетъ тотъ же Грибовскій, состоявшій статсъ-секретаремъ при Екатеринѣ,—показывался П. А. Зубовъ, то каждый изъ насъ немедленно въ уборную уходилъ»... Кому приходилось ждать, сидѣли не въ одной уборной, но также и въ комнатѣ Марьи Савишны, по ея, конечно, приглашенію, и этой чести очень многіе добивались.

Сживалъ у Марьи Савишны, между прочимъ, и Державинъ, о чемъ счелъ необходимымъ занести въ свои записки. «Сидѣлъ Державинъ,—записалъ онъ подъ 1792 годомъ,—въ одно время въ Цар-

части царскосельскаго дворца, занялъ тамъ для своихъ августѣйшихъ питомцевъ ея покои, именно: «уборную, двѣ переднія, кабинетъ съ каминомъ, гдѣ лежи Рафаэлевья, да комнаты Марьи Савишны, тутъ близка площадка и мой садикъ, также и колонада, чтобы весьма, чаю,—добавляетъ Екатерина,—внукамъ моимъ пріятно показалось» («Русскій Архивъ», 1864 г.).

скомъ Селѣ въ комнатѣ госпожи Перекусихиной. Вдругъ услышался въ комнатѣ у императрицы шумъ. Зовутъ Турчанинова; не успѣлъ онъ войти, зовутъ Державина, который, пришедъ, увидѣлъ императрицу въ чрезвычайномъ гнѣвѣ, выступившую, такъ сказать, изъ себя. Она кричала, засучивъ рукава» и т. д. Судя по этой сценѣ, видно, что пѣвецъ «Фелицы», хотя и «сидѣлъ», да не высидѣлъ, при посредствѣ Марьи Савишны, особыхъ милостей, что и дало ему поводъ отозваться о ней не весьма лестно. Другіе высиживали многое въ комнатѣ Марьи Савишны и прежде всего доброе расположеніе Екатерины. Это хорошо знали, между прочимъ, ловкій Храповицкій, который однажды занесъ въ свой «Дневникъ» такой лестный для себя отзывъ императрицы: «При волосочесаніи хвалили за исправность и (за то), что всегда сижу у Марьи Савишны». Сама Екатерина нерѣдко захаживала въ комнату Марьи Савишны, когда ей кого нибудь изъ служащихъ было нужно, и на ея звонокъ не торопились прійти. Разъ, войдя туда, она застала всю честную компанію за игрой въ «ламушъ».

— Не беспокойтесь! — ласково сказала она и, обратясь къ Зотову, прибавила: — Сходи, Захаръ Константиновичъ, съ запиской къ князю (Пл. Зубову), а я замѣсто тебя сыграю.

Принявъ отъ Зотова карты, она сыграла нѣсколько партій и выразила удовольствіе, что «вспомнила игру, въ которую давно не играла».

Какими служебными обязанностями наполнялась у Перекусихиной остальная часть дня—свѣдѣній у насъ немного. Екатерина вела простую, методически-правильную жизнь и мало нуждалась въ помощи прислуги. Зимой, въ Петербургѣ, она рѣдко выѣзжала. Разъ, когда она страдала головной болью, Марья Савишна стала уговаривать ее прокатиться на воздухъ для освѣженія. Дѣло было къ вечеру.

— Ну, хорошо, одинъ разъ, — неохотно согласилась государыня: — а то скажутъ: какая дура, по ночамъ катается, когда ей и дѣлами-то заниматься!

Ежедневныя прогулки начинались лѣтомъ въ любимомъ Царскомъ Селѣ. Императрица прогуливалась раннимъ утромъ въ сопровожденіи Марьи Савишны, камердинера, егеря и своихъ англійскихъ собачекъ. Въ одно прекрасное утро, когда она отдыхала въ паркѣ на скамейкѣ съ Перекусихиной, мимо нихъ развязно прошелъ, посвистывая, какой-то щеголеватый петиметръ и не удостоилъ поклономъ.

— Знаешь, какъ мнѣ досадно на этого шалуна, — разсердилась государыня. — Я готова приказать его остановить и вымыть ему голову.

— Вѣдь онъ не узналъ васъ, матушка, — возразила Марья Савишна.

— Да я не о томъ... Конечно, не узналъ; но вѣдь мы съ тобой порядочно одѣты, да еще съ галунчикомъ: такъ онъ обязанъ былъ намъ, дамамъ, оказать почтеніе... И то сказать,—заклѣчила Екатерина уже со смѣхомъ: — устарѣли мы съ тобой, Марья Савишна, а когда бы были помоложе—не бойсь, поклонился бы и намъ ¹⁾).

По всему надо заключить, что Марья Савишна дѣйствительно служила для императрицы «собесѣдницей», какъ называетъ ее Сумароковъ, — и въ этомъ заключалась, главнымъ образомъ, ея служебная роль. Такой «собесѣдницѣ» можно говорить все, что придется въ голову, не стѣняясь и не боясь ея нескромности. Такъ это, вѣроятно, и было, на что есть нѣкоторыя указанія въ «Дневникѣ» Храповицкаго.

Какъ ни скупъ Храповицкій на описанія, тѣмъ не менѣе онъ успѣвалъ и находилъ нужнымъ записывать, что тогда-то «разговаривали (т. е. государыня) съ Марьей Савишной о его потливости», а тогда-то «сказано Марьѣ Савишнѣ, что ничего такъ не хочется, какъ побить шведа» (по случаю войны со Швеціей), а такого-то числа шелъ разговоръ о болѣзни брата Марьи Савишны, а такого-то, когда онъ умеръ, «ходили къ ней, плакали», и такъ далѣе—все въ томъ же малозначительномъ родѣ.

Впрочемъ, самая незначительность и скудость этихъ сообщеній у Храповицкаго, пользовавшагося, нужно замѣтить, расположеніемъ Черекусихиной, показываютъ, съ одной стороны, какъ послѣдняя была на этотъ счетъ сдержанна и далека отъ болтливой откровенности, а, съ другой, какъ жадно и пытливо прислушивались придворные люди ко всему тому, что передавала имъ Марья Савишна изъ своихъ интимныхъ бесѣдъ съ императрицей, и какую важность, какой вѣсъ придавали каждому ея въ этомъ родѣ сообщенію.

Предположеніе, что она, быть можетъ, и знала-то немного, что въ бесѣдахъ съ нею только и говорились пустяки, — менѣе всего допустимо. Находясь столько лѣтъ въ такой тѣсной близости къ Екатеринѣ и неизмѣнно пользуясь ея неограниченнымъ довѣріемъ, ея «дружбой», Марья Савишна, безъ всякаго сомнѣнія, знала во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ высказывалась юлившимъ около нея придворнымъ развѣдчикамъ-«ласкателямъ». Иначе и не могло бы быть. Именно то, что она ни съ кѣмъ не шла на большую откровенность, была скромна и держала языкъ за зубами, конечно, всего больше въ ней цѣнилось и обезпечивало неизмѣнность исключительнаго къ ней благоволенія.

По крайней мѣрѣ, никакихъ нѣтъ данныхъ, которыя говорили бы, что это было не такъ. Напротивъ, все, что мы знаемъ о Пе-

¹⁾ Такъ записана эта сцена у Сумарокова; есть она и въ сборникѣ Карабанова, но въ менѣе правдоподобномъ вариантѣ — именно, будто разсердилась и хотѣла наказать непочтительнаго «шалуна» не Екатерина, а Черекусихина.

рекусихиной, только подтверждаетъ наше заключеніе. Рельефнѣ всего сказалась ея тактичная роль, ея скромность и сдержанность, въ такъ называвшихся на тогдашнемъ извилистомъ придворномъ языкѣ «комнатныхъ обстоятельствахъ».

Извѣстно, какъ эти «обстоятельства», непрерывно сопровождавшія все царствованіе Екатерины, часто мѣнялись, какъ занимали и волновали ее, какую большую роль играли въ ея интимной жизни и какой плодотворной почвой служили для безконечныхъ сплетенъ и интригъ всего придворнаго міра. Мыслимо ли допустить, что одна Перекусихина не принимала ровно никакого участія въ ихъ судьбѣ и ходѣ, преднамѣренно сторонилась отъ нихъ и даже какъ бы со всѣмъ про нихъ не знала?

Допустить это значило бы допустить явный абсурдъ, который, однако, принять *bona fide* нѣкоторыми наивными біографами Марьи Савишны въ усердномъ намѣреніи, во что бы ни стало изобразить ее героиней безъ малѣйшаго пятнышка. Глядя на дѣло съ точки зрѣнія нынѣшней строгой морали, что не мѣшаетъ ей быть часто такой лицемерной, біографы совершенно упускаютъ изъ виду то, какъ вообще смотрѣло въ XVIII столѣтіи на деликатныя этого сорта обстоятельства современное, близко къ нимъ стоявшее и такъ или иначе въ нихъ заинтересованное, правящее, культурное общество, т. е., придворная знать, свѣтскій и чиновный міръ? Къ нимъ относились не только безъ порицанія и осужденія, но скорѣе подобострастно, искательно и совершенно спокойно, какъ къ чему-то должному и естественному. И это не потому только, что фаворитизмъ «былъ возведенъ, какъ удачно замѣтилъ одинъ серьезный изслѣдователь, почти въ государственное учрежденіе въ пользу лицъ, близость которыхъ составляла какъ бы должность», но и потому въ особенности, что сомнительность этого явленія съ нравственной стороны никто почти не чувствовалъ. Полное отсутствіе такого чувства васъ изумляетъ и преслѣдуетъ при чтеніи всѣхъ, относящихся къ данному сюжету, памятниковъ (писемъ, замѣтокъ и пр.),—и это составляетъ самую характеристическую ихъ черту. Черты этой не чужда даже печатная современная литература, первый представитель которой, нашъ «сѣверный Бардъ», Державинъ находилъ же въ себѣ вдохновеніе пѣть на своей «громозвучной» лирѣ хвалебныя оды взысканнымъ фаворитамъ только за то и потому, что они попадали въ «случай». Такова была легкость нравовъ и господствовавшихъ нравственныхъ понятій!

Разумѣется, были исключенія, но всего менѣе есть оснований относить къ нимъ Перекусихину—не потому только, что она была обыкновеннѣйшая, не мудрствовавшая лукаво дочь своего времени, но и потому, что одно уже допущеніе въ ней той *grüderie* въ данномъ пунктѣ, какую ей навязываютъ біографы, было бы до нелѣпости несомнѣнимо ни съ ея положеніемъ, ни съ ея интимной близостью къ «своей благодѣтельницѣ»...

Біографовъ ввелъ въ заблужденіе просто недостатокъ историческаго матеріала. Изъ того, что объ участіи Марьи Савишны въ этого рода дѣлахъ мало сохранилось свѣдѣній ¹⁾, они вывели заключение, будто она совсѣмъ была къ нимъ не причастна—и не по чему другому, какъ по ригоризму.

Гораздо логичнѣе, однако же, было бы заключить, что, если свѣдѣній этихъ мало, если со словъ самой Перекусихиной не записано ни одного по этому сюжету показанія и признанія, то, минуя случайность, это говоритъ, во-первыхъ, только въ пользу ея преданной и неболтливой скромности, а, во-вторыхъ, обозначаетъ мѣру ея личнаго вліянія и участія въ подобныхъ конъюктурахъ.

Это было очень важное, большое и отнюдь не единоличное дѣло. Въдалось оно какъ бы особымъ союзомъ, который Гарновскій въ своихъ запискахъ дипломатично называетъ «соцітетомъ» и который формировался изъ приближеннѣйшихъ лицъ, начиная отъ блистательныхъ первыхъ чиновъ и кончая худородными камердинерами и камеръ-юнгферами. Всѣ они имѣли свою долю участія и значенія въ «соцітетѣ», на которомъ, въ сущности, держался каждый баловень «случая»; значила въ немъ немало, безъ сомнѣнія, и Марья Савишна, на что имѣются, если угодно, и достовѣрные свидѣтельскія показанія ²⁾.

Не оправдываются, къ сожалѣнію, документально и хвалебныя утвержденія біографовъ Марьи Савишны, будто она «никогда не употребляла во зло» довѣренности императрицы, «убѣгала лести» и тѣмъ болѣе любостыжанія, «занятая единственно услугою своей благодѣтельницацѣ».

Опять таки, какъ всѣ эти требованія понимать, на какой масштаб ихъ мѣрять? Безъ сомнѣнія, въ прямомъ, элементарномъ смыслѣ, въ очевидный личный вредъ «благодѣтельницацѣ», Перекусихина «никогда не употребляла во зло» ея довѣренности; но ея совѣсть, строгая и совершенно безупречная въ этой чертѣ, вѣ ея могла вполне спокойно, по малоразвитости и по тогдашнему уровню ходячихъ нравственныхъ понятій, допускать пользованіе этой довѣренностью изъ побужденій уже чисто эгоистическихъ, чтобы, напримѣръ, «порадѣть родному человѣчку», чтобы посодѣйствовать одному иска-

¹⁾ Любопытно, что въ хвалебномъ отзывѣ о Перекусихиной гр. Ростопчина, послужившемъ, какъ мы уже знаемъ, первоисточникомъ для ея идеализаціи позднѣйшими біографами, хотя и не говорится объ ея участіи въ «комнатныхъ обстоятельствахъ», однако-жъ, это и не засчитано ей въ число добродѣтелей и достоинствъ. А въ ту минуту Ростопчинъ ужъ навѣрно отмѣтилъ бы безупречность М. С. въ данномъ пунктѣ, если бы таковая была. *Авт.*

²⁾ Гарновскій, Державинъ и Гельбингъ категорически свидѣтельствуютъ, что паденіе, напр., Мамонова и возвышеніе на его мѣсто Зубова было дѣломъ гр. Н. И. Салтыкова, кн. А. А. Вяземскаго (старога друга семьи Зубовыхъ) и приближенныхъ дамъ: А. Н. Нарышкиной, камеръ-фрейлины А. С. Протасовой и камеръ-юнгферы М. С. Перекусихиной. (См. «Русск. Стар.», т. XVI, 595).

телю, который умѣетъ быть пріятнымъ и благодарнымъ, и повредить другому—не своему и непріятному, за одного, при случаѣ, «замолвить доброе словечко», а о другомъ уронить недоброе... Все это въ томъ положеніи, какое занимала М. С., до того естественно и въ природѣ человѣческой, что не поддаваться ежеминутно одолѣвающимъ искушеніямъ трудно было бы и какому нибудь святому подвижнику съ утонченно развитой, не придворной совѣстью.

Во всякомъ случаѣ, факты и показанія современниковъ, близко знавшихъ Марью Савишну, противорѣчатъ неумѣреннымъ похваламъ ея позднѣйшихъ біографовъ, основывавшихся въ этомъ исключительно на запискѣ Ростопчина.

Такъ, извѣстный Грибовскій, говоря о положеніи графа Безбородко и его креатуры, статсъ-секретаря Трощинскаго, при дворѣ во время фавора П. Зубова, замѣчаетъ, что оба они держались тѣмъ, что «имѣли въ комнатахъ государыни сильную партію, состоявшую изъ Марьи Савишны, ея племянницы Торсуковой, Марьи Алексѣевой, камердинера Зотова и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ дни рожденій и именинъ графъ твердо помнилъ и никогда безъ хорошихъ подарковъ въ сіи дни не оставлялъ. Люди сіи,—продолжаетъ Грибовскій,—несмотря на запрещеніе говорить государынѣ о комъ бы то ни было, находили средства внушать ей благоволительное мнѣніе о прежнемъ ея министрѣ и его партіи».

Еще рѣзче и опредѣленнѣе въ однородныхъ обвиненіяхъ Державинъ, не однажды отмѣчающій въ своихъ «Запискахъ» злоупотребленіе довѣренностью императрицы и своимъ вліяніемъ изъ корыстныхъ, эгоистическихъ видовъ, тою же «партіей въ комнатахъ государыни» съ Перекусихиной во главѣ. Его показанія относятся къ тому же времени, о которомъ говоритъ Грибовскій, и когда значеніе Марьи Савишны особенно возросло и усилилось.

Повздорилъ какъ-то Гавріиль Романовичъ съ княгиней Дашковой, которая, «по вспыльчивому ея, или, лучше сказать, сумасшедшему нраву, наговорила множество грубостей, даже на счетъ императрицы... такъ что онъ не вытерпѣлъ и уѣхалъ» отъ нея. Княгиня же,—рассказываетъ онъ дальше,—«боясь, чтобы онъ не довелъ до свѣдѣнія государыни говореннаго ею на ея счетъ, забѣжавъ, сколько извѣстно было, чрезъ Марью Савишну Перекусихину, приближеннѣйшую къ государынѣ даму, и брата фаворита Валеріана Александровича (Зубова), наболтала какіе-то вздоры, которымъ хотя въ полной мѣрѣ и не повѣрили, но они поселили въ сердце (императрицы) остуду, которая примѣчена была Державиннымъ по самую ея кончину».

Нѣсколько позднѣе Державинъ участвовалъ въ совѣстномъ судѣ, по тяжбѣ о наслѣдствѣ между Всеволожскимъ и И. И. Дмитріевымъ (потомъ и позднѣе министромъ). Державинъ былъ со стороны послѣдняго, представителями Всеволожскаго явились сенаторы А. И.

Васильевъ и Н. М. Сушковъ, а совѣстнымъ судьей былъ сенаторъ А. А. Ржевскій. Судъ этотъ, какъ изображаетъ его Державинъ, вмѣсто «совѣстнаго вышелъ безсовѣстнымъ», благодаря тому, что «Всеволожскій пронырствами и подарками умѣлъ найти не токмо въ семействахъ Васильева и Ржевскаго, но и при дворѣ: гг. Торсуковъ, Трощинскій и М. С. Перекусихина были на его сторонѣ».

Такого рода свидѣтельства современниковъ, близко стоявшихъ ко двору, къ описываемымъ лицамъ и фактамъ, въ особенности же показанія наблюдательнаго и безпристрастнаго Грибовскаго, чуждаго въ своихъ запискахъ тому личному раздраженію, въ которомъ можно упрекнуть Державина, не могутъ, понятно, быть пройдены безъ вниманія. И это тѣмъ болѣе, что въ извѣстной части они наводятъ себѣ и фактическое подтвержденіе.

Преобладающей, повидимому, слабостью Перекусихиной была чрезмѣрная любовь къ родственникамъ. Когда у нея умеръ братъ, она, по словамъ Храповицкаго, впала «въ отчаяніе» и долго не могла утѣшиться, несмотря на нѣжныя старанія императрицы. Любовь такая, сама по себѣ, естественна и даже почтенна, но, во-первыхъ, она въ нашемъ случаѣ уже логически исключаетъ представленіе того полного, нераздѣльнаго самоотреченія ради особы императрицы, какое навязываютъ Марьѣ Савишнѣ ея усердные біографы, а, во-вторыхъ, такая любовь несомнѣнно превращается въ слабость, коль скоро въ страстномъ желаніи угодить родственникамъ, людямъ иногда ничтожнымъ, облагодѣтельствовать ихъ и возвысить пускаются въ ходъ, безъ разбора, всѣ зависящія отъ насъ средства.

Къ счастью, у Марьи Савишны родственниковъ было не много: старшій братъ, В. С. Перекусихинъ, его дочь, Катерина Васильевна, и ея мужъ, А. А. Торсуковъ. Всѣхъ ихъ она вывела въ люди, обогатила, приблизила ко двору и сообщила имъ долю своего вліянія, которымъ они своекорыстно и пользовались, какъ видно уже изъ вышеприведенныхъ показаній Грибовскаго и Державина. Торсуковы, мужъ и жена, благодаря тетушкѣ, сдѣлались очень сильными и вліятельными персонами «въ комнатахъ государыни». Никакого другого права, никакихъ заслугъ на такое возвышеніе за ними не числилось.

Екатерина, очевидно, хорошо знала слабость своего старога «друга» и относилась къ ней не только снисходительно, но и съ весьма понятной, милостивой и тароватой поблажкой. По протекціи Марьи Савишны, братъ ея дослужился до тайнаго совѣтника и былъ сенаторомъ, а когда, въ 1788 году, по болѣзни, оставилъ службу, то, въ видѣ особой милости, ему назначена была полная пенсія, съ сохраненіемъ жалованья,—всего 4.250 рублей. Этой милостью онъ недолго, впрочемъ, пользовался, такъ какъ въ томъ же году умеръ. По приказу императрицы, его пышно похоронили на казенный счетъ.

Со смертью брата, Марья Савишна сосредоточиваетъ всю свою пылкую родственную любовь на племянницѣ, на ея мужѣ и на ея семьѣ. Одновременно на нихъ начинаютъ сыпаться монаршія милости, награды и отличія, безъ сомнѣнія, въ угоду доброй тетускѣ и по ея просьбамъ. Самое имя Торсуковыхъ, никому дотолѣ невѣдомое, начинаетъ подобострастно и значительно повторяться на ряду съ именами сильныхъ міра сего и попадаетъ, наконецъ, даже въ исторію.

Ничего не извѣстно, что такое изображалъ собой А. А. Торсуковъ до женитьбы на племянницѣ Марьи Савишны, но въ 90-хъ годахъ это была уже очень крупная и важная, по своей вліятельности, фигура. Изъ письма гр. Ростопчина къ гр. Воронцову, отъ 22-го февраля 1796 года, узнаемъ, что въ числѣ другихъ лицъ, щедро награжденныхъ по случаю свадьбы великаго князя Константина Павловича съ принцессой Анной Ѳеодоровной, Торсуковъ, тогда уже бригадиръ, получилъ чинъ майора Семеновскаго полка и 700 душъ крестьянъ. Онъ имѣлъ, по словамъ Ростопчина, какое-то участіе въ воспитаніи новобрачнаго великаго князя.

Въ это время и позднѣе домъ Торсуковыхъ былъ однимъ изъ самыхъ пышныхъ и зажиточныхъ въ столицѣ. Жили они открыто, и на ихъ роскошные пиры и балы собирался весь знатный и сановный Петербургъ, хотя родовитые, гордые аристократы отзывались не особенно почтительно объ этихъ пиршествахъ, о самихъ гг. Торсуковыхъ и объ источникахъ ихъ прибытка. Въ современныхъ мемуарахъ есть немало на это указаній. Зналъ Торсуковыхъ, уже въ 1800-хъ годахъ, и извѣстный Жихаревъ. Онъ подтверждаетъ, что Торсуковъ былъ очень богатъ по женѣ, которая наслѣдовала отъ тетки, Перекусихиной, большое состояніе, — «однихъ брилліантовъ и жемчугу на полмилліона»¹⁾.

Такимъ образомъ, если сама Марья Савишна «не повелѣвала тысячами крестьянъ» и не прославилась богатствомъ, то сумѣла за то надѣлать всѣмъ этимъ горячо любимыхъ родственниковъ. Положимъ, это тоже своего рода самоотреченіе, но ужъ нельзя, къ сожалѣнію, повторить вмѣстѣ съ прежними ея біографами, будто она только и была «занята, что услугой» своей державной «благодѣтельница», только и было у нея счастье, что «видѣть спокойствіе на ея величественномъ челѣ», а до всего остального, чѣмъ всѣ грѣшные люди живы, не было ей, будто бы, никакого дѣла.

Въ напу задачу вовсе не входило опорочиваніе памяти Марьи Савишны... Избави Богъ! Мы хотѣли только снять съ ея портрета фальшивыя краски и дешевую риторическую фольгу, наложенныя съ цѣлью во что бы ни стало изобразить ее шаблонной героиней

¹⁾ Дневникъ чиновника. «Отечеств. Записки», 1855 г., сент., 148.

«истор. вѣстн.», январь, 1899 г., т. LXXV.

безъ пятнышка. Намъ дорого въ ней простое человѣческое лицо и, сколько было въ нашихъ силахъ, мы постарались его обозначить въ правдивыхъ историческихъ чертахъ.

Освобожденное отъ фальшивыхъ прикрасъ, лицо это дѣлается болѣе понятнымъ, болѣе живымъ и не менѣе симпатичнымъ. Заслуга Марьи Савишны, какъ мы уже сказали, въ томъ, что она искренно любила Екатерину—любила въ ней не только велемощную царицу, но и человѣка со всѣми его достоинствами и слабостями. Право, заслуга эта не такая маленькая и не такъ ужъ часто встрѣчающаяся около трона, чтобы ее не стоило отмѣтить въ исторіи.

Особенно ярко, сильно и трогательно обнаружила Марья Савишна любовь къ своему коронованному «жениху» въ юбкѣ подъ конецъ, когда вѣяніе строгой смерти разноситъ все напускное и лицемѣрное, когда наступаетъ точная провѣрка нашихъ чувствъ къ покойному.

5-го ноября 1796 г., въ 7 часовъ утра, какъ обыкновенно, Марья Савишна вошла къ императрицѣ въ спальню, застала ее уже проснувшейся и совершенно здоровой и, на вопросъ, какъ почивала, получила отвѣтъ, что она «давно такой пріятной ночи не проводила». День начался обычнымъ порядкомъ, но, спустя не болѣе часу, Екатерину поразилъ смертельный ударъ, и началась мучительная, двухдневная агонія въ состояніи полного безпамятства.

На первыхъ порахъ всѣ окружающіе растерялись и не знали, что дѣлать. Марья Савишна первая опомнилась и позаботилась о спасеніи императрицы. Она предложила и убѣдительно просила пустить кровь больной, но совершенно обезумѣвшій П. А. Зубовъ воспротивился этому, и кровопусканіе было сдѣлано только черезъ часъ, когда прибылъ старшій лейбъ-медикъ Рожерсонъ. Возможно, что если бы своевременно послушались Марьи Савишны, Екатерина была бы спасена...

Съ этой минуты, во всѣ долгіе часы агоніи и потомъ, когда все уже было кончено, Марья Савишна не отходила отъ своей «благодѣтельница» и закрыла ей глаза.

«Сколь почтенна была тутъ ея любимица, М. С. Перекусихина!—записалъ гр. Ростопчинъ.—Находившись при ней долгое время, безотлучно, будучи достойно уважена всѣми, пользуясь неограниченной довѣренностью Екатерины... она съ жизнью ея теряла счастье и покой, оставалась сама въ живыхъ токмо для того, чтобы ее оплакивать. Твердость духа сей почтенной женщины привлекала многократно вниманіе бывшихъ въ спальнѣ: занятая единственно императрицей, она служила ей точно такъ, какъ будто ожидала ея пробужденія: сама поминутно приносила платки, коими лѣкаря обтирали текущую изо рта (больной) матерію, поправляла ей то руки, то голову, то ноги. Несмотря на то, что императрица уже не существовала, она безпрестанно оставалась у тѣла усопшей, и духъ ея стре-

мился въ слѣдъ за безсмертною душою Екатерины». И это въ то время, когда всѣ «знатные и чиновные», толпившіеся въ сосѣднихъ покояхъ, были «заняты единственно собою»...

Въ этихъ строкахъ, писанныхъ съ той декламаторскою приподнятою, съ какою считалось тогда обязательнымъ описывать такія печальныя и трогательныя вещи, подъ живымъ ихъ впечатлѣніемъ, все правда относительно неизмѣнной вѣрности и любви Перекусихиной къ Екатеринѣ.

Пережила она ее, конечно, не на радость себѣ. Со смертію императрицы Марья Савишна должна была потерять и свое завидное положеніе, и вліяніе, и то поклоненіе, которымъ она отъ всѣхъ была «достойно уважена».

Павель Петровичъ былъ глубоко предубѣжденъ противъ всѣхъ приближенныхъ къ его матери и, несмотря на отличавшее его въ такихъ случаяхъ великодушіе, рѣдко забывалъ и прощалъ имъ это.

Вскорѣ послѣдовалъ указъ о «награжденіи долговременной и усердной службы находившихся при любезнѣйшей родительницѣ нашей, блаженной памяти императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ».

Пунктъ первый указа гласилъ: «Уволенной отъ двора дѣвицѣ Маріи Перекусихиной производить по смерти пенсію изъ кабинета по тысячѣ по двѣсти рублей въ годъ».

Марья Савишнѣ не могло показаться это ни особымъ отличіемъ, ни большою милостію. Вся «комнатная услуга» покойной императрицы, до послѣдняго человѣка, была награждена и гораздо щедрѣе, чѣмъ М. С., да къ тому-жъ иныя и безъ увольненія отъ службы. Большинству камеръ-юнгферъ и камеръ-медхенъ, кромѣ окладовъ, было пожаловано единовременно отъ трехъ до двѣнадцати тысячъ рублей¹⁾.

Въ разсказахъ Карабанова сохранился анекдотъ, не весьма, впрочемъ, достовѣрный, о томъ, какъ императоръ Павель подозрительно и неблагоклонно относился къ Марья Савишнѣ.

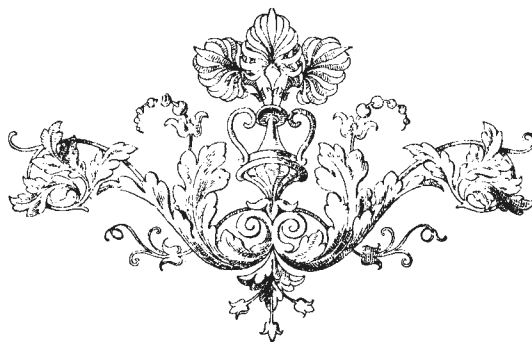
Будто бы, во дворцѣ, за обѣдомъ, Н. Д. Дурново, «сидя противъ императора, который не могъ съ нимъ наговориться довольно, за десертомъ скаталъ изъ хлѣба два шарика и, отдавая слѣва сидѣвшей М. С. Перекусихиной, что-то прошепталъ. Дурново не могъ

¹⁾ Въ статьѣ г. Корсакова: «Воцареніе императора Павла» («Историч. Вѣстникъ», 1896 г., кн. 12), есть ссылка на сенатскій указъ (дек. 1796 г.), въ которомъ, между прочимъ, сказано, что Перекусихина, «въ разсужденіе долговременной и усердной ея службы», кромѣ упомянутой денежной пенсіи, получила еще поступившій въ казну домъ бывшаго придворнаго банкира Сутерланда, да въ Рязанской губерніи казенной земли 4517 десятинъ. Очевидно, пожалованіе это произведено позднѣе и особо отъ остальной «комнатной услуги» покойной императрицы. По крайней мѣрѣ, о немъ нѣтъ ни слова въ спискѣ указа, помѣщенномъ въ «Архивѣ кн. Воронцова», которымъ мы пользовались.

себѣ представить, чтобы отъ сихъ шариковъ зависѣла его участь, но тотчасъ замѣтилъ, что государь началъ коситься, отворачиваться, пересталъ говорить, потомъ вскорѣ приказалъ просить въ отставку».

Какъ бы тамъ ни было, со смертью Екатерины карьера и историческая роль Марьи Савишны окончились навсегда, и остатокъ своей жизни она прожила вдали отъ двора и свѣтскаго общества въ полной безызвѣстности.

Вл. Михневичъ.

СУМЕРКИ.

(Очеркъ изъ нравовъ 70-хъ годовъ).

I.

ПОКОЙНАЯ, зеленоватая гладь моря, ясное небо... пароходы—много пароходовъ, а вокругъ нихъ—движеніе, суета, жизнь; мелькають черные закоптѣлые люди, спуютъ юркіе, съ алчными глазами, подозрительные субъекты... «Петербургъ» поднялъ якорь, снимаетъ трапъ; послѣдній трубный звукъ, и пароходъ медленно отчаливаетъ, а мое сердце замираетъ. Павелъ Николаевичъ, стоя на рубкѣ, машетъ своей фуражкой. Я улыбаюсь ему и смотрю, смотрю безъ конца; внутри у меня что-то обрывается. Уѣхалъ—умеръ, для меня умеръ, умерло все! Не нужно борьбы, не нужно сомнѣній—все кончено!...

Вдали черная, чуть видная точка, къ которой прикованъ мой взглядъ... А вокругъ—море свѣта, яркаго, ослѣпительнаго, шумъ, движеніе, свистки.

Я вздрагиваю: неужели кончено? А между тѣмъ... нѣтъ, нѣтъ, все ушло, все порвано!...

Отчего же душа моя болитъ и стонетъ, отчего все существо мое возмущается и не хочетъ примириться съ неизбѣжнымъ? Откуда этотъ безумный страстный взрывъ всѣхъ жизненныхъ силъ, эта до невозможности жгучая жажда счастья?... Все кончено! Неужели это правда? Какъ? Больше я не увижу его, не услышу мягкаго, ласкаю-

цаго голоса, живительнаго взгляда... Остановись, вернись, возьми меня съ собою, увези въ другой край, подь другое небо!... Боже, Боже, что я надѣлала!

Милый голосъ звучить, какъ музыка въ моей душѣ, и слезы раскаянія—поздняго, увы!—льются изъ моихъ глазъ... Одно слово, одно маленькое двусложное слово—и сколько счастья! Что же мѣшало пойти на встрѣчу призыву любви?...

И слышу, милый, слышу въ голосѣ твоемъ муки неудовлетворенной мечты, слышу взрывъ отчаянія обманувшагося сердца, упрекъ страсти...

— Вы не женщина, а камень! Вамъ доставляетъ удовольствіе мучить другихъ. Вы давно знали, что я васъ люблю, зачѣмъ же играли мною?...

Бурная, негодующая рѣчь лилась изъ дорогихъ устъ, сверкала въ чудныхъ глазахъ, сверлила мой мозгъ. Какую нечеловѣческую силу употребила я, чтобы не броситься въ объятія любимаго чело-вѣка и поцѣлуями не заглушить справедливый упрекъ.

— Уйдите, если вы не можете говорить, не оскорбляя меня!...

Жестко и сурово прозвучала моя прощальная фраза... Я не оборачивалась, стоя у окна, и онъ ушелъ. Долго раздавались въ моихъ ушахъ тяжелые усталые шаги.

Итакъ, все кончено! Не надо больше борьбы, ничего не надо! Вокругъ меня и внутри все такъ тихо, тихо и мертвенно спокойно... Только зачѣмъ же эти запоздалыя, беззвучныя слезы?...

II.

Какъ маятникъ, брожу я изъ угла въ уголь своей полумонашеской кельи, и тѣни прошлаго поднимаются среди сѣрыхъ сумерекъ одинокаго существованія...

Я вижу мою мать—стройная, изящная, съ задумчивымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, кроткою улыбкой на блѣдномъ лицѣ, легкою тѣнью проходить она передо мною, а вслѣдъ за ней поднимаются картины невозвратнаго прошлаго... Вижу я нашу небольшую уютную гостиную; не было въ ней ни яркихъ цвѣтовъ, ни блестящихъ бездѣлушекъ: все было просто, немножко меланхолично, но замѣчательно красиво... Весь домъ носилъ отпечатокъ души моей матери, грустной и поэтичной, какъ южная сентябрьская ночь. Отецъ былъ много старше ея; скромный труженикъ, онъ безконечно былъ благодаренъ ей за то, что она внесла тепло и свѣтъ въ его существованіе; онъ чуть не молился на нее.

Наша семья выдѣлялась изъ среды педагоговъ, сослуживцевъ отца: въ рѣдкіе вечера, когда у насъ собирался небольшой кружокъ знакомыхъ, не карты, не сплетни, не пустая болтовня оживляли нашу гостиную; все, что касалось науки, искусства, граждан-

ственности, находило живой откликъ въ душѣ моей матери, и съ тактомъ хорошо воспитанной женщины умѣла она навести разговоръ на интересовавшую ее тему, увлечь, оживить другихъ. И какъ я любила ее въ эти вечера! Любила слѣдить за смѣной выраженія ея лица, блескомъ глазъ, плавной, красивой рѣчью; усажусь въ уголокъ дивана и слушаю: я не понимала, что говорилось, улавливала только отдѣльныя слова, но мнѣ почему-то бывало удивительно хорошо.

— Лена, ты бы пошла къ нянѣ — тебѣ скучно, — скажетъ, бывало, мать, проводя рукой по моимъ волосамъ.

— Нѣтъ, мамочка, нѣтъ! Позволь остаться здѣсь, — отвѣчу я, цѣлуя мягкую, нѣжную руку.

Любила я также смотрѣть на мать, когда она играла: румянецъ появлялся на ея блѣдныхъ, впалыхъ щекахъ, глаза загорались: это приводило меня въ такой восторгъ, что я подбѣгу къ ней, обниму руками ея шею, осыплю поцѣлуями.

Отецъ и мать любили меня безгранично, и не мудрено: изъ трехъ дѣтей въ живыхъ осталась я, самая младшая. Въ гимназію меня не отдали, подругъ у меня не было. Неизмѣннымъ товарищемъ моихъ дѣтскихъ игръ и мечтаній былъ сынъ сосѣда, Саша, живой, подвижной мальчикъ, года на два старше меня. Онъ же первый вводилъ меня въ кругъ понятій тогдашней молодежи, открывалъ, такъ сказать, перспективу иныхъ чаяній.

Съ ранняго дѣтства мать развивала во мнѣ любовь къ искусству—поэзіи, музыкѣ, ко всему доброму, свѣтлому и великому; она же научила смотрѣть на искусство, какъ на силу, движущую чело-вѣчество по пути къ идеалу, совершенствующую чело-вѣка и формы жизни. Моя юность проходила въ особомъ, прекрасномъ, наполненномъ поэтическими образами мірѣ, совсѣмъ не похожемъ на дѣйствительность; мои юныя грезы блистали такими яркими, радужными красками, что пробужденіе, когда бы оно ни настало, должно было быть ужаснымъ!

Съ какою горячностью спорила я, бывало, съ Сашей за право красоты и поэзіи, которыя онъ, юноша, пропитанный радикализмомъ и писаревщиной, пытался отрицать. Съ нимъ я могла спорить: я инстинктивно чувствовала свою власть надъ нимъ, чувствовала, что, несмотря на свою презрительную, угрюмую внѣшность, онъ такъ же, какъ и я, любилъ красоту и жизнь. Однажды я сказала ему это, именно въ то самое время, когда, желая развѣнчать въ моихъ глазахъ Пушкина, онъ прочелъ мнѣ его стихотвореніе «Поэтъ и Чернь» и, противъ воли, глаза Саши загорѣлись неподдѣльнымъ восторгомъ отъ красоты созвучій... Саша безсознательно поддавался вліянію нашей семьи; онъ даже пересталъ являться къ намъ въ осмѣянномъ мною «человѣконенавистническомъ» костюмѣ, который долженъ былъ свидѣтельствовать о его презрѣ-

ніи къ благамъ міра сего. Онъ меня любилъ, — я это чувствовала, мнѣ нравилось его молчаливое обожаніе, и я испытывала громадное наслажденіе отъ сознанія моей силы надъ нимъ... Еще бы!.. Юноша, готовый «умереть за идею», въ мантии гражданской скорби, превращался въ пажа капризной шаловливой барышни, бѣгалъ съ ней взапуски по саду, игралъ въ мячъ и читалъ... все того же ненавистнаго Пушкина. Хорошее было время, чистое и свѣтлое, какъ заря. Подобно лучу солнца, прорѣзываетъ оно мои сумрачныя воспоминанія, вызываетъ улыбку на лицѣ... Пятнадцать лѣтъ, больше даже, прошло съ того времени, а мнѣ иногда кажется, что тогда-то было самое настоящее, была жизнь! Что жъ это значитъ?

По окончаніи гимназіи, Саша уѣхалъ въ университетъ; прощаясь, онъ убѣждалъ меня покончить съ дребеденью романтизма, звалъ къ реальному живому дѣлу, а я только улыбалась и съ ехидною мыслью увѣряла его, что онъ вернется на лоно искусства.

III.

Скоро послѣ отъѣзда Саши, «духъ разрушенія», которымъ былъ пропитанъ онъ и съ которымъ я такъ удачно боролась, захватилъ таки меня, захватилъ и изломалъ.

Нежданно-негаданно ворвался онъ къ намъ въ лицѣ Николая Ивановича Воронова, дальняго родственника моего отца; ему было лѣтъ около тридцати. Высокій, худой, съ желчнымъ, умнымъ лицомъ, пронизательнымъ взглядомъ свѣтло-сѣрыхъ глазъ, рѣзкой рѣчью, порывистыми движеніями, частыми нервными подергиваніями, онъ произвелъ на меня непріятное, даже отталкивающее впечатлѣніе. Семинаристъ, бурсакъ такъ и выглядѣлъ во всѣхъ его манерахъ.

Помню, я и отецъ сидѣли на террасѣ, углубленные каждый въ чтеніе. Звукъ тяжелыхъ шаговъ привлекъ мое вниманіе; я подняла голову. По аллеѣ сада шелъ незнакомый мнѣ субъектъ, запыленный, съ палкой въ рукѣ. Отецъ поднялся на встрѣчу.

— Что, не узнаешь?—спросилъ незнакомецъ, и его тонкія губы искривились въ странную усмѣшку.

— Николай!..—всполошился отецъ, суетливо усаживая гостя; онъ какъ будто растерялся, не зная, что дѣлать.—Откуда, какими судьбами?.. А кстати, познакомься—моя дочь, Лена!.. Чаю не хочешь ли? Гдѣ былъ, что дѣлалъ?

Вѣки у отца дергались, что всегда означало глубокое душевное волненіе. Николай Иванычъ все съ той же странной усмѣшкой смотрѣлъ то на него, то на меня. Мнѣ становилось неловко...

— Я къ тебѣ, Григорій, на нѣсколько дней... писемъ здѣсь нужно дожидаться и дальше.

— Ну, чтожъ, ну, чтожъ, я радъ!..

— Ну, братъ, радъ не радъ, а повинность отбывай,—не то шутиливо, не то серьезно сказалъ онъ.—Самъ знаешь—голь, какъ соколь. А ты постарѣлъ и растолстѣлъ—въ прокъ, значить, свое гнѣздышко... А Марья Васильевна—здорова?

— А вотъ и мама!—сказала я, обрадованная, что могу, наконецъ, избавиться отъ присутствія непріятнаго гостя, и удалилась къ себѣ.

Безпокойный, тревожный духъ поселился вмѣстѣ съ нимъ въ нашей семьѣ и какъ будто пронизалъ нѣмыя стѣны нашего дома. Всѣмъ было не по себѣ; я видѣла, какъ передергивались мускулы лица моей матери, когда заговаривалъ Николай Ивановичъ, какъ безпокойно ерзалъ на стулѣ мой отецъ, теребя свою жиденькую бородку. Обыкновенно подъ какимъ либо предлогомъ меня высылали изъ комнаты. Я волновалась, не зная почему, и съ затаеннымъ вниманіемъ старалась уловить смыслъ мало понятныхъ для меня фразъ; я бросила свои любимыя занятія; книги выпадали у меня изъ рукъ. Я чего-то ждала.

Хороша южная осень, хороши замирающіе сентябрьскіе дни, а въ особенности хороши ночи. Мнѣ всегда бывало грустно и въ то же время сладко въ эти послѣднія теплыя ночи. Я любила уединиться въ своей комнатѣ и сидѣть у открытаго окна, глядя на сверкающее небо; такъ тоскливо, тоскливо щемить сердце и рвется куда-то... и вѣрится, что гдѣ-то «тамъ» меня ждетъ громадное счастье, «тамъ», гдѣ вѣчная красота, любовь и правда... Засидишься, замечтаешься и не видишь, какъ время идетъ...

Вотъ въ такую-то чудную ночь, съ замирающею тоскою на сердцѣ, старалась я проникнуть въ таинственную, маящую даль будущаго. Я спрашивала и звѣзды, и небо, и нѣмую тишину, кто изъ насъ правъ—я или Саша, съ юношескимъ пыломъ отрицавшій все, что я любила, звавшій меня на «подвигъ». Подвигъ! Сколько въ этомъ словѣ обаятельно прекраснаго, высокаго и чистаго! Десятки героевъ-подвижниковъ проносились въ моемъ воображеніи и манили меня. Я задыхалась отъ наплыва жгучихъ, бунтующихъ молодыхъ силъ, я рвалась къ подвигу. Но онъ рисовался мнѣ среди блеска сіяющаго дня, при звукахъ трубъ и литавръ, ликующихъ крикахъ толпы. Я стояла у окна, гордо выпрямившись, ощущая во всемъ существѣ отвагу, какъ вдругъ до слуха моего долетѣлъ громкій голосъ Николая Ивановича. Я вздрогнула, притаилась.

— При такой системѣ вы воспитаете тепличное растеніе... Россіи нужны закаленные натуры, боевыя, а не кисейныя барышни. Первый серьезный ударъ разобьетъ ее со всѣми цвѣточками да стипками...

— Ошибаетесь,—мягко возражала мать,—стипки, какъ вы презрительно называете поэзію, укрѣпляютъ ея сердце, разовьютъ въ немъ любовь, а любовь громадная сила. Любовь сильнѣй ненависти, ко-

тору проповѣдуете вы... Живая и мертвая, я буду охранять свою Лену отъ отрицательныхъ теченій, и что бы вы мнѣ ни говорили, я вѣрю, вѣрю, что настанетъ, наконецъ, царство всечеловѣческой любви. Скажите по правдѣ, по совѣсти, что больше счастья даетъ вамъ, что смягчаетъ вашу душу—любовь или ненависть?

— Вы знаете хорошо,—пониженнымъ тономъ отвѣтилъ онъ,— что любви я не знаю. Любовь ушла отъ меня... вмѣстѣ съ вами, и я сталъ питать себя... ненавистью! О Маша, зачѣмъ, зачѣмъ ты сдѣлала такъ?

— Ни звука! Бога ради ни звука! Неужели вы опять пришли за тѣмъ, чтобы терзать меня?..

Неподдѣльная скорбь звучала въ голосѣ моей матери, скорбь безнадѣжная, какъ могила... Теперь мнѣ все стало понятно! Понятно, почему страдаетъ и молчитъ моя мать, почему недоволенъ отецъ...

Она его любитъ. Эта мысль не давала мнѣ покоя, жгла меня, мутила мой умъ. Она—нѣжная, изящная, ласковая и кроткая, какъ голубка, и онъ—суровый, жесткій и хищный, какъ ястребъ... развѣ это возможно? Голоса давно уже замолкли, а въ моихъ ушахъ все еще раздавались два голоса: одинъ непріятный, рѣзкій, и другой мягкій, гармоничный, и слезы обиды, страданія, подступали къ моему горлу... Я упала на стулъ и зарыдала. И какъ мрачно, темно стало вокругъ меня... мнѣ казалось, что стѣны нашего дома расширяются.

IV.

Ночь я спала плохо... Цвѣточки, стишки, тепличное растеньице, ненависть, любовь—все перемѣшивалось въ моемъ мозгу, подымало бурю въ дуплѣ, и мракъ, мракъ, безграничный мракъ. Чистый, свѣтлый образъ моей матери то покрывался темными пятнами, то снова блистала неземною красотой... Это была странная и страшная ночь. Въ эту ночь у меня зародилось сомнѣніе въ томъ, чему учила меня моя мать, и въ первый разъ я ощутила въ своемъ сердцѣ ненависть. Любя мать и страдая за нее, я ненавидѣла этого чужого человека, нарушившаго нашъ покой, ненавидѣла и въ то же самое время мучительно хотѣла открыть завѣсу непонятной мнѣ тайны. Я боялась этой тайны, боялась его и въ то же время хотѣла заглянуть въ его душу. Знаетъ ли отецъ, а если знаетъ, то почему терпитъ, молчитъ? И зачѣмъ онъ пришелъ сюда, что ему надо? Зачѣмъ онъ, пользуясь гостепріимствомъ нашего дома, оскорбляетъ насъ всѣхъ—отца, мать, меня? Вотъ вопросы, которые не давали мнѣ покоя всю ночь, а обиднѣе всего было сознаніе, что онъ смѣлъ называть меня кисейной барышней. Чувства и мысли, волновавшія меня, смѣнялись съ невѣроятною быстротой, я теряла подъ собою почву.

«Я ему докажу, докажу, что я не такая, не тепличное растеніе!»—возмущаясь, твердила я, бродя по аллеямъ нашего сада.

— Съ добрымъ утромъ, барышня! Сегодня вы рано встать изволили,—раздался за моей спиной ироническій голось Николая Иванныча. Я невольно остановилась, полуобернувшись къ нему.

Странное чувство овладѣло мною: вчерашняя боль, обида, съ новою силою проснулись во мнѣ, вызывая бурный протестъ, и рядомъ съ ними подымалось любопытство, желаніе узнать его, поговорить съ нимъ.

Мы молча стояли другъ противъ друга. Онъ безцеремонно разсматривалъ меня, какъ какую нибудь диковинную вещь.

— Съ книжкой?—тѣмъ же тономъ спросилъ онъ, бросая взглядъ на мою руку,—нельзя ли полюбопытствовать, что вы читаете?

— Шиллера.

Я въ упоръ смотрѣла на него.

— Гмъ! Шиллера. Положимъ, не дурное дѣло. Только не скажете ли вы мнѣ, барышня, что вы будете въ жизни дѣлать съ Шиллеромъ-го?

Покручивая усы, онъ проницательно смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

Я смутилась и досадливо отдернула книгу, которую онъ было хотѣлъ взять. При этомъ движеніи ко мнѣ сразу вернулось самообладаніе; мнѣ захотѣлось отомстить ему за все, сказать что нибудь колкое, непріятное.

— Что буду дѣлать? Буду пропагандировать Шиллера, буду служить искусству.

— О-го-го! такъ вотъ вы кака! Гмъ! Такъ служить искусству? А знаете ли, барышня, что это значитъ въ переводѣ на нашъ плебейскій языкъ? А это значитъ—высасывать кровь народа на утѣху праздныхъ богачей!

Я вспыхнула и рѣзко отвѣтила:

— А по-нашему проповѣдывать любовь даже къ врагамъ.

Я сдѣлала движеніе, чтобы уйти, и остановилась, пораженная: столько неподдѣльной скорби прочла я въ его лицѣ... Мнѣ сразу стало стыдно за то, что я такъ грубо и зло говорила съ нимъ.

— Да, барышня, задору-то у васъ много и душенка есть, да извратили ее—романтизмомъ пропитали. Не говорили бы вы такъ, если бы знали, какимъ кровавымъ потомъ обливается народъ, цѣною какого страданія выращиваются вапи Шиллеры, Шекспиры. Хороши они, спору нѣтъ! Въ минуты досуга я бы самъ съ удовольствіемъ почиталъ ихъ; но ставить ихъ, или, какъ вы говорите, искусство, въ основу своей жизни—нельзя. Нельзя потому, что большинство, ужасающее большинство, барышня, стонетъ и мечется безъ свѣта, безъ тепла, безъ пищи даже. Пойдите, посмотрите, какъ живетъ народъ, какую тяжесть несетъ на своихъ плечахъ этотъ спящій въбковымъ сномъ богатырь... пойдите, посмотрите—и вамъ станетъ стыдно того, что вы сейчасъ сказали.

Онъ замолкъ и грустно смотрѣлъ вдаль. Я съ минуту колебалась, потомъ, протянувъ ему руку, тихо произнесла:

— Простите меня.

Какимъ свѣтлымъ взглядомъ подарилъ онъ меня, какъ чудно прояснилось и расцвѣло его угрюмое лицо!

— Хорошая у васъ душа, барышня, — произнесъ онъ, крѣпко пожимая мою руку, — отзывчивая. Жаль, что раньше мнѣ не удалось узнать васъ... я долженъ уѣхать.

Лицо его снова затуманилось, и мрачная тѣнь заволокла взглядъ, мускулы лица передергивались. Онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ въ пространство и снова улыбнулся, взглянувъ на меня.

— Не Шиллеръ, барышня, нуженъ намъ теперь, — началъ онъ, понижая голосъ и устало опираясь о стволъ дерева, — не художества, а ломъ каменщика и ножъ хирурга. Нужна неустанная работа сознанія и воли, нужны руки чернорабочаго. И тогда — стихи, поэзія и всякія художества могутъ имѣть мѣсто. Вы не вѣрите? Такъ, слушайте... Пойдемте, сядемъ тамъ, на скамейку, и я вамъ кое-что расскажу. То, что я вамъ скажу, не скажетъ вамъ ни отецъ, ни мать. Они хорошіе люди — сердечные, добрые, спору, нѣтъ, да зарылись въ своею гнѣздышкѣ.

Мы прошли и сѣли на скамейку.

Онъ началъ рисовать передо мною жизнь народа, его горе, его нужды, рассказывать о нихъ такъ, какъ будто это было его собственное горе. Онъ исколесилъ чуть ли не всю Россію, много видѣлъ, много зналъ, и свою рѣчь иллюстрировалъ такими картинками, отъ которыхъ морозъ пробѣгалъ у меня по кожѣ.

— Такъ что же дѣлать? Что я могу сдѣлать? — вскрикнула я въ безотчетной тоскѣ, подавленная громадностью открывшагося страданія.

— Что дѣлать? — мрачно переспросилъ онъ, — вы хотите знать, что дѣлать? Идите туда, въ народъ, идите къ нему, страдайте съ нимъ, живите съ нимъ, тяните вмѣстѣ его ярмо — и тогда вы будете знать, что надо дѣлать. Вы стоите у предверія жизни — передъ вами двѣ дороги: одна торная, легкая, ведущая къ наслажденію жизнью, личному эгоистическому счастью, и другая узкая, тернистая — дорога труда, подвига....

Онъ остановился и нѣсколько мгновеній не сводилъ взгляда съ моего смущеннаго лица, и его острые пронизывающіе глаза жгли мою душу. Какъ все измѣнилось въ моихъ глазахъ! Исчезли яркія краски, нѣтъ болѣе благоухающихъ цвѣтовъ, ласкающихъ звуковъ. Міръ, который манилъ меня свою неумирающею красотой, стоялъ передо мною словно обнаженный и вселялъ ужасъ и холодъ въ мою душу.

Въ первый разъ роскошное утро осени не вызвало въ душѣ моей радостнаго ликования, въ первый разъ сквозь золотистую, фан-

тастическую листву деревьевъ я видѣла безобразный сучковатый остовъ, въ шелестѣ листьевъ слышала плачь умирающаго... Я чувствовала, какъ кровь отливала отъ лица и конечностей и сосредоточивалась въ сердцѣ, которое томительно билось.

— Нѣтъ,—сказала я, овладѣвъ собою,—нѣтъ, Николай Ивановичъ, я не пойду по широкой дорогѣ наслажденія... Я хочу подвига! Я пойду къ «униженнымъ и оскорбленнымъ» и отдамъ все, что я имѣю... Научите меня!..

— Какое вы милое дитя! — тронутымъ голосомъ сказалъ онъ, лаская меня своимъ взглядомъ, и мнѣ чудилось, что цѣлый міръ скорби и страданія смотритъ на меня.

V.

Съ тѣхъ поръ началась ломка, ужасная ломка! Не такова я была, чтобы остановиться на половину.

Николай Ивановичъ уѣхалъ, но «духъ разрушенія» продолжалъ царить въ нашей семьѣ. Тяжело, уныло стало въ домѣ. Мать со страхомъ слушала мои страстные, горячія тирады, пытаюсь удержать, уравновѣсить взбунтовавшуюся душу, отецъ смотрѣлъ точно виноватый, а я, изнемогая подъ бременемъ страданія, бросала иногда имъ жесткій упрекъ. Ахъ, что это было за мучительное время, я и теперь безъ содроганія не могу вспомнить о немъ.

Уѣзжая, Николай Ивановичъ совѣтовалъ мнѣ для начала познакомиться съ двумя дѣвушками, «святыми труженицами на нивѣ жизни. Тамъ вы встрѣтите настоящій трудовой народъ, познакомитесь съ его чаяніями, надеждами».

Я розыскала ихъ въ одной изъ людныхъ, мѣщанскихъ улицъ; онѣ занимали небольшую комнату отъ хозяйки. Меня съ перваго раза неприятно поразилъ беспорядокъ, царящій тамъ: принадлежности швейнаго и сапожнаго ремесла были разбросаны по всѣмъ угламъ, воздухъ спертый и пропитанный запахомъ кожи. Одна изъ дѣвушекъ была швея, простенькое, недалекое, вполне безобидное и доброе существо: въ ея голубыхъ наивныхъ глазахъ свѣтилось любопытство молодости; другая, постарше, брюнетка съ миловиднымъ лицомъ и жгучими, блестящими глазами, окончившая годъ тому назадъ гимназію, была сапожница. Узнавъ, что меня прислалъ Николай Ивановичъ, онѣ обѣ приняли меня съ распростертыми объятіями, и въ тонѣ молодыхъ, веселыхъ голосовъ звучала искренняя нотка участія, симпатіи; я же смущалась и, какъ дикій звѣрекъ, разсматривала ихъ, спрятавъ далеко, далеко юные порывы своей души.

Проекзаменовавъ меня по всѣмъ статьямъ, т.-е., что я читала, гдѣ училась, онѣ были крайне поражены моимъ незнакомствомъ съ тенденціозной литературой и, снабдивъ меня книжками, взялись ру-

ководить моими первыми шагами. Я часто стала захаживать къ нимъ. Я собственно не знаю, зачѣмъ, почему я ходила, потому что, кромѣ тягостнаго чувства отчужденія и какой-то глубокой внутренней боли за это отчужденіе, за то, что я не могу такъ же сердечно и открыто относиться къ нимъ, какъ онѣ ко мнѣ, меня отталкивала и распущенность ихъ жизни, т. е. отсутствіе порядка и приличной, безукоризненной внѣшности, которую поддерживала моя мать. Меня коробили манеры какъ ихъ, такъ и посѣтителей, большею частью рабочихъ, вкусившихъ отъ книжной мудрости, коробило даже то обстоятельство, что всегда, когда бы я ни приходила, я заставляла тамъ когонибудь. Безнравственнаго у нихъ ничего не было: былъ простой товарищескій, но по моимъ тогдашнимъ понятіямъ, слишкомъ вольный духъ распущенности, съ которымъ я не могла примириться. Въ разговорахъ, въ шуткахъ, я не принимала участія—приду, посижу, послушаю, что говорятъ, и уйду съ тяжестью на сердцѣ и съ кипюю книгъ въ рукахъ. Простудировала я и Чернышевскаго и Добролюбова, Писарева, Щапова и пр. Читала я много, но понимала мало... Отъ матери я, опять же не знаю почему, скрывала какъ свое новое знакомство, такъ и книжки, которыя читала, и это обстоятельство еще болѣе удручало меня.

Эта полоса моей жизни теперь, когда я смотрю на нее изъ дали прошедшаго, представляется мнѣ непроглядными сумерками — ни ночь, ни день, а неопредѣленный хаосъ. Я находилась во власти мнѣ невѣдомыхъ, стихійныхъ силъ, дѣйствовала и говорила не такъ, какъ я находила нужнымъ, а куда меня толкало. Вышибленная разъ изъ колеи, я неслась безъ удержу, но и безъ вѣры, безъ надежды, безъ упованія, неслась потому, что такое теченіе подхватило меня.

Попала я къ нимъ, однажды, въ день именинъ Фанни, и обѣ дѣвушки очень мило и сердечно просили меня остаться на праздникъ.

— У насъ будутъ гости, будетъ весело—не уходите!

Я осталась и просидѣла довольно поздно, какъ на иголкахъ. Я знала, что мать будетъ беспокоиться, и ужасно мучилась отъ этого сознанія, тѣмъ болѣе, что здоровье матушки значительно распалось за послѣднее время, но я не торопилась уйти. Не потому, что меня удерживали, или мнѣ было весело—совсѣмъ нѣтъ. Съ тяжестью въ душѣ, съ упрекомъ совѣсти, сидѣла я угрюмая и мрачная, и даже не могла по обыкновенію вслушиваться и вдумываться въ то, что говорилось вокругъ меня...

— Гдѣ ты была такъ долго?—спросила меня встревоженная мать.

— Неужели я не могу шагу сдѣлать безъ контроля!—вскринула я, мгновенно раздражаясь.

— Лена!—съ упрекомъ протянулъ отецъ, глазами указывая на грустное, поникшее лицо матери.

— Я не понимаю, мама, почему ты постоянно волнуешься и

тревожишься за меня... Это тягостно... Мама, развѣ я не могу жить по-своему, и неужели ты не довѣряешь мнѣ? Развѣ не ты учила меня добру, правдѣ, развѣ не ты указывала мнѣ заманчивый идеаль, не ты ли говорила, что нужно бороться со зломъ!

— Да, Лена, да!.. Но не тѣмъ путемъ, какъ это думаете вы... дитя, ты молода, ты не понимаешь, куда идешь, и воображаешь, что однимъ махомъ можно все передѣлать по-новому. Жизнь сложнѣй, чѣмъ ты думаешь, а люди, Лена, останутся тѣ же самые, въ какія бы формы вы ни перелили ихъ.

— Нѣтъ, мама, нѣтъ! Человѣкъ не можетъ быть дурнымъ, когда у него все есть, понимаешь ли ты это?.. Несправедливость, зло въ томъ, что меньшинство властвуетъ надъ большинствомъ.

— Лена, ты сама себѣ противорѣчишь, повѣрь, дитя мое, что всегда найдется меньшинство, которое будетъ господствовать надъ большинствомъ. Равенства нѣтъ и не можетъ быть, потому что люди не равны. Учись, работай, думай, но Бога ради не бросайся, очертя голову, въ омутъ жизни. Ты стала скрываться отъ меня, таишь что-то—развѣ я не вижу—и ты хочешь, чтобы я была спокойна... Скажи, зачѣмъ ты прячешь отъ меня свою душу, неужели я врагъ тебѣ? Посмотри же на меня прямо, дитя мое, вѣрь, я пойму тебя, пойму и помогу разобраться въ томъ, гдѣ правда, гдѣ истина. Лена, что же ты молчишь, что не смотришь на меня?.. Развѣ не видишь—мнѣ уже недолго осталось жить, а ты... ты, моя надежда, уходишь отъ меня.

Она заломила свои руки такъ, что пальцы хрустнули, и закашлялась; два яркія подозрительныя пятна играли на ея впалыхъ щекахъ...

Я бросилась къ ней, называла ее нѣжными именами, увѣряла, что она ошибается, что не только душу, но и жизнь свою я готова ей отдать.

Но, увы! этой жизни не суждено было долго горѣть. Хрупкій нѣжный организмъ матери не выдержалъ натиска «отрицательной силы», уничтожающей все, въ чемъ она находила поддержку... Я опомнилась, но было поздно.

Послѣ этого вечера мать не могла уже встать, таяла, чахла и наконецъ умерла... Въ холодномъ отчаяніи стояла я надъ трупомъ безгранично любимаго существа и молила... смерти!

VI.

Сильныя катастрофы отрезвляющимъ образомъ дѣйствуютъ на человѣка, заставляють его задумываться надъ причиной ихъ. Смерть матери освѣтила хаосъ, въ которомъ находилась душа моя. Я спрашивала себя, для чего должна была погибнуть, исчезнуть изъ міра эта чудная душа и не находила отвѣта. Все существо мое возму-

щалось жертвой, которая была принесена на алтарь моего «возрождения», но, странное дѣло, остановиться я не могла!.. душа моя все больше и больше ожесточалась, и я гнала отъ себя всякую свѣтлую мечту о радости, счастіи. «Теперь, говорила я, когда жертва принесена, подвигъ, только одинъ суровый подвигъ, можетъ искупить ее!» Нельзя было дойти до большаго самоотреченія, чѣмъ дошла я въ этотъ сумеречный періодъ моей жизни.

У Поли и Фанни я встрѣчалась съ людьми разнаго развитія и различнаго общественнаго положенія, вслушивалась въ ихъ рѣчи, и во всемъ, что они говорили, звучала одна и та же нотка: жертва! Жертвовать собой, отказавшись отъ всѣхъ благъ міра, во имя грандіозной мечты, казалось неизбѣжнымъ!.. Мнѣ грустно дѣлается, когда я вспомню нашу Полю, тоже своего рода жертву «духа времени». Веселая, живая, она мечтала о тихой семейной жизни, о мирныхъ радостяхъ домашняго очага, въ то время, какъ стихійная сила тянула ее на путь подвига... Не помню, какимъ образомъ намъ, двумъ молчальницамъ нашего кружка, удалось разговориться, вѣроятно, потому что никого не было. Я спрашивала ее о положеніи работницъ въ швейныхъ мастерскихъ; нарисовавъ довольно неприглядную картину «эксплуатаціи» молодыхъ силъ, она многозначительно улыбнулась.

— Но скоро, скоро все будетъ иначе!..

— Скоро, Поля... не вѣрится что-то!

— Не вѣрите?.. А какже, говорятъ... и она наклонилась ко мнѣ и шепотомъ передала «мечту».

Скептицизмъ ли матери, свойство ли моей натуры, другія ли какія причины, но только сомнѣніе въ прекрасномъ и близкомъ будущемъ было сильно во мнѣ. Я невольно улыбнулась и, не стараясь ее разочаровывать, спросила, что же тогда она будетъ дѣлать.

— О, мы устроимъ швейную ассоціацію, у насъ уже есть планъ... хозяйки у насъ не будетъ, и «добавочная стоимость» останется въ нашихъ рукахъ...

О, эта фраза, эта «добавочная стоимость»! Она произвела коренной переворотъ въ моемъ взглядѣ на Полю и ея мечтанія, и мнѣ было какъ будто совѣстно за свой скептицизмъ, а еще больше за свою умственную отсталость, такъ какъ всѣ эти стоимости весьма трудно укладывались въ моемъ мозгу. Вотъ, думала я съ горечью, она уже знаетъ Маркса, въ то время, какъ я дальше Писарева и Добролюбова не пошла... Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ все это такъ близко и возможно, а я ничего не дѣлаю... мало, что не дѣлаю, а еще сомнѣваюсь въ людяхъ, которые творятъ новую жизнь. Я съ радостію набросилась на чтеніе всякихъ политико-экономическихъ сочиненій, отъ которыхъ иногда у меня трещала голова и все перепутывалось.

На каникулы пріѣхалъ Саша. Мы съ нимъ не видались два

года, но встрѣча вышла холоднѣй, чѣмъ ожидала я; онъ возмужалъ и измѣнился: если прежде я спорила съ нимъ, отстаивая искусство, то теперь мнѣ пришлось спорить, отстаивая «идею». Но у меня уже не было прежняго огня, а въ тонѣ его голоса чувствовалась усталость, также какъ и во взглядѣ задумчивыхъ, потерявшихъ прежній блескъ глазъ.

— Нытикъ вы, и больше ничего! — сказала я ему раздражительно...

— Что жъ дѣлать, Лена? Все измѣняется! Когда я ѣхалъ сюда, я думалъ, что встрѣчу васъ все той же—веселой, свѣжей, а вы—на что вы стали похожи?

— Вы же сами звали меня — помните — къ реальному дѣлу, а теперь какъ будто сожалѣете...

— Какъ вамъ сказать?... Прежде съ вами было легко, весело... Я, бывало, всегда шелъ отдыхать къ вамъ отъ всѣхъ нашихъ длинныхъ разглагольствованій, а теперь...

— Ну, что жъ теперь?..

— Теперь и вы томите, и вы заражены... Знаете, что странно, Лена,—оживился онъ:--вотъ если бы я васъ засталъ прежней, я бы опять спорилъ съ вами, опять бы мнѣ хотѣлось передѣлать васъ, а теперь мнѣ какъ будто жалко, что нѣтъ прежней Лены.

Я вздохнула.

— Ничего не передѣлаешь, Саша. Ужъ такая я останусь... Подумаемъ-ка лучше, что мнѣ теперь дѣлать. Вѣдь искусство въ отставкѣ...

Мы рѣшили, что осенью я должна ѣхать въ Питеръ, чтобы поступить на фельдшерскіе курсы.

VII.

Дома жилось тяжело. Съ отцомъ я почти не говорила—и о чемъ бы мы могли говорить, когда между нимъ и мною стояла она, его и моя мука... Мысль объ отъѣздѣ нѣсколько оживила меня. Я съ радостью разставалась съ когда-то милымъ, а теперь постылымъ домомъ... Безсознательно хотѣлось уйти отъ своихъ терзаній. Однажды, когда мнѣ было очень грустно, я прошла въ гостиную и заиграла, въ первый разъ послѣ смерти матери. Звуки то стонали и плакали подъ моими пальцами, то прорывались бурнымъ протестомъ, то замирали въ безграничной тоскѣ. Слезы давили меня.

— Лена, дитя мое!—услышала я дрожащій голосъ отца... Его рука гладила мои волосы... Я прильнула губами къ этой рукѣ, и все, что мучило, что терзало меня, излила въ жгучихъ слезахъ. Сквозь рыданія я передавала ему свои сомнѣнія, свою тревогу, свою мечту... На душѣ становилось какъ будто легче, а вдали мель-

калъ огонекъ надежды... Я немедленно сообщила ему о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ; онъ заволновался.

— По силамъ ли тебѣ это, Лена? Тамъ жизнь тяжелая, климатъ суровый, а ты такая хрупкая, и при томъ ужасно похожа на мать!—чуть слышно добавилъ онъ.

— Папа, не могу я жить, сознавая, что мои силы нужны народу, что мы, получившіе отъ него все, воспитавшіеся его трудомъ, ничего не даемъ ему... А съ чѣмъ я теперь пойду къ нему—неужели съ Шиллеромъ въ рукахъ? Боже мой, да это была бы насмѣшка, потому что у него нѣтъ самаго насущнаго... Папа, не отговаривай меня, я и такъ измучилась... Я только буду счастлива тогда, папа, когда я беззавѣтно отдамся ему, понимаешь, папочка, беззавѣтно, безраздѣльно!.. горя, какъ въ огнѣ, говорила я.

— Боюсь, Лена, какъ бы ты не надломилась. Надо выбирать трудъ по силамъ. Впрочемъ, не думай, что я тебя удерживаю... Нѣтъ, нѣтъ, если ты не можешь иначе, то, конечно, поѣзжай!..

На этомъ мы и покончили. Больше я не возвращалась къ этому предмету, боясь огорчать отца напоминаніемъ близкой разлуки.

Но этому не суждено было свершиться. Стихійная сила, толкавшая меня въ кружокъ людей, идеи которыхъ не соответствовали ни моей натурѣ, ни моимъ наклонностямъ, сдѣлала свое дѣло. Кружокъ потерпѣлъ крахъ, а съ нимъ вмѣстѣ и моя мечта о фельдшеризмѣ... Черезъ шесть мѣсяцевъ я была отправлена въ одинъ изъ захолустныхъ городовъ восточной Россіи. Отецъ расхворался, долженъ былъ оставить мѣсто и поѣхалъ со мною.. Тамъ я и похоронила его... Бѣдный! ему даже не удалось лечь рядомъ съ дорогой любимой женщиной. Что потомъ?

Потомъ, послѣ трехъ лѣтъ тяжелой жизни,—жестокая борьба за существованіе, напряженіе всѣхъ силъ за право не умереть съ голоду; шатаніе изъ дома въ домъ въ качествѣ бонны, гувернантки, рядъ оскорбленій, обидъ и тоска, безпросвѣтная тоска!

Наконецъ, послѣ многихъ мытарствъ, хлопотъ—я сестра милосердія при военномъ госпиталѣ города N.

Итакъ, мечта юности отдаться «беззавѣтно, безпредѣльно» страдающимъ осуществлена, но счастлива ли я?

VIII.

Можетъ ли быть счастливо существо, которое окружаютъ вѣчныя сумерки, и которое алчетъ и жаждетъ свѣта?..

Стоны больныхъ, вздохи умирающихъ, воздухъ, пропитанный карболкой и іодоформомъ, и безпрестанный возгласъ: сестрица! Сколько ироніи въ одномъ этомъ словѣ! Сестрица—существо безъ воли, безъ души, безъ желаній, безъ личности—это нѣчто среднее между манекеномъ и человѣкомъ... И я двигаюсь отъ койки до койки, какъ

манекенъ, какъ онъ, вздрагивая при звукѣ: сестрица! мечусь отъ одного угла въ другой, теряя сознание пространства, времени. Жестокій опытъ разрушилъ мою юношескую мечту, отдаваться «безраздѣльно, беззавѣтно» я не могу, потому что внутри меня что-то плачетъ и рыдаетъ и рвется къ воздуху, свѣту, жизни... Вначалѣ, въ первое время своей новой дѣятельности, когда усталая душа жаждала покоя, мнѣ даже понравилась моя роль манекена: я отдавалась, исполняла, забывалась, и потомъ засыпала, какъ убитая, чтобы снова начать ту же маягу.

По своей наивности я предполагала, что во мнѣ умерло мое я, что оно не предъявить никакихъ требованій, никакихъ желаній, но вышло не такъ. Мало-по-малу, во мнѣ пробуждались желанія, я начинала чего-то хотѣть; между прочимъ мнѣ ужасно хотѣлось имѣть пианино, и до такой степени было сильно это неосуществимое желаніе, что я начинала страдать и ожесточаться. Вернусь, бывало, изъ палаты, усталая, разбитая, брошусь на постель, отдохну немного, и тутъ-то начнутся мои муки: ноги ноютъ, голова болитъ, а передъ глазами развертывается заманчивая картина. Чудится мнѣ наша широкая стѣнь, голубое небо, легкій шелестъ вишневыхъ деревьевъ, я ощущаю даже ароматъ цвѣтовъ; фіалки въ особенности преслѣдовали меня... или вижу я нашу уютную гостиную, отца, покойно сидящаго въ креслѣ съ газетой въ рукахъ, мать, наигрывающую на рояли... Тоска безумная, мучительная сдавливаетъ мнѣ грудь, а звуки все растутъ, разливаются, заполоняютъ все. Мнѣ хочется потонуть, исчезнуть въ этихъ, то рыдающихъ, то пропитанныхъ страстью звукахъ, и замереть... мнѣ становится не въ моготу. Я, вскакивая, открываю глаза: видъ постылой комнаты, запахъ іодоформа приводятъ меня чуть не въ изступленіе. Одѣваюсь и бѣгу. Куда, зачѣмъ? Хожу на нашъ крѣпостной валъ, часами простаиваю, любуюсь широкой панорамой города и даю волю давящимъ рыданіямъ. О чемъ они? То мнѣ кажется, что я опускаюсь въ страшную, темную пропасть, то утопаю въ холодныхъ бушующихъ волнахъ, то задыхаюсь среди труповъ... Свѣта! свѣта!—стону я, протягивая руки въ пространство, но нигдѣ не блеснетъ свѣтлый лучъ надежды, не согрѣетъ душу. Сзади—казенныя неприглядныя постройки госпиталя, съ казенными непривѣтными садиками, впереди чуждый городъ и ни одной родной души!

А сердце мое жаждало участія, тепла, любви—и я полюбила.

Случилось это совсѣмъ неожиданно. Когда Павелъ Николаевичъ появился у насъ въ госпиталѣ въ качествѣ практиканта, и я въ первый разъ увидала его лицо, фигуру, жесты, мнѣ почему-то стало весело и легко на душѣ. Послѣ визитаци онъ зашелъ ко мнѣ.

— Если бы вы угостили меня чайкомъ, сестрица, сдѣлали бы доброе дѣло!—просто, потоварищески сказалъ онъ, присаживаясь у стола:—какъ у васъ здѣсь хорошо, весело—сейчасъ видна женская

9*

рука! Посадите нашего брата въ такую обстановку, такъ устройсья, что смотрѣть тошно. То ли дѣло—женщина: привѣситъ тамъ занавѣску, здѣсь бантикъ приколетъ, тамъ цвѣточекъ поставитъ—глядишь, и уютно, и тепло!

Онъ улыбался, глядя на меня, и мнѣ показалось, что моя комната тоже улыбается: и цвѣты стали зеленѣе, и стѣны бѣлѣе, и свѣта въ ней больше.

— Поневолѣ будешь устраиваться и уютно, и тепло, когда вся жизнь проходитъ здѣсь.

— Вся жизнь—что вы? Я вижу тутъ у васъ новую «Русскую Мысль», а вотъ портретъ Салтыкова, стихотвореніи Надсона... Доказательство на лицо, что ваша мысль летитъ за стѣны этого зданія—не правда ли?

— Было бы очень грустно, если бы моя мысль дальше не шла. Живому—живое!

— Вотъ, вотъ! Я это самое и думаю, сестрица. Живому—живое, очень хорошо сказано. А вотъ, что вы, сестрица, скажете на счетъ Надсона?

— Надсона, то-есть, какъ это?

— Ну, да, Надсона! Я хотѣлъ сказать — духа его поэзіи. Говоря откровенно, не нравится мнѣ его нытье. Развѣ жизнь сама по себѣ не наслажденіе, не радость? Взгляните-ка въ окно: сколько солнца, сколько свѣта, какая живая игра тѣней, красокъ, какая мощная жизнь! Посмотрите, изъ каждой расщелины какая выглядываетъ зеленая травка... муравьи ползутъ, осы жужжатъ, деревья поднимаются на встрѣчу солнечнымъ лучамъ. Сколько силы, сколько смысла и красоты!.. Развѣ это не хорошо?..

— Хорошо-то хорошо, да вѣдь нельзя же жить, посылая дирижаблы солнцу и свѣту... Есть другія задачи, вопросы... совѣсть, долгъ, наконецъ!

— Задачи... долги! Конечно, есть, но изъ этого не слѣдуетъ, что надо плакать и стонать. Возьмемъ конкретный примѣръ; я докторъ, вы сестра; на насъ лежитъ извѣстная обязанность по отношенію къ страждущему человѣчеству, и нашъ долгъ, честно, гуманно относиться къ нашему дѣлу — не такъ ли? Но неужели же, если нашъ больной, несмотря на всѣ наши усилія, умретъ, на примѣръ, неужели мы должны ныть по этому поводу, превращать жизнь въ какую-то муку, тяготу? Есть между нашимъ братомъ, врачами, тоже такіе нытики — въ медицину, молъ, не вѣрятъ. А по-моему — ни вѣрить, ни не вѣрить нельзя. Дѣлай, что можно по совѣсти, по разуму, и конецъ. Смерть и болѣзнь — зло, борись съ ними, но не ной, не порти жизни себѣ и другимъ.

— Но если человѣкъ сомнѣвается, теряетъ вѣру въ жизнь — тогда что? Какъ же онъ можетъ жить, наслаждаться, когда у него на душѣ адъ?

— Терять вѣру въ жизнь?.. Позвольте, какъ же можно терять вѣру въ то, что есть... Жизнь тутъ, мы ее видимъ, мы ее чувствуемъ и вдругъ — не вѣрить въ нее!

— Въ смыслъ жизни, въ правду, въ добро...

— Да смыслъ-то ея заключается въ ней самой, она же правда, она же и добро. Или вы скажете, что жизнь — не благо? Но другого блага мы не знаемъ. А разъ я есмь, я существую, то и мое желаніе просуществовать наиболѣе полно, любить и наслаждаться всѣмъ, что есть въ жизни хорошаго. Такъ-то, сестрица! Въ сущности, все это очень просто: живи и жить давай другимъ. Ну, а пока что, мы еще потолкуемъ по этому поводу, а теперь спѣшу.

Онъ крѣпко пожалъ мою руку и ушелъ. И мнѣ самой показалось, что, въ самомъ дѣлѣ, все просто, и что нужно жить также просто, наслаждаясь всѣмъ, что есть хорошаго въ жизни, и въ первый разъ послѣ многихъ, многихъ лѣтъ легкій свободный вздохъ облегчилъ мою придавленную грудь.

IX.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ часто бывать у меня. Жизнерадостная теорія Павла Николаевича захватила меня всю. Меня радовали каждый свѣтлый лучъ солнца, полетъ красивой бабочки, шелестъ листьевъ, трепетная, преисполненная глубокаго смысла жизнь природы, радовали мои выздоравливающіе больные, добрая улыбка, искренній смѣхъ, а больше всего меня радовало присутствіе Павла Николаевича, его бодрый тонъ, его живая рѣчь, молодой блескъ голубыхъ глазъ... Я жадно пила изъ кубка наслажденія благомъ жизни, не задумываясь, не заботясь о послѣдствіяхъ.

Я совсѣмъ забыла, что между мной и имъ была разница въ десяти годахъ, забыла, что за мной много, много тяжелыхъ лѣтъ страданія, суроваго опыта, а передъ нимъ — вся жизнь! Въ такомъ затменіи, упоеніи, самообольщеніи я прожила почти цѣлый годъ до катастрофы, разразившейся надо мною.

Есть ли человѣкъ, на котораго весна не вліяла бы въ благотворномъ смыслѣ — не знаю. Что касается меня, то вмѣстѣ съ весеннимъ расцвѣтомъ природы во мнѣ пробуждаются юношескія силы, юношеская бодрость и отвага. Въ эту же весну все это проснулось во мнѣ съ необычайною силой, а вмѣстѣ съ ними проснулась вѣра въ счастье...

Я жила въ какомъ-то чаду, не жила, а буквально горѣла. Не медленною усталою поступью, не какъ манекенъ, ходила я по палатѣ, а какъ человѣкъ, у котораго выросли крылья, и который почувствовалъ свою мощь. Павелъ Николаевичъ собирался ѣхать на Дальній Востокъ, звалъ меня работать съ нимъ.

— Съ такой сестрой, какъ вы, работается веселѣе, а главное осмысленнѣе. Съ вами не уснешь!—шутливо говаривалъ онъ, тепло глядя на меня, и я чувствовала, что это правда. Подъемъ и сознаніе блага жизни, которая была во мнѣ ключемъ, переливались черезъ край, заражали другихъ. Ординаторъ съ нескрываемымъ изумленіемъ поглядывалъ на меня, и его отношенія ко мнѣ стали менѣе официальны, а въ глазахъ, обращенныхъ на меня, часто свѣтился игривый огонекъ.

— Скажите, кто или что свершило съ вами такое чудо?

— Какое чудо, докторъ?

— Я васъ не узнаю... Мнѣ кажется, что это не вы, а ваша младшая сестра... Неужели виновата весна?

— Конечно, весна, докторъ! — улыбнулась я, взглянувъ въ его глаза: въ нихъ игралъ странный необычный огонекъ.

— Чудо, чудо! — повторялъ онъ медленно, не спуская съ меня взгляда, отчего краска смущенія бросилась мнѣ въ лицо... Я повернулась уйти.

— Сестрица, минуточку... Скажите мнѣ — это не изъ простого любопытства — у васъ было горе, большое горе?

Онъ слегка наклонился ко мнѣ, гипнотизируя своимъ страннымъ взглядомъ, и его рука какъ бы невольно дотронулась до моей руки. Я вздрогнула, отшатнулась... Что-то больно кольнуло меня въ сердце...

— Всяко бываетъ, докторъ! — холодно отвѣтила я.

— Да, да!.. Ну, до свиданья!..

Онъ пожалъ мою руку, и это пожатіе такъ же, какъ и игра его лица, покорило меня.

Этотъ маленькій, незначительный инцидентъ спугнулъ мою возродившуюся душу. Мнѣ стало и больно, и стыдно, и гадко. Въ такомъ состояніи улитки, спрятавшейся отъ грубаго прикосновенія въ свою раковину, засталъ меня Павелъ Николаевичъ.

Онъ былъ нервнѣе, порывистѣе обыкновеннаго, и его веселость показалась мнѣ напускною.

— Моя командировка рѣшена, Елена Григорьевна — черезъ мѣсяць ѣдемъ во Владивостокъ...

— То-есть, вы ѣдете, такъ какъ моя не рѣшена...

— Что это значитъ? Неужели это вы говорите?.. Не повѣрю! А я только и мечталъ объ этомъ путешествіи... вдвоемъ... Сколько новыхъ странъ, сколько впечатлѣній — духъ захватываетъ...

Его глаза блестѣли, ноздри расширились... Какъ онъ молодъ и какъ хорошъ! — подумала я съ болью и, мелькомъ взглянувъ въ зеркало, увидала въ немъ отраженіе своего блѣднаго, тусклаго лица, и въ одинъ мигъ я ощутила ясно невозможность моихъ упованій. Я наклонила голову, избѣгая его взгляда.

— Какая вы сегодня пасмурная, точно осень... Что съ вами?.. Взгляните веселѣе, радостнѣе!.. Развѣ вы не видите, какъ я васъ люблю?.. Лена, жизнь моя... что-жъ вы молчите?..

Онъ подошелъ ко мнѣ: развѣ вы не любите меня?..

— Я?.. Никогда!.. Вы съ ума сошли — пустите меня!..

Онъ отступилъ, поблѣднѣвшій и обезсиленный, и въ упоръ, точно не понимая, смотрѣлъ на меня.

— Я не вѣрю, не вѣрю, и этого не можетъ быть, это неправда!.. Это вы нарочно, чтобы мучить меня и себя... Этого не надо, не надо, Лена!.. Бросьте вы вашу вымученную, неестественную теорію жизни, взгляните прямо и просто, не отталкивайте счастья!.. Голубка, не ломайте себя, не терзайте меня!.. Взгляните, прислушайтесь къ голосу природы—какое могучее ликование жизни, какой безграничный зовъ къ любви, къ радости!..

Охъ, какъ онъ мучилъ меня потокомъ своихъ пламенныхъ рѣчей, своею любовью и своей мукой! Но чѣмъ больше онъ говорилъ, чѣмъ сильнѣе прорывалась въ его словахъ страсть, тѣмъ большій ледъ охватывалъ мое сердце, сердце, которое стремилось на встрѣчу ему... и тѣмъ ощутительнѣе чувствовала я разницу не уничтожающихся... десяти лѣтъ... Десять лѣтъ!.. Мнѣ хотѣлось уничтожить ихъ, вырвать изъ своей жизни, растоптать, но они, какъ мрачный призракъ, стояли надо мною, издѣвались и ломали меня...

— Въ счастье... я не вѣрю, и васъ не... люблю...

Хорошо, что онъ выбѣжалъ послѣ этихъ словъ изъ комнаты; я упала на стулъ, совсѣмъ разбитая, уничтоженная... Я сама не понимаю, откуда брались у меня жесткія слова, кто заставилъ звучать мой голосъ такъ сурово и непривѣтно... Какъ бы то ни было, но дѣло было сдѣлано. Передо мной оставался цѣлый мѣсяць — я могла вернуть то, что отталкивала, и не вернула. И вотъ цѣлый мѣсяць внутренней жестокой борьбы, приведшей къ полному отчужденію... Я не щадила его! Но чѣмъ же я могла оградить себя отъ бурныхъ, жгучихъ взрывовъ его страсти, я, которая должна была сказать сердцу: замолчи, перестань желать невозможнаго!

Теперь вокругъ меня—страшная пустота: ни волненій, ни борьбы, только гложущая, какъ червякъ, боль; и никуда я не могу уйти отъ этой боли, и нигдѣ, ни въ чемъ найти отраду; пусто, уныло, темно... вотъ оно, настоящее одиночество...

— Сестрица!..

Иду, бѣгу... Большая палата съ двумя рядами коекъ тускло освѣщена лампой... слышатся слабые, подавленные стоны... Мои шаги гулко раздаются въ пространствѣ, и я невольно вздрагиваю, стараясь ориентироваться въ темнотѣ.

— Сюда, сестрица!.. раздается глухой голосъ служителя.

Громаднаго роста, широкоплечій солдатъ, съ воспаленными, блуждающими глазами, пытается вырваться изъ мускулистыхъ рукъ Ивана. Слышно тяжелое, хрипкое дыханіе, характерный звукъ двухъ борющихся тѣлъ... Я тороплюсь...

— На караулъ!.. прямо маршъ!

— Какой тебѣ тутъ караулъ?.. Лежи смирно!.. Этакій верзила!.. Прямо намучился съ нимъ, сестрица—убѣгаетъ, да и конецъ!..

— Подожди... Что ты, голубчикъ, успокойся!.. Вотъ я тебѣ ледъ положу—и полегчаетъ!.. а на караулъ завтра пойдешь...

— Завтра... — бессознательно шепчетъ больной: — вишь оказія какая!.. Да... постой, что тебѣ тутъ надо?.. Нешто завтра? Ой, голова моя, голова!..

Онъ хватается за голову и нѣсколько мгновений сидитъ безъ движенія.

— То-то! голова! А ты лягъ, и голова отойдетъ.

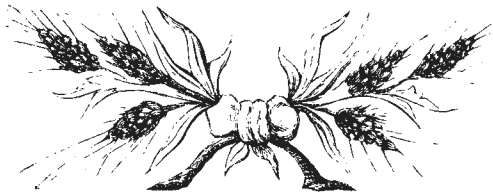
Мы съ Иваномъ водворяемъ больного на койку... Я кладу ему ледъ на голову, оправляю подушку, даю глотнуть лѣкарство.

— Спасибо, сестрица!.. — съ трудомъ шепчетъ больной, и во взглядѣ его я улавливаю лучъ благодарности.

Что-то теплое, мягкое расплывается въ душѣ, слезы навертываются на глаза... Я окидываю взглядомъ мою семью—ихъ много, много. Больше пятидесяти душъ!..

— «Безраздѣльно, беззавѣтно», — беззвучно шепчутъ мои губы, а глубокая грусть пронизываетъ душу...

Марія Ермолина.

СЕНАТОРЪ СИНЕЛЬНИКОВЪ И ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

I.

РИ ГОДА тому назадъ, были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» любопытныя и поучительныя «Записки» Николая Петровича Синельникова, обратившія на себя вниманіе образованнаго русскаго общества¹⁾. Эти «Записки», по своему внутреннему содержанию, не подходят подъ общій характеръ мемуаровъ, обыкновенно встрѣчающихся на страницахъ современныхъ изданій. Сенаторъ Синельниковъ былъ челоѣкъ идеи, проводившій ее въ жизнь отъ первыхъ лѣтъ юности до поздней старости. Идея заключалась въ служеніи престолу и родинѣ настолько самоотверженно, настолько сознательно, что личные интересы, сами собою, подавлялись и не играли никакой роли въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ они встрѣчались съ интересами государства. Не многіе люди достигаютъ такого нравственнаго торжества, до котораго достигъ просто, безъ насилія, безъ особыхъ соображеній, покойный Николай Петровичъ. Оттого и его «Записки» носятъ на себѣ печать неоспоримой правдивости, оттого онъ вселялъ къ себѣ вѣру въ людяхъ, съ которыми сталкивался въ теченіе своей почти шестидесятилѣтней службы; оттого каждому его слову давали вѣсъ наши цари; оттого его имя, не имѣющее за собою особыхъ военныхъ подвиговъ, памятно русскому

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1895 г., кн. I—VIII.

народу, живетъ въ его изустныхъ преданіяхъ. Можно предложить кому угодно проѣхать во Владимірскую, Житомирскую, Воронежскую губерніи, гдѣ Синельниковъ губернаторствовалъ слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, или въ нѣдра Восточной Сибири, гдѣ онъ былъ главнымъ начальникомъ за двадцать пять лѣтъ до настоящей эпохи, — во всѣхъ означенныхъ мѣстностяхъ имя Синельникова донинѣ свѣжо и упоминается съ благодарнымъ чувствомъ. Такъ въ душѣ народной, какъ въ совѣсти отдѣльной личности, живетъ вѣковѣчная правда, судящая нелицеприятно человѣческія дѣянія. И она, эта правда, и заставляетъ чистыхъ душею совершать величайшіе подвиги, творить дѣла добра, подавлять въ себѣ эгоистическія склонности. Благо, кто идетъ по такой дорогѣ. Тотъ можетъ о себѣ сказать открыто на склонѣ жизни, что сказалъ въ концѣ своихъ «Занисокъ» Николай Петровичъ: «По милости Божіей, я достигъ вышаго человѣческаго счастья: видѣть государей, довольныхъ трудами своего вѣрноподданнаго; слышать благодарный голосъ народа за попеченіе о его жизненномъ благосостояніи»¹⁾.

II.

Передъ нами копіи съ знаменитыхъ циркуляровъ Синельникова, какъ генераль-губернатора Восточной Сибири, и его всеподданнѣйшіе отчеты объ этой странѣ за 1871, 1872 и 1873 годы. Царь-Освободитель дѣлалъ на поляхъ ихъ собственноручныя отмѣтки, въ видѣ отдѣльныхъ мыслей, краткихъ запросовъ, рѣзкихъ намековъ на молчаніе высшихъ учреждений. Точно сама правда, олицетворенная на тронѣ, бросала въ пространство, ея окружавшее, яркіе лучи свѣта.

О чемъ же писалъ своему безгранично любимому монарху Николай Петровичъ? О чемъ болѣла душа монарха въ минуты чтенія строкъ, которымъ нельзя было не вѣрить, когда открывались факты, которыхъ нельзя было опровергать даже ближайшимъ сотрудникамъ государевымъ, самимъ министрамъ?

Для уясненія упомянутыхъ вопросовъ, необходимо вспомнить то положеніе Восточной Сибири, какое засталъ Синельниковъ, назначенный туда генераль-губернаторомъ.

Въ 1870 году, Николаю Петровичу было шестьдесятъ пять лѣтъ. Казалось бы, онъ долженъ чувствовать себя утомленнымъ, но онъ бодрый, сильный, рѣшительный явился въ страну совершенно съ нею незнакомый, въ страну, гдѣ царилъ полный произволъ властей, гдѣ народъ буквально стоналъ отъ ихъ злоупотребленій. Сенаторъ-старикъ, по дорогѣ въ Сибирь, на станціяхъ по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ собравшимся народомъ о его жизни и его нуждахъ, а по пріѣздѣ въ

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», августъ, 1895 года, «Записки сенатора Синельникова», гл. VIII.

Иркутскъ официально объявилъ, что всякому нуждающемуся до него просителю двери его дома открыты во всякое время дня и ночи. Это приказаніе настолько строго исполнялось дежурными при начальникѣ края адъютантами и чиновниками, что послѣдніе иногда умоляли просителей дать заснуть генералу хоть часочекъ лишній. Въ теченіе перваго года, благодаря своей общедоступности, личнымъ поѣздкамъ, глубокому вниканію въ мѣстныя дѣла, Синельниковъ подробно ознакомился съ Восточной Сибирью. Поэтому, въ отчетѣ своемъ о ней государю въ 1871 году, онъ могъ развернуть передъ нимъ широкую, но мрачную картину внѣшняго и внутренняго состоянія сибирскихъ окраинъ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ генераль-губернаторъ императору:

«Почти на рубежѣ Восточной Сибири меня встрѣтили жалобы на такія нарушенія священной воли царя-освободителя, какъ именуетъ ваше величество народъ, что я долженъ былъ немедленно заняться водвореніемъ уваженія къ закону мѣстныхъ властей».

Народъ жаловался, что онъ платитъ темныхъ поборовъ болѣе десяти рублей съ рабочей души; что онъ отбываетъ дорожную повинность натурою, отправляясь на поправленіе путей за десятки верстъ; что уѣздныя власти его притѣсняютъ. Крестьяне заявляли, что изъ темныхъ поборовъ производится жалованье волостнымъ писарямъ отъ 2.000 до 4.000 рублей съ волости, изъ которыхъ удѣляется содержаніе исправникамъ и другимъ членамъ полиціи. Есть исправники, получающіе до 9.000 р. темнаго побора. Но не одни поборы отягощали Восточную Сибирь. Золотые пріиски способствовали скорѣе къ развращенію народному, чѣмъ къ обогащенію государства. Пріиски притягивали къ себѣ рабочія силы изъ деревень, нуждавшихся въ нихъ для обработки полей. На пріискахъ господствовалъ развратъ. Рабочіе крали золото и продавали его евреямъ, какъ волшебнымъ кольцомъ, оцѣпившимъ пріиски разбойническими шинками. Въ послѣднихъ пребывали и женщины. Иные рабочіе несли съ пріисковъ по триста рублей заработанныхъ денегъ и прокучивали ихъ по дорогѣ домой. Многіе изъ нихъ были ограбляемы и убиваемы товарищами. Но пили не на однихъ пріискахъ. Весь сибирскій народъ поголовно спаивался. Въ угоду акцизнымъ чинамъ, полицейскія власти вымогали у крестьянъ приговоры на открытіе въ селеніяхъ новыхъ кабаковъ. Послѣ введенія въ 1863 году въ Восточной Сибири акцизной системы, цифра потребленія въ ней вина перескочила разомъ въ годъ съ семисотъ тысячъ ведеръ до 1.402.390 ведеръ. И такое количество вина народъ пропивалъ не въ силу увеличивавшихся среди него достатковъ и торговыхъ оборотовъ, а, такъ сказать, отъ печальнаго сознанья, что ему нечего надѣяться на лучшую будущность. Въ хаотическомъ состояніи находились и каторжныя тюрьмы. Онѣ были тѣсны и грязны. Арестанты

станты содержались дурно и бѣгали съ мѣсть своего заключенія. Они бродили по Сибири подъ именемъ не помнящихъ родства, пугали проѣзжихъ по дорогамъ, держали въ осадѣ мѣстныхъ жителей. Необходимо было принимать крутыя, но разумныя мѣры для прекращенія означеннаго зла. Ихъ могла провести въ жизнь только желѣзная воля желѣзнаго администратора. Не удивительно, поэтому, что одно появленіе среди сибиряковъ такой мощной личности, какъ Николай Петровичъ, разомъ заставило выѣхать въ Петербургъ для пріисканія себѣ новыхъ мѣсть: одного губернатора, двухъ генераловъ, состоявшихъ при начальникѣ края, трехъ полковниковъ и пять членовъ главнаго управленія Восточной Сибири¹⁾.

III.

По отмѣткамъ государя на первомъ сибирскомъ отчетѣ Синельникова уже можно судить, какъ онъ заинтересовался картиною, которую, можетъ быть, въ прежнее время ни одинъ изъ генераль-губернаторовъ такъ смѣло и откровенно не изображалъ.

Высочайшее слово «почему?» пестритъ страницы отчета. Это «почему» относилось, между прочимъ, къ министерству финансовъ, не отвѣчавшему сенатору на представленныя имъ соображенія «къ прекращенію распространенія пьянства въ Восточной Сибири».

Окрыленный благосклонностью монарха къ идеямъ, представленнымъ на его благоусмотрѣніе, но не видя поддержки себѣ въ подлежащихъ министерствахъ, Синельниковъ вынужденъ былъ превысить предѣлы вѣренной ему власти. Явился рядъ его знаменитыхъ циркуляровъ, касавшихся самыхъ разнообразныхъ и интимныхъ сторонъ народной жизни. Каждая строка циркуляра дышала правдою, желаніемъ обезпечить, охранить, просвѣтить человѣческую личность, затертую вѣковою неурядицею. Циркуляры возбудили въ крупныхъ мѣстныхъ лицахъ ненависть къ администратору, ихъ сочинявшему.

Нашлась въ Петербургѣ большая газета, охотно печатавшая враждебныя противъ него статьи. Это—«Голосъ» Краевского, Богъ знаетъ, почему, находившій въ сибирскихъ взяткахъ, въ спаиваніи народа евреями, въ народной безграмотности—идеалы, которыхъ трогать не слѣдуетъ.

Маститый правитель не успѣвалъ разбираться въ поступающихъ къ нему бумагахъ изъ министерствъ, отъ частныхъ лицъ и подчиненныхъ. Дошло до того, что ему дѣлали замѣчанія за то, что онъ свои циркуляры приказывалъ развѣшивать на видныхъ мѣстахъ въ волостныхъ правленіяхъ. Синельникову указывали свыше, что онъ подрываетъ въ народѣ авторитетъ мѣстной власти. На самомъ дѣлѣ,

¹⁾ Всеподданнѣйшій отчетъ генераль-губернатора Восточной Сибири, 1871 г.

онъ поднималъ эту власть на ту высоту, на которой она должна была находиться по своей сущности. Одинъ циркуляръ, напริมѣръ, говорилъ, что обирать рабочихъ, уходящихъ съ присковъ, есть промыслъ постыдный, и предписывалось сельскимъ властямъ охранять рабочихъ.

Циркуляръ требовалъ, чтобы золотопромышленники кормили рабочихъ здоровыми продуктами, чтобы снабжали ихъ вещами за умѣренную плату, чтобы больныхъ не употребляли на работу. Другой циркуляръ предупреждалъ, чтобы крестьяне не давали приговоровъ на открытіе новыхъ кабаковъ. Пьянство въ деревняхъ достигло до крайнихъ предѣловъ. «Пьютъ женщины, пьютъ мальчики 14—15 лѣтъ. Какіе же хозяева-земледѣльцы выйдутъ изъ нихъ въ будущемъ?» Генераль-губернаторъ спрашиваетъ:

«Что же дѣлали гг. исправники, засѣдатели, волостные головы, сельскіе старосты и писаря, въ особенности тѣ, которые получали мзду изъ такъ называемыхъ темныхъ поборовъ? Не приводятъ ли всѣ эти неурядицы къ такому заключенію: увеличивайте темные поборы, сколько возможно, и безобразничайте, какъ хотите» ¹⁾).

Сенаторъ заботливо перечисляетъ статьи закона, охраняющія сельское благоустройство и грозящія наказаніемъ лицамъ, нарушающимъ его. Есть любопытный циркуляръ, отъ 21-го декабря 1871 года за № 4, устанавливающій взглядъ на каторжника.

«На отвѣтственности начальства,—объясняется въ немъ,—лежитъ обязанность, чтобы ссыльно-каторжные строго вынесли кару, опредѣленную закономъ за содѣянные ими преступленія. вмѣстѣ съ симъ для пользы государственной слѣдуетъ имѣть въ виду охраненіе, по возможности, ихъ физическихъ, а въ особенности силъ нравственныхъ, возбуждая въ нихъ раскаяніе въ преступленіяхъ, ведущее къ надеждѣ на лучшее будущее».

Проводя такой гуманный взглядъ на человека, впавшаго въ преступленіе, Синельниковъ заботится, чтобы послѣ срока каторги у него образовались средства для честной жизни. И вотъ является генераль-губернаторское распоряженіе о дозволеніи каторжнымъ, одобреннымъ въ поведеніи начальствомъ, работать на частныхъ золотыхъ приискахъ за плату, получаемую обыкновенными рабочими.

Такая мѣра и въ экономическомъ отношеніи имѣла большую важность. Она снимала съ казны расходы по содержанію тюремъ и сокращала число крестьянъ, оставляющихъ деревни для золотыхъ промысловъ. А деревни, дѣйствительно, страдали отъ малочисленности рабочихъ рукъ. Много земель оставались необработанными, и, вслѣдствіе того, цѣна на хлѣбъ, несмотря на урожай, держалась на отяготительной высотѣ.

¹⁾ Циркуляръ № 10. «Иркутскія Губернскія Вѣдомости» 1871 г., № 79.

IV.

Старый генералъ, проведшій первые годы военной службы подъ начальствомъ суроваго Аракчеева, однако, ясно понималъ, что истинное просвѣщеніе есть основа народнаго благоденствія. То, о чемъ въ наше время ведутся горячіе споры въ обществѣ и печати, Синельниковымъ усвоивалось и разрѣшалось безъ всякой рисовки. Мы говоримъ о типѣ народной школы. Должна ли она быть съ типомъ земскихъ школъ или такъ называемыхъ нынѣ церковно-приходскихъ?

«Полагаю, — писалъ генералъ-губернаторъ въ циркулярѣ отъ 18-го мая 1872 года, — что начальное образованіе народа, желающаго обучать своихъ дѣтей, должно быть въ нѣкоторой степени устроено согласно съ его готовыми понятіями и соображено съ его жизнью и средствами. При этихъ условіяхъ народъ скорѣе убѣдится въ пользѣ грамотности и, съ Божьей помощью, достигнетъ благодѣтельнаго вліянія той степени образованія, которое, исправивъ пороки, приводитъ человѣка къ воздержанію и благочестію». Далѣе въ циркулярѣ объясняется:

«Чтобы не предрѣшать обстоятельствъ въ важномъ дѣлѣ народнаго благоустройства, я, съ своей стороны, могу только присовокупить желаніе, чтобы школы сельскія, преимущественно, были устраиваемы въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ есть храмы Божіи, и, слѣдовательно, возможность къ преподаванію Закона Божія духовенствомъ. Необходимо вездѣ, а особенно въ Восточной Сибири, чтобы развитіе души въ познаніи святой вѣры шло, если не прежде, то непременно вмѣстѣ съ развитіемъ умственныхъ способностей».

Выписывая знаменательныя мысли изъ официальнаго документа, опубликованнаго слишкомъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ лицомъ ¹⁾, не причастнымъ къ универсальному образованію, нельзя надъ ними не задуматься. Для того времени эти мысли поразительны. Еще недавно, краснорѣчиво выраженные въ рядѣ статей нашего извѣстнаго ученаго Рачинскаго, онѣ немало возбуждали говора въ нашемъ литературномъ мірѣ, отгѣнили въ немъ два теченія, двѣ школы для развитія народнаго. Но школа, неразрывная съ церковью, остается для Рачинскаго, какъ и для Синельникова, идеаломъ народной школы, кореннымъ охранителемъ святыхъ основъ русской государственности. Но, такъ какъ для подобной школы нужны были не только священники, но и учителя, которыхъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ почти не имѣлось въ сибирскихъ дѣбряхъ,

¹⁾ Всѣ циркуляры сочинялись и писались начерно самимъ Николаемъ Петровичемъ.

то Николай Петровичъ просилъ министерство народнаго просвѣщенія «о назначеніи въ открываемыя имъ сельскія школы учительницъ изъ окончившихъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Восточной Сибири, хотя бы и не пользующихся правомъ выпуска учительницъ, по нѣкоторомъ подготовленіи ихъ къ этому званію».

Должно быть, министръ графъ Толстой медлилъ исполненіемъ просьбы генераль-губернатора, и тѣмъ вынудилъ императора Александра II сдѣлать слѣдующее замѣчаніе на всеподданнѣйшемъ отчетѣ Синельникова въ 1872 году:

«Желаю, чтобы дѣло это не затягивалось».

V.

Отмѣтки государя на этомъ отчетѣ свидѣлствуютъ, что онъ придавалъ особое значеніе соображеніямъ, представляемымъ Николаемъ Петровичемъ. Монархъ на первомъ листѣ отчета собственноручно начерталъ: «Разсмотрѣть немедля въ комитетѣ министровъ въ присутствіи самого генерала Синельникова и исправляющаго должность оберъ-прокурора святѣйшаго синода»¹⁾.

Во второмъ отчетѣ такъ же, какъ и въ первомъ, рисовалась нерадостная картина сибирскихъ порядковъ. Генераль-губернаторъ не только ихъ описываетъ, но уже проектируетъ мѣры, необходимыя для обновленія обветшалыхъ формъ края. Но тутъ-то и начались для него затрудненія. Два министра совершенно не соглашались не только съ его мнѣніями, но, какъ бы, не вѣрять и доводамъ, имъ приводимымъ. Генераль-адъютантъ Тимашевъ не отвѣчаетъ на представленіе съ проектомъ новыхъ штатовъ для служащихъ. Государь запрашиваетъ: «почему?». Министръ финансовъ Рейтернъ отмалчивается на настоянія генераль-губернатора, что для улучшенія нравственности пріисковыхъ рабочихъ и для уменьшенія среди нихъ

¹⁾ Участіе оберъ-прокурора святѣйшаго синода въ разсмотрѣніи отчета о Сибири требовалось оттого, что въ отчетѣ затронутъ былъ вопросъ объ обращеніи инородцевъ въ христіанство. По этому вопросу Николай Петровичъ расходился во взглядахъ съ Иркутскимъ архіереемъ Пароеніемъ и съ селенгинскимъ епископомъ Мартиніаномъ, недавно удалившимся на покой съ Таврической кафедрой. Дѣло въ томъ, что пресвященный Мартиніанъ обвинялъ свѣтское начальство въ безучастіи къ распространенію христіанства среди бурятъ, а Пароеній отстаивалъ крещенаго тайшу, т. е. старшину, Матханова, виновнаго во многихъ злоупотребленіяхъ по должности. Кромѣ того, начальникъ края доказывалъ, что законъ, представляющій каждому миссіонерству отдѣльный надѣлъ въ 3.000 десятинъ, приводитъ къ затрудненіямъ на практикѣ, какъ-то: къ спорамъ съ мѣстными владѣльцами, съ разными сельскими обществами, къ продолжительнымъ хлопотамъ по отысканію удобныхъ земель въ сплошной мѣстности. Синельниковъ предполагалъ отводить одному миссіонеру 55 удобныхъ десятинъ и такое же количество десятинъ инородцу-христіанину, поселившемуся около своего миссіонера. Но сибирское духовенство, повидимому, не было довольно приведеннымъ мѣропріятіемъ.

пьянства необходимо, чтобы винные подвалы и склады были отнесены отъ приисковъ, по крайней мѣрѣ, на пятьдесятъ верстъ. Императоръ замѣчаетъ:

«На чемъ остановилось?»

Словомъ, нѣтъ ни одной высочайшей резолюціи на всеподданнѣйшихъ отчетахъ Николая Петровича, въ которой бы не одобрялись его мысли. Зато чувствуется нетерпѣніе самодержавнаго монарха въ словахъ: «на чемъ остановилось?».

Вотъ еще фактъ, поразившій царя.

Военный губернаторъ Приморской области, по закону находившійся въ совершенной зависимости отъ начальника Восточно-Сибирскаго округа, сталъ игнорировать открыто его власть. Помимо сенатора Синельникова онъ дѣлалъ свои представленія управляющему морскимъ министерствомъ, и въ нихъ излагалъ, что не согласенъ съ мнѣніями генераль-губернатора относительно отдѣленія части Восточной Сибири въ вѣдѣніе морскаго вѣдомства. Хотя генераль-адъютантъ Краббе телеграфировалъ Николаю Петровичу, что не одобряетъ дѣйствій контръ-адмирала К., и выразилъ ему порицаніе съ требованіемъ повиновенія командующему округомъ, но послѣдній съ горечью пишетъ государю о всѣхъ непріятностяхъ, испытанныхъ имъ: «Я желаю и молю Бога о помощи нести съ честію тотъ крестъ, который наложила на меня православная церковь, и чрезъ это пользоваться всемилостивѣйшимъ довѣріемъ вашего величества для пользы края. Я затрудненъ въ успѣхахъ работы тѣмъ, что министерство финансовъ подозрѣваетъ меня въ неосновательности представленій о вредѣ, которому подвергается вообще сибирское населеніе отъ усиленной и неправильной продажи вина. Министерство внутреннихъ дѣлъ также не довѣряетъ мнѣ. Работы мои тяжелы и превосходятъ мои силы».

О недоразумѣніяхъ своихъ съ приморскимъ губернаторомъ Синельниковъ выражается такъ:

«Я долженъ былъ вынести безъ всякаго съ моей стороны повода испытаніе парализаціи дѣйствій, которому едва ли были примѣры съ того времени, какъ учреждены генераль-губернаторства». Оскорбленный старикъ оканчиваетъ свой отчетъ скорбными словами:

«Съ полною откровенностью объясняю, что я совершенно затрудняюсь уяснить себѣ обстоятельства этого дѣла, и не могу отдѣлаться отъ крайне грустнаго опасенія, что при всемъ желаніи дѣйствовать въ предѣлахъ закона я заслужилъ недоувѣріе вашего императорскаго величества. Если предчувствіе это справедливо, то я оставляю край съ искреннимъ душевнымъ сожалѣніемъ, что не могъ принести ему пользы, но съ спокойной совѣстью, что работалъ для достиженія этого, сколько могъ, по моимъ силамъ и способностямъ».

Но часть отставки еще не настала для благороднаго, неутомимаго, безкорыстнаго и даровитаго администратора. Императоръ озна-

меноваль чтеніе строкъ о дѣйствіяхъ контръ-адмирала К. слѣдующею энергическою надписью:

«Требуя, чтобъ дѣло это было разъяснено и приведено къ окончанію во время пребыванія генералъ-губернатора въ Петербургѣ»¹⁾.

На приведенномъ фактѣ мы оканчиваемъ свой небольшой очеркъ. Синельниковъ еще годъ управлялъ Сибирью, но дальше у него не хватило терпѣнія и силъ на дальнѣйшую борьбу съ своими противниками. Изъ его «Записокъ» мы знаемъ хорошо трагизмъ его нравственного состоянія въ концѣ 1873 года. Онъ не только просилъ, но умолялъ государя объ отставкѣ. Она была дана ему царемъ, вполнѣ понимавшимъ его. Оба они, монархъ и подданный, были одушевлены одной идеей народнаго блага, проводили ее упорно въ жизнь, несмотря на препятствія.

Сибирскія мѣропріятія Николая Петровича, мало оцѣненные его современниками, не могутъ не обратить на себя вниманія потомства. Послѣ Сперанскаго онъ—единственный изъ его преемниковъ, являющійся въ роли идейнаго реформатора. Имъ составлены и имъ представлены правительству проекты о преобразованіяхъ по министерствамъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, народнаго просвѣщенія, и не вина Синельникова, если эти проекты не получили движенія въ петербургскихъ канцеляріяхъ. Для историка должно быть дорого то, что мысль о возрожденіи страны, томившейся въ допотопныхъ учрежденіяхъ, принадлежитъ Николаевскому генералу, чуткому мыслю и сердцемъ къ нуждамъ народнымъ. Николай Петровичъ, именно, въ Восточной Сибири является монументальной личностью, достойной исторической памяти. Онъ въ краѣ первый и вѣрный слуга своего государя. Онъ первый нравственный возродитель края. Онъ истый русскій по вѣрѣ, по духу, по складу ума, по привычкамъ, по открытой душѣ. Незабвенный Александръ III, этотъ также коренной и типичный русакъ, любившій до самозабвенія свою Русь, не могъ пройти, на одномъ изъ Георгіевскихъ празднествъ, мимо престарѣлаго сенатора и не сказать ему:

— «Васъ до сихъ поръ вспоминаютъ въ Восточной Сибири, о чемъ говорилъ мнѣ и великій князь Алексѣй Александровичъ. Мнѣ пріятно объявить вамъ объ этихъ воспоминаніяхъ съ благодарностью за вашу полезную службу».

Эти величавыя слова царя, которому Синельниковъ уже не могъ служить по преклонности своихъ лѣтъ, по нашему мнѣнію, являются первой исторической оцѣнкой его сибирскихъ трудовъ. И пора самимъ сибирякамъ вспомнить своего необыкновеннаго генералъ-гу-

¹⁾ Контръ-адмиралъ К. былъ отозванъ изъ Приморской области.
«истор. вѣсти.», январь, 1899 г., т. LXXV.

бернатора и позаботиться объ увѣковѣченіи его славнаго имени въ Восточной Сибири. Синельниковъ достоинъ народнаго памятника. Если памятникъ поставленъ на скалистыхъ берегахъ Амура графу Муравьеву, приобрѣтшему безъ боя Приамурскій край, то онъ долженъ быть поставленъ въ Иркутскѣ и Синельникову, принесшему для дальней Сибири первую зарю ея лучшей гражданской и бытовой будущности.

П. Суворовъ.

ПАМЯТИ Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Ich singe wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet...
Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist Lohn, der reichlich lohnet!

Goethe.

Non omnis moriar nuttaque pars mei
Vitabit Libitinam, usque ego postera
Crescam laude recens.....

Horatius Flaccus.

Мы — родники, насъ нѣдра горъ сковали,
Нашъ душо здѣсь, въ безбрежной скорбной тѣмѣ..
Нашъ тихій плескъ, какъ слабый вопль печали, —
Укоръ нѣмой тюрьмѣ!

Кн. Э. Э. Ухтомскій.

ПАМЯТЬ о Яковѣ Петровичѣ Полонскомъ неразрывно связана въ моемъ представленіи съ воспоминаніемъ о моемъ покойномъ отцѣ, съ которымъ онъ былъ въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ университетской скамьи. Я привыкъ, поэтому, съ дѣтскихъ лѣтъ считать такъ еще недавно почившаго поэта за близкаго, почти родного челоѣка, котораго я постоянно видалъ въ нашемъ домѣ, въ Москвѣ, куда Я. П. Полонскій нерѣдко заглядывалъ и которую очень любилъ по связаннымъ съ ней университетскимъ воспоминаніямъ. Съ какой полублагоговѣйной дѣтской робостью смотрѣлъ я тогда на высокую, стройную фигуру поэта, декламировавшаго иногда моему отцу, въ эти довольно частые, но короткіе, пріѣзды въ Москву, какое нибудь новое свое стихотвореніе! Нѣкоторыя изъ нихъ я съ дѣтства уже зналъ наизусть.

Когда я, еще совѣтъмъ ребенкомъ, ѣздилъ въ 1864 г. съ моею матерью за границу, мы останавливались, по пути, въ Петербургѣ у Якова Петровича, въ его уютной, маленькой квартирѣ на Обуховскомъ проспектѣ, которую онъ намъ всецѣло уступилъ на нѣсколько дней, ночуя у кого-то изъ своихъ близкихъ знакомыхъ. Я, какъ сейчасъ, вижу эту квартирку: крошечную переднюю, небольшую столовую, узенькую спальню и довольно обширный кабинетъ, очень изящно убранный коврами, низенькой, мягкой, удобной мебелью и множествомъ картинъ и портретовъ. На первомъ планѣ, на особомъ мольбертѣ, стоялъ прекрасно сдѣланный портретъ первой жены Якова Петровича, незадолго передъ тѣмъ скончавшейся еще совѣтъмъ юной, въ полномъ расцвѣтѣ красоты; тутъ же стоялъ и маленькій письменный столикъ покойной, покрытый темно-краснымъ бархатомъ съ разводами, который глубоко удрученный горемъ поэтъ берегъ на память... Широкий книжный шкафъ пестрѣлъ разноцвѣтными корешками книгъ, полъ былъ устланъ мягкимъ ковромъ. Въ этой симпатичной комнатѣ чувствовалось очень хорошо, и я по цѣлымъ долгимъ часамъ проводилъ тамъ время, въ обществѣ моеи няньки, за чтеніемъ подареннаго мнѣ Яковымъ Петровичемъ его стихотворнаго сборника «Гаммы»,— тоненькой книжечки въ свѣтло-желтой обложкѣ...

Въ 1872 г. Я. П. Полонскій провель въ Москвѣ довольно значительное время. Въ маѣ этого года въ Москвѣ праздновался 200-лѣтній юбилей Петра Великаго, и Якову Петровичу была заказана кантата, которая была переложена на музыку и пропѣта въ Кремлѣ. Онъ ежедневно бывалъ у насъ въ домѣ и часто сиживалъ на соседнемъ Пречистенскомъ бульварѣ съ своимъ старымъ пріятелемъ — давно уже умершимъ — М. Е. Кублицкимъ, московскимъ старожиломъ и домовладѣльцемъ, котораго очень любилъ.

Въ 1874 году, мы всею семьей ѣздили за границу и проѣздомъ чрезъ Петербургъ, конечно, видѣлись съ Яковымъ Петровичемъ, который былъ уже въ это время вторично женатъ, а въ 1875 году свидѣлись снова, но при очень грустныхъ обстоятельствахъ: въ апрѣлѣ этого года скоропостижно скончался въ Петербургѣ мой отецъ, въ бывшей гостиницѣ Соболева, у Синяго моста (теперь гостиница «Россія»). За нѣсколько часовъ до смерти мой отецъ провель пѣлый вечеръ съ Яковымъ Петровичемъ, и, прощаясь, старые друзья не думали, конечно, что разстанутся навсегда. Вернувшись домой, Яковъ Петровичъ, немного спустя, легъ спать въ совершенно спокойномъ расположеніи духа. Подъ утро онъ вдругъ проснулся, словно отъ какого-то толчка, и увидѣлъ, какъ разгораживавшая его рабочій кабинетъ на двѣ половины тяжелая занавѣска, за которой стояла кровать, тихо колыхалась, будто отъ дуновенія вѣтра, и одновременно совершенно явственно услышалъ надъ самымъ ухомъ чей-то тихій голосъ, почти шопотомъ, медленно и про-

тяжно проговорившей странную фразу: «тѣнь руки шевелить занавѣской твоей»... Въ это самое время въ передней звякнулъ звонокъ: пришли изъ гостиницы, чтобы увѣдомить Якова Петровича о внезапной кончинѣ моего отца. Объ этомъ удивительномъ случаѣ Яковъ Петровичъ, никогда не отвергавшій области сверхъестественнаго и неразрѣшимо загадочнаго, много разъ передавалъ мнѣ потомъ во всѣхъ подробностяхъ.

Въ годы отрочества и юности, будучи воспитанникомъ московскаго Николаевскаго лицея, я отъ времени до времени бывалъ въ Петербургѣ и всегда считалъ себя у Якова Петровича, какъ въ родной семьѣ.

Переѣхавъ затѣмъ въ 1882 году, по окончаніи курса, на службу въ Петербургъ, я въ теченіе всѣхъ этихъ послѣднихъ шестнадцати лѣтъ и до самой смерти Якова Петровича не прерывалъ моей нравственной и духовной связи съ этимъ превосходнымъ человѣкомъ, невлюбивымъ, какъ дитя, съ вѣчно юной, отзывчивой и чистой, какъ кристаллъ, душой и порывами полупророческаго вдохновенія.

Послѣднія пять лѣтъ Яковъ Петровичъ хворалъ, слабѣлъ, угасалъ и тихо угасъ, словно вечерняя заря, медленно разлившаяся въ сѣрой мглѣ осеннихъ сумерекъ...

Не біографію почившаго и не воспоминанія о немъ пишу я на этихъ страницахъ. Покойный былъ мнѣ слишкомъ близокъ и дорогъ, чтобы я могъ сдѣлать это съ надлежащимъ спокойствіемъ. Пусть это сдѣлаютъ другіе... Мнѣ хочется лишь подѣлиться здѣсь съ читателями, съ разрѣшенія вдовы покойнаго, Ж. А. Полонской, нѣкоторыми изъ имѣющихся у меня писемъ ко мнѣ Якова Петровича, живо рисующими дорогой намъ всѣмъ и незабвенный обликъ почившаго поэта и заключающими въ себѣ несомнѣнный литературный интересъ.

Дружескія письма Я—ва П—ча были всегда полны обаянія—задушевная искренность сливалась въ нихъ съ сердечной теплотой и сверкала блестками добродушнаго и безобиднаго юмора, составлявшего одну изъ основныхъ чертъ характера покойнаго писателя. Они всѣ писаны мелкимъ, почти бисернымъ, своеобразнымъ и на первый взглядъ мало понятнымъ почеркомъ, къ которому, однако же, можно было очень скоро привыкнуть и разбирать почти безъ всякаго труда. Ихъ стиль всегда непринужденный, легкій, образный и оригинальный, словно живая рѣчь, простая и безыскусственная.

Я приведу здѣсь письма послѣднихъ лѣтъ жизни Я—ва П—ча.

Лѣто 1891-го года Я—въ П—чѣ съ семействомъ проводилъ у своего стариннаго товарища съ юныхъ лѣтъ—А. А. Фета (Шеншина), въ его курскомъ имѣніи. Замѣчу кстати, что, по искони сложившемуся мнѣнію, Я. П. Полонскаго постоянно ставили и ставятъ рядомъ съ покойными А. Н. Майковымъ и А. А. Фетомъ. Самъ Майковъ печатно утверждалъ, что они трое оставляютъ вѣрный лите-

ратурный союзъ. Врядъ ли это дѣйствительно такъ: насколько Майковъ и Фетъ были въ полномъ смыслѣ слова «парнасцами», постоянно улетавшими отъ грѣшной земли къ Олимпу, настолько же, напротивъ, Я. П. Полонскій, не будучи чуждъ направленія своихъ «союзниковъ», постоянно откликался на всѣ выдающіяся явленія русской жизни, справедливо считая писателя «нервомъ» народа.

Вотъ что писалъ мнѣ Я — въ П — чѣ изъ курской усадьбы А. Фета, гдѣ этотъ послѣдній безвыѣздно проживалъ.

«Московско-Курская ж. д., ст. Коренная Пустынь, дер. Воробьевка.

«Такая жара и такая муха, что... писать—это подвигъ! Мухи въ чернилахъ, мухи въ керосинѣ, мухи на палитрѣ, мухи въ скипидарѣ, гдѣ я мою кисти, лѣзутъ мнѣ въ глаза, въ ротъ, кусаютъ въ голову, словомъ... Знайте, мой любезнѣйшій Сергѣй Игнатьевичъ, что, если когонибудь назвать мухой, то это будетъ самая сильная брань, вылетѣвшая изъ устъ моихъ!.. Муха—это хуже собачьяго сына, хуже тигра, хуже свиньи, хуже чорта; отъ всего можно избавиться, отъ мухи—нѣтъ спасенья!..

«Пишу и верчу головой и машу рукой, чтобъ избавиться отъ мухъ, которыя мѣшаютъ мнѣ благодарить васъ и за память и за присланную статейку въ двухъ экземплярахъ, причемъ я весьма доволенъ; Аля мой ¹⁾ тоже нашелъ вашу статейку очень интересной. Но стихи хуже, чѣмъ тѣ, которые вы мнѣ читали изъ того же Гафиза. Я прочелъ вашъ переводъ Фету, но онъ нашелъ, что тутъ Гафиза, очень утонченнаго и изысканнаго по формѣ, — нѣтъ, или что это слабая тѣнь его.

«Лично мнѣ сначала понравились ваши стихи, но, вникая въ нихъ, я нашелъ, что избылье глагольныхъ ризмъ (бѣжалъ, пѣлъ, гулялъ, внималъ), какъ-то скопившись въ одномъ мѣстѣ, дѣйствуетъ неприятно.

«Извините за откровенное мнѣніе, но вы другого и не ждете.

«Спѣшу писать, такъ какъ сейчасъ отправляютъ письма.

«Простите вамъ преданнаго

«Я. Полонскаго.

«Не забывайте! Кланяйтесь женѣ, а дочку поцѣлуйте.

«Остаюсь мухъ проклинаящій, но вамъ преданный

«Я. Полонскій.

«P. S. Что новаго?»

А. А. Фетъ былъ знакомъ съ Хафизомъ по европейскимъ переводамъ этого восточнаго мистика; я переводилъ его непосредственно съ персидскаго оригинала.

¹⁾ Старшій сынъ Я--ва П--ча,—Александръ.

Въ то же лѣто продолжительное время гостилъ у А. А. Фета и Н. Н. Страховъ, нашъ извѣстный критикъ, натуралистъ и философъ. Я—въ П—чѣ очень уважалъ и цѣнилъ мнѣнія Н. Н. Страхова и былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Н. Н. Страховъ высоко ставилъ стихотворенія Я—ва П—ча и прекрасно произносилъ ихъ, чего отнюдь нельзя сказать про самого автора ихъ, который читалъ ихъ всегда нараспѣвъ и нѣсколько приподнятымъ тономъ, что, впрочемъ, очень шло къ нему.

Отъ Н. Н. Страхова (и моего покойнаго отца) слышалъ я слѣдующій блестящій экспромтъ, сказанный Я—мъ П—мъ, въ шестидесятихъ годахъ, одной свѣтской дамѣ, избалованной успѣхами и поклоненіемъ ея обожателей.

Я слышалъ, вамъ льстецы сказали,
 Что, будто, въ васъ влюбленъ и я.
 Помилуйте, какое я
 Имѣю право?! Вамъ солгали!
 Вѣдь я не изъ Парижа франтъ,
 Заткнувшій шарфъ свой бриллиантомъ,
 Не камергеръ, не адъютантъ
 И не имѣю Анны съ бантомъ!
 Я по богатству не въ цѣнѣ,
 Не враль, извѣстный въ модномъ свѣтѣ,
 И не гарцюю на копѣ,
 Когда вы скачете въ каретѣ,—
 Помилуйте, какое я
 Имѣю право—вамъ солгали!

Кстати, о посвященіяхъ. Я—въ П—чѣ многія отъ своихъ стихотвореній посвящалъ своимъ друзьямъ. Мы видимъ его стихи, посвященные А. Н. Майкову, А. А. Фету, А. Г. Рубинштейну, И. С. Тургеневу (къ которому онъ былъ исключительно привязанъ), И. С. Аксакову, Еленѣ Андр. Штакеншнейдеръ, М. Л. Златковскому, М. Е. Кублицкому и многимъ другимъ. Въ числѣ посвященій встрѣчается также и стихотвореніе, посвященное М. А. С—вой. («Гдѣ бъ ни былъ стихъ, рожденный мной, записанъ твердою рукой»). Хорошо зная почти всѣхъ знакомыхъ Я—ва П—ча лично и изъ разговоровъ о нихъ поэта, я поинтересовался узнать, кто была эта М. А. С—вая, которой Я—мъ П—чемъ было написано одно отъ глубокихъ по содержанію и особенно задушевныхъ по тону стихотвореній.

— Я никогда не слышалъ отъ васъ, Яковъ Петровичъ, — сказалъ я ему однажды, — про г-жу С., которой вы посвятили такую прелесть... Кто она, если это не секретъ?

— Ничуть не секретъ, — задумчиво отвѣтилъ мнѣ престарѣлый поэтъ, сидя у себя въ памятномъ такъ многимъ кабинетѣ, на Знаменской улицѣ, медленно покуривая сигару, кутаясь въ пледъ и смотря куда-то вдаль, — ничуть не секретъ, но, представьте, я и самъ не помню ея фамиліи. Это было очень давно, въ Москвѣ, кажется,

за объдомъ у однихъ моихъ знакомыхъ... Меня познакомили съ очень милой, начитанной и симпатичной молодой дамой, которая весьма интересовалась моими стихами. Между нами завязался оживленный разговоръ, во время котораго моя новая знакомая попросила меня написать ей нѣсколько строкъ на память, въ альбомъ. Я написалъ ей, не имѣя силы отказать, то стихотвореніе, о которомъ вы спрашиваете, уже наполовину раньше сложившееся въ моей головѣ и никому собственно не предназначавшееся... Вотъ вамъ, любезнѣйшій мой, и весь секретъ,—заклучилъ онъ, добродушно улыбаясь.

Очень плохо провелъ Я—въ П—чѣ лѣто 1892 года, которое прожилъ съ семьей подѣ Москвой, на дачѣ, въ имѣніи нынѣ покойнаго извѣстнаго московскаго окулиста А. Н. Маклакова.

Вотъ его письмо ко мнѣ оттуда.

«2 августа 1892 г.

«Николаевская ж. д., станція Крюково
г. Воскресенскъ.

«Милый мой Сергѣй Игнатьевичъ!

«Много задолжалъ я писемъ, но я не могъ писать. Не болѣе 10 дней, какъ прожилъ я на нашей уединенной дачѣ, много ходилъ, пилъ Mullburg отъ печени... И вдругъ... переходя одну дорогу, съ палитрой и мустабелемъ, споткнулся, хотѣлъ опереться на мустабель, но онъ переломился, и я упалъ на лѣвый бокъ и на больную ногу. Встать самъ не могъ; меня принесли и уложили. Боль была такая, что отъ малѣйшаго движенія я кричалъ. Были и хирурги,—слава Богу,—не нашли ни вывиха, ни перелома. Какъ я лѣчился,—это для васъ не интересно,—но въ концѣ третьей недѣли я поднялся и на костыляхъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, поддерживаемый сзади, такъ какъ и правая, здоровая, нога дрожала...

«Прошла еще недѣля, я сталъ ходить одинъ, присѣлъ къ столу и сталъ работать...

«Но и это благополучіе было не надолго,—стали проходить камни въ печени... Новыя боли... Затѣмъ лихорадка и жаръ, доходившій до бреда... И это продолжалось пять дней,—словомъ, припадокъ былъ сильнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ.

«Дождливая погода, даже и въ тѣ дни, когда относительно я былъ здоровъ, не позволяла мнѣ пользоваться воздухомъ. Было все это время холодно, окно моего кабинета почти что не отворялось.

«Такъ прошло для меня это лѣто... Силы убавилось на половину, а не прибавилось! Думалъ умереть, но и умереть здѣсь страшно,—ни души знакомыхъ, кромѣ семьи Маклаковыхъ.

«Нѣтъ у насъ никого; кто хотѣлъ заглянуть, и тѣ пишутъ, что не могутъ... Никогда еще я не чувствовалъ такого кругомъ себя безлюдья!»..

Зато слѣдующее лѣто, проведенное Я—мъ П—имъ въ подмосковномъ имѣніи графа С. Д. Шереметева, с. Вороновѣ, Подольскаго уѣзда, нашъ поэтъ чувствовалъ себя, сравнительно, настолько хорошо, что даже переписывался со мной стихами, добродушно подшучивая надъ декадентами и символистами и преостроумно имитируя ихъ тонъ и манеру. Это именно время я занимался довольно усердно входившимъ тогда въ моду во Франціи декадентствомъ и перевелъ стихами нѣсколько вещицъ изъ сборника Мориса Матерлинка «*Serres chaudes*» (напечатанныхъ впоследствии въ «Живописномъ Обозрѣніи»). Кое-что изъ этихъ моихъ переводовъ я послалъ и Якову Петровичу, прося его не сердиться на меня и не ворчать за тѣ странныя вдохновенія матерлинковской больной музы, которыми я посмѣлъ смутить его изящный вкусъ.

На это онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующимъ любопытнымъ письмомъ.

«Московской губ., Подольскій уѣздъ,
станція Лукошкино, с. Вороново (графа
Шереметева).

«1893 г., 13-го іюля. Вторникъ.

«Дорогой декадентъ

«Сергѣй Игнатьевичъ!

«Я не ворчу, я посылаю вамъ образчики моей новой поэзіи.

I.

Посланіе.

Пестрая шкурка почтовыхъ листовъ,
Мыслей кавычки и точки,
Чувствъ и страстей моихъ алыя почки
Да отразятся въ зеркалѣ зрачковъ
Дальняго друга!.. Я сталъ декадентомъ,
Желтой собакой съ парнасскимъ патентомъ!
Львы и шакалы,—Парижа сыны,
Любятъ въ пурпурныхъ заплаткахъ штаны;
Эти штаны у ветошника взяты,—
Ключья порфирь превратились въ заплаты,
Напоминая засохшую кровь,
Губы вампира—и фурій любовь!..

II.

Новая муза.

Пусть муза спрячетъ свой жгучій позоръ,
Сладкій, какъ медь,—сердце въ насъ суевѣрно
И любовиство у насъ легковѣрно...
Въ музу влюбленъ я, какъ въ золото—воръ...

Здраваго смысла плѣшивый бугоръ
Муза украситъ вѣнками. Навѣрно.
Какъ декадентъ, буду я знаменитъ!
Будетъ мука на пирогъ и у музы:
Стоку стиховъ открываются шлязы,—
Мельница мелеть и пѣна блеститъ...

III.

Л ю д и.

Люди—жуки, тѣ, что любятъ навозъ...
Сколько надъ ними мы тратили слезъ!
Синіе ангелы съ неба глядятъ—
Ихъ жесткокрылые знать не хотятъ;
Эти жуки—не жуки, а певѣжды...
Нюхая складки зеленой Надежды,
Ползають всюду за нею во слѣдъ.
Плачь ты надъ ними, червонный поэтъ!

«Такъ легко написались эти полныя глубочайшаго смысла стихотворенія, что, вѣроятно, я сдѣлаю успѣхи, и, какъ декадента, вы меня прославите и переведете стихи мои на французскій, испанскій и персидскій языкъ!»

«Каюсь: стихи мои все еще не достаточно декадентны, но надѣюсь, что вы великодушно простите мнѣ мои, быть можетъ, и неудачные опыты.

«Во всякомъ случаѣ—надѣюсь на поощреніе...

«Видите ли, какъ я скоро откликаюсь! Подаль голосъ баронъ¹⁾,—откликнулся. Подаете голосъ вы,—тотчасъ же вдохновляюсь и пишу.

«Лицами, которыми, какъ стѣной, окружены мы со всѣхъ сторонъ, я не очень доволенъ. Прошлаго года мѣстность была холмистѣе и, если бы я не разбился,—много бы написалъ или намалевалъ пейзажей. Моя живопись хоть и диллетантизмъ, но, надѣюсь, диллетантизмъ простительный, тѣмъ паче, что я распродалъ въ рознь много моихъ картинокъ, по крайней мѣрѣ—рублей на 800.

«Вѣрю, что вамъ невесело снова въ пыльныхъ улицахъ и изучать всѣ прелести податной системы. Сдѣлайте поскорѣе министромъ финансовъ и ухитритесь сократить подати и взнудать мошенниковъ.

«Я такъ давно не читалъ газетъ, что ничего не знаю. Обрѣтаюсь, хоть и въ блаженномъ, но досадномъ невѣдѣннѣ... Кстати, о газетахъ.

«Живи вы попрежнему въ Басковомъ переулкѣ, я попросилъ бы васъ вайти къ нашему швейцару и посылкой прислать мнѣ всѣ выпедшіе №№ «Недѣли», іюльскія книжки «Труда» и «Недѣли» и послѣднюю книжку «Русскаго Вѣстника».

¹⁾ Баронъ Н. В. фонъ-дери-Остенъ-Дризенъ.

«Сижу, пишу и боюсь: а что, если къ вечеру опять начнетъ скоблить около желудка и опять, опять, тѣ же страданія, та же процедура!

«Вотъ мое настроеніе...

«Барометръ поднялся — кажется, погода установится... Конечно, я не жду отъ жены вашей такого самоотверженія... Для того, чтобы пріѣхать къ намъ, нужно 5 часовъ, — около 2-хъ часовъ по желѣзной дорогѣ и въ экипажѣ, сухимъ путемъ, около 3-хъ часовъ, черезъ Новый Іерусалимъ и Воскресенскъ. Только напрасно она думала, что мы ждали ее безъ вашей дочки...

«Вы просите дать вамъ порученіе — извольте, даю вамъ порученіе. Сходите въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника». Спросите Любовь Яковлевну Гуревичъ ¹⁾, передайте ей мой усердный поклонъ, передайте ей содержаніе моего письма и скажите, что въ весьма немногіе дни или часы, когда я не лежу и не маюсь, — я пишу «Мечтателя». Пока еще исправилъ все, что было уже написано и ей прочтено. Если не умру, надѣюсь кончить къ сроку, — если же умру, то пусть напечатаетъ то, что найдеть... Кой-кому и это будетъ интересно... Какъ бы она обрадовала и ободрила меня, еслибъ могла пріѣхать... Но такого благополучія не ожидаю.

«Радъ, что продержалъ послѣднюю (до конца) корректуру моихъ «Собакъ». Ихъ печатаетъ Траншель.

«Вы видите, что, несмотря на мои недуги, я и лежа кой-что дѣлалъ, и теперь постоянно занятъ. Даже изъ комитета ²⁾ мнѣ присылаютъ книги на прочтеніе...

«Въ этомъ году мы собираемся въ Петербургъ какъ можно раньше — около 26 августа, а, можетъ быть, и къ 26-му, чтобы именины Наташи ³⁾ пробыть у себя на квартирѣ.

«Авось, это письмо дойдетъ до васъ, несмотря на неисправность почты... Теперь надо писать великому князю (на два письма его ⁴⁾), И. А. Вишнеградскому, въ комитетъ, М. П. Соловьеву ⁵⁾, Фету и другимъ. Когда-то я все это успѣю?.. Боже мой!..

«Но прощайте! Будьте здоровы, бодры, франтите, кланяйтесь женѣ, если будете писать, и не забывайте меня, грѣшнаго...

«Вамъ преданный

«Я. Полонскій».

¹⁾ Редакторъ-издательница «Сѣвернаго Вѣстника».

²⁾ Т. е. изъ комитета иностранной цензуры, гдѣ Я. П. до 1896 г. состоялъ младшимъ цензоромъ; въ 1896 г. онъ былъ назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати.

³⁾ Дочери Я. П., нынѣ г-жи Елачицъ.

⁴⁾ Августѣйшему президенту академіи наукъ, его императорскому высочеству великому князю Константину Константиновичу.

⁵⁾ Нынѣ и. д. начальника главнаго управленія по дѣламъ печати.

Москва. 1917.
На Девичьем поле
Открыт Лужковское
с Поповою Стрелой вперемежку.

Дорогой Александр,
Сергей Александрович.

Я не ворчу, я пишу. Конец французам
и вот новый повод —

Полемия.

1
Несправедливо и нечестливо мурлыки,
Милые добродетели и морали,
Губы и глаза мои алые пощечки,
Да откровенная в Дарю-деи Зрачки,
Давишь друг... Я стою Дехадером,
Менюи Собаки! не тарноходимит нечестиво,
Абба и Шакал. — Парима свини,
Ловиши и пурпурных Ванюшах утвари,
Эти мотан. у второника влани,
Кинели порроры превратили в Ванюшах,
Кажется забавно и кровь,
Ты. Ванюра — в дурной мурлыки....

2
Кавалерия.

1
Муза Муза стрелом свои ^{шары} ~~шары~~ пощечки —
Каждый как медвежье в нос суверена,
И мурлыки и нос мурлыки,
Из мурлыки вывела и как в губы — впр...
Знаешь Агата Понявилу Бурю
Муза украсит Ванюшах. — Кавалерия
Каждо дождя, Гуду и Ванюшах
Будет мурлыки и Пирот и у мурлыки
Стону охота и мурлыки. Ванюшах,
— Мелница мурлыки и поща мурлыки

3

1
и вода — мурлыки, мурлыки мурлыки мурлыки...
Сколько под мурлыки мурлыки мурлыки мурлыки!
Сколько мурлыки мурлыки мурлыки мурлыки!
Мурлыки мурлыки мурлыки мурлыки мурлыки;
Эти мурлыки — мурлыки, а мурлыки,
Мурлыки мурлыки мурлыки мурлыки мурлыки,
Мурлыки мурлыки мурлыки мурлыки мурлыки.
Мурлыки мурлыки мурлыки мурлыки мурлыки!

«Но теперь беспокоить васъ не хочу,—вы уже не мой сосѣдъ, и къ тому же я жестоко приревновалъ васъ къ поэту Матерлинку, котораго «желтыя собаки» вамъ, несомнѣнно, нравятся больше, чѣмъ мои «Собаки»...

«Потому ли, что я питаюсь рѣдкой, или потому, что здѣсь здоровый климатъ,—мои припадки стали слабѣе, но я все еще отъ нихъ не совсѣмъ отдѣлался.

«Мои, слава Богу, здоровы. Не знаю, здоровъ ли мой Боря¹⁾? Онъ теперь въ Пятигорскѣ. Аля каждый день, съ утра, у доктора и помогаетъ ему принимать больныхъ. Долго ли заразиться! Но ничего не подѣлаешь! Охота пуще неволи.

«Очень радъ, что ваша жена и дочка здоровы; но гдѣ онѣ? Въ Москвѣ или около Москвы или съ вами въ Питерѣ? Изъ письма не вижу. Если она въ Москвѣ, то, на всякій случай, снабдите меня ея адресомъ.

«Извините, что ослабъ и дурно пишу. Тепло, душно и какъ-то моркотно! Вчера была гроза, да и сегодня собираются тучи...

«Прощайте! Досадно, что не могу послать письма ни сегодня, ни завтра, а только послѣзавтра, въ четвергъ. По понедѣльникамъ и четвергамъ мы и отсылаемъ письма на станцію и получаемъ ихъ поздно вечеромъ,—иногда въ 12-мъ часу ночи. Разумѣется, въ эти дни ложимся позднѣе.

«Ну, кажется, я все написалъ,—по крайней мѣрѣ, ничего неидеть въ голову,—можетъ быть, это по причинѣ моего новаго поэтического направленія...

«Кланяйтесь всѣмъ нашимъ знакомымъ, которыхъ случайно встрѣтите.

«Вамъ преданный

«Я. Полонскій».

На приведенныя выше юмористическія упражненія въ «декадентскомъ» жанрѣ я отвѣтилъ Я—ву П—вичу стихами же, которые начинались такъ:

Вы всѣхъ затмили декадентовъ,
Маститый цензоръ и поэтъ!
Сверкаетъ блескомъ позументовъ
Вашъ удивительный куплетъ!
Въ стихахъ у васъ—песъ вдохновеній,
Шакалы колкихъ эпиграммъ,
Они легки, какъ бѣгъ оленей,
Коварны, какъ улыбки дамъ!

и т. д. въ томъ же шутливомъ тонѣ.

За это мое посланіе Я—въ П—вичъ благодарилъ меня опять стихами, которыми начиналось приводимое ниже письмо его.

¹⁾ Второй сынъ Я—ва Петровича.

«1-го августа, 1893 г.

«С. Вороново.

«Многоуважаемый Сергѣй Игнатьевичъ.

«Такъ какъ въ стихахъ можно иногда вмѣсто выканья — тыкать, то я и пишу вамъ нижеслѣдующее:

Исполать тебѣ, добрый молодецъ,
 За стихи твои—вдохновенные,
 На аршины, по смыслу, отъѣнные,
 На вершки—декадентные,
 Лъстиво—дерзкіе,
 Позументные,
 Камергерскіе,
 Мнѣ въ напутствіе
 Прогремѣвшіе,
 Мои чувства
 Отогрѣвшіе!..

«Ну, и довольно!.. Въ пару іюльскаго зноя я такъ размякъ и такъ благоусердно поглупѣлъ, что покорнѣйше прошу васъ своими посланіями и похвалами не поощрять во мнѣ римованной белиберды, на которую я сталъ такъ способенъ по своей старческой, а, стало быть, и извинительной слабости.

«Спасибо вамъ, что дали адресъ мой С--ву. Я получилъ отъ него очень интересное письмо объ армянахъ и Абиссиніи.

«Встрѣчались ли съ барономъ ¹⁾, который натолкнулъ васъ на мысль писать ко мнѣ, и занятъ ли онъ теперь однимъ очень хорошимъ дѣломъ (хотя и не баронскимъ)—какимъ дѣломъ, я вамъ не скажу, ибо, чего добраго, вы ему позавидуете,—вы же (отдаю вамъ полную справедливость) немножко завистливы, и вамъ завидно, что я цензоръ, а вы нѣтъ, что я сижу на своихъ харчахъ въ с. Вороновѣ, а вы въ казенной палатѣ. Эхъ! А сколько у васъ тамъ, въ Питерѣ, впечатлѣній?!... Какое разнообразіе!..

«А у насъ утромъ—липы, въ полдень—липы, вечеромъ—липы; солнце свѣтитъ утромъ справа, вечеромъ слѣва; были воробьи—улетѣли въ поля, были стрижи—улетѣли въ Африку... Цыплята и юные пѣтухи лѣзутъ къ намъ въ комнаты и вскакиваютъ на столы,—мы ихъ гоняемъ, и вотъ наше развлеченіе. А когда мы ихъ ѣдимъ, вмѣсто того, чтобъ кормить, то какое же это развлеченіе? Дайте мнѣ ваши годы и пошлите меня хоть въ Камчатку, я и тамъ сталъ бы бѣгать на лыжахъ, строить куры камчадалкамъ и поучать ихъ правславному катехизису.

«Въ одномъ отношеніи я и теперь точно въ Камчаткѣ — вышла вся почтовая бумага,—и если бы нѣсколько листиковъ не занялъ у графа ²⁾, не на чемъ было бы и вамъ писать!

¹⁾ Н. В. фонъ-деръ-Остенъ-Дризень.

²⁾ Гр. С. Д. Шереметева.

«Вы просите меня писать аршинными буквами! Не могу. Я ужъ, и такъ стараюсь, ради вашихъ глазъ, не пускать пера моего «во всю ивановскую»!

«Не велика бѣда, если вы моего письма и не разберете и его, съ досады раздерете. Это все же гораздо лучше, чѣмъ беречь всякій авторскій вздоръ и потомъ, по этому вздору, давать всѣмъ поводъ вкривь и вкось судить о немъ, забывая пословицу: «не всякое лыко въ строку...». Не все, написанное сегодня, годится даже на завтрашній день; можетъ быть, я завтра и поумнѣю и посланій въ стихахъ уже сочинять не сумѣю.

«До свиданья... Остаюсь вамъ преданный

«Я. Полонскій.

Въ августѣ 1893 года, я уѣхалъ на службу въ Ревель и вскорѣ получилъ отъ Якова Петровича слѣдующее письмо.

«1893 года 23 сентября. Петербургъ.

«Многоуважаемый

«Сергѣй Игнатьевичъ.

«Виновать, что такъ поздно отвѣчаю вамъ на ваше милое письмо изъ Ревеля. Пожалуйста, не думайте, что съ глазъ долой, такъ и изъ памяти вонъ. Расположенія не мѣряются разстоянiемъ. Я не писалъ потому, что поздно вернулся (10-го сентября). Много было всяческихъ хлопотъ и заботъ... а тутъ я заболѣлъ и пролежалъ трое сутокъ. Теперь идетъ уборка квартиры и такой хаосъ кругомъ, такая хурда-мурда, что ничего не лѣзетъ въ голову, даже и декадентнаго стихотворенія написать не въ силахъ! Лѣтомъ же у насъ въ квартирѣ ломали печи и вещи перетаскивали изъ одной комнаты въ другую. Переломано мебели немало подъ административнымъ наблюденiемъ дворниковъ и одной старухи изъ богадѣльни. Надняхъ только красили потолокъ въ залѣ, сегодня моютъ полы и покрываютъ мастикой. Словомъ, андроны ѣдутъ, чепуха, белиберда!..

«Не знаю, въ чемъ будетъ состоять ваша служба? По-моему, главная служба это въ обрусѣнiи нѣмцевъ, въ чемъ, конечно, поможетъ вамъ и ваша милая жена и дочка, если только она не превратится въ нѣмочку съ двумя идеалами въ душѣ: съ Вильгельмомъ II и Бисмаркомъ. Для нѣмецкаго бюргера это то же, что для русскаго мужика Николай Чудотворецъ и Сергій Радонежскій или Тихонъ Задонскій. У всякаго народа своя религiя.

«Ревель я знаю: бывалъ въ немъ во дни моей юности и вынесъ оттуда два впечатлѣнiя... Въ одной кофейной сидѣлъ со мною въ одной комнатѣ какой-то сѣденькiй нѣмецъ (мы были одни въ комнатѣ), и вдругъ при мнѣ сталъ онъ разговаривать съ какимъ-то невидимымъ лицомъ, дѣлать жесты, подмигивать и ухмыляться и,

конечно, на меня не обращающа вниманія... Глядя на него, меня морозъ подралъ по кожѣ... Чортъ знаетъ что?—не то сумасшедшій, не то галлюцинировать!

«А другое впечатлѣніе—барышня, которую я видѣлъ изъ окна гостиницы, глядя въ окно сосѣдняго дома,—какъ тамъ эта барышня вынимала изъ комода вещи и каждую изъ нихъ вытирала отъ пыли, любовалась на свои вынутыя сережки и тоже щеточкой вытирала ихъ,—словомъ такая аккуратная и чистооплотная нѣмочка, что я бы, кажется, съ ума спятилъ, если бы на ней женился!

«Былъ въ Ревелѣ и на публичномъ балѣ, въ ихъ собраніи!.. Господи, какая была скука! Барышни сидѣли съ одной стороны и молчали... кавалеры съ другой стороны и подходили только ихъ ангажировать... Вальсировали точно куклы... Ни малѣйшаго воодушевленія!

«Теперь, конечно, фантастическія повѣсти стараго Гофмана уже давно забыты, и нѣмецкія барышни уже настолько цивилизовались, что на балахъ и съ кавалерами позволяютъ себѣ разговаривать—иные времена, иные нравы! Но, дай Богъ, чтобъ вамъ Ревель понравился не однѣми своими средневѣковыми стѣнами, а кое-чѣмъ и другимъ... Ревель хорошъ лѣтомъ, а зимой,—не знаю; можетъ быть, и зимою вамъ не будетъ скучно...

«Пятницы мои еще, слава Богу, не начинались... Барона еще не видалъ и не встрѣтился еще ни съ однимъ княземъ ни съ однимъ графомъ, и до сихъ поръ еще, несмотря на мои «придворныя наклонности», сижу сиднемъ у себя въ кабинетѣ и очень доволенъ, что припла пора топить мой каминъ, дремать или читать журналы или писать...

«Что теперь пишу,—не скажу,—когда нибудь узнаете, если дѣло доведу до конца и буду, хоть мало-мальски, доволенъ.

«Но прощайте! Цѣлую ручки у вашей жены, цѣлую щечки и головку у вашей дочки, жму вамъ руку и остаюсь вамъ преданный

«Я. Полонскій».

Кажется, литературная работа, упоминаемая здѣсь Яковомъ Петровичемъ, была его извѣстная комедія «Чужія роли», о которой и говорится въ его слѣдующемъ письмѣ.

«24-го декабря 1893 г.

«Знаменская, 26. С.-Петербургъ.

«Милѣйшій и наилюбезнѣйшій

«Сергѣй Игнатьевичъ!

«Давно не писалъ вамъ, боялся, да и теперь еще боюсь, что мое болѣзненное настроеніе перейдетъ въ письмо мое, и все, что я вамъ напишу, перейдетъ въ декадентскій тонъ.

«Кстати сообщу вамъ, что мои упражненія въ декадентскихъ стихахъ, вамъ посланныя, мнѣ пригодились, и, немного переработанныя,

перешли въ мою комедію «Чужія роли». Комедію эту въ отгискѣ пришла къ вамъ въ двадцатыхъ числахъ января будущаго 1894 года.

«Вотъ уже три недѣли слишкомъ, какъ я никуда не выхожу, сижу у себя, прикрывшись лохматою шкурою какого-то звѣря, бывшаго когда-то самую существенной частью женинаго салопа.

«Имениннаго вечера у меня не будетъ... Куда уже намъ теперь съ суконнымъ рыломъ да въ гостиный рядъ!.. А утромъ, если угодно, милости просимъ на чай, кофе и шоколадъ.

«Вышло «Новое Слово» ¹⁾ съ вашимъ новымъ стихотвореніемъ. Полагаю, что и вы это «Новое Слово» получили, такъ какъ, за недостаткомъ подписчиковъ, остается одно утѣшеніе: разсылагъ его своимъ не только настоящимъ, но и мнимымъ сотрудникамъ.

«Какъ здоровье Екатерины Осиповны? Очень мы всё виноваты, что не поздравили ее съ днемъ ея ангела, но—«забвеніе, какъ Танталъ, давить душу» (кто, бишь, это сказалъ?—не помню)... Забвеніе, не забвеніе, а непростительная разсѣянность, за которую не разъ уже мы себя упрекали; надѣюсь, что это не помѣшаетъ вашей супругѣ остановиться у насъ и въ другой разъ, когда она прикатитъ въ Питеръ за собираніемъ дани съ гг. редакторовъ. С-ва я еще не видалъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся изъ Ревеля,—увидю его 26 декабря ²⁾, если только до тѣхъ поръ не случится столкновенія нашей земли съ какой нибудь кометой, или съ потухшимъ солнцемъ—тогда въ одно мгновеніе всё мы превратимся въ газы и унесемъ въ пространство, судя по Фламмаріону,—будемъ населять Юпитеръ, который еще не совсѣмъ простылъ... и пр. и пр...

«Больныхъ въ Петербургѣ, какъ и всегда, не малое количество. Солнца мы такъ давно уже не видѣли, что и не знаемъ, здорово ли оно попрежнему, или страдаетъ инфлуэнцой...

«Въ Москвѣ вышелъ мой «Мечтатель» въ пользу московскихъ «Яслей» съ предисловіемъ самого издателя Л. И. Поливанова (стоитъ 60 коп.) Есть ли у васъ хоть одна русская книжная лавка?..

«Но прощайте! Дай вамъ Богъ всего хорошаго! Пишите...

«Остаюсь другъ вашего отца и вашъ престарѣлый пріятель,

«Я. Полонскій».

Комедія Якова Петровича «Чужія роли» появилась въ печати въ 1894 г., въ январьской книжкѣ приложеній къ журналу «Нива» А. Ф. Маркса. Предъ тѣмъ Яковъ Петровичъ самъ читалъ свою пьесу, въ одну изъ своихъ «пятницъ», многочисленнымъ друзьямъ и знакомымъ. Пьеса эта довольно сценична, не лишена комизма и слушается до конца съ интересомъ ³⁾.

¹⁾ Несуществующій нынѣ журналъ, начатый г. Баталинымъ.

²⁾ День именинъ Якова Петровича.

³⁾ Впервые она исполнена была только послѣ смерти ея автора,—5 ноября, 1898 г., въ залѣ Павловой, кружкомъ любителей, и имѣла успѣхъ.

«истор. вѣстн.», январь, 1899 г., т. LXV.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что Яковъ Петровичъ не разъ, въ теченіе своей многолѣтней жизни, выступалъ предъ публикой, какъ сценическій авторъ.

Еще въ юности, въ 1852 г., написалъ онъ историческую драму въ 5 дѣйствіяхъ, подъ названіемъ «Дареджана Имеретинская», которую предназначалъ для только что отстроеннаго тогда въ Тифлисѣ, на Эриванской площади, театра. Пьеса эта, однако, не была разрѣшена драматической цензурой.

Я. П. Полонскому принадлежит также комедія: «Свѣтъ и его тѣни», напечатанная, въ 1865 г., въ журналѣ «Эпоха» и поставленная на сценѣ Александринскаго театра.

Нельзя сказать, чтобы сценическія произведенія Я. П. Полонскаго обладали крупными достоинствами. Покойный поэтъ былъ слишкомъ созерцатель, проникнутый умиротворяющимъ элементомъ и кончающій свои жалобы на окружающее зло аккордомъ примиренія и тихой грусти—даже и тогда, когда, подобно «волнѣ», онъ волнуется вмѣстѣ съ «океаномъ—Россіей»—чтобы могъ достигать до настоящаго паоса, необходимаго для истаго драматурга.

Въ слѣдующемъ письмѣ Яковъ Петровичъ касается вопроса о своемъ происхожденіи,—вопроса, о которомъ я заговорилъ съ нимъ подъ вліяніемъ продолжительной бесѣды съ однимъ извѣстнымъ любителемъ и знатокомъ нашей старины.

«1894 г., 28-го іюля.

«По Финляндской ж. д., станц. Парголово,
«д. Старожилровка, д. 7.

«Милѣйшій и любезнѣйшій другъ

«Сергѣй Игнатьевичъ!

«Вы упрекаете меня въ молчаніи, а когда-то отецъ вашъ, лучший изъ друзей моихъ, тоже упрекалъ меня, писалъ мнѣ: «Видно, тебѣ нечего дѣлать, что ты ко мнѣ письма пишешь»... Видно, что, письма мои къ нему не заключали въ себѣ ничего серьезнаго, ничего вызваннаго какой нибудь необходимостью, а въ моемъ дружескомъ чувствѣ къ нему онъ и безъ писемъ не сомнѣвался.

«Вотъ и теперь, что я такого могу написать вамъ, что бы заинтересовало васъ хоть настолько, насколько интересуютъ газетныя новости? Ничего! Жизнь веду я въ это лѣто почти что уединенную. Чаще другихъ посѣщаетъ насъ Е—чъ, такъ какъ приписался къ министерству юстиціи и остался служить въ Питерѣ. Но и онъ уѣхалъ въ свою самарскую усадьбу. С—скій съ своимъ сынишкой былъ въ Архангельскѣ, а теперь направляется куда-то въ удѣльное имѣнье или контору близъ Нижняго. При насъ его жена съ дочерью но и тѣ уѣхали въ Выборгъ, къ знакомымъ.

«Навязалась къ намъ жить одна пожилая англичанка и, очень кстати, даетъ уроки Наташѣ, и такъ какъ она ни слова не знаетъ

порусски, то я поневолѣ упражняюсь въ англійскомъ разговорѣ, выучился глотать букву *r* и пропускать цѣлые слоги, чтобъ вышло понятно.

«Стиховъ не пишу, а занятъ глупѣйшимъ препровожденіемъ времени: отвѣчаю на получаемыя письма. Здоровье, какъ и погода, идетъ ни шатко, ни валко, ни на сторону.

«Сегодня жду одного своего сына, Борю, изъ Друскеникъ. Другой сынъ, Аля, на одномъ англійскомъ островкѣ близъ Франціи, на Атлантическомъ океанѣ. Пишетъ, что въ восторгѣ и отъ природы, и отъ общества, и отъ дешевизны. Значить, мы нескоро еще его дождемся, думаю,—не раньше сентября...

«Вотъ вамъ и все!

«Кланяйтесь П. И. Бартеневу¹⁾. Поздравьте его отъ меня съ артистическими успѣхами сына его въ Лондонѣ. Я тоже его очень люблю и жалѣю, что мы рѣдко видимся.

«Что касается до моего происхожденія, то еще Богъ вѣсть, отъ Разумовскаго или... отъ какого нибудь драбанта?.. Судя по «Исторіи Екатерины II» Бильбасова, у Разумовскаго безпрестанно родились дѣти и, можетъ быть, всѣхъ ихъ, отдавая въ чужія руки, называли Умовскими. Пока не найдется какихъ нибудь документовъ о происхожденіи Умовскихъ, объ ихъ блестящей карьерѣ и богатствѣ, трудно сказать что нибудь положительное и о моемъ происхожденіи. Семейное же преданіе, слышанное мною отъ моего родного дяди, еще не доказательство...

«Но прощайте!

«Остаюсь, попрежнему, любящій васъ и преданный

«Я. Полонскій.

«P. S. Читали ли вы въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ іюньской книжкѣ, стихотвореніе: «Ребенку»?

Въ январѣ 1894 г. вышло въ Петербургѣ полное собраніе сочиненій Я. П. Полонскаго, изданное А. Ф. Марксомъ. Я жилъ уже тогда въ Ригѣ и помѣстилъ въ одномъ изъ февральскихъ номеровъ мѣстной русской газеты «Рижскій Вѣстникъ» фельетонъ по поводу этого изданія, посвященный поэзіи Якова Петровича. Я послалъ ему, конечно, этотъ фельетонъ и въ отвѣтъ получилъ странное письмо выдающагося интереса и значенія, такъ какъ въ любопытнѣйшемъ письмѣ этомъ самъ поэтъ говоритъ о себѣ съ величайшей откровенностью и объективностью, взирая на себя, какъ бы со стороны, и подводя самъ итоги своей литературной дѣятельности. Указывая мнѣ въ началѣ письма на нѣкоторыя, сдѣланныя мною въ вышеупомянутомъ фельетонѣ погрѣшности, Яковъ

¹⁾ Лѣто 1894 года П. И. Бартенева, издатель «Русскаго Архива», проводилъ, по обыкновенію, въ Ревелѣ и чрезъ меня послалъ привѣтъ Якову Петровичу.

Петровичъ переходитъ затѣмъ къ критикѣ самого себя, которую не всякому довелось услышать отъ поэта четырехъ поколѣній, давно ставшаго извѣстнымъ русской школѣ и перешедшаго въ уста народной пѣсни.

Вотъ это драгоценное при будущей оцѣнкѣ поэзіи Я. П. Полонскаго письмо, такъ какъ, несомнѣнно, оцѣнка эта должна считаться съ тѣмъ, что самъ поэтъ о себѣ думалъ, какое міровоззрѣніе ставилъ себѣ идеаломъ и какія изъ своихъ стихотвореній самъ находилъ лучшими.

«Петербургъ.
«Знаменская, 26.
«1896 г., февраль 7-го.

«Многоуважаемый

«Сергѣй Игнатьевичъ!

«Сегодня получилъ я отъ васъ тотъ № «Рижскаго Вѣстника», гдѣ, по вашей милости, красуется мое имя. Благодарю васъ и за лестный отзывъ и, главное, за адресъ на бандероли, что даетъ мнѣ возможность тотчасъ же вамъ отвѣчать.

«Тотъ же № (отъ 3-го февраля) былъ еще вчера принесенъ намъ Алей, которому онъ былъ врученъ барономъ Дризеномъ въ министерствѣ финансовъ, и вчера уже прочелъ я вашу критическую статейку.

«И вотъ на эту критическую статейку пишу вамъ свою собственную критику.

«Во-первыхъ: вы похвалили изданіе за отсутствіе опечатокъ, чѣмъ премного обрадовали моего сына, который, въ мое отсутствіе лѣтомъ ¹⁾, держалъ послѣднюю корректуру—и обманулъ мои ожиданія. Есть ошибки вопіющія!

«Вмѣсто пдшло-современной—пошло-современной, вмѣсто глухая ночь—глупая ночь, вмѣсто завѣтно-дорогая—замѣтно-дорогая и, что всего нелѣпѣе, въ III-мъ томѣ, въ «Ночь въ Лѣтнемъ саду», одинъ стихъ: «На барельефѣ носъ шибу у журавля», съ верхней строки 211-й страницы перескочилъ на верхнюю строку 212-й страницы. И вышло, что весь Олимпъ отъ сбитаго носа придетъ въ великое смятенье... Словомъ,—нелѣпость!!!

«И такихъ нелѣпостей можно найти, по крайней мѣрѣ, десятокъ!..

«Сынъ мой увѣряетъ, что все это незамѣтные пустяки, и въ вашей замѣткѣ видитъ свое оправданье.

«Во-вторыхъ: «Вакула кузнецъ» почти что писанъ для Н. А. Сѣрова и, когда онъ умеръ, по конкурсу, достался Чайковскому. На это же либретто музыку писалъ и Н. Ѳ. Соловьевъ ²⁾, профессоръ

¹⁾ Лѣто 1896 года Яковъ Петровичъ провелъ съ супругой за границей.

²⁾ Авторъ «Корделии».

консерваторіи, и даже ставилъ своего «Вакулу кузнеца» на сцену Артистическаго кружка, но Рубинштейнъ и не думалъ объ этомъ сюжетѣ.

«Въ-третьихъ: приведенныя вами стихотворенія далеко не изъ лучшихъ, каковыми я считаю: «Чайка», «Аспазія», «Орель и змѣя», «Послѣдній вздохъ» и другія.

«Но тутъ надо и того не забывать, что у всякаго свой вкусъ, и что *de gustibus non est disputandum*.

«Въ-четвертыхъ: такъ какъ вы человѣкъ мнѣ близкій, то мнѣ и не страшно говорить съ вами съ полнѣйшей откровенностью... Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что всѣ мои стихотворенія, которыя вы относите къ «философскимъ»,—по своей основной мысли,—ясны, какъ $2 \times 2 = 4$, и, если они не удовлетворяютъ читателей, то только потому что читатели не вникаютъ въ нихъ. Я нигдѣ не задаюсь сложными вопросами, а въ каждомъ изъ такихъ стихотвореній рѣшаю только одинъ какой нибудь вопросъ, вытекающій изъ всего моего, мнѣ присущаго, міросозерпанія.

«Вотъ вамъ для примѣра: въ стихотвореніи «Передъ закрытой истиной»—истина не открыта,—и никто не можетъ узнать ее, и вотъ почему мы можемъ только гадать о ней; одни вѣрятъ, что она высочайшая красота, благо и совершенство—это оптимисты; другіе думаютъ, что она не что иное, какъ рядъ ненужныхъ, случайныхъ страданій и затѣмъ вѣчно ничто, словомъ, скелеть—вотъ ея символъ,—это пессимисты.

«Что можетъ быть проще? Стихотвореніе образно рисуешь два настроенія духа, два направленія: вѣру въ жизнь и вѣру въ смерть. . Стоитъ только вникнуть, и все станетъ ясно.

«Въ стихотвореніи «Фантазія» мысль еще проще. Перечтите слова невидимаго Бога, и вы поймете, зачѣмъ Богъ послалъ въ міръ фантазію—она творитъ образъ Божій по мѣркѣ нашего умственнаго и нравственнаго развитія, и будетъ фантазія эта вѣчно творитъ образъ Божій, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не постигнетъ Бога настолько же, насколько и Ангелъ, стражъ земли,—не болѣе. Опять—какіе же тутъ спорные философскіе вопросы? Одна мысль: безъ фантазіи не было бы идолопоклонства, не было бы и высшихъ религіозныхъ ученій, ни единобожія, ни христіанства, ни современнаго намъ міросозерпанія. Вникните, и все будетъ ясно—это роль фантазіи въ исторіи человѣчества, и эта мысль тѣсно связана съ поэтической формой.

«Мысль «Видѣніе Османа» еще проще. Кто во что вѣритъ, тотъ тѣмъ и будетъ утѣшенъ въ минуту смерти.

«Ту же мысль провожу я, описывая смерть старухи Мавры въ романѣ «Крутыя горки» (Подъ-гору). Чему вѣрила эта Мавра (или Мароа?—не помню), то и рисуешь ей ея вѣра въ концѣ ея жизни: адъ, Божію Матерь, святыхъ въ ризахъ, какъ ихъ рисуютъ

на образахъ. И въ эту минуту, которая кажется ей вѣчной, душа ея находитъ полное себѣ удовлетвореніе.

«Та же мысль въ стихотвореніи «Призракъ». Сосланный въ Сибирь нигилистъ ровно ничему не вѣрилъ и, умирая, очутился въ непроглядномъ мракѣ. То, что не утѣшало его въ жизни, не утѣшаетъ и въ смертный часъ!

«Такъ мой взглядъ на одно и то же проходитъ черезъ все, что я производилъ на своемъ поэтическомъ поприщѣ. Все у меня логически-связно, и я въ стихахъ моихъ нигдѣ самъ себѣ не противорѣчу. Этому наша критика никогда во мнѣ не разсмотритъ, такъ какъ на мое міросозерцаніе не обратитъ своего вниманія и ничего не изучитъ...

«Если вы вѣрите Пушкину, что поэтъ самъ себѣ высшій судія, то не удивляйтесь, что и я о себѣ сужу и сужу объективно, безъ всякаго самонадѣянія; я лучше всякаго, самаго строгаго, критика вижу свои недостатки, вижу, какъ много написалъ я пьесъ слабыхъ или далеко не художественныхъ, но меня утѣшаетъ мысль, что это случается и со всѣми, самыми выдающимися поэтами. Такъ, ни подъ одной комедіей Гёте, писанной для придворнаго Веймарскаго театра, я бы не рѣшился подписать свою фамилію.

«Но прощайте, извините за слишкомъ откровенное письмо. Еще разъ благодарю васъ за вашу сочувственную мнѣ статейку. Извините, что пишу мелко и неразборчиво,—вооружитесь микроскопомъ или кричите караулъ!! и жена прибѣжитъ къ вамъ на помощь.

«Жму вамъ и вашей милой женѣ руку, цѣлую заочно вашу дочку и остаюсь

«вамъ преданный

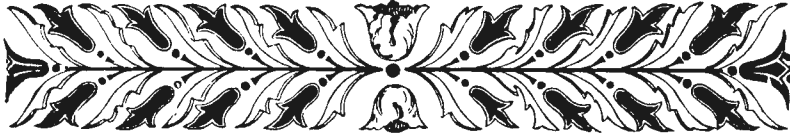
«Я. Полонскій.

«NB. Здоровье мое все такое же: никуда не выѣзжаю. Посылаю вамъ мою брошюрку о Л. Н. Толстомъ».

Кстати, считаю необходимымъ исправить здѣсь одну, постоянно повторяемую въ печати ошибку относительно года рожденія почившаго поэта. Я. П. Полонскій родился не въ 1820 году, какъ принято почему-то думать, а въ 1819 г. Объ этомъ мнѣ не разъ говорилъ самъ Яковъ Петровичъ, замѣтивъ эту ошибку въ отзывахъ о его литературной дѣятельности, во множествѣ появившихся въ свое время по случаю отпразднованнаго въ 1887 году пятидесятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности.

С. Уманецъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ И. Ѳ. ГОРБУНОВЪ.

(Посвящается семьѣ покойнаго).

I.

ОГДА я впервые увидаль и услыхаль Ивана Ѳедоровича Горбунова на эстрадѣ,—теперь уже хорошенько не помню. Во всякомъ случаѣ, раньше, чѣмъ мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ лично. До Горбунова я слышалъ немало и другихъ рассказчиковъ: Андреева-Бурлака, Правдина, Павла Вейнберга, Гулевича и многихъ другихъ. Но впечатлѣніе, произведенное на меня рассказами И. Ѳ. Горбунова, было какое-то совсѣмъ особенное. Тѣ другіе рассказчики рассказывали со сцены анекдоты, болѣе или менѣе веселые и болѣе или менѣе пошлые. Копировали нѣмцевъ, армянъ, жидовъ, русскихъ купцовъ и мужиковъ, пьяныхъ, трезвыхъ. Выходило похоже, и отъ этого смѣшно. Исключеніе изъ нихъ представлялъ только одинъ Андреевъ-Бурлакъ: у него было не только похоже и смѣшно, а, какъ бы это выразиться — литературно, что ли? Еще вѣрнѣе будетъ сказать — художественно. Бурлакъ рѣдко пользовался анекдотомъ для своихъ рассказовъ. Онъ бралъ кусочекъ жизни и освѣщалъ его подъ тѣмъ или другимъ угломъ, и потому далеко не отъ всѣхъ рассказовъ Андреева-Бурлака становилось смѣшно. Иногда отъ нихъ вѣяло тихой грустью, иногда сквозь нихъ прорывалось и большое горе. Андреевъ-Бурлакъ былъ рассказчикъ—художникъ. А другіе—просто такъ, выходили, чтобы посмѣшить публику. И смѣшили, чѣмъ могли: интонаціей, гримасой, а чаще всего комическимъ заключеніемъ. И я думаль въ то

время, что выше рассказчика, какъ Андреевъ-Бурлакъ, не было, да и быть не могло. Думалъ такъ, пока не услышалъ И. О. Горбунова.

Въ лицѣ этого артиста я сразу почувствовалъ не только соперника моему кумиру, но и силу, стоящую выше его. Горбуновъ тоже рѣдко прибѣгалъ къ анекдоту. Его рассказы не отличались даже полною законченностью, но жизнь въ нихъ какъ бы протекала сквозь самого артиста, отлагая въ его рассказахъ наиболѣе яркіе, наиболѣе знаменательные, наиболѣе глубокіе штрихи. Горбуновъ былъ художественный наблюдатель, со складомъ сатирика, и не смягчаясь еще рассказъ, присущей Ивану Федоровичу, поэтичностью, онъ бы былъ, можетъ быть, ѣдокъ и золь до чрезмѣрности. Зло, пошлость, глупость—ничто не ускользало отъ зоркаго глаза и чуткаго уха этого артиста. Но и сердечное проявленіе, и доброта души, и поэтическія картинки тоже не проходили мимо него безслѣдно, и благодаря этому, его рассказъ была сама жизнь, со всѣми ея хорошими и дурными сторонами.

— «Отчего я такъ много доволенъ? Оттого, что хорошій я человѣкъ, лѣсъ я люблю»,—рассказываетъ Иванъ Федоровичъ и въ его голосѣ дрожать теплыя, лирическія нотки.

— «Всѣ мои права при мнѣ, а особыхъ намъ и не требуется»,—говоритъ онъ въ другомъ рассказѣ, и опять его голосъ дѣлается неузнаваемъ: это говоритъ не Горбуновъ, это говоритъ расчетливый, холодный пройдоха, для котораго все счастье въ деньгахъ и ничего, кромѣ денегъ, не существуетъ въ жизни.

Иванъ Федоровичъ почти никогда не мѣнялъ своего голоса, почти никогда не прибѣгалъ къ мимикѣ. Онъ и голосу, и лицу своему придавалъ только извѣстное настроеніе, и получались удивительные результаты. Вы не только слышали, но и видѣли передъ собою то спившагося до потери сознанія купца, то браваго квартальнаго, то ловко завирающагося адвоката. Иногда цѣлая толпа говорила устами Ивана Федоровича, и отдѣльные голоса и лица такъ и мелькали, такъ и мелькали передъ вами. А между тѣмъ, на эстрадѣ стоялъ одинъ только Горбуновъ въ своемъ всегда немного мѣшковатомъ фракѣ, съ очень умѣреннымъ жестомъ, съ ровнымъ, почти монотоннымъ голосомъ. Такова была его внутренняя творческая сила! Одинъ, едва замѣтный штрипекъ въ голосѣ, одно почти неуловимое движеніе въ лицѣ,—и баба обращается въ купца, купецъ въ генерала, генералъ въ англичанина. Безъ подчеркиванія, безъ эффектныхъ паузъ, безъ движенія всей фигуры—съ необычайнымъ чувствомъ мѣры, съ тѣмъ чувствомъ, которое доступно только очень крупнымъ талантамъ во всѣхъ отрасляхъ искусства.

И вотъ, услышавъ Горбунова въ первый разъ, я понялъ, что всѣ ранѣ слышанные мною рассказчики не болѣе, какъ веселые балагуры, да болѣе или менѣе ловкіе имитаторы, а здѣсь я вижу

передъ собою истиннаго художника слова, серьезно мыслящаго наблюдателя. И даже мой кумиръ, Андреевъ-Бурлакъ, сильно поту-скія́лъ рядомъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ. У Горбунова было не-сравненно шире поле наблюденія, а потому разнообразіе были и его персонажи, значительнѣе были и темы его рассказовъ, и помимо таланта, въ которомъ, конечно, нельзя отказать и Андрееву-Бурлаку, Горбуновъ былъ несравненно и образованнѣе, и вдумчи-вѣе того.

Да и немудрено! Андреевъ-Бурлакъ почти всю жизнь свою про-велъ на провинціальныхъ сценахъ и среди провинціального обще-ства. Началъ онъ свою карьеру очень удачно, почти сразу же сдѣ-лался кумиромъ публики, а, благодаря этому, быстро усвоилъ авто-ритетный тонъ и, какъ это ни грустно, но приходится сказать, сталъ очень небрежно относиться къ своему дѣлу. Являясь всюду желаннымъ гостемъ, предметомъ общаго вниманія, онъ, естественно, самъ внимательнымъ уже быть почти не могъ.

Совсѣмъ не такъ сложилась карьера И. Ѳ. Горбунова... Но био-графія его всѣмъ хорошо извѣстна и повторять ее не нахожу на-добности. Упомяну только, что И. Ѳ. Горбуновъ отъ юности своей старался вращаться не въ томъ обществѣ, гдѣ бы онъ доминиро-валъ, а тамъ, гдѣ ему самому можно было кое къ чему прислу-шаться, кое-чему научиться. Да и впоследствии, когда его слава ужъ была установлена, онъ никогда и нигдѣ не любилъ выдвигаться впередъ, умѣлъ слушать и вѣчно наблюдалъ. Его дружба съ Островскимъ, Писемскимъ и другими литераторами, членами мо-лодой редакціи «Москвитянина»; его близкое знакомство со всѣмъ, что только было наиболѣе выдающагося въ области литературы, мысли—все это положило отпечатокъ выдающейся интеллигентности на И. Ѳ. Горбунова.

Если справедлива сентенція: «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу, кто ты», то опредѣлить, кто былъ И. Ѳ. Горбуновъ, невѣроятно трудно. Онъ былъ знакомъ—со всей Россіей, въ лицѣ ея наиболѣе типичныхъ представителей. Ужъ не говоря о мірѣ искусства, гдѣ онъ сотнями могъ считать не только своихъ знако-мыхъ, но даже и друзей, у него были друзья и въ высшихъ сфе-рахъ науки, власти, капитала; въ то же время онъ былъ знакомъ и съ московской просвирней, и съ деревенскимъ дьякомъ, и мел-кимъ приказчикомъ, и клубскимъ игрокомъ, и полицейскимъ офи-церомъ, и съ замоскворѣцкой купчихой. Повторяю, его не только знала вся Россія, но и онъ всю Россію зналъ вдоль и поперекъ. Въ этомъ мнѣ пришлось убѣдиться впоследствии, когда завязалось мое личное знакомство съ нимъ.

II.

Въ 1884 году, шла въ первый разъ моя первая пьеса на сценѣ императорскаго Александринскаго театра, и, благодаря этому, я получилъ свободный доступъ за кулисы Александринской сцены.

Помню, какъ-то разъ былъ я въ Александринскомъ театрѣ и сидѣлъ въ маленькомъ кабинетѣ тогдашняго начальника репертуарной части А. А. Потѣхина. Вошелъ Горбуновъ. Молча поздоровавшись съ Алексѣемъ Антиповичемъ, онъ опустился на стоявшее возлѣ меня кресло.

— Вы не знакомы? — спросилъ Потѣхинъ меня и сейчасъ же назвалъ мою фамилію, не считая, конечно, нужнымъ называть фамилію Горбунова: кто же не зналъ того, по крайней мѣрѣ, въ лицо.

— А я вашу пьесу вчера видѣлъ, — заговорилъ, мягко улыбаясь, Иванъ Ѳедоровичъ, — веселая вещь! Конечно, рецензенты будутъ искать въ ней недостатки; ну, да вы на это не обращайтесь вниманія. Это рецензенты, а не критики, а критиковъ теперь нѣтъ, кромѣ двухъ-трехъ на всю Россію. Рецензентовъ зато много развелось. И вѣдь что пишутъ-то? Напримѣръ, я поймалъ недавно одного рецензента: пишетъ о пьесѣ Островскаго «Не въ свои сани не садись», ну, и, конечно, всевозможные эпитеты: «высоко-талантливое», «глубоко-прочувствованное», «широко-продуманное» и т. д., и т. д. произведеніе нашего гениальнаго драматурга... Ну, понимаете, все въ этакое восторженное тонѣ. И представьте себѣ, что этотъ же самый рецензентъ, объ этой же самой пьесѣ писалъ когда-то, въ первые годы ея появленія, самыя возмутительныя вещи. Ужъ не говоря о томъ, что пьесу онъ съ грязью смѣшивалъ, но и на самого Островскаго «мораль» пускалъ. «Несомнѣнно, — говоритъ, — что пьеса «Не въ свои сани не садись» писана Островскимъ въ безнадежно-пьяномъ видѣ, потому что кому же на трезвую голову написать такую белиберду?» У меня какъ разъ хранится теперь и та, и другая рецензія. И вѣдь это еще изъ самыхъ солидныхъ рецензентовъ, что называется, изъ «полупочтенныхъ». А о мелкой шушерѣ и говорить нечего. Я теперь особую книгу составляю подобныхъ рецензентскихъ выходовъ. Много ихъ попадается! И такіе курьезы получаются, что просто прелесть. Я даже эпиграфъ къ моей книгѣ придумалъ: помните, въ комедіи Островскаго «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» Аюня говоритъ: «Я, вѣдь, дѣдушка, все вижу, все слышу; меня онѣ, бестыжія, не берегутся»... Такъ что вы не смущайтесь особенно тѣмъ, что о васъ гг. рецензенты теперь пишутъ. Пройдутъ года, запишутъ иное. Теперь ругаютъ, потомъ хвалить начнутъ... Ну, бываетъ, конечно, и наоборотъ! — вздохнулъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Потомъ всталъ, подошелъ къ Алексѣю Антиповичу и заговорилъ съ нимъ о чемъ-то въ полголоса. А я, не желая мѣшать ихъ бесѣдѣ, вышелъ изъ кабинета.

Потомъ и впослѣдствіи Иванъ Федоровичъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ про свою книгу о рецензентахъ. Сообщалъ и о другихъ казусахъ по части противорѣчій, но, кажется, книгѣ этой не суждено было осуществиться. Едва ли не оборвалась она въ самомъ началѣ. А жаль! Потому что подобная вещь могла бы послужить хорошимъ назиданіемъ для черезчуръ развязныхъ газетныхъ отмѣтчиковъ и заставила бы, можетъ быть, ихъ быть поосторожнѣе.

Еще про другую книгу говорилъ мнѣ Горбуновъ.

— Составляю хрестоматію, — сообщилъ онъ мнѣ однажды. — Образцы сочиненій, указывающіе, какъ не надо писать. Вылавливаю, что называется, самые перлы и потомъ соберу все въ одну книгу. Хорошее руководство получится.

И этой книгѣ, кажется, не суждено видѣть свѣтъ, такъ какъ едва ли она собрана авторомъ.

И. О. Горбуновъ постоянно работалъ головой. Рѣдкая наша встрѣча обходилась безъ того, чтобы онъ не сообщалъ о какомънибудь новомъ, предпринятомъ имъ, трудѣ. Но, очевидно, у него не хватало времени привести въ исполненіе всѣ эти замыслы. Всю свою жизнь онъ провелъ на людяхъ, кабинету же удѣлялось очень мало времени. Онъ вѣчно наблюдалъ и не успѣвалъ даже записывать свои наблюденія. Поэтому-то литературное наслѣдство Ивана Федоровича и оказалось такъ невелико по объему. А многое бы могъ написать этотъ человѣкъ, такъ какъ и перомъ онъ владѣлъ прекрасно.

III.

Манера говорить у Ивана Федоровича была весьма своеобразная. То онъ, подсѣвъ къ собесѣднику какъ-то сбоку, что-то словно мурлыкалъ про себя; то, широко глядя прямо въ лицо, говорилъ громко, внятно и очень краснорѣчиво. То довольствовался однѣми репликами, то бросалъ отрывистыя, но вѣскія фразы. Лицо ему помогало въ этихъ случаяхъ удивительно. Вытянетъ губы, шевельнетъ ими слегка и сразу освѣтитъ весь смыслъ только-что сказанной фразы. Улыбка у него была удивительно пріятная и добродушная, и когда онъ улыбался, глаза его щурились и смотрѣли на собесѣдника какъ-то мило и ласкающе. Правда, играла иногда въ этихъ глазахъ и тонкая иронія, и легкая насмѣшка, но никогда я не видалъ у Ивана Федоровича злого или даже сердитаго лица. Да никогда и не слыхалъ, чтобы онъ о комъ-нибудь говорилъ зло. Въ крайнемъ случаѣ, развѣ только упрекъ прозвучитъ въ его голосѣ. Несомнѣнно, это былъ добрейшій человѣкъ.

Но что особенно въ немъ было замѣчательно, это умѣніе понять настроеніе своего собесѣдника и иногда однимъ словомъ опредѣлить это настроеніе. Да и не словомъ иногда даже, а просто взглядомъ, улыбкой. Чуткій онъ былъ человѣкъ!

Помню одну встрѣчу съ нимъ. Шла въ Александринскомъ театрѣ моя вторая большая комедія «Байбакъ». Иванъ Ѳедоровичъ въ ней игралъ кучера, Вавилу, къ слову сказать, прекрасно игралъ. Но роль его кончалась въ первомъ актѣ, и потому мнѣ не удалось поблагодарить его послѣ окончанія спектакля.

Безъ ложной скромности долженъ сказать, что пьеса эта на первомъ представленіи имѣла хорошій успѣхъ. Меня очень много и дружно вызывали, и это до такой степени повліяло на мои нервы, что я, вернувшись послѣ спектакля къ себѣ домой и заставъ тамъ двухъ-трехъ друзей, пріѣхавшихъ изъ театра поздравить меня съ успѣхомъ, рѣшилъ ознаменовать этотъ вечеръ небольшою пирушкой. Но дома у меня не оказалось ни вина, ни закусокъ, а потому я пригласилъ моихъ гостей поѣхать поужинать въ какой нибудь ресторанъ. Мы поѣхали къ Палкину и заняли кабинетъ. Мнѣ зачѣмъ-то понадобилось пройти черезъ общую залу. И вотъ, въ глубинѣ ея, въ обществѣ какихъ-то двухъ незнакомыхъ мнѣ господъ, я разглядѣлъ Ивана Ѳедоровича. Вспомнивъ, что я еще не поблагодарилъ его за участіе въ моей пьесѣ, я подошелъ къ нему и, пожимая ему руку, сталъ что-то говорить.

Иванъ Ѳедоровичъ внимательно посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и, ласково улыбувшись, проговорилъ:

— Теперь всю ночь *мотаться* станешь, потому такая у тебя сейчасъ линія, чтобъ мотаться!

Я не удержался и горячо поцѣловалъ его. Онъ сразу прочиталъ все, что было у меня на душѣ, и выразилъ это не словами, а своимъ взглядомъ, своей улыбкой. Онъ понялъ, что въ сердцѣ у меня трепетала радость, что въ груди крѣпла вѣра и надежда въ себя; онъ понялъ, что я былъ счастливъ, и что мнѣ нигдѣ не найти мѣста сегодня, пока хоть немного это счастье не остынетъ. И слово «мотаться» сказано имъ было въ хорошемъ, въ чистомъ смыслѣ.

И я, дѣйствительно, «промотался» всю эту ночь. Окончивъ ужинъ съ пріятелями, распростившись съ ними у подѣзда ресторана, я, несмотря на солидное количество выпитаго вина, былъ совершенно трезвъ и пошелъ бродить по затихшимъ улицамъ Петербурга. Верстъ двадцать, пожалуй, исколесилъ я въ эту ночь! Но гдѣ ходилъ—не помню; знаю, что Неву два раза переходилъ. И это была хорошая ночь, хорошія мысли шевелились въ головѣ, хотѣлось работать, хотѣлось заслужить тотъ пріемъ, который мнѣ оказала публика, чѣмъ нибудь его болѣе достойнымъ. И часто мелькало передо мной лицо Ивана Ѳедоровича, его добрая улыбка словно ободряла меня, и вспоминались его слова:

— Такая у тебя сейчасъ линія, чтобы мотаться!

Да, дѣйствительно, странно было бы, еслибъ я спалъ въ эту ночь; странно, еслибъ я ее провелъ всю въ кругу даже самыхъ интимныхъ друзей, странно, еслибъ я даже одиноко просидѣлъ ее въ своей ком-

натѣ. Я долженъ былъ идти, идти куда бы то ни было, но идти впередъ. Я долженъ былъ «мотаться», какъ мотались въ головѣ у меня хорошія мысли, несвязно и беспорядочно набѣгавшія одна на другую, собиравшіяся туда, какъ сырой матеріалъ для будущихъ построекъ, и стоило имъ только принять хоть немного стройную форму, какъ меня уже потянуло домой, къ моему рабочему столу, въ мой скромный кабинетикъ. Славная это была ночь, хорошее это было настроеніе, и понялъ это настроеніе Иванъ Ѳедоровичъ, потому что глазами своими сказалъ, что понялъ, улыбкой подтвердилъ и въ ничего незначащемъ для другихъ словѣ «мотаться» ясно выразилъ это.

Съ этого дня мы какъ-то естественно съ «вы» перешли на «ты», и, встрѣчая меня, онъ всегда привѣтливо, хорошо улыбался.

Какъ-то разъ рассказалъ я ему одинъ діалогъ, который при мнѣ велъ помѣщикъ Б. съ своимъ кучеромъ, Киршой. Ъхалъ я съ этимъ помѣщикомъ на его лошадахъ изъ усадьбы въ уѣздный городъ. И вдругъ помѣщикъ толкнулъ меня въ бокъ, лукаво улыбнулся, какъ бы говоря: «послушайте-ка, что сейчасъ будетъ», и, обращаясь къ кучеру, началъ:

- Кирша!
- Ну?—отозвался кучеръ не оборачиваясь.
- Ты пьянъ?
- Чего?
- Ты пьянъ?
- Пьянъ?!
- Ну, да!
- Кто?
- Да ты!
- Я?!
- Разумѣется.

Тутъ кучеръ повернулъ голову, взглянулъ на своего барина и, укоризненно покачавъ головой, проговорилъ:

- И всегда вы такое несообразное скажете.
- Я улыбнулся. Проѣхали мы версты три, и помѣщикъ опять:
- Кирша!
- Ну?
- Ты пьянъ? и т. д.

Точь въ точь повторился тотъ же діалогъ.

И когда назадъ изъ города ѣхали, тотъ же діалогъ мнѣ пришлось выслушать нѣсколько разъ.

Такъ вотъ этотъ діалогъ рассказалъ я Ив. Ѳед., и очень онъ ему понравился. И стали мы почему-то другъ друга «Киршой» звать. Гдѣ, бывало, ни встрѣтимся, сейчасъ:

- Кирша!
- Ну?

— Ты пьянь?

— Чего? и т. д.

Мало того—получилъ я даже разъ отъ Ивана Федоровича телеграмму въ день моихъ именинъ, подписанную: «Кирша Горбуновъ». И мнѣ когда приходилось его привѣтствовать телеграммами, и я подписывался: «Кирша Тихоновъ».

IV.

Случалось мнѣ слышать про Ив. Фед. Горбунова, что онъ и бережливъ, и даже скуповать; что, несмотря на то, что у него скопленъ порядочный капитадецъ, онъ всякую копеечку учитываетъ и очень боится, какъ бы у него кто нибудь взаймы не попросилъ, а если кто попроситъ, тотъ навѣрное отказъ получить. Все это—черты, какъ-то ужъ очень несвойственныя русскому человѣку, каковымъ несомнѣнно былъ Иванъ Федоровичъ, и не вязались онѣ съ тѣмъ широкимъ гостепрѣимствомъ, которое онъ оказывалъ у себя гостямъ своимъ. Но, повторяю, убѣжденіе это держалось среди актерской братіи довольно упорно, а упоминаю я объ немъ для того, чтобы личнымъ примѣромъ показать, насколько оно было неосновательно.

Въ 1887 году, поѣхалъ я на Волгу, чтобы повидаться со старикомъ отцомъ, да навѣстить и другихъ моихъ родственниковъ, расселившихся по берегамъ великой русской рѣки. Волгу я люблю несказанно и она для меня, какъ для Антея—земля. Стоитъ только мнѣ проѣхать по ея широкому раздолью, всю мою нервность, всю мою усталость, какъ рукой сниметъ, всѣ мои недуги пройдутъ. Да и не мудрено: Волга моя родина.

И вотъ пріѣхалъ я весной на родное пепелище, то-есть въ Казань. Ну, конечно, радостныя встрѣчи, старыя, но милыя лица, друзья-пріятели... Прошла недѣля, другая, а городъ мнѣ ужъ надоѣдать началъ. Насколько хороша сама Волга, настолько неприглядны, скучны, неряшливы и даже мизерны приволжскіе города. И даже Казань, лучшій изъ нихъ, тоже отдаетъ самой затхлою провинціей. Откровенно говорю, не прошло и двухъ недѣль, какъ мои провинціальныя друзья и знакомые мнѣ немножко и надоѣдать начали. Стало потягивать на пароходъ, на Волгу, туда, гдѣ я чувствую себя особенно хорошо. Да жаль было разставаться со старикомъ-отцомъ. Горячо мы любили другъ друга, а видѣлись рѣдко. Ну, вотъ я и гостилъ въ Казани. Отецъ мой вставалъ въ 4 часа утра, а спать ложился въ 9 часовъ. Простишься съ нимъ и не знаешь, какъ вечеръ убить.

И вдругъ узнаю, что пріѣхалъ въ Казань Ив. Фед. Горбуновъ. Ну, сейчасъ къ нему. Встрѣтились, обнялись, расцѣловались. Устроилъ Иванъ Федоровичъ два или три своихъ вечера въ большомъ каменномъ театрѣ. Конечно, я ни одного не пропустилъ. А какъ разъ въ

это лѣто въ Панаевскомъ саду, въ лѣтнемъ театрѣ, играла драматическая труппа. Дѣла шли у нихъ отвратительно: сборовъ никакихъ, прямо таки ѣсть нечего. Въ труппѣ у меня оказалось два-три знакомыхъ, и вотъ черезъ ихъ посредство артисты обратились ко мнѣ, чтобы я имъ помогъ какъ нибудь. Лучшей помощью я счелъ, конечно, участіе Ив. Ѳед. Горбунова. И только что я ему заикнулся объ этомъ, какъ онъ сейчасъ же откликнулся и даже удивился, что тѣ прямо къ нему не обратились.

— Не рѣшались почему-то,—объяснилъ я.

— Ну, вотъ вздоръ какой! Когда, дѣйствительно, нужно, я всегда готовъ.

И на другой же день было объявлено, что въ слѣдующихъ спектакляхъ артистовъ Панаевского лѣтняго театра приметъ участіе въ качествѣ рассказчика Ив. Ѳед. Горбуновъ. И сборы на эти спектакли оказались превосходными. Артисты вздохнули и оправились, а Иванъ Ѳедоровичъ за участіе въ этихъ спектакляхъ не взялъ ни копейки, что, конечно, сдѣлаетъ развѣ только очень рѣдкій гастролеръ, когда ему сами артисты отъ души предлагаютъ извѣстную мзду, какъ это было предложено Ивану Ѳедоровичу — треть сбора. Но онъ отказался, мотивируя тѣмъ, что нужда у этой труппы была дѣйствительно серьезная. Окончивъ эти спектакли, Иванъ Ѳедоровичъ сказалъ мнѣ, что онъ завтра же утромъ ѣдетъ дальше, то-есть въ Самару. Мнѣ тоже въ Самару нужно было ѣхать, а оттуда, по желѣзной дорогѣ въ степь, въ глухой уголокъ, гдѣ жила моя ветхая денными бабушка. Грустно было мнѣ разставаться съ отцомъ, но не хотѣлось и откладывать отъѣзда: очень ужъ хорошій попугайчикъ былъ у меня въ лицѣ Ивана Ѳедоровича.

И вотъ, телеграфировавъ въ Петербургъ, откуда я съ часу на часъ ждалъ денегъ, чтобъ переводъ сдѣлали не въ Казань, а въ Самару, я собралъ свои вещи и отправился на другое утро на пароходъ.

Часто мы разставались съ моимъ отцомъ, но никогда наше разставаніе не носило такого тяжелаго характера. Слабый уже тѣломъ, но все еще крѣпкій духомъ старикъ заплакалъ. И это едва ли были не первыя слезы, которыя я увидѣлъ на его глазахъ. И у меня болѣзненно ныло сердце, и меня душили сдерживаемыя рыданія. Мы разставались съ нимъ надолго, по крайней мѣрѣ, на годъ, а какое-то предчувствіе подсказывало, что мы расстаемся съ нимъ навсегда. Такъ оно и случилось: отецъ мой скончался осенью слѣдующаго года, и я, вслѣдствіе несвоевременно доставленнаго мнѣ извѣстія о его болѣзни, не успѣлъ застать его въ живыхъ.

Грустный, подъ гнетомъ тяжелаго чувства разлуки, пріѣхалъ я на пароходъ. Иванъ Ѳедоровичъ уже былъ тамъ. Взглянувъ на меня, онъ сказалъ только:

— Съ отцомъ прощался?

И этими словами сразу раздѣлили мое горе. Раздѣлили и облегчили его.

Черезъ полчаса нашъ гигантъ пароходъ отдалъ чалки, загудѣлъ своимъ свисткомъ и понесся внизъ по теченію великой рѣки. А я и не замѣтилъ, какъ разсѣялось мое грустное настроеніе, и уже весело болталъ съ Иваномъ Федоровичемъ, раскладываясь въ занятой нами вдвоемъ каютѣ.

— Ну, Кирша,—заговорилъ онъ, когда вещи были водворены на своихъ мѣстахъ,—теперь пойдемъ съ буфетчикомъ и поваромъ знакомиться. Въ путешествіи это люди необходимые, и хорошія отношенія съ ними—дѣло первой важности.

Пошли. Буфетчикъ, высокій, плотный мужчина, съ большой лысиной и съ рыжими усами, какъ только увидалъ Ивана Федоровича, такъ и осклабился наипрѣятнѣйшимъ образомъ.

— Что, развѣ знакомы?—спросилъ Горбунъ.

— Помилуйте, Иванъ Федоровичъ, какже-съ! Еще когда я на «Самолетѣ» буфетъ держалъ, изволили ѣздить. А допрежь того, въ Нижнемъ, на ярмаркѣ, я у Барбатенки официантомъ служилъ.

— Ну, вотъ видите, стало быть, старые знакомые. И отлично. Вотъ теперь съ вами до Самары ѣдемъ, такъ «чтобы для насъ дорогого не было».

Можетъ быть, не всѣ поймутъ это типичное русское выраженіе: «чтобы для насъ дорогого не было». Оно отнюдь не означаетъ, «чтобы съ насъ дорого не брать», а напротивъ того, это значитъ, чтобы подавалось намъ все самое лучшее и первосортное, и что, дескать, цѣною мы ничуть не стѣсняемся. Русскій купецъ, явившійся въ трактиръ и желающій кутнуть во всю толщу кошны своей, говорить:

— Ну, чтобъ для меня здѣсь дорогого не было.

И смѣтливый буфетчикъ, и молодцы-половые уже сразу понимаютъ, что это значитъ. И все, чѣмъ только можетъ щегольнуть трактиръ—все это подается на столъ: самыя перворазрядныя закуски, самыя выдержанныя, хорошія, а главное, дорогія вина. И вотъ этакое-то купца и съимитировалъ Иванъ Федоровичъ.

Буфетчикъ, конечно, понялъ его шутку, понялъ разницу между закутившимся купцомъ и гастрономомъ-артистомъ, понялъ, что не кутить мы собираемся на пароходѣ, а только хорошо и вкусно поѣсть и выпить, и съ почтительной улыбкой отвѣтилъ:

— Помилуйте-съ, стараться будемъ!

— Ну, теперь пойдемъ къ повару, — обратился ко мнѣ Иванъ Федоровичъ.

— Сюда его можно потребовать,—предложилъ буфетчикъ.

— Ну, зачѣмъ же человѣка отъ дѣла отрывать? Да и при томъ, съ поваромъ всегда прѣятнѣе въ кухнѣ побесѣдовать. Тамъ можно и провизію посмотреть, а потому способнѣе и умомъ раскинуть.

Иванъ Федоровичъ славился, какъ тонкій гастрономъ въ чисто русскомъ стилѣ. Я зналъ, что онъ и умѣлъ, и любилъ поѣсть. Да я самъ, не стыдясь, сознаюсь, что хорошая пища для меня является тоже однимъ изъ благъ жизни.

— Ну, здравствуйте!—заговорилъ Иванъ Федоровичъ, когда мы спустились къ пароходному камбузу (кухнѣ) и остановились около его раскрытой двери.

Иванъ Федоровичъ Горбуновъ.

Поваръ снялъ колпакъ и почтительно поклонился. Это уже былъ пожилой человѣкъ, съ сильной сѣдиной и съ глубокими морщинами на худощавомъ, загорѣломъ отъ плиты лицѣ.

— Не изъ крѣпостныхъ ли будете?—спросилъ Иванъ Федоровичъ.

— Такъ точно-съ! Бывшій господь Останкиныхъ крѣпостной человѣкъ,—отвѣчалъ поваръ, словно удивленный, какъ этотъ разговаривающій съ нимъ господинъ сразу догадался, что онъ изъ крѣпостныхъ.

— И всегда при кухнѣ?

— Съ измалѣтства-съ.

— Доброе дѣло.

И Иванъ Федоровичъ искоса взглянулъ на меня, чуть замѣтно подмигнулъ глазомъ, какъ бы говоря: «везетъ намъ!».

— Ну-съ, а теперь скажите, чѣмъ вы насъ до Самары кормить будете?

Поваръ осмотрѣлъ Ивана Федоровича, подумалъ немного и тоже, вѣроятно, сразу, по его тону, сообразивъ, что стоитъ передъ нимъ человѣкъ «стоящій и понимающій», заговорилъ тѣмъ особеннымъ тономъ, которымъ говорятъ хорошіе артисты-повара съ истинными любителями покушать.

Пріятно было послушать ихъ бесѣду. Пріятно, конечно, человѣку, умѣющему отличить не только трюфель отъ жженой пробки, но и качугурскаго осетра отъ уральскаго. А они именно и говорили съ такимъ тонкимъ знаніемъ этого дѣла. Не буду приводить ихъ разговора, чтобы не утомлять вниманія людей, для которыхъ ѣда не представляетъ ничего интереснаго и которыхъ, къ счастью или уже къ несчастью—не знаю, но съ каждымъ днемъ становится все больше и больше. Скажу только, что результатомъ нашего знакомства съ буфетчикомъ и поваромъ, было то, что никогда ни до, ни послѣ этой поѣздки я не обѣдалъ на волжскихъ пароходахъ такъ вкусно и тонко.

Когда въ Самарѣ буфетчикъ намъ подалъ счетъ, то мы были пріятно удивлены сравнительной его скромностью.

— Ну, спасибо вамъ,—сказалъ Иванъ Федоровичъ, уплачивая свою половину,—и вкусно кормили и не дорого взяли.

— И вотъ, представьте себѣ-съ, что, несмотря на это, итогъ вашего счета равняется суммѣ всѣхъ счетовъ, поданныхъ мною за эти полтора дня остальнымъ пассажирамъ парохода,—сообщилъ буфетчикъ, видимо очень польщенный похвалою Ивана Федоровича.

А я, уплачивая мою половину, невольно думалъ, что не только скупымъ, но даже и бережливымъ моего милаго попутчика никакъ назвать было бы нельзя.

Разкажу теперь о нашемъ плаваніи. Конечно, почти всѣ пассажиры первыхъ двухъ классовъ знали Ивана Федоровича Горбунова въ лицо, а ужъ по наслышкѣ, то навѣрное всѣ. И потому, съ самаго момента, какъ онъ вошелъ на пароходъ, онъ былъ уже окруженъ. Всѣ искали его знакомства, всѣ старались съ нимъ поговорить; но въ первый день нашего совмѣстнаго пребыванія на пароходѣ Иванъ Федоровичъ уклонялся и отъ знакомствъ, и былъ мало разговорчивъ.

— Чортъ ихъ знаетъ,—говорилъ онъ мнѣ,—познакомись съ какимъ нибудь гусемъ, а онъ налижется, какъ сапожникъ, и начнетъ приставать съ угощеніями, фамиллярничать начнетъ: «пей, артистъ,

потому что я тебя уважаю!». Такія свиньи попадаются, что упаси Господи! Особенно изъ приволжскаго да московскаго купечества.

И весь первый день мы провели почти исключительно вдвоемъ. Подходившіе знакомиться отъѣзжали, что называется, не солоно хлебавши. О чемъ мы только ни перебесѣдовали за этотъ день, сидя на крытой галлерей парохода. Иванъ Оедоровичъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, никто намъ не мѣшалъ, и онъ, не уставая, рассказывалъ мнѣ о старомъ времени, о прежнихъ литераторахъ и артистахъ.

Многихъ онъ зналъ, многое помнилъ и, что важнѣе всего, помнилъ только интересное, существенное и характерное. Умѣть помнить тоже вѣдь своего рода талантъ, какъ и умѣть наблюдать. А какъ рассказывалъ Иванъ Оедоровичъ, и говорить нечего. Слушаешь его, не слушаешься. Шевыревъ сказалъ:

«Дайте читать—что въ морѣ кунаться».

Слушать рассказы Ивана Оедоровича Горбунова все равно, что гулять по широкой, пестрой, неизмѣнно интересной улицѣ жизни.

Иванъ Оедоровичъ Горбуновъ былъ въ сущности рассказчикомъ трехъ отгѣнковъ: Горбуновъ на сценѣ во фракѣ, со своими прославленными на всю Россію рассказами—извѣстенъ тоже почти всей Россіи; Горбуновъ на торжественныхъ обѣдахъ, на раутахъ, воплощавшійся въ незабвеннаго генерала Дитятина,—знакомъ многимъ. О его генералѣ Дитятинѣ не мало уже писано и этотъ недовольный всѣмъ современнымъ *laudator temporis acti*—удостоился уже подробной характеристики. Третій Горбуновъ—это рассказчикъ въ маленькомъ интимномъ кругу, а иногда даже съ глазу на глазъ, съ симпатичнымъ ему слушателемъ, былъ не менѣе интересенъ, чѣмъ и два первыхъ Горбунова. Тутъ онъ оставался самимъ собою и, такъ сказать, предавался своимъ воспоминаніямъ.

Всѣхъ трехъ Горбуновыхъ мнѣ приходилось много разъ слышать, и, право, я не знаю, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Каждый изъ нихъ не только былъ хорошъ, но и незамѣнимъ на своемъ мѣстѣ.

На пароходѣ со мной ѣхалъ Горбуновъ-третій, т. е. этотъ интереснѣйшій архивъ интереснѣйшихъ воспоминаній. Онъ рассказывалъ, а я слушалъ. На встрѣчу намъ плыли красивые берега Волги съ ихъ однообразными, правда, но милыми моему сердцу картинами. Время шло быстро, мы и не замѣтили, какъ наступила ночь, и впереди насъ замелькали огоньки Симбирской пристани.

— Кириша, съѣздимъ въ городъ. Мнѣ хочется домой семьѣ телеграмму послать,—сказалъ Иванъ Оедоровичъ.

Я, конечно, съ радостью согласился, и мы, взявъ у пристани извозчика, шагомъ потащались на высокою гору, на которой раскинулся Симбирскъ. Городъ уже спалъ. На улицахъ было тихо, даже собака нигдѣ не пролаяла.

— А, вотъ, когда-то здѣсь весело было, — проговорилъ Иванъ Федоровичъ.

— Да, да! Я тоже объ этомъ слышалъ, — подтвердилъ я.

— Ты слышалъ, а я такъ воочію видѣлъ, какъ веселились здѣсь люди.

И мы оба опять замолчали. Тихую тоску навѣвала этотъ спящій городъ. Спящій не только ночью, но и днемъ. «Старый баринъ», — прожившійся, обѣднѣвшій, живущій одними воспоминаніями въ своихъ запущенныхъ уже барскихъ покояхъ. На немъ теплый бѣличій архалучекъ, въ рукахъ дѣдовская трубка, увы! набитая уже не «Жуковымъ»; на подоконникѣ стаканъ остывшаго чая... Сидитъ онъ и дремлетъ и ждетъ, что вотъ-вотъ придетъ купецъ, чтобъ выселить его изъ дѣдовской вотчины. Но не идетъ и купецъ. Несподручно это мѣсто для купца: живописно очень, гористо, а купецъ равнину любитъ, и самарскія степи для него заманчивѣе.

Проѣхали мимо памятника Карамзина, вспомнилъ я одинъ изъ рассказовъ Андреева-Бурлака о томъ, какъ безграмотные бурлаки стоятъ передъ этимъ памятникомъ и рассуждаютъ, кому онъ поставленъ,

— Полицмейстеровской любовницѣ, — авторитетно заявляетъ одинъ, указывая на музу Клію. — А вотъ онъ и самъ, полицмейстеръ, только ужъ безъ ногъ, — объясняетъ онъ, тыча въ бюстъ самого Карамзина.

Одинъ изъ слушателей хватаетъ съ земли комъ грязи и пускаетъ ею въ ненавистную «любовницу полицмейстера».

Теперь ужъ я хорошенько не помню всей сцены; тогда же она у меня свѣжа въ памяти была. Помню только, что Ивану Федоровичу она понравилась, и онъ нѣсколько разъ повторилъ заключительныя слова рассказа:

— «И какъ его душенькѣ должно быть обидно!»

На телеграфной станціи, когда мы туда приѣхали, всѣ спали. Мы разбудили сначала сторожа, а тотъ, въ свою очередь, разбудилъ телеграфиста. Иванъ Федоровичъ написалъ и отправилъ телеграмму своей семьѣ.

Всѣмъ извѣстно, какъ горячо любилъ покойный артистъ свою семью, своихъ дѣтокъ. Когда онъ писалъ телеграмму, мнѣ показалось, что я прочелъ на его лицѣ эту любовь. Умиленное выраженіе было въ эту минуту на немъ.

Вернувшись на пароходъ, мы отправились въ каюту и, пожелавъ другъ другу спокойной ночи, углеглись спать.

V.

А на утро насъ ждалъ праздникъ. Былъ Троицынъ день, и весь нашъ гигантъ-пароходъ украсился свѣжими молодыми березками. Красиво это было, и весело посматривали на это украшеніе пассажиры. Развеселился и Иванъ Ѳедоровичъ, и, право, не знаю, какъ это случилось, но вдругъ въ нашей каютъ-кампаніи перваго класса воцарилось общее веселье. Всѣ пассажиры другъ съ другомъ какъ-то перезнакомились, и Иванъ Ѳедоровичъ оказался въ центрѣ. Среди пассажировъ было немало молодежи, нѣсколько премилыхъ и пресимпатичныхъ барышень, завязалась общая болтовня, то и дѣло раздавались взрывы хорошаго, искренняго смѣха—это Иванъ Ѳедоровичъ смѣшилъ свою милую публику. И вотъ, что съ нимъ рѣдко бывало, онъ вдругъ забылъ, что онъ здѣсь не на сценѣ, а на пароходѣ, что онъ не артистъ, а такой же пассажиръ, какъ и прочіе, безъ умолку рассказывалъ онъ, балагурилъ, а когда усталъ, сразу экспромтомъ, организовалъ новое веселье. Отодвинули къ сторонкѣ большой обѣденный столъ, открылось піанино, кто-то заигралъ вальсъ, и закружились пары. Иванъ Ѳедоровичъ отошелъ къ дивану и присѣлъ возлѣ меня.

— Что—говоритъ—Кирша, весело?

Я только улыбался.

— Люблю,—продолжалъ Иванъ Ѳедоровичъ,—смотрѣть, какъ молодежь веселится. У меня, вѣдь, тоже дочки—барышни. Тоже, вѣдь, и онѣ повеселиться любятъ.

Хорошее было лицо у Ивана Ѳедоровича, когда онъ говорилъ эти слова, доброе такое—отцовское лицо.

А молодежь продолжала танцовать и веселиться, то и дѣло бросаая признательные взгляды на Ивана Ѳедоровича, какъ на главнаго виновника этого веселья. И не замѣтили мы, какъ пароходъ сталъ дѣлать оборотъ передъ Самарской пристанью. Начались прощанья, Ивану Ѳедоровичу крѣпко жали руку, ну, и на мою долю тоже перепало кое-что изъ этихъ рукопожатій. Послѣ этого забрали мы свои чемоданы, усѣлись на извозчика и поѣхали въ гостиницу, гдѣ заняли два номера рядомъ.

Первымъ долгомъ я справился, нѣтъ ли мнѣ перевода денегъ изъ Петербурга. Оказалось, что нѣтъ. Я, признаться, струхнулъ немного, потому что счетъ пароходнаго буфетчика почти до послѣдней копейки поглотилъ оставшіяся у меня отъ Казани деньги.

«Ну да,—думалъ я,—завтра, навѣрное, переводъ будетъ, а на сегодняшній день хватитъ еще мнѣ».

Уже вечерѣло, и мы съ Иваномъ Ѳедоровичемъ отправились въ такъ называемый Струковъ садъ, растянувшійся по самому берегу Волги. Тамъ по случаю праздника играла военная музыка, и гуляла густая и пестрая толпа самарцевъ.

— А, вѣдь, это Горбуновъ!.. Смотрите, вотъ Горбуновъ!.. Господа, Горбуновъ пріѣхалъ!..—то и дѣло раздавалось вокругъ насъ, когда мы, протискиваясь черезъ эту толпу, пробирались къ ресторану, гдѣ рѣшили поужинать, а главное, полакомиться чудными самарскими раками.

Вдругъ я услышалъ и свою фамилію. Оглянувшись, смотрю, насъ вагоняють два офицера. Вглядѣлся и узналъ въ нихъ двухъ моихъ товарищей по боевой кавказской арміи. Ну, конечно, начались объятія, рукопожатія, отрывочные разспросы, несвязные рассказы; познакомилъ я ихъ и съ Горбуновымъ, котораго они не только понаслышкѣ, но и въ лицо прекрасно знали.

А черезъ четверть часа мы съ Иваномъ Федоровичемъ сидѣли уже на галлерей ресторана, среди веселой, шумной компаніи молодыхъ офицеровъ, такъ какъ къ двумъ моимъ товарищамъ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ.

— Господа!—обратился къ намъ одинъ изъ нихъ. — Мои сослуживцы уполномочили меня просить васъ завтра къ намъ на обѣдъ въ военное собраніе.

Иванъ Федоровичъ поблагодарилъ за приглашеніе и принялъ его. Я, было, сталъ отговариваться тѣмъ, что завтра долженъ выѣхать дальше по Оренбургской дорогѣ, но офицеры и слушать не захотѣли.

— Ничего! И до послѣзавтра подождете! — настаивали они.

Дѣлать было нечего, пришлось согласиться и мнѣ. Веселый былъ этотъ ужинъ: на самомъ берегу Волги, красиво иллюминированной многочисленными и разноцвѣтными огоньками судовъ, подъ звуки военного оркестра, подъ оживленный говоръ офицерской молодежи. Поздно вернулись мы съ Иваномъ Федоровичемъ къ себѣ въ гостиницу и разошлись по своимъ комнатамъ.

На утро сошлись пить чай.

— Ну, Кирша, стало быть, сегодня мы съ офицерствомъ обѣдаемъ? — сказалъ Иванъ Федоровичъ.

— Да, и они просили насъ пріѣхать въ собраніе пораньше, — напомнилъ я.

— Ну, и отлично! Стало быть, сойдемся здѣсь въ гостиницѣ къ тремъ часамъ. А теперь отправимся каждый по своему дѣлу.

И мы разошлись.

Къ удивленію моему и сегодня не было телеграммы о переводѣ денегъ. Это меня уже стало не на шутку беспокоить, хотя я и зналъ, что по случаю праздника — Духова дня, денегъ мнѣ бы все равно получить не удалось, но телеграмма-то могла все-таки прійти. Денегъ у меня оставалось буквально только нѣсколько копеекъ; но я все еще не терялъ надежды и, побывавъ кое у кого изъ самарскихъ знакомыхъ, къ тремъ часамъ пріѣхалъ въ гостиницу. Иванъ Федоровичъ уже ждалъ меня.

Взяли мы извозчика и поѣхали въ военный клубъ. Нашли, конечно, не сразу, а найдя, долго и безуспѣшно звонили и, можетъ быть, еще дольше бы звонили, если бы изъ воротъ не вышелъ какой-то солдатъ и не спросилъ насъ, что намъ угодно.

Мы объяснили ему, въ чемъ дѣло; солдатикъ только развелъ руками.

— Какой же обѣдъ, когда и клубъ закрытъ, и всѣ войска въ лагерь выступили!

Переглянулись мы съ Иваномъ Ѳедоровичемъ и помолчали немного.

— Ну, и оказія! — проговорилъ, наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ, сходя съ крыльца.

— Ну, и оказія! — подтвердилъ я, не понимая, какимъ образомъ могло произойти подобное недоразумѣніе.

Да я и до сихъ поръ не рѣшаюсь объяснить его и думаю, что скорѣе всего перепутали мы съ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Вѣроятно, офицерство приглашало насъ обѣдать къ себѣ въ лагерь, въ лѣтнее собраніе, а мы, или не дослышавъ, или не понявъ, попали въ зимнее. И очень можетъ быть, что они, не дождавшись насъ, такъ же роптали и ворчали, какъ мы роптали и ворчали, возвращаясь къ себѣ въ гостиницу, чтобъ пообѣдать вдвоемъ. Мысль же поѣхать въ лагерь какъ-то не пришла намъ въ голову.

Въ гостиницѣ ждала меня телерамма и, увы! самага неожиданно-огорчительнаго содержанія: «переводъ денегъ можетъ быть произведенъ не ранѣе, какъ черезъ полторы недѣли», — телеграфифировали мнѣ изъ Петербурга. Прочиталь я эту телеграмму, да такъ и обомлѣлъ. Иванъ Ѳедоровичъ взглянулъ мнѣ въ лицо и даже обезпокоился.

— Что такое? Что случилось? Отъ кого телеграмма? — участливо обратился онъ ко мнѣ.

Я передалъ телеграмму и рассказалъ, въ чемъ дѣло. Онъ ве село разсмѣялся, да и рукой махнулъ.

— Ну, вотъ, есть о чемъ безпокоиться? — заговорилъ онъ, вынимая бумажникъ. — Вѣдь у меня же есть деньги, стало быть, и у тебя онъ есть.

И Иванъ Ѳедоровичъ ссудилъ меня суммой, безусловно достаточной на всѣ предстоящіе расходы. Онъ и больше предлагаль, да я самъ отказался. Хотѣлъ было я ему выдать довѣренность на полученіе этой суммы изъ учрежденія, откуда мнѣ слѣдовали деньги, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду гораздо ранѣе меня вернуться въ Петербургъ.

— Ну, вотъ, пустяки! пріѣдешь въ Петербургъ и самъ отдашь, — отклонилъ онъ это мое намѣреніе.

И больше ни слова! И потомъ, когда я возвращалъ ему мой долгъ и горячо благодарилъ за то, что онъ выручилъ меня въ критическую минуту, Иванъ Ѳедоровичъ только улыбнулся, какъ

бы желая сказать этой улыбкой: «ну, вотъ еще стоитъ говорить о такихъ пустякахъ!».

И этотъ вечеръ мы провели съ нимъ вмѣстѣ, но гдѣ и какъ, я уже теперь не помню. Уѣхать мнѣ въ этотъ день не удалось, такъ какъ дневной поѣздъ отходилъ, кажется, именно въ три часа, какъ разъ въ то время, когда мы такъ безуспѣшно звонили у дверей военнаго собранія. И я рѣшилъ отправиться на другой день съ утреннимъ поѣздомъ, отходившимъ чуть ли не въ седьмомъ часу, и потому распорядился въ гостиницѣ, чтобъ меня разбудили пораньше.

И въ этотъ вечеръ вернулись мы домой поздно и распростились уже надолго, т. е. на нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ Ивану Оедоровичу не было никакого основанія подниматься, что называется, ни свѣтъ, ни заря, что приходилось продѣлать мнѣ, чтобъ попасть на ранній поѣздъ.

Полусонный, пріѣхалъ я на другое утро на вокзалъ и, взявъ билетъ, занялъ мѣсто въ вагонѣ. До отхода поѣзда оставалось минутъ десять, не больше. Взглянулъ я на платформу, смотрю, изъ вокзала выходитъ своими быстрыми шагками и съ характерной перевалочкой мой добрѣйшій Иванъ Оедоровичъ. Я выскочилъ изъ вагона и къ нему.

— Неужто проводить пріѣхалъ?

— Ну, разумѣется.

Горячо мы обнялись съ нимъ, крѣпко поцѣловались и потомъ, когда уже отходилъ поѣздъ, я долго смотрѣлъ изъ окна и видѣлъ, какъ стоитъ Иванъ Оедоровичъ на платформѣ, смотреть мнѣ влѣдъ и такъ мило, мило улыбается...

Самыя теплыя воспоминанія остались у меня объ этихъ дняхъ, неразлучно проведенныхъ съ И. (). Горбуновымъ.

VI.

Грустно и больно было видѣть, какъ сталъ Иванъ Оедоровичъ осѣдывать. Осѣданіе это началось года за три до смерти, на здоровье же жаловаться онъ началъ только въ послѣдній годъ. Рѣже появлялся онъ на сценѣ, рѣже выступалъ онъ въ качествѣ генерала Дитятина на большихъ собраніяхъ и раутахъ, молчаливѣе сталъ, задумчивѣе, грустнѣе. Не жаловался онъ на здоровье, но замѣтно уже было, что и его укатали крутыя горки, что слабѣетъ и его богатырскій организмъ. Прожитая жизнь, жизнь, полная впечатлѣній, жизнь не безъ эксцессовъ, давала знать себя. А тутъ еще помогли кое-какія неудачи. Рушились свѣтлыя мечты Ивана Оедоровича, разбились горячо лелѣяныя имъ надежды. Людская несправедливость, коснувшаяся не его самого,—къ этому онъ, конечно, привыкъ,—но задѣвшая близкихъ его сердцу, точила это сердце, какъ ржа желѣзо точить.

Повторяю, грустнѣе и задумчивѣе день ото дня становился Иванъ Оедоровичъ. Искрами только вспыхивало уже веселье на его лицѣ, и недолго оставалась на немъ его улыбка. Встрѣтишься, бывало, съ нимъ и спросишь:

— Что, дескать, невесель больно?

— Да что, Кирша, самъ знаешь, самъ видишь.

И начнетъ бередить свою сердечную рану.

Да, тяжело, когда несправедливо обижаютъ тѣхъ, кого мы горячо любимъ. Куда тяжелѣе того, когда насъ самихъ обижаютъ.

И вотъ эту-то обиду приходилось Ивану Оедоровичу беспомощно переносить на закатѣ дней своихъ. И кто знаетъ, можетъ быть, эта обида больше всего и разрушила его могучій организмъ. Горячо онъ любилъ, стало быть, сильно долженъ былъ и страдать...

Про Ивана Оедоровича Горбунова ходило безчисленное количество анекдотовъ. Въ свое время, конечно, ихъ соберутъ досужіе любители подобныхъ сборниковъ; нѣтъ сомнѣнія, что наполовину эти анекдоты будутъ вымышленными, но жизнь Ивана Оедоровича, его литературная и артистическая дѣятельность и безъ того полны живаго и общественнаго интереса и, конечно, рано или поздно появится серьезная и обстоятельная біографія покойнаго артиста. Теперь же пока еще мѣсто только воспоминаніямъ о немъ.

Иванъ Оедоровичъ и при жизни своей началъ воздвигать себѣ небольшой, но почтенный памятникъ. Артистическое фойе въ Александринскомъ театрѣ является какъ бы эмбриономъ будущаго театрального музея, и все собранное руками и любовью Ивана Оедоровича Горбунова будетъ вѣчнымъ напоминаніемъ грядущимъ поколѣніямъ артистовъ объ артистѣ-художникѣ, о человѣкѣ просвѣщенномъ, который когда-то украшалъ нашу сцену и небезслѣдно прошелъ для исторіи русскаго театра.

На этомъ я бы и окончилъ мои воспоминанія о незабвенномъ Иванѣ Оедоровичѣ Горбуновѣ, да хочется мнѣ рассказать одинъ сонъ, странный, словно вѣщій сонъ, видѣнный, впрочемъ, не мною, а однимъ изъ талантливыхъ артистовъ русскаго театра, имѣющимъ уже право называть себя ветераномъ русской сцены. Расскажу, на сколько помню, его же словами:

— Видѣлъ я сегодня странный сонъ, — рассказывалъ мнѣ еще недавно этотъ убѣленный сѣдинами артистъ. — Пришелъ это будто я въ театръ, на спектакль. Иду закулисами къ себѣ въ уборную, смотрю, стоитъ покойный Иванъ Оедоровичъ Горбуновъ. Удивился я: какъ это онъ съ того свѣта къ намъ сюда зашелъ? «Здравствуй, — говорю, — Ваня». — Здравствуй, — говоритъ. Обнялись мы съ нимъ, поцѣловались. «Ты, что же, — говорю, — это оттуда ушелъ?» — Да скучно мнѣ, — говоритъ, — тамъ стало. Объ васъ, — говоритъ, — соскучился. Очень ужъ, — говоритъ, — я васъ всѣхъ люблю. Хотя мнѣ тамъ и хорошо, а все-таки на васъ посмотрѣть тянетъ. Говоритъ,

а самъ такъ и заливається, плачетъ, такъ и заливається. Крѣпился, крѣпился и я не выдержалъ, заплакалъ. Проснулся, смотрю, у меня дѣйствительно глаза-то мокрые отъ слезъ.

Когда я слушалъ разсказъ объ этомъ снѣ, Иванъ Федоровичъ, какъ живой, стоялъ передо мною, и я ни на минуту не сомнѣвался, что какъ бы ему хорошо «тамъ» ни было, онъ все-таки, если бы могъ, пришелъ бы взглянуть на свой театръ, который такъ горячо любилъ и которому посвятилъ всю жизнь свою. А придя, заплакалъ бы! Непремѣнно бы заплакалъ онъ—носитель свѣтлыхъ воспоминаній, хранитель лучшихъ традицій родного русскаго театра.

Влад. Тихоновъ.

ПО ПУТИ СУВОРОВА ВЪ ШВЕЙЦАРИИ.

I.

А МНОГОВѢКОВОЕ свое существованіе Россія вела немало войнъ; вѣрнѣе, до послѣдняго времени Россія постоянно воевала, такъ что русская военная исторія очень богата всевозможными, большими и малыми, боевыми дѣлами. Тутъ нѣтъ недостатка ни въ примѣрахъ большого военного искусства, ни въ описаніяхъ случаевъ проявленія необыкновенной храбрости и преданности долгу. Перелистывая страницы этой исторіи, мы видимъ и образы великихъ полководцевъ, и портреты доблестныхъ генераловъ и офицеровъ, и скромную фигуру русскаго солдата выносливаго, покорнаго, преданнаго, беззавѣтно храбраго, на все идущаго для защиты своего царя и отечества. Кажется, нѣтъ такого военного подвига, нѣтъ такого случая, который не былъ бы испытанъ русскими войсками. Мы дрались на равнинахъ, въ горахъ, въ пустыняхъ, на рѣкахъ, дрались лѣтомъ и зимою, при 40 градусахъ жары и 30 градусахъ мороза, мы дрались съ варварами и съ первоклассными мастерами военного дѣла, мы нападали и защищались, — словомъ мы прошли богатую боевую школу, полную блестящихъ, поучительныхъ примѣровъ.

Но самой выдающейся, самой доблестной, поражающей страницей русской боевой исторіи является послѣдній походъ нашего величайшаго воина, генералиссимуса и фельдмаршала, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго, князя Италійскаго. Даже

и среди богатой русской исторіи этотъ боевой подвигъ великаго воина земли Русской является совершенно необыкновеннымъ, титаническимъ, недостижимымъ. Прошло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ и много еще пройдетъ безъ конца, а мы не перестанемъ учиться на дѣянія этого учителя и, по словамъ одного изъ его сподвижниковъ ¹⁾, «не кончилась и не кончится слава между воинами русскими о немъ, отцѣ нашемъ, о великомъ Суворовѣ!»

Нѣтъ, не только не кончится, а все будетъ возрастать, подниматься и сильнѣе поражать душу каждаго русскаго, каждаго военнаго человѣка. Было время, что русскіе офицеры почти ничего не знали о Суворовѣ, кромѣ затасканныхъ анекдотовъ; было время, что въ военной академіи ни слова объ немъ не упоминалось за все время трехлѣтняго курса; и не такъ давно это было! Было время, что иностранцы ничего не видали въ Суворовѣ, кромѣ чудачества и упрямства, называли его «неотесаннымъ самородкомъ» (Клаузевицъ), распоряженія его «бредомъ сумасшедшаго» и чуть ли не обвиняли его въ жадности къ человѣческой крови ²⁾. Наболѣе снисходительные приписывали ему одно только счастье. Все это было, но прошло безвозвратно. Суворовъ обладалъ такими качествами, какъ полководецъ, что имя его переживетъ не только какого нибудь Мольтке, но и такого колосса военнаго дѣла, какъ Наполеонъ. Нѣкоторые принципы этого послѣдняго и теперь уже начинаютъ порождать сомнѣнія, а будетъ время, что и они умрутъ, сдѣлаются анахронизмомъ, и появится новая система веденія войны, новые принципы. А Суворовъ не умретъ, не умретъ потому, что онъ является идеальнымъ представителемъ той силы, которая составляетъ сущность военнаго дѣла, его жизни, его процвѣтанія — это силы характера, непреоборимой энергіи и воли. А этой-то силы въ наше время все становится меньше и меньше. Теперь уже и въ Западной Европѣ раздаются голоса, которые начинаютъ отдавать должное нашему великому полководцу и, сравнивая его, напримеръ, съ Наполеономъ, отдаютъ преимущество Суворову ³⁾, какъ обладателю болѣе сильной энергіи.

Вотъ почему дѣянія и вся жизнь Суворова теперь все болѣе и болѣе изучаются и изслѣдуются, раскапываются объ немъ новые и новые матеріалы, и русскому обществу постепенно прививается настоящее представленіе объ этомъ великомъ человѣкѣ.

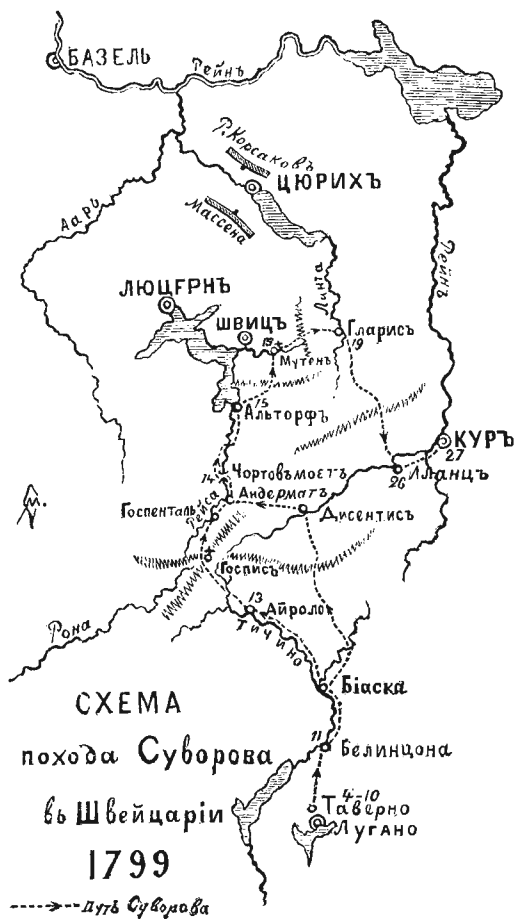
Русская военная наука, въ лицѣ Милютина, Драгомирова, Дубровина, Петрушевскаго, Петрова и многихъ другихъ, уже много сдѣ-

¹⁾ Старкова. См. Разказы стараго воина, 1847 г., изд. «Москвитянина».

²⁾ См., напримеръ. Ровинскій. Сатирическія картинки. Англійскія карикатуры на Суворова.

³⁾ См. С. v. Binder-Kriegstein, «Geist und Stoff im Kriege», а также Günter, «Suvoroff in Italien und der Schweiz 1799» въ журналѣ Militär-Wochenblatt. 1896.

дала въ этомъ направленіи, но многое еще и остается, много еще вопросовъ спорныхъ, не установленныхъ, не выясненныхъ. Еще и теперь спорятъ о достоинствахъ того или другого Суворовскаго плана дѣйствій, и находятся защитники и порицатели. Появляются и нынѣ новые труды о Суворовѣ, и наконецъ начинаютъ кое-что дѣлать для увѣковѣченія этого славнаго имени.

Не далѣе, какъ 14 сентября этого года, въ Швейцаріи состоялось открытіе скромнаго памятника «соратникамъ генераль-фельд-маршала Суворова, павшимъ въ 1799 году при переходѣ черезъ Альпы». Этотъ памятникъ, въ формѣ простого гигантскаго креста, высѣченнаго въ скалѣ и украшеннаго бронзовымъ вѣнкомъ и двумя мечами, воздвигнуть на мѣстѣ, гдѣ происходило одно изъ наиболѣе трудныхъ и славныхъ дѣлъ швейцарскаго похода, у Чортова

моста. Къ сожалѣнiю, этотъ памятникъ (рис. 1) по необходимости нужно было ограничить только крестомъ, такъ какъ швейцарское правительство нашло возможнымъ разрѣшить постановку только надгробнаго монумента на мѣстѣ павшихъ русскихъ воиновъ, а ка-

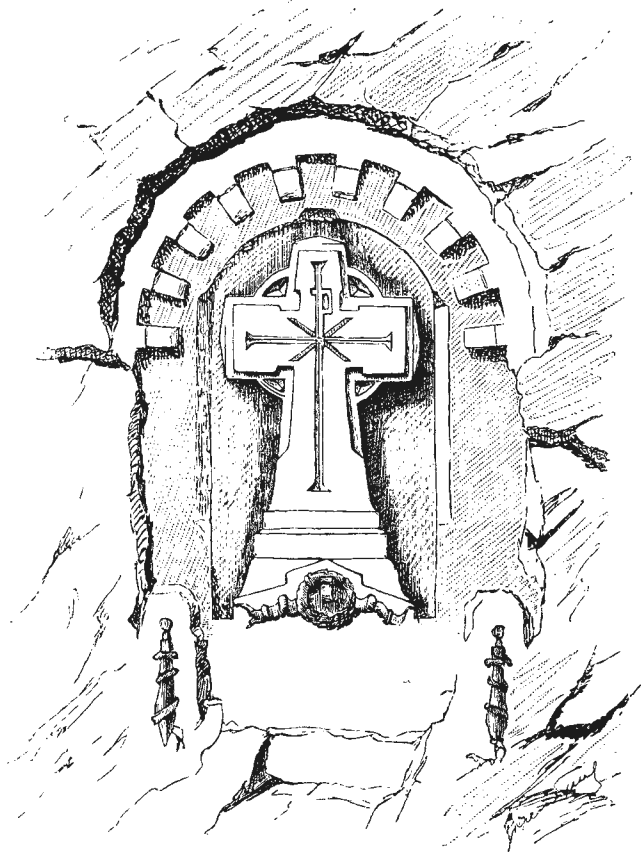

Рис. 1. Памятникъ сподвижникамъ Суворова у Чортова моста, открытый 14 сентября 1898 года.

кiя либо фигуры и изображенiя найдены имъ неудобными. Какъ это ни грустно, а пришлось подчиниться этому требованiю. Но и это слава Богу: теперь по крайней мѣрѣ имя Суворова будетъ существовать въ Швейцарiи не въ исковерканномъ видѣ, и путешественники будутъ кое-что узнавать объ этомъ славномъ имени.

Работы по постановкѣ этого памятника начались въ 1895 году ¹⁾, а открытіе нынѣ совершилось въ присутствіи представителей русскихъ войскъ.

Намъ, русскимъ, конечно, очень радостно открытіе этого памятника въ Швейцаріи, но все же это сооруженіе не для русскаго народа, да и немногіе изъ русскихъ интеллигентныхъ людей увидятъ его, такъ какъ съ открытіемъ С. Готардской желѣзной дороги движеніе черезъ Чортовъ мостъ очень сократилось; но нельзя въ то же время не вспомнить съ грустью, что въ самой Россіи, кромѣ очень плохой, никуда негодной статуи на Царицыномъ лугу, въ Петербургѣ, нѣтъ нигдѣ никакого памятника. Много разъ поднимался вопросъ въ печати о постановкѣ подобнаго памятника, и указывалось даже, что ему мѣсто въ Москвѣ, въ центрѣ Россіи, такъ какъ Суворовъ былъ чисто русскій, народный герой, но до сихъ поръ ничего, повидимому, еще не рѣшено. А менѣе чѣмъ черезъ два года наступитъ столѣтіе его смерти!

II.

Во время поѣздки за границу мнѣ удалось попасть въ Швейцарію въ іюль мѣсяцѣ, когда путешествіе по горамъ довольно легко и очень пріятно. Поэтому, воспользовавшись случаемъ и запасшись въ Лугано великолѣпнѣйшими картами Швейцаріи такъ называемаго Siegfriedatlas'a, на которыхъ нанесены каждая тропинка, каждый домикъ, я рѣшилъ пройти пѣшкомъ путь Суворова, начиная съ юга отъ Таверно. Хотя походъ Суворова былъ совершенъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда въ горахъ уже падалъ снѣгъ, хотя теперь вдоль большей части этого пути проложены превосходныя дороги—шоссейныя и желѣзныя,—но все же я надѣялся получить хоть нѣкоторое представленіе объ обстановкѣ подвиговъ нашихъ героев. И результаты вполне оправдались.

Но прежде два слова о самомъ походѣ.

Какъ извѣстно, Павелъ I принялъ участіе въ войнѣ противъ Франціи, дабы «дѣйствительными мѣрами положить предѣлъ успѣхамъ французскаго оружія и распространенію правилъ анархическихъ; принудить Францію войти въ прежнія границы и тѣмъ возстановить въ Европѣ прочный миръ и политическое равновѣсіе» ²⁾.

¹⁾ Профессоръ Н. Орловъ, проѣзжая въ 1895 году черезъ Чортовъ мостъ, видѣлъ чертежъ на скалѣ этого памятника, но принялъ его за существовавшее ранѣе изображеніе въ память о русскихъ, о чемъ онъ и сообщилъ въ своей корреспонденціи въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1895 г., № 154. Работы же по устройству памятника онъ искалъ на С. Готардѣ, около Госписа. Странно, что это ошибочное сужденіе цѣлкомъ перепечатано имъ въ своей книгѣ: Походъ Суворова въ 1799 г. по запискамъ Грязева, Спб., 1898, стр. 198 и 201.

²⁾ См. Орловъ. Походъ Суворова въ 1799 году по запискамъ Грязева, 1898 г., стр. 23.

Такимъ образомъ никакой матеріальной цѣли войны у Россіи не было, а Павелъ I, какъ рыцарь, выступилъ на защиту идеи.

Такъ понималъ цѣль этой войны и назначенный по просьбѣ австрійскаго императора главнокомандующій соединенной австро-русской арміи, фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій. Сидя въ опалѣ, въ заточеніи сельскаго уединенія, въ своемъ имѣніи, шестидесятидевятилѣтній старецъ зорко слѣдилъ за политическими событіями Европы и имѣлъ уже опредѣленный планъ будущей войны. А именно: «идти прямо на Парижъ черезъ Рейнъ; бить непріятели въ полѣ; не развлекаться охраненіемъ пунктовъ; не заниматься осадами крѣпостей... Война оканчивается въ Парижѣ». Совсѣмъ иначе смотрѣла на дѣло Австрія. Руководитель ея политики, первый министръ, баронъ Тугутъ, былъ человекъ очень ограниченный, недальновидный и узкій. Военнаго дѣла онъ не зналъ и ничего въ немъ не понималъ, а желалъ руководить всѣми дѣйствіями изъ Вѣны. Главною цѣлью войны онъ ставилъ: «пещись о закрытіи наслѣдственныхъ земель», то-есть охранять свои владѣнія, вернуть потерянное, а буде возможно, то и пріобрѣсти еще. Очевидно, что цѣли союзниковъ были разныя, а отсюда проистекалъ и разный образъ дѣйствій. Суворовъ стремился впередъ, къ французамъ, въ Парижъ, австрійцы оглядывались назадъ, къ своимъ, на Вѣну. Отсюда постоянное стѣсненіе дѣйствій Суворова, постоянная помѣха его начинаніямъ. Австрійцы смотрѣли на русскихъ, какъ на средство вынимать изъ огня чужими руками каштаны, видѣли въ нихъ лишь представителей грубой силы, а потому относились, можетъ быть, и безсознательно, къ намъ недобросовѣстно. Они въ эту кампанію, заботясь постоянно только о себѣ, оказались для насъ хуже враговъ. Поэтому-то Суворовъ такъ не любилъ барона Тугута и говорилъ про него: «Сія сова не съ ума ли сошла, или того никогда не имѣла?»

На бѣду еще вся хозяйственная часть русскихъ войскъ была на попеченіи австрійцевъ, а такъ какъ ходъ военныхъ операцій весьма сильно зависитъ отъ степени исправности хозяйства арміи, то отсюда понятно, что небрежное отношеніе австрійцевъ къ своимъ обязательствамъ могло повлечь за собой серьезныя недоразумѣнія и даже неудачи.

Такъ оно и вышло.

Послѣ того, какъ Суворовъ вытѣснилъ французовъ изъ Ломбардіи и побѣдой при Нови нанесъ имъ окончательный ударъ, австрійцы уже не нуждались здѣсь въ услугахъ русскихъ войскъ. Между тѣмъ дѣла ихъ въ Швейцаріи шли плохо. Къ тому же имъ нужно было еще выслать армію къ сѣверу, на Рейнъ, чтобы и здѣсь преградить путь французамъ, а кстати быть поближе, на случай, если представится возможность ухватить лакомый кусочекъ въ Нидерландахъ. Поэтому рѣшено было армію эрцгерцога Карла вы-

вести изъ Швейцаріи на Рейнъ, а на ея мѣсто долженъ былъ прибыть Суворовъ изъ Италіи. Но нельзя же было вывести войска изъ Швейцаріи до прибытія Суворова, чтобы не подвергнуть отдѣльному пораженію русскій корпусъ Римскаго-Корсакова, который стоялъ противъ французскаго генерала Массены на р. Лимать, около Цюриха. Поэтому состоялось соглашеніе, по которому русскіе должны были смѣнять австрійцевъ въ Швейцаріи постепенно и въ равныхъ силахъ. Баронъ Тутутъ лично увѣрялъ англійскаго посланника, что австрійцы выступятъ изъ Швейцаріи не иначе, какъ по занятіи ихъ позиціи равными силами русскихъ.

На самомъ дѣлѣ вышло совсѣмъ не то. У барона Тутута аппетитъ къ Нидерландамъ разыгрался очень сильно, и эрцгерцогъ Карлъ получилъ приказаніе выступить изъ Швейцаріи, не дожидаясь прибытія Суворова. Онъ это и сдѣлалъ.

Такимъ образомъ Римскій-Корсаковъ остался одинъ противъ Массены, чѣмъ послѣдній, конечно, воспользовался. На бѣду еще Корсаковъ былъ очень самонадѣянный и безопасный генералъ и не принялъ необходимыхъ мѣръ для своей безопасности.

Суворовъ предвидѣлъ все это, а потому слѣшилъ въ Швейцарію, какъ могъ. Онъ писалъ графу Воронцову: «Хотя въ свѣтѣ ничего не боюсь, скажу—въ опасности отъ перевѣса Массены мало пособять мои войска отсюда, и поздно... Массена не будетъ насъ ожидать и устремится на Корсакова»¹⁾.

Слѣдовательно время играло здѣсь главнѣйшую роль. Важно было выиграть возможно больше времени, хотя день, хоть нѣсколько часовъ. На войнѣ иногда играютъ роль нѣсколько минутъ. Суворовъ это хорошо зналъ²⁾, а потому онъ выбираетъ путь для своего движенія по Швейцаріи возможно краткій, возможно прямой (см. схему похода).

Путь этотъ проходилъ черезъ С.-Готардъ, Чортовъ мостъ, къ Альгорфу, а далѣе на Швицъ и Цюрихъ. По этому пути Суворовъ выходилъ въ очень опасное для французовъ мѣсто—на ихъ флангъ и даже въ тылъ — путь этотъ былъ кратчайшій, а потому планъ этотъ былъ идеально хорошъ, идеально примѣненъ къ данной обстановкѣ. Правда, на этомъ пути были французы, здѣсь были страшныя мѣстныя затрудненія, но въ данномъ случаѣ это не играло никакой роли: Суворовъ не боялся преградъ и непріятели, онъ зналъ, что его энергіи хватить, чтобы побороть все это. И онъ это блестяще доказалъ.

¹⁾ См. Петрушевскій. Генералиссимусъ Суворовъ, т. III, стр. 216.

²⁾ Суворовъ говорилъ: «Одна минута рѣшаетъ исходъ баталіи, одинъ часъ—успѣхъ кампаніи...», «я дѣйствую не часами, а минутами». См. Петрушевскій т. III, стр. 33.

Но этотъ планъ былъ очень опасенъ: Массена могъ разбить по частямъ сходящихся къ нему съ разныхъ сторонъ враговъ.

Да, это вѣрно, планъ былъ очень опасенъ, но важность цѣли оправдывала этотъ рискъ. Одно изъ двухъ: или Суворовъ успѣетъ пробиться по этому пути ранѣе, чѣмъ Массена атакуетъ Корсакова— тогда цѣль вполнѣ достигнута, хотя и съ большими, можетъ быть, потерями; если же онъ не успѣетъ этого, то и по всякому другому кружному пути онъ не успѣлъ бы прійти во время. На войнѣ часто большой рискъ оправдывается важностью цѣли¹⁾.

Для выполненія этого плана²⁾ нужно было заготовить средства: собрать на границѣ Швейцаріи, въ Таверно, необходимое для похода въ горахъ продовольствіе и муловъ (1.400) для перевозки его. Это должны были сдѣлать австрійцы по распоряженію Меласа. Суворовъ объ этомъ давно просилъ и получилъ твердое обѣщаніе отъ Меласа.

Но когда Суворовъ, спѣша въ Швейцарію, сдѣлалъ съ арміей въ восемнадцать тысячъ переходъ въ 150 верстъ въ 6 дней и прибылъ 4 сентября въ Таверно, то оказалось, что австрійцы ничего не приготовили.

Положеніе было ужасное. Въ горахъ ничего найти нельзя, жители бѣдны. Приходилось остановиться и ждать, а время уходило.

Суворовъ былъ внѣ себя. Императору Павлу доносилъ, что австрійцы только обманываютъ «двусмысленными, постыдными обнадѣживаніями», что положеніе русскихъ войскъ можетъ сдѣлаться «весьма опаснымъ». Въ другомъ письмѣ онъ писалъ, что пришелъ въ Таверно, «но нѣтъ лошаковъ, нѣтъ лошадей, а есть Тугутъ, и горы, и пропасти».

Положеніе было отчаянное. По совѣту великаго князя Констан-

¹⁾ Относительно этого плана (Суворова) существуютъ разнообразныя мнѣнія: здѣсь не мѣсто подробно заниматься этимъ вопросомъ; большинство признаетъ его ошибочнымъ. Мы не можемъ никакъ съ этимъ согласиться. Планъ этотъ, можетъ быть, не удовлетворяетъ нѣкоторымъ современнымъ рецептамъ веденія войны (по внутреннимъ, а не по наружнымъ операціоннымъ линіямъ). Но у каждаго для себя свой рецептъ. Мы не отдѣляемъ плана отъ его исполненія. Хорошо выполненный планъ этотъ далъ бы колоссальныя результаты, если бы не задержка въ Таверно. Суворовъ зналъ, за что онъ берется, и былъ правъ: онъ зналъ, что онъ лѣзетъ въ горло неприятеля. Что дѣлать? Ужъ очень важна была цѣль...

Дѣла не измѣняетъ даже отсутствіе дороги на Швицъ. Это, конечно, ошибка, но идея плана она не измѣняется.

²⁾ Проф. П. Орловъ неоднократно въ печати упоминалъ, что у него свое особое мнѣніе относительно этого плана, и, повидимому, онъ его вполнѣ оправдываетъ. Было бы крайне интересно и желательно, чтобы г. профессоръ, наконецъ, высказалъ свое обстоятельно обоснованное мнѣніе. Быть можетъ, удастся согласовать этотъ дурной планъ съ принципами, и тогда онъ станетъ хорошимъ. Фактически же онъ всегда останется хорошимъ, такъ какъ не будь остановка 5 дней въ Таверно, Суворовъ былъ бы въ Мутенѣ не 17—18, а 12—13, и атака Массены 14-го не удалась бы.

тина Павловича, Суворовъ спѣшилъ 1.500 казаковъ и лошадей поставилъ подъ выюки. Пришлось собирать въ окрестностяхъ продовольствіе.

Въ тревогѣ и хлопотахъ прошло пять сутокъ, имѣвшихъ роковое значеніе. Эрцгерцогъ своимъ выступленіемъ изъ Швейцаріи поставилъ насъ въ критическое положеніе, а теперь австрійцы своею недобросовѣстностью еще добивали насъ.

Наконецъ, 10-го сентября, выступили въ походъ изъ Таверно. Розенбергъ былъ посланъ въ обходъ отъ Біаско на Дигентисъ, съ цѣлью зайти въ тылъ французамъ, обороняющимъ С. Готардъ.

13-го сентября, Суворовъ атаковалъ переваль. Французы держались стойко, позиціи ихъ были сильны, но Суворовъ искусными и энергичными дѣйствіями сбиль ихъ и заставилъ очистить переваль. Въ то же время Розенбергъ зашелъ въ тылъ и тамъ сбиль французовъ. Русскіе ночевали въ Госпенталѣ и Андерматѣ (Урзернѣ). Суворовъ былъ очень доволенъ этимъ днемъ.

14-го, произошла атака Урнерской дыры (Urnerloch) и Чортова моста. День былъ очень трудный: нашимъ приходилось карабкаться на гранитныя скалы, переходить черезъ бурную р. Рейсъ, переходить по горящимъ мостамъ и т. п. Французы подъ начальствомъ храбраго и искуснаго генерала Лекурба отбивались шагъ за шагомъ.

15-го, сентября Суворовъ занялъ Альторфъ и къ ужасу узналъ, что далѣе пути нѣтъ на Швицъ. Скалы хребта Роштока отвѣсно почти падаютъ въ озеро, и сообщеніе производится исключительно водою. А всѣ суда были во власти французовъ. Здѣсь-то и проявляется воля и энергія полководца. Онъ узнаетъ отъ мѣстныхъ жителей, что черезъ Роштокъ, по проходу Кинцигъ-Кульмъ, ведетъ плохая тропинка, годная только для охотниковъ. Эта тропинка ведетъ въ Мутенскую долину¹⁾. Вотъ, по этой-то тропинкѣ Суворовъ повелъ свою армію. Переходъ былъ ужасный. Войска шли два дня и только 18-го сосредоточились въ деревнѣ Мутенъ. До Швица оставалось какихъ нибудь 15 верстъ.

Но здѣсь новый ударъ. Суворовъ узнаетъ, что 14-го Массена атаковалъ Римскаго-Корсакова и разбилъ. Также разбиты и другіе отряды. Оказалось, что Суворовскую 16-ти-тысячную армію французы уже окружили со всѣхъ сторонъ, и, повидимому, выхода нѣтъ.

Итакъ, Суворовъ опоздалъ на помощь къ своимъ. Всѣ препятствія были пройдены напрасно. Кто же въ этомъ виноватъ? Планъ ли, принятый Суворовымъ, или что другое? Конечно, не планъ. Не задержись Суворовъ въ Таверно пять дней, было бы иначе, и роли противниковъ перемѣнились бы. Ужасная, преступная недобросовѣстность со стороны австрійцевъ...

Что же, однако, дѣлать? Какъ выйти изъ этого ужаснаго положенія, изъ этой западни? Суворовъ зналъ, что дѣлать. Для него

¹⁾ Суворовъ говорилъ: «Гдѣ проходитъ олень, тамъ пройдетъ и солдатъ».

тутъ вопроса не было. Одинъ исходъ — пробиться сквозь ряды неприятеля или пастъ съ честью въ неравной борьбѣ. Для исполненія подобнаго рѣшенія у Суворова хватило бы силы воли, но нужно было поднять на это всѣхъ своихъ сподвижниковъ, всю армію.

И вотъ Суворовъ собираетъ на военный совѣтъ къ себѣ въ комнату женскаго монастыря всѣхъ русскихъ генераловъ. Австрійцевъ не позвали. Здѣсь произошла сцена, которая произвела неизгладимое впечатлѣніе на участниковъ этого совѣта и напрягла ихъ нравственныя силы до высшей степени.

Багратионъ, свидѣтель этой сцены, такъ ее описываетъ. Когда всѣ вошли въ комнату Суворова, то нашли его въ полной фельд-маршальской формѣ посреди комнаты. Онъ встрѣтилъ ихъ поклонномъ, закрывъ глаза, какъ бы собираясь съ мыслями, а потомъ съ огнемъ во взорѣ, съ одушевленнымъ лицомъ, сталъ говорить сильно, энергично, даже торжественно. Онъ будто преобразился: никто никогда не видалъ его въ такомъ настроеніи. Объяснивъ коротко, что произошло въ Швейцаріи, Суворовъ, не сдерживая своего негодованія, припомнилъ всѣ затрудненія и помѣхи, которыя онъ имѣлъ отъ Тугута и Вѣнскаго гофкригсрата¹⁾; говорилъ, что русскіе удалены изъ Италіи, чтобы не мѣшать австрійскимъ захватамъ, что преждевременный выходъ изъ Швейцаріи эрцгерцога Карла былъ вѣрхомъ Тугутова вѣроломства, что задержка русскихъ въ Таверно несетъ на себѣ явные признаки измѣны, что, благодаря этому предательству, Корсаковъ разбитъ, а онъ, Суворовъ, опоздалъ прійти ему на выручку.

Высказавъ все это, Суворовъ остановился, какъ бы давая время генераламъ вникнуть въ его слова, а затѣмъ продолжалъ. Онъ объяснилъ, что сухарей у людей мало, зарядовъ и патроновъ и того меньше; что идти на Швицъ невозможно, отступать же назадъ стыдно. «Помощи ждаты неоткуда; надежда только на Бога да на величайшее самоотверженіе войскъ, вами предводимыхъ; только въ этомъ и спасеніе»,—продолжалъ говорить Суворовъ своимъ подчиненнымъ съ возрастающимъ волненіемъ, горестью и негодованіемъ: «спасите честь Россіи и ея государя, спасите его сына!».

Съ этими словами онъ, въ слезахъ, бросился къ ногамъ великаго князя²⁾.

Впечатлѣніе было потрясающее. Видѣть своего обожаемаго начальника, героя посѣдлага въ бояхъ, поставленнымъ въ такое ужасное положеніе на верху своей славной карьеры, благодаря коварству, зависти и безсовѣстности своихъ же союзниковъ, видѣть его въ слезахъ, пораженнаго горемъ—это было выше силъ. Чаша

¹⁾ Придворный военный совѣтъ, безъ одобренія котораго нельзя было начинать ни одной операціи. Это странно тормозило дѣло.

²⁾ Петрушевскій. Генералиссимусъ Суворовъ, т. III, стр. 260—261.

терпѣнія переполнилась: союзники оказались предателями. Нравственныя силы присутствовавшихъ при этой сценѣ были подняты до высшей степени. Казалось, не было теперь такого подвига, котораго каждый изъ нихъ не совершилъ бы, чтобы спасти своего отца, своего добраго начальника.

Всѣ бросились было къ фельдмаршалу, чтобы поднять его, но Константинъ Павловичъ, самъ потрясенный до глубины души, уже поднималъ его на ноги и, весь въ слезахъ, обнималъ его и покрывалъ поцѣлуями.

Заговорилъ первый Дерфельденъ, какъ старѣйшій, а за нимъ всѣ прочіе. Всѣ поклялись, что они готовы на все, что они не боятся никакихъ несчастій и все вынесутъ съ честью или падутъ со славою. Когда раздался этотъ сердечный, искренній, горячій крикъ присутствовавшихъ, Суворовъ поднялъ голову, окинулъ всѣхъ просвѣтленнымъ взглядомъ, поблагодарилъ и изъявилъ твердую увѣренность, что будетъ побѣда, двойная побѣда—и надъ непріателемъ, и надъ коварствомъ.

Такъ этотъ могучій человѣкъ, чутко понимая обстановку данной минуты, успѣлъ овладѣвать сердцами и волею своихъ подчиненныхъ. Великое свойство для военнаго человѣка, особенно для полководца!

Главное дѣло сдѣлано—духъ укрѣпленъ. А остальное было не важно. Рѣшено было двинуться опять черезъ горный перевалъ на востокъ къ Гларису. Въ Мутенской же долинь, откуда слѣдовало ожидать атаки французовъ, оставленъ былъ Розенбергъ, который, отбивая атаки Массены, долженъ былъ отступать вслѣдъ за прочими войсками.

И вотъ 19 и 20 числа происходитъ непрерывный бой и въ Мутенской долинь и около Глариса. Напрасно Массена яростно атаковалъ, поймавъ, что русскіе находятся въ безвыходномъ положеніи. Онъ увѣренъ былъ, что всѣ русскіе вмѣстѣ съ Суворовымъ попадутъ ему въ руки.

Съ превосходными силами онъ наступалъ отъ Швица, но Розенбергъ съ «философскимъ спокойствіемъ» ¹⁾ подпускалъ врага почти въ упоръ и такъ стремительно затѣмъ бросался на него, что войска французскія бѣжали въ безпорядкѣ. Казаки ихъ преслѣдовали въ безпорядкѣ. Казаки ихъ преслѣдовали, и особенное избіеніе происходило около моста черезъ Муоту, гдѣ они сталпливались въ безпорядкѣ, спѣша убраться отъ насѣдающаго врага.

Когда всѣ войска собрались въ Гларисѣ, то, чтобы выйти окончательно изъ-подъ ударовъ французовъ, пришлось еще совершить страшно трудный переходъ черезъ хребетъ Рингенкопфъ. Во время этого перехода пришлось особенно много терпѣть отъ стужи, снѣга и дурной дороги. Но русскій солдатъ, видя около себя своего лю-

¹⁾ По выраженію Грязева.

бимаго начальника, одѣтаго такъ же легко, какъ и простой рядовой, видя царскаго сына, который шелъ большею частью на ряду со всѣми пѣшкомъ, видя другихъ начальниковъ, которые шли почти безъ сапогъ и ѣли тѣ же сухари и сыръ, что и всѣ,—русскій солдатъ все выдержалъ, все одолѣлъ и вышелъ побѣдителемъ. 26-го сентября, Суворовъ прибылъ въ долину Рейна въ Планцъ, а 27—въ Куръ. Здѣсь люди получили продовольствіе, обсушились; ихъ бѣдствія кончились.

Такъ кончился этотъ замѣчательный походъ, эта славная эпопея изъ жизни русскаго воина.

Ничего подобнаго не представляетъ намъ военная исторія: это походъ какихъ-то гигантовъ, исполиновъ, одаренныхъ сверхъестественною силой. Даже въ ряду другихъ дѣлъ Суворова эта страница является выдающеюся, необыкновенною. Это вѣнецъ военного поприща полководца, крайнее выраженіе его теоріи; онъ сдѣлалъ тутъ все, до чего можетъ дойти человѣческая энергія и сила воли. Дальше идти некуда!

III.

Вотъ этотъ-то путь я и рѣшилъ посмотрѣть поближе, посѣтить тѣ мѣста, гдѣ были наши воины, ознакомиться съ тѣми затрудненіями, которыя они преодолевали.

Таверно (рис. 2), деревушка, въ которой Суворову пришлось простоять пять дней, расположена въ долинѣ рѣки Тичино, въ 30-ти километрахъ отъ Лугано. Эта деревушка была начальнымъ пунктомъ швейцарскаго похода. До подъема на с. Готардъ русскіе шли по долинѣ р. Тичино черезъ Белинцону, Біаско, Айроло. Мѣстность здѣсь замѣчательно живописная. Горы большею частью покрыты лѣсомъ, и только мѣстами поднимаются гранитныя скалы лиловаго цвѣта. Хотя вся эта долина густо населена, но жители очень бѣдны: земли у нихъ нѣтъ, кромѣ небольшихъ клочковъ огородовъ около селеній, а все ихъ богатство заключается въ рогатомъ скотѣ, для котораго въ горахъ имѣются чудныя пастбища... Вполнѣ понятно, что здѣсь Суворову очень трудно было достать достаточное количество продовольствія, чтобы запасть на весь походъ.

Особенно живописны здѣсь постройки. Большею частью онѣ возведены цѣликомъ изъ камня включительно до крыши, выложенной мелкими плоскими плитками. Часто дома состоятъ только изъ трехъ стѣнъ, а четвертой служитъ отвѣсная скала, къ которой постройка примыкаетъ. Попадаютъ еще болѣе оригинальныя избушки, пріютившіяся подъ какую нибудь глыбою, свалившеюся во время одного изъ обваловъ съ вершины хребта. Обвалы здѣсь обыкновенное явленіе, и вся долина завалена глыбами камней. Мнѣ разъ пришлось остановиться въ подобной избушкѣ (рис. 3), которая про-

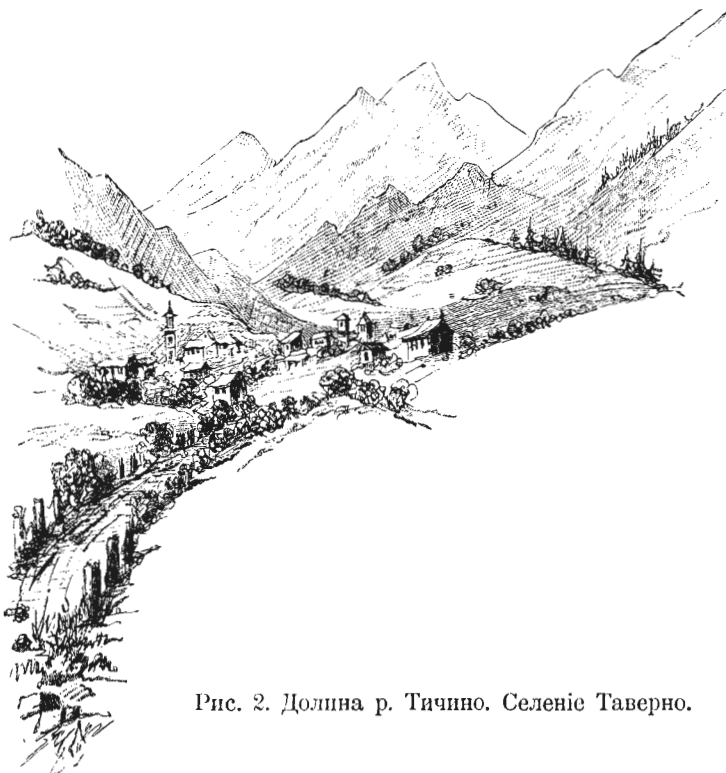

Рис. 2. Долина р. Тичино. Селеніе Таверно.

изводила впечатлѣніе, будто каменная громада упала на стоявшую уже хижину и раздавила ее. Нечего и говорить, что внутри оказалось очень сыро, и воздухъ былъ пропитанъ какимъ-то запахомъ. Дорога поднимается все выше и выше и часто перебѣгаетъ по мостикамъ, которыхъ тутъ великое множество. Особую красоту горамъ

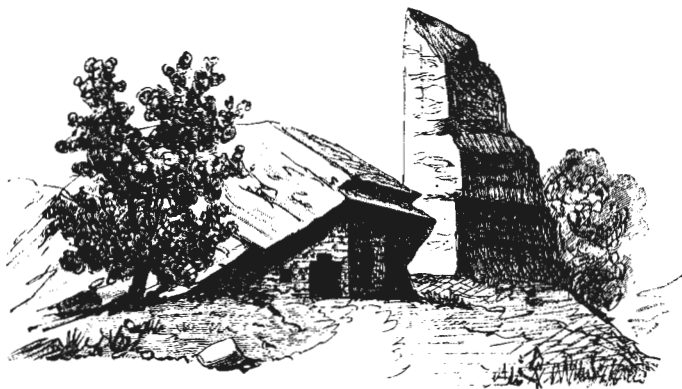

Рис. 3. Долина р. Тичино. Хижина, пріютившаяся подъ каменной глыбой.

придаютъ каскады (рис. 4), которые, начинаясь серебряной лентой на самой вершинѣ горъ, отвѣсно падаютъ внизъ, иногда разбиваясь на камняхъ въ мелкіе брызги или же низвергаясь огромнымъ комьями воды съ высоты нѣсколькихъ десятковъ саженей. Эти летящіе водяные шары представляютъ замѣчательно красивое и оригинальное зрѣлище.

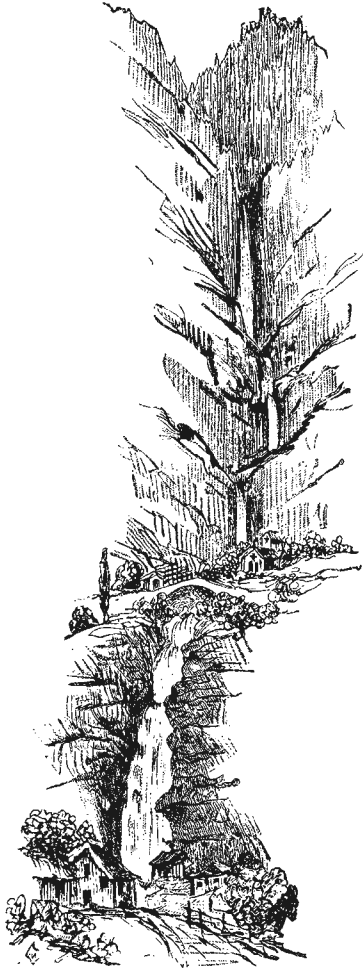

Рис. 4. Долина р. Тичино. Горный потокъ въ Біаско.

Эта масса каскадовъ, ручьевъ, каменныхъ глыбъ, богатая растительность, оригинальныя постройки, красивыя башенки, первое время такъ поражаютъ и восхищаютъ, что хочется все запомнить. Потомъ убѣждаешься, что такова вся природа Швейцаріи, и что все равно всего не схватишь, а потому выбираешь болѣе характерное и красивое.

Особенно интересенъ и живописенъ на этомъ пути небольшой городокъ Белинцона (рис. 5). Онъ расположенъ среди высокихъ горъ и кажется какъ будто подавленнымъ массою камня, его окружающаго. Еще издали, подходя къ городу, видишь три замка, возвышающіеся одинъ выше другого. Ихъ старыя стѣны и башенки ярко вырисовываются на темномъ фонѣ горъ и дѣлаютъ картину очень величественной. Съ XVI по XVIII столѣтіе въ этихъ замкахъ обитали управители кантоновъ Ури, Швица и Унтервальдена, какое названіе они сохраняютъ и до сихъ поръ. Вообще Белинцона уже въ средніе вѣка считалась стратегическимъ ключемъ къ С. Готардскому проходу и была укрѣплена Висконти, герцогомъ Милана. Въ настоящее время этотъ пунктъ ни-

какого военнаго значенія не имѣетъ, и замки стоятъ полуразрушенными. Наиболѣе сохранился самый нижній, Castello Grande, и служитъ теперь тюрьмою и для складовъ.

Пройдя еще нѣсколько предестныхъ селеній, расположенныхъ вдоль Тичино, пройдя, наконецъ, живописнѣйшее, таинственное ущелье Стальведро, приходишь къ Айроло (рис. 6), расположенному

у самого подножья С. Готарда. Это селение имѣеть въ отличіе отъ прочихъ чрезвычайно новый видъ, и только старинная колокольня высоко поднимается надъ окрестными домами. Оказалось, что здѣсь пожаромъ въ 1877 году было все уничтожено, но, благодаря богатому заработку на строящейся тогда желѣзной дорогѣ, жители построились вновь скоро и хорошо. Несмотря на июль мѣсяць, здѣсь уже порядочно холодно, въ особенности когда дуетъ съ горъ вѣтеръ. Тогда какъ за три-четыре дня передъ тѣмъ я изнемогъ отъ жары въ Италіи, здѣсь термометръ показывалъ лишь 14 градусовъ. Айроло расположено на 900 метровъ выше Белинцона. Пейзажъ здѣсь уже порядочно измѣнился: начались снѣга, кругомъ видны снѣжныя вершины, горы стали еще красивѣе и величественнѣе—

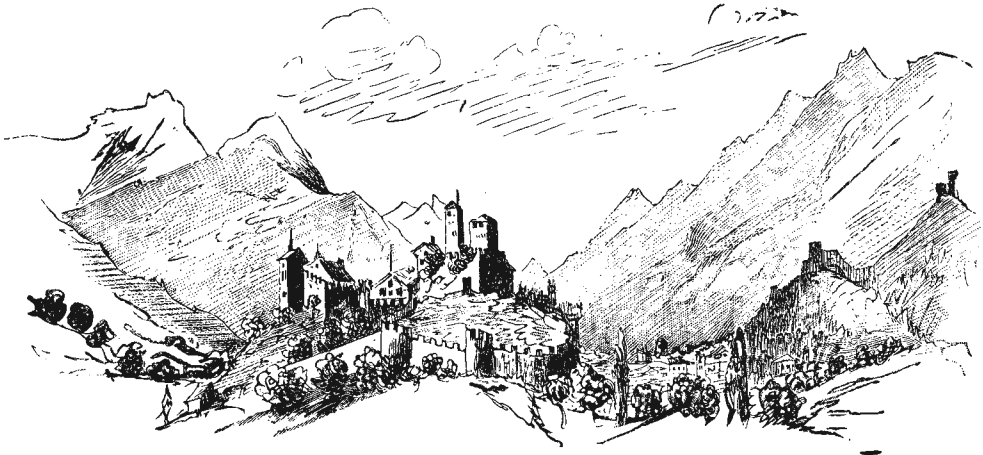

Рис. 5. Долина р. Тичино. Белинцона. Castello Grande.

частью онѣ голыя гранитныя, частью покрыты густыми лѣсами или чуднымъ бархатнымъ мохомъ, а выше снѣгъ... На всемъ этомъ пути не сохранилось никакихъ воспоминаній о Суворовѣ. О немъ даже не слышали. Только въ Айроло мнѣ сказали, что на С. Готардѣ есть какой-то камень съ надписью.

Желѣзная дорога, которая идетъ по долинѣ Тичино, у Айроло входитъ въ тунель, чтобы, прорѣзавъ всю массу С. Готарда на протяженіи пятнадцати километровъ, выйти снова на свѣтъ Божій у Гешенена. Этотъ тунель пробить въ 1880 году; работало на немъ втеченіе семи съ половиной лѣтъ ежедневно по 2.500 человекъ, и онъ обошелся въ 57 миліоновъ франковъ. Теперь поѣздъ идетъ по немъ 16 минутъ, а прежде нужно было подниматься на перевалъ и сдѣлать всего до 35 километровъ. Русскія войска сдѣлали этотъ переходъ въ полтора дня. Да, шестнадцать минутъ и полтора дня— это маленькая разница!

Рис. 6. Долина р. Тичино. Деревня Айроло, гдѣ начинается подъемъ на С.-Готардъ.

Черезъ переваль теперь движеніе очень сократилось, и только любители туристы совершаютъ это путешествіе, большею частью въ дилижансѣ. Прекрасное шоссе, выстроенное въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, идетъ отъ Айроло прямо въ гору, дѣлая на пути безконечное число зигзаговъ. Все-таки подъемъ настолько крутъ, что дилижансы ѣдутъ почти шагомъ. Во времена Суворова здѣсь пролегалла плохая тропинка, годная лишь для пѣшеходовъ и муловъ. Слѣды ея и теперь еще кое-гдѣ видны.

Пройдя отъ Айроло не болѣе километра, я былъ крайне удивленъ, увидѣвъ у самаго шоссе, на бугоркѣ маленькую скорострѣльную пушку, покрытую стальною башенкою. Около нея виднѣлся флаштокъ и внизу какая-то будка (рис. 7). Это проявленіе человѣческой культуры здѣсь, на фонѣ чудной дѣвственной природы, было чрезвычайно оригинально, почему я тотчасъ же, присѣвъ на придорожную тумбу, началъ набрасывать рисунокъ въ свою за-

писную книжку. Прошла минута, двѣ, и я услышалъ протяжный свистокъ, какъ разъ у меня надъ головою. Взглянувъ вверхъ, я увидѣлъ швейцарскаго солдата съ ружьемъ, который прохаживался взадъ и впередъ. Очевидно, это былъ часовой. Я не обратилъ на него вниманія и продолжалъ свое невинное занятіе. Черезъ минуту свистокъ повторился, затѣмъ еще нѣсколько разъ подъ рядъ, изъ-за будки выбѣжали три солдата и направились прямо ко мнѣ. Подбѣжавъ ко мнѣ, двое изъ нихъ стали по сторонамъ, а одинъ, видимо старшій, что-то заговорилъ и хотѣлъ даже взять мою книжку. Не давая ему книжку въ руки, я пояснилъ, что я туристъ и зарисовываю то, что мнѣ нравится, и при этомъ я показалъ ему предыдущіе мои наброски. Онъ посмотрѣлъ внимательно и заявилъ, что рисовать все можно, «только не это» и при этомъ онъ указалъ на нарисованную мною пушку. Я предложилъ ему стереть нарисованное, на чтѣ онъ было согласился, но когда послѣ резинки все-таки слѣдъ остался, то мнѣ пришлось вырѣзать этотъ листъ и предложить ему на память. Тогда онъ успокоился, но все же предложилъ мнѣ тутъ не засиживаться и отправляться далѣе.

Рис. 7. Подъемъ на С.-Готардъ. Бронированная пушка-мигральеза, поставленная около шоссе.

Когда я проиелъ нѣсколько сотъ шаговъ выше, встрѣтивъ при каждомъ поворотѣ шоссе такія же пушки, очевидно, назначенныя для его обстрѣливанія, и взглянувъ внизъ, то увидѣлъ у той будочки, которую я рисовалъ, цѣлое укрѣпленіе, орудій на 20, очень ловко скрытое со стороны Айроло. Оно назначено для обстрѣлива-

нія долины Тичино на далекое разстояніе. Тогда я понялъ, почему тамъ ходитъ часовой и такъ зорко слѣдятъ за туристами ¹⁾).

Подъемъ со стороны Айроло на С. Готардъ очень крутъ, и дорога идетъ по дикому ущелью Val Tremola, по которому бурно низвер-

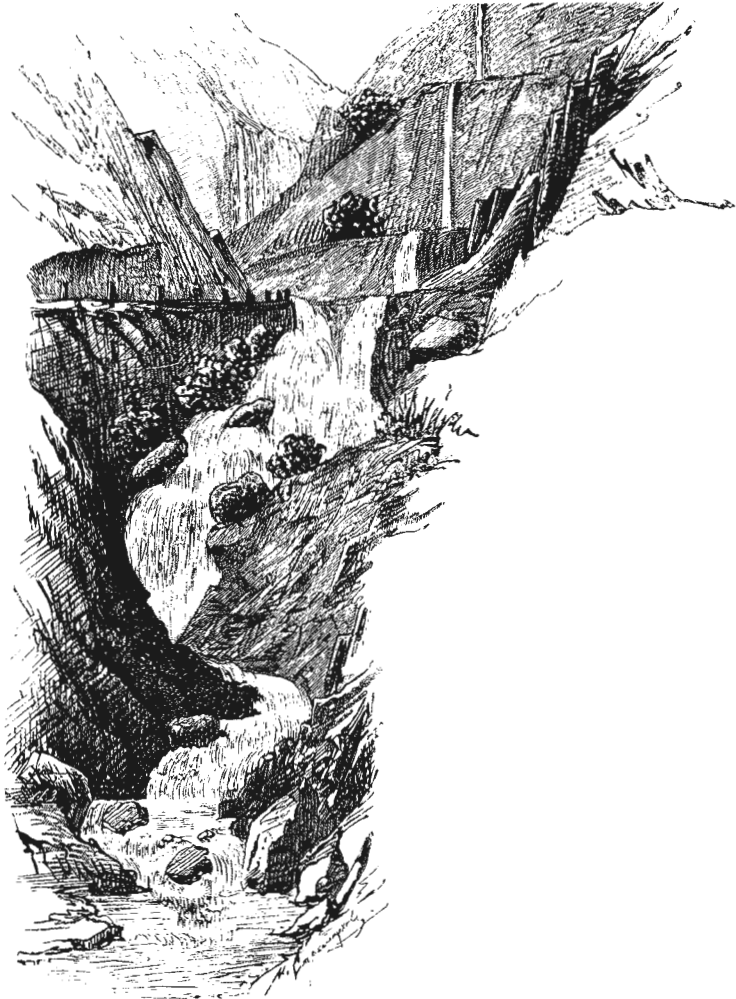

Рис. 8. Подъемъ на С.-Готардъ. Рѣка Соречія.

гается р. Соречія (Sorescia) (рис. 8). Ущелье это дѣлается все уже и трудно доступнѣе, растительности все меньше и меньше, и уже съ половины подъема деревья и кусты исчезаютъ. Въ тѣнистыхъ мѣ-

¹⁾ Впрочемъ, какъ эти, такъ и послѣдующія укрупненія прекрасно видны сверху и могутъ быть совершенно точно сняты.

стахъ лежитъ снѣгъ, горы покрыты бѣдной травой и мхомъ, мѣстами торчатъ обнаруженные камни. Шоссе переходить черезъ рѣку нѣсколько разъ и дѣлаетъ громадныя зигзаги. Наверху уже виденъ самый переваль, почти покрытый снѣгомъ (рис. 9).

Несомнѣнно, что атака на подобной мѣстности была очень трудной. Французы могли цѣпляться за каждый камень и бить на выборъ нашихъ солдатъ. Подобную позицію можно атаковать только

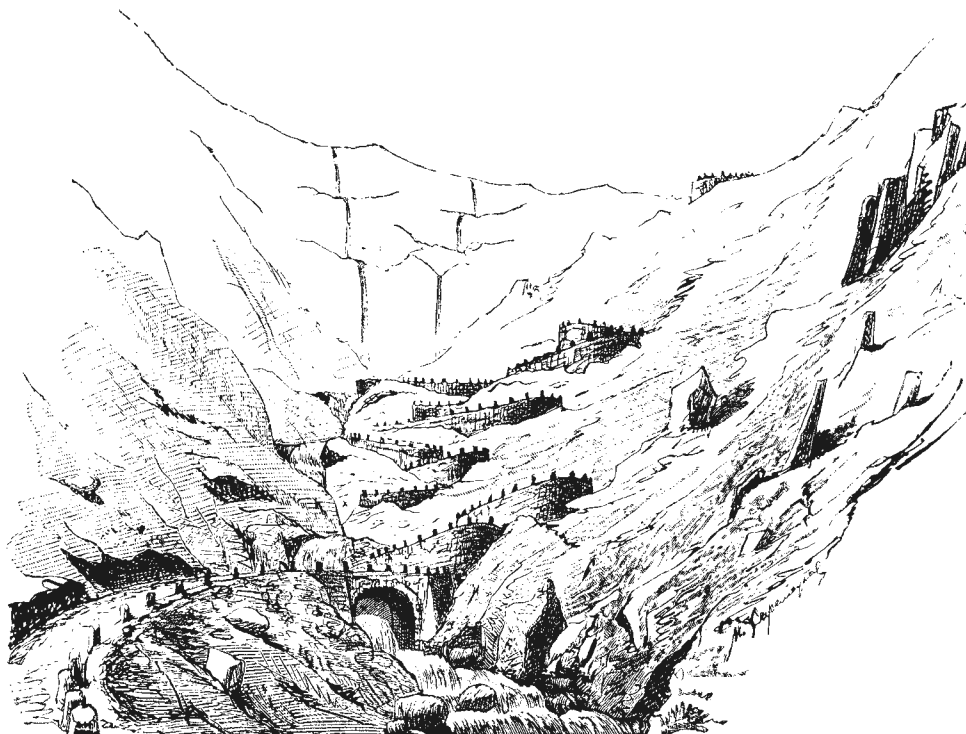

Рис. 9. Подъемъ на С-Готардъ. Общій видъ перевала на половинѣ подъема.

при помощи обходовъ, что и было прекрасно выполнено, 13 сентября 1799 года, Багратиономъ.

Поднимаясь все выше и выше, я наконецъ достигъ самаго перевала. Здѣсь уже масса снѣга, и, кромѣ мха, на открытыхъ полянахъ ничего.

Поднявшись уже на переваль и завидѣвъ вдали зданія, я увидѣлъ около дороги какую-то развалившуюся постройку на курганѣ. Въ Бедекерѣ сказано, что это часовня для мертвыхъ, которые

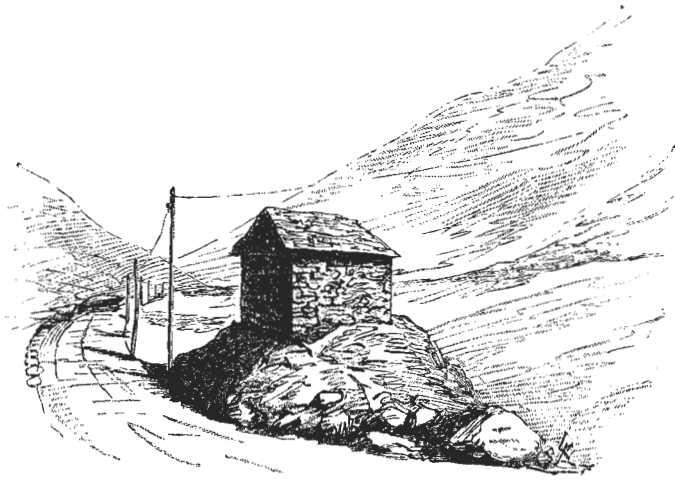

Рис. 10. С.-Готардъ. Развалины часовни на русской могилѣ.

погибли въ горахъ во время мятежей (рис. 10). Я вспомнилъ, что

Рис. 11. Камень на С.-Готардѣ, съ остатками надписи.

въ газетахъ у насъ упоминалось объ этой часовнѣ¹⁾, но ей при-
своивалось почему-то названіе русской могилы.

Правда, русскихъ пало при атакѣ С. Готарда 1.200 человекъ,
и очень возможно, что они здѣсь похоронены подъ курганомъ, но
едва ли имѣются на это точныя указанія.

¹⁾ «Развѣдчикъ», 1895 г., № 231.

Теперь эта постройка служит загономъ для овецъ во время бурь.

Впрочемъ неподалеку имѣется камень, на которомъ, какъ говорятъ, была надпись «*Suvorovii victoriis*» (рис. 11). О подобной надписи упоминаетъ и Фуксъ въ своихъ высокопарныхъ разглагольствованіяхъ о Суворовѣ¹⁾. Но надпись эта теперь до того стерта временемъ, что ее почти невозможно прочитать, а можно только догадаться, зная впередъ ее содержаніе.

Рис. 12. Госписъ на С.-Готардѣ (бывшій страннопріимный домъ).

Жаль, что этотъ историческій камень не поддерживается въ надлежащемъ видѣ.

Сто лѣтъ тому назадъ на перевалѣ былъ только страннопріимный домъ—Госписъ (*L'Hospice*) (рис. 12), обитаемый монахами. Престарѣлый пріоръ съ братіей встрѣтилъ Суворова съ крестомъ и предложилъ скромную трапезу, такъ какъ французы, стоявшіе здѣсь ранѣе, уничтожили все, что могли, и даже часть построекъ разобрали на дрова. Но Суворовъ сначала просилъ отслужить молебенъ, молился усердно, а затѣмъ принялъ угощеніе, состоявшее изъ картофеля и гороха.

Возникновеніе этого страннопріимнаго дома относится къ очень давнимъ временамъ, примѣрно къ половинѣ XV столѣтія. Тогда

¹⁾ Е. Фуксъ. Исторія генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова Риминьскаго, Москва, 1811 г.

С. Готардъ принадлежалъ къ Миланскому герцогству, и здѣсь была построена часовня и поселены капуцины съ цѣлью давать пріютъ проходящимъ путникамъ. Значеніе Госписа было очень велико, и услуги монаховъ неоцѣнны, но въ 1775 году все было уничтожено обваломъ. Постройки, однако, возобновили, но въ 1799 году французы снова почти ихъ уничтожили. Тогда капуцины ушли отсюда, и попытка ихъ снова вернуть не удалась. Пришлось искать кого либо, кто взялся бы содержать это учрежденіе. Охотникъ нашелся изъ Айроло въ лицѣ Феликса Ломбарди. Онъ устроилъ гостиницы «Monte Prosa» на перевалѣ и въ Айроло, завелъ дилижансы, и такъ какъ движеніе все увеличивалось, то нажилъ большое состояніе. До открытія желѣзной дороги черезъ перевалъ проходило ежегодно до

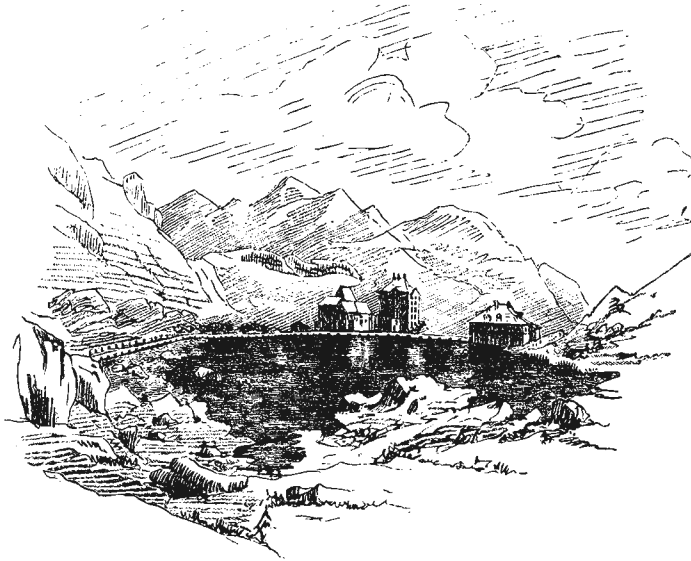

Рис. 13. С.-Готардъ. Общій видъ на перевалъ.

60.000 путешественниковъ. Впрочемъ Феликсъ Ломбарди извѣстенъ былъ и своею благотворительностью, а преемники его, дѣти и внуки, нынѣ, кажется, не отличаются этимъ качествомъ. По крайней мѣрѣ я убѣдился, что цѣны въ гостиницѣ много выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Въ настоящее время на перевалѣ возведены три гостиницы-пансіона, а старый Госписъ обращенъ въ кухню. Благодаря тому, что здѣсь необыкновенно тихо, воздухъ замѣчательно чистъ и свѣжъ, вода въ озерѣ превосходная — находятся любители, которые здѣсь живутъ подолгу, занимаясь уженьемъ рыбы или грѣясь на солнышкѣ. Въ двѣнадцать часовъ дня температура не поднимается выше 12 градусовъ Реомюра.

Здѣсь же, около строеній, возведено укрѣпленіе, назначенное обстрѣливать переваль. Вообще швейцарцы воспользовались опытомъ Суворова и укрѣпили всѣ важные пункты. По перевалу, на высотѣ 2.100 метровъ, дорога идетъ между двухъ чудныхъ озеръ, съ прекрасною темною водою (рис. 13). Здѣсь уже почти всюду лежитъ снѣгъ. По обѣ стороны дороги поднимаются громадныя камни, ко-

Рис. 14. С.-Готардъ. Высшая точка перевала (2114 метровъ).

торые, вслѣдствіе постоянныхъ вѣтровъ и сползанія снѣга, имѣютъ совершенно круглую поверхность. Какъ хорошо бы на одномъ изъ самыхъ возвышенныхъ камней поставить статую Суворова! Она далеко была бы видна и грозно возвышалась бы среди этой суровой природы. Кстати, среди жителей еще недавно ходила легенда, что грознаго старика по временамъ видятъ на высяхъ С. Готарда верхомъ на сѣрой лошади.

Достигнувъ высшей точки въ 2.114 метровъ (рис. 14), дорога на-

чинаеть опускаться. Спускъ этотъ не представляетъ какого либо интереса. Онъ много отложе подъема на перевалъ и крайне уныль и пустыненъ. Здѣсь даже и горы не хороши. Французамъ, отступающимъ внизъ, здѣсь не за что было уцѣпиться, а потому понятно, что русскіе легко ихъ прогнали въ долину р. Рейса ¹⁾ до сел. Госпенталь.

Рис. 15. Долина р. Рейса. Госпенталь.

Когда, между прочимъ, я разспрашивалъ о Суворовѣ (котораго всѣ здѣсь называютъ Суваровъ—Suvarov) въ отелѣ Prosa на перевалѣ, то мнѣ сказали, что при спускѣ находится камень, на которомъ находится надпись. Онъ долженъ быть въ 10-ти минутахъ ходьбы отъ перевала. Но я прошелъ полчаса, тщательно искалъ и ничего не нашелъ. Кого я ни спрашивалъ по дорогѣ,—никто мнѣ не могъ его указать... Дѣлать нечего, пришлось вернуться, чтобы узнать обстоятельнѣе, гдѣ находится этотъ камень.

Къ сожалѣнію, хозяина отеля уже не было, а лакей мнѣ подтвердилъ существованіе камня.

— Гдѣ же онъ?—спрашиваю.

— У самой дороги, сейчасъ за мостомъ. Его нельзя не замѣтить,—былъ отвѣтъ.

¹⁾ «Reuss». Фуксъ и другіе до Милютина называютъ ее «Русь», Милютинъ—«Рейса».

Пошелъ опять.

Но прошелъ мостъ, и снова ничего. Встрѣчаю какого-то мѣстнаго обитателя. Спрашиваю. Не знаетъ.

— Да на немъ есть надпись,—говорю я ему.

— А,—обрадовался тотъ,—какъ же, есть, есть. Но это дальше. Тамъ еще два камня: одинъ побольше, другой поменьше. И надпись...

Поблагодарилъ и увѣренный, что ужъ теперь я найду, тронулся дальше. И дѣйствительно, черезъ полчаса вижу у дороги два камня и на нихъ красныя надписи:

«Kil. da Airolo—10, da Altorf—44».

Вотъ тебѣ и памятникъ Суворову!

Такъ я ничего и не нашель, напрасно потерявъ полдня на поиски.

Усталый добрался я до Госпенталя (рис. 15), гдѣ видѣлъ развалины старой башни, полюбовался на хребетъ Бецбергъ, повидимому, совершенно дикій и недоступный, черезъ который, однако, французскій генеральъ Лекурбъ ночью совершилъ переходъ, чтобы къ

Рис. 16. Долина р. Рейса. Андерматъ (Урзернъ).

утру стать снова на пути Суворова, и наконецъ добрель до дер. Андерматъ, или Урзернъ, въ которой имѣли ночлегъ въ 1799 году войска Розенберга (рис. 16).

Андерматъ, когда-то очень богатое селеніе, нынѣ влачить довольно печальное существованіе. И всему виною желѣзная дорога.

Прежде постоянное движеніе черезъ переваль давало большой заработокъ жителямъ. Теперь у нихъ остались только одни луга да производство мелкихъ вещицъ изъ дерева. Какъ на зло, тунель проходитъ какъ разъ подъ селеніемъ, но, чтобы устроить станцію, нужно было бы выкопать колодезь болѣе 300 метровъ и устроить подъемную машину. Жители очень жалуются на свое нынѣшнее положеніе, и ихъ благосостояніе видимо рушится.

Однако и теперь здѣсь имѣется нѣсколько довольно чистенькихъ гостиницъ, гдѣ все довольно просто, но хозяева привѣтливы и радушны. Народъ здѣсь коренастый и некрасивый, но видимо трудолюбивый.

Рогатый скотъ великолѣпный.

Къ вечеру здѣсь стало такъ холодно и сыро, что пришлось убираться въ комнаты.

Я собрался уже спать, какъ услышалъ на улицѣ музыку. Три музыканта на мандолинахъ и одинъ на кларнетѣ наигрывали какія-то пѣсенки. Они играли такъ хорошо, съ такимъ вкусомъ, кларнетъ пѣлъ такъ выразительно, мелодіи были такъ просты и пріятны, что я долго еще ихъ слушалъ, позабывъ о своей усталости.

IV.

Долина р. Рейсы близъ Андермата довольно широка, мѣстами болѣе версты, и покрыта превосходными пастбищами. Деревьевъ здѣсь немного, обработанной земли почти нѣтъ; климатъ здѣсь довольно суровый: зима продолжается восемь мѣсяцевъ, а лѣтомъ все-таки приходится топить во избѣжаніе сырости. Рѣка течетъ въ отлогихъ берегахъ очень спокойно, и въ общемъ эта мѣстность оставляетъ впечатлѣніе полного мира и тишины.

Но стоитъ пройти съ версту далѣе, и картина совершенно мѣняется.

Горы сдавливаютъ рѣку съ обѣихъ сторонъ, и она почти насильно прорывается въ ущелье, образуя массу водопадовъ, водоворотовъ и производя страшный шумъ (рис. 17). Дорога преграждается отвѣсной скалой, которая прежде называлась «Чортовъ камень». Тогда дорога шла далѣе кругомъ скалы по всяческому мостику, служившему только для пѣшеходовъ. Но въ 1707 году одинъ изъ искусныхъ итальянскихъ минеровъ, Петръ Моретини, сдѣлалъ въ этой скалѣ тунель, который носитъ названіе Урнерской дыры (Urnerloch). Этотъ тунель представляетъ изъ себя въ буквальномъ смыслѣ дыру, совершенно не обдѣланную внутри, почти круглую, темную и сырую. Теперь она расширена настолько, что черезъ нее могутъ проѣзжать большіе дилижансы, но во времена Суворова по ней едва могъ пройти навьюченный мулъ. Длина ея—80 шаговъ.

Влѣво, за рѣкой, теперь виднѣется фортъ, который хорошо обстрѣливаетъ всю долину около Андермата, а вправо, почти у самой Урнерской дыры, въ отвѣсной скалѣ, устроена батарея, которая вооружена скорострѣльными пушками и предназначена для обстрѣливанія картечнымъ огнемъ въ тылъ войска, атакующаго Урнерскую дыру. Нужно правду сказать, что въ настоящее время атака этого

Рис. 17. Долина р. Рейса. Урнерская дыра (Urnerloch).

мѣста, благодаря этимъ укрѣпленіямъ, стала почти невозможной; особенно же опасна эта предательская батарея, которая издали со-сѣмъ не видна, а начинаетъ дѣйствовать только въ упоръ, да еще съ тыла въ моментъ рѣшительной атаки. Даже когда она обнару-жить свое присутствіе, съ нею трудно что нибудь сдѣлать: доступъ къ ней прегражденъ желѣзной рѣшеткой, а орудія поставлены за

каменной стѣной, и только дула ихъ выглядываютъ сквозь пять амбразуръ.

Если и возможна теперь атака этого препятствія, то только съ страшными потерями. Тутъ и обходы не помогутъ, такъ какъ хотя бы защитники Урнерской дыры и принуждены были, вслѣдствіе обходовъ, отступить, но, пока будетъ существовать и дѣйствовать эта батарея, войти въ дыру невозможно.

Очень интересно было бы знать, какой путь ведетъ во внутренность батарей? Спереди видна сплошная стѣна, и никакой двери нѣтъ. Едва ли можно предположить, что пушки будутъ приводиться въ дѣйствіе при помощи электрическихъ проводовъ: онѣ могутъ отказать въ пальбѣ въ самую нужную минуту. Можетъ быть, она соединяется съ форткомъ на лѣвомъ берегу Рейсы подземнымъ тунелемъ? А, можетъ быть, она имѣетъ выходъ гдѣ либо по близости въ скалѣ же, удачно маскированный ¹⁾? Къ сожалѣнію, разсматривать и разспрашивать объ этомъ было рискованно. Когда я сѣлъ рисовать этотъ видъ, то все побаивался, какъ бы меня снова не атаковали солдаты, какъ на С. Готардѣ; солдаты здѣсь снуютъ постоянно. Однако на этотъ разъ все обошлось благополучно.

Вотъ сквозь эту-то дыру и пролегалъ путь Суворова. Описанія эпизода атаки этого мѣста, а также далѣе Чортова моста, страшно разнорѣчивы. Теперь почти невозможно установить, какъ было дѣло: одни говорятъ, что здѣсь былъ кровавый бой, другіе утверждаютъ, что французы здѣсь вовсе не оборонялись. Грязевъ утверждаетъ, что описаніе этого дѣла въ реляціи Суворова, составленной Фуксомъ, есть не болѣе какъ «риторическая фигура», что онъ самъ шель впереди при движеніи здѣсь и ничего подобнаго, описанному въ реляціи, не видалъ ²⁾.

Какъ бы то ни было, но мѣстность здѣсь дѣйствительно такова,

¹⁾ Проф. Орловъ въ упомянутой уже выше корреспонденціи въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1895 г. № 154 говоритъ: «Какой имѣютъ путь отступленія защитники этой батареи — не видно; быть можетъ, они уходятъ въ тунель желѣзной дороги, который проходитъ какъ разъ надъ батареей». Намъ показалось тогда это предположеніе очень страшнымъ, такъ какъ тунель дѣйствительно проходитъ въ этомъ мѣстѣ, но не надъ батареей, а подъ нею, на глубинѣ по крайней мѣрѣ 310 метровъ (145 саж.). Мы думали, что это просто типографская ошибка, но въ своей книгѣ «Походъ Суворова въ 1799 г.», 1898 г., авторъ снова повторяетъ это предположеніе, утверждая, что тунель проходитъ надъ батареею. Это очевидно какое-то недоразумѣніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ взять листъ 398 Зинфридъ-атласа, гдѣ мы увидимъ, что Урнерская дыра расположена на высотѣ 1415 метровъ, а выходъ тунеля у Решенена на высотѣ 1109. Разница между ними 306. Полагаемъ, что вопросъ исчерпанъ. Если бы это было извѣстно г. Орлову, то едва ли можно было сдѣлать предположеніе о соединеніи этой батареи съ тунелемъ...

²⁾ Грязевъ былъ капитаномъ Московскаго гренадерскаго полка. Его записки очень интересны и цѣнны. Онѣ цѣликомъ еще не напечатаны. См. Орловъ, Походъ Суворова 1799 г. по запискамъ Грязева, 1888 г., стр. 90—93.

что при желаніи французы могли бы очень упорно обороняться. Достаточно было горсти стрѣлковъ, чтобы остановить цѣлую армію.

По болѣе распространенному описанію Милютина въ его «Исторіи войны 1799 года» (т. II, стр. 224), Лекурбъ занялъ дыру небольшимъ отрядомъ, поставивъ прямо противъ выхода изъ нея пушку. Поэтому, когда русскіе вступили въ подземелье, они были встрѣчены пушечными и ружейными выстрѣлами. Первая попытка стоила большой потери, и атаковать въ лобъ было невозможно. Тогда отряжены были въ обходъ два отряда: полковникъ Трубниковъ съ 300 охотниками, долженъ былъ двинуться вправо, взобраться на самую скалу, въ которой пробить проходъ, и зайти съ фланга французскому отряду; а майоръ Тревогинъ съ 200 егерями спустился влѣво, черезъ р. Рейсъ, по грудь въ водѣ, и началъ карабкаться на скалы лѣваго берега.

Конечно, было очень интересно видѣть на мѣстѣ, какъ совершены были эти обходы. Что касается второго движенія, черезъ рѣку, то оно не особенно трудно, такъ какъ рѣка здѣсь не глубока, не очень быстра и дно твердое, каменистое. Выстроенное на томъ берегу укрѣпленіе очевидно и должно нынѣ воспрепятствовать подобному движенію.

Но обходъ вправо, на скалы, приводитъ въ недоумѣніе. При взглядѣ на нихъ это кажется совершенно невозможнымъ: скалы поднимаются почти отвѣсно и большею частью совершенно обнажены. Только кое-гдѣ лѣпится по нимъ мохъ, преимущественно въ расщелинахъ и ложбинкахъ. Вотъ по этимъ-то моховымъ оазисамъ и можно было, хотя съ большою опасностью, взобраться поодиночно наверхъ. Нечего и говорить, что это дѣло было великой трудности, и поразительно, какъ русскіе солдатики, не видавшіе никогда горъ и не имѣющіе привычки по нимъ карабкаться, справились съ подобной задачей.

Проходя затѣмъ по Урнерской дырѣ, я видѣлъ, что она теперь преграждена двумя броневыми воротами, съ бойницами въ нихъ.

Но особенно поразительное зрѣлище представилось мнѣ, когда я вышелъ по ту сторону этого подземелья. Рѣка, заключенная въ узкій высокій коридоръ, стѣны котораго образуются изъ отвѣсныхъ скалъ гнейса, устремляется впередъ съ головокружительною быстротою и, встрѣчая на пути массу камней, разбивается объ нихъ въ мелкіе брызги. Вода ея совершенно прозрачна; цѣлыя облака ослѣпительной пѣны ярко вырисовываются на темномъ фонѣ скалъ, и водяная пыль высоко поднимается изъ ущелья и орошаетъ его стѣны. Когда идешь по дорогѣ, то скоро весь покрываешься этой серебристой водяной пылью.

Дорога сначала круто спускается по правому берегу рѣки, но, пройдя шаговъ 400, она дѣлаетъ поворотъ влѣво и переходитъ черезъ р. Рейсъ по Чортову мосту на лѣвый берегъ, гдѣ, упершись

Рис. 18. Видъ на Чортовъ мостъ, Урнерскую дыру и памятникъ Суворову (нижняго моста нынѣ не существуетъ).

въ совершенно отвѣсную скалу, поворачиваетъ направо и идетъ далѣе по карнизу, искусственно устроенному на высотѣ десяти сажень надъ водою ¹⁾ (рис. 18). Постоянно здѣсь дуетъ сильный

¹⁾ На рисункѣ изображенъ видъ, который открывается, когда пройдеши далѣе нѣсколько сотъ шаговъ и обернешься назадъ. Здѣсь же для наглядности показанъ старый, Суворовскій мостъ и возведенный нынѣ памятникъ на правомъ берегу. Современный военный мостъ около выхода изъ Урнерской дыры не показанъ, чтобы не затемнять рисунка.

сквозной вѣтеръ, который далеко разноситъ водяную пыль. Грохотъ падающей воды и свистъ этого вѣтра дополняютъ грандіозность этой дикой картины.

Настоящій мостъ, возведенный въ 1830 году изъ гранита инженеромъ Карломъ Мюллеромъ, представляетъ очень смѣлую постройку: на высотѣ болѣе десяти сажень надъ водою перекинута одна арка почти четырехъ сажень въ пролетѣ. Старый, Суворовскій мостъ былъ расположенъ въ этомъ же мѣстѣ, рядомъ и ниже на три сажени. Онъ тоже былъ очень солидной постройки, такъ какъ простоялъ безъ всякой поддержки съ 1830 по 1888 годъ, когда онъ наконецъ рухнулъ. Теперь видны только аппарели на обѣихъ берегахъ, ведшія когда-то къ мосту.

Очень жаль, что этотъ дорогой для всякаго русскаго памятникъ славы россійскаго оружія исчезъ безвозвратно. Конечно, швейцарцамъ было до него мало дѣла, а мы спохватились, когда уже было поздно...

Для обороны этого моста въ 1799 году французы поставили два баталіона за мостомъ. Они твердо были увѣрены, что русскимъ не удастся здѣсь пройти, такъ какъ они могли бить на выборъ каждаго, показывающагося изъ Урнерской дыры солдата. Не будь у нихъ этой увѣренности, они взорвали бы арку моста, и тогда трудно сказать, какъ удалось бы суворовскимъ войскамъ здѣсь пройти: во всякомъ случаѣ возстановить его скоро было бы не легко.

Не разсчитали и не предвидѣли французы только одного: что русскіе умудрятся взобраться на скалы надъ самымъ мостомъ и отсюда поражать защитниковъ его въ тылъ.

И дѣйствительно, это кажется просто невѣроятнымъ: если взобраться надъ Урнерскою дырою было дѣломъ страшной трудности, то спускъ внизъ на этой сторонѣ долженъ былъ привести къ неминуемой гибели ¹⁾). Вообще спускъ при такой крутости несравнимо грудиѣ подъема.

Но оказалось, что русскимъ солдатикамъ и это было нипочемъ. А когда надъ головами французовъ появились враги и начали ихъ обстрѣливать, то имъ ничего не оставалось, какъ, бросивъ оборону этого мѣста, быстро отступать назадъ. Они, правда, постарались испортить мостъ, но не успѣли, а только начали разбирать аппарель на лѣвомъ берегу, и русскіе, разломавъ находящійся по близости сарай, возстановили переправу довольно быстро ²⁾).

¹⁾ Рабочіе, которые чертили на скалѣ проектъ швейцарскаго памятника, видѣнные нами въ 1895 году, работали не иначе, какъ привязанные за веревку; иначе они сорвались бы и разбились.

²⁾ Въ сочиненіи Милютина, т. II, помѣщенъ рисунокъ, изображающій переходъ Суворова черезъ Чортовъ мостъ. Картинка, хотя и наивная, но въ общемъ довольно вѣрная. Художникъ нѣсколько далъ волю своей фантазіи, а потому уклонился отъ натуры.

Картина же французскаго художника Steinz'a, спомощъ съ которой помѣщенъ въ альбомѣ «Victoires et conquêtes des armées françaises», livr. 10, не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью такъ же, какъ и описаніе къ ней.

Рис. 19. Долина р. Рейса. Старый мостъ на рѣкѣ.

Въ настоящее время швейцарцы и здѣсь настроили укрѣпленій: на лѣвомъ берегу, наверху скалы устроенъ порядочный фортъ, такъ что теперь обходъ съ этой стороны становится невозможнымъ. Къ этому укрѣпленію ведетъ особый военный мостъ, построенный поперекъ рѣки и самаго выхода изъ Урнерской дыры. Этотъ мостъ прегражденъ сплошными желѣзными воротами съ прорѣзанными въ нихъ бойницами. Здѣсь опять со мной произошелъ курьезъ: проходя мимо, я очень заинтересовался, что за этими воротами; оглянулся кругомъ—никакого часового не видно; тогда я подошелъ къ одной изъ бойницъ и заглянулъ въ нее. Я увидѣлъ мостъ и въ концѣ его, на томъ берегу, опять такія же ворота съ бойницами. Но не успѣлъ я приложить глаза къ бойницѣ, какъ противоположныя ворота открылись, оттуда выбѣжали солдаты и прицѣлился въ меня изъ своего ружья. Понятно, я немедленно обратился вспять...

Дальнѣйшій путь пролегаетъ по этому же Шѣлененскому ущелью. Шоссе еще два раза переходитъ черезъ рѣку, появляется нѣкоторая растительность—кусты и ёлки,—жара увеличивается, и вскорѣ показывается желѣзнодорожный путь, выходящій изъ тунеля около селенія Гѣшененъ.

Здѣсь уже долина становится много шире, рѣка течетъ покойнѣе, хотя иногда все еще бурлитъ по камнямъ.

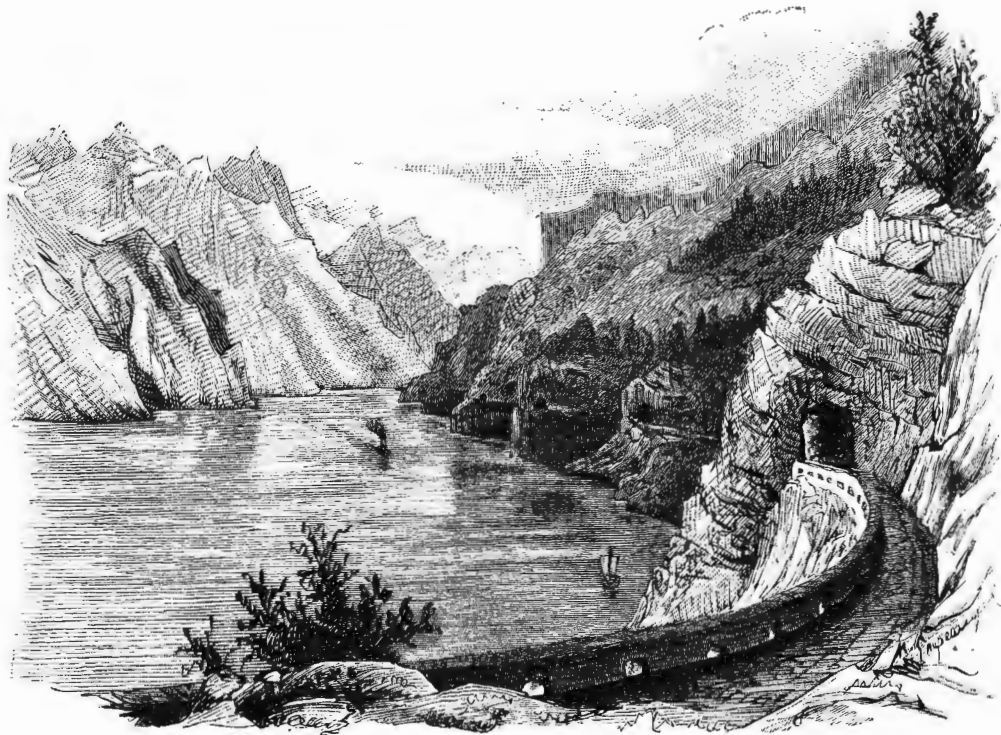
Французы пытались задержать Суворова на этомъ пути, разрушая мосты или зажигая ихъ, если они были деревянные. Но, благодаря энергичному наступленію русскихъ, имъ удалось въ этотъ день, 14-го сентября, дойти до Вазена.

Слѣдующій переходъ былъ до Альторфа, лежащаго почти у самаго озера четырехъ кантоновъ, или Люцернскаго.

Въ настоящее время здѣсь никакихъ воспоминаній о Суворовѣ нѣтъ, но мѣстами еще видны остатки прежней дороги и старые мосты (рис. 19). Конечно, они не поддерживаются и современемъ тоже обвалятся.

У Альторфа долина доходит шириною до версты, и по берегамъ рѣки раскинуты превосходные луга. Мѣстность очень населенная,— на каждомъ шагу домики и около нихъ фруктовые сады. Вообще пейзажъ дѣлается богаче и веселѣе.

Альторфъ, главный городъ кантона Ури, насчитываетъ болѣе двухъ съ половиною тысячъ жителей. Здѣсь находится статуя Вильгельму Теллю съ сыномъ, но о пребываніи здѣсь русскихъ мнѣ не удалось ничего узнать.

Рус. 20. Люцернское озеро. Видъ на озеро съ юга.

Тѣснимые русскими французы отступили къ Флюэлену, на берегу озера, и къ Зеедорфу. Напрасно они старались задержать Суворова и занимали трудно доступныя позиціи. Русскіе ихъ обходили съ фланга и заставляли отступать.

Но здѣсь, въ Альторфѣ, Суворовъ узналъ, что дороги далѣе на сѣверъ, по берегу озера, нѣтъ. Ему представился видъ, изображенный на рис. 20, кромѣ той впрочемъ дороги, которая здѣсь видна и которой тогда не было. Эта дорога, такъ называемая «Axenstrasse», проложена съ невѣроятными усиліями и затратами, такъ какъ она почти сплошь проходитъ по тунелямъ. Тутъ же, нѣсколько ниже, проложена и желѣзная дорога.

Но этихъ дорогъ не было сто лѣтъ тому назадъ. Не было даже никакой тропинки, а хребетъ Роштокъ, дикій и обнаженный, упирался въ озеро отвѣсными скалами (рис. 21).

Что было дѣлать? Всѣ труды и лишения, повидимому, пропали даромъ. Идти некуда — нужно остановиться или возвращаться назадъ.

Но не таковъ былъ Суворовъ, чтобы онъ могъ отказаться отъ разъ намѣченной цѣли, которую онъ считалъ важною. Не теряя ни

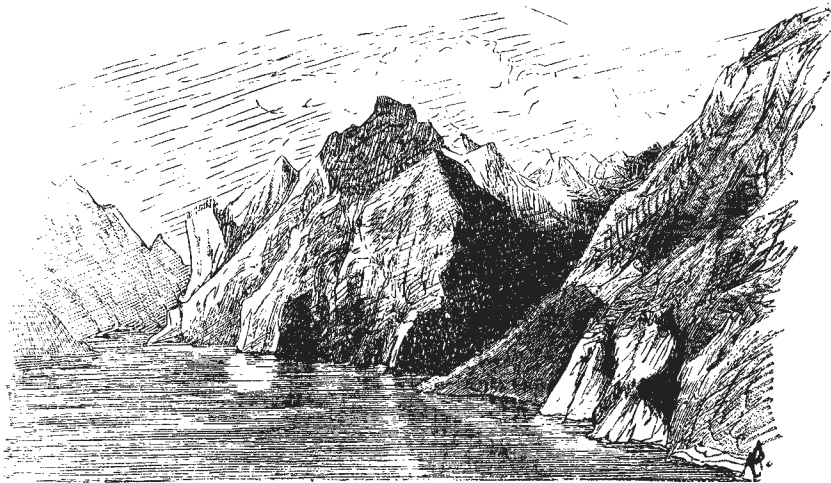

Рис. 21. Хребетъ Роштокъ у Люцернскаго озера.

минуты, оставивъ безъ вниманія французскіе отряды у Флюэлена и Зеелорфа, онъ спѣшитъ туда, гдѣ его присутствіе важно — къ Швицу.

Отъ мѣстныхъ жителей узнали, что плохая пѣшеходная тропинка ведетъ черезъ Роштокъ въ Мутенскую долину, при устьѣ которой расположенъ Швицъ.

И Суворовъ двигаетъ 10-го сентября въ 5 часовъ утра всю армію по этой тропинкѣ.

V.

Въ Бедекерѣ упоминается путь Суворова черезъ Роштокъ, причемъ указано, что эта тропинка замѣчательна, какъ знаменитый путь отступленія (?) русскихъ въ 1799 году.

Тамъ же сообщаются свѣдѣнія, что на переходъ изъ Мутенской долины къ Альторфу требуется «8 часовъ времени; дорога тяжелая, но для опытнаго туриста доступна безъ проводника».

Имѣя въ своемъ распоряженіи превосходную точную карту, я рѣшилъ отправиться по этому пути одинъ. Ближайшее ознакомленіе

съ картой показало, что и въ настоящее время никакой другой, даже самой ничтожной, но болѣе короткой тропинки не существуетъ (кромѣ упомянутого по берегу озера шоссе — «Axenstrasse») черезъ хребетъ Роштокъ. Этотъ путь сначала идетъ по Шехенской долинѣ (Schächen-Thal) на разстояніи 5 километровъ, затѣмъ поднимается въ гору до перевала Кинцигъ-Кульмъ (6 кил.) и наконецъ спускается вдоль ручья Хюри (Hüribach) въ Мутенскую долину (10 кил.). Общее протяженіе пути — 21 километръ (около 20 верстѣ) ¹⁾.

Въ настоящее время отъ Альторфа вдоль Шехенской долины проложено прекрасное шоссе, такъ что движеніе здѣсь не представляетъ никакихъ затрудненій. Въ разстояніи верстѣ двухъ отъ Альторфа расположена маленькая деревушка Бюргленъ. Здѣсь ночевалъ авангардъ Багратіона, откуда онъ началъ движеніе къ Кинцигъ-Кульму ²⁾. Эта деревушка извѣстна также, какъ мѣсто ро-

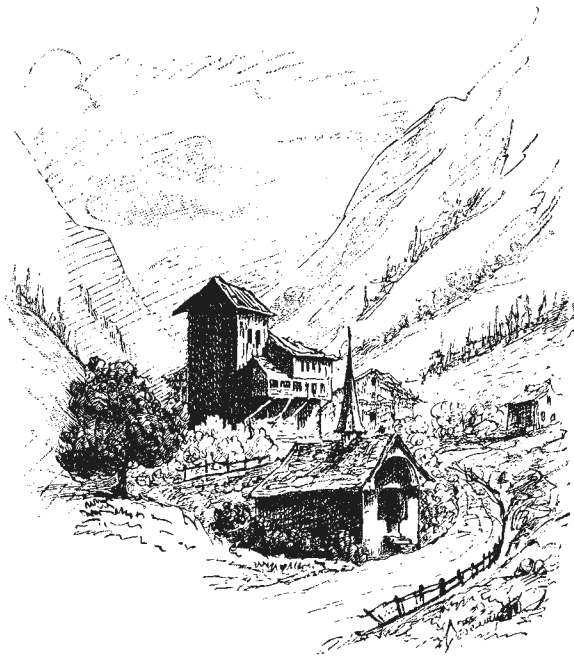

Рис. 22. Село Бюргленъ въ Шехенской долинѣ.

жденія Вильгельма Телля. Въ ней показываютъ часовню, построенную на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ его домъ (рис. 22).

¹⁾ Милютинъ, а за нимъ и всѣ прочіе, считаютъ этотъ переходъ въ 16 верстѣ. Измѣреніе по картѣ и затѣмъ счетъ шагомъ убѣдили насъ, что здѣсь не меньше 20 верстѣ.

²⁾ У Милютина (т. II, стр. 232) сказано, что отсюда Багратіонъ сталъ подниматься по тропинкѣ въ гору. Едва ли это было такъ: хотя отсюда имѣется тропинка въ гору, но она не приводитъ къ перевалу. Нужно еще 3 версты пройти по долинѣ.

Пройдя еще по шоссе версты три, съ незначительнымъ подъемомъ, достигаешь пункта, откуда круто влѣво поворачиваетъ тропинка въ горы. Здѣсь стоитъ нѣсколько домиковъ, въ одномъ изъ которыхъ помѣщается маленькій трактирчикъ. Чистота внутри поразительная, мебель вся буковая, стѣны и потолокъ тоже деревянные. Все это моется до того часто, что дерево становится совершенно бѣлымъ. Мнѣ указали здѣсь тропинку, ведущую къ Киндигу, но когда я спросилъ, здѣсь ли проходилъ Суворовъ, то никто, оказалось, не могъ мнѣ ничего сказать положительнаго. Здѣсь и имени его не знаютъ.

Тропинка, идущая въ горы, очень крута, и идти по ней въ высшей степени трудно: почва вся усыпана мелкими, острыми осколками шифернаго камня; наступать на эти осколки очень больно, и приходится нѣсколько разъ садиться, чтобы дать отдыхъ своимъ ногамъ.

Мѣстность кругомъ становится постепенно болѣе дикою, и уже съ половины подъема растительность исчезаетъ. Нѣсколько разъ дорога переходитъ черезъ ручьи, обыкновенно безъ всякихъ мостовъ, по камешкамъ. Здѣсь особенно поражаетъ обиліе ручьевъ и каскадовъ, низвергающихся десятками съ горъ.

Подъемъ этотъ, длиною въ 6 километровъ, много труднѣе, чѣмъ на с. Готардѣ. Хотя высшая точка почти такова же, какъ и тамъ (2076 м.), но тамъ отъ Айроло до Госписа поднимаешься только на одну версту, а здѣсь почти на полторы. А главное — тропинка очень тяжела. Вполнѣ понятно, что русскіе, двигаясь здѣсь во время дождей и снѣга, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, преодолевали страшныя затрудненія. Особенно страдали казачьи лошади, не привычныя къ горамъ: онѣ скользили, спотыкались и падали въ изнеможеніи. Хорошо еще, что здѣсь не было врага.

На перевалѣ растительности никакой, а почти вездѣ лежитъ снѣгъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ на с. Готардѣ.

День, когда мнѣ пришлось здѣсь проходить, былъ пасмурный, и я большею частью шелъ среди облаковъ. Поэтому никакихъ видовъ не удалось снять. Температура на перевалѣ — 10 градусовъ тепла по Реомюру.

Спускъ внизъ довольно легкій: онъ много отложе подъема. Тропинка остается такою же, какъ и на подъемѣ, и идетъ все время вдоль ручья, черезъ который она переходитъ 4 раза по деревяннымъ мостикамъ. По сторонамъ много лѣсовъ, преимущественно еловыхъ, и гораздо болѣе, чѣмъ на южномъ склонѣ, какъ отдѣльныхъ домиковъ, такъ и поселковъ.

Весь спускъ тянется на 10 километровъ, и уже верстъ за пять открывается видъ на Мутенскую долину, довольно густо застроенную. Нѣсколько влѣво виднѣтся и монастырь, въ которомъ была главная квартира Суворова.

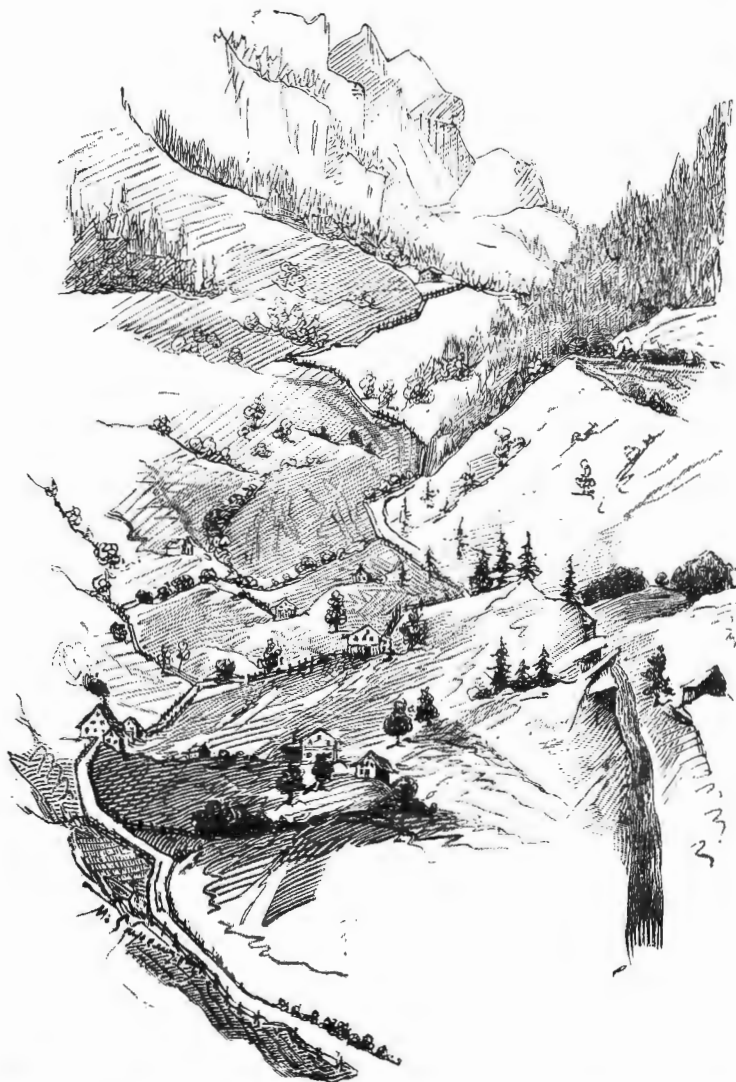

Рис. 23. Мутенская долина, Видъ на тропинку черезъ Роштокъ, по которой прошла армія Суворова.

Я употребилъ на весь переходъ около десяти часовъ и пришелъ въ Мутенъ, усталый до изнеможенія. Русскія войска, растянувшись въ одну линію, переходили Роштокъ два дня.

Войскамъ приходилось ночевать на перевалѣ и страшно терпѣть отъ холода, слякоти и вѣтра. Огня развести нельзя было, такъ какъ не было совершенно дровъ. Питались одними сухарями, да и тѣхъ было мало. Великій князь Константинъ Павловичъ совершилъ весь переходъ пѣшкомъ съ авангардомъ Багратіона.

Переходъ этотъ истинно замѣчательнъ, и справедливо говорилъ историкъ, что, «конечно, ни одна армія въ мірѣ не проходила по такому пути». Много людей здѣсь отстало и погибло, но особенно велика была потеря между казачьими лошадьми. Никто изъ самыхъ храбрыхъ генераловъ не хотѣлъ вѣрить, что возможенъ подобный подвигъ, и, конечно, французскій отрядъ, находившійся въ Мутенѣ, не ожидалъ прибытія отсюда Суворова. Хотя русскія войска, спускаясь съ Роштока, видны были еще верстъ за пять (рис. 23), но французы ихъ не замѣтили, а потому весь ихъ отрядъ былъ перекототъ или взятъ въ плѣнъ.

Только къ вечеру 17 сентября собралась вся армія въ Мутенской долині, а выюки собрались 19-го.

VI.

Селеніе Мутенъ, или Муотаталь, насчитываетъ болѣе двухъ тысячъ жителей и довольно широко разбросано по долині. Кругомъ прекрасные луга, огороды и фруктовые сады.

На восточной окраинѣ, особо среди садовъ, расположенъ монастырь св. Іосифа, основанный въ 1280 году и обитаемый монахинями францисканскаго ордена. Прежде всего я отправился въ этотъ монастырь, такъ какъ тамъ жилъ Суворовъ. Обманувшись нѣсколько разъ въ своихъ надеждахъ, я здѣсь уже не ожидалъ найти что либо интересное. Но я ошибся.

Монастырь издали имѣетъ очень привѣтливый видъ: онъ весь бѣлый, хорошо содержится, кругомъ луга и деревья; кое-гдѣ по стѣнамъ вьется плющъ, а на окнахъ стоятъ цвѣтущія растенія (рис. 24). Подходя къ монастырю, я видѣлъ монахинь, работающихъ на лугу или на огородѣ; онѣ были въ черныхъ платьяхъ и бѣлоснѣжныхъ клобукахъ, сдѣланныхъ мелкими складками и туго накрахмаленныхъ, точно шлемъ. Всѣ онѣ при встрѣчѣ со мной непремѣнно привѣтливо улыбались, точно приглашая зайти и посмотреть ихъ обитель, и тихо привѣтствовали словами: «Guten Tag».

На мой звонокъ у двери монастыря явилась монахиня, и когда я спросилъ про Суворова, то она сначала было не поняла, но когда я сталъ говорить «Суваровъ», какъ всѣ здѣсь называютъ нашего героя, то она съ улыбками и какими-то непонятными мнѣ звуками удовольствія повела меня внутрь. Взойдя на верхъ, я былъ введенъ въ комнату (рис. 25), которую занималъ Суворовъ. Монахиня мнѣ объяснила, что здѣсь все сохраняется въ томъ видѣ, какъ было сто лѣтъ назадъ, и при этомъ указала на кресло и столъ Суворова.

Комната эта угловая, по два окна въ сторонѣ. На предыдущемъ рисункѣ ея окна видны: это нижнія два окна, обвитыя плющомъ. Стѣны и потолокъ деревянные, очень чисто содержимые. Въ од-

номъ углу изразцовая печь на ножкахъ, въ другомъ шкафъ съ посудой. Мебель состоитъ изъ двухъ столовъ, большаго рѣзнаго кресла и нѣсколькихъ стульевъ. На стѣнахъ развѣшаны религиозныя изображенія и между ними, на лѣвой отъ входа стѣнѣ, довольно хорошій портретъ Суворова масляными красками. Монахиня

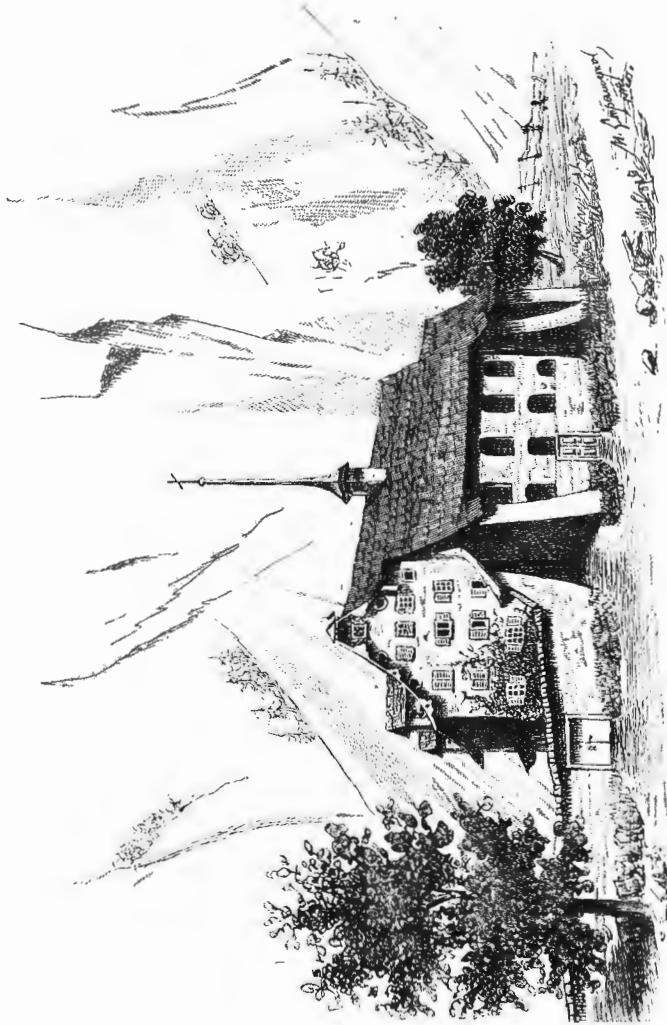

Рис. 24. Мутенская долина. Женскій монастырь, гдѣ была главная квартира Суворова.

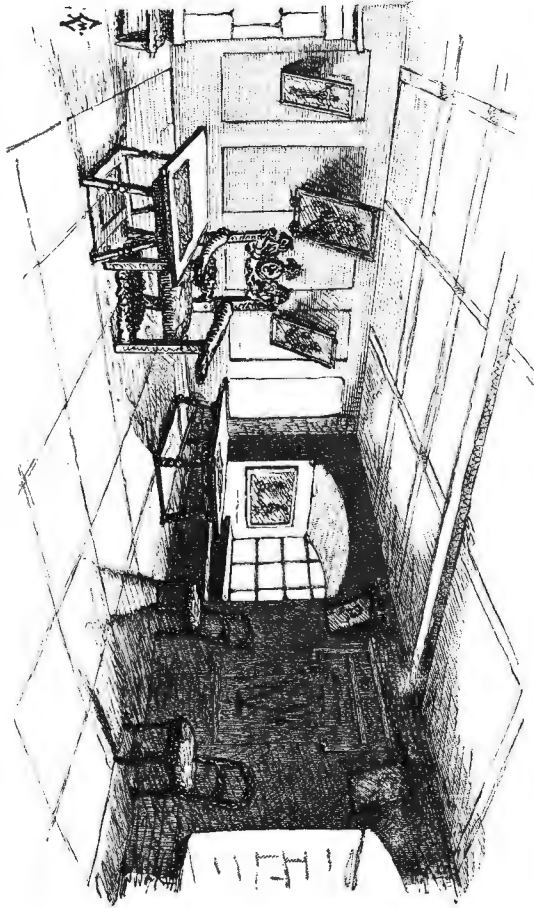
мнѣ объяснила, что его подарилъ монастырю племянникъ князя. По сторонамъ портрета повѣшены Распятіе и Мадонна.

Это лучшая комната въ монастырѣ, и теперь она служитъ пріемной.

Осмотрѣвъ все подробно, я попросилъ позволенія сѣсть и нарисовать эту комнату, на что и получилъ согласіе. Но монахиня

меня не оставляла и, продолжая издавать ежеминутно свои радостные звуки, усѣлась около меня, слѣдила за моимъ рисункомъ и все время что-то говорила. Только я не понималъ, что она рассказывала, такъ какъ здѣсь говорятъ на ужаснѣйшемъ нѣмецкомъ языкѣ. Но общій смыслъ ея разговора сводился къ тому, что если я чтонибудь подарю монастырю, то я получу его видъ и еще дру-

Рис. 25. Мутенская долина. Комната въ монастырѣ, которую занимали Суворовъ и гдѣ происходили военный совѣтъ.

гіе сувениры. При этомъ она мнѣ показывала очень плохія фотографіи и какія-то карточки съ наклеенными на нихъ цвѣтками эдельвейса.

Но я оставался совершенно безучастенъ къ ея причитаніямъ, и она наконецъ поняла, что я никакихъ пожертвованій на монастырь дѣлать не намѣренъ. Къ ея чести нужно сказать, что она и послѣ не перестала улыбаться, но только ея улыбка вмѣсто радостной сдѣлалась какой-то горькой.

Осмотрѣвъ еще монастырь снаружи, нарисовавъ его фасадъ и полюбывавшись на переваль Прагаль (рис. 26), черезъ который отправилась далѣ русская армія, я рѣшилъ познакомиться съ Мутенской долиной, гдѣ два дня сражался Розенбергъ противъ превосходныхъ силъ Массены.

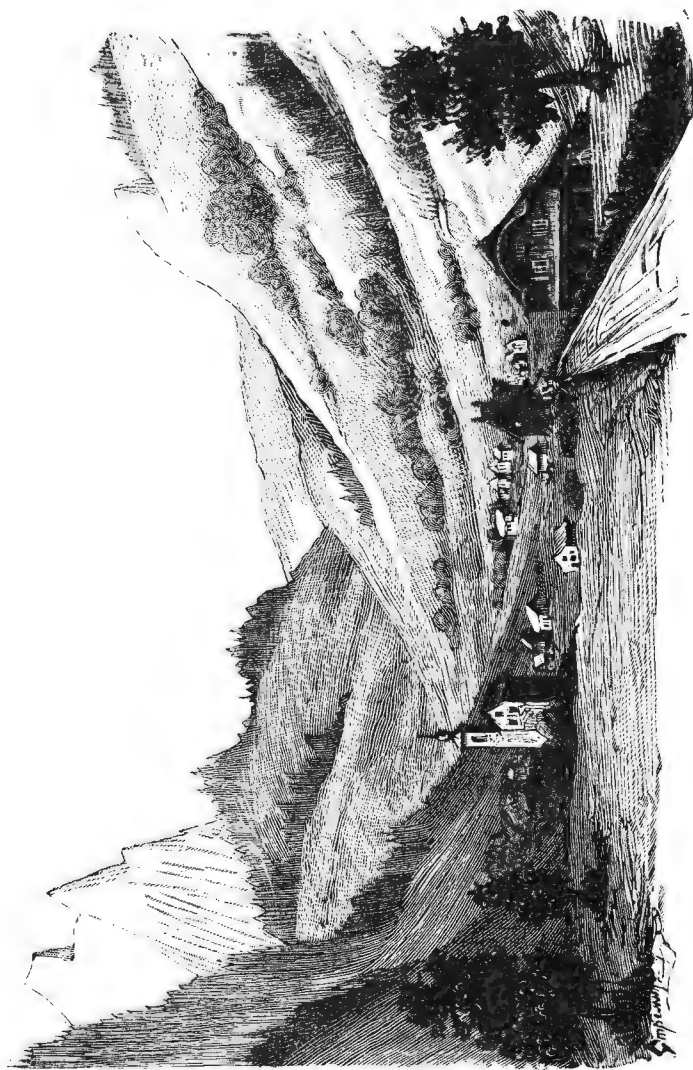

Рис. 26. Мутенская долина и видъ на переваль Прагаль.

Меня особенно интриговалъ «мостъ Суворова», о которомъ упомянуто и въ Бедкерѣ и въ описаніи Швица, которое я здѣсь приобрьлъ ¹⁾.

¹⁾ Schwyz et ses environs, par M. Marty et M. Waser, 1891. Здѣсь же приложень очень неудачный рисунокъ этого моста и совершенно невѣроятное описаніе

Хотя Суворовъ никогда на этомъ мосту не былъ, но онъ игралъ дѣйствительно большую роль въ бою, какъ единственный путь отступленія французовъ, около котораго наши казаки особенно сильно пощипали войска Массены. Наконецъ, это былъ единственный пунктъ въ Швейцаріи, гдѣ сохранилось имя Суворова, хотя и въ исковерканномъ видѣ (Suvarovsbrücke). Впрочемъ, на картѣ и среди народа онъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ «Steinbrücke», «Каменнаго моста». Почему ему присвоено такое названіе, совершенно не понятно, такъ какъ, какъ оказалось при личномъ осмотрѣ, на его сооруженіе не пошло ни одного камня: онъ весь деревянный.

Мутенская долина, шириною около с. Мутенъ до 2 верстъ, очень хороша. Она совершенно плоская, и по берегамъ р. Муоты разбросаны прекрасно воздѣланные поля и огороды. Края же долины, особенно сѣверные, представляютъ изъ себя отвѣсныя скалы, наверху густо покрытыя лѣсомъ. Рѣка течетъ совершенно спокойно.

Прекрасное шоссе ведетъ изъ Мутена въ Швицъ. По пути селеній нѣтъ, но отдѣльные домики разбросаны повсюду. Особенно живописна видящаяся посрединѣ пути высокая церковь въ Ильгау (Illgau), построенная на отвѣсной скалѣ вправо отъ дороги. Собщеніе съ нею совершается при помощи подъема на канатѣ въ корзинѣ. Рядомъ низвергается вертикально ручей.

Долина все суживается болѣе и болѣе. Муота течетъ быстрѣе и глубже въ берегахъ и, наконецъ, километрахъ въ восьми отъ Мутена входитъ въ узкое ущелье. Рѣка начинаетъ реветъ и съ яростью пробиваться между скалъ. Пейзажъ получается очень живописный и, по моему мнѣнію, здѣсь Муота даже красивѣе, чѣмъ р. Рейсъ у Чортова моста: тамъ очень дико и жутко, а здѣсь обильная растительность дѣлаетъ картину очень привлекательною.

Но моста все еще не было видно.

Наконецъ, повернувъ налево и спустившись съ небольшого пригорка, я почти уперся въ мостъ Суворова (рис. 27).

Оказывается, онъ совершенно скрытъ частью этимъ пригоркомъ, частью деревьями. На пригоркѣ, засѣянномъ хлѣбомъ, видны остатки укрѣпленій, которыя были воздвигнуты здѣсь французами для защиты моста. Они такъ и называются до сихъ поръ «Franzosen-schanze».

Въ сущности самый мостъ является далеко не интереснымъ. Онъ представляетъ изъ себя деревянный сарай, длиною 45 шаговъ. Покрываетъ онъ черепицею. Система стропильная, подвѣсная. Расположенъ онъ на громадной высотѣ, надъ водою. По берегамъ густая

бывшаго здѣсь боя. По словамъ автора, мостъ обрушился во время бѣгства французовъ, и рѣка поглотила десять тысячъ труповъ. Ибо бы и до сихъ поръ изъ воды торчали пушки, которыя не удалось вытащить.

деревья, почти его закрывающія. Этотъ мостъ тоже не историческій. Онъ построенъ въ 1810 году, а старый обвалился. Внутри масса надписей, есть и русскія, хотя мало. Попадаются курьезныя четверостишія какихъ-то поэтовъ изъ Воронежа или Костромы... Кто-то выразилъ здѣсь же свое негодованіе по поводу того, что иностранцы даже имени Суворова не знаютъ...

Пройдя мостъ и поднявшись нѣсколько выше, я оглянулся. Отсюда мостъ виденъ (рис. 28), но крайне не интересенъ. Моста подобной конструкціи я болѣе нигдѣ не видѣлъ въ Швейцаріи.

Отсюда я направился къ берегу Люцернскаго озера, въ Брунненъ, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ въ Люцернъ. По дорогѣ я прошелъ д. Обершёненбухъ (Oberschönenbuch). Это крайній пунктъ, до котораго доходили русскіе изъ Мутенской долины, преслѣдуя французовъ.

Здѣсь долина сильно расширяется, открываются прелестныя виды: вправо—на высокія скалы Митенъ (Mythen), прямо—на озеро. Жара сдѣлалась невыносимая, и только благодаря обилію великолѣпныхъ родниковъ, можно, утоляя жажду, двигаться далѣе.

Подходя къ Бруннену, я былъ приятно удивленъ, увидѣвъ столбъ съ надписью: «Nach Suvorowsbrücke 1 1/2 Stunde»; а затѣмъ далѣе опять столбъ: «Nach S. brücke 6 Kil.».

Итакъ, слѣдовательно, этотъ мостъ служить мѣстомъ, куда отправляются экскурсіи изъ Бруннена. Тогда я понялъ, почему на мосту столько надписей на англійскомъ языкѣ: англичане вѣдь должны видѣть всѣ достопримѣчательности, поименованныя въ Бедекерѣ.

Странно мнѣ только показалось, почему швейцарцы до сихъ поръ не устроили около моста какого нибудь «Gasthaus'a», для сбора съ туристовъ дани и продажи какихъ либо сувенировъ, — ну, хоть кусочковъ пушекъ, лежащихъ на днѣ Муоты! Вѣроятно, все-таки туда немногіе отправляются,—иначе швейцарцы не пропустили бы удобнаго случая.

Итакъ оказалось, что Мутенская долина болѣе другихъ мѣсть сохранила воспоминаній о Суворовѣ. Здѣсь все-таки встрѣчается его, хотя исковерканное, имя; здѣсь даже недурной портретъ генералиссимуса.

Чтожъ? И за то спасибо!..

Рис. 27. Мутенская долина.
Мостъ Суворова (видъ спереди).

Мутенской долиной я закончилъ свое путешествіе по пути Суворова, пройдя въ восемь дней около 160 километровъ. Остались не осматрѣнными только долина Клѣнтъ (Klönthal) и затѣмъ переваль черезъ Рингенкопфъ. Но и видѣннаго было достаточно, чтобы получить представленіе объ этомъ необыкновенномъ подвигѣ русскаго солдата и его предводителя. Не удивительно, что этотъ походъ поразилъ умы современниковъ: вся Европа слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за разыгрывавшейся въ Швейцаріи кровавою драмою. Никто не хотѣлъ вѣрить, что Суворову удалось выбраться съ театра войны, пожертвовавъ меньше чѣмъ третью частью своей арміи, тогда какъ вся она, вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ, должна была остаться въ рукахъ французовъ. По крайней мѣрѣ Массена твердо былъ въ этомъ увѣренъ.

Ростопчинъ писалъ Суворову: «Въ Вѣнѣ ваше послѣднее чудесное дѣло удостоиваютъ названіемъ une belle retraite; если бы они умѣли такъ ретироваться, то бы давно завоевали всю вселенную». Императоръ Павелъ писалъ: «Побѣждая всюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, не доставало вамъ одного рода славы—преодолѣть и самую природу; но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ» ¹⁾.

Эти слова служатъ лучшей оцѣнкой дѣятельности престарѣлаго героя...

Заканчивая этимъ описаніе нашихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ посѣщенія мѣстъ, дорогихъ для каждаго русскаго, не можемъ не повторить еще разъ пожеланія, чтобы Россія наконецъ посѣтила увѣковѣченіемъ памяти этого славнаго чисто русскаго имени.

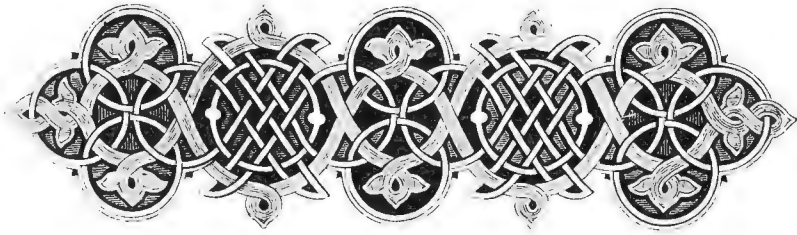
2-го марта этого года, послѣдовало высочайшее соизволеніе на открытіе повсемѣстно во всей имперіи подписки на сооруженіе памятника Суворову или музея его имени. Среди военныхъ эта подписка уже началась, и, какъ слышно, дѣло идетъ очень успѣшно.

Но знаетъ ли что нибудь объ этомъ начинаніи русское общество, русскій народъ? Едва ли. Мы по крайней мѣрѣ не встрѣчали никакихъ объявленій въ газетахъ о приѣмѣ пожертвованій. Комиссія, для сего учрежденная, пока молчитъ. Хорошо, если бы редакціи журналовъ и газетъ открыли у себя приѣмъ этихъ пожертвованій, а, можетъ быть, слѣдовало бы организовать сборъ и при посредствѣ земскихъ учрежденій.

Желательно было бы, чтобы въ этомъ дорогомъ дѣлѣ приняли участіе всѣ силы русскаго народа, чтобы былъ воздвигнутъ дѣйствительно «всероссійскій» памятникъ этому великому воину земли Русской.

М. Стремоуховъ.

¹⁾ Петрушевскій. Генералиссимусъ Суворовъ, т. III, стр. 282—283.

ПАЛЕСТИНА И ТЯГОТѢНІЕ КЪ НЕЙ РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

I.

ВШИРНЫЙ трудъ А. А. Суворина «Палестина» съ роскошными иллюстраціями художниковъ А. Кившенко и В. Навозова нынѣ вполнѣ законченъ, и послѣдній выпускъ его разосланъ подписчикамъ. Поэтому будетъ умѣстнымъ, въ настоящее время, сдѣлать общее обзорѣніе этого цѣннаго вклада въ русскую художественную литературу и ознакомить читателей «Историческаго Вѣстника», хотя бы въ краткихъ чертахъ, съ тѣми задачами, которыя намѣчаются современными народами по отношенію священной колыбели исторической жизни чело- вѣчества. А. А. Суворинъ заканчиваетъ циклъ своихъ выпусковъ «Палестины» въ очень счастливое время, когда рѣшительно весь міръ вновь обращаетъ взоры на ту прибрежную полосу ближняго востока, описанію которой посвятилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ свои силы авторъ разсматриваемой нами работы. Уже благодаря самой разработанной темѣ, онъ не рискуетъ остаться внѣ вниманія соотечественниковъ и составляетъ себѣ сразу доброе имя въ русской литературѣ, какъ добросовѣстный работникъ, съ любовью и умѣніемъ доведшій свою задачу до конца и притомъ съ полнымъ сознаниемъ отвѣтственнаго долга передъ родною землею.

А. А. Суворинъ, вступивъ въ самостоятельную жизнь и на трудное поприще служенія родинѣ перомъ, не употребилъ досуга и своихъ широкихъ матеріальныхъ средствъ на бесплодное и без-

задачное скитаніе по моднымъ курортамъ Европы, являющимся всегда приманкою для молодежи. Пренебрегая шумными забавами и свѣтскими удовольствіями, онъ направилъ путь именно туда, куда искони тяготѣетъ русскій простой народъ, и гдѣ лежатъ все его самыя священныя вѣрованія, самыя идеальныя стремленія и упованія. Молодой интеллигентный паломникъ задался задачею объѣздить Палестину и побывать тамъ, гдѣ постоянно молится русскій народъ, и куда онъ, на протяженіи своего историческаго прошлаго, невзирая на все препятствія и невзгоды, неустанно стремился въ поискахъ пищи духовной. Два раза ѣздилъ въ Палестину г. Суворинъ, и послѣ второго своего возвращенія на родину онъ не пожалѣлъ имѣвшихся въ его распоряженіи средствъ, чтобы повѣдать соотечественникамъ, что представляетъ историческая родина Божественнаго Учителя, какіе великіе памятники сѣдой старины сохранились тамъ, что преслѣдуютъ въ той землѣ родственные и враждебные намъ народы, и какъ чувствуетъ себя на томъ священномъ уголкѣ вселенной русскій народъ, какъ живетъ онъ тамъ, какъ молится, какъ подчасъ страдаетъ отъ обидъ и утѣсненій, ему причиняемыхъ. Рядомъ съ этой задачей нашъ путешественникъ постарался выяснитъ отношеніе русской государственной власти къ іерусалимской патріархіи и опредѣлитъ зависимость послѣдней отъ Россіи. Эти задачи чрезвычайно почтенны для всякаго писателя, любящаго свой народъ, его историческіе устои и живущаго съ нимъ единою жизнью, едиными помыслами; но этимъ не исчерпывается заслуга г. Суворина передъ русскими читателями, ему удалось вмѣстѣ съ тѣмъ осуществить и иную культурную задачу, которая позволяетъ всякому любящему русскую жизнь, во всехъ ея свѣтлыхъ проявленіяхъ, считать его сочиненіе однимъ изъ лучшихъ памятниковъ нашего современнаго искусства.

Авторъ привлекъ къ дѣлу двухъ крупныхъ русскихъ художниковъ, покойнаго А. Кившенко и здравствующаго В. Навозова, которые съ удивительнымъ мастерствомъ воспроизвели своими талантливыми карандашами тѣ мѣстности и моменты путешествія, о коихъ идетъ рѣчь въ текстѣ. Роскошныя иллюстраціи названныхъ художниковъ обильно заполняютъ собою страницы «Палестины» и съ поразительною ясностью вызываютъ въ нашемъ воображеніи и передъ нашими взорами все то священное, исторически-захватывающее, о чемъ мы такъ много слышали и читали еще съ дѣтскихъ лѣтъ; но что нѣкогда говорило лишь уму и сердцу, нынѣ стало достояніемъ и нашего зрѣнія. Вся далекая жизнь Палестины, въ ея многовѣковомъ прошломъ, вся ея современная жизнь, съ ея даже низменными бытовыми явленіями, но во всякомъ случаѣ въ рамкахъ оригинальной, дикой и дивной природы, съ ея разнообразными представителями племенъ и народовъ, — вся она, географи-

ческая, этнографическая, историческая и бытовая, развертывается здѣсь передъ нами въ чарующей живой панорамѣ, обильно залитой жгучими потоками южнаго солнца. Ахъ, это южное солнце, съ его короткими и длинными тѣнями, съ его блескомъ и жгучей теплотой, какое сильное, заманчивое ощущеніе производитъ оно въ настоящихъ рисункахъ гг. Кившенко и Навозова, и какъ русскіе художники сумѣли воспользоваться имъ для блеска и игры тѣней въ своей чудной панорамѣ! Читатель, всматриваясь въ наброски, рисунки, заставки, заглавныя буквы, въ виньетки, сдѣланныя ими для «Палестины», порою невольно ощущаетъ на себѣ всю силу свѣта и тепла побережья Средиземнаго моря и, не будучи въ силахъ оторваться отъ прелести созерцаемаго, точно нѣжится въ волнахъ далекаго невѣдомаго простора... И эти зрительныя впечатлѣнія невольно сливаются съ настроеніемъ мысли и полетомъ взволнованнаго чувства. Что-то торжественное, хорошее и чистое охватываетъ васъ всего и переноситъ въ тотъ дивный міръ, гдѣ громко говорятъ и камни, и скалы, и ручьи, и вся природа, гдѣ все окружающее непрестанно нашептываетъ безконечную исторію временъ былыхъ и нынѣшнихъ.

Древняя ветхозавѣтная Палестина, съ ея богоизбраннымъ народомъ... негодующіе и проклинаящіе пророки... растлѣнные города съ пышными палатами и дворцами... праведники, взывающіе къ карающему Богу о милосердіи... мудрецы, созидающіе дивныя образцы искусства, и ясновидцы, предрекающіе гибель цивилизаціи... слезы и кровь, насиліе и развратъ, смуты и убійства, торжество зла, порока и преступленія... все это возстаетъ въ пестрыхъ и сильныхъ образахъ передъ умственными взорами читателей «Палестины» и ставитъ ихъ лицомъ къ лицу съ такими страницами исторической жизни, передъ которыми все современное рисуется такимъ блѣднымъ, мизернымъ и пошлымъ! Но не объ одномъ лишь ветхозавѣтномъ гласятъ страницы изданія г. Суворина. Это ветхозавѣтное уже изжило свой вѣкъ, отъ него осталось очень мало памятниковъ, и есть лишь наличность библейскихъ преданій; вы присутствовали при его крушеніи, и за громкими негодующими обличеніями пророковъ до нашего слуха долетаютъ глубокопроникающія въ душу вѣчныя и тихія слова нагорной проповѣди, великія слова любви и милосердія:

«А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинаящихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижавшихъ васъ и гонящихъ васъ»...

Страданія, муки и крестъ были отвѣтомъ на краткія слова любви и братства, и надъ землею, орошенной неповинной кровью Богочеловѣка, снова проносятся передъ нами историческія страницы мрака, ужаса и скорби. Шумятъ въ воздухѣ орлы римскихъ легионовъ... суровая государственность сковываетъ непокорные и

мятущиеся народы и племена... съ плачемъ и стенаніемъ покидаетъ цѣлый многочисленный народъ берега дорогой отчизны и разсѣивается изъ края въ край, по широкому лицу вселенной, обреченный на скорби, муки и жестокую борьбу за существованіе, за вѣру и обычаи предковъ... и волны крови, этой ужасной дымящейся человѣческой крови, обагрютъ камни и рѣки обѣтованной земли. Ярко горятъ свѣточн Нерона... вихрь шумныхъ событій обрушивается на былую родину Авраама, Исаака и Иакова... на фонѣ исторической жизни рельефно выдѣляется новый страшный образъ фанатизированнаго мусульманина, который, точно неся вездѣ христіанскимъ народамъ за всѣ прегрѣшенія, понируетъ ихъ завѣтныя святая святыхъ и открываетъ новыя страницы исторіи, обильно политыя опять-таки все той же кровью и слезами страданій.

Вотъ она, въ рисункахъ гг. Кившенко и Навозова, пышная, но вмѣстѣ съ тѣмъ мрачная цивилизація мусульманина въ образѣ былыхъ, грандіозныхъ мечетей, съ ихъ причудливой мозаикой и художественными узорчатыми окнами, а вотъ и они, слѣды Готфрида Бульонскаго, откуда этотъ рыцарь грозно потрясалъ во славу распятаго Бога и его завѣтовъ мира и согласія кованымъ мечомъ и щитомъ.. Пестрая панорама крестовыхъ походовъ смѣняется, наконецъ, новыми картинами исторіи; краски здѣсь блѣднѣе, образы не столь крупные и цѣльные, весь фонъ какой-то сѣрый; правда, меньше крови, но не меньше страданій, человѣконенавистничества и слезъ. Обновленные народы попрежнему стекаются къ берегамъ Иордана, но уже не съ цѣлями битвъ и поединковъ, но въ смиренномъ стремленіи разыскивать слѣды священныхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда страдалъ и жилъ Великій Учитель, его ученики и ихъ послѣдователи, до недавняго времени включительно. Но и эта великая и смиренная задача, увы! не можетъ обойтись безъ жестокосердія, эгоизма и зла. Тамъ, гдѣ, казалось бы, всѣ должны были слиться едиными помыслами и единымъ чувствомъ, тамъ открывается новая арена борьбы со всѣми вытекающими отсюда насиліями и жертвами. Былая физическая жестокость смѣняется новою, утонченною, гдѣ орудія борьбы замѣнены иными, но гдѣ суть жестокосердія остается прежнею. Слѣды священной исторіи, описанные г. Суворинымъ и представленныя въ рисункахъ нашихъ художниковъ, найдены, и вотъ изъ-за обладанія ими, изъ-за власти и связанныхъ съ ними матеріальныхъ благъ, христіанскіе народы возстали другъ противъ друга и обратили ихъ въ объекты борьбы и тщеславія. Смуты и рознь христіанскаго міра лишь питаютъ свѣтъ полумѣсяца, который, точно издѣваясь надъ идеями мира и согласія, бросаетъ свои длинныя, извилистыя и сумрачныя тѣни на христіанскіе гробницы, храмы, монастыри, алтари и благотворительныя учрежденія европейскихъ цивилизованныхъ народовъ, на все то, что построено и воз-

двинуто во славу Учителя любви, но гдѣ именно отсутствуетъ эта самая столь дорого завѣщанная намъ всепоглощающая и всепрощающая любовь.

II.

Та панорама, которую я общими чертами нарисовалъ въ предыдущей главѣ, не есть плодъ исключительно моего напряженного воображенія; нѣтъ, она вся невольно проносится передъ вами при обзорѣ работъ нашихъ художниковъ, которые именно внесли въ свое исполненіе не простые законы фотографическаго воспроизведенія, но глубокопродуманныя идеи историческаго освѣщенія предметовъ, о конхъ идетъ рѣчь въ текстѣ г. Суворина. Въ разбросанныхъ по всѣмъ выпускамъ виньеткахъ, заставкахъ, въ заглавныхъ буквахъ, если вы только дадите себѣ трудъ ихъ хорошенько обдумать, въ нихъ взглядѣться, вы, именно, найдете это искусство освѣщенія, которое чрезвычайно отбѣняетъ и дополняетъ самое авторское изложеніе. А. А. Суворинъ, ведя свое повѣствованіе не по какой нибудь заранѣе составленной литературной или идейной программѣ, а просто отъ видѣннаго предмета къ видѣнному, отъ одной увлекшей его въ свое время мысли къ другой, встрѣтилъ въ своихъ товарищахъ по работѣ именно лицъ, умѣвшихъ слиться съ нимъ чувствами и мыслями. Что онъ только случайно бросилъ въ текстѣ, въ качествѣ намека или бѣлаго указанія и напоминанія, было ими доразвито, истолковано, освѣщено въ живыхъ образахъ и яркихъ краскахъ; напротивъ, гдѣ авторъ, увлекшись изложеніемъ тѣхъ или иныхъ историческихъ событій, уже достаточно выяснилъ конкретные факты и общія положенія, то ими было оставлено въ исключительномъ вѣдѣніи повѣствователя, безъ всякой назойливости неотвязчивыхъ истолкователей. Вотъ такая-то дружная, осмысленная, взаимно дополняющая работа и придаетъ труду о Палестинѣ высокую цѣнность и единство, гдѣ кисть художниковъ какъ бы органически сливается съ перомъ писателя.

Но есть еще одно достоинство въ трудѣ г. Суворина о Палестинѣ, которое дѣлаетъ намъ, русскимъ, его особенно дорогимъ и цѣннымъ; это — его характеръ національнаго памятника искусства и народности точки зрѣнія на явленія жизни. Я уже отмѣтилъ выше, что авторъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду прослѣдить жизнь русскаго человѣка въ Палестинѣ, найти тамъ слѣды его пребыванія, слѣды работы русской народности. Вотъ почему, въ какой бы уголь обѣтованной земли нашъ путешественникъ ни заглядывалъ, онъ прежде всего спѣшилъ выяснить, гдѣ здѣсь слѣды Россіи, слѣды православія и нашей народности, какъ чувствуетъ себя тамъ, какъ поставленъ тамъ пришлый соотечественникъ, въ особенности изъ среды народной массы, поскольку послѣдній огражденъ отъ вліянія иноземной пропаганды и поскольку его религиозное чувство и пра-

вославное исповѣданіе сохраняются тамъ въ чистотѣ и неприкосновенности. Такимъ образомъ Россія и русскій человѣкъ — вотъ тотъ центръ, тотъ фокусъ, куда стекаются всѣ помыслы нашего интеллигентнаго паломника, когда онъ ведетъ рѣчь о событіяхъ мѣстнаго дня или о фактахъ новѣйшаго историческаго прошлаго. Всею русскому удѣлено въ трудѣ о Палестинѣ главенствующее мѣсто, и Россія со всѣми ея государственными и религіозными задачами на Востокѣ является какъ бы героинею повѣствованія; къ ней несутся помыслы и лучшія чувства автора, и всякій промахъ или недостатокъ русскаго человѣка вливается въ его патриотическое чувство болѣзненнымъ жаломъ. Рядомъ съ такой постановкой изслѣдованія и такой задачей, г. Суворинъ, предназначая свой трудъ въ пользованіе русскимъ людямъ, у которыхъ высоко развито національное самосознаніе и религіозное чувство, ведетъ и изложеніе примѣнительно къ чувствамъ и потребностямъ своей аудиторіи, имѣя непрестанно въ виду твердое, религіозное настроеніе этой аудиторіи. Фактическое изложеніе видѣннаго, слышаннаго и передуманнаго чередуется у него съ отклоненіями въ сторону священной исторіи, съ напоминаніемъ великихъ священныхъ событій исторіи и съ изложеніемъ жизнеописаній и подвиговъ тѣхъ столповъ христіанства, которые особенно дороги русскимъ людямъ и особенно ими чтутся: житія святыхъ, апокрифы и легенды не оставлены имъ безъ вниманія, и вѣрованіе простаго сердцемъ русскаго паломника нашло себѣ въ повѣствованіи г. Суворина почетное мѣсто рядомъ съ соображеніями интеллигентнаго туриста, интересующагося посѣщенной мѣстностью съ точки зрѣнія археологической науки и международнаго права. Вотъ почему, отмѣчая національное значеніе «Палестины», какъ памятника русскаго искусства, я вмѣстѣ съ тѣмъ считаю долгомъ указать и на широкую струю народности, которая сильно бьетъ черезъ всѣ страницы труда и которая поэтому создаетъ ему совершенно особое доминирующее положеніе среди аналогичныхъ трудовъ, посвященныхъ тому же вопросу и той же темѣ.

До появленія въ свѣтъ работы г. Суворина мы поневолѣ отступали на задній планъ передъ западными сосѣдями по сравненію съ таковыми же трудами, вышедшими изъ нѣдръ католическаго и протестантскаго міровъ. Не то теперь: мы идемъ въ вопросѣ вровень съ сосѣдями и имѣемъ даже нѣкоторое преимущество. Преимущество это не въ роскоши изданія, не въ его археологической, бытовой и исторической полнотѣ текста, но въ томъ высокомъ чувствѣ чистоты цѣли, съ которымъ осуществлена вся задача: не нападеніе, осужденіе и изобличеніе братскихъ народовъ и ихъ церковныхъ учрежденій, не навязчивое прославленіе своего родного, его достоинствъ и преимуществъ, не боевая пропаганда, но спокойное и достойное положеніе въ вопросѣ священной важности и громадной отвѣтственности — вотъ именно то преимущество нашей

«Палестины» передъ прочими иностранными и въ особенности католическими, которое, по-моему, и создаетъ особенно симпатичное международное литературное положеніе этой книгѣ. Приходится лишь пожалѣть, что авторъ не сумѣлъ или почему либо не былъ въ состояніи вездѣ одинаково ровно и старательно выправить свое изложене. Въ послѣднемъ имѣются явные недочеты, и ранніе выпуски безспорно составлены тщательнѣ послѣдующихъ; въ этихъ чувствуется не то торопливость, не то усталость, а то, можетъ быть, и такое чувство, какъ если бы писателю надоѣло долго возиться все съ одною и тою же темою, и онъ, пренебрегая полнотою содержанія, ровностью стилистики и образностью картинъ, спѣшитъ скорѣе къ концу, лишь во что бы то ни стало поставить заключительную точку. Если простота и безыскусственность повѣствованія г. Суворина, съ одной стороны, именно этими свойствами подкупаетъ аудиторію невзыскательныхъ читателей, то болѣе строгихъ и требовательныхъ онѣ могутъ и не удовлетворить: имъ, пожалуй, желательно бы было видѣть и текстъ книги такимъ же прекраснымъ и увлекательнымъ, каковы иллюстраціи къ ней и каковы тѣ мысли и чувства, которыя воодушевляли автора-издателя на всемъ протяженіи его обширной работы. Но это бѣглое замѣчаніе не должно быть принято за указаніе какого нибудь существеннаго дефекта въ книгѣ: во всей своей полнотѣ и совокупности она прекрасна и, какъ я уже отмѣтилъ выше, ея положеніе въ существующей международной литературѣ о Палестинѣ выдающееся и почетное.

Обращаясь къ этой литературѣ, необходимо отмѣтить, что на Западѣ она достигла очень широкихъ размѣровъ, при чемъ нѣкоторыя заграничныя фирмы и общества употребили всѣ усилія, чтобы обставить свои изданія самымъ роскошнымъ образомъ; особенно это слѣдуетъ сказать про изданія англійскаго и нѣмецкаго палестинскаго обществъ. Перечисленіе главнѣйшихъ сочиненій о Палестинѣ на иностранныхъ языкахъ читатели найдутъ въ 44 выпускѣ словаря «Брокгауза и Ефрона». Что касается русской литературы о томъ же предметѣ, то и она не можетъ пожаловаться на особенную скудость, такъ какъ русскіе люди уже съ давнихъ временъ стремились ознакомлять читателей съ исторіей и описаніемъ обѣтованной земли. Наша письменная литература богата не однимъ памятникомъ такого рода, изъ коихъ нѣкоторые пользовались въ свое время широкою популярностью въ народѣ, свидѣтельствующею объ очень давнемъ тяготѣнніи русскихъ умовъ и сердецъ къ святынямъ гроба Господня. Къ числу таковыхъ памятниковъ, какъ очень выдающихся и популярныхъ, несомнѣнно слѣдуетъ отнести «Путешествіе» пѣшехода Барскаго, изданное впервые въ 1778 г. на иждивеніе кн. Потемкина, а также «Путешествіе» извѣстнаго дѣятеля православія А. Н. Муравьева, относящееся къ началу текущаго столѣтія. Вся русская литература о

Палестинѣ, съ обстоятельными дополнительными указателями личныхъ именъ, мѣстъ и предметовъ собрана въ обстоятельной статьѣ С. Пономарева «Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ и живописи и переводахъ», напечатанной въ приложеніи къ XXX т. Записокъ Императорской Академіи Наукъ и доведенной до 1877 года включительно. Ростъ этой литературы особенно усиливается съ возникновеніемъ императорскаго православнаго Палестинскаго общества въ 1882 г., удешевившаго донельзя паломничество къ св. мѣстамъ и давшаго значительный толчокъ самымъ разнообразнымъ сочиненіямъ и трудамъ, относящимся до Палестины. Изъ числа послѣднихъ, какъ написанныхъ чрезвычайно живо, интересно и съ практическими задачами, особенно выдается работа покойнаго доктора А. В. Елисѣева: «Съ русскими паломниками на Святой землѣ весною 1884 года. Очерки и наблюденія» (Спб., 1885 г.), гдѣ впервые обстоятельно и отчетливо обрисовано русское паломничество въ его историческомъ освѣщеніи, съ указаніемъ задачъ, непосредственно лежащихъ и какъ бы нравственно обязательныхъ для официальныхъ обществъ и учреждений по отношенію русскихъ людей на востокѣ. Обстоятельная работа нашего преждевременно скончавшагося, талантливаго путешественника прекрасно формулируетъ слабыя и сильныя стороны положенія Россіи среди другихъ народовъ на территоріи обѣтованной земли и ставитъ въ этомъ отношеніи такія пожеланія, которыя нынѣ частію уже осуществлены, частію принципиально признаны всѣми, кому дорого православное палестинское дѣло. По серіозности затронутыхъ вопросовъ, ихъ рѣшенію, національности точки зрѣнія и прекрасному выполненію слѣдуетъ затѣмъ книга М. П. Соловьева «По Святой землѣ», гдѣ авторъ даетъ описаніе своего путешествія по Палестинѣ, и гдѣ онъ попутно дѣлаетъ немало мѣткихъ замѣчаній касательно интересовъ и задачъ православія на востокѣ. Книга г. Соловьева снабжена 34 иллюстраціями, воспроизводящими болѣе или менѣе удачно главнѣйшіе историческіе памятники и мѣстности Палестины. Для уясненія себѣ всего значенія Палестины для русскихъ людей и въ интересахъ задачъ православія могутъ также сослужить добрую службу дешевыя изданія Палестинскаго общества и при томъ главнымъ образомъ тѣ, которыя составлены В. Н. Хитрово. Немало также любопытныхъ замѣтокъ, корреспонденцій и статей посвящено въ газетахъ текущаго года Палестинѣ и палестинскому вопросу, въ связи съ путешествіемъ на востокѣ германскаго императора. Особенной обстоятельностью отличаются корреспонденціи, напечатанныя въ «Петербуржскомъ Листкѣ» и г. Важинымъ въ «Новомъ Времени»

III.

Задавшись цѣлью обрисовать передъ читателями международное положеніе и значеніе Палестины, какъ то рисуютъ г. Суворинъ и прочіе авторы русскихъ сочиненій, я изъ всей группы вопросовъ, сюда относящихся, долженъ выдѣлить особо одинъ вопросъ, совершенно самостоятельный и независимый отъ прочихъ, явившійся на арену современной жизни въ его обстоятельной разработкѣ и въ видѣ опредѣленнаго движенія лишь въ наши дни, лѣтъ 17—18 тому навадъ. Я разумѣю тяготѣніе евреевъ въ Іудею, тотъ «сіонизмъ», который заставляетъ такъ много говорить о себѣ въ самое послѣднее время. Хотя по времени своего зарожденія этотъ вопросъ какъ будто принадлежитъ новѣйшей формациі, но корни его, его археологія, преданія и историческая географія относятся къ незапамятнымъ временамъ, когда то, что мы разумѣемъ въ настоящее время въ широкомъ смыслѣ «Палестины», было именно колыбелью іудейства, знаменитой родиной Авраама, Исаака и Іакова. Поэтому я и позволяю себѣ, говоря о тяготѣніи современныхъ народовъ къ Палестинѣ, по праву историческаго первородства, поставить вопросъ о евреяхъ въ Палестинѣ и сіонистское дѣло во главу настоящаго очерка.

Потерявъ въ началѣ второго вѣка по Р. Х. всякую политическую самостоятельность и государственное единство, еврейство разсѣялось по лицу вселенной, пережило массу страданій, гоненій, ознаменованныхъ массовыми избіеніями, пока въ немъ не родилось въ XVI вѣкѣ характерное движеніе на востокъ, которое и привело этотъ народъ, въ его преобладающей массѣ, въ Польшу и Литву. Получивъ здѣсь право осѣдлости, евреи во второй половинѣ прошлаго вѣка естественно вступили въ русское подданство, когда территория, ими населенная, была присоединена къ областямъ Русскаго государства. Такимъ образомъ, послѣ раздѣла Польши, главными центрами еврейскаго населенія къ началу XIX вѣка являются частію Австрія, но главнымъ образомъ наши западныя и юго-западныя губерніи. вмѣстѣ съ тѣмъ, непосредственнымъ послѣдствіемъ великой французской революціи было болѣе или менѣе льготное расселеніе евреевъ по всему континенту Европы, гдѣ они въ концѣ концовъ завоевываютъ себѣ широкія права, политическія, соціальныя, экономическія, превышающія права, коими они пользовались и доннынѣ пользуются у насъ. Вступивъ въ среду европейскихъ народовъ, евреи въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ теченій европейской исторіи, переживаютъ въ своемъ бытіи періоды прогрессивные и регрессивные, которые г. Дубновъ въ своемъ дополненіи къ «Еврейской исторіи» Бекка и Бранна (изд. 1897 г., т. II) дѣлитъ на четыре эпохи: 1) эпоха первой или французской эмансипаціи (1789—1815 г.);

2) эпоха первой реакціи — политической (1815 — 1848 г.); 3) эпоха второй или нѣмецкой эмансипации (1848—1890 г.); 4) эпоха второй реакціи — социальной или антисемитской (отъ 1880 года до настоящаго времени). Мнѣ нѣтъ нужды, въ интересахъ настоящаго очерка, очерчивать каждую эпоху; интересующихся отсылаю къ любопытному переводному труду г. Дубнова; отмѣчу лишь, что занимающій насъ сейчасъ сіонизмъ относится къ послѣднему періоду—реакціонному или антисемитическому, развернувшемуся, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ Россіи и завершившемуся извѣстными «еврейскими погромами» начала восьмидесятыхъ годовъ. Г. Дубновъ исторически раскрываетъ передъ читателями возникновеніе и развитіе «сіонизма» или «палестинофильства».

Антисемитизмъ родился въ Германіи и съ 1880-хъ годовъ пріобрѣлъ специально социальную окраску; отсюда онъ проникъ во все остальные государства и въ 1881 году разразился на югѣ Россіи погромами, вызвавшими лихорадочную эмиграцію евреевъ. Эта эмиграція усилилась вслѣдствіе прогрессивнаго ухудшенія экономическихъ условій жизни въ чертѣ «еврейской осѣдлости». «Временныя» правила 3-го мая 1882 года, запретившія евреямъ жительство въ селахъ и деревняхъ, рядъ выселеній изъ внутреннихъ губерній Россіи и въ особенности изъ Москвы, привели къ чрезмѣрному сгущенію бѣднаго еврейскаго населенія въ городахъ «черты осѣдлости» и крайне обострили борьбу за существованіе. Ограниченіе евреевъ при пріемѣ въ учебныя заведенія, сокращеніе правъ евреевъ, уже кончившихъ свое образованіе, и многія другія мѣропріятія поставили преграду начавшемуся въ 1860-хъ годахъ просвѣтительному движенію. Сотни тысячъ русскихъ евреевъ переселились въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, гдѣ евреи еще со времени Вашингтона пользовались гражданскимъ равноправіемъ. Тысячи эмигрантовъ устремились въ Палестину и Аргентину, гдѣ основали, преимущественно при помощи бароновъ Ротшильда и Гирша, земледѣльческія колоніи.

«Рѣзкій переломъ во внѣшней жизни русскихъ евреевъ вызвалъ соответствующую смѣну умственныхъ теченій,—повѣствуетъ г. Дубновъ. Въ еврейской массѣ снова подняла голову воинствующая ортодоксія, усмотрѣвая въ послѣднихъ событіяхъ небесную кару за увлеченіе молодежи европейскимъ просвѣщеніемъ. Въ образованныхъ слояхъ еврейскаго общества начался тотъ процессъ нравственнаго самоопредѣленія, который обыкновенно слѣдуетъ за тяжкими испытаніями. Прежнее стадное стремленіе къ слиянію съ окружающимъ населеніемъ и недостойный индифферентизмъ къ интересамъ еврейской массы смѣнились горячимъ желаніемъ сблизиться съ этой массой, служить ей по мѣрѣ силъ, улучшить ея бытъ и поднять ея умственный уровень. Еврейская національная идея укореняется въ сознаніи интеллигенціи, хотя и проявляется въ различныхъ формахъ. Одни представляютъ себѣ еврейство въ формѣ духовной націи, каждая группа

которой политически связана съ тѣмъ или другимъ государствомъ, участвуетъ въ его гражданской жизни и честно служить его интересамъ, не отрекаясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ своихъ религиозныхъ, духовныхъ и историческихъ интересовъ. Другіе же, наиболѣе крайніе націоналисты, поставили себѣ идеаль полного или частичнаго превращенія евреевъ въ политическую націю. Этотъ идеаль, или, точнѣе, смѣлая мечта, лежитъ въ основѣ литературной дѣятельности палестинифильской партіи, поощренной отряднымъ успѣхомъ земледѣльческой колонизаціи въ Святой землѣ. Съ точки зрѣнія палестинифиловъ, исторически сложившійся типъ духовной націи, присутствующій еврейству уже около двухъ тысячъ лѣтъ, ненормаленъ. Они хотѣли бы повернуть колесо исторіи и совершить обратный поворотъ отъ «западнаго періода» къ древнему «восточному періоду». Однако, при всей односторонности своихъ стремленій, и эта партія немало содѣйствовала пробужденію самосознанія въ мыслящихъ слояхъ народа. Сближеніе интеллигенціи съ массою, попытки просвѣщенія послѣдней въ духѣ общечеловѣческомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ народномъ, усиленіе интереса къ многовѣковому прошлому еврейскаго народа и къ высокимъ универсальнымъ истинамъ іудаизма, оживленіе въ сферѣ текущей еврейской литературы на древне-еврейскомъ и русскомъ языкахъ, — таковы пока результаты новаго умственнаго движенія среди русскихъ евреевъ».

Такъ объясняетъ намъ происхожденіе сіонизма или палестинифильства историкъ еврейства, выводя это движеніе изъ вспыхнувшего повсемѣстно антисемитизма; къ сожалѣнію, онъ счелъ нужнымъ нѣсколько затемнить смыслъ этого историческаго факта идеями универсальности и общечеловѣчности, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, сіонизмъ есть продуктъ идеи узкаго націонализма, ничего не имѣющаго общаго съ отмѣченными выше идеями. Я не беру на себя задачи осуждать идею націонализма, но желалъ бы лишь, чтобы предметъ показанъ былъ въ его настоящемъ освѣщеніи и истинномъ происхожденіи, почему, откинувъ въ сторону разглагольствованія насчетъ универсальности, обращусь къ сіонизму, какъ къ широкому проявленію національнаго еврейскаго духа. Связь еврейства съ Палестиною никогда не прерывалась послѣ изгнанія оттуда евреевъ, и нѣкоторыя изреченія Библіи давали имъ всегда надежду, что настанетъ время, когда, съ пришествіемъ Мессіи, еврейскій народъ встрѣтитъ обѣтованнаго имъ сына Божія на территоріи своей исконной исторической родины. Это вѣрованіе проникло даже и въ ритуаль еврейскаго погребенія, согласно каковому ритуалу, по показаніямъ г. Алексѣева (см. «Очерки домашней и общественной жизни евреевъ»), «въ руки покойника кладутъ палочки, на которыя бы онъ могъ опереться, когда придетъ Мессія, такъ какъ всѣ умершіе, по убѣжденію евреевъ, основанному на талмудѣ, встанутъ изъ могилъ и пойдутъ искать себѣ новыхъ въ землѣ обѣтованной. Есть вѣрованіе,

что покойники изъ своихъ могилъ проползаютъ въ Палестину подземными ходами».

Старые евреи и еврейки, во избѣжаніе этой процедуры подземнаго путешествія, часто не жалѣютъ послѣднихъ средствъ, чтобъ, въ предвидѣніи скорой кончины, еще при жизни поселиться въ Иерусалимѣ или гдѣ нибудь въ Палестинѣ.

IV.

Такимъ образомъ, идея самой тѣсной связи еврейства съ Палестиной никогда не исчезала изъ еврейскаго народа, и евреи всегда смотрѣли на нее, какъ на свою землю, съ кою по волѣ рока, по грѣхамъ отцовъ и дѣдовъ, пришлось лишь на время разлучиться. Это тяготѣніе и имѣло непосредственные практическіе результаты: несмотря на многія встрѣчавшіяся трудности на ихъ историческомъ пути, несмотря на извѣстныя ограниченія и понынѣ, въ одномъ Иерусалимѣ евреевъ, по показаніямъ г. Суворина, до 28.000 изъ 40.000 всего населенія. Они переполняютъ собой всѣ предмѣстья и дѣлятся на двѣ вѣтви: ашкеназимъ и сефардимъ. «Первые, — говоритъ авторъ «Палестины», — выходцы изъ средней Европы, преимущественно изъ Польши; вторые — потомки евреевъ, изгнанныхъ въ XV вѣкѣ изъ Испаніи. Ашкеназимъ отличаются своими грубыми чертами лица вырождающагося племени, пейсами, особенными халатами и островерхими колпаками, опущенными соболямъ мѣхомъ. Наружность сефардимовъ гораздо привлекательнѣе. Они, видимо, немало заимствовали испанской крови, и ихъ выразительныя лица не лишены благородства. Они одѣваются, какъ мусульмане, и носятъ черныя тюрбаны, предписанные имъ когда-то еще халифомъ Хакемомъ. Въ еврейскомъ кварталѣ смертность чрезвычайно великая, благодаря тому, что ежегодно въ Иерусалимѣ съѣзжаются престарѣлые евреи и еврейки съ тѣмъ, чтобы здѣсь умереть и быть погребенными въ Иосафатовой долинѣ. Кромѣ Иерусалима, евреи особенно скучиваются еще въ трехъ другихъ священныхъ городахъ Палестины: Хевронѣ, Тиверіадѣ и Сафдѣ. Живутъ они торговлей, разнѣномъ денегъ и ремеслами, а многіе милостыней, присылаемой ихъ собратіями изъ Европы «для бѣдныхъ Иерусалима».

Г. Суворинъ посѣтилъ подножіе старой храмовой стѣны Соломоновой постройки, куда евреи въ пятницу собираются, чтобы оплакивать бывшее величіе Израиля. Право на этотъ обрядъ было ими куплено у турецкаго правительства, «не промахнувшагося и по этому доходу». «Въ четвертомъ часу по полудни мы поѣхали къ мѣсту плача, — повѣствуетъ авторъ. Обогнувъ Яффскія ворота, мы поднялись къ Сіону и тутъ спустились на широкую площадь, заросшую густымъ лѣсомъ кактусовъ. Странно было встрѣтить такое, слишкомъ ужъ явно никому не нужное, мѣсто въ Иерусалимѣ, гдѣ часто бы-

ваетъ, что домъ принадлежитъ одному владѣльцу, а плоская крыша надъ нимъ—другому. Впрочемъ на востокѣ не любятъ жить просторно; всѣ жмутся другъ къ другу, примазывая одинъ домъ къ другому, такъ что инья деревни ютятся подъ одной общей крышей, а рядомъ съ этой тѣсной кучей мазанокъ лежатъ обширныя глухія пустыри. Нѣсколько времени мы ѣхали узкими переулками. Мимо насъ и передъ нами шагали фигуры евреевъ въ развѣвающихся ситцевыхъ и шелковыхъ халатахъ, съ пейсами, спускавшимися съ висковъ, и въ мѣховыхъ шапкахъ, опушки которыхъ торчали въ стороны длинными космами, придавая евреямъ странный, нѣсколько даже дикій и зловѣщій видъ. Нѣкоторые были съ книгами въ рукахъ. Они шли спокойно, и безучастно поглядывали на насъ. Видимо, они привыкли встрѣчать любопытныхъ.

«Мѣсто плача представляетъ собою глухой загибъ переулка, идущій вдоль храмовой стѣны. Она сложена изъ огромныхъ камней, почернѣвшихъ теперь и заросшихъ старымъ мхомъ, и здѣсь высоко поднимается въ воздухъ. Вдоль ея подножія человекъ двѣсти евреевъ толпились отдѣльными группами. Сѣдые, тощія раввины, въ шелковыхъ широкихъ халатахъ лиловаго и розоваго цвѣтовъ, прикинули головой къ священнымъ камнямъ и съ громкими всхлипываніями читали слова плача. Толпа кругомъ сумрачно и глухо повторяла за каждымъ стихомъ «амен!». Большинство довольно безучастно озиралось на подходящихъ, нѣкоторые же видимо глубоко проникались внутреннимъ смысломъ обряда. Особенно сокрушался и съ ожесточеніемъ бился о стѣну одинъ высокій рыжій еврей, вся голова котораго обмотана была большимъ сѣрымъ платкомъ, очевидно, отъ зубной боли. Спокойно сидя на корточкахъ у стѣны, любопытно посматривалъ на насъ его маленькій сынишка, время отъ времени совѣмъ машинально повторяя за другими глухое «амен». Вообще, фигуры, полныя отчаянія, и спокойныя равнодушныя лица мѣшались въ этой толпѣ, разъединяя общее впечатлѣніе. Только мохнатая шапка, крупныя локоны пейсовъ и длинныя одежды, перетянутыя мягкими поясами, придавали ей однообразіе. Женщины стояли отдѣльно, тихо и сумрачно причитая. Онѣ мало смотрѣли по сторонамъ и, очевидно, болѣе думали о приличной внѣшности дѣдовскаго обряда, чѣмъ ихъ мужья. Ихъ лица меня поразили. Въ нихъ мало было еврейскаго: не было ни острыхъ, рѣзкихъ очертаній лица, ни яркой черноты волосъ. Онѣ всѣ были русы, лица широкія, съ мелкими и пріятными чертами. Иныхъ старухъ легко было принять за русскихъ крестьянокъ, тѣмъ болѣе, что и одѣты онѣ были въ ситецъ съ мелкими цвѣточками, который такъ любятъ русскія бабушки».

Г. Суворинъ приводитъ тутъ же и двѣ пѣсни плача евреевъ.

- 1) Раввинъ. О дворцѣ, который разорент,
Народъ, Мы сидимъ одиноко и плачемъ!

- Раввинъ. О храмѣ, который разрушенъ,
 Народъ. Мы сидимъ одиноко и плачемъ!
- Раввинъ. О стѣнахъ, которыя скрыты,
 Народъ. Мы сидимъ одиноко и плачемъ!
- Раввинъ. О нашемъ величїи, которое прошло,
 Народъ. Мы сидимъ одиноко и плачемъ!
- Раввинъ. О нашихъ великихъ людяхъ, которые погибли,
 Народъ. Мы сидимъ одиноко и плачемъ!
- Раввинъ. О камняхъ драгоценныхъ, которые пожжены,
 Народъ. Мы сидимъ одиноко и плачемъ!
- Раввинъ. О нашихъ жрецахъ, которые отступились,
 Народъ. Мы сидимъ одиноко и плачемъ!
- Раввинъ. О нашихъ царяхъ, которые презрѣли ихъ,
 Народъ. Мы сидимъ одиноко и плачемъ!
- 2) Раввинъ. Умоляемъ васъ, пощадите Сїонъ!
 Народъ. Собирайтесь, дѣти Іерусалима!
- Раввинъ. Спѣши, спѣши, о Спаситель Сїона!
 Народъ. Просите пощады Іерусалиму!
- Раввинъ. Красота и величіе да окружаютъ Сїонъ!
 Народъ. Съ милосердіемъ возвратите на Іерусалимъ!
- Раввинъ. Власть цари да возстановится вскорѣ на Сїонъ!
 Народъ. Утѣшайте тѣхъ, кто плачетъ объ Іерусалимъ!
- Раввинъ. Миръ и счастье да внидутъ въ Сїонъ!
 Народъ. И жезлъ могущества да возвысится надъ Іерусалимомъ!

Эта сцена плача у подножія Соломоновой стѣны, эти пѣсни, какъ нельзя лучше, показываютъ, поскольку евреи считаютъ свое прошлое, настоящее и еще болѣе будущее, тѣсно связанными съ Іерусалимомъ, Сїономъ и вообще съ Палестиною. Обосновавшись въ значительномъ числѣ въ Іерусалимѣ, они, какъ уже сказано было, имѣютъ мѣстожительство въ Хевронѣ, Тиверїадѣ и Сафдѣ. Если Іерусалимъ является историко-легендарнымъ пунктомъ тяготѣнія еврейства, то Кесарія служитъ, такъ сказать, реальнымъ оплотомъ сїонизма, какъ онъ вылился на первыхъ порахъ въ наши дни. Судьба еврейской колонизаціи въ эту область Палестины повѣдана г. Суворинымъ такъ.

Въ 1881 году, среди румынскихъ евреевъ образовался комитетъ подъ предѣдательствомъ Исаака Лебеля для переселенія части еврейскаго населенія въ Палестину. Кто желалъ переселиться, тотъ долженъ былъ внести въ общую кассу извѣстную сумму денегъ. Изъ этихъ взносовъ и пожертвованій собрался капиталъ въ 200.000 франковъ, который и былъ назначенъ на покупку земли въ Палестинѣ и первые расходы переселенцевъ. Уполномоченные комитета выбрали и купили въ 15 верстахъ отъ Кесарїи кусокъ земли въ 360 десятинъ, заплативъ за него 44.000 франковъ. Земля эта была записана на имя И. Лебеля. Евреи стали переселяться, но турецкое правительство дѣлало имъ всевозможныя препятствїя, запрещая, напримѣръ, имъ высаживаться въ Кайфѣ, такъ что евреи должны были отправляться дальше и, высадившись за бакшишъ въ Яфѣ или Бейрутѣ, сухопутнымъ пробираться въ Кайфу, гдѣ они и про-

живались, такъ какъ на купленной землѣ домовъ никакихъ не было, а строить ихъ турецкое правительство не позволяло. Деньги, оставшіяся отъ 200.000 франковъ, скоро вышли, и между переселенцами началась нужда. Тутъ умеръ И. Лебель, послѣ чего комитетъ прекратилъ свое существованіе. Турецкое правительство хотѣло воспользоваться смертью Лебеля, чтобы взять за себя всю землю, записанную за нимъ. Еврей, однако, выигралъ этотъ процессъ. Въ 1885 году, баронъ Э. Ротшильдъ прислалъ изъ Парижа къ колонистамъ своего довѣреннаго И. Шейда, чтобы помочь своимъ соплеменникамъ. Шейдъ обѣщалъ колонистамъ отъ барона по 12 франковъ въ мѣсяцъ содержанія на человѣка, но взаменъ потребовалъ безпрекословнаго и совершеннаго подчиненія всѣмъ распоряженіямъ барона и его уполномоченныхъ. Бѣднѣйшіе согласились на это тотчасъ же, подписали формальное условіе объ этомъ; тѣ же, кто имѣлъ что нибудь въ запасѣ, уступили черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Ротшильдъ прикупилъ поблизости еще 140 десятинъ земли и, такъ какъ турки все еще не разрѣшали евреямъ строиться, то онъ заказалъ въ Галацѣ 60 деревянныхъ домовъ, которые и были привезены моремъ на Тантуру, а отсюда на бричкахъ въ Зиммаринъ. Тамъ сложили и обстроили ихъ нѣмецкіе колонисты изъ Кайфы. Каждый домъ обошелся въ 2.100 франковъ. Въ 1885 году, около 70 семействъ переселилось въ Сикронъ-Яковъ — «воспоминаніе о Яковѣ» — такъ Ротшильдъ назвалъ колонию въ память своего отца. Ротшильдъ прислалъ въ колонию своего администратора, который и теперь распоряжается въ колоніи отъ его имени, хлопочетъ по дѣламъ колоніи, даетъ отчетъ Ротшильду и получаетъ отъ него деньги. Онъ самъ, садовникъ-винодѣль, врачъ, аптекарь и учителя — всѣ они получаютъ жалованье отъ Ротшильда и присланы изъ Франціи, они французскіе подданные, а всѣ колонисты обязаны переходить въ турецкое подданство. Ротшильдъ откупилъ пошлины съ колоніи у турецкаго правительства на 10 лѣтъ впередъ и за пять лѣтъ уже уплатилъ ихъ. Такъ какъ ему же принадлежатъ и дома колонистовъ, то власть его въ колоніи полная, и непослушныхъ администрація Ротшильда выгоняетъ вонъ на улицу при посредствѣ хаяловъ (полицейскихъ). Въ послѣднее время Ротшильдъ прикупилъ еще земли, такъ что еврейская его колонія стала богаче нѣмецкой колоніи Кайфы. Воздѣлывается земля преимущественно подъ виноградники. Для развитія винодѣлія Ротшильдъ держитъ мастера-винодѣла и выстроилъ большіе погреба съ равными приспособленіями. Въ поляхъ еврей-колонисты сами почти не работаютъ, а нанимаютъ для полевыхъ работъ мѣстныхъ феллаховъ, сами же только присматриваютъ за ними. Этихъ рабочихъ у нихъ до 1.000 человѣкъ, не считая батраковъ-евреевъ же, которыхъ тоже около 150 человѣкъ. Главное занятіе самихъ евреевъ — ремесла, хотя нѣкоторые и сами занимаются полевыми работами. Среди колонистовъ есть

нѣсколько семействъ изъ Россіи. Въ школахъ преподаваніе и всѣ разговоры ведутся на древне-еврейскомъ языкѣ; специалистъ-врачъ лѣчитъ бесплатно населеніе, которое выказываетъ чрезвычайную любовь къ лѣченію: до 130—150 человекъ бываетъ въ его амбулаторіи ежедневно. Есть примѣры нѣсколькихъ отказовъ отъ Ротшильдовскихъ 12 франковъ въ мѣсяць, что допускается теперь Ротшильдомъ охотно. «Такимъ образомъ эта колонія представляетъ собою какъ бы личное помѣстье Ротшильда, — свидѣтельствуемъ г. Суворинъ, — въ которомъ каждый живущій получаетъ за фактъ своего бытія по полтора ста франковъ въ годъ пособія отъ владѣльца, лишь бы плодились и размножались въ Палестинѣ евреи. Свое назначеніе расадника еврейства въ Палестинѣ Сикронъ-Якобъ сыграетъ навѣрное: евреи всюду являются на плечахъ европейцевъ; нѣтъ страны, которую они сами покорили бы, или открыли цивилизаціи, но въ странахъ некультурныхъ они показываются тотчасъ же за первыми завоевателями-европейцами. Палестину же европейцы теперь уже начали систематически отбивать отъ турокъ, и появленіе въ ней еврейскаго населенія поэтому вполне въ пору, вполне естественно и даже неизбежно, такъ же какъ и ихъ дальнѣйшее тамъ размноженіе. О томъ, что евреи и на нивахъ Палестины не превратятся въ прежнихъ тружениковъ-землевладѣльцевъ, объ этомъ нечего и говорить. Это ясно для каждого ихъ здѣшняго сосѣда».

V.

Г. Суворинъ отмѣчаетъ такимъ образомъ упрощеніе еврейства въ Палестинѣ, хотя и освѣщаетъ вопросъ не столько историческимъ ихъ тяготѣніемъ къ предѣламъ Святой земли, сколько обстоятельствами иныхъ категорій. Важно въ данномъ случаѣ то, что и по его показаніямъ прибытіе ихъ въ Палестину относится къ 1881 г., т. е. къ тому времени, когда особенно усилился антисемитизмъ, какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ.

Въ 1885 г. въ Петербургѣ вышла довольно любопытная книга «Палестина. Сборникъ статей и свѣдѣній о еврейскихъ поселеніяхъ въ Святой землѣ», гдѣ обрисована исторія палестинскаго движенія и объяснена его суть. По толкованію г. Леванды, автора одной изъ статей сборника, палестинское движеніе—есть «движеніе къ труду физическому, земледѣльческому, движеніе къ производству хлѣба собственными руками, движеніе къ переходу отъ теоріи къ практикѣ, отъ слова къ дѣлу». Что воскрешеніе и обновленіе еврейства возможно, особенно при условіи его обращенія къ физическому, хлѣбному труду, авторъ считаетъ вполне вѣроятнымъ, видя въ исторіи благоприятные тому примѣры, какъ, напримѣръ, возрожденіе славянскаго и эллинскаго національнаго самосознанія. Въ цѣляхъ

достиженія этого національнаго самосознанія, еврейство—по мнѣнію г. Леванды— и должно обратить свои взоры на востокъ, на свою исконную историческую колыбель.

«Помыслы и взоры пробуждающагося въ новой жизни народа нашего обращены теперь преимущественно на востокъ и очень просто потому, что на западѣ онъ обжегся, западъ измѣнилъ ему, не оправдалъ его ожиданій или, говоря точнѣе, оттолкнулъ его отъ себя обѣими руками. Чѣмъ больше онъ живетъ, тѣмъ больше онъ убѣждается, что возвышающаяся до облаковъ стѣна, отдѣляющая его отъ западныхъ народовъ и племенъ, не падаетъ ни отъ какихъ іерихонскихъ трубъ, ни отъ какихъ гедеоновскихъ факеловъ, а лбомъ стѣны не прошибешь. Онъ пробовалъ даже это, но... ушелъ съ большими синяками на лбу и чуть совсѣмъ не разможилъ себѣ голову. Западные народы никогда не признавали, никогда, какъ видно, и не признаютъ его себѣ равнымъ, почему всегда считали и вѣчно считать его будутъ чужимъ, лишнимъ, пришельцемъ, гостемъ, при томъ еще непрошеннымъ, нежелательнымъ. Какъ онъ ни въ правѣ обижаться такимъ несправедливымъ къ нему отношеніемъ народовъ, съ которыми онъ не со вчерашняго дня дѣлится радостью, горе и труды по выработкѣ дорогой всему человѣчеству цивилизации,—фактъ не перестаетъ отъ этого быть фактомъ. Долго, около двухъ тысячъ лѣтъ, онъ старался не замѣчать этого факта, игнорировать его, сохраняя улыбающуюся мину при сквернѣйшей игрѣ, которую онъ въ своемъ послѣдовательномъ самообманѣ любилъ считать преходящей, по крайней мѣрѣ, не вѣчной... Но всему же есть конецъ; долженъ быть конецъ и его завѣдомому самообману, его оптическому взгляду на факты, никогда не считаться съ которыми верхъ недомыслія».

Это палестинофильское движеніе было дружно поддержано въ Россіи; молодежь, только что выступавшая на самостоятельное поприще жизни, съ энтузіазмомъ къ нему примкнула, и поэтъ Фругъ, отзываясь на національное пробужденіе своего народа, привѣтствовалъ это пробужденіе стихами, гдѣ восклицалъ:

Господь, Господь, верни Сіону
Его поруганныхъ дѣтей!
Разлей ручьемъ живымъ ихъ слезы
По лону чахнувшихъ полей!...
Рыдай, вышель пахарь въ поле,
Рыдай, бродитъ за сохой,
Но вслѣдъ за нимъ придутъ, ликуя,
Жнецы веселою толпой.

Палестинофильское движеніе въ Россіи выразилось учрежденіемъ нѣсколькихъ обществъ. Въ Кишиневѣ возникло общество «Ново-завѣтнаго Израиля», въ Одессѣ—«Новый Израиль», въ Елисаветградѣ—«Духовно-библейское братство»; а въ литературѣ, кромѣ отмѣченнаго сборника, появился рядъ брошюръ, развивавшихъ и разъ-

яснявшихъ вопросъ о будущности еврейства. Въ числѣ этихъ наиболѣе выдающихся брошюръ отмѣтимъ—г. Бенъ-Сіонова «Новый Израиль», Португалова—«Знаменательныя движенія въ еврействѣ», нѣмецкую брошюру «Autoemancipation». Извѣстными откликами, только пессимистической окраски, должны считаться брошюры—Геца «Что такое еврейство?», Житловскаго «Мысли объ историческихъ судьбахъ еврейства»; но наиболѣе фанатично преданной палестинской идеѣ является работа Г. Лемблана «Вырожденіе евреевъ и Палестина», гдѣ авторъ, констатируя дегенерацию своего племени, указываетъ въ качествѣ единаго спасенія на переселеніе всего народа въ ветхозавѣтную родину предковъ. Въ теченіе десятилѣтія пятидесятихъ годовъ палестинское движеніе какъ будто затихло или, правильнѣе, было заслонено такъ называемымъ Аргентинскимъ движеніемъ колонизаціи барона Гирша.

Здѣсь нѣтъ надобности рассказывать сущности и подробности этой колонизаціи—это уже было сдѣлано на страницахъ «Истор. Вѣстн.» въ статьѣ Марка Басанина «Еврейскія колоніи въ Аргентинѣ» (т. LXXII), гдѣ очевидецъ аргентинской эпопеи повѣдалъ читателямъ во всей наглядности ходъ новыхъ драматическихъ страницъ въ исторіи еврейскаго племени. Къ означенной статьѣ я и отсылаю читателей, здѣсь же лишь отмѣчу, что когда вся несостоятельность Гиршевой затѣи оказалась очевидною, на сцену жизни выплыла снова идея палестинофильства, или, какъ его нынѣ принято называть, сіонизма. Сіонизмъ вторично громко заявилъ о себѣ съ выходомъ въ свѣтъ въ 1896 г. книги вѣнскаго журналиста д-ра Герцля «Еврейское государство», гдѣ авторъ, повторивъ сказанное по тому же предмету прежними писателями, энергично бросилъ своему народу кличъ: назадъ, въ Палестину! Книга Герцля надѣлала немало шума, послѣ чего сіонизмъ явился движеніемъ вполне отчеканеннымъ, со всѣми относящимися сюда орудіями агитаціи, ближайшимъ слѣдствіемъ каковой былъ первый конгрессъ сіонистовъ въ 1897 г. въ Базелѣ. Въ этомъ конгрессѣ приняло участіе 204 делегатовъ, при чемъ на долю Россіи вышло первенствующее въ численномъ отношеніи представительство (55 делегатовъ). Программа конгресса была выработана организаціоннымъ комитетомъ слѣдующая: 1) старѣйшій изъ членовъ открываетъ конгрессъ; 2) д-ръ Герцль привѣтствуетъ собраніе и говоритъ о значеніи конгресса; 3) выборъ предсѣдателя и членовъ бюро; 4) д-ръ Максъ Нордау читаетъ: «О положеніи евреевъ въ мірѣ»; 5) выработка программы сіонистовъ; докладчики—д-ра Бирнбаумъ и Фарбштейнъ; 6) сіонистская организація: а) соединеніе всѣхъ дѣйствій сіонистовъ въ одномъ центрѣ; б) основаніе неприкосновеннаго національнаго фонда; в) программа дѣйствій сіонистовъ—докладчика д-ра Боденгеймеръ; 7) Палестинская колонизація: а) о покупкѣ земель въ Палестинѣ; б) объ основаніи новыхъ колоній; в) подгото-

вление колонистовъ; г) экспортъ и импортъ Палестины; д) культура Палестины.

Работа конгресса, рѣчи и постановленія изложены въ одесской брошюрѣ С. Пэна «Первый всемірный конгрессъ въ Базелѣ». Второй разъ конгрессъ собрался въ текущемъ году лѣтомъ, опять въ томъ же Базелѣ, и «С.-Петербургскія Вѣдомости» въ двухъ корреспонденціяхъ (№№ 226 и 229) ознакомили читателей въ обстоятельномъ изложеніи обо всемъ происходившемъ тутъ. Въ интересѣ новизны матеріала я и воспользуюсь этими корреспонденціями, минуя брошюру С. Пэна, ради краткой обрисовки, какихъ результатовъ достигъ и какія задачи намѣтилъ современный сіонизмъ.

Наиболѣе выдающимися рѣчами на конгрессѣ были рѣчи председателя Герцля и Макса Нордау. Первый утверждалъ, что, если евреи прежде не могли создать себѣ родины, то теперь это возможно; для этого прежде всего нужно пробужденіе воли. Сіонизму противодѣйствуютъ руководители общинъ, раввины, не понимая того, что сіонизмъ есть самое существо еврейства, поэтому во главѣ этихъ общинъ должны стоять люди, глубоко преданные сіонизму. Ближайшая задача теперяшняго движенія—привлеченіе на свою сторону общинъ. Это лучшее средство пропаганды, это же является гарантіей того, что сіонистскіе конгрессы явятся выразителями желаній всего еврейскаго народа. Сіонизмъ не только не поведетъ къ новымъ раздорамъ среди народовъ, но окажетъ услугу всему человѣчеству тѣмъ, что разрѣшитъ неразрѣшимый еврейскій вопросъ. Если всѣ христіанскіе народы заявляютъ свои права на Палестину, то они должны допустить, что евреи имѣютъ на эту страну старѣйшее право. Для пріобрѣтенія земель тамъ необходимо учредить колоніальный банкъ, капиталъ котораго нынѣ уже составляется при помощи разныхъ сборовъ и пожертвованій. Уже извѣстныя суммы денегъ тратятся на агитацію въ пользу сіонизма, но отчета въ этихъ тратахъ, какъ равно въ суммѣ сборовъ и средствъ агитаціи, д-ръ Герцль отъ имени организаціоннаго комитета проситъ общее собраніе пока не требовать. Достаточно, если финансовая и ревизіонная комиссія свидѣтельствуютъ, что за покрытіемъ расходовъ въ кассѣ еще остается 61.250 франковъ. Самая организація сіонистовъ нынѣ уже достигла значительныхъ размѣровъ: на всемъ свѣтѣ существуетъ 913 организацій, изъ коихъ 726 новыхъ, возникшихъ въ самое послѣднее время. Наболѣе крупное число составляютъ сіонисты въ Россіи, Австро-Венгріи, Румыніи, Англіи и Германіи, также и въ Соединенныхъ Штатахъ. Сіонистская нѣмецкая газета «Die Welt» вскорѣ будетъ реформирована въ изданіе, печатаемое на еврейскомъ жаргонѣ.

Не менѣе энергично развивалъ въ своемъ докладѣ насущныя потребности сіонизма проф. Мандельштамъ, намѣтившій ближайшія задачи этого движенія; задачи эти сводятся къ нравственному и физическому оздоровленію еврейскаго народа, организаціи гимнастиче-

скихъ обществъ, реорганизаціи еврейскихъ школъ, къ національно-еврейскому воспитанію юношества, учрежденію колониальнаго банка и главнѣйшее—къ началу правильной колонизаціи Палестины. Колонизація эта идетъ уже успѣшно, и въ настоящее время тамъ всего 18 (?) еврейскихъ колоній, въ 5.000 человекъ, владѣющихъ почти 25.000 гектарами земли.

Я опускаю содержаніе остальныхъ рѣчей членовъ конгрессовъ, такъ какъ въ нихъ повторялись или общія мѣста или сказанное въ прошломъ году, а также въ той литературѣ вопроса, которая отчасти уже мною была использована выше. Конгрессъ былъ оживленный, удостоился даже оваціи со стороны швейцарскаго населенія и вызвалъ немало сочувственныхъ статей, какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ.

Уже прошлогодній конгрессъ обратилъ на себя вниманіе русской прессы, и сіонизмъ вызвалъ немало любопытныхъ разсужденій, изъ коихъ по оригинальности постановки вопроса особенно выдѣляется статья С. Н. Южакова на страницахъ «Русскаго Богатства» (1897 г., № 12). Нашъ публицистъ, проникнутый вообще симпатіями къ еврейству и признавая его большія культурныя заслуги, относится къ сіонизму, какъ къ узко національному движенію отрицательно, видитъ въ немъ мечту экзальтированнаго и болѣзненно настроеннаго воображенія, являющую міру «новый примѣръ массоваго помѣшательства», съ реакціонными послѣдствіями и реакціонной цѣлью. «Основная фальшь сіонистскаго движенія,—говоритъ г. Южаковъ,—кромѣ его реакціонной подкладки и бредовой формы, основная и ничѣмъ не оправдаваемая фальшь—націонализмъ. Ибо еврейской націи не существуетъ въ мірѣ, а существуетъ только еврейскій народъ, соединенный не національностью, а вѣроисповѣданіемъ». Семитическій элементъ потонулъ въ индо-европейскомъ, и современные европейскіе евреи суть такъ же индо-европейцы, какъ французы, нѣмцы или славяне. Нечего говорить о землѣ предковъ. Для однихъ она, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ у вратъ Сіона; для другихъ у струи Дуная, на островахъ Эгейскаго моря, на холмахъ Рима, на развалинахъ Прованса... О производительномъ трудѣ въ Палестинѣ нечего толковать—по размѣрамъ плодородной почвы въ Палестинѣ этотъ трудъ невысшимъ тамъ въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ. Ему, слѣдовательно, должна быть создана возможность на родинѣ европейскаго еврея. Здѣсь же, и только здѣсь, и его отечество». Г. Южаковъ полагаетъ, что Гиршъ совершилъ большой промахъ, жертвуя деньги на Аргентинскую эмиграцію; гораздо было бы полезнѣе потратить его милліоны на пріобрѣтеніе для евреевъ земельной собственности въ Европѣ, на организацію образцовыхъ еврейскихъ школъ-хозяйствъ, на сосредоточіе въ нихъ по возможности большаго числа подростостающаго еврейскаго поколѣнія. Производителный трудъ не только земледѣльческій; русскіе евреи—давно искусные ремесленники, но милліоновъ портныхъ и башмачниковъ

никому не надобно. Сила экономической необходимости гонить поэтому еврейскую бѣдноту къ фабричному, извозному, черному городскому труду. Дѣло еврейской интеллигенціи—прійти на помощь этой теперь уже значительной рабочей еврейской массѣ, позаботиться о ея провѣщеніи, о братскихъ чувствахъ къ другимъ рабочимъ. На этой почвѣ переработки еврейскаго народнаго быта можно ожидать многого. Что же касается вопроса: гдѣ же отечество еврея? то на этотъ вопросъ г. Южаковъ отвѣчаетъ: «конечно, тамъ, гдѣ онъ находитъ себѣ родное. Родную религію онъ несетъ съ собою, но родина его, его родной языкъ, идеалы, привязанности, навыки, культура—въ томъ европейскомъ обществѣ, съ которымъ онъ связанъ исторически. Онъ и сроднился съ этими обществами, и будемъ надѣяться, что сіонизмъ только поколеблетъ, но не порветъ эту связь родства и патріотизма».

Одинъ изъ сіонистовъ уже возражалъ г. Южакову на страницахъ того же «Русскаго Богатства», каковому возраженію г. Южаковъ противопоставилъ свое, но эта полемика не разъяснила вопроса, и все осталось постарому и тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшемъ послѣдовалъ второй Базельскій конгрессъ, гдѣ движеніе сіонизма текло по руслу, расчищенному въ послѣднее время Герцлемъ, и гдѣ громко произносились сужденія, обрисованныя мною выше, изъ коихъ съ точностью выяснялось, что еврейская интеллигенція въ подавляющемъ своемъ большинствѣ лучшихъ силъ считаетъ сіонизмъ единственнымъ разрѣшеніемъ неразрѣшимаго доселѣ еврейскаго вопроса. Трудно, конечно, сказать, выйдетъ ли что дѣйствительно толковое изъ стараній вожаковъ сіонизма, и удастся ли имъ «повернуть колесо исторіи». Надъ еврействомъ, нельзя не сознаться, виситъ что-то роковое, и въ судьбѣ его встрѣчаются постоянно такія превратности, коихъ ни одинъ народъ не имѣетъ въ своемъ историческомъ опытѣ. Поэтому и сіонизмъ, при всей видимой простотѣ его идеи, хотя и при несомнѣнной трудности выполненія, рисуется пока золотой мечтой, поэтическимъ полетомъ мысли, гдѣ носители этой мысли стремятся присоединить во что бы то ни стало къ накопившемуся вѣковому, и притомъ собственному, историческому матеріалу наличность хоть небольшой географіи. Въ качествѣ мечты, — надо съ этимъ согласиться, —сіонизмъ несомнѣнно содержитъ съ себѣ дѣйствительно много поэтическихъ элементовъ, заставляя усиленно работать фантазію и рисовать широкія перспективы въ прошломъ и будущемъ. Что же касается пракческаго его осуществленія, его реализаціи, то тутъ—что ни шагъ, то трудности, непреоборимыя страсти и сила сопротивленія со стороны другихъ народностей, интересы которыхъ такъ перепутались нынѣ въ Палестинѣ и которыя не такъ-то легко согласятся раздвинуться, чтобъ дать мѣсто новому энергичному и даровитому народу.

VI.

Надѣюсь, что читатели «Историческаго Вѣстника» не попеняютъ на меня, что я далъ въ своемъ очеркѣ столько мѣста судьбамъ еврейскаго народа. Сіонизмъ по силѣ своей интенсивности рисуется мнѣ самымъ характернымъ и притомъ мало обслѣдованнымъ движениемъ, направленнымъ къ берегамъ Палестины. Остальные народы уже укрѣпились тамъ болѣе или менѣе съиздавна, задачи, или здѣсь преслѣдуемыя, не составляютъ чего нибудь невѣдомаго и таинственнаго, и самый процессъ осуществленія этихъ задачъ весь уже въ ходу; поэтому и обрисовка этого процесса не является особенно затруднительной. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію, въ какихъ формахъ и фактахъ выясняется тяготѣніе современныхъ народовъ въ Палестину и каковы побудительныя къ тому причины, необходимо выяснитъ, что такое представляетъ собою современная Палестина.

Палестина съ 1517 г. есть турецкая провинція и управляется на общихъ основаніяхъ турецкаго законодательства. Главнѣйшій контингентъ населенія составляютъ сирійцы и арабы; далѣе слѣдуютъ по численности греки, турки, евреи и европейцы, въ томъ числѣ и русскіе. До 80% населенія исповѣдуетъ исламъ, затѣмъ идутъ христіане разныхъ исповѣданій, среди коихъ православные занимаютъ главенствующее мѣсто. Культура страны—земледѣльческая, причемъ преимущественно воздѣлывается пшеница, ячмень, кукуруза. За хлѣбопашествомъ слѣдуетъ плодоводство, въ особенности сборъ апельсиновъ и лимоновъ. Въ послѣднее время населеніе обратилось къ винодѣлію, и мѣстное вино оказалось настолько добраго качества, что стало распространяться въ Россіи, Германіи, Англіи и Франціи. Еврейскія колоніи, сверхъ того, занимаются шелководствомъ и пчеловодствомъ. Въ области обрабатывающей промышленности главное значеніе имѣетъ производство мыла, вырабатываемаго изъ оливковаго масла, затѣмъ слѣдуютъ поддѣлки изъ оливковаго дерева и перламутра, относящіяся къ предметамъ религіознаго почитанія. Въ послѣднее время, кромѣ этой промышленной фальсификаціи, важное мѣсто въ торговлѣ занимаетъ выдѣлка изъ оливковаго дерева и перламутра издѣлій свѣтскаго характера (художественная мебель, вѣера, перочинные ножи и т. п.), чему много способствуетъ художественно-ремесленная школа, открытая въ Иерусалимѣ. Главнымъ торговымъ центромъ служитъ Яффа, соединенная съ Иерусалимомъ желѣзною дорогою. Первостепенное значеніе въ экономической жизни Палестины имѣетъ притокъ иностранцевъ, число коихъ достигаетъ ежегодно до 20.000 человекъ. Важнѣйшимъ явленіемъ мѣстной исторіи за текущее столѣтіе можетъ по всей

справедливости считается миссіонерская дѣятельность, которая ведется католиками и протестантами и болѣе направлена къ присоединенію православныхъ, чѣмъ къ обращенію мусульманъ; съ этою цѣлью здѣсь заводятся миссіями учебныя заведенія и благотворительныя учрежденія.

Оставляя въ сторонѣ мѣстное населеніе, которое въ борьбѣ за вліяніе въ Палестинѣ христіанскихъ исповѣданій принимаетъ чрезвычайно слабое участіе и относится къ нему чрезвычайно пассивно, посмотримъ, чего достигла здѣсь каждая народность. Въ отношеніи такого разсмотрѣнія «Палестина» г. Суворина даетъ богатый матеріалъ.

Византія со временъ IV вселенскаго собора стала распорядительницею церковныхъ вопросовъ въ Палестинѣ, и учрежденіе іерусалимской патріархіи относится именно къ этому времени. Особенно усиливается вліяніе грековъ съ 1535 года, послѣ чего они вовсе перестаютъ принимать въ монахи мѣстныхъ уроженцевъ, а такъ какъ высшія іерархическія мѣста до патріарха включительно замѣщаются только монахами, то естественно все управленіе іерусалимской патріархіи сосредоточилось въ рукахъ грековъ въ числѣ 30 человекъ. «Эти тридцать грековъ, — свидѣтельствуетъ г. Суворинъ, — главенствующіе надъ всѣмъ остальнымъ духовенствомъ Палестины, составляютъ собою братство св. Гроба. Состоитъ оно изъ патріарха, его синода, то-есть митрополитовъ и архіереевъ, и монаховъ, исполняющихъ послушаніе у св. Гроба; всѣ они непремѣнно греки. Само по себѣ братство это есть нѣчто по канонамъ совершенно неопредѣлимое и даже канонамъ совершенно противорѣчивое. Считается оно монастыремъ при св. Гробѣ, но монастырь, въ которомъ оно помѣщается, есть древній монастырь св. первомученицы Феклы, отнятый въ XVI вѣкѣ греками у грузинъ. Главою братства считается патріархъ, однако по канонамъ ни патріархъ, ни архіереи не могутъ принадлежать ни къ какому монастырю. Соединяется это духовное братство не служеніемъ святынь, а исключительно національностью, конечно, греческою».

Это греческое братство положительно всесильно, и патріархъ — рабъ его, зависящій цѣликомъ отъ его усмотрѣнія и благоволенія. Если нужно привести образецъ сомкнутой дружины, то святогробцы не оставляютъ въ этомъ отношеніи желать ничего лучшаго. Братство богаче патріархата и, опираясь на деньги, стало постепенно проводить въ Турціи желанныхъ ему кандидатовъ. Положеніе дѣлъ въ іерусалимской, наиболѣе вліятельной, церкви, согласно указаніямъ г. Суворина, таково: святогробское братство захватило власть въ свои руки, патріархъ можетъ вернуть ее себѣ, но не иначе, какъ уничтоживъ это братство, на что онъ, будучи грекомъ, самъ никогда не рѣшится, ибо боится греческихъ газетъ, прославляющихъ это братство, какъ оплотъ элленизма въ Палестинѣ. Такимъ обра-

зомъ, внеся въ Палестину «греческую идею», патриархи іерусалимскіе оказались ея же плѣнниками. Не имѣя возможности обосновать свои права на главенство въ Іерусалимской церкви на канонахъ, греки защищаютъ ихъ тѣмъ, что будто бы имъ, грекамъ, православіе обязано сохраненіемъ Іерусалимскихъ святынь отъ покушеній мусульманъ и западныхъ религій; но насколько ихъ защита интересовъ православія дѣйствительна, явствуетъ изъ того, что въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ уже 2^{1/2} тысячи православныхъ, преимущественно, конечно, арабовъ перешло въ католичество. Отношеніе братства къ православнымъ паломникамъ, лучше всего характеризуемое выраженіемъ «дневной грабежъ», также не свидѣтельствуемъ о высокомъ религіозномъ настроеніи грековъ, благодаря чему они обратили всѣ предметы священнаго поклоненія въ дѣло купли и торговли, основанной на обманѣ, вымогательствѣ и застраиваніи. Поэтому г. Суворинъ совершенно правъ, когда утверждаетъ, что «въ іерусалимской епархіи нарушена самая основа церковной жизни—духовное общеніе и единеніе съ папствою. Его нѣтъ. Правящіе, поставляемые исключительно изъ грековъ, отдѣлились въ особую группу людей, даже прямо враждебную папствѣ. Недаромъ одному изъ святогробцевъ приписываютъ слова: «Чѣмъ больше католики возьмутъ отъ насъ нищихъ-селяковъ, тѣмъ меньше ртовъ будетъ просить у насъ дѣлежа доходовъ». вмѣсто начала общехристіанскаго, утвердилось, вопреки заповѣди «нѣсть эллинъ, ни іудей», начало національное, вмѣсто согласія между духовенствомъ и населеніемъ—рознь, вмѣсто помощи и участія—пренебреженіе, вмѣсто, наконецъ, патриарха, избираемаго папствою,—патриархъ, въ избраніи котораго папства не участвуетъ даже косвенно, но за то дѣятельно участвуетъ турецкая полиція. Такое положеніе само по себѣ выхода не имѣетъ. Патриархъ-грекъ никогда не рѣшится уничтожить святогробское братство, араба же и вообще не грека святогробское братство никогда патриархомъ не выберетъ. Для довершенія безысходности патриархъ не подлежитъ никакому воздѣйствію извнѣ и довлѣетъ самъ себѣ. Выходъ только одинъ. Въ 1873 году Россія конфисковала ^{1/3} доходовъ съ бессарабскихъ имѣній патриархіи за низложеніе патриарха Кирилла, шедшаго въ болгарскомъ вопросѣ вмѣстѣ съ нашимъ синодомъ. Въ этомъ было указано вѣрное и, надо признаться, единственное средство воздѣйствія на патриархію, которое находится у насъ въ рукахъ. Тѣхъ, кто творитъ беззаконіе сознательно, воображая себя совершенно неуязвимымъ, можно образумить, только показавъ имъ силу, которую одну только они признаютъ и уважаютъ. Боятся же, что патриархъ обратитъ въ источники доходовъ самыя права и преимущества православія въ Палестинѣ, то-есть станетъ продавать святыни и свои права около нихъ инымъ религіямъ, нечего—анагема всего православнаго міра упала бы на виновнаго въ малѣйшемъ поплзновеніи. Да это и фактически

неисполнимо для греческой патриархii, ибо подобное отчужденіе правъ и имущества требуетъ разрѣшенія султана, который, помня 1851 годъ, никогда не рѣшится утвердить что либо подобное».

Зависимость грековъ отъ насъ, русскихъ, въ матеріальномъ отношеніи создала такое положеніе вещей, что наши братья по вѣрѣ и исповѣданію относятся съ наибольшою непріязнью изъ всѣхъ остальныхъ народностей, состояющихъ въ Палестинѣ, французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, итальянцевъ, именно къ намъ. Поэтому появленіе въ Іерусалимѣ англиканскаго епископа или католическаго патриарха не такъ встревожило патриархію, какъ учрежденіе русской духовной миссіи. Первымъ патриархія дала укрѣпиться въ странѣ почти безъ всякаго сопротивленія, русской же миссіи въ Іерусалимѣ пришлось вынести упорную борьбу въ теченіе цѣлаго полувѣка, прежде чѣмъ миссія эта почувствовала свое существованіе упроченнымъ. «Русскіе болѣе всего возбуждаютъ грековъ тѣмъ,—говоритъ г. Суворинъ,— что, переставъ, наконецъ, убѣждать и уговаривать, стали сами дѣлать для упроченія православія въ Палестинѣ то, что греки оставляли безъ исполненія. Страшить грековъ при этомъ, конечно, не боязнь сдѣлаться изгоями въ своемъ собственномъ дѣлѣ, а боязнь, что «золотая рѣка пожертвованій, идущая изъ Россіи», измѣнитъ свое направленіе. Греки ничего лучше не желали бы, какъ если бы русскіе взяли на себя всѣ обязанности патриархii по отношенію къ православнымъ Палестины, но съ тѣмъ все-таки, чтобы доходы съ поклонниковъ и пожертвованія изъ Россіи шли своимъ чередомъ въ уготованныя ими сокровищницы святогробскаго братства».

Ненавидя отъ всей души русскихъ, боясь ихъ власти и вліянія, іерусалимская патриархія, поддерживаемая братствомъ, чинитъ по мѣрѣ возможности, всякія препятствія полезной дѣятельности Палестинскаго православнаго общества. Такъ, на примѣръ, въ то время какъ въ Антіохійской епархіи обществу удалось создать рядъ превосходныхъ русскихъ школъ, въ іерусалимскомъ престолѣ патриархъ до сихъ поръ не даетъ разрѣшенія на открытіе русской православной школы. Въ святомъ градѣ и его окрестностяхъ существуетъ всего 3 православныхъ школы (2 греческія и 1 русская ¹⁾), когда латинскихъ и протестантскихъ 25 школъ, гдѣ обучается 500 православныхъ! Мало того, патриархъ въ теченіе 6 лѣтъ не разрѣшалъ освященія храма во имя св. Александра Невскаго, воздвигнутаго въ русскомъ домѣ, на Судныхъ вратахъ, черезъ которыя Спаситель шелъ на распятіе...

Такимъ образомъ, греки, потерявъ совершенно духовное вліяніе на паству, буквально растерявъ свои приходы, внесли въ Палестину начало торгашества и униженія тѣхъ святыхъ, на защиту

¹⁾ Противъ открытія послѣдней патриархъ протестовалъ.

которыхъ потрачено было столько силъ и жизнью ихъ предками. Будирюя Россію, они тѣмъ самымъ только играютъ на руку власти султана и даютъ возможность остальнымъ исповѣданіямъ совершать крупныя завоеванія въ странѣ. Старѣйшая на мѣстѣ христіанская народность,—греки, являютъ собою примѣръ самой грубой профанаціи христіанства и завѣтовъ великаго Учителя народовъ о любви между ними.

Говорить о вліяніи и значеніи армянской православной патріархіи много не приходится. Значеніе ея здѣсь ничтожно, особенно въ виду печальнаго положенія армянъ въ Турціи.

VII.

Обращаясь къ состоянію католичества въ Палестинѣ, мы видимъ, что оно занимаетъ здѣсь твердое положеніе и является чрезвычайно опаснымъ конкурентомъ православію. Первоначально латинскій патріархатъ просуществовалъ въ Іерусалимѣ всего съ 1099 по 1187 г., когда іерусалимское королевство крестоносцевъ пало и патріархъ Гераклій вынужденъ былъ со всѣмъ католическимъ духовенствомъ покинуть Палестину. Лишь въ 1848 году латинскій патріархатъ былъ возстановленъ, и во главѣ его сталъ энергичный и даровитый человѣкъ Іосифъ Валегра. Не имѣя со стороны турецкаго правительства признанія представительства православныхъ въ Палестинѣ, латинскій патріархъ по всѣмъ дѣламъ сносится съ Константинополемъ не непосредственно, а черезъ французскаго консула. Успѣхи католичества, какъ ихъ рисуешь г. Суворинъ, исторически сводятся къ слѣдующему.

До 1848 года изъ католическаго духовенства въ Палестинѣ существовалъ только одинъ францисканскій орденъ, бывший прямымъ подобіемъ нынѣшняго святогробскаго братства и являвшійся единственнымъ собирателемъ пожертвованій на Святую землю и на францисканскій монастырь. Валегра, прошедшій суровую школу миссіонерства въ Персіи и Месопотаміи, перенесъ свою дѣятельность изъ Іерусалима въ небольшую сосѣднюю деревушку Бентъ-Джалу, именно потому, что тамъ не было ни одного католика, а все населеніе сплошь православное, при чемъ на основаніи мѣстныхъ повѣрій мусульмане боялись здѣсь селиться. Валегра первымъ дѣломъ завелъ здѣсь школу и учительскую семинарію, и теперь изъ 3.000 населенія $\frac{1}{5}$ уже католики. Валегра, конечно, не считаетъ это для себя предѣломъ и говоритъ: «Когда кругомъ по странѣ повсюду возникнутъ наши школы и монастыри, Іерусалимъ самъ упадетъ къ намъ въ эту сѣть». Съ теченіемъ времени, однако, центромъ католической пропаганды на восточномъ побережьи Средиземнаго моря сдѣлалась Сирія и въ ней Бейрутъ. Тамъ у католиковъ множество духовныхъ и учебныхъ учрежденій, даже университетъ, и отцы-

іезуиты дѣйствуютъ открыто и съ большимъ успѣхомъ. Отъ ново-обращаемыхъ требуется признаніе лишь одного основного догмата— непогрѣшимости папы; во всемъ остальномъ допускаются всевозможныя отступленія по соглашенію. Эти соглашенія-уніи являются любимѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ привлеченія прозелитовъ. Въ отношеніи обставленія этихъ уній всяческими удобствами и облегченіями католичество достигло совершенства. Все дозволяется, лишь бы не осуждалось ученіе римской церкви о главенствѣ папы. Сильнымъ средствомъ привлеченія вѣрующихъ къ папскому престолу служатъ также религіозные конгрессы, на которыхъ обсуждаются спорные догматы въ духѣ строго-католическомъ, въ цѣляхъ подготовленія уніатовъ къ полному сліянію съ католичествомъ; эти конгрессы обставляются чрезвычайно торжественно и пышно и дѣйствуютъ въ высшей степени на воображеніе присутствующихъ. Средства пропаганды во всѣхъ отношеніяхъ огромны. Въ одной Франціи имущества духовныхъ ассоціацій составляли 712.538.980 франковъ; въ 1886 году папа Левъ XIII подарилъ исключительно на дѣло обращенія схизматиковъ 500.000 франковъ. Милліонныя сооруженія католиковъ въ Сиріи и Палестинѣ всѣ почти начаты съ ничтожными деньгами и довершены пожертвованіями частныхъ лицъ. Насколько сильны орудія пропаганды, видно изъ того, что на 14.000 человѣкъ католиковъ тамъ полагается: епископовъ—2, священниковъ до 150, остальныхъ дѣятелей до 450; въ это же время православные располагаютъ: епископами до 9, священниками до 100, остальными дѣятелями до 100. Изъ указанныхъ 600 католическихъ дѣятелей на долю туземцевъ относится 36 туземцевъ и до 30 туземокъ, остальные все европейцы. Ростъ католичества лучше всего виденъ изъ сопоставленія слѣдующихъ данныхъ. Въ то время, какъ въ 1848 году было въ Палестинѣ 3.000 католиковъ, теперь тамъ ихъ до 14.000 человѣкъ.

Главное учебное заведеніе — учительская семинарія Валегры въ Бентъ-Джалѣ. Въ ней всего 25 учениковъ, выбираемыхъ самимъ патріархомъ изъ среды арабскихъ мальчиковъ, остающихся въ учебномъ заведеніи внѣ сообщенія съ свѣтскимъ міромъ 12 лѣтъ и подготовляемыхъ къ спеціальной миссіонерской дѣятельности. Что касается греко-католической семинарії св. Анны въ Іерусалимѣ, то ея назначеніе создавать совратителей въ унію, въ расчетѣ, что если самъ новообращенный не будетъ крѣпокъ въ католичествѣ, то сынъ его уже навсегда будетъ отторженъ отъ православія. Начальникъ ея прямо говоритъ, что «латинскіе священники не могутъ мечтать быть священниками-учителями въ селеніяхъ исключительно православныхъ, значитъ, надо послать въ эти селенія такихъ священниковъ, обряды которыхъ не могли бы возбуждать противъ нихъ предубѣжденіе у селянъ».

Кромѣ Валегры, дѣлу католичества немало поработалъ Ратисбонъ, еврей по происхожденію, питавшій въ свое время ненависть къ католической вѣрѣ, но по одному случайному обстоятельству сдѣлавшійся самымъ пламеннымъ ея поборникомъ. Этотъ Ратисбонъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, основалъ общину сестеръ Сіонской Божіей Матери, имѣвшую своимъ первоначальнымъ назначеніемъ обращеніе въ латинство евреевъ. Заслуга передъ католичествомъ этого дѣятеля та, что онъ организовалъ пропаганду въ Палестинѣ черезъ женщинъ, которыя привязали къ новой религіи массу народа крѣпче, чѣмъ проповѣди и деньги іезуитовъ. Учрежденія Ратисбона всѣ носятъ практической характеръ и постепенно приучаютъ мѣстное населеніе смотрѣть на католичество, какъ на туземную религію. Въ Линъ-Керимѣ у сіонскихъ сестеръ находится прекрасный и огромный домъ съ землею. Здѣсь воспитывается до 50 дѣвочекъ и ведется образцовое хозяйство. Кромѣ всего прочаго, тутъ заведена школа земледѣлія и плодоводства; затѣмъ обычныя—школа для дѣтей и амбулаторная. Съ шестидесятыхъ годовъ у сіонскихъ сестеръ воспитывалось 1.200 дѣвушекъ, среди которыхъ много православныхъ и даже магометанокъ. Вообще необходимо отмѣтить, что какъ католическая, такъ и протестантская пропаганда направляются главнымъ образомъ на женщинъ и дѣвочекъ. По удостовѣренію г. Суворина, «въ здѣшней семьѣ вліяніе женщины обыкновенно бываетъ сильнѣе вліянія мужчины. Послѣдній часто оставляетъ домъ: если онъ не работаетъ въ полѣ, то сидитъ гдѣ нибудь на базарѣ, упиваясь сплетнями и пересудами и ожидая, не угоститъ ли кто его наперсткомъ горячаго кофе; женщина же вѣчно возится съ дѣтьми дома, а если и идетъ куда нибудь за водой или дровами, то дѣти слѣдуютъ за ней... При томъ мужчины сравнительно съ женщинами совершенно равнодушны къ вопросу религіи, лишь бы справить всѣ расходы, которые требуются съ нихъ правительствомъ и вседневной жизнью, о религіи же и душѣ они вспоминаютъ, какъ о вещи, которую можно при случаѣ продать довольно выгодно пастору. Поэтому и выходятъ обыкновенно такъ, что какой религіи слѣдуетъ мать, ту же религію принимаютъ и ея дѣти, когда получаютъ возможность выбрать религію по личной склонности. Дѣти же отца-католика овцы, не нашедшія еще своего пастыря».

Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, какъ католичество, такъ и протестантство нападаютъ въ Палестинѣ не на магометанство, а на православіе и съ ничтожнымъ успѣхомъ на іудейство. Магометанъ они трогать болятся, ибо муллы очень зорко слѣдятъ за правовѣрными.

Обращаясь къ вопросу о международныхъ отношеніяхъ, мы видимъ, что виды на Сирію и покровительство католикамъ на Сирійскомъ побережьи давно сдѣлались традиціей французской политики, при чемъ покровительство католикамъ явилось не потому, что Си-

рія нужна была чѣмъ нибудь Франціи, но напротивъ виды на Сирію родились изъ долговременнаго покровительства тамъ католикамъ и изъ того почетнаго положенія, котораго сумѣла добиться въ Сиріи французская дипломатія. Впрочемъ, общее покровительство всѣмъ католикамъ, безъ различія національностей, грозитъ ускользнуть изъ рукъ Франціи, и духъ національности начинаетъ раздѣлять католичество, что особенно наглядно выразилось при послѣднемъ посѣщеніи Палестины германскимъ императоромъ. Латинскій патріархъ, монсіонеръ Пави, итальянскій патріотъ, во время германскихъ торжествъ работалъ на пользу тройственнаго союза, имѣя въ виду не церковные интересы, а интересы своей родины, своей итальянской національности. Что касается многочисленныхъ католическихъ конгрегацій, то всѣ онѣ, за исключеніемъ тевтонскихъ католиковъ, не видѣли ничего хорошаго въ пріѣздѣ императора. Францисканцы были обижены отдачей участка на Сіонѣ въ руки нѣмецкихъ католиковъ, видя, что мѣсто уходитъ отъ ихъ «кустовъ» и отъ юрисдикціи французскаго консула, ихъ покровителя. Доминиканцы, алжирскіе братья, забравшіе подъ свою эгиду воспитаніе юношества въ Святой землѣ, видятъ въ усиленіи тевтонскихъ католиковъ опасныхъ соперниковъ своему вліянію. Австрійскіе католики тоже недовольны паденіемъ своего престижа въ Палестинѣ.

Такимъ образомъ, передъ нами опять печальный фактъ борьбы національностей, гдѣ дѣло вѣры, предметы священнаго поклоненія, священныя преданія отошли куда-то въ даль и замѣнены столь хорошо знакомыми эгоистическими тенденціями международной политики и сложными отношеніями между собой Франціи, Италіи, Германіи и имперіи габсбурговъ. Христіанство и его борьба съ мусульманствомъ отсюда рѣшительно ничего не выигрываетъ, если только не проигрываетъ, такъ какъ съ формальнымъ заключеніемъ добрыхъ дружескихъ отношеній германскаго императора съ Портою послѣдняя нѣкоторымъ образомъ встрѣчаетъ себѣ твердую опору въ своей коварной и жестокой политикѣ по отношенію восточныхъ христіанъ. Но оставляя даже эту сторону дѣла безъ вниманія, мы наблюдаемъ во всякомъ случаѣ нѣкоторое распаденіе латинскаго міра на востокѣ, его ослабленіе и стремленіе замѣнить интересы и задачи религіозныя и духовныя таковыми же экономическими и изъ области международной политики, гдѣ на первую очередь поставлены начала обмана, недовѣрія и борьбы за матеріальную обезпеченность. На смѣну былого вліянія латинянина въ Палестинѣ въ наши дни является новое могущественное вліяніе тевтона, громко восклицающаго: мои права на концѣ моего меча и въ моемъ туго набитомъ кошелькѣ! Если прежніе дѣятели западнаго христіанства ревностно работали во славу римскаго первосвященника и престола св. Петра, то смѣняющіе ихъ дѣятеля Запада нынѣ выступаютъ главнымъ образомъ во имя пангерманской идеи и въ интересахъ германской про-

мышленной индустрии. Былая кровавая борьба на территории Святой земли христианства съ мусульманствомъ смѣнилась новой борьбой, но только борьбой между собою самихъ христианскихъ народовъ, гдѣ, правда, нѣтъ потоковъ крови, но зато та же наличность челоуѣконенавистничества, эгоизма и вражды. Поскольку отсюда выиграли евангельскіе завѣты любви и братства, предоставляю судить самимъ читателямъ.

VIII.

Наблюдая ростъ протестантизма въ Палестинѣ, мы должны констатировать его необычайные матеріальные успѣхи за послѣднее время. Онъ приобретаетъ въ странѣ все большее и большее значеніе, какъ собственникъ крупныхъ помѣстій, многихъ школъ, больницъ, приутовъ и т. д., но въ самомъ населеніи онъ, по наблюденіямъ г. Суворина, «какъ-то не укореняется, и если бы всѣ духовныя учрежденія протестантовъ вдругъ были ими переданы своимъ ученикамъ изъ мѣстныхъ арабовъ, то, вѣроятно же всего, послѣдніе передали бы ихъ православнымъ или католикамъ и сами стали бы ходить въ православную или католическую церковь. Протестантизмъ не охватываетъ собою тѣхъ влеченій и запросовъ пылкой души араба, которымъ онъ въ религіи ищетъ удовлетворенія. И православіе, и католицизмъ гораздо понятнѣе арабу, ибо они сердечнѣе и больше увлекаютъ фантазію и своимъ особенно высокимъ и умиленнымъ поклоненіемъ Богородицѣ, ангелами, всегдашними посредниками между грѣховностью челоуѣка и милосердіемъ Божиимъ, и, наконецъ, великимъ завѣтомъ изможденія плоти, который для чувственнаго востока кажется особенно вразумителенъ и святъ. Все это прямо отрицается протестантизмомъ, который, вдобавокъ, смѣется надъ иконами, изображающими его же высшія святыни. Протестантизмъ въ Палестинѣ поэтому не имѣетъ будущности, какъ ни велики его средства и сооруженія. Все это прекрасно сознается самими протестантами, и со стороны англиканскаго епископа въ Иерусалимѣ, Блейса, вовсе не одной пустой и чрезмѣрной любезностью были слова, сказанныя имъ патриарху іерусалимскому Никодиму: «Съ тѣхъ поръ, какъ въ Назаретѣ появились русскіе со своими школами, мы тамъ ничего не можемъ сдѣлать».

Исторія протестантства начинается всего съ 1841 г., когда было учреждено совмѣстное англопрусское епископство въ Иерусалимѣ. Назначеніе епископа дѣлается поочередно то Англіей, то Пруссіей, причемъ преемства въ назначеніи никакого не соблюдается.

Благодаря значительному количеству хорошихъ миссіонеровъ и старательной дѣятельности Палестинскаго общества, положившаго начало правильному палестиновѣдѣнію и обладающаго большими денежными средствами, англійскій протестантизмъ дѣлаетъ съ каждымъ

годомъ все большіе успѣхи. Въ ихъ рукахъ немало прекрасно организованныхъ школъ, госпиталей, страннопріимныхъ домовъ, пріютовъ, церквей. Въ цѣляхъ пропаганды, англійскіе наставники и наставницы издѣваются надъ православными и католическими изображеніями святыхъ, приказывая ученикамъ дѣлать то же самое у себя дома. Въ американской Бейрутской коллегіи всѣ ученики обязаны посѣщать уроки Закона Божія и воскресную службу, состоящую изъ пѣнія псалмовъ и проповѣди. Насколько они настойчивы въ своихъ мѣропріятіяхъ, показываетъ слѣдующій случай. Когда генераль-губернаторъ Бейрута, магометанинъ, пожелалъ помѣстить сына своего въ эту коллегію, но съ тѣмъ, чтобы его освободили отъ уроковъ по Закону Божию, то мальчикъ не былъ туда принятъ. Въ Назаретѣ англійскій врачъ, давно живущій тамъ, заставляеть толпу пришедшихъ къ нему больныхъ выслушать его чтеніе библіи и толкованіе прочитанныхъ мѣстъ, прежде чѣмъ начнется осмотръ перваго паціента.

Тенденція англиканской церкви соединенія съ православной общеизвѣстна, какъ равно извѣстно, что пока существеннаго отсюда ничего не вышло, хотя практическіе англичане прекрасно понимаютъ, поскольку ихъ вліяніе на востокъ, разумѣя здѣсь вліяніе политическое и экономическое, выиграеть отъ такого соединенія. Г. Вошинъ въ своихъ любопытныхъ корреспонденціяхъ, посвященныхъ путешествію Вильгельма II въ Палестину, даетъ по настоящему предмету кое-какія любопытныя указанія, а г. Суворинъ, съ своей стороны, раскрываетъ закулисную сторону политическихъ стремленій англичанъ. По его мнѣнію, Палестина интересна для Англии, какъ береговая полоса земли, закрывающая съ моря пространство, за которыми лежитъ сухой путь въ Индію. «Для Англии,— утверждаетъ онъ,— гораздо болѣе значенія имѣеть Бейрутъ, отъ котораго проектируется дорога въ глубь Азіи, и Хауранъ, богатая хлѣбомъ страна, откуда очень удобно наблюдать за Персіей. Въ Тиверіадѣ, передъ которой на противоположномъ берегу Тиверіадскаго озера лежитъ Хауранъ, закладывается теперь наблюдательная англійская станція. Куплено огромное прибрежное мѣсто—строится сразу школа, церковь и больница; докторъ и пасторъ уже нѣсколько лѣтъ живутъ въ городѣ. Въ семьѣ пастора я случайно провелъ почти цѣлый вечеръ. Этого молодого, статнаго, съ живыми манерами и высокою осанкой человѣка можно было принять за кого угодно, и скорѣе всего за кавалерійскаго офицера, только не за пастора, какъ ни привѣтливъ и ни гостепріименъ онъ былъ въ обращеніи. Въ день моего посѣщенія онъ только что возвратился изъ двухдневной отлучки—обѣзжалъ верхомъ одинъ побережье Тиверіадскаго озера. Зачѣмъ? Искалъ въ пустынѣ протестантовъ? Во всякомъ случаѣ, если это только пасторъ, то его смѣло можно рекомендовать вниманію лондонскаго Foreign Office, какъ отличнаго и дѣятельнаго военнаго агента».

Въ послѣднихъ, звучащихъ тонкой ироніей, словахъ г. Суворина скрывается дѣйствительно весь смыслъ стремленія практическихъ бриттовъ на востокъ. Военный агентъ въ роли пастора—вотъ типичная эмблема церковно-политическихъ тенденцій англичанъ въ Палестинѣ!

Что касается нѣмцевъ, то ихъ роль здѣсь болѣе значительная и успѣхи, ими достигнутые, болѣе крупные. Послѣ путешествія текущей осенью германскаго императора въ Палестину Германія занимаетъ на востокѣ совершенно новую оригинальную позицію, которая является своего рода апофеозомъ знаменитаго *Drang nach Osten*. Германское нашествіе на Палестину чрезвычайно любопытно и имѣетъ уже свою довольно сложную исторію.

Какъ уже сказано было выше, протестантство открыто проникло въ Палестину въ 1841 г., съ тѣхъ поръ дальновидные нѣмцы (Рошеръ, Лассаль и др.) стали систематически указывать Германіи на Палестину, Сирію и даже долину Ефрата, какъ на идеальныя мѣстности для колонизаціи, дающей ей солидную опору для политическаго могущества въ Европѣ и въ особенности въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Австро-Венгрія, игравшая одно время роль пионера германской идеи на востокѣ, въ силу многихъ обстоятельствъ своей внутренней и внѣшней политики, потеряла въ данномъ случаѣ всякій престижъ и значеніе, и мѣсто ея въ наши дни съ шумомъ и блескомъ заняла молодая Германія, агрессивная и энергичная, Вильгельма II. Уже отецъ его ѣздилъ, будучи наслѣдникомъ престола, въ Святую землю, гдѣ ему даже было подарено мѣсто султаномъ для сооруженія тутъ нѣмецкихъ учреждений, но тогда прямыхъ и рѣзкихъ результатовъ эта поѣздка не имѣла, и Палестина, казалось, была забыта Германіей. Тѣмъ не менѣе понемногу нѣмецкая колонизація сюда просачивалась мелкими, малозамѣтными струйками, разрыхляя, такъ сказать, мѣстную почву и подготавливая ее къ напору стремительнаго потока. Нѣмцами въ этихъ видахъ было основано нѣсколько прекрасныхъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, въ числѣ коихъ пріюты и школы кейзервертскихъ діакониссъ ведутся въ высокохристіанскомъ духѣ, безъ всякаго принужденія къ протестантству и вообще какого нибудь давленія на свободу совѣсти питомцевъ, въ противоположность тому, какъ поступаютъ англичане. При этомъ, однако, нельзя не отмѣтить, что въ общемъ взглядъ нѣмцевъ на мѣстное населеніе и въ особенности на мусульманъ поистинѣ возмутительный. Мусульманинъ для нихъ не человѣкъ, а земля, имъ заселенная, въ ихъ глазахъ земля необитаемая. Нѣмецъ «разбрасываетъ по ней свои поля, какъ среди пустыни, въ которой живетъ онъ, его сосѣди, нѣмцы же, и больше никого,—свидѣтельствуетъ г. Суворинъ. Ни одного зерна знанія и хозяйственнаго опыта не переходитъ за границы ихъ колоній къ туземцамъ. Все, что взято нѣмцемъ изъ земли, никогда не возвра-

тится ея населенію, но идетъ, такъ или сякъ, въ Германію. Колонизація нѣмецкая—это приставленная кровососная банка, пока правительство, — верховный хозяинъ государственной территоріи,— не разобьетъ ея, принудивъ общину колонистскую нарушить эту свою замкнутость. Нѣмцы—одни изъ всѣхъ европейскихъ національностей—преслѣдуютъ въ Палестинѣ цѣли захвата. Французы хотятъ въ Палестинѣ почета, Англіи нужны ея пространства, какъ пути сообщенія, Германія же намѣчивается прямо на ея земли».

Далѣе г. Суворинъ даетъ нѣсколько указаній (они сдѣланы имъ, кстати сказать, когда еще о поѣздкѣ германскаго императора въ Палестину и помину не было), съ которыми считаю полезнымъ ознакомить читателей, въ качествѣ своего рода чрезвычайно основательныхъ указаній. Онъ говоритъ: «Еще недавно Бисмаркъ заявлялъ, что Германія не имѣетъ никакихъ интересовъ на восточномъ берегу Средиземнаго моря. По его словамъ, выходило, что Германія своими дѣйствіями въ Болгаріи и наполненіемъ турецкой арміи и полиціи нѣмцами отстаиваетъ лишь свои европейскіе предѣлы. Это, однако, совершенная неправда. Съ недавняго времени Германія совершенно сознательно стремится загородить отъ Россіи всю Малую Азію, которая становится ей необходимой для внутренняго экономическаго равновѣсія ея: въ Малой Азіи, посредствомъ торговыхъ конторъ, колоній, не прекращающихъ своихъ дочернихъ отношеній съ метрополіей, новаго торговаго договора и желѣзной дороги на Ангору, Германія открыла своей промышленности новый рынокъ. Малая Азія въ рукахъ турокъ—страна совершенно открытая для Германіи; съ переходомъ ея въ руки Россіи, Германія встрѣтится въ ней съ системой покровительственной политики. Этого не можетъ не бояться германская торговля, и дипломатія германская не можетъ не работать для устраненія или хотя отдаленія этой перспективы. Въ «Deutsche Rundschau» 1890 г. (октябрь и ноябрь) были напечатаны очерки путешествія по Востоку извѣстнаго ученаго Геккеля. Раздѣлъ Турціи ему кажется недалекимъ. Изъ ея наслѣдія «дикую» Черногорію съ Босніей и Герцеговиной онъ отдастъ Австріи, Константинополь съ Македоніей и Фракіей—Греціи, Египетъ—Англіи, Франціи предлагаетъ, что подальше—Марокко, призваніе Россіи указываетъ, конечно, въ Средней Азіи, но «заброшенныя пажити» Палестины и Сиріи онъ считаетъ судьбою предназначенными «перейти во владѣніе нѣмцевъ» и процвѣсти, благодаря «нѣмецкому уму и прилежанію». «Въ бесѣдахъ съ единомышленными нѣмцами и австрійскими купцами Бейрута и Смирны, говоритъ онъ, громко и ясно высказывались желаніе и надежда, чтобы восточные берега Средиземнаго моря при раздѣлѣ Турціи поступили на долю Австріи и Германіи. Здѣсь лежитъ почва, на которой наше отечество можетъ завести свои земледѣльческія колоніи и вступить въ мирное состязаніе съ другими великими культурными народами Европы».

Послѣднему убѣжденію нѣмецкаго ученаго наступила пора оправданія въ наши дни, когда торжественная и блестящая поѣздка германскаго императора въ Палестину приковала взоры всей Европы къ этой странѣ Востока, и когда нѣмцы сдѣлались настоящими героями дня. Характеризуя эту поѣздку, г. Вожинъ («Новое Время», № 8185) говоритъ: «Палестина, Святой градъ, имѣли для него лишь второстепенное значеніе. Это только матеріаль, фундаментъ для намѣченныхъ плановъ. Здѣсь сдѣланъ былъ политическій ходъ, результаты котораго не исчерпываются ограниченной сферой интересовъ Святой земли, а должны сказаться на всемъ нѣмецкомъ мірѣ, на всѣхъ нѣмцахъ, безъ различія вѣроисповѣданій, странъ и государствъ, къ которымъ они принадлежатъ. Отнынѣ молодой Германской имперіи созданъ тотъ престижъ, тотъ божественный ореолъ христіанской идеи, которую имѣли лишь древнія державы—Россія, Франція, Австрія... До настоящаго времени германцамъ, германскому имени не принадлежала ни одна изъ святынь христіанства. Имя Святой земли столь дорого каждому христіанину, что дѣломъ государственной необходимости было дать на ея почвѣ Германіи положеніе, отвѣчающее ея успѣхамъ. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, благодаря настойчивости правительствъ и дружескимъ сношеніямъ съ султаномъ, постепенно скупались участки въ Иерусалимѣ и Виолеемѣ, учреждались образцовыя школы, пріюты, создались германскіе храмы. Дѣлу этому надо было придать тотъ блескъ и значеніе, которые соответствуютъ величію и могуществу Германіи. Императоръ Вильгельмъ II своимъ посѣщеніемъ Святаго града успѣшно выполнилъ эту задачу. Имя его, какъ истинно нѣмецкаго государя, какъ поборника пангерманской идеи, станетъ отнынѣ дорогимъ вездѣ, гдѣ, какъ распѣваютъ тевтоны, «бьется нѣмецкое сердце, звучитъ нѣмецкая рѣчь и льется нѣмецкая пѣсня»... Въ этой популярности новаго Лоэнгрина, Вильгельмъ II можетъ приобрести совершенно новое значеніе среди германскаго міра. Ему не соперникомъ является теперь престарѣлый австрійскій монархъ, скомпрометированный въ нѣмецкихъ глазахъ своими компромиссами со славянами, забывшій свой титулъ «іерусалимскаго короля». Врядъ ли будетъ большимъ преувеличеніемъ сказать, что совершившаяся недавно поѣздка въ Иерусалимъ—новая Садова для династіи Габсбурговъ. Тогда разрушено было политическое значеніе «римскаго императора», теперь нанесенъ ударъ духовному, религіозному престижу, которымъ пользовался австро-венгерскій государь, какъ поборникъ нѣмецкихъ интересовъ въ Святой землѣ».

Подспорьемъ цѣлямъ императора служили здѣшнія нѣмецкія миссіи, во главѣ коихъ стоятъ дѣйствительно замѣчательные, образованные и ученые люди и работающіе, несмотря на различіе исповѣдуемыхъ религій, сообща и дружно. Имя пастора Шнеллера, находящагося уже здѣсь 40 лѣтъ, и патера Шмита—имена извѣстныя

въ Палестинѣ, причемъ первый изъ нихъ является истиннымъ «собирателемъ» германскихъ владѣній въ Святой землѣ.

Главной формальной цѣлью для поѣздки императора было желаніе присутствовать на торжествѣ освященія нѣмецкаго храма, воздвигнутаго въ кварталѣ, гдѣ расположены и русскія постройки. Исторія построенія этой церкви согласно указаніямъ г. Вожина слѣдующая. На участкѣ, гдѣ нынѣ возведены русскія постройки и новая протестантская церковь, амальфитяне построили двѣ гостиницы, мужскую и женскую, и двѣ церкви, первую во имя св. Маріи Латинской, а вторую во имя Пресвятой Богородицы. Послѣднюю, по ея величинѣ, стали называть церковью св. Маріи Большой. Со взятіемъ Иерусалима крестоносцами, эти пріюты были заняты ими. Когда Салладинъ возстановилъ владычество мусульманъ надъ Святымъ градомъ (въ 1187 г.) Муристанскій участокъ частью лежалъ впускѣ, частью былъ застроенъ арабскими домами, частью отошелъ подъ владѣнія основаннаго здѣсь греками монастыря Іоанна Крестителя. Развалины бывшей женской гостиницы и церкви св. Маріи Большой сохранились до послѣдняго времени и представляли одну изъ самыхъ характерныхъ руинъ эпохи крестоносцевъ въ Иерусалимѣ. Въ 1869 году, когда наслѣдный принцъ Фердинандъ-Вильгельмъ, возвращаясь съ открытія Суэцкаго канала, посѣтилъ Святой градъ, султанъ Абдуль-Азисъ подарилъ все это мѣсто прусскому королю. Тогда же здѣсь торжественно былъ поднятъ прусскій флагъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 23 лѣтъ, казалось, объ этомъ эпизодѣ совершенно забыли въ Пруссіи. Лишь 19-го октября 1892 года, при освященіи замковой церкви въ Виртембергѣ, какъ памятника реформаци,—заговорили вновь о прусскомъ участкѣ въ Иерусалимѣ. Съ тѣхъ поръ дѣло пошло быстро. Образуется евангелическое германское общество для сбора пожертвованій. Черезъ годъ состоялась закладка храма, планъ котораго былъ выработанъ въ точномъ соотвѣтствіи съ древней церковью Маріи Большой. Извѣстенъ указъ Вильгельма II, данный по этому поводу, гдѣ говорилось, что въ виду роста числа нѣмцевъ, принадлежащихъ къ евангелическому вѣроисповѣданію въ Святой землѣ, необходимо создать въ Иерусалимѣ протестантскій храмъ, «какъ видимый знакъ вѣроисповѣдной общности, соединяющей воедино евангелическія церкви Германіи, и внѣ ея предѣловъ находящіяся», «откуда бы и нѣмецкимъ языкомъ былъ вѣчно чувствуемъ и восхваляемъ Христосъ, какъ Единный Спаситель и Искупитель». Менѣе чѣмъ въ два года храмъ былъ построенъ. Затрачено около милліона марокъ. Безусловно церковь очень красива. Бѣлоснѣжный, романскій куполъ ея и высокая колокольня—проектъ самого императора, рѣзко выдѣляются на сѣромъ фонѣ побурѣвшихъ отъ древности построекъ Иерусалима. Внутри—суровая простота всѣхъ протестантскихъ церквей. Только игра яркаго палестинскаго солнца, пробивающагося черезъ цвѣтныя стекла вы-

сокихъ оконъ, веселитъ гладкія, лишеныя всякаго украшенія каменные стѣны.

Самое торжество открытія совершилось при фееричной, театральной обстановкѣ, при чемъ, конечно, Вильгельмъ не упустилъ случая сказать, по обыкновению, надлежащую рѣчь.

«Въ этотъ же день, день превозглашенія «тезисовъ» Лютера, день, долженствовавшій послужить зарею новаго духовнаго возрожденія Германской имперіи, состоялось и другое, не менѣ знаменательное торжество на Сіонской горѣ. Здѣсь, на подаренномъ Абдуль-Гамидомъ участкѣ, священномъ для всѣхъ христіанъ воспоминаніями о жилищѣ апостола Іоанна, въ которомъ Пресвятая Дѣва провела остатокъ своей земной жизни и преставилась, состоялось поднятіе нѣмецкаго флага. Затѣмъ, въ присутствіи латинскаго патріарха, Вильгельмъ II передалъ участокъ въ руки нѣмецкихъ католиковъ въ лицѣ Лютера Шмита. Впрочемъ, въ концѣ-концовъ, за султанскій «подарокъ» Германіи пришлось заплатить порядочныя деньги. Собственниками этого мѣста оказались мусульмане, которые и не замедлили заявить свои претензіи. Еще надняхъ только имъ заплачено 6.000 наполеновъ, но привыкшіе къ эксплуатаціи религиозныхъ чувствъ христіанъ арабы остались недовольны. Они говорятъ, что за эту землю имъ францисканцы дали бы 300 тысячъ франковъ.

Анализируя результаты поѣздки Вильгельма въ Святую землю, г. Вожинъ, свидѣтель мѣстныхъ событій, говоритъ, что эта поѣздка со всѣми относящимися сюда переговорами, рѣчами, обѣщаніями и отношеніями въ области международной политики «нанесла сильный ударъ здѣшнему католицизму, въ лицѣ его патроновъ — Ватикана и Франціи. Она еще болѣе усилила расколъ, царившій въ дѣятельности латинянъ, и на прочную почву поставила протестантское дѣло. Провозгласивъ всенародно формулу національныхъ церквей, она поколебала престижъ св. отца и укрѣпила тенденціи, уже существовавшія въ зародышѣ. Созданіемъ сильной католической нѣмецкой партіи, непосредственно покровительствуемой имъ самимъ, Вильгельмъ II поставилъ папство въ зависимость отъ государственной власти, двинувъ, такимъ образомъ, далѣе «культурную борьбу» Бисмарка. По отношенію собственно нѣмецкаго дѣла, колонизаціи, развитія торговли и промышленности—о послѣдствіяхъ дѣятельности германскаго императора судить пока очень трудно. Все еще находится въ предѣлахъ однихъ предположеній. Въ настоящее время нѣмцы ни въ торговлѣ, ни въ земледѣльческомъ смыслѣ не играютъ въ Палестинѣ выдающейся роли. У нихъ лишь хорошо организованъ кадръ, изъ котораго можетъ разростись нѣмецкое вліяніе, подобно тому, какъ это сдѣлано въ европейской Турціи и отчасти Анатолиі. Несомнѣнно, что императоръ подготовилъ отличную почву. По всей вѣроятности, колонизація, по условіямъ почвы, климата и

удобствъ сообщеній, будетъ направлена на сирійское побережье и въ долину Иордана, у Тиверіадскаго озера. Это — мѣста, изстари славящіяся своимъ плодородіемъ, нѣкогда покрытыя цвѣтущими городами и селами, которыя обратилъ въ пустыни дикій, деспотическій мусульманскій режимъ. Для торговли намѣчены: Кайфа, Цезаря, Яффа, Дамаскъ. Съ проложеніемъ желѣзной дороги Кайфа-Дамаскъ-Багдадъ нѣмецкимъ товарамъ откроется громаднй міровой рынокъ.

«Все это во всякомъ случаѣ результаты, за которые нѣмцы дѣйствительно должны быть благодарны своему императору. Не то скажетъ ему Святая земля. Своимъ путешествіемъ Вильгельмъ II лишь ожесточилъ ту подпольную борьбу, которая вѣками велась здѣсь между европейцами. Онъ принесъ сюда не миръ и любовь, а ненависть и вражду. Кто видитъ въ новыхъ дѣятеляхъ Палестины союзниковъ, кто враговъ. Нѣмцы, пользуясь безтолковымъ раздоромъ, царящимъ въ странѣ, заручаясь слѣпымъ содѣйствіемъ султана, будутъ спокойно, методически вести свою линію, посмѣиваясь надъ обманутыми «союзниками», презирая безсильныхъ враговъ».

Таковъ строгій приговоръ г. Вожина; еще строже анализировалъ поѣздку Вильгельма II въ Палестину публицистъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Владиміръ Гольмстремъ, заявившій (№ 306), что «путешествіе ко гробу Господню дало поводъ германскому императору, отрекшись отъ христіанскихъ историческихъ завѣтовъ, возвеличить Саладина и съ почвы Палестины, освященной воспоминаніями о Христѣ, возвѣстять о своей дружбѣ съ 300 милліонами невѣрныхъ. Враждебныя христіанству силы въ современной цивилизаціи получили, благодаря послѣднимъ событіямъ, большую поддержку».

IX.

Происшедшее въ послѣднее время на территоріи Святой земли выдвигаетъ съ особенною силою вопросъ: какъ же смотреть на совершающуюся въ Палестинѣ профанацію христіанства Россія, что предприметъ она въ обязательной борьбѣ съ агрессивнымъ замысломъ Германіи, каковы ея силы въ Палестинѣ, и что пока преслѣдовала она тамъ? Исключая два первыхъ вопроса изъ обсужденія, какъ вопросы публицистическаго характера и притомъ относящіеся къ области гаданій и предположеній, остановлю лишь вниманіе своихъ читателей на краткомъ обзорѣни уже существующихъ фактовъ, т. е. на двухъ послѣднихъ вопросахъ, какъ наиболѣе выясненныхъ и доступныхъ моеи компетенціи.

До 1839 года греческое духовенство было всецѣльно надъ православными въ Святой землѣ, имѣя даже право наказывать, напримѣръ, нашихъ паломниковъ. Въ 1839 году, въ ингересахъ и ради покро-

вительства послѣднихъ, было основано въ Бейрутѣ русское консульство, которое, однако, по причинѣ тогдашней трудности сношенія между этими городами, было по своему значенію въ Іерусалимѣ совершенно безсильно. Только когда въ 1841 году былъ основанъ протестантскій епископатъ, и у насъ рѣшено было предпринять что нибудь въ пользу русскихъ паломниковъ. Дѣло это попало въ руки министерства иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде, которое въ вопросѣ и проявило изумительную осторожность и неспособность стоять на высотѣ русскихъ задачъ; какъ бы тамъ, однако, ни было, для полученія свѣдѣній о состояніи православія въ Святой землѣ, туда былъ командированъ архимандритъ Порфирій, который все же успѣлъ получить нужныя данныя и привезти ихъ въ Петербургъ, послѣ чего мы уже основываемъ официальную духовную миссію въ Іерусалимѣ, начальникомъ коей и былъ назначенъ тотъ же Порфирій, но миссія эта была поставлена столь фальшиво, что на дѣлѣ о. Порфирій правилъ нѣчто въ родѣ должности ученаго секретаря при іерусалимскомъ патріархѣ, проявляя лишь ревностную заботу о соблюденіи греческихъ интересовъ и интересовъ братства св. гроба Господня. Въ слѣдующія шесть лѣтъ, когда начальникомъ миссіи былъ Кириллъ, въ Палестинѣ уже является дѣйствующимъ «Палестинскій Комитетъ» для постройки страннопріимныхъ домовъ для русскихъ паломниковъ, учреждается русское консульство, которому и поручается хозяйственное распоряженіе по постройкѣ; неопредѣленность отношеній консула и начальника миссіи повела къ борьбѣ между ними, при чемъ, конечно, по обыкновенію, министерство иностранныхъ дѣлъ стало на сторону консула, который и взялъ, поэтому, въ дѣлѣ верхъ, послѣ чего Кириллъ былъ отозванъ. Въ бытность затѣмъ начальникомъ миссіи архимандрита Леонида, наша миссія пережила періодъ ужасающей неурядицы, которая улеглась только съ назначеніемъ архимандрита Антонина, этого типичнаго монаха-строителя. Но и положеніе послѣдняго въ вопросахъ административно-церковныхъ долго, до учрежденія православнаго Палестинскаго общества, было фальшивое, и начальникъ миссіи по своимъ правамъ былъ приравненъ къ правамъ консуловъ въ европейскихъ городахъ. Въ 1859 году была учреждена еще въ Палестинѣ комиссія для сбора пожертвованій, которая дѣйствительно собрала значительныя средства, приобрѣла около Іерусалима превосходное мѣсто и воздвигла тутъ для русскихъ паломниковъ огромныя страннопріимныя зданія. Въ 1882 году образовалось подъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества великаго князя Сергія Александровича «Православное Палестинское общество», которое послѣ нѣкоторой борьбы съ строительной комиссіей взяло верхъ, и съ этого времени православное дѣло въ Святой землѣ начинаетъ свою новую исторію, отмѣченную энергіей и успѣхомъ. Г. Суворинъ сводитъ воедино такъ результаты дѣятельности общества за

десять лѣтъ: оно построило въ Палестинѣ двѣ церкви, двѣ странно-пріимницы, открыло два пансіона для образованія учителей и учительницъ для своихъ сельскихъ школъ, учредило двѣ амбулаторныхъ и десять школъ и издало нѣсколько десятковъ томовъ древнихъ русскихъ и иноземныхъ паломниковъ, путеводителей и отдѣльныхъ сочиненій, посвященныхъ описанію и исторіи Палестины. вмѣстѣ съ тѣмъ оно занялось нуждами нашихъ паломниковъ, удешивило имъ переѣздъ въ Святую землю, устраиваетъ чтенія для нихъ въ долгіе зимніе вечера и по силѣ возможности охраняетъ ихъ отъ разныхъ доброжелателей собственнаго кармана, которыхъ не мало въ Палестинѣ. Общество переросло своимъ значеніемъ комиссію, и въ 1889 году ему переданы были вмѣстѣ съ наименованіемъ «императорскаго» и всѣ дѣла и капиталы комиссіи; консулу оставлено политическое представительство и обязанности полицейско-административнаго надзора; духовная миссія получила цѣлый отдѣльный корпусъ, составъ ея увеличенъ, духовная опека паломниковъ поставлена ей высокою задачей. Палестинское же общество, кромѣ своихъ общихъ цѣлей, вѣдаетъ и все внутреннее хозяйство русскихъ построекъ, слѣдя за всѣми подробностями быта поклонниковъ.

Школы общества имѣются въ Назаретѣ, Кайфѣ, Бейрутѣ, Дамаскѣ, Химсѣ и другихъ городахъ и селеніяхъ Палестины и Сириі, обнимающихъ собою до 4.000 учащихся. Церкви общества имѣются въ селеніяхъ Яффѣ, Мждедѣ, Гамэ, Канѣ Галилейской и другихъ мѣстахъ. Кромѣ амбулаторій въ Іерусалимѣ, имѣются таковыя же въ Назаретѣ, Виолеемѣ и Бентъ-Джалѣ, снабжающія пациентовъ безплатными лѣкарствами и принимающія ежегодно до 60 тысячъ больныхъ. Содержаніе паломниковъ на русскихъ постройкахъ, пользование ихъ хозяйственными приспособленіями (прачешная, баня, вогрѣйка, столовая) обложено незначительною платою: полное содержаніе паломнику-простолудину обходится въ день 13 копеекъ, включая сюда плату за помѣщеніе, обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ и за горячую воду для чая. Общество организовало также дѣло проводничества для охраны и сопровожденія богомольцевъ при посѣщеніи ими св. мѣстъ, какъ въ чертѣ Іерусалима, такъ и отдаленныхъ отъ него Іордана, Хеврона, Назарета и проч.

Бытъ русскихъ паломниковъ въ Палестинѣ, ихъ жизнь на постройкахъ, отношеніе къ нимъ иновѣрцевъ и греческаго патріархата нашли себѣ самое подробное описаніе у г. Суворина; оно же имѣется и въ другихъ многихъ нашихъ русскихъ работахъ, почему я этой темы касаться не буду, полагая, что она достаточно знакома читателямъ; скажу лишь словами, покойнаго д-ра Елисеѣва, что паломники суть «плоть отъ плоти и кровь отъ крови русскаго народа», и они-то и составляютъ «самую могучую русскую силу на Святой землѣ». Это—«сила стихійная, особенная,—говоритъ Елисеѣвъ,—съ нею не только нельзя сравнивать силы патріархата, не говоря уже

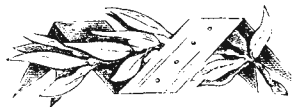
о русской миссии и русском консульствѣ, но даже и силу ино-вѣрной пропаганды. И патриархатъ, и миссія, и консульство, и вся русская пропаганда на далекомъ востокѣ, даже всѣ русскіе интересы должны опираться на эту живую, народную силу, на эту сплоченную во имя одной идеи массу, которая для-ради Бога готова пройти огонь и воду... Наши паломники замѣняютъ для Россіи пока все то, чѣмъ могутъ похвастаться западные пришельцы; они-то и поддерживаютъ русское вліяніе, они-то проводятъ обаяніе русскаго имени въ глубину Палестинскаго населенія.

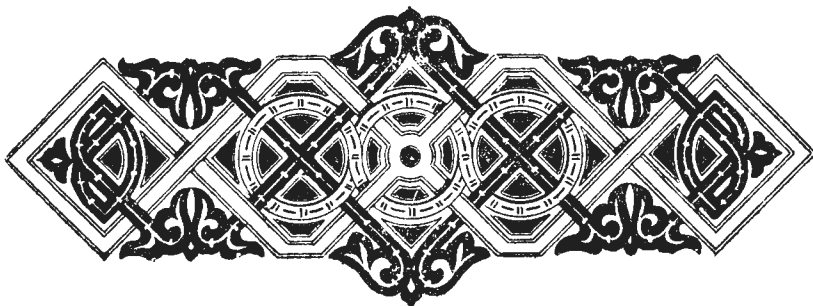
Это было писано въ 1885 году, и все это остается въ силѣ и понынѣ. Какъ нѣкогда прежде, такъ и теперь, стремленіе русскаго народа въ Святую землю стихійно, по велѣнію сердца и глубокой вѣры въ святость того, чему поклоняешься и чему молишься. Не соображенія политическія, не необходимость экономическая и финансовая побуждаютъ русскаго человѣка изъ самыхъ отдаленныхъ губерній тащить, несмотря на всѣ лишенія по пути, въ священный градъ; нѣтъ, здѣсь нѣчто высшее, чистое, свободное и духовное, которое трудно формулируется опредѣленнымъ положеніемъ, но въ коемъ покоится удивительная мощь и крѣпость. Это тяготѣніе историческое, имѣющее глубокіе корни въ прошедшемъ, основанное на коллективномъ народномъ сознаніи, что долгъ русскаго человѣка крѣпко стоять за мѣстную святыню противъ посягательствъ на нее со стороны враговъ христіанства и стоять при томъ не помощью грубой физической силы, или какого либо привилегированнаго положенія, а силою вѣры и самопожертвованія. Нечего скрывать, что паломничество рядомъ съ указанными свѣтлыми сторонами носить въ себѣ и много темнаго, порочнаго, достойнаго хулы и порицанія, но эти стороны не суть явленія органическія, связанныя, во что бы то ни стало, съ самой идеей паломничества, они явленія наносныя, которыя подъ воздѣйствіемъ культуры сгладятся, исчезнутъ, и вотъ тутъ-то молодое Палестинское общество, сумѣвшее уже овладѣть этимъ народнымъ движеніемъ и имѣющее въ своемъ распоряженіи для того средства, должно приложить всѣ силы, чтобы снести эту наносную нечисть и наложить на него печать порядка и благонравія. Общество въ этомъ отношеніи находится въ чрезвычайно благоприятномъ положеніи: не оно вызвало къ жизни народное движеніе, а, напротивъ, само движеніе создало общество; тутъ нѣтъ искусственности, нѣтъ фальшивой задней цѣли, нѣтъ необходимости прикрывать какимъ нибудь красивымъ и эффектнымъ флагомъ задній умыселъ, который почему либо неудобно обнаруживать и дѣлать предметомъ откровеннаго обсужденія. Вотъ почему Палестинское общество, являясь въ значительной мѣрѣ представителемъ оффиціальной Россіи, имѣетъ полную возможность согласовать интересы этой Россіи съ потребностями и влеченіями народнаго духа. Въ этомъ его громадное преимущество передъ всѣми

прочими иноземными учрежденіями, которыя главнымъ образомъ служатъ отголосками политическихъ или экономическимъ тенденцій своихъ правительствъ. Не преслѣдуя цѣли захвата, не выдвигая политическихъ идей, на примѣръ, панславизма, общество всегда въ своей мирной дѣятельности будетъ служить вѣрнымъ и точнымъ отраженіемъ народнаго настроенія всей Россіи, а при такой постановкѣ вопроса ему не будетъ страшна никакая борьба съ народившимися въ Палестинѣ новыми вѣяніями.

Общество и стоитъ пока (а можно быть увѣреннымъ, что будетъ стоять и въ дальнѣйшемъ) на вѣрномъ пути. Облегчивъ путешествіе въ Святую землю, организовавъ на мѣстѣ бытъ паломниковъ, оно въ настоящее время усиленно занято насажденіемъ просвѣщенія, но не въ духѣ насильственной пропаганды и глумленія надъ ино-вѣрцами, но на началахъ, очищенныхъ отъ всякихъ отрицательныхъ примѣсей, чуждыхъ дѣлу просвѣщенія. Остается только пожелать, чтобъ именно на школьное дѣло тратилось побольше средствъ, и въ этомъ отношеніи не допускалась совсѣмъ ненужная и излишняя экономія. Русскія школы, въ интересахъ ихъ успѣха, должны быть обставлены также солидно и широко, какъ и школы остальныхъ состояющихся съ нами народностей. И здѣсь на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ вопросъ объ улучшеніи педагогическаго персонала, который, какъ мнѣ довелось это слышать отъ лицъ, близкихъ дѣлу, далеко не стоитъ на высотѣ призванія. Воспитанницы здѣшней Петербургской Покровской женской гимназіи, изъ которой и комплектуется главнымъ образомъ составъ учительницъ для русскихъ школъ въ Палестинѣ, не могутъ считаться вполне благонадежнымъ элементомъ. Для спеціальной миссіи на востокъ должна быть и нѣкоторая спеціальная подготовка. Туда именно и надлежитъ, какъ то дѣлаютъ наши сосѣди, высылать лучшія силы, хорошо освѣдомленные въ тѣхъ цѣляхъ, которыя имъ предстоитъ выполнять. Даже если бы на это потребовалась затрата лишнихъ средствъ, то предъ этимъ останавливаться не слѣдуетъ. Дѣло слишкомъ важно, чтобъ тутъ могли быть допущены какія нибудь колебанія или мелкіе расчеты.

Б. Глинскій.

САЛЮТИСТЫ ВЪ ГЕРМАНИИ.

НѢСКОЛЬКО лѣтъ тому назадъ я описывалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» видѣнныхъ мною въ Лозаннѣ и Брюсселѣ швейцарскихъ и бельгійскихъ салютистовъ; теперь мнѣ пришлось ихъ увидѣть въ Германіи, гдѣ они появились всего 8 лѣтъ назадъ; пришлось ихъ увидѣть на «конгрессѣ» въ Берлинѣ, то-есть при особенно торжественной обстановкѣ и при этомъ узнать нѣкоторыя подробности ихъ ученія и пропаганды, очень развившейся въ послѣднія 10 лѣтъ повсемѣстно.

Этотъ конгрессъ продолжался семь дней. На немъ присутствовалъ и два раза председательствовалъ самъ генераль Бутсъ, первый разъ прибывшій въ Германію, чтобы посѣтить свою германскую паству; два раза онъ лично держалъ рѣчь предъ собраніемъ многочисленной публики изъ всѣхъ слоевъ Берлина, каждый разъ по обыкновению приглашая всѣхъ къ покаянію, спасенію и поступленію въ армію, и закончилъ свою послѣднюю рѣчь, 2-го августа, нѣсколько хвастливымъ заявленіемъ о всесвѣтныхъ побѣдахъ салютистовъ. Ближайшимъ результатомъ этого новаго берлинскаго конгресса было объединеніе нѣмецкихъ салютистовъ, а что касается приращенія германской «Арміи Спасенія», то новоспасенныхъ, то-есть новыхъ лицъ, вступившихъ въ ряды этой арміи, было послѣ конгресса, какъ возвѣстили салютистскія газеты, множество и никакъ не менѣе двухъ сотенъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію конгресса, необходимо напомнить, что «Армія Спасенія» это скорѣе всего религіозно-благотворительное общество, построенное на чрезвычайно широкихъ основаніяхъ, имѣетъ цѣлью всеобщее спасеніе (Salut, Heil) путемъ борьбы не только противъ явныхъ людскихъ пороковъ, но и противъ всякихъ излишествъ и даже вообще противъ свѣтской жизни, то-есть жизни въ мірѣ, и противъ лицъ, исключительно преданныхъ мірскимъ интересамъ. Эту борьбу салютисты называютъ борьбою съ дьяволомъ, предполагая, что всѣ спасенные находятся постоянно въ рукахъ врага рода человѣческаго. Разрѣшеніе такъ называемаго соціальнаго вопроса путемъ уравниванія матеріальнаго положенія всѣхъ и каждого входитъ также въ задачу салютистовъ, но вовсе не въ цѣляхъ достиженія экономическаго равенства всѣхъ состояній, а какъ средство привлеченія новыхъ прозелитовъ въ ряды арміи, куда стекаются, въ большинствѣ, бѣдняки, хотя салютисты и увѣряютъ, что въ ихъ рядахъ много богатыхъ людей. Вся организація арміи, насчитывающей уже нѣсколько тысячъ человѣкъ и оригинальной тѣмъ, что въ ней рѣшительно преобладаютъ лица офицерскаго званія, находится уже 33 года въ рукахъ и въ управленіи своего основателя, генерала Бутса, и ея дѣятельность уже распространилась на многія государства. (На конгрессѣ Бутсъ объявилъ, что эта организація уже распространилась въ 40 государствахъ, но насчиталъ не болѣе 20).

Какъ единственный начальникъ арміи, Бутсъ раздѣляетъ по всѣмъ частямъ свѣга и является неограниченнымъ повелителемъ и единственнымъ ея руководителемъ. Армія обладаетъ огромными средствами, какъ это будетъ видно ниже, и средства эти употребляются и на «соціальную работу», какъ выразился генераль Бутсъ, и на настойчивую пропаганду догматовъ спасенія.

Силою печати армія пользуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, что доказывается громаднымъ распространеніемъ ея изданій на всѣхъ европейскихъ языкахъ (кромѣ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ, на шведскомъ, норвежскомъ, голландскомъ, итальянскомъ и друг.). Добавимъ, что хотя вся дѣятельность арміи у всѣхъ на виду и даже слишкомъ на виду, благодаря часто устраиваемымъ театральнымъ процессіямъ на улицахъ съ оглушительной музыкой и благодаря громкому пѣнію, сопровождающему каждое собраніе салютистовъ и весьма привлекающему публику, но о результатахъ этой дѣятельности свѣдѣній очень мало, хотя дѣятельность эта не имѣетъ ничего общаго съ дѣятельностью, напримѣръ, масоновъ, полной всякой таинственности и ненарушимой секретности для всѣхъ непосвященныхъ.

Несмотря на эту шумную демонстративнаго характера пропаганду салютизма, сужденія заграничной публики объ «Арміи Спасенія» весьма разнообразны и противорѣчивы. Одни считаютъ эту армію

религиознымъ орденомъ, другіе — сектой, третьи ничего не видятъ въ ней, кромѣ организованнаго, для одурачиванія человѣчества, шарлатанства, четвертые особенно скептически относятся въ употребленію огромныхъ денежныхъ средствъ, которыми армія располагаетъ, но никто до сихъ поръ не обвинялъ армію ни въ безнравственныхъ дѣйствіяхъ, ни въ политической, ни въ религиозной пропагандѣ, ни въ дурномъ вліяніи на народныя массы, среди которыхъ она дѣйствуетъ больше всего, и, напротивъ, все, что доходитъ до всеобщаго свѣдѣнія о работѣ арміи, сводится къ единодушнымъ похваламъ тѣмъ добрымъ началамъ, которыя она проводитъ въ массу народа, и о блестящихъ результатахъ этой пропаганды.

Повсюду, гдѣ появляются чины арміи, возникаетъ немедленная, открытая и настойчивая борьба противъ пьянства, куренія, картежной игры, разврата и бездѣлья. Молодые дѣвушки проповѣдницы смѣло входятъ въ разныя питейныя заведенія и, не смущаясь, проповѣдуютъ противъ употребленія опьяняющихъ напитковъ, подвергаясь при этомъ всевозможнымъ издѣвательствамъ, хотя часто проповѣдь все-таки дѣйствуетъ, и благодаря именно этой проповѣди, дѣйствительно исправившіеся отъ разныхъ пороковъ, отказавшіеся отъ пьянства и разврата и возвратившіеся къ трудовой жизни, а также лавшія женщины, оставившія окончательно свое ремесло, насчитываются тысячами. Конечная цѣль, къ которой стремится армія, «всеобщее спасеніе», по всѣмъ вѣроятіямъ, не будетъ никогда достигнута, хотя салютисты и вѣрятъ и надѣются на это, но и достигнутое уже исправленіе тысячъ людей и очевидное улучшеніе нравовъ, хотя бы и въ немногихъ мѣстностяхъ салютистской пропаганды, не можетъ не быть поставлено имъ въ положительную заслугу.

Одна изъ удивительныхъ сторонъ организаціи «Арміи Спасенія» состоитъ въ томъ, что всѣ чины ея дѣлаются необыкновенно общительны и дружелюбны относительно всѣхъ людей вообще и, между прочимъ, охотно пускаются въ объясненія и разговоры по вопросамъ, обращаемымъ къ нимъ просто изъ одного любопытства. Я испыталъ это многократно лично и никогда не встрѣчалъ уклончивыхъ отвѣтовъ. Кажется, въ каждомъ разспрашивающемъ ихъ они расположены видѣть будущаго чина арміи, и отсюда, вѣроятно, отчасти проистекаетъ ихъ откровенность. Въ Берлинѣ на Blücher-Platz, № 1, помѣщается такъ называемая «Главная Квартира Арміи Спасенія въ Германіи». Я былъ тамъ нѣсколько разъ по приглашенію разныхъ офицеровъ арміи и обращался къ нимъ за разными разъясненіями, получаемыми весьма легко.

Главная квартира состоитъ изъ полдюжины маленькихъ комнатокъ, въ которыхъ помѣщается такъ называемый «Kommandeur» собственно для Германіи, а также нѣсколько офицеровъ и секретарь. Послѣднимъ оказалась дѣвица въ чинѣ лейтенанта. Тутъ же

въ главной квартирѣ совершается отдѣльная продажа №№ «Kriegsgruf'a», и тамъ же можно получить разныя другія печатныя изданія салютистовъ, каковыхъ изданій на нѣмецкомъ языкѣ насчитывается около десяти. Изъ числа этихъ изданій особеннаго вниманія заслуживаютъ три книжки, а именно: 1) «Отвѣты генерала Бутса на вопросы»; 2) «Десятилѣтняя война во Франціи и Швейцаріи» и 3) «Правила и распорядки въ Арміи Спасенія». Всѣ остальные книги, авторы которыхъ или неизвѣстны, или этотъ авторъ есть покойная жена Бутса, или здравствующая его дочь Бутсъ-Клиборнъ, посвящены изысканію средствъ къ наиболѣе успѣшному спасенію душъ отъ соблазновъ дьявола и потому безусловно нравственнаго содержанія, хотя и отчасти скучны. Официальнымъ органомъ арміи считается «Kriegsgruf» для Германіи и «En avant» для Франціи, Бельгіи и Швейцаріи (французской).

Разные запросы, обращенные къ Бутсу (такъ объяснено въ предисловіи), вызвали появленіе его отвѣтовъ. Нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ быть здѣсь приведенными. Изъ отвѣтовъ видно прежде всего, что «Армія Спасенія» есть «боевая (Streitmacht), состоящая изъ мужчинъ и женщинъ, которые, изъ любви къ Богу и человѣчеству, соединились для того, чтобы во всемъ свѣтѣ проповѣдывать спасеніе». Арміей это общество называется потому, что она «организована по плану большихъ армій» съ тою лишь разницею, что «обыкновенныя арміи ведутъ къ гибели и истребленію человѣка, а эта ведетъ къ Богу».

Крайне интересныя свѣдѣнія о цѣли, управленіи и руководствѣ «Арміи Спасенія» находятся въ другой книгѣ, именно въ «Правилахъ и распорядкахъ», о которой будетъ сказано ниже, а теперь нужно отмѣтить, что въ этой книгѣ (отвѣты и т. д.) ясно выражено, что «цѣль» арміи заключается въ томъ, чтобы всѣхъ людей подчинить Богу. Положивъ начало этой арміи въ Лондонѣ, въ 1865 году, какъ объясняетъ Бутсъ, случайно, изъ состраданія къ тѣмъ бѣднякамъ, которые въ воскресные дни проводили время въ кабакахъ, а не въ церквахъ,—генераль рѣшилъ спасти и привести этихъ бѣдняковъ къ Богу и, такъ какъ къ Бутсу присоединилось еще нѣсколько человѣкъ помощниковъ, то, такимъ образомъ, возникла армія. Относительно устройства своего дѣла въ видѣ арміи генераль Бутсъ въ своихъ отвѣтахъ объясняетъ: такъ какъ въ Новомъ Завѣтѣ не нашлось никакихъ указаній, какъ вести эту армію, то онъ, Бутсъ, обратился къ Старому Завѣту, но и тамъ оказались только одни «основы» для устройства управленія подобныхъ армій, и вотъ, въ согласіе съ этими основами, Бутсъ и устроилъ это управленіе. Генераль говоритъ, что эти основы оказались совершенно схожими съ управленіемъ древнихъ еврейскихъ обществъ и еврейскаго народа, но также и «поразительно

схожими» съ управленіемъ первыхъ христіанскихъ общинъ. Такъ, напримѣръ, говоритъ Бутсъ, апостоль Павелъ, если и не носилъ титула генерала арміи, то былъ таковымъ въ дѣйствительности. И вотъ потому-то нынѣшній генераль арміи, то-есть Бутсъ, «озаренный свѣтомъ свыше», принялъ на себя также руководство арміи, почерпнувъ указанія для сего руководства изъ слѣдующихъ четырехъ источниковъ: а) изъ Библии; б) изъ примѣровъ, указанныхъ другими религіозными руководителями; в) изъ ежедневныхъ указаній Бога и г) изъ непосредственныхъ указаній Св. Духа.

Что касается до собственно военной организаціи, присвоенной арміи, то Бутсъ говоритъ, что эта организація избрана по совѣту «съ мудрѣйшими и опытнѣйшими людьми». Эти же мудрѣйшіе и опытнѣйшіе порѣшили, что безъ единого руководителя армія обойтись не можетъ, ибо «подобные руководители существуютъ и существовали прежде не только у людей, но даже у птицъ и животныхъ, живущихъ стадами». «Повиновеніе—вотъ главный двигатель арміи,—говоритъ Бутсъ,—безъ повиновенія,—добавляетъ онъ,—не было бы порядка даже въ небесахъ, а тѣмъ болѣе на землѣ».

Преимущество въ устройствѣ «Арміи Спасенія» заключается въ томъ, что это устройство «просто», «могущественно» (machtvoll), «что оно обладаетъ наилучшими средствами работы для Бога», и что отъ всѣхъ чиновъ арміи «требуется лишь одно: повиновеніе и исполненіе, а не разсужденіе. Управленіе арміей уподобляется управленію семейства его главою, то-есть отцомъ, оно также подобно управленію у израильтянъ, ибо Моисей былъ не что иное, какъ генераль Божьяго войска, а потомъ въ той же роли являлись Давидъ, Соломонъ и др. и, наконецъ, какъ сказано ранѣе, апостоль Павелъ былъ въ дѣйствительности также не чѣмъ инымъ, какъ генераломъ арміи спасенія.

Обязанности генерала «Арміи Спасенія» заключаются: а) въ руководствѣ чинами арміи во всемъ свѣтѣ; б) въ назначеніи командировъ въ разныхъ странахъ; в) въ назначеніи, повышеніи и увольненіи офицеровъ; г) въ веденіи денежныхъ и имущественныхъ дѣлъ арміи; д) въ руководствѣ литературой, музыкой и пѣніемъ въ арміи, и г) въ установленіи формы одежды.

Генераль арміи, объясняетъ названная книга, есть единственный авторитетъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся «арміи», и добавляетъ, что «авторитетъ этотъ держится только на любви и довѣрїи».

Тамъ же сказано, что «генераль никакого содержанія не получаетъ, а живетъ на свои средства», и что «онъ самъ себя назначаетъ преемника, на случай смерти, но назначеніе это держится въ величайшемъ секретѣ до смерти генерала и заключается въ особомъ письменномъ документѣ, находящемся въ «главномъ штабѣ въ Лондонѣ». Такой порядокъ установленъ, — прибавляетъ книжка,—

«послѣ долгой молитвы и совѣта съ наиболѣе мудрыми, а потому и этотъ порядокъ самый мудрый».

Далѣе въ книгѣ заключаются подробныя свѣдѣнія о финансовыхъ операціяхъ, о начальникѣ штаба и его власти, о разнаго рода сборахъ на армію (коллекты), о размѣрѣ содержанія, выдаваемого каждому офицеру, нужно замѣтить, весьма скуднаго (женатый капитанъ получаетъ 14 марокъ въ недѣлю, замужній капитанъ — 9 марокъ, неженатый капитанъ — 10 марокъ, неженатый лейтенантъ мужчина — 9 марокъ, а лейтенантъ женщина — 8 марокъ, и т. д.); объ увольненіи офицеровъ за дурные поступки, за которые никто и никогда гражданскимъ судомъ не преслѣдуется, а поступки эти предоставляются угрызенію совѣсти провинившихся, о перемѣщеніяхъ офицеровъ, заболѣваніи и проч. и проч.

Въ цитируемой книгѣ прямо поставленъ даже одинъ весьма щекотливый вопросъ, и на него данъ прямой отвѣтъ, а именно: можетъ ли генералъ злоупотреблять деньгами арміи, или присвоить ихъ себѣ, и на этотъ вопросъ, невзирая на то, что все въ арміи будто бы держится на довѣрїи и любви къ генералу, — отвѣчено категорически, что финансовый контроль въ арміи столь хорошъ, что генералъ ни злоупотреблять деньгами, ни присвоить ихъ себѣ, даже въ самой малой суммѣ, не можетъ, если бы даже и хотѣлъ.

На чей-то вопросъ о значеніи литературы въ дѣлѣ арміи въ книгѣ прямо отвѣчается, что литература и печать вообще есть прекрасное средство помогать воздѣйствію проповѣди съ кафедръ, а потому въ печатныхъ органахъ арміи (ихъ теперь во всѣхъ государствахъ девять ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ) предписывается только помѣщать статьи «о спасеніи», «о святости» и писать ихъ непременно самымъ простымъ и понятнымъ и, если можно, народнымъ языкомъ, а пѣсни (есть журналъ «Musikalischer Salutist»), не стѣсняясь ихъ духовнымъ содержаніемъ, перелагать исключительно на народные мотивы. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Бутсомъ, на литературу армія расходуетъ 3 милліона съ половиною марокъ въ годъ и издаетъ одинъ только «Kriegsruf» на 29 языкахъ. Обязанность распространять эти печатныя изданія лежитъ на каждомъ чинѣ арміи, но, кромѣ того, для болѣе успѣшнаго распространенія организовались особыя Kriegsruffbrigaden. Между прочимъ на каждомъ чинѣ арміи лежитъ также обязанность покупать эти изданія для собственной надобности.

Особенности организаціи арміи, какъ видно изъ отвѣтовъ Бутса, еще заключаются въ томъ, что офицерское содержаніе выплачивается послѣ покрытія всѣхъ другихъ расходовъ (наемъ помѣщенія, освѣщеніе, музыка, отопленіе), и никто, говоритъ Бутсъ, не имѣетъ права требовать своего содержанія, «хотя бы пришлось отказывать себѣ въ пищѣ».

Другая особенность, что каждый солдатъ можетъ просить о про-

изводствѣ въ офицеры, хотя, говорится въ книжкѣ, «производятся только дѣйствительно достойные сего званія».

Третья особенность та, что до полученія званія капитана офицеръ вовсе не имѣетъ права жениться, а женщина-лейтенантъ, выходя не иначе какъ за капитана, потому что никакой лейтенантъ на ней жениться не можетъ, все-таки остается не болѣе какъ лейтенантомъ и званія мужа не приобретаетъ.

Что сдѣлала и дѣлаетъ армія на широкомъ поприщѣ умиротворенія всякихъ социальныхъ недуговъ и облегченій бѣдъ, какъ она приходитъ на помощь бѣдствующему и нуждающемуся человечеству, это лучше всего можно видѣть изъ нижеприводимыхъ цифръ, опубликованныхъ генераломъ Бутсомъ за 1897 г. во всеобщее свѣдѣніе и нигдѣ, насколько извѣстно, не опровергнутыхъ.

Посвящая свою дѣятельность, какъ говорятъ салютисты, «преобразованію людей», превращая воровъ въ честныхъ людей, пьяницъ въ трезвыхъ, лѣнтыевъ въ трудолюбивыхъ рабочихъ и «нечистыхъ въ чистыхъ» (т. е. въ салютистовъ), помогая деньгами и всякимъ другимъ способомъ, временно впавшимъ въ нужду, доставляя работу нуждающимся въ ней или работая за другихъ лично и вообще «приводя спасенныхъ къ Христу» армія достигла того, что въ теченіе 1897 года на ея средства въ разныхъ государствахъ (Англіи, Австріи, республики Сѣверной и Южной Америки, Швеціи, Голландіи, Бельгіи, Франціи, Швейцаріи, Германіи, Италіи и др.) дѣйствовали 43 ночлежныхъ дома (7.813 мѣс.), 34 народныхъ кухни (3¹/₂ милліона обѣдовъ), 31 мастерская (въ нихъ занимались 31.678 человекъ), 31 контора для доставленія мѣстъ (доставлены мѣста 17.617 лицамъ), 70 постоянныхъ убѣжищъ для падшихъ женщинъ (содержалось 1.500 душъ), 13 пріютовъ для штрафованныхъ (въ нихъ было 633 человекъ), 4 больницы, 13 дѣтскихъ пріютовъ, 9 фермерскихъ колоній и т. д.; 3.000 больныхъ на домахъ пользовались уходомъ чиновъ арміи, 70 Samaritenbrigaden были постоянно заняты подачею помощи и т. д., и т. д. Въ самомъ Берлинѣ, гдѣ Бутсъ говорилъ, 2 августа 1898 года, на конгрессѣ «о социальной работѣ» «Арміи Спасенія» и приводилъ указанныя выше цифры, былъ два года назадъ заведенъ въ Friedenau (около Берлина)—пріютъ для падшихъ женщинъ, дѣйствующій и нынѣ, а въ Schöneberg'ѣ (ближайшій къ Берлину, верстахъ въ 15, городъ)—было устроено Kadettenschule на 100 человекъ для подготовки офицеровъ «Арміи Спасенія». Всѣ эти цифры, если онѣ вѣрны, а опровергнуты онѣ не были, говорятъ сами за себя.

На конгрессѣ происходило слѣдующее.

Еще за нѣсколько дней до пріѣзда генерала было вывѣшено объявленіе, что Бутсъ, «окруженный 300 офицерами», будетъ говорить тогда-то, о томъ-то и тамъ-то (помѣщеніе трижды мѣнялось). Когда

Бутсъ пріѣхаль, то 2-го августа на стѣнахъ главной квартиры появилась большая бѣлая полотняная вывѣска, на которой яркочерными буквами было только написано: «Сегодня говорить (указано мѣсто) генераль Бутсъ», безъ объявленія, о чемъ будетъ рѣчь. Въ теченіе всего конгресса, собраніе салютистовъ происходило дважды, а иногда трижды въ день; всего ихъ было 18. На всѣ эти собранія была допущена публика. Для собраній занимались обширныя залы Берлина челоуѣкъ на 700—1.000, а помѣщалось еще болѣе. Около трети этихъ посѣтителей были салютисты, остальные двѣ трети были или просто любопытные, или кандидаты въ «Армію Спасенія». Любопытные приходили на это зрѣлище, какъ въ театръ, а не какъ въ молитвенное собраніе; во всѣхъ залахъ, гдѣ происходили собранія, устраивалась сцена, и любопытные посѣтители запросто приносили съ собой бинокли, являлись въ собраніе съ закусками, что было необходимо, потому что собраніе длилось по нѣсколько часовъ, а газетчики при этомъ преспокойно вынимали свои записныя книжки и вносили туда свои впечатлѣнія. Публику обыкновенно размѣщали по мѣстамъ офицеры мужескаго пола, а офицеры женскаго пола въ то же время очень усердно распродавали *Kriegsruŕ* и, кромѣ того, всѣмъ предлагали особыя специально для конгресса изданныя 25 пѣсенъ. То и другое стоило по 10 пфениговъ. Офицеры-женщины собирали также коллекту, ходя въ определенное время по рядамъ публики (это дѣлалось не болѣе одного раза въ каждое собраніе), и, собравъ дань, гуськомъ удалялись въ сосѣднюю комнату, гдѣ ссыпали съ своихъ тарелочекъ собранныя пфениги въ объемистую корзину.

Внѣшняя сторона этихъ собраній была почти та же, что въ Швейцаріи, Бельгіи и Сѣверной Америкѣ (гдѣ я видѣлъ эти собранія лѣтъ пять тому назадъ въ С.-Франциско), но во всѣхъ этихъ странахъ салютисты сначала проходили шумными процессіями съ музыкой и пѣніемъ по улицамъ и уже за собою приводили толпу въ свое собраніе, а нѣмецкія власти этихъ процессій совсѣмъ не позволяютъ, и салютисты ограничиваются объявленіемъ въ газетахъ и на общихъ кіоскахъ.

Вечернія собранія отличались особеннымъ многолудствомъ. Я ихъ посѣтилъ семь, и въ послѣднія изъ нихъ можно было попасть, или заранѣе взявъ билетъ въ главной квартирѣ (бесплатно) или мужественно продираясь черезъ толпу, собиравшуюся за 2 часа до собранія передъ дверьми. Офицеры-мужчины и офицеры-женщины появлялись ранѣе всѣхъ и размѣщались частью на сценѣ, частью въ ближайшихъ къ сценѣ рядахъ, но нѣкоторые садились также и среди публики. Всѣ офицеры всегда являлись въ простыхъ курткахъ или пиджакахъ одного для всѣхъ образца съ знаками на воротникѣ (S. S.), а женщины въ извѣстныхъ шляпкахъ-кибиткахъ съ красными лентами, въ синихъ или красныхъ платьяхъ,

всѣ безъ корсетовъ, безъ всякихъ модныхъ причесокъ и рѣшительно безъ всякихъ украшеній, на примѣръ, брошекъ, цѣпочекъ или колець. По внѣшнему виду многія изъ этихъ офицеровъ-женщинъ всего болѣе подходили къ типу старыхъ дѣвъ и, сколько мнѣ довелось узнать, дѣйствительно были таковыми, но были и совершенно цвѣтуція молодостью дѣвушки и почтенныя морщинистыя старухи. Салютистовъ стариковъ и старухъ было сравнительно мало замѣтно, но большинство мужчинъ были безусловно молодые и даже недостигшіе среднихъ лѣтъ.

За часъ до собранія, зала обыкновенно уже совершенно наполнилась публикою. На сценѣ въ это время происходили какія-то репетиціи, спѣвки, подбораніе на піанино аккомпаниментовъ. То раздавалось громкое пѣніе двухъ-трехъ голосовъ, то слышалось тихое мурлыканье. Вдругъ издавался трубный звукъ какой нибудь валторны, то слышались аккорды гитары, то ноющіе звуки концертины, и вообще происходила какая-то безтолочь. Къ тому же, вѣроятно, изъ экономіи электричества не зажигали до самаго начала собранія, и потому вся эта безтолочь происходила въ полутьмѣ.

Ровно въ 8 часовъ собраніе освѣщалось электрическими лампами, и сейчасъ же начиналось пѣніе изъ книжки «Kongress-Lieder». Выступалъ солистъ или солистка и дѣлали свое дѣло,—за ними подхватывали всѣ офицеры и солдаты, сидѣвшіе на сценѣ лицомъ къ публикѣ, а къ нимъ присоединялась вся публика и, такимъ образомъ, происходило общее пѣніе. Когда исполнялся припѣвъ, то на сценѣ, а частью въ публикѣ, хлопали въ ладоши, сначала тихо, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе; одна офицеръ-женщина, и притомъ довольно старая, потрясала въ воздухѣ бубномъ, а концертина и трубы играли во всю мочь, совсѣмъ заглушая также все время игравшее піанино. Потомъ опять слѣдовало соло, опять припѣвъ, повторяемый до десяти, двадцати и болѣе разъ все съ большимъ и большимъ одушевленіемъ, и, наконецъ, послѣ перерыва обыкновенно все кончалось короткой словесной молитвой, послѣ которой всѣ расходились.

Всѣ салютисты становятся обыкновенно во время молитвы, совершаемой въ началѣ и въ серединѣ собранія, на колѣни, закрываютъ глаза, а со сцены кто нибудь импровизируетъ эту молитву, постоянно прерываемую возгласами: аллилуйя, аминь, аллилуйя, аминь. Потомъ обыкновенно собирается женщинами-офицерами коллекта и уносится въ сосѣдную комнату. Потомъ, по очереди, поднимаются пять или шесть человѣкъ, то женщины, то мужчины-салютисты, и громко, на всю залу, всенародно, заявляютъ, какъ они счастливы, что попали въ ряды «Арміи Спасенія», какъ они чувствуютъ себя легко и благодатно, возвратившись ко Христу, какъ они были прежде, кто пьяницей, кто картежникомъ, кто просто лѣнтаемъ или бездѣльникомъ, и предавались однимъ мірскимъ интересамъ и те-

перь довольны, безконечно довольны, спасши свои души и посвятивъ себя дѣлу спасенія другихъ душъ.

Эти публичныя покаянія или, вѣрнѣе, воспоминанія о своихъ старыхъ грѣхахъ совершаются мужчинами обыкновенно въ весьма краткой формѣ, требуютъ каждое не болѣе двухъ минутъ и имѣютъ, повидимому, назначеніе воздѣйствовать на тѣхъ, которые предполагаютъ зачислиться въ ряды арміи, но еще не рѣшаются и колеблются. Такіе кающіеся, или вѣрнѣе, вспоминающіе о прежнихъ грѣхахъ салютисты являлись буквально въ каждомъ собраніи. Женщины больше каются въ предыдущей пустой жизни, кокетствѣ и избыткѣ свѣтскихъ удовольствій, а мужчины въ большинствѣ прямо объявляютъ себя бывшими пьяницами, бездѣльниками и негодяями, радикально измѣнившимися съ принятіемъ салютизма.

Изъ посѣщенныхъ мною семи собраній два оставили во мнѣ болѣе сильное впечатлѣніе. На одномъ изъ нихъ говорилъ Коммандеуръ для всей Германіи, Мс. Кіе (Макъ-Кей), а на другомъ самъ генералъ Бутсъ. Макъ-Кей говорилъ въ «клубѣ ремесленниковъ», а Бутсъ въ извѣстной Tonnhall'ѣ. Макъ-Кей первое лицо арміи салютистовъ въ Германіи, и ему подчинены всѣ офицеры арміи и всѣ «корпуса» и «дивизіи» Германіи. Онъ родомъ англичанинъ, но порядочно говоритъ понѣмецки, имѣетъ наружность какого-то черномазаго цыгана и обладаетъ громовымъ голосомъ и несомнѣннымъ ораторскимъ талантомъ. Рѣчи свои онъ всегда произноситъ поанглійски, а переводчикъ переводитъ ихъ слово за слово, и потому обыкновенно вмѣсто часа онъ говоритъ не менѣе двухъ. Ораторствуя, онъ все время ходитъ по сценѣ, жестикулируетъ, подпрыгиваетъ, страшно стучитъ по столу, хлопаетъ себя по ляжкамъ, а сосѣдей по плечу,—иронизируетъ, рассказываетъ анекдоты, самъ громко хохочетъ и вообще развязенъ до послѣдней степени и, по наружности, не имѣетъ вида проповѣдника, а скорѣе какого-то веселаго рассказчика.

Онъ говорилъ рѣчь въ воскресенье 31 іюля и, начавъ ее въ десять, окончилъ въ часъ. На стѣнахъ собранія было написано большими буквами—«просить во время рѣчи не выходить», и потому всѣ сидѣли, какъ прикованные, и оставался одинъ способъ выйти—упасть въ обморокъ, чтобы быть вынесеннымъ, но къ этому способу не прибѣгнулъ никто.

Макъ-Кей говорилъ «о счастьи на почвѣ страданій и повиненія». Примѣры достиженія счастья этимъ путемъ и на этой почвѣ Макъ-Кей взялся привести изъ исторіи вообще и изъ священной въ особенности, но ограничился только одной священной исторіей. Богъ, говорилъ Макъ-Кей, посылаетъ испытанія людямъ, чтобы сдѣлать ихъ счастливыми. Этимъ испытаніямъ были подвергнуты Исаакъ, Іаковъ, Моисей. «Самъ Богъ,—говорилъ Макъ-Кей,—выбивалъ изъ нихъ дурь» (показываетъ жестаи, похожими на удары по шеѣ, какъ эта дурь выбивалась). То же самое Богъ де сдѣлалъ

съ Саломономъ, Давидомъ, Сауломъ и съ апостоломъ Павломъ,—наибольшія же страданія, но не ради достиженія своего счастья, а счастья всего человѣчества, претерпѣлъ Христосъ и показалъ намъ, какъ нужно страдать и терпѣть, и какъ долженъ держаться хорошій солдатъ, чтобы достигнуть спасенія. Такой солдатъ и въ настоящее время долженъ рѣшительно сказать: возьми мою жизнь и дѣлай съ ней, что хочешь... (Макъ-Кей усиливаетъ голосъ, стучить по столу, бросаетъ какую-то книгу на полъ и обходитъ кафедру, то-есть столъ кругомъ). «Не думайте,—кричитъ онъ,—что все скоро дѣлается! Не думайте! Нѣтъ, поборитесь да потерпите, да переверните себя, да выверните себя наизнанку, да громко говорите, просто кричите: я вѣрю въ Бога, я хочу ему служить; а все прочее пустяки и вздоръ! Не нужно вашего энтузіазма, не нужно вашихъ порывовъ, а нужно только мужество и терпѣніе. Рвите, рвите сѣти соблазна, пробуйте ваши крылья (показываетъ, какъ пробовать крылья), летите прямо къ Богу (старается летѣть). Слушайте, говорю я вамъ: если вы сами побываете въ испытаніяхъ, то вы будете помогать другимъ. Потому-то я вамъ всѣмъ (показываетъ на всю публику) желаю испытанія, разныхъ испытаній, я вамъ всѣмъ желаю страданій, тяжелыхъ страданій, чтобы вы сдѣлались добрѣе, лучше, снисходительнѣе къ людямъ; не забудьте, какъ страданія прославили Христа,—хотя такихъ страданій вы не достигнете никогда. Солдаты арміи, ваше поприще тернистое, ваша должность тяжелая, вы стоите на трудномъ посту (harten Platz), но зато вы всѣ пойдете къ Богу...» и т. д. Ораторъ поднимаетъ руку кверху, кому-то грозитъ, становится на колѣни, совсѣмъ хрипнетъ и теряетъ голосъ, но не ослабѣваетъ и кончаетъ при крикахъ: ура, аллилуйя, аминь. Переводчикъ изнемогаетъ, съ самого оратора лезетъ крупный потъ; кто-то среди рѣчи Макъ-Кея вскакиваетъ и крѣпко жметъ ему руку; какой-то слабый женскій голосъ произноситъ нараспѣвъ «аллилуйя», нѣкоторые блѣднѣютъ и усиленно дышатъ, а другіе напротивъ остаются, повидимому, совершенно спокойны, потому что раскрываютъ свои сумки съ съѣстными припасами и разные ридикюли, извлекаютъ оттуда бутерброды и другую снѣдь и начинаютъ закусывать. Макъ-Кей вдругъ остановился, словно оборвалъ, проговорилъ молитву, и затѣмъ всѣ разошлись.

Черезъ два дня, также вечеромъ, но въ большой залѣ Tonhall говорилъ генералъ Бутсъ. Какъ разъ въ этотъ день вышелъ новый номеръ Kriegsruf'a, гдѣ былъ помѣщенъ портретъ генерала и между прочимъ цѣлый рядъ его изреченій подъ заглавіемъ «Мудрыя слова нашего генерала» (Weise Worte unseres General's). Утромъ того же дня было особенное собраніе однихъ салютистовъ, на которомъ всѣмъ имъ были розданы овалыныя открытыя медальоны съ портретомъ Бутса, съ каковымъ знакомъ отличія, повѣшеннымъ на лѣвой сторонѣ груди, какъ медаль, офицеры и явились въ собраніе, состоявшееся вечеромъ въ Tonhall'ѣ (зала на 800 человѣкъ).

Встрѣча Бутса въ этотъ вечеръ была очень шумная. «Триста офицеровъ», его окружавшихъ, конечно, собрались заранѣе и, при появленіи его, такъ гаркнули аллилуйя, поднявъ правыя руки вверхъ и потрясая ими въ воздухѣ, что своды зданія были тоже какъ будто потрясены, а посторонняя публика повскакала съ своихъ мѣстъ, такъ какъ этотъ привѣтственный крикъ раздался совершенно неожиданно. Женскіе голоса оказались громче мужскихъ и покрыли послѣдніе.

Генераль пошелъ прямо къ своему мѣсту посерединѣ сцены за столомъ, ни съ кѣмъ не раскланиваясь. На немъ былъ сверху такой же простого покроя пиджакъ, какъ на всѣхъ, а подъ пиджакомъ виднѣлась красная рубаха съ вышитыми на груди большими буквами словами Blood and Fire (кровь и огонь).

Генераль средняго роста, благообразный старикъ съ орлинымъ носомъ и сѣдой бородой и головой; волосы у него острижены какъ бы въ скобку, и потому у него видъ почтеннаго русскаго купца стараго письма. Послѣ его прибытія продолжалось еще нѣсколько минутъ прерванное его появленіемъ пѣніе, потомъ собрали обычную коллекту (даютъ обыкновенно 5—10 пфениговъ), потомъ генераль всталъ и черезъ переводчика сказалъ, что онъ только что сегодня пріѣхалъ, очень усталъ и говорить долго не можетъ, а будетъ говорить послѣзавтра, сегодня же скажетъ только нѣсколько словъ о смерти Бисмарка (тотъ умеръ три дня назадъ). Затѣмъ рѣчь генерала полилась и безъ перерыва длилась полтора часа.

Благодарную тему о смерти онъ эксплуатировалъ какъ нельзя лучше и, выразивъ свое уваженіе къ умершему Бисмарку «за твердость его характера», онъ провелъ нѣкую параллель между «Арміей Спасенія» и тѣми арміями, которыми такъ счастливо орудовалъ Бисмаркъ, высказавшись за преимущество своей арміи, которая никого не убиваетъ, никого и ничего ни у кого не отнимаетъ, а работаетъ для соединенія людей на благое дѣло спасенія душъ. Параллель вышла очень удачная и закончилась приглашеніемъ, обращеннымъ ко всей публикѣ, спастись и немедленно подойти къ скамьѣ покаянія. Роль этой скамьи исполнялъ небольшой приступокъ передъ столомъ, за которымъ то стоялъ, то сидѣлъ самъ генераль, и были расположены всѣ триста офицеровъ.

Это приглашеніе вышло даже немножко комично, потому что къ концу своей рѣчи генераль какъ-то расшутился и рѣчью своею часто вызывалъ улыбки своихъ слушателей. «Бисмаркъ, между прочимъ говорилъ Бутсъ, перешелъ въ лучшій міръ, гдѣ мы съ нимъ, вѣроятно, и встрѣтимся... Какая будетъ наша съ нимъ встрѣча, я однако не знаю... Умереть вообще, скажу я вамъ, мои друзья, не лестно, а все-таки всѣ мы должны умереть... Но знайте, что смерти боятся только грѣшники, и этотъ страхъ передъ смертью наилучшимъ образомъ изгоняетъ покаяніе... Вы не смѣйтесь, если я вамъ

теперь скажу такъ: вы, спасенные (то-есть несалютисты), лучше тащите немедленно сюда ваши грѣхи, потому что, кто знаетъ, можетъ быть, сегодня же нѣкоторые изъ васъ умрутъ. Такъ вотъ уснуть, какъ обыкновенно, но наступить ихъ конецъ... Вѣдь всякая струна должна когда нибудь лопнуть, и какая струна лопнетъ сегодня, не знаетъ никто... Но перейдя на службу къ Богу, каждый изъ васъ смѣло можетъ ожидать своей смерти хоть въ эту ночь, и потому, покаившись сегодня, смѣйтесь надъ этой смертью, сколько хотите... Не забудьте только, шутливо закончилъ Бутсъ свою рѣчь о смерти, упомянуть въ вашемъ завѣщаніи и нашу армію и сдѣлайте это непременно сегодня же, потому что, Богъ знаетъ, что кого ждетъ»...

Послѣ того произошелъ призывъ кающихся.

Сцена призыва на скамью покаянія вышла и тягостная, и скучная, и длинная. Сначала звалъ Макъ-Кей, потомъ звала какая-то офицеръ-женщина, съ очень зычнымъ голосомъ. Вызывавшіе обращались къ публикѣ, просили, молили выйти кого нибудь, угрожали всѣмъ возможностью смерти сегодня же, то-есть безъ покаянія, говорили, вѣроятно, для поощренія робкихъ, что во время конгресса, то-есть за короткое время, каждый день кается по нѣсколько десятковъ человѣкъ, а что теперь, то-есть сегодня, особенно лестно покаяться въ присутствіи самого генерала.

— Ну, кто выйдетъ первый?—кричалъ Макъ-Кей своимъ зычнымъ голосомъ, а за нимъ то же самое кричала женщина-офицеръ.—Ну, кто покажетъ примѣръ? Мужчина или женщина? Сегодня утромъ первая вышла женщина, теперь пусть выйдетъ мужчина. Ну, кто же первый? Рѣшайтесь, не робѣйте! Смѣлѣе! Помните, что тотъ, кто выйдетъ, сегодня же присоединится къ Божьей арміи... Выходите, спѣшите, не медлите! Сегодня утромъ покаялось семнадцать человѣкъ, вчера вечеромъ сорокъ два. Гдѣ вы, кающіеся люди? Гдѣ желающіе спастись? Идите сюда, спѣшите!—и такъ далѣе.

Бутсъ молчалъ во время этого вызыванья, пристально смотря на публику и какъ бы задумавшись. Прошло минутъ пять, и наконецъ поднялся какой-то мужчина, потоптался на мѣстѣ и нерѣшительными шагами дошелъ до скамьи покаянія, сталъ на колѣни и приникъ лбомъ къ деревянному приступку. Раздался общій гвалтъ салютистовъ: они, какъ одинъ человѣкъ, гаркнули: аллилуя! — опять съ поднятіемъ рукъ кверху; женщины завизжали громче всѣхъ; какой-то салютистъ подошелъ къ кающемуся, тоже сталъ на колѣни и положилъ голову на ступеньку рядомъ съ нимъ, какъ будто что-то ему шепча на ухо.

Вызовы послѣ того возобновились и продолжались. Минутъ черезъ пять вышла изъ рядовъ молодая женщина, довольно бѣдно одѣтая, въ черной шляпѣ и присоединилась къ кающемуся мужчине, а къ ней съ другой стороны подошла какая-то салютистка

и тоже положила голову рядомъ на деревянный приступокъ. Еще черезъ двѣ минуты вышелъ опять мужчина, потомъ опять женщина, потомъ вышли разомъ два... и такъ далѣе. Всего собралось девять кающихся, и послѣ долгаго призыва болѣе не вышелъ никто. Генераль Бутсъ какъ бы вышелъ изъ оцѣпенѣнія, въ которомъ пребывалъ съ самаго начала призыва къ покаянію, поздравилъ подошедшихъ къ скамьѣ покаянія (Buszbank) со спасеніемъ ихъ душъ, сказалъ имъ краткое наставленіе, и затѣмъ раздалось сначала общее пѣніе, а потомъ заключительная молитва, сказанная Бутсомъ.

Я недоумѣвалъ, видя все происходившее, и, по правдѣ сказать, думалъ, не было ли все это условлено заранѣе и подготовлено публичное покаяніе, но большинство публики видимо отнеслось ко всей этой сценѣ съ довѣріемъ, а сидѣвшій рядомъ со мной старичекъ съ глубокимъ убѣжденіемъ сталъ объяснять мнѣ, что это есть не что иное, какъ дѣйствіе гипноза.

Черезъ день Бутсъ говорилъ (тоже въ Tonhall'ѣ) «о соціальной работѣ арміи спасенія». Зала была набита до послѣдней степени тѣсноты, температура достигла самаго высокаго давленія, всѣ триста офицеровъ были на лицо, также за часъ до появленія генерала, а публика ломилась въ двери за два часа до засѣданія и наполнила залъ также за часъ до назначеннаго времени...

Въ ожиданіи появленія генерала все происходило тѣмъ же порядкомъ, какъ и прошлый разъ. Въ темнѣющей залѣ слышался гулъ массы разговаривающихъ тихонько людей; на сценѣ опять напѣвали, насвистывали, трубили, бряцали на гитарахъ и позвякивали въ бубны.

Генерала опять встрѣтили потрясающими кликами «аллилуйя». Онъ опять, ни съ кѣмъ не раскланиваясь, подошелъ къ своему мѣсту и заговорилъ тихимъ голосомъ (отъ ежедневныхъ рѣчей по нѣсколько часовъ замѣтно голосъ у генерала ослабѣлъ, а переводчикъ даже совсѣмъ хрипѣлъ). Генераль, однако, былъ очень бодръ и весело улыбался.

Своей рѣчи о соціальной работѣ «Арміи Спасенія» онъ предположилъ анекдотъ о томъ, какъ нѣкій Патрикъ Мелоне, родомъ ирландецъ, искавшій мѣста или службы, на требованіе какой-то конторы представить рекомендацію, кто его знаетъ, составилъ свидѣтельство, полное похвалъ и подписанное Патрикъ Мелоне,— а на вопросъ, какой это Патрикъ Мелоне подписалъ ему свидѣтельство, отвѣтилъ, что это онъ самъ и есть, ибо, добавилъ онъ, кто же можетъ меня знать такъ хорошо, какъ я самъ себя знаю. Послѣ этого предисловія, генераль сказалъ нѣкое вступленіе, смыслъ котораго тотъ, что вы де (публика) мнѣ не вѣрьте, что я говорю; конечно, о своемъ дѣлѣ я говорить дурно не буду; вы лучше считайте, что я тотъ же Патрикъ Мелоне, подписывающій себѣ хорошее свидѣтельство о самомъ себѣ. Но, говорилъ генераль, наше дѣло открыто для

всѣхъ,— оно у васъ на глазахъ, идите, спрашивайте, справляйтесь; вамъ покажутъ всѣ наши книги и счета въ главной нашей квартирѣ и, если злые люди говорятъ о насъ дурно, вы убѣдитесь, что они говорятъ неправду... Судите о насъ по результатамъ, нами достигнутымъ, а не по слухамъ. Не забудьте притомъ, что, когда говорятъ о денежныхъ балансахъ, то говорятъ не о величинѣ издержекъ, а о пользѣ ихъ. Сначала узнайте, что мы сдѣлали для бѣдныхъ, пьяныхъ, воровъ, и потомъ насъ судите, много ли издержали вашихъ денегъ. Постоянно воюя съ дьяволомъ, мы, конечно, имѣемъ неудачи, но на войнѣ безъ неудачъ не обходятся никогда, однако наша армія растетъ и улучшается, а если вы хотите знать, что она сдѣлала и что она дѣлаетъ, пишите въ главную квартиру, и вы получите отчетъ и отвѣтъ... Наша дѣятельность раздѣляется на духовную и социальную, но я не люблю этого дѣленія, ибо это все равно, что раздѣлить человѣка на два куска... Мы работаемъ въ темницахъ, въ больницахъ, среди нищеты, на задворкахъ, куда вы (публика) никогда не ходите. Ваши суды только наказываютъ, а мы никого не наказываемъ, а исправляемъ и особенно тѣхъ, которыхъ вы вашими тюрьмами испортили еще болѣе, чѣмъ они были испорчены до поступленія въ тюрьму. Я вамъ скажу, и вы можете это провѣрить, что мы брали на исправленіе тѣхъ, отъ которыхъ тюрьмы совсѣмъ отказывались, и мы ихъ исправляли и ставили на путь правды (приводить нѣсколько примѣровъ съ именами, фамиліями и мѣстами жительства). Въмѣсто тюремныхъ побоевъ и цѣлей, мы цѣлуемъ провинившихся, мы ихъ ласкаемъ и смягчаемъ, мы смотримъ на нихъ только, какъ на спасенныхъ еще людей, которые могутъ быть спасены, мы ихъ не караемъ плетями, мы имъ указываемъ на небо, звѣздный куполь, мы ихъ сажаемъ рядомъ съ собой за столъ, мы вносимъ типину въ ихъ ожесточенныя души и сердца, и мы ихъ смягчаемъ и успокоиваемъ. Мы приносимъ людямъ миръ и спасеніе, а наказывать не наше дѣло... Мы трудимся только для Бога и ради Бога...

Тутъ онъ привелъ много именъ исправившихся преступниковъ и цифры числа обращенныхъ на путь спасенія и закончилъ: судите о насъ по этимъ цифрамъ, и вы насъ одобрите.

Послѣ этого генераль вдругъ сильно одушевился, очень усилилъ голосъ, даже подбоченился, и съ какимъ-то крикомъ еще не менѣе четверти часа звалъ къ скамьѣ покаянія желающихъ спастись.

— Вотъ мы что сдѣлали для социальнаго дѣла,— кричалъ генераль,— а вы, а вы, что сдѣлали вы? — обращался онъ къ публикѣ съ какимъ то наскокомъ, какъ бы переходя въ наступленіе.— А вы только веселились, вы музицировали, пѣли, занимались удовольствіями для себя... Но скажите мнѣ, что вы сдѣлали для Бога? Скажите, что вы для него сдѣлали? Но помните ли вы, что вѣдь всѣ вы умрете, умрете непремѣнно, можетъ быть, нѣкоторые умрутъ

даже сегодня, и неужели вы захотите пойти въ адъ безъ покаянія?! Покайтесь же! Покайтесь сегодня! Проведите въ святости послѣдніе ваши дни; приблизьтесь къ Богу, будьте съ нимъ постоянно... и т. д.

Послѣ этого повторилось такое же вызываніе желающихъ каяться, какъ и за два дня до того, и не прошло четверти часа, какъ семнадцать мужчинъ и женщинъ припали головами къ скамьѣ покаянія и такъ пролежали до конца собранія, закончившагося пѣніемъ и оваціями удалившемуся ранѣе генералу.

Берлинская печать въ теченіе всего конгресса салютистовъ занималась имъ очень мало и только нѣсколько злорадно сообщила о небольшой непріятности, случившейся въ устроенномъ въ Schöneberg'ѣ салютистами Kadettenschule, куда разомъ нахлынули кандидаты въ чины «Арміи Спасенія». Это кадетское училище, кажется, на сто человекъ, вызвало въ какой-то праздничный день шумныя насмѣшки пьяной толпы, очень издѣвавшейся надъ кадетской формой, похожей на салютистскую, но съ прибавленіемъ черезъ плечо яркаго трехцвѣтнаго шарфа, спускающагося отъ бедра ниже колѣна. Салютисты-кадеты на насмѣшки не отвѣчали вовсе, а когда изъ толпы полетѣли въ нихъ комья грязи, то они, также не отвѣчая, поспѣшили удалиться. Выдержка салютистовъ и презрѣніе, оказываемое ими ихъ обидчикамъ, дѣйствительно выше всякой похвалы. Многочисленные доказательства этой выдержки приведены въ книгѣ какого-то Ральтона «Десять лѣтъ во Франціи и Швейцаріи», о которой будетъ сказано ниже.

Пѣтыя на конгрессѣ пѣсни и вообще пѣсни салютистовъ, а также упомянутыя выше, напечатанныя во всеобщее свѣдѣніе, «Правила и распорядки» (Regeln und Anordnungen), заслуживаютъ еще нѣсколькихъ словъ.

Всѣ пѣсни салютистовъ безусловно духовно-нравственнаго содержанія. Онѣ очень невысокаго поэтическаго достоинства, большею частью скучны и крайне однообразны и даже плохо рифмованы. Нѣкоторыя изъ нихъ поются болѣе, а другія менѣе часто, хотя есть и такія, которыя поются каждое собраніе по нѣсколько даже разъ и притомъ всегда съ большимъ одушевленіемъ. Одна изъ такихъ пѣсень, написанная специально для конгресса, озаглавлена— «Deutschland für Gott». Въ ней три куплета съ такимъ воинственнымъ припѣвомъ «Впередъ, солдаты! Громче пойте! Вѣруйте только въ Бога! Постоянно поддерживайте съ нимъ союзъ. Будьте вѣрны нашему знамени. Впередъ къ побѣдѣ. Германія за Бога!»

Самый текстъ этихъ стиховъ, съ столь воинственнымъ припѣвомъ, заключается въ томъ, что полководецъ Иисусъ поборетъ въ Германіи всѣ темныя силы ада; милліоны нѣмцевъ тогда спасутъ свои души, присоединившись къ арміи спасенія; пусть только чины этой арміи работаютъ, пока всѣ нѣмцы, отъ хижины до дворца,

не примкнуть къ нимъ, потому что Богъ этого требуетъ отъ спасенныхъ уже (салютистовъ).

Другая пѣсня, очевидно, сочинена для поддержанія иногда ослабѣвающаго мужества у работающихъ надъ спасеніемъ чужихъ душъ салютистовъ и для приданія имъ самимъ бодрости въ борьбѣ съ житейскими искушеніями. Въ припѣвѣ находятся слѣдующія слова: Богъ пошлетъ своего ангела, и львы (противники салютизма) убѣгутъ, а мы одержимъ побѣду надъ міромъ, адомъ и дьяволомъ.

Въ припѣвѣ третьей пѣсни высказывается готовность служить Богу до и послѣ смерти, и предлагается для этой службы пожертвовать все, что каждый имѣетъ: душу, тѣло и имущество, лишь бы этимъ путемъ сердце жертвователя «было омыто добѣла», всѣ грѣхи его были прощены и было заслужено мѣсто въ небесахъ.

Такихъ пѣсенъ, въ которыхъ выражается готовность отдать все, а также и имущество, для достиженія цѣли «Арміи Спасенія», имѣется въ книжкѣ нѣсколько, и нужно отдать салютистамъ справедливость, что такая готовность не только высказывается на словахъ, но и проявляется на самомъ дѣлѣ, такъ какъ салютисты дѣйствительно все свое достояніе предоставляютъ въ распоряженіе арміи и затѣмъ, на свое содержаніе получаютъ средства по особому, очень скудно составленному росписанію, какъ было видно выше.

Необходимо повторить еще разъ, что пѣсни салютистовъ вообще крайне однообразны по содержанію и по музыкѣ, такъ какъ для этихъ пѣсенъ избрано всего нѣсколько народныхъ мотивовъ и, что страннѣе всего, мотивовъ частью плясоваго, или, по крайней мѣрѣ, очень веселаго характера. Такъ, на примѣръ, мотивъ одного нѣмецкаго романса «*Ach, wie ist möglich, dasz ich dich lassen kann*» также приуроченъ къ разнымъ духовнымъ пѣснямъ и поется особенно часто, какъ мотивъ всѣмъ извѣстный. Къ этому нужно прибавить, что всѣ припѣвы всегда сопровождаются хлопаніемъ въ ладоши, аккордами гитары, аккомпаниментомъ піанино, подыгрываніемъ концертины, подвываніемъ какой нибудь трубы и особенно потрясаніемъ бубна, который царитъ надъ всѣми инструментами и въ теченіе всего конгресса находился въ рукахъ какой-то старенькой салютистки, съ очень пламенными взорами, вдохновлявшейся до того, что она нѣсколько разъ подпрыгивала съ этимъ бубномъ вверхъ и принимала ту позу, которую принимаютъ цыганки или цыганскія пѣвицы, закончивъ какую нибудь пляску, а именно поднимала правую руку съ бубномъ вверхъ, отставляя лѣвую ногу впередъ на носокъ въ полуоборотъ къ публикѣ, бросая на нее жгучіе взгляды побѣдительницы.

Пѣсенное творчество салютистовъ очень обширно. Кромѣ специально изготовленныхъ для конгресса 25 пѣсенъ и особой книги, гдѣ ихъ не менѣе 200 штукъ, — число пѣсенъ растетъ съ каждымъ номеромъ *Kriegsruf*'а, гдѣ ихъ всегда бываетъ нѣсколько. Но вы-

дающихся хоть какими либо достоинствами между ними нѣтъ ни одной; всѣ онѣ одинаково скучны, часто неуклюжи и въ высшей степени однообразны, что не мѣшаетъ салютистамъ пѣть ихъ съ большимъ чувствомъ и даже сердечнымъ умиленіемъ. Больше ничего о пѣсняхъ арміи спасенія сказать нельзя.

Гораздо, по моему мнѣнію, интереснѣе не только пѣсенъ салютистовъ, но даже интереснѣе разъяснительныхъ отвѣтовъ генерала Бутса, о которыхъ говорено выше, вся та необыкновенная постановка дѣла «Арміи Спасенія», въ которой царитъ такое необыкновенное повиновеніе свободно избранному лицу, и притомъ повиновеніе совершенно добровольное, по глубокому убѣжденію въ святости дѣла.

Нѣкоторому разъясненію этого вопроса можетъ послужить тотъ воинскій уставъ арміи, которымъ она руководствуется. Этотъ уставъ вручается каждому поступившему въ армію и требуетъ неуклоннаго исполненія, въ чемъ отбирается особая подписка. Книгу эту можно приобрести въ главной квартирѣ, гдѣ я ее и добылъ.

Познакомившись съ этой книжкой, всякій скажетъ, что этотъ воинскій уставъ, по своей строгости, пожалуй, не уступитъ никакому суровому монастырскому уставу, съ тою лишь существенною разницею, что въ немъ никакихъ карательныхъ мѣръ не существуетъ, а все держится на добровольномъ подчиненіи. Здѣсь девизъ одинъ — или исполняй, что требуетъ уставъ, или уходи изъ арміи. Даже за дурные проступки, не дозволенные и караемые общими законами, армія ни сама никогда не караетъ провинившихся своихъ чиновъ, ни передаетъ ихъ суду гражданскому, а ограничивается только изгнаніемъ изъ своихъ рядовъ, и строже этого она ничего не знаетъ...

Въ «Правилахъ» и т. д. предусмотрѣно, можно сказать, все, начиная отъ ухода за своимъ собственнымъ тѣломъ, до выдресированія своего характера и безграничнаго подчиненія и совершеннаго отрѣшенія отъ собственной личности, воли и желаній. Подобно тому, какъ это сдѣлано въ мусульманскихъ шаріатскихъ книгахъ, такъ и въ уставѣ салютистовъ съ величайшими подробностями перечислено, что слѣдуетъ ѣсть и пить, какъ одѣваться, какъ пользоваться свѣжимъ воздухомъ, упражняться физически, какъ упражняться въ добродѣтеляхъ и подавленія своихъ страстей и желаній, какъ воспитывать дѣтей и самому постоянно воспитываться и пополнять свое образованіе. Указано также, какъ вести себя съ товарищами, знакомыми, какъ устраивать свои жилища, какъ научиться выслушивать чужія мнѣнія безъ всякаго раздраженія, какъ достигнуть искусства быть всегда довольнымъ и чувствовать себя всегда счастливымъ, какъ говорить рѣчи въ собраніи и какъ обходиться съ народомъ... Наконецъ, не забыты надлежащія указанія, какъ болѣть и умирать. Конечно, особенно подробно указано, какъ слѣдуетъ работать для достиженія цѣлей арміи, и тутъ даже преподаны нѣко-

торые наиболѣе легко приводящіе къ успѣху уловки и приемы для склоненія робкихъ, нерѣшительныхъ, колеблющихся.

Исключивъ свойственное салютизму многословіе, проявляемое и въ рѣчахъ, и въ пѣсняхъ, и въ литературныхъ произведеніяхъ,— вся книжка «Правиль» очень любопытна, какъ образецъ прямой, открытой и смѣлой пропаганды своего дѣла. При всемъ желаніи угадать какія нибудь заднія мысли въ этихъ правилахъ, найти что либо недосказанное, неопредѣленное, тайное и иносказательное, сдѣлать это очень трудно, и приходится сознаться, что тамъ все просто, ясно, опредѣленно, открыто и, нужно также добавить, болшею частью симпатично, если, конечно, не касаться того вопроса, что салютизмъ, не представляя ни особой религіи, ни особой секты, отвлекаетъ массы народа отъ исполненія обрядовъ своей церкви, порождаетъ равнодушіе къ исполненію этихъ обрядовъ и самому посѣщенію церкви и приводитъ наконецъ къ совершенному отпаденію отъ той религіи, къ которой принадлежатъ салютисты по рожденію. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать высокаго достоинства тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя проповѣдуютъ салютисты въ своемъ воинскомъ уставѣ.

Чтобы это утвержденіе не показалось голословнымъ, довольно будетъ указать на нѣсколько отдѣловъ этихъ правилъ, пояснивъ притомъ, что нигдѣ въ нихъ не найдется не только проповѣди объ отступничествѣ отъ той церкви, къ которой каждый салютистъ принадлежитъ по рожденію, но есть прямые указанія, что армія никому не препятствуетъ вѣровать въ Бога по англиканскому, католическому или лютеранскому обряду, лишь бы правила арміи исполнялись въ точности. О существующихъ религіозныхъ несогласіяхъ церквей салютисты никогда ничего не говорятъ, не спорятъ и объ этомъ даже въ своихъ печатныхъ органахъ не пишутъ; они совершенно этого не касаются, а потому въ ихъ рядахъ находятся называющіе себя то католиками, то англиканами, то лютеранами, то принадлежащіе къ людямъ, совершенно свободнымъ отъ всякой религіи, или къ какимъ нибудь сектамъ раціоналистическаго отгѣнка.

Обращаясь къ «Правиламъ», я, конечно, не буду ихъ перечислять и входить въ детали устройства и организаціи «Арміи Спасенія» уже потому, что это требуетъ цѣлаго тома; но считаю заслуживающимъ интереса читателей сдѣлать нѣкоторые относящіеся сюда указанія. Въ 10 главахъ этихъ «Правиль», составившихъ довольно компактную книжку, наибольшаго вниманія заслуживаютъ тѣ мѣста, которыя говорятъ о выработкѣ собственнаго характера, о поведеніи въ «борьбѣ» и «въ свѣтѣ», а также о домашней жизни «и о самопожертвованіи».

Всѣ указанія этихъ главъ сводятся въ сущности къ немногому.

Обращенный къ спасенію солдатъ «Арміи Спасенія» долженъ постоянно молиться, бороться противъ соблазновъ дьявола и, спасши

себя, спасать другихъ. Чтобы быть достойнымъ «сподвижникомъ божества» и успѣшно работать ради спасенія другихъ, требуется выработать въ себѣ не столько какіе нибудь особые приемы и сноровки, сколько характеръ, волю и цѣлый рядъ качествъ, безъ которыхъ нельзя обойтись для «работы спасенія». Эти качества суть: прямота, честность, безупречное поведеніе, половая чистота, терпѣніе, прилежаніе, мягкость обращенія, примирительный духъ, смиреніе, выдержка, умѣренность. Только запасшись этими качествами, можно взяться за работу спасенія и можно разсчитывать на какой либо успѣхъ. Только съ этими качествами солдатъ арміи пріобрѣтаетъ «новое сердце» и поступаетъ въ распоряженіе Бога, который изгоняетъ изъ него дьявола, перерождаетъ его, и переродившись онъ чувствуетъ надъ собой одного только господина Бога, или, говоря ихъ словами, «онъ соединяется съ Богомъ». Усердная и постоянная молитва есть постоянная обязанность солдата, гдѣ бы онъ ни былъ—дома, въ мастерской, въ мѣрѣ, на фабрикѣ, и при этомъ онъ долженъ всѣмъ показать, «что онъ такое есть», и что онъ есть именно не кто иной, какъ вѣрный слуга Бога, а для сего наилучшее средство считается постоянное ношеніе формы «Арміи Спасенія» или ношеніе какого либо знака, свидѣтельствующаго о его принадлежности къ арміи.

Постоянная молитва, чтеніе только того, что полезно для арміи и для дѣла, на примѣръ, Библия, Kriegsruf и другія произведенія салютистовъ, или описаніе жизни достойныхъ людей, всякія научныя книжки и вообще все, что развиваетъ умъ и способности,—вотъ какое должно быть чтеніе всякаго солдата, и онъ не долженъ читать ничего, что смущаетъ умъ, ослабляетъ волю и ведетъ къ заблужденію.

Далѣе предписывается полное удаленіе отъ театровъ, цирковъ, концертовъ, веселыхъ садовъ съ музыкой и пѣніемъ, «не потому, говорится въ уставѣ, что это вредно, а потому, что солдатъ арміи не долженъ имѣть свободнаго времени на эти посѣщенія». Постоянная борьба съ дьяволомъ, постоянное самоиспытаніе—вотъ на что должно идти все время и въ чемъ должна заключаться жизнь этого солдата. Онъ долженъ бороться постоянно противъ всякаго искушенія пользоваться какими либо удобствами, противъ искушенія къ пріобрѣтенію красивыхъ вещей, противъ лакомствъ, вкусной пищи и всякой роскоши. Онъ долженъ побороть всѣ свои слабости и страсти и никогда не долженъ забывать, что онъ всегда окруженъ врагами, «на которыхъ онъ самъ долженъ нападать, а не ждать ихъ нападенія». Все его поведеніе, вся его виѣшность, должны громко говорить: «я солдатъ царя всѣхъ царей», а потому онъ долженъ отрѣшиться отъ моды, богатства и всѣхъ свѣтскихъ нелѣпостей «не столько, однако, потому, что это его прямая обязанность, сколько потому, что онъ просто не можетъ во всемъ этомъ находить какое либо удовольствіе».

Каждый солдатъ «Арміи Спасенія» долженъ помнить, что его тѣло есть не что иное, какъ храмъ духа святаго, а потому онъ долженъ быть далеку отъ всякой мысли о тѣлесной или душевной нечистотѣ. Онъ долженъ избѣгать въ разговорахъ всякихъ двусмысленностей, долженъ избѣгать всякихъ книгъ или картинъ, вызывающихъ чувственность, и даже долженъ, «если это только въ его власти», такія картины и книги предавать огню и уничтоженію.

Онъ долженъ быть всегда дѣятеленъ, никогда не предаваться лѣни, и уже въ одной только постоянной работѣ онъ всегда найдетъ исходъ для своихъ горестей, утѣшеніе во всѣхъ лишеніяхъ и постоянное спокойствіе души.

Большая глава «Правиль» посвящена вопросу о пищѣ, одеждѣ, чистотѣ, воздержаніи, бережливости, и тутъ, между прочимъ, возраняется не только ношеніе модныхъ плащевъ, но всякое «подражаніе» модамъ. Въ этой главѣ совѣтуютъ ѣсть не болѣе трехъ разъ въ день, пить только одну воду и немного чая или кофе; непременно носить шерстяныя фуфайки прямо на тѣлѣ, и все это ради постоянно бодрого состоянія духа. Потомъ тутъ же преподаются разные способы выработки соображенія и памяти, а для сего даются подробные совѣты, какъ читать, писать, наблюдать, развивать память, заводить знакомства и проч.

Нужно еще замѣтить, что хотя противъ брака «Арміи Спасенія» ничего не имѣеть, но ни одинъ солдатъ арміи не имѣеть права жениться прежде достиженія извѣстнаго офицерскаго званія, а именно капитанскаго чина, а женись онъ долженъ дать новое торжественное обѣщаніе и послѣ женитьбы также работать для спасенія душъ, какъ это было до брака. На случай брака преподано правило обращенія съ женой, которую «онъ долженъ любить больше самого себя», облегчать ей всякій трудъ, не позволять ей утомляться, самому нянчить дѣтей (*Nachtwache übernehmen*) и вообще дѣлать для облегченія ея участи все возможное и «не дѣлать ради жены только того, что несогласно съ обязанностями относительно Бога». Даже если бы жена оказалась дурного характера, говорится въ «Правилахъ», мужъ долженъ терпѣливо относиться къ ея преслѣдованіямъ и прихотямъ, «памятуя, какъ много другихъ женъ несправедливо терпятъ отъ преслѣдованія своихъ мужей». По уставу, между мужемъ и женой господствующая сила должна быть только одна взаимная любовь, но жена должна повиноваться мужу и признавать его авторитетъ. Дѣтей своихъ салютисты должны приучать къ полному повиновенію въ самыхъ пустякахъ, отучать отъ всего, что привлекаетъ къ свѣту и его пустотѣ, потому что дѣти ихъ должны быть также непременно спасенными, то-есть салютистами. Наконецъ, «Правила» преподають, какъ вести себя съ прислугой и даже съ сосѣдями.

Какъ слуга Божій, солдатъ «Арміи Спасенія» не долженъ зани-

маться ничѣмъ грязнымъ (напримѣръ, продажей горячихъ напитковъ), онъ также не долженъ продавать книгъ и картинъ сальнаго содержанія, не долженъ дѣлать долговъ и ни въ какомъ случаѣ не выступать въ судебныхъ процессахъ или заниматься политикой. Онъ долженъ отдать все свое богатство арміи, онъ долженъ быть другомъ всѣхъ, онъ долженъ безотговорочно ѣхать въ Австралію и Канаду,—куда его пошлютъ,—а что касается до его отношеній къ государственной власти, то пусть всѣ видятъ, что онъ «человѣкъ не отъ міра сего, что его отнюдь не занимаютъ политическіе интересы этихъ властей, ибо онъ только можетъ служить интересамъ Бога».

Изъ прочихъ правилъ, которымъ должны слѣдовать чины арміи, нельзя не отмѣтить правила объ отобраніи той подписки, которую даетъ каждый воинъ арміи при вступленіи въ нее. Эта подписка состоитъ изъ 14 статей, и почти всѣ начинаются или словомъ «вѣрую», что и т. д., или словомъ «объявляю»... Между прочимъ, каждый объявляетъ, что онъ «отрекается навсегда отъ этого свѣта, со всѣми его грязными удовольствіями, отрекается отъ всякихъ ошьяняющихъ напитковъ, а также отъ опиума, морфія и т. п., отрекается отъ всякой лжи, обмана, отъ произнесенія оскорбительныхъ словъ или проявленія оскорбительныхъ дѣйствій по отношенію къ кому либо и проч. и проч.».

Можно бы и еще многое привести здѣсь объ обязанностяхъ чиновъ арміи относительно собиранія милостыни, ухода за больными, помощи въ работѣ другимъ, посѣщеніи тюремъ, утѣшеніи несчастныхъ и т. п., но приведенныя выше правила достаточно указываютъ, какія жертвы и какое отреченіе отъ собственной личности требуется отъ салютистовъ ихъ уставомъ. Замѣтимъ только, что въ числѣ правилъ имѣется также строгое воспрещеніе ношенія траура, потому что это, во-первыхъ, «свѣтская мода», а никакимъ модамъ салютистъ не долженъ слѣдовать, во-вторыхъ, это «наводитъ меланхолію» на всѣхъ оставшихся въ живыхъ, въ-третьихъ, ношеніе траура нездорово, въ-четвертыхъ, въ этомъ ношеніи черной одежды какъ бы заключается порицаніе воли Провидѣнія, въ-пятыхъ, трауръ ведетъ къ напраснымъ, бесполезнымъ издержкамъ, и, въ-шестыхъ, непристойно оплакивать людей, удаляющихся въ мѣста покоя, радости и близкаго пребыванія къ Богу.

Теперь слѣдуетъ сказать о причинахъ столь широкаго распространенія и успѣха ученія салютистовъ.

Сами салютисты убѣждены прежде всего въ томъ, что успѣхъ этотъ, такъ сказать, выстраданъ ими, благодаря именно тѣмъ гоненіямъ, которымъ они подверглись даже въ такихъ странахъ «вольности и правъ», какъ Франція и Швейцарія, гдѣ въ борьбу съ ними вступило даже само правительство, но вступило такъ неудачно, что

въ результатѣ оказалось полное торжество гонимыхъ и преслѣдуемыхъ и чрезвычайное развитіе салютизма въ той или другой странѣ. Только въ Бельгіи и Англии это ученіе распространялось безпрепятственно, во Франціи же и Швейцаріи салютизмъ развивался, на первыхъ порахъ, съ большими препятствіями и затрудненіями и не погибъ, только благодаря энергіи своихъ руководителей. Восторжествовавъ надъ всѣми преслѣдованіями и гоненіями, претерпѣнными ими въ Швейцаріи, какъ французской и нѣмецкой, такъ и во Франціи, салютисты только укрѣпились въ вѣрѣ въ правоту и святость своего дѣла и пребываютъ въ этомъ убѣжденіи и понынѣ и особенно съ тѣхъ поръ, какъ имъ были открыты двери Германіи, первоначально также вовсе не допускавшей ихъ къ себѣ.

Дочь генерала Бутса, по мужу Клиборнъ, написала по поводу преслѣдованій салютистовъ во Франціи и Швейцаріи цѣлую книгу подъ названіемъ «Десять лѣтъ войны подъ знаменемъ арміи спасенія». Эта книга появилась, какъ разъ предъ самымъ «вторженіемъ» арміи въ Германію и, какъ пояснено въ предисловіи къ книгѣ, это вторженіе было организовано для «возстановленія въ Германіи вновь вѣры, нравственности, умѣренности, вмѣсто укоренившихся тамъ невѣрія, пороковъ и пьянства». Авторъ съ торжествомъ заявляетъ, что еще въ 1893 году во Франціи, специальной «странѣ безвѣрія», было уже 120 корпусовъ салютистовъ съ 411 офицерами, а въ Швейцаріи — 67 корпусовъ при 227 офицерахъ ¹⁾.

Теперь число этихъ корпусовъ значительно увеличилось и продолжаетъ увеличиваться. И все это сдѣлали нѣсколько лицъ, нѣсколько молодыхъ англичанокъ съ дочерью Бутса во главѣ. Эта молодая миссъ проявляла, какъ видно изъ ея біографіи, изданной особо, съ ранняго дѣтства самыя чудесныя свойства. Ея отецъ, какъ только это замѣтилъ, тогда же объявилъ, что его дочь «избрана орудіемъ священной воли», и не препятствовалъ ей, дѣвушкѣ 16-ти лѣтъ, отправиться на спасеніе душъ, куда ей угодно. И вотъ она съ тремя другими дѣвушками того же возраста начинаетъ спокойно входить въ лондонскіе кабаки и разные вертепы, кишащіе пьянымъ людомъ и распутными женщинами, и, обуздывая пьяныхъ мужчинъ, обращаетъ ихъ въ чиновъ арміи, а распутныхъ женщинъ возвращаетъ на путь добродѣтели.

Изъ Англии Катерина Бутсъ перенесла свою дѣятельность во Францію, какъ разъ въ то время, когда тамъ получили наибольшее распространеніе разныя коннунственныя сочиненія въ родѣ «Комической библии» или «Веселой библии». Катерина Бутсъ и три дѣвицы, почти не зная французскаго языка, также смѣло стали входить въ разныя французскіе и особенно парижскіе вертепы, начи-

¹⁾ Корпусъ у салютистовъ самая маленькая военная единица; изъ нѣсколькихъ корпусовъ составляется дивизія (division).

нали тамъ публично молиться, стоя на колѣняхъ, и пѣть, играя при этомъ на концертинѣ или на гитарѣ, и зрѣлище это было такъ неожиданно и поразительно, что всѣ стихали и начинали слушать... Часто онѣ молились и пѣли подѣ градомъ насмѣшекъ и издѣвательствъ, но не смущались и продолжали свое дѣло. Успѣха, однако, долго не было никакого; французы не поддавались проповѣди спасенія, а парижская чернь подѣ часть даже неистовствовала, грозила проповѣдникамъ всякими насиліями, а собраніямъ салютистовъ поджогами, взрывами и динамитомъ, заставляя ихъ прибѣгать къ охранѣ полиціи.

Салютисты, благодаря этому, размножались во Франціи очень медленно, но все-таки размножались. Газеты подстрекали публику противъ смѣлыхъ пропагандистовъ. «Какая-то удивительная армія появилась среди насъ,—писали въ газетахъ,—какіе-то путешествующіе агенты Бога. Какія-то англичанки припили сюда и объявляютъ намъ: мы де явились для того, чтобы васъ, легкомысленныхъ французовъ, атеистовъ, безбожниковъ, спасти и направить на путь спасенія... Убирайтесь-ка, господа англичане, назадъ и возвращайтесь на ту сторону канала... Намъ довольно возни и съ нашимъ католическимъ духовенствомъ, чтобы еще выслушивать ваши проповѣди. Мы вовсе не хотимъ рая; намъ хорошо и въ аду. Убирайтесь-ка восвойся съ вашими спасительными книжками; мы хотя и желаемъ идти къ свѣту, но вовсе не за вами и т. д.»

Молодыя англичанки, однако, нисколько не унывали, онѣ продолжали дѣйствовать и не только на души, посредствомъ молитвы и проповѣди, но и на тѣла... Онѣ кормили голодныхъ, давали пріютъ бездомнымъ; всякій бродяга и скиталецъ находилъ у нихъ убѣжище, всякій нищій и отверженный обществомъ былъ *bienvenu*, и въ то же время онѣ, кормя этихъ голодныхъ, неутомимо проповѣдывали спасеніе. Въ Парижѣ онѣ устроили всѣмъ доступное помѣщеніе, куда всякій входилъ свободно, грѣлся около печи, растягивался на скамьѣ и спалъ, отдыхалъ, получалъ пищу, слушалъ бесѣду и проповѣдь и тутъ же находилъ даровую книжку о неизбежности смерти и потому необходимости покаянія. Въ концѣ концовъ эти бездомные люди обращались въ салютистовъ...

Спустя нѣкоторое время, въ Парижѣ уже оказались убѣжденные поборники необходимости спасенія душъ, и когда число ихъ стало расти, то газеты начали высказывать, что салютизмъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, есть какой-то видъ тихаго сумасшествія, не только, однако, безвреднаго вообще для общества, но даже приносящаго нѣкоторую пользу и удобства для бѣднаго класса.

Съ 1882 г. въ Парижѣ начинаютъ издаваться и распространяться салютистскіе листки «*Cri de guerre*» и «*En avant*», и салютисты, мало-по-малу, проникаютъ въ провинцію, но дѣйствуютъ и тамъ долго безъ всякаго успѣха, главнымъ образомъ потому, что нигдѣ не на-

ходятъ для своихъ собраній постоянного помѣщенія, такъ какъ никто не уступаетъ имъ домовъ ни за какую плату, и они вынуждены бивуакировать, скрываться въ лѣсахъ, подвергаясь постояннымъ столкновениямъ съ полиціей и насиліямъ со стороны грубой толпы, подстрекаемой преимущественно трактирщиками, лишившимися своей постоянной clientel.

Съ 1883 года салютисты перенесли свою дѣятельность въ Швейцарію и именно въ Женеву, прославленную страну свободы, терпимости и всякихъ политическихъ и религіозныхъ ученій. Сначала ихъ тамъ приняли за странствующую труппу актеровъ и забавлялись, глядя на ихъ уличныя процессіи. Когда же они наняли огромную залу извѣстнаго Casino для своихъ собраній и стали призывать народъ къ покаянію, то газеты и общество заговорили о нихъ съ нескрываемымъ негодованіемъ. Особенно возбуждены были рабочія массы. Въ Casino приходили толпы пьяныхъ рабочихъ, которые кричали и свистали, чтобы не было слышно проповѣдующихъ салютистовъ. Нѣкоторыя лица изъ интеллигенціи являлись туда больше изъ любопытства, но болѣе всего туда устремились почему-то швейцарскія женщины: въ одно собраніе ихъ пришло болѣе 2.700, и послѣ одной-двухъ проповѣдей многія обратились въ салютизмъ.

Салютистовъ стали обвинять въ гипнотизмъ. Во всемъ городѣ только и было рѣчи, что о нихъ. На пригласительныхъ билетахъ на обѣдъ въ высшее общество писалось — «on ne parlera pas de l'Armée du Salut», но едва садились за столъ, какъ эта тема являлась не только первенствующей, но и единственной. Слово «спасеніе» слышалось повсюду. Успѣхъ распространенія этого ученія смущалъ всѣхъ, и нѣкоторыя газеты стали обвинять салютистовъ въ какихъ-то іезуитскихъ махинаціяхъ и въ искусныхъ проискахъ «сатанинскаго происхожденія». Полиція стала ихъ преслѣдовать; подстрекаемая противниками салютизма, чернь стала дѣлать разныя насилія, — но замѣчательно, что на первое время полиція преслѣдовала не буяновъ, а обвиняла самихъ салютистовъ, какъ лицъ, вызвавшихъ буйство. Въ ношеніи формы со знаками S. S. было усмотрѣно воспрещенное закономъ ношеніе духовной одежды. Кабатчики, озлобленные тѣмъ, что армія слишкомъ отвлекала ихъ клиентовъ своими длинными собраніями, неистовствовали больше всѣхъ. Несмотря на всю видимую безкорыстность дѣйствій салютистовъ, ихъ обвиняли въ корыстныхъ дѣланіяхъ только потому, что они собирали коллекты. Наконецъ, ихъ обвинили въ созданіи новаго религіознаго ордена, что также воспрещено швейцарскимъ закономъ.

Въ моментъ наивысшаго возбужденія народной массы противъ салютистовъ, имъ, что называется, не было проходу въ Женевѣ, этомъ государствѣ, гдѣ «господствуетъ народъ». Дошло до того, что подвижниковъ всеобщаго спасенія стали обливать водою, чернилами, бросали въ нихъ камнями, палками, грязью, писали имъ угрожаю-

ція письма и проч. и проч. Противъ арміи совмѣстно дѣйствовали духовенство, кабатчики, подстрекаемый ими народъ и полиція. Главу салютистской пропаганды въ Швейцаріи, молодую женщину Бутсъ-Клиборнъ, посадили въ тюрьму и предали суду, но когда присяжные вынесли ей оправдательный приговоръ, не найдя въ ея дѣйствіяхъ ничего противозаконнаго, то были сконфужены всѣ и особенно духовенство и полиція. На судѣ особенно сильное впечатлѣніе произвело чтеніе петиціи, съ которой обратились салютисты въ союзный совѣтъ. Въ этой петиціи удостовѣрялось, что религія салютистовъ есть истинно христіанская религія первыхъ временъ, что главные ихъ догматы—правда, искренность, любовь къ ближнему, самоотреченіе и самопожертвованіе, что армія уже обратила множество людей на путь правды, исправила много пьяницъ и лгуновъ, что въ нѣкоторыхъ государствахъ и даже въ цѣлыхъ странахъ, какъ Англія, Соединенные Штаты, Канада, Новая Зеландія, Индія, Голландія, Швеція, Норвегія, Данія, армія уже давно совершенно не преслѣдуется, а въ Австраліи и Индіи даже пользуется нѣкоторыми льготами, въ виду доказанной своей полезности. Все это подтверждалось письменными доказательствами, представленными суду.

Когда изъ Женевы салютисты перешли въ Лозанну, Базель, Бернъ, Цюрихъ, Аппенцель, то въ Цюрихѣ они были признаны за труппу комедіантовъ, «однако столь неудовлетворительныхъ, писали газеты, что ей должны быть предпочтены другія труппы, какъ болѣе искусныя», а въ Аппенцелѣ въ нихъ усмотрѣли «многочисленныхъ агентовъ какого-то иностраннаго предпріятія». Въ нѣмецкой Швейцаріи борьба съ полиціей, несмотря на признаніе въ Женевѣ законности дѣйствій арміи, продолжалась; эта полиція постоянно «разсѣивала» кучки солдатъ арміи, собравшихся на бесѣду и молитву, и потому салютисты стали и въ нѣмецкой Швейцаріи собираться въ лѣсахъ, оврагахъ, подъ отдѣльными деревьями, чѣмъ придали всему своему дѣлу болѣе интересный колоритъ. Въ Базелѣ ихъ преслѣдовали за «нарушеніе общественной тишины», называя «шумомъ» ихъ пѣніе и музыку; народъ, хотя уже рѣже, но продолжалъ иногда бросать на сцену гнилыя яйца. Въ Цюрихѣ бывали такіе случаи, что противники салютизма на улицахъ захватывали идущихъ салютистовъ, насильно заводили ихъ въ кабаки и заставляли тамъ насильно пить вино и пиво; отъ нихъ же народъ, или, вѣрнѣе, пьяная толпа, требовала немедленнаго выѣзда изъ города и для того насильно усаживала ихъ въ вагоны отходящихъ поѣздовъ и не выпускала ихъ оттуда; ворвавшись въ собраніе салютистовъ, эти пьяные люди тамъ курили и пили. Эти же пьяные буяны переодевались въ костюмы, похожіе на костюмы салютистовъ, и несли по улицамъ знамя съ надписью «Потѣшная армія» вмѣсто знамени съ надписью «Армія Спасенія». Толпа эта срывала объявленія и вывѣски салютистовъ. Какой-то шутникъ нарядился въ медвѣжью

шкуру и стоялъ какъ бы на заднихъ лапахъ на сценѣ рядомъ съ проповѣдывавшей салютисткой, вызывая веселье и смѣхъ.

Но салютисты не унывали и настойчиво внушали народу, что дѣло, устоявшее и развившееся при такихъ условіяхъ, несомнѣнно божественнаго происхожденія. Число сторонниковъ арміи въ Швейцаріи стало мало-по-малу прибывать. Оказалось, что нѣкоторые полицейскіе чиновники, оставивъ свою службу, сами обратились и въ салютистовъ и въ горячихъ проповѣдниковъ салютизма, а недоумѣвавшія газеты, видя полную безуспѣшность борьбы администраціи съ салютизмомъ и размноженіе его послѣдователей, иронически совѣтывали поскорѣе «распирить тюрьмы» и построить новыя спеціально для салютистовъ, потому что въ существующихъ не хватитъ всѣмъ мѣстъ.

Въ концѣ концовъ, свободная швейцарская и французская печать много помогла успѣху распространенія салютизма. Салютистскіе органы не только продавались на улицахъ, но раздавались даромъ и даже подбрасывались повсюду, особенно въ мѣстѣ сбора публики, что было хорошо организовано; эти листки валялись во всѣхъ кабакахъ, гдѣ сначала возбуждали смѣхъ, потомъ любопытство, потомъ сочувствіе и потомъ приводили къ обращенію многихъ посѣтителей въ салютистовъ. Жертвы полицейскаго усердія, большею частью, молодыя дѣвушки и женщины, уводимыя въ тюрьмы, очень охотно шли туда, но скоро выпускаемыя оттуда по бездоказательности обвиненія, стали вызывать сожалѣніе. Картины задержанія повторялись ежедневно, задержанные отсиживали, выходили изъ тюремъ и снова обращались къ своей проповѣди, оповѣщая во всеобщее свѣдѣніе, что во время своего пребыванія въ тюрьмахъ они обратили къ спасенію такихъ-то и такихъ лицъ, одновременно съ ними содержавшихся въ тюрьмѣ проститутокъ, и поименовывали обращенныхъ воровокъ, пьяницъ и даже своихъ суровыхъ стражниковъ, не устоявшихъ противъ проповѣди салютизма.

Появившіяся въ печати и ловко распространяемыя описанія геройскихъ подвиговъ салютистовъ и особенно живо нарисованныя картины смерти этихъ героевъ, умершихъ, большею частью, или отъ чахотки, или послѣдствій разныхъ лишеній, побоевъ, простудъ, и все на службѣ арміи, волновали общество, тѣмъ болѣе, что имена героевъ прописывались полностью, и описаніе было вѣрно дѣйствительности. Очень трогательно изображалось, какъ умирающіе отъ послѣдствій полицейскаго насилія салютисты говорили: «Я иду домой! Я иду въ небо!» какъ они увѣщевали окружающихъ никого и ничего бояться, ибо страхъ исходитъ отъ дьявола, какъ они, испуская послѣднее дыханіе, твердили одно: «Работайте! Работайте! Спасайте души! Спасайте! Впередъ, впередъ!» Одинъ салютистъ, умирая подъ ударами убійцъ, пѣлъ:

Mon corps, mon coeur, ne m'appartient plus,
Ton amour les reclame,—ils sont à toi Jésus.

Посторонняя публика, приходившая въ собраніе салютистовъ изъ одного только любопытства, была ежедневно свидѣтельницей всенароднаго торжественнаго объявленія многихъ лицъ о полномъ ихъ исправленіи отъ прежнихъ пороковъ и обрѣтенномъ въ «Арміи Спасенія» полномъ и желанномъ спокойствіи духа. Изъ этихъ лицъ, всенародно кающихся, одинъ говорилъ, что былъ прежде воромъ, другой былъ пьяницей и бездѣльникомъ, третій жилъ на чужой счетъ, четвертый былъ азартный игрокъ и т. д., и всѣ они утверждали, что преобразовались совершенно, сдѣлались самыми приверженными служителями Христа и потому чувствуютъ почти блаженное состояніе.

Въ одномъ изъ собраній, нѣкій чинъ арміи съ большою наивною разсказалъ, какъ онъ только четыре раза сидѣлъ въ тюрьмѣ за воровство и уже 15 разъ былъ арестованъ, какъ принадлежащій къ «Арміи Спасенія». «Ради дьявола, добавилъ онъ, которому я служилъ 25 лѣтъ, я сидѣлъ только четыре раза, а ради Бога, которому я служу всего шесть лѣтъ, я уже былъ въ тюрьмѣ 15 разъ».

Изъ всего предыдущаго видно, что путь салютистовъ далеко не былъ усѣянъ однѣми розами, и что, однако же, они выпли торжествующими изъ своего дѣла, и районъ ихъ дѣятельности распространяется все шире и шире.

Нужно замѣтить, что никто не воспользовался такъ хорошо тѣмъ социальнымъ броженіемъ, которое нынѣ существуетъ въ Европѣ, какъ салютисты въ цѣляхъ своей пропаганды. Нужда и бѣдность низшаго класса очень содѣйствовали достиженію цѣлей арміи. Всегда довольные, веселые, жизнерадостные, вѣчно съ музыкой и пѣніемъ веселыхъ мотивовъ, салютисты производили на удрученныхъ бѣдняковъ неизмѣнно ободряющее дѣйствіе. Не входя ни въ какіе религіозные споры, считая всѣхъ равными предъ Богомъ, они одинаково помогали всѣмъ, не различая національностей. Игнорируя полностью вопросы политическіе и партійные, они думали только объ обращеніи грѣшныхъ душъ на путь спасенія. Ихъ идеальное безкорыстіе, ихъ горячее стремленіе помочь всѣмъ и каждому, мало-помалу завоевали имъ большія симпатіи. Разряженные современные дамы, повсемѣстно гоняющіяся за модой и удовольствіями, безуслвно проигрывали при сравненіи съ скромными салютистками безъ всякаго признака кокетства, безукоризненнаго поведенія, простыми, цѣломудренными, работающими, самоотверженными. Чины «Арміи Спасенія» появлялись всюду, и въ тюрьмахъ, и у постелей больныхъ, и на полѣ жатвы, и среди голодающихъ, и повсюду несли съ собою дѣйствительную помощь и словомъ и дѣломъ. Никто не могъ отрицать того факта, что проповѣдями своими они отвлекали

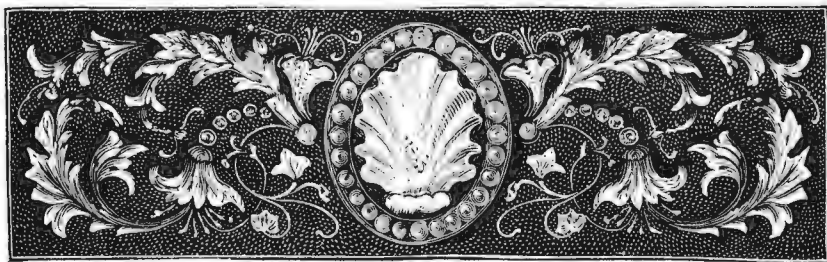
массы народа отъ пьянства, разврата и бездѣлья. Сами отрекшись отъ личной жизни и личныхъ интересовъ, они, по первому слову своего генерала, ѣхали за тридевять земель, чтобы и тамъ помогать бѣднякамъ и спасать тамъ людскія души отъ грозящаго всѣмъ не раскаявшимся ада.

Отсутствіе въ ихъ собраніяхъ и проповѣдяхъ всякихъ религіозныхъ распрей и политическихъ споровъ обезпечило имъ одинаковій успѣхъ въ странахъ католическихъ и протестантскихъ, и въ особенности въ странахъ съ такой рационалистической религіозной подкладкой, какъ въ странахъ лютеранскихъ, и къ концу тридцатилѣтія ихъ дѣятельности они одинаково твердо стоятъ во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Появленіе ихъ сначала повсюду возбуждало недоумѣніе и сомнѣніе, но обвиненія въ преслѣдованіи какой либо безнравственной цѣли или пропаганды нигдѣ и никогда не подтверждались, благодаря отсутствію какой либо къ тому почвы и еще болѣе благодаря отсутствію таинственности въ этой дѣятельности ¹⁾. Правительства скоро убѣждались, что ученіе салютистовъ не потрясаетъ никакихъ политическихъ основъ или государственныхъ устоевъ, и потому отнеслись къ нимъ въ большинствѣ спокойно и даже индифферентно, какъ къ явленію скорѣе безвредному, чѣмъ опасному. И въ самомъ дѣлѣ, всякій, кто безпристрастно отнесется къ этому ученію, тотъ легко убѣдится, что оно въ политическомъ смыслѣ безопасно для всякаго правительства, и что одновременно съ массой пользы и добра, ими приносимой, салютисты лишь настойчиво проповѣдуютъ необходимость спасенія здѣсь на землѣ, ибо,—напоминаютъ они людямъ,—всѣмъ одинъ конецъ, всѣ когда либо предстанутъ предъ Царемъ царей, Господиномъ господъ, но, по ихъ убѣжденію, всѣ должны явиться туда спасенными еще своею земною жизнью, чтобы безпрепятственно насладиться жизнью небесною.

Ник. Дингельштедтъ.

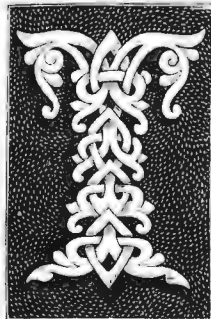

¹⁾ Извѣстное ученіе франкмассоновъ, главнымъ образомъ, благотворительное, а не религіозное, весьма много проигрываетъ, только благодаря тайнѣ, его окружающей. Въ Америкѣ, гдѣ масонство особенно распространено, недовѣріе общества къ этому ученію установилось только потому, что ученіе это совершенно тайное.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. Вълочуровъ. О библиотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Москва. 1899.

РУДЬ С. А. Вълочурова возвращаетъ насъ къ недавней полемикѣ П. Е. Забѣлина, А. П. Соболевскаго, Н. П. Лихачева и др. по поводу легенды о царской книжной сокровищницѣ XVI вѣка. Авторъ вознамѣрился разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ: этимъ объясняется значительный размѣръ—почти 800 страницъ—его книги.

Легенда о сокровищахъ царской библиотеки основывается, какъ извѣстно, на трехъ показаніяхъ. 1) Въ одномъ изъ житій Максима Грека говорится, что, введенный въ книгохранилищу великаго князя Васплія Ивановича, онъ увидѣлъ безчисленное количество греческихъ книгъ и «въ удивленіи бысть о толкомъ множествѣ безчисленнаго трудолюбнаго собранія и съ клятвою рече передъ благочестивымъ государемъ, яко ни въ Грецѣхъ толикое множество книгъ сподобихся видѣти». 2) Ливонскій лѣтописецъ Ніенштедтъ говоритъ, что между переселенными въ 1565 году изъ Юрьева въ русскіе города вѣмцами былъ нѣкій магистръ Іоаннъ Веттерманъ, очень ученый человекъ, заслужившій вскорѣ такое довѣріе царя, что тотъ «велѣлъ въ Москвѣ показать ему свою библиотеку, которая состояла изъ книгъ на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, и которую великій князь въ древнія времена получилъ отъ константинопольскаго патріарха... Эти книги... хранились замурованными въ двухъ сводчатыхъ подвалахъ...». Далѣе говорится, что подвалъ около ста

лѣтъ передъ тѣмъ не открывался, да и теперь, сейчасъ же послѣ того, какъ Веттерману были показаны нѣкоторыя книги, подвалъ снова заперли на тройные замки. 3) Третье свидѣтельство наиболѣе загадочно. Оно представляетъ собою напечатанный юрьевскимъ профессоромъ Дабеловымъ въ 20-хъ годахъ, по найденной имъ нѣмецкой рукописи, списокъ книгъ царской библиотеки XVI вѣка. Въ списокѣ этомъ, дѣйствительно, много диковинокъ: Цицероново «De republica» и 8 книгъ его же «Historiarum», рѣчи и поэмы Кальва, сатиры Сира, кромѣ того, рукописи Ливія, Тацита, Поливія, Аристофана, Пиндара и др. Уже неоднократно на эти свидѣтельства обращалось вниманіе, но энергичные поиски пропавшей библиотеки начались лишь въ недавнее время, да и то по почину изъ-за границы. Въ 1890—1891 гг. пріѣхалъ въ Россію страсбургскій приватъ-доцентъ Эд. Тремеръ, задавшійся цѣлью розыскать слѣды забытой царской библиотеки. Послѣ тщетныхъ поисковъ въ московскихъ рукописныхъ собраніяхъ, Тремеръ рѣшилъ, что библиотека скрывается въ землѣ... «Желѣзный зондъ,—писалъ онъ,—долженъ рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли она погибла, или она находится скрытою подъ мусоромъ и подъ постройками, возведенными въ теченіе слѣдующихъ столѣтій». Извѣстно, что съ высочайшаго разрѣшенія, подъ непосредственнымъ руководствомъ Тремера, начаты были работы, продолжавшіяся и по отъѣздѣ изъ Россіи страсбургскаго ученаго, но эти работы ровно ни къ чему не привели... Никакихъ тайниковъ съ книгами подъ землею не оказалось... С. А. Вѣлокуровъ доказываетъ, что этихъ тайниковъ нечего было и ожидать. Его аргументація идетъ по тремъ направленіямъ: 1) онъ разсматриваетъ происхожденіе стариннѣйшихъ еще нынѣ имѣющихся въ Москвѣ рукописныхъ собраній, 2) подвергаетъ критикѣ вышеприведенныя три извѣстія о библиотекѣ, 3) пробуетъ возсоздать, по достовѣрнымъ даннымъ, дѣйствительный составъ царской библиотеки въ XVI вѣкѣ. По всѣмъ тремъ направленіямъ получается неутѣшительные для сторонниковъ легенды выводы. Прежде всего, авторомъ разсмотрѣно, какъ постепенно возростали три главныя московскія собранія иноязычныхъ книгъ и рукописей, — именно, московскаго архива, министерства иностранныхъ дѣлъ, синодальной библиотеки и синодальной типографской библиотеки. Для исторіи перваго собранія, прежде принадлежавшаго посольскому приказу, онъ просмотрѣлъ всѣ дѣла московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которыхъ было что либо касающееся библиотеки этого учрежденія; для исторіи синодальной библиотеки имъ просмотрѣны были всѣ описи ея XVII—XIX вѣка, какъ и всѣ дѣла московской синодальной конторы, касающіяся этой библиотеки; для исторіи типографской библиотеки, кромѣ описей ея XVII—XIX вѣка, дѣла архива типографіи, относящіяся до ея библиотеки. На основаніи этихъ архивныхъ данныхъ, онъ пришелъ къ заключенію, что иноземныхъ рукописей въ Москвѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ было не больше, чѣмъ теперь, и что почти всѣ онѣ (за незначительнымъ исключеніемъ 5 греческихъ рукописей и 1 греческой печатной книги), постушили сюда въ XVII, XVIII и XIX вѣкѣ. Столь же неутѣшительны выводы изъ критическаго разсмотрѣнія вышеприведенныхъ трехъ свидѣтельствъ. Оказывается, что приписываемыя Максиму-Греку слова о великокняжеской библиотекѣ не принадлежать ему и находятся въ одномъ только сказаніи изъ

всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ. Притомъ это сказаніе одно изъ позднихъ—первой половины XVII вѣка—и содержитъ много фантастическаго. Извѣстіе Ніенштедта о Веттерманѣ представляется очень невѣроятнымъ: это сочиненный рассказъ, сильно разукрашенный фантазіей его автора; есть основаніе предполагать, что Веттерманъ даже въ Москвѣ не былъ. Наконецъ, списокъ Дабелова представляется очень подозрительнымъ уже потому, что подлинникъ его неожиданно исчезъ и до сихъ поръ не найденъ. Содержаніе его, указанія на переводы, будто бы сдѣланные его авторомъ, заставляютъ предполагать, что мы имѣемъ передъ собою фальсификацію.

Обращаясь далѣе къ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ о рукописяхъ, имѣвшихся у московскаго царя въ XVI вѣкѣ, С. А. Вѣлюковъ приходитъ къ слѣдующему выводу. У царя Ивана IV, дѣйствительно, была библиотека. Состояла она изъ русскихъ, литовскихъ, польскихъ и одной нѣмецкой книгъ и рукописей. Могли въ ней быть (прямыхъ указаній на это нѣтъ) и нѣсколько греческихъ рукописей. Но сомнѣній греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ рукописей въ ней не было. Лишнимъ доказательствомъ въ пользу этого неутѣшительнаго вывода является извѣстіе о справкахъ, которыя въ 1600 году относительно книжныхъ сокровищъ Кремля наводилъ Петръ Аркудій, по порученію кардинала Санъ Джорджо. Греки, находившіеся на службѣ царя, объявили Аркудію опредѣленно, что «въ Кремлѣ не было никакой византійской библиотеки».

Эта стройная и ясная аргументація представляетъ далеко не все содержаніе книги С. А. Вѣлюкова. Его книгу можно назвать цѣннымъ вкладомъ въ литературу исторіи классической филологіи въ Россіи, вслѣдствіе представленнаго въ ней свода данныхъ о судьбѣ классическихъ рукописей въ Россіи, о появленіи и исчезновеніи ихъ, о подвигахъ такихъ странныхъ дѣятелей, какъ проф. Маттеи, потихоньку сбывавшій за границу наиболѣе цѣнные рукописи, о существующихъ старинныхъ и новыхъ описяхъ московскихъ собраній, большая часть каковыхъ описей перепечатана при книгѣ, и т. д.

Весьма цѣнны и новыя данныя, приводимыя С. А. Вѣлюковымъ о жигіяхъ Максима Грека. Его книга является какъ бы монографіею объ этихъ житіяхъ: большое количество полныхъ текстовъ и выдержекъ изъ этихъ житій напечатано авторомъ, рассмотрѣвшимъ, кромѣ того, всѣ извѣстія о сочиненіяхъ Максима Грека и всѣ упоминанія о сочиненіяхъ и житіяхъ его въ разныхъ рукописныхъ собраніяхъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что всю, въ сущности, очень сухую матерію о библиотекѣ и о судьбахъ различныхъ рукописей С. А. Вѣлюковъ излагаетъ очень интересно, даже увлекательно.

А. Д.—нѣ.

М. Ѡ. Суперанскій. Симбирскъ и его прошлое. (1648—1898 гг.). Историческій очеркъ. Изданіе симбирской губернской ученой архивной комиссіи. Симбирскъ. 1898.

Не ограничиваясь толковымъ популярнымъ изложеніемъ фактовъ, г. Суперанскій пытается объяснить нѣкоторыя достопримѣчательныя событія въ жизни Симбирска общимъ ходомъ русской исторіи: колонизаціей юго-востока,

смѣшаннымъ составомъ населенія окраинъ, поступательнымъ движеніемъ государства и проч. Авторъ щедро воспользовался систематическимъ сводомъ матеріаловъ по исторіи Симбирска, составленнымъ П. А. Мартыновымъ и изданнымъ одновременно съ его брошюрой. Симбирскъ былъ основанъ по указу Алексѣя Михайловича на чертѣ «засѣчныхъ крѣпостей», для защиты отъ набѣговъ башкировъ, киргизовъ, нагайскихъ и крымскихъ татаръ. Когда возникли русскія поселенія южнѣ этой укрѣпленной линіи, Симбирскъ потерялъ значеніе пограничнаго города; но затѣмъ ему пришлось выдержать два раза славную борьбу, защищая государство отъ полчищъ Разина и Пугачева. До сихъ поръ въ память избавленія Симбирска отъ Разина совершается ежегодно 21 мая крестный ходъ «вокругъ стараго города». До конца XVIII ст. Симбирскъ назывался Синбирскомъ. Слово это производятъ одни изслѣдователи отъ имени болгарскаго князя Синбпра, другіе—отъ чувашскихъ словъ—«бѣлая гора» или «обиталище людей» («син»—человѣкъ и «бурнас»—обитать), третьи—отъ скандинавскихъ словъ: sinn—путь и biarg—гора и т. д. Народъ до сихъ поръ произноситъ Синбирскъ. Въ 1679 г. въ городѣ было уже 605 дворовъ съ 1879 жителями, кромѣ служилыхъ людей, населенія рубленнаго города и монастырскихъ дворовъ. Въ 1708 году Симбирскъ былъ причисленъ къ Казанской губерніи, въ 1780 г. открыто симбирское намѣстничество и въ 1796 г. учреждена Симбирская губ., въ составъ которой, кромѣ нынѣшнихъ восьми уѣздовъ, вошли самарскій и ставропольской уѣзды. Въ теченіе всего XIX вѣка населеніе Симбирска быстро возрастало, какъ видно изъ приведенныхъ г. Суперанскимъ статистическихъ данныхъ. По переписи 1897 г. въ городѣ значится населенія 43.298 чел.: 21.859 муж. и 21.439 женск. пола; домовъ въ городѣ 4.300, два монастыря, три собора, 11 приходскихъ и 15 домовыхъ церквей. Лучшій соборъ Троицкій воздвигнутъ въ память войны 12-го года; въ Симбирскѣ же памятникъ историка Н. М. Карамзина, уроженца Симбирской губерніи. Къ числу уроженцевъ этого города принадлежатъ многіе знаменитые ученые и литераторы. Съ введеніемъ новаго городского положенія, въ теченіе послѣднихъ 27 лѣтъ, сильно подвинулось впередъ дѣло народнаго образованія. Теперь въ городѣ 17 начальныхъ городскихъ училищъ, въ которыхъ обучается 794 мальчика и 832 дѣвочки, на содержаніе ихъ расходуется болѣе 20.000 рублей; кромѣ того, школа кройки и шитья на 120 ученицъ, два спеціальныя училища для мальчиковъ; затѣмъ училища: духовное для мальчиковъ, женское епархіальное, трехклассное городское, земская фельдшерская школа, центральная чувашская школа и татарская школа; въ 1897 г. открыты двѣ воскресныя школы и двѣ образцовыя церковно-приходскія; среднія учебныя заведенія: классическая гимназія, кадетскій корпусъ, маринская женская гимназія и духовная семинарія. Въ Симбирскѣ существуютъ двѣ бібліотеки: карамзинская,—имѣеть болѣе 16.000 руб. собственнаго капитала и 33.949 томовъ разныхъ книгъ,—и гончаровская,—получаетъ отъ города пособіе отъ 300 до 500 руб. въ годъ, къ 1 января имѣла 2.605 томовъ. Въ брошюрѣ г. Суперанскаго перечислены также благотворительныя, лѣчебныя и общественныя учрежденія города. Въ Симбирскѣ выходятъ только официальные періодическія изданія: «Губернск. Вѣд.», «Внарх.

Вѣд.», «Вѣстн. Сибѣ. земства» и при немъ «Врачебно-санитарный Листокъ». Въ торгово-промышленномъ отношеніи Симбирскъ уступаетъ даже нѣкоторымъ уѣзднымъ городамъ нижняго Поволжья. Въ немъ имѣется только нѣсколько винокуренныхъ заводовъ и суконныхъ фабрикъ; главнымъ предметомъ вывоза служить хлѣбъ. Ввозъ ограничивается товарами, необходимыми для мѣстнаго потребленія. Главнымъ мѣстомъ оптовой торговли являются ярмарки: сборная, казанская и «Ивана постнаго»; съ каждымъ годомъ оборотъ ярмарокъ сокращается: въ 1882 г. обороты сборной ярмарки превышали десять милліоновъ рублей, въ 1898 г. наней всего продано менѣе, чѣмъ на четыре милліона рублей. Съ проведеніемъ чрезъ Симбирскъ желѣзной дороги, соединяющей его съ общей сѣтью желѣзныхъ дорогъ, можно разсчитывать, что подыметя и торгово-промышленное значеніе этого города.

И. И.

Г. А. Эзовъ. Сношенія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ. Документы, извлеченные изъ Московскаго главнаго и С.-Петербургскаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, австрійскаго придворнаго и государственнаго архива, королевско-баварскаго тайнаго государственнаго архива и другихъ учрежденій. Спб. 1898.

Книга г. Эзова начинается обширнымъ «введеніемъ», подъ заглавіемъ «Историческій обзоръ отношеній русскаго правительства къ армянскому народу». Такъ какъ въ основу его положены не только печатные источники и пособія, но, главнымъ образомъ, документы, еще не появившіеся въ печати, то мы считаемъ нужнымъ поближе ознакомиться съ содержаніемъ «обзора», тѣмъ болѣе, что о нашихъ сношеніяхъ съ армянами, кромѣ «Исторіи» Соловьева, можно найти лишь очень немногое.

Указавъ на то, что издаваемые вновь документы имѣютъ «большое значеніе» для исторіи персидскаго похода Петра Великаго и вообще «проливаютъ новый свѣтъ» на многіе извѣстные факты, авторъ, послѣ предварительнаго ознакомленія съ исторіей Персіи со временъ Аббаса Великаго (1585—1628) до двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтія и съ исторіей провинцій послѣдней— Грузіи и Арменіи (объ Арменіи и армянахъ говорится значительно больше и съ превознесеніемъ ихъ нравственныхъ качествъ и религіозной стойкости въ ущербъ грузинамъ), приступаетъ къ описанію сношеній Россіи съ армянами по документамъ. Сношенія эти при Петрѣ I начинаются съ 1701 г., когда Израель Орій Прошгъ съ варданетомъ Минасомъ (біографіи ихъ помѣщены авторомъ ниже, на стр. LXXV—LXXXVII) явились въ Москву, привезя къ царю посланіе армянскихъ меликовъ, рекомендательныя письма императора Леопольда, просившаго царя, «дабы того Орія, не токмо особливо заступленнаго имѣти и доброхотно принять, но и своею любовію объимати», и курфюрета Баварскаго, который, въ свою очередь, просилъ царя принять на себя трудъ изслѣдовать, въ какой мѣрѣ справедлива и исполнима просьба армянъ. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Москвѣ, Орій и Минасъ добились

у царя обѣщанія явиться имъ на помощь послѣ окончанія шведской войны. Въ 1705—1707 гг. Орій вторично побывалъ въ Москвѣ и на этотъ разъ съ большимъ усѣхомъ: въ 1707 г. онъ былъ отправленъ въ Персію во главѣ большого русскаго посольства, пріѣздъ котораго, а равно и тревожные слухи о немъ, произвели на шаха громадное впечатлѣніе. Несмотря на нѣкоторыя опасенія, онъ, однако, «съ честью» принялъ Орія, но что тамъ послѣдній дѣлалъ и чего добился, мы не знаемъ, такъ какъ не имѣется отъ него никакихъ донесеній за цѣлыхъ два года. Изъ позднѣйшихъ его донесеній видно, что онъ хорошо ознакомился съ тогдашнимъ состояніемъ Персіи и, проживая на Кавказѣ, немало способствовалъ поднятію жителей противъ персидскаго владычества.

Послѣ смерти Орія, скончавшагося въ августѣ 1711 г., дѣятельность его продолжалъ Минасъ, который своими донесеніями о плачевномъ состояніи Персіи окончательно побудилъ Петра Великаго къ выступленію въ персидскій походъ тотчасъ же по заключеніи вѣстфальскаго мира.

Извѣстно, что результаты этого похода, столь значительные для Россіи, вовсе не оправдали надеждъ грузинъ и армянъ: Петръ не могъ соединиться съ ихъ войсками, и имъ пришлось бороться однимъ съ персами. Описанію этой борьбы посвящены VII и VIII главы. Вскорѣ послѣ 1723 г. сношенія армянъ съ Россіею при Петрѣ Великомъ прекращаются, и въ заключеніи обзора ихъ авторъ говоритъ: «Изученіе документовъ, касающихся этихъ событій, приводитъ насъ къ убѣжденію, что не корыстная цѣль, не исключительно эгоистическія соображенія объ односторонней выгодѣ руководили Петромъ, но его воодушевляли великія государственныя задачи, христіанскія чувства, гуманныя побужденія и высокія культурныя цѣли; обѣщанія его не были тщетными обнадеживаніями, какъ это стало при его ближайшихъ преемникахъ; они были искренни, и неоднократно, во многихъ случаяхъ и въ разныхъ видахъ, высказываемая имъ мысль, что «мы оной армянскій народъ, ради христіанства, въ особую нашу милость и протекцію приняли», не была пустою фразою» (стр. LXXIV).

Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи г. Эзовъ руководится напечатанными имъ документами только до 1736 г., когда наше правительство ограничилось только одними обѣщаніями, а въ этомъ году и вовсе отказалось отъ прикаспійскихъ провинцій; затѣмъ онъ ведетъ рассказъ по Соловьеву, Буткову и, главнымъ образомъ, на основаніи актовъ, изданныхъ кавказской археографической комиссіей въ теченіе 1866—1888 гг., закончивъ его самыми послѣдними событіями.

Таково содержаніе «историческаго обзора» г. Эзова, за которымъ слѣдуютъ самые документы. Послѣдніе начинаются съ письма ифальцкаго курфюрста Іоанна Вильгельма къ грузинскому принцу Георгію, отъ 3-го мая 1698 г., и заканчиваются «доношеніемъ» вардапета Минаса графу С. А. Салтыкову, отъ 7-го марта 1736 г., содержащимъ въ себѣ краткое обзорнѣе предшествующей переписки. Число всѣхъ документовъ, самаго различнаго наименованія, простирается до 305 нумеровъ. Изъ нихъ наиболѣе любопытными слѣдуетъ признать, во-первыхъ, тѣ, которые относятся къ первому посольству и первымъ переговорамъ Орія съ членами московскаго посольскаго приказа

за 1701—1703 гг.; кромѣ писемъ и отвѣтовъ самого Орія, небезынтересными являются письма и грамоты армянскихъ іерарховъ, пфальцкаго и баварскаго курфюрстовъ, грамоты и указы Петра Великаго и отвѣты и отписки тогдашнихъ нашихъ дипломатовъ. Во-вторыхъ, значительный интересъ представляютъ переписка по поводу отправления Орія въ Персію и его донесенія 1711 года. Наконецъ, съ точки зрѣнія собственно русской исторіи, изъ всѣхъ документовъ, наибольшее значеніе имѣютъ относящіеся къ персидскому походу донесенія, письма, сообщенія, высочайшія грамоты и указы и т. п., которые необходимо должны послужить предметомъ изученія для новаго историка персидскаго похода. За послѣдующее время имѣется сравнительно немного документовъ.

Документы напечатаны на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, армянскомъ и другихъ языкахъ, съ сохраненіемъ правописанія подлинниковъ. Большинство документовъ извлечено изъ дѣлъ, хранящихся въ главномъ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ приложеніи къ нимъ напечатаны: 1) выписка изъ книги «Relation des grandes guerres et victoires obtenues par le roi de Perse», par le P. Fr. Antoine de Gougea, и 2) нигдѣ еще ненапечатанная записка Сень-Мартена объ изученіи Арменіи, составленная для Александра Гумбольдта.

Для облегченія пользованія матеріаломъ приложены два указателя собственныхъ именъ на армянскомъ и европейскихъ языкахъ. В. Р--въ.

Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Виды архива и снимки хранящихся въ немъ документовъ, рукописей и печатей. Съ 23 фототипическими таблицами. М. 1898.

Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ и богатыхъ, по сосредоточеннымъ въ немъ документамъ, нашихъ архивовъ. Въ немъ хранятся всѣ дѣла посольскаго приказа и коллегіи иностранныхъ дѣлъ до 1801 года, раздѣленные, по ихъ содержанию, на два большіе отдѣла: недипломатическій и дипломатическій; къ первому отдѣлу относятся такъ называемыя государственныя внутреннія дѣла недипломатическаго содержанія, а ко второму принадлежитъ все, касающееся сношеній Россіи съ европейскими и азіатскими государствами. Начало этому архиву было положено Петромъ Великимъ, но втеченіе всей первой половины прошлаго столѣтія завѣдываніе архивомъ поручалось лицамъ, или мало подготовленнымъ къ архивнымъ занятіямъ, или совершенно къ нимъ неспособнымъ. Вслѣдствіе этого, хранившіяся въ архивѣ дѣла не только плохо разбирались, но и страдали отъ небрежнаго съ ними обращенія. Кромѣ того, сохранности документовъ много пренятствовали сырыя и тѣсныя комнаты въ нижнемъ этажѣ кремлевскаго дома, гдѣ помѣщался архивъ, такъ что, когда онъ былъ переведенъ, въ 1762 году, въ нанятый для него домъ ростовскаго подворья на Варваркѣ, то коллегія иностранныхъ дѣлъ предписала събрать въ девяти сундукахъ остатки, изъ которыхъ (какъ сказано въ пред-

писаніи) «четыре сундука были съ листочками и отрывками отъ разныхъ столбцовъ, гнилыми и грязью слѣпленными», а все остальное состояло «изъ одной гнили, которая лопатами сгребена и въ тѣ сундуки складена». Только съ 1766 года, съ назначеніемъ управляющимъ архивомъ знаменитаго исторіографа Миллера, наступила для него новая эра. По ходатайству Миллера для архива былъ купленъ домъ князя Голицына, близъ Покровки, у Ивановскаго монастыря, заведена типографія для печатанія важнѣйшихъ актовъ, и назначенъ составъ дѣльныхъ и образованныхъ служащихъ, при содѣйствіи которыхъ Миллеръ и занялся приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ архива. Но особенныя услуги оказалъ архиву управлявшій имъ съ 1783 по 1814 годъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій, разобравшій тщательно всѣ древнія и старыя дѣла и составившій имъ реестръ. Черезъ столѣтіе, постоянный приливъ новыхъ дѣлъ и документовъ до такой степени стѣснилъ архивъ, что, въ 1876 году, для него было приобретено огромное и прекрасное зданіе на Воздвиженкѣ, передѣланное и устроенное согласно всѣмъ требованіямъ для подобнаго учрежденія, и не уступающее, по роскоши и удобствамъ, лучшимъ архивамъ Европы. Въ настоящее время комиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ издала краткое описаніе архива, снабдивъ его превосходно исполненными фототипіей видами зданія и залъ архива и снимками съ вѣкоторыхъ хранящихся въ немъ документовъ, рукописей и печатей. Изъ нихъ особенно любопытны первая договорная грамота Новгорода съ великимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ 1265 года, записная яечная сборная книга 1715 года, писанная на берестѣ, грамота англійскаго короля Іакова I царю Михаилу Теодоровичу 1623 года, грамота шведскаго короля Карла XII, подтверждающая мирные договоры съ Россіей 1661 — 1699 годовъ, и снимки съ печатей разныхъ государей, русскихъ и иностранныхъ.

С. Ш.

Фельдмаршалъ графъ В. П. Шереметевъ. Военно-походный журналъ 1711 и 1712 гг. Изданіе военно-ученаго комитета главнаго штаба. Подъ редакціей полковника А. З. Мышлаевскаго. Спб. 1898.—Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Выпускъ XII. Война съ Турціей 1711 г. (Прутская операція). Генеральнаго штаба полковникъ А. З. Мышлаевскій, экстра-ординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Спб. 1898.

Печальный по своимъ результатамъ прутскій походъ 1711 года, которымъ занимался цѣлый рядъ историковъ какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, не можетъ быть признанъ изслѣдованнымъ разносторонне. Работавшіе до сихъ поръ надъ этимъ вопросомъ историки, не исключая и Соловьева, не имѣли въ виду довольно значительнаго, существеннаго матеріала, хранившагося въ архивахъ государственномъ, главнаго штаба, императорской публичной бібліотеки и др. Полковникъ А. З. Мышлаевскій, поставившій задачей своего изслѣдованія этотъ походъ, нашелъ массу новаго архивнаго матеріала, имѣющаго очень важное значеніе для всесторонняго освѣщенія вопроса. Матеріаль этотъ онъ счелъ нужнымъ напечатать раньше его обработки и потому издалъ его въ

видѣ двухъ книгъ, заглавіе которыхъ мы привели выше. Военно-походный журналъ 1711 и 1712 годовъ состоитъ изъ двухъ частей: изъ собственнаго журнала графа Шереметева, съ 25 января 1711 г. по 12 ноября 1712 г., и черновыхъ копій исходящихъ бумагъ генерала Вейде, съ декабря 1711 г. по мартъ 1712 г. Дневникъ этотъ, снабженный именованнымъ указателемъ, имѣетъ несомнѣнное значеніе, какъ источникъ для біографіи фельдмаршала графа Б. П. Шереметева, и представляетъ особенную цѣнность для исторіи второй турецкой войны при Петрѣ Великомъ, для характеристики русско-польскихъ отношеній, канцелярско-бюрократическихъ порядковъ того времени, по исторіи иноземцевъ, исторіи войсковыхъ частей и т. д. Много любопытнаго матеріала заключаетъ въ себѣ дневникъ для выясненія вопроса о продовольствіи войскъ въ эту кампанію, вопроса, являющагося наиболѣе темной стороной этой операціи. Въ дневникѣ же находимъ объясненіе той медленности движенія фельдмаршала въ то время, когда форсировка похода была крайне необходима, такъ какъ царь настойчиво требовалъ возможно болѣе скорого приближенія къ волюшскимъ границамъ. Краткія отмѣтки журнала о состояніи погоды разъясняютъ это важное недоразумѣніе. Общая совокупность ихъ производитъ удручающее впечатлѣніе: дождь, снѣгъ, бездорожье, полная распутица, а затѣмъ разлитіе рѣкъ—вотъ тѣ условія, при которыхъ пришлось передвигаться арміи. Для исхода прутской операціи это обстоятельство имѣло роковое значеніе: по независѣвшимъ ни отъ кого обстоятельствамъ было потеряно время, которымъ не преминули воспользоваться турки, успѣвши предупредить Петра на Дунаѣ.

Въ книгу, изданную г. Мышлаевскимъ подъ заглавіемъ «Война съ Турціей 1711 г.», вошли отдѣльные документы, относящіеся къ этой войнѣ, которые издатель разбилъ, по ихъ содержанію, на нѣсколько отдѣловъ. Сюда вошли появляющіеся впервые въ печати указы Петра Великаго, постунавшія къ нему донесенія, а также письма, которыми обмѣнивались между собой участники похода. Эта часть документовъ составляетъ главное содержаніе сборника. Затѣмъ, сюда же включены показанія дезертировъ и плѣнныхъ, донесенія корреспондентовъ, реляціи, приказы по арміи, инструкціи, постановленія военныхъ совѣтовъ, вѣдомости о состояніи войсковыхъ частей, отчеты по продовольственной части и т. п. Документы расположены въ хронологическомъ порядкѣ и напечатаны вполне научно. Какъ видно изъ предшествующаго матеріала предисловія, г. Мышлаевскій предполагаетъ въ непродолжительномъ будущемъ напечатать такимъ же образомъ документы, имѣющіе отношеніе къ данному вопросу и хранящіеся въ московскихъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, юстиціи и главнаго штаба. Судя по ссылкамъ у Соловьева, матеріалы эти должны быть значительны, хотя, какъ уже использованные, будутъ, вѣроятно, имѣть менѣе научной цѣнности, нежели тѣ, которые помѣщены въ изданныхъ теперь г. Мышлаевскимъ сборникахъ. В. В.

Вл. Череванскій. Двѣ волны. Историческая хроника. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1898.

Авторъ поставилъ себѣ задачей охарактеризовать параллельно два важныхъ историческихъ движенія народовъ, «двѣ волны», изъ которыхъ одна шла съ востока и «навела на русскую землю монголовъ и исламитянъ», а другая идетъ съ запада и привела къ утверженію русскаго владычества у Тихаго океана и въ центральной Азій. Собственно, больше всего отведено мѣста первому движенію: ему посвященъ весь первый томъ и 18 главъ втораго, тогда какъ обратное движеніе Россіи въ Азію представляется только въ 8 послѣднихъ главахъ втораго тома. Такая неравномѣрность въ распредѣленіи матеріала объясняется отчасти слѣдующимъ соображеніемъ автора: Россіи открывается «широкій просторъ въ Азій для просвѣтительной миссіи. Нельзя, впрочемъ, отрицать, что среднеазиатскія осѣдлыя страны были, и до пріхода къ нимъ русскіхъ людей, богаты низшими и высшими школами, но ученіе ихъ, благодаря совершенному невѣжеству послѣдователей Пророка, продолжаетъ оставаться въ состояніи нетронутаго младенчества. Ученіе это ожидаетъ отъ русскаго наставника коренной переработки и приведенія его въ осмысленное состояніе. Прежде, однако, чѣмъ подвинуть впередъ эту задачу, необходимо, чтобы и сами насадители культуры ознакомилсь, возможно подробнѣе, съ происхожденіемъ чингисидовъ и тимуридовъ, съ ихъ историческимъ ростомъ, съ ихъ восхожденіемъ къ зениту славы и съ причинами утраты ими мірового значенія». Очень много для достиженія этой цѣли уже сдѣлано нашими учеными учрежденіями и отдѣльными лицами, однако, какъ вполне справедливо замѣчаетъ авторъ, и «достигнутые ими результаты оставляютъ все еще не мало пробѣловъ, ожидающихъ пополненія, хотя бы и скромными бытописателями». Такимъ пробѣломъ, между прочимъ, авторъ считаетъ «совершенное отсутствіе у насъ систематическаго повѣствованія о родоначальникахъ чингисидовъ и тимуридовъ, и ихъ главныхъ сподвижниковъ, въ обстановкѣ, соответственной времени ихъ жизнедѣятельности». Этотъ пробѣлъ намѣренъ восполнить авторъ своей книгой, которая такимъ образомъ должна быть сводомъ того, что сдѣлано наукой по изслѣдованію азіатской исторіи. Свои источники авторъ перечисляетъ въ предисловіи и въ послѣдствіи «не дѣлаетъ на нихъ ссылки и не приводитъ ихъ въ особомъ спискѣ, желая тѣмъ придать своему труду удобочитаемость и отстранить отъ него требованія строгаго историческаго характера». Какъ сочиненіе популярное, предназначаемое для публики, книга г. Череванскаго вполне удовлетворяетъ своему назначенію. Авторъ знакомитъ читателей съ однимъ изъ замѣчательныхъ и любопытныхъ явленій въ исторіи въ живой формѣ, присоединяя къ историческимъ фактамъ свои личныя наблюденія и впечатлѣнія. Прекрасное изложеніе дополняется множествомъ талантливыхъ иллюстрацій Н. Н. Каразина. Вообще, книга г. Череванскаго и читается, и смотрится съ большимъ интересомъ.

В. М.

Ө. Шеляговскій. Паденіе Константинополя. Историческій очеркъ. Спб. 1898.

Во введеніи къ своему историческому очерку о паденіи Константинополя (стр. 3—8) г. Шеляговскій говоритъ о послѣдствіяхъ этого событія для Европы и указываетъ его причины. Главную изъ послѣднихъ онъ усматриваетъ въ безучастномъ отношеніи Западной Европы къ продолжительной и упорной борьбѣ Византіи съ турками и нежеланіи оказать грекамъ необходимое содѣйствіе въ ихъ неравномъ бою съ могущественнымъ и фанатичнымъ врагомъ. Что касается самаго очерка о паденіи Константинополя (стр. 9—144), то здѣсь ведется послѣдовательный разсказъ о послѣднихъ временахъ существованія Византійской имперіи, начиная съ 1426 года вплоть до разграбленія Константинополя послѣ его паденія 29-го мая 1453 года. Авторъ слѣдитъ за всѣми обстоятельствомъ борьбы грековъ съ турками за это время, характеризуетъ послѣдняго византійскаго императора Константина XI и его противника, турецкаго султана Магомета II, описываетъ военные успѣхи турокъ въ войнѣ съ греками и съ большою подробностью ведетъ рѣчь объ осадѣ Константинополя турками, защитѣ этого славнаго города со стороны грековъ, подъ руководствомъ императора Константина, паденіи его подъ ударами мусульманскаго оружія и полнымъ разграбленіи.

Словъ нѣтъ, паденіе Константинополя въ 1453 году есть событіе въ высокой степени важное по своимъ послѣдствіямъ и трагическое. Разсказъ объ этомъ событіи представляетъ немалый интересъ, особенно для русскаго читателя, въ силу тѣсной исторической связи Византіи съ Русью, а также—почти полной у насъ неизвѣстности ея исторической судьбы. Разсказъ г. Шеляговскаго, поэтому, до нѣкоторой степени отвѣчаетъ потребностямъ русскаго читателя и въ то же время служитъ выраженіемъ возникшаго въ послѣднее время и у насъ стремленія къ ознакомленію съ исторіей родственной намъ Византіи. Но тѣмъ не менѣе онъ не представляется намъ удовлетворительнымъ, съ какой бы точки зрѣнія его ни разсматривать. Прежде всего, историческій разсказъ г. Шеляговскаго нельзя отнести къ произведеніямъ научнымъ, такъ какъ онъ не обладаетъ никакими признаками «ученаго аппарата». Въ текстѣ разсказа и въ предисловіи къ нему нѣтъ никакихъ указавій на литературу предмета, не замѣтно самостоятельнаго и критическаго ея изученія, нѣтъ и яснаго формулированія задачи и метода ея осуществленія и т. д. А если очеркъ г. Шеляговскаго не имѣетъ и признаковъ научности, то онъ не удовлетворителенъ, далѣе, и какъ популярная работа. Дѣло въ томъ, что популярность и научность литературнаго произведенія должны совмѣщаться въ немъ логически и неразрывно. Только та популярная работа полезна, которая создается на основѣ научной, а съ другой стороны, не имѣетъ никакой цѣли тотъ якобы историческій популярный трудъ, который распространяетъ въ читающемъ обществѣ неправильныя знанія. Поэтому всякій составитель популярной книги (исторической, въ частности) долженъ предварительно изучить относящуюся къ его предмету ученую литературу, если не желаетъ пускаться въ оборотъ устарѣлыя и ложныя свѣдѣнія, и обязанъ составлять свое произ-

ведение на научной основѣ. Тѣмъ болѣе это приложимо къ византійской исторіи, которая въ послѣднее время разрабатывается весьма успѣшно: въ этой области ужь никакъ нельзя пробавляться давно отжившими взглядами. Между тѣмъ «историческій очеркъ» г. Шеляговскаго весьма во многомъ грѣшитъ противъ научно-исторической правды. Такъ, въ предисловіи къ очерку авторъ весьма односторонне выясняетъ причины паденія Константинополя, усматривая ихъ въ несочувственномъ отношеніи къ бѣдствующей Византіи со стороны Западной Европы и ничего не говоря о внутреннихъ причинахъ, приведшихъ греко-восточную имперію къ гибели. На первой же страницѣ своего очерка авторъ допускаетъ историческую неправоудность. Византійскій императоръ Мануилъ II скончался 21-го іюля 1425 года, а не въ 1426 году, какъ пишетъ г. Шеляговскій. Его сынъ, Дмитрій, не получилъ отъ отца никакого удѣла, а между тѣмъ г. Шеляговскій надѣлилъ его цѣлою областью на берегу Мраморнаго моря. Невѣрно г. Шеляговскій указываетъ удѣлы и другихъ сыновей Мануила II. Преемника Мануила II на византійскомъ престолѣ императора Іоанна VIII нашъ авторъ называетъ Іоанномъ VI и говоритъ, что онъ скончался въ 1449 году, тогда какъ онъ умеръ годомъ раньше. Допускаются ошибки и въ біографическихъ свѣдѣніяхъ объ извѣстномъ византійскомъ писателѣ Георгіи Франдзін (стр. 11). Вообще, въ историческомъ очеркѣ г. Шеляговскаго очень мало истинно-историческаго элемента, поэтому не будетъ погрѣшности отнести эту работу къ той псевдо-исторической и якобы популярной литературѣ, которая теперь нынѣ расцвѣла у насъ на Руси, и которая приноситъ русскому читающему обществу лишь одинъ вредъ.

Въ приложеніи къ очерку г. Шеляговскаго (стр. 147—160) помѣщена статья г. Евстаѳія Воронца подъ заглавіемъ: «Кто наследовалъ права византійскихъ императоровъ?» Въ заключеніи ея сообщается, что какъ съ родовой, такъ и съ политической стороны, какъ самими русскими царями и народомъ, такъ и всѣми государствами Европы, единственными наследниками Византіи и византійскихъ императоровъ признаны русскіе цари и Россія, и никто иной, и что никогда ни народъ, ни цари русскіе не отшатывались отъ торжественно и предъ всѣмъ міромъ унаследованныхъ ими правъ византійскихъ императоровъ. Статья читается съ интересомъ и написана не безъ литературно-историческихъ справокъ по указанному вопросу. Σ.

Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый Археологическимъ институтомъ. Выпускъ X. Спб. 1898.

Названный органъ С.-Петербургскаго Археологическаго института издается съ 1895 года, подъ редакціей его директоровъ; предпоследній выпускъ «Вѣстника» появился въ свѣтъ въ 1892 г., т. е. за 6 лѣтъ до выхода нынѣшняго—десятаго.

Во главѣ «Вѣстника» помѣщенъ біографическій очеркъ А. Н. Труворова, составленный г. С. Петерерскимъ. Съ основными чертами біографіи А. П. Труворова многіе освѣдомлены по некрологамъ, и къ этимъ свѣдѣніямъ г. С. Петерерскій добавляетъ очень немногое, да и то принадлежитъ къ области пане-

гирической литературы, съ свойственными послѣдней преувеличеніями. Подборъ 5.500 разрозненныхъ столбцевъ изъ дѣла Шаковитаго безусловно тяжелый и кропотливый трудъ, но, вспоминая неоднократныя заявленія нашего учителя проф. Е. Е. Замысловскаго о неправильности прочитанныхъ А. Н. Труворовымъ многихъ мѣстъ и лично не разъ наткнувшись на многія недоразумѣнія при составленіи предметныхъ указателей ко всѣмъ 4-мъ томамъ дѣла О. Шаковитаго (г. Перетерскій неправильно всѣ указатели приписываетъ А. Н. Труворову), мы вполне согласны и съ Е. Е. Замысловскимъ и нѣкоторыми другими компетентными лицами, что дѣломъ Шаковитаго въ чтеніи А. Н. Труворова нужно пользоваться съ большою осторожностью.

Кромѣ этого труда и нѣсколькихъ указателей, приводимыя составителемъ біографическаго очерка статьи А. Н. Труворова суть или небольшіе отрывки матеріаловъ, или историко-археологическаго характера замѣтки (напримѣръ, «О саняхъ», «Алахъ», «Волхвы и ворожеи въ концѣ XVII в.»), которыя имѣютъ очень малое значеніе, а первыя двѣ даже не лишены серіозныхъ ошибокъ.

На стр. 5 г. С. Перетерскій свидѣтельствуетъ, что А. Н. Труворовъ состоялъ въ числѣ преподавателей института съ 1886 г. Правда, въ этомъ году онъ вмѣстѣ съ П. И. Василевымъ былъ приглашенъ для чтенія и разбора древнихъ актовъ, но въ этомъ же году и закончились его названныя занятія. Затѣмъ, по смерти П. Е. Андреевскаго (1891 г.) онъ взялъ на себя «Науку объ археографіи», но объ этомъ лучше бы и не упоминать: многіе помнятъ, что она «наука» состояла въ чтеніи по нѣскольку страничекъ изъ небольшого руководства по археологіи г. Вѣляева. Не слѣдуетъ также придавать серіознаго значенія и увеличенію числа слушателей института. Наконецъ, вѣроятно, и самъ авторъ признаетъ, что нельзя исключить изъ ряда хвалебной литературы и тѣ 7 стр. (изъ всѣхъ 12), гдѣ говорится объ юбилеѣ А. Н. Труворова, со всѣми рѣчами, и о похоронахъ, изложеніе которыхъ сопровождается прямо восторженными словами г. Перетерскаго, обращающаго особенное вниманіе читателей на то, что «крестьянинъ по рожденію умираетъ тайнымъ совѣтникомъ, обильно украшеннымъ орденами» (стр. 12).

Слѣдующая статья—«Памяти Ѳ. П. Буслаева»—принадлежитъ Н. В. Покровскому и вкратцѣ излагаетъ заслуги покойнаго въ области художественной археологіи. За нею идутъ двѣ небольшія статьи проф. А. И. Соболевскаго: «Изъ исторіи русской переводной литературы» (говорится о русскихъ переводахъ «Кормчей» XIII в., «прещисанной» св. Саввою, макавейскихъ книгъ съ латинскаго и книги Эсэври съ греч. яз.) и «Гдѣ написаны кіевскіе глаголическіе отрывки?» (отвѣтъ автора—«въ Польшѣ писцомъ полякомъ»).

Далѣе помѣщена довольно обширная статья А. И. Воронова—«Къ вопросу о положеніи архивнаго дѣла во Франціи». Авторъ принадлежитъ къ числу молодыхъ преподавателей института и сообщаетъ свѣдѣнія слушателямъ его преимущественно объ «Описаніяхъ» русскихъ архивовъ. Названная его статья едва ли не первое сообщеніе о положеніи архивовъ за границей, вызванное поѣздкою автора во Францію. Благодаря нѣкоторому знакомству съ литературою о французскихъ архивахъ, которая приводится въ «прило-

женіи [], и «нѣкоторымъ личнымъ надблюденіямъ» автора, она можетъ считаться одною изъ обстоятельныхъ и даже руководящею, въ виду отсутствія въ нашей литературѣ свѣдѣній о французскихъ архивахъ, кромѣ краткихъ сообщеній въ лекціяхъ П. Е. Андреевскаго.

Послѣ этой «архивной» статьи нашла себѣ мѣсто въ «Вѣстникѣ» вступительная лекція еще очень молодого ученаго, г. А. Погодина — «Изъ древнѣйшей исторіи литовскаго племени». Затѣмъ г. А. Никольскій сообщилъ «Описание семи новгородскихъ соборовъ по списку XVI в. с.-петербургской библиотеки святѣйшаго синода» (въ подлинникѣ) и «Новое, неизвѣстное въ печати чудо преподобнаго Варлаама Хутынскаго», болѣе пригодное, по нашему мнѣнію, для «Христіанскаго Чтенія» или «Странника».

Не безъ интереса прочли мы послѣ предыдущихъ статей статью г. Гусева: «Новгородская икона святыхъ Бориса и Глѣба, въ дѣянiяхъ». Авторъ совершенно справедливо говоритъ, что отдѣлъ объ иконахъ, въ дѣянiяхъ или чудесахъ, очень мало разработанъ; въ началѣ изложенія онъ знакомитъ читателя съ «исторіей возникновенія и постепеннаго развитія иконъ, въ дѣянiяхъ и чудесахъ», конечно, вкратцѣ, и затѣмъ переходитъ къ самой иконѣ, при чемъ удачно отмѣчаетъ всѣ появляющіяся въ ней мѣстами особенности русскаго быта. Въ текстѣ помѣщено 15 рисунковъ, что еще болѣе оживляетъ статью.

Этимъ и исчерпывается заготовленное за 6 лѣтъ содержаніе десятого выпуска «Вѣстника археологiи и исторiи», если не считать заключительной замѣтки на 1^{1/2} стр. г. А. С. о неважныхъ и запоздавшихъ сообщеніемъ «Находкахъ 1896 г. близъ села Большева Московскаго уѣзда». Изъ числа 10-ти его статей—двѣ, какъ мы видѣли, относятся къ церковной археологiи, двѣ къ области палеографiи, одна къ наукѣ объ архивахъ, а остальные, представляющія сырой матеріалъ, довольно затруднительно подогнать подъ какой либо рангъ. Собственно же археологическихъ и историческихъ статей, ожидаемыхъ въ «Вѣстникѣ археологiи и исторiи», не имѣется. Въ совершенно «чистую» отсутствуетъ и библиографія историко-археологическая, которая, по нашему мнѣнію, должна занимать въ «Вѣстникѣ» почетное мѣсто, отводимое ей прежде Н. В. Калачовымъ и особенно П. Е. Андреевскимъ. Неужели новый директоръ раздѣляетъ хорошо извѣстную намъ нелюбовь къ библиографіи своего предшественника?

Т. Рибо. Философія Шопенгауера. Переводъ съ пятого французскаго изданія М. Суперанскаго. Спб. 1898.

Въ исторіи мысли Шопенгауеръ извѣстенъ, какъ одинъ изъ наиболѣе оригинальныхъ философовъ воли и убѣжденныхъ проповѣдниковъ буддiйской морали. Въ настоящемъ очеркѣ Т. Рибо, извѣстный русскою публікѣ по многимъ переводамъ его трудовъ философскаго и психологическаго содержанія, даетъ живое и остроумное изложеніе шопенгауеровской метафизики природы, красоты и нравовъ, предпославъ ему краткія, но характерныя свѣдѣнія о жизни и пріемахъ творчества пессимиста-философа. Въ заключительныхъ критическихъ

замѣчаніяхъ о главныхъ пунктахъ его метафизики: теоріи воли, идеализма, эстетики и т. д., ученый популяризаторъ пытается установить научную точку зрѣнія на пессимистическую концепцію міра. Признанная Шопенгауеромъ универсальнымъ принципомъ философіи воля болѣе всего соответствуетъ современному понятію силы, въ самомъ общемъ смыслѣ. Метафизика Шопенгауера не имѣетъ другой основы, кромѣ доведеннаго до крайности заключенія по аналогіи; крайній субъективизмъ и злоупотребленіе гипотезой—ея главнѣйшіе недостатки. Его идеализмъ, въ которомъ воспроизводятся идеи Канта и Беркли—наименѣе оригинальная часть доктрины. Его эстетика терается въ облакахъ апіорной дедукціи: «она такъ проникнута желаніемъ возвысить искусство, сдѣлать изъ него нѣчто сверхъестественное, сверхчеловѣческое, что оканчивается созданіемъ чего-то совершенно другого, чѣмъ искусство... Искусство—это предметъ роскоши, нѣмцы же сдѣлали изъ него религію, и ихъ художники солидарны съ теоретиками». Въ морали выразился характеръ Шопенгауера «больше, чѣмъ въ чемъ либо другомъ»; его доктрина представляетъ превосходный примѣръ исполнѣ субъективной метафизики, которая является живымъ отраженіемъ личнаго настроенія. Въ «царство блага», — говоритъ Шопенгауеръ, — воля избираетъ путь самоотрицанія, которое начинается познаніемъ, оканчивается аскетизмомъ и приходитъ къ полному освобожденію, къ Нирванѣ: «человѣкъ-освободитель всей остальной природы, которая ждетъ отъ него своего искупленія: онъ священникъ и жертва въ одно и то же время». Въ общественномъ смыслѣ пессимизмъ Шопенгауера и его учениковъ представляетъ реакцію противъ ходячаго мнѣнія, излишекъ оптимизма котораго свидѣтельствуетъ только о недостаткѣ рефлексіи. Какъ всякая реакція, онъ зашелъ слишкомъ далеко, представляя собою попытку введенія у насъ ученія буддійской Нирваны. Несмотря на всѣ недостатки доктрины Шопенгауера, «философія всегда будетъ видѣть въ немъ одного изъ главныхъ теоретиковъ понятія силы, которую подъ названіемъ «воли» онъ поставилъ во главѣ вещей». Не лишень оригинальности взглядъ Шопенгауера на исторію. По его мнѣнію, она не можетъ быть причисленной къ научнымъ дисциплинамъ, потому что ей не достаетъ основного характера науки—субординаціи фактовъ и предметовъ. Исторія говоритъ не о видахъ, но объ индивидуумахъ; она изслѣдуетъ конкретное, а не общее; различіе между умами философскими и умами историческими состоитъ въ томъ, что первые желаютъ углубиться въ настоящее, изучить въ немъ все существенное въ жизни человѣка и природы, вторые считаютъ безъ конца, показываютъ одно и то же въ сложныхъ и безконечныхъ измѣненіяхъ нѣкоторой постоянно дѣйствующей и неизмѣнной сущности. *Eadem, sed aliter*—то же, да иначе,—таковъ девизъ исторіи. Какъ видимъ, крайній субъективизмъ Шопенгауера выразился и въ его взглядахъ на исторію, какъ науку. Русскій переводъ сдѣланъ вполне удачно.

И. И.

«Міръ искусства». Художественный журналъ. Изд. кн. М. Те-нишевой и С. Мамонтова. № 1 и 2. Москва. 1899.

Подъ такимъ названіемъ вышелъ въ свѣтъ новый журналъ, началъ свою дѣятельность новый работникъ на поприщѣ служенія искусству. Его направленіе и тенденціи обрисовываются весьма характерно съ первыхъ же страницъ, въ статьяхъ редактора журнала г. Дягилева. Первая его статья, подъ заглавіемъ «Нашъ мнимый упадокъ», посвящена вопросу о существующемъ въ современномъ искусствѣ расколѣ и является защитой тѣхъ «новыхъ вѣяній», которыя извѣстны подъ собирательнымъ именемъ «декадентства». Это обстоятельство, разумѣется, сразу же опредѣляетъ характеръ журнала и указываетъ вамъ, какія именно идеи и принципы онъ намѣренъ развивать и отстаивать.

Свою защиту декадентства г. Дягилевъ начинаетъ съ признанія въ томъ, что взятая имъ на себя задача—не легка, ибо затрогиваемая имъ область «съ давнихъ лѣтъ состоитъ изъ ряда неразрѣшимыхъ дилеммъ и спутанныхъ вопросовъ». Но онъ все-таки беретъ за разрѣшеніе неразрѣшимаго. Въ интересахъ безпристрастности критики, считаю умѣстнымъ ознакомить читателя нѣсколько ближе съ содержаніемъ статьи г. Дягилева, которая, повидимому, есть «credo» новаго журнала.

«Не трудно отрицать,—говоритъ авторъ,—и въ этомъ мы достигли особенно тонкаго совершенства»... Направляя, очевидно, по адресу старой школы эту вполне здравую и справедливую мысль, г. Дягилевъ даетъ намъ право надѣяться, что самъ онъ, защищая новаторовъ, никоимъ образомъ не станетъ прибѣгать къ тому же оружію, т. е. къ отрицанію. Читая далѣе, приходится, однако, убѣдиться въ отсутствіи у автора логической послѣдовательности, въ полнѣйшемъ противорѣчій между указанной имъ точкою отправленія и дальнѣйшимъ развитіемъ его идей? Пронизывая надъ отрицаніемъ (и вполне справедливо), г. Дягилевъ самъ же начинаетъ съ отрицанія всего, что не входитъ въ туманную область декадентства. Спрашивается послѣ этого: по какому же праву самъ г. Дягилевъ пользуется оружіемъ, употребляетъ которое, по его же словамъ, могутъ лишь недостойные скептики? Въ отвѣтъ на такой, смѣю думать, вполне естественный вопросъ читаемъ: «мы больше и шире, чѣмъ кто-либо и когда либо, любимъ все, но видимъ все черезъ себя... Это выражаетъ лишь вѣчную любовь нашу все претворяетъ въ себя и видѣтъ лишь въ себѣ божественный авторитетъ для разрѣшенія страшныхъ загадокъ». (Курсивъ вездѣ мой). Отвѣтъ болѣе чѣмъ странный, и оправданіе близкое къ самообвиненію!

Во-первыхъ, если подъ словомъ «мы» слѣдуетъ подразумѣвать представителей декадентства, то пока ихъ «болѣе широкая» и вѣчная любовь ко всему еще ничѣмъ не выражена, за исключеніемъ развѣ голословнаго заявленія г. Дягилева. Во-вторыхъ, почему же декаденты могутъ видѣтъ лишь въ себѣ авторитетъ для разрѣшенія «неразрѣшимыхъ вопросовъ», да при томъ же еще и «божественный» авторитетъ? Вѣдь не путемъ же пророческаго откровенія дано имъ столь высокое и могущественное право? И, во всякомъ случаѣ,

такое беззащитное, развязное заявленіе о немъ — крайне невыгодная откровенность и далеко нелестная рекомендація «авторитетовъ». Наконецъ, какія же это такія «страшныя загадки»? Страшныя для кого? Если для декадентовъ, — то имъ и книги въ руки, пусть они и рѣшаютъ ихъ своей «божественной авторитетностью», для насъ же такія страшныя дилеммы, благодаря Бога, не существуютъ. Признаюсь, въ такихъ и такъ выраженныхъ идеяхъ сквозить вѣчто психонатологическое, превосходящее какой угодно «декадансъ»!

Но идемъ далѣе. Декаденты, по словамъ автора статьи, сумѣли «возвыситься до такой точки», съ которой они могутъ холодно взирать на прошлое... Они научились зорко видѣть все, сумѣли «нѣтливо прочесть всю книгу предшествовавшихъ имъ оплобокъ и рѣшились все переоцѣнить, открыто надсмѣяться»... Какъ дико слышать такія дерзко-хващливыя рѣчи изъ устъ лица, поставленнаго у руля серьезнаго по замыслу журнала! — «Мы ненавидимъ всѣхъ этихъ Пойнтеровъ, Тадемъ, Бугеро, Кабанелей, Лѣфевровъ, Семирадскихъ... Мы не достойны чести ни разбивать, ни ремонтировать величественныя колоннады этихъ мраморныхъ громад!» — Развѣ это не есть отрицаніе? И, притомъ, отрицаніе, высказанное въ столь блестящей формѣ?! «Упадка нѣтъ и быть не можетъ, потому что намъ не съ чего падать!.. Покажите намъ, дайте намъ этотъ храмъ!» Безспорно, — реплика эффектная и тенденціозная, но вѣдь это только слова, это опять таки сплошное отрицаніе. Но, спросимъ мы въ свою очередь, покажите же вы намъ «высоту» декадентства, покажите намъ его святѣлице? Гдѣ оно? Въ чемъ оно выражено? Назовите намъ имя, обезсмертившее декадентство и создавшее ему высоту? Укажите намъ на произведеніе декадентства, которое пользовалось бы извѣстностью ненавистныхъ вамъ, г. Дягилевъ, «всѣхъ этихъ» Пойнтеровъ, Тадемъ и Семирадскихъ? Но г. Дягилевъ не считаетъ нужнымъ обосновывать чѣмъ либо свои откровенія, онъ убѣжденъ, что проповѣдуемая имъ идея выше всякой критики. Такимъ образомъ, продолжая свое отрицаніе и крестовый походъ противъ старой школы, г. Дягилевъ упрямно скрываетъ отъ нашихъ взоровъ тѣ сокровищницы искусства декадентовъ, которыя затмили или должны затмить Тадемъ и Семирадскихъ. Полагаю, что изъ приведенныхъ выдержекъ читатель могъ составить вполне ясное и опредѣленное понятіе о тенденціяхъ новаго журнала и о степени логической послѣдовательности и литературной состоятельности его руководителя.

Вторая статья того же г. Дягилева — «Вѣчная борьба», еще лишній разъ подчеркиваетъ все выше сказанное и отгѣняетъ фізіономію журнала еще нѣсколькими характерными штрихами. Левъ Толстой оказывается «неблагодарнымъ служителемъ искусства», нанесимъ ему пощечину, а нездоровая, еще не переваренная фигура Чернышевскаго, социалистическія теоріи котораго, якобы, продолжаютъ вліять и нынѣ, — является яблокомъ раздора въ области художественныхъ учевій.

Затѣмъ русскому читателю предлагается очеркъ о норвежскомъ художникѣ г. Веренскіюльдѣ, который замѣчательнъ тѣмъ, что превосходно иллюстрировалъ норвежскія сказнія, и авторъ очерка сравниваетъ Веренскіюльда съ Рембрандтомъ... Этому, пожалуй, можно было бы повѣрить, ибо статья написана весьма восторженно (отчего же, въ самомъ дѣлѣ, и не повѣрить человѣку на

слово), но, къ сожалѣнію приложенные къ очерку рисунки того же г. Веренскіюльда доказываютъ совершенно обратное. Получается впечатлѣніе того, что статью писало одно лицо, а другое, на зло ему, напечатаło рисунки... Опять удивительная непослѣдовательность! Только очеркъ П. Д. Боборыкина, трактующій о положеніи художниковъ—пансіонеровъ за границей, является единственной статьей, написанной въ здоровомъ умѣ и не зараженной микробомъ декадентскаго витійства. Изъ рисунковъ въ журналѣ слѣдуетъ отмѣтить удачные снимки съ работъ В. Васнецова и пейзажиста г. Левитана. Что же касается отдѣльныхъ приложений, въ родѣ образчика пзразца г. Малютина и рисунковъ для маіолики К. Коровина, то это совершенно непонятная и бессмысленная мазня, вѣроятно, воплощеніе «страшныхъ загадокъ», разрѣшить которыя сумѣетъ, вѣроятно, «божественный авторитетъ» декадентовъ. Выпускъ журнала заканчивается замѣткой г. Мережковскаго о покойномъ Я. П. Полонскомъ и художественной хроникой. Г. Мережковскій преслѣдуетъ чисто декадентскую цѣль; онъ хочетъ доказать, что покойный поэтъ не то, чѣмъ казался «не посвященнымъ», что на «пыльномъ» лицѣ поэта были «дѣтскіе глаза, свѣтлые, холодные, какъ воды родника, осѣненного дремучими вѣтвями, прозрачно-зеленаго, сиящаго, котораго взоръ человѣческій никогда не видѣлъ и въ которомъ обитаетъ волшебный духъ страшнаго лѣснаго родника...» etc. Довольно и этихъ строкъ для каждаго, кто, если не видѣлъ, то хотя читалъ покойнаго Я. Полонскаго! Хроника носитъ тенденціозно-юмористическій характеръ, благодаря плохо скрываемой злостности, и не вяжется съ представленіемъ о серьезномъ художественномъ журналѣ.

Заканчивая рецензію, нельзя не пожалѣть о томъ, что люди, повидимому, интересующіеся искусствомъ, затрачиваютъ средства для того, чтобы давать возможность совершенно несостоятельнымъ ни въ художественномъ, ни въ литературномъ отношеніяхъ лицамъ высказывать печатно свои нелѣпыя мечтанія и, такимъ путемъ, вводить въ заблужденіе читателя, повѣрившаго подписи издателей и названію журнала. Декадентство едва ли выиграетъ отъ того, что будетъ имѣть свой журналъ, а искусство, о служеніи которому твердятъ всѣ толки художниковъ,—только потеряетъ... Быть можетъ, гг. декаденты настолько опередили насъ, что намъ не понять ихъ... Возможно, что ихъ поймутъ люди будущихъ столѣтій... Но пока мы знаемъ, что произведенія декадентовъ умираютъ, не успѣвъ еще просохнуть, а зритель, ищущій художественнаго наслажденія, находитъ въ декадентскомъ «творчествѣ» только отчаянную попытку выдѣлиться, создать новую красоту, не владея рисункомъ, говорить языкомъ красокъ, не понимая языка природы... Что будетъ со временемъ,—покажетъ будущее, а теперь живемъ мы, мы видимъ—мы и высказываемъ свое сужденіе.

Г. Эрстовъ.

Kraushar Alexander. Bourbonni na wygnaniu w Mitawie i Warszawie. Szkic historyczny (1798—1805). Съ иллюстраціями. Варшава. 1899.

Передъ нами новое помѣченное уже наступающимъ годомъ произведеніе неутомимаго историка «русско-польскихъ отношеній» (какъ назвалъ г. Краус-

гара одинъ изъ русскихъ журналовъ). Оно посвящено исторіи пребыванія Людовика XVIII въ изгнаніи—въ Митавѣ и Варшавѣ. Нѣтъ словъ, что пребываніе «потерпѣвшихъ крушеніе» Бурбоновъ въ 1798 — 1805 г. г. и въ Митавѣ, и въ Варшавѣ не имѣло никакаго ни политическаго, ни общественнаго значенія, но г. Краусгаръ, съ ловкостью опытнаго повѣствователя, воспользовался всѣми данными, касающимися пребыванія изгнанниковъ въ бывшихъ столицахъ—курляндской и польской. Собранный, по обыкновенію, множество интереснаго, но въ то же время мало извѣстнаго матеріала, авторъ связалъ его одною нитью разсказа, который читается до конца съ неослабывающимъ интересомъ. Особенность новаго труда г. Краусгара составляетъ обиліе рисунковъ: портретовъ, видовъ, мѣстностей, рисунковъ зданій, замковъ, дворцовъ, заимствованныхъ изъ мѣстныхъ и заграничныхъ галлерей, а также изъ собраній частныхъ лицъ. Положительно можно сказать, что авторъ иллюстрируетъ каждое свое слово рисункомъ... Почти всѣ лица, фигурирующія въ его разсказѣ, имѣютъ въ книгѣ свои портреты, а мѣстности и зданія—свои изображенія. Книгу украшаетъ также портретъ и автографъ талантливаго автора.

Г. А. Воробьевъ.

Portraits et tableaux appartenant aux Archives principales de Moscou du ministere des affaires etrangeres. Avec 18 planches phototypiques. Moscou. 1898.

Въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ находится около двухсотъ портретовъ и картинъ, представляющихъ большой интересъ. Почти всѣ они пожертвованы разными лицами и могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ: особы царской фамиліи, иностранные государи и принцы, начальники и чины министерства иностранныхъ дѣлъ, послы и консулы, историческіе дѣятели, выдающіяся женщины. Въ числѣ этихъ портретовъ есть много очень рѣдкихъ и замѣчательныхъ по живописи. Въ настоящее время архивъ приступилъ къ изданію принадлежащихъ ему портретовъ, въ уменьшенныхъ фототипическихъ снимкахъ, за что ему, конечно, будутъ благодарны не только собиратели и любители иконографіи, но и всѣ занимающіеся русской исторіей. Въ первомъ выпускѣ, на 18 листахъ, помѣщены 58 портретовъ и 6 картинъ, и среди нихъ встрѣчается много такихъ, которые до сихъ поръ еще не были воспроизведены ни въ гравюрѣ, ни въ литографіи. Особенный интересъ представляютъ портреты Бориса Годунова и Василя Шуйскаго, Волынскаго, графа П. А. Остермана, Колычева, барона Будберга, Дивова, Сенявина, Булгакова, Лашкарева, Муханова, князя М. А. Оболенскаго и др. Изъ остальныхъ рисунковъ весьма любопытны копія съ двухъ картинъ В. В. Шереметева, изображающихъ домъ и дворъ посольскаго приказа въ XVII столѣтіи, и копія съ картины, на которой представленъ приѣмъ императрицей Екатериной II графа А. П. Бестужева-Рюмина, по возвращеніи его изъ ссылки. Фототипии превосходно исполнены въ извѣстной художественной мастерской Шерера и Набольца въ Москвѣ. Мы увѣрены, что, вмѣстѣ съ нами, многіе любители и занимающіеся отечественной исторіей будутъ съ нетерпѣніемъ ожидать дальнѣйшихъ выпусковъ этого превосходнаго изданія.

С. Ш.

**Труды Черниговской губернской архивной комиссіи. 1897—1898 г.
Выпускъ первый. Черниговъ. 1898.**

Вопросъ объ учрежденіи въ Черниговѣ ученой архивной комиссіи поднимался еще въ 1890 году, но осуществленіе его стало возможнымъ лишь съ половины 1895 года, когда за это дѣло взялся черниговскій губернаторъ Е. К. Андреевскій. Благодаря его трудамъ, 16-го марта 1896 года комиссія была утверждена министромъ внутреннихъ дѣлъ и 15-го іюня 1897 года открыла свои дѣйствія. Съ этого времени по январю 1898 года она имѣла уже 5 засѣданій и надняхъ выпустила въ свѣтъ небольшой (68+48 стр.) томикъ своихъ «Трудовъ».

Эти «Труды», какъ указываетъ въ предисловіи редакторъ П. Тихановъ, распадаются и будутъ распадаться на два отдѣла: «первый предназначается исключительно для журналовъ засѣданій комиссіи, куда входятъ и небольшіе рефераты или доклады въ выдержкахъ; во второмъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться матеріалы, изслѣдованія и статьи по разнымъ вопросамъ исторіи, этнографіи или же вообще древностей, касающихся Черниговскаго края или сопридѣльныхъ съ нимъ областей».

Въ настоящемъ выпускѣ, въ первомъ отдѣлѣ мы находимъ прежде всего разсказанную на 26 страницахъ исторію учрежденія и открытія архивной комиссіи, и затѣмъ идутъ журналы засѣданій ея. Въ послѣднихъ мы видимъ, что члены комиссіи, во главѣ съ своимъ предсѣдателемъ графомъ Милорадовичемъ, идутъ правильнымъ, протореннымъ уже давно другими комиссіями путемъ, имѣя своею главною задачею ознакомленіе съ мѣстными архивами и обогащеніе собственнаго историческаго архива. Въ этомъ отношеніи ими уже приобретено нѣсколько рукописей, по преимуществу XVIII вѣка и начала XIX вѣка, отъ частныхъ лицъ, изъ мѣстныхъ архивовъ и С.-Петербургскаго сенатскаго, между прочимъ лѣтописецъ XVII вѣка, синодикъ начала XIX вѣка и другіе.

Другою, по нашему мнѣнію, также важнѣйшею задачею для членовъ комиссіи являются историческія розысканія, хотя бы уже на томъ одномъ основаніи, что губернскія архивныя комиссіи служатъ единственными мѣстными историческими обществами. Но для новыхъ историческихъ изслѣдованій необходимо прежде всего ознакомленіе съ сдѣланнымъ въ этомъ отношеніи прежними историками и изслѣдователями. И въ данномъ случаѣ нельзя не привѣтствовать счастливой попытки графа Милорадовича напечатать въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ «Трудовъ» указатель статей въ неофициальной части «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Къ этому намъ казалось бы небезполезнымъ прибавить совѣтъ— составить указатели статей о Черниговской губерніи и въ другихъ изданіяхъ: «Чтеніяхъ» московскаго общества исторіи и древностей, «Кіевской Старинѣ», «Періодическихъ сочиненіяхъ», издаваемыхъ департаментомъ министерства народнаго просвѣщенія, «Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и др. На этотъ путь уже вступили нѣкоторыя архивныя комиссіи.

Среди докладовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ, небезынтересными являются сообщенія П. Н. Тиханова: 1) О церкви черниговской колонія для малолѣтнихъ преступниковъ, преимущественно объ изображеніяхъ на царскихъ вратахъ ея четырехъ Евангелистовъ и мѣстномъ образѣ Александра Невскаго, и 2) О горѣ Брянска и его уѣзда.

Наконецъ, какъ читаемъ въ журналахъ засѣданій, комиссіей сдѣланы кое-какія пріобрѣтенія для музея и библиотеки.

Во второмъ отдѣлѣ «Трудовъ» помѣщены редактированныя и объясненныя г. Доброгаевымъ «Матеріалы для жизнеописанія св. Θεодосія, черниговскаго чудотворца», въ числѣ 27 документовъ: грамотъ Θεодосія и царей Иоанна и Петра, писемъ его и къ нему адресованныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны ранѣе въ другихъ изданіяхъ, а большинство появляется въ печати впервые. Очевидно, что эти «матеріалы» должны имѣть неоцѣненное значеніе для будущаго составителя полной біографіи святителя Θεодосія.

За «Матеріалами» напечатанъ еще бытовой и довольно интересный памятникъ — «вѣнцовый реестръ» или роспись приданого, полученнаго нѣкимъ офицеромъ за женою въ 1786 году. Сообщена роспись П. Тихановымъ.

Въ заключеніе нашего бѣлаго обзора первыхъ шаговъ дѣятельности Черниговской губернской ученой архивной комиссіи, позволяемъ себѣ привѣтствовать ея членовъ съ добрымъ починомъ и пожелать имъ дальнѣйшихъ и большіхъ успѣховъ.

В. Рудаковъ.

Сельская школа. Сборникъ статей С. А. Рачинскаго. Изданіе третье, дополненное. Спб. 1898.

Авторъ этой интересной книги, бывшій профессоръ Московскаго университета, С. А. Рачинскій, отличается замѣчательною скромностью: промѣнявъ, 17-ть лѣтъ тому назадъ, высокое званіе профессора на роль скромнаго сельскаго учителя и всецѣло отдавшись этому новому и крайне неблагодарному труду, онъ, время отъ времени, знакомилъ русскую читающую публику съ своею полезною и многотрудною дѣятельностью въ газетѣ покойнаго Аксакова «Русь» и другихъ изданіяхъ и, наконецъ, собравъ воедино свои «замѣтки о сельскихъ школахъ», издалъ ихъ отдѣльною книгою. Книга эта выдержала уже три изданія, а ея талантливый авторъ все еще какъ будто боится, чтобы его сужденія не приняли за авторитетное слово человѣка, власть имѣющаго, — и дѣлаетъ въ этомъ отношеніи нѣсколько оговорокъ въ самомъ началѣ книги, заявляя читателю, что статьи его «не составляютъ систематическаго цѣлаго, что возникли онѣ въ разное время, подъ впечатлѣніемъ минуты и написаны наскоро; что его сужденія о школьномъ дѣлѣ не могутъ отличаться многосторонностію, что его кругозоръ узокъ» и пр. и пр. Всѣ эти оговорки дѣлаютъ несомнѣнную честь скромности почтеннаго автора, не желающаго, очевидно, никому навязывать своихъ мнѣній о сельской школѣ, гдѣ онъ рѣшился учительствовать.

А между тѣмъ, мнѣнія эти заслуживаютъ глубокаго и внимательнаго изученія, такъ какъ высказываются человѣкомъ, рѣшившимся оставить солидное

и обеспеченное положеніе университетскаго профессора и отдать свои лучшіе годы воспитанію и обученію крестьянскихъ дѣтей, близко изучившимъ сельскую жизнь нашего труженика-крестьянина и его духовное міросозерцаніе, его горе и радости, его нужды и потребности... Благодаря книгѣ г. Рачинскаго, мы знакомимся, поэтому, не только съ сельскою школою, но и съ цѣлымъ бытомъ крестьянъ Смоленской губерніи, гдѣ протекаетъ труженическая жизнь и дѣятельность почтеннаго автора.

Мнѣнія г. Рачинскаго, какъ сельскаго педагога, отличаются не только совершеннымъ безпристрастіемъ, но и замѣчательною ясностью мысли и здравымъ смысломъ. Онъ, напримѣръ, очень вѣрно угадываетъ, къ какимъ именно школамъ лежитъ сердце русскаго мужика, что ему нравится въ его сынѣ, ученикѣ школы, и что претить ему и его пожеланіямъ и надеждамъ... Такъ, мы узнаемъ, что крестьяне отдають предпочтеніе школамъ церковно-приходскимъ и охотнѣе посылають туда своихъ дѣтей, такъ какъ они тамъ научатся, прежде всего, «божественному» — читать псалтирь, пѣть на клиросѣ, разбирать церковно-славянскую печать и пр. Затѣмъ, мы узнаемъ, что воспрославленная книга Ушинскаго «Родное слово», имѣвшая въ виду, собственно, учениковъ городскихъ училищъ, малополезна въ училищахъ сельскихъ, а книга гр. Л. Н. Толстого «Новая азбука» и его же «Книги для чтенія» воспринимаются учениками сельскихъ школъ несравненно легче и съ гораздо большею пользою, чѣмъ «Родное слово».

Въ книгѣ г. Рачинскаго изображены также различныхъ типовъ учителя — изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, въ уѣздныхъ и духовныхъ училищахъ и въ учительскихъ семинаріяхъ... Мы узнаемъ такъ же очень любопытныя вещи, напримѣръ, что ни дѣти въ школахъ, ни ихъ отцы, крестьяне, не понимаютъ и не перевариваютъ Некрасова, остаются равнодушны къ похождениямъ Чичикова и даже къ «Запискамъ охотника» (написаннымъ при крѣпостномъ правѣ, котораго ни дѣти, ни ихъ родители не знаютъ и не помнятъ). Но они зато съ захватывающимъ интересомъ знакомятся съ произведеніями Пушкина, въ особенности съ его сказками, а равно и съ нѣкоторыми стихотвореніями Жуковскаго и Лермонтова.

Попутно почтенный авторъ высказываетъ и многія инныя мысли и сужденія, съ которыми нельзя не согласиться. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ онъ о нашемъ сельскомъ духовенствѣ: «Да, священники наши плохи... Наше духовенство чахнетъ и гибнетъ, гибнетъ медленно, позорною смертію, похожею на самоубійство. Долго замкнутое въ строгую касту, оно постоянно выдѣляло и продолжаетъ выдѣлять изъ себя живыя силы, сохраняя въ своихъ нѣдрахъ лишь элементы слабые и косные, да тѣ немногія сильныя личности, въ которыхъ случайно призваніе совпало съ рожденіемъ» (стр. 39).

Или, напримѣръ, говоря о желаемомъ распространеніи у насъ приходскихъ школъ, С. А. Рачинскій находитъ, что это распространеніе будетъ, между прочимъ, «истиннымъ благодѣяніемъ для нашего духовенства. Жизнь нашихъ сельскихъ батюшекъ пуста. Лѣто у нихъ кое-какъ еще наполняется хозяйственными работами; но зимою самое добросовѣстное исполненіе службъ и требъ оставляетъ широкіе пробѣлы, поневолѣ наполняющіеся разѣздами по

гостямъ, игрою въ карты и пошлыми общественными развлечениями... Не говорю уже о тѣхъ печальныхъ случаяхъ, когда они наполняются пьянствомъ и развратомъ. Пора вытянуть ихъ изъ болота, затягивающаго ихъ» (стр. 52).

Но даже при помощи и такого духовенства, — замѣтимъ отъ себя, — теперешнія церковно-приходскія школы, получившія съ 1884 года правительственную регламентацію, а позднѣе нѣкоторыя средства и правильную организацію, сдѣлали и продолжаютъ дѣлать свою великую миссію просвѣщенія темнаго люда нашего отечества, т. е. деревенскаго населенія, въ особенности, въ такихъ селеніяхъ и деревняхъ, гдѣ нѣтъ ни министерскихъ, ни земскихъ школъ, весьма ограниченныхъ по своему числу. Нельзя, поэтому, не привѣтствовать того глубокаго и исключительнаго вниманія, которое обращено въ настоящее время на приходскія школы, какъ на дѣло первостепенной государственной важности, которому въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ суждено, повидимому, сыграть величайшую просвѣтительную роль для нашего народа, въ смыслѣ ознакомленія его съ истинными догматами православной церкви, уничтоженія въ немъ дикаго, сугубаго суевѣрія, а также въ дѣлѣ гуманнаго смягченія его грубыхъ нравовъ и его жестокосердія. И только лишь тогда, когда эти школы стануть внѣ всякихъ колебаній и случайностей, а ихъ направленіе и процвѣтаніе будутъ зависѣть не отъ чиновниковъ, дѣлающихъ карьеру, а отъ такихъ, беззавѣтно преданныхъ дѣлу, лицъ, какъ С. А. Рачинскій, судьба же ихъ станетъ неразрывно связана любовными узами съ самимъ народомъ, — только тогда приходская школа явится тѣмъ желаемымъ свѣточемъ въ исторіи просвѣщенія русскаго народа, какимъ она и должна бы быть въ дѣйствительности, но идеѣ ея устроителей и согласно тому идеалу, который рисуетъ намъ почтенный авторъ въ своей книгѣ.

И. Н. З.

Малый энциклопедическій словарь. Съ приложеніемъ краткихъ руководствъ по различнымъ отраслямъ знанія и словарей иностранныхъ языковъ. Выпускъ первый. А — Аюнь. Изданіе Брокгауза и Эфрона. Спб. 1898.

Успѣхъ большого энциклопедическаго словаря Брокгауза и Эфрона, который, несмотря на свою значительную стоимость (до 150 р.), уже потребовалъ втораго изданія нѣкоторыхъ томовъ, побудилъ издателей предпринять его сокращенное и удешевленное (18 руб.) изданіе, доступное для массы читателей. Мысль хорошая, такъ какъ, дѣйствительно, въ подобномъ словарѣ ощущается настоятельная потребность. Предшественники сокращеннаго словаря Брокгауза и Эфрона или устарѣли, какъ словарь Толя, или неудовлетворительны, какъ словарь Граната. Составленіе «малаго» словаря представляетъ гораздо болѣе трудностей, нежели составленіе большого. Здѣсь авторы статей, до крайности стѣсненные мѣстомъ, должны въ нѣсколькихъ строкахъ дать точное и ясное понятіе о предметѣ или лицѣ, о которомъ говорятъ. Въ данномъ случаѣ, работа значительно облегчалась тѣмъ, что въ распоряженіи издателей находился весь матеріалъ, вошедшій и заготовленный для большого словаря. Оста-

валось только умѣлой рукой сокращать его и исправлять вкрашіяся ошибки. Просматривая первый выпускъ «Малаго энциклопедическаго словаря» Брокгауза и Эфрона, заключающій въ себѣ букву А, мы, къ сожалѣнію, убѣдились, что русскій отдѣлъ его редактированъ весьма небрежно и наполненъ ошибками, промахами и пропусками. Для примѣра, возьмемъ, на выдержку, нѣсколько біографій русскихъ дѣятелей.

Въ біографіи правительницы Анны Леопольдовны сказано: «побуждаемая недовольнымъ регентомъ, Бирономъ, А. рѣшилась свергнуть его и сослать по суду». Фраза явно бессмысленная, и недоумѣніе читателя разрѣшится лишь въ томъ случаѣ, если онъ догадается, что Анна Леопольдовна свергнула Бирона, побуждаемая не имъ самимъ, а недовольствомъ противъ него. При перечисленіи Апраксиныхъ не указано (какъ это сдѣлано въ большомъ словарѣ), что братья царицы Марѣы Матвѣевны, Петръ и Ѳеодоръ, были возведены въ графское достоинство и вслѣдствіе этого являются родоначальниками особой, графской вѣтви Апраксиныхъ. При перечисленіи Архаровыхъ, сказано: «Иванъ Петровичъ, командиръ московскаго гарнизоннаго баталіона, прозваннаго архаровцами за исключительно суровую вымуштрованность». Изъ этихъ словъ можно заключить, что Иванъ Петровичъ Архаровъ былъ совершенно ничтожной личностью. Между тѣмъ, въ большомъ словарѣ, хоть и пропущено, что И. П. Архаровъ былъ московскимъ губернаторомъ, но все же указано, что онъ имѣлъ чинъ генерала-отъ-инфантеріи и орденъ св. Александра Невскаго, и командовалъ не гарнизоннымъ баталіономъ, а восьми-баталіоннымъ полкомъ, называвшимся въ честь его архаровскимъ. При перечисленіи Анненковыхъ совсѣмъ пропущенъ генераль-адъютантъ Николай Николаевичъ (которому въ большомъ словарѣ посвящено полъ-страницы), бывшій государственнымъ контролеромъ и затѣмъ кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ генераль-губернаторомъ. При перечисленіи Анастасіевъ, пропущенъ одинъ изъ замѣчательныхъ іерарховъ и проповѣдниковъ, Анастасій Братановскій, епископъ бѣлорусскій, а затѣмъ астраханскій. Въ біографіи императора Александра III совсѣмъ не указаны ни года, ни день его кончины. При перечисленіи Александровыхъ, сказано, что Николай Александровичъ, журналистъ и художественный критикъ, редактируетъ съ 1896 г. журналъ «Сѣверъ», тогда какъ этотъ журналъ уже второй годъ редактируетъ поэтъ Кориневскій. Мы ограничиваемся только этими указаніями потому, что перечисленіе всѣхъ подобныхъ промаховъ заняло бы слишкомъ много мѣста. Очевидно, издатели словаря не сочли нужнымъ поручить редакцію русскаго отдѣла компетентному лицу, и это очень жаль, такъ какъ всѣ другіе отдѣлы составлены довольно удовлетворительно.

Къ первому выпуску приложены слѣдующія руководства: 1) Арифметика; 2) Алгебра; 3) Общая и частная анатомія и 4) Учебникъ англійскаго языка. Мы не совсѣмъ понимаемъ цѣли этихъ приложеній. Человѣкъ, который нуждается въ энциклопедическомъ словарѣ и въ состояніи заплатитъ за него 18 рублей, безъ сомнѣнія, знаетъ и арифметику и алгебру и имѣетъ понятіе объ анатоміи. Что касается англійскаго языка, то по учебнику, изложенному г. Тернеромъ на двухъ печатныхъ листахъ, едва ли кто выучится говорить или читать поанглійски. Наконецъ, у насъ такое множество всякихъ учебниковъ, одобренныхъ и рекомендованныхъ, по этимъ предметамъ, что каждый, имѣющій

надобность выучиться арифметикѣ, алгебрѣ, анатоміи, или англійскому языку, предпочтегь обратиться къ учебникамъ, пользующимся извѣстностью, а не къ приложениямъ къ словарю. Въѣсго этихъ ненужныхъ приложенийъ, занимающихъ треть выпуска, было бы гораздо лучше и полезнѣе расширить самый словарь, сдѣлать его полнѣе и изложить подробнѣе нѣкоторые, болѣе существенные, предметы.

С. Ш.

М. Н. Ремезовъ. Византія и византійцы конца X-го вѣка. По Г. Шлюмберже. Москва. 1898.

Настоящая брошюра г. Ремезова находится въ связи съ его разсказами, подъ заглавіемъ «Картины жизни Византіи въ X вѣкѣ», о которыхъ была рѣчь на страницахъ нашего журнала («Историческій Вѣстникъ», 1898, іюнь), и написана при пособіи того же французскаго сочиненія Густава Шлюмберже (*L'erreur byzantine à la fin du dixième siècle*), которое послужило источникомъ и для первой брошюры нашего автора. Здѣсь, во второй брошюрѣ, повѣствуется о царствованіи византійскихъ императоровъ Іоанна Цимисхія (969—976 г. и Василія II Болгаробойцы (976—1025 г.), царствовавшего совмѣстно со своимъ братомъ Константиномъ VIII. Іоаннъ Цимисхій вступилъ на византійскій престолъ послѣ смерти императора Никифора Фоки, измѣнивически убитаго въ ночь съ 10 на 11 декабря 969 года заговорщиками, во главѣ которыхъ находились императрица Теофано, супруга Никифора, и будущій императоръ, которому Теофано обѣщала свою любовь и вѣнецъ въ награду за убійство ея мужа. Іоаннъ Цимисхій происходилъ изъ знатнаго армянскаго рода и отличался многими физическими и нравственными достоинствами; поэтому онъ не встрѣтилъ большаго затрудненія со стороны народа и войска при своемъ вступленіи на престолъ, хотя и принималъ участіе въ убійствѣ своего предшественника. Пострадали лишь его сообщники и, въ частности, красавица Теофано, бывшая душою заговора противъ Никифора Фоки: она была сослана въ одинъ отдаленный армянскій монастырь, откуда возвратилась черезъ нѣсколько лѣтъ, въ царствование своего сына Василія II. По вступленіи на престолъ, Іоаннъ Цимисхій различными добрыми дѣлами и широкою благотворительностью въ пользу церквей и монастырей старался загладить свой проступокъ, а затѣмъ въ 971 году женился на царевнѣ Теодорѣ, дочери императора Константина Багрянороднаго. Во главѣ гражданскаго управленія царь поставилъ оберкамергера и внука Василія, незаконнаго сына императора Романа I, челоуѣка весьма умнаго, дипломатичнаго, энергичнаго и богатаго; иностранными дѣлами Цимисхій занимался лично. Его непродолжительное царствование прошло въ непрерывныхъ войнахъ съ врагами внѣшними и внутренними. Властятціе успѣхи византійскаго оружія въ борьбѣ съ русскимъ княземъ Святославомъ, съ болгарами на Дунаѣ и арабами въ Сиріи обязаны почти всецѣло необыкновенному стратегическому таланту Іоанна Цимисхія, его беззавѣтной храбрости и пылкому, энергичному характеру. Съ другой стороны, Цимисхій легко подавилъ возстаніе въ Азіи Варды Фоки, племянника убитаго императора Никифора и претендента на византійскій престолъ. Наконецъ, дипломатіи Цимисхія удалось уладить постоянныя

столкновения Византии с Германией, в данное время происходивших в византийских провинциях Южной Италии; между враждующими империями состоялся мир, и даже заключен родственный союз: византийская царица Теофано, сестра молодого царя Василия II (а по другим исследованиям, — племянница Цимисхия), отличавшаяся редкою красотой, образованием и благородством характера, в 972 году была обвенчана в Риме с Оттоном, сыном германского императора Оттона I. Но победоносное царствование Иоанна Цимисхия продолжалось недолго: на обратном походе из Сирии и Месопотамии в 975 году он внезапно заболел и скончался 10 января следующего года. Полагают, что он был отравлен агентом первого министра Василия, с которым имел небольшое столкновение.

Со смертью Иоанна Цимисхия кончилась продолжительная (около тринадцати лет) опека над сыновьями императора Романа II — Василием и Константином, которые уже пришли в совершеннолетие и теперь должны были вступить в управление империей. Могущественный министр Василий позаботился об этом, надеясь и при этих законных, но молодых царях быть фактическим правителем империи. И он, действительно, в начале царствования Василия и Константина возможно дальше отклонял их от участия в правительственных делах и развлекал чисто внешними прелестями их монаршего положения. По отношению к Константину план хитрого министра удался, но Василий, отличавшийся твердым, энергичным характером и острым разумом, поняв намерения министра, стал действовать самостоятельно и мало-по-малу сделался истинным самодержавным владыком. Царствование Василия II также протекало в постоянной борьбе с врагами внешними и внутренними. С одной стороны — арабы, болгары и русские, а с другой — мятежники Варда Склір и Варда Фока, — вот те противники, с которыми непрерывно и с блестящим успехом воевал Василий II. Особенно продолжительна и упорна была война византийского императора с болгарами, имевшая громадное значение в истории и Византии и Болгарии, и упрочившая за Василием звание «Болгаробойца». А борьба византийцев с русскими имела своим последствием водворение христианства на Руси.

Разсматриваемая брошюра г. Ремезова довольно подробно и картинно описывает историю Византии в конце X-го века, но читается с меньшим интересом, чем первая брошюра, так как останавливается преимущественно на одной стороне этой истории, именно, на событиях борьбы византийских императоров этого времени с их внешними и внутренними врагами. Различные обстоятельства этой войны, иногда довольно подробные и мелкие, последовательно описываются нашим автором, но по своему однообразию и монотонности не производят на читателя сильного впечатления. Г. Ремезов и эту брошюру составил исключительно при пособии вышеупомянутой французской книги и, как неспециалист предмета, следует своему авторитету с отменной доверчивостью. Поэтому и ко второй брошюре нашего автора приложимо суждение, высказанное по поводу первой. Тем не менее, и это издание г. Ремезова имеет некоторое значение в нашей небогатой византологической литературе, по скольку оно в легкой и популярной форме знакомит

русскихъ читателей съ нѣкоторыми эпизодами малоизвѣстной у насъ византійской исторіи. Пріятно также встрѣтить въ брошюрѣ г. Ремезова популярный анализъ одного замѣчательнаго памятника византійской литературы, такъ называемаго «Стратегиконъ Кекавмена», издавнаго академикомъ В. Г. Васильевскимъ и въ свое время отмѣченнаго и въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1897, май, стр. 608—611); этотъ анализъ г. Ремезовымъ сдѣланъ, конечно, при пособіи французской книги Шлюмберже. Σ.

Жанъ Ревилль. Религія въ Римѣ при Северахъ. Москва. 1898.

Самый драматическій моментъ въ жизни каждаго народа есть часъ его заката. Такимъ глубокимъ драматизмомъ отличается и эпоха паденія Римской имперіи. Время это всегда привлекало историковъ. Но вниманіе ихъ останавливалось или на римской религіи отъ Августа до Антониновъ, что превосходно разработано Г. Буассе, или на исторіи вѣка Константина Великаго. Язычество III вѣка, вступившее въ схватку съ христіанствомъ и не вынесшее его силы, оставалось до сихъ поръ не изслѣдованнымъ. Ж. Ревилль талантливо пополнилъ этотъ существенный пробѣлъ названнымъ прекраснымъ сочиненіемъ. Онъ поставилъ себѣ задачей обрисовать религиозное состояніе въ языческой средѣ въ періодъ, предшествующій оффиціальному признанію христіанства. Авторъ желаетъ познакомить читателя съ тѣмъ, во что вѣровали религиозные умы языческаго общества, что они думали, что чувствовали наканунѣ одного изъ величайшихъ религиозныхъ переворотовъ, занесенныхъ когда либо на страницы исторіи. Сочиненіе Ревилля имѣетъ строго-научный характеръ и основано на первоисточникахъ. Для того, чтобы представить картину религиозной жизни Рима въ III столѣтіи, въ правленіе императоровъ Северовъ, Ревиллю необходимо было разсмотрѣть социальный строй того времени, такъ какъ, по справедливому замѣчанію автора, «въ изслѣдованіяхъ по исторіи религіи, можетъ быть болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ историческомъ изслѣдованіи, важно понять зависимость, существующую между религіей какого нибудь народа, съ одной стороны, и степенью его цивилизаціи, его экономическимъ, политическимъ и социальнымъ развитіемъ, съ другой. Религиозный синкретизмъ III вѣка только тогда понятенъ, если отдать себѣ отчетъ въ истощеніи греко-римскаго духа въ политикѣ, литературѣ, искусствѣ. Общество того времени— лишено патріотизма, оно космополитично, но тонко-образованно, которому надоѣли старые идеалы, у котораго нѣтъ ни литературнаго, ни художественнаго вдохновенія. Для такого общества только и подходитъ та причудливая смѣсь и путаница многочисленныхъ культовъ восточнаго и западнаго язычества, которая образуетъ религиозный синкретизмъ. Осторожно съ большимъ знаніемъ и умѣло выдѣляетъ авторъ, послѣ общей характеристики римскаго строя, разные элементы синкретизма, начиная съ элементовъ греко-римскаго происхожденія. Уже во времена Петронія Римъ такъ былъ загроможденъ богами, что было «легче найти бога, чѣмъ челоуѣка». Въ III вѣкѣ число боговъ, а съ ними культовъ и обрядовъ, еще больше увеличилось. Но боги живучи, и «старые» боги, несмотря на множество новыхъ божествъ, все имѣли

прежнее обаяніе на язычниковъ, занимали центръ пантеона и составляли самый важный элементъ въ великомъ смѣшеніи культовъ. Вторымъ элементомъ былъ культъ императоровъ, существовавшій повсемѣстно, бывшій официальной религіей Римской имперіи и сильно процвѣтавшій въ III вѣкѣ. Въ связи съ этимъ культомъ находится культъ геніевъ и демоновъ. Но для римскаго общества уже мало было своей религіозной традиціи, и оно страстно предалось многочисленнымъ восточнымъ культамъ, которые составили одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ положенія религіозныхъ дѣлъ въ Римѣ. Въ высшей степени ярко и живо описаны Ревиллемъ восточные культы. Самыми популярными и наиболѣе распространенными изъ всѣхъ восточныхъ культовъ были культы Иллиды, Великой матери, Сирійской богини, Миеры. Послѣ обзора важнѣйшихъ группъ, изъ которыхъ состоялъ синкретизмъ, Ревилль разсматриваетъ вопросъ, какъ жили эти боги между собою, и какъ относились религіозные люди того времени къ одновременному существованію такого числа боговъ. Выводъ автора тотъ, что синкретизмъ есть логическій конецъ религіозной эволюціи язычества (127 стр.), а религіозное пробужденіе, обнаружившееся въ римскомъ обществѣ со второго вѣка, превратилось въ сильное индивидуальное религіозное чувство. Авторъ подчеркиваетъ и развиваетъ ту странную на первый взглядъ мысль, что религія и философія того времени направляли всѣ усилія къ моральному возрожденію общества. Такимъ образомъ, время упадка, какъ принято называть III вѣкъ, было временемъ нравственнаго возрожденія и оживленія набожности, было новымъ расцвѣтомъ язычества накануне официального провозглашенія христіанства. Разсмотрѣвъ религіозныя стремленія римскаго общества, авторъ, во 2-й части своего труда, даетъ анализъ попытокъ религіозной реформы, предпринятой Северомъ. Эти попытки сходились къ неопифагорейской реформѣ съ Аполоніемъ Тианскимъ во главѣ и салономъ Юліи Домны, жены Септимія Севера. Описанію салона Юліи Домны посвящены замѣчательныя страницы сочиненія Ревилля. Салонъ Домны напоминаетъ салоны Италіи въ эпоху возрожденія и Франціи въ XVIII вѣкѣ. Вторая попытка религіозной реформы заключалась въ простой замѣнѣ восточнымъ культомъ древней греко-римской религіи, и третья—полнымъ синкретизмомъ, всебожіемъ и культомъ языческихъ святыхъ при Александрѣ Северѣ и его матери Юліи Мамеѣ. Прекрасны, вообще, характеристики отдѣльныхъ личностей и явленій у Ревилля. Очень хорошъ портретъ Севера, благороднаго идеалиста и филантропа. Окончательный выводъ автора сводится къ тому, что въ этомъ соединеніи политическовъ всѣхъ временъ выразился монотеизмъ, хотя съ неопредѣленнымъ, расплывчатымъ характеромъ, и послѣднимъ словомъ синкретической эволюціи былъ солнечный монотеизмъ. Благодаря синкретизму, было преобразовано самое понятіе о религіи, и переходъ отъ язычества къ христіанству былъ бы не возможенъ, если бы синкретизмъ не преобразовалъ античнаго общества. Таковы основныя мысли этого сочиненія. Остается прибавить, что написано оно блестяще, красиво и образно, а переведено очень хорошо.

К.

Ришельевскій лицей и императорскій Новороссійскій университетъ. Сборникъ, издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета. Часть I. Одесса. 1898.

Извѣстно, какую выдающуюся роль играютъ въ исторіи нашего просвѣщенія высшія учебныя заведенія. Но въ то же время о жизни ихъ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній. Правда, внѣшняя или официальная исторія учебнаго заведенія болѣе или менѣе открывается передъ нами въ разныхъ юбилейныхъ изданіяхъ, но самая интересная внутренняя жизнь заведенія остается закрытой и только изрѣдка просвѣчивается въ случайныхъ и отрывочныхъ воспоминаніяхъ бывшаго питомца.

Потому нельзя не отнестись съ вниманіемъ и даже признательностью къ предпріятію общества вспомошествованія бывшимъ воспитанникамъ императорскаго Новороссійскаго университета и Ришельевскаго лицея, которое, по предложенію своего члена, П. К. Борзаковскаго, рѣшило издавать «Сборникъ воспомнаній о Ришельевскомъ лицее и первыхъ годахъ существованія Новороссійскаго университета». Этотъ «Сборникъ», состоящій изъ воспомнаній бывшихъ воспитанниковъ и матеріаловъ, сохранившихся у нихъ изъ времени ихъ обученія, и пополняемый архивными матеріалами и примѣчаніями редакторовъ, безъ сомнѣнія, явится лучшею и надежною дѣлописью внутренней жизни названныхъ учреждений, жизни ихъ питомцевъ и воспитателей.

Изданный теперь первый выпускъ названнаго «Сборника» весь посвященъ исторіи Ришельевскаго лицея и дѣлится на два отдѣла: въ первый входятъ преимущественно свѣдѣнія о бывшихъ лицейскихъ преподавателяхъ, а во второй— матеріалы для исторіи лицея. Начинается отдѣлъ, какъ и слѣдовало ожидать, статью объ аббатѣ Николая, этомъ замѣчательномъ двигателѣ нашего просвѣщенія на югѣ Россіи, одномъ изъ основателей лицея и его первомъ директорѣ. Личность аббата Николая давно уже привлекала вниманіе лицъ, занимающихся исторіей просвѣщенія въ Новороссіи; Н. Н. Мурзакевичъ, Н. Г. Троицкій, П. Юрченко и др., каждый изъ нихъ старался привести что либо для болѣе полной біографіи Николая. Наконецъ, это, кажется, лучше всего удалось проф. В. Яковлеву, составившему біографію Николая еще въ 1891 г., которая здѣсь и перепечатывается. По обилію архивнаго матеріала и печатныхъ источниковъ, біографія эта является наиболѣе полною и вѣрною. Принадлежитъ она не всецѣло проф. В. Яковлеву; нѣкоторая ея часть, правда, незначительная, заимствована изъ бумагъ г. Юрченко, на что имѣются указанія въ текстѣ.

За біографіей Николая слѣдуетъ біографія второго директора лицея—Реми Жилле, составленная Ал. Маркевичемъ. «Тогда какъ, — говоритъ составитель, — о первомъ директорѣ Ришельевскаго лицея, аббатѣ Николая, сохранилось достаточно воспомнаній, личность сотрудника его и преемника по управленію лицеемъ, Реми Жилле, остается въ тѣни» (стр. 71). Однако г. Маркевичъ, на основаніи записокъ графа М. Д. Бутурлина, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1897 г., формулярнаго списка самого Жилле, сочиненія Г. Михневича и біографіи аббата Николая, далъ сравнительно подробный и точный очеркъ жизни и дѣятельности этого также виднаго въ свое время педагога.

Слѣдующія двѣ статьи «Къ чествованію памяти Пушкина» (перепечатано изъ «Одесскаго Вѣстника», 1886 г., № 346) и «Замѣтка о Пушкинѣ и Мицкевичѣ» (перепечатано изъ «Одесскаго Вѣстника», 1858 г., № 17) даютъ сравнительно немного. Въ первой находимъ воспоминанія А. Сумарокова и Н. Г. Тройницкаго (всего на 3 страничкахъ), свидѣтельствующія о томъ, какое сильное вліяніе производили въ 1820-хъ гг. на лицейство произведенія Пушкина и самая личность поэта, нерѣдко заглядывавшаго въ лицей. Вторая же статья, принадлежащая К. Зеленецкому, какъ извѣстно, была напечатана съ цѣлью доказать, что Пушкинъ и Мицкевичъ одновременно въ Одессѣ быть не могли, и въ тоже время сообщаетъ свѣдѣнія о пребываніи Мицкевича въ Одессѣ на основаніи архивныхъ данныхъ. Въ концѣ 1824 г. Мицкевичъ, какъ членъ филаретическаго общества, былъ вытребованъ въ Петербургъ и, какъ бы въ наказаніе или исправленіе, отправленъ преподавателемъ въ Ришельевскій лицей, — послѣдній онъ выбралъ самъ, но преподавать ему тамъ, за неимѣніемъ вакантныхъ мѣстъ, не пришлось, и въ началѣ 1826 г. онъ былъ уже въ Москвѣ. Во все время пребыванія въ Одессѣ поэтъ жплъ въ лицей.

Далѣе идетъ обстоятельная и наиболѣе полная біографія Филиппа Карловича Бруна, преподававшаго въ лицей съ 1832 г. по 1854 г., принадлежащая перу П. Борзаковскаго, который основывался главнымъ образомъ на извѣстномъ очеркѣ о жизни и дѣятельности Бруна — Θ. П. Успенскаго, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1881 г. Въ концѣ этого перваго отдѣла помѣщены два маленькихъ отрывка изъ воспоминаній проф. М. К. Павловскаго († 16 марта 1898 г.) о его прибытіи въ Одессу и о началѣ одесскаго женскаго благотворительнаго общества, подъ заглавіемъ «Къ біографіи профессора Михаила Карловича Павловскаго».

Во второмъ отдѣлѣ на первомъ планѣ помѣщенъ «Списокъ лицъ, учившихъ и учившихся въ Ришельевскомъ лицей, съ 1817 г. по 1857 г.», составленный на основаніи книжки І. Михневича — «Историческій очеркъ сорокалѣтія Ришельевскаго лицея съ 1818 г. по 1857 г.» и пополненный добавками гг. редакторовъ.

Какъ бы въ видѣ приложенія къ этой части, напечатаны біографія Александра Григорьевича Тройницкаго, составленная г. А. М. и заключающая свѣдѣнія, не бывшія еще въ печати, и нѣкоторыя изъ бумагъ, принадлежавшихъ этому бывшему воспитаннику и потомъ преподавателю лицея. Въ числѣ этихъ бумагъ находимъ письмо Григорія Іустиновича Тройницкаго къ тестю, Θомѣ Григорьевичу Волошинову, письма А. Гр. Тройницкаго къ матери, въ бытность его воспитанникомъ Ришельевскаго лицея, сообщающія объ его успѣхахъ по предметамъ лицейскаго преподаванія, списки на французскомъ языкѣ учениковъ разныхъ классовъ съ аттестациями объ ихъ ученіи и поведеніи; рѣчь А. Г. Тройницкаго надъ гробомъ П. С. Орала († 1829 г.), небольшая рѣчь императора Александра II иностраннымъ посланникамъ по вступленіи на престолъ (на французскомъ языкѣ), стихи, которыми воспитанники Ришельевскаго лицея привѣтствовали своего попечителя Д. М. Княжевича 24 декабря 1837 г., и др.

В. Р-въ.

С. П. Писаревъ. Памятная книга г. Смоленска. Историко-современный очеркъ, указатель и путеводитель. Смоленскъ. 1898.

Первую половину (90 стр.) названной книги г. Писарева составляет «Историко-современный очеркъ» изъ 10-ти главъ. Начиная со второй главы (въ первой трактуется о «расположеніи города въ настоящее время») и кончая девятой, идетъ исторія г. Смоленска, которую авторъ начинаетъ съ «доисторической поры» его и доводитъ до самаго послѣдняго времени. Исторія эта представлена въ довольно сжатомъ видѣ, и притомъ исключительно вѣрная, хотя и изъ этого краткаго очерка можно было бы безъ всякаго ущерба кое-что выкинуть, наиримѣрь, подробности объ убіеніи Бориса и Глѣба, сообщеніе о казни П. П. Энгельгардта и нѣк. др. Несмотря на это, г. Писаревъ придаетъ своему очерку характеръ самостоятельнаго изслѣдованія, ссылаясь чаще на источники и на свое сочиненіе «Княжеская мѣстность и храмъ князей въ Смоленскѣ» (1894 г.), чѣмъ на труды другихъ изслѣдователей по тому же предмету. Въ предисловіи онъ высказываетъ даже мысль о томъ, что ему «пришлось много потрудиться надъ уясненіемъ сбивчиваго преемства и родословія князей смоленскихъ и надъ запутаннымъ перечисленіемъ количества смоленскихъ епископовъ и хронологіей ихъ», между тѣмъ, первый вопросъ достаточно уже разработанъ г. Голубовскимъ въ его «Исторіи Смоленской земли до XIV в.», а второй—г. Кашировскимъ въ спеціальному трудѣ о «Смоленской епархіи». Названные труды г. Писаревъ упоминаетъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ два или три раза, но о вѣкоторыхъ, весьма необходимыхъ для исторіи г. Смоленска, каковы, наиримѣрь, книга г. Пльенко — «Смоленскъ—дорогое ожерелье царства Русскаго» (Спб., 1894 г.), статья А. Зерцалова «М. Б. Шеннъ подъ Смоленскомъ», напечатанная въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и др. Росс.» за 1897 г., № 2, и «Акты Московскаго государства», т. I (1890 г.), содержащія немало данныхъ по отношенію къ смоленскому походу Шенна, — совершенно молчатъ и даже врядъ ли пользовался имп. Исторія Шенна, благодаря «Актамъ» и другимъ новымъ источникамъ, является въ совершенно новомъ освѣщеніи. (См. статьи Н. Оглоблина въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1898 г., № 6, и Д. Цювайскаго въ «Русской Старинѣ», 1898 г., № 11).

Расходясь съ обычнымъ мнѣніемъ историковъ, что смольяне, которыхъ, кстати сказать, онъ пишетъ двояко: смольняне и смоляне, не мѣшало бы къ этому прибавить и третье существующее правописаніе: смольяне, — вѣтъвъ кривичей, г. Писаревъ считаетъ ихъ отдѣльнымъ, особымъ славянскимъ племенемъ.

Хотя въ общемъ изложеніе и не противорѣчитъ основнымъ правиламъ грамматики и стилистики русскаго языка, но обиліе опечатокъ нѣсколько досаждастъ читателю. Самъ авторъ собралъ «наиболѣе важныхъ» изъ нихъ цѣлую страницу, но мы могли бы указать ему, по крайней мѣрѣ, еще столько же.

«Указатель», помѣщенный за исторіей, заключаетъ въ себѣ 1) святыни и древности; здѣсь рассказывается объ иконахъ, храмахъ и монастыряхъ г. Смоленска, подробнѣе всего объ Успенскомъ соборѣ и его ризницѣ и объ

Аврааміевскомъ монастырѣ, — 2) историческіе памятники, къ которымъ причислены: городской валъ, городская стѣна съ башнями и кронверкъ, и 3) достопримѣчательности города. Послѣднія составляютъ: памятникъ отечественной войны 1812 г., открытый въ 1835 г., памятники П. Энгельгардту и Глинкѣ и домъ перваго смоленскаго историка Н. А. Мурзакевича.

Третья часть книги—«Путеводитель», занимающій болѣе 30 стр.,— посвящена описанію «историческихъ пунктовъ и мѣстъ, гдѣ существовали въ старину храмы».

Послѣ «Путеводителя» помѣщены два стихотворенія въ честь смоленской иконы Богоматери, принадлежація Д. Ознобишину и Е. фонъ-Крузе, а въ самомъ концѣ книги— «алфавитное обозначеніе: 1) личныхъ именъ, 2) географическихъ и топографическихъ названій, также предметовъ, составившихъ содержаніе этой книги», но безъ всякаго намѣка на извѣстный всѣмъ алфавитъ, и планъ города.

Такъ какъ книжка издана книжнымъ магазиномъ С. А. Клестова, то, вѣроятно, въ ней г. Писаревъ хотѣлъ дать лишь справочное руководство для желающихъ ознакомиться съ внѣшней исторіей г. Смоленска и его историческими памятниками и достопримѣчательностями, хотя подобнаго рода руководства издаются обыкновенно съ болѣею тщательностью и исправностью съ внѣшней стороны.

В. Р.—въ.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпускъ четвертый: Славяно-русскій прологъ. Часть вторая. Январь-апрѣль. Изданіе подъ редакціей профессора А. И. Пономарева. Спб. 1898.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1986 г., мартъ) было сообщеніе о первой части издаваемого профессоромъ Пономаревымъ славяно-русскаго пролога. Теперь предъ нами—вторая часть этого замѣчательнаго памятника древне-русской церковно-учительной литературы, заключающая въ себѣ чтенія изъ пролога на мѣсяцы январь—апрѣль. Славяно-русскій прологъ, какъ извѣстно, есть книга церковно-учительная и по содержанию своему, и по церковно-богослужебному назначенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и народно-литературное произведеніе, находящееся въ весьма тѣсной связи съ обширною древне-русскою церковно-учительною письменностью и съ позднѣйшей народной литературой, оставившее глубокіе слѣды въ религіозно-нравственномъ міровоззрѣніи русскаго народа и сохранившее свое значеніе до настоящаго времени. Прологъ первоначально возникъ въ греко-восточной церкви и перешелъ къ намъ уже въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ въ Болгаріи или Сербіи. Древнѣйшіе списки славяно-русскаго пролога относятся къ XII—XIII вѣкамъ, а первое его печатное изданіе вышло въ 1641 году и затѣмъ многократно повторялось. Содержаніе славяно-русскаго пролога можно раздѣлить на три отдѣла: житія святыхъ, поученія и церковно-учительныя новѣсти и рассказы. Однако, всѣ эти отдѣлы представляютъ одно связанное цѣлое, объединенное единствомъ мысли и цѣли, для которой былъ назначенъ прологъ. А цѣль эта состояла въ

томъ, чтобы перевоспитать русскій народъ, внести въ него начала истинно христіанскаго нравственнаго міровоззрѣнія и строя жизни. Къ этому направлялась вся наша древняя церковно-учительная литература, и въ этомъ—все значеніе пролога, какъ самой представительной и наиболѣе извѣстной въ этомъ отношеніи книги. Читая и вчитываясь въ эту книгу, дѣйствительно, можно прійти къ тому одному убѣжденію, что разные богословскіе вопросы, которыхъ касается прологъ,—вопросы догматическіе, каноническіе, обрядово-литургическіе, церковно-историческіе, хотя, въ сущности, имѣютъ и первостепенную важность, ставятся въ немъ, однако, на второмъ мѣстѣ: прологъ касается ихъ только изрѣдка и мимоходомъ, не входя въ подробное ихъ разсмотрѣніе. Область христіанскаго правоученія, въ прямомъ, непосредственномъ соприкосновеніи и приложеніи къ жизни,—вотъ вся суть и содержаніе пролога, и съ этой стороны онъ представляетъ величайшій интересъ. Такимъ образомъ, славяно-русскій прологъ, помимо своего весьма важнаго литературно-историческаго значенія, имѣетъ значеніе и современное. Не безъ основанія нѣкоторые представители современной русской художественной литературы обращаются за сюжетами для своихъ произведеній къ этому древнему памятнику нашей церковно-учительной литературы и находятъ здѣсь то, чего нѣтъ, можетъ быть, и въ современной жизни русскаго народа. Поэтому заслуживаетъ полнаго сочувствія предпріятіе профессора Пономарева ознакомить русскую публику съ этимъ замѣчательнымъ памятникомъ древне-русской литературы. Мы совершенно не видимъ бѣды въ томъ, что профессоръ Пономаревъ издаетъ прологъ не въ полномъ видѣ, но въ сокращеніи. Прежде всего, онъ издаетъ его въ томъ существенномъ содержаніи, которымъ прологъ имѣлъ и имѣетъ до настоящаго времени огромное значеніе, какъ книга церковно-народная и какъ замѣчательное произведеніе нашей древней письменности. Далѣе, въ прологѣ есть такія статьи, которыя имѣютъ второстепенный интересъ и къ тому же совершенно не разработаны въ отношеніи къ вопросу объ ихъ греческихъ источникахъ, въ связи съ коими онѣ только и понятны. Нужно также имѣть въ виду, что изучить все содержаніе пролога на пространствѣ X—XVII вѣковъ, указать основныя его статьи и ихъ греческіе источники, опредѣлить славяно-русскіе переводы и передѣлки—это дѣло весьма трудное и продолжительное, особенно, если принять во вниманіе полную научную неразработанность вопроса. Будемъ, значитъ, благодарны профессору А. П. Пономареву и за то, что онъ даетъ намъ.

Во второй части изданнаго проф. Пономаревымъ славяно-русскаго пролога помѣщены чтенія изъ него на мѣсяцы январь, февраль, мартъ и апрѣль. Въ частности, здѣсь имѣются, прежде всего, житійныя чтенія пролога на указанные мѣсяцы, въ количествѣ 53-хъ (стр. 3—78); чтенія касаются какъ греческихъ святыхъ, такъ и русскихъ. Далѣе (стр. 79—158) слѣдуютъ слова и поученія въ числѣ 77, принадлежащія преимущественно отцамъ и учителямъ греко-восточной церкви. Наконецъ, въ изданіи (стр. 159—193) напечатано болѣе 30 церковно-поучительныхъ разказовъ и повѣстей, касающихся различныхъ нравственныхъ предметовъ. Къ первому отдѣлу, именно, къ житіямъ святыхъ, на мѣсяцъ январь, издатель сдѣлалъ очень цѣнныя примѣчанія (стр. 194—221). Текстъ пролога и въ этой части проф. Пономаревъ издалъ по про-

логу 1675—1677 г., но имѣлъ подъ руками, для сравненія и исправленія, другія раннія и позднѣйшія изданія, а также рукописи разныхъ вѣковъ, начиная отъ пергаментныхъ XII—XIII вѣковъ и кончая позднѣйшими и даже корректурными листами московскихъ печатныхъ прологовъ XVII вѣка. Желательно, чтобы проф. Пономаревъ, возможно скорѣе, опубликовалъ и послѣднюю— третью часть славяно-русскаго пролога, представляющаго для русскаго читателя интересъ въ различныхъ отношеніяхъ. С.

В. Ляскоронскій, Иностранные карты и атласы XVI и XVII вѣковъ, относящіеся къ Южной Россіи. Кіевъ. 1898.

Г. Ляскоронскій рѣшилъ воспользоваться географическими картами Южной Россіи, изданными за границей, какъ историческимъ документомъ. Онъ просмотрѣлъ и описалъ въ своемъ изслѣдованіи немалое количество картъ, находящихся въ хранилищахъ Кіева, Кенигсберга и Париза. Съ особеннымъ вниманіемъ остановился на извѣстныхъ лучшихъ картахъ Боилана. Къ своей работѣ г. Ляскоронскій приложилъ нѣсколько снимковъ съ картъ, выполненныхъ Боиланомъ и Гондусомъ.

Несмотря на то, что рѣдкимъ географическимъ картамъ приходится довѣрять волюнѣ, несмотря на то, что «добываемыя путемъ разбора картъ свѣдѣнія бываютъ обыкновенно чрезвычайно кратки, отрывочны и неполны», г. Ляскоронскій думаетъ, что географическіе атласы и таблицы могутъ служить важнымъ подспорьемъ въ вопросѣ о степени населенности края и относительно времени возникновенія тѣхъ или другихъ поселеній его. Изъ изученія географическихъ матеріаловъ, находившихся у него подъ руками, г. Ляскоронскій дѣлаетъ выводъ, противорѣчащій ходячему мнѣнію о почти полной незаселенности лѣвобережной Украины въ первой половинѣ XVII столѣтія. Судя по количеству отмѣченныхъ на картахъ поселеній, г. Ляскоронскій настаиваетъ на ложности этого взгляда. Намъ кажется, что, во-первыхъ, г. Ляскоронскій сражается съ вѣтреными мельницами, такъ какъ авторовъ, говорящихъ о совершенной пустынности, очень и очень немного, а, во-вторыхъ, количество нанесенныхъ на карту мѣстъ вовсе не свидѣтельствуетъ о густотѣ населенія и совершенно не указываетъ на численность жителей. Изслѣдованіе г. Ляскоронскаго можетъ доказать только то, что лѣвобережная Украина была, во всякомъ случаѣ, мало населена, а другіе ученые говорятъ, что она была почти не заселена... Какая же разница?

Трудъ г. Ляскоронскаго и приложенныя карты являются цѣннымъ пособіемъ въ другомъ отношеніи: «по нимъ можно судить, какъ о существованіи тѣхъ или другихъ поселеній въ странѣ, такъ и о границахъ послѣдней въ различные періоды ея исторической жизни». Пещ — ѣ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ГОВОРЯЩІЯ статуи въ древнемъ Египтѣ. Извѣстный французскій египтологъ Масперо помѣстилъ въ «Journal des Debats» интересный очеркъ о говорящихъ статуяхъ въ древнемъ Египтѣ¹⁾. По его словамъ, боги Амонъ, Фта и др. часто выражали поклонникамъ свою волю таинственными словами, знаками или движеніями. Для того, чтобъ облегчить имъ способъ сообщенія съ людьми, приготовлялись особыя механическія статуи. До насъ не дошло, но крайней мѣрѣ Масперо не видалъ ни одного образца этихъ говорящихъ статуй, но извѣстно, что онѣ были преимущественно деревянныя, крашенныя или золоченыя, и состояли изъ различныхъ соединенныхъ подвижныхъ частей. Руки поднимались и опускались, голова кивала, но нѣтъ свѣдѣній, чтобъ ноги приводились въ движеніе. Когда къ этимъ механическимъ изображеніямъ боговъ обращались за совѣтами, то они давали отвѣты или словами или жестами; иногда они произносили цѣлыя рѣчи, а въ другихъ случаяхъ довольствовались однимъ наклоненіемъ головы. Но если эти статуи говорили и дѣлали движенія, то долженъ былъ кто нибудь говорить и дѣйствовать за нихъ, такъ какъ онѣ сами были предметами неодушевленными. «Дѣйствительно, пишетъ Масперо, существовали въ каждомъ храмѣ жрецы, которые принимали на себя исполненіе этихъ обязанностей. Но они не таились, а постунали открыто, на глазахъ всѣхъ. Они имѣли опредѣленное мѣсто въ духовной іерархіи, въ церемоніяхъ, въ процессіяхъ. Каждый изъ поклонниковъ бога зналъ, что жрецъ служитъ его языкомъ или рукой. Поэтому жрецы не прибѣгали къ обману, какъ полагаютъ всегда теперь въ подобныхъ случаяхъ, и всѣ были убѣждены, что черезъ ихъ посредство смертныя входили

¹⁾ Les statues parlantes dans L'Egypte antique, par G. Maspero.—«Journal des Debats», 21 decembre, 1898.

въ сношенія съ богами. Но если такъ обстояло дѣло, то невольно спрашиваешь себя, какъ народъ и даже люди знающіе, аристократы и цари, могли вѣрить совѣтамъ, происхожденіе которыхъ было столь сомнительно, а также естественно входитъ въ голову мысль, что, по крайней мѣрѣ, въ послѣднія времена древняго Египта не принялъ ли этотъ обычай характеръ выжившей традиціи, которой не придавали никакого значенія. Но согласно свидѣтельству письменныхъ памятниковъ нельзя не признать, что къ этимъ сношеніямъ между богами и людьми чрезъ жрецовъ относились совершенно серьезно до самаго исчезновенія язычества, и что сами жрецы глубоко уважали исполненіе своихъ обязанностей: они съ дѣтства привыкли вѣрить, что божественныя души обитали въ статуяхъ и подходили къ нимъ не иначе, какъ съ почтительнымъ, религіознымъ страхомъ. Каждый разъ, какъ поклонникъ требовалъ ихъ посредничества для сношенія съ богами, они готовились молитвами и совершеніемъ установленныхъ обрядовъ къ исполненію своихъ обязанностей, подобно тому, какъ поступали духовныя особы всѣхъ религій при совершеніи церковныхъ требъ. Жрецы, стоя у своихъ живыхъ статуй и готовые говорить за нихъ и приводить въ движеніе ихъ голову или руки, не сомнѣвались, что въ эту минуту на нихъ нисходитъ духъ божества и неземная сила водила ихъ голосомъ или руками. Конечно, бывали случаи обмана, но даже тогда полагали, что боги умѣли устроить дѣло такъ, что дурное намѣреніе жреца имѣло благой результатъ, и онъ, желая обмануть вѣрующаго, помимо своей воли сообщалъ настоящее изреченіе Амона или другаго бога. Говорящія статуи, по замѣчанію Масперо, считались до того живыми существами, что во время войны онѣ дѣлили судьбу той мѣстности, гдѣ находились. Ихъ брали въ плѣнъ и подвергали смертной казни, т. е. ломали въ куски или обращали въ рабство, помѣщая въ храмы побѣдившихъ боговъ; если же ихъ возвращали на родину, то съ надписью, свидѣтельствовавшей объ ихъ пораженіи и плѣнѣ.

Роль интеллигентовъ въ паденіи Константинополя въ 1453 году. Одинъ изъ скомпрометированныхъ въ дѣлѣ Дрейфуса французскихъ генераловъ надняхъ сказалъ съ цѣлью унижить интеллигентовъ, принимающихъ защиту Дрейфуса, Зола и Пикара противъ арміи: «историки рассказываютъ, что въ то самое время, когда турецкая армія брала приступомъ столицу восточной имперіи, такъ называемые интеллигенты спорили о богословскихъ тонкостяхъ». По этому поводу А. Бонье въ «Revue Bleue» ¹⁾ опредѣляетъ на основаніи историческихъ документовъ настоящую роль византійскихъ интеллигентовъ при завоеваніи ихъ родины турками, и оказывается, что эта роль вовсе не походитъ на ту, которую имъ приписываетъ генералъ Гонзъ. Дѣйствительно, въ срединѣ XV столѣтія въ Византіи свирѣпствовали фанатическіе споры по догматическимъ вопросамъ, но въ этомъ виновны были не интеллигенты, а церковь и сильные міряне, въ родѣ князя Луки-Назарія, который говорилъ: «Я сто разъ лучше увидѣлъ бы въ Константинополѣ турецкій тюрбанъ, чѣмъ папскую тиару». Дѣйствительно, въ то время дѣло шло о возвращеніи греческой церкви

¹⁾ Les intellectuelles à Constantinople en 1453, par André Beaumier. «Revue Bleue», 10 decembre 1898.

въ лоно католичества, что папа Николай V ставилъ непремѣннымъ условіемъ для оказанія помощи Константинополю, и на что соглашался императоръ Константинъ, видѣвшій въ этомъ единственное средство спасенія для своей имперіи. Но фанатики духовные и свѣтскіе, воодушевляемые Геннадіемъ, не хотѣли объ этомъ слышать, проводили все время въ догматическихъ спорахъ, не обращая вниманія на защиту города, осаждаемаго турками. Авторъ статьи «*Revue Bleue*» настаиваетъ на томъ, что это не была вина интеллигентовъ, которые напротивъ принимали энергичное участіе въ защитѣ столицы, и вообще, по его мнѣнію, поддержанному фактическими доказательствами, Константинополь палъ отъ фанатизма духовенства, заставившаго отвернуться отъ Византіи ея единственныхъ союзниковъ итальянцевъ, отъ слабохарактерности императора, отъ недостатковъ во внутреннемъ устройствѣ арміи, отъ неудовлетворительности вооруженія. Причиной всего этого не могли быть интеллигенты. Выяснивъ, что интеллигенты въ Константинополь въ 1453 году не играли той гнусной роли, которую имъ хотятъ приписать враги современной интеллигенціи, Бонье рисуетъ картину тѣхъ заслугъ, которыя оказаны были константинопольскими интеллигентами того времени дѣлу общаго просвѣщенія въ Европѣ. «Благодаря ихъ успіямъ, — замѣчаетъ онъ, — Константинополь не погибъ совершенно съ своими вѣковыми традиціями высшей цивилизаціи. Они сохранили драгоцѣнное наслѣдіе въ своихъ библіотекахъ и дали наиболѣе сильный толчекъ великому дѣлу Возрожденія. Они познакомили итальянцевъ съ греческимъ искусствомъ и греческой литературой. Они много путешествовали и, поселившись въ итальянскихъ городахъ, завели тамъ школы. Мануиль Хризоларъ училъ религію красоты въ Миланѣ и Венеціи; Федоръ Газа сдѣлался ректоромъ Феррарской академіи, а Николай Сегундини и Заалъ Аргиропуло въ Падуѣ и Георгій Требизундскій въ Римѣ распространяли изученіе вывезенныхъ ими изъ Константинополя остатковъ греческой цивилизаціи. Другіе остались въ Византіи и сдѣлались тамъ центромъ знанія, куда стекались итальянскіе ученые». Поэтому, Бонье оканчиваетъ свою статью заклинаніемъ, чтобъ современныя европейскія поколѣнія не обнаружили неблагодарности къ константинопольскимъ интеллигентамъ 1453 года, которые спасли для Запада культъ древней греческой красоты, одну изъ основъ новѣйшей цивилизаціи.

— Сорель о Желѣзной Маскѣ. Функъ Brentano издалъ недавно отдѣльной книжкой свои изслѣдованія Бастильскаго архива, напечатанныя сначала въ парижскихъ журналахъ и газетахъ. *La Bastille: legendes et archives. Par F. Funk Brentano. Paris, 1898.* Среди этихъ любопытныхъ очерковъ Бастильскихъ легендъ, освѣщенныхъ прежними архивными данными, занимаетъ видное мѣсто подведеніе итоговъ таинственной исторіи желѣзной маски, которая окончательно разрѣшена ученымъ авторомъ, о чемъ уже было говорено въ «Пет. Вѣд.» Пользуясь матеріалами, приводимыми Функомъ Brentano теперь въ болѣе пространномъ видѣ, чѣмъ въ первоначальной газетной статьѣ одного изъ лучшихъ современныхъ историковъ Франціи, Альберъ Сорель представилъ въ *Journal des Debats* блестящій абрисъ вопроса, столь долго интриговавшаго весь образованный міръ¹⁾. Эта краткая, но мастерская статья можетъ быть по всей справедливости названа послѣднимъ словомъ историче-

¹⁾ «Истор. вѣсти.», январь, 1899 г., т. LXXV.

ской науки по данному предмету, и въ слѣдъ за нею можно смѣло сдать въ архивъ исторію Желѣзной Маски. Въ началѣ 1679 года, рассказываетъ Сорель¹⁾, въ Пиньеривѣ содержался узникъ, никогда не снимавшій черной бархатной маски венеціанскаго образца, превращенной легендами въ желѣзную. Спустя нѣсколько лѣтъ, этого узника, очевидно человѣка знатнаго, такъ какъ съ нимъ почтительно обращался начальникъ тюрьмы Сень-Марсъ, перевели на островъ Сень-Маргариту, а въ 1698 г. въ Бастилю, гдѣ сначала онъ занималъ отдѣльную келію, а потомъ въ 1701 г. общую съ двумя другими арестантами, которые, вѣроятно, и стали распространять фантастическія о немъ легенды. Эти легенды очень разнообразны: по одной, таинственный узникъ былъ Монмутъ, по другой — Аведикъ, армянскій патріархъ, по третьей Фука и по четвертой герцогъ Вермандуа, сынъ Людовика XIV и г-жи Де-ла-Вальеръ. Наконецъ, сложилась пятая легенда, наиболѣе распространенная, пущенная въ ходъ Вольтеромъ и прославленная Александромъ Дюма: въ силу ея желѣзной маской былъ старшій братъ Людовика XIV и сынъ Анны Австрійской отъ Мазарини. Эти легенды такъ занимали весь свѣтъ, что даже французскіе короли Людовики XIV, XV и XVI повидимому интересовались Желѣзной Маской, и по слухамъ открывали другъ другу на смертномъ одрѣ эту необыкновенную тайну. На вопросъ герцога Шуазеля, кто былъ Желѣзная Маска, Людовикъ XV отвѣчалъ: «Если бы вы узнали его настоящее имя, то очень разочаровались бы, оно вовсе не интересно». На вопросъ о томъ же маркизы Помпадуръ онъ воскликнулъ: «Это министръ итальянскаго принца». Наконецъ, Людовикъ XVI велѣлъ Морена выяснитъ эту загадку, и послѣдній доложилъ, что Желѣзной Маской былъ опасный интриганъ, подданный герцога Мантуанскаго. По новѣйшимъ, не подлежащимъ сомнѣнію, даннымъ, оказывается, что Морена говорилъ правду. Дѣйствительно, таинственной Желѣзной Маской — былъ графъ Геркулесъ Маттеоли, министръ герцога Мантуанскаго. Онъ тайно прибылъ въ Парижъ въ 1678 году и продалъ, по приказанію герцога, Казаль, служившій ключемъ верхней Италіи, французскому правительству за 100.000 эфимковъ. Чтобы выручить изъ этой сдѣлки какъ можно болѣе пользы для себя, хитрый, ловкій, тридцатисемилѣтній итальянецъ не только взялъ магарычъ съ Лувуа, который велъ дѣло отъ имени Людовика XIV, но и продалъ эту тайну императору, герцогу Савойскому, королю испанскому и венеціанской республикѣ. Конечно, французское правительство обидѣлось и приказало схватить секретнымъ образомъ Маттеоли, что и было сдѣлано маршаломъ Катина 2-го мая 1679 года. Герцогъ Мантуанскій отрекся отъ своего министра, и Людовикъ XIV приказалъ, чтобы «никто не зналъ о судьбѣ этого человѣка». Вотъ почему надѣли на Маттеоли бархатную маску и заперли его въ Пиньероль. Вскорѣ о немъ все забыли, и онъ спокойно былъ переведенъ на островъ Сень Маргариту, а затѣмъ въ Бастилю. Всегда его сопровождалъ привилегированный его тюремщикъ Сень-Марсъ, переводимый постепенно начальникомъ каждой изъ этихъ тюремъ. Наконецъ, 19-го ноября 1703 года, въ спискахъ Бастиліи значится: «неожиданно умеръ неизвѣстный узникъ въ бархатной маскѣ, котораго Сень-Марсъ всегда возилъ съ собою». Въ

¹⁾ La Bastille. I. Par Albert Sorel. Journal des Debats. 16 decembre, 1898.

актъ смерти узнику дано самимъ Сень-Марсомъ имя Мартеоли, но Функъ Брентано, а за нимъ Сорель, доказываютъ вполне основательно, что это только неправильно написанное имя—Маттеоли. «Загадка разгадана», говоритъ Сорель, оканчивая свою статью.

— Критъ въ концѣ прошедшаго столѣтія. По случаю окончанія критскаго вопроса, Генри Стейнъ приводитъ въ «Revue Nouvelle» два историческихъ документа¹⁾, которые доказываютъ, что сто лѣтъ тому назадъ положеніе Крита не многимъ разнилось отъ того, которое прекратилось на островѣ съ началомъ управленія королевича Георга. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Верженъ, писалъ къ барону Брезалю 26 іюня 1783 г.: «Никто не сомнѣвается въ важности острова Кандіи, въ бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ обитателями его, и въ желаніяхъ его перемѣнить верховнаго главу. Точно также достовѣрно, что, перейдя въ руки короля, Критъ сдѣлался бы источникомъ богатства, но если политика его величества не ошибается и каждое государство останется въ своихъ теперешнихъ предѣлахъ, то островъ Кандія никогда не будетъ занятъ христіанской державой и даже еслибъ была возможность добиться отъ турокъ уступки острова, то король не желалъ бы возбудить войны, воспользовавшись ихъ слабостію, чтобъ отнять часть ихъ владѣній. Было бы дѣло другое, еслибъ отоманская имперія уничтожилась, но прежде чѣмъ думать объ участіи въ ея раздѣлѣ благоразуміе и достоинство короля требуютъ предотвратить ея паденіе». Спустя три года, маркизь Вильневъ доносилъ о положеніи Крита въ такомъ видѣ, что его донесеніе кажется писаннымъ однимъ изъ офицеровъ французской эскадры адмирала Потюо, стоявшей въ критскихъ водахъ до прибытія на островъ королевича Георга. Это десять лѣтъ тому назадъ Судскій рейдъ составлялъ прекрасное убѣжище для судовъ, защищенное отъ вѣтровъ и достаточно укрѣпленное. Въ Кандіи фортификаціонныя работы пришли въ такой упадокъ, что не представляли ничего грознаго; Канея находилась въ лучшемъ положеніи, которое однако далеко не было блестящимъ. Что касается до критянъ, то маркизь Вильневъ распространяется объ ихъ нищетѣ, о существованіи между ними проказы, объ упадкѣ торговли на островѣ и о постоянныхъ на немъ возстаніяхъ, за которыя турки даже не караютъ. Повсюду на островѣ безпорядокъ: военные начальники не вѣдаютъ тактики, а солдаты вполне невѣжественны. Одинъ изъ фактовъ, упоминаемыхъ Вильневымъ, кажется современнымъ: «Въ Канеѣ находился прежде русскій консулъ, но, претерпѣвъ всякія непріятности со стороны турокъ, онъ благоразумно рѣшилъ удалиться прежде, чѣмъ разразится собиравшаяся надъ его головой гроза. Онъ оставилъ своего секретаря, который видя, что мятежные мусульмане сорвали съ дома русскій флагъ и разорвали его, спасся вмѣстѣ съ драгоманомъ у французскаго консула, который помогъ ему отбыть въ Смирну».

— Мемуары баронессы Курто. Въ Германіи имѣютъ большой успѣхъ воспоминанія баронессы Курто о французской революціи, консульствѣ и импе-

¹⁾ La Crète, jugée par la diplomatie du XVIII siècle, par H. Stein. — Revue Nouvelle. 26 novembre, 1898.

рін ¹⁾. Хотя эта книга называется мемуарами, но въ сущности это не мемуары, а собраніе писемъ баронессы Курто къ г-жѣ Альвенслебенъ и дневникъ послѣдней, въ которомъ записаны разговоры съ баронессой, событія ея жизни. Все это переработано Морицемъ фонъ-Кейзенбергомъ, къ которому перешли означенные матеріалы отъ самой г-жи Альвенслебенъ, приходившейся ему прабабкой. Эта почтенная особа, урожденная Лоз и жена двоюроднаго брата извѣстнаго министра прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III, графа Альвенслебена-Екслебена, однажды въ августѣ 1793 г. получила письмо отъ своего родственника полковника Раухгаупта, который извѣщалъ ее, что онъ случайно встрѣтился въ Гармундѣ съ молодой французской эмигранткой Сесиль Курто, находившейся въ самомъ несчастномъ положеніи. Поэтому онъ просилъ г-жу Альвенслебенъ пріютить на время бѣдную дѣвушку. Добрая женщина согласилась, и Сесиль Курто пріѣхала въ замокъ Кальбе на Мильдѣ. Она была въ самомъ отчаянномъ положеніи, подвергалась постояннымъ галлюцинаціямъ, и долго доктора не могли справиться съ ея тяжелымъ недугомъ, прямымъ слѣдствіемъ тѣхъ роковыхъ событій, свидѣтельницами которыхъ она была въ Парижѣ. Но мало-по-малу она пришла въ себя, выздоровѣла и даже повеселѣла, но ни за что не хотѣла выйти замужъ за полковника Раухгаупта, который спасъ ее въ Гармундѣ. Близко подружившись съ г-жей Альвенслебенъ, Сесиль рассказала ей свою прошедшую жизнь. Оказалось, что она родилась въ 1766 г. въ замкѣ Курто близъ Пуатье, воспитывалась въ Фоненскомъ монастырскомъ пансіонѣ и, очутившись въ Парижѣ, поступила въ компаньонки къ принцессѣ Ламбаль. Исполняя эти обязанности, она сопровождала принцессу въ Савою въ 1787 г., когда неожиданно королева Марія-Антуанета вызвала ее въ Версаль, и туда вмѣстѣ съ принцессой поѣхала и ея компаньонка. О своей жизни въ Версалѣ Сесиль рассказывала много интереснаго; между прочимъ, она говорила, что Марія-Антуанета была замѣчательная женщина, но по несчастью находилась подъ вліяніемъ ея парикмахера Леонара, модистки, г-жи Берзенъ, и содержательницы одного изъ парижскихъ театровъ, г-жи Монепазенъ. Она была истинно достойной королевой только въ минуты опасности. Сесиль находилась подлѣ нея на балконѣ Версальскаго дворца 5-го октября 1789 года и видѣла, какъ она гордо вступила въ борьбу съ толпой; на слѣдующій день она послѣдовала за королевой въ Тюльери, а вскорѣ послѣ того Сесиль отправилась въ Лондонъ съ принцессой Ламбаль, которой Марія-Антуанета поручила исходатайствовать покровительство англійскаго двора королевской семьѣ. Всѣ хлопоты принцессы ни къ чему не повели, и она уже хотѣла вернуться въ Парижъ, но Марія-Антуанета просила ее поторопиться своимъ пріѣздомъ, въ виду грозившей ей во Франціи опасности. Однако вскорѣ она получила отъ королевы записку: «Милая Ламбаль, пріѣзжайте скорѣе; я нахожусь въ большей опасности». Принцесса полетѣла въ Парижъ, но это письмо оказалось подложнымъ, и ее арестовали. Се-

¹⁾ Die Memoiren der Baroness Cecile de Courtot, dame d'autours der Fürstin von Lamballe, nach Briefen der Baroness an Frau von Alvensleben und nach dieser Tagebuch bearbeitet, von Moritz von Kaisenberg. Leipzig. 1898.

силъ осталась одна въ Парижѣ. Она добилась свиданія съ Маріей-Антуанетой въ Тамплѣ и находилась тамъ въ памятный день, когда толпа подняла къ окну ея темницы окровавленную голову принцессы Ламбаль на пикѣ. Вскорѣ предали суду и Сесиль. Ее приговорили къ гильотинѣ и уже повезли на казнь, но ее спасъ ея женихъ Гекторъ де Трейлсакъ, заплатившій своей жизнью за ея спасенье. Этимъ кончается первая часть мемуаровъ баронессы Курто, къ которой приложена добавочная глава о дѣлѣ жемчужнаго ожерелья, о которомъ впрочемъ она ничего не сообщила новаго въ разговорахъ съ г-жей Альвенслебенъ. Вторая часть мемуаровъ состоитъ изъ двадцати писемъ, которыя Сесиль Курто писала своей нѣмецкой пріятельницѣ послѣ ея возвращенія въ Парижъ. Эти письма рисуютъ картину Франціи при консульствѣ и имперіи въ 1802 году, когда Сесиль, уже пожилая тридцати-шестилѣтняя дѣвица неожиданно встрѣтила своего бывшего жениха Гектора де Трейлсака, который не умеръ, а спасся чудомъ, вторично сдѣлалась его невѣстой и умерла въ родахъ. Изъ всего сказаннаго видно, сколько курьезнаго находится въ этихъ мемуарахъ, но все это цвѣточки, а ягодки представляются въ цѣломъ рядъ самыхъ удивительныхъ диковицъ, серьезно приводимыхъ нѣмецкимъ редакторомъ мемуаровъ, Кайзенбергомъ. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ: Сесиль показываетъ г-жѣ Альвенслебенъ въ 1787 году литографію Маріи-Антуанеты; Марія-Антуанета въ томъ же году пишетъ о Гибеньерѣ; Наполеонъ бесѣдуетъ въ Тюльери съ Клеберомъ и Десэ въ 1803 г.; въ выпискѣ изъ «Монитера» на французскомъ языкѣ конвентъ называется «Convent national»; наконецъ Гекторъ де Трейлсакъ является въ 1801 году въ мундирѣ африканскихъ конныхъ егерей. Очевидно, что въ виду такихъ нелѣпностей трудно вѣрить въ подлинность мемуаровъ баронессы Курто, изданныхъ фонъ Кайзенбергомъ, и французскіе критики вполне правы, заподозрѣвъ, что эти мемуары болѣе ничего, какъ мистификація.

— Къ юбилею Мицкевича. По поводу столѣтней годовщины рожденія Мицкевича одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской и славянской литературы во Франціи, профессоръ французской коллегіи, Луи Леже, напечаталъ двѣ статьи: біографическій очеркъ въ «Revue Encyclopedique» ¹⁾ и рассказъ «Мицкевичъ и Пушкинъ» въ Revue de Paris ²⁾. По обыкновенію первый изъ журналовъ посвящаетъ великому польскому поэту цѣлый свой еженедѣльный номеръ, въ которомъ, кромѣ біографіи съ многочисленными иллюстраціями, помѣщены отрывки изъ его сочиненій въ прозаическомъ переводѣ и мнѣнія, высказанныя о Мицкевичѣ Ренаномъ, Мпшле, Жоржъ Зандомъ, Монталамберомъ, Ломени и Морфилемъ, профессоромъ славянской литературы въ Оксфордскомъ университетѣ. Хотя эти взгляды за исключеніемъ послѣдняго всѣмъ извѣстны, не лишне вспомнить ихъ по поводу юбилея. По словамъ Ренана, «главное качество Мицкевича была искренность, чистосердечное увлеченье и отсутствіе личнаго самолюбія, которыя создаютъ такое положеніе человѣку, что онъ говоритъ, пишетъ и дѣлаетъ не то, что самъ хочетъ, а то, что ему внушено вышней вдохновляющей

¹⁾ Mickewicz, 1798 — 1855, par L. Leger. Revue Encyclopedique. 3 decembre 1898.

²⁾ Mickewicz et Pouchkine, par L. Leger. Revue de Paris, 15 decembre.

силой; для Мицкевича такой силой были два влияния—нашего скорбнаго вѣка и прошедшаго его родины. Мицкевичъ былъ ясновидящимъ прошедшаго и будущаго, онъ былъ вмѣстѣ великимъ патриотомъ и великимъ идеалистомъ, предвидѣвшимъ свѣтлое будущее, которое заставитъ человѣчество забыть всѣ страданія и принесенныя имъ жертвы. Жоржъ Зандъ сравниваетъ Мицкевича съ Гете и Байрономъ, но находитъ, что въ «Фаустѣ» природа, обоготворенная Спипозой, опоэтизирована, въ «Манфредѣ» дано человѣку достойное мѣсто среди этой обоготворенной природы, а въ Конрадѣ Валленродѣ замѣтно стремленіе придать особенный характеръ влиянію природы на человѣческую мысль, дѣлая болѣе нравственной долю человѣка на землѣ. Монталамберъ видѣлъ въ Мицкевичѣ вѣрующаго патриота, который обнаружилъ болѣе смѣлой рукой, чѣмъ кто либо въ наше время, то, что ждетъ въ будущемъ наши политическія и социальныя учрежденія, въ всякихъ узкихъ національныхъ стремленій и на почвѣ высшихъ идей, дѣлающихъ честь человѣчеству. Мишле, читавшій вмѣстѣ съ Мицкевичемъ и Кине лекціи въ французской коллегіи въ сороковыхъ годахъ, восторженно говоритъ о своей первой лекціи 11 мая 1843 года: «Этотъ день былъ одинъ изъ лучшихъ дней моей жизни: Кине направо отъ меня, а Мицкевичъ налѣво присутствовали на этой лекціи, провозглашая этимъ существовавшую между нами гармонію и представляя молодежи прекрасный примѣръ искренней дружбы. Наше духовное единеніе свидѣтельствовало о братствѣ людей, о братствѣ народовъ, и я чувствовалъ при видѣ поляковъ, нѣмцевъ, великоруссовъ и итальянцевъ тѣснившихся въ аудиторіи, что въ моей груди билось сердце Европы». Ломени очень художественно рисуетъ портретъ поэта-профессора на его парижской кафедрѣ, но Морфиль, восторженно отзываясь о Мицкевичѣ, какъ о поэтѣ и патриотѣ, критически относится къ лекціямъ Мицкевича, которыя, по его словамъ, ничего не прибавили къ славѣ Мицкевича. «Прежде всего,—замѣчаетъ англійскій профессоръ,—онъ плохо зналъ славянскія литературы, кромѣ польской, и мало былъ знакомъ съ славянскими языками, кромѣ польскаго и русскаго; потомъ его лекціи свидѣтельствуютъ о фантастическихъ заблужденіяхъ въ области этимологій и этнологіи, что доказываетъ, какъ мало научнаго метода было въ его филологическихъ занятіяхъ». Въ томъ же духѣ отзывается о профессорской дѣятельности Мицкевича въ Парижѣ и Луи Леже въ своей біографіи великаго поэта, но онъ указываетъ главнымъ образомъ не на очевидный недостатокъ научной подкладки его лекцій, а на ихъ мистическій характеръ, дошедшій до того, что на его послѣдней лекціи раздавали портретъ Наполеона, плакавшаго надъ картой Европы, и что въ его аудиторіи мужчины плакали, а женщины падали въ обморокъ, слушая его мистико-идеально-этическія причитанія. За то, какъ поэтъ, Леже ставитъ Мицкевича рядомъ съ Гете, Байрономъ и Викторомъ Гюго. «Въ своей родинѣ,—говоритъ онъ,—Мицкевичъ былъ самымъ трогательнымъ и вѣщимъ несчастной любви и самымъ вдохновеннымъ выразителемъ скорбнаго патриотизма». Что касается до общаго содержанія обѣихъ статей Леже, то, конечно, ни біографія Мицкевича, ни очеркъ отношеній Мицкевича къ Пушкину, не представляютъ ничего новаго.

С М Ъ С Ъ .

ОТКРЫТИЕ памятника П. С. Нахимову. 18-го ноября, въ 45-ю годовщину синоискаго боя, открытъ въ Севастополѣ памятникъ герою синоискаго сраженія и севастопольской обороны адмиралу Павлу Степановичу Нахимову. Памятникъ сооруженъ между морскимъ собраніемъ и Графской пристанью и является третьимъ по счету памятникомъ, воздвигнутымъ въ Севастополѣ доблестнымъ дѣятелямъ черноморскаго флота: въ 1867 г. была почтена сооруженіемъ памятника память адмирала М. П. Лазарева, въ 1895 г. — адмирала В. А. Корнилова. П. С. Нахимовъ родился въ 1802 г. въ Вяземскомъ уѣздѣ, Смоленской губ. Получивъ образованіе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ уже въ 1818 г., по окончаніи курса произведенный въ мичманы, участвовалъ во многихъ плаваніяхъ, а затѣмъ подъ начальствомъ М. П. Лазарева, творца черноморскаго флота, совершилъ кругосвѣтное плаваніе. Въ 1827 году Нахимовъ участвовалъ въ эскадрѣ Лазарева въ сраженіи при Наваринѣ; за подвиги, оказанные въ этомъ сраженіи, когда былъ уничтоженъ соединенный турецко-египетскій флотъ, Нахимовъ получилъ орденъ Георгія 4-й степени, былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и назначенъ командиромъ взятаго въ плѣнъ турецкаго корвета «Наваринъ», а вслѣдъ затѣмъ фрегата. Въ 1845 г. Нахимовъ былъ произведенъ въ контръ-адмирала, въ 1852 г. — въ вице-адмирала. Когда началась война съ Турціей въ 1853 г., Нахимовъ былъ посланъ съ тремя кораблями въ крейсерство къ берегамъ Анатолиі, и здѣсь-то и произошла знаменитая синоиска битва: съ цѣлью закрыть выходъ турецкой эскадрѣ, по пути къ кавказскимъ берегамъ зашедшей въ Синоискую гавань, Нахимовъ при самой неблагоприятной погодѣ

приступилъ къ блокадѣ гавани; на третій день приготовленій, 18-го ноября, подъ дождемъ и при порывистомъ вѣтрѣ Нахимовъ вмѣстѣ съ присоединившейся къ нему эскадрой контръ-адмирала Новосильскаго подошелъ къ синопскому рейду, и черезъ какихъ нибудь три часа отъ 13-ти турецкихъ судовъ не осталось ничего; въ числѣ плѣнныхъ находился начальникъ турецкой эскадры Османъ-паша. Имя Нахимова сдѣлалось послѣ синопскаго боя однимъ изъ наиболѣе популярныхъ среди русскихъ моряковъ; онъ получилъ орденъ Георгія 2-й степени, а въ письмѣ императора Николая I, просившаго Меньшикова благодарить храбрыхъ моряковъ, указывалось на то, что Россія никогда не забудетъ синопской побѣды. Дальнѣйшая дѣятельность Нахимова происходила уже на сушѣ. Числясь командиромъ черноморскаго флота и севастопольскаго порта, онъ, въ крымскую кампанію, послѣ потопленія нашего флота, по назначенію главнокомандующаго завѣдывалъ обороной южной части Севастополя. Здѣсь онъ обнаружилъ выдающуюся энергію, которая въ соединеніи съ огромнымъ нравственнымъ влияніемъ его на войска имѣла такое большое значеніе во время продолжительной осады города союзниками. При одномъ изъ своихъ посѣщеній Корниловскаго бастиона, 28-го іюня 1855 г., Нахимовъ палъ, пораженный пулей въ голову. Тѣло Нахимова похоронено въ Севастополѣ, въ храмѣ св. Владиміра, рядомъ съ могилами Лазарева, Корнилова, Пегомина. Памятникъ Нахимову исполненъ по проекту и рисунку генералъ-лейтенанта Бильдерлинга и отлитъ изъ бронзы академикомъ Шредеромъ; пьедесталъ памятника изготовленъ изъ крымскаго гранита. «Русскій Инвалидъ» даетъ слѣдующее описаніе памятника. Адмиралъ изображенъ въ откинутой на затылокъ, по-матросски, фуражкѣ, въ сюртукѣ съ эполетами, съ саблею Османа-пашы, взятою Нахимовымъ послѣ синопскаго сраженія, и съ трубой въ рукѣ, стоящимъ на гранитномъ банкетѣ. У подножія банкета—кормовой флагъ, сдѣланный изъ бронзы, съ корабля «Императрица Марія», на которомъ находился Нахимовъ во время синопскаго боя. Здѣсь же на бронзовомъ листѣ, вычеканены слова изъ приказа, отданнаго Нахимовымъ 2-го ноября 1853 г., незадолго до синопскаго сраженія: «Увѣдомляю гг. командировъ, что, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, превышающимъ насъ въ силахъ, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло». На пьедесталѣ памятника, подъ приподнятыми складками шестающаго флага, помѣщено бронзовое барельефное изображеніе синопской битвы. По бокамъ—якоря, канаты, цѣпи и ядра. На лицевой сторонѣ, подъ статуей, находится надпись: «Адмиралу Павлу Степановичу Нахимову». На задней сторонѣ—бронзовый вѣнокъ, на которомъ изображено: «Смертельно раненъ на Корниловскомъ бастионѣ 28-го іюня, умеръ 30-го іюня 1855 г.» На одной изъ боковыхъ сторонъ пьедестала вылиты слѣдующія строки изъ стихотворенія графини Ростопчиной:

«Двѣнадцать разъ луна мѣнялась,
Луна взошла въ небесахъ,
А все осада продолжалась,
И поле смерти расширилось
Въ облитыхъ кровію стѣнахъ...»

Площадь, окружающая памятникъ, переименовывается отнынѣ, съ высочайшаго соизволенія, въ Нахимовскую. Самое торжество продолжалось два дня. 17-го ноября, утромъ, наканунѣ торжества, въ такъ называемомъ соборѣ адмираловъ, т. е. въ соборѣ св. Владиміра, въ нижнемъ его храмѣ, гдѣ посрединѣ, подъ общимъ лежащимъ мраморнымъ крестомъ, покоятся Лазаревъ, Корниловъ, Истоминъ и Нахимовъ, была совершена заукоинная литургія по Нахимовѣ и послѣ нея панихида. Въ половинѣ третьяго часа по полудни пришла въ Севастополь изъ Ливадіи подъ брѣвдъ-вымпеломъ его величества императорская яхта «Штандартъ». На рейдѣ встрѣтили яхту управляющій морскимъ министерствомъ вице-адмиралъ Тыртовъ 1-й и главный командиръ черноморскаго флота вице-адмиралъ Тыртовъ 2-й. 18-го ноября, съ девяти часовъ утра, на Нахимовскомъ проспектѣ, на площади, и у Графской пристани закипѣло движеніе. Бѣлая съ ея сквозной колоннадой Графская пристань украшена наверху сіяніемъ изъ флаговъ и убрана коврами. Противъ нея на рейдѣ обрисовывается величественный и изящный контуръ императорской яхты «Штандартъ» подъ брѣвдъ-вымпеломъ государя императора. На рейдѣ же красуются и три броненосца «Три Святителя», «Ростиславъ» и «Чесма», соименные тѣмъ судамъ, которыя входили въ составъ русской эскадры, уничтожившей турецкій флотъ при Синопѣ. На берегу,halbwegs отъ Графской пристани, тянется убранныя краснымъ сукномъ линія трибунъ для зрителей. Противъ нея и противъ морскаго собранія, почти въ центрѣ площади, возвышается открываемый памятникъ съ богатымъ постаментомъ. Статуя адмирала затянута бѣлымъ полотномъ. Направо, на восточной сторонѣ памятника, красуется изящный сквозной съ рѣзьбой навильонъ въ теремномъ русскомъ стилѣ; въ верхней части его, эффектно подбитый весь красной матеріей, въ плафонѣ главнаго купола складывается изъ матеріи Андреевскій флагъ съ синимъ крестомъ, въ центрѣ котораго изображеніе Георгіевского креста. На площадь входятъ съ музыкой и барабаннымъ боемъ войска, роты матросовъ и солдатъ, и выстраиваются. Трибуны наполняются публикой. Около памятника собираются въ разнообразныхъ парадныхъ мундирахъ, блестя золотомъ и серебромъ энлетъ и штыгя, военные, флотскіе, морскіе и гражданскіе чины. Преобладаютъ, конечно, моряки. Тутъ же группируются отставные участники севастопольской обороны. Вереницею тянутся гимназистки и воспитанники учебныхъ заведеній Севастополя. Площадь вся въ движеніи. Къ 10-ти часамъ все уже пришло въ порядокъ. Длинною линіею слѣва отъ Графской пристани вытянулись войска въ синихъ фланелевыхъ рубахахъ, роты флотскихъ черноморскихъ экипажей отъ 28-го по 35-ый, каждая съ знаменнымъ флагомъ; на правыхъ флангахъ 28-го и 32-го экипажей стоятъ хоры музыки. Далѣе подъ угломъ, тыломъ къ морскому собранію, выстроились въ мундирахъ команды сухопутныхъ войскъ, 49-го Брестскаго и 50-го Вѣлостокскаго пѣхотныхъ полковъ и Севастопольскаго крѣпостнаго батальона, каждая со знаменемъ, рота севастопольской крѣпостной артиллеріи, взводы отъ севастопольскихъ крѣпостныхъ саперной и минной ротъ и въ пѣшемъ строю—одна батарея отъ 13-й артиллерійской бригады. На лѣвомъ флангѣ стояли нижніе чины—участники синопскаго боя. Всѣми войсками на парадѣ командовалъ главный командиръ черноморскаго флота вице-адмиралъ Тыртовъ,

который съ своимъ начальникомъ штаба контръ-адмираломъ Бесуаромъ предварительно и обошелъ всю линію фронта. Съ правой стороны отъ Графской пристани, обрамляя площадь и почти примыкая къ войскамъ, стали учебныя заведенія: желѣзнодорожное училище, женская гимназія, реальное училище съ хоромъ музыки изъ своихъ же товарищей-учениковъ, морскія команды опоясывали всю площадь. Передъ приготовленнымъ для богослуженія мѣстомъ у памятника стало духовенство и пѣвчіе. Духовенство во главѣ съ преосвященнымъ Никономъ торжественною процессіей при звукахъ войсковыхъ хоровъ, игравшихъ «Коль славень», пришло къ памятнику изъ церкви морскаго вѣдомства съ хоромъ пѣвчихъ моряковъ. Погода была чудесная, лѣтняя. Солнце щедро обливало своими лучами всю оживленную блестящую картину площади. Въ 10^{1/2} час. на катерѣ императорской яхты «Штандартъ» подошелъ къ Графской пристани Государь Императоръ. Его Величество былъ въ морскомъ мундирѣ. Впереди фронта войскъ командующій парадомъ вице-адмиралъ Тыртовъ подалъ Его Величеству строевой рапортъ. Государь въ сопровожденіи свиты пошелъ по фронту войскъ. Забили барабаны, заиграла музыка «встрѣчу», склонились предъ Государемъ флаги и знамена. Государь здоровался съ частями. Громко неслись отвѣтные клики, и музыка играла «Боже, Царя храни». У навильона длинною линіей стояли участники сипонскаго боя—11 человекъ, и севастопольцы, служащіе и отставные. Государь всѣхъ обошелъ, разспрашивалъ и подавалъ руку. По обходѣ Государь вошелъ подъ сѣнь терема, гдѣ находились дамы изъ семействъ адмираловъ, прошелъ по линіи учениковъ реального училища, оркестръ которыхъ заигралъ «Боже Царя храни». Когда Государь окончилъ обходъ и подошелъ къ памятнику, съ послѣдняго спалъ занавѣсъ; войска взяли на караулъ, забили барабаны, заиграла музыка, броненосцы на рейдѣ загремѣли салютомъ въ память героя-адмирала, суда расцвѣтились флагами. По окончаніи богослуженія духовенство удалилось, а Государь осматривалъ памятникъ и, сопровождаемый управляющимъ морскимъ министерствомъ и генераломъ Бильдерлингомъ, удостоилъ многихъ изъ присутствовавшихъ севастопольцевъ милостивымъ разговоромъ. Войска между тѣмъ строились къ церемониальному маршу, заходя правымъ плечомъ къ линіи, мимо памятника, гдѣ сталъ впереди Государь. За главнымъ командиромъ и его штабомъ пошли пополуторно сперва моряки, потомъ пѣхота. На флангахъ частей проходили старшіе начальники. На флангѣ Брестскаго полка шель командующій одесскимъ округомъ. Всѣ прохожденія удостоились парекаго «спасибо». За войсками слѣдомъ подъ свой мѣднй хоръ прошли довольно стройно воспитанники реального училища. Постѣ церемониальнаго марша Государь ишкомъ прошелъ къ Графской пристани и при громкомъ «ура» народа отбылъ на катерѣ на яхту «Штандартъ». Въ 12 часовъ яхта подъ брѣйдъ-вымпеломъ Государя пошла въ Ялту. На площади народъ осматривалъ памятникъ, у котораго до 5-ти часовъ по полудни играли попеременно хоры военной музыки. Вечеромъ въ морскомъ собраніи состоялся обѣдъ на 450 человекъ. Преобладать морской элементъ. Присутствовали управляющій морскимъ министерствомъ, командующій войсками графъ Муспнъ-Пушкинъ, главный командиръ черноморскаго флота генераль-адъютантъ Кре-

мерь и защитники Севастополя, синопскіе герои, и во главѣ ихъ генераль-адъютантъ Перелешинъ. Всѣ приборы были украшены книгой бывшего моряка черноморскаго флота Е. В. Богдановича, озаглавленной «Синопъ-Севастополь». Изящная обложка книги изображаетъ памятникъ Нахимову по проекту генерала Вильдерлинга. Послѣ тостовъ во здравіе Ихъ Величествъ, цесаревича, августѣйшей семьи и генераль-адмирала, сопровождаемыхъ восторженными «ура», особенно радостно принять тостъ августѣйшему участнику обороны Севастополя великому князю Михаилу Николаевичу. Послѣ тостовъ адмиралу Перелешину, адмиралу Тыртову, главному командиру черноморскаго флота, графу Мусину-Пушкину и генералу Вильдерлингу, Е. В. Богдановичъ произнесъ слѣдующую рѣчь. «Еще одно историческое чествованіе изъ великой сева-стопольской эпохи! Среди монументовъ, воздвигнутыхъ въ Севастополѣ въ память безсмертныхъ Лазарева и Корнилова, заблестала величественный памятникъ славному гражданину земли Русской, герою-патріоту. Кто же этотъ прославленный въ народной памяти и такъ торжественно чествуемый сегодня герой, которому сегодня же у подножія памятника велія честь воздана самимъ верховнымъ вождемъ Россіи, чуткимъ выразителемъ народныхъ чувствъ? Это дворянинъ Смоленской губерніи, сынъ секундъ-майора екатерининскихъ временъ, Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Мичманъ въ балтійскомъ флотѣ, онъ вскорѣ заработалъ себѣ въ Наваринскомъ бою Георгіевскій крестъ, и затѣмъ два десятка лѣтъ былъ виднымъ старателемъ въ Черноморскомъ флотѣ, гдѣ его высоко цѣнили знаменитый наставникъ моряковъ, устроитель нашей морской силы въ Черномъ морѣ, незабвенный Михаилъ Петровичъ Лазаревъ. Стижавъ себѣ безсмертную славу синопскимъ боемъ и самоотверженными подвигами при оборонѣ Севастополя, Нахимовъ нать смертью храбрѣйшихъ на Корниловскомъ бастионѣ. Образецъ мужества, безиримѣрной преданности дѣлу, полного самозабвенія въ защитѣ родины и ея чести, воплощеніе простоты, кумиръ матроса и солдата—вотъ кому сегодня воздана Царемъ и Россіей достойная почестъ! Вся трудная жизнь Нахимова была непрерывнымъ поученіемъ для моряковъ, возбуждая въ нихъ патріотическія чувства и высокіе идеалы чести и долга. Ревностный ученикъ Лазарева, онъ въ свою очередь былъ достойнымъ учителемъ морскаго дѣла на Черномъ морѣ. Слѣдуетъ ли дивиться, что на смѣну флота, принесеннаго въ жертву въ тяжкую годину, къ великой скорби отечества, возродился новый Черноморскій флотъ? При такихъ традиціяхъ, какія оставили Лазаревъ, Нахимовъ, Корниловъ и Истомина, возрожденіе нашего флота въ Черномъ морѣ могло и должно было совершиться! Памятники славныхъ учителей, украшающіе пинѣ напѣ сева-стопольскій пантеонъ, конечно, на многіе вѣка останутся живыми, благиимъ назидашемъ для моряковъ! Посмотрите, какъ здѣсь, на Екатерининской площади, Павелъ Степановичъ гордо глядитъ на рейдъ и любитъ возрожденнымъ флотомъ! Вспоминая былую славу стараго флота, видя грозную готовность новаго и постояннаго, энергическія заботы въ развитію его матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, Павелъ Степановичъ кунцо съ нами радуется возрожденію нашего флота на Черномъ морѣ и прозрѣваетъ его блестящую будущность. Слава Нахимову... «Ура» возрожденному флоту!..» Рѣчь вызвала дружные привѣты всего собра-

нія оратору и чоканіе съ нимъ бокалами. Шумные аплодисменты вызвали Е. В. Богдановича на вторую рѣчь, прерываемую также живыми одобреніями. Затѣмъ произнесено было много рѣчей, а въ 10 часовъ открылся балъ въ залахъ морского собранія.

Освященіе памятника на братской могилѣ стрѣлковъ 2-го кавказскаго стрѣлковаго батальона, убитыхъ въ войну 1878 года 18-го января на правомъ берегу р. Кинтриши, происходило 21-го октября. Офицеры означеннаго батальона, во главѣ съ начальникомъ бригады и командиромъ батальона, вмѣстѣ съ взводомъ стрѣлковъ, представителей отъ батальона, выѣхали изъ Тифлиса наканунѣ этого торжества. У подножья горы Хуцубани возвышаются двѣ большія братскія могилы: передъ одной изъ нихъ—памятникъ, представляющій искусно сложенную изъ большихъ камней пирамиду—у основанія болѣе квадратной сажени, а въ высоту около 1¹/₂ сажени, — надъ которой возвышается большой черный крестъ. На передней сторонѣ этого изящнаго своей простотой памятника высѣченъ изъ камня черный крестъ, а ниже вдѣлана доска со слѣдующею надписью: «Братская могила 76 нижнимъ чинамъ 2-го кавказскаго стрѣлковаго батальона, убитымъ 18-го января 1878 года. Отъ родного батальона дорогимъ товарищамъ 18-го января 1898 г., въ командованіе батальономъ полковникомъ Лутца. Миръ праху вашему». Когда офицеры и войска, окруженные нестройной толпой мѣстныхъ жителей, вступили на террасу, гдѣ расположены памятники,—была прочтана исторія дѣла 18-го января и сооруженіе памятника; затѣмъ, было приступлено къ освященію послѣдняго. По освященіи памятника, всѣ прилежавшіе преклонили колѣна, и пѣвчіе пропѣли убитымъ стрѣлкамъ «Вѣчную память». По окончаніи церковнаго торжества, была произведена парадъ войскамъ, а затѣмъ была составлена и отправлена отъ имени стрѣлковъ телеграма его императорскому высочеству великому князю Михаилу Николаевичу, который осчастливилъ стрѣлковъ слѣдующимъ отвѣтомъ: «Радуюсь освященію памятника на могилѣ храбрыхъ стрѣлковъ, погибшихъ 18-го января 1878 г. Благодарю сердечно за чувства, выраженные въ вашей депешѣ. Михаилъ».

Къ юбилею Пушкина. 1. 26-го мая 1899 года исполнится сто лѣтъ со дня рожденія великаго поэта А. С. Пушкина. Псковское дворянство, земство и г. Псковъ постановили для достойнаго увѣковѣченія этого знаменательнаго дня ходатайствовать объ открытіи повсемѣстной подписки, дабы изъ собранныхъ средствъ 1) исправить памятникъ на могилѣ поэта въ Св. Горахъ Опочецкаго уѣзда и укрупнить гору, на которой онъ находится; 2) приобрести покупкою отъ наследниковъ А. С. Пушкина въ части или въ цѣломъ с. Михайловское Опочецкаго уѣзда, родовое имѣніе поэта, гдѣ онъ подолгу жилъ и гдѣ задуманы главныя его поэтическія произведенія; 3) устроить пріютъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ русскихъ поэтовъ и людей, посвятившихъ себя наукѣ и искусству; 4) построить въ г. Псковѣ домъ имени А. С. Пушкина, который бы вмѣщалъ въ себѣ бібліотеку, читальню, залъ для народныхъ чтеній, концертовъ и засѣданій разныхъ благотворительныхъ обществъ, и 5) обезпечить существованіе учрежденной уже въ Св. Горахъ богадѣльни и народной читальни имени А. С. Пушкина. Государь Императоръ сего 5-го октября

соизволилъ на открытіе повсемѣстной подписки и учрежденіе особаго комитета. Комитетъ сообщаетъ для всеобщаго свѣдѣнія, что деньги, по подпискѣ, принимаются во всѣхъ мѣстныхъ казначействахъ и отдѣленіяхъ государственнаго банка европейской и азіатской Россіи, а равно комитетомъ черезъ нековское отдѣленіе государственнаго банка. II. 20-го ноября въ малой конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ состоялось засѣданіе комисіи для выработки программы празднованія 26-го мая 1899 года столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина. Послѣ рѣчи августѣйшаго президента академіи было прочтано непремѣннымъ секретаремъ академіи Н. Θ. Дубровинымъ слѣдующее высочайшее повелѣніе, состоявшееся 28-го октября сего года: «Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу, 28-го минувшаго октября, высочайше соизволилъ на образованіе при императорской академіи наукъ особой комисіи по устройству празднованія исполняющагося 26-го мая 1899 года столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина, подъ предѣлительствомъ его императорскаго высочества президента императорской академіи наукъ, съ тѣмъ, чтобы выборъ членовъ этой комисіи былъ предоставленъ его императорскому высочеству; чтобы на комисію эту была возложена выработка программы чествованія и чтобы, въ случаѣ одобренія означенной программы Его Императорскимъ Величествомъ, комисія была уполномочена руководить устройствомъ празднествъ и входить по сему предмету въ сношеніе со всѣми лицами и учрежденіями, содѣйствіе которыхъ окажется необходимымъ и полезнымъ». Затѣмъ прочтаны были списки лицъ, коихъ, во исполненіе высочайшей воли, августѣйшему президенту угодно было пригласить въ составъ комисіи. Лица эти суть слѣдующія: вице-президентъ академіи тайный совѣтникъ Л. Н. Майковъ, непремѣнный секретарь генераль-лейтенантъ Н. Θ. Дубровинъ, академики: дѣйствительные тайные совѣтники: К. С. Веселовскій, А. Θ. Бычковъ и М. И. Сухомлиновъ, тайные совѣтники: А. Н. Веселовскій, Θ. А. Бредихинъ и И. В. Никитинъ, статскіе совѣтники: А. И. Пыпинъ и А. А. Шахматовъ, почетные члены академіи наукъ: его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, дѣйствительные тайные совѣтники: Д. М. Сольскій, К. П. Побѣдоносцевъ и Т. П. Филипповъ, тайный совѣтникъ А. Θ. Кони и гофмейстеръ двора его императорскаго величества графъ П. П. Толстой; члены-корреспонденты академіи наукъ: графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Д. В. Григоровичъ. Изъ числа постороннихъ лицъ въ составъ комисіи приглашены: управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ Н. П. Боголѣбовъ, академикъ императорской академіи художествъ М. Я. Виллье, директоръ императорскихъ театровъ гофмейстеръ П. А. Всеволожскій, товарищъ министра народнаго просвѣщенія дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. А. Звѣревъ, предсѣдатель Союза писателей дѣйствительный статскій совѣтникъ П. Н. Исаковъ, академикъ императорской академіи художествъ бар. М. П. Клодтъ, предсѣдатель педагогическаго музея генераль-майоръ А. Н. Макаровъ, статскіе совѣтники: В. П. Острогорскій и Н. А. Римскій-Корсаковъ, ректоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета тайный совѣтникъ В. П. Сергѣевичъ, редакторъ газеты «Правительственный Вѣстникъ» дѣйствительный статскій совѣтникъ К. К. Случевскій, дѣйствительный статскій совѣт-

никъ М. М. Стасюлевичъ, издатель «Новаго Времени» А. С. Суворинъ и директоръ Императорскаго Александровскаго лицея генераль-лейтенантъ Ѳ. А. Фельдманъ. Далѣе былъ прочитанъ краткій проектъ празднованія, составленный предварительно въ академіи. По обсужденіи сего проекта коммиссія постановила: 1) въ день празднованія 26-го мая 1899 года отслужить заупокойныя литургіи и панихиды съ возглашеніемъ вѣчной памяти императорамъ Павлу, Александру I и Николаю I и боярину Александру—въ Петербургѣ: въ Казанскомъ соборѣ, въ церкви при Императорскомъ Александровскомъ лицей, гдѣ воспитывался А. С. Пушкинъ, и въ Конюшенной церкви, гдѣ происходило отпѣваніе его тѣла, и въ Святогорскомъ монастырѣ (Исковской губ.), на могилѣ поэта. При этомъ коммиссія, обративъ вниманіе на Святогорскій монастырь, сочла необходимымъ принять мѣры къ тому, чтобы могила А. С. Пушкина была приведена въ надлежащій порядокъ и въ такомъ же видѣ содержалась на будущее время; 2) предложить, чтобы въ день празднованія заупокойныя литургіи и панихиды были отслужены въ церквахъ обѣихъ столицъ и въ соборныхъ храмахъ, а также въ церквахъ учебныхъ заведеній другихъ городовъ, особливо губернскихъ, причемъ духовенству предоставить, по окончаніи богослуженія, сказать пастырь приличное слово въ память объ А. С. Пушкинѣ; 3) 26-го мая, послѣ божественной службы, устроить торжественное публичное засѣданіе императорской академіи наукъ съ произнесеніемъ рѣчей и исполненіемъ особо написанной по сему случаю кантаты; за нѣсколько дней до 26-го мая въ большой конференцъ-залѣ академіи открыть выставку предметовъ, принадлежащихъ Пушкину, его рукописей, изданій его сочиненій и проч., къ осмотру которой посѣтители могли бы быть допускаемы въ теченіе десяти дней; 4) выразить желаніе, чтобы на слѣдующій день, 27-го мая, были даны на императорскихъ театрахъ въ Петербургѣ и Москвѣ особыя утреннее и вечернее представленія, для чего и просить директора императорскихъ театровъ доставить коммисіи свои соображенія; 5) для устройства школьнаго торжества просить всѣ вѣдомства, въ вѣдѣніи коихъ находятся учебныя заведенія, доставить коммисіи свои предложенія, чѣмъ именно, съ ихъ стороны, можетъ быть ознаменованъ день 26-го мая 1899 года; 6) испросить Высочайшее Государя Императора разрѣшеніе на выбитіе въ память празднованія столѣтней годовщины со дня рожденія Пушкина медали и жетона и, прежде того, просить г. вице-президента императорской академіи художествъ озаботиться изготовленіемъ проекта медали и жетона. Кромѣ того, коммиссія постановила составить, для выработки подробностей, особую исполнительную подкоммиссію подъ предѣлательствомъ августѣйшаго президента академіи наукъ изъ слѣдующихъ лицъ: вице-президента академіи наукъ Л. Н. Майкова, непремѣннаго секретаря Н. Ѳ. Дубровина, академикова: А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. Н. Веселовскаго, А. Н. Пышина и А. А. Шахматова, товарища министра народнаго просвѣщенія Н. А. Звѣрева, графа И. И. Толстого, П. А. Всеволожскаго, А. Ѳ. Кони, К. К. Случевскаго, М. Я. Виллье, Н. А. Римскаго-Корсакова, В. П. Острогорскаго и П. Н. Исакова. III. Въ Пушкинской коммисіи при московскомъ обществѣ любителей русской словесности, въ 3-мъ засѣданіи, 17-го ноября, коммиссія постановила устроить въ теченіе мая и пер-

выхъ чиселъ іюня Пушкинскую выставку въ залахъ императорскаго историческаго музея. Предложеніе директора училища живописи, ваянія и зодчества, князя А. Е. Львова, объ участіи совѣта училища въ дѣлѣ устройства торжествъ въ память имѣющагося исполниться столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина принято комиссіей съ благодарностью. **IV** Московское общество грамотности, въ засѣданіи 12 ноября, постановило по случаю предстоящаго столѣтняго юбилея А. С. Пушкина, со дня его рожденія, издать: 1) сборникъ избранныхъ стихотвореній Пушкина цѣною отъ 10 до 15 копеекъ, 2) сборникъ сочиненій поэта, 3) общедоступную біографію Пушкина и 4) избранныя критическія статьи изъ сочиненій Бѣлинскаго о Пушкинѣ. **V** Въ виду предстоящаго 100-лѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина московская городская дума, по предложенію городского головы кн. В. М. Голицына, поручила городской управѣ представить въ непродолжительномъ времени особый докладъ о способѣ чествованія памяти великаго поэта. **VI** Новоржевское земское собраніе постановило наименовать одну изъ вновь открывающихся земскихъ школъ «Пушкинской» и возложить въ день чествованія памяти поэта на могилу его вѣнокъ. **VII** Одесское литературно-артистическое общество предполагаетъ торжественно отпраздновать наступающее въ маѣ будущаго года столѣтіе со дня рожденія Пушкина. Общество постановило заняться собираніемъ всевозможныхъ свѣдѣній и матеріаловъ, касающихся пребыванія великаго поэта на югѣ Россіи, о чемъ и помѣщается ниже, по просьбѣ общества, особое заявленіе. **VIII** Въ Симферополѣ, въ засѣданіи думы рѣшено поручить управѣ разработать программу увѣковѣченія памяти А. С. Пушкина по случаю столѣтія со дня его рожденія. **IX** Въ виду неразрывной связи пушкинской поэзіи съ Тавридою, г. Маркевичъ выступаетъ въ «Крымскомъ Вѣстникѣ» съ предложеніемъ почтить столѣтнюю годовщину со дня рожденія поэта (26 мая 1899 г.) сооруженіемъ ему памятника въ Крыму. Невъзя ожидать, говоритъ г. Маркевичъ, разногласія и по вопросу о томъ, гдѣ именно въ Тавридѣ долженъ быть поставленъ этотъ памятникъ. И по значенію Симферополя, какъ главнаго города губерніи, и по положенію его на Салгирѣ, «веселые брега» котораго такъ манили къ себѣ поэта, памятникъ Пушкину всего умѣстнѣе было бы поставить въ этомъ городѣ. **X** Въ Петербургѣ, на общѣхъ белетристовъ, состоявшемся 30-го октября, предложено изданіе «Пушкинскаго сборника» ко дню столѣтія рожденія великаго поэта, къ 26-му мая 1899 г., съ цѣлью увеличенія средствъ, собираемыхъ съ высочайшаго соизволенія исковскимъ дворянствомъ, для приобрѣтенія хотя бы части земель села Михайловскаго. Редакторами изданія избраны: П. Н. Гнѣдичъ, Д. Л. Мордовцевъ, К. К. Случевскій, кандидатами къ нимъ—А. В. Амфиатовъ и Н. Н. Каразинъ; секретаремъ—В. М. Грибовскій; выборы эти состоялись на общѣхъ 20-го ноября. Редакторы покорнѣйше просятъ гг. литераторовъ, желающихъ принять посильное участіе въ составленіи «Сборника», не отказать въ присылкѣ матеріаловъ и писемъ на имя Вячеслава Михайловича Грибовскаго—«С.-Петербургъ, Озерной пер., д. 3—9, кв. 19».

С.-Петербургское археологическое общество. **I.** 16-го ноября состоялось, подъ предѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, засѣданіе классическаго отдѣленія. Графъ А. А. Бобринскій сдѣлалъ докладъ о «сокровищницѣ аббат-

ства св. Маврикія въ долині Роны». Чрезвычайно богатая сокровищница эта почти неизвѣстна ученымъ археологамъ, такъ какъ доступъ въ нее крайне затруднителенъ. Правда, сокровищница эта описана, и довольно подробно, Эд. Оберомъ (Aubert) въ его изданіи: «Trésor de l'Abbaye de Saint-Maurice d' Agaune»; но рисунки, приложенные къ этому изданію, исполнены грубо и не всегда вѣрно. Особенное вниманіе докладчикъ обратилъ на старинную рѣзную вазу изъ цѣльнаго цвѣтнаго камня, переданную по легендѣ ангелами св. Мартину, и на сосудъ въ формѣ кувшина, роскошно отдѣланный перегородчатой эмалью. По мнѣнію докладчика сосудъ этотъ, относящійся, повидимому, къ началу XII вѣка, въ виду тонкости его работы, не можетъ быть отнесенъ, какъ это сдѣлалъ Н. П. Кондаковъ, на основаніи снимка Обера, на счетъ восточно-византійской промышленности. Н. П. Кондаковъ, замѣтивъ на это, что врядъ ли данный сосудъ можетъ быть отнесенъ къ XII вѣку, добавилъ, что онъ въ настоящее время отказывается отъ своего первоначальнаго предположенія о восточно-византійскомъ происхожденіи сосуда, и склоненъ видѣть въ немъ работу сицилійскихъ мастеровъ, пользовавшихся восточно-византійскими образцами. Затѣмъ секретарь отдѣленія С. А. Жебелевъ сообщилъ докладъ В. К. Мальмберга: «Западный фронтонъ храма Асклепія въ Эпидаврѣ». Такъ какъ докладъ этотъ будетъ напечатанъ въ январской книжкѣ «Журн. Мн. Нар. Просв.», то ограничимся замѣчаніемъ, что г. Мальмбергъ, подвергнувъ на мѣстѣ тщательной критикѣ реставрацію фронтона, сдѣланную Дефрасомъ, указалъ на ея ошибки, предложилъ свою, при которой достигается полная симетрія въ расположеніи фигуръ на фронтонѣ. 11-го ноября состоялось подѣ председательствомъ А. Ѳ. Бычкова общее собраніе. Здѣсь были избраны большинствомъ голосовъ въ медальную комиссію слѣдующія лица: баронъ В. Р. Розень, Н. В. Покровский, А. И. Соболевскій, Н. П. Веселовскій и графъ А. А. Бобринскій. Затѣмъ Э. А. Браунъ сообщилъ о произведенныхъ имъ лѣтомъ нынѣшняго года раскопкахъ «Чмыревой могилы», кургана въ Мелитопольскомъ уѣздѣ (Таврической губерніи) близъ села Большой Вѣлозерки. Чмырева могила, подобно многимъ изъ нашихъ кургановъ, носитъ на себѣ слѣды грабительскихъ раскопокъ кладовскателей. И дѣйствительно, при началѣ уже работъ г-нъ Браунъ увидѣлъ, что Чмырева могила разграблена, но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ раскопки, надѣясь найти что либо, и ожиданія его оправдались; онъ нашелъ не тронутое грабителями конское погребеніе. Въ открытой имъ могилѣ лежали въ большомъ беспорядкѣ кости десяти коней, очевидно, не убитыхъ, а введенныхъ туда живыми и засыпанныхъ землей. У череповъ погребенныхъ лошадей изслѣдователями было найдено много серебряныхъ, золотыхъ и бронзовыхъ украшеній, а также желѣзныя удила. Всѣ найденные предметы, за исключеніемъ одного случая, украшали, повидимому, уздечки. Такъ какъ предметы эти лежали въ извѣстной послѣдовательности, то это дало г. Брауну возможность сдѣлать попытку реставрировать головной уборъ лошадей. Дальнѣйшія изслѣдованія кургана дали лишь нѣсколько золотыхъ бляхъ, немного мелкихъ желѣзныхъ обломковъ, нѣсколько бронзовыхъ стрѣлокъ и костяныхъ вещицъ. Изученіе найденныхъ предметовъ привело докладчика къ заключенію, что мы здѣсь имѣемъ дѣло не со скинскимъ, а съ сарматскимъ погребеніемъ IV—III в. до Р. Хр.

Общество любителей древней письменности. 13-го ноября состоялось общее собраніе, подъ предѣдательствомъ С. Д. Шереметева. Въ началѣ засѣданія предѣдателемъ было заявлено о томъ, что общество понесло утрату въ лицѣ скончавшихся почетнаго члена общества Г. Д. Филимонова и членовъ-кореспондентовъ Н. Я. Красницкаго и Я. П. Полонскаго. Общество почтило память покойныхъ вставаніемъ. Затѣмъ Н. В. Покровскій прочелъ некрологъ Г. Д. Филимонова, охарактеризовавъ въ немъ научныя работы покойнаго и указавъ на значеніе его въ исторіи изученія древне-русскаго искусства. Первое сообщеніе, посвященное вопросу о томъ, «когда Филаретъ Никитичъ былъ нареченъ въ патріархи московскіе», было сдѣлано С. Ф. Платоновымъ. Докладчикъ первоначально остановился на обстоятельствахъ воцаренія кн. В. И. Шуйскаго. Указавъ на олигархическій составъ и реакціонный характеръ того круга лицъ, который возвелъ Шуйскаго на престолъ, референтъ высказалъ мысль, что въ крестоцѣлительной записи царя Василія слѣдуетъ видѣть не условія ограниченія Шуйскаго, а торжественное, закрѣпленное присягою, изложеніе правительственной программы, которой намѣренъ былъ держаться новый царь. Въ этой программѣ заключалось косвенное осужденіе правительственной системы и дворцовыхъ порядковъ предшествующихъ лѣтъ. Выросшая именно въ этихъ порядкахъ среда негитулованныхъ бояръ отвелась къ царю Василію безъ всякаго сочувствія. Вѣроятно, замѣтивъ нерасположеніе къ себѣ Филарета Никитича, Шуйскій лишилъ его почести, которою почтилъ его въ первые дни своего правленія. Есть рядъ извѣстій, говорящихъ, что въ маѣ 1606 года Филаретъ былъ нареченъ, до Гермогена, въ санъ патріарха московскаго, а въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца возвращенъ въ прежнее достоинство ростовскаго митрополита. Это изложеніе Филарета, происшедшее одновременно со ссылкой въ Соловки Спмеона Бекбулатовича и съ оналою на другихъ бояръ (Н. Н. Шереметева, кн. П. Б. Черкаскаго), указываетъ на какое-то боярское движеніе противъ Шуйскаго, смыслъ котораго возстановить съ полною точностью пока нѣтъ возможности. Второе сообщеніе: «О научныхъ задачахъ археологій русскаго искусства», было сдѣлано Н. П. Кондаковымъ. Въ общихъ чертахъ содержаніе этого сообщенія состояло въ слѣдующемъ. Древне-русское искусство представляетъ столь же крупно сложенный типъ, каковы всѣ историческіе характеры, и является полноправнымъ братомъ національныхъ искусствъ Западной Европы. Докладчикъ указалъ, что нельзя называть искусство кievскаго періода византійскимъ, и что оно является продуктомъ греко-восточной промышленности, центромъ которой былъ не Константинополь, а Сирія и всѣ области греко-восточнаго искусства. Доказательствомъ этого является тождество находокъ Кіева и Херсонеса. Затѣмъ докладчикъ высказалъ свой взглядъ на такъ называемыя романскія скульптуры суздальскихъ церквей, которыхъ основныя типы (скульптуры въ соборѣ Юрьева Польскаго) имѣютъ, по его мнѣнію, источникъ не западный и никакъ не романскій, а арабо-византійскій, хотя въ предѣлахъ Дмитровскаго собора и представляютъ уже редакцію южно-европейскую. Сходство архитектурныхъ памятниковъ владиміреко-суздальской Руси съ ломбардскими, на которое указывали исследователи, — случайно, потому что

ломбардское искусство само слагалось подъ влияніемъ тѣхъ же факторовъ, какъ и владимірско-суздальское, только эти факторы были занесены другимъ путемъ. И наука посѣщила окрестить звѣриный стиль, который даетъ главнымъ образомъ основаніе сближать памятники средневѣковаго искусства съ владимірско-суздальскимъ, «романскимъ», тогда какъ несомнѣнно, что звѣриный стиль представляетъ собою начальный періодъ средневѣковаго искусства всей южной, юго-западной и юго-восточной Европы въ періодъ сложенія европейскихъ государствъ. Основнымъ началомъ этого искусства была старина и традиція, внесенная въ него содѣйствіемъ культуръ византійской и арабской. Звѣриные типы этого общаго стиля образовались на востокѣ и переданы всего живѣе, богаче и лучше въ скульптурахъ суздальскихъ, а всего художественнѣе въ памятникахъ Ломбардіи, почему и были окрещены именемъ «ломбардскаго» или «романскаго» стиля. На нѣсколькихъ примѣрахъ затѣмъ докладчикъ представилъ, что реальное объясненіе этихъ типовъ (единорога и другихъ фантастическихъ звѣриныхъ фигуръ) зависить отъ сближенія съ памятниками и оригиналами Сибири и Китая: звѣриный стиль возникъ у тюркскихъ племенъ, затѣмъ занесенъ кочевниками въ Китай и Индію въ эпоху образованія дружинныхъ государствъ въ этихъ странахъ и воспринятъ осѣдлыми культурными племенами, какъ нѣчто волшебное, сказочное, и потому въ народномъ искусствѣ декоративномъ по-преимуществу. В. В. Стасовъ выразилъ желаніе, чтобы въ виду научной важности сообщенія Н. П. Кондакова оно было напечатано въ возможно близкомъ времени. Въ члены корреспонденты общества избраны баронъ де-Вай и В. А. Тураевъ.

Археологическій институтъ. I. Слушатели Археологическаго института къ предстоявшей въ декабрѣ археологической выставкѣ изготовили скульптурные слѣпки наиболѣе характерныхъ кургановъ, обследованныхъ въ Царско-сельскомъ и Гдовскомъ уѣздахъ. Дѣлкомъ руководилъ преподаватель художественной техники въ институтѣ Н. К. Рерихъ. Слѣпки представляютъ собою точныя копія кургановъ въ уменьшенномъ масштабѣ съ окраскою, близкою къ естественной. Въ то же время изготовлялись слѣпки съ ожерелій, глиняныхъ сосудовъ и другихъ предметовъ, найденныхъ въ курганахъ. **II.** Въ засѣданіи 5-го ноября полковникъ генеральнаго штаба Н. Р. Николаевъ прочелъ докладъ о монетной системѣ древней Руси. Докладчикъ воспользовался литературой предмета и данными старинныхъ летописей, чтобы освѣтить спорный вопросъ о мѣновыхъ цѣнностяхъ и древне-русской монетной системѣ. Какъ извѣстно, въ старину употреблялись въ торговыхъ операціяхъ куны, ногаты и бѣлки. По мнѣнію г. Николаева, куны это куній мѣхъ, ногаты — куны съ лапами, а не металл, какъ признаетъ это профессоръ Прозоровскій, производя названіе «куны» отъ глагола «ковать». Монетная система на Руси существовала еще при Владимірѣ Святославичѣ. На ряду съ кунами и ногатами были въ употребленіи слитки серебра: гривны, гривенки и рубли. Новгородскія гривенки, равныя половинѣ гривны, вѣсили 48 золотниковъ чистаго серебра, кіевскія — 36 золотниковъ. Такая разница въ вѣсѣ зависѣла, по мнѣнію докладчика, отъ влияния на торговлю сѣвера нѣмецкихъ монетъ и на торговлю юга Россіи греческихъ монетъ. Въ XI вѣкѣ русскія монеты въ видѣ слитковъ серебра

приобрѣтають общее распространеніе на Руси. Однако, чеканка монеты въ современномъ смыслѣ началась только въ XV вѣкѣ. Въ этомъ отношеніи Новгородъ и Исковъ занимавшіеся обширными торговыми операціями, предупредили Москву. Первоначальная чеканка выразилась въ томъ, что извѣстныя торговыя фирмы ставили свои клейма на рубляхъ, полтинахъ и гривеникахъ. Это было вызвано неустойчивостью вѣса монетъ разныхъ чеканокъ. Когда Москва стала главенствовать, московскія монеты, такъ называемыя московки или деньги (рубль—200 московкамъ или 100 новгородкамъ), мало-по-малу стали распространяться по всей Руси. Появилось на монетахъ великокняжеское клеймо. Монеты 1536 года имѣли уже изображеніе князя на конѣ съ коньемъ въ рукѣ (отсюда и названіе конейка). Затѣмъ докладчикъ подробно остановился на выясненіи постепеннаго уменьшенія цѣнности рубля. При Василии Темномъ изъ фунта серебра дѣлалось 5 рублей, при Іоаннѣ Грозномъ—6 руб., при Василии Шуйскомъ—6 руб. 30¹/₂ коп., при Михаилѣ Феодоровичѣ—8 руб. 77 коп., при Алексѣй Михайловичѣ—10 руб. 24 коп., въ 1698 г. — 13 руб. 16¹/₂ коп., въ 1704 г. — 15 руб. 36 коп., въ 1731 г. — 19 руб. 74¹/₂ коп., нынѣ — 20 руб. 26¹/₂ коп.

Историческое общество. Въ прошедшемъ 11-го ноября засѣданіи Историческаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ Н. П. Павловъ-Сильванскій сдѣлалъ рефератъ на тему: «Имунитеты удѣльной Руси въ сравненіи съ западными» (XII—XV вв). Рефератъ, представлявшій изъ себя опытъ историко-сравнительнаго изученія русскаго права, носилъ специально научный характеръ. Сравнивая русскіе имунитеты, состоявшіе изъ судебныхъ привилегій, податныхъ и пр., съ существовавшими на Западѣ, гдѣ они были однимъ изъ основныхъ учрежденій феодальнаго строя, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что и тѣ и другіе по существу очень сходны между собою и имѣютъ одни и тѣ же основныя принципы. Отличія, встрѣчающіяся между ними, не представляются существенными.

Географическое общество. Въ общемъ собраніи, прошедшемъ подъ предѣлательствомъ Н. П. Семенова, дѣйствительный членъ общества генералъ-майоръ М. П. Фабриціусъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о посѣщеніи имъ въ прошломъ году мало еще изслѣдованнаго Саянскаго края. Эта горная область лежитъ въ центрѣ Азіи и, вачная отъ Великаго Сибирскаго пути, постепенно поднимается съ 1.400 футовъ надъ уровнемъ моря, достигая у предѣловъ Китайской имперіи высоты 11.200 футовъ (вершина горнаго узла Мунку-Сардыкъ). Отъ этого горнаго узла протягиваются къ сѣверу и востоку пять горныхъ хребтовъ: собственно Саяны, Тункинскіе Бѣлки, Китайскіе гольцы, Вѣльскій хребетъ и хребетъ между рѣками Бѣлой и Окой. Орошается край рѣками Ангарой, Окой, Пркутомъ, Китаемъ, Бѣлой и ихъ притоками. Если мысленно разрѣзать край двумя горизонтальными плоскостями, то онъ раздѣлится на три области. Первая область — степная, она заключаетъ рѣку Ангару, сибирскій почтовый трактъ и полотно желѣзной дороги. Эта часть страны наиболѣе населена; здѣсь рядъ большихъ русскихъ и бурятскихъ селъ и обработанныхъ полей. Но на 50 верстъ къ югу отъ почтоваго тракта уже не встрѣчается ни большихъ поселеній, ни колесныхъ дорогъ, замѣняемыхъ конными

тропами, ведущими въ слѣдующую область. Вторая область—сплошная горная тайга, покрытая трудно проходимымъ лѣсомъ, заваленная буреломомъ, съ огромными торфяными и моховыми бассейнами на склонахъ покатостей, съ крутыми, каменными ущельями, бока которыхъ покрыты осынями, по которымъ несутся внизъ рѣки и ручьи. Здѣсь нѣтъ ни человѣческаго жилья, ни дорогъ, а есть только тропы, проложенныя охотниками за медвѣдями, изюбрами (маралами — *Capreolus maral*), котами, соболями и другими животными, единственными обитателями этой области. Человѣкъ здѣсь бываетъ только въ сентябрѣ и октябрѣ для охоты, сбора кедровыхъ орѣховъ и рыбной ловли. Наконецъ, третья область—гольцовая, съ обнаженными горами, надъ которыми величественно вздымаются вершины Мунку-Саганъ-Сардыкъ (крутой гольцъ, оканчивающійся шестью зубцами, расположенными на одной высотѣ, какъ зубцы короны) и нѣкоторыхъ гольцевъ цѣпи Китайскихъ горъ и Тункинскихъ бѣлковъ. Склоны рѣкъ здѣсь покрыты сочными альпійскими лугами, лѣсовъ нѣтъ. По верховьямъ рѣкъ кое-гдѣ разбросаны поселенія бурятовъ и жалкіе поселки сойтовъ. Деревянные юрты сойговъ разбросаны далеко одна отъ другой, чтобы для каждой семьи было достаточно подножнаго корма для ея скота. Сойтовы рѣдко покидаютъ свои высоты и то только для охоты, а дома сидятъ все время у огня въ юртѣ. Потребности ихъ невелики: хлѣба они не ѣдятъ, изрѣдка оленье мясо, а ежедневную пищую служитъ имъ кирпичный чай, заваренный въ котлѣ съ молокомъ, мукой и солью (затуранъ). Все необходимое добывается въ промѣнъ за шкуры, и потому удача или неудача промысла — все въ жизни сойота. Умственное развитіе ихъ стоитъ на очень низкой ступени. Край этотъ коренное мѣстороженіе одного изъ рѣдкихъ минераловъ—нефрита. Кабинетъ Его Императорскаго Величества, нуждаясь въ нефритѣ для императорскихъ гранильныхъ фабрикъ въ Колывани, Екатеринбургѣ и Петергофѣ, предложилъ горному инженеру Л. А. Ячевскому, работавшему на Средне-Сибирской желѣзной дорогѣ, произвести поиски этого минерала въ Саянскомъ краѣ и, если возможно, открыть коренное его мѣстороженіе, такъ какъ появилась потребность въ большомъ кускѣ, какового въ низовьяхъ Саянскаго края найти нельзя. Во вторую поѣздку въ 1897 году Л. А. Ячевскому удалось открыть коренное мѣстороженіе на рѣкѣ Халаджикѣ, о чемъ и было немедленно донесено кабинету, который командировалъ туда докладчика, съ цѣлью осмотрѣть это коренное мѣстороженіе и изучить пути края и способы, которыми можно было бы доставить большія глыбы нефрита съ коренного мѣстороженія къ Великому Сибирскому пути. Указавъ на тѣ трудности, которыя встрѣнитъ осуществленіе проектируемой перевозки требуемыхъ глыбъ нефрита, генералъ-майоръ Фабриціусъ выразилъ надежду, что съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги вдоль этого края, въ немъ закипитъ горнозаводская жизнь. Лѣтъ 35 назадъ тамъ уже добывали графитъ, а на дняхъ получено извѣстіе, что въ Саянскомъ краѣ найдено золото. Горы Саянскаго края, отливающія всеми цвѣтами радуги, свидѣтельствуютъ о минералахъ, скрывающихся въ недрахъ ихъ и ждутъ своихъ взлѣдывателей. II. 3-го ноября состоялось засѣданіе по отдѣленіямъ географіи физической и математической. Въ началѣ засѣданія, какъ первомъ послѣ канікулъ, было указано на результаты

предпринятых по инициативѣ и на средства Общества послѣднихъ ученыхъ экспедицій. Нѣкоторыя изъ нихъ еще не кончены, нѣкоторыя потребовали дополнительныхъ свѣдѣній, иныя же доведены до конца и дали богатые и интересные результаты, какъ, наиримѣрь, экспедиція Кольская, о которой въ скоромъ времени прочтаны будутъ доклады. Экспедиція въ область Тяньшана, хотя еще не окончена, но о ней съ мѣста имѣются интересные свѣдѣнія; открыты ледники въ южномъ Алтаѣ, а также найденъ очень интересный священный камень аэролитъ, очень большихъ размѣровъ и глубоко ушедшій въ землю. Затѣмъ членомъ общества г. Лесгафтомъ былъ прочтаны докладъ о влияніи Гольфштрема на климатъ Европы. До самаго поздняго времени влияние это было очень гадательно. И только въ послѣднее время были сдѣланы попытки, какъ, наиримѣрь, работа Петерсона, провести эту зависимость, такъ сказать, въ количественномъ отношеніи. Докладчикъ взялъ группу путей, берущихъ начало въ Атлантическомъ океанѣ и Норвежскомъ морѣ, и сопоставилъ ихъ движеніе съ движеніями и распредѣленіями циклоновъ въ Западной Европѣ. Дѣлая наблюденія за 19 лѣтъ отъ 72 до 91 года и именно въ продолженіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ — декабря, января и февраля, онъ указалъ на тѣсное взаимодѣйствіе колебаній движеній и температуры Гольфштрема съ колебаніями атмосферическими. Взаимодѣйствіе это большею частью периодически и чередуется зимы и четныя и нечетныя. III. Въ засѣданіи 10 ноября по отдѣленію статистики П. В. Кулаковымъ былъ прочтаны докладъ «Рыбопромышленность и рыбороторговля въ низовьяхъ Енисея (Туруханскій край)». Вопросъ этотъ г. Кулаковъ весьма тщательно изучилъ на мѣстѣ. Рыбы, по его словамъ, въ Енисей огромное количество и тѣмъ ближе къ устью, тѣмъ больше. Занято рыболовствомъ почти все взрослое населеніе Туруханскаго края — большинство инородцевъ, остяки, самоѣды и др. Рыболовный промыселъ развивается особенно въ послѣднія 10 лѣтъ. Въ 1860 г. добывалось около 14 тыс. пудовъ рыбы, въ 1890 г. до 30 тыс. пуд., а въ 1897 г. добыто болѣе 60 тыс. пуд. Въ этомъ количествѣ не считается рыба свѣжая. Конечной сельди производится до 2-хъ тыс. пуд. Работаютъ около 350 неводовъ. Въ Енисей много дельфиновъ, которые заходятъ далеко вверхъ, преслѣдуя рыбу; ихъ ловятъ сѣтями. Въ устьѣ около Крестовскихъ острововъ встрѣчаются тюлени. Но несмотря на увеличеніе количества добываемой рыбы, рыболовство въ Туруханскомъ край находится въ самомъ зачаточномъ состояніи и ведется хищническимъ способомъ. Заняты имъ, какъ сказано выше, инородцы, которые дѣйствуютъ самостоятельно и находятся совершенно въ рукахъ нѣсколькихъ русскихъ промышленниковъ, эксплуатирующихъ ихъ до крайности. Рыбороторговцы же въ свою очередь находятся въ зависимости отъ пароходовладѣльцевъ, которые на 5 пароходахъ вывозятъ изъ Туруханскаго края $\frac{3}{4}$ рыбы. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ рыбопромышленники могутъ сами доставлять рыбу и пользоваться правомъ провоза. Обыкновенно пароходы выходятъ въ мѣсьмѣсяцѣ, идутъ по Енисею до острововъ, оставляя по дорогѣ засольщиковъ, забираютъ рыбу обратнымъ рейсомъ и возвращаются въ Енисейскъ въ августѣ. Расчетъ обыкновенно происходитъ уже на мѣстѣ, при чемъ и цѣны устанавливаются тутъ же и вполне произвольно, при чемъ и здѣсь оять $\frac{1}{3}$ вылачи-

вается товаромъ—дамскими ботинками и вареньемъ. Насколько подобное положение выгодно пароходовладѣльцамъ, видно изъ ихъ доходовъ; такъ пароходъ «Енисей», считающійся самымъ добросовѣстнымъ, въ 1896 г. получилъ чистаго дохода болѣе 23 тысячъ. При такомъ положеніи дѣла, какъ говорить докладчикъ, рыбопромышленность не можетъ процвѣтать, и необходимы какія либо мѣры. Хорошо было бы подчинить рыбные промыслы министерству земледѣлія. Въ заключеніе докладчикъ остановился на нуждѣ края въ соли, которая тамъ дорога—до 1 р. 10 к. п. плохого качества. А между тѣмъ, это очень препятствуетъ успѣху рыбной промышленности. Дѣлались опыты производства консервовъ, икры, балыковъ, и результаты получались недурные, но вести это въ широкомъ видѣ за неимѣніемъ хорошей и недорогой соли невозможно. Между тѣмъ, въ краѣ существуетъ много соляныхъ источниковъ, которыхъ никто не разрабатываетъ. **IV.** Въ засѣданіи 13 ноября по отдѣлу этнографіи дѣйствительный членъ А. М. Старковъ сдѣлалъ очень интересное сообщеніе о Карельскомъ краѣ. Карельскій край есть сѣверо-западная часть Олонецкой губерніи, край небольшой, но, благодаря своему положенію, крайне замкнутый. Несмотря на то, что онъ лежитъ отъ Петербурга въ какихъ нибудь 300 верстахъ, для насъ онъ почти terra incognita и, чтобы проникнуть туда, какъ это сдѣлалъ докладчикъ, нужно отправиться окольнымъ путемъ черезъ Финляндію и употребить на это 2 мѣсяца. Причиной этому является недоступность края, вслѣдствіе его геологическихъ особенностей. По всему его протяженію идутъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ застывшія гранитныя волны, съ растянутыми между ними озерами, соединяющимися и образующими водопады, стремнины и пороги. Эти волны такъ правильно идутъ въ одномъ направленіи, что одинъ изъ острововъ, повернувшійся въ другомъ, пріобрѣлъ названіе дурака-острова. Конечной цѣлью г. Старкова было проникнуть къ точкѣ водораздѣла, куда еще никто не доходилъ. Эта точка водораздѣла представляетъ изъ себя болото, откуда вытекаютъ три рѣки: одна идетъ черезъ Вуоксу въ Неву, другая—является истокомъ Кеми и идетъ слѣдовательно въ Вѣлое море и третья рѣка Улео въ Ботнической заливъ. Путешествіе свое г. Старкову пришлось сдѣлать большею частью на лодкѣ и отчасти пѣшкомъ, ибо дорогъ нѣтъ никакихъ, и мѣстность—почти сплошной лѣсъ. Населеніе очень рѣдко, около одного человека на восемь верстъ. Между тѣмъ край богатъ. Онъ обладаетъ огромнымъ запасомъ механической силы—водяной. Въ одномъ Повѣнецкомъ уѣздѣ, по вычисленію референта, этой силы до 3-хъ милліоновъ лошадиныхъ силъ. Богатъ край и минералами, значительны залежи мѣдной руды, есть серебро, уголь. Въ озерахъ желѣзная руда съ огромнымъ процентомъ желѣза (до 77⁰/₁₀₀), лежитъ прямо большими кусками съ кокосовые орѣхи величиной. Много также кварцеваго песку, который мы выписываемъ изъ Англіи за большія деньги (онъ идетъ для плавки стекла). Озера кишатъ рыбами; сюда изъ Финляндіи стали пробираться англичане для ловли лососей. Подобныя посѣщенія для насъ неспріятны, ибо они при этомъ, по словамъ референта, сыплютъ золотомъ и пріучаютъ крестьянъ къ прямому обдирательству. Но иногда рыба исчезаетъ и уходитъ года на три огромными стадами за какой нибудь партией лѣса, но только въ томъ случаѣ, если деревья идутъ въ корѣ, почему въ Фин-

ляндіи подь угрозой большихъ штрафовъ запрещается сплавлять деревья не очищенными. Объясняется это тѣмъ, что въ корѣ остается множество личинокъ, привлекающихъ мелкую рыбу, а за мелкой идетъ крупная. Карелы народъ финскаго племени, очень симпатичный, добродушный и крайне честный. Семейныя отношенія у нихъ очень симпатичны; женщины чрезвычайно уважаются, не бываетъ случая, чтобы дѣвушку отдавали насильно замужъ. Карелы народъ православный съ начала XIII вѣка, но тѣ, которые ближе къ Финляндіи, вносятъ въ религію нѣкоторый раціонализмъ; раціонализмъ, впрочемъ, развивается и помимо вліянія Финляндіи, вѣдѣствіе съ одной стороны недостаточности священниковъ, — въ иныхъ селеніяхъ священникъ бываетъ раза два въ годъ. Народъ карелы довольно зажиточный. Ближе къ Финляндіи жители занимаются отхожими промыслами, и въ восточной части Финляндіи почти всѣ лавочники и торговцы карелы. Особенно сильно развито коробейничество, несмотря на огромный рискъ. Коробейники карелы, по вышедшему недавно постановленію, стоятъ внѣ закона, на нихъ охотятся, какъ на звѣрей, и по нимъ разрѣшено стрѣлять. Между тѣмъ финляндцы, какъ это ни странно, сами покрываютъ и прячутъ ихъ отъ своихъ властей и любятъ покупать у нихъ товаръ, хотя сами сознаютъ, что платятъ имъ гораздо дороже за далеко худшій товаръ, чѣмъ ихъ собственный, мѣстный.

Географическое отдѣленіе общества любителей естествознанія въ Москвѣ. Въ засѣданіи 18-го ноября, Н. А. Янчукъ сообщилъ объ одномъ невольномъ наблюдателѣ нашего крайняго востока въ концѣ XVIII вѣка. Это былъ именно бригадиръ І. Коонецъ, сподвижникъ Косцюшки, взятый въ плѣнъ въ сраженіи при Мацѣевичахъ 1794 г. и сосланный затѣмъ въ Камчатку. По восшествіи на престолъ императора Павла онъ былъ помилованъ и вернулся на родину. Записки его были опубликованы только въ 1863 г. въ Берлинѣ и, въ извлеченіи, переведены въ «Историческомъ Вѣстникѣ». На двѣ трети онѣ касаются прежней жизни автора и представляютъ лишь историческій интересъ, но нѣсколько главъ посвящены Камчаткѣ и вообще Сибири и заключаютъ въ себѣ между прочимъ и данныя объ инородцахъ. Въ виду того, что эти данныя Коцеца остаются почти неизвѣстными, референтъ и привелъ извлеченія изъ нихъ. Коонецъ говоритъ о природѣ страны о вулканахъ, землетрясеніяхъ, климатѣ, растительности, животныхъ, о камчадалахъ и чукчахъ, объ образѣ жизни ихъ, промыслахъ, описываетъ свадебные и похоронные обряды (сожиганіе труновъ) и наконецъ пляски и продѣлки шаманокъ. — В. М. Михайловскій говоритъ о Васко да-Гамѣ и объ открытіи морскаго пути въ Индію, по случаю исполнившагося въ нынѣшнемъ году четырехсотлѣтія со времени этого событія. — А. Θ. Флеровъ сдѣлалъ сообщеніе объ образованіи болотъ и заростаніи озеръ во Владимірской губ. Указавъ на важность изученія растительныхъ сообществъ и ихъ смѣны въ зависимости отъ условій почвы, влажности, дѣятельности человека и т. д., референтъ остановился на борьбѣ лѣсныхъ сообществъ съ болотными, иллюстрируя свое изложеніе массой картинъ на экранѣ. Исследованная г. Флеровымъ мѣстность раздѣляется на двѣ полосы: глинисто-холмистую полосу моренной глины, идущую чрезъ южную часть Переяславскаго уѣзда и сѣверную часть Александровскаго — на сѣверо-востокъ въ Ярославскую губ.,

и на полюсу равнино-песчаную, на сѣверѣ Переяславскаго и Юрьевскаго уѣздовъ. Въ обѣихъ полосахъ масса болотъ, озеръ и рѣчекъ, причеъ то болото образуется на счетъ лѣса, то лѣсъ развивается на усыхающемъ болотѣ. Болотъ больше въ песчаной полосѣ, гдѣ они тянутся на десятки верстъ. Образование ихъ объясняется частью залегаемъ на небольшой глубинѣ моренной глины, частью накопленемъ въ поверхностныхъ слояхъ почвы органическихъ остатковъ, представляющихъ довольно непроницаемъ пластъ, а главнымъ образомъ тѣмъ, что въ пронцаемомъ для воды пескѣ появляются прослойки орштейна, — песка, сцементированнаго органическими соединениями и оксидами желѣза. Далѣе референтъ говорилъ о процессѣ заболачиванія лѣсовъ, о развитіи моховыхъ и осоко-травяныхъ болотъ и гибели отъ того лѣса, о заболачиваніи пожеговъ и выгорѣвшихъ лѣсовъ, о влияніи на заболачиваніе ключей, о происхожденіи болотъ въ заливаемыхъ весною рѣчныхъ долинахъ, наконецъ, о заболачиваніи озеръ. Озера въ изслѣдованной мѣстности двухъ типовъ: болѣе глубокиа, среди высокихъ холмовъ, въ глинистой полосѣ, и мелкиа, среди болотъ, въ песчаной. Зарастаніе озеръ начинается съ появленія водяной растительности и вызываемаго тѣмъ обмеленія, благоприятствующаго размноженію прибрежно-водныхъ растений (камышъ, тростникъ, трезубка и пр.), а также травяныхъ мховъ и гинновъ. Озеро превращается мало-по-малу въ зыбкое болото, въ осоковое, иногда съ громадными кочками, а съ уплотненіемъ почвы появляется возможность для кустарной и древесной растительности; болото превращается въ ольшанникъ или березнякъ и наконецъ — въ болотистый лѣсъ. Всѣ эти переходы были иллюстрированы картинами на экранѣ съ фотографій референта.

Антропологическое общество при Военно-медицинской академіи. 23-го ноября, прозекторъ П. Э. Шавловскій демонстрировалъ принесенный недавно въ даръ академіи княгиней Волконской скелетъ муміи, купленный ею въ одномъ изъ музеевъ въ Египтѣ и вывезенный съ разрѣшенія египетскаго правительства. Скелетъ относится ко времени 22 династіи, т.-е. приблизительно за 900 лѣтъ до Р. Х., и представляетъ изъ себя большой интересъ, какъ почти полный и весьма хорошо сохранившійся. По нѣкоторымъ даннымъ, онъ принадлежалъ какой-то жрицѣ. При развертываніи муміи, въ ногахъ ея найденъ былъ папирусъ, но, къ сожалѣнію, онъ распался на мелкиа частицы, такъ что собрать его было нельзя. Собраніе съ большимъ интересомъ разсматривало скелетъ. По этому поводу П. Э. Шавловскій привелъ нѣкоторыя данныя касательно способовъ приготвленія мумій въ древности. Таковыхъ было три, при чемъ самый дорогой стоилъ на наши деньги около 2 тыс. руб. Бальзамированіе употреблялось въ древности не только въ цѣляхъ сохраненія тѣла, но, какъ видно изъ папирусовъ, и для очищенія отъ грѣховъ. Въ засѣданіи, въ числѣ прочихъ присутствовалъ, прибывшій въ Петербургъ, членъ парижскаго антропологическаго общества г. Жевренъ, который выразилъ привѣтствіе обществу отъ имени парижскаго антропологическаго общества и сдѣлалъ предложеніе объ обмѣнѣ между обществами изданіями и разными антропологическими предметами. Г. Жевренъ былъ привѣтствованъ въ собраніи шумными и продолжительными аплодисментами.

Антропологическое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ.

Въ четвергь, 12-го ноября, состоялось, подъ предѣтельствомъ проф. Э. Ю. Петри, засѣданіе, посвященное докладу И. В. Передольскаго: «По Енисею до Ледовитаго океана». Докладчикъ совершилъ нѣсколько путешествій по Сѣверу и р. Енисею, вдоль ея береговъ. Предметомъ его доклада было описаніе изученнаго имъ во время странствованій быта инородцевъ Туруханскаго края. Край этотъ по своему протяженію охватываетъ столько пространства, сколько занимаютъ взятыя вмѣстѣ Австро-Венгрія, Франція, Писанія, Англія и Турція, и заселенъ многочисленными инородцами, которыхъ, однако же, въ доисторическія времена, какъ свидѣтельствуяютъ оставленные ими памятники, было гораздо больше. Здѣшнихъ, современныхъ инородцевъ цивилизація еще не коснулась, несмотря на неисчерпаемыя природныя богатства. Всѣ усилія насадить здѣсь промышленность и торговлю оставались до сихъ поръ безплодными. Естественныя богатства также почти не разрабатываются, и въ глазахъ администраціи Туруханскій край считается безполезнымъ и требующимъ только расходовъ. Край этотъ по справедливости можно назвать заброшеннымъ: его никто не видитъ, и ничего о немъ не слышно. Заселеніе его началось съ XVII столѣтія поселенцами и ссыльными, представлявшими собою отбросы европейскаго общества; исконное же населеніе состоитъ изъ остяковъ, тунгузовъ, самоѣдовъ, юраковъ и другихъ мелкихъ народцевъ. Ихъ занятія—звѣринные и рыбные промыслы и оленеводство, но, къ сожалѣнію, эти, сами по себѣ богатые и прибыльные, промыслы только содѣйствуютъ вымиранію этихъ инородцевъ. Причина этого печальнаго явленія заключается въ томъ, что всѣ они закабалены русскими торговцами, сплавляющими населеніе и опутавшими его непроходимой сѣтью такихъ долговъ, до происхожденія которыхъ не могутъ докопаться даже сами кредиторы. Какъ бы ни были удачны ловъ и охота, культурный сосѣдь-торговецъ безжалостно отбираетъ всю добычу за долгъ, предоставляя инородцу и его семьѣ голодать и терпѣть холодъ всю зиму. Кредиторы доводятъ свою жестокость до того, что требуютъ за долги къ себѣ на работу инородцевъ въ самую страдную пору рыбной ловли на Енисеѣ, которая обезнечила бы имъ безбѣдное существованіе на круглый годъ. Все это доводитъ инородца до нищеты. У него остаются одни только олени, но кулакъ добирается и до нихъ и отбираетъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Послѣ доклада было предложено организовать комиссію, которая могла бы обдумать вопросъ, нельзя ли прійти какънибудь инородцамъ на помощь. Въ составъ комиссіи рѣшено привлечь общества: географическое, охраненія народнаго здравія и оба антропологическія въ Петербургѣ.

Подготовительныя работы къ XI археологическому съѣзду. Членами историческаго общества Нестора-лѣтписца произведенъ былъ лѣтомъ по порученію предварительнаго комитета по устройству XI-го археологическаго съѣзда, созываемаго въ августѣ 1899 года въ Кіевѣ, цѣлый рядъ археологическихъ изысканій въ разныхъ мѣстностяхъ юго-западной Россіи, а также въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской. Краткіе отчеты о результатахъ этихъ экскурсій переданы предварительному комитету. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ отчетъ предѣдателя предварительнаго комитета про-

фессора В. В. Антоновича, который въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ производилъ раскопки въ Кременецкомъ и Дубенскомъ уѣздахъ, Волынской губерніи. Имъ раскопано 3 обширныхъ могильника близъ сс. Брыкова, Быковыи и Краснаго, сняты планы очертаній 56 городищъ, обследовано 14 стоянокъ каменнаго вѣка, провѣрены имѣющіяся свѣдѣнія о металлическихъ постройкахъ, осмотрѣны коллекціи трехъ любителей археологій: гг. Орлова, Житинскаго и Волянскаго. Матеріалъ, собранный профессоромъ Антоновичемъ, послужитъ цѣннымъ вкладомъ для составляемой имъ археологической карты Волынской губерніи. До сихъ поръ намѣчено въ предѣлахъ Волынской губерніи болѣе 1.000 пунктовъ, заслуживающихъ вниманія въ археологическомъ отношеніи. Весьма плодотворной оказалась также ученая экскурсія, предпринятая заведующимъ центральнымъ архивомъ юго-западнаго края, находящимся при университетѣ св. Владимира, П. М. Каманинымъ, посѣтившимъ многія историческія мѣстности Волыни и Подолія. Цѣль поѣздки г. Каманина — знакомство на мѣстѣ съ монастырскими и церковными библіотеками, осмотръ палеографическихъ памятниковъ, древнихъ рукописей, старопечатныхъ книгъ и вообще осмотръ различныхъ архивовъ какъ правительственныхъ учреждений, такъ и частныхъ. Г. Каманинъ осмотрѣлъ архивы и библіотеки Житомира, Заславля, Каменецъ-Подольска, Острога, Кременца, Владиміра-Волынскаго, Ковеля, Луцка, Дубно, Почаевскаго монастыря, м. Чуднова, м. Полоннаго и м. Славуты. Къ сожалѣнію, славутскій архивъ, принадлежавшій владѣльцамъ кн. Сангушко, г. Каманину не удалось осмотрѣть. Ознакомленіе съ интересными историческими документами, хранящимися въ этомъ архивѣ, доступно только полякамъ, русскимъ ученымъ доступна нѣтъ. Такую же неудачу испытали также другіе русскіе историки, которые пытались проникнуть въ славутскій архивъ. Кн. Сангушко издастъ часть архивнаго матеріала въ Краковѣ, причемъ распредѣленіемъ матеріаловъ заняты профессора Краковскаго и Львовскаго университетовъ. Весьма интересный матеріалъ найденъ г. Каманинымъ въ архивѣ и библіотекѣ Почаевскаго монастыря, а также въ Острогѣ. Болѣе интересныя старопечатныя книги и рукописи предполагается выставить на выставкѣ, которая будетъ организована во время съѣзда. Въ числѣ намѣченныхъ старопечатныхъ книгъ есть весьма рѣдкія и совершенно неизвѣстныя библіофиламъ. Профессору Лашкаревъ обследовалъ древнія церкви Чернигова, изъ нихъ 5 относятся къ великокняжескому періоду. Сняты подробные планы и фотографіи. Также осмотрѣны профессоромъ Лашкаревымъ храмы Новгородъ-Сѣверска, но по времени постройки они относятся къ XVII и XVIII вѣкамъ. Особенный интересъ представляютъ стѣны, окружающія Новгородъ-Сѣверскій монастырь. Произведено и много другихъ изслѣдованій. Вообще, судя по обширнымъ приготовленіямъ, XI-й археологическій съѣздъ обѣщаетъ быть весьма интереснымъ и привлечетъ много ученыхъ и любителей археологій.

Новое изданіе Академіи Наукъ. Императорская Академія Наукъ предполагаетъ въ непродолжительномъ времени приступить къ изданію сочиненій русскихъ писателей съ древнѣйшихъ временъ и отдѣльныхъ безыменныхъ памятниковъ русской словесности по плану, представленному академиками М. П. Су-

хотливымъ и А. А. Шахматовымъ. Редакторомъ и завѣдывающимъ этимъ изданіемъ, какъ передаютъ газеты, избранъ академикъ М. И. Сухомлиновъ.

Одесское литературно-артистическое общество. 26-го мая 1899 года исполнится столѣтіе со дня рожденія А. С. Пушкина. Россія уже готовится къ торжественному чествованію памяти великаго поэта въ этотъ день. Желая внести свою лепту въ это общерусское дѣло, Одесское литературно-артистическое общество, въ засѣданіи литературной секціи, избрало особую комиссію, которой поручено: а) выработать программу празднованія обществомъ 26-го мая 1899 года, б) собрать находящіеся въ частныхъ рукахъ письма Пушкина за время пребыванія его на югѣ Россіи, а также его вещи и вообще предметы, имѣющіе то или иное отношеніе къ его памяти, в) собрать воспоминанія о немъ за то же время, г) издать Литературный Сборникъ, включивъ въ него неизданныя письма Пушкина, воспоминанія о немъ за время пребыванія въ Кишиневѣ и Одессѣ и литературно-артистическія статьи, касающіяся дѣятельности поэта на Югѣ, и д) устроить въ помѣщеніи общества «Пушкинскую комнату», собрать здѣсь изданныя сочиненія Пушкина и литературу о немъ, бюсты и портреты Пушкина, автографы и предметы его и т. п. Въ виду этого, правленіе считаетъ своимъ долгомъ просить почитателей великаго поэта оказать ему содѣйствіе посредствомъ сообщенія свѣдѣній и матеріаловъ, относящихся до пребыванія Пушкина на Югѣ, или указанія лицъ, къ которымъ можно было бы обратиться за полученіемъ ихъ. Правленіе съ благодарностью приметъ и матеріальную помощь для наилучшаго изданія Сборника, а также даръ—въ видѣ сочиненій Пушкина, бюстовъ, портретовъ его и т. п. предметовъ для образованія «Пушкинской комнаты— и, наконецъ, статьи для Сборника. Всѣ свѣдѣнія и запросы правленіе просить адресовать на имя члена комиссіи—секретаря общества Ивана Антоновича Смирнова (Бульваръ, д. Марзлии). Сообщенія могутъ направляться также на имя членовъ комиссіи: Александра Спирidonовича Попандонуло (редакція «Одесскаго Листка»), Николая Петровича Цакни (редакція «Южнаго Обзорнія»), Власа Михайловича Дорошевича (редакція «Одесскаго Листка»), Александра Митрофановича Федорова (редакція «Южнаго Обзорнія»), профессора Алексѣя Ивановича Маркевича (Канатная, собственный домъ), Адольфа Игнатъевича Черкасса (Спирidonовская, № 7), Николая Гавриловича Вучетича (редакція «Южнаго Обзорнія»), Михаила Георгіевича Попруженко (Публичная бібліотека), Митрофана Васильевича Шимановскаго (Ямекая, собств. домъ № 84) и Валеріана Николаевича Петровскаго (Ямекая, домъ № 92).

Русское отдѣленіе Археологическаго общества. 12 декабря, состоялось засѣданіе Русскаго отдѣленія Археологическаго общества подъ предѣдательствомъ С. Ф. Платонова. Управляющій отдѣленіемъ просилъ проф. А. В. Прахова сообщить свое мнѣніе по вопросу объ изданіи памятниковъ древней стѣнной живописи въ Кіевскомъ упраздненномъ Кирилловскомъ монастырѣ. А. В. Праховъ сообщилъ, что въ настоящее время копій съ фресокъ этого монастыря находятся въ одномъ изъ помѣщеній университета. Фрески эти интересны въ томъ отношеніи, что онѣ служатъ доказательствомъ развитія русскаго искусства въ Кіевѣ. Такъ, въ Софійскомъ соборѣ находятся греческія надписи; въ Михайлов-

скомъ монастырѣ—греческія же, но и немного славянскихъ; въ Кирилловомъ же—всѣ надписи славянскія; конечно, формы фресокъ не самостоятельны. Кромѣ того, фрески этой церкви даютъ матеріалъ для объясненія смысла общей росписи церквей: это изображеніе спасенія человѣчества, начиная отъ сотворенія міра, продолжая Ветхимъ Заветомъ, проповѣдями Христа, за нимъ апостоловъ и, наконецъ, житіемъ святого, которому посвященъ храмъ. Пзданія этихъ фресокъ составило бы цѣнный вкладъ въ литературу, но при этомъ слѣдовало бы издать планы и фасады церквей. Кромѣ того, А. В. Праховъ указалъ на рядъ открытій, сдѣланныхъ имъ въ Кіевской Софій: надписи, начертанныя гвоздями; древній мраморъ, которымъ нѣкогда былъ облицованъ низъ этого храма, части древняго Софійскаго пола, фрагменты древнихъ бронзъ, древнія окна и т. д. Затѣмъ Н. П. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе о курганныхъ дольменахъ въ Кубанской области. Вслѣдствіе скудости археологическаго матеріала изслѣдователи принуждены были до сей поры ограничиваться главнымъ образомъ разсужденіями о конструктивныхъ типахъ дольменовъ, ихъ топографическомъ распространеніи, а о всемъ прочемъ высказывать гадательныя предположенія. На сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта особенно много дольменовъ, гдѣ встрѣчаются цѣлыя поля, устланныя дольменами, извѣстными въ народѣ подъ именемъ «богатырскихъ могилъ». Всѣ они расхищены самымъ основательнымъ образомъ. Профессору Веселовскому удалось минувшимъ лѣтомъ открыть два дольмена, состоявшіе изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ каменной перегородкой съ окномъ. Дольмены сохранились въ цѣлости со всею обстановкой и потому представляютъ большой научный интересъ. Въ первомъ дольменѣ костякъ лежалъ на боку въ согнутомъ положеніи и былъ густо посыпанъ сурikomъ, изъ вещей здѣсь найдены: спиральные кольца, серьги съ привѣсками, игла и бусы, мѣдные топоры, долота, конья, ножи, глиняные сосуды и проч. Въ другомъ дольменѣ обстановка была та же, только немного бѣднѣе, но зато тамъ сохранились и остатки одежды. Покойникъ былъ одѣтъ въ мѣховую шубу мѣхомъ наружу, и все также было покрыто сурikomъ; круглое отверстіе (окно) въ перегородкѣ дало поводъ докладчику отождествить дольменное сооруженіе съ жилымъ помѣщеніемъ.

Премія имени Г. О. Карпова. Въ прошедшемъ 25 ноября засѣданіи состоящаго при Московскомъ университетѣ императорскаго общества исторіи и древностей русскіихъ избраны въ члены комиссіи по присужденію премии имени Г. О. Карпова слѣдующія лица: предѣдатель общества заслуженный профессоръ В. О. Ключевскій, дѣйствительные члены: Д. П. Шловайскій и приватъ-доценты: В. А. Уляницкій, М. А. Любавскій, С. А. Бѣлокуровъ. Въ этомъ же засѣданіи бібліотекаремъ Общества избранъ помощникъ бібліотекаря фундаментальной бібліотеки Московскаго университета—Е. П. Соколовъ.

Премія М. И. Михельсона. На конкурсное трехлѣтіе 1898—1900 гг. для совсканія премии имени д. ст. с. М. И. Михельсона при императорской академіи наукъ, отдѣленіе русскаго языка и словесности академіи назначило слѣдующія задачи: 1) тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія; 2) германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка, и 3) западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую

эпоху. Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16-го декабря 1900 года; размѣръ премій—1,000, 500 и 300 руб.

Приращенія московскихъ музеевъ. **I.** Н. Ѳ. Филимонова, вдова хранителя московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ Г. Д. Филимонова, изъ оставшагося послѣ покойнаго богатаго собранія коллекцій древностей, принесла въ даръ музеямъ двѣнадцать витринъ съ предметами до-исторической древности. **II.** Этнографическое отдѣленіе московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ получило въ даръ отъ бывшаго начальника Анадырскаго округа Н. Л. Гондатти значительную и весьма интересную коллекцію предметовъ изъ быта чукчей, коряковъ, ороchonъ и русскихъ крайняго Сѣвера, гдѣ г. Гондатти прослужилъ три года. Въ составъ коллекціи входятъ костюмы, промысловыя, хозяйственные и военныя орудія, предметы мѣстнаго производства, музыкальные инструменты, принадлежности домашняго обихода, религіознаго культа и проч., а также модели жилищъ, нарты, ловушекъ на звѣрей и т. д. Вообще коллекція г. Гондатти, вмѣстѣ съ принесенной въ даръ тому же музею въ прошломъ году коллекціей г. Шимкевича изъ быта гольдовъ и ороchonъ, а равно доставленными лѣтъ десять тому назадъ, тоже г. Гондатти, предметами, поясняющими жизнь вогуловъ и остяковъ, послужитъ прекраснымъ пособіемъ для изученія сибирской этнографіи. Одновременно съ тѣмъ значительное число предметовъ изъ быта чукчей, эскимосовъ, коряковъ и другихъ народностей крайняго Сѣверо-востока передано г-мъ Гондатти въ даръ антропологическому музею Московскаго университета. Въ числѣ этихъ предметовъ особенно интересны остатки сравнительно недавней старины: каменные орудія изъ Камчатки, гдѣ ихъ застали еще въ употребленіи, въ прошломъ вѣкѣ, путешествовавшей по порученію академіи наукъ Крашенинниковъ; каменные топоры, молотки, каменные и костяные наконечники стрѣлъ и гарпуновъ, приборы для добыванія огня, своеобразныя орудія изъ оленьяго рога, китовыхъ костей, иголки, нитки изъ оленьихъ сухожилій, охотничьи принадлежности, оленьи лопатки, употребляемыя для гаданія, идолы, амулеты и т. д., а равно серія фотографическихъ видовъ.

† **Н. П. Раевскій.** 8 ноября, въ С.-Петербургѣ, скончался на 64 году жизни одинъ изъ видныхъ русскихъ педагоговъ, Николай Ивановичъ Раевскій, имя котораго пользуется извѣстностью, какъ автора распространенныхъ учебниковъ географіи и ботаники. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, Н. П. избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще. Сперва онъ преподавалъ естественную исторію въ пятой гимназіи, Смольномъ и Маріинскомъ институтахъ, затѣмъ былъ инспекторомъ пятой гимназіи и пріюта принца П. Г. Ольденбургскаго. Въ 1873 году былъ назначенъ директоромъ Сергіевскаго реальнаго училища въ Исковѣ. Въ первый же годъ онъ устроилъ при училищѣ чтеніе публичныхъ лекцій по разнымъ предметамъ, затѣмъ обогатилъ Исковъ благоустроеннымъ ботаническимъ садомъ. Н. П. явился однимъ изъ первыхъ директоровъ реальныхъ училищъ, которые горячо пропагандировали широкое ознакомленіе учащейся молодежи съ природою. Энергичная дѣятельность и здравая идея покойнаго о воспитаніи юношества сдѣлали Н. П. однимъ изъ популярнѣйшихъ педагоговъ 70 годовъ. Въ 1881 году покойный

былъ назначенъ директоромъ Лѣсного института, вскорѣ затѣмъ директоромъ оренбургскаго учительскаго института и главнымъ инспекторомъ училищъ Восточной Сибири—на постъ, соответствующій должности понечителя округа Европейской Россіи. Его старанія развить школьное дѣло на востокъ Сибири встрѣтили массу противодѣйствій и препятствій, борьба съ которыми почти всегда кончалась неудачей. Покойный сталъ тяготиться своимъ высокимъ, но безпомощнымъ положеніемъ и въ 1888 году съ удовольствіемъ промѣнялъ почетъ и видное положеніе въ Сибири на скромный трудъ въ качествѣ директора московскаго учительскаго института. Изъ Москвы онъ переехалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ сперва директоромъ народныхъ училищъ, затѣмъ директоромъ второго реальнаго училища, вице-президентомъ общества садоводства, инициаторомъ украшеній городскихъ садовъ Петербурга цвѣточными клумбами, дѣятельнымъ сотрудникомъ Педагогическаго музея и участникомъ почти всѣхъ международныхъ географическихъ конгрессовъ. Какъ авторъ учебниковъ, П. П. хорошо извѣстенъ; его учебники географіи въ трехъ частяхъ примѣняются почти во всѣхъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и выдержали уже шесть изданій. Въ послѣдніе годы покойный издалъ въ двухъ выпускахъ «Физическое землѣдѣніе», «Ботанику», «Таблицы для опредѣленія семействъ и родовъ петербургской флоры» и др. книги. («Нов. Вр.» № 8155).

† **В. А. Воскресенскій.** 30-го октября, скончался директоръ гатчинской учительской семинаріи, преподаватель русскаго языка и словесности, Василій Алексѣевичъ Воскресенскій. Покойный былъ дѣятельнымъ членомъ нѣсколькихъ отдѣловъ педагогическаго музея (секціи Я. А. Коменскаго, учителей русскаго языка и др.). Въ педагогическую литературу, помимо редактированія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ «Педагогическаго календаря», онъ внесъ цѣнный вкладъ двумя солидными трудами: «Поэтикой» — хрестоматіей по теоріи словесности и русской народной поэзіи — хрестоматіей, составленной изъ произведеній народно-устной словесности. («Русск. Вѣд.» № 241).

† **Е. Д. Полѣнова.** 7-го ноября, въ Москвѣ, скончалась художница Елена Дмитріевна Полѣнова (сестра художника Полѣнова) на 48-мъ году своей жизни. Начавъ первоначальное художественное обученіе въ С.-Петербургѣ, въ школѣ художника Чистякова, она 14-ти лѣтъ поступила въ рисовальную школу при Обществѣ поощренія художествъ, гдѣ училась у Крамскаго. Проводя въ Парижѣ зиму 1869—1870 года, она занималась тамъ живописью въ мастерской Шанлена. Проживая затѣмъ въ Петербургѣ до 1874 года, она занималась все время въ мастерской Чистякова, такъ что болѣе всего можетъ считаться его ученицей. Въ эти же годы она изучала исторію, въ особенности русскую, подъ руководствомъ своего отца, что замѣтно не столько въ ея картинахъ изъ современной жпзни, сколько въ эскизахъ, изъ которыхъ эскизъ «Масляница» знакомъ нашей публикѣ. Война 1877—1878 годовъ оторвала Е. Д. отъ художественныхъ занятій, и она провела время войны въ Кіевѣ, гдѣ въ военномъ госпиталѣ исполняла обязанности сестры милосердія. Послѣ окончанія войны она опять занималась въ школѣ поощренія художествъ и получила двѣ серебряныя медали и порученіе отправиться въ Парижъ для изученія керамики. По возвращеніи изъ Парижа (1880 г.) она открыла при школѣ керамическій

классъ, гдѣ занималась преподаваніемъ около двухъ лѣтъ, когда по семейнымъ обстоятельствамъ должна была переѣхать на житье въ Москву. Къ первымъ годамъ ея пребыванія съ Москвою относится первая ея картина «Мастерская иконописца», появившаяся на выставкѣ передвижниковъ и пріобрѣтенная П. М. Третьяковымъ для его галлерей. Напомнимъ также ея слѣдующія картины, появившіяся въ разное время на московскихъ выставкахъ: «Семья шарманщика», «Въ гостяхъ у крестной», «Русская масляница». Е. Д. выставяла много акварелей, а въ послѣдніе годы иллюстраціи къ русскимъ сказкамъ; изъ нихъ сказка «Грибы» была издана въ свѣтъ самой художницей. Нельзя не вспомнить ея участія въ столярной мастерской Е. З. Мамонтовой, выразившагося въ изготовленіи русскихъ стилизныхъ рисунковъ для столярныхъ работъ. За послѣднее время она приняла участіе въ образованіи кружка художниковъ для систематической разработкѣ сюжетовъ изъ библейской и русской исторіи съ цѣлью устраивать такого рода историческія выставки, которыя могли бы сдѣлаться доступными и для народа. Въ 1897 году, отправившись для поправленія здоровья за границу, Е. Д. занималась эскизами для заказаннаго ей декоративнаго фриза, который долженъ былъ украшать сельскую столовую («Русск. Вѣд.», № 250; «Нов. Вр.», № 8158; «Моск. Вѣд.», № 311).

† **В. Н. Юргевичъ**, 24-го ноября 1898 г. въ Одессѣ, Владиславъ Норбертовичъ Юргевичъ, вице-президентъ Одесскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. Покойный родился въ Вильнѣ въ 1819 г.; первоначальное образованіе получилъ въ Виленскомъ, а потомъ въ Ковенскомъ училищѣ. Четырнадцати лѣтъ отъ роду онъ лично подалъ императору Николаю Павловичу, во время его пребыванія въ Ковно, прошеніе о принятіи его въ педагогическій институтъ, куда и былъ зачисленъ, по высочайшему повелѣнію въ 1837 году, на историко-филологическое отдѣленіе.

По окончаніи института въ 1841 году, съ званіемъ старшаго учителя и съ золотою медалью, В. Н. Юргевичъ былъ отправленъ въ Лейпцигскій университетъ и, по возвращеніи оттуда, назначенъ въ 1844 году исправляющимъ должность адъюнкта-профессора греческой и римской словесности въ Харьковскій университетъ. Въ 1858 году онъ былъ переведенъ профессоромъ римской словесности въ Ришельевскій лицей, гдѣ былъ и инспекторомъ, и, по преобразованіи послѣдняго въ Новороссійскій университетъ, состоялъ тамъ экстраординарнымъ профессоромъ до 1887 года, при чемъ съ 1877 до 1882 года читалъ лекціи на правахъ «сторонняго преподавателя». По заявленію одного изъ бывшихъ учениковъ В. Н. Юргевича, его лекціи по римскимъ древностямъ и римской литературѣ, читаемыя для специалистовъ, отличались обиліемъ матеріала и при нѣкоторой сухости изложенія наводили страхъ даже на трудолюбивѣйшихъ специалистовъ.

Съ переѣздомъ въ Одессу В. Н. Юргевичъ обратился къ изученію памятниковъ старины южной Россіи и вступилъ въ число членовъ Одесскаго общества исторіи и древностей; съ 1875 до 1883 года былъ секретаремъ общества, а съ 1883 до смерти его вице-президентомъ.

Постоянно участвуя въ засѣданіяхъ общества, совершая раскопки, особенно много въ 1870-хъ годахъ, помѣщая почти въ каждомъ томѣ «Записокъ»

его свои статьи, онъ справедливо за свое сорокалѣтне служеніе обществу былъ названъ въ адресѣ, который поднесло ему Одесское общество исторіи и древностей по случаю исполнявшагося въ 1892 году 50-лѣтія его ученой дѣятельности, «главнымъ работникомъ» общества.

Кромѣ двухъ диссертаций: магистерской — «*De mundiciis veterum Graecorum et Romanorum*» (напеч. въ сборникъ: «Рѣчи и отчеты Харьковского университета», 1847 г.) и докторской — «*De Jovis Lycæi natura cognominisque hujus ratione*» 1866 г.), которая была писана и защищена на латинскомъ языкѣ, В. Н. Юргевичъ почти всѣ свои научныя работы печаталъ въ «Запискахъ» Одесскаго общества исторіи и древностей и касался въ нихъ разныхъ памятниковъ — греческихъ, римскихъ и генуэзскихъ и преимущественно надписей. Какъ болѣе крупныя статьи его въ «Запискахъ», назовемъ слѣдующія: «Генуэзскія надписи въ Крыму» (т. V, 1863 г.); «Уставы для генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ», латинскій текстъ съ переводомъ и примѣчаніями (ib.); «Разсказъ доминиканца Юліана о путешествіи въ страну Приволжскихъ венгерцевъ и письма папы Бенедикта IV къ Узбеку, его женѣ и сыну» (ib.); «О мнимыхъ норманскихъ пменахъ въ русской исторіи» (ib.); «Ф. Авг. Бекъ», біографическій очеркъ (т. VII, 1868 г.); «Новыя надписи генуэзцевъ» (ib.); «О именахъ иностранныхъ на надписяхъ Ольвіи, Боснора и другихъ греческихъ городовъ сѣвернаго побережья Эвксинскаго Понта» (т. VIII, 1872 г.); «О монетахъ генуэзцевъ, находимыхъ въ Россіи» (ib.); «Новѣйшія археологическія открытія въ Крыму» (т. IX, 1875 г.); «Страбона географія, книга седьмая и одиннадцатая», греческій текстъ съ переводомъ. Исполнено вмѣстѣ съ Маркопуло (т. X, 1877 г.); «Эллинскія и латинскія надписи, найденныя въ Херсонѣ» (т. XI, 1879 г.); «Объ археологическихъ розысканіяхъ и открытіяхъ въ южной Россіи, предшествовавшихъ учрежденію Одесскаго общества исторіи и древностей» (т. XIV, 1886 г.); «Краткій очеркъ дѣятельности Одесскаго общества исторіи и древностей російскихъ» (ib.); «Монеты г. Тиры (нынѣшняго Аккермана), хранящіяся въ музеѣ Одесскаго общества исторіи и древностей» (т. XV, 1889 г.); «Надписи на ручкахъ и обломкахъ амфоръ и черепицъ, найденныхъ въ Теодосіи въ 1894 г.» (т. XVIII, 1895 г.); «Объ археологій въ царствованіе Екатерины II» (т. XX, 1897 г.) и др.

Отдѣльно имъ изданы: «Краткій указатель музея Одесскаго общества исторіи и древностей» (1-е изд. 1887 г., 2-е изд. 1890 г.) и «Историческій очеркъ пятидесятилѣтія Одесскаго общества исторіи и древностей» (1889 г.). Кромѣ того, В. Н. Юргевичъ напечаталъ нѣсколько статей въ «*Revue Archéologique*», въ «Трудахъ» VI и IX-го археологическихъ съѣздовъ, въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей» («Опытъ объясненія именъ князей литовскихъ», 1883 г., кн. 3), въ «Циркулярахъ Одесскаго учебнаго округа» за 1886 г. («Каталогъ книгъ для предполагаемыхъ въ гимназіяхъ классическихъ бібліотекъ») и др.

В. Н. Юргевичъ состоялъ почетнымъ членомъ обществъ: Одесскаго, Московскаго археологическаго, императорскаго Русскаго археологическаго (въ С.-Петербурѣ), Негора льбонисца въ Кіевѣ, Ростовскаго — церковныхъ древ-

ностей, дѣйствительнымъ членомъ—Московского общества исторіи и древностей Россійскихъ, Таврической ученой архивной комиссіи, Societa di Storia patriae въ Генуѣ и нѣкоторыхъ другихъ.

† **И. О. Ковшенковъ.** 16 октября 1898 г., въ городѣ Холмѣ, Люблинской губерніи, скончался академикъ скульптуры Иванъ Ѳеодоровичъ Ковшенковъ. Покойный родился въ 1824 г. въ Петербургѣ, 12 лѣтъ поступилъ въ академію художествъ, которую и окончилъ съ званіемъ художника скульптуры въ 1852 г. Съ 1840 г., будучи еще ученикомъ академіи, покойный занимался въ мастерской извѣстнаго скульптора барона Клодта: сначала какъ ученикъ, а потомъ какъ ближайшій помощникъ и близкій человѣкъ къ Клодту, Иванъ Ѳеодоровичъ принималъ участіе во всѣхъ почти работахъ своего профессора, а особенно дѣятельное въ постановкѣ памятниковъ—Крылову въ Лѣтнемъ саду и св. Владиміру въ Кіевѣ. Самостоятельныя работы Ивана Ѳеодоровича заключались въ небольшихъ бронзовыхъ статуэткахъ и группахъ, исполненныхъ для государей Николая I, Александра II и многихъ высочайшихъ особъ. Сюжетами были или военные подвиги русскихъ войскъ: «Подвигъ русскаго солдата при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ», «Подвигъ князя Андроникова», или военные типы: «Черноморскій пластунъ», «Стрѣлокъ Императорскаго баталіона», «Ополченецъ Матвѣевъ», «Греческій волонтеръ», или же историческіе—«Славянинъ», «Варягъ XI вѣка», «Дакъ X вѣка» и т. п. За исполненіе этихъ работъ Иванъ Ѳеодоровичъ академіей художествъ въ 1860 г. былъ удостоенъ званія академика скульптуры. Стѣсненныя матеріальныя обстоятельства и недостатокъ въ скульптурномъ заработкѣ заставили Ивана Ѳеодоровича въ 1863 г. уѣхать въ провинцію и поступить на службу, которую въ 1871 г. онъ оставилъ, возвратился въ Петербургъ и снова принялся за любимое искусство. Послѣдними работами его въ 1870-хъ годахъ были: группа «Императоръ Павелъ I, возлагающій на Суворова мальтійскій крестъ», и бюстъ императора Александра II. Въ 1875 г. вынужденный и болѣзнию и недостаткомъ средствъ къ жизни Иванъ Ѳеодоровичъ принимаетъ частную службу въ Москвѣ и навсегда оставляетъ занятія скульптурой; послѣднія 6 лѣтъ онъ прожилъ въ кругу семьи своей замужней дочери въ городѣ Холмѣ, гдѣ умеръ и погребенъ. Академическая художественная жизнь Николаевской эпохи въ лицѣ покойнаго имѣла живого, остроумнаго повѣствователя и разсказчика.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Еъ вопросу о бояринѣ М. В. Шеинѣ. (Отвѣтъ г. Иловайскому).

Моя статья «Правда о бояринѣ М. В. Шеинѣ» («Ист. Вѣстн.», 1898, № 6, стр. 877—897) вызвала отвѣдъ г. Иловайскаго подъ такимъ страннымъ заглавіемъ «М. В. Шеннъ, при иномъ (sic) историческомъ освѣщеніи» («Русск. Стар.»,

«Истор. вѣстн.», январь, 1899 г., т. LXXV.

¹/₂24

1898, № 11, стр. 439—450). Дѣйствительно, «освѣщеніе» г. Иловайскаго со-
вѣмъ «иное», но отнюдь не «историческое»...

Новые архивные матеріалы о второмъ смоленскомъ походѣ Шенна, откры-
тые покойнымъ А. Н. Зерцаловымъ, а мною разъясненные въ подтвержденіе
догадки С. М. Соловьева о боярскихъ интригахъ и мести Шенну, приведшей
его на плаху,—эти матеріалы рѣшительно не нравятся г. Иловайскому, упре-
кающему меня въ «тенденціи» противъ бояръ и забывающему, что его самого
также можно упрекнуть въ тенденціозной защитѣ бояръ... Желая подорвать
значеніе неудобныхъ для его видовъ новыхъ архивныхъ матеріаловъ, г. Ило-
вайскій или голословно отвергаетъ ихъ показанія, или безцеремонно игнори-
руетъ ихъ, или не понимаетъ ихъ значенія, превратно толкуетъ ихъ, или об-
лыжно упрекаетъ меня «въ высшей степени тенденціозномъ и фактически не-
вѣрномъ» освѣщеніи матеріаловъ, въ разныхъ «домыслахъ» и т. п. (стр.
441—442). Посмотримъ, на чьей сторонѣ окажутся «домыслы»...

Я говорю въ статьѣ о Шеннѣ: «его торопили выходомъ изъ Москвы,
чтобы скорѣе отдѣлаться отъ него, оборвать его личное вліяніе на царя и за
глазми приняться за свое злое дѣло мести». . (стр. 884).

Г. Иловайскій по этому поводу восклицаетъ: «въ подтвержденіе сего до-
мысла ровно никакого документа не приводится» (стр. 441).

Неправда, въ подтвержденіе этого вывода привожу (стр. 884—885) цѣ-
лый рядъ документальныхъ фактовъ: Шенна, несомнѣнно, торопили выходомъ,
разъ его отравили осаждать Смоленскъ безъ осаднаго парка и по-
слали въ походъ безъ денегъ. Почему онъ цѣлый мѣсяцъ сидѣлъ подъ
Москвою—въ Можайскѣ, ожидая денегъ и военныхъ припасовъ и занимаясь
организацией своего корпуса, когда всего удобнѣе было бы заняться ею, именно,
въ Москвѣ, богатой людьми, деньгами и припасами?! А если человѣка такъ
настойчиво «торопили выходомъ», то въ какихъ же видахъ, разъ онъ не могъ
сейчасъ же двинуться на непріятеля?!...

Другой мой «домыселъ» не лучше предъидущаго. Г. Иловайскій знаетъ,
что «съ Шеннымъ въ началѣ похода отпущено болѣе 10.000 пудовъ пороху
и свинцу» и проч., а г. Оглоблинъ увѣряетъ, что «онъ вышелъ изъ Москвы
почти съ голыми руками» (стр. 441).

Да, это такъ! ибо полководецъ, идущій осаждать крѣпость, не имѣя осад-
наго парка, идетъ въ походъ, именно, «съ голыми руками».

Г. Иловайскому особенно не нравятся, или точнѣе, для его видовъ крайне
неудобны факты голодовки шеннскаго корпуса еще подъ Дорогобужемъ, — и
онъ смѣло отрицаетъ эти факты (стр. 441), ясно выраженные, напр., въ слѣ-
дующихъ словахъ отписки Шенна изъ-подъ Дорогобужа: «русскіе люди съ
голоду бѣгають, а вѣмецкіе люди отъ голода заболѣли и помирають»...
(стр. 885).

Въ другихъ мѣстахъ статьи г. Иловайскій толкуетъ о «ложныхъ донесе-
ніяхъ» Шенна въ Москву (стр. 442, 449), но оныя такъ совершенно голословно
и бездоказательно. Да и въ самомъ дѣлѣ: какой смыслъ былъ для Шенна лгать
въ своихъ отпискахъ царю? могъ ли онъ тогда предвидѣть, что его будутъ
судить въ Москвѣ, что ему понадобятся оправдательные документа, что ему

придется защищаться отъ боярскихъ навѣтовъ? Конечно, ничего подобнаго ему и во снѣ не грезилось, когда онъ шелъ къ Смоленску, и даже когда сидѣлъ подъ Смоленскомъ. Да и вообще, насколько мы знаемъ личность Шенна, это былъ высоко правдивый (а потому и рѣзкій) человекъ, прямой, честный, не способный ко лжи даже въ видахъ обѣленія себя... Г. Пловайскій увѣряетъ, что въ своихъ отпискахъ Шеннъ «сваливалъ на другихъ причину своихъ неудачъ» (стр. 442—443); на кого же, именно, и какимъ образомъ «сваливалъ» — почему этого не договорилъ г. Пловайскій?.. Я не знаю такихъ фактовъ за Шеннымъ. Тѣмъ болѣе, конечно, я не могу серьезно отнестись къ тому темному источнику, откуда г. Пловайскій почерпнулъ свое голословное увѣреніе, будто Шеннъ подъ Смоленскомъ «запятналъ еще себя низкимъ корыстолюбіемъ» (стр. 449)..

Также «добросовѣстно» относится г. Пловайскій къ моимъ словамъ относительно отписки полковника Эберта (стр. 888—889), когда изволить обвинять меня въ «произвольныхъ толкованіяхъ и явной неточности въ передачѣ» словъ Эберта... Не вхожу въ подробности этого пункта, а прошу любопытствующихъ сравнить мой текстъ съ словами г. Пловайскаго (стр. 442), ясно показывающими, что онъ плохо понимаетъ не только языкъ XVII вѣка, но и современную русскую рѣчь, напримѣръ, мои выводы изъ словъ Эберта принимаетъ за рѣчь Эберта или увѣряетъ, будто я «отвергаю» самое существенное показаніе Эберта (о «бездѣльной корысти» его московскихъ проводниковъ), тогда какъ я открыто принимаю его и еще расширяю смыслъ этого цѣннаго показанія Эберта...

При такомъ удивительномъ непоминаніи архивныхъ данныхъ или при голословномъ отрицаніи ихъ, г. Пловайскій имѣетъ смѣлость утверждать, будто мнѣ «вездѣ мерещится интрига бояръ» (стр. 441)... Но такъ утверждать можетъ только тенденціозный поклонникъ боярства, сознательно закрывающій глаза на рядъ несомнѣнныхъ фактовъ (стр. 884—893 моей статьи), единодушно свидѣтельствующихъ о боярскихъ интригахъ противъ Шенна, начиная съ самыхъ первыхъ моментовъ похода (даже раньше его: вспомнимъ отказъ В. В. Волынскаго «идти въ походъ съ бояриномъ Шеннымъ»...) и до послѣднихъ его перипетій.

Нѣтъ, если кому изъ насъ что-то «мерещится», то, именно, г. Пловайскому, и вотъ доказательство: чтобы подорвать мою ссылку на очень цѣнное показаніе москвича-современника о народномъ движеніи въ Москвѣ въ пользу Шенна, вызванномъ, именно, возмутительною казнью его, т. е. происшедшемъ послѣ казни (стр. 897), — г. Пловайскій приводитъ... что-бы вы думали? — показаніе Адама Олеарія о народномъ бунтѣ въ Москвѣ... до казни Шенна!.. (стр. 444).

Вотъ, что значить преподавать другимъ благіе совѣты о «фактическомъ, детальномъ изученіи предмета, близкомъ, разностороннемъ озвученіи съ его литературою» и о «тщательной критикѣ» послѣдней (стр. 444—445 статьи Пловайскаго)!..

Но, съ другой стороны, я долженъ поблагодарить г. Пловайскаго, что онъ мнѣ напомнилъ это показаніе Олеарія, дающее лишніе доводы въ пользу су-

ществованія боярскихъ интригъ противъ Шенна! Олеарій, враждавшійся только среди боярства и не имѣвшій возможности познакомиться съ народными толками о Шеннѣ, настаиваетъ на «измѣнѣ» Шенна, т. е. говоритъ, именно, то, что продиктовали ему знакомые его изъ боярства.

Но особенно цѣнно показаніе Олеарія, что Шенна передъ казнью «обманули: сказали ему, что онъ только для виду будетъ выведенъ на казнь, но что въ послѣднюю минуту его помилуютъ. Довѣряясь этому обѣщанію, а особенно слову патріарха, Шеннъ спокойно легъ на землю, и — ему тотчасъ отрубили голову...»

Нельзя не повѣрить этой ужасной подробности въ трагической судьбѣ Шенна; она совершенно въ духѣ «московскаго плюгавства» XVII вѣка... И смыслъ этого дьявольскаго обмана такъ ясенъ: зная народное броженіе въ пользу Шенна, бояре опасались предсмертныхъ рѣчей Шенна къ народу, которыя могли сейчасъ же, на мѣстѣ казни, вызвать народный бунтъ и даже освобожденіе Шенна народомъ изъ рукъ палачей. И они постарались успокоить Шенна, что казни не будетъ... Конечно, онъ не повѣрилъ боярамъ, но святительскому «слову патріарха» имѣлъ неосторожность повѣрить — и легъ на плаху «спокойно», не проронивши къ народу ни слова... Московское боярство сыграло свою варварскую роль блистательно!..

Возвращаюсь, однако, къ тенденціозному защитнику боярства... Сдѣлавши нѣсколько неудачныхъ и недобросовѣстныхъ попытокъ подорвать значеніе новыхъ архивныхъ данныхъ о боярскихъ интригахъ противъ Шенна, г. Иловайскій устанавливаетъ свой «иной» взглядъ на дѣло: онъ признаетъ казнь Шенна «справедливою» (стр. 445), хотя самъ же не разъ повторяетъ, что не считаетъ возможнымъ обвинить Шенна «въ сознательной (?) измѣнѣ» (стр. 440, 443, 444). П за то спасибо! ибо, отвергая «измѣну», г. Иловайскій тѣмъ самымъ подрываетъ главное обвиненіе «боярскаго приговора», присудившаго Шенна къ смертной казни... Какъ, послѣ этого, прикажете относиться къ «иному» взгляду г. Иловайскаго, признающаго тотъ же самый «боярскій приговоръ» — актомъ «справедливости» (стр. 440)?.. Въ этой путаницѣ и неустойчивости взглядовъ и заключается «пное освѣщеніе» г. Иловайскаго...

Казнь Шенна г. Иловайскій считаетъ дѣломъ «справедливымъ» только за его якобы «неиспособность» (sic!), «неумѣлость», «явное нерадѣніе», «крайнее бездѣйствіе» подъ Смоленскомъ и т. п. (стр. 443, 445—448)... Однако, въ той же самой статьѣ г. Иловайскій сильно сомнѣвается въ «безопасности» Шенна, — допускаетъ ее съ какими-то (невъсказанными) «оговорками», именно, «въ виду прежней репутаціи Шенна, пріобрѣтенной защитою Смоленска» (стр. 440)...

А на счетъ мнимаго «нерадѣнія» и «бездѣйствія» Шенна подъ Смоленскомъ (во второмъ походѣ) слѣдуетъ замѣтить, на основаніи все тѣхъ же — неопровергнутыхъ г. Иловайскимъ — новыхъ архивныхъ данныхъ, что если бы въ тогдашнія условія Шенна посадить Наполеона I, Суворова, Скобелева и другихъ «геніевъ войны», то и для нихъ было бы неожиданнымъ счастьемъ выйти изъ своего безвыходнаго и отчаяннаго положенія (въ какое Шенна поставила Москва) такъ блистательно, какъ вышелъ Шеннъ — на условіяхъ почетной (а не позорной, какъ у Базена) капитуляціи (стр. 896 моей статьи).

Фантазируя о якобы «прекрасно вооруженной и обильно снабженной» армии Шеина, г. Иловайскій очень наивно сожалѣеть («достойно сожалѣнія»), что «самъ царь» Михаилъ Федоровичъ «не съѣлъ на кося», вмѣсто боярина Шеина (стр. 445), и... не попалъ въ руки Владислава, который, несомнѣнно, не отпустилъ бы царя въ Москву, а отвезъ бы его навсегда въ Польшу... Дѣйствительно, «достойно сожалѣнія», что г. Иловайскій запоздалъ съ своимъ совѣтомъ... Ему указывается цѣлый рядъ документальныхъ фактовъ, доказывающихъ боярскія интриги противъ Шеина, а онъ на это отвѣтствуетъ: «мы не видимъ» интригъ (стр. 448)—и только! все «симъ» изреченіемъ сказано у г. Иловайскаго, и больше ему ничего не требуется...

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать «опроверженіемъ» боярскихъ интригъ наивную ссылку на «довѣріе царя и патріарха къ Шенну» (стр. 448)... Какое тутъ отношеніе къ боярскимъ интригамъ?!

Или еще лучше поступаетъ г. Иловайскій, когда возмутительную «исторію съ доставкой большого наряда» (т. е. осадной артиллеріи) къ Шенну подъ Смоленскъ считаетъ доказательствомъ того, что «всѣ требованія» Шеина «правительство обыкновенно (?) исполняло или старалось исполнить» (стр. 448)... И это смѣло говорится послѣ того, какъ непрерываемо установленъ фактъ послышки «большого наряда» къ Шенну черезъ полгода (отъ начала похода), а снарядовъ къ нему—черезъ 7½ мѣсяцевъ!.. (стр. 884 моей статьи).

Огнотносленно пресловутой «боярской выручки» Шеина (стр. 890—893 *ibid.*) г. Иловайскій отдѣлывается глухимъ намекомъ, будто боярамъ «трудно было это сдѣлать» (стр. 448)... Дѣйствительно, боярамъ очень «трудно» было сойти съ теплаго «запечья» и отрѣшиться отъ своихъ принциповъ «московскаго плюгавства»; они не могли идти выручать своего недруга, защищавшаго отечество, а не свое личное дѣло...

Итакъ, что же положительнаго дало намъ «пное освѣщеніе» дѣла Шеина г. Иловайскимъ?—Единственный серьезный результатъ—это сознаніе г. Иловайскаго, что онъ берегъ назадъ свое болѣе чѣмъ неумѣстное названіе Шеина «русскимъ маршаломъ Базеномъ XVII вѣка»... Извѣстно, что его публичная лекція въ Москвѣ (въ 1897 г.) носила, именно, это неприличное заглавіе. Теперь же онъ извиняется въ своей неосторожной обмолвкѣ: онъ говоритъ, что на лекціи «позволилъ себѣ» (стр. 440) провести «параллель между поведеніемъ Шеина и маршала Базена», только якобы мимоходомъ—«въ заключеніе своего сообщенія» (стр. 439), но это-де «употребленное для большей наглядности (*sic*) сравненіе съ Базеномъ принадлежало лекціи и, разумѣется, не вошло въ самый текстъ «Исторіи Россіи» (Иловайскаго) (стр. 440). Съ чѣмъ отъ души поздравляю г. Иловайскаго!..

Стоитъ отмѣнить это рѣдкое у г. Иловайскаго сознаніе своей ошибки и—пожелать, чтобы въ будущемъ онъ также честно созналъ и всѣ остальные свои великія прегрѣшенія предъ памятью жертвы боярскихъ интригъ, М. Б. Шеина. Конечно, этого не скоро дождемся, и можно ожидать, что г. Иловайскій выступитъ еще съ своимъ «пнымъ освѣщеніемъ» дѣла Шеина... На этотъ случай предупреждаю, что рѣшительно отказываюсь отъ дальнѣйшей поле-

мики съ г. Пловайскимъ, какъ бы «оригинальны» ни были его разсужденія, и какъ бы своеобразно онъ ни относился къ работамъ «архивистовъ».

Кстати, нѣсколько словъ о послѣднихъ. Г. Пловайскій, всегда ревниво относившійся къ «табели о рангахъ» въ области науки, дѣлитъ (въ статьѣ о Шениѣ) занимающихся русской исторіей на два ранга — «историковъ» и «архивистовъ», относя себя къ первымъ, а меня ко вторымъ. Конечно, я долженъ только благодарить г. Пловайскаго, что онъ причисляетъ меня къ «архивистамъ», къ числу которыхъ должны быть отнесены всѣ работавшіе по архивнымъ источникамъ (напр., С. М. Соловьевъ, составившій свою грандіозную «Исторію Россіи» преимущественно по лично добытымъ архивнымъ матеріаламъ), и среди которыхъ нѣтъ только г. Пловайскаго, никогда не занимавшагося въ историческихъ архивахъ.

Н. Оглобинъ.

II.

Историческое недоумѣніе относительно числа 26-го октября.

Въ Иркутскѣ ежегодно 26-го октября совершается публичный вечеръ или концертъ, съ благотворительною цѣлью, которому мѣстнымъ обычаемъ съ 1882 года усвоено названіе сибирскаго, причемъ каждый годъ на этомъ вечерѣ два или одинъ изъ номеровъ посвящается или сибирской поэзіи, или сибирскимъ воспоминаніямъ. Почему же, именно, сибирскій вечеръ неуклонно совершается только 26-го октября, хотя въ Сибири каждое утро, каждый день и каждый вечеръ суть сибирскія?..

Это обстоятельство для иныхъ представляется недоумѣніемъ, а для другихъ даже тайною, которой они, за отсутствіемъ официальныхъ или хотя историческихъ данныхъ, не постигаютъ. Въ афишахъ о такомъ сибирскомъ вечерѣ никогда не упоминается исторической его причины, да и специальное названіе его сибирскимъ опускается, упорно удерживаясь въ обществѣ только обычаемъ. Такое положеніе вопроса о числѣ 26-го октября побуждаетъ насъ изложить исторію этого дѣла.

Въ 1881 году, по исчисленіямъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ иркутскихъ историковъ, истекало трехсотлѣтіе присоединенія Сибири къ Россійской имперіи. Основаніемъ такого исчисленія приняты были слѣдующія строки исторіи Карамзина: «26-го октября 1581 года Ермакъ торжественно вступилъ въ Искеръ или въ городъ Сибирь» (Исторія Карамзина, т. 9, изд. 1834 г., стр. 384). Такое исчисленіе для трехсотлѣтняго сибирскаго юбилея, въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, было опровергаемо, и такія опроверженія не возбуждали ничьихъ сомнѣній.

Нынѣ, обращаясь къ ошибочному исчисленію сибирскаго юбилея, приурочиваемому, до сего времени, мѣстнымъ обычаемъ ко дню 26-го октября, мы считаемъ неизлишнимъ, для обнаруженія такой ошибочности, привести слѣдующія историческія данныя.

1) Сѣверо-западная Сибирь, или земля Югорская, еще въ 1264 году состояла въ числѣ новгородскихъ волостей. (Лербергъ, стр. 23 и 24).

2) Въ 1465 году, по повелѣнію царя Іоанна Васильевича 3-го, Василій Скрыба со своею ратью «всю югорскую землю за царя привель» (Арханг. лѣт.).

3) Въ 1484 году, сибирскій князь Лятвикъ, князя Вогульскій и Югорскій приняли вѣрноподданническую присягу царю Іоанну 3-му (Лерб., стр. 22).

4) Въ 1499 году, по повелѣнію царя Іоанна 3-го, князя Симонъ Курбскій, Петръ Ушаковъ, Заболоцкій Бражникъ 21-го ноября отиравились къ Камскому поясу и, перешедши его со своею ратью, завоевали сѣверо-западную Сибирь съ 39-ю городами, а владѣтели югорскіе приняли вѣчное подданство государю Іоанну Васильевичу 3-му. (Исторія Карамзина т. 6, изд. 1834 г., стр. 282 и Описание Сибирскаго царства, сочиненіе Гер. Миллера, кн. 1, изд. 1787 г., стр. 50). «Россіане, завладѣли тогда Сибирью,—говоритъ сибирская Исторія Фишера,—отъ Югорскихъ горъ до Оби и отъ Ледовитаго моря до рѣки Конды, впадающей въ Иртышъ и для того наслѣдникъ Іоанна 3-го царь Василій Іоанновичъ провинціи Обдорскую и Кондинскую внесъ въ свой титулъ» (Сиб. Ист. Фин., ст. 109).

5) Въ 1554 году, царь Іоаннъ Васильевичъ 4-й въ грамотѣ къ королю Англіи Эдуарду 6-му именуется повелителемъ всея Сибири (Лѣт. Сызд., V, 153, 184).

6) Въ 1555 году, вся Сибирская земля принята царемъ Іоанномъ 4-мъ въ свою волю, и, по ходатайству пословъ сибирскаго князя Едигера, обложена данью по числу 30.700 человекъ тогдашняго ея населенія (Никоновск. лѣт. VII, 274).

Все это совершилось почти за сто лѣтъ до торжественнаго вступленія Ермака въ Сибирь, названіе которой носилъ одинъ только городъ Искеръ, въ мѣстности возлѣ теперешняго Тобольска. Вступленіе въ Искеръ строгоновской дружины не сопровождалось встрѣчею побѣжденныхъ, по той причинѣ, что, по свидѣтельству сибирской Исторіи Фишера, «Кучумъ къ 26-му октября 1581 г. оставилъ городъ Искеръ со всеми своими и скоропоспѣшно побѣжалъ и въ нападеніи на оставленный имъ безъ жителей Искеръ не было нужды» (Сибирская Ист. Фишера, изд. 1774 года, стр. 130). Проживаніе въ Искерѣ строгоновской дружины продолжалось до 15 августа 1588 г., то-есть до дня удаленія оной со своими атаманами изъ Искера, временно перешедшаго опять во власть татаръ. Честь трудовъ и подвиговъ строгоновской дружины никоимъ образомъ не можетъ принадлежать одному Ермаку, или, вильяѣ, Ермолаю, подъ какимъ названіемъ имя его внесено въ синодики, но на такую честь и память имѣеть не только равное, но болѣе первенствующее право Григорій Аникіевичъ Строгоновъ, принявшій въ образованную на его средства дружину не однихъ казаковъ, но литовцевъ и иѣмцевъ. На такую же честь и память имѣють право волжскіе атаманы: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мецеракъ (Истор. Карамз., т. 9, изд. 1834 г., стр. 375) и пятидесятникъ Богданъ Брызга (Фин., стр. 141). Иркутскіе историки, опредѣлявшіе 300-лѣтіе Сибири 1881-мъ годомъ, сильно запоздали, ибо оно исполнилось, считая съ 1499 года, въ 1799 году, то-есть за много лѣтъ до рожденія на свѣтъ таковыхъ историковъ. Если же упомянутымъ историкамъ угодно праздновать 300-лѣтній юбилей Иркутска, то можно пожелать,

чтобы это достойное сочувствія празднованіе застало ихъ въ живыхъ, такъ какъ оно исполнится только въ 1961 году, на томъ основаніи, что, по приказанію енисейскаго воеводы Ржевскаго, Петръ Бекетовъ заложилъ и укрѣпилъ Иркутскъ въ 1661 году (Сиб. ист. Фишера, изд. 1774 г., стр. 557).

Послѣ такихъ историческихъ свѣдѣній невольно возникаетъ вопросъ о томъ, какимъ же образомъ могло войти въ обычай 26-е октября, какъ день сибирскаго юбилея?.. Для отвѣта на этотъ вопросъ мы имѣемъ слѣдующія данныя. Когда нѣкоторые иркутскіе историки пожелали, во что бы ни стало, отпраздновать 300-лѣтній сибирскій юбилей въ 1881 году 26-го октября, приготовивъ вензеля съ именемъ знаменитаго Ермака, то генераль-губернаторъ Восточной Сибири, Дмитрій Гавриловичъ Анучинъ, назначилъ для этого воспоминанія не 26-е октября, а 6-е декабря, и притомъ безъ вензелей съ именемъ Ермака, что и было въ 1881 году исполнено.

Такое назначеніе дня для сибирскаго юбилея, независимо отъ лѣтоисчисления, заслуживаетъ глубокаго уваженія, по той причинѣ, что всѣми воеводами и основателями сибирскихъ городовъ чтилась память святителя Николая, и прежде другихъ сооруженій воздвигались во имя его храмы, и потому зимній Николинъ день совершенно безошибочно можетъ считаться днемъ сибирскаго юбилея.

Тѣмъ не менѣе, съ 1882 года и по настоящее время днемъ сибирскаго юбилея во мнѣніи нѣкоторыхъ иркутскихъ историковъ остается уснѣвшее войти въ обычай 26-е октября.

Положимъ, что одна малороссіянка «ячминь» называла «гречкою», требуя, не безъ угрозъ, чтобы его такъ называлъ и ея супругъ, но вѣдь нельзя же сказать, что она была справедлива. Не думаемъ и мы признавать справедливымъ приурочиваніе дня сибирскаго юбилея 26-му октября.

Василій Шевичъ.

СЫНЫ ИЗРАИЛЯ

ДРАМА ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ И 5-ТИ КАРТИНАХЪ

СОЧИНЕНІЕ

В. КРЫЛОВА и С. ЛИТВИНА

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1899

СЫНЫ ИЗРАИЛЯ.

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ.

В. Крылова и С. Литвина.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Горанишъ, Александръ Петровичъ,— судебный слѣдователь.
Прокуроръ.
Моше Гольденвейзеръ,— богатый еврейскій коммерсантъ.
Сарра,— дочь его.
Михель Реддикъ — племянникъ Моше, тоже богатый коммерсантъ.
Цина,— его жена.
Авраамъ Гиршель, — старикъ еврей.
Годе,— его жена.
Сеидеръ,— ихъ сынъ, раввинъ-талмудистъ.
Пена, — ихъ малолѣтняя дочь.
Шабасай,— главный раввинъ еврейской общины.
Лейзеръ,— первый синагогальный староста.
Ритель,— собиратель корбочнаго сбора.
Нахманъ,— еврей.
Антоновъ, стражникъ } таможенные
Второй стражникъ } (христіане).
Авдотья,— прачка (христіанка).
Письмоводитель слѣдователя.
Фурманъ слѣдователя.
Слуга слѣдователя.
Тюремный надзиратель.
Шмуль,— работникъ у Гиршеля (мещуресъ).
Юшке Берштейнъ,— еврей.

Раввины, евреи, представители еврейской общины.

Дѣйствіе происходитъ на западной границѣ Россіи,-- въ наши дни.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Общая комната еврейской корчмы.

Она отдѣлена въ глубинѣ занавѣской отъ жилого помѣщенія. Стѣна занавѣска при-
мыкается прямо къ поперечной стѣнѣ: справа между занавѣской и угломъ попе-
речной стѣны идетъ (параллельно рамѣ) тоже небольшая стѣна; въ ней дверь
въ кухню. Справа входная дверь, за ней печь и лежанка. Стѣна окно; передъ нимъ
стойка съ графинами и зажженной свѣчей въ горшкѣ¹⁾. Другая такая же свѣча
въ горшкѣ горитъ направо, на столикѣ у лежанки. Лавки, табуреты. Сеидеръ си-
дитъ справа, читаетъ книгу. Пеша спитъ на лежанкѣ. Моше и Ципа среди сцены.

Но поднятіи занавѣса молнія и громъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Моше, Ципа, Сеидеръ и Пеша, потомъ Года.

Моше (послѣ удара грома). Спаси насъ, Богъ Авраама, Исаака и
Иакова!

Ципа. Отстрани гнѣвъ твой отъ сыновъ твоихъ, Богъ Адонай.
Направь гнѣвъ твой на враговъ твоихъ, а дѣтей Израиля обереги.

Моше. Вотъ гроза! еще не поздно, а ужъ темно, какъ ночью...
А Михеля все нѣтъ... шабашъ наступилъ, а его все нѣтъ.

Ципа. Звѣздъ на небѣ не видно, почему же ты можешь сказать
такъ непремѣнно, что шабашъ наступилъ?

Года входитъ.

Года. Нѣтъ Михеля?

Моше. Нѣтъ, еще не приходилъ.

Года. Боюсь я, что мой старикъ сейчасъ потребуеъ насъ къ
столу. Кушанья ужъ всѣ разставлены, и свѣчи зажжены.

Моше. У него моя Сарра. Когда твой Авраамъ заговорится съ
моей дочерью, они оба вознесутся на небо и ничего не помнятъ.

¹⁾ Такъ какъ евреи не имѣютъ права гасить свѣчи, зажженные наканунѣ
субботы, то иногда ихъ ставятъ въ горшки съ пескомъ, во избѣжаніе пожара.

Ципа. Да, ужъ это просто непонятно, какъ Сарра любить твоего отца, Сендеръ. Подумаешь, что она его невѣста, а не твоя.

Годе. Перестань мутить людей. Зачѣмъ ты это говоришь? Ты знаешь, что Сендеръ и такъ всегда сердится, когда Сарра долго остается со старикомъ.

Ципа. Я такъ сказала, въ шутку. Сарра не можетъ выйти замужъ за твоего мужа.

Моше. Отчего ей и не разговаривать съ Авраамомъ? Онъ человекъ благочестивый.

Сендеръ. Конечно, мой отецъ благочестивый человекъ, но онъ всегда путался въ правилахъ жизни; а теперь, на старости, еще больше ослабъ разумомъ и духомъ. У него иногда являются мысли, непригодныя для вѣрной еврейки.

Моше. Молчи, онъ идетъ сюда.

Входитъ Авраамъ, опираясь на Сарру.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же, Авраамъ и Сарра.

Авраамъ. Позднѣй часъ, дѣтки... скоро пора будетъ и въ постель ложиться, а мы еще не привѣтствовали наступленія субботы, не преломили субботнихъ хлѣбовъ.

Моше. Темно изъ-за тучъ, а еще не очень поздно.

Авраамъ. Дѣтя тамъ ужъ и заснуло.

Ципа. Она лѣнивая. Проснись, Пеша, проснись. Не люби спать, чтобъ не обѣднѣть; держи открытыми глаза и всегда будешь сыта.

Дѣвочка просыпается и смутно озирается.

Моше. Попусти, почтенный Авраамъ, еще немного подождать. Не годится намъ приступить къ субботней трапезѣ, пока не придутъ Михель и Юшке. Шабашъ — праздникъ великій, долженъ быть радостью для всѣхъ сыновъ Израиля, а какая же радость будетъ вотъ Ципѣ идти кушать, когда нѣтъ ея мужа при ней. Подождемъ Михеля.

Авраамъ. Зачѣмъ же онъ опаздываетъ? Онъ бы долженъ быть здѣсь до начала шабаша. Охъ, дѣтки, дѣтки, не съ чистой душой справляете вы древнѣе законы, все гнетутъ васъ житейскія дѣла да расчеги.

Ципа. Почему ты знаешь, что задержало Михеля?

Моше. Онъ навѣрно изъ города вышелъ во время, но оттуда сюда три версты, и Господь грозу послалъ. Можетъ быть, Михель и Юшке идѣ нибудь въ палатки по дорогѣ ждутъ, чтобъ ливень прошелъ.

Сендеръ. Талмудъ не запрещаетъ и послѣ звѣзды начать яству.

Авраамъ. Дѣлать нечего, подождемъ Михеля. Я къ себѣ пойду молиться. Года, уложи ребенка въ постель, мы ее разбудимъ къ общей трапезѣ.

Уходитъ.

Года. Пойдемъ, Пешенька, пойдемъ.

Пеша. Мнѣ спать хочется...

Года увести Пешу.

ЯВЛЕНІЕ III.

Моше, Сендеръ, Сарра, Ципа, позже Шмуль.

Сарра. Отецъ, зачѣмъ ты солгалъ старику?

Моше. Сарра, дочь моя, не пристало такъ говорить своему отцу.

Сарра. Ты сказалъ неправду. Ты на Бога взвалилъ свое дѣло. Михель пошелъ присмотрѣть, какъ будутъ переносить контрабанду чрезъ границу, и Юшке тоже... Ты это знаешь, а говоришь, что Господь задержалъ его грозой.

Моше. Я тебѣ повторяю, что дочь не смѣетъ осуждать поступки отца.

Сарра. Я не осуждаю тебя, я только спрашиваю; дочь можетъ спрашивать отца, чтобъ научиться, на то отецъ умнѣе дочери... Сейчасъ старикъ читалъ мнѣ громко изъ книги пророка Іезекииля, и такъ возвышенно и чисто было у меня на душѣ... Вдругъ загорѣлась молнія, мнѣ чужалось присутствіе самого Бога и ангеловъ Его; я слышала голосъ Его въ раскатѣ грома, и странно было и такъ хорошо, такъ хорошо, такъ величественно!.. Но когда мы пришли сюда, и ты сталъ лгать Аврааму, все перемѣшалось какъ - то въ головѣ, я не понимаю...

Ципа. Опять у нея сумасшедшія мысли пошли.

Сарра. Почему ты называешь ихъ сумасшедшими?

Ципа. Не женское дѣло заниматься учеными разсужденіями... Женщина должна о хозяйствѣ думать, а не талмудъ толковать.

Сарра. Я не хуже тебя буду хозяйкой, когда выйду замужъ. Я хорошо умѣю различить каширное мясо отъ трефнаго и выбрать хорошую щуку; я могу испечь субботніе и праздничные хлѣба и вкусныя лепешки,—и все сдѣлаю, что велитъ законъ. Но день субботній для Бога, какъ у мужчины, такъ и у женщины.

Моше. Не обижай ея, Ципа. Сендеръ не пожалуется на нее, когда на ней женится. У женщины тоже могутъ быть высокія мысли, въ этомъ грѣха нѣтъ. Только почему же, дочка, тебя такъ смутило, что я не хотѣлъ сказать правду старику? Старикъ Авраамъ собралъ насъ всѣхъ сюда въ свой домъ, чтобы справлять шабашъ,—его бы огорчило, еслибъ онъ узналъ, что мой племянникъ, Михель, пошелъ съ контрабандистами. Зачѣмъ огорчать старика?

Богъ завѣщаль намъ почитать старость; лучше солгать, но не огорчать. Въ библии много примѣровъ тому, какъ добрый обманъ бываетъ нуженъ.

Сендеръ. Когда Богу угодно было, чтобъ права первородства были даны сыну Исаака, Иакову, вмѣсто Исава, ихъ мать окутала руки Иакова шерстью козленка и подвела къ слѣпому отцу; онъ оцупалъ руки, подумалъ, что это волосастыя руки Исава, и благословилъ младшаго сына на первородство.

Сарра. Это не то же самое. Ты самъ говоришь, что такъ Богу было угодно; развѣ Богу угодно, чтобъ Михель шель съ контрабандой сегодня?

Ципа. Что ты зазываешь зло на моего мужа?

Сарра. Отъ разсужденія зла не бываетъ; разсужденія оберегаютъ отъ зла.

Ципа. Молчи, пожалуйста, молчи... (Ударъ грома). И безъ того странно, что въ такую грозу задумали возиться съ контрабандой.

Моше. Какой тамъ страхъ! Гроза намъ защитникъ: въ такую погоду стражники не любятъ ходить по границѣ; таскай какіе хочешь тюки, никто не остановитъ. Богъ послалъ сегодня и дождь и громъ намъ на поживу.

Ципа. Трудно эта пожива дается, бросить бы надо проклятое дѣло; каждую минуту дрожишь за вась: какъ бы стражникъ не застрѣлить, или въ тюрьму бы не попали. Самое опасное дѣло контрабанда.

Моше. Богъ даетъ всякую работу, всякую и надо дѣлать.

Ципа. Все-таки выбирать, которая не такая страшная. Какія есть выгодныя аферы и бояться нечего, когда все безъ риску. Ты самъ деньгами торгуешь и всякой торговлей торгуешь, гдѣ не можетъ быть никакого несчастья.

Моше. Какъ не пользоваться, когда тутъ подъ рукой граница?

Ципа. Надо пользоваться, только безъ риску. Вонъ мой дядя, Ишпа, подслушиваетъ на желѣзной дорогѣ въ вагонѣ, какъ пассажиры разсказываютъ другъ другу, у кого есть запрещенный товаръ, и доносятъ начальству таможи... и коли найдутъ запрещенный товаръ, Ишпѣ награду даютъ за доносъ. Ишпа и за границу на маленькое время выѣзжаетъ, чтобъ узнать, какіе пассажиры про свой запрещенный товаръ говорятъ.

Моше. Гнусный червякъ твой Ишпа! Онъ вездѣ ползаетъ, гдѣ можно безъ труда чтонибудь схватить; онъ гадкій трусъ.

Ципа. А зачѣмъ быть храбрымъ? Лучше немножко выгоды, да вѣрно.

Моше. Это сужденье слабой женщины.

Ципа. Съ вашей контрабандой всегда жди гибели.

Моше. Какъ на войнѣ... или гибели, или побѣды. Тутъ все есть: и опасность, и хитрость, и радость!.. Передо мной одинъ разъ

молніей дубъ разбило; близко разбило, громъ, такой ужасъ! А мнѣ было весело; я себѣ думалъ: ну, теперь стражникъ ловить меня не станетъ, иди спокойно съ товаромъ домой.

Ципа. Ай, вай! Какъ страшно!

Моше. Старикъ я сталъ теперь, ревматизмы у меня, всѣ кости ломаютъ, а прежде я такія доставалъ дѣла, повѣрить невозможно. Бывало духъ захватываетъ, какъ на эту охоту отправляешься. Въ грозу-то что! въ грозу легче уйти; а то, случалось, мертвая тишина кругомъ... пробираешься по кустамъ - то, на сучекъ наступить боишься, чтобъ не затрещалъ... трясешься весь, такъ сердце и колотить... и не чувствуешь, что тукъ въ четыре пуда на плечахъ... все идешь, все идешь... каждый камень знаешь: вотъ ужъ до большого булыжника добрался, ухъ!.. вотъ прошелъ мимо двухъ кирпичей сломанныхъ... стало быть близко, близко: за старой сосной и домъ видишь, въ сорока шагахъ, стрѣлой бы къ нему полетѣлъ... да нѣтъ, бѣжать хуже, замѣтить могутъ, надо змѣей ползти, и ползешь, и ползешь... такъ, когда въ горницу ворвешься, даже кровь въ голову кинется, безъ памяти на лавку упадешь.

Ципа. !Отакія страсти переживать!.. И какая вамъ нужда?— вы оба богатые, и ты, и Михель; сидѣли бы въ городѣ, неустойку бы съ помѣщиковъ взыскивали, да проценты...

Моше. У насъ и отцы контрабанду таскали; заслышишь какой случай очень выгодный, не удержишься сидѣть. Охъ, у меня ревматизмы, я бы самъ вмѣсто Михеля пошелъ... Какъ онъ долго не идетъ!

Громъ.

Ципа. Только бы не случилось какого несчастья.

Моше (Сидя въ окно). Льетъ дождикъ.

Ципа. Что я буду безъ мужа!.. сирота я буду оставленная! Господь Вседержитель!

Моше (Прислушиваясь къ окну). Тихе, слушайте... звонки гремятъ.

Шмудъ вбѣгаетъ.

Шмудъ. Господинъ, подѣхали какіе-то люди къ дому.

Сендеръ. Можетъ быть, Михель?

Шмудъ. Нѣтъ. У лошадей колокольчикъ. Я думаю, полиція.

Сендеръ. Запри дверь скорѣй.

Шмудъ запираетъ.

Ципа. Видите, видите! Я говорила, будетъ несчастье.

Сендеръ. Надо отца позвать сюда. Старика Авраама всякое начальство уважаетъ; ему всегда во всемъ вѣрятъ.

Моше. Погоди; надо узнать, кто тамъ пріѣхалъ.

Слѣдователь. (За сценой). Отворите.

Моше. (Прислушиваясь). Гсс!

Слѣдователь. Отоприте!.. Кто тутъ есть?

Сарра. (Быстро). Это господинъ Горанинъ.

Моше. Нашъ судебный слѣдователь! Зачѣмъ?

Ципа. Михеля схватили!

Моше. Тсс!

Слѣдователь. Отопрете ли вы, черти!

Моше. Не уходите, женщины. Всѣ оставайтесь, я его пуцую.

Отпираетъ дверь: входитъ слѣдователь.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и слѣдователь.

Слѣдователь. Кто тутъ заперся? Даже въ такую непогоду не пускаетъ.

Моше. Извините, пожалуйста, Александръ Петровичъ, здравствуйте... не знали, что вы, нескорѣ отворили.

Шмуль уходитъ.

Слѣдователь. Батюшки, да тутъ наши городскіе... Господинъ Гольденвейзеръ, какъ вы сюда попали? еще въ такую грозу?

Моше. Мы собрались сюда шабашъ справлять.

Слѣдователь снимаетъ плащъ.

Ципа. (Тихо Саррѣ). Ты съ нимъ знакома, Сарра. Спроси, что ему надо?

Сарра выступаетъ.

Слѣдователь. А, и Сарра Моисеевна тутъ! Здравствуйте. Приятный сюрпризъ. Только, какъ это странно: вѣдь вы живете въ городѣ, у васъ тамъ превосходный домъ; зачѣмъ вы сюда приходите справлять шабашъ?

Ципа. Шабашъ можно вездѣ справлять, хорошій господинъ.

Моше. Здѣсь живутъ родители рабби Сендера. Рабби Сендеръ будетъ мужемъ моей дочери, Саррочки, такъ мы собрались...

Слѣдователь. Вотъ что?.. Все неожиданности. Вы замужъ выходите, Сарра Моисеевна? у васъ есть женихъ?

Сарра. Я Богомъ не отвержена. Какая же честная дѣвушка не имѣетъ жениха?

Слѣдователь. Поздравляю васъ. Познакомьте меня съ вашимъ женихомъ.

Сендеръ. Я женихъ Сарры.

Слѣдователь. Вы?.. вы... не думалъ я, что здѣсь встрѣчу... жаль...

Ципа. (Моше тихо). Отчего жаль? что онъ жалѣетъ? спроси его, зачѣмъ онъ пріѣхалъ?.. Господи!

Моше. Славенъ будь Господь, указывающій намъ нашу дорогу!.. Вы отчего заѣхали сюда въ такую бурю?

Ципа. Садитесь, господинъ, садитесь... скажите намъ, что вамъ надо?

Слѣдователь. (Садится). Гроза меня сбила съ пути. Я у помѣщика былъ за десять верстъ; да непремѣнно надо вернуться сегодня домой въ городъ... а тутъ колесо соскочило, ѣхать дальше нельзя... Дайте мнѣ фонарей, да помогите сыскать колесо.

Ципа. (Налю). Такъ вы только такъ, только ѣздили кататься... и стучитесь къ честнымъ евреямъ, когда у нихъ шабанъ?

Слѣдователь. Куда же мнѣ стучаться? тутъ кругомъ поле.

Ципа. Да, это хорошо бы тоже было: вы бы молились, а мы бы въ вашу церковь, еврей, прибѣжали, закричали бы: идите наши телѣги поправлять!

Слѣдователь. Что это за сумасшедшая у васъ, господинъ Гольденвейзеръ?

Моше. Она отъ благочестиваго рвенія такъ говоритъ... Въ шабанъ намъ запрещено что нибудь дѣлать, — мы не можемъ вамъ помочь.

Слѣдователь. Какъ? Просто поискать колесо?

Сендеръ. Мы не можемъ... законъ священный строго предписываетъ посвящать субботу размышленію, молитвѣ, отдыху и ѣдѣ.

Ципа. А нашъ законъ всѣ чиновники уважаютъ... и самъ Государь Императоръ уважаетъ... У насъ генераль-губернаторъ черезъ городъ проѣзжалъ, въ синагогѣ былъ... вы сами слышали, что онъ сказалъ, чтобъ евреямъ въ субботу не трогали.

Слѣдователь. Развѣ это работа? — освѣтите.

Моше. Вонъ фонарь, берите, зажигайте сами, а мы не можемъ.

Входитъ фурманъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и фурманъ.

Фурманъ. Пане, никакъ ничего нельзя сдѣлать. Я жидка поймалъ въ сараѣ, работника, онъ не идетъ со мной искать колесо, говоритъ шабанъ; а безъ колеса не доѣхать. Гдѣ его отыскать теперь? темно, якъ въ могилѣ.

Слѣдователь. Возьми вонъ фонарь. Зажги и самъ повици. Да лошадей привяжи.

Фурманъ. Лошади не уйдутъ, силу потеряли, устали очень.

Уходитъ.

Ципа. (Тихо Моше). Послать бы съ ними Шмульку; онъ тутъ изъ милости живетъ въ работникахъ, какой онъ еврей? что ему ша-

бань?... Если они долго проищутъ, вдругъ придетъ Михель съ товаромъ...

Моше. (Ей тихо). Михель войдетъ изъ сада. Я постерегу его у задняго крыльца.

Ципа. (Громко). Ну, вы какъ хотите, а я въ кухнѣ посижу, пока у насъ тутъ нежеланные гости нашимъ домомъ распоряжаются.

Уходить.

Слѣдователь. А разговаривать вашъ законъ въ шабашъ не запрещаетъ?

Моше. Благопристойный разговоръ всегда Богу угоденъ.

Слѣдователь. Я это вижу по словамъ вотъ почтенной дамы, которая сейчасъ отсюда вышла.

Моше. У нея языкъ рѣзкій, но душа у нея добродѣтельная. На слова не гнѣвайтесь: всякому тяжело, когда его духовныя размышленія прерываютъ. И меня извините, что я уйду.

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Слѣдователь, Сендеръ и Сарра.

Слѣдователь. По крайней мѣрѣ вы не уходите, Сарра Моисеевна. Вы все меня какъ будто избѣгаете, даже когда мнѣ случается приходить въ вашъ домъ. Съ фонаремъ фурманъ сейчасъ найдетъ колесо, и я уѣду. Дайте мнѣ полюбоваться вашей красотой, благо ужъ такой счастливый случай...

Сарра. Если вы хотите говорить со мной, вы не должны меня оскорблять и заставлять краснѣть.

Слѣдователь. Что же я сказалъ оскорбительнаго?

Сендеръ. У насъ, у евреевъ, святое писаніе запрещаетъ заглядываться на чужихъ женъ. Пей воду, текущую изъ твоего колодезя, и не разливай источники твои по улицѣ, говорится въ притчахъ Соломона.

Слѣдователь. Виновать, прошу простить. Я не зналъ, что вы ревнивы. Но Сарра Моисеевна вамъ еще не жена.

Сендеръ. Это все равно. Обѣщаніе на бракъ у насъ такъ же крѣпко связываетъ, какъ самый бракъ.

Слѣдователь. Стало быть, судьба ваша, Сарра Моисеевна, безповоротна. (Сендеру). Счастливый же вы человѣкъ, что вамъ удалось плѣнить такую завидную невѣсту.

Сарра. У насъ родители рѣшаютъ бракъ. Дѣти евреевъ послушны отцамъ.

Слѣдователь. И вы думаете, что родители всегда умѣютъ устроить счастье дѣтей?

Сарра. Такъ говорить священный законъ. Послушаніе родителямъ приноситъ благословеніе Божіе.

Слѣдователь. (Сендеру). Хорошіе у васъ родители, постарались объ васъ. Вы, конечно, довольны ихъ выборомъ.

Сендеръ. По толкованію талмуда: спускайся ступеню ниже, когда выбираешь жену, и поднимайся ступеню выше, когда выбираешь друга; потому мы, евреи, всегда должны быть довольны своей женой.

Слѣдователь. Такъ вы считаете Сарру Моисеевну ниже себя, и говорите это ей прямо въ глаза?.. Я вижу, вы ученый мужъ и знаете себѣ цѣну.

Сендеръ. Богъ надѣлилъ меня богатыми знаніями, я раввицъ, — меня почитаютъ мои единовѣрцы.

Слѣдователь. Стало быть, вотъ причина этого брака... вамъ даютъ въ мужья, Сарра Моисеевна, прямо представителя премудрости израильской. Вы этому рады?

Сарра. Если бъ мои желанія расходились съ желаніями моего отца, такъ не было бы у меня послушанія.

Слѣдователь. Да, вы умная дѣвушка и кровная еврейка: вы умѣете отвѣтить такъ, чтобы не сказать неправды и скрыть истину... изворотливость—это первый талантъ вашей націи.

Сарра. Я не понимаю, чтò вы говорите, но я чувствую, что вы хотите сказать что-то нехорошее про евреевъ, и это мнѣ больно.

Слѣдователь. Отчего же именно нехорошее? вѣдь это дѣло взгляда. Что для иного дурно, то для другого хорошо. Изворотливость приноситъ выгоду, а выгода пріятна, и для еврея она первая вещь. Еврей долженъ считать изворотливость большимъ достоинствомъ.

Сарра. Еврей изъ-за выгоды не поступитъ противъ своего закона.

Слѣдователь. Но, когда хочешь выгоды, законъ можно и обойти. Вы это видите чаще меня.

Сарра. Въ чемъ?

Слѣдователь. Да въ чемъ хотите... Вотъ вы каждую субботу справляете свой шабашъ по всѣмъ строгимъ правиламъ талмуда, но, Боже мой, чего только вы не придумываете, чтобы эти правила не мѣшали вашей выгодѣ и оставались только одной буквой закона. Вы письма не распечатаете своими руками въ субботу — это запрещено; но если нужно, ничто не мѣшаетъ, чтобы его распечатать вамъ и прочиталъ какойнибудь христіанинъ, пріятель или слуга. Тутъ запрета нѣтъ; и законъ соблюденъ, и выгода.

Сендеръ. Это позволено.

Слѣдователь. Вы всегда найдете способъ позволить себѣ то, что вамъ нужно, и запретить то, чего не хочется. Вамъ законъ предписываетъ въ субботу отдыхать отъ дѣлъ, чтобы душа была занята добрыми мыслями, чтобы оглянуться на свои проступки, а

кто же изъ васъ такъ справляетъ субботу?.. Вы не выходите изъ дому, вы жжете свѣчи, вы ѣдите субботнія кушанья, но чѣмъ душа занята...

Сендеръ. Для еврея добрыя мысли тѣ, которыя приносятъ добро евреямъ.

Слѣдователь. И зло и погибель всеѣмъ остальнымъ?.. Слышите, Сарра Моисеевна, что проповѣдуетъ вашъ талмудистъ? Какое счастье имѣть такого мужа!.. А впрочемъ, простите, не слѣдовало мнѣ это все говорить. Не глядите на меня такъ печально; простите, я чувствую, что я безтактенъ... это неволью какъ-то... я не знаю, почему, когда я васъ вижу, все эти вопросы приходятъ въ голову... Вы мнѣ представляетесь такой искренной въ вашихъ взглядахъ на ваши обязанности, честной даже въ вашихъ заблужденіяхъ... я боюсь, что эта ваша добродѣтель... (Мѣняя внезапно тонъ). Въ сущности какое мнѣ дѣло?.. Повторяю, я признаю себя безтактнымъ и прошу меня извинить. Что это мой фурманъ какъ долго ищетъ колесо? пойти помочь ему.

Сарра. Погодите... Скажите...

Слѣдователь. Что?

Сарра. Скажите, что хотѣли сказать... Чего вы боитесь?

Слѣдователь. Зачѣмъ? Не все равно?

Сарра. Прошу васъ. Если все равно, отчего не сказать?

Слѣдователь. Да пожалуй, я своихъ мыслей не скрываю. Я бы только не желалъ вамъ сдѣлать неудовольствіе.

Сарра. Когда я сама прошу.

Слѣдователь. Извольте... Я боюсь, Сарра Моисеевна, что именно ваша добродѣтель заставитъ васъ поступить неумно и сдѣлаетъ васъ несчастной. Мудрость жизни не въ одномъ талмудѣ, не только въ томъ, что вы берете на вѣру отъ вашихъ учителей; вы должны и сами обсуждать, что хорошо, что дурно.

Фурманъ входитъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Фурманъ.

Фурманъ. Пожалуйте, пане, напелъ колесо; все справилъ, можно ѣхать... и дождикъ сталъ маленькій.

Слѣдователь. (Сендеру). Прощайте, счастливый женихъ. (Саррѣ). До свиданья, Сарра Моисеевна.

Уходитъ съ фурманомъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Сарра, Сендеръ, потомъ Моше и Цина.

Сарра. Сендеръ, отчего ты не отвѣчалъ ему на всѣ его оскорбленія? Неужели не хватало у тебя мудрости и знанія, чтобъ доказать ему, что онъ говоритъ неправду?

Сендеръ. Мудрость моя и знаніе мое для евреевъ, а онъ не еврей; оттого слова его не могутъ быть оскорбленіемъ для насъ.

Сарра. Вѣдь и не евреямъ Богъ далъ разумъ; какъ же мы можемъ не спорить съ ними и не оправдываться, когда насъ бранятъ?

Сендеръ. Если собака на улицѣ будетъ на меня лаять, я не стану ей говорить, чтобъ она не лаяла, я убѣгу.

Сарра. Но ты тоже не пойдешь собакѣ кланяться, чтобъ она тебѣ помогала въ твоихъ дѣлахъ.

Входятъ Моше и Цина.

Моше. Уѣхалъ!

Цина. Какъ онъ меня испугалъ; я ужъ думала, что нибудь случилось съ Михелемъ. Пускай бы у тебя ось переломилась!

Моше. Сломается ось, онъ опять сюда воротится.

Цина. Нѣтъ, нѣтъ. Богъ Господь Саваоѣ! помоги ему доѣхать до дому благополучно.

Сарра. Если съ Михелемъ случится несчастье, такъ это оттого, что онъ пошелъ таскать контрабанду въ субботу.

Цина. Что она говорить?

Моше. Михель самъ ничего не будетъ таскать. Чтобъ таскать тюки, у насъ раньше субботы наняты гои, христіане. Михель праведный еврей; онъ будетъ идти рядомъ и смотрѣть.

Сарра. Какая тутъ разница? Вѣдь контрабанда для него и для тебя, а не для наемниковъ, которые несутъ; значить, вы работаете, а не они.

Моше. Михель не коснется рукой до товара.

Сарра. Развѣ законъ Моисея запрещаетъ только, чтобъ руки трудились, а голова, умъ, глаза не должны отдыхать въ субботу?.. Наемники то же, что утварь. Когда ты въ горшкѣ варишь похлебку, развѣ ты говоришь, что варить горшокъ?.. Ты показавъ наемникамъ, куда идти и что нести: твой умъ, твой приказъ, твое и дѣло.

Моше. Такого толкованія въ священныхъ книгахъ нѣтъ.

Цина. Ударь ты ее по щекѣ, чтобъ у нея языкъ отнялся. Что она богохульствуетъ?

Сарра. Оттого, что ударишь, справедлива не будешь.

Цина. Да что ты?

Моше. Тише, женщины, тише. Сарра, смири свой духъ; не мудруй лукаво о томъ, чего не разумѣешь.

Входитъ Шмуэль. Онъ взволнованъ.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же и Шмуль.

Шмуль. Господинъ, что-то нехорошо! Что-то очень нехорошо!..

Моше. Чего ты испугался?

Шмуль. Когда былъ слѣдователь, я тамъ на чердакѣ глядѣлъ въ одно окошечко, и вдругъ... я слышу... страшно такъ... стрѣляютъ... гдѣ-то стрѣляютъ.

Моше. Близко отсюда?

Шмуль. Не знаю... я только слыпалъ, стрѣляютъ, и потомъ кто-то очень кричалъ... страшно кричалъ.

Ципа. Михель!

Шмуль. Я не могъ различить голосъ; мнѣ было такъ страшно, такъ страшно!..

Моше. Слѣдователь слышалъ?

Шмуль. Нѣтъ. Когда слѣдователь сѣдился въ телѣгу, все было кончено, и онъ поѣхалъ къ городу. Стрѣляли, когда онъ здѣсь сидѣлъ... я потомъ, когда онъ уѣхалъ, немножко подождалъ... теперь больше не слышно.

Моше. Можетъ быть, это Михель столкнулся со стражниками..

Ципа. Ахъ, я несчастная! ахъ, я самая несчастная во всемъ свѣтѣ женщина!.. (Саррѣ). Это ты, отступница, все звала несчастье! за тебя онъ будетъ страдать!..

Сарра. Перестань кричать. Надо скорѣй узнать и помочь имъ.

Моше. Ахъ, кабы не дождикъ... Я не могу въ дождикъ... если я промокну, я лягу въ постель отъ ревматизма, я совсѣмъ боленъ буду...

Сарра. Пускай идетъ Шмуль; онъ слышалъ, откуда кричали.

Шмуль. Я одинъ не пойду; мнѣ страшно.

Сарра. Сендеръ поидетъ съ тобой. Сендеръ, ты одинъ здоровый мужчина остался, ты поиди со Шмулемъ.

Сендеръ. Я клятву далъ, что не выйду изъ дому ни въ одну субботу.

Сарра. Михель еврей, да еще родственникъ. Ты самъ говорилъ, что законъ разрѣшаетъ выйти изъ дому въ субботу, когда надо спасти еврея.

Сендеръ. Клятва передъ Господомъ должна быть важнѣ всякихъ добрыхъ дѣлъ.

Сарра. Скажи лучше, что ты боишься выйти... стыдись! Шмуль лучше тебя: онъ прямо говорить, что ему страшно.

Ципа. Сендеръ, Сендеръ, иди, ищи Михеля! какія тамъ клятвы, когда твой братъ течетъ кровью!

Сендеръ. Ни для кого я клятвѣ не измѣню.

Сарра. Такъ я пойду. Я знаю, что Богу и ангеламъ Его будетъ радостно на небеси, если не дадутъ погибнуть одному изъ сыновъ Его. Вери фонарь, Шмуль.

Наклдываетъ верхнее платье.

Ципа. Иди, иди, Саррочка! ты хорошая, ты храбрая, ты самая праведная еврейка; Богъ приготовить тебѣ мѣсто на небѣ. А я, скверная женщина, бранила тебя...

Моше. Ты могла бы сама идти: Михель тебѣ мужъ, а не ей.

Ципа. Охъ, да! я могла бы... но у меня нѣтъ такой храброй души; я скверная женщина... что я могу безъ мужа?.. мужъ меня кормитъ, меня одѣваетъ... Саррочка, прости меня, прости меня...

Сарра. Надо взять кувшинъ съ водой и полотенце, могутъ понадобиться... Шмуль, неси фонарь.

Моше. Если встрѣтите кого, скажите, что въ домѣ больной. Если увидите стражниковъ, отойдите. Стражники подстрѣленного не оставляютъ въ полѣ; а вамъ не надо себя выдавать, чтобъ потомъ насъ не притянули къ контрабандѣ.

Шмуль. Кто-то идетъ въ сѣняхъ...

Быстро входитъ Михель.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Михель.

Моше. Михель!

Ципа. Слава Всевышнему! слава ему въ небесахъ и сонму ангеловъ Его!

Моше. Отчего ты такъ долго не приходилъ и идешь прямо съ крыльца? гдѣ Юшке? гдѣ люди съ товаромъ?

Михель. Все пропало... я едва убѣжалъ... Дайте сѣсть, на ногахъ не стою...

Моше. На стражниковъ наткнулся?

Михель. На цѣлый конвой... работники бросили товаръ... ихъ хватали... драка началась...

Моше. Есть арестованные? они насъ выдадутъ...

Михель. Нѣтъ, кажется, все разбѣжались... Юшке тоже убѣжалъ... Да контрабанда пустяки... что случилось — хуже контрабанды.

Моше. Но товаръ весь пропадетъ?

Михель. Пропадетъ.

Моше. На пять тысячъ рублей слишкомъ!

Ципа. Не лучше ли было эти деньги на проценты отдать?

Михель. Деньги вернутся... Я вамъ говорю, есть хуже, гораздо хуже... Шмуль, иди въ сѣни, прислушайся, не идетъ ли кто; сейчасъ крикни.

Шмуль уходитъ.

Моше. Что же хуже?

Михель. Я одного стражника убилъ... (Сарра вскрикиваетъ). Не бойся, Сарра, меня не видали въ темнотѣ, меня не узнаютъ... Да, когда я увидѣлъ, что намъ плохо, я побѣжалъ, а двое стражниковъ за мной... вижу, близко, захватятъ... я выхватилъ револьверъ... выстрѣлилъ три раза... одинъ упалъ, другіе остановились... я въ это время добѣжалъ до кустовъ. Они тоже стрѣляли, но я кустами пробрался.

Сарра. А убитый?

Ципа. Вотъ сумасшедшая, она, кажется, хочетъ бѣжать ухаживать за стражникомъ.

Михель. Его приберутъ... Но сюда могутъ сейчасъ прійти. Дайте мнѣ скорѣе переодѣться.

Сендеръ. Пойдемъ.

Моше. А мокрое платье и сапоги кинь гдѣ нибудь на дворѣ, подъ дождь, какъ будто днемъ вывѣтривали и тамъ забыли... и вытри все, гдѣ будешь переодѣваться. Если стануть обыскивать домъ, чтобъ не привязались. А гдѣ револьверъ?

Михель. Я потерялъ его въ кустахъ.

Моше. Найдутъ... не хорошо...

Сендеръ. Скорѣй, скорѣй, пойдемъ.

Оба уходить.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Моше, Ципа, Сарра, потомъ Авраамъ и Годе.

Сарра. Убитый! убитый!.. вотъ что вы дѣлаете въ шабашъ...

Ципа. Ну, ужъ не разговаривай больше объ этомъ. Ты это должна забыть.

Моше. Можетъ быть, онъ только раненъ.

Ципа. (Саррѣ). Поставь кувчинъ на мѣсто да раздѣнся; что ты совсѣмъ разумъ потеряла?

(Сарра снимаетъ верхнее платье; входятъ Авраамъ, Годе и Ципа.)

Авраамъ. Моше, дольше намъ нельзя дожидаться Михеля. Шабашъ давно наступилъ, пойдемте къ столу.

Моше. Михель пришелъ, онъ разговариваетъ о чемъ-то съ Сендеромъ.

Авраамъ. Собирайтесь же, сыны Израиля.

(Говорить вдохновенно и почти нараспѣвъ.)

Въ единомъ словѣ: «соблюдай и помни»,
 Намъ на Синаѣ Богъ законы далъ.
 Единъ Господь! Его едино имя!
 Изъ вѣка въ вѣкъ во славу онъ сіялъ.

Встрѣчайте же субботу, какъ невѣсту
Идетъ встрѣчать восторженный женихъ.
Суббота есть источникъ благодати
И бытія, и помысловъ святыхъ.

Уходитъ съ Пешей и Годе.

Сарра. Бѣдный старикъ! Еслибъ онъ зналъ, какіе помыслы сегодня у его близкихъ, онъ разорвалъ бы одежды свои, и вмѣсто веселья и радости, посыпалъ бы голову пепломъ и рыдалъ бы!

Моше. Перестань же, Сарра... отбрось черныя мысли, встрѣчай святой праздникъ съ веселымъ лицомъ. Идите къ столу.

Сарра. Я не могу ѣсть и быть веселой, я думаю объ убитомъ.

Ципа. Ты не должна думать. Будешь охать да ахать, ктонибудь подслушаетъ, попадешь съ тобой въ бѣду.

Моше. Идите! идите...

Сарра и Ципа уходятъ, входитъ Шмуль.

Шмуль. Господинъ, я навѣрно это не могу сказать, но мнѣ кажется, къ дому идутъ люди. Я въ темнотѣ видѣлъ, точно движется кто-то, и голоса слышалъ... надо крѣпко запереться.

Моше. Нѣтъ, напротивъ: оставь отпертыми, и сѣни и эту дверь. А самъ останься здѣсь справлять шабашъ.

Торопливо входятъ Сендеръ и Михель переодѣтый.

Сендеръ. Какіе-то люди идутъ къ дому, можетъ быть, полиція.

Моше. Пускай войдутъ! Они насъ застанутъ за святымъ обрядомъ... Занимайте мѣста у стола.

Отдергиваетъ занавѣсъ. Въ глубинѣ длинный столъ съ кушаньями и зажженными свѣчами. За столомъ стоятъ въ серединѣ Авраамъ между Пешей и Годе, справа Шмуль и Ципа, слѣва Сарра. Сендеръ становится между Пешей и Саррой, Моше въ концѣ стола слѣва передъ Саррой, Михель справа подлѣ Ципы.

Авраамъ—возглашаетъ.

Привѣтъ вамъ, ангелы служенія,
Ангелы Всевышняго, Царя Царствующихъ,
Всесвятого.

Всѣ—поютъ хоромъ.

Да будетъ онъ благословенъ.
Придите съ миромъ, ангелы мира!
Ангелы Всевышняго, Царя Царствующихъ,
Всесвятого.

Да будетъ онъ благословенъ.

Шумъ за сценой, слышны голоса: «сюда, сюда... здѣсь свѣтло!» Входятъ Антоновъ и второй стражникъ.

ЯВЛЕНИЕ XII.

Тѣ же и стражники.

Антоновъ. Сюда! сюда!.. Что это тутъ?.. А! шабашъ...

Второй стражникъ. (Въ кулисы). Неси, неси осторожнѣй!..

Вносятъ на носилкахъ убитаго стражника. Пѣніе смолкаетъ.

Антоновъ. Ну, ужъ не гнѣвайся, дѣдъ Авраамъ, что потревожимъ сегодня; у насъ бѣда стряслась... вотъ такъ бѣда!.. Разбойникъ какой-то, дьяволь... застрѣлилъ... пока здѣсь положимъ... Дайте телѣгу, въ городъ везти.

Авраамъ. Боже Всесильный! что посылаешь намъ въ такой часъ?

Закрываетъ лицо руками, опирается на Годе. Моше выступаетъ; Сарра за нимъ выходитъ впередъ.

Моше. Идите рядомъ, въ другую комнату, берите во дворѣ лошадей и телѣгу, распорядитесь сами. Мы не можемъ прервать молитву.

Антоновъ. Что? живъ еще?

Второй стражникъ. Какое? не шелохнется!.. померъ.

Антоновъ. Вотъ горе! вотъ горе!..

Второй стражникъ. (Тихо первому). Обшарить бы домъ-то,—не найдемъ ли уликъ... не сюда ли скрылся убійца?

Антоновъ. (Ему тихо). Обшаримъ... (Громко). Несите.

Сарра. Поддержи меня, отецъ! мнѣ дурно...

Моше. Пойте молитву! молитву громче!..

Поддерживаетъ Сарру.

Всѣ—кромѣ Сарры и Авраама, поютъ.

Благословите меня миромъ, ангелы мира!
Ангелы Всевышняго, Царя Царствующихъ,
Всесвятого.

Да будетъ онъ благословенъ.

Послѣднюю строку повторяютъ. Стражники уносятъ убитаго.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Богатая гостиная у Моше.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сендеръ; Моше—входитъ. Позже Сарра.

Сендеръ. Гдѣ ты былъ такое долгое время? Я не зналъ, что и думать.

Моше. Да, да, старый Моше постоятъ за себя; старый Моше лучше всякихъ молодыхъ справить дѣло. Пока старый Моше живъ, евреи у насъ въ городѣ могутъ спать спокойно; онъ не дастъ въ обиду единовѣрцевъ.

Сендеръ. Господь и воздастъ тебѣ за твое благоразуміе: домъ твой самый богатый въ городѣ.

Моше. Господь благословляетъ, когда при благоразуміи есть и смѣлость. Вы всѣ тоже очень благоразумны, но смѣлости у васъ нѣтъ, какая у насъ была, у прежнихъ людей. Я въ молодости чего не испыталъ?—женщиной переодѣвался, въ стогъ сѣна прятался, чуть не задохся, и казакъ могъ меня пикой проколоть. Оттого для меня было все возможно, что другому чудомъ покажется.

Сендеръ. Въ опасности нѣтъ благоразумія.

Моше. Тому, кто колеблется.

Сендеръ. Писаніе велитъ быть осторожнымъ во всякій часъ. Впрочемъ теперь спорить некогда. Что же ты сдѣлалъ?

Моше. Я сдѣлалъ то, объ чемъ вы всѣ толкуете и чего не дѣлаете; нѣтъ у васъ смѣлой догадки. Я именно позаботился объ осторожности. Теперь слѣдователь можетъ обыскать всѣ еврейскіе дома, если ему будетъ угодно; онъ не найдетъ ни одного аршина контрабанднаго товара. Всѣ склады очищены; гдѣ что было, все отослано въ Петербургъ. Какія же теперь доказательства, что евреи ведутъ контрабанду? Стало быть, и стражника убилъ не еврей.

Сендеръ. Такъ теперь даже было бы хорошо направить слѣдователя на мысль, чтобъ онъ обыскивалъ подозрительныхъ людей. Онъ, можетъ быть, у своихъ же единовѣрцевъ найдетъ контрабанду и ихъ будетъ подозрѣвать.

Моше. Ай, ай, чего еще я не догадался... жаль, жаль... Умная твоя мысль. Мнѣ бы надо было продать одинъ тюкъ кому нибудь изъ русскихъ купцовъ.

Сендеръ. Какой тюкъ?

Моше. Хе, хе, хе... я вѣдь увезъ эти тюки, которые носильщики-то побросали,—да. Ты бы и подумать не смѣлъ, а я сдѣлалъ. Я разузналъ, что слѣдователь поѣдетъ сегодня въ десять часовъ осматривать, гдѣ случилось убійство, а я въ шесть часовъ утра въ парабанѣ туда поѣхалъ, одинъ. У кого въ мысляхъ можетъ быть, что богатый коммерсантъ ѣдетъ тюки подбирать?.. Мнѣ Михель сказалъ, что ихъ въ оврагъ бросили. Спокойно ихъ подобралъ, ни души не было въ полѣ. Стражники въ суматохѣ голову потеряли, пошли въ городъ провожать убитаго. Теперь тюки ѣдутъ въ Петербургъ.

Сендеръ. Моше! ты удивительный человекъ, ты геніальный!..

Входитъ Сарра и останавливается
въ глубинѣ.

Моше. Ай, какъ жалко! Какъ жалко, что я не продалъ русскому купцу изъ этого товара шелковую матерію. Тамъ была одна такая матерія самаго новаго рисунка, на таможиѣ ее знаютъ... Еслибъ слѣдователь нашелъ ее у русскаго купца, было бы сильное подозрѣніе, что субботняя контрабанда и убійство его дѣло; а евреи были бы совсѣмъ въ сторонѣ. Ахъ, какъ жалко, не догадался.

Сендеръ. Купецъ сказалъ бы слѣдователю, что получилъ товаръ отъ тебя.

Моше. Чѣмъ онъ это можетъ доказать?.. Подъ присягу пойдетъ?— и я присягну, что ничего не знаю. Почему ему больше вѣрить можно, чѣмъ мнѣ?

Сендеръ. Такъ все благополучно! слава Всевышнему!

Сарра. (Выступая). Не богохульствуй, Сендеръ! какое благополучіе, когда убитъ человекъ.

Моше. Ты подслушиваешь наши бесѣды?

Сарра. Ухо слышащее и глазъ видящій—все создано Господомъ, какъ же мнѣ не слышать? Вы радуетесь громко, и чего вы радуетесь, когда на вашей душѣ смерть?

Сендеръ. Умеръ не еврей, чего же намъ печалиться? Пусть печалятся тѣ, кому онъ былъ дорогъ.

Моше. Каждый день люди умираютъ, и стражники все равно умеръ бы немножко позже; передъ вѣчностью разниа не велика. Зачѣмъ онъ сунулся подъ пистолетъ?.. Не убили бы его, онъ бы

убилъ Михеля; лучше, что Михель остался живъ... и ты тоже должна этому радоваться. Что тебѣ нужно? зачѣмъ ты сюда пришла?

Сарра. Я сидѣла въ моей комнатѣ у открытаго окна, пробѣждалъ Шмуль и шепнулъ мнѣ, чтобъ я тебѣ сказала, что слѣдователь нашелъ револьверъ, которымъ убить стражника.

Моше. (Съ ужасомъ). Револьверъ!

Сарра. И какой-то оружейникъ сказалъ, что этотъ револьверъ недавно чинили въ твоей слесарной мастерской.

Моше. У меня!.. Это страшная новость... я о револьверѣ со-всѣмъ забылъ... это страшная новость!

Сендеръ. Доберутся до Михеля, всѣмъ намъ будетъ плохо...

Моше. Постой, постой... надо придумать... надо что нибудь такое придумать... во всякую минуту надо быть готовымъ къ отвѣту...

Сендеръ. Глупый Михель! какъ можно было терять такую улику.

Моше. Постой... да... да... другого средства нѣтъ... конечно, деньги придется платить, много денегъ придется платить...

Сендеръ. Кому?

Моше. Но другого средства нѣтъ... Юшке!.. вѣдь онъ убѣждалъ за границу... Постой, это даже хорошо выходитъ: надо намекъ сдѣлать, что убійца Юшке... а для кого контрабанда, этого не узнаешь. Юшке пустой человѣкъ, не для однихъ евреевъ работаетъ; у него продажная душа...

Сендеръ. За убійство могутъ арестовать и за границей, и сюда привезутъ; тогда намъ еще хуже будетъ.

Моше. Надо торопиться спрятать Юшке... Пускай онъ въ Африку уѣдетъ, теперь много ѣдетъ евреевъ въ Африку. Только дорого будетъ стоить.

Сендеръ. Ограбить насъ Юшке, какъ почувствуетъ, что въ его рукахъ спасеніе Михеля и всѣхъ, онъ кровь нашу высосетъ...

Моше. Ну, ну, это еще не такъ; для Юшке тоже лучше съ маленькими деньгами уѣхать въ Африку, чѣмъ на насъ доносить; онъ самъ замѣшанъ въ дѣло.

Сендеръ. Юшке платить большія деньги!.. этому нищему негодю, котораго мы гоняли, какъ грязнаго пса; теперь кланяться ему будемъ и платить деньги?

Моше. Когда необходимо.

Сендеръ. Такую низкую гадину можно устранить и безъ денегъ.

Моше. (Размысливъ). Устранить?

Сендеръ. Юшке вѣчно пьянъ, любить, чтобъ его угрожали; чего легче завести его куда нибудь и дать такого питья, чтобъ онъ никогда не проснулся.

Сарра. Отравить?

Сендеръ. Объ этой скверной пѣдали никто и заботиться не будетъ: отчего онъ умеръ? Скажутъ спился, похоронять. На мертваго-то еще легче будетъ свалить убійство стражника.

Сарра. Сендеръ, что ты говоришь? можно ли такъ думать?

Сендеръ. Какъ же думать иначе?.. Когда хочешь, чтобы виноградъ созрѣвалъ наилучше, обрѣзай сухія вѣтки и бесплодные побѣги. Когда тебѣ приходится выбирать между двумя людьми, неужели ты не предпочтешь праведника нечестивому? неужели стоитъ говорить объ Юшке или стражникѣ, когда надо сберечь Михеля?.. Воля тоже созданіе Божіе, и больше отъ него пользы, чѣмъ отъ Юшке, и все-таки ты вола убиваешь, чтобъ тебѣ было хорошо, чтобъ было у тебя мясо для ѣды и кожа для одежды. Пускай лучшіе люди живутъ, и если для этого нужно, чтобъ худшіе умирали,—пускай умираютъ.

Сарра. Богъ сказалъ: не убій.

Сендеръ. Но онъ не сказалъ, кого не убій.

Сарра. Ты изворачиваешь писаніе, ты говоришь безчеловѣчныя вещи... мнѣ невыносимо тебя слушать.

Моше. Невыносимо? Сарра, какая же ты будешь жена ему послѣ этого?

Сарра. Я не знаю... Я выросла въ страхѣ Божіемъ, въ повиновеніи тебѣ, не прекословя, какъ законъ велитъ еврейкѣ; я не смѣю имѣть никакой воли... Ты далъ мнѣ его женихомъ,—я покоряюсь; но мнѣ трудно, очень трудно: мой разумъ возмущается, чѣмъ больше я думаю о томъ, какъ вы живете. Ложь, обманъ, подвести невиннаго подъ отвѣтъ, наконецъ убить... и одного, и другаго,—и всякаго, если нужно... чтобъ не мѣшали вамъ... Я должна вѣрить, что вы говорите истину, что такъ должно быть: вѣдь одинъ изъ васъ мой отецъ, другой мой будущій властитель... Но я не могу сломать свою душу: мнѣ все это гадко,—меня смущаетъ сатана... Убейте и меня, чтобъ вамъ жилось хорошо, я вамъ тоже мѣшаю.

Моше. Сарра, милая, успокойся. Я свезу тебя къ Цадику, онъ святой человѣкъ, онъ во снѣ бесѣдуетъ съ Богомъ, онъ тебя благословитъ.

Сендеръ. Думай больше о хозяйствѣ, присматривай за домомъ, и дурныя мысли сами улетятъ, какъ филинъ, который пугается дневнаго свѣта.

Моше. А какъ пойдутъ у тебя дѣти, да, благословитъ Богъ, будетъ ихъ много, такъ и времени не хватитъ, только бы поспѣть одного умыть, другого одѣть. Поцѣлуй меня, дочка, ты хорошая еврейка, ты свой долгъ знаешь. Дѣла житейскія не для женщины, предоставь ихъ мужу.

Входитъ Авдотья.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Авдотья.

Сендеръ. Кто это?

Авдотья. Я къ барышнѣ; извините, мнѣ надо барышню.

Сарра. Это по хозяйству, прачка моя.

Моше. Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ, Сендеръ; тамъ обдумаемъ, что лучше сдѣлать. Тутъ могутъ всякіе люди прійти; запремся въ кабинетѣ.

Оба уходятъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

Сарра и Авдотья.

Сарра. Что тебѣ, Авдотья?

Авдотья. Я вамъ обѣщала къ сегодняшнему дню бѣлье справиться; не успѣла я, не до того мнѣ.

Сарра. Я подожду.

Авдотья. Оно все вымыто и катано, и сухо, только выгладить осталось; у васъ дома выглаждать. И все бѣлье принесла, горничной отдала.

Сарра. Зачѣмъ? въ день или въ два успѣла бы выгладить.

Авдотья. (Глухо). И больше на васъ работать не стану.

Сарра. Отчего?

Авдотья. Не могу я. Теперь говорятъ, будто жида мово мужа убили, а я на жидовъ буду работать?

Сарра. Какъ убили? когда?

Авдотья. Неужто не слыхали? Вчера контрабандисты застрѣлили. Онъ вахмистромъ былъ пограничной стражи.

Сарра. Такъ это твой мужъ?

Авдотья. Вы же его знали; сколько разъ онъ вамъ корзины съ бѣльемъ таскалъ.

Сарра. Господи! Вседержитель!

Авдотья. Три рубля еще осталось, да полтинникъ за вами, получить. (Сарра даетъ деньги. Авдотья взглядываетъ на нихъ). Пять рублей... И вамъ сейчасъ сдачи принесу—размѣняю. Какъ на грѣхъ, денегъ-то въ домѣ почитай что ни копейки... привезли мнѣ его ночью...

Слезы мѣniająть договорить.

Сарра. Такъ это онъ былъ?

Авдотья. Утѣняетъ меня начальство, жалѣетъ его: такого, говорятъ, человекъ не найти. И лучше ихъ знаю, какой онъ былъ человекъ. Я за него замужъ шла, отъ хорошаго мѣста отказалась, въ кухаркахъ была; мной господа не нахвалились, отпускать не хотѣли... «что ты, сумасшедшая, замужъ идешь, на какую жизнь?...» Мужъ тогда въ отставку былъ, безъ мѣста; натерпѣлись мы... а ни чуточки я не жалѣла своо мѣста... потому и мнѣ плохо, и ему не хорошо; а я вижу, онъ куска въ ротъ не положить, не подумавши обо мнѣ, сыта ли Авдотья?.. Человекъ былъ смирный, работающій; теперь вотъ его въ пограничную стражу взяли вахмистромъ на вторую службу, вздохнули мы... и такая бѣда. За что они, анаемы,

безъ разума его со свѣту жили? Жадность все, корысть... Они изъ-за денегъ контрабанду тащатъ, а я изъ-за этого навѣкъ погибшая, съ сиротами съ моими.

Сарра. У тебя есть дѣти?

Авдотья. Пятеро... Всѣ погибнемъ... Не могу я на васъ работать, видѣть твою бѣлья, сударыня, не могу: въ каждой складочкѣ, въ каждой кофточкѣ мнѣ все кровь чувствуется мово Митрича.

Плачетъ.

Сарра. Я не виновата.

Авдотья. Знаю, что не виноваты... Все-жъ таки жида его извели,—ваше племя... Весь городъ за это на жидовъ остервенился. Мнѣ солдаты говорятъ: «погоди! мы разнесемъ ихъ жидовскія гнѣзда»... мнѣ-то что оттого? нешто вернешь мово Митрича?.. Руки опустились! пушай и дѣти мрутъ...

Плачетъ. Входитъ слѣдователь.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и слѣдователь.

Слѣдователь. А, Сарра Моисеевна, мое почтенье... (Увидя Авдотью). И ты тутъ? зачѣмъ?

Сарра. Вы ее знаете?

Слѣдователь. Станный вопросъ. Я веду слѣдствіе по дѣлу смерти ея мужа.

Сарра. Она... она работала для меня... она работу принесла...

Авдотья. Прощайте. Я сдачу горничной отдамъ.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Сарра и слѣдователь, позже Моше и Сидеръ.

Сарра. Вы... пришли къ отцу... я скажу ему...

Слѣдователь. Что это какой у васъ встревоженный видъ?

Сарра. Эта женщина... тутъ рассказывала... про своего мужа... и что въ убійствѣ подозрѣваютъ евреевъ... Вы понимаете, я не могла это слушать равнодушно.

Слѣдователь. Да, гнусное дѣло! совсѣмъ сгубили семью.

Сарра. Она говорила, что эта исторія вообще возбудила злобу всего города противъ евреевъ. Если это разгорится, можетъ дойти до еврейскаго погрома.

Слѣдователь. Чего мудренаго.

Сарра. Но почему же ко всѣмъ евреямъ... такая ненависть?.. Ко всѣмъ, ко всѣмъ... При каждомъ случаѣ всѣ евреи должны отвѣчать,—какая несправедливость!.. За что?.. Когда христіанинъ сдѣ-

лаеть преступленіе, развѣ за это ненавидятъ его брата, отца, сестру, дочь, потомковъ до седьмого колѣна? развѣ кто изъ васъ отвѣчаетъ за грѣхи другихъ?.. а насъ, евреевъ, всегда смѣшиваютъ заодно. Довольно подозрѣнія на одного еврея, чтобъ всѣхъ насъ проклинаятъ.

Слѣдователь. Кто же въ этомъ виноватъ, какъ не сами евреи? Зачѣмъ же они такъ стараются отстаивать своего брата еврея, даже когда онъ сдѣлаеть что нибудь дурное?

Сарра. Не можетъ быть.

Слѣдователь. Не можетъ быть, такъ и слава Богу. Не къ чему объ этомъ разговаривать.

Сарра. А я бы хотѣла.

Слѣдователь. Напрасно. Вы и я, Сарра Моисеевна, къ несчастью, люди разныхъ планетъ. Вы выросли въ этомъ кругу и не по одному рожденію еврейка. Тутъ не одна религія, тутъ связь и правильности жизни, и привязанности, и вражды. Отрывать васъ отъ этого трудно, и больно для васъ, да и цѣли нѣтъ, — пока вы сами не захотите оторваться.

Сарра. Сколько презрѣнія! Господи, сколько презрѣнія—къ жидамъ... а еще вы себя всегда хотите выставить добрымъ. Такъ по-вашему мы, евреи, всѣ какіе-то скверные люди, не тотъ у насъ мозгъ, и сердце, и кровь, какъ у васъ? Мы неспособны ни къ любви, ни къ труду, ни къ самоотверженію?.. Такъ что ли? говорите. Все, что евреи дѣлають хорошаго, это одно притворство и обманъ? такъ что ли по-вашему?

Слѣдователь. Нѣтъ. Какъ могу я отрицать у евреевъ человѣчныя качества, когда они встрѣчаются у всѣхъ народовъ міра! Евреи, разумѣется, способны на хорошее, какъ всѣ, иногда даже больше способны, чѣмъ многіе другіе. Евреи очень привязаны къ своей семьѣ, практичны, выносливы, умѣють работать, чутки къ искусству,—но главное несчастье въ томъ, что въ ихъ средѣ у многихъ еще сохранилось наслѣдіе темной старины: прилагать добрыя чувства только къ своимъ, къ евреямъ, а не ко всѣмъ людямъ. Вѣками это создалось и держится крѣпко. Еврей любитъ,—да; но онъ обязанъ любить только еврея, помогать еврею, спасти еврея... если онъ сдѣлалъ зло еврею—онъ согрѣшилъ, но сдѣлать зло христіанину ему позволено... намъ онъ врагъ, насъ онъ можетъ обманывать, губить, что хотите—и это не будетъ считаться преступленіемъ. У такихъ евреевъ съ нами нѣтъ общей жизни, ни общихъ интересовъ, ни общихъ желаній,—они живутъ отдѣльно своимъ племенемъ среди насъ; у нихъ все свое: свои взгляды, свой судъ, свое начальство... они государство въ государствѣ, и это государство нашихъ враговъ; намъ они добра не пожелаютъ.

Сарра. А между тѣмъ эти враги вамъ служатъ и жертвуютъ деньгами на ваши благотворительныя учрежденія. Сосчитайте, сосчи-

тайте, сколько жидовскихъ денегъ идетъ на вашихъ благочестивыхъ христіанъ.

Слѣдователь. Неизмѣримо меньше того, что евреи у христіанъ отнимаютъ.

Сарра. Зачѣмъ же вы позволяете отнимать у себя?

Слѣдователь. Трудно мирнымъ людямъ бороться съ кучкой враговъ, которые крѣпко сплотились и постоянно ведутъ партизанскую войну... страшную войну, хуже всякой кровавой рѣзни, потому что эта война не убиваетъ сразу, а развѣдаетъ, какъ лишай; въ этой войнѣ сражаются не пушкой, не саблей, а самымъ жестокимъ оружіемъ — золотомъ. Ваша благодетельность, ваше добро намъ—только подкупъ, всякаго рода подкупъ, чтобъ развращать тѣхъ, отъ кого вы зависите, чтобъ добиваться власти и порабощать. Вы думаете, мы презираемъ васъ? О, насколько больше вы насъ презираете!.. Еврей вынесетъ всякое униженіе передъ нами, что ему! — унижаясь наружно, онъ въ душѣ насъ глубоко презираетъ... и унижается, и услуживаетъ, чтобъ только ловчѣе накинуть петлю и задушить.

Сарра. Какъ вы насъ ненавидите!

Слѣдователь. Я немножко погорячился, виновать... Говоря откровенно, отчасти вы этому причина. Когда мнѣ вчера представили вашего жениха-талмудиста, мнѣ стало очень грустно и жаль васъ. Мнѣ думалось: такая симпатичная дѣвушка, и все-таки она будетъ, какъ всѣ эти... другія... И не оттого, что нѣтъ въ ней доброты и человѣчности, но оттого, что она еврейка... ей нужно воевать въ пользу своего племени, хоть бы это было ей отвратительно, хоть бы навязанный мужъ былъ ей противень.

Сарра. Какіе же вы-то послѣ этого ничтожные люди, когда видите, чувствуете, сколько отъ этого горя, и ничего не можете сдѣлать, чтобъ спасти и себя, и евреевъ... Вѣдь въ вашихъ рукахъ и солдаты, и сила; зачѣмъ вы допустили, чтобъ сплотилось еврейское царство, зачѣмъ вы такъ падки на золото, что золотомъ можно заставить васъ сдѣлать, что хочешь?.. Въ евреяхъ много дурнаго—пускай! а вы развѣ лучше?.. Евреи жадны къ золоту, но чтобъ другъ друга поддерживать; вы жадны къ золоту, чтобъ другъ друга давить и продавать. (Входятъ Моше и Сендеръ). Оттого цѣлыми вѣками насъ не могли уничтожить, хоть жгли на кострахъ, грабили и убивали... и придетъ время, евреи будутъ властвовать міромъ, и вы же это сдѣлаете... Когда все это видишь, поневолѣ задушишь въ себѣ свои личныя желанья и покоришься судьбѣ. Такъ видно Богу угодно, коли Богъ благословляетъ удачей еврейскія дѣла.

Моше (Выступая). Что это такое? что у васъ за разговоръ такой?.. Здравствуйте, господинъ; очень радъ васъ видѣть у себя. Саррочка, что такое?

Сарра. Прости, отецъ, что я тебѣ сейчасъ не сказала о приходѣ господина слѣдователя. Мы разговорились... но ты можешь быть увѣренъ: я ничего не говорила ему, что было бы вредно нашему племени.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Слѣдователь, Моше и Сендеръ.

Моше. Хе, хе! Такая дѣвочка глупенькая: что за горячія рѣчи по пустякамъ. Слабъ женскій умъ, увлекается. Я думаю, вамъ смѣшно?

Слѣдователь. Напротивъ, я очень жалѣю, что Сарра Моисеевна такъ оборвала нашъ интересный разговоръ. Я бы съ удовольствіемъ съ ней еще побесѣдовалъ.

Моше. Ну, какой вамъ интересъ отъ глупенькой еврейки?.. она ничему не училась... ужъ это вы такъ говорите, по вѣжливости... Садитесь, будьте добры. Могу чѣмъ нибудь служить вамъ?

Слѣдователь. Я шелъ мимо васъ, такъ было кстати зайти. Мнѣ хотѣлось частнымъ образомъ спросить васъ.

Моше. По поводу чего?

Слѣдователь. По поводу убійства вахмистра пограничной стражи.

Моше. Какого вахмистра? что за убійство?

Слѣдователь. Вы не знаете?.. Вѣдь вы были вчера на шабашѣ вблизи происшествія.

Моше. Ахъ, этотъ случай! Ужасный случай... какъ же, какъ же,—какъ я могъ не знать?.. Я по разсѣянности спросилъ; думалъ, еще другой такой же случай.

Слѣдователь. Такъ вотъ я хотѣлъ васъ спросить... вѣдь у васъ большая слесарная мастерская. Тамъ былъ въ починкѣ вотъ этотъ револьверъ... вѣроятно, его вамъ принесли въ магазинъ, и вы отдали его чинить въ мастерскую...

Моше. Если его тамъ чинили,—вѣроятно, такъ.

Слѣдователь. Не можете ли вы припомнить: кто вамъ приносилъ этотъ револьверъ?

Передаетъ револьверъ.

Моше (Разматривая револьверъ). Ну, это трудно, господинъ, очень трудно. Вы знаете, у насъ тутъ кругомъ много военныхъ стоитъ; офицеры часто приходятъ со своимъ оружіемъ, чтобъ его чинить. Какъ мнѣ запомнить одинъ маленькій револьверъ?

Слѣдователь. Посмотрите хорошенько; онъ особенный... перламутровая ручка, никелированный... Вашъ рабочій его сейчасъ узналъ.

Моше. Вы вызывали моего рабочаго въ камеру?

Слѣдователь. Нѣтъ еще. Онъ случайно былъ на площади, когда полицейскій принесъ револьверъ и сказалъ, что нашелъ его на мѣ-

стѣ преступленія. Я разговаривалъ съ двумя купцами, собралась маленькая толпа, и вапъ мастеровой тоже подошелъ. Когда онъ увидалъ револьверъ, онъ крикнулъ: «я его знаю»... и потомъ разсказалъ про починку.

Моше. Самъ сказалъ?... Какой же это былъ рабочій? какъ его зовутъ?

Слѣдователь. Я не знаю; я записалъ его имя, теперь не припомню... только онъ изъ вашей мастерской, и потому я думаю, что вы мнѣ скажете...

Моше. Гм... хороший револьверъ, очень хороший револьверъ... онъ долженъ вѣрно стрѣлять.

Слѣдователь. Такъ вы не знаете, кто его вамъ приносилъ?

Моше. Надо подумать; спросить надо... Вы не можете его у меня оставить?

Слѣдователь. О, ни въ какомъ случаѣ!

Моше. Да, да, вы не имѣете права довѣряться.. я такъ спросилъ, не подумавши.

Слѣдователь. (Сендеру, который ткнулся взглянуть на револьверъ). Вамъ угодно взглянуть?

Сендеръ. Кажется, я видѣлъ одинъ такой револьверъ.

Моше. Гдѣ ты могъ видѣть, Сендеръ? ты ученый человѣкъ.

Сендеръ. У Юшке я видѣлъ...

Слѣдователь. Кто это Юшке?

Моше. Вы не знаете Юшке Бернштейнъ?.. Это очень дурной человѣкъ. Онъ и уворовать можетъ и для всякаго какой хотите гешефтъ сдѣлаетъ.... Я думаю, онъ часто у васъ подѣ слѣдствіемъ бывалъ, Юшке Бернштейнъ.

Слѣдователь. Онъ еврей?

Моше. Да; но онъ никакихъ еврейскихъ законовъ не соблюдаетъ, онъ даже шабашъ не исполняетъ.... онъ хуже цыгана.

Слѣдователь. Такъ если этотъ Юшке вамъ давалъ чинить револьверъ, какъ же вы этого не помните?

Моше. Ахъ, господинъ, такой я сталъ старій,—память совсѣмъ плохая стала, и ревматизмы мучать. Не могу я помнить про всякаго фактора. Юшке маленькій факторъ.

Сендеръ. Вы его сыщите; Юшке скажетъ, отчего револьверъ нашелся въ полѣ.

Моше. Оставь, Сендеръ; господинъ слѣдователь самъ знаетъ, кого лучше спросить.

Слѣдователь (Вставая). Во всякомъ случаѣ, ужъ не прогнѣвайтесь, господинъ Гольденвейзеръ, мнѣ придется васъ вызвать на слѣдствіе въ качествѣ свидѣтеля.

Моше. Что я могу сказать? я ничего не знаю... Я больной старикъ; живу съ моей Саррой и молюсь.

Слѣдователь. Полноте, полноте. Вы именитый купецъ нашего города, ваше слово важно... Такъ пока до свиданья... (Сендеру). До свиданья...

Уходитъ.

Моше за нимъ; провожаетъ его униженно, съ видомъ больного старика, но тотчасъ возвращается на сцену оживленный и нервный.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Моше и Сендеръ, потомъ Ципа, позже Михель и члены еврейскаго общества.

Моше. Глупецъ! слова глупца на погибель его... Къ чему твоя ученость, когда ты такъ самъ себя отдаешь, глупецъ!.. Зачѣмъ ты сказалъ про Юшке?

Сендеръ. Вѣдь мы такъ рѣшили.

Моше. Зачѣмъ торопиться? можно было потомъ сказать, когда придетъ необходимость.

Сендеръ. Я очень испугался. Слѣдователь такъ упорно глядѣлъ на мои глаза... Я боялся, онъ скажетъ, это мой револьверъ.

Моше. Пустой человекъ!.. И кто этотъ мастеровой, который сказалъ? Такой же пустой. Я прогону его, ни одинъ еврей его къ себѣ не пуститъ, онъ съ голоду умретъ безъ работы.

Сендеръ. Я все поправлю. Слѣдователь здѣсь будетъ искать Юшке, а я завтра поѣду за границу и сдѣлаю такъ, чтобы Юшке не говорилъ ничего.

Моше. Ты и тамъ, пожалуй, испугаешься?

Сендеръ. Когда нѣтъ начальства, я не пугаюсь.

Входитъ Ципа.

Ципа. У васъ былъ слѣдователь? что ему надо? съ васъ тоже взяли подписку не выѣзжать изъ города?

Моше. Нѣтъ. А васъ заставили?

Ципа. Сейчасъ изъ суда приходилъ чиновникъ. Михель долженъ былъ подписаться, что никуда не уѣдетъ.

Моше. Его подозрѣваютъ?

Ципа. Ахъ, я безумная баба! изъ-за меня онъ погибнетъ. Охъ, что тогда я буду дѣлать!.. Онъ хотѣлъ еще вчера уѣхать, а я упростила, чтобъ остался! Зачѣмъ я упростила?

Моше. Тебѣ надо сегодня же ѣхать, Сендеръ, чтобы и тебя не задержали. Бѣги скорѣй въ полицію, возьми отпускъ на недѣлю. Теперь три часа, поѣздъ идетъ въ восемь вечера, ты успѣешь.

Ципа. Ахъ, я несчастная! Зачѣмъ Михель меня послушалъ? развѣ можно женщину слушать? развѣ женщина можетъ умно разсудить?

Моше. Перестань вопить; что ты этимъ поможешь? (Сендеру). Ступай же скорѣй.

Входить Михель.

Михель. Куда ты?

Моше. Не держи его; я тебѣ потомъ расскажу, что мы рѣшили. Онъ ѣдетъ розыскать Юшке.

Михель. Юшке арестованъ.

Моше. Какъ? вѣдь онъ за границей.

Михель. Нѣтъ. Его арестовали.

Моше. Ты самъ сказалъ, что онъ убѣжалъ за границу.

Михель. Мнѣ это показалось въ суматохѣ; ему не удалось. Онъ два дня прятался у кузнеца въ шалашѣ; сегодня пытался бѣжать, и его какъ разъ схватили.

Моше. Слѣдователь сейчасъ былъ здѣсь, онъ ничего объ этомъ не знаетъ.

Михель. Онъ не могъ знать: Юшке только что привели въ полицію.

Моше. Ты самъ его видѣлъ?

Михель. Самъ.

Моше. О громъ небесный! горе! горе!... (Сендеру). Видишь, глупецъ, видишь! ты въ Юшке бросилъ камень, а онъ прямо упалъ на наши головы. Юшке выдастъ насъ съ руками и головами.

Михель. Что ты говоришь? что?

Моше. Твой револьверъ нашли... Сендеръ сказалъ слѣдователю, что это револьверъ Юшке.

Михель. Вы мнѣ могли вырыли, вы меня живого въ землю закопали!

Общій ужасъ. Пауза. Стукъ въ дверь: общее движеніе, прислушиваются. Входятъ рабби Шабсай, рабъ Гизель и рабъ Лейзеръ.

Шабсай. (Въ дверяхъ). Миръ дому здѣшнему и благополучіе.

Моше. Ахъ, это вы, рабби... входите, входите... (Входятъ). Нѣтъ намъ благополучія, рабби, гибнетъ древо Іаковлево... горе! горе! за смерть голя, солдата, христіанина, праведному Михелю придется заплатиться.

Шабсай. Если земными сокровищами, то горе еще поправимое.

Моше. То-то нѣтъ,—это невозможно.

Лейзеръ. Давно ли мудрый Моше потерялъ вѣру въ силу денегъ?

Моше. Нашего слѣдователя подкупить нельзя.

Лейзеръ. Не отъ одного слѣдователя зависитъ дѣло; а гдѣ много людей, тамъ всегда найдется человѣкъ, который возьметъ деньги.

Шабсай. Другіе члены еврейскаго общества собрались на дворѣ, чтобъ не обращать вниманія любопытнаго глаза на нашъ приходъ. Приведи ихъ сюда, Михель.

Михель уходитъ.

Ципа. Возьмите у меня все, все,—всѣ мои дорогія платья, кольца, камни драгоценные, но спасите мнѣ Михеля... онъ мнѣ потомъ новые подарить.

Шабсай. Ты неразумная женщина.

Ципа. Я и не хвалюсь разумомъ. На что мнѣ разумъ? для того у меня есть мужъ, чтобъ наставлять мой разумъ. Спасите моего мужа!

Входить Нахманъ, Михель и другіе евреи.

Нахманъ. (Шабсаю). Слышали, слышали, что Михель говоритъ? Юшке арестованъ...

Лейзеръ. Юшке Бернштейнъ?

Нахманъ. Зачѣмъ брали Юшке на контрабанду? я всегда говорилъ: Юшке не надо къ себѣ пускать. Юшке давно надо было отдать въ солдаты отъ еврейскаго общества!

Гилель. Онъ всѣхъ насъ ненавидитъ.

Нахманъ. Чѣмъ же тогда будутъ кормиться мои дѣточки, если онъ меня притянетъ къ дѣлу?.. У меня шесть дѣточекъ: Лейке, Двошке, Ривка, Берке, Юдке и Зорухъ... и мать есть, и бабушка, и два брата маленькихъ,—я ихъ всѣхъ кормлю... кто ихъ безъ меня будетъ кормить?

Шабсай. Что Юшке можетъ сказать про тебя? вчера всѣ видѣли тебя чрезъ окошки на шабашѣ съ твоимъ семействомъ; ты былъ въ городѣ.

Нахманъ. Онъ все можетъ сказать, Юшке, онъ злой, какъ змѣя. Я его палкой билъ на прошлой недѣлѣ, онъ теперь все старое припомнитъ.

Лейзеръ. И на меня золь; онъ у меня денегъ просилъ, я его прогналъ.

Нахманъ. Моше! Моше! этому человѣку вы даете такой гешефтъ-контрабанду! ай, ай, ай! ай, ай...

Говорь.

Шабсай. Тише, братья, тише! пустымъ споромъ дѣла не строить. Садитесь, раввины, и вы, евреи, всѣ садитесь... будемъ тихонько обсуждать: какіе теперь избрать пути?

Нѣкоторые разсуждаются. Входить Сарра.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Сарра.

Моше. Что тебѣ, дочь моя?

Сарра. Я видѣла, что собралнсь къ намъ раввины и всѣ лучшіе еврейскіе люди... и я пришла просить васъ всѣхъ...

Шабсай. Подойди, дѣвушка, говори, не бойся. Сыны Израиля знаютъ твое благочестіе и охотно преклоняютъ ухо къ твоимъ словамъ.

Сарра. Я пришла просить васъ, чтобъ вы помогли деньгами несчастной вдовѣ убитаго вахмистра.

Ципа. Что она выдумала! Мы изъ-за этой вдовы всѣ погибаемъ.

Сарра. Умоляю васъ ради Всевышняго!.. Эта женщина теперь тамъ у меня. Она во второй разъ сегодня пришла,—съ ней сдѣлась истерика... Еслибъ вы видѣли ее... эти рыданья... я не могла вынести... прибѣжала... я умоляю: помогите ей и ея дѣтямъ.

Ципа. Кого ты жалѣешь? о комъ ты говоришь-то?.. подумай.

Моше. Остановись, Ципа. У Сарры въ одномъ мизинцѣ больше ума, чѣмъ во всей твоей головѣ; она хорошо говоритъ: деньги дать вдовѣ хорошо. Тогда судъ будетъ добрѣе смотрѣть на евреевъ.

Лейзеръ. Да, этотъ расходъ сдѣлать намъ выгодно.

Сарра. Выгодно!

Шабсай. Садись, дѣвушка; расскажи намъ про эту вдову, ты ее знаешь?.. какова ея бѣдность, какія дѣти?.. мы обсудимъ, сколько намъ не жалко будетъ на это истратить.

Сарра. Нѣтъ. Дѣлайте, какъ хотите; я не могу обсуждать съ вами... У меня сердце рвется отъ ея плача, а вы спокойно хотите взвѣшивать, что выгодно и чего не жаль... Дѣлайте, какъ хотите, я не могу.

Уходить.

Шабсай. Что съ твоей дочерью, ребъ Моше? она всегда была такъ благоразумна.

Моше. Она больна. Ее навѣрно разстроила эта женщина своими жалобами. Я прикажу, чтобъ эту женщину не пускали больше въ мой домъ.

Михель. Деньги ей все-таки надо послать чрезъ начальство.

Нахманъ. А вы что не думаете: начальство скажетъ, что евреи хотятъ откушиться.

Шабсай. На благодареніе всегда смотреть доброй душой.

Моше. Не бойся, ребъ Нахманъ, я съ общества не возьму ни копейки; я самъ внесу свои пятьсотъ рублей.

Нахманъ. Лучше бы эти деньги слѣдователю подарить.

Лейзеръ. слѣдователю-то можно бы и больше дать, гораздо больше, да онъ не возьметъ. Онъ глупый безсребренникъ; не знаетъ цѣны деньгамъ. Не захочетъ замарать свою службу.

Михель. Хоть бы онъ только отстранился, сказался больнымъ, чтобъ другому слѣдователю передали дѣло. Съ другимъ скорѣй можно сторговаться.

Моше. Не пойдетъ онъ на эту сдѣлку.

Лейзеръ. Для насъ не пойдетъ, но если бы его попросила твоя Сарра... о, я знаю, какъ она ему нравится! Онъ при мнѣ хвалилъ ее, какъ архангела... Еслибъ Сарра захотѣла сослужить службу Израилю и попросила бы слѣдователя...

Моше. Не думаю, чтобъ онъ даже для Сарры... Это дѣло очень огласилось... Онъ гордый, его гордость не сломишь.

Лейзеръ. Только бы Сарра осталась съ нимъ съ глазу на глазъ, мы подстережемъ, что онъ будетъ говорить и дѣлать. Сарра можетъ прійти просить за евреевъ, и когда будутъ одни... Сарра умная дѣвушка, она знаетъ, какъ поступить и какъ приласкаться; а мы во время явимся свидѣтелями, потомъ будемъ жаловаться начальству, что онъ по злобѣ на ея добродѣтель преслѣдуетъ евреевъ; начальство тогда само его отстранить.

Ципа. Она не сумѣетъ этого, не сумѣетъ. Вотъ я бы ловко сдѣлала, но меня слѣдователь терпѣть не можетъ.

Михель. Замолчи, Ципа.

Шабсай. Правда, бывали случаи, что Господь посылалъ сынамъ своимъ спасеніе черезъ дѣвушекъ еврейскихъ. Была Дебора, была Эсфирь.

Сендеръ (Лейзеру). Гдѣ же ты будешь подстерегать?

Лейзеръ. Развѣ трудно пробраться къ слѣдователю на квартиру и спрятаться рядомъ въ комнатѣ? У него только двѣ прислуги, и кухарку я берусь купить за пять рублей.

Шабсай. Что скажешь на это, ребъ Моше?

Моше. Пускай свершится, что нужно для блага Израиля! Пускай Сарра идетъ къ слѣдователю, я научу ее, какъ вести себя.

Сендеръ. Ты ручаешься за нее? Ты не боишься?..

Моше. Чего?.. Сендеръ! ты изъ-за ревности такъ говоришь. Моя дочь твердая еврейка и покорная раба своихъ старѣйшихъ. Ты самъ слышалъ сегодня, какъ она передъ слѣдователемъ заступалась за евреевъ. Она говорила, какъ книга.

Многіе. Пускай идетъ! Пускай попытается, попробуетъ..

Шабсай. Пускай Сарра идетъ къ слѣдователю, и да вразумить ее Господь!

Ципа. Охъ! Она не сумѣетъ. Я бы сумѣла; она не сумѣетъ.

Шабсай. Теперь равнины и благочестивые евреи, приступимъ къ главному: обсудимъ, какъ все дѣло направить.

Сендеръ. Обрушить его на Юшке. Онъ за всѣхъ отвѣтитъ.

Нахманъ. Юшке въ жертву принести! Юшке за всѣхъ... не намъ же пропадать! У меня шесть дѣтей: Лейке, Двошке, Ривка, Берке, Юдке и Борухъ, бабушка, два брата..

Гилель. Сговориться всѣмъ показывать противъ Юшке.

Многіе. Юшке! Юшке! Предать Юшке начальству!

Говорь.

Шабсай. Погодите, братья; не говорите торопливо. Помолчимъ малое время и подумаемъ. Можетъ, подумавши, лучше что скажемъ... помолчимъ минутку.

Общее молчаніе.

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Кабинетъ слѣдователя.

ЯВЛЕНІЕ I.

Слѣдователь — за столомъ разбираетъ дѣло. Слуга входитъ. Потомъ
Моше.

Слуга. Тамъ еврей Гольденвейзеръ пришелъ. Просить принять его.

Слѣдователь. Теперь мнѣ некогда; я занятъ.

Слуга. Я говорилъ; онъ все-таки просится.

Слѣдователь. Сейчасъ я слѣдствіе начну. Привели обвиняемаго?

Слуга. Нѣтъ еще. Купцу Реддиху вы повѣстку послали прійти, такъ онъ тутъ.

Слѣдователь. Скажи господину Гольденвейзеру, что я извиняюсь, прошу зайти въ другой разъ... черезъ два часа, если ему угодно.

Моше. (Заглядывая въ дверь). Я на одну маленькую минуточку... простите, простите, господинъ... еще обвиняемаго не приведи.

Слѣдователь. Ахъ, право я такъ занятъ...

Моше. (Входитъ). Я сейчасъ уйду; я только для одного хорошаго дѣла. Не сердитесь, господинъ, мы, евреи, очень упорны, когда для хорошаго дѣла стараемся.

Слѣдователь. Ну, что вамъ угодно?.. (Слугѣ). Ступай. Ты мнѣ скажешь, когда приведутъ.

Слуга уходитъ.

Моше. Ахъ, Боже мой, я вамъ неудобство дѣлаю. Ай, ай, ай, ай!..

Слѣдователь. Что вамъ угодно?

Моше. Я къ вамъ отъ моей Саррочки. У нея такое доброе золотое сердце, — вы не представите себѣ. Саррочка очень желаетъ

помочь вдовѣ убитого стражника... Ахъ, какъ Саррочка печальна отъ всего этого происшествія!—она почти не спитъ, она похудѣла. Я ужъ уговариваю ее: Саррочка, ты такая красавица, зачѣмъ ты похудѣла?.. но ей такъ жалко и мать, и дѣтей. Она умоляетъ васъ передать имъ пятьсотъ рублей отъ неизвѣстнаго.

Вынимаетъ деньги.

Слѣдователь. Я-то тутъ что? Это надо передать начальнику пограничной стражи, если ужъ вы непременно хотите.

Моше. Я ничего не хочу. Я дурной человѣкъ, старый и ко всему равнодушный; я люблю только мою Саррочку... и это ее желанье; она хотѣла, чтобъ я отдалъ вамъ, я и прошу васъ взять.

Слѣдователь. Снесите начальнику пограничной стражи.

Моше. Саррочка проситъ васъ распорядиться. Она никому не вѣритъ, вамъ однимъ, право. Вы не смотрите, что она съ вами спорить и иногда дичится; у нея много ума, много; она умѣетъ человѣка понять, — и никого въ городѣ она не ставитъ такъ высоко, какъ васъ.

Слѣдователь. Зачѣмъ вы мнѣ это говорите? Вы думаете, что мнѣ можетъ быть особенно пріятно льстивое слово?

Моше. Какое тутъ льстивое слово? я вамъ говорю мнѣніе объ васъ Саррочки. Мнѣ самому это мнѣніе даже непріятно, потому что, будь вы еще въ тысячу разъ лучше, чѣмъ она о васъ думаетъ, что изъ того?.. и вы твердый христіанинъ, и она твердая еврейка; если она вамъ правится или вы ей нравитесь, ничего хорошаго тутъ не можетъ быть. Коли ужъ правду сказать... я простой человѣкъ, я всегда правду скажу: я даже часто старался передъ ней васъ бранить... хе, хе!.. Я отецъ, я люблю Саррочку... я васъ бранилъ... но она умная, ее не обманешь; она такъ умѣетъ за васъ заступиться, что я долженъ уходить въ мою комнату.

Слѣдователь. Передайте, пожалуйста, Саррѣ Моисеевнѣ, что, къ великому моему сожалѣнію, я не могу исполнить ея просьбу. Если она искренно только хочетъ помочь вдовѣ, это можно сдѣлать и безъ меня.

Моше. (Прячетъ деньги). Моя бѣдная дочка!.. Ахъ, она будетъ чрезвычайно сокрушаться, что вы ее такъ съ холоднымъ чувствомъ отталкиваете. Вы не знаете, какъ она васъ понимаетъ... Это очень непріятно, что она васъ понимаетъ, но что я могу сдѣлать? Вы сюда пріѣхали, какъ будто большая птица орелъ прилетѣла; всѣ про васъ говорятъ... маленькая еврейка слушаетъ, у маленькой еврейки головка горячая... Что я тутъ могу сдѣлать?.. Вамъ не надо было пріѣхать сюда съ вашими талантами.

Слѣдователь. Откуда вы знаете мои таланты?

Моше. Мы все знаемъ. Какой бы мы были глупый народъ, еслибъ мы не знали, что намъ нужно? Вамъ Богъ далъ большое дарова-

нѣ; вамъ бы надо такъ: жили бы въ столицахъ, дворецъ бы себѣ выстроили, какъ большущая знаменитость. Это для васъ не карьера, быть судебнымъ слѣдователемъ... ну, и потомъ даже прокуроромъ; что такое три тысячи жалованья? вы должны быть адвокатомъ.

Слѣдователь. Развѣ адвокатомъ лучше?

Моше. Гдѣ же это равнять?—адвокатъ не имѣетъ никакой узды; а вы на службѣ должны всѣ свои мудрыя понятія застегнуть подъ золотыя пуговицы.

Слѣдователь. Какъ же это такъ?

Моше. Ну, вотъ, напримѣръ, заварилось какое нибудь дѣло,—и неприятно оно было бы, ну, хоть евреямъ... и мы бы пришли къ адвокату и сказали: помоги намъ, заступись за насъ, сколько тебѣ заплатить? бери деньги. Онъ бы взялъ деньги, и положилъ въ карманъ, и сталъ бы говорить за насъ, какъ за родныхъ отцовъ. А еслибъ вамъ сказали: вы ведете дѣло противъ насъ,—вотъ вамъ деньги, оберните такъ, чтобъ оно за насъ было; вы скажете: это взятка, разсердились бы... Для васъ безчестно, для адвоката честно; а вы вмѣстѣ съ адвокатомъ за однимъ столомъ фриштикаете и изъ одной бутылки вино пьете—и ничего.

Слѣдователь. Такъ вы думаете, и мнѣ слѣдовало бы взять?

Моше. Не возьмете,—хе, хе!.. и напрасно не возьмете; деньги такія же деньги, что адвокату, что вамъ... и какъ вы тамъ ни говорите, такихъ ужъ идеальныхъ людей нѣтъ... Разберете жизнь каждаго: гдѣ нибудь ужъ непременно взялъ взятку,—и вы возьмете, только не здѣсь, не прямо... а не все равно одинъ разъ или два раза? хе, хе!.. только у васъ меньше денегъ будетъ, вотъ и все.

Слѣдователь. Нѣтъ, знаете, не мнѣ быть адвокатомъ, а вамъ; вы такъ умѣете все объяснить...

Моше. Я только смотрю просто, покоммерчески. Въ мирѣ все на показъ, все условно. Я много жилъ, я много видѣлъ, я запутался, какъ кто понимаетъ, что честно, что нѣтъ. Самые хорошіе люди такія же дѣла дѣлаютъ, какъ нехорошіе. Теперь вы, напримѣръ, это дѣло смерти стражника такъ направляетъ, что всю вину взваливаете на евреевъ,—вы большую намъ неприятность дѣлаете... и безъ того насъ ненавидятъ и тѣснятъ, а теперь страшный пожаръ можетъ изъ этого разгорѣться, кровавая драка. Вы несправедливо это дѣлаете.

Слѣдователь. По-вашему какъ же будетъ справедливо?

Моше. (Постепенно увлекаясь). По-моему это все были иностранцы... тутъ нашихъ русскихъ не было... все иностранцы; на нихъ и надо указывать... Зачѣмъ здѣсь возбуждать вражду?.. Вы можете добро оказать всѣмъ... Пускай сердятся на иностранцевъ; иностранцы намъ непріятеля, а евреи тому же царю служатъ, и родина у насъ та же. Вы водворите миръ и спокойствіе въ городѣ... Съ другой стороны и для васъ самихъ это лучше. Развѣ вы думаете, у евреевъ нѣтъ

ума? Развѣ мы не понимаемъ, что за такое дѣло благодарить надо?... Тому-то, кто намъ услугу оказалъ, мы рабы; мы ничего не пожалѣемъ: ни имущества нашего, ни плоти и крови нашей... ни нашихъ дѣтей.

Слѣдователь. Довольно, господинъ Гольденвейзеръ... Чувствуете ли вы, что этими словами вы гораздо больше выдаете своихъ, чѣмъ защищаете?.. Если ужъ они готовы подкупить слѣдователя, значить ихъ дѣло не чисто.

Моше. (Одумавшись). Ничего это не значитъ. Я говорю такъ, что мнѣ приходитъ въ голову. Никто не виноватъ, что у меня старыя глупыя мысли. Господу Богу было угодно, чтобъ я былъ старъ и глупъ, и я говорю съ вами прямо, какъ съ честнымъ человѣкомъ, какъ я и Саррочка васъ всегда считали... а надо васъ остерегаться, такъ я буду молчать.

Слѣдователь. Вы знаете, что Юшке Бернштейнъ арестованъ?

Моше. Юшке? да... этотъ Юшке... я слышалъ...

Слѣдователь. Онъ отрицаетъ, что револьверъ ему принадлежитъ.

Моше. Конечно, конечно... онъ долженъ себя беречь.

Слѣдователь. Но вѣдь вы и вашъ будущій зять положительно утверждали, что это его револьверъ.

Моше. Сендеръ говорилъ только, что онъ видѣлъ у Юшке револьверъ похожій на этотъ; а я ничего не помню.

Слѣдователь. Мнѣ показалось, что вы оба даже какъ будто подозреваете именно Бернштейна въ убійствѣ.

Моше. Ни въ какомъ случаѣ... Что я буду подозревать, чего я не видѣлъ?.. Когда стрѣляли, я справлялъ шабашъ, вы это знаете, вы сами заѣзжали въ корчму Авраама въ это время. Почему же я или Сендеръ можемъ сказать, что стрѣлялъ Юшке? Револьверъ не рука, не нога, не часть тѣла человѣка. Револьверъ всегда можно дать другому; сейчасъ онъ у васъ, сейчасъ онъ у другого. Съ тѣхъ поръ какъ Сендеръ видѣлъ у Юшке револьверъ, Юшке могъ отдать его кому нибудь; револьверъ въ десяти рукахъ могъ быть.

Слѣдователь. Юшке въ свое оправданіе ссылается на вашего племянника, Михеля Реддиха, и просилъ очной ставки. Сейчасъ оба будутъ здѣсь... Такъ какъ ужъ вы кстати пришли, то я и васъ попрошу присутствовать.

Моше. Ваша просьба, хе, хе! есть приказаніе, я долженъ остаться, или опять прійти, когда вы скажете, и говорить, о чемъ спросите, но... позвольте просить ваше великодушное сердце: не принуждайте меня много говорить и не ловите на словѣ. Я старый, глупый, иногда самъ не знаю, что говорю, а у васъ изъ-за пустого слова можетъ выйти огромное преступленіе. Избавьте меня отъ лишнихъ разговоровъ. Не ради меня, я не стою вашей доброты, а ради моей бѣдной Сарры; она любитъ своего отца, и ей будетъ очень тяжело.

Слѣдователь. Я спрашиваю только то, что велитъ законъ.

Входитъ слуга.

Слуга. Привели, ваше благородіе.

Слѣдователь. Пусти сюда... и господина Реддиха тоже. А стражникъ Антоновъ здѣсь?

Слуга. Здѣсь.

Слѣдователь. И его.

Слуга уходитъ.

Моше. Я никакъ не думалъ... когда шелъ сюда по доброму желанію Сарры съ деньгами для вдовы... я не думалъ, что попаду въ такое затрудненіе.

Слѣдователь. Надо всегда быть ко всему готовымъ, господинъ Гольденвейзеръ. Да и какое тутъ затрудненіе, когда ни вы, ни ваши близкіе ни въ чемъ не замѣшаны?

Входятъ Михель, Антоновъ, Июшке, тюремный надзиратель и письмоводитель.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Михель, Антоновъ, Июшке, тюремный надзиратель и письмоводитель.

Слѣдователь. (Сѣлъ за столъ). Июшке Бернштейнъ, вы желали видѣть кушца Реддиха, чтобъ доказать, что не участвовали въ свалкѣ, во время убійства вахмистра пограничной стражи. Я вызвалъ для васъ господина Реддиха; но прежде я желалъ бы, чтобъ вы прослушали стражника Антонова, который прямо заявляетъ, что самъ васъ видѣлъ при этомъ дѣлѣ.

Июшке. Отчего ему не заявлять?... Они тамъ цѣлая команда ни одного контрабандиста не поймали, такъ надо чтонибудь сказать. Контрабанду нѣмцы несли изъ-за границы.

Антоновъ. Что ты врешь? васъ было шестеро... кабы не подстрѣлили вахмистра, всѣхъ бы васъ переловили. Другихъ я не разсмотрѣлъ, а ужъ тебя-то я очень хорошо узналъ, оттого и не догонялъ; думалъ, все равно не уйдешь. Для чего-жъ ты три дня прятался?

Июшке. Господинъ слѣдователь, гдѣ такой есть законъ, что одинъ свидѣтель начнетъ обвинять, и ему повѣрятъ?... Онъ вѣрно пьянъ былъ въ этотъ вечеръ, такъ нѣмца принялъ за меня. Онъ всегда пьянъ.

Антоновъ. Ахъ, ты Иуда Искаріотскій!

Июшке. Я самъ его сколько разъ поилъ водкой. Его позови въ трактиръ, онъ сейчасъ пойдетъ.

Антоновъ. Стану я пить на твои наворованныя деньги!.. Ваше благородіе, прикажите ему замолчать. Сдержать себя нѣтъ никакой возможности — я его при васъ изобью.

Слѣдователь. (Антонову). Перестаньте, перестаньте...

Юшке. Вотъ, господинъ слѣдователь, какъ онъ на меня разсердился. Онъ противъ меня все будетъ показывать... а все неправда... Вотъ вы говорили, револьверъ мой... развѣ у еврея бываетъ огнестрѣльное оружіе?... Еврей издали увидить, что тихонько лежитъ револьверъ, и то убѣжить поскорѣй. Еврею въ руку дать револьверъ все равно что каленую подкову, — такъ страшно. Какъ это говорить такія невозможныя дѣла!

Слѣдователь. Что вы хотѣли спросить Михеля Реддиха?

Юшке. (Уворно глядитъ на Михеля). Михель, ты знаешь все... (Пауза). Ты и мою жизнь знаешь, какой я человѣкъ?... могу ли я быть разбойникомъ?.. Скажи господину слѣдователю, сколько я тебѣ служилъ, и какъ ты мной былъ доволенъ.

Михель. Ты служишь всякому: и еврею, и христіанину... на какое хочешь дѣло тебя послать можно; заплатитъ, и ты все будешь дѣлать. Почему я могу знать твою жизнь? Я богатый купецъ, у меня большая торговля, я не стану узнавать всякую жизнь.

Юшке. Ты отъ меня отворачиваешься? Михель!... Ты забылъ, что ты говорилъ мнѣ въ пятницу утромъ въ день убійства?

Михель. Я тебя въ пятницу совсѣмъ не видалъ.

Юшке. (Пораженный). Ты не видалъ?... Послѣ всѣхъ твоихъ увѣреній теперь ты говоришь, что не видалъ?

Михель. Я въ пятницу всегда готовлюсь къ шабану и ни съ кѣмъ не разговариваю. Тебѣ все равно, что пятница, что другой день, но я строго храню заповѣди Господни.

Юшке. Михель! Что ты говоришь?

Слѣдователь. Не онъ одинъ такого мнѣнія объ васъ. Вотъ господинъ Гольденвейзеръ тоже обвиняетъ васъ, что вы плохой еврей, въ синагогѣ никогда не бываете, что еврейскіе законы для васъ не существуютъ.

Юшке. А! Почтенный ребъ Моше! Онъ это говоритъ?

Моше. Я не обвинялъ! намъ наша религія запрещаетъ обвинять. Если Юшке когда нибудь не исполняетъ наши законы, то почему мы знаемъ, какія у него причины? Богъ видитъ, Богъ рассудитъ.

Слѣдователь. Вы прежде говорили болѣе увѣренно.

Моше. Я не на слѣдствіи говорилъ, это былъ частный разговоръ.

Слѣдователь. Развѣ на слѣдствіи вы будете показывать не то, что думаете?

Моше. Я боленъ; позвольте мнѣ уйти.

Слѣдователь. Не все ли равно послѣ говорить или теперь?

Моше. Правда, правда, все равно... ну, что-жъ! я ничего не лгу никогда... и прежде сказалъ, и теперь скажу, что я считаю Юшке нехорошимъ евреемъ, очень нехорошимъ... и человѣкъ онъ дурной; я за него не поручусь ни въ чемъ. Что онъ говоритъ, что боится револьвера,—глупости. Онъ всѣмъ офицерамъ служить и

ихъ оружье носить чинить ко мнѣ въ мастерскую. Онъ ничего не боится; онъ, можетъ быть, и Бога не боится.

Михель. Юшке, зачѣмъ ты хочешь, чтобъ честные люди за тебя заступались, когда ты знаешь, что нельзя заступаться? Лучше ты сознайся въ грѣхѣ; начальство кающагося грѣшника всегда легче караетъ. Зачѣмъ ты вздоръ выдумываешь?.. вотъ и про стражника: могъ ли стражникъ быть пьянъ въ такое время? кто же этому повѣрить?.. Стражнику опасно быть пьянымъ на службѣ; это вопіющая ложь!

Антоновъ. Слышишь, анаеема.

Юшке. Слышу, слышу, и понимаю все. Стало быть, ужъ было совѣщаніе лучшихъ людей Израйля? отцы Синедріона нашли козла отпущенія во спасеніе сыновъ Господнихъ?.. Но козель будетъ бодаться, пока еще не обломали ему рога, пока не перерѣзали горла. Козель бодаться будетъ.

Моше. Онъ позорить нашу вѣру!

Юшке. Что мнѣ васъ позорить! вы сами себя позорите. Правду они говорятъ, что я плохой еврей; а зачѣмъ мнѣ быть хорошимъ?.. Легко имъ соблюдать законы: они живутъ тепло, сытно, весело; а насъ, нищихъ братьевъ своихъ, раздавили, какъ паскудную жабу. Жидовъ проклинаютъ! а почему жиды злое сѣмя? — вотъ они кровопійцы!

Моше. Богохульникъ! не страшишься ты грозы небесной?

Юшке. Поглядите, какъ живутъ бѣдные евреи въ гнилыхъ сырыхъ подвалахъ, съ грязными дѣтьми въ проказѣ да ранахъ. Отчего мы не можемъ вырваться изъ грязи? отчего мы на всякія плутни готовы? оттого, что наши же богачи насъ грабятъ, обираютъ, приказываютъ намъ дѣлать, что имъ нужно, и мы должны слушаться.

Михель. Онъ бранить старшинъ! онъ анархистъ!

Юшке. Они меня толкнули на скверную жизнь, заставили всякія мерзкія дѣла дѣлать, чтобъ себѣ наживать крупные барыши; а мнѣ кидали мелкую подачку. Сами чисты остались, а меня сдѣлали негодямъ. Я прежде честный работникъ былъ, сапожникъ, — они у меня всѣхъ заказчиковъ отбили, чтобъ я бросилъ свою работу и имъ служилъ.

Моше. Отчего же ты не жаловался на насъ?

Юшке. Жаловаться! на сборище еврейскихъ богачей! жаловаться!.. Да вы бы меня давно въ солдаты отдали или хуже — забили до полусмерти. Отъ васъ не уйдешь! въ домъ спрячешься, такъ въ домъ сожжете, чтобъ выгнать бѣдняка, кому вы хотите мстить.

Моше. Вотъ, господинъ слѣдователь, видите, какой это чело-вѣкъ, что онъ рассказываетъ.

Юшке. И еще скажу: имъ и этого мало. Когда они въ своихъ накомстныхъ дѣлахъ попадутся начальству, мы же за нихъ своей

кожей отвѣчай... Но съ меня довольно! меня выдаютъ, такъ и я молчать не буду.

Моше. Не извергай клеветы! Кто тебѣ повѣритъ, тунеядцу?

Юшке. Мнѣ можно вѣрить; мнѣ не для чего лгать, нечего спасать. Записывай, господинъ слѣдователь: признаюсь. Я въ тотъ вечеръ несъ контрабанду и четыре нѣмца съ нами. Но не я убійца. Меня наняли, потому что я всѣ дороги знаю и умѣю хорошо врать, когда схватятъ. Съ нами былъ хозяинъ контрабанды, Михель Редихъ.

Михель. Буду я въ шабашъ выходить изъ дому?

Юшке. Когда на насъ напали стражники, нѣмцы побросали товаръ и убѣжали назадъ. (Указывая на Антонова). Это онъ правду сказалъ, что узналъ меня, даже назвалъ по имени, и оттого за мной не гнались, и я убѣжалъ; а погнались за Михелемъ, и Михель выстрѣтилъ. Вотъ вамъ убійца!

Михель. Я возмущенъ, господинъ слѣдователь, я возмущенъ всѣмъ моимъ сердцемъ. Какъ онъ смѣетъ это говорить!.. Я очень извѣстный купецъ, зачѣмъ я буду въ субботу народъ убивать?.. Спросите всѣхъ, кто былъ на шабашѣ у Авраама Гиршеля; всѣ скажутъ, что я все время былъ тамъ, еще до звѣзды. Вотъ Моше передъ вами, спросите Моше.

Юшке. Нѣтъ, не Моше, а самого Гиршеля допросите, старика Авраама допросите. Онъ старикъ святой жизни, онъ правду скрывать не станетъ... Сарру спросите, можетъ быть, и у ней не повернется языкъ, чтобы лгать. Господинъ слѣдователь, я прошу допросить Авраама Гиршеля и дочь Моше.

Слѣдователь. (Письмоводителю). Пошлите повѣстки; вызовите на среду... и господина Гольденвейзера тоже.

Моше. И меня?

Слѣдователь. Уведите обвиняемаго.

Юшке. Прощай, Михель не ждалъ отъ тебя... да мы еще встрѣтимся: вмѣстѣ на мошенничество шли, вмѣстѣ и въ тюрьмѣ сидимся. Прощай и ты, старый Моше; спасибо за твои слова. Всю жизнь ты былъ злодѣемъ; хоть бы теперь остановился, вѣдь одна нога твоя ужъ въ гробу.

Уходить.

Михель. Зачѣмъ вамъ Гиршеля вызывать? Гиршель совсѣмъ старый, больной и живетъ далеко отъ города; ему приѣхать невозможно.

Письмоводитель. (Моше). Роспишитесь въ полученіи повѣстки.

Моше (Пишетъ). Гм... что еще меня будутъ спрашивать? съ кѣмъ равнять?.. Найдутъ ли еще хуже человѣка, чѣмъ этотъ Юшке, чтобы чернить мою старость? Что скажетъ на это моя несчастная Сарра, когда человѣкъ, котораго она ставила выше всѣхъ, позволяетъ такъ оскорблять ея отца... Да проститъ она мнѣ свое рожденье, моя Сарра!.. Позвольте мнѣ уйти, я не могу, я ослабъ...

Слѣдователь. Я васъ больше не задерживаю, господинъ Гольденвейзеръ. Прощайте.

Моше. Вы еще въ среду будете... продолжать все это со мной.

Уходить.

Михель. И мнѣ можно уйти?

Слѣдователь. Нѣтъ; васъ я привлекаю къ отвѣтственности въ качествѣ обвиняемаго въ убійствѣ.

Михель. Вы повѣрили Юшке?

Слѣдователь. И, кромѣ оговора Юшке, противъ васъ много уликъ; вы ихъ узнаете на слѣдствіи. Отвѣчайте на вопросы: ванье имя, фамилія, званіе? были ли когда подъ слѣдствіемъ и судомъ?

Михель. Я Михель Реддихъ, купецъ первой гильдіи. До сихъ поръ меня никогда не судили.

Слѣдователь. Признаете ли вы, что въ пятницу, двадцать второго августа сего года, на границѣ близъ корчмы Авраама Гирицеля, выстрѣлили изъ револьвера въ вахмистра пограничной стражи, Ивана Алексѣева?

Михель. Ми въ какомъ случаѣ не признаю.

Слѣдователь. Что вы можете сказать въ свое оправданіе?

Михель. Что уже сказалъ. Я справлялъ шабашъ въ это время.

Слѣдователь. Это не доказано. Противъ васъ сильныя улики. Я долженъ васъ арестовать.

Ишеть.

Михель. Арестовать! Это нельзя... я очень видное лицо.

Врывается Ципа, за ней слуга.

ЯВЛЕНІЕ III.

Слѣдователь, Михель, Антоновъ, писмоводитель, Ципа и слуга.

Ципа. Пустите! пустите!.. Ваше превосходительство, я все слышала, я тутъ рядомъ слышала...

Слѣдователь. Кто это?

Михель. Моя супруга. Уйди, Ципа.

Слѣдователь. (Слугѣ). Зачѣмъ вы пускаете?.. уведите.

Ишеть.

Слуга. Насильно ворвалась... (Ципѣ). Пожалуйте.

Ципа. (Слугѣ). Миленькій, не трогай меня; я тебѣ рубль цѣлковый дамъ. Не могу я уйти, когда моего мужа арестовать хотятъ. Не слушайте Юшке,—Юшке воръ... онъ у меня бархатную ротонду укралъ! укралъ, укралъ и не сознался; продалъ ее профъзjemu офицеру.

Михель. Уйди, Ципа, ты хуже дѣлалась.

Ципа. Не уйду!.. Что я могу сдѣлать безъ мужа? куда дѣваться?.. Ваше превосходительство, господинъ слѣдователь, Богъ васъ награждаетъ; оставьте его. Ничѣмъ онъ не виноватъ никогда... Боже мой! Боже мой! Неужели никто не вступится за несчастную женщину!

Плачетъ.

Слѣдователь. Прочту вамъ выслушать постановленіе. (Читаетъ). «Судебный слѣдователь Ловенскаго окружнаго суда, третьяго участка, допросивъ кунца первой гильдіи, Михеля Реддиха, въ качествѣ обвиняемаго, по дѣлу объ убійствѣ вахмистра пограничной стражи Ивана Алексѣева, при исполненіи послѣднимъ обязанности службы, и, обращаясь къ избранію мѣры для пресѣченія способовъ уклоняться Реддиху отъ слѣдствія и суда, напелъ, что Михель Реддихъ обличенъ во взводимомъ на него обвиненіи обстоятельствомъ дѣла и оговоромъ подсудимаго Юшке Бернштейнъ, что въ своемъ объясненіи Реддихъ не представилъ надежныхъ доказательствъ своей невинности, что, хотя онъ имѣетъ оубдлость и семью, но грозящее ему наказаніе соединено съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія,—постановилъ: во исполненіе 416 статьи устава уголовного судопроизводства заключить Михеля Реддиха подъ стражу въ Ловенскомъ уѣздномъ тюремномъ замкѣ, сообщивъ копію сего постановленія прокурорскому надзору». Подпишите, что постановленіе вамъ прочитано.

Ципа. Нѣтъ, нѣтъ! вы этого не сдѣлаете! ваше превосходительство...

Михель. (Насильно подымаетъ Ципу). Ципа... отойди... Арестовать меня?—это нельзя... меня знаютъ... я министрамъ представлялся... за меня вступятся.

Слѣдователь. Подпишите. (Письмоводителю). Позовите полицію.

Письмоводитель уходитъ.

Михель. (Поднимая бумагу). Неужели вы допустите, чтобъ виднаго коммерсанта вели по городу подъ конвоємъ?.. Позвольте мнѣ внести залогъ. Я сейчасъ внесу.

Слѣдователь. Не могу позволять, въ виду сильныхъ уликъ. (Появляются два полицейскихъ и письменоводитель). Препроводите Михеля Реддиха въ тюремный замокъ. (Письмоводителю). Распорядитесь.

Письмоводитель уходитъ.

Михель. Вы ведете смѣлую игру, господинъ слѣдователь... за меня вступятся.

Уходитъ.

Ципа. Такъ пошли вамъ Господь Вседержитель столько же горя и несчастья, сколько вы намъ дѣлаете! и вамъ, и вашимъ близкимъ.

Антоновъ. Ступай; захотѣла тоже тюрьмы.

Слѣдователь. Оставь ее.

Ципа. Ахъ, я несчастная!

Уходитъ.

Слѣдователь. Какъ все это тяжело! какъ все тяжело!..

Антоновъ. Вашеское благородіе, вы не извольте беспокоиться... почему что онъ, этотъ Іошке, дѣйствительно онъ мошенникъ, но онъ это правду говоритъ. Коли они, знатные богатые купцы, его разбойникомъ ставятъ, для чего жъ они съ нимъ компанію ведутъ?.. Вы извольте спросить кого угодно въ городѣ: чрезъ кого они свои гешефты справляютъ,—все чрезъ Іошке. Я самъ этого Іошке у Михеля Реддиха видѣлъ; шелъ мимо сада, они сидятъ рядомъ, кофе пьютъ.

Слѣдователь. Сходи, пожалуйста, сейчасъ къ тюремному смотрителю. Попроси отъ моего имени, чтобъ они этого Михеля лучше обставили. Я вечеромъ зайду.

Антоновъ. Слушаю-съ.

Входитъ слуга.

Слуга. Барышня одна тутъ... проситъ, чтобъ вы приняли.

Слѣдователь. Кто?

Слуга. И ихъ вѣрно-то не знаю, а сдается такъ, словно это дочка старика-то еврея, что сейчасъ здѣсь былъ.

Слѣдователь. Сарра Моисеевна?

Ходитъ задумчиво по комнатѣ.

Слуга. Словно я ихъ гдѣ-то встрѣчалъ.

Антоновъ. Счастливо оставаться, ваше благородіе.

Уходитъ.

Слуга. Такъ какъ прикажете?

Слѣдователь. (Садится). Впусти, пожалуй... или нѣтъ... Постой... Ну,пусти; хорошо... и, пожалуйста, не уходи изъ пріемной, будь тутъ рядомъ... Письмоводителю скажи, что я больше заниматься не буду. Онъ можетъ идти обѣдать.

Слуга уходитъ. Мимическая сцена: онъ закуриваетъ папиросу, потомъ бросаетъ; пьетъ воду; мочитъ лобъ водой; потомъ садится и задумывается. Входитъ Сарра.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Слѣдователь и Сарра.

Слѣдователь. Сарра Моисеевна, такъ это дѣйствительно вы?... И удивленъ: вы ко мнѣ?

Сарра. Я долго не рѣшалась... долго... мнѣ очень трудно было себя заставить.

Слѣдователь. Вы пришли просить за вашего родственника? за Михеля Реддиха? Онъ арестованъ.

Сарра. И знаю.

Слѣдователь. Вы за него пришли просить?

Сарра. Я должна это сдѣлать. Это обязанность моя передъ всѣми моими близкими. Мнѣ отецъ сказалъ, что я должна вступиться за евреевъ, что на меня вся ихъ надежда, потому что меня... вы уважаете... и всегда показывали мнѣ такое участіе...

Слѣдователь. Это вѣрно... И разъ ужъ вы за этимъ приходите, я и теперь покажу вамъ участіе и уваженіе; я попрошу васъ самихъ рѣшить, какъ я долженъ поступить. Отвѣьте же мнѣ прежде всего на мой вопросъ... отвѣьте прямо, честно, правду... даю вамъ слово, что вамъ я повѣрю. Считаете ли вы, что Михель не участникъ въ убійствѣ, что вообще тутъ еврей не замѣшанъ?

Сарра. Я пришла не для того, чтобъ рассказывать, что я думаю, я пришла только просить.

Слѣдователь. Чего?

Сарра. Милости.

Слѣдователь. Какой? къ кому?... Сарра Моисеевна, вы не хотите отвѣтить прямо, я и не стану больше допрашивать васъ, я не стану тревожить вашихъ чувствъ... но за уваженіе прошу тоже уваженія и ко мнѣ. Скажите: хотѣли бы вы, чтобъ я поступилъ противъ моей совѣсти? чтобъ я черное сдѣлалъ бѣлымъ? могли ли бы вы уважать меня за это?

Сарра. Нѣтъ! никогда... Вы правильно говорите... Моя просьба глуна и несправедлива. Что вы можете сдѣлать, вы сдѣлаете и безъ просьбы. О Господи! какая страшная кара на меня обрушилась!

Слѣдователь. Отчего на васъ? вы тутъ не причастны.

Сарра. Тяжкій грѣхъ лежитъ на мнѣ, тяжкій!

Слѣдователь. Грѣхъ?

Сарра. Я отступница, я измѣняю своимъ. Вѣдь я еврейка, я всѣмъ существомъ привязана къ моему народу, — и служить ему приказано мнѣ Господомъ Вседержителемъ отъ самаго моего режденія. Развѣ я смѣю отдавать вамъ предпочтеніе передъ своими? васъ, чужого человѣка, христіанина, ставить выше своихъ? вѣдь это же страшный грѣхъ!... Но что же мнѣ дѣлать, когда мой умъ отказывается думать иначе? я вижу, что *он* хорошій и честный, а не они. Я бы хотѣла васъ ненавидѣть, какъ они ненавидятъ, — и не могу.

Слѣдователь. За что ненавидѣть?

Сарра. Вы ворвались въ мою жизнь, вы поколебали мою вѣру. Съ каждой встрѣчей съ вами растетъ мое недовольство собой и своими. Я ужъ теперь не прежняя покорная, увѣренная въ справедливости всего, что говоритъ и дѣлаетъ мой отецъ... я отступница... сама не знаю, кто я теперь, и какъ мнѣ жить!

Слѣдователь. Оттого, милая дѣвушка, что вы хоть и еврейка, но въ то же время вы человѣкъ, и даровитый человѣкъ. Ваша природа не можетъ мириться съ узкими законами вашего племени.

Сарра. Такъ вѣдь это страшно! это ужасный грѣхъ!

Слѣдователь. Страшно только тѣмъ, кто создаетъ себѣ грознаго Бога, вѣчно гнѣвнаго, недовольнаго, карающаго, кто выдѣляетъ себя изъ всего человѣчества и питаетъ въ душѣ ненависть ко всему чужому. Но Богъ одинъ для всего міра—Онъ Богъ добра и милосердія, и никакая ненависть Ему не угодна. Вы надняхъ говорили мнѣ, что хитростью и золотомъ евреи когда нибудь поработятъ всѣхъ на свѣтѣ, — вы ошибаетесь: чѣмъ дольше живетъ человѣчество, тѣмъ больше оно не терпитъ рабства; оно уже разрушило гнетъ грубой силы, оно каждый день разрушаетъ гнетъ обмана, оно когда нибудь разрушитъ и гнетъ золота. Если евреи хотятъ завладѣть міромъ, они должны слиться со всѣмъ человѣчествомъ въ общей борьбѣ противъ зла и насилія. Вѣчной властительницей міра можетъ быть только любовь.

Сарра. Неправда ли, что это такъ? неправда ли? Зачѣмъ же съ дѣтства во мнѣ убивали эти хорошія чувства?

Слѣдователь. Тѣмъ лучше, что они сами сказались въ вашей душѣ.

Сарра. Когда я была ребенкомъ, мнѣ показывали на христіанъ, какъ на какую-то проклятую нечисть. Все-таки меня отдали въ христіанскую гимназію. Я, по привычкѣ, считала себя существомъ высшимъ среди моихъ товарокъ, и каждая маленькая насмѣшка ихъ надъ жидовкой меня больно колола. Это была пытка, я ей не вынесла, я бросила гимназію. Меня стали учить дома кое-какъ. Я плохо образована; но мнѣ хотѣлось учиться; я перечитывала Библию, я прислушивалась къ ученымъ разговорамъ о талмудѣ и путалась въ ихъ противорѣчіяхъ.

Слѣдователь. Вамъ надо было искать людей, съ которыми вы бы могли обсуждать ваши сомнѣнія.

Сарра. Гдѣ искать? Отъ евреевъ я слышала только угрозы небесной кары, на христіанъ я глядѣла со злобой. Только впервые, когда я познакомилась съ отцомъ моего жениха... Вы знаете старика, Авраама Гишеля?

Слѣдователь. Я слышалъ объ немъ много похвалъ.

Сарра. Только подлѣ него я поняла, что для добрыхъ людей жизнь и проста, и легка. У него нѣтъ ненависти ни къ кому, онъ такой свѣтлый и ясный во всѣхъ сужденіяхъ, съ нимъ я разговариваю цѣлые часы подъ рядъ — это мнѣ радость. Онъ не давитъ меня правилами, какъ другіе, не отгоняетъ отъ людей чужой вѣры, — онъ хочетъ правды и любви, какъ вы.

Слѣдователь. Вотъ видите! а онъ еврей и я христіанинъ, и все-таки онъ ближе ко мнѣ, чѣмъ даже къ родному сыну.

Сарра. Гораздо ближе... и я тоже... да! я тоже! Зачѣмъ мнѣ это скрывать?... И не скроешь, какъ бы ни старалась. Учите меня, увѣрьте меня, что я не преступница. Что же мнѣ съ собой дѣлать, когда такъ многое въ еврейской жизни меня возмущаетъ?... и съ

отцомъ моимъ и во многомъ не могу согласиться... Онъ хочетъ, чтобъ я вышла замужъ за Сендера, — онъ мнѣ гадокъ, Сендеръ! и не буду ему хорошей женой, я не пойду за него... неужели Богъ покараетъ меня за это?

Слѣдователь. Вы только разрываете свои цѣпи; за что же тутъ карать? вы мѣняете свои убѣжденія; можетъ быть, новыя будутъ лучше, съ новыми вы будете счастливѣе.

Сарра. И вы меня не осудите? Вы не скажете: вотъ и эта такая же слабая жалкая, какъ другія? Она не выдержала тяжелой жизни еврейства, которую послалъ ей Господь, она не сумѣла побѣдить себя и сдѣлаться тѣмъ, для чего рождена... Вы не скажете этого? не перестанете меня уважать?

Слѣдователь. Принизитесь легче, чѣмъ вырваться изъ тисковъ; на это способны только сильные характеры.

Сарра. Такъ помогите мнѣ!—я хочу вырваться, спасите меня... Я вамъ вѣрю больше всѣхъ на свѣтѣ... я потеряла отца, семью, родныхъ,—я теряю вѣру... вы должвы мнѣ все замѣнить. Спасите меня! спасите меня!

Падаеть передъ нимъ на колѣни, рыдая.

Слѣдователь (Поднимая ее). Успокойтесь, успокойтесь, Сарра; ничего тутъ ужаснаго нѣтъ... Вы же сами говорите: жить легко, — надо только просто смотрѣть на людей и беззлобно.

Сарра. Вы добрый, вы придумаете мнѣ что нибудь такое, чтобъ уйти мнѣ изъ этого ада, не упрекая себя... жить со спокойной душой, какъ старикъ Авраамъ... Вы добрый, вы добрый, я въ васъ не ошибаюсь...

Слѣдователь. Хорошо, я позабочусь объ васъ.

Сарра. Благодарю васъ. Какъ вы мнѣ скажете, такъ все до слова и исполню. Какъ я была послушна отцу, такъ буду теперь послушна вамъ: распорядитесь моею судьбой, какъ хотите, — вы для меня теперь все...

Плачетъ у него на груди.

Слѣдователь. (Обнимая ее и успокаивая). Полноте плакать... полноте же, дитя... такъ же вѣдь нельзя разговаривать... успокойтесь...

Входятъ изъ боковой двери Сендеръ, Лейзеръ, Гилель и еще еврей.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Сендеръ, Лейзеръ, Гилель и еврей.

Сендеръ. Извините, господинъ, мы... мы...

Слѣдователь. Что это значить? откуда вы?

Сендеръ. Мы тутъ рядомъ сидѣли въ комнатѣ, дожидались Сар-

рочки. Мы ее сюда провожали; теперь домой надо. У насъ такъ было уговорено съ Саррочкой.

Слѣдователь. Уговорено?

Сарра (Съ ужасомъ). Со мной... уговорено?

Сендеръ. Старый Моше сказалъ: иди, Сарра, проси слѣдователя за Михеля, твой женихъ съ другими евреями будетъ близко.

Слѣдователь. Неужели правда?... это была ловушка?... Вы знали, что они къ этому готовились, и вы пользовались моимъ сочувствіемъ, чтобъ поставить меня въ неловкое положеніе?...

Сарра. (Задыхаясь). Я... я... не понимаю...

Лейзеръ. Иди, Сарра...

Слѣдователь. И я могъ вамъ повѣрить!... Еврейка, въ каждой капли крови еврейка! вы хуже ихъ всѣхъ... они обманываютъ, грабятъ, убиваютъ, но они являются во всемъ мерзкомъ видѣ тварей, которыхъ надо остерегаться,—вы пришли подъ видомъ ангела, съ просьбой участія и добра, вы лучшими чувствами моими пользовались, чтобы меня же подвести!... Еврейка, еврейка, уйдите! мнѣ тяжело смотрѣть на васъ!...

Сарра хочетъ говорить, но Лейзеръ и Гилель насильно уводятъ ее.

Сендеръ. Пойдемъ, Сарра, пойдемъ.

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Общая комната въ домѣ еврейскаго общества (кагальная изба).

Группа евреевъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Шабсай, Моше, Сендеръ, Нахманъ, Лейзеръ, Гилель и другіе раввины и евреи.

Шабсай. Слышали, раввины? слышали, дайонимъ? слышали, еврей?.. страшное испытаніе послалъ Богъ Адонай сынамъ своимъ: ребѣ Михель взять подѣ стражу, первый нашъ благодѣтель и заступникъ передъ властями.

Нахманъ. Еще бы не благодѣтель. Его русскіе купцы боятся, какъ огня; онъ можетъ раздавить всю ихъ торговлю.

Лейзеръ. Имъ теперь весело, что онъ арестованъ.

Шабсай. Это горькое оскорбленіе всему Израилю, обида всѣмъ евреямъ. Никакихъ усилій не надо жалѣть во спасеніе Михеля.

Нахманъ. За него вступятся. Михель и Моше такъ много денегъ дадутъ на пріютъ.

Шабсай. Не на другихъ надо надѣяться, а на самихъ себя. Моше ужъ подалъ жалобу на слѣдователя за дочь. Если дѣло передадутъ другому слѣдователю, тотъ повѣритъ свидѣтельству евреевъ. Тогда всѣмъ стоять за Михеля, какъ одинъ человѣкъ. Пускай всѣ, которые были на шабанѣ у Гиршеля, поклянутся, что Михель былъ съ ними все время, и Михель спасенъ.

Моше. Доказать alibi, да, да... alibi. Но этого-то и не удастся.

Шабсай. Кто же будетъ измѣнникомъ? кто покажетъ иначе?.. христіанскихъ слугъ подкупить.

Сендеръ. Моше не разсчитываетъ на свою дочь.

«Истор. вѣстн.», январь, 1899 г., т. LXXX.

4

Нахманъ. На Сарру?

Гялель. Сарра будетъ свидѣтельствовать противъ евреевъ, противъ своего брата?

Моше. (Сендеру). Откуда ты это выдумалъ?

Сендеръ. Оттого что Сарра въ послѣдніе дни совсѣмъ перемѣнилась. Ни покорства прежняго въ ней нѣтъ, ни заботъ, ни труда. Когда я у нея требовалъ, чтобы она покаялась, что говорила со слѣдователемъ, она даже ничего не отвѣтила, повернула мнѣ спину и ушла.

Моше. Потому что ты глупости спрашиваешь. Зачѣмъ ты заставляешь женщину быть непокорной? съ тебя взыщется за ея непослушаніе.

Сендеръ. Нельзя же закрывать глаза на ея поведеніе.

Моше. Что же ты въ немъ нашелъ дурного?.. Я обманулъ ее, а она, кроткая горлица, меня за то даже не попрекнула. Я обѣщаль ей не посылать васъ къ слѣдователю, а послалъ... и она промолчала, она безъ ропота покорилась волѣ отца, какъ вѣрная еврейка. Оставь ее, она умнѣе тебя и лучше, она достойна быть женщиной по уму.

Сендеръ. Куда же она пропадаетъ, такъ что и не выслѣдишь, гдѣ она была? объ чемъ она думаетъ, когда по цѣлымъ часамъ сидитъ надъ рѣкой?

Моше. Она болѣетъ душой за меня и за Михеля, оттого нѣтъ ей покоя.

Сендеръ. Ей въ душу заглянуть трудно, за кого она болѣетъ.

Моше. Не смѣешь ты этого говорить, Сендеръ, послѣ того, какую услугу она оказала евреямъ своимъ свиданьемъ со слѣдователемъ.

Шабсай. Ребъ Моше! рабби Сендеръ! время ли теперь ссориться, когда надо спасать Михеля?

Моше. Нѣтъ, братья мои, не Сарра повредитъ Михелю; странно повредить одинъ человѣкъ: повредить старикъ, Авраамъ Гиршель, у котораго мы справляли шабанъ. Онъ много разъ звалъ насъ къ столу, и мы просили подождать Михеля. Авраамъ такъ и скажетъ на слѣдствіи, и тогда ясно будетъ, что Михель былъ въ дракѣ.

Шабсай. Надо уговорить старика.

Моше. Я уговаривалъ, но онъ ничего не слушаетъ. Я ужъ упрямилъ его прійти сюда; говорите съ нимъ сами.

Нахманъ. Онъ не посмѣетъ выдавать еврея.

Моше. Авраамъ только законы еврейскіе соблюдаетъ, а душа у него не еврейская,—наше общество для него ничто.

Шабсай. Правда твоя: Авраамъ Гиршель упоренъ, какъ дикая скала. Я зналъ его молодымъ, онъ всегда былъ такой. Еврейское общество сколько разъ его преслѣдовало, разоряло, и онъ предпочиталъ скитаться нищимъ, но не подчинялся приказаніямъ общества.

Гилель. Его христіане поддерживали.

Нахманъ. Зачѣмъ же было такъ долго терпѣть такого человѣка? развѣ нельзя его извести, какъ другихъ нашихъ противниковъ?

Шабсай. Теперь онъ старъ, живетъ со своимъ благочестивымъ сыномъ, и намъ ни въ чемъ не мѣшаетъ. Но если онъ выдастъ Михеля...

Нахманъ. Предать его проклятію, предать его хериму!

Многіе. Предать Авраама хериму! Пускай судъ бед-динъ произнесетъ приговоръ! хериму предать!

Нахманъ. Чтобъ всѣ отъ него отвернулись, даже родной сынъ.

Лейзеръ. Погодите, братья; торопливость врагъ разума; прежде подумаемъ, къ чему это насъ приведетъ?. Какая намъ польза, что ужасное проклятіе херима будетъ тяготѣть надъ Авраамомъ? слѣдователь все-таки спроситъ Авраама и повѣритъ его свидѣтельству.

Нахманъ. Такъ отстранить его. Запереть въ подвалъ и сказать, что онъ уѣхалъ за границу.

Лейзеръ. И это опасно. Ужъ Іошке указалъ на него; если теперь Авраамъ исчезнетъ, на насъ падетъ лишнее подозрѣніе. Постараемся лучше направить его на свою пользу. Онъ старъ, безпамятенъ и слабоуменъ, его сбить передъ слѣдователемъ легко; а между тѣмъ христіане высоко цѣнятъ его честность, и это намъ выгодно.

Гилель. Оттого евреи и прощали ему его сумсбродство, что чрезъ него добывали фортель; онъ часто и самъ не понималъ, что служилъ намъ.

Лейзеръ. Такъ, такъ. Встрѣтимъ его лаской и почетомъ; будемъ вмѣстѣ уговаривать. Шабсай, ты, какъ первый раввинъ, Сендеръ, ты, какъ сынъ.

Входитъ Авраамъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Авраамъ.

Авраамъ. Благослови Богъ Саваооъ ваше соглашеніе.

Шабсай. Старѣйшему израильтянину почетъ. Иди, Авраамъ, иди. Ты прожилъ больше всѣхъ насъ, Богъ далъ тебѣ долгіе дни. Помоги намъ совѣтомъ и дѣломъ.

Авраамъ. Богъ продлилъ мнѣ вѣку за простодушіе мое; моя мудрость голубиная, ваша змѣиная,—гдѣ мнѣ васъ учить!

Шабсай. Устами добродушія глаголетъ самъ Господь. Садись, садись, тебѣ первое мѣсто между нами.

Авраамъ. Вы призвали меня; на что я вамъ нуженъ?

Шабсай. Для спасенія всѣхъ насъ. Надъ нашею еврейскою общиной разразилось великое горе.

4*

Авраамъ. Если горе ничѣмъ не вызвано, надо его терпѣть, какъ испытаніе Божіе; если же вы сами повинны въ немъ, надо его терпѣть, какъ заслуженное наказаніе.

Шабсай. Отчего же не стараться отстранить горе? Здоровый, породистый конь и тотъ можетъ оступиться и поранить ногу. Неужели же не лѣчить его рану за то, что онъ самъ оступился, и бросить его, сказавши: терпи.

Авраамъ. Какого же лѣкарства вы хотите отъ меня, слабого старика?

Шабсай. Единимъ словомъ ты поможешь всей общинѣ, вернешь ей веселье и радость; твое слово сильнѣе цѣлаго полчища заступниковъ; тебя уважаютъ не только единоплеменники, но и чужіе, — тебѣ вѣрятъ даже враги.

Авраамъ. Какое же слово мое такое сильное?

Шабсай. Твой родственникъ, Михель, арестованъ. Онъ былъ въ ту субботу въ твоемъ домѣ; припомни...

Авраамъ. погоди. Не продолжай. Теперь я знаю, о чемъ ты хочешь просить; Моше полдня не отходилъ отъ меня съ этой просьбой: я долженъ сказать властителямъ, что Михель все время былъ у меня, сказать противъ правды. Равви, ты сейчасъ говорилъ, что меня уважаютъ и свои, и чужіе, что мнѣ вѣрятъ и враги. Равви, ты мудрый наставникъ; поясни мнѣ, чѣмъ я это заслужилъ?. Тѣмъ ли, что я старъ? но шинкаръ Ицка старше меня, а его не уважаютъ и еврей. Я не богатъ, я не ученъ... я изъ всего писанія знаю только то, что говоритъ моему сердцу; чѣмъ же я могъ заслужить такую великую честь, какой не заслужили даже многіе сильные міра?.. единственнымъ только: правдой моею... И ты хочешь, чтобы я отъ этой правды отрекся? измѣнилъ себѣ, измѣнилъ той святыни, которая меня недостойнаго подняла? Равви, ты мудрый наставникъ, но это ты рассудилъ немудро.

Лейзеръ. Авраамъ, дай и мнѣ сказать слово. Ты забылъ, что почитаютъ тебя не за одну правду, а еще и за то, что ты никогда никому не сдѣлалъ зла. Хочешь ли ты теперь взять на душу погибель близкаго человѣка?

Авраамъ. Этого Богъ не допустить.

Лейзеръ. Обдумай же, обдумай, Авраамъ... Осмѣлишься ли ты сказать, что именно Михель убійца стражника?

Авраамъ. Нѣтъ, я этого сказать не смѣю.

Лейзеръ. Такъ вѣдь если ты скажешь, что Михель не былъ у тебя къ началу шабаша, ты этимъ прямо скажешь, что Михель убійца, — и твоя правда обратится въ ложь... Мы всѣ тебѣ ручаемся за Михеля... А если ты солжешь, ты выгородишь Михеля, и твоя ложь обратится въ правду. Хочешь ли ты лживой правды или правдивой лжи?

Авраамъ. Не смущай меня, рабби Лейзеръ, двуличнымъ толкованіемъ. Коли Михель невиненъ, онъ докажетъ это и безъ меня

Нахманъ. Такъ иди въ станъ нашихъ гонителей, христіанъ! губи своихъ!.. еще мало мы страдаемъ.

Лейзеръ. (Укоризненно). Нахманъ! Нахманъ!

Сендеръ. Отецъ, вспомни и обо мнѣ. Ты согрѣшишь передъ Израилемъ, а я за тебя отвѣчай. Богъ Адонай взыскиваетъ за грѣхи отцовъ до четвертаго поколѣнія. Мои дѣти и внуки отвѣтятъ за твой грѣхъ,—пожалѣй насъ.

Авраамъ. Я далъ тебѣ жизнь, Сендеръ; ты плоть отъ плоти моей и кровь отъ крови моей, могу ли не жалѣть тебя и не любить?.. но, сынъ мой, ты ученѣе меня, а я дольше тебя живу на свѣтѣ. Много преслѣдованій вынесъ я за мою непокорную правду: полиція меня въ тюрьму сажала, евреи лишали заработка и хлѣба,—и все потомъ съ избыткомъ возвращалось. Мнѣ грозили Богомъ Адонаемъ, и Богъ выводилъ меня изъ тюрьмы, какъ изъ чистилища, и смирились самыя жестокия сердца передъ моимъ прямодушіемъ. Никакого грѣха я не совершаю, и за меня ты отвѣчать не будешь.

Нахманъ. Упорство въ тебѣ говоритъ... радуйся, радуйся, когда лучшихъ сыновъ твоего племени поволокутъ въ Сибирь!

Авраамъ. Не могу я этому радоваться; ты это знаешь, Нахманъ; но еще больше грущу я о томъ, что они сами себя до этого доводятъ. Не хорошо они поступили, кругомъ нехорошо. Со мной не хорошо, когда выбрали мое тихое жилище притономъ воровскаго дѣла, и мнѣ ничего не сказали, простотой моей да добрымъ именемъ прикрыться хотѣли; нехорошо передъ Богомъ, осквернивши его субботу святую помыслами житейскихъ прибылей; нехорошо передъ всѣми людьми, что такъ легко по пустякамъ отняли жизнь у чловѣка... по пустякамъ, говорю я, потому что менѣе позорно быть пойманнымъ плутомъ, чѣмъ быть убійцей, даже еслибъ и не было доказано, кто убійца.

Шабсай. Горе намъ, когда старѣйшіе отъ насъ отступаютъ!

Авраамъ. Горе вамъ! но не оттого, что я не хочу лгать передъ судьями, а оттого, что вы забываете священные законы, преподанные вамъ отъ Бога. Живите въ мирѣ и трудѣ, смотрите на всѣхъ людей одинаково, и тогда вамъ нечего будетъ бояться. Но пока у васъ совѣсть будетъ двойться: одна для своихъ, близкихъ, а другая для всѣхъ другихъ, до тѣхъ поръ вамъ всегда нужно будетъ изворачиваться и лгать. Благодарю моего Всевышняго, что Онъ меня отъ этого избавилъ.

Нахманъ. Онъ изъ ума выжилъ.

Лейзеръ. Перестанъ же, Нахманъ, мы его слушаемъ на допросѣ.

Вѣбгаецъ Цца.

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же и Ципа.

Ципа. Моше! Моше!.. тутъ ли Моше? скорѣе, скорѣе...

Моше. Что тебѣ?

Ципа. Дождался ты радости отъ твоего дѣтища: дочь твоя, измѣнница, убѣжала изъ дому навсегда.

Моше. Опомнись, полоумная, что ты говоришь!

Сендеръ. Говори, говори, онъ мнѣ не вѣрилъ.

Ципа. Она ушла съ утра и комнату заперла, и ключъ Шмулю отдала, приказала, чтобы ни за что никого не пускалъ, пока отецъ не вернется,—чтобъ отцу ключъ отдалъ. Ну, я прихожу къ вамъ, и не пошла бы туда, еслибъ Шмуль этого мнѣ не сказалъ; значитъ тамъ что нибудь важное, если запретила войти.

Моше. Ты и вошла.

Ципа. Я и вошла, конечно... что же? я ей близкая, родная... и на столѣ у нея вотъ это письмо я нашла. Прочти-ка, что она тутъ пишетъ.

Моше. Прочти, раввинъ, я не могу. Въ моей дочери, какую я знаю, я слишкомъ увѣренъ,—пускай слышатъ всѣ, что она мнѣ пишетъ.

Шабсай. (Читаетъ). «Отецъ, я ухожу изъ твоего дома навсегда, я не хочу больше жить съ вами, ваши еврейскія правила душатъ меня и убиваютъ».

Моше. Сарра! Сарра!

Шабсай. «Не старайся вернуть меня,—я скорѣе кинусь въ воду, чѣмъ возвращусь въ домъ. Лучше облегчи мнѣ получить паспортъ, не заставляй меня обращаться къ властямъ. Я не оставлю нашу религію, но не подчинюсь кагалу».

Нахманъ. Она предастъ насъ.

Шабсай. Паспортъ просить прислать въ Петербургъ до востребованія.

Ципа. Хоть рѣжь меня на куски, я ни за что не повѣрю, чтобъ она не окрестилась; не такая дѣвка, она знаетъ, какъ выгодно ей окреститься. Она влюбилась въ слѣдователя, и ты, Моше, самъ ее туда послалъ,—вотъ тебѣ вѣрная еврейка!

Шабсай. Мы положимъ проклятье на голову этой дѣвушки.

Моше. Погодите!.. не можетъ быть... вѣдь она съ малаго дѣтства всегда во всемъ со мной совѣтовалась, сговаривалась... Погодите, я отыщу ее... я переговорю съ ней.

Ципа. Нечего искать. Она своему слѣдователю все расскажетъ, что видѣла и слышала въ ту субботу; она выдастъ Михеля... и тебя она выдастъ, своего родного отца... и ты пойдешь съ Михелемъ

въ тюрьму... и мнѣ будетъ утѣшенъ, что и ты пострадаешь за твою проклятую Сарру!

Рыдасть.

Моше. Я найду ее, я найду, я заставлю! она не можетъ такъ вдругъ перемѣниться.

Сендеръ. Не обманись!

Моше. Никогда!.. Еврей! раввины, дайонимъ!.. даю вамъ великую клятву: если не приведу сюда мою Сарру, пускай хлѣбъ обратится для меня въ камень и каждый глотокъ воды въ огненную струю! пускай не найду я пристанища...

Авраамъ. Моше, успокойся. Въ минуту горячности не рѣшайся ни на что. Минута горячности—минута безумія, добраго совѣта она не дастъ.

Моше. Не раздражай меня, если ты понимаешь, что я въ безуміи! опасно раздражать безумца. Ты это сдѣлалъ, твои уроки.

Сендеръ. Я съ тобой пойду.

Лейзеръ. Нахманъ, и мы тоже... мы можемъ понадобится.

Моше. Ждите меня, раввины; ждите, сыны Израиля, хоть всю ночь.

Уходить съ Сендеромъ, Нахманомъ и Лейзеромъ.

Авраамъ. Господи Всесильный, отстрани его отъ зла.

Говорь.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Кабинетъ слѣдователя. Вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Слѣдователь и прокуроръ —входить.

Прокуроръ. Извините, что прихожу такъ поздно. Здравствуйте; очень радъ, что засталъ васъ дома.

Слѣдователь. А что? вы по какому нибудь спѣшному дѣлу?

Прокуроръ. По непріятному дѣлу. Сейчасъ прибѣгалъ ко мнѣ этотъ еврей, Моисей Гольденвейзеръ, виѣ себя. Онъ не хотѣлъ самъ идти къ вамъ и просилъ меня. Его дочь совсѣмъ ушла изъ дому и написала отцу, что не вернется.

Слѣдователь. Сарра ушла отъ отца?

Прокуроръ. Онъ хочетъ непремѣнно ее видѣть, теперь же, сейчасъ, и умоляетъ васъ сказать, гдѣ она.

Слѣдователь. Но я отъ васъ впервые узнаю, что она бѣжала.

Прокуроръ. Александръ Петровичъ... привязались вы такъ не кстати къ этой дѣвочкѣ и, право, вы меня обижаете. И думать, что наши хорошія отношенія дають мнѣ основаніе разсчитывать на вашу откровенность.

Слѣдователь. Честное слово, я ничего про Сарру не знаю.

Прокуроръ. Однако, когда я сказалъ вамъ, что она убѣжала, вы не могли скрыть волненія и радости... не правда ли?

Слѣдователь. Можетъ быть. Меня ужасно тяготило сомнѣніе съ того самаго дня, какъ Сарра ко мнѣ приходила... помните, я вамъ разсказывалъ... На улицѣ она убѣгала отъ меня... Меня мучило, что я поступилъ съ ней дурно и несправедливо. Теперь я въ этомъ увѣренъ, и мнѣ легче,—я знаю, какъ на нее глядѣть. Вѣдь если она порвала всякую связь со своими, значить она не знала, какую интригу они подводили, когда шла ко мнѣ.

Прокуроръ. Знала или нѣтъ, во всякомъ случаѣ эти ваши отношенія къ ней вызвали много гадкихъ пересудовъ. У всѣхъ здѣшнихъ евреевъ только одно на языкѣ: разговоры о вѣшемъ увлеченіи Саррой Гольденвейзеръ.

Слѣдователь. Это ихъ обыкновенная манера: подымать какойнибудь гвалтъ, чтобъ отводить глаза.

Прокуроръ. Все-таки они разносятъ сплетню. Вчера меня губернаторъ спрашивалъ... съ тономъ ироніи спрашивалъ: правда ли, что вы воспользовались вашимъ положеніемъ слѣдователя, чтобъ приволокнуться къ хорошенькой жидовкѣ?

Слѣдователь. (Горичо). Я попрошу губернатора повторить эти слова мнѣ въ глаза.

Прокуроръ. Ради Бога нѣтъ... иначе я вамъ ничего говорить не стану. Во всѣхъ такихъ случаяхъ слѣдуетъ тушить, а не разжигать. Еще хорошо, что пока никто не подхватилъ и не напечатать этой исторіи въ газетахъ.

Слѣдователь. Ахъ, какъ бы я желалъ передать все это слѣдствіе объ убійствѣ комунибудь другому.

Прокуроръ. Это было бы большою безтактностью: мы этимъ признали бы, что вы дѣйствительно могли быть пристрастны къ евреямъ.

Слѣдователь. (Взволнованно). Хоть бы захворать сильной болѣзью... тифомъ что ли! чтобы это само собой случилось.

Прокуроръ. Милый Александръ Петровичъ,—неужели ужъ до того дошло? такъ вамъ понравилась эта дѣвушка?

Слѣдователь. Я не знаю.

Прокуроръ. Какъ вы вспыхнули! Вы готовы изъ-за нея испортить всю свою карьеру.

Слѣдователь. Это женщина, выходящая изъ ряда вонъ, она всегда представляла для меня притягательную силу своей жадностью къ свѣту и истинѣ, своей пытливостью и твердостью въ убѣжденіи.

Какъ я могъ заподозрѣть ее въ обманѣ? это было нелѣпо; она не умѣетъ быть неискренной. А теперь, когда она убѣждала отъ своихъ, она еще больше связала меня своимъ довѣріемъ ко мнѣ, моей виной передъ ней... Теперь я единственный человѣкъ, на кого она можетъ рассчитывать.

Прокуроръ. Однако куда же она дѣвалась?

Входитъ слуга.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и слуга, потомъ Авдотья.

Слуга. Авдотья пришла, вдова вѣхмистра. Къ вамъ просится.

Слѣдователь. Теперь?.. одиннадцатый часъ.

Прокуроръ. Ничего, примите. Все, равно я скоро уйду отъ васъ.

Слѣдователь. Пусти.

Слуга. (Въ дверь). Войди, Авдотья.

Авдотья входитъ.

Авдотья. (Кланяется). Здравствуйте.

Слуга уходитъ.

Слѣдователь. Что тебѣ?

Авдотья. Да что? я къ вамъ по секретному дѣлу.

Слѣдователь. Сергѣй Андреичъ прокуроръ, ему твое дѣло не секретъ.

Авдотья. Не по моему дѣлу-то... на счетъ барышни.

Прокуроръ. Я уйду. До свиданья.

Слѣдователь. Нѣтъ, нѣтъ. Я не хочу, чтобъ вы опять подозрѣвали, что я скрытничая; останьтесь. Какой барышни? я ничего не знаю. Ты можешь говорить при Сергѣѣ Андреичѣ.

Авдотья. Я на счетъ Сарры Моисеевны.

Слѣдователь. Сарры?.. ты знаешь, куда она убѣжала?

Авдотья. Ко мнѣ убѣжала, у меня прячется... да мнѣ развѣ ее схоронить? Комнатка у меня крошечная, тѣснота, дѣти... двери раскрыты, всякій войдетъ.

Слѣдователь. (Прокурору). Вотъ ужъ это воистину чудеса. Вѣрите ли, двухъ недѣль не прошло, какъ она тутъ проклинала евреевъ, съ такимъ бѣшенствомъ, что я же ее успокоивалъ, а теперь она же пріютила у себя еврейку.

Авдотья. Что-жь, Александръ Петровичъ,—умеръ мой мужъ, на все воля Божья... не узнаешь, откуда Богъ смерть пошлетъ, коли угодно Ему, Владыкѣ небесному, взять къ себѣ человѣка,—роптать грѣхъ... а она барышня хорошая.

Слѣдователь. Да я развѣ осуждаю? я ужасно радъ.

Авдотья. Она тоже несчастная, можетъ, еще несчастнѣе меня. У меня хоть и сироты, а все же дѣти, свое порожденіе, есть кого

приласкать; у нея, у болѣзной, никого нѣтъ теперь, ни души человѣческой.

Слѣдователь. (Прокурору). Слышите?

Авдотья. Вы бы поглядѣли, какъ она къ моимъ младенцамъ льнетъ. Впервой-то когда прибѣжала, на задворкѣ, вижу, мово Васичку на руки взяла,—я таки озлилась въ тѣ поры, турнула: «что вы, барышня, тутъ ходите? не мѣсто вамъ, оставьте младенца»... да такъ она на меня поглядѣла, въ глазахъ-то слезы, слезы... у меня и языкъ во рту присохъ.

Слѣдователь. Слышите? слышите?

Авдотья. Ну, пустила ее къ себѣ, — такъ она каждый день задила ходить, и все подлѣ моихъ дѣтей вьется: того умоетъ, другому платишко зачинить... извѣстно, ей дѣлать нечего; да вѣдь и сердце болитъ, кого нибудь любить надо... а дома-то, какъ послушаю ее, загуда одна; такъ она къ моимъ ребятишкамъ, дай Богъ ей здоровье. Третьяго дня я на весь день уходила, окна мыть у начальника,—она, матунка, четыре часа съ ними провозилась.

Слѣдователь. Но вѣдь теперь она совсѣмъ изъ дому убѣжала? (Прокурору). Вы говорили.

Авдотья. Видно, ужъ совсѣмъ не въ моготу стало... бѣдная!.. хочеть уѣхать отсюда въ Петербургъ; прибѣжала ко мнѣ: «пріюти на ночь; завтра утромъ чуть свѣтъ уѣду». Такъ теперь съ вами проститься просится. Очень просится, то-есть, чтобы видѣть васъ.

Слѣдователь. Гдѣ она?

Авдотья. Со мной пришла. У васъ тутъ на кухнѣ дожидается.

Слѣдователь. Сарра Монсеевна! зачѣмъ же она прямо не вошла съ тобой?

Уходитъ.

Авдотья. Какъ прямо-то войти? вѣдь не знаешь, можетъ, и не примутъ. Да ужъ робкая какая стала, запужали ее родичи-то. А барышня хорошая, жаль, что убзжаетъ. Какъ она съ дѣтками умѣетъ заняться, хоть бы и не еврейкѣ.

Входитъ слѣдователь и Сарра.

ЯВЛЕНИЕ III.

Прокуроръ, Авдотья, слѣдователь и Сарра.

Слѣдователь. Здѣсь Сергѣй Андреевъ, — ничего, онъ вамъ сочувствуетъ.

Прокуроръ. Вы хотите уѣхать въ Петербургъ?

Сарра. Я боюсь оставаться дома, спасите меня. Сегодня Сендеръ сказалъ мнѣ, что меня заставятъ обвиняться съ нимъ противъ моей воли; свяжутъ веревками и обвиняютъ.

Слѣдователь. Какъ же это можно?

Сарра. Еврейскому обществу все можно. Развѣ не исчезали дѣвочки изъ города, такъ что потомъ и не возвращались. Ужасъ думать, чего отъ меня хотятъ.

Слѣдователь. Вы хорошо придумали: въ Петербургъ. Я напишу письмо моей теткѣ; чтò бы тамъ дальше ни было, а пока она васъ приметъ; вы будете въ безопасности.

Прокуроръ. Позвольте; если ужъ бѣжать, то чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Гдѣ тамъ у прачки ночевать, васъ сейчасъ откроютъ.

Авдотья. Ужъ я и сама думала.

Прокуроръ. Утромъ и замѣтнѣе будетъ бѣгство. Есть ночной поѣздъ, въ два часа, уѣзжайте ночью.

Сарра. Хорошо.

Прокуроръ. Есть у васъ деньги?

Сарра. Я скопила отъ подарковъ... и отъ бабушки мнѣ достались выигранные билеты.

Прокуроръ. (Авдотѣ). Бѣги къ моему разсыльному. Знаешь Семена Дроздова?

Авдотья. Знаю, батюшка, и гдѣ живетъ, знаю.

Прокуроръ. Скажи, чтобъ сейчасъ шель сюда, къ слѣдователю, — живо! (Авдотья уходитъ). Вы, Александръ Петровичъ, проводите съ Семеномъ барышню ко мнѣ. Я женатъ, у меня ловчѣ ей ночью дожидаться поѣзда. Я пришлю за вами карету, у домохозяина возьму, и на всякій случай еще нѣсколькихъ провожатыхъ. Ждите кареты. Не безпокойтесь, я все устрою хорошо. (Саррѣ). Въ два часа вы уѣдете, и Семень проводить васъ до самаго Петербурга. Теперь оставлять васъ одну нельзя ни на минуту, а Семень къ вамъ никого не подпуститъ. (Слѣдователю). До свиданья; иду предупредить жену.

Слѣдователь. Простите, Сергѣй Андреичъ, — я всегда считалъ васъ человѣкомъ хорошихъ правилъ, но чтобъ вы такъ могли откликнуться...

Прокуроръ. Вы не ждали?.. Такой ужъ случай, что дѣлать?.. Оно немножко незаконно, что мы тутъ съ вами устраиваемъ, — тѣмъ болѣе, что мы представители закона; но всякій бы на нашемъ мѣстѣ сдѣлалъ то же самое, всякій рѣшительно, — такой ужъ случай.

Слѣдователь. (Съ чувствомъ и крѣпко пожимая ему руку). Спасибо вамъ.

Прокуроръ уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Слѣдователь и Сарра.

Сарра. Какъ вы его поблагодарили... за меня?.. вамъ жаль меня?

Слѣдователь. Я очень виноватъ передъ вами... но вы сами пришли ко мнѣ, — стало быть, вы простили обиду.

Сарра. За вашу обиду вы мнѣ сдѣлались еще дороже: я чувствовала, до чего вамъ было тяжело думать, что я знала объ интригѣ.

Слѣдователь. Страшно, безконечно тяжело, Сарра! за то въ самую минуту вашего ухода я ужъ не вѣрилъ себѣ... и потомъ мучился, хотѣлъ убѣдиться, что не правъ передъ вами... и разспрашивалъ про васъ, да никто ничего не зналъ; а предчувствіе говорило мнѣ, что мы должны встрѣтиться, какъ встрѣтились теперь. Сейчасъ, когда мнѣ сказали, что вы здѣсь, я такъ легко вздохнулъ, словно наконецъ-то совершилось, чего давно желалъ. Теперь мы друзья съ вами навсегда, не правда ли? друзья, какими никогда не были.

Сарра. Вы не оттолкнете меня?

Слѣдователь. Оттолкнуть? васъ? послѣ всего, что я теперь знаю? Давно вы мнѣ были понятны вашимъ характеромъ, отношеніемъ къ вашей жизни, но все-таки какъ-то смутно понятны; теперь я вижу ясно, что мои мысли объ васъ были справедливы, Сарра... вы даже выше того, что я объ васъ думалъ... и я счастливъ моей обязанностью служить вамъ,—да, обязанностью: я замѣнилъ вамъ всѣхъ; помните, вы сами мнѣ это сказали.

Сарра. Благодарю васъ. Я вамъ много въ тягость не буду.

Слѣдователь. Юще бы въ тягость,—когда я люблю васъ, Сарра; любимая женщина можетъ ли быть чѣмъ нибудь въ тягость?.. Мы родные съ вами... все остальное случайно: служба, положеніе, общество, еврейство,—не случайно одно только: что мы съ вами родные душой.

Сарра. Но и случайнымъ нельзя пренебрегать. Мой отецъ будетъ привлеченъ къ слѣдствію объ убійствѣ?

Слѣдователь. Только не мной. Мнѣ нельзя вести это дѣло. Пускай осуждаютъ меня и говорятъ, что хотятъ,—я отъ него откажусь.

Сарра. Не дѣлайте этого; останьтесь, какимъ я всегда знала васъ: прямымъ и справедливымъ. Если отецъ мой заслужилъ обвиненіе,—обвиняйте. Больно то, что онъ заслужилъ, а не то, что его обвинять.

Слѣдователь. Не могу же я преслѣдовать отца и жениться на его дочери.

Сарра. Вы во всякомъ случаѣ жениться на мнѣ не можете... Милый человекъ, не сомнѣвайся, что и я люблю тебя! люблю самой чистой горячей любовью; но я и вѣрю въ тебя, какъ во все лучшее въ мірѣ. Ты не потребуешь, чтобъ я для тебя рвала все, что осталось во мнѣ хорошаго отъ прежней жизни... и твой добрый Богъ, Христосъ, не потребуетъ, чтобъ я такъ легко, изъ-за одной любви моей, уступила и мое еврейство, и моего отца.

Слѣдователь. Какъ мнѣ это понять?

Сарра. Я не приму христіанства, я должна для этого увѣровать всѣмъ разумомъ, переродиться. Но еслибъ это и случилось, я не брошу моего отца. Его посадятъ въ тюрьму, я буду подлѣ него; его соплжють, я пойду за нимъ.

Слѣдователь. Онъ мало замѣшанъ въ дѣлѣ, онъ скоро опять будетъ свободенъ.

Сарра. Тогда евреи стануть мстить ему за меня, отъ него всѣ близкіе могутъ отвернуться, его разорять. Въ одиночествѣ, въ несчастіи, я призову его къ себѣ и утѣшу его старость... къ вашей женѣ онъ не пойдетъ.

Слѣдователь. Боже мой, Боже! какая это однако страшная сила: власть Израиля! какъ трудно отъ нея оторваться!.. А если твой отецъ, чтобъ остаться въ мирѣ со своими, предложитъ тебѣ одно изъ двухъ: подчиненіе кагалу или свое проклятье?

Сарра. Я не боюсь проклятья, меня проклинать не за что. Проклятье будетъ безсильно. Перестанемъ объ этомъ говорить, мой дорогой благодѣтель. Я не хочу теперь думать о томъ, что будетъ; теперь мнѣ легко сноситься со всѣми людьми. Я поѣду въ Петербургъ учиться и пробывать себѣ дорогу; а послѣ, что Богъ опредѣлитъ.

Слѣдователь. Стало быть, не всѣ мои надежды рушатся.

Сарра. Пишите же письмо къ вашей тетушкѣ. Вотъ какъ я люблю васъ: отъ васъ всякую помощь приму, не постыжусь... (Случайно вздрагиваетъ.) Мы забыли опустить шторы въ окнахъ. Мнѣ такъ страшно! могутъ выслѣдить, что я здѣсь.

Слѣдователь. Это окно и дверь въ садъ; кругомъ его заборъ, и калитка въ него заперта; тамъ никого нѣтъ.

Входитъ слуга.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и слуга.

Слуга. Баринъ, ихній отецъ у насъ на крыльцѣ сидитъ; говоритъ: знаю, что она здѣсь. Хочетъ видѣть барышню, хоть всю ночь ее здѣсь караулить.

Сарра. (Слѣдователю). Позвольте ему сюда войти. Мнѣ все равно надо съ нимъ проститься. Лучше здѣсь, чѣмъ если онъ остановитъ меня на улицѣ. Позвольте здѣсь. Вамъ не будетъ непріятности, — я объясню ему, онъ мнѣ повѣритъ.

Слѣдователь. Еслибъ и была непріятность, — вы это просите. (Слугѣ). Приведи его сюда.

Слуга уходитъ.

Сарра. (Въ сильномъ волненіи, сперва сдерживаемомъ, въ концѣ со слезами). Сейчасъ придутъ эти люди отъ прокурора, и ужъ мы не останемся больше одни... до отъѣзда... такъ я еще разъ хочу поблаго-

дарить васъ за все... я не могу теперь ничего говорить, объяснить, что я чувствую... такъ вмѣсто всякихъ словъ одно только...

Бросается ему на шею и крѣпко цѣлуетъ; онъ цѣлуетъ ее нѣсколько разъ, потомъ они расходятся.

Слѣдователь. Вы должны писать мнѣ каждый день оттуда.... каждый день, слышите.

Сарра. Конечно.

Входитъ Мени.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Слѣдователь, Сарра и Моше; потомъ безъ слѣдователя; позже Сендеръ и Лейзеръ.

Сарра. Прежде, чѣмъ ты чтонибудь скажешь, отецъ, прошу тебя, вѣрь мнѣ. Клянусь Богомъ Авраама, Исаака и Иакова, я говорю правду. Я пришла сюда полчаса назадъ, пришла сама,—извиниться за гадкія сплетни и проститься... уговора у насъ не было, меня здѣсь не ждали, я пришла сама.

Моше. Какое это имѣетъ значеніе теперь?—никакого. Зачѣмъ ты пришла и былъ ли уговоръ? не въ этомъ дѣло... пока я не сказалъ тебѣ всего, что кипитъ у меня на душѣ... (Слѣдователю.) Пропу васъ, какъ милости, позвольте мнѣ съ моей дочерью остаться наединѣ.

Слѣдователь. Еслибъ вы знали, какъ бы я этого не желалъ.

Моше. Не откажите дряхлому разбитому старику. Моя просьба такъ проста: между отцомъ и дочерью такъ много есть такого, что не касается постороннихъ людей.

Сарра. И я прошу васъ,—позвольте намъ остаться однимъ.

Слѣдователь. Я не имѣю права отказать вамъ. Я пойду приготовить письмо.

Уходитъ.

Моше. Благодарю тебя, дочка, что хоть говорить съ собой позволила.

Сарра. Отецъ, не томи меня такими ненужными словами. Что тебѣ отъ меня надо?

Моше. Я хочу, чтобъ ты сама своимъ голосомъ сказала мнѣ, что ты меня кидаешь. Мнѣ показывали бумагу, говорили, что это письмо отъ тебя, я не могъ читать... мнѣ прочитали... можетъ быть, сочинили сами... вздоръ какойнибудь... Я хочу отъ тебя самой своими ушами слышать, что ты навсегда хочешь бросить меня.

Сарра. Не тебя я бросаю, отецъ. Богъ свидѣтель, что мнѣ тяжело съ тобой разстаться. Я не могу жить, какъ жила до сихъ поръ. Ты не замѣчалъ, какъ я страдала, ты не хотѣлъ замѣчать, что тебѣ было не по душѣ, закрывалъ глаза,—обрывалъ всякій разговоръ; но чаша переполнилась!—я не могу такъ жить.

Моше. Какъ же ты хочешь жить?

Сарра. Я уѣду въ Петербургъ. Какънибудь устроюсь.

Моше. И онъ туда пріѣдетъ?

Сарра. Это злоба въ тебѣ говорить, отецъ, а не ты... Ты знаешь, что я не легкомысленная дѣвчонка; если рѣшаюсь, то у меня есть важныя причины.

Моше. Ты хочешь принять вѣру Христа?

Сарра. Нѣтъ.

Моше. Я понимаю... я понимаю, Сарра!.. тебѣ тяжелы наши еврейскія правила? тебѣ гадокъ твой женихъ... ты не раздѣляешь нашихъ взглядовъ на иные наши поступки; какъ старый Авраамъ, не раздѣляешь?... я понимаю, Сарра.

Сарра. Я задыхаюсь въ этомъ!

Моше. Я понимаю, Сарра... можетъ быть, ты права,—и ты лучше насъ... хорошо, хорошо... ты будешь иначе жить... только вернись ко мнѣ, покайся передъ еврейскимъ обществомъ, покорись! это будетъ послѣднее. Я покончу всѣ дѣла въ этомъ городѣ; я богатъ... мы оба уѣдемъ куда хочешь, въ Петербургъ, въ Парижъ,—только теперь вернись.

Сарра. Для чего новая попытка и ложь?.. Кончай свои дѣла; я буду ждать тебя въ Петербургѣ.

Моше. Я далъ клятву передъ всѣмъ еврейскимъ обществомъ, что приведу тебя, какъ покорную дочь; не заставляй меня быть клятвopеступникомъ. Сарра, я откажу Сендеру, онъ не будетъ твоимъ мужемъ,—я ни за кого тебя не отдамъ, кого ты сама не возьмешь. Мнѣ не долго жить осталось; я умру, и ты будешь богата и свободна; никто не посмѣетъ слова сказать, что бы ты ни сдѣлала... потерпи немного, не позорь моихъ послѣднихъ дней!.. я всегда хвалилъ тебя выше мѣры,—не разбивай моихъ похвалъ, не отдавай меня на посмѣшище!

Сарра. Тебѣ насмѣшка кагала важнѣе, чѣмъ вся моя жизнь?.. и послѣ этого ты надѣнешься охранить меня отъ прежняго гнета. Ты обещаешь, чего не можешь исполнить.

Моше. Я не позволю никому обидѣть тебя... вернись, Сарра, вернись, недолго мнѣ жить осталось. Вспомни, какъ я всегда любилъ тебя, какъ ласкалъ,—какъ маленькая ты у меня на груди грѣлась и прятала головку подъ мою бороду... вспомни твою мать! какъ ты ее боготворила... какъ она, умирая, завѣщала тебѣ слушать отца безпрекословно, и ты рыдала, дѣвчонка, и повторяла: буду, буду! всю жизнь буду... Вспомни все твое дѣтство и пожалѣй меня: вѣдь на меня плевать будутъ, если ты не придешь, въ меня камнями бросать будутъ, сжался надо мной... хочешь ли, я на колѣни упаду къ твоимъ ногамъ.

Сарра. Не проси,—ты самъ потомъ пожалѣешь, если я тебя послушаю.

Моше. Ты не хочешь?

Сарра. Нѣтъ.

Моше. Въ послѣдній разъ: ты не пойдешь со мной?

Сарра. Отецъ! у меня твоя кровь. Мѣнялъ ли ты свои рѣшенья, когда рѣшалъ чтонибудь важное?

Моше. (Твердо и сухо). Нѣтъ. Правда. Такъ. Стало быть, больше говорить не для чего... вы все приготовили, сейчасъ придутъ люди и вышвырнутъ стараго Моше на поруганіе.

Сарра. Простимся дружески. Ты моей любви не теряешь.

Моше. Любви! любви... да...

Гасить лампу и украдкой отпираться садовую дверь.

Сарра. Зачѣмъ ты потушилъ лампу? Не затѣвай ничего дурнаго,—ты раскаешься.

Моше. Дурного!—что можетъ быть хуже непокорства дочери?.. Я потушилъ свѣтъ, чтобъ ты не видѣла моего искаженного страдальческаго лица, чтобъ не задрожало оттого твое сердце. Простимся, подойди ко мнѣ.

Сарра. (Подходить къ нему). Прощай. (Она крѣпко обнимаетъ ее и ведетъ къ садовой двери). Куда ты ведешь меня?... остановись... не заставляй меня кричать и звать на помощь.

Моше. (Толчкомъ руки открываетъ садовую дверь). Еврейка должна быть покорной дочерью.

Въ садовую дверь появляются Лейзеръ и Сеидеръ, схватываютъ Сарру и вмѣстѣ съ Моше уводятъ ее насильно.

Сарра. (Вскрикивая). Помогите!.. Помо...

Крикъ ея заглушенъ за сценой. Въбѣгаетъ слѣдователь и останавливается.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Слѣдователь, потомъ слуга, потомъ Моше.

Слѣдователь. Темно!.. они ушли... Павелъ! Павелъ! (Открываетъ дверь; появляется слуга). Не проходили мимо тебя?

Слуга. Нѣтъ.

Слѣдователь. Я слышалъ крикъ... огня, скорѣй огня!

Слуга скрывается и вскорѣ вноситъ лампу.

Слѣдователь. Скорѣй же! скорѣй! (Увидя раскрытую садовую дверь). А злодѣи, они увели ее въ садъ!.. Тамъ подкарауливали! не уйдутъ. Бѣги къ забору! кричи, зови народъ!

Слуга убѣгаетъ—онъ идетъ къ садовой двери, въ которой появляется Моше.

Моше. Поздно... вы этого хотѣли... теперь вы и меня можете вести въ тюрьму: я убилъ ее.

Слѣдователь. Изувѣры!

Убѣгаетъ въ садовую дверь.

Моше. Бѣдная моя Сарра! дитя мое! дитя мое!

Рыдаетъ.

к о н е ц ъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Магазиновъ, Новаго Времени'

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ДЕКАБРЬ 1898 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 12-й.

- Авенариусъ, В.** Школа жизни великаго юмориста. Третья повесть изъ биографической трилогіи «Ученическія годы Роголи» Сиб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к., въ переплетъ 2 р. 50 к.
- Авериевъ, Д.** Повѣсти изъ современнаго быта. Т. I. Исторія бѣднаго молодого человека. Сиб. 1898 г. Ц. 2 р. Т. II. Новая барышня. Лавры и тернии. Ученый сонъ. Исторія трехъ невѣрныхъ мужей. Сиб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к. Т. III. Художникъ Везпадовъ и нагаріусъ Подлесниковъ. Комическій романъ. Сиб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Австенно, В.** Новые рассказы. Т. I. Сиб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Albert.** Проф. Учебникъ частной хирургіи. Т. I. 1899 г. Ц. 4 р.
- Алтаевъ, А.** Выдья небылицы. Семь любимыхъ сказокъ братьевъ Гриммъ и Перро. Съ 6-ю хромолитографированными рисунками. Сиб. 1898 г. Ц. въ пакѣ 2 р.
- Архангельскій, А.** Изъ лекціи по исторіи русской литературы. Первые опыты милологическихъ изученій. Казань. 1898 г. Ц. 85 к.
- Бадмаевъ, П.** О системѣ врачебной науки Тибета. Вып. I. Сиб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бадэнь, А.** Маленькіе путешественники. Приключенія трехъ дѣтей въ Алжирѣ. Сиб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Балабанова, Е.** Легенды о замкахъ Британіи. Сиб. 1899 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Баранцевичъ, Н.** Чудныя ночи. Рождественскіе и пасхальныя рассказы и очерки. М. 1899 г. Ц. 45 к.
- Бердниновъ, И.** О воспріимчивостѣ прикрененіи и о духовномъ родствѣ, какъ препятствіе къ браку. Отвѣтъ на брошюру А. С. Павлова. По поводу нѣкоторыхъ недоумѣній о наукѣ правосл. цер. права. Изд. 2-е. Казань. 1898 г. Ц. 50 к.
- Берковецъ, Я. Д.** Незабвенное прошлое. Сиб. 1899 г. Ц. 25 к., на луч. бум. 35 к.
- Библиотена «Игрушечки».** 6 книгъ. Растенія, животныя, древній человекъ, дикій человекъ, исторія стекла, исторія желѣза. Ц. за всѣ, безъ перепл. 2 р., въ перепл. 3 р.
- Бихле, Н. М.** Техническій календарь на 1899 г., съ прил. Сиб. Ц. 2 р. 50 к.
- Богаевская, А.** Приветъ! Сборникъ поздравительныхъ писемъ. Сиб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Богдановъ, П.** Весѣды о жизни растений. Съ 71 политипажемъ въ текстѣ. Сиб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Бойко, М.** Общество для распространенія коммерческихъ знаній-ли или незнаній? М. 1898 г. Ц. 20 к.
- Лука Начоло. Трактатъ о счетахъ и записяхъ. М. 1898 г. Ц. 20 к.
- Боковъ, П.** Справочная книга по государственному промысловому надолу для чиновъ надзора и учрежденій, выдающихъ промысловыя свидѣтельства. Сиб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вагнеръ, Р.** Химическая технология. Обработано Ферд. Фишеромъ. Вып. I. Съ 300 рис. Сиб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Вирховъ, Р.** Услѣхи современной науки и ихъ отношеніе къ медицинѣ и хирургіи. Перев. съ англ. Ю. Снегирева, М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Выгоды примѣненія перегрѣтаго пара въ особенности по отношенію къ патентованной системѣ Адорьянъ (Adorjan).** Сиб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Вюшемірскій, Н.** Методы опредѣленія ргугти въ моче. Руководство къ клиническому анализу. Сиб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Вязигинъ, А.** Очерки изъ исторіи напства въ XI вѣкѣ (Гильденбрандъ и напство до смерти Генриха III). Сиб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Гаршинъ, Е.** Дѣти крестоносцевъ. Историческая повесть для юношества. Съ рис. Изд. 2-е. Сиб. 1898 г. Ц. 60 к., въ пакѣ 80 к.
- Гельвальдъ, Ф.** Земля и ея народы. Перев. съ послѣд. изд. дополнен. проф. В. Уле, подъ ред. Ф. Груздева, въ 4-хъ томахъ. Т. I.—Живописная Америка. Съ 2 картами и 160 рис. Т. II.—Живописная Азія. Съ картою и 130 рис. Сиб. 1899 г. Ц. каждого тома въ перепл. 2 р. 50 к.
- Германъ, Ф.** Къ исторіи моего диспута. (Отвѣтъ моимъ оппонентамъ). Харьковъ. 1898 г. Ц. 30 к.

- Гесдерферъ, М. Комнатное садоводство. Вып. V (последній). Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Гете. Фаустъ. Трагедія. Вып. I. 1899 г. Ц. 1 р.
- Гнѣдичъ, П. Исторія искусствъ. В. 12-й. Цѣна за все 12 вып. безъ пер. 16 р. въ 3 переплетяхъ 20 р.
- Гофманъ, К. Ботаническій атласъ по системѣ Де-Кандоля. Вып. 9-й. Изд. 2-е, исправлен. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 10 к.
- Гофманъ. Щелкунчикъ и мышиный царь. Съ рисунками худ. Ю. Я. Кромеръ. М. 1898 г. Ц. 75 к.
- Гражданская прантита Кассационнаго Сената за 1894—1897 годы. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Дебъ, А. До и послѣ брака. Переводъ и статьи «Разводъ въ Россіи» Л. Гольдмерштенна. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Донучаевъ, В. Мѣсто и роль современнаго пчоводства въ наукѣ и жизни Варшава. 1898 г. Ц. 40 к.
- Домашній иллюстр. календарь на 1899 г. Ц. 15 к.
- Д'Оссонвилль (графъ). Нищета и средства борьбы съ нею (Misère et remèdes). Соціальные этюды. Перев. съ франц. М. К. Соколовскаго. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Дружининъ, Н. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Дьяченко, Гр. Свещ. Христіанскія утѣшенія несчастныхъ и скорбящихъ. Часть 2-я. Утѣшеніе въ скорбяхъ духовныхъ. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Евсѣевъ, Ив. Замѣтки по древне-славянскому переводу. Св. Писанія. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Ермиловъ, В. Е. Нашъ родной учитель (К. Д. Ушинскій). Съ портретомъ и рисунк. М. 1899 г. Ц. 20 к.
- Желиловская, В. Какъ я была маленькой. Изъ воспоминаній ранняго дѣтства. Изд. 2-е. Съ рис. Никитина и др. Спб. 1898 г. Ц. 1 р., въ накбѣ 1 р. 20 к.
- Звѣздочки. Рождественскіе рассказы для дѣтей. Съ 20-ю рисунками въ текстѣ П. И. Ткаченко. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Князь Илго, маленькій кавказскій плѣнникъ. Разск. для юношества. 3-е изд. Съ рисунками А. Шарлеманя и М. Михайлова. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- За приключеніями. Счастливецъ. Два послѣдовательныхъ разсказа для юношества. Съ рисунками Т. Никитина. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Животовъ, Н. Н. Разрытая могила. Романъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- «Жизнь» журналъ, № 23. 1899 г. Ц. 40 к.
- Жизнь замѣчательныхъ людей. А. В. Суворовъ, его жизнь и военная дѣятельность. Биографическій очеркъ М. Л. Песковскаго. Съ портретомъ Суворова. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Жирневичъ, А. В. Друзьямъ. Стихотвореніе. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Жуновскій, В. А. Руслемъ и Зорабъ. Повѣсть. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.
- Журналъ юридическаго общества 1898 г. Кн. 10-я. Ц. 2 р.
- Забренновъ, И. В. Ф. Коммисаржевская. Впечатлѣнія. Спб. 1898 г. Ц. 15 к.
- Загоскинъ, М. Юрій Милославскій или русскіе въ 1612 году. Историческій романъ. Съ портретомъ. Спб. 1898 г. Ц. въ переплетѣ 3 р.
- Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Вып. I. М. 1899 г. Ц. 2 р.
- Зинченко, Н. Наполеонъ и женщины. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- Ирачѣвъ, А. Старинныя сказанія чешскаго народа. Съ 93 иллюстраціями. Переводъ М. А. Лялиной. Спб. 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Юхельсонъ, В. Очеркъ звѣропромышленности и торговли мѣхами въ Колымскомъ округѣ. Съ 37 рис. (Труды якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отдѣлъ III. Томъ X. Часть 3). Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Каблуновъ, Н. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. М. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Калевала. Финская народная эпопея. Для юношества передалъ Э. Гранстремъ. Изд. 2-е, переработанное. Съ 40 рис. Спб. 1898 г. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.
- Календарь для фельдшеровъ на 1899 г. Ц. 1 р.
- Канторовичъ, Я. А. Законы о женщинахъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Карманная клиническая рецептная книжка. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.
- Нашадамовъ, В. П. Чума въ Индіи за 1896—1898 гг. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Клингенъ, И. Среди патриарховъ земледѣльці народовъ ближняго и дальняго востока (Египетъ, Индія, Цейлонъ, Китай и Японія). Часть I. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Ковалевскій, П. И. Вырожденіе и возрожденіе. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- Коновцевъ К. Инженеръ. Герцня желѣзныя дороги Швейцарія особыхъ системъ. I. Канатныя дороги. Спб. 1898. Ц. 3 р.
- Коломійцева, Н. А. Необходимая настольная книга для молодыхъ хозяекъ. Общедоступный дешевый и вкусный столъ Спб. 1899. Ц. 3 р.
- Коменскій, І. Либирингъ міра и рай сердца (1623 г.). Переводъ О. В. Ржиги. Нижній-Новгородъ. 1896. Ц. 1 р.
- Коркуновъ, Н. Стихи. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- Котляревскій, Н. Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка. Спб. 1898. Ц. 2 р.
- Краснонень, С. Налогъ на спиртъ. Юрьевъ. 1899. Ц. 1 р. 25 к.
- Краткій толковый путеводитель по Москвѣ. М. 1898. Ц. 75 к.
- Крестовскій, В. В. Собраніе сочиненій Т. П. 1899. Ц. по подпискѣ за все VIII т. 10 р.
- Нулешовъ, П. Овца, ея внутреннее и наружное строеніе, признаки полезности, болѣзни и пороки, главнѣйшіе типы и породы. Съ хромофотографированной разборной таблицей и рисунками въ текстѣ. Спб. 1888. Ц. 2 р.

- Нуперъ, Ф. Звѣрой. Слѣдопытъ. Последній изъ Могиканъ. Пионеры. Прерія. Влуджающей огонь. На сушѣ и на морѣ. Жизнь на холмѣ. Краснокожіе. Колонія на Крайтерѣ. Пынителъ моря. Красный корсаръ. Спб. 1898. Ц. за всѣ 12 томовъ въ 12 переплетгахъ 6 р.
- Лаврентьева, С. Н. Новый сборникъ театральныхъ пьесъ для дѣтей и юношества. Спб. 1899. Ц. 2 р.
- Ланге, И. Инфекціонныя болѣзни человека и животныхъ (зоонозы). Вып. I. Казань. 1899. Ц. 1 р.
- Лапшинъ, И. И. о возможности вѣчнаго міра въ философіи. Спб. 1898. Ц. 50 к.
- Лидерманъ, Р. (Д-ръ). Терапевтическій спутникъ по кожнымъ и венерическимъ болѣзнямъ для практическихъ врачей. Съ 8-ю рисунками. Перев. съ англ. д-ръ Л. Я. Якобсонъ. Спб. 1899. Ц. 70 к.
- Лейкинъ, Н. А. Въ деревнѣ и въ городѣ. Спб. 1899. Ц. 1.
- Летурно, Шарль. Эволюція торговли. Спб. 1899. Ц. 2 р.
- ле-Шателье, Гремучій газъ. Харьковъ. 1896. Ц. 80 к.
- Лухманова, Н. А. Въ волшебной странѣ пещеръ и нищеты. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- Люковъ, М. М. Жизнь и Труды Гиббона. Спб. 1898. Ц. 75 к.
- Лялина, М. А. Дѣтшки и ихъ дѣлшки. Спб. 1899. Ц. 50 к.
- Лялина, М. Путешествія Г. Н. Потанина по Китаю, Тибету и Монголіи. Обработаны по подлиннымъ его сочиненіямъ. Съ 48 рис., портретомъ и картою. Спб. 1898. Ц. 2 р. 50 к.
- Путешествія Н. М. Пржевальскаго въ восточной и центральной Азійи. Обработаны по подлиннымъ его сочиненіямъ. Съ предисловіемъ проф. Э. Ю. Петри. Съ 60 иллюстрац. и 2 картами. Изд. 2-е, просмотр. Спб. 1898. Ц. 2 р. 75 к.
- Русскіе мореплаватели арктическіе и кругосвѣтные. Изд. 2-е. Съ 100 рис. и картою. Спб. 1898. Ц. 3 р. 25 к.
- Манарова, С. Грозная туча. Со многими рисунками Н. П. Каразина и съ портретами. Спб. 1898. Ц. 3 р. 75 к.
- Малоховецъ, Е. Подарокъ молодымъ хозяйкамъ. Спб. Изд. 21-е. Спб. 1899. Ц. 4 р.
- Максимова, О. Другъ тоскующихъ. Самоучитель гаданія на картахъ. Спб. 1899. Ц. 40 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Свѣтлячки. Сказки. М. 1899. Ц. 1 р.
- Маріусъ-Гринева, М. Уходъ за домашнимъ крупнымъ и мелкимъ скотомъ. Свиноводство. Отдѣлъ I. Кіевъ. 1898. Ц. 60 к. Отдѣлъ II. Кіевъ. 1898. Ц. 35 к.
- Счетоводство по сельскому и домашнему хозяйству. Изд. 2-е, исправл. Кіевъ. 1898. Ц. 80 к.
- Первая бесѣда по птицеводству, прочитанная въ общемъ собраніи Кіевского Общества птиводства 15-го марта 1898. Кіевъ. 1898. Ц. 20 к.
- Индѣйки. Изд. 2-е, испр. и дополн. Кіевъ. 1898. Ц. 45 к.
- Русскія породы куръ, павловки и орловки. Кіевъ. 1898. Ц. 15 к.
- Сыротьліе. Кіевъ. 1898. Ц. 35 к.
- Женскія школы молочнаго хозяйства и домоводства въ Германіи. Кіевъ. 1898. Ц. 15 к.
- Мартыновъ, М. Очерки фельдшеризма въ Херсонской губ. Спб. 1898. Ц. 30 к.
- Мусинъ-Пушкина, О. Разказы тети Оли. Съ 17 рис. Н. И. Ткаченко. Сбп. 1898. Ц. 1 р. 30 к.
- Мэллеръ, О. Приключенія химика. Рассказъ, М. 1898. Ц. 75 к.
- Научное обозрѣніе. 1898. № 11. Ц. 75 к.
- Научно-энциклопедическій словарь подъ ред. д-ра филос. М. М. Филиппова, ред. «Научн. Обозрѣній». Вып. 5-й. Спб. 1898. Ц. 30 к. Подписная цѣна за все изданіе въ 18 вып. 4 р., съ перес. 5 р.
- Независимый. Этика обыденной жизни. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- Немировичъ-Данченко, В. Глушій Осѣлка. М. 1899. Ц. 20 к.
- Восдѣтъ Шипкинъ. М. 1899. Ц. 20 к.
- Несмѣловъ, В. О цѣли образованія. Казань. 1898. Ц. 50 к.
- Новая Школа. К. П. Побѣдоносцева. М. 1898. Ц. 50 к.
- Образованіе, Педагогич. и научно-популярный журналъ. 1898. № 12. Ц. 60 к.
- Объ обращеніи съ больными. Переводъ статьи д-ра Вольфа. Перевелъ д-ръ Л. Якобсонъ. Спб. 1898. Ц. 10 к.
- олеманъ, М. Терапіи глазныхъ болѣзней. Спб. 1898. Ц. 10 к.
- Орлицкій, С. С. (Окейфцъ). Далекіе годы. Спб. 1899. Ц. 2 р.
- Парнеръ, Д. Руководство къ зоологіи. Т. 2-й М. 1898. Ц. 5 р.
- Rachelery, A. Dictionnaire de la Fungue française. Odessa 1898. Prix 2 roubles.
- Поддубный, И. Географическія карты. 1) Полушарія, 2) Европа, 3) Россійская Имперія. Ц. по 25 к.
- Подъ звонъ мечей. Народныя сказанія Сѣвера и Запада Европы, Кельтійскія, скандинавскія, германскія и финскія. Въ изложеніи П. Н. Полевого. Съ рис. Г. Доре Н. Каразина и друг. Спб. 1898. Ц. въ переплетѣ 4 р. 75 к.
- Почтово-телеграфный ежегодникъ. 1899. Ц. безъ перепл. 40 к., въ переплетѣ 60 к.
- Препелицъ, Д. А. Казенныя помшны. Кіевъ. 1898. Ц. 1 р.
- Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. М. 1899. Ц. 45 к.
- Проектъ шкафа для бібліотеки. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Проектъ камешаго дома-дачи для двухъ небольшихъ семействъ. Спб. 1898. Ц. 60 к.
- Проектъ коровниша съ молочной и жильемъ для прислуги. 1898. Ц. 1 р.
- Проектъ барскаго дома въ усадьбѣ. Спб. 1898. Ц. 60 к.
- Пру, А. Гигіена невращенника. Спб. 1898. Ц. 60 к.
- Раппопортъ, Х. Философія исторіи въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Роміась Сергѣй, Семья Никитиныхъ. Романъ-хроника. 2 т. М. 1899. Ц. за 2 тома 4 р. 50 к.

Русскій астрономическій календарь на 1899 г. Пижинъ-Новгородъ. Ц. 75 к.

Русскій карманный календарь для всѣхъ на 1899 г. Спб. Ц. 15 к.

Русскій календарь А. С. Суворина на 1899 г. (Годъ изданія двадцать восьмой). Къ календарю приложены: Портретъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича, Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Александровны. 12 портретовъ государственныхъ дѣятелей. Рисунки: Открытіе памятника Императору Александру II въ Москвѣ. Великій Сибирскій путь (4 рисунка). Общій видъ Портъ-Артура. Карта Россійскихъ желѣз. дорогъ. Карта Азіатской Россіи, Битва, Японія, Корея и карта 5 частей свѣта. Всѣ отдѣлы значительно допущены. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

Русское экономическое обозрѣніе 1898 г. № 11 Ц. 1 р.

Рышковъ В. На больничныхъ койкахъ. Спб. 1898. Ц. 1 р.
«Сельскій Хозяинъ» № 6. 1898. Подписная цѣна за годъ 6 р.

Сергѣевъ, В. Зерноушника, испытанная на практикѣ. Казань. 1898. Ц. 30 к.

Сергѣенко, П. А. Дѣти. Ром. 1899. Ц. 1 р.
Сергѣевская, О. Т. Веселая зима, рассказъ для дѣтей. Съ рис. Н. Н. Каразина. Изд. 2-е. Спб. 1898. Ц. 30 к.

«С.-Петербургъ» иллюстр. еженед. журналъ. № 49. Ц. за годъ съ дост. и перес. 2 р.

Славинъ, Д. Н. Самоучитель англійскаго языка для взрослыхъ по методу Гуссена и Лангенштедта. Вып. 3. Ц. по подпискѣ 3 р.

— Самоучитель французскаго языка для взрослыхъ по методу Гуссена и Лангенштейна. Вып. 5. Ц. по подпискѣ 3 р.

Сибирскій торгово-промышленный календарь на 1899 г. Томскъ. Ц. 2 р.

Силантьевъ, А. А. Вредная дѣятельность зайцевъ, водяныхъ крысъ и мышей, съ краткимъ обзоромъ массоваго размноженія послѣднихъ въ Россіи въ 1894 году и съ приложеніемъ практическаго опредѣлителя мышеподобныхъ млекопитающихъ средней и южной Россіи. Спб. 1998. Ц. 30 к.

Силантьевъ, А. Обзоръ мышеподобныхъ млекопитающихъ средней и южной Россіи. Спб. 1898. Ц. 10 к.

Сливицкій, А. Исторія одного домика. Рассказъ для дѣтей средняго возраста. Со многими рисунками Н. А. Богатова. М. 1898. Ц. 80 к.

Смирновъ, С. Древнерусскій духовникъ. Очеркъ, Сергѣевъ-Посадъ. 1899. Ц. 75 к.

Смирновъ, О. А. Высокогортжественные дни. Семь историческихъ бесѣдъ. Тифлисъ. 1898. Ц. 50 к.

Сорокинъ, Николай. Всюду жизнь. Рассказъ для дѣтей изъ жизни и природы. Съ 20 рис. Латвиненко. М. 1899. Ц. 60 к.

Сосницкій, А. Михаилъ Васильевичъ Ломо-

новъ, Биографическій очеркъ. Спб. 1898 г. Ц. 25 к..

— Гавриилъ Романовичъ Державинъ. Біог. очеркъ. М. 1899 г. Ц. 25 к.

С.-Петербургъ иллюстр. еженед. журналъ, № 48. Ц. за годъ съ дост. и перес. 2 р.

Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской имперіи за 1896 г. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Студентскій, М. С. Ученіе о чекѣ. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.

Суворинъ, А. С. Ермакъ Тимофеевичъ покоритель Сибири. Рассказъ. Изд. 5-е. (Дешев. Вибл. № 151). Ц. 7 к., въ папкѣ 17 к., въ перепл. 22 к.

Суворовъ, П. П. Записки о прошломъ. Ч. 1-я. М. 1899 г. Ц. 1 р.

Сумцовъ, М. О. Проф. Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ. Харьковъ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сысоевъ, Вл. Выходъ. Маленькая повѣсть. Екатеринбургъ. 1898 г. Ц. 10 к.

Талмудъ, Мишна и Тосефта. Критическ. переводъ Н. Переферковича. Тоть первый (книга 1 и 2). Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тассо Торнато. Освобожденный Иерусалимъ. Поэма въ 12 пѣсняхъ въ переводѣхъ русскихъ писателей. Переводъ I—IV, XII, XIII, XV, XVI и XX строфъ и изложеніе содержанія остальныхъ, съ приведеніемъ лучшихъ мѣстъ. Объяснительныя статьи. Спб. 1899 г. Ц. 40 к.

Терапевтический Вѣстникъ журнала «Современная медицина и гигиена». 2-хъ недѣльное изданіе, посвященное обзоръ успѣховъ терапіи по всѣмъ медико-хирургическимъ спеціальностямъ и терапевт. гигиенѣ, издаваемое и редактируемое проф. М. И. Аванасевымъ. 1-й полутомъ (съ 19 рис. въ текстѣ). Спб. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.

Тихоновъ, Вл. А. Пустоплѣтъ. (Въ деревнѣ). Романъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Тревсъ, Ф. Руководство по хирургическимъ операціямъ для учащихся. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.

Трембовельскій, Д. И. Простѣйшій способъ водоснабженія въ деревнѣ. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.

Туреттъ-де-ла Жиль. Неврастенія, ея формы и леченіе. Перев. съ франц. д-ръ С. С. Вермель. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.

Ферри Габриель (и.) Черная гнида и орелъ сибирскихъ вершинъ. Повѣсть изъ жизни мексиканскихъ пустынь. Обработка для русскаго юношества Е. Петри. Съ 6-ю грав. въ краск. и 30-ю полтип. Спб. 1898 г. Ц. въ перепл. 2 р. 75 к.

Флери, М. Медицина любви. М. 1899 г. Ц. 25 к.

Фругъ, С. Г. Встрѣчи и впечатлѣнія (изъ еврейскаго быта). Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Эскизы и сказки (изъ еврейскаго быта). Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Харламовъ, В. Ф. Проекты: 1) овчарни, свиарни и птичники съ жильемъ для прислуги; 2) амбара съ молотильнымъ сараемъ и зерноушникомъ; 3) дома-дачи. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

- Халтулари, К. Ф. Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской державности. (Сравнительное историко-законодательное изслѣдованіе). 2 т. Спб. 1899 г. Ц. 5 р.
- Хирьяновъ, А. Вѣдый невольникъ и другіе рассказы. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Хлюдинскій, В. Обманы лошадиныхъ барышниковъ. Практич. руководство для покупателей лошадей. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Цапль, А. Какъ влюбляются молодые дѣвушки. М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Цитринъ, М. Г., д-ръ. О сѣтлациной невралгii и ея леченіи. Спб. 1898 г. Ц. 10 к.
- Штрюмпель, А. Чахотка. сущность и лечение. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- Бользни легкихъ, гигиена и лечение. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.
- Эльпе. Обиходная рецептура. Четвертая серия. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Эмге, А. Томъ I. Проза. Т. II. Стихи. Цѣна каждаго тома 50 к.
- Эндаурова, Л. Альбомъ розъ. 8 листовъ. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Эсмархъ, У. Индикаторъ и его употребленіе. Практическое руководство къ употребленію индикатора для техниковъ, механиковъ, заводчиковъ, фабрикантовъ и вообще для владѣльцевъ паровыхъ машинъ. Съ 56 политип. въ текстѣ. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Юзефовичъ, Б. Основы самопознанія. Философскій очеркъ для юношества. Кіевъ. 1898 г. Ц. 40 к.
- Юзефовичъ, В. М. Тридцать лѣтъ тому назадъ. Очеркъ изъ студенческой жизни. Кіевъ. 1898 г. Ц. 75 к.
- Юноша. Илеменъ. На мостовой. Повѣсть. М. 1899 г. Ц. 75 к.
- Юридическій календарь. М. Острогорскаго на 1898 годъ. 2 ч. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Юрьинъ, Н. Въ сонномъ царствѣ. Сказка. М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Ястребовъ, И. Миссіонеръ высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, архіепископъ казанскій и свѣяжскій. Изслѣдованіе по исторіи развитія миссіонерства въ Россіи. Казань. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоровъ, А. М. Стихотворенія. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

*) Изданія А. С. Суворина.

Томики „Дешевой Библиотеки“ А. С. Суворина,

внесенныя въ «Опытъ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Народн. Просвѣщенія. Изд. 2-е 1896 г. и въ первое къ нему дополненіе 1897 г.».

- 45 и 46. Карамзинъ, Н. М. Письма русскаго путешественника. Со статью Ю. И. Булаева, съ портретомъ автора и рисунками. 2 т. Изд. 3-е. Ц. 1 р., на велен. бум. 2 руб.
15. — Великій князь Дмитрій Иоанновичъ, прозваніемъ Донскимъ. Изд. 2-е. Цѣна 10 к., въ пап. 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.
17. — Царствованіе Феодора Иоанновича. — Правленіе Бориса Годунова. — Убіеніе царевича Дмитрія. — Состояніе Россіи въ концѣ XVI в. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.
20. — Царствованія Бориса Феодоровича и Лжедмитрія. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к.
24. — Царствованіе Василія Иоанновича Шуйскаго и междоусобице. Изд. 2-е. Цѣна 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.
- 72а. — Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.
- 72б. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.
- 77а. — То же. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
- 77б. — То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
89. — То же. Т. V. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
91. — То же. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
94. — То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
98. — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
- 70а и 70б. Нивитка-Основьяненко, Гр. Ф. Панъ Халыскій. Изд. 2-е. Ц. за двѣ части 50 к., въ папкѣ 58 к., въ переплетѣ 75 к.
79. Козловъ, И. Три поэмы: Чернецъ. — Княгиня Наталія Борисовна Долгорукая. — Безумная. Съ біографіей и портретомъ автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

239. Кольцовъ, А. В. Стихотвор. Съ біографіей, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящномъ переплетѣ 25 к.
- То же. Изящное изданіе. (Напечатано для любителей). 100 экз. на слововой бумагѣ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р., 75 к. и 300 экз. на веленовой бумагѣ. Ц. 50 к., въ пер. 90 к.
149. Корнель, П. Гораций. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ М. Чайковского. Спб. 1894 г. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ переплетѣ 27 к.
222. — Сидъ. Трагедія. Перев. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.
28. Кохановская. Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повесть. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.
29. — Поездъ обѣда въ гостяхъ. Повесть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.
30. — Старина. Семейная память. Повесть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к.
318. Крыловъ. Васыи. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣч. Два портрета, виды памятника и могилы Крылова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пер. 30 к.
7. Ксавье-де-Местръ. Параша-Сибирячка. Рассказъ. Изд. 4-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.
9. Кузольнинъ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. 1-я (Асдотья Лихоничиха. — Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленев. бум. 30 к.
10. — То же. Кн. 2-я (1. Сказаніе о снѣгемъ иззеленомъ сукнѣ. — 2. Часовой). Съ портретомъ князя И. Ѳ. Долгорукова. Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.
11. — То же. Кн. 3-я (Позументы. — Новый годъ). Съ гравюрой: солдаты Петровскаго время. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., на вел. бум. 30 к.
14. — То же. Кн. 4-я (Чернышевскій миръ. — Останъ и Ульяна. — Старый хламъ). Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленовой бумагѣ 30 коп.
18. — То же. Кн. 5-я (Запорожцы. Истори-ческая быль времени Екатерины Великой). Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.
33. — То же. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ или все заодно. — Вольный гетманъ панъ Савва. — Староста Меланья). Изданіе 3-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.
100. Ламартинъ, А. Юанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.
6. Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія въ прозѣ. Съ портр. и біограф. М. В. Ломоносова. Изд. 4-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.
183. Маркъ Аврелій Антонинъ. Къ самому себѣ. Размышленія. Перев. съ греческ. Пл. Краснова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.
19. Марлинскій, А. (А. А. Вестужевъ). Ама-латъ-бекъ. Кавказская быль. Съ портрет. автора. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
21. — Страшное гаданье. — Два вечера на бивуакѣ. — Вечеръ на Кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
22. — Мулла-Нуръ. Быль. Изд. 3-е. Цѣна 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
23. — Рассказъ офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ. — Красное покрывало. — Ночь на кораблѣ. — Осада. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.
25. — Фрегатъ Надежда. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
26. — Мореходъ Никитинъ. — Романъ и Ольга. — Замокъ Эйзенъ. — Шахъ Гуссейнъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.
32. — Наѣзды. Повесть 1613 г. — Изѣтникъ. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.
74. — Лейтенантъ Бѣлюзоръ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.
75. — Латникъ. Разск. партизанскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.
4. Мерзляковъ и Цыгановъ. Русскія пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

1. Дюма, Ал. Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я.
2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.
3. — Три мушкетера. Ром. Книга I-я.
4. — То же. Книга II-я.
5. Бальзакъ. Шагреновая кожа. Романъ.
6. Пр во, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гриё. Ром.
7. Крэнъ, А. Д. Эмили. Повесть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Переводъ съ англійскаго.
8. Кингслей, Ч. Ипатія или новые враги подъ старой личиной. Романъ. Томъ I-й.
9. — То же. Томъ II.
10. Жоржъ-Зандъ. Орасъ. Романъ.
11. Мериме, П. Жакеція. Сцены изъ феодальныхъ временъ.
12 и 13. Диккенсъ, Ч. Лавка древностей. Ром.
14. Гете, В. Страданія молодого Вертера. Ром.
15. Басанинъ, Маркъ. Клубъ козицкаго дворянства. Романъ.
16. Фильдингъ. Исторія Тома Джомса Найденыша. Романъ. Томъ I-й.
17. — То же. Томъ II-й.
18. — То же. Томъ III-й.
19. Ясинскій, Гер. Старый другъ. Романъ.
20. Дюма, А. Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Т. I-й.
21. — То же. Томъ II-й. | 22. Золя, Эмиль. Докторъ Паскаль. Ром.
23. Бульверъ, Эдвардъ, лордъ Литтонъ. Последніе дни Помпеи. Ром. Томъ I-й.
24. — То же. Томъ II-й.
25. Бичеръ-Стоу, Генр. Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ библиографіи этого произведенія Джоржа Буллена. Томъ I-й.
26. — То же. Томъ II-й.
27. Сю, Евгений. Вѣчный жидъ. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й.
28. — То же. Томъ II-й.
29. — То же. Томъ III-й.
30. — То же. Томъ IV-й.
31. — То же. Томъ V-й.
32. Бальзакъ. Женщина тридцати лѣтъ. Ром.
33 и 34. Флоберъ, Г. Госпожа Бовари. Провинціальныя нравы. Ром. Перев. съ франц.
35. Царь изъ дома Давида. Съ англ. Е. М.
36. Янушинъ, П. Великъ Богъ земли русской! и другіе рассказы.
37 и 38. Грандъ, Сара. Небесныя близнецы. Перев. съ нѣм. А. Гердъ.
39 и 40. Поэ, Эдгаръ. Необыкновенныя рассказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая. |
|---|---|

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

вышелъ и раздается гг. подписчикамъ четвертый томъ сочиненія

Н. К. Шильдера:

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I, ЕГО ЖИЗНЬ и ЦАРСТВОВАНИЕ.

(Изданіе А. С. СУВОРИНА).

Въ четвертомъ томѣ, обнимающемъ послѣднее десятилѣтіе царствованія императора Александра, съ 1816 по 1825 годъ, помѣщены, въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ, 135 портретовъ и иллюстрацій, въ томъ числѣ: 10 хромофотографій въ 9—12 красокъ, 2 фототипіи и 4 большихъ ксилографіи. Кромѣ того, приложены 8 автографовъ, и „Указатели“ личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ настоящаго сочиненія, и портретовъ и иллюстрацій, въ нихъ помѣщенныхъ.

Съ выходомъ четвертаго тома трудъ Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“ законченъ.

Цѣна за все четыре тома тридцать рублей. Пересылка по разстоянію, за 30 фунтовъ.

Разрочка платежа можетъ быть сдѣлана по соглашенію съ книжнымъ магазиномъ «Новаго Времени».

Для любителей напечатано 100 экземпляровъ на роскошной бумагѣ. Цѣна за такой экземпляръ сорокъ пять рублей.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЧЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ

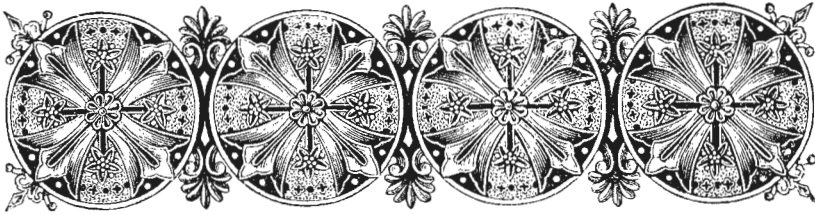
ФЕВРАЛЬ, 1899

СОДЕРЖАНИЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1899 г.

	стр
I. Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть первая. IX—XIV. (Продолженіе). Графа Е. А. Салиаса	377
II. Записки графини В. Н. Головиной (1766—1870). III—V. (Продолженіе)	400
III. Графиня Софія Потоцкая. С. А. Адрианова	426
IV. Варшава въ 1861 году. (Изъ записокъ очевидца). Н. Д. Горемыкина	440
V. Какъ я ходилъ въ народъ. (Посвящается памяти Н. В. Новикова и О. Е. Сухановой). Н. О. Ошнова	457
VI. Кто и когда выдумалъ Россію? В. О. Михневича	499
VII. Къ біографіи А. П. Шапова. П. В. Знаменекаго	511
VIII. Къ исторіи сербско-турецкой войны 1876 года. Н. Н. Дурново	531
IX. Въ дореформенной Сибири. (Изъ дневника мѣстнаго старожила). Н. Ф. Борисовскаго	538
X. По Поморью. (Путевыя замѣтки). А. Г. Слезенинскаго	564
Иллюстраціи: 1) Перегрузка мурманской трески въ Архангельскѣ.—2) Типы рыбаковъ-поморевъ.—3) Городъ Кемь.—4) Деревня Князегубье.—5) Село Кандакша.—6) Ловля семги заборомъ.	
XI. Тридцатипятилѣтіе литературной дѣятельности графа Е. А. Салиаса. А. К. Вороздина	608
Иллюстрація: Графъ Евгений Андреевичъ Салиасъ.	
XII. Энциклопедія русской жизни. В. В. Глинскаго	617
XIII. Новыя школы въ Англии. П. Н. З.	643
XIV. Первый конгрессъ по русской дипломатіи. В. Т.	652
XV. Очерки американской дѣйствительности. Е. Правдина	656
XVI. Михаилъ Сергѣевичъ Корелинъ. (Некрологъ). П. К—аго	679
XVII. Критика и бібліографія.	683

1) Царскія охоты на Руси царей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича. XVII вѣкъ. Историческій очеркъ Николая Кутенова. Спб. 1898. П. Полевого.—2) П. Сергѣенко. Какъ живетъ и работаетъ графъ Л. Н. Толстой. М. 1898. Г. Л. И.—3) Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидякономъ Павломъ Аленинскимъ. Переводъ съ арабскаго г. Муркоса. По рукописи московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ четвертый. Москва. 1898. С.—4) Фаустъ,—трагедія Гете. Переводъ А. Фета съ рисунками Э. Зейбертца. Изданіе А. Ф. Маркса. Иллюстрированная бібліотека «Нивы». Спб. 1899. В. К.—5) П. И. Ковалевскій. Вырожденіе и возрожденіе. Гений и сумасшествіе. Соціально-біологическіе очерки. Изданіе «Русскаго Медицинскаго Вѣстника». Спб. 1899. И. Гофштейнера.—6) Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе В. П. Семевского. Т. I. Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 года. Т. II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 года. Изданіе Н. М. Спблякова. Спб. 1898. Б. Б. Глинскаго.—7) А. П. Новицкій. Исторія русскаго искусства. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». Вып. I. Москва. 1899. Г. П. А.—8) Г. Я. Киприановичъ. Историческій очеркъ православія, католичества и униі въ Вѣлоруссіи и Литвѣ съ древнѣйшаго до настоящаго времени. Второе значительно дополненное изданіе. Вильна. 1899. И. Любарскаго.—9) А. И. Дмитриевъ-Мамоновъ. Пугачевщина въ Сибири. Москва. 1899. А. Фаресова.—10) Генрихъ Рейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейберга. Т. 1—3. Спб. 1898. Б. Г.—11) Семидесятилѣтіе гимназіи императорскаго человеколюбиваго общества. 1829—1895 г. Спб. 1898. Вл. Боцяновскаго.—12) Древнерусская картографія. Выпускъ I. Планы г. Москвы XVII вѣка. Изданіе комисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. М. 1898.

ВЛАДИМИРСКІЕ МОНОМАХИ ¹⁾.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

(Посвящается Сергѣю Николаевичу Шубинскому).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IX.

ВАСАНОВЪ зналъ, что его двоюродная сестра, лѣтъ на двадцать старше его, — еще жива. Живъ и ея мужъ. Но что случилось съ пропадавшимъ племянникомъ, онъ не зналъ...

Однажды, утромъ Анikitъ Ильичу доложили, что прѣзжая молодая барышня съ мамушкой желаетъ ему представиться... Остановилась она на Высокскомъ постояломъ дворѣ, или «гербергъ», какъ, по приказанію барина, звали дворъ.

Высокскій гербергъ былъ, конечно, маленькій домъ въ три-четыре комнаты, которыя бывали всегда заняты мелкимъ прѣзжимъ на заводы людомъ. Не только столичныхъ гостей, прѣзжавшихъ къ Васанову, хотя бы и по заводскимъ дѣламъ, но даже купцовъ заказчиковъ баринъ помѣщалъ въ большомъ зданіи, рядомъ съ коллегией, гдѣ были отдѣльныя комнаты со всѣмъ необходимымъ, какъ въ гостиницахъ. И, конечно, все содержаніе, столъ, прислуга, отопленіе и освѣщеніе — все было даровое.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», LXXV, стр. 7.
«Истор. вѣстн.», февраль, 1899 г., т. LXXV.

Гербергъ содержалъ крѣпостной дворовый человѣкъ, родственникъ Масѣича. Увѣряли даже, что самъ любимецъ барина содержать его и пользуется доходами.

Молодая барышня, остановившаяся въ гербергѣ и заявлявшая о себѣ, удивила Басанова.

Не купчиха же она, заказчица, пріѣхавшая трактовать о поставкѣ ей листового желѣза?

Аникита Ильичъ приказалъ спросить у пріѣзжей барышни ея имя и фамилію, и что ей собственно нужно отъ него.

Онъ получилъ отвѣтъ, что она родственница его, Сусанна Юрьевна Касаткина, и пріѣхала отъ имени бабки своей, Лукерьи Ивановны Касаткиной, такъ какъ отецъ ея и мать давно скончались, и она круглая сирота. Дѣла до Аникиты Ильича она собственно никакого не имѣетъ, а желаетъ имѣть честь исполнить свой родственный долгъ — представиться...

— Пущай! — отвѣтилъ Аникита Ильичъ и подумалъ:—лѣзетъ сирота на хлѣбъ. Ну, что же? Мало ли ихъ у меня. Одинъ лишній ротъ не съѣстъ Высоку.

Старикъ, однако, приказалъ дальней родственницѣ-сиротѣ явиться только на другой день въ часы пріема, когда вся первая комната его апартаментовъ на верху и весь коридоръ бывали полны народомъ по дѣламъ и съ жалобами.

И въ числѣ прочихъ просителей, выйдя, увидѣлъ Аникита Ильичъ стройную дѣвицу, которая гордо поднялась со стула къ нему на встрѣчу, гордо глянула ему въ лицо, смѣрила его съ головы до пятъ, сіяя ликомъ, какъ въ сказкѣ царица Миликтриса Кирбитьевна. А затѣмъ она рекомендовалась:

— Сусанна Касаткина, вашего родственника дочь.

И суровый Басановъ опѣшилъ: настолько былъ пораженъ видомъ этой родственницы, 18-ти-лѣтней красавицы въ полномъ смыслѣ слова и вдобавокъ бѣдной сироты, которая держалась и глядѣла, какъ если бы пріѣхала изъ Петербурга съ ордеромъ отъ самой императрицы.

— Тьфу! Аминь! Разсыпся! — безцеремонно вымолвилъ Аникита Ильичъ, лукаво улыбаясь и отчасти смущаясь отъ горделивой красоты и сановитой осанки этой пріѣзжей...

Разумѣется, онъ тотчасъ же провелъ родственницу къ себѣ, усадилъ и сталъ разспрашивать... Разспрашивая, онъ приглядывался къ ней и дивился... Черезъ полчаса, спохватясь, онъ кликнулъ Масѣича и приказалъ коротко:

— Масѣичъ, гони всѣхъ. Дозавтра...

— Капитана оставить? — спросилъ Масѣичъ, знавшій всегда и все и знавшій теперь, что въ числѣ ожидающихъ барина есть капитанъ, морякъ, пріѣхавшій изъ Петербурга по важному дѣлу.

— Какого капитана? — воскликнулъ Басановъ и, вспомнивъ,

прибавилъ:—гои и капитановъ и генераловъ. И коли окажется въ числѣ прочихъ самъ король французскій, то и его въ три шеи.

Масъичъ понялъ... Любимецъ камердинеръ понялъ не то, что говорилъ баринъ. Онъ понялъ больше... Онъ больше самого барина понялъ... Онъ больше и дальше барина проглядѣлъ впередъ, въ будущее... Онъ увидѣлъ, отгадалъ и предугадалъ въ одинъ мигъ то, чего самъ Аникита Ильичъ еще и не чувалъ.

Это случилось потому, что лакей, служившій барину тридцать лѣтъ, зналъ его лучше, чѣмъ самъ онъ себя зналъ.

Дѣйствительно, Басановъ былъ настолько пораженъ видомъ своей родственницы, внучки, которую не только никогда не видалъ, но о существованіи которой даже не зналъ, что сидѣлъ передъ нею на кончикѣ стула и пожиралъ ее глазами...

Когда онъ спросилъ ее снова во второй разъ обо всемъ, узналъ, что она сиротой была привезена къ старикамъ Касаткинымъ съ Кавказа, то онъ сообразилъ:

— А мать твоя была, стало быть, тамошняя... Не русская... Такъ, такъ! Видать... Понялъ теперь!

Сусанна заявила, что она сама не знаетъ, была ли ея мать уроженка Кавказа, или полька, или нѣмка.

— Никогда! — воскликнулъ Басановъ. — Нѣмки бѣлобрысы! Польки поджары. А ты? Ты вишь какая! Царевна! Грузинская къ пригбру.

И помолчать нѣсколько мгновеній, но не отрывая взгляда отъ прїѣзжей внучки, Басановъ снова вымолвилъ:

— Тѣфу! Аминь! Разсыпся!

А красавица думала, глядя на пятидесятилѣтняго родственника:

— Да. Такъ!... Я не ошибалась... На мое счастье!..

Разумѣется, внучка не вернулась въ «гербертъ», или въ грязный постоянный дворъ. За ея спутницей мамкой и за вещами былъ отправленъ «дюжинный», чего тоже давно не случалось. Баринъ не любилъ гонять по порученьямъ дежурную дюжину и въ особенности ея начальника, считая ихъ какъ бы солдатами на караулѣ, несмѣняемыми до очереди, до полуночи.

Затѣмъ Аникита Ильичъ въ первый же этотъ день, памятный затѣмъ день появленія неожиданной внучки, такъ себя велъ, что если онъ самъ ничего не замѣтилъ, то вся дворня, вся орава приживальщиковъ, вся «коллегія» и даже, пожалуй, приказчики и смотрителя на заводахъ что-то замѣтили. Вся Высокса загудѣла.

Весь день до вечера и затѣмъ на другой день только и было разговоровъ въ Высоксѣ о прїѣздѣ молодой бариновой родственницы, красавицы, отъ которой баринъ сразу «завертѣлся турманомъ и вьется вьюномъ»...

И это было правдой.

— Что-то будетъ? — говорили или думали всѣ.

Аникита Ильичъ устроилъ внучку въ самомъ домѣ, въ комнатахъ малолѣтней дочери, за обѣдомъ посадилъ ее около себя, вечеромъ пришелъ поглядѣть и увѣриться лично, какъ она устроилась. Даже съ невзрачной на видъ спутницей ея обошелся онъ ласково, хотя мысленно тотчасъ прозвалъ ее «соленнымъ огурцомъ».

Ложась спать, Аникита Ильичъ, потягиваясь, спросилъ у Масѣича съ радостнымъ видомъ:

— Ну? Что? Какова?... Ась?!

— Кто это?—спросилъ Масѣичъ угрюмо, зная отлично, про кого говорить баринъ.

— Ахъ, ты... идолъ! Пошелъ спать! — разсердился вдругъ Аникита Ильичъ.

Оставшись въ постели въ темной комнатѣ, Басановъ около часу не засыпалъ. Этого не случалось уже давно...

Красавица внучка съ своей горделивой осанкой и яркимъ взглядомъ своихъ чудныхъ черныхъ глазъ, какъ живая, стояла предъ нимъ въ темнотѣ и сонъ разгоняла...

И Аникита Ильичъ уже инымъ голосомъ, будто тревожнымъ, произнесъ снова то же:

— Тьфу!.. И впрямь: разсыпся...

Разумѣется, молодая дѣвушка съ южнымъ типомъ лица, при этомъ умная, вдобавокъ хитрая и ловкая, наконецъ «обученая» обстоятельствами своей жизни, сумѣла въ первый же день показать себя и очаровать пожилого дѣда, но не умышленно, не старательно, а какъ-то будто нечаянно и помимо воли...

Она къ нему не ластилась, какъ всѣ, а напротивъ казалась царевной Недотрогой, но такой «недотрогой», которую именно тронуть-то позарѣзъ и хочется.

За пять дней пребыванія въ Высокеѣ Сусанна Юрьевна, «новая барышня», очаровала всѣхъ, отъ главныхъ приживальщиковъ до послѣдняго двороваго лакея, служившаго за столомъ.

— Н-н-ну, барышня! — говорили всѣ, и всякій понималъ, что этимъ «н-н-ну» хотѣли выразить.

Черезъ недѣлю, Аникита Ильичъ, очарованный внучкой болѣе всѣхъ, проведенной съ ней уже цѣлыхъ три вечера у себя на верху въ бесѣдахъ съ глазу на глазъ, объяснилъ ей, что отвезетъ ей въ домъ цѣлый аппартаментъ и положить большое жалованье, чтобы у нея были, какъ благоприличествуетъ, свои деньги.

Сусанна широко раскрыла свои красивые, томные, глубокие, то огненные, то сонные глаза и переспросила:

— Про что вы, дяденька?

Она сама лукаво рѣшила еще со дня прїѣзда звать Басанова не дѣдомъ, а дядей. Дѣдъ промолчалъ и остался дядей.

— Какой аппартаментъ? На что?—сказала она изумляясь. И Сусанна объяснила «дяденькѣ», что она и въ умѣ не имѣла явиться

къ нему на житѣ. Она прѣѣхала познакомиться, повидаться, погостить недѣлю, если дядя этого пожелаетъ, и возвратиться домой къ дѣдушкѣ и бабушкѣ, а затѣмъ... затѣмъ идти въ монастырь!

— Въ монастырь!!—ахнулъ и закричалъ Басановъ...

Это заявленіе красавицы повело, хотя и не сразу, къ объясненію. Долго колебалась молодая дѣвушка, раскаивалась якобы, что поговорила про монастырь, и наконецъ созналась, что иного ей ничего не остается послѣ ужаснаго приключенія. И она рѣшилась повѣдать дядѣ свою исторію съ графомъ Мамонинымъ.

Узнавъ все, Аникита Ильичъ принялъ извѣстіе совершенно странно. Онъ будто обрадовался, узнавъ, что у внучки было такое ужасное приключеніе...

— Что же?—рѣшилъ онъ выслушавъ.—Такова, стало быть, твоя судьба... Ничего знать впередъ нельзя...

И онъ странно ухмыльнулся.

Вскорѣ гостя сирота начала однако, серьезно, собираться уѣзжать, а Басановъ ее удерживалъ, усовѣщевалъ, а затѣмъ ужъ сталъ молить не глупствовать... Горячо объяснялъ онъ: что она потеряла у стариковъ Касаткиныхъ? А монастырь—это безсмысліе! Это себя заживо похоронить! Такимъ ли быть монахинями?! Здѣсь же, въ Высокѣ, у него, у дяди, все у нея будетъ!.. Онъ вдовець, у него даже хозяйки въ домѣ нѣтъ для пріема петербургскихъ и всякихъ иныхъ гостей... Это сама судьба такъ распорядилась, что послала ее сюда... Наконецъ... Она родственница ему дальняя... Онъ же вдовець!..

И Сусанна согласилась остаться якобы на полгода, въ видѣ пробы... И осталась совѣмъ...

Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ.

Х.

Разумѣется, красавица продана старикубогачу, мечтающая стать со временемъ его законной женой. Но мирное сожителство и эти мечты ея продолжались только пять лѣтъ, послѣ которыхъ все приняло другой оборотъ...

Теперь, когда молодой баринъ Алексѣй Аникитичъ заболѣлъ и ужъ не покидалъ постели, то все населеніе Высокы приняло извѣстіе объ его неминуемой смерти безъ удивленія, молчаливо и покорно. Всѣмъ казалось, что такъ и должно было непременно приключиться съ общимъ любимцемъ... по многимъ причинамъ.

— Божеское наказаніе за грѣхъ?—сказалъ кто-то, и всѣ повторяли.

— Такіе люди челоѣки не отъ міра сего... Приходятъ на малое время и уходятъ къ престолу Божьему!—рѣшилъ главный священникъ, протопопъ отецъ Гавриилъ.

И всё тоже повѣрили и этимъ словомъ. Даже сама Суссана подумала:

— Правду сказываетъ отецъ Гавріиль.

Дѣйствительно, молодой Алексѣй былъ не простой человѣкъ или баринъ, какихъ много. Прежде никто ничего не примѣтилъ, а теперь, когда приходилось ежедневно ожидать его кончины—всѣ стали вспоминать и обсуждать и все вспомнили...

— Да, этакимъ на свѣтѣ не живется!—было заключеніемъ.

Алексѣй съ дѣтства былъ тихій, кроткій и задумчивый ребенокъ. Онъ не только никогда не буянилъ, не капризничалъ, но и не плакалъ, какъ всѣ дѣти. Мамка его, конечно, обожавшая свое дитяtko, которая выходила, говорила про него:

— Святой ребеночекъ.

Года уже съ три назадъ эта мамка, очень умная женщина, вдругъ заболѣвъ и умирая, всёмъ говорила:

— Что же?.. Знаю, что помираю, да не боюсь. Мой Алешенька вскорости за мной уйдетъ... Опять вѣстѣ на томъ свѣтѣ будемъ.

Всѣ теперь вспоминали это пророчество. Но было и другое, которое приходило теперь на умъ. Мамка барина шибко не любила и даже прозвала ястребиной барышню Сусанну Юрьевну и предъ самой смертью сказала:

— А ястребихѣ не своей кончиной скончаться!

Ненависть мамки къ Сусаннѣ основывалась на томъ, что мальчикъ юноша съ шестнадцати лѣтъ «отбился отъ ея рукъ» и попалъ подъ полное вліяніе своей троюродной сестры, — собственно племянницы. Привязанность его къ ней все росла и векорѣ дошла до страстной любви, до обожанія.

Но когда Алексѣю было уже лѣтъ 18-ть, мамка догадалась, какого рода эта привязанность юноши къ красавицѣ, которая была на четыре года старше его. Началась глухая борьба между мамкой и барышней, все ожесточавшаяся... Если-бъ женщина не умерла внезапно, то, конечно, эта борьба могла кончиться трагически. Мамка собиралась идти «открыть глаза» Аникитѣ Ильичу.

— Все одно... Хуже не будетъ,—говорила она.—Все одно, она его уходитъ своею любовью.

Дѣйствительно, съ 18-ти лѣтъ Алексѣй какъ бы не жилъ для себя. Онъ жилъ для Сусанны. Онъ цѣлые дни проводилъ съ ней или у нея и находилъ наслажденіе лежать по часамъ на полу у нея въ ногахъ, изрѣдка цѣлуя ея башмаки или чулки, иногда даже подолъ ея платья. По цѣлымъ днямъ онъ молча и восторженно глядѣлъ на нее, не спуская глазъ...

Наединѣ самъ съ собой онъ горько раздумывалъ и рассуждалъ, причемъ мучился и страдалъ... Иногда случалось ему цѣлыя ночи напролетъ не смыкать глазъ, бродить по своимъ комнатамъ или

лѣтомъ выходитъ и бродитъ въ саду. Случалось это преимущественно тогда, когда его Санна ввечеру запаздывала у отца на верху...

Часто Алексѣй, послѣ долгой задумчивости, говорилъ:

— Санна, убѣжимъ отсюда вмѣстѣ.

— Куда, Алеша?— улыбалась она.

— На край свѣта.

— Такого нѣтъ, Алеша. А если-бъ и былъ... съ какими деньгами?

— Припишемся крестьянами къ какому помѣщику, какъ бѣглецы...

Женимся и заживемъ.

Иногда онъ говорилъ:

— Санна, давай умремъ. Вмѣстѣ. Ей-Богу, легче будетъ.

На все это Сусанна только улыбалась весело, а иногда рѣшалась сказать...

— Обождемъ, Алеша. Старые прежде молодыхъ умираютъ. Почему знать... Можетъ быть, здѣсь же въ Высокѣ будутъ скоро супруги Басманъ-Басановы, да не старый съ молодой...

Но Алеша мотала головой.

— Никогда этого не будетъ! Чую. И отцовой смерти не желаю, но если бы такова воля Господня, то, конечно... И бы въ Иерусалимъ пѣшкомъ пошелъ. Но не будетъ этого... Мамка сказала, что я тоже скоро помру. И я чую, что это сбудется...

Предсказаніе мамки и предчувствіе молодого человѣка теперь сбывались буквально.

Тотчасъ же послѣ ея смерти, Алексѣй, въ двадцать лѣтъ, началъ вдругъ хирѣть, изрѣдка, раза два-три въ году, лежать въ постели по двѣ недѣли безъ болѣзни, а отъ какой-то удивительной слабости и разбитости. Временно онъ справлялся, оживалъ, но затѣмъ снова захварывалъ.

За послѣдній годъ онъ уже началъ видимо, какъ говорили люди, «таять». Онъ не только слабѣлъ и худѣлъ, но лице его приняло какой-то странный, старческій отпечатокъ, у него была «старикова усмѣшка».

Теперь молодой человѣкъ тихо и безропотно близился къ концу, но, однако, нѣчто одно мучило его и заставляло страдать нравственно—его грѣхъ передъ роднымъ отцемъ.

И никакія увѣщанія Сусанны на него не дѣйствовали. Напрасно убѣждала она его, что она одна кругомъ виновата.

Но у себя самой она спрашивала: виновата ли она? И отвѣчала: — Нѣтъ. Она не могла даже себя объяснить, не только вспомнить, какъ все приключилось... Какъ-то само собой, просто, естественно, законно... Судьба захотѣла, и судьба приказала. Когда она пріѣхала и стала сожительницей старика, сынъ его былъ еще ребенокъ. Но, лѣтъ пять спустя, мальчикъ (Алеша какъ бы сразу сталъ восемнадцатилѣтнимъ юношей, красивымъ, мило робкимъ и

скромнымъ, бесконечно сердечнымъ, а подъ личиною тихони страстно пылкимъ.

И неожиданно, нежданно прежнее простое существованіе изо дня въ день сразу усложнилось, а сожителство старика съ молодой родственницей стало крайне мудреное и тревожное. Даже вся жизнь въ Высокѣ всѣхъ обывателей будто нѣсколько измѣнилась отъ этого... Всѣ, изумляясь, жили въ страхѣ и насторожѣ, всѣ ходили такъ, какъ если бы подъ домомъ былъ складъ пороховой, и отъ одной искры, которая могла нечаянно упасть туда, зависѣло существованіе всѣхъ.

— Баринъ узнаеть, «озвѣрится», и всѣ виноваты будутъ.

Про мимолетныя невѣрности и прихоти стараго барина знали всѣ, но понимали, что значенія никакого по отношенію къ барышнѣ онѣ имѣть не могутъ, потому что онѣ ее боготворить. Сусанна Юрьевна всегда останется хозяйкой и первымъ лицомъ въ домѣ. Но теперешнее поведеніе самой барышни, о которомъ всѣ смутно догадывались, наводило на всѣхъ трепеть... не за нее, а за себя.

— Безстрашная! Озорная! И мы съ ней пропадемъ!—думали всѣ.—И чего она—о двухъ головахъ—хочеть! Что затѣяла!..

Разумѣется, тоньше, осторожнѣе и искуснѣе вести себя, чѣмъ вела себя Сусанна, было нельзя. Она была великая, даровитая лицедѣйка, а гдѣ не могла взять игрою и хитростью, брала дерзостью. Въ ней какъ будто была смѣсь лисы съ волчихой. Чѣмъ не менѣе поведеніе ея было, по мнѣнію всѣхъ, безразсудно смѣлое, опасное.

А между тѣмъ Сусанна дѣйствовала если смѣло, то не безразсудно, не зря, а намѣтивъ себѣ цѣль.

Разумѣется, изумленная и недоумѣвающая Высокса не знала ея тайнаго, завѣтнаго плана.

Сусанна мечтала о бракѣ съ Алексѣемъ, но не ранѣе, какъ когда ему минеть лѣтъ двадцать пять, и онѣ станетъ смѣлѣе съ отцомъ.

И вмѣстѣ съ тѣмъ она вѣрила, что сумѣетъ обуздать гнѣвъ и сопротивленіе старика дяди угрозой... угрозой ѣхать жаловаться самой императрицѣ, сваливъ на него вину... ту вину, въ которой былъ собственно повиненъ графъ Мамонинъ.

Но все это стало вдругъ бесплоднымъ мечтаніемъ.

Ея Алеша, котораго она дѣйствительно любила и, конечно, больше, чѣмъ безсердечнаго обманщика Мамонина, сталъ хирѣть, а затѣмъ слегъ совсѣмъ, чтобы не встать.

И Сусанна стала спрашивать себя:

— Что же далѣе?.. Чего ждать? Что будетъ съ нею? Неужели такъ продолжать жить? Пройдетъ еще десять лѣтъ, и ей будетъ почти сорокъ. Бракъ съ Алешей сталъ было цѣлью жизни. А теперь? Ждать, чтобы умеръ дядя? Но онѣ проживетъ за семьдесятъ лѣтъ? Навѣрное! Даже до девяноста... А она? Такъ и будетъ она

стариковой сожительницей, а благодаря своей природѣ и жгучей потребности любить, будетъ постоянно мучиться и изнывать душой и тѣломъ. А если взяться иначе, то когда нибудь попадешься впросакъ, и сразу все рухнетъ. Старикъ выгонитъ на улицу безъ гроша. Куда тогда идти?!

А такъ продолжать жить—тоже нельзя!

И бурно-пылкая натура красавицы, разумѣется, брала и взяла свое... Если она неумышленно, бессознательно, безвинно, будто по волѣ судьбы, полюбила Алешу и оправдывала себя мечтаньями выйти за него замужъ, то наоборотъ въ тѣ дни, когда онъ заболѣлъ, она холодно, сознательно, даже грубо, будто обозясь на все и на всѣхъ, вдругъ приблизила къ себѣ простого писца изъ конторы.

Еще прежде, лѣтъ шесть и семь тому назадъ, прежде своего увлеченія Алешей, она мысленно, но какъ-то смутно и нерѣшительно, допускала мысль о невѣрности своему дѣдушкѣ, или «старой Китѣ», какъ прозвала она его... Она знала даже въ Высоксѣ среди приживальщиковъ молодыхъ людей, на которыхъ могъ бы пасть ея выборъ... И она чуяла, что когда нибудь вскорѣ рѣшится на этотъ шагъ... Нежданная любовь Алеша отсрочила это. Но какъ только онъ слегъ, чтобы не встать, она, не колеблясь, шагнула...

— Будь что будетъ!—какъ бы озлобляясь, рѣшила она.—А такъ я жить не могу! Если онъ за пять лѣтъ про Алешу ничего не помялъ, то этакое и подавно не примѣтитъ...

XI.

Прошла недѣля послѣ того дня, что умирающій просилъ отца дозволить ему исповѣдь и причастіе. И онъ изнывая ждалъ, кротко ежедневно просилъ объ этомъ любимую женщину, но она обѣщала и медлила, откладывала. Ея собственное существованіе зависѣло отъ этого, и она, конечно, трепетала за себя...

Однажды, поздно вечеромъ, Сусанна сидѣла у себя, только что вернувшись отъ Алексѣя и оставивъ съ нимъ сына Масѣича... Больной показался ей особенно слабъ, и она волновалась... Онъ опять просилъ ее все о томъ же, а она опять боялась.

Едва только улеглась она на свой коверъ на полу, какъ вошла Анна Фавстовна и вымолвила:

— У меня тутъ... Опять... Очень просится...

— Ну, впусти,—отозвалась Сусанна.—Не до него мнѣ право. Ну, не надолго, скажи...

Женщина вышла, а вмѣсто нея вошелъ въ комнату молодой смуглый малый въ русскомъ кафтанѣ и шароварахъ.

— Ну, здравствуй, садись,—угрюмо произнесла Сусанна.—Мнѣ не до тебя. Алексѣй Никитичъ совсѣмъ плохъ.

— Слышалъ... Въ верху тоже такъ сказываютъ,—отвѣтилъ молодой малый и сѣлъ тоже на полъ на край ковра.—И было не хотѣлъ приходить, да, право, нельзя. Не смогъ. Одного дня безъ васъ пробыть не могу. Мученіе. Хоть поглядѣть на васъ, и то легче.

— Выдумки все... Блажь!—отозвалась она, не глядя на него.

— Да... Вамъ. Понятно... И для васъ что побрякушка какая ради забавы. А вы мнѣ вотъ тоже, что Господь на небеси. Ни единого дня или вечера не могу, говорю я...

— Ну, а когда я тебя брошу... что же ты тогда будешь дѣлать?—спросила Сусанна, зловѣще улыбаясь.

— Это не должно, нельзя... Это смерть!—глухо отвѣтилъ онъ.

— А это, Онисимъ, непременно будетъ... Можетъ, даже и скоро... Вотъ что...

— Охъ, полноте... Что вы!.. Говорю—смерть. Вы это такъ, ради шутки... Правда вѣдь моя?

Сусанна не отвѣтила и думала: какъ это случилось, что она его выбрала, а не другого? Хотя бы вотъ молодого князя Никаева. Тотъ малый умный, даже очень умный, но все-таки простой конторщикъ. За лице? Да, пожалуй...

Молодой малый Онисимъ Гончій, котораго невѣдомо почему вся Высокса звала коротко Анька, не походилъ ни капли на русскаго.

Про него шутили, что его мать покойница была родомъ цыганка.

Дѣйствительно, въ красивомъ темнокожемъ лицѣ съ правильными вполне чертами было, пожалуй, что-то цыганское или вообще южное. Одно только противорѣчило типу—темноглубые глаза, которые Анька унаследовалъ отъ отца.

Отецъ его, Абрамъ Гончій, былъ пятидесятилѣтній человѣкъ, похожій на молодого старца. Онъ былъ сѣдъ и бѣлъ какъ лунь, съ серебряной большой бородой и съ серебряными длинными волосами и совершенно свѣжимъ лицомъ. Это былъ самый благообразный старикъ всей Высоксы, смахивавшій на священника или вообще на духовное лице. Даже его вѣчное спокойствіе, медленность въ движеніяхъ и въ рѣчи, казалось, не шли совсѣмъ къ простому зрителю на заводѣ, гдѣ отъ зари до зари считалъ и принималъ онъ листовое желѣзо.

Единственный сынъ, котораго Абрамъ, конечно, обожалъ, былъ по общественному положенію много выше своего отца. Владѣя искусствомъ, настоящимъ дарованіемъ, удивительно красиво писать, онъ былъ взятъ въ коллегію еще 14 лѣтъ отъ роду для переписки бумагъ, отправлявшихся въ столицы и къ важнымъ лицамъ.

Будучи умнымъ, но и чрезвычайно энергичнымъ мальчмъ, Онисимъ Гончій, переписывая бумаги, пріучилъ себя писать правильно и вскорѣ сталъ дѣлать меньше ошибокъ, чѣмъ его началоство... Кромѣ того, онъ постепенно привыкъ къ самой процедурѣ дѣлать въ

коллегіи и въ двадцать лѣтъ уже могъ самъ написать дѣльно и толково любую бумагу, рапортъ, промеморію и т. д.

Аникита Пльичъ не преминулъ замѣтить и почеркъ и знаніе дѣла молодого малаго. И однажды, когда Гончому было уже двадцать пять лѣтъ, онъ былъ переведенъ изъ коллегіи въ контору самого барина на верхъ. Быть «въ верху» значило очень много. Служащіе въ конторѣ выдали барина всякій день и были у него на виду, и онъ говорилъ про нихъ:

— Это—мои!

И эти его личные сотрудники получали большое жалованье и частыя награды деньгами и провизіей. Главное же заключалось въ томъ, что когда имъ случалось что либо учинить, провиниться, то на нихъ неохотно шли жаловаться къ барину, зная, что онъ этихъ жалобъ на «своихъ» конторщиковъ не любитъ.

Разсудить-то справедливо, да жалобщика запримѣтить.

Теперь Анькѣ было ровно столько же, что и «барышнѣ», которая негаданно, «какъ снѣтъ на голову», обратила на него свое вниманіе.

Сусанна, конечно, ужъ давно лично знала конторщика Гончаго, видая его у дяди на верху, и не разъ разговаривала съ нимъ. Онъ ей всегда нравился больше всѣхъ другихъ молодыхъ людей Высоксы. И она объясняла это по-своему. Онъ напоминалъ ей тѣхъ людей, которыхъ она теперь мысленно видѣла въ своемъ раннемъ дѣтствѣ. Будучи ребенкомъ, она была окружена такими смуглыми лицами.

Какъ она сблизилась съ конторщикомъ и могла спокойно видаться съ нимъ по ночамъ, было дѣломъ совершенно простымъ и безопаснымъ, потому что было хитро обдуманно. Всѣ даже знали, что онъ часто бываетъ въ апартаментяхъ у барышни.

Гончій былъ любовникомъ 40-лѣтней Анны Фавстовны для всѣй Высоксы. Надъ нимъ подшучивали. Онъ не отрицалъ этого... Анна Фавстовна конфузилась при намекахъ и тоже не отрицала.

Наконецъ, и до самого барина достигла молва, и онъ пожурить Аньку и попрекнуть:

— Не гоже... Ты, гляди, молодецъ, красавецъ, почитай, изъ себя. И этакую дохлую выбралъ. Вѣдь она — соленый огурецъ. И даже не свѣжепросольный, а такой, какіе къ концу зимы подаютъ на столъ. Прокислый!

Племянникѣ Аникита Пльичъ тоже сказалъ однажды:

— Что ты своей старой дурѣ блажить позволяешь! Пятый десятокъ лѣтъ бабѣ, а она съ моимъ Анькой лобзанія завела. Онъ у нея вѣдь каждый вечеръ торчитъ.

— Что жъ такое? Я знаю,—рѣзко отвѣтила Сусанна. — И его даже не разъ послѣ полуночи у нея заставала. Что же? Между ними тринадцать лѣтъ разницы. А между нами тридцать шесть!

Съ этого раза Басановъ, уязвленный, уже не заговаривалъ съ

ней о Гончемъ, хотя зналъ, что конторщика видають выходящимъ отъ Угрюмовой иногда въ пять и шесть часовъ утра.

И дерзость сдѣлала опасное дѣло самымъ простымъ.

Бѣда могла прійти съ другой стороны... Молодой красавецъ, Анька, переродился отъ счастья и восторга. И это въ глаза кидалось всѣмъ.

— Околдовала его что ли пожилая чиновница и барышнина ма-мушка?—изумлялись всѣ, глядя на Гончаго.

Разумѣется, самъ Анька, малый, развитый умственно, порядочный, на видъ, помимо красоты, болѣе приличный, чѣмъ многіе изъ приживальщиковъ дворянъ, все-таки никогда и во снѣ не могъ увидѣть того, что съ нимъ неожиданно приключилось и быстро, вдругъ, сразу... Будто молнія сверкнула съ неба!.. Онъ очнулся, уже обнимаемая и цѣлуя... И кого же? Высокскую барышню... «его» обожаемую сожительницу и вдобавокъ писаную красавицу.

И Анька полюбилъ до потери разума...

Однако, впереди ему чудилось что-то страшное, ужасное... И онъ думалъ, что это будетъ баринъ.

— Что же? Или онъ меня, или я его!—съ дрожью въ тѣлѣ говорилъ онъ.

Сидя теперь на коврѣ около лежащей Сусанны, онъ именно думалъ объ этомъ. Что, если когда нибудь Аникита Ильичъ узнаетъ?! Однако всѣ кое-что сказываютъ про Алексѣя Аникитича и барышню, а онъ старый ничего за пять лѣтъ не замѣтилъ.

И Анька съ присущей его натурѣ смѣлостью тотчасъ заговорилъ объ этомъ. Сусанна не отвѣчала. Онъ настаивалъ и, наконецъ, прямо спросилъ:

— Ну, покайтесь, промежъ васъ съ Алексѣемъ Аникитичемъ вѣдь было что?

Сусанна подумала, колеблясь, и, наконецъ, вымолвила рѣзко:

— Ну, было!.. Что жъ изъ того?

— Грѣхъ это—все-таки не малый!—качнулъ головой Анька.

— Никакого грѣха! Мы дальніе... что чужіе.

— Всѣ такъ въ Высоксѣ сказываютъ. И какъ это вы на это пошли?!

— Дѣло простое... Богъ знаетъ, какъ вышло все. Само вышло. Сначала, прѣхавъ къ дяденькѣ Аникитѣ Ильичу, я порѣшила броситься въ эту прорубь среди зимы. Да, чистая прорубь... Чтобы подъ ледъ подтянуло. Думала—одолѣю... Видѣла, чуяла, что онъ желѣзомъ шитый, что онъ идолъ каменный. Да на себя ужъ очень я понадѣялась. Ну, и ошиблась. Онъ одолѣлъ, а не я... Онъ знай свое говорить... Будь матерью... Тогда сейчасъ женюсь... и будешь Басановой... Будетъ сынъ отъ тебя—половина Высоксы — его. Будутъ сыны — вся Высокса подѣлится на части, и Алешѣ пойдетъ

одна часть. А нѣтъ у тебя дѣтей — не взыщи, въ любовницахъ останешься... Сказъ короткій...

— Да. И у него одно слово, не два,—замѣтилъ Гончій.

— Что же было дѣлать. И наскучила мнѣ эта старая Кита, да и мысли были, что не я виновата, что не могу матерью стать, а онъ старый виновать... Я тогда Алешку полюбила и, всегда скажу, никого я такъ не любила никогда, да и не полюблю, какъ его любила года съ три... Потомъ, правда, охладѣла къ нему... Охладѣла и стала блажить. Такъ и пошло... И вотъ пятый годъ такъ идетъ. Теперь что же говорить... Теперь поздно... Я не понимаю, какъ это можно покаяться, и все будто не въ зачетъ тебѣ будетъ. Богъ проститъ, люди не простятъ, а и люди простятъ, такъ я-то сама буду знать, что было у меня въ жизни, что я творила. И сама я себѣ этого не прощу... Да и не хочу... Вотъ что. Такъ жизнь заладилась, пускай такъ и идетъ. Начни я жить сначала, можетъ, была бы самая скромная да тихая, да добрая, какія когда либо бываютъ. Вотъ проживи Алеша, переживи отца, какъ мы съ нимъ много сотенъ разовъ поговаривали, то женился бы онъ на мнѣ непременно. Я въ Алешино слово вотъ какъ вѣрю, какъ люди въ Бога не вѣрятъ... Такъ нѣтъ... Нѣтъ! Вступился опять дьяволъ. Не только не пережилъ онъ стараго отца, а даже въ двадцать лѣтъ на тотъ свѣтъ собрался...

— Не жалѣли! Вина, сказываютъ, ваша...

— Это—людская выдумка.

— Онъ отъ роду хилый былъ... А тутъ сталъ скоро чахнуть еще пуще. Всѣ такъ-то сказываютъ.

Сусанна вздохнула грустно и хотѣла отвѣчать, но въ это мгновіе Анна Фавстовна быстро вошла въ комнату.

— Что?—встрепенулась Сусанна.

— Прибѣжалъ Никишка отъ молодого барина. Проситъ онъ васъ къ себѣ и сейчасъ... Говоритъ—помираетъ...

ХІІ.

Сусанна вскочила съ ковра, румяная отъ тревоги, но глаза ея горѣли не добрымъ огнемъ... Она боялась, а когда боялась, то злобилась... Теперь она испугалась того, чего ожидала, чего никогда не видала, и что внушало ей непреодолимый, суевѣрный, подавляющій страхъ... Смерть! Покойникъ!

Однако она твердымъ шагомъ двинулась на половину Алексѣя и, войдя къ нему, волнуясь, задыхаясь, подошла прямо къ кровати и нагнулась надъ лежащимъ. Онъ не шевелился... Она позвала. Онъ не отвѣтилъ... Она невольно отошла на середину комнаты и стала...

«Неужели?.. Вдругъ... Такъ!»,—думалось ей съ ужасомъ.

— Санна,—тихо позвалъ онъ, будто простонавъ.

Она радостно двинулась и снова нагнулась надъ нимъ.

— Что ты, дорогой мой?—спросила она.

— Нехорошо мнѣ очень!.. Очень...—прошепталъ онъ.—Если любишь... Санна... Причаститься. Дошли до...

— Хорошо. Хорошо... Теперь ночь, Алеша. Утромъ...

— Всегда ты... Все свое...

Санна не отвѣтила, сѣла на постель и глубоко вздохнула. Пережитый минутный испугъ давилъ ей грудь.

— Ты все свое...—снова шепнулъ Алексѣй.

— Да. Я все свое. Усѣбется. Ты не помираешь, Алеша... заговорила она взволнованно. Ты хворишь, можешь справиться. И это... это даже, вотъ какъ я скажу,— грѣхъ, Алеша, и большой.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она перебила:

— Да. Грѣхъ. Здоровые люди говѣютъ и приобщаются. Такъ! А больные... Больные не говѣютъ... Больные тогда приступаютъ къ исповѣди и причастию, когда уже совѣтъ умирать приходится. А ты слава Богу... Черезъ мѣсяцъ встанешь и опять молодецъ будешь...

— Ахъ, Санна... Санна... съ усиленіемъ громче заговорилъ онъ. — Не понимаешь ты... Я умираю. Я знаю!.. Знаю!.. И я боюсь идти на судъ Божій. Надо покаяться и отцу родному и на духу. Отцу—ты не дашь, боишься... Ну, дай мнѣ хоть на исповѣди...

— Алеша, милый. Посуди ты... страстно заговорила Сусанна.— Останешься ты живъ и здоровъ, то послѣ такого признанія дядошкѣ, что будетъ. Онъ тебя проклянетъ, а меня прогонитъ... А если-бъ даже такъ говорить, что ты долженъ помереть, то я-то... Меня-то ты пожалѣй. За мою всю любовь какъ ты мнѣ отплатишь!.. Погубленъемъ.

— Ну, дай только на духу сказать и причастию...

— Хорошо... Поутру...

— Ты все откладываешь... Не хочу я съ этимъ грѣхомъ предстать... Господу.

И больной началъ снова дышать гораздо тяжелѣе.

Сусанна спустилась на полъ, стала на колѣни около его изголовья, взяла его изможденную руку страшно горячую въ свои обѣ руки и заговорила со слезами въ голосъ:

— Алеша, дорогой мой. Если и есть грѣхъ, то онъ на мнѣ. На мнѣ одной! И за него въ отвѣтъ, а не ты. Я одна! И всему виною была. Если бы не я, ты бы давно былъ женатъ на комъ... И все иначе бы пошло. Я тебя смугила. Говорю тебѣ. Я одна виновата. И Господь это видитъ и праведно разсудитъ.

— Нѣтъ. Оба... И я больше...—прошепталъ онъ горько.— Мнѣ... мнѣ отецъ родной...

— Я предъ Господомъ клянусь,—воскликнула Сусанна.—Я беру на себя, на свою душу... Беру... Ты не повиненъ, мой бѣдный...

И она прильнула губами къ его горячей рукѣ. Ея слезы заструились по ней, по онъ не чувствовалъ не только слезъ, но и поцѣлуевъ. Отъ усилій и волненія онъ ослабѣлъ, и сознание снова прервалось, превратясь въ безсвязныя и тяжкія видѣнія, невѣдомые образы, чуждыя мѣста, непонятныя рѣчи...

Сусанна долго стояла на колѣняхъ и долго цѣловала недвижно повисшую руку, но иначе, чѣмъ когда-то, давно, прежде... Теперь она прикладывалась къ ней, какъ къ образу.

За дверью послышался шорохъ и будто отъ сна разбудилъ ее... Она встала и замѣтила, что, быстро войдя, забыла затворить дверь... Она оторопѣла... Ихъ разговоръ можно было легко слышать среди тишины ночи...

Сусанна вышла за дверь и не нашла никого, но прислушавшись различила вдали въ портретной чьи-то удаляющіеся шаги.

Дѣйствительно, за дверью за минуту назадъ стоялъ человекъ... Это былъ главный рунтъ, управлявшій стражниками и дѣлавшій свой ночной обходъ по дому. Дозорный обходъ не нужный, лишній, а между тѣмъ страхъ наводившій на дворовыхъ.

Рунтъ былъ не русскій, хотя говорилъ чисто и правильно, такъ какъ еще ребенкомъ помнилъ себя въ Россіи. Имя его было Змглодъ. Онъ увѣрялъ, что онъ молдаванинъ, родился въ городѣ Яссахъ и былъ уведень въ плѣнъ русскими войсками вмѣстѣ со своей матерью.

Правда ли это была, или Змглодъ выдумывалъ, знать было нельзя. Когда его хотѣли посердить, то увѣряли его, что онъ — турокъ. Даже баринъ Аникита Ильичъ позволялъ себѣ иногда эту шутку.

Во всякомъ случаѣ Змглодъ былъ православный и клялся, что еще ребенкомъ бывалъ въ храмѣ Божіемъ, такомъ же, какъ и російскіе. Имя его было Діонисій по отцу Ивановичъ, но звался онъ просто Денисъ. Впрочемъ, никто никогда не называлъ его по имени и отчеству, и всѣ называли по фамиліи, похожей на прозвище или, какъ шутили его недруги, на собачью кличку.

Змглодъ былъ тридцатитрехлѣтній статный молодецъ и страшный силачъ. Лицо его было темнооливковаго цвѣта, борода и усы курчавые и черные безъ блеска. Зато цѣлая шапка курчавыхъ волосъ на головѣ, еще чернѣе бороды, отливала яркимъ блескомъ, хотя онъ никогда не мастилъ головы. Черты лица Змглода были несправильны, ротъ слишкомъ великъ, скулы широки, а виски сжаты, носъ хотя и орлиный, тонкій, но будто раздавленный у ноздрей, глаза были бойкіе, быстрые, но узкіе и казались совсѣмъ маленькими отъ густыхъ бровей и черезчуръ большого высокаго лба.

Вмѣстѣ съ тѣмъ про Змглода, или «Турку», нельзя было сказать, что онъ дурень собой. Лицо его было чрезвычайно живое, энер-

гичное, характерное. Въ нѣкоторыя минуты, однако, когда онъ пылилъ, — а вспылчивъ онъ былъ безъ мѣры, — лице его становилось совершенно инымъ. Онъ былъ не узнаваемъ. Всѣ черты лица, казалось, измѣнялись, ротъ становился пастью, съ рядомъ бѣлыхъ острыхъ собачьихъ зубовъ, ноздри раздувались, и носъ казался совсѣмъ расплюснутымъ, глаза исчезали, прищуренные и будто прикрытые сдвинутыми вмѣстѣ бровями.

Змглода Высокса вся боялась и вслѣдствіе его большой власти при полномъ довѣрїи барина, а равно и по милости его способности пылить и терять на мгновеніе разумъ. А въ припадкѣ пыла онъ могъ убить и быть прощеннымъ.

Змглодъ стоялъ за дверью, когда Сусанна горячо и громко клялась, что беретъ отвѣтъ предъ Богомъ на себя. Оберъ-рунтъ все слышалъ и все понималъ, но новаго ничего не узналъ... По своей должности и по своей натурѣ сыщика, шпиона и соглядатая, Змглодъ зналъ и вѣдалъ все, что дѣлалось и говорилось въ Высоксѣ, въ домѣ, во дворѣ, на заводахъ и на слободѣ. И онъ все докладывалъ барину, все, что хотѣлъ доложить... Остальное пребывало при немъ въ запасѣ, на всякій случай...

Между тѣмъ, послѣ ухода Сусанны, Анька Гончія заболтался съ Угрюмовой, и когда наконецъ вышелъ изъ комнатъ барышни, то прямо тоже столкнулся съ тѣмъ же Змглодомъ. Оберъ-рунтъ шелъ угрюмый, опутивъ голову, но не со смиреннымъ видомъ, а уподобляясь быку, который собирается броситься и забодать.

— А... стрекулистъ!.. Что здѣсь подѣлываешь? — спросилъ онъ останавливаясь.

Анька тотчасъ же замѣтилъ, что Змглодъ, вѣроятно, только что вспылитъ на кого и теперь разгуливаетъ свой гнѣвъ, придираясь ко всѣмъ.

— Я отъ Анны Фавстовны. Ходилъ спросить насчетъ письма... Переписать приказывали.

— Я не любопытствую... не спрашиваю, отъ кого... Отъ Анны Фавстовны или отъ другого кого!.. вымолвилъ Змглодъ ухмыляясь...

Анька опѣшилъ, и сердце стукнуло въ немъ.

— Не мое это дѣло знать. Прикажетъ Аникита Ильичъ разнюхать. Ну... давно разнюханное доложимъ ему на его опросъ... А покуда нѣтъ приказа и опроса — не наше дѣло.

Анька хотѣлъ отвѣчать, но языкъ не повиновался ему, настолько онъ былъ пораженъ словами или намекомъ Змглода.

Оберъ-рунтъ прошелъ мимо, также побычачьи опутивъ голову, а Анька, испуганно проводивъ его глазами до конца коридора, стоялъ истуканомъ.

— Почудилось мнѣ что ли? — прошепталъ онъ. — Нѣтъ! Какое тебѣ! Не почудилось! Говорить: отъ другого кого. Говорить: молчимъ про разнюханное. Прикажетъ, — доложимъ.

И, глубоко вздохнувь отъ смущенія, Анька двинулся, но затѣмъ круто повернулъ назадъ и снова вошелъ въ тѣ же двери, изъ которыхъ вышелъ.

Пройдя прихожую, онъ вошелъ во вторую комнату и, найдя въ ней Угрюмову, передалъ ей свою встрѣчу и разговоръ съ главнымъ рунтомъ.

Анна Фавстовна тоже слегка смутилась.

— Что же это?— выговорила она.

— И ума не приложу,—отозвался Анька.

— Такъ сразу хватилъ? мимо идучи?

— Да. Меня даже въ жаръ бросило. Правда, злобенъ, но вѣдь не въ томъ дѣло. Дѣло то... что онъ пронюхалъ.

Анна Фавстовна отчаянно махнула рукой.

— Что ты? Помилуй Богъ!

Анька развелъ руками и опять вздохнулъ глубоко отъ сильнаго волненія.

— Я сейчасъ, какъ барышня вернется отъ Алексѣя Аникитича, доложу ей. Помилуй Богъ!

— Безпремѣнно, Анна Фавстовна. Барышня пускай разсудитъ тотчасъ, какъ тутъ быть.

XIII.

На слѣдующее утро Сусанна сдержала слово и послала за своимъ личнымъ духовникомъ. Необходимыя мѣры были ею уже приняты. Главный священникъ отецъ Гавріаль, духовникъ обоихъ Басановыхъ, былъ ею отпущенъ въ городъ къ роднымъ. Отецъ Григорій былъ священникомъ на дальнемъ проволочномъ заводѣ, но около полудня Угрюмова уже докладывала объ его прибытіи, и Сусанна, нѣсколько волнуясь, тотчасъ приняла его.

— А, отецъ Григорій,—радушно встрѣтила она его.—Здравствуй. Садись!..

— По вашему приказанію, барышня,—заговорилъ старикъ священникъ,—поспѣшилъ явиться. Что угодно будетъ мнѣ приказать?..

— Ничего, батюшка... Какъ есть ничего... А я давно уже собиралась за тобой дослать, да все забывала. А то бывало вспомнишь когда, да совсѣмъ не во время... Садись...

Священникъ сѣлъ предъ барышней прямо, порядливо и съ такимъ видомъ, какъ если бъ онъ чувствовалъ и былъ благодаренъ за особое вниманіе. Баринъ, вызывая своихъ священниковъ и дьяконовъ на верхъ, никогда не сажалъ ихъ, а коротко объяснивъ дѣло или сдѣлавъ выговоръ, отпускалъ такъ же кивкомъ головы, какъ и всѣхъ своихъ управителей и приказчиковъ.

Только въ торжественные дни праздниковъ, именинъ и рожденій Басанова, его сына, дочери или Сусанны духовенство послѣ

краткаго молебна въ большомъ залѣ оставалось съ гостями и имѣло право садиться.

Сусанна объяснила отцу Григорію, что давно уже думала объ его стѣсненномъ положеніи, просила дядю ему прибавить или пять рублей деньгами или мукой, но Аникита Ильичъ отказалъ и даже на нее разсердился, что она не въ свое дѣло мѣшается и носъ свой суеть.

— Покорно васъ благодаримъ, барышня,— съ чувствомъ сказалъ священникъ.— Почто вы себя изъ-за меня, недостойнаго, гнѣву ихнему себя подвергаете?..

— Это что же? Гнѣва я Аникиты Ильичева не боюсь... И въ самомъ чемъ важномъ, важнѣющемъ не побоюсь!— рѣзко и холодно отвѣтила Сусанна.— А въ этакоемъ пустомъ дѣлѣ и подобно... Я ради васъ...

— Чувствительнѣйше благодаримъ.

— Ради васъ... твоего убожества. Какъ же можно, имѣя цѣлую большую семью, дѣтей и внучатъ, всего душъ съ дюжину, жить на то, что тебѣ полагалась, когда еще ты только поступилъ, да только одного ребенка имѣлъ, который теперь самъ отецъ и семейный... Аникита Ильичъ этого понять не хочетъ... Три рта или двѣнадцать ртовъ...

— Они мнѣ лѣтъ тому четырнадцать надбавили, и я имъ...

— Знаю. Два рубля... Что же это? Нѣтъ, отецъ Григорій, я вотъ что порѣшила... изъ жалости къ вашему убожеству... Ты знаешь, у меня свое иждивеніе есть, которое я дяденькѣ передала и получаю годовой доходъ — небольшой, да все-таки свои деньги... Ну, вотъ я и порѣшила теперь, что я тебѣ, какъ моему духовному отцу, положу три рубля изъ своихъ. И каждое первое число заходите къ Аннѣ Фавстовнѣ и получайте...

— Ахъ, барышня... ахъ, Сусанна Юрьевна... — взволновался священникъ и даже перемѣнился въ лицѣ. Онъ вскочилъ со стула и, казалось, не зналъ, что ему сдѣлать... Господь воздай вамъ сто-рицею... заговорилъ онъ, бормоча отъ смущенія... Дѣтки мои, внучата мои... всѣ... всѣ мы будемъ за васъ Бога...

— Садись, батюшка... Успокойся... Я рада... Я давно хотѣла...

— Сантъ мой духовный не дозволяетъ, а то бы я... — воскликнулъ отецъ Григорій... — Дозволь, барышня, хоть примѣрно отблагодарствовать. На, вотъ тебѣ... земной священнослужительскій поклонъ...

Священникъ низко поклонился въ поясъ и двумя пальцами тронулъ полъ.

— Не за что... Рада чѣмъ могу, но вотъ что, отецъ Григорій. Избави Богъ, если дяденька про это узнаетъ. Онъ меня загрызетъ. Всякій день начнетъ попрекать... Пожалуйста, чтобы это осталось подъ слухомъ.

— Какъ же можно!..

— Чтобы и твои никто не знали—откуда жалованье и кто жа-
луется... Побожись мнѣ.

— Вотъ Господь...—воскликнулъ крестясь отецъ Григорій, и, ка-
залось, глаза его стали влажны отъ чувства признательности. Не-
жданый подарокъ барышни совершенно измѣнялъ его положеніе.
Теперь вся его семья не только сыта, но и въ довольствѣ будетъ.

Поговоривъ съ священникомъ о разныхъ мелочахъ, объ его внуч-
кахъ, которыхъ онъ обожалъ, о новомъ заводѣ, что собирался
строить Басановъ, Сусанна вдругъ выговорила другимъ суровымъ
голосомъ:

— Все бы хорошо... А вотъ Алеша...

И она смолкла.

— Да. Господня воля!..—вздыхнулъ священникъ.—Намъ Его не
прозрѣть, не уразумѣть... Всѣ Его...

— На сихъ дняхъ, отецъ Григорій... — прервала Сусанна и за-
пнулась... На сихъ дняхъ хочетъ онъ... Алеша... да и я его прошу...
исповѣдаться и причаститься...

— Что же? Хорошее, богоугодное желаніе и дѣйствіе... Захочетъ
Господь и силы его симъ укрѣпить и на...

— Если онъ рѣшится совсѣмъ, то я за тобой дошлю... нароч-
наго гонца, и тогда поспѣшай.

— А какъ же...—смутился священникъ.—Я же... Ихъ духовный
отецъ обидится на меня. Нашъ протопопъ...

— Нѣтъ, отецъ Гавріиль уѣхалъ въ отпускъ,—отвѣтила Санна.

— То другое дѣло. А Алексѣй Аникитичъ, можетъ быть, поже-
лаютъ иного кого...

— Нѣтъ, нѣтъ. Мы уже толковали. Алеша именно тебя желаетъ.
Онъ говоритъ...

Сусанна слегка потупилась, понизила голосъ и произнесла не-
твердо:

— Онъ говоритъ... Грѣхъ у него одинъ... Тяжкій... Говорить—
я молъ лучше отцу Григорію на духу повинюсь, покаюсь... Онъ,
молъ, отецъ Григорій человекъ старый, жалостливый... Онъ скорѣе
разсудитъ, что на этой землѣ всѣ грѣшны. Кто, какъ, на свой ладъ.
Всѣ грѣшны... Есть воры и убивцы—скрывающіеся... Одни же ду-
ховные отцы знаютъ про ихъ... ихъ злодѣйства... И прощаютъ, до
причастія допускаютъ.

— Мнѣ, помилуй Богъ, такового не доводилось,—отвѣтилъ свя-
щенникъ... А бываетъ... бываетъ... Всякое бываетъ на свѣтѣ!—
вздыхнулъ онъ.

— Покаяніе вѣдь очищаетъ?..—странно произнесла она, упорно
глянувъ въ лицо старика. Онъ не отвѣтилъ, не понимая, что это
вопросъ, а не замѣчаніе. И она повторила.

— Душевное, горькое покаяніе вѣдь очищаетъ тѣло и душу...
Такъ вѣдь, отецъ Григорій?

— Вѣстимо, вѣстимо...

— И разбойнику Господь Исусъ Христосъ сказалъ, что онъ нынѣ же будетъ съ нимъ въ раю.

— Истинно такъ, барышня. Золотыя ваши слова. Видно, что вы, хотя и молоды, а...

Но она снова перебила.

— А грѣхъ Алешинъ — тяжкій грѣхъ...

— Гдѣ ему, бѣдному молодому барину, тяжкій грѣхъ имѣть!.. — закачалъ головой священникъ.

— Вѣрно... Я знаю сама.

— Сдается такъ-то...

— Нѣтъ. На наше горе... Оно...

Сусанна смолкла и смущаясь, тревожась, продолжала:

— Отецъ Григорій, отвѣчай мнѣ правду, что я спрошу.

— Готовъ, барышня. Я всегда такъ. Душой никогда не кривилъ.

— Знаю. И всѣ это знаютъ. Всѣ тебя за это почитаютъ и любить. Одинъ дяденька не умѣетъ тебя цѣнить. Тебя слѣдовало бы давно перевести сюда, въ соборъ нашъ, какъ мы сказываемъ.

— Ну, что... Я и на Проволочномъ Господу услужу...

— Скажи, отецъ Григорій, если я на духу тебѣ покаюсь... что я убила кого... Допустишь ты меня до причастія?

— Если покаяніе истинное... Да, вѣдь, что же про это?.. Такъ примѣрное словопреніе.

— Если Алеша покается тебѣ въ великомъ грѣхѣ, то ты его, умирающаго... безъ ножа зарѣжешь или нѣтъ...

— Что вы, Богъ съ вами!.. — воскликнулъ старикъ.

И Сусанна, совершенно успокоенная словами, даже видомъ священника, рѣшила вмѣстѣ съ нимъ, что богоугодное дѣло не слѣдъ откладывать. Ужъ если зашла объ этомъ рѣчь, есть желаніе больного, то чѣмъ скорѣе приступить, тѣмъ лучше...

Въ сумерки отецъ Григорій съ Св. Дарами былъ уже въ спальнѣ Алексѣя... Больной оживился, ожилъ.

XIV.

Вечеромъ, послѣ ужина, Аникита Ильичъ, угрюмый, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ пріобщенія сына, сказалъ племянницѣ, чтобы она пришла къ нему на верхъ.

Сусанна зорко и вопросительно глянула старику въ глаза.

— Побесѣдовать о важномъ, а не то что... объяснился онъ досадливо,

Когда чрезъ полчаса Сусанна поднялась и вошла къ нему въ кабинетъ, онъ встрѣтилъ ее словами:

— Ну, Санна, давай бесѣдовать... Умъ хорошо, а два лучше. Вѣстимо, когда второй умъ такой, какъ твой, а не такой, какъ Дарьюшкинъ или вотъ у Ильева... Плохо, плохо дѣло, Санна! Не ждалъ я такого... Вѣрить не хотѣлъ...

— Какое дѣло?—удивилась Санна и немного испугалась. Ей пришла на умъ угроза Змглода Гончему.

— Господь съ тобой. Знаешь, о чемъ сказываю... Ничего другого худого нѣтъ. Только одно... Алеша...

— Что Алеша? Это... это не новость. Не слѣшное... Давно ужъ...

— Да, истинно. Вы все давно напророчили... Говорилъ я, не каркайте, какъ вѣроны. Вотъ и накаркали...

Санна усмѣхнулась досадливо и мотнула головой.

— Что головой трясешь. Понятное дѣло... Онъ все валялся и вотъ довалялся. А вы все каркали, и вотъ...

— Докаркали. Да... Ахъ, Аникита Ильичъ. Послушать васъ со стороны чужому человѣку, онъ право подумаетъ, что вы малаго ума. Ей-Богу! Этакъ всякій хворый, смертельно хворающій и умирающій долженъ по-вашему вскочить предъ самой хоть смертью и начать бѣгать... И смерть испугается что ли?.. И какъ пришла, такъ и уйдетъ. Оставить человѣка въ живыхъ. Вся сила, стало быть, не поддаваться и никогда не померешь, двѣсти лѣтъ проживешь...

— Смерть, когда нужно, придетъ и сразу возьметъ. Не обращай мои слова на изнанку,—сказалъ старикъ вразумительно.—Но ей слѣдъ брать человѣка, лѣтъ когда ему восемьдесятъ, а то и подъ все сто... Я вотъ, гляди, за девяносто живу. Если случай какой несчастный, лошадь убила, съ моста гнилого въ рѣку ухнулъ, на заводѣ подъ шестерню угодилъ... Это все другое дѣло. Можно и самого себя прикончить въ двадцать лѣтъ, ножомъ или изъ ружья. Я сказываю про жизнь правильную и кончину правильную. Будь я на мѣстѣ бѣдняги моего Алеши, я бы до этакого положенія не довалялся... Ну, да что же объ этомъ толковать. Теперь поздно... Вижу я, по-вашему все вышло... Скажи-ка мнѣ вотъ. Что теперь дѣлать?

— Что именно? Что вы желаете?.. Еще другого доктора?..

— Съ Высоксой что дѣлать!—перебилъ Аникита Ильичъ.

— О-о?! Кто васъ пойметъ... Дайте ужъ Алешѣ помереть. Это всегда успеется... Выдать Дарьюшку замужъ недолго.

— Одно другому не мѣшаетъ. Ты, я знаю, любишь завтракать. Да я не люблю. У меня все важное—нынче. Если бы я по-твоему управлялъ заводами, то давно бы разорился. Нѣмцы поговорку сложили такую: «Завтра да завтра—лѣнтяева повадка!» Ну, вотъ ты мнѣ свое и скажи, посовѣтуй, Санна.

— Въ такомъ дѣлѣ я совѣтовать не стану. Мое дѣло—сторона,— какъ-то рѣзко и холодно проговорила Санна.

— А?.. Да! Вотъ что,—ухмыльнулся Басановъ лукаво.—Понимаю, на что ты гнешь!..

— Ни на что я не гну!—вспыхнула она.—Просто сказываю. Не мое это дѣло. Ваша дочь—вамъ и выбирать ей мужа. А ужъ никакъ не мнѣ.

— Знаю, знаю... Сто разъ тебѣ говорилъ, Санна. И теперь опять скажу... И еще разовъ тысячу въ жизни нашей ты тоже отъ меня услышишь... Не моя вина. Давай класть—и не твоя! Ладно. Ну, не наша вина, Божье произволенье!

— Слышала ужъ тысячу разовъ и тысячу разовъ отвѣчала, что я этого и не желаю...

— И лукавишь...

— Нѣтъ.

— Лукавишь. Не спорь. Ты бы желала, какъ и всякая иная, быть барыней... госпожей Басановой.

— Покуда мнѣ и такъ хорошо. Я здѣсь все одно что барыня. Послѣ васъ я всегда была, какъ первая, потому что Алеша тоже этого хотѣлъ, ни во что не входи... А вотъ теперь, конечно... Когда будетъ здѣсь мужъ у Дарьюшки, наслѣдникъ всего, хозяинъ... Онъ и васъ къ рукамъ приберетъ.

— Ой ли?

— Не сейчасъ... А будете вы постарше, да послабѣе, то молодые хозяева исподволь все подберутъ подъ себя. Меня постарается выжить. Что я? Я чужая, почитай. Приживалка. Какая я племянница или внучка! Десятая вода на кисель. Да, впрочемъ, до тѣхъ поръ я и сама отсюда уйду и всѣхъ освобожу...

— Ну,—поѣхала... разсердился старикъ.—Я хотѣлъ о дѣлѣ говорить, а она свою канитель потянула.

— Я и говорю... Толкомъ говорю. Молодой хозяинъ...

— Да что же мнѣ по-твоему,—перебилъ онъ:—Дарьюшку въ старыхъ дѣвицахъ держать? Прежде я полагался на Алешу, говорилъ: женю, молъ его... Будетъ онъ наслѣдникъ, а у него на моихъ глазахъ тоже пойдутъ наслѣдники. Онъ, невѣдомо почему, все артачился, не хотѣлъ жениться. Ты въ немъ эти мысли тоже разводила.

— Неправда!—вскрикнула Сусанна.

— Правда. Я это знаю. И вѣрно знаю. Ты боялась, что его жена тебя тутъ затмитъ... Ну, да бросимъ это. Теперь онъ не токмо не женихъ, а одна нога въ гробу. И теперь надо совсѣмъ нечаянное дѣло налаживать. Дочь выдавать замужъ. Отъ ея брака толкъ ждать для Высокскихъ заводовъ. Что же? Я тутъ, говорю, не при чемъ. Произволенье Божеское. Сказываю въ тысячный разъ тебѣ... Будь ты завтра съ зачатіемъ или, вѣрнѣе сказать, роди ты мнѣ мальчугана... Я бы не сталъ ждать, чтобы ему двадцать лѣтъ было.

Сейчасъ бы ты стала госпожа Басманъ-Басанова. Мой расчетъ былъ бы такой, что если одинъ ребенокъ родился, то и другіе будутъ. Стало быть, и сынъ будетъ, хоть одинъ-то...

— Ахъ, Боже, Господи! Какъ вамъ не надоѣсть десять-то лѣтъ сподрядъ...

— Все то же сказывать?..—перебилъ старикъ.—Будешь сказывать! Ты вотъ не довольна. Хотѣлъ я женить Алешу—ты мѣшала всячески...

— Неправда это! Я вамъ сказываю, что это вы измыслили. Алеша не таковъ уродился, чтобы желать жениться! Слыхали вы, видали вы, чтобъ онъ за всю свою жизнь кого здѣсь облюбилъ?.. Ни разу. Всѣ это знаютъ.

— Что правда, то правда. Но все-таки женить его можно было, если-бъ ты помогала, а не... Ну, ладно, не гнѣвись... Однако теперь, когда надо мнѣ поневолѣ думать, какъ найти хорошаго мужа для Дарьюшки и умнаго владѣтеля Высоксы... ты тоже противничаешь. Говоришь, что насъ въ руки заберутъ молодые хозяева. Говоришь: я и сама уѣду... Ну, вотъ я на все это тебѣ и отвѣчаю все одно да одно. Будь у тебя ребенокъ... Ну, а нѣтъ ничего такого вотъ уже сколько лѣтъ, то и ждать такого нельзя... Стало быть... если не велитъ Богъ Алешѣ наследовать и его сынамъ, то надо Дарьюшкиныхъ сыновъ готовить. Дѣло это, Санна, простое.

Аникита Ильичъ смолкъ и задумался. Сусанна тоже задумалась... Теперь ей яснѣе вдругъ представилось, какая огромная пере мѣна будетъ въ домѣ и въ семьѣ, когда явится молодой баринъ помѣщикъ, мужъ наследницы всего состоянія. Пойдутъ дѣти, и старикъ дѣдъ начнетъ, пожалуй, обожать внучатъ... А начавъ стариться, и къ ней отнесется, конечно, иначе...

Да, не разъ въ жизни, а сотни разовъ приходила она въ отчаяніе, что не можетъ сдѣлаться матерью.

— А какъ ты полагаешь?—вдругъ воскликнулъ Аникита Ильичъ... Весело мнѣ будетъ, пріятно будетъ... что въ Высокѣ владѣльцы будутъ не Басманъ-Басановы, а Кротковы, Завадскіе или тамъ хоть бы даже князья Никаевы что ли?.. Пріятно это по-твоему?.. Фамилія много значить...

— Какіе такіе Кротковы да Завадскіе?—угрюмо спросила Сусанна.

— Товарищи у меня такіе были въ молодости офицеры. У нихъ, поди, теперь семьи есть и дѣти. Вотъ я имъ писать и собрался. Пускай сыновъ на смотръ ко мнѣ посылаютъ... А не годятся, то тогда Дарьюшку за Давыдку отдамъ. Будетъ княгиней Никаевой.

И старикъ вдругъ задумался глубоко.

Графъ Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ ¹⁾.

(1766—1870).

III.

Праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ.—Смерть Потемкина и заключеніе мира съ Турціей.—Назначеніе графа Головина гофмаршаломъ при дворѣ великаго князя Александра Павловича.—Приѣздъ въ Россію принцессы Баденской Луизы, не вѣсты великаго князя.—Ея характеристика.—Польская депутація.—Пребываніе двора въ Царскомъ Селѣ.—Характеристика императрицы Екатерины.

ПРИБЫЛА въ Петербургъ, въ январѣ, прямо къ моей матери, которая была счастлива, что могла обнять меня. Мой дядя и моя свекровь ²⁾ встрѣтили меня очень нѣжно; моя дочь была совершенно здорова, и я была несказанно рада.

Черезъ нѣсколько дней я отправилась ко двору. Государыня и великая княгиня встрѣтили меня съ большой добротой; я попрежнему сохранила право входа на ормитажныя собранія; однимъ словомъ я снова повела свой обычный образъ жизни. Княгиня Долгорукая вернулась въ Петербургъ въ февралѣ, князь Потемкинъ въ мартѣ.

Крѣпость Измаилъ была взята приступомъ ³⁾; кампанія была кончена. Князь устраивалъ для двора и народа празднества, одно роскошнѣе другого, но ни одно изъ нихъ не было такъ оригинально и изячно, какъ балъ, данный имъ въ Таврическомъ дворцѣ. Балъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXV, стр. 39.

²⁾ Графиня Анастасія Степановна Головина, урожденная Лопухина, вдова тайн. совѣтн. графа Николая Александровича Головина.

³⁾ 11 декабря 1790 г.

былъ устроенъ въ огромной молдавской залѣ, которая была окружена двумя рядами колоннъ. Два портика раздѣляли залу на двѣ части; между двумя портиками устроенъ зимній садъ, великолѣпно освѣщенный скрытыми фонариками. Цвѣтовъ и деревьевъ было изобиліе. Зала освѣщалась главнымъ образомъ изъ плафона въ ротондѣ, въ серединѣ помѣщенъ былъ вензель императрицы изъ стразовъ. Этотъ вензель, освѣщенный скрытымъ фонаремъ, горѣлъ ослѣпительнымъ свѣтомъ... Балъ открылся кадрилию, по крайней мѣрѣ, въ 50 паръ; эта кадрили была составлена изъ самыхъ выдающихся лицъ. Присутствіе государыни немало способствовало очарованію этого праздника ¹⁾.

Пребываніе князя Потемкина въ столицѣ продолжалось только два мѣсяца. Онъ позволилъ моему мужу оставаться въ Петербургѣ до возобновленія военныхъ дѣйствій; надѣялись, что дѣло окончится миромъ. Наканунѣ его отъѣзда я вмѣстѣ съ нимъ ужинала у его племянницы, г-жи Потемкиной, теперь княгини Юсуповой ²⁾. Онъ простился со мной самымъ трогательнымъ образомъ, повторяя мнѣ тысячу разъ, что онъ никогда не забудетъ меня, и убѣдительно просилъ помнить о немъ. Затѣмъ онъ просилъ меня немного пожалѣть о немъ, такъ какъ онъ уѣзжалъ умирать: у него было самое ясное предчувствіе о смерти. Дѣйствительно, онъ заболѣлъ въ Яссахъ и умеръ, спустя нѣсколько дней, въ степи, куда онъ приказалъ перенести себя ³⁾.

Мой мужъ въ то время находился въ арміи уже больше мѣсяца. Для переговоровъ о мирѣ послали князя Безбородко ⁴⁾. Ни одинъ офицеръ не имѣлъ права уѣхать изъ арміи, но я все-таки рѣшилась написать князю просьбу дать моему мужу отпускъ, который онъ и получилъ. Вскорѣ послѣ этого былъ заключенъ миръ ⁵⁾. Но, недолго спустя, началась война съ Польшею. Мой мужъ долженъ былъ отправляться въ армію, а я слѣдовать за нимъ. Моя мать и свекровь были очень огорчены этой новой предстоявшей разлукой, которая и меня немало смущала, какъ вдругъ однажды вечеромъ приходитъ ко мнѣ графъ Морковъ ⁶⁾ и сообщаетъ, что государыня занята составленіемъ двора для своего внука, великаго князя Александра, и что мой мужъ будетъ назначенъ гофмаршаломъ. Эта новость вызвала

¹⁾ Праздникъ данъ былъ 28-го апрѣля 1791 г.

²⁾ Княгиня Татьяна Васильевна Юсупова, урожденная Энгельгардтъ, любимая племянница Потемкина, въ первомъ бракѣ была за его родственникомъ Михаиломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ.

³⁾ Потемкинъ умеръ 5 октября 1791 г. въ степи, на дорогѣ изъ Яссы въ Николаевъ, куда онъ ѣхалъ, чувствуя приближеніе смерти.

⁴⁾ Графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, р. 1747 г., ум. 1799 г. Кивекское достоинство Безбородко получили лишь въ царствованіе Павла.

⁵⁾ 25-го декабря 1792 г. въ Яссахъ.

⁶⁾ Графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ, конфидентъ Зубова.

всеобщую радость въ нашей семьѣ тѣмъ болѣе, что государыня отзывалась о моемъ мужѣ самымъ лестнымъ образомъ. Былъ апрѣль мѣсяць. 21-го, праздновался день рожденія императрицы, а также назначеніе должностныхъ лицъ при дворѣ великаго князя Александра. Я ждала этого дня съ большимъ нетерпѣніемъ, наконецъ онъ насталъ. Другъ моего мужа, Растопчинъ ¹⁾, зашелъ къ намъ передъ отправленіемъ ко двору, чтобы сказать мнѣ, что онъ непременно первый увѣдомитъ меня объ этой новости. У него былъ горбатый жокей англичанинъ; онъ приказалъ ему ждать верхомъ около дворца у назначеннаго окна, и какъ только Растопчинъ махнетъ изъ окна платкомъ, чтобы онъ тотчасъ во всю прыть поскакалъ къ намъ со слѣдующей запиской:

Quand le petit bossu
Sera aperçu,
Qu'on entende un cri général:
Vive monsieur le maréchal.

Вскорѣ заговорили о женитьбѣ великаго князя Александра на принцессѣ Луизѣ Баденской ²⁾. Императрица отправила графиню Шувалову ³⁾ и г. Стрекалова ⁴⁾ къ двору маркграфа Баденскаго просить наслѣдныхъ принца и принцессу, чтобы ихъ дочь, принцесса Луиза, совершила путешествіе въ Россію.

31-го октября 1792 года, принцесса Луиза пріѣхала въ Россію въ сопровожденіи своей сестры, принцессы Фредерики, будущей шведской королевы. Принцессѣ Луизѣ было 13 съ половиной лѣтъ, ея сестра была годомъ моложе ея. Ихъ пріѣздъ произвелъ большую сенсацію. Дамы, имѣющія входъ во дворець и въ Эрмитажъ, были имъ представлены особо. Я не находилась въ ихъ числѣ; я только что оправилась отъ серьезной болѣзни, послѣ потери второй дочери, которая жила всего пять мѣсяцевъ, и увидѣла принцессъ двумя недѣлями позже, чѣмъ остальные дамы. Я имѣла честь представиться имъ въ Шепелевскомъ дворцѣ, гдѣ имъ были отведены апартаменты; дворець этотъ находился рядомъ съ Эрмитажемъ ⁵⁾. Мнѣ бросилась въ глаза прелесть и грація принцессы Луизы; такое впечатлѣніе произвела она и на всѣхъ, которые ее видѣли до меня.

¹⁾ Оеодоръ Васильевичъ Растопчинъ, бывшій въ то время камергеромъ при дворѣ великаго князя Павла Петровича, род. 1763 г., умръ 1826 года. Растопчинъ былъ любимцемъ Павла и графское достоинство получилъ въ его царствованіе.

²⁾ Принцесса Луиза, впоследствии императрица Елизавета, род. 1779 г.

³⁾ Екатерина Петровна, урожденная графиня Салтыкова (род. 1743 г., ум. 1816 г.), была въ это время уже вдовою послѣ мужа своего, дѣйстви. тайнаго сов., графа Андрея Петровича Шувалова, извѣстнаго писателя (ум. 1789 г.), въ статсъ-дамы пожалована была въ 1792 г.

⁴⁾ Степанъ Оеодоровичъ Стрекаловъ (род. 1728 г., ум. 1805 г.), статсъ-секретарь Екатерины II, тайн. сов., сенаторъ.

⁵⁾ На томъ мѣстѣ, гдѣ находится Новый Эрмитажъ.

Я къ ней особенно привязалась; ея молодость и мягкость внушали мнѣ живое участіе къ ней и родъ страха, отъ котораго я не могла отдѣлаться: я знала графиню Шувалову, которая была моей родственницей, и ея безнравственность, а также склонный къ интригамъ характеръ, заставляли меня опасаться за будущее. Назначая меня къ особѣ принцессы, императрица, казалось, желала дать мнѣ право выражать ей искреннюю свою привязанность, которая не могла имѣть официального характера.

Я передамъ здѣсь все, что принцесса Луиза, теперь императрица Елисавета, сообщила мнѣ сама о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ.

«Мы пріѣхали съ сестрой Фредерикой», рассказывала она, «между восемью и девятью часами вечера. Въ Стрѣльнѣ, послѣдней станціи передъ Петербургомъ, насъ встрѣтилъ г. Салтыковъ ¹⁾, камергеръ, котораго государыня назначила дежурить при насъ и прислала его намъ навстрѣчу, чтобы поздравить насъ съ пріѣздомъ. Графиня Шувалова и г. Стрекаловъ сѣли къ намъ въ экипажъ. Всѣ эти приготовленія для момента, самаго интереснаго въ моей жизни, всю важность котораго я уже чувствовала, возбудили во мнѣ большое волненіе, и когда, при вѣздѣ въ городскія ворота, мои спутники воскликнули: «вотъ мы въ Петербургѣ», то, пользуясь темнотою, я быстро взяла руку сестры, и, по мѣрѣ приближенія, мы все больше и больше сжимали свои руки: этимъ нѣмымъ языкомъ мы выражали чувства, волновавшія нашу душу.

«Мы остановились въ Шепелевскомъ дворцѣ. Я вѣжала по ступенькамъ большой прекрасно освѣщенной лѣстницы. У графини Шуваловой и г. Стрекалова ноги были слабы, и потому они остались далеко позади. Г. Салтыковъ былъ со мной, но онъ остался въ передней; я пробѣгала всѣ комнаты, не останавливаясь, наконецъ я вошла въ спальню, убранную мебелью малиноваго цвѣта. Войдя я увидѣла двухъ дамъ съ господиномъ; быстрѣе молніи у меня промелькнуло соображеніе: «я въ Петербургѣ у императрицы; конечно, это она меня встрѣчаетъ, это навѣрно она», и я подошла поцѣловать руку той, которая болѣе другой была похожа на портретъ государыни, составившійся въ моемъ воображеніи; по самому распространенному портрету, который я видѣла нѣсколько лѣтъ спустя, я навѣрно не узнала бы ея такъ скоро. Она была съ княземъ Зубовымъ (въ то время онъ былъ просто г. Платонъ Зубовъ, ²⁾) и съ графиней Зраницкой ³⁾, племянницей князя Потем-

¹⁾ Александръ Николаевичъ, впоследствии (по отцу) князь, родился 1775 г., умеръ 1837 г.

²⁾ Платонъ Александровичъ Зубовъ (род. 1767 г., ум. 1822 г.), любимецъ Екатерины и ея генераль-адъютантъ, княжеское достоинство получилъ отъ германскаго императора Франца II въ 1796 г.

³⁾ Графиня Александра Васильевна, одна изъ четырехъ любимыхъ племянницъ всемогущаго Потемкина. Въ 1781 году вступила въ бракъ съ генераломъ-

кина. Императрица сказала мнѣ, что она была чрезвычайно рада со мною познакомиться. Я ей передала выраженія почтительной преданности отъ моей матери. Въ это время явились моя сестра и графиня Шувалова. Послѣ непродолжительнаго разговора она удалилась, и я вся отдалась волшебному впечатлѣнію, охватившему меня при видѣ всего, окружавшаго меня. Ничто не производило на меня такого впечатлѣнія, какъ дворъ Екатерины, когда я увидѣла его въ первый разъ.

«На третій день послѣ нашего пріѣзда, весь день былъ посвященъ уборкѣ нашихъ волосъ по модѣ двора и примѣркѣ русскаго платья: мы должны были быть представлены великому князю-отцу и великой княгинѣ. Я въ первый въ жизни была въ фикмахъ и съ напудренной прической.

«Вечеромъ, въ 6 или 7 часовъ, насъ повели къ великому князю-отцу, который принялъ насъ очень хорошо; великая княгиня осыпала меня ласками, говорила со мной о моей матери, о всей моей семьѣ, говорила, какъ мнѣ должно было быть тяжело разставаться съ ними. Этимъ обращеніемъ она вполне покорила мое сердце, и не моя вина, если эта моя привязанность къ великой княгинѣ не обратилась навсегда въ любовь дочери къ уважаемой матери. Насъ усадили, великій князь послалъ за молодыми великими князьями и великими княжнами. Я, какъ сейчасъ, вижу, какъ они входятъ. Я слѣдила за великимъ княземъ Александромъ со вниманіемъ настолько, насколько это позволяло приличіе. Онъ былъ очень красивъ, но не такъ однако, какъ мнѣ его описывали. Онъ не подходилъ ко мнѣ и смотрѣлъ на меня довольно непріязненно. Послѣ посѣщенія ихъ высочествъ, мы пошли къ императрицѣ, сидѣвшей уже за партіей бостона въ брилліантовой комнатѣ. Насъ усадили за круглый столъ съ графиней Шуваловой, съ дежурными фрейлинами и камеръ-юнкерами. Молодые великіе князья пришли вскорѣ за нами; великій князь Александръ до конца вечера не сказалъ мнѣ ни слова, не подошелъ ко мнѣ ни разу, даже избѣгалъ меня, но понемногу онъ сдѣлался по отношенію ко мнѣ обходительнѣе. Маленькія собранія въ Эрмитажѣ въ очень тѣсномъ кружкѣ, вечера, проводимые вмѣстѣ у круглаго стола въ брилліантовой комнатѣ, гдѣ мы играли въ секретари или разсматривали эстампы, все это привело понемногу къ сближенію. Однажды, вечеромъ, приблизительно черезъ 6 недѣль спустя послѣ моего пріѣзда (за круглымъ столомъ въ брилліантовой комнатѣ, гдѣ мы рисовали вмѣстѣ съ остальнымъ обществомъ), великій князь потихоньку отъ другихъ передалъ мнѣ письмо, въ видѣ объясненія, которое онъ только что написалъ; онъ писалъ, что, по приказанію родителей, онъ мнѣ сообщаетъ о томъ, что онъ меня любитъ, и спрашивалъ, могу ли я отвѣчать на его чувства, и можетъ ли онъ надѣяться,

аншефомъ Кеверіемъ Браицкимъ и тогда же пожалована была статсъ-дамой, а въ 1824 г.—оберъ-гофмейстериной, род. 1754 г., ум. 1838 г.

что я буду счастлива, выйдя за него замужъ. Я тоже на клочкѣ бумажки отвѣтила ему въ утвердительномъ смыслѣ, прибавивъ, что я исполню желаніе моихъ родителей, приславшихъ меня сюда. Съ этого момента на насъ уже смотрѣли, какъ на жениха и невѣсту, и мнѣ дали учителя русскаго языка и Закона Божія».

На другой день послѣ представленія принцессы великому князю-отцу, императрица принимала въ торжественной аудіенціи польскихъ депутатовъ: графа Браницкаго, Ржевусскаго, Потоцкаго, вожакъ партіи, желавшей установленія наслѣдственности польской короны. Они просили государыню взять Польшу подъ свое покровительство. Это была первая публичная церемонія, на которой присутствовала принцесса Луиза. Императрица сидѣла на тронѣ, въ залѣ, называемой тронной. Публика наполняла залу, и народъ толпился у входа въ кавалергардской залѣ. Графъ Браницкій говорилъ рѣчь на польскомъ языкѣ, вице-канцлеръ отвѣчалъ ему порусски, стоя на ступеняхъ трона. Когда церемонія кончилась, государыня удалилась въ свои апартаменты. Принцесса Луиза слѣдовала за нею, но въ то время, какъ она обходила тронъ, она задѣла ногой за нить и золотую бахрому бархатнаго ковра, разложеннаго вокругъ трона. Она пошатнулась и навѣрное бы упала, еслибъ г. Платонъ Зубовъ ея не поддержалъ. Это смутило и привело въ отчаяніе принцессу тѣмъ болѣе, что она въ первый разъ появлялась въ публикѣ. Нашлись странные люди, которые объясняли это маленькое приключеніе, какъ дурное предзнаменованіе. У нихъ не явилось мысли одной августѣйшей особы, напомнившей, что подобному случаю Цезарь нашель счастливое объясненіе: высаживаясь на берегу Африки для преслѣдованія остатковъ республиканской арміи, онъ упалъ въ то время, какъ вступалъ на африканскую землю: «Африка, я овладѣваю тобой», воскликнулъ онъ, истолковавъ такимъ образомъ въ свою пользу то, что другіе могли бы объяснить въ дурную сторону.

Я приближаюсь къ самому интересному періоду моей жизни: новое и величественное зрѣлище открывалось передъ моими глазами; блестящій и величественный дворъ, великая государыня, которая меня видимо приближала къ той, которая внушала мнѣ привязанность, перенесшую всякія испытанія. Чѣмъ больше я имѣла честь видѣть принцессу Луизу, тѣмъ болѣе охватывало меня чувство безпредѣльной привязанности къ ней. Несмотря на ея молодость, мое къ ней участіе не ускользнуло отъ ея вниманія; я съ радостію это замѣтила. Въ началѣ мая, дворъ переѣхалъ въ Царское Село. На другой день, послѣ приѣзда, ея величество приказала моему мужу, чтобы я также переѣхала въ Царское Село на все лѣто. Это приказаніе привело меня въ восторгъ; я тотчасъ выѣхала, чтобъ быть тамъ до вечерняго собранія, которое устраивала у себя императрица. Переодѣвшись, я сейчасъ же отправилась во дворецъ, чтобы представиться госуда-

рынѣ. Она вышла въ 6 часовъ, обошла со мной съ большою добротой и сказала: «я очень довольна, что вы теперь наша; будьте съ сегодняшняго дня *madame la grosse maréchalle* ¹⁾, чтобы имѣть болѣе внушительный видъ». Я постараюсь дать нѣкоторое понятіе о лицахъ, которымъ императрица разрѣшила жить въ Царскомъ Селѣ и допускала въ свой домашній кружокъ, но, прежде чѣмъ набросать ихъ портреты, я желала бы нарисовать образъ этой государыни, которая въ продолженіе тридцати слишкомъ лѣтъ составляла счастье всей Россіи.

Потомство судить и будетъ судить Екатерину Вторую со всѣми ея страстями, свойственными человѣчеству. Новая философія, подъ влияніе которой она, къ сожалѣнію, подпала и которая въ сущности являлась причиною (*le principe*) всѣхъ ея недостатковъ, густой завѣсой покрывала всѣ ея прекрасныя, высокія качества. Но я думаю, что справедливость требуетъ обратиться къ зарѣ ея жизни, прежде чѣмъ осуждать ее и затемнять ея славу и свойства невыразимой ея доброты.

Императрица Екатерина воспитывалась при дворѣ своего отца, принца Ангальтскаго, невѣжественной и плохо воспитанной гувернанткой, которая едва могла научить ее читать. Родители не внушили ей прочныхъ основъ нравственности и не дали ей надлежащаго воспитанія. Въ Россію ее привезли 17 лѣтъ; она была красива, исполнена граціи, ума, съ душой и геніемъ, желаніемъ нравиться и обогатить себя знаніями. Ее выдаютъ за принца Голштинскаго, тогда бывшаго уже великимъ княземъ, назначеннымъ наследовать императрицѣ Елисаветѣ, его теткѣ. Онъ былъ некрасивъ собой, слабого характера, маленькаго роста, худой, развратный, пьяница. Дворъ Елисаветы представлялъ картину испорченности, которой сама императрица подавала примѣръ. Минихъ ²⁾, умный человѣкъ, былъ первый, разгадавшій Екатерину: онъ предложилъ ей заняться своимъ образованіемъ. Это предложеніе было ею принято съ радостью. На первый разъ онъ далъ ей для чтенія «Словарь» Бейля, сочиненіе опасное и соблазнительное, особенно для нея, такъ какъ она никогда не имѣла никакого понятія о Божественной истинѣ, уничтожающей ложь ³⁾. Екатерина прочитала этотъ трудъ три раза сряду въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; онъ возбудилъ ея воображеніе и въ послѣдствіи побудилъ ее вступить въ сношенія со всѣми современными софистами. Таково было настроеніе ума этой принцессы, когда она стала супругой императора, все честолюбіе котораго ограничи-

¹⁾ Прозваніе это дали мнѣ потому, что мужъ мой былъ немного толстъ. Примѣчаніе гр. В. Н. Головиной.

²⁾ Сынъ значительнаго фельдмаршала, Іоаннъ Эрнстъ, бывшій въ послѣдствіи президентъ коммерцъ-коллегии, писатель, авторъ «Записокъ», р. 1707 г., ум. 1788 г.

³⁾ Всѣ эти подробности я слышала отъ дяди, графа Шувалова, которому государыня сама разсказывала. Примѣчаніе графини В. Н. Головиной.

валось желаніемъ стать капраломъ въ арміи Фридриха Великаго. Въ управленіи государствомъ замѣтна была слабость; Екатерина страдала; ея великія и благородныя идеи, казалось, преодолевали всѣ препятствія, возникавшія на пути къ ея возвышенію; все ея существо было возмущено развращенностью Петра III и презрѣніемъ, которое онъ выражалъ своимъ подданнымъ; всеобщее возстаніе было неминуемымъ, всѣ желали установленія регентства.

Такъ какъ императрица имѣла уже десятилѣтняго сына, впослѣдствіи императора Павла I, то было рѣшено отправить Петра III въ Голштинію; князю Орлову и его брату, графу Алексѣю, пользовавшемуся въ то время милостью императрицы, было поручено увести его. Въ Кронштадтѣ было приготовлено нѣсколько кораблей; Петръ долженъ былъ отправиться съ баталіономъ, который онъ самъ вызвалъ изъ Голштиніи. Послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ онъ долженъ былъ провести въ Ропшѣ, недалеко отъ Ораніенбаума. Я не стану входить въ подробности этого трагическаго событія, о немъ слишкомъ много говорили, не понимая его причинъ, но для восстановленія истины я приведу здѣсь достовѣрное свидѣтельство, слышанное мной отъ министра, графа Панина ¹⁾. Его свидѣтельство тѣмъ болѣе неопровержимо, что всѣмъ извѣстно, что онъ не былъ особенно привязанъ къ императрицѣ: какъ воспитатель Павла, онъ надѣялся взять въ свои руки бразды правленія во время регентства женщины, но его ожиданія не сбылись. Энергія, съ которой Екатерина захватила власть, обманула его честолюбивые замыслы, и онъ всю свою жизнь не забывалъ ей этого. Однажды, вечеромъ, когда мы были у него вмѣстѣ съ его родственниками и друзьями, онъ рассказывалъ намъ множество интересныхъ анекдотовъ и незамѣтно дошелъ до кончины Петра III. «Я находился въ кабинетѣ у ея величества, когда князь Орловъ явился доложить ей, что все кончено. Она стояла въ срединѣ комнаты, слово: кончено, поразило ее. «Онъ уѣхалъ?»—спросила она сначала, но, услыхавъ печальную новость, она упала въ обморокъ. Охватившее ее затѣмъ волненіе было такъ сильно, что одно время мы опасались за ея жизнь. Придя въ себя послѣ этого тяжелаго состоянія, она залилась горькими слезами: «моя слава потеряна!»—воскликнула она. Надежда на милость императрицы заглушала въ Орловыхъ всякое чувство, кромѣ одного безмѣрнаго честолюбія; они думали, что, по кончинѣ Петра, князь Орловъ займетъ его мѣсто и заставитъ государыню короновать себя ²⁾.

Невозможно описать всѣхъ заботъ Екатерины о своемъ государствѣ. Она была честолюбива, но она покрыла Россію славой. Ея

¹⁾ Воспитатель царевича Павла Петровича, гр. Никита Ивановичъ Панинъ, одинъ изъ пособниковъ Екатерины при восшествіи ея на престолъ (р. 1718, ум. 1783 г.).

²⁾ Въ общемъ рассказъ Головиной совпадаетъ съ рассказами очевидцевъ о переворотѣ, возведемъ Екатерину на престолъ.

материнская заботливость распространялась на всѣхъ, до послѣдняго человѣка. Личные интересы каждаго изъ ея подданныхъ трогали ея сердце. Ничего не могло быть величественнѣе, внушительнѣе, снисходительнѣе Екатерины. Какъ только она показывалась, всякій страхъ исчезалъ въ ея присутствіи, уступая мѣсто почтительности и полной преданности. Всякій, казалось, говорилъ: «я вижу ее, и я счастливъ. Она—моя опора, моя мать». Садясь за карточную свою партію, она бросала взглядъ вокругъ, чтобы видѣть, всѣ ли заняты. Ея вниманіе къ окружающимъ простиралось до того, что она сама спускала стору, когда солнце безпокоило когонибудь. Обыкновенно ея партія въ бостонъ состояла изъ дежурнаго генераль-адъютанта, графа Строганова¹⁾, старика камергера Черткова, котораго она очень любила²⁾; мой дядя, оберъ-камергеръ Шуваловъ, также участвовалъ иногда въ партіи, когда онъ присутствовалъ; Платонъ Зубовъ—также. Вечеръ этотъ продолжался до 9 или 9^{1/2} часовъ.

Я помню, какъ однажды Чертковъ, плохой игрокъ, вспылить на императрицу, которая пропустила взятку. Онъ бросилъ карту на столъ, это оскорбило государыню; она ничего не сказала, но перестала играть. Это произошло къ концу вечера, она встала и простилась съ нами. Чертковъ стоялъ пораженный. Слѣдующій день было воскресенье; въ этотъ день былъ большой обѣдъ для всѣхъ, занимавшихъ высшія государственныя должности. Великій князь Павелъ и великая княгиня также пріѣзжали изъ Павловскаго дворца, въ 4 верстахъ отъ Царскаго Села, въ которомъ они жили. Когда они не пріѣзжали, то обѣдъ происходилъ въ колоннадѣ. Я имѣла честь присутствовать на этихъ обѣдахъ. Послѣ обѣдни и обычнаго пріема, когда императрица удалялась, гофмаршалъ, князь Барятинскій³⁾, называлъ тѣ лица, которыя должны были обѣдать съ ней. Чертковъ, имѣвшій право входа во всѣ малыя собранія, стоялъ въ углу, вѣ себя отъ горести отъ вчерашней сцены. Онъ какъ будто не рѣшался поднять глазъ на того, кто долженъ былъ произнести его приговоръ, но каково было его удивленіе, когда онъ услышалъ свою фамилію! Онъ не шель, а бѣжалъ. Мы подходили къ колоннадѣ, ея величество сидитъ въ концѣ колоннады. Она встаетъ, беретъ Черткова за руку, чтобы идти къ столу, но онъ не могъ выговорить ни слова. Придя опять къ тому мѣсту, гдѣ она его взяла, она сказала ему порусски: «какъ вамъ не стыдно думать, что я буду сердиться на васъ. Развѣ вы забыли, что милые бранятся—только тѣшатся?» Никогда я не видѣла человѣка въ такомъ состояніи

¹⁾ Гр. Александра Сергѣевича, см. выше.

²⁾ Чертковъ, Евграфъ Александровичъ, д. т. с., одинъ изъ пособниковъ Екатерины при ея вступленіи на престолъ, ум. 1797 г.

³⁾ Кн. Федоръ Сергѣевичъ (р. 1742, ум. 1814), оберъ-гофмаршалъ.

въ какомъ находился этотъ старикъ; онъ разрыдался и повторялъ безъ конца: «охъ, матушка моя, какъ мнѣ говорить съ тобой, какъ отвѣчать на твою доброту, все бы хотѣлъ умирать за тебя». Это обращеніе на «ты» очень выразительно на русскомъ языкѣ и вовсе не ослабляетъ почтительности въ разговорѣ.

Во время вечеровъ у государыни въ Царскомъ Селѣ, у стола императрицы стоялъ круглый столъ, за которымъ сидѣла принцесса Луиза, уже невѣста великаго князя, между своей сестрой и мной. Дѣвица Шувалова ¹⁾, впоследствии княгиня Дитрихштейнъ, и племянницы графини Протасовой ²⁾ замыкали кружокъ, образовавшійся около принцессы. Великіе князья то приходили, то уходили. Императрица приказывала принести намъ карандашей, бумаги и перьевъ. Мы рисовали или играли въ секретаря; ея величество освѣдомлялась нѣсколько разъ о ходѣ нашей игры и очень забавлялась ею. Шувалова играла партію съ г-жей Протасовой, дежурными камеръ-юнкерами, иногда съ графиней Браницкой, пріѣзжавшей время отъ времени въ Царское Село.

Дворецъ въ Царскомъ Селѣ былъ выстроенъ государыней Елисаветой. Онъ обширенъ и очень красивъ, хотя построенъ въ готическомъ стилѣ. Императрица Екатерина прибавила для себя отдѣльную пристройку въ болѣе изящномъ вкусѣ. Она находится въ концѣ нѣсколькихъ зеркальныхъ и позолоченныхъ залъ, отдѣляющихъ ея апартаменты отъ помѣщенія, гдѣ жилъ великій князь Павелъ, за ними находятся хоры, гдѣ государыня слушала обѣдню вмѣстѣ съ императорскою фамиліею и придворными дамами. Первый залъ этого новаго строенія былъ украшенъ живописью; за нимъ слѣдуетъ другой, потолокъ и стѣны котораго были украшены ляписъ-лазурью, а полъ паркетный, наполовину изъ краснаго дерева, наполовину изъ перламутра. Затѣмъ идетъ большой кабинетъ, за которымъ слѣдуетъ залъ, отдѣленный китайскимъ лакомъ. Далѣе спальня, очень маленькая, но очень красивая, и кабинетъ въ зеркалахъ, отдѣленные другъ отъ друга пано изъ очень красиваго дерева. Этотъ маленькій кабинетъ служитъ входомъ въ колоннаду, которая видна въ перспективѣ въ дверяхъ кабинета. На террасѣ,

¹⁾ Вторая дочь графини Шуваловой, Екатерины Петровны, статсъ-дамы, и гр. Андрея Петровича, графиня Александра Андреевна, р. 1775 г., вступила въ бракъ съ австрійскимъ посланникомъ, кн. Дитрихштейномъ, въ 1797 г.

²⁾ Графиня Анна Степановна Протасова, любимая камеръ-фрейлина императрицы Екатерины (р. 1754, ум. 1801 г.). Она воспитывала жившихъ при ней въ Зимнемъ дворцѣ пять сиротъ, дочерей брата своего, д. т. е. Петра Степановича Протасова: 1) Александру Петровну (р. 1774 г., ум. 1842 г.), въ замужествѣ за т. с. княземъ Алексѣемъ Андр. Голицынымъ; 2) Екатерину Петровну (р. 1775 г., ум. 1826 г.), въ замужествѣ за гр. Фед. Вас. Растворшвымъ; 3) Варвару Петровну, Умершую въ дѣвцѣхъ; 4) Вѣру Петровну (ум. 1814 г.), въ замужествѣ за Платрономъ Вас. Васильичевымъ, впоследствии княземъ, и 5) Анну Петровну, бывшую потомъ за гр. Варо. Вас. Толстымъ.

отъ которой начинается колоннада, находится обитый зеленымъ сафьяномъ диванъ и столъ. Здѣсь рано утромъ ея величество занималась. Вся эта пристройка, очень просто отдѣланная, находится возлѣ небольшой стѣны, которая выдается впередъ. Обойдя ее, встрѣчаютъ слѣва прекрасный цвѣтникъ, усѣянный самыми красивыми и благоухающими цвѣтами. Съ этой стороны терраса оканчивается роскошными залами. Направо гранитная рѣшетка идетъ до самаго сада; она украшена бронзовыми статуями, вылитыми въ античномъ вкусѣ въ Императорской Академіи Художествъ. Колоннада представляетъ собою стеклянную галерею съ мраморнымъ поломъ, вокругъ которой идетъ другая открытая галерея съ колоннами, поддерживающими крышу, откуда открывается обширный видъ во всѣ стороны. Крыша эта возвышается надъ двумя садами: старымъ, обыкновеннымъ садомъ, старыя липы котораго осѣняютъ маленькія комнаты террасы, и англійскимъ садомъ, съ прелестнымъ озеромъ посрединѣ. Это прекрасное жилище, обитаемое той, которая обладала всѣмъ, чтобы нравиться и привязывать къ себѣ, представляло нѣчто волшебное. У императрицы былъ особенный даръ облагораживать все окружающее, она давала смыслъ всему, и самый ограниченный человекъ переставалъ быть такимъ возлѣ нея. Въ ея обществѣ всякій былъ доволенъ собой, потому что она умѣла говорить съ каждымъ такъ, чтобы не приводить его въ смущеніе и приноравливаться къ пониманію каждаго.

IV.

Характеристика великаго князя Александра Павловича и его невѣсты.—Великій князь Константинъ Павловичъ.—Приближенія къ большому двору лица: графиня Шувалова, кн. Платонъ Zubovъ, гр. Строгановъ, П. П. Шуваловъ, Чертковъ, камеръ-фрейлина Протасова.—Бракосочетаніе великаго князя Александра Павловича.—Характеристика великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Оеодоровны.—Пріемъ турецкаго посла.—Свекровь гр. Головиной.—Переѣздъ двора весной 1794 г. въ Царское Село.—Гр. Эстергази, гр. Штакельбергъ, гр. Головкингъ.—Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.

Императрица нитала самую горячую привязанность къ своему внуку, великому князю Александру. Онъ былъ красивъ и добръ, но хорошія его качества, которыя тогда замѣчались въ немъ и которыя могли обратиться въ добродѣтели, никогда не развились исполнѣ. Его воспитатель, графъ Салтыковъ ¹⁾, человекъ коварный,

¹⁾ Графъ, впоследствии свѣтлѣйшій князь (1814 г.), Николай Ивановичъ Салтыковъ (р. 1736 г., ум. 1816 г.), фельдмаршалъ при Павлѣ. По отзывамъ современниковъ, П. П. Салтыковъ зналъ придворную науку и до тонкости изучилъ главное свое занятіе—выпутываться изъ дворскихъ затрудненій. Умѣлъ одновременно угождать и Екатерину, и Павлу, и Александру, что для обыкновенныхъ людей казалось рѣшительно невозможнымъ.

хитрый, склонный къ интригамъ, безпрестанно внушалъ ему поведеніе, которое естественно разрушало въ немъ всякую искренность въ характерѣ, заставляя его постоянно обдумывать каждое свое слово и дѣйствіе. Желая примирить императрицу съ ея сыномъ, графъ Салтыковъ вынуждалъ молодого великаго князя съ его добрымъ и прекраснымъ сердцемъ къ вѣчному притворству; иногда сердце великаго князя давало о себѣ знать, но воспитатель тотчасъ заботился о томъ, чтобы уничтожить эти порывы. Онъ внушалъ своему воспитаннику удаляться отъ императрицы и бояться отца; благодаря этому, великій князь испытывалъ постоянную борьбу съ своимъ сердцемъ. Великій князь Павелъ старался развить въ сынѣ вкусъ къ военному дѣлу; онъ заставлялъ Александра и его брата Константина присутствовать два раза въ недѣлю на военныхъ упражненіяхъ въ Павловскѣ, пріучая его къ мелочной и ничтожной тактикѣ, уничтожая въ немъ болѣе широкое пониманіе военнаго дѣла, такъ какъ пониманіе этого не было связано съ мундиромъ по прусскому образцу. Но, несмотря на всѣ эти обстоятельства, которыя легко могли дурно отозваться на челоуѣкѣ самаго твердаго характера, я должна отдать справедливость моему повелителю, что всепрощеніе такъ же близко его сердцу, какъ далека отъ него тираннія; его нравъ—кроткій и обходительный; въ его разговорѣ чувствуется мягкость и изящество, въ его стилѣ много краснорѣчія, а во всѣхъ прекрасныхъ поступкахъ замѣтна полная скромность.

Принцесса Луиза, ставшая его супругой, соединяла вмѣстѣ съ невыразимою прелестью и граціей во всей фигурѣ замѣчательную для четырнадцатилѣтней дѣвушки выдержку и умѣренность. Во всѣхъ ея дѣйствіяхъ замѣтны были слѣды заботливости уважаемой и любимой матери. Ея тонкій умъ съ замѣчательной быстротой схватывалъ все, что могло служить къ ея украшенію, какъ пчела, собирающая медъ въ самыхъ ядовитыхъ растеніяхъ; ея разговоръ дышалъ всей свѣжестью молодости; но она не была лишена правильности пониманія. Я наслаждалась, слушая ее, изучая эту душу, столь мало похожую на другія: душа эта, совмѣщая въ себѣ всѣ добродѣтели, открыта была для всякихъ опасныхъ вліяній. Ея довѣріе ко мнѣ возрастало съ каждымъ днемъ, но оно вполнѣ оправдывалось чувствами, которыя я питала къ ней. Добрая ея слава сдѣлалась для меня оттого еще дороже, еще ближе моему сердцу. Первое лѣто, которое мы провели вмѣстѣ, было только предверіемъ дружбы, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ. Она мнѣ представлялась прекраснымъ молодымъ растеніемъ, стебли котораго могли бы дать, при хорошемъ за нимъ уходѣ, прекрасные отпрыски, но которому бури и ураганы угрожали приостановить ихъ дальнѣйшее развитіе. Опасности, все увеличивавшіяся вокругъ нея, удвоили мои заботы о ней. Я часто вспоминала съ сожалѣніемъ о ея матери, единственномъ существѣ, способномъ докончить ея воспитаніе, начатое такъ

хорошо, и бывшемъ живымъ примѣромъ добродѣтели, который могъ бы предохранить ее отъ иллюзій и увлеченій.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о великомъ князѣ Константи́нѣ. Характера онъ вспыльчиваго, но не гордаго; душевныя его движенія — деспотичны, но непослѣдовательны; онъ дѣлаетъ дурныя поступки по слабости характера, наказывая только тогда, когда чувствуетъ себя болѣе сильнымъ. Бесѣда съ нимъ была бы пріятна, если бы можно было забыть его сердце; но и у него бываютъ иногда благородныя побужденія: это цыгута, служащая въ одно и то же время ядомъ и цѣлительнымъ средствомъ.

Графиня Шувалова, другъ Вольтера и д'Аламбера ¹⁾, пользовалась ихъ доктринами, чтобы оправдывать свои слабости. Она была тонкая интриганка, готовая пожертвовать всею для Платона Зубова, который былъ въ то время ея идоломъ. Графиня, несмотря на всю изворотливость своего ума, не умѣла скрыть алчности своего характера: она утопала въ богатствѣ и жаловалась на бѣдность.

У Зубова былъ достаточно развитой умъ, хорошая память и музыкальныя способности. Его небрежный и томный видъ носилъ отпечатокъ его безпечнаго и лѣниваго характера.

Графъ Строгановъ былъ очень любезный человекъ и добръ до слабости; онъ страстно любилъ искусства. Весь его характеръ былъ построенъ на энтузіазмѣ и порывахъ; онъ поступалъ дурно, увлекаясь, но никогда не по собственному желанію; всегда ровнымъ настроеніемъ духа и веселостью онъ оживлялъ наше общество. Императоръ Павелъ сдѣлалъ его директоромъ Академіи Художествъ. Онъ способствовалъ ея улучшенію. Онъ глубоко любилъ свою родину, не обладая, однако, добродѣтелями, способными сдѣлать его ея опорой.

Мой дядя, оберъ-камергеръ Шуваловъ, былъ воплощенная доброты. Его прекрасная благородная фигура изобличала въ немъ благородную и безкорыстную душу; онъ жертвовалъ половину своихъ доходовъ въ пользу бѣдныхъ. Его привязанность къ императрицѣ доходила до слабости; несмотря на милости, которыми императрица его осыпала, онъ былъ всегда очень скромный. Однажды онъ вошелъ къ государынѣ въ то время, когда она играла на билліардѣ съ лицами, принадлежавшими къ ближайшему ея кругу. Государыня, шутя, сдѣлала ему глубокой реверансъ, онъ отвѣтилъ ей тѣмъ же; она улыбнулась, придворные захохотали. Такая неожиданная и дѣланная веселость со стороны ея придворныхъ поразила государыню.

— Господа,—обратилась она къ нимъ,—вѣдь мы съ оберъ-камергеромъ ужь 40 лѣтъ, какъ друзья, и потому мнѣ можетъ быть дозволено шутить съ нимъ.

¹⁾ Мужъ ея, графъ Андрей Петровичъ, былъ въ сношеніяхъ съ ними и самъ писалъ прекрасныя французскіе стихи.

Всѣ замолчали.

Послѣ смерти своей повелительницы мой дядя цѣлый годъ скорбѣлъ о ней ¹⁾.

Г. Чертковъ, прекрасный, добрый, русскій человекъ въ полномъ смыслѣ этого слова, былъ человекъ благородный и здравомыслящій. Государыню онъ обожалъ, онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея смерти, не будучи въ силахъ перенести этой потери ²⁾.

Г-жа Протасова, безобразная и черная, какъ королева острововъ Таити, постоянно жила при дворѣ. Она была родственницей князя Орлова ³⁾ и, благодаря его благосклонности, была пристроена ко двору. Когда она достигла болѣе чѣмъ зрѣлаго возраста и не составила себѣ партіи, ея величество подарила ей свой портретъ и пожаловала въ камеръ-фрейлины. Она принадлежала къ интимному кружку государыни не потому, чтобы она была другомъ императрицы или обладала высокими качествами, а потому, что была бѣдна и ворчлива. Въ ней развито было, однако, чувство благодарности. Императрица, сжалившись надъ ея бѣдностью, пожелала поддержать ее своимъ покровительствомъ: она разрѣшила ей вызвать къ себѣ своихъ племянницъ и заняться ихъ образованіемъ. Она иногда шутила надъ ея воркотней. Однажды, когда Протасова была въ особенно ворчливомъ настроеніи, ея величество, замѣтивъ это, сказала ей:

— Я увѣрена, моя королева,—(она такъ называла ее въ шутку),— что вы сегодня утромъ били свою горничную, и потому вы какъ будто въ дурномъ расположеніи духа. И, вставъ въ 5 часовъ утра и рѣшивъ дѣла въ пользу однимъ и во вредъ другимъ, оставила въ своемъ кабинетѣ всѣ дурныя впечатлѣнія, всѣ свои безпокойства, и прихожу сюда, моя прекрасная королева, съ самымъ лучшимъ настроеніемъ духа.

Дворъ великаго князя Александра состоялъ изъ оберъ-гофмаршала графа Головина, моего мужа, графа Толстого ⁴⁾, камергера Адагурова ⁵⁾, князя Хованскаго ⁶⁾ и камеръ-юнкера графа Потоцкаго ⁷⁾.

Дворъ проводилъ вечеръ у принцессы Луизы, которая со вре-

¹⁾ И. П. Шуваловъ скончался чрезъ годъ по кончинѣ императрицы Екатерины, 14 ноября 1797 г.

²⁾ † 23 декабря 1797 г.

³⁾ Мать Анны Степановны Протасовой была двоюродной сестрой князя и графовъ Орловыхъ.

⁴⁾ Графъ Николай Александровичъ Толстой (род. 1761 г., † 1816 г.), камергеръ при вел. кн. Александрѣ Павловичѣ, впоследствии оберъ-гофмаршалъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ.

⁵⁾ Камергеръ Алексѣй Адагуровъ, кажется, сынъ д. т. с. Василія Евдокимовича Адагурова (р. 1709 г., ум. 1780 г.), куратора Московскаго университета и бывшаго наставника императрицы Екатерины.

⁶⁾ Прапорщикъ Семеновскаго полка, князь Андрей.

⁷⁾ Графъ Феликсъ Осиповичъ, съ 1795 г. генералъ-майоръ, камергеръ при вел. кн. Александрѣ Павловичѣ съ 1794—1796 г.

мени своего миропомазанія и помолвки получила титулъ великой княжны Елисаветы. Племянницы г-жи Протасовой приходили туда постоянно. Принцесса Фредерика немало способствовала оживленію общества. Она была очень умна и хитра и, несмотря на ея юный возрастъ, выказывала рѣшительность характера. Увы, ея судьба, хотя и блестящая, подвергла ее многимъ испытаніямъ, и корона, возложенная на ея голову, была покрыта шипами¹⁾. Она уѣхала въ концѣ пребыванія двора въ Царскомъ Селѣ, чтобы вернуться къ своей матери. Сцена разлуки двухъ сестеръ была очень трогательна. Наканунѣ ея отъѣзда, идя къ великой княжнѣ Елисаветѣ, я встрѣтила императрицу подъ сводами террасы, выходящую отъ принцессы Фредерики. Она возвращалась съ прощальнаго визита отъ нея...

На другой день, утромъ, когда все было готово къ отъѣзду, дворъ великаго князя собрался, мы прошли черезъ садъ и прелестный цвѣтникъ до лужка, гдѣ стоялъ ея экипажъ. Послѣ раздражающихъ душу прощаній, великая княжна вскочила въ карету къ сестрѣ въ то время, когда дверцы уже закрывались и, поцѣловавъ ее еще разъ, она поспѣшно вышла, схватила мою руку и побѣжала со мной до развалины въ концѣ сада; она сѣла подъ дерево, положила мнѣ голову, предавшись горю. Когда же графиня Шувалова вмѣстѣ съ остальнымъ дворомъ подошли къ намъ, то великая княжна Елисавета тотчасъ поднялась, подавила слезы и медленно, съ совершенно спокойнымъ видомъ, пошла по направленію къ дому, уже въ такіе ранніе годы умѣя скрывать свое горе²⁾. Эта сила заставляла ошибаться въ ея характерѣ всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли понять ее или считали ее холодной и безчувственной; мнѣ говорили объ этомъ, но я всегда отвѣчала молчаніемъ: бываютъ въ сердцѣ такіе святыя и дорогіе уголки, говорить о которыхъ значитъ профанировать ихъ, и есть такія низкія и презрѣнныя мнѣнія, что они не стоятъ того, чтобъ ихъ оспаривать.

Приготовленія къ свадьбѣ великаго князя Александра начались тотчасъ по пріѣздѣ двора въ городъ; всѣ ожидали этого момента съ живымъ интересомъ. Наконецъ настало 29 сентября 1793 года³⁾. Въ церкви Зимняго дворца было устроено возвышеніе, на которомъ должна была совершиться брачная церемонія, для того, чтобы всѣмъ было видно. Какъ только молодые встали на него, всѣми овладѣло

1) Она сдѣлалась вдовствующей супругой шведскаго короля Густава IV. Въ 1809 г. она была свержена съ престола.

2) «Je serai seule, seule, absolument seule sans avoir personne à qui mes petites pensées», писала Елисавета Алексѣевна матери въ это время.

3) Бракосочетаніе совершилось 28 сентября 1793 г. Великому князю Александру Павловичу не было еще 16 лѣтъ, а великой княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ шелъ всего 15-й годъ. «C'est Psyché unie à l'Amour», писала о нихъ Екатерина; на самомъ же дѣлѣ это были еще дѣти.

чувство умиленія; они были хороши, какъ ангелы. Оберъ-камергеръ Шуваловъ и князь Безбородко держали вѣнцы. Когда обрядъ вѣнчанія былъ конченъ, великій князь и великая княгиня сошли, держась за руку; великій князь сталъ затѣмъ на колѣни передъ императрицей, чтобы благодарить ее, но государыня подняла его, обняла и цѣловала, рыдая. Такую же нѣжность государыня выказала и по отношенію къ великой княгинѣ; затѣмъ молодые новобрачные поцѣловались съ великимъ княземъ-отцомъ и великой княгиней-матерью, которые тоже благодарили государыню. Великій князь Павелъ былъ глубоко тронутъ, что всѣхъ очень удивило. Въ то время онъ любилъ свою невѣстку, какъ настоящій отецъ.

Графъ Растончинъ, долго пользовавшійся милостью великаго князя, рассказывалъ мнѣ, что однажды въ Гатчинѣ, въ разговорѣ о великой княгинѣ Елисаветѣ, великій князь Павелъ съ живостью замѣтилъ: «нужно отправиться въ Римъ, чтобы найти вторую Елисавету». Но все измѣнилось потомъ; нѣкоторыя несчастныя обстоятельства породили явленія, которыя могли возбудить сомнѣніе и придать видъ правды самымъ ужаснымъ клеветамъ. Такова судьба царственныхъ особъ: самыя законныя и естественныя изъ чувствъ постоянно подрываются людьми низкими, ловкими, лъстивыми и жаждущими только того, чтобы сохранить царскую милость на счетъ истинно преданныхъ имъ людей.

Императоръ Павелъ болѣе другихъ опасался быть обманутымъ; его характеръ, становившійся все болѣе недовѣрчивымъ, былъ очень удобенъ для тѣхъ, кто желалъ его гибели. Его супруга, великая княгиня, хотя любила его, но своими стараніями вліять на него только больше раздражала его. Она окружила его интригами, которыя лъстили его самолюбію, уничтожали доброту его характера. Она думала, что, спасая несчастныхъ, она исчерпывала всѣ свои обязанности благотворенія, и то же тщеславіе, которое уже столько разъ вредило ей, отравляло тѣ дѣла ея благотворительности, главнымъ источникомъ которыхъ должно быть доброе сердце. Она стала завидовать красотѣ, граціи и изяществу великой княгини Елисаветы, дружбѣ къ ней императрицы и особенно воздаваемымъ ей почестямъ. Перебѣну ея по отношенію ко мнѣ я могу приписать лишь особенной моей привязанности къ ея невѣсткѣ; ея доброта, милости ко мнѣ, продолжавшіяся 16 лѣтъ, обратились въ ненависть; она старалась погубить меня во мнѣнїи великой княгини Елисаветы, увѣренная, что ничто не могло быть для меня болѣе чувствительнымъ ¹⁾.

Въ день свадьбы былъ большой обѣдъ, вечеромъ—большой балъ въ парадной залѣ великаго князя Александра. Императрица, ве-

¹⁾ Гр. Головина не знала о планахъ Екатерины лишить Павла Петровича престолонаслѣдія, а, между тѣмъ, Марія Осодоровна боялась вліянія Головиной на великокняжескую чету, видя въ ней агента императрицы.

ликой князь Павелъ Петровичъ и великая княгиня Марія Оеодорошна проводили молодыхъ до ихъ апартаментовъ. На другой день былъ другой балъ въ большой галлерей у императрицы, затѣмъ слѣдовало еще нѣсколько празднествъ.

Пріѣздъ турецкаго посланника въ октябрѣ того же года представилъ очень красивое зрѣлище. Аудіенція, данная ему императрицей, была очень торжественна; начиная отъ дверей залы, въ которой его принимали, до трона, на которомъ возсѣдала императрица, стояли въ 2 ряда солдаты гвардейскаго полка, всѣ высокаго роста, одѣтые въ красные колеты, съ одной золотой звѣздой, украшенной русскимъ гербомъ, на груди, и другой—на спинѣ. Они образовали изъ себя густую цѣпь; у нихъ былъ черный плюмажъ, серебряныя каски и карабины. На государынѣ была надѣта императорская мантия и малая корона. Два церемоніймейстера открывали шествіе, держа въ рукахъ золотыя булавы съ двуглавымъ орломъ, за ними двое церемоніймейстеровъ вели посланника, богато одѣтаго; болѣе 50-ти турокъ несли подарки на восточныхъ подушкахъ.

Въ то время, когда дворъ переѣхалъ изъ Царскаго Села въ Таврической дворецъ, въ которомъ онъ всегда проводилъ часть весны и осени, на мою долю выпала большая радость: свекровь моя просила у императрицы позволенія поблагодарить ее лично за сына; но она была слишкомъ стара и глуха, чтобы быть принятой во время церемоніи въ Зимнемъ дворцѣ, когда онъ былъ назначенъ гофмаршаломъ двора великаго князя Александра. Ея величество охотно согласилась оказать ей эту милость и приказала мнѣ привести ее во дворецъ съ собой послѣ обѣда. Мы вошли въ залъ за нѣсколько минутъ до прихода императрицы. Моя свекровь была женщиной умной и по всей справедливости пользовавшейся безупречной репутаціей. Во время ссылки и несчастій, которыя ея семья терпѣла въ заключеніи при Елисаветѣ Петровнѣ, она выказала большое мужество и душевную теплоту ¹⁾. Она уже давно не была въ обществѣ, благодаря своей глухотѣ. Какъ только она показалась въ залѣ, раздались привѣтственные крики, ей цѣловали руки, оказывали ей всякіе знаки уваженія. Признаюсь совершенно искренно, что я была польщена и тронута этими выраженіями уваженія. Императрица встрѣтила ее очень ласково, поцѣловала ее и

¹⁾ Графиня Анастасія Степановна Головина была дочерью вице-адмирала Степана Васильевича Лоухина (ум. 1748 г.), двоюроднаго брата царицы Евдокіи и жены его, известной красавицы того времени, Натальи Оеодоровны, урожденной Валь. Въ началѣ царствованія императрицы Елисаветы родители Анастасіи Степановны замѣшаны были въ дѣло о заговорѣ противъ императрицы, и хотя участіе ихъ въ немъ не было вовсе доказано, они понесли жестокое наказаніе и сосланы были въ Сибирь; съ ними были дѣти ихъ. Анастасія Степановна чрезъ нѣсколько лѣтъ вызвана была въ Россію и вышла замужъ за графа Николая Александровича Головина, но отецъ ея умеръ въ Сибири, а мать съ сыномъ своимъ получила прощеніе лишь въ царствованіе Петра III.

приказала мнѣ быть ей толмачемъ, потому что было бы неловко, еслибъ государыня кричала ей на ухо. И съ благодарностью повторяла все милостивыя выраженія нашей государыни. Она повела насъ въ свои внутренніе покои, чтобы показать ихъ моей свекрови, которая воспользовалась отсутствіемъ публики, чтобы броситься къ рукѣ ея величества, чтобы выразить ей въ самыхъ трогательныхъ словахъ, какъ она была благодарна государынѣ за то, что она подумала о ея старости и объ ея сынѣ. Государыня была чрезвычайно тронута, я также: ничто не бываетъ такъ сладостно для нашего сердца, какъ чувство благодарности за любовь къ намъ и за участіе къ судьбѣ нашей. Возвратившись въ залъ, моя свекровь собралась уѣзжать, но ея величество задержала ее на весь вечеръ, составила ей партію въ бостонъ съ людьми, которые ей были наиболѣе пріятны, наслаждаясь веселостью, которую эта привѣтливая и уважаемая старушка распространяла вокругъ себя.

9-го мая дворъ переѣхалъ въ Царское Село. Этотъ отъѣздъ императрицы, хотя онъ совершался каждую весну, всегда производилъ большой эффектъ. Она ѣхала съ людьми, составлявшими ея интимный кружокъ, въ шестимѣстномъ экипажѣ, запряженномъ десятью красивыми конями, предшествуемая 6-ю курьерами, 12-ю гусарами, 12-ю лейбъ-казаками и въ сопровожденіи камеръ-пажей; пажы и конюхи были верхомъ. Какъ только экипажъ трогался съ мѣста, 100 пушечныхъ выстрѣловъ изъ Петропавловской крѣпости возвѣщали городу объ отъѣздѣ государыни. Народъ сбѣгался, все экипажи были въ движеніи, всемъ хотѣлось увидѣть ея проѣздъ, съ ея отъѣздомъ все становились угрюмы и тревожны, все чувствовали неприятную пустоту; несмотря на то, что на другой день я должна была нагнать ее, я, вмѣстѣ съ другими, раздѣляла это чувство. Я была спокойна, пока сама не поѣхала. Я сожалѣю, что царскій блескъ отъѣзда служилъ для всехъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ; но для воображенія необходимы такія величественныя картины: онѣ такъ отвѣчаютъ почтительности, которую каждый питаетъ къ государынѣ въ глубинѣ своего сердца. Я также жалѣю о пушечномъ выстрѣлѣ, возвѣщавшемъ намъ восходъ и заходъ солнца: это было какъ воспоминаніе о томъ концѣ и о той надеждѣ, которые всегда соединяются съ нашими мыслями. Императоръ Павелъ вывелъ этотъ обычай изъ употребленія.

Лѣтомъ 1794 г., когда я во второй разъ жила въ Царскомъ Селѣ, при дворѣ прибавилось нѣсколько новыхъ лицъ. Графъ Остергази, агентъ французскихъ принцевъ, былъ принятъ государыней очень милостиво ¹⁾. За его грубымъ тономъ скрывался корыстный, склон-

¹⁾ Отъ французскихъ принцевъ, разоренныхъ революціей, Остергази не получалъ жалованья, и императрица пожаловала ему въ Вольгской губерніи село Прудки; сынъ его Владиславъ наследовалъ это имѣніе и затѣмъ остался въ русскомъ подданствѣ.

ный къ интригамъ характеръ. Всѣ считали его открытымъ и прямодушнымъ человѣкомъ, но государыня недолго ошибалась въ немъ и только по своей добротѣ терпѣла его. Онъ замѣтилъ это и сталъ слугой Зубова, который и поддержалъ его. Его жена была женщина добрая и благодарная къ своимъ прежнимъ повелителямъ, обхожденія прямого, ровнаго и свободнаго. Графъ Штакельбергъ¹⁾, нашъ прежній посолъ въ Варшавѣ, гдѣ онъ игралъ важную роль, отлично умѣлъ угадывать духъ общества; онъ былъ ловкій царедворецъ и преданъ Зубову. Графъ Оедоръ Головкинъ, хотя былъ ничтожной личностью, но нѣкоторое время игралъ извѣстную роль²⁾. Это былъ злой и наглый лжецъ, не лишенный смѣлости; шутя и забавляя, онъ понемногу достигъ высшихъ чиновъ, но его вліяніе продолжалось недолго: насмѣшка и клевета были изгнаны въ кружкѣ императрицы, которая не терпѣла ихъ. Графъ Головкинъ сталъ чтецомъ и лакеемъ Зубова, другомъ сердца и довѣреннымъ лицомъ графини Шуваловой. Зубовъ выхлопоталъ ему мѣсто посланника въ Неаполѣ, но его дурное поведеніе заставило отозвать его оттуда; онъ былъ даже высланъ на нѣкоторое время. Три сестры, княжны Голицыны³⁾, назначенныя фрейлинами при великой княгинѣ Елисаветѣ незадолго до ея свадьбы, также послѣдовали за дворомъ въ Царское Село.

Природа была такъ оживлена, что придавала невыразимую прелесть обаянію весны. Это время года всегда какъ бы соединяетъ всѣ чувства, воспоминанія возвращаются съ новой силой; въ это время дышишь для того только, чтобы чувствовать благоуханія, еще съ большей любовью любить то, что долженъ любить, но, среди этого разнообразія чувствъ, появляется какая-то тревога, которая можетъ стать опасной для сердца, жаждущаго пищи.

Великая княгиня Елисавета выросла и похорошѣла. Она обращала на себя вниманіе всѣхъ: ея ангельское лицо, ея стройная, граціозная фигура, легкая поступь, заставляли всякій разъ восхищаться ею. Когда она входила къ императрицѣ, всѣ взоры устремлялись на нее. Я наслаждалась ея торжествомъ, но съ нѣкоторымъ

¹⁾ Графъ Оттонъ Магнусъ Штакельбергъ (р. 1736, ум. 1800), д. т. с.

²⁾ Р. 1770 г., ум. 1820 г., камеръ-юнкеръ, затѣмъ посланникъ въ Неаполѣ въ 1794—1795 гг. Оставилъ послѣ себя записки.

³⁾ Княжны Марья (р. 1773, ум. 1826), Софья (р. 1776) и Елисавета (р. 1777, ум. 1835) Алексѣевны Голицыны, дочери кн. Алексѣя Борисовича, генераль-майора, и жены его Анны Егоровны, урожд. княжны Грузинской. Княжны Голицыны были племянницами извѣстной княгини Натальи Петровны Голицыной, ур. Чернышевой, «*princesse moustache*», и вышли затѣмъ замужъ: княжна Марья—за графа Петра Александровича Толстого, генерала отъ кавалеріи, княжна Софья—за пэра Франціи, русскаго дѣйств. ст. сов., графа Карла Сень-При, и княжна Елисавета—за графа Александра Ивановича Остермана-Голстого, генералъ-адъютанта, героя 1812 года и Кульма.

опасеніемъ: я желала бы, чтобы на нее болѣе были обращены взгляды великаго князя Александра, чѣмъ кого либо другаго.

Каждый вечеръ мы совершали прогулки, все время продолжалась чудная погода; государыня останавливалась около ограды или колоннады. Заходъ солнца, тишина въ воздухѣ, благоуханіе цвѣтовъ, все это ласкало чувства. Что за время—молодость! Въ ней столько меду, смѣшаннаго съ ядомъ!

V.

Супружеская жизнь великаго князя Александра Павловича и великой княгини Елисаветы Алексѣевны.—Отношенія ихъ къ гр. Головиной.—Графиня Толстая.—Прогулка къ колонистамъ.—Игры и развлеченія въ Царскомъ Селѣ.—Увлеченія Зубова и интриги при дворѣ.—Отношенія къ Головиной великой княгини Елисаветы Алексѣевны.—Графъ Штакельбергъ.

Ничто не могло быть интереснѣе и красивѣе прелестной пары: великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы. Ихъ можно было сравнить съ Амуромъ и Психеей. Окружающіе замѣчали, что по чувствамъ они вполне отвѣчали другъ другу. Великій князь дѣлалъ тогда мнѣ честь удостоивать меня особеннаго своего довѣрія. Утромъ мы всегда гуляли втроемъ: и мужъ, и жена одинаково желали меня видѣть. Если супруги слегка ссорились между собой, — меня же звали быть судьей. Помню, что послѣ одной изъ ихъ размолвокъ они приказали мнѣ прійти на слѣдующее утро въ 7 часовъ въ нижній этажъ дворца, въ апартаменты моего дяди, которые выходили въ паркъ. Я отправилась туда въ назначенный часъ. Оба они вышли на террасу. Великій князь вошелъ черезъ окно, велѣлъ передать стулъ, вышелъ, заставилъ меня выскочить; словомъ, сдѣлалъ все, чтобы придать видъ приключенія самому обыкновенному факту. Они взяли меня за руку, отвели въ бывшій эрмитажъ въ глубину сада, усадили на столъ, и засѣданіе было открыто. Оба говорили одновременно. Приговоръ состоялся въ пользу великой княгини, которая была совершенно права. Великому князю надо было признаться въ своей винѣ. Онъ это сдѣлалъ. Покончивъ съ серьезнымъ дѣломъ, мы очень весело пошли далѣе.

Въ продолженіе этого лѣта мы дѣлали прелестныя прогулки. Императрица желала только одного: видѣть своихъ внуковъ счастливыми и довольными. Она позволяла великому князю Александру и великой княгинѣ гулять вездѣ, гдѣ бы они ни пожелали, даже и послѣ обѣда. Какъ-то разъ велѣли приготовить охоту въ Красномъ Селѣ. Эта деревня приходится въ небольшомъ разстояніи отъ Дудергофа, трехъ очень возвышенныхъ пригорковъ, изъ которыхъ два покрыты густымъ лѣсомъ. На нихъ растутъ прелестныя цвѣты, гербаристы собираютъ тамъ очень интересныя коллекціи. Средній при-

горокъ покрытъ мѣнѣе густымъ лѣсомъ. На вершинѣ его построена финская деревня, а лютеранская церковь придаетъ ему отшельническій видъ и дѣлаетъ это мѣсто очень живописнымъ. Мы вернулись во дворецъ въ самый жаръ, пророчившій сильную грозу, и пообѣдали съ большимъ аппетитомъ. Едва только вышли мы изъ-за стола, какъ вдругъ раздался сильнѣйшій ударъ грома; блеснувшая молнія ослѣпила насъ. Сильный и хорошій дождь лилъ перпендикулярно. Пошелъ также градъ. Великая княгиня бѣгала за градинами, которыя катились въ комнату черезъ трубу камина. Вся эта суета, безпокойство охотниковъ, всѣ разнообразныя волненія очень забавляли великую княгиню и меня. Фрейлина княгиня Голицына скрылась въ спальнѣ: она сильно боллала грозы. Молодая графиня Шувалова отправилась съ ней вмѣстѣ, но мать послѣдней ходила то къ нимъ, то къ намъ. Великая княгиня и мы были проникнуты чувствами, составлявшими наше общее наслажденіе: гроза, громъ и молнія представляли намъ прекрасное зрѣлище. Облокотившись на окно, мы любовались явленіями природы. Обѣ мы были въ амазонкахъ и черныхъ касторовыхъ шляпахъ. Шляпа великой княгини была украшена стального цвѣта лентой, которую она приколола на мою, чтобы обмѣнить ихъ незамѣтнымъ образомъ. Ея высочество взяла мою шляпу, а мнѣ дала свою. Все это произошло молча. Въ тотъ же день она дала мнѣ маленькую, предназначенную мнѣ записку, которая еще хранится у меня въ медальонѣ съ ея портретомъ и волосами.

Ничто не можетъ быть пріятнѣе перваго проявленія чувства дружбы, ничто не должно останавливать его хода. Довѣріе, это увлеченіе дружбы, эта чистая невинность юности, походить на цвѣтникъ съ постоянно возрождающимися цвѣтами. Любятъ безъ страха и угрызеній совѣсти. Какое счастье, можно сказать даже болѣе, владѣть такимъ чувствительнымъ сердцемъ, дружба котораго внушаетъ спокойствіе и увѣренность.

Гроза прошла. За ней слѣдовала самая невозмутимая тишина. Воздухъ былъ мягкій и пріятный. Все содѣйствовало къ тому, чтобы сдѣлать нашу прогулку пріятною. Въ продолженіе нѣкотораго времени охотились, потомъ взобрались на первый пригорокъ. Съ вершины его мы открывали прелестныя виды. Цвѣты и земляника, казалось, росли подъ нашими ногами. Мы пошли потомъ на самый лѣсистый пригорокъ. Въ сторонѣ находился птичникъ для фазановъ, окруженный очень густыми деревьями, около которыхъ мы увидали тропинку, ведущую до вершины. Великой княгинѣ хотѣлось туда взобраться, но эта тропинка была слишкомъ камениста и крута. Придумали совершенно новый способъ ее туда доставить: около птичника нашли мы финскую телѣжку, запряженную лошадыю, и предложили этотъ экипажъ великой княгинѣ, которая приняла его съ радостію. Ее усадили въ него со мной, съ княжной Голицыной

и съ молодой графиней Шуваловой. Камергеры и камеръ-юнкеры помогали лошади: одни тянули ее за узду, другіе толкали телѣжку. Великій князь и нѣкоторые придворные были верхомъ. Многочисленная толпа и финская телѣжка напоминали волшебныя сказки и, казалось, скрывали какую-то тайну: въ жизни все таинственно, даже финская телѣжка. Прогулка продолжалась долго. Мы вернулись въ открытыя экипажахъ. Вечеръ былъ восхитительный. Природа представляла совершенно особое зрѣлище: свѣтъ смѣнился сумерками; всѣ предметы, пригорки, деревья, колокольни, обрисовывались черной тѣнью на чистомъ и сѣроватомъ небѣ. Говорили мало, но каждый наслаждался по-своему.

Графиня Толстая ¹⁾, жена камергера великаго князя, жила въ Царскомъ Селѣ. Она еще не была принята при дворѣ, но имѣла позволеніе бывать у великой княгини въ качествѣ приближенной къ ея двору. Я знала ее съ дѣтства, но мало. Она была мнѣ родственницей по мужу, а графъ Толстой въ это время былъ у ногъ моихъ. Онъ привезъ ее ко мнѣ, сказавъ: «Дарю вамъ свою жену». Она была справедливо оскорблена его словами, поставившими меня въ неловкое положеніе и установившими между нами нѣкоторое стѣсненіе, къ счастью, недолго продолжавшееся. Она была красива и симпатична, но несчастныя обстоятельства ея жизни усилили ея чрезмѣрную природную застѣчивость. Когда мы оставались однѣ, она обыкновенно хранила молчаніе; наконецъ, лаской и предупредительностію я достигла того, что она привыкла ко мнѣ, была со мной откровенна и полюбила меня всѣми силами своего сердца. Наше сближеніе перешло въ настоящее чувство; испытанія, черезъ которыя мы прошли обѣ вмѣстѣ, только укрѣпили дружбу, которая не должна и не можетъ прекратиться. Утромъ мы гуляли вмѣстѣ въ окрестностяхъ Царскаго Села. Какъ-то разъ ея высочество пригласила меня отправиться въ деревню колонистовъ, находившуюся въ двѣнадцати верстахъ отъ дворца. Мы нашли ее прелестной и описали великому князю и великой княгинѣ подробности этой прогулки. Ихъ императорскимъ высочествамъ хотѣлось также совершить ее, и они получили позволеніе императрицы. Рѣшено было, что они для большей свободы пойдутъ инкогнито подѣ нашимъ покровительствомъ. Великая княгиня должна была выдавать себя за m-lle Herbil, свою горничную, а великій князь — за моего племянника. Въ восемь часовъ утра великая княгиня сѣла со мной и графиней Толстой въ маленькую почтовую телѣжку, принадлежащую послѣдней. Мужъ мой помѣстился въ собственномъ англійскомъ

¹⁾ Графиня Анна Ивановна, урожденная княжна Бяритинская, дочь князя Ивана Сергѣевича отъ супружества его съ принцессой Екатериной Петровной Голштейнъ-Бекской. Она — родная тетка фельдмаршала Александра Ивановича Бяритинскаго. Ум. 1825 г. въ Парижѣ и погребена на кладбищѣ le Calvaire du Mont-Valérien.

кабриолетѣ вмѣстѣ съ великимъ княземъ. Приѣхавъ къ m-lle Vilbade (фамилія хозяйки дома, куда мы вошли), великая княгиня была погружена въ воспоминанія: это жилище и одежда напоминали крестьянъ ея родины. Семейство Вильбадъ состояло изъ мужа, жены, сына съ женой и ребенкомъ и молодой дѣвушки. Пригласили двухъ сосѣдей и играли вальсы съ береговъ Рейна. Музыка и вся обстановка сдѣлали большое впечатлѣніе на великую княгиню, но къ наслажденію ея примѣшивалась легкая грусть. Мужъ мой отвлекъ ее отъ этого чувства, сказавъ:

— M-lle Herbil, вы слишкомъ лѣнны, пора готовить завтракъ. Пойдемте въ кухню, вы нарѣжете петрушки для яичницы, которую мы сейчасъ сготовимъ.

Великая княгиня послушалась и взяла свой первый кулинарный урокъ. На ней было бѣлое утреннее платье, маленькая соломенная шляпа прикрывала ея прекрасные бѣлокурые волосы. Принесли массу розъ; мы сдѣлали изъ нихъ гирлянду и украсили ею ея шляпу. Она была мила, какъ ангелъ. Великій князь Александръ съ трудомъ сдерживалъ свою серьезность при видѣ моего мужа, который былъ въ шляпѣ и имѣлъ очень смѣшной видъ. Мы попробовали превкусной яичницы. Масло и очень густыя сливки закончили завтракъ. Въ углу комнаты находилась люлька со спящимъ ребенкомъ. Молодая мать изрѣдка ходила покачивать его. Великая княгиня, замѣтивъ это, встала на колѣна, покачала дитя, и глаза ея наполнились слезами. Она будто предчувствовала тяжелаго испытанія, которыя готовило ей будущее. Это смѣшеніе веселости и простоты придало много оживленія нашей утренней прогулкѣ. Возвратный путь былъ очень интересенъ. Сильный теплый дождь лилъ потоками. Мы посадили великаго князя въ коляску подъ кожу, прикрывавшую наши ноги. Болѣе трехъ лицъ не могло устѣться внутри коляски, и, несмотря на всѣ наши старанія, онъ промокъ до костей. Это не уменьшило нашей веселости, и мы долго съ удовольствіемъ вспоминали про эту прогулку.

Г-жа Вильбадъ, приѣзжая иногда въ городъ по своимъ дѣламъ, привозила мнѣ масло. Я попросила ее привезти его также моему такъ называемому племяннику. «Я не знаю, гдѣ онъ квартируетъ», сказала она. Я отвѣчала, что велю ее проводить. Одинъ изъ моихъ слугъ отвелъ ее во дворецъ. Когда она узнала истину, съ ней едва не сдѣлалось дурно отъ удивленія и счастья. Великій князь далъ ей сто рублей и одежду для ея мужа. Помните, эта небольшая пенсія выдавалась ей въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Удовольствіемъ и конца не было. Императрица старалась сдѣлать Царское Село какъ можно болѣе пріятнымъ. Придумали бѣгать въ запуски на лугу передъ дворцомъ. Было два лагеря: Александра и Константина. Розовый и голубой флаги съ серебряными, вышитыми на нихъ инициалами, служили отличіемъ. Какъ и слѣдо-

вало, я принадлежала къ лагерю Александра. Императрица и лица не игравшія сидѣли на скамейкѣ, противъ аллеи, окаймлявшей дугъ. Великая княгиня Елисавета вѣшала свою шляпу на флагъ, прежде чѣмъ пуститься бѣжать. Она едва касалась земли, до того была легка; воздухъ игралъ ея волосами, она опережала всѣхъ дамъ. Ею любовались и не могли достаточно наглядѣться на нее. Игры нравились всѣмъ: въ нихъ охотно принимали участіе. Императрица, которая была олицетворенная доброта, замѣтила, что камергеры и камеръ-юнкеры, дежурившіе при ней два раза въ недѣлю, съ сожалѣніемъ видѣли конецъ своей службы. Она позволила имъ остаться въ Царскомъ Селѣ, сколько они пожелаютъ. Ни одинъ изъ нихъ не оставилъ его въ продолженіе всего лѣта. Князь Платонъ Зубовъ принималъ участіе въ играхъ. Грація и прелесть великой княгини Елисаветы произвели на него въ скоромъ времени сильное впечатлѣніе. Какъ-то вечеромъ, во время игры, подошелъ къ намъ великій князь Александръ, взялъ за руку меня, также какъ и великую княгиню, и сказалъ: «Зубовъ влюбленъ въ мою жену». Эти слова, произнесенныя въ ея присутствіи, очень огорчили меня. Я выразилась, что эта мысль не можетъ имѣть никакихъ основаній, и прибавила, что если Зубовъ способенъ на подобное сумасшествіе, слѣдовало его презирать и не обращать на то ни малѣйшаго вниманія. Но это было слишкомъ поздно: эти несчастныя слова уже нѣсколько смугили сердце великой княгини. Она была сконфужена, а я чувствовала себя несчастной и была въ безпокойствѣ: ничто не можетъ быть болѣе бесполезно и опасно, какъ дать замѣтить молодой женщинѣ чувство, которое должно непременно ее оскорбить. Чистота и благородство души не позволяютъ ей его замѣтить, но удивленіе смѣняется неловкостію, которую можно истолковать въ неблагопріятномъ для нея смыслѣ. Послѣ игръ я, по обыкновенію, ужинала у ихъ императорскихъ высочествъ. Открытіе великаго князя все бродило у меня въ головѣ. На другой день мы должны были обѣдать у великаго князя Константина въ его дворцѣ, въ Софіи. Я поѣхала къ великой княгинѣ съ цѣлію сопровождать ее. Ея высочество сказала мнѣ: «пойдемте скорѣе подальше отъ другихъ: мнѣ нужно вамъ кое-что сказать». Я повиновалась: она подала мнѣ руку. Когда мы были довольно далеко, и насъ не могли слышать, она сказала мнѣ: «Сегодня утромъ графъ Растопчинъ былъ у великаго князя съ цѣлію подтвердить ему все замѣченное относительно Зубова. Великій князь повторилъ мнѣ его разговоръ съ такой горячностью и безпокойствомъ, что со мной едва не сдѣлалось дурно. Я въ высшей степени смущена; не знаю, что мнѣ дѣлать; присутствіе Зубова будетъ стѣснять меня навѣрное». — «Ради Бога, — отвѣчала я ей, — успокойтесь. Все это такъ сильно дѣйствуетъ на васъ, благодаря вашей молодости; вамъ не надо испытывать ни стѣсненія, ни безпокойства.

Имѣйте достаточно силы воли позабыть все сказанное, и это пройдетъ само собою». Великая княгиня немного успокоилась, и обѣдъ сошелъ довольно хорошо. Вечеромъ мы вошли къ императрицѣ. Я застала Зубова въ мечтательномъ настроеніи, безпрестанно бросавшаго на меня томные взоры, которые онъ переносилъ потомъ на великую княгиню. Вскорѣ несчастное сумасбродство Зубова стало извѣстно всему Царскому Селу. Тогда на меня старались подействовать повѣренные Зубова и его шпіоны. Графиня Шувалова была первая, кому Зубовъ признался въ своихъ чувствахъ. Графъ Головкинъ, графъ Штакельбергъ, Колычевъ — камергеръ, а впоследствии гофмейстеръ двора ¹⁾, княжны Голицыны, Фрейлины, и докторъ Бекъ ²⁾ сдѣлались моими надсмотрщиками. Они ежедневно давали отчетъ въ своихъ наблюденіяхъ графу Салтыкову. Наши прогулки и разговоры съ великой княгиней, ея малѣйшее вниманіе ко мнѣ, все подвергалось наблюденію: объ этомъ толковали, видоизмѣняли и, черезъ Салтыкова, передавали императрицѣ Маріи. Я была окружена цѣлымъ легиономъ враговъ, но чистая совѣсть придавала мнѣ силу, и я такъ была проникнута своимъ чувствомъ къ великой княгинѣ Елисаветѣ, что, вмѣсто того, чтобы испытывать беспокойство, удвоила свои старанія и, если можно такъ выразиться, стала смѣлѣе. Покровительство императрицы, ея доброта ко мнѣ и довѣріе великаго князя устраняли всякое стѣсненіе. Эти обстоятельства только укрѣпили расположеніе великой княгини ко мнѣ: мы почти не разставались; сердце ея ввѣряло моему всѣ свои чувства. Я проникалась этимъ довѣріемъ, была имъ тронута, и ея репутація становилась цѣлью моего счастья. Ничто не можетъ быть увлекательнѣе перваго довѣрія души: оно подобно источнику чистой воды, который ищетъ проложить себѣ новое русло, пока не найдетъ мѣста, гдѣ можетъ распространиться, выйти наружу и освободиться отъ стѣсняющихъ его береговъ.

Вниманіе Зубова ко мнѣ увеличивалось и все болѣе и болѣе возстановляло меня противъ него. Онъ постоянно шептался съ графиней Шуваловой, что заставляло меня презирать ихъ обоихъ. Между другими повѣренными Зубова былъ итальянецъ Санти, артистъ на гитарѣ. Я его знала: онъ пріѣзжалъ играть ко мнѣ. Должность его заключалась въ томъ, чтобы наблюдать за моими прогулками въ саду съ великой княгиней и указывать ихъ направленіе своему влюбленному покровителю, чтобы онъ могъ насъ встрѣтить. Эта игра удавалась иногда. Г. Зубовъ подходилъ къ намъ съ низкимъ поклономъ, онъ застѣнчиво и томно подымалъ свои

¹⁾ Колычевъ, Степанъ Степановичъ, камергеръ, въ 1796 г. вице-президентъ придворной конторы.

²⁾ Иванъ Филиповичъ Бекъ, лейбъ-медикъ, т. е., докторъ медицины и хирургіи. Лейбъ-медики и прочіе придворные врачи не чуждались въ XVIII в. придворныхъ интригъ и даже играли въ нихъ главную роль.

черные глаза и тѣмъ только смѣшили меня; поэтому, какъ только мы отходили отъ него, я давала волю всей моей веселости: сравнивала его съ волшебнымъ фонаремъ и старалась, въ особенности, выказать его въ смѣшномъ видѣ въ глазахъ великой княгини.

Какъ-то утромъ, гуляя одна въ саду, я встрѣтила графа Штакельберга. Онъ подошелъ и заговорилъ со мной поспѣшно и дружески, какъ дѣлалъ это всегда съ тѣми, кому хотѣлъ оказать расположение. — «Другъ мой, дорогая графиня, — сказалъ онъ мнѣ, — чѣмъ болѣе вижу эту восхитительную Психею, тѣмъ болѣе теряю голову! Она несравненна, но я замѣчаю у нея недостатокъ». — «Скажите, какой? прошу васъ». — «Сердце ея недостаточно чувствительно. Она дѣлаетъ такъ много несчастныхъ, а не цѣнитъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ, самаго почтительнаго вниманія». — «Вниманія кого?» — «Того, кто боготворитъ ее». — «Вы съ ума сошли, дорогой графъ, и вы меня худо знаете. Идите къ графинѣ Шуваловой: она васъ лучше пойметъ, и знайте разъ навсегда, что слабость такъ же далека отъ сердца Психеи, какъ ваши слова граничатъ съ низостью». Окончивъ эти слова, я подняла глаза на окна комнатъ Зубова и увидала его на балконѣ. Взявъ Штакельберга подъ руку, я подвела его къ нему: «Вотъ, — сказала я, — молодой человѣкъ, который съ ума сошелъ. Велите скорѣе пустить ему кровь. Въ ожиданіи этого, разрѣшаю вамъ разспросить у него все подробности нашего разговора». Признаюсь, я ихъ оставила съ нѣкоторымъ чувствомъ самоудовлетворенія.

Графиня В. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГРАФИНЯ СОФІЯ ПОТОЦКАЯ.

ОЛЬСКІЙ посоль при Оттоманской Портѣ, Боскампъ Лясопольскій, проходя однажды по улицамъ Стамбула, наткнулся на сцену, довольно обычную въ магометанской столицѣ: старуха гречанка вывела на торгъ двухъ своихъ дочерей, надѣясь выгодно продать ихъ въ гаремъ какого нибудь пашы. Обѣ дѣвушки были чудно хороши; старшей, имени которой мы не знаемъ, едва минуло 15 лѣтъ, младшей Софіи шелъ всего тринадцатый годъ. Тонкій знатокъ женской красоты, Боскампъ сразу оцѣнилъ достоинства юныхъ гречанокъ и купилъ обѣихъ по довольно сходной цѣнѣ, но купилъ ихъ не для себя: занимая официально высшія должности, Лясопольскій въ то же время исполнялъ порученія короля Станислава Понятовскаго по доставкѣ въ Варшаву красивыхъ женщинъ. Въ 1778 году, Боскампъ возвращался изъ Турціи и везъ съ собой обѣихъ красавицъ, но, такъ какъ путь его шелъ черезъ владѣнія набожной Маріи-Терезіи, то онъ счелъ болѣе удобнымъ оставить пока живой товаръ въ Подоліи. Это было крупною ошибкой со стороны Боскампа: пока онъ пробирался въ Варшаву, добыча ускользнула изъ его рукъ.

Командантомъ Каменецъ-Подольской крѣпости былъ въ то время генералъ Витте, старый воинъ, гоноровый шляхтичъ и вѣрный сынъ католической церкви. Но его сынъ, Юсифъ Витте, майоръ польской службы и шефъ пѣхотнаго полка, часто бывалъ въ Варшавѣ,

просвѣтился тамъ надлежащимъ образомъ и успѣлъ отречься отъ многихъ предрасудковъ истинныхъ и мнимыхъ. Красота гречанокъ разожгла кровь молодого майора, и онъ приволокнулся сначала за старшей сестрой. Побѣдить дѣвушку, приготовленную для гарема, было нетрудно, но любовница скоро наскучила Іосифу, и онъ бросилъ ее, для того чтобы перейти ко второй сестрѣ. Мы не знаемъ подробностей судьбы покинутой гречанки, но она не погибла и черезъ 10 лѣтъ была уже главною женой хотинскаго пашы.

Судьба Софіи, наоборотъ, извѣстна очень хорошо. Покорить сердце ея оказалось не такъ легко, какъ сердце ея сестры: она объявила своему поклоннику, что будетъ принадлежать ему только, какъ жена, а не какъ любовница. Влюбленный и разпаленный упрямствомъ Софіи, Витте не остановился передъ этимъ рѣшительнымъ шагомъ, и 14 іюня 1779 года ксендзъ Антоній Хмелевскій, кафедральный каноникъ каменецкій, благословилъ въ зильковецкомъ костелѣ (въ предмѣстьѣ старой крѣпости) бракъ Софіи Клявона съ Іосифомъ Витте. Этотъ бракъ до глубины души оскорбилъ стараго коменданта: онъ рѣшилъ отречься отъ сына. Но прекрасная Софія сама явилась къ суровому отцу, пала предъ нимъ на колѣни и умоляла его простить и благословить ихъ союзъ. Она была дивно хороша: въ большихъ, черныхъ очахъ ея виднѣлась тоска и страстность; въ движеніяхъ ея было столько невыразимой прелести, на губахъ столько покорности и мольбы, что генераль, извѣстный своей суровостью и энергіей, уступилъ.

— Встань, моя милая,—воскликнулъ онъ:—ты такъ хороша, что не удивляюсь сыну, сдѣлавшему глупость. Встань! Прощаю и благословляю.

Около года прожили новобрачные въ Каменцѣ, а въ маѣ 1780 года Іосифъ Витте съ красавицей женой поѣхали во Францію и около двухъ лѣтъ прожили въ Парижѣ, вращаясь въ великосвѣтскихъ сферахъ.

Для всякаго понятно, какія воззрѣнія могло привить молодой женщинѣ парижское общество XVIII вѣка, то общество, въ которомъ мужъ, любящій свою жену, считался чудакомъ, а этого страннаго слова аристократія боялась пуще огня. Извѣстенъ анекдотъ, какъ одинъ вельможный супругъ изъ французской знати долженъ былъ тайкомъ отъ прислуги, крадучись, какъ воръ, пробираться въ спальню собственной жены, которую онъ обожалъ и съ которой не смѣлъ жить открыто, боясь злыхъ эпиграммъ великосвѣтскихъ остряковъ.

Итакъ, сперва турецкая подготовка къ гаремной жизни, а затѣмъ парижская проповѣдь чувственности—вогъ атмосфера, въ которой сложился характеръ Софіи. Мы не имѣемъ ни одного извѣстія о томъ чтобы ктонибудь когданибудь говорилъ ей о различіи между добромъ и зломъ, о нравственномъ и безнравственномъ. Имѣемъ ли мы послѣ этого право обвинять прекрасную парочку въ томъ,

что у нея отсутствовало всякое представленіе о супружескомъ долгѣ, и что она необузданно отдавалась страстнымъ влеченіямъ своей южной натуры?

Впечатлѣніе, произведенное Софіей Витте на Парижѣ, было изумительно: народная молва прославляла ея красоту, и, не говоря уже о прочихъ кавалерахъ, самъ Monsieur, впоследствии король Людовикъ XVIII, боготворилъ ее и преклонялся передъ ея красотой. Софію до такой степени захвалили въ Парижѣ, что она наконецъ сама увѣровала въ свою неотразимость и съ наивностью ребенка высказывала это. Виже Лебрентъ передастъ слѣдующій характерный анекдотъ.

Однажды у madame Витте слегка воспалились глаза. Кто-то какъ разъ въ это время осведомился у нея о ея здоровьѣ.

— Ахъ, — отвѣчала она добродушно и искренно: — моя великолѣпные глаза разболѣлись!

Въ 1782 году, супруги Витте возвратились въ Каменецъ вмѣстѣ съ малюткой сыномъ, Иваномъ, родившимся въ Парижѣ. Тихій домъ стараго коменданта преобразился. Громъ музыки почти постоянно потрясалъ своды его замка, праздники, маскарады, балы съ фейерверками, иллюминаціями и пушечной пальбой шли одинъ за другимъ непрерывной блестящей вереницей. Прекрасная Софія, конечно, была царицей всѣхъ этихъ торжествъ. Пользуясь парижскими уроками, она сумѣла сразу вскружить головы всѣмъ каменецкимъ шляхтичамъ, которые готовы были на все ради того, чтобы добиться благоклонности очаровательной гречанки. Въ декабрѣ 1785 года, умеръ старый Витте, и его сынъ сдѣлался комендантомъ крѣпости, а Софія — всемогущей госпожей гарнизона, города и окрестностей.

Однако, вполне понятно, что женщина, царившая два года въ парижскихъ салонахъ, не могла надолго удовлетвориться каменецкой жизнью: грубоватыя и угловатыя ухаживанья польскихъ паничей скоро ей надоѣли. Она жаждала болѣе широкаго поприща и рѣшила игру въ любовь перемѣнить на игру въ политику. Въ то время Польша была театромъ борьбы двухъ партій — русской и національной. Для всякаго мало-мальски прозорливаго ума было ясно, что первая партія имѣетъ всѣ шансы на побѣду, а второй предстоитъ неминуемая гибель. Софія Витте тоже поняла это и рѣшила примкнуть къ сторонникамъ Россіи. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ ею въ 1787 году, во время знаменитаго путешествія Екатерины II на югъ. Въ Крыму Софія имѣла честь представиться императрицѣ, а затѣмъ, въ іюнѣ того же года, съѣла въ Херсонѣ на корабль и отправилась Константинополь. Цѣлью этой поѣздки было свиданіе со старухой матерью, что во всякомъ случаѣ дѣлаетъ Софію честь: родительница была, очевидно, не очень чувствительнаго сердца, если рѣшилась продать дочь; но дочь не отплатила ей взаимностью, хотя имѣла на это полное право. Впро-

чемъ, свиданіе продолжалось недолго, такъ какъ уже осенью Софія была во Львовѣ, гдѣ рѣшила остаться подольше: такимъ образомъ она думала избавиться отъ мужа, который крайне подозрительно относился къ свѣтскимъ успѣхамъ супруги и успѣлъ уже надобѣсть ей своей ревностью. Но эта попытка освободиться не удалась: узнавъ о рѣшеніи жены, Витте такъ огорчился, что даже нарушилъ служебный долгъ и, безъ отпуску покинувъ свой постъ, полетѣлъ во Львовъ мириться. Мольбы мужа на этотъ разъ имѣли нѣкоторый успѣхъ, и въ началѣ 1788 года супруги снова были въ Каменцѣ. Впрочемъ, перемиріе продолжалось недолго: Софія вовсе не имѣла желанія отказаться отъ политической дѣятельности.

Но тутъ мы должны сдѣлать оговорку, чтобы не подать повода къ недоразумѣнію. Витте приступала къ политической дѣятельности вовсе не съ какою нибудь опредѣленною программой, да и самую эту дѣятельность понимала отнюдь, не какъ руководство мировыми событиями. Ей просто хотѣлось только воспользоваться своей красотой для покоренія сердецъ сильныхъ міра сего и для пріобрѣтенія надъ ними вліянія; опираясь на это вліяніе, она желала принять участіе и играть замѣтную роль въ политическихъ интригахъ, наполнявшихъ тогда жизнь свѣтскаго общества, составлявшихъ его господствующій интересъ и заслонявшихъ отъ него всѣ дѣйствительно важные историческіе процессы, которые въ то время происходили. Понимая свою задачу такимъ образомъ, Софія Витте имѣла всѣ шансы на успѣхъ: въ XVIII вѣкѣ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ когда либо, женская красота имѣла вліяніе на выдающихся государственныхъ дѣятелей, а Витте знала цѣну своей красотѣ.

Это было время второй турецкой войны. Потемкинъ осаждалъ Очаковъ, а графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ стоялъ подъ Хотиномъ, гдѣ комендантомъ былъ тотъ самый паша, главной женой котораго была старшая сестра Софіи. Хотинъ уже еле держался, и скоро Потемкинъ получилъ отъ Салтыкова извѣстіе, что турки сдаются на капитуляцію, но требуютъ три дня сроку. «Фельдмаршалъ,—разсказываетъ Л. Н. Энгельгардтъ,—къ тому времени приказалъ, чтобы на батареяхъ были пушки заряжены стрѣлять викторію о сдачѣ Хотина, когда курьеръ пріѣдетъ; но онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, что отсрочено еще туркамъ на три дня, и потомъ еще на три дня». Причина такой медленности ни для кого не была тайной: въ палаткѣ Салтыкова часто видѣли красивую жену каменецкаго коменданта, пылкія ласки которой совершенно вкружили голову русскому генералу. Поддаваясь мольбамъ своей возлюбленной, Салтыковъ постоянно посылалъ черезъ парламентаровъ письма отъ нея въ Хотинскую крѣпость и отвѣты, принесенные оттуда, вручалъ прелестной Софіи. Какъ видимъ, первая попытка Витте на избранномъ поприщѣ оказалась вполне удачною.

Вскорѣ послѣ паденія Хотина, Софія отправилась въ Варшаву,

какъ кажется, съ тайными порученіями отъ русскаго правительства. Успѣхъ ея въ польской столицѣ былъ необычайный.—«Хороша, какъ богиня Грида,—пишетъ объ ней Нѣмцевичъ.—Одѣвалась разъ погречески, другой поевропейски. Гдѣ показывалась, приводила всѣхъ въ восторгъ; толпы тѣснились къ ней, многіе вскакивали на скамьи, чтобъ только ее видѣть». Но при дворѣ Витте приняли холодно: опредѣленнаго про ея миссію, конечно, ничего не знали, но подозрѣвали многое. Въ это же время встрѣтился съ ней и графъ Потоцкій, который съ перваго же разу страстно влюбился въ нее, но пока еще сумѣлъ въ себѣ найти достаточно силы воли, чтобы противостать искушенію. Въ общемъ Витте уѣхала изъ Варшавы недовольной, но въ Каменцѣ оставалась опять недолго: въ 1789 г. мы видимъ ее уже подъ Очаковымъ у Потемкина. Она царить среди сонма красавицъ, окружавшихъ тогда великолѣпнаго князя Тавриды, который всячески угождалъ прелестной гречанкѣ и всѣми способами старался выразить ей свою любовь и преданность. Такъ, однажды, желая подарить Софіи кашемировую шаль безумно дорогой цѣны, Потемкинъ далъ балъ, на который было приглашено двѣсти дамъ, и послѣ ужина устроилъ лотерею; каждая изъ присутствовавшихъ получила по роскошной шали, но лучшая—досталась, конечно, прекрасной царицѣ бала. Другой, еще болѣе поразительный, фактъ произошелъ, когда русскія войска подъ начальствомъ Суворова приблизились къ Измаилу. Потемкинъ долго не рѣшался на штурмъ этой крѣпости. Однажды Витте гадала князю на картахъ и сказала:

— Карты пророчатъ, что Измаиль сдастся черезъ три недѣли.

— Я умѣю гадать лучше васъ, — возразилъ Потемкинъ, улыбаясь, и тотчасъ же послалъ Суворову приказъ взять Измаиль, во что бы то ни стало. Измаиль былъ взятъ.

Какъ же относился къ любовнымъ похиженіямъ своей супруги ревнивый каменецкій комендантъ? Далеко не равнодушно: въ августѣ 1789 года, онъ снова самовольно покинулъ свой постъ и полетѣлъ къ вѣтренной супругѣ. На этотъ разъ отлучка не прошла ему даромъ, и онъ принужденъ былъ подать въ отставку. Впрочемъ, Витте не пришлось особенно раскаиваться въ этомъ: Потемкинъ принялъ его на русскую службу и, немного погодя, сдѣлалъ комендантомъ въ Херсонѣ, назначивъ ему 6.000 руб. жалованья и внушивъ не ѣздить туда, гдѣ онъ совершенно лишній, и куда его не зовутъ. Съ Потемкинымъ трудно было спорить; Витте подчинился судьбѣ и скоро утѣшился въ кругу красавицъ, хотя и не такихъ, какъ его супруга.

А Софія Витте тѣмъ временемъ вмѣстѣ съ Потемкинымъ очутилась уже въ Яссахъ, гдѣ тогда царствовало большое оживленіе. Съ одной стороны здѣсь велись переговоры съ турками, съ другой—сюда же постоянно пріѣзжали родовитые поляки, недовольные

реформаторскими стремленіями прогрессивной партіи и искавшіе поддержки той самой Россіи, которая для нихъ еще такъ недавно была заклятымъ врагомъ. Явился сюда и извѣстный Потоцкій. Значеніе, которымъ пользовался въ Польшѣ этотъ знатнѣйшій представитель польской аристократіи, заставило русскихъ дипломатовъ обратить на него особенное вниманіе и, во что бы то ни стало, привлечь его въ ряды русской партіи. Софія Витте также попала въ число снарядовъ, которыми старались уловить Потоцкаго. Ея польскій біографъ говоритъ: «у насъ въ рукахъ почти доказательства того, что м-ме Витте выступила здѣсь (т. е. въ Яссахъ) въ роли политическаго агента, кокетствомъ склоняя колеблющагося Потоцкаго принять предложенія «сѣверной союзницы». На человѣка съ небольшимъ умомъ слишкомъ много было разставлено здѣсь сѣтей: прежде всего щекотали спесь, поддерживали олигархическія убѣжденія, а тутъ еще самая красивая женщина, ангель или сатана во плоти, вѣшается ему на шею, напештывая сладкія слова любви, и съ свойственной восточнымъ націямъ образностью рисуетъ ему будущее счастье его отечества, а его самого въ этомъ отечествѣ— первымъ гражданиномъ, можетъ быть, королемъ, котораго благословятъ подданные». Не устоялъ Потоцкій, и примкнулъ къ Тарговицкой конфедераціи. Наградой за это была любовь Софіи.

Юридическій мужъ Софіи попробовалъ было протестовать противъ перехода его супруги въ новыя руки, но скоро удовлетворился сравнительно скромнымъ вознагражденіемъ. Однако, прямо торговать женой было несовсѣмъ прилично, даже и въ то разнузданное время; поэтому рѣшили сохранить хотя видъ благопристойности. Витте взялъ на себя поставку для русской арміи 15—30 тысячъ корцевъ пшеницы и получилъ за товаръ деньги впередъ. Никакой пшеницы онъ, конечно, не доставилъ, а образовавшійся такимъ образомъ долгъ его казнѣ выплатилъ, немного времени спустя, Потоцкій. Позже мы встрѣтимся съ еще болѣе возмутительными поступками Юсифа Витте, личность котораго выступаетъ въ такихъ отвратительныхъ краскахъ, что у самаго суроваго поборника нравственности врядъ ли поднялась бы рука написать слишкомъ строгое обвиненіе противъ несчастной Софіи за легкомысленное отношеніе ея къ супружескому долгу.

Въ маѣ 1792 года, Потоцкій съ Софіей пріѣхали въ Польшу и поселились въ Тульчинѣ, но въ обществѣ эта чета никогда не показывалась вмѣстѣ, соблюдая внѣшнія формы приличія, хотя всѣ уже знали объ ихъ связи, даже жена графа, Юзефина Потоцкая, жившая тогда въ Петербургѣ. Тарговицкая конфедерація привела къ Гродненскому сейму, на которомъ рѣшенъ былъ второй раздѣлъ Польши. Пріѣхалъ на сеймъ, конечно, и Потоцкій съ возлюбленной, которая теперь открыто уже повсюду выѣзжала съ своимъ поклонникомъ. Потоцкій совсѣмъ подчинился теперь прекрасной гречанкѣ

и не могъ не подчиниться, потому что только она и привязывала его еще къ жизни, только она одна доставляла ему утѣшеніе въ томъ отчаянномъ положеніи, въ которомъ очутился послѣ Гродненскаго сейма злосчастный маршалъ Тарговицкой конфедераціи. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ второго раздѣла нельзя уже было сомнѣваться въ близкой гибели Польши, и Потоцкій понималъ, что онъ помогъ врагамъ сокрушить его отечество; онъ предчувствовалъ тѣ проклятія, которыя обрушатся, да и начали уже рушиться на него изъ устъ польскихъ патріотовъ; онъ видѣлъ плачевныя руины вмѣсто фантастическаго зданія старо-шляхетской вольности, которымъ онъ усыплялъ прежде свою совѣсть. Всѣ его мечтанія разлетѣлись, какъ дымъ, всѣ его лучшіе друзья отвернулись отъ главы тарговичанъ, предателей ойчизны.

Было отчего наложить на себя руки. Но Потоцкій, испытывая въ обществѣ страшную нравственную пытку, зналъ, что дома онъ найдетъ бальзамъ, который исцѣлитъ язвы его души; дома ожидала его улыбающаяся, тоскующая, прекрасная, какъ ангель, любовница, чувствовавшая уже себя матерью, шептавшая ему, что онъ долженъ жить для нея. И бѣдный маршалъ слѣпо вѣрилъ въ вѣчность любви Софіи, забывая, что въ лагеряхъ Салтыкова и Потемкина она уже вступила на путь супружеской невѣрности.

Любила ли Софія Потоцкаго? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Съ одной стороны, кто не знаетъ, какое сильное впечатлѣніе производитъ на женское сердце, когда властный, могущественный человѣкъ преклоняется передъ ней, признавая непобѣдимую силу красоты, и униженно молить о любви, повергая къ стопамъ чародѣйки всѣ свои богатства, все свое могущество. При томъ же Потоцкій далеко не сразу поддался чарамъ Софіи и долго боролся, пока наконецъ потерялъ въ неравной борьбѣ всѣ силы и въ изнеможеніи палъ къ ногамъ красавицы; такая мужественная оборона также составляетъ шансъ въ пользу Потоцкаго. Но, съ другой стороны, Софія давно уже властвовала надъ сердцами, она повелѣвала одно время самимъ Потемкинскимъ, и трудно допустить, чтобы немолодой уже и некрасивый графъ заставилъ забиться ея усталое сердечко. Можетъ быть, черезъ Потоцкаго она просто только рассчитывала занять почетное мѣсто среди аристократіи и выбраться изъ того посредственнаго положенія, на которое была обречена жена Витте, потомка армянскихъ торгашей.

Какъ бы то ни было, но Потоцкій крѣпко привязался къ своей возлюбленной. Рѣшивъ кинуть всякую политическую дѣятельность и бѣжать отъ презиравшаго его общества въ уединеніе, гдѣ могъ бы безпрепятственно наслаждаться любовью, графъ прежде всего поспѣшилъ покончить счеты со своей законной женой и для этой цѣли заключилъ съ ней «комплианцію», въ силу которой передавалъ ей все имѣніе и опеку надъ дѣтьми, съ условіемъ выплачивать ему

ежегодно 50 тысячъ червонцевъ, а послѣ его смерти въ теченіе двухъ лѣтъ давать ту же сумму лицу, указанному Потоцкимъ. Велѣдъ за этимъ Потоцкій съ Софіей и нѣсколькими приближенными уѣхалъ въ Гамбургъ съ цѣлью никогда больше не возвращаться на родину.

Но общественное презрѣніе дало себя почувствовать польскому магнату и въ нѣмецкомъ вольномъ городѣ: изъ русскихъ и польскихъ путешественниковъ, бывавшихъ въ Гамбургѣ, ни одинъ не желалъ посѣтить Потоцкаго, несмотря на усиленные его приглашенія; тогда онъ сдѣлалъ визиты всѣмъ знатнѣйшимъ гражданамъ Гамбурга и въ ближайшій праздникъ пригласилъ ихъ къ себѣ на балъ, но на этотъ балъ никто не пріѣхалъ. Такимъ образомъ сразу выяснилось, что Потоцкій долженъ жить въ одиночествѣ, совершенно изолированный отъ всего внѣшняго міра. Если для гордости Потоцкаго такое отношеніе окружающихъ было жестокимъ ударомъ, то для Софіи подобная жизнь была просто невыносимой. Полное одиночество, постоянная хмурость любовника, сумасшествіе его приближеннаго Рудницкаго, который считалъ себя духомъ изъ другого міра, посланнымъ за грѣхи на землю для мученій—и все это послѣ блестящихъ баловъ Парижа, послѣ неслыханной роскоши праздниковъ подъ Очаковымъ, послѣ недавнихъ триумфовъ въ Гроднѣ!.. Недаромъ впоследствии Софія часто повторяла, что смѣло можетъ грѣшнить, такъ какъ въ Гамбургѣ она съ излишкомъ принесла покаяніе за всѣ будущія прегрѣшенія.

Вскорѣ къ одиночеству присоединилась новая бѣда—безденежье. Юзефина Потоцкая, получивъ въ свое распоряженіе громадныя помѣстья мужа, вскорѣ убѣдилась въ томъ, что хозяйство въ нихъ запущено донельзя, а всѣ дѣла безнадежно перепутаны. Поэтому она махнула на нихъ рукой и предоставила на произволь управителей, которые въ самое непродолжительное время успѣли нажить громадныя состоянія, но Юзефинѣ не посылали ни копейки. Не получая ничего сама, она, естественно, не высылала и мужу условленной пенсіи, чѣмъ довела его до крайности. А тутъ же еще какъ разъ снова выступилъ со своими претензіями Иосифъ Витте, успѣвшій уже попасть въ графы. Онъ находилъ, что слишкомъ дешево продалъ жену Потоцкому, и теперь послалъ ему грозный ультиматумъ: либо выплатить ему баснословную сумму въ нѣсколько милліоновъ польскихъ злотыхъ, либо немедленно вернуть жену. Последнее требованіе графа Витте было, конечно, вполнѣ законно, но и Потоцкій ни за что въ свѣтѣ не согласился бы разстаться съ своей Софіей, ни Софія не имѣла ни малѣйшаго желанія возвращаться въ Херсонскія степи, въ объятія негодяя-мужа.

Тогда Потоцкій рѣшился сразу порвать всѣ пути и выйти изъ того отчаяннаго положенія, въ которое попалъ. Планъ его дѣйствій былъ таковъ: графъ и графиня Витте должны развестись, онъ также разводится съ женой и вступаетъ въ бракъ съ Софіей; комплианція

должна быть уничтожена. Исполненіе этого плана, обѣщавшаго полное спокойствіе любовникамъ, было однако весьма затруднительно. Прежде всего Юзефина не соглашалась на разводъ, да и за комплианцію держалась крѣпко. Всѣ попытки Потоцкаго, вернувшагося съ Софіей въ началѣ 1796 г. въ Россію, оказались тщетными. Съ другой стороны, дѣло Софіи также туго подвигалось впередъ. Только послѣ долгихъ хлопотъ ей удалось добиться бумаги, въ силу которой ей разрѣшался разводъ, если только она присягнетъ, что вышла замужъ за Витте по принужденію, и если самъ Витте въ теченіе 16 дней не опротестуетъ этой присяги. Витте соглашался на разводъ, но требовалъ немѣрно большой суммы въ видѣ отступного. Пришлось торговаться, и торговались крѣпко. «Потоцкій ничего не хотѣлъ прибавить, Витте не уступалъ, а предметъ торга ничуть этимъ не оскорблялся: льстили этой женщинѣ и цѣна и купецъ. Не забывайте, что она воспитывалась почти на порогѣ гарема и что первыя впечатлѣнія вынесла оттуда», — замѣчаетъ по поводу этого возмутительнаго эпизода польскій біографъ Софіи. Наконецъ, торгъ окончился, и Потоцкій приобрѣлъ Софію болѣе чѣмъ за 2 милліона польскихъ золотыхъ. Вслѣдъ за тѣмъ повѣренный его, Злотницікій, поѣхалъ въ Петербургъ и послѣ долгихъ стараній уничтожилъ комплианцію. Но склонить Юзефину къ разводу такъ и не удалось. Только смерть ея въ началѣ 1798 г. развязала Потоцкому руки, и 17-го апрѣля того же года, въ предмѣстьѣ Тульчина, Нестерваркѣ, тихо, почти безъ свидѣтелей, совершился бракъ Софіи съ ея старымъ возлюбленнымъ.

Новобрачные стали играть въ идиллію, съ той только разницей, что маршалъ принималъ ее всерьезъ, а жена его приступила къ этой комедии съ извѣстнымъ легкомысліемъ. Потоцкіе поселились въ Умани. Здѣсь-то Щенский развелъ садъ, который въ память возлюбленной третьей своей жены Софіи назвалъ «Софіевкой». Съ лихорадочною поспѣшностью старался онъ кончить его. Метцель, извѣстный артиллеристъ и отчасти инженеръ, нѣкогда адъютантъ маршала и товарищъ его по путешествію въ Гамбургъ, распорядился работами. Денегъ не жалѣли. Игрушка эта, возбуждая удивленіе посѣтителей и до сихъ поръ, стоила восемь милліоновъ. Развѣ это не идиллія, только въ большихъ размѣрахъ, какъ все, что дѣлалъ Потоцкій?.. Если дарилъ онъ Рѣчи Посполитой, то цѣлый полкъ съ значительнымъ запасомъ пушекъ; если устраивалъ конфедерацію, то Тарговицкую; если заводилъ садъ, то «Софіевку».

О возникновеніи «Софіевки» въ Умани сохранились слѣдующія преданія. Почти единственнымъ удовольствіемъ Потоцкаго и Софіи, когда они проживали въ Умани, въ 1795 г., были прогулки по живописнымъ окрестностямъ города и, главнымъ образомъ, по такъ называемой «Каменкѣ», издавна излюбленному мѣсту гулянья уманцевъ. Это была пустынная, усѣянная глыбами дикаго гранита, возвышенность, поросшая деревьями, гдѣ изъ-подъ камней просачи-

валось множество ключей, а по срединѣ протекалъ ручеекъ Каменка. Эта дикая мѣстность очень нравилась Софіи, и вотъ однажды, гуляя со своимъ возлюбленнымъ, она шутя сказала:

— Какъ было бы хорошо устроить здѣсь садъ!

Влюбленный Потоцкій былъ радъ исполнить желаніе скучающей Софіи, тѣмъ болѣе, что устройство сада приносило и для него извѣстное развлеченіе. Метцель получилъ соотвѣтствующія приказанія, и предварительныя работы начались еще въ томъ же 1795 г., подъ наблюденіемъ крѣпостного Потоцкаго, Зарембы, а самъ Метцель отправился за границу для подробнаго изученія садовъ и парковъ со всеми тонкостями и затѣями. По возвращеніи его начались громадныя гидравлическія сооруженія, посадка деревьевъ, устройство оранжерей и т. п. Особенно много труда и искусства потребовалось при устройствѣ протовъ въ такъ называемой «долинѣ гигантовъ» и водопада. Изъ земли выкапывались громадныя глыбы камня, цѣлыя скалы перетаскивались съ одного мѣста на другое, иногда на весьма значительныя разстоянія, такъ что самое передвиженіе приходилось производить нѣсколько лѣтъ, пользуясь для облегченія лишь саннымъ путемъ. Нѣкоторыя скалы оставались на мѣстѣ, но имъ придавали совершенно новый видъ. Такимъ образомъ, какъ бы какимъ-то волшебствомъ, пустынная Каменка превращалась въ чудный со всевозможными затѣями паркъ. Во что могло обойтись созданіе этого сада — трудно опредѣлить даже приблизительно. 15 милліоновъ золотыхъ, о которыхъ говоритъ преданіе, составляютъ весьма крупную сумму, особенно по тѣмъ временамъ, да еще принимая во вниманіе существованіе крѣпостного права, благодаря которому трудъ человѣческихъ рукъ если и оплачивался, то довольно скудно.

Разказы о тысячахъ крестьянъ, задавленныхъ камнями, мало вѣроятны, по крайней мѣрѣ, судя по разказамъ стариковъ, отцы которыхъ строили садъ, убитыхъ было сравнительно очень мало. За то наказанія за неусердную работу практиковались весьма широко, и у самого Метцеля въ рукахъ всегда была розга, которою онъ билъ лѣниваго работника съ такою силой, что она разсѣкала свитку и вбивалась въ тѣло.

Въ 1834 году «Софіевка» перешла въ вѣдѣніе Императорскаго двора, сдѣлалась собственностью государыни Александры Теодоровны и стала называться Царицынымъ садомъ. А въ настоящее время въ Царицыномъ саду помѣщается главное училище садоводства, которое было переведено сюда изъ Одессы 2-го сентября 1859 года.

Но возвратимся къ судьбѣ нашей героини. Мало-по-малу, жизнь молодыхъ потекла довольно спокойно и даже, пожалуй, весело: кругомъ все жили старые друзья Потоцкаго, раздѣлявшіе съ нимъ участіе въ злочастной конфедераціи и, слѣдовательно, не чуждавшіеся стараго маршала; мало-по-малу и нѣкоторые другіе магнаты

вспомнили забытую дорогу въ Уманскій дворець; заѣзжали и русскія власти попировать у богатаго и тароватаго пана. Но внезапно мирное теченіе уманской жизни было нарушено новой бѣдой.

Въ 1799 году, приѣхалъ въ Умань старшій сынъ Потоцкаго, Юрій, двадцати-двухъ-лѣтній красавецъ, необузданный, избалованный, съ шаткими убѣжденіями. Состоя въ Петербургѣ при дворѣ камеръ-юнкеромъ, онъ такъ кутилъ, что суровый императоръ Павелъ выслалъ его изъ столицы въ отцовское имѣніе. Скучно было Юрію въ тихой Умани послѣ шумной и разгульной петербургской жизни, и вотъ онъ отъ скуки рѣшилъ приволокнуться за мачихой. Ей было въ то время уже около 35 лѣтъ, но она еще не утратила обаянія красоты, и тѣмъ болѣе пылкости чувствъ. Сравненіе между отцомъ и сыномъ было далеко не въ пользу перваго, и скоро всѣ стали толковать о связи Софіи съ пасынкомъ. Не замѣчалъ ничего только одинъ Потоцкій, который свято вѣрилъ въ свою Софію, да, кромѣ того, какъ разъ въ то время онъ переживалъ одну изъ самыхъ трудныхъ и тяжелыхъ эпохъ своей жизни. Его приближенный и факторумъ Злотницкій, разсерженный на Потоцкаго за отказъ въ новой подачкѣ, пустилъ противъ своего покровителя цѣлую массу памфлетовъ, рисовавшихъ тарговицкаго маршала въ самыхъ отвратительныхъ краскахъ. Эти памфлеты вызвали противъ Потоцкаго новый взрывъ общественнаго негодованія, и онъ попалъ почти въ такое же положеніе отверженнаго, въ какомъ былъ въ Гамбургѣ. И вотъ, въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ горькаго раздумья пошелъ Потоцкій къ своей королеви и госпожи, чтобы подлѣ нея найти успокоеніе и отраду. Шелъ и засталъ ее въ объятіяхъ любимѣйшаго сына! Нѣтъ злодѣянія, которое заслуживало бы подобнаго наказанія! Маршалъ заперся между четырехъ стѣнъ. Ревность, гордость, спесь наталкивали его на самые противорѣчивые планы; онъ оттолкнулъ отъ себя жену и сына, какъ нѣкогда оттолкнуло его отъ себя общество. Въ это время Іосифъ Витте съ цинизмомъ торгаша написалъ письмо Потоцкому, донося ему, что знаетъ о «приключеніи», но вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ поправить его старую ошибку, предлагая купить у него другую жену, гораздо моложе прежней и равную по красотѣ; что же касается до цѣны, то обѣщаль быть даже болѣе умѣреннымъ. Не хочется вѣрить всему этому, и однако мы не прибавляемъ ни одного слова лишняго къ тому, что намъ даютъ достовѣрные современные источники.

Не долго прожилъ старый Потоцкій послѣ этого удара! 15 марта 1805 года онъ скончался, не пожелавъ передъ смертью проститься съ женой и старшимъ сыномъ.

Образумила ли кончина мужа Софію? Нѣтъ. Связь ея съ пасынкомъ продолжалась попрежнему. Немедленно послѣ смерти Потоцкаго она вмѣстѣ съ Юріемъ уѣхала въ Петербургъ хлопотать по дѣламъ наслѣдства. Ей удалось привлечь на свою сторону Сперанскаго, и, благодаря его вліянію, ей была выдѣлена изъ громад-

наго имущества Потоцкихъ такая же часть, какъ и дѣтямъ покойнаго, да при томъ не въ пожизненное, а въ вѣчное владѣніе. Въ концѣ 1805 года Софія и Юрій вернулись изъ Петербурга и поселились въ Тульчинѣ. Послѣдующій четырехлѣтній періодъ жизни Потоцкой представляетъ какую-то ужасающую по разнузданности вакханалію. Въ старинномъ дворцѣ появилась отчаянная компанія карточныхъ игроковъ и шуллеровъ. Пошли дикія оргіи, въ которыхъ сперва царицей была сама Софія. Юрій втянулся въ игру до такой степени, что не замѣчалъ, какъ все его громадное состояніе перешло въ руки счастливыхъ партнеровъ, какъ долги его достигли колоссальной цифры, какъ богатское здоровье его исчезло такъ же безслѣдно, какъ и деньги. Забылъ онъ даже про мачиху, которая, наконецъ, постигла все безобразіе подобнаго образа жизни. Она нѣсколько разъ, но тщетно, пыталась выжить изъ Тульчина алчную банду и спасти пасынка: онъ продолжалъ игру до тѣхъ поръ, пока наконецъ игроки не потребовали окончательнаго расчета. Подвели итоги, и несчастный Юрій въ ужасѣ отшатнулся отъ ужасной бездны, разверзавшейся передъ нимъ.

— Я спасу тебя,—отозвалась тогда Софія:—я возьму твои долги на себя, хотя они простираются до 13 милліоновъ злотыхъ съ лицинимъ; но съ однимъ условіемъ...

— Согласенъ на все съ охотой!—воскликнулъ несчастный.

— Мое условіе, чтобы ты сейчасъ же навсегда оставилъ страну.

Юрій остолбенѣлъ отъ изумленія: не ожидалъ онъ этого отъ своей пылкой любовницы, которая, казалось, готова была на все, только не на разлуку съ нимъ.

— Не понимаю,—прошепталъ онъ.

— Чтобы сейчасъ навсегда оставилъ страну,—повторила Софія и, не давая ему проговорить слова, продолжала:

— Выѣдешь сегодня или завтра, или не позже, какъ черезъ недѣлю; я буду платить тебѣ ежегодно по 50 тысячъ червонцевъ до моей смерти, а послѣ смерти эта обязанность перейдетъ на дѣтей. Это послѣднее мое слово. Подумай и выбирай между униженіемъ и разлукой.

Никакія просьбы не могли поколебать ея рѣшимости. Это было въ 1809 году. Юрій вскорѣ покинулъ Россію, а спустя годъ умеръ во Франціи, одинокій, съ чувствомъ сожалѣнія о жизни, такъ необдуманно испорченной. Предсмертное его воззваніе къ братьямъ полно глубокой горести.

Послѣ отъѣзда Юрія, жизнь Потоцкой радикально измѣняется. Правда, она дожила уже до 45 лѣтъ, но виѣшность ея отнюдь не исключала еще возможности продолжать прежнюю чувственную жизнь. Однако съ 1809 года всякія любовныя интриги прекращаются. Софія какъ бы кается въ своихъ старыхъ грѣхахъ, отталкиваетъ прочь всякій соблазнъ и посвящаетъ себя приведенію въ порядокъ громаднаго, но совершенно разстроеннаго состоянія покойнаго мужа.

Свободное время и свободныя деньги она тратитъ на дѣла благотворительности и щедрою рукою помогаетъ страждущимъ отъ нищеты и болѣзней. Подъ вліяніемъ такой дѣятельности, миръ и спокойствіе водворяются въ ея усталой душѣ, и самыя черты лица ея преображаются: оно попрежнему красиво и даже, пожалуй, еще красивѣе, но уже чисто духовной красотой; страстный огонекъ исчезъ изъ глазъ, которые теперь свѣтятся ровнымъ, добрымъ, тихимъ свѣтомъ. Словомъ, вакханка переродилась въ дѣятельную, спокойную и сердечную женщину. Какъ знать, можетъ быть, такая жизнь и была ея истиннымъ назначеніемъ. Какъ знать, что вышло бы изъ этой страстной, но несомнѣнно богато одаренной натуры, если бы она не попала съ пеленокъ въ среду, гдѣ на женщину смотрѣли, какъ на орудіе наслажденія для мужчины, гдѣ физическія качества были на первомъ планѣ, а умственныя на послѣднемъ, гдѣ женщину приучали смотрѣть на себя только, какъ на самку, и ставить свое тѣло выше духа. Вѣдь если бы въ Софіи Потоцкой самой природой не были заложены добрыя инстинкты, то кто бы повернулъ ее съ прежняго гибельнаго пути на тотъ нравственно прекрасный путь, которымъ шла она подъ конецъ своей жизни? Всѣ окружающіе способны были только поддерживать въ ней возрѣнія, заложенныя въ ея сердцѣ темной матерью и отшлифованныя въ Парижѣ.

Но жестоко ошибется тотъ, кто подумаетъ, что Софія впала въ ханжество или аскетизмъ. Конечно, оргіи прекратились, но она продолжала вести веселую и открытую жизнь.

Около 1820 года здоровье графини Потоцкой стало надламываться, и скоро мучительная болѣзнь возвѣстила ей близость смерти. Спокойно отнеслась Софія къ этимъ зловѣщимъ признакамъ, и когда въ Берлинѣ знаменитые доктора того времени, Гуфландъ и Горнъ, приговорили ее къ смерти, она со свѣтлымъ взоромъ приняла это извѣстіе.

22 ноября 1822 года, графини Софіи Потоцкой не стало. Отъ ея брака съ Потоцкимъ у ней осталось два сына и двѣ дочери. Старшая дочь, еще при жизни матери, вышла замужъ за графа Киселева, а младшая, Ольга, впоследствии Нарышкина, красотой своей напоминала мать, и, надо полагать, отъ нея же унаслѣдовала сердечность и доброту. Этими же качествами отличался и старшій сынъ Александръ, любимецъ и гордость Софіи, о которомъ въ мемуарахъ Хронцевскаго разсказано слѣдующее: «Дослужившись чина, онъ укрылся въ тишинѣ частной жизни, весь отдаваясь музыкѣ, чтенію и самому ласковому и простому обхожденію съ сосѣдями. Получивъ въ молодости громадное состояніе, онъ пользовался имъ очень скромно, ограничивая по возможности свои собственныя потребности, не для собиранія богатствъ, которымъ не придавалъ особеннаго значенія, а для доставленія себѣ большей возможности дѣлать добро. Помогалъ онъ матери выпутаться изъ долговъ Юрія

Щенснаго, а остальное посвятилъ въ награду людямъ, служившимъ его семейству, и на помощь семействамъ, достойнымъ состраданія».

* * *

По срединѣ уманскаго базара, гдѣ толпятся еврейки, торгующія чеснокомъ, лукомъ, рыбой, стоитъ деревянный крестъ, обнесенный рѣшоткой,—это мѣсто алтаря громаднаго каменнаго Успенскаго собора, который сильно пострадалъ отъ сильнаго землетрясенія бывшаго въ Умани въ 30-хъ годахъ, и потому въ 1846 году былъ снесенъ.

Въ этомъ соборѣ была похоронена Софія Потоцкая.

Въ Умани еще недавно былъ живъ шляхтичъ Гурскій, ученикъ Вазиліанской школы, девяностолѣтній нищій, который видѣлъ торжественныя похороны Софіи и рассказывалъ, что за десять верстъ отъ города на пути траурнаго шествія были раставлены бочки съ горящей смолой; шествіе происходило ночью, въ немъ участвовало пятьдесятъ священниковъ и громадная толпа народа, провожавшая свою любимую графиню.

— Добрая была, царство ей небесное!—говорилъ старикъ,—я бы не ходилъ теперь просить милостыню, будь она жива: сколько она денегъ раздавала бѣднымъ!

— А вы видѣли ее, графиню?

— А какъ же! сколько разъ, бывало, когда ѣздила въ Софіевку.

— Ну, что жъ, красавица она была?

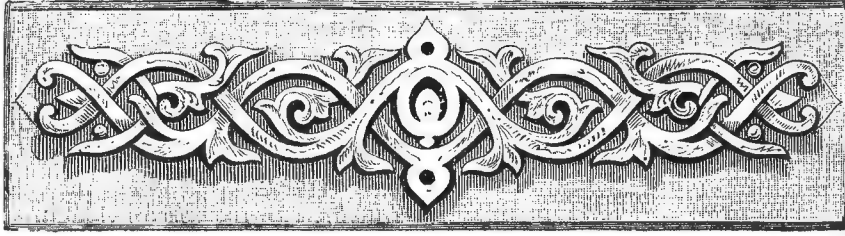
Старикъ посмотрѣлъ своими полузакрытыми глазами, но не счелъ нужнымъ отвѣтить, видимо обидѣвшись такимъ вопросомъ. Она была для него графиня, благодѣтельница, — и только; женщины въ ней бѣдный шляхтичъ никогда не видѣлъ.

Да, добрую память оставила по себѣ въ народѣ эта женщина, на которую любятъ указывать, какъ на образецъ распутства.

Передъ тѣмъ, какъ было рѣшено сломать соборъ, гробъ съ тѣломъ Софіи перевезенъ былъ въ мѣстечко Тальное. По словамъ очевидцевъ, гробъ былъ бѣлый, блестящій, какъ бы изъ серебра; кромѣ гроба, было еще два небольшихъ ящичка, въ которыхъ были положены сердце и печень покойной послѣ бальзамированія ¹⁾.

С. Адриановъ.

¹⁾ Въ основу настоящаго очерка положена біографія Потоцкой, составленная польскимъ писателемъ, докторомъ Антоніемъ I (псевдонимъ Ролли) и помѣщенная въ русскомъ переводѣ въ «Кіевской Старинѣ», 1887 г., № 1, подъ заглавіемъ: «Судьба красавицы». Ее мы мѣстами цитируемъ дословно. Нѣкоторыя подробности, неизвѣстныя Ролли, извлечены изъ слѣдующихъ источниковъ: о постройкѣ Софіевки и о воспоминаніяхъ Уманскихъ старожиловъ говоритъ В. Пвашенко (Историческій очеркъ Умани и Царицына Сада (Софіевки). Кіевъ, 1895), о пребываніи Софіи у Салтыкова читаемъ въ «Запискахъ Льва Николаевича Энгельгардта» (М., 1867), о связи ея съ Потеминымъ находимъ извѣстія въ «Сочиненіяхъ Державина съ объяснительными примѣчаніями Грота» (II изд., т. I, стр. 248 и въ «Souvenirs de madame Vigée le Brun» (Paris, 1869, t. I, p. 324), которая, кромѣ того, сообщаетъ и анекдотъ о самозабвеніи Софіи (ibid., p. 325).

ВАРШАВА ВЪ 1861 ГОДУ.

(Изъ записокъ очевидца)¹⁾.

ОЯВЛЕНИЕ въ печати описаній разныхъ эпизодовъ изъ событій въ Варшавѣ печальной памяти 1861 года показываетъ что событія эти возбуждаютъ не мало интереса. И дѣйствительно, много возникаетъ вопросовъ, когда приходится вспоминать о такихъ явленіяхъ, которымъ, казалось бы, не должно было имѣть мѣста, хотя бы въ виду фактовъ, не настолько еще отдаленныхъ въ то время, чтобы о нихъ можно было забыть, и не настолько ничтожныхъ, чтобы относиться къ нимъ индифферентно.

Нельзя, однако, не замѣтить, что нѣкоторыя изъ описаній минувшихъ событій не отличаются полнотою и тѣмъ спокойствіемъ, какого можно было бы ожидать отъ лицъ, для которыхъ все это отошло въ область пережитаго. Не совсѣмъ точныя въ изложеніи, иногда не согласныя между собою до противорѣчія и не лишеныя тенденціознаго оттѣнка, описанія эти заставляютъ желать еще многого, для того, чтобы то, что должно предстать на судъ исторіи, могло явиться въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Конечно, инди-

¹⁾ Эта статья осталась въ бумагахъ покойнаго чиновника особыхъ порученій Третьяго Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, Николая Дмитриевича Горемыкина, и передана въ наше распоряженіе его вдовою, черезъ посредство полковника П. В. Шатова.

видуальность, различіе въ положеніяхъ и отношеніяхъ, а вслѣдствіе этого и разность въ впечатлѣніяхъ и взглядахъ, какъ на отдѣльные случаи, такъ и на общій ходъ событій, всё эти условія будутъ все-таки до извѣстной степени отражаться въ описаніяхъ современниковъ. Но если назначеніе оставляемыхъ ими записокъ—служить матеріаломъ для историческихъ изслѣдованій, то трудъ исторіографа будетъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе будутъ преобладать въ этихъ запискахъ личныя впечатлѣнія въ ущербъ фактамъ. Не увлекаясь и самъ мечтою явиться счастливымъ исключеніемъ въ данномъ случаѣ, я ограничусь поэтому лишь простымъ изложеніемъ того, чему мнѣ довелось быть свидѣтелемъ. Къ сожалѣнію, въ свое время я лишенъ былъ возможности вести записки, и теперь приходится довольствоваться лишь небольшими замѣтками; но какъ ни скуденъ этотъ матеріалъ, онъ настолько возстановляетъ въ памяти пережитое, что и теперь, когда тому прошло уже болѣе четверти вѣка, это прошлое какъ бы вновь проходитъ передъ глазами; исчезаютъ, разумѣется, вдали нѣкоторыя мелочныя подробности, но онѣ настолько не существенны, что въ общемъ не имѣютъ значенія.

Слабость бывшаго намѣстника царства Польскаго, князя Горчакова, въ управленіи Привислянскимъ краемъ, естественно привела къ полной распущенности края. Назначенный послѣ князя къ исправленію должности намѣстника, бывшій военный министръ Н. О. Сухожанейъ, какъ видно, мало знакомый съ краемъ, который ему ввѣрялся, оказался тоже не на высотѣ своего призванія, и эта распущенность привела къ анархіи всего края. Печальныя проявленія послѣдствій такого управленія прежде и сильнѣе всего обнаружались въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, въ самой резиденціи намѣстника—Варшавѣ. Населеніе ея скорѣе и ближе другихъ имѣло возможность убѣдиться въ совершенной безопасности относительно своей безумной дѣятельности, и разуданности его не стало предѣловъ. Обезумѣвшій въ безобразіяхъ народъ, постоянно возбуждаемый еще къ тому ксендзами, безчинствовалъ не только по улицамъ, но и въ такихъ даже мѣстахъ, какъ дома молитвы. Все русское оскорблялось нагло и открыто; русскому человѣку тогда ни гдѣ и ни у кого нельзя было искать защиты себѣ, на всякій протестъ его смотрѣли тамъ, какъ на пустую и излишнюю придирчивость къ полякамъ; мало того, ему внушалось еще быть снисходительнымъ къ нимъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что служба де требуетъ жертвъ съ его стороны ¹⁾. Такое положеніе дѣлъ въ Варшавѣ,

¹⁾ Вотъ что, напримѣръ, было лично со мною. Когда я пріѣхалъ первый разъ въ Варшаву, то мнѣ прежде всего данъ былъ совѣтъ тотчасъ же оставить мой цилиндръ и форменную фуражку и пріобрѣсти «*pat-kapelusz*», безъ которой и не показывался на улицѣ, такъ какъ иначе я сейчасъ де выдамъ себя и буду рисковать на несприятности. («*Pat-kapelusz*».—шляпа, которую носили тогда всё поляки; видъ ея срезанный въ половину цилиндръ). На другой день по кончинѣ «истор. вѣсти.», февраль, 1899 г., т. IXXV.

являвшееся тѣмъ болѣе опаснымъ, что анархія начала распространяться по всему краю, не могло не обратить на себя особаго вниманія. Признано было необходимымъ принять мѣры къ предотвращенію развитія заразы и прежде всего къ возстановленію порядка въ Варшавѣ. Послѣдовало назначеніе новаго намѣстника и вмѣстѣ съ тѣмъ распоряженіе о коренномъ преобразованіи варшавской полиціи, признанной не отвѣчавшею своему назначенію. Приведеніе въ исполненіе этого послѣдняго распоряженія возложено было на А. И. Потапова, бывшаго тогда московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ. По всей вѣроятности, выборъ этотъ палъ на генерала Потапова въ томъ соображеніи, что онъ, состоя довольно долго адъютантомъ при покойномъ намѣстникѣ, князѣ Паскевичѣ, пользовался репутаціею разумнаго и энергичнаго исполнителя разныхъ весьма серьезныхъ порученій князя и зналъ хорошо не только Варшаву, но и весь край. Занимая же впродолженіе года должность оберъ-полицеймейстера сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ, успѣлъ достаточно пріобрѣсти опытности по части административной, оставивъ и тутъ и тамъ хорошую по себѣ память ¹⁾. Чѣмъ обуславливалось назначеніе на постъ намѣстника въ Варшавѣ графа Ламберта, человѣка болѣзненнаго и, какъ доказали послѣдствія, не обладавшаго тою твердостью и энергіею, какія, несомнѣнно, были бы соотвѣтственнѣе тогдашнему положенію дѣлъ въ краѣ, я не знаю; но помню, что еще тогда приходилось слышать выраженія сомнѣній въ осуществленіи возлагавшихся на него надеждъ. Сомнѣнія эти усиливались еще тѣмъ соображеніемъ, что графъ Ламбертъ былъ католикъ. Замѣчательно, что въ то время въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ сферахъ сложилось убѣжденіе, что возстановленіе порядка въ Варшавѣ скорѣе всего можетъ быть достигнуто при содѣйствіи самихъ же поляковъ, на томъ основаніи, что они де при своихъ связяхъ, интересахъ и родствѣ, легче и удобнѣе могутъ входить въ

бывшаго католическаго архіепископа въ Варшавѣ, Фіалковскаго, я имѣлъ служебное порученіе, по которому мнѣ пришлось быть въ одномъ польскомъ домѣ. Пока я былъ занятъ тамъ дѣломъ, на мою шляпу кто-то навязалъ «жалобу», т.-е. трауръ, въ видѣ благаго шнурика по низу наружной стороны тулупа: это, конечно, была дерзость, и я сорвалъ «жалобу»; сказавъ при томъ, что я не католикъ и въ родствѣ съ усонищимъ не состою; но мнѣ преспокойно навязали шнурокъ опять и съ ироніей посоветовали не показываться на улицѣ безъ этого знака выраженія скорби «польскаго народа». Я попробовалъ заявить протестъ; но... кончилось тѣмъ, что мнѣ пришлось пронести эту «жалобу» до тѣхъ поръ, пока въ Варшавѣ не было объявлено военное положеніе. Точно также остался безъ послѣдствій мой протестъ и тогда, когда изъ одного дома на Сенаторской улицѣ на меня было вылито ведро растворенной извести; мнѣ оставалось благодарить судьбу, что, по счастливой для меня случайности, пострадало лишь мое пальто.

¹⁾ О послѣдующей дѣятельности генерала Потапова существуютъ разныя мифыя, но это не входитъ въ мою программу; я ограничиваюсь лишь 1861 годомъ, и при томъ тѣмъ только, чему былъ личнымъ свидѣтелемъ.

ближайшія сношенія съ мѣстными жителями и тѣмъ оказать дѣлу болѣшую пользу, чѣмъ русскіе, которымъ доступъ въ тамошнее общество если и не невозможенъ, то во всякомъ случаѣ затруднителенъ. Не очень еще давній тогда печальный опытъ 1831 года, какъ будто, былъ забытъ въ обществѣ тѣхъ лицъ, вліяніе которыхъ такъ или иначе отражалось на ходѣ современныхъ событій, какъ-то страннымъ казалось слышать подобныя сужденія, особенно послѣ того, что присутствовавшіе тутъ же люди опыта и болѣе серьезнаго отношенія къ дѣлу прямо доказывали полнѣйшую несостоятельность проводимой идеи. Для тѣхъ, кто интересовался этимъ явленіемъ, оно вскорѣ же разъяснилось. Чтобы не быть застигнутыми врасплохъ какими либо внезапными распоряженіями изъ Петербурга, вожаки движенія въ Варшавѣ запаслись протекціою и покровительствомъ вліятельныхъ въ то время дамъ католичекъ. Вотъ эти-то патронессы безумцевъ ловко, по всѣмъ правиламъ іезуитской школы, сумѣли воздѣйствовать на кого нужно было имъ. Преобразователь варшавской полиціи, генераль Потановъ, сначала подтрунивавшій было надъ странностію явившихся откуда-то вѣяній,— вскорѣ самъ подпалъ вліянію ихъ и сталъ ревностнымъ поборникомъ ихъ. И вотъ новая полиція въ Варшавѣ вся, за весьма малыми исключеніями, образовалась изъ поляковъ и католиковъ. Можетъ быть, что между этими людьми были и преданныя правительству лица, наконецъ даже просто желавшія водворенія порядка хотя бы ради собственнаго покоя, но именно связи-то ихъ и интересы въ краѣ являлись тутъ сильнымъ препятствіемъ, такъ какъ колебаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаруженіе истины можетъ повредить близкому человѣку, да еще вызвать не только упреки соотчичей, но и сильную месть съ ихъ стороны, становилось для нихъ невозможною. Чувства эти тѣмъ сильнѣе были, чѣмъ громче не въ мѣру усердствующіе ксендзы пропагандировали, что право-вѣрный католикъ не будетъ губить своей души преслѣдованіемъ и выдачею москалямъ «невинныхъ и беззащитныхъ» родичей. Въ числѣ немногихъ русскихъ, получившихъ тогда назначеніе въ Варшаву, былъ и я. На меня возложена была письменная работа по преобразованію полиціи, а впослѣдствіи мнѣ пришлось принять участіе и въ комиссіи по разбору арестованныхъ въ костелахъ лицъ.

Прежде чѣмъ вступить въ новую должность въ Варшавѣ, генераль Потановъ обязанъ былъ съѣздить туда для того, чтобы, познакомившись тамъ ближе съ положеніемъ дѣлъ, составить штаты новой полиціи сообразно требованіямъ времени и обстоятельствъ. Въ эту предварительную поѣздку генераль Потановъ взялъ и меня съ собою. Въ Варшавѣ для означенной работы встрѣтилось такъ много затрудненій, что для того, чтобы окончить все въ тотъ короткий срокъ, который былъ данъ на это, пришлось работать и по ночамъ.

При возвращеніи нашемъ изъ этой поѣздки, на станціи въ Царскомъ Селѣ, гдѣ тогда изволилъ имѣть пребываніе государь императоръ, генерала Потапова ожидалъ придворный экипажъ, въ которомъ онъ, по волѣ его величества, отправился прямо во дворецъ; а въ Петербургѣ на станцію желѣзной дороги присланъ былъ за мною экипажъ графа Ламберта, съ приказаніемъ явиться къ его сіятельству прямо съ дороги, даже не переодѣваясь. Было это раннимъ утромъ, такъ что я засталъ графа еще не пившимъ чая. Онъ принялъ меня въ высшей степени милостиво и любезно, и тутъ я впервые имѣлъ честь познакомиться съ новымъ намѣстникомъ. Докладъ мой продолжался часа два, и я не могу не сознаться, что графъ, какъ человекъ, произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе, но какъ начальникъ, и при томъ такъ высоко поставленный, онъ не оставилъ во мнѣ того впечатлѣнія, котораго можно было бы ожидать отъ сановнаго лица. Уже по однимъ тѣмъ вопросамъ, которые были мнѣ сдѣланы, и по тѣмъ распоряженіямъ, какія мнѣ поручено было передать генералу Потапову, можно было, безъ особенной проницательности, тотчасъ же понять, что назначеніе новаго намѣстника не предвѣщаетъ надежды не только на тотъ исходъ, который желателенъ былъ, но даже хотя бы на нѣкоторое исправленіе прежнихъ ошибокъ. То, что передъ тѣмъ я видѣлъ здѣсь, то, съ чѣмъ потомъ пришлось здѣсь встрѣтиться, и, наконецъ, то, съ чѣмъ мнѣ удалось познакомиться въ Варшавѣ, даже въ это первое и притомъ весьма короткое пребываніе мое тамъ,—все это тяжело подѣйствовало на меня, и я не могъ удержаться отъ того, чтобы не высказаться Александру Львовичу съ полною откровенностію. Соглашаясь съ тѣмъ, что съ новымъ намѣстникомъ не легко будетъ дѣйствовать, А. Л. возлагалъ свою надежду на тѣ уполномочія, коими онъ былъ облеченъ. Къ сожалѣнію, надеждамъ этимъ не суждено было, однако, сбыться, а кого винить въ томъ,—выяснить исторія. Проектъ преобразованія варшавской полиціи былъ очень скоро рассмотрѣнъ и утвержденъ подлежащими властями, и мы вторично отправились въ Варшаву уже для приведенія его въ исполненіе; поскакали ¹⁾ за нами и приглашенные на службу въ Варшавѣ нѣкоторые офицеры петербургской и московской полицій. Новая варшавская полиція была образована въ самое непродолжительное время, а знакомить чиновъ ея подробно со всѣми выработанными для нихъ инструкціями,—которые были объяснены имъ лишь вкратцѣ,—пришлось уже на практикѣ; но этого требовали обстоятельства, и мѣшкать было нельзя.

Съ прибытіемъ новаго намѣстника въ положеніи дѣлъ въ Варшавѣ не только не замѣчалось измѣненія къ лучшему, но явились

¹⁾ Въ то время желѣзная дорога шла только до Двинска, откуда дальнѣйшій путь совершался на лошадахъ.

еще новыя осложненія, указывавшія на повтореніе не совсѣмъ еще старыхъ тогда ошибокъ 31-го года. Наглость жожаковъ безумнаго движенія, не ограничиваемая ничѣмъ, дошла, наконецъ, до того, что они потребовали, чтобы въ день похоронъ бывшаго варшавскаго католическаго архіепископа Фіалковскаго соблюденіе порядка въ городѣ было предоставлено польскимъ делегатамъ, съ устраненіемъ мѣстной полиціи отъ всякаго участія въ томъ и даже съ воспрещеніемъ ей въ этотъ день, по крайней мѣрѣ, во время шествія погребальной процессіи, находиться на улицахъ. И какъ ни страннымъ, чтобы не сказать болѣе, являлось это требованіе, оно, однако, было уважено. Полиція любовалась процессіею изъ-за опущенныхъ неплотно сторъ на запертыхъ, по мѣстному обычаю, окнахъ. Войскамъ также не разрѣшено было выходить тогда на улицу; не смѣли показываться туда и всѣ вообще русскіе служащіе. Словомъ, Варшава представляла тогда собою совершенно иностранный, чуждый для насъ, городъ. Правда, наружный порядокъ былъ соблюденъ на всемъ пространствѣ необыкновенно длинной вереницы всѣхъ возможныхъ польскихъ обществъ и учрежденій, цеховъ, учебныхъ и проч. заведеній и массы народа, какъ говорили тогда, что-то болѣе ста тысячъ; каждый шелъ на указанномъ ему по церемоніалу мѣстѣ, народныя массы двигались мѣрно, пѣвческіе хоры смѣнялись хорами воспитанниковъ и воспитанницъ по опредѣленной заранѣ программѣ; делегаты распорядители дѣйствовали неустанно и зорко слѣдили за всѣмъ. Но зато трудно вообразить себѣ что либо болѣе возмутительнѣе того внутренняго содержанія, какимъ отличалась эта церемонія: тутъ были и сломанный крестъ въ терновомъ вѣнкѣ, подъ чернымъ флѣромъ, и польская корона, и бѣлый одноглавый орелъ, также покрытые трауромъ; тутъ несли и хоругви, съ надписью: «Równosc, Wolnosc, Niepodległosc», шла и удрученная печалію Польша, въ образѣ статной, высокой женщины въ конфедераткѣ и покрытой съ головы чернымъ вуалемъ, спускавшимся до полу, словомъ, всѣ атрибуты повстанья; а впереди всего этого кортежа шествовалъ въ русскомъ генеральскомъ, гражданскаго вѣдомства, мундирѣ бывшій тогда президентъ города. Такимъ образомъ, эту архиреволюціонную процессію въ русскомъ городѣ, среди полного отсутствія на улицахъ русскихъ людей, войскъ и даже полиціи, открывалъ въ полной парадной формѣ своей представитель общественнаго управленія въ этомъ русскомъ городѣ. Это, конечно, было высшимъ издѣвательствомъ, оскорбительнѣйшею насмѣшкою, какія только могли придумать революціонеры по отношенію не только ко всему русскому, но и самому правительству. Естественно потому и произошло это не случайно. Послѣдовавшее распоряженіе объ устраненіи мѣстной, русской полиціи, хотя и состоявшей изъ поляковъ, но имѣвшихъ русскую форму, ясно указываетъ на то, что тѣмъ, отъ кого зависѣло это распоряженіе, пере-

моніаль процессій былъ заранѣе и хорошо извѣстенъ. Зналъ, разумѣется, также заранѣе и свою роль въ процессіи тотъ, кто открывалъ ее. Какъ же это могло случиться? Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допускать предположеніе, что ни тѣ, отъ которыхъ зависѣло данное разрѣшеніе на демонстрацію, ни тотъ, которому пришлось исполнять въ этой демонстраціи такую жалкую роль, не понимали того, что они дѣлаютъ. Ясно, слѣдовательно, что тутъ дѣйствовало что-то иное, имѣющее болѣе глубокий смыслъ, котораго, къ сожалѣнію, дѣйствительно не поняли, а еще хуже, если не хотѣли понять тѣ, которыхъ это составляло священнѣйшую обязанность. И можно думать, что это послѣднее предположеніе едва ли не болѣе подходящее къ истинѣ, такъ какъ тотъ, кому пришлось первому принять выраженія непріятныхъ чувствъ русскихъ, получилъ впослѣдствіи болѣе высшее назначеніе. А подъ вліяніемъ какихъ чувствъ находились тогда русскіе люди, свидѣтели оскорбительной демонстраціи и вынужденные притомъ и безмолвствовать, и бездѣйствовать, можетъ судить только тотъ, кому довелось испытать такое положеніе. Далѣе сего нельзя было уже идти, и намѣстникъ вынужденъ былъ сдѣлать распоряженіе относительно приведенія Варшавы на военное положеніе. Настаивалъ на этомъ и бывшій тогда военнымъ генераль-губернаторомъ въ Варшавѣ, генераль-адъютантъ Герштенцвейгъ. Нервный и потому всегда до извѣстной степени возбужденный, онъ представлялъ совершенную противоположность ближайшаго начальника своего, вслѣдствіе чего, естественно, между ними не могло быть особенно близкихъ отношеній, всегда желательныхъ и полезныхъ для дѣла, особенно при исключительныхъ обстоятельствахъ, когда отсутствіе солидарности въ начальствующихъ лицахъ усложняетъ только затрудненія. Всецѣло подпавшій подъ вліяніе ксендзовъ и польской революціонной интеллигенціи, да къ тому еще разболѣвшійся въ Варшавѣ, графъ Ламбертъ больше всего заботился о своей личности, чѣмъ о лежавшемъ на немъ долгѣ. Чтобы имѣть возможность удобнѣе разыгрывать двойственную роль вѣрнаго слуги престола и защитника поляковъ, онъ, прикрываясь болѣзнію, предоставилъ генералу Герштенцвейгу, какъ ближайшему и прямому своему помощнику, непосредственнымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, распоряженія, тѣмъ не менѣе не выпускалъ изъ рукъ своей власти, до такой степени, что нерѣдко вмѣшивался и въ тѣ распоряженія, которыя были сдѣланы Герштенцвейгомъ, по предоставленному ему самимъ же имъ, намѣстникомъ, праву. Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ графъ Ламбертъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, имѣлъ основаніе опасаться репутаціи начальника, не достаточно самостоятельнаго и находящагося подъ вліяніемъ подчиненнаго ему лица; да, все это можетъ быть, но на дѣлѣ-то это отзывалось неблагопріятно.

Слабость характера, неувѣренность въ себѣ, дали возможность

тѣмъ, которые умѣли пользоваться этимъ не въ русскихъ, конечно, интересахъ, повліять на намѣстника настолько, что онъ даже послѣ того, когда вопросъ о немедленномъ приведеніи Варшавы на военное положеніе былъ рѣшенъ особымъ совѣтомъ, имъ собраннымъ по этому случаю, и имъ же утвержденъ, чуть было не отмѣнили этой мѣры. Впрочемъ, когда избранныя для того лица, запершись въ кабинетъ генерала Потапова, составляли подъ его руководствомъ «правила о военномъ положеніи» и когда уже были сдѣланы всѣ распоряженія къ тому, чтобы все было приведено въ исполненіе въ ту же ночь, дабы городъ проснулся уже въ военномъ положеніи, графъ Ламбертъ требуетъ генерала Потапова къ себѣ и приказываетъ ему остановиться исполненіемъ возложеннаго на него порученія. Но тутъ Александръ Львовичъ воспользовался кстати и своими полномочіями, и своимъ положеніемъ, какъ генерала свиты его величества, и успѣлъ настоять на томъ, чтобы Варшава немедленно приведена была на военное положеніе, что и было въ ту же ночь исполнено. Но и военное положеніе, со всѣми его послѣдствіями, не охладило пыла безумныхъ головъ, и анти-правительственныя выходки съ ихъ стороны все-таки прорывались, хотя, разумѣется, и не въ такой степени, какъ это было до того. Не ослабѣвала зато подпольная пропаганда, и чѣмъ болѣе представлялось затрудненій въ отношеніи всякаго рода явныхъ манифестацій, тѣмъ усиленнѣе она развивалась другими путями. Тутъ не были пощажены и самые храмы: въ нихъ — этихъ мѣстахъ служенія Господу—вмѣсто молитвъ пѣлись революціонныя пѣсни, а служители алтаря—ксендзы, вмѣсто слова Божія, проповѣдывали революцію и произносили съ каедръ возбуждающія рѣчи. Старанія властей о прекращеніи этого безобразія оказались безсильными противъ революціонной проповѣди и, доведенные до крайней степени возбужденія, поляки положили запереться въ костелахъ, дабы туда не могъ проникнуть никто, такъ или иначе могущій стѣснять свободу ихъ въ нелѣпныхъ выраженіяхъ патріотизма. Прозорливое католическое духовенство, зная хорошо тогдашнее положеніе дѣлъ въ Варшавѣ, предусматривало въ этомъ нѣчто еще болѣе серьезное по своимъ послѣдствіямъ, и расчетъ ихъ, къ сожалѣнію, оказался ошибочнымъ. Тѣ русскіе люди, преданные дѣлу, которые предвидѣли умыселъ ксендзовъ и могли бы противодѣйствовать въ этомъ случаѣ, какимъ-то злымъ рокомъ устранялись именно въ то время и въ тѣхъ случаяхъ, когда они были нужны. Такъ, когда тѣ, кому прежде всѣхъ должно бы было быть извѣстнымъ о томъ, что нафанатизированные ксендзами революціонеры, по введеніи военного положенія, положили усиленно пропагандировать въ костелахъ и довести свое дѣло до тѣхъ результатовъ, послѣдствій которыхъ должно было болѣе всего избѣгать, какъ будто не понимали этого. Даже тогда, когда революціонеры замкнулись въ костелахъ, и когда

по этому поводу былъ созванъ особый совѣтъ, на которомъ нѣкоторыми лицами были выражены прямо намѣреніе и цѣль пропагандистовъ,—даже и тогда, вмѣсто того, чтобы принять какія либо болѣе рacionales мѣры, тутъ же предлагавшіяся, послѣдовало распоряженіе объ образованіи комиссіи изъ нѣсколькихъ высшихъ военныхъ членовъ, съ порученіемъ ей обойти костелы, гдѣ собрались фанатики, и пригласить ихъ разойтись по домамъ. Какъ можно было предвидѣть это и заранѣе, мѣра эта оказалась ни къ чему не ведущею,—комиссія потерпѣла полнѣйшее фіаско. Тогда рѣшено было дожидаться выхода изъ костеловъ народа, и стариковъ, женщинъ и дѣтей пропускать свободно, а остальныхъ мужчинъ задерживать и препровождать въ цитадель, гдѣ особая комиссія должна была немедленно разобрать и рассортировать ихъ по степени обнаруженной виновности, причемъ явно невиновныхъ тотчасъ же освобождать. Это распоряженіе должно было быть приведено въ исполненіе при содѣйствіи войскъ, такъ какъ одной полиціи было бы слишкомъ недостаточно для того. На происходившемъ по этому поводу совѣщаніи произошло разногласіе: нѣкоторые изъ членовъ совѣщанія, относившіеся къ дѣлу съ большею предусмотрительностію, предлагали остановить воинскія команды въ улицахъ, которыми ограничиваются предкостельныя площади, дабы собравшіяся въ костелахъ народъ могъ безбоязненно выйти оттуда, и затѣмъ уже тамъ, на улицѣ, задерживать кого нужно; въ числѣ сторонниковъ такого пріема былъ и генераль-губернаторъ. Другіе члены совѣщанія, напротивъ, настаивали на томъ, чтобы войска были подведены къ самымъ дверямъ костеловъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, представлялось то удобство, что можно задерживать по одиночкѣ и притомъ предупредить всякую попытку скрыться кому нибудь. Это мнѣніе было, однако, болѣе чѣмъ ошибочнымъ по убѣжденію тѣхъ, которые были ближе знакомы съ характеромъ повстанья и, какъ оказалось потомъ, они были правы. Къ сожалѣнію, это мнѣніе было санкціонировано высшею властью въ краѣ, и произошло то, что было менѣе всего желательно и къ предупрежденію чего лица, честно преданныя дѣлу, старались принимать всѣ мѣры. Какъ только замѣчено было изъ костеловъ приближеніе войскъ, выходныя двери этихъ храмовъ были тотчасъ же заперты изнутри. Ошибка обнаружилась скоро, но исправить ее было уже поздно.

Вѣсть о томъ, что собравшіеся въ костелахъ заперлись тамъ, быстро разнеслась по городу, и на площадяхъ передъ костелами начали происходить, между прочимъ, и такія сцены, которыя потрясали даже крѣпкіе нервы. Тяжело было видѣть отчаяніе и страданія матерей, малютки которыхъ, отпущенныя въ костелы со стариками, оставались тамъ съ ранняго утра безъ пищи и притомъ еще съ опасностію если не умереть, то серьезно заболѣть и отъ голода и отъ удушливой атмосферы, отравленной еще трупнымъ

разложениемъ не выданныхъ также оттуда покойниковъ. На колѣняхъ, ломая руки, эти несчастныя женщины молили командировъ частей войскъ, офицеровъ и тѣхъ русскихъ, въ которыхъ предполагали какое либо начальство, спасти ихъ дѣтей, а, между тѣмъ, помочь имъ нельзя было; приходилось ждать, пока двери костеловъ тѣмъ или инымъ способомъ будутъ открыты. Были, правда, одинъ или два случая спасенія такихъ дѣтей; но это была такая счастливая и совершенно непредвидѣнная удача, на повтореніе которой рассчитывать было не только трудно, но даже рискованно по отношенію къ собственной жизни, да еще и безъ всякой пользы. При этихъ удавшихся попыткахъ замѣчено было, что запертые въ костелахъ старики, съ дѣтьми на рукахъ, помѣщались впереди всѣхъ около входныхъ дверей, что, конечно, не было случайностію, и что указываетъ на то, что поляки знали многое впередъ и приготовились дѣйствовать по примѣру дѣдовъ и отцовъ.

За цѣпью войскъ около костеловъ собирался народъ, шумно двигавшійся во всѣ стороны и сильно галдѣвшій; изъ открытыхъ въ окружающихъ эти мѣста домахъ оконъ велись какіе-то таинственные переговоры съ уличною толпою и съ монахами, прибывшими съ траурными колесницами за покойниками, тѣла которыхъ находились въ костелѣ; войска дѣлали нѣкоторыя передвиженія, пріѣзжали и уѣзжали разные воинскіе и другіе начальники и офицеры, усиленно хлопотала полиція, а между всѣмъ этимъ сновали плачущія женщины. Гулъ толпы, плачь женщинъ, распоряженія полиціи, воинскія команды, передвиженія войскъ, ржаніе лошадей, чьи-то крики и свистки, общая суматоха, бѣготня, шумъ и гамъ,—все это представляло что-то такое, что трудно поддается описанію, но что производитъ особое впечатлѣніе даже на охотниковъ сильныхъ ощущеній, а на свѣжаго человѣка дѣйствуетъ невыразимо угнетающе. Въ намѣстниковскомъ замкѣ, какъ слышно было, тоже происходило что-то; но наступила уже и темнота,—а все оставалось попрежнему, и всѣ находились въ томительномъ ожиданіи чего-то. Приближалась и ночь, и упорное затворничество въ костелахъ, продолжавшееся безъ всякой надежды на скорое прекращеніе его, не предвѣщало, конечно, ничего добраго. Въ особенности это озабочивало и тревожило генераль-губернатора, имѣвшаго, безъ сомнѣнія, болѣе другихъ возможность предусматривать послѣдствія трудно объяснимаго распоряженія. Опасенія его не были напрасны, и, какъ извѣстно, произошло то, чего, какъ говорили тогда хорошо знакомые съ системою іезуитовъ, добивались вожаки повстанья, но чего менѣе всего должно было желать въ интересѣ русскаго правительства.

Около полуночи послѣдовало, наконецъ, распоряженіе открыть, хотя бы силою, запертые костелы и, при содѣйствіи войскъ, вывести оттуда народъ, а затѣмъ уже на улицѣ проивести предложенные разборку и аресты. Разумѣется, войскамъ было приказано

входить въ костелы съ соблюденіемъ подобающаго храму уваженія; при чемъ, однако, въ видахъ предосторожности, какъ оказалось потомъ, не излишней, имъ велѣно было не оставлять своихъ ружей, но имѣть ихъ съ отомкнутыми штыками.

Приведеніе въ исполненіе этого распоряженія оказалось, однако же, совсѣмъ нелегкимъ, такъ какъ костелы были заперты изнутри, а принятіе болѣе или менѣе рѣшительныхъ мѣръ въ данномъ случаѣ непременно вызвало бы новыя осложненія, давъ поводъ, полякамъ упрекать русскія власти въ оскорбленіи ихъ святыни. Послѣ различнаго рода предположеній, признанныхъ неудобными, остановились на томъ, чтобы вызвать охотниковъ, которые рѣшились бы проникнуть внутрь костеловъ чрезъ крыши и затѣмъ по лѣстницамъ, ведущимъ на колокольни и расположеннымъ обыкновенно близъ входныхъ дверей. Такимъ охотникомъ явился временно командированный тогда въ Варшаву офицеръ петербургской полиціи, поручикъ М.; но это геройство имѣло печальныя послѣдствія для его здоровья: онъ получилъ нервное расстройство и недолго прожилъ послѣ того. И дѣйствительно то, что совершилъ онъ,—не могло не повліять на нервы, каковы бы они ни были. Какъ онъ успѣлъ проскользнуть чрезъ возбужденную до послѣдней степени толпу, не будучи растерзанъ ею, трудно даже объяснить себѣ; да онъ и самъ потомъ не въ состояніи былъ дать отчета въ томъ, это просто была какая-то необычайно-счастливая случайность. Открытіе замкнутыхъ костеловъ началось съ Бернардинскаго. Съ сосѣдняго съ этимъ костеломъ дома М. добрался до слухового окна на костельной крышѣ, чрезъ которое проникъ въ верхнюю часть костела; отыскавъ тамъ лѣстницу, онъ быстро спустился по ней внизъ и прямо бросился къ двери, которая, будучи запертою на задвижку, оказалась никѣмъ не охраняемою. Можно полагать, при томъ, что происходило тогда въ костелѣ: толпа, фанатически настроенная, слишкомъ поздно замѣтила нежданнаго для нея посѣтителя и не успѣла еще сообразить всего хорошенько, какъ двери были уже отперты, и на порогѣ появились солдаты. Но внезапное смятеніе фанатиковъ продолжалось недолго; оно вскорѣ замѣнилось крайнимъ озлобленіемъ. Въ изступленіи своемъ поляки не помнили уже ничего; они забыли и о святости мѣста, въ которомъ находились,—и храмъ молитвы превратился въ безобразнѣйшее торжище, съ неприличнѣйшимъ гамомъ; а ксендзъ съ амвона продолжалъ еще болѣе разжигать страсти. Но что произошло тамъ, когда туда вошли солдаты,—то не поддается никакому описанію и самому очевидцу представляется теперь какимъ-то тяжелымъ кошмаромъ; въ толпѣ, какъ бы по какому-то мановенію, вдругъ поднялся неистовый крикъ, съ какимъ-то дикимъ взвизгиваніемъ; затрепали скамейки, изображенія святыхъ, словомъ все, что можно было взять въ руки и чѣмъ можно было наносить удары. Вооружившись такимъ образомъ, обезумѣвшая толпа броси-

ласъ на воинскую команду и начала ее бить; та, естественно, стала защищаться; произошло что-то невообразимое, и немало потребовалось энергіи и усилій, чтобы прекратить это отвратительное безобразіе. Ксендзу предложено было кончить, наконецъ, безумную проповѣдь и оставить св. алтарь; но онъ наотрѣвъ отказался отъ этого и еще болѣе воодушевлялся. Поневолѣ пришлось его вывести силою и на сосѣдней съ костеломъ гауптвахтѣ онъ былъ разоблаченъ и арестованъ. Вынужденная крайностію мѣра эта оказалась не безъ послѣдствій, и костель, наконецъ, былъ очищенъ, а находившіяся въ немъ тѣла покойниковъ,—кажется, трехъ,—переданы были кому слѣдуетъ для погребенія.

Затѣмъ начался второй актъ печальной драмы, не менѣе тяжелый и дѣйствующій на нервы.

Началась указанная выше сортировка бывшихъ въ костелѣ лицъ, но лишь только отбирался кто нибудь, подлежащій препровожденію въ цитадель, какъ на него накидывалось нѣсколько женщинъ и, обхвативши его, съ плачемъ и воемъ, удерживали, такъ что для освобожденія его изъ рукъ защитницъ, приходилось прибѣгать къ силѣ; и такъ было съ каждымъ изъ арестованныхъ. Можно же вообразить себѣ, какова была эта борьба, сопровождавшаяся при томъ самую ужасною бранью и всевозможными проклятіями поляковъ по адресу не только начальствующихъ лицъ, но и солдатъ, которымъ, кромѣ того, наносились разныя оскорбленія, способныя не только вывести изъ терпѣнія, но положительно раздражить самаго хладнокровнаго человѣка. Требовалось много такта и спокойной энергіи, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ сохранить въ воинскихъ командахъ порядокъ и удержать солдатъ отъ такихъ поступковъ съ ихъ стороны, за которые ихъ, пожалуй, и трудно было бы обвинять, но которые тѣмъ не менѣе не должны были быть допускаемы. Трудъ, воистину, былъ не легкій, особенно если принять въ соображеніе, что удручающее чувство проникло во всѣ слои русскихъ, не исключая и нижнихъ чиновъ. Эта масса исполнителей начальственныхъ распоряженій не могла, конечно, быть посвящена въ разныя высшія соображенія и видѣла только то, что ихъ всюду и во всемъ оскорбляютъ, а расправляться съ оскорбителями, какъ они стоятъ того, имъ запрещаютъ и такимъ образомъ ихъ, честныхъ исполнителей долга, какъ бы умышленно оставляютъ на позоръ толпы бунтовщиковъ. И вотъ тутъ-то нельзя не помянуть доброю памятью покойнаго Степана Александровича Хрулева, командовавшаго тогда расположенною въ Варшавѣ бывшею 1-ю арміею. Этотъ доблестный герой Севастополя, запечатлѣвшій кровію своею преданность престолу и любовь къ отечеству, пользовавшійся громадною популярностью между войсками и любовью солдатъ и сумѣвшій вселить уваженіе къ себѣ даже въ средѣ поляковъ, но почему-то не почтенный въ Варшавѣ тѣмъ расположеніемъ свѣше, на которое онъ

вправѣ былъ расчитывать, былъ предупредителемъ чуть было невозникшаго колебанія и блюстителемъ того порядка въ войскахъ, какой былъ необходимъ и возможенъ въ общемъ хаосѣ, явившемся однимъ изъ прискорбныхъ послѣдствій неудачнаго распоряженія.

Почти все то же произошло и въ двухъ другихъ запертыхъ костелахъ—св. Креста и св. Яна. Различіе было въ томъ, что доступъ въ эти костелы оказался нѣсколько легче, и ксендзовъ ихъ не пришлось разоблачать на гауптвахтѣ. За то въ первомъ изъ нихъ и арестованныхъ было мало, такъ какъ находившійся тамъ народъ, будучи предупрежденъ о происходившемъ въ Бернардинскомъ костелѣ, успѣлъ скрыться чрезъ подземный ходъ. Въ то время сильно распространенъ былъ слухъ, что это упущеніе было не случайное, и что виновникомъ его былъ мѣстный циркуловый комиссаръ (участковый приставъ), полякъ Держановскій, который зналъ о существованіи подъ костеломъ св. Креста подземнаго хода, но не счелъ нужнымъ предупредить о томъ начальство. Кажется, однако, что это дѣло кончилось тогда ничѣмъ, а какія оно имѣло потомъ послѣдствія—не знаю. Революціонныя пѣсни и пропаганда въ означенныхъ костелахъ начались съ раннихъ обѣденъ, а войска приведены были на площади днемъ; распоряженіе же объ открытіи костеловъ получено было уже поздно вечеромъ, такъ что къ приведенію его въ исполненіе можно было приступить лишь около 12 часовъ ночи; вся же операція эта была кончена только въ 6 часовъ утра. Необходимо замѣтить тутъ, что день этотъ былъ весьма прохладный, а ночью было такъ холодно, что всѣ были въ теплое платьѣ, а нѣкоторые такъ даже и въ мѣховыхъ пальто, что было совсѣмъ не лишне. Не замѣчалъ холода одинъ только генералъ Герштенцвейгъ, не совсѣмъ еще къ тому поправившійся отъ только что перенесенной имъ болѣзни,—если не ошибаюсь какого-то воспаленія. Возбужденный въ высшей степени всѣмъ происходившимъ и видѣннымъ имъ, недовольный разными распоряженіями, противными его взглядамъ и убѣжденіямъ, онъ развѣзжалъ по городу въ лѣтней шинели и безъ калошъ и, оставаясь всю тяжелую ночь на улицѣ, не могъ не простудиться очень сильно. Страдая и нравственно и физически, онъ, разумѣется, былъ совершенно разстроенъ, когда, по окончаніи всей процедуры съ костелами и арестами, отправился въ намѣстниковскій замокъ. Намѣстникъ, у котораго хлынула кровь горломъ, какъ надо полагать, былъ тоже не въ особенно хорошемъ настроеніи и, само собою разумѣется, что это свиданіе людей, совершенно различныхъ характеровъ, очень мало питавшихъ взаимныхъ симпатій и находившихся не въ спокойномъ состояніи, должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ крупное между ними объясненіе. И оно дѣйствительно было таковымъ, какъ показывалъ о томъ одинъ изъ служителей намѣстника—единственная личность, находившаяся въ то время около графа. Этотъ служитель, бывшій въ смежной съ каби-

нетомъ графа комнатѣ, сквозь двери слышалъ, что «господа» очень громко и бурно о чемъ-то говорили, — но понять ничего не могъ, такъ какъ разговоръ происходилъ на французскомъ языкѣ, котораго онъ не знаетъ. Можно, поэтому, съ достовѣрностію утверждать, что всѣ рассказываемыя о происшедшемъ между графомъ Ламбертомъ и генераломъ Герштенцвейгомъ столкновеніи подробности являются не болѣе, какъ плодомъ довольно смѣлыхъ предположеній, основываемыхъ на множествѣ самыхъ разнообразныхъ толковъ тогдашняго времени, быть можетъ, до нѣкоторой степени и не лишенныхъ правдоподобія, но во всякомъ случаѣ не настолько точныхъ и достовѣрныхъ, чтобы строить на нихъ положительныя заключенія. Несомнѣнно только то, что серьезное столкновеніе между этими двумя дѣятелями въ Варшавѣ въ 1861 г. дѣйствительно произошло, а все остальное унесено ими съ собою въ могилу. Подтверженіемъ сему можетъ служить самое противорѣчіе въ этихъ подробностяхъ, встречаемое въ появившихся по поводу означеннаго случая статьяхъ, напримѣръ, въ 1 книгѣ «Русскаго Архива» 1885 г. и январской книгѣ «Историческаго Вѣстника» 1887 г. Не касаясь общаго содержанія этихъ только двухъ статей и останавливаясь лишь на тѣхъ противорѣчіяхъ въ нихъ, которыя рѣзко бросаются въ глаза, нельзя не прійти къ заключенію, что роковой тайнѣ едва ли суждено выясниться настолько, чтобы въ отношеніи ея не оставалось никакихъ сомнѣній.

Неизвѣстный авторъ первой статьи, упоминая о генералѣ Левшинѣ, какъ объ оберъ-полицеймейстерѣ того времени, сообщаетъ, что за г. Борщовымъ было послано послѣ происшедшаго между гр. Ламбертомъ и Герштенцвейгомъ объясненія, при чемъ приводитъ и разговоръ свой въ пріемной намѣстника съ г. Борщовымъ по прибытіи послѣдняго; а г. Борщовъ во второй статьѣ объясняетъ, что оберъ-полицеймейстеромъ въ Варшавѣ былъ тогда полковникъ Пилсудскій, и отзывается, что онъ не только ничего не припоминаетъ о подобномъ разговорѣ, но даже сомнѣвается въ возможности этого разговора. Оговорившись такимъ образомъ, г. Борщовъ пишетъ, что онъ былъ единственнымъ случайнымъ свидѣтелемъ прискорбнаго столкновенія гр. Ламберта съ Герштенцвейгомъ, повлекшаго американскую дуэль между этими двумя сановниками и затѣмъ самоубійство Герштенцвейга; что до сихъ поръ онъ не считалъ себя вправѣ разоблачать тайну, унесенную въ могилу дѣйствующими лицами этой драмы; но что теперь, когда событіе это принадлежитъ уже исторіи, а между тѣмъ въ печати появляются невѣрные рассказы, повторяющіе лишь слухи, ходившіе тогда въ Варшавѣ, онъ полагаетъ, что на немъ, какъ на единственномъ изъ оставшихся въ живыхъ свидѣтелѣ и очевидцѣ упомянутой драмы, лежитъ обязанность возстановить истину. Далѣе идетъ описаніе подробностей столкновенія, и между прочимъ приводится и то, что посредникомъ

дуэли былъ С. А. Хрулевъ, тщетно старавшійся предотвратить эту дуэль и обязанный гр. Ламбертомъ, какъ и онъ, г. Борщовъ, молчать обо всемъ. Но если авторъ статьи «Русскаго Архива» и ошибается въ томъ, что оберъ-полицеймейстеромъ въ Варшавѣ былъ тогда не Левшинъ, а генераль Пилсудскій,—то въ остальномъ, по отношенію къ случаю, о которомъ идетъ рѣчь, рассказъ его является болѣе вѣроятнымъ и правдоподобнымъ по тѣмъ уже соображеніямъ, которыя вызываются слѣдующими обстоятельствами: 1) что авторъ статьи «Русскаго Архива», какъ можно предполагать, лицо, близко стоявшее къ гр. Ламберту и, слѣдовательно, имѣвшее возможность быть хорошо знакомымъ съ тогдашними событіями въ Варшавѣ, и 2) что г. Борщовъ, не живя у намѣстника, не находился, конечно, при немъ безотлучно, а прискорбное столкновеніе между графомъ Ламбертомъ и Герштенцвейгомъ произошло въ такое время, когда около намѣстника могъ находиться только кто либо изъ постоянно окружавшихъ его. Самъ г. Борщовъ не опровергаетъ категорически сказаннаго о немъ по этому случаю въ означенной статьѣ, а заявляетъ лишь, что онъ не припомнитъ ничего подобнаго и сомнѣвается въ возможности приводимаго разговора съ нимъ въ намѣстниковскомъ дворцѣ. Выходитъ слѣдовательно, что г. Борщовъ не только не отрицаетъ этого факта, но какъ бы еще подтверждаетъ его сознаниемъ въ своей забывчивости, а въ такомъ случаѣ и весь рассказъ его, помѣщенный въ «Историческомъ Вѣстникѣ», получаетъ совершенно иной характеръ. Позволительно поэтому желать, чтобы, въ интересъ восстановленія истины въ такомъ серьезномъ случаѣ, подобныя недоразумѣнія были разъяснены обстоятельнѣе и спокойнѣе.

Съ своей стороны я могу сказать слѣдующее: о самоубійствѣ, или, точнѣе—о стрѣляніи въ себя генерала Герштенцвейга,—такъ какъ онъ страдалъ еще послѣ того почти три недѣли,—я узналъ впервые отъ А. Л. Потапова, при которомъ состоялъ въ Варшавѣ и съ которымъ вмѣстѣ жилъ въ томъ же Брислевскомъ дворцѣ, гдѣ главное зданіе занималъ генераль-губернаторъ; и квартиры наши имѣли внутреннее сообщеніе, только для насъ доступное. Александръ Львовичъ поэтому былъ одинъ изъ первыхъ, узнавшихъ о печальномъ случаѣ, и, конечно, тотчасъ же навѣстилъ страдальца. Я, разумѣется, тутъ же узналъ о случаѣ, а Александръ Львовичъ, вернувшись къ себѣ, тотчасъ позвалъ меня въ кабинетъ и сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности о происшедшемъ, рассказавъ и о томъ, изъ какого револьвера и какимъ образомъ стрѣлялся Герштенцвейгъ. «Большое несчастіе,—встрѣтилъ меня Александръ Львовичъ,—сейчасъ застрѣлился Герштенцвейгъ и къ тому еще самымъ неудачнымъ способомъ, такъ что тяжело видѣть его страданія; вообразите, онъ стрѣлялъ въ себя изъ того маленькаго револьвера, который вы видѣли у него на столѣ, и пуля, засѣвшая у него въ головѣ, при-

чиняеть ему страшныя страданія. Конечно, трудно надѣяться, чтобы онъ могъ поправиться, но тѣмъ хуже для него, ибо онъ можетъ такъ проработать долго. Я только что былъ у него и не могу прийти въ себя! При настоящемъ положеніи дѣлъ здѣсь это великое несчастіе».

На вопросъ мой, вслѣдствіе чего и какъ это случилось, Александръ Львовичъ продолжалъ: «всѣхъ подробностей я еще и самъ не знаю; извѣстно только, что онъ былъ у намѣстника, возвратился изъ замка въ крайне возбужденномъ состояніи, быстро прошелъ въ кабинетъ, а вслѣдъ затѣмъ послышались выстрѣлы. Первая пуля прошла мимо и, пробивъ окно, засѣла въ противоположной стѣнѣ другого дома, вторая, проскользнувъ по лбу, оказалась на полу, расплюснутая, а третья, направленная, вѣроятно, въ високъ, засѣла въ черепъ за ухомъ. Можно полагать, что у него произошло что нибудь особенно непріятное съ намѣстникомъ, а вы знаете, въ какомъ вообще состояніи находился генераль-губернаторъ въ это время».

Такимъ образомъ надо полагать, что въ замкѣ что-то произошло, но что именно—никому неизвѣстно, а что тамъ произошло что-то очень серьезное, это несомнѣнно. Помню также хорошо, что это было раннимъ утромъ, такъ часовъ около 7 утра. Это послѣднее обстоятельство, само по себѣ не важное, имѣетъ нѣкоторый интересъ по отношенію къ опредѣленію времени происшествія.

Возвращаясь къ статьѣ г. Борцова, можно еще остановиться на слѣдующемъ. Г. Борцовъ, какъ онъ самъ говоритъ, былъ обязанъ графомъ Ламбертомъ тѣмъ же словомъ хранить тайну, что и С. А. Хрулевъ, но, тѣмъ не менѣе, въ видахъ возстановленія истины, онъ счелъ себя не только вправѣ, но даже обязаннымъ выступить съ своимъ рассказомъ. Почему же не допустить предположенія, что и С. А. Хрулевъ, съ такою же благою цѣлью, не могъ сдѣлать того же? вѣдь онъ тоже пережилъ обоихъ дѣйствовавшихъ въ этой драмѣ. Графъ Ламбертъ и генералъ Герштенцвейгъ занимали слишкомъ высокое положеніе для того, чтобы все происходившее между ними вслѣдствіе официальныхъ ихъ отношеній могло признаваться имѣющимъ только личный характеръ и приравняться къ условіямъ совершенно частной жизни. Для С. А. Хрулева, по его положенію, обязанность, принятая на себя Борцовымъ, была еще серьезнѣе. И, однакожъ, мнѣ не приходилось слышать, чтобы онъ рассказывалъ о тѣхъ подробностяхъ, въ какія посвящаетъ г. Борцовъ. А въ Варшавѣ мы видѣлись съ нимъ каждый день, очень часто обѣдали вмѣстѣ у А. Л. Потапова и, разумѣется, много говорили объ интересахъ дня. Впослѣдствіи, хотя, конечно, и не такъ уже часто, я продолжалъ видаться со Степаномъ Александровичемъ, при чемъ мы всегда почти дѣлились воспоминаніями пережитаго нами, но никогда, и потомъ, онъ ничего подобнаго не высказывалъ, хотя и

о графѣ Ламбертѣ и о генералѣ Герштенцвейгѣ говорилось немало. Ничего такого я не слыхалъ и отъ А. Л. Потапова, расположеніемъ и довѣріемъ котораго я пользовался 26 лѣтъ, а въ Варшавѣ и жилъ у него на квартирѣ. Точно также мнѣ не удалось слышать ничего объ этихъ подробностяхъ и отъ И. А. Арсеньева, который одновременно съ нами находился въ Варшавѣ съ спеціальною цѣлью описанія происходившаго тамъ, и въ Варшавѣ я также видался съ нимъ каждодневно, и установившіяся тогда между нами отношенія не нарушались потомъ. Въ послѣднее время мы, правда, рѣдко видались съ нимъ, но прежде это случалось чаще, и въ бесѣдахъ мы много прошлаго вспоминали. Можно было бы указать еще нѣсколькихъ лицъ, отъ которыхъ мнѣ представлялась возможность узнать кое-что, кромѣ того, что мнѣ самому извѣстно, но это было бы лишнимъ, въ виду того, что ни критика, а тѣмъ паче ни полемика не составляютъ моей цѣли. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ и во всемъ остальномъ, я хотѣлъ лишь привести нѣкоторыя данныя, могущія болѣе или менѣе оправдать мои сомнѣнія. Самоубійство Герштенцвейга, какъ тогда, такъ и до сихъ поръ остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности, хотя были, да, можетъ быть, и теперь есть еще лица, имѣвшія интересъ и возможность знать все происшедшее тогда въ Варшавѣ. Стало быть, дѣйствительно, тайна была велика и такую, вѣроятно, суждено ей остаться, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока появляющіяся до сихъ поръ попытки къ разоблаченію ея очистятся отъ всякихъ сомнѣній и будутъ подтверждены чѣмъ либо болѣе вѣскимъ и положительнымъ, чѣмъ слабая человѣческая память.

Въ заключеніе можно сказать, что неестественная кончина генерала Герштенцвейга представляетъ собою фактъ, заслуживающій, во всякомъ случаѣ, особаго къ нему вниманія, хотя бы въ интересахъ того, чтобы получить возможность освѣтить надлежащимъ образомъ тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ произошелъ, и изъ неудачно повтореннаго опыта воспользоваться поучительными указаніями. Тогда и слишкомъ строгіе судьи несчастной жертвы этихъ обстоятельствъ найдутъ, быть можетъ, справедливымъ почтить усопшаго страдальца нѣсколько лучшею памятью.

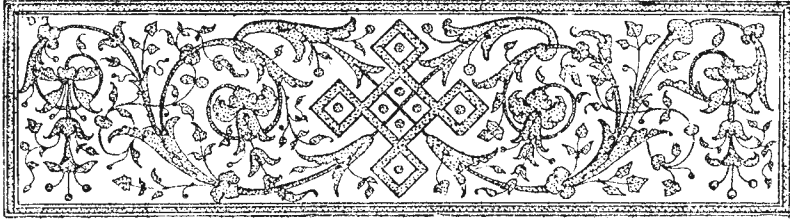
Н. Д. Горемыкинъ.

ГРАФИНЯ СОФІЯ ПОТОЦКАЯ.

ДОВЪ. ЦЕНЗ. 27 ЯНВАРЯ 1899 Г. СПБ.

КАКЪ Я ХОДИЛЪ ВЪ НАРОДЪ.

(Посвящается памяти Н. В. Новикова и О. Е. Сухановой).

I.

ГО было давно—лѣтъ 16-17 тому назадъ, когда я былъ молодъ и хотя не совсѣмъ легковѣренъ, но все-таки съ достаточнымъ запасомъ той смѣлости, которая является результатомъ незнакомства ни съ жизнью, ни съ собственными силами. Въ то время среди университетской молодежи вопросы о «народѣ», о «долгѣ» ему интеллигенціи, о необходимости ему служить до самоотверженія и т. п. были въ полномъ ходу. Мало того: мужика идеализировали на всѣ лады, изучали по книгамъ и журнальнымъ статьямъ земельную общину и видѣли въ ней олицетвореніе высшей справедливости. Тогда вопросъ этотъ былъ еще мало изученъ, и такими статьями, какъ покойнаго В. Г. Трирогова, зачитывались. Въ то же время народа въ точности никто изъ насъ не зналъ; мы видѣли его на городскихъ улицахъ, въ подгородныхъ дачныхъ деревенькахъ, гдѣ мужикъ, какъ и вездѣ въ дачныхъ или курортныхъ мѣстахъ, порядочный плутъ и не стѣняется собрать съ «господъ» все, что можно. Тутъ же мы видѣли и пьянство мужицкое, и жестокое обращеніе съ женщиной и дѣтьми; отъ самого мужика слышали, какъ онъ ругаетъ своихъ однообщественниковъ, корить міръ за то,

«истор. вѣсти», февраль, 1899 г., т. LXXV.

6

что онъ «продалъ правду за водку», и т. п. Словомъ непосредственныя, хотя и кратковременныя столкновения съ мужикомъ давали совѣтъ не тѣ впечатлѣнія, какія мы привыкли почерпать изъ книгъ, текущей литературы и собственныхъ разговоровъ. Да и въ литературѣ не всё одинаково рисовали мужика: такой писатель, какъ Г. И. Успенскій, на несомнѣнную любовь котораго къ народу и на знаніе котораго мужицкой жизни молодежь могла положиться и дѣйствительно полагалась, далъ цѣлый рядъ безотраднѣйшихъ картинъ «паденія» мужика, доказывалъ, что въ земельной общинѣ не человѣческая, а только межевая справедливость, и что общинный строй покоится не на какихъ либо альтруистическихъ мотивахъ, а просто на необходимости. Сильно разочаровывали насъ слова любимаго писателя: мы хотѣли видѣть въ народѣ и его бытѣ идеаль, которому можно было бы поклоняться по безспорности его нравственной красоты, а между тѣмъ въ этомъ предметѣ поклоненія оказывалось столько изъяновъ и притомъ самыхъ несимпатичныхъ, что поклоняться ему уже было нельзя—по крайней мѣрѣ съ тѣмъ жаромъ религіознаго благоговѣнія, котораго въ то время такъ жаждали молодыя души. Говори это ктонибудь другой, а не Г. И. Успенскій,—мы бы просто не повѣрили, какъ не вѣрили цѣлому лагерю писателей, не скупившихся на обличеніе мужика и уповавшихъ (да и поднесъ уповающихъ) на одни «скорпионы и бичи».

Не менѣе сбивчивы оказывались и наши представленія объ экономическомъ положеніи крестьянина. Заквашенные еще на гимназической скамейкѣ «Антономъ Горемыкой» и вскормленные «музой мести печали», мы думали, что деревенская жизнь—безпросвѣтное горе, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ слезъ, отчаянія, голодныхъ смертей и варварскихъ истязаній. Намъ представлялось, что если мужикъ дѣлаетъ надъ кѣмънибудь насиліе (въ области экономическихъ отношеній), то онъ къ этому вынужденъ; если же насиліе дѣлаютъ надъ нимъ, то это потому, что онъ слабѣйшая сторона. И опять таки Г. И. Успенскій мучилъ наши умы: въ своемъ разсказѣ о трехъ деревняхъ, изъ которыхъ одна—многоземельныхъ и почти свободныхъ отъ налоговъ государственныхъ крестьянъ—оказывалась скопищемъ пропойць и мерзавцевъ, а другая—малоземельныхъ помѣщичьихъ и, конечно, обремененныхъ податями крестьянъ—оказывалась образцомъ трудолюбія, хозяйственности и вообще деревенской порядочности—этими разсказами Г. И. Успенскій приводилъ насъ въ несказанное смущеніе. Закрадывалась въ молодые умы мысль, что не отъ одного же угнетенія бѣденъ крестьянинъ, что можетъ же и самъ онъ быть виновенъ въ собственной нищетѣ, и что пьеть онъ не всегда «съ голоду», какъ пытались иногда доказывать слѣпые защитники крестьянина, а иногда и просто по собственному безпутству. Да, наконецъ, цѣлая галлерей кулаковъ, выведенныхъ нашей литературой 70-хъ и 80-хъ годовъ, развѣ она

не должна была смущать юношество: откуда же вышли эти безжалостные истязатели, какъ не изъ самого народа? Кто они, какъ не общинники? Относится ли къ нимъ эксплуатируемый ими народъ съ ненавистью и презрѣніемъ? И на все получался отвѣтъ: да—изъ народа, да—общинники, нѣтъ—не презираетъ, а, напротивъ, чтить, какъ настоящихъ хозяевъ, умѣющихъ изъ гроша сдѣлать рубль, считаетъ ихъ за своихъ, гордится ими и относится иронически къ тѣмъ «господамъ», которые искренне готовы были по крайней мѣрѣ не обидѣть мужика, а иногда и жизнь свою положить за него. И въ этомъ случаѣ Г. И. Успенскій удостовѣрялъ, что кулацкая жилка бьется въ сердцѣ каждаго мужика, что какъ только представляется удобный случай—самый рядовой «общинникъ» не задумается покулачить, никогда не прочь поприжать своего же брата «общинника» и если обижается, когда прижмутъ его, то не потому, чтобы считалъ такое поведеніе неестественнымъ, а потому только, что кнутъ ходить не по чужой, а по его собственной спинѣ.

Судите же сами, каково должно быть душевное состояніе молодежи, раздираемой столь достовѣрными въ ея глазахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь противорѣчивыми показаніями о народѣ?

Многіе въ то время задумывались надъ этими противорѣчіями—и я принадлежалъ къ числу этихъ многихъ. Развѣдающая сила анализа погашала тотъ душевный жаръ, который многіе изъ насъ готовы были отдать на служеніе этому сфинксу—мужику, въ должникахъ у котораго, по общему увѣренію, мы состояли. Я хорошо помню это двойственное настроеніе какъ у себя, такъ и у другихъ. Пока читаешь «музу мести и печали», душа горитъ самымъ яркимъ и чистымъ пламенемъ самоотверженія, жажды постоять не за правду вообще, а именно за ту правду, нарушеніе которой воплощалось въ мужицкихъ бѣдахъ. Насъ не манили подвиги нашихъ солдатъ, нашихъ моряковъ,—вообще людей, полагавшихъ жизнь свою за какъ бы чуждый намъ въ то время идеаль. Природное чувство патріотизма было подавлено въ насъ разглагольствованіями о космополитизмѣ, объ угнетеніи однихъ общественныхъ классовъ другими во всѣхъ странахъ и объ общности интересовъ всѣхъ угнетенныхъ безъ различія вѣры, языка, исторіи, національныхъ особенностей и т. п. Не манили насъ и тѣ—если не подвиги—то все же благородные поступки множества людей, скромно исполняющихъ свой служебный или общественный долгъ. Что значить въ нашихъ глазахъ самый лучший городской голова, когда мы были убѣждены, что само городское положеніе составлено такъ, чтобы бѣднѣйшая (и по нашему тогдашнему мнѣнію—лучшая) часть населенія лишена была участія въ городскомъ самоуправленіи?! Что стоитъ самый непревосходнѣйшій предсѣдатель земской управы, когда мы думали, что само земское положеніе составлено въ интересахъ

крупнаго землевладѣнія, которое всегда де готово парализовать мѣры, направленные къ общему благополучію?!

Словомъ, всё образцы добродѣтели и нравственной красоты, завѣщанные намъ исторіей и встрѣчавшіеся въ текущей жизни, не удовлетворяли насъ, не удовлетворяли потому именно, что образцы эти писали на своемъ знамени не «мужикъ», а «человѣкъ» вообще или «русскій человѣкъ» въ частности. Въ то же время сами мы, попытавшіеся было выкинуть флагъ, на которомъ вмѣсто «человѣкъ» написано было «мужикъ», находились въ состояніи сомнѣнія относительно самыхъ свойствъ этого «мужика», о которомъ было такъ много противорѣчивыхъ показаній самыхъ компетентныхъ и самыхъ уважаемыхъ тогдашней молодежью людей. Конечно, было среди насъ не мало энтузіастовъ, для которыхъ «мужикъ» былъ съ одной стороны вполне безвиннымъ страдальцемъ, а съ другой—сосудомъ всяческой добродѣтели и источникомъ новой жизни. Особенно много было такихъ «вѣрующихъ» среди женской молодежи. Но вѣра эта была едва ли прочна; скорѣе это была потребность въ вѣрѣ, чѣмъ самая вѣра; по крайней мѣрѣ, вспоминая теперь, когда уже прожито полъ-жизни, разнообразную галерею этихъ «вѣрующихъ» и слыша, какъ у кого сложилась жизнь, приходишь къ заключенію, что эти вѣра въ «мужика» не была тою живительною и укрѣпляющею духъ вѣрой, которая, неизвѣстно какъ зарождаясь въ душѣ человѣка, провожаетъ его до могильной плиты.

Во всякомъ случаѣ я лично не принадлежалъ къ числу этихъ «вѣрующихъ»; меня постоянно точилъ червь сомнѣнія по самымъ острымъ вопросамъ того времени: дѣйствительно ли мужицкая жизнь такъ тяжела, какъ ее описываютъ? И если тяжела, то дѣйствительно ли виноваты въ этомъ всё, кромѣ самого мужика? И если, какъ тогда утверждали, всё его пороки происходятъ отъ нищеты, то дѣйствительно ли они исчезнутъ, если сдѣлать мужика богатымъ? Наконецъ, будетъ ли какая польза отъ того, что мы, молодежь, «опрощаясь» и становясь простыми работниками, будемъ жить «трусами рукъ своихъ» въ непосредственномъ смыслѣ этихъ словъ? Вотъ вопросы, которые меня тогда волновали, и отъ которыхъ я порѣшилъ такъ или иначе отвязаться, потому что они мнѣ покоя не давали и просто жить мѣшали.

Въ то время (конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ) среди молодежи уже начали бродить идеи, которыя вислѣдствіемъ были развиты графомъ Л. Н. Толстымъ, о необходимости жить «трусами рукъ своихъ». Уже тогда кое-гдѣ образовались интеллигентныя колоніи земледѣльцевъ. Нельзя сказать, чтобы и тогда онѣ пользовались большою популярностію, потому что огромное большинство молодежи видѣло свою обязанность не въ развитіи личной добродѣтели,

а въ «служеніи народу», въ уплатѣ ему «вѣковаго долга». Очевидно, что одна только жизнь «трусами рукъ своихъ» не могла считаться ни «служеніемъ народу», ни уплатою ему «долга».

II.

Въ томъ университетскомъ городѣ, гдѣ я воспитывался, нашелся человекъ, который попытался (по его словамъ) соединить жизнь «трусами рукъ своихъ» съ «служеніемъ народу». Въ самомъ «дѣлѣ», развѣ нельзя было, обрабатывая свою землю, питаясь исключительно отъ собственнаго физическаго труда,—развѣ нельзя было въ то же время «развивать» крестьянское населеніе, окружающее интеллигентную колонію, въ томъ направленіи, которое соотвѣтствовало бы «уплатѣ долга народу»? Казалось, что это можно было, и вышеупомянутый мой знакомецъ утверждалъ, что онъ осуществилъ это.

Этотъ господинъ — назову его хоть Петромъ Ивановичемъ Ивановымъ — былъ сельскимъ учителемъ въ одномъ большомъ помѣщичьемъ селѣ. Происходилъ онъ изъ крестьянскаго или мѣщанскаго званія, воспитывался въ началѣ 70-хъ годовъ въ одной модной тогда учительской семинаріи и сдѣлался сельскимъ учителемъ якобы по призванію и при томъ именно съ цѣлью если не уплатить «долгъ» народу (самъ онъ, какъ крестьянинъ или мѣщанинъ, «долженъ не былъ»), то указать другимъ, какъ надо это дѣлать. Наружности онъ былъ весьма некрасивой, почти отталкивающей, обращенія довольно грубаго, чѣмъ отчасти гордился, какъ человекъ, живущій среди народа «реальными потребностями и реальнымъ трудомъ», говорить умѣлъ хорошо и въ особенности умѣлъ импонировать положеніемъ человекъ, никому (т. е. «народу») не «должнаго», дѣлающаго «дѣло» и нашедшаго то умственное и нравственное равновѣсіе, котораго такъ тщетно искалъ тогда, на примѣръ, я и мнѣ подобные. Приѣзжая на зимніе каникулы въ университетскій городъ, Ивановъ толкался среди учащейся молодежи обоего пола и проповѣдывалъ прелести своего положенія. Изъ его словъ оказывалось, что онъ не одинъ, а что ихъ цѣлая компанія сельскихъ учителей, которые, помимо своихъ служебныхъ занятій зимою, обрабатываютъ сами купленную или временно арендованную землю, что они вліяютъ на крестьянскую молодежь, находятся въ непрерывномъ общеніи съ крестьянами, которые, если и не считают ихъ за «своихъ», то во всякомъ случаѣ относятся къ нимъ, какъ къ людямъ очень близкимъ къ себѣ по образу жизни и по строю мыслей. Мало того. Оказывалось далѣе, что они вліяютъ и на владѣльца имѣнія, который былъ будто бы большимъ либераломъ, чему не мало содѣйствовала его сестра, долго жившая за границей, вращавшаяся въ «лучшихъ» кружкахъ и, кажется, даже пострадавшая за это. Словомъ изъ раз-

сказовъ Иванова видно было, что у нихъ основана такая колонія, лучше которой и представить себѣ было нельзя: все на самоновѣйшихъ началахъ, идетъ тамъ у нихъ здоровая трудовая жизнь, кипучая въ умственномъ и нравственномъ отношеніи и притомъ не замкнутая въ тѣсныхъ рамкахъ полудаскетическаго личнаго самосовершенствованія, а неразрывно связанная съ жизнью всего мѣстнаго населенія и потому влияющая на его низшіе и высшіе классы. Это ли не Эльдorado? Не тотъ ли это эдемъ, который смутно рисовался каждому изъ насъ, но все-таки далеко не въ такихъ яркихъ краскахъ и совѣмъ не въ такихъ конкретныхъ формахъ?

Ивановъ, рассказывая намъ, молодымъ студентамъ (а ему уже было за 30), обо всѣхъ успѣхахъ, достигнутыхъ имъ и его товарищами, относился пренебрежительно и къ нашей жизни, и къ нашимъ научнымъ занятіямъ, и къ нашимъ всевозможнымъ тревоженіямъ.

— Пожили бы вы съ нами, поработали бы съ 3-хъ часовъ утра до 9 часовъ вечера въ полѣ, поговорили бы съ крестьянами объ ихъ житьѣ-бытьѣ, тогда, небось, соскочили бы съ васъ всѣ эти гамлетовскіе вопросики,—такъ говорилъ нерѣдко Ивановъ, заканчивая наши жаркіе съ нимъ споры и разговоры.

Несмотря на нашу готовность «служить народу» и заплатить ему «долгъ», мы ужасались работы съ 3 часовъ утра до 9 часовъ вечера на пыльной пашнѣ и подъ палящимъ солнечнымъ зноемъ; ужасались, стыдились своего ужаса и, конечно, снизу вверхъ смотрѣли на такихъ героевъ, какъ Ивановъ. Въ особенности я воспламенился поклоненіемъ къ нему. Одинъ мой товарищъ — большой скептикъ по натурѣ и старше меня возрастомъ, высказывалъ иногда предположеніе, ужъ не вретъ ли, молъ, Ивановъ про свою жизнь: что-то де слишкомъ радужно выходитъ, и ужъ очень велики де у нихъ успѣхи. Я рассердился на моего пріятеля (теперь уже покойнаго—и его памяти посвящаю я этотъ рассказъ), началъ упрекать его въ зависти къ людямъ, сумѣвшимъ найти способъ «уплатить долгъ» народу, и въ неспособности самому пойти по «тернистому» пути и сбросить съ себя «ветхаго человѣка». Пріятель мой помолчалъ и ничего не отвѣтилъ на мою горячую филиппику; казалось, и въ его скептическую душу зашло сомнѣніе въ справедливости своихъ подозрѣній.

Я же съ своей стороны порѣшилъ такъ или иначе, но «пріобщиться» къ той идеальной и свѣтлой жизни, которую велъ Ивановъ и его товарищи. По окончаніи каникулъ онъ уѣхалъ «въ свое мѣсто», а я остался зубрить свои интегралы, и все думалъ, какъ бы мнѣ побывать въ колоніи Иванова. Затрудненіе состояло въ томъ, что я чувствовалъ себя слишкомъ ничтожнымъ въ сравненіи съ такими людьми, какъ Ивановъ и его сожители. Ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, я полѣзу въ компанію къ этимъ почти «святымъ»

людямъ? Что общаго между моею довольно-таки грѣшною жизнью и жизнью этихъ людей, которые такъ плодотворно, такъ безукоризненно чисто живутъ?

А что моя жизнь была грѣшная—это я достовѣрно зналъ. Хотя я съ усердіемъ читалъ массу книгъ, брошюръ и журналовъ («надпольныхъ и подпольныхъ»), хотя я цѣлыми ночами проводилъ время въ спорахъ о «будущемъ строѣ общества», однако я любилъ и «провести минуточку» съ теплыми пріятелями. Пѣвалъ я пѣсни «Есть на Волгѣ утесъ», «Наша барка на мель сѣла»,— пѣвалъ и другія, въ родѣ «Проведемте, друзья, эту ночь веселѣй», «Тамъ, гдѣ тинный Булакъ со Казанкой рѣкой», «Изъ страны — страны далекой», и т. д., словомъ такія, которыя не только не подходили къ «скитамъ», но которыя не всегда можно было и пѣть въ приличномъ женскомъ обществѣ. Само собой разумѣется, что все это нерѣдко совершалось въ присутствіи «погибшихъ, но (якобы) милыхъ созданій», что еще болѣе увеличивало гражданскую грѣховность всего моего поведенія. Кружки, въ которыхъ пѣлось «Есть на Волгѣ утесъ», почти никогда не смѣшивались съ тѣмъ, гдѣ пѣли о Варлаамѣ и его похищеніяхъ; и я былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые какимъ-то чудомъ могли принадлежать къ тѣмъ и другимъ. Характерно при этомъ отмѣтить, что въ то время, какъ кружки кутящіе относились съ полной терпимостью къ занятіямъ по части устройства «будущаго общества»,—кружки, занятые этимъ послѣднимъ вопросомъ, съ презрѣніемъ или, по меньшей мѣрѣ, съ холодною относились къ жуирующимъ компаніямъ студентовъ. Въ особенности дѣвицы изъ этихъ кружковъ были строги къ нашему брату и, вѣроятно, именно за то, что мы являлись съ «погибшими, но милыми созданіями» не для того, конечно, чтобы ихъ спасать, а совсѣмъ для другихъ цѣлей. На бѣду мою я обладалъ въ то время влюбчивымъ сердцемъ, и нравились мнѣ именно эти ригористки, которыя осуждали меня; нравились потому, что, вопреки довольно распространенному мнѣнію, между ними было не мало дѣвицъ хорошенькихъ и притомъ вполне порядочныхъ и благовоспитанныхъ. А вѣдь женственная прелесть, согрѣтая искреннимъ энтузіазмомъ идеализма, не можетъ не очаровывать мужского сердца, тѣмъ болѣе молодого. Хотя ригористки относились ко мнѣ (и мнѣ подобнымъ) весьма строго и съ осужденіемъ, однако отъ себя не отталкивали, а старались насъ исправить, большею частью, впрочемъ безуспѣшно: исправлялись лишь тѣ, кто собирался жениться на исправительницахъ. Что касается до меня, то хотя я всегда ходилъ по краю этой бездонной пропасти, но упалъ въ нее много позже описываемыхъ событій. Причина, по которой я все-таки пользовался вниманіемъ милыхъ (и доднесъ милыхъ—и вспоминаю ихъ и теперь съ сердечнымъ волненіемъ) ригористокъ, заключалась, конечно, въ моей молодости и ихъ надеждѣ на мое возвращеніе на путь истинный; кромѣ того, во дни юности

я былъ краснорѣчивъ и горячъ, обладая притомъ довольно разработанной діалектикой и все-таки бѣльшими познаніями, чѣмъ мои милыя исправительницы, а потому нерѣдко одерживалъ надъ ними верхъ въ разныхъ теоретическихъ вопросахъ, касавшихся главнымъ образомъ «будущаго общества». Будучи горячъ и много читая, я естественно часто впадалъ въ разные соціальныя ереси. Чтеніе сочиненій Спенсера, конечно, не благопріятствовало тѣмъ туманнымъ чаяніямъ, которыми мы жили тогда; пропаганда проводимыхъ имъ идей совершенно не соотвѣтствовала общему настроенію, тѣмъ не менѣе я отдалъ дань великому мыслителю и былъ одно время горячимъ его поклонникомъ и пропагандистомъ. Само собой разумѣется, что такая пропаганда ослабляла то молодое рвеніе, съ которымъ всѣ стремились «уплатить долгъ» народу, и правовѣрными поклонниками этой теріи я былъ признанъ еретикомъ, отъ котораго считали нужнымъ оберегать самихъ исправительницъ.

III.

Не могу пройти молчаніемъ нѣсколькихъ эпизодовъ того времени, которое еще предшествовало моему «хожденію въ народъ». Я поступилъ въ университетъ въ 1878 году—въ самое острое время всевозможныхъ чаяній, радужныхъ надеждъ и страстныхъ ожиданій, что вотъ что-то случится такое необыкновенное, вслѣдствіе чего вся народная, государственная и общественная жизнь потечетъ по новому руслу. Словомъ, ожидали чудесъ—и ожидали съ истинно религіознымъ напряженіемъ чувства и мысли. Мнѣ было тогда только 19 лѣтъ, я только что поступилъ въ университетъ и окупился, съ одной стороны, въ студенческой разгуль, а съ другой—во всевозможныя студенческія дѣла. Въ числѣ этихъ дѣлъ въ началѣ учебнаго года было судебное разбирательство дѣла одного студента В., обвинявшагося въ похищеніи чужого пледа изъ студенческой шинельной. На сходѣ произнесено было много рѣчей, преимущественно обвинительныхъ, такъ какъ, не говоря о самомъ характерѣ проступка, студентъ В. былъ уже очень пожилой господинъ (повидимому, изъ «вѣчныхъ студентовъ»), держался исключительно кутящихъ кружковъ, получалъ изъ дому достаточныя для студенческой жизни средства и совершилъ кражу не подъ вліяніемъ крайней нужды. Въ числѣ обвиняющихъ былъ и я, причѣмъ въ своей рѣчи я привелъ аргументъ, за который мнѣ до сихъ поръ стыдно и за который я потомъ расплатился. Я говорилъ, что В. слѣдуетъ исключить на томъ основаніи, что окончаніе имъ курса расширитъ сферу его дѣятельности и дастъ ему возможность вредить уже не отдѣльнымъ лицамъ, а всему обществу. Аргументъ—самый іезуитскій, который, однако, нерѣдко употребляется прокурорами, жаждущими обвинительныхъ вердиктовъ во что бы ни стало. В. былъ осужденъ.

нами, но не безъ колебаній: намъ жалко было этого опустившагося чловѣка, котораго мы лишали всей его карьеры.

Черезъ нѣкоторое время было судбище надъ другимъ студентомъ — П., обвинявшимся въ злоупотребленіи студенческимъ именемъ. П. принадлежалъ также къ кутящимъ кружкамъ, но изрѣдка забѣгалъ и въ «скиты», надо полагать, для того, чтобы каяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Я не былъ съ нимъ близко знакомъ, но помню, что онъ производилъ на меня пріятное впечатлѣніе мягкости и деликатности, хотя и съ примѣсью значительной дозы безхарактерности. П. былъ влюбленъ (а, можетъ быть, былъ только страстнымъ поклонникомъ) одной оперной примадонны Л., которая ласкала студентовъ и не чужда была, повидимому, разныхъ «вопросовъ», волновавшихъ молодежь. Не думаю, чтобы въ ней это была одна рисовка и способъ привлечь къ себѣ студенческія сердца: она сама была молода, увлекалась оперой, мечтала, вѣроятно, о высококомъ призваніи артистки «глаголомъ жечь сердца людей», и не мудрено, что она сама испытывала на себѣ обаяніе тѣхъ смутныхъ чаяній, которыми были полны мы. Студенты, во всякомъ случаѣ, искренно ее любили. Вотъ изъ-за этой-то самой примадонны чуть не пострадалъ П., а затѣмъ, какъ это ни странно, и я, несмотря на то, что я не былъ завзятымъ театраломъ, съ примадонной знакомъ не былъ и въ числѣ ея почитателей не состоялъ.

Вотъ какъ это вышло. Приближался бенефисъ примадонны, и П., какъ влюбленный ея поклонникъ, рѣшилъ поднести ей подарокъ. Но самъ онъ былъ бѣденъ, какъ Іовъ, да и подарокъ отъ него лично не имѣлъ бы въ глазахъ примадонны того значенія, какое онъ могъ бы имѣть, будучи поднесенъ отъ цѣлаго круга поклонниковъ. Все это П. сообразилъ и началъ собирать деньги, чтобы поднести примадоннѣ серебряный вѣнокъ отъ имени студентовъ. Сколько онъ собралъ—я не знаю, но только въ самомъ разгарѣ его сборовъ студенты были оповѣщены, что назначена сходка для обсужденія «неблаговидныхъ» поступковъ П. Собралась большая сходка, на которой выступили двоякаго рода обвинители: одни доказывали, что П., не будучи никѣмъ уполномоченъ, не имѣлъ права дѣлать сборъ и подарокъ отъ имени мѣстнаго студенчества. Это была умѣренная партія обвинителей. Гораздо серіознѣе (въ нашихъ, конечно, глазахъ) были другія обвиненія, предъявленные кружками «ригористовъ». Эти указывали на тяжкое положеніе народа, на бѣдность самого студенчества и потому на совершенную несовмѣстимость цѣннаго подарка отъ молодежи оперной артисткѣ. Много было произнесено пламенныхъ рѣчей о «долгѣ» народу, о томъ, что единственная «надежда» народа—молодежь, что она должна готовиться для служенія ему, а не играть въ оперныя бирюльки и т. п. Надо отдать справедливость тогдашнимъ ораторамъ, они говорили красиво, горячо и убѣжденно,— и, конечно, наэлектризо-

вали всю сходку. Требовалось исключеніе П. изъ университета. Почти единственнымъ защитникомъ П., но и то лишь условнымъ, былъ я. Я соглашался съ обвинителями въ ихъ характеристикѣ «чернаго» поступка П., но находилъ, что предлагаемая мѣра наказанія слишкомъ сурова, что мы не должны лишать П. науки и нашей среды, дабы онъ могъ исправиться. Вотъ эта-то вторая половина аргументаціи погубила и меня, и П.; кто-то изъ обвинителей сопоставилъ мою рѣчь въ пользу П. съ рѣчью противъ Ю. и нашель, что я одинъ и тотъ же аргументъ употреблялъ и для обвиненія, и для оправданія. Это было такъ эффектно подчеркнуто, что сходка... освистала меня съ полнымъ единодушіемъ, а П. постановили исключить. Хотя университетское начальство не уважило постановленія сходки, однако П. долженъ былъ перейти въ другой университетъ. Что касается до меня, то упомянутое поражение на сходкѣ такъ на меня подѣйствовало, что я долго не рѣшался выступать съ публичными рѣчами.

Молчанію этому, однако, суждено было прекратиться, и вотъ по какому поводу. Весной 1879 г. среди университетской молодежи было усиленное броженіе, вызванное отчасти разбиравшимся въ то время громкимъ политическимъ процессомъ въ С.-Петербургѣ. Рѣчи защитниковъ, рѣчи подсудимыхъ и заграничныя брошюрки объ этомъ процессѣ циркулировали среди молодежи и давали пищу для разговоровъ. Между тѣмъ, задолго до этого среди насъ высказывались мнѣнія, что «надо же что нибудь предпринять», что «нельзя сидѣть сложа руки», что, въ концѣ концовъ, необходимо выяснитъ, чему же сочувствуетъ молодое поколѣніе. Собрали опять сходку—пока, такъ сказать, для «предварительнаго обмѣна мыслей». Само собою разумѣется, что на эти сходки мы старались глядѣть несравненно серьезнѣе, чѣмъ на вышеописанныя: тамъ рѣчь шла о конкретныхъ случаяхъ, въ сущности «пустяковыхъ», теперь дѣло касалось вопросовъ принципиальныхъ, касающихся «коренныхъ основаній государственнаго и общественнаго быта».

Послѣ «предварительнаго» обмѣна мыслей, мы оказались настроенными еще болѣе «серьезно», чѣмъ до него. На этой сходкѣ выяснилось, что въ данную минуту «было бы всего цѣлесообразнѣе и практичнѣе» поднять вопросъ о свободѣ печати. Слѣдующая сходка была назначена именно для обсужденія этого вопроса.

Обширная анатомическая аудиторія, расположенная амфитеатромъ, была полнымъ-полна; профессоръ анатоміи вмѣстѣ съ прозекторомъ сидѣли въ своемъ кабинетѣ и слушали наши бурныя рѣчи. Прежде чѣмъ приступить къ прямому вопросу, поставленному на обсужденіе, сходка занялась другимъ—болѣе общимъ и «болѣе важнымъ», именно: въ какихъ реформахъ больше всего нуждается человѣчество—въ политическихъ или соціальныхъ? Въ душѣ огромное большинство было расположено къ преобразованіямъ соціальнымъ; но

неясно было, въ чемъ именно они должны состоять, и гдѣ лежать къ нимъ пути; «партія дѣйствія» указывала, что одинъ изъ этихъ путей есть именно преобразованія политическія. Этимъ аргументомъ большинство склонялось къ первому шагу на пути политическихъ преобразованій—къ подачѣ высшему правительству петиціи о свободѣ печати. Я принадлежалъ къ меньшинству, стоялъ за преобразованія соціальныя, настаивалъ, что намъ не слѣдуетъ обращаться къ представителямъ существующаго строя, которыхъ мы осуждаемъ, что исторія показываетъ намъ, какъ бесполезны были политическія преобразованія для обездоленныхъ классовъ и т. п.—словомъ я говорилъ все то, что говорилось и писалось въ то время разными «постепеновцами». Такъ какъ я былъ не одинъ, и мои единомышленники были не менѣе краснорѣчивы, то намъ удалось задержать успѣхи «партіи дѣйствія», и почти готовое въ ея пользу рѣшеніе сходки было отложено для дальнѣйшаго обсужденія вопроса.

Меньшинство этимъ было ободрено. Черезъ недѣлю собралась еще болѣе многочисленная сходка, на которой мы энергичнѣе и увѣреннѣе выступили противъ «партіи дѣйствія». Бурное краснорѣчіе лилось съ обѣихъ сторонъ; словъ не жалѣли, и никто за ними въ карманъ не лѣзъ; сразу обозначилось, что среди насъ не одинъ и не два Гамбетты, а по крайней мѣрѣ цѣлый десятокъ. Численный перевѣсъ былъ на сторонѣ «партіи дѣйствія», да и въ качественномъ отношеніи они во многомъ превосходили своихъ противниковъ: они были сплоченнѣе, другъ другу не противорѣчили, дѣйствовали по предварительному соглашенію, подготовлялись къ сходкѣ и умѣли ею управлять. Мы же, напротивъ, говорили каждый за свой страхъ, безъ всякихъ соглашеній, одинъ ораторъ противорѣчилъ другому и т. д.—словомъ мы дѣйствовали неумѣло и безъ всякаго плана. Несмотря на это, мы не были побѣждены: сходка рѣшила избрать комиссію изъ 12 человѣкъ «для дальнѣйшей разработки этого вопроса и мотивированнаго доклада» ей о нашемъ рѣшеніи. Въ числѣ 12 человѣкъ было 3 представителя меньшинства, среди которыхъ былъ и я.

«Доклада» сходкѣ, однако, намъ не пришлось дѣлать, несмотря на то, что 12 делегатовъ усердно собирались и «разрабатывали» порученный имъ силами вопросъ; не пришлось потому, что въ своихъ дебатахъ о путяхъ къ «устройству будущаго общества» мы перешли всякую мѣру, и университетское начальство, опасаясь, что въ это дѣло вмѣшаются постороннія университету власти, въ день назначенный для нашего «доклада», заперло двери анатомической аудиторіи и держало ихъ закрытыми до тѣхъ поръ, пока мы не успокоились. А успокоились мы скоро потому, что дѣло было весною, и у всѣхъ на носу были экзамены. Да и выговорились мы достаточно на предыдущихъ сходкахъ, а вѣдь рѣдко кто изъ насъ хотѣлъ идти дальше словъ—по крайней мѣрѣ въ этомъ именно дѣлѣ.

Когда я вспоминаю эти сходки и то, что на нихъ говорилось во всеуслышаніе, я всегда думаю, что если бы ктонибудь отнесся къ намъ серьезно, быть бы намъ всеѣмъ въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ. Вѣдь къ намъ нельзя было примѣнить знаменитый стихъ:

«Межь ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племень мицувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предрасудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь, въ свою череду,
Все подвергалось ихъ суду».

Эти отвлеченные споры были безопасны; мы, напротивъ, дебатировали о самыхъ жгучихъ вопросахъ современности, безбоязненно ставя точки надъ і, нисколько не стѣсняясь назвать имена и критиковать какъ общія условія россійской жизни, такъ и всевозможныя ея частности. Потерпѣть мы могли сильно за все эти разговоры, и насъ спасло только благоразуміе университетскаго начальства (если не ошибаюсь, ректоромъ въ то время былъ покойный Н. О. Ковалевскій); оно дало намъ выговориться, дало исходъ для накопившихся мыслей и чувствъ, и какъ только мы выпустили свои словесные заряды, такъ и успокоились сами собой.

И съ другой стороны я вспоминаю эти сходки. Какъ ни были забавны наши дебаты на посторонній взглядъ, намъ они не казались ни шуткой, ни игрушкой. Этими словопреніями будились мысль и чувство, расширялся умственный горизонтъ, возбуждалась охота къ благороднымъ поступкамъ, воспитывалось чувство публичности, и во всякомъ случаѣ вносилось нѣкоторое оживленіе въ монотонную учебную жизнь, прерывавшуюся либо жандармскими передрыгами, либо кутежами и отчаянными похождениями. Нельзя, конечно, допустить, чтобы наши университеты сдѣлались аренами для политическихъ состязаній, но мнѣ думается, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ было бы много политичнѣе не прибѣгать сразу къ карательнымъ мѣрамъ, а дать молодежи выговориться и выпустить все свои заряды.

IV.

Да простить мнѣ читатель это отступленіе: оно мнѣ казалось не лишнимъ потому, что нѣсколько освѣщаетъ то настроеніе, которое предшествовало моему «хожденію въ народъ».

Продолжаю теперь прерванный разговоръ.

Рѣшившись побывать въ колоніи Иванова, я придумалъ такой обходъ своихъ затрудненій. «Поступать де въ колонію я къ нимъ не буду, а только поработаю у нихъ, при чемъ буду жить на свой счетъ, чтобы не ѣсть даромъ чужой хлѣбъ; когда, молъ, выучусь

всей ихъ работѣ, тогда я буду имъ полезенъ, и тогда уже можно будетъ не заботиться, на какой счетъ живу». Въ этомъ смыслѣ я и написалъ Иванову письмо, прося его увѣдомить, сколько мнѣ нужно взять денегъ, чтобы прожить въ деревнѣ на свой счетъ, и прибавилъ, что, отправляясь къ нимъ, я ничего не преслѣдую, кромѣ того, чтобы научиться мужицкой работѣ и чтобы поближе узнать мужицкую жизнь. На этотъ простой вопросъ я получилъ пространный отвѣтъ, наполненный обильными упреками, что я могъ такъ дурно подумать о колонистахъ, что будто бы къ нимъ нужно пріѣзжать съ деньгами; что они тамъ живутъ «побратски» не только между собою, но и съ посторонними, а тѣмъ болѣе съ такими, которые впоследствии могутъ сдѣлаться ихъ сочленами, словомъ, что я могу пріѣзжать безъ всякихъ соображеній о деньгахъ и быть увѣреннымъ, что буду всеми принятъ съ распростертыми объятіями.

Я былъ пристыженъ: какъ могъ я обезпокоить почтенныхъ, по принципамъ живущихъ людей такими ничтожными и мелочными вопросами, какъ тѣ, о которыхъ я писалъ Иванову?! Какъ могъ я подумать, что эти люди что нибудь возьмутъ съ меня, когда я буду у нихъ работать «по силамъ и способностямъ», а ѣсть «по потребности»?!

Впоследствии, когда я прожилъ у Иванова половину лѣта, я не разъ задавалъ себѣ вопросъ, зачѣмъ онъ написалъ это лицемѣрное письмо, въ живости котораго онъ могъ быть уличенъ тотчасъ по моему пріѣздѣ къ нему. И единственное объясненіе этому я находилъ только въ томъ, что Ивановъ не думалъ, что я рискну на поѣздку къ нему, на работу «отъ 3 часовъ утра до 9 часовъ вечера на пыльной пашнѣ и подъ палящимъ зноемъ». Но, къ удивленію его, я рискнулъ, и читатель далѣе увидитъ, что изъ этого вышло.

Случилось такъ, что вслѣдствіе экзаменовъ (я переходилъ на 3-й курсъ) я могъ быть свободенъ только къ концу іюня, такъ что на весеннія работы поспѣть не могъ и долженъ былъ пріѣхать прямо къ сѣнокосу. Около этого времени Ивановъ пріѣхалъ по своимъ дѣламъ (впоследствии оказалось—амурнымъ) въ тотъ городъ, гдѣ я жилъ. Увидавшись со мной и убѣдившись, что я нисколько не измѣнилъ своего намѣренія поработать въ его колоніи, онъ, повидимому, не былъ этимъ обрадованъ и въ нѣсколько туманныхъ выраженіяхъ далъ мнѣ понять, что въ колоніи мнѣ, быть можетъ, работать и не придется, но что, во всякомъ случаѣ, онъ поможетъ мнѣ устроиться и достигнуть той цѣли, о которой я ему писалъ. Я былъ этимъ удивленъ, но покорился своей участи, такъ какъ, въ сущности, для меня вовсе не было важно, гдѣ работать—въ колоніи или внѣ ея—лишь бы мнѣ научиться всемъ крестьянскимъ работамъ, испытать ихъ тяжесть на себѣ и ближе узнать весь обиходъ крестьянской жизни и хозяйства.

Необходимо при этомъ замѣтить, что въ то время я смотрѣлъ

на Иванова снизу вверхъ, считалъ его за большого «дѣятеля» и думалъ, что многое имъ отъ меня скрывается, какъ отъ человѣка, не посвященнаго въ тайны новой жизни и въ особенности «ихъ дѣла». «Кто знаетъ,—думалъ я,—можетъ быть, тамъ у нихъ типографія или вообще какой нибудь тайный центръ, гдѣ происходятъ какія нибудь важныя совѣщанія, свидѣтелемъ которыхъ нельзя же дѣлать всякаго посторонняго человѣка. И если Ивановъ относится ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ, то, вѣдь, его товарищи не обязаны, не зная меня, питать этого довѣрія». Такъ я объяснилъ себѣ двусмысленное поведеніе Иванова и нисколько не чувствовалъ себя обиженнымъ.

Черезъ нѣсколько дней мы отправились вмѣстѣ съ Ивановымъ въ дорогу. Денегъ я съ собой, разумеется, захватилъ, хотя и не столько, сколько мнѣ было нужно на три мѣсяца, рассчитывая, что мнѣ пришлютъ, когда понадобится. Ыхать пришлось на пароходѣ, на которомъ мы съ Ивановымъ совершенно «побратски» дѣлили всѣ расходы: онъ пятакъ за воду, и я пятакъ за воду, при чемъ очередь строго соблюдалась, и за нею неукоснительно слѣдилъ самъ Ивановъ. Мнѣ эта мелочность не очень-то понравилась, но я утѣшалъ себя тѣмъ, что, вѣроятно, въ «будущемъ обществѣ» всѣ будутъ такъ дѣлать».

Приѣзжаемъ, наконецъ, въ то село, гдѣ Ивановъ былъ учителемъ. Жилъ онъ въ самой школѣ, которая была очень благоустроена, въ весьма обширномъ помѣщеніи и съ двумя мастерскими (кажется, столярной и слесарной). Когда мы приѣхали, насъ никто не встрѣтилъ, и никого въ школѣ не оказалось; а между тѣмъ мы приѣхали вечеромъ, когда всѣ колонисты, какъ я думалъ, должны бы быть въ сборѣ.

— Гдѣ же ваши товарищи?—спросилъ я Иванова.

— Да вѣдь мы живемъ въ разныхъ селахъ и только на работу сходимся, да и то не всегда, потому что каждый самъ свою землю обрабатываетъ, а потомъ ужъ мы дѣлимъ урожай.

— Но вѣдь это неудобно?!—продолжалъ я допытываться.

— Да, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неудобно, — отвѣчалъ Ивановъ, — но еще неудобнѣе было бы жить вмѣстѣ: это обратило бы на насъ особенное вниманіе, и колонія могла бы распасться отъ чисто внѣшнихъ причинъ.

— Что же, бывають у васъ собранія для обсужденія общихъ дѣлъ, для собесѣдованій, ну, наконецъ, просто для того, чтобы повеселиться?—все не унимался я.

— Очень рѣдко, и все по той же причинѣ, — нахмурился Ивановъ, — а веселиться намъ, пожалуй, и некогда, да и не время—посмотрите-ка на мужиковъ, которые сидятъ здѣсь на дарственномъ надѣлѣ; не то что веселье, а и кусокъ хлѣба въ горло не пойдетъ, когда видишь, какъ другіе голодаютъ.

Не понравилась мнѣ эта таинственность, но все-таки я опять устыдился своихъ вопросовъ: до собесѣдованій ли тутъ людямъ, а въ особенности до веселья ли имъ, когда они такъ преданы своему «дѣлу», какому — въ этомъ я еще не давалъ себѣ отчета. Какое было «дѣло» у Иванова, — это мы скоро увидимъ; не увидимъ только его миоическихъ товарищей.

Съ самаго прїѣзда нашего въ Шлеванково — такъ называлось село, гдѣ учительствовалъ Ивановъ — я все приставалъ къ нему, чтобы онъ поставилъ меня на сельскую работу. Но онъ подъ разными предлогами отъ этого уклонялся.

— И чего вы торопитесь?! Успѣете еще; сначала осмотритесь хорошенько; вѣдь вамъ придется теперь начать съ сѣнокоса, а эта работа тяжелая; въ ней и не всякій хозяинъ искусенъ. Вотъ возьмите косу и учитесь косить на моемъ огородѣ.

Я съ радостью ухватился за это предложеніе и началъ учиться косить. Дѣло плохо подвигалось впередъ: то носокъ косы въ землю заѣзжаетъ, то много травы оставишь — и во всякомъ случаѣ я скоро и сильно уставалъ. Меня это злило до безконечности, тѣмъ болѣе, что Ивановъ не съ сочувствіемъ относился къ моимъ сокрушеніямъ, а съ высокомеріемъ человѣка, блистательно кончившаго курсъ въ сѣнокосной школѣ. Умѣлъ ли онъ самъ косить, — для меня осталось, однако, неизвѣстнымъ.

Пока я властался на огородѣ, Ивановъ или пребывалъ въ праздности, или выѣзжалъ изъ села по какимъ-то таинственнымъ дѣламъ, о которыхъ я потомъ случайно узналъ и дальше разскажу. Слово «праздность», быть можетъ, я употребилъ неправильно: Ивановъ обыкновенно читалъ книги и дѣлалъ изъ нихъ выписки; кромѣ того, онъ состоялъ въ подробной перепискѣ съ нѣсколькими дѣвицами, упорно отказывавшими ему въ любви и въ согласіи на бракъ.

Такъ прошло недѣли двѣ-три. Покошу, покошу я въ огородѣ, да и тоже сяду за книгу; но больше всего мы разговаривали съ Ивановымъ о самыхъ высшихъ матеріяхъ, т. е. объ основаніяхъ и подробностяхъ устройства «будущаго общества». Въ эти три недѣли непрерывнаго общенія я успѣлъ хорошо ознакомиться съ умственнымъ багажемъ моего сожителя, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался въ его интеллектуальной несостоятельности. Онъ былъ невѣжественъ, плохо усваивалъ абстрактные приемы мышленія (и какъ на бѣду постоянно читалъ К. Маркса, который у него съ языка не сходилъ), страстно любилъ забористую фразу и вовсе не обладалъ продуманными убѣжденіями въ какой бы то ни было области. Подъ конецъ я началъ ловить его на всевозможныхъ противорѣчіяхъ — пока только въ области теоретической — и онъ увидѣлъ, что отъ меня такъ или иначе, но нужно избавиться. А это было не легко: я таки уперся и требовалъ, чтобы онъ показалъ мнѣ настоящую мужицкую работу и жизнь.

— Послушайте, — говорилъ я ему, — вѣдь я сюда вовсе не затѣмъ прїѣхалъ, чтобы разговаривать о разныхъ соціологическихъ теорїяхъ — это я могу дѣлать и въ городѣ. Мнѣ нужно выучиться крестьянской работѣ, и вы обѣщали мнѣ это доставить. Вашей таинственной колонїи я что-то не вижу; не вижу, чтобы и вы работали въ полѣ. Гдѣ же я, наконецъ, узнаю то, что мнѣ хочется узнать?

Петръ Ивановичъ на эти lamentаціи презрительно ухмылялся, какъ человѣкъ, владѣющій недоступнымъ для меня секретомъ, но тѣмъ не менѣе наматалъ на усъ мой намекъ на его собственное бездѣлье и началъ устроить мою судьбу.

Надо замѣтить, что Ивановъ рѣшительно ни съ кѣмъ меня не познакомилъ: ни съ священникомъ, ни со своей помощницей, которая жила тутъ же на селѣ, и на которой онъ тою же осенью женился, ни съ помѣщикомъ и его женой. Последняго я всего болѣе желалъ, такъ какъ г-жа З. была молода и очень хороша собой. Окна школы выходили на огородъ, примыкавшій къ той части помѣщичьей усадьбы, гдѣ былъ выстроены погребъ. Каждый день по нѣсколько разъ я видѣлъ, какъ г-жа З. ходила съ работницами въ этотъ погребъ и хлопотала тамъ по части молочнаго хозяйства. Большею частью она садилась на порогъ погреба, а я становился у окна и любовался ея прелестнымъ лицомъ и фигурой, согрѣтой сельской простотой. Обыкновенно я въ это время забывалъ и о Маркѣ, и о «будущемъ обществѣ», и даже о цѣли, ради которой я прїѣхалъ въ это самое Плеванково. Наконецъ, я рѣшился завязать съ г-жей З. знакомство, пользуясь условїями сельской жизни. Въ одинъ прекрасный день, увидѣвъ, какъ она усѣлась на порогѣ погреба, я надѣлъ шляпу и отправился прямо къ ней. Это было легко сдѣлать, не проходя чрезъ помѣщичій дворъ: плетень, отдѣлявшій его отъ школьнаго огорода, былъ въ одномъ мѣстѣ разгороженъ, а чрезъ эту разгородку я прошелъ къ погребу. Появленіе мое никого особенно не удивило. Я подошелъ къ г-жѣ З.

— Нельзя ли мнѣ купить у васъ сливокъ и масла? — спросилъ я, сильно смущаясь ея красивыхъ играющихъ глазъ.

— Отчего же? Сколько вамъ нужно? — спросила меня ласково молодая женщина.

Я сказалъ.

— Вы гостите у Петра Ивановича?

— Да.

— Давно уже?

— Недѣли двѣ.

— Отчего же Петръ Ивановичъ не познакомилъ васъ съ нами?

— А ужъ это его надо спросить, онъ меня ни съ кѣмъ здѣсь не познакомилъ, кромѣ вашего управляющаго.

Барыня чуть-чуть поморщилась и пытливо посмотрѣла на меня; взглядъ ея спрашивалъ, много ли наговорилъ на нее управляющій.

Надо замѣтить, что г-жа Z. въ то время еще не была женой своего мужа, хотя и имѣла уже отъ него нѣсколько дѣтей. Положеніе ея въ усадьбѣ было фальшивое: управляющій не признавалъ ея власти, и они вѣчно ссорились и наговаривали другъ на друга.

Масло мнѣ уже отвѣсили, сливки налили, а я все проѣдался около погреба. Очевидно было, что я не за этимъ пришелъ. Въ глазахъ г-жи Z. свѣтилась тонкая насмѣшка. Она видѣла, что я еще совсѣмъ неопытенъ въ обращеніи съ дамами ея пошиба. Я злился на свое смущеніе, на то, что она его замѣтила, и ушелъ отъ погреба въ дурномъ расположеніи духа, несмотря на то, что скучавшей, повидимому, барыней былъ поощренъ къ дальнѣйшимъ посѣщеніямъ.

Какъ бы то ни было, но я каждодневно сталъ посѣщать погребушку—и все за масломъ и за сливками. Прелестная хозяйка притягивала меня къ себѣ, какъ магнитъ. Ея красота, однако, будоражила мнѣ кровь, но не сердце. Постепенно я выболталъ ей цѣль своего пріѣзда въ Шлеванково, рассказалъ о своихъ планахъ и намѣреніяхъ, и, разумѣется, пробовалъ привлечь ее къ разсужденіямъ объ «основахъ будущаго общества». Г-жа Z. слушала меня, но оставалась совершенно равнодушна къ основамъ «будущаго общества», и если ее что занимало, такъ это лишь моя молодая горячность и любопытство, что изъ всего этого выйдетъ. Она была изъ тѣхъ женщинъ, которыя считаютъ одну свою красоту достаточной для того, чтобы привлекать къ себѣ мужчину, безъ всякихъ украшеній модными идеями. Теперь я могъ бы удовольствоваться обществомъ такой женщины, но тогда меня это не удовлетворяло: я не умѣлъ цѣнить въ женщинѣ одну красоту и не придавалъ особеннаго значенія скромнымъ добродѣтелямъ жены, матери и хозяйки; безъ гражданскихъ чувствъ женщина была для меня, какъ хлѣбъ безъ соли, какъ «безъ паровъ машина».

Но женская красота оказываетъ свое дѣйствіе на мужчину, не справляясь съ его идеями. Она, такъ сказать, сама себѣ довлѣющая субстанція и зажигаетъ чувства независимо отъ воли и сознанія мужчины. Разсудокъ можетъ бороться съ проявленіями страсти, но самую страсть онъ уничтожить не можетъ. Хотя во мнѣ и не возникло энергической стихійной страсти къ г-жѣ Z., но тѣмъ не менѣе меня неотразимо тянуло къ себѣ ея изящный и милый образъ, что бы ни говорили мнѣ мои гражданскія «убѣжденія». Съ другой стороны, я все-таки не могъ и отдаться естественному влеченію чувства именно вслѣдствіе этихъ убѣжденій. Срывать—въ особенности тайно—цвѣты удовольствія съ женщиной, связанной съ другимъ мужчиной, я и тогда считалъ постыднымъ, а для того, чтобы искать постоянной связи,—для этого я былъ слишкомъ молодъ, да и диапазонъ моихъ чувствъ все-таки не соответствовалъ такому шагу. Сама г-жа Z., хорошо понимая мое состояніе, не подавала ни малѣйшаго

внѣшняго повода къ тому, чтобы я предпринялъ что нибудь рѣшительное, хотя, какъ бы, пожалуй, слѣдовало сдѣлать, и не прогнала меня. А прогнать было легко—стояло только задѣлать дыру въ плетнѣ изъ огорода въ усадьбу. Сдѣлать же визитъ въ отсутствіи хозяина, при явномъ нерасположеніи Иванова идти туда вмѣстѣ со мной, нерасположеніи, оправдываемомъ, по обыкновенію, высшими соображеніями,—я не рѣшился бы.

V.

Всѣ эти посѣщенія погребушки съ сидящей на ея порогѣ г-жей Z. вскорѣ прекратились сами собой. Проницательный читатель, конечно, думаетъ, что пріѣхалъ мужъ г-жи Z. и велѣлъ задѣлать плетень. Совсѣмъ нѣтъ. Мой Ивановъ устроилъ таки мою судьбу: онъ сыскалъ, наконецъ, мужика, который согласился принять къ себѣ «барина» въ работники. Въ одинъ прекрасный полдень Ивановъ повелъ меня, «яко овча на заколеніе», къ этому мужику, который ожидалъ меня (а въ особенности его бабы) съ такимъ любопытствомъ, съ какимъ страхомъ я шелъ къ нему. Пришли. Разумѣется, сѣли, не помолясь на образа. Я всегда носилъ очки, безъ нихъ обходиться не могъ и возбуждалъ этими очками величайшее любопытство въ бабахъ, дѣвкахъ и ребятахъ. Ивановъ началъ объяснять мужику какой-то вздоръ о причинахъ, вслѣдствіе которыхъ я хочу у него работать. Хотя между моимъ будущимъ хозяиномъ и Ивановымъ все было уже условлено относительно меня, однако послѣдній почему-то счелъ нужнымъ еще разъ говорить объ этомъ. Мужикъ угрюмо слушалъ Иванова, очевидно ему не вѣрилъ и, надо полагать, думалъ, что все это дѣло «не безъ подвоха», и если согласился взять меня въ работники, то развѣ изъ любопытства, а частью потому, что, какъ я узналъ впоследствии, онъ былъ связанъ съ Ивановымъ какими-то кулаческими аферами. Всю несладкую развѣясненій Иванова относительно меня неожиданно для всѣхъ прервала бойкая бабенка, родственница хозяина, содержательница мелочной лавочки, живавшая по городамъ и потому считавшая себя способною вступить въ «господскій» разговоръ въ то время, какъ прочія бабы жались около печки и дѣлали видъ, что онѣ не слушаютъ мужского разговора.

— Это они (т. е. я),—сказала бойкая бабенка,—для того хотятъ выучиться хрестьянской работѣ, чтобы хорошо управлять своимъ имѣньемъ. Нонѣ молодые господа не знаютъ хозяйства, хрестьяне ихъ обманываютъ, а вотъ господинъ и хочетъ, чтобы его не обманывали. Это хорошо,—одобрила меня бойкая бабенка и съ явнымъ уваженіемъ посмотрѣла на меня.

Ну, что могло быть проще, естественнѣе и понятнѣе для хрестьянскаго ума, чѣмъ это объясненіе?! И однако оно не пришло въ

голову ни мнѣ, ни Иванову, старавшемуся вдолбить мужику, что я хочу узнать, какъ живетъ. меньшей братъ, чтобы ему потомъ помочь.

«Какъ же, нашелъ дурака—такъ и повѣрилъ», думалъ навѣрно мужикъ. «Ну, съ какой стати баринъ будетъ помогать мужику?! Да и чего узнавать-то, ну, пашемъ, косимъ, молотимъ—вотъ и все, эка невидаль, всѣ знаютъ. Нѣтъ, братъ, шалишь, не обманешь».

Бабенкины слова какъ бы открыли новый горизонтъ и освѣтили все дѣло съ настоящей, дѣловой стороны. Угрюмый мужикъ взглянулъ на насъ понятливыми глазами и сказалъ:

— Это точно, хорошо. Нонѣ народъ-то какой—того и гляди, обманеть; за нимъ глазъ да глазъ нуженъ—до всего надо самому доходить.

Но минута просвѣтленія толстокораго мужицкаго ума быстро исчезала. Очевидно, въ немъ возникло новое соображеніе:

— Отчего же они мнѣ сразу такъ не сказали, а все какую-то нахинею да околесицу о меньшомъ братѣ плели? Нѣтъ, братъ, тутъ что-то не такъ,—и въ глазахъ моего будущаго хозяина сверкнулъ какой-то подозрительный и недоброжелательный бликъ.

Ясная мысль, пробѣжавшая въ бабьемъ умѣ, какъ легкая струйка, застряла въ тяжеловѣсныхъ жерновахъ мужицкаго ума. Сколько онъ ими ни ворочалъ—толку, т. е. ясности положенія, все не было, все оставалась какая-то темная точка, которую онъ не могъ разглядѣть и которая все его смущала.

Такъ или иначе, но было рѣшено, что я на слѣдующій день явлюсь къ моему хозяину въ 4 часа утра, чтобы ѣхать съ нимъ вмѣстѣ на сѣнокосъ. Чтобы не ставить себя въ фальшивое положеніе, я сказалъ Максиму (буду для краткости такъ называть моего хозяина), что я буду жить на собственныхъ харчахъ.

— Чай, сахаръ, масло, говядину, — разглагольствовалъ я, — я буду самъ покупать, чтобы не быть тебѣ, Максимъ, въ тягость—вѣдь я еще ничего не умѣю дѣлать, такъ для тебя и начетисто будетъ пропитывать меня.

Лицо Максима было ясно и радостно, какъ безоблачное утро.

— Вотъ развѣ хлѣбъ, квасъ, ну, тамъ яйца, молоко и пр.,—продолжалъ я, чувствуя, какъ я благородно поступаю,—это, пожалуй, пусть будетъ и твое—все-таки же, вѣдь, кой-что и я сработаю.

Максимовы брови спустились внизъ, и глаза ушли куда-то въ уголь, гдѣ встрѣтили безпортошнаго мальчишку, пытавшагося отвязать что-то отъ хомута.

— Ты куда, пострѣленокъ, лѣзешь?—закричалъ на него Максимъ.

Пострѣленокъ сократился.

— Впрочемъ,—продолжалъ я, чувствуя, что въ чемъ-то даль маху,—и это все я могу покупать на свой счетъ.

Хотя Максимовы брови раздвинулись, и «пострѣленокъ» могъ

заняться своимъ дѣломъ, однако было очевидно, что «радостное утро» смѣнилось въ душѣ Максима «ненастнымъ вечеромъ».

Уходя съ Ивановымъ отъ Максима, я былъ радъ и не радъ: съ одной стороны я таки добился того, что буду дѣйствительно работать, а не играть косою на огородѣ, а съ другой—подозрительное и угрюмое отношеніе ко мнѣ Максима оставило тяжелое впечатлѣніе и не обѣщало ничего хорошаго, какъ оно въ послѣдствіи и оправдалось.

На другой день я явился къ Максиму ранымъ-рано и отправился со всей его семьей на сѣнокосъ.

VI.

Мнѣ много разъ приходилось читать, какъ интеллигентные, отвыкшіе отъ физическаго труда люди приучали себя къ деревенской работѣ. Но едва ли ихъ положеніе было сколько нибудь похоже на мое. И въ разныхъ колоніяхъ, гдѣ не всегда требовался серьезный трудъ, и у суроваго къ интеллигентамъ А. Н. Энгельгардта, не-офиты были все-таки въ своей средѣ, которая ихъ подбадривала и во всякомъ случаѣ не охлаждала рвенія къ достиженію цѣли. Тамъ было съ кѣмъ сочувственное слово перемолвить, было у кого попросить дружественнаго совѣта, чувствовалось, что всѣ на тебя смотрятъ съ уваженіемъ—не за умѣлую работу, конечно, а за благородное намѣреніе перевоспитать себя къ лучшему.

Въ совершенно другомъ положеніи былъ я. Не говоря уже объ естественной неловкости заниматься незнакомымъ дѣломъ въ присутствіи чуждыхъ по всему людей, меня сразу какъ бы придавила та атмосфера подозрительности и недоувѣрія, которая окружила меня еще раньше, чѣмъ я взялъ въ руки косу. Для всѣхъ—и мужиковъ, и бабъ—было смѣшно и нелѣпо, что баринъ всурьезъ взялся за косу; ну, если бы «такъ, поразмять барскія косточки», а затѣмъ разложить коверъ, на немъ поставить самоварчикъ и погребецъ, да позвать къ себѣ мужика езопы и балагура, а подъ конецъ заставить бабъ и дѣвокъ пѣть пѣсни и плясать «русскую»—это бы всѣмъ казалось совершенно понятнымъ, естественнымъ и, такъ сказать, вполне законнымъ зъ баринѣ. Но взятыя за косу именно съ цѣлью работать цѣлый день, не покладая рукъ, садиться за обѣдъ вмѣстѣ съ прочими и ѣсть то, что ѣдятъ они или немного лучше, два часа отдыхать и затѣмъ опять махать косою,—помилуйте, да вѣдь это такая блажь, которую мужикъ и представить себѣ не можетъ! Вѣдь трудъ—не игрушка; житейскій идеаль мужика и бабы состоитъ именно въ томъ, чтобы ничего не дѣлать; именно тѣхъ онъ считаетъ истинно счастливыми, которые не обязаны работать «съ 3 часовъ утра до 9 вечера», а могутъ сидѣть у окошечка, да чаекъ попивать, или пойти «въ проходку» на сѣнокосъ, посмотреть, какъ подъ палящимъ зноемъ пластаются мужики и бабы, да ругнуть

ихъ, коли нечисто косятъ. Нѣтъ, все мое поведеніе было въ глазахъ окружающихъ столь нелѣпо, глупо, ни съ чѣмъ несообразно, что я былъ, по ихъ мнѣнію, либо «тронувшись умомъ», либо просто «шабалой», не знающей даже, какъ жить въ свое удовольствіе.

Но этого мало. Вѣдь я былъ не только въ ихъ глазахъ «дуракъ», а еще и «неумѣжа». Косилъ я плохо, отставалъ отъ всѣхъ, постоянно точилъ косу, чтобы хоть сколько нибудь отдохнуть, оставлялъ много травы, слышалъ иногда позади себя окрики: «мотри, пятки обрѣжутъ». Хотя я ставился въ концѣ ряда косцовъ, однако, всѣ выше меня стоящіе оканчивали свои ряды несравненно скорѣе меня и заходили за меня, такъ что опять догоняли. Крестьяне—особенно парни и дѣвки—злорадствовали (по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось) надъ моимъ неумѣніемъ, чувствуя въ этомъ случаѣ неизмѣримое превосходство надъ мной. «Не за свое, дескать, дѣло взялся, баринъ; вотъ господамъ хорошо только книжки читать, да чаекъ попивать, а коснись гдѣ работы—такъ васъ и нѣтъ».

Наконецъ, надо и то принять въ расчетъ, что я имѣлъ довольно комическій внѣшній видъ. Очки, какъ я уже сказалъ выше, я снять не могъ, а между тѣмъ вынужденъ былъ надѣть пестрядинные штаны и рубаху. Эта смѣсь «французскаго съ нижегородскимъ», въ связи съ разстроеннымъ отъ неумѣнья работать видомъ, возбуждала смѣшливое настроеніе бабъ и дѣвокъ, что естественно раздражало и приводило меня въ еще большій конфузъ.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что всѣ старались не подать вида, что меня въ чемъ-то подозрѣваютъ, что я не умѣю работать, что я, наконецъ, просто смѣшонъ безконечно. Всѣ дѣлали видъ, что какъ будто меня не замѣчаютъ, что смѣются «промежъ себя», и это еще болѣе злило меня, потому что лишало меня возможности хоть выругаться.

Вотъ при какихъ условіяхъ приходилось мнѣ дебютировать на моемъ пути «хожденія въ народъ». И это продолжалось почти все время моей работы въ Плеванковѣ, т. е. недѣли четыре слишкомъ. Правда, подъ конецъ все это постепенно смягчилось, но все-таки чувствовалось до самаго конца, что для Максима, его семьи и его работниковъ я представляю «инородное тѣло», которое они ни въ какомъ случаѣ не ассимилируютъ и которое само съ ними не ассимилируется.

Сѣнокосъ приходилъ къ концу. Косить я выучился, но, разумеется, далеко не такъ, какъ нужно было и какъ косили крестьяне. Для сравненія могу сказать, что я косилъ, какъ самая плохая баба. Меня эти успѣхи приводили въ восторгъ, но Максимъ былъ, повидимому, иного мнѣнія. Дѣло было не въ одномъ томъ, чтобы усвоить и наловчиться въ механическомъ процессѣ сѣнокосенія. Надо было хоть сколько нибудь понимать общій порядокъ работы; при меткѣ стоговъ работа производится сообща, и очень важно, чтобы человѣкъ

зналъ свое мѣсто и не совался туда, куда не слѣдуетъ. Если кто изъ семьи Максима дѣлалъ что неладно, онъ просто ругнетъ его и поставитъ на свое мѣсто. Меня онъ ругать не могъ и не смѣлъ, а, стало быть, я ему только мѣшалъ, и онъ, очевидно, подумывалъ, какъ бы ему отъ меня избавиться. Но, слава Богу, все обошлось благополучно, и надо было уже приступать къ жнитву.

VII.

Жилъ я частью у Максима, частью у Иванова. Въ одинъ праздничный день, когда я былъ «дома», т. е. у Иванова, для меня, наконецъ, раскрылась тайна его колоніи. Услышавъ крупный разговоръ въ передней, я увидѣлъ стараго башкирца, о чемъ-то умолявшаго Иванова, стоявшаго передъ нимъ съ нахмуреннымъ и жестокимъ лицомъ. Иванову, очевидно, хотѣлось, чтобы я ушелъ, а я именно поэтому и остался и началъ слушать его препирательство съ башкирцемъ. Сущность дѣла состояла въ томъ, что башкирецъ зимой подрядился у Иванова сжать своей семьей двѣ десятины по 3 руб. за каждую и деньги, конечно, взялъ впередъ. Передъ жнитвомъ онъ самъ и еще кто-то изъ семьи заболѣлъ, и онъ не могъ стать на работу. Башкирецъ пріѣхалъ отказаться отъ работы и возратить забранныя деньги. Но Ивановъ не соглашался на это: зимой нанимали на жнитво по 3 руб., а теперь сжать десятину стоило 5 руб., Ивановъ требовалъ не 6 руб., которые влялъ у него башкирецъ, а всѣ 10 руб.; тотъ предлагалъ сначала 7, потомъ 8, наконецъ 9 руб.—Ивановъ остался неумолимъ и при мнѣ взялъ съ башкирца 10 руб. Это меня сразило. Во-первыхъ, значить, Ивановъ и не думалъ никогда самъ работать на землѣ; во-вторыхъ, онъ не только нанималъ трудъ зимой задешево и обыкновенно предъ взносомъ податей, но когда должникъ заболѣлъ, то онъ взыскалъ съ него 67% за какихъ нибудь 4—5 мѣсяцевъ. Это дѣлали всѣ въ этой мѣстности (какъ и вездѣ)—и помѣщики, и богатые крестьяне но... *quod licet bovi, non licet Jovi!* И могъ ли я ожидать такихъ поступковъ отъ человѣка, котораго я такъ высоко ставилъ, котораго приводилъ въ примѣръ другимъ, «како благоудити Господеви».

Произошла бурная сцена; Ивановъ пытался увернуться: самъ не работалъ потому, во-первыхъ, что масса была дѣла другого (конечно, «общественнаго»); во-вторыхъ, на это «стали обращать вниманіе»; и, въ-третьихъ, въ колоніи произоши де недоразумѣнія; вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ рѣшено де было нынѣшній годъ обработать землю не собственнымъ трудомъ, а наемнымъ. Что же касается до лишнихъ денегъ, взятыхъ съ башкирца, то съ одной стороны это сдѣлано «для отвода глазъ», а съ другой—излишнія деньги пойдутъ на «общественныя нужды».

Но я уже не вѣрилъ ему, какъ ни хотѣлось повѣрить; я чувствовалъ, что онъ на каждомъ шагу лжетъ, что никакой колоніи нѣтъ, что онъ просто кулачествуетъ, обуреваемый жаждой наживы и страстнымъ стремленіемъ выбиться изъ скромной роли сельскаго учителя.

Въ его черствомъ эгоизмъ я еще болѣе убѣдился по его обращенію со мной. Читатель помнитъ, что на мои вопросы о стоимости жизни въ Плеванковѣ Ивановъ съ негодованіемъ отвѣчалъ, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ «колонисты живутъ по братски», и что я могу не беспокоить себя такими пустыми вопросами. Хотя я захватилъ съ собой денегъ, однако онѣ подошли къ концу, а между тѣмъ мнѣ не присылали денегъ, несмотря на мои настоянія. Ко времени истощенія моего кошелька я успѣлъ уже оцѣнить Иванова, и мнѣ крайне неприятно было къ нему обращаться. По мѣрѣ исчезновенія денегъ я все болѣе и болѣе сокращалъ свои потребности и остался въ концѣ концовъ на молокѣ, чаѣ и хлѣбѣ. Особеннаго въ этомъ ничего для меня не было, такъ какъ я не былъ воспитанъ на разносолахъ. Но вотъ что было особенное. У Иванова были деньги, и онъ каждодневно самъ себя готовилъ обѣдъ изъ двухъ блюдъ—горячаго и жаркаго, который преспокойно и съѣдалъ въ моемъ присутствіи въ то время, какъ я вмѣсто обѣда пилъ чай. Во время обѣда мы разсуждали объ «устройствѣ будущаго общества», о всеобщемъ братствѣ, о взаимной любви, какъ единственной и главной основѣ общественной жизни, и т. п. И ничего, Ивановъ ни разу не поперхнулся своимъ обѣдомъ при этихъ разговорахъ, до такой степени груба была его натура, что онъ даже не замѣчалъ всей отвратительности своего поведенія!

Наконецъ, у меня совершенно истощились финансы. Все-таки я не могъ обратиться за ними къ Иванову и долженъ былъ занять нѣсколько рублей у управляющаго г. Z., человѣка, мало мнѣ знакомаго, но все-таки вошедшаго въ мое положеніе.

— На что вамъ здѣсь деньги? вѣдь вы живете въ гостяхъ у Иванова?—спросилъ меня управляющій, выдавъ мнѣ денегъ столько, сколько я просилъ.

Изъ самолюбія я долженъ былъ объяснить, что самъ Ивановъ находится въ затруднительномъ положеніи.

— Кто? Ивановъ-то? ну, батюшка мой, это мы съ вами можемъ сидѣть безъ денегъ, а онъ-то ужъ всегда при капиталѣ.

Я воспользовался случаемъ, чтобы кое-что поразспросить объ Ивановѣ. Управляющій, съ которымъ Ивановъ былъ скорѣе въ хорошихъ, чѣмъ въ худыхъ отношеніяхъ, съ большою похвалой отзывался объ Ивановѣ, какъ о человѣкѣ, умѣющимъ нажить деньги и способномъ вездѣ пролѣзть.

— Онъ тамъ эти разныя книжки читаетъ и все объ нихъ съ земцами да съ земскими дамами растабарываетъ, а между тѣмъ старается у нихъ же десятинъ 10—20 арендовать подешевле.

— Развѣ у него нѣтъ собственной земли?—спросилъ я.

— Давно ужъ онъ приторговываетъ, да все еще, видно, деньжонкъ не хватаетъ.

— Да вѣдь онъ, кажется, хозяйничаетъ не одинъ, а съ товарищами.

— Съ какими товарищами? Не знаю. Кажется, года три назадъ, когда у него денегъ было мало, онъ бралъ къ себѣ кого-то въ пай, да потомъ разругался съ нимъ, и теперь одинъ хозяйствуетъ: ужъ никто дешевле его работать не найметъ, да и досматриваетъ за всѣмъ самъ. Нашему *И.* куда до него! *И* сколько разъ говорилъ *И.*, что подѣ жнитво надо задавать предѣ податями, а онъ все свое твердить: не хорошо это. А вотъ Ивановъ — тотъ ужъ не упуститъ время!

Я рассказалъ случай съ бапкирцемъ.

— Что-жъ, это правильно. Если имъ, халатникамъ, потакать, такъ никто на жнитво не явится. Съ здѣшнимъ народомъ надо ухо остро держать—и Ивановъ маху не дастъ.

Затѣмъ совершенно неожиданно для меня управляющій прибавилъ:

— А вотъ вамъ дамъ дружескій совѣтъ: ведите-ка себя поаккуратнѣй; мнѣ, конечно, дѣла нѣтъ, что вы тамъ съ мужичьемъ якшаетесь; ну, а не всякій землевладѣлецъ такъ посмотритъ; я слышалъ—ужъ объ васъ былъ разговоръ; смотрите, какъ бы чего не выпло.

— Да что же можетъ выйти?

— А то, что донесутъ, куда слѣдуетъ.

— Да о чемъ донесутъ-то?

— А о томъ, что занимаетесь несоответствующими своему званію дѣлами.

И попытался было объяснить ему свои намѣренія и доказывалъ, что я не пропагандой какой нибудь занимаюсь, а только учусь крестьянской работѣ. Онъ и повѣрилъ, и не повѣрилъ. Вѣрилъ потому, что тонъ мой былъ искренній, и что онъ былъ все-таки образованный человѣкъ, кое-что читавшій и теоретически допускавшій возможность такого явленія, чтобы студентъ пошелъ учиться мужицкой работѣ. Не вѣрилъ потому, что все-таки въ моемъ поведеніи на ежедневномъ сѣромъ фонѣ деревенской жизни была какая-то несообразность, не укладывавшаяся въ обычные представленія о студентѣ съ одной стороны и мужицкой работѣ съ другой. Такъ часто бываетъ, по крайней мѣрѣ съ умами обыкновенными, что допускаемое теоретически кажется намъ нелѣпымъ, когда оно осуществляется на практикѣ.

VIII.

Началось жнитво. Не могу описать, до какой степени оно мнѣ показалось труднымъ. Въ первый день я нажалъ до обѣда только 5 сноповъ и... я сбѣжалъ съ нивы. Жара стояла невыносимая, бабы жали въ однѣхъ рубашкахъ; для облегченія я разстегнулъ воротъ рубашки, и тѣло мое покрылось на груди пузырями; отъ совершенно непривычнаго согнутаго положенія я чувствовалъ, что въ спину у меня вбитъ колъ, и что я не могу безъ боли разогнуться. Къ утомленію и боли присоединилось чувство стыда: нажать всего 5 сноповъ въ то время, какъ плохой работникъ нажметъ 50, а хорошій—70—80 сноповъ хорошей вязки! Я чувствовалъ себя почти погибшимъ, но все-таки и на другой день пошелъ жать. Къ удивленію моему, на другой день я сдѣлалъ быстрые успѣхи и не такъ уже утомился. Къ концу недѣли я достигъ того, что нажиналъ въ день до сотни сноповъ — правда, средней вязки—и къ вечеру чувствовалъ лишь обычное утомленіе, а не ту протрацію, которую я испытывалъ въ первый день. Я былъ въ восторгѣ; я чувствовалъ, что мужицкое искусство для меня доступно, и это возвышало меня въ собственныхъ глазахъ. Даже суровый и подозрительный Максимъ какъ бы удивился—«не совсѣмъ, дескать, пустой человѣкъ», а бабы и дѣвки начали относиться даже съ нѣкоторымъ сочувствіемъ: «востроногій, моль, парень» — и начали меньше смѣяться надо мной.

Тѣмъ не менѣе Максиму я очевидно надоѣлъ. Не тѣмъ надоѣлъ, что я плохо работалъ или мѣшалъ ему—это бы еще ничего, да и работать я сталъ лучше; надоѣла ему вся неестественность положенія, при которомъ у мужика въ работникахъ баринъ, которымъ онъ не можетъ распорядиться по-своейски—ни выругать его, ни ткнуть его въ шею. Но всего болѣе надоѣли Максиму тѣ разспросы о «баринѣ», съ которыми къ нему приставало все село. Деревенскій міръ былъ чрезвычайно заинтригованъ такимъ совершенно необыкновеннымъ происшествіемъ, что баринъ нанялся къ мужику въ работники. Будь я пропойца, съ пьяныхъ глазъ ни въѣсть что творящій, или просто обнищавшій баринъ, ищущій себя какого ни на есть пропитанія—это было бы понятно для крестьянъ; но такъ, просто баринъ, желающій научиться мужицкой работѣ и обучающійся этой работѣ съ полной серьезностью—это было совершенно непонятно для крестьянъ. И совершенно естественно, что мой Максимъ постепенно сдѣлался центромъ общественнаго вниманія, къ которому всѣ обращались за разъясненіемъ о баринѣ, который у него живетъ въ работникахъ.

— Ну, что, Максимъ, какъ у тебя баринъ-го?—спрашиваетъ у Максима какойнибудь однообщественникъ.

- Чаво, баринъ?!
 — Ну, какъ, работаетъ?
 — Работаетъ.
 — Косить?
 — Косить.
 — И жнетъ?
 — Жнетъ!
 — Поди, какое дѣло!
 — Нда-а!

Общественникъ не удовлетворенъ такими отвѣтами, да и Максимъ постепенно раздражается, потому что самъ ничего не понимаетъ и объяснить ничего не можетъ. Тогда собесѣдникъ начинаетъ язвить Максима.

- Поди, много наработалъ у тебя баринъ-то?!
 — Сколько наработалъ—не твоя забота.
 — Чтой-то, Максимъ, ты и загордѣлъ, какъ господь началъ у себя въ работникахъ держать. Мотри, какой ты у насъ, Максимъ: надъ господами начальникомъ сталъ.

Максимъ молчитъ — онъ сознаетъ нелѣпость и глупость своего положенія; но не знаетъ, какъ изъ него выйти, и естественно, что онъ злился на меня, хотя и сознавалъ, что я ни въ чемъ не виноватъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе дни я и работалъ лучше, ни въ чемъ ему не мѣшалъ, и могъ даже приносить ему ощутительную пользу, хотя, конечно, не большую. Жилъ же я попрежнему на своихъ хлѣбахъ.

IX.

Вскорѣ случай избавилъ насъ другъ отъ друга—къ обоюдному, разумѣется, удовольствію. Ивановъ, которому я нерѣдко жаловался на то, что онъ меня сунулъ къ скупому, угрюмому и подозрительному мужику и вдобавокъ къ явному кулаку, нашелъ мнѣ другого хозяина — Елизара, мужика побѣднѣе, помоложе, помягче характеромъ и очевидно находившагося подъ вліяніемъ Иванова. Семья Елизара состояли изъ его отца—сухаго и работающаго старика лѣтъ 70, и брата подростка лѣтъ 16, кончившаго курсъ въ сельскомъ училищѣ и уже понюхавшаго «Хитрой механики». Прочихъ членовъ семьи—женщинъ и ребятъ—я не описываю, такъ какъ они никакого значенія въ моемъ разсказѣ не имѣютъ.

Старикъ прожилъ почти всю свою жизнь подъ крѣпостнымъ игомъ, былъ образцомъ трудолюбія и заботы о домѣ и хозяйствѣ и, несмотря на свои 70 лѣтъ, съ утра до вечера работалъ. Во время освобожденія крестьянъ онъ твердо надѣялся, что земля должна отойти отъ господъ къ мужикамъ, и былъ на сторонѣ партіи, настаивавшей принять отъ господъ дарственный надѣлъ. Эта партія

восторжествовала, большое село Шлеванково сидѣло на «копачьемъ надѣлѣ» и было въ полной зависимости отъ помѣщика, который, къ счастью, не очень притѣснялъ бывшихъ крѣпостныхъ своего отца. Прошло 20 лѣтъ послѣ освобожденія, выросло молодое поколѣніе, земля отъ господъ «не отходила», и всѣ—не исключая стариковъ—начали понимать, какую ошибку сдѣлали крестьяне, сѣвши на дарственный надѣлъ. Молодежь—т. е. 30-лѣтніе мужики—злобно смѣялись надъ своими стариками, попавшимися въ самую глупую и злую западню, которую они сами себѣ создали. Старики сами поняли, что они виноваты предъ своими дѣтьми, и вели себя очень приниженно и неавторитетно. Въ этомъ же родѣ былъ и отецъ Елизара; послѣдній, впрочемъ, относился къ отцу съ полнымъ почтеніемъ.

Въ старикѣ еще теплилась надежда, что «Царь отберетъ у господъ землю и отдастъ ее мужикамъ»; Елизаръ въ это не вѣрилъ и потому рѣшился переселиться на новыя мѣста, на арендованную у частнаго владѣльца землю. За то братъ его—16-лѣтній малый—думалъ, что у господъ землю можно «отнять». Конечно, это были пустыя фантазіи, въ которыя никто изъ старшихъ не вѣрилъ, но характерно было уже и то, что въ крестьянской семьѣ можно было вслухъ высказывать противообщественныя мысли и не встрѣчать энергическаго отпора. Признаюсь, я впервые тутъ понялъ и то, до какой степени русскій народъ не способенъ къ какой бы то ни было революціи въ европейскомъ смыслѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ я почувствовалъ глубокое отвращеніе ко всей той атмосферѣ, которой былъ окруженъ и отчасти проникнутъ и жертвой которой былъ молодой братъ Елизара. Это былъ очень добрый и симпатичный юноша, трудолюбивый и уже серьезный помощникъ своей семьѣ. Какъ и братъ его, онъ лично подчинился бы своему положенію и искалъ бы изъ него выхода обычными путями, хотя бы тѣмъ же переселеніемъ, на которое рѣшились его отецъ и братъ. Но онъ уже былъ кѣмъ-то «распропагандированъ» и хотя не потерялъ ни трудовой энергіи, ни добрыхъ крестьянскихъ нравовъ, въ которыхъ былъ воспитанъ своей семьей,—тѣмъ не менѣе, постоянно болталъ о сословной и имущественной несправедливости, объ угнетеніи низшихъ сословіи высшими и о необходимости достигнуть счастья насильственнымъ измѣненіемъ соціальныхъ условій. Повторяю, не то было важно, что обо всемъ этомъ болталъ 16-лѣтній крестьянскій юноша, а то, что семья слушала всѣ его разглагольствованія и не противорѣчила ему—даже старикъ, выросшій въ крѣпостномъ правѣ, и тотъ не противорѣчилъ, а Елизаръ, хотя и не вѣрилъ въ разглагольствованія брата, но все-таки однимъ ухомъ слушалъ его и, повидимому, ждалъ, что скажу я. Но я упорно молчалъ не потому только, что пріѣхалъ въ Шлеванково вовсе не за тѣмъ, чтобы вести съ мужиками радикальные разговоры, но еще и потому, что я на-

глядно видѣль, во что могутъ превращаться тѣ идеи, о которыхъ мы съ такимъ жаромъ и энтузіазмомъ разсуждали въ университетѣ. Худо ли, хорошо ли мы разсуждали, но мы дѣйствительно увлекались идеями, безъ всякой примѣси какихъ либо корыстныхъ побужденій. Мы не были заинтересованной стороной въ социальныхъ распряхъ частью потому, что принадлежали къ обезпеченнымъ сословіямъ, частью потому, что путемъ образованія къ этому сословію присоединялись. Отъ социальнаго переворота мы могли только пострадать; словомъ, къ намъ былъ вполнѣ примѣнимъ знаменитый афоризмъ Растопчина, такъ мѣтко охарактеризовавшій декабристовъ: «въ Европѣ дѣлаются революціи потому, что тамъ сапожникъ хочетъ быть бариниомъ, а въ Россіи—потому, что баринъ хочетъ быть сапожникомъ». Въ глазахъ прокуратуры и жандармеріи мы были преступны потому, что идеи, которыми мы увлекались, предполагали коренное измѣненіе самыхъ основъ—политическихъ и социальныхъ—существующаго общества; но въ собственныхъ нашихъ глазахъ мы были рыцарями потому, что отъ измѣненія этихъ основъ для себя лично мы не только не ожидали никакихъ выгодъ, но, напротивъ, какъ я сказалъ выше, мы могли только пострадать. Конечно, среди молодежи были честолюбивые мечтатели, которые воображали, что послѣ «переворота» они сдѣлаются руководителями народа, но, въ первыхъ, такихъ людей было ничтожное меньшинство, масса же средней молодежи, къ которой принадлежалъ и я, вовсе не была заражена политическимъ честолюбіемъ, а, во-вторыхъ, и эти мечтатели, приходя въ мало-мальски зрѣлый возрастъ, ясно видѣли, что существующій порядокъ—не только нашъ, но даже и европейскій—представляетъ достаточное поле для какого угодно честолюбія безъ всякой особенной ломки этого порядка и безъ всякаго риска для себя.

Считаю необходимымъ здѣсь оговориться о характерѣ того настроенія, въ которомъ находился я и мои сверстники. Я сказалъ выше, что мы были увлечены идеями. Это вѣрно, но слѣдуетъ оцѣнить по достоинству глубину и силу этого увлеченія. Быть можетъ, я подвергнусь жестокимъ обвиненіямъ за нижеслѣдующія строки, но я долженъ сказать, что въ этихъ увлеченіяхъ было много наноснаго, навѣяннаго одной только модой. Толпа есть всегда и вездѣ толпа, хотя бы она состояла изъ самыхъ благороднѣйшихъ по намѣреніямъ людей. Безъ сомнѣнія, молодежь моего времени была возбуждена лучшими инстинктами; но вѣдь то же самое можно сказать и о современникахъ Пушкина, Лермонтова, о молодежи 40-хъ и 60-хъ годовъ. Байронизмъ Пушкина и Лермонтова былъ модной оболочкой самыхъ лучшихъ ихъ стремленій; увлеченіе нѣмецкой философій и эстетикой заключало въ себѣ вовсе не стремленіе къ философій и эстетикѣ *an und für sich*, а выражало собой исканіе высшей правды и лучшихъ формъ общественной жизни. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить В. Г. Бѣлинскій,

память котораго мы всё такъ недавно и такъ единодушно чувствовали: лишь только онъ почувствовалъ — правильно или неправильно—это другой вопросъ, что гегелианская философія и эстетика не ведутъ къ счастью человѣчества, онъ тотчасъ же отдался во власть другаго умственнаго теченія, которое, по его мнѣнію, вѣрнѣе вело къ осуществленію этой вѣковѣчной задачи высокихъ умовъ. Доживи Бѣлинскій до 60-хъ годовъ—весьма возможно, что онъ сдѣлался бы столь же пламеннымъ поклонникомъ естествовѣдѣнія и «трезваго» реализма, какимъ былъ Писаревъ, и на собственномъ примѣрѣ осуществилъ бы гегелевскую триаду, возвратившись въ другой лишь формѣ къ поклоненію дѣйствительности. Точно также и 60-е годы, несмотря на ихъ ироническое отношеніе ко всякому идеализму, ко всякой эстетикѣ, несмотря на весь ихъ «трезвый реализмъ», были въ сущности такимъ же идеалистическимъ движеніемъ, какъ и 40-е года. Опять таки «трезвый реализмъ», какъ въ свое время байронизмъ, былъ только оболочкой исканія высшаго смысла жизни, вышшихъ ея цѣлей, и былъ полонъ самоотверженной готовности положить жизнь за новыя идеи. Если бы это былъ настоящій практическій реализмъ, еслибы Базарову дѣйствительно не было никакого дѣла до «мужика», то не волновался бы этотъ человѣкъ изъ-за неустройствъ нашей жизни, не ссорился бы съ окружающими изъ-за своихъ убѣжденій, не рисковалъ бы такъ глупо на дуэли съ Павломъ Кирсановымъ.

Все это одинаково примѣнимо и къ поколѣніямъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Съ удивительной быстротой распространилась въ то время идея о необходимости служить не государству, не отечеству, не націи—это были идеи старыя, а народу, подразумѣвая подъ нимъ почти исключительно «мозолистыя руки». Никто не толкалъ насъ на эту «службу» (потому что всё думали, что мы будемъ служить въ качествѣ коллежскихъ ассесоровъ и надворныхъ совѣтниковъ), ни—тѣмъ болѣе—и самъ народъ не звалъ насъ на эту службу. «Служить народу»—это было лозунгомъ времени, все остальное было аксессуарами, хотя иногда очень существенными. Самая существенная часть этихъ аксессуаровъ заключалась въ томъ, что «мозолистымъ рукамъ» невозможно служить обыкновенными способами—въ качествѣ чиновниковъ, учителей, врачей и т. п. Всѣмъ памятна нападки того времени на бесплодность земской медицины, самымъ яркимъ выраженіемъ которыхъ была статья Б. Ленскаго, напечатанная въ одномъ изъ № «Слова». Но это не значило, однако, что служить народу можно было только революціонными способами. Среди молодежи были все-таки люди, которые вовсе не вѣрили въ возможность такого явленія въ Россіи. Многие хотѣли только жить «трудами рукъ своихъ» въ самомъ непосредственномъ смыслѣ, и для этого удалялись въ интеллигентныя колоніи, которыя образовывались на Кавказѣ, въ Уфимской, Курской и др. губерніяхъ за-

долго до проповѣди гр. М. Толстого. Другіе ѣздили учиться къ А. Н. Энгельгардту въ его знаменитое Батицево, третьи, наконецъ, находили идеаль въ Соломинѣ—этомъ своего рода «постепеновцѣ» переворота. Но все-таки огромное большинство тогдашней молодежи проникнуто было мыслью о необходимости насильственныхъ мѣръ въ томъ или другомъ видѣ. Далеко не всѣ принадлежали къ кружкамъ и партіямъ, но почти всѣ—или по крайней мѣрѣ большинство—думали, что безъ этого не обойгись, что это не преступно, и что людямъ, которые идутъ «въ огонь», нельзя не сочувствовать и даже нельзя не помогать.

Я счелъ необходимымъ сдѣлать это отступленіе для того, чтобы рельефнѣе отгѣнить, что съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на настроеніе тогдашней молодежи и какъ его ни квалифицировать, оно во всякомъ случаѣ было совершенно безкорыстно и ни къ какимъ инымъ послѣдствіямъ не могло привести при тогдашнихъ условіяхъ, какъ только къ обыскамъ, арестамъ, ссылкамъ и т. п.

Другое дѣло мужикъ, котораго предполагалось распропагандировать. Тѣ вопросы, которыми мы занимались, не имѣли для него никакого интереса, какъ теорія, потому что вопросы моральнаго свойства для него давно рѣшены Евангелиемъ и Церковью; но съ практической стороны всѣ эти вопросы имѣли для него колоссальное значеніе во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ чувствуется земельное стѣсненіе, а такихъ мѣстностей въ Россіи все-таки не мало, и Плеванково принадлежало и до сихъ поръ принадлежитъ къ ихъ числу, такъ какъ крестьяне сидятъ здѣсь на дарственномъ надѣлѣ. Казалось бы, что здѣсь проповѣдь отнятія земли у «господъ» должна была найти себѣ самую тучную и благодарную почву. Объ этомъ-то и разглагольствоваль постоянно братъ Елизара, конечно, съ чужихъ словъ; и вотъ тутъ-то мнѣ и открылось, до какой степени напѣ крестьянинъ во всѣхъ смыслахъ лойяльный человекъ. Братъ Елизара говорилъ о ежедневной, неизбывной нуждѣ своей семьи и всего своего села—о землѣ; не слушать его было нельзя потому, что во всѣхъ умахъ и во всѣхъ сердцахъ были тѣ же мысли и тѣ же чувства—гдѣ бы достать земли и какое бы это было счастье не ходить за землей къ барину. Но, съ другой стороны, рѣчи брата Елизара были явно бунтовскія, совершенно не вязавшіяся съ общимъ характеромъ крестьянскаго міровоззрѣнія. Крестьянинъ можетъ бунтовать, но лишь тамъ, гдѣ онъ чувствуетъ нравственную правоту; онъ не бунтовщикъ въ этомъ случаѣ, а только самоуправецъ; но собственность онъ чтитъ не хуже римскаго юриста и притомъ, вопреки довольно распространенному мнѣнію, источникомъ собственности онъ считаетъ не одинъ только трудъ, а счастье, удачу, захватъ никому не принадлежащей вени, царскую волю, родство и т. п. Поэтому существующее частное землевладѣніе въ принципѣ столь же священно въ его собственныхъ глазахъ, какъ и его собственное—частное или общинное. Ему

и въ голову не приходитъ, что социальный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ простымъ отнятіемъ имущества, разъ это имущество пріобрѣтено однимъ изъ вышеупомянутыхъ способовъ. Поэтому, если первая половина юношескихъ рѣчей Елизарова брата встрѣчалась съ полнымъ сочувствіемъ, то вторая половина—практическое осуществленіе мужицкихъ мечтаній о землѣ—встрѣчала полное недоумѣніе и даже пренебреженіе: «болтаетъ, молъ, мальчишка».

На меня разговоры Елизарова брата производили въ высшей степени непріятное впечатлѣніе именно потому, что хотя онъ говорилъ о справедливости, но эта справедливость была выгодна и лично для него, и для его семьи, и для его села, и для всего сословія, къ которому онъ принадлежалъ. Въ его рѣчахъ сквозила жажда личного и притомъ матеріальнаго счастья, достигаемаго сверхъ того насильственнымъ путемъ. Какая разница была между нашими университетскими разговорами и рѣчами этого распропагандированнаго крестьянскаго юноши! Мы были рыцарями, мы ничего не хотѣли для себя, мы хотѣли только справедливости, мы хотѣли для народа матеріальнаго благосостоянія главнымъ образомъ для того, чтобы онъ могъ развивать богатства своей духовной природы. Совсѣмъ не то звучало въ рѣчахъ Елизарова брата: для себя онъ искалъ богатства и искалъ только его, а справедливость была одной только формой этихъ поползновеній.

X.

У Елизара я началъ съ жнитва. Какъ я уже сказалъ выше, у прежняго моего хозяина я научился жать довольно таки порядочно, а потому Елизару былъ прямо полезенъ и былъ у него даровой рабочей силой, такъ что онъ началъ возставать противъ того, чтобы я ѣлъ собственную пищу. Великую гордость я испытывалъ въ то время отъ этого чувства, что я могу быть полезнымъ мужику непосредственно, что онъ уже самъ начинаетъ цѣнить мой трудъ. Но это самодовольство грозило перейти въ гордыню по слѣдующему случаю.

Отъ жнитва мы скоро перешли къ второй пашнѣ и посѣву озими. Я очень быстро овладѣлъ сохой, управленіе которой вовсе не такъ просто, какъ кажется съ перваго взгляда: глубина вспашки сохой зависитъ отъ длины гужей, отъ высоты черезсѣдельника и отъ высоты росохи. Для того, чтобы соха шла на одной и той же глубинѣ, нужно опредѣленнымъ образомъ соху установить и затѣмъ слѣдить, чтобы указанныя три величины оставались неизмѣнными. Все это я быстро усвоилъ и даже удивилъ Елизара своей сообразительностью; единственно, что было для меня тяжело въ нахотѣ—это періодическое вытряхиваніе земли изъ сохи. Но это дѣло силы, а не ловкости или искусства.

Пашню передвоили, Елизаръ отсѣялся, и ему надо было ѣхать верстѣ за полтораста опять-таки двойть и сѣять землю на томъ мѣстѣ, куда онъ задумалъ переселиться. И уже говорилъ, что, несмотря на всѣ разглагольствованія Елизарова брата о скоромъ отобраниіи земли отъ господъ, самъ Елизаръ этому не вѣрилъ и въ виду земельного затѣненія въ Плеванковѣ рѣшилъ переселиться въ болѣе просторное мѣсто, гдѣ царствовала Башкирія. Уѣзжая туда, Елизаръ предполагалъ взять съ собой брата, такъ какъ одному невозможно было справиться съ осенней пашней. Однажды Елизаръ, какъ бы мимоходомъ и полусхута-полусерьезно (какъ и слѣдуетъ тактичному мужику), спросилъ меня:

— А что, Осипычъ, поѣдешь со мной пахать на выселки?

— Да вѣдь ты брата хотѣлъ съ собой взять? — недоумѣвающе спросилъ я.

— Такъ что-жъ и возьму, коли ты не поѣдешь.

Само собой разумѣется, что я пришелъ въ восторгъ отъ такого предложенія: значить Елизаръ смотритъ на меня, какъ на вполне годнаго работника, на котораго во всякой крестьянской работѣ можно положиться. Въ Плеванковѣ Елизаръ могъ смотрѣть на меня, какъ на добровольца, котораго, въ случаѣ, если онъ «сбѣжитъ», всегда можно было замѣнить отцомъ или братомъ, на «Выселкахъ» этого сдѣлать нельзя: если я сбѣгу, то, значить, Елизаръ останется, какъ разъ на мели, и не успѣетъ засѣять всей пашни, и если онъ меня приглашаетъ, то, стало быть, смотритъ на меня, какъ на хорошаго работника во всѣхъ отношеніяхъ.

Разумѣется, я согласился, и чрезъ нѣсколько дней мы выѣхали изъ Плеванкова въ глухую Башкирію. Путешествіе совершалось слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ у половины выселковскихъ жителей не было вовсе ни домовъ, ни хозяйственныхъ построекъ, и они жили въ землянкахъ, а скотъ стоялъ въ наскоро сдѣланныхъ пригонахъ, то главнѣйшую часть нашего багажа, помимо сохъ и боронъ, составляла огромная колода для корма лошадей. Весь этотъ багажъ вмѣстѣ съ сѣменами, самоваромъ и прочимъ скарбомъ былъ помѣщенъ на обыкновенную крестьянскую телѣгу, въ которую Елизаръ запрягъ пару своихъ тощихъ лошаденокъ. На кучѣ этого скарба возсѣли и мы съ Елизаромъ. Какъ барину, Елизаръ счелъ своею обязанностью доставить мнѣ единственное бывшее въ его распоряженіи удобство—именно помѣстить меня въ колоду, на днѣ которой лежала разная мягкая рухлядь, и гдѣ я поэтому могъ не только сидѣть, но и лежать. Для защиты отъ дождя намъ служили пологи, въ которыхъ возятъ зерно.

Въ такомъ положеніи мы ѣхали три или четыре дня: Елизаръ сидѣлъ на передкѣ и погонялъ лошадей, я лежалъ или сидѣлъ въ колодѣ и предавался размышленіямъ и тому удивительному чувству свободы, которое охватываетъ человѣка въ безлюдномъ про-

сторѣ степеней. Я былъ совершенно доволенъ своимъ положеніемъ—и морально, и физически. Тѣ неудобства, которыя я испытывалъ отъ ѣзды въ тряской телѣгѣ, да еще въ колодѣ, рѣшительно ничего для меня не значили, благодаря съ каждымъ днемъ прибывавшему здоровью. Въ молодые годы я былъ довольно худосочнымъ юношей, постоянно лѣчившимся отъ анеміи и пичкавшимъ себя желѣзомъ, мышьякомъ и тому подобными препаратами, отъ которыхъ никакихъ замѣтныхъ результатовъ не было. Въ описываемое лѣто я изумительно поправился, несмотря на усиленный трудъ и въ высшей степени однообразное питаніе, которое состояло изъ ржаного хлѣба, картофеля, масла и яицъ (молока я почти не употреблялъ); мяса почти совсѣмъ не ѣлъ, равно какъ и крупчатнаго хлѣба—ни того, ни другаго негдѣ было достать, особенно въ «Выселкахъ», да я и потребности въ нихъ не испытывалъ. Спать приходилось большею частью въ полѣ, причеиъ Елизаръ и тутъ отдавалъ мнѣ преферансъ: я ложился подъ телѣгой, а онъ на телѣгѣ, такъ что дождь промочить меня не могъ. Постелью и одѣяломъ служилъ пологъ, въ который надо было плотно закутываться—августовскія ночи давали себя чувствовать. Утромъ, едва забрежжитъ свѣтъ, Елизаръ вставалъ и наставлялъ самоваръ, а я все еще потягивался подъ телѣгой—да и вылѣзать было непріятно: на разсвѣтѣ обыкновенно всего холоднѣе, а отъ плотнаго полога получилась такая испарина, что я лежалъ весь въ поту; да и спать еще хотѣлось, такъ какъ работы кончались съ закатомъ, а днемъ я спать не могъ, такъ что въ общемъ я спалъ меньше, чѣмъ Елизаръ.

Чай мы съ Елизаромъ пили не «фамилный», а кирпичный, и, конечно, не въ накладку, а въ прикуску. Съ чаемъ ѣли хлѣбъ: Елизаръ—съ солью, а я—съ масломъ. Этимъ и кончался завтракъ. Господи! какой это былъ вкусный чай, несмотря на всю скудость и неряшливость обстановки! Озябшее на утреннемъ холодѣ тѣло жадно поглощало горячій напитокъ; хорошо выпеченный хлѣбъ (въ городахъ такъ не умѣютъ печь) съ свѣжимъ масломъ былъ вкуснѣ всякаго бифштекса, а восходящее солнце будило всю животную жизнь—и скотъ, и птицъ, и насѣкомыхъ, и бодрило слежавшіеся подъ пологомъ члены.

И нарочно описалъ свой пищевой режимъ и неблагоприятныя условія внѣшней обстановки, чтобы тѣмъ рельефнѣе показать, откуда я почерпнулъ физическое здоровье: анеміи—какъ не бывало,—и съ тѣхъ поръ она ко мнѣ втеченіе 18 лѣтъ не возвращалась; я не растолстѣлъ, какъ это бываетъ съ кумысниками, но я подтвердѣлъ, отлично спалъ и ѣлъ. И все это сдѣлалъ непрерывный трудъ въ открытомъ полѣ!

Но я долженъ здѣсь отмѣтить слѣдующее явленіе, которое указано было еще покойнымъ А. Н. Энгельгардтомъ, и которое я испытывалъ на себѣ. Къ окончанію работъ я почувствовалъ не утомленіе,

а обезсиліе, хотя, благодаря навыку и образовавшейся къ концу работъ выносливости, я могъ совершить безъ утомленія гораздо большее количество работы, чѣмъ въ началѣ лѣта, когда я только что начиналъ учиться работать. Уже въ послѣдніе дни работы у Елизара я чувствовалъ, что болѣе работать не могу: меня просто качало вѣтромъ отъ чувства слабосилія. Я объясняю это тѣмъ же, чѣмъ и покойный Энгельгардтъ: какъ бы хорошо и много ни ѣлъ человѣкъ во время страды, но организмъ не въ состояніи переработать количество пищи, соответствующей совершаемой въ это время работѣ—пищеварительный аппаратъ, такъ сказать, не поспѣваетъ за работой мышечной системы; отъ этого и является не чувство утомленія, которое устраняется кратковременнымъ отдыхомъ, а чувство безсилія, которое можетъ быть устранено только восстановленіемъ равновѣсія между работой мышечной и пищеварительной системой. Поэтому осеннее бездѣлье крестьянъ, будучи совершенно необходимымъ, является не отдыхомъ отъ работъ, а просто восстановленіемъ потраченной во время страды силы и не возмѣщенной тѣмъ количествомъ пищи, которое было потреблено во время работъ.

ХІ.

Возвращаюсь къ путешествію въ колодѣ.

Ѣхали мы, конечно, шагомъ, такъ какъ возъ былъ хорошо нагруженъ, а лошаденки—топція отъ работы, которой имъ предстояло впереди еще не мало. Остановки дѣлали частыя и притомъ съ большою осторожностью и выборомъ. Дѣло въ томъ, что Елизаръ, какъ всякій расчетливый мужикъ, норовилъ во время путешествія прокормить своихъ лошадей на подножномъ корму. Значитъ надо было выбирать мѣстечко, гдѣ была бы побольше и получше трава, да еще былъ бы водопой. Обыкновенно я указывалъ Елизару мѣсто.

— Вотъ бы, Елизаръ, гдѣ хорошо остановиться!

— Хорошо-то, хорошо, да только тутъ, гляди, гужи обрѣжутъ!

— Это почему?

— А вотъ вишь за пригоркомъ тутъ башкирская деревня.

Проѣзжаемъ деревню; я опять высматриваю гдѣ нибудь хорошее мѣстечко и указываю его Елизару. И опять то же самое:

— Хорошо-то, хорошо, да только тутъ, пожалуй, колеса обрубятъ.

— Почему?

— Земля-то господская, рендатель тутъ близко живетъ.

Въ третьемъ мѣстѣ «шею намылятъ», въ четвертомъ—«къ волостнымъ сведутъ, избави Богъ!» Все это Елизаръ говорилъ спокойнымъ и авторитетнымъ тономъ, вполне одобряя тѣхъ, которые у него самого «обрѣжутъ гужи», «обрубятъ колеса», «намылятъ шею» и даже «сведутъ къ волостнымъ». Кодексъ поведенія ясный, про-

стой, чисто хозяйственный и отнюдь не проникнутый какой нибудь слащавой моралью. Для многихъ можетъ показаться, что Елизаровы разсужденія безнравственны; но это неправда; въ самомъ одобреніи тѣхъ, кто ему «намылить шею», звучала нота порядка, что, дескать, дѣйствительно нельзя чужаго добра портить, разъ у этого добра есть хозяинъ, который о немъ радѣеть.

Наконецъ, находится удобное мѣстечко гдѣ нибудь около рѣчки, колодца или болотины, большею частью среди кустовъ, такъ чтобы не со всѣхъ сторонъ было видно. Лошади спутываются и пускаются на подножный кормъ, а мы разводимъ огонекъ и располагаемся чаевать. Въ большинствѣ случаевъ надежды Елизара на то, что «никто не увидитъ», не оправдывались, и пока мы отдыхали, являлся кто нибудь изъ мѣстныхъ жителей, оказывавшійся или хозяиномъ занятаго нами мѣста, или его «сусѣдомъ», или просто любознательнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ въ виду даровую выпивку. Всѣ эти категоріи можно было различить по тону, которымъ они предъявляли свои права. Хозяинъ обыкновенно былъ близокъ къ тому, чтобы немедленно «намылить шею» или «обрубить колеса», «сусѣдъ» изъявлялъ склонность свести «къ волостнымъ»; просто любознательный человѣкъ только дѣлалъ видъ, что онъ можетъ «скричать народъ». Елизаръ,—а затѣмъ и я,—быстро угадывалъ и рѣдко ошибался, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Передъ хозяиномъ онъ сокращался до послѣдней степени и ссылался на обстоятельства, которыя заставили его остановиться именно въ этомъ, а не въ другомъ мѣстѣ; изображалъ бѣдственность своего положенія и старался объяснить, что онъ новоселъ и что мѣсть здѣшнихъ не знаетъ (въ дѣйствительности онъ ихъ отлично знаетъ). Все это мало трогало настоящего хозяина, но смягчало «сусѣда» и въ особенности любознательнаго человѣка; послѣдняго достаточно было напоить чаемъ, «сусѣду» оказывалось необходимымъ выставить «сороковку», а хозяину—сверхъ того и приплатить.

Такимъ образомъ Елизару ни разу не «намылили шею», не «обрубили колеса» и не «свели къ волостнымъ», что слѣдуетъ приписать единственно дипломатическимъ способностямъ Елизара и его покорности обстоятельствамъ; попробуй онъ сопротивляться, или прими хозяина за просто любознательнаго человѣка—намъ не миновать бы или потасовки, или скандала. Послѣ этихъ посѣщеній Елизаръ естественно впадалъ въ дурное расположеніе духа, которое однако никогда не распространялось на меня, хотя въ большинствѣ случаевъ я былъ указчикомъ мѣста. Онъ никогда не негодовалъ на взыскателей, а былъ обыкновенно недоволенъ собой—не сумѣлъ, дескать, выбрать мѣста. Если же все обходилось благополучно, то Елизаръ снимался съ якоря веселый и довольный «мѣстечкомъ»—«сошло де съ рукъ».

XII.

Такимъ образомъ безъ особыхъ приключеній мы добрались до Выселковъ. Приѣхали мы туда уже на закатѣ, когда всѣ крестьяне вернулись съ работъ и уже вечеряли. Казалось бы, что приѣздъ Елизара не долженъ бы вызвать никакихъ тревоженій; вышло, однако, не такъ: пока мы добрались до середины Выселковъ—почти все населеніе отъ мала до велика окружило Елизарову телѣгу. Дѣло въ томъ, что за день или за два до насъ въ Выселки приѣхалъ плеванковскій мужикъ Капитонъ, который, какъ и Елизаръ, намѣревался переселиться и также арендовать въ Выселкахъ землю. Этотъ Капитонъ былъ чистая баба и потому немедленно сообщилъ выселковскимъ жителямъ, что слѣдомъ за нимъ ѣдетъ Елизаръ и везетъ съ собою барина пахать. Разумѣется, выселковцы были заинтригованы этими разсказами не меньше плеванковцевъ и потому, какъ только Елизаръ приѣхалъ, немедленно высыпали на улицу, чтобы посмотрѣть, какой такой баринъ, который будетъ пахать. И было подумалъ, что выселковцы обрадовались Елизару, и чуть было не умилился по случаю того, что цѣлая деревня выбѣжала встрѣчать своего будущаго односельчанина; но по натянутости и очевидной праздности разговоровъ, возникшихъ между Елизаромъ и выселковской толпой, а также по тому, что выселковцы усиленно старались на меня не смотрѣть, я понялъ, что центромъ вниманія былъ не Елизаръ, а я, что подтвердилъ потомъ самъ Елизаръ, обругавъ Капитона бабой за болтливость.

И велѣлъ Елизару ѣхать къ его родственнику, у котораго онъ предполагалъ остановиться. Елизаръ, однако, былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи и смущеніи и, какъ оказалось, не напрасно. Дѣло въ томъ, что родственникъ Елизара былъ, какъ говорится, бѣднѣе бѣднаго: жилъ въ землянкѣ съ огромнѣйшей семьей и, кромѣ того, оказался колченогимъ: это былъ 3-рублевый николаевскій солдатъ—уже старикъ, лишившійся гдѣ-то ноги и оказавшійся главою многочисленной семьи, которую предъявила ему жена по возвращеніи мужа изъ службы. Вся эта семья жила въ величайшей нищетѣ и, понятно, что Елизару—да еще съ бариномъ—рѣшительно невозможно было тутъ «остановиться», тѣмъ болѣе, что и «останавливаться» было физически невозможно—у солдата рѣшительно не было никакихъ «службъ», а въ землянкѣ, кажется, ничего не было, кромѣ прямо таки несмѣтнаго количества блохъ. Сначала мы съ Елизаромъ «остановились» у солдатовой землянки въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. лошади стали передъ землянкой, а колченогій солдатъ вмѣстѣ съ женой, типичнѣйшей деревенской халдой, дѣлалъ видъ, что онъ необыкновенно радъ приѣзду «дорогихъ» гостей и чрезвычайно озабоченъ нанудобнѣйшимъ ихъ помѣщеніемъ. Хлопоты эти выразились прежде всего въ обильныхъ подзатыльникахъ, которыми сол-

дать наградили своихъ и чужихъ ребятъ, обсыпавшихъ нашу телѣгу. Елизаръ, конечно, хорошо понималъ эту комедію и заранѣе ее предвидѣлъ; и ему совѣстно было не того, что намъ негдѣ «остановиться»—онъ уже зналъ, что я совершенно безпретенціозный человекъ—ему было стыдно передо мной, что его родственникъ находится въ такой безпросвѣтной нищетѣ. Потоптавшись около землянки и выслушавъ для приличія всѣ солдатовы «охи» и «ахи», выражавшіе заботу о «дорогихъ гостяхъ», Елизаръ рѣшилъ обратиться уже къ испытанному нами способу ночевки: онъ на телѣгѣ,—я подъ телѣгой. Солдатъ и тутъ было проявилъ свою хозяйскую заботливость, крикнувъ на какого-то подростка, чтобы онъ «живо изладилъ свѣжаго сѣнца» на телѣгу и подъ телѣгу, но и тутъ оказалось, что никакого «сѣнца» у него нѣтъ—ни свѣжаго, ни прошлогодняго. Словомъ, солдатъ жилъ на подаяніе казенное и мірское, да еще помогалъ старшій сынъ, жившій тутъ же въ Выселкахъ въ работникахъ у богатаго мордвина.

Само собой разумѣется, что на другой же день мы принялись съ Елизаромъ пахать. На этой пашнѣ я окончательно измучился втеченіе какихъ нибудь 10 дней. Дѣло въ томъ, что часть земли была поднята изъ-подъ цѣлизны, и потому Елизаръ рѣшилъ не двоить землю, а сѣять прямо подъ борону, и поручилъ мнѣ сначала бороньбу этого участка. Казалось бы, чего легче? Да оно и дѣйствительно было не трудно въ смыслѣ затраты силы. Но дѣло въ томъ, что поднятая свѣжая земля отвалена была твердыми пластами, которые образовали острые гребни, и по которымъ мнѣ приходилось шагать; ноги постоянно свертывались съ гребня въ борозду, ходить надо было по одному и тому же мѣсту, и я въ концѣ концовъ чувствовалъ страшную усталость именно въ ступняхъ. Вдобавокъ, это меня раздражало: бороньба—дѣло подростковъ, а не «мужиковъ», и мнѣ досадно было, что я, занимаясь столь легкой работой, уставалъ страшно. Я былъ очень доволенъ, когда кончилъ боронить этотъ участокъ, и Елизаръ перевелъ меня на пахоту. Хотя пахать было гораздо труднѣе, но меня, во-первыхъ, радовало, что я работаю «настоящую работу», а, во-вторыхъ, ноги не такъ уставали, такъ какъ двоили уже старую пашню.

Здѣсь мнѣ пришлось испытать новое для меня чувство—неистовое озлобленіе противъ животнаго. Когда вы видите ломового извозчика, совершенно бессмысленно бьющаго лошадь кулакомъ по мордѣ, не удивляйтесь ему и не думайте, что онъ какой либо жестокой человекъ: лѣнивое, глупое и уставшее животное можетъ довести человека имъ управляющаго, до совершеннаго бѣшенства. Елизаровы лошади, конечно, не принадлежали ни къ числу умныхъ, ни къ числу ретивыхъ вообще; кромѣ того, подъ конецъ страды и послѣ приличнаго путешествія, онѣ выбились изъ силъ и относились съ полной апатіей къ судьбѣ Елизара, какъ будто онѣ и пашню не его пахали.

Пока моя лошаденка шла по бороздѣ, она кое-какъ ковыляла, поощряемая кнутомъ; но вотъ на поворотахъ бороздъ она меня окончательно выводила изъ себя: то она остановится ближе конца со-сѣдной борозды, то она продернетъ мимо этого конца, то вопреки возжамъ виляетъ въ другую сторону. А между тѣмъ на поворотахъ пахарь несетъ соху въ одной рукѣ (другая занята возжами), слѣдовательно для него всѣ эти лошадиныя вохлянья доставляютъ только лишнюю трату силъ. Вотъ тутъ-то и доставалось отъ меня Елизаровой лошаденкѣ. Именно, какъ ломовикъ, я бросалъ соху, забѣгалъ впередъ лошади и билъ ее по мордѣ. Елизаръ этому нисколько не удивлялся, такъ какъ на другомъ концѣ полосы онъ то же самое продѣлывалъ со своей лошадейю.

Такъ я работалъ у Елизара и до такой степени усталъ, что ждалъ—не дождался, когда же онъ наконецъ отсѣется. Какъ я цѣнилъ тогда воскресные и праздничные дни, прямо какъ истинный школяръ! Жили попрежнему около землянки колченогаго солдата, но чаще ночевали въ полѣ, такъ какъ такой ночлегъ ничѣмъ не отличался отъ ночлега у солдата: все равно—и тамъ, и тутъ—Елизаръ на телѣгѣ, я подъ телѣгой.

Само собой разумѣется, что выселковцы интересовались мной не меньше плеванковцевъ, но въ работѣ я ужъ наострился, обстрѣлялся еще въ Плеванковѣ, и потому въ Выселкахъ мнѣ было много лучше—и въ такихъ комическихъ положеніяхъ, какія я описывалъ выше, я уже не бывалъ. Но тутъ со мной случился совершенно необыкновенный эпизодъ, послѣ котораго я почувствовалъ, что я получилъ какъ бы аттестатъ на право заниматься мужицкой работою.

ХІІІ.

Какъ я уже сказалъ выше, старшій сынъ колченогаго солдата Николай жилъ въ работникахъ у богатаго мордвина. Этотъ Николай былъ истинный красавецъ мужчина: высокій, статный, съ открытымъ лицомъ, очень сильный, но, какъ оказалось потомъ, весьма плохой работникъ. Съ мордвиномъ, у котораго жилъ Николай, я былъ знакомъ, какъ и со всѣми выселковскими жителями, но никогда къ нему не заходилъ, такъ какъ онъ не приглашалъ. У другихъ выселковцевъ я бывалъ, но тоже не какъ гость, а всегда по «дѣламъ»; и «дѣль» этихъ было у нихъ не мало по весьма простой причинѣ: выселковцы были почти поголовно неграмотны, я былъ грамотенъ; выселковцы законовъ не знали и не понимали, я ихъ, хотя и не много, но зналъ и во всякомъ случаѣ понималъ. А законы имъ знать нужно было, такъ какъ, помимо всего прочаго, они жили не на собственной, а на арендованной землѣ, положеніе ихъ было шатко, и они постоянно думали и хлопотали объ упроченіи этого

положенія. Ясно, что я могъ быть полезнымъ для выселковцевъ, и они дѣйствительно часто обращались ко мнѣ главнымъ образомъ за разъясненіемъ тѣхъ контрактовъ, которые были у нихъ заключены съ владѣльцемъ земли. Что могъ, я объяснялъ выселковцамъ, и они были мнѣ благодарны если не за результаты моихъ разъясненій, то, по крайней мѣрѣ, за доброе желаніе.

Однажды я встрѣтился съ хозяиномъ Николая, и онъ, поздоровавшись со мной, пригласилъ меня къ себѣ. Мнѣ было некогда, и я сказалъ, что зайду въ другой разъ.

— Что, развѣ дѣло какое есть?—спросилъ я, нѣсколько удивленный этимъ приглашеніемъ, такъ какъ мордвинъ, какъ человѣкъ зажиточный, успѣлъ уже войти съ владѣльцемъ земли въ болѣе прочныя отношенія, чѣмъ прочіе выселковцы.

— Да, есть такъ себѣ дѣльце,—неопредѣленно отвѣтилъ мордвинъ.

Въ другой разъ, идя мимо его избы и видя его починяющимъ на дворѣ бочку, я зашелъ къ нему.

— Ну, вотъ я зашелъ къ тебѣ,—сказалъ я, поздоровавшись съ нимъ.

— Спасибо, садись!

— Ты говорилъ, что у тебя есть какое-то до меня дѣльце,—сказалъ я послѣ короткаго хозяйственнаго разговора о погодѣ, о бочкѣ и о топорѣ, которымъ онъ починялъ бочку.

— Дѣльце есть,—также неопредѣленно отвѣтилъ мордвинъ, какъ и въ первый разъ.

— Ну, въ чемъ же дѣло-то, говори,—сказалъ я, немного помолчавъ въ ожиданіи, что онъ скажетъ. Старикъ, очевидно, не рѣшался заговорить о своемъ «дѣльцѣ».

— Скажи, братецъ ты мой, изъ какихъ ты будешь?—неожиданно спросилъ онъ меня.

Вопросъ этотъ меня до крайности удивилъ, такъ какъ никто—ни здѣсь, ни въ Плеванковѣ, меня объ этомъ не спрашивалъ: всѣ знали, что я «баринъ», и для всѣхъ этого было совершенно достаточно.

— То-есть, какъ это изъ какихъ?—переспросилъ я мордвина.

— Ну, да, изъ крестьянъ ты или изъ мѣщанъ, или поповскій сынъ?

Я сказалъ свое званіе, мордвинъ очевидно не понялъ и поставилъ вопросъ иначе.

— Ты мнѣ скажи, можешь ты приписаться къ нашему обществу или нѣтъ.

Вопросы мордвина меня заинтересовали, и я на всякій случай отвѣтилъ, что могу. Повидимому, это было ему пріятно, такъ какъ разрѣшало какой-то вопросъ; тѣмъ не менѣе онъ молчалъ и какъ бы обдумывалъ, какъ ему дальше меня спрашивать; но я ждать не сталъ и самъ пошелъ на встрѣчу.

— Да скажи, пожалуйста, на что тебѣ знать мое званіе, и могу ли я приписаться къ вашему обществу?

Мордвинъ еще подумалъ и, наконецъ, рѣшился высказать свою затаенную мысль.

— Сыновей у меня нѣтъ, а двѣ дѣвки, такъ вотъ я зятя себѣ прискиваю.

— Ну, такъ что же, я-то тутъ причемъ?—спросилъ я, все еще не понимая, къ чему старикъ клонить рѣчь.

— А вотъ, можетъ, ты и пошелъ бы ко мнѣ въ зятя-то.

Я прямо-таки остоленѣлъ — до такой степени необыкновенно было для меня это сватовство отца къ своимъ дочерямъ. Я глупо на него посмотрѣлъ и не зналъ, что сказать.

— Ну, нѣтъ, я жениться не собираюсь,— сказалъ я наконецъ.

— А вѣдь тебѣ ужъ пора!

— Пора-то, пора, а все-таки я не собираюсь жениться.

— Ну, какъ хочешь!

— За этимъ ты и звалъ меня?

— За этимъ за самымъ.

И все еще не могъ, какъ слѣдуетъ, найтись въ этомъ по истинѣ курьезномъ положеніи.

— Да зачѣмъ же тебѣ меня брать въ зятя? Вотъ лучше возьми Николая — посмотри, какой онъ работникъ!—сказалъ я, наконецъ, думая, что я даю самый лучший совѣтъ.

— Николая? да развѣ онъ работникъ?

— А чѣмъ же не работникъ?

— Николай-то?! Да какой же онъ мнѣ помощникъ?

— А что?

— А то. Никуда онъ не годится: у него хомутъ развяжется — онъ бѣжитъ ко мнѣ — наладь ему хомутъ; соха разладится — онъ домой ѣдетъ, я же ему налаживай—какой это работникъ?!—И мордвинъ началъ горячо критиковать Николая. Главный недостатокъ Николая былъ, въ глазахъ мордвина, не лѣность, не слабосиліе, а отсутствіе хозяйственной сметки; для старика Николай былъ грубая рабочая сила, въ родѣ лошади, не способная помогать хозяину умѣньемъ и распоряженіемъ. Долго говорилъ старикъ; очевидно, онъ самъ думалъ приспособить Николая въ зятя себѣ и долго-временнымъ наблюденіемъ убѣдился, что если онъ можетъ быть мужемъ для которой нибудь изъ дочерей, то не можетъ замѣнять старика въ хозяйствѣ. Мордвинскія разсужденія были для меня и неожиданны, и въ высшей степени пріятны: очевидно, что если онъ прочилъ меня въ зятя къ себѣ, то, значитъ, убѣдился, что я могу быть ему помощникомъ въ хозяйствѣ.

А одна изъ дочерей мордвина была чрезвычайно красивая дѣвушка; и не столько, быть можетъ, красивая, сколько поражающая свѣей деревенской статностью, силой и веселой бодростью взгляда.

Признаться, я не разъ ею любовался — въ мордвѣ много финской крови, но она давно уже смѣшивается съ русскимъ населеніемъ, и дѣвушка, о которой я говорю, была типомъ великороссійской красоты. Хотя я и любовался Марьей — такъ звали дочь мордвина — но никогда съ ней не говорилъ. Вообще я съ большою осторожностью держался относительно женщинъ. Мужикъ понимаетъ только или чисто дѣловыя отношенія къ женщинѣ, или только блудныя; середины онъ не знаетъ и ни въ какую платоническую любовь или въ чистую дружбу между мужчиной и женщиной не вѣритъ. Въ особенности онъ не вѣритъ въ чистоту господскихъ побужденій относительно женщинъ: ужъ если «баринъ» (а я, таковымъ и былъ въ глазахъ выселковцевъ) заговорить съ бабой или дѣвкой безъ крайней и очевидной необходимости, то, значить, у него на умѣ блудъ, и притомъ, значить, онъ настоящій «баринъ». А этого-то я всего болѣе и боялся — если я не хотѣлъ, чтобы меня мужикъ призналъ за «своего» человѣка, то еще менѣе я хотѣлъ, чтобы онъ меня считалъ за «барина», и потому именно отъ бабъ и дѣвокъ я держался совершенно въ сторонѣ, что, разумѣется, только увеличивало недоумѣніе выселковцевъ относительно моей особы.

Такъ мы и разстались съ мордвиномъ — и я въ недоумѣніи, и онъ въ недоумѣніи. Я потомъ спрашивалъ Елизара, какъ мнѣ нужно понимать мордвинское предложеніе.

— Что-жь, отчего хорошаго человѣка не взять въ зятя, — сказалъ Елизаръ: — а только, вѣдь, онъ не знаетъ толкомъ, что ты баринъ и его дѣвкѣ не годишься. А Миколай, дѣйствительно, ему не годится, потому онъ безтолковый, а у мордвина хозяйство большое, и самъ онъ старикъ обстоятельный — куда ему Миколай?! Только одна тягота — да еще за Николаемъ потянутся въ домъ брата да сестры.

XIV.

Мнѣ остается лишь рассказать теперь кое-что о своемъ возвращеніи домой. «Выселки» далеко отстояли отъ рѣчныхъ путей. До ближайшей пароходной станціи было что-то около 150 верстъ, и я рѣшилъ проѣхать это пространство какъ можно дешевле. Выселки стояли около тракта, въ значительной части пролегавшаго чрезъ сплошную Башкирію; ни по-татарски, ни по-банкирски говорить я не умѣлъ, и тѣмъ не менѣе пошелъ пѣшкомъ, такъ какъ ошибки въ избраніи дороги произойти не могло, а затрудненій по части ночлега и ѣды я не боялся, потому что и безъ объясненій всякій понималъ, что мнѣ нужно. Одѣтъ я былъ въ крестьянское платье, а очки я снялъ, такъ какъ иначе я имѣлъ бы видъ подозрительнаго человѣка, я любой урядникъ (особенно въ то тревожное время) могъ причинить мнѣ бездну затрудненій. Передвигался я наполо-

вину пѣшкомъ, наполовину ѣхалъ по изумительно дешевой цѣнѣ, по какой мнѣ ни прежде, ни послѣ ѣздить не удавалось. Обратный ямщикъ везъ за двугривенный цѣлую станцію въ 30 верстъ; башкирецъ, который давно собирался къ какому нибудь «кунаку» въ гости, пользовался случаемъ, чтобы не ѣхать къ нему даромъ и запрягалъ за 30 копеекъ пару сытыхъ лошадокъ, чтобы попути отвезти меня верстъ за 20. Прижать меня по части прогонъ никто не могъ, такъ какъ, въ случаѣ несогласія въ цѣнѣ, я взваливалъ котомку на спину и отправлялся пѣшкомъ. Но и я не прижималъ моихъ возницъ: обратный ямщикъ просилъ выйти изъ тарантаса за версту—двѣ отъ станціи, чтобы хозяинъ не зналъ, что его работникъ везъ сѣдока и, разумѣется, не даромъ; башкирецъ просилъ подождать до вечера, когда онъ управится съ дневной работой и поѣдетъ къ «кунаку». Разумѣется, на все это я соглашался — къ полному удовольствію моихъ возницъ.

Такъ какъ время было страдное (убирали яровья), то весь народъ былъ въ полѣ, и мнѣ не скучно было идти — одно только было не хорошо: языка я не понималъ, и если съ мужчинами-башкирами можно было еще объясняться порусски, то съ женщинами это было почти невозможно: онѣ совсѣмъ не знали русскаго языка, и тутъ не обходилось безъ курьезовъ. Одна старуха-башкирка, у которой я попросилъ напиться, приняла меня за солдата, возвращающагося со службы, и начала меня разспрашивать о своемъ сынѣ, служащемъ на Кавказѣ. Долго я ничего не могъ понять, пока не помогла другая старуха, знавшая десятка два—три словъ порусски; понявъ, въ чемъ дѣло, я не захотѣлъ разочаровывать старуху и сдѣлалъ видъ, что знаю ея сына, что онъ живъ и здоровъ — «не знаю, молъ, только, когда вернется». Старуха просіяла отъ радости и смотрѣла на меня, какъ на родного; звала меня къ себѣ, но я постарался отъ нея отдѣлаться, опасаясь, что подойдетъ кто нибудь изъ знающихъ русскій языкъ, и тогда моя хотя и невинная, но все-таки ложь раскроется, и ничего, кромѣ печали, старухѣ не принесетъ.

Наконецъ, я пришелъ въ губернской городъ, гдѣ у меня были знакомые, зашелъ къ нимъ прямо съ дороги и удивилъ ихъ своимъ мужичьимъ видомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и здоровьемъ. Проживъ дня три и достаточно отдохнувъ отъ дороги, я принялъ цивилизованный видъ и возвратился на пароходѣ въ К., гдѣ и засѣлъ за свои интегралы. Все пошло своимъ чередомъ, но я уже сдѣлался другимъ человѣкомъ во всемъ, что касалось вопросовъ мужицкаго труда и мужицкой жизни.

Н. О. Осиповъ.

С.-Петербургъ.
9 іюля 1898.

КТО И КОГДА ВЫДУМАЛЪ РОССІЮ?

«Россія есть слишкомъ великое недоразумѣніе, чтобы намъ однимъ его разрѣшить безъ нѣмцевъ и безъ труда».

О. Достоевскій.

ОПРОСЪ этотъ не такой ужъ праздный и парадоксальный, какимъ могъ бы, на первый взглядъ, показаться иному серьезному читателю. Въ самомъ дѣлѣ, многимъ ли извѣстно, кто и когда выдумалъ «Россію», т. е., откуда и съ какого времени пришло къ намъ это имя, русское ли оно, народное ли, а если искусственное, то почему оно было усвоено и въ силу какихъ историческихъ мотивовъ и обстоятельствъ окрещена имъ на вѣки вѣчные наша любезная родина?

Не потому, чтобы вопросъ этотъ представлялъ какое нибудь мудреное «недоразумѣніе», которое нельзя будто бы разрѣшить «безъ нѣмцевъ», а только потому, что многіе изъ русскихъ читателей навѣрно, по свойственной намъ славянской беззаботности, не отдавали себѣ въ немъ достаточно яснаго отчета,—мы и предлагаемъ настоящую безпритязательную справку.

Какъ извѣстно, великій и знаменитый ученый споръ о первоначальномъ происхожденіи Руси, который красной чертой проходитъ черезъ всю лѣтопись русской исторіографіи, не считается окончательно законченнымъ и до нашихъ дней. Положимъ, современные наши историки этого стараго, наследственнаго спора не продолжаютъ, убѣдившись въ его бесплодности для науки, но, безъ со-

миѣнія, мыслятъ разнo по этому пункту, насколько разны господствующіе въ русской исторической наукѣ направленія, толки и руководящіе штандпункты.

Споръ затихъ, но, составлявшій его сущность, вопросъ о происхожденіи имени Руси — заносное ли оно, изчужа ли навязанное, не то варяжское, не то финское, не то литовское или же само-бытное, свое, исконно-народное?—вопросъ этотъ такъ и остался открытымъ...

Результатъ удивительный!

Не потому ли, теперь думается, такъ неблагоуспѣшно это кончилось, что, принимавшіе горячее участіе въ великомъ спорѣ, авторитетные ученые (большою частью, впрочемъ, нѣмцы) слишкомъ мало обращались къ живому, неподкупно-достоверному свидѣтельству самого народа?

Замѣчательно, что даже такой заядлый русакъ и патриотъ, какъ М. П. Погодинъ, видимо уклонялся отъ пользованія этимъ богатымъ источникомъ отчасти, вѣроятно, потому, что самъ былъ азартнымъ норманистомъ, и источникъ этотъ не всегда подходилъ ему къ рукѣ. Только ополчившійся на норманистовъ г. Геденовъ, въ своей извѣстной книгѣ, время отъ времени подкрѣпляетъ себя показаніями народнаго самосознанія и языка, да и то больше вскользь. Объяснить это обстоятельство можно, кажется, тѣмъ, что самый-то споръ былъ теоретическій, книжный, и ученые полемисты, съ головой погружившись въ изветналыя письменные памятники и въ буквоѣдное ихъ толкованіе, менѣе всего интересовались живымъ свидѣтельствомъ самого народа.

А между тѣмъ, тотъ несомнѣнный фактъ, что народъ разумѣетъ себя и называетъ Русью повсемѣстно, долженъ былъ бы служить самымъ неотразимымъ и убѣдительнонѣйшимъ доводомъ противъ норманской теоріи.

Г. Геденовъ, возражая на утвержденіе Шлецера, будто «тотчасъ, по пришествіи варяговъ, имя Руси превратилось въ народное имя», совершенно вѣрно замѣтилъ, что подобныя превращенія не дѣлаются вдругъ. «Такому явленію,—говоритъ онъ,—у другихъ европейскихъ народовъ исторія опредѣляетъ цѣлыя вѣка» ¹⁾.

Если даже допустить, что и у насъ произошло такое явленіе, то для него потребовался бы еще гораздо большій срокъ, въ виду разбросанности населенія на огромной территоріи и всѣхъ тѣхъ исключительно тяжелыхъ историческихъ условій и невзгодъ—взять хотя бы одно монгольское иго,—которыхъ другіе болѣе счастливые европейскіе народы на зарѣ своей исторіи не испытывали.

Въ какой степени предположеніе норманистовъ, будто народъ, съ призывомъ лишь Рюрика, Синеуса и Трувора съ дружиной,

¹⁾ «Варяги и Русь», стр. 428.

сразу воспринялъ отъ нихъ и усвоилъ совершенно чужое ему, неслыханное дотолѣ, заморское имя «Русь», логически несостоятельно и противорѣчить натурѣ вещей и исторической дѣйствительности,—можетъ служить доказательствомъ, между прочимъ, слѣдующій наглядный примѣръ.

Какъ извѣстно, народное названіе «Русь», для обозначенія русской территоріи, русской государственности и національности, уже болѣе двухсотъ лѣтъ изъята изъ нашего официальнаго языка и канцелярской письменности и замѣнено «Россіей», откуда—«россійскій», «россіянинъ», взамѣнъ «русскаго», «русака», «русича», «русина»¹⁾.

Эта новая официальная номенклатура была усвоена и всей нашей литературой. Наши старые поэты и прозаики, особенно прошлаго столѣтія, сколько возможно избѣгаютъ называть Россію попросту Русью, пренебрегая этой формой, какъ недостаточно «важной», «громозвучной» и торжественной, какъ простонародной и вульгарной.

Наиболѣе выпренніе одопицы не довольствуются даже превращеніемъ русскаго человѣка въ россіянина, а всего русскаго — въ россійское, но изыскиваютъ еще болѣе звонкія, болѣе ходульныя формы: россъ, роскій («О россъ, о родъ непобѣдимый!.. «Здѣсь росская гора»...).

Херасковъ сочиняетъ въ стихахъ «Россіяду», первый нашъ исторіографъ, Карамзинъ, пишетъ «Исторію государства Россійскаго» и во всѣхъ патетическихъ мѣстахъ своего краснорѣчиваго повѣствованія величаетъ русскихъ россіянами, даже въ наши уже дни серьезный Соловьевъ озаглавливаетъ свой капитальный трудъ «Исторіей Россіи» (совершенно, впрочемъ, правильно), и только гг. Бестужевъ-Рюминъ и Забѣлинъ первые въ нашей исторіографіи отваживаются назвать свои «исторіи» не «россійскими» или какъ нибудь въ этомъ родѣ, а попросту русскими (у г. Бестужева-Рюмина: «Русская исторія», у г. Забѣлина: «Исторія русской жизни»).

Въ послѣднее лишь время, подъ возбуждающимъ вліяніемъ русско-національнаго движенія и пріобрѣтеннаго имъ большаго кредита въ официальныхъ сферахъ, исконно-народное имя Русь съ производными изъ него формами получаетъ не только полное право

¹⁾ «Русакъ», «русичъ», «русичъ»—старинныя, чисто народныя названія, встрѣчающіяся, ктому-жъ, не въ однихъ устныхъ сказаніяхъ, но и въ нашей древней письменности, даже въ официальной. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» много ибѣ названій русскихъ, какъ русичи. Въ дипломатическихъ актахъ Посольскаго приказа въ переговорахъ съ посломъ кафинскаго намѣтника султана въ 1501 г. о торговыхъ сношеніяхъ читаемъ, между прочимъ: «Если же чего станеть искать басурманнѣ на Русинѣ и пошлется на Русина-жъ, то тутъ и Русакъ свидѣтель» и т. д. («Исторія Россіи» Соловьева, т. V, стр. 113).

гражданства въ нашей исторіографіи и литературѣ, но ему оказывается явное и не всегда, сказать правду, умѣстное предпочтеніе передъ официальной Россіей.

Что же касается россиянина и російскаго, то эти высокопарныя наименованія употребляются въ нынѣшней партикулярной словесности развѣ только въ шутливо-проническомъ смыслѣ и составляютъ почти исключительное достояніе фельетонистовъ и юмористовъ.

Когда же, какъ и откуда пришло къ намъ это превращеніе? Неужели опять прислужились какіе нибудь вольнопрактикующіе варяги?

Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ прислужились — варяги, не варяги, а на этотъ разъ поляки и, разумѣется, съ недобрымъ умысломъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ В. И. Даль.

«Встарь писали Русская Правда; только Польша, — скорбитъ онъ и негодуетъ, — прозвала насъ Россіей, россиянами, російскими, по правописанію латинскому, а мы переняли это и перенесли въ кириллицу свою»¹⁾..

Нашъ знаменитый толковникъ русскаго слова въ этомъ случаѣ сказалъ не все и отчасти сказалъ не впопадъ.

Хотя, дѣйствительно, послѣ Смутнаго времени, втеченіе XVII-го столѣтія, польское культурно-умственное вліяніе у насъ было очень сильное и ощутительно отразилось на тогдашней русской письменности и на языкѣ, но, безъ сомнѣнія, оно никоимъ образомъ не могло дойти до официального принятія изъ польскихъ рукъ новой національно-государственной номенклатуры, да еще «по латинскому правописанію» составленной.

Московская дипломатія въ такихъ вещахъ была чрезвычайно ревнива и несговорчива. Довольно вспомнить ея безконечныя пререканія съ иноземной и главнымъ образомъ съ польской дипломатіей изъ-за государева титула. Завсѣмъ тѣмъ, въ политическіе расчеты Польши никакъ не могло входить такое этимологическое обобщеніе въ имени Московскаго государства, такъ какъ она сама притязала на обладаніе исконной юго-западной Русью и изъ-за этого вела вѣковую упорную борьбу на жизнь и смерть.

Нѣтъ, переименованіе это произошло самостоятельно, и мысль о немъ, обоснованная на политическихъ и династическихъ соображеніяхъ, созрѣла задолго до XVII-го столѣтія и вовсе не подъ польскимъ вліяніемъ!

Стольные князья кievскіе писались «великими князьями русскими» (Ярославъ) или «всеа Руси» (Мономахъ, Юрій Долгорукій), хотя съ послѣднимъ обозначеніемъ Соловьевъ «впервые», по его словамъ, встрѣтился въ грамотахъ только Іоанна Калиты²⁾. Въ

¹⁾ «Толковый Словарь», т. IV, стр. 116.

²⁾ «Исторія», т. III, стр. 5; т. V, стр. 181.

XIV-мъ вѣкѣ «Русь» начинаетъ замѣняться «Русіей» въ московскихъ великокняжескихъ печатяхъ. Съ конца же XV-го и начала XVI-го столѣтій Иванъ Васильевичъ III титулуется уже и въ грамотахъ «великимъ княземъ всеа Русіи», но одновременно продолжаетъ еще писаться и по-старому: «всеа (или «всея») Руси».

Послѣдующіе московскіе государи окончательно оставляютъ старую форму «Русь» въ своихъ титулахъ, и ея придерживаются пока, до конца XVI-го вѣка, стоявшіе во главѣ русской церкви духовные іерархи, именуясь въ своихъ посланіяхъ и грамотахъ такъ: «Нѣзъ (имя рекъ), митрополитъ кievскій (или московскій) и всеа Руси»; но патріархи московскіе также начинаютъ писаться «патріархами царствующаго града Москвы и всеа Русіи»¹⁾.

Книжная и искусственная Русія, образовавшаяся отъ приращенія къ народной Руси греколатинскаго хвостика, — несомнѣнно византійскаго происхожденія и была окончательно принята подъ вліяніемъ Софіи Палеологъ и сопровождавшихъ ее ученыхъ грековъ-политикановъ. Она соответствовала и новому порядку вещей въ Москвѣ и честолюбивымъ видамъ ея государей, когда, по мѣрѣ успѣшнаго «собиранія» Русской земли, укрѣпленія единодержавія и сверженія татарскаго ига, созрѣвала идея мощной государственности на развалинахъ стараго удѣльнаго уклада, когда одновременно явилась гордая мечта о воссозданіи на Москвѣ-рѣкѣ православно-византійской цезарской короны въ ея вселенскомъ значеніи и блескѣ.

Для новаго государственнаго организма и для этихъ дальновидныхъ династически-политическихъ намѣреній требовалась и новая внѣшняя символика. Поэтому великокняжескій гербъ украшается византійскимъ двуглавымъ орломъ, и Русская земля начинаетъ именоваться «Русіей». Старая форма «Русь» казалась устарѣлой, слишкомъ узкой, частной и провинціальной, да къ тому жъ съ нею связывались представленія о тяжеломъ прошломъ—о смутѣ и крамолѣ, о безсиліи и безславіи.

Гораздо шире и общіе, значительнѣе и внушительнѣе для Европы звучала Русія—и она стала внѣшнимъ выраженіемъ того государственно-политическаго прогресса, которымъ ознаменовался московскій періодъ нашей исторіи.

Затѣмъ, въ половинѣ XVII столѣтія Русія замѣняется Росіей (сперва съ однимъ *с*). Впервые, сколько можно судить по сохранившимся письменнымъ памятникамъ, Алексѣй Михайловичъ начинаетъ титуловаться «Божіею милостью великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Великія и Малыя (а позднѣе и «Вѣлыя») Россіи» съ 1654 года²⁾, т. е. съ момента принятія въ подданство Малороссіи и въ тѣсной связи съ этимъ событіемъ.

¹⁾ «Акты историч. Археогр. комисс.», т. I, стр. 1—126 и сл.

²⁾ «Акты историческіе», т. IV, стр. 219.

Есть, впрочемъ, указанія на употребленіе этой формы въ нашей официальной письменности и гораздо ранѣе.

Такъ, въ пространномъ титулѣ Іоанна Грознаго, самимъ царемъ составленномъ, между прочимъ, говорится: «... по волѣ Твоей, Сего убо Бога нашего... милостью и хотѣніемъ, удръжахомъ скипетръ Россійскаго царствія, мы, великій государь», и т. д. Такова ли и въ подлинникѣ транскрипція слова «россійскій» (т. е. черезъ два е), остается полагаться на текстъ «Исторіи Россіи»¹⁾, авторъ которой имѣлъ обыкновеніе, какъ извѣстно, для удобопонятности передавать древніе памятники не текстуально, а въ пересказѣ. Въ настоящемъ, впрочемъ, случаѣ текстъ подлинника, извлеченнаго историкомъ изъ архивныхъ «Шведскихъ дѣлъ», передавъ, повидимому, буквально. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ дальнѣйшемъ изложеніи цитированнаго титула Грозный именуется себя государемъ «всѣа Русіи» (а не Росіи или Россіи).

Еще примѣръ. Въ «Апостолѣ», отпечатанномъ извѣстнымъ Невѣжинымъ въ Москвѣ при Димитріи Самозванцѣ, въ послѣсловіи читается: «Повелѣніемъ благочестія поборника и божественныхъ велѣній изрядна ревнителя, благовѣрнаго... государя всея великія Росіи, крестonosнаго царя... Димитрія Ивановича»²⁾ и т. д. Между тѣмъ, самъ Димитрій вездѣ писался государемъ «всѣа Русіи», а не «Росіи».

Мимоходомъ, эти примѣры также говорятъ противъ предположенія Дала о происхожденіи у насъ формы «Россія», первоначально «Росіа»³⁾. Скорѣе и вѣрнѣе вышла она отъ принятія первоначальнаго греческаго Ρῶς (Rhos — полатыни), обозначавшаго въ древнихъ византійскихъ лѣтописяхъ Русь. И такимъ образомъ, если въ формѣ Русіа оставалось въ основѣ все-таки народное имя Руси, то греческая Росіа являлась уже полнымъ обезнароживаніемъ этого имени, совершенно аналогичнымъ съ тѣмъ, какое позднѣе произошло съ названіемъ новой русской столицы.

Насъ до сихъ поръ изумляетъ и отчасти оскорбляетъ наше національное чувство странная идея окрестить новозданную русскую столицу, «святой градъ Петра», понѣмьки (съ латинскимъ sanctus) — Санктъ-Петербургомъ; не трудно понять, почему такому патриоту и такому знатоку родного языка, какимъ былъ В. И. Даль, претило и переименованіе Руси въ Россію: «Россія» нисколько не меньше «Санктъ-Петербурга» — имя не русское и не народное,

¹⁾ «Исторія» С. Соловьева, т. VII, стр. 6.

²⁾ «Исторія» Соловьева, т. VIII, стр. 112.

³⁾ Пронисаніе «Росіа» съ двумя е — «Россія» — попадается уже въ нѣкоторыхъ памятникахъ нашей письменности конца XVII столѣтія и окончательно принимается съ начала XVIII столѣтія (см. «Наука и литер. при Петрѣ Великомъ» Пекарскаго).

изчужа взятое и искусственное. Если бы, напримѣръ, нашему великому царственному революціонеру, какъ называетъ Соловьевъ Петра Великаго, пришло въ голову, заодно ужъ съ наименованіемъ понѣмецки русской столицы, переименовать и всю Русскую землю въ Руссландъ — названіе это, по существу и по складу въ лингвистическомъ отношеніи, нисколько не было бы дальше отъ народной Руси, а, пожалуй, даже ближе, чѣмъ греко-латинская Россія.

Время и удивительная способность русскаго, особенно культурнаго «всечеловѣка» ко всеусвоиваемости, рядомъ, нужно также замѣтить, съ беззаботнымъ отношеніемъ къ прошлому родины и малымъ знакомствомъ съ ея исторіей, легко у насъ акклиматизуютъ, обрусѣваютъ и укореняютъ всѣ подобныя новшества. Если въ настоящее время мы вполне примирились съ Петербургомъ, вполне восприняли его названіе и инымъ не можемъ уже его даже себѣ представить, то усвоеніе имени Россіи, происходившее въ теченіе гораздо большаго промежутка времени, давно закончилось и такъ основательно и прочно, что, пожалуй, очень немногимъ просвѣщеннымъ читателямъ впадало когда нибудь на мысль, что оно чужое и не русское.

Вотъ народъ гораздо менѣе на этотъ счетъ воспримчивъ и податливъ. Безъ сомнѣнія, послѣдній, самый темный мужиченко глухого «медвѣжьяго угла» знаетъ нынче про Россію, какъ знаетъ и про Петербургъ; но назвать ихъ правильно, грамматически, по нашему, не всегда умѣетъ до сихъ поръ и питерскій «образованный» мужикъ. А это безошибочный признакъ незаконченнаго усвоенія народомъ и самихъ понятій, представленныхъ этими именами.

Въ народномъ говорѣ такія имена или коверкаются, или народъ ихъ передѣлываетъ и обрусѣваетъ по-своему. «Петербургъ» у него «Питебрюхъ», а по-своему—Питеръ¹⁾, коротко, ясно, совершенно правильно и даже красиво! Нельзя, къ сожалѣнію, сказать того же о «Россіи»: въ устахъ народа она исказилась въ безграмотную и нескладную Расею—и дальше этого усвоеніе не пошло. Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ слабаго усвоенія народомъ этой формы и неупотребительности ея въ живой, обиходной народной рѣчи служить полное отсутствіе имени Россіи, какъ понятія родины, въ народныхъ пословицахъ и пѣсняхъ, не говоря, конечно, о пѣсняхъ солдатскихъ и фабричныхъ. Въ нѣсколькихъ стахъ посвященныхъ родинѣ пословицъ, собранныхъ Далемъ, слово «Россія» встрѣчается только въ одной: «Россіи и лѣту союзу нѣту». Въ первомъ томѣ издаваемаго нынѣ великимъ княземъ Георгіемъ Михайловичемъ обширнаго и роскошнаго сборника «Великорусскихъ народныхъ пѣсенъ» на 500 слишкомъ пѣсенъ только въ двухъ встрѣ-

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что и пофински Петербургъ называется почти однозвучно: Pietras.

чаемъ «Россіюшку» и «россійскаго», притомъ, обѣ пѣсни эти—ка-зачьи, сложенныя очевидно въ позднѣйшее время. Во всѣхъ же остальныхъ пословицахъ у Даля и пѣсняхъ названнаго Сборника, гдѣ упоминается о родинѣ, народъ называетъ ее постарому: «Русью», «Свято-русской землей» и т. п. Въ Сборникѣ указано такихъ слу-чаевъ болѣе двадцати.

Еще менѣе посчастливило въ народѣ производному отъ «Россіи»—россіянину. Никто, конечно, не слышалъ отъ простого, неизло-маннаго плохо усвоенной книжностью русскаго человѣка, чтобы онъ въ просторѣчїи называлъ себя «россіяниномъ», а своихъ единопле-менниковъ «россіянами» или «россійскими подданными». Теперь въ устахъ не только народа, но и культурнаго русскаго человѣка «рос-сіянинъ» звучалъ бы для насъ искусственно, книжно и риторично. Ктому-жъ, въ настоящее время съ этимъ именемъ соединено понятіе не столько этнографически-племенное, сколько національно-государ-ственное. На официальномъ языкѣ «россіянами», «россійскими под-данными» именуется не одни чисто-русскіе люди, но вообще всѣ безчисленные инородцы, входящіе въ составъ Россійской имперіи.

Простой, цѣльный русскій человѣкъ не злоупотребляетъ своимъ національнымъ именемъ, не кичится имъ, не бахвалится кстати и некстати тѣмъ, что онъ—русскій, какъ въ этомъ нерѣдко изобли-чаются иные наши интеллигенты, мнящіе себя патриотами и дѣлаю-щіе изъ этого себѣ рекламу.

Народу въ высшей степени чужды и «квасной» патриотизмъ и національное фанфаронство. «Русскій народъ, какъ глубоко замѣ-тилъ К. С. Аксаковъ, не любитъ становиться въ красивыя позы; въ его исторіи вы не встрѣтите ни одной фразы, ни одного кра-сиваго эффекта, ни одного яркаго наряда»... Иной разъ, на поверх-ностный взглядъ, могло бы даже показаться, что нашъ неграмотный простолюдинъ равнодушенъ къ своему національному происхожде-нію, къ самой родинѣ, и едва ли даже толкомъ знаетъ, какъ себя назвать и кто онъ такой собственно по національности. Но ду-мать такъ было бы, разумѣется, грубой ошибкой и просто несо-образностью.

Пишущему эти строки пришлось какъ-то, не очень давно, по-пасть въ одну русскую деревню въ чувашской глуши Цивильскаго уѣзда, Казанской губерніи. Эта деревня—одинъ изъ рѣдкихъ рус-скихъ, старыхъ—можетъ быть, со временъ еще покоренія Казани—колониационныхъ оазисовъ среди сплошнаго инородческаго и полу-языческаго населенія. Русскій этнографическій типъ, русскій па-триархальный бытъ и вся русская складка сохранились въ ней чу-деснымъ образомъ и, пожалуй, гораздо цѣлостнѣе, въ гораздо боль-шей чистотѣ, нежели въ какойнибудь подмосковной или ярослав-ской деревнѣ, припорченной фабрично-городскими вліяніями и де-шевой трактирно-кабацкой «цивилизацией».

Но что особенно ярко выдѣлялось и бросалось въ глаза—такъ это чуткость и энергія русскаго національнаго чувства, которое здѣсь, въ удаленной отъ русскаго центра глуши, должно было, естественнымъ порядкомъ, пробудиться, окрѣпнуть и дѣятельно проявляться въ непрерывной культурно-племенной борьбѣ съ преобладающими численно и надвигавшимися со всѣхъ сторонъ мѣстными иновѣрными и иноплеменными элементами и вліяніями.

При разспросахъ о сношеніяхъ съ инородцами, поселяне описываемой деревни отзывались о послѣднихъ съ чувствомъ собственного, увѣреннаго въ себѣ, спокойнаго превосходства, племеннаго и религиозно-культурнаго, и, обзывая ихъ презрительно-насмѣшливыми кличками, самихъ себя называли Русью.—«Мы, молъ, Русь»,—такъ дословно и говорили, рѣзко отличая себя отъ инородцевъ.

Одна старуха-крестьянка, хозяйка зажиточнаго дома и родоначальница многочисленной, прекрасной семьи, на вопросъ, не роднятся ли русскіе посредствомъ бракомъ съ чувашами, — съ сердцемъ отвѣтила:

— Что ты, батюшка! Статочное ли дѣло, чтобы Русь роднилась съ погаными?

Отвѣтъ этотъ записанъ съ буквальною точностью. Въ немъ для насъ характерна именно ссылка на національность и, главное, въ такой—рѣдко слышимой въ другихъ мѣстностяхъ великорусской территоріи—формѣ. Рѣдко не потому, чтобы тамъ она была забыта или національное чувство было слабѣе, а потому, что тамъ нѣтъ надобности, нѣтъ условій, которыя вызывали бы столь же интенсивное проявленіе этого чувства, выражающагося въ такомъ рѣзкомъ различеніи Руси отъ «поганныхъ», какъ въ описанномъ случаѣ. Гдѣ народная русская масса компактна, густа и численно преобладаетъ надъ инородцами, гдѣ она чувствуетъ себя, такъ сказать, дома—тамъ, понятно, очень рѣдки могутъ быть случаи, когда русскому человѣку нужно манифестировать свою національность и подтверждать, что онъ — Русь, въ отличіе отъ иноплеменныхъ. И тѣмъ рѣже дѣлаетъ онъ это въ подобныхъ положеніяхъ, что русскому человѣку вообще противны, какъ мы уже сказали, всякое національное фанфаронство, всякая излишняя и неумѣстная похвальба своимъ русскимъ именемъ.

Русь въ устахъ народа и этнографическій (какъ въ вышеприведенномъ случаѣ), и географическій, и политическій терминъ. Но, разумѣя подъ «Русью» въ географическомъ и политическомъ отношеніяхъ всю землю Русскую, Русское государство, Россію, — въ смыслѣ этнографическомъ народъ называетъ «Русью» только себя, т. е., господствующее великорусское племя. Малоросса онъ называетъ «хохлою», бѣлоросса—«литвиномъ» или «полякомъ», какъ, впрочемъ, малороссы и бѣлороссы, въ свою очередь, называютъ

своего старшаго, по племени, брата не великороссомъ, а «москалемъ», «кацапомъ».

Слѣдуетъ, вообще, замѣтить, что территоріально-этнографическія названія, обозначающія главныя вѣтви славяно-русской семьи, именно: Великороссія, Малороссія и Бѣлоруссія, съ производными: великороссъ, малороссъ и бѣлоруссъ,—названія такія же, по формѣ, искусственныя, офиціально-книжныя, какъ и «Россія», «россіянинъ», отъ которыхъ они грамматически произведены. Народомъ они мало усвоены и рѣдко употребляются въ его устной рѣчи, какъ это опять таки подтверждаютъ народныя пѣсни, пословицы и проч.¹⁾

«Русь» въ народномъ представленіи прежде всего земля святая: «Святая Русь», «Свято русская земля». Въ настоящее время это опредѣленіе понимается въ христіанскомъ смыслѣ, но на самомъ дѣлѣ, какъ небезосновательно доказываетъ г. Гедеоновъ, оно есть «отголосокъ нашей языческой старины»²⁾. Онъ выводитъ его изъ языческаго культа «Русалий», въ которомъ выражалось исповѣдывавшееся нашими отдаленными предками водопоклоненіе—обоготвореніе рѣкъ, а къ имени собственному каждой рѣки у русскихъ славянъ придавалось нарицательное имя Росъ (Волга-Росъ, Нѣманъ-Росъ, Осколь-Росъ и т. д.), имѣвшее религіозно-миѳологическое значеніе. Отсюда и Святая Росъ или Русь. Въ подтвержденіе своей догадки г. Гедеоновъ ссылается на тотъ фактъ, что въ памятникахъ нашей древней письменности выраженіе «Святая Русь» не встрѣчается вплоть до XVI-го столѣтія, хотя оно извѣка обращалось въ устахъ народа, какъ видно изъ древнѣйшихъ памятниковъ народнаго пѣснотворчества. Ясное, стало быть, дѣло, что выраженіе это не христіанскаго происхожденія и могло даже умышленно отметаться, какъ языческая форма, нашими первыми письменниками, большею частью монахами, ревностно борющимися со всѣмъ, что напоминало старое идолопоклонство.

Форма, однако, была настолько живуча и жизненна, что письменность, нѣсколько вѣковъ кряду ее игнорировавшая, кончила тѣмъ, что вынуждена была ее принять и узаконить, но уже въ христіан-

¹⁾ Названіе «Великая Россія» было придумано книжными людьми, какъ полагаютъ профессоръ Д. П. Анучинъ, не ранѣе XVI вѣка и имѣло смыслъ риторическій, возвеличивающій. Впервые оно употреблено офиціально въ «Чинѣ вѣчанія» царя Оедора Іоанновича («Энциклопед. Словарь», т. X). Происхожденіе «Бѣлоруссін» нѣсколько иное и болѣе, такъ сказать, органическое. Въ древности Русь дѣлилась по цвѣтамъ на Бѣлую, Черную и Червоную (Красную), и дѣленіе это было вполне народное, вытекавшее изъ космогоническихъ воззрѣній славяно-русскаго міра. «Идея о красномъ, русомъ, черномъ есть господствующая въ славяно-русскомъ мірѣ,—говоритъ Снегиревъ,—гдѣ многіе предметы, чувственные и отвлеченные, отличеныими народными цвѣтами» («Русск. простонародн. праздники», ч. III, стр. 153).

²⁾ «Варяги и Русь», стр. 425.

скомъ значеніи. Въ понятіяхъ самого народа, никогда не забывавшаго про «Святую Русь», святость эта, съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ христіанства, утратила свой языческій смыслъ и въ такой степени охристіанилась, что теперь русскому человѣку трудно даже вмѣстить самую мысль о нехристіанскомъ происхожденіи «святости» Руси.

Въ настоящее время «Святая Русь» въ народномъ представленіи значить—«Русь Православная», «Христіолюбивая», «Богомъ хранимая», «Богомольная». «Земля Русская вся подъ Богомъ», «Землю Русскую Христъ исходитъ», «Русскимъ Богомъ земля Святорусская стоитъ», а и «Богъ русскій великъ»—«Великъ Богъ земли Русской!».

Христіанская, православная святость Руси такъ тѣсно слилась въ народномъ понятіи съ національнымъ чувствомъ, что простой русскій человѣкъ, деревенскій крестьянинъ, на вопросъ, кто онъ такой (по народности)?—отвѣчаетъ, обыкновенно, прежде всего, что онъ—православный. «Русскій» и «православный» въ его представленіи—синонимы, въ такой степени тождественные, что, говоря вообще, онъ не въ состояніи и вообразить себѣ русскаго—не православнаго и православнаго—не русскаго.

Аналогичное значеніе имѣло, да и до сихъ поръ отчасти имѣетъ въ устахъ простаго русскаго сельскаго человѣка наименованіе себя крестьяниномъ (т. е., христіаниномъ и непремѣнно православнымъ), пока «крестьяне» не сдѣлались сословіемъ преимущественно земледѣльческимъ, да притомъ и закрѣпощеннымъ. Путемъ такой эволюціи названіе это съ теченіемъ времени утратило свой вѣроисповѣдный смыслъ.

Не разъ, даже на нашей памяти, поднимался эфемерный и праздный вопросъ о переименованіи Петербурга, т. е., объ обрусеніи его имени на такой ладь, какъ были, на примѣръ, переименованы Динабургъ—въ Двинскъ, Дертъ—въ Юрьевъ и т. п. Шло это всего чаще изъ Москвы, въ горячія минуты національнаго возбужденія на очагахъ московскаго славянофильства, искони, какъ извѣстно, не любившаго и отрицавшаго Петербургъ.

Безъ сомнѣнія, подобная якобы патріотическая агитація ни въ какомъ случаѣ не могла бы увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ, отрицая Петербургъ, логически слѣдовало начисто отрицать и всю новую, петровскую Россію, которой онъ служитъ историческимъ органомъ и символомъ. И. С. Аксаковъ очень хорошо понималъ рискованность такого требованія, почему и ограничивалъ подъ конецъ свою ретроспективную агитацію достопамятнымъ, громкимъ, но неопредѣленнымъ призывомъ: «домой! домой!».

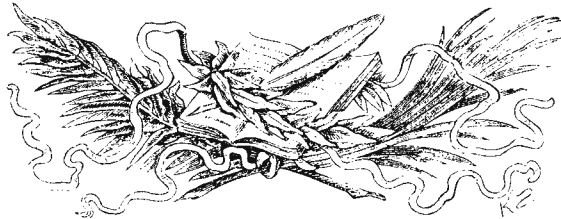
Изъ этого патетическаго благовѣствованія также ничего не вышло и не могло, конечно, выйти, такъ какъ исторія никогда не возвращается назадъ.

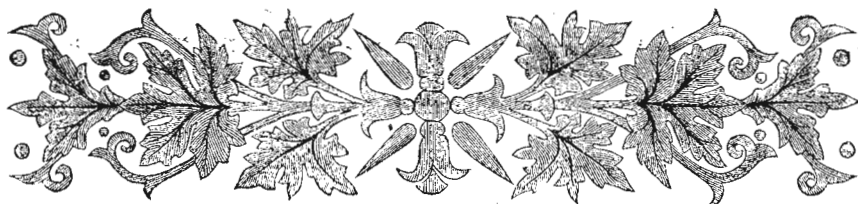
Еще менѣе резоннымъ и статочнымъ, по тѣмъ же причинамъ, было бы требованіе, самое даже притязаніе перекрестить, напри- мѣръ, нынѣшнюю Россію въ старосвѣтскую Русь только потому, что «Россія», какъ и Петербургъ, имя — не русское, не народное, искусственно-придуманное, официально-книжное, а забытая на- верху и изъятая изъ официального обращенія, но памятная и род- ная народу «Русь» — имя неподдѣльно національное, исконно-русское.

Не для возбужденія — храни Богъ! — подобнаго вздорнаго и празд- наго вопроса написана настоящая замѣтка: въ нашу задачу во- дило только посильно разъяснить то, что, хотя и составляетъ хо- дячее, у всѣхъ повседневно обращающееся на языкѣ, самое, ка- залось бы, простое слово, но происхожденіе и смыслъ котораго, тѣмъ не менѣе, для многихъ недостаточно ясны и извѣстны.

Мы предпочли бы не дѣлать этой оговорки, но... кто жъ знаетъ? — можегъ быть, она окажется не лишнею.

Вл. Михневичъ.

КЪ БЮГРАФІИ А. П. ЩАПОВА.

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1898 годъ напечатана была статья г. Юдина о покойномъ историкѣ Аванасіи Прокофьевичѣ Щаповѣ. Статья эта, прочитанная мною съ живымъ любопытствомъ, напомнила мнѣ о томъ, что въ числѣ бумагъ моего домашняго архива давно уже безвѣстно покоится нѣсколько писемъ, относящихся къ бюграфіи той же хорошо знакомой мнѣ личности, которыя въ настоящее время можно и, кажется, не лишне будетъ привести въ извѣстность.

А. П. Щаповъ былъ моимъ профессоромъ и предшественникомъ по кафедрѣ русской исторіи въ Казанской духовной академіи. Въ 1862 году, сдѣлавшись преемникомъ его по кафедрѣ, я наслѣдовалъ въ академіи и его казенную квартиру. А въ этой квартирѣ оставались послѣ него нѣкоторыя, брошенные имъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ и никуда негодныя, вещи изъ мебели, между прочимъ огромный старыи сосновый гардеробъ, обращенный имъ въ книжный шкафъ, и такого же качества ларь, стоявшій въ прихожей комнатѣ и наполненный старыми сапогами, разными тряпичами, разрозненными книжками «Православнаго Собесѣдника», пустыми бутылками и всякимъ хламомъ. Ларь этотъ былъ брошенъ безъ всякаго призора и оставался у меня, какъ *res nullius*; но шкафъ былъ запечатанъ и считался собственностью академическаго эконома Рудольфова, который отобралъ его у Щапова при отъѣздѣ послѣдняго изъ Казани за долги.

Содержимое этого шкафа долго меня интриговало, потому что сквозь широкія щели его дверецъ и стѣнокъ въ немъ видна была большая куча Щаповскихъ рукописей. Интриговало это содержимое,

вѣроятно, и другихъ; по крайней мѣрѣ, профессоръ Аристовъ въ своей біографіи Щапова («Истор. Вѣстн.» 1882 г., октябрь—декабрь, и отдѣльной книгой: Спб., 1883 г.) съ сожалѣніемъ рассказываетъ, какъ этотъ шкафъ съ бумагами Щапова послѣ смерти эконома Рудольфова, вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ послѣдняго, достался его брату, сельскому священнику Саратовской епархіи, какъ всѣ бумаги Щапова были увезены этимъ наслѣдникомъ въ его приходъ и пошли тамъ, уповательно, подъ пироги. Въ своей «Исторіи Казанской академіи», при характеристикѣ Щапова и его академической службы, я уже имѣлъ случай нѣсколько обѣлить отца Рудольфова. Передъ увозомъ упомянутыхъ бумагъ мнѣ удалось нѣсколько пересмотрѣть ихъ, и я не нашелъ въ нихъ ничего особенно цѣннаго, кромѣ развѣ нѣсколькихъ семинарскихъ упражненій Щапова; все это были разныя выписки изъ актовъ, лѣтописей и разныхъ историческихъ книгъ, малопонятныя отрывочныя замѣтки и всякій обычный бумажный хламъ ученыхъ кабинетовъ (см. Ист. Каз. акад., ч. II, 132—133). Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ Щаповъ, очевидно, успѣлъ уложить въ свой дорожный узелъ изъ старой простыни всѣ цѣнныя и нужныя бумаги и увезъ ихъ съ собой.

Содержимое ларя все цѣликомъ осталось у меня. Несмотря на все пренебреженіе, съ какимъ всѣ, въ томъ числѣ и я, относились къ этому наслѣдству послѣ моего профессора, при ближайшемъ пересмотрѣ его, оказалось кое-что цѣнное и тутъ. Это были: одно довольно объемистое семинарское сочиненіе Щапова богослова «О замѣчательныхъ обычаяхъ православныхъ христіанъ, сохраняемыхъ по преданію», съ позднѣйшей помѣтой автора: «Писано въ маѣ мѣсяцѣ 1850 г. во время рекреацій,—дѣтская забава»; потомъ черновая программа русской исторіи,—чернякъ той самой программы, которую Щаповъ въ 1860 году представилъ въ историко-филологическій факультетъ Казанскаго университета передъ открытіемъ своихъ университетскихъ лекцій,—вмѣстѣ съ другими матеріалами изъ моихъ личныхъ воспоминаній о Щаповѣ я сообщилъ копию съ этой программы профессору Аристову, наконецъ три письма родныхъ Щапова, относящіяся ко времени перваго года его академическаго студенчества. Съ этими письмами прежде всего я и познакомлю читателей.

Письма эти выразительно обрисовываютъ ту бѣдную и грубую обстановку, среди которой прошла ранняя молодость Щапова; нужно было имѣть крѣпкую натуру, чтобы изъ нея выбиться и стать тѣмъ, чѣмъ онъ потомъ сталъ. Узналъ ли бы смиренный ангинскій пономарь Прокофій Щаповъ въ Анастасіи Прокофьевичѣ 1860-хъ и 1870-хъ годовъ своего любезнаго Шонюшку, къ которому въ 1852—1853 годахъ писалъ свои наивныя посланія, если бы свидѣлся съ нимъ лично? Но его уже не было тогда въ живыхъ. Въ разное время умерли и братья Щапова, о которыхъ говорится въ пись-

махъ. Кромѣ частнаго біографическаго интереса, издаваемыя письма имѣють и нѣкоторый общій интересъ, какъ бытовая картинка изъ очень недавняго прошлаго сибирскаго, да и всего вообще нашего духовенства. Первое письмо помѣчено 8 октября 1852 года.

«Милой мой Шонюшка! Вотъ наше родительское желаніе исполнилось,—слава Богу. Теперь уже видитъ наше родительское сердце, и думаемъ, что видѣлъ ты и Казанскую духовную академію. И дай, Господи, благополучно и счастливо проводить эти четыре года съ добрымъ успѣхомъ. И дай, Господи, тебѣ добраго здоровія. Сильно желаетъ наша душа, чтобы Господь нашъ истинный и Создатель небесный сохранилъ подвигъ безпечально проводить этотъ срокъ и окончить счастливо и быть добрымъ путеводителемъ къ Его царствію небесному, чего и я желаю и прошу Господа Иисуса Христа, чтобы видѣться намъ въ мѣстѣ свѣтлѣ и неизреченнѣ, въ чертогѣ Господнемъ, гдѣ вси святіи собесѣдуютъ на лонѣ Авраамлѣ,—вотъ мое сердце гдѣ желаетъ видѣть тебя. И прошу помолиться о мнѣ ко Господу, чтобы Богъ привелъ мнѣ прежде конца сподобиться во грѣхахъ моихъ покаянія и приобщиться мнѣ недостойному рабу Его святаго причастія,—помолися объ насъ грѣшныхъ. Онъ Владыка милостивъ; аще кто Его попроситъ съ вѣрою, то и получить. Милой нашъ Шонюшка! Вотъ прошу васъ поздравить и порадоваться нашему семейству. Минувшаго сентября 19 числа на 20 Гриша ¹⁾ сочетался бракомъ на сиротѣ Аннѣ Петровнѣ Горбуновой. Бракъ былъ у насъ въ Куленгѣ у родныхъ ея дядей, у Николая и Василия Яковличей у Бѣлоусовыхъ. И бракъ былъ, слава Богу, весьма радостенъ и хорошъ, и я много радуюся какъ невѣсткѣ нашей Аннѣ Петровнѣ, и свату нашему Николаю Яковлевичу и Василию Яковлевичу и всему ихнему семейству. Свадьба была на всемъ ихнемъ содержаніи. Они люди самые первые по нашему краю, даже и Владыка знаетъ объ нихъ,—вотъ какихъ Богъ далъ намъ родственниковъ! Прошу порадоваться вообще съ нами. Теперь скажу то, что отъ старшаго брата Степана ²⁾ никакого пособія и даже письма нѣтъ, и не знаю, какъ онъ живетъ. Мы живемъ, слава Богу, всѣ здоровы и благополучны, только нынѣ хлѣбъ у насъ вовсе не родился и замерзъ, также сѣна вовсе мало, потому что косить негдѣ, а о прочихъ домовыхъ нашихъ обстоятельствахъ все постарому. Шонюшка, пиши отъ себя къ намъ письма почаще. И такъ будемъ мы описывать о себѣ, какъ живемъ. Ужасно ждетъ наше отцовское сердце отъ тебя письма съ прописаніемъ экзамена своего, и какъ принять ты въ академію, и которымъ ученикомъ

¹⁾ Младшій братъ Шапова, потомъ священникъ.

²⁾ С. П. Шаповъ былъ студентомъ II курса Казанской академіи, но въ 1847 году исключенъ изъ нея за пьянство и грубость права; послѣ онъ былъ чиновникомъ въ г. Читѣ. См. Пет. Каз. акад. I, 69, III, 158.

по спискамъ. Пожалуйста, не забывай насъ своими письмами, а мы не забудемъ тебя, какъ любезнѣйшаго нашего сына Аонасія Прокопьевича. За симъ прощай, и даемъ свое родительское благословеніе. Отецъ твой родной причетникъ Проконій Цаповъ. Живи благополучно».

Письмо это любящій родитель послалъ еще раньше всякихъ извѣщеній отъ самого Цапова. Получивъ отъ послѣдняго первыя извѣстія изъ Казани о благополучномъ поступленіи въ академію, онъ отвѣчалъ ему слѣдующимъ большимъ посланіемъ отъ 8 февраля 1853 года на трехъ полулистахъ грубой сѣрой бумаги, сшитыхъ какой-то дратвой.

«Милой нашъ Шонюшка! Во-первыхъ, посылаемъ тебѣ свое родительское благословеніе на вѣки нерушимо и просимъ и молимъ Создателя о тебѣ, дабы счастливо и благополучно препроводить и кончить курсъ четырехлѣтній академическихъ занятій съ добрымъ успѣхомъ.

«Теперь скажу, первое письмо твое отъ 9 сентября получилъ я 26 октября, и много я благодарю за то; и я послалъ вамъ первое отъ себя письмо,—съ Гришей переслать вамъ,—8 октября, которое онъ удержалъ у себя; второе я послалъ отъ себя письмо въ городъ Иркутскъ на почтамтъ съ попутчикомъ съ Митріемъ Цаповымъ, за пересылку письма дано ему 10 коп. сер., и онъ меня обманулъ. И эти письма были писаны на почтовой бумагѣ обо всемъ, и о Гришѣ, и о его молодой женѣ Аннѣ Петровнѣ. Вотъ, милый нашъ Шоня, скажу теперь о бракѣ его. Нашелъ Гриша себѣ жену самъ и сосваталъ по волѣ собственной его, а не по нашему совѣту, и взялъ на Куленгѣ у дядей у Вѣлоусовыхъ, и объявили ему много денегъ и всякаго платья довольно. А свадьба была въ Куленгѣ, сентября 19 на 20 число совершился бракъ. А невѣстка наша Анна Петровна роду Горбуновскаго съ Бирюли, отъ роду 17 лѣтъ, имѣла въ Бирюлѣ собственный домъ, которой и продали безъ согласія моего, и взяли за домъ 150 руб. сер. Этотъ домъ теперь за Широкобрюховымъ Петромъ Аонасыичемъ и Павломъ Аонасыевымъ. Изъ этого количества и далъ мнѣ денегъ 20 руб. сер., за что я его благодарю. А когда совершался бракъ его, и я собственными издержался деньгами 60 руб. сер. и бралъ на свадьбу деньги въ долгъ въ людяхъ. А они меня и мать такъ тогда оскорбили, что видитъ Богъ,—и я ихъ тогда за этотъ грѣхъ простилъ и благословилъ. А во діакона его посвятили 2 ноября, во священника 9 ноября, изъ Иркутска отправился онъ въ Култукъ 26 ноября по прогону на почтовыхъ. И того же числа ко мнѣ письмо и просилъ меня письмомъ, чтобы я пріѣхалъ къ нему въ Култукъ и привезъ двухъ сестеръ, и обѣщался мнѣ письмомъ денегъ.

«Вотъ я и вздумалъ нынѣ минувшаго января 9-го числа, то-есть

въ пятюкъ, отправился изъ дома, нанялъ до Култука за 7 рублей серебромъ, а всего въ Култукъ стоитъ мнѣ 12 рублей серебромъ, везти меня и Палашу одну, и отправился изъ дому вышеозначеннаго числа съ 1 рубл. сер. И пріѣхали въ городъ (Иркутскъ) 14-го января, а 15-го числа я ходилъ къ преосвященнѣйшему принять благословеніе, чтобы мнѣ съѣздить въ Култукъ и посмотрѣть сына и невѣстку, какъ живутъ. А владыка принялъ меня очень хорошо и благословилъ и говорилъ мнѣ сіи слова: «Теперь тамъ съѣзди, а лѣтомъ онять побъжай и посмотри, — тамъ жить весело». И тогда же въ городѣ встрѣтилъ меня и о. Григорій и говоритъ: «Подожди меня, — вамъ дороги не найти, — и чего дѣлать тамъ поѣдете безъ меня?» А мнѣ ждатель его — въ городѣ кормиться нечѣмъ. И ждалъ его двое сутки, а на третьи сутки отправились одни.

«Пріѣхали мы въ Култукъ въ 11-мъ часу ночи. Вотъ мы стояли за воротами одинъ часъ безъ малаго, стукали — не пускаютъ. Палагея подлѣзла подъ ворота и отворила; тогда мы въѣхали во дворъ. Потомъ не пускали насъ въ домъ, и стояли на крыльцѣ 2 часа, и лишь только хотѣли на другую квартиру, тогда намъ отперли двери. Это было въ субботу 17-го числа на 18-е, на твои именины. Утромъ всталъ я на твои именины, съ тамошнимъ причетникомъ сходилъ (во) святой храмъ къ заутренѣ и отправили часы. А Гриша остался въ городѣ. Потомъ прихожу въ домъ. Гришѣ домъ выстроилъ купецъ Поповъ. Отлично хороше, а при домѣ вся мебель, какъ и словомъ все хорошо, ничѣмъ не хуже господскаго. А только приходъ его малъ, а люди очень добрые. И Гриша говоритъ мнѣ, что я ни за что не буду проситься въ другое мѣсто и буду жить до смерти у этой церкви, и много доволенъ своимъ прихожанамъ.

«Вотъ скажу правду, Шоня, какъ нисколько ничего не скрою своему родному. По отпѣтін часовъ, невѣстка наша Анна Петровна говорила своему причетнику сходить въ кабакъ и попросить для угощенія тятеньки полштофа вина. На ту пору въ кабакъ повѣренной. А повѣренной говорилъ причетнику: «Чего этого полштофа? для дѣдушки мало будетъ, и сказалъ, что я отъ себя даю безденежно на одинъ рубль серебра». И принесъ это вино причетникъ отъ повѣреннаго, говорилъ при мнѣ невѣсткѣ Аннѣ Петровнѣ. И она налила рюмку мнѣ и моему ямщику. И я долго не бралъ эту рюмку водки и говорилъ я невѣсткѣ своей сіи слова, что пріѣхалъ я сюда къ вамъ не гулять и не водку пить, а пріѣхалъ я посмотрѣть, какъ вы живете, если послушаете моихъ отцовскихъ наставленій, добрыхъ совѣтовъ, какъ жить и вести честно самихъ себя и осторожно наблюдать въ эдакомъ храмѣ, такъ и въ домѣ чистоту и большую имѣть осторожность, берегчися огня. И слышу и вижу самъ, у нихъ въ домѣ хорошо и обиходно, и завели уже стѣнные часы со звономъ, отлично хорошіе, — сказываютъ, заплатили 12 рублей серебромъ. И я увидѣлъ часы и сказалъ, что это

нехудо, — ну, только еще можно бы на первый раз и пожить безъ часовъ, — это очень завели рано. И когда купецъ услышалъ, что купилъ часы, то тотчасъ подарилъ его своими часами, тоже стѣновыми; теперь у него двой часы. Тогда я принялъ рюмку водки, выпилъ и поздравилъ. Шонюшка, тогда день твоего ангела, и сказала, что (бы) болѣе не подавали, и не буду пить. А невѣстка это вино поставила въ сундукъ и замкнула эту водку.

«А 20-го числа въ 10-мъ часу, въ самый чай, изъ города пріѣхалъ Григорій, и я возрадовался ему, какъ родному своему сыну. А Гриша переѣхалъ вдругъ свой видъ и сказалъ: «кто у меня эти книги перешевелилъ и переѣхалъ?» И я виноватъ, только взялъ у него для чтанія одну маленькую книжечку Ивана Милостиваго, занимался я ей. И выхватилъ, аки лютый звѣрь, эту книжку и положилъ тутъ на столъ. А я у него не ѣхалъ его дѣлъ, и не было никакой надобности до его дѣлъ. Потомъ Гриша подалъ мнѣ въ руки твое письмо, писанное, Шонюшка, тобою отъ 23-го числа декабря, которое 20-го ноября (описка, — нужно, кажется, 20-го января) получилъ я въ Култукъ это письмо. И радъ я былъ болѣе тебѣ и твоему письму, прочиталъ и узналъ, что почему ты не послалъ (вѣроятно, отвѣта на) мои письма. Тутъ я на это сказалъ Гришѣ, на что ты мои письма удержалъ и не послалъ въ Казань. И онъ такъ возгорячился на меня, аки лютый звѣрь, и всякими неподобными словами обзывалъ меня. И такъ я тогда горькими слезами плакалъ отъ него, и хотѣлъ ѣхать домой. Къ несчастію нашему, у ямщика незамогла лошадь, и принуждены прожить 11 дней въ Култукъ.

«Вотъ, Шонюшка, послушай правду, — ничего не скрою, какъ своему родному и отъ родного сердца, скажу его угощеніе и большее огорченіе. Я думаю — подумаю, какъ онъ скоро забылъ наше стараніе и всѣ мои труды и болѣзни! Началъ насъ гнать вонъ и говорилъ сіи слова: «Пелагею повези домой, мнѣ ея не надо; я лучше найму чужую». И я дожидъ до его именинъ, то-есть до 25-го числа, и слушалъ его служеніе литургіи. Служить очень хорошо; могу и я за служеніе похвалить. А только выпли изъ храма по отпѣтїи литургіи, невѣстка Анна П—вна заворотила къ себѣ своихъ прихожанъ и начала угощать въ залѣ всякой всячиной, а я сидѣлъ въ комнатѣ, уливался слезами, пока не ушли гости. А ушли гости, тогда меня начала угощать чаемъ — остаткомъ и Палашу. Ежели всѣ дѣла ихъ описывать, то нужно бумагу полдести замарать и еще все не описать; только скажу это, какъ насъ постигъ и угощалъ по часамъ: перво въ 10-мъ часу первый чай, а во 2-мъ часу обѣдъ изъ одной чашки птей да яблочное дробно, хлѣбца по косячку малому, — прибавку нѣтъ, по закатъ солнца другой чай, а ужинъ въ 11 часовъ ночи. Я уже до ужина выплусь, а они сидятъ — кушаютъ орѣшки или ягодки. Наконецъ, довелось мнѣ лично уви-

дѣть и услышать отъ самого Гриши сіи слова, что я замараль его полъ и пріѣхаль поругать,—и я тебѣ не сынъ, и ты мнѣ не отецъ. И выгналь вонъ меня изъ-за стола, ямщику приказываль вывезти меня и бросить въ лѣсу и говорилъ мнѣ: «хоть съ голоду пропади». И обзываль меня пьяницей, а не отцомъ,—я безъ тебя священникъ,—и много, всего нельзя описать. Думаль я его достить (sic) къ преосвященному въ городъ, да еще его злодѣя, кромѣ его священства, жаль,—думаю, послѣ его станеть мучить и избличать совѣсть,—и оградилъ его еще, Богъ съ нимъ! Намъ на дорогу не далъ ничего, ни одной закладки чаю, а рыбы у него полонъ уголь анбара, налимны только далъ 5 маленькихъ налимчиковъ. А Палашу я оставилъ въ Култукѣ, потому что ямщикъ коня оставилъ тамъ въ Култукѣ, а домой выѣхали на одной лошади.

«Вотъ моя ѣзда въ Култукъ только болѣе прибавила мнѣ нашего долгу, а не пособія. Сего году выславили,—сказать настояще не могу,—хлѣба противъ прежнихъ годовъ одной чети съ ковригами и круглаго, а всего пудовъ 50. Ковриги пока теперь ѣдимъ рождественски, а круглой весь туда-сюда по домовымъ расходамъ ушоль. А руги также много не собрано, за прихожанами осталось до весны 60 пудовъ; которую получилъ, и та ушла. За 1852 годъ жалованье все на свадьбу Гриши; еще этого не достало и много забралъ въ людяхъ,—это все Гриша забылъ. А своего хлѣба сего году было... ярицы 2 овина и той вымолотили 3 мѣшка, ячменю 4 однорядника—вымолотили 7 мѣшковъ, еще пшеницы осенью молотили овинъ—намолотили одинъ пудъ, и то все жаблое (зяблое); теперь еще осталось молотить—вывезли на гумно—пшеницы 2 овина, добудемъ 2 пуда, ярицы доброй 2 овина, хотя по 2 мѣшечка, итого 4 мѣшка, аржаного 8 овиновъ, хотя 8 мѣшковъ,—вотъ и хлѣбъ весь. А пособія отъ Степана не токмо денегъ, и письма не посылаетъ. А нынѣ я былъ въ городѣ и слышалъ, что онъ въ Читѣ живетъ очень хорошо, получаетъ жалованья 1.000 серебромъ, и я послалъ отъ себя ему письмо. Вотъ наша жизнь. Нѣтъ, я въ городѣ былъ, взялъ у купца Попова до жалованья своего 3 рубля серебромъ, на эти деньги взялъ 2 маленькихъ кирпичика чаю и 3 фунта сахару и 1 фунтъ мыла и 1 фунтъ свѣчъ и 3 фунта табаку,—вотъ мои всѣ покупки въ городѣ. А Гриша мнѣ на дорогу далъ только 25 копеекъ серебромъ, и эти деньги я привезъ домой, отдалъ матери. А жалованья всего мнѣ слѣдуетъ 15 рублей 68 копеекъ серебромъ, изъ коихъ уже ушли: извозчику надо отдать 3 рубля серебромъ, работнику — 3 рубля,—осталось 6 рублей 68 копеекъ,—вотъ и изволь на нихъ купить чай, сахаръ и одежду, а ходимъ сами почти уже чуть не наги. А прочихъ церковныхъ доходовъ никакихъ нѣтъ, только что Богъ даетъ до свѣтлой пасхи развѣ хотя 5 рублей серебромъ достанется. Вотъ Гриша уличаетъ меня пьяницей,—я съ печали не могу спать ночи, не токмо пить. И гдѣ онъ

меня видѣлъ пьянаго, уличить пусть. Богъ съ нимъ! Еще онъ вѣдь цвѣтокъ, а ягодки впереди. И я этому моему горькому житію радуюся, что мнѣ Богъ привелъ принять такое огорченіе отъ своихъ родныхъ дѣтей, а не отъ чужихъ людей; и всю мою бѣдность перенесу, и благодаря Создателя моего, и прошу Его Господа Бога Иисуса Христа, чтобы Онъ сподобилъ меня умереть съ покаяніемъ моихъ грѣховъ. И за это я прощаю, какъ старшаго Степана, и Григорія, и даю имъ свое заочное родительское благословеніе, что теперь Господь Богъ за грѣхи мои наказываетъ меня бѣдностію и скудостію.

«Вотъ, милой нашъ дружокъ, Шонюшка, еще теперь скажу про домашній скотъ. Спрашиваешь, сколько у насъ головъ всего скота. Осталось только два коня—карій и черногривка, а кобылу промѣнялъ на корову стельну, еще не отелилась, развѣ къ пасхѣ будетъ,—придачи взялъ 5 рублей серебромъ; а жеребецъ каурка осенью безъ вѣсти потерялся,—думаю, братскіе (буряты) съѣли; а большую-красулю—убили и уже доѣдаемъ мясо. Изъ коровъ теперь у насъ есть двѣ коровы,—чернуха и вымѣненная на кобылу бѣлохребтая, молодая, и два качирики, изъ коихъ одна телочка, и одна свинья, три поросенка. Итого всѣхъ головъ 7, окромя свиньи съ поросятами. А сѣна, не знаю, однако, мало будетъ, то соломы будетъ достаточно. А работника нанялъ за 55 рублей ассигнаціями и хлѣба 4 пуда. Нынѣ хлѣбъ у насъ 40 копеекъ серебромъ и дороже. У меня нѣтъ продажнаго. А жалованья еще не получили, а то бы послалъ тебѣ хотя 1 рубль. Ей-ей, радъ бы послать.

«Вотъ, милой нашъ, прими наше родительское благословеніе вмѣсто денегъ. Оно тебѣ будетъ всяко защита, радость и веселіе и надежда, лучше денегъ. Господь Богъ тебѣ поможетъ. И благодарю, Шонюшка, за письма твои, и пиши къ намъ почаще. И я буду непременно писать, и не буду надѣяться на Гришу теперь, потому что мои письма удержалъ Гриша, а я думалъ, что они доходили до тебя. Теперь настояще узналъ и посылаю черезъ Кучугъ на почтѣ. Болѣе теперь довольно сказалъ, послѣ опять дожидай письма. Остаемся, слава Богу, всѣ и мать здоровы и благополучны. А на Пакѣ (Пелагея?) нынѣ сватались. Женихъ изъ Куленги крестьянинъ торгующій былъ, и я отказалъ, а Палаша нѣтъ дома, живетъ въ Кулукѣ. Теперь пока прощай. Отецъ твой, пономарь Ангинской Ильинской церкви Прокопій Щаповъ».

Третье письмо отъ 3-го апрѣля 1853 года написано братомъ Щапова Григоріемъ, который почелъ за нужное объяснитья съ нимъ по семейнымъ дѣламъ.

«Здравствуй, любезный братецъ Аванасій Прокопьевичъ! Радуется, много радуется сердце мое,—послѣ столь долгаго ожиданія вдругъ срѣтаетъ меня въ городѣ вѣсть о вашемъ здоровіи и благополучіи и успѣшномъ прохожденіи академическихъ занятій. Занимать третіе

мѣсто въ спискѣ учениковъ семинаріи весьма лестно и значительно, но занимать оное въ академіи какъ значительнѣе! Для меня казалось это непостижимымъ. Но слава Господу, открывающему премудрость и разумъ.

«Письмо ваше показываетъ, что вы болѣе или менѣе уже знаете обстоятельства новой моей жизни. Слава Богу, сподобился принять санъ священства, къ которому мы приготовлялись отъ юности. Священство мое на первый разъ продолжается благополучно. Живя въ Култукѣ, я всегда въ виду начальства и сталкиваюсь съ людьми, доступными ко владыкѣ. Слышу, что до владыки доходятъ пріятныя вѣсти о мнѣ. Благодаря Бога, поведеніемъ моимъ не печалю и старика Степана Степановича Попова. Онъ къ намъ добръ. Въ январѣ пріѣзжалъ къ намъ тятенька и привезъ жить Палашу. Гостиль у меня довольно времени, но уѣхалъ, оставшись весьма недоволенъ нами, потому что онъ былъ въ такое время, когда у насъ, начинающихъ только жить, не случилось денегъ. Видѣлъ онъ у меня церковныя деньги и думалъ, что онѣ мои, и потому просилъ у меня насильно, какъ я ни клялся ему крестомъ и евангеліемъ. Пишутъ, что тятенька и теперь сердитъ на насъ и говоритъ про насъ то, чего никогда не бывало. Признаться, я согрѣшилъ съ нимъ, и въ день своего ангела. Но говорить про отца грѣшно, тѣмъ болѣе, что я и самъ неправъ предъ нимъ, потому что говорилъ съ нимъ не съ должнымъ почтеніемъ, за что я всегда себя укоряю.

«Донинѣ, братъ, все у насъ было благополучно, но горькое бѣдствіе постигло насъ въ настоящемъ мартѣ. На второй недѣлѣ поста вздумали мы съ Анной Петровной ѣхать въ городъ, чтобы получить жалованье и вмѣстѣ исповѣдаться. Но (съ) пріѣздомъ въ городъ Анна П—вна жестока занемогла, и я принужденъ жить за нею уже другую недѣлю, а здоровье ея еще плохое. Спасибо Степану Степановичу: онъ заботится о ней, посылаетъ лекарей и самъ платитъ имъ. Но пока мы жили въ городѣ, постигаетъ насъ ужасное бѣдствіе. 15-го марта въ 9-мъ часу утра случился отъ печи въ нашемъ домѣ пожаръ. Большой вредъ причинилъ этотъ пожаръ Степану Степановичу и намъ, потому что онъ много повредилъ въ домѣ и отъ него сгорѣлъ нашъ сундукъ съ платьями. Пріѣхавъ въ Култукъ, я въ горести сердца увидѣлъ страшное разрушеніе въ домѣ нашего хозяйственнаго быта, который только что началъ укрѣпляться. Но несчастія, посылаемыя благимъ и мудрымъ Провидѣніемъ, надобно переносить великодушно, безъ малѣйшаго ропота на Бога. На пятой недѣлѣ опять ѣздила въ городъ за женою. Владыка очень прогнѣвался на меня за частую и неблаговременную отлучку въ городъ. Да, горькія обстоятельства постигли меня въ нынѣшнее время. Не знаю, что будетъ впереди.

«Извините, братецъ, что я ничего не посылаю тебѣ теперь. По-

вѣрь, что я начинаю жить съ трудами. Очень трудно жить въ мѣрѣ. Суеты неизбѣжны. Хозяйство подлинно требуетъ многого ума и многихъ хлопотъ. Подчасъ, право, завидуешь вашей долѣ. Ожидаю лучшаго все впереди. Въ Култукѣ, кажется, будетъ можно и желательнѣе бы было навсегда въ немъ жить, потому что мѣсто веселое и небѣдное. Имѣю работника за 60 рублей ассигнаціями въ годъ. Богъ далъ коня, корову и три телки. Коня купилъ за 15 рублей серебромъ со всею сбруею, за корову взялъ въ годъ учить мальчика, а телки подарены за похороны. Болѣе писать ничего не нахожу. Остаемся живы, здоровы» и проч.

Въ концѣ статьи г. Юдина, какъ и въ книгѣ о Щаповѣ профессора Аристовъ, упоминается, что послѣ А. П. Щапова остались рукописныя сочиненія и достались за долги чиновнику контрольной палаты въ Иркутскѣ Лаврову. Этому несчастнаго чиновника по смерти Щапова († 27-го февраля 1876 года) долго терзали разными инсинуаціями въ газетѣ «Сибирь» и въ «Новомъ Времени» 1876 года. Дѣло представлялось въ такомъ видѣ, будто сей «таинственный чиновникъ», нисколько неспособный цѣнить сочиненій Щапова, скупилъ ихъ у автора по сходной цѣнѣ (825 рублей), пользуясь нуждами послѣдняго, для того, чтобы продавать ихъ для своей выгоды съ барышомъ; не шутя предлагалось даже выкупить у него эти бумаги или на суммы литературнаго фонда, или на складчину журналовъ и газетъ.

Я былъ близко знакомъ съ Кронидомъ Васильевичемъ Лавровымъ, какъ товарищемъ по образованію, и велъ съ нимъ переписку между прочимъ и по этому дѣлу. Предлагаю изъ нея нѣкоторыя извлеченія, нѣсколько разъясняющія это дѣло, не безынтересныя и для біографіи А. П. Щапова, частнѣе для обрисовки его положенія въ послѣдніе годы его жизни.

К. В. Лаврова теперь тоже давно уже нѣтъ на свѣтѣ († 1880 г.). Онъ былъ уроженецъ г. Казани, великій оригиналь, умница, либераль и комикъ-артистъ, не непричастный и писательству, — кое-что пописывалъ въ мѣстныхъ газетахъ Перми и Иркутскѣ. Во дни нашего студенчества онъ былъ не рѣдкимъ участникомъ студенческихъ компаній, собиравшихся у Щапова въ 1858—1860 годахъ, о которыхъ говоритъ въ своей книгѣ профессоръ Аристовъ (стр. 48—49), и сохранилъ уваженіе къ своему бывшему профессору, свою вѣру въ его историческій талантъ черезъ всѣ невзгоды своей довольно-таки бурной жизни до смерти. Послѣ непродолжительной духовно-учебной службы (въ Пензѣ и Перми), которой онъ лишился за свое либеральное направленіе въ духѣ Щапова, и разныхъ мытарствъ, даже ссылки въ не столь отдаленныя мѣста имперіи, онъ кое-какъ добился, наконецъ, казеннаго мѣста въ Иркутской контрольной палатѣ, но и тутъ остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. Въ 1876 году онъ писалъ ко мнѣ: «Я нарочно прожилъ 8 лѣтъ въ де-

ревнѣ, чтобы узнать только, что это за звѣрь мужикъ, изъ котораго дѣлается русская исторія, — заводилъ артели рыболовства, школы, влюблялся въ крестьянокъ, въ чинѣ надворнаго совѣтника тянулся на палкахъ съ мужиками, преодолевалъ деревню и совершалъ отступленія, спасалъ заѣденныхъ міроѣдомъ-обществомъ дѣтей поселенцевъ и всякихъ и сталъ разводить колонію въ рабочемъ домѣ и уже совершилъ 12 сажень постройки по лицу; три раза я совсѣмъ умиралъ, хотѣли топить меня въ Ангарѣ, цѣлились изъ двустволки, рубили саблей; на губернаторовъ сдѣлалъ начету 320.000 рублей... Не формуляръ свой я это пишу, а хочу сказать, что старость (я писалъ ему, что мы начали старѣть) есть измѣна убѣжденіямъ, а гдѣ нѣтъ этой измѣны, тамъ мы съ тобой не будемъ старѣться, будемъ старыми дядюшками, дѣдушками и все-таки съ молодыми стремленіями... Теперь я лежу и заливаю раны».

Въ Иркутскѣ онъ опять сошелся съ Щаповымъ, несмотря на явное неудовольствіе своего начальства. Объ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу я мало зналъ до смерти Щапова; зналъ только, что Лавровъ давалъ Щапову деньги на его постоянныя нужды, несмотря на то, что и самъ былъ далеко не богачъ, а Щаповъ, по своей ненависти къ всему россійскому чиновничеству, нерѣдко жестоко оскорблялъ Лаврова, подвергая его терпѣніе и благодушіе едва выносимымъ испытаніямъ единственно за то, что тотъ былъ чиновникомъ. Подробности о кончинѣ Щапова и его бѣдственномъ положеніи за послѣдніе годы жизни, когда съ нимъ особенно много приходилось нянчиться Лаврову, я узналъ изъ некрологической статьи (кажется, Демерта) о Щаповѣ во внутреннемъ обзорѣ № 5 № «Отечественныхъ Записокъ» 1876 года, гдѣ между прочимъ былъ высказанъ весьма горькій упрекъ иркутскому обществу за то, что оно не поберегло Щапова, болѣе, чѣмъ холодно, отнеслось къ самой его кончинѣ, даже не извѣстило объ ней его петербургскихъ знакомыхъ. О Лавровѣ тутъ не было ни слова, хотя и пересчитывались другія близкія къ покойнику лица, а самъ онъ въ это время почему-то не писалъ ко мнѣ ни строки. Ни «Новаго Времени», ни тѣмъ болѣе «Сибири» я не читалъ, а потому и не подозрѣвалъ, въ какую передѣлку попалъ мой пріятель по дѣлу о литературномъ наслѣдствѣ Щапова. О томъ, что онъ явился формальнымъ кредиторомъ Щапова и претендентомъ на рукописное наслѣдіе послѣдняго, мнѣ стало извѣстно уже изъ сентябрьскаго внутренняго обзорѣ «Отечественныхъ Записокъ», составленнаго, какъ я потомъ узналъ, отчасти на основаніи письма въ редакцію самого Лаврова.

Здѣсь было сказано, что Щаповъ по завѣщанію оставилъ свои книги и бумаги сибирскому отдѣлу географическаго общества съ тѣмъ, чтобы выручку отъ изданія его сочиненій общество употребило на уплату его долговъ (до 1500 р.) и на стипендію имени его покойной жены, но что общество отнеслось къ этому завѣщанію

очень небрежно, что одинъ изъ членовъ общества отозвался о бумагахъ покойнаго, будто все это «брахло», что сундуки съ этими бумагами были оставлены безъ вниманія, брошенные въ какомъ-то сыромъ амбарѣ, и только уже полиція постаралась объ ихъ сохраненіи, наложивъ на нихъ свои печати. Въ такомъ положеніи они и оставались цѣлыхъ полгода. Хозяйка амбара жаловалась на стѣсненіе и заявляла, что рукописи слѣдовало бы пожалѣть, и что она съ своей стороны не можетъ ручаться за своихъ мышей. Наконецъ де одинъ изъ кредиторовъ Щапова, Лавровъ, сталъ просить у полицмейстера дозволенія о перемѣщеніи сундуковъ въ безопасное мѣсто у себя на квартирѣ и описи рукописей при понятыхъ, на что и получилъ согласіе. «И такъ,—заключаетъ обозрѣватель, цитую своего иркутскаго корреспондента,—вотъ откуда у насъ льется болѣе свѣта, чѣмъ изъ интеллигентнаго кружка иркутскаго,—изъ полиціи... Многимъ здѣсь въ Иркутскѣ до желудочной боли не нравятся, когда ихъ дразнятъ, что Иркутскъ заморилъ Щапова голодомъ. Все сваливаютъ на его пьянство, котораго вовсе не было, какъ и я могу засвидѣтельствовать. Правда, послѣ Ольги Ивановны (жены его) онъ вышивалъ раза два, но его увозили въ тайгу, гдѣ не было водки, и онъ поправлялся». Тутъ же было замѣчено, что въ 28 № «Сибири» помѣщена полемика противъ майскаго обозрѣнія, въ которой доказывалось, что иркутяне не уморили Щапова.

Въ то время, какъ я находился въ недоумѣніи отъ подобныхъ извѣстій, вдругъ присылается письмо отъ Лаврова (отъ 28 ноября 1876 г.) съ просьбой о защитѣ. Послалъ де онъ въ редакцію «Сибири» статью о смерти Щапова такого содержанія, что покойникъ умеръ отъ нужды, даже отъ голода. Статья была уже разрѣшена цензурой. Но редакція ея не напечатала и на цензурномъ разрѣшеніи приставила даже передъ «разрѣшается» частицу «не». Статья эта была приложена къ письму въ подлинникѣ и дѣйствительно съ ясною поправкой въ цензурской помѣтѣ. А затѣмъ, говорилось далѣе въ письмѣ, «меня осрамили въ 79 № «Новаго Времени». 22 іюня я послалъ туда опроверженіе,—его не напечатали». Такое же письмо о защитѣ, одновременно онъ послалъ къ своему зятю (мужу сестры), казанскому чиновнику по военному вѣдомству И. В. Терпиловскому, здравствующему и доселѣ, прося его дѣйствовать общими силами вмѣстѣ со мною. Къ этому письму приложена была копія съ опроверженія, посланнаго 22 іюля въ редакцію «Новаго Времени», съ любопытными свѣдѣніями объ отношеніяхъ его къ Щапову и о смерти послѣдняго.

«Сообщаю, сказано здѣсь, выписки изъ писемъ г. Щапова, которыя не удостоились помѣщенія въ мѣстной газетѣ, но которыя должны поставить неизвѣстнаго автора (т. е. писавшаго противъ Лаврова въ «Новомъ Времени») въ должныя отношенія къ таинственному чиновнику. Съ 1869 г. семейство А. П. Щапова страдало

отъ крайней нужды. Вотъ обыкновенныя выраженія въ письмахъ А. П. въ то время: «Мы крайне бѣдствуемъ, не имѣемъ насущной провизіи и свѣчъ, и послѣзавтра не будемъ имѣть дровъ; у насъ только на сегодняшній день хватитъ хлѣба, завтра же нечего будетъ ѣсть. Явились такіе роковые, неотвратные запросы на проклятую деньгу, что я ошеломленъ до тупоумія, а у женки корчитъ мозгъ и нервы до галлюцинаціи». А вотъ и нѣкоторыя объясненія: «Думалъ, въ октябрѣ окончу и пошлю работу, а между тѣмъ теперь только окончилъ послѣ страшной, убійственной сидѣнки и самъ переписываю. Да и вообще сижу за своей работишкой до похудѣнія». Въ это время кто-то ссудилъ его деньгами, и онъ говорилъ, что, «благодаря этой существенной жизненной помощи, избавленъ былъ отъ самаго тягчайшаго литературнаго зла—необдуманности и скороспѣлости работы». Плодомъ (этой помощи) было большое сочиненіе: «Міросозерцаніе и общественное развитіе русскаго народа», которое и было отправлено въ Петербургъ, чтобы не сказать дальше, потому что оно пропало. Одинъ день—обѣдъ, другой день—французскій хлѣбъ съ чаемъ, третій—безплодное выколупываніе старыхъ крошекъ—вотъ обыкновенные элементы питанія похудѣвшаго организма. Стало замѣтно, что похудѣніе Ао. Пр-ча сдѣлалось хроническимъ. Въ послѣднее же время у него уже не было аппетита ни къ чему, и все лѣченіе его состояло въ предложеніи ему разныхъ яствъ, не остановится ли на чемъ его выборъ, и въ питаніи его кровью, молокомъ или яицами. Все это онъ хвалилъ, но ѣлъ мало и до послѣдней минуты благодарилъ своихъ кормильцевъ».

«Я долженъ присовокупить, что 1) этотъ кто-то, ссудившій Ао. Пр-ча въ 1869 и 1870 годахъ, былъ именно таинственный чиновникъ, которому въ виду оскорбленій, нанесенныхъ ему безъ вины русской литературой, не стыдно это говорить; 2) Лавровъ не покупалъ сочиненій, а г. Шаповъ, необыкновенно совѣстливый въ отношеніи къ ссудамъ, самъ уже въ 1874 году измыслилъ способъ обезпеченія долга условіемъ уплатить деньги при изданіи полного собранія сочиненій; 3) бросать печатно грязью въ чиновника Лаврова за то, что онъ еще въ 1869 г. не допустилъ умереть Ао. Пр-ча съ голоду, не великодушно; 4) замѣтка Шашкова въ журналѣ «Дѣло», что послѣднія сочиненія А. Пр-ча были слабы, опровергнется, когда придетъ время выйти на свѣтъ его послѣднему сочиненію, о которомъ Шашковъ не имѣетъ никакого понятія».

«Разскажите гдѣ нибудь въ печати всю интригу,—писалъ Лавровъ въ заключеніи своего письма.—Я же очевидно не въ силахъ бороться съ петербургскою прессой. Мнѣ даже и «Отеч. Записки» отвѣчаютъ молчаніемъ. Между тѣмъ Вагинъ (редакторъ «Сибири») 19 ноября пишетъ мнѣ: «по порученію общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, я покорнѣйше прошу васъ увѣдомить меня о томъ, на какихъ условіяхъ покойный А. П. Шаповъ передалъ

вамъ право на изданіе его сочиненій, и какую сумму вы желаете получить за выкупъ этого права». Я, разумѣется, отвѣчалъ: *timeo danaos et dona ferentes*. Прямой отвѣтъ на вашъ запросъ могу дать, соображаясь съ правилами чести, только тогда, когда будетъ отпечатано опроверженіе на вашу замѣтку съ призывомъ по Сибири выкупить у меня право на изданіе. Опроверженіе это давно лежитъ въ вашемъ портфельѣ. Можно себѣ вообразить, что онъ отвѣчалъ комитету... Почему комитетъ не обращается ко мнѣ лично?» Самое обращеніе Вагина и комитета съ запросомъ о суммѣ выкупа было только новой обидой для Лаврова, по очевидно неправильной постановкѣ дѣла. «Никакихъ сочиненій я не покупалъ, писалъ Лавровъ въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ. Всѣ сочиненія принадлежатъ наслѣдникамъ, о чемъ и производится дѣло въ судѣ, о чемъ заявила и «Сибирь», которую бѣдную никто не читаетъ. Но Щаповъ выговорилъ мнѣ право—при изданіи полнаго собранія сочиненій получить съ издателя долгъ 800 рублей». Замѣчаніе это нельзя не признать весьма важнымъ для правильнаго освѣщенія всей этой исторіи.

Въ своемъ письмѣ къ Лаврову я пожелалъ, чтобы онъ сообщилъ мнѣ нѣсколько дополнительныхъ подробностей о томъ, въ какихъ отношеніяхъ онъ находился къ Щапову, часто ли приходилось выручать его изъ бѣды, почему понадобился указанный долговой документъ, не самъ ли Щаповъ по своей совѣстливости догадался дать ему такое обезпеченіе долга и т. п. въ этомъ родѣ, спрашивалъ и о томъ, дѣйствительно ли послѣ Щапова осталось какое-то новое сочиненіе, и знаетъ ли онъ это сочиненіе, какъ наконецъ завладѣлъ Щаповскими рукописями, вопреки всѣмъ претендентамъ на нихъ.

Отъ 12 марта 1877 г. онъ отвѣчалъ, выражая свое удовольствіе на то, что я не потерялъ вѣры въ его честное сердце. «Ты даже въ пользу мою, какъ будто сорочьихъ яицъ наѣлся и чудно рассказалъ всѣ мои отношенія къ Щапову, которыя именно и были таковы... Деньги я давалъ и знаю конспектъ большого сочиненія. Онъ самъ хвалился имъ, ибо вполнѣ поставилъ исторію на естественную почву. Это былъ огромный переворотъ въ его мозгу, и онъ отъ него ожилъ, и все кругомъ его стало ясно. Это я могу засвидѣтельствовать. Я хотѣлъ реставрировать его рукописи и просилъ денежнаго содѣйствія у «Отеч. Записокъ», которыя просили у меня матеріаловъ для біографіи (Щапова). Но, отпечатавъ мое письмо у себя за сентябрь, онѣ затѣмъ не восхотѣли отвѣчать на мое письмо, плюнули на дѣло. Аминь, ей-Богу, некогда, и при томъ страшномъ равнодушіи, которое онѣ оказали... Мнѣ хочется кричать,—и не ты даже, а тѣмъ болѣе кто другой не сможетъ мнѣ закрыть рта, что Щаповъ умеръ съ голода. Я буду бѣсить этимъ сибиряковъ, пока могу. Пускай бросаютъ литъ колокола, а открываютъ фонды для литераторовъ, ученыхъ, учащихся, мѣстной прессы

и т. д. Имъ вѣдь это немного и стоитъ. Я занялся всѣми твоими вопросами и по каждому отписалъ отвѣдъ сегодня же Ивану Васильевичу (Терпиловскому). Надѣюсь вы оба останетесь довольны».

Вотъ нѣсколько извлеченій изъ длиннаго письма къ П. В. Терпиловскому. «Меня ругаютъ, и моихъ оправданій, вопреки цензурному уставу, не печатаютъ. Выходить война съ врагомъ, который бьетъ меня изъ-за угла, а отъ моихъ побоевъ увертывается. Тутъ-то я васъ и прошу защитить меня... Я выручалъ Щапова, когда онъ писалъ сочиненіе. Я содержалъ его съ женой годъ. Затѣмъ онъ совѣстился меня года два, пока мы съ нимъ не сходили къ маклеру, гдѣ онъ обезпечилъ мое полученіе долга при изданіи полнаго собранія сочиненій. Согласитесь сами, что я деньги выдалъ три года назадъ,—если бы я спекулировалъ, то очевидно я не долженъ бы былъ давать деньги раньше, пока не побываю у маклера; если же мы идемъ къ маклеру черезъ 3 года послѣ выдачи денегъ, то очень вѣроятно, что я три года искалъ не обезпеченія, думалъ, что деньги пропали, и только онъ самъ выручилъ. Вѣдь онъ могъ и нейти къ маклеру, когда уже прожилъ мои деньги, а просто отказаться отъ нихъ... Потомъ мнѣ снова приводилось выручать его; онъ гостилъ у меня; я, чтобы избавить его отъ хмеля, увозилъ его въ тайгу за 20 верстъ».

Въ объясненіе того, какъ онъ вздумалъ по смерти Щапова предъявить искъ на его имущество, онъ писалъ: «я Іосифъ Аримаеѣйскій. Фарисеи—это географическое общество съ секретаремъ, которые назвали рукописи Щапова «брахлоуъ» и свалили на всю зиму въ скверный амбаръ. Какъ же я испросилъ бы тѣло господа моего, его нетлѣнныя рукописи, если бы я не заявилъ иска на г. Щапова? Какъ только я сдѣлалъ этотъ шагъ, мнѣ по праву отдали рукописи, я ихъ вытащилъ изъ-подъ носа географическаго общества (къ себѣ на домъ). Господа! сколько я ни жаденъ, но я не получилъ ни одной копейки. Я невинность соблюлъ, рукописи сохранилъ. Я гражданскій истецъ—не больше. Но я сохранилъ рукописи Щапова... Отвѣтивъ на всѣ вопросы, могу ли я льстить себя надеждой, что вы узнали про меня съ желаемой вами, друзья мои, стороны?»

Вскорѣ послѣ этой переписки г. Терпиловскимъ въ «Новое Время» послано было письмо съ разъясненіемъ всего дѣла и съ приложеніемъ упомянутой выше подлинной статьи Лаврова о смерти Щапова съ ея двойной цензурной помѣтой. Но какъ это письмо, такъ и эта статья остались въ портфель редакціи.

Въ августѣ 1880 года, К. В. Лавровъ умеръ, такъ и не дождавшись оправданія во взведенныхъ на него обвиненіяхъ, не получивъ ни копейки и въ возвратъ своей ссуды Щапову, потому что сочиненія Щапова никто никогда и не думалъ издавать. Куда послѣ него подѣвались Щаповскія рукописи, сохраненіемъ которыхъ онъ утѣшался и похвалялся, неизвѣстно до сихъ поръ.

Позволю себѣ высказать по этому поводу, что покойный Лавровъ придавалъ такое большое значеніе этимъ рукописямъ едва ли не по одному только давнишнему предубѣжденію своему въ пользу историческаго таланта А. П. Щапова. Мысль о слабости послѣднихъ работъ Щапова высказывалъ не одинъ Шашковъ, на котораго за это такъ сердился Лавровъ, но, напримѣръ, и проф. Аристовъ, почитавшій Щапова не меньше Лаврова (см. въ его книгѣ стр. 116—118). Въ послѣдніе годы своей жизни, вынуждаемый нищетою, даже голодомъ, несчастный историкъ спѣшилъ печатать все, что только выработывалось у него въ сколько нибудь приличной для печати, а иногда и не совсѣмъ приличной формѣ, такъ что въ его портфель, по всей вѣроятности, оставались какіе нибудь отрывки и наброски брошенныхъ или затѣваемыхъ работъ, которыми могъ воспользоваться развѣ только онъ самъ при болѣе благопріятной обстановкѣ для ученой работы. Большое сочиненіе о міросозерцаніи и развитіи русскаго народа, о которомъ говорилъ въ письмахъ Лавровъ, мы склонны считать болѣе мечтой Щапова, чѣмъ дѣйствительностію. Самъ же Лавровъ писалъ, что онъ знаетъ только одинъ «конспектъ» этого сочиненія, и то со словъ самого Щапова, а Щаповъ всегда любилъ поговорить о своихъ ученыхъ предпріятіяхъ и при этомъ всегда съ увлеченіемъ развивалъ самыя широкіе планы своихъ будущихъ работъ. Мысль написать нѣчто въ родѣ исторіи цивилизаціи Россіи на естественно-научныхъ основахъ дѣйствительно была у Щапова, и онъ носился съ нею и напечаталъ подъ ея вліяніемъ нѣсколько сочиненій: «Общій взглядъ на исторію интеллектуальнаго развитія въ Россіи» (Дѣло 1867 г., №№ 2 и 3), «Историческія условія интеллектуальнаго развитія въ Россіи» (тамъ же, 1868 г., №№ 1, 3, 4, 7, 8, 9), «Естественно-психологическія условія умственнаго и соціальнаго развитія русскаго народа» («От. Записки» 1870 г., кн. 3, 4, 12), «Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа» (Спб., 1870 г.), «Міросозерцаніе, мысль, трудъ и женщина въ исторіи русскаго общества» («Отеч. Записки» 1873 г., кн. 2, 3, 7, и 1874 г., 5 и 6). О послѣдней статьѣ въ примѣчаніи было прямо даже опубликовано, что она составляетъ «сокращенное извлеченіе изъ полнаго очерка исторіи русскаго общества, гдѣ рассматриваются и всѣ другія сферы общественной жизни, какъ-то: народная экономія или общественное обезпеченіе фізіологической потребности пищи, жилища и одежды, общественныя санитарныя понятія и учрежденія, эстетическія понятія и увеселенія, антрополого-этнографическія и международныя отношенія и проч.». Но въ этихъ трудахъ, не предвѣщавшихъ ничего особенно важнаго и впереди, всѣ научные ресурсы Щапова и были израсходованы.

Была у него въ Иркутскѣ еще другая ученая затѣя, тоже весьма широкаго размаха, но болѣе возможная для осуществленія,

такъ какъ имѣла спеціально сибирскій, мѣстный характеръ и явилась результатомъ научныхъ командировокъ его отъ мѣстнаго географическаго общества по Енисею (1869 г.) и въ Братскую степь Приленскаго края. Онъ предпринялъ написать обширное сочиненіе, въ которомъ намѣревался разсмотрѣть историко-географическое и этнографическое распредѣленіе населенія обслѣдованныхъ мѣстностей, физическое, этнолого-генеалогическое, психологическое, социальное и экономическое развитіе этого населенія и его домашнюю и семейную жизнь. Плодомъ его работъ по этой части было нѣсколько статей въ «Извѣстіяхъ сибирскаго отдѣла географическаго общества» за 1872—1876 годы (перечень этихъ статей см. въ книгѣ Аристова, стр. 125) и, если вѣрить одному его некрологу (въ Извѣстіяхъ сибирскаго отдѣла геогр. общества за 1876 г., № 1—2), большой черновой и необработанный еще матеріалъ. О потерѣ вотъ этого матеріала, пожалуй, дѣйствительно можно пожалѣть.

II. Знаменскій.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Почти одновременно съ статьей профессора Знаменскаго, мы получили изъ села Никольскаго, Приморской области, отъ подъесаула перваго Верхнеудинскаго Забайкальскаго казачьяго полка, Павла Платоновича Сысоева, два документа, касающіеся судьбы имущества, оставшагося послѣ покойнаго Щапова. Такъ какъ документы эти служатъ дополненіемъ къ статьѣ профессора Знаменскаго, то мы и помѣщаемъ ихъ здѣсь, вмѣстѣ съ письмомъ г. Сысоева.

I.

Письмо П. П. Сысоева.

Разбирая книги, случайно мнѣ доставшіяся, я, восемь лѣтъ тому назадъ, нашелъ копію съ рѣшенія Иркутскаго окружнаго суда по наслѣдству покойнаго Щапова и письмо г. Загоскина (бывшаго редактора «Сибири» 1870-хъ годовъ) по этому же дѣлу, но, не зная адреса какъ г. Загоскина, такъ и адресата, я, изъ уваженія къ памяти покойнаго, хранилъ эти листки у себя.

Прочитавъ статью г. Юдина въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1898 года, я рѣшился послать упомянутые выше документа въ полное распоряженіе редакціи, если она признаетъ таковыя заслуживающими вниманія, какъ дающіе нѣкоторый матеріалъ къ біографіи покойнаго Щапова.

II.

Рѣшеніе Иркутскаго окружнаго суда.

Въ окружномъ судѣ слушали частное дѣло, присланное изъ Иркутскаго городского полицейскаго управленія, объ имуществѣ, оставшемся послѣ смерти бакалавра Казанской духовной академіи, магистра Афанасія Щапова. Обстоятельства дѣла сего заключается

въ слѣдующемъ: Иркутское городское полицейское управленіе при отношеніи отъ 24 октября 1876 года прислало въ окружный судъ, для вызова наслѣдниковъ, дѣло объ имуществѣ, оставшемся послѣ смерти бывшаго бакалавра Казанской духовной академіи, магистра Аѳанасія Щапова, заключающагося большею частью къ книгахъ, рукописяхъ и изданныхъ и не изданныхъ литературныхъ сочиненій. Имущество это, какъ видно, полицейскимъ управленіемъ не было положено на опись съ оцѣнкою, а передано въ запечатанныхъ ящикахъ, на храненіе, надворному совѣтнику Крониду Васильевичу Лаврову, которымъ на это имущество предъявлены были права, основанныя на долговыхъ роспискахъ Щапова и на договорѣ, заключенномъ имъ съ Лавровымъ на право изданія сочиненій Щапова. Кромѣ того, правитель дѣлъ Сибирскаго отдѣла русскаго географическаго общества, чиновникъ Загоскинъ, просилъ вторую частную управу о выдачѣ ему изъ описаннаго имущества Щапова рукописи его сочиненій о Туруханскомъ краѣ и книгъ, принадлежащихъ Сибирскому отдѣлу, а почетный гражданинъ Степанъ Поповъ, представляя № 5 тома Извѣстій Сибирскаго отдѣла (7 ноября 1873 года), просилъ выдать ему изъ числа описаннаго имущества у Щапова рукопись на синей бумагѣ, взятую у него для просмотра Щаповымъ, и, кромѣ того, книгу подъ заглавіемъ «Морь и его дѣятельность». Послѣ того, обратилась въ окружный судъ съ прошеніемъ жена подполковника Елена Степанова Запольская-Довнаръ, урожденная Щапова, при которомъ представила на вызовъ наслѣдниковъ чрезъ публичныя вѣдомости 6 рублей и, въ доказательство правъ своихъ на имущество Щапова, выписку изъ метрическихъ книгъ Читинскаго Михаило-Архангельскаго собора и просила признать ее наслѣдницею, какъ дочь роднаго брата умершаго Щапова, Степана Прокопьева Щапова. Вслѣдствіе чего, чрезъ припечатаніе объявленій въ С.-Петербургскихъ Сенатскихъ и Иркутскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ, были вызываемы наслѣдники къ оставшемуся послѣ смерти Щапова имуществу, и послѣднее припечатаніе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» послѣдовало, какъ видно, 11 апрѣля 1877 года, № 29 въ ст. 3.368-й, и съ этого времени никто болѣе окружному суду правъ своихъ на имущество это не предъявлялъ, кромѣ роднаго брата умершаго Щапова, священника Шамановской Архангельской церкви Григорія Щапова и помянутаго чиновника Лаврова. Изъ представленныхъ документовъ женою подполковника Еленою Запольскою-Довнаръ и священникомъ Щаповымъ видно, что первая есть родная племянница умершему Щапову, дочь роднаго брата его Степана Прокопьева, какъ о томъ удостовѣряетъ и священникъ Щаповъ, а второй есть родной братъ умершаго Щапова. Опредѣлили: окружный судъ, усматривая изъ вышеизложеннаго, что движимому имуществу, оставшемуся послѣ смерти бывшаго бакалавра Казанской духовной академіи Аѳанасія Прокопьева Щапова, кромѣ роднаго брата его, священника Григорія

Щапова и родной племянницы его, жены подполковника Елены Запольской-Довнаръ, со дня послѣдняго припечатанія въ вѣдомостяхъ, на основаніи 1.241 ст. никто болѣе изъ наслѣдниковъ правъ своихъ окружному суду не предъявилъ. А потому согласно ходатайству и притомъ принимая въ руководство 1.137, 1.185 и 1.259 ст. I ч. X т. Опредѣляетъ: Признавъ наслѣдниками къ имуществу умершаго Аванасія Щапова родного брата его священника Григорія Щапова и племянницу его, жену подполковника Елену Степанову Запольскую-Довнаръ, въ равныхъ частяхъ и утвердить ихъ въ правахъ наслѣдства, о чемъ и объявить имъ первому чрезъ Нижнеудинское окружное полицейское управленіе, по жительству его въ селѣ Шаманскомъ Братской волости, а послѣдней чрезъ Читинское городское полицейское управленіе, съ выдачею ей оставшихся неизрасходованными, изъ числа представленныхъ денегъ 6 рублей, 1 рубль 50 копеекъ, хранящихся въ губернскомъ казначействѣ въ депозитахъ сего суда, о выпискѣ которыхъ въ расходъ и объ отсылкѣ по принадлежности предписать секретарю сего суда указомъ. Что жъ касается до претензій, предъявленныхъ по сему дѣлу чиновникомъ Лавровымъ, правителемъ дѣлъ Сибирскаго отдѣла Русскаго географическаго общества чиновникомъ Загоскинымъ и почетнымъ гражданиномъ Степаномъ Поповымъ, то такъ какъ эти претензіи не подлежатъ удовлетворенію сего суда, поэтому въ томъ имъ отказать и предоставить право обратиться съ искомъ къ вышеназваннымъ наслѣдникамъ Щапова. О чемъ и объявить имъ чрезъ Иркутское городское полицейское управленіе съ выдачею изъ нихъ Попову представленной имъ книги № 5 тома «Извѣстій Сибирскаго Отдѣла». Подлинное за подписомъ присутствующихъ.

III.

Письмо г. Загоскина къ Е. С. Запольской-Довнаръ.

Иркутскъ. 16 февраля 1879 г.

Милостивая государыня

Елена Степановна.

Хотя и съ великимъ трудомъ, но удалось мнѣ получить отъ Лаврова вещи покойнаго Ае. Прок. Щапова. Всѣ ящики сложены были въ помѣщеніи Сиб. Отдѣла.

Въ январѣ пріѣхалъ о. Григорій и, какъ наслѣдникъ, 1) осмотрѣлъ всѣ вещи, 2) всѣ хозяйственныя вещи и платѣе взялъ, оставивъ только книги, и 3) книги поручилъ разобрать бібліотекаря Отдѣла, съ тѣмъ, чтобы отдѣлить принадлежащія Сибирскому Отдѣлу отъ Щаповскихъ, что и сдѣлано. Послѣднимъ о. Григорій составилъ списокъ (числомъ до 100, но всѣ разбитыя и разрозненные) и поручилъ мнѣ продать или Отдѣлу, или въ духовную семинарію.

Изъ вещей, если и было что цѣнное, то это кольцо (Ольги Ив., должно быть обручальное) и самоваръ, остальное—старое платье. Опись этому платью доселѣ не выдана отъ полиціи, равно и наличныя деньги (до 35 руб.), о коихъ я вамъ писалъ.

Если вы найдете распоряженіе о Григоріи преждевременнымъ и самовольнымъ, то напишите ему сами. Я остановить его не могъ, особенно имѣя въ виду малоцѣнность имѣнія.

Теперь о самомъ главномъ—о рукописяхъ. Когда о Григорій открывалъ ящики, то явился Лавровъ и, показавъ ему рукописи—въ массѣ, безъ порядка,—связалъ ихъ въ одинъ ящикъ и запечаталъ своей печатью. Все это, конечно, не имѣетъ никакого значенія, и ихъ всегда можно вскрыть и разобрать.

Восточно-Сибирскій отдѣлъ, по моему предложенію, какъ я писалъ вамъ, имѣлъ намѣреніе позаботиться объ изданіи къ 1881 году полнаго собранія сочиненій Щапова. Но самъ Отдѣлъ не имѣетъ свободныхъ суммъ на это предпріятіе, а потому долженъ обратиться къ книгопродавцамъ. Стоимость изданія приблизительно въ 5 или 6 томахъ будетъ: бумаги на 1200 экз. (по 20 печ. листовъ въ томѣ) на 1200 рублей. Печатаніе 100 листовъ до 2000 рублей, корректура и редакція до 300 руб. Выкупъ у Лаврова права изданія до 1000 рублей. Итого до 3500 рублей. Если напечатать 1200 экз. въ 5 томахъ и продавать по 5 рублей экз.—получится 6 тысячъ рублей, изъ нихъ книгопродавецъ или издатель удержитъ въ свою пользу 20%, кромѣ издержекъ—будетъ 4700 рублей. Слѣдовательно, чистой выгоды получится 1300 рублей. Но найдутся еще расходы, которые я не предвидѣлъ, такъ что въ случаѣ печатанія 1200 экз. едва ли книгопродавецъ или издатель что либо дастъ за изданіе. Если же печатать 2400 экз., то, конечно, выгоды будетъ больше, но когда разойдется? Вѣдь это будетъ не модный романъ.

О. Григорій съ своей стороны далъ Отдѣлу отзывъ въ томъ смыслѣ, что передаетъ ему право изданія (разумѣется, одного), съ тѣмъ, чтобы уплаченъ былъ долъ Лаврову и ему, о Григорію, выдано было 1000 рублей одновременно или по мѣрѣ распродажи сочиненія.

Какъ бы вы думали поступить съ своей частью? Согласны ли вы съ мыслью Отдѣла издать сочиненія покойнаго? Не имѣете ли вы собственныхъ на это соображеній, или будете согласны на предложеніе о. Григорія?

Обо всемъ этомъ я бы просилъ васъ увѣдомить меня поскорѣе, и въ такомъ случаѣ можно было бы войти въ сношеніе съ Петербургомъ, и къ 1881 году изданіе могло бы состояться.

П. П. Загоскинъ.

Въ случаѣ, если у васъ составитъ извѣстное предположеніе, потрудитесь написать заявленіе на имя Восточно-Сиб. Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества и вложить его въ письмо ко мнѣ, или пошлите отдѣльно.

КЪ ИСТОРИИ СЕРБСКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1876 ГОДА.

ВЪ 1874 ГОДУ, какъ извѣстно, вспыхнуло возстаніе въ Герцеговинѣ, вскорѣ распространившееся на Боснію. «Journal de S.-Petersbourg», «Московскія Вѣдомости» и газета «Голосъ», не сочувствовавшія возстанію, сообщая о сраженіяхъ босняковъ и герцеговинцевъ съ турками, называли ихъ не иначе, какъ инсургентами. Въ Петербургѣ возстаніемъ боснійскихъ и герцеговинскихъ сербовъ не были довольны и всѣми силами желали сдержать Черногорію. Но Австрія, давно уже мечтавшая захватить эти области, тайкомъ снабжала возставшихъ оружіемъ. Сочувствіе русскаго общества къ героямъ возстанія росло; въ Черногорію отправилось изъ Москвы и Петербурга нѣсколько добровольцевъ, что послужило распространенію по Петербургу слуха, что на театръ возстанія готовъ отправиться отставной генераль М. Г. Черняевъ. Бывшій шефъ жандармовъ, графъ П. А. Шуваловъ, пригласивъ къ себѣ Михаила Григорьевича, въ разговорѣ съ нимъ, взялъ съ него слово, что онъ «къ этимъ разбойникамъ (то-есть, къ герцеговинцамъ и боснійцамъ) не поѣдетъ».

Между тѣмъ возстаніе разросталось. Славянскій комитетъ въ Москвѣ образовалъ въ 1875 году при себѣ «дамское отдѣленіе» для сбора пожертвованій въ пользу голодающихъ и бѣдствующихъ босняковъ и герцеговинцевъ. Первое воззваніе о пожертвованіяхъ появилось въ апрѣлѣ 1875 года отъ архимандрита Сербскаго подворья Саввы, который успѣлъ собрать до 45 тысячъ рублей, отосланныхъ

въ Сербію и Черногорію въ распоряженіе митрополитовъ: Михаила и Иларіона.

М. Г. Черняевъ прибылъ въ Москву въ февралѣ 1876 года, на второй недѣлѣ великаго поста, и поселился въ гостиницѣ Дюссо на Театральномъ проѣздѣ (нынѣ не существующей). Послѣ свиданія съ вліятельными членами славянскаго комитета, П. Н. Батюшковымъ, И. С. Аксаковымъ, Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ, Н. А. Поповымъ и другими, М. Г. Черняевъ рѣшился ѣхать въ Сербію. Въ это время я, по порученію Славянскаго комитета и митрополита сербскаго, завѣдывалъ хозяйственнымъ управленіемъ Сербскаго подворья, открытаго лишь въ 1874 году при церкви святыхъ безребренниковъ Кира и Іоанна ¹⁾. Храмъ этотъ, построенный въ 1768 году на средства императрицы Екатерины II, въ память принятія ею въ Москвѣ святой православной вѣры и священнаго муропомазанія 28-го іюня 1744 года, въ день празднованія святыхъ безребренниковъ, находился съ 1860 года въ полномъ запустѣніи ²⁾. Богослуженіе въ немъ не совершалось, штукатурка отпала, ризницею завладѣлъ сосѣдній приходскій Всѣхсвятскій храмъ, къ которому съ 1860 года была приписана Киро-Іоанновская церковь. Привести въ благолѣпный видъ и возстановить богослуженіе стоило много трудовъ. Благодаря благотворителямъ, церковь была приведена въ надлежащій видъ, съ устройствомъ новаго иконостаса и 30-го ноября 1874 года освящена преосвященнымъ Алексѣемъ, епископомъ екатеринославскимъ.

Нельзя не замѣтить, что при устройствѣ въ Москвѣ патриаршихъ подворій: Константинопольскаго (1883 г.), Александрійскаго (1855 г.), Антиохійскаго (1848 г.) и Іерусалимскаго (1819 г.), имъ была передана вмѣстѣ съ церквами вся принадлежавшая имъ церковная и церковно-служительская земля, но при устройствѣ Сербскаго подворья вся земля церковно-служителей церкви Киро-Іоанновской отошла къ богатой средствами и доходами Всѣхсвятской церкви. Въ настоящее время два дома Сербскаго подворья приносятъ дохода до 6.500 рублей въ годъ, причеиъ значительная часть ихъ отсылается въ Сербію и обращается на содержаніе семинаріи и другія церковныя нужды Сербіи.

¹⁾ Сербское подворье основано по нашей инициативѣ (см. «Русскія Вѣдомости» 1869, окт. 19, «Церковная Лѣтопись Духовной Бесѣды» 1872 г., № 43 и др.) и по ходатайству митрополита сербскаго и московскаго славянскаго комитета.

²⁾ Храмъ выстроенъ по планамъ и рисункамъ извѣстнаго въ то время архитектора Бланка, одобреннымъ самою императрицею. Въ 1768 году, января 19-го, въ присутствіи ея величества онъ былъ освященъ высокопреосвященнымъ Амвросіемъ Зертисъ-Казенскимъ, совершившимъ въ семъ храмѣ первое богослуженіе въ званіи архиепископа Москвитинъ. До того онъ управлялъ Московскою епархіею въ званіи крутицкаго и можайскаго. Въ церкви сохранилось до 1844 г. царское мѣстоподе балдахиномъ, на которомъ стояла государыня.

Съ митрополитомъ Михаиломъ я находился въ дружественной перепискѣ съ 1869 года и впоследствии три раза посѣтилъ Сербію, гдѣ былъ принятъ съ особымъ радушіемъ, познакомился съ выдающимися государственными людьми Сербіи, Іованомъ Ристичемъ и особенно расположенными къ Россіи бывшими министрами и учеными: Стояномъ Бошквичемъ, Алимпіемъ Васильевичемъ, Николаемъ Пашичемъ, а также извѣстнымъ сербскимъ этнографомъ Милошемъ Милоевичемъ, исходившимъ всю Македонію и Старую Сербію (скончался 1897 года), историкомъ Панта Сречковичемъ (учителемъ короля Александра), нынѣшнимъ митрополитомъ Иннокентіемъ и другими епископами, не говоря уже о герцеговинскомъ героѣ, а нынѣ талантливомъ историкѣ сербской церкви, архимандритѣ Никифорѣ Дучичѣ, котораго я зналъ съ 1869 года.

Перехожу къ М. Г. Черняеву. По просьбѣ его я обратился съ письмомъ къ митрополиту Михаилу, прося его переговорить съ министромъ-президентомъ І. Ристичемъ, не согласится ли сербское правительство на пріѣздъ М. Г. Черняева въ Сербію для принятія участія въ предстоящей войнѣ Сербіи съ Турціею, къ которой Сербія и Черногорія готовились.

Въ Сербіи имя генерала Черняева не пользовалось такою извѣстностію, какъ имя генерала-публициста Ростислава Андреевича Оадѣва, котораго почему-то ожидали въ Сербіи. Завоеватель Ташкента если и былъ извѣстенъ Сербіи, то какъ издатель «Русскаго Міра», патріотическія статьи котораго въ пользу Сербіи и Черногоріи и за возставшихъ босняковъ и герцеговинцевъ перепечатывались сербскими газетами.

На мое письмо владыка сербскій отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

«Милостивый государь Николай Николаевичъ!

«Покорнѣйше благодарю васъ, любезнѣйшій другъ, за ваше усердіе и любовь къ намъ, что мы дорого цѣнимъ. Дай Богъ счастья, освобожденія и соединенія нашего народа, слишкомъ много терпѣливаго и любящаго русскихъ.

«Вы хорошо понимаете, что обстоятельства политическія слишкомъ умножились такъ, что постоянно насъ сводятъ съ прямого пути. Враговъ столько, что не знаемъ, какъ съ ними справиться. Политика и дипломатія не даютъ намъ двигаться и грозятъ намъ ужасно. Мы въ дружбѣ съ Черногоріей, съ Греціей, съ Румыніей, и болгары будутъ съ нами. Всѣ мы справились бы съ турками, если бы насъ оставила дипломатія въ покоѣ. Но тутъ-то бѣда. Европа соревнива—одно государство другому не довѣряетъ, а всѣ боятся общей войны и посему не даютъ намъ шевелиться. О займѣ идутъ переговоры съ одною голландскою фирмою, когда нѣмцы, французы, англичане не дали; но еще переговоры не приведены къ

концу. Между тѣмъ будетъ проглашенъ (объявленъ) внутренній заемъ, которымъ, думаемъ, приготовить все, что нужно.

«Я думаю, неудобно вамъ отсюда высылать ружья. Легче ихъ купить въ Австріи для возставшихъ въ Босніи, а герцеговинцамъ не нужны ружья, которыхъ они имѣютъ достаточно.

«Теперь какъ-то перестали пожертвованія, вѣрно потому, что видятъ—не будетъ войны, а и потому, что весною могутъ зарабатывать хлѣбъ семейства. Надняхъ я въ Ужицу послалъ 500 червонцевъ, а въ Книнъ 1.000 гульденовъ. Градимскій комитетъ вчера просилъ меня передать г. Божидаровичу, чтобы онъ посылалъ деньги чрезъ Аграмъ (Загребъ), потому, что этимъ пользуется Австрія, а не Боснія.

«Желая вамъ всѣхъ благъ, счастья и спасенія, съ почтеніемъ и благословіемъ, имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ, архіепископъ митрополитъ сербскій Михаилъ. 19-го февраля 1876 года».

При этомъ письмѣ находилась отдѣльная приписка: «Все вами сообщенное передано было Іовану Ристичу. Правительство не имѣетъ ничего противъ пріѣзда генерала Черняева, но оно предпочло бы генерала Ростислава Оадѣва».

Это письмо было отвѣтомъ на первое мое предложеніе относительно прибытія М. Г. Черняева въ Сербію. Поэтому онъ былъ крайне взволнованъ припискою и готовъ былъ отложить свой отъѣздъ въ Сербію. Послѣ вторичнаго письма митрополиту Михаилу, съ объясненіемъ, что Р. А. Оадѣвъ въ Сербію ѣхать не собирается, владыка сербскій писалъ мнѣ:

«Любезный другъ, Николай Николаевичъ. Очень обязанъ вамъ за ваши дружескія письма, но долженъ вамъ замѣтить, во-первыхъ, что греки не хотятъ съ нами вступать въ переговоры, во-вторыхъ, Черногорія тоже ничего не смѣла сдѣлать, и нашъ агентъ возвращается ни съ чѣмъ. Здѣсь сильное давленіе со стороны дипломатовъ и угрозы ужасныя. Вредѣ¹⁾ и его коллеги работаютъ такъ, что запутають... Послѣ реформъ христіане наши сербы изъ Босніи бѣгутъ и къ намъ и въ Австрію, которая между тѣмъ во что бы то ни стало хочетъ исполнить свое желаніе прекратить возстаніе сербовъ. Мы надняхъ спрашивали: а что сдѣлаете съ турками, которые тоже не принимаютъ вашихъ реформъ?—и они не знали, что отвѣтить на заданный имъ вопросъ. Пожалуйста, прочитайте новую книжку Роберта Норта, въ Туринѣ выданную—«Etude sur la question d'Orient», въ которой относительно положенія христіанъ довольно вѣрно представлено, но что касается Россіи—дурно и невѣрно и при томъ для насъ опасно; ибо наталкиваетъ Австрію и Европу помогать Австріи идти на востокъ. Прошу васъ не оставлять и впредь своими совѣтами насъ, которые цѣнили ихъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію

¹⁾ Австрійскій консуль.

имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ, митрополить сербскій Михаилъ. Бѣлградъ, 8 марта».

При этомъ письмѣ выражалось согласіе на пріѣздъ М. Г. Черняева, въ видѣ отдѣльнаго письма, которое и было мною ему передано. Въ письмѣ говорилось о согласіи Ристича и князя Милана. Опасаясь, чтобы бѣлградскія газеты не разгласили объ ожидаемомъ пріѣздѣ М. Г. Черняева въ Сербію, что по телеграфу могло бы быть передано въ Вѣну и достигнуто такимъ образомъ до Петербурга, Михаилъ Григорьевичъ адресовалъ намъ слѣдующее письмо, прося отправить его скорѣе въ Бѣлградъ. Получивъ его, мы увѣрили М. Г., что въ Сербіи, кромѣ князя, митрополита, І. Ристича, никто не посвященъ въ его пріѣздъ, и тѣмъ его успокоили.

Вотъ письмо М. Г. Черняева ко мнѣ:

«М. Г. Николай Николаевичъ! Я сожалью, что высказанное мною въ разговорѣ съ вами намѣреніе предпринять нынѣшнею весною путешествіе по Сербіи сообщено вами высокопреосвященному Михаилу и могло быть истолковано въ Бѣлградѣ въ смыслѣ противоположномъ тому, съ которымъ предпринимаю я эту поѣздку.

«Съ самаго возвращенія моего изъ Средней Азіи, я имѣлъ желаніе проѣхать по славянскимъ землямъ, и не состоявшаяся поѣздка моя въ 1867 г. нисколько не ослабила этого желанія. Теперь, когда на долю Сербіи выпала трудная задача, отъ рѣшенія которой зависитъ дальнѣйшая историческая судьба княжества, а отчасти и всѣхъ славянъ балканскихъ, поѣздка эта сдѣлалась для меня нравственною потребностью. Но при этомъ я чуждъ всякихъ стремленій брать на себя инициативу въ предложеніи услугъ, въ которыхъ, по всему вѣроятію, сербское войско и не нуждается вовсе. Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и преданности. Вашъ покорный слуга М. Черняевъ.

«2 апр. 1876 г. Москва».

Наступали дни Св. Пасхи, и М. Г. Черняевъ рѣшился наконецъ ѣхать послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Москвѣ. Но какъ отмѣтиться за границу послѣ даннаго обѣщанія? Пожалуй, и сербовъ княжества и черногорцевъ сочтутъ за разбойниковъ... Въ пятницу, на Страстной недѣлѣ, Михаилъ Григорьевичъ сдѣлалъ заявленіе 4 кварталу Тверской части о своемъ желаніи ѣхать за границу и потребовалъ выдачи свидѣтельства о неимѣніи препятствій къ выѣзду. Въ субботу утромъ онъ получалъ полицейское свидѣтельство, которое, вмѣстѣ съ указомъ объ отставкѣ, было представлено, во вторникъ Свѣтлой недѣли, 6 апрѣля, въ иностранное отдѣленіе канцеляріи генералъ-губернатора отставнымъ подполковникомъ А. Л. И—мъ. Старецъ-чиновникъ, взявъ полицейское свидѣтельство и указъ объ отставкѣ, спросилъ г. И., «куда ѣдетъ генералъ», не воображая, что генералъ былъ завоеватель Ташкента.

На это получилъ отвѣтъ, что «генераль челоувѣкъ больной, ѣдетъ къ святымъ мѣстамъ и по дорогѣ заѣдетъ въ Кіевъ».

— «Лучше полѣчиться ему здѣсь, — отвѣтилъ старецъ, — чѣмъ принимать такой дальній путь, когда турки такъ озлоблены на христіанъ; сейчасъ паспорта выдать не могу, у насъ нынче только открыто въ первый разъ ¹⁾ присутствіе, и надо идти къ князю съ докладомъ».

— «Но, вѣроятно, у васъ есть подписанныя княземъ книжки, а то вѣдь генераль уже отправилъ вещи на Курскій вокзалъ и вся остановка за паспортомъ».

Старецъ-чиновникъ, порывшись въ столѣ, нашель паспортную книжку, подписанную кн. В. А. Долгоруковымъ, приказаль вписать чинъ, имя и фамилію Михаила Григорьевича и подъ росписку вручилъ г. А. Л. И—ву, вмѣстѣ съ 1 рублемъ денегъ на свѣчи къ Гробу Господню, которые М. Г. передалъ тутъ же для передачи настоятелю Іерусалимскаго подворья. Получивъ паспортъ, Михайль Григорьевичъ заявилъ управляющему гостиницей Дюссо, что свои вещи онъ отправляетъ къ своему знакомому, такъ какъ вскорѣ вернется изъ Петербурга, куда и просилъ его отѣтить. Черезъ два часа, А. Л. И—въ изъ своей квартиры свезъ вещи ген. Черняева на Курскій вокзалъ, а самъ Михайль Григорьевичъ, выйдя изъ гостиницы, отправился пѣшкомъ, какъ бы по пути къ Николаевскому вокзалу, и, только пройдя съ ¹/₂ версты, нанялъ извозчика на Курскій вокзалъ. Это было 7 апрѣля, а 9 апрѣля въ газетахъ сообщено было объ отъѣздѣ генерала Черняева въ С.-Петербургъ, тогда какъ въ это время онъ переѣзжалъ черезъ Унгены, русскую границу, и вступалъ на румынскую почву.

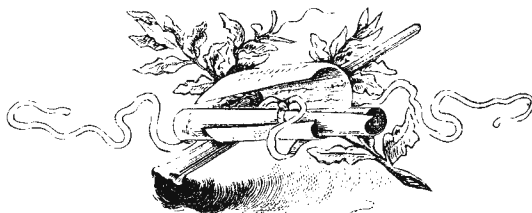
Относительно предстоящаго выступленія Сербіи противъ Турціи, съ митрополитомъ Михайломъ было условлено, какъ писать. Нѣкоторыя письма пропадали, а другія приходили распечатанными, или, лучше сказать, съ надорванными конвертами. Видно было, что въ Австріи они прочитывались. Вотъ одно изъ послѣднихъ писемъ приснопамятнаго митрополита сербскаго Михаила передъ объявленіемъ Сербіею войны Турціи:

«М. Г. Николай Николаевичъ. Вслѣдъ вашего прежняго заявленія объ условномъ отвѣтѣ, теперь говорю—я совершенно здоровъ. Акція начнется. Но теперь пора вамъ пособить намъ. Все идетъ къ тому, чтобы начать дѣло. Полезно ли это, или нѣтъ, послѣдствія скажутъ. Намъ же назадъ нельзя потому, что мы далеко зашли. Посему прошу васъ постараться обо всемъ, что нужно въ нынѣшнемъ положеніи. Мы разчитываемъ на любовь Россіи и братское сочувствіе къ единовѣрнымъ и единоплеменнымъ страдальцамъ. Ожидаемъ все, что можно, о чемъ и просимъ помогать г-ну Про-

¹⁾ Т. е. послѣ дней Св. Пасхи.

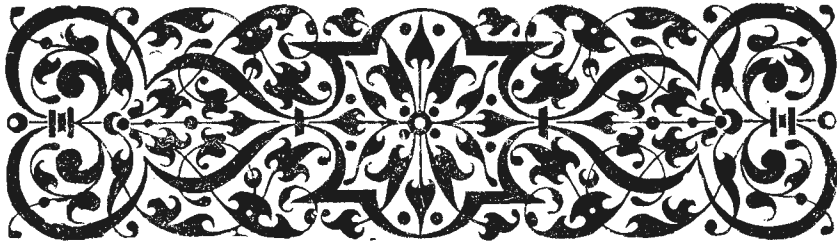
тичу ¹⁾), который пріѣхалъ къ вамъ объяснить положеніе и представить необходимость вашего пособія и матеріальнаго и дипломатическаго. Посему будьте добры, потрудитесь помочь моему сему земляку патриоту, который, именно послѣ всѣхъ неудачныхъ попытокъ, рѣшился пріѣхать самъ къ вамъ объяснить положеніе дѣлъ. Мы, Н—ай Н—чь, далеко зашли такъ, что нельзя назадъ, а вы, если можете насъ бросить на произволь судьбы, сами знаете—это ваше дѣло. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, призывая на васъ благословеніе Господа, имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ, митрополитъ сербскій Михаилъ. Вѣлградъ. 31 мая 1876 г.».

Н. Дурново.

¹⁾ Впоследствии сербскій посланникъ въ Россіи.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1899 г., т. LXXV.

ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ СИБИРИ.

(Изъ дневника мѣстнаго старожила).

ПРОВЕЛЪ въ Сибири, на дальнемъ ея востокѣ, молодые, лучшіе годы; эти годы я посвятилъ для служенія этой забытой, брошенной странѣ, хотя и «золотому дну».

Юношескіе порывы, увлеченія, озлобленія и протесты, при явномъ грабежѣ сильнымъ правого, озлобляли меня ужасно; обращался къ гласности, печатнымъ мѣстнымъ органамъ, но тѣ тамъ находились въ забитомъ, приниженномъ состояніи. Результатъ—ухудшеніе матеріальное шагъ за шагомъ. Положеніе — «не ахти, чтобы очень»...

Но все это уже пережито, забыто.

Судебная полуреформа (нынѣ уже полная), сибирскій университетъ, выпускающій новыя культурныя силы изъ своихъ стѣнъ на борьбу со зломъ, пріобрѣвшимъ тамъ уже, было, право гражданства, подъемъ уровня народнаго образованія, подходящее къ концу проведеніе великаго сибирскаго желѣзнаго пути,—все это быстро стало приравнивать многострадальную дотолѣ Сибирь къ любой изъ центральныхъ мѣстностей Европейской Россіи. Былое отходитъ въ область преданій.

Но «во дни оны» было далеко не такъ.

Населеніе Сибири, особенно Восточной, раздѣлялось на двѣ касты: обираемую и грабящую. Первая—темный безграмотный деревенскій мужикъ; вторая уже составляла классъ «барскій»: губернскаго на-

чальство, чиновники, исправники, засѣдатели (становой приставъ, мировой посредникъ, слѣдователь; словомъ, все, что хотите, совмѣщалось въ лицѣ «барина»—засѣдателя), волостные старшины (головы), волостные писаря, купцы, «складчики»—владѣльцы винныхъ складовъ и кабаковъ, «акцизники» и даже почтмейстеры,—все это живо, дружно обогащалось за счетъ мужика. И все было «шитокрыто». Крѣпостное право въ своемъ родѣ существовало на дѣлѣ до нашихъ дней.

Читатель изумится: какъ это даже почтмейстеръ попалъ въ классъ «грабившихъ»? Очень просто.

Почтовая «гоньба» производилась обществами. Подъ давленіемъ почтмейстера «фуражная» плата, обыкновенно очень высокая, могла быть понижена. А чтобы этого не случилось—плати. Ну, и «съ міру собирали», на что гласно дѣлались на сходахъ «раскладки».

Даже станціонный смотритель, получая 14 рублей въ мѣсяцъ отъ казны, питался «міромъ» и «съ хвоста», что ему давало до 2.000 рублей въ годъ. И это—изъ недавняго еще прошлаго!

Но... обо всемъ этомъ доскажу далѣе.

Постараюсь, по истлѣвшимъ уже листкамъ моей записной книжки, возстановить хотя нѣсколько штриховъ изъ былого.

Буду очень радъ, если мои строки попадутъ на страницы подлежащаго органа: товарищи-сибиряки, ревнители старины, могутъ отчасти увидеть себя въ приводимыхъ картинкахъ. Быть можетъ, слабый абрисъ типовъ, имъ подобныхъ, нѣсколько охладитъ ихъ жаркое сожалѣніе о невозвратныхъ дняхъ минувшаго...

I.

Суды дореформенной Сибири отличались замѣчательной простотой, ихъ было тамъ два типа: окружный (уѣздный) и губернской (типъ палаты уголовного и гражданскаго суда).

Дѣла о бродягахъ, ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцахъ, до плетей и каторги, въ помощь окружнымъ судамъ, рѣшались и полиціей, по «формальной полицейской расправѣ». (За маловажные проступки уставъ о ссыльныхъ допускаетъ полиціи и безапелляціонное наказаніе розгами до извѣстнаго числа ударовъ. Но... за отсутствіемъ «счетчика» и апелляціи, «со счета сбиться» легко).

Все «чины» окружнаго суда: судья, засѣдатели (подсудки), секретарь и столоначальники назначались непосредственно губернаторомъ. Судья въ округѣ (уѣздѣ) былъ председателемъ всѣхъ уѣздныхъ учреждений, и поэтому для внушенія къ его личности уваженія, на мѣсто «всеобщаго» председателя избирался старецъ-чиновникъ, лѣтъ 70—80, «убѣленный» сѣдинами и опытомъ вразу-

мленный». То же практиковалось и при назначеніи «стряпчаго» (нѣчто въ родѣ прокурора). Знаніе хотя бы основныхъ началъ юриспруденціи не требовалось: лѣта и жизненный опытъ—не та ли юриспруденція? (!).

Прочіе «чины» окружнаго суда набирались изъ повыгнанныхъ квартальныхъ (подсудки) и писцовъ: губернскаго правленія, таможни, акциза, горнаго вѣдомства и другихъ учрежденій. Какъ же? «Законы» есть; порылся и нашель подходящую статью. А если статья нѣсколько подѣ дѣяніе» и не подходитъ,—тоже недушевно: апеллируй на здоровье, а «губернскій» утвердитъ. «Рука руку моетъ», значить.

Что за бѣда, если, какъ законный мотивъ, при заключеніи обвиняемаго подѣ стражу, по «слѣдствію», произведенному квартальнымъ, прилетался законъ «таможенный»?!

А такихъ казусовъ бывало много, при обвиненіи, напримѣръ, за конокрадство. «Рѣшенія» писались келейно на дому членами окружнаго суда. Дѣло лежитъ—вылеживается въ судѣ. Зайдетъ случайно изъ кабачка въ судѣ подсудокъ и «подмахнетъ» рѣшеніе, не читая. За нимъ—второй, скрѣпа секретаря, слово «читаль» стряпчаго, и «дѣло» (если не подлежитъ апелляціи) приводилось въ исполненіе.

Въ «губернскомъ» назначался «Питеромъ» (и то чаще по представленію мѣстной главной власти) одинъ лишь предѣдатель съ «товарищемъ»; совѣтники, по избранію губернаторомъ, «утверждались» генераль-губернаторомъ. Своя семья и «свои люди»...

«Tres faciunt collegium»,—дѣла, конечно, рѣшались тріо, хотя и келейно. Какъ ни артачься предѣдатель,—«большинство голосовъ»...

«Оботрется,—еще молодой»,—говаривали совѣтники по адресу рьянаго предѣдателя.

И предѣдатель «обтирался».

Перейду къ курьезамъ.

На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири плавно и величаво катить свои мутныя волны къ Ледовитому океану громадная рѣка. На берегу ея крошечный окружный городокъ, съ 500 жителей и окружнымъ судомъ.

Судья, конечно, старецъ, но не 70—80 лѣтній, а нѣсколько, по древности, перешагнувшій этотъ возрастъ. Словомъ—младенецъ невинный. «Подѣ шерсть» и засѣдатели (одинъ—никогда «не просыпался»: вѣчно пьянствовалъ, и нормальное его состояніе было то, что принято называть ненормальнымъ).

Дѣла для «рѣшенія» дѣлились на три части: одна судѣ и по одной части засѣдателямъ.

И вотъ, чуть ли не столѣтній старецъ-судья, будучи не въ силахъ уже писать «рѣшенія» своей доли дѣлъ, нанимаетъ для сего

одного ссыльно-поселенца, бывшего офицера, по три рубля за просмотр дѣла и «рѣшеніе». Тотъ быстро, по-военному, сталъ «рѣшать». Судья умилился духомъ и мзду внесъ. Засѣдатели, видя это и желая сбыть съ плечъ обузу поскорѣе,—тоже съ поклономъ, но уже съ предложеніемъ ссыльному не по три, а по два рубля за дѣло: «мы де меньше получаемъ».

Всѣ дѣла мигомъ «зарѣшены» (какъ?—другой вопросъ).

«Судъ», въ полномъ составѣ, торжествуетъ: «обвиненные» въ тюрьмѣ, ждутъ или отбываютъ наказаніе и все такое.

Такъ продолжалось цѣлый годъ.

Пошли слухи, доносы, и «пошла писать губернія». Что дѣлать?

Авторъ «рѣшеній» догадливъ и малый не дуракъ: и тутъ себѣ пользу извлекъ и патроновъ прикрылъ и очень хитро.

Для массы «рѣшенныхъ» дѣлъ нужна была въ судѣ отдѣльная комната («архивъ»), а таковой комнаты не было: свободныя «горницы», хоть и незаконно, занималъ секретарь съ семьей. «Архивъ» устроилъ авторъ «рѣшеній» сзади бани, помѣщавшейся во дворѣ, въ пристроенной къ этой банѣ клѣтушкѣ.

Какъ-то, наканунѣ праздника, владѣлецъ дома, гдѣ помѣщался судъ за извѣстную плату ежегодно, вздумалъ попариться въ своей банѣ; вмѣстѣ съ нимъ забрался туда и авторъ судебныхъ рѣшеній.

Понарились важно, помылись, ушли.

Но вскорѣ стали бить въ набатъ: «баня въ судѣ горитъ, пожаръ, пожаръ!»...

«Архивъ» суда сгорѣлъ дотла.

Авторъ «рѣшеній» и въ этомъ случаѣ маху не далъ.

Забрался онъ въ тюрьму, къ «товарищамъ», благо доступъ туда писцамъ изъ суда всегда открывался свободно.

Оттуда сразу, потомъ, бѣдный старецъ-стряпчій получаетъ до 200 прошеній отъ «напрасно заключенныхъ» ворипекъ и конокрадовъ о выдачѣ имъ копій съ рѣшеній по ихъ дѣламъ окружнаго суда, для частныхъ жалобъ: въ дѣлѣ де имѣются доказательства alibi.

Подержали совѣтъ старцы и рѣшили сотни архаровцевъ выпустить на свѣтъ Божій.

Тѣ торжественно, съ пѣснями, вышли изъ тюрьмы.

Мѣсяца два послѣ этого обыватели городка «держали караулъ», и очень строгій, по ночамъ, у избъ, амбаровъ и конюшенъ.

И все это—не сказка, а быль.

Поважнѣе арестанты, по веснамъ, обыкновенно «силой уходили» (кто желаетъ) къ «генералу Кукушкину», добровольно возвращаясь въ тюрьмы уже осенью.

Много позже приведеннаго случая съ пожаромъ судебного «архива» мнѣ пришлось управлять одно время округомъ.

Было начало весны.

По обязанностямъ службы, какъ-то зашелъ я въ тюрьму. Смотритель говорить:

— Надзиратель подслушалъ, что 40 человекъ арестантовъ хотятъ «кукушку слушать», и тюрьма пожелала «сыръ давить»...

— Что такое?..

— А вотъ что: у насъ 700 арестантовъ; тюремная ограда изъ «палей» (частоколь); вотъ, въ прогулку, послѣ обѣда, они и становятся рядами у одной стороны «палей» и нажимаютъ другъ друга въ сторону ограды: брешь и образуется, а тамъ...

— А часовые?..

— Да команда у насъ изъ 18 человекъ, по 6 человекъ на смѣну. Попробуй ктонибудь выпустить зарядъ не въ воздухъ,— убьютъ. А у солдата—жена, дѣти...

Заблаговременно принятыми мѣрами мнѣ лично не пришлось убѣдиться, какъ арестанты «сыръ давятъ»...

Впрочемъ, я удалился нѣсколько въ сторону.

Н—скій губернский судъ.

Предѣдатель—очень почтенный и не глупый человекъ, но глуховатъ; слушаетъ говорящаго при помощи трубы. (На судѣ въ то время говорить и слушать не требовалось).

Товарищъ предѣдателя—подагрикъ; его возятъ въ креслахъ на колесахъ; одинъ изъ совѣтниковъ прострѣлилъ какъ-то на охотѣ себѣ ногу,—немного хромаетъ; второй совѣтникъ очень гордъ, съ просителями говорить не любитъ.

Вотъ каковъ составъ одно время былъ въ Н—скомъ губернскомъ судѣ...

Зданіе губернскаго суда помѣщалось во 2-мъ этажѣ каменнаго дома купца 1-й гильдіи, еврея —ча.

Была когда-то надъ судомъ и вывѣска, но ее сорвало вѣтромъ. Сторожа хранили вывѣску въ чуланѣ. Секретарь собирался, было, прибить вывѣску вновь, но... «все какъ-то позабывалъ».

За то, въ нижнемъ этажѣ, у входной туда двери, была вывѣска: «Ренскові: спродажей навынось».

Мѣстный адвокатъ (ценза не требовалась,—одна прѣктика), нѣмецъ —ль, былъ большой комикъ.

Онъ съ судомъ продѣлалъ замѣчательный кунштюкъ.

Какъ-то пропустилъ онъ срокъ кассациі.

«Ничто же сумняся», адвокатъ готовить просьбу въ губернский судъ, прибавивъ внизу: «Изложенное подтверждаемъ»...

И за 1 рубль серебромъ нашелъ пару ссыльныхъ (благо, имъ терять нечего), подписавшихъ эту просьбу, безъ прибавленія, конечно, своего званія.

А прошеніе это, приблизительно, было вотъ каково:

«Въ N—скій губернскойій судъ

«повѣреннаго мѣщанина NN (такого-то)

«прошеніе.

«При нижепоименованныхъ свидѣтеляхъ (имя рекъ) я въ срокъ носилъ кассацию въ губернскойій судъ. Долго мы ходили, ходили: все искали, гдѣ этотъ судъ. Говорятъ, въ домѣ — ча. Подходимъ. Вывѣски нѣтъ. То бишь есть, но не та, а о продажѣ «навыносъ». Мы не побоялись, чтобы насъ «вынесли» (пьяны не были), и храбро вошли, полагая, что тамъ же и судъ. Видимъ: полка, стойка, бутылки... За прилавокъ, по лѣсенкѣ сверху, спускаются «кокарды» и торопливо «прикладываются». Тѣмъ же путемъ я, съ поименованными свидѣтелями, пробрался вверху. Говорятъ: «Пріемная,— подожди». Жду. Проходитъ видный господинъ. Я къ нему съ кассацией. Онъ важно окинулъ меня съ ногъ до головы и... прошелъ мимо. Думаю: не въ больницу ли я попалъ: она гдѣ-то возлѣ,— должно,—полоумный явился къ врачу, или его привели. Вижу, проходитъ въ вицъ-мундирѣ хромой съ палкой. Прошелъ куда-то. Больница, думаю: рану на ногѣ пользоваться чиновникъ явился. Далѣе входитъ господинъ съ трубой (предсѣдатель). Убѣждаюсь уже отчасти въ томъ, что я въ больницѣ. Должно, думаю, это— музыкантъ, грудью страдающій. То собираюсь къ уходу, то еще остаюсь дожидаться: авось я въ судъ попалъ.

«Наконецъ, вижу: ввозятъ въ креслахъ уже разслабленнаго (товарищъ предсѣдателя). Тутъ ужъ я и мои спутники, все оптомъ, рѣшили: не туда попали,—намъ бы—въ судъ, а тутъ больница.

«И долго мы еще шатались съ этой здѣсь представляемой кассацией по городу: искали еще домъ жидка — ча. Говорятъ: второго такого дома нѣтъ; а судъ—тамъ, гдѣ вы были. Да въ судѣ ли, или больницѣ я былъ?

«Въ виду изложеннаго прошу: прошеніе сіе принять къ производству, срокъ мнѣ, для подачи кассационной жалобы, восстановить, а въ случаѣ неудовлетворенія моего ходатайства въ семь послѣднемъ отношеніи, — настоящее прошеніе, въ видѣ частной жалобы, представить на благоусмотрѣніе г. генераль-прокурора»...

(Подписи, годъ, мѣсяцъ и число).

Прошеніе это было возвращено автору секретаремъ суда, послѣ просмотра «въ присутствіи», съ какого-то угрозой, но кассационная его жалоба, писанная заднимъ числомъ, была принята, и рѣшеніе суда, вошедшее уже на дѣлѣ въ силу, было пріостановлено до результатовъ по кассаци.

На томъ, пока, остановимся.

Въ моей записной книжкѣ масса подобныхъ аномальныхъ казусовъ; всѣ они, хоть не такъ пикантны, но одинаково печальны. Я выбралъ лишь курьезное ¹⁾.

II.

Главная власть извѣстной части Сибири ввѣрялась, какъ и нынѣ, генераль-губернатору, руководителю и предсѣдателю учрежденій всѣхъ вѣдомствъ ²⁾.

Въ губерніяхъ и областяхъ были, конечно, губернаторы. Все управленіе сосредоточивалось (въ губерніяхъ) въ «общемъ губернскомъ управленіи» (нынѣ — канцелярія губернатора). Тамъ было 3 отдѣленія: 1-е распорядительное, 2-е судное и 3-е хозяйственное. Особенно «работало» 1-е отдѣленіе. Начальникъ этого отдѣленія «продавалъ» мѣста исправниковъ и засѣдателей. Мѣсто исправника въ Иркутской, на примѣръ, губерніи, много лѣтъ тому назадъ, оплачивалось: одновременно 3 тысячи рублей и ежегодно по 1.000 рублей. (Исправникъ свое жалованье отъ казны отдавалъ «на канцелярію». Источники его существованія — укажемъ ниже).

Читатель, конечно, спроситъ: а что же губернаторъ? Что изображалъ онъ изъ себя?..

Вопросъ совершенно правильный. Отвѣчу: губернаторъ былъ «во дни оны» ничто, онъ былъ помпадуръ, не больше. Назначалъ онъ чиновниковъ по протекціи или докладу, а то и по фантазіи, на извѣстныя мѣста; отъ скуки по временамъ «озиралъ» губернію (отчасти и ради прогоновъ), а далѣе...

Впрочемъ... на томъ его дѣятельность и кончалась.

Отъ скуки гг. помпадуръ и женились въ Сибири.

Вотъ, на примѣръ, одинъ (въ г. Иркутскѣ) женился на бывшей «воспитанницѣ» (впослѣдствіи «мадамѣ») «института безъ древнихъ языковъ».

Его, конечно, за это убрали. Но чѣмъ объяснить этотъ случай?

Попадались помпадуръ и изъ дѣятельныхъ; но служебная ихъ дѣятельность, въ большинствѣ случаевъ, сводилась или къ наживѣ (чаще всего), или къ толченію воды въ ступѣ. Приемами тамъ не стѣснялись; разъ «бралъ» помпадуръ, — взяточничество сходило съ

¹⁾ Читатель можетъ подумать, что я любитель однихъ только темныхъ красокъ; далеко не такъ: имѣлись и свѣтлыя, но ихъ было такъ немного, что... Впрочемъ, со временемъ, поговорю и о болѣе желательныхъ явленіяхъ изъ жизни Сибири.

²⁾ Генераль-губернаторство Западной Сибири упразднено; взамѣвъ его учреждено Степное, съ мѣстопробываніемъ начальника края въ г. Омскѣ; пограничное со Стеннымъ — Туркестанское генераль-губернаторство, съ военно-народнымъ управленіемъ; Иркутское, въ наши дни, выдѣлило изъ себя Приамурское генераль-губернаторство.

рукъ безнаказанно и мелкой сошкѣ. Безкорыстныхъ служаекъ, конечно, не терпѣли.

Помню случай, когда взяточникъ-помпадуръ «пробиралъ» за какую-то пустую оплошность по службѣ подчиненнаго.

— Вы, вы не «берете»: я это знаю, но къ службѣ вы не годитесь,—оралъ помпадуръ. — Вы думаете, я о васъ сдѣлаю представленіе?! Какъ же: держи карманъ пошире...

И тутъ же помпадуръ суетъ подъ носъ подчиненному кукишку. Того взорвало.

— Ваше превосходительство! Изволите забываться, я офицеръ, а не халуй...

— А по оружію?—любопытствуетъ помпадуръ.

— Вамъ извѣстно: въ артиллеріи служилъ.

— А! такъ вы артиллеристъ: ну, такъ вотъ вамъ на лафетѣ!

И кукишъ правой руки, положенный на ладонь лѣвой, подносится къ самому носу бѣднаго «артиллериста».

Что творилъ этотъ нахаль-помпадуръ, — уму непостижимо, но всегда помнилъ онъ «11-ю заповѣдь». Онъ ее зналъ твердо; къ дѣлу примѣнялъ ее на каждомъ шагу.

Какъ-то, по взяточничеству одного изъ засѣдателей, помпадуръ получилъ сто два прошенія отъ мѣстныхъ крестьянъ и казаковъ. Цифра почтенная. Заволновался даже помпадуръ.

— Н-вѣтъ, пора молодцу и на покой, — отрѣзаль онъ докладчику, начальнику 1-го отдѣленія.— Вы говорите: пустяки. Нѣтъ-съ, не пустяки. Бери, да знай же мѣру-съ. Да...

Помпадуръ рѣшилъ лично, на мѣстѣ, провѣрить жалобы.

Было, по инстанціямъ, послано строгое предписаніе засѣдателю: самъ де помпадуръ будетъ разбирать жалобы на мѣстѣ.

«Слухомъ земля полнится». Мужики повеселѣли; повеселѣли и «борзописцы» (грамотные поселенцы): имъ тоже лафа пришла. До 100 новыхъ «прошеній» строчили они къ пріѣзду помпадура, а за это—рубль, полтина перепадеть.

Только удивительно было мужикамъ, почему де это «баринъ» (засѣдатель) не унываетъ: все тотъ же, безъ перемѣны.

Былъ вечеръ. Комнаты «земской» квартиры прибраны, очищены, вѣстовые, прислуга—все въ аккуратѣ.

«Махальный» замахаль.

— Ёдетъ, ёдетъ!..

До сотни мужиковъ столпилось полукругомъ у «земской», съ «листами гумаги» (прошеніями) надъ головой.

Засѣдатель, въ мундирѣ, стоитъ у входа съ рапортомъ и другимъ пакетомъ, довольно объемистымъ, съ крупною надписью на оболочкѣ «прошеніе».

Рыдванъ съ помпадуромъ подкатилъ къ «земской».

«Ура, ура!» —раздалось въ толпѣ.

Помпадуръ выльзаетъ изъ рыдвана, устранивъ рукою помощь въ этомъ дѣлѣ засѣдателя.

Мужики съ «гумагами»...

— Осади назадъ!—гремитъ засѣдатель.

На крыльцѣ помпадуръ набрасывается на «барина»:

— М-м-мъ!.. Я... я... того, я васъ подь судъ, ракалю! Это что?..—и тутъ же суетъ «дѣло» подь носъ засѣдателя:—здѣсь до 100 слишкомъ прошеній... Грабить?! Я тебя!..

— Да, ваше превосходительство, все это ложь, кляузы. Вотъ здѣсь (подаетъ «прошеніе») всѣ доказательства, кто ябедничаетъ и поощряетъ доносы, а я... я не виноватъ...

Помпадуръ принимаетъ «прошеніе» и входитъ въ «горницу». Спустя минутъ 20, помпадуръ, все же суровый, выходитъ и грозно оретъ собравшейся толпѣ съ «гумагами»:

— Ахъ, вы, мерзавцы, ябедники! Вы—доносить!.. Всѣхъ въ кандалы, да по иркутскому тракту! Я васъ научу, какъ власть порочить!.. Я васъ... А ну-ка, ну... Кто съ прошеніемъ, ракали?..

«Гумаги» моментально разбѣжались...

«Баринъ»-засѣдатель восторжествовалъ.

— Лошадей!—заоралъ помпадуръ и... укатилъ обратно

Да то ли еще продѣлывалъ этотъ милѣйшій помпадуръ?!

Попадались помпадуры и изъ молодыхъ. Такихъ называли обыкновенно «государственными юнцами». Такой «юнецъ» практиковался на сибирской губерніи для управленія впоследствии «россійской» губерніей.

Бдетъ подобный юнецъ въ свою губернію. Перевалилъ границу; онъ уже дома и... «озираетъ». Тамъ и тутъ — вездѣ худо, плохо, скверно. Безъ толку гонить съ мѣсть долой чиновниковъ, арестовываетъ, грозитъ, словомъ,—холоду нагоняетъ.

Въ губернскомъ городѣ та же канитель: ревизіи внезапныя и генеральныя, встряски, взбучки и т. п.

Служилъ я подь начальствомъ подобнаго юнца секретаремъ одного изъ губернскихъ учрежденій.

Однажды зоветъ меня къ себѣ превосходительный. Являюсь.

— Э-э... Я позволилъ себѣ потревожить васъ для важной цѣли. Простите, пожалуйста. Прикажете набрать въ губернской типографіи, составивъ предварительно, маленькое объявленіе. Въ городѣ де развелось много бродягъ и безпаспортныхъ. Поэтому мирные обыватели благоволятъ въ ночь съ 26 на 27 октября оставаться по домамъ, ибо тогда-то будетъ облава на жуликовъ...

Я внимательно посмотрѣлъ въ лицо помпадуру: не рехнулся ли онъ?..

Я изложилъ всю нецѣлесообразность расклейки подобнаго объявленія; доложилъ это крайне осторожно: зналъ, что юный помпадуръ крайне самолюбивъ и противорѣчій не любитъ.

— Ну-съ, обойдемся,—говоритъ онъ,—и безъ печатанія объявленій: полицейскіе по домамъ объявятъ словесно...

— Да, ваше превосходительство...

— Э-э., кто здѣсь, милостивый государь, губернаторъ: вы или я?..

И «облаву» учинили. Не поймали изъ жуликовъ, конечно, никого, но статскихъ генераловъ, возвращавшихся поздно ночью изъ клуба домой, городовые поймали съ пятокъ; отвели ихъ торжественно въ ближайшій участокъ, откуда «генералы», узнанные дежурнымъ чиновникомъ, отпущены были по домамъ.

«Облава» долго служила темой для шутокъ и остротъ. «Государственный младенецъ» ужасно злился и встрѣчи со мною долго избѣгалъ.

Въ подобномъ родѣ были и «предсѣдатели» другихъ губернскихъ учреждений, но, въ силу небольшого цикла власти, произволь ихъ выступалъ не такъ рельефно наружу.

Не даромъ бывшій генераль-губернаторъ восточной Сибири, генераль Синельниковъ, человекъ прямой и безусловно честный, находилъ необходимымъ примѣнять на дѣлѣ «дубинку» по спинамъ «чиновъ» разныхъ вѣдомствъ и званій.

Одному изъ своихъ фаворитовъ почтенный генераль этотъ сказалъ однажды: «Не думай, братецъ, что я генераль-губернаторъ, начальникъ громаднаго края. Нѣтъ, я командиръ арестантскихъ ротъ»...

И покойный генераль былъ правъ.

III.

Округи (уѣзды) управлялись полиціей. Окружный исправникъ въ округѣ былъ маленькимъ помпадуромъ. Ѣздилъ «за сборомъ» по волостямъ цугомъ, на обывательскихъ лошадяхъ, возили его обыкновенно не менѣе 25 верстъ въ часъ. На станціяхъ все предъ нимъ трепетало: «чижовка» и розги вещь не изъ пріятныхъ.

Въ мое еще время нравъ этихъ помпадурчиковъ былъ таковъ же, какъ и во дни оны, при Сперанскомъ.

Напомню историческій случай.

Сперанскій въѣзжаетъ въ Енисейскую пунѣ губернію. Баба къ нему съ жалобой на исправника Лоскутова.

— Я его въ бараній рогъ...—говоритъ Сперанскій.

— Батюшка! Да, знаешь ли ты, про кого говоришь-то? Да, вѣдь, это Лоскутовъ, а не кто либо...

Лоскутовыхъ и въ мое время было много.

Какъ сказано выше, исправникъ свое жалованье отъ казны (1.500 р. въ годъ) отдавалъ «на канцелярію»; аренды начальнику 1-го отдѣленія общаго губернскаго управленія (въ мое время былъ такой «золотой человѣкъ» въ Иркутскѣ) платилъ отъ себя по 1.000 р. въ годъ, субсидіи своему помощнику (взять ему не изъ чего) тоже 1.000 въ годъ.

Откуда онъ бралъ на это средства? Укажемъ.

Въ округѣ 3—4 завода винокуренныхъ; по тысячѣ рублей въ годъ=3.000—4.000 р.; до десятка волостей,—«сборъ» съ cadaго волостнаго писаря по 600 р., «на усиленіе средствъ»—6.000 р., съ инородныхъ управъ—столько же, да со «складовъ» вина и спирта въ округѣ 10.000—15.000 р.

И все это—истина!..

Засѣдатели въ участкахъ довольствовались половиной цифрой, но они имѣли «доходы» отъ слѣдствій, дознаній, утвержденій (какъ мировые посредники) въ почетныхъ должностяхъ лицъ крестьянскаго и инородческаго управленія и т. п.

Волостные писаря, кромѣ «темныхъ» сборовъ, получали до 7.000 р. окладнаго жалованья.

Какъ ни странно, но это такъ.

Волости (напримѣръ, по Ленѣ) тянулись вдоль по рѣкѣ тысячи на полторы версты. Въ «правленіи» былъ цѣлый штатъ «помощниковъ» и писцовъ. Засѣдатель (онъ же и судебный слѣдователь) поручалъ волостному головѣ (старшинѣ) производство дознаній на мѣстѣ. Голова безграмотенъ,—фактическое дознаніе производитъ «помощникъ» писаря. А для «дознанія» надо уѣзжать верстъ за 600—700 отъ волостной «фатеры»...

Мужикъ твердо зналъ, что писарю надо и «помощниковъ» ораву держать, исправнику и засѣдателю «на усиленіе канцеляріи» платить, и... платилъ ему охотно по 7.000 р. въ годъ и на «темные» поборы соглашался: пусть де кормится.

На золотыхъ пріискахъ власть полицейская ввѣрялась горному исправнику (какъ и нынѣ), съ производствомъ слѣдствій, дознаній, «порки» рабочихъ изъ ссыльныхъ (а подъ сурдинку и изъ лицъ свободныхъ состояній) и другихъ законныхъ и незаконныхъ «дѣяній».

Мѣста горныхъ исправниковъ (по «классу» государственной службы ничтожныя) давались, какъ награда, подъ конецъ службы заслуженнымъ чиновникамъ и военнымъ штабъ-офицерамъ и обыкновенно лишь на срокъ не болѣе трехъ лѣтъ. Правительство, учреждая эти должности (съ жалованіемъ, вмѣстѣ съ канцеляріей, въ 1.000 съ чѣмъ-то рублей), имѣло, конечно, въ виду и охрану интересовъ бѣднаго рабочаго отъ произвола богатаго «хозяина», владѣльца пріиска. На дѣлѣ выходило нѣчто непонятное.

Прісковая «компанія», подъ видомъ квартирныхъ, разъѣздныхъ и др. нуждъ, приплачивала горному исправнику отъ себя небольшую крупицу, — тысячъ 30—40 въ годъ! Г.г. горные исправники не всегда аккуратно, слѣдовательно, оберегали интересы рабочаго. Такъ велось чуть ли не до послѣднихъ дней.

Говорятъ, съ введеніемъ судебной реформы и учрежденія мировыхъ участковъ и въ районахъ прісковъ, «лафа» горнымъ исправникамъ отошла. А прежде... на Витимской, напримѣръ, системѣ я встрѣтилъ, въ лицѣ горнаго исправника, господина съ превосходительнымъ типомъ, занимавшаго ранѣе постъ предсѣдателя Иркутскаго губернскаго правленія — вице-губернатора. Не даромъ — «деньги сила»...

Купцы и складчики («винные генералы»), владѣльцы лавокъ съ разнымъ хламомъ, массы кабаковъ и винныхъ оптовыхъ складовъ, жили царьками, въ своемъ районѣ каждый. «Стачка» была обычнымъ явленіемъ; цѣны на извѣстные предметы, ни съ того, ни съ сего, одновременно во всѣхъ лавкахъ города, городка, селенія и даже тракта у станцій, вдругъ поднимались до баснословныхъ размѣровъ. Мнѣ, напримѣръ, лично, не такъ еще давно, въ г. Киренскѣ на Ленѣ, въ 1885 году, пришлось платить: за фунтъ стеариновыхъ свѣчъ то 35 копеекъ, то 1 рубль 20 копеекъ, фунтъ рису 40 — 90 копеекъ, фунтъ керосину 23 копейки — 1 рубль и т. п.

Товаръ (залежалый) и вино давались купцами звѣропромышленникамъ въ долгъ подъ будущія шкурки лисицъ, соболей, песцовъ и другихъ звѣрковъ, чѣмъ мужикъ былъ въ полной кабалѣ у купца, не забывавшаго, конечно, что крупицу (изряднаго объема) отъ «доходовъ» надо дать и аргусу, возлѣ стоящему, въ лицѣ исправника, засѣдателя, городского пристава и т. д.

Болѣе всего, конечно, отъ купцовъ-винооторговцевъ перепадало акцизному надзору; «вольный и невольный доходъ», напримѣръ, участковаго помощника акцизнаго надзирателя равнялся 20 — 25 тысячамъ рублей въ годъ!

За это «виннымъ генераламъ» допускались разныя «льготы»: вино въ городахъ (вмѣсто казенныхъ 40%) разрѣшалось продавать не ниже 38% (въ сельскихъ «складахъ» и 28%). Но къ сроку мѣсячной ревизіи склада, какъ требуется по закону, вино въ «мѣрникѣ» бывало всегда должной нормы. (Отъ склада до склада, по пути слѣдованія акцизнаго ревизора, всегда впереди скакалъ посыльный). Въ большихъ селеніяхъ «винные генералы» кабаковъ не открывали (документы денегъ стоятъ), а производили дробную продажу вина прямо изъ оптоваго склада. Акцизный надзоръ этого обстоятельства какъ-то не замѣчалъ.

Мужики радовались пріѣзду «акцизника»:

— Ну, паря Миколай, вали въ складъ, потому левизорный акцизникъ, слышь, бѣжитъ: вино, значить, казенной мѣры.

Въ 1885 году, въ одномъ изъ ленскихъ городковъ, мнѣ удалось добыть «чернычекъ» распредѣленія «субсидій» деньгами и натурой союза семи только (изъ 16-ти) окружныхъ «винныхъ генераловъ», владѣльцевъ 27-ми винныхъ складовъ въ округѣ. Воспроизвожу этотъ документъ, относящійся къ 1872 или 1875 году. (Цифра не разобрана).

Г. N—скъ, 2-го января 187(?) года.

СЧЕТЪ РАСХОДАМЪ.

Число складовъ.	Фамилий собственниковъ.	КОМУ.	Винногъ съ кажда склада.	Деньгами со склада.	ЗАЧТО.
27	(Искрѣпительскій).	Помощнику акцизнаго надзирателя (NN).	Сколько потребуетъ.	По 400 р. со склада.	По службѣ.
		Исправнику.	По 1/2 вед.	По 300 р.	
		Засѣдателю О—ву.	По 1/4 вед.	По 150 р.	За скорую выдачу документъ.
		Казначей.	Въ общемъ 1 в. въ мѣс.	Сопча 300 р.	
		Стряпчему.	Тоже.	Тоже.	За сообщеніе съ почтой по складамъ о выѣздѣ надзирателя.
	Почтмейстерамъ N-ской и X-ской конторъ.	Тоже.	Тоже.	Обигомъ 400 р. въ годъ.	

Чиновникъ-сибирякъ любитъ родину, радъ бы и не «братъ», но на это его вынуждали до послѣдняго времени «штаты», крайне мизерные. При низкомъ вообще образовательномъ уровнѣ чиновничества трудно было ожидать проявленія гражданскихъ доблестей, хотя бы отчасти.

Въ 1885 году, я состоялъ секретаремъ иркутскаго губернскаго правленія, съ жалованьемъ въ 700 рублей въ годъ. (Это при цѣнѣ квартирки изъ двухъ комнатъ въ 20 рублей въ мѣсяцъ, говядины 10 — 15 копеекъ за фунтъ и проч. въ этомъ родѣ).

Пришлось жить на окраинѣ города, безъ прислуги, самому ходить на базаръ за провизіей, оттуда—домой, а уже послѣ на службу. Сослуживцы подсмѣивались; приходилось отвѣчать: «по одежкѣ протягивай ножки». Будь у меня громадная семья,— не знаю, выдержалъ ли бы я свою роль до конца такъ, какъ довелъ я ее до выхода моего въ отставку. Не даромъ говорится: «голодъ не тетка» и «нужда не свой братъ».

Мнѣ приходилось много разъ, въ качествѣ слѣдователя, встрѣчаться съ самыми безотрадными, нежелательными картинами пре-

ступлений, вызываемыхъ обстоятельствами, а не личною злою волей.

— Помилуйте,— говорилъ, напримѣръ, одинъ секретарь окружной полиціи:—я, правда «бралъ», но и съ меня тянуло начальство. Всѣмъ подай, а изъ чего?..

Приходилось, конечно, высказывать свое сожалѣніе, но «мѣру пресѣченія» принимать.

Безотрадное было время.

IV.

«Подъ слѣдствіе» частенько попадалъ одинъ изъ полицейскихъ засѣдателей. Чести, пожалуй, въ немъ не обрѣталось вовсе, но за то нахальства, съ претензіей на комизмъ, было очень много. Вотъ нѣсколько случаевъ изъ его «служебной» практики.

Получаетъ онъ циркуляръ: «по возможности, знакомить казаковъ и крестьянъ съ законами».

Недолго думая, онъ сваливаетъ въ телѣгу всѣ 15 томовъ «законовъ» (16-го въ то время еще не было) и, въ отдѣльномъ гарантасѣ, вслѣдъ за телѣгой, катитъ въ громадное казачье село.

Была страда; казаки въ полѣ; въ избахъ лишь дѣти и старики.

— Атаманъ!—кричитъ «баринъ»:—сзывай народъ, потому манифестъ читать надо.

Казаки сбѣжались.

— Ну, ребята, на лугъ! Становись всѣ колесомъ...

Сказано—сдѣлано.

Въ центръ круга вѣзжаетъ телѣга съ «законами». «Баринъ» важно прочелъ «циркуляръ о законахъ» и говоритъ своему писарю:—ну-съ, Петръ Ивановичъ, начни-ка...

Писарь начинаетъ: «Сводъ законовъ Россійской имперіи. Изданіе 1857 года». И тутъ же цитируется первая статья перваго тома.

— Поняли?—спрашиваетъ «баринъ».

— Быдто понимаю.

— А ну-ка, повтори, хотя бы ты, паря...

— Расея, этго быдто Расея...

— Да не такъ: надо слово въ слово. Читай, Петръ Ивановичъ, пока не выучатъ хоть нѣсколькихъ статей эти остолопы.

Далѣе «баринъ» говоритъ: «Ну, дурачье! Вишь, какія толстыя книги; ихъ 15, да «продолженій» тутъ еще десятка съ три. Надо всѣ статьи знать слово въ слово, а вы еле-еле половинну первой статьи перваго тома выучили. Поучайтесь, поучайтесь, а я зайду на «фатеру,—подзакушу»...

И «баринъ» важно удаляется.

Казаки догадываются: «Видно, надѣть яму по полтинѣ съ рыла, а то замазетъ съ эфгими законами, а тутъ косятъ бы»...

Деньги собраны, «поселковый» атаманъ, избранный парламентомъ, является на «фатеру», кланяется «барину», замѣтно для него суетъ въ фуражку засѣдателя депозитки и начинаетъ:

— Такъ что, вашбродь, ослобони отъ законовъ-то...

— Гмъ... А выдь-ка на минутку.

Просчитавъ на свободѣ лепту, «баринъ» зоветъ «поселковаго». Тотъ, для виду, конечно, продолжаетъ:

— Вашбродь, будь отецъ родной, ослобони...

— А вы обучитесь законамъ?

— Да сами, вашбродь, все сіе предоставимъ, потому...

— Ну, ладно,—кончаетъ разговоръ засѣдатель:—я вамъ вѣрю... Лошадей!..

И «просвѣтитель» укатилъ просвѣщать другія селенія.

Почтенный засѣдатель этотъ, какъ я сказалъ выше, частенько бывалъ «подъ слѣдствіемъ», но всегда выходилъ сухъ изъ воды: юридическихъ доказательствъ его виновности для суда не было (какой дуракъ будетъ брать при свидѣтеляхъ), и... дѣло предавалось «волѣ Божіей»...

Какъ-то попалъ къ нему неособенно грамотно составленный циркуляръ начальства. «Въ гор. Н. имѣется земледѣльческое училище. Туда призываются дѣти 10—14-ти-лѣтняго возраста. Объявить населенію».

Вотъ къ слову «призываются» и придрался засѣдатель. Летитъ онъ въ большое раскольничье селеніе, раскинувшееся «по тракту» на 13—14 верстъ, составляющее (одно селеніе) цѣлую волость.

— Писарь! Дай подворный списокъ!

Просмотрѣвъ списокъ, «баринъ» кричитъ: «Къ завтрашнему дню доставить Карпова, Сидорова и т. д., и т. д. съ дѣтьми-мальчиками 10—14-ти-лѣтняго школьнаго возраста (дѣтей оказалось до 140 человекъ этого «школьнаго» возраста), да заготовить 70 пароконныхъ подводъ: повезутъ ребятъ въ городъ»...

На утро длинной вереницей вытянулись подводы по тракту, мужики доставили въ волость «школьный возрастъ», бабы съ ревомъ провожаютъ ребятешекъ. «Баринъ» въ «волости».

— Чего, дуры, ревете?—кричитъ онъ:—«Расею» ребята повидаютъ. Туда пойдутъ съ «партіей», значитъ 6 мѣсяцевъ, назадъ тоже, ну, годъ, значитъ, да тамъ шесть лѣтъ...

Раскольники въ ноги: «Ослобони, вашбродь, отъ учобы эфтой, потому ни мы, ни отцы наши... Такъ што, вашбродь, мы бы и сукціонъ»...

И «сукціонъ» начался. Старшина-парламентеръ долго и таинственно продолжалъ этотъ «сукціонъ», кончившійся къ общему благополучію: ребятъ и подводы распустили по дворамъ.

Много уже позже этотъ «сукціонъ» всплылъ на свѣтъ Божій.

«Баринъ» и на «очной ставкѣ» отперся: «кто видалъ, какъ старшина мнѣ деньги давалъ?.. Я для нихъ добра желалъ, а тутъ»...

Есть извѣстная статья закона, жестоко карающая сельскихъ начальниковъ за «сборъ взятокъ» начальству. Бѣднаго старшину, попавшагося, «какъ куръ во щи», губернаторъ суду не предалъ, видя, что онъ «чистъ, аки голубица», въ этомъ дѣлѣ. Засѣдателя прогнали съ мѣста.

Тѣмъ и кончилось.

Такъ называемыя «земскія квартиры», гдѣ останавливались «по дѣламъ» (а то и безъ дѣлъ,—покутить на дачѣ) полицейскіе и другіе чиновники, стоили обществу очень дорого; чѣмъ больше деревня, тѣмъ дороже. Бывали «фатеры» и въ 100 рублей, и въ 1.000 рублей въ годъ и дороже, смотря по центру и количеству остановокъ чиновниковъ (главное,—засѣдателя, этого «бога и царя» участка). Тутъ производились слѣдственные и разныя другія «служебныя» дѣйствія.

По закону, въ «фатерѣ» полагалось бесплатно одно освѣщеніе и самоваръ (сколько угодно). Но господа засѣдатели, а за ними и прочіе «проѣзжіе» чиновники, предпочитавшіе ночевать или отдыхать не на почтовой станціи, а на земской квартирѣ, пили, ѣли, требовали себѣ поставлять даже недозволенное и за все это платить какъ-то позабывали.

Вотъ почему «фатеры» обходились обществамъ дорого. Одинъ изъ губернаторовъ области, гдѣ «служилъ» нашъ «баринъ»-засѣдатель, издаетъ по округамъ циркуляръ приблизительно слѣдующаго содержанія:

«До свѣдѣнія моего дошло, что господа земскіе засѣдатели и другіе чиновники пользуются на земскихъ квартирахъ, при остановкѣ тамъ по дѣламъ, содержаніемъ и даже выпивкой бесплатно. Разъясняю: земскія квартиры обязаны давать чиновникамъ, останавливающимся на земскихъ квартирахъ по дѣламъ, бесплатно лишь отопленіе, освѣщеніе и грѣть самовары. Прилагая при семъ таксу на съѣстные припасы для земскихъ квартиръ области, предписываю: въ прочтеніи сего доставить мнѣ подписки содержателей земскихъ квартиръ, съ обязательствомъ вывѣсить прилагаемую таксу, составленную по среднесправочнымъ цѣнамъ на припасы по области, на видномъ мѣстѣ»... и т. д.

Вотъ «баринъ»-засѣдатель и ѣдетъ по «квартирамъ» исполнить циркуляръ.

Большое село и «фатера». «Баринъ» бесѣдуетъ съ содержателемъ, прочтя ему циркуляръ.

— Прочелъ, уразумѣлъ,—росписку на семь учини.

— Такъ что, вашбродь, учиню...

— Прибей таксу на «видномъ мѣстѣ»...

«истор. вѣсти.», февраль, 1899 г., т. лххv.

Сказано — сдѣлано.

— А, ну-ка, — продолжаетъ «баринъ», — прикажи мнѣ тамъ кот-
лежъ пять-шесть, да полъ-«собаки» ($\frac{1}{2}$ бутылки).

Выпито, съѣдено. Вотъ «баринъ» и кричить:

— Хозяинъ! А сколь много съ меня?

— Да, ничего, вашбродь...

Здоровенная «затрещина» летитъ «въ ухо» содержателя:

— Какъ смѣешь, скотина, не исполнять циркуляровъ началь-
ства!.. Ты — бунтовать?! Давай сейчасъ «красенькую», — не то —
протоколъ, въ чижовку, да пятьсотъ закачу!..

И «красная» летитъ въ карманъ засѣдателя.

Содержатель квартиры послѣ «затрещины» говоритъ:

— Такъ что, вашбродь, за хлѣбъ-соль да въ ухо!..

— Молчать!..

Читателю все изложенное покажется страннымъ.

Отсылаю его къ только что вышедшему сборнику стихотвореній
Ф. Филимонова изъ сибирской жизни (С.-Петербургъ, 1898 г.).

Годъ изданія этого литературнаго труда говоритъ уже за то, что
«березовая каша» и до послѣдняго времени въ Сибири (Восточной)
пользовалась правомъ гражданства. Привожу небольшой отрывокъ
изъ стихотвореній г. Филимонова (стр. 194):

ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

Старшина.

«Да-съ, голодъ постигъ опять деревню нашу:
Нѣтъ хлѣба ни крохи; мрѣтъ множество ребятъ.»

Засѣдатель.

Нѣтъ хлѣба?.. Что-жь... березовую кашу
Искай вѣдать!..»

Какая иронія, вызванная жизненной правдой!..

V.

Дѣло народнаго образованія чуть ли не до послѣдняго времени
въ Сибири прогрессировало не очень быстро.

Въ Восточной Сибири, какъ и въ Туркестанскомъ краѣ, попе-
чителемъ учебнаго округа числится мѣстный генераль-губернаторъ;
на правахъ его помощника, по штату есть «главный инспекторъ
училищъ», de facto попечитель округа. Директоръ губернской гим-
назіи числится директоромъ училищъ извѣстной губерніи, въ окру-
гахъ (уѣздахъ) были штатные смотрители училищъ (безъ уроковъ,
хотя въ классахъ уѣзнаго училища), имъ ввѣрялась инспекція
школьнаго дѣла въ округѣ.

Нынѣ дѣло воспитанія народа улучшено, но прежде это было нѣчто невозможное. Директору училищъ, напримѣръ, полагалось на разъѣзды всего 240 рублей въ годъ, а штатному смотрителю училищъ — 60 рублей.

Если принять во вниманіе, что, по пространству, Якутская, положимъ, область превышаетъ Францію, а Иркутская губернія многимъ ея менѣе, — то ясно, что «разъѣздовъ» на сумму въ указанномъ размѣрѣ хватало лишь для ближайшихъ мѣстъ къ губернскому или окружному городамъ.

«Инспекція» рѣдко посѣщала школы.

По закону, имѣють право на прогоны: чиновникъ штабъ-офицерскаго чина (напримѣръ, штатный смотритель училища) на три лошади, а отъ чина статскаго совѣтника и выше — на шесть лошадей. На Амурѣ норма эта еще удвоена: оберъ-офицеръ — 4 лошади, штабъ-офицеръ — 6 лошадей и генеральскій чинъ (отъ статскаго совѣтника) — 12 лошадей.

По рѣшѣ Ленѣ, отъ ея верховья и сѣвернѣе (Иркутская губернія и Якутская область) прогонная плата — 4¹/₂ копейки верста и лошадь. Штатный смотритель имѣлъ, слѣдовательно, юридическое право расходовать изъ «разъѣздныхъ» по 13¹/₂ копеекъ на версту.

Если принять во вниманіе сумму этихъ «разъѣздныхъ» въ годъ (60 рублей) и обширность округовъ (1.000—1.500 верстъ изъ конца въ конецъ), — очевидно, что дальнія отъ городовъ селенія не видали подолгу школьной инспекціи. По заведенному изстари порядку вещей, сельскіе учителя занимались болѣе доставленіемъ дохода казнѣ по акцизному вѣдомству, чѣмъ дѣломъ.

Отслуживъ обязательный срокъ за воспитаніе въ учительской семинаріи, сельскій учитель, въ виду мизерности содержанія, стремился «удрать» въ другое вѣдомство, гдѣ трудъ оплачивался сравнительно лучше.

Въ городахъ положеніе учителей уѣздныхъ училищъ было хуже (какъ ни странно это) положенія сельскихъ педагоговъ: учителя уѣздныхъ училищъ, по штату, получали лишь по 350 рублей въ годъ содержанія, безъ квартиры, хотя цензъ для этого сорта педагоговъ требовался не ниже среднеобразовательнаго.

Въ г. Киренскѣ, напримѣръ, въ мое время, цѣна ржаной муки доходила до 3 рублей 50 копеекъ за пудъ, говядина 10—11 рублей. А тамъ еще и еще нужды чисто «шкурныя», кромѣ квартиры и дровъ.

Вотъ причины былой массы вакантныхъ учительскихъ должностей въ уѣздныхъ училищахъ, что давало, правда, при совмѣщеніи труда, возможность существованія наличному составу педагоговъ извѣстнаго городка.

Нынѣ, съ преобразованиемъ уѣздныхъ училищъ въ городскія и увеличеніемъ жалованія педагогамъ, невозможны факты, въ родѣ

нелегальной, но тайно имѣвшей мѣсто «таксы» за экзаменъ на первый классный чинъ, въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ Сибири. «Доходъ» этотъ доставляли уѣзднымъ педагогамъ больше станціонные смотрителя да земскіе засѣдатели, до вступленія въ службу не вкусившіе премудрости уѣзднаго училища. «Цѣна» за свидѣтельство объ успѣшномъ выдержаніи экзамена «на чинъ» бывала: 100, 150, а то и 200 рублей, смотря по средствамъ экзаменовавшагося.

Къ счастью, это уже отошло въ область преданій.

Обыкновенно, при этихъ «экзаменахъ» не стѣсняли, правда, экзаменующихся, хотя бы «дохода» они и не давали: разъ начальство признаетъ чиновника на своемъ мѣстѣ, — стѣснять его «въ чинѣ» считалось неудобнымъ.

Не обходилось и безъ курьезовъ. На вопросъ, напримѣръ, какія дробы бываютъ, старичекъ, станціонный смотритель, жаждущій быть коллежскимъ регистраторомъ, случалось, отвѣчалъ: «изволь, батюшка, изволь: бекасинникъ, утятникъ, куронатникъ, нулевикъ... Разная дробь бываетъ. Да я и не охотникъ, въ эфти тонкости не вхожу»...

— А что такое предложеніе?

— Да вотъ, къ примѣру теперича, посместеръ въ отставку приказывать: предложеніе даетъ, али тамъ женихъ предложеніе дѣвицѣ дѣлать. Всяко бываетъ...

Подспорьемъ финансовому положенію учебныхъ заведеній служили почетныя должности директора въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, почетнаго смотрителя въ уѣздныхъ училищахъ и «блюстителя» въ сельскихъ школахъ. Полагался извѣстный годичный взносъ по закону, при утвержденіи въ этихъ должностяхъ, дающихъ права на чины и знаки отличія («регалии», до коихъ свибрякъ падокъ невозможно).

«Почетные начальники» этихъ учебныхъ заведеній обыкновенно вносили превышающую закономъ установленную для этого минимальную норму, что дѣлало имъ большую честь, конечно.

Нѣкто Хаминовъ, напримѣръ, пришелъ въ г. Иркутскъ, карауля обозъ по ночамъ въ пути, за что возчики его везли отъ Томска и кормили днемъ. Умеръ онъ, оставивъ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Умеръ Хаминовъ въ званіи почетнаго директора гимназіи, съ «лентами» и въ чинѣ тайнаго совѣтника. Къ чести покойнаго надо сказать, что денегъ на народное образованіе онъ не жалѣлъ, несмотря на то, что самъ еле умѣлъ «подпись свою учинить». Что имъ руководило въ этомъ отношеніи, — вопросъ другой, но... и нынѣ существуетъ въ г. Иркутскѣ «шестиклассная женская прогимназія П. С. Хаминава».

Подобный ему былъ и другой благотворитель, Транезниковъ, оставившій, по завѣщанію, громадныя суммы на дѣло народнаго образованія въ Иркутскѣ, гдѣ имѣется его имени нѣсколько учебныхъ заведеній.

VI.

Тяжело было положеніе «во дни оны» рабочаго на пріискахъ. Положимъ, онъ получалъ при полномъ содержаніи (квартира, «харчи», водка и чай) приличное вознагражденіе — до 2—3 рублей въ сутки, но за то и жизнь его была хуже каторжной.

Работать приходилось ежедневно (не исключая и праздниковъ) по 15—16 часовъ. (Правда, давались перерывы на обѣдъ, чай и завтракъ). Большая половина заработковъ уходила на «запрещенныя» удовольствія (запретный плодъ сладокъ). Водки, на примѣръ, кромѣ «порцій», по закону, на пріискахъ рабочему имѣть не полагается и не полагалось. Прибѣгали тогда рабочіе къ контрабандѣ, хотя и съ большимъ рискомъ. Бутылка спирта отъ «спиртоносовъ» тайно покупалась ранѣе по 10—15 рублей (впослѣдствіи — и то 5—6 рублей); «хозяева» помельче сами, впрочемъ, бывало чуть ли не явно торговали спиртомъ и наживались. Горному исправнику часто бывало это извѣстно. Этотъ ревнитель, по закону, порядка и огражденія интересовъ рабочаго являлся на дѣлѣ заклятымъ врагомъ этого рабочаго, блюдя больше интересы одного «хозяина», по извѣстнымъ причинамъ. По этимъ же причинамъ бывало на пріискѣ немало рабочихъ съ давно просроченными паспортами и очень сомнительнаго свойства, а то и вовсе безъ видовъ на жительство. Рабочій часто заявлялъ, при поступленіи на пріискъ, что видъ его изъ N-скаго волостнаго правленія въ Европейской Россіи (часто такого правленія доискаться бывало нельзя) недавно, въ пути, гдѣ-то имъ утерянъ.

Давалась «отерочка», другая; а тамъ, гляди, и осень подошла, — время «расчета».

«Расчетъ» производился, правда, на крупныхъ пріискахъ весьма честно, — цѣны бывали все больше «божескія»: лишь 5 или 10⁰/0⁰/0 надбавки къ своей цѣнѣ «за провозъ», предметы первой необходимости продавались даже съ убыткомъ для компаніи (на примѣръ, въ Верхнеамурской). Но на мелкихъ пріискахъ съ рабочаго «шкуру сдирали»: цѣны на все были произвольныя; «хозяинъ» (въ большинствѣ еврей) изрядно «работалъ».

Эти «хозяева», изъ мелкихъ, пріискъ держали больше для виду, — скупали краденое «подъемное» золото изъ сосѣдняго крупнаго пріиска контрабандой у рабочихъ, вносили это золото въ свою «золотую» книгу, какъ бы ими намытое, а наживались отъ продажи спирта рабочимъ сосѣднихъ богатыхъ пріисковъ. Такихъ «хозяевъ» называли «хищниками».

«Расчетъ» оконченъ; рабочіе — съ деньгами за трудъ и за проданное «подъемное» золото «хозяевамъ» и на сторону, добродѣтельнымъ китайцамъ. Часть похищенныхъ съ пріиска «самородковъ»

зарыта въ извѣстномъ мѣстѣ; ихъ можно взять, тихонько возвратясь, и продать тѣмъ же китайцамъ: платятъ честно, аккуратно, немедленно.

Все лѣто «подъ началомъ» (порка не свой братъ): надо и разгуляться. И разгуль, по пути, бывалъ въ полномъ разгарѣ.

Особенно «зарабатывалъ» Витимъ.

Село Витимское (Киренскаго округа Иркутской губерніи) только и жило «прискакателями». Цѣнъ на вино, закуски и проч. (не исключая и «запретнаго») не опредѣлялось: «сколько положите». А это «положите» вело къ слѣдующему:

— Хозяйка! Есть омуль (рыба)?

— Есть.

— Ну, хозяйка, сама намъ поджарь парочку. Замѣсто двугривеннаго—тебѣ двѣ красненькихъ...

И сама хозяйка жарила омулей.

Являлся «ерооичъ», и «прискакатели» покрикивали: «жарь, баба, омуля».

Случались, и весьма во многихъ «увеселительныхъ» мѣстахъ, печальные казусы: полуцѣянаго «прискакателя», явившагося туда, допаивали водкой съ дурманомъ до безчувствія; послѣ его «потрошили» (осматривали карманы при помощи «юницъ») и, затѣмъ, прихлопнувъ ему лобъ обухомъ, его совершенно нагое тѣло, чрезъ ходъ изъ подполья, спускали поздней осенью въ холодныя волны широкой Лены.

И плылъ трупъ вмѣстѣ съ «шугой» (начало льда въ сибирскихъ рѣкахъ) внизъ по теченію до мѣста пріиска, откуда онъ прибылъ недавно въ Витимъ. Караульные, бывало, завидя и узнавъ трупъ по лицу, говорили:

— Гляди-тко, Николай Василичъ къ намъ уже плыветъ, синій, синій... Вишь, за шугой ужъ плаваетъ.

Въ селеніи Витимскомъ и нынѣ стоитъ еще домъ, гдѣ въ послѣднее время открыто было «подполье» для жертвъ, предназначенныхъ къ «плаванію» по Ленѣ внизъ, въ свое время.

Открытію этого «подполья» помогъ одинъ изъ «казаковъ иркутскаго населенія». Объ этомъ, впрочемъ, было писано много сибирскими исторіографами.

Все это въ свое время бывало.

«Охота на горбачей» практиковалась часто и въ мое время.

«Горбачъ»—рабочій, возвращающійся изъ пріисковъ на зимовку на югъ, съ сѣвера. Странное это прозвище рабочіе получили отъ «горбика»,—узла за спиной, гдѣ обыкновенно бывали зашиты многіе пожитки («лѣпать»), заработанныя и непропитыя еще депозитки, а иногда и наворованное золотишко, каковое «горбачъ» думалъ сбыть подъ сурдинку китайцу въ Иркутскѣ.

Вообще «охота на людей» (горбачей) въ Восточной Сибири чуть ли не до послѣдняго времени практиковалась, какъ промыселъ, и очень обильно.

Весною 1892 г., въ пути по Ленѣ, внизъ къ Якутску, у ст. Омолоевой, я плылъ въ собственной лодочкѣ, въ сопровожденіи С. С. Синякова и К. И. Петрова. Плыли мы не «на прогонахъ»,—слѣдовательно безъ ямщиковъ. «Охотники» приняли насъ за пріискателей и стали пускать въ насъ пули градомъ, съ цѣлью поживиться и лодкой и «лопатыю». Лодку удалось направить къ противоположному берегу Лены, что и спасло насъ отъ вѣрной смерти.

Впослѣдствіи, въ моей судебной практикѣ, мнѣ пришлось столкнуться съ тремя случаями, доказывающими правильную организцію «охоты» на человѣка, какъ промыселъ.

Нынѣ ничего подобнаго нѣтъ, и позорящей человѣчество этой «охоты»—тоже. Приростъ населенія извнѣ (сибирская желѣзная дорога начата постройкой съ двухъ конечныхъ краевъ), введеніе массы слѣдственныхъ участковъ (въ мое время я былъ однимъ изъ трехъ судебныхъ слѣдователей на всю огромную Забайкальскую область), камеръ мировыхъ судей, а также и рядъ улучшеній въ административномъ отношеніи—все это сравняло Сибирь съ метрополіей, но старина была очень печальна.

Достаточно сказать, что въ концѣ еще 90-хъ годовъ мнѣ пришлось встрѣтить тоже своеобразныхъ «охотниковъ».

Купецъ 1-й гильдіи, Капитонъ Андреевичъ Алексѣевъ, и трактовый почтосодержатель, купецъ тоже, еврей Пенто, при участіи (обманутаго ими) 18-ти-лѣтняго «старшаго» почтальона Маньковского, ограбили у ст. Черной (первая отъ Читы по «россійскому» тракту) почту, везшую милліоны. Конечно, было не безъ жертвъ.

Купцовъ повѣсили; Маньковский, за молодостью и въ виду сознанія, получилъ лишь 20-ти-лѣтнюю каторгу.

Впрочемъ, въ свое время, я объ этомъ говорилъ во многихъ органахъ печати.

«Екатеринбургская Недѣля», полемизируя съ однимъ, уже умершимъ, почтеннымъ дѣятелемъ Сибири, силившимся, по чувству «патріотизма», доказать отсутствіе «охоты» на человѣка въ этомъ краѣ, приводитъ, въ № 19-мъ за 1893 годъ, массу фактовъ, говорящихъ за эту «охоту». Въ концѣ обширной своей статьи газета говоритъ:

«Въ заключеніе приведемъ стихотвореніе, помѣщенное въ № 52 газеты «Владивостокъ» за 1892 годъ. Стихотвореніе это трактуеть объ охотѣ на человѣка и появилось всего въ концѣ прошлаго года, слѣдовательно не говоритъ о временахъ давнихъ, а относится къ настоящему, очень близкому времени. Стихотвореніе заслуживаетъ вниманія еще потому, что представляетъ собою очень полную картину человѣческой бойни. Несомнѣнно, фабулой стихотворенія служили автору компетентные источники, и несомнѣнно также, что онъ имѣ-

еть въ виду не прошлое, а настоящее; а, кромѣ того, слова: «эта охота, хоть рѣже, понынѣ въ суровой тайгѣ процвѣтаетъ», доказываютъ, что и въ Амурскомъ краѣ совершаются однородныя проявленія хищныхъ звѣрскихъ инстинктовъ, какія совершаются въ якутской и забайкальской тайгахъ».

О Х О Т А.

(Посвящается П. И. Бл—ву).

Изъ зейскихъ ¹⁾ пріисковъ черезъ кручи, долины,
 Бредутъ «горбачи» по опасной дорогѣ;
 Ремни отъ котомокъ изрѣзали спины,
 И острые камни изрѣзали ноги.
 Ни звука не слышно; тревожны ихъ взоры;
 Кругомъ ихъ ущелья, и сопки, и горы.
 Стучается часто,—осенней порою
 «Охотники» здѣсь горбачей ожидаютъ,
 Скрываясь въ ущелья, за дикой скалою,
 И путниковъ мѣткою пульей встрѣчаютъ.
 Рука ихъ не дрогнетъ, и сердце не бьется,
 И это убійство «охотой» зовется.
 Въѣвъ власти, закона, въ суровой пустыи
 Разбойникъ «охотникъ» свой вѣкъ коротаетъ,
 И эта «охота», хоть рѣже, понынѣ
 Въ безлюдной сибирской тайгѣ процвѣтаетъ.
 Свидѣтель убійства изобрѣлъ, или «сохатый» ²⁾,
 Да волкъ кровожадный, или воронъ крылатый.
 Чу!.. шорохъ раздался. Ружейныя дулы
 Блеснули, и окрестъ кругомъ огласило
 Стократное эхо... Кусты разогнула
 Разбойниковъ шайка; трану обагрила
 Безвинною кровью... Какъ хищныя птицы,
 Къ добычѣ слетѣлись убійцы вереницы
 И дружно взялись за «честное дѣло»...
 Пожитки, лохмотья съ убитыхъ сорвали,
 За тѣломъ другое недвижимое тѣло
 Въ глубокую пропасть спокойно бросали.
 Потомъ разбрелися въ поселки, станицы,
 Остави все трупы для вѣтра ³⁾ и птицы...

И все это правда, имѣвшая мѣсто въ недавнее сравнительно время. Мотивомъ для этого стихотворенія служили мнѣ мои личныя наблюденія.

Но все это, слава Богу, кануло въ вѣчность.

¹⁾ Зейя—громадный притокъ Амура, у г. Благовѣщенска.

²⁾ Лось.

³⁾ Медвѣдь-стервятникъ.

VIII.

Ранѣе я сказалъ, что съ мужика «драли» ужасно.

Откуда же мужикъ бралъ фонды на все это? На этотъ вопросъ, относя излагаемое лишь къ востоку Сибири, попытаюсь отвѣтить.

Въ Западной Сибири, при черноземномъ почти всюду почвенномъ слоѣ, массѣ тучныхъ луговъ и обильномъ скотоводствѣ, мужикъ былъ бѣднѣе. За отсутствіемъ сбыта, цѣна на продукты сельскаго хозяйства была низка до невозможности (хлѣбъ доходилъ до 11 к., битая скотина до 80—60 к. за пудъ). Тамъ съ мужика такъ и не тянули, да и Европа близко,—неудобно: тамъ заговорять.

Въ Восточной Сибири мужикъ не жилъ землею, несмотря на то, что и тамъ, хотя меньше, есть все же плодородныя полосы и луга (въ Забайкальѣ, напримѣръ).

Рѣдкое населеніе находило обильный заработокъ и внѣ земледѣлія. «Золотой» промыселъ, хотя и развращавшій массу, давалъ обильный заработокъ, дорогой по цѣнѣ извозъ, звѣриный промыселъ, «панты»¹⁾. Словомъ, было можно зашибить деньгу.

Провозъ негромоздкихъ товаровъ (отъ Иркутска и Кяхты до Томска—чай, обратно галантерейный товаръ) давалъ возчику до 3 рублей съ пуда; у возчиковъ по нѣскольку лошадей у cadaго, а то и весь обозъ бывалъ одного «хозяина». Въ большинствѣ случаевъ, возчики зарабатывали изрядно.

Возчикъ могъ бы рассчитывать на добрую половину барыша (судя по цѣнѣ), но высота цѣны за провозъ товара имѣла соотношеніе и съ рискомъ со стороны возчиковъ: дорогой часто «срѣзали мѣста» съ чаями и товарами разные «охотники» до легкой наживы, зная, что «мѣсто» стоитъ работы.

И возчики не дремали: часто «приканчивали» со срѣзателями. Трупъ сгнивалъ въ тайгѣ, въ сторонѣ отъ тракта; власти находили его уже сгнившимъ до неузнаваемости; найти виновныхъ въ убійствѣ, за массой проходящихъ обозовъ, было трудно (да и не особенно до сего допытывались). Случалось, что за недосмотрѣнную «срѣзку» купцы-получатели обездоливали возчика: по условію, отбирали лошадей, телѣги, и, конечно, за доставленный остатокъ товара гонораръ не выплачивался. Впрочемъ, все это бывало сравнительно рѣдко.

Отправляясь съ умной собачкой («соболькой») за бѣлкой, промышленникъ не столько имѣлъ въ виду, при зоркости своего глаза, эту бѣлку, какъ соболя. А нѣтъ соболя—билъ «съ сошекъ» и бѣлку: зарядъ малопульной винтовки—копейка, а шкурка бѣлки пятакъ; барышъ все же небольшой есть. Но больше выручали «панты».

¹⁾ О «пантахъ» см. ниже.

Въ предгорьяхъ и горахъ нынѣшняго Амурскаго (Пріамурскаго) генераль-губернаторства водился очень обильно (нынѣ сталь рѣдѣть) изюбрь. Видъ этого оленя или быка попадаетъ и въ предгорьяхъ Алтая, но очень рѣдко; тамъ онъ мелокъ, и цѣна на его «панты» ничтожна.

Постараюсь уяснить читателю слово «панты».

Изюбрь и еще болѣе рѣдкій и дорогой его видъ — пятнистый олень, водящійся на юго-востокѣ Амурскаго края, весной (самецъ) мѣняетъ рога. Молодые рога, пока не окрѣпнутъ, налиты въ порахъ кости, еще довольно слабой, мозговою кровянистою жидкостью. Жидкость эта вскорѣ засыхаетъ, и тогда рога (вотъ это «панты» и есть) цѣны не имѣютъ.

Пока рога еще мягки и съ жидкостью, самцовъ изюбровъ и пятнистыхъ оленей бьютъ безпощадно, что, конечно, не остается безъ вліянія на приростъ этого дорогого животнаго.

Туша «пантовъ» бросается промышленникомъ въ тайгѣ, самые «панты» завариваются, для прока, кипяткомъ изъ кирпичнаго чая; послѣ «панты» сбываются китайцамъ. Послѣдніе вывариваютъ изъ роговъ изюбра или болѣе дорогого пятнистаго оленя, пока рога эти еще сохранили кровянисто-мозговую жидкость внутри, своеобразную, возбуждающую нервы жидкость, продаваемую въ Китаѣ на вѣсъ золота.

Подобное «лѣкарство» китайцы вывариваютъ и изъ желчи и костей тигра. Вотъ почему въ Уссурійскомъ краѣ промышленникъ продаетъ одинаково дорого и шкуру мѣстнаго королевскаго тигра, и желчь, и кости этой кошки.

Случалось, промышленникъ, добывъ «панты», встрѣчался въ тайгѣ съ другимъ подобнымъ ему искателемъ наживы. Малѣйшій недоглядъ,—и пуля рѣшаетъ, кто можетъ владѣть «пантами». А трупъ убитаго гніетъ въ дѣвственномъ лѣсу и пожирается звѣремъ и птицей.

Рѣшается промышленникъ на убійство товарища изъ-за денегъ: цѣна за пару пантовъ, смотря по ихъ качеству, достигала (и достигаетъ нынѣ) иногда до 500 рублей.

Изъ-за «пантовъ» убивался промышленникомъ, бывало, и односельчанинъ.

Возвращается Митька, положимъ, домой съ обильнымъ промысломъ: 2—4 «пантовъ». Почти состояніе.

— Не встрѣчалъ, паря, Пётру?—спрашиваетъ жена послѣдняго счастливаго Митьку.—Гдѣ ѣнъ таперя?

— А кто его знаетъ!—отвѣчаетъ хладнокровно Митька.

Пётры нѣтъ, долго нѣтъ. Зима подошла, а его нѣтъ. Семья Пётры зорко слѣдитъ за Митькой. По своеобразнымъ слѣдственнымъ данымъ (включая и спаиваніе, чтобы, по бреду пьянаго, заключить, не онъ ли убійца Пётры), семья отсутствующаго, положимъ, убѣ-

ждается, что Митька убилъ Пётру. И вотъ ожидается случай мести: заявлять, по своимъ выводамъ, начальству на Митьку нельзя: «доказовъ» нѣтъ.

И вотъ сынъ Пётры, Пашутка, стороной узнаеть, что завтра де Митька идетъ въ тайгу на «звѣря» (медвѣдя).

Пашутка на ночь идетъ въ лѣсъ караулить Митьку. По слѣдамъ его Пашутка крадется далеко по тайгѣ и выжидаетъ удобнаго случая для мести.

Наступаетъ ночь. Митька разводитъ костеръ для ночлега. Лѣгъ, засыпаетъ. «Соболька» (собака) залаялъ. Митька вскакиваетъ, озирается. Но это продолжается недолго: Пашуткина пуля «укладываетъ» вновь Митьку, вторая — и его «Собольку».

Пашутка дома... «Кончалъ базаръ», заявляетъ онъ.

Форменный судъ Линча въ суровой пустынѣ.

Моя слѣдственная практика дважды убѣдила меня въ существованіи подобныхъ печальныхъ жизненныхъ драмъ въ этомъ богатомъ, но до послѣдняго времени почти забытомъ краѣ.

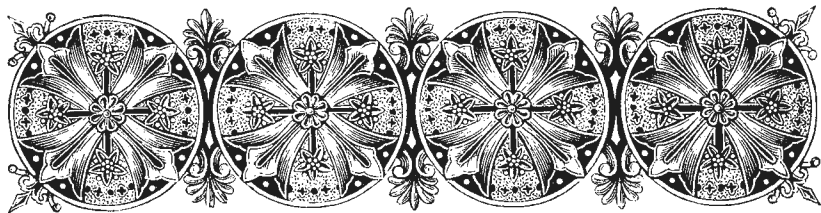
Заканчивая этотъ очеркъ быта дореформенной Сибири, я, было, желалъ поговорить и о бытѣ ссыльно-каторжныхъ на о-вѣ Сахалинѣ, въ Карійскихъ тюрьмахъ (Забайкальской области), Акатуйской и др. Отсылаю читателя къ другимъ, по этому вопросу, источникамъ («Въ мѣрѣ отверженныхъ», напримѣръ, г. Мельшина и др.).

На о-вѣ Сахалинѣ дѣло стояло еще хуже, но объ этомъ поговорю позже: на Сахалинѣ я случайно былъ недолго и недавно; слѣдовательно, могу ошибаться.

А я люблю говорить обо всемъ твердо и основательно, обдумавъ и взвѣсивъ всесторонне сообщеніе заранѣе.

Н. Борисовскій.

ПО ПОМОРЬЮ.

(Путевыя замѣтки).

I.

В МНОГОЧИСЛЕННЫХЪ заливахъ Бѣлаго моря, въ самыхъ кутахъ ¹⁾ ихъ и большею частью при рѣчкахъ, ютится немало промышленныхъ поселеній—это наше сѣверное Поморье, въ которомъ я былъ недавно два раза: зимою и лѣтомъ. Край этотъ чрезвычайно глухой, суровый, дикій. Лѣто тамъ короткое, съ густыми туманами, частыми дождями; растительность рѣдкая, тощая. Зимою выпадаютъ глубокіе снѣга, стоятъ лютые морозы, доходящіе до 40° и болѣе. Но, несмотря на такія условія природы, обиліе морского звѣря и рыбы привлекало въ Поморскій край издавна людей съ разныхъ сторонъ. По историческимъ даннымъ, еще въ XI вѣкѣ пробрались изъ Бѣлозерской области на берега рѣки Двины новгородцы. Это были, несомнѣнно, первые насельники Поморья и продолжатели на сѣверѣ земли Русской. Позднѣе, родъ Борецкихъ владѣлъ устьями указанной рѣки, имѣя тамъ разныя заведенія, пожни, ловы, лѣса и пр. Откупалъ земли родъ Своеземцевыхъ и владѣлъ водами и соколиными гнѣздами на сѣверныхъ берегахъ. Словомъ, въ историческое время богатство Поморья имѣло какую-то притягательную силу: туда шли

¹⁾ Оконечность залива.

знатные, богатые, бѣдные; теперь же во всемъ краѣ нѣтъ ни одного частнаго землевладѣнія, а всѣ земли казенныя, на которыхъ укоренились мѣщане и крестьяне. Нынѣшнее населеніе съ малолѣтства привыкаетъ къ промысламъ, поэтому въ немъ ничто такъ широко не развито, какъ трудолюбіе и отважность; это съ одной стороны, съ другой — оно тонетъ въ неграмотности, косности, невѣжествѣ. Какъ Мурманъ дѣлится Кольской губой на восточный и западный берега, такое же дѣленіе имѣетъ и Поморье: направо отъ Двинской губы до сел. Койды тянется «зимній» берегъ, а направо до сел. Поноя—«лѣтній» и терскій, названія которыхъ, при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ побережья, должны показаться странными. Такъ берега именуются по промышленности. Поморы «зимняго» берега производятъ тюлений промыселъ на льдахъ, а на «лѣтнемъ» одна часть населенія занимается рыбными ловлями съ весны до осени, другая же уходитъ на Мурманъ для лова трески.

Удобнѣе объѣхать Поморье въ два конца и начать объѣзды изъ Архангельска. Прежде надо съѣздить на «зимній» берегъ, а потомъ на «лѣтній» и терскій. Я такъ и сдѣлалъ.

II.

На «зимнемъ» берегу, въ 15-ти верстахъ отъ Архангельска, образовалось цѣлое гнѣздо селеній: Патракѣво, Прилуки, Купкашары, Горка, Наволоки. Они расположены въ 3 — 5 верстахъ одно отъ другого и группируются около р. Мудьюги, поэтому всѣ именуются просто Мудьюгой.

Я пріѣхалъ прежде всего въ Патракѣво. Это одно изъ богатыхъ селеній, служащее центромъ торговопромышленной жизни на «зимнемъ» берегу. Сюда пріѣзжаютъ крестьяне со всѣхъ селеній для закупки муки, соли, рыбы. Здѣсь совершаются разнаго рода сдѣлки: наемъ рабочихъ на суда, вербуются покручники для мурманскихъ промысловъ и для звѣриной охоты.

Въ Патракѣвѣ есть школа для мальчиковъ и дѣвочекъ; имѣются мореходные классы, волостное правленіе, продовольственный магазинъ. Я разспрашивалъ старшину Шуньгина о бытѣ тамошнихъ поморовъ.

— Наши поморы, — говорилъ онъ, — больше промышленяютъ тюлений и нерпой. Ловятъ и навагу, и семгу, но въ эти годы рыбы стало меньше, потому звѣря много тянетъ въ «горло»¹⁾.

— Это какъ же тянетъ? — интересовался я.

— А плыветъ онъ весною отъ Новой Земли въ горловину, дѣлаетъ тамъ лежку, выводитъ дѣтей и уходитъ съ ними въ океанъ.

— Такъ причемъ же плохіе уловы рыбы?

¹⁾ Узкій входъ въ море.

— А какъ же. Звѣрь плыветъ гужомъ, ну, и гонитъ рыбу отъ береговъ въ голымень ¹⁾.

— Какимъ же образомъ охотятся на звѣря?

— Прибыльная охота на лежкѣ; тогда нерпа хилая, ее палками бьютъ; ударятъ разъ-другой по головѣ — и готово.

— Развѣ изъ ружей не бьютъ?

— Да стрѣляютъ и изъ ружей, но малость, потому ружья у насъ кремневая, пока на полку пороху насыплешь, такъ звѣрь за версту уйдетъ.

По словамъ Шуньгина, о пистонныхъ ружьяхъ здѣсь не имѣютъ никакого представленія, даже кремневая ружья хранятся, какъ драгоценность, и переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣнiе. На мой совѣтъ приобрести пистонныя ружья старшина отвѣтилъ, что поморы съ удовольствiемъ купили бы такія ружья и заплатили бы хорошія деньги, но сомнѣвался, чтобы привезъ ихъ ктонибудь въ такую глушь; относительно заочной покупки ружей выразилъ тоже затрудненіе, ибо поморы—народъ темный и совершенно незнающій, какъ и откуда можно выписать пистонныя ружья.

Вернувшись въ Петербургъ, я докладывалъ объ этомъ поморскому комитету, и послѣдній выслалъ въ Мудьюгу нѣсколько десятковъ ружей по заводскимъ цѣнамъ. Но у поморовъ съ ружьями была другая бѣда. Шуньгинъ говорилъ, что пуль на мѣстѣ въ продажѣ нѣтъ, а ихъ льютъ сами стрѣлки; порохъ чрезвычайно дорогъ — до 2 руб. 50 коп. за фунтъ, больше мѣняютъ у скупщиковъ—пудъ сала на фунтъ пороха.

Далѣе старшина передавалъ, что въ Патракѣвѣ, да и вообще въ Мудьюгѣ, не послѣднее мѣсто среди промысловъ занимаетъ судоходство. Судовъ онъ насчиталъ до 90. Всѣ они стоятъ въ гавани Лапоминкѣ. Мудьюжскія суда въ началѣ мая плывутъ въ Архангельскъ, забираютъ въ кредитъ муку и уходятъ въ океанъ. Затѣмъ, въ Норвегіи мѣняютъ свой товаръ на сушеную и соленую рыбу и возвращаются къ осени снова въ Архангельскъ на Маргаритенскую ярмарку, гдѣ продаютъ заграничную рыбу и погашаютъ долги. Съ нѣкоторыхъ поръ мѣновая торговля въ Норвегіи стала слабѣть, и больше стараются продать рыбу за наличныя деньги. Поэтому поморы зачастую понижаютъ цѣны на свой товаръ, навязываютъ его норвежскимъ купцамъ, а послѣдніе возвышаютъ цѣны на рыбу, и въ результатѣ русскій поморъ, послѣ операцій на ярмаркѣ, остается съ ничтожнымъ заработкомъ.

— Какая же рыба доставляется на ярмарку?

— Первое дѣло—треска, а потомъ—зубатка, пикшуй, палтусъ.

— Куда эта рыба идетъ?

— Далеко расходуется, — сказалъ старшина и махнулъ рукою

¹⁾ Даль океана.

въ пространство. — Отправляютъ извозомъ по нашей губерніи, потомъ везутъ въ Вологду, Пермь, на Волгу.

— А въ Петербургъ какъ попадаетъ треска?

— Та треска больше мурманская, не мѣновая. Ловятъ ее хозева «покрутомъ» и доставляютъ на ярмарку; здѣсь перегружаютъ въ болѣе прочныя суда и пускаютъ въ дальнее плаваніе.

— Вы говорите, судоходство стало хуже?

— Не въ примѣръ хуже. Въ Норвегіи прижимаетъ помора тамошній купецъ, а въ Архангельскѣ — нашъ русскій.

— Это какъ же?

— Всему кредитъ—голова; онъ гораздо донимаетъ нашего брата.

— Должно быть, проценты жидовскіе?

— Всего тутъ есть. Скажемъ, беретъ поморъ у купца Ширкина въ долгъ, изъ 20⁰/₀, муку, крупу, а у другихъ—лѣсной матеріалъ. Купцы ставятъ товаръ по цѣнамъ, какія имъ желательно, да и даютъ залежалый, гнилой товаръ. Смѣняетъ его поморъ на рыбу и привезетъ мѣну въ Архангельскъ, а купецъ тутъ какъ тутъ; слѣдить, стережетъ, просто надъ душой стоитъ. Поморъ уплатитъ долги, проценты, и очистится ему немного. Сами судите, на наличныя куль — 6 руб., а въ долгъ дешевле 7 руб. 50 коп. не купить. Опять же проценты не годовые, а всего за шесть мѣсяцевъ.

— На наличныя, значить, выгоднѣе?

— Куда какъ выгоднѣе. Съ деньгами поморъ не натужитъ себя: не купилъ у одного — поидетъ къ другому. Слѣдственно, не онъ купцу, а купецъ ему будетъ угождать, товаръ отпустить дешевле и добротный, а нынѣ что — кабала.

— Но вѣдь купецъ рискуетъ кредитомъ?

— Оно какъ бы и такъ, да не такъ. Разобьетъ судно, и ниціи кто?—поморъ, а купецъ останется купцомъ; онъ наверстаетъ убытокъ на другихъ должникахъ.

— Вамъ бы страховать товаръ и суда, — предложилъ я Шуньгину.

— Хорошая была бы штука! — воскликнулъ онъ.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало?

— Пытались насчетъ страхового общества, собирались, судили, уставы писали, да ничего что-то не слышно. А нужда въ обществѣ большая. Вотъ какая большая: дѣлали мы помощь на паяхъ; сговоримся человекъ десять и положимъ съ каждаго по 25 рублей. Чье судно утонетъ, тотъ и получаетъ пай.

И сообщилъ Шуньгину, что для учрежденія поморскаго страхового общества собираются уже необходимыя свѣдѣнія.

— Давай Богъ! непомѣрную пользу оно принесетъ. Погибнетъ судно — поморъ премію получить и оборудуетъ новое. Или подѣлишь кредитъ добудетъ на законномъ основаніи. Ежели это совершится, купцамъ—банкротъ.

Послѣднее старшина сказалъ такъ увѣренно, какъ будто банкротство уже рѣшено и подписано.

Въ Мудьюгѣ, какъ дальше говорилъ Шуньгинъ, поморы сами строятъ суда, и по веснѣ предполагалось спустить ихъ до десятка. Но такое количество новыхъ судовъ едва ли можно отнести къ развитію судостроенія на «зимнемъ» берегу. Здѣсь скорѣе играетъ роль безденежный отпускъ судостроительнаго лѣса изъ казенныхъ дачъ, и тѣмъ болѣе—этому отпуску приближался конецъ. Въ 1886 году, для поощренія бѣломорскаго коммерческаго флота, состоялось разрѣшеніе, въ силу котораго поморъ въ теченіе десяти лѣтъ можетъ бесплатно вырубать на нужды судостроенія 500 бревенъ, для каждаго судна. Предвидя окончаніе срока, мудьюжскіе поморы и воспользовались этою льготой. Повидимому, имъ понравилась такая правительственная мѣра, такъ что снова возбуждается ходатайство о продленіи ея еще на три года. Вѣдь поморъ строить судно не на продажу, мотивировали дополнительную льготу судохозяева, а для собственной нужды; судно для него все равно, что нива для крестьянина черноземной полосы Россіи; судномъ онъ живетъ, наслаждается, дышитъ. Если кто изъ поморовъ ходитъ въ дальнее плаваніе и въ иной годъ, паче чаянія, останется дома, то скорбитъ и даже болѣетъ отъ этого. Да, и то сказать, даровой лѣсъ далеко не обезпечиваетъ помора; къ этому лѣсу надо приложить еще не мало—жельзо, паруса, веревки, цѣпи, якоря, рабочія руки; все это обходится не менѣе 500 рублей на судно.

Затѣмъ я попросилъ рассказать, какъ строятъ въ Поморьѣ суда.

— Съ моимъ удовольствіемъ,—отозвался старшина.— Я самъ мастеръ этого дѣла. Вотъ сегодня ладилъ съѣздить въ лѣсъ, выбрать для мачты дерево на «Николая».

— Это названіе судна?

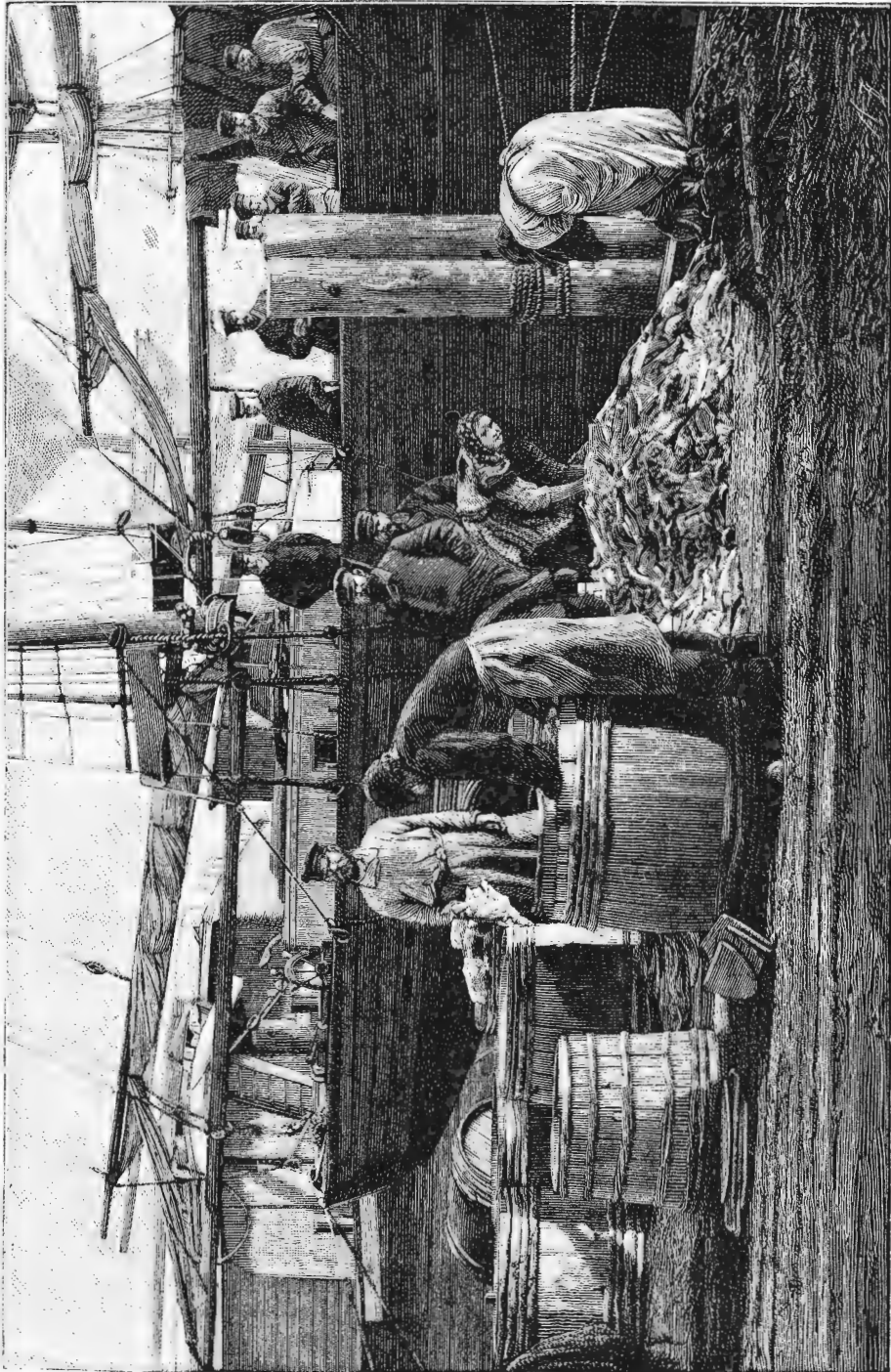
— Именно. У насъ по оснасткѣ—клиперъ, яхта, шкуна, а называемъ больше во имя св. Николая, угольника морскаго.

— Такъ что же насчетъ постройки?

— Суда строятся, почитай, какъ и вездѣ. Вытягивается по рагушкамъ киль, а на него часто кладутъ ребра (кокоры), потомъ готовятъ для обшивки толстый тесъ. Чтобы доски въ кормѣ и носу гнулись, ихъ распариваютъ въ парникѣ. Это простой снарядъ; онъ сколачивается изъ пластинника въ четыре сажени, на манеръ трубы. Поставятъ въ него ребромъ доски и концы зацѣляютъ. Подъ парникомъ кипятъ въ котлѣ вода, паръ проходитъ сквозь желѣзную трубу въ парникъ, и доски отъ этого становятся мягкими, куда хопъ гни, не лопнуть. При обшивкѣ, доски кладутся на пеньку и прибиваются къ ребрамъ деревянными или желѣзными гвоздями.

— Между гвоздями есть разница въ прочности?

— А судите сами. Деревянный гвоздь держится 5—6 лѣтъ и

Перегрузка мурманской трески въ Архангельскѣ.

его можно замѣнить новымъ. Желѣзный гвоздь отъ соленой воды ржавѣеть. Пройдетъ 10 лѣтъ, гвоздь какъ будто цѣль, а стукни его, шляпка отлетитъ, и вмѣсто гвоздя ржавая труха; въ эту дыру желѣзнаго гвоздя ужъ не вбить; надо сверлить и вбивать деревянный, да и то съ горемъ пополамъ. Есть цинковый гвоздь; ну, тотъ проченъ и не ржавѣеть; онъ продается въ Норвеги и дорогъ, не по карману нашимъ поморамъ. Такелажъ же—вещь обыкновенная: веревки, холстъ и проч. Вотъ вамъ и постройка нашихъ судовъ,—закончилъ Шуныгинъ.

Разспросивъ старшину, я выѣхалъ изъ Патракѣва въ другія селенія. Надо было посѣтить всѣ семьи, потерявшія въ 1894 г. на промыслахъ кормильцевъ, и осиротѣвшимъ установить на благотворительныя средства пенсіи: старикамъ—пожизненную, а дѣтямъ—до совершеннолѣтія. Заходилъ я въ семь избъ. Разумѣется, нужда и горе царили въ полномъ смыслѣ. Особенно жалка была семья утонувшаго Антуфьева. Послѣ него осталась вдова, двое малолѣтнихъ дѣтей и престарѣлые родители. Семья дожила до такихъ предѣловъ бѣдности, что ходила по сосѣдямъ и ради Христа выпрашивала куски хлѣба. Другая семья, Лапина—многочисленная и еще болѣе жалкая. Осталась вдова и семь дочерей, въ возрастѣ 4—21 года. Лапины все продали для пропитанія. Когда я вошелъ въ избу, дѣти испугались, стали плакать и обступили мать. Послѣдняя, заподозрѣвъ во мнѣ вѣстника радости, встрѣтила меня со слезами умиленія. Тяжелое и удручающее впечатлѣніе оставляли по себѣ несчастныя семьи. Въ каждой такой семьѣ меня встрѣчали съ низкими поклонами и, узнавъ о цѣли посѣщенія, просто валялись въ ногахъ.

— Машутка, кланяйся барину, — приказывала сквозь слезы вдова-поморка дочери.—А вы чего рты разинули?—обращалась она къ другимъ дѣтямъ.—Мишка! Васютка! валитесь въ ноги!

Сколько я ни убѣждалъ, что этого дѣлать не годится, но напрасно.

— Этакую благодать Господь посылаетъ и не кланяться,—обидчивымъ тономъ продолжала вдова.—Какъ можно, баринъ!

Всюду, провожая, сироты благодарили Бога, царя-батюшку и осѣняли себя широкимъ крестомъ.

За Мудьюгой лежатъ Куя, Нижняя Золотица, Верхняя, Койда, Козлы, Ручьи. Эти селенія наоборотъ разбросаны на большомъ разстояніи. Дороги между ними узкія, глухія, такъ что переѣзды дѣлаются цѣлыми сутками. Приходилось ѣхать то по равнинамъ, то среди низкаго, коряваго ивняка и кустарника, — по-мѣстному «ерника», съ обломанными, точно обглоданными, вѣтвями. Такъ уродуютъ лѣсъ ямщики во время осеннихъ проѣздовъ. Встрѣтится выбитая колея, возница тутъ же наломаетъ сучьевъ, набросаетъ въ полое мѣсто и переѣдетъ. Единственная кляча везла меня шагъ за шагомъ. Я не сидѣлъ, а полулежалъ въ низкихъ длинныхъ саняхъ съ парусиннымъ навѣсомъ. Положеніе было, какъ въ футлярѣ, и,

сказать правду, это мнѣ нравилось настолько, что не хотѣлось даже выѣзжать. Къ тому же высаживаться было крайне неудобно: приходилось вставать начетвереньки и выползать задомъ. Да и что можетъ быть особеннаго въ этихъ заброшенныхъ деревушкахъ? Тѣмъ не менѣе я останавливался въ иныхъ изъ любопытства.

Избы погребены въ снѣгахъ, и торчатъ лишь однѣ дымовыя трубы. Внутри просторно, благодаря заботливости поморокъ, чисто и опрятно. Все почти мужское населеніе на тюленьихъ промыслахъ, только бабы выбѣгали за ворота, да глазѣли въ промерзшія окна ребятишки, когда моя повозка ковыляла по деревнѣ.

Дней десять я вязнулъ въ снѣгахъ и еще хуже попался на обратномъ пути.

Меня застигла страшная пурга. Снѣгъ вертѣло, крутило и носило столбами; въ воздухѣ стояла непроглядная снѣжная пыль. Мой ямщикъ былъ хотя и опытный возница, но все-таки для безопасности я приказалъ ему свернуть въ гавань Лапоминку и выждать вьюгу. Лошадь остановилась у маленькаго домика, на высокомъ берегу. Этотъ домикъ принадлежит таможенному вѣдомству; въ немъ я встрѣтилъ нижнихъ чиновъ пограничной стражи и офицера г. Заборщикова, уроженца сѣвера. Онъ объѣзжалъ таможенные посты и сидѣлъ въ ожиданіи затишья. Долго не унималась пурга. Мы разговорились о «замнемъ» берегѣ, но новаго, кромѣ того, что я уже зналъ, г. Заборщикова ничего мнѣ не сообщилъ; его послѣднія слова были таковы:

— «Много здѣсь добра, но мало производителей и нѣтъ усовершенствованій. Все покрыто сѣдой стариной, все старо, какъ міръ. Безлюдный, дикій край».

Когда пурга кончилась, я въ сопровожденіи стражниковъ спустился подъ откосъ, въ самую гавань, гдѣ зимовали суда. Одни стояли вмержшими во льду, а другія были какъ бы выколуплены и подняты для предстоящаго ремонта. Съ апрѣля поморы подвозятъ матеріалы, и закипаетъ дѣятельная работа. Я осматривалъ суда снаружи и внутри. Правда, она тяжелы и неуклюжи, но зато прочны, держатся десятки лѣтъ и выплавываютъ въ навигацію болѣе полугода. Паруса съ судовъ снимаются, но реи, ванты, канаты и мачты не убираются; не убирается даже оставшійся на зиму провіантъ (мука, крупа, соль), который лишь замыкается въ судовой кладовой.

Снова поднявшись на берегъ, я любовался этой флотиліей. Всѣ суда смотрятъ на выходъ и только не говорятъ: «вотъ вскроются вешнія воды, возстанемъ отъ зимняго сна, поднимаемъ паруса и весело, радостно понесемся далеко-далеко».

Такъ какъ Лапоминка лежитъ въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги, то пришлось описать лишнюю дугу, гдѣ на побережьяхъ Везезовскаго устья р. Двины лежитъ Новодвинская крѣпость. Она основана Петромъ I въ концѣ XVII столѣтія, но въ 1862 году упразд-

нена и пришла въ нѣкоторое разрушеніе. Крѣпость имѣетъ видъ квадрата съ четырьмя бастіонами и однимъ равелиномъ. Рядомъ поселокъ, заселенный поколѣніемъ прежней воинской команды. Теперь этотъ поселокъ приписался въ крестьяне первой Солонбальской волости и занимается сплавомъ лѣса по р. Маймаксѣ. Затѣмъ мнѣ довелось ѣхать частью по «сухому морю», какъ сообщилъ мнѣ ямщикъ.

— А вы знаете, баринъ,—мы ѣдемъ по сухому морю, — замѣтилъ онъ.

— Это что за море?—недоумѣвалъ я.

— Лощина такая, ровная, гладкая. Въ прибылую воду по ней большія суда ходятъ, а въ убылую—еле карбась проберется.

— Значить, опасно плавать?

— Для помора опаски никакой; онъ вполне знаетъ, когда можно ѣхать. За Двиною есть тоже сухія моря, но поменьше; больше нашего не сыщется.

Далѣе возница пояснилъ, что на «сухомъ морѣ» удобно ловить рыбу. Поставятъ мережи на сушу и ждутъ прилива; вода придетъ, пригонитъ рыбу и снова уйдетъ, а въ мережахъ останется полавшаяся добыча.

На «зимнемъ» берегу насчитывается около 15 селеній; въ нихъ до 300 дворовъ и 2.000 жителей обоого пола. Народъ закаленъ суровой жизнью; къ морскимъ невгодамъ относится хладнокровно; для него нѣтъ различія—что вода, то и суша. На видъ тамошній поморъ здоровый, добрый и честный. Эти качества выработались подъ вліяніемъ тяжелыхъ промысловъ, далекаго плаванія и отдаленности поморья отъ центральныхъ пунктовъ. Во всѣхъ селеніяхъ, за исключеніемъ Патракѣва, нѣтъ ни одной школы. Церковь только одна на всемъ берегу—въ Нижней Золотицѣ.

III.

Вернувшись въ Архангельскъ, я сталъ приготовляться къ поѣздкѣ по «лѣтнему» берегу. Путь предстоялъ далекій, въ оба конца до трехъ тысячъ верстъ. Много дурнаго наговорили мнѣ про эту поѣздку, но меня ничто такъ не безпокоило, какъ продовольствіе. Начинался великій постъ, поэтому говорили, что въ Поморѣ, кромѣ ржавой сайды и вонючей трески, ничего достать нельзя. Эти предсказанія вполне оправдались; я нерѣдко голодалъ и питался исключительно чаемъ.

Дорога вела чрезъ Двину на другой берегъ, гдѣ стоитъ станція Рикасиха. Широка и островиста въ этомъ мѣстѣ Двина; сковывается она здѣсь толстымъ и крѣпкимъ льдомъ. Въ началѣ апрѣля Двина вскрывается, ледъ плыветъ до мая и уносится въ море. Двинскій ледоплавъ — это настоящее событіе у горожанъ и прибрежныхъ

Типы рыбаков-поморовъ.

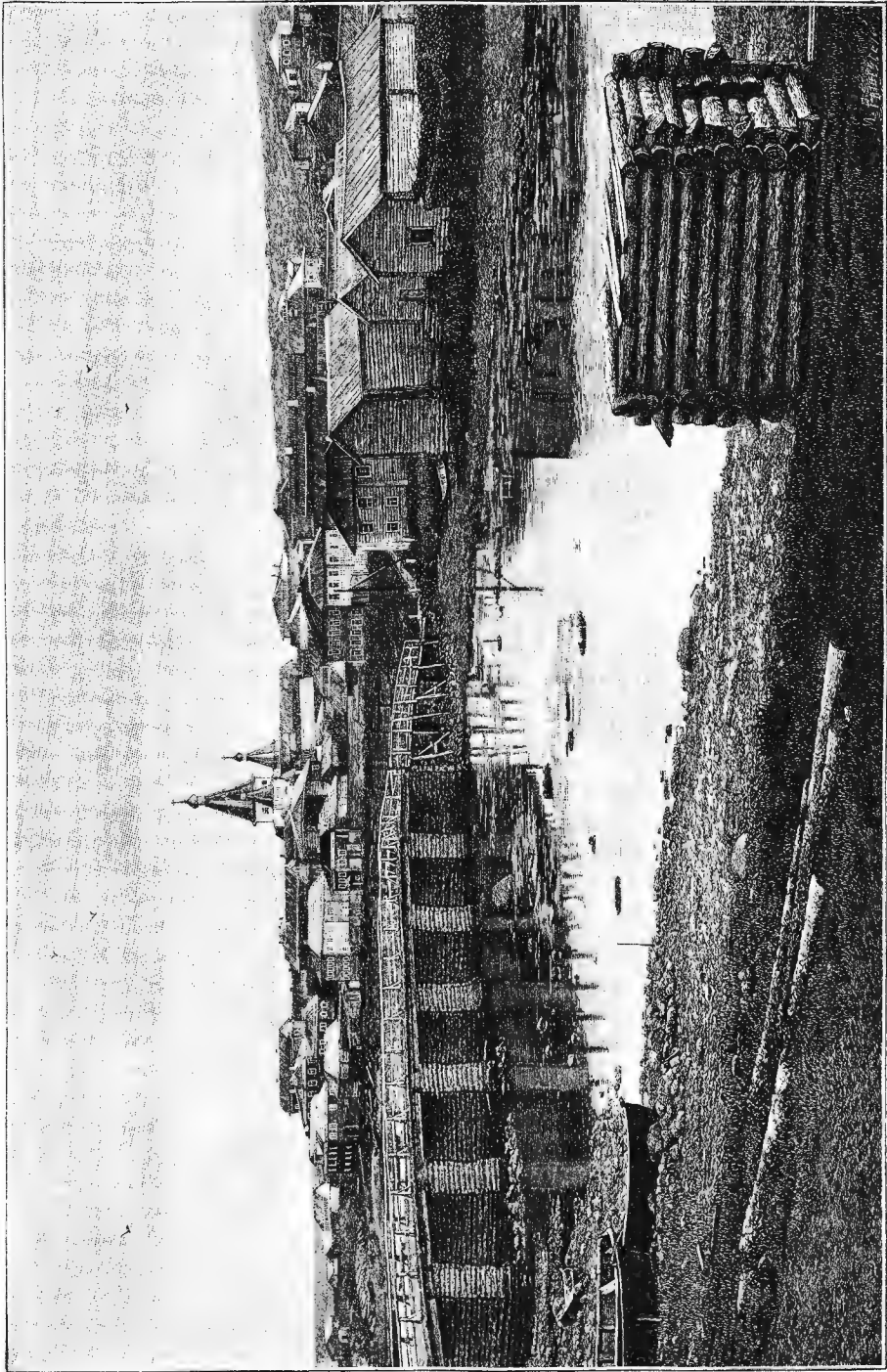
крестьянъ. Я видѣлъ даже въ одной рыбной лавкѣ на стѣнѣ статистическій листокъ, на которомъ въ теченіе 20 уже лѣтъ отмѣчается ежегодно время вскрытія Двины (1—15 апрѣля) и продолжительность ледоплава (двѣ-три недѣли). Если ледъ плыветъ долго, то все кончается благополучно; другое дѣло при дружной веснѣ: отъ сильнаго напора сточныхъ водъ ледъ лѣзетъ на берега, образуетъ баррикады и порождаетъ крестьянскую бѣду. Въ селеніяхъ, что стоятъ на островахъ, избы, какъ ножемъ, отдѣляются отъ основанія и исчезаютъ въ ледяныхъ горахъ. Застигнутые врасплохъ или ночью крестьяне лишаются даже скота. Нерѣдко на льдинахъ плаваютъ овцы, коровы, лошади.

На этомъ исключительно деревенскомъ берегу лѣтомъ бываетъ большой характерный праздникъ, привлекающій въ Рикасиху массу народа со всѣхъ ближайшихъ селеній; немало также переправляется на пароходахъ и городской публики посмотрѣть на исконный обычай своего сосѣда-крестьянина. Когда я ѣхалъ на Мурманъ, мое пребываніе въ Архангельскѣ какъ разъ совпало съ этимъ праздникомъ, и я, по примѣру горожанъ, не упустилъ изъ виду народнаго торжества. Помню, на пароходѣ пассажировъ набилось, какъ сельдей въ бочкѣ; пароходъ шелъ тяжело и долго лавировалъ среди острововъ.

Праздникъ представлялъ собою такую картину. По гладкому берегу длинной вереницей, взадъ и впередъ, двигался народъ въ самыхъ яркихъ, разноцвѣтныхъ платьяхъ, что называется, по послѣдней деревенской модѣ. Дѣвушки несомнѣнно облеклись во все то, что только имѣлось у нихъ цѣннаго. На богатыхъ шуршаль шелкъ, блестѣлъ атласъ, жемчугъ, золото, а болѣе бѣдныя были въ шерстяныхъ платьяхъ. Оригинально то, что всѣ дѣвушки, какъ одна, гуляли съ распущенными волосами; на маковкѣ у каждой, въ видѣ вѣнка, прикрѣплялся кружокъ, обтянутый матеріей такого же цвѣта, какъ и платье. Довольно странно было смотрѣть на нихъ; разряженность рѣзко отгнѣняла загорѣлыя лица и мозолистыя руки. Пѣсенъ, этихъ неизбѣжныхъ удовольствій сельскихъ праздниковъ, я не слыхалъ, хороводовъ не видалъ, а лишь на одномъ ровномъ пригоркѣ дѣвушки молча ходили попарно, каждая пара плавно выступала между двумя шеренгами дѣвушекъ и становилась на концахъ, образуя, такимъ образомъ, непрерывную цѣпь. Къ услугамъ праздной публики были лотерейныя игры и балаганы съ бакалейнымъ продуктомъ. Все говорило, шумѣло, веселилось на открытомъ воздухѣ, а съ высоты лучи полярнаго солнца жгли немилосердно.

За Рикасихой лежитъ Таборка и другая какая-то деревня¹⁾, но это все еще не Поморье. Собственно Поморье, и именно «лѣтній» берегъ, начинается селеніемъ Солзой и оканчивается Кандалакшей,

¹⁾ Селенія эти расположены при устьѣ С. Двины.

Городъ Кемь.

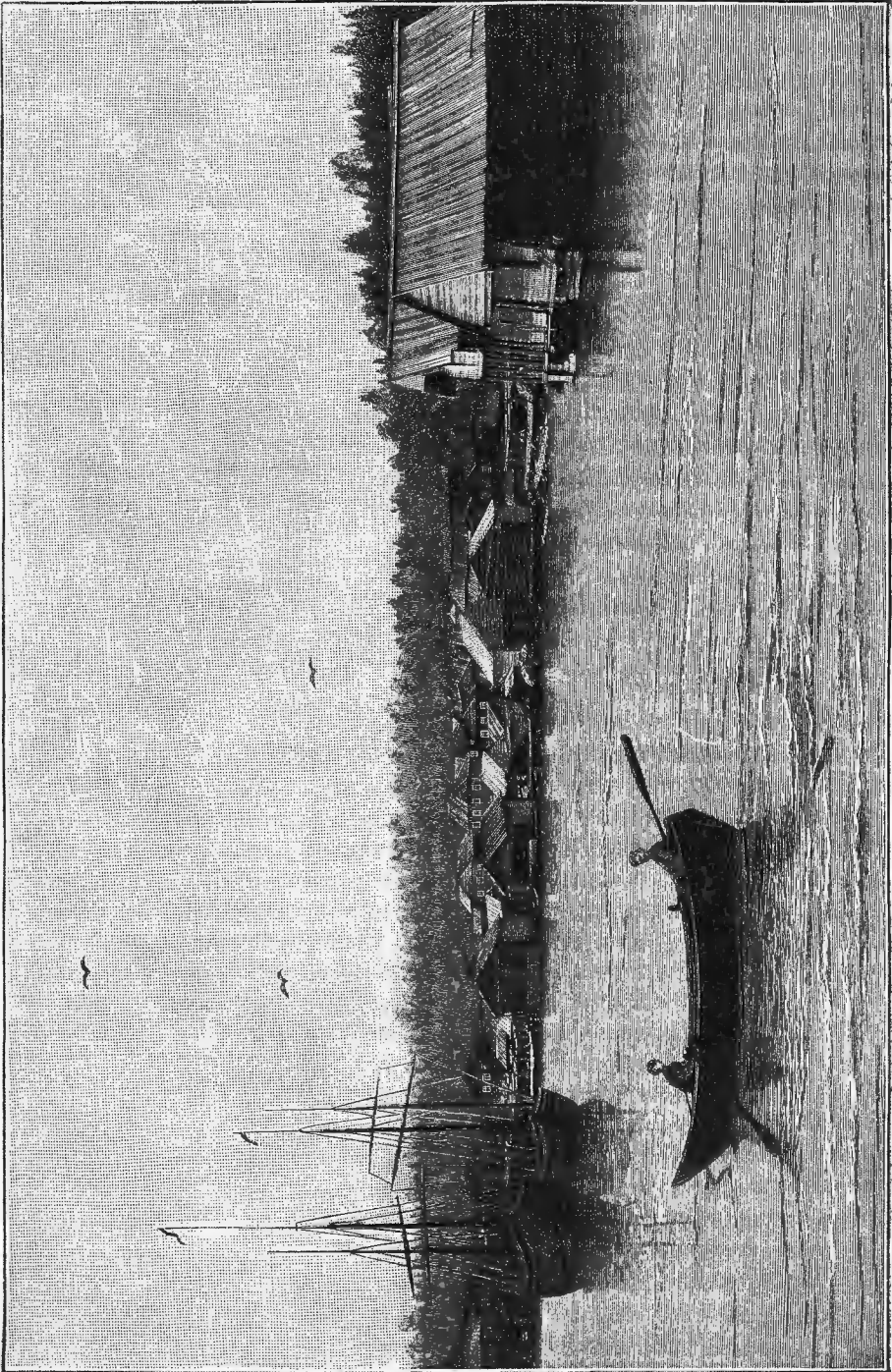
охватывая береговую линію въ 800 верстѣ. На этомъ пространствѣ водворились города Онега, Кемь, посады Ненокса, Уна, Сума и болѣе 30 селеній.

Когда я выѣхалъ изъ Солзы, потянулся мрачный, однообразный берегъ; мѣстами попадались возвышенности, обдуваемые вѣтрами и потому буквально оголенные отъ снѣга. Дорога нагоняла страшную тоску; не на чемъ было взора остановить: кругомъ пуховья, необозримыя равнины, а вдали чуть виднѣлась черная полоска моря.

Пережънивъ въ трехъ маленькихъ, подсыѣжныхъ деревняхъ лошадей, я пріѣхалъ въ посадъ Неноксу. Посадъ не лучше пробѣжанныхъ деревушекъ, только побольше ихъ и съ деревянными росписными церквами. Закоптѣлые домики, съ полуразвалившимися трубами, покачнулись въ стороны и не то насмѣшливо, не то уныло смотря другъ на друга. Сзади торчатъ изъ сѣрой соломы крыши, подъ которыми терпѣливый скотъ находитъ себѣ спасеніе лѣтсмъ отъ насѣкомыхъ, а зимою отъ стужи. Неноксу населяютъ солевары, единственные во всемъ Поморьѣ производители соли. Къ сожалѣнію, ненокская соль имѣетъ больше обиходный сбытъ, а въ рыбопромышленномъ отношеніи спросъ на нее малый, даже, какъ будетъ видно дальше, промышленники избѣгаютъ употреблять ее въ засоль, потому что она дорога и непрочна. Ненокскіе мѣщане, видимо, на крестьянскомъ положеніи: надѣлены пахотными и лѣсными участками; ходятъ въ кафтанахъ, нагольныхъ полушубкахъ и высокихъ сапогахъ. Существуетъ одна лишь отличительная черта—это пѣкторыя внутреннія условія жизни: особые сборы и особая посадская администрація. Рядомъ съ Неноксой, внутри материка, при верховьяхъ рѣки Уны, стоитъ посадъ Уна. Это скорѣе не посадъ, а во всѣхъ отношеніяхъ бѣдная деревушка. Отсутствіе фундаментальныхъ промысловъ невольно наводитъ на мысль: чѣмъ существуютъ тутъ поселяне? Унчане уходятъ на заработки и возвращаются, конечно, безъ жизненныхъ продуктовъ, съ грошами. Всю Уну снабжаетъ съѣстными припасами нѣкто Мошковъ, у него есть судно, на которомъ онъ ѣздитъ въ Архангельскъ за товаромъ и продаетъ его въ посадѣ изъ собственной лавки. Тяжела, вѣроятно, для унчанъ монополія Мошкова, если взять во вниманіе тотъ фактъ, что я спросилъ въ его «овошенной лафкѣ» фунтъ сахару и заплатилъ 24 копейки.

Отсюда я перерѣзалъ Онежскій полуостровъ и ѣхалъ болѣе оживленной и лѣсистой дорогой. Не разъ я видѣлъ здѣсь, какъ перебѣгала дорогу или шла стороною лисица, какъ вспархивала бѣлоснѣжная куропатка и шумно съ дерева на дерево перелеталъ косачъ. Дорога привела меня на Онежскій берегъ въ деревню Нижмозерье.

Я оставилъ въ сторонѣ пять селеній, расположенныхъ по берегу указаннаго полуострова. Я намѣревался было побывать въ нихъ, но меня остановилъ фельдшеръ.

Деревня Книжжегубье.

— Бросьте, сударь, не ѣздите.

— Почему же?

— Глушь страшная, дикость непомѣрная. Вы не знаете, какъ тамъ сообщеніе прокладывается. Проѣдетъ ктонибудь изъ волостныхъ сборщиковъ раза два — вотъ и вся дорога. Ызда все шажкомъ, на десятки верстъ. А, сохрани Богъ, налетитъ снѣжина съ вѣтромъ — бѣда. Хотя эти селенія и въ моемъ участкѣ, но зимою я не обязанъ бывать въ нихъ; развѣ только экстра какая: эпидемія появится, или мертвое тѣло окажется, а то — ни ногой. Нѣтъ, не совѣтую.

— А лѣтомъ какъ же?

— Сухопутьемъ нѣтъ ѣзды, а пѣшая дорога. Вотъ пройдетъ баба, и тропа называется дорогой. Лѣтомъ тамъ пароходное сообщеніе.

— Какія же тамъ селенія?

— Пурнема, Лямпы, Пуплохта, Лѣтняя Золотица и Дураково.

— Можетъ быть, что интересное въ нихъ есть?

— Ровно ничего. Всѣ на одинъ ладъ. Какъ начнется весна, то и потянутся въ Соловки на пароходахъ: кто сѣно убирать, кто ловить для братіи рыбу. По пароходамъ только и можно узнать, что есть тутъ живые люди, а зимою — мертвымъ мертво; зимою въ этихъ деревняхъ поморы ѣдятъ трещочку да валяются на печкѣ.

Я послушался совѣта фельдшера и не поѣхалъ.

Изъ Нижмозерья путь пролегалъ черезъ три сельде-промышленныхъ селенія на Онегу¹⁾.

Опять утомительно потянулись бѣлыя равнины, чередуясь съ земляными плѣщинами. Правда, встрѣчался лѣсокъ, но въ отдаленности отъ берега и притомъ невысокій, рѣдкій. Селенія чрезвычайно походили одно на другое, какъ деревни въ аракеевскихъ поселеніяхъ. Внѣшній видъ, мѣстоположеніе, экономическія условія — все одинаково. Избы хотя небольшія, одноэтажныя, но видимо подновляемыя. Солома на крышахъ немногихъ избъ, а все больше тесь. Жилыя строенія обращены къ водѣ и выглядятъ весело. Большинство избъ имѣетъ четное число оконъ. Если взять такую избу, то она непременно въ пять стѣнъ. Внутренняя стѣна дѣлитъ избу на двѣ половины. Зимою семья перебирается изъ одного помѣщенія въ другое и оставленное остужаетъ, чтобы выморозить таракановъ. Окна въ избахъ, какъ и во всемъ Поморьѣ, маленькія въ три стекла; двери тоже небольшія. Это несомнѣнно дѣлается съ тою цѣлью, чтобы не такъ сильно продувало вѣтромъ и не заливало дождемъ, а, главное, чтобы въ избахъ дольше держалось тепло.

Когда я добрался до Онеги, то узналъ, что проѣхалъ 230 верстъ. Конечно, я не рисовалъ себѣ Онегу такую, какъ большинство нашихъ уѣздныхъ городовъ центральныхъ губерній, но во всякомъ

¹⁾ Кянда, Тамница, Покровское.

случаѣ не ожидалъ и того, что встрѣчу здѣсь такую глушь, захолустье и дикообразность, въ чемъ меня убѣдило мое двухдневное пребываніе. Снаружи городъ представляетъ собою одну довольно длинную улицу, ползущую вверхъ по отлогой горѣ; дома небольшіе; иные стары и вросли въ землю; надъ ними возвышается каменное зданіе казначейства и два-три пятиконныхъ двухэтажныхъ дома мѣстныхъ богачей, а надъ всѣмъ городомъ—кресты двухъ церквей. Впрочемъ, возвышается еще одно зданіе, о которомъ я самъ себѣ не могъ составить понятія, а узналъ послѣ отъ горожанъ, что это пожарная каланча. Вотъ и весь городъ, стоящій на рѣкѣ Онегѣ.

На «отводной» квартирѣ, которую каждый домохозяинъ обязывается по годичной очереди предоставлять проѣзжающимъ «благороднымъ» людямъ бесплатно, я думалъ найти послѣ утомительной дороги покой, но на самомъ дѣлѣ нашелъ одно безпокойство.

Прежде всего явился ко мнѣ помощникъ исправника и, едва перешагнувъ порогъ, сталъ убѣдительно звать меня на закуску, а потомъ пояснилъ, что онъ пришелъ за исправника, который уѣхалъ изъ города куда-то на лыжахъ. Я недоумѣвалъ—для знакомства ли со мною посѣтилъ меня полицмэнъ, или изъ хлѣбосольтва. На приглашеніе я, разумѣется, отказался, такъ какъ не имѣлъ надобности ни въ тамошнемъ исправникѣ, ни въ его закускѣ.

Спустя недолго, пришелъ городской, типичный инвалидъ, какого только и можно встрѣтить на окраинѣ нашей широкой родины. Этотъ справился о моей личности и сократился.

Позднѣе явился полицейскій надзиратель и сталъ раболѣпно извиняться въ томъ, что онъ охотился на куропатокъ и потому не могъ прійти ранѣе. Его я нѣсколько позадержалъ.

— Наши обыватели — овцы, — рассказывалъ надзиратель. — Начесть общественной тишины—первый сортъ. Бываетъ лѣтомъ, послѣ морскихъ промысловъ, нѣкоторое междоуміе по пьяному дѣлу, но вѣдь нельзя—народъ мѣщанскій, необразованный, дикій.

— А зимою что дѣлаютъ?

— Ничего не дѣлаютъ, слона гоняютъ, но все тихо и смирно. Поэтому я, какъ большой охотникъ, ухожу изъ города и никогда не требуюсь.

Едва надзиратель откланялся, какъ въ комнату бомбой влетѣлъ мировой судья и грозно предложилъ мнѣ очистить ее, потому что самъ онъ изъ уѣзда и желаетъ остановиться здѣсь. Я протестовалъ, говоря, что правъ на комнату больше у меня, какъ раньше прибывшаго. Грозный судья не унимался, кричалъ, требовалъ моего удаленія и чуть не силой гналъ меня вонъ. Когда же я ему отрекомендовался, жрецъ Оемиды сразу впалъ въ минорный тонъ, извинялся, расшаркивался и любезно уже сказалъ:

— Вы не будете имѣть претензіи, если мы помѣстимся вдвоемъ? Я согласился, но не сдержался замѣтить ему вслухъ:

— Давно бы такъ.

Приходили зачѣмъ-то какіе-то мѣстные чины, почтительно кланялись и уходили.

Къ вечеру повалили поморы-судохозяева, для освѣдомленія насчетъ улучшенія бѣломорскаго судоходства—словомъ, дверь ежеминутно то отворялась, то запиралась, и я долженъ былъ съ каждымъ объясняться.

На другой день вѣсть о моемъ прибытіи съ быстротою молніи облетѣла всѣ уголки маленькой Онеги. Передо мною стояла уже цѣлая толпа, чающая «способія». Это былъ людъ все бѣдный, потерявшій кормильцевъ и оставшійся безъ куска хлѣба. Тутъ были старяки, старухи, вдовы и сироты. Толпа ждала чего-то отраднago, глубоко вздыхала, сдавливала слезы, плакала. Но данное мнѣ порученіе обязывало меня разбирать несчастье только 1894 года, и притомъ если оно приключилось на водѣ, поэтому инымъ пришлось разочароваться и именно тѣмъ, кто лишился семейной опоры до и послѣ 1894 года, или на сушѣ.

Я вздохнулъ полегче, когда оставилъ Онегу, или, вѣрнѣе, тѣхъ непрошенныхъ гостей, которымъ, кажется, не предвидѣлось конца. Дорога шла на посадъ Суму, по самому краю берега, чрезъ нѣсколько селеній¹⁾, однообразныхъ, видомъ зажиточнѣе минувшихъ. Здѣсь вѣчно съ моря тянетъ вѣтеръ, хотя небольшой, но неприятный, пронизывающій. Это лѣтомъ, а зимою противъ вѣтра не устоять и пяти минутъ: вѣки слипаются, лицо рѣжетъ и леденитъ. Былъ сильный морозъ. Я сидѣлъ совершенно закутанный въ кибиткѣ. Клонило ко сну, въ ушахъ стоялъ скрипъ полозьевъ, отдававшійся звучнымъ эхо. По временамъ я выглядывалъ на свѣтъ Божій и видѣлъ, какъ мой возница, небольшого роста поморъ, весь въ оленьихъ шкурахъ, бѣжалъ точно медвѣженокъ, рядомъ съ повозкой и согрѣвался движеніемъ. А какая тутъ жалкая растительность! Тоція сосны держать вѣтви безусловно въ ту сторону, которая обращена внутрь материка, кустарникъ безъ вершинъ, низко склонился за соснами и какъ бы повернулся къ морю спиной, ежась и прячась другъ за друга. Разумѣется, этотъ лѣсъ никуда не пригоденъ, но, по мѣрѣ удаленія отъ берега, попадаетъ крупнѣе и менѣе уродливый, а на 15—20 верстѣ отъ берега растетъ уже строевой и дровяной. На полпути спустился такой густой туманъ, что окружающіе предметы были буквально не видны; туманъ окутывалъ повозку, и я едва могъ различить своего «медвѣженка». А снотворный морозъ все болѣе и болѣе крѣпчалъ, погружая меня въ забвеніе. Только успѣешь забыться, и начнутъ чередоваться въ глазахъ: поморскія избы, онежскіе гости, поморы въ потѣшныхъ сави-кахъ... вдругъ толчекъ—пробуждаешься и чувствуешь онѣмѣніе ко-

¹⁾ Ворзогора, Малошуйка, Күшерѣка, Унежма, Нюхча, Колежма.

Село Кандалакша.

нечностей. «Вотъ такъ морозъ!» — думалъ я, пріѣхавъ въ село Нюхчу. — «Чего добраго, этакъ можно уснуть навсегда и пріѣхать на станцію костянымъ трупомъ. Надо переночевать, утромъ морозъ легче».

Едва я ввалился въ жарко нагрѣтую избу, какъ сразу почувствовалъ пріятную нѣгу.

— Ну, дѣдушка, и холода у васъ стоятъ! — сказала я станціонному содержателю.

— Оно точно, ѣдете, барянь, въ морозное время, — спокойно отвѣчалъ почтенный старикъ. — Да это еще чтò. Сегодня, кажись, ничего, а бываютъ годы, когда завернетъ, ухъ, какъ лихо. Ну, тогда и намъ не больно тепло.

— Какъ вы переносите такую стужу?

— Родились здѣсь, такъ намъ нипочемъ. Поморозить руки, ноги, носъ — у насъ не случается. Народъ нашъ крѣпкій, здоровый.

Дѣйствительно, кого бы я ни встрѣтилъ въ Поморѣ, непременно видишь красное лицо, дышащее свѣжестью и полнымъ здоровьемъ.

— У васъ и туманы большіе, — снова заговорилъ я.

— Бываютъ. Коли лѣтомъ, значить быть изморью¹⁾, а зимою — знатному морозу.

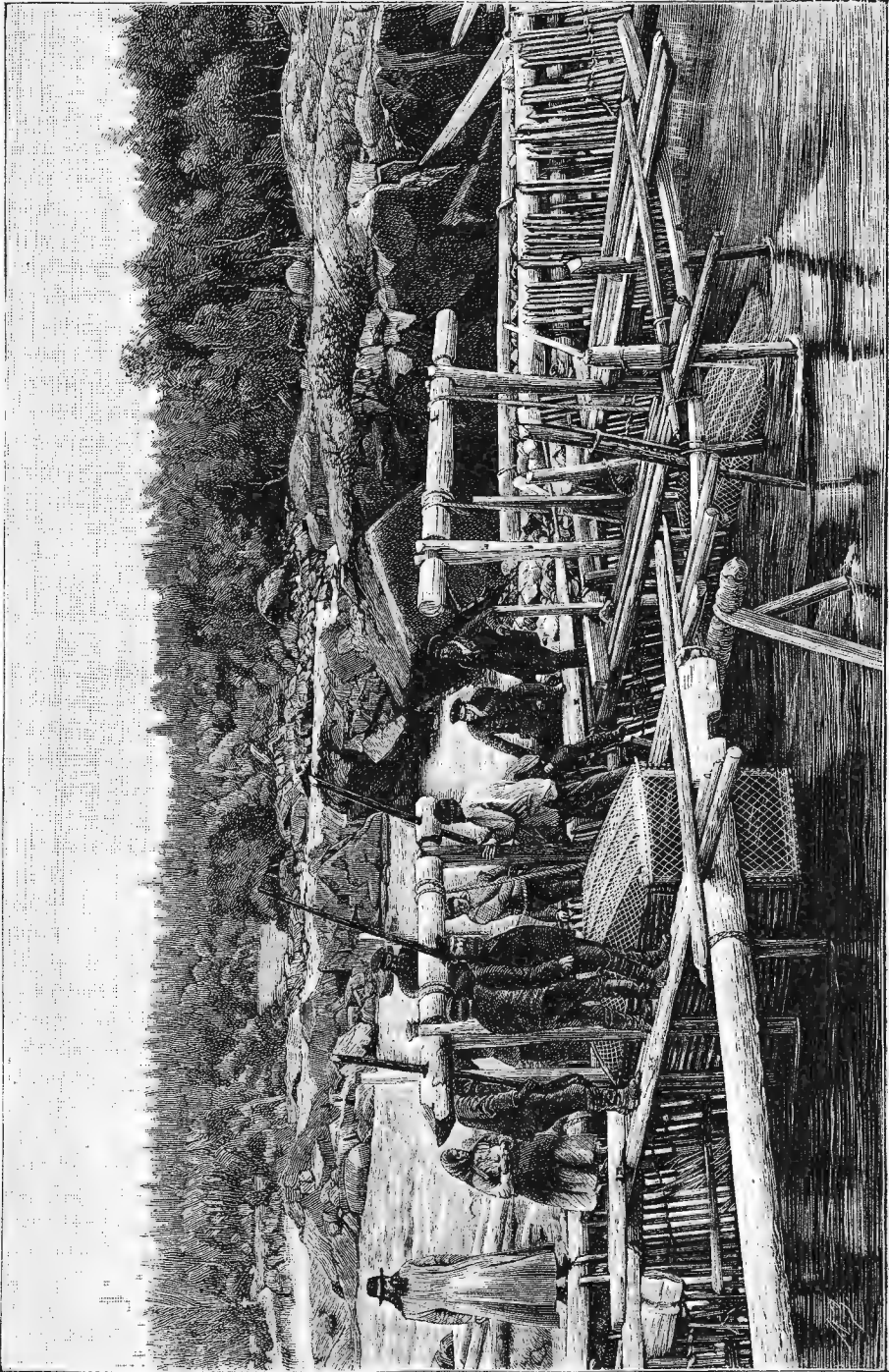
— По Онежью вѣдь постоянные туманы?

— Да, какъ сказать, средственные бываютъ частенько. Сами видите, море подъ бокомъ, какъ имъ не бывать часто.

На другой день я отправился дальше и пріѣхалъ въ Суму. Этотъ посадъ раскинулся на рѣкѣ Сумѣ въ юго-западномъ углу моря. Выше посада лежитъ большой порогъ и обдастъ окрестность вѣчнымъ, монотоннымъ шумомъ. Среди обыкновенныхъ поморскихъ избъ есть большіе дома причудливой архитектуры, съ разными амбарами и кладовыми. Лѣтомъ все населеніе уходитъ на промыслы, и въ посадѣ царятъ тишь да гладь, а зимою, наоборотъ, жизнь бьетъ ключемъ и именно на рѣкѣ, гдѣ визжитъ пила и стучитъ судовый топоръ. При мнѣ судостроительная работа была въ полномъ разгарѣ. Тамъ собирается остовъ каботажнаго судна; тутъ отдѣлываютъ мореходную шкуну; между ними растутъ мелкія суда — шняки, карбасы; всюду копошатся рабочіе.

Сумскіе мѣщане — народъ предприимчивый, работающій, занимаются многими промыслами. Поэтому понятно, что дома у нихъ хорошіе, и внутренняя обстановка опрятна и зажиточна. Въ этомъ я убѣдился лично, побывавъ въ домѣ помора Воронина. Комнаты большія, свѣтлыя, чрезвычайно чистыя; мебель легкая и мягкая; на стѣнахъ зеркала, картины. Сами хозяева люди простодушные, гостепріимные и въ высшей степени внимательные. Хозяинъ часто бываетъ въ Норвегіи, ежегодно ѣздитъ въ Петербургъ, поэтому на столѣ во-

¹⁾ Дурная погода.

Ловля семги заборомъ.

кругъ самовара появились всевозможные маринады, консервы, копченія, продукты норвежскихъ и петербургскихъ рынковъ. Положимъ, это домъ зажиточнаго помора, но такихъ Ворониныхъ наберется съ десятокъ въ Сумѣ.

Отъ Сумы дорога поднимается вертикально на Кемь: все болота, мхи и мѣстами возвышенности, покрытыя скудною растительностью. Сухопутье здѣсь бываетъ только зимою, такъ какъ всякая топь и зыбь сковываются крѣпкимъ морозомъ; лѣтомъ же поморы переправляются на судахъ, а проѣзжающіе попадаютъ исключительно съ пароходовъ ¹⁾. Словомъ, лѣтнее сообщеніе по этому побережью не то, что между Архангельскомъ и Сумою, гдѣ и путникъ, если не на пароходѣ, то, по крайней мѣрѣ, на почтовыхъ карбасахъ можетъ переправляться изъ одного селенія въ другое. Карбасное сообщеніе очень важно для спѣшнаго проѣзжающаго, такъ какъ пароходъ показывается на рейдѣ черезъ 7—8 дней; слѣдовательно, проѣзжалъ его, и сиди у моря цѣлую недѣлю.

Отъ Сумы до Кеми болѣе 6-ти селеній ²⁾, да немного въ сторону столько же ³⁾. Послѣднія окружаютъ Тунгудское озеро и вообще именуется Тунгудой.

Тунгуда лежитъ по направленію къ Финляндіи, въ такихъ непроходимыхъ дебряхъ, что даже въ иныхъ селеніяхъ годами не появляется, для выколачиванія недоимокъ, ни старшина, ни становой. Конечно, экономическій недугъ растетъ, а власти отписываются: за непроѣдомъ, молъ, никакихъ принудительныхъ мѣръ ко взысканію не принято.

А пути въ Тунгудѣ вотъ какіе. Ползешь черепашьимъ шагомъ среди каменныхъ глыбъ, поворачивая то направо, то налево. Деревни въ Тунгудѣ малолюдныя, населеніе смѣшанное съ корелами. Мужчины уходятъ на мурманскій промыселъ, а женщины ведутъ луговое хозяйство. Дикость и какое-то пренебреженіе къ самому себѣ есть отличительныя черты тунгудскихъ крестьянъ.

Я устроился на Тунгудской станціи въ каморкѣ. Прежде чѣмъ лечь, вмѣсто кровати, на полъ, я пилъ чай и сколько ни прибавлялъ его въ чайникъ, онъ только краснѣлъ, а вкуса не имѣлъ никакого. Догадываясь, въ чемъ дѣло, я налилъ въ стаканъ сырой воды, покрылъ бумагой и оставилъ на ночь. Утромъ проснулся и слышу какой-то шелестъ, приподнялъ бумагу и вижу, на ней образовалось черное пятно. Это были насѣкомыя, всегдашніе обитатели Тунгудскаго озера, почувствовавшіе себя какъ бы въ ловушкѣ и выползшіе на бумагу. У меня естественно явилось чувство гадливости къ напитку, съ которымъ я наканунѣ наглотался такой дряни.

¹⁾ На нихъ же передается и почта.

²⁾ Вирма, Сухонаволокъ, Выгъ-Островъ, Шижня, Сороки, Шуя.

³⁾ Лѣтнегонцево, Машезеро, Тунгуда, Колпаково, Кивать-озеро.

Между тѣмъ крестьяне безъ малѣйшаго отвращенія пьютъ «насъ-комую» воду и сами же объясняютъ, что у нихъ въ рѣкѣ есть чистая хорошая вода, да ходить, видите ли, за ней надо два часа, такъ по лѣни и безопасности они этого не дѣлаютъ.

Въ селѣ Лѣтнеконечкомъ я посѣтилъ старика священника, который живетъ въ простой деревенской избѣ, среди убогой обстановки. «Какъ это,—думалъ я, озираясь кругомъ,—представитель церкви и сельской интеллигентности живетъ въ черномъ тѣлѣ?» Но батюшка не замедлилъ представить причины этому.

— Доходы у насъ грошовые,—говорилъ священникъ,—причтъ обдѣнѣлъ, а всему расколъ причиной. Молиться ходятъ мало, за требой не посылаютъ. Вы бы взглянули, что въ нашей церкви: стѣны голыя, иконостасъ облупился, ни ризъ на образахъ, ни паникадила порядочнаго—просто гложетъ здѣсь вѣра Христова.

— Вы бы боролись съ расколомъ.

— Гдѣ намъ бороться! Надо сюда людей свѣжихъ, которые доп-длинно изучили эту ересь и знаютъ, какъ съ ней справляться, а я—старъ, да меня и не послушаютъ.

— Все-таки могли бы что нибудь сдѣлать.

— А что могли бы?.. Можемъ поддерживать храмъ чрезъ благодѣтелей и только.

— Что жъ, и это своего рода мѣра противъ раскола.

— Положимъ, мѣра, но гдѣ въ такой глуши благодѣтели?—батюшка умолкъ и безнадежно склонилъ голову.

Я предложилъ ему услуги для сбора пожертвованій и, видимо, угодилъ, какъ нельзя быть лучше.

— Это достойно хвалебности,—обрадовался опечаленный батюшка.—Въ столицѣ есть немало радѣтелей православной церкви. Усерднѣйше прошу васъ, помогите. Я сейчасъ опишу нашу горькую долю, и у васъ будетъ документъ.

Не такъ-то скоро изобразила старческая рука «горькую долю» на листѣ; въ немъ указывалось на древнее основаніе церкви во имя пророка Іліи, постепенный упадокъ ея, а главнымъ образомъ плачевное состояніе причта.

Я взялъ съ собою документъ и общалъ батюшкѣ свое содѣйствіе.

Возвращаясь изъ Поморья, я предъявлялъ документъ людямъ отзывчивымъ къ нуждамъ церкви и знаю, что въ Лѣтнеконечкій погостъ посылались пожертвованія какъ деньгами, такъ и церковной утварью.

Самымъ выдающимся и по населенности, и по зажиточности, въ сумско-кемскомъ районѣ считается село Сороки, въ Сорокской губѣ, съ Введенской ярмаркой и мѣстопробываніемъ разныхъ властей и учреждений. Остальныя селенія заурядныя и ничего особеннаго изъ себя не представляютъ.

За Сороками недалеко и г. Кемь.

Кемь находится въ 500 верстахъ отъ Архангельска, въ котловинѣ среди горъ, вдали отъ моря. Поэтому не мудрено, что въ крымскую кампанію начальникъ англійской эскадры въ Бѣломъ морѣ, Омманей, бомбардировавшій Соловецкій монастырь, искалъ Кемь, но не нашелъ и донесъ своему правительству, что такого города въ Россіи не существуетъ.

Чтобы добраться до самой Кеми, я двѣ версты катился подъ гору. Городъ виденъ съ высоты птичьяго полета; собственно говоря, виднѣются только крыши да купола трехъ церквей. Кемь разрѣзается на двѣ половины порожистой рѣкой имени города. Улицы расположены въ беспорядкѣ: однѣ идутъ вдоль береговъ, другія радіусами удаляются отъ рѣки. Много кривыхъ и косыхъ домовъ, съ большими интервалами, на которыхъ торчатъ старые заборы, а то и просто изгороди. Но есть дома и зажиточныхъ поморовъ, среди которыхъ иные даже богатые, посылаютъ суда съ треской на петербургскіе рынки.

Жители, какъ говорится, поросли мхомъ и смотрѣли на меня, какъ на заморскаго звѣря. Кемскій промышленникъ все тотъ же старый поморъ, ѣстъ круглый годъ трещочку, а съ зарѣзаннаго теленка снимаетъ одну кожу, мясо же бросаетъ собакамъ. Суда, промысловые снаряды, самые промыслы, нравы, обычаи—все на традиціонныхъ началахъ и у всѣхъ на все одинъ отвѣтъ: «какъ дѣды, такъ и мы». Интеллигентъ тоже не безъ оригинальности. Исправникъ—баричъ, страдаетъ гидрофобіей и потому служебные разъѣзды дѣлаетъ зимою. Станный человѣкъ, живетъ у моря, а воды боится, какъ курица. Его помощникъ, судья, лѣсничій, ходятъ другъ къ другу въ халатахъ и даже по городу разгуливаютъ въ оныхъ. Тишина въ городѣ гробовая; даже обыватель, пробираясь среди снѣжныхъ глыбъ, ступаетъ какъ-то тихо и проѣзжему почему-то низко снимаетъ шапку. Иногда лѣтомъ пройдетъ компанія на нудожемскій водопадъ. Онъ въ 16 верстахъ отъ города, близъ села Пудожемы. Водопадъ—это самый большой порогъ на рѣкѣ Кеми, съ паденіемъ воды на 17 футовъ. Порогъ довольно красивый, но настолько шумный, что, какъ я слышала, отъ него всѣ крестьяне Пудожемы туговаты на ухо. Кемь, совершенно отрѣзанная отъ болѣе оживленныхъ пунктовъ, считается вторымъ сѣвернымъ городомъ послѣ заштатной Колы. Говорили о проведеніи въ Кемь желѣзной дороги, но пока улита ѣдетъ и когда-то будетъ. Вотъ и живетъ Кемь по-своему, какъ Богъ на душу положитъ, безъ всякихъ стороннихъ культурныхъ вліяній. Словомъ, Кемь производитъ впечатлѣніе обособленнаго, глухого, патриархальнаго городка.

И здѣсь на «отводной» квартирѣ меня не миновала чаша терпѣнія встрѣчать и провожать разныхъ людей, подобныхъ тѣмъ, какіе являлись ко мнѣ въ Онегѣ. Должно быть, въ Поморѣ ужъ

такъ заведено, чтобы осаждать прѣзжаго человѣка визитами или вѣрнѣе, посмотреть на него, что онъ за птица. Какой птицей я оказался кемлянамъ, для меня безразлично, но хорошо знаю, что сообщеніе о грядущемъ страховомъ обществѣ доставило судохозяевамъ большую пріятность. Помню, ихъ собралось у меня много. Они оживленно толковали, строили предположенія насчетъ условій и разошлись по домамъ въ радужномъ настроеніи.

За Кемью до села Керети зимою по поморскимъ селеніямъ нѣтъ дороги, а надо ѣхать чрезъ Корелу. Я миновалъ пять корельскихъ селеній, оставивъ, такимъ образомъ, въ сторонѣ три—четыре поморскихъ ¹⁾. Дорога Корелой убійственная. Корельскія селенія—маленькія пять-десять избенокъ, сидящихъ на хлѣвахъ. Внутри, кругомъ стѣнъ, скамьи, убогій столъ и въ углу глиняная печь, на булыжномъ фундаментѣ. Народъ корельскій встрѣчается по лѣтописямъ еще въ XII вѣкѣ; онъ былъ въ зависимости у русскихъ князей, воевалъ съ финляндцами, а позднѣе не разъ оборонялся отъ шведовъ. Корела отодвинулась отъ Поморья, поэтому среди нея морскіе промышленники попадаютъ въ единичныхъ случаяхъ. Населеніе занимается земледѣліемъ, скотоводствомъ и лѣсными промыслами. Присматриваясь къ Корелѣ и ближайшимъ русскимъ селеніямъ, невольно убѣждаешься, что не русское населеніе подчиняетъ себѣ корель, а, наоборотъ, корелы-русскихъ. Въ корельскихъ селеніяхъ Гагарино, Пильеозера, Будыри, Боярская и Полу-боярская ничего нѣтъ русскаго, все русское пренебрегается, а въ поморскихъ селеніяхъ и жилища, и одежда, и языкъ—понемногу отдаетъ корельщиной.

Вообще рѣзкой переменъ въ природѣ закемскаго побережья не замѣчается. Почтового тракта здѣсь нѣтъ, а есть земская дорога, по которой ѣздятъ съ открытымъ листомъ «казенные люди», а частному человѣку приходится нанимать «вольныхъ» и отыскивать ихъ съ величайшимъ трудомъ. Я—«казенный» человѣкъ, да и то въ селѣ Поньгамѣ едва могъ достать лошадей. Все селеніе вмѣстѣ съ преержащею властью было пьяно. Всюду раздавались крики пѣсни, брань. Когда я садился въ кережи, меня окружила пьяная толпа.

— Почему у васъ сегодня повальное пьянство?

— Именины писаря справляемъ,—гаркнули поморы.

Мнѣ думалось, едва ли писарь былъ настолько щедръ, чтобы угостить все селеніе; несомнѣнно, оно гуляло на «свои», пропивало трудовые гроши, во имя писаревыхъ именинъ. Такъ или иначе, но надо полагать, что поньгамскій писарь—не малая персона въ волости.

¹⁾ Угдино, Кадалакша, Лѣтнерѣцкое.

Разстоянія между станціями или волоками кажутся безконечными. Почта ходитъ разъ въ двѣ недѣли, корреспонденція передается безопасно, неаккуратно. На одномъ волокъ я спросилъ ямщика: сколько до слѣдующей станціи верстъ? Онъ отвѣчалъ: «Дѣды считали 50, а комитетомъ показано 30». Дѣйствительно, подобные волокы не только кажутся, но и на самомъ дѣлѣ длинные, утомительные, и путникъ вполне убѣждается, что дѣды были правы. Ямщики рассказывали, что сокращать поперстное разстояніе у комитета есть свои соображенія—чтобы не ошарашивать на торгахъ контрагентовъ и тѣмъ легче домогаться пониженія объявленной цѣны.

Отъ Корелы начинается берегъ Кандалакшскаго залива, островистый и настолько опасный своими подводными банками для мореплаванія, что здѣсь сплошь и рядомъ пароходы ломаютъ винты, мнутъ кили и подолго засиживаются на меляхъ.

На Закемскомъ берегу ¹⁾ слѣдуетъ отмѣтить два селенія: Кереть и Кандалакшу. Село Кереть—большое, служитъ главнымъ торговымъ пунктомъ этого берега. Сюда стекаются крестьяне сосѣднихъ селеній за мукой, солью; пріѣзжаютъ торговцы, промышленники съ рыбой, и село весною крайне оживляется.

Что же касается Кандалакши, то это одно изъ красивыхъ бѣломорскихъ селеній, широко раскинувшееся по обоимъ берегамъ порожистой рѣки Нивы, при самомъ изліяніи ея въ Кандалакшскій заливъ. Лѣвый берегъ чрезвычайно высокій, отлого спускается къ рѣкѣ. У самой вершины стоитъ деревянный храмъ, съ нѣсколькими главами. Другой берегъ тоже нагорный, но не высокій, обрывистый, похожій на каменную стѣну, не гладкую, зато крѣпко скованную сѣверной природой. Въ 5—6 саженьяхъ отъ воды протянулись перенгами крестьянскіе дворы, состоящіе изъ обыкновенныхъ поморскихъ избъ.

Такъ какъ Кандалакша стоитъ въ самомъ куту залива, то послѣдній виденъ далеко изъ села; по заливу торчатъ островки, иные по скалистости совершенно голые, съ фантастическими очертаніями, а другіе покрыты мелкимъ хвоемъ.

Положимъ, зимою Кандалакша тонетъ въ глубокихъ снѣгахъ, но лѣтомъ здѣсь можно любоваться дѣвственной природой. Уходящія подъ облака горы, зеленѣющіе по склонамъ ихъ лѣсъ, шумъ водопадовъ, морская даль—все это такъ чаруетъ созерцателя, что надолго не оторвался бы отъ такихъ картинокъ.

Нынѣшніе кандалакшане занимаются морскими промыслами, а предки ихъ, кромѣ того, были даже рудокопы. Рассказывали, да есть и документальныя данныя, что въ прошломъ вѣкѣ, близъ Кандалакши, существовали пріиски свинцовой и серебряной руды.

¹⁾ Князегубье, Ковда, Чернорѣцкое.

Но рука Бирона положила конецъ этому дѣлу, и съ того времени пріиски не воскресали.

Кандалакша имѣетъ такъ же, какъ и Кемь, свою страничку въ исторіи крымской войны. Мнѣ передавали старики, что въ началѣ августа приплылъ къ селу иностранный корабль. Командиръ съ десяткомъ матросовъ высадился на берегъ и приступилъ къ осмотру мѣстности; между прочимъ былъ и на заборѣ, гдѣ смотрѣлъ, какъ ловятъ семгу. Отсюда командиръ отправился въ домъ одного промышленника и угощался семужьей ухой. Похваливъ кушанье, командиръ возвратился на судно.

Въ слѣдующемъ году было приказано начальствомъ, чтобы, въ въ случаѣ появленія непріятели, крестьяне стрѣляли, и для этой цѣли кандалакшскому обществу были выданы кремневые ружья. Въ іюлѣ, на рейдѣ, противъ села, снова появилось непріятельское судно и то самое, которое подходило въ прошломъ году, съ тѣмъ же командиромъ. Послѣдній попрежнему захотѣлъ отвѣдать вкусной ухи и уже подѣвжалъ съ матросами на двухъ плюпкахъ, какъ вдругъ изъ одного дома раздался ружейный залпъ, затѣмъ другой, третій. Трое матросовъ упали мертвыми. Оказалось, что это стрѣляли крестьяне, предводительствуемые офицеромъ Бабадинымъ. Капитанъ съ уцѣлѣвшими матросами возвратился на судно и сталъ бросать въ село ядра. Жители, конечно, удалились въ лѣсъ и горы; бѣжалъ и самъ Бабадинъ съ своей дружиной. Когда непріятель убѣдился, что село опустѣло, команда высадилась на берегъ и, въ отмщеніе за непривѣтливый на сей разъ приемъ, сожгла Кандалакшу, но домъ, въ которомъ была засада, какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ. Мнѣ указывали его; онъ самый крайній къ морю и теперь, если не ошибаюсь, живетъ въ немъ мѣстный священникъ.

Въ Кандалакшѣ я отдыхалъ двое сутокъ, жилъ на обывательской станціи и познакомился съ ея содержателемъ, крестьяниномъ Поддубниковымъ. Это ловкій человекъ во всѣхъ отношеніяхъ. Благодаря ему, я узналъ, что и на крайнемъ сѣверѣ населеніе не избавлено отъ кулачества. Поддубниковъ беретъ съ торговъ станціи въ Лапландіи, а самъ сдаетъ ихъ за безцѣнокъ лопарямъ. Скупаетъ рыбу, жемчугъ, шкуры оленей и лисицъ; торгуетъ хлѣбомъ, солью, сѣномъ и проч. При покупкѣ стягиваетъ, при продажѣ обмѣриваетъ, обвѣшиваетъ. Разъ въ сосѣдней комнатѣ происходилъ такой разговоръ: «Свое прошу, кровное,—говорилъ умоляющимъ голосомъ какой-то крестьянинъ.—Обиждаешь ты насъ, Кузьма, завсегда».

Въ отвѣтъ были слова Кузьмы: «Ты опять пришелъ канючить; думаешь, баринъ услышитъ, такъ заступится за тебя. Нашего брата тоже не проведешь». Поддубниковъ живетъ, какъ птица небесная, ни сѣетъ, ни жнетъ, а собираетъ обильную жатву съ крестьянъ и флегматичныхъ лопарей. Онъ обсиѣлся, зажирѣлъ и представляетъ собою типичнаго кулака Поморья.

Въ послѣднее время, по лѣтнему берегу стали возникать лѣсопильные заводы и больше за Кемью. Я былъ на заводѣ иностраннаго товарищества и любовался его устройствомъ. Начиная съ машинъ и кончая ручнымъ инструментомъ, все вывезено изъ-за границы, по послѣднему слову технической и механической науки. Помѣщенія для рабочихъ просторны и удобны. Чистота и лоскъ видны на всемъ. Особенно красивый видъ имѣетъ заводъ зимою, въ короткіе дни, когда всѣ зданія его освѣщаются электричествомъ. Управляющій заводомъ—нѣмецъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ настоящее время заводъ оперируетъ безъ прибыли, а надѣется въ будущемъ зарабатывать хорошія деньги. Самъ управляющій живетъ на широкую ногу и занимаетъ громадную съ роскошной обстановкой квартиру. Хотя онъ и нѣмецкій подданный, но Россію хвалитъ и именно за то, что на сѣверѣ ея не вырубятъ лѣсовъ во вѣки вѣчные.

О заводской промышленности въ Керети мнѣ далъ нѣкоторыя свѣдѣнія богачъ Савинъ, у котораго тамъ есть свой заводъ.

— Торгуемъ рыбой,—говорилъ онъ,—да думаемъ покончить съ этимъ дѣломъ.

— Это почему же?

— А затѣяли дѣльце болѣе выгодное. Лѣсопильный заводъ устроили. Предпріятіе еще вновь, а до шести иностранныхъ судовъ берутъ матеріаль. Говорятъ, за границей лѣсу стало мало, а у насъ, слава Тебѣ, Господи!—хватить этого добра.

Я вспомнилъ управляющаго-нѣмца и подумалъ, что не онъ одинъ, а и нашъ русскій вѣритъ въ неизсякаемость лѣсныхъ богатствъ на сѣверѣ.

Итакъ «лѣтній» берегъ оканчивается живописной Кандалакшей.

Въ населенныхъ пунктахъ «лѣтняго» берега считается болѣе 2.800 дворовъ и около 20.000 жителей обоюга пола. Народъ коренастый, средняго роста, красивый, здоровый, въ обхожденіи простой, нераболѣпный, гостепріимный и не заразившійся еще пресловутой манерой послѣ услуги смотрѣть въ глаза и просить на чай. Лѣтомъ поморы ходятъ въ картузахъ, пиджакахъ и кожаныхъ сапогахъ, а зимою надѣваютъ валенки, вязаныя рубахи, полушубки отъ собственныхъ овецъ и на голову шарообразныя шапки съ длинными ушами (сибирки) изъ заячьего мѣха, умоценныя для украшенія разноцвѣтными лоскутками. Во время сильныхъ морозовъ крестьяне надѣваютъ олени сапоги (пимы) и малицы (рубашки), а также совики (рубашки съ колпакомъ для головы). Малицы и совики носятъ внизъ шерстью, а сверху набрасываютъ рубашки изъ серпанки разныхъ цвѣтовъ, такъ что группа поморовъ въ такихъ костюмахъ представляетъ настоящій маскарадъ.

Религіозность выражается въ томъ, что среднимъ числомъ на каждое селеніе приходится по одной церкви. Крестьяне усердно под-

держиваютъ храмы и много молятся Николаю Чудотворцу, какъ заступнику отъ морскихъ бѣдъ.

Просвѣщеніе очень слабое; конечно, въ городахъ и посадахъ есть министерскія училища и шкиперскіе классы, но въ селеніяхъ училища рѣдки. Существуетъ тишь прежней школы грамоты. Впрочемъ, за послѣднее время стала нарождаться церковно-приходская школа и съ каждымъ годомъ потихоньку двигается впередъ. Сами крестьяне къ обученію относятся апатично, въ особенности тамъ, гдѣ нужны ихъ средства. Вотъ примѣръ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, казна предложила обществу открыть въ Ковдѣ шкиперское училище съ тѣмъ, что средства на него дастъ она и отчасти общество; кромѣ того, послѣднее доставляло бы отъ себя и топливо. Крестьяне отвѣтили на сходѣ, что, если казнѣ нужно училище, то пускай она его и содержитъ и отопляетъ.

Земледѣліе на «лѣтнемъ» берегу держится только въ самомъ началѣ, а чѣмъ дальше, тѣмъ оно становится рѣже и къ Сумѣ совсѣмъ исчезаетъ.

У меня по поводу земледѣлія и вообще хозяйства былъ разговоръ съ ворзогорскимъ старшиною.

— А что, большіе морозы вредны для сельскаго хозяйства? — спросилъ я его.

— Не безъ того, — отвѣчалъ старшина. — Да чему вредить-то? У насъ хозяйство махонькое: въ Архангельскѣ сѣютъ побольше, къ Сумѣ — поменьше, а дальше посада ни одного зерна въ землю не бросаютъ. Трудимся мы больше потому, что крестьяне, а крестьянину какъ быть безъ земли.

— Значитъ, за Сумою крестьяне безземельные?

— Нѣтъ, земельные, только не пахотные; тамъ луга, пожни — тоже земля надѣльная.

— Какихъ размѣровъ у васъ надѣлы?

— На одну ревизскую душу полагается 700 сажень, дальше 500, 300, 130 сажень. За то и хлѣба хватаетъ у насъ на 4 мѣсяца, а тамъ — на 3, 2 и 1.

— Какіе же здѣсь посѣвы?

— Сѣемъ жито, да въ нашемъ мѣстѣ его одно и сѣютъ. Двѣ трети поля засѣваемъ 2 четвериками, а одну треть оставляемъ подъ паромъ. Родится самъ-третій, случается и самъ-четвертый. Почва у насъ каменистая, болотистая, часто бываютъ раннею осенью морозы, проливные дожди — сами видите, какое наше земледѣліе.

Я указалъ старшинѣ на подсѣчное хозяйство, которое въ лѣсистой мѣстности имѣло бы вѣрный успѣхъ. Старшина объяснилъ, что подсѣчностью они тоже занимаются, но мало, потому что съ одной стороны земледѣлію предпочитаютъ морскіе промыслы, а съ другой по непримѣнительности ко многимъ семьямъ закона 1873 г. Послѣдній разрѣшаетъ отводить участки подъ расчистку только на

ревизскія души, а послѣдняя ревизія была въ 1857 г., и съ тѣхъ поръ не много осталось въ живыхъ ревизскихъ душахъ.

— Въ какомъ родѣ у васъ сѣнокосы?—продолжалъ я разспрашивать старшину.

— Сѣнокосы у насъ неважные. Съ одного душевого надѣла снимаемъ два-три-семь возовъ.

— Отчего же такъ неодинаково?

— На какомъ мѣстѣ надѣлъ данъ. Ежели при рѣкѣ — луга заливные; на нихъ трава густая, въ корму споркая; ну, а въ ложбинахъ—плохое дѣло; тамъ трава за травиной гоняется съ дубиной. А за Кемью насчетъ сѣна совсѣмъ бѣдно. Пудъ доходить до рубля. Въ тѣхъ мѣстахъ луга куда какъ берегутъ: огораживаютъ, навозомъ удобряютъ.

— Конечно, отъ покосовъ зависитъ и количество скота?

— Гдѣ какъ. Больше скотины у богатаго помора. Богатый кормитъ хлѣбомъ и сѣномъ, а не достанетъ сѣна—прикупить. Все же какіе ни на есть покосы, а хозяину надо держать одну лошадку, одну-двѣ коровы, пары двѣ-три овецъ.

— А какъ пользуетесь лѣсомъ?

— Лѣсъ беремъ по приговорамъ и вносимъ 49¹/₂ коп. со двора. Въ годъ полагается взять по 7 жердей и бревень трехъ сажень да 4 кубика дровъ, а коли надо больше—покупай въ казнѣ, по положеннымъ цѣнамъ.

Скудное земледѣліе, а въ иныхъ селеніяхъ и совершенное отсутствіе его, выдвигаетъ на «лѣтнемъ» берегу и вообще въ Поморѣ чрезвычайно важный вопросъ—это вопросъ о продовольствіи. Хлѣбъ продаютъ: въ городахъ 7 руб. 50 коп., въ селеніяхъ 8—10 рублей. Къ услугамъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ есть продовольственные комитеты, но въ нихъ покупаютъ хлѣба мало, такъ какъ онъ часто бываетъ недоброкачественъ, а главное дороже, чѣмъ въ частныхъ рукахъ — до одного рубля за пудъ. Къ такимъ комитетамъ поморы прибѣгаютъ въ тяжелые годы, когда на сторонѣ хлѣбъ очень дорогъ; они покупаютъ его и на деньги, и въ кредитъ, съ возвратомъ, вмѣсто процентовъ, излишнихъ 2 фунтовъ на пудъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ, когда приволжскія губерніи постигъ неурожай, хлѣба меньше везли въ Поморье, и цѣны на муку стояли баснословно высокія—16—17 рублей куль. Разумѣется, у кого былъ сдѣланъ запасъ, тотъ не охаль, не вздыхаль, а людямъ бѣднѣйшимъ, покупающимъ хлѣбъ по мѣрѣ надобности, приходилось очень туго. Тогда комитетамъ, имѣющимъ задачею являться на помощь населенію съ дешевымъ хлѣбомъ, открывалось широкое поле дѣятельности. Къ сожалѣнію, была допущена непростительная ошибка. Бывшій губернаторъ, князь Н. Д. Голицынъ, распорядился продавать хлѣбъ изъ магазина, кто сколько требоваль, поэтому казенные магазины быстро опустѣли, и хлѣбъ расхватали люди болѣе состоя-

тельные, а тѣ, которые, по недостатку средствъ, не успѣли купить, остались безъ дешеваго хлѣба. Передавали, что нѣкоторые изъ богачей-поморовъ накупили много хлѣба въ комитетахъ и продавали его вдвое дороже, набивъ, такимъ образомъ, карманы на счетъ людской нужды. Мнѣ указывали даже прямо на этихъ лицъ, но пусть они отвѣчаютъ передъ Богомъ, а я о нихъ изъ скромности умолчу.

Насущный хлѣбъ есть предметъ первой необходимости въ быту всякаго крестьянина, но на «лѣтнемъ» берегу и вообще въ Поморьѣ хлѣбу едва ли уступаетъ треска. Поморь любитъ свою трещочку до страсти, ѣсть ее круглый годъ во всѣхъ видахъ: соленую, вяленую, сушеную. Въ каждой поморской избѣ специфическій запахъ трески, какъ палкой, ударяетъ по носу. Стѣны, платья, люди—все насыщено треской; даже въѣзжаешь въ селеніе, такъ ощущаешь тресковый запахъ. Вотъ какое право гражданства завоевала себѣ въ Поморьѣ треска.

А хлѣбъ и треску надо добывать. Поэтому, ничто такъ не могло лечь въ основу матеріальной жизни сѣвернаго помора, какъ морскіе промыслы, съ которыми онъ свыкся и сроднился даже въ силу условій природы.

На «лѣтнемъ» берегу издавна укоренились слѣдующіе главные промыслы: мурманскій, сельдяной, судоходный, семужій.

Въ иныхъ они, впрочемъ, играютъ второстепенную роль и слушать подспорьемъ къ главнымъ.

Первымъ по обширности слѣдуетъ считать мурманскій отхожіи промыселъ, хотя онъ крайне неблагоприятный, тяжелый и опасный для жизни. Отъ Онеги и до самой Кандалакши этотъ промыселъ выѣдрилъ въ каждомъ побережномъ селеніи, заглянулъ даже въ сторону, въ Тунгуду. Извѣстно, что въ отхожничествѣ крѣпко держится система «покрута», система довольно выгодная для хозяина и угнетающая покручниковъ. Послѣдній беретъ часть денегъ (20—25 руб.) для дорожныхъ расходовъ, а другая (60—70 руб.) засчитывается за продовольствіе, которое необходимо для семьи зимою, до промысла. Учинивъ это, покручникъ уже попадаетъ въ полное распоряженіе хозяина. На Мурманѣ отхожникъ работаетъ при хозяйскихъ харчахъ и снарядахъ за $\frac{1}{3}$ часть улова, которая тутъ же продается хозяину и расходуется на разные соблазны. Если шняка выловить въ лѣто рыбы на 900 рублей, то изъ нихъ отчисляется 300 рублей на четверыхъ рыбаковъ и въ данномъ случаѣ говорятъ, что «покрутъ» палъ на 75 рублей. Покручники уходятъ на уловы въ океанъ за 20—30 верстъ отъ берега и тамъ бросаютъ рыболовные яруса (веревки съ крючками). На Мурманѣ уходятъ и мальчики 10—15 лѣтъ; они исключительно работаютъ на берегу, насаживаютъ на крючки маленькую рыбку (мойву, песчанку) и послѣ улововъ распутываютъ крючки.

На обратномъ пути я встрѣчалъ повозки съ покручиками. Въ каждой сидѣло по три человѣка. За разстояніе въ 50 верстъ возница

береть съ тронхъ 2 руб. 50 коп. — 3 рубля; съ дѣтей — половина. Разумѣется, гонить бѣломорское населеніе на Мурманъ не своя охота, а нужда; гонить она такой людъ, который не можетъ заработать на мѣстѣ нужныя средства и готовъ пройти тысячу верстъ, лишь бы не оставить семью безъ куска хлѣба. Не весело тянется этотъ людъ вдоль онежскаго и кемскаго побережья, переходитъ Кольскій полуостровъ и становится на работу, рискуя каждый часъ подвергнуться какой нибудь болѣзни, въ особенности ревматизму, или погибнуть въ волнахъ океана. Возвращаются домой покручники на судахъ, а зачастую, при безденежьи, пѣшкомъ. Вѣдь тѣ селенія, откуда на Мурманъ уходятъ всѣ крестьяне, считаются самыми бѣднѣйшими. Напримѣръ, Ворзогора, Малошуйка и другія съ трудомъ пропитываются отхожничествомъ, на сельское управленіе сколачиваютъ послѣдніе гроши. Мнѣ извѣстно помѣщеніе ворзогорскаго волостнаго правленія: оно самое убогое, писарь малограмотный, старшина получаетъ въ мѣсяцъ 4 рубля.

На Мурманъ съ «лѣтняго» берега уходитъ болѣе 3.000 человекъ. Раннею весною все побережье заволнуется и начинаетъ собираться въ походъ. Тогда волостныя правленія осаждаются требованіями паспортовъ. Я видѣлъ такую картину въ Сорокахъ. У волостнаго дома стояла толпа народа и требовала паспорта на временную отлучку. Отъ такого натиска волостное начальство не въ силахъ было удовлетворить всѣхъ сразу, поэтому дѣло не обходилось безъ недоразумѣній; въ воздухѣ висѣли брань, угрозы, крики, направленные по адресу старшины и его писаря ¹⁾.

Такимъ образомъ, покручникъ едва прокармливаетъ свою семью, работая 4—6 мѣсяцевъ подъ ежеминутною опасностью; онъ ловитъ, раздѣливаетъ и солить треску. Кстати о посолкѣ. Русская треска солится крайне небрежно и нечисто, отъ этого она протухаетъ и обезцѣняется. Потребителемъ такой трески является исключительно бѣдный людъ; однако, и состоятельный классъ не побрезговалъ бы треской, дайте ее только доброкачественной и невоночей; но поморъ не признаетъ за посолкой усовершенствованій и не сдается ни на какія новшества. Мнѣ извѣстенъ одинъ фактъ улучшенной посолки, но, къ сожалѣнію, дѣйствующимъ лицомъ оказался не поморъ, а скорѣе аферистъ. Это было въ Сумѣ. Я собирался на почтовой станціи ѣхать въ Кемь, какъ вдругъ вваливается какой-то субъектъ, окутанный по-дорожному въ шубу. Немного обогрѣвшись, неизвѣстный человекъ сѣлъ за самоваръ и обратился ко мнѣ:

— Откуда и куда изволите ѣхать?

Я отвѣчалъ, что уполномоченъ въ Петербургѣ объѣхать съ извѣстною цѣлью бѣломорскій край, что ѣду изъ Архангельска и направляюсь выше.

¹⁾ Подробно въ «Повѣдкѣ на Мурманъ», «Истор. Вѣстн.», мартъ 1898 г.

— Прекрасно!—привскочилъ на стулѣ незнакомецъ и подлетѣлъ ко мнѣ, протягивая руку.—Позвольте рекомендоваться: интеллигентъ города Повѣнца, Аданскій. У меня въ Питерѣ есть важное дѣло, такъ не примете ли участія въ его успѣхѣ?

— Какое же дѣло?

— Я — изобрѣтатель. Вотъ вы проѣхали Поморье и, конечно, узнали, что поморы ловятъ тамъ сельдь, семгу, навагу, дальше тоже самое узнаете, но поморь этой рыбы мало ѣсть; у него излюбленная трещочка, онъ самъ ѣсть ее круглый годъ...

— Это я хорошо знаю.

— Прекрасно. На Мурманѣ трески вылавливается до милліона пудовъ, и вся цѣна ей тамъ 1 руб. за пудъ, а въ Питерѣ—2 рубля 50 коп.

— Ну, такъ что же?

— А видите ли, треска дешева, потому что, по костности и лѣни, поморь скверно солить ее; она издаетъ зловоніе и въ желудкѣ вызываетъ тошноту. Между тѣмъ, треска — вкусная рыба и можетъ продаваться дороже, только надо умѣть ее засолить.

— Я слышалъ, есть лучший сортъ—лабарданъ.

— Лабарданъ готовится въ Норвегіи, а у насъ его нѣтъ; онъ требуетъ большихъ затратъ и отнимаетъ много времени. Нѣтъ, я изобрѣлъ способъ готовить дешево и скоро такую треску, что пальчики оближете. Два года я работалъ надъ этимъ изобрѣтеніемъ и рядомъ опытовъ добился, что можно солить прекрасную треску; она сохраняетъ вкусъ, свѣжесть, сочность, а главное — никакого дурнаго запаха. По питательности моя треска стоитъ на второмъ мѣстѣ послѣ мяса. Въ прошломъ году я приготовилъ трески 500 пудовъ и свезъ въ Питеръ. Назвавъ ее «дворянскою треской», я пустилъ объявленіе въ газетахъ и живо продалъ весь засоль по 6 рублей пудъ. Неудбно ли, посмотрите. Изобрѣтатель подалъ мнѣ вырѣзанное объявленіе.

— Что жъ, ваше изобрѣтеніе—вещь прекрасная.

— Мнѣ не слава нужна, не гордость, не авантюризмъ, я хочу принести посильную пользу нашему грубому, невѣжественному помору.

— Научите его и сдѣлаете доброе дѣло.

— Только не сразу. Я подалъ прошеніе въ министерство и ходатайствую о привилегіи на 10 лѣтъ.

«Вотъ такъ благодѣтель», подумалъ я.

— И этого довольно для помора. Черезъ десять лѣтъ я открою ему секретъ; онъ воспользуется имъ. Вѣдь вы поймите, что это для него будетъ даръ божественный, манна небесная! Богатство полъется рѣкой!—восторгался изобрѣтатель.

— Значитъ, хотите сначала сами воспользоваться даромъ и манной, подь казенной вывѣской?

— А то какъ же? Я трудился, открывалъ. Вы представьте, не одно, не два селенія, а цѣлый край процвѣтетъ, благодаря моему изобрѣтенію. Неужели въ Питерѣ меня провалятъ? Помогите, сколь возможно.

Правда, я пожелалъ ему успѣха, но при этомъ замѣтилъ, что активнаго участія оказать ему не могу, ибо съ такими дѣлами не имѣю ничего общаго. Онъ пожалѣлъ, даже какъ будто слегка обидѣлся на меня, и мы разстались.

Въ Сорокахъ я былъ въ домѣ помора Васильева и почему-то, не помню, упомянулъ фамилію изобрѣтателя «дворянской трески».

— А вы его видѣли?—вдругъ спросилъ меня поморъ.

— Да, видѣлъ въ Сумѣ,—отвѣчалъ я.

— Безъ сомнѣнія, рассказывалъ о своемъ изобрѣтеніи?—лукаво улыбался Васильевъ.

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Хитрый баринъ. Знаемъ мы его сказки.

— А что?

— Раздѣляетъ треску, вырѣжетъ хребетъ, пообчиститъ, обмоетъ и положетъ рядъ въ бочку. Потомъ посыплетъ перцемъ, натруситъ листомъ лавровымъ и залетъ разсоломъ—вотъ вамъ и дворянская треска.

— Это хорошо извѣстно?

— Чего тутъ. Онъ «аблакать», ну, по суднымъ дѣламъ морочитъ нашего брата, а насчетъ тресковой посолки насъ не оплетешь.

— Значитъ, изобрѣтеніе—не новость?

— Старая пѣсня. Я, да и другіе поморы приготовляемъ немного такой трески для себя; мы ее называемъ русскимъ лабарданомъ. Ужо хозяйка принесетъ; откушайте—какъ она вамъ понравится.

Треску подавали въ вареномъ видѣ; я ѣлъ, и она показалась мнѣ довольно вкусною, безъ всякаго специфическаго запаха.

Несомнѣнно, русскій лабарданъ вполне можетъ конкурировать съ нѣкоторыми солеными рыбами нашихъ южныхъ водъ. Только, какъ говорятъ, онъ скоро портится; если это правда, то, при усовершенствованіи способа, вѣроятно, возможно будетъ избѣжать органическихъ разложеній въ рыбѣ, увеличивая для посолки количество поваренной соли и прибавляя въ нее другія соли, застраховывающія рыбу отъ гніенія. Бѣда въ томъ, что наши поморы уклоняются отъ этой посолки, отговариваясь тѣмъ, что съ нею возни много, а иной разъ время горячее, каждая минута дорога.

Слѣдовательно, г. Аданскій Америки въ мурманской трескѣ не отрылъ; его «дворянская треска» извѣстна всѣмъ поморамъ, но если она не засаливается повсемѣстно, то благодаря невѣжеству нашихъ рыбаковъ и вообще тѣмъ старымъ традиціямъ, которыя выбить изъ ихъ головы весьма трудно.

За мурманскимъ, по распространенности, слѣдуетъ сельдяной про-

мысль; онъ прежде всего развить въ Онежской губѣ, потому что сельдь любить эту губу, какъ защищенную отъ вѣтра островами, и набивается въ нее тучами. Промысль охватываетъ все населеніе Кянды, Тамицы, Покровскаго и отчасти Ворзогоры. Покровское является средоточіемъ лововъ. Сюда приходятъ поморы, располагаются съ сѣтями и проживаютъ во временныхъ станахъ. Сельдь ловится зимою, и для лова предпочитается небольшой неводъ, стоимостью въ 10—15 рублой. Неводемъ управляютъ 3—4 рыбака съ одною лошадыю. Снарядъ опускается въ большую прорубь и привязывается къ шестамъ, которые посредствомъ отверстій протаскиваются и тянутъ за собою подо льдомъ неводъ. По словамъ поморовъ, въ этомъ районѣ на худой конецъ вылавливается до 20 тысячъ пудовъ. Сельдь замораживается и въ свѣжемъ видѣ продается по 1—2 рубля за пудъ торговцамъ, пріѣзжающимъ изъ Вологодской губерніи. При обильныхъ уловахъ, зимою сельдь грудями валяется по берегу, такъ что иногда путникамъ приходится прямо ѣхать по сельдямъ, а весною, за недостаткомъ соли, сельдь подвергается гніенію, страшно разлагается и служить вкусной приманкой для птицъ, которыхъ слѣтаются цѣлыя стаи.

Мнѣ случилось говорить съ поморами о нуждахъ сельдянаго промысла.

— Очень мы горюемъ на счетъ соли,—говорятъ они,—да пособить горю некому. Кабы посолочку дѣлать, такъ поставилъ бы нашу кормилицу въ бочкахъ и выжидай хорошихъ цѣнъ, а то заморозимъ ее и торопимся продать. Долго селедку держать нельзя—тронется, а покупателямъ это на руку, и что даютъ, то и бери. Бываетъ истинное несчастье съ ней. Словимъ сотни пудовъ, а покупателя нѣтъ, начнетъ пропадать на берегу и много ея гнѣтъ тамъ разомъ.

Я предложилъ брать ненокскую соль, производимую въ посадѣ Неноксѣ, но поморы отрицательно замотали головами.

— Несподручна она для насъ; высока въ цѣнѣ. На мѣстѣ, скажемъ, 25 коп. пудъ, да за провозъ уплати, а что толку? Ненокская соль вареная, мелкая и неспорая, вали ея, сколько хопь.

— Какая же по-вашему выгоднѣе?

— Норвежская, баринъ. Эта соль дешевая, крупная и крѣпкая въ посолкѣ—одно слово важнецкая.

Дальше я узналъ отъ поморовъ, что имъ крайне желательно имѣть въ Покровскомъ или другомъ селеніи ссудный магазинъ, на подобіе продовольственныхъ комитетовъ, существующихъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Поморья, однако съ тѣмъ, чтобы продажа соли была по заготовительнымъ цѣнамъ, безъ всякихъ осложнений и проволочекъ, отнюдь не такъ, какъ продается въ комитетахъ хлѣбъ, для покупки котораго надо пройти немало формальностей и притомъ приходится уплачивать за кулъ дороже на 2—3 рубля противъ частнаго хлѣба.

Хотя поморы и настоятельно заявляютъ подобныя желанія, но сами не вѣрятъ въ ихъ осуществленіе и говорятъ, что такой «благодати» имъ не дождаться, а какъ Богъ дастъ ихъ внукамъ.

Къ Онегѣ и за нею до Сумы сельдяной промыселъ исчезаетъ, а отъ Сумы снова появляется и обнимаетъ всѣ селенія, расположенныя въ Сумской и Сорокской губахъ. Въ Сумскимъ посадѣ и селѣ Сорокахъ промысломъ занимается только часть населенія, но въ селеніяхъ Вирмѣ, Шижнѣ, Сухонаволокъ ловятъ сельдей поголовно всѣ поморы. Здѣсь ловятъ сельдь большими неводами въ 12 человекъ съ двумя лошадьми. Зброшенные снаряды ведутся другъ къ другу навстрѣчу, поэтому, если сельдь пойметъ свою ловушку и вздумаетъ удирать отъ одного невода, то попадаетъ въ другой. Вылавливается въ годъ болѣе 15 милліоновъ штукъ. Такъ принято опредѣлять уловъ потому, что продажа производится поштучно, за 1000 штукъ берутъ 1—3 рубля. Цѣны мѣняются отъ величины рыбы и времени лова. Продають сельдь также въ замороженномъ видѣ; впрочемъ есть посолка въ Сорокахъ, но небольшая: солятъ только для себя. Соленую сорокскую селедку не хвалятъ. Однако я пробовалъ ее опускать въ отварный уксусъ, и чрезъ сутки она была мягче и на вкусъ пріятнѣе. Конечно, до маринадовъ поморамъ далеко, хотя бы занимались сносной посолкой, да насчетъ соли здѣсь такая же нужда, какъ въ покровскомъ районѣ: на мѣстѣ соли нѣтъ, а покупать ее на сторонѣ баснословно дорого.

Далѣе сельдяной промыселъ хотя и пропадаетъ, но зато отъ Керети и вплоть до Кандалакши возобновляется въ большей степени. Въ селеніяхъ Керети, Княжегубьѣ, Ковдѣ и Кандалакшѣ бываютъ обильные уловы. Нерѣдко, во время пути вокругъ сѣвернаго полюса, сельдь подвергается нападенію со стороны хищной рыбы— акулы или кита; тогда она, спасаясь, тучами несется въ море, а при дальнѣйшемъ преслѣдованіи ищетъ уже спасенія въ заливахъ; въ ближнихъ губахъ къ указаннымъ селеніямъ сельди набивается такая тѣма, что, по словамъ поморовъ, поставленная у берега палка не можетъ лечь горизонтально на воду. Въ это время рыбаки прибѣгаютъ къ самому несложному и легкому способу лова: ставятъ противъ хода сельди сѣтку съ мѣшкомъ, а впереди опускаютъ днище изъ лучины; сельдь идетъ по днищу и даетъ возможность наблюдать за количествомъ, какое вошло въ сѣтку. Глазъ рыбака зорко смотритъ за вошедшей рыбой, и сѣтка вытаскивается во время, иначе излишекъ попортитъ все дѣло—сѣтка порвется и вся сельдь уйдетъ. Въ этомъ районѣ сельдь ловится въ лѣтнюю пору, съ апрѣля до октября. Понятно, оставить ее до покупателя въ свѣжемъ видѣ, значитъ завѣдомо дать ей гнилость и порчу, поэтому сельдь солятъ сами промышленники и уловы считаютъ боченками.

Здѣсь тоже имѣетъ важное значеніе соляной вопросъ. Безъ соли съ промысломъ дѣло очень плохое, а пріобрѣтать ее трудно.

— Сильно горюють наши рыбаки насчетъ соли,—пояснялъ мнѣ одинъ поморь.—Кто побогаче, запасаетъ норвежскую соль—«шпанку»; она продается въ Архангельскѣ; бѣдные же покупаютъ въ своемъ «упрекціонномъ» магазинѣ, гдѣ соль въ продажѣ одна—русская, что вывариваютъ въ Ненокскомъ посадѣ.

— Я слышалъ, ненокская соль дорогая?

— Не въ цѣнѣ дѣло. Отъ русской соли сельдь темнѣетъ, дѣлается мозглой, кислой и вдобавокъ покрывается плѣсенью и грибами. Посоленная норвежской солью, сельдь не портится и держитъ въ себѣ пріятный вкусъ. Покупатель сталъ пугать промышленника, ежели онъ будетъ солить рыбу русскою солью.

— Это какъ же?

— Сторонитса непрочной сельди, говоритъ, солите шпанкой, а то брать не будемъ, потому что много гибнетъ сельди зря въ дорогѣ отъ посолки русской солью. Наказаніе съ этимъ засоломъ.

Такъ или иначе, но все-таки въ этихъ селеніяхъ ежегодно вылавливаютъ сельдей до 150 тысячъ боченковъ, причемъ въ Канда-лакшѣ дѣлаютъ и самые боченки для своего и другихъ селеній, около 50 тысячъ штукъ.

Судоходство разбросано по всему «лѣтнему» берегу. Въ иныхъ селеніяхъ оно заключается въ 2—4 судахъ и служитъ вспомога-тельнымъ промысломъ, но въ селеніяхъ Нюхчѣ, Сорокахъ, Шуѣ, посадѣ Сумѣ и городахъ Онегѣ и Кеми судоходство составляетъ одно изъ главныхъ занятій населенія. Въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ наберется до 25—30 судовъ. Въ отношеніи сплава груза замѣчается нѣкоторая обособленность. Одни суда забираютъ въ Архангельскѣ хлѣбъ и везутъ для обмѣна на рыбу въ Норвегію, т. е. занимаются такими же отраслями, какъ и мудьюжскія суда. Хозяева другихъ вербуютъ покручниковъ и отправляютъ ихъ на Мурманъ; тамъ даютъ снаряды и промысловыя суда для лова трески и палтусины; выловленную рыбу солятъ и грузятъ въ большія суда, а потомъ отправляютъ на архангельскіе рынки. Третьи суда, напри- мѣръ, Демидовыхъ въ Сумѣ, скупаютъ рыбный товаръ у вольныхъ промышленниковъ и доставляютъ въ Петербургъ. Одинъ поморь Ф. Воронинъ даже плаваетъ на своемъ суднѣ, съ наемными матросами, на Новую Землю и тамъ промышляетъ тюленями, гольцемъ (рыбой) и гагачимъ духомъ. Обильная добыча соблазнила и другихъ поморевъ, такъ что, по примѣру Воронина, хотѣли отправиться туда еще четверо промышленниковъ. Иныя же суда въ Кеми вовсе не возятъ хозяйскаго груза, а отдаются подъ фрахтъ съ платою: отъ Кеми до Архангельска 6—8 коп. съ пуда, до Норвегіи—12 коп., отъ Архангельска до Петербурга 35 коп.

По навигаціямъ судно добываетъ весьма неравномѣрно: 300—1000 рублей. Такое рѣзкое колебаніе находится въ прямой зависимости отъ цѣнъ на архангельскую муку и норвежскую рыбу. Вообще

судоходство поставлено въ такія же тяжелыя кредитныя условія, какъ и въ Мудьюгѣ.

Онежскія суда, кромѣ того, приписываютъ себѣ еще неудобство—плаваніе въ Онежской губѣ. Суда стоятъ вдали отъ Онеги. Удалены они отъ города по той причинѣ, что ближе къ берегамъ лежитъ много подводныхъ банокъ. Банки—это одна опасность, но есть другая, болѣе существенная. Онежская губа изобилуетъ островами. Лавировать между ними трудно и крайне рискованно, но въ послѣднемъ случаѣ досадно то, что опасность усугубляется отсутствіемъ маяковъ. Ночью и въ туманъ судамъ приходится идти почерепашьи и наощупь. Это такъ важно для мореплавателей, что на самыхъ главныхъ пунктахъ судохозяева на свой счетъ уже установили маяки. Дѣйствительно, въ Онежской губѣ есть гдѣ заблудиться. Въ ней насчитывается до 50 острововъ, дикихъ и совсѣмъ необитаемыхъ. Несмотря на то, что эта группа острововъ нагоняетъ страхъ на парусныя суда, она даже принуждаетъ быть осторожнѣе и товаро-пассажирскіе пароходы, дѣлающіе рейсы по онежскому берегу съ весны до заморозковъ. Здѣсь пароходъ зачастую двигается малымъ ходомъ, нерѣшительно, какъ бы робѣя идти впередъ, и бросаетъ якорь противъ селеній, за 6—8 верстъ, а на онежскомъ рейдѣ становится въ 12 верстахъ отъ города. Даже при такой осторожности и при опытности капитановъ изъ поморовъ, хорошо извѣдавшихъ Бѣлое море, не обходится безъ промаховъ. Въ лѣто, когда мнѣ случилось проѣзжать по Поморью, пароходъ «Чижовъ» потерпѣлъ аварію въ онежскихъ островахъ, и я видѣлъ его въ соловецкомъ докѣ съ обломаннымъ винтомъ и сильно помятымъ килемъ. Много говорятъ о неудобномъ плаваніи въ указанной губѣ, но, къ сожалѣнію, говоръ этотъ остается гласомъ вопіющаго на онежскихъ островахъ.

Есть на лѣтнемъ «берегу» и такія суда, которыя занимаются исключительно перевозкой соли—это суда въ посадѣ Неноксѣ. Они небольшія, посадка мелкая, по типу клипера; ихъ насчитывается всего пятнадцать. Суда зимуютъ на р. Неноксѣ, такъ какъ стоятъ въ морѣ опасно по причинѣ частыхъ бурь; поэтому здѣсь и не заводятъ большемѣрныхъ судовъ. Плаваніе совершается только между посадомъ и Архангельскомъ. За провозъ берутъ четыре коп. съ пуда, такъ что каждое судно зарабатываетъ въ навигацію 100 р., исключая ремонта и содержанія матроса.

Всего отъ «лѣтняго» берега плаваютъ болѣе 300 мореходныхъ судовъ, съ отважнымъ и неустрашимымъ экипажемъ, состоящимъ большею частью изъ собственной семьи и родственниковъ судовладельца. Ежегодно суда теряютъ людей и, кажется, только въ Поморьѣ имѣетъ мѣсто такое безъисходное горе, какое мнѣ приходилось видѣть и слышать въ несчастныхъ семействахъ. Въ Соркахъ я посѣтилъ вдову Ольгу Антонову съ четырьмя дѣтьми. Мужъ

ея Андрей возвращался домой на своемъ клиперѣ и утонулъ вмѣстѣ съ племянникомъ и тремя сыновьями. Словомъ, въ селеніяхъ, гдѣ держатся судоходный и мурманскій промыслы, рѣдкая семья не оплакиваетъ когонибудь изъ своихъ членовъ, погибшихъ въ волнахъ студенаго моря.

Тонуть люди, немало гибнетъ и груза. Въ Онегѣ, какъ и въ Мудьюгѣ, я возбуждалъ вопросъ о страхованіи судовъ.

— Была попытка, — говорилъ судохозяинъ Пахомовъ, онъ же учитель шкиперскихъ классовъ.

— Я слышалъ, уставъ писали?

— Писали и посылали на утвержденеіе.

— Что же вышло?

— Да, и понынѣ ни слуху, ни духу. Надо полагать, составленъ былъ неумѣло, своеобразно, неграмотно, потому и остался втуне. Не было указано ни способовъ скрѣпленія, ни выбора оцѣнщиковъ, ни классификація судовъ—какой это уставъ!

Я сообщилъ, что по Поморью собираются подробныя свѣдѣнія вырабатывается нормальный уставъ, и, вѣроятно, общество въ недалекомъ будущемъ откроетъ двери.

— Это хорошо, — сказалъ тотъ же Пахомовъ. — Коли въ Питерѣ взялись за наше дѣло, то будетъ толкъ.

Отъ судоходства перейду къ семужьему промыслу.

Семужьи уловы даютъ хорошій заработокъ населенію. Семга — это цѣнный продуктъ. Ловы установились какъ-то въ отдѣльныхъ пунктахъ и собою не группируютъ селеній. Ловится семга въ Онегѣ, Сумѣ, Кеми, Керети и Кандалакшѣ. Попадается и въ другихъ мѣстахъ, но случайно. Прибыльно ловить семгу заборомъ. Загораживаютъ стѣною рѣку и устраиваютъ два-три тайника, куда семга и попадаетъ, тѣсясь около стѣны. Въ тайники ея набивается столько, что приходится вынимать ее два раза въ сутки — утромъ и вечеромъ. На керетскомъ и кемскомъ заборахъ вылавливается семги до 2.000 пудовъ; лѣтомъ она сбывается по 5 руб., весной — 10 руб. пудъ.

Въ Ковдѣ и Кандалакшѣ также были заборы, но съ устройствомъ вблизи нихъ лѣсопильныхъ заводовъ по рѣкамъ стали сплавлять лѣсъ, и заборы разрушены.

Заборы принадлежали обществу, сдавались въ аренду и уничтожены, какъ говорили крестьяне, незаконно. Арендовали заборы мѣстные поморы, и общество платой погашало всѣ сборы. Теперь ловятъ семгу на взморѣѣ сѣтками и вылавливаютъ, вмѣсто прежнихъ 500 пудовъ, лишь 200 пудовъ.

Въ Онегѣ и Сумѣ ловятъ семгу на порогахъ также сѣтками. Берутъ снарядъ и становятся на двухъ карбасахъ по одному человѣку; сѣтку волочатъ между карбасами и, по ощущеніи въ ней добычи, моментально поднимаютъ. Такъ какъ семга нѣжна, то въ

свѣжемъ состояніи скоро «продыхаетъ» и требуетъ немедленной послонки. Поэтому рыбаки сами солятъ семгу въ бочкахъ, кладя на пудъ рыбы 5—6 ф. «аглицкой» соли. Надо отдать справедливость онежанамъ, что они прекрасно освоились съ послонкой; ихъ семга считается довольно вкусной, особенно осенью, когда она едва ли уступаетъ кузоменской, извѣстной въ столицахъ и центральныхъ городахъ подъ именемъ «ворзогской».

Онежская семга продается 8—12 руб. пудъ, а вылавливается ея на обоихъ порогахъ до 1.000 пудовъ. Семга доставляется въ судахъ на архангельскіе рынки, но возятъ и въ Петербургъ чрезъ Финляндію сухопутьемъ.

Къ менѣе распространеннымъ промысламъ относятся наважій, извозный, соляной и звѣриный.

Ловами наваги занимаются поголовно доонежскія селенія Сюзьма и Красногорка и за Онегою—Нюхча, Колежма, въ каковыхъ селеніяхъ вылавливается болѣе 10.000 пудовъ. Ловы производятся съ ноября по апрѣль у береговъ моря неводами и мережами. Рыбаки не заботятся о сбытѣ своихъ улововъ; къ нимъ пріѣзжаютъ изъ Каргополя скупщики и забираютъ всю рыбу, платя за сотню 50—70 коп. Мороженая навага упаковывается въ возахъ и везется обоими въ Петербургъ. По большому тракту отъ Вологды до Архангельска я встрѣчалъ много обозовъ и на вопросъ: что везете?—часто получалъ отвѣтъ: — «навагууу!» Собственно говоря, навага ловится почти по всему побережью, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что не составляетъ главнаго промысла. Въ Вирмѣ, Шуѣ ловится до 100—200 пудовъ и больше употребляется въ пищу самими крестьянами.

Извозный промыселъ держится за Кемью, въ селеніяхъ Поньгомѣ и Лѣтнерѣцкомѣ; онъ заключается въ содержаніи земскихъ станцій; поморы содержатъ ихъ всѣмъ селеніемъ и возятъ по очереди. Съ нѣкоторыхъ поръ стали появляться отдѣльные контрагенты и часто отбиваютъ хлѣбъ отъ крестьянскихъ обществъ.

— Вотъ и теперь становой пріѣхалъ съ кѣмъ-то,—разсказывалъ мнѣ ямщикъ, выѣзжая изъ Лѣтнерѣцкаго.—Сидятъ передъ торгами, угощаются. Поди-ка, сунься наше общество—прогонятъ.

— Для торговъ двери каждому открыты,—замѣтилъ я.

— Такъ-то оно такъ, да, скажутъ, опоздали, торги кончены, и станція оставлена за какимъ нибудь богатымъ поморомъ.

— А вы бы являлись къ сроку.

— Да, неужто не являемся! Придемъ куда какъ рано, такъ не гоже; говорятъ, спозаранку забрались. Придемъ попозже—опять неладно; скажутъ—прозѣвали. Вы, толкуютъ намъ, время соблюдаете по солнышку, а мы по часамъ. Такимъ манеромъ и обводятъ насъ, грѣшныхъ.

Дальше слушать ямщика становилось—«чѣмъ дальше въ лѣсъ,

тѣмъ больше дровъ». Выплывали такіе возмутительные порядки, что не вѣрилось, могутъ ли они имѣть мѣсто даже въ мѣдвѣжьихъ углахъ.

Затѣмъ, охотою на морского звѣря ¹⁾ занимается одно ближайшее къ Архангельску селеніе, Солза. Здѣсь все населеніе составляетъ одну артель, которая имѣетъ неводъ, стоящій 1.200 руб. Неводомъ исключительно ловятъ бѣлухъ, при помощи двѣнадцати карбасовъ. Продается до 800 пудовъ, по 1 руб. 25 коп. за пудъ.

Также и выварка соли производится въ одномъ пунктѣ — посадѣ Неноксѣ.

Въ бытность мою въ посадѣ я спрашивалъ о положеніи промысла солеваровъ.

— Соляные колодцы во владѣніи всего общества, — рассказывалъ одинъ изъ нихъ. — Варимъ соль по очереди, каждый можетъ выварить до 1.000 пудовъ.

— Какъ же продаете?

— А до этого мы не касаемся. Общество даетъ намъ цирены, ему и соль сдаемъ по 19 коп. съ пуда. Оно складываетъ соль въ амбары, а потомъ лѣтомъ везетъ въ Архангельскъ и продаетъ изъ своей лавки по 28 коп. пудъ. Въ своихъ циренахъ варятъ соль только братья Ласкины, у нихъ и колодезь свой имѣется. Этимъ дѣломъ они занимаются постоянно, зато и вывариваютъ до 7.000 пудовъ.

— Соль обязательно сдаете обществу?

— Иначе нельзя; мы у него на корму.

— Это какъ же?

— У общества своя лавка въ посадѣ съ провизіей, мы и беремъ изъ нея въ счетъ заработка.

— Разумѣется, провизія дорогая и недоброкачественная?

— Вѣрно, отгадалъ, баринъ! — засмѣялись солевары.

«Чего тутъ отгадывать, — подумалъ я, — когда каждому извѣстно, что подобная спекуляція царитъ повсюду въ Россіи». Я мысленно удивлялся только тому, какъ могла проникнуть эта спекулятивная язва въ такое глухое, отдаленное мѣстечко, какъ Ненокскій посадъ.

Далѣе въ объясненіи солеваровъ, какъ и въ извозномъ вопросѣ, было «больше дровъ». Солевары не знаютъ, сколько получаетъ за «хлопоты» управляющій соляными операціями, кто ему выдаетъ содержаніе, какая сумма отпускается работникамъ за соль, сколько прибыли даетъ овощная лавка и соляной магазинъ — словомъ, о какомъ либо контролѣ они и понятія не имѣютъ. И это творится при всемъ томъ, что ненокшане работаютъ до седьмого пота и въ матеріальной жизни едва сводятъ концы съ концами.

Есть на «лѣтнемъ» берегу еще нѣсколько промысловъ, но они

¹⁾ Порода тюленей.

второстепенные и неважные. Крестьяне уходятъ въ Соловки на сѣнокосы и ловятъ для братіи рыбу, нанимаются въ матросы для каботажнаго плаванія, отправляются на лѣсныя заготовки, строятъ промысловыя и мореходныя суда, охотятся на оленей, куропатокъ, рябчиковъ, лисицъ, куницъ. Изъ этихъ промысловъ слѣдуетъ упомянуть о жемчужномъ; имъ занимаются въ Кандалакшѣ и Керети. Жемчужныя раковины добываютъ въ ближайшихъ рѣчкахъ. Жемчугъ частью продаютъ скупщикамъ на мѣстѣ, частью оставляютъ себѣ. Въ праздничный день въ Кандалакшѣ можно видѣть немало женщинъ съ жемчужными подвѣсками и въ шелковыхъ косынкахъ, унизанныхъ жемчугомъ.

IV.

Изъ Кандалакши я отправился на Терскій берегъ, по Лапландскому полуострову. Терскій берегъ во многомъ похожъ на берегъ, что лежитъ за Мудьюгой, т. е. послѣдній относится къ первому, какъ копія къ оригиналу, съ небольшими отступленіями, а именно: на замудьюжскомъ берегу селенія водворились рѣже, и самый берегъ пространствомъ меньше; промыслы менѣе развиты, и народъ бѣднѣе.

Природа на терскомъ берегу мертва и дика. Зимой здѣсь ѣздятъ исключительно на оленяхъ. Положимъ, олень начинается съ Кеми, но тамъ до Кандалакши онъ служитъ для обихода, а въ извозъ не пускается. Какъ слабосильное животное, олень запрягается въ самыя легкія кережи, да берется про запасъ нѣсколько другихъ, на тотъ случай, чтобы смѣнить усталого. Отработавшіе олени прямо оставляются въ пути, а при возвращеніи ихъ подбираютъ. Тамъ на оленяхъ не лишена интереса. Приѣдешь на станцію и ждешь повозки 2—4 часа. Въ это время лопарь розыскиваетъ оленей въ тундрѣ. Найдя свое стадо, лопарь гикаетъ, но не на оленей, а на собакъ, которыя окружаютъ стадо и лаемъ гонятъ его въ деревню. Здѣсь выбираютъ олени для извоза, при чемъ болѣе сильныя и выносливыя запрягаются, смотря по важности проѣзжающаго. Затѣмъ, повозка трогается. Впереди непременно идетъ лопарь въ оленьемъ совикѣ и понуждаетъ оленя длиннымъ пестомъ; только понуждаетъ, но не управляетъ, ибо олень бѣжитъ самъ по узкой набитой тропѣ. Вотъ передовой олень видитъ вдали кустъ или кочку и вдругъ шарахается въ сторону, за нимъ остальные; олени вязнутъ въ снѣгу и опрокидываютъ кережи. По трусливости и пугливости оленя, это въ дорогѣ случалось часто, но паденія не имѣютъ особенныхъ послѣдствій.

Лѣтомъ по терскому берегу сообщеніе поддерживается на пароходахъ, а на карбасахъ переправляются лишь поморы, какъ народъ отважный, свыкнувшійся съ моремъ. Изъ недавнихъ путешественниковъ весь берегъ отъ Кандалакши до Шоноя проѣхали въ лодочкѣ

только двое: какой-то англичанинъ и начальникъ архангельскаго лѣснаго управленія, почтенный старикъ, С. П. Гоппенъ. Съ послѣднимъ я видѣлся въ Архангельскѣ и отъ него узналъ, что путь этотъ чрезвычайно опасенъ. Малѣйшій вѣтеръ заставляеть искать спасенія у береговъ, а берега скалистые и преимущественно отвѣсные, такъ что выйти на сушу затруднительно. У береговъ держаться тоже не сладко—прибой волнъ. Неудачно направленный карбасъ ударить о скалу—и кончено.

На 500-верстномъ разстояннн берега водворилось лишь 16 селеній, въ нихъ болѣе 400 дворовъ и около 3.000 жителей обоого пола. Избы курныя, зарыты въ снѣгахъ; населеніе ничѣмъ не отличается отъ прочихъ поморовъ. Церквей на весь берегъ восемь, а школъ, кажется, три.

О земледѣліи, конечно, нѣтъ и помина, даже сѣнокосы большею частью искусственные,—расчищаются и унавоживаются. Хлѣбъ покупають отъ частныхъ торговцевъ по 8—9 р. кулъ.

Оленеводство здѣсь порядочное. Помимо извоза, мясо оленя идетъ въ пищу, а кожа—на одежду, и продается скупщикамъ.

Селенія Терскаго берега можно раздѣлить на двѣ группы съ главными селами. Въ первой группѣ семь селеній ¹⁾, съ с. Кузоменемъ, а во второй девять ²⁾, съ с. Пономемъ.

Села Кузомень и Поной—съ красивыми храмами. Въ обоихъ проживають административныя власти и ведется торговля хлѣбомъ, рыбой, солью. Оба зажиточныя, но Поной въ этомъ отношеніи могъ бы стать выше. Горе въ томъ, что на селѣ процвѣтають два кабака; они-то и распатывають экономическіе устои населенія.

Изъ промысловъ на Терскомъ берегу заслуживають вниманія два—тюлений и семужій. Морскихъ звѣрей бьють въ каждомъ селеніи отъ 100 до 500 шт., точно такимъ же способомъ, какъ и на «зимнемъ» берегу.

Я спрашивалъ въ Умбѣ о звѣриномъ промыслѣ.

— Тюленья добыча прибыльная,—разсказывалъ одинъ промышленникъ.—Звѣрь приплываетъ къ берегамъ на льдинахъ и реветъ—за пять верстъ слышно. Поморы выходятъ артелями и бьють палками. Попадается больше лысунъ и бѣлякъ. Лысунъ—тотъ же тюлень, только поменьше и шерсть помягче, а бѣлякъ—новорожденный тюлень; шерсть у него бѣлая, чрезъ двѣ недѣли выпадаетъ, и бѣлякъ становится сѣрымъ.

— А насчетъ нерповъ какъ?

— Нерповъ и зайцевъ у насъ ловяť сѣтками.

— Это какіе же зайцы?

¹⁾ Перегуба, Умба, Кузрѣка, Оленницы, Сальница, Кашкаранцы.

²⁾ Чавонга, Тетрино, Стрѣльна, Чапома, Пялица, Пулоньга, Сосновка, Варзуга.

— Межь нерповъ иные попадаются съ усами—вотъ мы ихъ и называемъ зайцами.

— По какимъ цѣнамъ продаете звѣрей?

— Кожу и сало продаемъ купцамъ штуками по 5—7 р. пудъ. На штуку полагается самецъ или самка съ дѣтенышемъ, или три дѣтеныша. Тюлень вѣситъ 20, лисунъ 7, нерпъ 3—5 и бѣлякъ 1 пудъ.

Ловомъ семги занимаются по всему побережью. Кромѣ обыкновенныхъ способовъ—сѣтки, забора, ловятъ здѣсь поамерикански—завѣскою. Такой способъ практикуется исключительно на морѣ. Завѣска—это сѣтчатая стѣнка, идущая отъ берега въ море на 25 саж., затѣмъ подъ прямымъ угломъ идетъ такая же стѣнка. Въ углу опускается мережа безъ обручей, или, вѣрнѣе, мѣшокъ, обращенный отверстіемъ къ первой стѣнкѣ. Рыба плыветъ у берега, ударяется въ сѣтку и, проходя вдоль стѣнки, попадаетъ въ уголъ, т. е. въ мѣшокъ.

Этотъ снарядъ заимствованъ поморами у рыбаковъ, работавшихъ отъ общества «Рыбакъ», которое рыбачило въ сѣверныхъ водахъ усовершенствованными снарядами, но теперь исчезло.

Въ каждомъ селеніи налавливается семги до тысячи пудовъ, но въ Кашкаранцахъ, Умбѣ, Оленницахъ ловятъ гораздо болѣе. Больше промыселъ процвѣтаетъ на рѣкѣ Варзугѣ, гдѣ поморы селеній Кузомена и Варзуги вылавливаютъ до 10 тыс. пудовъ.

Въ Кузоменѣ я встрѣтился, между прочимъ, съ однимъ старожиломъ.

— Говорятъ, у васъ самая вкусная семга?

— Да, хвалить и цѣны даютъ хорошія, 14—16 р. пудъ,—отвѣчалъ старожиль.

— Почему это такъ?

— А семга, видите ли, любить варзугскую воду, заходить ея сюда много, и живетъ она здѣсь, какъ дома; гуляетъ мало и поэтому становится жирнѣе. Къ тому же дно въ рѣкѣ песчаное и разной нечисти не водится, какъ въ другихъ рѣкахъ; семга не питается ею и потому не портитъ своего вкуснаго мяса.

— Долго семга держится въ рѣкѣ?

— Съ мѣсяцъ и больше, пока не вымечетъ икру. Съ моря она приходитъ толстая, красная, а ежели которой случится уйти отъ улова, то уходитъ обратно тощая, вялая и мясомъ бѣлая.

— Большіе бываютъ уловы?

— Здѣсь много ловится семги; поморы варятъ ее въ ухѣ и сѣбдаютъ столько, что въ другомъ селеніи наловятъ меньше для продажи.

— А сбываютъ на мѣстѣ?

— Да, скупщикамъ. Больше этимъ занимаются купцы Заборщиковы; у нихъ для доставки семги въ Архангельскъ есть и свои

суда; они же отправляютъ рыбный товаръ и сухопутно на Княжегубе въ Финляндію.

За Поноемъ уже начинается Мурманскій берегъ и Ледовитый океанъ.

Обратно я ѣхалъ тѣмъ же путемъ. Начинаясь весна. По Терскому берегу хоть бы одна живая душа повстрѣчалась, зато отъ Кандалѣкши и по всему «лѣтнему» берегу сплошь да рядомъ попадались знакомые отхожники, идущіе на мурманскіе промыслы. Обыкновенно покручники тянулись вереницей сзади клячи, еле двигающейся съ нагроможденными пожитками. Посинѣлые, продрогшіе отъ стужи, люди ясно свидѣтельствовали о томъ, какъ трудно добывается ими насущный кусокъ.

Изъ Архангельска до Вологды я возвращался старой дорогой, на лошадахъ, около 800 верстъ. Здѣсь трактъ почтовый широкій, гладкій, съ хорошими лошадами и удобными станціями.

Въ общемъ Поморье оставило во мнѣ неизгладимые слѣды сожалѣнія о немъ. Сколько покоится въ нѣдрахъ горъ его металловъ и минераловъ, сколько сокрыто въ морѣ продуктивныхъ богатствъ! Однако, въ горахъ совсѣмъ не стучить ломъ, а способы морской добычи такъ стары и невѣжественны, что лишаютъ крупныхъ выгодъ производителей и даже вредятъ самымъ промысламъ.

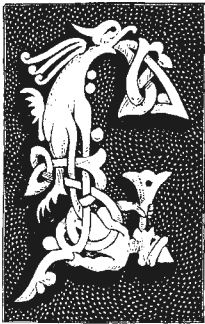
Надо помнить, что Поморье не Мурманъ, колонизуемый съ грѣхомъ пополамъ; Поморье живетъ вѣка со своимъ кореннымъ историческимъ населеніемъ и поэтому болѣе заслуживаетъ вниманія, чѣмъ Мурманское побережье.

А. Слезкинскій.

ТРИДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ГРАФА Е. А. САЛІАСА.

ТЪ НЕБОЛЬШИМЪ тридцать пять лѣтъ тому назадъ появилась въ «Современникѣ» повѣсть, озаглавленная «Тьма» и подписанная псевдонимомъ «Вадимъ». По содержанію повѣсть эта представляетъ «исторію маленькаго человѣка» и заключаетъ въ себѣ яркую характеристику семейныхъ порядковъ и зависящихъ отъ нихъ воспитательныхъ пріемовъ свѣтскаго общества. Изображается семья, подобная которой въ этой средѣ можно наблюдать очень часто, хотя нормальнымъ ея строй называть никакъ не приходится: отецъ полуневѣжественный человѣкъ съ какими-то обрывками знаній, вынесенныхъ изъ юнкерской школы, конечно, очень мало понимаетъ въ дѣлѣ воспитанія, отъ котораго совсѣмъ отстраняется мамаша, барыня, имѣющая двухъ любовниковъ въ томъ же хорошемъ обществѣ, причемъ одинъ изъ нихъ постоянно получаетъ отъ нея деньги для уплаты своихъ многочисленныхъ долговъ, а другой эти деньги доставляетъ. Конечно, дѣти оказываются при этомъ заброшенными, ими интересуются только, какъ предметомъ забавы, и настоящею ихъ воспитательницею является добрѣйшая старушка-няня. Изъ четверыхъ дѣтей въ особенно печальномъ положеніи находится старшій сынъ, мальчикъ въ сущности совсѣмъ не глупый, очень добрый и искренній, но почему-то нелюбимый отцомъ, который постоянно надъ нимъ издѣвается, называя его идиотомъ и приписывая ему всякія дурныя нравственныя качества. Чтобы исправить мнимаго преступника, его отдають въ пансіонъ учителя Дробилина, извѣстнаго сво-

имъ звѣрскимъ обращеніемъ съ дѣтьми. Этотъ образцовый педагогъ видитъ главное средство нравственнаго воздѣйствія въ розгахъ и своими жестокими мѣрами доводитъ бѣднаго мальчика до воспаленія мозга, которое разрѣшается смертельнымъ исходомъ.

Эта въ сущности очень несложная тема разработана авторомъ прекрасно: кромѣ общественно-обличительной стороны (необходимой въ 60-хъ годахъ и особенно въ «Современникѣ»), весьма любопытною является въ повѣсти психологія дѣтей, хотя въ этомъ отношеніи для нея образцомъ могли служить «Дѣтство» и «Отрочество» графа Л. Н. Толстого; самую же важную особенность повѣсти надо признать задушевность изложенія, благодаря которой чувство автора невольно передавалось читателямъ. Произведеніе начинающаго писателя нашло сочувственную оцѣнку такихъ авторитетныхъ судей, какъ Огаревъ и Герценъ.

Въ письмѣ къ матери автора, гр. Е. А. Салиаса, Огаревъ выражается такимъ образомъ.

«Прежде всего хочу васъ спросить объ одномъ: «Тьма», повѣсть въ «Современникѣ»—Женни? Мнѣ чудится, что вы писали, что онъ подписывается «Вадимъ», а Герценъ мнѣ сказалъ, что онъ видѣлъ эту рукопись у Женни на столѣ. Искаль я въ вашихъ, письмахъ и не нашель, но, несмотря на то, увѣренъ, что эта повѣсть—его. Читаль я ее вечеромъ внизу, прочель, пошелъ къ себѣ на верхъ, раскрыль мой альбомъ съ фотографіями и поцѣловаль его портретъ. Больше въ похвалу ему ничего сказать не могу. Несмотря на нѣкоторые промахи, о которыхъ я ему напишу, если онъ хочетъ, тутъ чрезвычайно симпатичный талантъ, и я съ глубокой радостью даю ему свое благословеніе».

Къ этому Герценъ приписаль слѣдующее:

«Я беру изъ рукъ Огарева перо только для того, чтобы прибавить отъ себя, что «Тьма» чудесная вещь, и если въ ней есть недостатки, то это—недостатки молодости. Если это писалъ вашъ сынъ,—какъ мы выдумали сами,—то я поздравляю обѣихъ матерей, т. е. васъ и Россію, съ новымъ талантомъ».

Нечего и говорить, что подобные отзывы авторитетныхъ людей должны были дѣйствовать на молодого человѣка ободряющимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что хвалебные голоса слышались и съ другихъ сторонъ. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ самъ гр. Салиасъ: «Рѣшительное и категорическое заявленіе талантливыхъ людей о томъ, что у начинающаго есть талантъ, можетъ заставить писать. Я бросилъ псевдонимъ «Вадима» и сталъ подумывать объ историческомъ романѣ... о Пугачевщинѣ. Но сначала это намѣреніе только пугало и меня и моихъ близкихъ, и я отложилъ его. Впрочемъ я имѣлъ вскорѣ еще два свѣдѣнія, два письма изъ Петербурга, одно отъ В. А. Слѣпцова—моего большого друга, другое отъ хорошаго знакомаго Альбертини. Они оба хвалили «Тьму» и совѣтовали продол-

жать. Альбертини писалъ: «Краевскій у васъ проситъ побольше такихъ повѣстей, и всѣ таковыя будутъ напечатаны». Я приободрился и сѣлъ усиленно и прилежно за работу, уже не боясь, что каждая новая строка есть новая глупость или банальность. Работа удивительно ладилась».

Въ приведенныхъ благопріятныхъ для гр. Салиаса отзывахъ не указано одной черты его творчества, черты, господствующей въ характерѣ его произведеній, присутствующей въ нихъ почти всегда, за рѣдкими исключеніями, къ числу которыхъ по какой-то случайности принадлежитъ и «Тьма». Мы говоримъ о сильнѣйшемъ развитіи у нашего автора фантазіи, вслѣдствіе чего онъ особенно склоненъ къ темамъ съ запутанной интригой, со всевозможными таинственными приключеніями, съ загадочными дѣйствующими лицами. Онъ является, благодаря этому свойству, въ нашей новой литературѣ талантливымъ представителемъ очень въ прежнее время популярнаго словеснаго вида, такъ называемыхъ «романовъ съ приключеніями», что, однако, нисколько не мѣшаетъ ему проявлять во многихъ своихъ произведеніяхъ очень опредѣленное стремленіе къ реализму, къ воспроизведенію дѣйствительности. Быть можетъ, что самое желаніе объединить реализмъ съ изображеніемъ всяческихъ приключеній было однимъ изъ поводовъ искать для себя темъ въ исторіи, особенно русской XVIII вѣка.

Указанное нами свойство таланта гр. Салиаса обнаруживается въ самомъ первомъ его литературномъ произведеніи, предшествовавшемъ «Тьмѣ», но почти незамѣченномъ тогдашней критикою ¹⁾, въ повѣсти «Искра Вожія», напечатанной подъ заглавіемъ «Ксаня чудная» въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1863 года, журналѣ, выходившемъ подъ редакціей А. О. Писемскаго. Вся эта повѣсть окутана какимъ-то флеромъ таинственности: развивается запутанная любовная исторія, при чемъ героиня оказывается въ высшей степени загадочною личностью. Прежде всего представляется неизвѣстнымъ ея происхожденіе. На вопросъ, кто она такая, и кто этотъ старикъ, съ которымъ она живетъ, одинъ изъ героевъ повѣсти, управляющій Степанъ, отвѣчаетъ: «А Богъ вѣсть. Говорятъ, что она со старикомъ изъ Малороссіи. Привезъ ихъ какой-то баринъ лѣтъ съ десятокъ тому... Богатый баринъ, питерскій или московскій, не упомяну тоже. Онъ купилъ имъ землю у татаръ. Онъ же имъ и денегъ присылаетъ. Они живутъ хорошо, настоящими помѣщиками. Кухарку нанимаютъ. Она, видишь ли, сироткой сказывается, ни отца, ни матери. Старика дѣдушкой зовутъ. Между русскими-то говорятъ,

¹⁾ Въ виду этого и мы позволили себѣ нѣкоторое нарушеніе хронологіи, начавъ нашу статью съ повѣсти «Тьма»: въ этомъ случаѣ насъ оправдываетъ показаніе самого гр. Салиаса, что его первая и третья повѣсти (Ксаня-Чудная и Манжака) остались незамѣченными.

что она тому барину не посторонняя, что онъ старика ради ея пристроилъ, а что старикъ-то самъ ей чужой. Они себя совсѣмъ въ сторонѣ держатъ и отъ насъ и отъ татаръ. Я на что управляющій, до меня и дѣло есть у него другой разъ, а все же я у него въ домикѣ всего раза два въ году бываю».

Въ характерѣ Ксани (такъ зовутъ героиню) очень много эксцентричнаго, такъ что всѣ называютъ ее чудной, и тотъ же Степанъ

Графъ Евгеній Андреевичъ Салиасъ.

дастъ слѣдующее объясненіе ея странностей: «Она чудная и есть. Не глупая какая. Нѣтъ! Она преумная. Вдвое, пожалуй, умнѣй насъ съ тобою будетъ. Ну, а живетъ чудно! Безстрашная она какая-то, черезъ мѣру сердобольная. Ну, и пропадаетъ изъ дому. Говорятъ, на Яйлѣ бродить. Не знаю. Старикъ-то ее любить смерть, а этакъ отпускаетъ и заботушки не имѣетъ, дома она или нѣтъ. А то она еще что дѣлаетъ: сядетъ въ лодочку, крохотную, да и шмыгнетъ въ море, какая погода ни будь. Не то что вдоль берега куда, въ гости. Нѣтъ!

у нея знакомыхъ—ни одинаго. Она укатить всегда прямехонько, въ открытое море и такъ иной разъ до ночи пропадетъ. Однажды въ бурю такую вернулась, что все татары сбѣжались глядѣть, какъ это она скалу и камни минуетъ. Страсть! Никогда, кажись, не забуду этого вечера! А то она еще вотъ что дѣлаетъ! Заберется на высь какую нибудь, или вотъ тутъ на скалѣ, да и сидитъ тамъ цѣлыя сутки, уткнувшись лицомъ въ колѣнки. Кто ни пройди, кто ни позови, ничего не слышитъ. Словно не живая!.. Да всего не перескажешь. Чудная—какъ есть. Но... хорошая, добрая. Ни одного нищаго не пропуститъ, напоить, накормить...».

Кромѣ главной героини, и все остальные дѣйствующія лица представляются нѣсколько загадочными. Управляющій Степанъ-богатырь 24 лѣтъ, честный, необыкновенно трудолюбивый человѣкъ, любимецъ всѣхъ, душа деревенскаго общества, «но на глубинѣ души этого человѣка была своя кручина, былъ свой внутренній, нерадостный мірокъ, въ который онъ не давалъ никому заглядывать, и часто видали Степана задумчиво и неподвижно стоящаго надъ прерванной работой, съ далеко улетѣвшей мыслью». Тайнственна роль какой-то монахини Серафимы, изображающей въ ходѣ дѣйствія какого-то злого домона, адскую фурію, прикрывающуюся притомъ пѣтизмомъ, благодаря которому ей удается разрушить счастье героя и Ксани. Самое чувство этой пары, первая любовь заключаетъ въ себѣ зачатки чего-то мистическаго, душевный процессъ развивается подъ вліяніемъ какихъ-то невѣдомыхъ силъ, и все это еще болѣе усиливаетъ общее впечатлѣніе, производимое повѣстью.

Какъ первый литературный опытъ 22-лѣтняго молодого человѣка, повѣсть, конечно, имѣетъ крупныя недостатки, и, пожалуй, даже такимъ недостаткомъ слѣдуетъ признать всю эту таинственную обстановку; однако надо имѣть въ виду, что недостатокъ этотъ коренится въ основныхъ приемахъ творчества автора и въ большинствѣ случаевъ оказывается, напротивъ, его сильною стороною. Загадочное, таинственное въ жизни несомнѣнно существуетъ, мы его не только не отрицаемъ, но постоянно стремимся его постигнуть, — отчего же въ такомъ случаѣ мы будемъ запрещать писателю интересоваться этой стороною жизни и воспроизводить ее въ своихъ сочиненіяхъ? Конечно, нельзя допускать завѣдомаго сочинительства, но изгонять изъ области художественнаго творчества все исключительное, отвергать загадочное, окружающее насъ со всѣхъ сторонъ, отвергать во имя реализма ту путаницу, съ которой намъ постоянно, на каждомъ шагѣ приходится имѣть дѣло, значить идти противъ того же самаго реализма, такъ какъ онъ есть воспроизведеніе жизни во всей ея широтѣ, а не однихъ только пошлыхъ, обыденныхъ ея проявленій.

То же самое стремленіе къ необычному, та же любовь характеризовать исключительное, рисовать приключенія, послужила источ-

никомъ для созданія тоже почти юношеской повѣсти «Еврейка» и очерковъ изъ испанской жизни подъ заглавіемъ «Путевые очерки Испаніи», «Андалузскія легенды» и «Los novios». Красавица еврейка Кота въ Танхерѣ чуть не ставитъ русскаго путешественника въ критическое положеніе *ravisneur malgré lui*, похитителя противъ воли, и заставляетъ его пережить много всякихъ тревоженій, а любовныя похождения съ доньей Долоресъ въ какомъ-то городкѣ Андалузіи, чуть не оканчивающіяся бракомъ, чрезвычайно ярко представляютъ намъ своеобразныя стороны испанской жизни, этой смѣси невѣжества съ условною поэтичностью.

Тотъ же интересъ къ приключеніямъ, какъ мы сказали, обнаруживается въ значительной степени и въ весьма многихъ историческихъ романахъ и повѣстяхъ гр. Салиаса и роднитъ ихъ съ произведеніями нашихъ старыхъ романистовъ, Загоскина и Лажечникова, а въ особенности съ крайне сложными по интригѣ романами Рафаила Зотова. Своею загадочностью, таинственностью, конечно, болѣе всего долженъ привлекать XVIII вѣкъ русской исторіи, какъ эпоха чрезвычайно быстрого возвышенія всякихъ временниковъ и фаворитокъ, какъ обширная арена дѣятельности множества авантюристовъ и авантюристокъ, угрожавшихъ иногда спокойствію цѣлаго государства, какъ галерея цѣльныхъ, первобытныхъ натуръ, едва лишь тронутыхъ европейскою цивилизаціей. Кромѣ этого, не слѣдуетъ забывать, что въ то время, когда начиналась литературная дѣятельность гр. Салиаса, когда послѣ нѣкотораго перерыва онъ рѣшилъ обратиться къ историческимъ темамъ, и для самихъ историковъ представлялась масса невыясненныхъ вопросовъ, главнымъ образомъ потому, что матеріаль не былъ извѣстенъ, источники почти не были доступны, и слѣдовательно могло открываться обширное поле для творческой работы фантазіи, которая такъ сильна у нашего автора.

Въ началѣ 70-хъ годовъ гр. Салиасъ печатаетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» отрывки изъ своего самаго большого по объему и самаго замѣчательнаго по выполненію романа «Пугачевцы», подъ заглавіемъ «Бѣгуны» и «Земцы и нѣмцы», а въ 1874 году эти отрывки издаются имъ отдѣльно, такъ что въ нынѣшнемъ году исполняется собственно двадцатипятилѣтіе со времени появленія въ свѣтъ этого главнаго произведенія гр. Салиаса. Какъ относительно этого, такъ и другихъ романовъ нашего писателя, мы затронемъ только ихъ литературную сторону, такъ какъ вопросъ объ исторической ихъ достовѣрности будетъ нами рассмотрѣнъ въ рядѣ специальныхъ статей о русскомъ историческомъ романѣ, которыя вскорѣ появятся въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Какъ въ характерѣ изложенія гр. Салиаса, такъ и въ типахъ и отдѣльныхъ сценахъ его главнаго романа, несомнѣнно, въ сильной степени сказалось вліяніе гр. Л. Н. Толстого, да оно и не могло быть иначе, такъ какъ гениальный творецъ «Войны и мира», можно сказать, совсѣмъ заполнилъ всю нашу литературу, поскольку она касается историческихъ темъ: за послѣд-

нія тридцать лѣтъ мы не укажемъ ни одного историческаго романиста, который въ той или другой степени не испытывалъ бы на своихъ произведеніяхъ вліянія гениальнаго романа Толстого. Такимъ образомъ, если зависимость отъ гр. Толстого признавать недостаткомъ, то, во-первыхъ, этотъ недостатокъ вполнѣ объясняется обычными отношеніями талантовъ къ гениямъ, а, во-вторыхъ, раздѣляется гр. Салиасомъ со всѣми его современниками въ области историческаго романа.

Однако, отмѣчая подобную зависимость, не слѣдуетъ забывать и оригинальныя черты въ романѣ гр. Салиаса. Романъ этотъ есть результатъ внимательнѣйшаго предварительнаго изученія: авторъ перерылъ множество источниковъ, познакомился съ архивнымъ матеріаломъ, объѣхалъ тѣ мѣстности, которыя были захвачены Пугачевскимъ бунтомъ, и, благодаря этому, сумѣлъ представить намъ рядъ мастерски написанныхъ портретовъ историческихъ дѣятелей, Бибикова, Суворова, Карра, Рейнсдорпа, Фреймана, Пугачева и его ближайшихъ сообщниковъ, сумѣлъ нарисовать картину массоваго народнаго движенія, «русскаго бунта, бессмысленнаго и беспощаднаго», вполнѣ удовлетворительно указавъ социальную подкладку этого движенія. Авторъ имѣлъ въ изображеніи пугачевщины крайне опаснаго предшественника въ лицѣ Пушкина, онъ рисковалъ впасть въ такое же подражаніе великому образцу, какъ это случилось впоследствии съ Г. П. Данилевскимъ, однако слѣдовъ вліянія Пушкина въ «Пугачевцахъ» почти не замѣчается, и что особенно важно, самый характеръ самозванца воспроизведенъ независимо отъ Пушкина. Запутанность всякихъ приключеній составляетъ, пожалуй, главный недостатокъ «Пугачевцевъ» и служащаго ихъ продолженіемъ романа «Найденышъ»: слишкомъ много здѣсь таинственныхъ исчезновеній, всякихъ скитаній, возвращеній мнимо пропавшихъ и даже умершихъ, испѣленій людей, находившихся при смерти,—но этотъ недостатокъ, какъ мы сказали, есть свойство вообще творчества гр. Салиаса. Главнымъ же достоинствомъ романа надо признать прямо увлекательное изложеніе, благодаря чему отъ романа почти нельзя оторваться, и книга прочитывается, такъ сказать, залпомъ.

По изображенію народныхъ движеній рядомъ «съ Пугачевцами» слѣдуетъ поставить романъ «На Москвѣ», въ которомъ прекрасно представлена паника, охватившая все населеніе первопрестольной столицы во время страшной чумной эпидеміи, тотъ глухой народный ропотъ противъ врачей и начальства, тѣ суевѣрные толки, которые подготовили почву дикому, освирѣпѣлому движенію, разрѣшившемуся убіеніемъ московскаго архіепископа Амвросія. Такъ же, какъ и въ другихъ романахъ, и здѣсь мы встрѣчаемся съ рядомъ мѣткихъ характеристикъ историческихъ дѣятелей, главнокомандующаго кн. Салтыкова, Еропкина, доктора Шафонскаго, врачей нѣмцевъ и др. Очень поучительна картина деморализаціи высшаго класса, которую представляетъ авторъ: всѣ бѣгутъ, разносятъ заразу, всѣ

думаютъ только о себѣ, общественный интересъ всеми забытъ, и даже не забытъ, а попросту никѣмъ никогда не сознавался; при этомъ вполне естественно пробужденіе самыхъ низменныхъ звѣрскихъ инстинктовъ во всехъ слояхъ общества.

Также съ народнымъ движеніемъ въ извѣстной степени мы имѣемъ дѣло въ отличномъ романѣ «Петербургское дѣйство». Здѣсь намъ представлена смѣлая до дерзости авантюра братьевъ Орловыхъ, но такъ какъ эти авантюристы опираются въ своемъ предпріятіи на народное чувство и сознание, ихъ дѣло становится дѣломъ народнымъ, вызываетъ всеобщее сочувствіе и приводитъ къ извѣстному перевороту, благодаря которому власть перешла въ руки императрицы Екатерины II. Сама императрица, братья Орловы и ихъ кружокъ, гетманъ Разумовскій, Петръ III, Воронцова, нѣмецкая партія, Минихъ—все это живыя лица, возсозданныя авторомъ на основаніи историческаго изученія. Правда, и въ этомъ романѣ, какъ и въ «Пугачевцахъ» есть нѣкоторыя отступленія отъ исторіи, но они не особенно важны, а, кромѣ того, и вообще трудно опредѣлять, насколько допустима поэтическая вольность въ отношеніи историческихъ событій: если нельзя историческимъ дѣятелямъ приписывать того, чего они не дѣлали, то отчего же не предполагать возможность ставить вымышленныхъ дѣятелей, какъ людей, вліявшихъ на ходъ событій, лишь бы при этомъ не нарушалась грубо правда?

Характеръ приключеній особенно сильно сказывается въ романахъ «Самозванка» и «Кудесникъ»: въ первомъ изображается несчастная судьба авантюристки, выдававшей себя за княжну Тараканову, принцессу Володимірскую, при чемъ весьма многое, особенно относительно дѣтства и юности героини, автору пришлось дополнять вымысломъ; второй романъ представляетъ намъ похождения извѣстнаго шарлатана, именовавшагося графомъ Каліостро. Быстрыя метаморфозы въ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ, таинственныя исчезновенія, переходы отъ бѣдствій къ отличному положенію, всякія фокусничества и мошенническія продѣлки представляютъ собой непрерывную пѣсь разнообразныхъ происшествій, въ которыхъ принимаетъ участіе множество лицъ изъ всякихъ общественныхъ классовъ. Все это по обыкновенію является въ живой, увлекательной формѣ, такъ что читатель съ не ослабѣвающимъ интересомъ слѣдитъ за перипетіями развивающейся передъ нимъ романической интриги, тѣмъ болѣе, что авторъ вноситъ въ свое изложеніе извѣстное человѣчное отношеніе къ такимъ собственно несчастнымъ людямъ, какова, напримѣръ, мнимая принцесса Володимірская, искренне убѣжденная въ правотѣ своего дѣла.

Той же серіи походовъ XVIII вѣка касается и романъ «Яункундзе», въ которомъ представлена судьба родственниковъ императрицы Екатерины I, гр. Генриковыхъ, Ефимовскихъ, Скавронскихъ. Грустное чувство возбуждается при видѣ этихъ неожиданно возвысившихся крестьянъ, вырванныхъ изъ привычной имъ обстановки и

поставленныхъ въ такія условія, которыя губительно на нихъ отзываются; есть въ ихъ дѣйствіяхъ и въ окружающей ихъ обстановкѣ известная доля комизма, однако этотъ комизмъ какъ-то ступшевается предъ отмѣченной серіозной стороною романа.

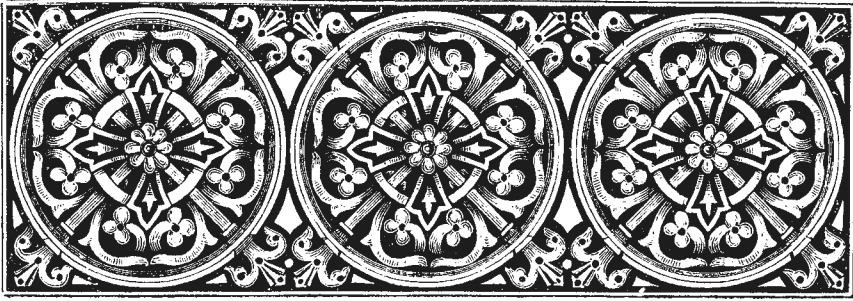
На почвѣ тѣхъ же приключеній основаны почти всѣ болѣе или менѣе крупныя романы и повѣсти нашего автора: въ «поволжской были» «Атаманъ Устя» изображена женщина, ставшая во главѣ шайки разбойниковъ, при чемъ почти всѣ они въ нее влюблены; въ «Аракчеевскомъ сынкѣ» и «Аракчеевскомъ подкидышѣ» рисуется грустная участь челоуѣка, исковерканнаго ненормальнымъ воспитаніемъ и тяжелымъ общественнымъ положеніемъ; въ «Барыняхъ крестьянкахъ» представляется высокодраматическій эпизодъ превращенія княжны въ крѣпостную своей же бывшей крѣпостной; въ «Генералѣ Маховѣ» видимъ образчикъ ловкаго мошенничества и т. д.

Тотъ же авантюризмъ виденъ и въ романахъ изъ современной жизни, каковы: «Невѣста fin de siècle» и «Новая Сандрильона», при чемъ однако богатство фантазіи нисколько не обращается въ ущербъ правдивому, реальному воспроизведенію жизни.

Сфера приключеній настолько обычна въ изображеніяхъ графа Салиаса, что даже изъ своихъ личныхъ воспоминаній онъ помѣстилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1898 года отрывки, имѣющіе этотъ же характеръ приключеній, подъ заглавіемъ «Семь арестовъ». Но какое же значеніе имѣютъ такіе рассказы о приключеніяхъ? Мы уже выше сказали, что это есть одинъ изъ пріемовъ воспроизведенія жизни; теперь же добавимъ, что романы графа Салиаса, увлекающа массу читателей своимъ изложеніемъ всякихъ приключеній, незамѣтно внесли въ обращеніе нашей образованной публики обильное количество историческаго матеріала, которому иначе долго пришлось бы оставаться въ разныхъ ученыхъ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ, недоступныхъ для простыхъ смертныхъ; нельзя, наконецъ, отрицать и въ известной мѣрѣ облагораживающаго вліянія этихъ романовъ, изъ которыхъ иные отличаются выдающимися художественными достоинствами.

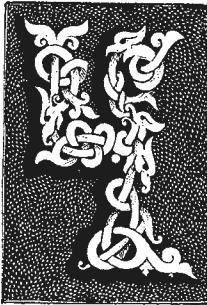
Повторяя, что оцѣнку графа Салиаса, какъ историческаго романиста, мы сдѣлаемъ особо, заканчиваемъ нашу бѣглую замѣтку по поводу исполнившагося тридцатинятилѣтія его литературной дѣятельности указаніемъ, что имъ написано въ теченіе этого времени болѣе восьмидесяти романовъ, повѣстей и рассказовъ, изданныхъ въ 1896 году въ двадцати томахъ. Отъ души желаемъ, чтобы эта дѣятельность еще долго не прерывалась потому, что всѣ, любящіе русскую литературу, цѣнятъ симпатичный талантъ автора «Пугачевцевъ» и съ большимъ интересомъ встрѣчаютъ появленіе каждаго новаго его произведенія.

А. Бороздинъ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

I.

ЧИТАТЕЛИ «Исторического Вѣстника» уже знакомы съ характеромъ и содержаніемъ обширнаго энциклопедическаго изданія А. С. Суворина «Вся Россія» по обстоятельной статьѣ, посвященной этому изданію А. И. Фаресовымъ въ № 5-мъ за 1895 годъ. Съ тѣхъ поръ наша первая и единственная энциклопедія, обнимающая собою данныя отечественной жизни, въ своихъ новыхъ изданіяхъ подновлялась свѣжими текущими матеріалами и давала такимъ образомъ возможность лицамъ интересующимся всегда быть въ курсѣ знанія главныхъ и существенныхъ сторонъ строенія Русской земли. Смѣю надѣяться, что постоянные читатели «Исторического Вѣстника», знакомые съ характеромъ моихъ очерковъ и съ настроеніями ихъ автора, не заподозрятъ меня въ лести по адресу г. Суворина и преувеличенности похвалъ ему, если я скажу, что, не будь за А. С. Суворинимъ остальныхъ многочисленныхъ заслугъ въ дѣлѣ издательства, то одно уже изданіе первой и единственной пока русской энциклопедіи навсегда вписываетъ его имя въ число лицъ, плодотворно поработавшихъ на пользу подъема отечественной культуры и, что главное, серьезно ознакомившихъ русскихъ людей съ состояніемъ, экономическимъ и статистическимъ, ихъ родной земли.

Одинъ изъ самыхъ существенныхъ грѣховъ нашей жизни, которымъ такъ богата вся новая исторія Россіи и который чуть ли не ежечасно даетъ о себѣ знать, даже и понынѣ, это — незнакомство наше съ состояніемъ родной земли, невѣдѣніе ея географическихъ, этнографическихъ, экономическихъ и иныхъ особенностей и свойствъ, незнаніе основныхъ законовъ имперіи и устоевъ, на коихъ зиждется ея государственное управленіе. Благодаря этимъ отрицательнымъ качествамъ, мы постоянно присутствуемъ при самыхъ диковинныхъ явленіяхъ отечественной жизни, берущихъ свое происхожденіе изъ отмѣченного невѣжества. Это незнакомство съ Россіей, даже въ основныхъ ея чертахъ, проникаетъ все общественные слои и одинаково относится, какъ къ классамъ командующимъ, въ лицѣ самыхъ избранныхъ и отвѣтственныхъ ихъ представителей, такъ и къ народной массѣ, коснѣющей въ безмятежномъ невѣжествѣ. Если послѣднему явленію еще можно найти естественное оправданіе, то уже первому изъ отмѣченныхъ нельзя найти не только оправданія, но и мало-мальски сноснаго извиненія. Рекомендую ознакомиться съ разными «мемуарами современниковъ», и что вы увидите? Вы увидите, сплошь и рядомъ, многочисленныхъ представителей административнаго вѣдомства и общественнаго мнѣнія, для коихъ судьбы какихъ нибудь англійскихъ колоній въ Австраліи или Азій были гораздо болѣе знакомы, ближе и понятны, нежели судьбы многочисленныхъ областей родной земли. Администраторъ, почерпающій свою мудрость изъ французскихъ романовъ и журналовъ и совершенно незнакомый ни съ русской географіей и исторіей, ни съ русскимъ языкомъ,—явленіе не необычайное въ быломъ обиходѣ нашей жизни; незнакомствомъ съ Россіей нѣкогда какъ будто щеголяли и хвастались, а ознакомленію съ ней ставили въ школахъ даже серьезныя препоны. Чтобъ не быть голословнымъ, я, въ подтвержденіе своихъ словъ, сошлюсь хотя бы на новѣйшія «Воспоминанія» кн. В. Менцерскаго, гдѣ читатели найдутъ немало блестящихъ представителей правящихъ сферъ, отличающихся всеми достоинствами ума и сердца, кромѣ одного— знакомства съ Россіей и желанія познать ее. Не составляетъ также секрета, — о чемъ однажды и я писалъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ,—что знаменитая классическая система гр. Д. А. Толстого была въ сильнѣйшей степени построена на отчужденіи учащихся отъ устоевъ русской жизни. Судьба славянофиловъ и ихъ ученія тоже любопытная иллюстрація къ гоненію въ Россіи противъ познанія судьбы родной земли.

Все сказанное относится къ временамъ былымъ, хотя и очень недавнимъ. Съ тѣхъ поръ въ области самопознанія и самосознанія мы сдѣлали кое-какіе успѣхи, и знакомство съ Россіей перестало вызывать опалу и неудовольствіе, но все же... все же тьма невѣжества въ означенномъ направленіи еще продолжаетъ насъ

окутывать, и лучи свѣта еще не скоро довершаютъ полностью свою работу. Однимъ изъ такихъ лучей свѣта по всей справедливости должны быть признаны тѣ издательскіе опыты, которые энергично дѣлаются ежегодно г. Суворинымъ, въ цѣляхъ просвѣщенія грамотной Россіи относительно русской жизни въ лицѣ двухъ изданій— «Русскаго календаря» и обширной энциклопедіи подъ заглавіемъ «Вся Россія».

Кажется, въ печати уже было однажды повѣдано, какъ трудно было г. Суворину добиться разрѣшенія въ правящихъ сферахъ на изданіе своего «Календаря», и какъ послѣдній увидѣлъ свѣтъ Божій, лишь благодаря заступничеству и ходатайствамъ вице-президента географическаго общества, П. П. Семенова. Это тоже одна изъ любопытныхъ страничекъ русской жизни, когда русская администрація прятала подъ сѣдло дѣло лишь потому, что на немъ былъ проставленъ штемпель Россіи. Такъ или иначе, но 27 лѣтъ тому «Русскій календарь» появился въ продажѣ, и съ тѣхъ поръ русская грамотная масса имѣетъ возможность въ краткомъ календарномъ изложеніи получать свѣдѣнія о ежегодномъ состояніи отечественной жизни въ самыхъ разнообразныхъ формахъ ея проявленія. Рядомъ съ непосредственными календарными данными, тутъ даются и нѣкоторыя полезныя энциклопедическія свѣдѣнія, полезныя каждому въ его домашней и общественной жизни, въ родѣ, на примѣръ, «Краткаго политическаго словаря», данныхъ о нашемъ тѣлѣ, о составныхъ пищевыхъ веществахъ, о средствахъ подачи первой помощи въ случаяхъ, угрожающихъ жизни, о приемахъ практическаго вычисления для ежедневной жизни, о нашей солнечной системѣ и т. п. «Русскій календарь» преимущественно рассчитанъ на потребление его столичной публикой, почему и свѣдѣнія, въ немъ заключающіяся, кромѣ отмѣченныхъ выше, относятся преимущественно къ жизни обонхъ столичныхъ городовъ—Петербурга и Москвы, но та часть его, что носитъ наименованіе «Статистическаго ежегодника», обнимаетъ собою и данныя по всей жизни страны; сюда относятся свѣдѣнія о территоріи и населеніи, о церкви, о финансахъ, о нашей внѣшней и внутренней торговлѣ, о сельскомъ хозяйствѣ, фабричной и заводской промышленности, о страховомъ дѣлѣ, о кредитѣ и акціонерномъ дѣлѣ, о средствахъ сообщенія и сношеніяхъ, о народномъ образованіи и народномъ здоровіи и т. д. Средняя публика, мало освѣдомленная насчетъ русской жизни, съ большою пользою для себя можетъ почерпнуть изъ календаря массу полезныхъ указаний, а въ рукахъ опытныхъ и умныхъ педагоговъ календарь г. Суворина во всякомъ случаѣ съ успѣхомъ можетъ замѣнить собою учебники по географіи главнымъ образомъ, которые съ такою малою пользою вселяютъ въ наше учащееся юношество знаніе своего отечества. Да простятъ мнѣ маленькій парадоксъ, если я скажу, что часто, вмѣсто требованія диплома объ успѣбномъ окончаніи го-

сударственныхъ экзаменовъ отъ поступающихъ на службу чиновниковъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ, я проектировалъ бы простой вступительный экзаменъ по русской жизни въ рамкахъ хотя бы «Русскаго календаря». Я увѣренъ, что такой дополнительный экзаменъ поставилъ бы нынѣ въ большое затрудненіе многихъ департаментскихъ юпитеровъ, считающихъ своею лѣтнею родиною болѣе курорты Западной Европы, нежели географическія области, обозначенныя на приложенной къ календарю картѣ Россіи.

Календарь г. Суворина былъ первою сжатою энциклопедіею русской жизни, которую за 1 рубль получалъ покупатель. Съ теченіемъ времени требованія жизни разрослись, и на справочныя изданія того же энциклопедическаго характера явились усиленныя требованія... Вслѣдствіе этого изъ «Русскаго календаря, какъ изъ первичной ячейки, выросли три обширныхъ справочныхъ изданія—«Весь Петербургъ», «Вся Москва» и «Вся Россія». Первые двѣ объемистыхъ книги относятся спеціально къ жизни столичныхъ городовъ и являются на нашемъ рынкѣ пока единственными изданіями, которыя хоть нѣсколько освѣщаютъ вопросъ о ростѣ русскихъ городовъ. Какъ извѣстно, иностранная литература, посвященная городской жизни въ европейскихъ странахъ, достигла уже значительныхъ размѣровъ и даетъ богатую пищу для разныхъ выводовъ по политической экономіи и социологіи. Особеннаго вниманія среди этой литературы заслуживаютъ имѣющіяся и въ русскомъ переводѣ книги — К. Гуго «Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи» и Альберта Шоу «Городскія управленія въ Западной Европѣ». Здѣсь даны интересныя описанія наиболѣе важныхъ городскихъ хозяйствъ, и указано то значеніе, которое современный городъ имѣетъ для жизни странъ и народовъ. Въ русской оригинальной литературѣ по настоящимъ вопросамъ еще ничего не сдѣлано, и мы рѣшительно не имѣемъ воедино собранныхъ свѣдѣній, рисующихъ хозяйства нашихъ многочисленныхъ губернскихъ центровъ, несмотря даже на то, что нѣкоторые изъ нихъ играютъ существеннѣйшую роль въ областныхъ жизньяхъ и придаютъ послѣднимъ ихъ спеціальныи отгѣнокъ и значеніе. Опять-таки исключительно въ изданіяхъ г. Суворина, поименованныхъ выше, еще можно найти необходимыя указанія, по крайней мѣрѣ, касательно двухъ столичныхъ центровъ, и по нимъ приходится судить о функціяхъ и задачахъ русскаго города. Но этотъ вопросъ—о современномъ городѣ, слишкомъ широкъ и сложенъ, чтобъ исчерпать его, походя, въ текущей статьѣ; его я позволю себѣ выдѣлить и посвящу ему одинъ изъ ближайшихъ очерковъ. Поэтому, оставляя пока изданія «Весь Петербургъ» и «Вся Москва» въ сторонѣ, займемся пока «Всей Россіей», какъ единственной пока у насъ обстоятельной энциклопедіей, обнимающей собою важнѣйшія стороны отечественной жизни.

II.

Нынѣшнее, третье, изданіе «Всей Россіи» разрослось до значительныхъ размѣровъ, въ 200 печатныхъ листовъ, изъ коихъ каждый равенъ шести среднимъ журнальнымъ листамъ (въ 33 тыс. буквы), поэтому издатель вполне правильно счелъ нужнымъ раздѣлить ее на два тома, что значительно облегчаетъ пользованіе ею. Первый томъ обнимаетъ собою адреса фабрикъ и заводовъ, адреса торговыхъ предприятий, акціонерныхъ обществъ, купцовъ, алфавитный указатель фамилій и фирмъ купцовъ, фабрикантовъ и торгово-промышленныхъ обществъ (свыше 150 тысячъ фамилій). Во второмъ томѣ помѣщены свѣдѣнія о центральной и мѣстной администраціи и ея личномъ составѣ, далѣе слѣдуетъ статистико-экономическое описаніе губерній и областей имперіи, разнообразныя справки по торговлѣ и промышленности, юридическій отдѣлъ, сельскохозяйственный словарь и адреса землевладѣльцевъ. Всѣ данныя обоихъ отдѣловъ составлены по новѣйшимъ матеріаламъ, переработаны, по сравненію съ прежними изданіями, заново и являются, такъ сказать, послѣднимъ словомъ официальнаго знанія русской жизни. Торгово-промышленный отдѣлъ книги, въ ея адресной и справочной части по торговлѣ и промышленности, составленъ подъ редакціей А. А. Блау, начальника статистическаго отдѣленія департамента торговли и мануфактуръ; юридическая часть книги принадлежитъ юристу-практику, Н. Н. Бороздину, сельскохозяйственная—постоянному сотруднику «Новаго Времени», Ф. Э. Ромеру, а лѣчебникъ домашняго скота и птицы извѣстному петербургскому дѣятелю въ области ветеринарнаго знанія, магистру М. А. Игнатьеву. Изъ одного перечня этихъ именъ читатели могутъ убѣдиться, что спеціальныя части «Всей Россіи» были переданы въ надежныя руки, а самое установленіе частей сообразовано съ наиболѣе существенными нуждами отечественной современной жизни, гдѣ издатель съ одинаковымъ вниманіемъ остановился, какъ на сельскохозяйственной, такъ и на фабрично-заводской промышленности; равнымъ образомъ не оставлены имъ въ сторонѣ правовыя нормы русской жизни, незнаніе которыхъ является тоже типическою особенностью нашего общества. Конечно, при извѣстномъ желаніи во что бы то ни стало критиковать и оригинальничать своимъ «особымъ мнѣніемъ» и по отношенію настоящаго изданія «Всей Россіи» можно наговорить много разныхъ пожеланій и выставить ни съ чѣмъ несообразныя требованія. Но такимъ «строгимъ критикамъ», очевидно мало знакомымъ съ практической стороною издательскаго дѣла, остается лишь сказать: «попробуйте сами сдѣлать лучше и восполнить замѣченные пробѣлы, мы будемъ за это признательны!»

Осуществленіе такого громаднаго предпріятія, каковымъ несомнѣнно является «Вся Россія», требуетъ громадной затраты денежныхъ средствъ, напряженія типографской работы и привлеченія значительнаго числа рабочихъ рукъ. Сотрудничая въ «Историческомъ Вѣстникѣ» по разнообразнымъ текущимъ вопросамъ русской жизни, я постоянно наталкиваюсь на полное отсутствіе у насъ вспомогательныхъ средствъ для мало-мальски сносной возможности работать: въ литературѣ почти нѣтъ нужныхъ указателей, въ учрежденіяхъ слабо организованы справочныя и статистическія части, наблюдается, кромѣ того, отсутствіе специально знающихъ лицъ, которыя всегда могли бы дать вамъ необходимыя указанія. Извольте при такихъ печальныхъ условіяхъ требовать совершенствъ тѣхъ или иныхъ издательскихъ предпріятій, тѣхъ или иныхъ работъ! Несомнѣнно, что и фирма А. С. Суворина, при составленіи «Всей Россіи», испытывала на себѣ всѣ отмѣченныя неудобства нашей общественной жизни и съ трудомъ боролась съ этими невзгодами русской некультурности. Это даже видимо отразилось и на качествѣ отдѣловъ. Въ то время какъ торгово-промышленная часть, понавшая въ руки чиновника департамента торговли и мануфактуръ, этого живого учрежденія, являющагося въ нынѣшнее время настоящимъ нульсомъ министерства финансовъ, составлена въ совершенной полнотѣ, далеко не то же самое представляетъ собою часть сельскохозяйственная. Департаментъ уже успѣлъ, согласно быстрому темпу своей жизни и въ зависимости отъ постановки здѣсь вопроса обложенія и взиманія, скомпектовать ея необходимыми справочными данными, доставленными сюда, какъ фабрично-инспекціею, такъ и самими представителями торговли и промышленности; вслѣдствіе этого и г. Блау было не такъ трудно доставить редакціи «Всей Россіи» возложенный на него отдѣлъ.

Я далекъ отъ убѣжденія, чтобы всѣ данныя здѣсь, относящіяся, напримѣръ, къ размѣрамъ производствъ и оборотамъ торговли, идеально точны и правильны, но эти отклоненія отъ истины никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ винѣ составителя. Виною тутъ всероссійская недобросовѣстность, благодаря которой наши представители коммерціи и индустріи, ради обхода закона и во имя невыполненія своихъ гражданскихъ обязанностей, всѣми силами тщатся давать администраціи ложныя свѣдѣнія. Какъ даже явно бросается въ глаза эта недобросовѣстность, эта органическая потребность лжи и обмана, испыталъ я лично на себѣ, несмотря на то, что рѣшительно ничѣмъ не связанъ съ дѣломъ обложенія и взиманія торговыхъ документовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ интересахъ развитія отечественной торговли и промышленности, мнѣ пришлось, по порученію одного желѣзнодорожнаго общества, дѣлать коммерческія изысканія въ нашей первопрестольной. Задаешь по пунктамъ на бланкѣ, нарочито составленномъ, вопросы объ оборотѣ тор-

говли, числѣ рабочихъ, количествѣ потребляемаго топлива и пр. и пр., имѣющіе своимъ назначеніемъ обрисовать торгово-промышленное значеніе обслѣдуемаго въ данномъ пунктѣ предприятия, и что же? Суммируешь полученные отвѣтныя данныя, переводишь на деньги, и совершенно неожиданно для себя получаешь итогъ громадныхъ убытковъ. Обращаешься за объясненіемъ, тебѣ даютъ уклончивый отвѣтъ и, только благодаря любезному содѣйствію представителя фабричной инспекціи, узнаешь, что отвѣты завѣдомо были даны ложные, ради сокрытія истиннаго положенія вещей изъ опасенія правильнаго обложенія. Богатѣйшій торговый домъ, воздвигающій въ бѣлокаменной чуть ли не ежегодно громадную палатку на получаемые барыши, унижается до мелкой лжи, обнаруженіе которой не составляетъ даже особаго труда! Таковы сплошныя явленія нашей жизни, противъ которыхъ нынѣ усиленно борется администрація, но искоренить которыя не такъ-то легко. Этимъ вполнѣ естественно объясняется заподозрѣваніе точности и истинности имѣющихся и въ официальныхъ нѣдрахъ статистическихъ данныхъ, относящихся къ русской торговлѣ и промышленности, вслѣдствіе чего я и позволилъ себѣ оговориться относительно извѣстной стороны матеріала, вложеннаго г. Блау въ подвѣдомственный ему отдѣлъ; но при этомъ опять-таки утверждаю, что только черезъ его посредство и въ его обработкѣ можно было получить эти данныя, такъ какъ иной путь и иныя средства полученія не могли бы дать даже и этихъ результатовъ.

Иначе обстоитъ дѣло съ сельскохозяйственнымъ отдѣломъ, гдѣ составителю пришлось обосновываться на общественной самостоятельности и содѣйствіи тѣхъ, кого непосредственно должна бы была интересовать эта часть нашей энциклопедіи. Я разумѣю въ данномъ случаѣ «адреса землевладѣльцевъ» и краткое описаніе ихъ имѣній. Эти свѣдѣнія могутъ быть, въ виду отсутствія въ нашемъ отечествѣ ипотечной системы, почерпнуты исключительно изъ показаній самихъ землевладѣльцевъ, къ которымъ за нужными свѣдѣніями и обращается редакція «Всей Россіи». Въ виду этого она опубликовала, а, можетъ быть, и разослала по имѣющимся въ ея распоряженіи адресамъ вопросные пункты, гдѣ точно обозначено, что требуется отъ каждаго землевладѣльца. Я думаю, что такія «окружныя посланія» въ общемъ дали сравнительно незначительное количество благопріятныхъ результатовъ, такъ какъ даже мнѣ, при моихъ относительно слабыхъ знакомствахъ съ землевладѣльческимъ классомъ, не удалось въ книгѣ найти многихъ, которыхъ я завѣдомо знаю, какъ собственниковъ имѣній стоимостью свыше 50.000 рублей. Кромѣ того, въ землевладѣльческомъ адресь-календарѣ нѣкоторыя имѣнія зачислены за такими собственниками, которые уже нѣсколько лѣтъ, какъ скончались. Очевидно, для упорядоченія этого отдѣла на будущее время и для приданія ему необ-

ходимой полноты должно предпринять какія нибудь особыя мѣры, такъ какъ разсчитывать на любезное содѣйствіе вопрошаемыхъ, хотя бы это явно шло на ихъ собственную пользу, нѣтъ никакихъ основаній. Русскій человѣкъ лѣнивъ, апатиченъ, халатенъ и боится всякаго къ нему обращенія, выходящаго изъ ряда обычныхъ явленій жизни. Онъ отвѣтитъ вамъ или: «не стоитъ!» или: «некогда сейчасъ, послѣдемъ!» хотя въ общей сложности рѣшительно не знаетъ, какъ съ пользою употребить свой болѣе чѣмъ достаточный досугъ. Такое халатное отношеніе къ дѣлу, боязнь и нежеланіе какой либо не только инициативы, но даже просто дѣятельности, проникаетъ собою всѣ наши общественные слои. «Громъ не грянетъ— мужикъ не перекрестится», это выраженіе примѣнимо ко всѣмъ намъ, поэтому нечего и удивляться и роптать, если редакція «Всей Россіи» не всегда получаетъ нужные отвѣты на свои вопросы; они будутъ даны лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда въ видѣ требуемаго «грома» въ дѣло вмѣшается начальство.

И, напримѣръ, составилъ за послѣдніе годы, по порученію одного частнаго желѣзнодорожнаго учрежденія, не одинъ десятокъ обращеній и воззваній по самымъ разнообразнымъ вопросамъ и о паровыхъ мельницахъ, и о землевладѣльческихъ союзахъ, и о земледѣльческихъ орудіяхъ, и о многомъ другомъ, клонящемся на пользу развитія отечественной промышленности и народнаго благосостоянія. Воззванія были написаны горячо, повидимому, убѣдительно и со включеніемъ сюда всякихъ вѣжныхъ и страшныхъ словъ; учрежденіе разсылало ихъ въ сотняхъ экземпляровъ, и предводителямъ дворянства, и предсѣдателямъ управъ, и помѣщикамъ извѣстнаго района, и представителямъ родной промышленности, и каковы же получились результаты? Учрежденіе не удостоилось ни одного рѣшительно отвѣта, хотя бы даже отрицательнаго! Бумага, чернила и литературное перо не получили никакого нравственнаго удовлетворенія, и я отношусь съ тѣхъ поръ совершенно отрицательно къ обмѣну мнѣній съ своими провинціальными читателями «циркуляровъ». Разъ уже зашла рѣчь по настоящему предмету, то я позволю себѣ бросить обвиненіе и въ своихъ иногороднихъ собратьевъ по перу за ихъ апатичное отношеніе къ моему циркулярному обращенію по вопросу о судьбахъ провинціальной печати, годъ тому назадъ напечатанному и на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Обращеніе это было отпечатано въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ и разослано во всѣ провинціальныя газеты и журналы. Такъ какъ оно касалось очереднаго вопроса русской литературной жизни, и такъ какъ къ вопросу о провинціальной печати наша областная литература относилась чрезвычайно горячо и даже страстно, то я имѣлъ полное основаніе надѣяться, что мой «гласъ» не останется «вопиющимъ въ пустынь». Пылкимъ мечтаніямъ не суждено было сбыться, и отвѣтили мнѣ менѣе десятой части тѣхъ, къ кому я адресовался;

вмѣсто живого слова, на которое я такъ разсчитывалъ, приходится и въ данномъ случаѣ, по обыкновенію, обратиться къ содѣйствию и свидѣтельству публичной бібліотеки, этого вѣрнаго и неизмѣннаго друга нашихъ писательскихъ трудовъ и литературныхъ стараній. Извиняюсь за отступленіе, но прибѣгъ я къ нему исключительно въ цѣляхъ иллюстраціи всей трудности собиранія у насъ необходимыхъ свѣдѣній. Поэтому и лица, которымъ пришлось бы остаться неудовлетворенными адресной частью «Всей Россіи», относящейся къ землевладѣльцамъ, рѣшительно не имѣютъ права пекать на издательскую фирму или редакцію.

III.

Ознакомляясь со «Всей Россіей» по входящимъ въ нее отдѣламъ, мы въ интересахъ матеріала и выводовъ, конечно, должны остановить наше вниманіе на второй части, такъ какъ именно въ ней и заключается то энциклопедическое, которое можетъ быть особенно рекомендовано читателямъ. Тѣмъ не менѣе нелишне будетъ сказать нѣсколько словъ и по поводу перваго тома, по какому плану составлена его справочно-адресная часть, и какими главнѣйшими признаками руководился составитель, при включеніи сюда нужныхъ свѣдѣній.

При расположеніи адресныхъ свѣдѣній составитель держался того порядка, что по каждому торговому заведенію далъ слѣдующія свѣдѣнія: фирма, если таковая присвоена предпріятію; фамилія, имя и отчество владѣльца его, или названіе товарищества, общества и т. п., которому оно принадлежитъ, и мѣсто нахожденія заведенія—городъ, улица, домъ или уѣзды, волость, селеніе. Всѣ предпріятія раздѣлены, по роду предметовъ торга, на 34 группы; въ каждой группѣ адреса распределены по губерніямъ и областямъ, расположеннымъ въ алфавитномъ порядкѣ, а въ предѣлахъ сихъ послѣднихъ по болѣе мелкимъ видамъ торговли. Число этихъ подраздѣленій, конечно, больше въ крупныхъ торговыхъ центрахъ, отличающихся большею спеціальною торговлею, чѣмъ въ мѣстностяхъ, менѣе важныхъ по развитію торговаго обмѣна. По каждому виду торговли указанъ средній оборотъ отнесенныхъ къ нему заведеній въ губерніи или области (при числѣ заведеній не менѣе пяти и количество ихъ), а также отмѣчены важнѣйшіе торговые пункты, съ которыхъ и начинается перечень владѣльцевъ и адресовъ заведеній въ губерніи. Основаніемъ для выдѣленія въ губерніи или области отдѣльныхъ торговыхъ пунктовъ послужило слѣдующее минимальное число заведеній: а) по разряду гостиницъ (IV группа), по торговлѣ хлопкомъ и джутомъ (X) и по разряду аптекъ (XX)—пять; б) по разряду трактировъ (IV), по торговлѣ кожами (VIII), шерстью

(IX), льномъ и пенькою (X), зерномъ, мукою (XI), сѣменами (XII), рыбнымъ товаромъ (XV), керосиномъ (XIX), орудіями (XXII), строительными матеріалами и топливомъ (XXVII)—десять; в) по остальнымъ отраслямъ торговли—двадцать; кромѣ того, выдѣлены также такіе пункты, число заведеній въ коихъ превышало количество однородныхъ заведеній во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ той же губерніи. Наконецъ, при наличности въ губерніи или выдѣленномъ изъ нея торговомъ пунктѣ однородныхъ заведеній свыше десяти, владѣльцы ихъ подраздѣлены на два разряда: имѣющихъ обороты выше и ниже указаннаго средняго.

Города—С.-Петербургъ, Москва, Варшава, Одесса и Кіевъ, почти по всѣмъ отдѣламъ адресныхъ свѣдѣній, выдѣлены изъ губерній, въ составъ которыхъ они входятъ, въ особыя группы, и предприятия въ нихъ разбиты по болѣе удобнымъ подраздѣленіямъ, но съ сохраненіемъ принятыхъ общихъ группъ и порядка въ расположеніи адресовъ.

Что касается промышленныхъ заведеній, то таковыя, подобно торговлѣ, снабжены аналогичными адресными указаніями, причемъ сами производства раздѣлены на слѣдующія десять группъ: 1) обработка волокнистыхъ веществъ; 2) питательные продукты; а) производства, обложенныя акцизнымъ сборомъ; б) производства, не подлежащія обложенію акцизнымъ сборомъ; 3) обработка животныхъ продуктовъ; 4) обработка дерева; 5) писчебумажныя производства; 6) горная промышленность; 7) металлическія издѣлія; 8) керамическія производства; 9) химическія производства; 10) производства, не вошедшія въ предшествующія группы.

Каждая изъ группъ дѣлится на отдѣльные виды производствъ, при чемъ послѣдніе расположены въ алфавитномъ порядкѣ, напримѣръ, басонныя издѣлія, бахромныя, брезенты и т. п. При всѣхъ адресныхъ указаніяхъ допущены необходимыя сокращенія, но вполнѣ удобопонятныя, не затрудняющія пользованія адресомъ.

Таковы главнѣйшія описательныя черты перваго тома «Всей Россіи». Что же касается втораго, то онъ дѣлится, кромѣ перечня членовъ російскаго императорскаго дома, на слѣдующіе четыре главныхъ отдѣла: 1) установленія центрального управленія; 2) статистико-экономическое описаніе Россійской имперіи и установленія мѣстнаго управленія; 3) справочный отдѣлъ; 4) сельско-хозяйственный отдѣлъ, подраздѣляющійся: на а) сельско-хозяйственный словарь; б) описанія выдающихся хозяйствъ; в) адреса землевладѣльцевъ. Приложеніемъ служитъ наклеенная на холстѣ карта общенной имперіи, исполненная въ нѣсколько красокъ.

Первый отдѣлъ, обнимающій собою установленія центрального управленія, отличается отъ такового же отдѣла въ «Русскомъ календарѣ» тѣмъ, что въ немъ, помимо перечисленій личнаго состава правительственныхъ учрежденій, имѣются еще конспективные изло-

женія предметовъ вѣдомства каждаго учрежденія, т. е., пользующе-
 муся этимъ отдѣломъ даются такимъ образомъ свѣдѣнія по осно-
 вамъ русскаго государственнаго права въ той части ея, которая
 относится до управления. Такого рода постановкѣ справочнаго от-
 дѣла я склоненъ придавать серьезное значеніе, какъ полезной энци-
 клопедіи государствосвѣдѣнія въ нашемъ обществѣ. У насъ, кромѣ
 юридическихъ факультетовъ университетовъ, да двухъ-трехъ спе-
 циальныхъ учебныхъ заведеній, нигдѣ не преподается русское госу-
 дарственное право; оно даже въ своихъ главныхъ основаніяхъ исклю-
 чено изъ учебниковъ по русской исторіи въ среднихъ учебныхъ
 заведеніяхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Установленія Солона,
 Сервія Туллія, салическіе законы и т. п. никому ненужныя премуд-
 рости самымъ педантическимъ образомъ вбиваются въ головы уча-
 щихся, а компетенціи русскихъ высшихъ правительственныхъ учре-
 жденій считаются для нихъ совершенно ненужными. Молодой чело-
 вѣкъ или молодая дѣвушка могутъ окончить курсъ среднеучебнаго
 заведенія съ высшею наградою, поразивъ экзаменаторовъ твердымъ
 знаніемъ содержанія XII таблицъ и исторіи борьбы за права между
 плебеями и патриціями, но не имѣя рѣшительно никакого понятія, ка-
 кія дѣла подвѣдомственны разсмотрѣнію русскаго государственнаго
 совѣта, комитета министровъ и правительствующихъ сената и си-
 нода. Высшія учебныя заведенія, кромѣ юридическихъ отдѣленій,
 вмѣщающихъ въ себя сравнительно незначительный процентъ уча-
 щихся, тоже въ этомъ отношеніи ничего не даютъ, и отсюда ком-
 плектованіе русскаго общества представителями интеллигенціи, со-
 вершенно неповинными въ элементарныхъ даже познаніяхъ основъ
 отечественнаго государственнаго права. Какой же зрѣлости, какой
 устойчивости и серьезности можно ожидать отъ такой интеллиген-
 ціи! Не отсюда ли, не изъ этого ли повального общественнаго не-
 вѣжества вытекаютъ все наше умственное шатаніе, наша способ-
 ность легко и стремительно до уродливости увлекаться всякими на-
 носными вѣяніями и теченіями, хотя бы таковыя не имѣли ника-
 кихъ оправданій и подкладки въ фактахъ и исторіи отечественной
 дѣйствительности?

Что же касается основъ мѣстнаго управления и самоуправленія,
 то изложеніе таковыхъ нашло себѣ мѣсто въ юридической части
 «Справочнаго отдѣла». Редакторъ означенной части, Н. Н. Бороз-
 динъ, признавая, что сжатый пересказъ статей и отдѣловъ законо-
 дательства, какъ бы точно онъ ни былъ сдѣланъ, не можетъ замѣ-
 нить самаго текста закона, имѣющаго въ каждомъ отдѣльномъ
 случаѣ рѣшающее значеніе, поставилъ себѣ задачею не только
 изложить въ общихъ чертахъ постановленія нашего законодатель-
 ства для наичаще встрѣчающихся случаевъ и обстоятельствъ по-
 вседневной жизни, но и дать возможность немедленно и безъ труда
 навести точнѣйшія справки въ самомъ текстѣ закона. Отдѣлъ раз-

дѣлень составителемъ на три части: въ первой сообщаются свѣдѣнія о дѣйствующихъ законахъ Россійской имперіи и излагается содержаніе томовъ Свода Законовъ, каждаго отдѣльно, во второй заключается очеркъ гражданскихъ и имущественныхъ правъ по дѣйствующему законодательству; этотъ очеркъ раздѣленъ на главы, въ которыхъ, вѣдѣ за изложеніемъ общихъ положеній законодательства по данному предмету, съ ссылками на подлежащія статьи закона, болѣе подробно передаются нѣкоторыя частности, наиболѣе важныя въ практическомъ обиходѣ. Третья часть отдѣла посвящена суду и администраціи и излагаетъ порядокъ веденія дѣлъ въ судебныхъ и административныхъ отдѣленіяхъ. Въ концѣ отдѣла помѣщены образцы различнаго рода договоровъ и обязательствъ. Къ отдѣлу приложенъ также чрезвычайно полезный въ практическомъ отношеніи «Алфавитный указатель», гдѣ по предметамъ перечислено все содержаніе отдѣла, съ указаніемъ, на какой страницѣ его должно искать свѣдѣнія и справки по данному юридическому вопросу. Такимъ образомъ, та часть государственнаго права, которая относится до мѣстнаго управленія и самоуправленія, включена въ юридической отдѣлъ, а не предшествуетъ, какъ это сдѣлано по отношенію центральнаго управленія, въ видѣ объяснительнаго введенія къ каждому органу управленія. Нѣкоторыя удобства такая планировка матеріала имѣетъ, но, мнѣ кажется, было бы полезнѣе эту часть нашего государственнаго права выдѣлить въ самостоятельный очеркъ и предпослать его той главѣ, которая заключаетъ въ себѣ описаніе губерній и областей. Отъ такой постановки дѣла юридическій отдѣлъ никоимъ образомъ не пострадалъ бы, за то получила бы возможность § 3 гл. I отд. II и §§ 2 гл. II и III значительно расширить, придавъ имъ характеръ энциклопедическаго курса по государственному праву, мало-мальски порядочное знаніе какового является, какъ я уже говорилъ выше, существеннѣйшимъ пробѣломъ въ нашей общественной жизни.

Что касается сельско-хозяйственнаго отдѣла, то таковой, по сравненію его съ изданіемъ «Всей Россіи» за 1897 г., подвергся значительной реформѣ, и при томъ реформѣ къ лучшему. Онъ, какъ это уже отмѣчено было, состоитъ изъ 4 частей: 1) «сельскохозяйственнаго словаря», составленнаго О. Д. Ромеромъ, 2) «лѣчебника домашняго скота и птицы», составленнаго М. А. Игнатъевымъ, 3) описанія выдающихся хозяйствъ, 4) адресовъ землевладѣльцевъ. О послѣдней адресной части я уже говорилъ выше, что же касается «описанія», то цѣль его — представить картину того, какими путями идетъ сельское хозяйство въ различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, дабы опыты однихъ сдѣлались виднѣе и доступнѣе изученію другихъ. При нашей разобщенности, при существующей крайней отсталости сельско-хозяйственной культуры, являющейся главнымъ источникомъ нашего полеваго разстройства, такое опи-

саніе можетъ принести извѣстную пользу. Въ виду того, что самое описаніе сдѣлано въ алфавитномъ порядкѣ губернской послѣдовательности, помѣщикамъ не трудно узнать, въ какомъ пунктѣ ихъ родной губерніи наблюдается хозяйственный прогрессъ, и въ какія формы онъ отливается. Нѣкоторые изъ собственниковъ имѣній доставили составителю обстоятельныя описанія своихъ хозяйствъ и исторію оныхъ, ознакомиться съ которыми чрезвычайно поучительно и интересно; къ сожалѣнію, другіе, и при томъ большинство, ограничились простымъ констатированіемъ, что у нихъ разводится, почему и пользующемуся этимъ описаніемъ чрезвычайно трудно опредѣлить, по какимъ признакамъ, хотя бы даже наружнымъ, отмѣченное хозяйство относится къ разряду «выдающихся».

Врядъ ли нужно распространяться о значеніи включеннаго въ отдѣлъ «лѣчебника», составленнаго знатокомъ дѣла, г. Игнатьевымъ. Въ нашемъ отечествѣ, гдѣ скотоводство играетъ такую выдающуюся роль, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло ветеринарной помощи стоитъ такъ низко, практическій лѣчебникъ можетъ оказать благотворное вліяніе на улучшеніе помѣщичьяго хозяйства и является почти необходимымъ справочнымъ пособіемъ въ деревенскомъ обиходѣ. Лица, знакомыя со «Всеі Россіей» 1897 г., несомнѣнно замѣтятъ существенныя измѣненія въ нынѣшнемъ словарѣ г. Ромера. Рядомъ съ значительнымъ пополненіемъ его цѣлыми статьями (въ особенности о культурахъ, свойственныхъ южнымъ мѣстностямъ Россіи) читатель встрѣтитъ въ немъ и довольно подробныя указанія чисто-справочнаго характера, напримѣръ, о различныхъ сельскохозяйственныхъ учрежденіяхъ учебныхъ, опытныхъ, даже ссудныхъ, о сѣменоторговляхъ, заводахъ племеннаго скота и пр. и пр., словомъ, совмѣщаетъ вмѣстѣ съ новыми данными почти всѣ свѣдѣнія, какія встрѣчались въ сельскохозяйственномъ отдѣлѣ «Всеі Россіи» за 1897 г. Но бывшій перечень фактовъ, мало систематизированныхъ, теперь тщательно пересмотрѣнъ составителемъ «Словаря» съ цѣлью сознательнаго выбора данныхъ, наиболѣе существенныхъ для сельскаго хозяина. Такая постановка дѣла особенно важна въ интересахъ новичковъ-хозяевъ, для коихъ именно изъ цѣлой массы ничего не говорящихъ имъ именъ, фирмъ и учрежденій выбраны лишь наиболѣе извѣстныя, пользующіяся солидною и установившеюся репутаціею. Сознавая, что по необходимости сжато изложенный «Словарь» не всегда въ достаточной степени отвѣчаетъ требованіямъ сельскихъ хозяевъ, г. Ромеръ прилагаетъ въ своемъ краткомъ «Введеніи» къ словарю очень недурно составленный подборъ сельскохозяйственныхъ книгъ (исключительно на русскомъ языкѣ и весьма краткій), который, будучи подъ рукою у хозяина средней руки, съ возможной для настоящаго времени полнотой и основательностью могъ бы преподать ему необходимый запасъ теоретическихъ и практическихъ знаній. При этомъ указаны

лишь очень немногія, но дѣйствительно наилучшія и наиболѣе удобопримѣняемая явленія нашей сельскохозяйственной литературы. Къ словарю, кромѣ того, приложенъ «систематическій указатель» всего содержанія, въ которомъ отдѣльныя статьи послѣдняго сгруппированы по главнымъ отраслямъ сельскохозяйственного дѣла. Группы эти обнимаютъ собою: 1) нѣкоторыя естественно-научныя свѣдѣнія, а также инструменты и приборы, полезные для сельскаго хозяйства, 2) почвовѣдніе и вещества удобрительныя (туки), 3) полеводство, 4) луговоеводство и посѣвъ травъ, 5) плодоводство, 6) огородничество, 7) растенія техническія, медицинскія и ядовитыя, 8) скотоводство, 9) птицеводство, 10) пчеловодство, 11) сооруженія, орудія и машины сельско-хозяйственныя, 12) враги и друзья земледѣльцевъ въ мірѣ органическомъ, 13) свѣдѣнія смѣшаннаго характера.

IV.

«Статистико-экономическое описаніе Россійской имперіи» составляетъ самую существенную и, пожалуй, наиболѣе интересную и въ справочно-практическомъ отношеніи полезную часть второго тома «Всей Россіи», но полное понятіе о всѣхъ сторонахъ этого описанія получается лишь изъ совмѣстнаго ознакомленія съ тѣми главами «справочнаго отдѣла», которыя непосредственно относятся къ торговлѣ и промышленности, какъ, на примѣръ, къ главамъ о биржахъ, о желѣзныхъ дорогахъ, о кредитахъ и деньгахъ въ Россіи, о пробирномъ дѣлѣ, о судоходствѣ, объ учрежденіяхъ, содѣйствующихъ торговлѣ и промышленности, объ элеваторахъ и ярмаркахъ. Я указываю именно на эти главы, такъ какъ въ нихъ имѣется болѣе или менѣе достаточный матеріалъ для сужденія о существеннѣйшихъ сторонахъ народной жизни, въ разныхъ ея экономическихъ и соціальныхъ проявленіяхъ. II въ остальныхъ главахъ, посвященныхъ, на примѣръ, казенной монополіи, акціонернымъ обществамъ, о системахъ взиманія акцизныхъ сборовъ и т. д., заключается также немаловажный и полезный для нашего обихода матеріалъ, но его характеръ болѣе теоретическій, полезный для практики опыта, но не рисующей наглядно статистико-экономической жизни страны. Что же касается двухъ главъ — о специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и о періодическихъ изданіяхъ въ Россіи, то онѣ, главнымъ образомъ, полезны для опредѣленія духовнаго роста и интеллигентныхъ потребностей населенія.

Всѣ главы, относящіяся къ спеціальнымъ отраслямъ народной жизни, повидимому, составлены специалистами (подписей нѣтъ, представлены, и то не вездѣ, лишь инициалы) и представляютъ собою цѣльные очерки, преимущественно пракческаго характера, но съ изложеніемъ истории вопроса въ началѣ. Что же касается непосред-

ственно статистико-экономическаго описанія имперіи, то въ составъ его входятъ: 1) общія свѣдѣнія по Россіи, 2) перечисленіе губерній, областей, уѣздовъ, округовъ и прочихъ административныхъ раздѣленій Россіи, 3) списокъ городовъ и другихъ населенныхъ пунктовъ Россіи, 4) важнѣйшія рѣки имперіи, 5) значительнѣйшіе острова во владѣніи Россіи, 6) замѣчательнѣйшія озера. Эти главы являются какъ бы вводной частью, послѣ которой слѣдуетъ описаніе каждой губерніи съ приложеніемъ географической карты ея, гдѣ нанесены границы уѣздовъ, главнѣйшіе населенные пункты, желѣзныя дороги и рѣки. Описаніе каждой губерніи, обильно снабженное статистическимъ матеріаломъ, почерпнутымъ изъ самыхъ свѣжихъ источниковъ (населеніе взято, напримѣръ, по переписи 1897 г.), идетъ по слѣдующимъ рубрикамъ: географическое положеніе губерніи, площадь ея, почва, воды, климатъ, населеніе (съ изложеніемъ краткихъ историческихъ событій), движеніе населенія, землевладѣніе, земледѣліе, садоводство, скотоводство, промышленность, кустарные промыслы, фабрично-заводская промышленность, торговля, пути сообщенія, повинность, страхование, врачебное дѣло, образованіе, церкви. Послѣ этихъ общихъ данныхъ идетъ глава объ управленіи губерніи и затѣмъ описаніе каждаго уѣзда порознь, гдѣ опять-таки сначала даются общія данныя по уѣзду, а потомъ его управленіе.

Обращаясь къ «общимъ свѣдѣніямъ»¹⁾ по имперіи, мы узнаемъ изъ «Всей Россіи», что пространство имперіи равняется (безъ значительныхъ внутреннихъ водъ) 18.704.785,5 кв. вер. или 1.948.415.163 десятины, занимаемое населеніемъ (перепись 1897 г.) въ 128.918.155 душъ обоого пола, которое по отдѣльнымъ областямъ распредѣляется:

	Постоянное население обоого пола.	Въ томъ числѣ въ городахъ.
Европейская Россія	94.215.415	11.830.546
Привислянскій край	9.455.943	2.059.340
Кавказъ	9.248.695	996.248
Сибирь	5.727.090	462.182
Средняя Азія	7.721.684	932.662
Вел. кн. Финляндск. (1896 г.). . .	2.520.437	272.415
Русск. посел. въ Вухарѣ	12.150	8.203
Русск. поддани. въ Хивѣ	3.937	—
Въ заграничномъ плаваніи на военныхъ судахъ	12.804	—
Всего	128.918.155	16.561.596

¹⁾ Эти свѣдѣнія уже однажды были приведены на страницахъ «Историческаго Вѣстника» г. Фаресовымъ въ отмѣченной мною съ самаго начала статьѣ «Современная Россія», но они относились къ болѣе раннимъ годамъ, гдѣ перепись не была еще произведена, поэтому я и считаю небезполезнымъ въ интересахъ отечествовѣднія сообщить новыя, извиняясь при этомъ передъ читателями за обиліе статистическаго матеріала, по вѣдь, рѣчь идетъ о статистико-экономическомъ описаніи страны, что безъ цифръ сдѣлано быть не можетъ.

Любопытно отмѣтить соотношеніе мужчинъ и женщинъ. На тысячу послѣднихъ приходится женщинъ: въ Европейской Россіи—1.031, въ Привислянскомъ краѣ—985, на Кавказѣ—891, въ Сибири—938, въ Средней Азіи—857, въ вел. княжествѣ Финляндскомъ—1.026. По національностямъ населеніе составляетъ русскихъ—65,4⁰/₀, тюркскихъ и татарскихъ племенъ—8,1, поляковъ—5,7, финскихъ племенъ—5,3, евреевъ—2,9, литовцевъ—2,9, армянъ—0,8, грузинъ, имеретинъ и мингрельцевъ—1,0, прочихъ кавказскихъ племенъ—1,3, нѣмцевъ—1,2, прочихъ европейцевъ—1,5, прочихъ народностей—2,1. Приростъ населенія составляетъ (за 1893 г.): въ Европейской Россіи — 1.137,117, Привислянскомъ краѣ — 114.291, въ Финляндіи — 22.028.

Всего городовъ въ имперіи—956, причемъ на долю Европейской Россіи выпадаетъ—608, Привислянского края—119; менѣе всего городовъ въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ. Городовъ, имѣющихъ свыше 100 тыс. населенія, всего 19, съ населеніемъ отъ 2 до 5 тыс.—195, отъ 5 до 10 тыс.—269, отъ 10 до 25 тыс.—212. Землевладѣніе въ тысячахъ десятинъ распредѣляется такъ:

	Крестьянск. надѣловъ.	Частной собствен- ности.	Казнѣ и удѣламъ.	Остальнымъ учрежденіямъ.	Всего.
Въ Европ. Россіи . .	130.610	94.143	157.778	8.573	391.104
» Привислян. краѣ .	4.532	5.579	669	308	11.088
» вел. княж. Финл. .	95.377	623	14.317	21.523	36.559

Въ Сибири, за исключеніемъ незначительнаго частнаго владѣнія и кабинетскихъ земель, вся остальная земельная площадь числится казенною.

Распредѣленіе земель по угодьямъ въ Европейской Россіи группируется такъ въ процентномъ отношеніи:

Земли подь культурою	26 ⁰ / ₀
» » кормовой площ.	16 ⁰ / ₀
» » лѣсной »	39
» » неудобной »	19

Въ Привислянскомъ краѣ группировка нѣсколько иная, и при томъ въ пользу повышенія культурности.

Земли подь культурою	53 ⁰ / ₀
» » кормовой	19
» » лѣсной	23
» » неудобной	5

Задолженность частновладѣльческаго землевладѣнія по 66 губ. обнимаетъ собою всего 43⁰/₀ всѣхъ имѣній, оцѣненныхъ кредитными учрежденіями въ 2.525.383,701 руб., съ суммой выданныхъ ссудъ

въ размѣрѣ 1.404.262,237 руб. Больше всего заложенной частновладѣльческой земли Херсонской, Лифляндской и Эстляндской (свыше 70⁰/₀ общаго количества), меньше всего въ губерніяхъ Вятской, Бакинской, Кутаисской, Вологодской и Елисаветпольской. Что касается задолженности городского имущества, но таковое наиболѣе высоко въ городахъ—Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Варшавѣ, Ригѣ и Тифлисѣ. Всего по 300 городамъ и нѣкоторымъ мѣстечкамъ въ 1896 г. состояло въ залогъ 52.067 имуществъ, оцѣненныхъ въ 1.468.740,707 р., ссуды подъ нихъ выдано 853.050,400 руб., а за произведенными погашеніями въ долгу остается 631.822,179. Любопытно отмѣтить, что даетъ собою странѣ земледѣліе, какъ для пропитанія населенія, такъ и для внѣшней торговли. Включая 50 губерній Европейской Россіи, 10 привислянскихъ и область Сѣвернаго Кавказа, 4 сибирскихъ и 4 области степныхъ, за 1897 г. картина урожаявъ такова:

	Площади (въ десятин.).	Сборъ (въ тыс. пуд.).
Рожь озимая.	25.445,728	986,468
» яровая.	650,992	28,123
Пшеница озимая.	4.565,433	151,270,3
» яровая.	12.745,083	413,909,6
Овесь	15.638,034	588,125,3
Ячмень.	7.503,985	317,207,6
Полба	438,514	14,822,3
Гречиха	2.336,730	51,828,3
Просо.	2.749,993	89,859,6
Кукуруза	961,691	80,583,0
Горохъ	1.159,742	39,717,8
Чечевица	350,641	10,416,8
Бобы.	74,872	4,811,3

Состояніе скотоводства страны обрисовывается изъ слѣдующихъ данныхъ, обнимающихъ собою тысячи головъ:

	Лошадей.	Крупн. рогат. скота.	Верблю- довъ.	Оле- ней.	Овецъ и козъ.	Свиней.	Всего.
Въ Европ. Россіи.	16.649	23.973	121	261	37,826	8,827	87,657
» Привисл. краѣ.	1,076	2,759	—	—	3,142	1,257	8,234
На Кавказѣ . . .	1,119	5,228	13	—	13,317	1,624	21,301
Въ вел. кн. Финл.	289	1,009	—	106	1,010	176	2,590
» Средней Азій.	1,950	1,413	731	—	10,017	6	14,117
» Сибири.	4,074	3,311	246	198	12,728	—	20,557
Всего	25,157	37,693	1,111	565	78,040	11,890	154,456

Данныя фабрично-заводской промышленности (безъ мелкихъ) группируются такъ:

	Число фабрикъ и заводовъ.	Суммы производства (въ тысячахъ рублей).	Число рабочихъ.
Въ Европейской Россіи	17.605	1.466.998	1.213.073
» Привислянск. краѣ.	2.711	229.485	153.359
На Кавказѣ	1.199	34.733	22.030
Въ Сибири	609	11.929	12.117
» Средней Азіи.	359	16.186	6.295
Всего въ имперіи	22.483	1.759.331	1.406.775
Въ велик. княж. Финляндск.	7.179	188.472	65.250

Въ 1895 г. добыча шликераго золота составляла 2.509¹/₄ пуд., платины 269¹/₂ пуд.; выплавлено цинку 307 т. пуд.; мѣди 340 т. пуд., чугуна 87 милл. пуд., каменнаго угля добыто болѣе 550 милл. пуд., нефти 426 милл. пуд. Добыча каменной соли превышала 94.500 т. п. Рабочихъ занято было на этихъ промыслахъ до 460 т. человекъ. Общій оборотъ внѣшней торговли по Европейской Россіи, со включеніемъ Кавказа, черноморской границы и торговли съ Финляндіей въ 1896 г. достигалъ 1.209.043 т. руб., въ томъ числѣ 540.207 т. р. по привозу и 668.776 т. руб. по вывозу. Привозъ и вывозъ товаровъ, по главнѣйшимъ ихъ группамъ, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ въ тысячахъ рублей.

	Ввезено.	Вывезено.
Жизненные припасы	69.805	382.888
Сырые и полуобработанныя матеріалы.	306.656	257.838
Животные продукты	2.278	15.144
Издѣлія.	161.528	12.906

Русскій торговый флотъ къ 1-му января 1896 года въ общей сложности опредѣлялся въ 2.657 судовъ, вмѣстимостью 528.989 тоннъ, въ томъ числѣ паровыхъ 522 и парусныхъ 2.135. Добровольный флотъ въ 1896 г. состоялъ изъ 13 крейсеровъ. Всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, по которымъ производилось правильное движеніе, къ январю 1898 г. было 38.848 верстъ, въ томъ числѣ казенныхъ—24.155; а включая въ общее число и тѣ линіи, по коимъ открыто временное движеніе, 40.643 версты. Земскіе доходы опредѣлились въ 1894 г. 44.679.000 руб., а расходы 51.556.000 руб., причемъ въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занимаютъ расходы по народному здравію 12.575 тыс. руб., народному образованію 7.701 тыс. руб., пособіе казны на содержаніе управленій 4.426 т. р., на земское управленіе 4.433 тыс. руб., на подводную повинность 4.056 тыс. руб., дорожную повинность 3.223 тыс. руб., на общественное призрѣніе 2.932 тыс. руб., содержаніе гражданскаго управленія 1.843 тыс. руб. Остальныя статьи расходовъ ниже 100 т. р. Долги земства простирались въ 1895 г. до 37.466.300 руб. Наибольшая задолженность упадетъ на слѣдующія земства: Самар-

ское 4.412.600 руб., Пермское 2.727.700 руб. и Нижегородское 2.513.000 руб., наименьшая же задолженность приходится на земство Симбирской губ. 219.800 руб.

Врачебное дѣло представлено 3.968 больницами и госпиталями гражданскаго вѣдомства и 818 военнаго, съ 96.167 кроватями въ первой категоріи учреждений и 42.265 во второмъ. Врачей на всѣ больницы приходится 15.735, фельдшеровъ 24.773, повивальныхъ бабокъ 7.448, аптекъ 2.738.

Грамотность населенія опредѣляется процентнымъ отношеніемъ среди новобранцевъ грамотныхъ къ неграмотнымъ на 100 человекъ.

	Грамотныхъ.	Неграмотныхъ.
Въ Европейской Россіи	40	60
Въ Привислянскомъ краѣ	24	76
На Кавказѣ	30	70
Въ Сибири	21	79
Въ имперіи (исключая Финляндіи, гдѣ обученіе грамотѣ обязательно)	26	74

Низшія и начальныя учебныя заведенія, включая сюда и главнѣйшія инородческія, рисуются на основаніи слѣдующихъ общихъ данныхъ.

	Учебныхъ заведеній.	Учащихся.
Школъ 2 и 3 разряда . . .	28.854	1.647.888
» церковно-приходскихъ . . .	9.663	274.161
» хедеръ (еврейскія) . . .	1.701	30.012
» магометанскихъ . . .	1.785	73.256

Обращаясь къ государственной росписи, составленной на 1898 годъ, мы видимъ, что обыкновенныхъ доходовъ предположено было — 1.364.458.217 р., изъ коихъ на долю косвенныхъ налоговъ выпадаетъ главнѣйшая сумма въ 543.469.200 р.; затѣмъ слѣдуетъ доходъ съ казенныхъ имуществъ и капиталовъ—370.127.108 р., правительственныхъ регалій — 133.990.100 р., прямыхъ налоговъ — 100.577.816 р., выкупныхъ платежей — 80.558.300 р., остальные статьи представляютъ собою болѣе дробныя суммы. Обыкновенные расходы опредѣлены въ 1.350.085.213 р., которые по статьямъ дѣлятся на:

Платежи по государственному долгу	272.092.732 руб.
Вышія государственныя учрежденія	2.612.842 »
Вѣдомство святѣйшаго синода . . .	20.374.941 »
Министерство императорскаго двора.	12.597.492 »
» иностранныхъ дѣлъ . . .	4.802.176 »
Военное министерство	288.808.664 »
Морское »	67.050.000 »

Министерство финансовъ	211.188.038	»
» земледѣлія и госуд. имущ.	35.737.983	»
» внутреннихъ дѣлъ . . .	80.175.211	»
» народного просвѣщенія	26.440.843	»
» путей сообщенія . . .	264.677.232	»
» юстиціи	42.733.274	»
Государственный контроль	7.178.935	»
Главное управл. госуд. коннозаводства	1.614.850	»
Расходъ, не предусмотр. смѣтами на эк- стренныя въ теченіе года надобности	12.000.000	»
Итого	1.350.085.213	руб.

V.

Извиняюсь за обиліе статистическаго матеріала, но полагаю, что даже бѣглое ознакомленіе съ нимъ въ журнальной статьѣ будетъ бесполезно читателямъ. Въ сутолокѣ обычной жизни врядъ ли многимъ приходитъ на мысль заглядывать изъ любознательности въ справочное изданіе или официальные отчеты, чтобъ быть на высотѣ знанія, что именно представляетъ собою современная Россія, и изъ какихъ факторовъ составляется ея экономическая жизнь и занятія населяющаго ее многомилліоннаго народа. Кромѣ этихъ соображеній, статистика нужна мнѣ для подкрѣпленія нѣкоторыхъ моихъ соображеній и выводовъ, которые иначе могли бы показаться голословными и бездоказательными.

Статистико-экономическое описаніе нашего отечества во «Всеѣ Россіи» составлено по официальнымъ источникамъ и по рубрикамъ, общепринятымъ въ отчетностяхъ справочнаго характера. Масса именъ, колонки голыхъ цифръ и таблицъ, краткія свѣдѣнія о состояніи той или иной отрасли промышленности, географическія и этнографическія свѣдѣнія, приуроченныя къ территоріальнымъ единицамъ въ ихъ административномъ дѣленіи, еще мало говорятъ пытливому уму обывателя. Ему нужны комбинаціи, болѣе обобщенныя и притомъ съ объясненіями и толкованіями. Онъ, можетъ быть, прежде всего начнетъ искать въ настоящемъ справочномъ изданіи энциклопедическаго характера полную и наглядную картину народной жизни, которая бы ясно говорила, чтѣ представляетъ собою современное крестьянство, изъ коего главнымъ образомъ и складывается громадная страна, именуемая Россіей, каково ему живется, какъ несетъ оно податное бремя, какъ оно хозяйничаетъ на своей землѣ, каковъ его надѣлъ, къ чему оно стремится, что составляетъ его радость и горе? На эти и тому подобныя вопросы онъ въ изданіи г. Суворина отвѣта не получитъ. Это отмѣтилъ еще до меня А. И. Фаресовъ въ своемъ очеркѣ «Современная Россія», почему

я не стану повторять справедливых замѣчаній моего предшественника по разбору настоящей книги и его разсужденій относительно значенія крестьянскаго хозяйства въ нашей жизни. Сказанное имъ по поводу изданія 1894 г. остается въ силѣ примѣнительно и къ изданію 1899 г. Я останавливаюсь только въ нерѣшительности передъ рѣшеніемъ вопроса, возможно ли воспроизвести желанную картину при настоящей программѣ изданія «Вся Россія». Для этого потребуется совершенно новая глава, гдѣ опытный публицистъ съ широкими экономическими свѣдѣніями умѣлой рукой набросалъ бы требуемое, почерпая при этомъ свой матеріалъ изъ разныхъ добавочныхъ сочиненій, которыя для составленія справочнаго изданія и не требовались. Насколько это удобно сдѣлать въ такомъ общедоступномъ энциклопедическомъ трудѣ, не берусь сказать. Боюсь, что это невыполнимо, если только будетъ поставлено задачею говорить одну голую правду, не стѣсняясь никакими соображеніями мѣста и времени для правдиваго слова.

Обозрѣніе Россіи во всей ея совокупности условій жизни при сохраненіи принципа ея административнаго дѣленія на территориальныя единицы, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ, не даетъ нагляднаго понятія о ея типическихъ особенностяхъ. Чтобы получить это наглядное понятіе, приходится произвести сложную арифметическую работу сложенія и вычитанія, и тогда только получатся голыя статистическія данныя, которыя, однако, внѣ нанесенія ихъ на общую географическую карту, лишены особенной рельефности и назидательности. Вотъ почему я полагаю, что «Вся Россія» должна бы была быть снабжена особенною картою порайоннаго дѣленія, гдѣ для опредѣленія этихъ районовъ приняты бы были естественныя и экономическія ихъ признаки. Въ настоящее время, при возникающихъ отъ времени до времени спорахъ и разговорахъ о судьбахъ Россіи, многія разногласія вытекаютъ, какъ мнѣ кажется, изъ недостаточнаго яснаго даванія себѣ отчета, что представляютъ собою районы Россіи и какъ они группируются по отмѣченнымъ выше признакамъ. Держать въ головѣ сухую статистику трудно и не всякому доступно и лишь, когда будетъ передъ глазами наглядная картина положенія вещей, тогда только можно будетъ отказаться отъ многихъ предвзятыхъ положеній и сомнѣній.

Наше «Вольное Экономическое Общество» признало съ своей стороны весь пробѣлъ въ существованіи такого порайоннаго раздѣленія Россіи, слѣдствіемъ чего явился чрезвычайно любопытный докладъ извѣстнаго статистика и писателя Д. И. Рихтера, прочитанный имъ въ засѣданіи статистической комиссіи общества 11 марта 1898 г. Докладъ этотъ нынѣ отпечатанъ подъ заглавіемъ «Опытъ раздѣленія Европейской Россіи на районы по естественнымъ и экономическимъ признакамъ», снабженный семью картами, гдѣ наше отечество

представлено въ $\frac{9}{10}$ отношеніи существеннѣйшихъ сторонъ его естественной и экономической жизни. Шестъ изъ этихъ картограммъ представляютъ собою Россію съ стороны ея неудобной земли, со стороны лѣсной площади, пахатной земли, кормовой площади, населенія, распредѣленія фабрично-заводскихъ рабочихъ; послѣдняя, седьмая, картограмма, гдѣ всѣ отмѣченные постоянные признаки суммированы, даетъ возможность, благодаря этому, представить себѣ наше отечество порайонно, въ естественныхъ границахъ этихъ районовъ. Тогда мы убѣдимся, что наше нынѣшнее административное дѣленіе чрезвычайно шатко и нуждается въ коренной реформѣ. Одни уѣзды, относимые нынѣ къ такой-то губерніи, напримѣръ, по всему складу своей жизни являются случайно здѣсь прилѣпленными и съ гораздо большимъ правомъ должны быть отнесены къ другой губерніи. Тогда получается цѣлостность впечатлѣнія, гдѣ экономическія, этнографическія и географическія особенности сливаются воедино и позволяютъ сдѣлать тѣ или иные выводы. Г. Рихтеръ произвелъ на своихъ картограммахъ два суммарныхъ раздѣленія Россіи (европейской, безъ Привислянскаго края и Финляндіи, каковыя области не нуждаются въ видоизмѣненіяхъ) и получилъ при погубернскомъ дѣленіи XVI опредѣленныхъ районовъ, а при поуѣздномъ XXIV; кромѣ того, въ дополненіе къ этимъ картограммамъ онъ далъ и двѣ сводныя статистическія таблицы, точно опредѣляющія состояніе нашего земледѣлія, землевладѣнія и занятій населенія въ этихъ районахъ. Вслѣдствіе этого его выводы нѣсколько отличаются отъ выводовъ, вытекающихъ изъ ознакомленія съ данными «Всей Россіи». Принимая во вниманіе въ одномъ случаѣ выводы г. Рихтера, а въ другихъ матеріалъ «Всей Россіи», можно прійти къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно главнѣйшихъ сторонъ жизни нашего отечества.

Россія—страна, обильная своими естественными богатствами, но стоящая на низкой ступени культурнаго развитія. Весьма слабо населенная, она страдаетъ при томъ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ этого населенія по площадямъ районовъ; въ то время, какъ въ однихъ, напримѣръ, малороссійскомъ, приходится 68,8 человекъ на 1 квадр. версту, въ другихъ—каковы сѣверный и прикаспійскій, населеніе достигаетъ всего 1,7 и 4,8 на то же пространство. По густотѣ населенія послѣ малороссійскаго слѣдуетъ петербургско-столичный (53,8), центрально-земледѣльческій (49,6), западный (44,3), новороссійскій (39,1), московско-промышленный (36,3) и друг., гдѣ районы рѣдко достигаютъ даже 30 чел. на кв. версту. Пашня всей площади страны достигаетъ 26,2⁰ „, лѣсная 38,7 и кормовая площадь 15,9, состоящая, однако, въ далеко не правильномъ соотношеніи къ плотности населенія. Въ то время, какъ одни районы рѣзко указываютъ на необходимость разрѣженія населенія, другіе страдаютъ безлюдьемъ, отсюда естественный выводъ о необходимости серьезно озаботиться

правильной постановкой вопроса о расселении (а не только переселении за предѣлы Европейской Россіи), каковую функцію обязаны принять на себя министерство внутреннихъ дѣлъ и крестьянской банкъ. Обильно снабженная лѣсами, Россія опять-таки и въ этомъ отношеніи страдаетъ полной дезорганизаціей, свидѣтельствующей о хищнической вырубкѣ лѣсовъ и неправильномъ распредѣленіи ихъ по территоріи страны. Недостатокъ кормовой площади явно показываетъ первобытность сельско-хозяйственной культуры, гдѣ слишкомъ мало удѣляется вниманія заботамъ о правильномъ скотоводствѣ, полеводствѣ и вообще сельскохозяйственной культурѣ. Принимая во вниманіе, что означенныя отрасли жизни вѣдаются нашимъ министерствомъ земледѣлія, и ознакомившись съ общою смѣтою расходовъ по «росписи», невольно поражаешься недостаточностью его бюджета, при наличности коего, конечно, очень трудно что нибудь сдѣлать именно для земледѣлія. вмѣстѣ съ тѣмъ вся статистика съ точностью указываетъ, что Россія страна типично земледѣльческаго, и что ни о какой иной Россіи, при знакомствѣ съ статистикой, говорить много не приходится. Все населеніе ея тяготеетъ именно къ земледѣлію, и лишь 1,5% отдѣляется въ сторону фабричной производительности. Изъ 16 районовъ нашего отечества въ 11 процентъ населенія, занятый работой на эту промышленность, не достигаетъ цѣлой единицы, опускаясь въ нѣкоторыхъ до 0,3 и 0,4%. Лишь въ Сѣверно-Уральскомъ, Петербургско-столичномъ и Московско-промышленномъ онъ подымается до 5, 4,7 и 4,5%⁰%. Наибысшаго размѣра онъ достигаетъ въ первомъ изъ означенныхъ районовъ, свидѣтельствуя, на какую промышленность обращено особенное вниманіе. Это—горно-заводская, стоящая въ непосредственной связи съ искусственной поддержкой у насъ чугуно-литейнаго производства, находящагося въ прямомъ соотношеніи съ затратами на вооруженіе и постройку желѣзныхъ дорогъ.

Обращаясь къ послѣдней, мы не наблюдаемъ, однако, наличность какой нибудь определенной и устойчивой политики въ дѣлѣ этого строительства. Сибирская желѣзная дорога здѣсь въ счетъ не идетъ, но въ прочихъ областяхъ дѣло, какъ будто, предоставлено теченію случайныхъ обстоятельствъ и соображеніямъ отдѣльныхъ предпринимателей. Вслѣдствіе этого многіе важнѣйшіе центры нашего отечества обречены на безжизненность, не давая тѣмъ самымъ свободаго развитія и выхода мѣстнымъ естественнымъ богатствамъ. Соляныя міровыя богатства астраханскихъ самосадочныхъ озеръ разобщены съ общою желѣзно-дорожною сѣтью, давая тѣмъ самымъ преимущество въ снабженіи населенія Донецкой каменной солью, пользующейся всѣми выгодами тарифа и обрѣтающей въ рукахъ иностранныхъ капиталистовъ, бельгийцевъ по преимуществу. Равнымъ образомъ слабо оборудованъ путями сообщенія Крымскій полуостровъ, ставя этимъ самымъ дѣло военной мобилизаціи на

случай войны въ безвыходное положеніе въ отношеніи защиты береговъ Чернаго моря и обрекая такой естественный фабрично-заводскій центръ, какимъ могъ бы быть, на примѣръ, Херсонъ, на прозябанье. Ничего особенно привлекательнаго по своимъ результатамъ для народнаго хозяйства не представила собою и концентрація желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ казны. Если эти дороги и не являются нынѣ статьями бездоходными, за то мы и не видимъ, чтобъ на пути своего мѣстонахожденія онѣ вызывали оживленіе торговли и промышленной инициативы. Чтобы въ томъ убѣдиться, стоитъ лишь ознакомиться съ оборудованіемъ ихъ элеваторами и зернохранилищами, о чемъ имѣются свѣдѣнія во «Всея Россіи». Немного отраднато можно сказать и про наши водныя сообщенія и дѣятельность портовъ, изъ коихъ своимъ особеннымъ неустройствомъ отличается столичный петербургскій портъ.

Я не стану касаться развитія отдѣльныхъ отраслей нашей фабрично-заводской промышленности. Объ этомъ уже было говорено и въ моихъ очеркахъ, а также отмѣчено въ статьѣ г. Фаресова. Одно лишь можно сказать: она явно носитъ на себѣ характеръ искусственности и во всякомъ случаѣ обрѣтается еще въ младенческомъ состояніи, не будучи въ состояніи отвѣчать запросамъ по снабженію населенія и требуя себѣ значительныхъ дополненій по ввозу изъ Западной Европы. Вслѣдствіе этого, въ то время, какъ вывозъ нашъ исключительно относится къ сырымъ продуктамъ, ввозъ относится къ издѣліямъ.

Главное же, что поражаетъ изъ ознакомленія съ состояніемъ нашего отечества, это крайне низкій уровень грамотности населенія, вслѣдствіе чего карта Россіи почти сплошь можетъ быть густо закрашена краской, свидѣтельствующей о ея сплошной безграмотности. Это обстоятельство, какъ центръ, притягиваетъ къ себѣ нити всѣхъ неблагопріятныхъ сторонъ нашей жизни и не позволяетъ нашей странѣ широко развернуть дарованныя ей природой производительныя силы. Въ своемъ послѣднемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ и господинъ министръ финансовъ обращаетъ вниманіе верховной власти на печальное состояніе народной грамотности, хотя и не въ этомъ обстоятельствѣ усматриваетъ корень недуговъ жизни крестьянской массы. По мнѣнію С. Ю. Витте, неупроченность крестьянскаго хозяйства главнымъ образомъ объясняется неопредѣленностью имущественныхъ и общественныхъ отношеній крестьянъ, порождающею многообразныя затрудненія въ самомъ распорядкѣ веденія личнаго хозяйства, въ наиболѣе выгодномъ распоряженіи силами и средствами и въ накопленіи послѣднихъ. Эта неопредѣленность обусловливается неполнотою законодательства о сельскихъ обывателяхъ, а главнымъ образомъ—недостаточнымъ его соотвѣтствіемъ потребности населенія въ прочномъ правопорядкѣ. Въ своихъ гражданскихъ отношеніяхъ крестьянское населеніе руководствуется опредѣленіями,

заключающимися въ положеніяхъ 19-го февраля 1861 г., въ известной мѣрѣ общими гражданскими законами, преимущественно же мѣстнымъ обычаемъ. Господство обычая, вполне допустимое при простотѣ и несложности гражданскихъ отношеній въ патриархальномъ быту, не можетъ удовлетворить потребностей уже значительно усложнившейся жизни нашего крестьянскаго населенія. Самый обычай весьма часто оказывается неустойчивымъ и нерѣдко толкуется произвольно. Если принять во вниманіе, что обычаемъ этимъ опредѣляются не только частности и подробности, но и самое существо важнѣйшихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, то нельзя не прийти къ заключенію, что обычай, безъ установленія точныхъ предѣловъ для его примѣненія и руководящихъ началъ закона, не можетъ служить надежнымъ основаніемъ гражданскихъ отношеній въ сколько нибудь развивающемся общественномъ быту. Шаткость юридическаго порядка въ крестьянской средѣ усугубляется тѣмъ, что обычай нерѣдко оказывается въ противорѣчій съ закономъ, которымъ руководствуются общія судебныя мѣста при разрѣшеніи подсудныхъ имъ крестьянскихъ дѣлъ, и что гражданскіе законы далеко не соотвѣтствуютъ нуждамъ крестьянства. Отсюда проистекаетъ спутанность юридическихъ понятій народа, еще болѣе усиливаемая взглядами, которые усваиваются крестьянами во время пребыванія на городскихъ заработкахъ, въ совершенно иныхъ, общегражданскихъ условіяхъ. Кромѣ того, обязательное отбываніе воинской повинности значительною частью взрослого населенія оказываетъ сильное вліяніе на нашу деревню, хотя бы уже тѣмъ, что расширяетъ кругозоръ крестьянина. Совокупность всѣхъ этихъ явленій имѣетъ большое значеніе для экономическаго строя крестьянской жизни. Основа крестьянскаго быта—домохозяйство, гдѣ элементы личные и имущественные вылились въ своеобразную форму русской крестьянской семьи; однако, такая основа, при отсутствіи регулирующихъ началъ, даетъ часто лишь поводъ къ семейнымъ раздорамъ, распаденію семьи и упадку благосостоянія. Неясность правъ на приобретенное членомъ крестьянскаго двора имущество, обязанностей по отношенію къ домохозяину—ослабляетъ энергію и производительность труда.

Многочисленны и тяжелы тѣ затрудненія, которыя испытываетъ крестьянское населеніе вслѣдствіе отсутствія прочнаго и яснаго законнаго порядка для разрѣшенія ежедневно возникающихъ вопросовъ въ личныхъ, семейныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ.

Неполнота и недостатки узаконеній о крестьянахъ не могутъ быть устранены частичными измѣненіями, а требуютъ разрѣшенія общихъ принципиальныхъ вопросовъ сельскаго устройства, отъ того или иного направленія которыхъ зависитъ весь ходъ дальнѣйшаго законодательства. Такъ, безъ предварительнаго упорядоченія общихъ условій сельскаго быта не можетъ быть достигнуто полное исправле-

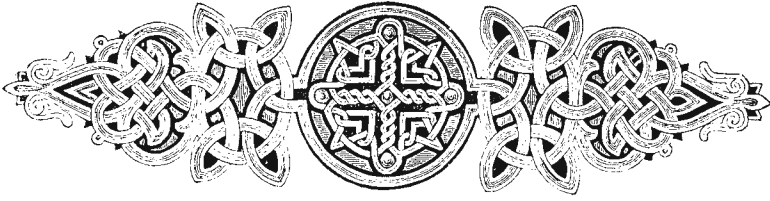
ніе системы взиманія сборовъ съ крестьянъ. Финансовое вѣдомство уже нѣсколько лѣтъ занято разработкой вопроса объ улучшеніи организаціи взиманія съ крестьянъ прямыхъ налоговъ и нынѣ представило на уваженіе государственнаго совѣта нѣкоторыя предположенія по этому предмету. Однако, проектируемыя мѣры сами по себѣ, внѣ связи съ прочими отдѣлами крестьянскаго законодательства, едва ли способны устранить многія слабыя стороны существующихъ порядковъ, не только не вызываемыя собственно податными интересами, но нерѣдко даже противорѣчащія имъ. Узаконенія о взиманіи налоговъ и сборовъ не могутъ быть полагаемы въ основу правилъ объ устройствѣ быта крестьянъ и предрѣшать тѣ или инныя въ немъ измѣненія; соотношеніе между этими частями законодательства должно быть совершенно обратное, и податная реформа можетъ быть основываема лишь на готовой почвѣ узаконеній, имѣющихъ болѣе общее значеніе. Равнымъ образомъ, при существующихъ недостаткахъ законоположеній о крестьянахъ, едва ли достижимо значительное улучшеніе многихъ весьма важныхъ сторонъ сельской жизни. Воспособленіе крестьянскому малоземелью въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, устройство доступнаго кредита, улучшеніе условій сбыта произведеній крестьянскаго труда—эти и многіе вопросы давно озабочиваютъ правительство и вызвали къ жизни рядъ мѣропріятій. Но для того, чтобы значеніе принимаемыхъ мѣръ для экономической жизни крестьянства не ограничивалось ожиданіями успѣха, а было оправдано практической пользой, онѣ должны имѣть надежные устои въ самыхъ условіяхъ сельскаго быта.

«Нынѣ,—говоритъ г. министръ финансовъ,—когда основныя положенія освободительной реформы уже осуществлены, открывается возможность приступить къ разрѣшенію завѣщанной нашему поколѣнію задачи окончательнаго устройства общественнаго и имущественнаго быта крестьянъ».

Не отрицая всей справедливости этихъ прекрасныхъ словъ, я позволю себѣ замѣтить, что какъ бы обдуманно ни было выработано это устройство, оно не будетъ прочно и не пуститъ необходимыхъ корней въ жизнь, пока послѣдняя останется при прежнихъ своихъ отличительныхъ свойствахъ безграмотности и некультурности. Поэтому и полагаю, что заботы о регулированіи правоотношеній населенія должны идти параллельно заботамъ о поднятіи и распрощраненіи просвѣщенія среди этого населенія.

Б. Глинскій.

НОВЫЯ ШКОЛЫ ВЪ АНГЛИИ ¹⁾.

Одѣ назадъ, въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника», намъ довелось говорить о книгѣ Маріи Корелли «Исторія дѣтской души», изданной, въ переводѣ на русскій языкъ, К. П. Побѣдоносцевымъ. Появившаяся недавно книга «Новая школа» издана имъ какъ бы въ pendant къ первой книгѣ, и по своему содержанію обѣ онѣ представляютъ серьезный и краснорѣчивый протестъ какъ противъ воспитанія дѣтей безъ религіи, такъ равно и противъ односторонности классическаго образованія, предъ которымъ преклонялись за послѣднюю четверть вѣка педагоги Западной Европы и наши.

Въ «Исторіи дѣтской души» разсказывалась трагическая повѣсть мальчика Ліонеля, воспитаннаго безъ религіи и въ то же время такъ сильно «напичканнаго» премудростію «мертвыхъ языковъ», что онъ не въ силахъ былъ противостоять первому житейскому горю, съ которымъ столкнулся въ самомъ началѣ жизни. Авторъ, въ одномъ мѣстѣ своей книги, заявлялъ самымъ положительнымъ образомъ, что только «молодой сорванецъ, котораго мать-природа сманиваетъ въ рощи и луга, когда онъ долженъ бы сидѣть за книгой, который имѣетъ дерзновеніе находить лишнимъ прилежно изучать мертвые языки, разъ онъ никогда говорить на нихъ не будетъ,—способенъ выработать изъ себя человѣка, покажетъ себя сильнымъ и на полѣ брани, и на полѣ жизни, въ борьбѣ съ препятствіями, которыя сумѣетъ превозмочь. Ученье, какъ оно нынѣ

¹⁾ Новая школа. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. М. 1898.

ведется, убиваетъ всякую самобытность въ человѣкѣ: ни ясность мысли, ни силы физическія не могутъ быть достояніемъ жертвъ пичканья»...

Но, чтобы такъ рѣшительно отринуть эту мертвую школу съ ея «мертвыми языками», надо же что нибудь дать взамѣнъ ея: еще недостаточно сдѣлать діагнозъ болѣзни,—надо назвать и лѣкарство. И вотъ, вслѣдъ за первою книгой, вышла теперь вторая, въ которой издатель какъ бы указываетъ типъ «новой школы», рекомендуемой французомъ Демоленомъ, авторомъ книги «Отъ чего зависитъ превосходство англо-саксонскаго племени» (*Demolins: A quoi tient la superiorité des Anglo-Saxons*).

Книга Демолена, по словамъ К. П. Побѣдоносцева въ его предисловіи, «посвящена столь важнымъ вопросамъ соціального устройства, что обратила на себя общее вниманіе всѣхъ образованныхъ людей въ Европѣ и уже выдержала множество изданій». Значительная часть сочиненія посвящена устройству школьнаго обученія и воспитанія во Франціи, Германіи и Англіи. «Возрастающая важность школьнаго вопроса во всѣхъ государствахъ,—говоритъ издатель,—особливо же у насъ въ Россіи, побудила насъ ознакомить русскихъ читателей со статьями Демолена, взятыми какъ изъ упомянутой книги, такъ и изъ журнала «*Science Sociale*».

Эти слова К. П. Побѣдоносцева въ предисловіи къ книгѣ «Новая школа» чрезвычайно для насъ важны: они доказываютъ, что передъ нами, собственно, не переводъ книги Демолена, а ея, такъ сказать, переложеніе; что государственный человѣкъ, издатель книги, лишь талантливо и умѣло пользуется сырымъ матеріаломъ, какой даетъ ему книга Демолена, для того, чтобы намѣчать тѣ желаемые пути и коренныя преобразованія, которые нужны, между прочимъ, и нашимъ школамъ—въ Россіи. Тѣ же самыя пріемы универсальныхъ обобщеній допускалъ К. П. Побѣдоносцевъ и въ своей первой книгѣ «Исторія дѣтской души».

Въ томъ же своемъ предисловіи къ новой книгѣ высокопоставленный издатель находитъ, что «критическіе взгляды Демолена на пріемы новой школьной педагогіи заслуживаютъ полнаго вниманія—въ особенности со стороны официальныхъ педагоговъ и ревнителей народнаго просвѣщенія въ Россіи». Трудно не соглашаться съ авторомъ, когда онъ обличаетъ нашу школьную политику въ томъ, что она менѣе всего имѣетъ въ виду потребности дѣтской души и природы, организуя школу преимущественно съ отвлеченной точки зрѣнія учителей, профессоровъ и начальства.

А затѣмъ излагается въ книгѣ и эта «школьная политика» въ названныхъ государствахъ. Прежде всего слѣдуютъ французскіе школьные порядки, поражающіе читателя своею рутиной, нравственнымъ безсиліемъ учителей и наставниковъ, относящихся

къ своему дѣлу чисто механически, и, наконецъ, явною нелѣпостью взаимныхъ отношеній воспитанниковъ и педагоговъ. Всѣ усилія французскихъ частныхъ коллегій и даже университетовъ направляются лишь къ одной цѣли — сообщить ученику въ самый короткій срокъ столько поверхностныхъ знаній, чтобы ихъ оказалось, во время экзамена, достаточно по всѣмъ предметамъ. Ученики преслѣдуютъ однородную же цѣль — выдержать этотъ сумбурный экзаменъ, могущій открыть имъ извѣстную карьеру. А такъ какъ желающихъ держать эти экзамены и получать затѣмъ мѣста и должности оказывалось съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, то стали расширяться и программы — для увеличенія затрудненій на этихъ экзаменахъ, и въ концѣ «образовались программы чисто энциклопедическія, коихъ, по словамъ автора, никакой умъ не въ силахъ исчерпать до конца. И, конечно, сами экзаменаторы-профессора затруднились бы отвѣтить на многіе вопросы въ такой программѣ»... Вся такая система рассчитана на напряженіе памяти, и поэтому всѣ знанія пріобрѣтаются поверхностно и не проникаютъ въ умъ сознательно; да и самая система экзаменовъ неспособна содѣйствовать привычкѣ разсуждать и мыслить...

«Таковыя школьныя порядки во Франціи, говоритъ авторъ, способные образовывать чиновниковъ, недостаточны, конечно, для того, чтобы образовывать людей, могущихъ устроить себѣ самостоятельное положеніе одною своею силой; для этого требуется личная инициатива воли, привычка на себя рассчитывать. Но школьныя порядки во Франціи не только не развиваютъ всѣ эти качества, но еще подавляютъ ихъ»... Отсюда, понятно, главными двигателями въ администраціи и въ арміи являются старшинство и протекція. «Трудъ методическій и основательный становится, конечно, невозможнымъ: послѣ того, какъ умъ пріученъ былъ пробѣгать лишь по верхамъ предметовъ, изучать одни лишь руководства, бѣгло понимать все, не разсуждая и не вдумываясь, впитывать въ себя, не переваривая, какъ можно скорѣе и какъ можно болѣе свѣдѣній, — человекъ становился уже неспособенъ къ серьезному труду»...

Такъ и кажется, что эта грустная картина школьныхъ порядковъ, направленныхъ къ увеличенію затрудненій на экзаменахъ и къ ограниченію, слѣдовательно, числа лицъ съ высшимъ образованіемъ, списана не съ Франціи, а съ нашихъ среднеобразовательныхъ классическихъ школъ, созданныхъ графомъ Д. А. Толстымъ, противъ которыхъ давно уже раздаются многіе протестующіе голоса...

Затѣмъ въ книгѣ слѣдуетъ описаніе германскихъ школьныхъ порядковъ.

Банальная фраза, обошедшая послѣ нѣмецкихъ побѣдъ 1870 года весь міръ, что побѣждалъ, будто бы, школьный учитель, — оказалась пустою и лживою фразою. Однако, увлеченіе ею въ Гер-

маніи было такъ всеобще и велико, что послѣ побѣдъ нѣмцы тотчасъ же ввели у себя обязательное обученіе, для самихъ школъ строили чуть не дворцы,—«и стали гнать туда всѣхъ дѣтей крестьянскихъ и мѣщанскихъ», мня создать изъ нихъ гражданъ и воиновъ, обладающихъ классическимъ образованіемъ... А глядя на Германію, стали подражать ей и многія другія государства, а въ числѣ ихъ и мы, грѣшные... Сначала стали заимствовать военныя учрежденія, тамъ пошли заимствовать ея школьныя порядки, ея педагогію, ея филологію—славную, глубокую, тонкую германскую филологію!.. «Давайте правленные латинскіе тексты юношамъ шестого класса, и вы увидите, какъ вся страна поднимается духомъ!» говорили ученые нѣмецкіе доктора университета,—и вся Франція, въ изумленіи, принялась повторять волшебную формулу»... (стр. 15).

Вслѣдъ за Франціей принялась—если припомнимъ—повторять эту «волшебную формулу» и Россія...

Къ чести Германіи, слѣдуетъ, однако, сказать, что она уже опомнилась отъ своего педагогическаго заблужденія и сознала всю фальшь и гибель принятой ею школьной политики. Впервые протестъ раздался въ Германіи въ самомъ сердцѣ ея, въ Берлинѣ, и протестовалъ громкій и властный голосъ самого императора германскаго Вильгельма II. Онъ прямо и во всеуслышаніе заявилъ: «Школа не дала намъ того, что мы отъ нея ожидали»...

«Гдѣ искать этому причину?»—спрашиваетъ далѣе императоръ, и отвѣчаетъ: «Причина въ томъ, что школа сама виновата во многихъ отношеніяхъ»,—и затѣмъ принимается разсматривать способъ обученія, предметы обученія и методы обученія. Начинаетъ съ филологіи, т. е. какъ разъ съ того предмета, который, какъ всѣ твердили, долженъ былъ возвысить изученіе древнихъ языковъ на степень науки и дѣйствовать такъ могущественно на образованіе молодыхъ поколѣній.

«Суть дѣла, говоритъ императоръ, состоитъ въ томъ, что съ 1870 года филологи засѣдали въ учебномъ дѣлѣ, какъ *beati possidentes*, и обращали главное вниманіе на предметы ученія, на обученіе и на познанія учениковъ, но нисколько не имѣли въ виду образованіе ихъ характера и потребности дѣйствительной жизни».

Далѣе, императоръ, будучи самъ воспитанникомъ Кассельскаго лица, находитъ, однако, изученіе латинскаго языка совершенно безцѣльнымъ и мало полезнымъ,—и затѣмъ, заявляетъ, что такая школа «не имѣетъ успѣха въ отношеніи практической жизни, т. е. не образуетъ человѣка для дѣятельности и для успѣха въ жизни» (стр. 18). По словамъ императора, необходимо приготовить молодое поколѣніе на борьбу съ жизнью, имѣть людей практическихъ, способныхъ выпутаться изъ затрудненій, способныхъ и внѣ своего отечества, состязаться съ самыми крѣпкими выходцами другихъ націй. «И въ этомъ отношеніи, заявляетъ императоръ, школа не сдѣлала

своего дѣла: она воспитала только неудачниковъ, оторванныхъ людей, дрессированныхъ къ экзамену, близорукихъ тѣломъ и духомъ, неспособныхъ къ крѣпкому усилію и къ энергическому дѣйствию». Главное, Вильгельмъ II осуждаетъ «многопредметное умноженіе уроковъ, которое расслабляетъ физически и мѣшаетъ развитію воли». Необходимо, добавляетъ императоръ, принять рѣшительныя мѣры, чтобы пособить такому несчастному состоянію школы: «Невозможно далѣе натягивать лукъ и нельзя оставлять его въ натянутомъ состояніи... Мы уже дошли до крайняго предѣла, дальше идти некуда»... (стр. 19).

Вотъ каковы оказались воспрославленные германскія школы, вызвавшія массовыя подражанія!..

Это, конечно, было величайшимъ несчастіемъ въ исторіи развитія человѣчества—учрежденіе и первенство такихъ школъ и подражаніе имъ,—несчастіемъ, стувившимъ сотни тысячъ и милліоны юныхъ жизней въ Германіи, Франціи и Россіи, ибо, по словамъ предисловія книги, «всякое ученіе бесплодно и мертво, если оно не есть вмѣстѣ съ тѣмъ воспитаніе ума, съ возбужденіемъ живого интереса къ предмету труда». А при такой «системѣ» и при такихъ «школьныхъ порядкахъ» учащіеся испытывали повсюду не интересъ къ предмету труда, а лишь глубокое, тупое отвращеніе.

Большую половину своей интересной книги авторъ посвящаетъ англійскому школьному строю. И вотъ, когда мы знакомимся поближе съ типомъ «новой школы» и ея воспитателями и учителями въ Англіи, намъ становится понятнымъ самъ собою вопросъ, поставленный въ заголовкѣ книги Демолена: «Отъ чего зависить превосходство англо-саксонскаго племени?»...

Англичане, съ помощью своего практическаго разума, ранѣе всѣхъ другихъ народовъ Западной Европы познали, что «современное обученіе не соответствуетъ условіямъ жизни современной,—что оно образуетъ людей для прошлаго, а не для настоящаго, такъ какъ молодежь теряетъ значительную долю своего времени на изученіе мертвыхъ языковъ, коими лишь немногіе имѣютъ случай пользоваться въ дальнѣйшей жизни; а въ то же время молодые люди вскользь знакомятся съ новыми языками и естественными науками и остаются въ невѣдѣніи обо всемъ, что касается жизни дѣйствительной, практики вещей и ихъ отношеній къ обществу» (стр. 29). И разъ англичане сознали эту великую истину, они быстро оставили рутину и стали понемногу вырабатывать типъ новой школы, приспособленный къ новымъ условіямъ жизни и къ развитію людей инициативы и личнаго почина, привыкшихъ разсчитывать лишь на самихъ себя, способныхъ самостоятельно справляться со всѣми затрудненіями и осложненіями жизни.

Цѣль «новой школы» заключалась въ гармоническомъ развитіи всѣхъ человѣческихъ способностей. «Для этого было нужно, говорить авторъ, чтобы школа не была искусственной средою, гдѣ соприкосновеніе съ жизнью возможно только черезъ книги; но была бы маленькимъ міромъ реальнымъ и практическимъ, какъ можно ближе знакомящимъ дѣтей съ дѣйствительною сущностью вещей. Нужно изучать не только теорію явленій, но также ихъ практику,—и эти два элемента въ школѣ должны быть слиты столь же тѣсно, какъ они слиты и внѣ ея, для того, чтобы, вступая въ жизнь, молодой человѣкъ не очутился въ мірѣ невѣдомомъ, къ коему онъ не былъ подготовленъ, въ коемъ онъ не можетъ отыскать пути... Человѣкъ не есть отрѣщенный разумъ, но разумъ, связанный съ тѣломъ, и нужно, поэтому, развивать также энергію, волю, физическую силу, умѣлость рукъ, ловкость. Школа должна, въ одно и то же время, расширять и кругозоръ дѣтей, и ихъ грудную клѣтку».

Эту «программу» сталъ впервые энергично проповѣдывать въ Англии и проводить въ жизнь докторъ Сесиль Редди, основавшій, затѣмъ, свою знаменитую Аббатсгольмскую школу, открытую въ Аббатсгольмѣ, въ Дербиширѣ. Она расположена на сельскомъ просторѣ, среди обширнаго имѣнія, вдали отъ суетности, шума и соблазна большихъ городовъ. Это и есть та новая школа, которая составляетъ, такъ сказать, послѣднее слово педагогическаго и вызвала уже многія подражанія, устроенныя по тому же идеальному типу д-ра Редди.

Что же это за школы такія, дающія «превосходство» англосаксамъ передъ всѣми другими народами? Чему и какъ учатъ въ этихъ школахъ и какъ это готовятъ въ нихъ людей, которые потомъ господствуютъ въ мірѣ надъ всѣми другими племенами?.. Вопросы эти, какъ намъ кажется, заслуживаютъ, чтобы на нихъ на минуту остановиться и на нихъ отвѣтить.

Эти новыя школы англичанъ, оказывается, вовсе не похожи на большинство существующихъ школъ—съ ихъ большими, холодными и голыми зданіями; напротивъ, онѣ даютъ полное представленіе о жизни дѣйствительной, а не о жизни искусственной; онѣ воспроизводятъ милый и теплый обликъ дома отеческаго, а не казармы или тюрьмы.

Вотъ, какъ описываетъ одну изъ этихъ «школъ» г. Демолень, лично ее посѣтившій: «Вокругъ—воздухъ, свѣтъ, просторъ, зелень, вмѣсто обычныхъ школьныхъ тѣсныхъ дворовъ, замкнутыхъ высокими стѣнами. Первый взглядъ производитъ впечатлѣніе пріятнаго жилища (ибо не доказано еще, чтобы необходимо было придавать школѣ видъ пугающій). Впечатлѣніе это поддерживается, когда проникаете внутрь зданія. Вотъ, напримѣръ, столовая школы; это—комната совершенно семейная: она весела и удобна, сервировка

изящна, столы покрыты скатертью; меблировка тщательная и даже художественная: фортепіано, картины, статуи, покойныя или качающіяся кресла свидѣтельствуютъ объ одинаковомъ вниманіи къ полезному и пріятному. Сравните это съ отталкивающими столовыми, напримѣръ, французскихъ коллежей, и уже этотъ внѣшній видъ вещей дастъ вамъ понятіе о системѣ воспитанія, совершенно отличной отъ прежнихъ системъ». Это впечатлѣніе оживляется еще тѣмъ, что преподаватели и директоръ школы, жена его и дочери садятся за столъ съ воспитанниками. Это жизнь семейная: воспитанникъ не оторванъ насильственно и сразу отъ жизни естественной, онъ не перенесенъ въ особый, совершенно искусственный міръ: онъ только переведенъ изъ одного home (дома) въ другой, носящій на себѣ тотъ же обликъ; такъ и гласитъ программа: «эта школа есть home, а не просто мѣсто обученія»... Учителя разгуливаютъ среди учениковъ, обращаясь съ ними, какъ старшіе братья; искренность и довѣріе къ нимъ учениковъ замѣчательны; старшіе изъ воспитанниковъ являются ихъ помощниками; надзирателей нѣтъ вовсе.

Такова рамка. Посмотримъ на картину. Изъ 24-хъ часовъ дня время распредѣляется такъ:

На умственный трудъ	5	часовъ.
Упражненія физическія и ручной трудъ .	4 ¹ / ₂	»
Занятія художественныя и развлеченія .	2 ¹ / ₂	»
Сонъ	9	»
За столомъ и на свободѣ	3	»
Итого — 24		часа.

Ежедневно, утромъ и вечеромъ молитва. По воскресеньямъ классовъ нѣтъ, и воспитанники свободно располагаютъ своимъ временемъ. Въ итогѣ школьный день распадается на три отдѣльныя части: утро посвящено, главнымъ образомъ, умственному труду, ученію школьному; вторая половина дня—ручнымъ работамъ въ полѣ и въ саду, или (зимою) въ мастерскихъ, устроенныхъ при школахъ же; вечеръ—искусству, музыкѣ и общественнымъ развлеченіямъ. Важно еще то, что дѣти этихъ новыхъ школъ проводятъ въ своей семьѣ три съ половиною мѣсяца вакацій изъ 12-ти, и такимъ образомъ вліяніе семьи на дѣтей не упраздняется.

Въ этомъ методѣ господствуютъ слѣдующія начала: «Приводитъ учениковъ въ соприкосновеніе настолько же съ вещами, какъ и со словами, ихъ обозначающими, такъ, чтобы постоянно вести ихъ отъ конкретнаго къ отвлеченному, воспитывая въ молодыхъ людяхъ стремленіе пользоваться тѣмъ, чему они научились, и пріобрѣтать ради этой пользы новыя свѣдѣнія безъ приманки премій и наградъ». По мнѣнію, весьма распространенному въ Англии и Соединенныхъ Штатахъ, методъ, состоящій въ поощреніи воспитанни-

ковъ къ труду наградами и преміями, — ошибоченъ: такой методъ основываетъ успѣхи на взаимной зависти, а не на чувствѣ долга, и развиваетъ дурную склонность человѣческой природы. «Мы никогда не раздаемъ наградъ нашимъ воспитанникамъ,—сообщаетъ директоръ высшей школы св. Павла:—мы никогда не задаемъ имъ составительныхъ сочиненій, хотя и случается, что они совмѣстно пишутъ на одну и ту же тему».

Обученіе языкамъ, въ особенности новымъ, занимаетъ большое мѣсто въ этой школѣ, въ самомъ началѣ обученія; а для того, чтобы ученики не забывали языковъ, усвоенныхъ въ предшествующіе годы, они продолжаютъ говорить на нихъ въ извѣстные часы дня. Обученіе математикѣ, естественнымъ наукамъ и исторіи преподается по методу, чрезвычайно заинтересовывающему учащихся.

До пятнадцатилѣтняго возраста обученіе одинаково для всѣхъ воспитанниковъ; но затѣмъ оно болѣе или менѣе разнообразится, смотря по жизненному поприщу, имъ предстоящему: стремится ли учащійся въ университетъ, къ профессіи свободной, или служебной, или же къ сельскому хозяйству, промышленности, торговлѣ или дѣятельности колоніальной. Въ общемъ, мысль, господствующая надъ всею учебною стороною программы новыхъ школъ, заключается въ томъ, чтобы никогда не отдѣлять теоріи отъ практики и достигъ, по мѣрѣ возможности, познаній, приложимыхъ къ задачамъ жизненнымъ. При этомъ воспитаніе идетъ рядомъ съ развитіемъ интеллектуальнымъ.

Выдающеюся характерною стороною «новыхъ школъ» Англии является, между прочимъ, стараніе, чтобы каждая такая школа (коллегія) вмѣщала въ себѣ не болѣе ста воспитанниковъ; это считается уже крайнимъ числомъ, съ коимъ директоръ школы находитъ для себя возможнымъ «справиться вполнѣ». Неудобно ли теперь сравнить съ этимъ прекраснымъ правиломъ хотя бы наши частные петербургскіе гимназіи и пансіоны, въ особенности такіе, которые пользуются чьимъ либо высокимъ покровительствомъ, или протекціей, гимназіи, переполненныя учениками, которыхъ не всѣхъ даже знаютъ въ лицо сами гг. директора. Такое незнаніе немислимо въ «новыхъ школахъ» Англии, гдѣ, напр., воспитанники ежедневно, отправляясь въ спальни, проходятъ передъ директоромъ, каждый изъ нихъ останавливается на нѣсколько секундъ, смотритъ начальнику прямо въ глаза и уходитъ, крѣпко пожавъ ему руку. «Нужно пріучать дѣтей,—говорилъ директоръ,—смотрѣть въ глаза каждому человѣку...». У такихъ дѣтей не встрѣтите, конечно, того приниженного и смиренного, вѣчно заискивающаго и нѣсколько фальшиваго вида передъ начальствомъ, который такъ часто встрѣчается въ школахъ другихъ странъ (въ особенности же въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ). Напримѣръ, высшая похвала французскаго учителя воспитаннику такая: «Сынъ вашъ покоренъ и послушенъ».

Директоръ же Бедэльской школы въ Англіи пишетъ въ концѣ перваго школьнаго года родителямъ: «Думаю, что вы найдете перемѣну въ вашемъ сынѣ: онъ сталъ крѣпче тѣломъ, самостоятельнѣе характеромъ и больше владѣть собою». Вотъ какое прекрасное, возвышенное и точное разумѣніе о воспитаніи и человѣческомъ достоинствѣ существуетъ въ «новыхъ школахъ» Англіи!

Этого самаго воспитанника, о которомъ директоръ сдѣлалъ выше-приведенный отзывъ послѣ его перваго пребыванія въ школѣ, сталъ спрашивать отецъ (французъ Демолень, авторъ книги) по его пріѣздѣ на лѣтнія каникулы:

— «Что тебѣ показалось самымъ замѣчательнымъ въ новой твоей школѣ?

«Сынъ подумалъ минуту и живо отвѣчалъ:

— «У насъ никто не лжетъ.

— «Отчего же это не лгутъ?

«Онъ еще подумалъ немного...— Да не нужно, потому что ни за кѣмъ не подсматриваютъ. И потомъ, если воспитанникъ солгалъ, ему надо выйти изъ школы, потому что никто изъ мальчиковъ не станетъ говорить съ нимъ. У насъ, когда учитель спроситъ: «Кто это сдѣлалъ?» виновный всегда скажетъ: «Это я».

— «И не смѣются надъ нимъ?

— «Напротивъ: стало быть, онъ не трусъ, не боится сказать правду,—и всѣ находятъ, что такъ и слѣдуетъ».

Слѣдовательно, вотъ въ чемъ заключается весь секретъ «новой школы», вотъ отъ чего зависитъ и самое превосходство англосаксонскаго племени, вступающаго въ жизнь изъ таковой школы—тамъ учатъ и воспитываютъ дѣтей, а равно и пріучаютъ ихъ поступать, какъ слѣдуетъ.

И. Н. З.

ПЕРВЫЙ КОНГРЕССЪ ПО ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИИ.

ОТЯ ИСТОРИИ дипломатии представляет новую науку, но ею уже занимается много почтенных ученых на Западѣ, особенно во Франціи и Германіи. Даже въ Россіи извѣстны своими трудами по этой части профессора Мартенсъ, Александровскій и другіе. Поэтому совершенно естественно, что явилась мысль объ единеніи тружениковъ, посвятившихъ себя изученію дипломатіи въ прошедшемъ, и починъ созванія международныхъ конгрессовъ съ этой цѣлью принадлежитъ обществу истории дипломатіи въ Парижѣ, или, лучше сказать, его генеральному секретарю Мольду-де-ла-Клавиеру. Этотъ извѣстный французскій историкъ, авторъ многихъ авторитетныхъ сочиненій по дипломатіи, между прочимъ, «Дипломатіи во времена Макиавелли» въ 3-хъ томахъ, выработалъ программу созданныхъ имъ новаго рода конгрессовъ и подготовилъ созваніе перваго изъ нихъ въ Гаагѣ осенью прошедшаго года. Избрана была именно Гаага, потому что въ это время въ Голландіи происходило торжество совершеннолѣтія юной королевы Вильгельмины и, по выраженію нидерландскаго министра иностранныхъ дѣлъ, де-Бофора, открывшаго конгрессъ, Гаага въ теченіе полутора вѣка въ XVII и XVIII вѣкахъ была дипломатическимъ средоточіемъ Европы. Не даромъ говорилъ Паткуль: «Необходимо посылать въ Гаагу самыхъ лучшихъ дипломатовъ, потому что тамъ завязываются и начинаются всѣ интриги европейской дипломатіи». Несмотря на интересъ этого перваго историко-дипломатическаго конгресса, въ иностранной прессѣ

еще не появилось ни одного подробнаго описанія его трудовъ, и свѣдѣнія о нихъ ограничиваются отрывочными газетными извѣстіями. Тѣмъ болѣе интереса представляетъ напечатанный въ 5-мъ выпускѣ «Сборника консульскихъ донесеній», издаваемого при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ съ прошедшаго года, — отчетъ о гаагскомъ конгрессѣ чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ и его представителя на этомъ конгрессѣ, Э. Симсона¹⁾. Хотя, къ сожалѣнію, этотъ отчетъ очень кратокъ и занимаетъ лишь нѣсколько страницъ, но все-таки онъ даетъ общее понятіе о работахъ конгресса и о прочитанныхъ на немъ докладахъ, которые будутъ впоследствии напечатаны въ «Трудахъ конгресса».

Внутреннее устройство конгрессовъ по исторіи дипломатіи хотя изложено вкратцѣ Симсономъ, но его свѣдѣнія можно пополнить данными, имѣющимися въ разосланной центральнымъ комитетомъ конгресса программѣ. Изъ этой программы видно, что цѣль этихъ конгрессовъ соединить и группировать всѣхъ лицъ, которыя по своему положенію и занятіямъ интересуются внѣшней исторіей народовъ и наукой международныхъ прецедентовъ. Устройствомъ и регламентаціей этихъ конгрессовъ завѣдуетъ центральный комитетъ, находящійся въ Парижѣ; ему представляются за мѣсяць передъ открытіемъ конгресса всѣ доклады, которые будутъ читаться на его засѣданіяхъ, и отъ него завѣситъ принять ихъ или нѣтъ. Эти доклады могутъ касаться общей исторіи, дипломатіи, трактатовъ, международного публичнаго или частнаго права, торговли, путей сообщенія, политики и т. д. Національные комитеты въ различныхъ странахъ помогаютъ центральному, набираютъ новыхъ членовъ, заботятся объ ихъ удобствахъ относительно путей сообщенія и т. д. Такіе національные комитеты существуютъ въ Парижѣ, Кембриджѣ, Гаагѣ, Москвѣ, Брюсселѣ, Вѣлградѣ, Афинахъ, Гейдельбергѣ, Прагѣ, Балтиморѣ и Цюрихѣ, а также въ Испаніи, Венгріи, Румыніи, Швеціи и Турціи. Русскій комитетъ въ Москвѣ состоитъ изъ предсѣдателя Венивитинова, секретаря князя Голицына и члена Трутовскаго.

Гаагскій конгрессъ открылся 1-го сентября и былъ закрытъ 3-го числа. Засѣданія происходили въ зданіи генеральныхъ штабовъ. Почетнымъ предсѣдателемъ былъ де-Вофоръ, а фактическимъ Мольдь-де-ла-Клаверъ. Конгрессъ дѣлился на четыре отдѣла, въ которыхъ и происходила главная работа. Общихъ собраній было три. На первомъ произнесъ вступительную рѣчь, де-Вофоръ, указавшій на значеніе исторіи вообще и въ особенности для дипломатовъ. Ему отвѣчали Вайтлей и профессоръ Эрдмансдорферъ отъ

¹⁾ «Сборникъ консульскихъ донесеній», выпускъ V, С.-Петербургъ, 1898.— Приложение II.—Первый международный конгрессъ въ Гаагѣ по исторіи дипломатіи. Отчетъ дѣлопроизводителя второго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, Э. Симсона.

имени Соединенныхъ Штатовъ и Германіи. Затѣмъ былъ поставленъ на очередь вопросъ о согласованіи историко-дипломатическихъ изданій различныхъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ. Первымъ говорилъ по этому вопросу Симсонъ, который представилъ обстоятельный отчетъ русскимъ изданіямъ этого рода и окончилъ свой докладъ словами, что «императорское правительство слѣдуетъ съ живѣйшимъ любопытствомъ за всѣми движеніями, которыя способствуютъ распространенію международнаго права, ибо въ знаніи международнаго права заключается главное средство для достиженія той идеальной цѣли, когда право будетъ стоять выше грубой силы». Профессоръ Эрдмансдерферъ, Ле-Глэ и Овари сдѣлали такія же сообщенія относительно Германіи, Франціи и Австро-Венгріи. Второе засѣданіе было посвящено тому же предмету. Представитель Англіи, Гарисонъ, сообщилъ интересныя свѣдѣнія объ англійскихъ изданіяхъ трактатовъ и дипломатическихъ документовъ, которые составляютъ 100 томовъ; при этомъ онъ прочелъ составленную англійскимъ правительствомъ инструкцію о собираніи дипломатическихъ документовъ, нерѣдко находящихся въ частныхъ рукахъ. Послѣ продолжительныхъ преній, конгрессъ рѣшилъ приступить къ изученію вопроса о возможномъ единеніи между дипломатическими изданіями различныхъ странъ и отложилъ его рѣшеніе до слѣдующаго конгресса.

Въ третьемъ общемъ собраніи было рѣшено окончательно два вопроса. Профессоръ Весничъ изъ Бѣлграда предложилъ устройство международной библіотеки, состоящей изъ журналовъ и газетъ, такъ какъ иногда историкъ никакъ не можетъ найти нужнаго ему номера журнала или газеты. Но на это возражали, что во многихъ странахъ существуютъ такія библіотеки, какъ, напримѣръ, британскій музей въ Лондонѣ и публичная библіотека въ Петербургѣ, гдѣ находятся всѣ періодическія изданія Россіи и Англіи. Конгрессъ отвергъ предложеніе Веснича. Тотъ же результатъ имѣло предложеніе Гольбана изъ Бухареста о принятіи конгрессомъ всевозможныхъ мѣръ для сохраненія французскаго языка господствующимъ въ международныхъ сношеніяхъ. На томъ основаніи, что конгрессъ занимается не политикой, а исторіей, громадное большинство членовъ конгресса высказалось противъ подобной чрезмѣрной международной регламентаціи. Наконецъ, было постановлено, что конгрессъ соберется снова черезъ два года, но городъ, гдѣ состоится вторая сессія, еще не выбранъ. Кроме того, по предложенію Симсона, рѣшено въ видѣ опыта выбрать одну историческую эпоху и предложить всѣмъ министерствамъ иностранныхъ дѣлъ составить списки имѣющихся въ архивахъ документовъ объ этой эпохѣ, напечатанныхъ и хранящихся въ рукописныхъ подлинникахъ. Подобной эпохой на первый разъ избрана французская революція до вѣнскаго конгресса, отъ 1789 до 1815 г., и постановлено, послѣ составленія списковъ не

изданныхъ документовъ, обратиться къ соответственнымъ государствамъ съ просьбой объ ихъ обнародованіи.

Работа конгресса въ отдѣленіяхъ была самая интересная и плодотворная. Большинство докладчиковъ сами читали свои произведенія, а часть докладовъ, авторы которыхъ не могли участвовать на конгрессѣ, будетъ напечатана въ его трудахъ. Излишне упоминать о всѣхъ докладахъ, но укажемъ на самые любопытные и замѣчательные. Въ первой группѣ докладовъ наиболѣе обратили на себя вниманія: «Мирабо и Мовильонъ»—Эрдмансдорфера, «Дипломатическія сношенія между Женевою и Франціей»—Де-Кру, «Посредничество германскихъ протестантовъ между Англіей и Франціей въ срединѣ XVI столѣтія», «Героическое посольство и великій военный министръ директоріи»—Казати. Второе отдѣленіе отдало пальму первенства работамъ: Лафоржа де-Витенваля: «Макъ-Магонъ и франко-русскій союзъ», Виневитинова—«Петръ Великій въ Голландіи», Валишевскаго—«Наслѣдство Петра Великаго», Трутовскаго—«Царь Петръ Великій и островъ Мадагаскаръ», князя Голицына—«Первые русскіе студенты на Западѣ». Третье отдѣленіе выслушало съ наибольшимъ интересомъ изслѣдованіе о дипломатіи XVIII столѣтія при русскомъ дворѣ—Валишевскаго, о протоколѣ—де-Боралы и о роли памятниковъ въ изученіи исторіи—Ванъ-Рина. Наконецъ четвертое отдѣленіе выдвинуло доклады: Тиру-Террао—«Сношенія между Японіей и Европой въ древнія и новѣйшія времена» и Сикстона—«Эпизодъ борьбы изъ-за Индіи въ XVIII столѣтіи». Что касается до трудовъ членовъ конгресса, которые по недостатку времени не были прочитаны, а будутъ напечатаны впоследствии, то слѣдуетъ указать среди нихъ на труды: «Дипломатическая мистификація: измѣна графа Матсоли», виконта Мориса Бутэ, «Внѣшнія отношенія Франціи въ эпоху революціи», доктора Бэлье, «Проектъ проведенія Никарагуаскаго канала нидерландскимъ королемъ Вильгельмомъ I»—Перальзы.

Относительно внутренняго состава конгресса можно сказать, что стѣхались въ Гаагу около ста лицъ, наиболѣе дипломатовъ и ученыхъ. Почетными членами были министры иностранныхъ дѣлъ: Россіи, Бельгіи, Италіи, Греціи, Аргентинской республики, Франціи, Швеціи, Норвегіи, Парагвая и Эквадора. Официальныхъ представителей прислали на конгрессъ: Россія, Англія, Италія, Греція, Мекленбургъ, Мексика, Соединенные Штаты, Урагвай, папа и Японія. Были также делегаты многихъ ученыхъ обществъ, между прочимъ: общества исторіи дипломатіи въ Парижѣ, венгерской академіи, американскаго историческаго общества и т. д.

Конечно, теперь еще рано опредѣлять значеніе перваго конгресса для новой науки исторіи дипломатіи, но во всякомъ случаѣ онъ дастъ энергичный толчекъ къ ея развитію и надлежащее направленіе дальнѣйшимъ работамъ по этому предмету. В. Т.

ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

I.

Правосудіе въ странѣ свободы.

ОТЯ УЖЕ около ста лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ John Barnard, англійскій актеръ, впервые издалъ въ свѣтъ впечатлѣнія иностранца изъ поездки по Америкѣ, или, выражаясь точнѣе, по Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки, которыми преимущественно и специально присвоено наименованіе цѣлаго материка, однако эта своеобразная республика до сихъ поръ почти также мало извѣстна европейцу, даже вполне интеллигентному, какъ и было тогда, когда помянутый отважный актеръ пустился въ артистическое по ней путешествіе. Не касаясь изслѣдованій такихъ ученыхъ, какъ Тень, Брайсъ, Фриманъ, посвященныхъ специально политическимъ учрежденіямъ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», какъ любятъ себя величать американцы, и среднему читателю совершенно малодоступныхъ, все прочее, что только появлялось и появляется въ европейской литературѣ объ «Америкѣ», отличается крайней поверхностностью. Даже произведенія Троллопа, Дикенса и Поля Бурже объ американскомъ обществѣ и американской общественности, отличающіяся вообще мѣткимъ и пронизательнымъ критицизмомъ, а у Бурже, сверхъ того, еще и чисто галльскимъ остроуміемъ, не избѣгли въ извѣстной степени вышепомянутаго недостатка. Въ то же время онъ при-
сущъ въ высшей степени новѣйшимъ очеркамъ Америки, принад-

лежащимъ перу профессора Львовскаго университета г. Дуниковскаго и редактора «Revue des Deux Mondes» Фердинанда Брюнетъера. Хотя первый изъ нихъ двукратно посѣтилъ Соединенные Штаты съ цѣлью производства геологическихъ изслѣдованій и вмѣстѣ съ тѣмъ изученія и описанія польскихъ въ нихъ колоній, тѣмъ не менѣе, однако, въ трудахъ своихъ, явившихся результатомъ этихъ посѣщеній и представляющихъ странное смѣшеніе описаній геологическихъ съ описаніями соціологическаго характера, г. Дуниковскій пускается нерѣдко также и въ обзорніе жизни и общественной чисто американской. Обзорнія эти равно, какъ и обзорнія польскихъ колоній, отличаются крайней легковѣсностью, а иногда полнѣйшей наивностью. Что касается Брюнетъера, то онъ пробылъ здѣсь всего лишь два мѣсяца ради чтенія лекцій по французской литературѣ и видѣлъ Америку почти исключительно изъ окна вагона. Это не мѣшало ему, однако, помѣстить въ своемъ «Revue des Deux Mondes» рядъ статей объ Америкѣ, отличающихся изумительной легкостью, совершенно недостойной историка литературы и критика.

Если такимъ образомъ обитатель Стараго Свѣта даже съ солиднымъ образованіемъ не имѣетъ возможности, сидя у себя дома, ознакомиться съ американской дѣйствительностью, то объ американскомъ правосудіи онъ и подавно не имѣетъ ни малѣйшаго представленія. Между тѣмъ именно правосудіе, которое во всякомъ укладѣ общественности является однимъ изъ первостепеннѣйшихъ ея факторовъ, въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» представляетъ нѣчто весьма достопримѣчательное и въ высшей степени поучительное.

Когда вы проходите по улицамъ американскаго города, въ особенности не столь крупныхъ размѣровъ, то въ ряду торговыхъ заведеній, помѣщающихся въ нижнихъ этажахъ зданій, невольно привлечетъ вниманіе ваше лавка особаго рода, назначеніе которой вы не такъ скоро будете въ состояніи опредѣлить. Въ глубинѣ лавки виднѣется письменный столъ, за которымъ возсѣдаетъ человекъ, что-то пишущій, либо читающій газету. Среди помѣщенія въ совершенномъ безпорядкѣ разставлены стулья и огромныя плевалницы. Обыкновенно здѣсь засѣдаетъ компанія мужчинъ: отбросившись на спинку стульевъ и задравъ ноги на край письменнаго стола, косякъ окна, сосѣдній стулъ, полку съ книгами и т. д., они съ какимъ-то остервенѣніемъ выкуриваютъ свои папиросы или сигары. Нерѣдко они ведутъ шумную бесѣду, прерываемую лишь взрывомъ хохота да отплевываньемъ въ грандіозныя плевалницы. Сразу вы предполагаете, что это попросту табачная лавочка съ раскуриваньемъ товара на мѣстѣ, владѣлецъ которой, какъ просвѣщенный сынъ нашего прогрессивнаго вѣка, замѣнилъ прилавокъ письменнымъ столомъ, держа свои сигары и папиросы въ этомъ огромномъ шкапу,

вдѣланномъ въ стѣну. Но здѣсь появляются отъ времени до времени женщины и дѣти, здѣсь собирается иногда огромная толпа, среди которой виднѣются и вовсе не курящіе: обстоятельство это сбиваетъ васъ съ толку. Поразглядѣвъ и поразспросивъ, вы узнаете, что это помѣщеніе скваэра (squire), или мирового судьи (justice of peace), или, выражаясь чисто порусски, камера мирового судьи.

Должность мирового судьи, какъ и всѣ прочія мѣстныя должности, судебныя и административныя, уѣздныя (county) и городскія (borough), избирательная. Лицо, съ юридическимъ образованіемъ и вообще стоящее на нѣкоторой высотѣ интеллигентности, попадаетъ на эту должность крайне рѣдко. Обыкновенно это бывшій писецъ у адвоката, либо кондукторъ, либо мелкій торговецъ, либо наконецъ ремесленникъ, на примѣръ, сапожникъ. Скваэръ, или мировой судья, является первой инстанціей, основой, пульсомъ правосудія въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ соединяетъ въ себѣ компетенціи нашихъ мирового судьи и судебного слѣдователя, присовокупляя къ таковымъ, по собственному желанію и усмотрѣнію, обязанности публичнаго нотариуса, по коммисіонерной продажѣ и покупкѣ недвижимой собственности и т. п. Всякое уголовное преслѣдованіе и всякій гражданскій искъ начинается у скваэра и у него же можетъ и закончиться примиреніемъ сторонъ, никогда не дойдя до суда. Тотъ англосаксонскій состязательный процессъ, которымъ такъ восхищаются многіе европейскіе ученые юристы и въ томъ числѣ русскіе профессора уголовного права и судопроизводства, представляется въ нѣсколько иномъ видѣ въ своемъ жизненномъ дѣйствіи и въ особенности въ камерѣ американскаго мирового судьи. Уголовное преслѣдованіе преступниковъ является здѣсь не функціей государственной, а привилегіей частнаго лица, которымъ можетъ оно распоряжаться по собственному усмотрѣнію. Лишь въ случаяхъ убійствъ (которыя, замѣтимъ кстати, въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ настолько многочисленны, какъ ни въ какой иной странѣ на всемъ земномъ шарѣ), при отсутствіи частнаго обвинителя, выступаетъ обвинитель публичный въ лицѣ такъ называемаго окружнаго повѣреннаго, либо стряпчаго (district attorney). Этотъ послѣдній является вмѣстѣ съ тѣмъ обвинителемъ по всѣмъ тѣмъ уголовнымъ дѣламъ, въ которыхъ частный обвинитель не обладаетъ собственнымъ повѣреннымъ, представляя такимъ образомъ отчасти нѣкое подобіе европейскаго прокурора. Всякое за симъ иное обвиненіе, какъ бы тяжело ни было преступленіе, составляющее предметъ его, можетъ быть закончено примиреніемъ обвинителя и обвиняемаго у скваэра или, выражаясь чисто поамерикански, улажено (settled). Скваэръ не получаетъ опредѣленнаго жалованья, а содержаніе его слагается изъ платежей за разныя слѣдственныя и судебныя дѣйствія, какъ-то арестъ обвиняемаго, либо отвѣтника, вызовъ свидѣтелей, допросъ свидѣтеля

и т. п. Платежи или таксы эти уплачиваются стороною, ищущей примиренія, если обвиненіе улажено либо искъ удовлетворенъ, и изъ суммъ графства, или, выражаясь порусски, уѣзднаго казначейства, если дѣло поступаетъ въ судъ и рѣшается присяжными. Замѣтимъ мимоходомъ, что всѣ гражданскіе иски, наравнѣ съ уголовными преслѣдованіями, рѣшаются здѣсь присяжными засѣдателями, этимъ судомъ двѣнадцати, либо, по выраженію неумѣренныхъ его поклонниковъ, судомъ «общественной совѣсти». Не мѣшаетъ замѣтить также, что арестъ по дѣламъ гражданскимъ по американскому праву допускается въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и такимъ образомъ та незначительная разница между гражданскимъ искомъ и уголовнымъ преслѣдованіемъ, которая все же не можетъ не существовать, въ этой диковинной странѣ низводится до еле замѣтнаго минимума. Не получая жалованья, скваэръ естественно заинтересованъ въ возникновеніи возможно большаго числа дѣлъ и всякое пустяшное обвиненіе умышленно и злонамѣренно раздуваетъ въ тягчайшее преступленіе. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ рѣшенія дѣла судомъ, онъ получаетъ за свои слѣдственно судебныя дѣйствія, или, какъ опредѣляется его участіе въ дѣлѣ американскимъ судопроизводствомъ, за «приготовленіе дѣла къ слушанію», значительно меньше, нежели въ томъ случаѣ, если дѣло улажено изадѣйствія эти уплачиваетъ сторона, ищущая его потушить. Обстоятельство это еще болѣе побуждаетъ скваэра запугивать обвиняемаго до послѣдней возможности, дабы сдѣлать его возможно болѣе податливымъ на примиреніе, если только не ищущимъ улаженія всѣми путями и во что бы то ни стало. Не говоря уже о томъ, что общая сумма платежей по улаженію уголовного дѣла исчисляется скваэромъ по собственному его усмотрѣнію безъ предъявленія обвиняемому какихъ либо росписаній такъ, совершенно понятное требованіе взятки со стороны сего мирового судьи американской редакціи представляется здѣсь явленіемъ самымъ зауряднымъ, повседневнымъ. Въ довершеніе подобнаго зла, общаго всей этой диковинной республикѣ, въ огромномъ большинствѣ штатовъ свидѣтели защиты не получаютъ за явку въ судъ слѣдующаго вознагражденія, т. е. путевыхъ, суточныхъ и т. д., а пользуются правами на таковое лишь свидѣтели обвиненія, почему обвиняемому приходится волей-неволей въ большей или меньшей степени принимать издержки эти на собственный счетъ, независимо отъ значительныхъ расходовъ на наемъ по крайней мѣрѣ одного повѣреннаго, безъ котораго при формализмѣ американскаго судопроизводства даже человѣку интеллигентному не возможно ступить и шагу.

Населеніе «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», или, выражаясь языкомъ американскихъ законодательства и публицистики, «народы Соединенныхъ Штатовъ» (the people of the United States),

стоитъ на самомъ низкомъ нравственномъ уровнѣ и являетъ собой образчикъ невѣроятной разнузданности, потрясающаго звѣрства и неопишуемаго одичанія. За рѣдчайшими исключениями, единственнымъ мотивомъ возбужденія уголовного дѣла является сорваніе нѣкоего куша съ обвиняемаго. Если такимъ образомъ въ этой диковинной «странѣ» своеобразной «свободы» всякій можетъ арестовать всякаго во всякое время подъ предлогомъ всякаго обвиненія (а нерѣдко гражданскаго иска), если единственнымъ почти мотивомъ такого ареста и судебного преслѣдованія является исторгнутіе отъ обвиняемаго извѣстной денежной суммы, если такое же исторгнутіе является единственною цѣлью всѣхъ судебнослѣдственныхъ и судебныхъ дѣйствій скваэра, если обвинитель во всякомъ случаѣ, какъ бы безосновательно и дуто обвиненіе ни было, рассчитываетъ на дѣятельнѣйшую поддержку со стороны этого послѣдняго; если обвинитель не тратитъ ничего и не теряетъ ничего, а обвиненный долженъ нести значительные расходы и можетъ потерять многое или даже все; если единственнымъ отъ всего этого избавленіемъ представляется для обвиняемаго улаженіе дѣла, или, иными словами, законченіе его по наиболѣе дешевой цѣнѣ, то, принявъ въ соображеніе все это, можно себѣ вообразить, что только творится въ камерѣ американскаго скваэра.

Не всякая, конечно, камера мирового судьи въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» помѣщается непременно въ рядахъ торговыхъ заведеній. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ особенности въ крупныхъ городахъ, ютятся въ огромныхъ многоэтажныхъ зданіяхъ, специально выстроенныхъ для всякаго рода конторъ и канцелярій. Но зато, съ другой стороны, нѣкоторые скваэры въ небольшихъ городахъ ради сокращенія расходовъ своихъ (не говоримъ: расходовъ по должности, ибо всякая должность разсматривается здѣсь лишь, какъ способъ старорусскаго «кормленія», и совершенно поглощается личностью, ее занимающею) переднюю половину занимаемыхъ ими подъ камеры своихъ помѣщеній, съ большимъ окномъ на улицу, сдаютъ разнымъ мелочнымъ торговцамъ. Мелкая лавченка отдѣляется въ такомъ случаѣ отъ мѣста судилища лишь тоненькой деревянной перегородкой, причемъ, если въ перегородкѣ этой имѣется небольшое окошечко, то сіе знаменуетъ, что мелочную лавченку содержать самъ скваэръ. Подобное совмѣстительство судейскаго званія съ мелочною торговлей законами не воспрещается и никому не кажется несообразнымъ или страннымъ. Видя въ окнѣ съ улицы коробки съ ваксой, гребни, щетки, женскіе волосы и иные атрибуты мелочной торговли американскаго типа, вы не заподозрите, конечно, будь вы наипроницательнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, что здѣсь помѣщается камера мирового судьи, если только вамъ не придется по какому либо случаю поднять голову вверхъ и увидѣть вдругъ надъ входной дверью въ лавченку большую вывѣску: «X. Y., justice of

реасе» (такой-то, мировой судья). Въ этихъ случаяхъ подобнаго со-
вмѣстительства письменный столъ скваэра устроенъ во второй по-
ловинѣ занимаемаго имъ помѣщенія такимъ образомъ, чтобы онъ
могъ видѣть чрезъ это окошечко въ перегородкѣ всякаго выходя-
щаго. Съ ранняго утра до поздней ночи засѣдаетъ здѣсь этотъ
рычагъ американскаго правосудія за своимъ письменнымъ столомъ,
выжидая либо покупателя, либо кліента (въ городѣ всегда нѣсколько
скваэровъ, и обвинитель либо истецъ избираетъ себѣ любого по соб-
ственному усмотрѣнію, въ родѣ того какъ у насъ можно выбрать
себѣ любого повѣреннаго). Нерѣдко за отпускомъ коробки ваксы
наступаетъ разбирательство по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи.
Подобное сочетаніе отправленія правосудія съ производствомъ ме-
лочной торговли, столь поражающее всякаго неамериканца, не пред-
ставляется, однако, въ сущности чѣмъ либо особенно несообразнымъ,
ибо все американское правосудіе построено по образцу мелочной
лавченки и представляется въ дѣйствительности лишь спеціальной
разновидностью торговли.

Канцелярія («office») американскаго скваэра, или, выражаясь точ-
нѣе, камера американскаго мирового судьи, является средоточіемъ и
пріютомъ для всевозможныхъ шантажныхъ конспирацій и всякаго
рода вымогательствъ, сопровождаемыхъ вымогательствомъ со стороны
самого судьи и въ особенности находящихся въ его распоряженіи
полисменовъ, которые производятъ аресты, вручаютъ повѣстки сви-
дѣтелямъ и т. д. Здѣсь, какъ въ фокусѣ, отражается вся чудовищная
развращенность «народа Соединенныхъ Штатовъ», поддерживаемая, по-
ощряемая, подкрѣпляемая, а отчасти и порождаемая нелѣпостью многихъ
процессуальныхъ законоположеній, которыя могли быть изобрѣтены
лишь англосаксами. При подобныхъ обстоятельствахъ эта храмина аме-
риканской юстиціи представляется не только лишь отраженіемъ нрав-
ственной фізіономіи американскаго народа, но также въ свою оче-
редь и источникомъ деморализаціи этого народа, въ особенности под-
растающихъ поколѣній. Сцены и сценки у англійскихъ скваэровъ
старыхъ временъ, вышедшія изъ-подъ безсмертнаго пера Чарльза
Диккенса, служатъ лишь отдаленнымъ и блѣднымъ подобіемъ по-
вседневныхъ сценъ, разыгрывающихся въ камерахъ американ-
скихъ скваэровъ на рубежѣ XX-го вѣка и носящихъ нерѣдко ха-
рактеръ настолько трагическій, что самъ величайшій юмористъ
англосаксонской расы не смогъ бы скрасить ихъ своимъ, по вы-
раженію величайшаго юмориста славянской расы, «видимымъ міру
смѣхомъ».

Если таковъ первоисточникъ правосудія въ «величайшей демо-
кратіи на земномъ шарѣ», если въ самомъ мѣстороженіи своемъ
онъ отравленъ уже несообразностью донельзя устарѣлыхъ процес-
суальныхъ законовъ, взяточничествомъ скваэровъ, грабительствомъ
и шантажными ухищреніями обвинителей, то отсюда уже можно су-

дить съ достаточной положительностью о всей сущности американской юстиціи и общемъ ея характерѣ.

Всячески избѣгая придать этому скромному очерку характеръ юридическаго изслѣдованія, совершимъ лишь легкую прогулку по американскимъ судамъ и слегка лишь приглядимся, что въ нихъ происходитъ.

«Ричардъ» Когенъ—это совершенно бѣдный еврейчикъ, недавно эмигрировавшій изъ Россіи. Онъ поселился въ Нью-Йоркѣ на Henry street и завелъ маленькую мебельную торговлишку въ Hester street. Денегъ у него не было, и онъ призналъ 100 долл. у дальней родственницы, поанглійски именующей себя «Jennie Cohen». По вредному обычаю между сынами Израиля, вкоренившемуся еще въ «старомъ краѣ», т. е. Россіи, обязательство было написано на 200 долл. Въ условленный срокъ «Ричардъ» долга уплатить не могъ, и немолимая сестрица дальнихъ степеней родства предъявила обязательство ко взысканію. Дѣло попало на разрѣшеніе IV отдѣленія Нью-Йоркскаго городского суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Зная по опыту, что въ русскихъ судахъ можно возражать противъ суммы векселя и доказывать ростовщическій характеръ сдѣлки, Рувимъ Когенъ, за моремъ превратившійся въ «Richard Cohen», не особенно унывалъ, ибо не дѣлалъ большаго различія между юстиціей русской и юстиціей американской въ дѣлахъ денежныхъ. Однако двѣнадцать англосаксонскихъ мужей «общественной совѣсти» на доводы отвѣтчика не обратили ни малѣйшаго вниманія, присудили съ него въ пользу немилосердной родственницы съ начетомъ узаконенныхъ процентовъ—237 долл. и 85 центовъ. Нѣчто необыкновенное случилось съ Ричардомъ Когеномъ, когда рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей было ему объявлено. Этотъ смиренный, скромный еврейчикъ превратился вдругъ съ разъяреннаго тигра. Онъ повалился на колѣни и сталъ биться головой о черепичный полъ судебного зданія, пронзительно и яростно выкрикивая на весьма порядочномъ англійскомъ языкѣ: «И это называется у нихъ правосудіемъ! Это не судъ, а шайка грабителей! Я обобранъ, ограбленъ и не хочу жить болѣе на свѣтѣ!» Всѣ присутствовавшіе въ судебномъ залѣ, начиная съ самого судьи Mc. Carthy, были ошеломлены. Между тѣмъ обезумѣвшій отвѣтчикъ вскочилъ на ноги и бросился въ коридоръ, а вся толпа хлынула туда за нимъ. Здѣсь онъ, то присѣдая на корточки, то снова высоко подпрыгивая, посылалъ проклятія своимъ врагамъ въ лицѣ своей дальней сестрицы и двѣнадцати представителей американской «общественной совѣсти», пока смотритель судебного зданія, опасаясь, чтобы онъ какъ либо не перелегъ черезъ перила (дѣло происходило во второмъ этажѣ), вмѣстѣ съ нѣсколькими лицами изъ публики не схватили его и не свели внизъ. Здѣсь онъ сѣлъ на ступенькахъ наружной лѣстницы, вынулъ изъ кармана папиросу и сталъ съ какимъ-то остервенѣніемъ ее вы-

куривать. Голова его была изранена и вспухла. Жена подхватила его и повела домой.

Филиппъ Розенталь былъ точно также совершенно бѣдный еврейчикъ и русскій эмигрантъ, какъ и «Ричардъ» Когенъ, даже еще бѣднѣе, и точно также проживалъ въ Нью-Йоркѣ, въ той именно еврейской части города, гдѣ чаще и болѣе раздается русская рѣчь въ Новомъ Свѣтѣ. Онъ былъ недурной портной и зарабатывалъ по 6 долларовъ въ недѣлю, работая по шестнадцати часовъ въ сутки. Въ одинъ злополучный для него день въ его поднебесную комнату въ Essex street забрался одинъ изъ той многочисленной арміи торговыхъ агентовъ, безъ которыхъ не обходится здѣсь ни одно торговое предпріятіе и безъ которыхъ Америка совершенно немыслима и перестала бы даже быть Америкой. Онъ оказался продавцомъ въ разсрочку стѣнныхъ часовъ, и нелегкая дернула Филиппа Розенталя купить у него одни изъ таковыхъ за 4 доллара, съ уплатой по 25 центовъ еженедѣльно. Два мѣсяца прошло со времени сего радостнаго событія, и за новое семейное пріобрѣтеніе было уже уплачено 2 доллара, составлявшихъ приблизительную его стоимость, какъ вдругъ въ Нью-Йоркѣ наступила стачка портныхъ, и въ семьѣ Розенталей, какъ и во многихъ другихъ семьяхъ, всякіе доходы прекратились. Голодъ пробрался въ большую комнату подъ небесами, среди которой почти новенькіе часы мѣрно отбивали свое «тикъ-такъ», а между тѣмъ въ семьѣ появился новый ребенокъ. Въ это время входитъ агентъ часовой фирмы и требуетъ уплаты 25 центовъ.

— Помилуйте, да мы не имѣемъ денегъ на кусокъ хлѣба!—воскликаетъ г-жа Розенталь за отсутствіемъ мужа.

— Достаньте,—невозмутимо возражаетъ агентъ,—а не то я заберу часы, и уплаченные вами 2 доллара вовсе пропадутъ! Даю вамъ срокъ пять дней.

Когда тотъ же агентъ въ слѣдующую недѣлю явился за деньгами, то часовъ уже на стѣнѣ не оказалось, что въ виду сдѣланной имъ угрозы было вполне естественно.

— Куда вы дѣвали часы?—грозно воскликнулъ агентъ.

— Это ужъ мое дѣло!—многозначительно отвѣтилъ Розенталь.

— Ну, вы жестоко въ этомъ раскаетесь! — бѣшено закричалъ агентъ, лучше знавшій свою фирму, нежели простодушный портной, и удалился.

На слѣдующій же день неисправный должникъ былъ приведенъ къ судѣ Рѣшъ, который и присудилъ взыскать съ него 2 доллара долгу, да 2 доллара и 50 центовъ судебныхъ издержекъ, ибо въ Соединенныхъ Штатахъ судебныя издержки обыкновенно равняются суммѣ долга, а нерѣдко даже превышаютъ эту послѣднюю. Въ пятницу вечеромъ, т. е. въ самый такъ называемый шабашъ, въ поднебесное жилище голодающей семьи бѣднаго портнаго явился судебный приставъ съ двумя помощниками, арестовалъ неисправ-

наго должника и препроводилъ его въ тюрьму. Когда отъ зрителя ея заключенный узналъ, что долженъ отсидѣть здѣсь цѣлыхъ три мѣсяца, то онъ сталъ рвать на себѣ волосы, крича: «Боже отцовъ моихъ, что станется съ моими дѣтьми!» По счастливой случайности, терзанія бѣдняги дошли до свѣдѣнiя репортера газеты «World», и издательство этого органа рѣшило уплатить долгъ его и освободить его, такимъ образомъ, отъ трехмѣсячнаго заключенiя. Но вмѣсто первоначальнаго долга въ 2 доллара и судебныхъ издержекъ въ 2 доллара 50 центовъ оказалось уже: за арестъ 2 доллара 40 центовъ, за препровожденiе въ тюрьму—2 доллара, да за пундительное исполненiе рѣшенiя — 70 центовъ, а всего 10 долларовъ 60 центовъ. Но газета не покупилась пожертвовать на его освобожденiе и эту сумму, и онъ, расплакавшись и благословляя благородный органъ печати, возвратился къ своему обрадованному семейству, которое всегда будетъ помнить, конечно, стоимость «фамильныхъ» часовъ.

И подобные случаи заключенiя за неуплату мелкаго долга или мѣсячнаго платежа, въ родѣ 25 центовъ, насчитываются въ «странѣ свободы» ежегодно сотнями, а въ иные годы, отмѣченные безработицей и стачками, переваливаютъ за три тысячи. Что заговорили бы, Боже мой, не только иностранцы, но и мы сами о Россiи, если бы наши мировые судьи сажали въ острогъ на три мѣсяца за неуплату 25 копеекъ или даже 2-хъ рублей!

Но, помилуйте, вѣдь это «величайшая демократiя на земномъ шарѣ», и ей все сходитъ. Впрочемъ, европеецъ имѣетъ объ «Америкѣ» представленiе столь же туманное, какъ и о сѣверномъ полюсѣ.

Если существуетъ на свѣтѣ «любовь съ перваго взгляда» вообще, то таковая существуетъ, несомнѣнно, между дѣтьми рабочаго Томаса Очанлона и бездомнымъ чернымъ псомъ, который присталъ къ нимъ какъ-то на улицѣ, былъ ими приведенъ домой и наименованъ «Джэкомъ». Очанлоны проживаютъ на окраинѣ города Патерсонъ, въ штатѣ Нью-Джерси. Нѣкоторое время самъ Томасъ Очанлонъ не имѣлъ работы и проводилъ цѣлые дни въ поискахъ за таковой, а жена его работала, между тѣмъ, на фабрикѣ шелковыхъ издѣлiй. Дѣтишки оставались дома одни, подъ охраной вѣрнаго стража въ лицѣ «Джэка». Вдругъ, однажды, является сборщикъ налоговъ и требуетъ отъ Очанлона уплаты годоваго налога съ собакъ въ размѣрѣ 1 доллара, ибо «Джэкъ» не имѣетъ на себѣ ошейника, угрожая въ противномъ случаѣ отобрать пса для истребленiя, наравнѣ съ бродячими собаками. Перспектива лишенiя жизни ихъ ближайшаго друга и вѣрнаго стража до такой степени поразила дѣтишекъ, что всѣ четверо разрыдались. Отецъ рѣшительно объявилъ, что онъ не допуститъ отобрать собаку, а первый заработанный долларъ употребитъ на уплату налога. Но сборщикъ налоговъ этимъ не удовлетворился. Очанлонъ былъ арестованъ и предсталъ предъ судьей. Такъ

какъ онъ не имѣлъ денегъ ни на уплату налога, ни на взносъ пени и судебныхъ издержекъ, то и былъ отправленъ на десять дней въ тюрьму. Г-жа Очанлонъ успѣшила ссудиться между сосѣдями, сколько кто могъ одолжить, и, собравъ необходимую сумму, освободила мужа. Торжественное шествіе, состоявшее изъ сосѣдей и знакомыхъ, препровождало освобожденнаго узника изъ тюрьмы домой, между тѣмъ какъ «Джэкъ», источникъ всѣхъ этихъ пертурбацій, радостно прыгалъ впереди всѣхъ. У дверей дома эта своеобразная процессія была встрѣчена четырьмя изъ «малыхъ сихъ», которые попеременно обнимали то отца, то «Джэка». Въ сущности, сколько ироніи надъ правосудіемъ «страны свободы» заключается въ этой простой и трогательной исторіи!

Нѣкій Charles Maupard, молодой человѣкъ 27-ми лѣтъ, проживавшій въ Нью-Йоркѣ на четвертомъ этажѣ, обвинялся полиціей предъ судьей Hedges въ «безпорядочномъ поведеніи». Проступокъ обвиняемаго былъ, однако, настолько незначителенъ, что самъ судья, пользуясь предоставленною ему закономъ властью, не назначилъ ему никакого наказанія, а лишь потребовалъ отъ него поручительства въ 500 долларовъ въ томъ, что въ будущемъ онъ будетъ вести себя прилично, и подобный проступокъ болѣе не повторится. Однако, молодой человѣкъ сразу поручительства такого раздобыть не могъ и посему былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ, въ случаѣ непредставленія такового, долженъ былъ отсидѣть шесть мѣсяцевъ. Условія тюремной жизни настолько удручающе повліяли на легкомысленнаго, но неиспорченнаго юношу, что онъ впалъ въ меланхолію. Отсидѣвъ лишь три мѣсяца, однажды, сходя въ толпѣ 400 заключенныхъ въ нижній этажъ тюремнаго зданія къ завтраку, онъ внезапно ринулся къ периламъ на третьемъ этажѣ и бросился внизъ головой прежде, чѣмъ кто нибудь изъ его спутниковъ догадался объ его намѣреніи. Съ трескомъ на глазахъ всѣхъ заключенныхъ и тюремной стражи грохнулось тѣло его, слетѣвъ съ высоты въ 30 футовъ, о каменный полъ тюрьмы. Черепъ виновнаго въ «безпорядочномъ поведеніи» былъ проломленъ, когда его подняли въ совершенно безсознательномъ состояніи, и къ вечеру того же дня онъ скончался. Такъ-то поплатился Charles Maupard за «безпорядочное поведеніе».

А вотъ другой судья, не въ Нью-Йоркѣ лишь, а въ штатѣ Кентукки, томъ самомъ Кентукки, который, хотя и не находится вовсе на «дикомъ» Западѣ, является, однако, ареной тягчайшихъ злодѣяній и паразитыбнѣйшихъ нелѣпостей, судья значительнаго города Lexington сего знаменитаго штата, имя коему, т. е. судѣ, Falconer, нашелъ вполне порядочнымъ поведеніе мужа, который, выслѣдивъ жену свою, какъ она въ укромномъ мѣстечкѣ парка цѣловалась съ постороннимъ мужчиной, изъ засады убилъ этого послѣдняго наповаль. Судья Falconer «наставилъ» присяжныхъ оправдать виновнаго, ибо супругъ имѣетъ, молъ, право (неписанное, конечно) убить

иною мужчине ради защиты своей «семейной чести». Благодаря этому «наставленію», убійца изъ-за угла былъ оправданъ и выпущенъ на свободу, между тѣмъ какъ иные убійцы и въ томъ числѣ убійцы при аналогичныхъ обстоятельствахъ и по тѣмъ же поводамъ въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» безъ церемоній подвергаются повѣшенію. Что же дѣлаетъ разницу между повѣшеніемъ и безнаказанностью? Фантазія судьи. Въ «странѣ свободы» каждый судья имѣетъ свою фантазію, а вліяніе судьи въ американскомъ процессѣ громадно. Нельзя, конечно, сочувствовать господству смертной казни въ «странѣ свободы», но нельзя также, конечно, одобрить и изобрѣтеній судейской фантазіи въ родѣ «неписаннаго» права мужа убить обольстителя своей жены. Если по извѣстной пословицѣ всякій баронъ имѣетъ свою фантазію, а по ту сторону океана всякій судья имѣетъ свою фантазію, то разница между нѣмецкимъ барономъ и американскимъ судьей заключается въ томъ, что баронъ можетъ и не имѣть вовсе своей особенной фантазіи, а американскій судья непременно долженъ имѣть таковую. По каждому положительно дѣлу онъ долженъ дать присяжнымъ засѣдателямъ свое «наставленіе» (замѣтьте: не «заключеніе», а «наставленіе»), а при хаотическомъ состояніи англо-американскаго законодательства всѣхъ штатовъ и низкомъ уровнѣ юридическаго образованія въ странѣ вообще, ему поневолѣ приходится прибѣгать къ собственной фантазіи.

Никто, какъ извѣстно, не умѣетъ такъ пользоваться всякаго рода фантазіями, какъ женщина. Нѣкая г-жа Lee Combs, проживающая въ графствѣ Clay, того же знаменитаго штата Кентукки, заподозрѣвъ своего мужа въ супружеской невѣрности, порѣшила, что такъ какъ въ концѣ сего девятнадцатаго вѣка и въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» женщинѣ не могутъ не принадлежать всѣ тѣ права и преимущества, какія принадлежатъ мужчинѣ, то она имѣетъ полнѣйшее, совершеннѣйшее и нѣкимъ образомъ официально признанное право съ соперницей своей расправиться по рецепту фантазирующаго судьи Falconer'a въ городѣ Lexington. Утвердившись въ такомъ рѣшеніи, она объявила своему коварному супругу, что уходитъ изъ дому на цѣлый день, и удалилась. Возвратившись «неожиданно», она «застала» дѣвицу Hooker на колѣняхъ своего мужа и безъ малѣйшихъ колебаній всадила ей пулю въ самое сердце: обольстительница, пытавшаяся было убѣжать черезъ окно, была убита наповалъ. Убійца, защищавшая «честь семейнаго очага», была приговорена лишь къ полугодовому тюремному заключенію, между тѣмъ какъ за кражу сапоговъ или старыхъ ботинокъ велемудрые судьи великой республики сплошь и рядомъ приговариваютъ къ годовому тюремному заключенію.

Однако нашелся въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» другой судья, который фантазіей своей превзошелъ даже судью Falconer'a. Судьей такимъ оказывается судья Felton, въ значитель-

номъ городѣ Mason, въ штатѣ Georgia. Нѣкая г-жа Reid отправилась въ циркъ на дневное представленіе. Возвращаясь домой, она стала жаловаться мужу, что къ ней «приставалъ» какой-то неизвѣстный ей мужчина. Негодующій супругъ предложилъ ей отправиться съ нимъ въ тотъ же циркъ на вечернее представленіе. Здѣсь она въ толпѣ указала ему «пристававшаго», и господинъ Reid безъ всякихъ объясненій застрѣлилъ сего послѣдняго изъ револьвера. При окончаніи разсмотрѣнія сего дѣла предъ судомъ присяжныхъ фантазія судьи Felton разыгралась съ необыкновенною силой.

«Право, — наставлялъ онъ присяжныхъ засѣдателей, — не опредѣляетъ продолжительности времени, втеченіе коего намѣреніе лишить другого жизни должно существовать въ умѣ виновнаго, дабы стать злостнымъ. Въ преступленіяхъ сего рода должна имѣть мѣсто извѣстная послѣдовательность мыслительнаго процесса, извѣстное размышленіе, дабы могла быть признана умысленность и злонамѣренность дѣйствія. Конечно, если было достаточно времени для размышленія, если между нападеніемъ либо вызовомъ и лишеніемъ жизни прошелъ опредѣленный промежутокъ времени, достаточный для того, чтобы голосъ разума и челоувѣчности могъ быть услышанъ, то обязанностью виновнаго было повиноваться этому голосу, и если онъ, несмотря на то, все-таки втеченіе всего этого промежутка упорствовалъ въ своемъ преступномъ намѣрніи, то въ такомъ случаѣ должна быть признана умысленность и злонамѣренность дѣйствія. Но если такого опредѣленнаго времени либо промежутка времени между поводомъ и лишеніемъ жизни не существовало, то въ такомъ случаѣ умысленность и злонамѣренность дѣйствія не могутъ быть признаны...

«Если лишеніе жизни учинено на томъ единственно основаніи, что неприличныя предложенія сдѣланы были убитымъ женѣ виновнаго, и между полученіемъ мужемъ свѣдѣній о семъ и убійствомъ прошло достаточно времени для того, чтобы голосъ разума и челоувѣчности былъ услышанъ, то въ такомъ случаѣ должна быть признана злоумысленность дѣйствія, и сіе послѣднее должно быть признано убійствомъ. Если же, съ другой стороны, лишеніе жизни учинено мужемъ вслѣдствіе полученныхъ имъ свѣдѣній о сдѣланныхъ женѣ его неприличныхъ предложеніяхъ и сообщеніе ему подобнаго факта до такой степени возбудило его, что онъ не имѣлъ времени, дабы услышать голосъ разума и челоувѣчности, и подъ вліяніемъ возбужденныхъ страстей лишилъ жизни сдѣлавшаго такіа предложенія, то въ такомъ случаѣ должно быть признано не убійство, а нападеніе, повлекшее за собою смерть».

Хотя всѣ вышеприведенныя изліянія законотолковательной или, точнѣе говоря, законоизвратительной фантазіи судьи Felton'a обнаруживаютъ очевидное смѣшеніе умысла съ предумышленіемъ и существованія смячающихъ вину обстоятельствъ съ наличностью при-

чинъ совершенной невмѣняемости; хотя, даже слѣдуя его фантастическимъ правопримѣненіямъ, нельзя не признать, что между дневнымъ и ночнымъ представленіями цирка существуетъ «промежутокъ времени», совершенно достаточный, дабы «голосъ разума и человѣчности» былъ услышанъ даже человѣкомъ самымъ разнузданнымъ, тѣмъ не менѣе, однако, двѣнадцать представителей «общественной совѣсти» значительнаго города сего достопримѣчательнаго штата Кентукки въ нагломъ и дикомъ убійствѣ, публично учиненномъ господиномъ Reid, признали лишь нападеніе, повлекшее за собою смертельный исходъ, и онъ судьей-фантазеромъ приговоренъ былъ всего лишь къ трехлѣтнему тюремному заключенію.

Богатая и нѣсколько водевильная фантазія американскихъ судей разыгрывается не только въ процессахъ уголовныхъ, но также и гражданскихъ. Въ правѣ англо-американскомъ система возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ разными дѣйствіями, какъ преступными, такъ и просто неосторожными и даже случайными, получила самое широкое распространеніе. Иски о возмѣщеніи убытковъ вчинаются въ Соединенныхъ Штатахъ изъ-за сухихъ пустяковъ, въ родѣ нанесенія щелчка по носу. Этому совершенно невозможно удивляться, если принять во вниманіе, что здѣсь жена нерѣдко ищетъ развода по такой, напримѣръ, причинѣ, что мужъ запрещаетъ ей ѣсть пироги. Иски въ 1.000 долларовъ и болѣе въ возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ будто бы самовольнымъ поцѣлуемъ, предъявляются въ американскихъ судахъ сплошь и рядомъ. Недавно одна шальная дѣвица предъявила подобный искъ къ родному дядюшкѣ, человѣку весьма почтенному и преклонныхъ лѣтъ, требуя за удѣленный ей поцѣлуй, который она не признала достаточно родственнымъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ 20.000 долларовъ. Судъ «общественной совѣсти», т. е. двѣнадцать «присяжныхъ судей», присудилъ ей всего лишь 20 центовъ, обративъ такимъ образомъ весь процессъ этотъ въ нѣкій фарсъ, какими являются въ дѣйствительности всѣ подобные процессы. Однако американскіе присяжные засѣдатели или, выражаясь точнѣе поамерикански, присяжные судьи, вообще чрезвычайно склонны къ признанію убытковъ и съ большою педантичностью присуждаютъ извѣстныя суммы въ ихъ возмѣщеніе. То же слѣдуетъ сказать и объ американскихъ судьяхъ въ собственномъ смыслѣ слова. Среди подобнаго крайне щедрого раздаянія «убытковъ» американскими судами представляется въ высшей степени страннымъ недавно воспослѣдовавшее рѣшеніе высшаго суда штата Нью-Йоркъ. Жена, выведенная изъ терпѣнія многолѣтними побоями со стороны супруга, принадлежащаго къ числу такъ называемыхъ «почтенныхъ гражданъ» (respectable citizens), предъявила къ нему искъ въ 2.000 долларовъ въ возмѣщеніе ущерба, причиненнаго ея здоровью. Искъ, пройдя низшія судебныя инстанціи, дошелъ до высшаго суда штата, представляющаго инстан-

цію наивысшую и послѣднюю, окончательную. Тутъ-то именно фантазія господъ судей и разыгралась съ необычайной силой. Жена и мужъ—рѣшили почтенный трибуналъ — составляютъ нераздѣлимое и нерасторжимое единство, а посему не могутъ искать убытковъ за причиняемые другъ другу побои, ибо никто не можетъ искать убытковъ съ самого себя, когда онъ либо она самого либо самоё себя поколотить. Не правда ли, какъ это напоминаетъ нашу гоголевскую унтеръ-офицершу, которая сама себя выскла? Хотя это мудрое рѣшеніе высшей судебной инстанціи представляется, по видимому, лишь повтореніемъ старой идеалистической теоріи, что жена и мужъ составляютъ два духа, сливающиеся въ единой мысли, и два сердца, соединяющіяся въ единомъ біеніи, но, если присмотрѣться къ нему поближе и вникнуть поглубже въ его практическое, жизненное значеніе, то нельзя не видѣть, что оно является лишь довольно запоздалымъ осуществленіемъ старинной англо-саксонской мудрости, гласящей, что собака, женщина и орѣховое дерево тѣмъ лучше, чѣмъ больше ихъ бить. Старое англо-саксонское право предоставляло мужу праяемочіе стегать жену палочкой не толще его мизинца. Очевидно, почтенные судьи одного изъ высшихъ судовъ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» и до сего еще времени не смогли отрѣшиться отъ внушеній этого отжившаго права, хотя со столь свойственнымъ англосаксамъ ханжествомъ и постарались прикрыть таковыя идеалистическими разглагольствованіями о «единствѣ» супруговъ.

Недавно же закончился въ Чикаго знаменитый процессъ по обвиненію владѣльца огромной фабрики сосисокъ въ предумышленномъ убійствѣ своей жены. Уже при одномъ словѣ «сосиска» родится въ головѣ европейца, и въ особенности русскаго, представленіе о нѣмцѣ. Подобная невольная ассоціація промысла и національности, совершенно вѣрная для Стараго Свѣта, остается пока довольно правильною и для Новаго Свѣта. Дѣйствительно, владѣльцемъ наибольшей сосисочной фабрики во второмъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ былъ нѣмецъ, нѣкій Адольфъ Люетгертъ. Задумавъ отдѣлаться отъ жены своей, онъ затѣялъ на фабрикѣ производство опытовъ по вываркѣ мыла въ тѣхъ самыхъ котлахъ, въ которыхъ производилась обыкновенно варка мяса, предназначеннаго для начинки сосисочныхъ кишечекъ. Во время производства этихъ опытовъ, подъ предлогомъ ближайшаго непосредственнаго наблюденія, онъ остался однажды ночевать въ особой комнатѣ при фабрикѣ, заманивъ сюда опостылую подругу жизни, ее убилъ, а затѣмъ, раздѣливъ мертвое тѣло на части, бросилъ ихъ въ эги огромные чугунные котлы или чаны, которые были полны въ это время мыльной эссенціи и поташа, развѣдающаго и уничтожающаго, какъ извѣстно, всякія животныя ткани. Однако кольца убитой и нѣкоторыя изъ костей выдали убійцу. Процессъ этотъ былъ весьма про-

должителенъ и сенсаціозенъ. Однако такихъ же сенсаціонныхъ процессовъ въ «странѣ свободы» великое множество, и если мы на немъ остановились, то для того единственно, чтобы отмѣтить двѣ особо характерныхъ черты современной американской уголовной процедуры. Каждая сторона, т. е. обвиненіе и защита, выставляетъ на судѣ собственныхъ своихъ экспертовъ: изъ нихъ, само собою разумѣется, эксперты защиты стараются всѣми силами опровергнуть и низвести къ нулю все то, что установлено, либо устанавливается, экспертами обвиненія, и наоборотъ. То же самое имѣло мѣсто, конечно, и въ процессѣ Адольфа Люетгёрта. Въ то время, какъ эксперты, выставленные представителемъ государственнаго обвиненія и принадлежащіе къ медицинскимъ знаменитостямъ страны, объясняли и доказывали присяжнымъ засѣдателямъ значеніе разныхъ костей и человѣческихъ остатковъ, обнаруженныхъ на сосисочной фабрикѣ вслѣдъ за исчезновеніемъ г-жи Люетгёртъ, эксперты защиты, между которыми были также солидныя медицинскія силы, доказывали, что кости эти вовсе не человѣческія, и между прочимъ одна кость, главнымъ экспертомъ со стороны государства признанная несомнѣнно человѣческой и въ частности женской, есть кость собачья. Въ то время, какъ изъ этихъ останковъ, разворачиваемыхъ, предъявляемыхъ и разъясняемыхъ экспертами государственнаго обвиненія, вставалъ предъ умственными очами слушателей скорбный образъ замученной женщины, замѣчанія и возраженія экспертовъ защиты вызывали въ толпѣ дружный хохотъ. Если принять во вниманіе, что американскіе присяжные засѣдатели отличаются вообще значительнымъ невѣжествомъ, хотя и приправленнымъ диллетантскими притязаніями на энциклопедическія познанія, то нельзя не видѣть, какое значеніе имѣеть для правосудія «страны свободы» подобное состояніе судебно-медицинской экспертизы. Лишь на сихъ послѣднихъ дняхъ нѣкоторые члены законодательнаго собранія штата Нью-Йоркъ додумались наконецъ до того, что подобная экспертиза, въ особенности въ дѣлахъ объ убійствѣ, и въ самомъ дѣлѣ представляется чѣмъ-то ненормальнымъ, и внесли въ собраніе законопроектъ, чтобы судебно-медицинскіе эксперты не выставлялись сторонами, а назначались самимъ судомъ изъ опытныхъ врачей, пользующихся общественнымъ довѣріемъ. Фактъ этотъ доказываетъ какъ нельзя лучше, что тотъ англо-саксонскій состязательный процессъ, въ которомъ многіе европейскіе ученые и практики склонны видѣть послѣднее слово социальныхъ наукъ, представляется въ дѣйствительности, какъ и все почти англо-саксонское право, какъ уголовное, такъ и гражданское, правосозданіемъ совершенно первобытнымъ. Другая, еще болѣе характерная черта американской уголовной процедуры, весьма рельефно проявившаяся въ разсматриваемомъ громкомъ процессѣ, заключается въ нижеслѣдующемъ. Для осужденія подсудимаго требуется единогласное рѣшеніе при-

сяжныхъ засѣдателей. Они обязаны убѣждать другъ друга и баллотировать вопросъ о виновности и невинности безконечное число разъ, до тѣхъ поръ, пока не придуть къ единогласному рѣшенію—утвердительному либо отрицательному. Нельзя не признать, что подобное единогласіе достигается нерѣдко единственно лишь посредствомъ моренія присяжныхъ въ совѣщательной комнатѣ и систематическаго ихъ голоданія. Съ другой стороны, достаточно подбить или просто подкупить одного изъ нихъ, чтобы все судебное производство, въ серьезныхъ дѣлахъ стоющее государству огромныхъ денегъ, низвести къ нулю. Последнее и имѣло мѣсто въ сенсационномъ процессѣ Адольфа Луетгѣрта. Втеченіе нѣсколькихъ дней присяжные судьи (по-нашему присяжные засѣдатели) не пришли къ единогласію и въ концѣ концовъ объявили объ этомъ предсѣдательствующему судѣ (уѣздный, либо городской судья, который лишь руководитъ судебнымъ засѣданіемъ). Замѣчательно, что еще до выхода присяжныхъ носилось въ публикѣ слово «взятка» (bribery), когда же по выходѣ ихъ старшина объявилъ о невозможности прійти къ единогласію, то среди толпы громко произносились имена двухъ изъ присяжныхъ, ни за что не соглашавшихся на осужденіе убійцы, съ громогласнымъ присовокупленіемъ эпитета: «взяточники, взяточники!»

Подобная возможность подкупа присяжныхъ засѣдателей и притомъ въ дѣлахъ особой общественной важности въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» далеко не составляетъ рѣдкости. Недавно въ судѣ графства Camden, штата New-Jersey, или, выражаясь чисто порусски, въ камденскомъ уѣздномъ судѣ штата New-Jersey, началось слушаніемъ громкое дѣло по обвиненію нѣкогого Eli Shaw, молодого человѣка двадцати-четырехъ лѣтъ, въ преступленіи убіиствѣ матери и бабушки съ цѣлью полученія наслѣдства. На другой же день слушанія предсѣдательствующій судья внезапно оборвалъ засѣданіе, объявивъ о подкупѣ присяжныхъ засѣдателей. Втеченіе двухъ недѣль затѣмъ главный представитель государственнаго обвиненія въ предѣлахъ штата, такъ называемый главный стряпчій (attorney-general), велъ разслѣдованіе, которое привело къ результатамъ, для многихъ совершенно неожиданнымъ. Такъ называемый большой судъ присяжныхъ (grand jury), представляющій обвинительную камеру, инстанцію преданія суду и засѣдающій всегда одновременно съ обыкновеннымъ или малымъ судомъ присяжныхъ (petit jury), былъ созванъ въ специальную сессию и предалъ суду присяжнаго повѣреннаго Harry Scovel, главнаго защитника подсудимаго Eli Shaw, бывшаго члена палаты представителей штата, мирового судью George Miles, начальника уѣздной полиціи Samuel Johnson и одного изъ присяжныхъ засѣдателей John Meshaw, по обвиненію въ подкупѣ сего послѣдняго или составленіи преступнаго сообщества съ цѣлью воспрепятствовать осуществленію

правосудія надъ изобличаемымъ въ убійствѣ матери и бабки. Подобное обвиненіе лицъ официальныхъ, къ числу которыхъ по американскому строю принадлежатъ и присяжные новѣренныя, лицъ притомъ, которымъ ввѣрено специально изобличеніе преступниковъ и отправленіе правосудія, настолько само по себѣ характеризуетъ американскую юстицію, что не требуетъ особыхъ поясненій. Предстоящій процессъ по обвиненію сихъ официаловъ въ составленіи подобнаго «сообщества» обѣщаетъ быть весьма интереснымъ.

Надняхъ появилось въ американскихъ газетахъ сообщеніе довольно изумительнаго свойства. 3-го іюля 1889 года, вечеромъ, двѣ женщины, идя по улицѣ города Decatur, штата Illinois, вблизи судебного зданія подверглись озорству какого-то мужчины и закричали о помощи. Mat Mac-Kinley, молодой человекъ съ прекрасной репутаціей, проходившій по другой сторонѣ улицы, бросился на зовъ и при своемъ приближеніи къ судебному зданію былъ убитъ наповаль озорникомъ, который скрылся. Нѣкій Ephraim Fanner былъ осужденъ за это убійство и приговоренъ къ пожизненному тюремному заключенію. Нынѣ, когда осужденный уже около восьми лѣтъ отсидѣлъ въ тюрьмѣ, обвинительная камера графства, въ лицѣ такъ называемаго grand jury, предала суду за то же убійство нѣкоего Joe Mansey, который, по странной игрѣ судьбы, оказался сыномъ нынѣшняго шерифа графства, т. е. начальника уѣздной администраціи, получившаго такимъ образомъ распоряженіе объ арестѣ своего собственнаго сына. Отсюда обнаруживается, что за убійство Макъ-Кинли восемь лѣтъ тому назадъ осужденъ былъ человекъ совершенно невинный.

Надняхъ же стало извѣстнымъ изъ газетъ, что бывшій городской стряпчій города Pittsburg, одного изъ наибольшихъ городовъ республики, нѣкій William Moreland, въ іюлѣ 1896 года, приговоренный за растрату 450.000 долларовъ городскихъ денегъ, или такъ называемыхъ общественныхъ суммъ, къ трехлѣтнему тюремному заключенію, нынѣ, по истеченіи полутора года заключенія, вслѣдствіе разстроенаго здоровья, освобожденъ. По странной случайности, въ томъ же номерѣ нѣкоторыхъ изъ газетъ сообщалось, что нѣкій John Smith за кражу трехъ курицъ изъ курятника одного фермера судьей приговоренъ также къ полуторагодовому тюремному заключенію. Такова пропорціональность наказаній въ «странѣ свободы»: ее можно наблюдать чуть не въ каждомъ номерѣ американскихъ газетъ. Вслѣдъ за симъ многія газеты описываютъ, какъ вышепомянутый городской стряпчій, обокравшій городъ чуть не на полъ-милліона, не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ какихъ либо душевныхъ страданій и импонирюя своимъ цвѣтущимъ видомъ, перѣхалъ изъ тюрьмы въ свой роскошный дворецъ.

Только что закончился въ центрѣ штата Пельсивани громкій процессъ, обнаружившійся на которомъ злодѣянія представляются

положительно маловѣроятными. Повѣдаемъ о нихъ, равно какъ и о самомъ процессѣ, въ формѣ наиболее подходящей для русскаго читателя. Замѣтимъ мимоходомъ, что штатъ Пенсильванія представляется однимъ изъ наистарѣйшихъ и наикультурнѣйшихъ штатовъ республики. Графство Columbia съ административнымъ центромъ въ городѣ Bloomsburg (по нашему колумбійскій уѣздъ съ уѣзднымъ городомъ Блумсбургъ), будучи расположено въ самомъ центрѣ этого живописнаго штата, представляется одной изъ живописнѣйшихъ мѣстностей Новаго Свѣта: ей-то именно и суждено было стать ареной тягчайшихъ и возмутительнѣйшихъ злодѣяній, достаточно характеризующихъ современную американскую общественность.

Lloyd Wintersteen, сынъ кузнеца, родившійся подъ городомъ Блумсбургомъ, провелъ годы своего дѣтства, отрочества и ранней юности въ родительской кузницѣ. Но отцовская профессія не удовлетворяла его, и онъ, сколотивъ кое-какую деньгу, поступилъ въ такъ называемое училище прикладныхъ знаній (business college), по окончаніи курса въ которомъ сталъ бухгалтеромъ въ одной изъ крупнѣйшихъ углепромышленныхъ фирмъ. Но и эта профессія также не удовлетворяла его, и онъ мечталъ о карьерѣ адвокатской. Покончивъ, наконецъ, съ бухгалтеріей и углепромышленностью, онъ поступилъ для «изученія права» къ одному адвокату въ городѣ Hazleton, а затѣмъ для того же изученія перешелъ къ адвокату полковнику Knorr въ своемъ почти родномъ городѣ Блумсбургѣ. Здѣсь-то и начинается для него настоящая карьера. Изъ изучающаго право адвокатскаго клерка, или, выражаясь по возможности точнѣе по-русски, адвокатскаго практиканта, превращается онъ вскорѣ въ компаньона адвокатской фирмы полковника Samuel Knorr, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается вскорѣ также и компаньономъ его по фабрикѣ печей и желѣзныхъ издѣлій, приносящей значительные доходы. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что адвокатура является въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, равно какъ и во Франціи, общественной карьерой самой блестящей и заманчивой, но вмѣстѣ съ тѣмъ многіе американскіе адвокаты, въ общемъ даже большинство ихъ, изучаютъ право чисто практически въ канцеляріяхъ (office) болѣе или менѣе извѣстныхъ адвокатовъ и адвокатскихъ фирмъ и затѣмъ, по сдачѣ установленнаго экзамена предъ уѣздной юридической экзаменаціонной комиссіей, допускаются въ адвокатское сословіе, никогда не слушавъ никакихъ курсовъ юридическихъ наукъ. Такимъ путемъ попадаетъ въ ряды американской адвокатуры не мало малоподготовленныхъ и сомнительныхъ самоучекъ. Къ числу таковыхъ именно и принадлежалъ Lloyd Wintersteen, не упускавшій случая и прихвастнуть, что онъ самъ себя «сдѣлалъ человѣкомъ». Его дѣловымъ либо карьернымъ успѣхамъ не соответствовали, однако, успѣхи по части достиженія виднаго положенія въ такъ называемомъ обществѣ. Еще въ качествѣ адвокатскаго практиканта пытался онъ про-

никнуть въ такъ называемое избранное общество города Блумсбурга, но глава этихъ избранныхъ сего богоспасаемаго града, нѣкій Levi Waller, сынъ протестантскаго пастора, богачъ, женатый на дочери бывшаго консула Соединенныхъ Штатовъ въ Перу и члена вашингтонскаго конгресса Charles Bickolew, рѣшительно воспротивился его допущенію въ ихъ среду, открыто заявляя повсюду о совершенной невозможности такового. Когда Wintersteen женился на дочери виднаго и состоятельнаго обывателя города Блумсбурга, miss Ada Grower, то эта послѣдняя, ставъ г-жей Wintersteen, попрежнему была приглашаема и принимаема въ такъ называемомъ избранномъ обществѣ, но супругъ ея попрежнему также не былъ признанъ достойнымъ допущенія въ эту среду. Совершенно основательно приписывая подобный свой общественный остракизмъ влиянію того же Levi Waller, бывшій кузнечный подмастерье, а нынѣ адвокатъ, дѣлецъ и капиталистъ города Блумсбурга, отъ всей души возненавидѣлъ этого послѣдняго. Между тѣмъ онъ успѣлъ приобрѣсти такое влияніе на своего компаньона, какъ по адвокатской фирмѣ, такъ и по фабрикаціи желѣзныхъ издѣлій, полковника Samuel Knorr, что фактически самъ уже полновластно и безконтрольно распоряжался фабрикой, хотя номинально и завѣдывалъ ею совѣтъ директоровъ. Въ то же самое время онъ приобрѣлъ безграничное влияніе и на сына своего компаньона Clifton Knorr, избалованнаго, изнѣженнаго, довольно распущеннаго молодого человѣка, привыкшаго къ роскоши дома и требовавшаго таковой и въ своей студенческой жизни. Но вотъ Knorr-отецъ умираетъ. Wintersteen совершенно овладѣваетъ фабрикой и ея доходами, вполне игнорируя права и интересы молодого Clifton Knorr, его замужней сестры Mildred Knorr Smith и мачихи г-жи Samuel Knorr (у англосаксовъ замужняя женщина носитъ не только фамилію, но имя мужа, сохраняя лишь въ исключительныхъ случаяхъ свою дѣвическую фамилію, которая проставляется рядомъ съ мужней). Эта послѣдняя, по совѣту того же Levi Waller, являющагося ея негласнымъ совѣтникомъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ, предъявила къ бывшему компаньону своего покойнаго мужа искъ о сдачѣ отчета по управленію фабрикой, продажѣ оной и раздѣлѣ ея стоимости между совладѣльцами. Искъ этотъ, или, точнѣе говоря, результатъ его, въ видѣ общей ликвидаціи дѣлъ фабрики угрожалъ Wintersteen'у разоблаченіемъ разныхъ его махинацій и неправильностей, которое неизбежно пошатнуло бы его репутацію и лишило бы его общественнаго довѣрія. Поэтому онъ сталъ во что бы то ни стало домогаться покупки у наслѣдниковъ покойнаго Knorr'а принадлежащихъ имъ правъ участія въ этой общей собственности. Изъ нихъ Clifton Knorr, всегда находившійся подъ его влияніемъ, только что окончившій такъ называемую college (нѣчто въ родѣ сочетанія курса двухъ высшихъ классовъ гимназій съ двумя первыми курсами историко-филологическаго либо физико-математическаго факультета,

смотря по избираемому департаменту) и ничего не вынесшій оттуда, кромѣ привычки къ роскошному и расточительному образу жизни, охотно поддався предложеніямъ компаньона своего покойнаго отца и продалъ ему свою часть за 2.000 долларовъ. Затѣмъ за нѣкоторое вознагражденіе онъ уговорилъ сдѣлать то же и свою замужнюю сестру. Но вдова покойнаго Samuel Knorr, по совѣту Levi Waller, ни за что не соглашалась на продажу своей части. Чувствуя въ неудачѣ этой, разрушавшей одинъ изъ главнѣйшихъ его плановъ, ту же невидимую руку Levi Waller'a, которая много лѣтъ тому назадъ не допустила его въ такъ называемое избранное общество Блумсберга, Lloyd Wintersteen дрожалъ отъ бѣшенства. Тутъ-то прекращаются дѣловыя отношенія и имущественныя правоотношенія, и начинается отборнѣйшая уголовщина.

По окончаніи курсовъ college, Clifton Knorr проживалъ въ значительномъ городѣ Reading, вблизи своего роднаго Блумсбурга, гдѣ содержалъ экипажную ѣзду. Здѣсь неоднократно посѣщалъ его Wintersteen, посвящая его въ подробности процесса, который онъ велъ въ это время съ его мачихой и въ которомъ Knorr былъ свидѣтелемъ съ его стороны. Во время этихъ посѣщеній Wintersteen неоднократно высказывался предъ наслѣдникомъ своего покойнаго компаньона, непрерывно нуждавшимся въ деньгахъ, что если бы мачиха его умерла соответственнымъ образомъ, то онъ получилъ бы отъ него, Wintersteen'a, 4.000 или 5.000 долларовъ, а равно уговаривалъ его убить Levi Waller'a, поясняя, что въ случаѣ смерти первой, либо устраненія съ его дороги послѣдняго, онъ сумѣлъ бы сдѣлать Knorr'a распорядителемъ фабрики, дабы онъ уступилъ ему право участія этой послѣдней въ этой общей собственности. Подъ влияніемъ этихъ увѣщаній, Knorr зимой 1895 года переѣхалъ изъ Reading на временное жительство съ мачихой въ городъ Блумсбургъ, чтобы имѣть возможность свести ее съ сего свѣта. Точно слѣдуя инструкціямъ Wintersteen'a, онъ отправился въ Нью-Йоркъ, приобрѣлъ тамъ дифтеритныя бациллы и, привезя ихъ въ свой родной городокъ, пересыпалъ ими платья и бѣлье своей мачихи, но онъ почему-то не возымѣли желательнаго дѣйствія. Тогда испробовано было имъ два раза подсыпаніе ей въ утренній кофе антимоноваго яда, но все обошлось лишь легкимъ нездоровьемъ. Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ свести со свѣта вдовствующую г-жу Samuel Knorr, Clifton Knorr возвратился въ Reading. Вскорѣ навѣстилъ его Wintersteen, и между ними состоялся окончательный уговоръ взорвать домъ Levi Waller'a, въ силу котораго, если этотъ послѣдній будетъ отправленъ къ праотцамъ, Knorr получаетъ 4.000 или 5.000 долларовъ. Во всемъ до мельчайшихъ подробностей слѣдуя приказаніямъ и инструкціямъ Wintersteen'a, Knorr приѣхалъ въ Bloomsburg, пробрался въ каменоломню Армстронга, расположенную въ одной милѣ отъ города, забрался въ сарайчикъ, въ которомъ хранился

динамитъ, и похитилъ пять кусковъ этого послѣдняго съ приспособленіями для взрыва. Все это до поры до времени было спрятано имъ подъ бревнами на подворьѣ его мачихи. Производство взрыва назначено было Wintersteen'омъ на 11 сентября (1896 года). Въ день этотъ, утромъ, Knorr отправился изъ Reading въ Bloomsburg и остановился въ деревнѣ Езру, въ двухъ миляхъ отъ этого послѣдняго. Когда наступилъ вечеръ, онъ сталъ шататься по окрестности, постепенно приближаясь къ Блумсбургу, куда и прибылъ около 9-ти часовъ. Здѣсь онъ незамѣтно пробрался на подворье своей мачихи и осмотрѣлъ сложенную на немъ груду бревень: динамитъ и приспособленія для взрыва оказались нетронутыми. Прележавъ на бревнахъ до самой полуночи, онъ отправился затѣмъ въ городъ и пробродилъ около часу. Вернувшись затѣмъ на родительское подворье, онъ забралъ динамитъ съ приспособленіями и направился къ дому Levi Waller'a, расположенному лишь насупротивъ черезъ улицу отъ дома его мачихи. Электрическій фонарь, расположенный всего лишь въ двадцати пяти ярдахъ (англійскій аршинъ), могъ выдать его, и онъ осторожно тѣневыми мѣстами пробрался на крыльцо дома намѣченной жетвы. Здѣсь онъ усталилъ динамитъ, зажегъ трубку и исчезъ въ темнотѣ, дожидаясь результатовъ взрыва. Мертвое молчаніе было отвѣтомъ: взрывъ не удался. Осторожно вернувшись назадъ, Knorr убѣдился въ своей безуспѣшности и необходимости новыхъ приспособленій. Медлить было невозможно. Онъ бросился въ улицу, ведущую къ каменолознямъ Armstrong'a, и вскорѣ былъ у запертаго сарайчика съ динамитомъ. Оторвавъ двѣ доски, онъ вошелъ внутрь. Ящики съ динамитомъ оказались нераскупоренными. Имъ овладѣло какое-то остервенѣніе: онъ схватилъ топоръ и, пренебрегая опасностью, какой самъ подвергался, въ два-три взмаха снесъ крышку огромнаго ящика. Добывъ оттуда шесть кусковъ динамита и нѣсколько новыхъ приспособленій, онъ пустился въ обратный путь. Пospѣшно выходя изъ сарайчика, онъ зацѣпился платьемъ за остроконечный край доски, который и обломалъ второпяхъ. Эта-то обломанная доска и его попорченное платье главнымъ образомъ его впоследствии и выдали. Прилетѣвъ обратно къ дому Waller'a, онъ усталилъ на крыльцѣ свѣжій динамитъ, зажегъ новую трубку и бросился бѣжать. Когда онъ отбѣжалъ на незначительное разстояніе, раздался страшный взрывъ: ну, думалось ему, Levi Waller со всѣми чадами и домочадцами отправленъ въ преисподнюю. Преисполненный розовыхъ мечтаній о предстоящемъ полученіи четырехъ или даже пяти тысячъ долларовъ, онъ перебѣжалъ чрезъ мостъ на рѣкѣ Susquehanna, дошелъ до желѣзнодорожной станціи Maurville и, дождавшись ближайшаго поѣзда, уѣхалъ обратно въ Reading.

Взрывъ дома Levi Waller'a, поразившій цѣлое графство Columbia, разнесшійся по всей Пенсильваніи и путемъ печати разошедшійся

по всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ, оказался однако счастливѣе, нежели можно было ожидать. Поврежденіе его ограничилось лишь обваломъ одного угла и крыльца, да выбитіемъ всѣхъ оконъ. По счастливой случайности въ немъ изъ всего многочисленнаго семейства Waller'a въ эту ночь ночевали лишь онъ самъ да его жена: они были оглушены, но этимъ и отдѣлались, избѣгнувъ какихъ бы то ни было тѣлесныхъ поврежденій. Если бы этотъ самый динамитъ не былъ лишь просто положенъ на полу крытаго крыльца (веранды), а подложенъ подъ каменную обшивку стѣны, гдѣ сила сопротивленія была бы гораздо значительнѣе, отъ дома и его обитателей не осталось бы и слѣда. Слѣдуя американскимъ обычаямъ и традиціямъ, потерпѣвшій Levi Waller назначилъ 500 долларовъ за обнаруженіе, арестъ и осужденіе виновника сего злодѣянія и вмѣстѣ съ тѣмъ пустилъ въ ходъ отрядъ сыщиковъ William'a Henderson'a изъ Филадельфіи. На другой день Рождества того же (1896) года, Clifton Knorr былъ арестованъ въ Reading самимъ главой отряда и сознался во всемъ. Сознаніе его, подробно данное предъ скваэромъ (мировымъ судьей), поразило всю страну. Wintersteen рѣшительно отвергъ всякое участіе свое въ этихъ злодѣяніяхъ и сталъ работать день и ночь, чтобы очистить себя отъ взведенныхъ на него обвиненій. Дѣло, неоднократно откладывавшееся, слушалось въ судѣ графства Columbia 25 мая 1897 года. Clifton Knorr своимъ женственнымъ голосомъ и тономъ совершеннаго безразличія повѣдалъ предъ присяжными судьями и многочисленной публикой, переполнявшей судебный залъ, потрясающую исторію своихъ злодѣяній. Самые блестящіе и талантливые адвокаты страны выступали въ дѣлѣ съ обѣихъ сторонъ. Всѣ существенныя положенія его сознанія подтверждались рядомъ свидѣтельскихъ показаній. Сотни свидѣтелей были выставлены обѣими сторонами и допрошены на судѣ, противорѣча другъ другу, но не успѣвъ подорвать существа принесеннаго однимъ изъ обвиняемыхъ сознанія. Предсѣдательствующій судья Ermentrout заявилъ, что за всю свою продолжительную судебскую карьеру онъ не видѣлъ никогда подобнаго процесса. Два дня совѣщались присяжные засѣдатели, держа многочисленную публику въ состояніи чрезвычайнаго нетерпѣнія и будучи сами заключены въ совѣщательной комнатѣ. Наконецъ, старшина ихъ объявилъ предсѣдательствующему судѣ, что соглашеніе между ними состояться не можетъ: восемь стоятъ за обвиненіе, а четыре за оправданіе.

Дѣло назначено было вторичнымъ слушаніемъ на 26-е истекшаго октября, затѣмъ отложено и наконецъ закончилось самымъ неожиданнымъ образомъ: по соглашенію обвинителя Levi Waller'a съ обвиняемымъ Lloyd Wintersteen'омъ, оно «улажено» (settled) на извѣстныхъ условіяхъ, главное изъ коихъ заключалось въ томъ, что этотъ послѣдній втеченіе двухъ недѣль обязывается навсегда покинуть Bloomsburg и штатъ Пенсильванію вообще. По истеченіи

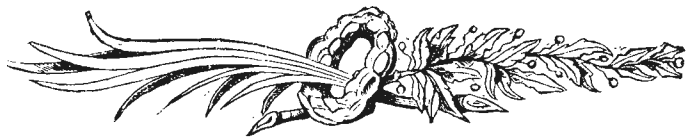
означеннаго срока появилось въ газетахъ сообщеніе, что Lloyd Wintersteen, ликвидировавъ всѣ свои дѣла въ Пенсильваніи и отказавшись отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ въ разныхъ предпріятіяхъ должностей, переѣхалъ на постоянное жительство въ Нью-Йоркъ.

Такъ закончился процессъ этотъ, несомнѣнно замѣчательный во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ обнаружилъ, что въ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» преступленія столь тяжкія, какъ троекратное покушеніе на жизнь мачихи и взрывъ дома съ цѣлью убійства двухъ семействъ, изъ которыхъ одно (бывшаго члена вашигтонскаго конгресса Buskalew'a) лишь случайно отсутствовало въ моментъ взрыва, могутъ быть «улажены» путемъ соглашенія потерпѣвшихъ съ виновными. Безнаказанность двухъ закоренѣлыхъ злодѣевъ, втеченіе двухъ почти лѣтъ измышлявшихъ и приводившихъ въ исполненіе всевозможнѣйшія комбинаціи съ цѣлью отправленія на тотъ свѣтъ, или, по ихъ собственному выраженію, «въ преисподнюю» (in the hell), трехъ вполне порядочныхъ семействъ, занимающихъ притомъ весьма видное общественное положеніе (вдовствующая г-жа Samuel Knorr, Levi Waller съ женой и дѣтьми, бывший членъ конгресса Buskalew съ женой), куплена цѣной утраты адвокатской практики и двухъ тепленькихъ «дѣлецкихъ» мѣстечекъ однимъ изъ нихъ и добровольнаго лишенія сего послѣдняго права жительства въ предѣлахъ даннаго штата. Не правда ли, какъ все это поразительно похоже на тотъ первобытный частноправный укладъ обществности, когда во избѣжаніе личнаго мщенія попросту платилась извѣстная сумма «за голову»? А между тѣмъ эта англосаксонская орда, извѣстная подъ именемъ «народа Соединенныхъ Штатовъ» (the people of the United States), не только мнитъ и именуетъ себя благоустроеннымъ «государствомъ», но, сверхъ сего, еще также и «самой цивилизованной націей на земномъ шарѣ»!

Этимъ мы заканчиваемъ нашу легкую прогулку по американскимъ судамъ, надѣясь дать со временемъ русскому читателю полную и обстоятельную картину американскаго правосудія. Предваряемъ, однако, что отъ нея положительно волосъ встаетъ дыбомъ.

Евгеній Правдинъ.

МИХАИЛЬ СЕРГѢВИЧЪ КОРЕЛИНЪ.

(Некрологъ).

АНКА и общество понесли тяжелую утрату. 3 января скончался еще молодой, полный силъ и духовной красоты, профессоръ Московскаго университета по кафедрѣ всеобщей исторіи Михаилъ Сергѣевичъ Корелинъ. Проф. В. И. Герье сказалъ въ своей рѣчи надъ могилой покойнаго, что «надъ кафедрой всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ тяготѣетъ тяжелый рокъ». Дѣйствительно, съ именемъ безвременно угасшаго, даровитаго профессора, высокаго представителя науки и гуманнаго, благороднаго общественнаго дѣятеля, невольно сливаются лучшія и дорогія имена Московскаго университета, свѣтлыя традиціи которыхъ неумоимо продолжалъ всю жизнь свою М. С. Корелинъ. Покойный родился въ 1855 году, былъ сыномъ крестьянина, провелъ дѣтство въ деревнѣ, среди некультурной обстановки. Первымъ учителемъ его былъ сельскій дьячокъ. Тяжелая нужда и лишения рано познакомили его съ суровой дѣйствительностью, закалили его выносливость, приучили къ упорнѣйшему труду и къ тому, до нѣкоторой степени, аскетизму, благодаря которому онъ потомъ могъ написать свою диссертацию. Окончивъ курсъ въ московской гимназій, Корелинъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета. Здѣсь онъ занимался, главнымъ

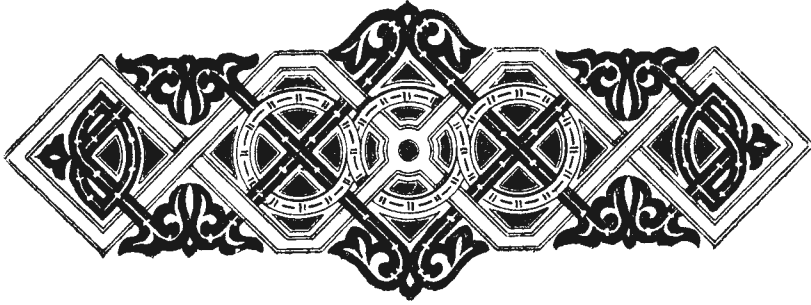
образомъ, всеобщей исторіей, въ ея культурно-соціальныхъ отношеніяхъ. Его тонкая, художественная натура сказалась уже въ томъ живомъ интересѣ, съ которымъ онъ занимался тогда же западно-европейской литературой, увлекался гениальными ея произведеніями, и работалъ надъ вопросами по искусству и эстетикѣ. Результатомъ его занятій — литературой — было изслѣдованіе легенды о Фаустѣ, за что ему присуждена была золотая медаль. По окончаніи университета (1880 г.) оставленный при немъ, онъ сталъ готовиться къ магистерскому экзамену, а первые дни своей преподавательской дѣятельности посвятилъ высшимъ женскимъ курсамъ проф. В. И. Герье, гдѣ его нравственныя качества привлекли къ себѣ симпатіи слушательницъ. Въ то же время онъ читалъ лекціи по исторіи культуры въ консерваторіи и сотрудничалъ въ разныхъ изданіяхъ. Въ «Историч. Вѣстникѣ» за 1880 г. была напечатана его статья «Новые мемуары о революціонной эпохѣ XVIII в.», въ 1883 г. (№№ 7, 8 и 9) — «Торквато Тассо и его вѣкъ» — тамъ же. Не упоминаемъ о дѣломъ рядѣ отзывовъ и солидныхъ рецензій, между прочимъ — «Сервенъ и Кальвинъ» («Записки учителя»), «Прошлое современной дипломатіи» («Истор. Вѣстникъ», 1885 г.), «Эпоха Возрожденія и германофилы» (В. Евр.) и др. Сдавъ въ 1885 г. магистерскій экзамень, М. С. былъ командированъ для научныхъ занятій за границу, гдѣ пробылъ два года. Съ замѣчательной энергіей, влюбленный въ свой гуманизмъ, онъ весь отдался изученію этой эпохи, познакомился съ массой драгоцѣннаго архивнаго матеріала, открывая съ радостью новыя и бережно перечитавъ множество рукописей. Живя въ этой атмосферѣ, онъ, какъ и гуманисты, интересуется суетою жизни и дѣлится своими мыслями съ своею родиной. Въ 1886 г. онъ напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» «Два юбилея въ Берлинѣ» и рядъ статей въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Преимущественно, онъ пробылъ во Франціи и Италіи, но ему пришлось работать въ Германіи и Англии, чтобы собрать такой большой матеріалъ, который легъ въ основу его диссертациі. Вернувшись изъ за границы и возобновивъ свои лекціи и уроки, Корелинь былъ приглашенъ читать лекціи въ университетѣ по исторіи древняго искусства, продолжалъ читать на высшихъ женскихъ курсахъ, а, когда закрыли ихъ, участвовалъ въ

систематическихъ публичныхъ лекціяхъ, гдѣ прочиталъ два превосходныхъ, ярко написанныхъ, курса: «Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства» (напечатано въ «Русской Мысли» за 1890 г.) и «Культурный кризисъ въ Римской имперіи» (изданъ отдѣльно подъ заглавіемъ «Паденіе античнаго міросозерцанія»). Въ обоихъ этихъ блестящихъ курсахъ виденъ глубокій интересъ Корелина къ культурной сторонѣ исторіи и то всепроникающее, историческое чутье, которое давало ему силу и право свободно вращаться въ отдаленныхъ эпохахъ, вызывая къ свѣту цѣлую галерею историческихъ личностей. Въ своемъ изложеніи («Культурный кризисъ») Корелинъ напоминаетъ Буассье: такъ же картинно и красиво развертываетъ онъ передъ нами жизнь дряхлаго античнаго міра въ его борьбѣ съ христіанствомъ. Но главное вниманіе Корелина было обращено на обработку своей диссертациі, которую онъ и представилъ, въ качествѣ магистерской, подъ заглавіемъ «Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія» (VIII + 1087 + 73 стр.). Этотъ капитальный и замѣчательный трудъ сразу создалъ ему крупное имя, а университетъ далъ автору его прямо докторскую степень и предложилъ кафедру экстраординарнаго профессора. Здѣсь не мѣсто говорить о значеніи этого труда. Не только спеціалисты, но и широкая публика можетъ съ большимъ удовольствіемъ читать это сочиненіе, въ которомъ такъ прекрасно сочетались ученость и увлекательность изложенія. Удивительная скромность автора выразилась въ томъ, что эта обширная работа должна была служить какъ бы введеніемъ къ сочиненію о Лаврентіи Валѣ. Это любимая тема Корелина: она осталась, къ сожалѣнію, неразработанной. Сущность гуманистическаго движенія и его результаты разобраны въ диссертациі Корелина исключительно на основаніи документальныхъ источниковъ. Рядъ статей, появившихся около того же времени, касаются, главнымъ образомъ, любимой темы Корелина—эпохи гуманизма, но есть статьи, посвященныя искусству, театральнымъ рецензіямъ: «Петрарка, какъ политикъ» («Русская Мысль», 1888), «Искусство и дѣйствительность» («Русская Мысль», 1889); въ 1894 г. онъ читаетъ лекціи въ пользу комитета грамотности о «Первой гуманисткѣ», потомъ—объ «Л. Б. Альберти и его отношеніи къ наукѣ и искусству»,

въ 1896 г. издалъ небольшую, изящную книжку «Очерки итальянскаго возрожденія», куда вошли раньше напечатанные имъ этюды, и написана руководящая статья «Что такое возрожденіе». Въ «Вопросахъ Философіи и Психологіи» помѣщено нѣсколько статей изъ той же эпохи — «Очерки развитія философской мысли въ эпоху возрожденія». Недаромъ эпоха гуманизма охватила такъ глубоко Корелина: онъ самъ былъ гуманистомъ, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Его не только привлекалъ интересъ къ личности, но онъ вообще цѣнилъ и любилъ личность въ человѣкѣ, интересовался личнымъ началомъ въ исторіи. Наукѣ онъ придавалъ общественное, воспитательное значеніе и выдвигалъ ея великую образовательную роль. Этимъ объясняется его необыкновенно широкая и разнообразная дѣятельность. Самостоятельный изслѣдователь и специалистъ, онъ находилъ высокое наслажденіе въ томъ, чтобы пустить въ широкой оборотъ свои знанія, нисколько не отступая отъ чистой, научной точки зрѣнія. Его историческія чтенія для дѣтей написаны замѣчательно доступно и художественно. Лекціи его на воскресныхъ чтеніяхъ — «Объ ассирійскомъ народѣ и его богахъ-покровителяхъ», о «Финикійскихъ мореплавателяхъ и ихъ культурѣ», о «Египетскихъ богахъ, ихъ храмахъ и изображеніяхъ», о «Средневѣковой церковной готикѣ и ея историческихъ основахъ» изданы подъ заглавіемъ «Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи». Наконецъ, онъ составилъ рядъ темъ, доступныхъ для народной аудиторіи, въ статьѣ «Что можно дать для народнаго чтенія изъ всемірной исторіи», а въ послѣднихъ №№ «Дѣтскаго Чтенія» за 1898 г. написалъ интересные, живые очерки — «Кто были наши предки, гдѣ и какъ они жили». Такъ, въ лицѣ скончавшагося М. С. Корелина университетъ потерялъ свѣтлую, научную силу, а школа — опытнаго, добраго и талантливаго педагога. Люди, знавшіе близко эту привлекательную личность, оплакиваютъ въ немъ человѣка, который искалъ правды и горячее сердце котораго равно билось для всѣхъ.

П. К—ій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Царскія охоты на Руси царей Михаила Теодоровича и Алексѣя Михайловича. XVII вѣкъ. Историческій очеркъ Николая Кутепова. Спб. 1898.

ГОДА ДВА тому назадъ, мы давали на страницахъ «Историческаго Вѣстника» отзывъ о первой части этого любопытнаго труда, издаваемаго съ необычайною роскошью и представляющаго собою настоящій перлъ типографскаго дѣла. Въ настоящее время вышелъ въ свѣтъ и второй томъ «Царскихъ охотъ» г. Кутепова, и, если можно такъ выразиться, превзошелъ всѣ упованія любителей изящнаго въ формѣ книги... Дѣйствительно, въ этой второй части все прекрасно, начиная съ богатѣйшаго перилета, съ высоко-художественнаго заглавнаго листа, работы К. В. Лебедева, до титульныхъ заголовковъ къ главамъ и до послѣдней тисненной заставки въ концѣ книги.

Все прекрасно не только по замыслу, но и по исполненію; все гармонически согласовано; ничто не рѣжетъ глаза нестроюю тоновъ, ничто не выдѣляется изъ той художественной рамки, въ которую весь трудъ г. Кутепова вправленъ очень искусно и ловко, и, видимо, рукою человѣка опытнаго, отъ природы одареннаго чутьемъ къ изящному... Но этого мало: во всей внѣшности книги видна рука автора-издателя, глубоко проникнутаго высокимъ значеніемъ того предмета, который избранъ имъ въ основу его труда, и потому онъ ни передъ чѣмъ не останавливается, лишь бы придать своему труду ту внѣшность, какой заслуживаетъ высокій предметъ его изслѣдованія... А предметъ дѣйствительно высокъ: это лучшій періодъ процвѣтанія царскихъ охотъ на Руси, поэтическій періодъ охотъ «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича, полный

сказочной роскоши, красокъ, блеска, страсти и удали, классическій періодъ соколиныхъ и кречатыхъ потѣхъ, обставленныхъ многолюдными и шумными выѣздами на охоты и торжественными пиршествами въ «отъѣзжемъ полѣ», подъ сѣнью роскошныхъ царскихъ шатровъ... И вотъ этому-то періоду расцвѣта «красной и славной потѣхи государевой» посвященъ второй томъ книги г. Кутепова; и прежде чѣмъ мы перейдемъ къ бѣглому обзору его содержанія, мы не можемъ не остановиться съ особеннымъ удовольствіемъ на нѣкоторыхъ подробностяхъ его художественной внѣшней стороны.

Эта внѣшняя сторона въ изобиліи украшена и произведеніями фантазій нашихъ первоклассныхъ художниковъ (Рѣпина, К. Лебедева, Васнецова, Сурикова и Рубо), которые воспользовались историческими и бытовыми данными для возстановленія нашей старины въ видѣ охотничьихъ сценъ и обрядовъ, украшена богатѣйшимъ орнаментомъ, которымъ талантливый художникъ Самокишъ сумѣлъ превосходно воспользоваться, то вставляя въ его рамку отдѣльныя бытовые сценки, то оплетая имъ заглавныя буквы, головы звѣрей, или группами стариннаго оружія и охотничьей утвари. И поверхъ всего этого, перемежаясь съ художественной иллюстраціей, передъ глазами нашими въ книгѣ г. Кутепова проходятъ виды старинныхъ зданій, планы старинныхъ городовъ, монастырей и важнѣйшихъ территорій, служившихъ постояннымъ мѣстомъ царскихъ охотъ, и наконецъ, снимки съ грамотъ, царскихъ писемъ и рукописей, имѣющихъ прямое отношеніе къ царскимъ охотамъ XVII вѣка. Въ числѣ ихъ находимъ и любопытное «тарабарское» ¹⁾ письмо царя Алексѣя Михайловича къ одному изъ его приближенныхъ. Все это тщательно собрано изъ архивовъ и частныхъ коллекцій, сопоставлено и связано общою нитью указаній и примѣчаній къ тексту, и въ общемъ составляетъ одну достаточно полную картину «царскихъ охотъ», ихъ обстановки и того персонала, который былъ для нихъ необходимъ.

Среди художественныхъ приложеній, превосходно исполненныхъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, особое вниманіе обращаютъ на себя работы Рѣпина и К. Лебедева, — первыя по своей высокой художественности, вторыя — по высокой художественной красотѣ выполненія, при глубокомъ, поразительномъ знаніи бытовыхъ подробностей нашей старины XVII вѣка ²⁾. За ними на второмъ планѣ слѣдуютъ работы Сурикова, Васнецова и Рябушкина, съ сильно выраженными притязаніями на оригинальность и стиль; вслѣдъ за ними двѣ высоко-талантливыя акварели Рубо и, по весьма удачному вымыслу автора-издателя, рядъ смѣлыхъ набросковъ Самокиша къ извѣстной поэмѣ Мея «Избавитель», основанной на трагическомъ эпизодѣ изъ охотъ царя Алексѣя Михайловича.

¹⁾ Т. е. писанное «тарабарскою» грамотою, составленную изъ собственныхъ именъ, заключающихъ въ себѣ слова тайнаго письма.

²⁾ Отмѣтимъ, кстати, одну историческую неточность въ прекрасномъ рисункѣ П. Е. Рѣпина: «Инокъ Филаретъ въ кельѣ Антоніевъ-Спасскаго монастыря». Здѣсь Филаретъ (въ мірѣ бояринъ Феодоръ Никитичъ Романовъ) изображенъ сѣдымъ старикомъ, а между тѣмъ онъ былъ въ это время едва ли старше 30 лѣтъ. Даже и много лѣтъ спустя, во времена своего патріаршества, онъ еще сохранялъ молоджавость и благообразіе лица.

Переходя отъ этой роскошной внѣшности къ внутреннему содержанію книги, мы и здѣсь видимъ большое богатство и разнообразіе въ подборѣ фактовъ, мѣстами весьма любопытныхъ, мѣстами поучительныхъ и живо рисующихъ намъ «доброе, старое время» во всѣхъ его проявленіяхъ. Передъ нами развертывается весьма полная и подробная картина придворнаго охотничьяго быта, со всѣми его обрядами, обычаями, затѣями, причудами и предрасудками. Вскрывая передъ нами эту картину, авторъ пользуется очень ловко самыми разнообразными источниками, начиная отъ документовъ дворцоваго приказа и приказа тайныхъ дѣлъ, до всевозможныхъ архивныхъ дѣлъ, писемъ и памятныхъ записей самого царя Алексѣя Михайловича, свѣдѣній, сообщаемыхъ Котошихиннымъ и иностранцами, и даже до мѣстныхъ преданій, связанныхъ съ определенными урочищами и уцѣлѣвшими памятниками. Въ первой главѣ своего труда, авторъ характеризуетъ намъ царей Михаила Теодоровича и Алексѣя Михайловича въ ихъ отношеніяхъ къ охотѣ, въ ихъ пристрастіи къ тѣмъ или другимъ сторонамъ охотничьяго спорта. Во второй главѣ подробно излагаются различные виды царскихъ охотъ и потѣхъ; въ третьей—внутренній строй царскихъ охотъ въ XVII вѣкѣ, т. е. въ періодъ наибольшаго ихъ развитія и процвѣтанія, и наконецъ, въ главѣ IV, авторъ спеціально занимается рассмотрѣніемъ обычая посылки ловчихъ птицъ въ числѣ даровъ, отправляемыхъ съ послами къ восточнымъ и западнымъ государямъ. Книга г. Кутепова заканчивается обширными и подробными примѣчаніями, дѣлающими честь его начитанности и трудолюбію, и приложеніями, имѣющими прямое историческое отношеніе къ избранному имъ предмету изслѣдованія. Текстъ книги написанъ легко и читается не безъ удовольствія (несмотря на свою спеціальность).

При чтеніи книги г. Кутепова намъ пришлось, однако же, въ нѣсколькихъ мѣстахъ встрѣтить такіа указанія и объясненія, съ которыми мы вполне не можемъ согласиться, и мы надѣемся, что почтенный авторъ не постѣдуетъ на насъ, если мы выскажемъ здѣсь наше мнѣніе по этимъ немногимъ пунктамъ. Такъ, напримѣръ, говоря о томъ, что уже и въ XVII вѣкѣ количество звѣря въ русскихъ лѣсахъ стало уменьшаться, г. Кутеповъ замѣчаетъ, будто бы соболь уже и тогда удалился въ Восточную Сибирь. На это мы можемъ замѣтить, что еще въ прошломъ столѣтіи соболь (и хорошій по качеству) не былъ диковинкою на Уралѣ, а въ Западной Сибири добывали его даже и очень не мало. Не советамъ вѣрнымъ считаемъ и указаніе на то, что рыбій зубъ (т. е. клыки моржей) добывались въ XVII вѣкѣ на берегахъ Новой Земли: мѣсто добычи этого цѣннаго подѣлочнаго матеріала лежало гораздо ближе, а именно на Терскомъ и Мурманскомъ берегу ¹⁾. Переходя къ подробностямъ снаряженія и вооруженія охотниковъ, мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что «полный приборъ вооруженія коннаго воина (или охотника) именовался саадокомъ»

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что подъ названіемъ рыбьяго зуба нельзя разумѣть моржевые клыки; подъ этимъ названіемъ могли являться и клыки мамонтовъ, костями которыхъ и въ наше время еще очень богата приморская самоѣдская тундра.

(стр. 65)... Саадокомъ именовалось нѣчто гораздо болѣе опредѣленное, а именно: налучно (т. е. плоскій футляръ для лука), на внѣшней сторонѣ котораго помѣщались въ особомъ карманѣ стрѣлы. Футляръ этотъ, общимъ очертаніемъ своимъ, соответствовалъ фигурѣ лука, который изъ него торчалъ однимъ краемъ, и привѣшивался къ сѣдлу. Не можемъ мы также согласиться съ г. Кутеновымъ, будто бы лубье саадочное дѣлалось изъ кожи или сафьяна; лубье саадочное—это твердая основа саадочнаго футляра и, по самому простому толкованію, вѣроятно, дѣлалось изъ дуба, покрытаго кожей или сафьяномъ... Далѣе, говоря о протазанахъ, какъ обыкновенномъ оружіи сокольниковъ, «наряжаемыхъ въ парадъ при встрѣчахъ или проводахъ пословъ», г. Кутеновъ находитъ нужнымъ добавить: «врядъ ли это оружіе было удобно для самой охоты». На это мы можемъ замѣтить, что протазаны (зап. *pertuisane*) никогда не были оружіемъ, а только блестящею и красивою замѣною оружія въ дворцовомъ обиходѣ, при всякихъ церемоніяхъ и парадахъ; именно съ этимъ значеніемъ протазаны были постоянно принадлежностью дворцовыхъ жильцовъ, и едва ли не изъ ихъ рукъ передавались наряднымъ сокольникамъ при разныхъ торжествахъ, въ которыхъ они могли быть участниками. Не вполне ясное представленіе получается и о самострѣлѣ по толкованію, которое даетъ г. Кутеновъ; перечисляя части этого довольно сложнаго оружія, которое состояло изъ «деревянной сохи съ полосой» и изъ вставленнаго въ эту соху стального лука, г. Кутеновъ объясняетъ слово полоса словомъ ложа. Но тутъ въ старинномъ описаніи самострѣла дѣло идетъ, именно, о полосѣ стали, которая вправлялась въ деревянную соху, чтобы стрѣлѣ удобнѣе было по ней скользить. На стр. 70-й находимъ приводимое изъ иностранцевъ (Олеарія, Герберштейна и Рейтенфельса) извѣстіе о способѣ ловли волковъ «при посредствѣ особаго плода, до котораго они большіе, будто бы, охотники; плодъ этотъ, называемый иностранцами *boqanez*,—рѣдкій видъ дыни или тыквы, формою въ видѣ ягненка и покрытъ какъ бы шерстью въ родѣ мерлушки». Передача такого извѣстія въ этомъ видѣ и безъ всякихъ толкованій со стороны автора, конечно, можетъ только ввести читателя въ заблужденіе. Подъ названіемъ баранецъ тутъ, очевидно, иноземцы разумѣютъ подобіе барана, которое охотники могли дѣлать и изъ тыквы, обтянутой мерлушкой; такую тыкву, вѣроятно, волочили за санями, во время ночныхъ охотъ, въ видѣ приманки для волковъ, которыхъ въ это же время скликали визгомъ поросенка, положеннаго въ сани. Не вполне согласны мы и съ предположеніемъ г. Кутенова, будто на царскихъ кречатняхъ вмѣстѣ съ кречатами и соколами держались и орлы; предположеніе это г. Кутеновъ основываетъ на упоминаніи «орловыхъ клубучковъ» въ числѣ сокольниковъ утвари. Но не будетъ ли правильнѣе предположить, что «орловыми клубучками» назывались клубочки, украшенные орловыми перьями или даже небольшими изображеніями гербовыхъ орловъ? Перечисляя разные способы добыванія ловчей птицы, г. Кутеновъ затрудняется опредѣлить значеніе «опромета» (стр. 83), предполагаетъ, что подъ названіемъ этого снаряда слѣдуетъ разумѣть сѣтку, въ родѣ описанной Бремомъ (для ловли соколовъ). На это мы можемъ съ полною увѣренностью отвѣтить, что опрометомъ навывается и до сихъ поръ (въ Новгородской губ.) птичья западня, ко-

торая опрокидывается (опрометывается), когда птица сядетъ на одну изъ жердочекъ. Въ заключеніе нашего бѣглаго обзора книги г. Кутенова мы не можемъ, однако же, не признать въ ней трудъ, добросовѣстно выполненный и вносящій много новаго въ изученіе одного изъ любопытнѣйшихъ уголковъ нашего стариннаго царскаго быта. П. Полевой.

**П. Сергѣенко. Какъ живетъ и работаетъ графъ Л. Н. Толстой.
М. 1898.**

Чрезвычайное положеніе, которое занимаетъ не только въ русской, но и во всемірной литературѣ гениальный авторъ «Войны и міра», позволяетъ уже давно заниматься его личностью интеллигенціи положительно всѣхъ странъ свѣта. Къ нему отовсюду наѣзжаютъ его поклонники, почитатели, интервьюеры, просто любопытствующие поглядѣть на «великаго писателя земли Русской», люди, нуждающіеся въ добромъ указаніи и совѣтѣ, ищущіе облегчить душу и свои сомнѣнія въ его умной и увлекательной бесѣдѣ. Графъ Толстой всѣхъ принимаетъ радушно и, повидимому, уже давно привыкъ, что его жизнь и слово суть какъ бы общественныя достоянія. Къ сожалѣнію, добрымъ чувствомъ хозяина «Ясной Поляны» нѣкоторые изъ случайныхъ гостей, въ особенности изъ числа иностранцевъ, злоупотребляютъ, позволяя себѣ, по возвращеніи домой, дѣлаться съ публикою вынесенными впечатлѣніями и наблюденіями, гдѣ правда съ ложнымъ вымысломъ тѣсно переплетаются, и гдѣ Левъ Николаевичъ сплошь и рядомъ рисуется въ неправильномъ и невыгодномъ освѣщеніи. Ему приписываютъ мысли, слова и дѣйствія, ничего не имѣющія общаго ни съ дѣйствительностью, ни съ здравымъ смысломъ. Не успѣетъ народиться то или иное общественное явленіе, съ мѣстомъ дѣйствія въ Россіи или за границею, какъ и наши отечественные интервьюеры и репортеры мелкой прессы саранчею налетаютъ въ «Ясную Поляну» и затѣмъ слышать, часто не продумавъ видѣннаго и слышаннаго, оповѣщать *orbis et urbi* «авторитетное мнѣніе» великаго мыслителя нашихъ дней. На повѣрку затѣмъ оказывается, что это «авторитетное мнѣніе» — мнѣе, но за то жадная до сенсаціонныхъ извѣстій публика обогащается лишнимъ анекдотомъ изъ жизни крупнаго писателя, послѣ чего начинается судъ и осужденіе человѣка въ такихъ поступкахъ и словахъ, въ коихъ онъ совершенно неповиненъ.

Г. Сергѣенко, пользуясь свободнымъ входомъ въ домъ графа Толстого, своимъ знакомствомъ съ семействомъ, задался цѣлью описать во всѣхъ подробностяхъ интимную жизнь великаго писателя и его домочадцевъ, обстановку, среди которой онъ работаетъ, способы работы и времяпрепровожденіе въ свободные отъ занятій часы. Авторъ просто фотографируетъ жизнь писателя, оставляя въ сторонѣ собственную особу, не пускаясь ни въ какіе кривотолки, выводы и умозаключенія; онъ не фантазируетъ, не навязываетъ читателямъ свое собственное «я» и не рисуетъ дорогого намъ писателя въ какомъ нибудь эксцентричномъ освѣщеніи съ необычайными рѣчами на устахъ. Благодаря этому, читатели получаютъ дѣйствительно интересную, правдоподобную картину, гдѣ детали не загромаждаютъ сути, и гдѣ дѣйствительно на первомъ планѣ выдѣ-

лена оригинальная фигура автора «Войны и мира» въ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ положеніяхъ, въ какихъ приходится бывать и всѣмъ остальнымъ смертнымъ. Свой текстъ г. Сергѣенко обильно снабдилъ фотографическими снимками, изъ которыхъ въкоторыя, какъ, наиримѣръ, снимки съ автографовъ и корректуръ, имѣють интересъ новизны и историческую цѣнность. Чрезвычайно любопытны также въ книгѣ снимки съ картинъ и набросковъ Рѣпина, Пастернака, Ярошенко, съ портрета, писаннаго дочерью Толстого, съ гипсового бюста, выгнѣннаго княземъ Трубецкимъ, и друг.; заслуживаютъ вниманія снимки и съ болѣе или менѣе извѣстныхъ группъ, гдѣ галлѣ писатель снятъ въ компаніи Григоровича, Гончарова, Дружинина, Островскаго и Тургенева, а также гдѣ онъ въ сатирическомъ наброскѣ художника Степанова сѣдѣтъ въ сообществѣ другихъ писателей навстрѣчу ждущимъ у порога редакціи «Современника» Панаеву и Некрасову. Обиліе фотографій въ книгѣ г. Сергѣенко дѣлаетъ ее настоящимъ художественнымъ изданіемъ, выпущеннымъ въ свѣтъ очень изящно и по невысокой сравнительно цѣнѣ (2 р. 50 к.), доступной для массы поклонниковъ графа Толстого и любителей всего относящагося до русской литературы.

Среди свѣдѣній, очень характерныхъ и любопытныхъ, собранныхъ въ трудѣ г. Сергѣенко, имѣется и назидательное указаніе для нашихъ скорописующихъ беллетристовъ, какъ работаетъ надъ отдѣлкой своихъ произведеній великій писатель, и какъ правитъ онъ корректуры. «Своей манерой работать Левъ Николаевичъ напоминаетъ прежнихъ живописцевъ, — повѣствуетъ г. Сергѣенко. — Установивъ планъ работы и собравъ большое количество этюдовъ, онъ сначала какъ бы набрасываетъ эскизъ углемъ и пишетъ быстро, не думая о частностяхъ. Написанное, такимъ образомъ, онъ отдаетъ переписать начисто графинѣ Софіи Андреевнѣ или одной изъ дочерей, или кому нибудь изъ его интимныхъ пріятелей, которымъ работа можетъ доставить удовольствіе. Пишетъ Левъ Николаевичъ обыкновенно на четвертушкахъ простой бумаги низкаго качества крупнымъ веревочнымъ почеркомъ, списывая иногда въ день по 20 страницъ, что составляетъ болѣе половины печатнаго листа. Но ни изъ бумаги, ни изъ перьявъ онъ не дѣлаетъ себѣ привычекъ, и когда одна изъ торговыхъ фирмъ задумала выпустить въ свѣтъ толстовскія перья, то у Льва Николаевича на этотъ счетъ не оказалось никакого мнѣнія. Работаетъ онъ преимущественно утромъ, между 9-ю и 3-мя часами, считая этотъ промежутокъ времени самымъ лучшимъ для работы. Добиться свиданія съ нимъ въ это время, если графиня Софія Андреевна бываетъ дома, почти невозможно. Она заботливо охраняетъ его рабочіе часы и, можно сказать негрѣша, что, пожалуй, отказалась бы допустить ко Льву Николаевичу даже и короля, если бы король могъ помѣшать его работѣ». Когда новое произведеніе гр. Толстого, начисто переписанное, появляется на его рабочемъ столѣ, оно подвергается немедленной переработкѣ, но это опять все еще нѣчто въ родѣ эскиза углемъ.

Рукописи быстро спешчатся помарками и вставками между строками, снизу и съ переносомъ на другую страницу. Цѣлыя фразы замѣняются другими, которыя, какъ молніей, освѣщаютъ иногда выводимый образъ съ новой стороны. Второй разъ переписанная начисто работа подвергается той же уча-

сти. Въ третій разъ—то же самое. Нѣкоторыя главы переписываются Львомъ Николаевичемъ болѣе десяти разъ. Между тѣмъ, онъ почти вовсе не заботится о внѣшней отдѣлкѣ и питаетъ даже нѣкотораго рода отвращеніе ко всему подстриженному въ искусствѣ.

— Все это часто лишь засушиваетъ мысль и вредитъ впечатлѣнію, — говоритъ онъ.

И все болѣе вооружаясь, по мѣрѣ писанія, своими воспоминаніями и новыми свѣдѣніями по вопросу, который онъ затрогиваетъ, Левъ Николаевичъ упорно, пытливо и настойчиво работаетъ надъ каждою главою, дѣлая лишь небольшіе перерывы для отдыха и прибѣгая обыкновенно къ раскладыванію пасьянса въ затруднительныя минуты.

Напряженное дописываніе внутренней ясности въ каждомъ изображаемомъ имъ героѣ составляетъ въ это время самую главную заботу для Льва Николаевича, и онъ любитъ говорить по этому поводу, что золото добывается усиленнымъ просѣиваніемъ и промываніемъ.

Только нѣкоторыя сцены удается Льву Николаевичу набросать сразу, подъ живымъ впечатлѣніемъ. Такъ были написаны скачки въ «Днѣ Карениной» подъ впечатлѣніемъ увлекательнаго разсказа князя Оболенскаго.

По мѣрѣ переписыванія и исправленія работы, однѣ подробности выступаютъ ярче, другія же какъ бы все ступшеваются.

Добившись напряженною работою извѣстной ясности, Левъ Николаевичъ Толстой прочитываетъ свое новое произведеніе въ кружкѣ близкихъ ему людей, чтобы воспользоваться замѣчаніями, пока произведеніе не пошло еще въ печать...

Немало хлопотъ доставляетъ писателю типографіямъ своими правками корректуру. Корректурa всегда вызываетъ въ немъ приливъ усиленной дѣятельности. «За періодъ времени, пока печаталась рукопись, — говоритъ г. Сергѣенко, — произошло столько событій, накопилось столько новыхъ впечатлѣній, освѣщающихъ нѣкоторыя стороны затронутого вопроса съ совершенно новой стороны. Между тѣмъ поля корректуры узки, времени для поправокъ такъ мало. И, сдерживая напоръ новыхъ мыслей и экономизируя по возможности всякій кусочекъ бумаги, Левъ Николаевичъ превращаетъ корректурные листы въ сплошную сѣть поправокъ. Со второю корректурою происходитъ то же самое. И можно сказать, не преувеличивая, что если бы Льву Николаевичу пришлось держать 99 корректуръ какого нибудь изъ своихъ произведеній, то и 99-я корректурa была бы испещрена поправками». Вообще, чувство самокритики въ немъ очень сильно, и онъ быстро видитъ и сознаетъ всѣ свои ошибки и промахи, но въ корректурѣ умственная зоркость его еще болѣе изоцряется, и пныя главы выходятъ до неузнаваемости измѣнившимися.

Г. Л. И.

Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго г. Муркоса. По рукописи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ четвертый. Москва. 1898.

Въ четвертомъ выпускѣ издаваемаго г. Муркосомъ въ русскомъ переводѣ замѣчательнаго арабскаго литературнаго памятника, описывающаго путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, помѣщены десятая, одиннадцатая и двѣнадцатая книги этого «Путешествія». И этотъ выпускъ, какъ и предыдущіе, о которыхъ въ свое время появлялись сообщенія на страницахъ «Историческаго Вѣстника», отличается весьма любопытнымъ содержаніемъ. Въ книгѣ десятой «Путешествія», состоящей изъ тринадцати главъ (стр. 1—57), описывается пребываніе антиохійскаго патріарха Макарія въ Москвѣ и разсказывается объ его путешествіи въ Троице-Сергіевъ монастырь. Въ частности, о Москвѣ въ этой книгѣ арабскаго произведенія сообщаются различныя свѣдѣнія. Здѣсь дано описаніе Кремля, Китай-города и Бѣлаго города, московскихъ торговыхъ рядовъ и базаровъ, устройство пожарной части и мѣръ предосторожности отъ пожаровъ, сообщаются свѣдѣнія о приказахъ, областяхъ и доходахъ въ Московскомъ государствѣ, о власти русскихъ архіереевъ и порядкѣ ихъ избранія и рукоположенія, объ архіерейскихъ служеніяхъ и крестныхъ ходахъ въ Москвѣ, о московскихъ иконописцахъ и иконѣ Иверской Божіей Матери, излагаются календарныя свѣдѣнія, существовавшія въ Россіи въ XVII вѣкѣ, сообщаются историческія данныя о женскомъ монастырѣ св. Саввы и о валдайскомъ Иверскомъ монастырѣ, о войнѣ царя Алексѣя Михайловича съ поляками, о жизни и дѣятельности патріарха Никона; на ряду съ этими свѣдѣніями въ «Путешествіи» нашли себѣ мѣсто многочисленныя данныя касательно жизни и быта русскаго народа, эпизодическіе разсказы о случайныхъ событіяхъ, свидѣтелемъ коихъ былъ арабскій писатель (напримѣръ, празднованіе дня именинъ царевны Прины, прибытіе транспорта ружей изъ Швеціи) и т. п. Что касается путешествія патріарха Макарія въ Троице-Сергіевъ монастырь, то оно было предпринято, какъ съ цѣлью богомолья, такъ и для ознакомленія съ этою знаменитою русскою святыней. Въ «Путешествіи» описывается поѣздка изъ Москвы въ этотъ знаменитый монастырь, торжественная встрѣча почетныхъ гостей монастырскимъ начальствомъ; ихъ пребываніе здѣсь и подарки, поднесенные отъ монастыря. Осмотръ монастыря почетные иностранцы произвели подъ руководствомъ келаря Арсенія Суханова. Въ результатъ получилось довольно подробное и точное описаніе Свято-Троицкой Сергіевой лавры, сдѣланное авторомъ «Путешествія» архидіакономъ Павломъ. Въ этомъ описаніи сообщаются свѣдѣнія о церкви св. Троицы, монастырской ризницѣ, Успенскомъ соборѣ, о различныхъ монастырскихъ строеніяхъ, стѣнахъ и воротахъ; сообщаются и краткія историческія свѣдѣнія объ основателѣ лавры, преподобномъ Сергіи.

Книга одиннадцатая (стр. 58—119) состоитъ изъ девятнадцати главъ, девять изъ коихъ заняты описаніемъ путешествія патріарха Макарія въ Новго-

родъ, а остальные посвящены Москвѣ. Путешествіе въ Новгородъ было принято патріархомъ Макаріемъ по совѣту патріарха Никона, который, желая сдѣлать пріятное восточному гостю, предложилъ ему съѣздить въ Иверскій, близъ Валдая, монастырь и освятить его, а послѣ посѣтить и Новгородъ. Съ большою свитою патріархъ Макарій отбылъ изъ Москвы 4-го августа 1655 года, по дорогѣ посѣтилъ Успенскій монастырь близъ Клина, заѣхалъ въ Тверь и чрезъ Торжокъ и Вышній Волочекъ прибылъ въ Иверскій Свято-озерскій монастырь. Здѣсь почетные посѣтителѣ были торжественно встрѣчены монахами и въ теченіе немногихъ дней оставались въ монастырѣ, окруженные почетомъ и уваженіемъ. Авторъ «Путешествія», архидіаконъ Павелъ, описываетъ этотъ монастырь и, въ частности, его соборную церковь, перечисляетъ дары монастырю отъ патріарха Никона и говоритъ объ его богатѣйшихъ угодьяхъ. Изъ Иверскаго монастыря по рѣкѣ Мстѣ и озеру Пльменю патріархъ Макарій прибылъ со спутниками въ Новгородъ. Въ «Путешествіи» излагается исторія Новгорода и приводится легенда объ апостолѣ Андрѣ, описываются новгородскій Софійскій соборъ, монастыри — Антоніевъ, Сырковъ, Хутыясамъ-Варламіевъ, Вяжицкій, Святодуховъ и Юрьевъ, указывается церковно-политическое значеніе Новгорода и опредѣляется власть его митрополита, описывается встрѣча новгородскими властями патріарха Макарія и его пребываніе здѣсь. Обратный путь патріарха въ Москву лежалъ чрезъ вышеупомянутый Иверскій монастырь и далѣе — городъ Тверь. Прибывши въ Москву въ концѣ сентября 1655 года, патріархъ Макарій былъ здѣсь свидѣтелемъ встрѣчи пословъ австрійскаго, шведскаго и венеціанскаго. 10-го декабря возвратился въ Москву и царь Алексѣй Михайловичъ, одержавъ побѣду надъ поляками. Въ «Путешествіи» подробно описывается торжественная встрѣча царя въ Москвѣ и богослуженія по поводу побѣды, рассказывается, далѣе, о приемѣ у царя упомянутыхъ иностранныхъ посольствъ и цѣли ихъ, описывается патріаршее богослуженіе въ праздники Рождества Христова и Богоявленія, въ день св. Петра митрополита и св. Татіаны, передаются извѣстія о дѣйствіяхъ Бутурлина и Хмельницкаго и сообщается объ отношеніи царя къ гетману Павлу Потюкому. Наконецъ, въ разсматриваемой книгѣ содержится рассказъ объ отливкѣ царь-колокола. По сообщенію Павла Алеппскаго, онъ былъ отлитъ въ 1655 году изъ обломковъ другого, сдѣланнаго за годъ предъ тѣмъ и вѣсившаго восемь тысячъ пудовъ. Новый колоколъ вѣсилъ уже 12 тысячъ пудовъ. Онъ былъ отлитъ русскимъ мастеромъ. Подготовительныя работы начались въ первыхъ числахъ февраля 1655 года и продолжались до осени. Въ началѣ октября колоколъ былъ отлитъ. Работы подъ конецъ велись очень снѣжно, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ патріарха Никона, которому, очевидно, хотѣлось звономъ въ эту невиданную громаду мѣди достойно встрѣтить царя при возвращеніи его изъ побѣдоноснаго похода противъ поляковъ. И дѣйствительно, къ его прибытію колоколъ былъ поднятъ и повѣшенъ надъ каменной ямою, на деревянныхъ столбахъ, подлѣ Ивановской колокольни. На лицевой сторонѣ колокола, обращенной къ Успенскому собору, находилось изображеніе царя и царицы, а на задней — патріарха Никона. Въ первый разъ въ колоколъ стали звонить 9 декабря, наканунѣ въѣзда царя въ Москву. Окружность коло-

кола, по словамъ Павла Алеппскаго, равнялась 64 футамъ, а стоимость его простиралась до 50 тысячъ рублей; языкъ колокола вѣсилъ 250 пудовъ и былъ толщиною въ обхватъ; звонили въ колоколъ сто человекъ.

Книга двѣнадцатая (стр. 120 — 195) состоитъ изъ восемнадцати главъ. Здѣсь авторъ продолжаетъ описывать пребываніе въ Москвѣ патріарха Макарія. Попрежнему рѣчь идетъ преимущественно о церковно-религіозной жизни русскаго народа, указываются церкви и монастыри (Новоспасскій, Чудовъ, Вознесенскій и Неводвѣвичій), гдѣ патріархъ служилъ, описывается богослуженіе, рассказывается объ устройствѣ монастырей. Между прочимъ, патріархъ Макарій ѣздилъ въ Саввинъ монастырь близъ Москвы. Это дало основаніе Павлу Алеппскому оставить намъ въ «Путешествіи» обстоятельное описаніе этого монастыря. Рассказывается здѣсь и о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ изъ политической жизни Русскаго государства, какъ-то: о приготовленіи къ войнѣ со шведами, о завоеваніи Тамани донскими казаками, о посланіяхъ къ царю персидскаго шаха и прочее. Наконецъ, патріархъ Макарій соскучился своимъ пребываніемъ въ Москвѣ и испросилъ у царя разрѣшеніе отправиться на Востокъ. Послѣ продолжительнаго промедленія въ отвѣтъ царь, однако, разрѣшилъ этотъ отъѣздъ, наградивъ патріарха многими подарками. Въ мартѣ 1656 года патріархъ Макарій со всею своею свитою выѣхалъ изъ Москвы, но доѣхалъ лишь до Болхова, гдѣ получилъ отъ царя письмо съ просьбою возвратиться обратно въ Москву. Это и опечалило, и обрадовало патріарха, и онъ, недоумѣвая о причинѣ возвращенія, поспѣшилъ обратно въ Москву. По дорогѣ онъ услышалъ о ссорѣ царя съ патріархомъ Никономъ, но, прибывши въ столицу, узналъ, что подлинная причина возвращенія была тройкая: вопросъ о крещеніи ляховъ, дѣло митрополита молдавскаго и вопросъ объ отлученіи еретиковъ отъ церкви. Въ Москвѣ патріархъ оставался до того времени, какъ царь Алексѣй Михайловичъ отправился въ походъ противъ шведовъ, и выѣхалъ изъ столицы 28 мая 1656 года. По дорогѣ патріархъ Макарій посѣтилъ Кіевъ, осмотрѣлъ его святыни—храмы и монастыри, а затѣмъ отправился черезъ Малороссію и 15-го августа прибылъ въ Рашковъ на Днѣстрѣ въ Молдавіи. Этимъ и заканчивается послѣдняя книга «Путешествія».

Изъ краткаго обзора содержанія четвертаго выпуска арабскаго произведенія, описывающаго путешествіе въ Россію антиохійскаго патріарха Макарія и переведеннаго г. Муркосомъ на русскій языкъ, можно видѣть, что это произведеніе имѣетъ высокое научно-историческое значеніе. Читатель найдетъ здѣсь много цѣнныхъ и любопытныхъ сообщеній наблюдательнаго арабскаго автора о различныхъ сторонахъ русско-церковно-общественной жизни въ XVII вѣкѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній отличаются новизною (напримѣръ, описаніе Саввина монастыря), другія восполняютъ прежнія наши свѣдѣнія (напримѣръ, объ отливкѣ царь-колокола), третьи исправляютъ ошибки нашихъ изслѣдователей (напримѣръ, свѣдѣнія объ Иверскомъ Святоозерскомъ монастырѣ). Нужно лишь удивляться тому, что этотъ чрезвычайно богатый и разнообразный по содержанію памятникъ до послѣдняго времени оставался почти совсѣмъ неизвѣстнымъ русско-публикѣ и ученымъ. Г. Муркосъ справедливо указываетъ причины этой почти полной у насъ неизвѣстности «Путешествія» въ томъ,

что оно написано духовнымъ лицомъ, изобилуетъ описаніемъ церквей, монастырей и богослуженій и въ своемъ переводѣ на англійскій языкъ, который доступнѣе арабскаго, имѣетъ много курьезовъ. Но пора бы уже намъ освободиться отъ неосновательныхъ предубѣжденій противъ мнимыхъ клерикаловъ и отказывать имъ въ научной компетенціи: фактъ на лицо, а что касается англійскаго переводчика, исказившаго замѣчательный арабскій литературный памятникъ, то честь и слава русскому ученому, г. Муркосу, который возстановилъ текстъ этого памятника въ его надлежащемъ видѣ, изобличилъ ошпбки англійскаго перевода и представилъ прекрасный русскій переводъ «Путешествія».

С.

Фаустъ, трагедія Гете. Переводъ А. Фета съ рисунками Э. Зейбертца. Изданіе А. Ф. Маркса. Иллюстрированная библиотека «Нивы». Спб. 1899.

Говорить много о значеніи «Фауста» во всемірной литературѣ, кажется, нечего. Самое элементарное образованіе не можетъ обойти этой великой трагедіи. Гете, самый сильный представитель литературнаго творчества конца XVIII и начала XIX столѣтій, проработалъ надъ этимъ произведеніемъ болѣе тридцати лѣтъ, притомъ въ самый расцвѣтъ своей жизни. Первые наброски Фауста были написаны въ 1774 году, когда Гете было 25 лѣтъ, а закончена трагедія только къ его 50-мъ годамъ, къ концу столѣтія, и появилась въ печати въ 1806 году (первая часть); но въ сущности поэтъ былъ занятъ этимъ произведеніемъ всю свою жизнь и уже въ преклонныхъ лѣтахъ написалъ вторую часть. Такимъ образомъ, едва ли найдется другое литературно-поэтическое созданіе, которое бы такъ всецѣло поглотило своего творца, какъ это. Оттого въ «Фаустѣ» ярко отразились и выношенное годами философское мышленіе поэта и его критическіе взгляды и его наблюденіе надъ окружающею его жизнью; оттого такъ разнообразны и такъ богаты содержаніемъ эти сцены, вопли отвѣчающія тому запросу, который поставленъ директоромъ театра въ первомъ прологѣ къ «Фаусту».

Die Masse kömmt ihr nur durch Masse zwingen.
Ein jeder sucht sich endlich selbst was aus.

(Вліять на массу можно только массой, въ концѣ-концовъ ужъ каждый самъ себѣ отыщеть что нибудь).

Передъ читателемъ проходятъ живо очерченныя типичныя лица, въ картинѣ правдивой человѣчной драмы, изъ-подъ которой выступаетъ глубокая мысль. Вторая половина XVIII столѣтія была особенно чревата поражающими своею громадностью событіями, оттого и слишкомъ широкими, ненасытными стремленіями выдающихся дѣятелей. Гете извѣдалъ на себѣ неудовлетворенность результатами, полученными имъ и въ области знанія, и въ области жизненныхъ радостей, человѣческаго счастья. Онъ постоянно долженъ былъ убѣждаться что всѣ величайшія завоеванія человѣчества получаютъ постепенно, шагъ за шагомъ, общей совмѣстной жизнью, и что никакой гений не можетъ перешагнуть черезъ рядъ столѣтій, расширяющихъ знаніе, что, наконецъ, чело-

вѣческій умъ даже не въ состояніи сознать ни начала, ни конца міроваго бытія. Съ другой стороны, испытавъ много радостей и счастья, какъ, можетъ бытъ, рѣдкій человѣкъ на свѣтѣ, Гете чувствовалъ, что нѣтъ радостей, сосредоточивающихся въ себѣ такое блаженство, которое бы когда нибудь не угасло, и далѣе котораго идти было бы невозможно; а потому человѣкъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что ему доступно. Всѣ эти испытанія привели поэта къ творчеству «Фауста». Въ старой легендѣ нашель Гете воплощеніе мыслей, преслѣдовавшихъ его всю жизнь, и отсюда возникла драма. Докторъ Фаустъ насыщенъ въ жаждѣ знанія и счастья, но никакія чары Мефистофеля не утоляютъ этой жажды и не даютъ той желанной минуты, когда хочется воскликнуть: «остановись время, лучшаго не будетъ». Только во второй части (написанной въ старости Гете) Фаустъ находитъ эту минуту, да и то переживаетъ ее только въ предчувствіи будущаго. Онъ говоритъ: «Только тотъ и достоинъ жить и быть свободнымъ, кто долженъ ежедневно завоевывать себѣ жизнь и свободу; таково послѣднее слово мудрости. Какъ бы желалъ я видѣть, когда тутъ, въ этой свободной землѣ, запоишится свободный народъ. Этой минутѣ я могъ бы сказать: «остановись, ты прекрасна!»—Такъ драма «Фаустъ» началось своимъ примыкаетъ къ высказанному еще Лессингомъ въ концѣ 1770-хъ годовъ положенію: что счастье не въ обладаніи, но въ стремленіи къ обладанію, — и это завѣщаніе Гете потомству было какъ бы пророческимъ. Наука отрелась отъ искательства недостижимаго; желаніе добывать философскіе камни и жизненные элексиры стало посмѣшищемъ; ученые поняли, что одна скромная, но упорная постепенность ихъ труда дастъ ему надлежащую силу. Только въ дѣлѣ безумной погони за радостями жизни нашему нервному вѣку мало отвѣчаютъ основы, сказавшіяся въ «Фаустѣ». Будемъ думать, что тутъ вина переходнаго времени.

Говоря о Фаустѣ, невольно наталкиваешься и еще на одну мысль. Въ наши дни символизма перечисываніе драмы особенно полезно и въ томъ отношеніи, что Фаустъ служитъ примѣромъ, какъ символизмъ можетъ быть ясенъ, нагляденъ, и что символическому художественному прозведенію долженъ быть присущъ только именно этотъ символизмъ, а не туманъ и декадентство, пзъ которыхъ каждый читатель или зритель дѣлаетъ свои часто нелѣпыя выводы, что автору и не грезилось. Оттого-то первая часть «Фауста» такъ неизмѣримо выше второй, отличающей нѣкоторою туманностью старчество поэта.

Переводъ Фета нельзя назвать особенно удачнымъ, но смягчающимъ обстоятельствомъ тутъ служитъ то, что въ сущности «Фаустъ» Гете непереводимъ, тѣмъ болѣе, когда переводчикъ сплится чудные стихи подлинника передать рифмованными строками, что заставляетъ неминуемо класть и мысль, и рѣчь на прокустово ложе и калѣчить. Фетъ, однако, сдѣлалъ все, что могъ, и большая роскошно изданная съ иллюстраціями Зейбертца книга сдѣлалась украшеніемъ не одной богатой гостиной и солидной библиотеки. Книгъ не доставало только одного: она не была дешева, она стоила 40 рублей и потому была доступна только немногимъ. Но и этихъ немногихъ было достаточно, чтобы дать возможность г. Марксу теперь издать книгу совсѣмъ въ томъ же видѣ, назначивъ ей цѣну почти только въ одну треть прежней, именно, 14 рублей.

Книга еще вся не отпечатана и будетъ выходить выпусками (первый вышелъ) впродолженіе 1899 года. Къ сожалѣнію, однако, цѣна въ 14 рублей назначается только для тѣхъ покупателей, которые подишутся на изданіе до выхода всей книги, цѣна которой потомъ повысится до 20 рублей. Во всякомъ случаѣ, мы привѣтствуемъ доброе стремленіе издателя сдѣлать это роскошное изданіе популярнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ допускаетъ для подписчиковъ разсрочку платежа на нѣсколько сроковъ.

В. К.

П. И. Ковалевскій. Вырожденіе и возрожденіе. Геній и сумасшествіе. Соціально-біологическіе очерки. Изданіе „Русскаго Медицинскаго Вѣстника“. Спб. 1899.

Профессоръ П. И. Ковалевскій извѣстенъ въ популярной исторической литературѣ, какъ авторъ талантливыхъ «Психіатрическихъ эскизовъ изъ исторіи» и цѣлыхъ нейропатолого-историческихъ изслѣдованій, какъ-то: «Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе», «Наполеонъ I и эпилепсія» и пр. Одновременно съ послѣднимъ изслѣдованіемъ вышла въ свѣтъ и другая книжка плодовитаго автора, посвященная животрепещущему вопросу современности о вырожденіи и возрожденіи. Научныя наблюденія привели почтеннаго профессора къ ужасному выводу, который онъ выражаетъ двумя словами: «человѣкъ вырождается!» (курсивъ автора). Къ вырожденію современное человѣчество идетъ всѣми путями: и ненормальнымъ складомъ жизни, и нелѣпо поставленнымъ воспитаніемъ, и гнетущею борьбою за существованіе, доводящею побѣжденных до гибели, а побѣдителей до изнеможенія и истощенія; жители городовъ перевернули день на ночь: они никогда не видятъ солнца Вожьяго, живутъ въ искусственномъ освѣщеніи нездоровою жизнью извращенныхъ существъ; непосильное напряженіе въ борьбѣ за кусокъ хлѣба дѣлаетъ для нихъ почти неизбежнымъ употребленіе наркотиковъ, которые еще больше ускоряютъ гибель надорванныхъ организмовъ. Алкоголики, на примѣръ, неминуемо вырождаются въ четвергомъ поколѣніи, давая больныя поколѣнія нравственно извращенныхъ, эпилептиковъ, преступниковъ, маниаковъ, пѣотовъ и т. д. Еще ужаснѣе тѣ нервныя и душевныя болѣзни, которыя развиваются на почвѣ сифилиса и тоже неминуемо влекутъ за собою вырожденіе цѣлыхъ семействъ. Наслѣдственность, эта копилка родовыхъ несчастій, суммируетъ всѣ болѣзни предковъ и налагаетъ на потомковъ тяжелую расплату за всѣ грѣхи отцовъ и дѣдовъ. «Человѣкъ вырождается!» Вырождается и отъ труда, и отъ разврата, и отъ односторонности, нарушающей всѣ законы естества, искусственной культуры, и отъ некультурности, и отъ голой бѣдности, и даже отъ богатства, которое нерѣдко нарушаетъ нравственное равновѣсіе духовно неприспособленныхъ къ нему индивидуумовъ. Спасити его отъ этого глубокаго, почти стихійнаго вырожденія можетъ, по мнѣнію профессора Ковалевскаго, только возвратъ къ безыскусственной простотѣ деревенскаго житія-бытія и радикальная перестройка всей нашей общественной жизни согласно основнымъ требованіямъ физической и нравственной гігіены.

Кажется, самая распространенная нервная болѣзнь нашего времени есть нейрастенія, т. е. нервная неустойчивость. Нейрастенники обладают обостреніемъ впечатлительности, гипертрофіею органовъ чувствъ; ихъ воспріятія несравненно выше и угонченнѣе, чѣмъ воспріятія средняго человѣка. Сверхъ того, у нихъ повышена рефлекторная дѣятельность. «Область мышленія, какъ центръ, задерживающій и управляющій движеніями и поступками, нѣсколько ослаблена, почему облегчена непосредственная передача импульсовъ (возбужденій) съ чувственной стороны на двигательную; тѣмъ самымъ увеличено количество рефлексовъ, а слѣдовательно и количество движеній, весьма часто непроизвольныхъ и безцѣльныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ обильныхъ и истощающихъ организмъ». Все это влечетъ за собою быстрое утомленіе, а впоследствии и общее переутомленіе организма. Въ этой роковой неуравновѣшенности прихода-расхода психическихъ силъ заключается главное горе нейрастенниковъ, обрекающее ихъ на дальнѣйшія, болѣе глубокая, душевные разстройства, но въ этихъ же самыхъ особенностяхъ ихъ организаціи лежитъ и ихъ превосходство надъ нормальными людьми. Если «путемъ правильнаго воспитанія, соблюденія гигиеническихъ условій и примѣненія строгой діететики духа и тѣла» «поднять дѣятельность уравновѣшивающихъ центровъ даннаго лица», то оно «явится человѣкомъ, одареннымъ широчайшими способностями и богатѣйшими дарованіями». «У такого выродка, говоритъ г. Ковалевскій, способность воспріятія будетъ шире, нравственная отзывчивость сильнѣе, умственная дѣятельность оживленнѣе, мускульная энергія повышеннѣе». «Неуравновѣшенные, неустойчивые выродки при благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ могутъ быть болѣе совершенными, чѣмъ мы, и представлять въ себѣ залогъ возрожденія и прогрессивнаго совершенствованія человѣчества». При такихъ обновленныхъ наукою условіяхъ жизни, многое изъ того, что нынче считается вырождающимся, станетъ въ авангардѣ совершенствующагося человѣчества и составитъ передовыхъ людей возрожденія».

Таковъ послѣдній выводъ почтеннаго русскаго невропатолога. Насколько этотъ выводъ наученъ и справедливъ — это, конечно, другой вопросъ, но что онъ въ высшей степени утѣшительнъ—это несомнѣнно.

Съ этой точки зрѣнія подходитъ г. Ковалевскій и къ высшей степени интересному для историковъ вопросу: что такое геній? Онъ энергично возстаеъ противъ ламбровской теоріи отождествленія генія съ безуміемъ. Геніальность — не родъ сумасшествія, но она возникаетъ именно на почвѣ повышенной воспримчивости и впечатлительности, уравновѣшенной могучею дѣятельностью нервныхъ центровъ. Большее противъ нормы количество впечатлѣній и воспріятій вырабатываетъ способность необыкновенно быстро сочетанія ощущеній и представленій, энергичный ходъ мыслительнаго процесса, а изъ обильнаго и многосторонняго сочетанія мыслей, изъ богатыхъ комбинацій представленій вытекаетъ сама собою уже и основная особенность генія — божественный даръ творчества, яркая самобытность мышленія, созиданіе новыхъ художественныхъ образовъ, открытіе новыхъ законовъ, явленій и т. д. Въ подтвержденіе своей теоріи авторъ ссылается на цѣлый рядъ историческихъ примѣровъ, на Петра I, Наполеона и т. д.

И. Гофштеттеръ.

Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе В. И. Семевскаго. Т. I. Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 года. Т. II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 года. Изданіе И. М. Сибирякова. Спб. 1898.

Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ В. И. Семевскій напечаталъ цѣнное изслѣдованіе по крестьянскому вопросу въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. По всей справедливости, принимая во вниманіе и предшествовавшія работы автора, слѣдовало ожидать, что трудолюбивый ученый послѣдуетъ по намѣченному пути изслѣдованія исторической жизни нашего крестьянства и обратится къ изученію судебъ его въ пореформенный періодъ; но обстоятельства сложились иначе, и г. Семевскій, по просьбѣ небезызвѣстнаго золотопромышленника и мецената П. М. Сибирякова, согласился временно отклониться отъ своихъ основныхъ занятій, которыя составили ему столь заслуженное имя въ исторической литературѣ, и посвятилъ въ теченіе десяти лѣтъ свое время и трудъ изученію положенія рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Результатомъ этихъ занятій явился нынѣ обширнѣйшій трудъ въ двухъ томахъ, заглавіе котораго приведено выше.

Въ печати мнѣ еще не приходилось встрѣчать обстоятельнаго разбора настоящаго сочиненія; объясненіе этому слѣдуетъ искать не въ невнимательности прессы къ выдающейся работѣ автора, но, несомнѣнно, въ томъ обстоятельстве, что она положительно давить рецензентовъ своей обширностью, научностью и обиліемъ вопросовъ, въ ней поставленныхъ и детально обслѣдованныхъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что наша литература уже давно не обогащалась столь серьезнымъ и обстоятельнымъ трудомъ, каковъ трудъ г. Семевскаго, по сравненію съ которымъ все выходящія въ послѣднее время разныя магистерскія и докторскія диссертациі представляются довольно легковѣсными изслѣдованіями. Недавно на страницахъ «Историческаго Вѣстника» я выражалъ недоумѣніе, къ какой категоріи отнести работу г. Тугана-Барановскаго, и какой ученый ареопагъ имѣетъ на нее больше права, по ея спорнымъ достоинствамъ, — ареопагъ ли историковъ, или экономистовъ; теперь же передъ лицомъ труда г. Семевскаго я снова останавливаюсь въ затрудненіи, нѣсколько лишь иного характера, и задаю себѣ вопросъ: чья признательность всего скорѣе вознаградитъ автора, — признательность ли историковъ, или экономистовъ. Никто изъ нихъ не ошибется въ претензіи на выдачу г. Семевскому высшаго диплома и премии, и его работа съ одинаковымъ правомъ можетъ служить украшеніемъ библіотеки любого ученаго изъ числа отмѣченныхъ специальностей. Если здѣсь собранъ вопіющую поражающую своимъ обиліемъ архивный и печатный матеріалъ вопроса, прекрасно распланированный, ясно изложенный и исчерпывающій дѣло въ полномъ объемѣ, доступномъ силамъ одного человѣка, то рядомъ съ этимъ мы поражаемся и искусствомъ автора справляться съ статистическими данными политико-экономической науки. Г. Семевскій затрогиваетъ рядъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, въ ихъ практической постановкѣ, этой отрасли знанія и даетъ на нихъ послынные отвѣты, сообразно съ возможностью, конечно, въ наши дни

откровенно и безпрепятственно давать эти отвѣты. Вотъ почему, если его предшествовавшія работы носили на себѣ ближайшимъ образомъ теоретическій характеръ и удовлетворяли преимущественно чувству любознательности, то настоящая, не теряя ни одного изъ упомянутыхъ признаковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ навстрѣчу практическимъ запросамъ современной жизни. И законодательство, и жизненный обиходъ обширной окраины, могутъ почерпнуть у автора чрезвычайно много полезныхъ указаній и, сообразно имъ, правильно организовать жизнь и трудъ многочисленнаго сибирскаго рабочаго населенія, а также справедливо упорядочить взаимоотношенія тамошнихъ социальныхъ элементовъ, связанныхъ своими путанными интересами съ дѣломъ золотопромышленности. Такимъ образомъ, помимо всего прочаго, г. Семевскій сумѣлъ оказать Сибири немалую услугу выясненіемъ одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ ея жизни, которой всѣ предшествовавшіе дѣятели изъ интеллигенціи касались лишь урывками, вскользь и въ конкретныхъ, единичныхъ случаяхъ. У него же историческая картина жизни, роста и современнаго состоянія нашей золотопромышленности представлена полностью, гдѣ составныя части крѣпко прилажены другъ къ другу, объединены и освѣщены съ точки зрѣнія требованій гуманности и справедливости.

Однимъ изъ главныхъ требованій для улучшенія тяжелаго быта рабочихъ на золотыхъ приискахъ авторъ ставитъ уничтоженіе карающихъ статей закона о стачкахъ, считая необходимымъ дать широкое развитіе самостоятельности рабочихъ относительно защиты ихъ правъ, какъ это и имѣетъ мѣсто въ западно-европейскихъ государствахъ. Далѣе, въ огражденіе интересовъ рабочей массы, онъ считаетъ необходимымъ, чтобы какъ промышленники, такъ и рабочіе за неисполненіе договора одинаково подвергались лишь гражданской отвѣтственности. Ограниченіе произвола горныхъ исправниковъ, особенно въ ихъ функціяхъ по составленію списковъ рабочихъ, «не подлежащихъ впродъ наемкѣ» (за лѣность, дурное поведеніе и проч.), и по высылкамъ рабочихъ съ приисковъ, также, по мнѣнію г. Семевского, должно обратить на себя вниманіе законодательства. «Для успѣшности всѣхъ проектируемыхъ мѣръ необходимо прекращеніе... матеріальной зависимости горныхъ исправниковъ и окружающихъ инженеровъ отъ золотопромышленниковъ, — говоритъ авторъ. — Понятно, что при чуть не официальныхъ привошеніяхъ со стороны золотопромышленниковъ чины полиціи и горнаго вѣдомства чувствуютъ нерѣдко въ некоторую слабость къ золотопромышленникамъ»; чтобы уничтожить такое ненормальное положеніе вещей, онъ полагаетъ необходимымъ «обложить золотопромышленниковъ особымъ сборомъ и употребить его на усиленіе содержанія чиновъ полиціи, а также и горнаго вѣдомства, послѣ чего всякіе лишніе поборы должны уже преслѣдоваться, какъ лихоимство». Важное значеніе придаетъ изслѣдователь положенію женщины на золотыхъ приискахъ, высказываясь противъ всякихъ стѣсненій семейнаго положенія рабочихъ; онъ указываетъ на необходимость упорядочить выдачу заработковъ, въ томъ смыслѣ, чтобы послѣдніе, то-есть заработки, зависѣли не отъ произвола приисковъ управленій, а производились всегда по желанію рабочихъ, если они не состоятъ въ долгу, въ разъ навсегда опредѣленные сроки, согласно «Уставу о промышленности». Равнымъ образомъ авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы

былъ допущенъ прїѣздъ въ тайгу вольныхъ продавцевъ для продажи вещей и припасовъ. Опасеніе, что при такомъ порядкѣ вещей усилится тайная торговля спиртомъ, по его мнѣнію, неосновательно, такъ какъ таковая уже и безъ того широко практикуется самими золотопромышленниками; что же касается возможности для такихъ продавцевъ тайной скупки золота, то она только побудитъ золотопромышленниковъ повысить плату за золото старателямъ. Основаніе школъ, постанова помощи и пособій, вознагражденій за несчастные случаи и организація пенсіоннаго дѣла не оставлены также авторомъ безъ вниманія, сумѣвшимъ такимъ образомъ коснуться самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни русскаго рабочаго на прїискахъ. Намѣчая тѣ или инныя мѣры къ улучшенію быта этого рабочаго, изслѣдователь понужно, не стѣсняясь указаніемъ именъ и мѣстъ дѣйствій, отмѣчаетъ немало злоупотребленій въ прїисковой жизни и какъ бы говоритъ мѣстной администраціи: *saveant consules!*

Выполнить свою отвѣтственную задачу г. Семевскому помогла не только его широкая эрудиція, трудолюбіе, любовь къ своей работѣ и прекрасное знакомство съ литературой предмета, до мелкихъ газетъ включительно, но и — что самое главное — возможность обслѣдовать вопросъ на мѣстѣ, какъ въ нѣдрахъ сибирскихъ архивныхъ канцелярій, такъ и пзъ показаній самихъ рабочихъ и свѣдущихъ людей. Въ этомъ заключается, несомнѣнно, самая выгодная сторона его труда, придающая ему такую жизненность и практическую полезность. Это ознакомленіе на мѣстѣ со всѣмъ, что относится къ жизни прїисковыхъ рабочихъ, было имъ достигнуто, благодаря широкой матеріальной постановкѣ, которую создалъ для работы г. Сибиряковъ. Обеспечивъ поѣздку въ Сибирь, онъ далъ возможность г. Семевскому заглянуть въ непочатые мѣстные архивы, копѣ въ общемъ числѣ нашъ ученый использовалъ не одинъ десятокъ, сдѣлавъ здѣсь все нужныя ему выписки и снявъ коніи съ наиболѣе интересныхъ документовъ. Кромѣ того, историкъ жизни сибирскихъ рабочихъ ознакомлялся лицомъ къ лицу въ теченіе полугода съ бытомъ и съ условіями труда интересующаго его населенія на обширной территоріи, до Иркутска, съ самымъ дѣломъ золотопромышленности и съ представителями этой отрасли народнаго богатства. Такая счастливая возможность, которая далеко не всегда дается всякому изслѣдователю, позволила г. Семевскому ввести въ свою работу массу живыхъ и интересныхъ иллюстрацій эпизодическаго характера, позволила снабдить ее многочисленными копіями съ документовъ, имѣющихъ серіозное значеніе какъ для исторической, такъ и для экономической науки. Нечего и говорить, что авторомъ не оставлена безъ вниманія и вся богатая литература о Сибири, до газетныхъ статей новѣйшаго времени включительно, пользованіе которыми, по неизмѣнно здѣсь указателей, какъ извѣстно, чрезвычайно трудно. Вотъ эта-то совокуинность матеріала пзъ живыхъ впечатлѣній поѣздки и изъ тщательной работы надъ печатными источниками и создаетъ труду г. Семевского то почетное и особенное положеніе, о коемъ я сказалъ выше, и она-то дѣлаетъ его, несмотря на кажущуюся спеціальность темы, полнымъ живого и подчасъ захватывающаго интереса.

В. Глинскій.

21*

А. П. Новицкій. Исторія русскаго искусства. Изданіе магазина „Книжное Дѣло“. Вып. I. Москва. 1899.

Интересъ къ изученію русскаго искусства все болѣе и болѣе развивается среди русскаго общества, а, между тѣмъ, руководства по этому предмету у насъ отсутствуютъ, за исключеніемъ не удовлетворяющаго современнымъ требованіямъ труда Виолле-ле-Дюка и отдѣльныхъ монографій по разнымъ частнымъ вопросамъ. Г. Новицкій задался цѣлью исполнить этотъ пробѣлъ въ литературѣ, такъ, по крайней мѣрѣ, гласитъ объявленіе о подпискѣ на упомянутое сочиненіе.

Въ настоящее время вышелъ первый выпускъ труда г. Новицкаго, и, судя по тому матеріалу, который содержитъ въ себѣ этотъ выпускъ, невольно является сомнѣніе въ томъ, что авторъ справится со взятой имъ на себя задачей, такъ какъ даже при поверхностномъ ознакомленіи съ первыми главами исторіи русскаго искусства въ изложеніи г. Новицкаго видно, что онъ слишкомъ мало, а въ вѣкоторыхъ случаяхъ и совсѣмъ, не знакомъ съ отдѣльными монографіями, разбѣяными по разнымъ изданіямъ. Изложеніе грѣшитъ непоследовательностью, значительными пропусками важныхъ фактовъ, а мѣстами, преимущественно, гдѣ рѣчь идетъ объ архитектурныхъ памятникахъ, изобилуетъ терминами, понятными только специалистамъ. Это обстоятельство было бы вполне умѣстно, если бы трудъ г. Новицкаго предназначался исключительно для этихъ послѣднихъ, но такъ какъ по качеству содержанія онъ ихъ удовлетворить не можетъ, да и цѣль изданія другая, а именно, ознакомленіе публики съ русскимъ искусствомъ, то эти архитектурно-техническіе термины могли бы быть смѣло замѣнены выраженіями, доступными пониманію всѣхъ читателей, тѣмъ болѣе, что они легко поддаются переводу на общепонятный языкъ. Если же авторъ находитъ необходимымъ усваивать свою рѣчь такими терминами, то не мѣшало бы въ примѣчаніяхъ, внизу каждой страницы, дать необходимыя разъясненія. Въ примѣчаніяхъ слѣдовало бы также разъяснить и другія мало извѣстныя публикѣ названія, какъ-то: фелонь, наручники, вежа, гривна и т. п., которыхъ очень много, а разъясненія вполне отсутствуютъ, равно какъ и ссылки на источники, откуда заимствуетъ г. Новицкій свои свѣдѣнія и иллюстраціи. Упомянувъ только фамиліи изслѣдователей, у которыхъ онъ почерпаетъ данныя, авторъ, видимо, находитъ излишнимъ приводить заглавія сочиненій. Мѣстами онъ и вовсе не упоминаетъ фамиліи, а замѣняетъ ее словами «одинъ историкъ», и при этомъ игнорированіи имени изслѣдователя не стѣсняется цитировать слова послѣдняго на цѣлой страницѣ.

Какъ я уже сказалъ, изъ изложенія первыхъ главъ исторіи русскаго искусства явствуетъ, что г. Новицкій мало знакомъ съ литературными матеріалами избранной имъ темы. Онъ въ этомъ случаѣ довольствуется трудами П. Е. Забѣлина, Н. П. Кондакова, Е. Виолле-ле-Дюка, В. В. Сулова и П. А. Лошкарева, забывая или не зная, что, кромѣ этихъ почтенныхъ изслѣдователей, было много и другихъ, положившихъ немало трудовъ къ изученію русскаго искусства и сказавшихъ по нѣкоторымъ вопросамъ его свое вполне авто-

ритетное мнѣніе. Пишущему же исторію русскаго искусства слѣдовало бы считаться съ этими мнѣніями. Нельзя пренебрегать трудами такихъ изслѣдователей, какъ гг. Соловьевъ, Срезневскій, Сахаровъ, Снегиревъ, Ровинскій, Полевой, Шевыревъ, Лешковъ, Батюшковъ, Солнцевъ, Прохоровъ и другіе.

По своей вѣншиности и довольно хорошо исполненнымъ въ одну и нѣсколько красокъ иллюстраціямъ, это изданіе можетъ быть причислено къ такъ называемымъ роскошнымъ, чему и цѣна его (12 руб. по подлинскѣ) вполне соответствуетъ. Относительно иллюстрацій слѣдуетъ выразить сожалѣніе, что онѣ не снабжены соответственнымъ яснымъ объяснительнымъ текстомъ, за который, конечно, нельзя признать напечатанное въ родѣ слѣдующаго: «рязанскій кладъ 1822 г.», «бочка», «фреска Кириллова монастыря» и т. п. Нѣкоторыя изъ иллюстрацій представляютъ предметъ, который онѣ должны изобразить, въ искаженномъ видѣ; такъ, напримѣръ, на страницѣ 10 помѣщено изображеніе жилища даковъ, заимствованное будто бы съ Трояновой колонны, совершенно не соответствующее находящемуся въ дѣйствительности на этомъ всѣмъ извѣстномъ памятникѣ.

Г. П. А.

Г. Я. Кипріяновичъ. Историческій очеркъ православія, католичества и униі въ Бѣлоруссіи и Литвѣ съ древнѣйшаго до настоящаго времени. Второе значительно дополненное изданіе. Вильна. 1899.

Второе изданіе этой книги, по прошествіи трехъ лѣтъ послѣ перваго, служитъ указаніемъ на то, что въ русскомъ обществѣ начинаетъ пробуждаться серьезный интересъ къ прошлымъ судьбамъ и настоящему положенію родного намъ Западнаго края. Въ свое время, при первомъ изданіи, критика отмѣтила выдающіяся достоинства этого труда, въ которомъ изображена обстоятельная и правдивая исторія православія, католичества и униі въ сѣверо-западной Россіи на основаніи твердыхъ и непререкаемыхъ данныхъ.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что такъ какъ основой жизни въ названномъ краѣ служила въ древнія времена религія, а впослѣдствіи — вѣроисповѣдная борьба, то въ исторіи этихъ религіозныхъ теченій и взаимныхъ соотношеній ихъ между собою обрисовываются наиболѣе яркія эпохи общественной и государственной жизни западно-русскаго народа. Поэтому мы обратимъ вниманіе на то значеніе этого солиднаго сочиненія, на которое критикой мало было обращено вниманія, именно, на политическую сторону или, вѣрнѣе, государственно-русскую, ибо изъ фактовъ, изложенныхъ въ книгѣ, сами собою вытекаютъ важные выводы и заключенія для всякаго, кто не хочетъ закрывать глазъ на историческую истину.

Недалеко отошло то печальное время, когда въ понятіяхъ большинства нашего общества Западная Россія представлялась, съ чужого голоса, коренною Польшей, въ смыслѣ историческомъ, этнографическомъ и вѣроисповѣдномъ. Это заблужденіе, между прочимъ, сѣялъ въ русскіхъ умахъ и пресловутый «Колоколь», свободно проникавшій къ намъ изъ-за границы и жадно читавшійся въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, т. е. въ періодъ подготовленія польскаго возстанія для отторженія отъ Россіи всего Западнаго края, по Смоленскъ и Кіевъ

включительно. Тогда, по недомыслию въ нашемъ обществѣ, послѣдовательное возвращеніе къ общерусской государственной жизни западно-русскихъ областей (до границъ Привислинскаго края), извѣстное подъ именемъ трехъ раздѣловъ Польши, почиталось многими не только величайшею несправедливостью, но и преступленіемъ противъ исторіи и польской національности. Въ то смутное время сочувственно воспринималось русскими недоумками даже такое чудовищное заявленіе Герцена въ его журналѣ (да простится ему это прегрѣшеніе), что приснопамятный, въ то время еще здравствовавшій, западно-русскій подвижникъ Іосифъ Сѣмашко есть не кто иной, какъ кровожадный разбойникъ Литвы (sic). Такіе взгляды по сей день съ неустаннымъ упорствомъ распространяетъ заграничная польская журналистика, считающая западную Россію «забраннымъ краемъ», а наше правительство въ немъ «московскимъ наѣздомъ».

Конечно, тенденціозную неправду невозможно образумить никакими свидѣтельствами исторіи, какъ бы ни были ясны и непреложны тѣ данныя, на которыхъ эти свидѣтельства основаны. Но для многихъ русскихъ людей несомнѣнно полезно прочесть прекрасную книгу г. Кипріяновича, чтобы окончательно уяснить себѣ понятіе о томъ, что такое была и есть западная Россія, которую оспариваютъ у насъ польскіе публицисты.

Изъ этой книги мало освѣдомленный читатель узнаетъ, что полоса, занимаемая нынѣшними западными губерніями, въ самую глубокую старину была обитаема русскимъ племенемъ, подъ разными названіями: кривичей, дреговичей, радимичей, сѣверянъ, говорившихъ одинаковымъ славяно-русскимъ языкомъ, изъ котораго впоследствии образовалось бѣлорусское нарѣчіе. Вся эта полоса со временъ св. Владиміра и Ярослава Мудраго (980—1054) составляла древне-русскую землю, по которой изъ Кіева быстро распространилась греко-восточная (православная) вѣра, когда о католичествомъ не было еще и помину. Только небольшой участокъ, заселенный литвинами (Ковенская губ.), долго пребывалъ въ язычествѣ. Извѣстно, что въ древнія времена весь Западный край, населенный православно-русскимъ народомъ, впоследствии раздробился на множество удѣловъ и былъ управляемъ русскими князьями; но съ теченіемъ времени русскія земли нынѣшняго сѣверо-западнаго края подпали подъ единоличную власть литовскихъ князей, которые съ тѣхъ поръ приняли титулъ князей литовско-русскихъ, а владѣнія ихъ стали называться великимъ княжествомъ литовско-русскимъ или, сокращенно, Литвой. Въ новомъ государствѣ девять десятыхъ земель занимали русскіе. При этихъ князьяхъ православіе не только не ослабѣвало, но успѣшно проникало и въ этнографическую Литву. Сами литовскіе князья или исповѣдывали православную вѣру, или, оставаясь язычниками, были женаты на русскихъ княжнахъ. Домашнимъ и государственнымъ языкомъ литовскихъ князей былъ русскій. Если бы такое теченіе дѣлъ продолжалось еще нѣкоторое время, — говоритъ польскій историкъ Ярошевичъ, — то Литва, усвоивъ себѣ русскій языкъ, русскіе обычаи, частью и русское законодательство, принимая русское вѣроисповѣданіе съ духовною властью русской церкви и вступая часъ отъ часу въ болѣе тѣсныя сношенія съ цѣлою Русью посредствомъ семейныхъ связей своихъ князей, — Литва, го-

ворю, перемѣнила бы свою литовско-языческую народность на христіанско-русскую».

Римско-католическая вѣра стала проникать въ Литву только къ концу XIV вѣка, послѣ того, какъ литовскій князь Ягайло (въ православіи Яковъ) перешелъ въ латинство, чтобы жениться на польской королевѣ Ядвигѣ, при чемъ онъ обязался соединить Литву съ Польшей и крестить въ латинство своихъ подданныхъ. Съ этого времени начинается энергическій натискъ польскаго духовенства на православіе, подъ покровительствомъ литовско-польскихъ королей и при поощреніи напѣ и польской шляхты. Въ виду же малоуспѣшности своихъ усилій, польскія власти и духовенство придумали церковную унію (1596—1720), чтобы постепенно переводить русскихъ людей въ католичество и польщизну. Эта унія наложила особый отпечатокъ на всю послѣдующую исторію Западнаго края, характеризующуюся упорнымъ и продолжительнымъ отставаніемъ со стороны коренного населенія своей православной вѣры и русской народности, ибо унія была вводимая посредствомъ безпощадно жестокихъ мѣръ, напоминающихъ собою гоненія языческихъ римскихъ императоровъ на христіанъ въ первые вѣка христіанства. Мучительная борьба втеченіе трехъ съ половиною столѣтій произвела значительныя опустошенія въ рядахъ православныхъ. Изъ уніи былъ естественный переходъ въ латинство, а въ такомъ случаѣ русскій человекъ по необходимости усваивалъ себѣ польскій языкъ, чтобы молиться въ костелѣ, и незамѣтно переходилъ въ польскій лагерь; дальнѣйшія же поколѣнія такихъ русскихъ отщепенцевъ были уже по духу польскими, хотя сохранили въ житейскомъ обиходѣ свой родной языкъ и свои народные обычаи. Такимъ образомъ, изъ первоначально сплошного русскаго и православнаго населенія сохранилась къ 1839-му году, когда совершилась обратная унія, едва половина неокатолическаго русскаго народа, еще пребывавшаго въ навязанномъ ему уніатствѣ или, по народному мѣстному выраженію, въ русской вѣрѣ. Изъ этого бѣглаго очерка видно, что историческія права на Западный край, помимо государственныхъ, находятся вполне на нашей сторонѣ. Такое убѣжденіе особенно ярко сказывается по прочтеніи самой книги.

Почтенный авторъ, между прочимъ, высказываетъ такое предположеніе: «если бы западно-русскій народъ не вышелъ побѣдителемъ въ вѣковой борьбѣ своей съ латинствомъ и уніей, то успѣвшее поглотить часть западно-руссовъ латинство могло бы распространить свое побѣдоносное шествіе и далѣе на востокъ — въ Великороссію. Въ такомъ печальномъ случаѣ гражданскій строй государства и церковная жизнь русскихъ совершенно измѣнились бы». Съ своей стороны мы скажемъ, что если бы католичество не вторглось въ западную — эту исконно русскую — окраину, то тѣ политическія страсти, которыя до сихъ поръ тлѣютъ въ наносной почвѣ этой земли, совсѣмъ не имѣли бы мѣста.

Остается прибавить, что основательное изслѣдованіе религіозной исторіи сѣверо-западнаго края (Бѣлоруссіи и Литвы) изложено авторомъ прекраснымъ общепонятнымъ языкомъ, благодаря чему оно можетъ служить удобною и интересною книгой для чтенія всякому грамотному человеку.

И. Любарскій.

А. И. Дмитриевъ-Мамоновъ. Пугачевщина въ Сибири. Москва. 1899.

Несмотря на обширную литературу о пугачевщинѣ, время отъ времени появляются новыя о ней изслѣдованія, дополняющія свѣдѣнія о причинахъ быстро успѣха самозванца не только по берегамъ Волги, но и по другую сторону Урала. Менѣе изслѣдована пугачевщина за Ураломъ, и потому очерки о ней г. Дмитриева-Мамонова, по документамъ изъ архива акмолинскаго областного управленія объ экспедиціи генерала Деколонга, командовавшего сибирскими войсками, въ эпоху самозванца, значительно дополняютъ картину народнаго движенія въ концѣ XVIII вѣка. Пугачевщина въ Сибири отличается сочувствіемъ народа къ поднятому Пугачевымъ знамени и нераспорядительностью мѣстныхъ властей къ подавленію мятежа. Крайне безотрадное состояніе по сибирской и оренбургской линіямъ военной охраны, имѣвшей въ своихъ рядахъ недовольныхъ казаковъ и польскихъ конфедератовъ, усугублялось неблагонадежностью горнозаводскаго и пнородческаго населенія изъ башкиръ, киргизъ-кайсаковъ, калмыковъ, чувашей и т. д. Отсутствие единства и согласованія распорядительности въ дѣйствіяхъ мѣстныхъ губернаторовъ еще болѣе ослабляло и деморализовало военное дѣло въ Сибири екатерининской эпохи. Книга г. Дмитриева-Мамонова въ этомъ отношеніи даетъ богатый, фактический матеріалъ. Когда въ 1773 г. по оренбургской линіи распространилось извѣстіе о движеніи пугачевскихъ шаекъ, и на помощь къ оренбургскому губернатору Рейнсдорну послѣдили изъ Омска генераль Деколонгъ, а изъ Тобольска сибирскій губернаторъ Чичеринъ, тогда Рейнсдорпъ писалъ, «что какъ для помки извѣстнаго государственнаго злодѣя Пугачева воинскихъ силъ собрано въ Оренбургѣ уже не мало, при которыхъ и предводителей находится достаточно», то лучше имъ оставаться на своихъ мѣстахъ. «Такія распоряженія генерала Рейнсдорна, — говоритъ г. Дмитриевъ-Мамоновъ, — явно указывавшія на нежеланіе его допустить въ дѣлѣ усмиренія волненій постороннихъ самостоятельныхъ дѣйствій, направленныхъ къ возстановленію спокойствія, дабы тѣмъ какъ бы оставить за собою однимъ славу подавленія мятежа, естественно, не могли оставаться безъ вліянія на дальнѣйшій ходъ событій, давая тѣмъ возможность бунтовщикамъ все болѣе и болѣе расширять поле своей преступной дѣятельности». И дѣйствительно, Пугачевъ беретъ быстро одну за другой крѣпости по оренбургской линіи: Шильнскую, Троицкую, привлекаетъ къ себѣ закрѣпощенное населеніе и недовольныхъ солдатъ мѣстныхъ гарнизоновъ; а распоряженія губернаторовъ, которымъ даже неизвѣстно въ точности мѣсто-пробываніе самозванца, продолжаютъ противорѣчить одно другому. Наконецъ, въ Петербургѣ поняли необходимость изъять защиту края изъ мѣстныхъ рукъ и сосредоточить военныя силы въ одномъ лицѣ. Только съ появленіемъ изъ Петербурга Библикова и Михельсона положеніе вещей измѣняется, и генераль Деколонгъ является дѣятельнымъ ихъ помощникомъ, съ успѣхомъ отражающимъ вторженіе пугачевскихъ шаекъ въ Сибирь и Исетскую провинцію. Самозванецъ терпитъ пораженія, но тотчасъ же собираетъ новыя силы, даже, послѣ бѣгства изъ-подъ Казани въ Башкирію, не разчитавъ, что бѣгство во внутреннія гу-

берніи Россіи, къ Москвѣ, было бы болѣе полезно для возстанія и сопровождалось бы всеобщимъ поднятіемъ давно ожидавшихъ его народныхъ массъ. Даже послѣ поимки самозванца, волненія крестьянъ и башкиръ продолжались, питаемые и существующими реальными нуждами народа, и заманчивыми вымыслами о волѣ; но вожди народнаго движенія были переловлены, организациія между отдѣльными частями возстанія отсутствовала, а правительственныя силы продолжали расти и сосредоточиваться въ рукахъ умѣлыхъ и энергичныхъ полководцевъ, и скоро возстаніе было окончательно подавлено.

А. Фаресовъ.

Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Томы 1—3. Спб. 1898.

Покончивъ два года тому назадъ съ переводомъ сочиненій Людвигъ Берне, нашъ неутомимый и лучший въ настоящее время переводчикъ европейскихъ классиковъ, П. И. Вейнбергъ, приступилъ къ изданію перевода сочиненій второго блестящаго представителя «молодой Германіи» — Генриха Гейне. Въ 1866 г. еще г. Вейнбергъ сдѣлалъ попытку ознакомить русскую публику съ произведеніями этого вѣмецкаго писателя и довелъ свое изданіе до 12 томовъ; но затѣмъ это предпріятіе потерпѣло неудачу, — изданіе, по матеріальнымъ причинамъ, перешло въ чужія руки и было продолжено и окончено безъ всякаго съ его стороны участія. Настоящее изданіе появляется нынѣ въ свѣтъ въ совершенно обновленномъ видѣ, съ тою главною разницею, по сравненію съ предыдущимъ, что, во-первыхъ, многія произведенія, какъ прозаическія, такъ стихотворныя, переведены заново; во-вторыхъ, въ текстѣ сдѣланы значительныя дополненія, въ-третьихъ, оно снабжено необходимыми примѣчаніями, въ-четвертыхъ, наконецъ, по своей дешевизнѣ (1 р. 75 к. за томъ), сравнительно съ прежнею цѣною, оно дѣлается вполне доступнымъ читающей массѣ. Все изданіе предположено въ 8 томахъ, при чемъ, слѣдуя хронологическому порядку, каждый томъ составляетъ отдѣльное цѣлое. При редактированіи, переводчикъ слѣдовалъ послѣднему изданію сочиненій Гейне, самому полному и законченному въ Германіи, сдѣланному профессоромъ Эльстремомъ.

Пока вышли въ свѣтъ первые три тома, содержащіе въ себѣ прозаическія произведенія автора, относящіяся главнымъ образомъ къ 1824 — 1834 гг., переводъ конхъ въ большинствѣ сдѣланъ самимъ г. Вейнбергомъ; только лишь немногіе выполнены г-жею Сухотиной. Кто знакомъ съ работами русскаго «Гейне изъ Тамбова», тому врядъ ли много нужно говорить, поскольку его стиль и стихъ родственны блестящему и остроумному вѣмецкому поэту; эта-то родственность и дала полную возможность переводчику воплотить въ русскую рѣчь и въ русскій стихъ колкія выходки Гейне, его парадоксы, остроты и широкій лирическій наосъ, обильно заполняющій собою всѣ его произведенія. Конечно, по условіямъ нашей общественной жизни, переводчикъ сплошь и рядомъ чувствовалъ себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ, благодаря чему изъ текста выпали цѣлыя главы, замѣненныя обильнымъ и знаменательнымъ многоточіемъ. Благодаря этому, конечно, колоритность Гейне въ значительной

степени тускнѣть, но это ужъ не вина редактора и переводчика — онъ сдѣлалъ все зависящее отъ него и подчасъ проплылъ среди такихъ подводныхъ камней, гдѣ, казалось, его кораблю никогда не сдобровать. Опытный литераторъ сумѣлъ между этихъ многоточій сохранить какихъ нибудь всего два слова—существительное въ одномъ предложеніи, сказуемое въ другомъ и такимъ образомъ спасти ядовитый полемическій намекъ, оставляющій все же въ читателѣ волненіе и напряженность протестующаго чувства.

Переводъ сочиненій Гейне появляется въ благоприятное время, когда по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія нѣмецкаго писателя у насъ имъ заинтересовались, и въ журналахъ появилась не одна статья, посвященная его біографіи и характеристикѣ. Большинство послѣднихъ, говоря откровенно, не даетъ достаточнаго и полнаго понятія о поэтѣ, почему и читателямъ гораздо лучше ознакомиться съ его литературной дѣятельностью по предлагаемому нынѣ г. Вейнбергомъ переводу. Это особенно полезно, въ виду неблагоприятнаго впечатлѣнія, оставленнаго оцѣнкой Гейне, сдѣланной Дюрингомъ въ недавно тоже появившемся у насъ переводномъ его трудѣ «Великіе люди въ литературѣ», гдѣ нѣмецкій критикъ, какъ извѣстно, втопталъ въ грязь поэта, руководясь исключительно антисемитическими побужденіями. Г. Вейнбергъ обѣщаетъ дать въ одномъ изъ дальнѣйшихъ томовъ біографію Гейне, которую, — скажемъ отъ себя, въ видѣ личнаго пожеланія, — пріятно было бы видѣть не въ формѣ простаго собранія фактовъ и хронологическихъ датъ, а въ критическомъ освѣщеніи и съ объясненіемъ многихъ доселѣ непонятныхъ страницъ изъ бурной жизни поэта. Г. Вейнбергъ могъ бы это сдѣлать лучше, чѣмъ кто либо другой, чѣмъ былъ бы данъ спокойный и основательный отвѣтъ многимъ неблагоприятнымъ толкамъ о «загадочномъ» нѣмецкомъ писателѣ, раздававшимся по случаю столѣтней его годовщины въ нашей печати.

Въ заключеніе остается сказать, что компактные томики нынѣшняго изданія Гейне выпущены въ продажу очень аккуратно и изящно, хотя и со множествомъ опечатокъ, правда, старательно отмѣченныхъ въ приложеніяхъ къ каждому тому.

В. Г.

Семидесятипятилѣтіе гимназіи императорскаго человѣколюбиваго общества. 1829—1895 г. Спб. 1898.

Историческія записки гимназій обыкновенно скучны, шаблонны, сообщаютъ о всѣмъ извѣстныхъ фактахъ и, если представляютъ интересъ, то лишь въ общей своей массѣ. Записка, заглавіе которой мы привели выше, является, однако, въ этомъ отношеніи ограднымъ исключеніемъ. Гимназія императорскаго человѣколюбиваго общества, въ настоящее время представляющая собой учебное заведеніе, тождественное съ другими классическими гимназіями, въ теченіе своего 75-лѣтняго существованія пережила нѣсколько совершенно оригинальныхъ періодовъ. Зерно, изъ котораго она развилась, представляло собой простую школу для бѣдныхъ мальчиковъ, по преимуществу, спроть, соединенную съ пріютомъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Развиваясь мало-по-малу, школа эта постепенно распрямилась, увеличивался кругъ преподававшихся въ ней

предметовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и права самихъ воспитанниковъ. Росту учебнаго заведенія много способствовало то обстоятельство, что, со дня его открытія, въ немъ работали энергичные и выдающіеся по своимъ познаніямъ люди. Первымъ директоромъ былъ П. А. Петровъ, братъ извѣстнаго писателя, находившагося въ дружескихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ, авторъ рукописнаго, впрочемъ, труда: «Свѣтъ религіи и мракъ разума». Затѣмъ, въ числѣ учебнаго персонала можно назвать П. Кукольника, Ф. П. Петрушевскаго, Кошанскаго, а въ болѣе поздній періодъ Л. Н. Майкова, А. Н. Майкова, А. Скабичевскаго, Е. Е. Замысловскаго, Галахова и особенно Ш. М. Цейдлера, педагога, въ истинномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Любопытно, что Руничъ, снискавшій себѣ печальную извѣстность гасителя просвѣщенія, въ исторіи гимназій челоуѣколюбиваго общества игралъ совершенно другую роль и, едва ли не первый, потребовалъ расширенія первоначальной довольно узкой программы «Дома воспитанія».

Размѣры библиографической замѣтки не позволяютъ намъ подробно останавливаться на книжкѣ, которая представляетъ собой яркую и довольно интересную страничку въ общей исторіи педагогіи. Мы позволимъ себѣ лишь отмѣтить нѣкоторыя особенности, любопытныя въ бытовомъ отношеніи. Прежде всего, интересны цѣли, которыя ставило себѣ это учебное заведеніе, или, вѣрнѣе, тѣ средства, при помощи которыхъ оно стремилось къ достиженію главной своей цѣли — обезпеченія своихъ воспитанниковъ-сиротъ. Первоначально воспитанники эти предназначались для службы по канцелярской части. Поэтому ихъ обучали канцелярскому дѣлопроизводству, читали имъ статистику, преподаватель которой подробно рассказывалъ о садоводствѣ и рыболовствѣ, заводахъ винокуренныхъ, портерныхъ, купоросныхъ, рыбаго клея. Другой преподаватель читалъ законовѣдніе и весь 1841 годъ посвятилъ, напримѣръ, вопросу о брачномъ союзѣ. Въ 1858 году, однако, въ виду «общаго стремленія къ сокращенію лицъ гражданской службы», было предположено дать «Дому воспитанія» другое спеціальное направленіе, сдѣлать воспитанниковъ пригодными для приготовленія фельдшеровъ, управителей имѣній, землемѣровъ-таксаторовъ и т. п. Сообразно этому новому предположенію, были сдѣланы соответственныя измѣненія и въ преподаваемыхъ предметахъ. Для характеристики тогдашняго преподаванія позволимъ себѣ привести программу, по которой въ 1837 — 1838 г. преподавалась ученикамъ 6-го класса словесность. Оказывается, на урокахъ словесности учили писать «письма: а) вообще, б) по предметамъ общежитія: къ низшимъ, равнымъ и высшимъ, с) къ державнымъ особамъ и дипломатическія, д) литературныя письма». На этихъ же урокахъ обучали вести разговоры: а) философскіе, в) драматическіе и с) разговоры въ царствѣ мертвыхъ (!). Въ программу же входили «новѣствованія и описанія», дѣлившіяся на виды: характеристики, некрологи и анекдоты. Авторъ книги называетъ, конечно, вполне справедливо эту программу странной. Кстати отмѣтимъ, что и въ современномъ преподаваніи словесности есть немало странностей. Между прочимъ, въ настоящей же книгѣ говорится объ очень симпатичномъ по идеѣ дѣлѣ, введенномъ въ этой гимназій, а именно, въѣклассныхъ бесѣдахъ, рефератахъ учениковъ на задаваемые преподавателями темы. Все зависитъ отъ умѣнья преподавателя выбрать соответственную тему и руководить бесѣдами.

Въ данномъ случаѣ, наиримѣрь, ученикамъ VIII класса, для «бесѣды» были предлагаемы такія темы: «Художественное описаніе часовни Спасителя въ Петербургѣ», «Мнѣніе Карамзина о Шекспирѣ», «Описаніе музея общества спасанія на водахъ» и др. О чемъ можно было «бесѣдовать» на такія темы, возможенъ ли былъ здѣсь хоть какой нибудь обмѣвъ мыслей, и не являлись ли рефераты такого рода «разговорами въ царствѣ мертвыхъ».

Интересная по своему содержанію книжка и съ внѣшней стороны издана недурно. Она снабжена цѣлымъ рядомъ портретовъ, снимковъ и, что самое главное, именованнымъ указателемъ, за который скажутъ большое спасибо составителямъ всѣхъ библиографы. Тѣ же библиографы, однако, останутся недовольны, когда увидятъ, что, въ перечнѣ служившихъ въ гимназін лицъ, сообщаемыя объ этихъ лицахъ чисто фактическія свѣдѣнія крайне неполны (нередко указывается даже образовательный цензъ), и что въ серединѣ книги около 30 страницъ не имѣютъ никакой пагинаціи.

Вл. Воцяновскій.

Древнерусская картографія. Выпускъ I. Планы г. Москвы XVII вѣка. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. М. 1898.

Послѣ предварительнаго указанія на древнѣйшіе планы г. Москвы (Сигизмунда Герберштейна, Псаака Массы и Федора Борисовича Годунова), составитель настоящаго перваго выпуска «Древнерусской картографіи» г. Вѣлокуровъ даетъ обзоръ 69 плановъ г. Москвы за 60 и 70-ые годы XVII столѣтія, съ представляемыми при описаніи ихъ рисунками. «Рукописныхъ плановъ Москвы XVII вѣка,—говоритъ онъ,—сохраняющихся въ нашихъ архивахъ, извѣстно очень мало; древнѣйшіе изъ нихъ относятся къ 60—70-мъ годамъ сего столѣтія, къ царствованію Алексѣя Михайловича» (какъ можно судить по указаніямъ на нѣкоторыхъ планахъ), «и находятся въ дѣлахъ приказа тайныхъ дѣлъ»; въ настоящее же время хранятся въ государственномъ архивѣ. Часть ихъ уже была издана В. П. Ламанскимъ въ приложеніи къ II тому «Записокъ отдѣленія русской и славянской археологіи императорскаго русскаго археологическаго общества».

Изъ неизвѣстныхъ доселѣ и впервые напечатанныхъ въ настоящемъ выпускѣ г. Вѣлокуровъ указываетъ 35 плановъ.

Хотя издаваемые планы и обнимаютъ небольшую часть Москвы, но они имѣютъ весьма важное значеніе для болѣе яснаго представленія о ней въ 70-хъ годахъ XVII столѣтія.

Расположивъ ихъ въ порядкѣ частей прежняго дѣленія Москвы, составитель по отношенію къ Кремлю на первомъ мѣстѣ приводитъ площадь, изображающую мѣстность, на которой поставленъ памятникъ императору Александру II. На немъ изображены всѣ тѣ зданія, какія находились въ 70-хъ годахъ XVII столѣтія «почти на всей мѣстности нынѣшняго плаца-парада». Тутъ были подворья Кирилло-Вѣлозерскаго монастыря и Крутицкаго митрополита, двухъэтажное зданіе приказовъ, расположенное въ видѣ буквы П,

концы которой выходили къ Архангельскому собору, дворы бояръ (Черкаскаго, Сицкаго и др.), церкви и проч. Далѣе увѣковѣчены на печатаемыхъ планахъ изъ кремлевскихъ зданій тѣ, которыя находились около Никольскихъ воротъ, въ томъ числѣ обширное подворье Спасо-Симонова монастыря, съ особымъ планомъ, патриаршіи дворъ, также съ особымъ планомъ, и др.

Изъ плановъ Китай-города помѣщены: планъ двора у нынѣшнихъ Изверскихъ (Воскресенскихъ) воротъ и Казанскаго собора, построекъ отъ Спасскихъ воротъ до рѣки Москвы и зданій по Пльинкѣ и за Пльинскими воротами по Маросѣйкѣ, вплоть до Малороссійскаго подворья, гдѣ жили пріѣзжавшіе въ Москву послы.

Изъ числа плановъ Бѣлаго города болѣе всего сохранилось касающихся мѣстности, обнимаемой нынѣшними улицами: Знаменской, Воздвиженской и Никитской. Тутъ въ числѣ выдающихся строеній и дворовъ были церковь чудотворца Николая (сломана въ 1848 г.), «антекарскій садъ», антекарскій дворъ, обширный дворъ боярина Стрѣшнева (на мѣстѣ его теперь зданіе главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ), «Меодіевскій дворъ», на которомъ жилъ бывший епископъ мстиславскій и оршанскій, Меодій Филимоновичъ, прежній протопопъ нѣжинскій Максимъ и его дѣти, и др.

Вслѣдъ за планами, представляющими зданія нѣсколькихъ частей Земляного города, помѣщены два плана Замоскворѣчья, затѣмъ «Чертежъ Воробьевскій» и планъ царскихъ житницъ, находившихся около городской стѣны.

Послѣ этого г. Бѣлокуровъ сообщаетъ перечень всѣхъ плановъ, съ указаніемъ, гдѣ какіе были изданы, и въ самомъ концѣ выпуска приводитъ нѣсколько сохранившихся отрывковъ изъ старинныхъ описей московскихъ дворовъ и церквей, на основаніи которыхъ онъ предполагаетъ, что, вѣроятно, имѣлось и дѣло, содержащее полное описаніе дворовъ, нанесенныхъ на планы.

Рисунки и вообще все изданіе исполнены довольно тщательно и, несомнѣнно, послужатъ хорошему пособіемъ для изучающихъ не только топографію Москвы, но и ея исторію, особенно, когда изданіе будетъ доведено до конца.

В. Р—въ.

А. Метень. Соціализмъ въ Англіи. Спб. 1898.

Въ своемъ сочиненіи о соціализмѣ А. Метень даетъ очеркъ исторіи соціализма въ Англіи со времени его возникновенія и чартистовъ до нашихъ дней. Громадныя достоинства этой книги — полная объективность, что при изложеніи такого вопроса, какъ соціализмъ, имѣетъ большую цѣнность. На русскомъ языкѣ это единственная книга, въ которой представлена такъ общедоступно, ясно и довольно подробно исторія развитія соціализма. Правда, читатель не найдетъ здѣсь всего того, чего слѣдовало бы ожидать отъ заглавія книги, т. е. у Метена мало связана теорія англійскихъ соціалистовъ съ тѣми историческими условіями, которыя создавали такія или иные теченія. Здѣсь нѣтъ изслѣдованія, анализа, а дано только описаніе вопроса, причемъ матеріаломъ для автора послужили біографіи соціалистовъ и программы. Первая глава знакомитъ насъ съ соціализмомъ въ современной Англіи и различными тече-

ніями соціалістической мысли, которая, какъ выясняетъ авторъ, имѣла троякій источникъ: мѣстный, американскій и континентальный. На англійской же почвѣ родился сентиментальный альтруизмъ Карлейля. Къ послѣднему примыкають христіане и чартисты. Христіанскія ассоціаціи живутъ обособленно, гораздо смѣлѣе оказались чартисты, примкнувшіе къ школамъ Рескина, Маркса. Отъ общей характеристики соціализма авторъ переходитъ къ различнымъ группамъ, къ независимымъ, и даетъ опредѣленіе современнаго англійскаго соціализма. «Условимся называть соціализмомъ, — говоритъ онъ, — всякое ученіе, высказывающееся противъ «laisser faire» манчестерцевъ и предоставляющее обществу, отливающемуся въ какую бы то ни было форму, право вмѣшательства въ производство и, въ особенности, въ распредѣленіе богатствъ». Таково пониманіе соціализма, въ самомъ широкомъ его значеніи, какого придерживается нашъ авторъ. Въ религіозномъ отношеніи англійскіе соціалисты не ортодоксальны, но придерживаются туманнаго христіанства. Очень живо и любопытно изложенъ Метеномъ вопросъ объ англійской пропандѣ, которая такъ поражаетъ иностранцевъ. Изобрѣтательность англичанъ въ этомъ отношеніи доходитъ до виртуозности. Есть, напримѣръ, пропандисты, соціалисты, которые развѣзжаютъ на велосипедахъ и устраиваютъ собранія. Джорджисты живутъ лѣтомъ въ большомъ красномъ фургононѣ и переѣзжаютъ изъ одного селенія въ другое, нѣкоторые устраиваютъ цѣлые лагеря съ палатками, пользуясь напыловомъ любопытныхъ, чтобы сдѣлать изъ палатокъ центръ пропанды. Въ результатѣ, авторъ отмѣчаетъ то, что манчестерство въ настоящую минуту менѣе сильно въ своемъ отечествѣ, чѣмъ во Франціи. Какъ и въ Германіи, въ Англіи экономическая критика и экономическая наука раскололась на 2 лагеря: сторонниковъ *laisser faire* и сторонниковъ государственнаго вмѣшательства. Дальнѣйшія главы посвящены возникновенію соціализма въ ученіи Овена и агитаціи чартистовъ. Жизнь Овена «представляетъ въ миниатюрѣ главнѣйшія событія современной эволюціи промышленности» (48 стр.), и на Овена можно смотрѣть, какъ на соединительное звено между утопическимъ коммунизмомъ предшествовавшихъ вѣковъ и соціализмомъ, основаннымъ на выводахъ экономической науки (56). Онъ же впервые въ 1835 году употребилъ и названіе «соціализмъ». Но дѣятельность Овена не обнимаетъ собою всю исторію перваго движенія соціализма: съ 1838 г. до 1848 г. Англію потрясла пропанды чартизма. Вслѣдъ за прекращеніемъ дѣятельности чартизма начинается соціальное воспитаніе Англіи, первымъ представителемъ котораго былъ Карлейль, его главный послѣдователь, критикъ Джонъ Рескинъ, и ученикъ его Вильямъ Моррисъ. Характеристика этихъ трехъ соціалистовъ сдѣлана мастерски. «Карлейль, — говоритъ Метенъ, — былъ аристократическимъ и ирританскимъ соціальнымъ реформаторомъ» (89 стр.). Заслуга Рескина состоитъ въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе образованныхъ людей и представителей искусства современной Англіи на положеніе обездоленныхъ, а Моррисъ — открылъ двери соціализма. Такую же роль сыграли и христіанскіе соціалисты. Переходя къ описанію націонализаціи земли, Метенъ даетъ краткій очеркъ положенія земельной собственности въ Англіи въ связи съ условіями полевого землевладѣнія и останавливается на ученіяхъ Джорджа и Уолеса, излагаетъ

выводы англійскихъ коллективистовъ и поппилистовъ (идея тобианцевъ) и заканчиваетъ свою книгу описаніемъ рабочаго вопроса въ Англии, промышленныхъ союзовъ и отношенія ихъ къ социальнымъ вопросамъ. Последнія страницы трактуютъ объ анархіи въ Англии и главнымъ образомъ о коммунистахъ, хотя анархисты, отвергающіе всякое государственное вмешательство, вовсе не подходятъ подъ его опредѣленіе социализма. Читается книга Метена съ большимъ интересомъ, а переведена отлично. К.

Г. Лансонъ. Исторія французской литературы XVII в. Переводъ З. Венгеровой.—XVIII вѣкъ. Переводъ П. О. Морозова.—XIX вѣкъ. Переводъ П. О. Морозова. Спб. 1899.—Гюставъ Лансонъ. Исторія французской литературы, томъ II. Изданіе Солдатенкова. Москва. 1898.

Блестящій трудъ французскаго историка литературы почти одновременно вышелъ у насъ въ двухъ изданіяхъ. Какъ петербургское изданіе (изд. редакціи «Образованіе»), такъ и московское одинаково цѣнны своимъ отличнымъ переводомъ, хотя мы предпочитаемъ московское изданіе, такъ какъ оно есть полный переводъ всего труда Лансона. Редакція журнала «Образованіе», очевидно, имѣла въ виду очень широкій кругъ читателей, потому что она не перевела средневѣковой литературы, а прямо начала съ Малерба. Между тѣмъ, средневѣковая литература превосходно обработана у Лансона, который и отвелъ ей въ своемъ трудѣ почти одну треть всего мѣста (452 стр. въ 1-мъ томѣ русскаго перевода). Вышняя разница между этими двумя изданіями еще заключается въ томъ, что въ петербургскомъ—всѣ примѣчанія отнесены въ конецъ книги, а въ смыслѣ опрятности изданія—московское безусловно выше. Достоинства труда Лансона давно оцѣнены европейской критикой, и сочиненіе его отмѣчено, какъ выдающееся. Въ общемъ планѣ своей исторіи литературы Лансонъ придерживается хронологической послѣдовательности, слѣдуетъ теченію самой жизни, размѣщая всѣ крупныя труды по времени ихъ появленія. Мелкія сочиненія сгруппированы имъ около однородныхъ главныхъ твореній. Изученію крупныхъ индивидуальныхъ талантовъ Лансонъ совершенно основательно придаетъ широкій и значительный характеръ. Большое вниманіе удѣлено имъ на исторію литературы XIX вѣка. Но онъ строго ограничилъ свою задачу, вслѣдствіе чего многія сочиненія, имѣющія значеніе чисто политическое или историческое,—оставлены имъ въ сторонѣ. Правда, самъ авторъ сознается, что въ настоящее время очень трудно сказать, гдѣ кончается область литературы, что теперь менѣе, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ, можно замкнуться въ художественную литературу, и человѣку, небезучастному къ умственнымъ интересамъ, необходимо слѣдить за всѣмъ, что происходитъ въ различныхъ областяхъ археологій, естественныхъ наукъ и философіи (т. II, 551 стр.). Три главныхъ преобразователя современныхъ умовъ—Тэнъ, Ренанъ и Дарвинъ, но болѣе всего обогатила французскую литературу исторія съ ея всомогательными науками. Лансонъ преклоняется предъ Фюстель де Куланжомъ, который, по его мнѣнію, довелъ до минимума субъективный элементъ... съ помощью трезваго пользованія текс-

тамъ, изъ которыхъ онъ извлекаетъ самую сущность»... Не отрицая огромнаго таланта у Фюстель де Куланжа и его увлекательности, нельзя все-таки согласиться съ его будто бы объективнымъ отношеніемъ къ тексту. Напротивъ, незамѣтно для себя, страстно увлеченный готовой концепціей, онъ нерѣдко подтасовывалъ факты. Лансонъ отмѣчаетъ то явленіе, что въ нашемъ столѣтіи издано значительное число мемуаровъ, писемъ, дневниковъ, имѣющихъ большой успѣхъ. Объясняется это, по его мнѣнію, тѣмъ, что публика утомилась романами, что ея эстетическое воспитаніе достигло такой степени, когда она уже сама можетъ извлекать изъ сырого матеріала содержащагося въ немъ возможности литературнаго наслажденія. Намъ кажется, что авторъ ближе къ истинѣ въ своемъ послѣднемъ заключеніи: «несомнѣнно, что успѣхъ такихъ сочиненій надо отнести также и на счетъ легкомыслія и неспособности думать читателя». Послѣднія страницы сочиненія Лансона посвящены текущей французской литературѣ, разсмотрѣніе которой приводитъ автора къ такому выводу, что теперь во всѣхъ областяхъ литературы замѣчается какое-то броженіе, и чувствуется подготовка къ будущей литературѣ.

К.

Aleksander Hirschberg. Dymitr Samozwaniec. We Lwowie. 1898.

Автору вышедшей подъ этимъ заглавіемъ въ Львовѣ монографіи о Димитріи Самозванцѣ, профессору Гиршбергу, послѣ долгихъ поисковъ, посчастливилось отыскать въ бібліотекахъ имени Оссолинскихъ и покойнаго графа Боворовскаго, въ музеѣ князей Чарторыскихъ и въ другихъ до сихъ поръ мало изученныхъ хранилищахъ древнихъ рукописей, значительное количество новыхъ данныхъ, относящихся къ исторіи смутнаго времени. Среди найденныхъ источниковъ особеннаго вниманія заслуживаютъ дневники двухъ приближенныхъ Маринны Мнишекъ, Мартина Стадницкаго и Станислава Немоевскаго, и громадное количество выдержекъ изъ переписки высокопоставленныхъ лицъ того времени, изслѣдованной профессоромъ Гиршбергомъ впервые. Новыя данныя, въ связи съ существовавшимъ ранѣе матеріаломъ и соответствующей литературою, позволили профессору Гиршбергу изобразить картину событій изъ жизни Самозванца съ сравнительно большею полнотою и точнось, чѣмъ это было сдѣлано до сихъ поръ.

15 главъ изъ 16-ти посвящены періоду отъ 1601 по 1606 годъ. Въ этихъ главахъ профессоръ Гиршбергъ даетъ читателямъ обстоятельную характеристику совокупности условій, благоприятствовавшихъ появленію Самозванца, рельефно обрисовываетъ его личность и въ яркихъ образахъ излагаетъ всю исторію борьбы Димитрія за московскій престолъ. Изложеніе отличается обиліемъ очень любопытныхъ подробностей. Къ сожалѣнію, добытыя профессоромъ Гиршбергомъ свѣдѣнія относятся преимущественно къ тому періоду, который въ цѣломъ возбуждаетъ меньше всего сомнѣній и разногласія. Вопросъ о происхожденіи Димитрія и его жизни до момента появленія въ роли претендента и въ монографіи профессора Гиршберга, по недостатку матеріаловъ, остается безъ положительнаго разрѣшенія. Въ посвященной этому вопросу XVI главѣ профессоръ Гиршбергъ, соглашаясь съ Костомаровымъ и Пирлин-

гомъ, видитъ въ Димитріи и Гришкѣ Огрельевѣ разныхъ лицъ, но вопреки Пирлингу и первоначальному мнѣнію Костомарова, отказывается признать въ Самозванцѣ сына царя Іоанна Грознаго. Къ такому выводу приводятъ профессоръ Гиршберга давняя объ убійствѣ царевича въ Угличѣ, факты, обрисовывающіе отношеніе къ этому вопросу царицы Марѣы, легендарный характеръ разсказовъ самого Самозванца о его спасеніи и, наконецъ, сводъ мнѣній о претендентѣ на московскій престолъ его современниковъ. Лица, близко стоявшія къ событіямъ смутнаго времени и хорошо освѣдомленные, какъ, напри- мѣръ, король Сигизмундъ III, канцлеръ Левъ Сапѣга, епископъ Гембицкій и другіе, называютъ въ своихъ письмахъ Димитрія не иначе, какъ самозванцемъ и узурпаторомъ, а въ дневникѣ Мартина Стадницкаго попадаетъ такое мѣсто: «до сихъ поръ басни Димитрія о его происхожденіи и правахъ на престолъ пользуются успѣхомъ». Письмо Димитрія къ папѣ Клименту VIII, изданное о. Пирлингомъ, вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній о томъ, къ какой народности, къ какой культурѣ могъ принадлежать, судя по графологическимъ даннымъ, человекъ, именуемый въ исторіи Димитріемъ Самозванцемъ. Большинство высказавшихся по этому предмету ученыхъ видитъ въ Димитріи великоросса, человека московской культуры. Профессоръ Гиршбергъ склоненъ признать въ Самозванцѣ шляхтича изъ Бѣлой Руси, и основываясь какъ на его характеристикѣ, такъ и на нѣкоторыхъ выдержкахъ изъ писемъ современниковъ, примыкаетъ къ мнѣнію Буссова и предполагаетъ, что Димитрій былъ незаконнымъ сыномъ короля Стефана Баторія.

Въ общемъ, научный интересъ труда почтеннаго автора заключается не въ довольно сомнительномъ обоснованіи только что приведенной гипотезы, а въ глубоко продуманномъ и даровито изложенномъ изображеніи какъ личности Самозванца, такъ и исторіи его жизни. Такой сводъ значительно пополнившихся за послѣдніе годы свѣдѣній по исторіи Димитрія Самозванца въ одно цѣлое представляется въ высшей степени своевременнымъ и цѣннымъ вкладомъ въ историческую науку.

В. Р. С.

Древности. Труды археографической комиссіи императорскаго московскаго археологическаго общества. Томъ I, выпускъ 1 и 2. Москва. 1898.

1896 годъ въ исторіи русскихъ архивовъ долженъ быть признанъ знаменательнымъ: въ концѣ его возникла при московскомъ археологическомъ обществѣ особая археографическая комиссія, поставившая себѣ задачей—приведеніе въ извѣстность содержанія архивовъ, библиотекъ и другихъ подобныхъ учрежденій какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, общественныхъ и частныхъ, и разработку вопросовъ, касающихся археографіи, архивовѣдѣнія, палеографіи, дипломатики и всѣхъ вообще вспомогательныхъ для исторіи знаний.

Оставляя пока въ сторонѣ послѣднюю сторону дѣятельности комиссіи, какова разработка теоретическихъ вопросовъ, скажемъ, что заслуга комиссіи будетъ громадна, если ей удастся исполнить первую часть программы—привести въ извѣстность матеріалы, наполняющіе наши архивы. Не го-

вора уже о томъ, что содержаніе весьма и весьма многихъ архивовъ неизвѣстно, и они, благодаря этому, не приносятъ никакой пользы для науки, нужно замѣтить, что существуютъ многіе архивы, которыхъ никто не подозрѣваетъ, — мы говоримъ объ архивахъ частныхъ, о семейныхъ собраніяхъ документовъ. Нѣтъ нужды распространяться объ отношеніи нашего общества къ письменнымъ памятникамъ былого времени; въ большинствѣ случаевъ оно прямо можетъ быть названо варварскимъ, да и не одного только общества; въ «Трудахъ», которымъ посвящена наша рѣчь, есть, между прочимъ, статья о московскомъ губернскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ, яркими красками рисующая печальное положеніе этого учрежденія, гдѣ дѣла свалены кучами на земляномъ полу, куда зимою безпрепятственно проникаетъ снѣгъ, а лѣтомъ — дождь. И это рядомъ съ такими образцовыми древнехранилищами, какъ московскій архивъ министерства юстиціи и иностранныхъ дѣлъ!

Борьбѣ съ подобными отрицательными явленіями и намѣтила своею дѣлю московская археографическая коммиссія, стремясь опредѣлить и описать то, что уцѣлѣло отъ вѣкового истребленія совместными дѣйствіями времени и людей. Для этого она рѣшила вступитъ въ возможно обширныя сношенія съ лицами и учрежденіями, дѣйствующими на мѣстахъ, дабы при ихъ помощи сосредоточить у себя всѣ нужныя свѣдѣнія; кромѣ того, для выясненія лучшихъ пріемовъ архивной практики, ею обращено вниманіе на изученіе положенія этого предмета въ другихъ государствахъ.

Въ вышедшихъ въ свѣтъ двухъ выпускахъ «Трудовъ» коммисіи читатель найдетъ много статей какъ о русскихъ архивахъ (напримѣръ, «Архивъ полоцкой духовной консисторіи», «Замѣтка объ архивѣ св. синода»), такъ и объ иностранныхъ («Обзоръ архивовъ Пруссіи, Баваріи и Австріи», «Стокгольмскій государственный архивъ»), затѣмъ, здѣсь помѣщены также нѣкоторые историческіе матеріалы; напримѣръ, во второмъ выпускѣ напечатана «Вкладная книга Серпуховскаго Высоцкаго монастыря»; есть много замѣтокъ о провинціальныхъ архивахъ, официальныхъ и частныхъ. Это показываетъ, что коммиссія приступила уже къ осуществленію своей трудной и сложной задачи, доведенія которой до конца долженъ пожелать ей, конечно, всякій, кто интересуется историческимъ прошлымъ нашей родины.

В. Б-въ.

Луи Вергранъ. Общество взаимной помощи въ Бельгіи. Перев. съ франц. Спб. 1898.

Благодаря политическому режиму, покровительствующему всевозможнымъ ассоціаціямъ капиталовъ, Бельгія явилась страной, благоприятной для развитія капиталовъ. Мы видимъ, что и въ Россіи функционируютъ различныя анонимныя общества съ бельгійскими капиталами, эксплуатирующія различныя отрасли производства. Естественнымъ противовѣсомъ ассоціаціямъ капиталовъ явились различныя коопераціи тѣхъ, которые, создавая эти капиталы, получаютъ отъ стола господъ только жалкія крохи. Разсмотрѣнію этихъ-то кооперацій, преимущественно экономического характера, каковыя въ послѣднее время стали развиваться и у насъ въ видѣ такъ называемыхъ потребитель-

ныхъ обществъ, авторъ и посвящаетъ свою книгу, въ которой онъ даетъ довольно обстоятельный очеркъ, какъ причинъ, вызвавшихъ къ жизни эти кооперации, такъ и исторію ихъ развитія и регламентаціи ихъ законами Бельгіи. Авторъ весьма сочувственно относится къ этимъ коопераціямъ, какъ имѣющимъ «громадную силу» въ дѣлѣ улучшенія положенія индивида. «Кооперации потребительныхъ обществъ создадутъ кооперацію производства, будутъ образовывать рабочую массу, воспитывать ее въ умственномъ, экономическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ». Съ этой точки зрѣнія авторъ требуетъ соединенія кооперативныхъ обществъ, ихъ федераціи, ихъ централизаціи для того, чтобы и самую капиталистическую организацію «преобразовать на служеніе обществу». Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ эту книгу, представляющую большой интересъ для каждаго образованнаго человѣка.

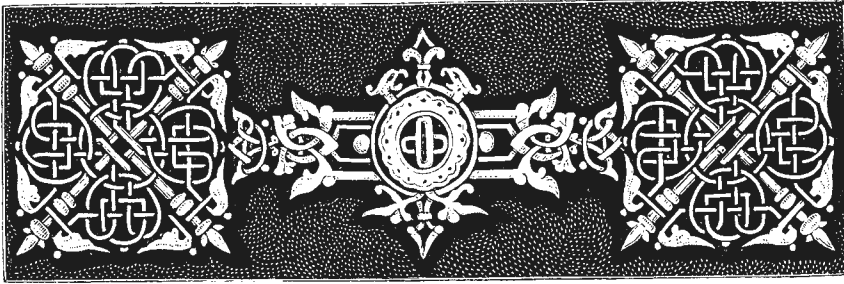
Е. Щ.

М. Алихановъ-Аварскій. Походъ въ Хиву. 1873. Степь и оазисъ. Спб. 1899.

Исполнившееся въ настоящемъ году 25-лѣтіе завоеванія Хивы ознаменовалось цѣлымъ рядомъ воспоминаній объ этомъ походѣ, пзданныхъ его участниками. Книга, заглавіе которой мы привели выше, относится, именно, къ этой серіи воспоминаній. Г. Алихановъ-Аварскій, служившій въ одномъ изъ кавказскихъ отрядовъ, подробно описываетъ походъ этихъ отрядовъ по направленію къ Хивѣ, рассказываетъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя пришлось перенести русскому солдату въ пустынныхъ степяхъ. Непривычный зной, а главное бѣдность въ водѣ наиболѣе мучили наши войска. Авторъ чуть не каждый день отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, съ какой тщательностью разыскивались колодцы, какъ солдаты старались наполнить живительной влагой все, что могли. Картины этого похода, правдиво написанныя его участникомъ, производятъ унылое, а подчасъ даже въ высшей степени тяжелое впечатлѣніе. Содержаніе ихъ, впрочемъ, исчерпывается описаніемъ похода. Относительно взятія Хивы авторъ, будучи раненъ, уже сообщаетъ, не какъ очевидецъ, а лишь по доходившимъ въ лазаретъ слухамъ. Въ виду этого, записки не сообщаютъ ничего такого, что было бы не извѣстно изъ рассказовъ другихъ участниковъ. Воспоминанія г. Алиханова-Аварскаго ранѣе были напечатаны въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ».

Б.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Возстаніе рабочаго населенія въ Англіи въ 1381 году. — Прахъ Колумба. — Изъ эпохи «lettres de cachet». — Новая книга о Марин-Ангуанеттѣ. — Молодость Наполеона. — Изъ разговоровъ Наполеона. — Жена Мюрата. — О смерти Шелли. — Англійскій вице-адмиралъ времени крымской кампаніи. — Россія и Франція въ 1870 году. — Оцѣнка воспомнаній Бисмарка. — Нѣмецкая исторія Сибири.

ВОЗСТАНИЕ рабочаго населенія въ Англіи въ 1381 г. Андре Ревилль издалъ интересную книгу объ англійскихъ народныхъ волненіяхъ XIV в., которыя вообще съ нѣкоторыхъ поръ привлекають къ себѣ особое вниманіе историковъ: въ самое недавнее время, между прочимъ, и на русскомъ языкѣ рядъ работъ М. М. Ковалеваго и диссертация Д. М. Петрушевскаго («Уатъ Тайлеръ») посвящены были этому явленію. Книга Ревилля ¹⁾ въ очень живыхъ краскахъ изображаетъ то время, когда усилія англійскаго правительства подчинить рабочихъ произвольной нормировкѣ цѣнь вызвали возстаніе, угрожавшее всему государственному строю Англіи. Въ началѣ XIV в. цѣны на рабочія руки сильно возросли въ Англіи. Съ 1308 по 1322 годъ страшный неурожай и голодъ уменьшили населеніе Англіи. Такъ какъ богатство страны основывалось на земледѣліи, то дворяне-землевладѣльцы должны были удовлетворять требованіямъ небольшого числа сельскихъ рабочихъ, переживавшихъ голодовку. Въ 1348 году Англію посѣтила чума, которая унесла еще около

¹⁾ André Réville, «Soulèvement des travailleurs en Angleterre en 1381». Paris. 1898.

трети всего населенія и еще болѣе удорожила рабочія руки. Плата увеличилась съ 48 до 100. Плохіе урожаи слѣдующихъ годовъ ухудшили положеніе; сюда присоединился еще сильный падежъ скота. При каждомъ несчастіи рабочіе и ремесленники спѣшили поднять цѣну за свои услуги, что отчасти оправдывалось болшею дороговизною жизни. Имущіе классы находились въ затруднительномъ положеніи въ виду незначительности числа рабочихъ и ихъ высокихъ претензій. Тогда королевская власть рѣшила принять подъ свою защиту собственниковъ, такъ какъ считала ихъ болѣе близкими къ себѣ; имѣлось при этомъ въ виду поддержать и мѣстную промышленность, сильно терпѣвшую отъ конкуренціи фламандскихъ городовъ. И вотъ Эдуардъ III и совѣтъ его въ 1350 году издали особые «Статуты для рабочихъ». Въ этихъ статутахъ работа признана была обязательною «для всѣхъ, кто не имѣетъ капитала или поземельной собственности». Всякій англичанинъ или англичанка, не находящійся въ привилегированномъ положеніи собственниковъ, обязаны были работать, если это требовалось, и принимать ту заработную плату, которая платилась въ 1346 году или въ предшествующія пять лѣтъ. Если рабочій бралъ больше или работодатель давалъ болшую плату, то тотъ и другой обязывались уплатить штрафъ. Однако, требованія спроса и предложенія оказались сильнѣе статутовъ, и послѣдніе не исполнялись. Тогда строгости были еще увеличены. Парламентскимъ актомъ назначены были точные размѣры заработной платы. Тѣхъ рабочихъ, которые уходили въ поиски за болѣе высокими, чѣмъ на родинѣ, заработками, приговаривали къ клейменію. Эго не могло не привести къ катастрофѣ. Требованія рабочихъ, можетъ быть, такъ и остались бы тщетными, если бы на защиту ихъ не стало низшее духовенство. Оно вызвало возмущеніе рабочихъ и само приняло въ немъ участіе. Оглученный клирикъ Вильямъ Гриндекобъ велъ мятежниковъ въ Сентъ-Альбансъ; какой-то священникъ стоялъ во главѣ бунтовщиковъ, напавшихъ на замокъ лорда Эдмунда Стонора; другой священникъ Джонъ Ро стоялъ во главѣ мятежниковъ въ Суффолькѣ и имѣлъ намѣстникомъ своимъ викарія. Наконецъ, глава движенія, Джонъ Болль, прозванный «бѣшенымъ кентскимъ священникомъ», также принадлежалъ къ сельскому духовенству. Въ то же время дворяне и всѣ участники власти какъ будто нарочно старались поддерживать къ себѣ ненависть всякаго рода притѣсненіями. Какъ бы для того, чтобы вызвать окончательное ожесточеніе народа, 5-го ноября 1380 года, парламентъ установилъ новую подать въ 12 пенсовъ съ каждаго мірянина, старше пятнадцати лѣтъ. Въ первые дни мая мѣсяца 1381 г. Джонъ Болль и Абель Керръ, собравъ крестьянъ Эссекса и Кента, направились къ королевскому дворцу въ Рочестеръ и освободили тамъ одного узника. Отсюда толпа направилась въ Норсъ-Крейль, повѣсила тамъ богатаго дворянина, затѣмъ опустошила Престонъ, открыла тюрьмы и сожгла архивы; повсюду на пути дворяне принуждались примкнуть къ мятежникамъ, требовавшимъ отъ всѣхъ присяги на вѣрность королю и народу. Вѣдный кровельщикъ Уатъ Тайлеръ, грубый и невѣжественный, сталъ во главѣ толпы и направился на Рочестеръ. Городъ сдался, не сдѣлавъ и попытки защищаться; городское управленіе немедленно присягнуло народу и королю. Уатъ Тайлеръ помѣстился въ замкъ, велѣлъ уничтожить судебные свитки и королевскія грамоты, а затѣмъ

направился къ Лондону во главѣ настоящей арміи, которая съ каждымъ днемъ увеличивалась. Въ столицѣ господствовали ужасъ. Ричардъ II отказался вступить въ переговоры съ мятежниками; тогда они заявили, что намѣрены сами найти его въ Тоуэрѣ. Пьяная и разгоряченная усѣхомъ толпа разграбила савойскій дворець и Темиль-баръ, причемъ было убито нѣсколько фламандцевъ, какъ бы въ отместку за ихъ конкуренцію. Инсургенты прибыли къ Тауэру и заявили, что не отступятъ, пока король не согласится на ихъ желанія. «Имѣть короля въ своихъ рукахъ, — замѣчаетъ А. Ревилль, — казалось имъ, какъ и парижанамъ въ памятный день 5-го октября, спасеніемъ, панацеею отъ всѣхъ золъ». Ричардъ II поступилъ, какъ Людовикъ XVI: онъ явился на лошади, почти безъ свиты, передъ народомъ, немедленно окружившимъ его съ радостными восклицаніями и захватившимъ его въ плѣнъ. Король былъ отведенъ въ Майль-Эндъ, главную квартиру мятежниковъ. Возставшіе разъяснили королю свои желанія и настойчиво и повелительно принуждали его стать на ихъ сторону. Ричардъ II обѣщалъ все: и освобожденіе всѣхъ крѣпостныхъ, и уничтоженіе барщинъ, и отмену принудительнаго максимума заработной платы. Но этотъ королевскій миръ былъ недолговѣченъ. Въ Суффолькѣ и Норфолькѣ волненіе продолжалось, и король, освободившись, вскорѣ собралъ вокругъ себя значительную вооруженную силу, при помощи которой могъ начать усмиреніе. Джонъ Болль, «бѣшеный кентскій священникъ», былъ казненъ съ нѣкоторыми другими вождями возстанія передъ глазами самого короля. Но Ричардъ II и его совѣтники понимали, что нельзя доводить суровость до крайнихъ предѣловъ; они приостановили розыски мятежниковъ и дѣло большинства изъ нихъ передали суду для рѣшенія степени виновности. Въ скоромъ времени затѣмъ парламентъ добился помилованія многихъ бунтовщиковъ, а въ 1383 году всѣмъ, за незначительнымъ исключеніемъ, дана была амнистія. А. Ревилль объясняетъ умѣренность Ричарда и совѣтниковъ его, что въ 1381 году въ Англіи не разразилась революція.

— Прахъ Колумба. Въ минувшемъ декабрѣ, оставляя Кубу, испанцы торжественно отравили въ Испанію на суднѣ «Conde de Venitado» прахъ того, кому Испанія была обязана своими владѣніями въ Америкѣ, въ настоящее время утраченными окончательно. Это уже четвертое по счету перенесеніе праха Колумба, до сихъ поръ не могущаго найти себѣ окончательное мѣсто упокоенія. Въ 1506 году Колумбъ умеръ въ Вальядолидѣ, откуда черезъ три года останки его были перенесены въ Севилью, гдѣ ихъ похоронили въ мавзолеѣ герцоговъ Алькала. Въ 1536 году вспомнили о предсмертномъ желаніи Колумба, желавшаго быть похороненнымъ на Эспаньолѣ, и прахъ его около 1541 года перевезенъ былъ въ Санто-Доминго на Гаити. Въ 1795 году бѣлые должны были удалиться съ острова и вмѣстѣ съ ними и останкамъ Колумба пришлось совершить третье свое путешествіе, перенесшее ихъ въ кафедральный соборъ Гаваны на Кубѣ. Вотъ объ этомъ послѣднемъ перенесеніи и вспоминаетъ Викторъ Тантэ въ небольшой замѣткѣ въ «Revue Bleue» ¹⁾. Оказы-

¹⁾ Victor Tantet, «Les cendres de Christophe Colomb». — «Revue Bleue», 1898, № 27.

ваются, что существуют сплѣнные сомнѣнія относительно того, дѣйствительно ли прахъ Колумба перевезенъ былъ въ Гавану въ 1795 году. В. Тантѣ приводитъ изъ «*Courrier de France et des colonies*» за 1796 годъ показаніе нѣкоего изслѣдователя, который за тринадцать лѣтъ до уступки Гаити французамъ посѣтилъ Санто-Доминго и старался разыскать все, что лишь имѣло отношеніе къ Христофору Колумбу. Онъ видѣлъ домъ изъ граненыхъ камней, построенный Діего Колономъ, сыномъ адмирала; домъ этотъ лежалъ въ развалинахъ и служилъ убѣжищемъ дикимъ животнымъ. Онъ посѣтилъ кафедральный соборъ и разыскивалъ памятникъ скульптурный или эпитафическій, который бы ясно могъ ему обозначить мѣсто погребенія великаго адмирала. Попски эти остались тщетными. Документовъ, которые были бы старше разграбленія собора въ 1586 году английскими пиратами подъ начальствомъ Дрэка, не оказалось; болѣе новые документы оказались превращенными въ кружева мѣстными насѣкомыми: никакого письменнаго указанія на мѣсто погребенія Колумба не нашлось. Одно лишь устное преданіе указывало на то, что мѣсто погребенія находится у алтаря, «со стороны евангелія». То же преданіе говорило, что одинъ изъ членовъ семьи, или сынъ или братъ адмирала, похороненъ съ другой стороны алтаря; уже путешественникъ 1783 года предполагалъ, что здѣсь возможно было смѣшеніе. Донъ Пейдоре Перальта, глава пенанской партіи на островѣ, разсказалъ путешественнику, что въ концѣ января 1783 года, когда ремонтировали стѣну церкви, то случайно обнаружена была полая каменная гробница, высотой въ два съ половиною фута, внутри которой оказался свинцовый ящикъ, немного поврежденный; ящикъ этотъ содержалъ прахъ и частицы костей. Нѣсколькими годами раньше по другую сторону алтаря открытъ былъ подобный же каменный ящикъ съ прахомъ, и старожилы тогда утверждали, что это прахъ Діего или Варооломея Колона; кромѣ устнаго преданія, однако, доказательствъ никакихъ не было приведено. То, что въ настоящее время перевезено въ Испанію, — ящикъ съ прахомъ, обнаруженный въ Санто-Доминго въ 1783 году. Дѣйствительно ли это прахъ Колумба, этого въ настоящее время доказать нѣтъ никакой возможности.

— Изъ эпохи «*lettres de cachet*». Въ запискахъ графа де-Морэ ¹⁾, издаваемыхъ французскимъ «*Société d'histoire contemporaine*», разсказывается интересный эпизодъ изъ эпохи, когда королевскіе бланки (*lettres de cachet*) давали возможность подвергать произвольному аресту кого угодно. Молодой шевалье де-Понжибо, жившій въ Парижѣ и предававшійся тамъ разгулу, нѣкоторыми родственниками былъ оклеветанъ передъ отцомъ, жившимъ въ провинціи, въ разныхъ неопозволительныхъ выходкахъ. Безъ вѣдома обвиняемаго, созванъ былъ семейный совѣтъ, на которомъ рѣшено было принять крайнія мѣры, и молодой дворянинъ вдругъ, совершенно неожиданно, былъ поставленъ въ извѣстность, что «по королевскому указу отъ 1-го февраля шевалье де-Понжибо, такъ какъ онъ характера своевольнаго и свирѣлаго и не желаетъ заняться никакимъ дѣломъ, препровождается въ тюрьму, на иждивеніи отца его». Мѣстомъ заточенія избрана была государственная тюрьма Пьеръ-анжъ-Сизъ

¹⁾ Mémoires du comte de Moré—«*Revue Bleue*», 1898, № 27.

близъ Ліона, прежній замокъ ліонскихъ архіепископовъ, съ башнями и крѣпкими стѣнами своими возвышавшійся у самыхъ береговъ Соны. Понжибо суждено было прославить этотъ замокъ своимъ бѣгствомъ изъ него, совершеннымъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и смѣлостью. Въ теченіе двухъ лѣтъ, которыя онъ провелъ въ тюрьмѣ, онъ съ изумительною настойчивостью занимался прокладываніемъ потаеннаго хода изъ своей камеры сквозь толстую стѣну башни наружу. Вся эта работа производилась при помощи небольшихъ ножей, которые онъ досталъ отъ подкупленной имъ тюремной прачки, и палочекъ, взятыхъ изъ хворосту, которымъ топили камеру. Когда дѣло подвижилось настолько, что достаточно было небольшого толчка, чтобы удалить послѣдній камень, мѣшавшій выходу изъ камеры, Понжибо рѣшилъ сообщить про возможность побѣга своимъ товарищамъ по заключенію. Пять человѣкъ рѣшили примкнуть къ нему. Изъ всѣхъ лишь Понжибо былъ вооруженъ; ему удалось путемъ подкупа достать двухствольный пистолеть съ шестью патронами и большой складной ножъ. Бѣгство оказалось, однако, не столь легкимъ, какъ это предполагалъ Понжибо въ началѣ. Лишь только вынулъ наружу послѣдній камень, загоразивавшій выходъ, какъ садовникъ тюрьмы, работавшій во дворѣ, немедленно поднялъ тревогу. Передъ Понжибо, выбравшимся съ трудомъ на волю изъ узкаго хода между камней, оказался цѣлый взводъ солдатъ. Изъ товарищей его лишь одинъ послѣдовалъ за нимъ; остальные изъ страха не рѣшились выйти. Бѣглецамъ грозили застрѣлить ихъ на мѣстѣ, если они не вернуться. Они не послушались. Раздался залпъ двѣнадцати ружей, но ни одна пуля не задѣла Понжибо, который съ пистолетомъ въ рукахъ, осыпаясь ударами прикладовъ, прорвался черезъ цѣпь солдатъ и, раньше, чѣмъ стража успѣла вновь зарядить ружья, находился уже у воротъ тюрьмы. Не такъ счастливъ былъ другой бѣглець; раневый пулею, онъ былъ схваченъ солдатами, одному изъ которыхъ онъ при сопротивленіи выбилъ глазъ, а другому откусилъ палець. У самыхъ воротъ четыре солдата могли бы еще задержать Понжибо, но въ восторгѣ передъ его смѣлостью они лишь пожелали ему добраго пути. Горожане предмѣстья Вэзъ, услыша тревогу въ тюрьмѣ и выстрѣлы, высыпали на улицы. Видя молодого бѣглеца, многіе кричали ему, чтобы онъ зашелъ, что его укроютъ. Однако Понжибо, опасаясь преслѣдованія, остановился далеко за предмѣстьями, у нѣкоего купца, рѣшившагося укрыть его у себя. Отсюда онъ, переодѣвшись, отправился въ замокъ къ отцу, который былъ очень доволенъ освобожденіемъ сына, такъ какъ согласился на арестъ его лишь по настоянію родственниковъ. Однако оставаться во Франціи молодому Понжибо нельзя уже было: ему грозило серьезное наказаніе за то, что онъ стрѣлялъ, во время бѣгства изъ тюрьмы, въ королевскія войска, иначе говоря, въ тюремную стражу. Чтобы почетнымъ образомъ избѣгнуть наказанія, Понжибо отправился съ Лафайетомъ воевать на сторонѣ возставшихъ колоній въ Америкѣ съ англичанами.

— Новая книга о Маріи-Антуанеттѣ. Пьерръ де-Нольякъ издалъ интересное изслѣдованіе, посвященное Маріи-Антуанеттѣ, ея политикѣ, ея двору и ея частной жизни ¹⁾. Это — краткая, но содержательная біографія, въ которой

¹⁾ La Reine Marie-Antoinette. Par Pierre de-Nolhac.

сведены результаты всѣхъ послѣднихъ пысканій о ропп, которую эта несчастная королева играла во Франціи до начала революціи. Какъ видно изъ письма, написаннаго Марію-Антуанетою, всего четыре дня по восшествіи на престоль, она очень гордилась тѣмъ, что ей приходится быть королевою «прекраснѣйшаго королевства въ Европѣ». Поэтому она считала себя прежде всего обязанной герцогу Шуазёлю, который помогъ устроить ея бракъ, и всячески поддерживала его во всемъ, въ чемъ лишь могла. Это былъ первый фазисъ ея политики, если только цѣль придворныхъ интригъ можетъ быть названа политикою. Ради Шуазёля она постаралась удалитъ отъ должности врага его и протежé Дю-Барри — герцога д'Эгильона. Въ этомъ случаѣ она даже поступила противъ указаній Маріи-Терези, которая находила, что, хотя д'Эгильонъ и дурной человекъ, но для интересовъ Австріи онъ очень полезенъ. Новый фазисъ въ политикѣ Маріи-Антуанеты начинается съ ея покровительства Нолльякамъ, которыхъ Кауницъ за ихъ хищничество называлъ «бандою воровъ». Всѣ государственныя должности перешли въ руки Нолльяковъ или ихъ сторонниковъ; государственная казна была въ полномъ ихъ распоряженіи. Въ это время зародилось въ націи недовольство противъ королевы. Хозяиначаньемъ фаворитовъ ея недовольны были придворные, парижане и провинціалы. Но королева этого не замѣчала. Изъ простой антипатіи она удалила Мальзерба; Тюрго, котораго Марія-Антуанетта ненавидѣла за то, что онъ былъ въ числѣ обвинителей судившагося за разныя злоупотребленія графа де-Гиня, друга Шуазёля, вышелъ въ отставку по ея желанію; она была недовольна Тюрго еще и потому, что онъ не одобрялъ ея расточительности. Тюрго желалъ, еще передъ отставкою, подать королю записку о необходимыхъ урѣзкахъ въ бюджетѣ; ему на это, однако, не дали времени. По словамъ современниковъ, если бы воля королевы нашла себѣ полное исполненіе, то Тюрго не миновать бы Ватилліи въ тотъ самый день, какъ де-Гинь сдѣланъ былъ герцогомъ. Такимъ образомъ, по прихоти Маріи-Антуанетты впалъ въ немилость министръ, реформы котораго, можетъ быть, предупредили бы революцію и спасли бы монархію. Этотъ поступокъ Нольякъ считаетъ худшей ошибкою королевы. Въ своей виѣшней политикѣ Марія-Антуанетта руководилась лишь двумя соображеніями: необходимою поддержать союзъ съ Австріею и своей ненавистью къ Пруссіи. Обѣ эти идеи постоянно усиленно поддерживались въ ней ея матерью и австрійскими министрами. Оттого-то въ 1778 году она всячески старалась добиться поддержки Франціею притязаній Иосифа II на Нижнюю Баварію, и, когда это ей не удалось, она хотѣла, чтобы немедленно смѣщенъ былъ Верженнъ. Съ этого времени среди народа за нею утвердилась гибельная кличка «австрійчки». Послѣ временной сдержки при Неккерѣ, королева вполне отдалась своей беззаботности и расточительности при Калоннѣ, который хотя и не любилъ ея, но былъ всегда передъ нею услужливъ. Народъ умиралъ съ голоду, государство находилось наканунѣ банкротства, а королева сама сознавала, что ей стоило лишь попросить у Калонна 50.000 франковъ, чтобы получить 100 тысячъ. Одни ея расходы на гардеробъ возросли съ 120 тысячъ франковъ въ 1776 году до 252 тысячъ франковъ въ 1785 году. Портниха королевы, не приводя подробностей оцѣнки въ своихъ счетахъ, прямо ставила 6.000 франковъ

за платё на день новаго года, не считая при этомъ матеріаловъ. Въ 1785 году произошёл пзвѣстный скандалъ съ ожерельемъ. Позже, въ революціонномъ трибуналѣ королеву, не обвиняя, называли виновной въ этомъ дѣлѣ; это, конечно, была клевета, но пущенная въ обращеніе не революціонерами, а придворными, которые были недовольны фаворитизмомъ Маріи-Антуанетты и положеніемъ Полиньяковъ при дворѣ. Преемникъ Калонна, Бриеннъ, содѣйствовалъ паденію популярности королевы тѣмъ, что еще менѣе Калонна ставилъ преградъ ея расточительности. Послѣ яркаго очерка трианонскихъ забавъ Маріи-Антуанетты, вызвавшихъ суровую и въ общемъ несправедливую оцѣнку въ обвинительномъ актѣ революціоннаго трибунала, Польякъ дѣлаетъ характеристики довѣренныхъ лицъ королевы. Во главѣ ихъ стоялъ графъ д'Артуа, по мнѣнію Польяка, негоднѣйшій молодой человекъ того времени во Франціи. Очень внимательно Польякъ останавливается на Полиньякахъ, которые сумѣли добиться содержанія отъ казны въ пятьсотъ тысячъ франковъ въ годъ. Когда же при выдачѣ одной изъ дочерей ихъ дома за герцога де-Гинна отказали дать въ приданое часть королевскихъ земель, они выхлопотали денежное приданое въ 800.000 франковъ. Впрочемъ денегъ тогда вообще не жалѣли. Долги князя де-Гемени, жена котораго была гувернанткою принцевъ крови, доходили до 33 милліоновъ франковъ.

— Молодость Наполеона. Подъ заглавіемъ «La jeunesse de Napoléon» Артуръ Шюке издалъ второй томъ своего сочиненія, посвященнаго Наполеону ¹⁾. Этотъ томъ даетъ много интересныхъ данныхъ о событіяхъ въ жизни Наполеона за первые годы республики; многія свѣдѣнія впервые извлечены Шюке изъ бумагъ военнаго и національнаго архивовъ. Въ 1788 году Бонапартъ былъ снова на островѣ Корсикѣ, гдѣ пытался играть роль демагога въ смутахъ, происходившихъ въ его отечествѣ; все это время онъ являлся экзальтированнымъ республиканцемъ и сторонникомъ свободы. Въ 1791 году онъ возвратился въ Францію и въ своемъ полку въ Оксоннѣ предавался усипеннымъ занятіямъ, работая иногда по пятнадцати или шестнадцати часовъ въ сутки. Его назначили поручикомъ въ 4-й артиллерійскій полкъ въ Валансѣ, гдѣ онъ приобрѣлъ многочисленныхъ друзей; женщины онъ избѣгалъ, говоря, что «свобода—женщина болѣе красивая, чѣмъ онъ: она ихъ затмеваетъ». Его рѣзко демократическіе взгляды обращали на себя вниманіе. Онъ предсказывалъ скорое введеніе республиканскаго строя и порицалъ эмиграцію многихъ изъ своихъ товарищей. А. Шюке приводитъ отзывы его, въ которыхъ онъ смѣется надъ государами, управляющими подданными, столь же безсловесными, какъ быки и лошади, надъ «деспотами въ митрахъ», «факирами въ монастыряхъ» и «разбойниками съ грамотами на пергаментѣ». Шюке сопоставляетъ эти насмѣшки съ позднѣйшею дѣятельностью Наполеона, 15 лѣтъ спустя возстановившаго во Франціи орденъ, титулы, дворянство и абсолютную власть. Находясь въ Валансѣ, Бонапартъ много читалъ: онъ изучилъ и снабдилъ своими замѣтками многіе томы сочиненій: Макіавелли, Дюкло, Кокса, Мейсснера, Вернаденъ-де-Сен-Иьера, Вольтера, Аріосто, Дюверне, Мармонтея, Дюлора,

¹⁾ Arth. Chuquet, La jeunesse de Napoléon. La Revolution. Paris. 1898.

Роллена и др. Въ это время лонская академія, по предложенію аббата Рейналя, назначила къ преміи разсужденіе на тему: «Какія истины и какія чувства нужно вложить въ человѣка, чтобы содѣйствовать его счастью?» Бонапартъ принялъ участіе въ конкурсѣ и высказалъ мнѣніе, что человѣкъ рожденъ, чтобы быть счастливымъ, но лишь при условіи, что онъ будетъ жить согласно своей физической и умственной организаціи, будетъ чувствовать и разсуждать, а жизнь его будетъ почетна и регулярна и будетъ свободна отъ вліянія сильныхъ страстей. Разсужденіе это не только не было премировано, но даже заслужило отзывъ «плохо обдуманнаго и плохо написаннаго». Тогда Бонапартъ заявилъ, что больше у него не будетъ «мелкаго честолюбія быть авторомъ». По мнѣнію академическихъ судей, главнымъ недостаткомъ его сочиненія были частыя отступленія съ восторженными отзывами о Корсикѣ, о Паоли, о Руссо, съ панегириками силѣ и энергіи, проклятіями деспотизму и прославленіями свободѣ и равенству. Въ августѣ 1791 года Бонапартъ вновь получилъ отпускъ въ Корсику на три мѣсяца и присутствовалъ тамъ при агоніи своего дяди Люсьена. Въ февралѣ 1792 года онъ вернулся еще разъ на островъ и здѣсь почти насильно добился назначенія своего подполковникомъ 2-го батальона корсиканскихъ волонтеровъ. Здѣсь впервые онъ далъ почувствовать всю тяжесть своей деспотической натуры; для удовлетворенія своего честолюбія онъ готовъ былъ поднять междоусобіе въ городѣ. Число враговъ его такъ увеличилось здѣсь, что Иосифъ Бонапартъ совѣтовалъ ему для спасенія жизни поскорѣ вернуться во Францію. Бонапартъ послушался этого совѣта, тѣмъ болѣе, что шли слухи, что онъ лишился своей должности въ артиллеріи. Онъ зналъ, что ему трудно будетъ возобновить прежнюю карьеру, но возвращался смѣло, такъ какъ вѣрилъ въ свою звѣзду и не терялъ надежды на великую будущность. На этомъ моментѣ жизни Наполеона пока останавливается интересная книга Артура Шюке. Авторъ, между прочимъ, старается всячески доказать, что Наполеонъ въ это время, то-есть съ 1789 по 1791 годъ, съ постоянной симпатіей относился къ Англіи. Дѣйствительно, нѣкоторые отзывы Наполеона, въ которыхъ видно уваженіе къ Англіи, имѣются. Но чаще всего и въ молодости своей Наполеонъ провозносилъ филиппики противъ Англіи, какъ постоянного «врага мира и свободы народовъ». Онъ говорилъ, что война Франціи съ Англією, хотя и прерывалась, но конца не имѣла уже въ продолженіе многихъ столѣтій, и что она закончится лишь окончательнымъ уничтоженіемъ одного изъ обихъ государствъ. Извѣстно, что впоследствии, особенно въ послѣдніе годы жизни, во время плѣна на островѣ св. Елены, Наполеонъ утверждалъ, что «ни одинъ англичанинъ не сдѣлалъ ни шага на материкѣ Европы, не вызвавъ ненависти и проклятій».

— Изъ разговоровъ Наполеона I. Въ журналѣ «Revue de Paris» появилось нѣчто въ родѣ дневныхъ записокъ о разговорахъ Наполеона I на островѣ св. Елены. Это — замѣтки, составлявшіяся генераломъ барономъ Гурго каждый вечеръ послѣ разговоровъ съ низложеннымъ императоромъ. Виконтъ де-Грунни и Антуанъ Гильбуа нашли эти замѣтки и издали часть ихъ. Какъ видно изъ напечатаннаго, баронъ Гурго записывалъ, на память, все, что онъ слышалъ отъ Наполеона; понятно, что въ замѣткахъ его много отрывочности, мало связи, и

имѣются даже и противорѣчія ¹⁾). Тѣмъ не менѣе, въ нихъ очень много интереснаго, какъ видно, наиримѣръ, изъ нижеслѣдующихъ выдержекъ. О Людовикѣ XVI Гурго записалъ такого рода отзывъ Наполеона: «Во время присяги въ Сен-де-раше, я думаю, Людовикъ XVI хорошо бы могъ справиться съ революціею. Но у него всегда было много смѣлости послѣ дѣла, а въ моментъ дѣйствія у него не доставало твердости. Онъ былъ умнѣе очень многихъ, и поэтому ему хотѣлось управлять самому. Ему бы нужно было сдѣлать, какъ Людовику XIII, взять хорошаго министра и предоставить ему дѣлать все. Можетъ быть, если бы управлялъ г. де-Монморенъ, революціи бы не было. Учредительное собраніе хорошо бы сдѣлало, если бы избрало герцога Орлеанскаго королемъ и съ самаго начала измѣнило бы порядокъ династіи. Иностранныя державы въ это бы не вмѣшались. Кое-кто сталъ бы утверждать, что герцогъ Орлеанскій унижился этимъ поступкомъ, но вѣдь королевское одѣяніе блескомъ своимъ покрываетъ все. Серіозно, я думаю, если бы Людовику XVI удался его побѣгъ въ Вареннѣ, то герцога Орлеанскаго избрали бы въ короли, и революція приняла бы совершенно иное направленіе». О конституціи вообще Наполеонъ отзывался такъ: «Конституція учредительнаго собранія не имѣла здраваго смысла; я вообще думаю, что Франція не нуждается въ конституціи; это, по существу своему, монархическая страна. Я говорю, что не нужно ни совѣщательныхъ, ни законодательныхъ собраній... Если кто желаетъ устроить революцію въ какой либо странѣ, тому только нужно сформировать такое собраніе; сейчасъ бы создались двѣ партіи, возникла бы взаимная ненависть, и разыгрались бы политическія страсти. Въ Австріи я имѣлъ возможность революціонировать Вѣну; если бы я захотѣлъ, я бы могъ созвать собраніе изъ депутатовъ отъ всѣхъ классовъ общества». Объ отношеніяхъ къ сопернику своему генералу Моро Наполеонъ говорилъ генералу Гурго: «Г-жа Моро была причиною несчастій моего мужа, которымъ былъ человекъ хороший, но слабохарактерный. Когда я былъ первымъ консуломъ, она дошла до такой наглости, что дерзко встала передъ г-жею Бонапартъ, которую Талейранъ велъ подъ руку во время праздника, которое онъ устроилъ въ мою честь. Талейранъ отталкивалъ ее ногою, чтобы она стала на свое мѣсто, а, такъ какъ это не помогло, долженъ былъ пригласить нѣкоторыхъ изъ распорядителей бала, чтобы они ее увели. Нельзя просто понять, до чего безстыдна была эта женщина. Однажды она пришла къ императрицѣ и, когда эта послѣдняя не могла ее принять, она сердито ушла, хлопая дверьми и крича, что она ждать не намѣрена. Я зналъ, что Моро противъ меня замышляетъ недоброе, но я смотрѣлъ сквозь пальцы на его пустую болтовню. Я для него сдѣлалъ очень многое. Я ему далъ великолѣпную армію, въ то время, какъ самъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ лишь немного рекрутовъ. Я подарилъ ему превосходные пистолеты. Я обращался я съ нимъ всегда также очень хорошо. Я зналъ, что онъ присвоилъ себѣ четыре милліона, но никогда ничего не говорилъ объ этомъ. Онъ самъ мнѣ сознавался, что не считаетъ себя способнымъ къ управленію и болѣе сча-

¹⁾ Gén. Gourgaud, Conversations de Napoléon à Sainte-Hélène. «La Revue de Paris». 15 janvier 1899.

стлнвѣ быть вторымъ, чѣмъ первымъ. Онъ часто разговаривалъ со мною и всегда признавалъ, что я правъ, а онъ ошибался. Мы не разъ обѣдали вмѣстѣ». Какъ извѣстно, Наполеонъ, чтобы избавиться отъ Моро, обвинилъ его въ участіи въ заговорѣ Пиннегрю и Кадудали и добился изгнанія соперника. О придворныхъ чинахъ Наполеонъ отзывался такъ: «Въ первое время моего консульства Сіэзъ мнѣ говорилъ: «У васъ никогда не будетъ настоящаго апломба, пока ваши переднія не будутъ полны представителей стариннаго дворянства. Жены адвокатовъ, которые теперь стѣсняются быть придворными дамами, тогда будутъ умирать отъ страстнаго желанія занять придворный постъ на ряду съ носительницами громкихъ именъ!» Дѣйствительно, мнѣ гораздо лучше прислуживали при дворѣ г-жа де-Монморанси, г-жа де-Моргмаръ, чѣмъ жены и дочери буржуа. Послѣднія все боялись, какъ бы ихъ не сочли горничными. Герцогиня Монтебелло была въ этомъ родѣ: она не нагнулась бы, чтобы поднять упавшую подвязку императрицы. Окружая себя стариннымъ дворянствомъ, я удѣлялъ первое мѣсто по начальству надъ арміями такимъ плебеямъ, какъ, напримѣръ, Дюроку. Дворяне чувствовали себя польщенными, а плебеи видѣли, что я лишь изъ политическихъ видовъ придаю значеніе аристократіи». Очень интересенъ отзывъ Наполеона о политической полиціи и о надзорѣ за перепискою: «Парижская полиція больше внушаетъ страху, чѣмъ она можетъ сдѣлать зла кому либо. Въ ней много шарлатанства. Очень трудно знать про человѣка, что онъ каждый день дѣлаетъ. Почта даетъ превосходныя свѣдѣнія, но я не знаю, польза отъ нея больше ли приносимаго ею вреда. Французы такой странный народъ, что они часто пишутъ вещи, о которыхъ сами и не думаютъ, такъ что это вводитъ въ заблужденіе; когда узнаешь подобныя свѣдѣнія изъ распечатанныхъ писемъ, то приходится принимать напрасныя предосторожности. Ла-Валеттъ былъ весьма подходящимъ директоромъ почты. Я пользовался и Лафоре, ставленникомъ Талейрана. Всѣхъ писемъ, конечно, нельзя читать, но распечатывались письма лицъ, которыхъ я указывалъ, и въ особенности письма окружавшихъ меня министровъ. Фуше и Талейранъ сами не писали, но ихъ друзья, ихъ прислуга переписывались и, такимъ образомъ, черезъ нѣкоторыя письма можно было узнавать, что думаютъ Фуше и Талейранъ. Малюэ записывалъ всѣ свои разговоры съ Фуше, и отсюда можно было знать слова этого послѣдняго. Министры и дипломатическіе агенты иностранныхъ государствъ, зная, что пакеты идутъ ко мнѣ на просмотръ, часто писали письма, нарочью предназначенныя, чтобы я ихъ прочелъ»... Вообще замѣтки Гурго являются хорошимъ дополненіемъ къ знаменитому «Меморіалу» Наполеона.

— Жена Мюрата. Біографы Наполеона указываютъ на тотъ любопытный фактъ, что, несмотря на всегда выказывавшееся великимъ корсиканцемъ презрѣніе къ женщинамъ, Наполеонъ, въ сущности, легко поддадалъ женскому вліянію, если только оно умѣло маскироваться притворной покорностью: противъ женскихъ слезъ онъ обыкновенно оказывался беззащитнымъ. Сестры императора болѣе всего умѣли пользоваться этой слабостью своего брата, а изъ нихъ самую искусною въ этомъ отношеніи была Каролина, жена Іоахима Мюрата, короля неаполитанскаго. Объ этой женщинѣ, характеръ которой все еще

представляет собою задачу, за послѣднее время появился рядъ новыхъ документовъ и статей, бросающихъ яркій свѣтъ на эту замѣчательную личность ¹⁾. Наполеонъ былъ очень высокаго мнѣнія о способностяхъ своей сестры: «изъ всей семьи,—говорилъ онъ,—она болѣе всего походитъ на меня». Талейранъ также отзывался о ней съ большимъ уваженіемъ; «голова Макіавела на тѣлѣ красивой женщины»,—говорилъ онъ часто о ней. Присутствіемъ духа и храбростью она отличалась несомнѣнно; ея хладнокровіе при взрывѣ адской машины вызвало всеобщее удивленіе. Много лѣтъ спустя, спасаясь на суднѣ изъ Неаполя отъ австрійцевъ, она велѣла капитану поклясться, что онъ скорѣе взорвется на воздухъ, чѣмъ едастся непріятелю. Давая въ 1808 году Мюрату корону обѣихъ Сицилій, Наполеонъ въ своемъ декретѣ изъ права наслѣдія одной лишь мужской линіи сдѣлалъ единственное исключеніе для Каролины, къ которой долженъ былъ перейти престолъ, если бы она пережила Мюрата. Но въ Каролинѣ не оказалось способностей великой правительницы: она ничего не смогла предвидѣть, ничему не могла помѣшать и давала своему супругу совѣты лишь вѣроломныя, неудачныя и безсвязныя. Зато, получивъ корону, она имѣла возможность проявить свое безграничное властолюбіе, которое и было главной причиною всѣхъ ея несчастій. Властолюбіе уже рано заставило ее всѣ поступки свои подчинять расчету: изъ расчета она старалась обворожить своею любезностью весь придворный міръ въ первые годы имперіи, изъ расчета ѣздила съ мужемъ на смотры и раздавала орлы полкамъ, стараясь заслужить любовь солдатъ, изъ расчета, наконецъ, она вступала въ связь съ лицами, которыя такъ или иначе могли ей казаться полезными въ будущемъ, напримѣръ, съ Меттернихомъ и съ генераломъ Жюно. Честолюбіе ея не знало границъ: съ Талейраномъ и Фуше она вступила въ секретное соглашеніе, чтобы доставить французскій престолъ Мюрату, въ томъ случаѣ, если бы Наполеона убили на войнѣ въ Испаніи. Тронъ неаполитанскій вскорѣ показался ей слишкомъ тѣснымъ для того, чтобы раздѣлять его съ супругомъ. Она избрѣла цѣлую систему интригъ, составляла планы отчаянной смѣлости, была готова не отступать ни передъ какимъ вѣроломствомъ, лишь бы достигнуть самостоятельной власти. Ей удалось найти себѣ поддержку въ военномъ министрѣ Дорфѣ, обѣщавшемъ подчинить ей армію и флотъ, но обстоятельства не дали осуществиться ея планамъ. Въ 1813 году Мюратъ неожиданно оставилъ остатки «великой арміи», какъ есть основаніе предпологать, по вѣнѣ жены: онъ хотѣлъ, какъ передаютъ, охранить свои права отъ ея поползновеній. Когда составила новая армія Наполеона, Каролина униженно испросила позволеніе Мюрату вернуться подъ знамена императора, но извѣстіе о пораженіи при Лейпцигѣ и боязнь лишиться трона заставили ее склонить мужа на вторую измѣну и договоръ съ Австріею въ 1814 году. Отъ Наполеона на этотъ разъ не ускользнула причина колебаній Мюрата; узнавъ о томъ, что король неаполитанскій примкнулъ къ союзникамъ, онъ съ горечью воскликнулъ: «Его жена виновница его отпаденія... Каролина, сестра моя — измѣн-

¹⁾ А. Lambroso, «Muratiana» и его же «Il re Gioacchino Murat» и 5-я серия «Miscellaneé napoleonicenne».

ница!» Измѣна однако не упрочила положенія Мюрата. Когда на конгрессѣ зашла рѣчь о возстановленіи прежней династіи, Іоахимъ и Каролина снова обратились на сторону Наполеона, который еще разъ вернулъ свое довѣріе прежнему своему сотоварищу по оружію. Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ всячески старался добиться мира съ Австріею, Мюрать открылъ, по совѣту Каролины, свою неудачную австрійскую кампанію, которая окончательно его погубила. Имѣются намеки на то, что послѣ битвы при Ватерлоо у Каролины былъ планъ отнять престолъ Франціи какъ у брата, такъ и у Бурбоновъ; къ осуществленію этой химеры не было сдѣлано однако и шага. Липившись мужа и престола, Каролина съ большимъ достоинствомъ переносила горечи и униженія жизни въ изгнаніи. Превратившись въ скромную «графиню Липона», бывшая неаполитанская королева совершенно измѣнилась; въ ней какъ бы сразу произошелъ крутой переломъ. Мы видимъ въ ней въ это время не хитрую властолюбивую интриганку, а примпрившуюся съ своимъ положеніемъ женщину, которая озабочена лишь тѣмъ, чтобы въ мирѣ и покоѣ прожить остатокъ дней своихъ; у Каролины сохранилось ея умѣніе обворожить свою любезностью всѣхъ окружающихъ, но этимъ умѣніемъ она уже пользовалась изъ дальновидныхъ расчетовъ. Австрійскіе политики, тѣмъ не менѣе, продолжали бояться ея, и она, одна изъ всей семьи Наполеоновъ, находилась все время подъ строгимъ надзоромъ и долго лишена была права выѣхать изъ предѣловъ Австріи. Матеріальное положеніе ея было очень не блестящее. Всѣ ея требованія, обращенныя къ французскому и неаполитанскому правительству изъ-за выдачи ея конфискованнаго имущества, оставались тщетными. Лишь въ 1838 году Людовикъ-Филиппъ провелъ законопроектъ, предложившій графинѣ Липона ежегодную ренту въ сто тысячъ франковъ «въ вознагражденіе ея несчастій и потому, что она сестра императора Наполеона». Въ 1831 г., по болѣзни, Каролина получила разрѣшеніе оставить Триестъ и переѣхала во Флоренцію, гдѣ съ тѣхъ поръ и поселилась. Въ послѣдніе годы своей жизни она вела совершенно замкнутую жизнь, живя почти исключительно заботою о дѣтяхъ и воспоминаніяхъ. Въ 1839 году она умерла во Флоренціи. Переписка ея и воспоминанія о ней не даютъ намъ матеріала къ рѣшенію вопроса, признавала ли она свою отвѣтственность въ паденіи и смерти Іоахима Мюрата.

— О смерти Шелли. Итальянецъ Гвидо Біаджи издалъ на англійскомъ языкѣ книгу, посвященную послѣднимъ днямъ извѣстнаго печальной своей судьбою поэта Шелли¹⁾. Біаджи удалось добыть нѣкоторые архивные матеріалы въ Пизѣ и Флоренціи, а также запросить немногихъ нынѣ живыхъ свидѣтелей катастрофы, которая произошла 76 лѣтъ тому назадъ. Въ живыхъ картинахъ плещетъ передъ нами авторъ исторію смерти поэта. Вместе съ друзьями своими Байрономъ и Треловицъ, Шелли находился въ Пизѣ въ началѣ 1822 года. Сюда къ нему прибылъ капитанъ Уильямсъ, такой же страстный любитель тревожной жизни на морѣ, какъ и самъ Шелли. Въ маѣ Шелли рѣшилъ испробовать небольшое парусное судно, которое только что было отпращено къ нему съ верфей Генуи. Байронъ назвалъ это судно «Донъ-Жуаномъ»;

¹⁾ Guido Biagi, The last days of Shelley.

Уильямс и Шелли однако удалили это имя и заменили его словом «Ариэль». Около пяти недѣль Шелли почти только и жилъ на морѣ, проводя время въ хорошую погоду на небольшой лодкѣ, а въ бурю на «Ариэль» и не обращая вниманія ни на какія предостереженія мѣстныхъ моряковъ. Когда его находили на берегу, онъ занимался чтеніемъ или писаніемъ поэмъ женѣ капитана Уильямса, прославленной имъ Джэнъ. Однажды онъ увлекъ Джэнъ вмѣстѣ съ дѣтьми ея въ свою лодку, выѣхалъ съ нею далеко въ море и шутя здѣсь предлагалъ ей вмѣстѣ съ нимъ отдаться на волю волнъ и бури, чтобы поскорѣе «разрѣшить великую загадку». Джэнъ удалось убѣдить его отложить исполненіе этой мысли и, сильно перепуганная, она уже болѣе не рѣшалась съ нимъ ѣздить. (Атому поэту, однако, вскорѣ пришлось «рѣшить загадку». Когда въ Пизу прибылъ Лип-Гентъ, Шелли отправился къ нему навстрѣчу и затѣмъ вернулся опять на берегъ, чтобы вмѣстѣ съ Уильямсомъ поплыть на «Ариэль» въ Казаманьи, гдѣ оставалась Мэри Шелли и Джэнъ Уильямсъ. Это было 8-го іюля 1822 года. «Ариэль» хрупкостью своей постройки не внушалъ большого довѣрія. Кромѣ того, надвигался ураганъ. Мѣстные моряки предупреждали объ опасности, но оба друга, и Уильямсъ и Шелли, были глухи ко всякимъ предостереженіямъ. Они отправились въ море въ сопровожденіи двухъ фелукъ. Трелони, съ палубы яхты Байрона, смотрѣлъ въ слѣдъ удалявшемуся «Ариэлю». Вдали видны уже были черныя тучи надвигавшагося урагана, и длинная бѣлая гряда пѣны преоясала горизонтъ. «Ариэль», уже вошедшій далеко въ море, сталъ убирать свой парусъ. Но было уже поздно. Тучи закрыли фелуки, покрыли собою «Ариэль», и за тьмою наблюдатели съ яхты не могли разглядѣть, что происходило въ морѣ. Въ немного минутъ шкваль пролетѣлъ мимо. Трелони пристально всматривался въ даль, но на мѣстѣ «Ариэля» видѣлись однѣ лишь волны. Вскорѣ тучи собрались вновь, и ураганъ неся надъ берегомъ всю ночь; но «Ариэль» вмѣстѣ съ поэтомъ уже успѣли найти свой конецъ. Вѣроятно, легкое судно потонуло отъ столкновенія съ одной изъ фелукъ. Много дней пришлось прождать въ тоскѣ и безпокойствѣ обѣимъ одинокимъ женщинамъ въ Казаманьи, пока уже не стало сомнѣній въ случившемся: трупъ Шелли, черезъ 14 дней, былъ выброшенъ на берегъ въ Виарреджо, а трупъ Уильямса вскорѣ затѣмъ на тосканскомъ берегу. Трелони оставилъ поэтическій рассказъ о томъ, какъ сожжено было — согласно тосканскимъ законамъ — тѣло Шелли, и какъ огонь пощадилъ лишь одно сердце погибшаго поэта, которое потомъ долго, какъ драгоценное сокровище, сохранялось Мэри Шелли. Впрочемъ, относительно погребенія Шелли и сохранившихся его останковъ различныя имѣющіяся свѣдѣнія отчасти противорѣчатъ другъ другу. Бѣдджі добросовѣстно перечисляетъ всѣ варианты. Есть извѣстіе, что сердце поэта найдено было послѣ смерти вдовы Шелли въ шелковомъ мѣшечкѣ между страницами принадлежавшаго ей экземпляра поэмы «Adonais». Но официальнымъ же итальянскимъ документамъ, трупъ Шелли передъ смертью хранился въ извести, которая уничтожила всѣ мягкія части тѣла, такъ что сожжены были лишь однѣ кости, пепель которыхъ Байрономъ похороненъ былъ на протестантскомъ кладбищѣ въ Римѣ.

— Англійскій вице-адмиралъ временъ крымской кампаніи. Капитанъ С. Эрдли-Уильмотъ издалъ жизнеописаніе лорда Эдмунда Лайонса, въ 1854—1856 гг. руководившаго морскими операціями въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ ¹⁾. Лордъ Лайонсъ въ 1829 г. командовалъ фрегатомъ «Blonde», который былъ первымъ, по словамъ капитана Уильмота, англійскимъ судномъ, посѣтившимъ Севастополь, въ то время совершенно неизвѣстный англійскимъ офицерамъ поргъ. «Blonde» появилась въ Севастополѣ въ ноябрѣ, чѣмъ вызвала немалую сенсацію, такъ какъ бури и туманы представляли въ то время немалую опасность. Севастополь Лайонсъ называетъ одною изъ лучшихъ видѣнныхъ имъ гаваней въ мірѣ. Здѣсь англійскій командоръ засталъ три трехалубныхъ, шесть двухалубныхъ судовъ и семь фрегатовъ. «Видъ ихъ, — говоритъ Лайонсъ, — не внушилъ мнѣ большого довѣрія къ адмиралу Грейгу, командовавшему этою эскадрою». Почти четверть вѣка спустя, тому же лорду Лайонсу пришлось вновь посѣтить тѣ же берега, но уже не съ дружественною цѣлью: онъ былъ назначенъ помощникомъ адмирала Дѣндаса, начальника средиземной англійской эскадры, и долженъ былъ принять участіе въ нападеніи союзниковъ на Крымъ. Капитанъ Уильмотъ очень подробно описываетъ всѣ операціи флота, которыми сопровождались дѣйствія англо-французской арміи въ Крыму. Особенность разсужденій капитана Уильмота о событіяхъ крымской кампаніи та, что онъ старается, гдѣ можно, дѣлать практическіе выводы, полезные и для настоящаго. Нельзя не отмѣтить, напримѣръ, слѣдующаго замѣчанія: «При высадкѣ отряда на непріятельскомъ берегу нужно принимать въ соображеніе очень много иного еще, помимо судовъ, которыя должны перевезти этотъ отрядъ. Многіе разсуждаютъ о нашествіи черезъ море и думаютъ при этомъ, что все дѣло въ посадкѣ пзвѣстнаго числа солдатъ на суда и направленіи ихъ для высадки въ опредѣленное мѣсто. При такихъ разсужденіяхъ совершенно упускается изъ виду, какимъ же образомъ высадить этихъ солдатъ на берегъ съ ихъ оружіемъ, орудіями и военными снарядами; забываютъ, что на торговыхъ судахъ очень немного лодокъ, и что артиллерія не можетъ быть перенесена съ корабля на берегъ безъ многихъ предварительныхъ подготовленій. Если мы сообразимъ, что, несмотря на поддержку громаднаго союзнаго флота и на присутствіе транспортныхъ судовъ, понадобилось болѣе мѣсяца на высадку 50.000 человекъ на Крымскомъ полуостровѣ, то мы съ полнымъ основаніемъ можемъ отнести съ сомнѣніемъ къ тѣмъ, кто утверждаетъ, будто не только возможно, но даже будто легко высадить армію въ 150 или 200 тысячъ человекъ на берегахъ Англій». Во время перевозки союзныхъ войскъ съ Варны въ Крымъ были приняты всевозможныя предосторожности на случай внезапнаго нападенія. Однако, цѣль транспортныхъ судовъ была такъ велика, что неожиданное появленіе двухъ или трехъ хорошо вооруженныхъ русскихъ пароходовъ могло бы кончиться очень гибельно для инвазіонной арміи. Можно даже предположить, — замѣчаетъ Уильмотъ, — что, если бы одинъ лишь пароходъ «Владиміръ», имѣвшійся тогда въ русскомъ черноморскомъ флотѣ, наналъ на эти транспортныя суда,

¹⁾ «Life of Vice-Admiral Edmund, Lord Lyons». By Capt. S. Eardley Wilmot.
«Истор. вѣстн.», февраль, 1899 г., т. LXXV.

то прежде, чѣмъ его бы осилили непріатели, онъ бы успѣлъ причинить невознаградимыя потери перевозившемуся войску. Относительно мелкихъ военныхъ дѣйствій союзныхъ флотовъ въ Азовскомъ и Черномъ моряхъ у капитана Уильмога говорится очень подробно, и приводятся весьма интересныя, съ точки зрѣнія спеціально морской, соображенія. Слѣдуетъ замѣтить, что до сихъ поръ участіе флота въ событіяхъ 1854—1855 гг. не подвергалось еще особому разсмотрѣнію; это обстоятельство увеличиваетъ цѣнность книги Уильмота.

— Россія и Франція въ 1870 году. Въ «Revue de Paris» помѣщена переписка генерала Флери, французскаго посланника въ Петербургъ, дающая интересныя свѣдѣнія о переговорахъ, которые до франко-прусской войны и во время ея велись между Россіею и Франціею ¹⁾. Неосторожность и самоувѣренность совѣтниковъ Наполеона III, не позаботившихся о принскавіи союзниковъ для войны, выступаетъ очень рельефно въ этой перепискѣ. Несмотря на достаточные поводы особо не довѣрять Наполеону III, русское правительство, тѣмъ не менѣе, сдѣлало все, отъ него зависящее, чтобы предупредить войну. Флери 12-го іюля нов. ст. писалъ герцогу де-Грамону: «Я узналъ, что канцлеръ (Горчаковъ) отпавился въ Германію съ порученіемъ отъ императора предложить въ Берлинѣ самые миролюбивыя совѣты и подтвердить, такимъ образомъ, письмо, въ этомъ смыслѣ написанное королю прусскому. Князь Горчаковъ, однако, мнѣ сообщилъ, что, воплнѣ повинная причины къ неудовольствію со стороны Франціи, онъ, все-таки, сожалѣетъ о слишкомъ угрожающемъ отношеніи тюльерійскаго кабинета, такъ какъ это затрудняетъ задачу примиренія въ Берлинѣ». Когда кандидатура принца Рогендоллерна на испанскій престолъ была взята обратно, русское правительство отстранилось отъ дальнѣйшаго вмѣшательства. Генералъ Флери писалъ герцогу де-Грамону 15-го іюля нов. ст.: «Я имѣлъ продолжительную бесѣду съ императоромъ Александромъ, но не могъ его убѣдить. Такъ какъ поводъ къ столкновенію, по его мнѣнію, благодаря его личному вліянію, устраненъ, то онъ и считаетъ вопросъ исчерпанымъ. Онъ не можетъ болѣе, сказалъ онъ, настаивать на уступкахъ передъ королемъ прусскимъ, самолюбіе котораго затронуто и который также имѣетъ дѣло съ чувствомъ націи, уже сильно оскорбленной отреченіемъ принца Леопольда». Война была уже рѣшена при дворѣ Наполеона, но еще ничего не было сдѣлано, чтобы обезпечить себѣ сочувствіе Россіи и содѣйствіе Австріи. Лишь 20-го іюля герцогъ де-Грамонъ писалъ генералу Флери: «Намъ непременно нужно добиться, для начала, вооруженнаго нейтралитета Австріи; необходимо бы были 100.000 человекъ въ Богеміи, а затѣмъ и помощь Австріи. Въ то же время мы можемъ усноковать Россію, и я надѣюсь, что вѣнскій кабинетъ не преминетъ сдѣлать ей на этотъ счетъ предложенія, которыя смогутъ удовлетворить ее. Взаимнъ мы желаемъ отъ петербургскаго кабинета лишь нейтралитета». Однако, этими благопожеланіями все и ограничилось. Вооруженнаго нейтралитета со стороны Австріи не послѣдовало, какъ теле-

¹⁾ Comte Fleury, La France et la Russie en 1870 — «Revue de Paris», 15 janv. 1899.

графироваль герцогъ де-Грамонъ 25-го іюля; самоувѣренность тюльерійскаго правительства вызвала полную изолированность Франціи. Послѣ первыхъ неудачъ на войнѣ, генералъ Флери, по порученію де-Грамона, пробоваль вызвать со стороны петербургскаго кабинета защиту французскихъ интересовъ «для поддержки династіи». Эти представленія вызвали справедливую отвѣдь князя Горчакова, указавшаго на то, что вопросъ о династіи чисто-внутренній вопросъ Франціи. Въ пользу сохраненія французской территоріи были сдѣланы нѣкоторые шаги изъ Петербурга, но настаивать Россіи не было никакихъ основаній; все поведеніе французскихъ дипломатовъ въ 1870 году до самаго разгрома было такое, что оно не вызывало особаго сочувствія. Приведемъ въ заключеніе интересное письмо, адресованное императоромъ Александромъ II императрицѣ Евгеніи на ея просьбу «сохранить Францію, каково бы ни было ея правительство»: «Царское село, 20-го сентября (2-го октября) 1870. Я получилъ письмо, которое вашему величеству угодно было адресовать мнѣ. Я понимаю и цѣню чувство, продиктовавшее вамъ его и заставившее васъ забыть собственное несчастіе и думать лишь о несчастіяхъ Франціи. Я искренне сочувствую вамъ и горячо желаю, чтобы мнрѣ скорѣе положилъ конецъ бѣдствіемъ, отъ которыхъ страдаетъ и вся Европа. Я думаю, что мнрѣ этотъ будетъ тѣмъ болѣе проченъ, чѣмъ болѣе онъ будетъ справедливъ и умѣренъ. Я сдѣлалъ и продолжаю дѣлать все, что отъ меня зависить, чтобы содѣйствовать этому результату, къ которому устремляются всѣ мои пожеланія. Благодарю васъ за добрую память и довѣріе къ моимъ чувствамъ. Повторяя вамъ мое увѣреніе, я остаюсь вашего величества добрый братъ Александръ».

— Одѣвка «Воспоминаній» Бисмарка. Профессоръ М. Филиппсонъ помѣстилъ въ приложеніи къ «*Berliner Tageblatt*», выходящемъ подъ заглавіемъ «*Der Zeitgeist*», небольшую статью, дающую безпристрастную научную характеристику недавно изданныхъ посмертныхъ воспоминаній Бисмарка ¹⁾. По словамъ нѣмецкаго историка, «Мысли и воспоминанія» Бисмарка нельзя считать настоящимъ историческимъ источникомъ. Имперскій канцлеръ, помимо того, что память ему часто измѣняла, вообще любилъ «приспособлять» въ воспоминаніяхъ своихъ прошлое для интересовъ минуты. Вездѣ, гдѣ Бисмарка можно провѣрить по имѣющимся документальнымъ источникамъ, изложеніе его представляется или неправильнымъ или тенденціозно-прикрашеннымъ. Поэтому ни въ одномъ случаѣ, гдѣ онъ сообщаетъ свѣдѣнія, въ другихъ источникахъ не имѣющіяся, на него нельзя положиться. Уже чрезвычайная рѣзкость его характеристикъ, заставляющая его дѣлать всѣхъ упомянутыхъ имъ лицъ на двѣ категоріи: дураковъ и злодѣевъ, даетъ поводъ сильно сомнѣваться въ истинѣ фактовъ, которые мы узнаемъ изъ этой книги. «Правда, замѣчаетъ Филиппсонъ, никто изъ современныхъ политиковъ не можетъ быть сравненъ съ Бисмаркомъ по остротѣ ума и широтѣ замысловъ; но столь же мало можно сомнѣваться въ возможной правотѣ воззрѣнія, прямо противорѣчащаго его

¹⁾ Historische Glossen zu Bismarcks «Gedenken und Erinnerungen» von M. Philippson.—«*Zeitgeist*», 16 Jan. 1899.

взглядамъ, а равно и въ томъ, что вѣдь и имперскій канцлеръ былъ человекъ, т. е. подверженъ былъ ошибкамъ и могъ своимъ одностороннимъ взглядомъ на вещи принести вредъ государству и народу». Филиппсонъ находитъ одно несомнѣнное историческое достоинство въ «Воспоминаніяхъ»: они даютъ драгоценный матеріалъ для характеристики взглядовъ самого канцлера. Вліяніе расходящейся теперь въ сотни тысячъ экземпляровъ книги его на читателей нѣмецкій профессоръ считаетъ прямо вреднымъ. «Большинство читателей безусловно поддается ошибкамъ его историческаго изложенія и односторонности его политическаго воззрѣнія. Первое еще не столь опасно; опаснѣе для будущаго послѣднее. Непрязнь ко всякому общему положенію, безсердечность, презрѣніе къ людямъ, ничѣмъ не прикрытый практическій расчетъ, умерщвленіе всякаго идеализма—это такія особенности, которыя могутъ быть прощены генію, если онѣ составляютъ тѣневую сторону его преимуществъ, но для дюжинныхъ людей онѣ неумѣстны, а для большихъ массъ онѣ прямо губительны». Филиппсонъ указываетъ на то, какъ мало проявляется въ «Воспоминаніяхъ» Бисмарка лояльность къ государю, которую нѣкоторые изъ панегиристовъ Бисмарка находили въ книгѣ. Лояльность, по словамъ Филиппсона, плохо вяжется съ презрительнымъ отзывомъ Бисмарка о нѣмецкихъ государяхъ, объ императрицѣ Августѣ, о кронпринцѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ и его супругѣ, наконецъ о самомъ даже императорѣ Вильгельмѣ I, который изображается честнымъ, благороднымъ, но упрямымъ простакомъ. Профессоръ Филиппсонъ дѣлаетъ такого рода заключеніе о дѣйствіи книги Бисмарка на читателей: «Мысли и воспоминанія», въ концѣ концовъ, могутъ содѣйствовать лишь укрѣпленію поклоненія силѣ и распространенію презрѣнія къ либерализму, самоотверженію и свободѣ духа: и то и другое уже и такъ слишкомъ ясно за послѣднюю четверть вѣка характеризуютъ внутреннія отношенія въ Германіи».

— Нѣмецкая исторія Сибири. Начало нынѣшняго года ознаменовалось выходомъ въ свѣтъ перваго на нѣмецкомъ языкѣ труда по исторіи Сибири ¹⁾. Этимъ обстоятельствомъ мы обязаны, какъ можно предполагать, той популярности, которою на западѣ пользуется теперь наша сибирская желѣзная дорога. Авторъ новой книги Альбрехтъ Виртъ не скрываетъ отъ себя тѣхъ трудностей, которыя ожидаютъ изслѣдователя сибирской исторіи. Онъ даже преувеличиваетъ ихъ: по его словамъ, настоящій историкъ Сибири долженъ бы знать языки: китайскій, турецкій, японскій, персидскій, арабскій, армянскій, монгольскій и маньчжурскій. Самъ авторъ признается, что у него такихъ знаній нѣтъ, почему онъ и ограничилъ свою задачу тѣмъ, что скомпилировалъ книжку въ 220 страницъ изъ разнообразныхъ пособій, понавшихъ ему подъ руки. Въ первой части своей книги онъ рассказываетъ, какъ потрясенія въ Пекинѣ, въ Монголіи и Южной Сибири послужили поводомъ къ переселенію народовъ, о которомъ Виртъ, однако, ничего особлива новаго не сообщаетъ. Въ отдѣлѣ «Средніе вѣка» у Вирта подробно обсуждается происхожденіе венгровъ изъ сѣверозападной Сибири и говорится о «великой культурной (?) роли» тюркскихъ народовъ, какъ посредниковъ между западно-европейскою и

¹⁾ Alb. Wirth, «Geschichte Sibiriens und der Mandchurei». Bonn. 1899.

китайской культурами. Относительно новаго времени авторъ ограничивается почти однимъ лишь общимъ замѣчаніемъ объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи и Японіи и о вліяніи на эти отношенія великой сибирской желѣзной дороги, которая, по его мнѣнію, будетъ закончена не раньше 1907 года. Вопросы изъ экономической исторіи и колонизація Сибири затронуты лишь мимоходомъ. Цѣнность книгъ придаютъ нѣкоторыя мѣткія наблюденія автора, лично побывавшаго въ Сибири. Знакомство его съ русскими источниками по исторіи края довольно слабое.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Императоръ Николай Павловичъ въ Вобруйскѣ.

(Воспоминанія очевидца).

ОБРУЙСКАЯ крѣпость была отстроена. Императоръ Николай I ѣхалъ осмотрѣть ее и былъ гнѣвенъ, зная по слухамъ, что огромныя траты казны не соотвѣтствуютъ дѣйствительной стоимости произведенныхъ работъ. Вобруйскія власти съ трепетомъ ожидали царскаго прїѣзда. Но роковая минута приблизилась, и начался осмотръ.

Государь обратился къ одному изъ иностранныхъ гостей съ вопросомъ:

— Ну, что, крѣпость неприступная?

Сопровождая свой отвѣтъ самыми почтительными жестами, гость отвѣчалъ:

— Къ ней и приступать незачѣмъ: крѣпость легко обойти.

Послѣ этого настроеніе государя еще ухудшилось. Онъ замѣтилъ на валу кирпичину и грозно спросилъ: «это что?». Въ сущности, такія слова заключали въ себѣ укоръ, такъ какъ всякой встрѣчѣ высокаго посѣтителя предшествовала тщательная уборка, и валяющійся кусокъ кирпича какъ бы свидѣтельствовалъ о небрежности. Однако, приходилось отвѣчать, и старшій въ чинѣ проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Ваше императорское величество, это кирпичъ.

— Нѣтъ, — рѣзко возразилъ царь, — это золото, это надо поднять.

Окружающіе поняли ѣдкій намекъ на страшную дороговизну постройки. Слова государя сопровождались повелительнымъ жестомъ. Одно изъ довольно важныхъ должностныхъ лицъ схватило тяжелый кирпичъ и понесло его подъ шинелью вслѣдъ за царемъ. Въ это время издали слышались крики: «ура!».

— Кто здѣсь старшій? — спросилъ государь.

— Въ настоящее время вы, ваше императорское величество, — отвѣчали ему.

— Кому же смѣютъ тамъ кричать ура? — продолжалъ императоръ.

Ему доложили, что командующій пѣхотными войсками дѣлаеть репетицію, приготавливая подчиненныхъ къ царской встрѣчѣ. Объясненіе не понравилось царю.

— Что же, онъ до сихъ поръ спалъ, а теперь проснулся? — сказалъ государь, садясь въ коляску мѣстнаго богача Рабиновича, запряженную четверкой вороныхъ.

Высокій посѣтитель остался недоволенъ видомъ войскъ. Крики «ура» не были дружны, маршировка не отчетлива. И когда солдаты услышали слова царя: «плохо, скверно», замѣшательство сдѣлалось всеобщимъ. Но вотъ императоръ занимаетъ мѣсто командира. Всѣ до послѣдняго солдата слышатъ его зычный голосъ: «слушай мою команду, смирно, оправься!». Давъ войскамъ отдохнуть минуты три, царь отдалъ необходимыя распоряженія, приказалъ маршировать въ ногу и при этомъ хлопалъ себя рукою по рейтузамъ съ такой силой, что звуки такта были далеко слышны. При этомъ онъ приговаривалъ: «разъ, два».

Когда я передалъ этотъ разсказъ очевидца одному изъ офицеровъ, служившихъ въ Бобруйской крѣпости, онъ хлопнулъ себя по лбу, говоря: «дѣйствительно, у насъ въ комендантскомъ управленіи хранилась кирпичина, она цѣла и до сихъ поръ, но никто не знаетъ ея исторіи».

Во время упомянутаго пребыванія государя въ Бобруйскѣ ему доложили, что поймана шайка разбойниковъ, уличенныхъ въ звѣрскомъ нападеніи на одну изъ сосѣднихъ помѣщницъ. Распорядившись наказаніемъ виновныхъ, государь приказалъ замуровать атамана шайки въ казематъ крѣпости. Преступникъ жилъ такимъ образомъ много лѣтъ, получая пищу черезъ отверстие въ стѣнѣ, обходясь лѣтомъ и зимой безъ одѣяла, имѣя лишь на себѣ истлѣвшія лохмотья той одежды, въ которой онъ былъ замурованъ.

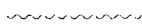
Будучи въ Бобруйскѣ въ началѣ 50-хъ годовъ, императоръ Николай вспомнилъ объ этомъ человѣкѣ, велѣлъ при себѣ ломать казематъ и вывести узника на свѣтъ. Тотъ вышелъ весь черный, дикій, съ длинными волосами и ужалъ замертво.

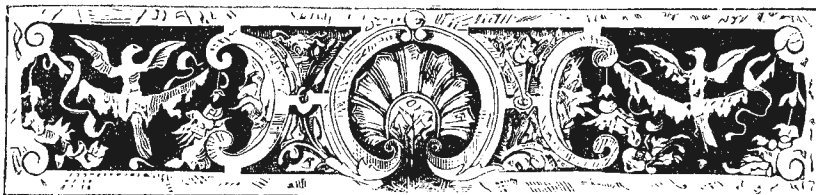
— Отчего онъ умеръ? — спросилъ государь у доктора, находившагося тутъ же.

Докторъ объяснилъ, что несчастный умеръ отъ страшнаго волненія, вызваннаго неожиданнымъ, послѣ многолѣтней тишины, стукомъ при сломкѣ каземата, причемъ волненіе усилилось, когда онъ внезапно очутился предъ государемъ. Яркій свѣтъ и свѣжій воздухъ довершили эффектъ происшедшей перемѣны, такъ какъ узникъ во время заключенія усиѣлъ отъ нихъ совершенно отвыкнуть.

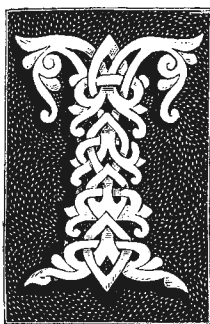
— Во всякомъ случаѣ, — въ раздумьѣ сказалъ императоръ, — была пора положить конецъ его страданіямъ.

Сообщено г. Кулябко-Корецкимъ.

С М Ъ С Ъ.

ОРЖЕСТВЕННОЕ засѣданіе императорской Академіи Наукъ. Императорская Академія Наукъ праздновала 29 декабря свою годовицину торжественнымъ годовымъ собраніемъ. Большой конференцъ-залъ, декорированный тропической зеленью и бюстами, былъ полонъ. Было много высокопоставленныхъ лицъ, ученыхъ и дамъ. По бокамъ каѳедры заняли мѣста весь наличный составъ академикомъ. Ровно въ часъ дня прибыли ихъ императорскія высочества, августѣйшій президентъ Академіи великій князь Константинъ Константиновичъ и великая княгиня Елисавета Маврикіевна. Его императорское высочество занялъ предсѣдательское мѣсто, и засѣданіе было открыто. На каѳедру вошелъ непремѣнный секретарь академіи генералъ Н. Ѳ. Дубровинъ и прочелъ отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1898 г. Была почтена память скончавшихся въ этомъ году: министра народнаго просвѣщенія гр. П. Д. Делянова, профессора Г. А. Захарьина, лейпцигскаго профессора Рудольфа Лейкарта, американскаго геолога профессора Джемса Голля, высокопреосвященнѣйшаго митрополита Палладія и членовъ-корреспондентовъ академіи: Сильвестера, Франческо Брюски, Шарля Шефера, Георга Вюлера, Отто Рибена и профессора А. Е. Арцруни. Къ важнѣйшимъ ученымъ предпріятіямъ, ознаменовавшимъ академическую жизнь за 1898 годъ, относятся слѣдующія. Вслѣдствіе предварительныхъ дипломатическихъ переговоровъ и благодаря просвѣщенному содѣйствію г. министра иностранныхъ дѣлъ графа М. Н. Муравьева, Академіи были асигнованы средства для участія въ градусномъ измѣреніи на Шпицбергенѣ, совместно съ Стокгольмскою академіею.

Вслѣдъ за тѣмъ, по всеноданнѣйшему докладу управляшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, т. е. Боголѣпова, 11-го августа, воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на образованіе при Императорской Академіи Наукъ особой комиссіи въ составѣ академикомъ: Баклунда, Бредихина, Шмидта, Карпинскаго, Рыкачева, и адъюнктовъ: князя Голицына и Чернышева, и представителей отъ вѣдомствъ военнаго и морского для распоряженій по подготовкѣ экспедиціи по производству градуснаго измѣренія на островахъ Шпицбергена. Ознакомившись съ проектомъ градусныхъ измѣреній на Шпицбергенѣ, комиссія выяснила, что градусныя измѣренія предположены вдоль восточнаго берега Шпицбергена, отъ южнаго мыса, вдоль Стурфьода и пролива Гиньлоненъ до самаго сѣвернаго острова въ архипелагѣ Семи острововъ. Кромѣ геодезическихъ работъ, которыя должны дать весьма цѣнный матеріалъ для точнаго сужденія о фигурѣ земли, желательно расширить труды Шпицбергенской экспедиціи рядомъ другихъ задачъ, какъ, на примѣръ, наблюденія надъ качаніями маятника, магнитныя и метеорологическія наблюденія, а также геологическія изысканія надъ общимъ строеніемъ Шпицбергена. Работы экспедиціи начнутся въ 1899 г. и продолжатся два лѣта и одну зиму. Но уже въ этомъ году шведскою академіею наукъ была послана рекогносцировочная партія, цѣлью которой было собрать всѣ данныя для окончательнаго установленія сѣти тригонометрическихъ пунктовъ, и вслѣдствіе сдѣланнаго съ военнымъ министерствомъ сношенія, со стороны Россіи былъ командированъ въ текущемъ году одинъ офицеръ на островъ Шпицбергенъ для рекогносцировки, совмѣстно съ шведскими учеными. Все это было предпринято при совмѣстныхъ совѣщаніяхъ членовъ комиссіи со стороны нашей и шведской Академіи, для чего въ октябрѣ мѣсяцѣ и предпринята была въ Стокгольмѣ поѣздка академикомъ Бредихинымъ и Баклундомъ и адъюнктами княземъ Голицынымъ и Чернышевымъ. Академикомъ Н. И. Кондаковымъ была предпринята научная поѣздка на Аонъ въ сообществѣ приватъ-доцентовъ Е. К. Рѣдина, Н. Я. Марра, архитектора Ѳ. Г. Беренштама и фотографа Е. И. Германа. Благодаря открытію путешественникомъ В. И. Роборовскимъ фрагментовъ рукописей въ пещерѣ буддійскаго монастыря въ Турфанской области, Академіей была снаряжена въ этотъ край экспедиція во главѣ съ ученымъ хранителемъ музея по антропологии и этнографіи, Д. А. Клеменцомъ. Экспедиціей найдено обиліе археологическихъ памятниковъ. Баронъ Толль представилъ отчетъ о двукратномъ путешествіи на Новосибирскіе острова и объ изслѣдованіяхъ на пространствѣ отъ рѣки Яны до Анабары. На седьмой сессіи междунаrodnаго геологическаго конгресса, состоявшейся въ августѣ 1897 года въ Петербургѣ, былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ междунаrodnаго плавучаго института для изученія морскихъ отложеній, съ передвижною лабораторіей, гдѣ бы для занятій могъ найти средства и способы геологъ и зоологъ, ботаникъ и физикъ и химикъ. Физико-математическое отдѣленіе Академіи приняло на себя ту часть организациі этого института, которая касается Россіи. Комиссія по завѣдыванію капиталомъ профессора Герца продолжала свои работы по составленію біографіи К. К. Герца и по изданію его сочиненій. Далѣе въ отчетѣ были перечислены научныя труды академикомъ В. В. Латышева, В. Г. Васильевскаго, Л. Н. Майкова; про-

фессоровъ Ѳ. П. Успенскаго, М. С. Дринова, Ю. А. Кулаковскаго, П. В. Помяловскаго, А. А. Дмитриевскаго, Ѳ. Е. Корша и др. Дѣйствительный статскій совѣтника М. И. Михельсонъ внесъ въ академію 15.000 рублей для учрежденія преміи за труды въ области науки о русскомъ языкѣ. Затѣмъ было сдѣлано обзорнѣе дѣятельности ученыхъ вспомогательныхъ учреждений, входящихъ въ составъ Академіи, и детальная оцѣнка ученой дѣятельности академиковъ: Н. Я. Сонины, Ѳ. А. Бредихина, О. А. Баклунда, пулковскихъ астрономовъ А. Бѣлопольскаго, А. А. Пванова и др., главной физической, Тифлисской, Иркутской обсерваторій, академика А. А. Рыкачева, Ѳ. Ѳ. Бельштейна, П. В. Крѣмѣева, А. С. Фаминцына, М. С. Воронина, С. П. Коржинскаго, Ѳ. Б. Шмидта, Ф. В. Овсянникова, К. С. Веселовскаго, Н. Ѳ. Дубровина, В. В. Радлова и В. П. Васильева. Затѣмъ слѣдовалъ составленный академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности. Составленіе и изданіе «Словаря русскаго языка» подъ редакціей академика А. А. Шахматова шло безостановочно. Выпущенъ въ свѣтъ «Словарь областного Олонецкаго нарѣчія». Печатались матеріалы для «Словаря древне-русскаго языка» по письменнымъ памятникамъ. Оканчивается печатаніемъ «Сборникъ великорусскихъ пѣсень». Учено-литературной дѣятельностью заявили себя: академики А. Ѳ. Бычковъ, М. П. Сухомлиновъ, П. В. Ягичъ, Л. Н. Майковъ, А. Н. Пыпинъ, А. А. Шахматовъ, Ф. Ѳ. Фортунатовъ. Отчетъ былъ законченъ грустнымъ перечнемъ скончавшихся: члена-корреспондента А. С. Павлова и старѣйшаго изъ поэтовъ послѣ-пушкинскаго періода Я. П. Полонскаго. Памяти послѣдняго было посвящено составленное графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ «Погребальное слово». Далѣе былъ прочитанъ отчетъ состоящей при Академіи постоянной комиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ. Согласно высочайшему указу 13-го января 1895 года, въ распоряженіе комиссіи 1-го января текущаго года поступило 50.000 рублей, ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ благоугодно было увеличить средства комиссіи ежегоднымъ пожалованіемъ 300 рублей. Кромѣ того, отъ суммъ минувшаго 1897 года имѣлся остатокъ, такъ что въ отчетномъ году въ распоряженіи комиссіи имѣлось 50.405 рублей 57 копеекъ. Комиссія имѣла 22 совѣщанія. Въ этихъ совѣщаніяхъ рассмотрѣно 486 ходатайствъ, изъ коихъ удовлетворено 314 и отклонено 170. Пенсіи имени императора Николая II назначены вновь 7 лицамъ на сумму 2.790 рублей, всего же выдано пенсій въ отчетномъ году 45 лицамъ на сумму 18.722 рубля. Единновременныя пособія выданы 223 лицамъ на сумму 12.310 рублей 57 копеекъ. Въ томъ же числѣ, въ 45 случаяхъ была оказана помощь, въ общей сложности на сумму 1.915 рублей, экстренно изъ аванса, находящагося въ распоряженіи предсѣдателя комиссіи. Выдавались пособія, разсроченныя по мѣсяцамъ, 87 лицамъ на сумму 19.260 рублей. Были прочтены также и отчеты о преміяхъ. Въ первый разъ была присуждена премія имени П. Н. Батюшкова. На конкурсъ было представлено два сочиненія. Изъ нихъ наградою въ 600 рублей увѣнчанъ многолѣтній трудъ по этнографіи П. В. Шейна «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края», и, кромѣ того, постановлено выдать медали, установленныя для рецензентовъ:

профессору Е. Θ. Карскому и библіотекарю Императорской Академіи Наукъ Э. А. Вольтеру за труды ихъ по оцѣнкѣ представленныхъ на премію сочиненій. На соисканіе преміи имени Г. П. Гельмерсена было представлено четыре сочиненія, изъ коихъ удостоено преміи сочиненіе А. Миквица подъ заглавіемъ: «Die Brachiopodengattung *Obolus Eishw.*», 1896. Преміи имени Ломоносова присуждены слѣдующимъ сочиненіямъ: 1) Н. И. Андрусова: «Ископаемыя и живущія Dreissensidae Евразіи» — 1.000 рублей; 2) работѣ Е. Буринскаго по усовершенствованію фотографіи — 500 рублей; 3) П. И. Броунову: а) Метеорологія, какъ наука о вихревыхъ движеніяхъ атмосферы; б) Грозовая дѣятельность въ бассейнѣ Днѣпра въ 1893 году; в) Практическое значеніе сельскохозяйственно-метеорологическихъ наблюденій и руководство къ производству ихъ — 500 рублей. На соисканіе преміи имени А. М. Сибирякова было представлено и удостоено ея одно сочиненіе Н. Оглоблина — «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа» (1592—1768 годовъ). На соисканіе преміи имени графа Д. А. Толстого было представлено пять сочиненій, по оцѣнкѣ которыхъ академія постановила выдать преміи нижеслѣдующимъ двумъ: а) Л. Бессеръ и К. Баллодъ. Смертность, возрастной составъ и долговѣчность православнаго народонаселенія обоаго пола въ Россіи за 1851—1890 годы, съ приложеніями: смертность, возрастной составъ и долговѣчность во Франціи за 1882—1886 годы, — Прибалтійскаго края за 1880—1883 годы, Пруссіи и Баваріи за 1881—1890 годы, и Англии, Бельгіи и Австріи за 1880—1890 годы. Спб. 1897 г., и б) Н. Г. Мацковія. Метисы Забайкалья (рукопись). Первое изъ этихъ сочиненій удостоено большой почетной золотой, и второе — малой золотой медали. Въ заключеніе были провозглашены имена лицъ, избранныхъ Академіей. Званіе почетныхъ членовъ удостоили принять: его величество король Швеціи и Норвегіи Оскаръ II, ея королевское величество королева Румыніи, Елпсавета, его императорское высочество великій князь Николай Михайловичъ, его императорское высочество великій князь Георгій Михайловичъ. Въ настоящемъ году избраны: въ почетные члены: чрезвычайный и полномочный посолъ при его величествѣ король Італіи, дѣйствительный тайный совѣтникъ А. П. Нелидовъ; профессоръ университета въ Христіаніи Фриціофъ Хансенъ. Въ члены корреспонденты: I. по физико-математическому отдѣленію — старшій астрономъ главной Николаевской астрономической обсерваторіи въ Пулковѣ, Магнусъ Нюренъ, профессоръ университета въ Христіаніи, Вольдемаръ Брѣггеръ, заслуженный профессоръ Н. П. Вагнеръ. II. По отдѣленію русскаго языка и словесности: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, Т. Д. Флоринскій, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета и директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ, В. Θ. Миллеръ, ординарный профессоръ Императорскаго харьковскаго университета М. С. Дриновъ и магистръ Императорскаго университета св. Владимира П. П. Житецкій. III. По историко-филологическому отдѣленію: магистръ всеобщей исторіи, В. Э. Регель, въ С.-Петербургѣ; профессоръ университета, Людвигъ Усингъ, въ Копенгагенѣ; дѣйствительный членъ мюнхенской академіи наукъ Фридрихъ Гиртъ, въ Мюнхенѣ, и членъ французскаго института Эмилъ Сенаръ, въ Парижѣ.

Памятникъ Мицкевичу въ Варшавѣ. 12-го декабря, въ десять часовъ утра, состоялось открытіе памятника Мицкевичу. Памятникъ помѣщается въ Краковскомъ предмѣстьѣ, на небольшой площади, образуемой перекресткомъ улицъ Чистой, Новомедовой, Трембіацкой и Новосенаторской. Выпускъ публики по билетамъ, розданнымъ комитетомъ, начался въ восемь часовъ и кончился въ десять часовъ. Привилегированные зрители по бѣлымъ билетамъ были допущены за ограду, остальные, оцѣленные спереди жандармами и полиціей, помѣстились напрогивъ памятника по Краковскому предмѣстью. Въ числѣ присутствовавшихъ находились: варшавскій католическій архіепископъ Понель, князья Радзивиллы, Четвертинскій, Любомирскій, маркизъ Велопольскій, графы Чацкій и Гурскій, членъ комитета по сооруженію памятника Генрихъ Сенкевичъ, докторъ Бенин, бавкирь Кроненбергъ, секретарь Василевскій, члены комитета земскаго кредитнаго Общества, всѣ варшавскія редакціи, за исключеніемъ «Варшавскаго Дневника», представители мѣстной польской интеллигенціи и многочисленные гости изъ Львова и Кракова. Почетныя мѣста предъ памятникомъ занимали дочь Мицкевича, по мужу Горецкая, съ сыномъ, докторомъ Горецкимъ, дочь друга Мицкевича, Одынца, Хоментовская съ дочерьми. Изъ властей на открытіи находились: президентъ Варшавы Вибиковъ и оберъ-полицеймейстеръ Лихачевъ. Генераль-губернаторъ, его помощникъ и варшавскій губернаторъ отсутствовали. Ровно въ 10 часовъ оркестръ заигралъ кантату Мовиушки, и съ памятника спало холщевое покрывало. На очень высокомъ гранитномъ пьедесталѣ предстала бронзовая фигура Мицкевича съ его классическимъ профилемъ, густой шевелюрой и задумчивымъ челою, столь восхищавшимъ графиню Растищину; на длиннополый сюртукъ наброшенъ романтический плащъ; правую руку Мицкевичъ прижалъ къ груди, а лѣвой поддерживаетъ живописныя складки. На лицевомъ фонѣ памятника, на пьедесталѣ, надпись: «Adamowi Mickiewiczowi», и немного пониже: «Rodaci», что значитъ: «земляки—соотечественнику». Надъ этой надписью, въ качествѣ орнамента, — лира, лавры и закрытая книга; немного повыше, у подножія статуи, — 1798 и 1855 — годы рожденія и смерти поэта. Довольно обширная квадратная площадка памятника обнесена гранитною баллюстрадаю, на четырехъ углахъ которой утверждены жертвенники съ золотымъ пламенемъ. Когда спала съ памятника завѣса, прелатъ Семеръ прочелъ краткую латинскую молитву и окропилъ памятникъ святой водой; оркестръ опять заигралъ изъ Монюшки, и этимъ кончилась церемонія, продолжавшаяся ровно четверть часа; прошла она при полномъ порядкѣ: ни одного крика, ни одного возгласа изъ толпы. Впечатлѣніе получалось торжественное, но молчаливое. На данномъ въ купеческомъ клубѣ обѣдѣ въ честь скульптора г. Гудебскаго, соорудившаго памятникъ Мицкевичу, Генрихъ Сенкевичъ сказалъ, обращаясь къ г. Гудебскому, рѣчь, которая напечатана въ польскихъ газетахъ. «Дорогой и любимый маэстро! Тому, который любилъ и чувствовалъ за миллионы, сердца этихъ миллионновъ отвѣтили величайшимъ почетомъ и любовью, а когда настала благопріятная минута, пожелали дать этимъ своимъ чувствамъ прочное и вѣчное выраженіе. Но, какъ это ты могъ видѣть нѣсколько дней назадъ, — чѣмъ глубже у насъ коллективное чувство, тѣмъ глубже молчанье, а слѣдовательно, этотъ почетъ и

эту любовь къ памяти нашего великаго Адама Мицкевича могъ выразить только одинъ изъ такихъ избранныхъ сыновъ народа, которымъ Богъ далъ для этого соотвѣтственную мощь. Этимъ избранникомъ явился ты, маэстро, и, дѣйствительно, счастливъ былъ выборъ, потому что ты понялъ чувствомъ и угадалъ, что миллионы хотятъ, чтобы твое произведеніе было великимъ и величественнымъ, настолько болѣе вдохновеннымъ и болѣе народнымъ, насколько болѣе вдохновеннымъ и болѣе народнымъ въ сравненіи съ другими поэтами былъ нашъ великій и любимый пророкъ Адамъ Мицкевичъ. И ты исполнилъ задачу. Ни одинъ поэтъ ни въ одномъ городѣ не имѣетъ болыпаго и болѣе величественнаго памятника, чѣмъ Мицкевичъ въ Варшавѣ. Честь и хвала тебѣ за это! Твое имя, уже ранѣе славное и громкое, теперь окружить благодарная память общества, которое высказываетъ тебѣ ее своими устами. Прими въ доказательство этой благодарности медаль, пусть она будетъ для тебя памяткой великаго гражданскаго подвига и свѣтлымъ воспоминаніемъ на вѣчные дни твоего живота. Знай при этомъ, что на медали отчеканенъ не только твой ликъ, не только видъ твоего шедевра, но и наши сердца, которыя отнынѣ будутъ тебя любить и будутъ соединять твою фамилію съ однимъ изъ лучшихъ дней нашей общественной жизни». Постановка памятника вызвала во всѣхъ органахъ петербургской печати сочувственныя польскому поэту статьи и призывы къ примиренію и забвенію прошлаго, къ миру между двумя родственными славянскими народами, разладъ которыхъ такъ радуется враговъ славянства. Не мало авторовъ коснулись взаимныхъ отношеній Пушкина и Мицкевича и отчасти даже ихъ относительнаго литературнаго значенія. 27-го декабря въ Петербургѣ былъ данъ въ ресторанѣ Донона большой обѣдъ по поводу столѣтія со дня рожденія Адама Мицкевича. Присутствовали болѣе 100 литераторовъ и ученыхъ: въ ихъ числѣ были Стасюлевичъ, Боборыкинъ, Потѣхинъ, Арсеньевъ, Владиміръ Соловьевъ, Спасовичъ, Михайловскій, Мордовцевъ, Леонидъ Полонскій, Суворинъ, Андреевскій, Мякотинъ, Ухтомскій, Загуляевъ, Скалонъ, Василевскій, Нотаненко, писательницы Шаниръ, Крестовская, Софія Смирнова и Калмыкова, художникъ Рѣшинъ, редакторъ «Края» Пилыцъ, профессора Буличъ, Коркуновъ, Свѣшниковъ и другіе. Предсѣдателемъ обѣда избранъ былъ старѣйшій изъ присутствовавшихъ литераторовъ Потѣхинъ; рядомъ съ нимъ занялъ мѣсто авторъ памятника Мицкевичу въ Варшавѣ, скульпторъ Гудебскій, бывший ученикъ петербургской академіи художествъ. Въ программѣ обѣда значилось 10 рѣчей. Первая изъ нихъ была произнесена Потѣхинымъ, предложившимъ почтить вставаніемъ память поэта. Спасовичъ говорилъ о влияніи Мицкевича на русское общество, Боборыкинъ — о бытовомъ значеніи Мицкевича, Соловьевъ — о трехъ стадіяхъ духовныхъ воззрѣній поэта, другіе ораторы — о наступленіи времени духовнаго сближенія между русскими и поляками.

Диспутъ С. А. Жебелева. 20-го декабря, въ одной изъ аудиторій Петербургскаго университета магистрантъ С. А. Жебелевъ защищалъ представленную имъ для полученія степени магистра греческой словесности диссертацию: «Пѣть исторіи Аѳянъ». С. А. Жебелевъ родился въ 1867 году, окончилъ курсъ классической гимназіи съ медалью и курсъ историко-филологическаго факультета Петербургскаго университета. Затѣмъ онъ былъ оставленъ проф. Конда-

ковымъ для приваденія въ порядокъ музея древностей. С. А. Жебелевъ — авторъ многочисленныхъ ученыхъ статей и замѣтокъ, печатавшихся въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Запискахъ Археологическаго Общества» и другихъ специальныхъ изданійхъ. Наиболѣе выдающеюся изъ этихъ статей является изслѣдованіе о религіозномъ врачеваніи у древнихъ. Официальные оппоненты проф. О. О. Соколовъ, В. К. Эрнштедтъ и О. Ф. Зѣлинскій, отмѣтивъ серьезныя научныя достоинства диссертаци, отозвались съ похвалою объ эпиграфическихъ изслѣдованіяхъ молодого ученаго, дозволившихъ ему установить очень точную хронологію событій, а также измѣнить существовавшія до сихъ поръ воззрѣнія на списки греческихъ художниковъ того времени, имѣющіеся у Плинія, причѣмъ С. А. Жебелеву удалось доказать существованіе новаго художника Аѳинея, тогда какъ раньше его имя считали лишь за прилагательное, относящееся къ предыдущему художнику Поликлу. Факультетъ призналъ защиту удовлетворительною и диссертанта — достойнымъ искомой ученой степени.

Диспутъ П. С. Смирнова. 20-го декабря, въ 1 часть дня, въ актовомъ залѣ С.-Петербургской духовной академіи, исправляющій должность доцента академіи по кафедрѣ исторіи и обличія русскаго раскола П. С. Смирновъ защищалъ представленную имъ для соисканія ученой степени магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ «Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в.» (изслѣдованіе изъ начальной исторіи раскола по вновь открытымъ памятникамъ изданнымъ и рукописнымъ, Спб., 1898 г.). Официальными оппонентами были заслуженный ординарный профессоръ исторіи русской церкви протоіерей П. О. Николаевскій и экстраординарный профессоръ русской гражданской исторіи П. Н. Жуковичъ. Совѣтъ академіи призналъ защиту вполне удовлетворительною и постановилъ ходатайствовать предъ святѣйшимъ синодомъ объ утвержденіи п. д. доцента Смирнова въ степени магистра богословія.

С.-Петербургское археологическое общество. I. 27-го ноября, состоялось, подъ предѣлательствомъ барона В. Р. Розена, засѣданіе восточнаго отдѣленія. С. О. Ольденбургъ сдѣлалъ сообщеніе: «Изъ буддійскихъ житій святыхъ. Взглядъ буддистовъ на женщину». Собственно референтъ коснулся только нѣсколькихъ житій святыхъ женщинъ и указалъ взглядъ на женщину-монахиню, господствовавшій въ буддійскихъ монастыряхъ. Происхожденіе женскаго монашества буддійское преданіе связываетъ съ имевемъ любимаго ученика Будды — Ананды: только свисходя къ его просьбамъ, открылъ Будда доступъ въ монастырь женщинѣ. И вотъ, въ первое время буддизма, множество женщинъ всѣхъ сословій и кастъ искало себѣ успокоенія отъ житейскихъ тревоженій, искало вѣчнаго спасенія въ обѣтѣ монашества. Въ ряды монахинь, какъ это видно изъ житій, поступали и блудницы, и царскія дочери, и скромныя матери семействъ, и счастливыя жены. Но сурово встрѣчалъ женщину монахъ-аскетъ, когда приходила она въ монастырь; онъ видѣлъ въ ней врага, противъ котораго слѣдовало бороться, онъ не признавалъ за ней ума — «разумъ у женщины въ два пальца», — гласила буддійская мудрость, — онъ называлъ ее падалью; «женщина, — говорилъ онъ, — для собаки — пища, для любовника — любимое существо, для монаха — падаль». Но женщина скоро завоевала себѣ въ мона-

стырѣ равноправное мѣсто съ мужчиной-монахомъ: она доказала, что и для ея ума доступно ученіе Будды. Однако, недолго удержалась она на этой высотѣ: уже въ древѣйшихъ драматическихъ произведеніяхъ монахиня рисуется крайне непривлекательно, зачастую—это сводня, ловко обдѣлывающая свои дѣлшки. Это было предвѣстіемъ скорого паденія женскаго монашества, которое къ тому же и не могло удержаться въ странѣ, гдѣ было сильно развито культъ предковъ, гдѣ на безплодіе смотрѣли, какъ на Божіе проклятіе. Вдобавокъ и самъ буддизмъ скоро палъ и переселился въ другія страны, гдѣ женское монашество совершенно не привилось. Но какъ кратковременно ни было существованіе женскаго монашества, оно не прошло безслѣдно: оно показало, что и женщина можетъ самостоятельно получить вѣчное спасеніе. II. 12-го декабря, подъ предсѣдательствомъ С. Ѡ. Платонова, состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія общества. Здѣсь, прежде всего, было подвергнуто обсужденію вопросъ, стоитъ ли издать памятники древней стѣнной живописи въ кievскомъ упраздненномъ Кирилловскомъ монастырѣ. Спрошенный, какъ лицо, хорошо знакомое съ памятниками нашей древней церковной живописи, А. В. Праховъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, снимки со стѣнной живописи Кирилловскаго монастыря издать необходимо; для этого можно воспользоваться тѣми снимками, которые были сдѣланы къ выставкѣ императорскаго русскаго археологическаго общества 1883 г., и которые въ настоящее время находятся частью въ Москвѣ, куда они были отправлены по просьбѣ Московскаго археологическаго общества, частью въ Петербургѣ въ университетскихъ сараяхъ. По мнѣнію Прахова, вопросъ можетъ быть лишь въ томъ, издавать ли одни только снимки со стѣнной живописи Кирилловскаго монастыря, или же совмѣстно съ тѣми, что осталось еще неизданнымъ изъ фресокъ и памятниковъ стѣнной живописи собора св. Софіи и Михайловскаго Златоверхаго монастыря. Окончательное обсужденіе этого вопроса было отложено до тѣхъ поръ, пока не будетъ выяснено, что сохранилось отъ выставки 1883 года. Затѣмъ Н. П. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе «о курганныхъ долменахъ въ Кубанской области», изслѣдованіемъ которыхъ онъ занимался прошлымъ лѣтомъ. Долменные погребенія въ Европѣ встрѣчаются въ большомъ количествѣ на сѣверномъ Кавказѣ, въ Южной Россіи и на Балканскомъ полуостровѣ; попадаются они также въ Италіи, Франціи и Англіи; но такъ какъ обыкновенно долмены не бываютъ засыпаны землею, то въ нихъ до сихъ поръ не удавалось сдѣлать почти никакихъ археологическихъ находокъ, и даже кости скелета, находимыя въ долменахъ, почти всегда лежатъ въ безпорядкѣ. Поэтому изслѣдованіе Н. П. Веселовскаго, которому посчастливилось найти близъ Царской станицы Майкопскаго отдѣла два долмена, опущенные въ курганы, а потому и нетронутые грабителями, получаетъ особое значеніе. Эти два долмена представляютъ изъ себя совершенное подобіе жилища, раздѣленное каменной плитой на двѣ части, въ одной изъ которыхъ находится скелетъ покойника, положеннаго на бокъ въ изогнутомъ положеніи. Въ обоихъ случаяхъ стѣны и полъ долменовъ, особенно тамъ, гдѣ лежитъ скелетъ, густо выкрашены яркой краской; у головы скелета въ обоихъ долменахъ было найдено много вещей, каковы, наиримѣръ, каменные наконечники копій, очень мелко и тщательно зазубренные, мѣдные топоры, золотыя украшенія, иглы и

разные другіе предметы; у стѣнъ долменовъ было расположены большіе глиняные горшки, а на полу въ части, не занятой покойникомъ, были разбросано много костяныхъ бусъ. Всѣ вещи были Н. И. Веселовскимъ показаны собравшимся членамъ общества, послѣ чего референтъ остановился на вопросѣ, какое имѣетъ значеніе круглое отверстіе, находимое всегда во внѣшней стѣнѣ долмена. Признавая долмень изображеніемъ жилища, референтъ считаетъ отверстіе это окномъ; то же обстоятельство, что окно это обыкновенно бываетъ плотно закрыто каменной пробкой, припертой плитами, должно быть, по мнѣнію докладчика, объясняемо желаніемъ погребавшихъ лишить покойника возможности самовольно покидать свое вѣчное жилище и, бродя по свѣту, причинять зло людямъ; повѣріе же, что покойники могутъ выходить изъ могилъ, пользовалось и даже до сихъ поръ пользуется, какъ извѣстно, широкимъ распространеніемъ. III. 21-го декабря, состоялось, подъ предѣлательствомъ И. В. Помяловскаго, засѣданіе классическаго отдѣленія общества. Здѣсь было сдѣлано три доклада по археологін древняго міра: два — извѣстнымъ знатокомъ греческой эпиграфики В. В. Латышевымъ и одинъ — М. И. Ростовцевымъ. Въ первомъ своемъ докладѣ В. В. Латышевъ сообщилъ о нѣсколькихъ вновь найденныхъ христіанскихъ надписяхъ въ окрестностяхъ Симферополя. Надписи эти представляютъ обычныя надгробія, и лишь одна изъ нихъ, относящаяся къ 1360 году, упоминаетъ о томъ, что погребенные подъ ней отецъ и сынъ были зарѣзаны Темпромъ, вѣроятно, Кутлукъ-Темуромъ. Но всѣ онѣ представляютъ извѣстный интересъ, давая новый эпиграфическій матеріалъ и цѣлый рядъ собственныхъ именъ, а также подтверждая то положеніе, что въ XIV вѣкѣ въ Крыму были обширныя поселенія православныхъ грековъ. Во второмъ своемъ сообщеніи В. В. Латышевъ коснулся вопроса о времени изданной имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ греческой надписи Евнагерія и на основаніи данныхъ документальнаго и эпиграфическаго характера подтвердилъ высказанное имъ ранѣе, но опровергнутое Ю. Кулаковскимъ, предположеніе, что надпись эта относится къ концу VI вѣка нашей эры. М. И. Ростовцевъ въ своемъ сообщеніи «Сельско-хозяйственныя поселенія въ древней Африкѣ» представилъ, на основаніи историко-литературнаго матеріала и данныхъ археологическихъ, картину сельско-хозяйственной жизни въ римской провинціи Африки во времена имперіи. По мнѣнію референта, надо думать, что римскіе императоры, по крайней мѣрѣ, во II—III столѣтіи, старались поддержать въ Африкѣ мелкое землевладѣніе и что лишь съ теченіемъ времени мелкій землевладѣлецъ попалъ въ экономическое рабство крупнаго собственника.

Археологическій институтъ. I. Археологическій институтъ устроилъ въ новомъ своемъ помѣщеніи первую русскую художественно-археологическую выставку, на которой собраны весьма рѣдкіе экспонаты, преимущественно древнія иконы. Выставка эта представляетъ несомнѣнный интересъ не только для любителей старины, но и для каждаго, интересующагося иконографіей. На выставкѣ собраны иконы трехъ эпохъ русской иконописи: новгородской до XVI вѣка, московской (XVI и XVII вѣка) и переходной (конецъ XVIII вѣка и XVIII вѣкъ). Иконы каждой эпохи сгруппированы вмѣстѣ и даютъ наглядное представленіе о техникѣ и стилѣ древней иконописи и о трактованіи иконографіи.

ческихъ сюжетовъ. Такъ какъ древнее художественное творчество въ области живописи выражалось по преимуществу въ иконописи, то выставка небезынтересна и для русскихъ художниковъ. Древнѣйшій періодъ русской иконописи преимущественно подражательный. Это подтверждается лѣтописными извѣстіями о греческихъ иконописцахъ, работавшихъ въ Кіевѣ, Новгородѣ и даже въ Москвѣ, общераспространеннымъ древне-русскимъ преданіемъ о греческихъ или корсунскихъ иконахъ въ Россіи и, наконецъ, уцѣлѣвшими памятниками въ Кіевѣ и Новгородѣ. Московскій періодъ иконописи (XVI и XVII вѣка)—періодъ полного развитія иконописнаго искусства въ національномъ духѣ. Въ иконахъ этого періода обнаруживаются уже вкусъ къ изящному, тонкое пониманіе основныхъ задачъ иконописи и воспитанный продолжительною практикою навыкъ въ обращеніи съ иконографическимъ матеріаломъ. Конецъ XVII и начало XVIII столѣтій обозначаютъ собою уже явный переходъ къ разложению основъ иконописи и наклонъ къ подражанію Западной Европѣ въ живописномъ стилѣ иконъ, въ ихъ технику и даже въ иконографическихъ сюжетахъ. Кромѣ русскихъ иконъ, имѣются на выставкѣ образцы металлическихъ украшеній иконъ, металлическіе складни и кресты и образцы древне-русскаго шитья. Интересны также произведенія византійской перегородчатой эмали, выставленные П. П. Балашевымъ, иконы такъ называемой критской школы изъ собранія П. П. Лихачева и образцы мозаики и эскизы строящагося на Екатерининскомъ каналѣ храма Воскресенія Христова, доставленные на выставку А. А. Парландомъ. III. Въ общемъ собраніи, 3-го декабря, А. А. Пайковъ сдѣлалъ сообщеніе «Погосты въ значеніи правительственныхъ округовъ и сельскихъ приходовъ въ сѣверной Россіи». Въ самыя древнія времена погосты имѣли торговое значеніе. Князья во время своего полюдья дѣлали тамъ свои стоянки. Тамъ происходили пиры, откуда и произошло — гощенье-угощенье. Невольникъ полагаетъ, что изъ погоста образовался гражданскій союзъ еще въ до-христіанскую эпоху. Лѣтописи устанавливаютъ такіе погосты къ 947 году, времени княгини Ольги. Въ широкомъ значеніи — округа церковно-гражданскаго, — о погостѣ говорится въ XII вѣкѣ, затѣмъ въ XV вѣкѣ, въ одной изъ грамотъ въ 1504 году — въ духовной Пвана Васильевича. Погостъ несетъ и церковно-гражданскія повинности: десятину, виру, продажу, полюдье (осеннее и весеннее) и др. Договорныя грамоты XII, XIII, XIV вѣковъ говорятъ, что получившій свободу смердъ долженъ идти въ свой погостъ. Погостъ получаетъ установленіе административное. Въ XIV вѣкѣ мы встрѣчаемъ указанія на количество населенія до 2.000 человекъ. Кромѣ Новгородской области, погосты были въ Двинской области, Карелии, въ губерніяхъ Пермской, Казанской, Владимірской и др. Въ эпоху до-петровскую въ погосты входили земли государевы, священно-служителей, земцевъ, и имѣли небольшія владѣнія «своеземцы», носившіе уменьшительныя имена и представлявшіе изъ себя, вѣроятно, крестьянъ. Въ XVI вѣкѣ они почти исчезаютъ. Церковь находилась на обще-приходской землѣ. Все пріобрѣталось на средства прихожанъ. Около церкви находились амбары, лавки, арендная плата за нихъ шла въ пользу причта. Тутъ же находились богадѣльни, нищенскія кельи, содержаніе которыхъ лежало на прихожанахъ. При церквяхъ происходили трапезы — собранія, служившія даже для

разбора гражданскихъ дѣлъ, на нихъ происходили выборы, читались указы, грамоты, приносились жалобы—трапезныя жалобы. Около церковныхъ владѣній находились дворы должностныхъ лицъ, помѣщиковъ, дворы таможенные. Погостъ представлялъ изъ себя чрезвычайно неструю картину по отношенію къ ремесленной жизни, какую не представляетъ теперь волость. Жизнь тамъ текла широко. Въ географическомъ отношеніи погостъ имѣлъ строгія границы и равнялся, пожалуй, нашему уѣзду. Названія онъ имѣлъ два — церковное и гражданское; такъ, погостъ Спасо-Городенскій занималъ теперешнюю область Петербурга и центръ его былъ, гдѣ теперь Шпассельбургъ. Церковь погоста называлась старовая церковь, всѣ остальные церкви въ области тянули къ ней дань, а она уже отсылала ее къ архіерею. Въ погостахъ сосредоточивался сборъ государственныхъ платежей, для денежныхъ повинностей составлены были подробныя росписи дворовъ. Погостъ представлялъ изъ себя вѣсословную единицу. Сборы на ратныхъ людей платили крестьянскіе дворы, церковныя и помѣщичьи. Постройки общественныхъ зданій — тюрьмы, стѣны, производились сообща. Питейныя, таможенныя пошлины иисались тоже по погостамъ. Изъ всего сказаннаго докладчикъ въ концѣ сдѣлалъ выводъ: въ до-петровскій періодъ погосты были небольшіе правительственные округа. Жизнь погоста представляла самостоятельность. Погостъ въ лицѣ всѣхъ жителей, какъ вѣсословная единица, несъ повинности и церковныя, и государственныя. Жители имѣли движимое имущество. Выбирали должностныхъ лицъ. Участвовали въ судѣ дворцовыхъ приказчиковъ. Имѣли право обращаться къ правительству. Погостъ былъ строгой географической единицей. Въ погостѣ была развита сильно благотворительность, и на немъ лежала обязанность слѣдить, чтобы богатые не тѣснили бѣдныхъ.

Общество любителей древней письменности. I. 27-го ноября, состоялось общее собраніе, подъ предѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Засѣданіе было открыто заявленіемъ предѣдателя о томъ, что общество повесло утрату въ лицѣ скончавшагося почетнаго члена П. А. Морица. Общество почтило память покойнаго вставаніемъ. Затѣмъ графъ С. Д. Шереметевъ прочелъ некрологъ, въ которомъ напомнилъ о томъ, какое дѣятельное участіе въ основаніи общества принималъ П. А. Морицъ и какъ онъ сочувствовалъ обществу. Первое сообщеніе: «По поводу изданія Мирослава Евангелія», было сдѣлано В. В. Стасовымъ. Мирославо Евангеліе написано въ Сербіи въ XII вѣкѣ. Въ настоящее время оно принадлежитъ сербскому королю и на его средства воспроизведено въ великолѣпномъ изданіи, благодаря которому стало возможно изученіе замѣчательнаго орнамента этого Евангелія. Отдѣльные снимки съ текста Мирослава Евангелія были, впрочемъ, извѣстны и ранѣе, и Ф. П. Буслаевъ высказалъ мнѣніе, что на орнаментѣ его замѣчается западное вліяніе. Съ Буслаевымъ въ данномъ случаѣ нельзя согласиться. У Буслаева, при его большомъ талантѣ, огромныхъ знаніяхъ, строгомъ научномъ методѣ, были своего рода вѣрованія въ то, что на русскомъ искусствѣ не отразилось восточное вліяніе, которыя шли иногда въ разрѣзъ съ тѣмъ, къ чему приходилъ онъ путемъ научнаго изслѣдованія, и вызывали погрѣшности въ его сужденіяхъ. П. Буслаевъ ошибся въ вопросѣ о такъ называемомъ звѣриномъ стилѣ

вообще и объ орнаментѣ Мирославова Евангелія въ частности (чего не сдѣлалъ бы, конечно, если бы у него въ рукахъ было нынѣшнее полное изданіе этого Евангелія). Подробно разобравъ изображенія растеній, животныхъ, людей и изображенія архитектурнаго характера въ орнаментѣ Мирославова Евангелія, докладчикъ пришелъ къ выводу, что на этомъ орнаментѣ сказывается несомнѣнно восточное и византійское вліяніе, но не западное романское, которое можно отмѣтить лишь въ минимальной степени. Попутно были высказаны мысли о значеніи орнамента Мирославова Евангелія для изученія русскаго орнамента. По поводу этого реферата Н. П. Кондаковымъ высказано было пожеланіе, чтобы изслѣдованіе о русскомъ орнаментѣ было написано именно В. В. Стасовымъ. П. А. Сырку не согласился съ нѣкоторыми положеніями докладчика. Второе сообщеніе: «Къ вопросу о происхожденіи русскаго хронографа», было сдѣлано А. А. Шахматовымъ. Референтъ, признавъ доказаннымъ, что хронографъ составленъ славяниномъ не ранѣе XV вѣка, остановился на вопросѣ, гдѣ именно работалъ этотъ славянинъ, въ Россіи или въ южно-славянскихъ земляхъ. Придя къ выводу, что редакція Толстовскаго и сходныхъ съ нимъ списковъ — поздняго происхожденія, и что русскія лѣтописныя статьи и извѣстія въ ней устранены умышленно, и показавъ, что эта редакція основывается на той древней редакціи, которая отразилась и въ Русскомъ Временникѣ, докладчикъ заключаетъ, что въ первоначальной редакціи хронографа, — основной для редакціи 1512 года, для редакціи Толстовскаго и сходныхъ списковъ, а также для Русскаго Временника, — уже находились русскія лѣтописныя статьи и извѣстія. Сопоставивъ это съ тѣмъ, что въ основаніи хронографа лежитъ русская редакція Еллинскаго Лѣтописца, референтъ заключаетъ, что хронографъ составленъ въ Россіи. Начитанность въ сербскихъ памятникахъ, введенныхъ въ составъ хронографа, а также сербизмы большинства списковъ хронографа объясняются тѣмъ, что составителемъ русскаго хронографа былъ сербъ. Рядъ другихъ соображеній приводитъ докладчикъ къ мысли, что хронографъ составленъ въ 1442 году и именно Пахоміемъ Логоетомъ. По окончаніи реферата А. А. Шахматова, Н. П. Кондаковъ показалъ собранію альбомъ русской археологической экспедиціи на Аѳонъ. Экспедиціи этой было поручено Императорскою Академіей Наукъ разслѣдованіе аѳонскихъ ризницъ. Экспедиціи посчастливилось, и участникамъ ея удалось осмотрѣть и недоступную прежнимъ изслѣдователямъ лаврскую ризницу, въ которой, между прочимъ, обращаютъ на себя вниманіе сотни тканей XIV, XV и XVI вв. необыкновенной красоты и сохранности. Сопровождая демонстрированіе рисунковъ и снимковъ объясненіями, Н. П. Кондаковъ обратилъ вниманіе собранія на рисунокъ древохранилищницы, украшенной эмальми второй половины XI в.; на окладъ иконы Іоанна Богослова (скань которой тождественна со сканью шапки Мономаха и служитъ новымъ доказательствомъ византійскаго происхожденія этой шапки); на рядъ иконъ, скань которыхъ указываетъ, что окладъ иконы Владимірской Божіей Матери сдѣланъ греческими мастерами, и на много другихъ рисунковъ. — II. 11-го декабря, состоялось общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко. Первое сообщеніе о спискахъ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» было сдѣлано Г. З.

Кунцевичемъ. Указавъ на то, что «Исторія о Казанскомъ царствѣ» обращаетъ на себя вниманіе «любителей исторіи» уже въ XVIII вѣкѣ, что «Исторіей» интересовался графъ Н. П. Румянцевъ, что о ней упоминаютъ и высказываютъ о ней мнѣніе Карамзинъ и Соловьевъ, что археографическая коммиссія возлагала на А. Е. Викторова издать «Исторію» (изданіе не состоялось по болѣзни А. Е. Викторова), докладчикъ посвятилъ свой рефератъ обзорнѣю ея списковъ, число которыхъ доходитъ до 152. «Исторія» была внесена въ хронографъ уже второй редакціи, жила съ конца XVI в. до первой четверти нынѣшняго столѣтія, списывалась даже съ печатнаго изданія, въ теченіе своего долгаго существованія перебивалась рѣшительно между всеми классами общества, давалась, наконецъ, вкладомъ въ монастыри и церкви. Изъ списковъ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ» референтомъ было обращено особое вниманіе на списокъ В. М. Ундольскаго, какъ старѣйшій (конца XVI в.), и на лицевой списокъ Московской духовной академіи. П. А. Сырку было указано, что въ разныхъ мѣстахъ за границей, сверхъ отмѣченныхъ въ различныхъ описаніяхъ, имѣется еще пять списковъ «Исторіи о Казанскомъ царствѣ». Второе сообщеніе о служебникѣ XIII — XIV вв. бібліотеки Ярославскаго архіерейскаго дома было сдѣлано А. С. Раевскимъ. Непосредственное ознакомленіе съ пергаментными рукописями бібліотеки Ярославскаго архіерейскаго дома приводитъ къ убѣжденію, что число памятниковъ русскаго языка старше XV в., хранящихся тамъ, должно считаться большимъ, чѣмъ считалось до сихъ поръ. Причина неточности въ опредѣленіи ихъ числа заключалась въ неполнотѣ печатныхъ описаній книгъ этой бібліотеки. На дѣлѣ оказывается, что сверхъ рукописей, отнесенныхъ въ печатныхъ описаніяхъ ко времени до XV в., еще 6 рукописей не противорѣчатъ XIV в. Въ особенности же интересенъ служебникъ будто бы 1561 года, но въ дѣйствительности относящійся къ XIII — XIV в. (данныя письма, языка и орнамента приводятъ къ убѣжденію, что служебникъ этотъ писанъ въ Ростовско-Суздальской области ранѣе появленія въ ней исправленныхъ въ Болгаріи богослужебныхъ книгъ). Далѣе С. О. Долговъ прочелъ рефератъ о найденныхъ имъ новыхъ документахъ, относящихся ко второму собору (1490 г.), противъ еретиковъ-жидовствующихъ. Документы эти: 1) поученіе митрополита Зосимы и всего собора православнымъ христіанамъ, заключающее въ себѣ, между прочимъ, исторію собора (до сихъ поръ была извѣстна только $\frac{1}{3}$ этого поученія), 2) самый приговоръ собора, объявленный еретикамъ. Напомнивъ въ общихъ чертахъ исторію ереси, докладчикъ указалъ на то, что новаго вносятъ въ наши свѣдѣнія о ереси найденные имъ документы. Графъ Н. С. Шереметевъ предложилъ вниманію общества атласъ де-Вита съ надписью, сдѣланною Никитою Зотовымъ и позволяющею предполагать, что по этому атласу учился Петръ Великій.

Историческое общество въ Москвѣ. 20-го декабря, въ 2 часа дня, въ бібліотечной залѣ университета состоялось, подъ предѣлательствомъ заслуженнаго профессора В. П. Герье, открытое засѣданіе Историческаго общества, въ которомъ А. А. Малининъ сообщилъ о результатахъ интереснаго и новаго, произведеннаго имъ, изслѣдованія, носящаго названіе «Аѳонская агора по литературнымъ памятникамъ и раскопкамъ». Агору, гдѣ сосредивалась

общественная жизнь афинянъ, принято помѣщать къ сѣверу отъ Ареопага, но подробный критическій разборъ теорій наиболѣе извѣстныхъ ученыхъ, какъ-то: Ваксмута, Курціуса, Лоллинга, Мильхгефера и др., а также данныя, добытыя раскопками, и сопоставленіе литературныхъ извѣстій приводятъ къ выводу, что площадь ἀγορὰ должна быть расширена къ востоку, то-есть помимо отводимого ей мѣста къ сѣверу отъ Ареопага, должна обнимать собой и мѣстности къ сѣверу отъ Акрополиса, при чемъ западная часть была отведена торговлѣ, а восточная половина являлась центромъ государственной жизни. Поэтому общественныя зданія, которыя упоминаетъ на агорѣ путешественникъ Павзаній, должны быть локализованы здѣсь въ мѣстности къ сѣверу отъ Акрополя, а не къ сѣверу отъ Ареопага, гдѣ они помѣщаются другими исследователями. Вмѣстѣ съ тѣмъ референтъ путемъ только распространения площади къ востоку освѣтилъ нѣкоторые спорные вопросы Афинской исторической топографіи. Шаткость разбираемыхъ топографическихъ теорій референтъ наглядно доказывалъ съ помощью демонстрированнаго имъ передвижнаго плана въ видѣ отдѣльныхъ карточекъ, съ обозначеніемъ на каждой названій тѣхъ зданій, которыя въ древнія времена находились на агорѣ, и при помощи этого плана доказывалъ невозможность помѣщенія означенныхъ зданій, описанныхъ Павзаніемъ, на агорѣ, — въ мѣстностяхъ къ сѣверу отъ Ареопага, и со своей стороны представилъ новый планъ ихъ размѣщенія къ сѣверу отъ Акрополиса, основывая соответствіе предложеннаго ихъ размѣщенія со всеми данными древней греческой литературы. Свой интересный рефератъ докладчикъ закончилъ слѣдующими словами: «Всякому, изучающему исторію Греціи, нужно имѣть отчетливое, по мѣрѣ возможности, представленіе о мѣстѣ ея дѣйствія; особенно важно представленіе относительно ἀγορὰ, потому что это былъ пунктъ, изъ котораго, по выраженію одного исследователя, исходили лучи общественной жизни. Эту маленькую отповѣдь скептикамъ, мнѣ кажется, всего умѣстнѣе заключить словами Курціуса: «Все, что идетъ изъ Афинъ, — это не засохшія листья для гербарія ученаго, но свѣжіе вѣтви и цвѣты».

Археологическое общество въ Москвѣ. I. Въ предпоследнемъ засѣданіи профессоръ Анучинъ сообщилъ выдержки изъ своего новаго труда «Къ исторіи искусства и вѣрованія припуральской чуди». При разрытіи чудскихъ могилъ, а также и просто на холмахъ и въ другихъ мѣстахъ, прежде населенныхъ чудью, находятъ довольно часто мѣдныя рѣзные и литыя фигурки, изображающія чаще всего птицъ, съ двумя и тремя головами, иногда какое-то ящероподобное животное, иногда нѣчто въ родѣ дракова. Что изображали собой подобныя фигурки и каково было ихъ назначеніе, — отвѣтить на этотъ вопросъ взялся профессоръ Анучинъ. Изображеніе птицы находится иногда на холмахъ, поставленное стоймя на хвостъ. Его всегда находятъ въ разрытыхъ могильникахъ вмѣстѣ съ другими атрибутами погребальнаго обряда. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что съ этимъ изображеніемъ связывалось какое-то религиозное вѣрованіе. Еще болѣе утверждаетъ докладчика въ этомъ предположеніи то обстоятельство, что и теперь у разныхъ инородцевъ Сибири изображеніе птицы соединено съ разными религиозными представленіями. Такъ, нельзя представить себѣ шамана безъ изображеній птицъ, которыми онъ весь

бываетъ увѣшанъ. Это и понятно. Шаманъ долженъ имѣть сношенія съ міромъ духовъ, а этого онъ можетъ достигнуть только при помощи птицъ. При этомъ докладчикъ упомянулъ о томъ религіозномъ значеніи, которое съ глубокой древности у языческихъ народовъ придавалось птицамъ, самый образъ и обычай жизни которыхъ возбуждали удивленіе первобытнаго человѣка. Ихъ прилетъ и отлетъ, ихъ пареніе въ небѣ — все это удивляло воображеніе язычника и заставляло его придавать птицѣ какое-то особое значеніе, если не божества, то посредника между людьми и божествомъ. У нѣкоторыхъ инородцевъ Сибири и понынѣ всякое принесеніе жертвы производится слѣдующимъ образомъ. Выкаются въ рядъ нѣсколько слочекъ, изъ которыхъ каждая ниже другой. Вершины слочекъ соединяются бѣлою веревкою, силетенною изъ конскаго волоса и идущею къ тремъ колышкамъ тоже неравной высоты, увѣчаннымъ изображеніями птицъ, изъ коихъ первая съ двумя головами. Къ заднему колышку уже привизывается жертва. То обстоятельство, что нѣкоторыя изображенія птицъ имѣютъ фантастическій характеръ, а также то, что попадаются изображенія крокодиловъ и драконовъ, докладчикъ объясняетъ культурнымъ вліяніемъ юга, такъ какъ только подъ впечатлѣніемъ роскошной фауны юга и могли у первобытнаго художника выработаться такія причудливыя и необычныя для сѣвернаго жигеля формы представителей животнаго царства. Вліяніе это было несомнѣнно, такъ найдено въ чудской землѣ не мало вещей арабской работы эпохи Сассанидовъ, съ изображеніями, очень близко напоминающими чудскія древнія издѣлія, находимыя при раскопкахъ. II. Въ последнемъ ноябрьскомъ засѣданіи, 27-го ноября, В. А. Гамбургевъ сообщилъ о судьбахъ упраздненной въ мартѣ 1898 г. церкви Св. Троицы на берегу Царборисовскаго пруда, близъ Царицына, въ селѣ Борисовѣ. Церковь эта небольшая и замѣчательна была тѣмъ, что силюшъ была сооружена изъ бѣлаго камня. Такъ клались церкви только въ глубокой древности. Затѣмъ о древности храма свидѣтельствовала простота наружныхъ украшеній, а также и то обстоятельство, что при разборкѣ церкви найдены были деревянныя, совершенно петлѣвшія, связи и такъ называемые голосники. 15 лѣтъ тому назадъ причтъ этой церкви просилъ позволенія разобрать ее, чтобы воспользоваться ея матеріаломъ для сооруженія ограды вокругъ погоста новой большой церкви. Отъ комиссіи по охраненію древнихъ памятниковъ были отправлены знатоки древняго зодчества, которые признали церковь очень интересною въ археологическомъ отношеніи и заслуживающею поддержанія. Однако причтъ не поддерживалъ церковь и, 15 лѣтъ спустя, возобновилъ свою просьбу о разборкѣ ея. Состоялся вгоричный осмотръ, обнаружившій, дѣйствительно, опасное состояніе всей постройки, и тогда было разрѣшено церковь сломать, при чемъ при разборкѣ ея долженъ былъ присутствовать г. Гамбургевъ. Въ числѣ замѣчательныхъ особенностей этой церкви г. Гамбургевъ указалъ на то, что главка церкви сложена вся цѣлкомъ изъ каменныхъ плитъ. Общій вѣсъ этой главки около 300 пудовъ, и тѣмъ не менѣе она стояла непосредственно на сомкнутомъ сводѣ. Форма главки ближе всего подходитъ къ формѣ липоваго листа. Въ стѣнахъ храма найдены голосники. Это довольно большіе, различныхъ размѣровъ, кубышны изъ бѣлой, не муравленной глины. Наибольшій кубышнъ

вѣснть около 16 фунтовъ. Всѣ они заложены въ стѣнахъ горлышкомъ (очень узкимъ по отношенію къ толстой части кувшина) внутрь храма. Кувшины съ ручками, чтò указываетъ на то, что это были простые хозяйственные кувшины, а не особые, для храма сдѣланные. Какая цѣль этихъ кувшиновъ — неизвѣстно, такъ какъ, судя по размѣрамъ храма, не представлялось надобности прибѣгать къ искусственному усиленію звука. Есть предположеніе, что голосники служили для облегченія тяжести сводовъ, но и противъ этого существуетъ много предположеній. При разборкѣ храма въ стѣнахъ его найдено много остатковъ старинныхъ надгробій съ грубымъ орнаментомъ. Такъ какъ не найдено ни одного надгробія съ надписью, то можно сдѣлать заключеніе, что въ этой мѣстности находилась мастерская для издѣлій надгробныхъ плитъ, часть которыхъ и пошла на сооруженіе церкви. Церковь эта, во всякомъ случаѣ, древняго происхожденія, и нельзя не пожалѣть объ ея гибели, тѣмъ болѣе, что, по словамъ г. Сизова, присутствовавшего при первомъ осмотрѣ ея, мѣстные крестьяне упрашивали членовъ комиссіи не допускать разрушенія старинной церкви, общая дать деньги, потребныя на постройку ограды.

Археографическая комиссія Московскаго археологическаго общества. I. Комиссія истекшимъ лѣтомъ командировала слѣдующихъ лицъ для научныхъ изысканій и изслѣдованій древнихъ русскихъ архивныхъ документовъ: 1) Д. И. Дявгяло въ архивъ Лепельскаго городскаго собранія, дѣла котораго предназначены были къ продажѣ; въ дѣлахъ этого архива найдено много древнихъ рукописей, 2) М. М. Плохинскаго въ Черниговскую губернію, гдѣ имъ было разсмотрѣно и описано много казенныхъ и въ особенности частныхъ помѣщичьихъ архивовъ. Изъ казенныхъ архивовъ наиболѣе замѣчательны по сохранившимся въ нихъ древнимъ актамъ: архивъ Глуховскаго Петроавловскаго монастыря, Черниговской консисторіи, Черниговскаго губернскаго правленія, Елецкаго монастыря, Глуховской Никольской церкви, Троицко-Нльнскаго монастыря въ Черниговѣ, центрального архива упраздненныхъ судебныхъ учреждений Черниговскаго округа и пр.; 3) В. О. Эйнгорна, посѣтившаго и изслѣдовавшаго наиболѣе древніе архивы городовъ Кіева, Харькова и Чернигова, причемъ имъ составлены подробныя описи Софійскаго собора, Никольскаго монастыря и др.; 4) П. П. Никольскаго въ Тульскую губернію, гдѣ имъ осмотрѣны и составлены описи 12 частныхъ и казенныхъ архивовъ; 5) С. К. Шамбинаго, изслѣдовавшаго архивъ Костромскаго Платьевскаго монастыря, 6) П. А. Кожевникова, осмотрѣвшаго въ подробности Ватиканскій архивъ и всѣ рукописи, касающіяся дипломатическихъ сношеній съ Россіей, 7) П. П. Иванова, изучавшаго рукописи Архангельскаго енархіальнаго музея, 8) П. С. Алферьева, ознакомившагося съ дѣлами Саранскаго полицейскаго архива, Пензенской губерніи, гдѣ имъ найдено много рѣдкихъ документовъ XVII вѣка, 9) А. П. Санунова, изучившаго всѣ наиболѣе замѣчательные архивы городовъ Минска и Могилева, и 10) М. В. Довнаръ-Запольскаго, составившаго описаніе частнаго архива помѣщика Подгорскаго. II. 23-го декабря происходило, подъ предсѣдательствомъ проф. А. П. Кирпичникова, годичное засѣданіе, состоящей при Московскомъ археологическомъ обществѣ, археографической комиссіи. Изъ прочитаннаго годичнаго отчета выяснилось, что вслѣдствіе разосланныхъ

весною истекшаго года циркуляровъ комисіи съ просьбой доставлять ей свѣдѣнія объ архивахъ и собраніяхъ рукописей, комиссіей полученъ цѣлый рядъ отвѣтовъ, проливающихъ новый свѣтъ на богатство нашихъ частныхъ древнехранилищъ. Самымъ капитальнымъ приобрѣтеніемъ въ этомъ отношеніи является то обстоятельство, что, благодаря просвѣщенному содѣйствію пензенскаго губернатора графа Адлерберга, которому общество выразило глубочайшую признательность, комиссія получила въ свое распоряженіе цѣнные архивы Полянскихъ, представляющіе богатое и обширное собраніе документовъ XVII и XVIII столѣтій. Кроме того, 11 архивовъ прислали подробныя свѣдѣнія о порядкѣ веденія въ нихъ описей документовъ. Послѣ чтенія отчета слѣдовали сообщенія: предсѣдателя комисіи проф. А. И. Кирпичникова о послѣднихъ работахъ Парижской школы хартій, которую онъ посѣтилъ въ 1873 и въ 1897 гг., и д. чл. А. А. Кизеветтера «Къ исторіи образовательныхъ идей въ Россіи, по поводу неизданнаго труда архангельскаго крестьянина В. Крестинина». Трудъ этотъ, заслужившій похвалу отъ правительствующаго сената и представленный на усмотрѣніе императрицы Екатерины II, заключалъ въ себѣ совершенно новый въ ту эпоху проектъ относительно всеобщаго обученія и основанія въ гор. Архангельскѣ первой гимназіи. Третій докладъ М. М. Плюхинскаго представлялъ отчетъ объ его поѣздкѣ въ Черниговскую губернію.

Библиографическій кружокъ. I. Совѣтомъ Московскаго университета возбуждается ходатайство о принятіи въ число состоящихъ при университетѣ обществъ «Московскаго библиографическаго кружка» въ виду того, что цѣли и дѣятельность этого кружка являются строго научными и заслуживаютъ полнаго сочувствія. Кружокъ, существующій всего 8 лѣтъ, успѣлъ собрать обширную бібліотеку, специально по всеобщей и русской библиографіи, и владѣеть собственнымъ журналомъ «Книговѣдніе». Съ переходомъ въ университетъ «Московскій библиографическій кружокъ» будетъ преобразованъ въ «Русское библиографическое общество при Императорскомъ Московскомъ университетѣ». Русское библиографическое общество ставитъ своими главными задачами: разработку русской библиографіи, изслѣдованія по исторіи отечественной литературы и распространеніе свѣдѣній о книжномъ дѣлѣ въ Россіи. Для достиженія означенныхъ задачъ Общество по проекту имѣетъ право: 1) собирать матеріалы по біо- и библиографіи, исторіи литературы и книжному дѣлу; 2) собирать бібліотеку; 3) составлять музей изъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи и техникѣ печатнаго дѣла, и по палеографіи; 4) устраивать публичные чтенія по вопросамъ, касающимся задачъ общества, съ выставками соответственныхъ коллекцій; 5) издавать журналъ и другіе труды; 6) выдавать преміи и награды. Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно по 3 р. и, кроме того, при поступленіи единовременно 5 р.; члены, уплатившіе одновременно не менѣе 75 р., освобождаются отъ членскаго взноса. Члены-соревнователи вносятъ одновременно не менѣе 200 р. Кроме того, устанавливается разрядъ членовъ-сотрудниковъ изъ числа лицъ, могущихъ быть полезными обществу своими познаніями и дѣятельностью. Они освобождаются отъ членскихъ взносовъ. II. 15 го декабря, состоялось годовое засѣданіе кружка, на которомъ произведены выборы должностныхъ лицъ. Предсѣдателемъ кружка единогласно

былъ избранъ Д. Д. Языковъ; кандидатомъ въ председатели—Д. В. Ульяницкій; секретаремъ—А. А. Шевелевъ, библіотекаремъ—Я. Г. Квасковъ и казначеемъ—И. К. Голубевъ. Въ томъ же засѣданіи былъ утвержденъ отчетъ за минувшій годъ.

Рязанская ученая архивная коммиссія. Въ цѣляхъ популяризаціи и вызова общественнаго содѣйствія дѣлу родиновѣдѣнія устроены архивною коммиссіею историческій музей, открытый для публики постоянно, а по воскреснымъ днямъ въ немъ организованы объяснительные осмотры коллекцій подъ руководствомъ А. П. Черепнина. Ограниченность бюджета (изъ казны коммиссія не получаетъ пособій), тѣснота и неудобства помѣщенія не позволяютъ коммиссіи какъ слѣдуетъ расположить свои коллекціи и свою библіотеку. Председателю коммиссіи А. Д. Новалишину пришла мысль собрать особый фондъ на постройку зданія для историческаго музея, историческаго архива и ученыхъ занятій архивной коммиссіи. Средствомъ для достиженія этой цѣли избрано устройство публичныхъ лекцій и оглашеніе свѣдѣній о дѣятельности коммиссіи и о состояніи фонда на постройку музея. Первая серія лекцій состоялась въ ноябрѣ и декабрѣ 1897 года. Вотъ имена лекторовъ и ихъ темы: А. П. Черепнинъ—3 лекціи: «Донисторическое прошлое Рязанскаго края по мѣстнымъ археологическимъ изслѣдованіямъ»; А. А. Грунау—2 лекціи: «Общественная и частная жизнь древнихъ грековъ»; баронъ Н. В. Дризень—1 лекція: «Любительскій театръ въ XVIII вѣкѣ въ Россіи»; Е. П. Воскресенскій—2 лекціи: «О Гоголѣ»; В. С. Малченко—2 лекціи: «Дѣйствительность и мечта въ профессіи судебного слѣдователя»; А. В. Полоцовъ—2 лекціи: «Юбилей Петра I въ Голландіи». Вторая серія была организована въ февралѣ и мартѣ 1898 года и составила изъ лекцій: В. Н. Крейтона—«Человѣкъ въ эпоху мамонта и другихъ ископаемыхъ»; В. О. Трахтенберга—«Американскій юмористъ Маркъ Твэнъ»; Д. С. Щеткина—«О лѣченіи, больницахъ и врачахъ»; А. К. Стрѣльникова—«Женскій вопросъ въ произведеніяхъ г. Чехова». Наконецъ, въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1898 года, организована третья серія лекцій; до сихъ поръ прочли: А. В. Булатовъ—4 лекціи: «Мѣстное управленіе въ Московскомъ государствѣ въ XVI вѣкѣ» и Ю. А. Веселовскій—2 лекціи: «Шиллеръ и его произведенія». Эти 26 лекцій принесли (вѣ мѣсть ниже 50 коп., для учащихся 10—6 коп.) около 700 рублей чистаго дохода; лекторами (кромѣ г. Веселовскаго) явились исключительно мѣстные люди; слушателей было въ среднемъ болѣе 150-ти каждый разъ. Кромѣ лекцій въ особый фондъ поступили пожертвованія: князя В. П. Голицына, г. Н (черезъ А. Д. Новалишина), И. В. Сильникова, А. К. Аванасьева, М. С. Александрова—на общую сумму 429 руб. 50 коп.; вообще за годъ въ особый фондъ поступило болѣе 1.100 рублей.

Открытіе византійско-славянскаго отдѣленія. 1-го декабря, открыло дѣйствія византійско-славянское отдѣленіе при историко-филологическомъ обществѣ, состоящемъ при Новороссійскомъ университетѣ. По открытіи засѣданія, представитель отдѣленія профессоръ В. М. Петринъ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой ознакомилъ ихъ съ характеромъ будущей дѣятельности византійско-славянскаго отдѣленія и указалъ на тѣ цѣли и задачи, которыя оно будетъ преслѣдовать. Въ своей рѣчи профессоръ В. М. Петринъ,

между прочимъ, остановился на близости Одессы къ южному славянству. Одесса, по мнѣнію ученаго, должна быть центральнымъ пунктомъ для развитія славяновѣдѣнія. Интересъ къ литературѣ малорусской приведетъ къ необходимости ближе ознакомиться съ литературой польской. Было бы желательнo ознакомиться съ рукописными матеріалами, находящимися въ Бессарабскихъ и другихъ монастыряхъ. Отдѣленіе могло бы заняться собираніемъ этнографическаго матеріала. Бессарабія, Черноморское побережье, Крымъ—все эти мѣста еще не тронуты рукой изслѣдователя. Затѣмъ, П. А. Лавровъ сдѣлалъ первое сообщеніе на тему «Ученая литературная и политическая дѣятельность Франца Палацкаго». П. А. Лавровъ началъ свое сообщеніе съ изложенія біографическихъ свѣдѣній о дѣтствѣ и юности Палацкаго, школьные и студенческіе годы его, а затѣмъ перешелъ къ его литературнымъ и ученымъ трудамъ.

Географическое общество. I. Въ засѣданіи этнографическаго отдѣла, 4-го декабря, А. А. Калачевъ сдѣлалъ докладъ объ экономическомъ положеніи башкиръ Уфимской губерніи. По словамъ докладчика, спеціально изучавшаго нынѣшнимъ лѣтомъ бытъ башкиръ, въ настоящее время приходится уже совсѣмъ отказаться считать башкиръ скотоводнымъ народомъ. Кочевки ихъ совершенно исчезли, а въ Мензелинскомъ и Уфимскомъ уѣздахъ даже и совсѣмъ забыты. На ряду съ исчезновеніемъ кочевокъ, быстро исчезаетъ и скотъ, и теперь уже масса башкиръ пѣтается безлошадныхъ. Малое количество скота сильно отразилось на пищѣ башкиръ. Молочные продукты быстро уменьшаются, и кумысъ, напримѣръ, пьютъ теперь только богатые и то пополамъ съ водой. Что касается земледѣлія, къ которому въ настоящее время переходятъ башкиры, то оно находится въ очень жалкомъ положеніи. Сами башкиры пока все еще очень мало занимаются земледѣліемъ. Недостатокъ хлѣба и голодовки поэтому у нихъ бываютъ постоянны. Законъ 1881 года, запрещавшій продажу башкирскихъ земель, повелѣлъ къ усиленному развитію здѣсь арендъ земель пришельцами, которымъ башкиры охотно уступали свои земли. При цѣнѣ въ 1 руб. 50 коп. за десятину нашини и въ 1 руб. за десятину покоса, башкирамъ въ общемъ приходилось на семью 15 — 20 руб., что и составляло весь ихъ годовой заработокъ. Съ изданіемъ послѣдняго закона 1898 года, санкціонирующаго крестьянскимъ и сельскимъ обществамъ продажу излишней земли при помощи крестьянскаго банка, среди башкиръ начался распри. Въ виду того, что платежи, слѣдующіе съ башкиръ, взимаются равномѣрно съ богатыхъ и бѣдныхъ, послѣдніе ввали въ большую задолженность, достигающую нерѣдко 200 — 300 руб. на семью, и поэтому стремятся къ продажѣ земли, тогда какъ богатые стоятъ противъ этого. И теперь среди башкиръ образовались партіи богатыхъ и бѣдныхъ, между которыми происходитъ постоянная борьба. Между прочимъ, у башкиръ обращаетъ на себя вниманіе крайне ненормальное положеніе такъ называемыхъ «новорожденновъ» (родившихся послѣ X ревизіи), которые не надѣляются землей и по необходимости или идутъ въ батраки, или же дѣлаются арендаторами собственной земли, платя, какъ и другіе арендаторы. Вопросъ этотъ въ башкирской жизни имѣетъ очень острый характеръ. Въ засѣданіи 8-го декабря, по отдѣленіямъ географіи математической и физической, П. Г. Пгватовъ сдѣлалъ сообщеніе: «Объ изслѣ-

дованіи соленыхъ озеръ Акмолинской области лѣтомъ 1898 года». Экспедиція началась 12-го іюня, двигаясь на югъ отъ Омска, и продолжалась два мѣсяца. Изслѣдованія главнымъ образомъ коснулись трехъ наибольшихъ озеръ — Кызыль-какъ, Селеть, Денъ-Гозъ и Теке. Путешествіе совершалось на лодкѣ. Кызыль-какъ имѣетъ 15 верстъ длины и 12 ширины, глубина его считалась до 10 аршинъ, между тѣмъ измѣренія нигдѣ не дали болѣе 1¹/₂ метровъ. Дно представляетъ котловину и плисто, вода содержитъ большой процентъ соли. Осадки до 3-хъ дюймовъ толщины. Разница температуры поверхности воды и воздуха довольно большая, что объясняется согрѣваніемъ соленой поверхности солнцемъ. Зимой озеро не замерзаетъ. Вблизи озера много котловинъ, но пересыхающихъ въ жары и имѣющихъ красную и даже малиновую окраску, происходящую отъ бездны инфузорій съ прозрачными тѣльцами, дающими свѣтъ отъ преломленія солнечныхъ лучей. Жизни въ озерѣ почти нѣтъ — нѣтъ ни рыбъ, ни моллюсковъ. Ландшафтъ вообще очень унылъ. Вблизи отъ Кызыль-какъ много озеръ съ прѣсной водой, которыя, по всей вѣроятности, были соленыя и обратились въ прѣсныя, причиной тому, по существующей теоріи, могли быть камыши, высасывающіе соль. Озеро Денъ-Гозъ — глубина его простирается до 3-хъ метровъ, все пространство въ 1,087 кв. в. Температура нижнихъ слоевъ воды выше верхнихъ. Отъ гніенія организмовъ обрывки растений выплываютъ на верхъ, и около береговъ образуется масса, похожая на кору лавы, издающей тяжелый запахъ сѣро-водорода. Отъ присутствія послѣдняго въ большомъ количествѣ лодка бѣлая совершенно почернѣла. Фауна богаче, чѣмъ въ предыдущемъ озерѣ. Тьмы жуковъ, по берегамъ птицъ. Въ окрестностяхъ соль, желѣзная руда. Въ озеро впадаетъ большая Селета. Она течетъ непрерывно, не пересыхаетъ и является наибольшей рѣкой киргизской степи. Въ верстахъ 20 отъ устья вода ея становится уже солоновато-горьковатой. Берега Селеты представляютъ изъ себя чудный оазисъ. Но впрочемъ этого оазиса являются полчища комаровъ, такъ что лѣтомъ все живое убѣгаетъ отъ рѣки верстъ на 30. Третье озеро Теке имѣетъ 20 верстъ въ длину. Дно представляетъ изъ себя кристаллы соли, всѣ сучья покрыты какъ бы пнеемъ; множество жуковъ покрыты слоемъ соли и какъ бы окаменѣли. Около озера очень пріятный запахъ, какъ бы отъ фіалокъ, что объясняется присутствіемъ сѣро-водорода въ очень небольшомъ количествѣ. Несмотря на незначительную глубину, всѣ эти озера довольно бурны, и путешествіе по нимъ довольно тяжело, ибо часто поднимающійся вѣтеръ покрываетъ все соленой корой. Происхожденіе этихъ озеръ докладчикъ объясняетъ по общей существующей теоріи тѣмъ, что Западная Сибирь была когда-то дномъ моря, которое постепенно отступало. Озера образовались отъ застоя воды въ котловинахъ. Различный характеръ озеръ зависить отъ почвы. — II. Въ засѣданіи по отдѣленію статистики, 11-го декабря, дѣйствит. чл. П. П. Бокъ сдѣлалъ сообщеніе «О расширеніи дѣятельности отдѣленія статистики Императорскаго Русскаго географическаго общества». По словамъ г. Бока, отдѣленіе статистики чахнетъ и не играетъ должной роли въ географическомъ обществѣ. Параллельно съ этимъ статистика вообще въ Россіи пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. Между тѣмъ отдѣльныя вѣдомства не дѣлятся свѣдѣніями съ обществомъ, тогда какъ

задача статистики — вѣдать такую важную форму государственной жизни, какъ его хозяйство. Что же нужно, чтобы помочь этому? Необходимо, по мнѣнію г. Бока, дѣлать статистическія изслѣдованія — enquêtes. У географическаго общества есть отдѣлы, процвѣтающіе и нарождающіеся, у этихъ отдѣловъ, въ свою очередь, существуютъ подѣ-отдѣлы, но связи географическаго общества не только съ подѣ-отдѣлами, но и съ отдѣлами почти не существуетъ. Они устраиваютъ экспедиціи, музеи, но все это не имѣетъ плана и носитъ характеръ случайности. Надо всю эту различную дѣятельность свести въ одну систему. Нужно выдѣлить комиссію для составленія программы для изслѣдованія народно-хозяйственной дѣятельности. Необходимо выработать общій планъ. Отдѣлы должны вести систематическія записи, устраивать музеи и собирать въ нихъ различныя орудія промышленности и предметы изслѣдованія. Музеи должны представлять изъ себя центры для свѣдѣній народнаго хозяйства цѣлой области и въ такомъ случаѣ могли бы быть поучительны для промышленниковъ и крестьянъ. Въ заключеніе г. Бокъ предложилъ на усмотрѣніе собранія 4 вопроса: 1) своевременно ли приступить къ выработкѣ подробной программы для музеевъ; 2) возможны ли музеи; 3) желательно ли сосредоточивать въ музеяхъ матеріалы по промысловой дѣятельности; 4) могутъ ли музеи представлять цѣнный статистическій матеріалъ. На это сообщеніе было сдѣлано нѣсколько возраженій и замѣчаній, было указано на недостатокъ средствъ для изслѣдованій и содержанія музеевъ. Одинъ изъ существующихъ подобныхъ музеевъ въ Архангельскѣ, по недостатку помѣщенія, въ самомъ плачевномъ видѣ. Затѣмъ указали на возможность связи географическаго общества въ вопросѣ статистики съ земствами. Предсѣдатель Д. П. Семеновъ отнесся сочувственно къ вопросу, поднятому г. Боккомъ, но замѣтилъ, что вопросъ настолько широкъ, что его надо рѣшить въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ въ совокупности. — III. Въ засѣданіи отдѣленія географіи математической и физической географическаго общества, 14-го декабря, вице-предсѣдатель А. А. Тилло доложилъ главнѣйшіе результаты метеорологическихъ наблюденій на станціи, устроенной географическимъ обществомъ въ Тянь-Шанской центральной азіатской впадинѣ въ г. Люкчунѣ. Наблюденія эти очень цѣнны и интересны, ибо произведены въ Люкчунской котловинѣ, могущей считаться центромъ такого огромнаго материка, какъ Азія, и находящейся ниже уровня океана на 17 метровъ. Наблюденія на станціи производилъ капитаномъ Роборовскимъ, тщательно провѣрялись г. Обручевымъ. Станція дѣйствовала въ продолженіе двухъ лѣтъ, отъ 1893 до 1895 года, а безъ перерыва 1 годъ 10 мѣсяцевъ. Трудно очень было устроить препятствія со стороны китайцевъ. Выводы, сдѣланные по этимъ наблюденіямъ, дали много чрезвычайнаго и отклоняющагося сравнительно съ существующими наблюденіями надъ Азіей. Суточные колебанія по барометру въ Люкчунской долинѣ очень велики. Колебаніе средняго давленія между июльскимъ и январскимъ самое большое, какое только можетъ быть. Облачность зимой меньше ожидаемой и большая весной. Большіе вѣтры приходятся на апрѣль мѣсяць. Затѣмъ, секретарь отдѣленія Ю. М. Шокальскій доложилъ объ изслѣдованіи полярныхъ странъ лѣтомъ 1898 года.

Конгрессъ по доисторической археологiи. На международномъ конгрессѣ доисторической археологiи и антропологiи, бывшемъ въ Москвѣ въ 1892 году, намѣченъ былъ мѣстомъ слѣдующаго конгресса Константинополь, а въ случаѣ затрудненія собрать его тамъ — Аѳины или Бухарестъ. Сдѣланы были сношенія съ подлежащими сферами въ означенныхъ городахъ, но они не привели къ благопріятному результату: ни въ одномъ изъ этихъ городовъ не оказалось такого общества или учрежденія, которое могло бы взять на себя созывъ и организацію слѣдующей сессіи конгресса. Надняхъ по этому поводу обратился къ президенту бывшаго московскаго конгресса, князю В. М. Голицыну, членъ французскаго института, секретарь постояннаго комитета конгрессовъ доисторической археологiи, профессоръ Ами (Нашу), съ предложеніемъ созвать слѣдующую сессію конгресса въ Парижѣ, въ 1900 году, во время всемірной выставки. Профессоръ Ами заявляетъ, что администрація согласна оказать конгрессу такую же поддержку, какая была оказана ею парижскому конгрессу 1889 года, и въ случаѣ, если со стороны президента бывшаго московскаго конгресса не встрѣчается къ тому препятствій, онъ, г. Ами, готовъ вступитъ въ сношеніе съ членами постояннаго комитета и съ членами парижскаго конгресса 1889 года, а равно съ высшею комиссіей по имѣющимъ быть въ 1900 году, по случаю выставки, конгрессамъ, для организаціи и созыва въ этомъ году, въ Парижѣ, слѣдующей сессіи конгресса по доисторической археологiи и антропологiи.

Къ юбилею Пушкина. I. Университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ приметъ участіе въ чествованіи столѣтія рожденія А. С. Пушкина, ознаменовавъ день 26-го мая нынѣшняго года устройствомъ торжественнаго акта въ университетѣ. Особая комиссія изъ профессоровъ уже занялась разработкой программы юбилейнаго торжества. Предполагается къ 26-му мая 1899 года издать Пушкинскій сборникъ, въ который войдутъ статьи, написанныя профессорами и другими лицами. Проф. Владиміровъ помѣститъ статью о состояніи русской литературы до Пушкина, приватъ-доцентъ Лобода — послѣ Пушкина; проф. Дашкевичъ коснется вопроса о вліяніи западно-европейской литературы на творчество великаго русскаго поэта. Въ юбилейномъ актѣ провнесутъ рѣчи: проф. Владиміровъ, проф. Дашкевичъ и прив.-доцентъ Лобода. Предполагается устроить также небольшую выставку первыхъ изданій сочиненій А. С. Пушкина, его автографовъ и принадлежавшихъ ему предметовъ, а также видовъ мѣстностей Юго-Западнаго края, которыя посѣтилъ поэтъ во время пребыванія его на югѣ Россіи. На выставкѣ будутъ представлены виды мѣстности Каменки, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, гдѣ А. С. Пушкинъ гостилъ во время поѣздки на югъ Россіи, у владѣльцевъ имѣнія Давыдовыхъ. М. Каменка, одинъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ юго-западной Россіи, принадлежало князю Потемкину, а затѣмъ перешло къ гг. Давыдовымъ. Конечно, трудно ожидать, чтобы пушкинская выставка оказалась богатой выставленными предметами, такъ какъ подобная же выставка устраивается въ Петербургѣ. Но, тѣмъ не менѣе, кое-что найдется и въ самомъ Кіевѣ. Въ университетской бібліотекѣ сохраняется цѣнный автографъ стихотворенія А. С. Пушкина «Моя родословная», отличающійся отъ списка, помѣщеннаго въ собраніи сочиненій

поэта. Автографъ этотъ предполагается снять фототипическимъ способомъ и приложить къ издаваемому сборнику. Автографъ этотъ въ 1880 году былъ изданъ «Русской Стариной» и помѣщенъ также въ ученомъ журналѣ кievскаго университета «Университетскія Извѣстія». Кроме того, въ Кіевѣ есть люди, у которыхъ имѣются письма А. С. Пушкина. Кіевскій докторъ А. С. Лѣсковъ, братъ покойнаго писателя Н. С. Лѣскова, имѣетъ палку, съ которой постоянно ходилъ А. С. Пушкинъ. Все эти предметы, конечно, желательно видѣть на выставкѣ. Совѣтъ университета ассигновалъ 2.000 рублей на изданіе «Пушкинскаго сборника».

II. 18-го декабря, псковскимъ губернскимъ комитетомъ по организаціи чествованія дня столѣтія годовщины рожденія Пушкина, состоящимъ изъ представителей дворянства, трехъ представителей губернскаго земства и трехъ—города Пскова, намѣчена въ общихъ чертахъ программа предстоящаго праздника. Оно будетъ совершаться одновременно въ двухъ мѣстахъ губерніи: въ гор. Псковѣ и на мѣстѣ погребенія Пушкина—въ Святогорскомъ монастырѣ, Опочецкаго уѣзда, въ 54-хъ верстахъ отъ гор. Острова. Наканунѣ въ псковскомъ кафедральномъ соборѣ въ монастырѣ будутъ отправлены заупокойныя всенощныя, а на другой день—литургии. Во время праздника, которое будетъ продолжаться во Псковѣ 3 или 4 дня, будутъ предложены публичнѣ чтенія о жизни и дѣятельности поэта. Кроме того, къ этому времени изготавляется для поднесенія пріѣзжимъ депутатамъ и другимъ гостямъ художественный альбомъ съ изображеніями: села Михайловскаго, соборнаго Успенскаго храма, Святогорскаго монастыря, кладбища, гдѣ похороненъ поэтъ, и его памятника. Учащимся же въ учебныхъ заведеніяхъ гор. Пскова будетъ, кроме того, раздаваться приготовленная мѣстнымъ ученымъ археологомъ И. Н. Василевымъ брошюра: «Сохранившіеся слѣды пребыванія А. С. Пушкина въ Псковской губерніи». Подписка на покрытие расходовъ по этому предмету дала пока лишь 2.015 руб. До выясненія результатовъ этой подписки, а также нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, и отложена комитетомъ окончательная выработка подробностей праздника.

III. Соединенное собраніе комиссій, избранныхъ совѣтомъ Новороссійскаго университета и правленіемъ историко-филологическаго общества, составило программу чествованія памяти А. С. Пушкина въ день столѣтія его рожденія 26-го мая. Само чествованіе памяти Пушкина будетъ происходить 26-го и 27-го мая. Въ первый день чествованія, послѣ богослуженій, состоится торжественный актъ, причемъ мѣстомъ послѣдняго долженъ служить возможно большій залъ Одессы. Послѣ музыкальнаго вступленія, приуроченнаго и по возможности специально составленнаго для настоящаго торжества, прочтены будутъ двѣ рѣчи университетскихъ представителей и одна или нѣсколько рѣчей представителей различныхъ обществъ. Далѣе, слѣдуетъ пріемъ депутацій, чтеніе привѣтствій, адресовъ и телеграммъ; сообщеніе постановленій о медаляхъ, преміяхъ, изданіяхъ и другихъ формахъ увѣковѣченія чествованія дня 26-го мая 1899 года. Первый день чествованія закончится народнымъ гимномъ. Второй день торжества распределенъ такимъ образомъ. Въ Новороссійскомъ университетѣ состоится днемъ соединенное засѣданіе учено-литературныхъ обществъ, съ чтеніемъ рефератовъ, посвященныхъ А. С. Пушкину и его времени. Днемъ же состоится въ городскомъ театрѣ бесплат-

ный спектакль для учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ обѣихъ городскихъ аудиторіяхъ—народныя чтенія о Пушкинѣ съ туманными картинами. Вечеромъ въ городскомъ театрѣ состоится платный литературно-музыкальный вечеръ, а въ обѣихъ городскихъ народныхъ аудиторіяхъ состоятся спектакли или литературно-музыкальные вечера съ пушкинскою программой. Постановлено пригласить къ участию въ чествованіи также нѣсколько другихъ мѣстныхъ обществъ и учреждений и редакціи мѣстныхъ газетъ. Съ наступленіемъ вечера въ дни чествованія, то-есть 26-го и 27-го мая, должны быть иллюминированъ памятникъ и устроена иллюминація на бульварѣ и, по возможности, во всемъ городѣ. Желательно признается безлатная раздача народныхъ брошюръ, посвященныхъ памяти А. С. Пушкина. Для организаціи пушкинской выставки будутъ приглашены: историко-филологическое общество, публичная бібліотека, литературно-артистическое общество, общество изящныхъ искусствъ, артистическое общество, Императорское общество исторіи и древностей и частныя лица, имѣющія возможность оказать содѣйствіе цѣлямъ выставки, наиримѣрь, наследники Куриса, Тройницкіе, графъ Шуваловъ и друг. **IV.** Въ С.-Петербургѣ, 3-го декабря, въ комисіи, состоящей изъ окружнаго инспектора А. Д. Мохначева и директоровъ гимназій: А. М. Груздева, Н. К. Невзорова, Н. А. Карпова и Я. Гуревича, былъ формулированъ въ окончательномъ видѣ для столичныхъ гимназій проектъ чествованія памяти А. С. Пушкина (столѣтіе дня его рожденія—26-го мая нынѣшняго года). Комиссіей предложено, между прочимъ, ходатайствовать предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія окончить всѣ занятія въ текущемъ учебномъ году къ 26-му мая; къ этому же дню приобрести для постановки въ актовыхъ залахъ учебныхъ заведеній петербургскаго округа портретъ или бюстъ Пушкина; въ день 26-го мая, послѣ литургіи и панихиды, на торжественномъ актѣ преподавателями будутъ прочитаны рѣчи о литературномъ значеніи Пушкина, учениками—стихотворенія, а также могутъ быть пропѣты ими и нѣкоторыя изъ произведеній чествуемаго поэта. На этомъ актѣ будутъ розданы учащимся жетоны, изготовленные въ память юбилея, и тѣ лучшія изъ сочиненій о Пушкинѣ, какія выйдутъ въ свѣтъ къ 26-му мая. Предположено открыть подписку среди педагогическаго состава и родителей учащихся на образованіе капитала, проценты съ котораго ежегодно выдавались бы за лучшее въ литературномъ отношеніи сочиненіе выпускныхъ учениковъ гимназій и реальныхъ училищъ Петербургскаго учебнаго округа; проценты съ капитала должны называться «пушкинскою преміей», присужденіе коей будетъ зависѣть отъ комисіи, ежегодно составляемой при учебномъ округѣ. Въ комисіи были предложены и другіе способы чествованія великаго поэта: директоръ 10-й гимназій Н. А. Карповъ выражалъ желаніе наименовать одну изъ залъ въ гимназіяхъ «пушкинскою»; директоръ 7-й гимназій Н. К. Невзоровъ предлагалъ отправить къ 26-му мая въ село Михайловское и Святогорскій монастырь, гдѣ покоится прахъ Пушкина, дедушцію изъ нѣсколькихъ (10—15) учениковъ отъ разныхъ петербургскихъ учебныхъ заведеній; присутствіе ихъ на панихидѣ, которая будетъ совершена на могилѣ великаго поэта, и посѣщеніе ими Михайловскаго оживитъ и запечатлѣетъ въ ихъ серд-

пахъ тѣ чувства, какія невольно вызоветъ вся видимая ими обстановка мѣсть, гдѣ долго жилъ и написалъ многія изъ своихъ произведеній нашъ гениальный поэтъ. V. 19-го декабря, вечеромъ, въ залѣ правленія Московскаго университета, подъ предсѣдательствомъ Н. П. Горбунова, состоялось вторичное чрезвычайное засѣданіе общаго собранія московскаго общества грамотности. Предметъ его занятій составляло обсужденіе вопроса объ участи общества въ празднованіи памяти А. С. Пушкина. Согласно предложенію правленія собраніе постановило: 1) избрать депутацію для поднесенія прिवѣтственнаго адреса въ торжественномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности, посвященномъ памяти А. С. Пушкина, причемъ въ составъ депутаціи были избраны: В. Е. Ермиловъ, Н. В. Тулузовъ и С. Г. Смирновъ; 2) возбудить передъ министертвомъ народнаго просвѣщенія ходатайство о разрѣшеніи обществу: а) устроить торжественное засѣданіе, посвященное памяти А. С. Пушкина, съ допущеніемъ посторонней публики; б) присвоить открываемой обществомъ бесплатной народной бібліотекѣ наименованіе «Пушкинской»; в) обратиться съ печатнымъ воззваніемъ о пожертвованіяхъ на устройство въ селахъ бесплатныхъ бібліотекъ имени А. С. Пушкина, и г) разослать по 12.000 экземпляровъ нѣкоторыя изъ сочиненій Пушкина въ народныя училища. Затѣмъ вторичное засѣданіе было объявлено закрытымъ, и открылось чрезвычайное общее собраніе, созванное для обсужденія вопроса о сборѣ пожертвованій и о назначеніи пособій на потребности школъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, и объ избраніи для завѣдыванія этимъ дѣломъ особыхъ завѣдывающихъ. Къ сожалѣвію, это засѣданіе, за неприбытіемъ должнаго числа членовъ (ихъ прибыло только 14 человекъ, требовалось же не менѣе 30), признано было несостоявшимся. VI. Въ московскомъ городскомъ управленіи дѣятельно разрабатывается вопросъ о чествованіи памяти Пушкина. Помимо заупокойнаго богослуженія, въ которомъ примутъ участіе учащіеся въ городскихъ начальныхъ училищахъ, городское управленіе намѣтило устройство въ память Пушкина бібліотеки-читальни и большой аудиторіи для народныхъ чтеній въ мѣстности, гдѣ родился поэтъ. Есть предположеніе купить домъ, въ которомъ родился А. С. Пушкинъ, и на мѣстѣ его устроить всѣ указанныя учрежденія. Если всѣмъ этимъ предположеніямъ суждено будетъ осуществиться, то Москва достойнымъ образомъ почтитъ память великаго поэта, родившагося въ ея стѣнахъ. VII. Въ Москвѣ же готовится художественное изданіе его сочиненій. Рисунки для этого изданія пишутъ наши извѣстные художники. Такъ, въ отдѣлѣ лирическихъ пьесъ Пушкина будутъ помѣщены рисунки: гг. Коровина, Левитана, Сѣрова и бар. Клодта; поэмы «Русланъ и Людмила», «Полтава», «Цыганы» будутъ украшены рисунками А. М. Васнецова, К. А. и С. А. Коровиныхъ, В. И. Сурикова; къ роману «Евгеній Онегинъ» пишутъ рисунки К. А. Коровинъ, П. Е. Рѣпинъ и В. А. Сѣровъ, къ трагедіи «Борисъ Годуновъ» — А. Е. Архиповъ, В. М. Васнецовъ и В. П. Суриковъ, къ «Повѣстямъ Бѣлкина» — В. И. Суриковъ и С. В. Ивановъ; драматическія сцены будутъ иллюстрированы М. А. Врубелемъ и Л. О. Пастернакомъ. VIII. Орловское губернское земское собраніе рѣшило принять участіе въ празднованіи столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина ассигнованіемъ 500 руб. псковскому

земству на покупку имѣнія покойнаго поэта и на устройство въ немъ образцовой школы, а 600 руб. на помѣщеніе во всѣхъ земскихъ школахъ портрета А. С. Пушкина. IX. 15-го декабря, въ квартирѣ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. С. Ермолова, состоялось засѣданіе бывшихъ воспитанниковъ Императорскаго Александровскаго лицея для обсужденія мѣръ, какъ достойнѣйшимъ образомъ почтить въ стѣнахъ лицея память А. С. Пушкина ко дню 100-лѣтней годовщины со дня рожденія великаго поэта, воспитывавшагося, какъ извѣстно, въ лицей. Въ засѣданіи принимало участіе около 80 бывшихъ лицестовъ. Между присутствовавшими были: главноуправляющій учрежденіями императрицы Маріи графъ А. Н. Протасовъ-Бахмевъ, сенаторы П. И. Шамшинъ и Шульцъ, егермейстеръ баронъ А. В. фонъ-деръ-Паленъ, тайный совѣтникъ баронъ Д. Ф. Стуртъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ю. Ю. Вьленковъ, графъ А. П. Кутайсовъ, Н. К. Никпоровъ и многіе другіе бывшіе лицеисты. На засѣданіи было рѣшено выбрать изъ числа присутствовавшихъ особую субкомиссію, которой поручить выработку правилъ для стипендіи имени А. С. Пушкина, которую предполагается основать въ память 100-лѣтней годовщины со дня рожденія его 26-го мая 1899 года. По выработкѣ субкомиссіей этихъ правилъ, будетъ созвано вторичное засѣданіе, на которомъ будетъ окончательно обсужденъ вопросъ объ учрежденіи новой стипендіи. Въ комиссію избраны гофмейстеръ Высочайшаго Двора П. М. фонъ-Кауфманъ, тайные совѣтники Э. Д. Плеске и Е. И. Ламанскій и другіе бывшіе лиценсты, всего девять человекъ. На капиталъ, который предполагается собрать путемъ подписки, будетъ основана не стипендія имени А. С. Пушкина, какъ намѣревались ранѣе, а премія за лучшую біографію великаго поэта, и, кромѣ того, будетъ издано собраніе сочиненій его для безвозмездной раздачи между лучшими учениками народныхъ училищъ. Поступило также много письменныхъ заявленій съ различными предложеніями, какимъ образомъ почтить память А. С. Пушкина 26-го мая 1899 г. X. Министерство финансовъ рѣшило издать «Избранныя сочиненія А. С. Пушкина» и раздать безплатно по экземпляру всѣмъ воспитанникамъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ этому министерству, въ день столѣтія рожденія великаго поэта. Изданіе, по словамъ газетъ, состоится подъ редакціей магистра словесности Морозова. XI. Учебнымъ комитетомъ при собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи образована особая комиссія подъ предѣдательствомъ тайнаго совѣтника Авенаріуса для выработки программы чествованія памяти А. С. Пушкина въ день столѣтія его рожденія 26-го мая 1899 г. XII. Извѣстный юристъ князь А. И. Урусовъ высказываетъ въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ» нѣсколько мыслей по поводу приближающагося пушкинскаго юбилея. Онъ думаетъ, что было бы полезно издать особый пушкинскій словарь, представляющій запасъ словъ поэта, какъ основной матеріалъ его мыслей, — словарь, подобный существующимъ для Шекспира, Шелли и др. Между прочимъ, князь Урусовъ задаетъ вопросъ: «гдѣ бібліотека Пушкина? Гдѣ книги, которыя онъ читалъ, любилъ, вѣроятно, номѣчалъ? Для каждаго изъ насъ наша бібліотека, наши книги, съ которыми мы живемъ, — составляютъ какъ бы часть нашей души, въ ветхой кожѣ пере-

плетовъ переживающую насъ самихъ. Но мы ничтожны и неинтересны, а Пушкинъ безсмертенъ. Насколько же интересна каждая книга, которой касалась его рука? Мнѣ посчастливилось: я узналъ случайно, что бібліотека поэта хранится вся, нераспакованная, въ ящикахъ, въ имѣніи его внука, А. А. Пушкина, предводителя дворянства въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губ. Объ этой бібліотекѣ я извѣстилъ почтеннаго академика Л. Н. Майкова, который лѣтомъ собирается ее осмотрѣть на мѣстѣ. Но не слѣдовало ли бы такое сокровище предохранить отъ всякихъ случайностей, отъ воровъ и пожара? Не слѣдовало ли бы академіи просить о приобрѣтеніи бібліотеки Пушкина, какъ народнаго достоянія?»

Музей Суворова. Наступающая 6-го мая 1890 года сотая годовщина дня кончины князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго послужила темою для газетныхъ статей, въ которыхъ указывалась необходимость почтить память полководца въ юбилейные дни великой утраты. Статьи были встрѣчены живѣйшимъ сочувствіемъ въ военной средѣ, при чемъ офицеры 4-го Финляндскаго стрѣлковаго полка постановили пожертвовать на это дѣло опредѣленную денежную сумму. Проявленіе такого почина удостоилось Высочайшаго одобренія; повелѣно было учредить особую комиссію для разработки этого вопроса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открыть повсемѣстную въ имперіи добровольную подписку на сооруженіе будущаго памятника. По назначенію военнаго министра, комиссія сформирована подъ предсѣдательствомъ начальника 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи генераль-лейтенанта Бобрикова 2-го, въ составѣ членовъ: генераль-майоровъ Бибикова, графа Шувалова и Штендмана, полковниковъ, профессоровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, Орлова и Мышлаевскаго, л.-гв. Егерскаго полка полковника Кутенкова и инженера-подполковника Фалевича. Сообразно съ полученными руководящими указаніями, комиссія опредѣлила, что идея чествованія Суворова получить наиболѣе полное выраженіе въ случаѣ устройства въ Петербургѣ особаго музея, въ которомъ были бы собраны памятники, касающіеся Суворова и его арміи. Музей долженъ содѣйствовать возможно полному возстановленію личности генералиссимуса и условій той обстановки, при которой взросъ и проявлялся въ славныхъ дѣяніяхъ его военный гений. Эти предположенія нынѣ одобрены свыше, и комиссія переходитъ къ исполненію намѣченной цѣли. На пути осуществленія послѣдней предвидится не мало препятствій, въ виду ограниченности матеріальныхъ средствъ, затрудненій по сбору предметовъ, принадлежащихъ Суворову, документовъ, актовъ и книгъ и т. п. Нѣтъ сомнѣній, что русскіе люди не останутся безучастными въ этомъ дѣлѣ, откликнутся на призывъ, исходящій изъ офицерской среды, заброшенной на одну изъ окраинъ Россіи, и окажутъ поддержку въ исполненіи патріотическаго долга предъ памятью полководца, воспитывавшаго нашу армію въ завѣтахъ русскаго пониманія военнаго дѣла, простоты, нетребовательности и беззавѣтнаго исполненія военнаго долга, гдѣ бы то ни было и при какихъ бы обстоятельствахъ ни была потребована отъ арміи ея жизнь и кровь на защиту достоинства Россіи. Содѣйствіе можетъ быть оказано разными способами: денежными пожертвованіями, принесеніемъ въ даръ музею соответствующихъ предметовъ, указаніемъ мѣстъ ихъ храненія и т. п. адре-

соваться слѣдуетъ: въ Петербургъ, въ Суворовскую комиссію при главномъ штабѣ. О поступающихъ пожертвованіяхъ и о ходѣ работъ по устройству музея будутъ помѣщаемы отчеты въ газетахъ.

Къ юбилею Ѳ. Г. Волкова. 21-го декабря состоялось засѣданіе Ярославской ученой архивной комиссіи, на которомъ въ числѣ другихъ занятій разсматривалось предложеніе П. Г. Рабегова объ учрежденіи субъ-комиссіи для составленія программы празднествъ въ память знаменитаго ярославца Ѳ. Г. Волкова, перваго русскаго актера и основателя перваго въ Россіи публичнаго народнаго театра. Въ 1900 году исполнится сто пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, когда Ѳ. Г. Волковъ въ компаніи съ нѣкоторыми мѣстными просвѣщенными барями выстроилъ въ 1750 году въ Ярославлѣ обширный театръ (на тысячу человѣкъ) и съ набранною имъ труппою открылъ рядъ публичныхъ за плату спектаклей. Эгогь фактъ, какъ и самая личность Ѳ. Г. Волкова занимають архивную комиссію почти съ первыхъ дней ея учрежденія. Еще въ 1888 году ею безрезультатно возбуждалось ходатайство о разрѣшеніи поставить Ѳ. Г. Волкову памятникъ въ Ярославлѣ, на Театральной площади. Въ 1896 году это ходатайство было возобновлено съ присодиненіемъ просьбы о разрѣшеніи открыть повсемѣстную подписку, но министерство внутреннихъ дѣлъ вновь не нашло возможнымъ удовлетворить намѣреніе комиссіи. Въ виду этого въ отчетномъ засѣданіи, по предложенію предсѣдателя комиссіи ординарнаго профессора юридическаго лица Э. А. Берендтса, постановлено просить ярославскаго губернатора, какъ почетнаго попечителя архивной комиссіи, войти съ представленіемъ о разрѣшеніи открыть на сооруженіе памятника Ѳ. Г. Волкову мѣстную, только въ Ярославской губерніи, подписку и, кромѣ того, теперь же образовать субъ-комиссію для выработки программы чествованія въ Ярославлѣ памяти Ѳ. Г. Волкова.

Семейный архивъ А. С. Грибоѣдова. Въ Нерехтскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, существуетъ село Пружинино, принадлежащее въ настоящее время отставному генераль-лейтенанту барону Василію Яковлевичу Энгельгардту. По словамъ теиерешнихъ владѣльцевъ, Пружинино принадлежало когда-то Н. Ѳ. Грибоѣдовой, матери знаменитаго автора «Горе отъ ума». Тамъ она жила и тамъ о ней сохранились преданія, которыя въ недавнее еще время передавали поминившіе старую барыню деревенскіе старики. Пружинино было куплено барономъ В. Я. Энгельгардтомъ всего лѣтъ десять тому назадъ. До того же времени оно принадлежало барону Врангелю, приказчикъ котораго, сдавая усадьбу приказчику новаго владѣльца, собралъ «два воза Грибоѣдовскаго архива» и продалъ въ сосѣднее село Бурмакино, бакалейному лавочнику по 5 р. за возъ, такъ что, если въ этомъ архивѣ и были матеріалы для біографіи А. С. Грибоѣдова, то за десять лѣтъ отъ нихъ лишь случайно могли удѣлѣть какіе нибудь цѣнные лоскутки. Полное подтвержденіе разсказа барона Энгельгардта встрѣчается въ сообщеніи предсѣдателя Костромской ученой архивной комиссіи. Обращаясь съ запросомъ о бумагахъ А. С. Грибоѣдова въ Общество любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ, г. предсѣдатель, по словамъ Д. Д. Языкова, секретаря общества, сообщилъ также и о варварскомъ уничтоженіи Грибоѣдовскаго архива. Сообщая объ

этомъ въ № 352 «Московскихъ Вѣдомостей», г. Ярцевъ высказываетъ надежду, которую невольно хочется съ нимъ раздѣлить, что ктонибудь изъ мѣстныхъ жителей попытается розыскать, не уцѣлѣло ли хоть чтонибудь отъ Грибоѣдовскихъ бумагъ въ бакалейной лавкѣ села Бурмакина или гдѣнибудь по близости.

Кладъ въ Кіево-Печерской лаврѣ. Въ одной изъ святынь Кіева—Печерской лаврѣ, найденъ 26-го ноября драгоценный кладъ. О цѣнности и важности этой неожиданной находки можно судить по тому, что кладъ включаетъ около десяти тысячъ серебряныхъ талеровъ и болѣе шести тысячъ червонцевъ. Въ числѣ найденныхъ монетъ есть совершенно неизвѣстные до сихъ поръ нумизматы. Въ кладѣ найдено также около тридцати золотыхъ жетоновъ, круглой и четырехугольной формы. На одномъ изъ жетоновъ находится изображеніе во весь ростъ извѣстнаго воеводы кіевского Константина Острожскаго, ревнителя православія, надгробіе котораго находится въ Великой лаврской церкви, гдѣ обнаруженъ кладъ. Большинство монетъ польскаго чекана, относятся къ XVI и XVII столѣтіямъ. Но есть также монеты австрійскія, голландскія, гамбургскія и др. Русскихъ сравнительно мало. Въ числѣ послѣднихъ есть нѣсколько монетъ царя Бориса Годунова, Алексѣя Михайловича и одна Петра Великаго 1702 года. Весьма цѣнны 160 монетъ типа эфимковъ, представляющихъ голландскіе талеры съ изображеніемъ московскаго герба, а также особые жетоны, которые давались въ подарокъ московскими царями иностраннымъ посламъ. Найденный кладъ представляетъ находку, которая послужитъ предметомъ изученія для нумизматовъ. О находкѣ клада сообщено въ археологическую комиссію. По распоряженію генераль-губернатора, въ Кіевѣ образована комиссія изъ нѣсколькихъ профессоровъ духовной академіи и чиновника канцеляріи генераль-губернатора для подробнаго описанія и составленія описи найденныхъ монетъ. Комиссія имѣла уже нѣсколько засѣданій, и по отзывамъ специалистовъ найденный кладъ представляетъ высокій научный интересъ. Кладъ найденъ въ верхней части Великой лаврской церкви, подъ сводомъ подлѣ хоръ въ Антоіевскомъ придѣлѣ. Въ настоящее время Великая лаврская церковь капитально ремонтируется, перестилаютъ полъ, и уже второй годъ идутъ работы по росписанію стѣнъ. О значительности этихъ работъ можно заключить по тому, что стоимость ихъ обойдется лаврѣ болѣе двухсотъ тысячъ рублей. Во время работъ по святію пола, рабочіе замѣтили, что прилежащая къ подиолью часть прочной стѣны при ударѣ ломомъ издастъ глухой шумъ. Когда эту часть стѣны проломали, то была обнаружена пустота, въ видѣ ниши, отверстіе которой было закрыто незначительной толщины чугуною плитой, разбитой ломомъ. Когда приняли плиту, то въ нишѣ нашли деревянную кадучку, имѣющую видъ небольшого улья. Вокругъ этой кадучки стояли 4 оловянныхъ сосуда. Два изъ нихъ имѣютъ круглую форму, другіе два четырехугольную. Круглые сосуды вмѣщаются по полуведру каждый, четырехугольные—по ведру. Эти оловянные сосуды имѣютъ навинчивающіяся крышки съ ручками. Два изъ нихъ повреждены ударами лома. Одинъ изъ круглыхъ сосудовъ заключаетъ въ себѣ золотыя монеты. Всѣ же остальные сосуды, а также и кадучка были до верха наполнены разнаго рода серебряными моне-

тами. Всѣ сосуды были закрыты наглухо. Къ счастью, рабочіе были не одни, такъ какъ за ходомъ работъ наблюдали монахи. Этимъ объясняется, что кладъ не былъ расхищенъ, хотя есть основаніе предполагать, что часть монетъ скрыта рабочими. Тутъ же въ сосудахъ найдены были истлѣвшіе на половину документы, содержаніе которыхъ указываетъ, что кладъ этотъ составлялъ часть лаврской казны. На одномъ изъ документовъ находится надпись архимандрита лавры Романа Коты и трехъ лаврскихъ старцевъ. Онъ написанъ на листѣ бумаги, по формату сходной съ современною. Документъ этотъ, вмѣсто заглавія, имѣетъ слѣдующую надпись: «1731 года ноября 26». По содержанію своему онъ представляетъ актъ генеральной ревизіи лаврскихъ сокровищъ, произведенной 29 ноября 1731 г. Въ немъ указаны размѣры лаврскихъ сокровищъ, констатированные ревизіей, затѣмъ говорится, что изъ нихъ взята сумма, необходимая на ремонтъ соборной церкви, пострадавшей послѣ пожара 1718 года, и на постройку вынѣшней лаврской колокольни, оконченной сооруженіемъ въ 1745 году, и послѣ всего этого подведенъ итогъ остающимся суммамъ, которая опредѣлены слѣдующимъ образомъ: «въ скобцѣ червонныхъ 1100» и въ остальныхъ сосудахъ «галеровъ 10.000». Исписана вязью почти вся первая страница, и внизу слѣдуютъ подписи архимандрита Романа Коты и трехъ лаврскихъ старцевъ. При провѣркѣ числа монетъ, послѣднее оказалось нѣсколько меньшимъ противъ числа, значащагося въ актѣ ревизіи. Это объясняется тѣмъ, что тогдашъ по открытіи клада рабочіе похитили часть монетъ. Замѣчательно, что среди преданій, передающихся братіей лаврской обители отъ поколѣнія къ поколѣнію въ теченіе многихъ столѣтій, нѣтъ ни одного, которое бы, хотя и вскользь, говорило о существованіи скрытыхъ сокровищъ. Загадкой является то обстоятельство, что четыре старца, замурававшіе деньги 167 лѣтъ тому назадъ, въ глухомъ мѣстѣ въ стѣну, никому объ этомъ не сообщили, унося съ собою свою тайну въ могилу. Наконецъ, возникаетъ вопросъ, съ какой цѣлью столь тщательно были спрятаны эти сокровища. Замѣчательно также, что деньги были спрятаны 26 ноября, и 26 же ноября онѣ были найдены. Цѣнность клада простирается до 60 тысячъ рублей. Всѣхъ монетъ болѣе 20 пуд. При находкѣ клада обнаружилась еще одна интересная особенность. Часть стѣны, внутри которой найденъ кладъ, оказалась состоящей съ наружной стороны изъ рядовъ глиняныхъ сосудовъ, обращенныхъ отверстиями внутрь церкви. Это такъ называемые голосники, т. е. полые сосуды, на подобіе кувшиновъ, которыми обкладывали части древнѣйшихъ церквей для усиленія резонанса цѣнны. Такого рода голосники представляютъ особенность нѣкоторыхъ древнѣйшихъ церквей въ Юго-Западной Руси. Великая лаврская церковь построена въ концѣ XI вѣка. Въ 1718 г. церковь сгорѣла, но часть стѣнъ сохранилась. Найденные голосники указываютъ, въ какой степени старая церковь пострадала отъ огня и какая именно часть ея вновь была достроена. Существованіе голосниковъ въ Великой лаврской церкви до настоящаго времени не было извѣстно, хотя въ другой изъ лаврскихъ церквей—Троицкой—такіе голосники сохранились подъ штукатуркой въ верхней части стѣны. Одинъ изъ членовъ комиссіи, профессоръ Петровъ, высказалъ предположеніе, что кладъ былъ скрытъ во время бывшей въ XVIII вѣкѣ чумы въ Кіевѣ. Но предположеніе это

голословно. Находка клада произошла случайно и послужила поводомъ для болѣе тщательнаго ознакомленія съ архитектурой такого замѣчательнаго памятника дневно-русскаго зодчества, какъ Великая церковь Кіево-Печерской лавры. Въ Кіевѣ сохранилось около десяти церквей, постройка которыхъ относится къ XI вѣку. Было бы весьма желательнo, чтобы кіевскіе ученые подробно осмотрѣли эти памятники и составили подробное ихъ описаніе къ предстоящему въ августѣ мѣсяцѣ будущаго года XI археологическому съѣзду. Комиссія отъ церковно-археологическаго общества въ Кіевѣ, по желанію духовнаго собора лавры, занималась опредѣленіемъ научнаго значенія найденнаго недавно въ соборной церкви лавры клада. При этомъ комиссія высказала слѣдующее. Реестры и счетныя записи, найденныя при монетахъ, начинаются съ 1631 года и оканчиваются 1753 годомъ. Вѣроятно, казнохранилище забыто было во время чумы, свирѣпствовавшей въ Кіевѣ въ 1769—1771 годахъ, когда лица, вѣдавшія казнохранилище, могли или умереть отъ чумы, или удалиться изъ Кіева. Древнѣйшая вещь въ находкѣ есть большой золотой медаліонъ императоровъ восточной Римской имперіи Констанція и Констанса, а позднѣйшія относятся къ 1702 году. Русскихъ монетъ весьма мало, но зато всѣ онѣ представляютъ большую рѣдкость, а именно: двѣ золотыя — Алексѣя Михайловича, одна золотая — Софьи Алексѣевны и Юанна и Петра Алексѣевичей и одна золотая въ 10 червонцевъ Петра Великаго 1702 года. Единственную въ своемъ родѣ вещь представляетъ, какъ передаетъ «Кіевское Слово», большая золотая медаль князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы кіевскаго, съ его портретомъ во весь ростъ. Есть частныя фамилыя жетоны князей Радзивиловъ и др. Въ засѣданіи церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной академіи, профессоромъ П. А. Лашкаревымъ, какъ передаютъ газеты, было прочтано сообщеніе объ осмотрѣ найденнаго въ лаврѣ клада. По словамъ профессора Лашкарева, найденный кладъ представляетъ собою одно изъ богатѣйшихъ собраній старинныхъ монетъ, между которыми попадаются жетоны и медалыоны съ священными изображеніями. Въ общемъ онъ заключаетъ болѣе тысячи золотыхъ монетъ разнаго достоинства и до десяти тысячъ (болѣе 20 пудовъ) крупныхъ серебряныхъ, заграничнаго чекана XVII вѣка. Среди нихъ есть монеты голландскихъ штатовъ, Гамбурга и другихъ вольныхъ германскихъ городовъ; шведскія, австрійскія, венгерскія и польскія. Большая часть талеры, между которыми находится много такъ называемыхъ ефимковъ—голландскихъ талеровъ 1655 года съ гербомъ Московскаго государсва (изображеніемъ Георгія Побѣдоносца), составляющихъ сравнительно рѣдкіе и съ большимъ тщаніемъ отыскиваемые собрателями экземпляры. Изъ числа золотыхъ, большую рѣдкость и цѣнность представляетъ имѣющаяся въ кладѣ квадратная золотая монета, принадлежащая къ тѣмъ, которыя, какъ и извѣстные нумизматикѣ овальныя экземпляры такихъ же монетъ, употреблялись обыкновенно для одариванія московскими государями иностранныхъ пословъ. При кладѣ находятся записи о взятіи изъ нихъ въ разное время суммъ на потребности лавры, датированныя XVII—XVIII вѣками (съ 1631 по 1743 годъ), но изъ нихъ разобрана еще только самая незначительная часть, такъ какъ большинство ихъ весьма плохой сохранности. Одною

изъ небезынтересныхъ подробностей, извлеченныхъ пока изъ этихъ записей, является упоминаніе объ употребленіи салтаней, то-есть золотыхъ турецкихъ монетъ; на основаніи этого упоминанія можно съ большою увѣренностью предположить, что кладъ заключалъ въ себѣ, кромѣ монетъ христіанскихъ государствъ, также и восточныя, которыя, быть можетъ, будутъ отысканы при болѣе подробномъ изслѣдованіи драгоцѣнной находки. Изъ числа золотыхъ медальоновъ съ изображеніями священнаго характера докладчику удалось видѣть одинъ экземпляръ съ изображеніемъ Крещенія Господня. Такихъ медальоновъ съ различными изображеніями имѣется еще нѣсколько. Въ цѣльномъ своемъ составѣ находка даетъ богатое собраніе образцовъ монеты, обрававшейся въ краѣ въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Завѣщаніе русскаго археолога. Какъ сообщаютъ изъ Берлина, въ «Имперскомъ указателѣ» появилось любопытное сообщеніе о завѣщаніи нашего извѣстнаго археолога и архитектора С. А. Иванова. Покойный, какъ извѣстно, провелъ послѣдніе годы своей жизни въ Римѣ, гдѣ предметомъ его живѣйшаго интереса была античная архитектура. Это сблизило его съ членами тамошняго германскаго археологическаго института, и предъ своей смертью, послѣдовавшей въ 1877 году, С. А. завѣщалъ свое значительное состояніе этому институту и нашей Академіи Наукъ, предоставивъ исполненіе своей послѣдней воли первому изъ названныхъ научныхъ учреждений. Археологическій институтъ, глубоко чтя память покойнаго, не пожалѣлъ труда на удовлетвореніе выраженныхъ имъ желаній; выполнѣ, однако, исполнить ихъ удалось только теперь. С. А. Ивановъ прежде всего желалъ, чтобы изданы были его собственные труды и оставшіяся неизданными акварели въ Ветхому и Новому Завѣту его брата, знаменитаго нашего художника А. А. Иванова. Институтомъ изданы сначала этюды античной архитектуры завѣщателя, изъ которыхъ первый выпускъ относится къ греческой, второй — къ помпейской архитектурѣ, и, наконецъ, только что выпедшій послѣдній выпускъ посвященъ банямъ Каракаллы. Текстъ на рускомъ и нѣмецкомъ языкахъ составленъ компетентнѣйшими учеными въ этихъ областяхъ — Бономъ Мау и Гюльзеномъ. Съ такой же тщательностью и при помощи лучшихъ художниковъ изданы акварели А. А. Иванова, выпедшія подъ заглавіемъ «Darstellungen aus der heiligen Geschichte» у Реймера въ Берлинѣ. Такъ какъ такимъ образомъ воля покойнаго въ этомъ отношеніи исполнена, то отнынѣ, согласно его завѣщанію, проценты съ оставленнаго имъ капитала, за вычетомъ небольшой части, назначенной на пополненіе библіотеки археологическаго института, въ равныхъ доляхъ будутъ поступать въ распоряженіе нашей академіи и германскаго института. Послѣдній долженъ употребить причитающуюся ему часть на античныя раскопки, съ тѣмъ, однако, чтобы (какъ это предусматрѣно въ завѣщаніи) всѣ находки оставались въ странѣ, въ которой онѣ сдѣланы. Суммы же, завѣщанныя нашей Академіи Наукъ, должны быть употреблены на преміи за лучшія естественно-научныя работы («Русскія Вѣдомости», № 283).

† **Н. М. Третьяковъ.** 4-го декабря, въ 10 часовъ утра, скончался почетный гражданинъ г. Москвы, попечитель городской художественной галлерей имени бр. П. и С. М. Третьяковыхъ, коммерціи совѣтникъ Павелъ Михайло-

вичъ Третьяковъ. Покойный родился въ Москвѣ въ 1832 году и съ ранняго возраста полюбилъ искусство и началъ собирать произведенія художниковъ въ видѣ картинъ, гравюръ и литографій, а съ 60-хъ годовъ, подъ влияніемъ пробудившагося интереса къ русскому искусству, приступилъ къ составленію галлерей изъ картинъ исключительно русскихъ художниковъ. Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени Третьяковская картинная галлерей непрерывно пополнялась все новыми и новыми приобрѣтеніями. Воспитанный долгимъ изученіемъ лучшихъ галлерей Европы, П. М. умѣлъ производить выборъ картинъ съ полнымъ пониманіемъ и вкусомъ. Въ устройствѣ художественной галлерей П. М. много помогаль и братъ его Сергѣй Михайловичъ Третьяковъ, бывшій московскій городской голова, который по смерти завѣщаль г. Москвѣ свою отдѣльную коллекцію, состоящую преимущественно изъ произведеній иностранныхъ художниковъ. Въмѣстѣ съ этой коллекціей въ 1892 году П. М. принесъ въ даръ московскому городскому общественному управленію и свою картинную галлерей въмѣстѣ съ ея помѣщеніемъ. За такое драгоцѣнное пожертвованіе городская дума избрала П. М. Третьякова почетнымъ гражданиномъ г. Москвы. Покойный въ теченіе многихъ лѣтъ участвовалъ въ дѣятельности московскихъ художественныхъ обществъ: общества любителей художествъ, въ которомъ онъ состоялъ почетнымъ членомъ и членомъ комитета, художественнаго общества, гдѣ онъ также былъ членомъ комитета. Кромѣ служенія искусству, П. М. отдавалъ много времени и общественной дѣятельности: въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ состоялъ выборнымъ московскаго купческаго общества и членомъ комиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, членомъ московскаго отдѣленія совѣта торговли и мануфактуръ, непремѣннымъ членомъ попечительнаго совѣта въ Александровскомъ коммерческомъ училищѣ и непремѣннымъ членомъ коммерческаго училища. Огромная популярность покойнаго сказалась въ томъ множествѣ панихидъ, которыя были по немъ отслужены въ различныхъ храмахъ Москвы, въ тѣхъ вѣнкахъ, которые были возложены на его гробъ, въ томъ разнообразіи многочисленныхъ лицъ, явившихся поклониться праху усопшаго, и, наконецъ, въ торжественныхъ похоронахъ 7-го декабря. Заупокойная литургія и отиѣваніе тѣла покойнаго совершены были въ церкви св. Николая Чудотворца, что въ Толмачахъ, мѣстнымъ настоятелемъ прот. Д. Ѳ. Касицынымъ съ прочимъ духовенствомъ при пѣніи синодальнаго хора. За богослуженіемъ присутствовали: камеръ-фрейлина Е. П. Ермолова, московскій городской голова князь В. М. Голицынъ, бывшіе городскіе головы князь А. А. Щербатовъ и К. В. Рукавишниковъ, исправляющій должность товарища городского головы П. А. Лебедевъ, представитель Императорской академіи художествъ П. Е. Рѣпинъ, профессора Московскаго университета П. В. Цвѣтаевъ и А. И. Чупровъ, предсѣдатель Московскаго общества любителей художествъ профессоръ архитектуры К. М. Выковскій, директоръ училища живописи, ваянія и зодчества князь А. Е. Львовъ, профессора, преподаватели и ученики того же училища, директоръ Строгановскаго училища Н. В. Глоба, предсѣдатель общества исторической живописи К. Н. Горскій, члены Московскаго художественнаго общества, члены другихъ художественныхъ обществъ и товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ, извѣстный вла-

дѣлецъ частной коллекціи произведеній русскихъ художниковъ П. Е. Цвѣтковъ; вообще художественный міръ Москвы, можно сказать, явился отдать послѣдній долгъ покровителю русскаго искусства въ полномъ составѣ, имѣя во главѣ В. М. Васнецова и В. Д. Полѣнова. Изъ петербургскихъ художниковъ въ числѣ другихъ присутствовали извѣстный скульпторъ Беклемишевъ. Затѣмъ въ храмѣ находились члены городской управы, гласные московской городской думы, предсѣдатель биржеваго комитета Н. А. Найденовъ, старшина купеческаго общества С. А. Булочкинъ, предсѣдатель купеческаго банка Н. Н. Загоскинъ, представители именитаго купечества и учреждений, въ которыхъ П. М. Третьяковъ принималъ участіе; С. И. Мамонтовъ, В. Г. Сапожниковъ, П. П. Санинъ, Бахрушины, Щукинъ, Н. П. Прохоровъ и В. А. Абрикосовъ. При отпѣваніи присутствовали воспитанники Александровскаго коммерческаго училища, редакторъ-издатель «Московскихъ Вѣдомостей», П. О. Аванцо, К. А. Мовяковъ, Н. В. Баснинъ и многіе почитатели памяти покойнаго изъ разныхъ банковыхъ учреждений. Отпѣваніе закончилось въ первомъ часу дня. Храмъ былъ переполненъ, и много публики стояло на улицѣ. Въ концѣ литургіи Д. Θ. Касицынъ сказалъ слово на текстъ: «Не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истинною», въ которомъ охарактеризовалъ покойнаго, какъ высоко гуманнаго человѣка, любившаго людей не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, какъ благотворителя, у котораго не знала правая рука, что дѣлала лѣвая, и какъ общественнаго дѣятеля, никогда не выдвигавшаго значенія своей дѣятельности и скромно служившаго обществу. На гробъ покойнаго возложены были вѣнки: лавровый съ пальмовыми вѣтвями отъ Императорской академіи художествъ — «Дѣйствительному члену», отъ Императорскаго общества поощренія художествъ — «Создателю истинно-національнаго музея», отъ московскаго городского общественнаго управления — «Почетному гражданину г. Москвы», отъ членовъ комитета московскаго общества любителей художествъ, отъ московскаго художественнаго общества, отъ училища живописи, ваянія и зодчества, отъ кіевскаго общества древностей и искусствъ, отъ артистовъ частной русской оперы, отъ членовъ совѣта московскаго коммерческаго училища, отъ Александровскаго коммерческаго училища, отъ Арнольдскаго училища для глухонѣмыхъ, отъ редакціи журнала «Міръ Искусствъ» — серебряный вѣнокъ, отъ московскаго товарищества художниковъ, отъ московскаго купеческаго общества, отъ вспомогательнаго общества купеческихъ приказчиковъ, отъ членовъ совѣта московскаго купеческаго банка — серебряный, отъ кіевскаго его отдѣленія, отъ торговцевъ Третьяковскаго проѣзда — серебряный, отъ служащихъ городской Третьяковской галлерей, отъ Третьяковской биржевой артели, отъ рабочихъ фабрики товарищества новой костромской льняной мануфактуры, отъ разныхъ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ и отъ многихъ частныхъ лицъ. По открытіи ближайшаго затѣмъ (8-го декабря) засѣданія думы городской голова кн. В. М. Голицынъ обратился къ гласнымъ съ слѣдующей рѣчью по поводу кончины П. М. Третьякова: «Вчера Москва разсталась навѣки съ однимъ изъ славнѣйшихъ ея сыновъ, вчера мы опустили въ могилу П. М. Третьякова. Всю жизнь свою посвятилъ онъ труду, труду для искусства и для Москвы, и еще задолго до кончины онъ сочеталъ въ даръ своемъ Москвѣ эти двѣ завѣт-

няя цѣли своей жизни, ввѣривъ Москвѣ храненіе богатыхъ плодовъ своего труда, ввѣривъ ей первую и единственную по полнотѣ сокровищницу русскаго искусства. Не изъ тщеславія трудился онъ надъ созданіемъ этого, отнынѣ незблемаго, памятника своего, не блескъ житейской славы манилъ его: онъ всегда оставался въ тѣни, его свѣтлая и многообъемлющая личность скрывалась за дѣяніями его, но во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ видна была та высокая, плодотворная идея, которую онъ избралъ путеводною звѣздой своего труда, своей жизни, и которой неуклонно слѣдовалъ, — идея служенія русскому искусству. Эту идею видимъ мы въ созданіи имъ хранилища русской живописи, въ его постоянномъ содѣйствіи усиѣхамъ отечественнаго искусства, въ его строгомъ, но благотворномъ поощреніи молодыхъ дарованій, и ее-то видимъ въ томъ дарѣ, который онъ сдѣлалъ для родной ему Москвы, вручивъ ей свое собраніе и этимъ возложивъ на нее долгъ быть навсегда школою русскаго искусства. И Москва, еще при жизни его достойно оцѣнившая его подвигъ, слилась воедино въ скорби своей въ минуту разлуки съ нимъ. При его гробѣ, надъ могилой его сошлись всѣ, кому дорога Москва, кому дорого искусство и трудъ во имя искусства, въ комъ сердце бьется живѣйшею благодарностью къ сынамъ Москвы, не жалѣющимъ труда своего для ея славы. Да сохраняется въ насъ навѣки завѣты прошлаго, да живетъ нерушимо въ Москвѣ память его!» Затѣмъ, по предложенію городского головы, дума почтила вставаніемъ память покойнаго, поручила кн. В. М. Голицыну выразить соболѣзнованіе семьѣ П. М. Третьякова, помѣстить въ залъ думы портретъ покойнаго и бюстъ его въ Третьяковской галлерей. Затѣмъ городской голова сообщилъ думѣ о полученномъ имъ отъ П. М. Третьякова письмѣ отъ 20-го ноября, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что для городской художественной галлерей приобрѣтена картина проф. В. М. Васнецова «Богатыри» за 15 тыс. руб. Прекраснымъ дополненіемъ несложной біографіи покойнаго можетъ послужить очень живая и вѣрная характеристика его, данная въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», отъ 9-го декабря, г. А. Рихау, которую мы приводимъ почти безъ сокращеній: «П. М. Третьяковъ ирежде всего былъ замѣчательный труженикъ; онъ наследовалъ отъ своихъ родителей незначительную торговлю полотняными товарами и своимъ необычайнымъ трудолюбіемъ, заботливостью, расчетливостью и скромною нравственною жизнью довелъ размѣры этой торговли до такихъ размѣровъ, что одна только торговля мануфактурными товарами давала до 300 тысячъ рублей чистой пользы, кромѣ доходовъ съ фабрики и домовъ. Но зато какою настойчивостью, какими трудами досталось это! П. М. Третьяковъ вставалъ, вѣроятно, однимъ изъ первыхъ въ Москвѣ и просиживалъ въ конторѣ, въ томъ Лаврушинскомъ переулкѣ, гдѣ находится его Галлерей, до часу ночи. Когда онъ усиѣвалъ спать — оставалось загадкой для окружающихъ его! Читалъ онъ много, но это не во время занятій въ конторѣ; его трудно было встрѣтить на пути въ городъ или куда либо безъ газетъ и книги въ рукахъ. Я увѣренъ, что онъ умеръ бы со скуки, если бы его заставили ничего не дѣлать. Отдыхалъ онъ только, когда отправлялся путешествовать. Въ коммерческомъ мірѣ онъ считался, и совершенно основательно, передовымъ человѣкомъ, но, вслѣдствіе своей крайней застѣнчивости, всегда ста-

рался быть незамѣченнымъ, никогда, однако, не устранился принимать участіе своимъ трудомъ и знаніемъ въ устройствѣ новыхъ общественно-коммерческихъ предпріятій. Такимъ образомъ онъ былъ однимъ изъ основателей и постояннымъ дѣятелемъ кунеческаго банка. Ему также принадлежитъ трудъ разработки, какъ новыхъ основаній, такъ и всѣхъ деталей обложенія пошлиной мануфактурныхъ товаровъ въ новомъ тарифѣ, чѣмъ устранены злоупотребленія прежнею цѣвною пошлиной; но, какъ почти всегда, П. М. Третьяковъ постарался остаться въ тѣни, предоставивъ другимъ приводить въ исполненіе свою работу. Правиломъ П. М. Третьякова было, кажется, не братья за многое, но взявшись — отдаваться дѣлу вполне. Такъ, взявшись поддерживать, по просьбѣ г. Арнольда, его частную школу глухонѣмыхъ, онъ постояннымъ всестороннимъ наблюденіемъ и широкою матеріальною поддержкой довелъ ее до такого положенія, что эта малоизвѣстная въ Москвѣ школа считается, тѣмъ не менѣе, одною изъ образцовыхъ въ Европѣ и Америкѣ. Я не знаю, какъ П. М. Третьяковъ сдѣлался любителемъ художества, такъ какъ познакомился съ нимъ, когда онъ имѣлъ не болѣе 30 — 40 картинъ. Но, занявшись разъ собираніемъ картинъ, онъ не ограничился только покупкой лучшихъ произведеній, нѣтъ, онъ старался познакомиться со всѣмъ, что касалось художественной живописи; онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ угадывать въ начинающихъ художникахъ будущихъ великихъ мастеровъ; онъ поддерживалъ талантливыхъ художниковъ своими субсидіями, какъ для дальнѣйшаго усовершенствованія, такъ и во время болѣзни и случайныхъ житейскихъ невзгодъ. Не мало тысячъ франковъ и лиръ приходилось мнѣ отравлять такимъ лицамъ за границу отъ его имени. По характеру своему, П. М. Третьяковъ былъ человѣкъ спокойный, ровный, до крайности аккуратный и расчетливый. Всѣ вычисления онъ, наиримѣръ, дѣлалъ на конвертахъ присылаемыхъ писемъ, сюртукъ носилъ по нѣскольку лѣтъ и во всю свою жизнь, вѣроятно, не кинулъ и не положилъ ни одной вещи кое-какъ; но, при такой необычайной аккуратности, нельзя сказать, чтобы П. М. Третьяковъ былъ особенно требователенъ къ окружающимъ его лицамъ; онъ скорѣе показывалъ примѣръ, какъ нужно бережно относиться ко всему тому, на что былъ затраченъ трудъ, воплощеніе котораго онъ представлялъ всею своею дѣятельностью. Къ особенностямъ его принадлежала непремѣнная отдача послѣдняго долга всѣмъ лицамъ, которыхъ онъ зналъ лично, и поэтому, будь это его кучеръ, какой либо сосѣдь или выдающееся лицо въ Москвѣ, П. М. Третьяковъ, какъ скоро узнавалъ о днѣ похоронъ, кидалъ всякое нужное дѣло, чтобы отправиться въ храмъ Божій и помолиться за усопшаго». Въ заключеніе приводимъ наиболѣе характерный изъ отзывомъ нашей печати на кончину замѣчательнаго русскаго гражданина, — слова «Русскихъ Вѣдомостей» отъ 5-го декабря: «Русское искусство, русское общество и Москва въ особенности понесли крупную утрату: скончался Павелъ Михайловичъ Третьяковъ, почетный гражданинъ города Москвы, создатель единственной въ мірѣ русской художественной «Третьяковской» галлеи, принесенной имъ въ даръ родному городу. Не былъ онъ художникомъ, но болѣе сдѣлано имъ для русскаго искусства, чѣмъ многими художниками; не создавалъ онъ картинъ, не пролагалъ новыхъ путей въ живописи, но безъ

него были бы лишены поддержки молодыя русскія художественныя силы, заявившія о себѣ, начиная съ 60-хъ годовъ, а Москва и все русское общество — того дивнаго музея, въ которомъ сосредоточилась исторія русскаго художественнаго творчества за послѣдніе полвѣка. Много было меценатовъ на Руси, много было любителей искусства, но не было другого Третьякова и не было потому, что любительство Павла Михайловича было не удовлетвореніемъ прихоти или тщеславія, а служеніемъ высокой идеѣ. Это былъ великій собиратель русскаго искусства, руководившійся въ своемъ выборѣ стремленіемъ сосредоточить въ центрѣ Россіи все выдающееся въ развитіи новой русской живописи, — все, что можетъ служить для уясненія ея развитія, для пониманія хода творчества ея выдающихся представителей. И всю эту громадную галерею, весь этотъ прекрасный музей, столь заботливо имъ собранный, составлявшій предметъ его постоянныхъ думъ и заботъ, стоившій миллионы, — принесъ онъ въ даръ Москвѣ, сдѣлавъ общимъ достояніемъ русскаго общества, предметомъ наслажденія и изученія цѣлаго ряда поколѣній. Вѣчная память достойному покровителю русскихъ художниковъ! Не забудется никогда его скромное, но великое дѣло, его крупная лента на благо русскаго искусства!».

† **Н. Я. Соловьевъ**, 27-го января, въ г. Юхновѣ, Смоленской губерніи, скончался отъ водянки извѣстный драматургъ Николай Яковлевичъ Соловьевъ, пьесы котораго, въ особенности написанныя въ сотрудничествѣ съ А. Н. Островскимъ, принадлежать къ наиболѣе выдающимся произведеніямъ русской драматической литературы истекающей четверти вѣка. Сынъ губернскаго архитектора, Н. Я. Соловьевъ родился въ Рязани въ 1845 году и, осиротѣвъ семи лѣтъ, рано испыталъ весь гнетъ борьбы въ жизни. По окончаніи въ 1861 году гимназическаго курса, онъ поступилъ въ Московскій университетъ, но по недостатку средствъ не могъ окончить курса и уѣхалъ изъ Москвы, гдѣ онъ пристрастился къ театру, и сталъ пробовать свои силы въ литературѣ и театрѣ, гдѣ на образцовой сценѣ подвизались тогда такіе корифеи ея, какъ Садовскій, Шумскій, Самаринъ и друг. Болѣе пяти лѣтъ Н. Я. Соловьевъ учительствовалъ въ одномъ изъ глухихъ уголковъ Калужской губерніи, и здѣсь рѣшилась его дальнѣйшая судьба. Онъ встрѣтился съ извѣстнымъ писателемъ-беллетристомъ К. Н. Леонтьевымъ, тонкимъ знатокомъ и цѣнителемъ всего изящнаго, человѣкомъ оригинальнаго ума и чуткой души. Леонтьевъ принявъ участіе въ молодомъ человѣкѣ и, со свойственной ему чуткостью, угадалъ въ немъ талантъ, прочтя его комедію «Женитьба Бѣлугина», тогда еще только написанную вчернѣ, и передалъ ее А. Н. Островскому. Послѣдній «приложилъ къ ней свою руку», и съ этого момента Н. Я. Соловьевъ большую часть своихъ произведеній сталъ писать въ сотрудничествѣ съ Островскимъ. Первое драматическое произведеніе Н. Я. Соловьева «Счастливый день» — рядъ веселыхъ сценъ изъ чиновничьяго быта, подписанныхъ буквою Ш., появилось въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1877 года и въ томъ же году было поставлено на сценѣ Александринскаго театра. Затѣмъ слѣдовали: «Женитьба Бѣлугина» педшая въ бенефисъ М. Г. Савиной, 11-го января 1878 г., «На порогъ къ дѣлу» (1879 г.), «Дикарка» (1879 г.), «Свѣгитъ да не грѣтъ»

(1880 г.), «Прославились», «Ликвидация» и «Медовый мѣсяцъ» — послѣдняя пьеса, ничего не прибавившая къ извѣстности талантливаго драматурга и написанная имъ послѣ долгаго перерыва его литературно-драматической дѣятельности. Лучше всего Н. Я. Соловьеву удавались лица средняго дворянства, чиновничества («Нов. Вр.», № 8179; «Моск. Вѣд.», № 335).

† **А. Н. Лебедевъ.** 4-го декабря скончался въ Москвѣ Андрей Николаевичъ Лебедевъ. Сынъ штабъ-лѣкаря московской удѣльной конторы, покойный родился 19-го августа 1842 года. По окончаніи курса въ 1-й московской гимназіи, онъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ по отдѣлу врачебныхъ наукъ со степенью лѣкаря съ отличіемъ въ 1864 году. Главная часть служебной дѣятельности Лебедева протекла въ городахъ Пензѣ, Орлѣ и Тулѣ, гдѣ покойный былъ желѣзнодорожнымъ врачомъ съ 1868 года по 1893 годъ, за небольшимъ лишь перерывомъ, когда служилъ въ земствѣ. Въ качествѣ желѣзнодорожнаго врача А. Н. Лебедевъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ высочайше учрежденной комиссіи для изслѣдованія постановки желѣзнодорожнаго врачебнаго дѣла, напечатавъ въ 1877 году въ «Медицинской Газетѣ» пространную статью подъ заглавіемъ «Врачебная служба на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ». Съ 1893 года по день смерти А. Н. Лебедевъ занималъ должность училищнаго врача при московскомъ городскомъ общественномъ управленіи, а свободное время посвящалъ дѣлу книговѣдѣнія. Имѣя въ этой отрасли большую начитанность, покойный былъ опытнымъ, хотя вслѣдствіе стѣсненныхъ средствъ, и очень осторожнымъ коллекционеромъ, собирая какъ рѣдкія русскія книги, такъ и рукописи. Еще въ Орлѣ, будучи дѣйствительнымъ членомъ орловской ученой архивной комиссіи, А. Н. на страницахъ ея изданія помѣстилъ нѣсколько статей, касающихся археологій и палеонтологій г. Орла. Въ свое время обратила на себя вниманіе найденная имъ рукопись «Московской Лѣтописи» за одиннадцатилѣтній періодъ царствованія перваго московскаго царя Іоанна Грознаго, — и изданная покойнымъ подъ заглавіемъ: «Лѣтописецъ Русскій», Москва, 1895 г., стр. 189. Заинтересовала также библиографовъ статья А. Н. «Надписи на старинныхъ книгахъ», напечатанная въ журналѣ «Книговѣдѣніе» за 1896 годъ (№№ 1 и 2). Изъ прочихъ статей и сообщеній А. Н. упомянемъ: къ изданію археографической комиссіи «Розыскныя дѣла о Федорѣ Шаковитомъ и его сообщникахъ» («Библиографическія Записки», 1892 года, № 8) и «Изъ разсказовъ родныхъ о 1812 годѣ» (3 томъ изданія Шукина, посвященнаго матеріаламъ о 1812 годѣ). Въ послѣднее время А. Н. Лебедевъ занятъ былъ сообщеніемъ въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей русскіихъ» недавно найденной имъ богатой документальными данными рукописи «Русская армія въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II», печатаніе которой прервалось смертью почившаго («Моск. Вѣд.», № 340).

† **А. А. Скальковскій.** Въ послѣднихъ числахъ декабря 1898 года въ Одессѣ скончался членъ-корреспондентъ академіи наукъ, тайн. сов. Аполлонъ Александровичъ Скальковскій, историкъ, археологъ и статистикъ южной Россіи, въ особенности Новороссійскаго края. А. А., сынъ помѣщика Кіевской губерніи, родился въ 1808 году въ Житомирѣ, гдѣ и учился въ гимназіи, слу-

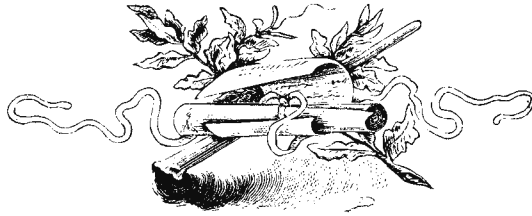
шалъ недолго медицину въ Виленскомъ университетѣ, а затѣмъ перешелъ на юридическій факультетъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1828 году. Еще будучи студентомъ, онъ началъ свою литературную дѣятельность въ московскихъ журналахъ. По окончаніи курса А. А. отправился на службу въ Одессу, въ канцелярію генераль-губернатора, графа (внучадетви свѣтлѣйшаго князя) М. С. Воронцова, которому, въ стремленіи поднять культурное значеніе Одессы, много содѣйствовалъ одесскій градоначальникъ А. П. Левшинъ. По ихъ указанію А. А. занялся мѣстной исторіей и археологіей, а затѣмъ статистикой, былъ однимъ изъ учредителей одесскаго общества исторіи и древностей и общества сельскаго хозяйства южной Россіи, совершилъ множество поѣздокъ по Новороссійскому краю для разбора и изученія разныхъ архивовъ, и между прочимъ, въ Екатеринославской казенной палатѣ отыскалъ архивъ запорожскаго казачьяго войска. Плодомъ этихъ изысканій были первая «Исторія города Одессы», «Хронологическое описаніе исторіи Новороссійскаго края» (въ двухъ томахъ) и «Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго» (въ трехъ томахъ). Последнее сочиненіе выдержало три изданія и до сихъ поръ не потеряло значенія, какъ разработка документовъ, частью утраченныхъ. Второе изданіе было сдѣлано насчетъ черноморскаго, нынѣ кубанскаго, казачьяго войска, предки котораго были запорожцы. Разбирая вмѣстѣ съ польскими писателями Крашевскимъ и Мих. Грабовскимъ архивы, конфискованные у магнатовъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи 1831 года, А. А. собралъ матеріалы для своего труда: «Наѣзды гайдамаковъ на Западную Украину». Посвятивъ себя затѣмъ, по званію редактора и директора главнаго статистическаго комитета Новороссійскаго края, по преимуществу статистикѣ, А. А. издалъ въ двухъ томахъ «Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края», увѣнчанный Демидовскою преміей и остающійся однимъ изъ образцовъ обработки мѣстныхъ данныхъ не только съ числовой, но и съ исторической и культурной точекъ зрѣнія. Третій томъ этого сочиненія не былъ изданъ, но почти всѣ его главы въ отдѣльности были напечатаны въ свое время въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». Въ этомъ журналѣ, а равно и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ, разсыяны статьи А. А. по вопросамъ археологіи, исторіи и статистики южной Россіи; одно перечисленіе этихъ работъ (пизъ которыхъ пвыя, какъ «Болгарскія колоніи», «Ростовъ-на-Дону», «Торговныя и промышленныя силы Одессы», вышли потомъ отдѣльными книгами) заняло бы многія страницы. Во время крымской войны А. А. сдѣлался публицистомъ и помѣщалъ политическія шесма въ «Сѣверной Ичелѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». А. А. не былъ чуждъ и беллетристики. Изданные имъ въ 40-хъ годахъ, нынѣ забытые, романы «Мамай», «Братья-пескупители», «Кагальничанка» и «Хрустальная балка» рассказываютъ исторію Новороссіи и содержатъ свѣдѣнія изъ жизни XVIII столѣтія, почерпнутыя изъ архивовъ и рассказовъ современниковъ, которыхъ авторъ въ молодости засталъ еще въ живыхъ. Помимо учено-литературной дѣятельности, А. А. организовалъ въ Одессѣ архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которымъ и завѣдывалъ до самой смерти. Прослуживъ въ теченіе семидесяти лѣтъ въ краѣ,

онъ самъ сталъ живымъ архивомъ для всѣхъ, кто жилъ и посѣщалъ Одессу и нуждался въ какихъ либо справкахъ по мѣстной исторіи и статистикѣ. Занимая долгіе годы мѣсто секретаря мѣстнаго отдѣленія коммерческаго совѣта и биржевого комитета, онъ принималъ участіе въ первоначальной постройкѣ тамъ желѣзныхъ дорогъ и учрежденіи пароходства. Въ продолженіе семидесяти лѣтъ А. А. велъ дневникъ, и эта многотомная рукопись, которая поступитъ въ одно изъ нашихъ ученыхъ книгохранилищъ, послужитъ когда нибудь интереснымъ матеріаломъ для характеристики одесскаго и вообще южно-русскаго общества въ XIX столѣтіи. («Нов. Вр.», № 8204).

† **А. К. Чугуновъ.** 15-го декабря, въ Казани, на 72 году жизни, скончался бывшій заслуженный ординарный профессоръ Казанскаго университета, но каѳедрѣ технологіи, Андрей Кирилловичъ Чугуновъ. Покойный окончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ со степенью кандидата въ 1854 г., а въ слѣдующемъ году выдержалъ экзаменъ на степень магистра технологіи и, по словамъ «Казан. Тел.», поступилъ на службу въ штатъ канцеляріи главнаго управленія Западной Сибири. Въ 1856 г. перемѣщенъ въ Императорскій Казанскій университетъ адъюнктомъ по каѳедрѣ технологіи. Въ 1860 г. утвержденъ экстраординарнымъ, а въ 1862 году ординарнымъ профессоромъ. Съ 1863 по 1865 г. былъ инспекторомъ студентовъ. Въ 1882 г. покойный былъ утвержденъ въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора. Въ 1886 г. по прошенію уволенъ отъ службы. Въ продолженіе своей многолѣтней службы А. К. Чугуновъ получалъ много высочайшихъ наградъ; имѣлъ чинъ тайнаго совѣтника и ордена св. Станислава 1-й степени и св. Анны первой степени. Покойный былъ членомъ сотрудникомъ Императорскаго казанскаго экономическаго общества, членомъ - корреспондентомъ кавказскаго и молдавскаго обществъ сельскаго хозяйства, дѣйствительнымъ членомъ юрьевскаго общества сельскаго хозяйства. А. К. Чугуновъ, кромѣ того, былъ, можно сказать, родоначальникомъ казанской печати: онъ основалъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Казани «Казанскій Биржевой Листокъ», биржевую газету и былъ первымъ ея редакторомъ-издателемъ. («Нов. Вр.», № 8197).

† **Н. Н. Куріаръ.** 3-го декабря, въ Петербургѣ, на пятидесятомъ году жизни, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончалась художница Пелагея Петровна Куріаръ. Она была дочерью генералъ-лейтенанта П. В. Вохина и родилась въ Петербургѣ въ 1848 г. Начавъ заниматься рисованіемъ у себя на дому, она стала серьезно относиться къ живописи. Первымъ преподавателемъ былъ художникъ Ваулинъ, а затѣмъ ея работой сталъ руководить профессоръ Л. Ф. Лагоріо. Въ 1876 г. Н. Куріаръ уже экспонировала на академической выставкѣ и за «Видъ изъ Псковской губерніи» получила малую серебряную медаль. Черезъ нѣсколько лѣтъ за картину «Вечеръ», выставленную тамъ же, она была награждена большой серебряной медалью. Въ 1881 году за двѣ картины «Внутренность Екатерининскаго замка на Невѣ» и за «Видъ близъ Краснаго Села» Н. Куріаръ совѣтъ Академіи Художествъ выразилъ особую похвалу, а въ слѣдующемъ 1882 году за большую картину «Дубы» ей было присуждено званіе почетнаго вольнаго общника, что тогда считалось высшей наградой, которую только можетъ получить художникъ или

оказавшій особыя услуги русскому искусству человѣкъ, не прошедшій полного курса въ Академіи Художествъ. Произведенія П. Куріаръ постоянно появлялись на академическихъ выставкахъ и, кромѣ того, были на выставкахъ въ Лондонѣ, Женевѣ, Парижѣ, Бордо, въ Вѣнѣ и въ Мюнхенѣ. Ея картина «Петербургъ» находилась на международной выставкѣ въ Мюнхенѣ въ 1879 году и была приобретена покойной императрицей Маріей Александровной. Имя П. П. Куріаръ извѣстно у насъ такъ же, какъ основательницы перваго дамскаго художественнаго кружка, который былъ ею организованъ въ 1882—1883 г., съ цѣлью помогать нуждающимся художникамъ и ихъ семействамъ и способствовать развитію любви къ искусству среди дамъ-художницъ. Дѣло пошло на ладъ, на вечера стали съѣзжаться художники, которые подавали добрые совѣты рисовавшимъ съ натуры дамамъ, сами рисовали и достигли того, что дѣла кружка стали процвѣтать, и вскорѣ даже образовался капиталъ. Въ 1885 г. первый дамскій художественный кружокъ, благодаря хлопотамъ покойной П. П. Куріаръ, получилъ утвержденный уставъ, давшій право расширить благотворительную дѣятельность кружка. («Новое Время», № 8182).

ГРАФЪ МИРАБО

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Т. МУНДТА

(GRAF MIRABEAU)

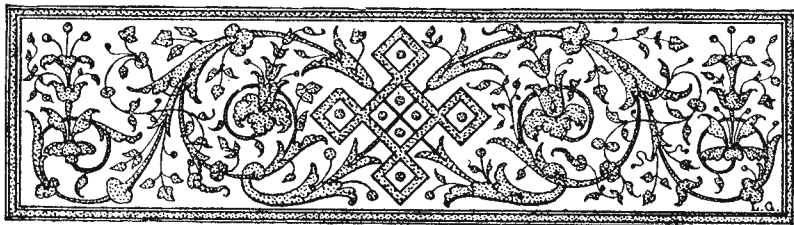
(ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО **З. У.**)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИ А. С. СЪВЪРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1899

ЧАСТЬ I.

I.

Друзья въ Отёйлѣ.

РИ НАЧАЛЪ Булонскаго лѣса, на разстояніи не болѣе одной мили отъ Парижа, лежитъ прелестный Отёйлъ со знаменитою виллою, когда-то принадлежавшею писателю Буало, въ которой, и при ея позднѣйшихъ владѣльцахъ, однимъ изъ коихъ былъ докторъ Жандронъ, всегда проживали самые извѣстные и блестящіе умы Франціи.

Въ настоящее время жила въ ней уже тринадцать лѣтъ одна изъ милѣйшихъ французскихъ женщинъ, госпожа Гельвеціусъ, купившая виллу по смерти своего мужа, знаменитаго философа и свободнаго мыслителя, и устроившая въ ней, съ присущимъ ей вкусомъ, мѣсто, гдѣ собирались ея друзья, а также все, что было въ то время въ Парижѣ, въ извѣстномъ направленіи, значительнаго и выдающагося.

Въ этой, съ виду не блестящей и совершенно подеревенски устроенной виллѣ, подъ легкимъ и прелестнымъ скипетромъ женщины, все господство которой выражалось въ искусствѣ поселять между всѣми свободу и довѣріе, образовался самый интересный, самый жизненный, но, въ глазахъ правительства, самый опасный кругъ общества.

Со времени салона госпожи Жофрэнъ въ Парижѣ, въ которомъ, втеченіе почти полустолѣтія, собирались всѣ великіе умы отечественные и иностранные, не было во Франціи такого значительнаго общественаго круга, какой образовался у госпожи Гельвеціусъ въ Отѣйлѣ. Здѣсь стоялъ еще воздвигнутымъ алтарь идей, посѣянныхъ Клодомъ Адриеномъ Гельвеціусомъ въ его книгѣ «Объ умѣ», возбудившей противъ себя одинаково сильно духовенство и парламентъ и публично сожженной палачомъ. И друзья Гельвеціуса, которые, какъ, напримѣръ, Дидеро и баронъ Гольбахъ, были отчасти его сотрудниками по этому творенію, остались преданными дому, гдѣ его вдова съ любовью и вѣрностью хранила память о немъ и его книгѣ. Сюда же присоединились болѣе юныя силы: маркизъ Кондорсэ, милѣйшій, брызжущій умомъ и остроуміемъ Шамфоръ, затѣмъ, докторъ и философъ Кабанисъ, съ нѣкоторыхъ поръ самъ поселившійся въ Отѣйлѣ, и, наконецъ, съ недавняго времени, графъ Габріель Рикетти де-Мирабо, новая, введенная въ этотъ кружокъ Шамфоромъ личность, на которую свободомыслящіе передовые люди отѣйльской виллы возлагали большія надежды.

Этотъ деревенскій салонъ, гдѣ часто съ шумомъ обсуждались вещи, крайне подозрительныя для Версаля, казался совершенно невиннымъ, благодаря личности самой госпожи Гельвеціусъ. Веселость, изящество и умъ соединялись въ ней съ дѣтской добротой, ежеминутно дававшей себя чувствовать въ смягчающемъ, примиряющемъ вліяніи на все, что происходило кругомъ нея.

Ея необыкновенная красота въ молодости не исчезла еще и въ поздніе годы. Большіе выразительные глаза, на комъ бы они съ улыбкой ни останавливались, неотразимо влекли каждаго къ себѣ. И если Элиза Гельвеціусъ появлялась иногда, какъ свѣтлый гений, и, руководя разговорами въ своемъ салонѣ, увѣряла всѣхъ и каждаго, что скоро должно свершиться нѣчто новое и великое, что спасетъ французскій народъ и освободитъ его отъ гибельнаго состоянія и вырожденія, то вслѣдъ за симъ опять, какъ тонкій и насмѣшливый духъ своего кружка, она легкою шуткою и остротами умѣла разсѣять слишкомъ тягостное настроеніе или смягчить явную горечь въ спорахъ.

Стройная и величественная, г-жа Гельвеціусъ, какъ своею внѣшностью, такъ и манерами не давала забывать о ея высокомъ аристократическомъ происхожденіи. Однако, обращеніе этой аристократки, неволью напоминавшее, что она была дочерью графа Ливенгилля, соединялось съ особой, ей лишь свойственной простотою и любовью къ деревенской жизни и деревенскимъ занятіямъ.

Свой философскій салонъ въ отѣйльской виллѣ она устроила какъ бы на фонѣ сельской фермы, которою усердно занималась и содержала образцово. Особенно заботилась г-жа Гельвеціусъ о своемъ птичникѣ, гдѣ ежедневно проводила по нѣсколько часовъ въ

вознѣ съ курами, утками, гусями и множествомъ всевозможныхъ птицъ; наибольшее удивленіе возбуждали уходъ и дрессировка чижиковъ. Дорогія пѣвчія птицы, въ красивыхъ клѣткахъ, были развѣшаны по наружнымъ стѣнамъ дома и часто звучно и шумно вступали въ разговоръ друзей. Не было на этой необыкновенной дачѣ недостатка и въ собакахъ и кошкахъ; послѣднія въ особенности принадлежали, вмѣстѣ съ птицами, къ любимцамъ хозяйки и были тутъ всевозможныхъ породъ.

Полная гармонія и согласіе, господствовавшія въ царствѣ г-жи Гельвеціусъ, несмотря на разнообразіе породъ животныхъ, приписывались ея почитателями тому очарованію, съ которымъ эта милая женщина управляла всѣмъ, что ей принадлежало.

Сегодня г-жа Гельвеціусъ покинула ранѣе обыкновеннаго свои любимыя занятія съ животными, которымъ посвящала всегда часть утра. Нужно было заняться приготовленіями къ приему гостей, ожидаемыхъ въ отѣйльской виллѣ къ обѣду. Два особыхъ торжественныхъ повода побудили г-жу Гельвеціусъ сдѣлать эти приглашенія. Сегодня долженъ былъ обѣдать у своей старой пріятельницы, съ которой онъ давно уже былъ въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ, докторъ Веніаминъ Франклинъ, чему весь кружокъ радовался, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе шумныхъ чествованій и приглашеній, которыми его забрасывали со времени его вторичнаго прибытія въ Парижъ, Франклинъ сдѣлался рѣдкостью даже для кружка самыхъ близкихъ друзей. Великій договоръ свободы и независимости, основавшій самостоятельность Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и предварительныя условія котораго были въ прошломъ, 1783 году, подписаны въ Парижѣ Франклиномъ, — въ качествѣ полномочнаго министра своего отечества, — и представителемъ Англии, былъ брошенъ въ жизнь Парижа, какъ горящая искра. На каждомъ шагѣ видѣлись тому самыя сильныя доказательства, и сдѣлалось настоящею модою дня осыпать почтеннаго старца Франклина чествованіями и отличіями.

А потому и г-жа Гельвеціусъ съ большимъ трудомъ обезпечила за собой на сегодня его присутствіе; выборъ же для этого именно сегодняшняго дня имѣлъ еще особое основаніе, не столько изъ политическихъ видовъ, сколько изъ ея милаго кокетства.

Сегодня праздновала она свой пятьдесятъ шестой день рожденія и хотѣла это почтенное число своихъ лѣтъ довести, въ особенности, до свѣдѣнія Франклина, котораго дружба къ ней дошла до того, что онъ просилъ ея руки; съ маленькою хитростью хотѣла она заставить его отпраздновать этотъ день съ нею вмѣстѣ, чтобы выяснить ему свой возрастъ, столь мало подходящій для вступленія въ бракъ.

Докторъ Франклинъ, вступившій теперь въ семьдесятъ-восьмой годъ жизни, восемь лѣтъ тому назадъ, пріѣхавъ въ первый разъ

въ Парижъ для переговоровъ о признаніи Франціею независимости Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, просилъ руки прелестной вдовы Гельвеціуса. Но Элиза уже тогда чистосердечно отвѣтила, что не пойдетъ за него замужъ, и теперь, хотя ихъ взаимная дружба и расположеніе лишь усилились съ тѣхъ поръ, она опять съ тою же твердостью повторила свой отказъ. Въ первый разъ Франклинъ старался получить эту дорогую руку въ одно время съ Тюрго, бывшимъ министромъ Людовика XVI, а теперь, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ смерть удалила его великаго соперника, онъ, этотъ живой, свѣтлый старецъ, вновь прибылъ въ Парижъ на арену своей любви.

Г-жа Гельвеціусъ, при всемъ своемъ желаніи не скрывать своихъ пятидесяти шести лѣтъ, не могла, однако, отказаться отъ одной интересной новости въ своемъ туалетѣ, которымъ вообще она стала заниматься въ послѣднее время. Именно сегодня, когда она намѣревалась отпугнуть своего стараго обожателя, ей вздумалось украсить новую прическу, введенной недавно въ моду молодой королевой, Маріей-Антуанеттой.

До сихъ поръ г-жа Гельвеціусъ вѣрно слѣдовала модамъ регентства, а такъ какъ при этомъ она была мила и привлекательна, то и съ годами не думала имъ измѣнять. Она была неотразимо прелестна съ золотой пудрой на прекрасныхъ бѣлокурыхъ волосахъ, никогда почти не уменьшала размѣра фижмъ и не могла отказаться отъ маленькихъ мушекъ съ бриллиантками.

Сегодня же, ради шутки, она совершенно измѣнила прическу, а съ нею вмѣстѣ и весь свой туалетъ. Это была прическа *à la jardinière*, такъ необыкновенно придуманная и устроенная знаменитымъ парикмахеромъ королевы, м-г Леонардомъ. Состояла она въ высоко взбитомъ головномъ уборѣ, сдѣланномъ изъ искусно сложенной и наверхнутой салфетки, обитой и наполненной всякаго рода зеленью: маленькимъ артишокомъ, головкой капусты, хорошенькой морковью, рѣпкой и др.

Окончивъ, съ помощью камеристки, это нововведеніе въ своемъ туалетѣ, г-жа Гельвеціусъ, громко смѣясь, стала передъ зеркаломъ разсматривать происшедшую съ нею перемѣну, на которую, впрочемъ, не находила причины гнѣваться. Напротивъ того, новая прическа, казалось, очень шла къ ней. Она начала своею искусною рукой ее поправлять, когда вошелъ слуга и доложилъ, что нѣкоторые изъ ожидаемыхъ гостей вошли уже въ переднюю.

Это были Кабанисъ и Шамфоръ, успѣвшіе прійти первыми въ салонъ своей пріятельницы и принятые ею съ особеннымъ радушіемъ.

— Мы, по праву добраго сосѣдства, не стыдимся быть точными! — началъ Шамфоръ, подходя къ ней и почтительно цѣлуя протянутую ему бѣлую, маленькую ручку.

— Напротивъ, господа,—возразила г-жа Гельвеціусъ съ своей очаровательной улыбкой,—я вовсе не нахожу, что вы живете тутъ, какъ добрые сосѣди и вѣрные друзья. Я воображала, что вы оба поселились въ нашемъ Отѣйлѣ, чтобы можно было пользоваться вашимъ милымъ обществомъ ежедневно и ежечасно. Если же, какъ сегодня, я приглашаю васъ торжественно къ обѣду, то неужели вы считаете, что можете не появляться къ нашему дружескому завтраку? Хорошо ли это? Конечно, милаго доктора Кабаниса надо простить, потому что съ тѣхъ поръ, какъ онъ практикуеть въ Отѣйлѣ, онъ не можетъ освободиться отъ больныхъ, хотя и ему слѣдовало бы помнить, что я тоже принадлежу къ его больнымъ. Почему же, господинъ лейбъ-медикъ, вы еще не навѣстили меня сегодня?

Съ этими словами она подошла къ молодому человѣку, стоявшему въ мечтательной небрежной позѣ въ глубинѣ комнаты, и, взявъ его за руку, притащила къ креслу, сѣвъ сама напротивъ него и указавъ Шамфору на стулъ возлѣ себя.

Кабанисъ былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати семи, казавшійся еще моложе, благодаря тонкому и стройному сложенію и своему нѣжному, будто прозрачному выраженію лица. Все его существо выражало какъ бы страданіе, отчасти вслѣдствіе чрезмѣрно усиленныхъ занятій послѣдняго времени, отчасти же бывшее отпечаткомъ поглощавшихъ его философствованій.

Совершенную противоположность составлялъ другъ его, Шамфоръ, человѣкъ лѣтъ сорока двухъ, здоровый и сильный. Онъ былъ поразительно красивой наружности; его правильныя и тонкія черты выражали умъ и привѣтливость, а вмѣстѣ и главную черту характера — неотразимую мягкость и кротость. Однако, лицо его могло вдругъ рѣзко измѣняться и принимало тогда, будто свое обычное, выраженіе непріятнаго, капризнаго настроенія, при которомъ онъ, какъ молніей, металъ своими остротами.

Одѣтъ былъ Шамфоръ, по обыкновенію, нѣсколько небрежно; даже свѣжесть бѣлья могла бы быть болѣе безукоризненной. И сегодняшнее особое приглашеніе не нарушило этой небрежности, которую онъ приписывалъ своему недостатку въ желаніи нравиться и равнодушію къ обществу. Напротивъ того, Кабанисъ, вообще тщательно слѣдившій за своимъ туалетомъ, сегодня особенно постарался почтить элегантностью приглашеніе своей пріятельницы.

— Дѣйствительно,—сказала Кабанисъ съ тонкой грустной улыбкой,—все утро сегодня я былъ занятъ возлѣ больной. Врачъ, начинающій свою практику, какъ я, въ маленькомъ Отѣйлѣ, долженъ дорого цѣнить, если какая нибудь бѣдная женщина вздумаетъ получить воспаленіе, и если онъ можетъ, ухаживая за ней, дать вмѣстѣ съ тѣмъ поѣсть ея голоднымъ дѣтямъ, которыя кричатъ и просятъ хлѣба.

— Да, это правда, нашъ другъ Кабанисъ долженъ здѣсь начи-

нать практику съ одними только воспаленными бѣдными людьми,— замѣтилъ Шамфоръ съ сарказмомъ.—И въ этомъ отношеніи онъ настоящее дитя своего времени, ибо практика съ воспаленными бѣдными людьми скоро будетъ главнымъ занятіемъ во всемъ мірѣ, а въ особенности въ нашей, съ ея голодающимъ населеніемъ, Франціи.

— Скажите мнѣ лучше, Шамфоръ, гдѣ вы пропадали сегодня,— возразила г-жа Гельвенціусъ, дружески смотря на него.—Если же вы никакого удовлетворительнаго извиненія привести не можете, то слѣдуетъ предположить, что вы хотите нарушить торжественно заключенный со мною договоръ. Вы вѣдь переѣхали въ Отсѣйлъ съ тѣмъ, чтобы быть моимъ гостемъ и моимъ полнымъ пансіонеромъ, и это вы мнѣ обѣщали подъ всеми клятвами дружбы. Только квартиры я не могла вамъ предоставить въ моей тѣсной виллѣ, и это къ счастью для васъ; иначе кончилось бы тѣмъ, что я держала бы васъ, какъ своего плѣнника, такъ какъ я съ завистью отношусь къ каждому часу, который вы проводите не у меня.

Въ глазахъ Шамфора блеснула лучъ глубокой благодарности къ ней, и черты его приняли на минуту мягкое и сердечное выраженіе. Но сейчасъ же голосъ его зазвучалъ легкомысленно:

— Я не могъ прійти сегодня, потому что былъ занятъ дѣлами двора, Версальскаго двора, да, да, блестящаго двора наихристіаннѣйшихъ величествъ, короля Людовика XVI и королевы Маріи-Антуанетты. Подобно тому, какъ мой другъ Кабанисъ работалъ для воспаленныхъ бѣдныхъ людей, такъ я все утро работалъ для двора. Этьеннъ Монгольфье былъ у меня, и я помогалъ ему въ приготовленіяхъ для его воздушнаго шара,—этого новаго чуда-изобрѣтенія, который, по особому повелѣнію ихъ величествъ, будетъ сегодня пущенъ имъ въ Отсѣйлѣ. Весь дворъ прибываетъ сегодня сюда по полудни, чтобы въ третій разъ восхититься удивительнымъ зрѣлищемъ; онъ не можетъ достаточно надивиться, что есть вещь, которая сама собой можетъ подняться вверхъ. При дворѣ невозможно подняться, если не начиненъ предками и интригами, а воздушная машина Монгольфье совершенно просто доказываетъ имъ, что нужно быть наполненнымъ однимъ лишь воздухомъ, чтобы подняться еще гораздо выше, до самыхъ облаковъ. Этотъ добрый, любящій зрѣлица дворъ не подозрѣваетъ, что шаръ Монгольфье есть лишь предвѣстникъ той вещи, которая въ одинъ прекрасный день сама по себѣ и своими собственными силами поднимется до небесъ и потребуетъ своего господства надъ лежащею подъ нимъ землею. Я подразумѣваю народъ. Не походитъ ли онъ уже теперь на наполненный шаръ, который своею собственною движущею силою начинаетъ дрожать и взлетитъ, какъ только услышитъ поданный ему сигналъ? Этими мыслями былъ я поглощенъ, помогая сегодня утромъ моему другу Монгольфье приспособить его машину

для новаго воздушнаго путешествія. Говорятъ, что герцогъ Шартрскій изволитъ тоже подняться въ немъ на воздухъ. И такъ, не правъ ли я, дорогой другъ, оправдываясь тѣмъ, что я работалъ сегодня въ интересахъ двора? Монгольфье прибудетъ тоже сюда, чтобы засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и предложить вамъ и всему вашему обществу мѣста для зрѣлища.

— Возможно ли?—воскликнула г-жа Гельвеціусъ съ удивленіемъ, всплеснувъ руками.—Что за необычайныя новости я вдругъ узнаю отъ васъ? И все это можетъ происходить въ этомъ маленькомъ, насквозь, какъ фонарь, видимомъ Отѣйлѣ, безъ моего вѣдома? Право, я здѣсь, въ моей виллѣ, точно пустынный въ своей лѣсной хижинѣ, чувствую себя страшно покинутой и отъ всѣхъ и всего отрѣзанной!

— А я, взглянувъ на эту новую модную прическу, осмѣлился предположить совсѣмъ противное,—воскликнулъ Шамфоръ, галантно указывая рукою на головной уборъ г-жи Гельвеціусъ и почтительно кланяясь.—И думалъ, что нашъ прелестный другъ и съ своей стороны сдѣлалъ приготовленія къ тому, чтобы при сегодняшнемъ посѣщеніи двора представить нашъ Отѣйлъ въ праздничномъ видѣ. Вѣдь этотъ нарядъ прекрасной вдовы нашего великаго вольнодумца Гельвеціуса ни болѣе, ни менѣе, какъ уступка придворной модѣ. Однако, я долженъ сказать, сударыня, что новый уборъ удивительно идетъ къ вамъ и самымъ изящнымъ образомъ символизируетъ вашу вѣчно юную прелесть. Г-жа Гельвеціусъ можетъ смѣло носить на своей прекрасной головѣ зеленую капусту и рѣпу, потому что г-жа Гельвеціусъ представительница чистой и благородной природы, а мужъ ея писалъ «объ умѣ»; умъ же всегда долженъ существовать, какъ сопротивленіе природѣ. При нынѣшнемъ же Версальскомъ дворѣ нѣтъ ни природы, ни ума, и овощи, которыми теперь кокетничаютъ гордые головы, дѣйствуютъ...

— Вы слишкомъ злой насмѣшникъ, Шамфоръ,—перебила г-жа Гельвеціусъ съ нѣкоторою горячностью.—Можно ли все обращать въ политику, даже невинныя дамскія наряды? То ли дѣло мой кроткій другъ Кабанись! Онъ еще ни разу не побранилъ меня за мою прическу и, вѣроятно, находитъ вполне подходящимъ, что деревенская жительница, какъ я, предпочитаетъ украшать свою голову свѣжею зеленью, чѣмъ громадными напудренными локонами.

— Я готовъ оцѣнить новый уборъ нашего друга въ его наилучшемъ значеніи! — воскликнулъ Кабанись, блѣдныя щеки котораго на минуту оживились улыбкой.—Я вижу символъ новаго лучшаго времени, времени свободы и равенства въ томъ, что моды въ отѣйльской виллѣ философовъ начинаютъ сравниваться съ модами версальскими. Уже то, что сегодня дворъ намѣренъ прибыть въ Отѣйлъ, указываетъ на необыкновенные признаки времени. Кто слыхалъ, чтобы король и королева посѣщали Отѣйлъ, мѣсто, ни

разу еще не тронутое этикетомъ и съ тѣхъ поръ, что мы, люди просвѣщенія, поселились въ немъ, пользующееся самой дурной славой у нашихъ повелителей? И вотъ, какъ бы въ подкрѣпленіе этого новаго союза между Отѣйлемъ и Версалемъ, предсѣдательница нашего кружка присвоила себѣ прическу королевы Маріи-Антуанетты. Это имѣетъ, вѣроятно, таинственное значеніе и, не будь передо мной чудные, искренніе глаза г-жи Гельвеціусъ, я бы подумалъ, что тутъ мѣтять на измѣну, и что «свободное общество эгоистовъ», какъ называютъ нашъ дружескій кружокъ въ Отѣйлѣ ¹⁾, передается въ руки нашихъ враговъ!

Г-жа Гельвеціусъ, на которую, при ея естественной веселости, всякая шутка легко дѣйствовала, искренно захохотала при этихъ словахъ, а съ нею вмѣстѣ и оба друга. Трудно было не заразиться ея смѣхомъ, въ которомъ слышалась юношеская веселость и чистосердечіе, какъ у молодой дѣвушки.

— Это очень удачно!—сказала она, продолжая смѣяться.—Какъ видно, ипохондрія доктора Кабаниса исчезаетъ подъ вліяніемъ отѣйльскаго здороваго воздуха.

— Однако, я дѣйствительно должна признаться, — продолжала она, сдѣлавшись опять серьезной, — что съ каждымъ днемъ становлюсь болѣе искреннимъ другомъ королевы. Меня привлекаетъ та прелесть простоты, которая проявляется во всемъ, что приходится о ней слышать. Она несомнѣнно прекрасная, благородная душа, желающая добра во всемъ, и если ея вліяніе вполнѣ овладѣетъ королемъ, то это направитъ его на путь спасенія и приведетъ въ объятія народа. И не представляется ли уже Марія-Антуанетта передовымъ бойцомъ новаго времени, затѣявъ при дворѣ борьбу противъ этикета и побѣдивъ его своею цвѣтущею молодостью и естественною прелестью? И развѣ этимъ она не нанесла перваго удара французскому придворному дворянству, въ которомъ настоящая испорченность общества издавна пустила корни? Даже то, что сегодня дворъ прибываетъ въ такое мѣсто, какъ Отѣйлъ, должно, въ сущности, считаться новой побѣдой, одержанной королевой надъ старой придворной партіей. Она хочетъ придать двору болѣе свободное, непринужденное движеніе, освободить его постепенно отъ предрасудковъ, въ которыхъ онъ оцѣпенѣлъ и которые строго отдѣляютъ его отъ народа и народной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она благодѣтельна, добра и готова прійти каждому на помощь; всякому новому предпріятію она желала бы успѣха, и самъ г. Этьенъ Монгольфье пенсіей, получаемой имъ отъ двора за свое изобрѣтеніе, обязанъ единственно ходатайству королевы.

— Самый же свѣжій примѣръ любезности королевы относительно передовыхъ умовъ нынѣшняго времени—это я! — съ особымъ уда-

¹⁾ «La Société libre des égoïstes».

рениемъ началъ Шамфоръ.—Моя трагедія «Мустафа и Зеанжиръ», представленная нѣсколько недѣль тому назадъ на придворномъ театрѣ въ Фонтэнебло, такъ понравилась королевѣ, что она назначила сочинителю ежегодную пенсію въ тысячу двѣсти франковъ. Я этого не искалъ, но подумалъ, что такой знакъ милости прекрасной королевы мнѣ не слѣдуетъ отвергать. Узналъ я объ этомъ неожиданномъ счастьѣ лишь сегодня утромъ, но въ Парижѣ все о немъ знали уже вчера, и тамъ оно рѣшило мое несчастье. Я скрылъ передъ вами, что вчера моя трагедія шла въ первый разъ для большой публики на Théâtre français, потому что иначе вы бы мнѣ покоя не дали, чтобъ ѣхать со мной въ Парижъ. А насколько основательно было мое инстинктивное опасеніе, вы можете заключить изъ того, что моя пьеса совсѣмъ провалилась вчера на этомъ театрѣ. Подъ конецъ стали барабанить и свистѣть, какъ если бы страшный судъ хотѣлъ обрушиться на автора. Это печальное извѣстіе было мною получено съ нарочнымъ сегодня утромъ. Думаютъ, что «Мустафа и Зеанжиръ» не провалилась бы, если бы раньше не имѣла такого успѣха при дворѣ. Въ Парижѣ наказывали автора и его пьесу за то удовольствіе, которое получила королева, потому что тамъ оппозиціонное настроеніе, въ особенности противъ нея, все усиливается: что только отличено Маріей-Антуанеттой, то публика считаетъ своей обязанностью осудить. И вотъ я сижу съ моей пенсіей въ 1.200 фр. на развалинахъ моей единственной трагедіи, первой и послѣдней. А между тѣмъ, она стоила больше, чѣмъ мои комедіи, въ особенности «Молодая индіанка» и «Смирнскій купецъ», желающія, какъ видно, удержаться на сценѣ, несмотря на свои ничтожныя достоинства. Но въ «Мустафѣ и Зеанжирѣ» я, подражая Расину, надѣлъ маску, съ которой мое внутреннее «я» не согласовалось.

Народъ, ставшій теперь умнымъ, какъ чортъ, сорвалъ съ меня маску, бросилъ мнѣ ее въ лицо, оставивъ мнѣ единственнымъ удовлетвореніемъ—бренчать моими тысяча двумястами франками въ карманѣ. И развѣ не по дѣломъ мнѣ это?

Въ эту минуту разговоръ прервался, къ крыльцу подъѣхалъ экипажъ, и г-жа Гельвеціусъ поспѣшила къ окну посмотрѣть, кто прибылъ изъ ея гостей.

— Право же, въ экипажѣ сидитъ мой старый Франклинъ!—воскликнула г-жа Гельвеціусъ радостно.—А тотъ, что рядомъ съ нимъ, это маркизъ Кондорсэ, нашъ «снѣгомъ покрытый вулканъ», какъ его называлъ всегда другъ д'Аламберъ. Напротивъ нихъ—графъ Мирабо. Онъ выскакиваетъ и съ нѣжною заботливостью сына хочетъ помочь доктору Франклину выйти изъ экипажа. Старикъ, однако, упрямо отклоняетъ всякую помощь, гордясь еще вправду молодостью своихъ семидесятисемилѣтнихъ ногъ, которыми онъ, точно американскій буйволъ на свободѣ, топчетъ отѣйльскую

почву. Смотрите, какъ онъ прямо и твердо выступаетъ, мой старій Веніаминъ!

И она, не сдерживая болѣе своего нетерпѣнія, поспѣшила на крыльцо привѣтствовать прибывшихъ; Шамфоръ и Кабанисъ слѣдовали за нею.

Съ радостнымъ возгласомъ вошелъ Франклинъ въ домъ и тутъ же, увидя свою пріятельницу, сердечно заключилъ ее въ объятія. Однако, объятіе продолжалось такъ долго, что г-жа Гельвеціусъ съ шутиливою досадою освободилась, оттолкнувъ Франклина отъ себя рукой, и обратилась съ милымъ и любезнымъ привѣтствіемъ къ Кондорсэ и Мирабо.

— Вижу, что я у моего стараго друга Элизы уже не такой желанный гость, какъ бывалъ прежде,—сказалъ Франклинъ, смѣясь, въ то время, какъ все общество входило въ гостиную.—Даже ради праздника новаго свиданія я не смѣю прижать ее къ сердцу безъ того, чтобы она съ силою не оттолкнула меня. Мнѣ слѣдуетъ еще извиниться, что я появился къ обѣду въ кителѣ американскаго крестьянина; но, такъ какъ Версальскій дворъ принималъ меня въ этомъ, мною усвоенномъ, костюмѣ, то я полагалъ, что и г-жа Гельвеціусъ радушно приметъ меня въ немъ.

При этомъ Франклинъ, съ нѣкоторымъ самодовольствомъ, указалъ на свой костюмъ, въ которомъ являлся повсюду. Онъ состоялъ изъ простаго суконнаго сюртука коричневаго цвѣта, сдѣлавшагося уже извѣстнымъ въ Парижѣ, и которому, гладкіе, бѣлые, какъ серебро, волосы, безъ всякой пудры, и круглая съ широкими полями шляпа придавали совсѣмъ особый отпечатокъ. Это было одѣяніе американскаго плантатора, совсѣмъ новое и чуждое въ Парижѣ и рѣзко отличавшееся при дворѣ отъ вышитыхъ и сверкающихъ золотомъ одѣяній, равно какъ отъ напудренныхъ и надушенныхъ куафюръ придворныхъ. Новинка эта пользовалась необыкновеннымъ успѣхомъ, очаровывая въ особенности парижскихъ дамъ, которыя на всѣхъ блестящихъ празднествахъ, даваемыхъ въ честь американскаго философа и апостола свободы, самымъ любезнымъ и кокетливымъ образомъ ухаживали за нимъ.

Однако, г-жа Гельвеціусъ такъ долго смотрѣла на него своими прекрасными выразительными глазами, что Франклинъ долженъ былъ убѣдиться, что онъ попрежнему занимаетъ въ сердцѣ своей пріятельницы старое и прочное мѣсто. Она поспѣшила сама ему снять шляпу и съ нѣжною ласкою надѣтъ, взявъ ея, кожаную шапочку, которую онъ всегда носилъ. Затѣмъ, довела его до великолѣпнаго, стоящаго у камина кресла, приготовленнаго, какъ видно, нарочно къ его торжественному приему и увѣшаннаго свѣжими розами и лавровыми вѣнками.

Франклинъ былъ красивый старецъ, съ рѣдкою правильностью и чистотой очертаній, и при томъ удивительной свѣжести и ясности.

Простота его представляла трогательное благородство. Неотразимая пластическая прелесть его головы нарушалась лишь большими очками, которыя Франклинъ никогда не снималъ, но которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, усиливали выраженіе глубокомыслія на лицѣ благороднаго старца.

— Едва ли гдѣ либо на свѣтѣ мнѣ такъ хорошо, какъ здѣсь въ Отѣйлѣ, у васъ, моя дорогая Элиза!—началъ Франклинъ, озираясь съ удовольствіемъ.—Здѣсь—миръ, радость и свобода! Право, если бы мнѣ не нужно было возвращаться въ Филадельфію, куда зовутъ меня государственныя дѣла вновь народившагося отечества, то я охотно остался бы въ Отѣйлѣ и пристроился къ идилліи г-жи Гельвеціусъ, хотя бы въ качествѣ надзирателя за цыплятами и чижиками, съ обязанностью кормить ея знаменитыхъ птицъ. Что вы думаете, мой прелестный другъ, могли бы вы предоставить мнѣ у себя хотя бы такое мѣсто?

Общій хохотъ встрѣтилъ этотъ забавный вопросъ Франклина, обращенный къ почтенной хозяйкѣ дома, при чемъ онъ взялъ ея руку и прижалъ къ своей груди.

— О, какъ скоро вы бы соскучились здѣсь!—отвѣтила г-жа Гельвеціусъ, краснѣя.—Вы еще слишкомъ молоды для той уединенной жизни, которую я веду съ моими чижиками и курами; васъ бы стало скоро опять манить на арену, гдѣ вы свершили столь великое, но еще недоконченное вами дѣло. И лично мое общество скоро перестало бы васъ радовать, потому что я уже старуха, празднующая именно сегодня свой пятидесяти-шести-лѣтній день рожденія.

— Сегодня, сегодня?—воскликнулъ Франклинъ, съ юношескою живостью вскочивъ съ мѣста и дѣлая видъ, что хочетъ вновь обнять свою пріятельницу. Но къ послѣдней со всѣхъ сторонъ стали подходить съ поздравленіями, принимаемыми ею съ очаровательной привѣтливостью. Съ особеннымъ удовольствіемъ, казалось, выслушивала она любезныя слова графа Мирабо, недавно только принятаго въ этотъ кружокъ. Упрекая себя за то, что раньше не зналъ объ этомъ праздничномъ днѣ, онъ заявилъ, что день рожденія прелестной женщины слѣдуетъ помнить такъ же твердо, какъ праздники святыхъ по календарю, забывать о которыхъ не позволяется даже при самомъ непродолжительномъ съ ними знакомствѣ.

— Вотъ это французъ, у котораго языкъ на настоящемъ мѣстѣ!—сказалъ Франклинъ, подходя къ Мирабо, и съ довѣрчивымъ простодушіемъ, никогда его не покидавшимъ, запустилъ пальцы въ густой лѣсъ волосъ, отбѣнявшихъ эту буйную геніальную голову.

Въ первую минуту графъ Мирабо смутился, но сейчасъ же опомнился, и лицо его, такъ легко принимавшее рѣзкое и мрачное выраженіе, обратилось къ старцу съ дружескимъ и полнымъ уваженія взглядомъ.

— Собственно говоря, болѣе всѣхъ виновать я, что не узналъ о днѣ рожденія нашей пріятельницы и не поздравилъ ее,—сказалъ маркизъ Кондорсэ, человѣкъ лѣтъ сорока, глаза котораго сіяли безконечною добротой, а высокій выпуклый лобъ, рѣзкій орлиный носъ и слегка сжатія губы обнаруживали знаменитаго мыслителя-математика.

— Я полагаю,—продолжалъ онъ, добродушно себя обвиняя,—такъ какъ въ этомъ кружкѣ я состою счетчикомъ *par excellence* и день и ночь провожу за всевозможными вычисленіями,—что я сдѣлалъ, вѣроятно, ошибку въ сердечномъ вычисленіи, всѣ же другія должны были сами собой прекратиться въ такой день, который является формулой всякаго для насъ благополучія. Тѣмъ не менѣе, примите дружески пожеланія вашего стараго друга Кондорсэ!

— Это въ высшей степени любезно, что никто изъ васъ не считалъ моихъ лѣтъ!—сказала г-жа Гельвеціусъ.—Какъ я счастлива, что вы всѣ такъ хорошо относитесь ко мнѣ! Даже другъ напѣ Кондорсэ, всегда величественно спокойный, точно великолѣпный ледяной замокъ, послалъ мнѣ теплое дуновеніе изъ тайниковъ своей любящей души. Однако, будемъ говорить о чемъ нибудь другомъ. Докторъ Франклинъ долженъ еще рассказать о своихъ послѣднихъ триумфахъ въ Парижѣ. Вѣдь, если въ эту минуту парижане, какъ опьяненные американской свободой, начинаютъ представляться сами себѣ новыми людьми, то они обязаны этимъ лишь плѣнительному образу Веніамина Франклина!

— Конечно, опять все у меня пошло прекрасно въ этомъ прекраснѣйшемъ Парижѣ!—отвѣтилъ Франклинъ, усмѣхаясь и покойно вытягиваясь въ креслѣ.—Парижскія дамы устроили въ мою честь праздникъ въ *Hôtel de ville*, самый блестящій и трогательный изъ всѣхъ, на какихъ мнѣ приходилось бывать. Въ то время, какъ я чувствовалъ себя, точно святой въ раю Магомета, изъ трехсотъ дамъ была выбрана, по общему мнѣнію, самая красивая, которая должна была доказать участіе, принимаемое французскими дамами въ достигнутой Америкой свободѣ. Жребій палъ на графиню Діану де-Шодиньякъ, одну изъ умнѣйшихъ придворныхъ дамъ. Она подопла ко мнѣ съ лавровымъ вѣнкомъ и не только возложила мнѣ его на мои бѣлые кудри, но еще прибавила мнѣ два поцѣлуя на обѣ щеки—одинъ на правую, другой на лѣвую,—въ то время какъ все общество, торжественно и притаивъ дыханіе, прислушивалось къ звукамъ этихъ поцѣлуевъ. Такъ стояло въ праздничной программѣ, и вы можете себѣ представить, съ какимъ благоговѣніемъ и какъ тихо я, въ качествѣ посланника освободившихся американцевъ, сидѣлъ во время этой церемоніи, которая была значительнѣе, конечно, протой депеши изъ Парижа въ Америку ¹⁾.

¹⁾ Mémoires de m-me Campan, I, 233.

— А какъ же Версальскій дворъ посмотрѣлъ на это?—спросилъ Шамфоръ съ оттѣнкомъ колкой ироніи, сопровождавшей все его замѣчанія.—Говорятъ, что графиня Діана получила за это отъ короля хорошей урокъ. Точнѣе сказать, онъ послалъ ей въ подарокъ одну посуду, нарочно заказанную для прекрасной восторженной графини на севрской фарфоровой мануфактурѣ. На днѣ этой интересной вещицы былъ изображенъ вашъ медальонъ съ известною латинскою надписью, сочиненною когда-то въ вашу честь нашимъ д'Аламберомъ:

«Онъ вырвалъ молнію у неба, а скипетръ у тирановъ» ¹⁾.

— Да, кажется, все это было такъ,—замѣтилъ Веніаминъ Франклинъ, громко расхохотавшись, и, по своей привычкѣ, потирая отъ удовольствія руки, прибавилъ:—*ça ira! ça ira!*—слова, которыми онъ любилъ заканчивать свою фразу, даже если они и не подходили именно къ смыслу того, что онъ сказалъ.

— *Ça ira?*—повторилъ Шамфоръ.—Хотите ли вы этимъ подтвердить намѣреніе его величества, помѣстившаго вашу голову...

— Однако, довольно объ этомъ, любезный Шамфоръ!—быстро вмѣшалась г-жа Гельвеціусъ, причемъ въ ея пріятномъ, почти дѣвическомъ голосѣ послышался гнѣвъ.—Такое направленіе разговора мы, вѣдь, обыкновенно предоставляемъ Версалию и аристократамъ, которые не могутъ забыть тона времени регентства.

— Да я только и хотѣлъ охарактеризовать Версаль!—съ живостью возразилъ Шамфоръ, причемъ его прекрасные, выразительные глаза обратились къ г-жѣ Гельвеціусъ съ просьбой о прощеніи.—Эта исторія, которая для нашего, всеми уважаемаго Франклина можетъ быть только лестной, въ концѣ-концовъ, доказываетъ лишь то, что свою оппозицію противъ американскаго энтузіазма, въ которомъ французскій народъ въ первый разъ почувалъ свѣжій воздухъ, король не рѣшается проявить открыто, а облачаетъ ее въ таинственные символы, о которыхъ, въ сущности, и говорить нельзя. Королева чистосердечнѣе: сохраняя свою любезность и хорошее расположеніе духа, она, однако, довольно сильно выражаетъ неудовольствіе противъ симпатій къ американской свободѣ.

— Слѣдуетъ признать, однако,—началъ съ нѣкоторою торжественностью Франклинъ,—что мы, американцы, начинаемъ понемногу помогать вамъ, французамъ. Нашею побѣдоносной борьбой за освобожденіе мы нанесли тираніи всѣхъ странъ и народовъ ударъ по головѣ, и она послѣ этого стала сильно покачиваться. Благодареніе Богу и нашему великодушному Вашингтону за то, что мы смогли подняться изъ того рабства, въ которое свободно рожденный народъ былъ ввергнутъ надменнымъ эгоизмомъ британцевъ, и вновь стать людьми и мужами. Но затѣмъ благодареніе и вамъ,

¹⁾ «Eripuit coelo fulmen sceptrumque tyrannis» см. Mémoires Condorcet, I. 166.

французамъ, за то, что мы двинулись впередъ и пришли къ цѣли, потому что вы протянули намъ дружескую руку и, подвижные и наэлектризованные, какъ всегда, направили мнѣнїе европейскихъ народовъ въ нашу пользу; это одно уже обезкрылило отвагу англичанъ противъ насъ. Да, вы были первою державой, заключившей послѣ нашей славной революціи оборонительный союзъ и торговый договоръ съ новымъ свободнымъ государствомъ. Въ числѣ же нашихъ соратниковъ мы увидали вашихъ лучшихъ и благороднѣйшихъ сыновъ. Не вы ли послали къ намъ Рошамбо и прекраснаго юношу-героя Лафайетта на помощь для завоеванія пальмы свободы? Итакъ, мы должны быть благодарны вамъ, дорогіе французы. А чѣмъ можемъ мы лучше доказать вамъ нашу благодарность, какъ не тѣмъ, что вползаемъ съ нашею американскою свободою въ ваше тѣло и душу и во всѣ члены ваши вдуваемъ воздухъ свободы. Да, мужи Франціи, вы уже заражаетесь Америкой, и скоро ею заразится все человѣчество. Слушайте, что вамъ говорить старый Франклинъ, настанетъ новое время! *Ça ira, ça ira!*

— Да, *ça ira!*—воскликнулъ графъ Мирабо, стремительно поднявшійся и подошедшій къ Франклину, оживленно жестикулируя.— Оно пойдетъ, потому что придетъ! Америка говоритъ намъ: *ça ira!* и это ваше любимое слово, благородный Франклинъ, которое мы принимаемъ отъ васъ какъ полный значенія кличъ, прогремитъ когда нибудь и при французской свободѣ въ массахъ нашего народа. Мы хорошо знаемъ, чѣмъ мы обязаны вамъ, ибо мы знаемъ тоже, чѣмъ однажды будетъ Франція обязана себѣ самой. Въ Америкѣ уже прозвонилъ колоколъ свободы, но Франція, внимая этому отдаленному чудному звону, должна думать лишь о себѣ, чтобы воспрянуть отъ сна рабства. Да, это былъ долгій, тяжелый сонъ—рабство Франціи подъ властью королей, но вѣдь рабство и есть настоящая школа свободы, а Парижъ, безъ сомнѣнїя, главное мѣсто пребыванія этой школы нашего времени. Въ Америкѣ большой, полный будущности народъ поднялся и всталъ своими собственными гражданскими силами, и мы смотримъ на него пока съ завистью и удивленіемъ. Но во Франціи, въ Парижѣ, философія давно уже стала учительницей свободы и начала вооруженіемъ умовъ для того, чтобы распилить оковы рабства на ногахъ человѣчества. О, я еще помню то громадное впечатлѣнїе, съ которымъ ворвалась въ мою мрачную темницу вѣсть о вашей борьбѣ за независимость, славные американцы! Мнѣ казалось, что при этомъ извѣстїи весь Венсенскій замокъ, въ которомъ я сидѣлъ тогда, разверзается надъ моей головой и расходитя потокомъ свѣта и огня. Представьте себѣ только бѣднаго заключеннаго, какимъ я былъ уже цѣлые годы, въ тюрьмѣ по волѣ тирана отца, обращавшагося со своими дѣтьми и родственниками, какъ съ рабами. И въ такомъ-то несказанномъ бѣдствїи услышать о цѣломъ народѣ, разбившемъ свои оковы! Вы

можете себѣ представить, сколько счастья, а вмѣстѣ и страданія обуюло меня при этой вѣсти. Я думалъ, что не выдержу уже больше въ моихъ сырыхъ тюремныхъ стѣнахъ. Представивъ себѣ прелесть быть солдатомъ въ борьбѣ, въ которой новый мѣръ хочетъ сбросить иго стараго, я написалъ къ графу Морепа, прося о позволеніи уѣхать въ Америку и вступить въ ряды войскъ. Я готовъ былъ всего охотнѣе умереть тамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, именемъ общества, просилъ положить примиряющее разстояніе океана между неестественно разгнѣваннымъ отцомъ и его сыномъ. Но мои жалобы и просьбы не были услышаны, какъ столько другихъ, и я остался одинъ въ своей тюрьмѣ. Тогда-то, въ тоскливыя ночи, я принялъ рѣшеніе, которое будетъ властвовать мною всю мою жизнь. Я задумалъ бороться когда нибудь для Франціи такъ, какъ я хотѣлъ бороться для Америки. Я думалъ о Монтескьѣ, о Вольтерѣ, Мабли, Руссо, принесшихъ намъ свѣтъ, и далъ себѣ слово подвинуть французовъ къ окончательному осуществленію дѣла этихъ великихъ умовъ ¹⁾. При послѣднихъ словахъ Франклинъ поднялся съ кресла и, опираясь на палку, которой никогда не выпускалъ изъ руки, стоялъ, внимательно и задумчиво прислушиваясь. Когда Мирабо кончилъ, онъ долго смотрѣлъ на него серіознымъ, пронизывающимъ взглядомъ и, казалось, изучалъ его наружность въ мельчайшихъ подробностяхъ. Могучее чело Мирабо пылало еще отъ мыслей, только что съ такимъ страстнымъ возбужденіемъ высказанныхъ имъ, а въ волосахъ, развѣвавшихся на его головѣ, точно грива, казалось, искры трещали.

Франклинъ, какъ бы въ знакъ уваженія, которое онъ не считалъ болѣе нужнымъ сдерживать, дотронулся до своей черной шапочки и сердечно проговорилъ:—Молодой человекъ, вы мнѣ чрезвычайно нравитесь, и мнѣ хотѣлось бы отъ всего сердца объясниться вамъ въ любви. Если все меня не обманываетъ, вы будете мужемъ дѣйствія идей этого вѣка, и юная американская свобода черезъ васъ зацвѣтетъ во Франціи. Мы сами себя не возвеличиваемъ, ибо думаемъ, что эта едва народившаяся свобода есть виноградный сокъ народовъ, который начнетъ бродить лишь въ васъ, французахъ, и вы уже получите настоящее вино будущаго. Но американцы пролили свою кровь за свободу и независимость, а кровь всегда великій примѣръ и благословеніе, утоляющее всеобщую жажду сердецъ и дающее созрѣвать всякимъ рѣшеніямъ. То, что я при этомъ сдѣлалъ, было незначительно. Иныхъ моихъ заслугъ нѣтъ, кромѣ той, что я находилъ всего лучше образовать общество изъ любви, братства и труда, а также изъ основанной на этомъ гармоніи частнаго съ цѣлымъ. Если за такой образъ мыслей мои соотечественники

¹⁾ Montigny: Mémoires sur Mirabeau, II, 267. Peuchet: Mémoires sur Mirabeau, II, 295. Cadet de Gassicourt: Essai sur la vie de Mirabeau (Oeuvres de Mirabeau, VI, XXII).

«Истор. вѣстн.», февраль, 1899 г., т. LXXV.

такъ щедро вознаграждаютъ меня, облакая бѣднаго типографщика важными порученіями и должностями въ государствѣ, то этимъ я обязанъ тому блеску, въ которомъ является каждый, вѣрно понимающій настоящую основу своего времени. Но, когда я вижу такія дарованія, какъ тѣ, что украшаютъ васъ, графъ Мирабо, и сіяютъ на челѣ столькихъ выдающихся людей этого круга, то думаю, что движеніе во Франціи, какъ только пробьетъ часъ его, будетъ блестящимъ празднествомъ всего человѣчества!

— Слушайте! слушайте!—воскликнулъ Шамфоръ громкимъ и звучнымъ, какъ труба, голосомъ.—Великій американецъ говоритъ такъ, что душа радуется; и, дѣйствительно, человѣкъ, который изобрѣлъ громоотводъ и электрическаго дракона и старался объяснить сѣверное сіяніе, есть именно тотъ человѣкъ, который заставитъ излиться громадную электрическую силу Франціи. Мы тоже въ послѣднее время производили нѣкоторые физическіе и химическіе опыты, потому что, когда думаешь объ обновленіи цѣлой націи и основаніи царства свободы, то прежде всего раскрываешь передъ собой книгу природы и стараешься разгадать, по ея законамъ, сущность каждой вещи, какъ она существуетъ сама въ себѣ, живетъ, радуется и наслаждается. Но, когда мы впервые услышали про васъ, отецъ Франклинъ, что вы изобрѣли электрическаго дракона, то не помнили себя отъ радости, думая, что найдена, наконецъ, настоящая машина нашего времени. Какъ только вы пустили вашего дракона вверхъ, чтобы стащить съ самыхъ облаковъ электрическую силу, такъ мы, французы, открыли, что и въ нашей собственной національной силѣ имѣется такой электрическій драконъ; его мы скоро должны будемъ пустить вверхъ для изслѣдованія воздуха въ нашихъ высшихъ слояхъ и, при помощи этого проводника, получить то, что принадлежитъ націи. Вы видите, мы признаемъ васъ нашимъ учителемъ, и мой другъ Мирабо, этотъ гордый французъ, одинъ изъ первыхъ пустилъ во Франціи такого дракона вверхъ, а именно свое дивное сочиненіе «О деспотизмѣ». Не доказалъ ли онъ имъ ту массу электричества въ надвигающейся на Францію бурѣ, которая скоро разразится надъ нашей головой?

Въ эту минуту слуга доложилъ о прибытіи господина Этьенна Монгольфье. При провознесеніи этого имени всѣ зашевелились, вспомнивъ о новости дня, подтвержденной прибывшими изъ Парижа гостями.

Тѣмъ временемъ, вошелъ Монгольфье, уже лично знакомый съ большинствомъ присутствующихъ, и былъ любезно встрѣченъ хозяйкой. Это былъ еще довольно молодой человѣкъ, не болѣе тридцати лѣтъ, интересное, блѣдное лицо котораго носило слѣды громадныхъ усилій и борьбы, потраченныхъ имъ на достиженіе нынѣ увѣнчаннаго такимъ удивительнымъ успѣхомъ дѣла. Въ то же время, своей необычайной простотой онъ производилъ самое пріятное впе-

чатлѣніе скромности и застѣнчивости, выражавшейся еще тѣмъ, что онъ отклонялъ отъ себя честь изобрѣтенія воздушнаго шара, приписывая его, главнымъ образомъ, своему брату Иосифу, съ которымъ производилъ сообща всѣ работы. Между тѣмъ было извѣстно, что идея новаго изобрѣтенія впервые явилась у Этьенна, на него же выпала задача демонстрировать новый снарядъ въ Парижѣ и Версали и произвести окончательныя испытанія его силы.

Монгольфье, окруженный съ видимымъ интересомъ всѣми присутствующими, подтвердилъ, въ отвѣтъ на ихъ вопросы, что сегодня, въ Огійлѣ, онъ долженъ вновь пустить свой шаръ въ присутствіи всего двора. Приглашая все общество на это зрѣлище, онъ просилъ воспользоваться предоставляемой имъ трибуной и прибавилъ, что придаетъ этому посѣщенію тѣмъ большее значеніе, что въ его шарѣ сдѣланы нѣкоторыя усовершенствованія, которыя ему пріятно было бы подвергнуть суду такихъ знаменитыхъ и свѣдущихъ людей.

— Конечно, — произнесла г-жа Гельвеціусъ нерѣшительно, — время нашего обѣда еще не наступило, и я ничего не имѣю противъ того, чтобы, съ согласія моихъ гостей, вы увели ихъ на время; думаю, однако, что ваше представленіе не затянется слишкомъ долго; иначе я протестую, не желая испортить весь мой обѣдъ, тѣмъ болѣе, что есть необыкновенныя новинки для сегодняшняго стола, въ особенности, американская ветчина, присланная мнѣ генераломъ Лафайеттомъ, имъ же полученная прямехонько съ фермы генерала Вашингтона. Вы понимаете, что такую ветчину хочется подать въ наилучшемъ видѣ. Нашъ милѣйшій другъ, маркизъ Лафайеттъ, тоже прибудетъ къ обѣду. Иду еще Дидеро, который, къ сожалѣнію, хотя и прихварываетъ послѣднее время, однако, общалъ пріѣхать. Какъ видите, мнѣ самой необходимо остаться для ихъ встрѣчи.

Монгольфье казался удовлетвореннымъ, однако, видно было, что онъ имѣетъ на сердцѣ еще что-то, чего не рѣшается высказать. Наконецъ, заявилъ, что ему бы очень хотѣлось имѣть съ собою сегодня, при полетѣ, нѣсколько птицъ и домашнихъ животныхъ, и обратился къ г-жѣ Гельвеціусъ съ просьбой одолжить ему для этой цѣли нѣкоторыхъ изъ обитателей ея двора. Онъ общалъ, что ни малѣйшаго вреда животнымъ причинено не будетъ, какъ это уже было доказано при послѣднемъ опытѣ съ ними, окончившемся вполне благополучно, и который, по желанію герцога Шартрскаго, намѣревающагося тоже подняться сегодня въ шарѣ, долженъ быть повторенъ. Герцогъ, отнесшійся съ особымъ интересомъ къ новому изобрѣтенію, поставилъ условіемъ нахожденіе въ шарѣ разныхъ животныхъ для наблюденія надъ ними дѣйствій атмосферы. Вотъ почему Монгольфье хотѣлось бы имѣть такіе замѣчательные экземпляры, какіе можно видѣть только у г-жи Гельвеціусъ.

Послѣдняя, съ улыбкой покачавъ головой, съ жаромъ произнесла:

— Нѣтъ, нѣтъ, любезный Монгольфье, изъ моихъ животныхъ, приросшихъ мнѣ къ сердцу, я ни одного не могу вамъ дать. Я никогда бы не простила ни вамъ, ни себѣ, если бы даже самая плохенькая изъ моихъ тварей свернула себѣ при этомъ шею. Изъ моихъ птицъ не могу вамъ дать даже самой ничтожной синички, потому что въ эту минуту все летаетъ на свободѣ. Цѣлый день мой птичникъ открытъ и все, что хочетъ летать, летаетъ по полямъ и садамъ; лишь съ наступленіемъ ночи вѣрныя и точныя маленькія твари прилетаютъ обратно. Это моя семья; каждую въ ней птичку я знаю и люблю и ни одной не могу дать герцогу Шартрскому для его опытовъ. Посмотрите тамъ на дворѣ, вся клѣтка пустая!

Живо, почти съ гнѣвомъ, овладѣвшимъ ею, г-жа Гельвеціусъ открыла при этомъ окно, выходившее на дворъ, и всѣ увидали большой великолѣпный птичникъ, башенка и всѣ проволочныя окна котораго были со всѣхъ сторонъ открыты.

Монгольфье замолчалъ, покраснѣвъ и наклонивъ голову въ знакъ того, что въ такомъ случаѣ онъ беретъ свою просьбу назадъ. Но графъ Мирабо подошелъ къ нему и, дружески потрепавъ его по плечу, съ покровительственнымъ видомъ сказалъ:

— Не могу ли я вывести васъ изъ затрудненія, господинъ Монгольфье? Г-жа Гельвеціусъ обладаетъ слишкомъ чувствительнымъ сердцемъ по отношенію къ своимъ животнымъ, боясь, вѣроятно, для нихъ нравственной и физической заразы отъ общества герцога Шартрскаго, хотя бы въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Но у меня есть собака, зовутъ ее «миссъ Сара»; хотя я къ ней питаю давно уже большую слабость, однако съ нѣкоторыхъ поръ она раздражаетъ меня своими проказами, и я радъ буду ее проучить; лучшаго же наказанія не придумаю, какъ помѣстить ее въ обществѣ такого принца, какъ герцогъ Шартрскій. Мнѣ любопытно также видѣть, какое вліяніе окажетъ на мою собаку не высокая воздушная атмосфера, а такая близость высоко-привилегированнаго господина. Она здѣсь на дворѣ, къ вашимъ услугамъ, господинъ Монгольфье, и, кстати сказать, чрезвычайно красива. Итакъ, я приведу вамъ миссъ Сару.

Слова эти, повидимому, очень понравились обществу, что выразилось сначала тихимъ перешептываніемъ, а потомъ громкимъ смѣхомъ. Монгольфье же успѣшилъ поблагодарить графа.

— Я все-таки осмѣлюсь обратиться съ просьбой къ госпожѣ Гельвеціусъ! — воскликнулъ весело Шамфоръ. — Не слѣдуетъ ли изъ отѣйльской виллы философовъ сдѣлать маленькое добавленіе къ обществу герцога Шартрскаго? Я бы предложилъ для этого злую черную кошку, недавно еще исцарапанную прелестныя ручки нашей дорогой хозяйки. Происхожденіе кошки, какъ

извѣстно, относится ко времени великаго Гельвеціуса, вашего мужа, любившаго ее и подъ письменнымъ столомъ котораго она всегда сидѣла въ то время, когда онъ писалъ свои философскія сочиненія. Герой матеріализма клалъ при этомъ часто ноги на электрическую спину этой кошки, такъ что его сильное ученіе основывалось, въ извѣстной степени, на испускающей искры кошачьей шерсти. Черезъ это кошка Тамтамъ сдѣлалась, конечно, всемірно-исторической кошкой, но если отсюда она извлекаетъ право царапать и кусать своихъ старыхъ друзей, то за это она будетъ теперь слегка наказана. Къ тому же, для насъ будетъ величайшимъ удовольствіемъ эту знаменитую кошку Гельвеціуса, въ которой, безъ сомнѣнія, сидитъ одинъ изъ родоначальниковъ чертей, пустить на воздухъ вмѣстѣ съ милѣйшимъ герцогомъ Шартрскимъ. Она, которая видѣла зарожденіе, а, быть можетъ, помогала и созданію новой системы вѣка, была бы самымъ интереснымъ *vis-à-vis* для принца, представляющаго собою поразительную вершину грѣха стараго, отвергнутаго нами времени.

— Весьма хитроумно и парадоксально, какъ всегда, но и не дурно, какъ всегда!—возразила госпожа Гельвеціусъ.—Съ моей стороны, съ удовольствіемъ предоставляю Тамтамъ къ вашимъ услугамъ, господинъ Монгольфье. Сейчасъ я прикажу позвать вамъ черную спутницу.

Въ эту минуту раздался легкій скрипъ выходящей въ садъ двери, въ щель которой просунулась большая черная кошка. Всѣ были поражены ея появленіемъ въ эту минуту, въ томъ числѣ и сама госпожа Гельвеціусъ.

Кошка усѣлась, какъ бы прося защиты, къ ногамъ своей госпожи, крѣпко прижимаясь къ ея платью и патетически мурлыкая.

— Поди прочь, Тамтамъ!—прикрикнула госпожа Гельвеціусъ.—Ты опять стала несносной, надѣясь все на свое прошлое.

Комната вдругъ наполнилась еще множествомъ животныхъ, просунувшихся въ пріотворенную дверь. Тутъ были не только болѣе крупные обитатели виллы,—даже коза, остановившаяся при входѣ,—но влетѣла и цѣлая стая птицъ, возвратившихся, какъ видно, домой ранѣе обыкновеннаго и съ безпокойствомъ искавшихъ свою госпожу, не встрѣтившую ихъ, какъ всегда, у птичника съ зернами и ласковыми словами.

Госпожа Гельвеціусъ была совсѣмъ поражена непонятнымъ поведеніемъ своихъ любимцевъ.

— Это что нибудь значить, что вы такъ рано прилетѣли домой!—сказала она, отгоняя отъ себя безцеремонныхъ чижиговъ.—Обыкновенно вы, сорванцы, пропадаете почти до захода солнца. А теперь, вдругъ, мѣшаете мнѣ съ моими гостями. Чего вы хотите? Не испугались ли вы тамъ чего нибудь необыкновеннаго?

Въ ту же минуту послѣдовалъ отвѣтъ на послѣдній вопросъ

раздавшимся вдали и все приближавшимся грохотомъ, подобнымъ грому.

— Это придворные экипажи, въѣхавшіе сейчасъ въ Отёйль! — сказалъ Шамфоръ, подходя со смѣхомъ къ окну. — Рай животныхъ нашего друга, въ которомъ она царить, какъ ангелъ, почуялъ по близости версальскую змѣю и въ ужасѣ разсѣлся. И дѣйствительно, вѣдь это адскій шумъ: весь дворъ со свитой, десять, двѣнадцать экипажей, а рядомъ и сзади цѣлый сонмъ блестящихъ всадниковъ, вельможъ и слугъ! Въ тихомъ Отёйлѣ никогда не видѣли и не слышали двора; удивительно ли, что испуганные маленькіе звѣри поспѣшили домой?

Монгольфье откланялся, чтобы, съ прибытіемъ двора, закончить къ назначенному часу приготовленія къ подъему шара. При его уходѣ ему было повторено, что животныя будутъ во-время на мѣстѣ.

Все общество тоже стало собираться, причемъ было условлено, что госпожа Гельвеціусъ прибудетъ позже вмѣстѣ съ ожидаемыми еще гостями.

II.

Собака Мирабо и кошка Гельвеціуса.

На большой, просторной площади, расположенной посерединѣ Отёйля, были устроены трибуны для двора и публики, собравшихся на третій опытъ Монгольфье.

Еще до прибытія двора, предназначенныя для большой публики трибуны наполнились зрителями, прибывшими изъ Парижа и его окрестностей, и вся эта пестрая, скученная толпа выражала сильнѣйшее нетерпѣливое ожиданіе, подчасъ даже рѣзкими, беспощадными замѣчаніями на счетъ герцога Шартрскаго, намѣреніе котораго подняться сегодня на воздушномъ шарѣ было уже всѣмъ извѣстно ¹⁾.

Общество изъ виллы госпожи Гельвеціусъ заняло предназначенныя ему мѣста, когда уже весь дворъ находился въ устроенныхъ для него ложахъ, богато разукрашенныхъ бархатомъ и золотомъ.

Въ средней ложѣ сидѣли король и королева, а съ ними рядомъ любимица королевы, герцогиня де-Ламбаль, недавно назначенная гофмейстериней Маріи-Антуанетты.

Въ двухъ другихъ ложахъ, справа и слѣва, помѣстились братья короля, Monsieur, графъ Прованскій и графъ д'Артуа со своими супругами и придворнымъ штатомъ. Въ третьей ложѣ можно было видѣть герцога Людовика-Филиппа Орлеанскаго, отца герцога Шартрскаго, а рядомъ съ нимъ прекрасную госпожу де-Монтессонъ, съ которой Людовикъ-Филиппъ былъ недавно тайно обвинчанъ.

¹⁾ См. Soulavie: Mémoires du règne de Louis XVI, т. II, 109.

Между придворными сановниками былъ новый министръ финансовъ Калоннъ, призванный лишь въ прошломъ году на трудную помощь все болѣе и болѣе распатывающимся финансамъ Франціи.

При появленіи двора, сейчасъ же на всѣхъ трибунахъ водворилась глубочайшая тишина, имѣвшая характеръ не только равнодушія, но и чего-то тяжелого и непріязненнаго.

Прошло время, когда молодой король, при появленіи въ публикѣ, привѣтствовался ликующими возгласами народа, такими, какими былъ встрѣченъ десять лѣтъ тому назадъ, при восшествіи на престолъ. Въ то время, когда Франція, по смерти порочнаго и преступнаго Людовика XV-го, вздохнула свободно, къ нему полетѣло навстрѣчу радостное прозвище «желаннаго» (le Désiré). Но девятнадцатилѣтняго короля названіе это не удовлетворило. Онъ захотѣлъ своими дѣлами заслужить названіе благодѣтеля народа. Съ этихъ поръ, гдѣ бы и какъ Людовикъ XVI ни появлялся, народъ былъ нѣмъ, мраченъ и полонъ недовѣрія.

Но сегодняшняя тишина при появленіи двора была болѣе зловѣща, чѣмъ обыкновенно, тою противоположностью, въ которую публика впала при появленіи Франклина. Едва онъ подошелъ къ периламъ ложи, чтобы занять свое мѣсто, какъ все бурно поднялось, и безконечные клики «да здравствуетъ Франклинъ!» сопровождаемые маханіемъ дамскихъ платковъ, пронеслись по всему пространству.

Франклинъ съ побѣждающей сердца улыбкой передвигалъ свою черную шапочку, желая этимъ выразить благодарность. Затѣмъ, усѣлся между Мирабо и Кондорсэ, подъ руку съ которыми вошелъ, и, скрестивъ руки на своей палкѣ, съ задумчивымъ и озабоченнымъ видомъ смотрѣлъ на находившіяся напротивъ него ложи двора. Позади нихъ, во второмъ ряду, усѣлись Шамфоръ и Кабанисъ.

Публика казалась чрезвычайно заинтересованной обществомъ, находившимся вмѣстѣ съ Франклиномъ; въ особенности Мирабо и Кондорсэ были предметомъ всеобщаго вниманія. Было извѣстно то участіе, которое они принимали въ составленіи обсуждавшейся въ Парижѣ конституціи для освободившихся американцевъ; идеи же свободы, равенства и правъ человѣка впервые стали обращаться нераздѣльно съ именами Франклина, Кондорсэ и Мирабо¹⁾.

Тѣнь пробѣжала по лицу короля при этомъ новомъ публичномъ заявленіи благоговѣнія французскаго народа передъ Франклиномъ. Его благородныя черты, выразившія глубокую честность и добросовѣстность, имѣли всегда нѣсколько меланхолическій видъ; но въ минуты, когда онъ бывалъ разстроенъ, вся его фигура принимала какое-то жалкое выраженіе, что при свойственной ему нѣкоторой небрежности въ туалетѣ, особенно куафюры, бросалось всѣмъ въ глаза.

¹⁾ Mémoires de M-me Campan, I, 236.

Въ то время, какъ король Людовикъ XVI, глядя на публику, впалъ въ мрачную задумчивость, королева Марія-Антуанетта, съ тѣмъ большею гордостью и увѣренностью въ побѣдѣ, подняла свою прекрасную голову. Блуждая явно насмѣшливымъ взглядомъ по публикѣ, она, гордо откинувшись назадъ, смотрѣла на нее отчасти съ пренебреженіемъ, отчасти съ состраданіемъ.

Энтузіазмъ французовъ при видѣ Франклина былъ не только лично противенъ королевѣ, но въ немъ она видѣла съ гораздо большею прозорливостью, чѣмъ Людовикъ XVI, желаніе народа чествовать въ лицѣ стараго американца представителя республики, дѣлая, такимъ образомъ, оскорбительную манифестацію для монархіи и трона. Марія-Антуанетта была слишкомъ горда и честна, чтобы скрывать свое истинное мнѣніе или хотя бы одну минуту прикрывать его, въ глазахъ толпы, видомъ примирительнаго снисхожденія. Этимъ она уже повсюду размножила число своихъ враговъ и вызвала къ себѣ нерасположеніе, съ каждымъ днемъ увеличивавшееся изъ-за ея веселости, насмѣшекъ и откровенно выражаемаго противорѣчія всему, что для нея было непріятно или неудобно.

И теперь ясное, полное гармоніи выраженіе ея прекраснаго лица, ея веселось и увѣренность въ себѣ показывали, что Марія-Антуанетта не ощущала ни малѣйшаго смущенія и не считала себя вовсе въ дурныхъ отношеніяхъ съ публикой и народомъ. Ея поразительно правильныя черты сіяли прелестью увѣренности въ своей молодости и силѣ, прелестью, которая, при желаніи съ ея стороны, ощущалась и другими.

Но въ эту минуту было видно, что непріязненная публика все не расположена восхищаться королевой, то-есть отдавать честь ея дѣйствительно чарующей красотѣ. Королевѣ шелъ двадцать девятый годъ, казалась же она еще гораздо моложе, благодаря въ особенности удивительной бѣлизнѣ и нѣжности кожи, яркому цвѣту лица и чуднымъ бѣлокурымъ волосамъ. Эта непріязнь, возникшая въ публикѣ уже давно противъ Маріи-Антуанетты, казалось, была столь же слѣпою къ прелести ея рѣдкой красоты, какъ и благодарною за всѣ ея благодѣянія и усилія смягчить народныя страданія. Привыкли видѣть въ ней врага націи,—что бы она ни дѣлала и что бы ни предпринимала,—и каждый ея поступокъ влекъ за собою цѣлый рядъ клеветъ и полныхъ ненависти остротъ и пѣсенъ, затемнявшихъ собою всякое иное о ней представленіе.

И теперь ропотъ неудовольствія сталъ быстро распространяться въ толпѣ при видѣ королевы, продолжающей нѣсколько вызывающимъ образомъ смотрѣть на нее. Марія-Антуанетта тотчасъ же почувствовала это недружелюбное къ ней настроеніе, но только шутила надъ нимъ, смѣялась и даже, выпрямляя свой стройный станъ, перегибалась къ г-жѣ де-Ламбаль и, вопреки этикету, шептала ей на ухо, вѣроятно, очень забавныя вещи.

— Опять мы очутились въ замѣчательномъ положеніи! — сказалъ Шамфоръ, сидѣвшій позади Мирабо, трогая послѣдняго по плечу, чтобъ привлечь его вниманіе. — Королева и здѣсь развлекается сама собой, въ чемъ она такъ сильна. Ночныя прогулки на террасѣ давно уже прекратились: цѣлый потокъ сатирическихъ куплетовъ унесъ съ собой это невинное удовольствіе, а теперь веселая королева забавляется публикой и лицами добрыхъ французовъ. Посмотрите только, какъ въ эту минуту орлиный носъ красивой женщины, — по-моему, съ черезчуръ загнутымъ кончикомъ, — выражаетъ самую тонкую и ѣдкую насмѣшку, а толстая, отвисшая австрійская губа, ручаюсь въ этомъ, произноситъ какъ разъ какое нибудь *bon mot*, очень забавное, но и очень колкое.

— Противъ всего можете говорить, только не противъ красоты королевы! — возразилъ Мирабо, погрузившійся весь, глазами и мыслью, въ созерцаніе Маріи-Антуанетты. — Я себя считаю въ извѣстной степени знатокомъ, но чего либо болѣе совершеннаго и прекраснаго, какъ этотъ чудесный овалъ лица, я никогда не видалъ. По мнѣ, она немного худа, но и въ этомъ есть своя прелесть и неизъяснимая грація. Чудное сложеніе всей фигуры безукоризненно такъ, какъ едва ли когда либо еще выходило изъ рукъ творенія. Въ движеніи каждаго ея члена сіяетъ и такъ непринужденно и сильно вырывается наружу та истинная молодость, ничего не вѣдающая о королевской власти и привилегіяхъ сословія! Я полагаю, Шамфоръ, что этотъ ангелоподобный обликъ слѣдовало бы намъ перенести и въ наше новое время.

— Ради Бога, что намъ думать о вашихъ словахъ, графъ Мирабо? — засмѣялся Шамфоръ. — Вы, кажется, на пути къ тому, чтобы влюбиться въ королеву, и тогда прощай наше новое время, ожидающее васъ, какъ своего вождя. А сидящей рядомъ съ королевой герцогиней де-Ламбаль вы развѣ уже больше не интересуетесь? Развѣ она тоже не красива и не блондинка? и не гордились ли вы еще недавно тѣмъ, что были ея счастливымъ тайнымъ другомъ, имѣвшимъ право хвалиться приключеніями самаго нѣжнаго свойства съ принцессой крови.

— Вамъ извѣстенъ мой взглядъ на женщинъ, Шамфоръ, — возразилъ Мирабо, бросивъ долгій, горячій взглядъ на герцогиню де-Ламбаль. — Я знаю, что на этотъ счетъ мы съ вами никогда не сойдемся. Вы, хотя и величайшій сатирикъ нашего времени, смотрите на женщинъ, какъ на высшее откровеніе генія, и думаете, что можно заключить съ юбкой союзъ на жизнь и смерть. Мой взглядъ на нихъ гораздо яснѣе. Женщина — это теплый день цвѣтенія, которымъ надо пользоваться сегодня, потому что въ завтрашнемъ днѣ увѣреннымъ быть нельзя. Каждый цвѣтъ — дѣло дня и ночи, другъ мой, и лишь сегодня онъ столь прекрасенъ для насъ. Завтра солнечный свѣтъ или дурная погода могутъ повредить ему,

и если онъ и не вполнѣ завянетъ или осыплется, то все-таки можетъ показаться намъ совсѣмъ инымъ, чуждымъ. Вотъ тебѣ исторія моихъ отношеній къ герцогинѣ де-Ламбаль.

— Ну, немножко больше, чѣмъ день и ночь, продолжалось-то оно между вами,—замѣтилъ Шамфоръ.—Она, вѣдь, благоволила къ тебѣ, когда ты еще сидѣлъ въ Венсенскомъ замкѣ; ей же благодаря, ты могъ тайкомъ пробираться иногда въ Парижъ и пользоваться этимъ для свиданій съ прекрасною принцессой¹⁾. Но она дѣйствительно прекрасна, въ особенности своимъ чуднымъ, кроткимъ выраженіемъ лица и, пожалуй, еще больше своимъ несчастіемъ, которое придало всему ея существу эту нѣжность и грусть. Ибо я смотрю, какъ на величайшее несчастіе, могущее постигнуть благородное чистое созданіе,—имѣть мужемъ принца изъ дома Бурбоновъ.

— Она была скована съ этимъ де-Ламбаль только пятнадцать мѣсяцевъ,—замѣтилъ Мирабо.—Уединенное ея чувство въ этомъ омерзительномъ супружествѣ было здоровое отвращеніе, охранившее ея дѣйствительно драгоценныя природныя качества. Она видѣла подлѣ себя принца, который, невзирая на то, что ему было только двадцать лѣтъ, былъ совершенно съѣденъ всевозможными болѣзнями. Часто говорила она мнѣ, что у смертнаго одра этого свѣтлѣйшаго мерзавца она пожелала быть простою дочерью народа и никогда не знать зараженного дыханія французскаго двора.

— А-а,—смѣясь воскликнулъ Шамфоръ,—вы хотите мнѣ этимъ дать понять, какъ мастерски вы умѣете демократизировать даже принцессъ крови, и какъ мы поэтому можемъ спокойно поручать вамъ всегда такого рода отношенія. Конечно, Франція во всемъ полагается на валли дарованія, графъ Мирабо! Однако, смотрите, тамъ внизу показался герцогъ Шартрскій и разговариваетъ съ Монгольфье, вѣроятно, насчетъ безопасности шара, который, надо надѣяться, начнетъ когда нибудь свое воздушное путешествіе. Да, да, это не шутка, королевскаго принца отправлять въ облака; если даже у него нѣтъ недостатка въ храбрости, то нужно все-таки предвидѣть все въ обезпеченіе драгоценной жизни.

— Это крайне интересный чудакъ, этотъ герцогъ Шартрскій,—началъ Мирабо.—Еслибъ онъ не былъ такъ глупъ, онъ могъ бы быть настоящимъ преступникомъ, но его мерзкія дѣла все еще перемѣшиваются съ его дурачествами, и, признаюсь, для меня фигура его представляется только комической.

— Быть можетъ, скоро онъ станетъ трагической фигурой,—прибавилъ тихо Шамфоръ.—Начало къ этому имъ уже положено той роковой ролью, какую онъ разыгралъ въ качествѣ зятя герцога де-Ламбаль. Онъ не только развращалъ его всѣми способами, но и

¹⁾ Cadet de-Gassicourt: Essai sur la vie de Mirabeau. (Oeuvres de Mirabeau, т. VI, стр. XVIII).

окончательно губилъ его здоровье, опаивая вредными, одуряющими напитками. Еслибъ де-Ламбаль не былъ единственнымъ сыномъ и наслѣдникомъ богатаго герцога Пентьеврскаго, то, быть можетъ, герцогъ Шартрскій не избралъ бы его жертвой своихъ сатанинскихъ скоморошествъ. А тутъ онъ захотѣлъ перетѣщить себѣ часть громаднаго состоянія, которое должно было однажды достаться де-Ламбалу. Имѣла ли эта роль характеръ комической или трагической, другъ Мирабо?

— Я все же остаюсь притомъ, — возразилъ Мирабо, — что и здѣсь мое впечатлѣніе было комическое. Еслибъ герцогъ оргія, господинъ Шартръ, не развратилъ принца де-Ламбаль и не сдѣлалъ изъ него омерзительнаго экземпляра нравовъ нашего двора, принцесса, быть можетъ, полюбила бы своего молодого мужа, и они до сихъ поръ жили бы въ супружеской идилліи, какъ два голубка. Я не встрѣтилъ бы тогда въ Венсеннѣ прекрасную бѣлокурую принцессу, гдѣ она очутилась случайно во время моей прогулки по крѣпостному валу; не былъ бы ей представленъ сопровождавшимъ ее, моимъ старымъ пріятелемъ, графомъ д'Антрэгъ, а она не заинтересовалась бы съ любовью участіемъ моей особы. Эти «быть можетъ», Шамфоръ, и представляютъ собою настоящую комедію жизни, и вы видите, господинъ философъ, что множествомъ изъ нихъ я обязанъ злобѣ герцога Шартрскаго.

— Такъ что вы еще должны поблагодарить его, — замѣтилъ Шамфоръ, смѣясь. — Но смотрите, вотъ онъ опять выступаетъ и гонитъ бѣднаго Монгольфе, чтобъ тотъ кончалъ, наконецъ, приготовленія къ отъѣзду. Отъ нетерпѣнія поскорѣе отличиться онъ испытываетъ зудъ во всѣхъ своихъ свѣтлѣйшихъ членахъ. Одѣлся онъ совсѣмъ поанглійски къ этому представленію. Впрочемъ, онъ вѣдь сталъ теперь во главѣ парижскихъ англомановъ, чѣмъ играетъ въ оппозицію съ остальнымъ дворомъ.

— Что вы думаете объ этомъ англійскомъ костюмѣ, графъ Мирабо? Не правда ли, какой живописный видъ представляетъ собою этотъ породистый индивидуумъ въ ярко-красномъ фракѣ съ ласточкинымъ хвостомъ и большими позолоченными пуговицами, въ красивомъ кисейномъ жилетѣ, черныхъ шелковыхъ панталонахъ и въ полосатыхъ, голубыхъ съ бѣлымъ, чулкахъ! Въ рукѣ онъ нѣжно держитъ тросточку, поигрывая ею, совсѣмъ такъ, какъ мой слуга выколачиваетъ мнѣ каждое утро платье.

— Я радъ, что сегодня герцогъ Шартрскій вообще что нибудь имѣетъ на себѣ, — замѣтилъ графъ Мирабо. — Не такъ давно еще, какъ онъ, желая выиграть пари, проѣхался верхомъ изъ Версаля въ свой Пале-ройяль въ томъ видѣ, какъ создала его мать-природа, или, вѣрнѣе, какъ его создалъ грѣхъ. Относительно же его англоманіи, кажется, дворъ Версальскій давно уже успокоился. Они увѣрены, что, кромѣ фрака и скаковыхъ лошадей, онъ ничего оттуда

не выпишетъ. То, что онъ не войдетъ во вкусъ англійскаго парламента, онъ уже ясно доказалъ своею ребяческою ненавистью къ нашему невинному французскому парламенту. Лишь бы только подняли его, наконецъ, повыше на воздухъ, чтобы мы могли уже отправиться обѣдать.

Въ эту минуту вниманіе ихъ было обращено на оставшуюся до сихъ поръ пустою ложу рядомъ съ ними и наискось противъ королевской трибуны. Взоры всей публики разомъ обратились на вошедшихъ, и невѣроятное ликованіе съ безконечными громкими рукоплесканіями и возгласами одобренія пронеслось по всей толпѣ.

Это былъ генераль Лафайеттъ, появленіе котораго вызвало такой же энтузіазмъ, какъ и появленіе Франклина.

Молодой генераль, сдѣлавшійся со времени своего возвращенія изъ Америки явнымъ любимцемъ данной минуты, принималъ выражаемый ему восторгъ едва замѣтнымъ, какъ бы отъ себя его отклоняющимъ наклоненіемъ головы. Онъ ввелъ подъ руку г-жу Гельвеціусъ, которая усѣлась рядомъ съ нимъ, веселая и прелестная. Но другую сторону Лафайетта вошелъ съ нимъ вмѣстѣ графъ д'Эстантъ, знаменитый своею храбростью французскій адмираль, бывшій во зремя американской войны за освобожденіе командующимъ французскими вспомогательными отрядами, а теперь, по заключеніи мира, находившійся опять въ Парижѣ. Какъ онъ, такъ и другъ его Лафайеттъ имѣли на груди медаль въ видѣ орла—новый цинцинатскій орденъ, установленный въ память славной революціи, и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, началъ служить въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ знакомъ отличія образовавшагося особаго общественнаго союза.

Маркизь Лафайеттъ, молодой человекъ не болѣе двадцати семи лѣтъ, производилъ чрезвычайное впечатлѣніе не столько своимъ внѣшнимъ видомъ, которому не доставало, въ извѣстной степени, свободы и апломба, сколько романтической и полной приключеній военной славой, окружавшей его своимъ ореоломъ. Во всѣхъ его движеніяхъ было что-то неловкое, и это неблагоприятное внѣшнее впечатлѣніе усиливалось еще отъ его фигуры съ необыкновенно-короткой таліей. Но все это вполнѣ вознаграждалось впечатлѣніемъ мягкости и сердечной доброты, которыми дышало все его существо. Это соединеніе дѣтской кротости съ самой крайней рѣшительностью производило то чарующее впечатлѣніе, которое осталось навсегда нераздѣльнымъ съ образомъ Лафайетта. Ярко-рыжіе волосы не нарушали привлекательности его фizioноміи; напротивъ того, придавали ей нѣкоторую пикантность.

Кланяясь нѣсколько сдержанно шумно ликующему народу, Лафайеттъ, увидавъ Франклина, сталъ съ величайшею почтительностью привѣтствовать его. Франклинъ, съ живостью юноши вставъ съ мѣста, отвѣчалъ ему съ неменьшею искренностью и нѣкоторою торжественностью, какъ представитель американскаго народа.

Когда публика увидала, съ какою сердечностью и нескончаемыми воздушными поцѣлуями эти двое людей привѣтствуютъ другъ друга, то разразилась бурными возгласами и рукоплесканіями.

Легко увлекающійся Лафайеттъ не могъ, казалось, удерживаться дольше и, въ знакъ того, что онъ понялъ желаніе публики, ударилъ по драгоценной саблѣ, которою былъ опоясанъ. Затѣмъ, быстрымъ движеніемъ обнажилъ ее и, поднявъ высоко обѣими руками, простиралъ эту драгоценность на все стороны, показывая ее публикѣ.

Это была та самая золотая сабля, которую конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ прислалъ генералу Лафайетту и которая, во имя американской независимости и какъ символъ дружественнаго союза между Америкой и Франціей, была ему передана Франклиномъ¹⁾.

При видѣ этого, раздались со всехъ сторонъ потрясавшія воздухъ рукоплесканія и клики.

На придворныхъ трибунахъ одну минуту все было неподвижно и все молчало. Лицо короля казалось болѣе смущеннымъ, чѣмъ разгнѣваннымъ столь безпошадно выражаемымъ въ его присутствіи чувствованіемъ; но королева, болѣе страстная и откровенная во всемъ, едва сдерживала свое спокойствіе. Однако, съ живостью нашептываемыя ею королю слова, безъ сомнѣнія, о томъ, чтобы всему двору тотчасъ же удалиться,—были повелителемъ Франціи строго отклонены.

Въ ложѣ напротивъ королевской трибуны, гдѣ сидѣли братья короля съ своими молодыми супругами, замѣчалась напускная, шумная веселость. Публика, конечно, могла думать, что тамъ шутятъ и смѣются надъ происшедшимъ, такъ какъ веселость обуяла ихъ немедленно влѣдъ за радостью толпы. Умное лицо графа Прованскаго, вообще рѣдко показывавшагося въ публикѣ, приняло выраженіе ѣдкой насмѣшки. Monsieur, старшій братъ короля, какъ разъ въ послѣднее время, когда его явное и тайное противодѣйствіе возстановленію стараго парламента заставило такъ много говорить о его политическихъ взглядахъ, выказалъ себя явнымъ противникомъ народа; обстоятельство это было достаточно извѣстно для того, чтобы объяснить самымъ невыгоднымъ образомъ его поведеніе и въ эту минуту. Сидѣвшій рядомъ съ нимъ графъ д'Артуа далъ волю своему легкомысленному и безпечному характеру, дѣлая презрительные жесты рукою, понятые, конечно, публикой.

— Лафайеттъ правъ со своимъ новымъ изреченіемъ: «во Франціи настала американская эра!»—замѣтилъ маркизъ Кондорсе, обратясь къ Франклину, съ которымъ до сихъ поръ онъ велъ оживленную бесѣду о строеніи новаго воздушнаго шара и о возможной отъ него пользѣ для будущаго.

¹⁾ Condorcet, Mémoires, II, 53.

Франклинъ, улыбаясь, подергивалъ свои брыжи, необыкновенная бѣлизна которыхъ была одною изъ немногихъ прихотей, допускаящихся въ костюмѣ великаго представителя своего отечества.

— Американская эра, безъ сомнѣнія, прекрасна и многообѣщающа въ будущемъ!— замѣтилъ сидѣвшій позади нихъ Кабанисъ, прервавъ свое молчаніе. Однако,—прибавилъ онъ рѣзко,—она не должна была бы украшать свою американскую грудь обманчиво сверкающими орденовыми звѣздами стараго свѣта!

— Вы говорите насчетъ тѣхъ медалей цинцинатскаго ордена?— возразилъ Франклинъ, поднявъ на лобъ свои большія очки и смотря на Кабаниса строгимъ пытливымъ взглядомъ. — О-о! а я думалъ, что этотъ орденъ очень мило и ярко горитъ на груди молодого генерала Лафайетта и графа д'Эстэнга. Развѣ эта золотая медаль, украшающая, въ видѣ орла, грудь этихъ достойныхъ и храбрыхъ людей, не доказываетъ, что французы оказали услуги дѣлу американской свободы и что они и въ будущемъ посвящаютъ себя этому дѣлу? А эта голубая съ бѣлой каймой лента, на которой носится цинцинатскій орденъ, развѣ это не символъ новаго союза между Франціей и Америкой?

— Позвольте и мнѣ вмѣшаться въ разговоръ, но лишь съ искреннѣйшею и горчайшею ненавистью къ этому вашему американскому цинцинатскому ордену!— вступилъ въ рѣчь графъ Мирабо. — Смѣшно уже, что молодое свободное государство свой первый признакъ жизни проявляетъ учрежденіемъ ордена, но есть въ этомъ и опасность, которую болѣе всего вы, достойный Франклинъ, не можете не видѣть и коей не должны пренебрегать. Большая слабость, конечно, со стороны Лафайетта, что онъ здѣсь во Франціи сталъ комиссіонеромъ вашего американскаго орла и не только раздаетъ его, сколько дуплѣ угодно, всѣмъ сражавшимся у васъ французамъ, но и самъ постоянно кичится передъ нами этой новой игрушкой. Я уже давно сказалъ, — этотъ Лафайеттъ не что иное, какъ милѣйшій дилетантъ свободы, и ничѣмъ инымъ онъ никогда не сдѣлается. Онъ останется навсегда орудіемъ въ рукахъ своего собственнаго тщеславія, а оно сумѣетъ вырѣзать изъ него любую фигуру.

— Нашъ цинцинатскій орденъ предоставляю вамъ охотно, — отвѣчалъ Франклинъ съ ласковою улыбкой, — но вашего Лафайетта, котораго отчасти можемъ назвать и своимъ, — нѣтъ. Вы, можетъ быть, правы, что такой орденъ легко можетъ имѣть опасныя послѣдствія для нашей молодой республики, и я готовъ, въ другой разъ, поговорить съ вами объ этомъ; но скажите, ради Бога, какіе недостатки находите вы въ этомъ чудномъ юношѣ-героѣ Лафайеттѣ?

Мирабо, бросивъ мрачно-злѣбный взглядъ въ сторону ложи, гдѣ сидѣлъ Лафайеттъ, сказалъ Франклину:

— Если бы я въ свободное послѣобѣденное время читалъ ро-

манъ, героемъ котораго былъ бы Лафайеттъ, то, вѣроятно, отлично провелъ бы время. Но, какъ человѣка политическаго образа мыслей, я бы никогда не облекъ его моимъ довѣріемъ. Никогда не забуду, какъ во время карнавала, въ шутовствѣ, которое принцы позволяли себѣ при дворѣ надъ возстановленіемъ стараго парламента, Лафайеттъ принялъ участіе въ одномъ изъ театральныхъ маскарадовъ, представлявшихъ въ смѣшномъ видѣ парламентскія засѣданія. Говорятъ, что онъ проявилъ здѣсь большой талантъ пародіи, соперничая съ герцогомъ Шартрскимъ, представлявшимъ председателя парламента, тогда какъ Лафайеттъ изображалъ собою карикатуру генераль-прокурора. Рядомъ съ доброй волей короля, желавшаго идти на встрѣчу своему народу, такой Лафайеттъ могъ согласиться на подобное реакціонное шутовство! Съ тѣхъ поръ, ни въ какомъ будущемъ политическомъ движеніи я ему не довѣряю ¹⁾.

— Вы забываете при этомъ, вѣроятно, принять во вниманіе его большую молодость, графъ Мирабо!— замѣтилъ Кабанисъ.— Нельзя сомнѣваться въ его честныхъ намѣреніяхъ, если даже, по своей природѣ, онъ и представляетъ соединеніе Катона съ Алкивиадомъ. Но что въ Америку, на поле битвы повлекло его одно лишь воодушевленіе свободою,—это несомнѣнно. Развѣ по своему возвращеніи молодой герой не былъ посаженъ подъ арестъ на двадцать четыре часа за то, что отправился въ Америку на войну за освобожденіе безъ разрѣшенія короля? И, впрочемъ, уже раньше старался побороть нерасположеніе, существующее между Мирабо и Лафайеттомъ, и не теряю надежды, что это мнѣ когда нибудь удастся.

Блѣдныя щеки прекраснаго молодого человѣка покрылись при этихъ словахъ яркимъ румянцемъ, а въ глазахъ засвѣтился благородный мечтательный огонь.

— Вы, какъ всегда, любезны и милы, Кабанисъ!—сказалъ Мирабо.— Однако, оставимъ маркиза Лафайетта наслаждаться благоволеніемъ къ нему народа и трансатлантическимъ блескомъ цинцинатскаго ордена. Я же хочу сдѣлать предложеніе, на которое, въ особенности, желалъ бы имѣть согласіе нашего достопочтеннаго доктора Франклина. Я намѣреваюсь издать сочиненіе противъ цинцинатскаго ордена, и всѣ вы должны мнѣ оказать содѣйствіе своими мыслями и замѣчаніями. Вы, Франклинъ, Кондорсэ, Шамфоръ, Кабанисъ, всѣ вы должны мнѣ доставить вапъ трудъ по этому предмету, и мы выпустимъ это въ свѣтъ въ видѣ манифеста, гласящаго о томъ, какъ друзья истинной свободы скорбятъ и возмущаются тѣмъ, что едва возникшая республика, обязанная освѣщать путь другихъ народовъ, отмѣчаетъ свое первое пробужденіе знакомъ неравенства, новымъ рычагомъ тираніи — орденомъ. Какое торжество

¹⁾ Ségur, Mémoires, I, 43.

для благого дѣла было бы получить содѣйствіе самого Франклина, великаго защитника американской и европейской свободы! Слишкомъ ли я смѣлъ въ моихъ ожиданіяхъ, отче Франклинъ, или же я знаю ваше сердце, великое благородное сердце, бьющееся лишь для свободы и народа?

— Вы хорошо его знаете, — отвѣчалъ Веніаминъ Франклинъ, улыбаясь, — и скажу вамъ откровенно, что и я возставалъ противъ того, чтобы этотъ знакъ отличія не сдѣлался наслѣдственнымъ достояніемъ, въ чемъ мой благородный, великодушный другъ, генералъ Вашингтонъ, раздѣлялъ мое мнѣніе ¹⁾.

— Ну, вотъ, такъ дайте же мнѣ вашу руку, — воскликнулъ Мирабо со свойственною ему страстностью, — дайте мнѣ руку въ томъ, что вы примете участіе въ моей книгѣ. Ею мы будемъ бороться противъ ордена, начинающаго такъ рано омрачать въ Европѣ надежды на свободу, всплывшую въ Америкѣ. Этотъ орденъ можетъ создать вамъ сразу, прежде чѣмъ вы этимъ обзаведетесь, патриціатъ и военную аристократію. Какъ возникло вообще въ Европѣ новѣйшее дворянство — этотъ сонмъ графовъ, герцоговъ и маркизовъ, затопившихъ и опустошившихъ Европу, какъ не признаніемъ всѣхъ этихъ сановъ и военныхъ титуловъ, въ извѣстныхъ степеняхъ родства, наслѣдственными ²⁾? Вѣдь и вашъ орденъ образуетъ особую ассоціацію офицеровъ, хотя и сражавшихся за американскую свободу, но желающихъ изъ этой заслуги извлечь особия права. Итакъ, ударимъ по рукамъ, и именно въ эту минуту, именно здѣсь, гдѣ самымъ необычайнымъ образомъ мы сидимъ на противъ пѣлаго французскаго двора, гдѣ васъ окружаютъ, справа и слѣва, графы и маркизы Франціи, видящіе въ оппозиціи противъ заржавѣвшаго феодальнаго міра преимущество высшее, чѣмъ всѣ ихъ старыя родовыя титулы!

— Бью съ вами по рукамъ, графъ Мирабо, — отвѣчалъ Франклинъ. — Я слышалъ, что ваша фамилія принадлежитъ къ старѣйшимъ дворянскимъ родамъ Прованса, а потому сражаться подъ эгидой челоуѣка, который долженъ знать, что такое дворянство, противъ, безъ сомнѣнія, еще не народившагося дворянства нашей республики, представляетъ для меня особую честь и полную гарантію. Но посмотрите, кажется, нашъ Монгольфье совѣтъ готовъ; принцъ собирается сѣсть въ лодку шара, и собака Мирабо съ конской Гельвеціуса приведены тоже для совмѣстной нагрузки.

Нетерпѣливо ожидавшая публика привѣтствовала оживленными рукоплесканіями наступающее, наконецъ, начало представленія.

¹⁾ По особому старанію Вашингтона члены цинцинатскаго ордена отказались въслѣдствіи отъ наслѣдственной его передачи. См. *Mémoires du général Lafayette*, II. 88.

²⁾ Изъ сочиненія Мирабо о цинцинатскомъ орденѣ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Магазиновъ, Новаго Времени'

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ЯНВАРЬ 1899 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 1-й.

- Аггеенно, В.** О медоносныхъ растеніяхъ, имѣющихъ сельско-хозяйственное значеніе. Изд. 2-е, дополн., съ 10 рис. Спб. 1899. Ц. 40 к.
- Азбукинъ, Н. Е.** Какъ облегчить страданія женщины во время родовъ. Популярно-научный очеркъ. Съ рис. въ текстѣ. М. 1899. Ц. 30 к.
- Академикъ, заслуженный профессоръ В. В. Пашутинъ,** начальникъ императорской военно-медицинской академіи и пресѣдатель совѣта м-ства внутр. дѣлъ. Автобіографія съ портретомъ. Спб. 1899. Ц. 20 к.
- Аландскій, П. И.** Исторія Греціи. Изд. 2-е. Кіевъ. 1899. Ц. 1 р. 75 к.
- Алеппскій, Павелъ,** Путешествіе антиохійскаго патриарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка. Перев. съ арабскаго Г. Муркоса. Вып. IV (Москва, Новгородъ и путь отъ Москвы до Днѣстра). М. 1898. Ц. 1 р. 30 к.
- Аледро.** Стихотворенія. Съ вынетками автора. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- Алферовъ, А.** Очерки изъ жизни языка. (Введеніе въ методику родного языка. М. 1899. Ц. 40 к.)
- Альдисъ В. Сидмень.** Смотри на небо! (Популярный очеркъ астрономіи). Пер. съ англійскаго подъ ред. В. Серафимова. Съ 29 рис. Спб. 1899. Ц. 50 к.
- Андреевъ, П. П.** Краткая энциклопедія знаній въ примѣненіи къ дому, семьѣ и школѣ. Т. I и II. Спб. 1899. Ц. за оба тома 1 р. 50 к.
- Анисимовъ, А. (свящ.).** Путевыя записки русскаго пастыря о священномъ востокѣ. Съ 40 рис. и 2 портретами автора. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Анненская, А. Фритіофъ Нансенъ** и его путешествія. Съ портретомъ и 40 рисунками. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- Анофріевъ, Н.** Сборникъ старыхъ послонцивъ военнаго быта. Спб. 1899. Ц. 25 к.
- Карманный охотничій календарь и справочно-записная книжка. Спб. 1899. Ц. 1 р. 20 к.
- Аріанъ, П. Н.** Первый женскій календарь на 1899 годъ. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- Асбьернсонъ.** Норвежскія сказки. Переводъ А. и П. Ганзенъ. Съ 74 рис. Спб. 1899. Ц. 1 р. 25 к.
- Астаховъ, И.** Романъ въ тюрьмѣ. Рассказы. М. 1899. Ц. 1 р.
- Аузэрбахъ, Б.** Три единственныя дочери. Повѣсть. Пер. съ нѣм. Е. В. М. 1898. Ц. 1 р.
- Ахматова, Е. П.** Подпольное царство. Сказка. Рисунки Е. М. Бемъ. Спб. 1898. Ц. 45 к.
- Барсовъ, Н.** Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Спб. 1899. Ц. 2 р.
- Беллинъ, Э. Ф.** Судебная медицина растлѣнія. Атласъ изъ 20 хромолитографированныхъ таблицъ, съ предисловіемъ М. Д. Никитина. Спб. 1898. Ц. 3 р.
- Белохъ, Ю.** Исторія Греціи. Перев. съ нѣмецк. Т. П. М. 1899. Ц. 2 р.
- Берштейнъ.** Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Бетхеръ, А.** Изъ великой книги—природы. Рассказы для юношества. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- Біаръ, Л.** Невольное путешествіе. Господинъ Пинсонъ. Перев. съ франц. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.
- Блондель, Ж.** Экономическій подъемъ германской имперіи. Переводъ съ франц. Г. Абрамова. Съ предисловіемъ Н. Берзина. Спб. 1899. Ц. 25 к.
- Богдановъ, А.** Основные элементы историческаго взгляда на природу. Природа.—Жизнь.—Исихика.—Общество. Спб. 1899. Ц. 2 руб.
- Бобровниковъ, Н. А.** Методика начальнаго преподаванія ариметики и сборникъ упражненій въ умственномъ счетѣ. Изд. 2-е. Казань, 1898. Ц. 50 к.
- Боткинъ, С. П.** Курсъ клиники внутреннѣхъ болѣзней. Съ приложеніемъ портрета автора, его автографа (отрывокъ изъ письма), вида его могилы и біографическаго очерка, составленнаго профессоромъ В. П. Сиротининымъ. Изд. 2-е, т. I. Спб. 1899.

Ц. по подпискѣ на 2 тома 3 р., съ пересылкой 4 р.

Брандесъ, Георгъ. Людвигъ Берне и Генрихъ Гейне. Перев. съ нѣм. П. О. Морозова. Съ портр. Берне и Гейне и изображеніемъ памятника Гейне. Спб. 1899. Ц. 60 к.

— **Шекспиръ,** его жизнь и произведенія. Т. I. Переводъ В. М. Спаской и В. М. Фриге. Подъ ред. П. И. Стороженко. Съ предислов. и примѣч. редактора. М. 1899. Ц. 1 р. 50 к.

Браузеръ и Шпеннратъ. Руководство для кочегаровъ и надсмотрщиковъ за котлами и для преподаванія въ низшихъ техническихъ школахъ. Съ 61 рис. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Брневскій, Н. Общинный бытъ и хозяйственный обезпеченность крестьянъ. По поводу предстоящаго пересмотра крестьянскихъ положеній. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Бросовъ, в. О искусствѣ. М. 1899. Ц. 30 к.
Бугле, Соціальная наука въ Германіи (Современные методы). Перев. съ франц. В. Устиновъ. 1898. Ц. 80 к.

Бурне, Поль. Голубая герцогиня (актриса). (*La duchesse bleue*). Перев. съ франц. П. И. Перельгина. М. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлелюбскій, Н. А., проф. Строительная механика. Лекціи. 2-е изд. Спб. 1897. Ц. 5 р.

Вальтеръ, Г. (Д-ръ). Ушиная болѣзнь. (Игіена, діета и леченіе). Популярное изложеніе. Съ политипажками. Спб. 1899. Ц. 25 к.

Варбъ, Е. Одно изъ нашихъ центральныхъ просвѣтительныхъ учреждений. (Очерки Румянцевскаго музея). М. 1898. Ц. 40 к.

Варлихъ, В. К. Русскія лекарственные растенія. Атласъ и ботаническое описаніе, съ указаніями на врачебное примѣненіе, дѣйствіе, собраніе и культуру этихъ растеній. Вып. I. Спб. 1899. Подписная цѣна на 5 вып. 9 р.

Ватсонъ, М. Ада Негри. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ Ада Негри. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Венгеровъ, С. А. Русскія книги. Вып. XXX. Бѣлоруссовъ-Вавиловъ. Спб. 1898. Ц. 35 к.

Вербицкая, А. Сны жизни. Разказы. М. 1899. Ц. 1 р.

Вергилій Публій Маронъ. Буколики или пастушескія поэмы въ стихотворномъ переводѣ А. В. Рудянскаго. Севастополь. 1897. Ц. 30 к.

Вержбовскій, Федоръ. Къ біографіи Адама Мицкевича въ 1821—1829 годахъ. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Веригинъ, Н. Юганнъ Гейрихъ Шесталони. Краткій біографическій очеркъ. Съ портретомъ и 2-мя чертежами. Изд. 2-е, испр. М. 1898. Ц. 40 к.

Вернь, Жюль. Приключенія капитана Гаттераса. Необыкновенное путешествіе. Въ 2-хъ частяхъ съ 252 рисунками. Изданіе третье. Спб. 1899.

Весь Петербургъ на 1899 годъ. Адресная и справочная книга гор. С.-Петербурга. Спб. 1898. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.

Винклеръ, П. Очерки исторіи орденовъ и знаковь отличія въ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. Съ 7 рис. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Виньи-де, Альфредъ, графъ. Сенъ-Марсъ или заговоръ въ царствованіе Людовика XIII. Романъ. Переводъ О. М. Соловьевой. Съ рис. франц. художн. Спб. 1899. Ц. 1 р.
Владимірскій-Будановъ, М. Христоматія исторіи русскаго права. Вып. I. Изд. 5-е. Кіевъ. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Волнова, М. (женщ.-врачъ) и **Вл. Вульфсонъ.** Бесѣды о здоровьѣ. Для народа. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Волновъ, Н. В. Къ исторіи русскаго комедіи. I. Зависимость «Ревизора» Гоголя отъ комедіи Квнтки «Пріѣзжіи изъ столицы». Спб. 1899. Ц. 60 к.

Вороновъ, Г. Руководство къ разведенію индѣекъ. Изд. 3-е. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Высшія горныя школы за границей. Характеръ преподаванія, условія поступленія, плата за лекціи, стоимость жизни. Спб. 1898. Ц. 25 к.

Гавлиновскій, Н. Л. Руководство для изученія танцевъ. Общедоступное пособіе къ изученію всѣхъ бальныхъ танцевъ, съ указателемъ фигуръ для котильона и мазурки. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Гауптманъ, Гаргардъ. Одинокіе люди. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Пер. съ нѣм. О. И. Поповой. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Гвоздевъ, Р. Кулачество-ростовничество, его экономическое значеніе. *Sine ira et studio*. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Гединъ, Свенъ. Въ сердцѣ Азіи. Памиръ.—Тибетъ.—Восточный Туркестанъ. Путешествіе въ 1893—97 годахъ. Пер. съ шведскаго А. и П. Ганзенъ. Вып. I. Спб. 1899. Ц. по подпискѣ на 6 вып. 5 р. 50 к.

Герра, Константинъ. Жизнь. Поэма въ 3-хъ частяхъ. I часть—Люди. II часть—Грѣхи. III часть—Смерть. М. 1899. Ц. 2 р.

Гиляровъ, А. Обзоръ философской литературы за послѣдніе годы. Кіевъ. 1898. Ц. 25 коп.

Говоровъ, А. Глаголы въ нѣмецкомъ языкѣ; ихъ образованіе, классификація и особенности спряженія. Казань. 1899. Ц. 40 к.

Головинъ, Орестъ. Васни. Переводныя, раздражительныя и оригинальныя. М. 1899. Ц. 1 р. 20 к.

Голубевъ, С. О древнѣйшемъ планѣ города Кіева 1638 года. Кіевъ. 1898. Ц. 1 р.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Рождественская звезда. Сборникъ разказовъ и сказаній для дѣтей старшаго возраста изъ произведеній Виктора Гюго, Франсуа Коппе, Жюльа Леметра, Пьера Лоти, Чарльза Диккенса, Андерсена и другихъ. Со многими рисунками. Изд. 2-е. М. 1899. Ц. 1 р. 20 к.

Гордонъ, Вл. Уставъ гражданскаго судопроизводства съ позднѣйшими узаконеніями, законодательными мотивами и разъясненіями. Спб. 1899. Ц. 4 р.

Господиный Топотунъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Гранстремъ, М. Варооломеевская ночь. Историческ. романъ. Съ англійск. 99 рисунковъ. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Григоровичъ, Дм. Вѣдный мальчикъ. повѣсть. Съ рис. художн. С. С. Соломко. Цѣна въ роскошномъ переплетѣ 1 р.

Губеръ, Ж. Иезуиты. Ихъ исторія, учение, организація и практическая дѣятельность въ сферѣ общественной жизни, политики и религіи. Переводъ В. И. Цисаревой. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Guide du voyageur par les chemins de fer du Sud Est. 1-ère livraison. Ligne Kozlow-Woronège-Kostow. 46 illustrations dans le texte, 5 plans de villes et une carte des chemins de fer du Sud-Est. Moscou. 1899. Prix 1 rouble 25 cop.

Гюйо, М. Собрание сочиненій, т. I. Исторія и критика современныхъ англійскихъ учений о нравственности. Перев. И. Южна. Спб. 1898. Ц. 2 р.

Guyon, Félix. Клиническая лекція о болезняхъ мочевыхъ путей. Семіология—диагностика. Общая паталогія и терапія. Томы I, II, III. Перев. съ франц. д-ровъ М. В. Блюменнау и А. И. Шабиды. Съ 13 таблицами, 2 хромолит. табл. и 113 рис. въ текстѣ. Спб. 1899. Ц. 5 р.

«Hütte». Справочная книга для инженеровъ, архитекторовъ, механиковъ и студентовъ, съ дополненіями для русскихъ техниковъ, подъ ред. инженера Р. Л. Зандберга. Изд. 4-е, ч. II. М. 1898. Ц. за обѣ части 5 р.

Гюттлеръ, д-ръ. Психологія и философія. Пер. съ нем. В. Устюговъ. 1898. Ц. 25 к.

Даниловъ, И. А. Въ тихой пристани.—Въ морозную ночь.—Поездка на богомолье. Спб. 1899. Ц. 1 р.

Дейо, А. д-ръ. Гигіена и физиологія брака. Бракъ и безбрачіе. Врачъ, безбрачіе. Гигіена беременной женщины. Истощеніе человѣка. Философія брака. Пер. съ 124 франц. изд. д-въ В. Р. и В. Ш. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Деппъ, Г. Ф. Паровые котлы. Лекція, читанныя въ технологическомъ институтѣ императора Николая I. Вып. I. Спб. 1899. Подлинная цѣна на все изданіе 10 р.

— Паровыя машины. Руков. къ проектированію и изученію паровыхъ машинъ. Вып. III (последній). Ц. за все изданіе (3 вып.) 6 р.

Додэ, Альфонсъ. Прекрасная Нивернеза. Перев. съ франц. С. Круковской. Съ 45 рис. Спб. 1899. Ц. 30 к.

Докладъ священника А. А. Дернова пастьерскому созранію 1-го декабря 1898 г. Спб. 1898. Ц. 10 к.

Докучаевъ, В. В., проф. Чего можно и слѣдуетъ ожидать отъ частныхъ (земскихъ, городскихъ, дворянскихъ и др.) публичныхъ курсовъ по сельскому хозяйству и основнымъ для него наукамъ?

Дѣло. Сборникъ литературно-научный, изданный московскимъ отдѣленіемъ общества для усиленія средствъ сиб. женскаго медицинскаго института. М. 1899. Ц. 2 р. 50 коп.

Елишевъ, А. В. д-ръ. По бѣду-свѣту. Черки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ стараго свѣта. Т. II. Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 3 р.

Елишевъ, М. По родной землѣ. Книга для чтенія по географіи Россіи въ семьѣ и школѣ. М. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Ельцова, К. Въ чужомъ гнѣздѣ. Романъ. Спб. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Жеденовъ, Н. Н. Кому и какъ помогать? Спб. 1898. Ц. 20 к.

Женскія медицинскія учрежденія въ сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатахъ и Великобританіи. Поездка въ Англію и С. Америку зимой 1895—96 гг. Путевыя наблюденія и замѣтки. О. Л. Изд. 2-е. М. 1898. Ц. 50 к.

«Женское дѣло». Ежемѣсячный литературный журналъ. 1899 г. Кн. I. Январь. Ц. 75 к.

Женщина въ искусствѣ. Иллюстрированная художественно-историческая монографія. О вліяніи женской граціи и красоты на развитіе эстетики съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Спб. 1899. Ц. 2 р.

Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи. Очерки по этнографіи края. Подъ ред. В. В. Иванова. Т. I. Харьков. 1898. Ц. 2 р.

Жизнь, какъ она есть. Повѣсть въ 3-хъ частяхъ. Т. I, ч. I—II (гл. I—XVI). М. 1898. Ц. 2 р. 50 к.

«Жизнь». Литературный, научный и политическій журналъ. 1899 г. Январь. Кн. II. Научный отдѣлъ. Ц. 40 к.

Журналъ журналовъ и Энциклопедическое обозрѣніе. Декабрь. № 24. Ц. 50 и 75 к.

За родную единую Русь, за правду въ ней и порядокъ. (Виденскій гость министра юстиціи Н. В. Муравьева). Спб. 1898. Ц. 10 к.

Захарынь, Н. Двойная или итальянская бухгалтерія. Сызрань. 1898. Ц. 1 р. 60 к.

Ивановскій, Николай, проф. Собраніе сочиненій. Т. I. Казань. 1898. Ц. 2 р.

Иллюстрированный календарь Краснаго Креста на 1899 г. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Иловайскій, Д. Исторія Россіи. Томъ четвертый, выпускъ второй. Эпоха Михаила Осодоровича Романова. М. 1899. Ц. 2 р.

Инструкція о порядкѣ выдачи промышленныхъ свидѣтельствъ и билетовъ, утв. мин. фин. по согл. съ госуд. контр. и мин. внутр. дѣлъ 22-го ноября 1895 г. Спб. 1899. Ц. 15 к.

Инфекціонныя болѣзни человѣка и животныхъ. (Зоонозы). Пер. подъ ред. и доп. проф. Ив. Ланге. Съ 2-я табл. рисунковъ. Вып. II. Актиномикозъ-лущуръ. Проф. Fr. V. Kogányi. Казань. 1899. Ц. 50 к.

Искусство и художественная промышленность. Ежемѣсячное иллюстрир. изданіе. № 3. Декабрь. 1898. Ц. 1 р.

Иогансенъ, Яльмаръ. Салъ-другъ. Подъ 86° 14' сѣв. шир. Записки участника экспедиціи Ф. Хансена къ сѣв. полюсу на кораблѣ «Фразъ». Пер. съ подлинника А. и П. Ганзенъ. Спб. 1899. Ц. 1 р. 25 к.

Кайгородовъ, Д. Изъ царства пернатыхъ. Популярныя очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. XII (последній). Изд. 3-е. Ц. 50 коп.

— Изъ царства пернатыхъ. Популярныя очерки изъ міра русскихъ птицъ. Изд. 3-е. Съ 15 хромолит. таблицами. Спб. 1899. Ц. 6 р.

— О нашихъ перелетныхъ птицахъ. Изд.

- 5-е (со многими рисунками). Спб. 1899. Ц. 20 к.
- Черная семья. (Итицы вороньяго рода). Изд. 3-е. Съ хромиагограф. таблицей. Спб. 1899. Ц. 20 к.
- Календарь для врачей на 1899 годъ. Со спискомъ петербургскихъ врачей. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ 2 р.
- Каллимахъ. Изоранные гимны эпиграммы. Съ греч. пер. В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Спб. 1899. Ц. 30 к.
- Кардо-Сысоева, Н. Е. Три разсказа для дѣтей. М. 1899. Ц. 85 к.
- Картавовъ, П. А. Библиографическія извѣстія о рѣдкихъ книгахъ. № 2. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.
- Картьевъ, Н. Исторія Западной Европы въ новое время. (Развитіе культурныхъ и социальныхъ отношеній). Т. V. XIX вѣкъ. Среднія десятилѣтія. Отъ польской революціи до паденія второй имперіи. (1830—1870 гг.). Спб. 1898. Ц. 5 р.
- Историко-философскіе и социологическіе этюды. Изд. 2-е съ перемѣнами. Спб. 1899. Ц. 2 р.
- Исторія Западной Европы въ новое время. Т. II. Исторія XVI и XVII вѣковъ. Ч. I. Реформаціонное движеніе и католическая реакція. (Вып. III). Изд. 2-е. Спб. 1898. Ц. 2 р., по подпискѣ на 6 вып.—7 р.
- Касиненно, И. Сочиненія. Т. I. Лубны. 1898. Ц. 80 к.
- Католикосъ востока и его народъ. Очерки церковно-религіозной и бытвой жизни сиро-халдейцевъ. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Кемперъ, Е. Ф. д-ръ. Лечебныя мѣста въ Европѣ (Россія и Западная Европа), съ географич. картами. Сособія для врачей и лицъ, отправляющихся въ курорты. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Кернеръ, О. проф. Гигіена уха. Перев. съ нѣм. Д-ръ Л. Я. Якобовъ. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- Клейнъ, Ф. Лекціи по избраннѣмъ вопросамъ элементарной геометріи. Казань. 1898 г. Ц. 75 к.
- Клемпереръ, Г. (проф.). Клиническая діагностика. Переводъ подъ ред. д-ра Г. А. Шапиро. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Клингенъ, И. Основы хозяйства въ Сочинскомъ округѣ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣбовъ. Составл. кружкомъ преподавателей подъ ред. проф. П. Р. Виноградова. Вып. III. М. 1899 г. Ц. 2 р.
- Ковалевскій, С. Покровительственная пошлина, что она даетъ населенію и что у него беретъ. Цифры и факты. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Ковалевъ, Н. А. Недородъ, его жертвы и мѣры предупрежденія. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Конрадъ, I. проф. Очеркъ основныхъ положеній политической экономіи. (Руков. для приступающихъ къ ея изученію). Пер. Н. Новикова. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Конский календарь на 1899 годъ. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Корнуновъ, Н. М. Лекціи по общей теоріи права. Изд. 5-е. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Коротневъ, А., проф. Поѣздка на Шпицбергенъ (Очеркъ). Кіевъ. 1898 г. Ц. 1 р.
- Кратній курсъ фармаціи и фармакогнозіи по лекціямъ проф. С. А. Прыбыткова. Сост. студента А. Ливановъ и Э. Риппе. 2-е изд. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Кремлевскій, А. Исторія пелагианства и пелагианская доктрина. Казань. 1898 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Крицій, П. Нѣсколько новыхъ мыслей о причинѣ земного магнетизма. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- Crottet Alexandre et Mann Alexandre. Contes et récits tirés des meilleurs auteurs français contemporains recueillis et annotés 2-ème édition. Saint-Petersbourg. 1899 г. Prix 75 cop.
- Крымскій, А. Мусульманство и его будущность. Прошлое ислама, современное состояніе мусульманскихъ народовъ, ихъ умственные способности, ихъ отношенія къ европейской цивилизаціи. М. 1899 г. Ц. 75 к.
- Кудашева, Ек. кн. Умственные способности женщины. Екатеринбург. 1897 г. Ц. 70 к.
- Кувъ, А. проф. Слутиникъ пчеловода или руководство къ веденію паськи. Перев. подъ ред. В. М. Изергина. Съ 173 рис. въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Лашнаревъ, П. Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты. Кіевъ. 1898 г. Ц. 2 руб.
- Лебедевъ, В. А. Штейное дѣло. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Лерлеръ, М. Воспитаніе и общество въ Англіи. Перев. М. А. Шнимаревой. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.
- Ле-Шателье. Гремучій газъ. Перев. горн. инжен. В. Ваумана. Харьковъ 1896 г. Ц. 80 к.
- Ливій Титъ. Римская исторія отъ основанія города. Пер. съ лат. подъ ред. П. Адрианова. Т. VI. Кн. XXXVI—XLV. М. 1899 г. Ц. 3 р.
- Литвиновъ-Фалинскій, В. П. Отвѣтственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Литтауэръ, А. д-ръ. Акушерское изслѣдованіе. Съ 9-ю рис. Пер. съ нѣм. д-ра мед. М. З. Геселевичъ. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- Лихтенбергъ, Г. X. Афоризмы. 1724—1799. Перев. съ нѣмецк. Н. М. Соколова. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Льюисъ, Дж. Сипнозы жизнь и ученія. Пер. съ англ. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Ляцкій, Е. А. Матеріалы для изученія творчества и быта бѣлоруссовъ. I. Пословицы, поговорки, загадки. М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Максимовъ, А. Я. Разсказы и были съ далекихъ окраинъ Востока. Изд. 3-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- На далекомъ Востокѣ. Полн. собр. сочиненій. кн. III. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мало, Гекторъ. Приключенія Романа Кальбри. Пер. съ франц. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Малый энциклопедическій словарь. Вып. I. А.—Аюнь. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к., по подпискѣ на все изд. 18 р.

- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Уральскіе рассказы. Т. I. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
— Тоже. Т. II. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Манасейна, Марія.** Основы воспитанія съ первыхъ лѣтъ жизни и до полного окончанія университетскаго образованія. Вып. VI. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Манасейнъ, М. П.** Современное положеніе вопроса о прокажъ и прокаженныхъ. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Манцони, А.** Обрученные (Promessi sposi). Романъ. Пер. съ итальянскаго. Е. Некрасовой. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Марксъ, Карлъ.** Ницета философіи, отвѣтъ на «Философію ницеты» г. Прудона. Перев. съ франц., въ двухъ выпускахъ. Вып. I. Кіевъ. 1898 г. Ц. 30 к.
- Марлитъ, Е.** Женщина съ рубинами (Японтова діадема). Романъ. Переводъ А. Заблочки. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Масловъ, Н.** Кондитеръ. Практич. руководство къ приготовленію всевозможныхъ кондитерскихъ издѣлій, широговъ, бабъ, па-сохъ и проч. Съ 75 рис. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Массонъ, Ф.** Влюбленный Наполеонъ. Марія Валевская. Пер. съ франц. А. Н. Климентова. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 35 к.
- Мейеръ, В. (д-ръ).** Мирозданіе. Астрономія въ общеосязательн. изложеніи. Переводъ подъ ред. проф. С. И. Глазенага. Вып. I. Ц. за 15 выш. по подпискѣ 7 р. 50 к. Ц. отдѣльнаго выпуска 60 к.
- Мензбиръ, М.** Охотничьи и промысловыя птицы Европейск. Россіи и Кавказа. Вып. III. (Текстъ и атласъ). М. 1898 г. Ц. по подпискѣ на все сочиненіе (6 вып.) 25 р.
- Меньшиковъ, М. О.** О любви. О любовной страсти. Суевѣрія и правда любви. Любовь супружеская. Любовь святая. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Мерчингъ, Г. К.** Проф. Курсъ электротехники. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.
- Мечниковъ, И.** Иммунитетъ (Пер. съ нѣмецк. П. Алексѣева). Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Мещерскій, В. П.** князь. Мои воспоминанія. Ч. II. (1865 — 1881). Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Митина.** Изъ жизни. Повѣсти и рассказы. Спб. 1898 г. Ц. 80 к.
- Михеевъ, В. М.** Окрокъ-мученикъ. — Углицкое преданіе. Съ рисунками М. В. Нестерова. В. И. Сурикова. Е. М. Белья. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к., въ перекл. 3 р.
- «Міръ искусства». Художественный журналъ. 1898 г. № 3 и 4. Ц. 1 р.
- Модестовъ, В. И.** О томъ, откуда пришли и кто были латиняне. Съ таблицей. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Мѣтки и узоры для вышиванія.** Буквы, монограммы, цифры и орнаменты, вышиваемые по считанымъ виткамъ, и узоры съ прорисованной бумагой для бѣлой вышивки. М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Мысли протоіерея Іоанна Ильича Сергіева,** настоятеля кронштадтскаго Андреевскаго собора, о различныхъ предметахъ христіанской вѣры и нравственности. Изд. 3-е дополн. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.
- Навроцкій, А. А. (П. А. Вроцкій).** Сказанія минувшаго. Русскія быльни и преданія въ стихахъ. Кн. 2-я. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- «Научное Обзорѣніе». № 12, 1898. Ц. 75 к. Открыта подписка на 1899 г. Ц. за весь годъ съ пер. 7 р.
- Немировичъ-Данченко, Вас.** Двѣ ночи. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Носенко, Д. А.** Судебные пристава общихъ судебныхъ учреждений. Службное положеніе, права, обязанности. Исполненіе порученій и рѣшеній судебныхъ мѣстъ. Продажа имущества. Таксовое вознагражденіе. Харьковъ. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Общій планъ частныхъ курсовъ по сельскому хозяйству и основнымъ для него наукамъ.** Программы отдѣльныхъ предметовъ, время лекцій и условія подписки. Спб. 1898 г. Ц. 15 к.
- Овсяннико-Куликовскій, Д. Н. Л. Н. Толстой,** какъ художникъ. Вып. 1-й. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- Оглоблинъ, Н. Н.** Обзорѣніе столбовъ и книгъ сибирскаго приказа (1592—1768 гг.) ч. II. Документы таможеннаго управленія. Съ дополн. къ 1-й части. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Одинцовъ, Александръ.** Дѣла и дѣянія всероссійскаго кушечества въ доносеніяхъ китайскаго мавдарина. М. 1899 г. Ц. 30 к.
- Ользоттъ, Л.** Маленькіе мужички, ставшіе большими (jo's boys). Романъ для юношества. Переводъ М. А. Липшицъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Орнелскій, М.** Польскій вопросъ. Кіевъ. 1898 г. Ц. 60 к.
- Павловъ, А. П.** проф. Морское дно. Съ 43 рис. въ текстъ и 2 раскр. картинкамъ. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Павловъ, Н. М.** Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины (862 — 1362 гг.). Т. II. М. 1899 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Памяти Федора Ивановича Буслаева.** М. 1898 г. Ц. 75 к.
- Пантюховъ, И. (д-ръ).** Вліяніе малярін на колонизацію Кавказа. Съ картою. Тифлисъ. 1899 г. Ц. 30 к.
- Палковъ, А. А.** Погосты въ значеніи правительственныхъ округовъ и сельскихъ приходовъ въ Сѣв. Россіи. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Паульсонъ, Фридрихъ.** Эммануиль Кантъ, его жизнь и ученіе. Перев. съ нѣм. П. Лоскаго. Съ портретомъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Передольскій, В. С.** Новгородскія древности. Записка для мѣстныхъ изысканій. Вып. I. Новгородъ. 1898 г. Ц. 3 р.
- Перліа, (д-ръ).** Гигіена зрѣнія. Какъ слѣдуетъ беречь глаза и сохранять зрѣніе. Перев. съ нѣмецкаго подъ редак. женщины-врача М. Водковой. Спб. 1899 г. Ц. 35 к.
- Пинскеръ, Л. С.** «Авто-эмансипація». Призывъ русскаго еврея къ своимъ соплеменникамъ. Пер. Ю. П. Гессена. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.
- Подсѣнникъ.** Сборникъ для дѣтей. Рассказы Алтаева, Сѣрошевскаго, Оржежко, Уйда, Поповой и др. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Полибій.** Всеобщая исторія въ сорока книгахъ. Перев. съ греч. Ф. Р. Мищенка, съ его

- предисловіемъ, примѣчаніями, указателемъ, картами. Т. III. (кн. XXVI—XL). М. 1898 г. Ц. 4 р.
- Полянъ, Л.** Нищенствующій Парижъ. Пritворно бѣдные и дѣйствительно бѣдные. Зло и средство къ его искорененію. Пер. съ франц. А. Тулубова. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Полянъ, Людовикъ.** Нищенствующій Парижъ. Дѣйствительные и притворные нищие. Зло и способъ его искорененія. Пер. Г. Ю. Шрейеръ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Положеніе о государственномъ промысловомъ налоговъ.** Новый уставъ для торговли и промышленности. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 35 к.
- Померанцева, А. М.** Музыкальное дого. Учебн. пособіе къ элементарной теоріи и къ механическому навыку въ чтеніи нотъ. Ц. 3 р.
- Потапенко, И.** Два счастья. Романъ въ 3-хъ частяхъ. М. 1899 г. Ц. 2 р.
- Преображенскій, Ѳ. п., свящ.** Въ чемъ истинное счастье? Опытъ выясненія вопроса съ христіанской точки зрѣнія. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Къ вопросу о счастьѣ. Мнимый пессимизмъ ветхозавѣтнаго «суета суеть» М. 1898 г. Ц. 25 к.
- Профессоръ Н. В. Склифасовскій,** директоръ императорскаго клиническаго института в. к. Елены Павловны, Спб. 1899 г. Ц. 15 к.
- Proust, A. (проф.)** и **Ballet, G. (проф.)**. Гигіена и леченіе неврастениковъ. Перев. съ франц. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Путиловъ.** Разборъ шесть, одобренныхъ для народныхъ и солдатскихъ театровъ. Казань. 1898 г. Ц. 35 к.
- Пѣньковичъ, Н.** О сберегательныхъ кассахъ и судо-сберегательныхъ товариществахъ (преимущественно для простого народа). Замостье. 1898 г. Ц. 40 к.
- Ранне, Г. (проф.)**. Человѣкъ. Переводъ подъ ред. Д. А. Коробовскаго. 30 вып., 1440 рисунковъ въ текстѣ, 6 картъ въ краскахъ и 35 хромолитографій. Вып. 19—12. Ц. по подпискѣ на 30 вып. — 12 р. Отдѣльно выпускъ 50 к.
- Реймеръ, Н. К.** Геній и порокъ (психіатрическіе эскизы). Спб. 1899 г. Ц. 95 к.
- Яды цивилизаціи. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Реклю, Элизе.** Земля и люди. Вып. IV. Соединенные штаты. Ч. II. Перев. съ франц. подъ ред. Н. Березина. Съ 41 рис. и 25 чертеж. въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Ретвиль, Н. П.** Русско-финляндская имперія (критика теоріи проф. В. В. Иванова). 1898 г. Ц. 35 к.
- Рефераты, читанные въ 1896 и 1897 году.** Изданія историческаго общества при императорскомъ московскомъ университетѣ. Т. II. М. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Рибо, Т.** Аффективная память. Перев. съ франц. Е. Максимовой. 2-е изд. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Родина.** Сборникъ избранныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. М. 1898 г. Ц. 20 к.
- Рубанинъ, Н. А.** Вѣчная слава. Историческая хроника XVI столѣтія, извлеч. изъ голланд. архив. Книжн. изд. Червякомъ. Съ рис. К. Лебедева и друг. художн. М. 1899 г. Ц. 75 к.
- Рунге, М. (д-ръ).** Половая индивидуальность женщины. Пер. съ нѣм. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- Руновскій, Н.** Церковно-гражданскія законоположенія относительно православнаго духовенства въ царствованіе императора Александра II. Казань. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Русскій во Франціи.** Самая простая и легкая метода для скорого изученія франц. языка съ помощью хорошаго произношенія. М. 1899 г. Ц. 40 к.
- «Русскій Вѣстникъ»** 1899 г. № 1, январь. Ц. 1 р. 50 к.
- Русскій въ Германіи.** М. 1899 г. Ц. 40 к.
- Русское экономическое обозрѣніе.** Декабрь. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- «С.-Петербургъ»** иллюстр. еженед. журналъ. № 2. Цѣна за годъ съ дост. и перес. 2 руб.
- Сборникъ археологическаго института.** Книга шестая. Подъ ред. Н. И. Лихачева. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Сборникъ классныхъ работъ учениковъ центрального училища технич. рисованія бар. Штиглица за 1896 г.** Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- «Сельскій Хозяинъ»** 1899 г. № 11. Ц. за годъ 6 руб.
- Сергій, архіеп.** владимірскій и суздальскій. Православное ученіе о почитаніи святыхъ иконъ и другія сопряженныя съ нимъ истины православной вѣры. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Бесѣды объ основн. истинахъ святой православной вѣры. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Сеславинъ, Д.** Самоучитель франц. языка для взрослыхъ. Вып. 6-й. Ц. по подпискѣ 3 р.
- Самоучитель англійскаго языка для взрослыхъ. Вып. 4-й. Ц. по подпискѣ 3 р.
- Сикорскій, проф.** Объ успѣхахъ медицины въ дѣлѣ охраненія высшихъ сторонъ здоровья (Рѣчь). Кіевъ. 1898 г. Ц. 30 к.
- Синайскій, А.** свящ. Отношенія древне-русской церкви и общества къ латинскому западу (католичеству). (X—XV в.). Церковно-историческій очеркъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Сназна** объ елочкѣ и каменномъ углѣ. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.
- Сиповскій, В. В.** Къ литературной исторіи «Писемъ русскаго путешественника» Н. М. Каразина. Вып. I—III. Спб. 1897—98 г. Ц. 3-хъ вып. 1 р. 50 к. Ц. 11-го вып. 50 к., III вып. 50 к. Вып. I-й отдѣльно не продается.
- Смирновъ, А. Г.** Маха-Бхарата. (Махабхарата). Индійская пліада. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Соколовъ, Сергій.** Положеніе о государственномъ промысловомъ налоговъ. Съ прилож. официал. дополненій, инструкцій, алфав. конспекта, указателя сроковъ извлеч. изъ свода законовъ и статьи Н. И. Вѣлинскаго: «Какіе перемены въ облож. торговли и промысловъ вводитъ новый законъ». М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Соловьевъ, Владиміръ.** Оправданіе добра. Нравственная философія. 2-е дополн. изд. М. 1899 г. Ц. 4 р.

- Спутникъ пассажира по юго-восточнымъ жел. дорогамъ.** Вып. I. Козлово-Воронежско-Ростовская линія. 46 иллюстр. въ текстѣ, 5 отдѣльн. плановъ городовъ и карта юго-восточн. жел. дорогъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Старинова, А. А.** Курсы кройки и шитья бѣлья. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Степовичъ, А.** О древне-русской белегристикѣ. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Stintzing, R. prof.** Сонъ и безсонница. Пер. съ нѣм. д-ра Е. М. Швальбе. М. 1899 г. Ц. 35 к.
- Страусъ, О. Э.** Календарь для электротехниковъ на 1899 г. Киевъ. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Страховъ, Н.** Методика Закона Божія, съ изложеніемъ общихъ основъ и средствъ религіознаго воспитанія. Изд. 5-е. Харьковъ. 1899 г. Ц. 50 к.
- Страховъ, П.** Волнистое желѣзо. Теорія и расчетъ волнистыхъ сооружений. Съ 46 черт. на отд. табл. и 6 фигур. въ текстѣ. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Строгановъ, В. А.** Печное искусство. Практическое руководство для начинающихъ инженеровъ и архитекторовъ, а также для печниковъ, домовладѣльцевъ и строителей, въ 4-хъ част., съ 27 табл. и черт. на 42 листахъ. М. 1899 г. Ц. 3 р.
- Сухо-Нобылинъ, А. В.** Свадьба Кречинскаго. Комедія въ трехъ дѣйств. Съ фототипіями, снятыми со сцены театра Корша. М. 1898 г. Ц. 3 р.
- Тардъ, Г.** Реформа политической экономіи (Изъ «Lalogue sociale») Перев. съ франц. подъ ред. Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1899 г. Ц. 35 к.
- Тимофѣевъ, А.** Очерки по исторіи краснорѣчія (Демосфенъ, Цицеронъ. Средніе вѣка и эпоха до XVII стол. Краснорѣчье во Франціи въ XVII и XVIII вв.). Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Тихонравовъ, Н. С.** Сочиненія. Т. III, ч. II. Русская литература XVIII и XIX вв. Приложенія. М. 1898 г. Ц. за три тома (въ четырехъ частяхъ) 7 р. 50 к.
- Толстой, Л. Л.** гр. Яна Полягви. Воспоминанія для дѣтей изъ дѣтства. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Томпсонъ, С., проф.** Динамо-электрическія машины. Перев. Д. Голова. Вып. IX—X. Спб. 1899 г. Ц. полн. сочин. (10 вып.) 10 р.
- Трубниковъ, К. В.** Наша финансовая политика. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- Труды черниговской губернской архивной комисіи 1897—1898 г.** Вып. I. Черниговъ. 1898 г. Ц. 1 р.
- Тютчевъ, Ѡ. И.** Стихотворенія. М. 1899 г. Ц. 40 к.
- Универсальная таблицы для скораго и точнаго вычисленія объемовъ земляныхъ работъ при всякой ширинѣ земляного полотна, склонѣ его откосовъ и на косогорахъ. По способу инженера Ф. Ф. Мурзо.** М. 1898 г. Ц. 2 р.
- Успенскіе, М. И. и В. И.** Древнія иконы изъ собранія А. М. Пустыникова. Спб. 1899 г. Ц. 35 р.
- Фарраръ, Ф. В.** Безхарактерность—причина многихъ бѣдствій. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Голосъ совѣсти. Бесѣды о нравственности. Съ англійскаго Ф. С. Комарскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Раскаяніе—основаніе нравственнаго совершенства. Очеркъ нравовъ школьной жизни. Съ англ. Ф. С. Комарскаго. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Федоровъ, П. А.** Домашній токарь. Практическое руководство токарнаго мастерства: по дереву, металламъ, камню, рогу, кости, черепахѣ и перламутру. Съ 296 рис. въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Флугъ, К.** О вѣншемъ видѣ главнѣйшихъ типовъ русской золотой монеты. Съ изображеніемъ 52 образцовъ монетъ, приведеніемъ ихъ вѣса, пробы и изготовленнаго количества монетъ по царствованіямъ. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Фореель, А. (Лекція).** Алкоголь и душевное разстройство. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. М. Коровина. М. 1898 г. Ц. 20 к.
- Fournier, Alfred.** Ученіе о сифилисѣ. Первичный періодъ. Вып. I. Пер. съ фр. д-ра Л. А. Говсева подъ ред. проф. А. И. Носѣлова. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Фритцъ, Г.** Руководство по литографіи. Вып. I. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Хвольсонъ, О. Д.** Курсы физики. Т. III. Ученіе о теплотѣ. Съ 230 рис. въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 5 р.
- Худяковъ, П. К. проф.** Атласъ конструктивныхъ чертежей деталей машинъ. Изд. 3-е, ч. II. М. 1899 г. Ц. 7 р.
- Цезарь Станевичъ** докторъ медицины императ. спб. медико-хирургической академіи. Вильна. 1898 г. Ц. 30 к.
- Цухановъ, Н.** Сборникъ положеній, извлеченныхъ изъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента и общаго собранія кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената за 1889—1897 г. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Чириковъ, Евгений.** Очерки и рассказы. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.
- Чупровъ, А. И. проф.** Очерки исторіи политической экономіи. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Шавровъ, Н.** Шелковица, ея разведеніе и пользованіе ею. Руководство и справочная книга для сельскихъ хозяевъ и шелководовъ. Съ 142 рис. въ текстѣ. 2-е изд. испр. и дополн. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шантели де-ля-Соссей, Д. П.** Иллюстрированная исторія религій. Вып. VII. М. 1898 г. Ц. за все соч. (10 вып.) по подпискѣ 4 р.
- Шведскіе рассказы.** Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Шестовъ, Л.** Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шимановскій, В. Ю.** Нижегородская ярмарка.—Настоящее и будущее нижегородской ярмарки—Нижегородская ярмарка въ 1898 г. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Штеблеръ, Ф. Г. и Шретеръ, К.** Кормовыя травы. Изображенія и описанія съ данными объ ихъ воздѣлываніи, сельскох. достоинствѣ, полученія сѣмянъ и пр. Пер. со 2-го

изд. Н. И. Барсукова, подъ ред. П. С. Косовича. Т. I. Съ 15-хромолит. табл. и 83 рис. въ текстѣ. Спб. 1898 г. Ц. 4 р. 50 к.

Шульце-Геве́рницъ, Г. Крушное производство въ Россіи. (Московско-владимірская хлопчатобумажная промышленность). Пер. съ нѣм. Б. В. Авидова. М. 1899 г. Ц. 75 к.

Щепкина-Куперникъ, Т. Изъ женскихъ писемъ. Стихотворенія. М. 1898 г. Ц. 1 р.

Щербекъ, А. И. Грязелечебныя мѣстности Европейской Россіи (съ картою Европ. Россіи). М. 1898 г. Ц. 60 к.

Эберсъ, Георгъ. Арахисъ. Ист. романъ. Пер. съ нѣм. Е. В. Кившенко. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.

Энгельсъ, Фр. Происхождение семьи, собственности и государства. Пер. съ 6 нѣм. изд. Подъ ред. М. И. Юлишина. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Энциклопедическій словарь. Полудомъ 50.

Простатить.—Работный домъ. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

Эсмаркъ фонъ Фр. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Руководство для санитарскихъ школъ. Съ 150 рис. Пер. съ нѣм. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 80 к.

Юмористическій иллюстрированный альманахъ «Ежегодникъ» на 1899 г. Подъ ред. В. В. Жукова. Годъ III. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.

Юнь, Х. Е. Барабанчикъ, ударь! Картинки мира и войны. Съ нѣм. М. 1899 г. Ц. 75 к.

Янь-Рубанъ, Александръ. Пѣсни любви и печали. М. 1899 г. Ц. 50 к.

Яцимирскій, А. И. Изъ славянскихъ рукописей. Тексты и замѣтки. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федотовъ, Ѳ. О. страданіяхъ, смерти и погребеніи Господа нашего Иисуса Христа. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

1. Дюма, Ал. Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я.

2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.

3. — Три мукшкетера. Ром. Книга I-я.

4. — То же. Книга II-я.

5. Бальзанъ. Шагреновая кожа. Романъ.

6. Пр во, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гриё. Ром.

7. Крэкъ, А. Д. Эмили́й. Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деци и Валеріи. Переводъ съ англійскаго.

8. Кингслей, Ч. Ипатія или новые враги подъ старой личиной. Романъ. Томъ I-й.

9. — То же. Томъ II.

10. Жоржъ-Зандъ. Орасъ. Романъ.

11. Мериме, П. Жаке́рия. Сцены изъ феодальныхъ временъ.

12 и 13. Диккенсъ, Ч. Лавкадревностей. Ром.

14. Гете, В. Страданія молодого Вертера. Ром.

15. Басанинъ, Маркъ. Клубъ козичкаго дворянства. Романъ.

16. Фильдингъ. Исторія Тома Джомса Найденыша. Романъ. Томъ I-й.

17. — То же. Томъ II-й.

18. — То же. Томъ III-й.

19. Ясинскій, Іер. Старый другъ. Романъ.

20. Дюма, А. Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Т. I-й.

21. — То же. Томъ II-й.

22. Золя, Эмиль. Докторъ Паскаль. Ром.

23. Бульверъ, Эдвардъ, лордъ Литтонъ. Последніе дни Помпеи. Ром. Томъ I-й.

24. — То же. Томъ II-й.

25. Бичеръ-Стоу, Генр. Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ библиографіи этого произведенія Джоржа Буллена. Томъ I-й.

26. — То же. Томъ II-й.

27. Сю, Евгений. Вѣчный жидъ. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й.

28. — То же. Томъ II-й.

29. — То же. Томъ III-й.

30. — То же. Томъ IV-й.

31. — То же. Томъ V-й.

32. Бальзанъ. Женщина тридцати лѣтъ. Ром.

33 и 34. Флоберъ, Г. Госпожа Бовари. Провинціальныя нравы. Ром. Перев. съ франц.

35. Царь изъ дома Давида. Съ англ. Е. М. 36. Янушинъ, П. Великъ Богъ земли русской и другіе рассказы.

37 и 38. Грандъ, Сара. Небесныя близнецы. Перев. съ нѣм. А. Гердь.

39 и 40. Поз, Эдгаръ. Необыкновенныя рассказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЧЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ

МАРТЪ, 1899

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1899 г.

	стр.
I. Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть первая. XV—XIX. (Продолженіе). Графа Е. А. Саліаса	777
II. Записки графини В. Н. Головиной (1766—1870). VI—VIII. (Продолженіе)	801
III. Заштатный геній. И. Н. Потапенко	829
IV. Бабушка графиня М. Г. Разумовская. (Страничка изъ воспоминаній). М. Г. Назимовой	841
V. Честолюбіе погубило. Евгенія Альбовскаго	855
VI. Русскій народъ въ своихъ воззрѣніяхъ на себя и на свое прошлое. В. О. Михневича	866
VII. Черты изъ жизни И. С. Тургенева. В. Батуринаго	887
VIII. Жиржинскій бой 1863 года. П. Естифѣева	901
Иллюстраціи: 1) Варшавско-Люблинское шоссе и дефиле Жиржинскаго гѣса. — 2) Жиржинскій памятникъ.	
IX. Козельская Оптина пустынь. А. Н. Фирсова	914
Иллюстраціи: 1) Козельская Оптина пустынь. — 2) Старецъ іеросхимонахъ Амвросій. — 3) Флигель, въ которомъ жилъ въ скиту старецъ о. Амвросій. — 4) Памятники надъ могилами старцевъ о. Макарія (слѣва) и о. Амвросія (справа).	
X. Къ біографіи П. С. Мочалова. Е. П. Шумиловой-Мочаловой	934
XI. Памяти П. М. Третьякова. П. Н. Полевого	945
XII. Ученое фразерство. А. К. Бороздина	951
XIII. Памяти М. И. Пыляева. А. А. Плещеева	966
XIV. Бисмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ. I. В. Т.	976
XV. Очерки американской дѣйствительности. Е. Правдина	994
XVI. Критика и бібліографія.	1024

1) Музыкальные фельетоны и замѣтки Петра Ильича Чайковскаго (1868—1876 гг.), съ приложеніемъ портрета, автобіографическаго описанія путешествія за границу въ 1888 г. и предисловія Г. А. Лароша. Москва. 1898. Г. Т. — 2) Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Томъ I. Спб. 1899. Д. Е. — 3) С. И. Уманецъ. Воспоминанія о князѣ С. В. Шаховскомъ и балтійскіе очерки. Спб. 1899. Г. — 4) В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторія русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.). Спб. 1899. Б. в. н. — 5) Русскія лѣтописи. I—III. 1) Лѣтописецъ патр. Никифора. — 2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. — 3) Хроника русская (Лѣтописецъ краткій) проф. И. Даниловича. Съ предисловіемъ Сергія Бѣлокурова. М. 1898. В. Р—ва. — 6) Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. III. Софія. 1898. Е.—7) Д. И. Сапожниковъ. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина. Москва. 1899. М. С.—8) Архимандритъ Макарій (Глухаревъ), основатель Алтайской миссіи П. В. Птохова. Москва. 1899. К. X. — 9) Отчетъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1896 годъ, съ приложеніемъ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ общества. Астрахань. 1898. В. Р—ва. — 10) «Дѣлю». Сборникъ литературно-научный, изданный московскимъ отдѣломъ общества для усилія средствъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института. Москва. 1899. Ц. — 11) П. А. Пляшннъ. Царевна Наталья Алексѣевна и театр ея времени. (Памятники древней письменности. СХХVIII). Спб. 1898. Пещ—ва. — 12) Ламаизмъ въ Тибетѣ, его исторія, ученіе и учрежденія. Опытъ историко-миссіонерскаго изслѣдованія священника Іоанна Попова. Казань. 1898.

СОДЕРЖАНИЕ СЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЬ 1899 года).

	СТР.
Владимірскіе Мономахи. Романъ въ четырехъ частяхъ. Часть первая.	
Графа Е. А. Салиаса.	7, 377, 777
Записки графини В. Н. Головиной (1766—1817). I—VIII	39, 400, 801
Пытливый умъ И. Н. Потапенко.	77
Замѣчательныя русскія женщины. Марья Савишна Перекусихина. Вл. О. Михневича.	96
Сумерки. (Очеркъ изъ нравовъ 70-хъ годовъ). М. Е. Ермолиной.	118
Сенаторъ Синельниковъ и императоръ Александръ II. П. П. Суворова. . .	137
Памяти Я. П. Полонскаго. С. И. Уманца.	147
иллюстрація: факсимиле Я. П. Полонскаго.	
Воспоминанія объ П. Θ. Горбуновѣ. В. А. Тихонова.	167
иллюстрація: Иванъ Федоровичъ Горбуновъ.	
По пути Суворова въ Швейцаріи. М. Б. Стремоухова.	187
иллюстраціи: 1) Схема похода Суворова въ Швейцаріи 1799 г. —2) Памятникъ сподвижникамъ Суворова у Чортова моста, открытый 14-го сентября 1898 года. —3) Долина р. Тичино. Селеніе Таверно. —4) Долина р. Тичино. Хижина, пріютившаяся подъ каменной глыбой. —5) Долина р. Тичино. Горный потокъ въ Виско. —6) Долина р. Тичино. Бедичона. Castello Grande. —7) Долина р. Тичино. Деревня Айроло, гдѣ начинается подъемъ на С.-Готардъ. —8) Подъемъ на С.-Готардъ. Бронированная пушка-мигальеза, поставленная около шоссе. —9) Подъемъ на С.-Готардъ. Рѣка Соречиа. —10) Подъемъ на С.-Готардъ. Общій видъ перевала на половинѣ подъема. —11) С.-Готардъ. Развалины часовни на русской могилѣ. —12) Камень на С.-Готардъ, съ остатками надписи. —13) Госписъ на С.-Готардъ (бывшій странноприимный домъ). —14) С.-Готардъ. Общій видъ на перевалъ. —15) С.-Готардъ. Высшая точка перевала (2114 метровъ). —16) Долина рѣки Рейса. Роспенталь. —17) Долина р. Рейса. Андерматъ (Урзернъ). —18) Долина р. Рейса. Урнерская долина (Urnerloch). —19) Видъ на Чортовъ мостъ, Урнерскую дыру и памятникъ Суворову (нижняго моста нынѣ не существуетъ). —20) Долина р. Рейса. Старый мостъ на рѣкѣ. —21) Люцернское озеро. Видъ на озеро съ юга. —22) Хребетъ Роштокъ у Люцернскаго озера. —23) Село Бюрленгъ въ Шехенской долинь. —24) Мутенская долина. Видъ на тропинку черезъ Роштокъ, по которой прошла армія Суворова. —25) Мутенская долина. Женскій монастырь, гдѣ была главная квартира Суворова. —26) Мутенская долина. Комната въ монастырь, которую занималъ Суворовъ, и гдѣ происходилъ военный совѣтъ. —27) Мутенская долина и видъ на перевалъ Прагелъ. —28) Мутенская долина. Мостъ Суворова (видъ спереду).	
Палестина и тяготѣніе къ ней разныхъ народовъ. Б. Б. Глинскаго.	231
Салютисты въ Германіи. Ник. А. Дингельштедта.	272
Графиня Софія Потоцкая. С. А. Адрианова.	426
Варшава въ 1861 году. (Изъ записокъ очевидца). Н. Д. Горемыкина. . .	440
Какъ я ходилъ въ народъ. (Посвящается памяти Н. В. Новикова и О. Е. Сухановой). Н. О. Осипова.	457
Кто и когда выдумалъ Россію? В. О. Михневича.	499
Къ биографіи А. П. Щанова. П. В. Знаменскаго.	511
Къ исторіи сербско-турецкой войны 1876 года. Н. Н. Дурново.	531
Въ дореформенной Сибирп. (Изъ дневника мѣстнаго старожила). Н. Ф. Борисовскаго.	538
По поморью. (Путевыя замѣтки). А. Г. Слезкинскаго.	564
иллюстраціи: 1) Перегрузка мурманской трески въ Архангельскѣ. —2) Типы рыбаковъ-поморовъ. —3) Городъ Кемь. —4) Деревня Кивкегубе. —5) Село Килдалакша. —6) Ловли семги заборомъ.	
Тридцатипятилѣтніе литературной дѣятельности графа Е. А. Салиаса. А. К. Бороздина.	608
иллюстрація: Графъ Евгенийъ Андреевичъ Салиасъ.	
Энциклопедія русской жизни. Б. Б. Глинскаго.	617
Новыя школы въ Англии. И. Н. З.	643

	стр.
Первый конгрессъ по русской дипломатіи. В. Т.	652
Очерки американской дѣйствительности. I—II. Е. Правдина.	656, 994
Михаилъ Сергѣевичъ Корелинъ. (Некрологъ). П. К—аго.	679
Заштатный геній И. Н. Потапенко.	829
Бабушка графиня М. Г. Разумовская. (Страничка изъ воспоминаній). М. Г. Назимовой.	841
Честолюбіе погубило. Евгенія Альбовскаго.	855
Русскій народъ въ своихъ воззрѣніяхъ на себя и на свое прошлое. В. О. Михневича.	866
Черты изъ жизни П. С. Тургенева. Б. Батуринаскаго.	887
Жиржинскій бой 1863 года. П. Естифѣева.	901
Иллюстраціи: 1) Варшавско-Люблинское шоссэ и дефиле Жиржинскаго дѣла.—2) Жиржинскій памятникъ.	
Козельская Оптина пустынь. А. Н. Фирсова.	914
Иллюстраціи: 1) Козельская Оптина пустынь.—2) Старецъ Герохиимъ Амвросій.—3) Флигель, въ которомъ жилъ въ скиту старецъ о. Амвросій.—4) Надгробники надъ могилами старцевъ о. Макарія (сѣва) и о. Амвросія (справа).	
Къ біографіи П. С. Мочалова. Е. П. Шумиловой-Мочаловой.	934
Памяти П. М. Третьякова. П. Н. Полеваго.	945
Ученое фразерство. А. К. Бороздина.	951
Памяти М. Н. Пыляева. (Некрологъ). А. А. Плещеева.	966
Бисмаркъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ. А. В. Т.	976
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	301, 683, 1024

1) С. Бѣлокуръ, о бібліотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Москва, 1899. А. Л.—на.—2) М. О. Суверанскій, Сибирскъ и его прошлое. (1648—1898 гг.). Историческій очеркъ. Изданіе сибирской губернской ученой архивной комисіи. Сибирскъ, 1898. и. и.—3) Г. А. Зювъ, Споменія Петра Великаго съ армянскимъ народомъ. Документы, извлеченные изъ Московскаго главнаго и С.-Петербургскаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, австрійскаго придворнаго и государственнаго архива, королевско-баварскаго тайнаго государственнаго архива и другихъ учреждений. Спб. 1898. В. Р.—ва.—4) Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Виды архива и снимки хранящихся въ немъ документовъ, рукописей и печатей. Съ 23 фототипическими таблицами. М. 1898. с. ш.—5) Фельд-маршалъ графъ Б. П. Шереметьевъ. Военно-походный журналъ 1711 и 1712 гг. Изданіе военно-ученаго комитета главнаго штаба. Подъ редакціей полковника А. З. Мышлаевскаго. Спб. 1898.—Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Выпускъ XII. Война съ Турціей 1711 г. (Прутская операція). Генеральнаго штаба полковникъ А. З. Мышлаевскій, экстраординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Спб. 1898. В. Б.—6) Вл. Черванскій. Двѣ волины. Историческая хроника. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1898. Б. м.—7) О. Шелиговскій. Паденіе Константинополя. Историческій очеркъ. Спб. 1898. с.—8) Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый археологическимъ институтомъ. Выпускъ X. Спб. 1898.—9) Т. Рибо. Философія Шопенгауера. Переводъ съ пятаго французскаго изданія М. Суверанскаго. Спб. 1898. и. и.—10) «Миръ искусства». Художественный журналъ. Изданіе кн. М. Тенишевой и С. Мамонова. № 1 и 2. Москва, 1898. г. Эрастова.—11) Kraushar Alexander. Bourbonni na wygnaniu w Mitawie i Warszawie. Szkice historyczne (1798—1805). Съ иллюстраціями. Варшава, 1899. г. А. Воробьева.—12) Portraits et tableaux appartenant aux Archives principales de Moscou du ministere des affaires etrangeres. Avec 18 planches photographiques. Moscou. 1898. с. ш.—13) Труды Черниговской губернской архивной комисіи. 1897—1898 г. Выпускъ первый. Черниговъ, 1898. в. Рудавога.—14) Сельская школа. Сборникъ статей С. А. Рачинскаго. Изданіе третье, дополненное. Спб. 1898. и. н. З.—15) Малый энциклопедическій словарь. Съ приложеніемъ краткихъ руководствъ по различнымъ отраслямъ знанія и словарей иностранныхъ языковъ. Выпускъ первый. А.—Аоонъ. Изданіе Вроггауза и Эфрона. Спб. 1898. с. ш.—16) М. Н. Ремезовъ. Византія и византіяцы конца X-го вѣка. По Г. Шлюмберже. Москва, 1898. с.—17) Жанъ Ревильль. Религія въ Римѣ при Северахъ. Москва, 1898. в.—18) Римельевскій лицей и императорскій Новороссійскій университетъ. Сборникъ, издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета. Часть I. Одесса, 1898. В. Р. ва.—19) С. И. Писаревъ. Памятная книга г. Смоленска. Историко-современный очеркъ, указатель и путеводитель. Смоленскъ, 1898. В. Р. ва.—

20) Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпуск четвертый: Славяно-русский прологъ. Часть вторая. Январь-апрель. Издание под редакціей профессора А. И. Пономарева. Сиб. 1898. с.—21) В. Ляко-ронскій. Иностранные карты и атласы XVI и XVII вѣковъ, относящіяся къ Южной Россіи. Кіевъ. 1898. Пещ—а. — 22) Царскія охоты на Руси царей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича. XVII вѣкъ. Историческій очеркъ Николая Кутепова. Сиб. 1898. П. Полевого.—23) П. Сергѣенко. Какъ живеть и работають графъ Л. П. Толстой. М. 1898. г. л. и.—24) Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алепискимъ. Переводъ съ арабскаго г. Муркоса. По рукописи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпускъ четвертый. Москва. 1898. с.—25) Фаустъ, — трагедія Гете. Переводъ А. Фета съ рисунками Э. Зейберга. Изданіе А. Ф. Маркса. Иллюстрированная бібліотека «Нивы». Спб. 1899. в. к. —26) П. И. Ковалевскій. Вырожденіе и возрожденіе. Религіи и суазмистіе. Соціально-біологическіе очерки. Изданіе «Русскаго Медицинскаго Вѣстника». Спб. 1899. и. Гофштеттера. — 27) Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе В. И. Семевского. Т. I. Отъ начала золоторо-мышленности въ Сибири до 1870 года. Т. II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 года. Изданіе Н. М. Сибирякова. Сиб. 1898. Б. Б. Глинскаго.—28) А. П. Повинскій. Исторія русскаго искусства. Изданіе магазина «Книжное Дѣло». Вып. 1. Москва. 1898. г. П. А. — 29) Г. Я. Киприановичъ. Историческій очеркъ православія, католицизма и униѣ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ съ древнѣйшаго до настоящаго времени. Второе значительно дополненное изданіе. Вильна. 1899. и. Любарскаго.—30) А. И. Дмитриевъ-Мамоновъ. Пугачевщина въ Сибири. Москва. 1899. А. Фаресова.—31) Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Т. I—3. Сиб. 1898. Б. Г. — 32) Семидесятилѣтніе гимназіи императорскаго человеколюбиваго общества. 1829—1895 г. Сиб. 1898. вл. Бодяновскаго.—33) Древнерусская картографія. Выпускъ I. Планы г. Москвы XVII вѣка. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. М. 1898. Б. Р.—ва. — 34) А. Метель. Соціализмъ въ Англіи. Сиб. 1898. к.—35) Г. Лавсонъ. Исторія французской литературы XVII в. Переводъ З. Венгеровой.—XVIII вѣкъ. Переводъ П. О. Морозова.—XIX вѣкъ. Переводъ П. О. Морозова. Сиб. 1899. Гюставъ Жансонъ. Исторія французской литературы, томъ II. Изданіе Солдатенкова. Москва. 1898. к.—36) Aleksander Hirschberg. Dymitr Samozwaniec. We Lwowie. 1898. в. Р. с.—37) Древности. Труды археологической комиссіи императорскаго московскаго археологическаго общества. Томъ I. Выпускъ I и 2. Москва. 1898. в. Б.—ва. 38) Луи Бертранъ. Общество взаимной помощи въ Вельгии. Перев. съ франц. Сиб. 1898. Е. Щ. — 39) М. Алехановъ-Аварскій. Походъ въ Хиву. 1873. Стенъ и оазисъ. Сиб. 1899. Б.—40) Музыкальные фельетоны и замѣтки Петра Ильича Чайковскаго (1868—1876 гг.), съ приложеніемъ портрета, автобіографическаго описанія путешествія за границу въ 1888 г. и предисловія Г. А. Зарина. Москва. 1898. г. т.—41) Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Томъ I. Сиб. 1899. Д. Е.—42) С. П. Уманецъ. Воспоминанія о князѣ С. В. Шаховскомъ и баттальонскіе очерки. Сиб. 1899. г. — 43) В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.). Сиб. 1899. Б. в. н.—44) Русскія дѣтисписи. I—III. 1) Лѣтописецъ патр. Никифора.—2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго—3) Хроника русская (Лѣтописецъ вратѣцъ) проф. П. Даниловича. Съ предисловіемъ Сергія Вѣлкурова. М. 1898. в. Р.—ва.—45) Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. III. Софія. 1898. с.—46) Д. И. Сажинниковъ. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина. Москва. 1899. м. с.—47) Архимандритъ Макарій (Глухаревъ), основатель Алтайской миссіи. П. В. Штохова. Москва. 1899. к. X. — 48) Отчеты Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1896 годъ, съ приложеніемъ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ общества. Астрахань. 1898. в. Р.—ва.—49) «Дѣло». Сборникъ литературно-научный, изданій московскимъ отдѣломъ общества для успелія еретьствъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института. Москва. 1899. щ. — 50) П. А. Шляпкинъ. Царевна Наталья Алексѣевна и театр ея времени. (Памятники древней письменности. СХХVIII). Спб. 1898. Пещ—ва. — 51) Ламанизмъ въ Тибетѣ, его исторія, ученіе и учрежденія. Опытъ историко-мисіонерскаго изслѣдованія священника Іоанна Попова. Казань. 1898. х—ча.—52) Я. К. Гротъ. Труды. Изъ скандинавскаго и финскаго міра (1839—1881). Очерки и переводы. Изд. подъ ред. проф. К. Я. Грота. Спб. 1898. щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЯЛОЧИ . 335, 716, 1050

1) Говорящая статуя въ древнемъ Египтѣ.— 2) Роль интеллигентовъ въ паденіи Константинополя въ 1453 году.—3) Сорель о Желѣзной Маскѣ. — 4) Кризисъ въ концѣ прошедшаго столѣтія. — 5) Мемуары баронессы Курго. — 6) Къ юбилею Мицкевича.— 7) Возстаніе рабочаго населенія въ Англіи въ 1381 году.—8) Прахъ Колумба. —9) Изъ эпохи «lettres de cachet». — 10) По-

вая книга о Маріи-Антуанеттѣ.—11) Молодость Наполеона.—12) Изъ разговоровъ Наполеона.—13) Жена Мюрата.—14) О смерти Шелли.—15) Англійскій вице-адмиралъ о Крымской кампаніи.—16) Россія и Франція въ 1870 году.—17) Оцѣнка воспоминаній Бисмарка.—18) Пѣвецкая исторія Сибири.—19) О первыхъ годахъ въ исторіи.—20) Англійская исторія православной церкви.—21) Легенда объ императрицѣ Елизаветѣ.—22) Изъ бумагъ маршала Кауробера.—23) Загадка объ эмской депешѣ.—24) Изъ переписки двухъ государей.—25) Объ австрійской императрицѣ Елисаветѣ.—26) Изъ книгъ и статей о Россіи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 734, 1069

1) Императоръ Николай Павловичъ въ Бобруйскѣ. (Воспоминаніе очевидца). Сообщено г. Кулебно-Корецкимъ.—2) Къ характеристикѣ императора Александра I. Сообщ. Г. А. Яценко.—3) Одинъ изъ освободительныхъ опытовъ дереформенной эпохи. Сообщ. В. П. Горленко.

СМѢСЬ 343, 736, 1076

1) Открытіе памятника Н. С. Нахичову.—2) Освященіе памятника на братской могилѣ.—3) Къ юбилею Пушкина.—4) С.-Петербургское археологическое общество.—5) Общество любителей древней письменности.—6) Археологическій институтъ.—7) Историческое общество.—8) Географическое общество.—9) Географическое отдѣленіе общества любителей естествознанія въ Москвѣ.—10) Антропологическое общество при военно-медицинской академіи.—11) Антропологическое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ.—12) Подготовительныя работы къ XI археологическому съезду.—13) Новое изданіе Академіи Наукъ.—14) Одесское литературно-артистическое общество.—15) Русское отдѣленіе Археологическаго общества.—16) Премія имени Г. Ф. Карпова.—17) Премія М. И. Михельсона.—18) Приращенія московскихъ музеевъ.—19) Торжественное засѣданіе императорской Академіи Наукъ.—20) Памятникъ Мицкевичу въ Варшавѣ.—21) Диспутъ С. А. Жебелева.—22) Диспутъ Н. С. Смирнова.—23) С.-Петербургское археологическое общество.—24) Археологическій институтъ.—25) Общество любителей древней письменности.—26) Историческое общество въ Москвѣ.—27) Археологическое общество въ Москвѣ.—28) Археологическая комиссія Московскаго археологическаго общества.—29) Библиографическій кружокъ.—30) Рязанская ученая архивная комиссія.—31) Открытіе византійско-славянскаго отдѣленія.—32) Географическое общество.—33) Конгрессъ по доисторической археологіи.—34) Къ юбилею Пушкина.—35) Музей Суворова.—36) Къ юбилею О. Г. Волкова.—37) Семейный архивъ А. С. Грибоѣдова.—38) Кладъ въ Киево-Печерской лаврѣ.—39) Завѣщаніе русскаго археолога.—40) Къ юбилею Пушкина.—41) Историческое общество при Московскомъ университетѣ.—42) Археологическое общество въ С.-Петербурѣ.—43) Археологическій институтъ.—44) Общество любителей древней письменности.—45) Генеалогическое общество.—46) Московская археографическая комиссія.—47) Археологическій кружокъ въ гор. Ташкентѣ.—48) Антропологическое общество.—49) Постановленіе объ антропологическихъ находкахъ.—50) Къ XI археологическому съезду.—51) Географическое общество.—52) Экспедиція въ Монголію.—53) Экспедиція для изученія Якутскаго края.—54) Коллекція памяти О. М. Достоевскаго.—55) Некрологи: Н. И. Раевскій; В. А. Воскресенскій; Е. Д. Польнова; В. И. Юргевичъ; И. О. Ковшенковъ; П. М. Третьяковъ; П. Я. Соловьевъ; А. Н. Лебедевъ; А. А. Скалковскій; А. К. Чугуновъ; П. И. Куріаръ; А. А. Кунинъ; В. М. Флоринскій; А. А. Хованскій; Н. О. Красковскій; В. А. Фидлеръ; И. А. Дингельштедтъ; И. Л. Силинъ.

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ 369, 1104

1) Къ вопросу о бояринѣ М. Б. Шениѣ. (Отвѣтъ г. Иловайскому). Н. Оглоблина.—2) Историческое подомѣніе относительно числа 26-го октября. Василія Шевича.—3) Къ вопросу объ ископаемыхъ стекляннихъ шарахъ. Штабсъ-капитана Стабровскаго.—4) О смерти іезуита Мартынова. Г. И. Студеннина.—5) Къ статьѣ: Кто и когда выдумалъ «Россію»? Д. Соголова.

РѢДКІЕ ПОРТРЕТЫ. 1108

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій. Л. Е. Баратынскаго.

СУДЬ ЧЕСТИ ПРИ СОЮЗѢ ВЗАИМОМОЩИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. ЗАСѢДАНІЕ 26-ГО ЯНВАРЯ И 4-ГО ФЕВРАЛЯ 1899 Г. . . 1109

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты М. С. Перекусихвиной, графини Софіи Потоцкой и Е. А. Баратынскаго.—2) Сыны Израиля. Драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ. Виктора Крылова и С. Литвина.—3) Графъ Мирабо (Graf Mirabeau. Von Theodor Mundt). Историческій романъ въ 4-хъ частяхъ Т. Мундта. (Переводъ съ нѣмецкаго З. У.). Часть I. Гл. I—VI.

ЕВГЕНІЙ АБРАМОВИЧЪ БАРАТЫНСКІЙ

ДОВ. ЦЕНЗ. 23 ФЕВРАЛЯ 1899 Г. СПБ.

ВЛАДИМИРСКІЕ МОНОМАХИ ¹⁾.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

(Посвящается Сергѣю Николаевичу Шубинскому),

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XV.

АННА ФАВСТОВНА между тѣмъ нетерпѣливо ожидала свою Сусанну Юрьевну. Она тревожилась, что Басановъ позвалъ племянницу вечеромъ къ себѣ, предупредивъ, что есть дѣло.. Угрюмова все боялась доноса Змглода послѣ его словъ Анкѣ. И хотя ея безстрашная барышня отнеслась къ случаю съ презрѣніемъ, тѣмъ не менѣе Анна Фавстовна сильно смущалась. Она совсѣмъ опѣшила, когда Сусанна злая вернулась къ себѣ и хлопнула дверью за собой.

— Что такое? Что?—воскликнула Угрюмова при видѣ ея.

— А то вотъ, что новая бѣда! Я по глупости или безпечности объ этомъ никогда не думала,—воскликнула Сусанна волнуясь. — А дѣло самое простое.. Впрочемъ, что-жъ я говорю.. Покуда былъ здоровъ Алеша, это было и не страшно. А теперъ это всю Высокеу перевернетъ вверхъ дномъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXV, стр. 37.
«Истор. вѣстн.», мартъ, 1899 г., т. LXXV.

— Да что такое? Не Змглодь же?..

— Онъ собрался Дарьюшкѣ жениха искать. Поняли?

— Дарьѣ Аникитинѣ? Жениха?.. Сейчасъ?

— Ну, да... Хочетъ писать прежнимъ своимъ пріятелямъ по полку, которые женаты и сыновей имѣютъ...

— Сейчасъ?..

— Да что вы, какъ дура какая, заладили! — разсердилась Сусанна... — Сейчасъ да сейчасъ... Говорятъ вамъ — да. Ну, завтра или послѣ завтра перваго гонца отправить.

— Да, какъ же, моя золотая... — отозвалась Угрюмова, разводя руками... — Я въ толкъ взять не могу. Чего же это приспичило? Хоть бы далъ сыну-то помереть, да справилъ бы поминки сороковыя... Ну, тогда бы и началъ хлопотать... А то вдругъ...

Сусанна начала, волнуясь, ходить по комнатамъ и не отвѣтила.

— Вы знаете, каковъ онъ... — заговорила она чрезъ мгновеніе. — Вдругъ прозрѣлъ или упрямиться бросилъ, спохватился, что Алеша помираетъ, и схватился за новую затѣю...

— Загорѣлось.

— Именно, загорѣлось. Да это все равно. Теперь ли, послѣ ли... А подумайте, какъ все трафится. Просто ни глазамъ ни ушамъ не вѣрится. А я-то... я-то? Мнѣ-то? Все хуже, все мудренѣе... Именно навожденіе дьявольское вокругъ меня... Вотъ, вотъ со всѣхъ сторонъ нечистая сила одолеваетъ. И что я ни подумай, ни сдѣлай — все отъ нея прахомъ идетъ! Сатана все по-своему вершитъ!

— Опять вы за свое, Сусанна Юрьевна.

— Да. Сатана! И ничего не подѣлаешь! Его не обворожишь... Въ полюбовники не возьмешь, чтобы помыкать...

— Не люблю я, когда вы такъ его поминаете... да такія рѣчи объ немъ ведете, — боязливо отозвалась Угрюмова. — Да еще пальцемъ какете, будто онъ впрямь, прости Господи, тутъ по близости стоитъ. И примѣтила я, золотая, что не къ добру вы его всегда поминаете да кличете...

— Должно быть, — злобно усмѣхнулась Сусанна.

— Вѣрно вамъ сказываю. Я примѣтила, какъ начнете вы гнѣваться да врага человѣчьяго кликать, такъ онъ будто и шастъ... къ намъ, то-ясь... И всякое то, все хуже, да хуже оборачивается для насъ, а не лучше... Вотъ что-сь...

— Потому что онъ, дьяволъ, противъ меня... А будь онъ за меня... Будь онъ на красавицѣ падокъ... Задала бы я ему трезвону... Уходила бы его... вотъ какъ — сказываютъ — Алешу.

— Ахъ, Сусанна Юрьевна. Ей-Богу же... Тьфу! Прости Господи! И Расскажи кому про этикія ваши слова, никто не повѣритъ.

Угрюмова перекрестилась и чуть замѣтно плюнула три раза.

— Да. Креститесь, не креститесь, — раздражительно размѣялась Сусанна. — Въ этомъ нѣтъ силы. Я не только отъ него крестомъ да

молитвою никогда не оборонилась, а сто разъ прямо звала: поди, можь, сюда, людьми клятый, да помощи... Душу, какъ въ сказкѣ сказывается, въ закладъ бери! И, понятно, никогда ничего не добилаь. Бывало не разъ даже бранилась да насмѣхалась, издѣвалась... Ахъ, можь, ты, Сатана Сатаниновичъ, олухъ измышленный. Будь ты и впрямь на свѣтѣ, да хозяйничай, какъ люди выдумали да врутъ, то давно бы на мой зовъ откликнулся, окаянный...

— Ахъ, Сусанна Юрьевна... Не могу я!..—воскликнула Угрюмова отчаянно и, взявъ себя руками за голову, она поднялась со стула, чтобы уйти.

— Ну, сидите, сидите. Я вѣдь зову... Не вы... Мнѣ бѣда, а не вамъ.

— Да, мнѣ васъ жаль, золотая моя... Сколько разъ я вамъ твердила: помолитесь Богу... Просите прощенья. Чаще въ церковь ходите, чаще говѣйте... Господь проститъ, и все наладится. А вы—нѣтъ! Въмѣсто Бога все его кличете... И какъ, говорю, начнете шибче кликать, то только хуже выходитъ все...

Наступило молчаніе. Сусанна сѣла, понурилась и задумалась, а потомъ медленно заговорила будто себѣ самой, будто вспоминая и рассказывая и будто защищая себя предъ кѣмъ-то...

— Да... Была бы я, какъ всѣ. Зачѣмъ меня судьба обидѣла. Не по охотѣ такъ начала я помышлять, а люди заставили. Я тоже, какъ всѣ, была и добрая и довѣрчивая... Дѣвочкой Богу молилась, можетъ, побольше, чѣмъ какая иная въ эти годы. Съ тринадцати лѣтъ, помню, стала Бога просить послать мнѣ мужа, хорошаго, добраго, чтобы я его всю жизнь любила, его одного... Вотъ и послалъ!.. Да не Господь послалъ, а сатана послалъ. Злыдня и обманщика!.. А люди потомъ начали изъ-за него попрекать да клясть. И не его, дьяволова посланца, а меня... А за что же меня? Чѣмъ я была виновата? Тѣмъ развѣ, что не знала, какіе злыдни на свѣтѣ урождаются, и какія злыя дѣла на свѣтѣ творятся... Ну, вотъ и возмутили во мнѣ душу на всю жизнь... Была я что овца, а стала волкомъ... Чья вина?! Они здѣсь меня «ястребихой» прозвали за смѣлость мою и за повадку... Нѣтъ. Меня бы лучше имъ «волчихой» звать. Да... Меня разъ обидѣли кровно, больно, безжалостно. Ну, а я стала оплачивать сторицею. Да, это еще все цвѣточки... Чую, что все цвѣточки. Ягодки будутъ еще впереди... Сатана сробѣетъ и, можетъ, со страха откликнется мнѣ.

— Ахъ, Сусанна Юрьевна!—воскликнула слушающая Анна Фавстовна и всплеснула руками.

Сусанна будто очнулась... Она себѣ говорила и почти забыла, что около нея сидитъ ея наперсница.

Это выраженіе Сусанны объ ягодкахъ впереди было отвѣтомъ на новую мысль, смутно явившуюся ей вдругъ въ голову. Владѣлецъ Высоксы замѣнится скоро другимъ владѣльцемъ. Почему не

попробовать покорить себѣ также этого новаго хозяина въ домѣ и распорядителя всего состоянія? Да, тогда уже пойдутъ—ягодки.

Аникита Ильичъ относится къ ней, племянницѣ и сожительницѣ, уже года съ три, не такъ, какъ бывало... Прежде, бывало, отъ ея словъ: «отпустите меня!» онъ такъ пугался, что страстно, на колѣняхъ молилъ не покидать его. А теперь онъ на эти же слова только рукой машетъ. Первые годы дѣйствительно онъ былъ,—насколько позволялъ ему его шестой десятокъ лѣтъ,—страстно, чуть не юношески влюбленъ въ нее,—въ нее, дѣвушку, которая, по выраженію русскому, «всѣмъ взяла».

И красива, и умна, и бойка, и всѣхъ безъ исключенія очаровываетъ привѣтливостью, и, наконецъ, главное... любить его, несмотря на страшную разницу лѣтъ. А разница была въ тридцать пять-шесть лѣтъ. Ей не было полныхъ восемнадцати, когда ему было пятьдесятъ три года.

Въ любви пылкой и настоящей женской, женщины къ мужчине,—а не въ дружеской привязанности,—она сумѣла его хитро увѣрить. И этимъ былъ онъ счастливъ. И за это спускалъ все своей Саннѣ, позволялъ капризничать, своевольничать и даже помыкать собою.

Теперь, когда ему 63 года, а ей уже подъ тридцать, разстояніе лѣтъ между ними какъ бы уменьшилось. Она, все-таки, красивая женщина, въ которую легко еще влюбиться всякому, но, однако, она понимаетъ, что прежней восемнадцатилѣтней весенней прелести въ ней, конечно, нѣтъ и помину. А онъ, «старая Кита», вѣроятно, благодаря обливаніямъ, пиленію кружковъ и питью зелья калмычки Кушки оставался будто все тотъ же, что былъ десять лѣтъ назадъ. Только сѣдина въ волосахъ, только дымка тусклая въ глазахъ, только нѣсколько морщинокъ около висковъ прибавилось. Да, разница лѣтъ уменьшилась! Теперь, когда наугадъ ей иные иногда даютъ всѣ тридцать лѣтъ, ему всѣ даютъ пятьдесятъ пять... Да не въ этомъ дѣло. А первыя пять лѣтъ она вполне властвовала надъ нимъ и знала, видѣла, что, кромѣ брака съ ней, можетъ все, что хочетъ, заставить сдѣлать... Теперь же онъ сталъ независимѣе и незамѣтно выпелъ изъ-подъ ея полного вліянія.

Прежде причину этого она напрасно старалась отгадать... Она думала, что старикъ, надѣясь, что у нихъ будетъ ребенокъ, и собираясь на ней жениться, смотрѣлъ на нее, какъ на будущую жену, а отчаявшись перемѣнился. Теперь она понимала, что онъ просто охладѣлъ, такъ какъ по своей натурѣ не способенъ постоянно любить одинаково одну и ту же женщину. Уже черезъ три года сожительства дядя сталъ снова «поглядывать» на другихъ женщинъ. А затѣмъ вскорѣ у него начались опять, какъ было еще при жизни обихъ женъ, временныя увлеченія—и простыя недѣльныя прихоти и полугодовыя привязанности.

Спасибо еще, что онъ продолжалъ, все-таки, быть и въ нее влюбленнымъ. Все-таки, она была красивѣе всѣхъ этихъ бабъ-молодухъ, горничныхъ и приживалокъ. А, съ другой стороны, она даже выиграла. Онъ меньше надоѣдалъ ей своими ласками, не мѣшалъ любить Алешу.

— Да... Такъ. Такъ... — заговорила, наконецъ, снова Сусанна, будто яснѣе обсудивъ свое положеніе и рѣшаясь...

— Что такое?—спросила Угрюмова.

— Себѣ говорю... Надо такъ дѣло свое повести, чтобы изъ-за разныхъ затѣй «Киты» выходило для меня все къ лучшему, а не къ худшему... Вотъ онъ заведетъ новаго хозяина въ Высокскъ, станетъ съ внучками возиться... Ну, а я стану возиться съ его зятькомъ.

— Какъ то-ись?—не поняла Угрюмова.

— А просто... Дарьюшкина мужа приберу къ рукамъ, пуще, чѣмъ Алешу... Вотъ тогда и пойдутъ ягоды...

— Ну, Сусанна Юрьевна... Это... это ужъ тогда и совѣмъ конецъ намъ будетъ. Улетимъ отсюда.. Вѣрно.

— Почему же это? Напротивъ. Новый хозяинъ за меня станетъ.

— Да вѣдь у него жена будетъ!—перебила Анна Фавстовна.— Аникита Ильичъ былъ вдовъ. Алексѣй Аникитичъ былъ холостъ... Вы еще не пробовали, не знаете, что такое ревнивая жена... Отъ ревнивицы, сказывается, трусь на землѣ приключиться можетъ.

— Дарьюшка — дурочка, да и малый ребенокъ... Ну, да вотъ увидите, Анна Фавстовна. Увидите!—недобрымъ смѣхомъ разсмѣялась Сусанна.—Такія ягоды въ Высокскъ увидятъ все и даже сама «Кита», что Сатана прибѣжитъ тоже глазѣть и ахать. А я буду насмѣхаться и говорить ему: что, братъ, чья взяла?

— Аникитѣ-то Ильичу? Да онъ васъ...

— Не Аникитѣ, сударыня... Мнѣ на него будетъ тогда уже наплевать... А Сатанѣ Сатаниновичу буду въ морду смѣяться: чья, моль, взяла?!

Анна Фавстовна взялась за голову, затыкая уши...

XVI.

Рано утромъ, еще при восходѣ солнца, въ дверь спальни Басанова постучали... Это было совершенно необычнымъ и рѣдкимъ явленіемъ. Всѣ двери между спальней и коридоромъ, гдѣ была канцелярія, въ кабинетѣ, въ гостиной, въ приемной, все всегда бывали заперты на ключъ, такъ какъ въ кабинетѣ были на столѣ важныя бумаги, а главное, въ углу стоялъ большой окованный желѣзомъ сундукъ, гдѣ менѣе ста тысячъ никогда не лежало...

Со стороны ванной комнатки, коридорчика и прихожей, гдѣ стояли козлы съ бревномъ для пиленія, наоборотъ, все оставалось отперто отъ самой улицы и маленькой лѣстницы «винтушки» и до

спальни. Однако, просто проникнуть и явиться съ этой стороны къ барину никто не могъ, кромѣ Масѣича и Змглода.

Аникита Ильичъ проснулся отъ стука въ дверь и тотчасъ догадался, что случилось что нибудь особенное.

— Войди!—крикнулъ онъ и, на появленіе Змглода въ дверяхъ, прибавилъ.—Ну, что?

— Пожаръ на Проволочномъ, Аникита Ильичъ,—сказалъ оберъ-рунтъ.

— Великъ? Что горить?

Змглюдь объяснилъ, что бѣды большой нѣтъ, но онъ счелъ долгомъ доложить. Басановъ приказалъ тотчасъ скакать туда всѣмъ пожарнымъ, а самъ обѣщалъ пріѣхать днемъ. Змглюдь передалъ барину еще нѣсколько новостей, сдѣлалъ свой обычный докладъ и вышелъ. Басановъ снова заснулъ и проснулся только, когда въ тѣхъ же дверяхъ появился Масѣичъ. Было уже семь часовъ, часъ вставанія.

Аникита Ильичъ, прійдя совсѣмъ въ себя, вспомнилъ о появленіи Змглода, о пожарѣ на заводѣ, но сталъ вспоминать, чтѣ еще сказалъ оберъ-рунтъ... Что-то еще болѣе непріятное, чѣмъ пожаръ! Не спѣшное, но непріятное... Онъ никакъ не могъ вспомнить и сталъ чувствовать себя не въ духѣ. Тотчасъ же, по обыкновенію, онъ спросилъ: что погода?

Масѣичъ, по обычаю, отвѣчалъ кратко:

— Тянетъ.

Старикъ поднялся съ постели совсѣмъ не въ духѣ. Ѣхать на заводъ по дождю было скучно... Пройдя обливаться и глянуть въ окошечко ванной комнаты, онъ увидѣлъ на горизонтѣ сизую тучу, но, судя по движенію облаковъ, она шла стороной. Онъ разсердился и обозвалъ комердинера «слѣпой курицей».

— Я, Аникита Ильичъ, грѣшный рабъ Божій Никифоръ Мосѣевъ, — также сердито отозвался этотъ, — а не святой угодникъ, чтобы Господни Промыслы знать...

— Да, слѣпая ты курица. По вѣтру видать, что мимо пройдетъ, а что на васъ лѣзетъ.

— Ладно, вдругорядъ совру... Потянетъ, а я скажу—свѣтленько...

— А я тебя побью!—отозвался Басановъ раздражительно.

— И бейте. Мнѣ лучше битье, чѣмъ попреки!—проворчалъ Масѣичъ.

— Знаешь, что никогда тебя пальцемъ не тронулъ, ну, и буянишь!..

— Потому что несправедливы!.. Что я — въ небеса-то бѣгаю что ли напередъ, чтобы справляться да вамъ правильно докладывать...

Аникита Ильичъ ухмыльнулся остротѣ лакея. Вообще един-

ственный человекъ изъ холоповъ, разговаривавшій съ Басановымъ вольно, иногда даже грубо, былъ Масѣичъ... Онъ уступалъ въ рѣзкости и прямогѣ своего обращенія съ Аникитой Ильичемъ только одной «барышнѣ».

Всѣ знали въ Высокеѣ и говорили:

— Только барышня да Масѣичъ могутъ его горошить.

Дѣйствительно, если камердинеръ изрѣдка, то Сусанна зачастую такъ отвѣчала старику, что иногда можно было и «огорошить» всякаго.

Однажды Масѣичъ, сильно разсердясь за что-то, сказалъ Басанову:

— Помирать вамъ пора, вотъ что!

— Ошалѣлъ ты что ли? — изумился баринъ съ неприятнымъ чувствомъ на душѣ и за спиной.

— Старѣть вы стали. Брендить начали!

— А ты молодѣешь, что?

— Я не баринъ, а хамъ,—объяснилъ Масѣичъ глубокомысленно.— Намъ годовъ не полагается и никакихъ не бываетъ. Что двадцать, что шестьдесятъ—все равно скачи и швыряйся по барскому указу.

Однажды Сусанна тоже хватила, сказавъ дядюшкѣ со смѣхомъ:

— А вѣдь мучительство это—имѣть любовное дѣло со старымъ человекомъ. Всякій старикъ песой пахнуть начинаетъ.

— Спасибо, моя прелесть. Нижайшій тебѣ за такую ласковость поклонъ!—отвѣтилъ только Басановъ.

Но, разумѣется, Сусанна тотчасъ ловко прибавила объясненіе:

— Я не про себя... И не про васъ... Можетъ, я именно и люблю песій-то запахъ. Вы что знаете?.. Да потомъ я особая такая уродилась. Мнѣ молодые противны... Рѣдко, рѣдко какой приглянется. Да и опять, молодой можетъ постарѣть, подурнѣть... А ужъ такой-то, какъ вы, безъ перемѣны... Вы и въ гробу страшнѣе не будете.

И Аникита Ильичъ, когда любимецъ камердинеръ или любимица сожительница такъ его «горошили», иногда весело смѣялся, а иногда и кисло...

Басановъ, говоря Масѣичу, что онъ никогда его пальцемъ не тронулъ, говорилъ правду. Хотя онъ «собственноручно» никогда никого не наказывалъ, считая это для себя унижительнымъ, но лакея онъ даже никогда не наказалъ простымъ сидѣніемъ въ «холодной» при полиціи, не только розгами. Напротивъ, онъ щедро одаривалъ любимца, у котораго былъ свой собственный домикъ, каменный, съ мезониномъ и садомъ, подаренный баринкомъ.

Камердинеръ былъ «Масѣичемъ» и простымъ, хотя и вольнымъ дворовымъ, только для Аникиты Ильича, но для всѣхъ остальныхъ онъ былъ Никифоръ Масѣевичъ, важная особа, гораздо важнѣе коллежскаго правителя Барабанова, не говоря уже о другихъ,

въ родѣ главнаго конторщика Пастухова. Многие, имъ подобные, смѣнялись и «улетали» по одному слову разгнѣваннаго барина. А Никифоръ Шлыковъ былъ уже 30 лѣтъ главнымъ «камердиномъ» и любимцемъ.

Но главное заключалось въ томъ, что когда нужно было замолвить словечко за когонибудь, когда нужно было положить гнѣвъ на милость, или чѣмъ пожаловать, или простить, или дѣло обернуть и въ настоящемъ видѣ барину представить, то всѣ, кто могъ, шли къ Никифору Масѣвичу.

Онъ — говорили всѣ — знаетъ на барина «такое слово». И, понятно, не колдовствомъ беретъ, а повадкой... И баринъ его слушаетъ и слушается.

Разумѣется, часто шли въ Высокѣ и къ той особѣ, которая значила сто разъ больше, чѣмъ Масѣичъ,—къ «барышнѣ».

Но до барышни было дальше, и ей нельзя было обѣщать «магарычъ». А Масѣичъ не гнушался и за оказанную услугу бралъ, что по карману давали ему.

У Масѣича была цѣлая семья. Жена его, уже пожилая, не сходила съ постели и болѣла, хотя невѣдомо чѣмъ, одинъ день жалуюсь на ноги, другой день на руки, на спину или на животъ. Старшій сынъ Никита служилъ не только молодому барину, но и старому, въ случаѣ болѣзни, замѣняя отца. Дочь его не считалась даже дворовой, а была полубарышней и бывала часто, какъ ровня, въ гостяхъ у барышни Дарьи Аникитишны. Кромѣ того, было еще человѣкъ пять дѣтей всѣхъ возрастовъ, которыя ничего не дѣлали и были всѣ очень избалованы отцомъ.

Масѣичъ былъ, конечно, привязанъ къ барину, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкъ странный, непроницаемый... Не даромъ Басановъ зналъ что-то особое про прежняго донскаго казака. Однако и всѣ обитатели Высокы чужды въ немъ человѣка темнаго происхожденія, лукаваго, двуличнаго, очень корыстолюбиваго, даже жаднаго. Пріятелей у него совсѣмъ не было. Кого Масѣичъ самъ любить или не любить, было совершенно неизвѣстно.

Была, однако, въ Высокѣ одна личность, которую Масѣичъ ненавидѣлъ, готовъ бы былъ, если не собственными руками придушить, то выдать съ головой всякому головорѣзу. А между тѣмъ этого никто не зналъ, даже и предполагать не могъ. И сама эта личность не знала этого, и очень бы удивилась, если бы узнала.

Личность эта была—Сусанна Юрьевна.

Облившись холодной водой, отпиливъ одинъ кружокъ, Аникита Ильичъ вышелъ въ кабинетъ и, принявшись за обычное свое питье, вспомнилъ сразу о ночномъ докладѣ Змглода.

Оберъ-рунтъ доложилъ иѣчто про парня Сеньку Лопухаго, что было, по его убѣжденію, для барина, пожалуй, важнѣе пожара. Во дворѣ оказался опять одинъ болтунъ конюхъ, болтавшій снова

«разное негодное» про питье Аникиты Ильича. Опять поя ились «неподобные» разговоры, что калмычкино снадобье—турецкая «буза», а кто ею набузится, тому «подавай не одну, а сто женъ».

Аникита Ильичъ тотчасъ передалъ все Масѣичу и приказалъ ему распорядиться насчетъ суда болтуна и расправы. Приготовить графинъ съ молокомъ, самому снести записку доктору Веніусу, а что тотъ дастъ.—всыпать въ молоко.

Затѣмъ уже въ добромъ расположеніи духа Басановъ, напившись чаю, велѣлъ гнать всѣхъ просителей и конторщикамъ ожидать съ докладами. У него было дѣло важнѣе.

Аникита Ильичъ рѣшилъ идти объясняться съ дочерью.

Когда Басановъ, пройдя весь домъ, явился въ комнатахъ дѣвушки-подростка, Дарьюшка, сильно смутившись, подошла, поцѣловала у отца руку, а затѣмъ робко подставила голову... Отецъ нагнулся и поцѣловалъ дочь въ лобъ, а затѣмъ въ тысячный или въ миллионный разъ въ жизни проговорилъ:

— Охъ, мала ты... И не растешь. И въ кого это?.. Мать покойница была особа съ ростомъ. Я не маленькій. А ты вотъ Макарьевскаго пригона. Въ князя дѣда, что ли?

Затѣмъ старикъ сѣлъ и задумался. Онъ приходилъ къ дочери очень рѣдко и когда являлся, то всегда по поводу чего либо особеннаго.

Дарьюшка видала отца цоутру, приходя на верхъ во время его завтрака на минуту, чтобы только поздороваться. Затѣмъ она видала его за обѣдомъ и иногда ввечеру, когда Аникита Ильичъ приказывалъ освѣтить всѣ гостиныя и всѣмъ быть въ сборѣ... Это называлось старымъ словомъ «ассамблея».

Но эти вечера или «ассамблей» бывали рѣдко, а за послѣднее время совсѣмъ прекратились, потому что главный ихъ устроитель, Алексѣй, былъ въ постели.

Посидѣвъ молча около десяти минутъ, Аникита Ильичъ досталъ свою табакерку съ портретомъ покойной второй жены и, нюхнувъ, потомъ потрепавъ себя пальцемъ по носу, заговорилъ:

— Дарьюшка... Ты неразумное дитя, ничего не смыслишь... А все-таки надо мнѣ съ тобой толковать о важномъ дѣлѣ. Слушай меня въ оба... Поняла?

— Поняла-сь,—робко отвѣтила дѣвушка.

— Слушай... Былъ у меня сынъ и была у меня дочь. Сынь, стало быть, почитался моимъ наслѣдникомъ и продолжателемъ фамиліи Басманъ-Басановыхъ. О немъ у меня и всѣ заботы были. Ты была мнѣ хотя и дочь родная, но все-таки такъ... Съ боку припеку... Ни то, ни се... Дѣвка товаръ... Ъхалъ мимо купецъ, сторговались, купилъ и съ собой увезъ товаръ. Поняла?

— Поняла-сь...

— Врешь. Не поняла. Ну, повтори...

— Я, батюшка... — начала Дарьюшка, краснѣя и смущаясь.—
Я, батюшка, поняла, но сказать не могу.

— Говори, что я сказалъ...

— Изволили сказать, что Алеша хвораеть, и потому...

— Что? что?!

— Виновата, батюшка.

— Когда я говорилъ про Алешу, что онъ хвораеть?

— Простите, виновата...

— Ахъ, ты, глупая, глупая...—улыбнулся Аникита Ильичъ снисходительно.—Ну, слушай... Теперь поймешь... Небось, это сейчасъ поймешь... Слушай и отвѣтствуй. Хочешь ты замужъ? Ну?!

— Какъ прикажете. Я вашей волѣ противиться не смѣю.

— Что тебя Матвѣвна обучила этимъ словамъ. Ну, что же? Слова хорошія. Говори. Хочешь, я тебя замужъ выдамъ?

— Ваша воля...

— Да ты-то хочешь?

— Ваша воля...

— Тьфу! Не серди меня. Слыхалъ... Отвѣчай на то, что спрашиваютъ.

— Хочу...—нерѣшительно произнесла Дарьюшка.

— Ну, вотъ я тебя замужъ и выдамъ. И за это дѣло возьмусь тотчасъ. Пойми, Дарьюшка, былъ у меня здоровъ Алеша, вся моя надежда была на него, на его бракъ и дѣтокъ... Но Господь вотъ не судилъ... Алеша плохъ... Начинаю я думать, что онъ и впрямь скоро помретъ, потому что не хочетъ меня, отца родного, слушать... Валяется въ постели и хирѣеть... Будь я на его мѣстѣ, я бы сейчасъ... Ну, да что объ этомъ... Ну, вотъ, стало быть, пройдетъ мѣсяць, два, и мы бѣднаго Алешу похоронимъ. Что жъ тогда? Кто тогда наслѣдуетъ всему, что у меня есть? Кто Высоксу соблюдетъ и всѣ дѣла поведетъ? А?... Какъ по твоему? Да ну, говори!

— Не могу знать, батюшка.

— Не ты же можешь управленіемъ заводовъ заниматься. Ты унаслѣдуешь все, оставшись у меня одна... Но ты не парень... не мужеска пола человекъ... Ну, стало быть, и надо мнѣ найти добраго молодца, который все вести при мнѣ обучится, привыкнетъ и послѣ моей смерти будетъ въ порядкѣ держать. Поняла?

— Поняла-сь.

— Повтори...

— Я, батюшка, поняла... — смѣлѣе сказала Дарьюшка.— Надо, чтобы былъ у меня мужъ, чтобы добрый былъ, а тоже дѣла всѣ умѣлъ... для Высоксы...

— Вотъ!.. вотъ, умница! Ну, вотъ я и припелъ тебѣ это объяснить теперь. Мы съ Санной это дѣло обсудимъ степенно, не спѣша, но откладывать далеко я тоже не хочу... Черезъ полгода, думаю, ты у меня уже будешь замужемъ... Вотъ жениховъ-то

мало... Совсѣмъ нѣту. Для Дарьи Басманъ-Басановой надо изъ Петербурга выписывать... Вѣдь ты, скажи... ты за... ну, вотъ хоть бы за Змглода, не пойдешь?..

Дарьюшка широко раскрыла глаза и ротъ, и оцѣпенѣла...

— То-то! Испужалась! Ну, ну, шучу я!.. — размѣлся весело Аникита Ильичъ и поднялся, чтобы идти къ себѣ. Снова цѣлуя Дарьюшку, онъ объяснилъ, что, не откладывая, идетъ тотчасъ приказать готовить въ канцеляріи два письма къ двумъ своимъ товарищамъ по полку. Онъ самодовольно думалъ:

— Вотъ удивятся, когда узнаютъ, что я спрашиваю про сыновей и этакую невѣсту предлагаю.. съ Высокой въ карманѣ.

Дарьюшка, оставшись одна, бросилась къ нянѣ въ комнату и расплакалась...

— Полно разливаться! — утѣшала ее няня. — Можетъ тоже быть, что родитель-то нашего князя Давыда въ предметѣ имѣеть.

Единственная дочь, а въ виду неминуемой смерти молодого Басанова и единственная наслѣдница всего огромнаго состоянія, жила странною жизнью. Казалось, что она воспитанница, дальняя родственница, даже приживалка въ домѣ.

Дарьюшка съ своей няней Матвѣевной, помѣщаясь на самомъ краю дома въ концѣ лѣваго крыла, выходившаго въ садъ, жила далеко отъ всѣхъ, какъ бы въ сторонѣ отъ жизни Высокой. У нея было четыре комнаты, обставленныя хорошо московскою мебелью, былъ балконъ, а подъ нимъ — главное — обнесенный заборомъ ея собственный садикъ, среди огромнаго сада...

Этотъ «островокъ» устроилъ ей братъ, съ разрѣшенія, конечно, отца. Въ садикѣ молоденькой дѣвушки была куча цвѣтовъ, а въ глубинѣ даже нѣсколько грядъ, гдѣ было все «свое» — свой горохъ, своя рѣпка и морковь, своя земляника. И весь лѣтній день Дарьюшка проводила или за палочками на балконѣ или въ рытвѣ въ грядахъ, такъ какъ она обожала копаться въ землѣ, сажать, сѣять, поливать и тутъ же ѣсть свои овощи, которые ей казались слаще «чужихъ» Высокихъ.

Дѣвушка или вѣрнѣе дѣвочка, которой еще не исполнилось пятнадцати лѣтъ, была, и нравственно, и съ виду, совершеннымъ ребенкомъ. Она была маленькаго роста, бѣлокурая, бѣленькая, съ красивыми сѣрыми глазами, добрыми и наивными. Если бы не известная округлость бюста и вообще полнота тѣла, то она могла бы пройти за двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку.

Дарьюшка сидѣла почти безвыходно у себя, изрѣдка у брата, когда еще онъ былъ здоровъ. Но ей позволялось принимать гостей у себя, подругъ-ровесницъ, дочерей приживальщиковъ и главныхъ дворовыхъ людей. Главная ея пріятельница была старшая дочь Ильева — Алла. Она давно отлично знала, что эта Аллинъка «по-Божьему» ея родственница. Другія двѣ пріятельницы были молоденькая княжна Ни-

каева, очень дурная собой, и дочь главнаго управителя Марья Барабанова. Наконецъ, часто бывала у барышни и умная шустрая Пашка, какъ ее всѣ звали, или Павла, дочь Масѣича. Но Пашку молодыя дѣвушки-пріятельницы не любили за наущничество. Она все передавала, иногда и присочиняя, своему отцу, а Масѣичъ иногда передавалъ и барину.

И бывали грозы и громы «съ верху» въ лѣвое крыло дома, гдѣ однако, жизнь Дарьюшки съ Матвѣевой была самая тихая и мирная, такъ какъ няня была женщина скромная и глупая, а ея питомица, тоже недалекая, была еще къ тому «чудная», смиренная не по лѣтамъ. Она казалась какъ бы загнанной и забитой вслѣдствіе того, что была особенно робка и черезчуръ конфузлива. Отца она, конечно, страшно боялась, а къ Сусаннѣ Юрьевнѣ относилась даже съ суевѣрнымъ страхомъ. Но былъ одинъ человѣкъ, которому она безсознательно принадлежала всей душой. Это — молодой князь Давыдъ Никаевъ.

XVII.

Прослушавъ главные доклады Пастухова, Басановъ тотчасъ выѣхалъ на Проволочный заводъ за нѣсколько верстъ. Пожаръ въ слободѣ, гдѣ жили заводскіе крестьяне, оказался не очень важентъ, и все было уже потушено. Рунты, исправляніе и должность пожарныхъ, вели себя всегда во всемъ молодцами.

Впрочемъ, все населеніе Высокскихъ заводовъ было, точно на подборъ, народъ умный, дѣльный, дѣятельный и порядливый. Все всюду шло по заведенному разъ порядку и работало такъ же, какъ и машины, однообразно — отчетливо.

Не даромъ самъ баринъ-владѣлецъ былъ живая машина. Дѣйствительно, если Басановъ жилъ какъ машина, потому что день его былъ рассчитанъ по часамъ и проходилъ такъ же аккуратно, какъ шли большія стрѣлки на башенныхъ часахъ коллегіи, то онъ равно и думалъ, какъ машина, потому что за всѣ пятнадцать-двадцать лѣтъ не измѣнилъ своихъ мыслей, убѣжденій, понятій, мнѣній... Что было бѣлое или черное, хорошо или дурно, когда ему было 40 и 45 лѣтъ, оставалось попрежнему неизмѣнно. Онъ былъ твердо вѣренъ себѣ... Правда, иногда желая оставаться вѣрнымъ разъ принятому и усвоенному, онъ впадалъ и въ упрямство...

За пять верстъ отъ Высоксы было мѣсто, гдѣ слѣдовало бы по богатству руды и по близости двухъ сильныхъ источниковъ — выстроить заводъ отдѣльный и самостоятельный, а одновременно выкопать прудъ.

Басановъ рѣшилъ, сгоряча, что не надо...

— Мѣсто годное, да не совѣмъ! — сказалъ онъ брату, Саввѣ Ильичу, тому семнадцать лѣтъ назавъ...

И теперь, при боязливых намеках коллежскаго правителя Барабанова, что никогда не поздно сдѣлать то, что было упущено когда-то... баринъ всегда отвѣчалъ:

— Мѣсто годное, да не совсѣмъ.

Наконецъ, самая рѣчь Аникиты Ильича была рѣчь машины. Онъ говорилъ мѣрно, не понижая и не повышая голоса, и рѣдко-рѣдко восклицалъ... При этомъ въ гнѣвѣ онъ говорилъ медленнѣе и тише. Его шопота, чуть не робкаго — люди боялись.

— Ну, дажь ему двѣсти розогъ, — шепталъ баринъ совсѣмъ ласково и привѣтливо. — Коли не одолѣють — надбавлять полсотни, сотню... Сколько понадобится...

«Понадобится», чтобы запороть на смерть...

Разумѣется, по разсужденію людей, Аникита Ильичъ былъ не злой человекъ, а просто строгій баринъ, любившій порядокъ, послушаніе и прилежаніе.

Населеніе Высокскихъ заводовъ пользовалось извѣстной славой, потому что лѣнтяи и рохли все выводились незамѣтно бариномъ, и наконецъ вывелись. Пьющихъ не было совсѣмъ. Въ воскресные дни и въ особенности въ большіе праздники, двенадцатые, бывали сотни, если не всѣ двѣ тысячи, пьяныхъ по всѣмъ улицамъ и даже около дома барскаго, подъ окнами грознаго и суроваго «батюшки Аникиты Ильича». Но грозный баринъ, поглядывая на подгулявшихъ или на лежащихъ замертво, ухмылялся. Пьяный, набуянившій не въ мѣру, получалъ выговоръ, но никогда не былъ наказанъ розгами. Но зато едва замѣтно подгулявшій, выпившій хоть рюмку въ будни, опохмелившійся въ понедѣльникъ или недотерпѣвшій — въ субботу, наказывался розгами. Наказаніе повторялось до трехъ разъ и если виновный выдерживалъ третье наказаніе «сугубое», то за четвертое слушаніе не пить въ будни — сдавался въ солдаты или ссылался на поселеніе въ Сибирь. Пьяныхъ въ праздничные дни Аникита Ильичъ даже, казалось, любилъ. Во всякомъ случаѣ, его самая большая и любимая забава состояла въ томъ, чтобы, прогуливаясь въ одноколѣ по заводамъ среди бушующаго по-праздничному люда, непременно окликать, заговаривать, а то и разговаривать съ пьяными. Его забавлялъ пьяный видъ... Но было нѣчто, что ему нравилось особенно, иногда заставляло смѣяться до слезъ и возвращаться домой въ какомъ-то даже радостномъ настроеніи... Это нѣчто всѣ знали, хотя объяснить никто не могъ...

Аникита Ильичъ положительно любилъ, чтобы пьяный ему нагрубилъ, его изругалъ, попрекнулъ въ чемънибудь, или просто насмѣялся надъ нимъ.

Разумѣется, находились ловкіе молодцы, актеры, которые пользовались этимъ. Но это было очень опасно. Старикъ былъ смѣтливъ и чутокъ, пьянаго человека будто изучилъ, и фальшь, обманъ, комедію съ собою тотчасъ угадывалъ. Актеру, конечно, приходи-

лось очень худо, почти хуже, чѣмъ подвыпившему въ будни. Сознательное оскорбленіе наказывалось солдатствомъ, а одинъ разъ было наказано высшей мѣрой. Человѣкъ пропалъ безъ вѣсти...

Рабы глухо, опасливо, тайкомъ говорили другъ дружкѣ, объясняли незнающимъ, что это за притча, что человѣкъ «былъ и сплылъ»... Сданнаго въ солдаты если не видали потомъ, то слышали объ немъ отъ другихъ, видѣвшихъ, гдѣ и что онъ... Засѣченнаго на смерть хоронили, и могилка была на виду... А былъ человѣкъ и сплылъ, ни виду его, ни слуху, ни духу,—было дѣло особое и особо страшное...

— Помилуй Богъ! Этакое, даже если до царицы дойдетъ, то баринъ Аникита Ильичъ, какъ ни великъ и важенъ, какъ ни именитъ и богатъ, какъ ни грозенъ и смѣлъ съ начальствомъ,—а самъ въ отвѣтъ пойдетъ...

— Ужъ лучше во сто кратъ помереть подъ розгами, нежели этакое!..—говорили робко бывшіе бѣглецы и приписные рабы, боязливо крестясь.

За то все заводскіе отъ мала до велика опасались одного человѣка, какъ самого врага человѣчьяго, дьявола, и косились на него или брали въ сторону, чтобы лучше и на глаза ему не лѣзть.

— Когда пропадетъ человѣкъ, то это его рукъ дѣло!—говорилъ народъ.

А чьихъ рукъ было темное дѣло — былъ Змглодь.

Осмотрѣвъ пожарище, распорядившись о новой быстрой постройкѣ домовъ для погорѣльцевъ, Аникита Ильичъ тотчасъ двинулся домой, чтобы успѣть все-таки погулять въ саду предъ обѣдомъ. А ему приходилось еще предъ этимъ побывать у сына да заняться парнемъ-болтуномъ.

Вернувшись въ Высоку и войдя въ домъ бодрый и веселый, Аникита Ильичъ, проходя мимо передней, гдѣ дежурила «дюжина», вдругъ остановился и спросилъ съ порога:

— Слышали вы, братцы, что вашъ баринъ Аникита Ильичъ Басманъ-Басановъ бузу какую-то пьетъ?

Дежурная дюжина, взятая врасплохъ огульно, призналась и повалилась въ ноги, чуя бѣду.

— Слышали, батюшка Аникита Ильичъ. Виноваты...

— За то, что слышали, я васъ не трону,—сказалъ баринъ... А говорилъ ли кто изъ васъ самъ этакое?..

— Не говорили... Никто... Ни одинъ... Накажи Господь!

— А кто же въ Высокъ это говорилъ?

Дюжина называла тотчасъ, конечно, того же парня Сеньку Лопухаго.

Поднявшись къ себѣ, черезъ полчаса Аникита Ильичъ снова вышелъ изъ своихъ комнатъ въ большой коридоръ. Здѣсь было уже собрано человѣкъ съ полсотни дворовыхъ, а впереди всѣхъ стоялъ молодой парень блѣдный, какъ смерть.

Баринъ выйдя, сталъ передъ нимъ усмѣхаясь.

— Ты Сенька Лопоухій?—спросилъ онъ черезчуръ тихимъ голосомъ.

Парень бросился въ ноги и только завылъ благимъ матомъ, не имѣя силъ произнести ни единого слова.

— Вставай... Ну... Эй, вы! Поднимите!

Парня силкомъ подняли и держали, потому что отъ страха онъ валился, какъ мертво пьяный...

— Ты говорилъ, что я бузу пью...

Сенька все-таки отвѣчать не могъ. Языкъ не повиновался.

— Масѣичъ, подай...

Масѣичъ, стоявшій тутъ же, подалъ на подносѣ заготовленные графинъ и стаканъ.

Баринъ налилъ въ стаканъ чего-то мутно-бѣлаго въ родѣ молока и объяснилъ...

— Буза—питіе мерзостное и его, кромѣ турки, никто не пьетъ, потому что, кромѣ турчинова живота, ничей животъ питья этого не одолѣваетъ. Стало, и я пить бузу не могу... А чтобы вы знали и видѣли, чтó буза творить съ человѣкомъ, я вотъ приказалъ ее состряпать и на самомъ выдумщикѣ вамъ показать. Пей!—прибавилъ Басановъ, протягивая парню стаканъ.

Но Сенька Лопоухій не двигался и, казалось, ничего не понималъ. Нѣсколько услужливыхъ холоповъ взялись за него. Десять рукъ протянулись... Одни держали голову, другіе шею, третьи пальцами раскрывали парню ротъ...

И все, что было въ стаканѣ, очутились у Сеньки въ глоткѣ и въ животѣ...

Черезъ полчаса малый, внизу, въ передней, окруженный дежурной дюжиной, катался по полу и оралъ, корчась въ судорогахъ. Никто его не трогалъ. Уже выйдя отъ сына, Аникита Ильичъ приказалъ свезти парня къ доктору Веніусу съ просьбой, нельзя ли помочь ему и излѣчить отъ бузы.

Разумѣется, докторъ нѣмецъ, не смѣвшій изъ боязни за себя перечить Басанову, далъ утромъ небольшую дозу чего-то ядовитого, но приготовилъ и противоядіе. Баринъ предупредилъ его въ утренней запискѣ, что когда опоенный «достаточно накричитъ», то онъ его пришлетъ для излѣченія, такъ такъ смерти его не желаетъ.

Аникита Ильичъ отнесся къ болтуну мягче, потому что не Сенька этотъ бузу выдумалъ, а кто выдумалъ, тотъ давно былъ достойно наказанъ.

За обѣдомъ, однако, Басановъ сталъ задумчивъ и молчаливъ, по особенному поводу, случавшемуся раза два въ недѣлю. За столомъ, какъ всегда, среди кучи приживальщиковъ, сидѣла одна молоденькая дѣвушка, на которую Аникита Ильичъ за послѣдніе мѣсяцы не могъ равнодушно и хладнокровно взирать. Иногда же она просто раздражала его и дѣлала суровымъ.

«Просто, что ни день, то краше!—думалъ онъ теперь, косясь въ ея сторону.—А сегодня совсѣмъ королева какая!»

И угрюмое расположеніе духа явилось тотчасъ. Причина же была та, что на эту сильно нравившуюся ему приживальщицу у него не хватало духу посягнуть. И эта борьба съ самимъ собой продолжалась уже мѣсяца четыре. И что останавливало его, онъ самъ не зналъ. Людское осужденіе? Ему было это всегда триньтрава. Нѣтъ. Что-то иное... Какая-то боязнь...

Однако, вставъ изъ-за стола и перейдя въ китайскую комнату, въ сопровожденіи всѣхъ обѣдавшихъ, Аникита Ильичъ не сѣлъ на диванъ, какъ всегда, а, подойдя къ отворенному окну, подзвалъ къ себѣ старую дѣвицу Улиту Васильевну Ильеву и сказалъ ей тихо:

— Приходи ко мнѣ нынче часу въ десятомъ на верхъ. Дѣло есть до тебя. Поняла?

— Слушаю-сь,—отозвалась эта, удивляясь и робѣя.

— Не черезъ винтушку, а черезъ большой ходъ...—объяснилъ Басановъ.—Ты не красотка какая, чтобы таиться и тайными ходами ходить... Братцу ничего не сказывай. Поняла?

— Слушаю-сь,—также боязливо отвѣтила Улита Васильевна.

И въ этотъ же вечеръ послѣ ужина Аникита Ильичъ, собираясь уже ложиться спать, принялъ у себя въ кабинетѣ старую дѣвицу, сильно смущенную, и объяснилъ ей свое дѣло, объяснилъ откровенно, вдобавокъ кротко и какъ-то жалобно...

Ильева узнала, что ея племянница такъ околдовала Аникиту Ильича, и уже давно, что онъ бился, бился и рѣшился наконецъ заговорить.

— И ее не то, что другихъ разныхъ, озолочу...—сказалъ Басановъ съ чувствомъ. А если она да зачнетъ, то прямо, вотъ предъ Богомъ божуся, женюсь...

Улита Васильевна, страшно взволнованная совершенно неожиданнымъ объясненіемъ и важнымъ открытіемъ, даже не знала, что и отвѣчать.

— Это не къ спѣху... сталъ объяснять Басановъ.—А ты начни... Потолкуй съ ней... Что она скажетъ, мнѣ передай. Насильно счастливить я не хочу. А ты постарайся для меня, говори съ ней, приговаривай... Нешто плохо богатой стать, въ домѣ моемъ быть не хуже, чѣмъ вотъ Сусанна Юрьевна... А прямо такъ и будетъ! А то и пуще! Госпожей Басманъ-Басановой станеть. Шутка!..

Почти цѣлый часъ обучалъ Аникита Ильичъ старую дѣвицу, какъ ей ему помочь и какъ взяться за дѣло.

Уходя отъ барина родственника, Ильева была уже гораздо спокойнѣе и говорила, что этакой радости и чести племянница и не заслужила.

— Уладимъ, батюшка Аникита Ильичъ. Вѣстимо, это ея счастье!—объяснила она.

XVIII.

Вся Высокса знала, что такое Ильевы для Басанова, хотя вся семья называла Аникиту Ильича такъ же, какъ всѣ—бариномъ.

Нахлѣбникъ, Василій Васильевичъ Ильевъ, былъ сыномъ Василія Ильича, родного, но побочнаго сына Ильи Михайловича Басманъ-Басанова. Василій Ильичъ былъ любимцемъ отца и поэтому изъ множества побочныхъ дѣтей только одинъ получилъ фамилію Ильева. Еслибъ у Ильи Михайловича Басанова было порядочное состояніе, то, конечно, онъ оставилъ бы что нибудь своему любимцу. Но когда онъ умеръ, то все имѣніе пошло на уплату долговъ. Богачи-сыновья не захотѣли уплатить долги и сохранить за собой трущобное имѣніе, гдѣ имъ жилось когда-то очень трудно, именно отъ множества женокъ и побочныхъ чадъ ихъ отца. Конечно, вся эта арава пошла по міру, разбрелась, и многіе изъ нихъ стали крѣпостными холопами, добровольно пойдя «въ приписку».

Василій Ильичъ Ильевъ, воспитанный отцемъ болѣе тщательно, обученный грамотѣ, былъ, при обходѣ разныхъ законовъ, пристроенъ отцемъ,—конечно, только на бумагѣ,—въ дворяне. Помогъ ему въ этомъ какой-то генераль питерскій съ большимъ значеніемъ и его давнишній пріятель.

Поступивъ еще при жизни отца въ какое-то правленіе въ со-сѣдномъ городкѣ, Ильевъ сталъ даже чиновникомъ и сенатскимъ секретаремъ, но женился на бѣдной дѣвушкѣ-сиротѣ, прижилъ много дѣтей и сталъ страшно бѣдствовать. Вскорѣ послѣ смерти Ильи Михайловича Басманъ-Басанова этотъ побочный сынъ его послѣдовалъ за нимъ.

Но зная, что двое его братьевъ, двое законныхъ сыновей его отца, стали страшные богачи, онъ написалъ имъ письмо передъ смертью, прося не оставить его дѣтей, а ихъ боковую родню, племянниковъ и племянницъ...

Аникита и Савва Ильичи относились настолько непріязненно къ памяти отца и особенно къ аравѣ его побочныхъ дѣтей, что ничего не отвѣчали вдовѣ Ильевой. И такъ прошло лѣтъ пять, за которыя не только вдова, но и трое дѣтей отправились на тотъ свѣтъ. Оставались въ живыхъ только старшій сынъ Василій и младшая дочь Улита.

И однажды на Высоксѣ появился тихій и скромный человѣкъ, уже женатый, съ тремя дѣтьми и съ дѣвицей сестрой...

Онъ пріѣхалъ просить Аникиту Ильича дать ему мѣсто писаря въ коллегіи, такъ какъ не только былъ грамотенъ, но и мороковалъ кое-что въ счетоводствѣ и въ наукахъ, зналъ ариметику и даже морской регламентъ, а не одинъ часословъ, какъ многіе дворяне.

Но ни единымъ словомъ не обмолвился о томъ, кто онъ такой.

Уже послѣ согласія барина принять на жалованье къ себѣ писаря-дворянина онъ на вопросъ объ имени и фамиліи отвѣтилъ коротко.

— Василий Ильевъ.

— Ильевъ?.. Сынъ Василья, внукъ бабушки Ильи Михайловича?—ахнулъ Аникита Ильичъ.

— Точно такъ-съ.

Гордый владѣлецъ Высоксы задумался...

«Братъ ли Ильевыхъ въ домъ? Что изъ этого можетъ приключиться? Какія отношенія съ ними заводитъ? И родня—и не родня. Сраму нѣтъ, а неудобствъ многое множество».

Однако, кончилось тѣмъ, что Аникита Ильичъ всю семью поселилъ у себя въ домѣ, не заставивъ даже Василю Васильевича служить писаремъ. Онъ положилъ ему особое жалованье деньгами и провизіей, большее, чѣмъ всѣмъ другимъ приживальщикамъ. Не скрывая ни отъ кого, что Ильевъ собственно его побочный племянникъ, Аникита Ильичъ приказалъ, однако, «честь знать».

— Смотри, не зазнавайся. А то прогону. Коли по урожденію я тебѣ и дядя, то по закону россійскому — чужой человѣкъ. А по всѣмъ прочимъ слѣдствіямъ и причинамъ — мы и совсѣмъ чужіе. Я первый дворянинъ на цѣлыхъ два намѣстничества, пожалуй, даже такихъ, какихъ и въ Россіи мало сыщется, а ты нищій. Смотри же! Зазнаешься—въ часъ времени улетишь отсюда.

Ильевъ отвѣчалъ благодарностью и обѣщаніемъ вѣкъ помнить и чувствовать благодѣяніе, превратившее его съ семьей сразу изъ цыганъ-шатуновъ въ «добрыхъ людей» подъ кровомъ и съ хлѣбомъ.

Впрочемъ, не столько слова, сколько видъ Ильева были поручкой. Аникита Ильичъ сразу увидѣлъ и оцѣнилъ, что за человѣкъ этотъ побочный племянникъ. Человѣкъ тихій, боязливый, добрый, какой-то печальный и если не хворый, то по виду дуракъ, совсѣмъ пришибленный. Послѣднее опредѣленіе оказалось ошибочнымъ. Ильевъ былъ далеко не глупый человѣкъ, но его природная скромность и долгое существованіе впроголодь съ цѣлой семьей придали ему видъ малоумія.

Ильевы явились въ Высоксу уже лѣтъ тому съ двѣнадцать... Маленькій мальчикъ Миша былъ уже теперь двадцатилѣтнимъ Михайломъ и страстнымъ охотникомъ на медвѣдей, а Аникита Ильичъ очень любилъ молодого человѣка по причинѣ, которой никому никогда не сказалъ и держалъ про себя, какъ великую тайну... Онъ любилъ Мишу Ильева, потому что этотъ по волѣ судьбы, по игрѣ случая, — а, можетъ, и по всесильному, могучему, но людьми еще неизвѣданному закону,—былъ вылитый покойникъ Савва Ильичъ Басановъ, глубоко любившій брата и хорошо помнившій, какимъ «Савушка» былъ еще въ полку, — бывалъ часто пораженъ, даже смущенъ сходствомъ.

«Будь не Ильевъ, а Басманъ-Басановъ, — думалъ старикъ иногда. — И я бы, пожалуй, за тебя Дарьюшку отдалъ».

Старшая дочь Ильева, явившаяся въ Высокѣ пятилѣтней дѣвочкой, была теперь семнадцатилѣтняя чрезвычайно оригинально красивая дѣвушка, но совершенно не похожая ни на отца, ни на брата. Она уродилась въ мать, и, какъ говорили Ильевы, въ бабуку со стороны матери... Она-то и смущала теперь Басанова.

Дѣвушка, по имени Алла, была, во-первыхъ, рыжая, съ волосами чуть не красными, но, однако, такого чуднаго золотого отлива, какимъ блестятъ только червонцы. Ея лохматая и курчавая головка была именно изъ червоннаго золота и блестяла еще сильнѣе, сверкала еще ярче отъ того, что лице было молочно-бѣлое, той матовой бѣлизны, которая кажется чуть не бѣлѣе снѣга. Большіе, добрые и кроткіе, темносѣрые глаза—глаза отца ея—довершали прелесть и незаурядность фигуры молоденькой дѣвушки.

Наконецъ, не въ подтвержденіе, а въ опроверженіе принятаго убѣжденія, что всѣ рыжіе злы, Алла или Аллинька, — какъ звали ее въ семьѣ,—была, напротивъ, чрезвычайно добра, ласкова и даже нѣжна со всѣми и какъ-то само собой, непринужденно... Казалось, она въ дѣйствительности всѣхъ любитъ и всѣхъ равно. Разумѣется, Алла Васильевна была въ домѣ всеобщей любимицей.

— Ильеву барышню,—говорилось въ Высокѣ,—не только люди, а и всѣ скоты любятъ.

Это было правдой и послѣдствіемъ того, что къ ней, всегда кормившей и ласкавшей чужихъ собакъ и кошекъ,—животныя ласстились больше, чѣмъ къ своимъ владѣльцамъ.

Но у прелестной и свѣжей, какъ только-что распустившійся и благоухающій цвѣтокъ, былъ одинъ недостатокъ... Она была не только не прыткая разумомъ, не только простовата, но совсѣмъ почти дурочка, почти «блаженная». Еще «чуднѣе» Дарьюшки.

Разумѣется, въ обыденной простой обстановкѣ жизни въ Высокѣ малоуміе молоденькой красавицы проявлялось менѣе рѣзко, было менѣе замѣтно. Многое объяснялось въ ея пользу, то молодостью и неопытностью, то благодушіемъ...

И этотъ недостатокъ, эта простоватость многимъ и многимъ сильно нравилась, была по сердцу, даже болѣе... Два человѣка въ Высокѣ, видая эту златоволосую, молочно-бѣлую, цвѣтущую молодостью и здоровьемъ глупенькую Аллу, прельстились ею сугубо... Обоимъ она внушила одинаковое чувство... Но одинъ глянулъ на нее хищнически, пожелалъ овладѣть ею ради прихоти, ради того только, что она не похожа на всѣхъ другихъ...

Другой же, самъ ничего не понимая, что съ нимъ приключилось и какъ, когда приключилось, — зналъ и чувствовалъ только одно: что за эту дѣвушку онъ пойдетъ на все!.. Скажи она ему любовное слово и пошли на убійство,—онъ и на это пойдетъ!

Первый изъ нихъ былъ ей человѣкъ не чужой.

Чѣмъ была Сусанна Касаткина, тѣмъ же была и Алла Ильева для старика Аникиты Ильича. Обѣ были прямыми внучками, одна по двоюродной его сестрѣ, а другая по побочному брату.

Второй былъ человѣкъ, котораго маленькая Аллинъка, еще крошкой, а потомъ уже десятилѣтней дѣвочкой, боялась, какъ огня... Она кричала и навзрыдъ плакала отъ перепуга, когда случайно въ домѣ попадалась ему на встрѣчу глазъ на глазъ. А отъ его привѣтливаго слова или ласки трепетала и обмирала, какъ еслибъ онъ былъ волкомъ или сказочнымъ чудовищемъ. За то съ четырнадцати лѣтъ она стала его любить и все болѣе и сильнѣе...

Теперь, не понимая сама, какъ именно она любитъ это свое страшилище, она любила его болѣе всѣхъ и всего... Будь она не «чудная», будь поразумнѣе, то поняла бы ясно, что страстно любить этого человѣка, какъ только можетъ женщина любить мужчину... Равно поняла бы она и ясно увидѣла, что и онъ не только страстно любитъ ее уже года два, не какъ дѣвочку, не какъ ребенка, но привязался къ ней особенно, даже опасно... и по-человѣчески и по-звѣриному!.. Это была не привязанность, а бурная и бушевавшая страсть, исходъ которой—обладаніе или смерть.

Этотъ второй человѣкъ былъ молдаванинъ, оберъ-рунтъ Змглюдь.

А двухъ людей, менѣе подходящихъ другъ къ другу, трудно бы было найти. Насколько бѣла, нѣжна, кротка и простовата была Аллинъка Ильева, настолько же былъ черенъ, какъ жукъ, злобенъ, какъ волкъ, но и уменъ—Змглюдь.

Видя ихъ иногда вмѣстѣ бесѣдующими, всѣ въ Высокоѣ кивали на нихъ и смѣялись, подшучивая:

— Чортъ съ младенцемъ!.. Турка съ херувимомъ!

Оба влюбленные въ юную красавицу будто выжидали чего-то, не сказываясь, ни разу не измѣнивъ себѣ и не выдавъ себя, такъ что во всей Высокоѣ не было ни одинаго человѣка, который повѣрилъ бы, еслибъ ему пришли объявить, что суровый баринъ или злыдень-рунтъ прельстились Аллой Васильевной.

Сама глушенькая дѣвушка оказывалась, однако, чрезвычайно умна по отношенію къ своему чувству. Безсознательно и тѣмъ не менѣе очень тонко и хитро она скрывала свою любовь отъ родныхъ... Или же совсѣмъ не скрывала, сама того будто не зная...

Она звала Змглюда «Туркой», но желала чаще его видѣть, любила съ нимъ болтать по часамъ или за нимъ слѣдовать, когда онъ дозоромъ обходилъ въ сумерки весь садъ... Началось это уже давно, года съ три, и потому всѣ къ этому привыкли... Предположить взаимную любовь было немислимо. Со стороны глядя на «чорта съ младенцемъ», развѣ только какому совсѣмъ ужъ безумному могло бы «такое» на умъ прійти!..

XIX.

Дня черезъ три послѣ объясненія барина съ старой дѣвицей Ильевой, ужъ поздно вечеромъ, когда все въ домѣ спало или укладывалось, Аникита Ильичъ у себя наверху не ложился, а волнуясь ходилъ по спальнѣ, изрѣдка выходя въ коридорчикъ и прислушиваясь... Онъ ожидалъ отсюда нѣчто давнымъ давно желанное!..

Въ правой сторонѣ огромнаго дома, въ полусумракѣ, даже среди дня, ибо въ углубленіи подъ большой террасой, прилегавшей къ дому, была небольшая дверь, всегда затворенная, а за ней было нѣчто, что знала вся Высокса, знало, пожалуй, по рассказамъ и слухамъ, все намѣстничество и весь край.

Здѣсь была «баринава винтушка», какъ говорилось съ какимъ-то особеннымъ оттѣнкомъ въ голосѣ, какъ если бы дѣло шло о чемъ нибудь важномъ и таинственномъ.

Баринава «винтушка» была узкая, чугунная, винтообразная лѣстница, которая поднималась спиралью отъ двери со двора и упиралась прямо въ маленькую комнатку около спальни Аникиты Ильича.

Лѣстница эта, проходившая насквозь весь домъ, черезъ два этажа въ верхній, въ четырехъ глухихъ стѣнахъ, была не только безъ дверей, но и безъ оконъ. Поэтому она была всегда темна, и по ней можно было подниматься только ощупью или машинально, правильнымъ круговращеніемъ. Внизу у небольшой двери и день и ночь дежурилъ рунтъ, смѣнявшійся каждые шесть часовъ. Зимой въ сильные морозы смѣна бывала чаще, а ночью дежурство отмѣнялось снаружи, и рунтъ имѣлъ право сидѣть внутри на первыхъ ступенькахъ.

Быть на часахъ у бариновой винтушки считалось особой честью, да было и выгодно. Избранные для этого Змглодомъ считались «вѣрными слугами», а жалованье получали полоторное.

Подняться въ домъ по винтушкѣ запросто могъ только Масѣичъ, дѣлавшій это два и три раза въ день, приходя изъ своего дома на службу. Здѣсь путь былъ много короче, чѣмъ по большой парадной лѣстницѣ и коридоромъ.

Кромѣ Масѣича, имѣлъ здѣсь доступъ одинъ Змглюдь.

Всѣ остальные допускались, предварительно передавъ тихонько часовому рунту «проходное слово».

«Слово» это или пароль было, смотря по времени года и мѣсяца, названіе города или имя, то женское, то мужское.

Впрочемъ лицъ, которымъ Аникита Ильичъ доказывалъ такое довѣріе, что давалъ «проходное слово», было крайне мало... Для всѣхъ всегда былъ доступъ по большой лѣстницѣ.

Винтушка была собственно нужна только ночью и ради одного того, что было соблазномъ людскимъ. У двери подъ террасой видали вечеромъ или рано утромъ только женскія фигуры...

Часовъ въ одиннадцать Басановъ услышалъ шаги на винтушкѣ, особые, странные, и глухіе и звонкіе. Чугунная, но сквозная легкая и тонкая лѣсенка, отлитая голландцемъ мастеромъ на заводахъ Высоксы, звучала какъ-то особенно подъ шагами, будто жалобно пѣла... Металлическій звукъ замкнутой въ четырехъ каменныхъ стѣнахъ безъ отверстій, какъ въ колодцѣ, винтушки несся на верхъ... И первые шаги внизу уже были ясно слышны въ томъ углу, гдѣ стояли козлы съ бревномъ для пиленія...

Черезъ нѣсколько мгновеній въ коридорчикѣ появилась женская фигура съ головой, укутанной въ платокъ... Аникита Ильичъ молча взялъ ее за руку и, проведя чрезъ спальню въ кабинетъ, усадилъ на диванъ и сѣлъ около нея.

— Ну, раскутывайся... мягко и улыбаясь сказалъ онъ.

Вошедшая молча развязала и сняла платокъ.

Это была златоволосая Алла, но если бы не ея червонная головка, то и узнать бы ее было трудно... Она не была матово бѣла, какъ всегда, а мертво и синевато блѣдна, съ глазами, дико устремленными на старика барина, со ртомъ, испуганно и некрасиво разинутымъ, а руки, державшія платокъ, слегка подергивало...

— Полно, полно... Что ты это? Богъ съ тобой!—заговорилъ Аникита Ильичъ усмѣхаясь...

И онъ началъ объяснять смертельно перепуганной гостьѣ, что худого съ ней ничего не будетъ, что ее ждетъ только хорошее, а можетъ, и великое счастье сдѣлаться барыней Басановой въ Высоксѣ. Долго и краснорѣчиво говорилъ старикъ, успокоивая дѣвушку, но простоватая Аллинъка сидѣла попрежнему истуканомъ, или какъ пришибленная. Она силилась, но окончательно не могла произнести ни слова...

— Отвѣтъ мнѣ хоть одно словечко,—нѣсколько разъ сказалъ Аникита Ильичъ...

Наконецъ, онъ потянулся, взялъ ее за обѣ руки и хотѣлъ, приподнявъ съ дивана, привлечь къ себѣ на колѣни... Въ то же мгновеніе ему послышалось что-то въ спальнѣ... Кромѣ Масѣича и оберъ-рунта, никто, конечно, не могъ явиться. Онъ быстро всталъ и досадливо крикнулъ:

— Что тамъ? Кто?..

— Я-съ!—раздался голосъ Змглода.

Аллинъка порывомъ схватила себя за голову и начала тихо плакать... Она будто проснулась вдругъ отъ голоса любимаго человѣка.

— Чего ты?—крикнулъ Аникита Ильичъ съ гнѣвомъ.—Какого чорта тамъ еще случилось?..

Онъ вышелъ въ спальню и собрался разругать оберъ-рунта за его появленіе...

— Могъ до утра, лѣшій, обождать!—началь онъ... Потопь что ли начинается?

— Алексѣй Аникитичъ скончался!—отвѣтилъ Змглодь.

Басановъ оторопѣлъ, потомъ перекрестился и проговорилъ:

— Вонъ оно какъ! Царство небесное...

И въ эту минуту—какъ часто бываетъ въ жизни людской—Басановъ не зналъ, что онъ самъ на волосокъ отъ смерти.

Переступи только Змглодь порогъ кабинета!.. А глупенькая Алла это будто чуяла...

Опустивъ Змглода, Аникита Ильичъ обратился къ молодой дѣвушкѣ и выговорилъ съ оттѣнкомъ досады:

— Дѣлать нечего, моя радость, ступай домой. Не до этого... Вишь какъ потрафилось... Давно помиралъ мой Алексѣй, а вотъ нашель же время... Совсѣмъ неожиданно... Теперь раньше трехъ дѣнь не свидимся.

— Онъ тамъ?.. Увидить!—шепотомъ отозвалась Алла, и это были ея первыя слова.

— Кто?

— Змглодь. На винтушкѣ увидить.

— Никогда. Онъ ушелъ... Ну, собирайся...

Черезъ нѣсколько мгновеній, Алла, тщательно укутанная платкомъ, радостная и счастливая, спускалась по винтовой лѣстницѣ, а минутъ черезъ пять, обѣжавъ уголь дома, была уже у себя... Аникита Ильичъ самъ отперъ двери въ гостиную, пріемную и коридоръ. Найдя здѣсь дежурнаго рунта, онъ приказалъ позвать «дожиннаго».

— Поднять всѣхъ!—приказалъ онъ ему.—Алексѣй Аникитичъ скончался. Послать за священниками... Чтобы всѣ, кто есть въ домѣ, во двору, коллежскіе всѣ и мои канцелярскіе... Всѣмъ быть въ сборѣ.

И черезъ полчаса все, только что уснувшее, снова поднялось на ноги, палаты ожили, всюду засвѣтились огни.

Черезъ часъ большой залъ былъ переполненъ ожидающими...

Басановъ, а за нимъ Сусанна и Дарьюшка, явились изъ комнатъ праваго флигеля...

Аникита Ильичъ, отойдя немного отъ дверей, остановился и выговорилъ громко:

— Волею Божіей бояринъ Алексѣй Басановъ, сынъ мой, представился... Пойдемъ, помолимся... Ближніе, входите въ опочивальню, остальные, по старшинству, оставайтесь въ прихожей и въ портерной.

Басановъ вышелъ въ тѣ же двери, сопровождаемый дочерью и племянницей. За ними прежде всѣхъ двинулось духовенство, затѣмъ приживальщики, а затѣмъ густая толпа главныхъ заводскихъ

лицъ и вся дворня... Когда первые стали не вдалекѣ отъ кровати покойника, а за ними Никаевы, Ильевы и другіе, сплошная толпа наполнила три комнаты вплоть до зала, гдѣ народъ все прибывалъ.

Началась панихида...

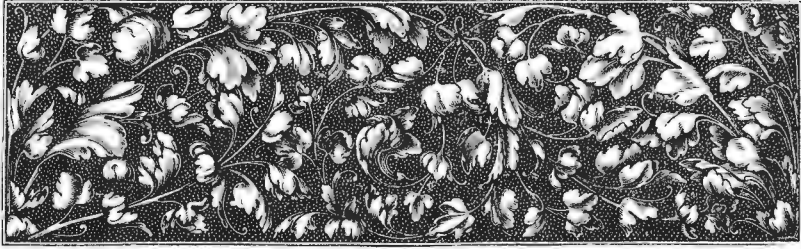
И почти всѣ, молясь и крестясь, вглядывались въ молодое и красивое лицо покойника, а также въ лицо стараго барина и мысленно говорили:

— Роду господъ Басманъ-Басановыхъ---конецъ! А кто будетъ супругомъ барышни? Чьи мы будемъ?.. И многіе будто невольно косились на юнаго князя Давыда Никаева.

Конецъ первой части.

Графъ Салиасъ.

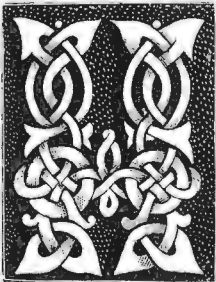

ЗАПИСКИ ГРАФИНИ В. Н. ГОЛОВИНОЙ ¹⁾.

(1766—1820).

VI.

Забавы при дворѣ Екатерины. — Интриги графини Шуваловой и Колычева. — Княгиня Голицына. — Милости императрицы къ графинѣ Головиной. — Польская депутація. — Шутка Головиной съ Зубовымъ. — Болѣзнь великаго князя Александра. — Вечера у великокняжеской четы. — Шевалье де-Саксъ. — Графиня Салтыкова. — Кротость императрицы. — Г-жа Фитингофъ. — Графъ Петръ Панинъ.

ЕСМОТЯ на наступившее грозное время, придворная жизнь текла весело: казалось, всё предавались столь пагубнымъ для юности иллюзіямъ. Этотъ величественный дворъ, этотъ дворецъ, эти сады, эти благоухающія цвѣтами террасы, внушали рыцарскія идеи и возбуждали воображеніе. Возвратившись съ прогулки въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ вечеровъ, императрица остановилась на террасѣ, гдѣ усѣлась на широкія ступени. Ея величество усадила меня между собою и великой княгиней, съ которой Зубовъ не спускалъ глазъ. Великая княгиня была смущена, что передавалось и мнѣ. Я съ громаднымъ трудомъ понимала то, что ея величество, дѣлая честь мнѣ, говорила; вдругъ мы услышали чудную музыку. Дицъ ²⁾, замѣчатель-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXV, стр. 400.

²⁾ Генрихъ Дицъ, знаменитый скрипачъ того времени, учитель императора Александра I въ игрѣ на скрипкѣ.

ный музыкантъ, игралъ тріо на скрипкѣ; ему аккомпанировалъ альтъ и віолончель. Этотъ оркестръ былъ помѣщенъ въ окнѣ у Зубова, недалеко отъ террасы; полные гармоніи звуки этого инструмента любви неслись по воздуху; тишина вечера способствовала ихъ продолжительности. Великая княгиня была растрогана. Безмолвный разговоръ сердца доступенъ дружбѣ: не нужно словъ, чтобы понять другъ друга. Я поняла великую княгиню, и этого было достаточно, чтобы ея замѣпательство смѣнилось тихой радостью, внушенною чарами минуты. Когда императрица удалилась, я проводила великую княгиню домой. Мы усѣлись на окно въ маленькой гостиной; остальное общество осталось въ большой гостиной рядомъ. Наше окно было открыто и выходило въ садъ; въ красивомъ озерѣ отражалась луна, все было тихо кругомъ, кромѣ сердца, жаждущаго впечатлѣній. Великій князь любилъ свою жену, какъ братъ, но она хотѣла быть любимой такъ, какъ бы она его любила, если бы онъ сумѣлъ ее понять. Недочеты въ чувствахъ очень тяжелы, особенно во время его первыхъ проявленій. Принципы, внушенные великой княгинѣ ея матерью съ дѣтства, вели ее къ добродѣтели, къ исполненію долга: она знала, она чувствовала, что ея мужъ долженъ быть главнымъ предметомъ ея привязанности, она стремилась къ этому, но, не будучи понятой, она все болѣе и болѣе нуждалась въ дружбѣ. Я была всегда съ нею, хваля ея доброту; непріятности, интриги, иллюзіи, еще болѣе усилили ея привязанность ко мнѣ; я боялась остановить ростъ этой привязанности, ей нужно было активное чувство. Чтобы сохранить чистоту ея сердца, я старалась вполне слиться съ нею; моею преданностью ей была моя собственная вѣрность; я знала, что и дружба измѣняется съ годами, ея первые дни восторженны, какъ юность, она успокаивается, наученная опытомъ. Испытанія укрѣпляютъ ея узы.

Однажды вечеромъ, вмѣсто того, чтобы послѣдовать за великой княгиней послѣ вечера у императрицы, я отправилась на минуту въ покой моего дяди, чтобы переменить кое-что въ моемъ туалетѣ. Мое отсутствіе не было продолжительно, я возвращалась къ своему мѣсту, какъ кто-то, встрѣтившись со мной, сказалъ, что Зубовъ даетъ серенаду у своего окна, что услужливая Шувалова должна повести великую княгиню на лугъ, чтобы ея присутствіе послужило одобреніемъ чувства Зубова. Я страшно разсердилась и побѣжала со всѣхъ ногъ; къ счастью, я догнала великую княгиню до прихода на условленное мѣсто; Шувалова предлагаетъ ей руку.

— Куда вы идете, ваше высочество?—спросила я.

— На лугъ,—отвѣчала она.—Графиня только что мнѣ сказала, что тамъ можно услышать великолѣпную музыку.

Я ей сдѣлала знакъ глазами и прибавила:

— Повѣрьте мнѣ, ваше высочество, лучше будетъ намъ погулять въ такую прекрасную погоду.

Великая княгиня оставила руку своей почтенной путеводительницы, и мы пошли такимъ шагомъ, что она не могла за нами послѣдовать. Шувалова была страшно возбуждена противъ меня. По дорогѣ я рассказала великой княгинѣ подкладку этой исторіи. Она была мною довольна. На другой день графиня Шувалова пожаловалась на меня всѣмъ своимъ близкимъ; я смѣюсь надъ этимъ, ибо я нахожу, что настолько же хорошо заслужить ненависть тѣхъ, которые возбуждаютъ наше презрѣніе, какъ уваженіе тѣхъ, кого любишь. Я не знаю средствъ къ уничтоженію интригъ, ни ловкости въ нихъ, я не могу льстить наперекоръ моей совѣсти, и я не признаю политики высшаго свѣта.

Однажды, послѣ обѣда, Колычевъ отъ имени Зубова предложилъ мнѣ слѣть романсъ въ тотъ моментъ, когда императрица появится на вечерѣ. Это былъ новѣйшій романсъ. Я прочла куплеты и ясно увидѣла во второмъ намеки, которые не трудно было понять ¹⁾. Я поблагодарила Колычева, попросивъ его передать Зубову, что я не хочу ни занимать собой, ни злоупотреблять добротой императрицы, которая не любитъ музыки. Онъ ушелъ, съ чѣмъ припѣлъ, а я объ этомъ не рассказала великой княгинѣ. На другой день, въ воскресенье, былъ маленькій балъ, на которомъ присутствовали приближенные лица. Танцуя англесъ съ Колычевымъ, я увидѣла свертокъ нотъ въ его карманѣ; онъ отъ времени до времени вынималъ его для того, чтобы его замѣтила великая княгиня, стоявшая возлѣ меня; не достигнувъ того, чтобы она его спросила, что это, онъ рѣшился ей предложить эти ноты, но я его предупредила, шепнувъ великой княгинѣ:

— Не берите этихъ нотъ, вечеромъ вы узнаете, что это такое.

Она ихъ не взяла. Танцовали польскій; я увидѣла Зубова, графиню Шувалову и графа Головкина, совѣщавшихся вмѣстѣ; черезъ минуту послѣдній подошелъ меня пригласить на танецъ; я согласилась, онъ сталъ въ первой парѣ, графиня Шувалова и Зубовъ за нами. Я сказала графу, что не хочу начинать польскій.

— Почему же?—спросилъ онъ. — Вы сдѣлаете удовольствіе господину Зубову.

— Ему слѣдуетъ начинать польскій, — отвѣтила я и настояла на томъ, чтобы перемѣнить мѣсто. Зубовъ сказалъ мнѣ:

— Я умоляю васъ, графиня, начать польскій, я буду такъ счастливъ слѣдовать за вами, только вы можете повести меня къ счастью.

— Я не имѣю способности вести кого бы то ни было, я едва умѣю себя вести.

¹⁾ Судьба совершаетъ преступленіе,
Заставляя меня желать се воспламенить,
Предоставляетъ своей жертвѣ
Роковое право любить.

Я оставила мѣсто и стала въ послѣднюю пару. Графъ Головкинъ сказалъ мнѣ:

— Вы очень упрямы.

— Я признаюсь, что я не такъ податлива, какъ вы, — отвѣтила я.

Я забыла сказать о женѣ князя Михаила Голицына, — старшей дочери графини Шуваловой, — которая получила позволеніе прїѣзжать по воскресеньямъ въ Царское Село ¹⁾. Это—женщина съ безпокойнымъ умомъ, съ полнымъ непослѣдовательности характеромъ. Она завидовала многочисленнымъ ко мнѣ милостямъ императрицы. Между обѣдней и обѣдомъ у императрицы собиралось общество ²⁾; княгиня Голицына знала, что императрица иногда занималась приготовленіемъ камеевъ и горѣла желаніемъ получить одинъ для медальона, который она носила на шеѣ, и который заботливо выставляла на показъ, чтобы замѣтили, что онъ пустъ. Императрица это замѣтила и сказала ей:

— Мнѣ кажется, княгиня, что медальонъ, который я вижу нѣсколько воскресеній, о чемъ-то просить.

Княгиня покраснѣла отъ радости и отвѣчала, что будетъ страшно счастлива, если медальонъ заслужитъ работу императрицы.

— Нѣтъ, княгиня, я вамъ дамъ сибирскій камень, красивѣе моихъ оттисковъ.

Черезъ недѣлю она отослала графинѣ Шуваловой для ея дочери медальонъ изъ сибирскаго халцедона, окруженный брилліантами. Къ обѣднѣ явилась княгиня, сіяющая отъ подарка ея величества, показывая его всѣмъ и каждому, не владѣя собой. Вечеромъ на маленькомъ балѣ она ногъ подъ собой не чувствовала отъ радости. Императрица наблюдала за мной весь день, обращалась со мной холодно, но это меня не беспокоило. Я танцевала, по обыкновенію, съ тою же веселостію; мой ангелъ—великая княгиня занимала меня всецѣло; меня не коснулось зло двора. Ея величество это замѣтила. Къ концу вечера она подозвала меня къ себѣ.

— Ваша веселость меня очаровываетъ, — сказала она мнѣ, — ничто не смущаетъ ея.

— Что же могло бы смутить ее, ваше величество, — отвѣтила я, — когда я осыпана милостями вашего величества и великой

¹⁾ Княгиня Прасковья Андреевна Голицына (род. 1767 г., ум. 1828 г.) была въ супружествѣ съ кн. Мих. Андреевичемъ, т. е. и камергеромъ (ум. 1812 г.). Она была прекрасная и лучшая танцовщица.

²⁾ Тутъ же происходила смѣна дежурствъ генераль-адъютантовъ. Тотъ, кто кончалъ дежурство, преклонилъ колѣно передъ императрицей и давалъ ей жезлъ, который она вручала его замѣстителю. Хотя эта церемонія повторялась еженедѣльно, но она всегда поражала тѣмъ величіемъ, которое императрица въ нее вкладывала—она какъ будто говорила: «довѣріе и преданность».

княгини? Чего мнѣ теперь недостаетъ? Я счастлива, я вдвойнѣ счастлива тѣмъ, что этимъ я обязана вашему величеству.

Она положила свою руку на мою и сказала:

— Ступайте, вы мнѣ нравитесь.

По возвращеніи въ городъ, 30-го августа, въ день святого Александра Невского, ея величество послала за моимъ мужемъ и вручила ему для меня медальонъ гораздо красивѣе медальона княгини Голицыной, прибавивъ, что онъ долженъ мнѣ его дать только въ томъ случаѣ, если онъ мною доволенъ. Троцинскій, секретарь императрицы, сказалъ мнѣ впоследствии, что онъ былъ у нея въ то время, когда ювелиръ принесъ мой медальонъ. Ея величество показала его ему, говоря:

— Я его назначила для одной женщины, которую очень люблю; я подарила подобный женѣ князя Михаила Голицына, но, сравнивая ихъ, стоитъ понять разницу моей привязанности.

Какъ запечатлѣны ея милости въ моемъ сердцѣ! Чувство моей благодарности къ ней является для меня насущной потребностью. Сама смерть не истребитъ во мнѣ этого чувства: настолько оно вкоренилось въ моей душѣ, и сдѣлаетъ его священнымъ и благочестивымъ!

Этотъ годъ былъ отмѣченъ интересными событіями: присоединеніемъ Курляндіи, взятіемъ Варшавы и раздѣломъ Польши. Это политическое событіе было неминуемымъ слѣдствіемъ первыхъ двухъ. Ненависть поляковъ къ русскимъ увеличилась. Сознаніе зависимости крайне возбуждало ихъ гордость. Я была свидѣтельницей сцены, которую я никогда не могла забыть и которая мнѣ показала величіе императрицы.

Явилась польская депутація, которая должна была быть представленной въ Царскомъ Селѣ. Мы ожидали императрицу въ гостиной; насмѣшливый и непріязненный видъ этихъ господъ меня очень забавлялъ. Императрица появилась, они всѣ невольно вытянулись; ея величественный и благосклонный видъ вызвалъ ихъ глубокій поклонъ. Она сдѣлала два шага, ей представили этихъ господъ, каждый изъ нихъ сталъ на одно колѣно, чтобы поцѣловать ея руку; покорность рисовалась на ихъ лицахъ въ эту минуту. Императрица говорила имъ, ихъ лица засіяли; черезъ четверть часа она удалась, тихо кивая, что невольно заставляло головы преклоняться. Поляки совершенно растерялись, уходя, они бѣгали и кричали: «Нѣтъ, это не женщина, это сирена, это волшебница, ей нельзя противиться».

Когда дворъ помѣщался въ Таврическомъ дворцѣ, я тамъ бывала ежедневно. Я часто обѣдала у ихъ императорскихъ высочествъ въ тѣсномъ кругу: великій князь, великая княгиня, мой мужъ и я. Въ 6 часовъ мы отправлялись къ императрицѣ, гдѣ собирались у круглаго стола, какъ въ Царскомъ Селѣ. Бывали концерты, оркестръ

состоялъ изъ лучшихъ придворныхъ музыкантовъ и любителей, среди нихъ былъ Зубовъ. Первыми пѣвицами были мы — великая княгиня и я. Ея голосъ нѣженъ и гибокъ; ее слушали очарованные. Мы вмѣстѣ пѣли дуэты, наши голоса сливались въ аккордѣ. Однажды вечеромъ, послѣ симфоніи, Зубовъ отыскалъ меня, чтобы предложить мнѣ еще разъ спѣть тотъ знаменитый романсъ, отъ котораго я уже разъ отказалась. Я сидѣла за стуломъ императрицы; великая княгиня, сидѣвшая рядомъ съ ней, услышала эту просьбу и была ею такъ смущена, что не смѣла поднять глазъ на меня; великій князь былъ взволнованъ. Я встала и пошла за Зубовымъ къ клавишину, онъ мнѣ аккомпанировалъ на скрипкѣ. Я спѣла ничего не значащій первый куплетъ и остановилась. «Какъ уже, графиня? но это очень кратко». Я повторила первый куплетъ, онъ меня просилъ спѣть второй, я отказалась, говоря ему, что мы остановили концертъ изъ-за очень скучной музыки, и отошла отъ клавишина. Когда я проходила мимо императрицы, она меня спросила:

— Что это за іереміада?

— Самая настоящая іереміада, ваше величество, это самая скучная арія, которую я когда либо слышала.

Я сѣла на прежнее мѣсто. Взгляды великой княгини выражали удовольствіе; я была болѣе, чѣмъ счастлива, видя ее довольной. Концертъ кончился, я собиралась уѣзжать; когда я надѣвала плащъ, великій князь зашелъ за мной и, увлекши меня въ кабинетъ великой княгини, сталъ передъ мною на колѣни и засвидѣтельствовалъ мнѣ самымъ живымъ образомъ то удовольствіе, которое ему доставила моя продѣлка.

Я позволю себѣ рассказать настоящую шутку, которую я въ то время сыграла. Есть нѣкто Кольевъ — человекъ умный, но очень скверный, сущій паразитъ, увивавшійся около вельможъ. Онъ нѣсколько разъ, бывая у моей свекрови, прислуживался къ Зубову. Однажды, находясь у насъ, онъ сказалъ, что видѣлъ великую княгиню у ея окна вмѣстѣ съ графиней Шуваловой, что онъ на нихъ долго смотрѣлъ изъ окна Зубова, жившаго напротивъ и который весь обратился въ вниманіе. Онъ прибавилъ, что—это уловка графини, чтобы показать великую княгиню своему протеже. Эти подробности уязвили меня и очень не понравились. На другой день великая княгиня написала мнѣ, приказывая явиться къ ней въ 11 часовъ, желая репетировать со мной дуэтъ, который мы должны были спѣть на слѣдующемъ концертѣ. Я отправилась. Сарті намъ аккомпанировалъ ¹⁾. Сарті удалился. Я спросила великую княгиню, правда ли, что графиня Шувалова подводила иногда ее къ окну, чтобы поговорить. Она отвѣтила, что да, но замѣтивъ, что Зубовъ на нее смотритъ, она больше тамъ не оста-

¹⁾ Мѣсто неразборчивое, зачеркнутое.

навливалась. Я попросила у нея разрѣшенія сдѣлать все то, что мнѣ придетъ въ голову; она согласилась. Я ее попросила сѣсть въ глубинѣ комнаты, чтобы видѣть зрѣлище, которое я ей собиралась доставить; сама отправилась въ ея уборную за булавками. Вернувшись, я подошла къ окну и замѣтила Зубова съ направленнымъ на насъ телескопомъ; я ему поклонилась, онъ мнѣ отвѣтилъ низкимъ поклономъ, я посмотрѣла на него минуту, потомъ повернула голову назадъ, какъ бы разговаривая съ кѣмъ-то; я взобралась на стулъ и заколола занавѣси такъ высоко, какъ только могла, оставивъ лишь отверстіе, въ которое могла пролѣзть моя голова, и еще разъ поклонилась ему. Онъ сразу удалился; мнѣ только это и нужно было, и я сошла со стула. Великая княгиня смѣялась отъ всего сердца. Къ обѣду я хотѣла уйти, но она не позволила мнѣ и удержала меня на весь день. Къ вечеру послали за графиней Толстой, и мы очень весело провели время въ шестеромъ: трое мужей и три жены.

Черезъ нѣсколько недѣль дворъ переѣхалъ въ Зимній дворецъ. Великій князь былъ нездоровъ въ теченіе 52 дней. Каждое утро я получала записку отъ великой княгини, приказывавшей мнѣ явиться къ ней вечеромъ. Графиня Толстая была также приглашаема, но она не всегда являлась. Лучшіе музыканты и во главѣ ихъ Дицъ исполняли симфоніи Гайдна и Моцарта. Великій князь игралъ на скрипкѣ, мы слушали эту прекрасную музыку изъ сосѣдней комнаты, гдѣ мы почти всегда бывали вдвоемъ съ великой княгиней. Нашъ разговоръ часто носилъ слѣды той гармоніи, которая сопутствуетъ словамъ, идущимъ прямо изъ сердца.

Музыка имѣетъ особенную силу надъ нашими душевными движеніями: она возбуждаетъ въ нашей памяти былыя впечатлѣнія, все окружающее перестаетъ существовать для насъ, могилы какъ бы разверзаются, мертвые воскресаютъ, отсутствующіе возвращаются, ощущенія и впечатлѣнія насъ осаждаютъ и какъ бы окутываютъ; наслаждаешься, страдаешь, сожалѣешь, чувствуешь болѣе сильно. Одно время и въ тяжелые моменты моей жизни хотѣлось бѣжать отъ моего клавесина. Невольно я возвращалась къ тѣмъ мѣстамъ музыки, которыя напоминали мнѣ прошлое. Я уходила отъ себя самой, но не могла уйти отъ воспоминаній; если бъ я испытывала чувство любви, оно бы окончилось побѣдой или отвращеніемъ, но это было просто непреодолимымъ чувствомъ, которое страдало неослабно и не находило опоры въ сердцѣ, внушившемъ и направившемъ его.

Когда болѣзнь великаго князя окончилась, эти вечера прекратились; великая княгиня столь же сожалѣла объ этомъ, какъ и я: они были интересны и навѣвали тихое настроеніе послѣ ужина; я уходила съ великой княгиней въ ея уборную, мы бесѣдовали, иногда читали. Великій князь оставался въ сосѣдней комнатѣ съ

моимъ мужемъ, котораго онъ очень любилъ; они бесѣдовали, иногда спорили о тѣхъ либеральныхъ идеяхъ, которыя старался внушить ему одинъ изъ его воспитателей—Лагарпъ. Минута разставанія приближалась, великій князь удалялся съ моимъ мужемъ въ кабинетъ для совершения своего ночного туалета. Великая княгиня принималась за свой, я расчесывала волосы, свергивала ихъ, заплетала въ косу. Первая камерфрау Геслеръ ее раздѣвала, затѣмъ она переходила въ свою спальню, чтобы лечь въ постель, куда она звала меня, чтобы попрощаться. Я становилась на колѣни на ступенькахъ ея кровати, цѣловала ея руку и удалялась.

Однажды вечеромъ, когда я пріѣхала къ великой княгинѣ, она открывала одну изъ дверей своего кабинета въ то время, какъ я входила въ другую. Какъ только она меня замѣтила, она порхнула ко мнѣ; я признаюсь, что приняла ее за прекрасное видѣніе. Волосы ея были растрепаны, она была въ бѣломъ платьѣ, называемомъ греческою рубашкою, съ узкою золотою цѣпью на шеѣ, рукава ея были засучены, такъ какъ она только что оставила арфу. Я остановилась и сказала ей:

— Боже мой, ваше высочество, какъ вы хорошо выглядите!— вмѣсто того, чтобы сказать: Боже мой, какъ вы прекрасны.

— Что вы находите необыкновеннаго въ сегодняшнемъ состояніи моего здоровья?—спросила она.

— Я нахожу, что по вашему виду вы чудесно себя чувствуете.

Глупо не говорить того, что думаешь, тѣмъ, отъ которыхъ ничего никогда не хотѣлъ бы скрыть. Она увела меня въ свою уборную, приказала аккомпанировать ей на піанино, взялась снова за арфу и играла «Les folies d'Espagne»; я брала аккорды. Мы бесѣдовали потомъ вплоть до ужина. Въ этотъ вечеръ не было приглашенныхъ къ ужину.

Наши бесѣды никого не затрогивали. Мысли слѣдовали одна за другой безыскусно и безъ подготовки, чувства наши доставляли неизякаемые предметы для бесѣды, душа ихъ облагораживала, а умъ уяснялъ намъ наши впечатлѣнія. Какъ я сожалѣю тѣхъ, кто желаетъ блистать на счетъ другихъ; какіе ложные проблески, какое отсутствіе глубины, какая мелочность и сколько ненужныхъ стараній, чтобы разрисовать ложь, которая исчезаетъ, какъ фейерверкъ! Въ теченіе зимы 1794—1795 года часто бывали маленькіе балы и спектакли въ Эрмитажѣ, а также иной разъ и въ тронной залѣ. Новый кавалеръ появился на нихъ,—шевалье de Saxe, побочный сынъ принца Ксаверія, дяди саксонскаго короля. Императрица приняла его очень хорошо, но его пребываніе въ столицѣ окончилось очень печально. Одинъ англичанинъ, по имени Макартней, очень дурной человѣкъ, подстрекнулъ его нанести оскорбленіе князю Шербатову, по выходѣ изъ спектакля; онъ его оскорбилъ такимъ образомъ, что не оставалось никакого сомнѣнія въ его винѣ, и вслѣдствіе этого

онъ былъ высланъ за границу. Князь Щербатовъ, не имѣя возможности получить отъ него удовлетвореніе, котораго требовала его честь, отправился за нимъ въ Германію, вызвалъ его на дуэль и убилъ. Я встрѣтилась съ его сестрой, герцогиней д'Езклиньякъ, во время моего путешествія во Франціи; мы очутились въ одной и той же гостиницѣ въ Страсбургѣ, а по возвращеніи я еще разъ видѣла ее въ Дрезденѣ. Послѣ смерти шевалье de Saxe она питала сильную ненависть къ русскимъ.

По мѣрѣ того, какъ я отыскиваю въ своемъ прошломъ эту массу воспоминаній, доставляющую мнѣ много удовольствія, невольныя сравненія представляются моему уму и прерываютъ нить моихъ мыслей. Что такое жизнь, какъ не продолжающееся сближеніе настоящего съ прошедшимъ? Впечатлѣнія изглаживаются со временемъ, страсти утихаютъ, точка зрѣнія становится яснѣе, душа мало-помалу освобождается отъ своихъ узъ. Это—какъ бы прекрасная картина, потемнѣвшая отъ времени, ея тонкіе штрихи потеряли свой блескъ, но тѣмъ больше въ ней силы, и тѣмъ болѣе цѣну приобрѣтаетъ она въ глазахъ знатоковъ.

Обратимся ко двору, къ человѣческимъ слабостямъ и... къ повязкѣ. Графиня Салтыкова, невѣстка графини Шуваловой, страшно желала быть принятой на концерты въ Эрмитажѣ ¹⁾. Императрица оказала эту милость ей и ея дочерямъ ²⁾ разъ или два. Однажды, когда она присутствовала, мы ожидали императрицу въ гостиной, гдѣ находился оркестръ. Графиня Салтыкова, хотя женщина съ достоинствами, имѣла ту страшную зависть, которую вселяетъ дворъ и которую ничто не можетъ превозмочь; милости императрицы ко мнѣ причиняли ей въ нѣкоторомъ родѣ беспокойство и дѣлали ея тонъ иногда язвительнымъ по отношенію къ моей маленькой особѣ. Въ этотъ день у меня была очень красивая прическа, устроенная графиней Толстой, и повязка, проходившая подъ подбородкомъ; графиня Салтыкова подошла ко мнѣ съ холоднымъ и непріязненнымъ видомъ. Она была высока ростомъ, представительна и съ мужскими манерами. — «Что у васъ подъ подбородкомъ?» — спросила она, — «что это у васъ за повязка, придающая вамъ болѣзненный видъ?» «Графиня Толстая причесала меня, я предоставила ей поступать по ея фантази, у нея больше вкуса, чѣмъ у меня». — «Я не могу

¹⁾ Графиня Дарья Петровна Салтыкова, жена фельдмаршала Ивана Петровича Салтыкова, урожд. Чернышева (род. 1739 г., ум. 1802). Въ статѣ - дамы была пожалована 2-го сентября 1793 г.

²⁾ Дочери графини Салтыковой: 1) графиня Прасковья Ивановна (род. 1772 г.), бывшая затѣмъ въ замужествѣ за сенаторомъ Петромъ Васильевичемъ Мятлевымъ; 2) Екатерина Ивановна, умершая въ дѣвцахъ въ 1815 г., и 3) Анна Ивановна (род. 1777 г., ум. 1824 г.), въ замужествѣ за сенаторомъ, графомъ Григ. Влад. Орловымъ.

скрыть отъ васъ»,—сказала она,—«что это очень некрасиво».— «Что дѣлать, я не могу перемѣнить ее въ настоящее время».

Явилась императрица, началась симфонія. Великая княгиня спѣла свою арію, я также свою; послѣ этого меня позвала ея величество (графиня Салтыкова была рядомъ съ ней).— «Что у васъ подъ подбородкомъ?»—спросила меня императрица,—«знаете ли, что это очень красиво и очень вамъ идетъ?»—«Боже мой, какъ я счастлива»,—отвѣчала я,—«что эта прическа нравится вашему величеству: графиня Салтыкова нашла ее такой некрасивой, такой непріятной, что я впала въ уныніе». Императрица, взявъ за повязку, повернула мое лицо въ сторону графини Салтыковой и сказала: «Но посмотрите, графиня, какъ она хороша». Совершенно смущенная, Салтыкова отвѣтила:—«Правда, что это очень идетъ къ лицу». Императрица притянула меня къ себѣ и сдѣлала знакъ глазами. Мнѣ хотѣлось смѣяться, но я сдержалась, видя смущеніе графини, внушавшей мнѣ почти жалость. Я поцѣловала руку императрицы и вернулась на свое мѣсто.

Въ теченіе этой же зимы произошла одна ошибка, служившая доказательствомъ доброты императрицы. Она приказала гофмаршалу, князю Бярятинскому, пригласить въ Эрмитажъ графиню Панину, нынѣ госпожу Тутолмину ¹⁾. Ея величество вошла и увидѣла графиню Фитингофъ, которая никогда не была ею принимаема. Она будто бы не обратила вниманія на это, разговаривала, и потомъ тихо спросила князя Бярятинскаго, какъ случилось, что графиня Фитингофъ находится въ Эрмитажѣ. Гофмаршалъ извинился и сказалъ, что лакей, который долженъ былъ разнести приглашенія, ошибся и, вмѣсто того, чтобы снести графинѣ Паниной, отнесъ графинѣ Фитингофъ.

— «Сперва пошлите за графиней Паниной, пусть она пріѣдетъ, какъ она есть; что же касается до графини Фитингофъ, впишите ее въ списокъ приглашенныхъ на большіе балы; не надо дать ей замѣтить, что она здѣсь по ошибкѣ».

Графиня Панина пріѣхала и была принята, какъ дочь человѣка, котораго императрица всегда уважала. Я приведу здѣсь анекдотъ, равно дѣлающій честь и государынѣ, и ея подданному. Императрица предначертала законы, которые она повелѣла разсмотрѣть сенаторамъ. Въ то время императрица еще посѣщала сенатъ. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій она спросила о результатѣ разсмотрѣнія ея работы. Всѣ сенаторы ее одобрили, одинъ графъ Петръ Панинъ хранилъ молчаніе; императрица спросила его мнѣніе.

¹⁾ Графиня Софія Петровна Панина, дочь «персональнаго врага и оскорбителя» Екатерины Великой, графа Петра Ивановича Панина, въ замужествѣ была за Иваномъ Васильевичемъ Тутолминымъ, камергеромъ при великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, впоследствии почетнымъ опекуномъ и шталмейстеромъ, род. 1762 г., ум. 1815 г.

— «Нужно ли отвѣтить вашему величеству въ качествѣ вѣрно-подданнаго, или же въ качествѣ придворнаго?»—спросилъ онъ.

— «Безъ сомнѣнія, въ качествѣ перваго».

Графъ выразилъ желаніе поговорить съ императрицей особо. Она удалилась съ нимъ отъ окружавшихъ ее лицъ, взяла тетрадь и разрѣшила ему вычеркнуть все то, что онъ найдетъ неподходящимъ. Графъ Панинъ зачеркнулъ все. Императрица разорвала надвое бумагу, положила ее на столъ, окруженный сенаторами, и сказала имъ:

— «Графъ Панинъ только что самымъ положительнымъ образомъ доказалъ мнѣ свою преданность». И, обращаясь къ графу, сказала: «Прошу васъ поѣхать со мной ко мнѣ обѣдать».

Съ этихъ поръ императрица не переставала совѣтоваться съ нимъ о своихъ проектахъ, и даже тогда, когда онъ былъ въ Москвѣ, спрашивала его письменно о нихъ ¹⁾.

VII.

Перѣздъ двора въ Царское Село весною 1795 г.—Любовь императрицы Екатерины къ великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.—Нерасположеніе къ графинѣ Головиной великой княгини Маріи Осодоровны.—Поѣздка въ Петергофъ.—Посѣщеніе Кронштадта.—Пожалованіе польскихъ италій.—Графъ Шуазель-Гуфье.—Случай съ кошкой императрицы.—Удаленіе отъ двора Растопчина.—Прогулка въ Царскосельскомъ саду.—Графиня Браницкая.—Уничтоженіе двовника великой княгини Елисаветы Алексѣевны.

Наступила весна. Каждый разъ съ новой радостью я думала объ отъѣздѣ въ Царское Село; независимо отъ наступленія прекраснаго времени года и здороваго воздуха, которымъ дышали на дачѣ, я имѣла счастье видѣть великую княгиню почти съ утра до вечера. Въ городѣ я ее часто видѣла, но это было не то; также она писала мнѣ правильно черезъ моего мужа, имѣвшаго честь видѣть ихъ высочество ежедневно. Мы отправились 6 мая 1795 года въ Царское Село. Я была беременна и потому не принимала участія въ возобновившейся игрѣ въ горѣлки, а оставалась возлѣ ея величества, которая по своей добротѣ почти всегда усаживала меня возлѣ себя. Наши бесѣды касались обыкновенно только граціи и прелести великой княгини. Я помню, что однажды вечеромъ, въ то время, какъ приготовляли игры, императрица сидѣла между великой княгиней и мной; между нами находилась маленькая левретка императрицы, которую великая княгиня гладила рукой. Императрица, говорившая со мной въ это время, повернувши ко мнѣ свое лицо, желая также погладить собачку, положила свою руку на руку великой княгини, которая ее поцѣловала.

¹⁾ Графиня ошибается.

— «Боже мой», — сказала ей величество, — «я не думала, что здѣсь ваша рука».

Великая княгиня отвѣтила: «Если это не преднамѣренно, то я благословляю случай».

Эти слова, произнесенныя кстати и съ граціей, доставили императрицѣ новый случай говорить мнѣ о великой княгинѣ, которую она любила съ особенною нѣжностью. Молодая и скромная великая княгиня не имѣла въ сношеніяхъ съ ея величествомъ той непринужденности, которую могла бы имѣть. Происки и интриги графа Салтыкова увеличивали нѣкоторое смущеніе, испытываемое великой княгиней. Великая княгиня-мать все больше и больше завидовала дружбѣ между императрицей и молодой великой княгиней; это несчастное чувство увеличивало также ея нерасположеніе ко мнѣ. Съ этихъ поръ она пыталась погубить меня въ глазахъ великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы, рисуя имъ меня, какъ женщину опасную и интриганку. Увы, я слишкомъ мало была къ этому способна: мое откровенное и непринужденное поведеніе такъ противорѣчило политикѣ двора, что, если бы я хотя одну минуту руководилась расчетомъ, я бы дѣйствовала съ болѣею осторожностью и ловкостью. Мое особенное рвеніе и моя преданность позволяли мнѣ думать только о пользѣ той, которой я отдала всю свою жизнь; я не думала о тѣхъ опасностяхъ, которыми ежедневно сама подвергалась. Богъ—великъ и справедливъ, время ослабляетъ оружіе клеветы и разрываетъ пелену, скрывающую отъ глазъ истину; совѣсть, внутреннее чувство, превозмогаетъ наши горести и даетъ успокоеніе, помощью котораго можно все перенести.

30 мая, мы устроили съ ихъ императорскими высочествами поѣздку въ Петергофъ; мы отправились очень рано и вернулись въ Царское Село только поздно ночью. Погода была благопріятная, утро употребили на прогулку по садамъ, обѣдали, потомъ великая княгиня и я прогуливались по террасѣ Монплезира ¹⁾. Это мѣсто было красиво и величественно, въ немъ есть отпечатокъ чего-то рыцарскаго; прекрасныя водопады, высокія деревья, крытыя аллеи и море представляютъ величественное и благородное зрѣлище. Я бесѣдовала съ великой княгиней, нашъ разговоръ прерывался прибоемъ волнъ, разбивавшихся о берегъ; опираясь, какъ и я, на баллюстраду, она мнѣ говорила отъ избытка сердца, я проникалась этимъ, слушала ее и дѣлалась еще болѣе чувствительной. Вдругъ она увела меня въ маленькій дворецъ, примыкавшій къ террасѣ, и раскрыла мнѣ всю свою душу. Эта минута была моимъ торже-

¹⁾ Маленькій деревянный дворецъ, построенный Петромъ I; императрица Екатерина II жила въ немъ иногда въ началѣ своего царствованія. Примѣчаніе гр. В. Н. Головиной.

ствомъ и предчувствіемъ будущей нашей дружбы, доказательствомъ ея довѣрія ко мнѣ и причиною той клятвы изъ вѣрности, которую я ей принесла въ глубинѣ моей души и которая является источникомъ моей безконечной привязанности къ ней. Этотъ разговоръ придалъ нашей поѣздкѣ особенную прелесть; мы вернулись къ обществу и въ 10 часовъ оставили Петергофъ. Проѣзжая мимо дачи оберъ-шталмейстера Нарышкина ¹⁾, мы увидѣли его со всѣмъ семействомъ у входа въ его садъ. Остановились изъ вѣжливости, но оберъ-шталмейстеръ умолялъ ихъ высочествомъ зайти къ нему; многочисленное общество собралось у него, пять дочерей хозяина хлопотали, жеманились: это былъ настоящій балаганъ. Этотъ домъ отличался разнообразнымъ обществомъ, посѣщавшимъ его ежедневно. Нарышкинъ былъ доволенъ только тогда, когда его гостиная была наполнена всякимъ сбродомъ: заслуги и качества личностей были ему безразличны.

Эта прогулка 30-го мая—одно изъ самыхъ дорогихъ моихъ воспоминаній. Есть минуты въ жизни, когда, кажется, рѣшается судьба; это — свѣтлая точка, ничѣмъ неизгладимая; тысяча вещей слѣдуетъ за ней, не уничтожая ея значенія; года, горести, проблески счастья, кажется, связаны съ этимъ центромъ, владѣющимъ нашимъ сердцемъ.

Нашъ флотъ отправлялся въ Англію. Императрица предложила ихъ императорскимъ высочествамъ отправиться въ Кронштадтъ, чтобы его увидѣть. Великій князь былъ доволенъ этимъ разрѣшеніемъ, великая княгиня также, но съ условіемъ, чтобы я и ѣхала съ ними. Графиня Шувалова была въ городѣ у своей дочери, для которой наступило время родовъ. Когда эта маленькая поѣздка была рѣшена, графъ Салтыковъ пришелъ наканунѣ съ утра, чтобы заявить, что я не должна ѣхать, потому что это особенно не нравится великой княгинѣ—матери. Я догадалась объ этой новой интригѣ еще до того, когда мнѣ о ней сказали. Великій князь мнѣ ничего не говорилъ о поѣздкѣ, но великая княгиня ни на одну минуту не переставала высказывать желаніе взять меня съ собой, прибавляя милостиво, что она не сможетъ ничѣмъ наслаждаться, если я не буду съ ней. Послѣ обѣда я стояла у окна комнаты моего дяди, когда увидѣла подходившаго великаго князя. «И васъ искалъ по всему саду»,—сказалъ онъ—«я хотѣлъ васъ видѣть». «Ваше высочество очень добры, еще недавно я имѣла честь васъ видѣть; эта поспѣшность, признаюсь, мнѣ немного подозрительна. Боюсь, не слѣдствіе ли она посѣщенія Салтыкова». Великій князь

¹⁾ Левъ Александровичъ, извѣстный «пшынъ» и балагуръ, оберъ-шталмейстеръ Екатерины II, пользовавшійся ея расположеніемъ, изобрѣтатель роговой музыки, писатель-сатирикъ и сотрудникъ «Собесѣдника». Любилъ широко и весело пожить. Род. 1733, † 1799.

покраснѣлъ и сказалъ: «Что за выдумки, толстуха (онъ меня звалъ такъ тогда), мнѣ хотѣлось васъ видѣть».—«Сегодня вечеромъ, ваше высочество, я не знаю почему, но у меня есть предчувствіе, что что-то случится».

Въ 6 часовъ я поднялась къ императрицѣ, она пришла первая, ихъ императорскія высочества опоздали. Ея величество подошла ко мнѣ и сказала: «Надѣюсь, что завтра вы будете готовы къ поѣздкѣ?»—«Я еще не получила никакихъ приказаній»,—отвѣтила я.—«Какъ это хотятъ разлучить васъ съ вашимъ супругомъ, какъ это вы не будете сопровождать великую княгиню?» Я склонила голову вмѣсто отвѣта, ибо видѣла, что императрица раздражена. «Наконецъ, прибавила она, если о васъ не заботятся, то я позабочусь, чтобы вамъ оказано было вниманіе». Пришли ихъ высочества, императрица была серьезна и сѣла за свою партію въ бостонъ, а мы вокругъ круглаго стола. Я рассказала сперва великой княгинѣ о всемъ, что произошло. Она была страшно рада, предвидя, что я ей буду сопутствовать. Она позвала великаго князя и рассказала то, что я ей сообщила. Онъ разсыпался въ просьбахъ, чтобы я поѣхала съ ними; я притворилась непреклонной, я представляла тѣ опасности, которымъ онъ подвергался при Салтыковѣ; я была немного зла, признаюсь. Послѣ вечера у императрицы я ужинала у ихъ высочествъ; тѣ же просьбы, тотъ же отказъ, потомъ я вернулась домой. Въ ту минуту, когда я ложилась спать, великій князь послалъ за моимъ мужемъ, который, вернувшись, объявилъ мнѣ, что я непременно должна ѣхать. На другой день мы рано утромъ двинулись въ путь. Ихъ императорскихъ высочествъ сопровождали графъ Салтыковъ, мой мужъ, я, графъ и графиня Толстые, супруги Тутолмины, которые просили о позволеніи участвовать въ поѣздкѣ, и дежурные фрейлина и камеръ-юнкеръ. Погода была прекрасная, много гуляли передъ обѣдомъ, который былъ въ Монплезирѣ, гдѣ мы жили во время двухдневнаго пребыванія въ Петергофѣ. Въ этотъ вечеръ великая княгиня и я пошли къ морскому берегу. Море было спокойно и давало надежду на это назавтра. Закатывавшееся солнце чудесно сіяло; его золотые лучи освѣщали такія высокія, древнія деревья, продолговатыя тѣни которыхъ увеличивали случайные проблески свѣта. Эта минута въ природѣ дѣйствительно очень эффектна. Художникъ въ ней найдетъ исполнѣ готовые краски, которыя напрасно ищетъ воображеніе. Такое же впечатлѣніе производитъ на насъ прекрасный характеръ, чистый и благородный, который поражаетъ, привязываетъ къ себѣ и разрушаетъ всякое сомнѣніе. Спокойная поверхность моря, зеркало природы, отражаетъ небо, какъ прекрасное лицо носитъ отпечатокъ души.

Широкая аллея посреди парка поднимается террасой до Большаго дворца и пересѣкается только фонтанами, струи которыхъ

очень высоко поднимаются и падаютъ затѣмъ въ мельчайшихъ брызгахъ. Паркъ оканчивается каналомъ, впадающимъ въ море, посреди этого канала находились тендеры и шлюпки, которыя должны были на другой день отвезти насъ въ Кронштадтъ. Перевозчики, усѣвшись въ кружокъ вокругъ котла на одномъ суднѣ, ѣли деревянными ложками похлебку. Великая княгиня остановилась на минуту, чтобы посмотрѣть на нихъ, спрашивая ихъ, что они ѣдятъ: «Похлебку, матушка» ¹⁾),—отвѣчали они разомъ. Она спустилась въ шлюпку и попросила ложку, чтобы попробовать. Восторгъ перевозчиковъ, вызванный этимъ знакомъ милости, былъ необычаенъ, ихъ крики повторялись эхомъ. Великая княгиня поднялась медленно, съ тѣмъ спокойствіемъ и съ тѣмъ ангельскимъ видомъ, которые дѣлали ея прекрасное лицо еще прекраснѣе, взяла меня молча подъ руку и вернулась на дорогу парка. Я ничего не говорила, крики лодочниковъ отзывались въ глубинѣ моей души. Красота природы, очарованіе граціи, красоты и доброты, представляютъ какъ бы аккордъ, взятый на хорошемъ органѣ. Эти звуки проникаютъ въ душу и заставляютъ забывать слова: слишкомъ чувствуешь, чтобы ихъ искать.

На другой день мы сѣли на суда, чтобы идти въ Кронштадтъ; держалась прекрасная и спокойная погода; мы прямо подошли къ флоту, стоявшему на рейдѣ и расцвѣченному флагами. На снастяхъ, укрѣпленныхъ гирляндами, стояли матросы, что представляло чудное зрѣлище. Мы поднялись среди криковъ «ура» на судно адмирала Ханькова ²⁾), командовавшаго флотомъ. Ихъ императорскимъ высочествомъ былъ поданъ превосходный морской завтракъ, каюты были прекрасны, мы гуляли по палубѣ; безбрежное море разстилалось предъ нами, и флотъ являлся доказательствомъ человѣческаго ума. Мы обѣдали въ Кронштадтѣ у адмирала Пушкина ³⁾); изобиліе плохо сервированныхъ блюдъ не было способно возбудить аппетитъ, но молодость, здоровье и движеніе служили приправой для блюдъ. Чревоугодіе—старческая слабость, остатокъ очень грустнаго и непріятнаго наслажденія; молодежь слишкомъ наслаждается, чтобы думать о желудкѣ, ея вкусъ нѣжнѣе. Послѣ обѣда мы сдѣлали живописное путешествіе по Кронштадту; къ вечеру мы снова усѣлись на суда для возвращенія въ Петергофъ. Правильное движеніе судна успокаиваетъ и убаюкиваетъ. Это его почти общее дѣйствіе на всѣхъ тѣхъ, кто не страдаетъ морскою болѣзнью. Великая княгиня оперлась головой о мое плечо и заснула. Великій князь стоялъ у руля, всѣ дамы немного ослабѣли, фрейлина княжна Голицына, теперь

¹⁾ Наиболѣе почетное обращеніе въ народѣ. Прим. В. Н. Головиной.

²⁾ Петръ Ивановичъ, адмиралъ, начальникъ балтійскаго корабельнаго флота, р. 1743 г., ум. 1812 г.

³⁾ Алексѣй Васильевичъ Мусинъ-Пушкинъ, вице-адмиралъ въ 1788—1796 г.

графиня Сень-При, старалась побѣдить свой сонъ, дѣлая смѣшныя гримасы, открывая то одинъ глазъ, то другой. Графъ Салтыковъ украдкой взглядывалъ съ принужденной улыбкой на великую княгиню, опиравшуюся на меня. Я была счастлива ношей, которую несла, и не промѣняла бы свое положеніе ни на чье. Рано поужинали, чтобы воспользоваться утромъ слѣдующаго дня. Только что проснувшись, великая княгиня пришла ко мнѣ и застала меня и графиню Толстую въ полномъ дезабилье. Эти минуты свободы причиняютъ самое большое удовольствіе высочайшимъ особамъ. Они довольны покинуть на минуту ихъ величіе. Судьба великой княгини должна была привести ее къ трону, но въ 16 лѣтъ это можно забыть. Она далеко не предвидѣла, что черезъ немного лѣтъ она будетъ находиться на сценѣ, приковывающей всѣ взгляды, гдѣ мечты надо прикрывать величіемъ и достоинствомъ, оправдать уваженіе, не переступая черты, которая отдѣляла ее отъ подданныхъ. Великая княгиня велѣла мнѣ идти съ ней завтракать, — госпожа Геслеръ сдѣлала намъ прекрасныя тартинки, великій князь пришелъ ихъ попробовать. Мы читали нѣкоторое время, потомъ гуляли втроемъ, великая княгиня, графиня Толстая и я. Поздно послѣ обѣда мы покинули Петергофъ, всѣ восхищенные нашимъ маленькимъ путешествіемъ.

Новое пріобрѣтеніе Польши послѣ послѣдняго раздѣла привело въ движеніе алчность и корыстолюбіе придворныхъ: уста раскрывались для просьбъ, карманы для получекъ. Зубовъ скромно желалъ получить староство, которое императрица предполагала пожаловать принцу Конде; результатомъ этой нескромности былъ отказъ, придавшій ему сердитый видъ, хотя не надолго. Власть и справедливость принудили его подчиниться этому рѣшенію и смягчить свое недовольство. Это самое староство просилъ у императора Павла графъ Шуазель-Гуфье¹⁾; онъ бы его неминуемо получилъ, если бы государь не говорилъ объ этомъ съ княземъ Безбородко, который показалъ ему всю важность этого имѣнія. Шуазель-Гуфье удалился со своимъ благодушнымъ видомъ, получивъ менѣе значительную землю. Я никогда не видѣла человѣка, столь обладавшаго даромъ плакать, какъ Шуазель. Я помню еще его представленіе въ Царскомъ Селѣ; при каждомъ словѣ императрицы, обращенномъ къ нему, его глаза мигали и наполнялись слезами. Сидя за столомъ напротивъ императрицы, онъ не спускалъ съ нея глазъ; его умиленный, покорный и почтительный видъ не могъ скрыть вполнѣ сущность обмана такой мелкой души. Несмотря на свой умъ, Шуазель не могъ оду-

¹⁾ Извѣстный французскій эмигрантъ, бывшій французскій посланникъ въ Константинополь, затѣмъ русскій тайн. сов., директоръ академіи художествъ, наконецъ перъ Франціи, графъ Огюсть-Лоранъ (Гавриль Августовичъ) Шуазель-Гуфье (р. 1752 г., ум. 1817 г.), писатель. Живя въ Россіи, покровительствовалъ эмигрантамъ и иезуитамъ.

рачить людей; даже его «Живописное путешествіе по Греціи»—есть пустой плод тщеславія, который можетъ только сдѣлать ничтожными, въ глазахъ читателя, памятники античнаго искусства.

Однажды вечеромъ, во время прогулки, ея величество повела насъ къ озеру, сѣла на скамейку и, приказавъ мнѣ помѣститься возлѣ нея, поручила ихъ императорскимъ высочествамъ бросать хлѣбъ лебедямъ, привыкшимъ къ этому обѣду. Весь дворъ вмѣшался въ это удовольствіе; въ это время императрица мнѣ рассказывала о тоахе—видѣ американской кошки, которой всѣ боялись и которая была къ ней очень привязана. «Представьте себѣ,—сказала она,—несправедливость, которую вчера сдѣлали (я была больна наканунѣ и не была при дворѣ): когда были на колоннадѣ, бѣдная кошка вскочила на плечо великой княгини Елисаветы и хотѣла ее ласкать; она ее оттолкнула вѣромъ, это движеніе вызвало неосмотрительное рвеніе, и бѣдное животное было позорно изгнано, я съ тѣхъ поръ ея не видѣла». Едва ея величество сказала эти слова, кошка появилась за нами на спинкѣ скамьи. Къ несчастью, на мнѣ была шляпа, похожая на ту, которую великая княгиня носила наканунѣ, она меня приняла за нее. Но, обнюхавъ мое лицо и замѣтивъ неудовольствіе, она вонзила свои когти къ мою верхнюю губу и схватила мою щеку своими зубами. Императрица вскрикнула, называя меня порусски самыми нѣжными именами, кровь текла изъ моей губы, что увеличивало ея ужасъ. Я умоляла ее ничего не бояться, одной рукой я схватила морду моего врага, другою взяла его за хвостъ и передала камеръ-пажу, позванному императрицей мнѣ на помощь. Она высказала безконечное удовольствіе за мое безстрапіе, сказала мнѣ очень много слишкомъ похвальнаго для такого маленькаго доказательства храбрости, вытерла мою кровь своимъ платкомъ, повторяя, какъ она любитъ видѣть меня безъ истерики и жеманства. Бѣдная кошка была посажена въ желѣзную клѣтку и отправлена въ городъ, въ Эрмитажъ, и больше ея не видѣли.

Въ то же лѣто случилась довольно оригинальная исторія. По разрѣшенію, данному императрицей камеръ-юнкерамъ оставаться въ Царскомъ Селѣ, сколько имъ хочется, они забросили свою службу въ Павловскѣ возлѣ великаго князя Павла, слѣдствіемъ чего было то, что г. Растопчинъ, который находился, не имѣя смѣны, долженъ былъ оставаться все время безъ смѣны. Выведенный изъ терпѣнія этимъ видомъ ссылки, онъ рѣшился написать циркуляръ, очень колкій и имѣвшій видъ вызова его товарищамъ. Это письмо было составлено такимъ образомъ, что дѣлало каждого смѣшнымъ изъ-за подробностей причины ихъ нерадѣнія; оно разгнѣвало всѣхъ этихъ господъ, пожелавшихъ драться съ Растопчинымъ, принявшимъ ихъ вызовъ и просившимъ моего мужа быть его секундантомъ. Князь Михайлъ Голицынъ и графъ Шуваловъ ¹⁾ должны были явиться

¹⁾ Гр. Павелъ Андреевичъ (р. 1777 г., ум. 1823 г.).

первыми; имъ назначили мѣсто для свиданія; но они высказали такое философское отношеніе, что мой мужъ, воспользовавшись ихъ миролюбивымъ настроеніемъ, покончилъ дѣло полюбовно. Также пытались успокоить князя Барятинскаго, брата графини Толстой¹⁾. Эта исторія дошла до ушей императрицы, которая, чтобы показать примѣръ, выслала Растопчина съ женой въ его имѣніе. Онъ женился за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ на второй племянницѣ Протасовой. Эта высылка причинила много огорченія великому князю Александру и великой княгинѣ Елисаветѣ, которые ее любили. Мы были смертельно опечалены и грустны; императрица проводила вечера внутри колоннады. Она замѣтила наши удлиннившіяся лица и сказала графу Строганову, бывшему возлѣ нея. «У нихъ такой видъ, будто они думаютъ, что Растопчинъ потерялъ для жизни». Она отослала князя Барятинскаго въ Варшаву къ Суворову. Война еще продолжалась, онъ вернулся по окончаніи этой кампаніи, за которой слѣдовалъ миръ. Растопчинъ былъ возвращенъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Эта ссылка доставила ему милость великаго князя Павла, который съ этихъ поръ смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, преслѣдуемаго за него.

Лѣто было особенно прекрасно въ этотъ годъ, но тѣмъ не менѣе моментъ переѣзда изъ Царскаго Села приближался. Я замѣчала его приближеніе съ сожалѣніемъ; уже наступило 10-е августа; ночи, хотя и немного темныя, были тихи и спокойны. Великая княгиня предложила мнѣ погулять послѣ вечера у императрицы. Я согласилась подъ условіемъ, что великій князь и мой мужъ будутъ съ нами. Мы условились, что я съ мужемъ буду ихъ ждать въ большой закрытой со всѣхъ сторонъ аллеѣ, и что, перемѣнивъ платье, она подойдетъ къ намъ съ великимъ княземъ. Она подошла черезъ четверть часа, подъ руку съ нимъ. На ней былъ синій казимировый рединготъ и черная касторовая шляпа. Мы обѣ усѣлись на скамейку. Великій князь пошелъ съ моимъ мужемъ до конца аллеи. Тишина окружала насъ и дѣлала болѣе ощутительной таинственную непредѣльность ночного мрака. Даже при отсутствіи вѣтра, въ воздухѣ чувствуется нѣкоторое колебаніе, которое дѣлаетъ природу какъ бы внимающей нашимъ горестямъ и удовольствіямъ. Мы хранили молчаніе: оно было знакомъ взаимнаго довѣрія, основаннаго на дружескихъ чувствахъ и полного прелести. Ищешь другъ друга, желаешь быть вмѣстѣ, молчишь, чувствуешь себя счастливымъ, — это первое проявленіе сердечной жизни и, несмотря на всю ея пылкость, немногаго нужно, чтобы ее удовлетворить. Великая княгиня нарушила молчаніе, чтобы выразить съ живостью мнѣ то, что въ ней происходило; казалось, ей было недостаточно словъ, какъ вдругъ поднявшійся вѣтерокъ

¹⁾ Кн. Иванъ Ивановичъ (ум. 1830 г.), впоследствии посолъ въ Мюнхенѣ агрономъ.

нагнуль вѣтви деревьевъ къ нашимъ головамъ. «Боже мой, я благодарю природу за ея единеніе со мной»,—воскликнула она. Я ее взяла подъ руку и предложила пойти навстрѣчу возвращавшемуся великому князю. Онъ намъ сказалъ, чтобы мы пошли ожидать его въ ротондѣ, возлѣ розоваго цвѣтника, а онъ съ моимъ мужемъ пойдетъ къ развалинамъ ¹⁾ посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ воровъ. Великая княгиня была очень довольна снова остаться со мной наединѣ, и мы вошли въ эту открытую со всѣхъ сторонъ ротонду. Куполь поддерживается колоннами, кругомъ идетъ скамейка, на которую мы сѣли, великая княгиня прислонилась ко мнѣ и продолжала свой рассказъ. Моя душа съ жадностью воспринимала слова, выходившія изъ ея устъ. Пусть она узнаеть, что устами такого чистаго и молодого сердца доступны такія прекрасныя и глубокія впечатлѣнія. Я никогда не замѣчала въ великой княгинѣ ни мелочности въ мысляхъ, ни обыденныхъ чувствъ, составляющихъ болѣе или менѣе суть жизни, извѣстную всему свѣту и которую можно отгадать напередъ. Если бы ея душа и ея сердце могли дойти до того, кто долженъ бы былъ ее понять, сколько бы добродѣтелей и граціи можно было узнать даже прежде, чѣмъ наступило для нея время бѣдствій и скорбей. Но, никогда не понятая, всегда непризнанная и отталкиваемая, она съ самой благородной душой, съ чувствительнымъ сердцемъ, съ самымъ живымъ и возвышеннымъ воображеніемъ была обречена на самыя страшныя жертвы. Никто не испыталъ столькихъ опасностей, сколько она. Но, тѣмъ не менѣе, ея душа болѣе сильнѣе, чѣмъ ея страсти, разорвала темныя покровы, скрывавшіе истину; она проявила тотъ чистый свѣтъ, который сіяеть даже во мракѣ, тотъ факель, котораго ни бури, ни грозы, не въ силахъ затушить, и который находится въ глубинѣ насъ самихъ. Но вернемся въ ротонду: 11 часовъ пробило на часахъ, съ нѣкоторыхъ поръ ночь становилась темнѣе, было поздно. Великій князь не возвращался за нами, и, несмотря на прелесть рѣчи моего божества и желаніе оставаться съ ней, я была удручена боязнью быть застигнутой какимъ либо пьяницею или нескромнымъ человѣкомъ. Наконецъ, великій князь пришелъ, мы пошли домой, поужинали и разстались позже обыкновеннаго.

На другой день я пошла очень рано гулять въ англійскій садъ. Я приказала моему арабу принести камеръ-обскуру, подаренную мнѣ императрицей. Я поставила ее напротивъ колоннады по другую сторону озера, чтобы срисовать этотъ прекрасный видъ. Такъ какъ озеро было широко, то я находилась на очень выгодномъ для перспективы разстояніи. Эта камеръ-обскура очень удобна и велика, въ нее можно войти до пояса и хорошо опереться руками. Я стала

¹⁾ Зданіе съ башней въ концѣ сада. Прим. гр. В. Н. Головиной.

работать; въ это время графиня Браницкая прошла по другой сторонѣ озера. Она замѣтила мой приборъ; не отдавая себѣ отчета въ томъ, что она видитъ, она остановилась, чтобы разсмотрѣть эту четырехугольную массу и зеленую занавѣсь, падающую до земли, и спросила своего лакея, что, по его мнѣнію, это можетъ быть; этотъ же, глупый и смѣлый, отвѣтилъ, не задумавшись: «Это госпожа Эстергази даетъ себя электризовать». Графиня обошла озеро, дошла до меня и рассказала мнѣ глупую выдумку своего лакея. Мы обѣ много смѣялись ей; она сообщила объ этомъ императрицѣ, которую это очень позабавило.

Однажды вечеромъ, великій князь попросилъ разрѣшенія у императрицы остаться дома. Позвали Дица и трехъ другихъ лучшихъ музыкантовъ для исполненія квартетовъ. Когда этотъ маленькій концертъ кончился, великая княгиня велѣла мнѣ сопровождать ее во внутренніе покои. «Давно уже, — сказала она мнѣ, — я вамъ хотѣла показать тотъ дневникъ, который я хочу послать моей матери, при первой вѣрной оказіи. Я не хочу его отправить, не показавъ вамъ и не подвергнувъ его вашей критикѣ. Оставайтесь здѣсь (мы были въ ея спальнѣ), я вамъ его принесу, и вы будете судить съ вашей обычной искренностью». Она вернулась, мы сѣли возлѣ камина, я прочла тетрадь и бросила ее въ огонь. Первое движеніе великой княгини, полное живости, смѣнилось удивленіемъ. «Что вы дѣлаете?» — спросила она нетерпѣливо. «То, что я должна, ваше высочество; въ этой рукописи — полный граціи слогъ и непринужденное довѣріе дочери къ матери; но, прочтя ее въ 800 лье стъ васъ, принцесса ваша мать вынесетъ изъ нея только безпокойство, и какъ сможете вы ее успокоить? Вы бросите въ ея душу смятеніе, мученіе; большая разница говорить или писать. Одного слова достаточно, чтобы смутить любящее насъ сердце». Великая княгиня уступила съ трогательной граціей и сказала мнѣ многое, глубоко тронувшее мое сердце.

Эта тетрадь была отпечаткомъ души, которая жаждала вылиться цѣликомъ передъ любимой матерью, но въ то же время преувеличивала опасности, благодаря благородной скромности и недовѣрію къ себѣ самой; ея слогъ уже носилъ отпечатокъ ея занятій. Исторія всегда была ея любимымъ чтеніемъ, наука о человѣческой душѣ научила ее познавать себя и судить себя; благородство ея души вмѣстѣ съ ея принципами располагало ее къ снисходительности къ другимъ и къ большой строгости къ самой себѣ.

Одной изъ причинъ, побудившихъ меня къ уничтоженію этой рукописи, было желаніе, чтобы великая княгиня ея не перечитывала: она нуждалась въ поддержкѣ противъ этого трогательнаго недовѣрія къ своимъ силамъ, которое могло довести ее до унынія.

VIII.

Отъѣздъ двора изъ Царскаго Села лѣтомъ 1795 г.—Болѣзнь великой княгини Елисаветы.—Графиня Шенбургъ.—Болѣзнь графини Головиной.—Пріѣздъ принцессы Кобургскихъ.—Принцесса Юлія.—Неудовольствіе императрицы великой княгиней Елисаветой Алексѣевной.—Номолвка великаго князя Константина Павловича съ принцессой Юліей и бракосочетаніе ихъ.—Великая княгиня Анна Осодовича.—Князь Адамъ и Константинъ Чарторижскіе.

Императрица никогда заранѣе не объявляла о своемъ отъѣздѣ изъ Царскаго Села и уѣзжала всегда тогда, когда этого ожидали меньше всего, и это вызывало недоразумѣнія, очень тѣшившія императрицу. Однажды, пришли сказать, что императрица выѣзжаетъ въ каретѣ; это причинило безпокойство всѣмъ, имѣвшимъ честь возвращаться въ ея каретѣ изъ Царскаго Села въ городъ. Графъ Штакельбергъ былъ особенно заинтересованъ этимъ извѣстіемъ; первымъ его дѣломъ было приказать своему камердинеру уложить его вещи. Ея величество сѣла въ шестимѣстную карету и пригласила съ собою меня, Протасову, Зубова, генераль-адъютанта Пассека и графа Штакельберга. Императрица велѣла кучеру ѣхать, и онъ повезъ насъ сначала, какъ обыкновенно, на прогулку, а затѣмъ повернулъ по дорогѣ въ городъ. Графъ Штакельбергъ сдѣлалъ знакъ Пассеку, что онъ не ошибся, что онъ увѣренъ въ томъ, что догадался объ отъѣздѣ, но въ эту самую минуту кучеръ оставилъ большую дорогу и вернулся въ лѣсъ. Лѣсные аллеи и повороты совершенно сбили съ толку графа Штакельберга, онъ не зналъ, что и думать. Мое присутствіе должно бы было его разубѣдить, потому что я никогда не возвращалась въ городъ съ ея величествомъ. Спокойно вернулись во дворецъ, гдѣ графъ не засталъ своего камердинера, уѣхавшаго со всѣми вещами въ городъ. Пришлось за нимъ посылать, что вызвало сильное смущеніе графа, очень позабавившее императрицу и все общество. Императрица удалилась. Такъ какъ было уже поздно, а я сопровождала ихъ высочества въ ихъ апартаменты, гдѣ оставалась до 11 часовъ. Около полуночи я собиралась лечь, какъ мнѣ принесли записку отъ великой княгини, просившей меня отъ своего имени и отъ имени великаго князя какъ можно скорѣе явиться къ нимъ, такъ какъ имъ нужно мнѣ сообщить нѣчто. Я приказала своему арабу провожать меня съ фонаремъ: ночь была теплая и темная; я перешла черезъ большой дворъ и дворцовые коридоры—глубокое молчаніе царствовало повсюду. Только часовые кричали: кто идетъ? Я походила на странствующее привидѣніе. Проходя по террасѣ передъ маленькой лѣстницей ея величества, я увидѣла находившійся тамъ пикетъ. Офицеръ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Я подошла къ маленькому входу, какъ мнѣ было приказано, и встрѣтила тамъ ка-

мердинера великой княгини, проводшаго меня въ ея кабинетъ. Минуту спустя, она вошла съ великимъ княземъ; она была въ платьѣ и ночномъ чепчикѣ, великій князь въ сюртукѣ и туфляхъ. Они спросили моихъ совѣтовъ о неважныхъ вещахъ, что они могли бы отложить и на другой день. Они этимъ избавили бы меня отъ намековъ и догадокъ моихъ надсмотрщиковъ. Съ тѣхъ поръ больше, чѣмъ когда либо, я стала считаться интриганкой и скрытной, но великій князь настаивалъ тогда, что я одна могу разрѣшить ихъ споръ. Когда согласіе между ними было восстановлено, и я ихъ оставила, былъ уже часъ ночи.

Черезъ нѣсколько дней, утромъ, императрица оставила Царское Село; мы были на лугу за рѣшеткой и видѣли, какъ она проѣзжала. Ихъ императорскія высочества оставались еще сутки въ Царскомъ Селѣ, я сопровождала ихъ въ городъ. Этотъ отъѣздъ императрицы огорчилъ всѣхъ угольщиковъ, водоносовъ; всѣ жители Царскаго Села плакали и бѣжали за ея каретой.

Черезъ нѣкоторое время послѣ возвращенія въ городъ, великая княгиня захворала лихорадкой, и, къ увеличенію моего безпокойства, мой мужъ очень серьезно заболѣлъ. Великій князь навѣщалъ его почти каждое утро. Въ 4 часа я ему давала завтракъ и отправлялась въ Таврическій дворецъ, чтобы оставаться тамъ до ночи съ великой княгиней. Однажды вечеромъ, я застала ее болѣе утомленной, чѣмъ обыкновенно, но она превозмогала себя, боясь, что я уйду, если она заснетъ. Я умоляла ее лечь на кушетку и заснуть, обѣщая ей не уходить. Она согласилась, но съ условіемъ, чтобы я сѣла рядомъ съ ней, такъ что она могла бы проснуться, если я захотѣла бы встать. Я съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ она спитъ; ея сонъ былъ спокоенъ, и я радовалась ея покою и отдыху. Я сожалѣю тѣхъ, которые не испытали столь чувствительныхъ и чистыхъ минутъ нѣжности, этого нѣжнаго чувства, которымъ наслаждаешься молча, и которымъ нельзя пресытиться. Оно призываетъ душу, а нѣжныя заботы и постоянное попеченіе увеличиваютъ его чувствительность. Я осмѣливаюсь сказать, что всегда чувствовала материнскую привязанность къ великой княгинѣ; постоянная ея дружба и милости ко мнѣ увеличивали эту привязанность. Я не испытывала ни сомнѣній, ни недовѣрія, не встрѣчала препятствій; наши постоянныя сношенія придавали простой и естественный ходъ нашей дружбѣ.

Я невольно возвращаюсь къ этому предмету, когда пробую писать свои воспоминанія. Для меня самыми чувствительными и самыми глубокими являются тѣ, которыя касаются великой княгини. Это самое замѣчательное время моей жизни, и оно имѣло вліяніе на все мое послѣдующее существованіе. Сцена скоро измѣняется, новые актеры скоро появятся на ней, непредвидѣнныя обстоятельства и одно мрачное событіе переполняютъ чашу моихъ

страданій. Я останусь одна съ моимъ сердцемъ, и я хотѣла бы быть одной въ моемъ описаніи.

Когда великая княгиня и мой мужъ поправились, я вернулась къ своему обычному образу жизни. Говорили о прибытіи герцогини Кобургской съ ея дочерьми-принцессами и о бракѣ великаго князя Константина. Было нѣсколько баловъ въ Таврическомъ дворцѣ.

Дворъ переѣхалъ въ Зимній дворецъ; несмотря на то, что мнѣ еще далеко было до разрѣшенія отъ бремени, я себя чувствовала нехорошо, и доктора приказали мнѣ не выходить изъ дому: это было необходимою предосторожностью. Графиня Толстая была также беременна и должна была родить раньше меня; у нея родился сынъ и, несмотря на свое нездоровье, я ухаживала за ней нѣкоторое время. Поправившись, она переѣхала ко мнѣ на три недѣли, чтобы присутствовать при моихъ родахъ, которые были очень счастливы и совершились 22-го ноября. Я родила дочь, которую имѣла счастье вырастить. Я не могу обойти молчаніемъ мою дружбу съ прелестной женщиной-графиней Шенбургъ, дочерью Сиверса. Годъ тому назадъ она пріѣхала съ своей матерью изъ Дрездена. Графиня Толстая познакомилась съ ней во время своего путешествія. Я ее видѣла, когда ей было 14 лѣтъ, во время ея короткаго пребыванія въ Петербургѣ. Ея мать хорошо знала мою и привезла ко мнѣ свою дочь. Съ первой минуты нашего знакомства графиня Шенбургъ почувствовала ко мнѣ сильное влеченіе, о чемъ она мнѣ часто рассказывала впоследствии. По своему уму, душѣ и чистотѣ сердца это было рѣдкое существо. Она прекрасно знала языки и музыку и артистически рисовала; была чувствительна, пламенна и обладала прямодушіемъ честнаго человѣка. Она дѣлила свою жизнь между мной и графиней Толстой, умѣряя дружбу, которую питала ко мнѣ, чтобы не огорчить графиню Толстую. Можно сказать о ней, что основой ея сердца была тонкая деликатность. Она ухаживала за мной во время моихъ родовъ. Я была счастлива, какъ только можно, въ это время: мой мужъ и обѣ подружки не оставляли меня, великая княгиня высказывала искреннее участіе и часто писала мнѣ. Моя маленькая дочка прекрасно себя чувствовала, и это спокойствіе и увѣренность въ счастья укрѣпляли мои силы. Черезъ мѣсяць послѣ моихъ родовъ, графиня Толстая, будучи со мной наединѣ, сказала мнѣ: «Уже два дня, какъ великая княгиня посылала къ вамъ; я отправлюсь сейчасъ къ ней, чтобы рассказать ей, какъ вы себя чувствуете, о вашемъ здоровьи и узнать о ея здоровьи». Черезъ четверть часа мнѣ принесли отъ великой княгини записку, полную нѣжности и любви. Я отвѣтила со всей силой моей привязанности, и только что мой отвѣтъ былъ отосланъ, какъ вернулась крайне недовольная графиня Толстая. «Это невѣроятно»,—сказала она,—«если бы не я заговорила о васъ, великая княгиня даже не спро-

сила бы меня, какъ вы себя чувствуете». Я улыбнулась и показала ей записку, ставшую для меня дороже всѣхъ сокровищъ. Графиня Толстая не могла оправиться отъ своего изумленія. Сильно чувствующій человѣкъ находитъ откликъ въ любящемъ его сердцѣ. Великой княгинѣ не нужно было говорить обо мнѣ: ей было достаточно подумать обо мнѣ, чтобы знать, что я ей отвѣчу. Такъ какъ я явилась ко двору только въ январѣ, то не была свидѣтельницей ни прибытія въ октябрѣ Кобургскихъ принцессъ, ни ихъ отъѣзда черезъ 5 недѣль, ни муромазанія и обрученія принцессы Юліи съ великимъ княземъ Константиномъ; но лицо, заслуживающее довѣрія и видѣвшее все это, мнѣ рассказало всѣ подробности, которыя я и помѣщаю здѣсь.

Герцогиня Кобургская прибыла въ Петербургъ съ тремя дочерьми: принцессой Софіей, принцессой Антуанеттой, вышедшей впоследствии замужъ за принца Александра Виртембергскаго и большую часть своей жизни проведенной въ Россіи, и принцессой Юліей¹⁾. Онѣ появились впервые на концертѣ въ Эрмитажѣ. Императрица и дворъ собрались тамъ заранѣе, любопытство было такъ велико, что придворные столпились у дверей, въ которыя должны были войти иностранныя принцессы. Наконецъ, онѣ прибыли, и замѣшательство, испытанное бѣдной герцогиней, очутившейся при самомъ большомъ и блестящемъ изъ европейскихъ дворовъ, не могло сдѣлать болѣе благороднымъ ея мало изящный видъ. Ея три дочери были также сильно смущены, но все же болѣе или менѣе владѣли собой. Достаточно часто одной нѣжной молодости, чтобы внушить интересъ. Между тѣмъ, смущеніе скоро прошло, въ особенности у младшей, которая черезъ два дня послѣ перваго знакомства на балу въ Эрмитажѣ подошла къ великой княгинѣ Елисаветѣ, взяла ее за кончикъ уха и шепнула понѣмецки ласково «душенька». Эта наивность удивила и доставила удовольствіе великой княгинѣ; вообще пріѣздъ и пребываніе этихъ принцессъ доставили ей пріятныя минуты. Она слишкомъ недавно покинула свою родину и свою семью, чтобы не сильно скучать еще по ней, и, хотя въ новоприбывшихъ ничто ей не напоминало родныхъ, но тѣмъ не менѣе она могла говорить о массѣ мелочей, о которыхъ можно бесѣдовать только съ соотечественниками и услышать выраженія, напоминающія ея дѣтство. Во время пребыванія принцессъ Кобургскихъ было много праздниковъ и баловъ, между прочимъ большой маскарадный балъ при дворѣ, замѣчательный для великой княгини Елисаветы тѣмъ, что первый разъ далъ возможность императрицѣ высказать ей свое неудовольствіе. Извѣстная госпожа Лебренъ²⁾ недавно только пріѣхала

¹⁾ Род. 23-го сентября 1781 г.

²⁾ Лебренъ, Елисавета-Луиза, урожд. Виже, знаменитая французская портретистка (1755—1842) — провела въ Россіи шесть лѣтъ, съ 1795 г. по 1801 г. Въ это время

въ Петербургъ; ея платья и модныя картины произвели переворотъ въ модахъ; утвердился вкусъ къ античному; графиня Шувалова, способная на юношеское увлеченіе всѣмъ новымъ и заморскимъ, предложила великой княгини Елисаветѣ заказать себѣ у Лебрень платье для маскараднаго бала. Великая княгиня необдуманно охотно согласилась, не думая, понравится или не понравится это императрицѣ, и рассчитывая, что графиня Шувалова не можетъ ей предложить то, что можетъ не нравиться ея величеству. Платье, задуманное и сшитое Лебрень, было готово. Великая княгиня отправилась на балъ очень довольная, думая только о похвалахъ, которыя вызоветъ ея платье. Лица, не принадлежавшія къ большому двору, являлись на подобные балы, въ какое угодно было время; поэтому великій князь Александръ съ супругой долгое время уже тамъ находились, когда въ одной изъ залъ встрѣтились въ первый разъ съ императрицей. Великая княгиня Елисавета подошла къ ней, чтобы поцѣловать ея руку, но императрица молча на нее посмотрѣла и не дала ей поцѣловать руку, что поразило и огорчило великую княгиню. Она скоро догадалась о причинѣ этой суровости и очень сожалѣла о томъ легкомысліи, съ которымъ рѣшилась заплатить дань модному увлеченію. На другой день императрица сказала графу Салтыкову, что она была очень недовольна туалетомъ великой княгини Елисаветы, и два или три дня относилась къ ней холодно.

«Императрица чувствовала отвращеніе ко всему, что носило печать преувеличенія и претензіи, и высказывала это при всякомъ случаѣ; понятно, что ей было непріятно замѣтить признаки этихъ двухъ недостатковъ въ своей внучкѣ, которую она любила и которая должна была, по ея желанію, служить примѣромъ для всѣхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

«Герцогиня Кобургская не сумѣла пріобрѣсти расположенія императрицы; ея величество рѣдко видѣла ее въ своемъ близкомъ кругу; черезъ три недѣли принудили великаго князя Константина сдѣлать выборъ.

«Мнѣ кажется, что онъ предпочиталъ уклониться отъ выбора, ибо совершенно не желалъ жениться, но наконецъ остановился на принцессѣ Юліи. Эта бѣдная молодая принцесса не казалась очень польщенной предстоящей ей участью; едва сдѣлавшись невѣстой великаго князя Константина, она подверглась его грубостямъ и въ то же время нѣжностямъ, которыя одинаково были оскорбительны. Спусти 8 или 10 дней послѣ помолвки великаго князя Константина, гер-

она написала массу портретовъ, въ томъ числѣ портреты членовъ императорской фамиліи, и избрана была въ почетные вольные общники нашей академіи художествъ. О жизни своей и о пребываніи въ Россіи Лебрень оставила любопытныя записки.

погня Кобургская уѣхала съ двумя старшими дочерьми, такъ что ея пребываніе въ общемъ длилось не больше 4—5 недѣль.

«Принцесса Юлія была отдана подѣ опеку госпожѣ Ливенъ¹⁾, главной воспитательницѣ молодыхъ великихъ князень. Она брала часть уроковъ вмѣстѣ съ ними, съ ней обращались строго, къ чему она до сихъ поръ не привыкла. Она утѣшалась въ этомъ временномъ стѣсненіи въ обществѣ великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы. Последняя проводила съ ней все время, которое она могла ей отдать, и между этими двумя молодыми принцессами образовалась вполне естественная дружба. Великій князь Константинъ являлся завтракать къ своей невѣстѣ зимою въ 6 часовъ утра. Онъ приносилъ съ собою барабанъ, трубы, и заставлялъ ее играть на клавишинѣ военные марши, аккомпанируя этими двумя шумными инструментами. Это было единственнымъ выраженіемъ его любви къ ней. Онъ ей ломалъ иногда руки, кусалъ ее, но это было только предисловіе къ тому, что ожидало ее послѣ замужества.

Въ январѣ, я вернулась ко двору и была представлена принцессѣ Юліи. Ея свадьба съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ была въ февралѣ 1796 года. Ее назвали великой княгиней Анной Теодоровной. Въ день свадьбы былъ парадный балъ и городъ былъ иллюминированъ²⁾. Ее повезли въ Мраморный дворецъ, расположенный вблизи Зимняго дворца, на набережной Невы. Императрица дала этотъ дворецъ великому князю Константину. Ожидали, что для него устроятъ Шепелевскій дворецъ, примыкавшій къ Зимнему; но его поведеніе, когда онъ почувствовалъ себя хозяиномъ у себя дома, показало, какъ онъ еще нуждается въ суровомъ присмотрѣ. Между прочимъ, черезъ нѣкоторое время послѣ своей женитьбы, онъ забавлялся въ манежѣ Мраморнаго дворца стрѣльбой изъ пушки, заряженной живыми крысами. Поэтому императрица, вернувшись въ Зимній дворецъ, помѣстила его въappartementъ со стороны Эрмитажа.

Великая княгиня Анна была довольно красива, но неграціозна, невоспитанна, романтична, что было очень опасно при полномъ отсутствіи принциповъ и образованія. Несмотря на доброе сердце

¹⁾ Шарлотта Карловна Ливенъ, впоследствии свѣтлѣйшая княгиня (р. 1742 г. † 1828 г.), воспитательница великихъ князень, дочерей императора Павла и императрицы Маріи Теодоровны, держала себя, повидному, всегда въ сторонѣ отъ дѣлъ, но въ дѣйствительности во многомъ руководила императрицей Маріей и была главной опорой вѣщейкой партіи при дворѣ. Написала записки о своей жизни, но сожгла ихъ предъ смертію. Шарлотта Карловна отличалась умомъ и твердымъ, последовательнымъ образомъ дѣйствій, пользуясь въ теченіе долгой своей жизни неизмѣннымъ расположеніемъ и уваженіемъ четырехъ императрицъ и трехъ императоровъ.

²⁾ Свадьба совершилась 15-го февраля 1796 г.; великому князю Константину въ это время не было еще и 17 лѣтъ.

и природный умъ, она подвергалась опасностямъ, ибо не обладала ни одной изъ тѣхъ добродѣтелей, которыя побуждаютъ слабости. Жестокое обращеніе великаго князя Константина способствовало ея заблужденіямъ. Она стала подругой великой княгини Елисаветы, которая была способна возвысить ея душу, но обстоятельства, все болѣе и болѣе тяжелыя, ежедневныя событія едва давали послѣдней возможность прійти въ себя.

Я должна была раньше сказать о пріѣздѣ двухъ братьевъ князей Чарторижскихъ ¹⁾. Они, къ несчастью, играли слишкомъ замѣтную роль, чтобы не упомянуть о нихъ въ моихъ запискахъ. Они часто бывали у меня. Старшій ограниченъ и молчаливъ, онъ выдѣляется своимъ серьезнымъ лицомъ и выразительными глазами; это—лицо, способное возбудить страсть. Младшій живой, оживленный, онъ очень напоминаетъ француза. Великій князь Александръ сначала очень привязался къ нимъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ пріѣзда они были назначены камеръ-юнкерами. Императрица ихъ отличала изъ-за ихъ отца, замѣтнаго человѣка въ его отечествѣ. Полякъ въ душѣ, онъ не могъ хорошо относиться къ намъ. Ея величество хотѣла покорить его, обходясь хорошо съ его дѣтьми.

Дворъ переѣхалъ въ Царское Село. Великія княгини сближались все больше и больше. Ихъ дружба ничѣмъ еще не отражалась на отношеніяхъ великой княгини Елисаветы ко мнѣ; напротивъ, она даже желала, чтобы ея невѣстка подружилась со мной, но это было невозможно. Характеръ великаго князя Константина не позволялъ мнѣ сблизиться съ его женой, а полнѣйшая противоположность,

¹⁾ Князья Адамъ и Константинъ Чарторижскіе—сыновья князя Адама Чарторижскаго, бывшаго главою партіи въ Польшѣ, не сочувствовавшей Россіи. Послѣ третьяго раздѣла Польши, по повелѣнію императрицы Екатерины, имѣнныя князи Адама были секвестрованы, и онъ тогда послалъ своихъ сыновей ко двору въ Петербургъ смягчить государыню и ходатайствовать о снятіи секвестра. Оба молодые Чарторижскіе были плодомъ связи матери ихъ Изабеллы съ кн. П. В. Ренинымъ, который, будучи русскимъ посломъ въ Варшавѣ, въ началѣ царствованія Екатерины, повелѣвалъ Польшею и служилъ предметомъ заискиваній со стороны патріотовъ и патріотокъ. Старшій изъ братьевъ, кн. Адамъ, человѣкъ умный, образованный, но проницательный и честолюбивый, вкрался въ довѣріе великаго князя Александра Павловича, обворожилъ его своими лицемѣрными рѣчами и принесъ затѣмъ много горя ему лично и вреда Россіи, преслѣдуя постоянно личныя свои интересы и возрожденіе старой Польши, отъ моря до моря, не брезгалъ для этого никакими средствами; въ особенности вредна была его дѣятельность, какъ попенителя Виленскаго учебнаго округа. Графиня Головина рисуетъ его, какъ фальшиваго человѣка, и фальшь эта подтверждается оставленными имъ «Записками», завѣдомо во многихъ случаяхъ лживыми. Когда императоръ Александръ послѣ 1806 г. узналъ его поближе, то Чарторижскій долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга, и съ тѣхъ поръ довѣріе къ нему императора пошатнулось навсегда. Кн. Адамъ былъ старше Александра Павловича на семь лѣтъ, и оттого ему легко было сначала управлять молодымъ 16-ти-лѣтнимъ великимъ княземъ. Род. 1770 г., ум. 1861 г.

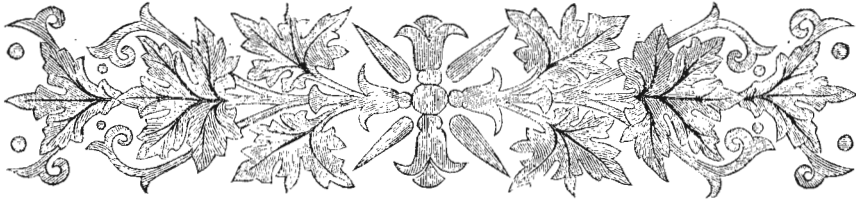
которую я находила между ней и моимъ ангеломъ, великой княгиней Елисаветой, не могла меня поощрить къ этому.

Великій князь Александръ все тѣснѣе сближался съ князьями Чарторижскими и съ другомъ старшаго — молодымъ графомъ Строгоновымъ. Онъ не разставался съ ними. Общество окружавшихъ его молодыхъ людей привело его къ связямъ, достойнымъ осужденія. Князь Адамъ Чарторижскій, особенно поощренный дружбою великаго князя и приближенный къ великой княгинѣ Елисаветѣ, не могъ смотрѣть на нее, не испытывая чувства, которое начала нравственности, благодарности и уваженіе должны бы были погасить въ самомъ зародышѣ.

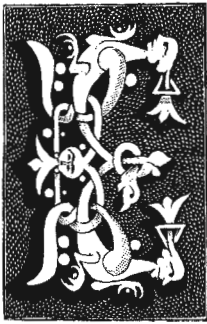
Графиня В. Головина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАШТАТНЫЙ ГЕНИЙ.

СТЬ въ благодатной Украинѣ немало городовъ, которые пользуются этимъ почетнымъ названіемъ единственно оттого, что имѣютъ въ своихъ предѣлахъ полицейскую каланчу, на верхушкѣ которой, на площадкѣ, пожарный солдатъ ходитъ, наблюдая за тѣмъ, когда вспыхнетъ гдѣ нибудь пламя. Тогда онъ тянетъ за веревку, а по веревкѣ колоколь, водруженный на столбѣ, посрединѣ полицейскаго двора, начинаетъ звонить. Лѣниво просыпаются пожарные, неохотно напяливаютъ на себя куртки изъ сѣраго солдатскаго сукна, а на голову надѣваютъ мѣдныя каски, медленно растворяются широкія ворота сарая, и выкатываются оттуда бочки на подставахъ съ заржавленными осями, потомъ выводятъ хромыхъ лошадей изъ конюшни, запрягаютъ и, наконецъ, ѣдутъ на пожаръ. Приѣхали, а домишко уже сгорѣлъ, а если при этомъ былъ хорошій вѣтеръ, то сгорѣло еще полдесятка рядомъ съ нимъ стоящихъ построекъ. Полили водой фундаментъ, составили протоколъ и поѣхали обратно продолжать прерванный сонъ.

Въ такой городъ хорошо ѣздитъ человѣку, когда ему надо выспаться. Есть такіе люди въ столицахъ, которымъ давно надо выспаться, потому что дѣла и развлечения оставляютъ имъ для этого слишкомъ мало времени. Пусть они туда поѣдутъ, и ужъ тамъ они навѣрно выспятся, ибо жизнь въ этихъ городахъ плетется тихо и задумчиво, какъ тихо и задумчиво ѣздили на своихъ спокойныхъ волахъ предки обывателей—чумаки—сидя въ глубокихъ гарбахъ, нагруженныхъ солью, которую они везли изъ Крыма въ Полтаву.

Можетъ быть, когда-то и была надобность въ этомъ городѣ. Можетъ быть, когда нибудь онъ чѣмъ нибудь и торговалъ, или его крѣпкія каменные стѣны, давно уже безслѣдно срытыя, служили оплотомъ противъ вражеской силы.

Можетъ быть, улицы его въ иное время были политы обильною кровью... Но теперь ничѣмъ онъ не торгуетъ, ибо ничего не производитъ, никого онъ не защищаетъ, ибо никто на него не нападаетъ, а кровь проливается въ немъ въ одномъ единственномъ мѣстѣ—въ мясной лавкѣ мѣщанина Захарчука, который питаетъ этимъ продуктомъ весь городъ.

Правда, по воскресеньямъ и четвергамъ—въ базарные дни,—когда изъ окружныхъ селъ на возахъ своихъ пріѣзжаютъ крестьяне, носящіе до сихъ поръ все такія же широкіе шаровары и широкополыя шляпы изъ житной соломы, а зимой сѣрыя свитки, въ какихъ ѣздили бывые чумаки за солью въ Крымъ,—въ большомъ количествѣ населяющіе городъ евреи начинаютъ страшно суетиться и галдѣть, съ волненіемъ бѣгая по рыночной площади, но весь этотъ шумъ и галдѣніе—по пустыкамъ. Если десятокъ деревенскихъ бабъ продадутъ въ городѣ по два кувшина молока, а десятокъ мужиковъ купятъ себѣ по парѣ граблей и косъ да по одной супонѣ, а какой нибудь церковный староста захватитъ для надобностей прихода жестянку деревяннаго масла и полъ-ведра сладкаго церковнаго вина, то можно будетъ сказать, что оборотъ рыночнаго дня былъ блестящъ.

И городъ-то давно исключенъ изъ списка живыхъ, и имя ему заштатный, да и жизнь въ немъ идетъ какая-то заштатная. Ѣдятъ въ этомъ городѣ однообразно и скудно, все больше вяленаго рыба, да картошку, да селедку, да лукъ. А спать великолѣпно, какъ, должно быть, не спятъ люди ни въ одной точкѣ земного шара.

Въ такой городъ занесло меня однажды проѣздомъ, и какъ только я вступилъ въ его предѣлы, то сейчасъ же почувствовалъ, что мнѣ надо отдохнуть и выспаться, и что лучшаго мѣста я для этого не найду во всей природѣ. Тутъ я и вспомнилъ, что живетъ въ городѣ мой старинный пріятель, съ которымъ я не видался много-много, не знаю даже, сколько, лѣтъ, съ того времени, когда я едва только вступалъ изъ дѣтскаго возраста въ юношескій, а у него уже сильно просвѣчивали въ волосахъ серебряныя нитки.

Вспомнилъ я и заѣхалъ къ нему и на первый разъ потерпѣлъ неудачу: его не оказалось дома.

— А гдѣ же онъ?

— На похоронахъ. Нынче Бородулю хоронятъ.

— Какого Бородулю?

— Какъ какого? Вы не знаете Бородулю? Да онъ одинъ только и былъ у насъ на весь городъ,—Терентій Лукичъ Бородуля.

— Нѣтъ, не знаю я Бородулю...

Говорило со мной существо, которое никакъ ужъ нельзя было признать за городское. Парусиновая сорочка и парусиновые же широкіе штаны составляли весь его туалетъ. На ногахъ вмѣсто обуви древне-мозолистая кожа, на головѣ вмѣсто шапки совершенно бѣлые волосы. И лицо его обросло такими же бѣлыми волосами.

Такихъ «дѣдовъ» случалось мнѣ въ давнее время видѣть на баптанахъ, въ камышовомъ шалашѣ, гдѣ они сторожили арбузы, дыни и огурцы отъ зловреднаго дѣйствія воронъ, скворцовъ и воробьевъ и лакомыхъ деревенскихъ ребятъ. А въ городахъ такихъ я не видывалъ.

И не спросилъ меня этотъ дѣдъ, кто я и зачѣмъ, а просто отворилъ передо мной дверь дома и сказалъ:

— Покамѣсть что, отдохните. Оны, должно, послѣ похоронъ на поминальномъ обѣдѣ задержатся.

Не спросилъ онъ у меня ни званія, ни чина, ни паспорта. О блаженная довѣрчивость, уцѣлѣвшая еще, кажется, только въ заштатномъ городѣ!

А я прилежъ на диванѣ да и заснулъ такимъ удивительнымъ безмятежнымъ сномъ, какимъ только спятъ жители заштатнаго города.

А къ вечеру вернулся съ поминокомъ хозяинъ. Долго не хотѣлъ онъ узнавать меня, но наконецъ призналъ. И мы съ нимъ обнялись, какъ старые друзья. Пошли разспросы, воспоминанія, запилилъ, задымился огромный самоваръ старинной простецкой формы. Появилась вишнебочка и сливяночка, наладилась и закуска: неизмѣнный рыбецъ и цѣлый кустъ зеленого лука. Забѣлѣли на тарелкѣ обливавшіеся собственнымъ сокомъ оттого, что ихъ посолили, круглые куски строгой рѣдьки, и пошла бесѣда о живомъ, настоящемъ—въ моемъ лицѣ, и о прошломъ, едва мерцавшемъ—въ лицѣ моего пріятели, Федота Власовича Коробченка.

Свѣчи уже на половину обгорѣли, когда у насъ произошла первая короткая пауза, а до того разговоръ лился, какъ льется вода черезъ кранъ изъ наполненной доверху бочки. Вѣдь, если говорить правду, то разлуку нашу надо бы считать не годами, а десятилѣтіями, а за это время сколько было пережито съ обѣихъ сторонъ!

Федотъ Власовичъ Коробченко былъ хорошій пріятель моего отца, и я, когда былъ мальчикомъ, часто жила въ у него по недѣлямъ. Всю свою жизнь онъ управлялъ чужими имѣніями. Случалось, что засиживался въ одномъ мѣстѣ подолгу, но были случаи, что годъ-другой и онъ уже мѣнялъ мѣсто. У него была удивительная репутація возстановителя упавшихъ хозяйствъ. Его приглашали, какъ знаменитаго врача, когда испробованы всѣ средства. А онъ, должно быть, зналъ какой нибудь секретъ,—требовалъ безусловныхъ полномочій и большею частью выручалъ. Иногда это

удавалось скоро, но иногда приходилось засиживаться и десятокъ лѣтъ.

Много зналъ и помнилъ Федотъ Власовичъ и теперь, бросивъ по старости дѣла, весь превратился въ воспоминаніе. Текущая жизнь какъ-то мало производила на него впечатлѣнія. Новыя формы, новыя событія казались ему чѣмъ-то въ родѣ сказокъ, а дѣйствительность была вся въ прошломъ, и когда онъ начиналъ говорить, то былъ неистощимъ.

По наружности онъ очень походилъ на того дѣда, который впустилъ меня въ домъ. Разница была только та, что дѣдъ былъ низкорослый, а Федотъ Власевичъ крупный, ширококостый, породистый, высокій, съ гордой головой, съ старой привычкой брить щеки и подбородокъ и носить длинные усы книзу, а одѣвался онъ въ длинный высокій сюртукъ и высокіе сапоги.

Въ пору своей неусыпной дѣятельности этотъ костюмъ дополнялъ онъ нагайкой, которую всегда носилъ въ правой рукѣ. Теперь нагайка была уже ни къ чему и вмѣсто нея—болѣе по времени—носилъ онъ толстую палку, которая помогала его слабымъ ногамъ носить тяжелое тѣло.

Пауза заставила меня почему-то вспомнить о сегодняшнихъ похоронахъ; я спросилъ:

— Что это за важную птицу вы хоронили сегодня, Федотъ Власовичъ, что даже и на поминкахъ остались?

— Э! а развѣ вы ничего не слыхали про Терентія Лукича Бородулю?

— Нѣтъ, ничего не слыхалъ.

— А это былъ геніальный человѣкъ.

— Ну? Будто ужъ и геніальный?

— Геніальный, только на особенныя дѣла. Какъ же не геніальный? Ему теперь было отъ роду семьдесятъ четыре года, а все же, бывало, человѣкъ запутается въ своихъ дѣлахъ, а въ концѣ концовъ придетъ къ нему, да въ ножки поклонится: Терентій, молъ, Лукичъ, выручайте!—и выручалъ.

— Какъ же онъ выручалъ?

— Умомъ, однимъ умомъ. Умъ большой имѣлъ. Когда бы у него былъ родъ и образованіе, былъ бы онъ знаменитымъ дипломатомъ.

— А былъ онъ чѣмъ?

— Да ничѣмъ такимъ... Въ оно время въ приказѣ служилъ, но скоро оставилъ и такъ, совѣтами занимался. Этимъ и жилъ. И немного нажилъ. Бывало, человѣка изъ гибели выручить однимъ совѣтомъ, однимъ словечкомъ—нынѣшніе ученые адвокаты за такое дѣло десятки тысячъ берутъ,—а онъ, какъ его спросятъ: сколько, молъ?—двѣсти карбованчиковъ, говорить, и не больше. И будь ты

милліонеръ, все равно двѣсти карбованчиковъ,—больше не бралъ. Нажилъ домикъ одноэтажный, въ которомъ жилъ и померъ.

— Въ чемъ же его умъ проявлялся?

— Во многомъ. Всего и не перескажешь. Да вотъ я вамъ расскажу одинъ случай, который почти что весь на моихъ глазахъ былъ. То есть я засталъ конецъ и развязку, ну, да все равно, случай достовѣрнѣйшій. А вы, между прочимъ, отвѣдайте сливяночки, она у меня настоящая, домашняя.. Это было въ 1857 году. Есть и по сіе время въ семидесяти верстахъ отсюда село Княжное, оно тогда принадлежало князьямъ Ашальскимъ, а теперь принадлежитъ, прости Господи, чортъ знаетъ кому, какому-то отставному консисторскому чиновнику, который когда-то гдѣ-то что-то укралъ, концы спряталъ и сталъ помѣщикомъ. Ну, а тогда тамъ владѣли князья Ашальскіе. Я еще не былъ тамъ,—меня впоследствии призвали поправлять имѣніе,—и дѣло это началось безъ меня. Старый князь померъ, а княгиня была по характеру дитя, безъ него растерялась, бросила свѣтъ и зарылась въ деревню, а сынъ ея старшій, молодой человѣкъ двадцати двухъ лѣтъ, въ Петербургѣ офицеромъ служилъ. Вотъ онъ и пріѣхалъ домой на вакачь. Красивой наружности молодой человѣкъ, породистый. Пріѣхалъ и живетъ. А въ числѣ дворни, надо вамъ знать, состояла молодая дѣвчонка, лѣтъ шестнадцати не болѣе, по имени Даша, крѣпостная дѣвка княгини, красавица собой, статная, томная, глаза какъ небеса, ну, и все прочее. Дѣло ясное. Ничего другого и быть не могло: молодой владѣтель склонилъ милостивые взоры на красивую рабыню, а раба, нечего и говорить, отъ счастья и разумъ потеряла. Словомъ, полюбили они другъ друга—онъ ее, а она его. И вотъ однажды молодой князь и говорить матери княгинѣ:—я, говорить, люблю Дашу.—Какъ? Что? Ты—князь и вдругъ любишь крѣпостную дѣвку!..—Ничего, говорить, не подѣлаете; люблю да и только. Твердость княжескую обнаружилъ. Княгиня и говорить:—Ну, что-жъ, говорить, любишь—такъ люби... Противъ натуры не пойдешь. Ты господинъ, а она твоя собственность, можешь жить съ нею, пока не надоѣстъ. Я, говорить княгиня, считаю это безнравственнымъ дѣломъ, но когда такое несчастье случилось, что тутъ подѣлаешь?—Нѣтъ, отвѣчаетъ молодой князь, я такъ не могу. Я тоже считаю это безнравственнымъ дѣломъ, а потому жить такъ себѣ не позволю; я люблю ее всей душой, и не она для меня раба, а я ей—рабъ, а поэтому желаю законнымъ бракомъ. Княгиня—въ обморокъ: князь Ашальскій законнымъ бракомъ съ крѣпостной дѣвкой! По тогдашнимъ временамъ это было невозможно. Нынче, читалъ я, принцы сочетаются съ каскадными пѣвицами, а въ тѣ времена этого не было. Слезы, рыданія, гнѣвъ, мольба... А молодой князь стоитъ на своемъ твердо, какъ скала: иначе, говорить, не могу.—Служба, карьера, свѣтъ!.. А онъ ослѣпъ отъ любви и ничего этого не видитъ и не хочетъ знать. Подамъ,

говорить, въ отставку и буду жить въ деревнѣ съ молодой женой Дашей. Эка важность, говорить, что одной княгиней больше станеть! Она стоитъ на своемъ, а онъ на своемъ. Такъ и не могутъ рѣшить дѣла. Но въ домѣ Ашальскихъ нѣтъ уже прежняго мира; живетъ молодой князь, еще недѣлю тому назадъ желанный гость, съ родной матерью въ родномъ домѣ, и даже не встрѣчаются другъ съ другомъ. Онъ на своей половинѣ, а она на своей. А сынъ единственный, больше никого у нея нѣтъ... Вотъ тутъ-то и появляется на аренѣ нашъ Терентій Лукичъ Бородуля. Тогда онъ еще молодымъ человѣкомъ былъ и приказнымъ состоялъ. Но умъ его заковыристый уже и тогда дѣйствовалъ. Прослышалъ онъ какъ-то про эту исторію. Явился къ княгинѣ и говорить: могу, говорить, дѣло устроить къ обоюдному счастью, и расхода всего требуется триста рублей, да мнѣ за мою работу двѣсти, всего пятьсотъ. Княгиня къ нему руки простираетъ: только, молъ, спаси, а я и тысячь не пожалѣю! А онъ: тысячь мнѣ,—говорить,—не надо, а всего только двѣсти рублей! И спасъ.

— Какъ же онъ спасъ?

— А въ томъ-то и штука, какъ.—Прежде всего, ваше сіятельство, говорить онъ, завтрашній день съ утра всѣхъ мужиковъ вашихъ, какіе только есть на селѣ, извольте отослать въ поле, оставьте только четырехъ: двоихъ для шаферства, а двухъ для свидѣтельства, но только чтобы они непременно неграмотные были. Это обязательно. Бабамъ тоже доброе занятіе дайте, чтобы онѣ не совали своихъ носовъ не въ свое дѣло. А потомъ позвольте мнѣ поговорить съ вашимъ конторщикомъ.

Все это ему предоставили. А конторщика онъ спросилъ только всего: которые изъ мужиковъ въ отпуску состоятъ, которые бѣжали или безъ вѣсти пропали? И выбралъ онъ одного изъ послѣднихъ, молодого парня, холостяка, прѣ котораго приказчикъ завѣрилъ его, что парень этотъ никогда не вернется. Безпутный былъ малый, головорѣзь и едва ли даже онъ въ живыхъ. Но по книгамъ считался, что живетъ. Звали его Иванъ Полищукъ.—Ну, говорить, ладно, теперь больше ничего и не требуется, теперь только пожалуйте мнѣ триста рублей,—не тѣ, что мнѣ, а другіе, которые на расходы. И, кромѣ того, еще полъ-ведра водки. Деньги ему отпустили, и пошелъ онъ въ гости къ старому попу. Что и какъ говорилъ онъ съ нимъ, неизвѣстно. Умѣлъ покойникъ съ людьми разговаривать и во всемъ всякаго человѣка, бывало, убѣдить, даръ такой имѣлъ. Когда отъ попа онъ выходилъ, то уже двухсотъ карбованцевъ въ карманѣ у него не хватало. Отъ поща пошелъ онъ къ дяку; туда потребовалъ полъ-ведра. Съ дякомъ разговоръ былъ иной. Любилъ дячина выпить и сто карбованцевъ на него такъ не подѣйствовали, какъ одинъ видъ полведерки. Ну, словомъ, и тутъ мой Бородуля уладилъ. Потомъ пришелъ къ княгинѣ и го-

ворить: извольте изъявить согласіе. Такъ и такъ, молъ... И сказалъ ей секретъ. Княгиня сперва, было, въ сторону отъ него шарахнулась, а потомъ подумала, подумала... Что-жь, другого выхода нѣтъ! согласилась. Вотъ призываетъ она сына и говоритъ ему:—Ну, дѣлать нечего, приходится мнѣ соглашаться... Пусть будетъ по-твоему. Вѣнчайся съ Дашей. Только вотъ какое мое условіе: завтра вы повѣнчааетесь, да завтра же чтобъ ѣхали за границу и тамъ будете жить безвыѣздно, чтобъ въ Россіи ты съ своей женой не появлялся, по крайней мѣрѣ, хотъ до моей смерти. Тяжело мнѣ будетъ не видать тебя, да что-жь подѣлаешь, когда ты противу обычаевъ нашего круга пошелъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, никто не узнаетъ и огласки не будетъ. И даже въ этотъ день Дашу приласкала, правда—только издалека, къ себѣ не позвала, а велѣла выдать ей хорошее шелковое платье и фату и цвѣты для вѣнца. На утро было вѣнчаніе. Дьякъ ходилъ съ слѣпными глазами со вчерашней выпивки; попъ все смотрѣлъ въ землю, какъ будто боялся взглянуть на молодыхъ. Быстро читалъ онъ молитвы, какъ будто все опасался, чтобъ его не догнали. Въ церкви никого, кромѣ попа съ дьякомъ, молодыхъ да четырехъ мужиковъ, и не было. Даже мой Терентій Лукичъ и тотъ въ это время у дьяка на квартирѣ сидѣлъ и поджидалъ. Двери церковныя были заперты на засовъ. Словомъ, все сдѣлалось втайнѣ. Послѣ вѣнчанія молодые поѣхали въ усадьбу, а дьякъ пошелъ къ себѣ. Вотъ тутъ-то у дьяка и произошло самое главное. Взяли книжку и записали въ ней, что такого, молъ, числа и года, въ такой-то церкви совершилось вѣнчаніе крѣпостной дѣвицы, Дарьи Загребчиной, съ крѣпостнымъ человѣкомъ князей Ашальскихъ, Иваномъ Полищукомъ. Написали это и мужиковъ свидѣтелей позвали; имъ дьякъ и сказалъ: вотъ тутъ, глядите, объ вѣнчаніи написано, такъ подписать вамъ надлежитъ. А мужики-то неграмотные—подписывать не умѣютъ. Ну, дьякъ за нихъ и написалъ: свидѣтельствоваши, молъ, такіе-то, а за неграмотныхъ росписался дьякъ такой-то, непомню ужъ, какъ его звали. А мужики собственноручно кресты поставили. Такъ въ прежнее время водилось. Рукоприкладствомъ это называлось. А въ усадьбѣ княгиня заливалась слезами и любимаго сына обнимала и торопливо въ чужія страны его снаряжала. Въ тотъ же день ихъ и отправили.

— Ну,—сказалъ я,—пока не вижу я здѣсь особеннаго ума. Вижу только, что вашъ покойникъ былъ порядочный негодяй.

— Я не говорю, что онъ былъ хорошъ. Негодяй-то онъ былъ первой руки, это что и говорить! А умъ его не тутъ проявился, а дальше. Вотъ послушайте. Уѣхали молодой князь съ своей женой. Дворня долго говорила объ этомъ событіи, а потомъ забыла. Сынъ писалъ княгинѣ, что за границей они хорошо устроились и были очень счастливы. Аккуратно каждый мѣсяцъ писалъ, и каждый мѣсяцъ деньги ему высылали. И Даша писала письма, сперва плохо

и безграмотно, а потомъ все лучше и лучше, а наконецъ и совсѣмъ какъ слѣдуетъ. Значить недаромъ время теряла, а училась. Прошло лѣтъ десять послѣ этого событія, я былъ приглашенъ управлять имѣніемъ княгини. Разорилась она и позвала меня поправлять дѣло. Не легко это было; больно ужъ запустила его женская рука. Возился я съ нимъ годъ, и другой, и третій, и поднялъ, дѣйствительно поднялъ совсѣмъ ужъ, было, упавшее дѣло. Процвѣтать оно начало въ моихъ рукахъ. Ну, да не въ этомъ дѣло. Княгиня моя постарѣла, стала часто болѣть и грустить, неизвѣстно отчего. Письма отъ сына получались аккуратно и, бывало, получить это она письмо и вздыхаетъ, все вздыхаетъ. Помню однажды, какъ разъ при мнѣ получила она карточки дѣтей молодого князя. Посмотрѣла на нихъ и сказала: ахъ, бѣдняжки! и заплакала. Я, признаться, не понималъ, что это значить. Исторію о томъ, что молодой князь женился на крѣпостной, я слышалъ, но такъ и думалъ, что онъ женился, какъ слѣдуетъ. Попъ старый уже умеръ, а дьякъ, хотя и жилъ, да не приходило мнѣ въ голову спросить его, да и откуда пришло бы, когда никакихъ сомнѣній не было. Можетъ быть, старуха княгиня каялась и думала поправить дѣло, да это не такъ-то легко было. А тутъ стряслась страшная бѣда. Вдругъ телеграмму получаемъ отъ Даши изъ Италіи: князь заболѣлъ тифомъ. Другую—хуже ему. И наконецъ третью: волею Божьею скончался. Княгиня хотѣла, было, ѣхать туда, да такъ ошеломило ее это, что вдругъ случился съ нею ударъ; не прошло и недѣли, какъ и старой княгини не стало. Только передъ самой смертью что-то она хотѣла мнѣ сказать,—видно, страшно желала, да языкъ уже не дѣйствовалъ. Такъ я ничего и не узналъ. Можетъ, она хотѣла какое нибудь распоряженіе сдѣлать, касающееся Даши и дѣтей. Да, видно, не суждено ей было поправить этотъ грѣхъ. Послали мы деньги туда, за границу, разъ и другой, а тутъ вдругъ нагрязнула родня, какіе-то наслѣдники двоюродные, потребовали своихъ правъ и вступили въ наслѣдство. Я началъ, было, протестовать, говорить, что прямая наслѣдница, молъ, княгиня, жена молодого князя Ашальскаго и дѣти его, а мнѣ вдругъ объявляютъ, что никакой княгини вовсе нѣтъ, что князь, молъ, сблизился съ крестьянской дѣвицей, вышедшей замужъ потомъ за крѣпостного княгини, Ивана Полищука, вотъ и все. Что такое, думаю. Невѣроятно! Кинулся къ дьячку... Онъ дрожитъ передо мною и показываетъ околесину: былъ де пьянъ тогда, ничего не помню. А наслѣдники уже водворились и царятъ и во владѣніе ихъ ввели,—словомъ, просто свѣтопреставленіе какое-то произошло, да и только. А мои симпатіи, не знаю почему, всѣ были на сторонѣ Даши. Какъ же, думаю, сколько лѣтъ жила она съ княземъ, считалась княгиней и дѣтей воспитала и сама образовалась, и вдругъ такъ это все перевернулось и скомкалось! Нѣтъ, думаю, не можетъ этого быть, что нибудь здѣсь не такъ.

Каверза какаянибудь. Только что-жъ мнѣ оставалось дѣлать? Сѣлъ я за столъ, взялъ бумагу и написалъ Дашѣ за границу; такъ, и такъ, молъ, бѣда, молъ, большая случилась, пріѣзжайте, будущность вашихъ дѣтей замѣшана и прочее. Собственно въ чемъ дѣло, я ей и не писалъ. Думаю, тамъ она одна, нѣтъ никакого сочувствія, а ударъ великъ, какъ ей перенести? Жду. Наконецъ, пріѣхала и пятеро дѣтишекъ съ нею. Признаюсь, я даже не ожидалъ увидѣть ее такой, какая она оказалась. Пышная, красивая, настоящая квягиня. Покойный князь образовалъ ее, самъ училъ ее, самъ возилъ съ ней. Манеры, лоскъ, все это у нея, какъ у настоящей аристократки; пофранцузски, пофемецки, поанглійски такъ и жарить съ дѣтьми. Пріѣхала она и прямо въ усадьбу, къ сродникамъ, а сродники ее на глаза не пустили. Какъ узнала она, въ чемъ дѣло, разумѣется — тутъ такое было, что лучше даже и не рассказывать. Болѣе несчастнаго человѣка, какъ она въ тѣ минуты, я не видалъ; да и сами посудите, послѣ такого счастья и вдругъ такой ударъ! Оставались у нея кое-какія сбереженія послѣ князя, но что-то пустое. А дѣти въ шелкахъ ходятъ, въ роскоши, привыкли къ широтѣ, ни въ чемъ себѣ не отказывали. Поѣхала она къ губернатору, подала въ судъ, но ничего изъ этого не вышло. Помилуйте, противъ нея всѣ документы: брачное свидѣтельство налицо, консисторіей выдано: тамъ сказано, что обвѣнчана она была съ крестьяниномъ Иваномъ Полищукомъ. А о князѣ Ашалъскомъ никакого даже упоминанія не было. Словомъ, глубокое несчастье. Жила она съ дѣтьми у меня. Я, знаете, отвелъ ей три комнаты, а себѣ оставилъ двѣ. Плачетъ она, извелась въ конецъ, и жалко мнѣ ее стало. Но что могу я подѣлать! Ужъ и наслѣдники, завладѣвшіе усадьбой, на меня стали косо поглядывать, со дня на день ждалъ, что меня выгонять. Вотъ тутъ я и вспомнилъ про Бородулю...

— Того самаго, который такъ подвелъ ее!..

— Да, того самаго. Но, во-первыхъ, я не зналъ, что онъ подвелъ, а, во-вторыхъ, я слышалъ, какія чудеса дѣлалъ этотъ человекъ. Вспомнилъ я про него и поѣхалъ къ нему. Онъ тогда ужъ былъ на покоѣ. Жилъ онъ въ этомъ самомъ заштатномъ городѣ, въ своемъ маленькомъ домикѣ, въ которомъ и умеръ третьяго дня. Пріѣзжаю къ нему и говорю: такъ и такъ, молъ, дѣло вотъ какое, трудное дѣло и безнадежное, но для вашего ловкаго ума нѣтъ безнадежныхъ дѣлъ. Придумайте. Ежели вернете бѣдной женщинѣ ея прежнее величіе, такъ она озолотитъ васъ.

— А, говоритъ! Помню. Какъ же, самъ я это и сдѣлалъ!

— Какъ такъ?—спрашиваю я. Это, признаюсь, было для меня большой новостью.

— Такъ, говоритъ... И рассказалъ мнѣ, какъ все было. И прибавилъ:—это я, говоритъ, по молодости. Гнусное это дѣло, дѣйствительно гнусное, самъ сознаю, да думалъ я, что, можетъ, старая

княгиня сама передумаетъ и какъ нибудь это дѣло поправить, либо духовное завѣщаніе оставить, либо что нибудь; а вышло вонъ какъ... Ну, и такъ какъ я виновникъ всему этому несчастью, то значить, я же долженъ его и поправить.

— А развѣ можно тутъ поправить?

— Нѣтъ такого дѣла, котораго нельзя было бы поправить. Вѣдь, дѣло это бумажное. Вся суть въ томъ, что записано такъ, а не иначе. А передъ Богомъ оно было именно такъ, какъ княгиня говоритъ. Ну, значить, мы грѣха не дѣлаемъ. (А старый Бородуля въ это время уже о душѣ подумывалъ и грѣха побаивался...). Такъ поѣзжайте, говоритъ, домой и скажите княгинѣ, что я завтра у нея буду. А я подумаю, пораскину умомъ, да что нибудь и придумаю.

Я поѣхалъ, а онъ дѣйствительно на другой день былъ у княгини.

— Ну, вотъ что, говоритъ, ваше сіятельство: позвольте вамъ засвидѣтельствовать, что я тотъ самый негодяй, который виновникъ всему этому дѣлу, я его запуталъ, я его и распутаю, и стоять это будетъ всего навсего двѣсти рублей.

Княгиня моя, разумѣется, готова не двѣсти, а хоть половину состоянія отдать, но онъ твердо повторилъ: нѣтъ, двѣсти рублей, не больше! это, говоритъ, моя такса. Снялся я съ мѣста, потревожился, такъ долженъ домой двѣсти рублей привезти, не больше и не меньше.

— Расходы вѣдь у васъ будутъ!—сказала княгиня.

— Расходъ будетъ дѣйствительно, это—всего на всего штофъ водки. Такъ ужъ это я могу на свой счетъ...

И пошелъ онъ прямо отъ княгини къ старому дьячку. Пришелъ къ нему и говоритъ:

— А, старый знакомый, здравствуй! Сколько лѣтъ не видались!

Дьячекъ узналъ его. Ну, разговорились, то, другое, третье. Бородуля за водкой послалъ, а стараго дьячка долго ли накачать? И говоритъ ему Бородуля: а что, говоритъ, мнѣ будто память измѣняется,—помнишь ты, старина, какъ мы съ тобой князя съ крестьянской дѣвицей обвѣнчали?

— Какъ не помнить? помню,—говоритъ дьякъ.

— И правда, будто записанъ былъ не князь, а кто-то другой?..

— И это правда, говоритъ дьякъ, и отъ этой самой причины теперь княгиню устранили.

— А, можетъ, ты врешь?.. Мнѣ что-то память измѣняется...

— Да какъ же вру? Вѣдь въ книгѣ написано...

— А гдѣ она, книга-то? хотѣлъ бы я самъ посмотреть...

Дьякъ здорово уже навеселѣ былъ и, конечно, куда ему было догадаться, какую козню придумалъ старый Бородуля. Пошелъ онъ за книгой и принесъ ее. Бородуля посмотрѣлъ: да, такъ, говоритъ, и есть. Записано... Теперь вижу, что ты не врешь.

А самъ все подливаетъ дьяку, да подливаетъ, и накачался мой

дьякъ до того, что тутъ же свалился и заснулъ. И что жъ вы думаете, что сдѣлалъ Бородуля?

— Подлогъ какойнибудь,—предположилъ я.

— Подлогъ-то, подлогъ! Разумѣется, подлогъ. Да какой! вотъ вопросъ! Вынулъ мой Бородуля изъ кармана перочинный ножичекъ, да подскоблилъ то мѣсто, гдѣ было написано про крестьянина Ивана Полищука и на томъ мѣстѣ написалъ... Вотъ тутъ-то и задача. Кладу голову въ закладъ, что не отгадаете. Ну, вотъ отгадайте, что онъ на томъ мѣстѣ написалъ.

Я не могъ отгадать. Оедотъ Власовичъ продолжалъ:

— А по совершении сего дѣянiя оставилъ онъ дьяка досыпать, а самъ пришелъ къ книгинѣ и говоритъ: теперь, ваше сиятельство, дѣйствуйте смѣло, подавайте въ судъ и говорите, что всѣ бумаги фальшивыя.

— Какъ такъ?

— Ужъ такъ, ужъ повѣрьте мнѣ, старому крючку. Такъ и говорите: живы, молъ, еще на свѣтѣ и дьякъ, и еще два мужика, которые вѣнцы держали, пускай ихъ, молъ, спросятъ... и они покажутъ правду, а и въ книгахъ, молъ, тоже было записано; а ежели по книгамъ значится другое, то это подлогъ, такъ и говорите, смѣло говорите, только скорѣй, не теряйте времени. Я вамъ ручаюсь.

Княгиня ухватилась за это, какъ за соломинку, и подала въ судъ. Началось дѣло, которое при новыхъ порядкахъ повелось быстро. Дѣло было рѣдкое; призвали дьяка, допрашивали его. Дьякъ пугалъ, но все же не могъ не припомнить, что вѣнчали Дашу съ княземъ. Двухъ мужиковъ тоже допросили, и они показали, что не было другого вѣнчанiя, какъ это. Ну, разумѣется, имъ не повѣрили. Всѣ такъ въ одинъ голосъ и сказали: подкуплены, молъ. А Бородуля не зѣвалъ. Во все время, что длилось дѣло, онъ забѣгалъ въ судъ и шептался съ чиновниками, и вотъ тутъ-то, когда усомнились въ мужикахъ и дьякѣ, онъ и шепнулъ: потребуйте, молъ, церковную книгу, въ которой актъ о вѣнчанiи записанъ. И потребовали. И что же? Развернули книгу и ахнули. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ записанъ женихъ, для всѣхъ видимо было что-то выскоблено, а затѣмъ было написано, что крестьянская дѣвица Дарья обвинена съ крѣпостнымъ княгини Ашальской, Иваномъ Полищукомъ...

— Я не понимаю!—сказалъ я, въ самомъ дѣлѣ въ первую минуту не сообразивъ, въ чемъ дѣло.

— Но какъ же вы не понимаете? Онъ, Бородуля, выскоблилъ «съ Иваномъ Полищукомъ», а на томъ самомъ мѣстѣ написалъ опять то же: «съ Иваномъ Полищукомъ». Больше ничего. Ну, развѣ это не гениально? Вѣдь всякій другой, будь это умнѣйшій-преумнѣйшій, постарался бы подскоблить половчѣе, чтобы не замѣтили, и написалъ бы: «съ княземъ Ашальскимъ», ужъ непременно такъ

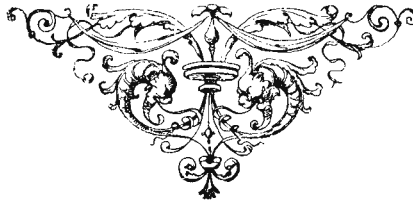
написать бы, а это ему и въ голову не пришло бы. А подчистку, какъ бы она ни была хороша, открыли бы, и было бы еще хуже. А онъ нарочно похуже подчистилъ, чтобъ замѣтили, и то самое, что выскоблилъ, то и вновь написать. Для всякаго ясно, что это могла сдѣлать сторона враждебная, и княгиню никто и заподозрѣть не могъ...

— Ну, чѣмъ же кончилось?

— Само собою, княгиню утвердили въ правахъ, а сродниковъ... Ну, имъ плохо пришлось, ихъ предали суду. И дьяка моего изрядно потревожили, и пришлось бы ему очень худо, если бы онъ во время не догадался и добровольно не перешелъ бы въ другой мѣръ. Померъ бѣдняга. А княгиня жива и понынѣ, только имѣніе продала, а сама за границу укатила на вѣки-вѣчныя. Вотъ какую голову мы нынче похоронили. Я говорю, что будь у него образованіе, быть бы ему дипломатомъ, заткнулъ бы онъ за поясъ всѣхъ вашихъ Бисмарковъ и всѣхъ прочихъ...

На другой день я простился съ Федотомъ Власовичемъ и оставилъ гостепріимный заштатный городъ.

И. Потапенко.

БАБУШКА ГРАФИНЯ М. Г. РАЗУМОВСКАЯ.

(Страничка изъ воспоминаній).

НѢ БЫЛО четырнадцать лѣтъ, когда моя бабушка, графиня Марія Григорьевна Разумовская, уговорила мою мать отказаться отъ всѣхъ правъ на меня и, заручившись обѣщаніемъ не вмѣшиваться болѣе въ дальнѣйшую мою судьбу,—увезла меня въ Петербургъ.

Я помню, что прямо съ поѣзда бабушка повезла меня къ Аннѣ Федоровнѣ Фейхтнеръ, своему лучшему другу, чтобы подѣлиться съ ней радостію, которую она испытывала, заполучивъ меня въ неотъемлемую собственность. Я приходилась ей внучатной племянницей и одна ее называла «бабушкой» тогда, какъ всѣ другіе, соединенные съ нею родственными узами, называли ее «ma tante», что заставляло ее, смѣясь, говорить: «je suis une tante universelle». Моя бабушка Разумовская была рожденная княжна Вяземская, имѣла брата Николая Григорьевича Вяземскаго, женатаго на вдовѣ Берингъ, Софіи Егоровнѣ. Отъ этого брака было трое дѣтей, два сына, Григорій и Левъ (Григорій былъ моимъ отцомъ) и дочь Анна. Бабушка была бездѣтна и, горячо любя брата, взяла на свое попеченіе его дѣтей. Но ея добрыя намѣренія были впоследствии источникомъ большихъ огорченій для нея: отецъ мой постоянно проживалъ за границей, тетка моя Анна умерла шестнадцати лѣтъ, а дядя Левъ такъ кутилъ, что нажилъ чахотку и умеръ 22 лѣтъ. При моей теткѣ Аннѣ была гувернантка M-me Grisel, родомъ итальянка, которая впоследствии вышла замужъ за доктора Фейхтнера и послѣ смерти своей воспитанницы на всю жизнь оста-

лась въ дружескихъ отношеніяхъ съ моей бабушкой; къ ней-то мы и поѣхали, тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ. Затѣмъ бабушка возила меня ко столькимъ лицамъ, что мнѣ было трудно запомнить, кому я была и кому еще не была представлена. Помню только визитъ къ графинѣ Рибопьеръ, жившей тогда на Большой Морской, въ томъ домѣ, гдѣ въ послѣдніе годы помѣщался обширный магазинъ Кумберга.

Графиня Рибопьеръ, рожденная Юсупова, была талантливая художница; у нея въ мастерской можно было найти чудныя копіи съ картинъ, Эрмитажа и не менѣе художественно исполненныя оригинальныя картины. Во время нашего посѣщенія, графъ Рибопьеръ, который въ 1869 году еще причесывалъ волосы по-старинному, съ кокомъ, повелъ мою бабушку въ studio своей жены, обѣщая показать какую-то новую картину. Мы вошли въ громадное помѣщеніе, специально пристроенное въ надворной части дома, со стекляннмъ потолкомъ, съ огромными окнами, которыя завѣшивались зелеными шторами различныхъ формъ и величины; всѣ стѣны были покрыты картинами, болѣе или менѣе оконченными; стояли мольберты, кресла, столики, лежали раскинутыя въ художественномъ безпорядкѣ дорогія ткани, служащія для моделей, и вотъ графъ подводилъ бабушку къ одному изъ мольбертовъ, откидываетъ покрывало съ полотна, и я услышала возгласъ бабушки: «ахъ! это я!». Наступила минута очарованнаго молчанія, послѣ которой послышался голосъ графа: «Какъ хорошо я васъ помню, графиня, такой, какъ здѣсь, дышащей молодостью и красотой! То было въ Карлсбадѣ. Вы тогда были еще княгиней Голицыной...» «Маша, — быстро перебывая графа, обратилась бабушка ко мнѣ въ какомъ-то испугѣ:—пойдемъ скорѣе, намъ еще столько визитовъ осталось сдѣлать на сегодняшній день, скорѣе поѣдемъ, дитя мое». Она торопливо простилась съ хозяевами, которые смотрѣли недоумѣвая на насъ, и мы уѣхали. Такая поспѣшность, не соответствующая законамъ приличій высшаго свѣта, меня очень удивила и подсказала мнѣ, что тутъ кроется серіозная причина, и что вся тайна заключается въ словахъ «княгиня Голицына». Для моего пытливаго ума будущей женщины этого указанія было достаточно, чтобы прошлое моей бабушки подстрекнуло мое любопытство. Въ короткое время я отъ того же графа Рибопьера, который всегда называлъ меня «une suzeraine» въ силу того, что у него были помѣстья въ области, гдѣ прежде Вяземскіе господствовали удѣльными князьями, узнала романъ бабушки Маріи Григорьевны. Романъ этотъ долгое время былъ предметомъ недоумѣній и пересудовъ высшаго общества обѣихъ столицъ.

Вотъ что я узнала.

Моя бабушка, почти ребенкомъ, вышла замужъ за князя Александра Николаевича Голицына, который былъ только на три года старше ея. Голицынъ былъ внукъ знаменитаго петровскаго фельд-

маршала, князя Михаила Михайловича старшаго, и сынъ оберъ-гофмаршала Екатерины, князя Николая Михайловича. Этотъ Голицынъ крайне богатый, владѣтель 24.000 душъ, отличался самодурствомъ, за которое въ Москвѣ его прозвали именемъ одной модной оперы того времени «Cosa-gasa». У насъ на Руси, такъ же какъ и въ Англіи, отличаются самодурствомъ, которое составляетъ своего рода роскошь между людьми крайне богатыми, но каждое сословіе выражаетъ его по-своему, сообразуясь со своими понятіями и развитіемъ; въ послѣдніе годы на этомъ поприщѣ отличаются купеческіе сынки, пользуясь свободой дѣйствій безъ конкуренціи прожившихся вельможъ. Про Голицына рассказывали легендарныя вещи; утверждали, что онъ ежедневно отпускалъ своимъ кучерамъ шампанское; ассигнаціями крупнаго достоинства зажигалъ трубки гостей, горстями бросалъ золото на улицу, чтобы извозчики толпились у его подвѣзда. Однажды, во время прогулки въ лѣсу съ женой, лѣтомъ въ имѣніи, она, утомленная отъ прогулки и жары, присѣла на пенъ и выразила сожалѣніе о невозможности получить стаканъ молока. Нѣсколько дней спустя, князь предложилъ женѣ повторить прогулку въ лѣсъ, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она пожелала молока, была выстроена маленькая ферма, и на этотъ разъ она утолила свою жажду «запоздавшимъ стаканомъ молока», какъ извинился князь передъ нею.

Сумасшедшая расточительность мужа приводила мою бабушку въ отчаяніе. Онъ подписывалъ векселя, въ которыхъ сумма не была проставлена буквами, а выставлена цифрами, и заимодавецъ могъ легко приписать къ означенной суммѣ по нулю, если его безсовѣстность имѣла границы, а не то такъ два и три нуля. Бабушка, предвидя неминуемое разореніе, обратилась за помощью къ только что вступившему на престолъ императору Александру I-му въ 1801-мъ году. Но государь отказалъ, и ничто не могло уже помѣшать Голицыну стремиться къ окончательной гибели матеріальнаго положенія.

Между Голицынымъ и Разумовскимъ было нѣкоторое свойство; братъ бабушки, а мой дѣдушка, князь Николай Григорьевичъ Вяземскій, въ то время гофмаршалъ, былъ женатъ на племянницѣ графа Льва Кирилловича, и въ ихъ домѣ графъ часто встрѣчался съ княгиней Голицыной.

Графъ Левъ Кирилловичъ Разумовскій былъ пятый сынъ Кирилла Григорьевича, у котораго было одиннадцать человѣкъ дѣтей: шесть сыновей и пять дочерей. Левъ родился въ 1757-мъ году. Кириллъ Григорьевичъ стремился дать сыновьямъ хорошее образованіе, что при несмѣтномъ его богатствѣ не представляло затрудненій. Ежегодный его доходъ опредѣляли въ 600.000 рублей. Чтобы удалить дѣтей изъ-подъ вліянія матери, которая не сочувствовала стремленію къ культурѣ, Кириллъ Григорьевичъ нанялъ на Ва-

сильевскомъ островѣ отдѣльный домъ и помѣстилъ туда сыновей, окруживъ ихъ тщательно избранными гувернерами и профессорами; затѣмъ, продолжительное пребываніе за границей Льва Кирилловича помогло сдѣлать изъ него всесторонне образованнаго человека. Онъ любилъ книги, науки, художества, музыку, понималъ и сочувствовалъ природѣ, и едва ли не у него перваго въ Москвѣ былъ при домѣ зимній садъ. Вся Москва стремилась на его праздники, гдѣ радушный хозяинъ принималъ истиннымъ бариномъ, въ полномъ и настоящемъ значеніи этого слова, очаровывая всѣхъ своимъ добродушіемъ и утонченной вѣжливостію. Его развитой умъ не могъ не понять высокаго ученія массоновъ и не отнестись отзывчиво къ ихъ законамъ; онъ самъ сдѣлался убѣжденный массонъ, былъ въ перепискѣ съ Поздѣвымъ, но это не мѣшало ему быть ревностнымъ, глубоко вѣрующимъ христіаниномъ. Все высокое, чистое и честное привлекало его: это была глубоко отзывчивая личность. Въ обществѣ онъ былъ милый говорунъ, нѣсколько картавилъ, и его вѣчный насморкъ придавалъ его голосу какую-то особенную привлекательность. Онъ боялся суроваго холода зимы и всегда ѣздилъ съ большой мѣховой муфтой, которую онъ ловко и даже граціозно бросалъ въ передней. При частыхъ встрѣчахъ съ молодой княгиней Голицыной, нѣжное сердце графа не устояло при видѣ ея миловидности и участливо прильнуло къ ней, зная, что она несчастлива. Объ этомъ романѣ вскорѣ заговорила вся Москва, и тогда, съ обоюднаго дружелюбнаго согласія, состоялся разводъ, который позволилъ графу жениться на княгинѣ М. Г. Голицыной въ 1802-мъ году.

Разводъ въ тѣ блаженныя времена считался чѣмъ-то языческимъ и чудовищнымъ. Сильно возбужденное мнѣніе большого свѣта обѣихъ столицъ строго осуждало нарушавшихъ законъ, и всѣ рѣшили не принимать молодую чету. Но князь Голицынъ продолжалъ вести дружбу съ графомъ Львомъ Кирилловичемъ, часто обѣдалъ у бывшей своей жены и нерѣдко показывался съ нею даже въ театрѣ. Въ семьѣ графа этотъ бракъ тоже не пришелся по сердцу, но молодая графиня сумѣла снискать расположеніе семьи мужа, и даже цѣльный характеръ старика, Кирилла Григорьевича, не устоялъ передъ веселой и красивой невѣсткой. Когда холодность, съ которой графиня была встрѣчена въ семьѣ, замѣнилась самыми родственными отношеніями, тогда и общество стало заискивать расположеніе богатой графини, предвидя, что въ ея домѣ будутъ даваться празднества, на которыя все-таки жаль было бы не попасть. Графская чета отдѣлала свой домъ на Тверской (домъ, въ которомъ теперь помѣщается англійскій клубъ) и подмосковную—Петровское-Разумовское, и общество охотно толпилось у нихъ на пирахъ, задаваемыхъ въ Москвѣ зимой и въ Петровскомъ — лѣтомъ.

Но бракъ все-таки официально не былъ признанъ, и менѣе сло-

ворчивыя барыни, быть можетъ, изъ зависти къ чрезмѣрной роскоши тоалетовъ графини, злобно, тайкомъ дѣлали намеки на несовѣтъ правильное положеніе, но и этимъ толкамъ былъ положенъ конецъ во время посѣщенія Москвы императоромъ Александромъ Павловичемъ, въ 1809 году. Въ этомъ помогъ графъ Гудовичъ, главнокомандующій Москвы, который взялъ на свою отвѣтственность пригласить молодую графиню на балъ, гдѣ долженъ былъ присутствовать государь. На этомъ балу императоръ подошелъ къ бабушкѣ и громко сказалъ: «Madame la comtesse, voulez-vous me faire l'honneur de danser une polonoise avec moi?» Съ этой минуты графиня Марья Григорьевна неоспоримо вступила въ права законной жены и графскаго достоинства.

Великолѣпное подмосковное было только-что окончательно отдѣлано, и Разумовскіе, было, принялись за перестройку московскаго дома, гдѣ хотѣли повисить всѣ потолки, уничтоживъ для этого цѣлый этажъ, какъ нагрязнулъ 1812 годъ. Бабушка съ мужемъ должны были бѣжать и рѣшили укрыться въ помѣстьѣ Тамбовской губерніи. Ѣхать въ Малороссію, въ великолѣпное имѣніе Карловку, имъ показалось уже слишкомъ далеко и утомительно.

Такъ какъ домъ въ Москвѣ находился въ полной передѣлкѣ, то вся мебель и всѣ драгоценности, въ видѣ картинъ, бронзы, были перенесены въ погребъ и большую кладовую. Стоянка французовъ близилась уже къ концу и, вѣроятно, всѣ драгоценности уцѣлѣли бы, не будь предательства одного служащаго при домѣ, оставленнаго для охраненія его, и въ нѣсколько часовъ все было истреблено и разграблено французами, занимавшими домъ. Петровское-Разумовское подверглось такому же хищенію. Тамъ, между прочимъ, была громадная бібліотека, съ любовью собранная графомъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ и оцѣненная бібліотекаремъ, составлявшимъ каталогъ, въ 400 тысячъ рублей,—ни одной книги не сохранилось. Въ Петровскомъ графъ потерялъ даже то, что никакими деньгами возстановить нельзя было, а именно чудную оранжерею. Въ ней было до пятидесяти рѣдкихъ экземпляровъ лимонныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ. Оранжерею подожгли крестьяне съ двухъ концовъ, уже послѣ ухода француза, озлившись на садовника, который выговаривалъ имъ за ихъ равнодушіе и отсутствіе желанія поспѣшить на помощь, чтобы удалить слѣды безпорядковъ, совершенныхъ французами. Французы, уходя, оставили отъ дома одинъ остовъ — стѣны, а двери и окна были выломаны и уничтожены, а теперь еще свои крестьяне помогли остальное превратить въ пепелище. Конечно, Петровское было снова возстановлено, центръ богатства Льва Кирилловича не былъ тронутъ, такъ какъ находился въ Малороссіи.

Бракъ моей бабушки былъ изъ самыхъ счастливыхъ. Быть можетъ, покой графа и былъ отравленъ мыслію, что онъ женился на

«отпущенницѣ», но эта же самая мысль заставляла этого глубоко-совѣтливаго и добраго человѣка еще сильнѣе привязаться къ любимой женщинѣ и окружать ее такимъ утонченнымъ вниманіемъ, отъ котораго бабушка чувствовала себя вполне счастливой. Такъ протекло шестнадцать лѣтъ самой свѣтлой жизни, любви и полного согласія, но вотъ 21-го ноября 1818 года Льва Кирилловича не стало. Отчаяніе бабушки было безпредѣльно. На основаніи, дѣйствовавшихъ еще въ то время въ Малороссіи, Литовскаго статута и Магдебургскаго права, графъ завѣщаль все свои украинскія маестности женѣ въ полную собственность. Но не такъ-то просто обошлось это дѣло для бабушки. Одинъ изъ братьевъ покойнаго, Алексѣй Кирилловичъ, завелъ процессъ, въ которомъ онъ оспаривалъ законность брака и вслѣдствіе того и право на наслѣдіе. Три года тянулся этотъ процессъ, въ теченіе которыхъ моя бабушка, лишенная всякихъ средствъ, жила на Литейной, чуть не въ подвальномъ этажѣ, въ лишеніяхъ, которыя для нея равнялись полной нищетѣ. Этотъ домъ на Литейной былъ мнѣ какъ-то разъ показанъ А. Ф. Фейхтнеръ. Процессъ былъ выигранъ бабушкой послѣ трехъ лѣтъ упорной тяжбы.

Сильное горе отъ потери любимаго существа, а также и страхъ неудачнаго исхода процесса, пошатнули здоровье бабушки, и доктора посовѣтовали ей съѣздить за границу. Тамъ новыя впечатлѣнія, новая жизнь подъ другими условіями, благотворно подѣйствовали на нее; но вѣроятно же всего, что счастливыя особенности ея характера и натуры, столь воспримчивой ко всемъ веселящимъ проявленіямъ жизни, взяли свое. Она въ глубинѣ души хотя и осталась вѣрна своему горю, но трауръ жизни и одѣяній смѣнился болѣе свѣтлыми оттѣнками.

Новая жизнь за границей ее поглотила; Парижъ и Вѣна долго помнили ея радушный пріемъ на блестящихъ празднествахъ, которыми она неустанно развлекала общество. Карлсбадъ даже посвятилъ ей памятникъ въ благодарность за ея неутомимую инициативу въ прогулкахъ и веселыхъ праздникахъ — она тамъ была душой общества. По возвращеніи своемъ въ Россію, бабушка заняла въ петербургскомъ обществѣ подобающее ей положеніе; домъ ея сдѣлался однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ. Вечера, обѣды, рауты, зимой въ городѣ, а лѣтомъ на ея прелестной дачѣ въ Петергофѣ, соединяли все общество. И не одно городское общество посѣщало ея праздники, но и царская фамилія была къ ней благосклонно расположена. Императоръ Николай Павловичъ и государыня Александра Теодоровна въ особенности были въ ней милостивы и удостоивали ея празднества своимъ высокимъ присутствіемъ. У меня хранится воспоминаніе того времени въ видѣ картины, на которой изображенъ китайскій балъ, гдѣ все присутствовавшіе были одѣты въ китайское платье. Многихъ можно узнать; великая княгиня Марія

Николаевна рельефно выдѣляется на картинѣ своей строгой красотой, а также и роскошью своего костюма; графъ Григорій Строгановъ въ видѣ тучнаго мандарина и, наконецъ, моя бабушка, съ чудными жемчугами въ видѣ шпилекъ въ причудливой китайской прическѣ. Страсть бабушки къ шумнымъ увеселеніямъ доходила до слабости, вся ея жизнь была вѣчно суетливое движеніе въ кругу веселія и многоядности; свѣтъ, общество были элементы, питавшіе ея организмъ. Конечно, эта жажда развлеченій не могла существовать безъ страсти къ нарядамъ, и эта страсть была доведена до колоссальныхъ размѣровъ. Рассказываютъ, что, возвращаясь изъ Парижа въ 1835 году, она привезла съ собой самую «бездѣлицу», какъ она говорила, тоалетовъ, и, проѣзжая черезъ Вѣну, просила одного пріятеля, служившаго въ Петербургѣ по таможенному вѣдомству, облегчить ей затрудненіе провоза тоалетовъ, представлявшихъ на этотъ разъ «бездѣлицу» въ триста платьевъ.

Но при столь поглощающемъ легкомысліи бабушка была ангельской доброты; просящему она не могла отказать, и были случаи, гдѣ она себя стѣсняла, чтобы заплатить долги кого либо изъ племянниковъ. Такая черта прекрасна въ каждомъ, но въ бабушкѣ, которую считали только женщиной легкомысленной и поглощенной свѣтскими соблазнами, такая черта много искупаетъ и устанавливаетъ фактъ, что она не была эгоистична. Она часто бывала въ денежныхъ затрудненіяхъ, и только близкіе родственники могли бы указать причину, подсчитавъ итогъ ея милосердія и щедрости къ нимъ. Домъ свой въ Москвѣ она подарила своему брату, а моему дѣдушкѣ, вѣчно нуждавшемуся въ деньгахъ, а Карловку, въ минуту гнѣва на моего отца, который считался въ будущемъ ея единственнымъ наслѣдникомъ, она продала великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ за пожизненную пенсію.

Съ дорогой моей бабушкой мнѣ пришлось провести только послѣдніе два съ половиной года ея жизни, но я всегда съ чувствомъ благодарности къ судьбѣ вспоминаю это время, и теперь — оканчивая сама свой жизненный путь, взглянувъ на прошлое, я могу сказать, что лучшаго времени въ моей жизни не было. Тутъ довольство жизнью не обуславливается роскошью, которою я пользовалась, но всецѣло зиждется въ чувствѣ благодарности за безграничную любовь бабушки ко мнѣ. Къ сожалѣнію, я была слишкомъ молода, чтобы вполне оцѣнить ее, и только въ теченіе жизни, столкнувшись съ людьми безсердечными и даже жестокими, я умиленно вспоминала душевную теплоту моей дорогой бабушки. Мы были съ ней тезки, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова: я носила имя княжны Маріи Григорьевны Вяземской, какъ и моя бабушка до своего замужества. Какъ это часто бываетъ съ очень древними стариками, бабушка видѣла во мнѣ возрожденіе своей юности и молодѣла душой, глядя на меня. Она обставила меня рос-

кошно, у меня была своя горничная, своя карета и выѣздной лакей, цѣлый маленькій штатъ въ моемъ распоряженіи. Съ нашимъ переѣздомъ на дачу въ Петергофъ, переѣхали и нѣкоторые, составлявшіе постоянную табельку моей бабушки. Гр. К. селилась всегда по возможности близко къ нашей дачѣ, и, говорятъ, изъ карточного выигрыша составляла себѣ серьезный годовой доходъ. Такъ утверждалъ князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, избѣгавшій по возможности участвовать въ партіи бабушки, говоря, что играть съ ней—это навѣрняка выигрывать, настолько бабушка играла плохо и разсѣянно. Затѣмъ, былъ г. Сутгофъ и милѣйшій Иларіонъ Алексѣевичъ Философовъ, составлявшіе партію табельки, чтобы не лишать бабушку удовольствія, безъ котораго она бы скучала вечеромъ. Партія затягивалась поздно, и бабушка никогда не ложилась раньше двухъ — трехъ часовъ ночи. Вечеромъ я разливала чай, но бабушка строго слѣдила, чтобы въ одиннадцать часовъ я отправлялась спать, такъ что въ ужинѣ я никогда не участвовала. Но, уходя къ себѣ, я все-таки не ложилась, а читала до того времени, когда бывало услышу шаги бабушки, которая, проходя черезъ мою комнату, тихонько кралась, ступая осторожно, не подозрѣвая вмѣстѣ съ тѣмъ, что изъ полутемноты комнаты, освѣщенной мягкимъ свѣтомъ лампы, на нее смотрятъ смѣющіеся глаза, совсѣмъ несонные.

Жизнь на дачѣ была почти та же городская жизнь; такъ же закладывали ландо въ два часа, и такъ же дѣлались визиты до пяти; за обѣдомъ почти всегда были гости, затѣмъ прогулка съ гостями на музыку, гдѣ дѣлались еще приглашенія пріѣхать послѣ музыки на чашку чая,—собиралось человѣкъ 15, и такъ ежедневно. При дачной жизни была только разница въ легкости созывать къ себѣ гостей, чего городская жизнь не представляла. Дача бабушки часто удостоивалась видѣть въ своихъ стѣнахъ царскую фамилію. Въ одно изъ посѣщеній императора Николая Павловича, когда онъ запросто завтракалъ у бабушки, онъ пожелалъ обойти весь домъ и даже прошелъ крытой галлереей въ кухню. У бабушки въ это время была кухаркой француженка м-me Françoise. Государь обратился къ ней со словами: «Je vous fais mon compliment, m-me Françoise, vous êtes un vrai cordon bleu». М-me Françoise, низко присѣвъ, отвѣтила: «Je depose mes armes aux pieds de votre majesté!» и при этомъ къ ногамъ императора она положила самый большой кухонный ножъ, который случайно держала въ рукахъ.

Въ другой разъ мы сидѣли, какъ обыкновенно послѣ завтрака, на террасѣ, когда спѣшно появившійся maitre d'hôtel Angelo доложилъ: «Madame la comtesse, Sa Majesté l'Empereur»; бабушка быстро пошла государю на встрѣчу, приказавъ Angelo убрать ея маленькую болонку «Barbiche», страшно злую и на всѣхъ кидующуюся собачку. Она, при видѣ посторонняго лица, заливалась такимъ неис-

товымъ лаемъ, что долгое время передъ ней всѣмъ приходилось молчать. Я послѣдовала за бабушкой. Тутъ я въ первый разъ увидѣла нашего незабвеннаго монарха, императора Александра II, и наслѣдника цесаревича Александра Александровича. Когда государь вошелъ и своей очаровательной улыбкой и ласковымъ взглядомъ привѣтствовалъ бабушку, мое юное сердце радостно забилося отъ сознанія близости монарха. Я была ему представлена, и онъ вспомнилъ мою мать, съ которой онъ много танцевалъ на придворныхъ балахъ, когда еще былъ наслѣдникомъ, и милостиво сталъ спрашивать меня объ ея здоровьѣ и образѣ жизни. Мы сѣли на ту же террасу, и послѣ непродолжительнаго разговора государь спросилъ, отчего онъ не видитъ *Barbiche*. Бабушка послала меня за ней. Это непокорное маленькое существо все время рычало, пока я его несла на рукахъ, и старалось меня укусить; ярость собачки все усиливалась, и въ ту минуту, когда я ее передавала наслѣднику, она хотѣла укусить мою руку, нохватила руку наслѣдника, который желалъ удержать порывъ ея гнѣва. Бабушка была въ отчаяннн и стала извиняться, мы же всѣ отъ души смѣялись, хотя острые зубы собаченки проникли до крови въ руку наслѣдника. Великій князь долго не могъ забыть этотъ эпизодъ, и когда впоследствии я удостоивалась танцевать съ его высочествомъ, онъ шутя мнѣ говорилъ: «А злая Барбишка не появится?»

Въ это лѣто давали танцевальные вечера въ честь принцессы Евгеннн Максимилановны; танцевали то у великой княгини Марнн Николаевны въ Собственномъ, то въ Знаменскомъ—у великаго князя Николая Николаевича. Но мы, кромѣ танцевальныхъ вечеровъ, часто бывали въ Собственномъ, какъ какъ бабушка была крестной матерью графини Елены Григорьевны Строгоновой, удочеренной великой княгиней Маріей Николаевной.

Бабушка подъ предлогомъ лѣтняго сезона и молодости принцессы, для которой давались вечера, нашла возможнымъ и меня вывозить. Въ день танцевальнаго вечера въ Знаменскомъ я за обѣдомъ спросила у бабушки, въ какой каретѣ мы поѣдемъ, въ ея или въ моей. Она отвѣчала мнѣ, что въ обѣихъ, каждая изъ насъ въ своей, «*autrement tu me chiffonerais*»,—прибавила она. Эту предосторожность я вполне поняла, когда увидѣла бабушку, одѣтую въ тарлатановое платье съ голубымъ поясомъ à l'enfant и такими же лентами на плечахъ; платье ея было совершенно одинаково съ моимъ, и разница была только въ цвѣтѣ лентъ—у меня были ленты розоваго цвѣта, а у ней голубыя. Эта тождественность была трогательна въ своей наивности: двѣ Марнн Григорьевны и обѣ одинаково одѣтыя,—разница была только въ лѣтахъ, старшей было 91 годъ, а младшей 15!

Я помню, что мнѣ на этихъ танцевальныхъ вечерахъ было страшно скучно; вдругъ у меня не было, ни съ кѣмъ я не была связана

воспоминаніями дѣтства, все и всѣ были чужды для меня. И со мной не знали, какъ держать себя; по годамъ я была ребенокъ, и ребенокъ не веселый, котораго блескъ свѣта могъ бы забавлять; у меня, вѣроятно, былъ видъ скучающій, не любезный, меня, вѣроятно, находили не симпатичной, а я просто предпочитала хорошую книгу свѣтской безсодержательной болтовнѣ и съ усталостію въ душѣ думала, когда-то я вернусь въ свою комнату. Въ постоянной свѣтской сутолокѣ прошло все лѣто; наступили темные вечера дождливой осени, и мы переѣхали въ городъ на Сергіевскую, въ домъ Сумарокова, принадлежащій теперь Боткиной.

Тутъ продолжалась та же суетная жизнь, но только еще въ болѣе усиленной степени. Однако бабушка доставила мнѣ занятія; у меня былъ учитель музыки Конри, учитель пѣнія Ронкони и учитель итальянскаго языка. Музыкой я занималась съ увлеченіемъ и, какъ теперь вижу, мою добрую, милую бабушку, сидящую около рояля. Она съ улыбкой умиленія слушала нехитростную пѣсню или *salzonette*, спѣтую моимъ, еще совсѣмъ дѣтскимъ, голосомъ. Мнѣ доставляло большое удовольствіе пѣть, но еще сильнѣе было удовольствіе видѣть радость на старческомъ лицѣ бабушки.

Пріемный день бабушки былъ воскресенье, и въ ея большой красной гостиной не хватало мѣста для всѣхъ посѣщающихъ ея *jour fixe*. Бабушка всегда сидѣла въ самой глубинѣ гостиной, подъ портретомъ императора Николая, написаннымъ во весь ростъ, и была окружена людьми почтеннаго возраста и высокаго положенія въ свѣтѣ и служебномъ мірѣ,—а я завѣдывала чайнымъ столомъ, стоявшимъ въ центрѣ гостиной, ближе ко входу, и около меня группировалась молодежь. Въ послѣдніе годы своей жизни бабушка была глуха на ухо, и бывали дни, когда въ особенности было трудно говорить съ ней, и зрѣніе ея тоже слабѣло, хотя она еще читала безъ очковъ. Въ одно изъ воскресеній, когда гостиная по обыкновенію была полна, входитъ молодой Алексѣй Философовъ, а къ нему на встрѣчу, вставъ съ своего мѣста, спѣшитъ бабушка. Поровнявшись съ нимъ, она съ серіознымъ видомъ ему громко говорить: «*Adieu, monsieur*». «Но я только что пріѣхалъ, графиня»,—возражаетъ на это Ф.; бабушка ему кланяется и снова повторяетъ: «*Oui, adieu, monsieur*». Ф. сконфуженно смотритъ въ мою сторону, и я лечу выручать его, объясняя бабушкѣ, что Ф. только что пріѣхалъ и вовсе не расположенъ уходить такъ стремительно.

Былъ еще другой случай съ Философовымъ. Онъ и кн. Урусовъ, Jules, какъ его звали въ свѣтѣ, сидѣли одновременно около бабушки въ одно изъ воскресеній, и бабушка вела съ ними очень участливый разговоръ, касаясь всякихъ интимныхъ семейныхъ вопросовъ, и при этомъ все время обращалась къ Философову, какъ бы къ Урусову, и наоборотъ. Я старалась разъяснить ей ея ошибку, и на минуту она сознавала ее и сама смѣялась,—а затѣмъ стояло имъ только перемѣнить мѣсто, и ошибка повторялась снова.

На большіе балы бабушка меня не брала и ограничивалась тѣмъ, что привозила мнѣ нѣсколько конфетъ, какъ это дѣлають обыкновенно для ребятъ. Эти конфеты служатъ какъ бы соблазномъ для неопытной молодой души и олицетворяють сладость веселія, которое, какъ неистощимый бурный потокъ своимъ мириадомъ блестящихъ брызговъ, встрѣчаетъ каждаго входящаго съ новыми силами въ заколдованный кругъ большого свѣта. Я всегда порипаю это появленіе сладостей съ баловъ; мнѣ кажется, что расположеніе ребенка къ сказочному міру, какъ ему представляется свѣтъ, не слѣдуетъ поощрять этимъ способомъ, столь привлекательнымъ для его возраста.

Прошла страшно однообразная зима съ ея однообразными развлеченіями въ кругу все тѣхъ же лицъ, съ мелкими интересами личнаго свойства, столь чуждыми и далекими всѣхъ міровыхъ вопросовъ, гдѣ нѣтъ мелкаго эгоизма, и гдѣ всякій приноситъ посильную помощь на пользу нашей меньшей братіи. Тотъ, кто родился богатымъ, долженъ получить отъ природы особенное призваніе къ какой бы то ни было дѣятельности, чтобы не праздно жить на свѣтѣ и не скучать отъ бездѣйствія.

Насталъ день 1-го апрѣля—день нашего ангела, бабушки и мой. Утромъ, когда мы пили кофе, вошелъ Angelo съ большой бѣлой корзиной, которую онъ видимо несъ съ трудомъ, и поставилъ ее передо мной. Она вся наполнена была свертками разныхъ величинъ, перевязанными розовыми ленточками, и добръйшая бабушка съ улыбкой сказала мнѣ: «C'est pour toi, Masha». Горячо поблагодаривъ ее, я принялась развертывать первый пакетъ, попавшійся мнѣ подъ руку. Снявъ нѣсколько обертокъ бумаги, я дѣйствовала очень осторожно, предполагая, что вещь, столь тщательно завернутая, должна быть очень хрупка и драгоценна,—но когда я вынула изъ послѣдней бумаги кусочекъ дерева,—просто щепы, годной на подтопку. «Ah! grande maman, vous m'avez préparé un premier Avril!» засмѣялась я и ревностно принялась за другой свертокъ. Но и другой содержалъ въ покровахъ бѣлой шелковистой бумаги только небольшой камешекъ. Я схватила третій свертокъ—тотъ же результатъ. Четвертый, пятый—все то же. По мѣрѣ того какъ я опустошала корзину, мои движенія дѣлались все быстрѣе, въ увѣренности, что вотъ скоро попадется же мнѣ подъ руку пакетъ съ подаркомъ. Но вотъ я беру послѣдній свертокъ, онъ болѣе тяжелъ, чѣмъ остальные,—наконецъ! да мнѣ и слѣдовало брать послѣдній, какъ это я раньше не догадалась?—пробѣгаетъ у меня въ мысляхъ, пока мои пальцы нервно работаютъ надъ покровами, ревниво охраняющими тайну. Ну, вотъ и послѣдняя бумага сорвана и, и—камень остался у меня въ рукахъ,—камень больше другихъ. Я чуть не заплакала. Бабушка, нѣжно обнявъ, повела меня въ свою комнату.

«Ma pauvre Macha,—tiens, tout cela est pour toi»,—и я увидела передь собой массу подарковъ, размѣщенныхъ по всей комнатѣ; платья лежали на диванѣ, бездѣлушки занимали цѣлый столъ. Я была вполне утѣшена. На слѣдующую зиму, около новаго года, бабушка заболѣла. Она въ теченіе многихъ лѣтъ страдала періодическими приступами рвоты, которые возобновлялись ежемѣсячно. Эта непріятная болѣзнь ее страшно раздражала, потому что лишала ее возможности въ это время выѣзжать. Она въ Россіи и за границей обращалась ко всѣмъ знаменитостямъ медицины, чтобы излѣчиться отъ этого недуга, но всѣ отказывались помочь ей говоря, что это благодѣяніе ея природы надо, напротивъ, старательно оберегать, и что она носить въ себѣ задатокъ долголѣтія. Эти періодическіе приступы продолжались до конца 1864 года. Въ это время, когда она заболѣла, ея постоянный врачъ, докторъ Обермюллеръ, былъ самъ боленъ тифомъ; послали за докторомъ Хольмеромъ. Онъ, выслушавъ жалобы бабушки и сочувствуя ея опасеніямъ не попасть на придворный балъ, далъ ей какое-то сильное средство и прекратилъ рвоту. Бабушка почувствовала себя совсѣмъ здоровой и въ особенномъ, радостномъ возбужденіи поѣхала на балъ. Личности, какъ бабушка, одаренныя такими несокрушимыми свойствами подъема духа, въ обществѣ составляютъ рѣдкія исключенія; такъ много встрѣчаешь людей, скучающихъ этой жизнью, вѣчно жалующихся и притомъ пассивно отдающихъ себя въ распоряженіе свѣтскаго мертво-жизненнаго теченія, что невольно изумляешься, когда попадетса на глаза искреннее изытіе изъ этой поголовной брезгливой скуки. Свѣтъ—это мутный потокъ, безъ живой воды.

Бабушка, проникнутая чувствомъ благодарности, всѣмъ хвалила и рекомендовала Хольмера, говоря, что онъ сдѣлалъ то, что европейскія знаменитости сдѣлать не могли. Цѣлый мѣсяцъ она чувствовала себя превосходно, но къ концу его, когда спасительное явленіе не наступило, съ ней сдѣлался ударъ, который и былъ началомъ разрушенія ея доселѣ непоколебимаго, почти столѣтняго организма; это случилось утромъ.

Войдя въ кабинетъ бабушки, гдѣ мы всегда вмѣстѣ пили кофе за маленькимъ столомъ, я нашла ее сидящей съ опущенной головой, — руки, упиравшіяся локтями на столъ, закрывали ея лицо. Я подошла и громко сказала: «Bonjour, grand' maman», она не двинулась и, на повторенный мой, еще болѣе громкій привѣтъ тоже молчала. Въ испугъ я взяла ея руки, — руки были холодныя; тогда я съ силою подняла ея голову, и потухшими, какими-то стеклянными глазами она взглянула на меня и узнала. «Ah, c'est toi, Macha», — вяло и беззвучно проговорила она. Бабушку уложили въ кровать и послали за докторомъ. Это былъ чуть ли не первый выѣздъ доктора Обермюллера, который, распросивъ о предыдущемъ, объяснилъ намъ, А. Ф. Фейхтнеръ и мнѣ, причину, вызвавшую ударъ.

Всѣ мѣры были приняты, чтобы произвести рвоту, но напрасно. Съ этого времени бабушка медленно умирала. Произошло странное явленіе,—она совсѣмъ забыла значительный промежутокъ времени и настоящее соединяла съ давно прошедшимъ; все время вдовства изгладилось изъ ея памяти, и она воображала себя еще обладательницею Петровскаго. Изъятіе изъ памяти столь громаднаго промежутка, какъ полстолѣтія, не говоритъ ли о томъ, что за время ея вдовства она не жила полною жизнью, и что смерть любимаго существа унесла съ собою тѣ жизненные частицы души, безъ которыхъ человѣкъ живетъ только внѣшней оболочкой.

Во время болѣзни государь и вся царская фамилія навѣщали бабушку.

Въ одно изъ посѣщеній государя бабушка чувствовала себя очень слабой и не могла встать съ постели; государь сѣлъ у ея постели, а я—у ея изголовья.

Бабушка, жалуясь на свое здоровье, выразила надежду, что, съ наступленіемъ весны и солнечныхъ дней, она поправится,—и тогда намѣрена ѣхать провести лѣто въ Петровскомъ. Стала просить государя, въ свою бытность въ Москвѣ, не отказать ей принять приглашеніе на праздникъ, который она намѣрена дать въ Петровскомъ. Праздникъ будетъ носить характеръ національный,—объясняла бабушка государю,—всѣ будутъ въ русскихъ крестьянскихъ платьяхъ всѣхъ губерній, паркъ будетъ иллюминированъ и на прудѣ въ лодкахъ будетъ расположенъ хоръ, и Маша будетъ запѣвалой. Государь участливо выслушалъ свѣтлыя мечты больной, ни единымъ словомъ не выразилъ удивленія и обѣщавъ посѣтить Петровское. Уходя, государь выразилъ, какъ ему грустно видѣть бабушку въ такомъ состояніи, и прибавилъ, что онъ проситъ не разувѣрять ее въ возможности осуществить свое намѣреніе, что онъ сегодня же отдастъ приказаніе, чтобы весь домъ былъ приведенъ въ тотъ видъ, въ которомъ его оставила бабушка, что это вовсе не трудно исполнить, такъ какъ вся мебель хранится въ какихъ-то сараяхъ, и что онъ счастливъ сдѣлать что либо для утѣшенія больной.

Получивъ обѣщаніе государя посѣтить Петровское, бабушка отъ радостнаго волненія стала чувствовать себя лучше,—она покинула постель, перешла въ кабинетъ, позвала Angelo и сама, съ замѣчательною точностію, поражая насъ своею памятью, стала приказывать ему, какое настольное серебро, какіе сервизы, какой хрусталь укладывать,—она доходила до мельчайшихъ подробностей въ своихъ приказаніяхъ. И съ этого дня весь интересъ жизни поглощался праздникомъ въ Петровскомъ, и по всему дому раздавались удары молотка при заколачиваніи ящиковъ. А рядомъ съ этою заботою бабушка тосковала отъ невозможности посѣщать Божій храмъ и тогда испросила себѣ позволеніе поставить въ большой красной гостиной походную

церковъ. Вся мебель куда-то была убрана, и ее замѣстила походная церковъ морского корпуса; по воскресеньямъ у насъ совершалось богослуженіе.

Но бабушка все рвалась въ Петровское, и намъ большого труда стоило уговорить ее, подъ предлогомъ поправить немного свои силы, переѣхать на время на Каменный островъ, на дачу гр. Борхъ, которая была нанята для нея, въ виду близости медицинской помощи. Только такимъ путемъ намъ удалось перевезти ее на Каменный.

Добрѣйшая Анна Θεодоровна не покидала бабушку, и мы съ нею дѣлили заботы о нашей дорогой больной. Хорошій воздухъ отъ близости рѣки и солнечные дни оживили больную, и она ежедневно стала выѣзжать въ ландо на прогулку, но съ наступленіемъ августа мѣсяца ея силы стали видимо слабѣть. Она уже не покидала кровать и почти не принимала пищи. Она не страдала, но находилась въ какомъ-то забытіи; лампада жизни тихо погасала въ ней. Только мой голосъ могъ оживлять ее на время, и я этимъ пользовалась, чтобы питать ее кашицей, которую она только изъ моихъ рукъ принимала. Послѣ этого она всегда брала мою руку въ свою слабую старческую руку и долго, долго держала меня около себя, глядя на меня глазами, столь полными тоски, что я не могла удержаться отъ слезъ. Бабушка еще до болѣзни просила великую княгиню Елену Павловну взять меня на свое попеченіе и получила письменное обѣщаніе ея высочества, которое передала мнѣ, что она беретъ меня къ себѣ на положеніе дочери.

9-го августа дорогой моей бабушки не стало.

Тѣло перевезли въ Петербургъ, на Сергіевскую, гдѣ оно было поставлено въ сооруженную церковъ, и тутъ служили панихиды.

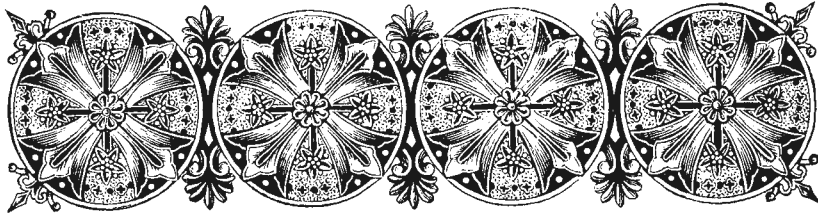
Я страшно плакала и стояла около гроба, не сводя глазъ съ дорогаго лица усопшей, и я помню, что я что-то рѣзко отвѣтила великой княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, которая подошла ко мнѣ съ добрымъ намѣреніемъ утѣшить меня своимъ участіемъ.

Тѣло бабушки похоронили въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ. Подняли красивый порфирный памятникъ, за полстолѣтіе передъ тѣмъ поставленный бабушкой надъ останками обожаемаго мужа, но наряду съ прежнею надписью вырѣзали новую: «Блаженны милостивые, яко ти помилованы будутъ».

Бабушка родилась 10-го апрѣля 1772 года—скончалась 9-го августа 1865 года.

М. Назимова.

ЧЕСТОЛЮБИЕ ПОГУБИЛО.

ВЪ НАЧАЛѢ царствованія императора Александра I, въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку служилъ нѣкій поручикъ Алексѣй Петровичъ Шубинъ, происходившій изъ стариннаго дворянскаго рода и достаточной семьи—за отцомъ его числились 1.400 душъ крестьянъ. По обыкновенію того времени, четырехъ лѣтъ отъ роду Шубинъ былъ записанъ въ службу въ «малолѣтніе фурьеры», въ «служилые сержанты» опредѣленъ онъ былъ на десятомъ году своей жизни, а на девятнадцатомъ—былъ уже поручикомъ. Юноша этотъ былъ спокойный, тихій, до этого времени никакихъ «сумнительствъ» за нимъ не замѣчалось, начальство было вполне довольно его службой и аттестовало его хорошо. Несмотря на свои молодые годы (21), Шубинъ былъ уже женатъ. Солидный для такого возраста чинъ поручика, служба въ одномъ изъ лучшихъ гвардейскихъ полковъ и матеріальный достатокъ сулили Шубину въ будущемъ блестящую карьеру. Но желаніе ускорить ее, выдѣлиться изъ среды товарищей и отличиться—погубило Шубина.

Въ маѣ 1802 года, за нѣсколько дней до отъѣзда императора Александра Павловича въ Ригу, поручикъ Шубинъ тайно сообщилъ своему товарищу по полку, поручику Полторацкому, такому же юному, какъ и онъ самъ, съ которымъ находился въ особенной дружбѣ, одну очень важную тайну. Онъ открылся ему, что нѣкій человѣкъ подговариваетъ его принять участіе въ заговорѣ на жизнь императора.

Извѣстіе это ошеломило Полторацкаго, человѣка порядочнаго, но недалекаго, какъ это можно заключить изъ его дальнѣйшихъ по-

ступковъ. Придя въ себя, онъ началъ разспрашивать Шубина, какъ онъ лично относится къ этой ужасной затѣѣ, и неужели онъ «настолько безчестенъ, что, не донеся о томъ начальству, подвергнетъ жизнь любимаго всѣми государя такой страшной опасности». И Полторацкій сталъ просить Шубина назвать ими заговорщика. Шубинъ отвѣтилъ, что скрывать все это онъ и не думаетъ, ибо самъ, какъ вѣрный слуга своего государя, болѣе чѣмъ не сочувствуетъ заговору, но до времени лишь показываетъ видъ, что согласенъ принять въ немъ участіе, чтобы вывѣдать всѣ подробности и удостовѣриться во всемъ, такъ какъ ему не извѣстно даже имя этого человѣка. Шубинъ просилъ только своего товарища, до выясненія всѣхъ этихъ обстоятельствъ, ничего никому не говорить, и вынулъ дать ему въ томъ клятву.

Услышавъ такое важное извѣстіе, Полторацкій впалъ въ большое сомнѣніе, какъ ему поступить. Съ одной стороны, ему не хотѣлось нарушить клятву и выдать своего товарища, тѣмъ болѣе, что вѣрилъ въ его искренность. Съ другой стороны, онъ боялся скрывать это дѣло, зная, какая отвѣтственность ложится на него, если Шубину не удастся во время раскрыть заговоръ во всѣхъ его подробностяхъ. Ища выхода изъ своего затруднительнаго положенія, Полторацкій отиравился къ своему родственнику, статскому совѣтнику Оленину. Питая къ нему особенное довѣріе, онъ откровенно ему обо всемъ разказалъ и просилъ совѣта, какъ ему поступить въ этомъ опасномъ положеніи.

Оленинъ подробно его разспросилъ. Ему показалось очень страннымъ то обстоятельство, что Шубинъ и самъ не знаетъ имени заговорщика, рѣшившагося незнакомому человѣку открыть такую важную тайну и не убоявшагося доноса. Оленинъ знаетъ всѣ строгости закона, повелѣвавшего подъ угрозою тяжкаго наказанія всякому, узнавшему что либо преступное, немедленно доводить о томъ до свѣдѣнія начальства. вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстенъ ему былъ и другой законъ, предписывавшій «въ извѣтахъ» наблюдать крайнюю осторожность и безъ явныхъ удикъ не доносить, чтобы опять-таки не попасть подъ жестокое наказаніе. Оленинъ, узнавъ о заговорѣ, дѣлался уже причастнымъ этому дѣлу. Законъ могъ его покарать, какъ недоносителя; въ противномъ случаѣ, на его долю, какъ не доказавшаго «извѣтъ», могъ выпасть «первый кнутъ» ¹⁾.

¹⁾ Указъ 1722 года апрѣля 28, въ то время еще дѣйствовавшій, гласилъ:

«Ежели кто провѣдаетъ за кѣмъ, что онъ тайно нѣкоторое злое производить, и на таковыхъ доносить въ городахъ командирамъ, а имъ, командирамъ, весьма скоро тайнымъ поведеніемъ оныхъ злодѣевъ смысывать и, не разспрашивая, присылать въ тайную канцелярію, также и доносителей для облегченія ихъ высылать въ ту же канцелярію за поручками: а буде порукъ не будетъ, то провожатыми подъ частнымъ арестомъ. А буде кто, видя означенныхъ злодѣевъ, явно что злое въ народѣ разглашающихъ, или вѣдая, что таковое зло тайно они про-

Такъ или иначе, положеніе и Полторацкаго и Оленина дѣлалось рискованно. Если бы, по духу времени, ихъ и не казнили, хотя прежніе законы отмѣнены еще не были, но во всякомъ случаѣ въ далекую ссылку сослали бы непременно.

По долгомъ размысленіи, Оленинъ пришелъ къ такому заключенію. Если о заговорѣ довести сейчасъ же до свѣдѣнія начальства, то явившійся уже преступникомъ Шубинъ легко могъ, страха ради отпереться. Сдѣлать это ему тѣмъ болѣе было легко, что свидѣтелей его разговора съ Полторацкимъ не было, и заговоръ такимъ образомъ не открылся бы. Но разъ уже Шубинъ, — разсуждалъ Оленинъ, — открылся въ этомъ дѣлѣ Полторацкому и взялъ съ него клятву молчать, то, вѣроятно, сообщить и еще что нибудь болѣе определенное, тѣмъ паче, что Полторацкій получилъ уже право разспрашивать его. Поэтому Оленинъ посоветовалъ своему родственнику нѣкоторое время слѣдить за Шубинымъ, усиленно дружить съ нимъ и всѣми способами стараться узнать подробности, а главное, имя заговорщика, чтобы уже послѣ, имѣя вѣрныя улики, донести начальству обо всемъ.

На этомъ и порѣшили.

Полторацкій наблюдалъ за Шубинымъ, постоянно заводилъ съ нимъ разговоръ по этому поводу и часто являлся къ Оленину отдавать отчетъ.

Спустя три недѣли послѣ отъѣзда императора, Полторацкій принесъ Оленину новое извѣстіе. Шубинъ ему сказалъ, что слышалъ отъ того же нѣкоего человѣка слѣдующее: при особѣ государя во время его путешествія состоитъ въ числѣ свиты тоже нѣкій человѣкъ, который покушается на его жизнь, и этотъ свой умыселъ намѣренъ привести въ исполненіе въ дорогѣ. Полторацкій замѣтилъ Шубину, что уже объ этомъ немедленно нужно донести, но Шубинъ отговорилъ его, поясняя, что все это далеко еще не вѣрно.

И этимъ извѣстіемъ Оленинъ тоже не могъ воспользоваться для доноса. Само по себѣ извѣстіе было важно, но требовало вѣрныхъ доказательствъ, а ихъ не было. Все это продолжало только запутывать дѣло и ставило родственниковъ въ еще болѣе рискованное положеніе. Съ другой стороны, неопредѣленность разговоровъ Шубина и другія обстоятельства внушали ко всему этому какое-то сомнѣніе. Оленинъ, въ тревогѣ за свою судьбу, побуждалъ Полторацкаго всѣми мѣрами узнать имя заговорщика.

изводятъ, а ихъ не поймаетъ, или о томъ не извѣститъ и въ томъ обвиненъ будетъ, и за то учинена будетъ таковымъ смертная казнь безъ всякаго пощаженія».

По указу 1730 года: «повелѣно доносить о тайныхъ дѣлахъ того же дня, какъ услышитъ, или, конечно, на другой день. Буде же кто не донесетъ, а хотя и доносить будетъ, но поздно, за то велѣно чинить смертную казнь безъ всякаго пощады, также и за ложный или затѣянный доносъ казнить смертію».

«истор. вѣстн.», мартъ, 1899 г., т. LXXV.

6

Через нѣкоторое время Шубинъ, какъ бы въ успокоеніе, объявилъ Полторацкому, что послѣднее сообщенное имъ извѣстіе оказалось невѣрнымъ. Это еще болѣе смутило Оленина, хотя его родственнику и удалось, наконецъ, узнать имя таинственнаго заговорщика. По словамъ Шубина, онъ назывался Григоріемъ Ивановымъ. Но и это ровно ничего не давало—«мало ли такихъ Ивановыхъ на святой Руси». Не зная его общественнаго положенія, не имѣя при томъ другихъ уликъ и доказательствъ, разыскать Григорія Иванова было не легко. Тогда Оленинъ сталъ совѣтовать Полторацкому, чтобы онъ постарался увидѣть этого Иванова, сообщавшаго Шубину, по его, Оленина, мнѣнію, «нелѣпныя повѣсти». Если бы это Полторацкому удалось, то тогда только можно было предать его властямъ, ибо свидѣтелемъ явился бы уже тотъ же Шубинъ. Полторацкій, во всемъ слушавшійся Оленина, старался, но тщетно. Шубинъ подъ разными предлогами уклонялся познакомить его съ Ивановымъ.

Между тѣмъ, Оленину явилась необходимость ѣхать въ Рязань. До 10-го іюня онъ свою поѣздку откладывалъ, но видя, что дѣло не открывается, а еще болѣе запутывается, рѣшилъ ѣхать. Но онъ боялся оставить своего родственника въ такомъ затруднительномъ положеніи—Оленинъ зналъ, что тотъ самъ, безъ посторонняго руководства, ничего не могъ подѣлать. Передъ отъѣздомъ, Оленинъ представилъ Полторацкаго своему пріятелю, статсъ-секретарю Ангелю, и подробно ему обо всемъ рассказалъ; своему же родственнику онъ приказалъ: если во время его отсутствія обнаружится что либо новое и важное, то немедленно сообщить Ангелю, чтобы послѣдній могъ уже донести о томъ кому слѣдуетъ. Ангель вполне одобрилъ осторожность Оленина и былъ съ нимъ согласенъ, что до полного выясненія не слѣдуетъ разглашать этого дѣла, и обѣщалъ продолжать рискованную политику своего пріятеля. Такимъ образомъ, надъ головою третьяго уже лица повисла опасность расплаты за сокрытіе затѣвающагося преступленія, но Ангель все-таки рѣшился ждать.

Однажды Шубинъ сообщилъ Полторацкому, что ему необходимо съѣздить въ Петергофъ повидаться съ Григоріемъ Ивановымъ, назначившимъ тамъ ему свиданіе. Онъ просилъ своего товарища нанять ему для этой цѣли лошадей. Самъ Шубинъ якобы боялся это сдѣлать, чтобы не узналъ его отецъ, куда онъ ѣдетъ. Полторацкій исполнилъ просьбу. Шубинъ поѣхалъ. Возвратясь, онъ рассказалъ Полторацкому, что по дорогѣ въ Петергофъ у «Краснаго кабачка» его остановилъ какой-то мужикъ и сказалъ ему, чтобы онъ прождалъ три часа, а потомъ уже ѣхалъ дальше. Просидѣвъ въ «кабачкѣ» три часа, Шубинъ поѣхалъ и въ Петергофскомъ саду дѣйствительно будто бы встрѣтилъ таинственнаго заговорщика, съ которымъ бесѣдовалъ съ полчаса. Ивановъ назвалъ ему

нѣсколькихъ своихъ сообщниковъ — генерала Боура, адъютанта Озерова, Мансурова и князя Вяземскаго. Впослѣдствіи, уже на судѣ, возившій Шубина извозчикъ показалъ, что на дорогѣ ихъ никто не останавливалъ, что Шубинъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ, а въ «кабачкѣ» дѣйствительно просидѣлъ зачѣмъ-то три часа, послѣ чего поѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ, не доѣзжая моста, сошелъ съ дрожекъ, пошелъ ко дворцу и, пробывъ тамъ не болѣе получаса, поѣхалъ обратно въ Петербургъ.

Вскорѣ послѣ того въ Петергофѣ былъ маскарадъ. Въ разгарѣ танцевъ Шубинъ, видимо очень встревоженный, подозвалъ къ себѣ Полторацкаго и сказалъ, что имѣетъ передать ему одно очень важное извѣстіе, и просилъ его пріѣхать къ нему на квартиру послѣ маскарада. Извѣстіе это очень заинтересовало Полторацкаго, и онъ теряясь въ догадкахъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца вечера. Но вскорѣ тамъ же въ маскарадѣ Полторацкій кое-что узналъ отъ жены Шубина. Танцую съ Полторацкимъ, она ему шепнула: «Я была въ обморокѣ,—мой мужъ сказалъ мнѣ, что долженъ дезертировать». Дама эта знала о тайственномъ заговорѣ, въ которомъ мужъ ея принималъ участіе, и о томъ, что другъ его былъ посвященъ имъ въ эту тайну, почему и сдѣлала подѣлиться со своимъ кавалеромъ тревожнымъ извѣстіемъ. Шубинъ не разъ при женѣ своей говорилъ съ Полторацкимъ о заговорѣ, и она очень радовалась тому обстоятельству, что мужу ея удастся доказать свою преданность государю и спасти его отъ грозящей опасности.

По окончаніи маскарада, Полторацкій, побуждаемый любопытствомъ, поспѣшилъ вслѣдъ за Шубиными къ нимъ на квартиру. Другъ въ отчаяніи сказалъ ему, что въ Монплеизирѣ онъ видѣлся съ Григоріемъ Ивановымъ, который ему сообщилъ, что, повидимому, ихъ подозрѣваютъ, слѣдятъ за ними, и имъ грозитъ опасность быть арестованными. Далѣе Ивановъ сказалъ ему: если до трехъ часовъ по полудни слѣдующаго дня (11-го августа) онъ, Шубинъ, не получитъ отъ него никакого извѣстія, то это будетъ служить доказательствомъ, что заговоръ ихъ открытъ, и имъ грозитъ страшная опасность. Въ такомъ случаѣ Ивановъ просилъ Шубина, не теряя ни минуты времени, сдѣлать къ ораніенбаумскому шлагбауму, гдѣ одинъ изъ соучастниковъ вручить ему пакетъ съ деньгами и паспортъ на чужое имя. Дальнѣйшее спасеніе будетъ зависѣть уже отъ самого Шубина, если ему удастся переодѣться и подѣ чужимъ именемъ пробраться за границу. Сообщая все это своему пріятелю, Шубинъ предавался отчаянію и просилъ Полторацкаго позаботиться, въ случаѣ нужды, о покидаемой имъ, можетъ быть, навсегда его молодой женѣ. И долго товарищи бесѣдовали на эту тему. Одинъ горевалъ, другой утѣшалъ. Друзья разстались только утромъ. Полторацкій былъ очень наивный юноша, но съ добрымъ и мягкимъ сердцемъ. Его тяготила уже принятая имъ роль

согладатая, особенно послѣ нѣжной сцены разставанія съ другомъ. Тѣмъ не менѣе ему ничего уже не оставалось, какъ прямо отъ Шубина поспѣшить къ Ангелю и сообщить ему о добытыхъ имъ важныхъ, какъ онъ думалъ, извѣстіяхъ. Сдѣлавъ это, онъ отправился домой отдохнуть послѣ бессонной ночи. Скоро его разбудили и подали записку отъ Шубина, въ которой тотъ спѣшилъ успокоить своего друга, что задолго еще до назначеннаго срока его увѣдомили, что всякая опасность миновала, и ему нечего уже скрываться за границу.

Между тѣмъ, Ангель, видя, что дѣло начинается принимать серьезный оборотъ и его единственная нить — Шубинъ, можетъ ускользнуть, рѣшился дѣйствовать. Онъ поспѣшилъ во дворецъ, добился аудіенціи и подробно обо всемъ доложилъ императору Александру Павловичу.

Государь выслушалъ доносъ и приказалъ потребовать къ себѣ Шубина и Полторацкаго. Перепуганные офицеры явились. Императоръ ихъ подробно разспросилъ и, видя, что эти юноши далеки отъ личнаго участія въ заговорѣ, а только стремятся спасти своего государя, приказалъ Шубину постараться узнать, гдѣ живетъ этотъ Григорій Ивановъ, и уговорить его прійти въ будущую субботу въ обычное мѣсто ихъ свиданій.

Дня черезъ два (13-го августа), подъ вечеръ, Полторацкій пріѣхалъ на квартиру Шубина, но не засталъ его дома — онъ былъ на ученіи. Къ 8-ми часамъ Шубинъ возвратился и очень обрадовался, увидя своего товарища. Онъ сообщилъ ему, что видѣлся съ Ивановымъ, который, желая ему передать нѣчто очень важное, просилъ его въ тотъ же вечеръ прійти въ Лѣтній садъ. Затѣмъ Шубинъ просилъ своего товарища сопровождать его туда, такъ какъ ему могла понадобится помощь. Полторацкій охотно согласился и поспѣшилъ послать объ этомъ извѣстіе Ангелю, коего онъ просилъ также пріѣхать туда. Но записка почему-то не попала по назначенію, и Ангель въ нужную минуту не прібылъ на мѣсто.

Оба пріятели въ назначенный для свиданія часъ поѣхали въ Лѣтній садъ на дрожкахъ Полторацкаго. По дорогѣ Шубинъ условился, что Полторацкій будетъ ждать его въ началѣ первой аллеи, а онъ, Шубинъ, постарается незамѣтно въ разговорѣ подвести Иванова къ тому мѣсту. Увидя его, Полторацкій, по уговору, долженъ былъ пойти вслѣдъ за нимъ и прослѣдить его квартиру. Пріятели доѣхали до флигелей Михайловскаго замка. Здѣсь Шубинъ просилъ Полторацкаго сойти съ дрожекъ, чтобы ихъ, ѣдущихъ вмѣстѣ, не замѣтилъ Ивановъ. Далѣе Шубинъ поѣхалъ одинъ къ саду, а Полторацкій издали слѣдовалъ пѣшкомъ.

Едва онъ успѣлъ подойти къ калиткѣ сада, какъ услышалъ раздавшійся пистолетный выстрѣлъ. Полторацкій растерялся, не зная, что ему предпринять, спѣшить же, какъ бы слѣдовало, въ садъ на

помощь къ товарищу онъ не рѣшился потому, что при немъ не было никакого оружія. Въ нерѣшимости, что ему дѣлать, онъ оставался на мѣстѣ. Въ это самое время невдалекѣ, по каналу, проѣзжала шлюпка. Замѣтя ее, Полторацкій бросился къ берегу и сталъ кричать, прося гребцовъ поспѣшить на помощь. Но гребцы не послушались и проѣхали мимо. Впослѣдствіи выяснилось, что со шлюпки тоже слышали выстрѣлъ, но всѣ гребцы были пьяны, а не послушались изъ боязни попасть въ свидѣтели, что въ то время было дѣломъ рискованнымъ во многихъ отношеніяхъ.

Не получивъ помощи съ этой стороны, Полторацкій бросился въ садъ. Въ аллеѣ было темно. Послѣ онъ не могъ отдать себѣ отчета, видѣлъ ли онъ тамъ «двухъ-трехъ человекъ», или совсѣмъ ихъ не видѣлъ, но только ему послышался голосъ, яко бы говорившій: «надо и товарища его уходить!»

Полторацкій, видимо, былъ не изъ храбрыхъ. Перепугавшись окончательно, онъ спрятался за липу и совершенно потерялъ способность соображать. Послѣ онъ самъ въ томъ сознавался и не могъ по этому поводу дать никакихъ опредѣленныхъ показаній.

Просидѣвъ нѣкоторое время, притаившись за деревомъ, и не слыша уже ничего, онъ, по его показанію, бросился искать своего товарища и нашелъ его лежащимъ на землѣ. Полторацкій поднялъ будто бы его и довелъ до дрожекъ. Шубинъ приказалъ себя везти въ Михайловскій замокъ.

Въ то же время отъ Царицына луга къ мосту, ведущему въ Лѣтній садъ, ѣхалъ верхомъ гвардіи капитанъ Казариновъ. Онъ слышалъ раздавшійся въ саду выстрѣлъ, а вслѣдъ за нимъ минуты черезъ двѣ и «человѣческій вой». Давъ шпоры лошади, Казариновъ поскакалъ къ часовому, стоявшему на углу Михайловскаго замка. Но не успѣлъ онъ переѣхать мостикъ, что у церкви, какъ былъ схваченъ за ногу какимъ-то дрожащимъ отъ испуга человѣкомъ. Человѣкъ этотъ молилъ о помощи, говоря, что въ саду было «смертоубійство». Не разсмотрѣвъ даже, кто взывалъ о помощи, Казариновъ поскакалъ къ караульному дому и просилъ офицера послать скорѣе въ садъ «конвой». Караульный офицеръ, Дубовицкій, тотчасъ же отдалъ объ этомъ приказаніе. Въ это же самое время приближалъ въ караулку совсѣмъ потерявшій голову отъ страха Полторацкій въ растрепанномъ видѣ. Это все онъ же хваталъ Казаринова за ногу. Едва выговаривая слова отъ быстрого бѣга и отъ испуга, онъ сбивчиво объяснилъ офицерамъ, что слышалъ въ саду выстрѣлъ и думаетъ: «либо человѣка застрѣлили, либо была дуэль», и молилъ ихъ поспѣшить на помощь. Полторацкій или зачѣмъ-то лгалъ, или такъ запутался, что забылъ, что онъ же выводилъ изъ сада Шубина. Впрочемъ, Полторацкій послѣ говорилъ, что, можетъ быть, и не выводилъ его, такъ какъ отъ испуга потерялъ совсѣмъ память. На основаніи показаній Казари-

нова и Дубовицкаго, слѣдствіемъ былъ выяснено, что Полторацкій по времени не могъ вывести Шубина изъ сада, и что Шубинъ самъ вышелъ оттуда. Это же подтверждало и показаніе кучера, ожидавшаго съ дрожками у калитки; онъ утверждалъ, что Шубинъ самъ вышелъ изъ сада, а что его «баринъ», поручикъ Полторацкій, метался лишь изъ стороны въ сторону и «вылъ». Полторацкій и самъ послѣ наивно говорилъ, что не сознавалъ, что видѣлъ и что дѣлалъ. Его руководитель Оленинъ былъ далеко, Энгель не пришелъ— и онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ. Шубинъ сдѣлалъ большую ошибку, выбравъ его себѣ въ помощь.

Между тѣмъ, не успѣвъ наряженный конвой выйти изъ воротъ караульнаго дома, какъ его остановилъ появившійся Шубинъ, говоря, что это онъ, «котораго застрѣлили», а тотъ, «который по немъ выстрѣлилъ, убѣжалъ въ его глазахъ». Шубинъ держалъ себя совершенно спокойно, не обнаруживая испуга. Посланный все-таки Дубовицкимъ конвой вскорѣ возвратился и доложилъ, что въ саду никого не нашелъ, а только видѣлъ на землѣ слѣдъ, гдѣ лежалъ Шубинъ, и гдѣ замѣтно было много крови. Мѣсто это находилось въ 25 саженьяхъ возлѣ балюстрады.

Дубовицкій привелъ въ караулку Шубина. Онъ былъ раненъ въ лѣвую руку, изъ которой продолжала литься кровь, онъ весь былъ перепачканъ ею и землею, мундиръ его былъ обожженъ на груди выстрѣломъ. Шубинъ объяснилъ офицерамъ, что раненъ былъ заговорщикомъ, покушавшимся на жизнь государя, въ то время, когда онъ, Шубинъ, хотѣлъ его схватить.

Вся эта исторія получила огласку. На другой день столица волновалась. Молва разнесла по городу слухъ о покушеніи на жизнь государя и, конечно, въ извращенномъ видѣ. Въ глазахъ всѣхъ Шубинъ являлся героемъ.

Для выясненія обстоятельствъ дѣла и для открытія заговора наряжена была комиссія. Она прежде всего принялась допрашивать Шубина и Полторацкаго. Чѣмъ болѣе комиссія старалась выяснить себѣ всѣ обстоятельства дѣла, тѣмъ болѣе оно казалось ей неопредѣленнымъ и запутаннымъ. Шубинъ давалъ самыя неточныя показанія и ничего не могъ сказать о тайственномъ Григоріи Ивановѣ и объ обстоятельствахъ, при коихъ произошло ихъ знакомство и сближеніе. А, между тѣмъ, для слѣдствія это имѣло существенное значеніе. Къ тому же показанія двухъ поручиковъ и немногихъ привлеченныхъ и причастныхъ къ дѣлу лицъ расходились между собою въ подробностяхъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ Шубинъ все болѣе и болѣе запутывался и, наконецъ, запутался окончательно.

Слѣдователи предполагали, что Шубинъ не хочетъ открыть сообщниковъ заговора по какимъ либо причинамъ, невыгоднымъ для него самого. Генераль-фельдмаршалъ Каменскій и тайный совѣтникъ, сенаторъ Макаровъ, принялись его убѣждать открыть имъ всѣ

обстоятельства дѣла и, наконецъ, довели его до сознанія. Слѣдователь, видѣвшихъ въ этомъ дѣлѣ все-таки серьезный заговоръ, сознаніе Шубина поразило и было для нихъ большою неожиданностью. Шубинъ чистосердечно признался, что самъ себѣ прострѣлилъ руку, что ни заговора, ни злоумышленниковъ — нѣтъ, что этотъ таинственный Григорій Ивановъ не болѣе, какъ плодъ его измышленія, что Полторацкому онъ все налгалъ и такъ долго его обманывалъ для приданія большаго вѣроятія всей этой выдуманной имъ исторіи.

Впрочемъ, и сама комиссія должна была прійти къ тому же заключенію, такъ какъ Шубинъ велъ всю эту игру далеко неискусно. Въ аллеѣ, въ саду, онъ имѣлъ неосторожность оставить пистолеть, а слѣдствіе обнаружило, что этотъ пистолеть былъ купленъ имъ же, Шубинымъ, въ лавкѣ подъ номеромъ 125, что и удостовѣрилъ ея хозяинъ. Порохъ, кремль и отвертку Шубинъ взялъ у унтеръ-офицера Степановскаго въ тотъ самый день, когда подстрѣлилъ себя. Рана въ лѣвую руку, обожженный на груди мундиръ и обманъ Шубина, что его будто бы во время поѣздки въ Петергофъ останавливалъ какой-то крестьянинъ, и другія неточности въ показаніяхъ обвиняемаго—все это въ концѣ должно было и безъ признанія Шубина привести комиссію къ тому же убѣжденію.

Шубинъ подалъ на высочайшее имя прошеніе (28-го августа), въ коемъ приносилъ полное и чистосердечное раскаяніе въ своемъ преступленіи, что, подъ видомъ ревностныхъ заслугъ, надѣлалъ столько безпокойствъ своею «невѣроятною исторіею», и просилъ помилованія. Свой поступокъ онъ объяснялъ такъ: быстрые успѣхи по службѣ его не удовлетворяли, чинъ поручика лейбъ-гвардіи, полученный имъ на 19-мъ году жизни, для него казался малъ. Жажда отличиться, выдѣлиться изъ среды своихъ товарищей не давала ему покоя. Не видя къ тому никакого средства, такъ какъ и войны ожидать было скоро нельзя, онъ и придумалъ весь этотъ заговоръ, этого Григорія Иванова, и все это «учинилъ», въ надеждѣ «заслужить милость его императорскаго величества». Слѣдствіе было закончено; Шубинъ изъ свидѣтеля обратился въ обвиняемаго въ тяжкомъ преступленіи.

Генераль-фельдмаршалъ графъ Каменскій въ отношеніи своемъ отъ 28-го августа писалъ: «лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Алексѣй Петровъ сынъ Шубинъ въ саду его императорскаго величества, что между Михайловскимъ дворцомъ и Невою, августа 13-го числа сего (1802) года прострѣлилъ самъ себѣ руку, затѣмъ увѣрялъ, что раненъ будто бы онъ былъ какимъ-то Григоріемъ Ивановымъ, покушавшимся на жизнь государя императора... какъ оный Шубинъ таковой умышленно сдѣланной себѣ раной нарушилъ спокойствіе резиденціи сдѣланнымъ выстрѣломъ почти въ ночное время, а что еще болѣе — нарушилъ спокойствіе всего государства, оклеветавъ народъ въ лицѣ выдуманнаго имъ Григорія Иванова»... «то потому

произвести надъ Шубинымъ въ его проступкахъ кригсрехтъ». И Шубинъ былъ арестованъ.

Кригсрехтъ этотъ происходилъ при петербургскомъ ордонанс-гаузѣ (комендантское управленіе). По этому дѣлу презусомъ засѣдалъ генераль отъ кавалеріи Михельсонъ.

Судъ призналъ поручика Полторацкаго неподлежащимъ отвѣтственности, хотя онъ своевременно и не сдѣлалъ доноса. По мнѣнію суда, его извиняло то обстоятельство, что обо всемъ имъ услышанномъ онъ сообщилъ такимъ почтеннымъ людямъ, какъ статскій совѣтникъ Оленинъ и статсъ-секретарь Энгель, единственно исходя изъ желанія сдѣлать, какъ можно лучше, такъ какъ все слышанное отъ Шубина онъ считалъ справедливымъ. Неточность сбывавшихъ слѣдователей показаній, какъ-то: что онъ будто видѣлъ въ саду какихъ-то людей, что слышалъ угрожающія слова, что вывелъ изъ сада Шубина, — судъ приписалъ страху, тѣмъ болѣе, что и самъ Полторацкій, при увѣщеваніи его священникомъ, тогда же чистосердечно говорилъ, что онъ легко могъ и напутать, что онъ опредѣленно и самъ себѣ не можетъ уяснить всѣхъ обстоятельствъ, случившихся въ Лѣтнемъ саду.

Подсудимаго же Шубина судъ призналъ виновнымъ въ томъ: что онъ выдумалъ исторію заговора на жизнь императора и тѣмъ, въ лицѣ несуществовавшаго Григорія Иванова, оклеветалъ весь русскій народъ; что нанесъ себѣ выстрѣломъ рану для приданія большаго вѣроятія «гнусной своей выдумкѣ»; что оскорбилъ величество оклеветаніемъ невинныхъ лицъ (Боура и др.) и, наконецъ, что нарушилъ ложною клеветою спокойствіе не только императора и резиденціи, но и вѣрноподданныхъ всего государства.

За означенныя преступныя дѣянія, по силѣ уложенія 2-й главы 17 пункта и на основаніи 19, 20 и 164-го воинскихъ артикуловъ и толкованій на нихъ, судъ постановилъ: подсудимаго «Шубина четвертовать и пожитки его забрать».

Постановленный приговоръ («сентенцію») въ окончательномъ его видѣ судная комиссія представила на разсмотрѣніе генераль-аудитора, князя Салогова.

Приговоръ этотъ по всѣмъ его пунктамъ генераль-аудиторъ призналъ правильнымъ, но исправилъ только ссылки на законы. По мнѣнію князя Салогова, Шубинъ особенно заслужилъ кару за «изысканія средства, чтобы оклеветать неповинный народъ и показать его своему государю до такой степени мерзкимъ, что онъ будто посягаетъ и на жизнь его. Тѣмъ самымъ, ежели бы удалось затѣянное имъ злоумышленіе сокрыть, какъ желалось ему, то изъ онаго совершенный вредъ могъ получить народъ оклеветанный, ибо, хотя на нѣкоторое время, долженъ былъ лишиться довѣрія государскаго— и все сіе чинилъ Шубинъ изъ единой воображаемой пользы, не внявъ отнюдь, что прямая служба со мнимой всегда различна».

Дальнѣйшее мнѣніе свое князь Салоговъ мотивировалъ такъ: за живые поступки, по силѣ жалованной дворянству грамоты, Шубинъ подвергъ себя къ лишенію дворянства; за оклеветаніе народа, по силѣ указа 1730 года,—смертной казни; а за «умышленіе какого злова противъ персоны его величества, по силѣ морскаго устава книги 5, главы 1, артикула 1—четвертовать и пожитки движимые и недвижимые забрать»; за прострѣленіе себѣ руки, по силѣ толкованія гл. 164 артикуль 1-го отдѣленія,—смертной казни. А такъ какъ въ жалованной дворянству грамотѣ въ 15-й статьѣ сказано— «тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго», то въ заключеніи своемъ генераль-аудиторъ, взявъ все это во вниманіе, полагалъ: лишить Шубина дворянства, исключить изъ воинскаго званія и сослать безъ срока на каторгу на работы.

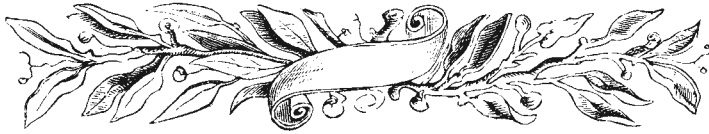
Далѣе генераль-аудиторъ, основываясь на пунктѣ 103, IX наказа, гласящемъ: «судья долженъ входить въ тонкости и подробности тѣмъ болѣе, чѣмъ большій у него хранится залогъ и чѣмъ важнѣе вещь, который онъ чинить рѣшеніе»,—считалъ оправданнаго по суду поручика Полторацкаго также виновнымъ въ томъ, что тотчасъ же не донесъ обо всемъ этомъ дѣлѣ властямъ и что не старательно слѣдилъ за Шубинымъ. Генераль-аудиторъ поставилъ Полторацкому въ вину и то, что онъ не разспросилъ по возвращеніи извозчика, котораго онъ нанималъ для Шубина, чтобы его слова сличить съ словами послѣдняго. Но, не опредѣляя наказанія Полторацкому, у коего, во всякомъ случаѣ, были смягчающія вину обстоятельства, онъ рѣшеніе участи виновныхъ «всеподданнѣйше передавалъ на всевысочайшее его императорскаго величества благоизволеніе».

Императоръ Александръ Павловичъ, рассмотрѣвъ дѣло, 28-го сентября положилъ такую конфирмацію: «вмѣсто работъ послать Шубина на поселеніе, въ прочемъ согласенъ съ мнѣніемъ генераль-аудитора». Полторацкій же былъ оправданъ.

Такимъ образомъ, Шубинъ, лишенный дворянства, воинскаго званія, оторванный отъ молодой жены, сосланъ былъ на всю жизнь свою, которая только что предъ нимъ открывалась, въ далекій Иркутскъ на поселеніе. Стремленіе выдѣлиться, отличиться погубило его!

Евгеній Альбовскій.

РУССКІЙ НАРОДЪ ВЪ СВОИХЪ ВОЗЗРѢНІЯХЪ НА СЕБЯ И НА СВОЕ ПРОШЛОЕ ¹⁾.

«Истинный предметъ исторіи—не біографіи «вождей», хотя бы извѣстныя въ малѣйшихъ подробностяхъ, а именно жизнь народной массы, повидимому, вовсе намъ неизвѣстна».

П. Миллюковъ («Очерки изъ исторіи русской культуры»).

ВЯТАЯ РУСЬ въ народномъ представленіи—«вся подь Богомъ», и не только держится «русскимъ Богомъ», но неразрывно съ этимъ и «русскимъ паремъ стоитъ». «Богъ на небѣ, царь на землѣ»; «Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ царя земля не правится»; «Никто, какъ Богъ, да государь»; «Безъ царя земля—вдова»; «Народъ—тѣло, царь—голова»; «Государь—батька, земля—матка» или «Богъ—батька, царь—дядька» и т. д.

Титуль «царь», какъ извѣстно, заимствованъ и произведенъ, повидимому, отъ латинскаго—Caesar. Царями начали официально титуловаться московскіе государи съ Іоанна III, отождествивъ въ этомъ титулѣ власть византійскаго цезаря, какъ

¹⁾ Предлагаемый здѣсь этюдъ служить необходимымъ, естественнымъ и логическимъ дополненіемъ нашей статьи: «Кто и когда выдумалъ Россію?» («Историческій Вѣстникъ», февраль 1899 г.), съ чѣмъ легко согласится читатель, удостоившій послѣднюю своимъ вниманіемъ и интересующійся затронутымъ въ ней сюжетомъ. Обѣ статьи эти не случайны. Въ сущности, онѣ извлечены изъ большого, неконченнаго, много лѣтъ уже занимающаго автора, труда по изученію народныхъ сказаній, какъ матеріала и первоисточника для начертанія русской народной исторіи, которая у насъ до сихъ поръ не написана. Дать полный, всесторонне обработанный и систематизированный сводъ воззрѣній и представленій русскаго

бы перешедшаго къ нимъ съ паденіемъ православной Греческой имперіи. Во время татарскаго ига царемъ назывался на Руси ханъ Золотой орды; но, какъ бы тамъ ни было, самое понятіе о государѣ, какъ о верховномъ главѣ надъ «землей», безъ котораго она «стоять» не можетъ, какъ о необходимомъ для уряда представителѣ правящей власти,—поятіе вполне народное и очень древнее, сложившееся задолго до утвержденія самодержавія въ Москвѣ. Самодержавіе потому именно и образовалось и развилось въ такой абсолютной формѣ, что оно отвѣчало народнымъ возрѣніемъ на роль государя и согласовалось съ созидательными, государственно-хозяйственными стремленіями русскаго народа.

«Зло ти, тѣлу, кромѣ головы—Русской землѣ безъ Игоря» (т. е., безъ государя вообще), — заключаетъ пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ», выражая въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, общенародное возрѣніе. Подобный же афоризмъ, съ подобнымъ же складомъ народной пословицы, находимъ въ лѣтописи Нестора. «Ютѣ бо граду тому,—говоритъ лѣтописецъ, разумѣя княженіе Святополка «окаяннаго»,—въ немъ же князь унѣ (юнѣ), любий вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтниками». Но при этомъ самую власть государеву лѣтописецъ считаетъ непререкаемой, идущей отъ Бога: «поставляетъ бо царя и князя Вышній». Разница только въ томъ,—замѣчаетъ онъ далѣе:— «аще бо князи правдиви бывають въ земли, то многа отдаются согрѣшенья; аще ли зли и лукави бывають, то больше зло наводитъ Богъ на землю, понеже то глава есть земли»¹⁾. Мысль эта находитъ полный себѣ отголосокъ въ слѣдующихъ, понынѣ обращающихся, народныхъ пословицахъ: «Народъ согрѣшитъ—царь умолитъ, царь согрѣшитъ—народъ не умолитъ»; «Коли царь Бога знаетъ, Богъ и царя и народъ знаетъ»; «За царское согрѣшеніе Богъ всю землю казнить, за угодность—милуетъ» и т. д.

Но если авторитетъ царя и царской власти внѣ всякаго сомнѣнія, спора и суда («Не судима воля царская», «Одному Богу государь отвѣтъ держитъ» и т. д.), если въ самыхъ погрѣшностяхъ этой власти народъ видитъ Божье попущеніе, Божью кару, то къ злоупотребленіямъ исполнителей и органовъ правительственной власти вообще онъ относится уже критически и нерѣдко съ ѣдкимъ скептицизмомъ.

«Гдѣ царь—тутъ и правда», «Богатъ Богъ милостію, а царь жа-

народа о томъ—какъ, за кого онъ самъ себя и свое историческое прошлое разумѣетъ,—задача оказалась слишкомъ большой, слишкомъ сложной и отвѣтственной, чтобы авторъ отважился самонадѣянно взять ее на себя. Оставалось ограничиться частными, бѣглыми развѣдками въ широкую, какъ темный боръ, необозримую и такъ еще мало изслѣдованную область русскаго народнаго самосознанія и самоопредѣленія. Одну изъ такихъ развѣдокъ и представляетъ настоящій этюдъ.

Авторъ.

¹⁾ «Собраніе русскихъ лѣтописей», т. I, стр. 138

лостью», но «до Бога высоко, а до царя далеко», отсюда—«не вѣдаетъ царь, что дѣлаеть псарь», и бываетъ такъ, что «жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь», что царскіе «законы святы, да судьи лихіе супостаты», что «царскія милости сквозь боярское сито сѣются», и «не отъ царей угнетеніе, а отъ любимцевъ царскихъ»...

Вполнѣ опредѣленно и положительно выразились въ народномъ сознаніи обязанности къ государству, къ казенному интересу — необходимость служить имъ, приносить для нихъ жертвы. «Царю люди нужны», т. е., слуги, потому что «царь города бережетъ: царь отъ Бога приставъ», вслѣдствіе этого—«гдѣ ни жить, не миновать служить» и, вообще, лучше всего держаться мудраго правила: «на службу не набивайся, а отъ службы не отрекайся». Хотя кто «служить, тотъ и тужить», и «прослужи сто лѣтъ, а не выслужишь старѣпъ», но отрадой должно служить сознаніе: «которая служба нужнѣе, та и честнѣе».

Съ понятіемъ о службѣ объ руку идетъ представленіе о подчиненіи, для уклада и порядка. «Ты сударь и я сударь, а кто же присударивать станеть?»—иронически спрашиваетъ народная мудрость сторонниковъ безначалія — «безъ запѣвалы и пѣсня не поется»: «наказомъ воевода крѣпокъ»; «ряда городъ держитъ; рядою городъ стоитъ».

Объ отношеніи къ казнѣ сложились, рядомъ съ положительными цивическими воззрѣніями, крайне отрицательныя и безнравственныя. «Крѣпко царство казною»; «казенное добро страхомъ огорожено», поэтому оно «на водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ»: «казеннаго не тронь! казеннаго бойся!» но въ то же время «казенное на грѣхъ наводитъ». Страшно-то оно «страшно: подержаль, да и за пазуху», а нѣсколько поразвязался—«тащи съ казны, что съ пожару», съ каждой хваткой все наглѣе и отъявленнѣе: «дай на прокормъ казенную корову,—похваляется казнокрадъ,—прокормлю и свое стадо»; «дай прокормить казеннаго воробья—безъ своего гуся и за столъ не сядемъ!» Въ оправданіе приводится рядъ такихъ же цивическихъ софизмовъ: «казна, молъ, не убогая вдова—ее не оберешь»; «казна шатущая корова: не лойтъ ее лѣнивый»; «казна на поживу дана», потому, молъ, что она «міромъ кормится, а міръ казною», и т. д.

Впрочемъ, собственно этическая философія народнаго міровоззрѣнія въ нашу задачу не входитъ. Возвращаемся, поэтому, къ вопросу: какъ народъ разумѣетъ о себѣ исключительно на почвѣ культурно - этнографическаго и національно - политическаго самознанія?

Кромѣ извѣстныхъ уже намъ народныхъ опредѣленій Руси, она представляется еще народному уму «великой», но не въ смыслѣ этнографическаго выдѣленія великорусскаго племени изъ славяно-русской семьи. Великость эта качественная. «Велика земля Русская», «Велика Святорусская земля, а вездѣ солнышко» или, по другому

ироническому варианту, — «Велика Святорусская земля, а правдѣ нигдѣ нѣтъ мѣста». Послѣдній афоризмъ можетъ назваться традиціоннымъ и историческимъ. Онъ совершенно совпадаетъ съ лѣтописнымъ заявленіемъ пословъ Гостомысла къ варяжскимъ князьямъ: «Вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ». Про обиліе и понынѣ ходитъ въ народѣ пословица, не весьма, впрочемъ, согласная съ исторической дѣйствительностью, будто «на Руси никто съ голоду не умиривалъ».

Съ «великостью» соединено понятіе о непобѣдимости Руси, о незавоевываемости ея огромной территоріи и о гибельности самого покушенія на это для завоевателей, кто бы они ни были.

«А и сколько на святую Русь какъ ни ѣзжivano,
А ѣ какъ на святую Русь силы ни важивано,
А ѣ со святой Русей силы взадѣ не вываживали»,—

поется въ старой былинѣ про «Наѣздъ литовцевъ»¹⁾, кончившихъ тѣмъ, что «съ Руси головушекъ» они «не вынесли», а кто и воротился—такъ «безногой на безглазоѣмъ».

Въ былинѣ о Калинѣ-царѣ разсказывается про осаду Кіева татарами.

«Становидся Калинъ у быстра Длѣбра,
Сбиралося съ нимъ силы на сто вереть»,—

то-есть, столько, что отъ одного «пару конинаго» «и мѣсяцъ и солнце померкнуло», а «отъ духу татарскаго не можно крещенымъ живымъ быть». Калинѣ-царь, полагаясь на свою безсчетную силу, посылаетъ «ласкову» князю Владиміру «ярлыки скорописчаты», въ которыхъ требуетъ сдать Кіевъ безъ боя, «безъ кроволитія напраснаго». Владиміръ-князь «запечалился» и сталъ «думать думушку»—ужь не сдать ли лучше на милость Калину-царю? Какъ всегда въ былинѣ, ободряетъ и выручаетъ сробѣвшаго «ласкова» князя богатырь, на этотъ разъ славный Илья Муромецъ.

Покориться врагу, тѣмъ паче «безъ драки великія» — русскому богатырю и на мысль не всходитъ уже въ силу крѣпкой вѣры въ русскаго Бога.

«Ии о чемъ ты, осударь, не печалуйся:—
Боже—Спасъ оборонитъ насъ,
А не что, Пречистой и всѣхъ сохранить»,—

успокаиваетъ князя Илья и вмѣстѣ съ нимъ инкогнито отправляется въ посольство къ Калину-царю въ лагерь.

«Собака, проклятой ты, Калинѣ-царь!
Отойди съ татарами отъ Кіева;
Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?»—

¹⁾ «Онежскія былины», Гильфердинга, стр. 409.

вразумляетъ Илья вражьяго царя, но Калину «за обиду стали» эти вразумленія и эти угрозы. Велѣлъ онъ связать Илью «во крѣпки чембуры шелковые», но, когда и послѣ этого Илья повторилъ свой посольскій ультиматумъ, Калининъ вышелъ изъ себя, плюнулъ Ильѣ «въ ясны очи» и возговорилъ:

«А русской людъ всегда хвастливъ;
Опутанъ весь, будто лысый бѣсъ,
Еще ли стоять передо мной—самъ хвастаетъ».

Но Илья хвасталъ ненарасно и, когда, схвативъ одного долговязога татарина за ноги, разметалъ имъ и перебилъ, словно оголоблей, вражью силу не смѣтную, «достальные татары», разбѣжавшись, стали «заклинаться»:

«Не дай Богъ намъ бывать ко Киеву,
Не дай Богъ намъ видать русскихъ людей!» ¹⁾.

Преувеличеніе побѣдъ и подвиговъ, похвальба воинской доблестью и превосходствомъ въ силѣ свойственны всякой народной героической рапсодіи, но русское эпическое представленіе о непобѣдимости русскихъ богатырей и о незавоеываемости Святорусской земли могло находить себѣ несомнѣнное историческое подтвержденіе. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, сколько и какихъ только вражьихъ силъ на Русь не было «важивано» съ завоевательной цѣлью — въ конечномъ результатѣ всегда завоеватели либо костью ложились, либо—рано или поздно — возвращались восвояси, посрамленные и въ томъ числѣ, конечно, «безногіе на безглазѣмъ». Такъ кончались всѣ нашествія на Русь. Это испытали поочередно татары, литва, шведы, въ 12-мъ году французы, когда Наполеонъ, въ народномъ каламбурѣ, «пришелъ не опаленъ, а изъ Москвы вышелъ опаленъ».

Не въ одномъ пѣсенномъ вымыслѣ, но и въ дѣйствительности обезкураженные супостаты могли, послѣ неудачнаго нашествія, подобно татарамъ Калина-царя, вполне искренно «заклинаться», чтобы впередъ не далъ бы имъ Богъ бывать на Руси и мѣряться силою съ русскими людьми.

Отсюда не менѣе искренно и безъ всякихъ потугъ фантазіи къ самовосхваленію могла сложиться въ русскомъ народѣ спокойная увѣренность, что нѣтъ на свѣтѣ такой силы, которая была бы въ состояніи сломать Русь, завоевать ее и покорить.

Замѣчательно, однако, что, если не считать древнихъ, частью заимствованныхъ изчужа, поэмъ, да новѣйшихъ искусственнаго склада солдатскихъ пѣсенъ, гдѣ сила, храбрость и побѣдоносность русскихъ богатырей и русскихъ воиновъ изображаются нерѣдко въ фантастически преувеличенныхъ размѣрахъ, кичливо и хвастливо,—

¹⁾ «Древн. Росс. стихотворенія», Кириши Данилова.

въ истинно-народныхъ сказаніяхъ ничего подобнаго почти вовсе не встрѣчается, и самый мотивъ этотъ звучитъ слабѣе всѣхъ остальныхъ, нерѣдко, къ тому жъ, отдавая ироническими нотками.

Напримѣръ, въ пословицѣ: «Русскій молодець — стѣ бусурманамъ конецъ»,—кажется, единственной въ этомъ родѣ у Даля,—и складъ и тонъ скорѣе юмористическіе, чѣмъ положительные. Ёще явственнѣе проскальзываетъ этотъ ироническій смѣшокъ въ одномъ вариантѣ весьма распространенной пословицы про турокъ, побиваемыхъ русскимъ воинствомъ въ несчетномъ количествѣ. «Турки валяются, какъ чурки, а наши,—добавляетъ народный сарказмъ,—слава Богу, стоятъ безголовы». Вообще, относительно хвастливыхъ розсказней и завѣдомо искаженныхъ реляцій про войну народный скептицизмъ того мнѣнія, что «въ моръ намрутся, а въ войну налгутся».

На войну народъ смотритъ серьезно, безъ кичливой похвалы и безъ риторическаго шовинизма. «Русскій ни съ мечомъ, ни съ калачемъ не шутитъ». «На пардонъ, на аманъ у русскаго и слова нѣтъ», коль скоро дѣло дошло до войны, но война, сама по себѣ,—не забава, а лишеніе и бѣдствіе. «Войну хорошо слышать, да тяжело видѣть»; «воинъ воюетъ, а ино горюетъ»; «воинъ воюетъ, а дѣтки горюютъ», и въ то время, какъ «ратъ кормится—миръ гинетъ», потому что «плугъ кормитъ, а лукъ (оружіе) портитъ», потому что «война деньгами питается, а кровью увеселяется».

По характеру, по всему душевному складу и по жизненнымъ условіямъ преимущественно земледѣльческаго быта, «русскій чело-вѣкъ—добрый чело-вѣкъ», по чувашскому привѣту; «русскій чело-вѣкъ терпѣливъ», впрочемъ—«до зачина», пока его не выведутъ изъ терпѣнія: «русскій задора ждетъ», но вообще предпочитаетъ «худой миръ доброй ссорѣ».

Не похваляется онъ и той макиавелистической хитростью, тѣмъ политическимъ себѣ на умѣ, въ какихъ упрекали московскую дипломатію всѣ, имѣвшіе съ нею дѣло, иноземцы. Напротивъ, по народному возрѣнію, «русскій народъ — глуный народъ», т. е., простодушный, въ чемъ и имѣлъ много случаевъ раскaiваться, придя къ заключенію, что «простота — хуже воровства». И хотя по другой пословицѣ, «русскій — догадливъ» (т. е., смѣтливъ, уменъ), но «уменъ-то онъ заднимъ умомъ», да вдобавокъ «авось любить»: «русскій крѣпокъ на трехъ сваяхъ: авось, небось да какъ нибудь»; «русскій на авось и взросъ». Кромѣ этого отрицательнаго качества и отчасти вслѣдствіе его, русскій умъ, при всей своей талантливости, нуждается въ понуканіи, въ пришиориваніи извнѣ. «Русакъ не дуракъ: ѣсть захочетъ—скажетъ, сѣсть захочетъ — сядетъ»,—съ несравненнымъ комизмомъ язвитъ наслѣдственную русскую лѣнь народный юморъ. Что же касается дѣловитости, труда и творчества, то, хотя, точно, «русскій чтò увидитъ — то и сдѣлаетъ», но для

этого нужно уже энергическое внушеніе. «Бей русскаго—часы сдѣлаеть», такъ какъ и, вообще, «русскій народъ не боится креста, а боится песта», по жестокому сарказму одной старинной пословицы, сложенной, быть можетъ, скорѣе въ оправданіе историческаго «песта» и тѣхъ, кто имъ чрезмѣрно злоупотреблялъ, видя въ немъ чуть не единственное воспитательное орудіе, нежели во свидѣтельство дѣйствительной черты народныхъ нравовъ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ характеристикѣ себя и въ разумѣніи о себѣ народа проходятъ рѣзкой красной чертой тотъ же безпощадный скептицизмъ, та же повадка къ самообличенію и тотъ же здоровый «смѣхъ надъ собой» («нѣтъ краше смѣха, какъ надъ самимъ собою», гласитъ народная мудрость), которыми отличается, какъ извѣстно, и наша письменная, главнымъ образомъ—нравоописательная литература.

Этотъ смѣхъ—горькій большею частью, это ѣдкое сомнѣніе не только, однако, не исключаютъ глубокой любви къ родинѣ, а—напротивъ—ею именно и диктуются. Какъ ни плоха родина, но милѣе ея ничего на свѣтѣ нѣтъ въ глазахъ русскаго человѣка. «Родимая сторона—мать, чужая—мачиха»; «по родимой сторонѣ не только сердце, но и кости ноютъ»; и хотя «за моремъ веселье, да чужое, а у насъ и горе—да свое», «своя же печаль чужой радости дороже». «Своя земля и въ горсти мила»; «со своей сторонки и ворона мила». «Дома все споро» и «хоть неуѣдно, такъ улежно».

Чѣмъ же такъ плѣняетъ родина и сердце и воображеніе русскаго человѣка?—Да хотя бы уже тѣмъ прежде всего, что въ ней «русскій духъ», что въ ней «Русью пахнетъ». Тайна тутъ не въ одномъ отличительномъ вещественномъ запахѣ, которымъ, дѣйствительно, характеризуется въ извѣстной степени каждая раса, каждое племя, сообразно своимъ фізіологическимъ особенностямъ, образу жизни и бытовой обстановкѣ, но и въ той, трудно опредѣляемой, постигаемой лишь внутреннимъ чутьемъ духовной и моральной атмосферѣ, которая представляетъ собой едва ли не самую дорогую и не самую существенную для насъ прелесть въ чувствѣ родины.

Такъ-то, вообще, на точный расцѣпочный масштабъ, Русь никакихъ особенныхъ, казалось бы, благъ и прелестей не представляетъ. Правда, Русь, напримѣръ, хлѣбосольна и русскій человѣкъ любитъ «хлѣбъ-соль водить», но «русскій гостинецъ—кулага съ саламатой», только и всего,—такія немудрящія, грубыя блюда, что одному русскому отъ нихъ «здорово», а «нѣмцу бы смерть». Скудность и суровость продуктовъ сѣверной природы и некультурность самаго ихъ приготовленія сдѣлали русскаго человѣка неприхотливымъ на ѣду. «Русскому аппетиту ничего не претитъ», «русское (крестьянское) горло—суконное бердо: все мнетъ», «въ русскомъ брюхѣ и долото сгнѣтъ» — не столько въ похвальбу, сколько про-нически толкуеть на этотъ счетъ народная наблюдательность.

Если ужъ есть чѣмъ хвалиться, такъ развѣ вотъ питьемъ. «Руси веселіе есть пити — не можемъ безъ него быти». Это классическое изреченіе, вложенное лѣтописцемъ въ уста князя Владиміра—Красна Солнышка, безъ сомнѣнія, было не продуктомъ внезапнаго субъективнаго вдохновенія, а ходячей народной пословицей. Всѣ герои народнаго эпоса, «старшіе» и «младшіе» богатыри, въ числѣ другихъ доблестныхъ качествъ, отличаются также наклоностью къ хмельнымъ напиткамъ и способностью поглощать ихъ въ сверхъестественныхъ размѣрахъ. Они, какъ ни въ чемъ не бывало, «охлестываютъ за единымъ духомъ» чудовищныя «чары зелена вина въ полтретья ведра», запиваютъ медомъ и пивомъ изъ турья рога, сидятъ подолгу на пиру за «почетнымъ столомъ» и напиваются допьяна, не только не видя въ этомъ ничего зазорнаго и душевреднаго, но, очевидно, кичась емкостью своихъ утробъ, крѣпостью головъ и самимъ хмельнымъ состояніемъ.

Вотъ, напримѣръ, какъ пьетъ и какіе подвиги во хмелю совершаетъ любимѣйшій изъ богатырей «Илья славный Муромецъ», по тексту одной изъ онежскихъ былинъ ¹⁾:

Приходитъ онъ, въ видѣ «калики переходной», изъ Царяграда въ Кіевъ и прямо направляется «во царевъ кабакъ»; пришелъ, поздоровался съ «голями кабацкими», да и говоритъ таково слово:

«Да и ой же вы, чумаки-цѣловальники!
Да повѣрите вы мнѣ вина пятьсотъ рублей,
Буде мало, разошьюсь—дакъ на тысячу!»

Чумаки-цѣловальники возражаютъ, что «не во что тебѣ, каликѣ, вѣрити». Тогда Илья отдаетъ имъ въ залогъ «чуденъ крестъ» съ собственной груди; цѣловальники «догадались» и поднесли старику чару въ полтора ведра, но этого ему мало!

«Да и ой же вы, голи кабацкіе!
Не напоили старика—лишь раззадорили!»—

говоритъ онъ и зоветъ ихъ съ собой «на площадку торговую», приходитъ «ко погребу княженецкому», разбиваетъ въ немъ крѣпкія двери,

«Да онъ бочку беретъ вина подъ назуху,
Да другую сороковку подъ другую,
Да и третью-то бочку да ногой катить».

Началось питье богатырское. Тутъ вся голь кабацкая упивалася, «да и эта же калика упивалася», а напившись пошла спать на печку кабацкую. Чумаки-цѣловальники растровожились, побѣжали къ князю Владиміру и передъ нимъ «поразжилились, порасплакались» на произведенный погромъ. Князь, впрочемъ, не принялъ къ сердцу ихъ горючихъ слезъ, а узнавъ въ буйномъ каликѣ-пьяницѣ

¹⁾ «Онежскія былинны» Гильфердинга, № 233.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1899 г., т. LXXV.

Илью Муромца, повелъ его въ палату-бѣлокаменну и «напоилъ и накормилъ хлѣбомъ-солюю».

Сознавая племенное, религиозное и государственное единство всей православной Руси и неразрывную крѣпость этого единства, народъ, тѣмъ не менѣе, отчетливо и рѣзко, большей частью съ ироніей, всегда мѣткой, а иной разъ и беспощадно язвительной, различаетъ областныя составныя части и группы Руси, въ ихъ характеристическихъ бытовыхъ, этнографическихъ и историческихъ особенностяхъ и оттѣнкахъ.

Начало такого различія лежитъ въ сознаниіи естественнаго и вполне законнаго реального явленія, разсудительно обозначеннаго въ пословицѣ: «что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай»; но почему же народная наблюдательность надъ этимъ явленіемъ выразилась въ такой, большей частью, недоброжелательной, презрительной и насмѣшливой формѣ?

Причинъ на это можно признать три.

Первая—историческая, удовлетворительно разъясненная, между прочими, Сахаровымъ.

«Исторія нашей родины указываетъ намъ,—сказалъ онъ,—что междоусобныя войны удѣльныхъ князей доводили города до непримиримой вражды: ожесточеніе и ненависть превосходили тогда всякое вѣроятіе. Обратите вниманіе на войны москвичей съ новгородцами, рязанцами и тверитянами, когда народная ненависть управляла духомъ войны (?), и вы найдете источники народныхъ присловій¹⁾», относительно дурныхъ и смѣшныхъ сторонъ разныхъ городовъ и областей.

Вторая причина лежитъ въ томъ особомъ провинціальномъ патриотизмѣ, который вытекаетъ изъ чувства землячества и которому не чужды, по народной пословицѣ, даже куликъ, когда «свое болото хвалить» и порицаетъ всякое стороннее, хотя бы ближайшее, однородное и населенное такими же куликами. Землячество, въ тѣсной чертѣ города, области, должно было чувствоваться тѣмъ сильнѣе и выражаться тѣмъ рѣзче и эгоистичнѣе въ различіи своего отъ чужаго (иногороднаго, инообластнаго), чѣмъ обособленнѣе и захолустнѣе жили города, чѣмъ рѣже и затруднительнѣе были всякаго рода междуобластныя сношенія, какъ это и водилось на Руси въ старину, не весьма даже далекую.

Третья причина—въ склонности русскаго ума къ юмору и насмѣшкѣ и къ образному, сильному ихъ выраженію въ лаконическомъ остромъ, «красномъ словцѣ», въ кличкѣ и прозвищѣ. Если, по пословицѣ, русскій человѣкъ «ради краснаго словца не жалѣетъ и родимаго отца», если онъ беспощадно осмѣиваетъ самого себя и все свое, то что говорить уже о не своемъ и чужомъ? Русскій

¹⁾ «Сказанія русск. народа», т. I, книга 2-я, стр. 106.

умъ такъ ужъ устроенъ, что онъ ко всякому явленію и факту относится прежде всего съ сомнѣніемъ и быстро схватываетъ прежде всего отрицательныя стороны, комическія и смѣшныя черты. И проницательность его въ этомъ отношеніи и мѣткость выраженія, въ какомъ выливается сверкающее ироніей наблюденіе, такъ, въ большинствѣ случаевъ, сильны, образны и характеристичны, что удачно сложенное «присловіе» или прозвище дѣлается общимъ достояніемъ и переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Это подмѣтилъ и прекрасно опредѣлилъ Гоголь относительно личныхъ прозвищъ, сказавъ, что, если кого «наградить» народъ такимъ «острымъ словомъ», то «пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ онъ его съ собой... на край свѣта: и какъ ужъ потомъ ни хитри, ни облагораживай свое прозвище—ничто не поможетъ—каркнетъ оно само за себя во все свое воронье горло и скажетъ ясно, откуда вылетѣла птица».

Безъ сомнѣнія, таково въ значительной части происхожденіе и тѣхъ коллективныхъ насмѣшливыхъ прозвищъ и «присловіи», какими взаимно «дразнятъ» другъ друга представители разныхъ русскихъ областей и городовъ. И напрасно, наивный въ своемъ пламенномъ патріотизмѣ, Сахаровъ, огорчаясь рѣзкостью и безпощадностью нѣкоторыхъ изъ этихъ прозвищъ, весьма невыгодно аттестующихъ уроженцевъ той или другой русской области, усиливался доказывать, будто «въ наше время они принадлежать уже исторіи», и что «нельзя уже вѣрить, чтобы ослѣпленное самолюбіе могло еще дорожить ими и усваивать ихъ: для нихъ время прошло». Прошло, быть можетъ, для нѣкоторыхъ, устарѣвшихъ и забытыхъ, но, говоря вообще, изобрѣтательность народнаго юмора на этотъ счетъ нисколько не изсякла, и обмѣнъ насмѣшливыми кличками и «присловіями», старыми и новыми, между разными городами и областями продолжается до сихъ поръ, да иначе это не могло бы и быть.

Въ равной степени неосновательно мнѣніе Сахарова, что историческое образованіе этого рода нелестныхъ «присловіи» относится лишь ко временамъ удѣльныхъ междоусобицъ и на нихъ заканчивается. На самомъ дѣлѣ очень многое въ этомъ родѣ сложилось и сказалось народомъ гораздо позднѣе—въ періоды московскій и петербургскій. Имѣется обширный циклъ сказаній, пѣсень, пословицъ, прозвищъ и т. д., выражающихъ взгляды народа,—большею частью, далеко не лестные и не восторженные,—на Москву и Петербургъ, напримѣръ, какъ на столицы, какъ на государственныя и административныя центры.

Прежде чѣмъ стяжать себѣ симпатичныя и хвалебныя наименованія «сердца Россіи», «матушки», «матери городовъ русскихъ», «бѣлокаменной, златоглавой, богомольной, благочестивой, хлѣбосольной» и т. д., Москва запечатлѣлась въ памяти народной чертами отрицательными, жесткими и мрачными, какими и въ дѣйствитель-

ности характеризуются многія страницы исторіи ея «собирательной» политики, ея властнаго, крутого, часто макиавелистическаго отношенія къ другимъ городамъ и областямъ.

«Правда московская» стала въ устахъ народа горькой ироніей—саркастическимъ иносказаніемъ московской кривды. Другая старинная поговорка выражается категоричнѣе: «московскіе люди съютъ землю рожью, а живутъ ложью», ихъ не проведешь и не перехитришь: «хотѣлъ мужикъ съ Москвы сапоги снести, а радъ съ Москвы голову снести» («Архивъ» Н. Калачова, кн. II). Цѣлымъ рядомъ не менѣе выразительныхъ афоризмовъ отмѣтила народная наблюдательность и московскую жадность и мздоимное сребролюбіе московскихъ приказныхъ властей: «Москва деньги любитъ», «Москва любитъ запасецъ», «въ Москву брестъ — послѣднюю копейку несть», а если «въ Москвѣ деньгу беречь — значитъ — себя не стеречь», потому что вообще «въ Москву идти — голову нести», и одно спасеніе — откупиться. Правдой, просьбой, мольбой и слезами ничего не добьешься. «Москву не расквелишь» (не разжалобишь), «Москва слезамъ не вѣрять», «Москва по нашимъ бѣдамъ не плачетъ», говорили представители другихъ городовъ и областей. Неудивительно, послѣ этого, что не особенно весело чувствовали они себя въ Москвѣ, когда наѣзжали туда за неволю, со своими бѣдами и нуждишками. «Живучи въ Москвѣ — пожить и въ тоскѣ». Неисходную тоску наводила уже одна московская приказная «волокига», которой обязаны своимъ происхожденіемъ остроты надъ московскимъ времяисчисленіемъ: «московскій часъ — съ днемъ тридцать», «московскій часъ — подожди», и пр. Все это приводило къ такому общему какъ бы заключенію: «не хвались въ Москву, а хвались изъ Москвы», т. е., хвались не тѣмъ, что ѣдешь въ бѣлокаменную, а тѣмъ, что благополучно изъ нея возвращаешься.

Непріязненное отношеніе къ Москвѣ, страхъ передъ ея притязательной, тяжелой властью и нерасположеніе къ ея административнымъ порядкамъ ярко выразились въ казачьемъ, точно бы, сторожевомъ окликѣ: «живи, живи, ребята, пока Москва не провѣдала!»; но всего сильнѣе, образнѣе и траги-комичнѣе сказались они въ устахъ малороссовъ, очевидно, въ медовые дни воссоединенія Украины съ Московскимъ государствомъ: «Съ москалемъ дружись, а за саблю держись»; «Отъ москаля, хоть полы обрѣжь, да бѣги!»; «Мамо, чортъ лѣзетъ въ хату! — Дарма, дочко, абы не москаль!», потому что такъ-сякъ «отъ чорта открестись, а отъ москаля и дубиной не отобьешься», потому что «москаль — ворона, а привязчивѣе чорта», который какъ-то «варилъ съ москалемъ пиво, да и отъ солоду отказался». Москаль хитеръ, пройдошливъ и въ такой же мѣрѣ лживъ и скрытенъ — себѣ на умѣ: «Коли москаль каже: «сухо», то поднимайся по самое ухо» (бо винъ бреше); «Москаль (дорогу) зна, та ще нита» (т. е. спрашиваетъ). Однимъ словомъ, казалось бы, «москаль не великъ

человѣкъ, та ба!»), а что касается его алчности и корыстолюбія, то, гдѣ онъ похозяйничалъ посвойски, — чисто: «Москали, соколики, поѣли наши волики, а якъ вернетесь здорови, то поѣсте и коровы»¹⁾).

Слѣдуетъ замѣтить, что въ приведенныхъ здѣсь пословицахъ, какъ и вообще въ устахъ и представленіи малороссовъ, подъ «москалемъ» разумѣется не москвичъ только, а — русскій, т. е., великороссъ. Позднѣе, впрочемъ, въ Малороссіи «москалями» стали звать исключительно солдатъ; бородатый же и не мундирный великороссъ получилъ насмѣшливое прозвище «кацапа» (цапъ — козель помалорусски), а одна малорусская загадка опредѣляетъ великоросса, со стороны гардероба, какъ «лапотника», такимъ характеристическимъ образомъ: «лыкомъ вязане, у лыкахъ ходыть, пидъ лыкомъ спыть».

Всѣ вышеприведенныя пословицы — несомнѣнно историческія, относящіяся къ далекому прошлому Москвы и имѣющія болѣе или менѣе политическій оттѣнокъ. Есть, затѣмъ, немало ходячихъ и понынѣ «крылатыхъ словъ» и реченій, характеризующихъ Москву съ бытовой стороны, съ топографической и этнографической, съ художественной и общественной, какъ столицу, какъ большой, богатый и красивый центральный русскій городъ.

«Москва — горбатая старушка» (расположена на холмахъ), «Москва стоитъ на болотѣ, ржи въ ней не молотятъ, а больше деревенскаго ѣдятъ», «Москва людна и хлѣбна»; «славна Москва калачами и колоколами», «хлѣба-соли покушать, краснаго звону послушать» — такъ надо ѣхать въ Москву, но, по другому, нѣсколько скептическому мнѣнію, правда, «въ Москвѣ толсто звонятъ, да тонко ѣдятъ», и то сказать еще — «не только звону, что въ Москвѣ». «Въ Москвѣ каждый день праздникъ», а что касается ея внѣшней нарядности, то «кто въ Москвѣ не бывалъ — красоты не видалъ»: вся она «бѣлокаменная», «златоглавая», и такъ красна, такъ чиста, что даже «московская грязь не марается», и такъ богата, что въ ней «все найдешь, кромѣ птичьяго молока», а, по другому сатирическому варианту, — «кромѣ родного отца да матери»...

Въ одной пѣснѣ добры молодцы, московскіе ребята, «разхорошіе, бѣлы, кудреваты, съ роду не женаты», сманиваютъ проѣздомъ дѣвушекъ, деревенскихъ красавицъ, и сманиваютъ именно роскошью, нарядностью и привольемъ Москвы:

«Какъ у насъ въ Москвѣ житье привольно,
Золотой казны довольно,

¹⁾ Нѣкоторые изъ приведенныхъ здѣсь малорусскихъ пословицъ не вошли въ сборникъ Дали и взяты нами изъ книги Н. Загребскаго: «Старосѣвѣтскій Бандуристъ» (Москва, 1860 г.). Относительно послѣдней Загребскій замѣтилъ, что она «произошла при Минихѣ, угнѣснявшемъ съ 1736 по 1740 г. Малороссію зимними постоями во время войны съ Турціей».

Туть текутъ рѣки медовыя,
Круты горы золотыя,
Въ горахъ камни дорогіе», и т. д.

Отсюда и происхождение известной поговорки, примѣняемой ко многимъ городамъ для обозначенія ихъ людности, красоты, богатства и оживленности: такой-то, имярекъ, «городокъ — Москвы уголокъ». Это превосходная степень сравненія въ указанныхъ отношеніяхъ.

Отмѣтила, наконецъ, народная наблюдательность, какъ этнографическую черту, и характерную особенность московскаго говора, выразившагося въ аканья: «Съ Масквы, съ пасада, съ авошнава ряда».

Про Петербургъ, какъ и слѣдъ тому быть, въ виду его сравнительной молодости, сложилось «присловіе», острыхъ словъ и сказаній гораздо меньше, чѣмъ про Москву, но нѣкоторыя изъ нихъ довольно типичны и выразительны.

Прежде всего, разумѣется, напрашивалось само собой сравненіе молодой столицы со старой. Удивленіе передъ скоропостижнымъ возникновеніемъ Петербурга и скорбное соображеніе — во что онъ обошелся народу, нашли себѣ выраженіе въ такой параллели: «Москва строена вѣками, а Питеръ — милліонами». И стали «Питеръ кормиломъ, а Москва — кормомъ», «Москва — сердцемъ, а Питеръ — головою», только никому, повидимому, не сдѣлалось отъ того легче, и «правда» осталась все та же. Горька была старая «правда московская», но не слаще стала и правда новая, петербургская. «Москва была съ носка», а хотъ и «хорошъ городъ Питеръ, да бока повытеръ». «Славна Москва калачами, а Питеръ — усачами»¹⁾, т. е., людьми военными и большею частію, по обыкновенію, холостыми, вслѣдствіе чего: «Питеръ женится, а Москва замужъ идетъ». Последняя поговорка имѣла значеніе не только фигуральное, но и буквальное. Петербургъ всегда былъ городомъ холостяковъ, въ немъ и теперь, по статистикѣ, на сто мужчинъ приходится не болѣе семидесяти женщинъ; Москва же всегда, особенно, въ старину изобиловала невѣстами, съѣзжавшимися туда зимой чуть не со всей Россіи. На этомъ основаніи петербургскіе «усачи-женихи» нарочно ѣздили въ Москву искать богатыхъ невѣстъ и жениться²⁾. Это-то и вошло въ обычай и поговорку.

Въ одномъ старомъ пѣсенникѣ прошлаго столѣтія мы нашли любопытную и характеристическую параллель двухъ столицъ частью

¹⁾ Въ «Архивѣ» Н. Калачова (т. II) записанъ другой вариантъ этой поговорки: «Славна Москва калачами, а Петербургъ сигаами».

²⁾ «Москва славилась невѣстами, какъ Вязьма пряниками, — говоритъ Пушкинъ въ своихъ «Мысляхъ на дорогѣ». — Влестящая гвардейская молодежь налетала туда изъ Петербурга... Въ залѣ благороднаго собранія, два раза въ недѣлю, бывало до пяти тысячъ народу. Туть молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы». (Сочиненія А. С. Пушкина, изд. Навленкова, стр. 1163).

въ топографическомъ, а частью въ бытовомъ и нравоописательномъ отношеніяхъ, съ сатирическимъ оттѣнкомъ. Пѣсня солдатско-фабричнаго склада, какимъ отличаются всѣ вообще плоды пѣснотворчества городского простонародья, но уже то, что она нашла себѣ мѣсто въ популярномъ пѣсенникѣ, указываетъ на большую ея распространенность въ свое время, хотя теперь она совершенно забыта. Начинается она такъ:

«Прощай славный Петербургъ,
 Тѣсенъ сталъ въ тебѣ нашъ духъ,
 Оставляемъ всю тоску —
 Отъѣзжаемъ мы въ Москву.
 Прощай славна Милліонна,
 Намъ ходить въ тебѣ ужъ полно;
 Прости желтой домъ Кадетской.
 Весь приборъ нашъ молодецкій.
 Прости Ржевское кружало,
 Ты насъ много напужало.
 Прощай мать Нева-рѣка,
 Течешь быстро, глубока,
 По волнамъ твоимъ гуляли,
 Много штурмовъ мы видали;
 Острова всѣ и заливы
 Теперь стали намъ не милы,
 Съ кораблями биржа главна
 И Варяжско море славно.
 Ты, Калинкина деревня,
 Дѣвкамъ всѣмъ была доука —
 Молодцамъ же всѣмъ прилука,
 По несчастной нашей долѣ
 Мы сидѣли тутъ въ неволѣ;
 Ты, Матисова съ Коломною,
 Гдѣ пріѣздъ нашъ былъ повольной;
 Вы, солдатскія слободки,
 Прощай дѣвки и молодки.
 Рѣка Мойка и Фонтанка
 И Мокруша безталанна;
 Прощай погребъ со бильяромъ.
 Много денегъ побралъ даромъ,
 Въ тебѣ деньги всѣ и платья
 Положили наши братья.
 Прощай Стрѣлка со трактиромъ,
 Отпущай въ Москву насъ съ миромъ...

 Мы пріѣдемъ на Тверскую,
 Скажетъ всякой: «не тоскую»,
 Позабудемъ мы печаль,
 Что сударушекъ намъ жаль.
 Здравствуй, батюшка Арбатъ,
 Мы пріѣхали опять;
 Здравствуй Пятница съ Никитскою
 И Устрѣтенка съ Мясницкой,
 Здравствуй батюшка Проломъ
 И съ Посольскимъ со дворомъ!»

Параллель, такимъ образомъ, выходитъ не въ пользу Петербурга. Пѣсня хорошо передаетъ настроенія и впечатлѣнія бывалаго и всякіе виды издавашаго простаго русскаго человѣка, который, при сравненіи обѣихъ, хорошо знакомыхъ ему, столицъ, отдаетъ свои симпатіи Москвѣ, гдѣ сама собою снимается съ русскаго сердца «тоска», навѣянная Петербургомъ, гдѣ оно чувствуетъ себя дома, тогда какъ Петербургъ—городъ для него чужой.

Это холодное, резонерское отношеніе къ «сѣверной Пальмирѣ» проглядываетъ во всѣхъ сложенныхъ про нее народныхъ сказаніяхъ. Питеръ «славенъ», «распрекрасенъ», щеголеватъ и въ немъ чего хочешь, того просишь, но сердце къ нему не лежитъ, да и очень ужъ онъ опасенъ своими соблазнами для податливаго русскаго человѣка.

«Что за городъ, за столица,
Распрекрасный Петербургъ!
Привези хоть тысячь сорокъ —
Все въ педѣлю проживаль,
Все въ педѣлю проживаль,
Все объ Енѣ (Евгени) хлопоталь»,—

поется въ одной пѣснѣ, записанной въ Московской губерніи и изображающей разгульное и расточительное житье въ Питерѣ заѣзжаго молодца, «заплутавшагося», по народному выраженію, съ какой-то столичной красоткой вольнаго поведенія.

Какъ и въ дѣйствительности, такъ и въ пѣсняхъ про Питеръ и про питерскій побитъ — русскій промысловый человѣкъ не живетъ въ нашей столицѣ осѣдло, а только наѣзжаетъ для заработка, гостить для веселья и гульбы, и въ большинствѣ случаевъ выносить далеко не отрадныя впечатлѣнія.

У Гильфердинга записана пѣсня: «Петербургская старинка», которая и до сихъ поръ остается вѣчной новинкой для массы тѣхъ неудачниковъ изъ народа, которые, попавъ въ столицу, отбиваются отъ дѣла, спиваются, деморализуются и нехорошо кончаютъ—полицейской кутузкой и пересыльной тюрьмой. Такой-то горе-молодецъ рассказываетъ, какъ онъ съ пріятелемъ, такимъ же забудлыгой, остались безъ работы и, «день и два живя неѣвши и съ горя пѣсенку запѣвши, пошли во Тычокъ, славный кабачокъ», гдѣ «наѣлись-напились», но, должно быть, лихомъ расплатились за гостепрѣимство, такъ какъ «скоро частной прибѣгалъ, на допросы призывалъ», «рученьки связалъ» и «въ полицу» отсылалъ, что «во темную тюрьму, во холодную стѣну». Тамъ молодчиковъ, какъ водилось въ «старинку», поучили «моржовымъ ремнемъ и большимъ шелепнемъ», а на прощанье наказали: «Ходите умная, и очень помирная!» Разумѣется, эти мудрые «наказы» скоро забывались, зато недоброе воспоминаніе о Питерѣ, о питерскомъ горькомъ и безпутномъ житьѣ, о блюстительскихъ «моржевыхъ ремняхъ» и «шелепахъ» не только осталось, но и перешло въ народную пѣсню.

Еще болѣе тяжелыя воспоминанія запечатлѣлись въ памяти народной о первыхъ дняхъ Петербурга—объ его основаніи и сооруженіи, которыя обошлись народу такой дорогой цѣной, потребовали отъ него столько труда, столько жертвъ и страданій.

Сохранилась прекрасная, полная глубокой грусти пѣсня о тѣмъ, какъ, по жестокому приказу, за неволю, «подымались» съ родныхъ мѣстъ

«Добрые молодцы, люди вольные,
Все бурлаки попизовые,
На канавку, на Ладожску,
На работушку государеву»—

одни рыть каналъ, другіе строить городъ и крѣпость, третьи корабли снастить и т. д. Эти тяготы, въ соединеніи съ суровостью и негостепримствомъ петербургскихъ «топей», которыя, по слову поэта, Петръ-богатырь «костями забутиль», нашли себѣ слѣдующее образное выраженіе. Спрашивалъ, будто бы, Петръ шута-Балакирева: что говорятъ въ народѣ про новую столицу? «А говорятъ вотъ что,— отвѣчалъ будто бы Балакиревъ:—съ одной стороны—море, съ другой—горе, съ третьей—мохъ, а съ четвертой—охъ!» Острая характеристика эта такъ, будто бы, не понравилась царю, что онъ поколотилъ Балакирева, а между тѣмъ она несомнѣнно сказана народомъ и согласна съ дѣйствительностью ¹⁾.

Съ теченіемъ времени русское деревенское населеніе Петербургской губерніи получило въ народѣ этнографическое наименованіе «копорцевъ» (отъ Копорья) съ прибавкой насмѣшливаго прозвища «крошевики» за то, что промышляютъ сбытомъ «крошева», извѣстнаго «Иванъ-чая». Слава не весьма лестная, ибо «копорское крошево и кисло и дешево».

Какія, мало оцѣненные и большинству просвѣщенныхъ читателей невѣдомыя, сокровища исторіи и этнографіи, народной наблюдательности и народного юмора заложены въ прозвищахъ, «присловіяхъ», сказаніяхъ и характеристикахъ русскихъ городовъ и областей—это отчасти угадалъ и понялъ покойный Салтыковъ-Щедринъ, искусно воспользовавшійся этимъ матеріаломъ для созданія одной изъ самыхъ сильныхъ и значительныхъ своихъ сатиръ.

Замѣчательно и странно, однако, что опыту русской народной исторіи, какая у насъ до сихъ поръ не написана и остается лишь въ области «народническихъ» мечтаній, предшествовала злая безпощадная пародія этой исторіи, вдохновленная частію тѣмъ, что самимъ же народомъ было подмѣчено отрицательнаго и смѣшнаго въ себѣ и въ своемъ прошломъ. Разумѣемъ «Исторію одного города», въ

¹⁾ Отсюда, напримѣръ, каламбурное происхожденіе имени пригорода Охты (отъ жалобнаго охъ-ты), какъ подтверждаетъ, между прочимъ, Грибовскій въ извѣстномъ дневникѣ своемъ, вновь съ дополненіями изданномъ «Русскимъ Архивомъ» (1899 г., кн. I).

которой Салтыковъ пересказаль, въ сущности, русскую исторію, но, какъ сатирикъ по призванію и настроенію, пересказаль исключительно—въ сатирическомъ, комическомъ и частью каррикатурномъ видѣ, не жалѣя красочнаго шаржа.

Въ исторіи Глупова дѣйствуетъ народъ, «головотяпами именуемый». Головотяпы, благодаря превосходной крѣпости своихъ головъ, сперва всѣ сосѣднія племена «съ Божьей помощью перетяпали», потомъ, собравъ ихъ воедино, «начали устраиваться внутри съ очевидной цѣлью добиться какого нибудь порядка»: стали искать князя и, когда послѣ долгихъ тщетныхъ поисковъ, нашли его, и онъ «прибыхъ собственною персоною въ Глуповъ и возопи: «запорю!»—съ той вотъ поры «и начались историческія времена»...

Въ своей пародіи сатирикъ съ несравненнымъ остроуміемъ смѣхотворно обобщилъ сказанія народныя съ лѣтописными, и съ его легкой руки головотяпы, какъ карриатура русскаго народа, сдѣлались «крылатымъ» словомъ.

На самомъ же дѣлѣ, смѣшнымъ прозвищемъ «головотяповъ» народный юморъ надѣлилъ однихъ лишь егорьевцевъ—жителей маленькаго городка Егорьевска и его уѣзда въ Рязанской губерніи. Къ тому жъ, прозвище это имѣло совсѣмъ не то значеніе, какое придалъ ему Салтыковъ, заставивъ головотяповъ, по странной, дурацкой привычкѣ, «тяпать головами обо все, что бы ни встрѣтилось по пути: стѣна попадетъ, объ стѣну тяпають; Богу молиться начнутъ—объ полъ тяпають»... Скорѣе же это синонимъ головорѣзовъ въ настоящемъ по крайней мѣрѣ случаѣ, такъ какъ про егорьевцевъ ходила, видно, недобрая слава. Они слыли «коновалами», «рудометами» по ремеслу, но, надо полагать, иной изъ нихъ при удобномъ случаѣ разбойничаль, какъ можно заключить по намеку, которымъ дразнили егорьевца: «самъ де ножъ точить, а говорить небось».

Впрочемъ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ народныя сказанія разсматриваемаго порядка, сложенные въ далекую старину и частью забытыя самимъ народомъ, утратили нынче свое значеніе и не всегда легко поддаются толкованію. Таковы преимуществу сказанія историческія.

Взять, на примѣръ, тѣ, которыя относятся къ далекому народо-правному прошлому Новгороду и Пскова, до подчиненія ихъ Москвѣ. Гдѣ теперь та новгородская республиканская гордость, тотъ новгородскій вѣчевой патріотизмъ, которые краснорѣчиво запечатлѣлись въ цѣломъ рядѣ характеристическихъ историческихъ присловій, какъ-то: «Кто противъ Бога и великаго Новгорода?»; «Новгородъ, Новгородъ, а постарше стараго», потому что онъ «отецъ городовъ русскихъ»; «Новгородъ судить одинъ Богъ», или онъ «судится своимъ судомъ», такъ какъ, самъ по себѣ, «великій господинъ», независимый, вольный «осударь»; какъ таковой, онъ и въ религіоз-

номъ, іерархическомъ отношеніи никому не подчиняется: «Гдѣ святая Софія — тамъ и Новгородъ», «Хоть Софія и пуста, да не крутицкимъ верста» — намекъ на то, что новгородское духовенство не хотѣло подчиняться московскимъ митрополитамъ на Крутицкомъ подворьѣ.

Все это теперь стало наполовину забытымъ преданіемъ, какъ и исторически сложившіяся насмѣшки надъ новгородцами, надъ ихъ спесью, упрямствомъ и политической недалекостью: «Не великъ бояринъ — не новгородскій дворянинъ», «упрямъ, какъ новгородецъ», «новгородцы такали, такали, да Новгородъ и протакали», т. е. потеряли хваленую вѣчевую независимость. Дразнить еще новгородцевъ «долбежниками» и «гущевдами». Первое прозвище дано было имъ, по объясненію Сахарова, москвичами, будто бы, «по ихъ дубинамъ, съ которыми они въ старину ходили на бой». А «гущевдами» прослыли они за густую постную ячную кашу, сваренную въ одной водѣ.

Про псковичей говорятъ, будто они «небо кольями подпирали» — и въ этомъ заключена злая насмѣшка надъ былыми вѣчевыми порядками, надъ безтолковщиной и несообразностью рѣшеній народнаго вѣча, которымъ во время оно управлялся «великій Псковъ». По преданію, собрались какъ-то въ ненастье надъ Псковомъ грозныя тучи и такъ низко стлались надъ городомъ, что, казалось, вотъ-вотъ упадутъ на него и затопятъ. Псковичи встревожились, собрали вѣче, стали думать, какъ помочь бѣдѣ. Думали цѣлыхъ три дня и на четвертый рѣшили: «разобрать городьбы да кольями подпереть небо». Такъ и сдѣлали: разобрали городьбы и стали по вѣсѣмъ концамъ города съ кольями; но тучи сами собой прошли, и наступило вѣдро. Идетъ посадскій по городу, бороду покручиваетъ, на народъ поглядываетъ, становится середь площади, да и говоритъ: «Здорово-те, православные! идите по домамъ, отбыла бѣда!» Очень можетъ быть, что подъ бѣдой и тучами здѣсь аллегорически изображено московское нашествіе и то, какъ безсильны были псковичи оказать ему отпоръ.

Такое аллегорическое отождествленіе человѣческихъ дѣйствій съ стихійными силами и явленіями природы совершенно въ духѣ русско-народной фантазіи и въ обзорѣаемыхъ сказаніяхъ встрѣчается часто на почвѣ чисто историческихъ событій и фактовъ. При этомъ, согласно исторической правдѣ, вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о борьбѣ нѣкогда независимыхъ городовъ и областей съ Москвою и ея «собираателями», — стихіи съ ихъ грозной побѣдоносной силой отождествляются съ послѣдней или оказываются на ея сторонѣ, благодаря московской хитрости и находчивости, съ одной стороны, и суевѣрной простоватости и недогадливости ея противниковъ — съ другой.

Такъ, на примѣръ, надъ рязанцами смѣются, будто они «мѣшкомъ солнышко ловили». Дѣло было такъ. Во время оно Рязань воевала

съ Москвою. Соплились обѣ рати, стоятъ, и такъ какъ силы были почти равныя, то никто не рѣшается начинать боя. Тогда москвичи догадались пустить солнце на рязанцевъ: «ослѣпнуть де, мы ихъ и безъ драки одолѣемъ!» Когда солнце взопло, москвичи стали махать отъ него шапками въ сторону рязанцевъ, пока оно не стало свѣтить имъ прямо въ глаза. Тогда и рязанцы, не будь дураки, высыпали изъ мѣшковъ толокно и стали ловить солнышко. Поднимутъ мѣшки вверхъ, наведутъ на него да сейчасъ и завяжутъ; но видятъ, что солнце все стоитъ на небѣ, никакъ его не поймашь. Уныніе ихъ взяло; «не сдобровать намъ», подумали они и рѣшили просить у москвичей пардону, чтобы они досадное солнышко назадъ взяли. Сдумали и сдѣлали.

Не умнѣ распорядились рязанцы и въ другомъ случаѣ, когда какой-то, насланный къ нимъ изъ Москвы, сердитый воевода прогнѣвался на нихъ и какъ разъ во время масляницы приказалъ замшить острогъ. Гдѣ было достать мху,—они взяли да и законопатили острогъ блинами. Идетъ воевода, смотритъ—вездѣ крѣпко: «давно бы такъ!»—похвалилъ они догадливыхъ рязанцевъ.

Такая наивная, глуповатая и затѣйливая хитрость, такая смѣшная находчивость невольно приписываются очень многимъ городамъ и областямъ и чрезвычайно образно заклеены народнымъ юморомъ. Большая часть этихъ присловій и до сихъ поръ въ ходу.

Особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи пресловутымъ пешехонцамъ, прозваннымъ «слѣпородами». Они и «въ трехъ соснахъ заблудились», и «комара за семь верстъ ходили искать, когда комаръ у пешехонца на носу сидѣлъ», и «на сосну лазили Москву смотреѣть», и т. д.

Про ихъ сосѣдей-костромичей тоже говорятъ, будто они «лапти растеряли, по дворамъ искали: было шесть, напли—семь», все-таки, по крайней мѣрѣ, съ прибылью, а вотъ «ярославцы-красавцы, бѣлотѣльцы», «пудъ мыла извели, а родимаго пятна у сестры не вывели». (Тутъ заодно осмѣяна и повадка ярославцевъ къ франтовству, къ «чистоплюйству»). Но едва ли не перещеголяли всѣхъ въ остроуміи вологжане: они, «толоконники», по преимуществу, какъ-то въ дорогѣ, собравшись обѣдать, «толокномъ Волгу замѣсили», которая была у нихъ подъ рукою, а когда принялись хлебать ложками и убѣдились, что вода — водой, то повѣрили кашевару, что толокно водяной съѣлъ. Догадливы также и ефремовцы: они «въ кашелѣ (берестяная плетенка) кашу варили», за немѣніемъ горшка, дорогой, идя обозомъ въ Москву. Хороши и «рукосуи»—чухломцы: «рукавицы за поясомъ (за пазухой), а другихъ ищутъ», и «лапшеѣды»—ростовцы: «озеро соломой зажигали» въ намѣреніи растопить на немъ ледъ, чтобы рыбы наловить зимою по приказу изъ Москвы, и калязинцы: «свинью за бобра купили», и кашинцы: пошли на охоту, «собаку за волка убили, да деньги заплатили», потому что

собака оказалась воеводиной, и зубчане: «таракана на канатѣ на Волгу поить водили», и старорусцы: «лошадь съѣли, да въ Новгородѣ писали, чтобъ еще прислали», и смоляне: «міромъ блоху давали», и т. д.

Въ подобный же смѣшной просакъ отъ «простоты» и торопливой необдуманности попадаютъ, въ народныхъ юмористическихъ сказаніяхъ, граждане разныхъ областей и городовъ относительно предержавшихъ властей и, главнымъ образомъ, воеводъ. Хотя бы отличиться предупредительной почтительностью, услужливостью и гостеприимствомъ, да только выходитъ у нихъ это не впасть и не по адресу, неизвѣрно нелѣпнымъ и дурацкимъ образомъ.

Такъ, многихъ горожанъ дразнятъ тѣмъ, что они во время оно «рака со звономъ встрѣчали» — думали, воевода, а «вотъ воевода ползеть, щетинку въ зубахъ несеть». Крапивинцы еще лучше въ такомъ случаѣ отличились: они «сѣно съ колокольнымъ звономъ встрѣчали, а воеводы не видали», т. е., проглядѣли. Старичане—тѣ ошиблись посвоему: они, вмѣсто воеводы, «пѣтуха съ хлѣбомъ-солью встрѣчали». Онежане не ошиблись въ особѣ воеводы, но для пущей важности «лѣтомъ его на саняхъ возили по городу»—и не по глупости, а скорѣе потому, что «во всей Онегѣ нѣтъ телѣги», за отсутствіемъ доступныхъ для колесной ѣзды путей сообщеній, какъ это еще не очень давно было и на самомъ дѣлѣ.

Нѣкоторые города стяжали почему-то репутацію преимущественной и особенной глупости, какъ присущаго имъ, будто бы отличительнаго свойства, и даже безъ всякаго объясненія и доказательства. Напримѣръ, «глупая Вязьма», «безтолковый Дорогобужъ», а почему и на какомъ основаніи—неизвѣстно, точно это такая очевидная истина, что не нуждается въ доказательствахъ. Но, несомнѣнно, были на то какіе нибудь поводы, какъ имѣлись они и для составленія нелестной славы въ моральномъ уже отношеніи, такъ же коротко и рѣшительно выраженной, про другіе, напримѣръ, города и поселенія: «Кострома—блудливая сторона», «Въ Городицѣ, на горѣ, по три дѣвки на дворѣ», «У Макарья по деньгѣ Наталья, а на грошъ — цѣлый возъ» (по наблюденіямъ и личному опыту волжскихъ бурлаковъ); «Свято мѣсто, гдѣ тихвинца нѣту», и, если «въ Суздальѣ и Муромѣ помолиться», то «въ Вязникахъ погулять, а въ Шуѣ напиться», и т. д.

Такою рѣзкою категоричностью приговоровъ особенно отличаются тѣ присловія, гдѣ рѣчь идетъ о характеризующихъ будто бы тѣ или другіе города наклонностяхъ къ плутовству, обману и воровству.

«Новоторы—воры», дразнятъ жителей Новоторжска и, главнымъ образомъ, въ сосѣднемъ Осташковѣ, на что тѣ отвѣчаютъ: «И осташи хороши!» Но новоторы далеко не первенствуютъ въ этомъ отрицательномъ качествѣ. Есть воры много ихъ чище, искустѣе.

Таковъ, напримѣръ, курскій воръ: «нѣтъ у бѣлаго царя вора супротивъ курянина!» Тѣмъ не менѣе, на иной взглядъ: «Орель да Кромы— первые воры, да и Карачевъ на придачу». Хороша въ этомъ отношеніи слава и богатаго, торговаго Ельца: «Елецъ всѣмъ ворами отецъ», да «и Ливны всѣмъ ворами дивны». Замѣчательно, что такой огульной вороватостью отмѣчены главнымъ образомъ города бывшей въ Московскомъ государствѣ окраины, куда дѣйствительно сбѣгалась тогда всякая вольница, гдѣ власть государственная была еще слаба и гдѣ, между прочимъ, «воровскіе царьки»—самозванцы, начиная съ перваго Дмитрія, и иные предприимчивые герои «смутнаго времени» всегда находили въ мѣстномъ населеніи радушный приемъ и дѣятельную поддержку. Съ той поры, безъ сомнѣнія, и пошла гулять по Руси эта воровская слава, какъ отчасти пошла она гулять также и про Волгу матушку, когда на ней совершались знаменитые разбои: «На Волгѣ жить—ворами слыть»... Точно также сохранила народная память и про казачью удаль уральскихъ вятязей воспоминаніе, намекающее на завоеваніе Сибири: «Семеро пойдуть—Сибирь возьмутъ»...

.....

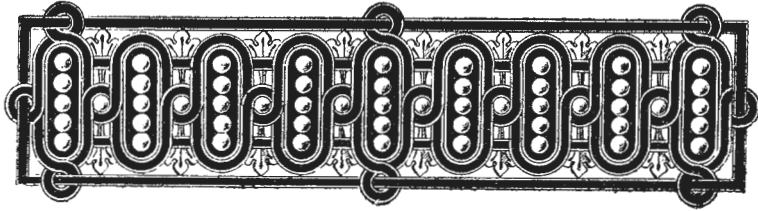
Не касаясь множества другихъ, такого же рода, присловіи и сказаній, разсмотрѣніе которыхъ порознь завело бы насъ слишкомъ далеко, мы остановились здѣсь только на тѣхъ изъ нихъ, которыя, по своей лаконической содержательности, характеристической яркости и опредѣленности, достаточно убѣждаютъ читателя—нѣсколько, быть можетъ, даже неожиданно для него самого,—въ существованіи у насъ подъ руками, еще никѣмъ не использованнаго, едва початаго, огромнаго, драгоценнаго для народной исторіи почвеннаго матеріала, заключеннаго въ сокровищницѣ народной памяти и народнаго самосознанія.

Матеріаль этотъ тѣмъ драгоценнѣе, что въ немъ нѣтъ ничего придуманнаго, искусственнаго и риторическаго. Это — сама правда, сама искренность, какъ онѣ непосредственно, подъ впечатлѣніемъ живыхъ событій, вылились въ мѣткомъ образномъ словѣ изъ народной мысли, изъ народной нелицепріятной наблюдательности.

Счастливъ будетъ тотъ изслѣдователь, который вполнѣ овладѣетъ этими сокровищами, и благословенъ будетъ вдохновенный трудъ его, какъ первый, давно желанный, опытъ истинной русской народной исторіи — той исторіи, о сущности и смыслѣ которой во всей ихъ широтѣ и глубинѣ мы, представители отживающихъ поколѣній, могли только смутно чаять, могли лишь мечтательно догадываться!

Вл. Михневичъ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ И. С. ТУРГЕНЕВА.

I.

АДНЯХЪ вышла книга извѣстнаго американскаго аболиціониста, капитана Гиггинсона ¹⁾, посвященная, главнымъ образомъ, воспоминаніямъ объ освобожденіи негровъ; но, помимо этихъ воспоминаній, въ книгѣ Гиггинсона имѣется страничка, не лишенная спеціальнаго интереса для русскихъ читателей, такъ какъ здѣсь капитанъ Гиггинсонъ рассказываетъ о своей встрѣчѣ съ И. С. Тургеневымъ.

Капитанъ Гиггинсонъ присутствовалъ въ качествѣ американскаго делегата на международномъ конгрессѣ по вопросу о тюремной реформѣ, засѣданія котораго происходили въ 1878 году въ Лондонѣ, а потомъ въ Парижѣ. Въ это же время въ Парижѣ происходили засѣданія международного литературнаго конгресса, и капитанъ Гиггинсонъ былъ однимъ изъ пяти делегатовъ, представлявшихъ на этомъ конгрессѣ американскую литературу. На засѣданіяхъ литературнаго конгресса Гиггинсону и удалось познакомиться съ Тургеневымъ, произведенія котораго были ему извѣстны раньше по многочисленнымъ переводамъ на англійскій языкъ (Скайлера, Перри, Диккинсона и др.). Гиггинсонъ, какъ и большинство образованныхъ американцевъ, высоко цѣнилъ произведенія

¹⁾ «Cheerful Yesterdays», by Capit. Thomas Wigginson. London. 1898 (Published by Say and Bird).

Тургенева и чрезвычайно обрадовался случаю познакомиться съ нимъ лично.

«Пренія конгресса, — рассказываетъ Гиггинсонъ, — велись по-французски и имѣли очень оживленный характеръ, но они вертѣлись вокругъ такихъ мелочей, которыя были для меня совсѣмъ не интересны; рѣчь Виктора Гюго, который долженъ былъ открывать конгрессъ, была отложена, и если я не впалъ въ полное разочарованіе, то лишь потому, что Тургеневъ, какъ мнѣ сказали, также присутствуетъ на конгрессѣ въ качествѣ делегата. Страстно желая познакомиться съ нимъ, я попросилъ чрезвычайно любезнаго секретаря конгресса, романиста Законнѣ, представить меня Тургеневу во время перерыва засѣданія. Законнѣ подвелъ меня къ человѣку величественной (magnificent) наружности, превосходившему своимъ ростомъ всѣхъ присутствовавшихъ французовъ и въ общемъ показавшемуся мнѣ наиболѣе благороднымъ и привлекательнымъ изъ всѣхъ литераторовъ, какихъ мнѣ доселѣ привелось встрѣчать. Я не могу дать болѣе точнаго понятія о немъ, какъ сказавши, что у него была голова Лонгфелло и фигура Теккерея. Правда, онъ не былъ такъ высокъ, какъ Теккерей, но все же, когда я, Леландъ и Тургеневъ стояли посреди залы, мы были самыми высокими изъ делегатовъ конгресса. Специальной, отличительной чертой Тургенева была побѣждающая обходительность обращенія, производившая впечатлѣніе необычайной мягкости характера. Тургеневъ, узнавъ, что мы американцы, былъ чрезвычайно любезенъ съ нами. Къ намъ вскорѣ подошелъ еще одинъ изъ членовъ конгресса, м-ръ Бишопъ, и мы составили цѣлую группу. Тургеневъ съ большою теплотой отозвался о тѣхъ изъ нашихъ компатріотовъ, которыхъ онъ зналъ лично, какъ, напримѣръ, Елену Лазарусъ и профессора Вopezена ¹⁾. Онъ былъ очень обрадованъ, когда я сказалъ ему, что типы социальныхъ реформаторовъ въ его послѣдней книгѣ (романъ «Новъ») кажутся мнѣ общечеловѣческими, а не специально русскими, и что, когда я читалъ «Новъ», мнѣ постоянно приходили въ голову аналогичные типы въ средѣ знакомой мнѣ американской молодежи. Это радуетъ его, — сказалъ Тургеневъ, — особенно потому, что его романъ былъ дурно принятъ читающей публикой въ Россіи, несмотря на то, что онъ старался правдиво изобразить текущую жизнь, какъ и показали позднѣйшія событія. Весь разговоръ велся поанглійски, хотя Тургеневъ говорилъ на этомъ языкѣ не совсѣмъ правильно и свободно, и хотя мы просили его говорить пофранцузски.

«Позднѣе, когда онъ былъ избранъ вице-предсѣдателемъ конгресса, этотъ выборъ и самая рѣчь Тургенева были покрыты долго не

¹⁾ Хьяльмаръ Хьортъ Вopezенъ, бамериканившійся норвежець, профессоръ исторіи всеобщей литературы въ одномъ изъ Нью-Йоркскихъ университетовъ. Одинъ изъ его романовъ, изображающій норвежскую жизнь (Vinnar), былъ посвященъ Тургеневу.

смолкавшими рукоплесканіями. Казалось бы, это обстоятельство указывало на громадную популярность, какую Тургеневъ пользовался между французскими авторами, но я тщетно искалъ послѣ конгресса его фотографическаго портрета въ книжныхъ лавкахъ, его имя неизвѣстно большинству книгопродавцевъ. Вскорѣ онъ уѣхалъ изъ Парижа, и я потерялъ возможность продолжать дальше наше знакомство».

«До недавняго времени слава его въ нашемъ отечествѣ померкла, благодаря выдающейся личности Толстого, но я уже теперь замѣчаю признаки ея возрожденія и искренно радуюсь этому, такъ какъ его произведенія, по моему мнѣнію, болѣе содержательны и симпатичны (*more wholly and sympathetic quality*), чѣмъ произведенія Л. Толстого».

Авторъ настоящей замѣтки можетъ, на основаніи личныхъ наблюденій, подтвердить слова американскаго аболиціониста о популярности Тургенева въ Америкѣ. Мнѣ пришлось, въ бытность мою въ Сѣверной Америкѣ, въ началѣ 1890-хъ годовъ, наглядно убѣдиться въ этомъ.

Въ одинъ дождливый осенній вечеръ, ко мнѣ зашелъ знакомый американецъ журналистъ и предложилъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ, говоря, что меня ожидаетъ пріятный сюрпризъ. Я одѣлся и отправился вслѣдъ за моимъ путеводителемъ по залитымъ электрическимъ свѣтомъ улицамъ Нью-Йорка. Вскорѣ мы очутились у зданія Cooper's Union Institute'a, гдѣ обыкновенно происходятъ митинги, и читаются публичные лекціи. Я, признаться, думалъ, было, что мой пріятель хочетъ показать мнѣ какую нибудь специально-американскую диковинку, въ родѣ митинга «скакуновъ» или проповѣди «вырождающихся», словомъ что нибудь въ томъ экстраординарномъ родѣ, который такъ ошеломляетъ неподготовленнаго зрителя, привыкшаго считать американцевъ сухимъ и расчетливымъ народомъ, гонящимся лишь за долларомъ и далекимъ отъ всякаго энтузіазма.

Мы вошли въ ярко освѣщенную залу, и мой пріятель, оставивъ меня на минуту, вскорѣ опять очутился возлѣ меня и, несмотря на мое сопротивление, подхвативъ меня подъ руку, подвелъ къ эстрадѣ и представилъ нѣсколькимъ почтеннаго вида американцамъ въ качествѣ русскаго путешественника. Американцы, не давъ мнѣ опомниться, усадили меня рядомъ съ собой. Щуря глаза отъ яркаго освѣщенія, я оглядѣлся кругомъ и увидалъ, что огромная зала была биткомъ набита посѣтителями, причемъ перевѣсъ былъ на сторонѣ прекраснаго пола. Съ правой стороны эстрады стоялъ чей-то бюстъ, окруженный тропической зеленью; я началъ вглядываться въ него, и представьте мое изумленіе, когда я убѣдился, что это былъ превосходный мраморный бюстъ Тургенева! Мое недоумѣніе нѣсколько разсѣялось, когда одинъ изъ моихъ сосѣдей передалъ мнѣ изящно отпечатанную афишу, изъ которой я узналъ, что м-ръ Mathers, про-

фессоръ колледжа Сентъ-Андрью, прочтетъ сегодня вечеромъ «a lecture in memory of Tourgeneff», его супруга продекламируетъ нѣкоторыя изъ «Стихотвореній въ прозѣ», а какой-то господинъ съ польской фамиліей познакомитъ американскую публику съ произведеніями Чайковскаго.

Черезъ нѣсколько минутъ на эстрадѣ появился самъ лекторъ, высокій, худощавый, уже немолодой американецъ, съ остроконечной бородкой и гладковыбритой верхней губой. Онъ началъ свою лекцію краткимъ очеркомъ экономическаго и политическаго положенія Россіи въ царствованіе императора Николая I-го, сказавъ вслѣдъ затѣмъ нѣсколько словъ о предшественникахъ Тургенева, Пушкинѣ и Гоголѣ, онъ перешелъ къ предмету своей лекціи — характеристикѣ Тургенева и его произведеній. Съ особенною любовью и вниманіемъ отнесся лекторъ къ женскимъ образамъ великаго романиста, назвавъ ихъ «the refined types of womanhood». Онъ очень удачно провелъ параллель между «Хижиной дяди Тома» и «Записками Охотника», указавъ на то, что главною задачею обоихъ произведеній была борьба съ рабствомъ. «Американскіе аболиціонисты, — сказалъ лекторъ, — могутъ съ честью считать въ своихъ рядахъ великаго русскаго писателя, истиннаго аболиціониста». При этихъ словахъ зала дрогнула отъ долго несмолкавшихъ рукоплесканій. Лекторъ закончилъ свою лекцію, продолжавшуюся около 1½ часа, параллелью между французскимъ реализмомъ школы Золя и «русскимъ реализмомъ» Тургенева, отдавая предпочтеніе послѣднему. «У Тургенева, — сказалъ онъ, — должны наши молодые авторы учиться искусству изображать дѣйствительную жизнь не мертвенно-фотографическимъ способомъ, какъ это дѣлаетъ Золя и его школа, а оцѣнивая ее согласно немеркнущему идеалу правды, который носилъ въ своей душѣ великій русскій романистъ».

Послѣ лекціи былъ объявленъ 20-ти-минутный перерывъ, во время котораго мой юркій пріятель-журналистъ, не будучи самъ, какъ оказалось впослѣдствіи, знакомъ съ м-ромъ Mathers, представилъ меня ему. Я искренно поблагодарилъ почтеннаго профессора за доставленное имъ удовольствіе и сказалъ, что никакъ не ожидалъ встрѣтить среди американцевъ такихъ знатоковъ русской литературы. М-ръ Mathers, улыбувшись, сказалъ, что, къ сожалѣнію, американцы въ общемъ не могутъ похвалиться этимъ знаніемъ, но что Тургенева они очень любятъ.

— Да вы, впрочемъ, сами можете убѣдиться въ этомъ, — прибавилъ онъ, указывая рукой на собравшуюся публику. — Большинство присутствующихъ принадлежитъ къ учащейся молодежи, но между ними также немало интеллигентныхъ рабочихъ, клерковъ, учителей и учительницъ. Жаль, что вы не были на предшествующей лекціи нашего общества (Society), посвященной Виктору Гюго, вы бы тогда путемъ сравненія могли убѣдиться въ популярности Тургенева.

Я спросилъ почтеннаго профессора, о какомъ «обществѣ» онъ говоритъ, пояснивъ ему, что я попалъ на лекцію совершенно случайно.

— Бостонское «Society for the study of Foreign Literature» (общество для изученія иностранной литературы). Я членъ этого общества и, по его порученію, читалъ сегодня эту лекцію въ Нью-Йоркѣ. Мнѣ предстоитъ еще повторить ее въ Бостонѣ, Филадельфїи и Буффало.

Вслѣдъ затѣмъ онъ въ краткихъ словахъ познакомилъ меня съ исторїей основанія и дѣятельностью общества.

— Если вы хотите узнать подробности о роли, какую сыгралъ Тургеневъ въ нашей литературѣ, лучше всего обратитесь къ профессору Бопезену; онъ большой поклонникъ Тургенева, былъ лично знакомъ съ нимъ, нерѣдко читаетъ о немъ лекціи и съ удовольствіемъ укажетъ вамъ все, что появилось въ американской литературѣ, относящееся къ Тургеневу. Я дамъ вамъ мою карточку, и вы можете сослаться на меня, — прибавилъ m-r Mathers въ отвѣтъ на мой вопросъ, какъ мнѣ добраться до Бопезена.

На слѣдующій же день я отправился по указанному мнѣ адресу, но, къ сожалѣнію, не засталъ Бопезена дома; вскорѣ мнѣ пришлось уѣхать изъ Нью-Йорка, и такимъ образомъ мнѣ не удалось собрать болѣе подробныхъ свѣдѣній по интересовавшему меня вопросу. Несмотря на эту неудачу, воспоминаніе о нѣсколькихъ недѣляхъ, проведенныхъ въ Нью-Йоркѣ, останется для меня всегда связаннымъ съ воспоминаніемъ объ американскомъ литературномъ вечерѣ, посвященномъ нашему великому романисту.

II.

Къ тому же періоду жизни Тургенева относятся любопытныя воспоминанія покойнаго профессора М. П. Драгоманова, первоначально помѣщенныя въ 1885 году въ итальянскомъ журналѣ «Rivista Politica e Letteraria».

«Явившись въ Парижъ, — рассказываетъ г. Драгомановъ, — я, кое-какъ почистившись и купивши бѣлье, успѣлъ добыть въ бюро конгресса билетъ на входъ въ театръ Chatelet, гдѣ должно было быть торжественное открытіе конгресса рѣчами В. Гюго, Тургенева, Ж. Симона и пр., и помѣстился по возможности въ тѣни. Но въ первую же четверть часа меня окликнулъ знакомый русскій литераторъ, потомъ другой, — и объявили мнѣ, что Тургеневъ (которому я писалъ о моемъ намѣреніи прибыть на конгрессъ) обо мнѣ спрашиваетъ и просилъ ихъ розыскать меня. Но вотъ на сценѣ театра появился учредительный комитетъ конгресса, среди членовъ котораго не трудно было мнѣ узнать знаменитую фигуру И. С. Турге-

генева. О рѣчахъ французовъ въ этомъ засѣданіи я говорить не буду. Упомяну только о рѣчи В. Гюго, которая представляла гимнъ парижскому универсализму и оканчивалась намекомъ на необходимость амнистіи. Послѣднее принято было публикою довольно холодно: всего три-четыре голоса крикнуло «vive l'amnistie!» и это были иностранцы. Видно было, что съ В. Гюго установился на конгрессѣ такой *modus vivendi*: великій мужъ былъ нуженъ для освященія его именемъ коммерческихъ видовъ конгресса, ему оказывались божескія почести и предоставлено было право заявленія и его личныхъ взглядовъ, но послѣднихъ никто не думалъ поддерживать. Да, впрочемъ, кромѣ этого намека на амнистію въ парадномъ засѣданіи, В. Гюго никакихъ радикальныхъ заявленій больше не дѣлалъ, а только принималъ божескія почести и прикладывалъ свою олимпійскую печать къ резолюціямъ конгресса.

«Тургеневъ говорилъ, помнится, сейчасъ послѣ В. Гюго. Очевидно, публичный ораторъ изъ нашего романиста былъ плохой: довольно сконфуженная манера, какой-то пискливый голосъ, слабый, особенно для его фигуры, да и содержаніе посредственное. Въ началѣ рѣчи стояло даже совсѣмъ странное признаніе ораторомъ своей незначительности, съ заявленіемъ, что ораторъ «даже не имѣетъ большого чина» (такъ и сказано было: *tehine*). Больше всего говорилъ Тургеневъ о значеніи французской литературы для русскихъ, начиная отъ «вѣка Мольера», котораго пьесу «*Les precieuses ridicules*» перевела для домашняго театра царевна Софья («Драгія смѣянные») и до «вѣка В. Гюго».

«Русская печать шовинистски-славянофильскаго направленія порядкомъ разбранила Тургенева за эту рѣчь, — да и тотчасъ послѣ засѣданія, въ буфетѣ театра Chatelet, куда повели меня русскіе знакомые для представленія Тургеневу, нѣкоторые изъ русскихъ литераторовъ замѣтили ему, что онъ слишкомъ уже много далъ авансовъ французамъ.

— «Да вѣдь они другого языка не понимаютъ, — оправдывался Тургеневъ, — и никакихъ иностранныхъ литературъ не знаютъ и не цѣнятъ, — и тутъ же рассказалъ анекдотъ о В. Гюго, уже извѣстный въ русской печати, о томъ, какъ В. Гюго въ разговорѣ съ нимъ смѣшалъ драмы Шиллера и Гете.

«Къ конгрессу въ общемъ я былъ совершенно равнодушенъ и ходилъ въ него рѣдко, а Тургеневъ явно иронизировалъ надъ нимъ въ разговорахъ съ русскими, которыхъ было впрочемъ очень немного. Тѣмъ не менѣе Тургеневъ формально былъ довольно занятъ конгрессомъ, въ засѣданіяхъ котораго часто президировалъ. Исполняя президентскія обязанности Тургеневъ плохо: онъ не показывалъ никакой энергіи, обычной у французскихъ президентовъ, не зналъ даже формальностей и во всемъ слушался секретаря, одного изъ французскихъ бульварныхъ романистовъ. Секретарь и вообще

бюро обращались съ Тургеневымъ даже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, но знаменитый русскій романистъ былъ нуженъ конгрессу, какъ имя, для приданія международнаго характера конгрессу, въ сущности французскому и состоявшему, по большей части, изъ второстепенностей, романистовъ и драматурговъ, — а въ научной литературѣ изъ компиляторовъ - популяризаторовъ. Но если манера обращенія нѣкоторыхъ французскихъ членовъ конгресса съ Тургеневымъ и общее положеніе послѣдняго на конгрессѣ могли досадовать русскихъ, то обращеніе съ Тургеневымъ одного французскаго литератора съ славянскимъ именемъ ¹⁾, можно сказать, шестистепеннаго, и къ которому французы относятся съ ироніей, — было смѣшно, по крайней мѣрѣ, для многихъ. Онъ постоянно ставилъ свое имя рядомъ съ именемъ Тургенева, жалуясь на то, какъ нарушаются его авторскія права, а въ антрактахъ между засѣданіями старался пройтись по залѣ подъ ручку съ Тургеневымъ, который совершалъ этотъ маршъ съ необыкновеннымъ добродушіемъ.

«Разъ прихожу я въ залу конгресса во время антракта. Тургеневъ съ первыхъ словъ жалуется мнѣ на одного русскаго писателя.

— «Вообразите, не дальше какъ съ четверть часа назадъ, совсѣмъ распушилъ меня, какъ мальчишку: вы, говоритъ, не умѣете держать себя, позволяете третировать себя свысока всякой дряни, панибратствуете съ Л—имъ! И пошелъ, и пошелъ!—Да что вы ко мнѣ пристали, — говорю, — съ Л—имъ?! Какой онъ мнѣ пріятель?! Да можете его... (тутъ Тургеневъ сказалъ довольно циничный глаголъ).

«Между тѣмъ нужно было готовить общія резолюціи конгресса. Изъ дебатовъ выяснилось два направленія: французское, которое стремилось, какъ можно болѣе строго и на дальнѣйшій срокъ оградить права собственности авторовъ на литературныя произведенія, ихъ передѣлку, переводъ, представленія и т. п., и иностранное, особенно меньшихъ народовъ и наиболѣе отсталыхъ, которое хотѣло наибольшаго простора, по крайней мѣрѣ, для переводовъ. Рѣшено было разбиться конгрессу на національныя группы и, выработавъ въ нихъ предложенія, представить ихъ на баллотировку общаго собранія, гдѣ, конечно, французы должны были подавить иностранцевъ огромнымъ большинствомъ. Славяне (нѣсколько поляковъ, одинъ-два чеха, меньше десятка русскихъ) должны были собраться въ квартирѣ Тургенева, Rue Douai, 50. Языкъ для всеславянскихъ разговоровъ былъ принятъ французскій, конечно, ради поляковъ. Мы всѣ стояли за полную свободу переводовъ, изъявляя готовность огражденія авторскихъ правъ на оригиналы въ театрахъ, на передѣлки (adoptation) и т. п. Тургеневъ,

¹⁾ Кн. Любомирскій. В. Б.

соглашаясь съ нами въ принципѣ, говорилъ, что французы не согласятся и на такую уступку, а потому предлагалъ уступить имъ больше, признавъ право автора на дозволеніе перевода въ теченіе 2—5 лѣтъ, смотря по категоріямъ произведеній. Рѣшили принять проектъ резолюціи Тургенева, причемъ нѣкоторые члены заявили, что сохраняютъ за собою право въ общемъ собраніи вотировать и за болѣе широкую свободу переводовъ.

«Настало это общее собраніе. Президировалъ сначала Тургеневъ, а потомъ В. Гюго. Тургеневъ доложилъ свой проектъ резолюціи о переводахъ. Французы накинулись на него съ явной злостью. Одинъ изъ романцевъ, кажется, португалецъ или румынъ, замѣтилъ, въ поддержку предложенія Тургенева, что есть страны, гдѣ литература пока часто не даетъ почти никакого «барыша», а даже требуетъ пожертвованія, а потому писатели изъ богатыхъ народовъ должны довольствоваться рекламой въ пользу ихъ произведеній въ такихъ странахъ.

— «Пусть мнѣ заплатятъ хоть два су,—закричалъ одинъ французъ,—да заплатятъ, по крайней мѣрѣ, признаютъ мое право.

«Это говорилъ компиляторъ, который самъ, или, лучше сказать, руками своихъ секретарей, не стѣснялся загребать по 5—6 страницъ чужой литературной собственности въ свои экстренныя книгопеченія. Въ собраніи раздались аплодисменты.

«Тургеневъ, защищая свое предложеніе, сказалъ, между прочимъ, и такой аргументъ: «въ Россіи переводами занимается, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь, и признаніе права иностранныхъ авторовъ надъ переводами можетъ лишить эту молодежь заработка».

«На это одинъ изъ французовъ замѣтилъ съ злобной улыбкой:

— «Не можемъ же мы отказаться отъ нашихъ правъ, чтобъ способствовать прокормленію расы нигилистовъ, которую г. Тургеневъ такъ удивительно рисуетъ намъ въ своихъ превосходныхъ романахъ.

«Когда дошло до вота, то громадное большинство французовъ провалило предложеніе Тургенева, противъ какихъ нибудь 20—30 голосовъ, поданныхъ за него почти исключительно иностранцами. Одинъ французскій бульварный романистъ, принадлежавшій къ бюро, предложилъ, чтобъ въ протоколѣ было отмѣчено: какія націи вотировали противъ принципа литературной собственности. Это предложеніе было уже совсѣмъ не похоже на пресловутую французскую вѣжливость. В. Гюго взглянулъ искоса на автора предложенія съ тѣмъ выраженіемъ наблюденія, болѣе чѣмъ укора, съ какимъ смотрятъ на неумѣстныя выходки учениковъ очень респектабельные гувернеры,—и предложеніе не имѣло послѣдствій.

«Вслѣдъ за освященіемъ права авторской собственности вотировано было предложеніе нѣсколькихъ французскихъ журналистовъ о

томъ, чтобъ печать вездѣ была избавлена отъ административнаго произвола, а подчинена была только суду. Это былъ вопросъ тоже въ сущности литературной собственности, такъ какъ полицейскій произволъ, напимѣръ, закрывающій газету, уничтожалъ собственность, лишалъ заработка цѣлую массу людей и т. д. Но предложеніе это встрѣтило возраженіе со стороны французовъ же, при чемъ произошла довольно живая перепалка, почти перебранка, между бонапартистами и макмагонцами, составлявшими большинство, и немногими радикальными республиканцами. При подачѣ голосовъ, почти всѣ иностранцы подали голосъ за предложеніе послѣднихъ, но французы огромнымъ большинствомъ провалили его, какъ неудобное, въ виду того, какъ говорили нѣкоторые, что правительства, обидѣвшись резолюціей, ограничивающею ихъ власть надъ печатью, откажутъ въ своей поддержкѣ и проекту охраны авторской собственности, которая, т. е. охрана, и есть главная цѣль конгресса. При видѣ этого раздѣленія голосовъ, можно было предложить внести въ протоколъ: «какая нація вотировала противъ свободы печати?» но никто изъ иностранцевъ не сдѣлалъ такого предложенія. Тургеневъ не поднялъ руки ни противъ, ни за по данному вопросу.

«Конгрессъ окончился. Оставался только заключительный банкетъ. Тургеневъ сказалъ намъ, что онъ не явится на банкетъ. Конгрессъ видимо надоѣлъ ему, да и на банкетѣ пришлось бы опять говорить рѣчь, а на это Тургеневъ, видимо, былъ не мастеръ. На всѣ наши упрасиванія Тургеневъ отвѣтилъ послѣднимъ резонномъ:

— «Я обѣщаль дамамъ провожать ихъ въ этотъ вечеръ въ Folies Bergères.

«Кромѣ встрѣчъ по дѣлу конгресса, я имѣлъ еще два свиданія съ Тургеневымъ. Разъ онъ пригласилъ меня къ себѣ въ rue Douai.

— «Приходите, потолкуемъ,—сказалъ онъ.

«Я явился въ назначенный часъ, и разговоръ пошелъ главнымъ образомъ о «Нови», при чемъ Тургеневъ рассказалъ, что смыслъ романа пострадалъ много отъ выпуска цензурою двухъ сценъ: одной, гдѣ изложенъ разговоръ Меркулова съ губернаторомъ послѣ ареста, а другой (цѣлая глава), въ которой описано «хождение въ народъ» Маріанны. Маріанна, какъ женщина, оказалась болѣе способною подойти къ будничной жизни крестьянъ, чѣмъ переодѣтые студенты, и возбудила къ себѣ болѣе симпатіи и довѣрія мужиковъ. Правда, они сразу догадались, что это барышня, однако толковали съ ней по душѣ,—и одинъ старикъ сказалъ ей:

— «Это все правда, барышня, что ты говоришь о томъ, какъ насъ обижаютъ баре; мы это и сами знаемъ, да ты научи, какъ намъ избавиться отъ всего этого, и т. д.

«По поводу этого пропуска Тургеневъ разсказалъ такую комбинацію:

«Я,—говорилъ онъ,—поставилъ Стасюлевичу условіе, чтобъ романъ мой, несмотря на длину, его, былъ напечатанъ въ одной книжкѣ «Вѣстника Европы», что нѣсколько тяготило Стасюлевича. Когда книжка была представлена въ цензуру, то цензора нашли сомнительными два мѣста въ моемъ романѣ, а также «Внутреннее Обозрѣніе» и предложили одно что нибудь выбросить: или мои сцены, или обозрѣніе. Узнавъ объ этомъ, я согласился на первое. Иначе поступить мнѣ было неловко передъ Стасюлевичемъ.

«На мои вопросы о томъ, почему же въ иностранныхъ переводахъ романа не пополнены эти пропуски, и на замѣчаніе о томъ, что ни одинъ европейскій писатель его славы не позволитъ цензурѣ такъ обращаться съ его романами, Тургеневъ отвѣтилъ:

— «Вы хотите отъ меня борьбы, а я для нея старъ, и не чувствую силы для нея, не вижу поддержки. Вѣдь мнѣ пришлось бы или стать эмигрантомъ, или бы меня арестовали въ Россіи.

— «Ну, арестовать васъ!—позволилъ я себѣ замѣтить,—арестовать Ивана Сергѣевича Тургенева! Это немножко сильно... Посмотрѣли бы мы, какими буквами было бы напечатано въ парижскихъ, на примѣръ, газетахъ: «Arrestation de m. Ivan Tourguèneff.

— «А вы думаете, мнѣ бы было интересно это?—отвѣтилъ, улыбаясь, Тургеневъ,—думаете, они приняли бы къ сердцу это дѣло? Да они ничѣмъ не интересуются, кромѣ себя, и ничего не знаютъ и не понимаютъ въ нашихъ русскихъ дѣлахъ.

«Замѣчательно было у этого отъявленнаго «западника» постоянное скептическое отношеніе къ западнымъ европейцамъ, особенно къ французамъ, среди которыхъ онъ жилъ.

— «Да вотъ вамъ образецъ, какъ они насъ почитаютъ, — продолжалъ Тургеневъ.—Надняхъ я встрѣтилъ NN (онъ назвалъ мнѣ одного извѣстнаго французскаго историка), онъ передалъ мнѣ свои впечатлѣнія отъ моей «Нови».

«Я, говоритъ, совсѣмъ дезориентированъ насчетъ вашихъ нигилистовъ. Я столько слышалъ о нихъ дурного, что они отрицаютъ собственность, семью, мораль... А въ вашихъ романахъ нигилисты—единственные честные люди. Особенно поразило меня ихъ цѣломудріе. Вѣдь ваши Маріанна и Незвановъ даже не поцѣловались другъ съ другомъ ни разу, хотя поселились въ уединеніи рядомъ. У насъ, французовъ, это вещь невозможная. И отчего это у васъ происходитъ? Отъ холодности темперамента?

«Въ это свиданіе Тургеневъ завелъ со мной разговоръ и объ Украинѣ и выражалъ сожалѣніе, что ему не удалось ближе познакомиться съ этой страной и населеніемъ ея, рѣдкія встрѣчи съ которымъ возбудили въ немъ горячія симпатіи; памятникомъ этихъ симпатій являются въ его романахъ: Мапа въ повѣсти «Затишье» и Михалевицъ въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ».

— «У малороссовъ,—говорилъ Тургеневъ,—есть особый видъ идеализма и твердости, крайне симпатичный по сравненію съ великороссійскими утилитаризмомъ и распущенностью. Я вотъ и изъ журналовъ нашихъ потому люблю больше всѣхъ «Вѣстникъ Европы», что въ редакціи его мало великороссовъ, и въ немъ наименѣе нашей великороссійской распущенности: онъ беретъ вещи не широко, но отчетливо, и уже стоитъ на томъ, что говорить.

«Разговоръ нашъ былъ прерванъ какимъ-то новымъ визитомъ.

«Годъ спустя, я получилъ отъ одного близкаго пріятеля и хорошаго знакомаго Тургенева, тогда уже сильно больного, письмо, въ которомъ мой пріятель, отъ имени Тургенева, проситъ меня указать переводы на болѣе распространенные языки скандинавскихъ и славянскихъ народныхъ легендъ и пѣсенъ. Я послалъ небольшой списокъ, но скоро затѣмъ мнѣ пришлось быть самому въ Парижѣ. При случаѣ, я спросилъ моего пріятеля, зачѣмъ Тургеневу понадобились эти легенды и пѣсни, и узнаю, что нужны онѣ собственно для одного француза-музыканта, близкаго человѣка къ Тургеневу, какъ источникъ сюжета для ораторіи или для оперы. Смѣясь, я сказалъ, что я имѣю цѣлый сюжетъ для оперы, построенный на украинскихъ пѣсняхъ, и что я его сообщилъ одному пріятелю музыканту-украинцу и знакомому украинскому писателю, но послѣдній изуродовалъ сюжетъ, а первый не написалъ на него оперы, и что я былъ бы радъ, если бы французы выполнили мой планъ. Меня заставили рассказать этотъ планъ, и онъ понравился. Стали увѣрять, что онъ понравится и Тургеневу, и рѣшили сообщить ему объ этомъ дѣлѣ. Черезъ нѣсколько времени Тургеневъ пригласилъ меня и двухъ посредниковъ (въ томъ числѣ Наталью Александровну Герценъ) къ себѣ въ Буживаль.

«Мы пріѣхали и застали Ивана Сергѣевича въ его домикѣ-флигелѣ въ паркѣ г-жи Віардо. Иванъ Сергѣевичъ, хотя одѣтый, лежалъ на кровати. Онъ былъ страшно худъ, отчего впрочемъ его божественные глаза казались еще болѣшими и производили чарующее впечатлѣніе. Но при худобѣ Иванъ Сергѣевичъ былъ страшно слабъ, говорилъ тихимъ голосомъ и скоро утомлялся отъ разговора. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ обратился ко мнѣ со словами:

— «Что у насъ дѣлается въ Россіи?!!

«И сталъ жаловаться на управленіе гр. Д. А. Толстого. Планъ оперы, который Тургеневъ меня заставилъ рассказать, ему очень понравился, и онъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ другой разъ, чтобы сойтись вмѣстѣ съ французомъ-музыкантомъ и окончательно установить этотъ планъ. Но довольно длинный и живой разговоръ утомилъ Тургенева, и мы должны были выйти, такъ какъ наступило время для разныхъ медицинскихъ манипуляцій надъ больнымъ.

«На другой или третій день я получилъ слѣдующее французское письмо, писанное дочерью г-жи Віардо и только подписанное дрожащей рукой Ивана Сергѣевича:

«Les Frénes-Chalet, le 29 juin 1883.

«Mon cher Monsieur Dragomauoff.

«Je suis chargé par mon ami, Monsieur D., de vous faire savoir qu'il se met à votre disposition pour toutes les heures qu'il vous plaira à partir de samedi.

«Recevez mes meilleurs compliments.

«Ivan Tourgueneff.

«А вслѣдъ за тѣмъ телеграмму: «Avez vous reçu ma lettre? Je vous attends demain. Tourgueneff».

«Я опять поѣхалъ въ Буживаль, гдѣ и засталъ музыканта, пріятеля Тургенева. Тема для оперы понравилась и ему; я обѣщаль прислать ему изъ Женевы переводъ необходимыхъ украинскихъ пѣсенъ, а онъ обѣщаль взяться за работу. Свиданіе съ Иваномъ Сергѣевичемъ было на этотъ разъ чрезвычайно короткое. Намъ сказали, что у него передъ этимъ былъ посѣтитель, и что Иванъ Сергѣевичъ очень утомленъ.

«Немного времени спустя, я получилъ отъ своего спутника въ поѣздкахъ въ Буживаль телеграмму о смерти Тургенева. Я попросилъ его возложить на гробъ великаго покойника вѣнокъ отъ имени «украинской печати». Сдѣлалъ я это между прочимъ потому, что нѣкоторые украинцы, вспоминая Пигасова, повторяютъ печатно глупости о томъ, будто бы Тургеневъ былъ не расположенъ къ развитію украинской литературы».

Въ воспоминаніяхъ г. Драгоманова стѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ горькій сарказмъ, съ какимъ Тургеневъ относился къ французскимъ писателямъ. Да это и понятно. Стѣдуетъ прочесть въ дневникѣ Гонкура страницы, относящіяся къ Тургеневу, чтобы увидать, что Тургеневъ былъ совершенно чужой человѣкъ въ кружкѣ французскихъ знаменитостей, несмотря на близкія внѣшнія отношенія къ нимъ. Нерѣдко они возбуждали въ немъ чувство, близкое къ безразличности, онъ же въ свою очередь являлся для нихъ лишь интереснымъ типомъ «наивнаго сѣвернаго варвара», ничего не понимающаго въ утонченностяхъ парижскаго разврата. Самъ Тургеневъ прекрасно понималъ свое положеніе. Когда въ 1875 году его просили о литературной рекомендаціи, онъ писалъ изъ Парижа: «Я въ глазахъ здѣшней публики не имѣю ровно никакого значенія. Едва знаютъ мое имя, да и съ чего имъ его знать»¹⁾? Вообще Тургенева можно, пожалуй, обвинить въ излишней мягкости, уступчивости, но, казалось бы, трудно обвинить его въ заискиваніи. Между тѣмъ нѣчто подобное мы встрѣчаемъ въ одномъ изъ «Критическихъ очерковъ» г. Буренина²⁾. Проводя параллель между Тургеневымъ

¹⁾ Письма Т., 275.

²⁾ «Новое Время», № 8187.

и гр. Толстымъ, г. Буренинъ говоритъ между прочимъ: «Тургеневъ почти всю жизнь стремился къ тому, чтобы, такъ сказать, зарекомендовать себя передъ Европой». Затѣмъ ранѣе, сказавъ о знакомствахъ Тургенева съ выдающимися представителями нѣмецкой, англійской и французской критики, г. Буренинъ прибавляетъ: «Только послѣ такихъ личныхъ сношеній съ Западомъ Тургеневъ достигъ широкой европейской извѣстности, какъ писатель».

Едва ли это справедливо. Читатель могъ убѣдиться, что, несмотря на долговременное пребываніе во Франціи, Тургеневъ былъ почти неизвѣстенъ тамъ. Его знали лишь въ литературномъ кружкѣ Гонкуровъ, переводы его романовъ не пользовались популярностью. Совсѣмъ иное отношеніе къ Тургеневу было въ Англии и Америкѣ, гдѣ онъ не имѣлъ ни вліятельныхъ литературныхъ друзей, ни личныхъ связей, обезпечивающихъ успѣхъ. Между тѣмъ, еще въ началѣ 1873 года американскій издатель Гольтъ, посылая Тургеневу чекъ за переводы его романовъ, писалъ, что «никогда ни одно изъ издаваемыхъ имъ сочиненій не доставляло ему такого наслажденія, какъ переводы романовъ Тургенева» ¹⁾.

Проводя дальше свою параллель, г. Буренинъ говоритъ: «Толстой никогда не угождалъ Западу, никогда не объявлялъ себя «западникомъ», какъ это дѣлалъ Тургеневъ»... И все же, несмотря на отрицательное отношеніе Толстого къ Западу, «Толстой, какъ художникъ-писатель, былъ признанъ на Западѣ великимъ писателемъ, признанъ сразу, какъ только Западъ усвоилъ себѣ его художественные шедевры».

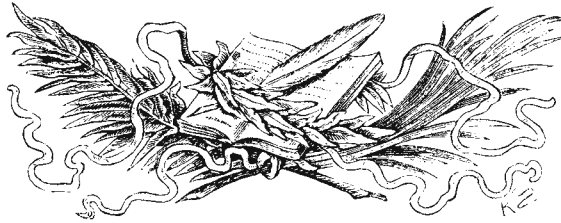
И это требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ. Во-первыхъ, въ значительной степени, именно, Тургеневу обязанъ Толстой своей популярностью на Западѣ, какъ это, вѣроятно, извѣстно и г. Буренину. Несмотря на непріязненные отношенія съ Толстымъ, Тургеневъ руководитъ переводомъ «Войны и мира», самъ развозитъ экземпляры романа парижскимъ критикамъ и убѣждаетъ ихъ прочесть романъ. Тургеневъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, указываетъ на громадный талантъ Толстого. Доказательства этого разсыяны во всѣхъ письмахъ Тургенева и въ воспоминаніяхъ о немъ. Сравните отзывъ гр. Толстого о «Наканунѣ» (Воспоминанія Фета, I, 317) съ отзывами Тургенева о произведеніяхъ Толстого, и вы удивитесь поразительной скромности и добротѣ Тургенева. Вспомните, наконецъ, предсмертное письмо Тургенева къ Толстому.

Во-вторыхъ, извѣстность Толстого, какъ художника, въ Англии и Америкѣ, по крайней мѣрѣ, совершенно затмевается его извѣстностью, какъ философа-моралиста. Сплошь и рядомъ вы встрѣтите людей, читавшихъ философскія произведенія Толстого и совершенно незнакомыхъ съ его беллетристическими работами. Наконецъ, не

¹⁾ Atlantic Monthly.

должно забывать и того обстоятельства, что къ счастью для русской литературы гр. Толстой до сихъ пиръ живетъ и работаетъ, каждое его новое произведеніе вызываетъ новые толки, возбуждая интересъ и къ его прежнимъ произведеніямъ, а Тургеневъ давно покоится въ могилѣ. Можетъ быть, поэтому слѣдовало бы бережнѣе относиться къ его памяти.

В. Батуринскій.

ЖИРЖИНСКІЙ БОЙ 1863 ГОДА.

В МАЙСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1895 года была помѣщена статья г. Любарскаго «Въ мятежномъ краѣ». Описывая свои воспоминанія о польскомъ мятежѣ 1863 года, авторъ, между прочимъ, описываетъ и Жиржинскій бой, происходившій 27-го іюля 1863 года. Не бывъ очевидцемъ этого событія, авторъ рассказываетъ о немъ со словъ другихъ, и потому въ рассказѣ его оказываются разныя неточности и выводы, съ которыми нельзя согласиться. Правдивое изложеніе Жиржинскаго боя является особенно желательно, такъ какъ онъ былъ, кажется, единственной, хотя и случайной, удачей поляковъ въ этотъ періодъ возстанія. Мы имѣли возможность ознакомиться съ подлиннымъ дѣломъ, находящимся въ архивѣ штаба Ивангородской крѣпости и озаглавленнымъ «Дѣло о пораженіи польскими мятежниками въ Жиржинскомъ лѣсу 27-го іюля 1863 года отряда, состоявшаго изъ 2-хъ ротъ, взвода артиллеріи и 15 казаковъ». Основываясь на этомъ источникѣ, мы излагаемъ подробно всѣ обстоятельства несчастной для насъ Жиржинской битвы.

Въ крѣпость Ивангородъ, 25-го іюля 1863 года, прибылъ транспортъ военной почты, состоявшій изъ двухъ фургоновъ съ деньгами, этапа и разныхъ лицъ. Почта шла изъ Варшавы въ Люблинъ и прибыла въ Ивангородъ изъ Гарволина подъ конвоемъ трехъ ротъ Самогитскаго гренадерскаго полка. При дальнѣйшемъ слѣдованіи почта должна была направляться къ м. Курову, прикрываемая уже другимъ отрядомъ, назначеннымъ изъ войскъ крѣпости Ивангорода. Подобныя транспортированія почтъ и отдѣльныхъ лицъ были, конечно, необ-

ходимы въ то смутное время, такъ какъ банды повстанцевъ не пропускали удобныхъ случаевъ захватить и разграбить. Изъ Ивангорода фургоны съ деньгами и этапъ, возросшій до 136 человѣкъ, должны были двинуться 27-го іюля. При почтѣ находились: сопровождавшій деньги майоръ Семеновъ, Харьковскаго уланскаго полка прапорщикъ Котельниковъ и Архангелогородскаго пѣхотнаго полка юнкеръ Сапожниковъ.

Бывшій тогда комендантъ крѣпости Ивангорода, генералъ-лейтенантъ Бурмейстеръ, предписаніемъ отъ 26-го іюля 1863 года за № 2522, назначилъ отрядъ, въ составъ котораго вошли: первая саперная рота 2-го Сапернаго батальона, 2-я рота Ивангородскаго крѣпостнаго батальона, взводъ (два орудія) батарейной № 4 батареи 5-й артиллерійской бригады и 15-ти казаковъ Донскаго казачьяго № 24 полка. Къ отряду долженъ былъ быть взятъ обозъ изъ двухъ фуръ, запасъ пищи на два дня, полное число патроновъ и для поданія медицинской помощи докторъ Петропавловскій ¹⁾ и фельдшеръ Главацкій. Командованіе отрядомъ поручалось командиру саперной роты поручику Мавданскому. Весь составъ отряда былъ такой: саперъ — 3 офицера и 151 рядовыхъ; пѣхоты — 4 офицера и 184 рядовыхъ; артиллеріи — 1 офицеръ и 36 рядовыхъ; казаковъ 15 рядовыхъ и этапъ въ 136 человѣкъ при 2 унтеръ-офицерахъ.

Въ 2 часа утра 27-го іюля, отрядъ этотъ выступилъ изъ Ивангорода.

Часовъ въ 9 утра, въ крѣпости слышали пушечные выстрѣлы, доносившіеся со стороны Жиржина, но значеніе этому никакого не придали. Въ 7-мъ же часовъ вечера, въ крѣпость прибыли два раненыхъ солдата, и доставлены на подводѣ прапорщикъ Никольскій и кузнецъ батареи. Только тогда узнали, что отрядъ разбитъ польскими бандами въ Жиржинскомъ лѣсу, и почта разграблена.

Въ тотъ же день вечеромъ было получено донесеніе отъ начальника отряда въ Казимержѣ полковника Цвѣцинскаго о Жиржинскомъ боѣ. Въстѣ съ этимъ полковникъ Цвѣцинскій доносилъ ивангородскому коменданту, что мятежники перешли р. Вепржъ, и что является необходимымъ задержать въ крѣпости 3 роты Самогитскаго гренадерскаго полка, на что въ послѣдствіи и было получено разрѣшеніе отъ начальника Люблинскаго военнаго отдѣла.

Когда въ крѣпости официально узнали о пораженіи, немедленно былъ посланъ докторъ Гентцель на мѣсто боя для поданія помощи раненымъ. Изъ донесенія этого доктора видно, что на мѣстѣ боя найдено было 76 труповъ, въ томъ числѣ и прапорщика барона фонъ-Толя; имъ также были подобраны остатки разграбленной

¹⁾ А не докторъ Гентцель, какъ говоритъ Любарскій.

почты за исключеніемъ денегъ. Въ мѣстечкѣ Барановѣ въ это время находилось около 150 человекъ больныхъ и раненыхъ.

Прежде чѣмъ выяснитъ подробности самого боя, которыя видны изъ рапорта поручика Лявданскаго, необходимо замѣтить, что польскіе мятежники еще раньше узнали о слѣдованіи почты съ порядочною суммою денегъ. Имъ удалось перехватить нѣкоторыя бумаги, которыя такъ, конечно, и не дошли до крѣпости. Въ приказахъ по войскамъ, въ царствѣ Польскомъ расположеннымъ, за 1863 годъ очень часто попадаются объявленія о захватѣ мятежниками почты то тамъ то сямъ, слѣдовательно, ничего нѣтъ удивительнаго, что народовый ржондъ отлично зналъ все, что ему было интересно. И вотъ, получивъ свѣдѣніе о слѣдованіи почты, банды Крука, Крысинскаго, Вагнера и др. подъ общей командою Крука ¹⁾, собрались въ Жиржинскомъ лѣсу. Довольно густой лѣсъ благопріятствовалъ скрытному расположенію почти 3.500 человекъ поляковъ. Ивангородскій комендантъ не зналъ объ этомъ, такъ какъ посланное ему увѣдомленіе отъ начальника Люблинскаго военного отдѣла генераль-лейтенанта Хрущева не дошло также до крѣпости и попало въ руки мятежниковъ.

Между тѣмъ отрядъ нашъ, выступивъ изъ Ивангорода, благополучно направился на Мощанку и далѣе направо по Варшавско-Люблинскому шоссе на Жиржинъ. Пѣхота имѣла при себѣ по 58—60 патроновъ на каждое ружье; при взводѣ же артиллеріи было: ядеръ 42, обыкновенныхъ гранатъ 21, картечныхъ гранатъ 10, картечей 24, гранатъ съ зажигательнымъ составомъ 7, а всего 104 снаряда.

Не доходя до Жиржинскаго лѣса, была поймана фура съ двумя вооруженными инсургентами. Мятежники объявили, что они принадлежатъ къ бандѣ Янковскаго, численностью около 250 человекъ, которая отправилась къ мѣстечку Баранову. Не довѣряя, однако, показаніямъ пойманныхъ, поручикъ Лявданскій выстроилъ отрядъ въ боевой порядокъ и выслалъ впередъ, для производства развѣдокъ, казаковъ подъ командою квартирмейстера Ивангородскаго крѣпостного батальона поручика Стогова. Отрядъ продолжалъ двигаться къ лѣсу. Мятежники, пользуясь густотою лѣса, были совершенно скрыты, такъ что даже высланный развѣздъ ничего сразу не замѣтилъ.

Когда отрядъ втянулся въ лѣсъ, показались вдали конные развѣзды, которые быстро скрылись. Поручикъ Лявданскій думая, что это остатки банды, ушедшей къ Баранову, не придавъ этому никакого значенія и продолжалъ движеніе далѣе.

¹⁾ Настоящая фамилія его Гейденрейхъ, бывшій нашъ офицеръ генеральнаго штаба.

Когда же отрядъ прошелъ лѣсомъ еще версты двѣ, то вдругъ съ обѣихъ сторонъ раздались выстрѣлы, отъ которыхъ сразу были убиты и ранены почти всѣ лошади при орудіяхъ и зарядныхъ ящикахъ. Немедленно отрядъ былъ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

Артиллерійскому взводу, подъ командою прапорщика Никольскаго, было приказано направить дула орудій въ тѣ стороны, откуда раздались выстрѣлы. Зарядные ящики и передки были поставлены въ неглубокой котловинѣ, дабы скрыть по возможности оставшихся лошадей отъ штуцернаго огня.

Первый взводъ саперной роты и отдѣленіе Ивангородскаго крѣпостнаго батальона, подъ начальствомъ поручика Лявданскаго, разсыпался вправо отъ шоссе. Второй взводъ саперъ съ отдѣленіемъ отъ пѣхоты, подъ командою прапорщика барона фонъ-Толя, разсыпался влѣво отъ шоссе. Вторая рота Ивангородскаго батальона была оставлена для прикрытія артиллеріи и денежныхъ фургоновъ.

При первыхъ нашихъ выстрѣлахъ мятежники отступили, и явилась возможность перейти въ наступленіе, что и было сдѣлано. Но затѣмъ, когда прапорщикъ Толь былъ убитъ, и на лѣвомъ флангѣ произошло замѣшательство, командованіе лѣвой цѣпью принялъ поручикъ Лявданскій, оставивъ на правомъ флангѣ прапорщика Химотченко. Когда отъ картечныхъ выстрѣловъ мятежники и здѣсь подались назадъ, тутъ тоже перешли въ наступленіе. Но въ это время мятежники все прибывали и охватывали небольшой отрядъ со всѣхъ сторонъ. Наступленіе было приостановлено.

«Съ прискорбіемъ долженъ объявить», пишетъ поручикъ Лявданскій въ своемъ рапортѣ коменданту крѣпости о случившемся, — «что рота Ивангородскаго батальона, оставленная мною для прикрытія орудій и денежныхъ фургоновъ, при первыхъ выстрѣлахъ оставила орудія и фургоны и залегла въ боковыхъ канавахъ шоссе, и только немногіе изъ нея, числомъ около 70, ободряемые своими офицерами, свято исполняющими свой долгъ, приняли участіе въ отбитіи непріятельской цѣпи, и никакія приказанія, увѣщеванія, просьбы и даже угрозы не могли заставить опять занять ввѣреннаго имъ поста».

Въ это время, видя замѣшательство и ободренные успѣхомъ, мятежники выслали массу косиньеровъ, которые начали яростно кидаться на орудія и денежные фургоны. До восьми разъ кидались они на обозъ и каждый разъ были отбиты артиллерійскимъ и штуцернымъ огнемъ.

Послѣ трехчасоваго боя почти вся артиллерійская прислуга была перебита. Безсрочно отпускные артиллеристы, шедшіе съ этапомъ, воодушевляемые примѣромъ прапорщика Никольскаго, который самъ лично подносилъ снаряды и производилъ выстрѣлы, несмотря на рану, дѣйствовали у орудій вмѣсто перебитой прислуги. Наконецъ, артиллерійскихъ снарядовъ не стало. Видя это,

поручикъ Лявданскій приказалъ прапорщику Константиновичу взломать фургоны, чтобы спасти деньги. Ключъ отъ фургоновъ былъ у майора Семенова, уже убитаго. Не успѣвъ исполнить приказаніе, Константиновичъ былъ раненъ пулей въ животъ навзлетъ и косою по рукѣ. Въ это же время прапорщику Никольскому было приказано заклепать орудія.

Около 11 часовъ утра, ружейные патроны были израсходованы. Собравъ горсть оставшихся храбрецовъ, Лявданскій обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

Варшавско-Люблинское шоссе и дефиле Жиржинскаго лѣса.

— Ребята! умирать, такъ умирать вмѣстѣ, но съ честью! — и крикнувъ «ура», кинулся въ штыки.

Изъ офицеровъ при этомъ были: поручикъ Стоговъ и прапорщики Никольскій и Петровъ. Прапорщикъ Никольскій получаетъ контузію въ голову и падаетъ безъ чувствъ, и изъ лѣсу, прокладывая себѣ дорогу штыками, вышли только Лявданскій, Стоговъ и Петровъ. Версты три приходилось еще работать штыками; кавалерія мятежниковъ все время пыталась преслѣдовать отрядъ, но каждый разъ останавливалась, обманываемая ложными приготовленіями къ залпу.

Выйдя изъ лѣсу и добравшись до почтовой станціи Жиржинъ, поручикъ Лявданскій захватываетъ тамъ лошадей и даетъ знать о своемъ положеніи въ м. Куровъ. Въ это время подошелъ отрядъ майора Лебединскаго, шедшій изъ Курова на выстрѣлы. Однако Лебединскій не рѣшался атаковать мятежниковъ, убѣдившись въ ихъ безусловномъ превосходствѣ.

Находившійся въ городѣ Казимержѣ отрядъ 5-го стрѣлковаго полка, подъ начальствомъ полковника Цвѣдинскаго, также шелъ на выстрѣлы, но, ошибочно взявъ не то направленіе, онъ запоздалъ и прибылъ къ мѣсту сраженія, когда банды уже отошли къ Баранову.

Начальникъ отряда поручикъ Лявданскій въ рапортѣ своемъ доноситъ:

«Офицеры всѣхъ частей исполняли свой долгъ честно и добросовѣстно, подавая собой примѣръ нижнимъ чинамъ. Изъ числа наиболѣе отличившихся были: 5-й артиллерійской бригады, батарейной № 4 батареи прапорщикъ Никольскій; Ивангородскаго крѣпостнаго батальона поручикъ Стоговъ, прапорщики Константиновичъ, Череватовъ и Петровъ; 2-го сапернаго батальона прапорщикъ Химотченко. Находившійся при отрядѣ лѣкарь Петропавловскій подъ самымъ сильнымъ огнемъ съ фельдшеромъ Головацкимъ дѣлали перевязки раненымъ. Къ числу отличившихся нижнихъ чиновъ, не говоря уже о саперахъ и артиллеристахъ, о которыхъ даже сами мятежники отзывались, какъ о герояхъ, можно упомянуть поступки двухъ безсрочно-отпускныхъ, а именно: рядовой Лаврентій Васильевъ, идущій на службу въ батарейную № 3 батарею 5-й артиллерійской бригады, завидя убитую и перераненную орудіянную прислугу, схватилъ банникъ и дѣйствовалъ до окончанія артиллерійской стрѣльбы; послѣ этого, поднявъ у убитаго ружье, штыкомъ при мнѣ прокладывалъ дорогу.

«Пойманный изъ бѣговъ Вологодскаго пѣхотнаго полка рядовой Яковъ Филипповъ, препровождаемой мною въ оковахъ, при первыхъ выстрѣлахъ сбиль кандалы и, взявъ у перваго убитаго ружье и патронташъ, во все время боя находился впереди цѣпи».

Наши потери послѣ Жиржинскаго боя были слѣдующія: убито 33 сапера, 33 пѣхотныхъ, 6 артиллеристовъ, 5 казаковъ; этапныхъ пропало 108. Офицеровъ убито два: прапорщикъ баронъ фонъ-Толь и майоръ Семеновъ. Ранены: саперъ прапорщикъ Химотченко пулей въ ляшку и избитъ прикладомъ по головѣ; Ивангородскаго батальона поручикъ Стоговъ — двумя пулями въ грудь навyleтъ; прапорщикъ Константиновичъ пулею въ животъ навyleтъ и косяю по рукѣ; Череватовъ — пулею въ ногу и восьмью штыковыми ударами въ шею, грудь и спину; Петровъ — пулею въ грудь. Нижнихъ чиновъ ранено: 46 саперъ, 83 пѣхотныхъ, 18 артиллеристовъ и 2 казака.

Константиновичъ, Химотченко, Никольскій, Череватовъ и лѣкарь

Петропавловскій были сначала взяты въ плѣнъ, но затѣмъ выпущены. Къ потерямъ также относятся: два фургона съ деньгами, два орудія и весь обозъ и лошади.

Разсѣявшійся послѣ боя отрядъ собирался постепенно въ разныя мѣста. Такъ въ Люблинскій этапъ прибыло 13 человекъ; въ Люблинскій госпиталь принято 25 человекъ, изъ числа которыхъ были такіе, которые не могли говорить, почему и нельзя было установить ихъ званій; часть людей пришла въ крѣпость, часть въ м. Барановъ.

Вслѣдъ за извѣстіемъ о пораженіи въ Жиржинскомъ лѣсу началось по этому поводу слѣдственное дѣло. Сначала оно поручено было командиру Ивангородской инженерной команды подполковнику Вошнину. На предписаніи начальника Люблинскаго военного отряда генераль-лейтенанта Хрущева отъ 31 іюля 1863 года за № 7661, между прочимъ, есть слѣдующая надпись, сдѣланная карандашомъ, повидимому, правителемъ дѣлъ штабсъ-капитаномъ Сильвестровымъ: «Слѣдствіе нарядается по требованію изъ Варшавы. Тамъ есть молва, что отрядъ былъ пьянъ». Эта надпись, а также и упомянутая въ воспоминаніяхъ Любарскаго бочка съ водкой до сихъ поръ поддерживаютъ мнѣніе, что отрядъ потому былъ разбитъ, что солдаты будто бы напились, разбивъ ту бочку, которую везли два повстанца, захваченныхъ передъ лѣсомъ. Фактъ этотъ официально не подтверждается такъ же, какъ и происхожденіе этого слуха.

При самомъ началѣ слѣдствія въ Ивангородъ прибылъ генераль-майоръ Оперманъ, командированный сюда для производства дознанія, почему подполковникъ Вошнинъ прекратилъ свое расслѣдованіе.

Изъ произведеннаго такимъ образомъ расслѣдованія выяснилось:

1) Комендантъ крѣпости генераль-лейтенантъ Бурмейстеръ ничего не зналъ о сосредоточиваніи въ Жиржинскомъ лѣсу массъ мятежниковъ.

2) Посланное генераль-лейтенантомъ Хрущевымъ увѣдомленіе о приостановленіи дальнѣйшаго слѣдованія почты въ Ивангородѣ не получено.

3) Не получено также ивангородскимъ комендантомъ и предписаніе начальника штаба войскъ въ царствѣ Польскомъ отъ 6 іюля, въ которомъ говорилось, что для конвоирования почты будетъ назначенъ особый отрядъ полевыхъ войскъ, и отнюдь нельзя было посылать войскъ изъ крѣпости.

4) Не получивъ вышеупомянутаго предписанія генераль-лейтенантъ Бурмейстеръ назначилъ отрядъ для сопровожденія только этапа, прибывшаго изъ Радома, такъ какъ въ то же время онъ обязанъ былъ и высылать войска для наблюденія за райономъ между рѣками Вислой и Вепржемъ и деревнями Жабинкою и Мацѣви-

чами ¹⁾). Не зная же о томъ, есть ли у Курова войска, имъ донесено было объ этомъ въ Люблинъ для соотвѣтствующаго распоряженія.

б) Отрядъ былъ составленъ преимущественно изъ саперъ, какъ изъ болѣе надежныхъ солдатъ, такъ какъ пѣхотный батальонъ былъ комплектованъ изъ молодыхъ, неопытныхъ солдатъ, положиться на которыхъ комендантъ не находилъ возможнымъ.

в) Относительно назначенія начальникомъ отряда такого молодого офицера, какимъ является поручикъ Лявданскій, комендантъ крѣпости донесъ, что это сдѣлано по необходимости, ибо штабъ-офицеровъ не было. Кромѣ того, личныя качества поручика Лявданскаго, какъ неоднократно исполнявшаго подобныя порученія, хорошо извѣстны коменданту. Генераль Хрущевъ замѣтилъ на это, что надо было назначить кого либо изъ командировъ частей. По донесеніи объ всемъ этомъ дѣлѣ на высочайшее имя, государь императоръ соизволилъ положить слѣдующую резолюцію: «Назначеніе начальникомъ отряда поручика считаю непростительною оплошностью».

Дѣло это разсматривалъ полевой аудиторіатъ, положившій слѣдующую резолюцію:

«Полевой аудиторіатъ, разсмотрѣвъ слѣдственное дѣло о разбитіи польскими мятежниками 27 іюля минувшаго года нашего отряда, конвоировавшаго изъ крѣпости Ивангорода денежную почту и этапъ, находить, что по внимательномъ соображеніи всѣхъ представленныхъ этимъ дѣломъ обстоятельствъ несчастнаго событія съ нашимъ отрядомъ должно быть приписано лишь особому стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ и разныхъ случайностей, неизбежныхъ въ военное время. Но за всѣмъ тѣмъ, обращаясь къ отдѣльнымъ фактамъ, обнаруженнымъ слѣдствіемъ, аудиторіатъ признаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе, какъ упущенія, другіе же имѣютъ особую важность по своей преступности.

«Такъ комендантъ Ивангородской крѣпости, генераль-лейтенантъ Бурмейстеръ, подчинилъ отрядъ, состоявшій изъ войскъ разныхъ частей и имѣвшій столь важное назначеніе, какъ конвоированіе значительной суммы и партіи, слѣдовавшей этапнымъ порядкомъ, младшему офицеру, а не одному изъ штабъ-офицеровъ, состоящихъ въ его вѣдѣніи.

«Приводимыя въ этомъ случаѣ генераль-лейтенантомъ Бурмейстеромъ оправданія, что штабъ-офицеровъ, за исключеніемъ начальниковъ частей, въ крѣпости на лицо не имѣлось, не могутъ заслуживать особаго уваженія, потому что онъ имѣлъ возможность командировать и начальника части, особенно если принять при этомъ въ соображеніе, что переходъ отъ Ивангорода до Курова и обратно

¹⁾ Историческая деревня; близъ нея въ 1794 году Ферзеномъ разбита польская армія Костюшки.

составляетъ только два дня, въ которые безъ особаго вреда для службы могъ быть командированъ и начальникъ части.

«Впрочемъ, въ оправданіе генераль-лейтенанта Бурмейстера въ настоящемъ упущеніи должно быть принято то, что онъ поручилъ отрядъ именно поручику Лявданскому, какъ офицеру благонадежному, опытному, вполне заслуживающему довѣріе и неоднократно уже бывшему въ подобныхъ командировкахъ. По этимъ же причинамъ генераль-лейтенантъ Бурмейстеръ не снабдилъ Лявданскаго особою инструкціей.

Жиржинскій памятникъ.

«Полевой аудиторіатъ полагаетъ представляемыя настоящимъ дѣломъ упущенія коменданта Ивангородской крѣпости, генераль-лейтенанта Бурмейстера, представить на благоусмотрѣніе главнокомандующаго войсками въ царствѣ Польскомъ».

На это заключеніе полевого аудиторіата главнокомандующій генераль-адъютантъ графъ Бергъ объявилъ коменданту Бурмейстеру замѣчаніе.

За это дѣло были представлены къ наградамъ всѣ участвовавшіе офицеры. Но начальникъ Люблинскаго военного отдѣла генераль Хрущевъ отвѣтилъ, что не находитъ возможнымъ ходатай-

ствовать о наградахъ офицеровъ. Въ это же время графъ Бергъ пожаловалъ 9 знаковъ отличія военного ордена 4-й степени для нижнихъ чиновъ.

Награды были распредѣлены такъ: 5 въ саперную роту и по два въ артиллерію и казакамъ. Награждены были также и тѣ арестанты, которые проявили мужество и готовность заградить свою вину: они были помилованы государемъ и даже зачислены въ ряды той роты, съ которой они защищались. Извѣстно, что одинъ знакъ отличія военного ордена былъ полученъ казакомъ Красноглазымъ (Иваномъ) по личному ходатайству начальника отряда, а одинъ — унтеръ-офицеромъ саперомъ Хорошавинымъ, бывшимъ тогда на излѣченіи въ люблинскомъ госпиталѣ.

Только въ концѣ декабря послѣдовало приказаніе графа Берга о представленіи къ наградамъ и офицеровъ-участниковъ боя въ Жиржинскомъ лѣсу.

Не безъинтересна краткая исторія о двухъ пушкахъ, отобранныхъ въ Жиржинскомъ бою. Въ концѣ декабря 1863 года, отъ начальника Рыскаго отряда майора Штернберга было получено увѣдомленіе, что найдены пушки, отбитыя въ Жиржинскомъ лѣсу. Орудія эти были найдены артиллерійскимъ поручикомъ Зорко изъ отряда майора Владычекъ. Слухи о томъ, что орудія эти гдѣ-то затоплены или зарыты, принудили искать ихъ, и вотъ они были найдены у д. Худа-Воля.

21-го декабря, въ крѣпость Ивангородъ были доставлены подъ конвоемъ 8 линейной роты Архангелогородскаго пѣхотнаго полка (штабсъ-капитанъ Рогозинскій) и взвода Каргопольскаго драгунскаго полка, болѣе 50 кусковъ расплавленнаго и около 36 кусковъ разрубленнаго артиллерійскаго металла, половина единорога и вновь отлитое польское орудіе. При этомъ также доставлено было 4 лошади и арестованные: помѣщикъ деревни Худа-Воля, Янъ Маковскій, мастеръ литейнаго завода пушкарь, Францъ Ромовичъ, Янъ Плоновскій, Янъ Войдона и Ипполитъ Темпунскій.

Въ донесеніи майора Штернберга между прочимъ сказано: «Донешу, что помѣщикъ Маковскій и пушкарь Ромовичъ, по немедленномъ подверженіи подробнѣйшимъ допросамъ, по распоряженію вашего превосходительства, откроютъ многія свѣдѣнія, которыя необходимы для дѣйствія по горячимъ слѣдамъ».

По этому поводу снова послѣдовало предписаніе начальника люблинскаго военного отдѣла о началіи дѣла, которымъ предполагалось выяснить обстоятельства переливки пушекъ, найденныхъ отрядомъ майора Владычекъ, а также прикосновенность Маковского и Ромовича къ этому дѣлу и дѣлу о повѣшеніи люблинскаго бургомистра. Къ сожалѣнію, подробности этого дѣла, а въ особен-

ности послѣдняго, очень не полны, почему и приходится ограничиться немногимъ.

Прежде всего выяснилось, что вѣсь полученныхъ кусковъ металла очень много разнится съ вѣсомъ двухъ орудій. Однако изъ дѣла не видно, почему это произошло, и возможно, что куски попросту потеряны и затоптаны въ болотистой почвѣ. Самая переливка происходила такъ. Дня черезъ два послѣ боя, банды Крука, Крысинскаго и Вагнера пришли въ Любартовскіе лѣса и потребовали у окрестныхъ помѣщиковъ реквизиціи. Генераль Крукъ (такъ его называетъ помѣщикъ Маковскій въ своихъ показаніяхъ) приказалъ Маковскому, подѣ страхомъ смерти, отправиться къ мельницѣ Каня въ деревнѣ Дронзговъ и тамъ вытащить изъ воды два затопленныхъ орудія, сжечь лафеты и колеса, а орудія закопать въ землю. Никакіе уговоры и просьбы не подѣйствовали на Крука, который, хотя и назначилъ для этого дѣла помѣщика Пашковскаго, но и Маковскому все же велѣлъ при этомъ присутствовать. Братья Пашковскіе, Янъ и Владиславъ, исполняя приказаніе Крука, перевезли орудія черезъ р. Вепржъ и закопали ихъ близъ селенія Лысобоки. Только въ послѣднихъ числахъ октября или въ началѣ ноября прибылъ изъ Варшавы литейный мастеръ съ фабрики Рудзскаго и потребовалъ указать, гдѣ лежатъ пушки, имѣя на то приказъ ржонда и начальника Люблинскаго уѣзда.

Работы по отливкѣ производились на землѣ Маковскаго, куда и были перевезены откопанныя орудія. Все это производилось секретно, въ новомъ сараѣ, который впоследствии отъ сильнаго жара сгорѣлъ, замедливъ такимъ образомъ отливку. Два мастера, работавшіе по отливкѣ, Ромовичъ и Олейко, показали, что оба они вовлечены сначала обманомъ и приглашеніемъ для другаго дѣла, а затѣмъ угрозой. Неизвѣстный господинъ, вывезшій ихъ изъ Варшавы, потомъ говорилъ имъ, что лафеты и колеса для будущихъ пушекъ дѣлаются въ другомъ мѣстѣ, но гдѣ именно—неизвѣстно. Такимъ образомъ они успѣли вылить только одно орудіе, какъ были захвачены поручикомъ Зорко и арестованы.

Нынѣ на мѣстѣ боя поставленъ памятникъ. Онъ стоитъ на небольшой, по всей вѣроятности, естественной площадкѣ, въ лѣсу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ люблинскаго шоссе. Онъ состоитъ изъ основанія и пьедестала, сдѣланныхъ изъ камня, а на верху небольшая чугунная, четырехугольная колонна съ крестомъ. По бокамъ памятника два деревянныхъ креста. Братская могила, въ видѣ длиннаго холмика, тутъ же у подножія памятника.

Около этого холмика небольшая каменная пирамидка съ крестомъ и надписью «Братская могила». Все это обнесено чугунной, восьмисторонней рѣшеткой, шаговъ восемь каждая сторона.

На переднемъ фасѣ памятника, обращенномъ къ шоссе, на пьедесталѣ, укрѣплена чугунная доска съ надписью.

«Приказъ по Ивангородскому гарнизону. Крѣпость Ивангородъ іюля 27 дня 1888 года.

«27-го іюля 1863 года, двѣ роты Ивангородскаго гарнизона, при двухъ горныхъ пушкахъ, сопровождали почту, слѣдовавшую изъ Варшавы въ Люблинъ. Когда маленькій нашъ отрядъ втянулся въ тѣснину Жиржинскаго лѣса, его внезапно атаковала банда польскихъ мятежниковъ вдесятеро превышавшая его числомъ. Громадный перевѣсъ въ силахъ непріятели не устрасилъ нашихъ храбрецовъ; русскій солдатъ никогда не считаетъ непріятели, а только спрашиваетъ: гдѣ онъ?

«Наши роты въ упоръ дали по непріятелю залпъ и ударили въ штыки, при чемъ каждый изъ русскихъ долженъ былъ драться одинъ противъ десяти, положили много враговъ, но сами всѣ до послѣдняго полегли жертвою своей храбрости и беззаветной преданности нашему царю. Такъ поступать долженъ всякій русскій воинъ; такъ поступали и наши предки. Нашимъ лозунгомъ всегда было и будетъ: лучше умереть, чѣмъ сдаться. Завтра исполнится ровно четверть столѣтія со дня геройской смерти нашихъ товарищей-героевъ. По этому случаю на братской могилѣ будетъ совершена заупокойная панихида и освященъ возобновленный памятникъ, свидѣтельствующій объ одномъ изъ безчисленныхъ подвиговъ нашей арміи.

«Помянемъ же память нашихъ честныхъ товарищей, и да передастся ихъ славный послѣдній день жизни изъ рода въ родъ.

«Подлинный подписалъ Ивангородскій комендантъ генераль-лейтенантъ Комаровъ».

Съ той же стороны, но на верхней чугунной колонкѣ надпись:

«Воинамъ, павшимъ за царя и родину въ Жиржинской битвѣ 1863 г. іюля 27».

Сзади, со стороны лѣса, на пьедесталѣ надпись:

«Возобновленъ 27-го іюля 1888 года, на средства, пожертвованныя русскими людьми, при варшавскомъ генераль-губернаторѣ генераль-адъютантѣ Гурко, люблинскомъ губернаторѣ Тхоржевскомъ и начальникѣ Ново-Александрійскаго уѣзда Кирилловичѣ».

На той же сторонѣ сверху написано:

«Миръ праху вашему, братья войны».

По бокамъ памятника на деревянныхъ крестахъ надписи:

«Возобновленъ 27-го іюля 1888 года».

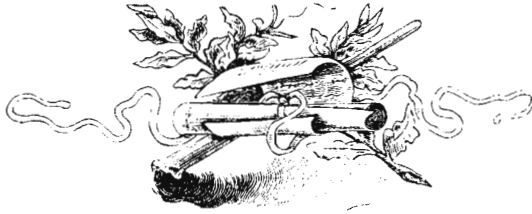
Въ воспоминаніяхъ Любарскаго между прочимъ есть слѣдующія строки:

«Теперь черезъ Жиржинскій лѣсъ проходитъ Привислянская желѣзная дорога. Года четыре тому назадъ мнѣ привелось проѣз-

жать по этому мѣсту. Я съ напряженнымъ вниманіемъ всматривался изъ окна вагона въ знакомую мѣстность, но исторической могилы не замѣтилъ».

Предоставляемъ читателямъ судить о правдоподобности этого сообщенія, отъ себя же прибавимъ, что Привислянская дорога вовсе не проходитъ черезъ Жиржинскій лѣсъ, и что до полотна дороги отъ памятника около десяти верстъ.

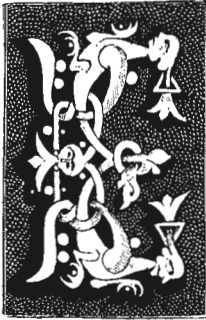
П. Естифѣевъ.

КОЗЕЛЬСКАЯ ОПТИНА ПУСТЫНЬ.

(Посвящаю памяти моего отца).

СТЬ мѣста, которыя не отличаются особенною красотою природы, не связаны съ какими либо «преданіями старины глубокой» или воспомина- ніями историческими, но которыя знаетъ масса, почти весь народъ, если и не по личному посѣ- щенію, то, по крайней мѣрѣ, по слухамъ, по раз- сказамъ другихъ. Къ числу такихъ мѣстъ отно- сится и Козельская Оптина пустынь, прославив- шаяся своими знаменитыми старцами, особенно о. Амвросіемъ, жившимъ въ наши дни и лишь недавно почившимъ. Еще въ дѣтствѣ я часто слышалъ разговоры отца, матери, знакомыхъ, про отца Амвросія и Оптину пустынь. Въ этихъ разговорахъ имя старца всегда упоминалось съ глубокимъ уваженіемъ, про него говорилось, какъ о человѣкѣ святой жизни, обладавшемъ почти даромъ пророчества. Очень сожалѣю, что мнѣ привелось побывать въ этой обители лишь въ настоящее время, а не при жизни еще о. Амвросія.

I.

По дорогѣ въ Оптину пустынь.

Лица, посѣщавшія Оптину пустынь и дававшія затѣмъ ея опи- саніе, начинали таковое съ разсказа о томъ, какой красивый видъ представляетъ собою пустынь со стороны большой Калужской до- роги, или съ дороги отъ Козельска. Я же совершилъ поѣздку съ

противоположной стороны — отъ Бѣлева, по большой Козельской дорогѣ. Этотъ путь — не изъ живописныхъ. Обычный русскій большакъ, обсаженный мѣстами березами и ветлами, однообразно тянется на разстояніи двадцати двухъ верстѣ. Вблизи большака вьется полотно вновь строящейся Данково-Смоленской желѣзной дороги, которую мы на первыхъ десяти верстахъ пересѣкаемъ три раза. На двадцать третьей верстѣ мы вѣзжаемъ въ Козельскую засѣку, составляющую часть той казенной засѣки, которая на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстѣ тянется въ предѣлахъ Калужской, Тульской и Рязанской губерній. Сначала идетъ невысокая заросль, покрывшая собою уже сведенные лѣсные участки. Затѣмъ мы ѣдемъ между зелеными стѣнами, образуемыми вѣковыми дубами и липами. Тысячи голосовъ пернатыхъ несутся изъ чащи... Прелесть поѣздки черезъ засѣку, къ сожалѣнію, отравляется толстымъ слоемъ песка, обильно покрывающимъ дорогу и все болѣе и болѣе увеличивающимся по мѣрѣ нашего приближенія къ долиנѣ р. Жиздры.

Вдругъ, сквозь просѣку, верстѣ за шесть, открылся Козельскъ. Онъ живописно раскинулся по правому нагорному берегу Жиздры. Золотые кресты его семи церквей ярко блестятъ. Среди многочисленныхъ садовъ видно немало каменныхъ домовъ. Словомъ, передъ нами красивый видъ. Но наружность вѣдь подчасъ обманчива... Внутри Козельскъ, какъ впрочемъ и приличествуетъ русскому уѣздному городу, представляетъ картину незавидную.

На послѣдней части нашего пути засѣка состоитъ главнымъ образомъ изъ чудныхъ сосенъ и елей.

Не доѣзжая верстѣ трехъ до Козельска, мы сворачиваемъ съ большой дороги вправо и черезъ полчаса послѣ этого подѣзжаемъ съ юго-западной стороны къ святой обители, расположенной на лѣвомъ берегу Жиздры и окруженной съ трехъ сторонъ вѣковымъ боромъ.

II.

Лѣтопись Оптиной пустыни.

Постоянные опустошительные набѣги крымскихъ и ногайскихъ татаръ на южныя границы Московскаго государства заставили правителей послѣдняго укрѣпить засѣками всю страну отъ Оки къ Дону и черезъ Донъ къ Волгѣ. Часть засѣки проходила и вблизи г. Козельска (древній Козелѣскъ или Козлѣскъ), основаннаго въ 1146 году.

Служа обороной отъ набѣговъ дикихъ кочевниковъ, засѣка въ то же время являлась притономъ для разбойничьихъ шаекъ, наводившихъ часто ужасъ на мирныхъ жителей государства.

Въ XIV вѣкѣ, въ засѣкѣ, прилегающей къ Козельску, укрылся грозный предводитель шайки «станишниковъ» Опта. Много

лѣтъ держалъ онъ въ страхѣ городъ и окрестныя селенія, пока Господь не «взыскалъ его въ вождя и наставника душъ»: изъ грознаго разбойника онъ сталъ смиреннымъ отшельникомъ и на опушкѣ густаго бора, на берегу р. Жиздры, основалъ пустынь и постригся въ монашество подъ именемъ Макарія. Поэтому основанная имъ обитель носитъ названіе Макаріевой Оптиной.

Таково устное преданіе о началѣ пустыни.

Первыя письменныя свѣдѣнія о ней относятся къ царствованію Бориса Годунова, такъ какъ въ козельскихъ писцовыхъ книгахъ (1629—1631 гг.) значится, что этому монастырю были пожалованы разныя угодія на поминаваніе царя Феодора Иоанновича.

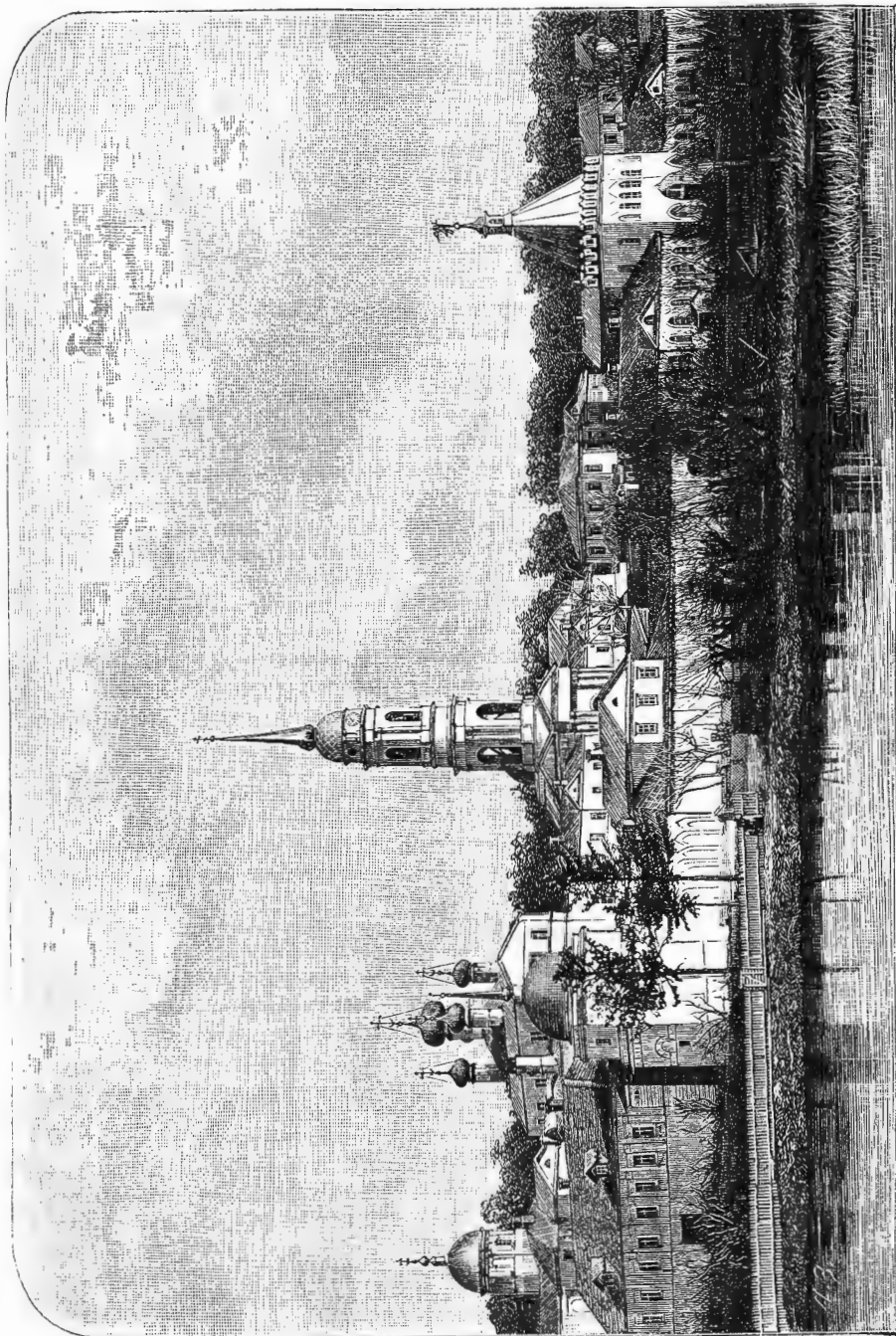
Въ началѣ XVII вѣка, послѣ «литовскаго разоренія» (когда Козельскъ, а вмѣстѣ съ нимъ, несомнѣнно, и Оптина пустынь были разорены «безъ остатку»), въ обители уже существовала «церковь Введенія Пречистыя Богородицы древяна клетка (т. е. клѣтью) ...а въ монастырѣ шесть келій...».

Въ 1689 году, въ монастырѣ началась постройка первой каменной церкви во имя Введенія Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ во имя преподобнаго Шафнугія, боровскаго чудотворца. Этотъ храмъ, какъ видно изъ древней вкладной книги, былъ воздвигнутъ усердіемъ «окрестныхъ бояръ и всякаго чину людей». Помогли обители и царевна Софія и цари Иоаннъ и Петръ Алексѣевичи.

Едва начавшая устраиваться Оптина пустынь, въ силу духовнаго регламента, была упразднена. По этому акту надлежало «монастыри, идѣже мало братіи... сводити во едину обитель... а оставшіяся монастырскія церкви въ приходскія поверстати, а попу и церковникамъ дать той монастырской земли неоскудно, а оставшееся что есть приписать къ тому жъ монастырю, въ онѣже братіи будутъ переведены». Поэтому, въ 1724 году, Оптина пустынь вмѣстѣ съ бѣлевской Жабынской пустынью была приписана къ бѣлевскому Спасопреображенскому монастырю: братія ея, состоявшая изъ двѣнадцати человѣкъ, была переведена въ Бѣлевъ, куда были перевезены разобранныя монастырскія ограды, келіи и скотный дворъ. Оптинскій храмъ былъ обращенъ въ приходскую церковь, и для служенія въ ней были оставлены бѣлый попъ Федоръ Григорьевъ и дячекъ.

Въ 1726 году, по указу императрицы Екатерины I, Оптина пустынь была восстановлена, но имущество ея было возвращено не сразу, такъ какъ этого не желалъ настоятель Бѣлевскаго монастыря, архимандритъ Тихонъ, и лишь благодаря официальному вмѣшательству преосвященнаго Леонида, архіепископа сарскаго и подонскаго, Оптиной пустыни было возвращено почти все принадлежавшее ей ранѣе имущество.

Въ 1750 году, въ пустыни былъ заложенъ на мѣстѣ стараго новый соборный храмъ во имя Введенія Пресвятыя Богородицы съ

Козельская Оптина пустынь.

двумя придѣлами—во имя преподобнаго Шафнута и великомученика Феодора Стратилата. Храмъ былъ воздвигнутъ на пожертвованія «всякаго чина людей, и главнымъ образомъ семьи Шепелевыхъ.

Четырнадцатилѣтній періодъ, съ 1764 по 1796 г., былъ временемъ полного упадка и оскудѣнія обители: за эти годы число братіи не только не превосходило положеннаго по штату числа семи, но постоянно было меньше его. Даже доходило до того, что настоятель обители былъ тамъ единственнымъ іеромонахомъ.

Заря новой, свѣтлой жизни занялась для Оптиной пустыни въ концѣ прошлаго вѣка. Возрожденіемъ своимъ пустынь была обязана знаменитому митрополиту московскому Платону. Послѣдній, посѣтивъ въ 1796 году пустынь, «призналъ мѣсто сіе для пустынножителства весьма удобнымъ, почему и рѣшился оное тутъ учредить, по образу Пѣсношскаго монастыря». Поэтому онъ обратился къ настоятелю послѣдняго, строителю Макарію, съ просьбой дать ему для сего способнаго человѣка, каковымъ и признанъ былъ іеромонахъ Авраамій.

О. Авраамій, прибывъ въ Оптину пустынь, нашель ее въ страшномъ запустѣніи: «не было полотенца рукъ обтирать служащему, рассказывалъ потомъ онъ, а помочь горю и скудости было нечѣмъ; я плакалъ да молился, молился да плакалъ». Черезъ два мѣсяца онъ отправился въ Пѣсношскій монастырь просить старца о. Макарія «снять съ него бремя не по силамъ». Старецъ утѣшилъ о. Авраамія. Потомъ повезъ его по знакомымъ помѣщикамъ, которые и снабдили его разнымъ имуществомъ. Вернувшись со сбора, о. Макарій обратился къ братіи со словами: «отцы и братія! Кто изъ васъ пожелаетъ ѣхать съ о. Аврааміемъ для устроенія ввѣренной ему обители, я не только не препятствую, но и съ любовію благословляю на сіе благое дѣло». Нѣсколько человѣкъ изъ братіи Пѣсношскаго монастыря послѣдовали совѣту старца и отправились съ о. Аврааміемъ въ Оптину пустынь. Въ послѣдней такимъ образомъ составилось братство, котораго она уже давно не видала.

Въ 1802 году, о. Аврааміемъ было приступлено къ постройкѣ трехъярусной колокольни и двухъ по обѣимъ ея сторонамъ каменныхъ зданій для братскихъ келій. Въ 1805 году, была совершена закладка Казанскаго храма, а въ 1809 году — больничной церкви съ шестью при ней келіями. Постройка обоихъ храмовъ была окончена въ 1811 году. Затѣмъ о. Аврааміемъ были выстроены два каменные двухъэтажные флигеля—братской трапезы и настоятельскій. При немъ же число монаховъ по штату съ семи было увеличено до тридцати.

Двадцатилѣтнее настоятельство о. Авраамія, умершаго въ 1817 году, принесло Оптиной пустыни огромную пользу: благодаря замѣчательной энергіи и преданности дѣлу, онъ сумѣлъ возстановить и поднять на довольно высокую степень благосостоянія обитель. Заведя

въ ней примѣрный внутренній порядокъ, онъ въ то же время сни- скалъ любовь и почтеніе какъ братіи, такъ и окрестнаго населенія.

Во время настоятельства въ пустыни игумена Даніила, при ней, по инициативѣ епископа калужскаго Филарета (бывшаго потомъ митрополитомъ кievскимъ), былъ основанъ скитъ во имя св. Іоанна Предтечи.

При томъ же игуменѣ Данилѣ было построено на сумму, за- вѣщанную Ртищевой, каменное зданіе братской трапезы и при немъ въ 1824 году въ Оптиной пустыни былъ введенъ «уставъ общежи- тельнаго монастыря, писанный для Коневской обители».

Въ слѣдующемъ году, игумень Даніилъ былъ переведенъ въ Лихвинскій Добрый монастырь, и мѣсто его въ пустыни занялъ на- чальникъ новоустроеннаго скита, іеромонахъ Моисей, возведенный въ 1853 году въ санъ архимандрита.

Въ теченіе тридцати-семилѣтняго управленія Оптиной пустынью о. Моисей привелъ ее въ цвѣтущее состояніе. Я ограничусь здѣсь краткимъ перечисленіемъ того, что было сдѣлано имъ для пустыни. Именно, при немъ былъ распространенъ Введенскій соборъ, при которомъ были устроены два боковыхъ придѣла; къ больничной церкви была сдѣлана пристройка: въ старой братской трапезѣ устроена церковь во имя пр. Маріи Египетской, была выстроена кладбищенская церковь, вновь были построены семь братскихъ кор- пусовъ внутри монастыря, новая трапезная, бібліотека, восемь кор- пусовъ съ тремя флигелями для гостиницъ, два конныхъ двора, скотный дворъ, заводы кирпичный и черепичный, мельница близъ монастыря и каменная ограда съ семью башнями кругомъ мона- стыря.

На ряду съ такимъ замѣчательнымъ внѣшнимъ устройствомъ обители о. Моисеемъ было много сдѣлано и для упорядоченія вну- тренняго строя монастыря. Оптиное братство при немъ возросло до 150 человекъ. При отцѣ же Моисей въ пустыни былъ введенъ институтъ старчества, прославившаго пустынь далеко за предѣлами Калужской губерніи.

Послѣ смерти въ 1862 году архимандрита Моисея, въ настоя- тели пустыни былъ избранъ скитскій іеромонахъ о. Исаакій. По- слѣдній происходилъ изъ рода курскихъ почетныхъ гражданъ Ан- тимоновыхъ. Обладая крѣпкимъ здоровьемъ и большою физическою силою, онъ отличался твердостью характера и вмѣстѣ съ тѣмъ за- мѣчательною простотою и чистотою сердца. Въ его настоятельство, продолжавшееся тридцать два года (онъ умеръ 1895 году) и со- впавшее со старческимъ служеніемъ о. Амвросія, пустынь достигла наиболѣе цвѣтущаго состоянія.

Въ настоящее время обителью управляетъ архимандритъ Доси- оей. Въ послѣдніе годы число монастырской братіи доходитъ до 250 человекъ.

III.

Св. обитель въ настоящее время.

Святую обитель, какъ уже было выше сказано, съ трехъ сторонъ окружаетъ вѣковой боръ. Съ запада, у самыхъ стѣнъ ея, течетъ многоводная Жиздра. Замѣчательно красивы здѣсь ея берега, обсаженные заботливыми руками монаховъ ветлами; весною многочисленные плоты изъ верховьевъ ея сплавляются въ Оку. За Жиздрою, вплоть до Козельска, тянутся поемные луга, орошаемые притокомъ Жиздры, Ключомою, и нѣсколькими озерами.

Центральная и лучшая часть обители, заключающая въ себѣ храмы, келіи и разныя учрежденія, ограждена оѣлой каменной съ семью башнями стѣной, въ формѣ правильного четырехугольника, занимающаго площадь въ 370 кв. саж. За оградой, въ сѣверо-западной части монастыря, расположенъ еще цѣлый рядъ хозяйственныхъ построекъ, обнесенныхъ въ свою очередь также каменной оградой, за которой находятся остальные монастырскія хозяйственные постройки.

Для обозрѣнія обители войдемте въ западныя ворота и поднимемся по широкой колѣнчатой лѣстницѣ, ведущей къ святымъ вратамъ, устроеннымъ подъ колокольнею.

На средней площадкѣ этой лѣстницы устроена монастырская книжная лавка. Къ стыду монастыря, въ лавкѣ нельзя достать порядочныхъ фотографическихъ видовъ обители. Тамъ имѣется лишь нѣсколько крайне неудачныхъ, да притомъ испорченныхъ снимковъ. А среди монаховъ есть фотографъ-любитель, который любезно предложилъ мнѣ снять нѣсколько видовъ для настоящаго очерка.

Противъ св. вратъ стоитъ соборный Введенскій храмъ. Внутри онъ довольно обширенъ и свѣтелъ. Главный иконостасъ вызолоченъ и очень красивъ. Стѣны расписаны изображеніями библейской и евангельской исторіи. Въ храмѣ есть четыре древнихъ иконы, пожертвованныя въ 1689 году стольниками Андреемъ и Иваномъ Петровичами Шепелевыми: Спасителя, Божіей Матери, преподобнаго Пафнутія и Введенія Пресвятыя Богородицы. Первые двѣ иконы помѣщены на столбахъ у входа въ соборъ; третій образъ находится противъ настоятельскаго мѣста, а образъ Введенія помѣщенъ въ трапезѣ.

Сзади собора, противъ придѣла во имя св. Николая Чудотворца, находятся дорогія для пустыни и православнаго люда могилы: здѣсь похоронены великіе старцы. Ближайшій къ церкви—памятникъ надъ могилою старца о. Леонида (въ схимѣ Льва); памятникъ чугунный и довольно большой. Особенно хороши рядомъ стоящіе памятники надъ прахомъ старцевъ о. Макарія и о. Амвросія: они имѣютъ видъ

часовень, внутри которых помѣщены гробницы (надъ могилою о. Амвросія—мраморная). Узкая дорожка отдѣляетъ эти памятники отъ четвертаго памятника — часовни надъ могилою почившаго въ 1873 году начальника скита іеросхимонаха о. Иларіона. Послѣ обѣдни надъ могилою о. Амвросія для богомольцевъ служитъ панихида.

Старець іеросхимонахъ Амвросій.

По правую сторону собора находится одноглавый теплый храмъ въ честь Казанской иконы Божіей Матери съ двумя придѣлами — въ честь Воздвиженія Креста Господня и во имя св. великомученика Георгія Побѣдоносца и Феодора Стратилата. О сооруженіи этого храма разсказывается слѣдующее преданіе. Во время обновленія Оптиной пустыни при настоятелѣ о. Аврааміи, когда разбирали старую деревянную ограду, на работѣ этой находился іеро-

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1899 г., т. LXXIV.

10

монахъ Макарій. Послѣдній, по неосторожности, упалъ сверху ограды на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится храмъ, и получилъ сильныя поврежденія. Во время тяжелой болѣзни о. Макарій молилъ Матерь Божию о восстановленіи здоровья. Послѣ этого во снѣ онъ увидѣлъ себя молящимся передъ иконой Казанской Божіей Матери въ домѣ козельской помѣщицы Сабуровой. Проснувшись, о. Макарій почувствовалъ значительное облегченіе. Тогда онъ далъ обѣтъ, по выздоровленіи, съѣздить въ домъ Сабуровой и отслужить тамъ молебень видѣнному имъ во снѣ образу Богоматери. Сабурова, къ которой вскорѣ отправился о. Макарій, пожелала эту икону пожертвовать Оптиной пустынѣ и согласилась дать денегъ на постройку храма въ честь названной иконы. Послѣдняя, весьма чтимая окрестнымъ населеніемъ, помѣщена въ храмъ за правымъ клиросомъ.

Въ этомъ же храмѣ, за настоятельскимъ мѣстомъ, находится замѣчательной работы финифтяный образъ. Послѣдній составленъ изъ тринадцати отдѣльныхъ иконъ, изъ коихъ средняя изображаетъ Воскресеніе Христово, а остальные иконы—дванадцатые праздники. Весь образъ имѣетъ въ вышину 11 вершковъ, а въ ширину 8¹/₂ вершковъ. Работалъ его въ теченіе года одинъ ростовскій мастеръ.

За правымъ клиросомъ Воздвиженскаго придѣла погребень покойный настоятель обители архимандритъ Моисей и братъ его игуменъ Антоній. Надъ ихъ могилою поставленъ обнесенный мѣдной позолоченной рѣшеткою памятникъ въ видѣ саркофага, очень хорошей работы изъ бѣлаго итальянскаго мрамора.

За лѣвымъ клиросомъ также подъ саркофагомъ покоится прахъ другого оптинскаго дѣятеля—настоятеля о. Исаакія.

На восточной сторонѣ монастыря, впереди соборнаго храма, находится церковь старая больничная въ честь Владимірской Божіей Матери. Храмъ этотъ пришелъ въ ветхость, и богослуженіе въ немъ совершается лишь въ дни празднованія названной иконы.

На сѣверной сторонѣ монастыря, по лѣвую сторону собора, возвышается красивый, каменный, двухъэтажный храмъ во имя пр. Маріи Египетской и св. праведной Анны. Четыре колонны съ каждой стороны поддерживаютъ выступы храма съ фронтонами. Особенно хороши въ немъ деревянный подъ орѣхъ иконостасъ, устроенный покойнымъ старцемъ о. Амвросіемъ. Храмъ построенъ былъ главнымъ образомъ на средства помѣщицы Ртищевой, которая и похоронена въ склепѣ подъ этою церковью.

На южной сторонѣ обители, за оградой, въ фруктовомъ саду, была построена въ 1874 году двухъэтажная больница для монастырской братіи и больныхъ богомольцевъ. Больница хорошо обставлена и прекрасно содержится. Во второмъ этажѣ имѣется крытый балконъ, уставленный цвѣтами, гдѣ больные въ хорошую погоду могутъ пользоваться свѣжимъ воздухомъ. При больницѣ покой-

нымъ старцемъ Иларіономъ устроена небольшая, но замѣчательно хорошенъкая церковь во имя пр. Иларіона Великаго. На хорахъ во время богослуженія присутствуютъ больные монахи. Очень изященъ деревянный иконостасъ, сдѣланный подъ орѣхъ.

— Бѣда только въ томъ,—жаловался сопровождавшій меня по монастырю монахъ,—что настоятель не отпускаетъ достаточно денегъ на лѣкарство. Молитва, говоритъ онъ, лучшее лѣкарство.

Къ юго-восточной угловой башнѣ въ 1859 году было пристроено каменное одноэтажное зданіе, въ которомъ помѣщена монастырская бібліотека, заключающая, по словамъ завѣдывающаго ею монаха, до 20 тыс. томовъ. Бібліотека содержится въ образцовомъ порядкѣ и имѣетъ немало очень цѣнныхъ книгъ, какъ духовнаго содержанія, такъ и историческихъ. Между прочимъ цѣлый пикафъ занятъ состоящимъ изъ 161 тома изданіемъ Минье «*Patrologiae cursus completus. Series Graeca*», пожертвованнымъ въ 1868 году женою бывшаго попечителя Московскаго учебнаго округа, княгиней Мещерскою. Въ бібліотекѣ есть до 200 экз. рукописныхъ книгъ. Мнѣ между прочимъ показывали писанное твореніе, кажется, Іоанна Лѣствичника. Рукопись со многими заставками исполнена артистически. Надъ исполненіемъ этой работы, въ видѣ послушанія, трудился одинъ оптинскій монахъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Бібліофилы эту книгу цѣнятъ въ 900 рублей.

Въ послѣдніе два года бібліотекаремъ состоитъ молодой рясофорный монахъ о. Михайлъ. Получивъ, если не ошибаюсь, высшее образованіе и не удовлетворившись жизнью въ мірѣ, онъ и жена рѣшились оба поступить въ монастырь. О. Михайлъ, вѣрный данному слову, прибылъ и поступилъ въ Оптину пустынь, а его жена вернулась съ дороги и осталась мірянкой. Вотъ и вѣрь послѣ этого клятвамъ женщины!

— Вотъ никогда не ожидалъ, что Господь приведетъ меня нести такое легкое и пріятное послушаніе,—говорилъ мнѣ о. Михайлъ, любовно оглядывая длинные ряды книгъ.—Спаси васъ Господь!—прибавилъ онъ, по монашескому обычаю, на прощанье.

IV.

Лѣтопись Оптинскаго скита.

Обширный, дремучій лѣсъ, стоящій около святой обители, представляетъ наиболѣе удобное мѣсто для пустынножителства: здѣсь, подъ сѣнью вѣчнозеленыхъ елей и сосенъ, въ безмолвіи, вдали отъ суетнаго міра, инокъ легче, чѣмъ въ стѣнахъ обители, можетъ всецѣло посвятить себя молитвѣ, отдаться внутреннему самосозерцанію, совлечь съ себя грѣховные помыслы, укрѣпить свой духъ.

Примѣръ пустынножительства въ этомъ лѣсу показали схимонахъ Іоанникій, построившій себѣ тамъ въ началѣ текущаго столѣтія келію. Этотъ старецъ, умершій въ 1815 году, по свидѣтельству лицъ, знавшихъ его, «былъ украшенъ всѣми монашескими добродѣтелями: его кротость, смиреніе, братолюбіе и безпрекословное послушаніе настоятелю были образцомъ спасительной жизни для братства Оптиной пустыни».

Примѣръ старца Іоанникія навелъ епископа калужскаго Филарета (бывшаго потомъ митрополитомъ кievскимъ) на мысль устроить тамъ скитъ. Для этой цѣли онъ пригласилъ изъ Рославльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, нѣсколькихъ «безмолвно-любивыхъ отшельниковъ», извѣстныхъ своей благочестивой жизнью. Последніе прибыли въ Оптину пустынь подъ начальствомъ отца Моисея и мѣстомъ для постройки скита избрали то самое, гдѣ ранѣе подвизался старецъ Іоанникій.

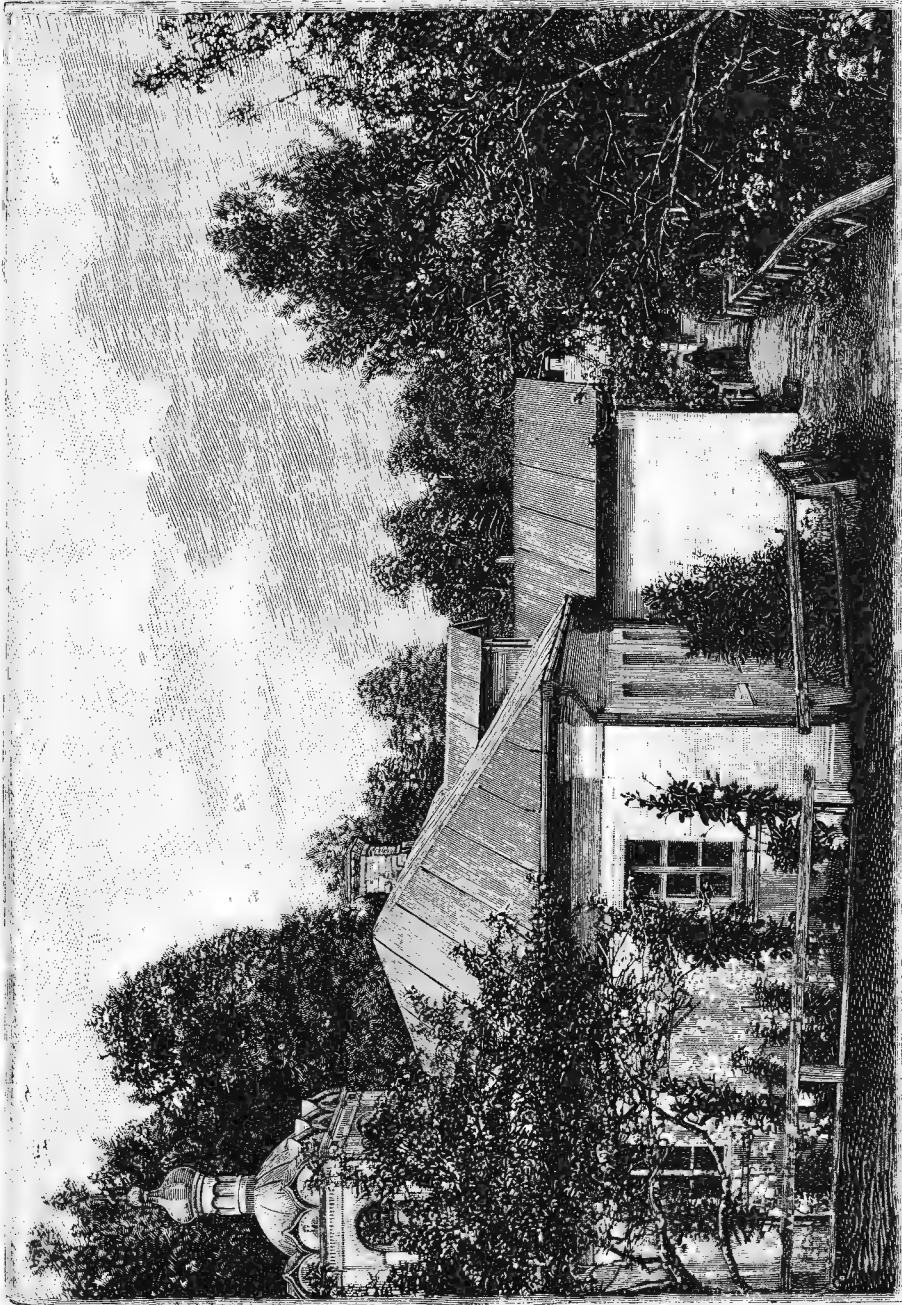
Главный трудъ состоялъ въ томъ, чтобы очистить выбранное мѣсто отъ вѣковыхъ сосенъ. На помощь отшельникамъ пришли окрестные крестьяне. Застучалъ топоръ, заработала пила, и быстро выросла на юго-восточной сторонѣ небольшая келія. Потомъ расчищенное мѣсто было обнесено досчатымъ заборомъ, а 16 августа 1821 года была заложена церковь во имя собора св. Іоанна Предтечи Господня. 5 февраля, слѣдующаго года, храмъ уже былъ освященъ.

Въ теченіе четырехлѣтняго начальничества о. Моисея въ скиту было построено нѣсколько отдѣльныхъ флигелей для братскихъ келій, во всемъ скиту былъ разбитъ фруктовый садъ, и были устроены два пруда.

Въ 1825 г. о. Моисей былъ назначенъ настоятелемъ Оптиной пустыни, а начальникомъ скита былъ опредѣленъ братъ его о. Антоній, который и управлялъ имъ до 1839 года, когда былъ назначенъ настоятелемъ Малоярославецкаго Черноострожскаго монастыря.

Мѣсто о. Антонія заступилъ скитскій іеромонахъ Макарій, знаменитый старецъ, почившій 7 сентября 1860 года. При немъ старыя св. врата были замѣнены новыми каменными, и надъ ними была устроена колокольня. Затѣмъ вмѣсто прежней братской трапезы была построена новая.

Въ послѣднее время скитомъ управлялъ о. Анатолій (изъ рода Зерцаловыхъ), послѣ смерти котораго начальникомъ скита сталъ старецъ о. Іосифъ.

Флигель, въ которомъ жилъ въ скиту старецъ о. Амвросій.

V.

Скитъ въ настоящее время.

Пойдемте въ скитъ изъ обители черезъ ворота восточной башни. Идти не далеко— всего 170 сажень. Прекрасная, усыпанная пескомъ, дорожка идетъ подъ сѣнью столѣтнихъ сосенъ, елей, дубовъ и липъ. Что за чудныя сосны— два человѣка не обхватятъ стволъ ихъ! Скитъ мы увидимъ, подойдя лишь совершенно близко къ нему.

Бѣлая каменная стѣна окружаетъ скитъ. По срединѣ, надъ св. вратами устроена колокольня. Врата украшены изображеніями святыхъ.

При входѣ въ скитъ прямо бросаются въ глаза прекрасные цвѣтники, устроенные по обѣ стороны дорожки.

Межъ кельями разбросанными садъ,
Гдѣ множество цвѣтовъ и рѣдкія растенья
(Цвѣтами монастырь нашъ славился давно)¹⁾.

Направо отъ входа находится небольшой бѣлый флигель, гдѣ жилъ почившій старецъ Амвросій, и гдѣ нынѣ помѣщается ученикъ его, старецъ Іосифъ.

Средину скита занимаетъ деревянная церковь во имя собора св. Іоанна Предтечи Господня. Храмъ не великъ, но очень хорошъ. Здѣсь имѣется чудотворная икона Знаменія Божіей Матери и частицы св. мощей Іоанна Крестителя, Василя Великаго, Григорія Богослова и др. святыхъ. На западной стѣнѣ помѣщена недурно сдѣланная копія съ знаменитой картины Иванова «Явленіе Христа народу». Художникъ, писавшій копію, нѣсколько измѣнилъ оригиналу— онъ прикрылъ «приличною» одеждою фигуры, изображенныя на оригиналѣ обнаженными. На особомъ наложѣ помѣщено за стекломъ прекрасно выполненное скульптурное изображеніе лежащей на блюдѣ главы св. Іоанна Предтечи; глава и блюдо изсѣчены изъ одного цѣльнаго куска мрамора скульпторомъ Богдановымъ. Это— даръ графа В. П. Толстого.

Сзади церкви стоитъ деревянный домикъ съ мезониномъ, имѣющимъ балконъ. Совершенно дачный домикъ. На верху помѣщается библіотека, а внизу устроены три кельи. Библіотека имѣетъ до 2 тыс. томовъ, среди которыхъ есть рѣдкія изданія. Здѣсь мнѣ также показывали нѣсколько рукописныхъ книгъ, переписанныхъ, въ видѣ послушанія, разными монахами. Нѣкоторые экземпляры по исполненію замѣчательны. Мнѣ говорили, что въ скитской библіотекѣ хранится собственноручное письмо Н. В. Гоголя къ одному изъ старцевъ. Къ сожалѣнію, библіотекаръ, человѣкъ не свѣдущій,

¹⁾ А. П. Апухтинъ -- Стихотворенія. Изд. 3-е. Спб. 1893 г., стр. 3.

не могъ показать мнѣ его. Крайне рискованно помѣщеніе прекрасной и цѣнной бібліотеки въ деревянномъ домѣ, да притомъ въ такомъ, который въ то же время служитъ для жилья монаховъ: вѣдь она легко можетъ сдѣлаться жертвою пожара.

Около бібліотеки есть площадка, обсаженная великолѣпными кедрами; за площадкой имѣется небольшой прудъ. Лучшаго мѣста для думъ подъ немолчный шумъ красавцевъ-кедровъ трудно найти.

Къ сѣверной сторонѣ скита примыкаетъ пчельникъ, имѣющій до 300 ульевъ. Чуть ли не большая половина ихъ устроена по системѣ Берлепша.

Впечатлѣніе отъ посѣщенія скита получается самое лучшее: прекрасно содержимые цвѣтники, фруктовый садъ, пчельникъ, во всемъ образцовые порядокъ и чистота...

Въ скиту въ настоящее время проживаетъ до 45 монаховъ.

VI.

Монахъ о. Владиміръ.

Моимъ проводникомъ по скиту былъ рясофорный монахъ о. Владиміръ. Ему всего 29 лѣтъ, а уже восемь лѣтъ пребываетъ онъ въ скиту.

Несложна его біографія.

Происходитъ онъ изъ петербургскихъ купцовъ. Присвоеніе братьями его наслѣдственной части имущества, семейные дразги, раздоры, заставили его задуматься надъ жизнью. «Гдѣ же искать правды, справедливости, думалъ онъ, если такъ преступно поступаютъ даже родные?» И вотъ онъ отправился въ Оптину пустынь къ старцу Амвросію; повѣдалъ ему свое горе, свои сомнѣнія.

— Не мѣсто тебѣ въ міру, — отвѣчалъ ему старецъ, — а мѣсто тебѣ здѣсь. Оставайся.

И онъ остался.

Не легко отреченіе отъ міра и въ преклонномъ возрастѣ, но каково рѣшиться обречь себя на жизнь аскета двадцатилѣтнему юношѣ! Началась страшная душевная борьба; «мрачный духъ сомнѣнія», казалось, порою торжествовалъ; бывали и бѣсовскія наважденія. Но старецъ подкрѣплялъ инока...

— Ну, а теперь все еще тянетъ васъ въ міръ?

— Да, иногда тянетъ. Иной разъ подумаешь: вотъ одинъ братъ служить въ банкѣ, другой кончаетъ курсъ въ консерваторіи; оба имѣютъ положеніе. Почему же и мнѣ не имѣть мѣста на житейскомъ пиру? А потомъ, какъ вспомнишь про ту ложь, которая обуяла нынѣшнее общество, да про бѣсовскія видѣнія и завѣты старца, — успокоишься. Вѣдь все-таки у насъ здѣсь больше правды и жизнь-то почище.

Послушаніе о. Владиміра—садоводство. У него есть талантъ къ живописи, и теперь онъ учится послѣдней у о. Дмитрія (въ мірѣ Дмитрій Михайловичъ Болотовъ), окончившаго курсъ въ академіи художествъ и состоящаго нынѣ въ числѣ скитскихъ братій. О. Владиміръ показаль мнѣ нѣсколько иконъ своего письма: исполненіе недурно, но, къ сожалѣнію, неудачны оригиналы, съ которыхъ онъ пишетъ ихъ. Вдругъ онъ вытащилъ изъ-подъ дивана три олеографіи, изображающія парижскихъ кокотокъ.

— Отецъ! это какъ могло къ вамъ попастьъ?

— Да, что же дѣлать! Писаніе женскихъ лицъ съ натуры для меня недоступно, вотъ и приходится довольствоваться подобными картинками. Я купилъ ихъ въ бытность свою въ Москвѣ.

О. Владиміръ занимается и фотографіей.

VII.

Старчество.

Оптина пустынь, какъ извѣстно, прославилась своими старцами.

Старчество, какъ установленіе, институтъ, не есть новое, лишь недавно возникшее: оно столь же древне, какъ и монашество. Основателемъ старчества былъ отецъ монашества св. Антоній Ѳивскій, жившій въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х. Вмѣстѣ съ иночествомъ распространилось и старчество. Великіе отцы и учителя церкви, какъ Василій Великій, Іоаннъ Лѣствичникъ, Феодоръ Студитъ и др., считаютъ старчество необходимымъ явленіемъ въ монашеской жизни. Особенно строго блюлись завѣты старчества на Синаѣ и Аѳонѣ. Вмѣстѣ съ христіанствомъ и монашествомъ старчество перешло и къ намъ въ Россію. Но, съ теченіемъ времени, когда Россія стала подъ игомъ татаръ, когда съ св. Софіи былъ свергнутъ православный крестъ и надъ ней засіялъ магометанскій полумѣсяцъ, вслѣдствіе чего должны были прекратиться сношенія Россіи съ Востокомъ, когда Россію терзали внутреннія смуты, старчество забылось у насъ. Возстановителемъ его у насъ явился уроженецъ Полтавы, архимандритъ молдавскихъ монастырей, Паисій Величковскій, который, по выраженію А. С. Норова, представлялъ собою «истинное зеркало монашества и отголосокъ древнихъ отцовъ пустыни»¹⁾. Живя нѣкоторое время на Аѳонѣ, Паисій собралъ тамъ творенія писателей-аскетовъ и перевелъ ихъ на славянскій языкъ. Вернувшись въ Молдавію, онъ ввелъ въ Нямецкомъ и другихъ ему подчиненныхъ монастыряхъ старчество. Въ числѣ учениковъ Паисія былъ жившій въ Молдавіи около двадцати лѣтъ русскій схимонахъ

¹⁾ А. С. Норовъ, «Святые горы и Оптиная пустынь», Спб., 1852, стр. 123.

Памятники надъ могилами старцевъ о. Макарія (слѣва) и о. Амвросія (справа).

Оеодоръ, который, по возвращеніи въ Россію, поселился въ Чолнскомъ Спасскомъ монастырѣ, Трубчевскаго уѣзда, Орловской губерніи. Сюда на нѣкоторое время прибылъ изъ Вѣлобережной пустыни іеромонахъ Леонидъ, который и отдался руководительству о. Оеодора. Этотъ о. Леонидъ и былъ потомъ первымъ старцемъ въ Оптиной пустыни.

По идеѣ, старецъ — лицо, которое беретъ у духовнаго чада его волю, его душу въ свою волю, въ свою душу. Избравъ старца, духовное чадо отъ своей воли отрѣшается и отдаетъ ее ему въ полное послушаніе, съ полнымъ самоотреченіемъ. Что бы ни задумалъ духовный сынъ старца, обо всемъ идетъ онъ совѣтоваться со старцемъ и просить его благословенія. Къ старцу идутъ исповѣдываться всѣ и всегда, открываютъ ему всю душу свою, объявляютъ ему всѣ свои грѣховныя поступки, желанія, мысли; такимъ образомъ, получается тѣсная, неразрывная духовная связь между связавшимъ, старцемъ, и связаннымъ, чадомъ.

Власть старца въ извѣстныхъ случаяхъ безпредѣльная, непостижимая. Отъ послушанія, наложеннаго старцемъ, не можетъ освободить даже высшій представитель церковной власти на землѣ. Одинъ русскій инокъ спасался на Аѳонѣ и всѣмъ сердцемъ полюбилъ это тихое пристанище. Вдругъ старецъ повелѣлъ ему оставить святую гору и идти сначала въ Іерусалимъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ, а потомъ возвратиться на родину, въ Сибирь. Пораженный и убитый горемъ инокъ явился къ константинопольскому вселенскому патріарху и молилъ его разрѣшить послушаніе. Патріархъ отвѣтилъ ему, что не только онъ, вселенскій патріархъ, не можетъ разрѣшить его, но и на всей землѣ нѣтъ и не можетъ быть такой власти, которая могла бы разрѣшить его отъ послушанія, наложеннаго на него старцемъ, кромѣ лишь власти самого того старца, который наложилъ его ¹⁾).

Понятно, что старчество, по возрожденіи своемъ, сначала подверглось жестокимъ нападкамъ, почти гоненію, главнымъ образомъ со стороны монаховъ. Однако, какъ институтъ глубоко христіанскій, старчество удержалось, и къ представителямъ его отовсюду стали стекаться тысячи «труждающихся и обремененныхъ».

VIII.

Оптинскіе старцы.

Первымъ старцемъ въ Оптиной пустыни, какъ было сказано выше, былъ о. Леонидъ, прибывшій туда въ 1829-мъ году. Прозорливость старца, его высокая подвижническая жизнь, отеческая

¹⁾ См. Сочиненія Достоевскаго. Спб. 1882. Т. XIII, стр. 37.

любовь къ приходящимъ, глубокая мудрость привлекали къ его убогой келии многочисленныхъ богомольцевъ.

Въ 1834-мъ году, въ пустынь прибылъ еще ранѣе знакомый о. Леониду іеромонахъ Макарій, ставшій его ученикомъ. По смерти о. Леонида въ 1841-мъ году подвиги старчества и труды въ «окормленіи»¹⁾ братіи и мірянъ принялъ на себя о. Макарій. Послѣднему говоритъ поэтъ:

«... на видѣ лѣтъ сто, онъ ходитъ черезъ силу,
Но взоръ его сверкаетъ и горитъ
Глубокой, крѣпкой вѣрой въ Бога,
И въ душу смотритъ пристально и строго»²⁾.

«Онъ стоитъ», говоритъ про него настоятель обители,

Какъ нѣкій столбъ межъ насъ, имъ нашъ украшенъ скитъ,
И онъ у всѣхъ въ великомъ почитаньи.
Всѣ помыслы ему ты долженъ открывать
И исполнять безропотно велѣнья³⁾.

Получившій лишь начальное образованіе, о. Макарій обладалъ даромъ изъяснять истинный смыслъ писаній святыхъ отцовъ и учителей церкви. При переводахъ съ греческаго, латинскаго и славянскаго языковъ на русскій, не зная самъ двухъ первыхъ, онъ руководилъ учеными переводчиками и устанавливалъ окончательную редакцію текста.

Въ 1839-мъ году, въ Оптину пустынь прибылъ молодой учитель липецкаго духовнаго училища, Александръ Михайловичъ Гренковъ, бросившій учительскую карьеру. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года онъ былъ тамъ «пріуказанъ», т. е. былъ зачисленъ въ число братіи послушникомъ. Въ концѣ 1842-го года, Александръ Михайловичъ былъ постриженъ въ монашескій образъ и получилъ имя Амвросія. Черезъ три года послѣ этого, отецъ Амвросій былъ рукоположенъ въ іеромонахи, но, по нездоровью, попросилъ начальство зачислить его виѣ штата въ скитъ, каковое его желаніе и было исполнено. Съ этого времени началось приготовленіе его, подъ руководствомъ старца Макарія, къ будущему старческому служенію. Старецъ Макарій, какъ и его предшественникъ, получалъ массу писемъ съ просьбами о совѣтахъ и наставленіяхъ; почти на всѣ письма отецъ Макарій давалъ отвѣты, и въ этой перепискѣ ему помогалъ отецъ Амвросій. Послѣдній по письмамъ къ старцамъ изучалъ душу человѣка. Но еще лучшей школой ему для изученія человѣка, тайниковъ его души, его вѣры, его страданій, горя, было наблюденіе и общеніе съ тѣми тысячами людей, которые шли къ старцу с. Ма-

¹⁾ Терминъ «окормлять» (отъ слова «корма») — управлять, направлять духовно данное лицо.

²⁾ А. Н. Апухтинъ, Стихотворенія. Изд. 3-е. Спб. 1893, стр. 4.

³⁾ Ibid., стр. 2.

карію. 7-го сентября 1860 года, о. Макарій скончался, и старцемъ Оптиной пустыни сталъ о. Амвросій.

Въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ продолжалось старческое служеніе отца Амвросія. Кто только не перебывалъ за эти годы въ его тѣсной келіи! Къ нему шли и святители, и вельможи, и мужички, и богачи, и бѣдняки, исповѣдывать свои грѣхи, открывать свою изстрадавшуюся душу, просить совѣта, благословенія, утѣшенія. Сколькихъ людей, утратившихъ въ сердцѣ своемъ Бога, онъ обратилъ снова къ Богу, сколькихъ людей направилъ онъ на путь добра, сколькимъ людямъ возвратилъ онъ душевный миръ и покой! Больной тѣломъ, но крѣпкій духомъ, «онъ жилъ жизнью другихъ, радовался и печаловался радостями и печальми ближнихъ». Особенно бывала трогательна картина, по словамъ очевидцевъ, посѣщавшихъ пустынь еще при жизни отца Амвросія, когда старецъ выходилъ изъ келіи къ толпѣ простолюдиновъ, ожидавшихъ его выхода у святыхъ вратъ скита и пришедшихъ сюда со всѣхъ концовъ Россіи, чтобы видѣть старца и благословиться у него: эти «нищіе духомъ» падали передъ нимъ на колѣни, плакали, цѣловали ноги его или полы рясы, цѣловали землю, на которой онъ стоялъ, матери протягивали къ нему подъ благословеніе младенцевъ... Батюшку Амвросія знала и чтила вся православная Русь. Тысячная толпа, 15-го октября 1891-го года, проводила своего «печальника» къ мѣсту его вѣчнаго упокоенія, рядомъ съ учителемъ его старцемъ о. Макаріемъ. Умеръ старецъ Амвросій, но не умеръ память о жизни, завѣты, образъ этого духовнаго богатыря земли Русской.

Очень хорошее впечатлѣніе производитъ на посѣтителя нынѣшній оптинскій старецъ, отецъ Іосифъ (ученикъ отца Амвросія). Онъ почти высокаго роста, худъ, съ изможденнымъ и постнымъ лицомъ, съ негустой, сильно посѣдѣвшей бородой, съ подслѣповатыми, добрыми глазами; его кроткая, простая рѣчь дѣйствуетъ успокоительно на вашу душу. Ему теперь около семидесяти лѣтъ.

IX.

Былые посѣтители святой обители.

Въ теченіе болѣе пятидесяти лѣтъ оптинскіе старцы привлекали въ стѣны обители лучшихъ русскихъ людей.

Такъ, въ началѣ пятидесятихъ годовъ пустынь посѣтилъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія и писатель А. С. Норовъ, посвятившій потомъ святой обители задушевный очеркъ. Въ обители бывалъ и Н. В. Гоголь. Долгое время проживалъ въ Оптиной пустыни славянофилъ И. В. Кирѣевскій, принимавшій, подъ руководствомъ старца Макарія, участіе въ переводѣ свято-отеческихъ

писаній; тамъ онъ и похороненъ вмѣстѣ съ братомъ П. В. Кирѣевскимъ, вблизи могилы учителя-старца о. Леонида. Съ знатокомъ сердца человѣка, старцемъ отцомъ Амвросіемъ, бесѣдовалъ и другой знатокъ человѣческаго сердца, авторъ «Братьевъ Карамазовыхъ». Въ послѣднемъ романѣ въ старцѣ Зосимѣ мы узнаемъ знакомыя черты оптинскаго старца. Прототипомъ героевъ крупнѣйшихъ произведеній Федора Михайловича, глубоко павшихъ, а затѣмъ путемъ раскаянія и вѣры нравственно переродившихся, въ сущности могъ быть основатель пустыни Опта, бывший ранѣе разбойникомъ и пережившій фактически тождественное съ героями Достоевскаго. «У ногъ» отца Амвросія «пребывалъ» извѣстный публицистъ и ярый проповѣдникъ крайне консервативныхъ взглядовъ, К. Н. Леонтьевъ. Успѣшно начавшій дипломатическую карьеру, потомъ бросившій ее, въ началѣ литературной дѣятельности натуралистъ и жоржъ-завдистъ, а на склонѣ дней бывший аеонскимъ послушникомъ, глубоко-вѣрующимъ и проповѣдовавшимъ положительную истину христіанства, въ узко-монашескомъ смыслѣ личнаго спасенія, Леонтьевъ въ 1887 году поселился въ Оптиной пустыни, черезъ четыре года послѣ этого принялъ тайное постриженіе съ именемъ Климента и переѣхалъ въ Сергіевъ посадъ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Въ Оптину пустынь совершалъ паломничество *per pedes apostolorum*, въ лаптяхъ, съ котомкой на плечахъ, и напѣ великій писатель графъ Л. Н. Толстой съ покойнымъ художникомъ Н. Н. Ге. Въ 1887 году, обитель и о. Амвросія посетилъ августѣйшій президентъ академіи наукъ, великій князь Константинъ Константиновичъ. Воспоминанія объ ежегодныхъ поѣздкахъ съ матерью въ дѣтствѣ въ Оптину пустынь къ старцу Макарію навѣяли А. Н. Апухтину его *chef-d'oeuvre* «Годъ въ монастырѣ». Кто знаетъ, если бы онъ въ позднѣйшіе годы покинулъ свой обломовскій диванъ на Итальянской, прибѣгъ бы къ батюшкѣ Амвросію, раскрылъ бы ему наболѣвшую душу и спросилъ бы у него совѣта, какъ жить, что дѣлать, былъ ли бы онъ тогда «несчастливымъ счастливецемъ», по мѣткому выраженію его критика.

Андрей Фирсовъ.

КЪ БИОГРАФІИ П. С. МОЧАЛОВА.

I.

ОСЛѢ юбилея моего покойнаго отца, П. С. Мочалова, отпразднованнаго въ Москвѣ 16 марта 1898 года, въ журналахъ и газетахъ появилось нѣсколько статей о немъ, какъ объ артистѣ и чловѣкѣ, гдѣ болѣе всего говорилось о его семейной жизни и извѣстной несчастной слабости.

Конечно, тѣ, которые пишутъ теперь о Мочаловѣ, не помнятъ его и почерпаютъ свои свѣдѣнія изъ разсказовъ другихъ, или изъ разныхъ мемуаровъ. Есть много правды въ томъ, что о немъ написано; но что касается его семейной жизни, то многое искажено и несправедливо.

Для примѣра укажу на разсказъ объ его увлеченіи П. И. Петровой, которую теперь возводятъ на пьедесталь, а рядомъ съ ней унижаютъ другую женщину, безукоризненно честную, жену Мочалова—мою мать. Какъ дочь, считаю святой обязанностью защитить память моихъ родныхъ, хотя мнѣ и тяжело тревожить ихъ прахъ этими грустными воспоминаніями и этой не совсѣмъ свѣтлой страницей изъ жизни отца моего.

Всѣ пишутъ, что Мочаловъ былъ несчастливъ съ женой, которая не могла понять его артистической природы, но наконецъ счастье улыбнулось ему въ жизни; онъ нашель дѣвушку, которая полюбила его, и эта любовь имѣла вліяніе на его талантъ, такъ какъ,

подъ вліяніемъ ея создались его лучшія роли—Гамлетъ, Нино, Ричардъ и проч. Но странно, что рассказчики совершенно забываютъ хронологію. Мочаловъ сошелся съ Петровой, годъ спустя послѣ своей женитьбы—ему было тогда двадцать два года. Это случилось въ 1822 году, а Гамлетъ шелъ въ первый разъ на императорскомъ театрѣ въ бенефисъ отца, въ 1837 году¹⁾.

Съ Петровой онъ разошелся совсѣмъ въ 1826 г. и переѣхалъ въ домъ своего тестя. Хотя меня тогда еще не было на свѣтѣ, но я расскажу здѣсь то, что много разъ слышала отъ близкихъ маѣ людей. Отецъ мой женился по страстной любви къ моей матери—ей было не болѣе семнадцати лѣтъ — и ввелъ въ семейство отца своего С. О. Мочалова. Семейство послѣдняго было большое и состояло изъ жены²⁾ и трехъ сыновей: Павла, Василія и Платона, и дочери — Марьи Степановны, которая тогда уже была на высотѣ своей славы. Она была года на четыре старше своего брата Павла Степановича. Они были очень дружны въ дѣтствѣ, и эти дружескія отношенія продолжались до могилы.

Въ домѣ С. О. Мочалова жило еще безчисленное множество кумушекъ, тетюшекъ, племянницъ и т. п., и всѣ онѣ имѣли свои требованія и привычки. И въ это-то громадное семейство вступаетъ молодая женщина, тихая, скромная, только что выпешшая замужъ, жившая все время подѣ страхомъ родителей — въ то время и мыслить не позволяли вслухъ, а не только въ 17 лѣтъ имѣть свое мнѣніе. Что же мудренаго, что моя мать показала имъ и не развитой, и не понимающей, и не сочувствующей артистическимъ порывамъ своего мужа. Можетъ быть, даже самая молодость и скромность не позволяли и удерживали ее выказывать свое увлеченіе къ мужу. Это обстоятельство и дало поводъ къ толкамъ тетюшекъ и кумушекъ о томъ, что жена не подходитъ для мужа и не въ состояніи его понять и оцѣнить его артистическую натуру; при этомъ твердилось, что она холодна къ нему и не любитъ его и т. д. Мужъ, конечно, день ото дня охладѣвалъ къ женѣ и дѣлался капризныѣ, а жена становилась все грустныѣ и недовольныѣ, и семейная драма неизбѣжно разыгралась.

Одинъ старикъ С. О. Мочаловъ любилъ и жалѣлъ свою молодую невѣстку³⁾, всѣ же остальные относились къ ней недоброже-

¹⁾ Когда «Гамлетъ» шелъ въ бенефисъ отца, я хорошо помню. На слѣдующій годъ онъ давалъ въ свой бенефисъ «Уголино» и хотѣлъ меня вывести на сцену, чтобы я играла одного изъ сыновей «Уголино»; но почему-то раздумалъ, кажется, по боязни за послѣднюю сцену въ башнѣ голода, что на меня она сильно повліяетъ. Отказъ его меня очень огорчилъ, тѣмъ болѣе, что я роль выучила.

²⁾ О женѣ старика Мочалова я ничего не могу сообщить, я ея совсѣмъ не помню; слышала только, что это была женщина тихая, не имѣвшая никакого голоса въ семействѣ. Дѣти ее любили, особенно мой отецъ; но вліянія на дѣтей она не имѣла никакого.

³⁾ Онъ видѣлъ въ ней женщину съ добрымъ сердцемъ, но холодную и равнодушную.

лательно. А тутъ, какъ разъ, является дѣвушка, которую отецъ давно зналъ,—до женитьбы на моей матери,—болѣе опытная и, можетъ быть, болѣе развитая, нежели его жена.

П. И. Петрова была лѣтъ на десять старше отца. Ей было уже лѣтъ за тридцать. Говорятъ, что она не была красива. Я ее видѣла въ театрѣ въ 1844 или въ 1845 году, но тогда ей казалось уже далеко за пятьдесятъ лѣтъ. А въ эти годы о красотѣ судить трудно. Такимъ образомъ, отецъ мой увлекся Петровой и, проживъ съ женой всего годъ и два мѣсяца, бросилъ ее беременную. Отецъ матери моей, И. А. Бажановъ, узнавъ объ этомъ, пріѣхалъ въ домъ С. Ѡ. Мочалова и взялъ покинутую мужемъ дочь къ себѣ. Думаю, что всякій любящій отецъ и честный человѣкъ сдѣлалъ бы то же самое.

Прошло пять лѣтъ. Не могу сказать въ точности, въ которомъ году въ Москву пріѣхалъ шефъ жандармовъ, графъ Бенкендорфъ. Услышавъ про эту исторію, онъ вызвалъ къ себѣ Бажанова, чтобы вѣрнѣе узнать о ходѣ пѣла. Бажановъ явился одинъ, безъ дочери, и просилъ содѣйствія Бенкендорфа по разводу супруговъ¹⁾. Разсказъ, что и моя мать ѣздила къ Бенкендорфу, не справедливъ. Ее вызывали, но она не поѣхала, да и зачѣмъ ей было ѣхать? она такъ уже сроднилась съ своимъ горемъ и одиночествомъ въ продолженіе пяти лѣтъ; да къ тому же потеряла свою послѣднюю радость,—дочка ея умерла,—и она осталась одна. Мать не думала сойтись съ мужемъ и не хотѣла отрывать его отъ любимой имъ женщины, зная, что у нихъ есть уже двое дѣтей—дочь и сынъ²⁾.

Вслѣдствіе какихъ вліяній графъ Бенкендорфъ хотѣлъ соединить супруговъ, я не знаю.

Хотя все это произошло, когда меня еще и на свѣтъ не было, но я могла бы впоследствии подробнѣе узнать всю эту грустную исторію; но рассказы объ этомъ такъ неприятно на меня дѣйствовали, что я всегда избѣгала ихъ слушать. Я не имѣю ненависти къ памяти В. И. Петровой. Всякое высокое чувство достойно уваженія. И не мнѣ судить ихъ... Не будь задѣта мать моя и все семейство, я бы не взялась за перо, чтобы вызвать на свѣтъ Божій эту давнишнюю исторію, которая отравляетъ мое сердце. Но я должна это сдѣлать, такъ какъ много несправедливаго пишутъ про семейную жизнь отца моего.

¹⁾ Эту исторію графу разсказалъ жандармскій полковникъ Волковъ, который принималъ большое участіе въ моей матери.

²⁾ Трудно вѣрить, чтобы Петрова могла лгать передъ графомъ Бенкендорфомъ, сказавъ, что Мочаловъ, прежде чѣмъ полюбилъ ее, бросилъ свою жену и домъ своего отца; всѣ въ театрѣ знали, что отецъ оставилъ жену только тогда, когда сошелся съ Петровой.

II.

Теперь расскажу о домашней жизни моего отца, съ цѣлью исправить ошибки его біографовъ.

Г. Соловьевъ пишетъ, что жена Мочалова совсѣмъ не любила его, что онъ былъ загнаннымъ, забитымъ въ своемъ семействѣ, не могъ ничѣмъ распорядиться, былъ человѣкъ безхарактерный и находился подъ вліяніемъ своей жены¹⁾.

Но кто же, знавшій Мочалова, можетъ повѣрить этому вздору?

Я уже писала въ моихъ «Воспоминаніяхъ», что отецъ былъ кумиромъ всего семейства, не говорю ужъ о матери моей, которая безгранично его любила и считала его волю для себя закономъ. Всѣ близкіе чуть не молились на него. Дѣдъ мой Бажановъ благоговѣлъ передъ его талантомъ. Не было желаній отца, которыя онъ не старался бы исполнить. Во многихъ журналахъ пишутъ, что отецъ велъ трактирную, разгульную жизнь. Торжественно заявляю, что это ложь, распущенная развѣ только его недоброжелателями, которыхъ было немало. Біографы говорятъ, что о послѣднихъ его годахъ мало что извѣстно, и это доказываетъ, что онъ велъ домашнюю жизнь, а не трактирную, гдѣ всѣ могли его видѣть.

Въ 1844 году, я вышла изъ пансіона Севенаръ, съ этихъ поръ постоянно жила дома, и изо дня въ день могу описать жизнь отца моего²⁾.

Отецъ мой ежедневно вставалъ рано, часа въ четыре или пять утра, пилъ у себя въ кабинетѣ чай и потомъ шелъ на половину дѣда, И. А. Бажанова, поговорить о хозяйственныхъ дѣлахъ³⁾. Часовъ въ 9 онъ отправлялся на репетицію пѣнникомъ, не дожидаясь театральной кареты. Если не было репетиціи, шелъ гулять и иногда заходилъ выпить чашку кофе въ «Литературную» кофейню. Тамъ почти всегда онъ встрѣчалъ Д. Т. Ленскаго или Бантышева. Посидѣвъ съ ними, шелъ въ ряды потолковать съ знакомыми куп-

¹⁾ Г. Соловьевъ даже никогда не бывалъ у насъ въ домѣ, какъ же могъ онъ знать семейную жизнь пашу? Основываться только на разсказахъ другихъ совершенно невозможно; выдавать же ихъ на судъ публики не добросовѣстно. Въ статьѣ А. А. Ярцова въ приложеніи къ «Ежегоднику Импер. Театр.» говорится совсѣмъ другое: что Мочаловъ ни отъ кого не терпѣлъ ни прекословіи, ни замѣчаній, что онъ входилъ во всѣ мелочи и не терпѣлъ ничего превосходства надъ собою.

²⁾ Хотя А. А. Ярцевъ въ біографіи Мочалова, напечатанной въ приложеніи къ «Ежегоднику Импер. Театровъ», и говоритъ, что въ моихъ «Воспоминаніяхъ» я, по воплію естественному чувству, защищаю память родныхъ моихъ отъ тяжелыхъ нареканій, но я увѣряю, что пишу безпристрастно и не хочу ложью облыгать память моихъ родителей.

³⁾ Въ Москвѣ мы всегда занимали домъ большой и раздѣленный на двѣ половины. Большую половину занималъ отецъ, а поменьше дѣдушка съ женою.

цами и къ 12 ч. или къ 1 ч. уже былъ всегда дома, въ часъ обѣда, а послѣ обѣда всѣ, жившіе въ домѣ, отдыхали. Вечеръ, если не было спектакля, отецъ всегда проводилъ дома, въ кругу семьи. Когда не было никого изъ его постоянныхъ посѣтителей, онъ часто звалъ меня къ себѣ въ кабинетъ, и мы вмѣстѣ читали Байрона, Пушкина, Козлова и т. п. А какъ онъ читалъ, списывать лишнее— всѣ это знаютъ. Часто мы читали Жоржъ-Зандъ пофранцузски. Ему нравились произведенія этой писательницы. Онъ очень любилъ также стихотворенія Виктора Гюго и его любимымъ было: «Enfant si j'étais roi!». Выговоръ былъ у него недуренъ.

Разъ, онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату и увидя, что я читала «Marion de Lorme», спросилъ:

— Что это ты читаешь? Чтонибудь занимательное?

— Очень,—отвѣчала я,—если бы могла поступить во французскую труппу, то взяла бы эту роль для перваго дебюта¹⁾.

Онъ взялъ у меня изъ рукъ книгу, сталъ быстро перелистовать, и глаза его загорѣлись недобримъ огонькомъ. Онъ бросилъ на столъ книгу со словами: «Marion de Lorme! Belle du jour!», да такъ сказалъ это, что мнѣ стало холодно.

Я не нашлась, что ему отвѣтить, бросилась къ нему и стала его цѣловать.

— Нѣтъ, дружокъ, для дебюта шестнадцати-лѣтней дѣвушки эта роль не годится—надо понять прежде всю горечь жизни, чтобы сыграть эту роль. А мы съ тобой только еще изъ пансіона вышли.

— А Тизбу,—спрашиваю,—въ Анжело—тоже трудно?

— И трудно, и стара для тебя эта роль; надо быть уже опытной актрисой, чтобы ее хорошо сыграть. Да погоди, погоди, сыграешь—Шиллера возьмемъ, Луизу сыграешь. Я уже, конечно, старъ для Фердинанда—возьму роль Миллера, хотя роль Фердинанда была моя любимая. Ты меня помнишь въ ней? Боюсь только одного за тебя—тихо говорить будешь: зала большого театра слишкомъ громадна.

Этотъ разговоръ былъ незадолго до его бенефиса. Въ этотъ же вечеръ онъ прочелъ мнѣ всю пьесу «Коварство и любовь». А какъ онъ читалъ свою роль Фердинанда! Я думаю, что лучше этого онъ и на сценѣ не игралъ. Я завидовала тогда тѣмъ актрисамъ, которыя играли съ нимъ Луизу. Самаринъ ему не нравился въ Фердинандѣ; онъ находилъ, что онъ слишкомъ «сладокъ». Ему нравился больше Леонидовъ.

Иногда мы вмѣстѣ бывали въ маломъ театрѣ, у французовъ. Ему очень нравились Шамбери и Реаль. Однажды давали Кина. Я сидѣла въ бенуарѣ, а отецъ съ Леонидовымъ въ креслахъ. Послѣ

¹⁾ Тогда много изъ французскихъ актеровъ совѣтовали мнѣ сыграть съ ними.

первой сцены—Кина съ Анной Демби, отецъ подошелъ къ бенуару и очень громко сказалъ мнѣ:

— Нѣтъ, сегодня Реаль слаба, мы съ Леонидомъ Львовичемъ уѣзжаемъ. Завтра у Готье куплю книгу и самъ тебѣ прочту.

Каково же было мое удивленіе, когда, по приѣздѣ изъ театра, я застала его въ кабинетѣ уже читающимъ Кина. Онъ достала книгу у кого-то изъ французскихъ актеровъ.

Я привожу эти воспоминанія для того, чтобы не считали отца, со словъ г. Соловьева, невѣжественнымъ и не удивлялись, что онъ имѣлъ понятіе «даже о Торквато Тассо»¹⁾. Онъ воспитывался въ очень хорошемъ пансіонѣ Терлихова и нѣкоторое время былъ на математическомъ факультетѣ Московскаго университета. Общества, правда, онъ избѣгалъ, особенно новыхъ знакомыхъ; но все же у него было нѣсколько домовъ, которые онъ посѣщалъ, хотя не очень часто. Изъ артистовъ онъ бывалъ у П. И. Орловой²⁾, когда она не уѣзжала въ Петербургъ, у Леонидова, у Д. Т. Ленскаго и у другихъ. Совершенно вѣрно, что застѣнчивость его доходила иногда до смѣшного. Въ извѣстномъ тогда пансіонѣ Жарни былъ назначенъ актъ, и его просили прочесть «Чернеца» Козлова. Онъ согласился. Помню хорошо, что онъ приѣхалъ оттуда вечеромъ веселый—и говорить моей матери:

— Ну, матушка, насилу отъ нихъ вырвался, и, кажется, скверно прочелъ, хотя они всѣ въ восторгѣ. А, вѣдь странно, на сценѣ играю при самомъ государѣ, и его присутствіе меня не стѣсняетъ. Чувствую себя, какъ дома. А тутъ, какъ окружили меня со всѣхъ сторонъ классныя дамы да барышни, ну, хоть вонъ бѣги. Насилу ушелъ отъ нихъ.

Лѣто, въ которое онъ не ѣздилъ на гастроли,—онъ проводилъ на дачѣ въ Кунцовѣ. Онъ нанималъ домъ въ деревнѣ Мазиловѣ. Эта деревня очень близка отъ села. Кунцово было его любимое мѣсто близъ Москвы. Тутъ я увидала въ первый разъ П. М. Садовскаго, только что приѣхавшаго въ Москву. Онъ къ намъ приѣхалъ вмѣстѣ съ Дьяковымъ и гостилъ у насъ три дня.

Кажется, въ 1840 или въ 1841 году, въ Мазиловѣ былъ страшный пожаръ. Ночью деревня загорѣлась отъ грозы, и молніей убило двоихъ: старика дѣда, лежавшаго на печи, и 12-ти-лѣтняго внука, читавшаго Евангеліе. Отецъ мой страшно боялся грозы. Онъ былъ мученикъ въ это время, уходилъ въ темную комнату и молился. Онъ самъ рассказывалъ про ужасъ, испытанный имъ въ эту минуту: «Ночь, страшная гроза. Безпрерывные, неумолкающіе раскаты грома. Стою на колѣняхъ и молюсь. Вдругъ, слышу, бьютъ въ

¹⁾ «Русская Мысль», статья «Актеръ романтикъ».

²⁾ Стихотвореніе отца («Не гляди на меня, не кори ты меня») было посвящено П. И. Орловой.

набать. Въ селѣ звонъ. Бѣгу на балконъ: деревня въ огнѣ. Крикъ, шумъ, вопли бабъ, скотъ реветъ. Священникъ идетъ изъ села въ полномъ облаченіи и несетъ крестъ на головѣ. Ночь, зги не видать. И его освѣщаетъ только блескъ молніи и свѣтъ отъ огня.

Чтобы понять всю эту ужасающую картину, надо было слышать его разсказъ. Онъ на другой же день уѣхалъ въ Москву и съ тѣхъ поръ оставилъ свое любимое Кунцово, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ.

III.

Кутежи отца моего сильно отражались на его здоровьи; послѣ нихъ онъ долго лежалъ полубольной у себя въ кабинетѣ. Эти кутежи приписываютъ неудавшейся женитьбѣ Мочалова на дочери трактирщика, какъ въ нѣкоторыхъ журналахъ величаютъ моего дѣда, И. А. Бажанова, хотя дѣдъ мой никогда не содержалъ трактира. Онъ былъ купецъ и торговалъ въ серебряномъ ряду, но послѣ 1812 года, разорившись совсѣмъ, чтобы поддержать свое семейство, волей-неволей открылъ «кофейню», которая впоследствии слыла «Литературной кофейней».

Да, если бы даже и на самомъ дѣлѣ Мочаловъ женился на дочери трактирщика, что же изъ этого?.. развѣ это мѣшало бы ему быть счастливымъ? Мнѣ кажется, никакое честное занятіе не можетъ унижить человѣка. Дочь трактирщика, подобно другимъ, можетъ быть умной и развитой женщиной. Неужели родословная и теперь еще въ нашъ просвѣщенный вѣкъ имѣетъ такой крупный вѣсъ?

Если невзгоды житейскія и заставляли иногда моего отца забываться за чаркой вина, то это происходило скорѣе отъ непріятностей по службѣ, которыя онъ испытывалъ отъ недоброжелательства къ нему управлявшаго театромъ Верстовскаго.

Разъ, репетируя какую-то пьесу съ Н. В. Рѣпиной, особой очень вліятельной въ то время и близкой къ Верстовскому, у которой всѣ цѣловали ручки и къ которой относились подобострастно, что было не въ натурѣ отца, онъ съ кѣмъ-то заговорился за кулисами. Рѣпина ему повелительно крикнула:

— Да, ну же, Павелъ Степановичъ, оставьте разговоры, идите скорѣе—вѣдь я васъ жду.

Но эти слова были сказаны такимъ тономъ, что отецъ вспыхнулъ, подошелъ къ ней и сказалъ:

— Если вы мнѣ сказали «ну», такъ я вамъ скажу «тпру».

Этого было довольно, чтобы возбудить къ нему ненависть Верстовскаго. Мщеніе проявлялось въ разныхъ мелочныхъ придиркахъ. Другой на мѣстѣ отца не обратилъ бы на нихъ вниманія; но его онѣ сильно волновали. Но что было дѣлать? Оставить театръ, род-

ную Москву? Жертва была слишкомъ велика. Уѣхать одному, покинувъ семейство, онъ не могъ, потому что не привыкъ къ одинокой жизни, да и я еще не окончила своего воспитанія. И вотъ онъ, любя семейство, рѣшился все выносить и терпѣть. Бенефисы М. С. Щепкина и отца были всегда послѣдніе передъ масленицей—ими заканчивался зимній сезонъ. Но Верстовскій, изъ ненависти къ отцу, измѣнилъ время бенефиса, придравшись къ какому-то незначительному случаю: вмѣсто января назначилъ бенефисъ въ маѣ, когда Москва бываетъ пуста, и всѣ разъѣзжаются по деревнямъ и дачамъ. Верстовскій былъ увѣренъ, что театръ окажется пустымъ, и заранѣе торжествовалъ. Верстовскій думалъ, что отецъ придетъ въ сильнѣйшее раздраженіе и отчаяніе, но къ своему удивленію встрѣтилъ отца въ театрѣ веселымъ и покойнымъ.

— А я, Алексѣй Николаевичъ, даю въ свой бенефисъ «Коварство и любовь» и вывожу дочь мою на сцену. Самъ играю Миллера, она—Луизу, Иванъ Васильевичъ Самаринъ—Фердинанда.

Увидя стоявшаго невдалекѣ В. И. Живокини, отецъ обратился къ нему:—А Василій Игнатьевичъ не откажетъ сыграть маршала?

— Для тебя, Павелъ Степановичъ, хоть самого Фердинанда сыграю,—отвѣчалъ Живокини. Всѣ захохотали.

Мщеніе не удалось—театръ былъ полонъ, а о томъ восторженномъ приѣмѣ, который намъ оказала публика, я уже писала въ моихъ «Воспоминаніяхъ»¹⁾.

Но вскорѣ опять начались невзгоды. По болѣзни отца, былъ отмѣненъ спектакль, то-есть, вмѣсто Мочалова игралъ Волковъ. Не помню хорошо, въ какой пьесѣ, но только роль отца была незначущая. Однако, зато, что онъ не игралъ, дирекція взяла съ него тысячу рублей штрафа, ассигнаціями, конечно. Онъ получалъ тогда 125 рублей разовыхъ. Самолюбіе отца было сильно задѣто, и онъ, отыгравъ свой срокъ, сказалъ вѣчное прости своей дорогой Москвѣ и оставилъ московскій театръ, въ которомъ желалъ умереть. Отецъ долженъ былъ ѣхать играть въ провинцію и въ 1848 году, въ январѣ, отправился въ Воронежъ, къ сестрѣ своей М. С. Мочаловой-Франціевой. Понятно, что онъ пріѣхалъ туда разбитый душою и тѣломъ. Тамъ онъ игралъ съ успѣхомъ, но не удержался, закутилъ—и поплатился за это жизнью. Уѣхавъ отъ сестры полубольной, онъ въ дорогѣ простудился, и 16-го марта его не стало...

¹⁾ Верстовскій, съ цѣлью чѣмъ нибудь взволновать отца, велѣлъ назначить водевилъ, гдѣ играла Дунечка Петрова. Зная характеръ отца, онъ рассчитывалъ, что ему будетъ неприятно видѣть двухъ дочерей вмѣстѣ. Но отецъ видя, что обѣ дочери относятся другъ къ другу ласково, успокоился, хотя волненіе все-таки было замѣтно.

IV.

Думаю, что здѣсь будетъ у мѣста сообщить біографическія свѣдѣнія о теткѣ моей, М. С. Мочаловой-Франціевой, о которой также напечатано много невѣрнаго. Такъ въ № 7918 «Новаго Времени» 1898 года сказано, что «она вышла замужъ за очень богатаго помѣщика, — бракъ былъ несчастливъ, мужъ проигралъ свое колоссальное состояніе ¹⁾, и она должна была опять вступить на сцену, играла на провинціальныхъ театрахъ и умерла въ Вологдѣ».

Марья Степановна получила очень хорошее воспитаніе; она окончила курсъ въ одномъ изъ московскихъ институтовъ и тотчасъ же по выходѣ изъ института должна была поступить на московскую сцену. Семейство покойнаго С. Θ. Мочалова было, какъ я уже сказала раньше, такъ многочисленно, что, несмотря на большое жалованье, которое получали всѣ члены этого семейства, оно не покрывало всѣхъ ихъ расходовъ. М. С., какъ извѣстно, была любимица московской публики — получала хорошее жалованье, четыре тысячи рублей ассигнаціями. Бенефисы давали ей громадныя сборы. Ей платили по пятисотъ рублей за кресло перваго ряда, не говоря о бельэтажахъ, которые она сама развозила нашему богатому барству. Кругъ знакомства въ Москвѣ у нея былъ очень большою; она посѣщала многіе аристократическіе дома. Ее всѣ очень любили, и подарки сыпались ей баснословно дорогіе. Благодаря этому, М. С., бывъ еще на сценѣ, приобрѣла себѣ хорошее состояніе и, вскорѣ оставивъ театръ, вышла замужъ за полковника Франціева, человѣка совершенно бѣднаго, жившаго только на получаемое имъ жалованье, но безукоризненно честнаго и любившаго безъ ума свою красавицу жену. Недолго они прожили въ Москвѣ; вскорѣ полкъ, гдѣ служилъ ея мужъ, долженъ былъ двинуться въ Польшу — это было время польскаго мятежа. Марья Степановна послѣдовала за мужемъ. Привыкнувъ къ роскошной жизни, она и тамъ продолжала давать обѣды и вечера для товарищей своего мужа. Мужъ, любя ее, изъ деликатности не напоминалъ ей о расходахъ и постепенномъ истощеніи капитала. Проживъ въ Польшѣ нѣсколько лѣтъ, они возвратились въ Москву, истративъ почти все, что имѣли. Мужу ея пришлось искать себѣ мѣсто соотвѣтственно его чину — полковника. Онъ надѣялся при содѣйствіи моего отца получить должность полицеймейстера въ Москвѣ; но такъ какъ ресурсы для жизни оставались очень небольшіе, то волей-неволей онъ долженъ былъ взять первое, сколько нибудь подходящее мѣсто, и принялъ должность смотрителя въ матросской богадѣльнѣ, съ очень незначительнымъ окладомъ жалованья, надѣясь на будущее. Но недолго

¹⁾ Мужъ М. С. никогда и картъ въ руки не бралъ.

пришлось ему служить: онъ неожиданно умеръ отъ удара. Марья Степановна проснулась ночью, и около нея лежалъ бездыханный трущъ ея мужа. Я была тогда очень еще маленькой дѣвочкой, лѣтъ шести или семи. Покойный дядя меня ужасно любилъ и баловалъ; дѣтей у нихъ не было, и я у всѣхъ родныхъ моихъ была баловницей. Отецъ бывало сердился на него за то, что онъ при своихъ маленькихъ средствахъ дарилъ мнѣ дорогія игрушки. Но они оба съ женой были люди очень добрые—послѣднимъ дѣлились съ бѣдными... И вотъ въ одно утро меня разбудилъ шумъ въ домѣ, который доносился до моей дѣтской; я проснулась, спрашиваю няню: «что такое?» она отвѣчаетъ, что у насъ горе, пріѣхалъ нарочный отъ Марьи Степановны съ грустнымъ извѣстіемъ, что Измаиль Алферьевичъ умеръ. Разумѣется, я горько заплакала.

Похоронивъ мужа, Марья Степановна вскорѣ переѣхала къ намъ ¹⁾. Поживъ немного съ нами, она стала приготовляться, чтобы вновь поступить на московскую сцену. Прочитывала роли съ моимъ отцомъ и съ Иваномъ Васильевичемъ Самаринымъ, который готовилъ тогда роль Скопина-Шуйскаго. Но, не сойдясь съ дирекціею, М. С. уѣхала играть въ провинцію. Ей тогда было лѣтъ тридцать восемь. Два раза она, еще при жизни отца, пріѣзжала къ намъ въ Москву погостить. Послѣдніе годы она играла въ Воронежѣ, потомъ, послѣ смерти отца, пріѣхала ко мнѣ въ Москву и умерла здѣсь, а не въ Вологдѣ, и погребена на одномъ кладбищѣ съ М. С. Щепкинымъ.

Живя у меня въ Москвѣ, тетка М. С. много мнѣ рассказывала о дѣтствѣ отца моего, который былъ любимый изъ ея братьевъ. Онъ росъ мальчикомъ очень тихимъ, учился прилежно, особенно, когда былъ въ пансіонѣ Терлихова. Религіозенъ онъ былъ до фанатизма, цѣлыя ночи молился Богу, стоя на колѣняхъ, и въ домѣ все предполагали, что онъ скорѣе будетъ монахомъ, нежели актеромъ. Поступать на сцену онъ и не думалъ. Это случилось какъ-то вдругъ, когда онъ, поссорившись съ однимъ изъ профессоровъ, оставилъ университетъ и поступилъ на сцену. Марья Степановна рассказывала про его первую любовь къ одной дѣвушкѣ, принадлежавшей къ дворянскому сословію. Родители ея были люди богатые, съ упорными сословными понятіями того времени и ярые крѣпостники. Конечно, они не могли согласиться выдать свою дочь за актера, отказали Мочалову и насильно отдали ее за другого. Но любовь взяла свое. Выданная замужъ, она вскорѣ бросила мужа и

¹⁾ Отношенія между братомъ и сестрой были самыя дружескія: отецъ очень любилъ М. С., часто посылалъ денегъ, когда она была въ провинціи; переписка у нихъ была очень частая, и меня всегда заставляли писать къ теткѣ. Онъ къ ней ѣздилъ, когда она была въ Калугѣ, въ Нижнемѣ, и нѣсколько разъ былъ въ Воронежѣ.

уѣхала въ Москву, гдѣ, конечно, видѣлась съ моимъ отцомъ. Но такъ какъ онъ не могъ удовлетворить всѣ требованія ея роскошной жизни, которую она вела въ Москвѣ, какъ Маргарита Готье въ Парижѣ (ее и прозвали Маргаритою Готье)¹⁾, то должна была прибѣгать за помощью къ людямъ богатымъ. Отецъ этого не могъ перенести и оставилъ ее. Она была вполнѣ красавица. Отецъ нерѣдко вспоминалъ объ ней, рассказывалъ мнѣ всю грустную повѣсть этой давно прошедшей любви и передавалъ о горькой судьбѣ этой женщины, окончившей драматически свою жизнь: она умерла еще молодой на могилѣ своей дочери.

Е. Шумилова-Мочалова.

¹⁾ Фамилію ея я не имѣю права называть.

ПАМЯТИ П. М. ТРЕТЬЯКОВА.

В МОСКВѢ скончался недавно одинъ изъ ея весьма крупныхъ и замѣчательныхъ дѣятелей — Павелъ Михайловичъ Третьяковъ, извѣстный знатокъ и строгій цѣнитель русской живописи, трудами котораго была создана знаменитая Третьяковская галерея, составляющая въ настоящее время одинъ изъ лучшихъ перловъ нашей первопрестольной столицы. Русскіе художники понесли со смертью П. М. Третьякова весьма чувствительную утрату: они лишились человѣка, который страстно былъ преданъ русскому искусству, который слѣдилъ за каждымъ его шагомъ съ напряженнымъ и разумнымъ вниманіемъ, который всегда умѣлъ отличать блестящую и громко-заявляющую о себѣ бездарность отъ скромнаго, начинающаго таланта. Этого мало. Русскіе художники въ лицѣ покойнаго П. М. Третьякова лишились спутника, который неизмѣнно шелъ съ ними рядомъ, рука объ руку, въ теченіе послѣдней четверти вѣка, радуясь ихъ успѣхамъ, поспѣвая съ помощью въ невзгодахъ, ободряя ихъ къ дѣятельности, которую умѣлъ цѣнить и вполне искренно уважалъ. Преданный всей душою русскому искусству при жизни, П. М. Третьяковъ не забылъ о его дѣятеляхъ и тогда, когда чувствовалъ приближеніе смертнаго часа: въ завѣщаніи своемъ (кстати сказать, очень оригинальномъ) онъ назначилъ крупную сумму на дѣло призрѣнія престарѣлыхъ художниковъ... Но я полагаю, что художники сами сумѣютъ воздать должное памяти почтеннаго Павла Михайловича, и вовсе не намѣренъ

въ моей небольшой замѣткѣ говорить о заслугахъ покойнаго по отношенію къ русскому искусству. Я просто хочу посвятить нѣсколько строкъ воспоминанія моему личному знакомству съ покойнымъ Павломъ Михайловичемъ и тому впечатлѣнію, какое производилъ этотъ, въ высшей степени, своеобразный русскій человекъ и общественный дѣятель.

Мое знакомство съ покойнымъ Павломъ Михайловичемъ началось давно — слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Помнится, я тогда только что принялся за редактированіе «Пчелы» (въ ея первой, еще Гіероглифовской редакціи), и поводомъ къ знакомству съ П. М. Третьяковымъ послужило желаніе снять кое-какія коніи въ его галереѣ, тогда еще не столь обширной, какъ въ настоящее время, но все-же богатой и уже замѣчательной. Я зналъ о ней понаслышкѣ, но не бывалъ еще въ ней, и мнѣ очень хотѣлось ознакомиться съ этою единственною въ своемъ родѣ коллекціей произведеній русскихъ художниковъ. Но галерея Третьякова въ ту пору была еще личною собственностью Павла Михайловича, занимала одно крыло его уютнаго дома въ Толмачахъ, за Москвою рѣкою, и не была еще открыта для публики. Желаніе ознакомиться съ нею должны были обращаться къ хозяину-владѣльцу и испрашивать его разрѣшенія.

Такъ я и поступилъ. Въ одну изъ моихъ поѣздокъ въ Москву, я поѣхалъ въ Толмачи, и, войдя во дворъ Третьяковскаго дома, справился у перваго встрѣчнаго — дома ли Павелъ Михайловичъ, и гдѣ я его могу найти? Мнѣ указали на контору внизу. Направившись по указанію, я передалъ артельщику мою карточку и просилъ вызвать ко мнѣ Павла Михайловича... Сквозь пріотворенную дверь я увидѣлъ обширное помѣщеніе обычной торговой конторы, съ множествомъ всякаго пишущаго люда, занятаго у конторокъ, и явственно слышалъ несмолкаемое щелканье счетовъ. Минуту спустя, самъ Павелъ Михайловичъ появился на порогѣ.

Признаюсь, что онъ совсѣмъ не соответствовалъ тому представленію, которое я о немъ составилъ. Я почему-то ожидалъ встрѣтить человека обычнаго московскаго коммерческаго типа: рослаго, осанистаго и плотнаго, съ твердою поступью и съ смѣлою увѣренностью во взглядѣ, — и вдругъ увидѣлъ передъ собою высокаго, но очень худощаваго человека неопредѣленныхъ лѣтъ, нѣсколько сутулаго, съ небольшою бородкою и небольшимъ хохолкомъ, отъ которыхъ его длинное и узкое лицо казалось еще болѣе длиннымъ и узкимъ. Лицо это было блѣдно и безцвѣтно, на немъ замѣтно было нѣкоторое утомленіе, которое отражалось отчасти и въ небольшихъ темнокарихъ глазахъ, нѣсколько задумчивыхъ...

Послѣ обычныхъ привѣтствій, высказанныхъ какимъ-то удивительно-ровнымъ и спокойнымъ тономъ, Павелъ Михайловичъ пригласилъ меня въ кабинетъ свой, тутъ же внизу, о бокъ съ конто-

рой; мы усѣлись около стола передъ диваномъ и собрались приступить къ бесѣдѣ...

Я иначе не могу и выразиться, потому что эту бесѣду было не легко начать. Усѣвшись передо мною на кожаномъ стулѣ, Павелъ Михайловичъ чуть-чуть отклонился отъ стола, склонивъ голову на бокъ, сложилъ крестъ на крестъ свои худощавыя, длинныя руки съ тонкими и красиво-обрисованными пальцами, вперилъ въ меня свои глубокіе, вдумчивые глаза, и замолкъ... Ни звука! «Говори, молъ, ты, если тебѣ нужно; а я и помолчать не прочь...»

Точь-въ-точь какъ на извѣстномъ Рѣпинскомъ портретѣ, который я видѣлъ потомъ въ мастерской художника.

Мнѣ пришлось принять на себя роль спикера—я въ двухъ словахъ объяснилъ цѣль моего пріѣзда и попросилъ разрѣшенія осмотрѣть галерею.

— Я съ удовольствіемъ вамъ ее покажу,—отвѣтилъ мнѣ Павелъ Михайловичъ какимъ-то особенно-нѣжнымъ и нѣсколько пѣвучимъ голосомъ,—а о снимкахъ надо будетъ поговорить съ художниками. У насъ это еще такъ плохо дѣлаютъ.

И онъ уже поднялся, предлагая мнѣ слѣдовать за нимъ въ галерею. Очень хорошо помню, что мы, не надѣвая верхняго пальто, перешли черезъ садъ, что спутникъ мой вынулъ изъ жилетнаго кармана небольшой ключикъ и отперъ мнѣ дверь галереи.

Мы провели около двухъ часовъ, осматривая все, что было въ ту пору собрано Павломъ Михайловичемъ. При этомъ осмотрѣ онъ какъ будто нѣсколько оживился. Онъ говорилъ очень немного, былъ удивительно скупъ на слова, не сказалъ ни одной общей фразы; но не прошелъ почти ни одной картины молча—о каждой высказалъ свое замѣчаніе, и замѣчаніе вѣрное, замѣчаніе опытнаго цѣнителя и знатока. Сквозь его обычное, невозмутимое спокойствіе проглядывало что-то неуловимое, что-то такое, почему можно было судить, что ему пріятно быть среди своихъ художественныхъ сокровищъ, что ему пріятно ихъ показывать, о нихъ говорить... Онъ даже оживился настолько, что, когда мы изъ галереи вернулись въ кабинетъ, безъ всякой просьбы съ моей стороны, сталъ показывать мнѣ оригинальные рисунки и наброски старыхъ и новѣйшихъ художниковъ (онъ тогда только что началъ ихъ собирать), заговорилъ о своихъ планахъ перестройки въ галереѣ, о недавнихъ пріобрѣтеніяхъ.

Но изъ конторы безпрестанно заглядывали въ кабинетъ, приходили съ бумагами, со спросами, со счетами—я видѣлъ ясно, что отрываю Павла Михайловича отъ его дѣла, и поспѣшилъ удалиться. Разставаясь со мною, онъ занесъ въ записную книжку мой петербургскій адресъ и обѣщалъ побывать у меня, при случаѣ.

Полгода спустя, онъ дѣйствительно заѣхалъ ко мнѣ и поднялся въ мой четвертый этажъ съ какимъ-то довольно объемистымъ ящи-

комъ въ рукахъ. Судя по формѣ ящика, я заключилъ, что въ немъ, вѣроятно, картина.

— Что это у васъ? — спросилъ я съ невольнымъ любопытствомъ, видя, что Павелъ Михайловичъ вносить ящикъ изъ прихожей ко мнѣ въ кабинетъ.

— Не угадаете, — сказалъ онъ со своей серьезной улыбкой. — А между тѣмъ это прямо васъ касается...

Онъ поднялъ крышку ящика—и я увидѣлъ въ немъ прекрасно-писанный масляными красками портретъ моего отца. Объ этомъ портретѣ я зналъ только по наслышкѣ, да по упоминаніямъ въ письмахъ отца. Я всплеснулъ руками отъ удивленія и почти воскликнулъ:

— Скажите ради Бога, откуда вы это добыли? Портретъ давно считался пропавшимъ безслѣдно, и я рѣшительно не могъ дознаться, гдѣ онъ находится!

Павелъ Михайловичъ снова улыбнулся своею обычною улыбкой и сказалъ очень спокойно:

— Мнѣ принесли его продавать... Узнали, что я начинаю собирать старые портреты... Я тотчасъ подумалъ о васъ: не захотите ли вы купить?

— Еще бы! Помилуйте, я хоть сейчасъ готовъ!..

— Съ меня полтора ста просили... Кисть хорошая... Это Плюшаръ писалъ—извѣстный московскій портретистъ въ 30-е годы...

Я еще насмотрѣться не успѣлъ на портретъ, а Павелъ Михайловичъ поднялся уже съ мѣста.

— Куда же вы такъ спѣшите?—спросилъ я его.

— Нельзя. Сейчасъ только съ почтовымъ пріѣхалъ, съ почтовымъ и уѣхать хочу... Долженъ заглянуть въ мастерскія къ двоимъ художникамъ...

— Такъ получите же, пожалуйста, деньги за портретъ... Я, право, такъ вамъ благодаренъ за него...

— Нѣтъ... Я его у васъ оставлю, а деньги вы передадите той госпожѣ, которая его ко мнѣ принесла. Она же, кстати, собирается сюда вскорѣ пріѣхать.

Онъ сунулъ мнѣ въ руку листокъ, на которомъ было имя, отчество и фамилія особы, которой принадлежалъ портретъ моего отца, и послѣшнo удалился.

По уходѣ его, я развернулъ бумажку и, къ крайнему удивленію своему, увидѣлъ, что обладательницею портрета была одна изъ моихъ ближайшихъ родственницъ, отъ которой, вскорѣ послѣ того, я и приобрѣлъ портретъ моего отца ¹⁾.

¹⁾ Для характеристики этой особы, сообщу здѣсь же, что она очень охотно уступила мнѣ этотъ портретъ, но не за полтора ста рублей, а просто даромъ: она упросила меня взять портретъ въ уплату тѣхъ 400 рублей, которые она мнѣ была должна. Я вынужденъ былъ согласиться на это любезное предложеніе...

Послѣ этого эпизода съ портретомъ, я много лѣтъ подѣ рядѣ бывалъ у Павла Михайловича каждый разъ, когда приѣзжалъ въ Москву; встрѣчался съ нимъ и у художниковъ, и на выставкахъ передвижниковъ, на которыя онъ всегда являлся однимъ изъ первыхъ и въ числѣ немногихъ терпѣливо выжидалъ у дверей зала, когда онѣ откроются.

— Сейчасъ только приѣхалъ, и сегодня спѣшу обратно, — скажетъ бывало Павелъ Михайловичъ.

— Не утерпѣли? Приѣхали посмотреть... А вѣдь ужъ вѣрно вашъ выборъ сдѣланъ?

— Да... Я кое-что приобрѣлъ, кое-что намѣтилъ... Но все же надо увидѣть картину на выставкѣ, въ обстановкѣ... Вѣдь я покупаю условно... Можетъ быть, переимѣню иное...

И войдетъ на выставку первый, осмотритъ ее внимательно, останавливаясь передъ каждой картиной все съ тѣмъ же своимъ обычнымъ, дѣловымъ видомъ, всматриваясь въ нее тѣмъ же серьезнымъ вдумчивымъ взоромъ...

Признаюсь, что мнѣ лично, съ каждою встрѣчею, Павелъ Михайловичъ становился все болѣе и болѣе симпатичнымъ. По моимъ личнымъ наблюденіямъ и по всему, что мнѣ о немъ приходилось слышать отъ художниковъ, онъ ничуть не походилъ на тотъ въ высокой степени противный типъ безтолковыхъ меценатовъ, широко пользующихся своимъ неистощимымъ кошелькомъ и разбрасывающихъ деньги зря, въ томъ убѣжденіи, что они тратятъ ихъ на поощреніе искусства (а въ сущности только удовлетворяютъ этими тратами своему мелкому тщеславію).

Въ Павлѣ Михайловичѣ, напротивъ того, чувствовался постоянно человекъ дѣла, вѣчно занятый руководеніемъ очень большихъ и сложныхъ дѣлъ фирмы, чувствовался кунаецъ, который знаетъ цѣну деньгамъ и подчасъ былъ не прочь поторговаться съ художникамъ изъ-за картины... Но художники цѣнили очень высоко его вниманіе, его выборъ, и отъ многихъ изъ нихъ я слышалъ не разъ:

— Я бы могъ и дороже взять за свою картину, но Павлу Михайловичу она понравилась, и я этому очень радъ... Значитъ, въ ней что нибудь есть. Ему и дешевле продать можно...

И въ этомъ случаѣ художники цѣнили не только врожденный и сильно-развитый вкусъ Павла Михайловича, но и ту горячую любовь, которую онъ питалъ къ искусству, глубоко скрывая ее въ своемъ сердцѣ, подѣ неизмѣнною маскою спокойствія, холодности и равнодушія.

Ничто, кромѣ горячей любви къ искусству, не могло бы побудить этого человека, цѣнившаго каждую минуту времени, вѣчно занятого счетами и расчетами, отрывать отъ своихъ дѣлъ, объѣзжать періодически мастерскія всѣхъ мало-мальски выдающихся ху-

дожниковъ и для этого забираться въ самые дальніе уголки Москвы и даже наѣзжать отъ времени до времени въ Петербургъ, и цѣлые часы проводить передъ ихъ полотнами... И надо было видѣть выраженіе его всегда спокойнаго лица въ тотъ день, когда онъ показывалъ мнѣ только что развѣшенную въ его обновленной галлерей первую серію картинъ Верещагина (незадолго передъ тѣмъ имъ приобрѣтенную), чтобы убѣдиться въ томъ, какъ было близко его сердцу, какъ дорого русское искусство, и какъ велика была его готовность жертвовать на осуществленіе той идеи, которою онъ задался, создавая въ своей галлерей блестящій, единственный въ своемъ родѣ, неподражаемый памятникъ извѣстному періоду расцвѣта русской живописи.

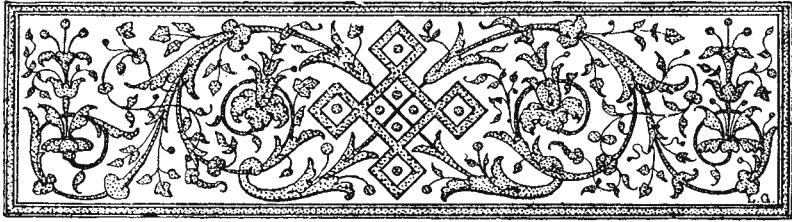
И какъ удивительно скромно, почти застѣнчиво, дѣлалъ онъ свое дѣло! Кажется, что онъ ничего на свѣтѣ такъ не боялся, какъ рекламы, какъ прославленія или куренія всякихъ оиміамовъ... Я убѣжденъ въ томъ, что никому, видѣвшему его въ первый разъ, даже и въ голову не могло прійти, чтобы этотъ незамѣтный, просто-одѣтый, молчаливый человѣкъ, изъ котораго чуть не клещами приходилось добывать каждое слово, — этотъ человѣкъ, никогда не говорившій о томъ, что составляло лучшую красу его жизни, — и есть знаменитый собиратель сокровищъ Третьяковской галлерей!

Но, при всей своей чрезвычайной простотѣ, скромности и сдержанности, Павелъ Михайловичъ несомнѣнно носилъ въ своемъ сердцѣ сознаніе того, что онъ дѣлаетъ хорошее, важное и нужное дѣло; онъ несомнѣнно гордился своею чудною галлереею, собранною трудомъ всей его жизни, по его замыслу и почину, по плану, который ему одному былъ извѣстенъ... Онъ сознавалъ, что его милое дѣтище, выношенное и выхолощенное въ его сердцѣ, должно и въ потомствѣ остаться его личною собственностью — плодомъ его личнаго творчества. Передавая городу свою галлерей въ вѣчное владѣніе, онъ пожелалъ, чтобы никакія новыя приобрѣтенія не были вносимы въ составъ того, что было имъ собрано, а вѣпались бы отдѣльно, не нарушая цѣльности и гармоніи собраннаго имъ сокровища ¹⁾. Онъ какъ бы хотѣлъ этимъ сказать: «возьмите и владѣйте всѣмъ, что я собралъ и создалъ; но оставьте же на всемъ собранномъ печать моего личнаго труда, личной моей мысли и творчества!»

Будемъ надѣяться, что это желаніе покойнаго Павла Михайловича будетъ свято исполнено, хотя и должны признаться, что едва ли на свѣтѣ найдется другая страна, въ которой бы менѣе, чѣмъ въ Россіи, чтилась воля завѣщателя...

П. Полевой.

¹⁾ Мы слышали, что то же желаніе еще разъ высказано было Павломъ Михайловичемъ въ его завѣщаніи.

УЧЕНОЕ ФРАЗЕРСТВО.

РАВНИТЕЛЬНО еще недавно мы могли сѣтовать на невозможную тяжеловѣсность въ изложеніи нашихъ молодыхъ ученыхъ, которые, казалось, намѣренно придавали своимъ сочиненіямъ такую форму, что они представлялись совершенно недоступными обыкновеннымъ читателямъ. Надо признаться, что весьма часто такого рода приемомъ прикрывалась крайняя бѣдность мысли: въ погонѣ за фактами наши жрецы науки совсѣмъ забывали объ ихъ идейной сторонѣ и даже относились къ ней съ пренебреженіемъ, объявляя всякое идейное толкованіе произвольнымъ и субъективнымъ. Съ кафедръ можно было услышать торжественное и радостное заявленіе, что «прошло время всеобъемлющихъ трудовъ», и что вниманіе науки должно быть обращено на изслѣдованіе исключительно частныхъ вопросовъ; боязнь скороспѣлыхъ обобщеній вела къ отрицанію вообще всякихъ обобщеній. Благодаря такого рода тенденціи, получались груды почти сырого матеріала, въ которомъ не было никакой возможности разобраться людямъ непосвященнымъ. Сличеніе текстовъ, кропотливое разсмотрѣніе вариантовъ, такъ называемая *kleinere Kritik* исчерпывали для изслѣдователей ихъ задачу, и для профановъ оставалось совершенно необъяснимымъ, въ чемъ заключалась ученость, ограничивавшаяся изданіемъ документовъ: вѣдь въ сущности снять точную копию и напечатать ее можно и простому писарю, не имѣющему докторскаго диплома. Экономія въ работѣ такимъ изслѣдователямъ совсѣмъ невѣдома: поставивъ себѣ

извѣстный вопросъ, молодой ученый постоянно отвлекается въ сторону, разрѣшаетъ множество побочныхъ вопросовъ и этимъ окончательно разрушаетъ цѣльность впечатлѣнія, производимаго его трудомъ. При этихъ внутреннихъ недостаткахъ, при отсутствіи часто опредѣленнаго плана работы, можно замѣтить не мало промаховъ и съ внѣшней стороны: изслѣдователь какъ бы умышленно пренебрегаетъ своимъ изложеніемъ, щеголяетъ необработанностью стиля, перебиваетъ свою рѣчь всяческими цитатами на разныхъ языкахъ, какъ будто отъ этого выигрываетъ содержательность его произведенія. Чтеніе такого продукта ученыхъ потугъ прямо можно назвать интеллектуальной пыткой, причемъ въ результатѣ получается открытіе новой истины, что дважды два равняется четыремъ.

Нельзя сказать, чтобы и теперь было мало подобныхъ «трудовъ», принадлежащихъ различнымъ крохоборамъ въ родѣ Гетевского Вагнера; однако въ послѣднее время мы можемъ замѣтить народненіе новой разновидности нашихъ ученыхъ. Въ противоположность только что охарактеризованному типу, эти жрецы науки бодро выступаютъ на путь обобщеній: «фактопоклонничество», «научное крохобрство» ихъ уже не прельщаютъ, они громко настаиваютъ на необходимости общихъ идей, стараются ихъ проводить въ своихъ трудахъ и самому изложенію придаютъ даже изысканность, которая можетъ завлечь человѣка, нимало не посвященнаго въ тайны ихъ премудрости. Казалось бы, надо радоваться такому явленію, но приходится сказать, что и въ немъ есть обратная сторона, значительно подрывающая его значеніе. Если поразобратся внимательнѣе въ этихъ новыхъ идеяхъ, то окажется, что многія изъ нихъ давнымъ давно уже стали truизмами, о которыхъ и говорить не стоитъ; что проводникъ этихъ новыхъ идей съ жаромъ отстаиваетъ и распространяетъ нѣчто извѣстное чуть ли не изъ гимназическихъ учебниковъ, и вся суть состоитъ въ томъ, что авторы ученыхъ трактатовъ стараются вести елико возможно мудреную рѣчь о самыхъ простыхъ вещахъ, уподобляясь въ этомъ случаѣ московскимъ барышнямъ, которыя, какъ извѣстно, «словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой». Къ сожалѣнію, должно признаться, что вмѣсто науки въ подобныхъ фабрикаціяхъ съ обще-идейной подкладкой преподносится какое-то ученое фразерство.

Къ такого рода грустными размышленіямъ мы невольно пришли, познакомившись съ двумя книгами нашихъ молодыхъ ученыхъ, вышедшими въ прошломъ году. Мы говоримъ объ «Исторіи русской критики» приватъ-доцента Московскаго университета, Ив. И. Иванова, и объ изслѣдованіи профессора высшихъ женскихъ курсовъ, Н. А. Котляревскаго «Міровая скорбь въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего вѣка». Оба автора извѣстны, какъ талантливые преподаватели, а г. Иванову принадлежитъ положительно очень хорошая книга объ И. С. Тургеневѣ; поэтому къ ознакомленію съ двумя

упомянутыми книгами мы приступили съ самыми лучшими ожиданіями, которымъ, однако же, не суждено было оправдаться.

Статьи г. Иванова по исторіи русской критики печатались въ журналѣ «Міръ Божій» за 1897—1898 г.г., и въ прошломъ году часть ихъ вышла отдѣльной книгой, о которой мы и будемъ говорить въ настоящей замѣткѣ. Начинается книга разсужденіемъ о современномъ состояніи искусства и критики на Западѣ, и по поводу натуралистическихъ теорій Золя г. Ивановъ сразу высказываетъ такое безотрадное соображеніе: «Въ наше время литературѣ, какъ самостоятельному искусству, нѣтъ мѣста. Оно только форма для занимательнаго воспроизведенія точныхъ явленій жизни (не для точнаго ли воспроизведенія занимательныхъ явленій?), и писатель—лицо страдательное, своего рода одушевленный аппаратъ для воспріятія дѣйствительности и передачи ея публикѣ». Печально положеніе и критики на Западѣ: «Новое время создало особый видъ литературы—журналистику, и вотъ она-то жесточайшій врагъ не только критики, а вообще—вдумчивой безпристрастной мысли».

Литература и критика замѣняются въ наше время репортажемъ и фельетономъ, и нашъ авторъ задается вопросомъ: «не станутъ ли искусство и поэзія атавизмами, признаками ископаемаго быта? Стихи, напримѣръ, несомнѣнно близки къ полному исчезновенію изъ области серіозной литературы, стихотворецъ въ современной печати почти то же самое, что дѣйствующее лицо интермедіи въ старинной драмѣ: если бы надо было чѣмъ нибудь занять публику въ антрактѣ, подобнаго артиста можно бы и не выпускать на сцену...». Не правда ли какъ соотвѣтствуетъ это заявленіе современному изобилію всякихъ декадентскихъ, символическихъ и др. стиховъ? Такая же мрачная будущность, какъ и стихамъ, предсказывается съ тѣмъ же основаніемъ г. Ивановымъ и современному роману, какъ ни широко его господство: натурализмъ долженъ его погубить, свести къ простому репортажу.

По поводу импрессионистскихъ взглядовъ Лемэтра мы встрѣчаемся съ слѣдующей длинной ѳереміадой: «Дальше идти некуда. Искусство и критика сами себя произнесли приговоръ и даже опредѣлили свое новое положеніе. Искусство признало себя несвоевременнымъ и поспѣшило затушеваться за спиною науки, критика также помирилась съ перспективой самоубійства. Искусство больше не творить, не создаетъ изъ частныхъ явленій жизни чего-то новаго, болѣе яркаго и сильнаго, даже болѣе истиннаго и жизненно-полнаго, чѣмъ отдѣльно взятый фактъ. Писатель ограничиваетъ свое честолюбіе по возможности точной записью опытовъ и наблюденій, въ сущности только наблюденій, потому что эксперименты естествоиспытателя отождествлять съ какимъ угодно, даже самымъ обширнымъ репортажемъ, значить наивно или преднамѣренно извращать понятія и самые факты. Въ результатѣ, литература, усиливаясь пере-

стать быть искусствомъ, не пристала и никогда не пристанетъ къ наукѣ. Она переживаетъ будто агонію, судорожно хватаясь за совершенно несродный, чуждый ей предметъ спасенія. Она въ положеніи пловца, покинувшего давно насиженный берегъ и тщетно тоскующаго о пріютѣ на недоступной сторонѣ потока. Погибнетъ пловецъ на волнахъ или вернется вспять? Исконный стражъ литературы— критика, въ настоящее время утратила свою роль, она болѣе чѣмъ равнодушна къ искусству, она не имѣетъ ничего общаго съ самой основой его бытія. Она больше не судитъ и не оцѣниваетъ, она только ощущаетъ и волнуется не въ смыслѣ какихъ нибудь глубокихъ и сильныхъ чувствъ, а лишь мимолетнаго нервнаго или чувственнаго возбужденія. *C'est un jeu... Je m'amuse...*— вотъ девизы критиковъ, буквально ими признанные и неуклонно оправдываемые до послѣдняго дня. Примѣните этотъ методъ къ гениальнѣйшимъ произведеніямъ искусства и къ пошлѣйшимъ продуктамъ бульварныхъ парижскихъ сценъ, вы легко увидите, гдѣ проще игра и доступнѣе забава. Тамъ именно и будетъ сочувственное «впечатлѣніе» критика».

Нарисовавъ эту мрачную картину состоянія европейской (вѣрнѣе, французской) литературы, авторъ вспоминаетъ, что цѣль его работы русская критика, и что ему могутъ замѣтить: «какое же намъ дѣло до Золя и Лемэтровъ?» Но этотъ затруднительный вопросъ рѣшается чрезвычайно легко: «Французская литература и особенно критика всегда были и до сихъ поръ остаются первенствующими во всѣхъ литературахъ. Англійскихъ и итальянскихъ критиковъ у насъ не знаютъ даже по именамъ, за самыми скудными исключеніями; на долю Германіи былъ и, повидимому, долго еще будетъ одинъ Лессингъ. Совершенно иное значеніе французовъ. Многіе изъ нихъ не только читаются, но занимаютъ положеніе классическихъ писателей. Сентъ-Бевъ не забыть до настоящаго времени, Тэнъ— чуть ли не общепризнанный авторитетъ. Брандесъ, также насчитывающій у насъ немало поклонниковъ, самъ называетъ себя ученикомъ только что названныхъ учителей (вѣроятно, по этой причинѣ онъ обратился во француза?), даже импрессионизмъ, въ лицѣ Лемэтра, стяжалъ обширную извѣстность въ нашей періодической печати, и чтобъ дополнить картину, приходится упомянуть самого Франциска Сарсэ, — одно изъ курьезнѣйшихъ явленій парижской *blague* по банальности и культурной ограниченности. Это — цѣлый Олимпъ, и нѣтъ основаній рассчитывать, чтобы и будущее его населеніе не встрѣтило у насъ такого же пріема. Можетъ быть, долго еще суждено намъ изображать галерею на всеевропейскихъ спектакляхъ. По крайней мѣрѣ, до сегодня мы все еще проявляемъ высшую температуру даже при сравнительно заурядной игрѣ совсѣмъ не первостепенныхъ артистовъ».

Въ приведенныхъ словахъ, помимо ихъ общаго смысла, можно отмѣтить немало довольно смѣлыхъ странностей. Неужели г. Ива-

новъ совершенно серьезно рѣшится утверждать, что у насъ не знаютъ ни Маколея, ни Карлейля, ни Гервинуса, ни Берне и другихъ англійскихъ и нѣмецкихъ критиковъ? Конечно, если г. Ивановъ имѣеть въ виду полуневѣжественную массу читателей газетъ, онъ можетъ утверждать, что имъ неизвѣстны названные критики даже по именамъ; но вѣдь съ такой же увѣренностью мы скажемъ, что подобные люди не знаютъ ни Тэна, ни Сарсэ, ни Сентъ-Бева и другихъ французскихъ критиковъ. Французскую критику г. Ивановъ считаетъ «самой блестящей и вліятельной» въ Европѣ, но при томъ страннымъ образомъ совершенно уничтожаетъ наиболѣе замѣчательныхъ ея представителей: Тэнъ изобрѣлъ, по его взгляду, совершенно несостоятельную «научную» критику, могущую только приносить вредъ развитію литературы, а съ Сентъ-Бевомъ нашъ критикъ расправляется еще рѣшительнѣе. «Сентъ-Бевъ, — говоритъ онъ, — такая же ничтожная въ сущности, даже неопредѣлимая величина въ положительной критикѣ, какой пестрый и презрѣнный паразитъ въ политикѣ. Ему ничего не стоило перейти въ какой угодно лагерь, лишь бы остаться на сторонѣ торжествующихъ и располагающихъ наградами и всякими земными благами. Въ психологическомъ отношеніи это прямой предшественникъ импрессионизма, въ нравственномъ совершенный представитель оппортюнизма. Критика у него преобразилась въ остроумную, часто блестящую, но чисто увеселительную болтовню. Его страсть писать біографіи и составлять психологическія характеристики въ результатѣ приводила къ погонѣ за разными *bêtes noires* сплетническаго и пикантнаго содержанія. Ничего прочнаго и цѣльнаго не могли дать эти упражненія, не одушевленные никакой нравственной вѣрой, никакимъ общественнымъ символомъ».

Отдѣлавъ такимъ образомъ одного изъ наиболѣе видныхъ представителей «самой блестящей и вліятельной европейской критики», г. Ивановъ, конечно, съ полнымъ презрѣніемъ отзывается объ ея второстепенныхъ величинахъ, Лемэтрѣ и Сарсэ. Вотъ, на примѣръ, приговоръ относительно Сарсэ: «Въ отечествѣ давно опредѣлили его «преобладающую способность» — судить о литературѣ съ пониманіемъ и чувствомъ лавочниковъ и французскихъ «титularныхъ совѣтниковъ». Это — фигура комическая и для литературы оскорбительная, чуть ли не единственный фельетонистъ въ Парижѣ, не умѣющій писать хорошимъ французскимъ языкомъ».

Послѣ такихъ рѣшительныхъ приговоровъ о всѣхъ этихъ французскихъ критикахъ, спрашивается, зачѣмъ же понадобилось г. Иванову заводить рѣчь объ этомъ предметѣ. Дѣло въ томъ, что ему пришла идея предпослать своей исторіи русской критики сравненіе между развитіемъ французской и русской литературы. У французовъ г. Ивановъ призналъ отличительной чертой — классическій духъ, стремленіе къ правильности, къ систематизаціи, къ введенію законодательныхъ нормъ въ литературу; у насъ же, напротивъ, «ни-

какихъ школъ, никакихъ отвлеченно-формулированныхъ направлений, никакихъ ни чисто-эстетическихъ, ни научно-общественныхъ системъ: совершенная свобода личнаго творчества и искреннее любовно-вдумчивое отношеніе къ родной дѣйствительности». Какъ бы намъ ни казались пріятны такія похвалы г. Иванова, все-таки мы не можемъ понять, какое все это имѣетъ отношеніе къ исторіи русской критики, а вѣдь эта исторія и составляетъ предметъ книги г. Иванова. Не кроется ли причина совсѣмъ въ другомъ, постороннемъ обстоятельстве? Не потому ли являются эти параллели, что г. Ивановъ хорошо изучилъ французскую литературу? Его магистерская диссертация была посвящена вопросу о политической роли французскаго театра въ XVIII вѣкѣ, а въ одно время съ «Исторіей русской критики» онъ издалъ книжку о Наполеонѣ I. Интересъ автора къ французской литературѣ и исторіи не подлежитъ никакому сомнѣнію, а вслѣдствіе этого онъ кстати и не кстати всюду поминаетъ любезныхъ ему французовъ, наполняя пѣлыя страницы фразистыми разсужденіями о французскомъ театрѣ, критикѣ и т. п. Въ настоящей своей книгѣ г. Ивановъ не одинъ разъ возвращается къ французской литературѣ: говоритъ онъ и о Буало, и о Мольерѣ, о преціозныхъ салонахъ, о Расинѣ и Падонѣ, Вольтерѣ и Фреронѣ и т. д. Все это, конечно, воспоминанія изъ магистерской диссертации, но, право, и безъ нихъ можно было бы отлично обойтись въ исторіи русской критики. Что бы сказалъ г. Ивановъ о такомъ ученомъ, который, написавъ диссертацию о Θεодосіи Печерскомъ, сталъ бы ее припоминать, говоря о Лютерѣ или о Людовикѣ XIV? Совершенно такое же ничтожное значеніе имѣютъ и всѣ параллели между исторіей французскаго театра и русской критикой.

Привычка разсуждать по всякому поводу о французахъ является одною изъ тѣхъ «ужимокъ», которыя роднятъ г. Иванова съ фамусовскими барышнями; но есть еще нѣкоторыя другія ужимки. Какъ видно изъ настоящей и изъ другихъ книгъ г. Иванова, а также и кое-какихъ еще москвичей, они обладаютъ божественнымъ даромъ прорицанія, хотя только по отношенію къ событіямъ, уже совершившимся. Эта способность выражается въ весьма частомъ, почти постоянномъ употребленіи будущаго времени. Вотъ образчикъ: «Пройдетъ вся славная дѣятельность поэта, онъ погибнетъ кровавой смертью, и все-таки о немъ нельзя будетъ говорить въ печати. Появится одно краткое извѣстіе, но и за него редакторъ получитъ жестокой выговоръ... Стоитъ ли говорить о человѣкѣ, не бывшемъ ни генераломъ, ни министромъ? «Писать стихи не значитъ еще проходить великое поприще»... Это будетъ сказано по поводу литератора, покровительствуемаго верховной властью, поэта, съ громадной популярностью во всей странѣ, камеръ-юнкера и аристократа!» Не правда ли, какой искусственностью отзывается этотъ

риторическій оборотъ? И какъ это московскіе ученые не замѣчаютъ, что въ такихъ предсказаніяхъ обнаруживается крайне преціозное (употребляя ихъ слово) манерничанье, которое, повторяясь чуть не на каждой страницѣ, положительно можетъ набить оскомину? Иногда, впрочемъ, г. Ивановъ пророчествуетъ и по поводу литературныхъ примѣровъ. Такъ, передавъ въ слѣдующихъ словахъ содержаніе одной сцены изъ Гоголевскаго «Портрета»: «Свѣтская барыня въ мастерской художника замѣчаетъ этуодъ мужика и вызываетъ къ дочери: Ахъ, мужичекъ! Lise, Lise! мужичокъ въ русской рубашкѣ! смотри! мужичекъ!»—г. Ивановъ дѣлаетъ такое предсказаніе: «Совершенно такъ же она закричитъ, отыскавши въ лѣсу грибъ, въ модномъ журналѣ—интересную прическу, въ веселой газетѣ—новый рецептъ притираній»... Зачѣмъ понадобилось пророчество въ данномъ случаѣ, право, непонятно, если это не есть результатъ высшаго вдохновенія, въ которомъ и самъ пророкъ не властенъ.

Чтобы особенно долго не останавливаться на преціозныхъ ужимкахъ нашего ученаго, приведемъ еще два примѣра. Говоря о разрывѣ между отцами и дѣтьми, г. Ивановъ выражается такъ: «Общественный протестъ безпрестанно превращался въ біографическую драму для непокорнаго сына, усложнялъ и безъ того не легкую задачу благороднаго поколѣнія». Объясняя связь реализма съ идеализмомъ, авторъ произноситъ слѣдующую громкую фразу: «И не даромъ легенды объ отшельникахъ и подвижникахъ съ такимъ постоянствомъ рассказываютъ объ «искушеніяхъ»... Нѣтъ, очевидно, спасенія отъ міра даже тамъ, гдѣ, повидимому, ближе всего небо! Въ этомъ законѣ весь смыслъ міроваго процесса». Не слишкомъ ли смѣло такое откровеніе относительно міроваго процесса?

Такъ какъ мы поставили себѣ задачей собственно характеристику ученаго фразерства, то въ отношеніи сочиненія г. Иванова мы считаемъ ее исчерпанною; но чтобы этимъ разборомъ исключительно внѣшней стороны книги не ввести читателя, съ ней незнакомаго, въ одностороннее заблужденіе, считаемъ долгомъ оговориться, что за вычетомъ указанныхъ недостатковъ книга представляетъ несомнѣнно крупныя достоинства, и какъ популярное произведеніе, и какъ первый опытъ серьезнаго историческаго обзоренія нашей критики.

Теперь обратимся къ сочиненію Н. А. Котляревскаго и посмотримъ, что онъ намъ даетъ.

«Есть,—говоритъ авторъ введеніи къ своей книгѣ,—моменты въ исторіи цивилизаціи, отмѣченные необычайно сильнымъ подъемомъ нравственнаго чувства въ человѣкѣ — эпохи просвѣтленія сердца, когда человѣкъ, оскорбленный зломъ и неправдой міра, готовъ на всѣ лишенія, всѣ жертвы и страданія, лишь бы отстоять и дать побѣду своему гуманному идеалу, въ осуществленіи кото-

раго онъ видитъ единственно разумный и необходимый смыслъ жизни. Это—эпохи нравственнаго подвижничества, обновляющія все духовное внутреннее содержаніе (развѣ бываетъ внѣшнее содержаніе?) нашей жизни и потому, конечно, измѣняющія и ея внѣшнія формы; съ такихъ эпохъ мы ведемъ новое лѣтосчисленіе, если не хронологическое, то историческое; онѣ стоятъ на рубежѣ вѣковъ, замыкая цѣлый пройденный этапъ цивилизаціи и открывая собою новую эру. Конечно, такіе моменты не падаютъ съ неба на землю; они являются естественнымъ, необходимымъ слѣдствіемъ всего предшествующаго развитія жизни; они—ея зрѣлый плодъ, въ которомъ собраны всѣ ея силы и всѣ соки, все, что она дала въ прошломъ, и все, что обѣщаетъ дать въ будущемъ (если зрѣлый плодъ, то, вѣроятно, въ будущемъ надо ожидать только вторичнаго появленія этого плода?). Основное начало бытія, то таинственное начало, которымъ это бытіе обусловлено, безъ котораго оно было бы не мыслимо или стало бы отрицаніемъ самого себя, всего яснѣ напоминаетъ человѣку о себѣ именно въ эти рѣдкіе моменты его развитія, когда онъ, послушный рабъ своего любящаго сердца, жертвуетъ всѣми радостями, благами и приманками жизни единственно ради гуманной идеи, или, вѣрнѣе, гуманнаго чувства, подъ властью котораго онъ находится и подъ давленіемъ котораго онъ дѣйствуетъ иногда въ какомъ-то полусознательномъ экстазѣ».

Это упоминаніе о какомъ-то основномъ таинственномъ началѣ бытія съ первыхъ же страницъ сообщаетъ книгѣ г. Котляревскаго нѣсколько мистическій, туманный характеръ, а дальше туманъ еще сгущается, такъ какъ мы узнаемъ, что авторъ никогда не надѣется постигнуть избранную имъ эпоху и даже полагаетъ, что она вообще непостижима: «Эпохи цивилизаціи, говоритъ онъ, въ которыя такой подъемъ нравственнаго чувства является, не какъ рядъ единичныхъ фактовъ, а какъ доминирующій факторъ прогресса, отзывающійся не только на внутреннемъ, но и на внѣшнемъ строѣ общества, подкапывающій старые устои жизни и замѣняющій ихъ новыми,—такія эпохи носятъ отпечатокъ сказочнаго героизма. Иными, впрочемъ, онѣ и не могутъ казаться тѣмъ, кто не переживалъ ихъ, кто смотритъ на нихъ издалека или со стороны, кто получилъ по наслѣдству отъ нихъ свое духовное богатство и самъ не приобрѣталъ его великими жертвами и великимъ страданіемъ. Какъ бы мы ни объясняли такія эпохи исторически, въ нихъ всегда останется для насъ нѣчто загадочное. Передъ нами все-таки будетъ таинство, внѣшнія историческія причины котораго могутъ быть и поняты и объяснены, но сущность котораго останется полна неразгаданнаго смысла; мы всегда можемъ указать, почему въ данный моментъ, при данныхъ духовныхъ и матеріальныхъ условіяхъ жизни, человѣкъ могъ проявить такую нравственную силу; но откуда она, эта нравственная сила, двигающая нашей жизнью, приносящая

частное благо въ жертву общему, откуда она, эта благотворная необходимость—на это едва ли отвѣтитъ наша наука, которая сама, быть можетъ, есть продуктъ этой силы, ея частичное проявленіе, одно изъ средствъ, какими эта сила даетъ себя чувствовать въ жизни».

Напугавъ своего читателя этой туманной характеристикой предстоящаго таинства, г. Котляревскій однако на этомъ не успокоивается; у него есть другой жупель, это ближайшее опредѣленіе задачи изслѣдованія. Указанныхъ имъ эпохъ альтруизма авторъ насчитываетъ три: это эпоха распространенія христіанства, эпоха реформаціи и, наконецъ, французская революція. На послѣдней и должно сосредоточиться изслѣдованіе, и вотъ какъ она предварительно характеризуется: «XVIII-й вѣкъ былъ вѣкъ блестящей самодовольной цивилизаціи, вѣкъ холодный и умный, гуманный по своимъ убѣжденіямъ, не всегда глубокимъ и потому шаткимъ. Въ немъ было мало любви и страсти и много логики. Отъ предшествующихъ вѣковъ, отъ той же реформаціи унаслѣдовалъ онъ свою свободную мысль, но любви не перенялъ. Онъ былъ слишкомъ большой аристократъ, чтобы усвоить себѣ демократическую программу христіанства. Онъ замыкалъ челоуѣка въ узкомъ кругѣ, правда, очень утонченной цивилизаціи, но онъ не дѣлалъ изъ него гражданина вселенной! Чтобы оживить общую жизнь тѣмъ притокомъ любви, которой недоставало, нужно было усиленіе власти сердца, даже его временная диктатура. Она и наступила въ концѣ вѣка, на самой зарѣ нашего столѣтія. Медленно и постепенно подготовлялся этотъ расцвѣтъ гуманизма, уже не разсудочнаго только, а сердечнаго. Подъ конецъ вѣка онъ перешелъ въ отрицаніе всѣхъ устоевъ данной цивилизаціи, онъ ринулся въ открытую борьбу со старымъ политическимъ и гражданскимъ строемъ, и послѣ долгихъ лѣтъ самыхъ тяжелыхъ испытаній этотъ побѣдившій гуманизмъ остался однимъ изъ главныхъ факторовъ культуры нашего столѣтія. Онъ руководитъ теперь социальными движеніями нашего вѣка, онъ двигаетъ нашей работой надъ воспитаніемъ массы, на немъ построена наша теоретическая этика, и, наконецъ, этой же гуманной тенденціей насквозь пропитана вся наша литература. Въ нашемъ вѣкѣ этическая точка зрѣнія на міръ и челоуѣка рѣшительно взяла верхъ надъ всѣми другими, и наше столѣтіе — одинъ изъ тѣхъ моментовъ цивилизаціи, когда челоуѣкъ занялъ всего больше нравственной оцѣнкой совершающихся на его глазахъ событій. Людямъ грядущихъ столѣтій эта сторона нашей жизни будетъ, конечно, яснѣе бросаться въ глаза, чѣмъ намъ, творцамъ и свидѣтелямъ современности».

Темой для очерка г. Котляревскаго послужила, какъ онъ выражается, «одна изъ очень характерныхъ страницъ въ исторіи развитія этого современнаго нравственнаго чувства». «Это будетъ, говоритъ авторъ, тотъ періодъ въ его развитіи, когда оно (т. е. нравственное чувство) въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего столѣ-

лѣтія, раскаливъ людское сердце и заставивъ его выступить борцомъ и мстителемъ за униженное достоинство человѣка, за свободу, любовь и справедливость,—измѣнило ему на время, такъ какъ само изнемогло въ борьбѣ съ тѣми сторонами жизни вообще и человѣческой души въ частности, съ которыми оно столкнулось и которыя для него, несмотря на весь его историческій опытъ, были неожиданностью. Намъ придется говорить о тѣхъ годахъ въ жизни современнаго гуманиста, когда подъ бременемъ великихъ несчастій, на него упавшихъ, онъ, усомнившись въ своей правотѣ и нравственной силѣ, разочаровался въ своей задачѣ, разочаровался въ людяхъ и отрекся отъ своей любви къ нимъ. Это будетъ рассказъ о великой печали идеалиста, о міровой его скорби, объ его плачѣ надъ всѣмъ дорогимъ для него въ жизни, наконецъ объ его враждѣ и ненависти къ людямъ; это будетъ затѣмъ и исторія его воскресенія, его выздоровленія. Выстрадавъ такъ много, дойдя до крайняго предѣла возможнаго разочарованія, скорби и озлобленія, человѣкъ вышелъ въ концѣ концовъ побѣдителемъ изъ всѣхъ этихъ испытаній! Его нравственное чувство лишь временно пострадало отъ несчастій и потрясеній, чтобы еще болѣе утвердиться и окрѣпнуть въ его сердцѣ».

Эти туманныя опредѣленія задачъ предстоящаго очерка, при чемъ упоминается и о диктатурѣ сердца, и о раскаленіи сердца, и о выступленіи сердца въ борьбу (каковъ образъ: раскаленное сердце выступаетъ!), занимаютъ первые 6 страницъ «введенія» въ книгѣ г. Котляревскаго. Остальныя 22 страницы посвящены болѣе подробному конспекту будущей книги: здѣсь сперва говорится вообще о пессимистическомъ настроеніи въ исторіи человѣчества съ самыхъ отдаленныхъ временъ, при чемъ мы сразу поражаемся блестящимъ афоризмомъ, что «исторія человѣческой жизни есть въ сущности исторія человѣческой печали», и положительно остаемся въ недоумѣніи, почему этотъ, ничѣмъ не подкрѣпленный, афоризмъ не явился въ другой формѣ, столь же бездоказательной: «исторія человѣческой жизни есть въ сущности исторія человѣческой радости», или же: «исторія человѣческой жизни есть въ сущности исторія человѣческой печали и радости». Затѣмъ въ 9 строкахъ г. Котляревскій бросаетъ ретроспективный взглядъ на древній Востокъ, заявляя, что «древняя Индія была колыбелью печальныхъ размышленій человѣка о своей судьбѣ», и что «ихъ такъ много на страницахъ Ветхаго Заветъа». Это намъ невольно напоминаетъ извѣстное, что «исторія мидянъ темна и непонятна». Покончивъ такъ быстро съ Востокомъ, слегка напомнивъ намъ учебникъ Иловайскаго, авторъ переносится въ Грецію, пессимизму которой, начиная съ Гомера и Гезіода и кончая эпикурейцами и стоиками, онъ посвящаетъ столь же обстоятельное разсужденіе въ 16 строкахъ. Для Рима оказывается достаточной слѣдующая красивая фраза: «Сколько пессимизма примѣ-

шиваль античный міръ къ своимъ взглядамъ на жизнь, когда въ императорскомъ Римѣ праздноваль свою безумную оргію утонченной цивилизаціи?» Христіанскому воззрѣнію на жизнь отводится 10 строкъ, а затѣмъ слѣдующая фраза помогаетъ автору обратиться къ новѣйшимъ временамъ: «Въ эпоху Возрожденія человѣкъ вознаграждалъ себя за свое средневѣковое долготерпѣніе и въ періодъ расцвѣта аристократически-свѣтской жизни въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ онъ какъ будто отдыхаль отъ суровой дисциплины Реформаціи».

Послѣ этого упомянувъ въ общихъ фразахъ о пессимизмѣ первыхъ вѣковъ христіанства и эпохи реформаціонныхъ движеній, г. Котляревскій заявляетъ, что «настоящій расцвѣтъ пессимизма, самаго глубокаго, самаго полнаго и безпощаднаго совпаль съ великимъ движеніемъ гуманизма въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего столѣтія», а затѣмъ даеть слѣдующую характеристику этого времени: «Трудно указать историческій моментъ, въ который бы человѣкъ былъ такъ воспріимчивъ ко всѣмъ мрачнымъ сторонамъ жизни, ко всѣмъ ея несовершенствамъ, ко всѣмъ вольнымъ или невольнымъ людскимъ грѣхамъ, какъ именно въ этотъ періодъ рѣшительнаго перелома въ его нравственномъ сознаніи и въ его бытѣ личномъ, общественномъ и политическомъ. Такое усиленіе пессимизма произошло потому, что и безъ того чуткому сердцу пришлось пережить въ эту эпоху одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній: человѣкъ долженъ былъ наглядно убѣдиться, какъ мало онъ самъ и его ближній соотвѣтствовали тому высокому представленію о человѣкѣ, которое онъ себѣ составилъ. Онъ долженъ былъ увидать крушеніе всѣхъ своихъ гуманнхъ идеаловъ и признать себя самого виновникомъ этого крушенія. Для него наступила та глубокая безпросвѣтная ночь скептицизма, безвѣрія, разочарованія, когда онъ пересталь различать друзей отъ недруговъ и готовъ похоронить все человѣчество и себя самого подъ обломками измѣнившихъ ему надежду и упованій (*sic!*). Его скорбь о переживаемомъ имъ моментѣ расширилась до міровой скорби, она дошла до осужденія не только настоящаго или прошлаго, но и грядущаго,—наконецъ, до осужденія всего процесса жизни. Если со стороны своего содержанія міровая скорбь нашего вѣка и не представляетъ изъ себя явленія вполне оригинальнаго, то по нѣкоторымъ крайностямъ, до которыхъ она довела человѣка, она—явленіе довольно исключительное. Къ числу такихъ крайностей относится, главнымъ образомъ, то чувство антигуманнаго озлобленія и ненависти (вѣроятно, бываютъ гуманнхъ озлобленіе и ненависть!), которое гуманнхъ человѣкъ почувствовалъ къ ближнему, то самопрезрѣніе (*sic!*), съ какимъ онъ сталъ относиться къ самому себѣ, наконецъ, тотъ холодный и черствый индифферентизмъ (бываетъ не холодный и не черствый!), который смѣнилъ въ его сердцѣ недавній

порывъ любви и самопожертвованія. Человѣкъ и прежде бывалъ большимъ пессимистомъ, онъ и прежде скорбѣлъ о мѣрѣ и обезцѣнивалъ жизнь, но до принципиальной вражды къ ближнему, до яркихъ антисоціальныхъ тенденцій, до безсердечнаго индифферентизма (есть сердечный!) онъ поднимался рѣдко, въ видѣ исключенія. Въ міровой скорби конца прошлаго и начала нашего вѣка эти антисоціальныя тенденціи проглядываютъ очень ясно и часто; человѣкъ не только скорбитъ и сожалеетъ о ближнему, онъ ненавидитъ его и презираетъ; и что всего важнѣе, онъ поднимается на эту ступень противоположнаго пессимизма не въ силу врожденныхъ ему злобныхъ наклонностей, а движимый все той же любовью, тѣмъ же нравственнымъ гуманнымъ чувствомъ, которое въ немъ оскорблено, принижено и доведено до своего отрицанія. Такое обостреніе пессимистическаго взгляда на мѣрѣ и человѣка обусловлено многими историческими причинами. Оно коренится между прочимъ въ той перемѣнѣ, какая произошла въ религіозномъ міросозерцаніи гуманиста нашего времени. Усиленіе скорби и гнѣва въ человѣкѣ всегда зависѣло во многомъ отъ того отношенія, въ какомъ онъ стоялъ къ міру сверхчувственному».

Въ томъ же «введеніи» г. Котляревскій поясняетъ, какова была упомянутая перемѣна въ религіозномъ сознаніи гуманиста нашего времени: въ человѣкѣ «ослабѣло тяготѣніе къ иному, сверхчувственному міру,—передъ нимъ оставался мѣрѣ реальный, земной, съ которымъ онъ былъ неразрывно связанъ въ своемъ прошломъ и настоящемъ. Этой земной жизни посвятилъ онъ свой геній и трудъ; онъ желалъ всецѣло овладѣть ею, быть ея хозяиномъ; онъ готовъ былъ взять на себя отвѣтственность за ея грядущее; онъ чувствовалъ, что именно къ этой жизни его влечетъ таинственная сила любви, что нравственное чувство повелѣваетъ ему перестроить именно ее на новыхъ началахъ». Сообразно съ этимъ новымъ взглядомъ мѣняются и отношенія человѣка къ самому себѣ и къ ближнему. «Съ тѣхъ поръ, какъ идеалъ небснаго царствія сталъ ему рисоваться въ земныхъ очертаніяхъ, его печаль о грѣхахъ и несовершенствахъ міра стала глубже. Минута становилась ему дороже вѣчности; онъ сталъ предъявлять этой минутѣ болѣе широкія требованія, чѣмъ прежде, когда она для него имѣла цѣну лишь, какъ неизбѣжный переходный моментъ страданія, за которымъ слѣдовала небсная награда. Сталкиваясь со зломъ и со всякаго рода житейской невзгодой, онъ не имѣлъ для своей защиты прежняго оружія, прежней вѣры въ небсную опеку. Не судьбу, не Бога, а самого себя и ближняго долженъ былъ онъ винить во всѣхъ грѣхахъ и ошибкахъ, съ которыми пришлось столкнуться. А между тѣмъ всѣ его надежды покоились только на немъ самомъ и тѣхъ, кто окружалъ его. Онъ зналъ, что никто, кромѣ человѣка, не прійдетъ человѣку на помощь... Всякое разочарованіе въ людяхъ должно

было быть для него вдвойнѣ тяжелымъ испытаніемъ съ тѣхъ поръ, какъ человекъ въ его глазахъ сталъ царемъ вселенной». Это разочарованіе, испытанное послѣ эпохи революціи и имперіи, было причиною того, что «гуманное сердце идеалиста, какъ съ преціозною ужимкой выражается г. Котляревскій, переродилось на время въ антигуманное», но далѣе эти «антисоціальныя чувства въ душѣ озлобленнаго, обманувшагося идеалиста» исчезаютъ, является примиреніе съ жизнью.

Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія «развернулась передъ нами величественная міровая драма», и ея послѣдовательный ходъ отразился въ рядѣ литературныхъ произведеній, «сильныхъ духомъ людей, отмѣченныхъ особою глубиной мысли, чувства и фантазіи, людей, которые, благодаря именно своей чуткости и геніальности, глубже другихъ поняли, перечувствовали и выстрадали эту трагедію ихъ поколѣнія». Сперва гуманный идеалистъ «былъ скромный и религіозно настроенъ», «только чувствовалъ, но противъ мірового зла не выступалъ съ рѣшительнымъ дѣйствіемъ; онъ вѣрилъ въ конечное и мирное торжество своихъ гуманныхъ идеаловъ на землѣ, хотя въ трудную минуту и былъ готовъ отъ такой вѣры отказаться и возложить всѣ свои надежды на жизнь за гробомъ». Однако очень скоро явилось стремленіе сблизить идеалъ съ жизнью, а здѣсь прежде всего оказывалась фальшивой цивилизація, и съ ней-то «гуманистъ сталъ враждовать сначала своей проповѣдью, теперь уже достаточно гнѣвной, затѣмъ и своимъ дѣйствіемъ, пока впрочемъ безобиднымъ: онъ порывалъ съ ней связь, уходилъ изъ городовъ въ деревню и переносилъ свою симпатію всецѣло на простого, цивилизаціей не тронутаго человека: въ немъ онъ предполагалъ всѣ необходимыя для дальнѣйшей жизни добродѣтели». Выразителемъ такого настроенія явился Жанъ-Жанъ Руссо, «не желающій признавать никакихъ законовъ, кромѣ тѣхъ, которые ему предписывало его автономное сердце, болѣющій грѣхами и печалью міра и любящій человечество со всей страстью изступленнаго сердца». Въ своихъ соціальныхъ утопіяхъ онъ разрушалъ современный строй жизни: «ненавистью и враждой дышали эти съ виду мирныя утопіи; онѣ разжигали сердца и волновали умы, онѣ призывали къ возстанію,—но самъ учитель громко предостерегалъ людей отъ всякаго рѣшительнаго дѣйствія».

Слѣдующей ступенюю является эпоха «бури и натиска» въ Германіи, когда молодое поколѣніе, воспитанное въ идеяхъ Руссо, подняло свое знамя возстанія «противъ существующаго порядка». Созданъ былъ цѣлый рядъ литературныхъ типовъ людей, отстаивающихъ индивидуализмъ, разрывающихъ общественныя пути; однако, создавая такіе типы, «нѣмецкій *Stürmer und Dränger* только въ мечтахъ погрѣшилъ противъ любви и свободы», скоро отказался отъ мысли о быстрой и рѣшительной реформѣ и «сталъ проповѣ-

довать самоограниченіе и подавленіе всѣхъ индивидуалистическихъ тенденцій». Это отразилось въ творествѣ Шиллера и Гете.

Во Франціи ученики Руссо перешли скоро къ дѣйствию, но «жизнь обманула». «Винить въ несчастіи пришлось только себя и ближняго», а поэтому прежній гуманистъ сталъ питать къ людямъ не любовь, а ненависть, «и антигуманныя движенія сердца начали вліять все сильнѣе и сильнѣе на его міросозерцаніе и на его житейскую программу». Это были, какъ выражается г. Котляревскій, «страшныя душевныя сумерки, и правдивый разсказъ о нихъ сохраненъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ французской литературы эпохи имперіи»: здѣсь надо имѣть въ виду Шатобріана, де-Сенанкура и Нодье.

Это настроеніе антигуманное нашло свое послѣднее выраженіе въ поэзіи Байрона. На этой ступени гуманистъ отрицаетъ любовь къ людямъ, и состраданіе считаетъ слабостью. «Надъ жизнью, въ движеніи которой онъ не участвуетъ, надъ людьми, которыхъ не любить, а презираетъ и ненавидитъ, возвышается его независимая личность, гордая, сильная, но осужденная погибнуть отъ своей же собственной силы. Сила эта такъ велика, что она выдержала бы войну съ цѣлымъ міромъ; обращенная же внутрь, на сердце самого героя, она должна раздавить его. Это сердце способно на страстную любовь, но теперь вся сила этой любви сосредоточена исключительно на самомъ героѣ, и потому онъ и вырождается въ безпощаднаго, утонченнаго эгоиста».

Наконецъ, исходъ изъ этого состоянія оказался въ возрожденіи оптимизма, «въ сближеніи героя съ цѣлымъ, сближеніи съ той массой, на которую въ своемъ трудѣ онъ долженъ былъ опираться. Онъ сталъ проводникомъ демократической идеи, и въ области политики, общественной жизни, въ области экономическихъ вопросовъ, въ религіи, наукѣ и искусствѣ этотъ идеалистъ ставитъ себѣ теперь одну цѣль—упорную и терпѣливую работу надъ нравственнымъ воспитаніемъ массы».

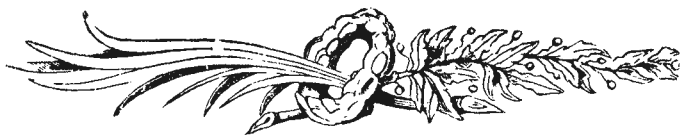
Таковы послѣдовательныя ступени въ развитіи этого настроенія или, по выраженію г. Котляревскаго, «драмы гуманнаго сердца». Все это высказано во «введеніи», причемъ можно замѣтить, что общая характеристика движенія дается здѣсь дважды, такъ что является нѣчто въ родѣ введенія къ введенію. Не трудно замѣтить, что ни въ одной изъ изложенныхъ мыслей нѣтъ ровно ничего новаго: все это извѣстно уже изъ разныхъ общихъ курсовъ, съ подобными построеніями русская публика знакома изъ трудовъ В. Д. Спасовича, Ив. Ив. Иванова, Брандеса, многое есть у Тэна... Эти старыя мысли развиваются авторомъ въ дальнѣйшемъ изложеніи его книги, которая заключаетъ въ себѣ, по его словамъ, «болѣе подробный пересказъ самыхъ характерныхъ и важныхъ моментовъ развитія драмы гуманнаго сердца». И дѣйствительно, дальше мы находимъ

множество пересказовъ содержанія произведеній Руссо, Шиллера, Гете, французскихъ романтиковъ, Байрона, такъ что однѣ и тѣ же мысли повторяются въ книгѣ уже въ третій разъ, хотя и этого г. Котляревскому оказалось недостаточнымъ, и онъ присоединилъ въ концѣ книги еще 6 страницъ «общихъ выводовъ», въ которыхъ повторяется та же самая схема, что и три раза раньше. Подобные пересказы тоже не новость: ихъ можно найти во всякихъ учебникахъ, а потому вся суть дальнѣйшаго изложенія заключается въ пышныхъ фразахъ, въ разныхъ «преціозныхъ ужимкахъ», съ которыми мы встрѣчаемся уже съ первой страницы. Что такое, какъ не преціозная ужимка слѣдующая фраза: «Вѣкъ логики, торжествующаго трезваго разсудка и «разумнаго» гуманизма, вѣкъ, унаслѣдовавшій отъ блестящей классической эпохи ея безстрастность и корректность, ея этикетный аристократизмъ, напелъ въ Руссо своего плачущаго и грозящаго пророка, своего Иеремію и Исаію». Иереміи оказалось мало, понадобился Исаія, а все для фразы, «словечка въ простотѣ не скажутъ...». Такую же преціозною ужимкою, если не просто декадентствомъ, надо признать VI главу, состоящую всего изъ слѣдующихъ трехъ строчекъ: «Ожесточенная скорбь этихъ идеалистовъ, скорбь, полная презрѣнія и ненависти къ чловѣку, окружена все-таки ореоломъ нравственнаго мученичества, и потому, какъ бы ее ни осуждали, она оправдана передъ нашимъ сердцемъ».

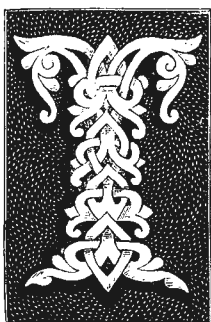
И подобныя фразы и ужимки попадаютъ чуть не на каждой страницѣ, гдѣ авторъ говоритъ самъ, а не цитируетъ того или другого писателя, и въ результатѣ приходится сказать, что послѣ прочтенія «Міровой скорби» остается въ душѣ чувство «антигуманнаго озлобленія и непримиренной скорби», что совершенно напрасно утрачено... время на знакомство съ упражненіями «самодержавнаго сердца».

А. Бороздинъ.

ПАМЯТИ М. И. ПЫЛЯЕВА.

ПРЕТЬЯГО февраля, въ семь часовъ вечера, скончался Михайль Ивановичъ Пыляевъ, авторъ книгъ «Старый Петербургъ», «Старая Москва», «Забытое прошлое окрестностей Петербурга», «Старое житье», «Драгоценные камни» и «Замѣчательные чудачки и оригиналы». Михайль Ивановичъ принималъ постоянное участіе въ «Новомъ Времени» А. С. Суворина и въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Все, что было имъ помѣщено въ этихъ изданіяхъ, вошло въ перечисленныя выше книги и хорошо извѣстно читающей публикѣ. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» напечатаны слѣдующія статьи Пыляева: «Эпоха рыцарскихъ каруселей и аллегорическихъ маскарадовъ въ Россіи», «Полубарскія затѣи» (о помѣщищскихъ театрахъ въ Екатерининское время), «Нашъ театръ въ эпоху отечественной войны», «Столѣтіе собора Александро-Невской лавры», «Записки русскихъ людей» (перечень мемуаровъ), «В. И. Суворовъ, генераль-аншефъ, отецъ генералиссимуса» и др. Въ «Новомъ Времени», помимо фельетоновъ, посвященныхъ русской старинѣ, Михайль Ивановичъ помѣстилъ множество театральныхъ замѣтокъ, историческихъ справокъ, свѣдѣній о юбилеяхъ выдающихся общественныхъ дѣятелей, о заброшенныхъ могилахъ, о драгоценныхъ камняхъ и пр. До послѣднихъ дней

своей жизни Пыляевъ писалъ въ «Новомъ Времени» статьи по вопросамъ спорта, отчеты о скачкахъ и бѣгахъ и давалъ весьма цѣнные извѣстія въ хронику, касающіяся большею частью забытой старины.

Къ литературѣ и театру Михаилъ Ивановичъ питалъ симпатіи съ юношескихъ лѣтъ, когда ему представилась возможность завести знакомства съ братьями В. С. и Н. С. Курочкиными, затѣмъ съ И. Ф. Горбуновымъ, И. Е. Чернышевымъ—авторомъ «Уголковъ театральнаго міра», драмы «Отецъ семейства» и пр., Г. Н. Жулевымъ и съ цѣлымъ рядомъ выдающихся артистовъ драматической труппы Александринскаго театра. Пыляевъ постоянно посѣщалъ русскій театръ, проводилъ время съ артистами, стараясь каждому изъ нихъ чѣмъ нибудь услужить, сдѣлать что нибудь пріятное. Знакомствами этими Михаилъ Ивановичъ обязанъ отчасти пребыванію въ парфюмерной лавкѣ отца своего, помѣщавшейся въ Гостиномъ дворѣ, нынѣ № 33. Сюда заходили и актеры, возвращаясь съ репетицій изъ Александринскаго театра, и драматурги, и случайно за покупками многіе литераторы. Впослѣдствіи молодой Пыляевъ, по свойственной ему добротѣ, посѣщая пріятелей, самъ приносилъ всѣмъ въ подарокъ разныя парфюмерныя производства, принадлежности гримировки и духи. Да и не только съ этими презентами являлся Михаилъ Ивановичъ ко многимъ изъ новыхъ друзей своихъ, онъ дѣлился съ бѣднѣйшими и нуждающимися изъ нихъ чѣмъ могъ, просиживалъ цѣлые дни около больныхъ, пользовалъ послѣднихъ въ качествѣ дилетанта медицины совѣтами, снабжалъ лѣкарствами, утѣшалъ и развлекалъ. Въ редакціи «Искры» Пыляевъ скоро сдѣлался своимъ человѣкомъ и за послѣднее время еще нерѣдко вспоминалъ о Василии Степановичѣ Курочкинѣ, которому съ радостью передавалъ свои первыя замѣтки и сообщалъ различные факты и наблюденія изъ столичной жизни, попадавшіе въ обработанномъ видѣ на страницы «Искры». Наилучшія отношенія сохранилъ онъ и съ братомъ Василия Степановича, Николаемъ Степановичемъ, посѣщая послѣдняго и въ городѣ, и на дачѣ въ Лѣсномъ.

— Николай Степановичъ, — вспоминалъ Пыляевъ, — постоянно жаловался на болѣзни, пересталъ выходить изъ дому и сидѣлъ на диванѣ, поджавши ноги, подобно турец-

кому панѣ. Около него постоянно суетилась старуха, баба лѣтъ семидесяти, если не больше, руководившая домашнимъ хозяйствомъ. Николай Степановичъ постоянно жаловался, что его никто не хочетъ знать, что всѣ его забыли.

Оближеніе съ Курочкиными и съ выдающимся кружкомъ «Искры» настолько ободрило М. И. Пыляева, что онъ мало-по-малу началъ писать небольшія статейки, которыя появлялись затѣмъ постепенно во многихъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, въ «Иллюстраціи» Баумана, редактированной Н. С. Курочкинымъ, «Сынъ Отечества», «Петербургскомъ Листкѣ», въ «Театральномъ Мирѣ», гдѣ онъ помѣстилъ рядъ статей «Историческіе дни и годы русскаго театра», въ «Суфлерѣ», въ «Петербургской Газетѣ», гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Пыляевъ давалъ отчеты о художественныхъ выставкахъ, помѣщалъ воспоминанія о прошломъ русской сцены, выкапывая рѣдкія афиши, написалъ немало фельетоновъ изъ общественной столичной жизни, статей по разнымъ отраслямъ спорта и т. д. Покинувъ лѣтъ десять назадъ «Петербургскую Газету», Михаилъ Ивановичъ, оставаясь попрежнему постояннымъ сотрудникомъ «Новаго Времени», печаталъ статьи въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Родинѣ», «Петербургскомъ Листкѣ», «Всемирной Иллюстраціи», «Трудѣ», «Сѣверѣ», «Московскомъ Листкѣ» и др. Всего, что напечатано Пыляевымъ, онъ самъ не въ состояніи былъ бы собрать, потому что многого не подписывалъ. Любя литературу и журналистику, Михаилъ Ивановичъ въ нѣкоторыхъ начинающихъ изданіяхъ работалъ даже безвозмездно, отказываясь отъ всякаго гонорара, хотя послѣдній не былъ лишнимъ для него. Въ этомъ отношеніи онъ вообще проявлялъ замѣчательную деликатность, какъ будто не желая придавать цѣнность своимъ трудамъ.

М. И. Пыляевъ получилъ образованіе въ реформатскомъ училищѣ, откуда вышелъ вмѣстѣ съ Н. А. Лейкинымъ. Родился онъ 1-го января 1842 года въ купеческой семьѣ и до самой смерти былъ приписанъ къ купечеству г. Гдова. Образованіе свое Михаилъ Ивановичъ пополнилъ самъ, слушая лекціи въ русскихъ и, благодаря знанію нѣмецкаго языка, заграничныхъ университетахъ, путешествуя, а главнымъ образомъ читая массу книгъ, изъ которыхъ черпалъ драгоцѣнные для него свѣдѣнія. Обладая феноме-

нальную памятью, Пыляевъ не нуждался въ энциклопедическомъ словарѣ для справокъ: онъ не только помнилъ факты, имена, но зналъ годы рожденія и смерти и біографическія подробности изъ жизни знаменитыхъ государственныхъ дѣятелей, извѣстныхъ ученыхъ, литераторовъ, артистовъ и др. Запасъ его свѣдѣній по самымъ разнообразнымъ предметамъ былъ такъ великъ, что не разъ профессора обращались къ нему за справками. Въ самомъ дѣлѣ, Михаилъ Ивановичъ былъ минералогъ, библиофилъ, знатокъ живописи, спорта, нумизматъ, специалистъ по части старинныхъ струнныхъ инструментовъ, знатокъ автографовъ, народной медицины, не говоря, конечно, о русской старинѣ, которой онъ посвятилъ большинство литературныхъ трудовъ.

Лѣтъ пятнадцать прошло съ тѣхъ поръ, какъ Михаилъ Ивановичъ переѣхалъ на Фонтанку, въ домъ № 22, гдѣ въ то время на одной съ нимъ лѣстницѣ жилъ и я. Здѣсь мы сблизились еще больше и цѣлые дни проводили вмѣстѣ. Пыляевъ жилъ одинъ, безъ прислуги, занимая двѣ комнатки, которыя незамѣтно съ каждымъ годомъ заваливалъ книгами, скупая ихъ на рынкахъ и у букинистовъ. Въ концѣ концовъ выросли горы книгъ, и Михаилъ Ивановичъ, несмотря на свою память, затруднялся многое найти и предпочиталъ ходить за справками въ Публичную бібліотеку, гдѣ его отлично знали и допускали заниматься въ отдѣленіяхъ наиболѣе рѣдкихъ изданій. Пыляева всѣ знакомые упрекали, что онъ не ремонтируетъ своей квартиры, потолоки которой и стѣны положительно почернѣли, но Михаилъ Ивановичъ отлично сознавалъ, что теперь еще онъ могъ пользоваться своими книгами, а если ихъ потревожатъ, станутъ перетаскивать, то все перепутають и собьютъ его съ толку. Вотъ почему онъ отклонялъ совѣты ремонтировать съ гигиеническою цѣлью квартиру и былъ очень недоволенъ, когда новый домовладѣлецъ настоялъ однажды и выбѣлилъ потолоки. Въ комнаткѣ, заваленной книгами, помѣщался письменный столъ Пыляева, съ грудой бумагъ, обрывковъ, записочекъ, книжекъ, гравюръ и пр., и два кресла, диванъ и кровать. Вотъ и вся обстановка скромнаго пріюта литературнаго труженика, гдѣ онъ работалъ по ночамъ часто до пяти, шести часовъ утра. Пріютъ

этотъ былъ гостепріимнымъ для тѣхъ, кто допускался въ него, а гостей Пыляевъ не любилъ. Его посѣщали двое, трое близкихъ друзей, къ которымъ онъ причислялъ и меня. Не разъ я заставалъ Михаила Ивановича озабоченнымъ, встревоженнымъ и видимо недовольнымъ.

— Что съ вами, Михаилъ Ивановичъ? — интересовался я.

— Генералъ Иксъ два письма прислалъ, я не успѣлъ зайти къ нему, самъ прѣвзжалъ, не засталъ и завтра опять прѣдетъ... гдѣ мнѣ его принимать!

— Что ему нужно?

— Просить сообщить біографическія свѣдѣнія о его прадѣдѣ и указать, гдѣ онъ жилъ передъ смертью.

— Да вы-то знаете это?

— Напель-съ кой-какія указанія, да принимать-то у себя очень не люблю.

Михаилъ Ивановичъ, чтобы избавиться отъ визита генерала, рано утромъ бросился къ нему и, къ своему удовольствію, засталъ его дома. «Боюсь, чтобы благодарить не прѣхалъ, запрусь на ключъ!» — беспокоился онъ. Бывали, однако, случаи, что Михаилъ Ивановичъ попадался врасплохъ и долженъ былъ принимать незнакомыхъ лицъ, не зная, какъ избавиться отъ нихъ и куда ихъ посадить. Онъ готовъ былъ служить отъ души, только бы къ нему не ходили.

Отъ времени до времени Михаилъ Ивановичъ по утрамъ отправлялся на петербургскія кладбища, разыскивалъ забытыя могилы, а по вечерамъ, утомленный, принимался въ своемъ архивѣ собирать справки объ этихъ могилахъ и напоминалъ публикѣ объ нихъ. Благодаря его указаніямъ, нѣсколько историческихъ памятниковъ были возобновлены.

Въ своихъ работахъ М. И. Пыляевъ былъ всегда точенъ, и ошибался тотъ, кто предполагалъ, что онъ утрировалъ, описывая какого нибудь чудака или оригинала. Пыляевъ заимствовалъ данныя изъ хорошихъ источниковъ и не любилъ иллюстрировать фактовъ собственной фантазіей. Ошибки въ такихъ работахъ, впрочемъ, неизбѣжны и случаются не по винѣ автора.

— Пренепріятное письмо я сегодня получилъ! — сообщилъ мнѣ какъ-то Михаилъ Ивановичъ.

— Отъ кого?

— Описалъ одного оригинала, думалъ, что онъ умеръ, а онъ живъ! Пишетъ, что ему девяносто два года, и что пить онъ, дѣйствительно, пилъ, но пьяницей никогда не былъ. О немъ нѣсколько разъ упоминается въ различныхъ мемуарахъ, но онъ не читалъ, а мой фельетонъ попался ему въ руки. Придется сослаться на источники.

Не проходило недѣли, чтобы Пыляевъ не получалъ писемъ съ различными просьбами; столѣтіе какого нибудь зданія, учрежденія, полка—у Михаила Ивановича постоянно наводили справки, и никто, кромѣ его, не могъ дать въ такихъ случаяхъ цѣнныхъ указаній и ссылокъ на рѣдчайшіе документы. Онъ снабжалъ часто обращающихся къ нему и рисунками, и гравюрами, которыя любилъ собирать. Мало того, онъ помнилъ, у кого какія имѣются въ Петербургѣ коллекціи, гдѣ можно достать необходимые рисунки.

— Обратитесь къ П. Я. Дашкову, у него вы все найдете, что вамъ нужно. Скажите, что я васъ направилъ, — совѣтовалъ, бывало, Михаилъ Ивановичъ.

Роясь у всевозможныхъ букинистовъ, Пыляевъ не забывалъ, гдѣ что видѣлъ, и направлялъ туда приходившихъ за всевозможными указаніями. Иногда, впрочемъ, онъ дѣлалъ это неохотно.

— Надо поискать въ другомъ мѣстѣ, подождите, я поищу для васъ. Этотъ букинистъ запрашиваетъ огромныя деньги, не стоитъ у него брать.

И обязательный Михаилъ Ивановичъ бѣгалъ по лавчонкамъ букинистовъ, чтобы исполнить обѣщаніе. Дѣлалъ онъ это съ удивительной готовностью, какъ будто для самого себя хлопоталъ. Любезность этого милаго человѣка не знала границъ.

Въ жизни Михаила Ивановича Пыляева играла большую роль дружба его съ покойнымъ генераломъ В. И. Асташевымъ, богатѣйшимъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ, извѣстнымъ своей благотворительностью и отзывчивостью. Судьба столкнула и сблизила этихъ прекрасныхъ людей, понявшихъ и оцѣнившихъ другъ друга, совершенно случайно. Асташевъ былъ очень боленъ, и его собирались везти за границу, но Михаилъ Ивановичъ упросилъ его отложить отъѣздъ и помочь ему своимъ совѣтомъ. Генералъ

быстро всталъ на ноги, поправился и былъ безконечно признателенъ Михаилу Ивановичу, котораго не называлъ иначе, какъ «современнымъ Парацельсіемъ». Веніаминъ Ивановичъ, помимо этого, полюбилъ Михаила Ивановича, какъ доброжелательнаго и благороднаго человѣка, которому были чужды практическіе интересы, деликатность натуры котораго была прямо-таки привлекательной. Въ свою очередь и Пыляевъ былъ преданъ Асташеву, глубоко уважалъ его и восторженно отзывался объ его простотѣ, человѣчности и добромъ сердцѣ. Находясь въ такихъ искреннихъ, близкихъ отношеніяхъ съ Асташевымъ, Михаилъ Ивановичъ не разъ указывалъ ему на бѣдныхъ, нуждающихся людей, къ которымъ генералъ приходилъ на помощь, избѣгая при этомъ малѣйшей огласки. Какъ счастливъ былъ Пыляевъ, когда сознавалъ, что, благодаря добротѣ Веніамина Ивановича, ему удавалось спасти кого-нибудь отъ горькой нужды, прійти на помощь къ бѣдному въ тяжелую минуту. Михаилъ Ивановичъ рассказывалъ мнѣ, что генералъ Асташевъ, узнавъ отъ него о томъ, что двѣ, три могилы знаменитыхъ русскихъ писателей пришли въ такую ветхость, что скоро будутъ стерты съ земли, просилъ его поѣхать и возобновить памятники. Дѣлалось все это не ради искрѣнія популярности, а напротивъ незамѣтно, и такимъ фактамъ не придавалось никакого значенія. Вмѣстѣ съ Асташевымъ Пыляевъ совершилъ поѣздку по Сибири; они ѣздили на золотые прииски, и это путешествіе не прошло безслѣдно для Михаила Ивановича: онъ собралъ тамъ много минераловъ, о которыхъ не разъ упоминалъ въ печати и которыя показывалъ извѣстному минералогу, профессору П. В. Еремѣеву, своему хорошему знакомому. Тутъ будетъ кстати замѣтить, что незадолго до своей смерти Михаилъ Ивановичъ шелъ за гробомъ Еремѣева и говорилъ, что скоро съ нимъ увидится. Однако Пыляевъ выглядѣлъ еще вполне бодрымъ, и нельзя было ожидать столь быстрой развязки. По крайней мѣрѣ, никакихъ особенныхъ перемѣнъ не замѣтилъ въ немъ тогда Л. Б. Бертенсонъ, съ которымъ они бесѣдовали на похоронахъ Еремѣева. В. И. Асташевъ, какъ сообщилъ мнѣ Пыляевъ, передалъ ему однажды ненапечатанное стихотвореніе Н. А. Некрасова. Поэтъ прислалъ это стихотвореніе Аста-

шеву въ видѣ письма, въ которомъ распространяется между прочимъ объ охотѣ. Нашлось ли это стихотвореніе при разборѣ бумагъ Михаила Ивановича—неизвѣстно.

Въ виду предстоящаго двухсотлѣтняго юбилея С.-Петербурга съ М. И. Пыляевымъ велъ, правда, неофициально, переговоры одинъ изъ членовъ с.-петербургской городской управы относительно составленія исторіи города. Михаилъ Ивановичъ съ особеннымъ удовольствіемъ согласился взяться за этотъ трудъ, но переговоры прекратились. Очевидно, этотъ безусловно желательный проектъ не встрѣтилъ сочувствія.

По своей натурѣ Пыляевъ былъ жизнерадостнымъ человекомъ, обладавшимъ юморомъ и наблюдательностью, проявлявшимся у него постоянно въ разговорѣ. Онъ многимъ давалъ мѣткія, типичныя прозвища, подмѣчалъ людскія слабости и былъ очень разборчивъ въ знакомствахъ. Только за послѣдніе годы жизнерадостность Михаила Ивановича начинала какъ будто смѣняться мрачными тучками, онъ жаловался, что покалываетъ тутъ, да побаливаетъ здѣсь, и спокойно говорилъ:

— Не проживу долго, умру... вижу, что смерть приближается.

Пыляевъ былъ далекъ отъ всякихъ литературныхъ исторій и сплетенъ, и когда его незаслуженно обидѣлъ одинъ журналистъ, онъ писалъ мнѣ за границу: «Богъ съ нимъ, я на него не сержусь, онъ человекъ ранѣе всего легкомысленный. Жизнь наша не такъ долговѣчна, и жалки тѣ люди, что носятъ въ сердцѣ месть и зло». Эти строки въ достаточной степени характеризуютъ отношеніе Михаила Ивановича къ своимъ малочисленнымъ литературнымъ врагамъ. Онъ оскорблялся, но не мстил, вѣруя, что возмездіе наступитъ само собой.

Пыляевъ занемогъ 1-го февраля. Возвратившись домой въ восемь часовъ вечера, онъ почувствовалъ себя нехорошо, но къ доктору обращаться не желалъ. Позднѣе ему стало хуже, и онъ позвалъ старшаго дворника, который прислуживалъ ему, замѣняя собой весь штатъ прислуги, и попросилъ послать за докторомъ, что и было исполнено. Только въ 12 часовъ дня 2-го февраля Михаилъ Ивановичъ увѣдомилъ близкихъ ему людей о своей болѣзни. Его застали въ весьма тяжеломъ состояніи: онъ съ трудомъ дышалъ,

но былъ въ полной памяти. Вскорѣ былъ приглашенъ Л. Б. Бертенсонъ, а вечеромъ прїѣзжали его ассистентъ докторъ П. К. Березкинъ и затѣмъ докторъ И. А. Диканскій, знакомый Пыляева, объявившіе положеніе больного очень серьезнымъ. На другой день, т. е. 3-го февраля, Пыляеву стало еще хуже, и посѣтившій его профессоръ Е. В. Павловъ засталъ больного въ безнадежномъ состояніи, что подтвердилъ вскорѣ и Л. Б. Бертенсонъ. Въ семь часовъ вечера Михаила Ивановича не стало. Причиной смерти былъ параличъ сердца.

Пыляевъ скончался, какъ солдатъ на своемъ посту, среди книгъ, оставивъ на столѣ половину написанной имъ новой рукописи «Анекдоты и случаи изъ жизни Пушкина», которую онъ намѣревался выпустить отдѣльнымъ изданіемъ къ предстоящимъ пушкинскимъ торжествамъ.

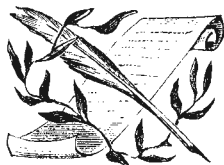
Смерть, да еще такая неожиданная, симпатичнаго, милого человѣка, глубоко опечалила всѣхъ знавшихъ М. И. Пыляева и его обширную аудиторію читателей. 1-го февраля, въ 4 часа дня, его видѣли работавшимъ въ Публичной библиотекѣ, а 3-го февраля онъ навсегда закрылъ глаза.

Кроткая, добродушная улыбка Михаила Ивановича, къ которой мы привыкли, сохранилась такой же на челѣ покойнаго, несмотря на перенесенныя имъ страданія. Оставляя въ сторонѣ общественныя заслуги Пыляева, какъ литератора, каждый знавшій его искренно пожалѣетъ этого рѣдкаго человѣка, именно рѣдкаго по своей сердечности, добротѣ душевной, безкорыстію, скромности и обязательности. Проникнутый желаніемъ всѣмъ сдѣлать пріятное, всѣхъ порадовать, поддержать въ минуты невзгоды и несчастій, Михаилъ Ивановичъ постоянно хлопоталъ для другихъ, презирая собственные интересы. Заболѣетъ ктонибудь изъ пишущей брати, первымъ къ нему является Пыляевъ, горе у когонибудь — утѣшаетъ Пыляевъ. Все это онъ дѣлалъ искренне, побуждаемый только душевнымъ расположеніемъ къ собратьямъ. Ласковое, привѣтливое, совсѣмъ родственное отношеніе Михаила Ивановича и его безкончныя услуги создали ему въ литературныхъ кружкахъ почтенную репутацию, его всѣ любили, и всегда, всюду онъ являлся пріятнѣйшимъ гостемъ, своимъ человѣкомъ. Были, разумѣется, у Пыляева, какъ у всякаго изъ насъ, свои заботы, свои огорченія,

угнетавшія его, на примѣръ, душевная болѣзнь единственной сестры, которую онъ часто навѣщалъ въ больницѣ, но, переживая эти огорченія, онъ молчалъ о нихъ и не искалъ сочувствія. Свое собственное горе онъ хоронилъ въ душѣ, а на чужое откликался въ силу свойственной ему отзывчивости.

Литературные труды Михаила Ивановича со смертью его не утратятъ живого интереса и всегда найдутъ многочисленныхъ читателей, а свѣтлый обликъ добраго, сердечнаго человѣка сохранится въ памяти всѣхъ знавшихъ его.

Александръ Плещеевъ.

БИСМАРКЪ ВЪ СВОИХЪ И ЧУЖИХЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ.

«Нѣтъ ничего на свѣтѣ, кромѣ лице-
мѣрія и гаерства».

Письмо Бисмарка къ его женѣ
изъ Петербурга въ 1859 году.

РОШЛО полгода со смерти желѣзнаго канцлера, и бисмарковская литература, уже до тѣхъ поръ обширная, приняла громадныя размѣры. Не только въ газетахъ и журналахъ всего свѣта появились безконечныя статьи, очерки и замѣтки о Бисмаркѣ, какъ о государственномъ дѣятелѣ, дипломатѣ и человѣкѣ, но уже вышли два тома его собственныхъ мемуаровъ, подъ заглавіемъ «Мысли и воспоминанія» ¹⁾, дневникъ Морица Буша, веденный въ продолженіе 25-лѣтнихъ официальныхъ и частныхъ сношеній съ Бисмаркомъ ²⁾, письма его секретаря Генриха Абекена ³⁾, воспоминанія Тидемана, бывшаго начальникомъ канцеляріи перваго канцлера Германской имперіи отъ 1876 года до 1881 года ⁴⁾, бесѣды Бисмарка съ Лотаромъ Бюхеромъ, однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Бисмарку лицъ ⁵⁾,

¹⁾ Gedanken und Erinnerungen von Otto, Fürst von Bismarck. Leipzig. 1899. 2 Bände.

²⁾ Bismarck: Some secret pages of his history being a diary kept by Dr Moritz Busch. London. 1898.

³⁾ Heinrich Abeken. Ein schlechtes Leben in schwerer Zeit, aus Briefen zusammengestellt. Berlin. 1898.

⁴⁾ Erinnerungen von Tideman. Bromberg. 1898.

⁵⁾ Gespräche, zwischen Bismarck und L. Bücher. Neue Jahrhundert. December. 1898.

писавшимъ подъ диктовку часть его мемуаровъ, и новый томъ записокъ Пошингера, извѣстнаго біографа Бисмарка ¹⁾). Конечно, наибольшій интересъ возбуждаетъ то, что говоритъ самъ о себѣ крупнѣйшій историческій дѣятель XIX столѣтія, послѣ Наполеона, но для полной и вѣрной его характеристики имѣетъ большее значеніе дневникъ Буша, въ которомъ приведены подлинныя сужденія Бисмарка о событіяхъ, въ которыхъ онъ игралъ первенствующую роль, и о людяхъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Въ томъ же смыслѣ представляетъ значительную цѣнность бесѣда Бисмарка, записанная Лотаромъ Бюхеромъ и Пошингеромъ, а письма Абекена и воспоминанія Тидемана, кромѣ того, что въ нихъ также встрѣчаются характеристичныя, подлинныя слова Бисмарка, знакомятъ читателя съ оборотной стороной его жизни, рисуя его историческую фигуру, по французскому выраженію, «en robe de chambre»; въ послѣднемъ отношеніи и дневникъ Буша даетъ богатый матеріалъ. Вообще, на основаніи этихъ источниковъ, къ которымъ можно еще прибавить недавно вышедшее 2-е изданіе англійской книги Чарльса Лоэ «Обѣденные разговоры» Бисмарка ²⁾ и «Афоризмы» Фридриха Нитцше, напечатанныя въ журналѣ «Zukunft», въ которыхъ встрѣчаются любопытныя взгляды философа на желѣзнаго канцлера ³⁾, — легко составить себѣ полное и безпристрастное понятіе о личности и государственной дѣятельности Бисмарка даже теперь, когда еще его останки ждутъ своего послѣдняго жилища, которое готовится для нихъ въ паркѣ Фридрихсруэ.

Что касается собственно до біографіи Бисмарка, то означенные источники не даютъ полного и всесторонняго матеріала для нея, такъ какъ даже его мемуары и дневникъ Буша, уже не говоря о другихъ воспоминаніяхъ, имѣютъ характеръ отрывочный и не представляютъ цѣлаго, послѣдовательнаго разказа не только о всей восьмидесятитрехлѣтней жизни Бисмарка, но даже и объ его двадцативосьмилѣтней министерской карьерѣ. Къ тому же, біографическія данныя о желѣзномъ канцлерѣ, болѣе или менѣе извѣстны всѣмъ и не представляютъ большого интереса въ настоящее время, а потому вполне понятно, что какъ самъ Бисмаркъ, такъ и его рьяный панегиристъ, Бушъ, предоставили будущимъ историкамъ написать окончательную біографію создателя современной Германской имперіи, а сами довольствовались сообщеніемъ того, что онъ думалъ и говорилъ о событіяхъ и людяхъ своего времени.

Первая мысль о мемуарахъ Бисмарка возникла въ головѣ не его, а хозяина знаменитой издательской фирмы въ Лейпцигѣ, Котты.

¹⁾ Fürst Bismarck, neue Tischgespräche und Interviews, herausgegeben von Poschinger. Stuttgart. 1899. 3 Bde.

²⁾ Bismarck's Table-Talk. Edited by Charles Lowe. London. 1898.

³⁾ Aforisme von Friedrich Nietzsche. «Zukunft». December. 1898.

Пользуясь славой издателя сочиненій Гёте и Шиллера, онъ вздумалъ приобрести право на печатаніе политическаго завѣщанія величайшаго государственнаго человѣка въ Германіи и съ этой цѣлью обратился къ желѣзному канцлеру въ 1889 году, но получилъ въ отвѣтъ, что Бисмаркъ не писалъ и не будетъ писать своихъ мемуаровъ, пока находится у власти. Въ слѣдующемъ году обстоятельства переменились, и бывшій канцлеръ, очутившись въ опалѣ, заключилъ съ главою фирмы Котты, Адольфомъ Кренеромъ, контрактъ, по которому онъ продалъ свои еще не написанные мемуары за 375.000 марокъ. Вслѣдъ за этимъ онъ принялся за работу, диктуя прежде своему секретарю Лотару Бюхеру, а по смерти послѣдняго доктору Хрисандеру, который исполнялъ двойную должность врача и секретаря; они оба передавали на бумагу стенографически слова Бисмарка, а затѣмъ переписывали. Самъ же Бисмаркъ перечитывалъ и исправлялъ каждую страницу. Наконецъ, передъ печатаніемъ, текстъ былъ прочитанъ двумя лицами: докторомъ Якоби, редакторомъ нѣмецкой газеты «Послѣднія Берлинскія новости», и профессоромъ Горстъ-Колемъ, которые провѣрили всѣ года, упоминаемые въ текстѣ, имена, названія и документы. Вышедшіе до сихъ поръ два тома были написаны въ теченіе трехъ лѣтъ съ 1891 до 1893 года и заключаютъ въ себѣ 33 главы, трактующія о различныхъ самостоятельныхъ предметахъ. Хотя ихъ не соединяетъ никакая руководящая нить, и они не представляютъ связнаго, послѣдовательнаго разсказа о жизни и дѣятельности ихъ автора, но все-таки они изложены въ хронологическомъ порядкѣ, и второй томъ кончается началомъ царствованія императора Фридриха III. Говорятъ, что существуетъ еще третій томъ, который вполне отпечатанъ, но не можетъ быть выпущенъ въ свѣтъ, потому что въ немъ находится подробный разсказъ о послѣднихъ дняхъ Фридриха III, о дѣятельности Бисмарка при Вильгельмѣ II и объ его отставкѣ со всѣми ея послѣдствіями, причемъ выясняются такіе факты, огласку которыхъ не можетъ допустить теперешній германскій императоръ. Хотя эти свѣдѣнія сообщаетъ въ журналѣ «Zukunft» Максимилианъ Гарденъ, считающійся присяжнымъ журналистомъ бисмарковской семьи, но имъ нельзя вполне довѣрять, такъ какъ если бы дѣйствительно существовалъ третій томъ, то нѣтъ никакихъ препятствій, чтобы онъ появился въ англійскомъ и французскомъ переводахъ, какъ издана, на примѣръ, книга Буша.

По своему содержанію «Мысли и воспоминанія» Бисмарка приводятъ читателя въ разочарованіе. Это ни исповѣдь, ни автобіографія, ни самооправданіе, а нѣчто въ родѣ самовосхваленія, причемъ авторъ говоритъ только о томъ, что служить, по его мнѣнію, къ его чести; а пропускаетъ все сомнительное, подозрительное или спорное въ относящихся къ нему фактахъ. Тонъ этихъ отрывочныхъ мемуаровъ такой неискренній, такой искусственный, что они

не могутъ занять мѣсто рядомъ съ «Меморіаломъ св. Елены» Наполеона и другими знаменитыми автобіографіями и мемуарами. Въ глазахъ автора онъ одинъ всегда и во всемъ правъ, а другіе виноваты, въ особенности передъ нимъ, такъ какъ, по его мнѣнію, великія заслуги его недостаточно были оцѣнены. Благодаря этому сознанію, онъ самымъ рѣзкимъ образомъ относится не только къ врагамъ, но и къ друзьямъ, преимущественно къ императрицѣ Августѣ, къ Фридриху III и его женѣ, даже къ Вильгельму I. Что касается изложенія мемуаровъ, то оно тяжелое, большею частью безцвѣтное, и не отличается ни литературнымъ блескомъ, ни живостью. Однако, все это не мѣшаетъ «Мыслямъ и воспоминаніямъ» Бисмарка даже въ неудовлетворительной ихъ формѣ быть драгоценнымъ пособіемъ для историка и всякаго желающаго основательно изучить европейскую исторію за послѣднія 50 лѣтъ. Но читая самовосхваленія желѣзнаго канцлера и его отзывы о событіяхъ и людяхъ его времени, слѣдуетъ всегда помнить его собственные слова, что «все на свѣтѣ лицемѣріе и гаерство».

Если кто нибудь послѣ прочтенія этой книги могъ бы сомнѣваться, что Бисмаркъ былъ великимъ лицемѣромъ и столь же великимъ гаеромъ, какъ его называетъ Нитше, то стоитъ только пробѣжать хоть нѣсколько страницъ дневника г. Буша, и пропадетъ всякая тѣнь сомнѣнія. Трудно себѣ представить сочиненіе, которое производило бы болѣе противорѣчащее своей цѣли впечатлѣніе на читателя. Очевидно маленькій Бушъ (Buschlein), какъ его всегда называлъ Бисмаркъ, записывая почти ежедневно, въ продолженіе многихъ лѣтъ, все, что онъ слышалъ отъ своего патрона, думалъ только о возвеличеніи его славы, и, печатая свою книгу, онъ переполнялъ ея страницы самыми пламенными диопирамфами, даже не посовѣстился привести свои слова, сказанныя имъ однажды въ лицо Бисмарку: «вы—второй Спаситель», но въ сущности этотъ холопскій панегиристъ совершилъ подвигъ иконокласта и представилъ своего героя въ такомъ обнаженномъ и чудовищномъ видѣ, что ничто не въ состояніи поднять исторической фигуры Бисмарка изъ той грязи, въ которую ее втопталъ маленькій Бушъ. Прикрываясь тѣмъ, что самъ Бисмаркъ дозволилъ ему «писать о немъ послѣ смерти все, что онъ знаетъ и что хочетъ, такъ какъ онъ будетъ черпать свои свѣдѣнія изъ лучшаго источника», Бушъ вполнѣ искренно и не подозрѣвая, къ чему приведетъ эта искренность, говоритъ въ своей книги все, что онъ знаетъ о своемъ кумирѣ. Но на повѣрку выходитъ, что этотъ мелкій чиновникъ, исполнявшій порученія Бисмарка насчетъ подкупа газетъ всѣхъ странъ и напечатанія въ нихъ внушенныхъ Бисмаркомъ статей, до такой степени обнаруживаетъ оборотную сторону блестящей дѣятельности желѣзнаго канцлера, что его сторонники пришли въ ужасъ, а враги восторженно торжествуютъ.

«Гамбургскія Новости», которыя остались посмертнымъ органомъ Бисмарка, прямо заявили, что книга Буша не имѣетъ никакого историческаго значенія, что онъ неправильно передаетъ слова своего патрона, что онъ извратилъ текстъ напечатанныхъ имъ документовъ, и что вообще его книга не заслуживаетъ никакого уваженія. Напротивъ социалистскій органъ «Vorwärts» превозноситъ великую услугу, оказанную исторической правдѣ фанатическимъ панегеристомъ желѣзнаго канцлера. «Маленькій Бушъ, говоритъ «Vorwärts», сдѣлался настоящимъ enfant terrible для бисмарковскихъ поклонниковъ, потому что въ его книгѣ приведены откровенныя мнѣнія желѣзнаго канцлера о представителяхъ и представительницахъ Гогендоллернской семьи, а также и о другихъ сильныхъ міра сего, которые непогрѣшимы въ глазахъ имперскихъ холоповъ. Они увѣряютъ, что Бушъ не понялъ, что говорилъ ихъ кумиръ, и вложилъ ему въ уста такія слова, которыхъ онъ никогда не могъ произнести. Но все это пустяки. Въ новую книгу Бюхера вошло его старое сочиненіе, въ которомъ встрѣчались такія же компрометирующія для Бисмарка фразы, и онъ, однако, не протестовалъ противъ нихъ; поэтому маленький Бушъ долженъ быть признанъ, пожалуй, безсовѣстнымъ, но вѣрнымъ лѣтописцемъ бисмарковщины».

Къ этой мѣткой характеристикѣ книги Буша, вообще написанной легко, интересно и живо, можно прибавить, что подлинность сообщаемыхъ ею рѣзкихъ отзывовъ Бисмарка о событіяхъ и лицахъ вполне подтверждается его собственными мемуарами. Слѣдуя примѣру этихъ мемуаровъ, которые были ему извѣстны со словъ Бюхера и самого Бисмарка, Бушъ придалъ своей книгѣ также отрывочный характеръ. Въ первой ея части онъ приводитъ выписки изъ своего дневника, веденнаго во время франко-прусской войны, когда онъ сопровождалъ повсюду желѣзнаго канцлера, и который былъ уже помѣщенъ въ другомъ его сочиненіи, просмотрѣнномъ самимъ Бисмаркомъ, подъ заглавіемъ «Графъ Бисмаркъ и его свита во время войны съ Франціей». Второй томъ заключаетъ въ себѣ совершенно новый матеріалъ и обнимаетъ разговоры Буша съ Бисмаркомъ, которые происходили въ разные времена въ продолженіе 23-хъ лѣтъ, отъ 29-го марта 1871 года до 5-го мая 1893 года, когда Бушъ въ послѣдній разъ видѣлъ въ Фридрихсруэ своего «главу», какъ онъ всегда называлъ Бисмарка въ дневникѣ. Являясь, по ироніи судьбы, жестокимъ разрушителемъ того кумира, славу котораго онъ думалъ служить, Морицъ Бушъ на послѣднихъ страницахъ своей книги съ обычной безсознательностью подкапывается даже подъ мемуары Бисмарка и приводитъ о нихъ мнѣніе Лотара Бюхера, который писалъ большую часть ихъ подъ диктовку. «Этотъ трудъ, сказалъ Бюхеръ въ 1892 году, не принесетъ никакой пользы исторіи. Не только память ему измѣняетъ, но онъ изображаетъ въ ложныхъ краскахъ такое

событіе, о которомъ не можетъ быть спору, не признаетъ, чтобы онъ принималъ участіе въ неудачномъ дѣлѣ, и не допускаетъ, чтобы какой либо успѣхъ былъ одержанъ безъ него».

Однако, какое значеніе историческая критика ни придала бы окончательно мемуарамъ Бисмарка и дневнику Буша, они вмѣстѣ съ другими указанными матеріалами представляютъ во всякомъ случаѣ любопытную картину отношеній желѣзнаго канцлера къ политическимъ событіямъ и дѣятелямъ послѣдней половины XIX столѣтія, въ особенности его отношеній къ Россіи, что для насъ всего важнѣе, а также даютъ возможность подвести итоги и опредѣлить результаты государственной дѣятельности того, кто былъ, по словамъ Нитцше, «суперъ-человѣкомъ», а по выраженію сэра Роберта Моръера, нѣкогда англійскаго посла въ Петербургѣ, «современнымъ сатаной». Поэтому настоящій очеркъ и будетъ посвященъ выясненію означенныхъ трехъ вопросовъ: 1) отношеній Бисмарка къ политическимъ событіямъ и дѣятелямъ нашего времени; 2) отношеній его къ Россіи и 3) результатовъ его государственной дѣятельности.

I.

Первыя три главы «Мыслей и воспоминаній» Бисмаркъ посвящаетъ очень краткому описанію своей юности и начала своей общественной жизни до вступленія на дипломатическое поприще въ 1854 году. По его словамъ, выйдя изъ гимназіи въ 1832 году, онъ былъ нормальнымъ плодомъ тогдашняго офиціального обученія и считалъ республику самой рациональной системой управленія. Но въ то же время онъ увѣряетъ, что въ сердцѣ сохранилъ привитое ему съ дѣтства чувство слѣпой преданности къ прусской монархіи. Объ университетской своей жизни онъ говоритъ очень мало и прямо переходитъ къ поступленію на службу. Ему очень хотѣлось сразу выступить на дипломатическую арену, но тогда это было невозможно, такъ какъ дипломатическіе посты въ Германіи были заняты, преимущественно иностранцами, а прусскимъ дворянамъ приходилось довольствоваться гражданской службой и то провинціальной. Бисмаркъ, по совѣту министра иностранныхъ дѣлъ Ансильона, поступилъ чиновникомъ сначала въ Ахенское, а потомъ въ Потсдамское городское правленіе. Впечатлѣніе, произведенное на него низшими ступенями администраціи, было самое печальное, и онъ высказываетъ то мнѣніе, что не только правительственныя вѣдомства, но и органы такъ называемаго самоуправленія: провинціальные и общинные совѣты, представляютъ одно и то же преобладаніе бюрократизма, которое рано или поздно погубитъ Пруссію. Вскорѣ ему надобно возиться съ бумагами, и, выйдя въ отставку, онъ занялся управленіемъ семейными помѣстьями въ Помераніи.

Сдѣлавшись такимъ образомъ представителемъ помѣщичьяго класса, онъ попалъ въ 1847 году въ прусскій сеймъ въ качествѣ замѣстителя заболѣвшаго депутата города Браушича, и онъ увѣряетъ, что въ то время нимало не былъ тѣмъ отсталымъ юнкеромъ, какимъ его обыкновенно представляютъ. Напротивъ, по его словамъ, онъ имѣлъ либеральныя идеи, унаслѣдованныя отъ дѣда по матери, Менкена, бывшаго министромъ. Въ доказательство своего тогдашняго либерализма Бисмаркъ пускается въ общее разсужденіе насчетъ того, что его идеаломъ, какъ въ то время, такъ и во всю послѣдующую жизнь, была монархія подъ контролемъ парламента и прессы. Насколько это былъ идеаль его послѣдующей жизни, извѣстно всѣмъ, а что даже при началѣ его парламентской карьеры онъ на практикѣ вовсе не держался того, что было, какъ онъ увѣряетъ, его идеаломъ въ теоріи, доказывается приводимой имъ дѣвственной его рѣчью на сеймѣ, въ которой онъ доказывалъ, что пруссаки въ 1813 году сражались не за пріобрѣтеніе конституціи, какъ увѣряли либералы, а за освобожденіе родины отъ чужестраннаго ига. Вообще на сеймѣ онъ держалъ себя такимъ яркимъ роялистомъ, что даже король не смѣлъ при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ одобрить его поведеніе, а только, увидавъ его съ глазу на глазъ, выразилъ благодарность за его вѣрноподданническія чувства.

Событія 1848 года еще яснѣе обнаружили странный характеръ либерализма Бисмарка. «Я былъ убѣжденъ, — говоритъ онъ, — что первая обязанность моя и моихъ сосѣдей заключалась въ томъ, чтобы отстоять свободу короля, который былъ въ плѣну у бунтовщиковъ». Руководствуясь такими либеральными идеями, Бисмаркъ отправился въ Берлинъ, чтобы предложить королю помощь провинціальныхъ помѣщиковъ и ихъ поселянъ, но король оказался тогда въ рукахъ настоящихъ либераловъ, и Бисмаркъ вернулся съ печалью въ сердцѣ. Уступки короля возставшимъ народнымъ массамъ такъ огорчили его, что при открытіи сейма онъ вступилъ въ ряды оппозиціи, но когда поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы потребовать отъ короля отреченіе отъ престола въ пользу малолѣтнаго сына, наслѣднаго принца Вильгельма, будущаго императора, съ устраненіемъ его отъ регентства и назначеніемъ регентшей его жены, принцессы Августы, то Бисмаркъ упорно воспротивился подобной комбинаціи. Хотя не прямо, но косвенно онъ намекаетъ, что съ того времени началась вражда къ нему Августы, продолжавшаяся до ея смерти. Если вѣрить его свидѣтельству, то принцесса настолько была увѣрена въ успѣхъ этой интриги, что добилась письменнаго согласія своего мужа, который былъ тогда очень не популяренъ, носилъ кличку «принца бомбы» и бѣжалъ въ Англію изъ боязни народной мести. Какъ бы то ни было, этотъ проектъ не удался, потому что правая сторона сейма, въ томъ числѣ Бисмаркъ,

его не поддержали. Хотя онъ и не хотѣлъ содѣйствовать низложенію короля, но былъ сильно возбужденъ противъ его слабохарактерности, выразившейся въ уступкахъ революціи; онъ даже прямо и рѣзко упрекнулъ его въ этомъ при личномъ свиданіи въ Санъ-Суси. Фридрихъ-Вильгельмъ IV спокойно его выслушалъ и добродушно отвѣчалъ: «Вы меня только упрекаете, но если бы я признался, что поступилъ, какъ оселъ, то что бы вы изъ этого выиграли? Не упреками можно возстановить обрушившійся престолъ; для этого необходима практическая помощь, а не критика». Доброта короля, по словамъ Бисмарка, такъ подѣйствовала на него, что онъ тотчасъ переимѣнилъ свой тонъ и старался самымъ любезнымъ образомъ увѣрить его, что королевская власть съ сущности не была поколеблена, и онъ могъ совершенно возстановить ея престижъ, опираясь на провинціи. Но король считалъ себя связаннымъ конституціей, которую онъ самъ даровалъ, не хотѣлъ слышать ни о какихъ рѣшительныхъ, реакціонныхъ мѣрахъ, и когда ему говорили о Бисмаркѣ, какъ о возможномъ министрѣ, то онъ отвѣчалъ: «Бисмарка можно назначить только тогда министромъ, когда будутъ господствовать штыки!». Бисмаркъ увѣряетъ въ своихъ мемуарахъ, что не только король сказалъ эти слова графу Бранденбургу, который предлагалъ составить министерство при его содѣйствіи, но и написалъ ихъ на списокѣ предполагаемыхъ министровъ. Но Фитцтумъ-фонъ-Экштетъ въ своихъ воспоминаніяхъ придаетъ другую форму мнѣнію Фридриха-Вильгельма IV о Бисмаркѣ, именно, по его словамъ, король выразился такъ: «Бисмаркъ красный реакціонеръ; отъ него несетъ кровью; къ его услугамъ обратятся впоследствии».

Какъ бы въ сущности король ни выразился о Бисмаркѣ и какъ бы послѣдній ни увѣрялъ, что событія 1848 года были дѣломъ либеральныхъ интригановъ, а народъ стоялъ за короля, и слѣдовательно всякій защищавшій короля защищалъ народъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ глазахъ короля и не только либеральнаго кабинета, но и замѣниваемаго его реакціоннаго министерства Бранденбурга, Бисмаркъ былъ ярымъ ретроградомъ. Въ этомъ качествѣ онъ очевидно и радовался тому, что король отказался отъ императорской короны, которую предлагалъ ему франкфуртскій парламентъ. Дѣйствительно, онъ прямо заявляетъ, что радовался этому отказу не потому, что считалъ Фридриха-Вильгельма IV неспособнымъ носить императорскую корону, но потому, что не вѣрилъ въ прочность имперіи, которая основывалась на революціонномъ началѣ. Какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи онъ остался впоследствии себѣ вѣрнымъ, и когда ему пришлось основывать Германскую имперію, то онъ положилъ въ ея основу совершенно противоположные принципы. Ультра-реакціонныя стремленія Бисмарка, выражавшіяся, между прочимъ, въ воинственныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ сеймѣ, не помѣшали ему, однако, получить такъ давно желаемый

дипломатическій постъ, и, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1851 года, онъ былъ назначенъ представителемъ Пруссіи на сеймѣ германскаго союза во Франкфуртѣ.

Восемь лѣтъ оставался Бисмаркъ во Франкфуртѣ, и хотя этой эпохѣ онъ отводитъ около трети перваго тома своихъ мемуаровъ, но онъ ничего не говоритъ о своей тогдашней политической дѣятельности и объ упорной борьбѣ, которую онъ велъ съ Австріей, на томъ основаніи, что, по его словамъ, все это давно извѣстно и выяснено въ многочисленныхъ книгахъ. Онъ предпочитаетъ распространяться о политическомъ положеніи Пруссіи во время крымской кампаніи и приводитъ значительные отрывки изъ своей корреспонденціи съ генераломъ Герлахомъ, которые отчасти были уже напечатаны.

Что касается до своего пребыванія во Франкфуртѣ, то Бисмаркъ рассказываетъ только, что онъ много тамъ танцевалъ, и приводитъ нѣсколько анекдотовъ, касающихся той эпохи его жизни. Относительно танцевъ онъ замѣчаетъ, что всегда охотно танцевалъ, даже когда былъ министромъ, хотя король Вильгельмъ очень саркастически относился къ танцующимъ государственнымъ людямъ и говорилъ ему не разъ: «меня упрекаютъ, что я выбралъ такого несерьознаго министра, какъ вы: вамъ не слѣдовало бы танцевать, и тѣмъ вы придали бы себѣ бѣльшую серьезность». Если Бисмаркъ имѣлъ слабость къ танцамъ, то, по его словамъ, онъ никогда не чувствовалъ маніи къ орденамъ, которая очень распространена между дипломатами. «Видя, что у нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей», замѣчаетъ онъ, «страсть къ орденамъ переходила въ болѣзнь, и они нарочно заключали какіе нибудь трактаты съ тѣми государствами, ордена которыхъ они еще не имѣли, чтобы пополнить коллекцію украшеній, наполнявшую ихъ грудь,—то я говорилъ себѣ: все это китайщина». Въ этомъ отношеніи пальма первенства принадлежала генералу Пейкерту, который находился прусскимъ комиссаромъ во Франкфуртѣ и до того былъ увѣшанъ орденами, что злые языки говорили о всякомъ человѣкѣ, любившемъ покрасоваться своими орденами: «онъ пейкерствуетъ». Дѣйствительно у этого почтеннаго генерала орденская манія доходила до того, что когда Бисмаркъ посѣтилъ его впервые, то онъ цѣлый часъ бесѣдовалъ о томъ, куда ему повѣсить вновь полученный орденъ.

Предсѣдателемъ сейма германскаго союза былъ тогда австрійскій представитель, графъ Рехбергъ, впоследствии первый министръ, человѣкъ совершенно иного закала, очень гордый, надменный, вспыльчивый. Всѣ представители другихъ германскихъ государствъ его боялись до такой степени, что онъ одинъ въ засѣданіи сейма курилъ, а остальные не смѣли ему подражать. Бисмаркъ, какъ онъ самъ рассказывалъ Бушу, въ первомъ же засѣданіи подошелъ къ предсѣдателю и, какъ ни въ чемъ не бывало, попросилъ у него

закурить сигару. Тотъ очень удивился, но молча далъ ему огня. «Въ этотъ день курили только Австрія и Пруссія,—разсказывалъ Бисмаркъ,—а на слѣдующее утро представители другихъ государствъ сообщили объ этомъ важномъ событіи своимъ правительствамъ, прося разрѣшить вопросъ, какъ имъ слѣдовало поддержать свое достоинство. Шесть мѣсяцевъ прошло безъ отвѣта, и попрежнему курили Австрія и Пруссія. Наконецъ, баварскій представитель вынулъ сигару и закурилъ, его примѣру послѣдовали саксонецъ и ганноверецъ. Даже вюртембергецъ, никогда не курившій, нашелъ нужнымъ не отставать, и сталъ курить какую-то длинную, желтую пахитосу. Только одинъ гессенъ-дармштадтскій делегатъ не могъ превозмочь своей ненависти къ табаку и остался при особомъ мнѣніи». Бисмаркъ не только произвелъ табачную революцію на франкфуртскомъ сеймѣ, но своими рѣзкими выходками противъ Рехберга побудилъ его вызвать себя на дуэль. Эта дуэль разсказана Бисмаркомъ двояко. Въ своихъ мемуарахъ онъ говоритъ, что послѣ вызова, лично переданнаго ему Рехбергомъ, онъ предложилъ немедленно драться въ саду и только попросилъ прежде написать маленькій протоколъ о причинахъ дуэли, но пока онъ былъ занятъ писаніемъ протокола, Рехбергъ одумался, и дѣло уладилось. Но Бушъ слышалъ отъ Бисмарка другой вариантъ, по которому Рехбергъ, вызвавъ Бисмарка на дуэль, просилъ дать ему время до дуэли снестись съ вѣнскимъ правительствомъ, и, не получивъ разрѣшенія драться, предложилъ извиниться передъ Бисмаркомъ на словахъ или письменно, на что тотъ не согласился, и они просто помирились.

Въ 1857 году, Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ разбитъ параличемъ, и регентомъ сдѣлался наслѣдннй принцъ Вильгельмъ, будущій императоръ. Наступила новая эра и первымъ министромъ былъ назначенъ князь Гогенцоллернъ. Бисмаркъ оставался во Франкфуртѣ до 1859 года, когда его перевели посланникомъ въ Петербургъ. Тамъ онъ пробылъ три года, но такъ какъ его отношенія къ Россіи составляютъ отдѣльную главу этого очерка, то и все, что онъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ о пребываніи въ Петербургѣ, найдетъ себѣ тамъ соотвѣтствующее мѣсто. По возвращеніи въ Берлинъ, гдѣ уже царствовалъ по смерти Фридриха-Вильгельма IV новый король Вильгельмъ, онъ получилъ въ 1862 году назначеніе посломъ въ Парижъ, гдѣ оставался только пять мѣсяцевъ. Въ это время онъ былъ такъ занятъ интригами, происходившими въ Берлинѣ при дворѣ новаго короля, и ожиданіемъ своего вступленія въ министерство, что только объ этомъ и говорится въ приводимой имъ перепискѣ съ генераломъ фонъ-Руномъ. О Парижѣ и о Наполеонѣ III-мъ онъ упоминаетъ только вскользь, но все-таки передаетъ интересный разговоръ съ французскимъ императоромъ въ Фонтенебло. Наполеонъ III спросилъ его неожиданно, заключить ли съ нимъ союзъ прусскій король, а когда хитрый дипломатъ осторожно отвѣ-

чалъ, что союзы результатъ обязательствъ, и что каждый союзъ имѣеть опредѣленный мотивъ и цѣль, то императоръ произнесъ: «Нѣтъ необходимости къ такой гипотезѣ, моя идея союза не возбуждена проектомъ какого нибудь смѣлаго предпріятія, а просто у Пруссіи и Франціи много общихъ интересовъ, и потому существуютъ элементы для тѣснаго, дружественнаго соглашенія. Нельзя создавать обстоятельствъ и даже заранѣе предвидѣть ихъ, но можно принять необходимыя мѣры, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ. Именно для этой цѣли полезно заключить дипломатическій союзъ, который далъ бы обѣимъ странамъ привычку довѣрять другъ другу и рассчитывать другъ на друга въ трудныя минуты. Вы не можете себѣ представить, какое странное предложеніе мнѣ сдѣлала надняхъ Австрія. Ваше назначеніе и пріѣздъ Будберга въ Парижъ произвели, повидимому, панику въ Вѣнѣ. Князь Меттернихъ сказалъ мнѣ, что онъ получилъ такія неограниченныя полномочія отъ своего государя, что они даже его пугаютъ. Ему дано право вступить въ соглашеніе со мною по всѣмъ вопросамъ, которые я только поставлю на очередь».

Вообще о Наполеонѣ III, за которымъ, какъ извѣстно, Бисмаркъ сначала ухаживалъ, называя его своимъ учителемъ, и котораго потомъ погубилъ самымъ безжалостнымъ образомъ, онъ вообще говоритъ очень мало въ своихъ мемуарахъ, и даже Бушъ приводитъ немного отзывовъ своего патрона объ его побѣжденномъ противникѣ, а потому здѣсь кстати упомянемъ о всѣхъ отношеніяхъ Бисмарка къ человѣку, который игралъ первенствующую роль въ Европѣ, пока хитрый прусскій дипломатъ не замѣнилъ его въ этой роли. Впервые Бисмаркъ увидалъ Наполеона въ Парижѣ въ 1855 г., когда, пользуясь свободнымъ временемъ, онъ посѣтилъ прусскаго посланника графа Гацфельда. Онъ былъ принятъ въ Тюльери очень любезно, и императоръ имѣлъ съ нимъ нѣсколько разговоровъ, въ продолженіе которыхъ онъ высказалъ, что желаетъ полнаго дружественнаго соглашенія между Франціей и Пруссіей, которыя, какъ сосѣднія страны, стоящія въ главѣ цивилизаціи, благодаря своимъ учрежденіямъ и культурѣ, обязаны помогать другъ другу. По словамъ Бисмарка, Наполеонъ нисколько не претендовалъ на Пруссію, за то что она во время Крымской кампаніи не присоединилась къ западнымъ державамъ, и по возвращеніи въ Берлинъ Бисмаркъ объяснилъ королю, какія чувства питалъ французскій императоръ къ Пруссіи, при чемъ прибавилъ: «Я полагаю, что Наполеонъ человѣкъ умный, но далеко не столь ловкій, какъ о немъ говорятъ; каждое совершившееся событіе приписываютъ ему, если, напримѣръ, дождь пойдетъ не во время въ восточной Азіи, то вину въ этомъ приписываютъ французскому императору. Вообще вездѣ и въ особенности у насъ его считаютъ гениемъ зла и приписываютъ ему постоянно новые ковы противъ всесвѣтнаго спокойствія, но я полагаю, что онъ былъ бы

очень доволенъ, если бы ему позволили мирно пользоваться тѣмъ, что онъ имѣеть. Его умъ слишкомъ превозносятся, и сердце слишкомъ унижаютъ, а я замѣтилъ, что онъ никогда не забываетъ оказанной ему услуги и, быть можетъ, даже преувеличиваетъ свою благодарность». Въ письмахъ къ генералу Герлаху изъ Франкфурта Бисмаркъ нѣсколько разъ говоритъ о Наполеонѣ III. Онъ не считаетъ его единственнымъ или даже виднымъ представителемъ революціи, какъ многіе полагали. По его словамъ, революція существовала ранѣе Бонапартовъ, и ея начало надо искать не во Франціи, а въ Англии, даже, можетъ быть, въ Германіи и Римѣ. «Луи Наполеонъ, — замѣчаетъ Бисмаркъ, — не создалъ революціоннаго положенія Франціи, а воспользовался анархіей, чтобы сдѣлаться ея повелителемъ. Если бы онъ теперь вздумалъ отказаться отъ власти, то поставилъ бы Европу въ такое тревожное положеніе, что всѣ государи единогласно просили бы его остаться на престолѣ; а если бы онъ вздумалъ передать престолъ герцогу Бордосскому, то послѣдній не могъ бы его сохранить. Бонапартизмъ не представляется ни абсолютизмомъ, ни даже цезаризмомъ, какъ какъ первый основанъ на божественномъ правѣ, какъ на Востокѣ и въ Австріи, а послѣдній подразумеваетъ уничтоженіе законной республики не законными средствами, а что бы тамъ ни говорили, власть Луи Бонапарта основана на семи милліонахъ голосахъ, хотя нельзя сказать, чтобы онъ со времени своего выбора дѣйствовалъ согласно народной волѣ. Но все-таки рано или поздно эта народная воля заставитъ его выступить на путь завоеваній, и въ этомъ смыслѣ онъ нашъ естественный врагъ, какъ былъ Наполеонъ I. Мы не должны дуться на него, дразнить его, поддѣсывать или отворачиваться отъ его авансовъ, но намъ слѣдуетъ вести себя осторожно и быть всегда наготовѣ, чтобы отразить его завоевательныя стремленія».

Вотъ всё, что можно встрѣтить въ «Мысляхъ и воспоминаніяхъ» Бисмарка о Наполеонѣ III; о продолжительныхъ переговорахъ между ними, словесныхъ и письменныхъ, прежде и послѣ австро-прусской войны, о томъ, какъ они торговались насчетъ уступки Франціи Люксембурга и Бельгіи, о личныхъ свиданіяхъ въ Біарицѣ и наконецъ о послѣднемъ разговорѣ между ними въ Доншери послѣ Седанскаго погрома не упоминается ни слова. Что же касается до Буша, то онъ приводитъ два отзыва Бисмарка о Наполеонѣ III, въ началѣ и въ концѣ франко-прусской войны, а также подлинный его рассказъ объ исторической сценѣ въ Доншери. 24 іюля 1870 г., передъ выѣздомъ изъ Берлина на войну, Бисмаркъ поручилъ Бушу написать статью въ нѣмецкихъ газетахъ о французской политикѣ и, указавъ ему въ немногихъ словахъ канву статьи воскликнулъ: «Французы ничего не знаютъ о своихъ сосѣдяхъ, и то же можно сказать о Наполеонѣ III; о Грамонѣ уже я ничего не говорю, это просто осель. Но удивительно, что Наполеонъ III, получившій вос-

питаніе въ нѣмецкихъ школахъ, ничего не знаетъ, или онъ все забылъ. Его политика всегда была нелѣпая; крымская война діаметрально противоположна интересамъ Франціи, которые требуютъ союза или, по крайней мѣрѣ, добрыхъ отношеній съ Россіей. Также глупа была война за Италію, изъ которой онъ создалъ соперника Франціи на Средиземномъ морѣ и въ Сѣверной Африкѣ. Мексиканская война и положеніе, принятое Франціей въ 1866 году, составляютъ новыя двѣ ошибки, а теперешняя буря, конечно, будетъ послѣдней и окончательной глупостью». Однако, когда за обѣдомъ въ Версали, 23 декабря того же года, кто-то назвалъ Наполеона III дуракомъ, то Бисмаркъ за него заступился и сказалъ: «Нѣтъ, онъ не дуракъ, но далеко не такой умный человѣкъ, какимъ его считаютъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и не такой дурной человѣкъ, какимъ его теперь все изображаютъ. Что бы ни думали многіе объ его государственномъ переворотѣ, это человѣкъ добрый, великодушный, даже сентиментальный, но главный его недостатокъ заключается въ томъ, что онъ постоянно живетъ въ какомъ-то фантастическомъ мірѣ, а о настоящемъ положеніи дѣлъ не имѣетъ понятія. Хотя онъ воспитанъ въ нѣмецкой школѣ, но онъ такой невѣжда, что не могъ бы выдержать экзамена въ прусскіе чиновники. Я давно, въ 1854—1855 годахъ, говорилъ объ этомъ королю, но мнѣ не хотѣли вѣрить. Сдѣлавшись министромъ, я видѣлся съ Наполеономъ въ Парижѣ, и онъ мнѣ тогда сказалъ, что въ Берлинѣ вскорѣ произойдетъ возстаніе, что революція распространится по всей Пруссіи, и что если король прибѣгнетъ къ плебисциту, то вся страна выскажется противъ него. На это я отвѣчалъ, что нашъ народъ не строитъ барикадъ, что у насъ революціи дѣлаютъ только короли, и что Вильгельму стоитъ потерпѣть лишь два или три года дѣйствительно существовавшее тогда броженіе умовъ и временную, хотя, конечно, непріятную, непопулярность, но онъ въ концѣ концовъ останется побѣдителемъ. Я еще прибавилъ, что если королю не надоѣстъ борьба, и онъ не отступится отъ меня, то мнѣ не грозитъ паденіе, а если бы его убѣдили прибѣгнуть къ плебисциту, то за него высказались бы девять десятыхъ голосовъ. Мнѣ передавали, что въ то время Наполеонъ сказалъ обо мнѣ: «это не серьезный человѣкъ», но я, конечно, не напомнилъ ему этихъ словъ при нашемъ послѣднемъ свиданіи въ Доншери».

Относительно разговора съ побѣжденнымъ противникомъ 2 сентября въ Доншери вотъ что передавалъ Бисмаркъ Бушу, тотчасъ послѣ этого историческаго событія: «Нашъ разговоръ продолжался три четверти часа. Онъ началъ съ того, что выразилъ сожалѣніе о роковой войнѣ, которой, по его словамъ, онъ вовсе не желалъ и которую началъ только подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Я отвѣчалъ, что въ Германіи никто не желалъ войны, а менѣе всего король. Я прибавилъ, что мы считали испанскій вопросъ исключчи-

тельно дѣломъ Испаніи, а не Германіи, и надѣялись, что онъ, императоръ, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ гогенцоллернскимъ домомъ, легко уладитъ дѣло съ принцемъ. Послѣ этого разговоръ перешелъ на положеніе дѣлъ въ данную минуту. Императоръ выразилъ желаніе, чтобы капитуляція была заключена на возможно легкихъ условіяхъ, но я отвѣчалъ, что не могъ вмѣшиваться въ военные вопросы, которые касались одного Мольтке. Вмѣстѣ съ тѣмъ я предложилъ императору, если онъ желаетъ, приступить къ обсужденію условій мира. Онъ въ свою очередь возразилъ, что, находясь въ плѣну, не можетъ рѣшать никакихъ вопросовъ, такъ какъ это дѣло парижскаго правительства». На этомъ кончилась послѣдняя бесѣда Бисмарка съ побѣжденнымъ противникомъ, нѣкогда сомнѣвавшимся въ его серьезности, также какъ и Вильгельма, котораго онъ напротивъ возвеличилъ и сдѣлалъ императоромъ.

Но вернемся къ Бисмарку, когда онъ еще былъ прусскимъ посланникомъ въ Парижѣ. 17 сентября 1862 года, онъ получилъ депешу отъ своего друга Руна, который его вызывалъ немедленно въ Берлинъ. Онъ поспѣшилъ на этотъ неожиданный зовъ и, къ величайшему своему удивленію, узналъ, что король хочетъ отречься отъ престола, такъ какъ ему не подъ силу была борьба изъ-за военнаго бюджета съ палатою депутатовъ, которая не хотѣла разорять страны ради преобразованія арміи. 22 сентября Бисмаркъ представился Вильгельму, и тотъ прямо сказалъ ему: «Я не хочу управлять государствомъ, если не могу исполнить своего долга передъ Богомъ, передъ своею совѣстью и передъ моими подданными, а исполненіе этого тройнаго долга невысказано, если я долженъ повиноваться большинству теперешняго ландтага. Такихъ же министровъ, которые согласились бы не подчиняться парламентскому большинству, — я не могу найти. Поэтому я рѣшился отречься отъ престола и приготовилъ актъ отреченія съ мотивами, подробно объясняющими причины, побудившія меня предпринять такой важный шагъ». Говоря это, король показавъ на лежавшій на столѣ документъ. «Я отвѣчалъ, — рассказываетъ Бисмаркъ, — что готовъ вступить въ министерство, и что Рунъ останется со мною, а если другіе министры выйдутъ въ отставку въ виду моего назначенія, то мы найдемъ кѣмъ ихъ замѣстить. Мы обсудили этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ, и затѣмъ на вопросъ короля, готовъ ли я поддержать противъ парламентскаго большинства преобразованіе арміи, я отвѣчалъ утвердительно. «Въ такомъ случаѣ, — воскликнулъ онъ, — мой долгъ продолжать борьбу, и я не отрекаюсь отъ престола». Затѣмъ Вильгельмъ повелъ Бисмарка въ паркъ (бесѣда происходила въ Бабельсбергѣ) и сталъ читать ему подробную правительственную программу, которую онъ хотѣлъ навязать новому министру изъ боязни, чтобы тотъ не слишкомъ увлекся реакціонными стремле-

ніями, но Бисмаркъ прямо заявилъ, что дѣло шло о выборѣ не между консервативной и либеральной системой, а между монархическимъ правленіемъ и парламентаризмомъ. Послѣдній, по его мнѣнію, слѣдовало устранить на время, даже цѣною введенія диктатуры. Король пришелъ въ восторгъ, разорвалъ свою программу, и на другой день былъ обнародованъ приказъ о назначеніи Бисмарка министромъ иностранныхъ дѣлъ и исправляющимъ должность главы прусскаго кабинета.

Сдѣлаться первымъ министромъ уже давно составляло цѣль всѣхъ желаній будущаго канцлера, и хотя ему представлялась не разъ возможность при Фридрихъ-Вильгельмѣ IV добиться этого поста, но онъ тогда уклонялся подъ различными предлогами, зная что при подобномъ слабохарактерномъ королѣ нельзя быть въ одно и тоже время съ виду раболѣпнымъ, а въ сущности вполне самостоятельнымъ министромъ, какимъ онъ рассчитывалъ быть при Вильгельмѣ. Съ первой минуты онъ показалъ, какъ намѣренъ исполнить данное королю обѣщаніе отстоять военную реформу. Онъ явился въ парламентъ и заявилъ, что Пруссія не могла съ тогдашней арміей вести борьбы за единство Германіи, борьбы, которая должна была рушиться огнемъ и желѣзомъ, а потому депутаты обязаны были предоставить прусскому королю наибольшія средства для веденія этой борьбы огнемъ и желѣзомъ. Такой гордый вызовъ, брошенный парламентаризму, испугалъ Вильгельма; онъ встрѣтилъ своего новаго министра послѣ этой выходки словами: «Я знаю, чѣмъ это кончится: у васъ отрубятъ голову подъ окнами моего дворца, а потомъ наступитъ и моя очередь». «Я, рассказываетъ Бисмаркъ: нимало не смутился и спросилъ: «А потомъ что?» — Вильгельмъ съ удивленіемъ отвѣчалъ: «Потомъ ничего: мы будемъ оба мертвыми». — «Ну такъ, чтожъ, воскликнулъ я, когда нибудь надо умереть, а не можетъ быть достойнѣе смерти той, которую вы предсказываете. Я умру, отстаивая своего короля, а ваше величество покончите жизнь, освятивъ своей смертью права, данныя вамъ Богомъ. Все равно покончимъ ли мы на эшафотѣ, или на полѣ брани, это не измѣнитъ того факта, что мы оба не пожалѣли своей жизни для защиты данныхъ вамъ отъ Бога королевскихъ правъ. Не думайте о Людовикѣ XVI, онъ жилъ и умеръ слабохарактернымъ человѣкомъ и не представляетъ великой фигуры въ исторіи. Но Карлъ I останется навсегда величественной исторической личностью, такъ какъ онъ, обнаживъ мечъ въ защиту своего права и проигравъ сраженіе, запечатлѣлъ кровью святость своихъ правъ. Ваше величество, вынуждены вступить въ борьбу; вы не можете уступить и вы должны противодѣйствовать тому насилію, которымъ осмѣливаются васъ оскорблять, хотя бы этимъ вы подвергли себя опасности».

Въ такомъ геройскомъ видѣ представляетъ Бисмаркъ свой дебютъ на министерскомъ поприщѣ и ехидно прибавляетъ, что радикальныя газеты выражали надежду, что онъ кончитъ свои дни въ исправительномъ домѣ, а палата депутатовъ громаднымъ большинствомъ возложила на личную и имущественную отвѣтственность министровъ всѣ противоконституціонныя расходы. Но какъ онъ ни гордится своимъ боевымъ министерствомъ, основаннымъ на двойной теоріи съ одной стороны «огня и желѣза», а съ другой «силы выше права», Бисмаркъ все-таки не находитъ ничего сказать въ оправданіе своихъ незаконныхъ дѣйствій, прикрытыхъ санкціей короля и содѣйствіемъ верхней палаты, а пускается въ туманныя разсужденія о томъ, что абсолютизмъ безъ парламента менѣе опасенъ, чѣмъ абсолютизмъ съ парламентомъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ остается у власти сознаніе отвѣтственности, а во второмъ она прикрывается парламентскимъ большинствомъ. Затѣмъ онъ посвящаетъ цѣлую главу такимъ же смутнымъ разглагольствованіямъ о томъ, что ключъ германской политики находится въ преданности народа своимъ династіямъ. Онъ увѣряетъ, что безъ династій не мыслима Германія, и что преданность своей династіи не мѣшаетъ всѣмъ отдѣльнымъ германскимъ государствамъ соединиться въ одно цѣлое, подъ господствомъ бранденбургской династіи. Къ чему понадобилось Бисмарку, творцу Германской имперіи въ бисмарковскомъ духѣ, развивать такія странныя, граничащія съ ненавистнымъ ему партикуляризмомъ, теоріи, трудно понять. Послѣ потока такихъ цвѣтистыхъ фразъ онъ рѣзко отзывается о своихъ товарищахъ по боевому министерству и оканчиваетъ разсказъ о четырехлѣтней борьбѣ съ народными представителями ссылкой на подлинное письмо Вильгельма, который оправдываетъ свое противоконституціонное поведеніе тѣмъ, что онъ, какъ хорошій отецъ семейства, велъ хозяйство въ домѣ, въ которомъ произошелъ раздоръ, съ твердымъ намѣреніемъ дать впоследствии отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ.

Къ этой же подготовительной эпохѣ въ политической дѣятельности Бисмарка относится извѣстный франкфуртскій конгрессъ или «Fürstentag», которому Бисмаркъ посвящаетъ особую главу, и онъ даже картинно, что рѣдко случается въ его мемуарахъ, рисуетъ означенный эпизодъ своей дипломатической карьеры. Дѣло было въ томъ, что Австрія созвала во Франкфуртѣ въ 1863 году конгрессъ всѣхъ германскихъ государей для преобразования германскаго союза въ духѣ полного главенства Австріи, а такъ какъ Бисмаркъ отстаивалъ тогда систему дуализма, т. е. равнаго вліянія въ Германіи, Пруссіи и Австріи, конечно, съ затаенной мыслью добиться впоследствии прусской гегемоніи, то онъ не хотѣлъ допустить Пруссію до участія въ этомъ конгрессѣ и тѣмъ намѣревался уничтожить самолюбивый планъ Австріи, основательно

разсчитывая, что безъ Пруссіи остальные нѣмецкія государства не рѣшатся на измѣненіе союзнаго строя. «2 августа 1863 года, я находился въ Гапштейнѣ,—разсказываетъ онъ, и передъ обѣдомъ у короля я провелъ нѣсколько времени въ Шварценбергскомъ паркѣ подъ вѣковыми соснами, съ любопытствомъ слѣдя за тѣмъ, какъ маленькія птички приносили пищу своимъ дѣтищамъ, остававшимся въ гнѣздахъ. Вдали, по другую сторону оврага, я видѣлъ, что король сидѣлъ на скамейкѣ и кого-то ждалъ. Когда я вернулся домой, чтобы идти обѣдать, то нашелъ записку Вильгельма, въ которой онъ писалъ, что ждетъ меня въ паркѣ на извѣстной скамейкѣ, чтобы переговорить объ ожидаемомъ свиданіи въ тотъ день съ австрійскимъ императоромъ. Я поспѣшилъ въ домъ, гдѣ помѣщался король, но было уже поздно, и свиданіе между государями состоялось. Если бы я не зазѣвался въ паркѣ, смотря на птицъ, то Вильгельмъ не подвергся бы вліянію императора и не сталъ бы такъ настаивать на присутствіи своемъ въ Франкфуртѣ. Я старался всячески его уговорить не ѣхать на конгрессъ и, наконецъ, прямо сказалъ: «Если вы настаиваете, то я поѣду въ Франкфуртъ съ вами и буду заниматься вашими дѣлами, но я не вернусь въ Берлинъ первымъ министромъ». Мои доводы, казалось, его убѣдили, но въ Баденѣ, куда мы потомъ отправились, мы нашли короля саксонскаго, который отъ имени всѣхъ нѣмецкихъ государей сталъ приглашать Вильгельма на конгрессъ. Вильгельмъ любилъ короля саксонскаго, и его тронуло, что онъ въ этомъ случаѣ разыгралъ роль курьера. «Подумайте, повторялъ онъ нѣсколько разъ, во Франкфуртѣ соберется тридцать государей, а за мной послали курьеромъ короля». Только къ 12 часамъ ночи мнѣ удалось добиться, чтобы Вильгельмъ подписалъ письмо на имя саксонскаго короля съ отказомъ принять участіе къ конгрессу, но мы оба такъ физически утомились отъ нервного потрясенія во время этой бесѣды, что когда я передавалъ отвѣтъ короля саксонскому министру Вейсту, то дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и онъ это вполне замѣтилъ. Но я вышелъ изъ кризиса побѣдителемъ, и король саксонскій уѣхалъ, не повидавшись вторично съ Вильгельмомъ, чего я все-таки боялся». Бисмаркъ разсказывалъ Буру этотъ эпизодъ еще рельефнѣе. По его словамъ, ему пришлось въ этомъ случаѣ бороться не только противъ вліянія женщинъ, именно: вдовствующей королевы Елисаветы, королевы Августы и великой герцогини Баденской, но еще съ королемъ саксонскимъ и Вейстомъ. «Его величество, прибавилъ онъ, въ концѣ концовъ легъ на диванъ и сталъ истерически плакать, а я, вырвавъ у него отказъ отъ участія въ конгрессу, такъ физически ослабѣлъ, что едва держался на ногахъ и, выходя изъ комнаты, судорожно захватился за дверную ручку, которая осталась у меня въ пальцахъ. Дежурный адъютантъ короля спросилъ, не дурно ли мнѣ, но я отвѣчалъ: «Нѣтъ, теперь мнѣ хорошо». Однако все-таки

я принялъ мѣры и окружилъ королевское жилище цѣлымъ полкомъ, чтобы помѣшать кому нибудь проникнуть къ Вильгельму и заставить его переменить мнѣніе. Вы видите, что дипломату съ деликатными нервами приходится иногда переносить немало неприятностей».

Были ли деликатны нервы будущаго «желѣзнаго канцлера» или нѣтъ, но онъ одержалъ полную побѣду. Пруссія не приняла участія въ Франкфуртскомъ конгрессѣ, и онъ не удался. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, умеръ датскій король Фридрихъ III, и начался первый актъ военной трилогіи, составившей апогей государственной дѣятельности Бисмарка.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

В. Т.

ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКОЙ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Дѣти народа страны свободы.

АМЕРИКАНСКІЯ дѣти являются невольнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытнымъ предметомъ наблюденія даже для лица, совершенно ненаблюдательнаго и къ изслѣдованіямъ социологическаго свойства вовсе несклоннаго. Они вѣчно на улицѣ и представляютъ собой такую же неотъемлемую ея принадлежность, какъ и мостовыя, троттуары, дерева, водосточныя канавки, груженныя и негруженныя телѣги, вагоны конныхъ и электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, городовыя въ крупныхъ городахъ и наконецъ собаки. Что касается въ частности этихъ послѣднихъ, то онѣ даже въ маленькихъ городкахъ страны свободы совершенно ступевываются предъ постепенно поднимающимися отъ земли экземплярами высшей человѣческой расы и въ общемъ ходѣ міроваго прогресса на землѣ, открытой Колумбомъ, совершенно уступили свое прежнее мѣсто этимъ очаровательнымъ экземплярамъ. Это сказывается въ особенности по отношенію къ такому высокому проявленію механическаго прогресса нашего вѣка, какимъ является велосипедъ. Самый паскудный американскій песъ, самый захудалый дворняга «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» никогда не бросится вслѣдъ за мчащимся велосипедистомъ; о ракетахъ, употребляемыхъ въ Старомъ Свѣтѣ адептами сего спорта противъ дерзости собачьей породы, въ Америкѣ никто никогда не слыхалъ, между тѣмъ какъ американскія дѣтишки неизмѣнно цѣлой гурьбой устремляются за велосипедомъ, хватаются за колеса и фалды, бросаютъ палки и камни

подъ переднее колесо и т. п. Они, повторяемъ, вѣчно на улицѣ дышать ея воздухомъ и пропитываются всецѣло ея нравственной атмосферой.

Миловидность американскихъ дѣтишекъ, нерѣдко переходящая въ дѣйствительную красоту, сразу привлекаетъ васъ и располагаетъ въ ихъ пользу, но зато вы тотчасъ же и разочаровываетесь. Прежде всего за предѣлами семи лѣтъ здѣсь уже нѣтъ дитяти. Семилѣтніе либо восьмилѣтніе мальчики и дѣвочки уже настолько стары, не только по своей житейской опытности, но также и по своимъ представленіямъ, понятіямъ, наклонностямъ и стремленіямъ, что вы не можете и причислить ихъ ни къ дѣтству, ни даже къ отрочеству. Но это зло еще не столь большой руки.

Характеристической чертой американскихъ дѣтей и въ особенности, само собою разумѣется, мальчиковъ представляется ихъ поразительная распущенность. Они набрасываются на мирнаго велосипедиста, осыпая его градомъ камней и палокъ, они цѣлой оравой цѣпляются за проѣзжающія телѣги и экипажи, они на всемъ ходу вскакиваютъ на подножки вагоновъ конныхъ и электрическихъ городскихъ дорогъ, они наконецъ такъ же на всемъ ходу вспрыгиваютъ на платформы бѣшено мчащихся поѣздовъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ. Количество несчастныхъ случаевъ, заканчивающихся тяжкимъ искалѣченіемъ или даже смертью малолѣтнихъ, пытающихся вскочить на желѣзнодорожный поѣздъ на всемъ ходу его, весьма многочисленно, но они не производятъ на сіи незрѣлые умы никакого впечатлѣнія и не смиряютъ ихъ бѣсновательства. По вечерамъ это послѣднее собираетъ мальчиковъ отъ 8 до 15 лѣтъ въ опредѣленныхъ излюбленныхъ пунктахъ города или городка (сель и деревень въ странѣ свободы вовсе почти не имѣется), каковыми являются углы улицъ, подѣзды театровъ и крупныхъ зданій, галлерей торговыхъ рядовъ и т. п. Здѣсь они слѣдятъ за проходящими и гуляющими, осыпаютъ ихъ насмѣшками, затрогиваютъ и оскорбляютъ ихъ разными мимическими дѣйствіями и приемами оскорбительнаго свойства, переходя въ прямое всей шайкой нападеніе въ случаѣ малѣйшаго протеста, если только они видятъ, что подавляющій количественный перевѣсъ на ихъ сторонѣ, и моментально исчезая вразсыпную въ случаѣ малѣйшаго въ таковомъ сомнѣнія. При благопріятномъ для сихъ бѣснующихся дѣтей и отроковъ (въ общечеловѣческомъ смыслѣ сихъ возрастныхъ опредѣленій) стеченія обстоятельствъ подобное нападеніе на дерзающаго протестовать противъ оскорбленій такого сорта заканчивается болѣе или менѣе мелкимъ ограбленіемъ. Женщины и дѣвушки, какъ взрослые, такъ и подростки, въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія, хотя для подобныхъ бѣснующихся ватагъ представляются жертвами менѣе интересными и не столь привлекательными, какъ, напримѣръ, старикъ, подвыпившій рабочій, пьяный фермеръ, субъектъ

изъ иного города и вообще неизвѣстный, въ особенности если онъ выглядываетъ иностранцемъ. Замѣчательно, что американская полиція не только не старается разсѣять и разогнать эти вечернія и ночныя скопища бѣснующихся дѣтей и отроковъ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», но даже въ маленькихъ городахъ умышленно обходить ихъ десятой улицей.

Разведеніе костровъ на улицахъ, даже крупнѣйшихъ и оживленнѣйшихъ городовъ, во всякое время года является одной изъ любимѣйшихъ забавъ дѣтей народа страны свободы. Хотя забава эта влечетъ за собой немало несчастныхъ случаевъ и пожаровъ, тѣмъ не менѣе, однако, она неизмѣнно практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одинъ осенній день, благодаря подобному дѣтскому костру, выгорѣла въ Нью-Йоркѣ цѣлая улица, и въ числѣ нѣсколькихъ домовъ сгорѣлъ также и банкъ, но это не произвело на сыновъ страны свободы ни малѣйшаго впечатлѣнія, и никому изъ нихъ даже въ голову не пришло, что можно было бы, пожалуй, нѣсколько посдержатъ «этихъ милыхъ дѣтишекъ». А вотъ нѣсколько иная исторія съ огнемъ, исторія изъ бытоописаній мирной семейной жизни. Harry Webber, черноглазый мальчуганъ, съ розовыми щечками и длинными темными кудрями, сынъ архитектора, проживавшій съ родителями въ предмѣстьѣ довольно значительнаго города Мамагонскъ, въ штатѣ Нью-Йоркъ, праздновалъ день своего рожденія. Въ день этотъ ему исполнилось пять лѣтъ, и онъ получилъ восхитительные подарки. По полудни или послѣ обѣда, что по американскому житейскому укладу совершенно равнозначаще, малютка, находившійся на верху блаженства, замѣтилъ, что сосѣдскіе мальчуганы, товарищи его дѣтскихъ игръ, неподалеку отъ ихъ дома развели среди дороги обворожительный костеръ изъ сухихъ прутьевъ и выброшенныхъ негодныхъ половыхъ щетокъ. Костеръ, конечно, совершенно плѣнилъ мальчугана, и онъ тотчасъ отпросился у матери «поглазѣть» на него, давъ ей слово «быть осторожнымъ и къ огню близко не подходить». Черезъ нѣсколько минутъ началось прыганье черезъ огонь. Harry съгнулся и упалъ въ самый центръ пылающаго костра, между тѣмъ какъ прочіе мальчики разбѣжались, предоставивъ упавшаго малютку произволу судьбы его. Нѣкій Charles Nichols съ женой, проходившіе мимо, выхватили его изъ огня, посредствомъ собственныхъ пальто потушили пылающее на немъ платье и отнесли его домой. Лучшіе врачи изъ окрестности приложили всѣ старанія, чтобы облегчить страданія дитяти, но ожоги, имъ полученные, были настолько серьезны, и, сверхъ того, онъ настолько надыхался газами, происходящими при горѣніи, что вскорѣ всякія надежды на его выздоровленіе оказались тщетными. Ночью онъ скончался при совершенномъ сознаніи, горячо поцѣловавъ на прощанье своихъ родителей и твердымъ голосомъ прознеся: «я снова увижусь съ вами на небесахъ!»

Что можетъ быть проще и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательнѣе этой картины совершенно не нужныхъ и вполне предотвратимыхъ дѣтскихъ страданій? А между тѣмъ подобныя «горѣнія» малютокъ происходятъ здѣсь положительно каждый день, и вы встрѣчаете сообщенія о нихъ въ каждомъ номерѣ газетъ.

Куреніе папирозъ и сигаръ чрезвычайно распространено между американскими мальчиками, начиная съ четырехъ-пяти лѣтъ, и представляется положительно повальнымъ. Каждую мелкую монету, полученную отъ родителей или знакомыхъ на конфеты или мороженое, употребляютъ они на папирозы и сигары; они выкрадываютъ эти послѣднія, гдѣ только возможно: они выпрашиваютъ ихъ у прохожихъ. Если только вы прилично одѣты и вообще выглядываете «джентльменомъ», вы, проходя по улицѣ, услышите на каждомъ шагѣ: «сэръ, пожалуйста мнѣ сигару!» или «сэръ, дайте мнѣ спичекъ!» Замѣчательно, что, несмотря на демократизмъ «народа Соединенныхъ Штатовъ» (the people of the United States), американскіе мальчишки употребляютъ не папирозы, а именно сигары, и домогаются всѣми путями и средствами раздобыть именно сигаръ, которыя, по нашимъ европейскимъ понятіямъ, представляются предметомъ потребленія совершенно аристократическимъ. Карлузикъ, который едва лишь поднялся отъ земли, уже требуетъ отъ васъ сигару, и если вы не захватили съ собою спичекъ и не желаете выпускать изо рта собственную сигару, вы поставлены въ необходимость приподнять это малозамѣтное созданіе, дабы предоставить ему возможность закурить его сигару. Не довольствуясь, однако, собственнымъ куреньемъ и покуриваньемъ, американскіе мальчуганы въ особенности во время школьныхъ рекреаций склоняютъ и дѣвочекъ испробовать ароматъ сигары, для чего употребить на покупку послѣднихъ деньги, данныя имъ на конфеты. Такимъ образомъ среди дѣвочекъ, нерѣдко совершенныхъ еще малютокъ, можете вы встрѣтить въ «странѣ свободы» ревностныхъ поклонницъ папирозы и даже сигары. Что подобное преждевременное куренье крайне пагубно вліяетъ на нервную систему американскихъ дѣтей и вообще на состояніе ихъ здоровья, въ томъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Нерѣдко приходится читать въ американскихъ газетахъ, что тотъ или иной мальчикъ, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, отправленъ въ домъ сумасшедшихъ, или скончался вслѣдствіе отравленія мозга ядомъ никотина чрезъ чрезмѣрное употребленіе сигаръ. Но бывають отъ сего дѣтскаго куренья и иныя послѣдствія. Истекшимъ лѣтомъ грузоотправительное судно Mystic, нагруженное хлопкомъ, стояло у пристани значительнаго города Fall River, въ штатѣ Massachusetts, на атлантическомъ побережѣ. Орава мѣстныхъ мальчишекъ, по цѣлымъ днямъ купавшаяся на отмели, нашла, что кипы хлопка представляютъ собой прекрасное мѣсто для сушки послѣ купанья. Сколько ихъ ни отгонялъ сторожъ судна, ничего не по-

могало: они лишь съ большимъ еще остервенѣнiемъ взбирались на кучи хлопка. Неожиданно присоединился къ нимъ новый компаньонъ, располагавшій пачкой сигаръ, которыми онъ и сталъ угощать купавшихся. Нѣсколько человѣкъ съ пристани, при которой стояло судно, замѣтили обильный дымъ, исходившій отъ усердно раскуриваемыхъ сигаръ, и прикрикнули на мальчишекъ, но это не произвело на нихъ ни малѣйшаго впечатлѣнiя. Между тѣмъ одинъ изъ нихъ, взобравшись на огромную кучу хлопка на краю судна, предавался сушенiю своего грѣшнаго тѣла подъ яркими солнечными лучами, соединяя таковое съ блаженствомъ усиленнаго выкуриванья сигары и совершенно не замѣчая, какъ тонкая струйка огня расплзалась вокругъ него по кинѣ хлопка. Эта послѣдняя была, однако, замѣчена съ пристани, и оттуда стали кричать мальчишкамъ, чтобы они тотчасъ сбросили всю кипу въ воду. Но они только лишь и помышляли о томъ, какъ бы захватить свое платье и улизнуть. Во мгновенiе ока ихъ уже не стало, а пока сторожъ судна съ нѣсколькими другими успѣли добѣжать до загорѣвшейся кипы, значительная часть судна и его груза были уже объаты пламенемъ. Соединенныя усилiя нѣсколькихъ огнегасительныхъ судовъ и одной пожарной команды, послѣ получасовой отчаянной борьбы съ пламенемъ, успѣли угасить его лишь настолько, что оно пошло внизъ въ глубь плотной груды хлопчатой бумаги. Тогда судно было выведено изъ пристани и направлено къ отдаленному берегу, представляющему сплошную луговину, на которой тлѣющiй хлопокъ могъ быть разбросанъ и гнѣздящiйся въ немъ огонь потушенъ окончательно. Убытки, причиненные этимъ пожаромъ, какъ грузу, такъ и самому судну, простирались до 25.000 долларовъ. Само собою разумѣется, что мальчикъ, причинившiй этотъ пожаръ, не былъ обнаруженъ.

Распущенность американскихъ дѣтей и ихъ страсть къ бѣсновательствамъ всякаго рода, и попреимуществу злостнаго характера, сопряжены съ крайней падкостью ко всему, такъ или иначе потрясающему нервную систему. Когда запрошлой осенью давались по всей республикѣ Соединенныхъ Штатовъ гипнотическiе сеансы, съ начальными школами «величайшей демократiи на земномъ шарѣ» случилось нѣчто совершенно необыкновенное. Во время школьныхъ рекреаций, а также во внѣшкольные часы, дѣтишки собирались въ болѣе или менѣе значительныя скопища. Заявляющiе себя «гипнотистами» принимались воспроизводить гипнотизирующiе пассы, и подъ ихъ влiянiемъ ихъ сотоварищи то ходили на головахъ, то плавали, то продѣлывали иныя совершенно безсознательныя дѣйствiя. Совершенныя малютки прыгали вокругъ «гипнотистовъ», крича «загипнотизируйте меня, загипнотизируйте меня!» Малютки эти (американскiя дѣти начинаютъ ходить въ начальныя училища съ пяти лѣтъ), получивъ удовлетворенiе своему желанiю во время обѣден-

ной (полуденной) рекреации, послѣ полудня были уже не въ состояніи продолжать обычныхъ школьныхъ занятій. Подъ вліяніемъ гипноза многіе школьники и школьницы (публичныя школы въ Соединенныхъ Штатахъ построены по системѣ совмѣстнаго обученія обоимъ половъ) отъ начала и до конца школьныхъ занятій сидѣли, какъ автоматы, и говорили совершенно безсознательно. Лучшіе ученики и ученицы, вызванные для повторенія прочитаннаго, стояли, какъ истуканы, ибо они были ранѣ загипнотизированы, между тѣмъ какъ весь классъ покатывался отъ смѣху. Хотя школьное начальство путемъ болѣе или менѣе строгихъ наказаній и успѣло прекратить гипнотическіе сеансы внутри школьныхъ зданій, оно было однако не въ состояніи предотвратить таковыя во время пути въ школу и изъ школы, ибо само населеніе или, выражаясь чисто по-американски, «граждане» (citizens) имъ оказывали чрезмѣрное вниманіе и явное покровительство. Возвращеніе изъ школы домой стало специально временемъ производства гипнотическихъ сеансовъ. Огромныя толпы дѣтишекъ собирались среди ближайшихъ къ школамъ скверовъ и площадей: всякій желалъ быть загипнотизированнымъ, но гипнотизаторовъ оказывалось не такъ много. Нѣсколькими быстрыми пассами гипнотизаторъ повергаетъ младшаго мальчика въ гипнотическое состояніе: выраженіе лица этого послѣдняго становится совершенно безмысленнымъ.

— Какъ ваше имя? — вопрошаетъ мальчикъ-гипнотизаторъ, но на вопросъ нѣтъ никакого отвѣта.

— Что это вы не умѣете говорить! — восклицаетъ онъ, между тѣмъ какъ загипнотизированный лишь конвульсивно работаетъ ртомъ, не произнося ни единого слова.

Лишь тотъ чрезмѣрный, специфическій эгоизмъ и крайнее самолюбіе, какими отличаются американцы вообще, положили предѣлъ подобнымъ дѣтскимъ гипнотическимъ сеансамъ. Каждый былъ доволенъ, когда его сынъ успѣвалъ загипнотизировать иного мальчика, но зато каждый былъ крайне раздраженъ, когда его сынъ предѣлывалъ разныя смѣхотворныя манипуляціи, поддавшись сильнѣйшей волѣ иного мальчика. Эти-то недовольные папаша, врываясь въ густыя ряды дѣтишекъ и вытягивая оттуда за уши своихъ загипнотизированныхъ чадъ, и послужили главнѣйшей причиной прекращенія гипнотическихъ сеансовъ. Однако положеніе дѣла, по крайней мѣрѣ, въ восточныхъ штатахъ было настолько серьезно, что, напримѣръ, директорскій совѣтъ довольно значительнаго города Stamford штата Connecticut (высшее учебное начальство въ предѣлахъ города или уѣзда) вошелъ въ законодательное собраніе штата съ представленіемъ объ изданіи спеціального закона, воспрещающаго и карающаго производство всякихъ гипнотическихъ опытовъ вообще.

Страсть къ нѣкому невинному и добродушному зубоскальству, свойственная дѣтскому возрасту вообще, у дѣтей американскихъ

переродилась въ страсть къ издѣвательству, которая не щадитъ ничего, не разбираетъ ни мѣста, ни времени. Вотъ одинъ изъ яркихъ образчиковъ ея проявленія. Протестантскій священникъ м-г Akin, пасторъ довольно значительнаго прихода въ небольшомъ городкѣ Bourdое, въ штатѣ Indiana, отличается страстью къ произнесенію такихъ проповѣдей, которыя, какъ по своему сюжету, такъ и по способу изложенія, поражали бы и ошеломляли его слушателей. Истекшею зимой онъ пожелалъ наконецъ преподнести своей паствѣ нѣчто высокопоразительное, уничтожающее и съ этой цѣлью въ одну изъ воскресныхъ вечернихъ службъ избралъ темой своей проповѣди сюжетъ: «его сатанинское величество». Пасторъ Akin отличается недюжиннымъ краснорѣчіемъ, и ему удалось воспроизвести «врага рода человѣческаго» въ такихъ яркихъ и ужасающихъ краскахъ, что слушатели жались другъ къ другу на своихъ скамьяхъ и боязливо поглядывали въ темные углы церкви. Вдругъ въ самомъ разгарѣ пламенной проповѣди странное существо, съ огромной головой и длиннымъ хвостомъ, показывается въ темномъ придѣлѣ церкви: оно сѣменить ногами; изъ ноздрей его исходитъ дымъ; открываются уста, и громовой голосъ проносится по церкви: «я—дѣволъ и требую васъ всѣхъ къ себѣ!» Паническій страхъ внезапно объялъ всѣхъ вѣрующихъ: вся эта масса мужчинъ, женщинъ и дѣтей хлынула къ дверямъ: произошла необыкновенная давка; въ безумномъ смятеніи толпа опрокинула топящуюся желѣзную печь, и вокругъ этой послѣдней вспыхнулъ огонь. Прежде чѣмъ обезумѣвшіе отъ страха прихожане бурдонской церкви пришли въ себя, она была уже совершенно объята пламенемъ. Всѣ усилія спасти ее не привели ни къ чему, и она сгорѣла дотла. Но разслѣдованію оказалось, что George Akin, сынъ краснорѣчиваго пастора бурдонскаго прихода, будучи знакомъ съ предметомъ ближайшей воскресной проповѣди своего отца, рѣшилъ съ своей стороны также преподнести его прихожанамъ нѣчто поразительное, и успѣхъ его, при помощи нѣсколькихъ мальчишекъ, его пріятелей, превзошелъ не только успѣхъ его отца, но и собственныя его ожиданія.

Плутство, вѣроломство и выманиваніе денегъ у старшихъ подъ разными предлогами являются одною изъ основныхъ чертъ американскихъ дѣтишекъ. Вотъ презабавнѣйшая исторія на сей счетъ. Гертруда Туречекъ, двѣнадцати-лѣтняя голубоокая американка, хотя и славянскаго происхожденія, была истинной гордостью своихъ родителей: она отлично играетъ на фортепіано, постоянно погружена въ сонаты и рапсодіи, вѣчно витаетъ въ области собственныхъ импровизацій, и старые Туречки только и мечтаютъ, что о великой артистической будущности ихъ хорошенькаго ребенка. Въ исходѣ апрѣля прошлаго года, будущая музыкальная знаменитость со своими родителями была на открытіи памятника бывшему президенту генералу Гранту въ Нью-Йоркѣ (гдѣ она постоянно и про-

живаешь) и видѣла нынѣшняго президента Соединенныхъ Штатовъ съ супругой, причѣмъ слышала, что стоятъ они въ извѣстномъ Windsor Hôtel. Три дня спустя, очаровательная Гертруда, возвращаясь изъ своей нормальной школы, торжественно объявила матери, что супруга президента посѣтила ихъ училище, и она, Гертруда Туречекъ, удостоилась приглашенія явиться въ отель и играть для услажденія слуха первой дамы въ странѣ. Обрадованные родители снарядили своему многообщающему ребенку пышное новое платье и выправили его во временную резиденцію главы государства. По возвращеніи домой, Гертруда рассказала, что супругѣ президента ея игра очень понравилась, и что самъ президентъ обѣщалъ ея отцу предоставить мѣсто въ Вашингтонѣ. Семейнымъ радостямъ не было конца, и родительская гордость получила наивысшее удовлетвореніе. На слѣдующій день, возвратясь домой «отъ m-rs Mckinley», Гертруда объявила, что президентша немного поиздержалась и нуждается во 100 долларахъ. Туречекъ-отецъ тотчасъ бросился въ банкъ, изъ своихъ кровныхъ трудовыхъ сбереженій взялъ потребную сумму и вручилъ таковую дочуркѣ. На слѣдующій разъ Гертруда объявила, что президентъ Mckinley желалъ бы призанять 100 долларовъ до ближайшаго дня полученія имъ жалованья, ибо онъ не желаетъ, чтобы управленіе отеля оплатило его банковый чекъ. Снова бросился Туречекъ въ банкъ и съ удовольствіемъ далъ потребную президенту сумму. Денежныя требованія въ подобномъ родѣ повторялись затѣмъ періодически, и кровныя трудовыя сбереженія Туречка-отца изо дня въ день все уменьшались и уменьшались, между тѣмъ какъ въ бѣдной квартиркѣ семейства стали появляться розы и лиліи, серебряныя издѣлія тончайшей отдѣлки, серьги, фарфоръ, собаки и канарейки, подаренныя счастливой двѣнадцати-лѣтней музыкантшѣ либо m-rs Mckinley, супругой президента республики Соединенныхъ Штатовъ, либо иногда нѣмецкимъ посланникомъ. Наконецъ, въ такъ называемый благодарственный день, который празднуется въ Соединенныхъ Штатахъ въ послѣдній четвергъ ноября и въ истекшемъ году пришелся на 25-е число этого мѣсяца, т. е. ровно почти семь мѣсяцевъ спустя послѣ перваго приглашенія малолѣтней музыкантши въ Waldorf hotel къ президентшѣ, Туречекъ-отецъ, имѣвшій ранѣе 1.400 долларовъ, путемъ тяжкаго труда и лишеній сколоченныхъ про черный день, не имѣлъ болѣе ни гроша. Въ день этотъ Гертруда по обыкновенію стала собираться идти въ школу. Это немало удивило отца, такъ какъ онъ зналъ, что день этотъ — праздничный и занятій въ школѣ не бываетъ: онъ отправился вмѣстѣ съ ней. Дойдя до дверей школы, которая естественно оказалась запертой, Гертруда повернула по направленію къ отелю Waldorf, заявивъ отцу, что отправится къ m-rs Mckinley. Отецъ сопровождалъ ее и порѣшилъ вдругъ у самыхъ дверей отеля принести личную благодарность президенту

за всѣ оказанныя симъ послѣднимъ семьѣ его милости. Но на вопросъ его на счетъ апартаментовъ главы республики управляющей конторой отеля объявилъ ему, что президентъ не бывалъ въ Нью-Йоркѣ еще съ самаго апрѣля, т. е. со времени открытія памятника генералу Гранту. Гертруда бросилась домой, а отецъ вслѣдъ за ней: въ дверяхъ своей квартиры онъ упалъ въ обморокъ. Двѣнадцатилѣтняя школьница, будущая музыкальная знаменитость (по крайней мѣрѣ, въ глазахъ ея родителей), Гертруда Туречекъ призналась затѣмъ, что вмѣсто m-rs Mckinley она посѣщала постоянно нѣкую m-rs Сагу. Эта послѣдняя объяснила, что она получала отъ дѣвочки разные подарки и знала, что у нея водятся деньги, но никогда не воображала, чтобы та располагала такой суммой, какъ 1.400 долларовъ. Г-жа Сагу возвратила Туречекъ-матери всѣ полученные ею отъ Гертруды подарки и въ томъ числѣ два велосипеда, волшебный фонарь, фотографическій аппаратъ, статуэтки знаменитыхъ музыкантовъ и книгу рассказовъ. Куда дѣвалась вся эта сумма въ 1.400 долларовъ, осталось не раскрытымъ: Гертруда просто объявила, что истратила все до послѣдняго сента. Помимо подлости, сколько жестокости должно быть въ этомъ ребенкѣ, столь безпощадно истребившемъ многолѣтнія сбереженія своего отца!

Гурьба американскихъ школьниковъ, какъ мальчиковъ, такъ даже и дѣвочекъ, производить самое безотрадное впечатлѣніе. Безсмысленное ораніе, поношеніе другъ друга, плоскія и грубыя шутки, взаимное издѣвательство, затрецины, кровопусканіе, насмѣшки надъ прохожими и ихъ оскорбленія, взвизгиванья и пронзительный, душу раздирающій, крикъ подъ окнами мирныхъ обывателей, дома или квартиры которыхъ по несчастной случайности расположены на пути въ школу, стучанье въ ихъ окна и двери, градъ камней, заставляющій трещать крыльцо или веранду,—вотъ тѣ безошибочные признаки, по которымъ вы можете опредѣлить, что се грядетъ наимладшее учащееся поколѣніе народа страны свободы. Насколько велика распущенность и развращенность американскихъ школьниковъ, о томъ могутъ достаточно свидѣтельствовать нижеслѣдующіе факты. Въ послѣднее время высшее учебное начальство города Филадельфіи стало прилагать большія старанія къ примѣненію закона объ обязательномъ, или, выражаясь точнѣе, принудительномъ обученіи. Множество бродячихъ дѣтей школьнаго возраста, вовсе не посѣщающихъ публичныхъ школъ, спеціально для того опредѣленными уполномоченными или чиновниками учебнаго вѣдомства было водворено въ таковыя, и всего лишь съ начала текущаго года по 26 истекшаго февраля дѣтей такихъ оказалось 1.021, помимо 2.290 учениковъ и ученицъ, неисправно въ неопредѣленные сроки являющихся въ школы. Однако появленіе этихъ праздношатающихъ и бродячихъ дѣтей въ публичныхъ школахъ третьяго города республики повлекло за собой такіе въ этихъ послѣднихъ безпорядки,

что учебное управление города (board of education) рѣшило устроить для этихъ малолѣтнихъ бродягъ особую специальную школу. Подъ такую было отведено помѣщеніе въ огромномъ школьномъ зданіи седьмой части города особо отъ помѣщающейся въ томъ же зданіи нормальной школы. Но родители дѣтей, посѣщающихъ эту послѣднюю, американскіе родители, готовые позволить своимъ чадамъ все положительно и безразлично глядящіе на самыя возмутительныя дѣйствія въ этихъ послѣднихъ, подняли положительный бунтъ, требуя устранить всякую возможность сообщенія ихъ дѣтей съ нововодворенными въ томъ же зданіи классами для бродячихъ дѣтей. Можно вообразить себѣ по этому одному, что только представляютъ изъ себя эти послѣдніе. Подъ давленіемъ непрерывныхъ жалобъ и петицій высшее учебное начальство города порѣшило наконецъ для дѣтей этихъ выстроить особую школу, дабы они могли быть совершенно отдѣлены отъ прочихъ дѣтей. Замѣчательно, что среди этихъ такъ называемыхъ бродячихъ либо праздношатающихъ дѣтей оказалось немало мальчиковъ, обучавшихся уже ранѣе въ мѣстныхъ публичныхъ школахъ и изъ таковыхъ выгнанныхъ вслѣдствіе совершенной неисправимости. Что именно означаетъ этотъ терминъ «совершенная неисправимость», объ этомъ можно сдѣлать надлежащее заключеніе изъ нижеслѣдующаго совершенно свѣжаго факта.

Въ истекшемъ февралѣ, въ значительномъ городѣ Montgomery, штата Alabama, два школьника одной изъ публичныхъ школъ во время полуденной рекреаціи затѣяли драку. Учитель John Phillips, увидя происходившую среди школьнаго двора жестокую баталію, вышелъ изъ школы и приказалъ дерущимся прекратить такую и идти въ школу. Одинъ изъ нихъ повиновался, но другой, по имени James Wilson, не послушался и когда учитель подошелъ къ нему, чтобы настоять на исполненіи своего приказанія, онъ сталъ наносить ему удары тяжелой дубинкой, употребляемой для игры въ мячъ, такъ что учитель вынужденъ былъ схватить другую дубинку и защищаться. По несчастной случайности онъ попалъ «неисправимому» ученику своему въ високъ: тотъ повалился на землю, впалъ въ безсознательное состояніе и чрезъ нѣсколько часовъ скончался. А вотъ нѣсколько иной случай съ подобными послѣдствіями. Miss Florie Dowd, учительница одной изъ публичныхъ школъ Филадельфіи, въ истекшемъ мартѣ, однажды во время полуденной рекреаціи, обнаружила, что у нея вытасченъ изъ кармана кошелекъ, заключавшій въ себѣ 6 долларовъ. Въ кражѣ этой она естественно заподозрѣла одного изъ своихъ учениковъ и о случившемся сообщила полиціи. Сыщики обнаружили, что виновными являются ученики Thomas Murphy, 9 лѣтъ, и James Halsall, 10 лѣтъ. Оба были арестованы, отправлены въ такъ называемомъ патрульномъ экипажѣ въ помѣщеніе общества для предотвращенія жестокаго

обращенія съ дѣтьми и затѣмъ вскорѣ предстали предъ судьей. Старшій изъ мальчиковъ, James Halsall, къ арестованію его отнесся совершенно хладнокровно и громко заявлялъ о своей невинности, но, будучи доставленъ въ помѣщеніе помянутаго общества, впалъ въ уныніе, плакалъ и хотя настаивалъ на своей невинности, но все-таки сознался, что Murphу далъ ему часть украденныхъ денегъ, которыя онъ истратилъ. Судьей Murphу признанъ былъ виновнымъ и отправленъ въ католическій пріютъ, а Halsall оправданъ. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ, и врачи признали, что смерть его послѣдовала отъ разрыва сердца, причиненнаго испугомъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что подобныя кражи у учителей не составляютъ рѣдкости, а подобное нападеніе на учителя не представляется единственнымъ.

Американскіе школьники, въ особенности мальчишки, суютъ свой носъ положительно во все, даже въ то, что стоитъ неизмѣримо выше ихъ пониманія: среди площадной брани, топорнаго остроумія, кровопусканія, которое является въ странѣ свободы излюбленнымъ видомъ «спорта», и мелкихъ кражъ, они вдаются нерѣдко въ политику и даже экономію. Въ послѣднее время, когда такъ обострились отношенія между Соединенными Штатами и Испаніей, американскія нормальныя школы т. е. школы совершенно дѣтскаго возраста, представляютъ собою необычайное зрѣлище. Школьники производятъ подписки на возобновленіе взорваннаго на воздухъ американскаго броненосца Maine, при чемъ въ частности школьники города Lebanon въ Пенсильваніи порѣшили, что новый броненосецъ долженъ получить наименованіе «Американскій Мальчикъ»; жгутъ повсюду, и въ особенности во время школьныхъ рекреаций, чучела бывшаго испанскаго посланника въ Вашингтонѣ Dupuy de Lome, или нынѣшняго испанскаго премьера Сагасты, подвергнувъ таковыя предварительному повѣшенію на телеграфномъ столбѣ; массами покидаютъ школы и родительскіе дома, и устремляются въ Нью-Йоркъ и Филадельфію, или для поступленія во флотъ или армію республики Соединенныхъ Штатовъ, либо для непосредственнаго отплытія на Кубу—все это на предметъ «истребленія испанцевъ». Возрастъ всѣхъ воинствующихъ школьниковъ колеблется между 10 и 15 годами, и большая часть ихъ по публикаціямъ родителей обнаруживается въ одномъ изъ помянутыхъ портовъ и водворяется въ мѣста жительства, но нѣкоторымъ удается таки попасть на пароходы, отходящіе въ Гаванну, столицу острова Кубы. Замѣчательно, что всѣ они покидаютъ родительскіе дома съ самыми ничтожными суммами въ карманахъ, но зато захватываютъ все оружіе, какое только попадется имъ подъ руку. Само собою разумѣется, что и тѣ мальчики школьнаго возраста, которые никогда не пробовали горькаго корня ученія, или такъ называемые бродячіе праздношатающіеся мальчишки, не отстаютъ отъ своихъ

сверстниковъ, посѣщающихъ школы, въ воинственномъ азартѣ и жадѣ «убивать испанцевъ». Не имѣя обыкновенно ни гроша за душой, они собираются въ партіи, человекъ въ 15 каждая, и забираются въ товарные поѣзда, дабы добраться до ближайшаго порта и тамъ «поступить во флотъ».

Воровство чрезвычайно распространено между американскими дѣтьми. Само собою разумѣется, не о томъ болѣе или менѣе невинномъ воровствѣ говоримъ мы, которое выражается въ утайкѣ или похищеніи карандашей, перьевъ, ручекъ, перочинныхъ ножинокъ, тетрадей, книжекъ и т. п. Нѣтъ, младенцы отъ 8 до 15 лѣтъ производятъ взломы, забираются въ лавки и магазины, уносятъ золотыя вещи, брилліанты, оптическіе инструменты, дорогія матеріи и уборы всякаго рода, цѣнные кружева, шелковыя ткани и издѣлія, велосипеды и т. д. Кража велосипедовъ дѣтьми на улицѣ, т. е. у лавокъ, магазиновъ, конторъ и иныхъ общественныхъ учреждений, пока неосторожные ихъ обладатели находятся въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, конечно, внутри зданій, представляется въ странѣ свободы и доллара явленіемъ самымъ обыкновеннымъ. Замѣчательно, что въ кражахъ сего послѣдняго сорта дѣвочки отъ 12 до 15 лѣтъ по своей смѣлости и ловкости даже превосходятъ мальчиковъ. Недавно, а именно въ исходѣ истекшаго марта, въ городѣ Reading, штата Пенсильваніи, являющемся узломъ многихъ желѣзныхъ дорогъ, перерѣзывающихъ этотъ живописнѣйшій изъ всѣхъ штатовъ союза, партія мальчишекъ, числомъ 17, въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ, обвинялась передъ судомъ присяжныхъ въ систематическомъ выкрадываніи каменнаго угля изъ огромныхъ некрытыхъ груженныхъ вагоновъ Филадельфійской и редингской желѣзныхъ дорогъ. На судѣ обнаружилось, что партія эта вела такое систематическое выкрадываніе угля свыше года и продавала краденный уголь въ дома ведрами. Присяжные всѣхъ обвиняемыхъ признали виновными, замѣтивъ однако, что единственнымъ способомъ прекратить подобное воровство представляется уголовное преслѣдованіе покупателей завѣдомо краденнаго (каменный уголь продается въ этой странѣ лишь тоннами, а не ведрами). Представляется достопримѣчательнымъ, что многіе судьи подобныхъ, вполнѣ сознательныхъ воровъ просто освобождаютъ отъ суда и наказанія по малолѣтству, нерѣдко не пропуская даже дѣла на разсмотрѣніе суда присяжныхъ. Конечно, подобное освобожденіе лишь увеличиваетъ дерзость и отчаянность малолѣтнихъ преступниковъ. Вотъ свѣжій тому образчикъ. Какъ-то, въ истекшемъ мартѣ, два двѣнадцатилѣтнихъ мальчика въ Филадельфій, среди бѣла дня и въ присутствіи многихъ лицъ, взломали дверь, ведущую въ складъ колониальной торговли Butler & Co, и стали тамъ хозяйничать. Кто-то изъ очевидцевъ грабежа разыскалъ полицмана и заявилъ ему о происходящемъ. Этотъ послѣдній случился въ складъ и, захвативъ мальчишекъ на унаковкѣ открыто

похищаемаго, арестовалъ ихъ. По доставленіи въ участокъ двѣнадцатилѣтніе грабители обнаруживали совершенное и демонстративное безразличіе къ своему задержанію и хохотали самымъ циническимъ образомъ. Оказалось, что они уже цѣлыхъ четыре раза обвинялись въ кражахъ со взломомъ и въ бѣльшей компаніи и каждый разъ были судьей освобождаемы отъ суда по «малолѣтству». Остается лишь удивляться, что эти самые Frank Hazleton и John Walsh, двѣнадцатилѣтніе грабители, не стали еще пока просто разбойниками, какими они явятся несомнѣнно въ близкомъ будущемъ.

Бѣсновательство, столь отличающее американскихъ мальчиковъ, нерѣдко обрушивается на предметы неодушевленные и раздражается самымъ чудовищнымъ вандализмомъ. Въ одну изъ холодныхъ зимнихъ ночей истекшаго января, наиболѣе величественное изъ кладбищъ значительнаго города Williamsport, штата Maryland, подверглось страшному опустошенію: около ста памятниковъ и надгробныхъ плитъ были сдвинуты съ своихъ мѣстъ, разбиты, изломаны и исковерканы. Всякій, даже самый закоренѣлый злодѣй невольно исполняется чувствомъ какого-то смиренія и впадаетъ въ нѣкоторое раздумье при видѣ мѣста вѣчнаго упокоенія. Но чудовищное развращеніе нарождающихся и подростующихъ поколѣній американскаго народа, съ каждымъ новымъ поколѣніемъ все возрастающее въ геометрической прогрессіи, успѣло вытравить изъ обыкновеннаго, зауряднаго американскаго дитяти даже эти естественныя и, такъ сказать, неизбѣжныя чувства. Компанія юнцовъ отъ 12 до 17 лѣтъ, пресытившись обычными путями, способами и предметами бѣсновательства, обрѣла совершенно новый и интересный объектъ для такового въ надгробныхъ памятникахъ и могильныхъ плитахъ. Несмотря на то, что на сей разъ «малолѣтство» нисколько не помогло юнымъ изувѣрамъ, и всѣ они были присуждены къ двѣнадцатилѣтнему заключенію въ исправительномъ домѣ, слава ихъ не давала спать малолѣткамъ города Waynesboro, штата Пенсильваніи. Три недѣли спустя послѣ осужденія вышепомянутой вильямспортской шайки опустошителей, на католическомъ кладбищѣ Waynesboro, 30-го истекшаго марта, обнаружено было такое же почти разрушеніе: земля изрыта, надгробныя плиты изломаны и сдвинуты съ мѣстъ, кустарники истреблены, повидимому, выстрѣлами изъ ружья. Полиція напала на слѣдъ разрушительной шайки малолѣтокъ въ родѣ вандалствующей банды Вильямспорта, нынѣ находящейся въ исправительномъ домѣ, и процессъ малолѣтнихъ вандаловъ Waynesboro обѣщаетъ быть довольно интереснымъ.

Когда именно родится въ американскихъ дѣтяхъ страсть къ поджигательству, тогда ли еще, когда они, чуть поднявшись отъ земли, палятъ уличные костры, во время ли такого прохожденія черезъ этотъ странный и неизбѣжный языческій культъ американскаго ранняго дѣтства, или же нѣсколько позже, уже подъ влияніемъ

тѣхъ или иныхъ житейскихъ условій, — опредѣлить невозможно, но только процентъ поджигателей среди американскихъ дѣтей чрезмѣрно великъ. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, не тѣ поджоги, которые производятся дѣтьми съ цѣлью сокрытія иного преступленія, напри- мѣръ, кражи, а поджоги ради воспроизведенія огня, ради того, чтобы видѣть, какъ бушующая огненная стихія пожираетъ все окружающее. Вотъ нѣкоторый образчикъ американскихъ младенче- скихъ поджоговъ перваго рода. Въ первыхъ дняхъ текущаго апрѣля, Walter Smith, мальчикъ 11 лѣтъ, проживающій съ матерью въ Atlantic City, извѣстномъ американскомъ приморскомъ уѣбжищѣ, славящемся своими купаньями, похитилъ у матери изъ комода 4 дол- лара и, поджегши затѣмъ собственную квартиру, въ значительномъ домѣ, въ которомъ они много лѣтъ проживали, съ первымъ отходящимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Филадельфію. Здѣсь, истративъ всю похищенную сумму, онъ шатался по улицамъ и просилъ милостыню, за чтѣ и былъ арестованъ полиціей. Попавъ затѣмъ въ контору общества покрови- тельства бездомныхъ дѣтямъ, онъ обрѣтенъ былъ здѣсь своей матерью, которая и принесла на него жалобу судѣ. По счастливой случай- ности, поджогъ былъ обнаруженъ своевременно и не успѣлъ причи- нить значительныхъ убытковъ. Судья приговорилъ одиннадцати- лѣтняго поджигателя къ заключенію въ дѣтскомъ пріютѣ. Какъ ни возмутительнымъ кажется подобный поджогъ, вовсе не являющійся среди американскихъ дѣтскихъ преступленій чѣмъ либо исключи- тельнымъ и единичнымъ, такое поджигательство не представляется все-таки настолько опаснымъ, какъ та пироманія, которой страдаютъ многія американскія дѣти. Постоянно приходится читать въ газе- тахъ о болѣе или менѣе крупныхъ пожарахъ, произведенныхъ умы- шленно дѣтьми отъ 8 до 14 лѣтъ единственно изъ страсти къ дѣй- ствію огненной стихіи. Описаніе однихъ лишь наиболѣе выдающихся поджоговъ сего послѣдняго рода заняло бы нѣсколько десятковъ страницъ. Ограничиваемся поэтому одной лишь иллюстраціей. Около двухъ лѣтъ тому назадъ, въ городкѣ Gouldtown, штата New Jersey, сгорѣло дотла огромное гумно нѣкоей m-rs Helen Roberts. Разслѣдо- ваніемъ было обнаружено, что причиной пожара былъ поджогъ, преду- мышленно по всей видимости учиненный восьмилѣтнимъ мальчи- комъ Lewis Roberts, дальнимъ родственникомъ потерпѣвшей, круг- лымъ сиротой, жившимъ на ея иждивеніи. Мальчикъ признался, что онъ поджогъ гумно и сдѣлалъ это единственно для того, «чтобы видѣть, какъ оно будетъ горѣть». Онъ былъ отправленъ по при- говору подлежащаго судьи въ исправительную тюрьму-школу въ городѣ Jamesburg. Здѣсь присматривали за нимъ зорко и держали спички отъ него какъ можно подальше. Это крайне раздражало мальчика, и онъ наконецъ таки изловчился бѣжать, послѣ чего снова появился въ Gouldtown. Здѣсь онъ какъ изъ страсти къ огню, такъ равно и изъ мести, покушался поджечь домъ той же m-rs Helen Ro-

berts, но на покушеніи этомъ былъ схваченъ и снова отправленъ въ тюрьму-школу въ Jamesburg.

«Я убѣжалъ,— съ полнымъ разумѣніемъ говорилъ онъ передъ своимъ вторичнымъ туда отправленіемъ газетному репортеру, — потому что со мной дурно обращались. Они давали мнѣ дурную пищу и били больше чѣмъ слѣдовало. Я перелѣзъ черезъ ворота, и нѣсколько дней скитался. Потомъ я отправился въ Freshhold, а оттуда домой. Меня отправляютъ обратно, но не надолго. Когда меня доставятъ туда, на меня надѣнутъ кандалы, но я буду хорошо себя вести до тѣхъ поръ, пока ихъ не снимутъ. Тогда лишь бы только мнѣ проскользнуть во дворъ и — прощай Jamesburg».

Слова мальчика-поджигателя, которому едва лишь исполнилось десять лѣтъ, его оригинальное предсказаніе, въ точности исполнились. Не одинъ разъ уже убѣгалъ онъ изъ тюрьмы-школы въ разные мѣста и всякій разъ бывалъ схваченъ на покушеніи произвести поджогъ.

По нашему мнѣнію, Ламброзо и его школа допустили значительную ошибку, до сихъ поръ не подвергнувъ специально изслѣдованію и изученію американскихъ малолѣтнихъ преступниковъ, которыхъ здѣсь такое великое множество, и въ особенности дѣтей-поджигателей.

Жестокость и звѣрство проявляются въ американскихъ дѣтяхъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. То они мучатъ котовъ и собакъ; то они терзаютъ одного изъ своихъ злополучныхъ сверстниковъ, являющагося козломъ отпущенія, и всячески надъ нимъ издѣваются; то они издѣваются надъ прохожими, ихъ оскорбляютъ всевозможными способами и швыряютъ въ нихъ камнями; то они всей оравой осыпаютъ градомъ камней пробѣгающую собаку, блуждающую корову или пробѣгающихъ лошадей.

Но все это вещи сравнительно совершенно невинныя, и не объ этого рода жестокости мы завели здѣсь рѣчь. Retta Mc-Cabe, четырехлѣтняя обывательница большого города Troy, штата New-York, представляетъ собой восхитительнаго ребенка. Роскошные золотые кудри обрамляютъ ея бѣлое, розовенькое личико; большіе, голубые, смѣющіеся глазенки то перебѣгаютъ съ предмета на предметъ, то проникательно глядятъ на говорящаго; улыбка почти не сходитъ съ ея пунцовыхъ губокъ, при чемъ на щечкахъ появляются неизмѣнно ямочки самаго восхитительнаго свойства. Но наступаютъ вдругъ минуты, когда эготъ обворожительный, нѣжный ребенокъ внезапно обращается въ совершенно непостижимаго маленькаго демона. Хоршенькій лобикъ превращается въ безформенную массу отвратительныхъ морщинъ; суженные глазенки чисто дьявольски глядятъ изъ-подъ насупленныхъ бровей; сжимаются и бѣлѣютъ прелестныя губки, и все ея миловидное личико принимаетъ странное отталкивающее выраженіе. Въ одну изъ такихъ минутъ внезапнаго бѣшенства ма-

ленькая Retta около полугода тому назад схватила своего однолѣтняго братишку, бросила его на полъ съ изумительной силой, настѣла на безпомощнаго малютку и такъ избила его, что чрезъ недѣлю онъ скончался. Когда ей сказали, что онъ уснулъ навѣки и не проснется болѣе, она лишь расхохоталась. Нѣкоторое время спустя, она очутилась вдругъ на желѣзнодорожной станціи, расположенной отъ ея дома на значительномъ разстояніи. Здѣсь она сѣла на полотно дороги въ виду приближающихся поѣздовъ и настолько упорно отказывалась встать, что многихъ женщинъ почти довела до обморока. Когда вблизи стоявшій полицмэнъ снялъ ее съ полотна, она стала кричать, кусаться и колотить его своими маленькими рученками и настолько серьезно угрожала обезобразить солидное лицо блюстителя порядка, что тотъ вынужденъ былъ спустить ее на землю и тащить на ближайшую полицейскую станцію (по нашему участокъ), точно какого нибудь до безчувствія пьянаго рабочаго. Здѣсь оказалось необходимымъ этого четырехлѣтняго буяна прекраснаго пола посадить въ кутузку. За массивной желѣзной рѣшоткой Retta дошла до изступленія и стала бѣшено рвать на себѣ волосы, но вскорѣ однако пришла въ себя и снова сдѣлалась тѣмъ же милымъ, добродушнымъ, улыбающимся ребенкомъ, какимъ была ранѣе; лишь испачканное лицо да всклокоченные волосы свидѣтельствовали о ея кратковременномъ неистовствѣ. Когда, однако, полицмэнъ повелъ ее въ помѣщеніе гуманитарнаго общества, она стала собирать по дорогѣ сожженные спички, и ея маленькія ручки были полны ими, когда они дошли до означеннаго помѣщенія. Недолго побывъ этотъ четырехлѣтній голубоокій, ангелоподобный экземпляръ человѣческой породы конца нашего вѣка въ распоряженіи и подъ охраной гуманитарнаго общества, какъ обнаружилъ необычайныя акробатическія способности. Retta ходила на рукахъ и прыгала со стула на дверь съ такой силой, что вышибла эту послѣднюю совершенно. Когда одна изъ матронъ убѣжища подошла къ неистовствующему дитяти и пыталась его успокоить, то Retta Mc-Sabe бросилась на нее и укусила въ плечо, послѣ чего ринулась къ рядамъ прочихъ дѣтей, остолбенѣвшихъ отъ изумленія. Не успѣй эта самая матрона подхватить ее, дѣти не избѣжали бы, конечно, тѣхъ или иныхъ поврежденій. Вскорѣ голубоокая малютка Retta Mc-Sabe была отправлена изъ убѣжища гуманитарнаго общества домой. Родители ея положительно въ недоумѣніи, что съ ней дѣлать: она до такой степени терроризовала всѣхъ дѣтей въ окрестности, что тѣ разбѣгаются при ея появленіи. Любимымъ ея занятіемъ представляется ловить дѣтишекъ ея возраста и запихивать фасоліны или пуговицы имъ въ ноздри и уши. Гуманитарное общество точно также поставлено въ большое затрудненіе, что въ отношеніи ея предпринять: содержаніе ея въ убѣжищѣ общества немислимо, опредѣленіе же въ институтъ для ненормальныхъ дѣтей

невозможно, ибо туда не принимаются дѣти ниже семи лѣтъ. Конечно, четырехлѣтняя голубокая малютка Retta Mc-Sabe представляется исключеніемъ, даже въ извѣстной степени аномаліей, но дѣло въ томъ, что подобныхъ исключеній или, пожалуй, аномалій среди американскихъ дѣтей довольно много, хотя ихъ мучительскіе и истребительные инстинкты и рѣдко достигаютъ такой степени, до какой доросли они въ лицѣ вышеописаннаго дитяти. Мы говоримъ здѣсь, однако, лишь о дѣтскомъ возрастѣ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, то-есть до 10 лѣтъ. Что же касается дѣтей страны свободы свыше 10 лѣтъ или, точнѣе говоря, отъ 10 до 14 лѣтъ и въ особенности мальчиковъ, то среди нихъ, по крайней мѣрѣ, 70% отличаются изумительной жестокостью и положительнымъ звѣрствомъ. Вотъ маленькая совершенно обыкновенная исторія, какихъ случается на обширной территоріи Соединенныхъ Штатовъ нѣсколько десятковъ въ каждый божій день.

Какъ-то, въ истекшемъ мартѣ, въ значительномъ городкѣ Centerville, штата New-Jersey, нѣкій William Johnson, десятилѣтній мальчикъ, переходилъ черезъ полопно желѣзной дороги на значительномъ разстояніи отъ станціи. Вдругъ останавливаетъ его показавшаяся изъ-за стоявшихъ на полотнѣ вагоновъ толпа мальчишекъ въ возрастѣ отъ 8 до 13 лѣтъ, и предводитель ея скомандовалъ: «эй, послушай, малый, подай-ка сюда свои денежки!» Мѣсто нежданной встрѣчи съ этой ватагой представляется совершенно удаченнѣйшимъ, и испуганный Johnson сталъ кричать. Но малолѣтніе бандиты на крики его не обратили ни малѣйшаго вниманія, и ихъ глава, нѣкій Daniel Burton, 12 лѣтъ, приказалъ его обыскать. Онъ мужественно защищался, но они втащили его въ пустой товарный вагонъ и тамъ пинали, колотили и кололи булавками. Не найдя у него никакихъ денегъ, они хладнокровно и попросу рѣшили «сжечь его на бифнитексъ!» Вытащивъ бѣднягу изъ вагона, малолѣтніе изувѣры привязали его къ одному изъ колесъ и, обложивъ щепками, зажгли костеръ. По счастью этотъ послѣдній былъ малъ, и пока они разсыпались вокругъ, чтобы набрать побольше щепъ и обрубковъ, Johnson, котораго платье уже горѣло, отчаяннымъ усилиемъ оборвалъ веревки и, весь въ синякахъ и ожогахъ, убѣжалъ домой. Далѣе злополучный William Johnson никакихъ особыхъ отношеній, вражды или столкновеній съ этими малолѣтними изувѣрами, принадлежащими къ такъ называемымъ почтеннымъ семействамъ (respectable families), не имѣлъ, и ихъ образъ дѣйствій представляется поэтому не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ тѣхъ жестокости и звѣрства, которыя все шире и шире распространяются между американскими дѣтьми и все глубже и глубже въ нихъ вкореняются.

Однако, тѣ жестокость и звѣрство, которыя такъ сильно распространены среди американскихъ дѣтей, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ, не ограничиваются муче-

ніемъ животныхъ, избіеніемъ ихъ камнями, нанесеніемъ болѣе или менѣе жестокихъ побоевъ сверстникамъ, пытаніемъ этихъ послѣднихъ и даже ихъ жженіемъ на кострахъ. Все чаще и чаще обнаруживаются въ странѣ свободы дѣти, которыя, будучи совершенно нормальны во всѣхъ отношеніяхъ, находятъ особое наслажденіе въ убійствѣ человѣческихъ существъ соотвѣтственнаго возраста. Подобныя убійства, случающіяся въ Соединенныхъ Штатахъ, представляютъ столь высокій общественный интересъ, что мы на нихъ нѣсколько останавливаемся и стараемся ихъ проанализировать и освѣтить.

Первенствующими, какъ по времени совершенія, такъ и по своему потрясающему характеру, являются убійства, учиненныя нѣкимъ мальчикомъ по имени Jesse Romero, въ Бостонѣ, главномъ городѣ штата Massachusetts. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь мимоходомъ, что штатъ этотъ, и въ особенности его столица городъ Бостонъ, большой портъ, являются колыбелью и разсадникомъ, такъ называемаго янкизма (yankeedom) или американизма (americanism), т. е. американской культуры и народности, американскаго политическаго строя, американскихъ политическихъ и общественныхъ тенденцій, американскаго просвѣщенія. Jesse Romero родился въ Бостонѣ же въ 1859 году. Ему было всего лишь 12 лѣтъ, когда онъ сталъ обнаруживать истязательныя инстинкты и доставлять себѣ удовольствіе мученіемъ маленькихъ дѣтей: то онъ прикладывалъ ихъ маленькія ручки къ раскаленной желѣзной печи, то кололъ ихъ ножомъ. Выраженіе испуга и страданія, появившееся въ эти минуты на личикахъ истязуемыхъ, доставляло ему величайшее и необъяснимое наслажденіе. На вопросы, зачѣмъ мучилъ онъ этихъ бѣдныхъ малютокъ, онъ отвѣчалъ: «Я не могу удержаться отъ этого, что-то подстрекаетъ меня къ этому». Всѣ усилія исправить его оказались тщетными, и онъ помѣщенъ былъ въ исправительный пріютъ для порочныхъ и преступныхъ дѣтей, но чрезъ семнадцать мѣсяцевъ за хорошее поведеніе освобожденъ. Около пяти мѣсяцевъ спустя, въ апрѣлѣ 1874 года, собиратель морскихъ раковинъ, вѣчно шатавшійся по болотистому побережью Дорчестерскаго залива, замѣтилъ невдалекѣ отъ себя, у отверстія водосточной трубы, нѣчто въ родѣ ребенка, распростертаго въ грязи. Уже смеркалось, и хорошенько разсмотрѣть предметъ этотъ, формой и очертаніями напоминавшій человѣческое существо въ самомъ раннемъ возрастѣ, было невозможно. Искатель раковинъ окликнулъ виднѣющагося ребенка, но отвѣта не послѣдовало, почему, бросивъ свой заступъ, онъ подошелъ поближе. Это дѣйствительно оказался ребенокъ: все платье его было пропитано кровью, и лужа крови стояла на землѣ у его головки. Горло было перерѣзано сплошь отъ одного уха до другого и, повидимому, въ два пріема, справа налѣво и слѣва направо, ибо артеріи были разсѣчены настолько, что при первомъ толчкѣ голова совершенно почти отвалилась отъ туловища.

Платье дитяти оказалось растерзаннымъ и изрѣзаннымъ, а когда жилеть его было разстегнуть, то обнаружилось вокругъ его сердца цѣлыхъ двадцать двѣ раны. Глубокія раны и изъязвленія были насыпаны по всему маленькому тѣльцу, точно надъ нимъ поработало цѣлое племя людоедовъ. Безмятежный искатель морскихъ раковинъ просто оцѣпенѣлъ отъ ужаса и бросился въ городъ дать знать полиціи. Сыщики тотчасъ обнаружили двойной рядъ слѣдовъ на всемъ протяженіи отъ желѣзнодорожной станціи до того мѣста, на которомъ найдено было тѣло замученнаго дитяти, и сняли съ нихъ гипсовые снимки. Между тѣмъ оказалось, что убитый ребенокъ былъ нѣкто Ногасе Миллен, четырехъ лѣтъ. Въ этомъ страшномъ злодѣяніи былъ заподозрѣнъ Iesse Romero. Когда начальнику бостонской городской полиціи Edward Savage было доложено о случившемся, онъ замѣтилъ: «Это — дѣло какого-то умственно-нравственно-разстроеннаго субъекта. Не будь этотъ Iesse Romero въ исправительной тюрьмѣ, я бы положительно утверждалъ, что это его работа». — «Да онъ, — воскликнулъ случайно присутствовавшій при докладѣ и совѣщаніи какой-то полицейскій чиновникъ, — вовсе не въ тюрьмѣ: онъ помилованъ недавно и освобожденъ за хорошее поведеніе». Черезъ какихънибудь пять минутъ Iesse Romero, проживавшій съ матерью, мелкой лавочницей въ южной части города, былъ арестованъ. Сапоги его со всѣми ихъ дырами въ подошвахъ и иными изъянами вполне подошли къ большимъ слѣдамъ, обнаруженнымъ на мѣстѣ преступления и закрѣпленнымъ въ гипсовые снимки, и на нихъ, равно какъ и на всемъ платѣ, оказалась грязь, не уличная грязь, а именно специфическая грязь морского побережья. Сыщики тотчасъ доставили его въ заведеніе гробовщика: здѣсь лежало на столѣ изуродованное маленькое тѣльце четырехлѣтняго Ногасе Миллен, накрытое кускомъ бѣлаго полотна.

— Поди-ка сюда, Iesse, — сказалъ сыщикъ Wood, подводя мальчика къ столу и держа его за плечи: — я желалъ бы, чтобы ты взглянулъ на этого маленькаго мальчика и сказалъ мнѣ, знаешь ли ты его.

Iesse Romero, мальчикъ 15 лѣтъ, отшатнулся, быстро отвернулся отъ стола всѣмъ тѣломъ и, далеко отвернувшись лицомъ, отрицательно качалъ головой. Онъ пытался было вырваться и убѣжать, но крѣпкія руки опытнаго сыщика приковали его къ мѣсту, на которомъ онъ стоялъ. Наконецъ онъ тихо произнесъ: — да, я знаю его.

— Ты убилъ его? — спокойно спросилъ сыщикъ.

— Да, я, — слегка всхлипывая, отвѣтилъ пятнадцатилѣтній убійца.

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? За что ты убилъ его?

— Я не знаю; что-то подстрекнуло меня сдѣлать это.

— Давно ли ты съ нимъ былъ знакомъ?

— Я никогда не видалъ его раньше вчерашняго утра, когда я повелъ его на берегъ.

- Гдѣ ты впервые съ нимъ встрѣтился и какимъ образомъ?
- Онъ игралъ на одномъ изъ пустопорожнихъ мѣстъ, вблизи Дорчестерскаго проспекта, и я предложилъ ему отправиться со мной.
- Какимъ образомъ заманилъ ты его въ болото?
- Я обѣщаль ему показать что-го.
- А чѣмъ ты убилъ его?
- Моимъ ножомъ.
- Какимъ же образомъ ты такъ превосходно вычистилъ свой ножъ?
- Я много разъ втыкалъ его въ грязь и затѣмъ вымылъ въ канавѣ среди болота.
- Какія же причины были у тебя умертвить этого ребенка?
- Никакихъ причинъ у меня не было, но что-то подстрекнуло меня сдѣлать это.
- Когда ты отправлялся съ нимъ на берегъ, имѣлъ ты тогда намѣреніе убить его?
- Я не знаю; я думаю, что я хотѣлъ лишь пырнуть въ него ножомъ, но я не могу сказать, желалъ ли я убить его или нѣтъ.
- Однако, когда на слѣдующій день онъ былъ представленъ въ судъ, Jesse Romero виновнымъ себя не призналъ и потому судьей отправленъ былъ въ тюрьму, впредь до поступленія дѣла на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Три дня спустя тюремный священникъ о. Cook во время, своего обычнаго посѣщенія тюремнаго зданія для исполненія обязанностей своего званія, заинтересовался малолѣтнимъ убійцей и вступилъ съ нимъ въ продолжительную бесѣду. Во время этой послѣдней Jesse Romero сознался отцу Cook не только въ убійствѣ Horace Millen'a, описавъ всѣ подробности такового, но и открылъ еще другое также потрясающее убійство. За три недѣли до зарѣзанія Horace Millen'a въ прибрежныхъ болотахъ Дорчестерскаго залива, безслѣдно исчезла въ южной части Бостона пятилѣтняя дѣвочка Nellie Curran. Всѣ поиски за пропавшей оказались тщетными. Jesse Romero открылъ отцу Cook нижеслѣдующее. Мать его, содержательница мелочной лавочки въ южной части Бостона, однажды отправилась въ городъ за покупками, а въ лавочкѣ для удовлетворенія покупателей оставила его, Jesse Romero. Въ это именно время пришла въ лавочку Nellie купить конфетъ. Онъ предложилъ ей сойти внизъ въ подвальную часть дома, гдѣ онъ покажетъ ей котятъ, при чемъ отворилъ дверь, ведущую въ подвалъ, жестомъ предлагая ей войти. Ничего не подозрѣвая, малютка спустилась внизъ впереди его, какъ вдругъ внизу лѣстницы онъ схватилъ ее за волосы и, стремительно нагнувши назадъ, перерѣзалъ ей горло. Затѣмъ онъ закопалъ тѣло тутъ же подъ лѣстницей и свѣжевырытую яму засыпалъ золою и мусоромъ. Jesse съ такою точностью описалъ отцу Cook расположеніе этой ямы, что тѣло малютки, убитой три недѣли тому назадъ, было найдено безъ вся-

кихъ затрудненій. На судѣ медицинско-психіатрическіе эксперты дали положительное заключеніе, что обвиняемый вполне здоровъ въ умственномъ отношеніи, обладаетъ полнымъ сознаниемъ и представляется отвѣтственнымъ за свои дѣйствія, то-есть, иными словами, не обнаруживаетъ ни малѣйшихъ признаковъ невмѣняемости. Iesse Romero, уроженецъ и дѣтище такъ называемой Новой Англіи, культурной и самой передовой части Новаго Свѣта, былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Необычайное звѣрство и совершенная безмотивность учиненныхъ преступленій въ связи съ малолѣтствомъ преступника вызвали огромное возбужденіе въ обществѣ и печати. Оказывалось, что мальчикъ, вполне нормальный въ психическомъ отношеніи, въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ, множество разъ заманивалъ совершенно маленькихъ дѣтей подалеже отъ ихъ дома, связывалъ ихъ, затыкалъ имъ ротъ и втыкалъ въ нихъ булавки, либо жегъ ихъ о раскаленную печь, или, наконецъ, колотъ ихъ ножомъ, при чемъ, какъ объяснилъ онъ уже впоследствии, попавшись въ двухъ убійствахъ самаго чудовищнаго свойства, дѣлалъ онъ все это потому, что ему доставляло наслажденіе видѣть, какъ кровь течетъ, жертва его вырывается, и лицо ея судорожно передергивается. Такъ какъ по конституціи Соединенныхъ Штатовъ губернатору штата принадлежитъ право какъ помилованія осужденнаго, такъ и смягченія приговора, то губернаторъ штата Massachusetts, былъ положительно заваленъ петиціями какъ о смягченіи приговора суда въ отношеніи пятнадцатилѣтняго Iesse Romero, такъ равно и о недопущеніи такого смягченія и приведеніи сего приговора въ точное исполненіе. Дѣло затянулось до 1876 года, когда было наконецъ рѣшено смертную казнь замѣнить пожизненнымъ заключеніемъ. Онъ содержится въ государственной тюрьмѣ штата Massachusetts въ городѣ Charlestown. Онъ вѣчно погруженъ въ чтеніе книгъ, главнымъ образомъ по механикѣ и обнаружилъ столь удивительныя способности по части изобрѣтенія средствъ и способовъ къ побѣгу, что для него сооружена специальная камера, обнесенная массивнымъ желѣзомъ и снабженная единственнымъ отверстіемъ въ видѣ маленькаго окошечка въ потолокъ. Никакія металлическія вещи въ его камерѣ не допускаются, и даже газовый рожокъ не дозволено приправить въ ней, ибо при его изобрѣтательности онъ могъ бы сдѣлать изъ нихъ средство къ побѣгу. Онъ соорудилъ какъ-то удивительный снарядъ изъ проволоки, вырѣзанной изъ оловянныхъ чашекъ, и какимъ-то необъяснимымъ образомъ произвелъ въ камерѣ своей такой взрывъ, которымъ она была почти разрушена. Долгое время существовало положительное по тюрьмѣ распоряженіе, чтобы всякій изъ чиновъ тюремной стражи, разъ только увидитъ Romero внѣ его камеры, убилъ его моментально. Въ послѣднее время тюремное начальство стало пробовать давать ему ту или иную работу, предупредивъ его, что чутъ только

будетъ онъ замѣченъ въ стараніи употребить такую для сооруженія средствъ къ побѣгу, она будетъ отъ него отобрана. Читеніе газетъ ему не дозволено, а между тѣмъ онъ чрезвычайно интересуется, что онѣ говорятъ о немъ. Онъ узнаетъ объ этомъ отъ своей матери, которая исправно навѣщаетъ его, согласно дѣйствующимъ правиламъ, разъ въ два мѣсяца. Братъ его не появлялся въ тюрьмѣ уже много лѣтъ, а отецъ, который еще живъ, никогда у него не былъ. Такимъ образомъ Jesse Romero'ю нынѣ 39 лѣтъ, и содержится онъ въ одиночномъ заключеніи 24 года.

Если мы остановились на немъ съ нѣкоторою подробностью, то потому, что онъ является наиболѣе рѣзкимъ и рельефнымъ выраженіемъ того типа американскихъ дѣтей, которыя находятъ наслажденіе въ лицедрѣніи крови, мученій и предсмертной агоніи какъ животныхъ, такъ и себѣ подобныхъ человѣческихъ существъ. Принадлежація къ этой категоріи дѣти народа страны свободы вовсе не страдаютъ ни разстройствомъ умственныхъ способностей, ни эпилепсіей, ни галлюцинаціями, ни какой либо маніей. Если признать, что они обнаруживаютъ недостатокъ мозгового или душевнаго равновѣсія при видѣ искушенія, то почему же они обнаруживаютъ въ то же время совершеннѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ равновѣсіе при отсутствіи искушенія или при наличности личной опасности? Здѣсь дѣйствуютъ попросту чудовищное звѣрство и дикая кровожадность, созданныя и взлелѣанныя цѣлымъ рядомъ специфическихъ условій и факторовъ современной американской общественности. Описаніе и разсмотрѣніе злодѣяній, учиненныхъ разными малолѣтними, такъ сказать, послѣдователями Jesse Romero'я, въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ включительно, вышло бы далеко за предѣлы настоящаго очерка, вообще не входитъ въ прямыя его задачи, почему мы ограничимся здѣсь воспроизведеніемъ одного лишь самоновѣйшаго, совершенно свѣжаго акта человѣкоистребленія этой категоріи.

14-го января, текущаго года, въ обѣденную пору или въ полдень (что поамерикански одно и то же) въ Филадельфіи, третьемъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ, пятилѣтній малютка Percy Lockuar заявилъ за семейнымъ обѣденнымъ столомъ, что онъ совершенно не голоденъ, и, захвативъ съ собою кусокъ хлѣба и немного маринованной семги (американская любимая закуска), вылетѣлъ на улицу. Здѣсь встрѣтился онъ со своимъ ближайшимъ сосѣдомъ и закадычнымъ другомъ Willie Addison, также пятилѣтнимъ мальчикомъ, и оба куда-то отправились. Около 5 часовъ по полудни, то-есть уже въ сумерки, Willie Addison, вернулся домой, но уже одинъ, безъ Percy Lockuar'a. Прошло еще нѣсколько часовъ, а маленькій Percy не являлся. Его родители стали беспокоиться, а мать даже нѣсколько разъ упала въ обморокъ: она предчувствовала, что съ ея сынишкой случилось что-то недоброе. Наконецъ, она отправилась къ сосѣдямъ Addison'амъ и стала спрашивать маленькаго Willie.

Этотъ послѣдній пояснилъ ей, что, вышедши изъ дому, они вскорѣ повстрѣчали мальчика, который назвался Percy Mc-Donahue, изъ Cardington'a. Этотъ Mc-Donahue предложилъ имъ обоимъ отправиться съ нимъ въ глакенскій лѣсъ (на окраинѣ города) поиграть въ «свинку», на что они охотно согласились. Когда они минули уже городъ и переходили черезъ поля, Percy Lockyar почувствовалъ совершенную усталость и объявилъ, что онъ не въ состояннн идти далѣе; Mc-Donahue взялъ его на руки и понесъ въ лѣсъ. Здѣсь, едва лишь они достигли его опушки у подножя холма, Mc-Donahue,—разсказывалъ Willie Addison матери отсутствовавшаго Percy Lockyar'a,—схватилъ его, Willie, и привязалъ къ дереву веревкой, хотя и не очень крѣпко; затѣмъ, схвативъ Percy Lockyar'a, который стоялъ возлѣ, глядя на происходящее, онъ, Mc-Donahue, сталъ точно также привязывать послѣдняго къ другому дереву. Испугавшись всего этого, онъ, Willie, оборвалъ веревку и убѣжалъ, слыша въ это время, какъ Percy звалъ на помощь. Встревоженный подобнымъ сообщенiемъ, Frederic Lockyar, отецъ отсутствовавшаго дитяти, съ четырьмя знакомыми немедленно отправился въ Глакенскій лѣсъ и съ зажженными фонарями стали разыскивать малютку, между тѣмъ, какъ Sydney Lockyar, тринадцатилѣтнiй братъ этого послѣдняго, тотчасъ заявилъ о случившемся полицейскому офицеру John Ogden. Узнавъ по описанiю въ этомъ Mc-Donahue нѣкоего Samuel Henderson, пятнадцатилѣтняго мальчика, проживавшаго всего лишь черезъ два квартала, полицейскiй офицеръ Ogden вмѣстѣ съ Sydney Lockyar'омъ отправились въ маленькую лавочку, содержимую родителями означеннаго Henderson'a неподалеку отъ ихъ дома. Такъ какъ Samuel Henderson оказался уже въ постели, то на сей разъ не подвергся допросу. Между тѣмъ поиски по лѣсу Glacken продолжались до 6 часовъ утра: разыскатели осмотрѣли въ немъ всякiй уголокъ и всякую дыру и прошли вдоль двухъ перерѣзывающихъ его ручейковъ отъ ихъ устья до ихъ верховьевъ, но малютка Percy не былъ найденъ. Узнавъ утромъ, что Percy Lockyar, пропавшiй еще вчера подъ вечеръ, до сего времени не найденъ, полицейскiй сержантъ Murphy взялся за дѣло. Онъ тотчасъ обнаружилъ, что шестнадцатилѣтняя дѣвушка Bridget Foley, проживающая въ переулкѣ Gray, всего лишь въ какихъ нибудь 15 саженьяхъ отъ Глакенскаго лѣса, видѣла вчера по полудни Samuel Henderson'a въ компанiи съ Willie Addison и Percy Lockyar, и безотлагательно послала за нимъ того же полицейскаго офицера Ogden, который и доставилъ его къ сержанту, ожидавшемуся на улицѣ. Отойдя съ нимъ въ одинъ изъ укромныхъ уголковъ улицы, сержантъ сталъ настоятельно допрашивать его насчетъ его дѣйствiй вчера по полудни. Мальчикъ заявилъ, что вовсе не знаетъ маленькаго Lockyar, и настоятельно утверждалъ, что вовсе не ходилъ съ нимъ въ Глакенскiй лѣсъ. Тогда сержантъ повелъ его въ домъ вышеозначенной

Bridget, Foley, и эта послѣдняя положительно подтвердила, что приведенный къ ней мальчикъ, то-есть Samuel Henderson, есть тотъ самый, который ходилъ вчера въ лѣсъ вмѣстѣ съ двумя маленькими мальчиками и затѣмъ около 5 часовъ вечера возвращался уже одинъ. Henderson продолжалъ утверждать, что онъ въ лѣсу съ мальчиками не былъ. Когда же, нѣсколько минутъ спустя, сержантъ Murphy категорически заявилъ ему, что невозможно постоянно лгать и всегда дурачить людей, Samuel Henderson сознался, что онъ дѣйствительно былъ въ лѣсу съ двумя маленькими мальчиками.

— Что же случилось съ Lockyug'омъ?—спросилъ сержантъ.

— Онъ взлѣзъ на дерево, но вдругъ свалился на долъ, ударился головою о сукъ и съ крикомъ убѣжалъ прочь.

— Въ такомъ случаѣ ступай со мной въ лѣсъ и покажи мнѣ то дерево, на которое взлѣзъ этотъ пятилѣтній мальчуганъ,—отвѣтилъ сержантъ.

Они отправились. У лѣсной опушки Henderson совершенно неожиданно далъ сержанту иное показаніе. Percy Lockyug,—объяснялъ онъ,—взлѣзъ на дерево и, унавши оттуда внизъ, ушибся настолько серьезно, что черезъ нѣсколько минутъ скончался. Тогда онъ, Samuel Henderson, поднялъ его, отвнесъ къ ручью и бросилъ въ воду: два раза всплывало тѣло наверхъ, но когда онъ толкнулъ его въ третій разъ, оно уже болѣе не показывалось, и лишь пузыри появились на поверхности воды. Оба они, то-есть какъ полицейскій унтеръ-офицеръ, такъ и Henderson, стали вмѣстѣ разыскивать утопленное тѣло, но не могли найти. Сержантъ представилъ мальчика въ полицейскій участокъ. Здѣсь этотъ послѣдній, къ изумленію сего опытнаго полицейскаго агента, собаку съѣвшаго на своемъ дѣлѣ, въ присутствіи множества полицейскихъ офицеровъ и служителей, далъ новое, уже совершенно иное показаніе. Онъ, молъ, стоялъ у подножія холма, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сливаются два лѣсныхъ ручья и вырѣзывалъ себѣ палочку, какъ вдругъ Percy Lockyug свалился съ дерева и угодилъ сердцемъ прямо на его, Henderson'a, ножъ. Паденіе было столь внезапнымъ и быстрымъ, что онъ, Henderson, не успѣлъ отскочить. Кровь брызнула изъ-подъ сердца свалившагося съ дерева мальчика, и онъ, Henderson, бросилъ его въ ручей: былъ ли онъ въ эту минуту уже мертвъ или нѣтъ, онъ, Henderson, съ положительностью сказать не можетъ. Затѣмъ онъ убѣжалъ, молъ, домой.

— Почему же ты не сказалъ этого сержанту Murphy съ перваго разу?—отовсюду посыпались вопросы.

— Я боялся,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Какого сорта ножъ былъ у тебя?—спросилъ старшій полицейскій офицеръ.

— Ножъ для чистки картофеля. Мать воспретила мнѣ имѣть ножъ, но я нашелъ себѣ этотъ ножъ и держалъ его внѣ дома.

— Гдѣ же ты дѣвалъ этотъ ножъ?

«истор. вѣстн.», мартъ, 1899 г., т. LXXV.

— Когда я, бросивъ Percy въ ручей, убѣгалъ домой, я тогда перескочилъ черезъ заборъ у опушки лѣса и бросилъ ножъ на томъ мѣстѣ.

Всѣ старанія опытныхъ полицейскихъ чиновъ заставить Samuel Henderson'а снова измѣнить его показаніе и рассказать имъ поболѣе оказались тщетными; онъ повторялъ одно и то же: мальчикъ, молъ, упалъ стремительно съ дерева прямо на его ножъ и убился, послѣ чего онъ бросилъ его въ ручей. Будучи посаженъ въ мѣсто заключенія, находящееся при полицейской части, Henderson обнаруживалъ большее къ своему положенію безразличіе, нежели сторожъ, приставленный караулить тамъ заключенныхъ.

Между тѣмъ цѣлый отрядъ полисменовъ, состоящій изъ 25 человекъ, втеченіе цѣлаго дня вплоть до 10 часовъ вечера разыскивалъ въ двухъ лѣсныхъ ручьяхъ и ихъ окрестностяхъ тѣло малютки Percy Lockyar'а, но всѣ эти поиски оказались тщетными: найдены были лишь его пальтишко да шапка, лежавшія подъ большимъ деревомъ у подножія холма. На слѣдующій день съ ранняго утра отряжены были на тѣ же поиски два полицейскихъ офицера, которые всю свою жизнь прожили вблизи Глакенскаго лѣса и знали въ немъ каждую пядь земли. Они осмотрѣли всякую дыру въ двухъ ручейкахъ, протекающихъ между деревьями, и спустились сажень на десять ниже того мѣста, гдѣ Henderson, по его показанію, бросилъ въ воду тѣло Lockyar'а. Здѣсь на глубинѣ около аршина одинъ изъ полицейскихъ офицеровъ увидаль вдругъ кусочекъ полотна, шириной съ его кулакъ, плавающій на поверхности воды и составляющій по всей видимости кончикъ какой-то изъ принадлежностей человѣческаго платья. Запустивъ руку подъ этотъ кусочекъ полотна, полицейскій офицеръ Ewing оцупалъ на томъ мѣстѣ разыскиваемое тѣло дитяти. Плавающій кусокъ полотна оказался частью его рубахи. Тѣло лежало внизъ лицомъ, и на него навалено было два большихъ камня: одинъ привязанъ былъ къ головѣ ребенка, а другой вокругъ задней части. Бережно было вынуто оно изъ воды вмѣстѣ съ привязанными къ нему камнями и разложено на берегу. Вскорѣ прибылъ патрульный экипажъ, и оно отвезено было въ подлежащую полицейскую часть. По поверхностному осмотру его обнаружена прежде всего противъ сердца покойнаго малютки страшная рѣзаная рана, которая должна была причинить почти моментальную смерть; далѣе отъ лѣваго глаза по правую сторону губъ шелъ глубокой разрѣзъ, пересѣкавшій все лицо и почти вовсе отсѣкшій носъ; другой разрѣзъ оказался на лбу, а третій на подбородкѣ; глубокой надрѣзъ головной кожи обнажалъ черепъ; лѣвая часть головы была приплюснута. Тѣло было предъявлено Samuel Henderson'у, и тогда онъ сознался, что всѣ эти раны нанесены имъ: прежде всего запустилъ онъ ножъ въ сердце малютки, а вслѣдъ затѣмъ непосредственно всадилъ ножъ, куда попало. На вопросъ, зачѣмъ онъ совершилъ все это, онъ не далъ никакого отвѣта. Послѣ этого пят-

надцатилѣтній убійца Samuel Henderson былъ отправленъ въ центральное полицейское управленіе города Филадельфіи. По взвѣшеніи камней оказалось, что привязанный къ головѣ покойнаго малютки вѣситъ сорокъ фунтовъ, а вокругъ задней части — шестьдесятъ. По доставленіи въ центральное городское полицейское управленіе, Samuel Henderson принесъ подробное и обстоятельное признаніе, по которому учиненное имъ страшное преступленіе представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Мальчикъ этотъ, едва достигшій 15 лѣтъ, начитавшись разныхъ дешевыхъ повѣстей о разныхъ приключеніяхъ на «дикомъ» западѣ Америки (въ родѣ нашихъ русскихъ замоскворѣцкихъ изданій Губанова et caetera) и плѣнившись въ особенности разбойническими подвигами вѣжкихъ Jesse James и Broncho Bill, главныхъ героевъ подобныхъ повѣстей, вознамѣрился имъ послѣдовать и реальнымъ воспроизведеніемъ дѣяній, имъ подобныхъ, пройти на дѣлѣ чрезъ тѣ ощущенія, какія внушали ему дѣянія эти во время чтенія ихъ описаній. Снявъ съ пятилѣтнаго малютки его пальтишко и шапку и, привязавъ его къ толстому дереву, Samuel Henderson сталъ въ изступленіи танцовать вокругъ него; затѣмъ, схвативъ его за горло и нагнувъ ему голову назадъ, между тѣмъ какъ тотъ жалобно призывалъ свою маму, онъ всадилъ ему ножъ въ самое сердце; съ наслажденіемъ впился онъ глазами въ умирающаго малютку и, притаивъ дыханіе, ощущалъ его предсмертныя судороги. Звѣрь разыгрался въ пятнадцатилѣтнемъ Henderson'ѣ: видъ и запахъ человѣческой крови разбудилъ въ немъ кровожадность, и тѣмъ же ножемъ сталъ онъ въ изступленіи полосовать маленькое тѣльце, прежде всего совершенно разсѣкши лицо. Но и это не удовлетворило и не насытило его и, точно разлакомившійся звѣрь, онъ схватилъ это тѣльце, пронесъ его на разстояніи около сорока сажень и бросилъ въ воду. Въ эту минуту заговорило уже въ немъ стремленіе скрыть слѣды своего потрясающаго злодѣянія. Но мѣсто оказалось сравнительно глубокимъ, быстро пронеслась вода въ ручьѣ, и тѣло держалось на ея поверхности. Въ остервенѣніи схватилъ онъ огромный камень и хватилъ имъ не успѣвшаго еще скончаться ребенка по головѣ, а потомъ снова высоко приподнял его и изо всей силы швырнулъ его въ воду. Снова всплыло маленькое тѣльце на верхъ и медленно подвигалось внизъ по теченію. Убійца быстро сбѣгалъ на мѣсто, гдѣ замучена была жертва, схватилъ веревку, которою былъ малютка привязанъ къ дереву, и, послѣдно вернувшись назадъ, привязалъ къ немного отплывшему уже тѣлу два тяжелыхъ камня: это послѣднее пошло ко дну и болѣе не показывалось. Лишь рядъ пузырей появился на поверхности, но ничего не было видно изъ-подъ воды. Убѣдившись въ этомъ, Henderson бросился домой, развелъ, согласно приказанію матери, огонь и сталъ варить конфеты для содержимой ею лавочки, весело насвистывая.

Несмотря на то, что въ центральномъ городскомъ полипейскомъ управленіи нѣкоторые граждане старательно разъясняли Samuel Henderson'у весь ужасъ и всю чудовищность содѣяннаго имъ преступленія, онъ оставался совершенно равнодушнымъ и безразличнымъ. Родители его были не въ состояніи дать какое либо разъясненіе его страшному злодѣянію, кромѣ того, что онъ начитался скверныхъ повѣстей. Судебно-медицинское вскрытіе трупа маленькаго Percy Lockyar'a, произведенное такъ называемымъ коронеромъ (спеціальный судебный слѣдователь исключительно для разслѣдованія причинъ смерти и уголовного преслѣдованія убійствъ и смертельныхъ поврежденій), обнаружило, что тѣ пузыри, которые, согласно сознанію обвиняемаго, показались на поверхности воды, когда онъ въ третій разъ бросилъ тѣло замученнаго малютки въ ручей, привязавъ къ нему два огромныхъ камня, не были лишь плодомъ его воображенія. Судебно-медицинскою экспертизой установлено было, что, несмотря на всѣ страшныя раны и поврежденія, нанесенныя дитяти, оно все еще было живо, и такимъ образомъ причиной смерти его признано утопленіе. Оказалось затѣмъ ко всеобщему изумленію, что маленькій Willie Addison, ближайшій сосѣдъ замученнаго Lockyar'a и товарищъ его дѣтскихъ игръ, будучи въ роковой день смерти этого послѣдняго привязанъ къ дереву тѣмъ же Henderson'омъ, былъ очевидцемъ всего происходившаго, и тогда лишь уже, когда убійца, привязавъ «что-то» къ тѣлу покойнаго, въ третій разъ бросилъ таковое въ ручей, онъ, Willie Addison, отправившійся вмѣстѣ съ Lockyar'омъ и Henderson'омъ въ лѣсъ играть въ «свинку», до того испугался, что употребилъ почти сверхъестественное усиліе, оборвалъ веревку и убѣжалъ. Во время предварительнаго слушанія дѣла, какъ предъ судьей, такъ и предъ коронеромъ, родители малолѣтнаго убійцы неоднократно впадали въ отчаяніе, и душу раздирающія сцены, бывшія слѣдствіемъ этого послѣдняго, вызвавшія сочувственное волненіе даже въ судѣ, коронерѣ и полицменахъ, привыкшихъ ко всякимъ сценамъ, равно какъ сильнѣйшее волненіе и слезы среди публики, ни на іоту не тронули Samuel'я: все время сохранялъ онъ полнѣйшее спокойствіе и совершенное безразличіе. Судѣ отвѣтилъ онъ лишь на одинъ вопросъ о возрастѣ, пробормотавъ чуть слышно: «пятнадцать», а полицейскому врачу Andrews, который разговаривалъ съ нимъ въ мѣстѣ заключенія лишь частнымъ образомъ, онъ совершенно неожиданно и лживо заявилъ: «мой дѣдъ убилъ своего человѣка, мой отецъ убилъ своего человѣка, я убилъ своего человѣка». Сogni посѣтителей втеченіе нѣсколькихъ дней наполняли мѣстность, среди которой произошло столь потрясающее злодѣяніе, а свыше двухъ тысячъ лицъ присутствовало при погребеніи замученнаго малютки Lockyar'a. Одному изъ сыщиковъ убійца заявилъ, что онъ не убилъ бы никогда Percy, если бы не читалъ десятицентовыхъ (десятикопеечныхъ, дешевень-

кихъ) повѣстей. Изъ показаній родителей его обнаружилось, между прочимъ, что онъ неоднократно говаривалъ сосѣдямъ, что онъ желалъ бы какъ нибудь ихъ, т. е. своихъ родителей, спровадить на тотъ свѣтъ, и тогда все, въ ихъ домѣ находящееся, досталось бы ему. Однажды, онъ оказался рано утромъ стоящимъ вблизи постели родителей и на вопросъ отца, что ему нужно, ничего не отвѣтилъ, а лишь разсмѣявшись убѣждалъ. Они, его родители, его побаивались и въ послѣднее время всегда на ночь отъ него запирались въ своей спальнѣ.

Надняхъ дѣло по обвиненію Samuel Henderson'a въ убійствѣ пятнадцатилѣтняго Percy Loskuar'a разсматривалось предъ судомъ присяжныхъ. Пять врачей, подвергавшихъ обвиняемого тщательному освидѣтельствованію и серьезному испытанію, признали со всей положительностью и полной несомнѣнностью, что онъ совершенно здоровъ въ умственномъ отношеніи и всѣ дѣйствія его были и суть совершенно сознательны. То же самое установлено было показаніями всѣхъ сосѣдей семейства обвиняемого, знавшихъ его втеченіе многихъ лѣтъ. Лишь два врача, выставленные защитой, выразили сомнѣвіе въ совершенной нормальности умственныхъ способностей пятнадцатилѣтняго убійцы и признали его страдающимъ расстройствомъ умственныхъ способностей въ умѣренной степени. Онъ приговоренъ былъ къ пожизненному тюремному заключенію.

Нельзя не видѣть, что потрясающія злодѣянія, учиненныя пятнадцатилѣтнимъ Jesse Pomeroy'омъ и Samuel Henderson'омъ, отдѣленные другъ отъ друга двадцатью четырьмя годами, представляютъ много общаго и во многомъ совершенно тождественны. Злодѣянія эти, открывая и завершая покамѣстъ рядъ дѣтскихъ или отроческихъ преступленій тягчайшаго свойства, являются лишь яркимъ выраженіемъ того полнѣйшаго одичанія, въ которомъ пребываетъ и даже прогрессируетъ подавляющее большинство американскихъ дѣтей и которое заставляетъ серьезно призадуматься всякаго, кромѣ самихъ американцевъ, вообще ни о чемъ, кромѣ доллара, не заботящихся.

Каковы же, спрашивается, причины столь прискорбнаго нравственного облика американскихъ дѣтей и подростковъ, въ чемъ кроются онѣ и гдѣ ихъ надобно искать? Помимо всеобщей грубости и разнузданности, не остающихся, конечно, безъ сильнѣйшаго вліянія на дѣтей, главная и основная причина всего этого до крайности проста и можетъ быть выражена всего лишь въ трехъ словахъ: полнѣйшее отсутствіе воспитанія. За рѣдчайшими исключеніями родители «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» не только не заботятся о воспитаніи своихъ дѣтей и не стараются оказывать на нихъ какое либо доброе вліяніе, но даже и не подозреваютъ о существованіи перваго и возможности втораго. Солнцу красному, вѣтру буйному, яснымъ звѣздочкамъ да прибрежной

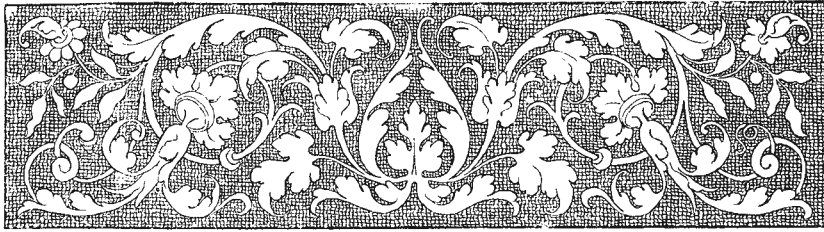
ивушкѣ предоставляетъ американецъ воспитаніе своихъ дѣтей, а это въ условіяхъ современной цивилизаціи и американской дѣйствительности означаетъ: улица, желѣзнодорожная станція, лавки и склады, преддверія и входы безчисленныхъ здѣсь кабаковъ съ разыгрывающимися вблизи нихъ сценами, шайки бродягъ, дневныя и ночныя сборища отъявленныхъ негодяевъ отборнѣйшихъ сортовъ. Но мало того, что обычная американская беззаботность, или, правильнѣе говоря, безразличіе ко всему, кромѣ доллара, находитъ себѣ въ области «произрастенія» дѣтей въ американскихъ семьяхъ свое высшее выраженіе,—этотъ своеобразно гордый сынъ этой своеобразной страны диковинной свободы идетъ еще далѣе. Въ своей разнузданности и скотоподобіи, не переваривая какой бы то ни было критики собственныхъ дѣйствій, онъ и въ отношеніи дѣтей своихъ, этихъ частицъ и необходимыхъ принадлежностей его собственнаго «я», не допускаетъ никакого порицанія, никакого посторонняго вліянія. Если кто либо вздумаетъ жаловаться американскому родителю на озорство и безчинство его дѣтей, онъ въ наилучшемъ случаѣ не отвѣтитъ жалующемуся ничего, если же этотъ послѣдній отважится самъ маленько наказать озорника, напримѣръ, отодрать его за ухо и т. п., то разсвирѣпѣвшій родитель или разъяренная родительница либо затѣвуютъ драку, либо приносятъ жалобу въ судъ. Если кому либо изъ толпы зрителей, наблюдающихъ кровавую драку между мальчиками среди улицы, истязанія, причиняемая одними другимъ и т. п., замѣтите вы, почему онъ не остановитъ ихъ, онъ вытаращитъ на васъ глаза съ изумленіемъ, точно вы высказали какую нибудь непроходимую глупость, и въ наилучшемъ случаѣ воскликнетъ: «да это не мой!» Что касается американскихъ школъ, въ особенности начальныхъ, то онѣ даютъ дѣтямъ лишь нѣкоторыя познанія, но о какомъ либо нравственномъ на нихъ воздѣйствіи или воспитательномъ вліяніи вообще даже и не помышляютъ, да это при чудовищной разнузданности родителей и ихъ обычномъ настроеніи было бы далеко не безопасно. Но и это еще не все. Не ограничиваясь безразличнымъ лицедрѣніемъ самыхъ возмутительныхъ дѣяній своихъ дѣтей, игнорированіемъ приносимыхъ на нихъ жалобъ, огражденіемъ ихъ отъ чьего бы то ни было осужденія или наказанія, американскій родитель, а иногда и посторонній «гражданинъ» въ скотоподобіи своемъ нерѣдко прямо поощряютъ разныя пакости, жестокости и безобразія, продѣлываемыя здѣсь дѣтьми. Вотъ два совершенно свѣжихъ тому образчика, имѣнные мѣсто лишь на этихъ дняхъ. Походная карета госпиталя св. Іоанна, доставивъ подобранаго среди города больнаго въ уѣздный госпиталь, проѣзжала по одной изъ главныхъ улицъ Нью-Йорка, какъ вдругъ на ея подножку вскочилъ десятилѣтній мальчикъ и на требованіе кучера не только не соскочилъ обратно, но, показавъ ему языкъ, сталъ лѣзть внутрь кареты. Госпитальный врачъ г-нъ Maggion, находившійся

внутри кареты, слегка шлепнул мальчишку, приказывая ему соскочить, но тотъ упалъ, расцарапавъ лицо и ушибя плечо о ту самую подножку, на которой стоялъ. Толпа мальчишекъ и мужчинъ устремилась вѣлѣдъ за госпитальной каретой, бомбардируя ее камнями и стараясь остановить ее, чтобы избить врача. Но этотъ послѣдній направилъ въ своихъ разсвирѣпѣвшихъ преслѣдователей револьверъ, а кучеръ между тѣмъ усердно работалъ между ними имѣвшеюся при немъ дубинкой, пустивъ лошадей въ галопъ. Такимъ образомъ удалось имъ возвратиться въ уѣздный госпиталь и скрыться въ стѣнахъ его въ ту минуту, какъ разъяренная толпа ворвалась въ его ворота. Не будь при нихъ револьвера и дубинки, да не будь кучеръ столь расторопнымъ малымъ, госпитальному врачу пришлось бы жестоко поплатиться за охрану походнаго госпиталя и собственнаго достоинства. А вотъ другой образчикъ, также совершенно свѣжій. Въ городѣ Binghamton, штата New-York, школьный учитель Jesse Bell недавно наказалъ двухъ мальчиковъ за дурное поведение. Нѣкоторое время спустя, онъ возвращался на велосипедѣ изъ деревни Windsor въ городъ послѣ продолжительной прогулки, какъ вдругъ напали на него Elmer Swingle и Robert Lyon, родители наказанныхъ школьниковъ, сбросили его съ велосипеда и жестоко избили. Учитель принесъ жалобу мѣстному мировому судѣ, и разъяренные отцы распушенныхъ дѣтей были оштрафованы по 50 центовъ каждый. Приведенные факты не нуждаются въ комментаріяхъ.

Въ этомъ небольшемъ очеркѣ нашемъ мы охарактеризовали американскихъ дѣтей лишь въ чертахъ самыхъ общихъ. Въ заключеніе скажемъ лишь, что нынѣ въ странѣ свободы гораздо болѣе дѣтей (до 14 лѣтъ) въ исправительныхъ тюрьмахъ разныхъ наименованій, нежели взрослыхъ преступниковъ въ острогахъ. Этотъ непреложный фактъ достаточно краснорѣчивъ самъ по себѣ, чтобы мы стали сопровождать его какими либо поясненіями.

Евгеній Правдинъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Музыкальные фельетоны и замѣтки Петра Ильича Чайковскаго (1868—1876 гг.), съ приложеніемъ портрета, автобіографическаго описанія путешествія за границу въ 1888 г. и предисловія Г. А. Лароша. Москва. 1898.

ИЗЪ НАПЕЧАТАННЫХЪ въ этой книгѣ статей и замѣтокъ нашего знаменитаго композитора — шесть появились въ свое время, отъ 1868 по 1871 г., въ «Современной Лѣтониси», а остальные (54), если не считать единственнаго письма Чайковскаго въ редакцію «Голоса», въ 1873 г., были напечатаны въ теченіе 1872—1876 гг., въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Последняя изъ этихъ статей была написана Чайковскимъ 22 года тому назадъ, а потому мысль соединить ихъ въ одно цѣлое можно только привѣтствовать. Такимъ образомъ составилась интересная книга въ 391 стр., не считая предисловія Г. А. Лароша. Что же касается автобіографическаго описанія путешествія Чайковскаго за границу въ 1888 г., то оно, насколько намъ извѣстно, является въ печати въ первый разъ и только увеличиваетъ интересъ книги.

Собранныя здѣсь статьи, при свойственной автору ихъ правдивости и искренности, имѣютъ тройное значеніе. Во-первыхъ, онѣ важны, какъ матеріалъ для исторіи музыкальной жизни въ Россіи за все время, о которомъ въ нихъ идетъ рѣчь, и которое, строго говоря, не ограничивается девятилѣтіемъ, съ 1868 по 1876 г., т. е. періодомъ критической дѣятельности Чайковскаго, но нѣсколько переходитъ эти предѣлы. Во-вторыхъ, статьи Чайковскаго, за-

ключая въ себѣ, въ общедоступной литературной формѣ, сужденія лица вполне компетентнаго о многихъ музыкальныхъ произведеніяхъ, интересъ къ которымъ скорѣе возросъ съ тѣхъ поръ, чѣмъ уменьшился, прочтутся и въ настоящее время легко и съ удовольствіемъ не только музыкантами или подготовленными любителями музыки, но и обыкновенными читателями. Въ-третьихъ, наконецъ, собранныя теперь статьи Чайковскаго, даже совершенно оставляя въ сторонѣ замѣтку его о своемъ заграничномъ путешествіи, представляютъ важный матеріалъ для біографіи нашего славнаго композитора, такъ какъ въ нихъ ярко отразилась его независимая личность, его вкусы и взгляды на музыку. Предисловіе Г. А. Лароша, товарища Чайковскаго по консерваторіи, много дополняетъ статьи П. П. въ этомъ отношеніи, проливая свѣтъ на исторію его весьма переменчивыхъ музыкальныхъ мнѣній за все время жизни.

Шестидесятые годы, открывшіе новую эру въ исторіи русской жизни, годы какъ бы пробудившейся, напряженной умственной дѣятельности, отмѣчены и въ исторіи нашей музыкальной дѣятельности. Основаніе Антономъ Рубинштейномъ Русскаго Музыкальнаго Общества и его братомъ Николаемъ—отдѣленія того же Общества въ Москвѣ, основаніе консерваторіи въ Петербургѣ и одновременно же, въ 1862 г., въ Петербургѣ же, по инициативѣ М. А. Балакирева и Г. Я. Ломакина—«Безплатной музыкальной школы» (см. статью В. В. Стасова «25-ти-лѣтіе Безпл. муз. шк.», «Историч. Вѣстн.» 1887 г.), наконецъ, знаменательное движеніе среди русскихъ музыкантовъ—послѣдователей М. П. Глинки, извѣстное подъ названіемъ новой русской школы или Балакиревскаго кружка (Балакиревъ, Кюп, Римскій-Корсаковъ, къ которымъ позже присоединились Мусоргскій и Бородинъ)— вотъ главные факты, которые прежде всего приходятъ на умъ, когда мысленно обращаешься къ той славной порѣ. Когда Чайковскій выступилъ на поприще музыкально-критической дѣятельности, только что закончилась дѣятельность А. С. Даргомыжскаго († 1869 г.), и прошло уже десять лѣтъ по кончинѣ М. П. Глинки († 1857 г.). Въ то время значеніе ихъ еще почти не было выяснено. Горячо и ожесточенно велся споръ русланистовъ (Ц. А. Кюп и В. В. Стасовъ) и анти-русланистовъ, съ А. С. Сѣровымъ во главѣ. Чайковскій сталъ на сторону Сѣрова. Изъ двухъ оперъ Глинки онъ отдавалъ предпочтеніе «Жизни за Царя», а «Руслана» называлъ «рядомъ безсвязныхъ фантастическихъ сценокъ», «волшебнымъ спектаклемъ, сопровождаемымъ отличнѣйшей музыкой». Также былъ Чайковскій противъ и другого знамени новой русской школы—«Каменнаго Гостя» Даргомыжскаго, и на этотъ разъ противъ самыхъ приемовъ музыкальнаго искусства и противъ стиля этой оперы, особенно защищаемой и охраняемой Ц. А. Кюп. Горячность, задоръ, страстность и прогрессивность статей Кюп въ «Сиб. Вѣдомостяхъ» сильно не нравились Чайковскому, и онъ вступилъ съ нимъ въ рѣзкую полемику, возмущаясь «самовольной невѣжественностью, съ которою Кюп (по его словамъ) однимъ взмахомъ пера повергаетъ во прахъ вѣковые авторитеты, ставя на ихъ мѣсто нѣсколько пріятелей своего кружка». Это не мѣшало, однако, Чайковскому внѣ полемики относиться сочувственно къ нѣкоторымъ композиторамъ того же кружка. Онъ очень уважалъ и цѣнилъ музыкальную

дѣятельность и композиторскій талантъ М. А. Балакирева, выражая сожалѣніе о его малой плодовитости, а дебютомъ его критической дѣятельности была сочувственная замѣтка въ «Совр. Лѣт.» 1868 г. «по поводу Сербской фантазіи Римскаго-Корсакова», которую онъ заключаетъ слѣдующими словами: «нѣтъ сомнѣнія, что этому замѣчательно даровитому человѣку суждено сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ украшеній нашего искусства». Нужно имѣть тонкое артистическое чутье Чайковскаго, чтобы по одной Сербской фантазіи угадать и оцѣнить будущаго автора «Антара», «Пековитянки», «Снѣгурочки» и «Садко».

Въ своихъ фельетонахъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» Чайковскій довольно внимательно слѣдилъ за музыкальною жизнью въ Москвѣ, считая ее бѣдной не только по сравненію съ заграничною, но и петербургскою жизнью. Стѣюя, напримѣръ, на московскую публику за то, что она не могла отстоять свою національную оперу, позволивъ безъ всякаго протеста отдать на нѣсколько лѣтъ Большой театръ — итальянцамъ, онъ подчеркиваетъ фактъ существованія русской оперы въ Петербургѣ. Въ горячей газетной полемикѣ нѣсколькихъ критиковъ Чайковскій усматриваетъ существованіе въ Петербургѣ музыкальных партій и отсюда выводитъ, что публика въ Петербургѣ «живо интересуется всѣмъ касающимся музыки» (?). Чайковскій одно время искренно вѣрилъ въ возможность воздѣйствія на публику путемъ печати. Онъ часто выражалъ свое негодованіе на вкусы публики, ломящейся въ театръ итальянской оперы послушать двухъ, трехъ знаменитостей солистовъ, или даящей шумный успѣхъ г. Славянскому, котораго онъ называетъ «ловкимъ эксплуататоромъ московскаго патриотизма», возмущаясь тѣмъ, что онъ «выдаетъ себя за собирателя и перелагателя русскихъ пѣсень, какъ будто достаточно быть бездарнымъ пѣвцомъ, чтобы умѣть записать и гармонизировать русскую пѣсню». Часто доставалось отъ Чайковскаго и исполнителямъ, даже оркестровымъ музыкантамъ. Конечно, большинство изъ исполнителей, которыхъ коритъ Чайковскій, теперь заслуженно забыто, а потому и мнѣнія о нихъ уже неинтересны. Однако, ихъ нельзя было бы выбросить, не нарушивъ цѣльности впечатлѣнія читателя, такъ какъ статьи написаны чрезвычайно литературно, живо, прекраснымъ слогомъ. Остроуміе, юморъ, то добродушный, то злой, иронія, смѣхъ, доходящій до рѣзкости и сарказма, негодованіе и горячность встрѣчаются у Чайковскаго на каждомъ шагѣ и не позволяютъ утомиться вниманію и остыть интересу читателя. Иногда въ немногихъ словахъ Чайковскій умѣетъ охарактеризовать музыку того или другого композитора, подмѣтить слабыя стороны, найти ключъ къ уразумѣнію самой сущности таланта композитора. Таковъ, напримѣръ, его отзывъ о Мендельсовѣ, музыку котораго онъ сравниваетъ по впечатлѣнію съ прилзанными, корректными, всегда спокойными людьми, умѣющими быть пріятными, но быстро надѣждающимися своей «невозмутимо изящной элегантною». Чайковскій несомнѣнно обладалъ литературнымъ талантомъ и критическимъ чувствомъ, что нерѣдко встрѣчается у композиторовъ. Таковы были: Шуманъ, Вагнеръ, Берліозъ, у насъ Стрѣвъ, Кюи. Можно было бы пожалѣть, что Чайковскій такъ скоро покинулъ свою критическую дѣятельность, если не принять во вниманіе, какъ

часто и много неприятностей приносила эта дѣятельность самимъ композиторамъ, какъ таковымъ. А вѣдь Чайковскій не былъ изъ осторожныхъ критиковъ, умѣющихъ обходить цензурные вопросы, а тѣмъ болѣе кривить душой. Онъ былъ слишкомъ благороденъ, честенъ и искрененъ для этого. Кромѣ того, по самому свойству своей натуры Чайковскій не придерживался какгонибудь опредѣленнаго направленія и, по свидѣтельству Лароша, «менѣе всего былъ чловѣкъ догмата». Его сужденія были основаны на инстинктѣ, на непосредственно полученномъ впечатлѣннн. Сколько самолюбій могъ бы онъ задѣтъ, если бы продолжалъ писать! Этимъ же свойствомъ натуры Чайковскаго объясняется непослѣдовательность и противорѣчїе между многими его мнѣнїями, съ чѣмъ и самъ онъ соглашался. Ларошъ рассказываетъ, какъ на протяженнн двухъ лѣтъ измѣнилось сужденн Чайковскаго о 8-й симфонн Бетховена, и что на замѣчанн Лароша по этому поводу, что «у него семь пятницъ на недѣлѣ», Чайковскій отвѣчалъ: «совершенно вѣрно». Самые разнообразныя, повиднмому, вкусы совмѣщались и уживались въ немъ. Главнымъ богомъ его былъ Моцартъ, затѣмъ Шуманъ, Глинка, Григъ. Къ Бетховену онъ питалъ благоговѣнн, но безъ пылкаго энтузіазма, еще равнодушнѣ относился онъ къ Баху и Гайдну и, по словамъ Лароша, терпѣть не могъ Генделя и Шопена; къ Берліозу и Листу тоже не питалъ любви, какъ и къ Вагнеру, лучшимъ произведеннмъ котораго считалъ увертюру къ «Фаусту», а не его «музыкальныя драмы». Брамса не только не любилъ, но удивлялся отзывамъ о глубннѣ его музыки такихъ знатоковъ, какъ Гансъ фонъ-Бюловъ. Чайковскій не чуждъ былъ симпатїи къ итальянской музыкѣ, особенно въ молодости, а также и къ французамъ: Гуно, Оберу. Ларошъ упоминаетъ объ увлеченн Чайковскаго увертюрами Литольфа: «Робеспьеръ» и «Жирондисты», оставившими слѣдъ и на его собственныхъ сочиненїяхъ. Исторїя мнѣннй и вкусовъ Чайковскаго завела бы насъ слишкомъ далеко. Отсылаемъ любознательнаго читателя къ интересному предисловію Лароша и къ самой книгѣ; пользуясь указателемъ, приложеннымъ къ ней, очень легко ознакомиться со взглядами Чайковскаго на данную личность за девять лѣтъ его критической дѣятельности.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ автобіографическомъ описанн путешествїя Чайковскаго за границу въ 1888 г. Здѣсь интересны признанн Чайковскаго о себѣ, какъ о дирижерѣ. Настоящаго капельмейстерскаго дарованн онъ не признавалъ въ себѣ и долго совѣмъ не могъ выступать дирижеромъ, не будучи въ состояннн, по его же словамъ, побороть свою «болѣзненную застѣнчивость». Первый разъ онъ дирижировалъ въ Москвѣ своей оперой «Черевички», въ Большомъ театрѣ, 19-го января 1887 г. Ему было тогда 47 лѣтъ. Это было передъ путешествнмъ. За границей Чайковскій выступалъ дирижеромъ своихъ произведеннй нѣсколько разъ и, пожалуй, больше, чѣмъ въ Россїи. Очень живо и интересно рассказываетъ Чайковскій о заграничной музыкальной жизни и своихъ знакомствахъ, въ томъ числѣ о Брамсѣ и Григѣ, съ которымъ онъ сошелся довольно близко, и о которомъ онъ говоритъ восторженно. Автобіографическая замѣтка, да и всякнига, какъ мы уже сказали раньше, несомнѣнно послужитъ матеріаломъ для будущей обстоятельной біографн Чайковскаго. Пожелаемъ же, чтобы такая біографн поскорѣ увидѣла

свѣтъ, и чтобы біографомъ Чайковскаго былъ именно Г. А. Ларонгъ, давшій уже нѣсколько отрывковъ изъ своихъ воспоминаній о своемъ знаменитомъ товарищѣ.

Г. Т.

Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго. Томъ I. Спб. 1899.

Издатели сочиненій покойнаго профессора Петербургскаго университета А. Д. Градовскаго поставили цѣлью собрать и перепечатать его важнѣйшіе ученые и публицистическіе труды. Работа ихъ затрудняется, однако, тѣмъ, что публицистическія статьи Градовскаго разбросаны во многихъ газетахъ подъ различными псевдонимами, а нѣкоторыя—и совсѣмъ безъ подписи, почему бываетъ иногда очень трудно опредѣлить, принадлежитъ ли данная статья перу Градовскаго или нѣтъ. Издатели говорятъ въ предисловіи, что изданіе собранія сочиненій Градовскаго является своевременнымъ, такъ какъ многія публицистическія его статьи стали теперь библиографической рѣдкостью. Пока намѣчено содержаніе только восьми томовъ, а потомъ, можетъ быть, будутъ выпущены и дополнительные томы. По намѣченному теперь плану содержаніе первыхъ двухъ томовъ будетъ состоять изъ изслѣдованій и статей Градовскаго по русскому праву и законодательству; въ третьемъ и четвертомъ томахъ будутъ помѣщены начала русскаго государственнаго права и статьи по отдѣльнымъ вопросамъ русскаго государственнаго права; въ V и въ VI-мъ государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ; VII и VIII томы будутъ посвящены этюдамъ и запискамъ по теоріи и практикѣ государственной жизни. При одномъ изъ томовъ будетъ данъ біографическій очеркъ Градовскаго и портретъ его.

Въ первомъ недавно вышедшемъ томѣ помѣщены: диссертация Градовскаго «Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія и генераль-прокуроры», «Историческій очеркъ учрежденія генераль-губернаторствъ въ Россіи», «Вступительная лекція по государственному праву, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 10-го октября 1866 года»; актовая рѣчь: «О современномъ направленіи государственныхъ наукъ», а также извѣстные его отзывы о книгахъ: «Вѣче и князь» Сергѣевича и «Монастырскій приказъ» Горчакова. Основною статьею вышедшаго тома является магистерская диссертация: «Высшая администрація и генераль-прокуроры». Здѣсь нашъ ученый говоритъ, что онъ искалъ въ XVIII ст. зародышъ современныхъ учреждений; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдилъ также за «судьбою старо-русскихъ началъ въ чуждыхъ, повидному, для насъ учрежденіяхъ», которыя часто съ Петра Великаго прикрываются иностраннымъ именемъ того или другого учрежденія и продолжаютъ развиваться. Нѣкоторыя нововведенія Петра I, списанныя съ иноземнаго образца, привились, а другія—погибли. Это произошло, по мнѣнію профессора, оттого, что въ первомъ случаѣ было дано удовлетвореніе потребностямъ нашей юридической жизни въ прошломъ столѣтіи. Авторъ взялъ предметомъ своего изслѣдованія генераль-прокурорскую власть, потому что «эта должность, по его словамъ, имѣла огромное значеніе для всей администраціи XVIII вѣка, связь ея съ важнѣйшими учрежденіями этой эпохи и особенно съ правительствующимъ

сенатомъ, довѣріе къ нимъ нашихъ лучшихъ монарховъ достаточно объясняютъ этотъ выборъ». Указывая на трудность своей задачи, Градовскій говоритъ, что она вытекаетъ изъ плохой разработки государственной науки въ нашемъ отечествѣ. Вслѣдствіе этого ему нерѣдко приходится невольно войти въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ вопросовъ, которые выходятъ за предѣлы его спеціальнаго изслѣдованія и имѣютъ лишь отдаленную связь съ постановкой генераль-прокурорской власти. Генераль-прокурору въ царствованіе Петра I «пришлось дѣйствовать именно въ ту эпоху, когда правительство наше создало превосходство коллегіальнаго начала предъ всѣми другими». Поэтому судьба генераль-прокурора была тѣсно связана съ сенатомъ. Паденіе власти генераль-прокурора влекло за собою уменьшеніе власти сената, и наоборотъ усиленіе одного влекло за собою возвышеніе власти другого. Главное положеніе въ диссертациі Градовскаго было сформулировано такъ: «генераль-прокуроръ не представляется началомъ бюрократическимъ, а необходимымъ элементомъ сената, какъ высшей государственной коллегіи, въ которой онъ не имѣетъ никакого значенія». Съ Екатерины II у насъ развивается областная администрація, возникаютъ новыя мѣстныя учрежденія; сенатъ превращается въ высшее судебное учрежденіе, начинаетъ выдѣляться «значеніе генераль-прокурора, какъ могущественнаго органа исполнительной власти, и начинается постепенное отпаденіе его отъ сената». При Александрѣ I съ введеніемъ министерствъ падаетъ значеніе генераль-прокурора, и онъ больше уже не является въ прежней силѣ, сохраняя лишь слабый отгѣнокъ прежняго величія. 1810-й же годъ, время изданія второго учрежденія министерствъ, есть, по словамъ Градовскаго, «последній предѣлъ паденія власти генераль-прокурора, послѣ котораго уже онъ не является въ прежней силѣ». Диссертациія настолько талантливо и обстоятельно написана, что уже сразу обратила вниманіе нашихъ ученыхъ на молодого автора. Съ такою же полнотою и основательностью изслѣдовано Градовскимъ происхожденіе и развитіе генераль-губернаторской власти въ Россіи («Историческій очеркъ учрежденія генераль-губернаторствъ въ Россіи»).

Въ вступительной лекціи по государственному праву Градовскій старается прежде всего опредѣлить, что такое государство. Онъ находитъ, что всѣ опредѣленія сущности государства, высказываемыя учеными, до настоящаго времени (1866 г.) неудачны, какъ и всѣ старанія опредѣлить сущность учрежденій и явленій, въ «основѣ которыхъ лежитъ абсолютное понятіе». Найдя, что сущность государства опредѣлить нельзя, покойный профессоръ старается показать, изъ какихъ элементовъ состоитъ государство въ данное время. «Первымъ неоспоримымъ элементомъ, — говоритъ Градовскій, — есть власть не въ смыслѣ учрежденій, а въ смыслѣ могущества, присвоеннаго государству». «Подъ именемъ власти разумѣется идеальное всемогущество государства, идея государственнаго абсолютизма безъ отношенія къ той или другой его формѣ». Слѣдующимъ элементомъ онъ считаетъ авторитетъ религіи, которая въ теченіе всей исторіи человѣчества шла рука объ руку съ государствомъ. Третьимъ элементомъ государства Градовскій считаетъ авторитетъ экономической — собственности вообще и въ особенности собственности поземельную. Въ актовой рѣчи «О современномъ направленіи государственныхъ наукъ» Градовскій говоритъ о

необходимости примирения политической теории съ практикой государственной жизни; по его мнѣнію, теоріи, не примиренныя съ практикой, приводятъ къ разрушенію государственнаго строя, чему примѣромъ можетъ служить великая французская революція, когда во имя абсолютной идеи справедливости приносились въ жертву благо и счастье гражданъ. Наученная горькимъ опытомъ революціи новая философія начинаетъ считаться съ прошлымъ государства и смотритъ на государство, какъ на «явленіе историческое, т. е. подчиненное условіямъ пространства и времени». Философія XVIII ст. обращала вниманіе на форму государственнаго устройства, тогда какъ философія XIX вѣка исключительно интересуется вопросамъ о способахъ государственнаго управленія, такъ что отличительнымъ признакомъ новой философіи является примиреніе теоріи съ практикой. Результатомъ такого примиренія является совмѣстная дѣятельность государства и общества. «Государственная регламентація, самоуправленіе и частные союзы», по словамъ Градовскаго, три главныя формы совмѣстнаго управленія, которыя мы встрѣчаемъ въ западныхъ государствахъ. Въ концѣ своей рѣчи Градовскій переходитъ къ Россіи и оканчиваетъ пожеланіемъ, чтобы и у насъ политическая наука не сдѣлалась безплодною теоріей, а руководствовалась опытомъ прошедшаго и примѣромъ настоящаго.

Работы Градовскаго не представляются совокупностью разрозненныхъ статей, вѣтъ, это одно стройное цѣлое, проникнутое любовью автора къ отечеству. Издатели удачно поставили эпиграфомъ къ собранію сочиненій Градовскаго его слова, сказанныя когда-то въ частномъ письмѣ: «Для жизни нужна сила, сила въ знаніи, знаніе въ трудѣ». Въ этихъ словахъ выражается основное воззрѣніе профессора на его дѣятельность.

Д. Е.

С. И. Уманецъ. Воспоминанія о князѣ С. В. Шаховскомъ и балтійскіе очерки. Спб. 1899.

Большая часть очерковъ, вошедшихъ въ составъ настоящей небольшой книги г. Уманца, въ свое время была напечатана на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и знакома постояннымъ читателямъ нашего журнала. Новинками являются—статьи объ эстонскихъ сагахъ и описаніе замка Фалль, подъ Ревелемъ, а также самый цѣнный очеркъ книги—личныя воспоминанія автора о покойномъ эстляндскомъ губернаторѣ, кн. С. В. Шаховскомъ, при которомъ г. Уманецъ состоялъ на службѣ.

Въ статьѣ объ эстонскихъ сагахъ авторъ знакомитъ русскихъ читателей съ любопытнымъ эпосомъ эстонскаго племени, гдѣ раскрывается и богатая фантазія, и глубокая мысль, и своеобразная оригинальность. Особеннаго вниманія заслуживаетъ эпическое преданіе о происхожденіи племени, откуда мы узнаемъ мнѣніе эстовъ объ обстановкѣ, при которой они появились на землѣ, а также латыши и вѣмцы. Что касается воспоминаній г. Уманца о его начальникѣ, кн. Шаховскомъ, опытъ біографіи котораго былъ своевременно предложенъ читателямъ «Историческаго Вѣстника» (1896 г., т. LXIII), то въ нихъ передъ читателемъ главнымъ образомъ рисуется симпатичный портретъ рус-

скаго администратора въ его отношеніяхъ къ своимъ подчиненнымъ, къ служебнымъ обязанностямъ и трудному дѣлу служенія русскимъ интересамъ въ оппозиціонной окрестности. Въ заключеніе своего интереснаго очерка, авторъ дѣлаетъ попытку снять съ памяти усопшаго русскаго дѣятеля нерѣдко раздававшіяся по его адресу нареканія въ «нетерпимости», «фанатизмѣ», «неуживчивости» и т. п. качествахъ, дѣлавшихъ его непопулярнымъ въ глазахъ мало знавшихъ его лицъ. По мнѣнію г. Уманца, кн. Шаховской никогда не былъ ни фанатикомъ, ни нетерпимымъ. Время и обстоятельства, при которыхъ человекъ дѣйствовалъ, накладываютъ на него, безъ его воли, извѣстный отпечатокъ, часто мало отвѣчающій его внутреннимъ качествамъ. Такъ было и съ кн. Шаховскимъ. «Проведя почти весь періодъ своего управленія Эстляндской губерніи въ укорененіи новыхъ началъ и устоевъ государственной жизни, такъ не похожихъ на тѣ, которыми жила страна въ дореформенную эпоху, — говоритъ г. Уманецъ, — князь не могъ обойтись безъ борьбы, которую поневолѣ пришлось вести съ приверженцами стараго порядка, весьма многочисленными на балтійской почвѣ. Открывая множество новыхъ православныхъ приходоу въ краѣ, князь сталкивался тѣмъ самымъ съ интересами лютеранства, и опять-таки ему пришлось шагъ за шагомъ отстаивать пользу и выгоду православной церкви... Но энергичное проведеніе правительственныхъ задачъ, безъ промедленія и компромиссовъ, отнюдь не было ни фанатизмомъ, ни нетерпимостью, и всѣмъ извѣстны отзывы мѣстной нѣмецкой интеллигенціи о князѣ С. В. Шаховскомъ, какъ о человекѣ «умномъ» и «благородномъ». Князь, несомнѣнно искалъ сближенія съ благомыслящимъ нѣмецкимъ элементомъ края и, основывая въ Ревелѣ русское общественное собраніе, надѣялся, какъ мы сказали, на возможность этого сближенія при помощи собранія. Это сближеніе русскихъ съ мѣстными кружками входило у князя въ задачи обрусенія и, конечно, въ значительной степени помогло бы успѣхамъ русскаго дѣла въ краѣ. Но мѣропріятія князя въ значительной степени парализовались неумѣлостью и безтактностью окружавшихъ его лицъ служебнаго вѣдомства, благодаря чему и губернаторъ казался «однимъ въ полѣ воиномъ», и имъ-то онъ обязанъ былъ репутаціей «фанатика», конемъ, однако, никогда не былъ. «Мнѣ кажется, — добавляетъ г. Уманецъ, — князь С. В. Шаховской чувствовалъ это въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Ревелѣ, когда «горячка» дѣятельности первыхъ лѣтъ его губернаторства постепенно миновала и можно было спокойно осмотрѣться вокругъ. Если бы покойному было суждено прожить дольше, я глубоко увѣренъ, что онъ серьезно принялся бы самъ, безъ посредства окружавшихъ его лицъ, такъ часто не попадавшихъ ему въ камертонъ, за сближеніе съ мѣстной средой, всегда отдававшей должное его административнымъ способностямъ и уважавшей его, какъ человека».

Рядомъ съ кн. Шаховскимъ, г. Уманецъ даетъ и нѣкоторыя краткія свѣдѣнія о двухъ сподвижникахъ покойнаго — вице-губернаторѣ А. П. Василевскомъ и правителѣ канцеляріи Ф. С. Эйсмонтѣ, нынѣ тоже скончавшихся. Вся брошюра г. Уманца будетъ не безъ пользы прочитана пріобрѣтшими ее, какъ свидѣтельство живого человека о людяхъ и мѣстахъ, съ которыми ему при-

шлое волею судьбы познакомиться и получить о них определенное впечатление и о которых наше общество часто имѣетъ самыя смутныя и ложныя понятія.

Г.

В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.). Спб. 1899.

Въ сущности, учебникъ профессора Латкина является единственнымъ въ своемъ родѣ, такъ какъ большинство курсовъ исторіи русскаго права касаются императорскаго періода лишь въ самыхъ общихъ чертахъ; немногіе же учебники, о которыхъ этого нельзя сказать, давно устарѣли или распроданы. Такимъ образомъ, нечего и говорить о томъ, до какой степени отвѣчаетъ новая книга всеобщей потребности. На 532 страницахъ крупнаго формата въ ней дается солидный и обстоятельный обзоръ всѣхъ отраслей законодательства и политической жизни двухъ послѣднихъ столѣтій, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ «Русская земля» стала «Россійской имперіей». Преслѣдуя учебныя цѣли, авторъ естественно долженъ былъ стремиться не столько къ новизнѣ или оригинальности взглядовъ, сколько къ отчетливому и полному воспроизведенію состоянія науки исторіи русскаго права въ текущій моментъ. Въ этомъ отношеніи можно смѣло сказать, что онъ вполне достигъ своей цѣли и далъ намъ надежное и удобное пособіе, равно пригодное и для учебныхъ занятій, и для научныхъ справокъ. Было бы только желательно встрѣтить въ будущихъ изданіяхъ книги передъ каждымъ параграфомъ библиографическій перечень относящейся къ нему литературы, такъ какъ въ теперешнемъ видѣ подстрочныя примѣчанія имѣютъ цѣлью оправдать изложеніе автора, а не помочь ориентироваться и облегчить справки читателю: между тѣмъ въ учебникѣ послѣднее гораздо важнѣе. Главнѣйшими особенностями учебника должно въ его теперешнемъ видѣ признать, во-первыхъ, значительное преобладаніе вопросовъ государственнаго права надъ другими юридическими дисциплинами, а, во-вторыхъ, подавляющій перевѣсъ историческихъ подробностей и фактовъ надъ юридическою систематизаціей и общими руководящими идеями. Признавая солидность и полную книгу, нельзя не поставить ей въ упрекъ чрезвычайной сухости и громоздкости изложенія. Читателю преимущественно предоставляется запоминать прочитанное и лишь изрѣдка имѣется въ виду возбудить въ немъ личное сомнѣніе, самостоятельное обсужденіе предлагаемыхъ свѣдѣній. Политическая исторія Россіи и исторія нашего государственнаго быта охарактеризована довольно полно и разносторонне, но зато мало освѣщено развитіе началъ уголовного и гражданскаго права и процесса, причѣмъ самыя свѣдѣнія изъ этихъ областей изложены особенно отрывочно и сухо. Книга дѣлится на двѣ части—внѣшнюю (стр. 3—106) и внутреннюю исторію (стр. 107—528). На первыхъ 35 страницахъ дана исторія законодательства частнаго (уставы, регламенты, указы), а конецъ первой части посвященъ кодификаціи. Исторія государственнаго права занимаетъ стр. 107—392, т. е. больше половины всей книги (уголовное право изложено на 48 стр., гражданское на 69 стр. и процессъ на 18 стр.) и дѣлится на четыре главы: терри-

торія, населеніе, государь и управленіе, гражданское право излагается всецѣло на основаніи «Исторіи російскихъ гражданскихъ законовъ» Неволпна по институтамъ особенной части нандектной системы, т. е. сначала право семейное, затѣмъ наследственное, вѣчное и наконецъ обязательственное. Въ заключеніе замѣтимъ, что при массѣ фактическаго матеріала, собраннаго въ книгѣ, къ ней безусловно необходимы: подробные указатели—хронологическій, предметный и указатель источниковъ. Автору слѣдовало бы выпустить ихъ хоть отдѣльною брошюрою, не дожидаясь слѣдующаго изданія книги. Нельзя не пожалѣть, что русскіе ученые все еще не убѣдились въ обязанности для каждаго автора, въ его непремѣнномъ долгѣ передъ читателями, снабжать каждое свое изданіе, особенно учебники и курсы, справочными пособиями, главнымъ образомъ указателями.

В. В. Н.

Русскія лѣтописи. I—III. 1) Лѣтописецъ патр. Никифора.—2) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго.—3) Хроника русская (Лѣтописецъ вкратцѣ) проф. И. Даниловича. Съ предисловіемъ Сергѣя Вѣлокурова. М. 1898.

Несмотря на то, что большинство нашихъ рукописныхъ хранилищъ, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ, давно извѣстно ученымъ и во многихъ случаяхъ стало даже достояніемъ науки, однако есть еще немало собраній, совершенно никому неизвѣстныхъ и въ то же время представляющихъ значительный научный интересъ. Въ числѣ такихъ собраній, неизвѣстныхъ до послѣдняго времени, было и собраніе Н. И. Никифорова (въ г. Горбаговѣ, Нижегородской губ.), которому впродолженіе четверти вѣка удалось разыскать, во время своихъ разъѣздовъ по различнымъ городамъ и весямъ, «немало очень хорошихъ и старыхъ списковъ памятниковъ древне-русской литературы (до 800 лѣтъ)». Ознакомившись съ ними, г. С. Вѣлокуровъ рѣшился сдѣлать общезвѣстнымъ одинъ изъ нихъ, повидимому, наиболѣе интересный, а именно рукописный сборникъ XV в., въ который вошли, въ числѣ «довольно многочисленныхъ статей», три печатаемыхъ имъ «Лѣтописца».

Въ довольно обширномъ введеніи къ нимъ г. Вѣлокуровъ сообщаетъ краткое изслѣдованіе этихъ «Лѣтописцевъ».

Первый изъ нихъ—«Лѣтописецъ патр. Никифора»,—говоритъ онъ, «представляетъ изъ себя краткія хронологическія показанія—сколько лѣтъ прошло отъ одного событія до другого, сколько лѣтъ жило или царствовало то или другое лицо и т. п. свѣдѣнія», начиная отъ времени перваго человека и кончая разсказомъ о томъ, «како Авраамъ позна искати Бога». Списки «Лѣтописца» извѣстны какъ греческіе, такъ и русскіе; послѣдніе принадлежатъ къ XI—XVI в. и встрѣчаются въ кормчихъ, хронографахъ, лѣтописяхъ и др., подъ особымъ заглавіемъ: то «Лѣтописецъ вскорѣ», то «Лѣтописецъ вкратцѣ» патр. Никифора. По списку XIII в. онъ изданъ въ приложеніи къ Лаврентьевской лѣтописи, а по списку XVI в. въ I т. Никоновской лѣтописи (IX т. Полн. собр. лѣт.).

Находящийся же въ рукописномъ сборникѣ Н. П. Никифорова «Лѣтописецъ» патр. Никифора «отличенъ отъ изданнаго русскаго текста, представляеть особую редакцію его, извѣстную только въ этой одной рукописи». Отличіе состоитъ въ довольно значительныхъ вставкахъ изъ Амартола, изъ которыхъ нѣкоторыя хотя и встрѣчаются въ другихъ лѣтописяхъ, но не въ лѣтописцѣ патр. Никифора. Вставки, исключительно принадлежація этой рукописи, говорятъ «о Нахорѣ, о передачѣ имъ дѣтямъ эллинскаго ученія, о началѣ идолопоклонства, о почитаніи различными народами разныхъ божествъ, о Форѣ кумиротворцѣ, Аранѣ и Авраамѣ».

Кромѣ общаго заглавія: «Временникъ великихъ царствъ, отколе кое царство пошло, и русское княженіе», въ рукописи Н. П. Никифорова имѣется еще и другой частный: «Святого отца нашего Никифора, патріарха Константинограда, лѣтописецъ векорѣ».

Вторая рукопись— «Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго»— болѣе цѣнный документъ изъ собранія Никифорова. Она представляетъ собою послѣ изданнаго кн. М. А. Оболенскимъ «Лѣтописца» въ IX т. «Временника Моековскаго Общ. Исторіи и Древн.» второй списокъ его, подъ такимъ же заглавіемъ: «Лѣтописецъ русскихъ царей», и хотя менѣе полный (всего на 15 листахъ и прерывающійся на 6415 г.), но болѣе интересный по вставкамъ, которыхъ нѣтъ во всѣхъ другихъ лѣтописныхъ сводахъ, и которыя указываютъ на то, что составитель пользовался какою-то недошедшею до насъ лѣтописью. Всѣ эти вставки фразъ, выраженій и даже цѣлыхъ разсказовъ о разныхъ событіяхъ указываются г. Бѣлокуровымъ.

Но еще большее научное значеніе имѣеть третій печатаемый лѣтописецъ— «Хроника русская», составленная въ первой половинѣ XV в. Какъ извѣстно, она открыта была въ 1820 или въ 1821 г. проф. П. Даниловичемъ и имъ же издана въ 1823 г. Но издана она была польскимъ шрифтомъ, хотя и съ русской рукописи (Суздальскаго монастыря, при томъ крайне неудовлетворительно, съ большимъ количествомъ ошибочныхъ чтеній и съ нѣсколькими пропусками. Мало того, въ настоящее время суздальской рукописи не существуетъ, и потому Никифоровскій списокъ «Хроники», печатаемый г. Бѣлокуровымъ впервые русскими буквами, является единственнымъ и особенно цѣннымъ документомъ. По словамъ издателя, онъ близокъ къ списку XVI в. проф. Даниловича и мѣстами даже тождественъ. «Но между ними встрѣчается и различіе, какъ въ чтеніи того или другого мѣста, такъ и въ приведеніи извѣстій: нѣсколькихъ извѣстій, имѣющихся въ спискѣ Н. П. Никифорова, не находится въ Суздальской рукописи», но гораздо больше извѣстій, сообщаемыхъ послѣднею, отсутствуетъ въ спискѣ Н. П. Никифорова, отчего онъ и можетъ быть названъ краткою редакціею «Хроники».

Руководясь изданіемъ Даниловича и этимъ спискомъ, г. Бѣлокуровъ представилъ наиболѣе подробное и точное изданіе «Лѣтописца вкратцѣ», такъ какъ въ немъ сдѣланы поправки по новой рукописи и дополненія къ послѣдней по изданію Даниловича.

Въ предисловіи издатель отмѣтилъ всѣ отличія Никифоровской рукописи и, основываясь на томъ, что въ ней особенно много вставокъ относительно

дѣйствиі митр. Фотія за 6918 — 6935 гг. и затѣмъ событій, бывшихъ въ Смоленскѣ, которыя при томъ излагаются съ нѣкоторымъ субъективизмомъ, онъ полагаетъ, что «Лѣтописецъ вкратцѣ» составленъ въ Смоленскѣ въ 1428 — 1430 гг. лицомъ духовнымъ и близкимъ къ митр. Фотію, а именно митр. Герасимомъ, въ бытность его въ 1426—1432 гг. смоленскимъ епископомъ.

Въ виду вообще «довольно интереснаго состава» рукописнаго сборника XV в., принадлежащаго Н. И. Никифорову, г. Бѣлокуровъ, издавая упомянутые лѣтописцы, знакомитъ въ то же время и съ остальными статьями, входящими въ этотъ сборникъ. Статьи эти слѣдующія: 1) Палея историческая (на 61 л.), заключающая лишь небольшія измѣненія и вставки въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, сравнительно съ изданной въ I кн. за 1881 г. «Чтеній Московскаго Общ. Исторіи и Древн. Росс.» Андреемъ Поповымъ; 2) три листа изъ другой какой-то Палеи; 3) пять листовъ «Сборника о Бзѣ починаемъ», состоящаго изъ 39 статей, содержаніемъ которыхъ служатъ преимуществу слова и поученія св. Василия, Космы, Евагрія, Кирілла Туровскаго и др.; 4) сказанія, выдержки изъ житій святыхъ, описанія и т. п.

В. Р.—въ.

Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Томъ третій. Софія. 1898.

Въ 1895 году, въ Константинополѣ былъ открытъ русскій археологическій институтъ съ цѣлью разработки классической и греко-византійско-славянскаго археологіи и исторіи. Подъ руководствомъ своего просвѣщеннаго директора, профессора Ф. И. Успенскаго, институтъ сдѣлалъ уже немало, несмотря на непродолжительное свое существованіе. Каждый годъ институтъ знакомитъ русское общество съ наиболее важными результатами своихъ научныхъ изысканій въ области археологіи и исторіи посредствомъ печатнаго своего органа «Извѣстій». Предъ вами теперь—третій томъ этихъ «Извѣстій», любопытный не только для спеціалистовъ.

Въ упомянутомъ томѣ помѣщены слѣдующія статьи.

1) О. Ф. Вульфъ, — «Александръ съ кошемъ. Бронзовая статуэтка коллекціи А. И. Нелидова» (стр. 1—59). Бывшій русскій посолъ въ Константинополѣ (нынѣ въ Римѣ), А. И. Нелидовъ, совершенно случайно приобрѣлъ на константинопольскомъ базарѣ у продавца древностей небольшую бронзовую статуэтку, которая, однако, представляетъ первостепенное значеніе въ исторіи древне-классическаго искусства. Статуэтка, по изслѣдованію г. Вульфа, воспроизводитъ знаменитую статую Лисиппа — «Александръ (Великій) съ кошемъ». Обоснованію этого тезиса, равно какъ обсужденію многосторонняго значенія указаннаго памятника, и посвящена статья г. Вульфа. Въ ней интересующіеся классическимъ искусствомъ найдутъ подробное описаніе статуэтки русскаго владѣльца и ея отношенія къ оригиналу, а также ознакомятся съ воззрѣніями ея ученаго описателя по болѣе широкимъ и основнымъ вопросамъ исторіи искусства и иконографіи. Къ статьѣ приложены и фотографическіе снимки любопытнаго памятника классической древности.

2) J. Pargoire — «Анаплусъ и Сосенъ» (стр. 60—97). Эта статья относится къ топографіи средневѣковаго Константинополя и уясняетъ положеніе двухъ мѣстностей города, обычно представляемыхъ неправильно даже самими греками. Въ статьѣ сообщается немало новыхъ историко-топографическихъ свѣдѣній, относящихся къ Константинополю въ византійскую эпоху. Къ сожалѣнію, статья написана на французскомъ языкѣ, не для всѣхъ доступномъ.

3) Ѡ. П. Успенскій — «Византійская табель о рангахъ» (стр. 98—131). (Статья имѣетъ большой интересъ, какъ въ виду неразработанности вопроса, такъ и потому, что составлена на основаніи рукописныхъ матеріаловъ, впервые введенныхъ въ ученый оборотъ почтеннымъ Ѡ. П. Успенскимъ. Рѣчь идетъ о чинахъ и государственныхъ должностяхъ, существовавшихъ въ Византійской имперіи. Въ извѣстномъ Сборникѣ придворныхъ обрядовъ Константина Пофиродрова (De ceremoniis aulae byzantinae) помѣщенъ между прочимъ обширный трактатъ съ табелью о рангахъ, составленный протоснаваріемъ и артиклиномъ Филоеемъ. Согласно занимаемой имъ должности, авторъ трактата имѣлъ главною обязанностью разсылать приглашенія, распределять и сажать за царскій столъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ по ихъ чинамъ и должностямъ. Такъ какъ это была очень нелегкая задача, и нерѣдко были возможны недоразумѣнія и ошибки, то артиклинъ Филоеи составилъ руководство для своихъ сослуживцевъ съ цѣлью избѣжать ошибокъ, «вслѣдствіе которыхъ», — говоритъ онъ, — «не только можетъ пострадать блескъ царскихъ достоинствъ, но и мы сами окажемся смѣшными и негодными для своей службы». Изъ предисловія трактата видно, что Филоеи считаетъ точное знаніе табели о рангахъ искусствомъ и притомъ весьма важнымъ. «И всякая наука», — говоритъ онъ, — «имѣетъ какое либо практическое приложеніе къ жизни, наука (ἐπιστήμη) же устройства царскаго стола обнаруживаетъ главнѣйшую свою полезность въ искусствѣ различать разные чины по ихъ классамъ и степенямъ и въ умѣнн каждому точно указать свое мѣсто. Пбо ни въ чемъ иномъ такъ не выставляется напоказъ житейская знатность и блескъ чиновшенія, какъ въ приглашеніи занять мѣсто за блистательной трепезой мудрѣйшихъ нашихъ царей. Тѣмъ, кто призванъ къ служенію въ званіи артиклина, слѣдуетъ со всѣмъ вниманіемъ начертать въ своемъ умѣ терминологию чиновъ, чтобы быть въ состояніи усвоить ихъ и изложить по отдѣламъ, подраздѣленіямъ и точнымъ степенямъ». Формулируя содержаніе своей «науки», авторъ даетъ ей такое опредѣленіе: «Знаніе точныхъ терминовъ чиновъ, ихъ раздѣленій, понижающихся и повышающихся степеней, искусство къ каждому обратиться по его титулу». Такимъ образомъ, авторъ весьма серьезно смотритъ на свою задачу. Составивъ свой трактатъ, авторъ назначилъ его для руководства, а, можетъ быть, и прямо для учебника тѣмъ лицамъ, коимъ по ихъ служебному положенію необходимо было въ точности знать табель о рангахъ. Вотъ какъ онъ дѣлаетъ общую оцѣнку своего труда. «Я изложилъ въ лѣствичномъ порядкѣ поименно всѣ чины, соединенные съ пожалованіемъ внѣшняго отличительнаго знака, затѣмъ обозначилъ должности и чины, получаемые по царскому приказу, наконецъ, привелъ въ систематическомъ порядкѣ подчиненные вышеупомянутымъ чины такимъ образомъ, что главные изъ нихъ

поставилъ на первомъ мѣстѣ, второстепенные же особо и каждый въ отдѣльности. Не ограничиваясь этимъ, я показаль ихъ классы и ясно изобразилъ свойственныя каждому преимущества и свое простое и удобопонятное изложеніе снабдилъ, какъ бы для пригготовительнаго класса, для руководства изучающихъ его прилагаемой при семь таблицю». Отсюда можно видѣть, что трактатъ Филоея, составленный имъ вполне методично, съ полнымъ знаніемъ современной автору практики и литературы предмета и для руководства служащимъ при царскомъ дворѣ, имѣеть большую важность для науки о древностяхъ. Однако, до сего времени этотъ трактатъ оставался почти безъ всякаго изслѣдованія. Причина эта заключается въ томъ, что текстъ трактата, какъ и всего сборника «De segetoniis», страдаетъ завѣдомыми ошибками, пропусками, ненужными повтореніями. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ дѣлать выводы на основаніи данныхъ, приводимыхъ у протоспаварія Филоея, оказывается крайне серіозная необходимость въ очищеніи текста его трактата. Но это возможно лишь при содѣйствіи другихъ редакцій трактата Филоея, копъ, однако, до послѣдняго времени не было отыскано въ богатѣйшихъ рукописныхъ собраніяхъ Востока и Запада. Профессоръ Ѳ. П. Успенскій оказался въ этомъ случаѣ счастливѣе другихъ изыскателей: ему удалось открыть новый рукописный матеріалъ по изученію византійской табели о рангахъ. Именно, въ пергаменномъ сборникѣ различнаго содержанія, составленномъ въ XII—XIII вѣкахъ и находящемся въ іерусалимской патріаршей библиотекѣ подъ № 39, онъ нашелъ, во-первыхъ, отрывокъ трактата протоспаварія Филоея о византійскихъ чинахъ и должностяхъ и, во-вторыхъ, перечень (τακτικόν) византійскихъ чиновъ и должностей, относящійся къ царствованію императора Михаила III (842—867 г.) и его матери Θεодоры. Въ своей статьѣ г. Успенскій и занимается сопоставленіемъ текста печатнаго и рукописнаго, касающагося византійской табели о рангахъ, и дѣлаеть на основаніи тщательнаго изученія того и другого весьма любопытные выводы о византійской системѣ чиновъ и должностей. Въ виду тонкости изысканій почтеннаго ученаго, не представляется нужнымъ излагать ихъ здѣсь, скажемъ лишь, что статья г. Успенскаго въ области византологіи имѣеть крупное значеніе, несмотря на небольшой свой объемъ.

I. Thibaut — «Очеркъ изъ исторіи византійской музыки» (стр. 138—179). Въ статьѣ изслѣдуется византійская нотная система въ томъ видѣ, какъ она установлена великимъ представителемъ церковно-богослужебной музыки восточно-византійской церкви, св. Іоанномъ Дамаскскимъ (VIII вѣка). Для любителей церковно-богослужебнаго пѣнія и вообще восточной музыки статья дастъ немало новыхъ интересныхъ свѣдѣній. Главное ея достоинство состоитъ въ томъ, что она составлена при пособіи почти исключительно рукописнаго греческаго матеріала, найденнаго авторомъ въ библиотекахъ Запада и Востока, а недостатокъ, пожалуй, въ томъ, что написана на французскомъ языкѣ.

5) Ѳ. П. Успенскій — «Двъ историческія надписи. I. Надпись на башнѣ Артавасда. II. Пограничный столбъ между Византійей и Болгаріей при Симеонѣ» (стр. 180—194). Первая надпись открыта въ городѣ Никеѣ, въ стѣнѣ башни, между Стамбуль-кауспи и Гель-кауспи; она сообщаетъ о пораженіи арабовъ византійскимъ войскомъ при императорѣ Львѣ Ісаврѣ, вѣроятно, въ

726 году; по этому поводу сотрудникомъ императора, патрикіемъ и куропалатомъ Артавасдомъ, воздвигнута была въ Никеѣ башня, въ одну изъ стѣвъ коей вдѣлана мраморная доска съ надписью. Въ статьѣ Ѳ. И. Успенскаго представлено и факсимиле этой надписи. Вторая надпись найдена на колоннѣ въ селеніи Нарынъ-Кей, близъ города Фессалоники. Эта колонна служила пограничнымъ столбомъ между Византіей и Болгаріей при болгарскомъ царѣ Симеонѣ (893—927 гг.), о чемъ и свидѣтельствуетъ найденная на колоннѣ надпись. Профессоръ Успенскій обстоятельно анализируетъ эту надпись и комментируетъ ее историческими данными. И эта надпись представлена въ фотографическомъ снимкѣ.

Въ приложеніи къ «Извѣстіямъ» помѣщенъ отчетъ о дѣятельности русскаго археологическаго института въ Константинополѣ въ 1897 г. (стр. 195—230). Дѣятельность эта выражалась: 1) въ устройствѣ засѣданій, на конхъ докладывались рефераты по различнымъ вопросамъ византологіи; 2) въ ученыхъ экскурсіяхъ, которыхъ въ теченіе года было три: по Малой Азіи, въ Фракію, по берегу Мраморнаго моря и на острова Хиосъ и Патмосъ; 3) въ собраніи археологическаго матеріала чрезъ своихъ сотрудниковъ, въ обработкѣ этого матеріала и въ изданіи своихъ ученыхъ трудовъ. Институтъ имѣетъ собственную бібліотеку, въ которой къ концу отчетнаго года было 8.468 томовъ при 3.756 названіяхъ, и кабинетъ древностей, гдѣ также имѣется не мало произведеній античнаго и христіанскаго искусства.

Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ есть учрежденіе въ высокой степени симпатичное. Находясь въ центрѣ нѣкогда существовавшей Византійской имперіи, съ которою Русь связана многочисленными и многообразными связями, оно является передовымъ научнымъ дѣятелемъ въ духѣ и направленіи русскої науки, которая еще такъ мало заявила себя въ области міроваго знанія. И дѣятельность этого учрежденія довольно почтенна, какъ это отчасти можно видѣть и изъ обзора послѣдняго тома его «Извѣстій». Пожелаемъ же ему дальнѣйшаго процвѣтанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ выразимъ желаніе, чтобы институтъ возможно чаще издавалъ свои «Извѣстія», въ которыхъ интересующіеся византологіей русскіе читатели находятъ интересный и полезный матеріалъ.

Σ.

Д. И. Сапожниковъ. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина. Москва. 1899.

Рукописи Пушкина, о которыхъ идетъ рѣчь въ названной брошюрѣ, «вновь найдены» г. Сапожниковымъ въ усадьбѣ покойнаго П. В. Анненкова, при с. Чириковѣ, Симбирскаго уѣзда, въ 55 верстахъ отъ г. Симбирска, — «въ сараѣ, среди запыленныхъ и отчасти даже полусгнившихъ книгъ». Это — «семь блѣдно-синихъ, толстыхъ листовъ бумаги, въ четвертку каждый, съ отрывками изъ записокъ поэта во время пребыванія его въ лицей, по всѣмъ вѣроятіямъ, не поздне 1815 года», и нѣсколько лоскутковъ съ его замѣтками и набросками. П. В. Анненковъ пользовался ими для своихъ изданій «Сочиненій» Пушкина и «Матеріаловъ для его біографіи» (1873 года). Позднѣйшіе

издатели повторяли, въ данномъ отношеніи, первое изданіе, не зная этихъ рукописей, которыя не были вовсе использованы Анненковымъ. Послѣдній не напечаталъ нѣкоторыхъ изъ заключающихся въ нихъ текстовъ, какъ мало интересныхъ (по его мнѣнію). Теперь эти рукописи, представленныя г. Сапожниковымъ въ московскій Румянцевскій музей, переданы, какъ мы слышали, — въ академію наукъ и, вѣроятно, будутъ приняты во вниманіе редакціей предпринятаго академіей полнаго собранія сочиненій поэта. Въ разсматриваемой брошюрѣ онѣ воспроизведены буквально, съ объясненіями издателя и съ указаніемъ особенностей ихъ текстовъ отъ текстовъ ранѣе напечатанныхъ.

Имѣя нѣкоторое біографическое и историко-литературное значеніе, напечатанные г. Сапожниковымъ тексты не представляютъ ничего новаго для характеристики Пушкина, какъ поэта, и лишены художественнаго интереса. Здѣсь впервые напечатано полностью стихотвореніе «Вѣнчаніе Шутовскаго» (князя Шаховскаго). Но стихотвореніе это едва ли принадлежитъ Пушкину, такъ какъ въ рукописи ему предшествуетъ замѣтка: «Ш...овъ и г-жа В—на (то-есть, Шишкова и Бунина) увѣнчали недавно князя Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ, на этотъ случай сочинили очень остроумную пьесу подъ названіемъ: «Вѣнчаніе Шутовскаго». Если Пушкинъ и принималъ участіе въ сочиненіи этой «пьесы», то во всякомъ случаѣ она плодъ коллективнаго творчества лицейстовъ. Это показываетъ, насколько живо интересовались они литературой своего времени. За этой сатирой на Шаховскаго слѣдуютъ нѣсколько строкъ стиховъ и прозы, посвященныхъ любви юнаго поэта къ К. П. Бакуниной. Далѣе помѣщены «куплеты», которые были составлены лицейстами и пѣлись «на голосъ: бери себѣ повѣсу». Въ «куплетахъ» этихъ осмѣиваются учителя и воспитатели лицейстовъ: Карцевъ, Шумахеръ, Гакенъ, Владиславлевъ и другіе. Заканчивается этотъ отрывокъ изъ лицейскихъ записокъ поэта его характеристикой князя Шаховскаго, какъ писателя. Изъ прочихъ замѣтокъ большинство уже было напечатано. Таковы замѣчанія на Тацита, изъ которыхъ Анненковымъ пропущено лишь нѣсколько строкъ, и замѣтки о холерѣ.

М. С.

**Архимандритъ Макарій (Глухаревъ), основатель Алтайской миссіи.
П. В. Птохова. Москва. 1899.**

Исполнившееся въ 1897 г. пятидесятилѣтіе со дня кончины замѣчательнаго просвѣтителя сибирскихъ инородцевъ, архимандрита Макарія (Глухарева), вызвало появленіе немалаго количества очерковъ и изслѣдованій о жизни и подвигахъ этого дѣятеля. Монографія г. Птохова, печатавшаяся раньше въ московскомъ журналѣ «Православный Благовѣстникъ» и вышедшая теперь отдѣльнымъ изданіемъ, безспорно, является наиболѣе серьезнымъ трудомъ въ ряду этихъ біографій какъ по полнотѣ обследованнаго матеріала, такъ и по приѣмамъ его обработкѣ.

Дѣятельность архимандрита Макарія среди сибирскихъ язычниковъ имѣла характеръ не миссіонерскій только, но просвѣтительный въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. По примѣру прославленныхъ на страницахъ русской цер-

ковной исторіи мужей Стефана Пермскаго, Трифона Печенгскаго, Пиннокентія, просвѣтителя алеутовъ, и др.—и о. Макарій Глухаревъ не ограничивалъ своей задачи наученіемъ крещаемыхъ молитвамъ и краткому катехизису, но старался внести въ ихъ даже повседневную жизнь начала высшей культуры, общалъ имъ знанія, необходимыя для болѣе совершеннаго строя жизни. Труды самоотверженнаго дѣятеля увѣнчались успѣхомъ, несмотря на самыя тяжелыя внѣшнія условія. Въ добри Алтая, — говоритъ г. Игоховъ, — бѣдные и дикіе обитатели котораго поголовно почти держались язычества, является бѣдный монахъ, съ слабымъ до крайности здоровьемъ, безъ надежныхъ сотрудниковъ, при совершенномъ почти отсутствіи матеріальныхъ средствъ, но съ твердою вѣрою, съ горячей любовью къ дикарямъ и съ несокрушимой энергіей. И вотъ въ малое, даже для жизни одного человѣка, время въ самомъ центрѣ кочевокъ дикихъ племенъ образуется весьма значительная община христіанъ, которые являются христіанами не по имени только, но и по жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ уважаютъ болѣе совершенную культуру и устраняются на прочныхъ началахъ осѣлости и домовитости.

Миссіонерскій путь, бесспорно, самый тернистый и трудный, но, какъ видимъ изъ разсказа г. Игохова, не розами усыпана была жизнь о. Макарія и въ мірскомъ званіи. Всѣмъ, конечно, извѣстны, какъ суровы были школьные порядки (особенно въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства) въ старину, сколько силъ погибло или схвихнулось подъ вліяніемъ безпощадной жестокости, царившей всевластно. Особенно страдали натуры мягкія и впечатлительныя, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести и о. Макарія. Кто бы, напри- мѣръ, могъ подумать, что ему пришлось чуть не жизнью поплатиться изъ-за пустой угрозы самодура-учителя. Вотъ разсказъ объ этомъ характерномъ случаѣ самого о. Макарія. «Какъ-то одинъ разъ урокъ былъ заданъ большой, и я не могъ его выучить; учитель, узнавъ о томъ, сказалъ мнѣ: послушай, если ты опять не выучишь урока, я спорю тебѣ всю кожу отъ шеи до пятъ. Какъ ребенокъ, я принялъ эту угрозу буквально и, возвращаясь домой, плакалъ всю дорогу. Это было зимой—я простудился, заболѣлъ и, проболѣвъ полгода, чуть не умеръ. Съ тѣхъ поръ грудь и голосъ стали у меня слабы» (стр. 9). Нельзя сказать, чтобы особенно привлекательной представлялась и педагогическая дѣятельность, на которую вступилъ о. Макарій по окончаніи въ 1817 г. курса въ Сиб. духовной академіи. «Преподаватели семинаріи, — говоритъ г. Игоховъ, — въ то время получали за свои труды ничтожное вознагражденіе и жили въ черномъ тѣлѣ. Приниженное и нищенское положеніе приводило ихъ къ тому, что они дѣлались совершенно равнодушными къ своему дѣлу и доходили до унижительныхъ отношеній къ начальствующимъ и къ родителямъ учениковъ. Приношенія родителей наставникамъ семинаріи и натурою, и деньгами были, дѣломъ въ то время самымъ обычнымъ» (стр. 14), а потому новаторство о. Макарія, гнушавшагося «благодарностями», встрѣтило открытую вражду со стороны всѣхъ сослуживцевъ. Вообще вся жизнь архимандрита Макарія до выступленія на миссіонерское поприще, разсказанная г. Игоховымъ въ первой главѣ изслѣдованія (5—36 стр.), была слѣдствіемъ коллизій пошлой среды и высокой личности о. Макарія,

окончившихся тѣмъ, что онъ принужденъ былъ проситься въ отставку и удалиться на покой.

Наиболѣе прославила имя о. Макарія его миссіонерская дѣятельность, продолжавшаяся съ 1830 по 1845 г.; описанію ея, конечно, посвящена и большая часть изслѣдованія (36—119). По количеству обращеній въ христіанство дѣятельность о. Макарія не поражаетъ внушительностью результатовъ; за все время управленія имъ Алтайской миссіей крещено всего 675 чел. (стр. 92). Этотъ фактъ является лучшимъ доказательствомъ той осторожности, съ которою поступалъ въ этомъ важномъ дѣлѣ миссіонеръ. Онъ былъ врагомъ всякой скороспѣлой системы и крестилъ лишь послѣ того, какъ убѣждался въ полной искренности обращенія. Въ книгѣ г. Птохова разсказано нѣсколько случаевъ, когда о. Макарій нарочно медлилъ крещеніемъ изъ опасенія, что обращааемый соблазняется лишь мелкими житейскими выгодами; да и въ обыкновенныхъ случаяхъ крещеніе совершалось уже тогда, когда неофитъ прочно усвоилъ главнѣйшія истины христіанства и твердо зналъ молитвы. Этимъ, конечно, объясняется прочность тѣхъ обращеній въ христіанство, которыя были плодомъ его трудовъ, равнымъ образомъ здѣсь же лежитъ и главнѣйшее значеніе миссіонерской дѣятельности о. Макарія, послужившей образцомъ для его преемниковъ по апостольскому подвигу.

Въ весьма симпатичномъ такъжѣ свѣтѣ представляются труды о. Макарія по переводу Вѣтхаго Завета съ еврейскаго подлинника на русскій языкъ. «Одна эта научно-богословская работа,—совершенно справедливо говоритъ г. Птоховъ,—въ связи съ церковно-общественною дѣятельностью о. Макарія для приведенія своей идеи въ исполненіе даетъ ея автору право на безсмертіе въ исторіи Русской церкви» (стр. 121). Въ третьей главѣ своего изслѣдованія г. Птоховъ весьма подробно разсказываетъ, сколько энергіи потребовалось, сколько огорченій, неудачъ, даже преслѣдованій, пришлось перенести приноминальному труженику на пути осуществленія своей свѣтлой идеи. Переводъ о. Макарія увидѣлъ свѣтъ уже по смерти его (напечатанъ въ «Православномъ Обозрѣніи» за 1860—1867 гг.); онъ послужилъ значительнымъ подспорьемъ (вмѣстѣ съ переводами не менѣе высокопочтеннаго дѣятеля протоіерея Г. П. Павскаго) для лицъ, приводившихъ къ концу дѣло перевода Библии на русскій языкъ; слѣдовательно, труды въ этомъ направленіи о. Макарія не исчезли безслѣдно.

Послѣдніе годы жизни о. Макарій провелъ въ г. Болховѣ (Орловской губ.) въ званіи настоятеля Троицкаго Оптина монастыря. Если и теперь въ глухой провинціальной средѣ встрѣчается множество суевѣрій и обрядовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ духомъ христіанства, то не трудно представить себѣ, какое обиліе подобныхъ суевѣрій господствовало въ провинціальной жизни сороковыхъ годовъ. Въ изслѣдованіи г. Птохова приведены весьма характерныя въ этомъ отношеніи примѣры: въ Болховѣ, напримѣръ, существовалъ предразсудокъ, вслѣдствіе котораго дѣвушки, до выхода въ замужество, считали за стыдъ ходить въ церковь. Нравы отличались крайнею огублѣнностью, царилъ чуть не поголовное невѣжество. Жатва ждала своего дѣлателя, и о. Макарій, невзирая на слабыя силы свои, съ присущей ему энергіей взялся за привычное

для него дѣло просвѣщенія людей, почти что сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной. «Оставивъ Алтай и переселившись въ Болховъ,—говоритъ г. Птоховъ,—онъ не покинулъ апостольской дѣятельности, а лишь перемѣнилъ мѣсто и обстановку и сталъ, по выраженію митрополита Филарета, «миссіонеромъ среди православныхъ» (стр. 141) и пожалъ и на этомъ поирнцѣ обильные плоды, такъ какъ его аскетическая жизнь, вызвавшая глубокое благоговѣніе къ нему со стороны народа, доставила въ то же время необычайное нравственное вліяніе на окружающихъ.

Въ заключительной главѣ изслѣдованія (211—225) г. Птоховъ характеризуетъ личность знаменитаго просвѣтителя и даетъ общій обзоръ его дѣятельности. Характеристика вѣсколько длинновата, а потому теряетъ свою яркость и выуклость. Въ краткой оцѣнкѣ трудовъ о. Макарія по переводу Библии на русскій языкъ г. Птоховъ вполне правильно указываетъ, что въ данномъ случаѣ необходимо различать двѣ стороны дѣятельности: самый переводъ на русскій языкъ священныхъ книгъ и защиту идеи необходимости дать русскому народу Слово Божіе на родномъ языкѣ. И мы вполне согласны съ г. Птоховымъ, что вторая сторона имѣла даже большее значеніе, чѣмъ первая, такъ какъ о. Макарій въ этомъ случаѣ явился отважнымъ борцомъ противъ господствовавшаго тогда убѣжденія, будто бы дать народной массѣ Священное Писаніе на родномъ языкѣ—дѣло вредное и опасное. Не надобно забывать, что такое убѣжденіе раздѣлялось и многими представителями высшихъ правительственныхъ сферъ.

Изслѣдованіе г. Птохова производитъ весьма пріятное впечатлѣніе научною серьезностью содержанія и дѣловитостью изложенія. По полнотѣ обзора и обилію обслѣдованнаго матеріала указываемая книжка можетъ быть далеко не лишнею въ книжномъ шкафу ученаго, а по простотѣ своего изложенія, чуждаго вычурностей и затѣй, она можетъ доставить пріятное и полезное чтеніе и обыкновенному любителю нашей церковной исторіи.

К. Х.

Отчетъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1896 годъ, съ приложеніемъ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ общества. Астрахань. 1898.

Послѣ различныхъ отчетовъ, изъ которыхъ видно, что дѣятельность общества съ 1896 года сосредоточивалась преимущественно на устройствѣ и приведеніи въ порядокъ музея общества и его библіотеки, помѣщены въ настоящей книжкѣ слѣдующіе рефераты: 1) Х. Н. Сергѣева—«О волго-каспійскомъ каналѣ», съ возраженіями на него гг. Нефедьева и Герсфельда (изъ обсужденія этого вопроса членами общества очевидно, что большинство ихъ стоитъ за устройство волго-каспійскаго канала); 2) В. Н. Виноградскаго—«О необходимости наблюденій надъ почвенной водой и о способѣ осушенія почвы г. Астрахани»; 3) В. В. Дремкова—«Объ условіяхъ подряда ловцовъ въ Астраханскомъ и Красноярскомъ уѣздахъ»; 4) В. В. Александрова—«Къ исторіи сношеній Россіи съ Хивою», и 5) П. А. Бирюкова—«Участіе астраханскихъ

калмыковъ и казаковъ астраханскаго-казачьяго войска въ войнахъ 1807 года и 1812—1804 годовъ».

Для насъ наибольшій интересъ представляютъ двѣ послѣднихъ статьи, составленныя на основаніи архивныхъ данныхъ и вносящія нѣкоторыя новыя свѣдѣнія.

Материаломъ для статьи г. Александрова послужило дѣло астраханскаго губернскаго архива за 1762 годъ «о прибытіи въ Астрахань хивинскаго посла Алла-Шукуръ-Бая со свитою». Когда въ Хиву пришло извѣстіе о кончинѣ императрицы Елисаветы Петровны и о вступленіи на престолъ Петра III, хивинскій ханъ Темпръ-Газы посѣдшилъ снарядить посольство для поздравленія императора и вмѣстѣ съ тѣмъ для упрядоченія торговыхъ сношеній съ Россіей.

Прибывъ въ Астрахань 31-го мая (1762 г.), Шукуръ-Бай долженъ былъ сначала представиться и вести переговоры съ астраханскимъ губернаторомъ Пероновымъ. Въ дѣлѣ оказались обильные матеріалы для восстановленія въ подробностяхъ всѣхъ приемовъ и посѣщеній посла, рѣчей, разспросовъ и т. п. Послѣ сношенія съ коллегіей иностранныхъ дѣлъ, рѣшено было отправить ханскаго посла съ частью его свиты въ Москву ко времени коронаціи Екатерины II; но послѣдній изъ-за болѣзни своей прибылъ въ Москву значительно позже, тѣмъ не менѣе засталъ еще тамъ дворъ и успѣлъ лично переговорить съ М. П. Воронцовымъ и получить отъ него письмо на имя хана, въ которомъ было обѣщано «устроить» и торговья дѣла.

По поводу послѣднихъ г. Александровъ нашелъ нужнымъ, пользуясь журналами губернской канцеляріи, составленными на основаніи указовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сообщить нѣсколько небезынтересныхъ подробностей о нашей торговлѣ чрезъ Астрахань съ азіатскими купцами.

Заканчивается разсматриваемая статья сообщеніемъ о смерти посла, случившейся, по возвращеніи изъ Москвы, въ Астрахани, о мѣрахъ, принятыхъ относительно его имущества, и о судьбѣ членовъ его свиты.

Статья г. Вирюкова состоитъ какъ бы изъ трехъ главъ: въ первой говорится о «Калмыцкомъ ополченіи 1807 г.». Согласно призывному манифесту 30-го ноября 1806 года, астраханское начальство распорядилось потребовать въ ополченіе «по одному вонну съ каждыя двухъ кибитокъ», и къ 1-му мая изъ всѣхъ улусовъ явилось 5 владѣльцевъ, 52 зайсанга и 5.139 калмыковъ. Но явившіеся съ большою неохотой калмыки, люди не военные, не знавшіе и не несшіе въ сущности никакихъ государственныхъ обязанностей, представляли изъ себя «орду» въ полномъ смыслѣ этого слова. «Поэтому», — говоритъ г. Вирюковъ, — «и не мудрено, что, какъ только калмыки двинулись съ Альты на Донъ, начались частыя утечки». По прибытіи же на Донъ, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ слуховъ, они стали убѣгать цѣлыми партіями.

Въ іюнѣ 1807 года, былъ заключенъ тильзитскій миръ, калмыцкому ополченію предстояло вернуться обратно, но при этомъ былъ назначенъ судъ надъ дезертирами, окончательно приведенный въ исполненіе только въ 1812 году.

Изъ слѣдующей главы — «Калмыцкіе полки и астраханскіе казаки въ

войну 1812—1814 гг.» — видно, что, хотя нѣкоторые калмыцкіе князьки и отказывались подъ разными предлогами принять участіе въ войнѣ, но явившіеся два полка ихъ (Тундутовъ и Тюменевъ), «безъ особыхъ затрудненій и приключеній въ смыслѣ дезертирства», принимали въ 1812—1814 годахъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и за проявленную въ нихъ храбрость были щедро награждены.

Наконецъ, въ третей главѣ — «Участіе калмыцкаго народа въ пожертвованіяхъ на нужды отечественной войны», — читаемъ, что въ эту войну калмыки жертвовали деньгами (болѣе 10.000 рублей), лошадьми и рогатымъ скотомъ. Все это значительно пополняетъ свѣдѣнія нашихъ историковъ войны 1812 года.

Къ статьѣ г. Бирюкова имѣются и «Приложенія», содержащія перепечатку исторической пѣсни, сочиненной калмыками во время кампаніи 1812 года, и описанія возвращенія калмыковъ съ похода (изъ газеты «Восточныя Извѣстія», 1814 г., № 48).

В. Р.—въ.

Дѣло». Сборникъ литературно-научный, изданный московскимъ отдѣломъ общества для усиленія средствъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института. Москва. 1899.

Лежащій передъ нами сборникъ выгодно отличается отъ многихъ «благотворительныхъ» изданій подобаго рода. Характерной чертой послѣднихъ является совершенно случайный подборъ матеріала и отсутствіе руководящей идеи у составителей сборника. Совсѣмъ не то — «Дѣло», появленіемъ своимъ обязанное усиліямъ друзей женской равноправности. Защитѣ правъ женщинъ на равноправность, исторіи ея уснѣховъ въ «освободительной» войнѣ, посвящено большинство статей, и беллетристическихъ, и научныхъ.

Изъ статей научныхъ останавливаютъ вниманіе помѣщенные на первыхъ страницахъ «Матеріалы къ исторіи женскаго медицинскаго образованія въ Россіи» — доктора г-жи Окуньковой-Гольдшигеръ. Матеріалы составлены по личнымъ воспоминаніямъ автора, по разсказамъ современниковъ и по архивнымъ документамъ; живо передаютъ они всѣ перипетіи борьбы за открытіе доступа женщинамъ къ высшему медицинскому образованію. Статья г. Погожева «Институтъ фабричныхъ инсектрисъ» трактуетъ о новомъ полѣ для женской дѣятельности, на которомъ женщины подвизаются уже во Франціи и Англій и, быть можетъ, вскорѣ будутъ работать и у насъ. Профессоръ Герье далъ въ сборникѣ небольшую статью съ большимъ заглавіемъ «Объ общественномъ призваніи женщинъ». Многіе, по всей вѣроятности, съ удивленіемъ прочтутъ въ очеркѣ московскаго профессора о томъ, что «если можно и слѣдуетъ говорить объ общественномъ призваніи женщинъ, то его нужно искать въ области общественнаго призванія въ широкомъ смыслѣ этого слова». Рекомендую всѣмъ женщинамъ, пиущимъ общественной дѣятельности, идти въ участковыя пошечительства, г. Герье обставляетъ свое приглашеніе, суживающее до міни-мума предѣлы женскаго общественнаго труда, всего-на-всего только тремя мотивами. Это, во-первыхъ — примѣры изъ современной жизни (въ участко-

выхъ попечительствахъ г. Москвы женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ); во-вторыхъ, «противъ призванія женщинъ къ общественному призрѣнiю не станутъ возражать и самые лютые блюстители принципа, что женщина не должна выходить изъ семьи, ибо, участвуя въ общественномъ призрѣнiи, она остается въ семьѣ, она содѣйствуетъ развитiю въ обществѣ тѣхъ началъ, на которыхъ зиждется семья». Третьимъ мотивомъ указываемаго призванія г. Герье считаетъ, что на поприщѣ общественнаго призрѣнiя женщина лучше всего можетъ доказать свое право на образованiе. Согласитесь, что мотивы очень жиденькiе. То обстоятельство, что женщины въ участковыхъ попечительствахъ больше, чѣмъ мужчины, доказываетъ только то, что въ настоящее время для ихъ дѣятельности отведено очень узкое пространство. Второй мотивъ очень страненъ и въ высшей степени споренъ, потому что нужно доказать, что участiе женщинъ въ другихъ отрасляхъ труда развиваетъ семью, и что современная форма буржуазной семьи сохранится и на будущее время. Относительно третьяго пункта нужно замѣтить: «неужели женщины могутъ доказать право на образованiе только на поприщѣ общественнаго призрѣнiя?» Очень странное впечатлѣнiе выносятся изъ чтенiя статьи проф. Герье: съ удивленiемъ подъ послѣдней строкой видишь его подпись!

Среди серьезныхъ статей сборника нельзя не отмѣтить въ высшей степени интересной и важной статьи бывшаго московскаго профессора *Θ. Эрсмана* «Совмѣстное обученiе мужчинъ и женщинъ». Проф. Эрсмана подвергъ разсмотрѣнiю печатныя данныя и собралъ самъ новыя, обратившись съ запросомъ къ швейцарскимъ профессорамъ. Изъ сравненiя отвѣтовъ г. Эрсмана съ неопровержимостью выводитъ, что никакихъ серьезныхъ препятствiй къ допущенiю женщинъ въ университеты нѣтъ. Практика швейцарскихъ факультетовъ ясно показываетъ всю несостоятельность возраженiй противъ допущенiя. Известный ученый, проф. Геймъ, такъ резюмируетъ, между прочимъ, выводы изъ двадцатилѣтней практики: «а) присутствiе студентокъ нисколько не стѣсняетъ университетскаго преподаванiя; в) оно оказываетъ на дисциплину среди студентовъ и на стремленiе ихъ къ работѣ благоприятное влiянiе, отсутствiе котораго для меня лично было бы большимъ лишенiемъ. Поэтому я нахожу крайне желательнымъ, чтобы не было учреждено специальныхъ высшихъ учебныхъ заведенiй для женщинъ, а чтобы лица обоего пола могли совмѣстно учиться въ однѣхъ и тѣхъ же аудиторiяхъ».

Изъ беллетристическихъ произведенiй укажемъ на рассказы и повѣсти гг. Боборыкина, В. И. Дмитриевой, Баранцевича, Гарина, Мамна-Сибиряка, М. В. Крестовской и зн. др. Было бы долго перечислять всѣ вещи, напечатанныя въ сборникѣ. Изъ имѣющихъ историческiй интересъ можно поставить на первомъ мѣстѣ «Изъ переписки М. Е. Салтыкова съ Н. А. Вѣлоголовымъ» и «Изъ переписки В. Г. Вѣлинскаго».

Интересъ содержанiя и важность цѣлей дѣлаютъ несомнѣннымъ уснѣхъ «Дѣла».

Щ.

И. А. Шляпкинь. Царевна Наталья Алексѣевна и театр ея времени. (Памятники древней письменности. СХХVIII). Спб. 1898.

Лѣтомъ 1892 года, въ библиотекѣ Устюжскаго собора, г. Шляпкину случайно удалось открыть цѣнную и любопытную рукопись, проливающую свѣтъ на начало русскаго театра и сообщающую новыя и неожиданныя данныя къ его исторіи. Въ спискѣ Номоканона, между заглавнымъ листомъ и правилами, г. Шляпкинь нашелъ «списки ролей, съ ремарками для выхода и ухода, съ окончаніемъ репликъ предшествующихъ лицъ и другими замѣтками, какихъ-то русскихъ, неизвѣстно переводныхъ или оригинальныхъ пьесъ, когда-то и гдѣ-то поставленныхъ на сценѣ». При дальнѣйшемъ обследованіи рукописи оказалось, что переписчикомъ и первымъ ея владѣльцемъ былъ карликъ Георгій Кордовскій, по всей вѣроятности, актеръ театра царевны Натальи Алексѣевны. Обращеніе къ историческимъ даннымъ позволило г. Шляпкину «почти безошибочно заключить, что рукопись карлика, написанная до 1721 г., представляетъ изъ себя ролевые отрывки изъ извѣстныхъ доселѣ лишь по заглавіямъ пьесъ репертуара театра царевны Натальи Алексѣевны († 1716 г.), а три, а, можетъ быть, и четыре, представляютъ, вѣроятно, оригинальныя произведенія первой русской царевны-писательницы. Значеніе находки г. Шляпкина станетъ ясно, если мы вспомнимъ, что намъ извѣстно въ исторіи русскаго театра. У насъ есть данныя объ иностранномъ, переводномъ репертуарѣ театровъ Грегори, Кунста и Фирета; въ литературномъ отношеніи этотъ репертуаръ не имѣлъ никакого вліянія на послѣдующее развитіе русскаго драматическаго творчества. Свѣдѣнія объ оригинальномъ русскомъ театрѣ начинаются съ извѣстій о пьесахъ Сумарокова, Ломоносова, Тредьяковскаго. Промежутокъ съ 1713 года (прекращеніе дѣятельности иностранцевъ) по 1749 годъ (появленіе русскихъ пьесъ) оставался до сихъ поръ почти незаполненнымъ. Кромѣ смутныхъ сообщеній объ авторствѣ Натальи Алексѣевны и даже Софій, никогда пьесъ не писавшей, мы не имѣли до сихъ поръ никакихъ матеріаловъ для сужденій о началѣ «русскаго» театра. Рукопись, изданная въ настоящее время г. Шляпкинымъ, даетъ, правда, не цѣлыя пьесы, а только списки той или другой роли. Несмотря на скудость матеріаловъ, все же можно сдѣлать кое-какія заключенія о первыхъ попыткахъ оригинальнаго драматическаго творчества.

Что же представляли изъ себя «комедіи» царевны Натальи Алексѣевны и другихъ первыхъ русскихъ драматурговъ, именъ которыхъ исторія не донесла до насъ? Конечно, когда мы говоримъ объ «оригинальныхъ» русскихъ произведеніяхъ, мы не беремъ понятія оригинальности въ ходячемъ теперь значеніи. Въ этихъ произведеніяхъ мы не найдемъ ни оригинальныхъ темъ, ни оригинальной разработки. Сюжеты русскіе драматурги черпали изъ чужд-мировъ для пьесъ духовнаго содержанія и изъ переведенныхъ въ концѣ XVII вѣка съ польскихъ романовъ для пьесъ съ свѣтскимъ характеромъ. Осмѣлившись самостоятельно сдѣлать то, что дѣлали до сихъ поръ иностранные предприниматели, т. е. выкроить пьесу, русскіе не ощутили смѣлости посамостоятельно отнестись къ разработкѣ темы. Въ уста дѣйствующихъ лицъ вкладывался безъ

всякихъ передѣлокъ минейный текстъ. «Драматизація сводится, главнымъ образомъ, къ діалогической формѣ, сопровождаемой большимъ количествомъ смѣняющихъ другъ друга картинъ, соответствующихъ каждому эпизоду разсказа. Измѣненія допускаются лишь въ смыслѣ распространенія въ драматической формѣ общихъ выраженій минейнаго текста». Въ минеяхъ, напримѣръ, стоитъ: «такой-то крестилъ такого-то». Авторъ комедій влагаетъ въ уста крестившему полную формулу крещенія; вмѣсто минейнаго «отправился» — рѣчи о готовности исполнить волю старца и т. п. Дальше подобныхъ измѣненій оригинальность авторовъ комедій не пошла. Въ найденныхъ г. Шляпкинымъ отрывкахъ мы имѣемъ образцы примитивнаго творчества, настолько примитивнаго, что трудно даже сдѣлать какія либо заключенія объ отношеніи этихъ пьесъ къ пьесамъ, появившимся послѣ 1749 года. Слишкомъ ужъ мало въ нихъ оригинальнаго... Къ сожалѣнію, г. Шляпкинъ въ своемъ изслѣдованіи оставляетъ безъ вниманія вопросъ о литературномъ вліяніи открытыхъ имъ памятниковъ, ограничившись нѣсколькими строками. «Комедіи эти во всякомъ случаѣ представляютъ любопытную попытку національнаго русскаго театра на ряду съ русскими придворными нѣмецкимъ, итальянскимъ и французскимъ театрами. Онѣ — предтеча послѣдовавшихъ за ними русскихъ пьесъ второй четверти XVIII вѣка, прямыхъ предшественниковъ русскаго театра до 1749 года, пока еще мало обслѣдованныхъ». Предтеча... по времени только или по литературной преемственности? Вопросъ остается открытымъ. Если принять во вниманіе степень оригинальности, то, пожалуй, пьесы, найденныя г. Шляпкинымъ, предтеча послѣдующихъ только по времени.

Кромѣ комедій, г. Шляпкинъ даетъ въ своей книгѣ текстъ найденныхъ имъ въ томъ же Устюжскомъ соборѣ сочиненій нѣкоего Лукашки Голосова. Это — діалоги о воплощеніи сына Божія, переложеніе прмсовъ, стихотворныя привѣтствія архіерею, царю Петру, патріарху Адріану, благодѣтелю и т. д. Въ историко-литературномъ отношеніи произведенія Луки Голосова не представляютъ интереса.

Щецъ—въ.

Ламаизмъ въ Тибетѣ, его исторія, ученіе и учрежденія. Опытъ историко-миссіонерскаго изслѣдованія священника Іоанна Попова. Казань. 1898.

Чтобы достигнуть полнаго уснѣха въ дѣлѣ проповѣди евангельской истины инородцамъ, — совершенно справедливо замѣчаетъ о. Іоаннъ Поповъ въ предисловіи къ своей диссертации, — необходимо проникнуть во внутреннее святилище души инородца, въ его ревитіозное міровоззрѣніе, дабы имѣть возможность говорить съ нимъ его языкомъ и его понятіями, ибо ничто насъ не можетъ такъ познакомить съ человѣкомъ, какъ его религія. Такимъ образомъ для большей уснѣшности въ дѣлѣ проповѣди евангелія язычникамъ миссіонеру необходимо изучить предварительно вѣрованія тѣхъ инородцевъ, среди которыхъ ему выпадаетъ жребій дѣйствовать. Желая прійти на помощь нашимъ миссіонерамъ въ дѣлѣ ознакомленія съ вѣрованіями ламаитовъ, кодексомъ морали, ихъ богослужебными установленіями, авторъ и предпринялъ настоящій трудъ,

имѣющей цѣлью представить возможно полное и обстоятельное изложеніе ламайскихъ вѣрованій. Такъ какъ главнѣйшимъ основаніемъ всѣхъ ламайскихъ вѣрованій является теологическая система тибетскихъ ламантовъ, то авторъ главное вниманіе свое сосредоточилъ на этой послѣдней.

Ламаизмъ, несовѣдусмый въ Россіи бурятами, тунгусами и калмыками, представляетъ собою одну изъ сектъ буддизма, почему авторъ въ обширномъ введеніи (1—127 стр.) подробно останавливается надъ вопросомъ о происхожденіи этой доктрины, разбираетъ легенды объ основателѣ буддизма и даетъ общій очеркъ развитія его. Самое изслѣдованіе состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой изложена исторія распространенія и процвѣтанія ламаизма въ Тибетѣ съ неизбежнымъ подраздѣленіемъ на «періоды» или «эпохи»,—изложена, надобно сказать, нѣсколько вяло и сухо. Вторая часть, посвященная изложенію догматическаго ученія ламаизма, представитъ, безспорно, наибольшій интересъ для тѣхъ подвижниковъ на мисіонерскомъ поприщѣ, для которыхъ предпринято о. Поповымъ настоящее изслѣдованіе и едва ли не для нихъ только однихъ. Для обыкновеннаго читателя будетъ довольно затруднительно вызвать въ себѣ хотя бы малый интересъ къ этой туманной теоріи, согласно которой, напримѣръ, «вѣрить въ то, что міръ ограниченъ,—ересь, вѣрить, что міръ неограниченъ,—ересь, вѣрить, что міръ ни ограниченъ, ни неограниченъ,—тоже ересь» (стр. 211). Очень можетъ быть, что при всестороннемъ ознакомленіи съ трактуемымъ ученіемъ читатель найдетъ бы въ немъ и поэтическія стороны, и смѣлый полетъ фантазіи, и искру вдохновенія, и глубину, но позволительно усомниться, найдутся ли добровольные охотники потратить трудъ и время на усвоеніе и перевариваніе слишкомъ ужъ хитрыхъ и замысловатыхъ формулъ—въ родѣ выше приведенной. Въ третьей части авторъ сгруппировалъ свѣдѣнія о ламайскомъ духовенствѣ, богослужебномъ ритуалѣ, иконографіи и т. п. внѣшнихъ сторонахъ ламайской религіи.

Изслѣдованіе о. Попова такимъ образомъ достаточно отвѣчаетъ намѣченной авторомъ цѣли—«дать возможность нашимъ мисіонерамъ среди ламантовъ болѣе или менѣе обстоятельно ознакомиться съ вѣрованіями тѣхъ инородцевъ, среди которыхъ имъ приходится дѣйствовать, и такимъ образомъ избавить ихъ отъ необходимости дѣйствовать оцупью». Впрочемъ, можно пожалѣть, что о. Поповъ не собралъ свѣдѣній, какія помѣщались въ нашей печати, о бытѣ, умственномъ и моральномъ складѣ и общемъ типѣ «русскихъ» инородцевъ-ламантовъ: такія свѣдѣнія были бы весьма не лишни и для мисіонеровъ.

Х—ть.

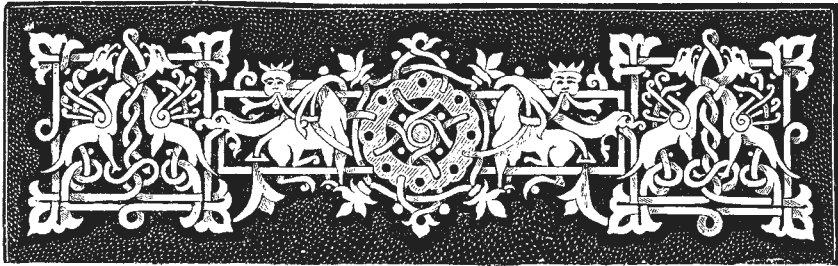
Я. К. Гротъ. Труды. I. Изъ скандинавскаго и финскаго міра (1839—1881). Очерки и переводы. Изд. подъ ред. проф. К. Я. Грота. Спб. 1898.

Въ изданномъ нынѣ первомъ томѣ трудовъ академика Я. К. Грота собрано все написанное имъ въ области скандинаво и финновѣдѣнія. Извѣстно, что покойный Я. К. Гротъ во время своего профессорства въ Александровскомъ университетѣ имѣлъ возможность изучить и, дѣйствительно, изучилъ финскую

жизнь съ различныхъ сторонъ. Какъ спеціалистъ по исторіи и литературѣ, онъ, конечно, удѣлялъ болѣе вниманія своимъ спеціальнымъ интересамъ. Онъ дѣлалъ экскурсіи въ область шведской и финской исторіи, основательно изучилъ какъ народную поэзію, такъ личное творчество Финляндіи. Въ образцовыхъ переводахъ, проникнутыхъ духомъ подлинника, Гротъ открывалъ русской публикѣ шведскихъ и финскихъ писателей, не пзвѣстныхъ въ Россіи даже по именамъ. Не ограничиваясь стариной, Гротъ былъ живымъ наблюдателемъ современной финляндской жизни и оповѣщалъ русскихъ читателей о важнѣйшихъ въ ней явленіяхъ. Давая очерки своихъ путешествій, онъ дѣлился своими впечатлѣніями отъ дивной природы и жизни.

Въ свое время статьи Грота печатались, болышею частью, въ «Современникѣ» Плетнева; въ то время о Финляндіи и финнахъ знали очень мало, и очерки Грота имѣли большое значеніе въ дѣлѣ ознакомленія русскихъ людей съ финляндской исторіей, литературой и бытомъ, ознакомленія, столь необходимаго для установленія правильного взгляда на отношенія Россіи къ Финляндіи. Нельзя сказать, что въ настоящее время русская публка можетъ похвалиться знаніемъ финновъ. Незнаніе финскихъ нравовъ, сохранившееся и до сихъ поръ, сыграло и играетъ очень печальную роль въ финско-русскихъ отношеніяхъ. Позволительно, поэтому, думать, что переизданіе статей Грота далеко не лишнее дѣло въ современной литературѣ. Щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

О первых годах въ исторіи.— Англійская исторія православной церкви.— Легенда объ императрицѣ Жозефинѣ.— Изъ бумагъ маршала Канробера.— Загадка объ эмской денежкѣ.— Изъ переписки двухъ государей.— Объ австрійской императрицѣ Елисаветѣ.— Изъ книгъ и статей о Россіи.

ПЕРВЫХЪ годахъ въ исторіи. Между специалистами по ассиро-вавилонскимъ и египетскимъ древностямъ давно идетъ споръ о томъ, какія цифры должно считать первыми историческими данными и, притомъ, египетскую ли или вавилонскую хронологию нужно считать болѣе древнею. Этому вопросу недавно посвятилъ особую книгу нѣмецкій ученый ориенталистъ К. Ф. Леманъ ¹⁾. Авторъ исходитъ изъ данныхъ, полученныхъ изъ найденнаго въ 1884 г., на обломкахъ кирпича, списка вавилонскихъ царей, дающаго свѣдѣнія о царяхъ вглубь вѣковъ, вплоть до третьяго тысячелѣтія до Р. Хр. Къ сожалѣнію,

однако, въ этомъ списокѣ не достаетъ цѣлаго ряда цифръ, касающихся царей съ половины восьмого вѣка до десятаго вѣка включительно и дополнить этотъ пробѣлъ представляется пока невозможнымъ. Кое-какія свѣдѣнія даютъ другіе источники. Въ Бавіанской надписи сказано, что за четыреста восемнадцать лѣтъ до того, какъ Санхеридъ взялъ въ 689 году Вавилонъ, вавилонскій царь Мардукнадинахе покоится у ассиріянина Тиглатъ-Пилезара идола боговъ. Отсюда опредѣлено, когда жилъ знаменитый Тиглатъ-Пилезаръ I, и, кромѣ того,

¹⁾ C. F. Lehmann, Zwei Hauptprobleme der altorientalischen Chronologie und ihre Lösung.—Также статья Эд. Мейера въ «Literat. Centralblatt» 1899, № 4.

находили возможным привести въ нѣкоторую связь извѣстные намъ списки вавилонскихъ и ассирійскихъ царей. Леманъ подвергъ подробному разсмотрѣнію эту Бавіанскую надпись и нашелъ, что въ ней, вѣроятно, имѣется ошибка рѣзчика, изобразившаго ее на камнѣ, и что слѣдуетъ предполагать, что онъ долженъ былъ начертить триста восемнадцать, а не четыреста восемнадцать. При помощи цѣлага ряда другихъ хронологическихъ выкладокъ, Леману удалось установить, что первая вавилонская династія началась около двухъ тысячъ трехсотъ шестидесяти лѣтъ до Р. Хр., и Хаммураби, знаменитѣйшій изъ первыхъ царей Вавилона, управлялъ съ 2248 по 2194 годъ до Р. Хр. Относительно этихъ цифръ, какъ и многихъ другихъ, авторъ убѣжденъ, что ихъ ему удалось установить съ точностью всего «до 8 лѣтъ». Вообще, у вавилонянъ по части лѣтописныхъ данныхъ относительно отдаленнѣйшей старины, очевидно, не было недостатка. Еще въ позднѣйшее время, при греческомъ владычествѣ, сохранялись безчисленные, подлинные документы, хроники и списки царей, дававшіе свѣдѣнія на протяжении цѣлыхъ тысячелѣтій; къ сожалѣнію, отъ всего этого остались лишь одни жалкіе обрывки. При помощи надписей, найденныхъ въ Тель-эль-амарнѣ въ Египтѣ съ персискою месопотамскихъ и египетскихъ царей, Леманъ опредѣляетъ и многія даты изъ египетской исторіи; напримѣръ, ему удается опредѣлить съ достаточною точностью, что Фараонъ Тутмосисъ III правилъ съ 1515 по 1461 годъ, а знаменитый Рамзесъ II, приблизительно, съ 1324 по 1258 годъ до Р. Хр. Относительно такъ называемой древнѣйшей вавилонской даты, относящейся къ Нарамсину, сыну Саргона, который, по документу одного изъ послѣднихъ вавилонскихъ царей, жилъ за три тысячи двѣсти лѣтъ до времени написанія этого документа,—Леманъ предполагаетъ, что и здѣсь имѣется ошибка въ счетѣ: Нарамсинъ, вѣроятно, жилъ лишь двѣ тысячи двѣсти лѣтъ до царя Набонета, т. е. «всего» за двѣ тысячи семьсотъ пятьдесятъ лѣтъ до Р. Хр. Такимъ образомъ, согласно изслѣдованіямъ Лемана, древнѣйшая исторія Вавилоніи оказывается сокращенной на цѣлое тысячелѣтіе и неимовѣрныя цифры прежнихъ ассиріологовъ, полагавшихъ первыхъ царей въ Междурѣчьи чуть не въ пятое тысячелѣтіе до Р. Хр., оказываются сведенными къ датамъ гораздо болѣе скромнымъ. Зато, однако, теперь египтологи оказываются одержавшими верхъ въ своихъ утвержденіяхъ о томъ, что Египетъ гораздо старше Вавилоніи. Вѣдь даже по минимальнымъ цифрамъ Эд. Мейера начало первой династіи въ Египтѣ относится къ три тысячи сто восьмидесятому году до Р. Хр., и есть основаніе предполагать, что, на самомъ дѣлѣ, государство египетское возникло цѣлымъ тысячелѣтіемъ раньше.

— Англійская исторія православной церкви. Достопочтенному А. Г. Гору, англиканскому священнику, пришла мысль написать «исторію православной греческой церкви за 18 столѣтій» ¹⁾. Книгѣ своей авторъ имѣлъ въ виду придать популярный характеръ, чтобы болѣе широкіе круги публики могли ознакомиться съ обширной темою, имъ избранною. Само собою разу-

¹⁾ Eighteen Centuries of the Orthodox Greek Church. By the Rev. A. H. Gore. Ср. Athenaeum. № 3721; 18-го февр. 1899.

мѣется, что въ книгѣ Гора лица, ничего не знающія о православной церкви, дѣйствительно найдутъ нѣкоторыя не безполезныя свѣдѣнія, но зато очень много авторъ навязжетъ имъ свѣдѣній и не вѣрныхъ и тенденціозно искаженныхъ, заимствованныхъ имъ, большею частью, изъ устарѣлыхъ книгъ и различныхъ второстепенныхъ курсовъ и компиляцій: знанія первоисточниковъ для исторіи греко-православной церкви у А. Г. Гора нѣтъ никакого. Исторія первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства изложена авторомъ довольно сносно, въ виду того, что для этого періода на англійскомъ языкѣ нѣтъ недостатка въ книгахъ. Но зато со времени исторіи Халкидонскаго собора начинается рядъ недоразумѣній, пропусковъ и ошибокъ. Св. Леонтія Византійскаго, великаго богослова конца VI вѣка, онъ совершенно забываетъ упомянуть. Точно также пропущены имъ Евѣмій Зигавинъ, авторъ «Панопліи», и Никита Акомнатъ. Объ испихабахъ въ XIV столѣтіи авторъ рассказываетъ просто по Гиббону, но съ гораздо меньшими подробностями; о Никифорѣ Григорѣ и Иоаннѣ Кинарссіотѣ, противникахъ Григорія Паламы, у него нѣтъ ни слова. Св. Теодоръ Студитъ упомянуть, но о значеніи его, изъ книги Гора, нельзя себѣ составить понятія. О павликіанахъ Горъ заимствуетъ кое-какія свѣдѣнія изъ Гиббона; но о богумилахъ, о ихъ ученіи, онъ совершенно ничего не знаетъ. Самое однако странное умолчаніе въ книгѣ Гора—это отсутствіе какихъ бы то ни было упоминаній объ Афонскихъ монастыряхъ. Въ исторіи церкви вопроса о церковной архитектурѣ и церковной музыкѣ можно было бы не касаться, но Горъ, тѣмъ не менѣе, коснулся и того и другого, но съ очень плачевнымъ результатомъ. Что касается архитектуры, то достаточно указать, что Горъ считаетъ императора Юстиніана «основателемъ» византійскаго стиля. Что же касается гимновъ церковныхъ, то Анатолія, въ стихирахъ котораго упоминаются событія VI и VII вѣковъ, онъ смѣшиваетъ съ патриархомъ Анатоліемъ, жившимъ въ V вѣкѣ. Лучшаго же изъ иѣснослагателей церковныхъ, св. Романа Сладкопѣвца, онъ даже не упоминаетъ. Изъ другихъ ошибокъ обращаетъ на себя вниманіе изобрѣтеніе Горомъ новаго константинопольскаго патриарха VI вѣка, нѣкоего Мемны, не говоря уже о новой сектѣ афеартодокетовъ. Хотя Горъ особый интересъ проявляетъ къ русской церкви, однако, у него очень смутныя представленія даже о томъ, кто именно славяне и какіе народы должны быть считаемы славянскими. Такъ онъ рассказываетъ, что «первымъ славянскимъ народомъ, принявшимъ христіанство, были хазары». Верхомъ его странной освѣдомленности является рассказъ объ обращеніи Болгаріи. По мнѣнію Гора, «Кириллъ и Меодій были посланы императрицею регентшею Теодорою въ эту страну и проповѣдывали съ такимъ успѣхомъ, что Борисъ сталъ на сторону ихъ ученія». О томъ, что св. братья дѣйствовали вовсе не въ Болгаріи, а въ Моравіи, почтенный англиканскій богословъ вовсе и не слышалъ. Судя по приведеннымъ фактамъ, касающимся лишь первыхъ вѣковъ греко-православной церкви, можно представить себѣ, какое понятіе о русской церкви получаютъ англичане, изучившіе ея исторію по одной лишь книгѣ Гора.

— Легенда о Жозефинѣ. По замѣчанію Л. Ланзакъ-де-Лабори, императрица Жозефина, первая супруга Наполеона I, до сихъ поръ была лишь полухристіанскою, почти легендарною личностью: всѣ писатели, которые оста-

навливались на ней—если не считать профессиональных памфлетистов— шли лишь панегирикъ ей съ «эпитегами вмѣсто фактовъ, прилагательными вмѣсто датъ». Это панегирическое направленіе особенно сильно было при Наполеонѣ III, внукѣ Жозефины. Первымъ дѣйствительно безпристрастнымъ трудомъ о Жозефинѣ, притомъ основаннымъ на тщательномъ изученіи документальныхъ данныхъ, является книга Фредерика Массона, вышедшая въ началѣ нынѣшняго года ¹⁾. Здѣсь мы имѣемъ передъ собою исторію первой французской императрицы съ самаго дѣтства до ея развода съ Наполеономъ. Жозефина происходила изъ дворянской семьи Таше (Tascher), родъ которыхъ восходилъ до временъ крестовыхъ походовъ: предокъ ихъ Эмерикъ Ташерій упоминается въ документѣ XII вѣка. Въ началѣ XVIII вѣка Таше были очень бѣдны, и одинъ изъ нихъ, Гаспаръ-Жозефъ, рѣшилъ отправиться «на острова» поискать счастья. Онъ поселился на островѣ Мартиникѣ, но надежда его на обогащеніе здѣсь не оправдалась; еле хозяйство его кое-какъ было устроено, какъ въ одинъ изъ частыхъ здѣсь циклоновъ домъ Таше былъ снесенъ вѣтромъ, и сыну его, посредствомъ брака породнившемуся съ семьей Верже де Саннуа, пришлось двадцать пять лѣтъ прожить со своими въ полуразвалившейся сахароварнѣ, единственномъ зданіи въ его плантаціи на такъ называемыхъ «Трехъ островкахъ». Здѣсь выросла и Жозефина, внучка Гаспара Жозефа Таше, старшая изъ трехъ сестеръ, на лонѣ тропической природы, безъ особаго призора, не получивъ почти никакого образованія. Одна изъ тетокъ Жозефины, Марія-Эвфемія-Дезирея Таше, бывшая замужемъ за ординарцемъ губернатора Малыхъ Антиль, маркиза де-Богарне, состояла возлюбленной этого послѣдняго и была самою вліятельною персоною въ дворцѣ губернатора. Вмѣстѣ съ покровителемъ своимъ она, когда маркизь былъ смѣщенъ за неумѣлыя дѣйствія во время семилѣтней войны, отправилась во Францію, получила тамъ разводъ и, когда маркизь овдовѣлъ, поселилась у него во дворцѣ. Не довольствуясь тѣмъ, что она тратила, какъ могла, имущество стараго маркиза, Марія Таше рѣшила женить молодого Александра де Богарне на одной изъ своихъ племянницъ. Сначала она думала о второй изъ нихъ, но когда та умерла отъ злокачественной лихорадки, она перевезла во Францію Жозефину, которой было 15 лѣтъ, и здѣсь, 10 декабря 1779 года, состоялась свадьба Жозефины съ 17-ти лѣтнимъ виконтомъ де Богарне. Бракъ этотъ былъ очень неудаченъ. Жозефина наслаждалась лишь матеріальными удобствами своего новаго положенія, тратилась на драгоценности и наряды. Мужъ, воспитанный на философскихъ утончѣхъ XVIII вѣка, думалъ просвѣтить «свѣтомъ науки» свою дикарку-жену, но это ему не удалось. Наскучивъ ею, онъ открыто бросилъ ее, совершилъ продолжительное путешествіе по Италіи, отправился волонтеромъ на Мартинику и здѣсь на досугѣ собиралъ билетны про домъ Таше. Въ минуту гнѣва онъ написалъ женѣ письмо, полное оскорбленій, въ которомъ онъ скоро раскаялся. Однако Жозефина не хотѣла простить его

¹⁾ Frédéric Masson «Joséphine de Beauharnais» (1763—1796). «Joséphine impératrice et reine (1804—1809)». Paris 1899.—L. de Lanzac de Laborie, «La légende de Joséphine» («Correspondant», 10 févr. 1899).

и добилась развода через четыре года послѣ вступленія въ бракъ. Очевидно, право было на ея сторонѣ, такъ какъ оба ребенка, бывшіе у нея отъ мужа, были оставлены при ней. Послѣ развода Жозефина продолжала жить у своего тестя или, правильнѣе, у своей тетки; въ виду смертельной болѣзни отца она на нѣкоторое время посѣтила Маргиньку, откуда вернулась въ 1790 году. Мужъ ея, когда она вернулась, былъ извѣстной личностью. Ему удалось добиться высокихъ чиновъ въ арміи, попасть въ генеральныя штаты и проявить тамъ свои декламаторскія способности; онъ предѣдательствовалъ въ союзѣ якобинцевъ во время похоронъ Мирабо. Самымъ большимъ триумфомъ для него однако было, когда онъ оказался президентомъ конституанты въ моментъ бѣгства короля; его манія выставиться на показъ и проповѣдывать имѣла полную возможность найти себѣ удовлетвореніе. Въ это время «славы» виконта Богарне между бывшими супругами произошло нѣкоторое примиреніе: по крайней мѣрѣ, они встрѣчались въ тѣхъ же салонахъ, и ихъ можно было видѣть бесѣдующими другъ съ другомъ. Когда учредительное собраніе сдѣлало свое дѣло, Богарне нѣсколько мѣсяцевъ пробовалъ нести административныя обязанности въ департаментѣ Луары и Шеры, потомъ находился въ рядахъ рейнской арміи и даже командовалъ ею въ маѣ 1793 года. Такъ какъ ему не удалось выручить отъ осады Майнца, онъ просилъ уволить его отъ начальства, и, не дождавшись увольнения, самовольно оставилъ армію и вернулся въ Бьезу, гдѣ въ теченіе шести или семи мѣсяцевъ ему доставляли защиту его знакомства среди якобинцевъ. Однако весной 1794 г. комитетъ общественной безопасности издалъ декретъ объ арестованіи его: онъ былъ привезенъ въ Парижъ и заключенъ въ Кармскую тюрьму, гдѣ ему даже не оказали чести суда за его поведеніе подъ Страсбургомъ, а приговорили къ смерти за участіе въ какомъ-то «тюремномъ бунтѣ». Въ Кармской тюрьмѣ Богарне встрѣтилъ свою жену, арестованную по доносу изъ деревни Круасси, куда она бѣжала съ другими заподозренными. Ея сравнительная неизвѣстность спасла ее, а паденіе Робеспьера вернуло ей свободу. Однако свобода эта одновременно принесла ей и всѣ испытанія и искушенія бѣдности. Морская война задержала доставленіе незначительныхъ ея доходовъ съ острововъ; владѣнія въ Бьезу были секвестрованы со времени казни Богарне. «Не приобрѣта въ Франціи нравственнаго воспитанія, которое не дано было ей въ дѣтствѣ, Жозефина за то пріучилась цѣнить роскошь и стремиться къ ней. Какъ многія другія женщины ея возраста, ея положенія, какъ новая подруга ея мадамъ Фонтенуа, сдѣлавшаяся потомъ гражданкою Тальенъ, она стала искать деньги тамъ, гдѣ онѣ скрывались, въ мірѣ поставщиковъ, спекуляторовъ и корыстныхъ политиковъ; она была постоянной посѣтительницею Люксембургскаго дворца, открыто, въ Шальо, разыгрывала изъ себя хозяйку у Барраса, который въ свою очередь дѣлалъ ей визиты въ Круасси. Такимъ образомъ она заработала денегъ, чтобы нанять помѣщеніе въ отелѣ на улицѣ Шантеранъ, гдѣ, въ одинъ осенній день 1795 года, она встрѣтилась съ генераломъ Бонапартомъ...» Черезъ десять лѣтъ послѣ этого Жозефина была императрицею Франціи и королевою Италіи. Ф. Массонъ даетъ подробныя психологію Жозефины за то время, когда она носила корону. По его словамъ, одна мысль

въ то время всецѣло поглощала ее, господствовала надъ всѣми ея помыслами: боязнь развода. «Несмотря на торжественное вѣчаніе, несмотря на благословеніе брака въ церкви, она знаетъ, что въ тотъ день, когда Наполеономъ овладѣетъ желаніе имѣть сына, коронованіе и бракъ не составятъ для него препятствій. Она знаетъ также, или по крайней мѣрѣ подозрѣваетъ, что это желаніе государя извѣстно большинству приближенныхъ, что Бонапарты настаиваютъ на разводѣ, а Фуше не теряетъ случая, чтобы не указать на якобы существующее въ этомъ отношеніи желаніе націи». Изъ страха потерять свое положеніе Жозефина исполняла всѣ капризы своего мужа, съ улыбкою на устахъ принимала участіе въ придворныхъ празднествахъ, ее утомлявшихъ, слѣдовала за мужемъ на придворныя охоты, которыя были ей въ тягость, и совершала въ угоду Наполеону такіе быстрые переѣзды съ мѣста на мѣсто, что они были бы не подъ силу и иной «спортсменкѣ». Типомъ такихъ переѣздовъ является возвращеніе изъ Байонны въ Сень-Клу лѣтомъ 1808 года. Наполеонъ, боявшійся жары, рѣшилъ дѣлать переходы ночью, притомъ зигзагами черезъ большое количество городовъ, гдѣ должны были происходить торжественныя встрѣчи. Пришлось четырнадцать ночей подъ рядъ ѣхать по дорогамъ, испортившимся и плохо вымощеннымъ; днемъ приходилось слушать рѣчи, осматривать памятники, смотрѣть парады солдатъ или принимать депутацію чиновниковъ. Жозефина, однако, не только не думала просить пощады, но во все время этой поѣздки она была также пунктуальна, также любезна и также привѣтлива, какъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Вѣшняго достоинства въ осанкѣ и въ разговорахъ у Жозефины не было, но она и не старалась пріобрѣсти его; хотя и не говорятъ о безтактныхъ выходкахъ съ ея стороны, однако зато отъ нея не осталось въ памяти потомства ни одного выраженія, ни одного жеста, который бы свидѣтельствовалъ томъ, что она чувствовала себя повелительницею. Однако, не говоря уже о граціи ея, о немногочисленной мелодичности ея голоса, въ ней было еще одно незамѣнимое въ ея положеніи свойство: невозмутимая увѣренность, никогда ее не оставлявшая. Затѣмъ, она обладала громадною памятью на женскія лица. Достаточно было ей разъ увидѣть кого либо, чтобы уже не забыть ни лица, ни имени. Она знала въ лицо не только всѣхъ представлявшихся ей дамъ пѣз придворнаго и чиновнаго міра имперіи, но и число ихъ дѣтей, имена ихъ и возрастъ, всякіе браки, похороны, повышенія по службѣ. Она вспоминала всѣ эти свѣдѣнія, когда это было нужно, и такъ пользовалась ими при разговорахъ, что они представлялись не заученнымъ урокомъ, а сердечными изліяніями ея. Ф. Массонъ старается опредѣлить, какое именно побужденіе болѣе всего заставляло Жозефину дорожить трономъ, на который она совершенно случайно попала. По его мнѣнію, побужденіемъ этимъ не было ни властолюбіе, ни тщеславіе, а нѣчто болѣе простое—страсть Жозефины къ нарядамъ и къ безконечнымъ тратамъ на гардеробъ. «Только что закончивъ свой утренній туалетъ, искусно придавъ молодой видъ своему лицу сорокалѣтней креолки, Жозефина испытывала ежедневно величайшую радость, распаковывая корзины, въ которыхъ ей приносили груды костюмовъ, и выбирая пзъ нихъ платья для даннаго дня». Жозефина, по собраннымъ Ф. Массономъ свѣдѣніямъ, трижды въ день мѣняла

сорочку на новую, платила своему парикмахеру генеральское жалованье, и, какъ-то, въ теченіе одного года накупила «двадцать три большихъ куска кружевъ, семь большихъ манто, сто тридцать шесть платьевъ, двадцать кашемировыхъ шалей, семьдесятъ три корсета, сорокъ восемь кусковъ штофной матеріи, восемьдесятъ семь шляпъ, семьдесятъ одну пару шелковыхъ чулокъ, девятьсотъ восемьдесятъ паръ перчатокъ, пятьсотъ двадцать паръ башмаковъ». При неудержимой страсти жены къ покупкамъ, Наполеону пришлось прибѣгать иногда къ экстреннымъ мѣрамъ: устраивать контроль счетовъ, произвольно уменьшить ея требованія, запрещать торговцамъ приходить предлагать свои товары и иногда выпроваживать «военнымъ манеромъ» портнихъ. Императрица покупала не одніе одежды и украшенія; разныя рѣдкости, драгоценности, механическія игрушки, предметы изъ мебели, приобрѣтались ею также постоянно и затѣмъ раздаривались на всѣ стороны. Ф. Массонъ находитъ, что панегирисы Жозефины сильно преувеличили ея дѣятельность по благотворительности. Если сравнить ея расходы на разныя причуды и то, что она тратила на благотворительность, то получится выводъ не въ ея пользу. Пожертвованія, денежныя пособія шли больше въ пользу дамъ изъ благородныхъ семей, разоренныхъ революціею. Про одинъ изъ списковъ этихъ покровительствуемыхъ Ф. Массонъ говоритъ, что, «просматривая его, думаешь, что видишь передъ собою не столько бѣдныхъ, сколько перечисленіе дамъ, представившихся при дворѣ». По желанію Наполеона, императрица окружена была дворомъ, въ которомъ должны были найти мѣсто представители и представительницы прежней аристократіи. По мнѣнію Ф. Массона, эту мысль императору не удалось осуществить. Правда, у Жозефины былъ милостынераздавателемъ одинъ изъ рода Рогановъ, но это былъ человѣкъ «пропацій», грубаго нрава, порочный и пьяница. Что касается до статсъ-дамы, то хотя она и была по мужу Ла-Рошфуко, но сама по происхожденію принадлежала къ недавней аристократіи. Если къ этимъ лицамъ прибавить еще: мадамъ де-Монморанси, мадамъ де-Мортмаръ и мадамъ де-Шеврезъ, то списокъ видныхъ именъ оказывается вполне исчерпаннымъ. Всѣ остальные лица двора принадлежали къ аристократіи не исторической, добившейся богатства и положенія послѣ религіозныхъ войнъ. Изъ этой среды были четыре дамы, которыя состояли при мадамъ Бонапартъ еще со временъ консульства и которыя задавали тонъ при дворѣ: г-жи де-Люэ, де-Тальюэ, де-Лористонъ и де-Ремюза. Окруженная своимъ дворомъ, Жозефина вмѣстѣ съ нимъ вела почти такую же кочевую жизнь, какъ и сунругъ ея. За пять лѣтъ и семь мѣсяцевъ царствованія она еле провела двѣнадцать мѣсяцевъ въ Тюильерійскомъ дворцѣ. Помимо большихъ путешествій въ Италію, въ Байонну, Германію, дни проходили въ Сэнъ-Клу, въ Рамбуль, въ Фонтенбло, гдѣ Наполеонъ, по словамъ Ф. Массона, собирался возобновить блескъ Валуа и Бурбоновъ, но «былъ безсилевъ приказать веселиться». На ряду съ историческими резиденціями у Жозефины было свое любимое мѣстопробываніе, имѣющее свою исторію. Когда во времена революціи гражданка Богарне бѣжала въ Крусси, она видѣла изъ оконъ своихъ, по ту сторону Сены, между Рюейлемъ и Буживалемъ, домъ, окруженный рощами и лугами, въ концѣ лѣса Сэнъ-Какюфа; это была вилла вѣскога финансиста дю-Молэ. Послѣ итальянской

кампаніи, въ то время, какъ Бонапартъ завоевывалъ Египеть, Жозефина возымѣла фантазію купить это владѣніе, которое ей нѣкогда казалось столь привлекательнымъ. Она назвала свое пріобрѣтеніе—Мальмезонъ. Послѣ 18 брюмера она разсчиталась съ продавцемъ, и первый консулъ самъ также полюбилъ это сельское уединенное мѣсто. Консульство было блестящимъ періодомъ въ существованіи Мальмезона; на пути изъ Мальмезона въ Парижъ Кадудаль думалъ привести въ исполненіе свою мысль о покушеніи. Сэнь-Клу позже привлекъ къ себѣ вкусы Наполеона, а Мальмезонъ остался владѣніемъ и любимымъ мѣстомъ Жозефины. На увеличеніе помѣстья, на разныя сооруженія, оранжерей и т. п. она издержала болѣе десяти милліоновъ, за которые получила «странную постройку, смѣсь буржуазной простоты съ роскошью дурнаго вкуса». Послѣ катастрофы развода, Жозефина продолжала жить въ Мальмезонѣ, и здѣсь ее унесла смерть въ 1814 году.

— Загадка объ эмской депешѣ. Шарль Симонъ, по поводу «Записокъ» Буша, «Мыслей и воспоминаній» Бисмарка и недавно изданной біографіи ганноверца Абекена, одного изъ приближенныхъ Бисмарка, помѣстилъ въ «Revue des Revues» статью, посвященную причинамъ, вызвавшимъ войну 1870 года ¹⁾. Особенно много новыхъ данныхъ имѣется возможность извлечь изъ воспоминаній Абекена. Еще 27 іюля 1867 года Абекенъ писалъ: «Война съ Франціею въ настоящее время неминуема». Парадъ въ Кобленцѣ ему доставилъ высокое удовольствіе, и онъ лишь удивлялся, почему войска не направляются сейчасъ же къ французской границѣ. Съ начала 1870 года онъ уже былъ убѣжденъ, что годъ этотъ не пройдетъ безъ того, чтобъ не начались военныя дѣйствія. Кандидатура Леопольда Гогенцоллерна на испанскій престолъ исполнила его энтузіазма, и когда Абекенъ узналъ, что принцъ отказался отъ этой короны, онъ не могъ скрыть своего неудовольствія. «Теперь миръ считаютъ обезпеченнымъ», пишетъ онъ: на парижской биржѣ рента поднялась съ 69 до 75». Депеша въ этомъ смыслѣ, отправленная изъ Парижа, была получена Абекеномъ 13-го іюля утромъ, на Брунненпроменадѣ въ Эмсѣ, гдѣ онъ находился съ королемъ прусскимъ. Абекенъ показалъ ее Вильгельму I, въ свою очередь передавшему ее принцу Антону Радзивилу для показанія графу Бенедетти. «Бенедетти, рассказываетъ Абекенъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы снова говорить съ королемъ и назойливо потребовать отъ него гарантій». 15 іюля, въ 3¹ часа по полудни Абекенъ телеграфировалъ Бисмарку: «Его величество король писалъ мнѣ: «графъ Бенедетти на променадѣ обратился ко мнѣ съ требованіемъ окончательно подтвердить ему и дать ему возможность немедленно телеграфировать, что я обязуюсь никогда впредь не давать моего согласія на возвращеніе какого либо Гогенцоллерна къ этой кандидатурѣ. Я отказался немного сурово, принимая во вниманіе, что не смѣю и не могу давать такихъ обѣщаній навсегда. Я ему, конечно, сказалъ, что не получалъ еще никакихъ пзвѣстій, и что, такъ какъ онъ лучше насъ освѣдомленъ о томъ, что происходитъ въ Парижѣ и въ Мадридѣ, онъ прекрасно видитъ, что мое правительство тутъ болѣе

¹⁾ Ch. Simon, «Nouveaux documents sur la guerre de 1870».—Revue des Revues, 1899, fevrier.

не при чемъ». Его величество затѣмъ получилъ посланіе принца Карла Антона. Такъ какъ его величество сказалъ графу Бенедетти, что онъ ждетъ извѣстій отъ принца, то король, по совѣту графа Эйленбурга и по моему предложенію, рѣшился болѣе не принимать графа Бенедетти, но сообщить ему черезъ своего адъютанта, что его величество получилъ подтвержденіе извѣстія, уже сообщеннаго Бенедетти изъ Парижа, и что онъ поэтому ничего не имѣетъ сообщить ему. Его величество проситъ ваше превосходительство, если возможно, сообщить нашимъ представителямъ за границею, равно какъ и прессѣ, требованія Бенедетти и отказъ, которымъ на нихъ было отвѣчено». По словамъ Абекена, Бисмаркъ такъ передѣлалъ эту депешу: «Послѣ того, какъ извѣстіе объ отказѣ принца Гогенцоллерна было официально сообщено императорскому французскому правительству королевскимъ правительствомъ испанскимъ, французскій посланникъ въ Эмсъ обратился къ его величеству съ требованіемъ уполномочить его телеграфировать въ Парижъ, что король обязуется навсегда противопоставить свое несогласіе желанію кого нибудь изъ Гогенцоллерновъ вернуться къ этой кандидатурѣ. Его величество король послѣ этого отказался принять слѣдующій разъ французскаго посланника и сообщилъ ему черезъ своего адъютанта, что его величество не имѣетъ болѣе ничего сообщить посланнику». Какъ извѣстно, эта депеша вызвала войну, и Бисмаркъ потомъ считалъ сдѣланный имъ подлогъ важнымъ патріотическимъ подвигомъ. Впрочемъ, въ этихъ эмскихъ событіяхъ и до сихъ поръ имѣется очень много невыясненнаго, на что указываетъ и нѣмецкій біографъ императора Вильгельма I, Э. Маркъ, въ послѣднемъ изданіи своего сочиненія ¹⁾. Это видно изъ хронологическаго сопоставленія іюльскихъ событій 1870 г.; 5 іюля Бисмаркъ предложилъ королю возможно хладнокровнѣе смотрѣть на вещи. Событія въ Парижѣ 6 и 7 іюля убѣдили его въ несовмѣстности уступокъ съ національною честью, т. е. въ необходимости войны. Тѣмъ не менѣе онъ до 12 іюля оставался въ Варцинѣ, и, насколько мы знаемъ, не поддерживалъ короля въ смыслѣ неуступчивости ни депешами, ни присылкою болѣе энергичнаго совѣтника, чѣмъ каковымъ являлся Абекенъ, и, наконецъ, собственнымъ своимъ присутствіемъ. А вѣдь въ это самое время король, начная съ 9 іюля, будь то изъ миролюбія, какъ думаетъ Э. Маркъ, или, какъ говоритъ Бисмаркъ, изъ желанія лично вести всѣ важныя дѣла — ведетъ переговоры съ Бенедетти и приходитъ, въ концѣ концовъ, къ тому, что принцъ Гогенцоллернъ отказывается отъ престола, и самъ король извѣщаетъ объ этомъ отреченіи французовъ. Въ запискахъ своихъ Бисмаркъ называетъ поведеніе короля въ данномъ случаѣ достойнымъ велическаго порицанія, такъ какъ оно, по его мнѣнію, принесло громадный вредъ странѣ; онъ самъ считалъ невозможнымъ для себя брать на себя отвѣтственность за робкую политику короля, упускающую возможность объявленія войны, и хотѣлъ подавать въ отставку. Однако возникаетъ вопросъ: почему же Бисмаркъ, который былъ навѣрное освѣдомленъ обо всемъ и, вѣроятно, распорядился относительно доставленія ему всѣхъ свѣдѣній, ничего не сдѣлалъ для того, чтобы заставить короля избрать иной, болѣе вызывающій образъ дѣйствія? Только 12 іюля онъ

¹⁾ Erich Marcks, Kaiser Wilhelm I. 3 Auflage. Leipzg. 1899.

выѣхалъ изъ Варвина; почему же онъ далъ 6 и 7 числамъ пройти бесполезно и самъ также упустилъ случай къ объявленію войны? Или, правильнѣе, почему онъ по этому поводу не даетъ разъясненій? Сообщенія Вупа о депешахъ, посланныхъ Бисмаркомъ, не доказываютъ непосредственнаго воздѣйствія министра, такъ какъ они относятся къ болѣе позднимъ числамъ. Вообще, во всемъ этомъ вопросѣ, приходится еще ожидать многихъ разъясненій отъ новыхъ документовъ, имѣющихъ быть изданными въ свѣтъ.

— Изъ бумагъ маршала Канробера. Веѣ, знавшіе французскаго маршала Канробера, превозносили его даръ увлекательнаго разсказчика. Онъ умѣлъ изображать многочисленныя свои интересныя приключенія въ столь живыхъ краскахъ, что они оставляли глубочайшее впечатлѣніе на слушателей. Какъ многіе изъ его земляковъ-южанъ, онъ владѣлъ удивительнымъ ораторскимъ дарованіемъ. Его подвиги въ Африкѣ, Италіи и въ Крыму, равно какъ и многочисленныя политическія и военныя событія, въ которыхъ онъ былъ замѣшанъ, дѣлали его фигурю, интересною и въѣ предѣловъ его отечества. Къ сожалѣнію, самъ онъ не могъ опубликовать своихъ воспомнаній, такъ какъ большая часть его дневниковъ сгорѣла въ 1871 году во время коммюны. Онъ оставилъ въ 1870 году Парижъ, чтобы принять начальство надъ 6-мъ армейскимъ корпусомъ, и при возвращеніи нашелъ все свое имущество разграбленнымъ и уничтоженнымъ. Къ счастью, сохранились нѣкоторыя изъ его замѣтокъ за то время, когда онъ былъ въ Лионѣ губернаторомъ. Одинъ изъ почитателей Канробера теперь издалъ его біографію, болышею частью составленную по устнымъ сообщеніямъ маршала и архивнымъ документамъ. Канроберъ отличался баснословною памятію и, хотя онъ послѣ франко-прусской войны, находился въ преклонномъ возрастѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, помнилъ всякую мелочь изъ прежнихъ лѣтъ и зналъ имена веѣхъ своихъ товарищей по оружію. Жерманъ Пабстъ, теперь издающій его біографію ¹⁾, ежедневно писалъ подъ диктовку его воспомнанія, а маршалъ прочитывалъ записанное, иногда собственноручно кое-что исправлялъ и часто прибавлялъ какой либо занимательный анекдотъ. Можно сказать, событія цѣлаго столѣтія развертываются передъ нашими глазами въ этихъ мемуарахъ. Родившійся въ 1809 году въ небольшомъ городкѣ Сэнъ-Серъ, Канроберъ съ молодыхъ лѣтъ былъ предназначенъ къ военной карьерѣ и воспитанъ въ сэнъ-сирскомъ училищѣ. Онъ проходилъ изъ семьи, которой не менѣе 17 членовъ служили въ арміи, а подчасъ занимали высокія должности. Его отецъ и братъ также были офицеры; послѣдній служилъ подъ начальствомъ Наполеона I къ большому огорченію отца Канробера, который, изъ наслѣдственной симпатіи къ Бурбонамъ, не желалъ, чтобы сынъ сражался подъ начальствомъ узурпатора. Когда Наполеонъ въ 1814 году высадился во Франціи, братъ Канробера не могъ удержаться, чтобы вновь не вступить въ ряды войскъ императора. Онъ палъ векорѣ послѣ этого въ битвѣ при Линцѣ. Девятнадцати лѣтъ Канроберъ поступилъ поручкомъ въ пѣхотный полкъ въ Лоріанѣ; поступить въ кавалерію ему не достало средствъ. Во время июльской революціи онъ находился въ Лионѣ. Когда первое

¹⁾ «Canrobert», par Germain Pabst. Plon. Paris. 1899.

извѣстіе о парижскихъ безпорядкахъ пришло въ Лионъ, войска были разставлены на улицахъ, прежде всего на большой площади передъ ратушею. Канроберъ говоритъ, что это былъ въ истинномъ смыслѣ слова самый горячій день въ его жизни. Нѣсколько разъ онъ подвергался опасности быть убитымъ взволнованной толпою, такъ какъ ему дано было предписаніе научить гренадеровъ, какъ они, въ случаѣ необходимости, должны будутъ стрѣлять. Народъ однако подумалъ, что гренадеры упражняются въ стрѣлянн въ толпу, и поэтому на Канробера сдѣлано было нападеніе, отъ котораго онъ спасся лишь немедленнымъ бѣгствомъ. Онъ утверждаетъ по этому поводу, что для каждаго солдата гражданская война представляется самымъ страшнымъ явленіемъ. Ему пришлось участвовать болѣе, чѣмъ въ пятидесяти мелкихъ сраженіяхъ и въ десяти большихъ битвахъ, но всегда солдаты, даже послѣ кровопролитѣйшихъ столкновеній, на слѣдующее утро съ тѣмъ же воодушевленіемъ шли въ битву. Иное дѣло въ гражданской войнѣ, гдѣ солдатъ вѣчно находится въ страхѣ. Онъ не знаетъ, будетъ ли побѣдоносна та сторона, за которую онъ сражается, и не придется ли ему на слѣдующій день повиноваться сегодняшнимъ мятежникамъ. Или отсутствіе хладнокровія подстрекаетъ войска къ необдуманной мести, или же они проявляютъ недостатокъ энергіи и малодушіе, которыя могутъ довести до проступковъ противъ дисциплины. По окончаніи июльской революціи мы встрѣчаемъ Канробера въ периньянскомъ гарнизонѣ, откуда онъ посылается въ чинѣ капитана со своимъ полкомъ въ Африку, чтобы оказать тамъ своимъ войскамъ поддержку противъ Абд-эль-Кадера. Плохо экипированный, чувствовавшій недостатокъ во всемъ необходимомъ, Канроберъ высадился съ своею ротою въ Оранъ. Стоявшія въ полѣ французскія войска возбуждали удивленіе его какъ плохимъ своимъ видомъ, такъ и отсутствіемъ дисциплины у солдатъ. Ихъ скорѣе можно было принять за разбойниковъ: въ такихъ они были лохмотьяхъ. Недоставало и необходимаго предводителя; единственный великій полководецъ въ Африкѣ въ это время находился въ лагерѣ враговъ— это былъ Абд-эль-Кадеръ. Способъ веденія войны вызвалъ справедливое негодованіе Канробера. Во французскомъ лагерѣ вездѣ валялись отрубленные головы плѣнныхъ арабовъ. Когда онъ высказалъ изумленіе по этому поводу, ему отвѣчали, что приходится поступать такъ въ виду того, что арабы вѣроломны и отступаютъ только передъ силою. Въ одной изъ битвъ противъ Абд-эль-Кадера Канроберъ имѣлъ возможность отличиться, отбивъ отрядъ арабовъ, убивъ многихъ и принудивъ другихъ къ бѣгству. Полковникъ его поспѣшилъ послѣ этого сраженія къ нему, поздравилъ его и представилъ его къ ордену Почетнаго Легіона. Осчастливленный такимъ почетомъ въ столь молодые годы, Канроберъ однако вскорѣ сталъ жалѣть объ этомъ отличіи. вмѣстѣ съ нимъ въ томъ же батальонѣ служилъ 55-тилѣтній подполковникъ Лоріо, который уже предполагалъ выйти въ отставку, не получивъ еще отличія. Канроберъ подумалъ, что у него еще много времени вперед, чтобы дослужиться до ордена, между тѣмъ какъ у Лоріо была возможность къ этому лишь въ настоящій моментъ. На слѣдующее утро онъ пошелъ къ полковнику просить, чтобы на мѣсто его имени поставлено было имя Лоріо, что полковникъ и обѣщалъ сдѣлать. Дядя Канробера, генералъ Марбо, узналъ объ этомъ и сердито сказалъ ему: «Миѣ не

нужно римлянина въ моей семьѣ, и я больше не буду никогда заботиться о тебѣ. Нечего тебѣ и совѣты давать твоему начальнику». — «Я не римлянинъ», отвѣчалъ молодой офицеръ, «но у меня есть старый товарищъ, которому я хотѣлъ бы помочь добиться справедливости; потому я и поступилъ такъ». Можетъ быть, Марбо былъ оскорбленъ этимъ отвѣтомъ, такъ какъ ни Лоріо, ни Канроберъ не получили Почетнаго Легіона. Лоріо вернулся въ свою деревню безъ огличія, а Канроберъ получилъ его годъ спустя при штурмѣ Константины. Армія тогда была въ отчаянномъ положеніи. При постоянныхъ дождяхъ, недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ, солдаты сильно страдали отъ непривычнаго климата Африки. Многіе убивали себя отъ отчаянія и изъ боязни попасть въ руки арабовъ, а также и потому, что изъ-за лихорадки они не въ состояніи были тащиться далѣе. Канроберъ самъ заболѣлъ лихорадкою, и лишь чувство долга удержало его отъ того, что онъ не поступилъ, какъ нѣкоторые ные. Хотя дѣло доходило до открытыхъ столкновеній съ арабами, но непріятеля почти не приходилось видѣть. При томъ войскамъ пришлось заботиться, какъ бы чего не случилось съ наследникомъ престола, герцогомъ Орлеанскимъ, который находился среди нихъ. Послѣ тяжкихъ боевъ, наконецъ французская армія одержала побѣду надъ Абд-эль-Кадеромъ. Въ Константинѣ Канроберъ самъ участвовалъ въ первомъ нападеніи. Городъ, подъ который вездѣ подведены были мины, частью взлетѣлъ на воздухъ, схоронивъ многихъ французскихъ солдатъ подъ своими развалинами. Громкіе вопли и стоны раненыхъ, которымъ дѣлали тогда операцію на открытомъ полѣ безъ хлороформа, потрясали оставшихся въ живыхъ. Канроберъ самъ былъ тяжело раненъ. Его полковникъ Комбъ, смертельно раненый, тѣмъ не менѣе, съ поднятою саблею среди огня ворвался въ городъ, подбадривая оробѣлыхъ офицеровъ крикомъ: «впередъ!» По окончаніи этой тяжелой кампаніи, Канроберъ вернулся во Францію, гдѣ онъ долго лѣчился. Вполнѣ оправившись, онъ вернулся снова къ своему полку, который былъ помѣщенъ въ С.-Омерѣ. Въ 1844 г. онъ снова отправился въ Алжиръ, на этотъ разъ подъ начальствомъ С.-Арно, который былъ не только одинъ изъ наиболѣе блестящихъ и храбрѣйшихъ офицеровъ на полѣ битвы, но и остроумнымъ веселымъ собесѣдникомъ въ салонахъ того времени. Канроберъ оставался въ Алжирѣ до окончательнаго пораженія Абд-эль-Кадера, всего 15 лѣтъ, и вернулся въ чинѣ генерала. На первомъ обѣдѣ, на которомъ онъ участвовалъ по возвращеніи въ Елисейскомъ дворцѣ у президента Наполеона, предсѣдательствовала принцесса Матильда, которая поддерживала Наполеона не только добрыми совѣтами, но и въ финансовомъ отношеніи. Она устраивала большіе литературные рауты, чтобы познакомить своего кузена со всѣми знаменитыми людьми того времени, и была одною изъ самыхъ благороднѣйшихъ женскихъ фигуръ эпохи. Подготовленія къ государственному перевороту велись съ большими предосторожностями. Старались привлечь вновь назначенныхъ генераловъ: Пелисье, С.-Арно и другихъ, что было не легко. Морни и Наполеонъ работали вмѣстѣ надъ исполненіемъ своего плана; первый, въ случаѣ неудачи, рѣшилъ покончить самоубійствомъ. Наполеонъ даже не представлялъ себѣ возможности неудачи. 1-го декабря въ «Орѣга Comique» состоялось первое представленіе пьесы, привлечшее весь Парижъ. Большая масса однако такъ мало

знала о шаткости положенія, что утромъ, 2 декабря, даже сами наиболѣе прикосновенныя лица были сильно удивлены. Канроберъ не былъ въ театрѣ и легъ спать, ровно ничего не предполагая. На слѣдующее утро въ 6 часовъ къ нему зашелъ Эдгаръ Ней и задалъ ему вопросъ: «Вы еще не во главѣ вашихъ батальоновъ?»—«Я думаю, хорошо и то, что въ зимнее утро я всталъ въ 6 часовъ. Зачѣмъ же мнѣ быть на службѣ?»—«Развѣ вы не знаете, что случилось? Переворотъ удался, вы должны сейчасъ же ѣхать къ вашей бригадѣ».—«Я слѣдую лишь инструкціямъ парижскаго коменданта и жду его приказаній». Вслѣдъ затѣмъ прибылъ адъютантъ, передавшій ему порученіе явиться къ войскамъ. Придя на мѣсто, онъ засталъ среди солдатъ большое одушевленіе — признакъ, какъ популярень былъ переворотъ въ арміи. Тутъ уже нечего было отказываться; приходилось исполнять приказанное. Флѣри, одинъ изъ главныхъ виновниковъ переворота, спѣшилъ къ генераламъ различныхъ полковъ, предлагая для солдатъ 200 тысячъ франковъ, чтобы въ этотъ день никто не чувствовалъ голода и нужды. Не каждый изъ командировъ принялъ это предложеніе; однако нигдѣ незамѣтно было и знака неудовольствія. Напротивъ, Наполеонъ представлялся народу спасителемъ. На Канробера часто дѣлались нападки, будто онъ помогаль при переворотѣ. Утверждали, что онъ долженъ былъ отказать въ повиновеніи. Аресты многихъ генераловъ его сильно раздосадовали. При первой своей бесѣдѣ съ императоромъ онъ замѣтилъ, что на президентскихъ выборахъ онъ подавалъ голосъ за генерала Кавеньяка, такъ какъ тотъ былъ его товарищемъ по войнѣ, а Наполеона онъ не зналъ. Вскорѣ затѣмъ онъ подалъ въ отставку, но его не увольняли. Ему поставили на видъ, что онъ лишь исполнилъ свой долгъ, какъ солдатъ, повиновались безпрекословно — въ этомъ упрека ему не можетъ быть сдѣлано, и онъ должеетъ быть сохраненъ для арміи. Канроберъ согласился съ этими доводами, но не захотѣлъ принять предложеннаго ему производства въ дивизионные командиры, ссылаясь на то, что онъ не прослужилъ еще законныхъ трехъ лѣтъ генераломъ. «Въ военное время сроки укорачиваются вдвое», отвѣчали ему. «Такъ парижскія баррикады должны считаться за военное событіе?» спросилъ Канроберъ на это. Этотъ рѣзкій отвѣтъ привелъ къ тому, что Канроберу не дали повышенія. На государственномъ переворотѣ 1851 года пока кончается изложеніе Жермена Пабста.

— Изъ переписки двухъ государей. Въ изданныхъ Горстъ-Колемъ примѣчаніяхъ къ «Мыслямъ и воспоминаніямъ» Бисмарка, среди прочихъ интересныхъ документовъ имѣются два письма, представляющихъ большой интересъ для исторіи развитія тройственнаго союза ¹⁾. Первое изъ этихъ писемъ написано императоромъ Александромъ II изъ Царскаго Села, 3 (15) августа 1879 г. Въ письмѣ, прежде всего, содержится благодарность за присылку медали, отчеканенной въ память золотой свадьбы германской императорской четы. Затѣмъ выражается удовольствіе по поводу хорошаго состоянія здоровья императора Вильгельма, сообщается о смерти генерала фонъ-Рейтерна и далѣе, говорится слѣдующее: «Ободряемый дружбою, которую ты не переставалъ мнѣ доказывать,

¹⁾ Horst Kohls «Wegweiser durch Bismarcks Gedanken und Erinnerungen». Ср. Berl. Tageblatt, 25 и 26 Febr. 1899.

я рѣшаюся съ прежней откровенностью говорить съ тобою о щекотливомъ дѣлѣ, которое меня безпрестанно занимаетъ. Дѣло касается поведенія различныхъ нѣмецкихъ дипломатическихъ агентовъ въ Турціи, которое, съ нѣкотораго времени, по несчастію, оказывается враждебнымъ по отношенію къ Россіи, что находится въ полномъ противорѣчій съ преданіями дружественныхъ связей, уже болѣе столѣтія направляющихъ политику обоихъ нашихъ правительствъ и вполне соответствующихъ взаимнымъ ихъ интересамъ. Такое убѣжденіе у меня не измѣнилось до сихъ поръ, и я безъ всякихъ ограниченій придерживаюсь его, такъ какъ я лицу себѣ надеждою, что и ты его раздѣляешь. Но міръ судитъ по фактамъ. Какъ же я долженъ объяснить поведеніе нѣмецкихъ агентовъ, которые все болѣе и болѣе становятся враждебными намъ, на востокѣ, гдѣ, по выраженію самого князя Бисмарка, Германіи не приходится преслѣдовать собственныхъ цѣлей, въ то время какъ у насъ тамъ серьезные интересы? Мы только что закончили славную войну, не имѣвшую цѣлью завоеванія, а исключительно улучшеніе участи христіанъ въ Турціи. Теперь все дѣло въ томъ, чтобы привести въ исполненіе постановленія берлинскаго конгресса; но это должно быть сдѣлано добросовѣстно. Теперь же турки, поддерживаемые ихъ друзьями, англичанами и австрійцами, утвердившимися въ занятыхъ, среди мира, турецкихъ провинціяхъ, чтобы ихъ никогда уже не отдать законнымъ владѣтелямъ, безпрестанно поднимаютъ затрудненія въ частностяхъ, которыя чрезвычайно важны одинаково для болгаръ, какъ и для храбрыхъ черногорцевъ. Такъ же поступаютъ и румыны по отношенію къ Болгаріи. Большинство евронеискихъ комиссаровъ должно разрѣшить эти затрудненія. Комиссары французскіе и итальянскіе во всѣхъ почти вопросахъ присоединяются къ нашимъ, въ то время какъ нѣмецкимъ, кажется, дано тайное указаніе всегда поддерживать мнѣніе австрійцевъ, систематически враждебно намъ, и притомъ въ вопросахъ, которые Германію несколько не интересуютъ, для насъ же весьма важны. Прости мнѣ, дорогой дядя, откровенность моихъ, основанныхъ на фактахъ, заявленій, но я считаю долгомъ своимъ обратить твое вниманіе на печальныя послѣдствія, которыя могло бы повести за собою для сосѣдски дружественныхъ отношеній нашихъ, если обѣ наши націи станутъ раздражать другъ друга, какъ пресса обѣихъ странъ уже начинаетъ это дѣлать... Я прекрасно понимаю, что ты можешь поддержать добрыя отношенія съ Австріею, но я не понимаю, что за интересъ у Германіи жертвовать интересами Россіи. Достоинъ ли истиннаго государственнаго человѣка бросать на вѣсы личное неудовольствіе, если дѣло касается интереса двухъ большихъ государствъ, которыя созданы, чтобы жить въ добромъ согласіи, и изъ которыхъ одно оказало другому въ 1870 г. услугу, о которой ты, по собственнымъ твоимъ словамъ, заявилъ, что ты никогда ея не забудешь. Я бы никогда себѣ не позволилъ напоминать тебѣ объ этомъ, но обстоятельства становятся столь серьезны, что я не могу скрыть отъ тебя своихъ опасеній относительно послѣдствій, могущихъ быть гибельными для обѣихъ нашихъ странъ. Богъ да спасетъ насъ отъ этого и подастъ тебѣ совѣтъ!..» Заключеніе письма касается опасеній, вызванныхъ состояніемъ здоровья императрицы. Отвѣтное письмо послано было императоромъ Вильгельмомъ 4-го ноября 1879 г., причемъ одно-

временно переслана была царю и записка, составленная Бисмаркомъ и Андраши послѣ свиданій въ Гаштейнѣ и Вѣнѣ. «Переговоры обѣихъ канцлеровъ, писалъ императоръ Вильгельмъ, касались главнымъ образомъ отношеній между Германіею и Австріею за время съ 1848 года. Судьба оружія рѣшила, что Пруссія поставлена была во главѣ объединенной Германіи. Послѣ того, какъ германскій союзъ распался, Австрія перестала находиться въ договорной связи съ вновь возстановленной Германіею; но союзъ между Пруссіею, Австріею и германскими государствами продолжаетъ существовать въ общественномъ мнѣніи Германіи, которое старается замѣнить его моральнымъ соединеніемъ обѣихъ государствъ... Итакъ, оба канцлера согласились занолнить новымъ соглашеніемъ между Германіею и Австріею пробѣлъ, оставленный устраненіемъ германскаго союза, въ теченіе полустолѣтія представлявшаго связь Пруссіи, Австріи и германскихъ государей. Это соглашеніе формулировано въ прилагаемой запискѣ. Я охотно говорю себѣ, что изложенные въ этомъ важномъ документѣ принципы будутъ признаны тобою, и что ты охотно признаешь ихъ, какъ возстановленіе соглашенія трехъ императоровъ, которое оказало Европѣ столь значительныя услуги съ 1873 года. Я замѣтилъ не безъ удовольствія, что послѣ нашего свиданія въ Александровѣ пресса въ нашихъ странахъ успокоилась; встрѣтилъ же я въ одной московской газетѣ статью, открыто говорящую о панславистской войнѣ противъ Германіи, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, причемъ генералъ-губернаторъ не конфисковалъ этой газеты, на что онъ имѣлъ бы полное право при своихъ полномочіяхъ. Я боюсь нигилистической партіи, которая въ согласіи съ панславизмомъ ведетъ враждебную рѣчь противъ сосѣднихъ странъ, чтобъ извлечь изъ каждаго конфликта пользу для своихъ плановъ относительно переворота... Эти угрожающія рѣчи въ связи съ столь бросающимся въ глаза увеличеніемъ твоего войска послѣ успѣховъ славной войны, которая, казалось, должна была обезопасить миръ, оставляютъ Европу въ безпокойствѣ, въ то время какъ твердое выраженіе твоего мирнаго настроенія могло бы успокоить всѣхъ и направить умы на истинный путь»... На это письмо императоръ Александръ II отвѣтилъ заявленіемъ, что онъ присоединяется къ союзу Германіи съ Австріею, что русскія военныя мѣропріятія обусловлены преобразованіями въ арміи, и что панславистскія стремленія не могутъ оказать никакого вліянія на его правительство. Замѣчательно, что въ письмѣ императора Вильгельма ни слова не говорилось о дѣятельности агентовъ Германіи на востокѣ. Исторія отчужденія Германіи отъ Россіи послѣ Берлинскаго конгресса во многихъ отношеніяхъ разъясняется въ письмахъ, напечатанныхъ Горстъ-Колемъ.

— Объ австрійской императрицѣ Елисаветѣ. О покойной, извѣстной своей трагической судьбою, императрицѣ Елисаветѣ появилась въ началѣ нынѣшняго года книга англійскаго ученаго А. Де-Бурга, который лично неоднократно видѣлъ императрицу и зналъ много лицъ, принадлежавшихъ къ ея свитѣ и могшихъ сообщить ему для его книги много характерныхъ разсказовъ и эпизодовъ ¹⁾. Покойная императрица, какъ извѣстно, была страстная

¹⁾ Elizabeth. Empress of Austria. A memoir. By A. De Burgh. London. 1899.

наѣздница. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ книгѣ Де-Ворга мы находимъ болѣе всего воспоминаній спортсменскаго характера. Императрица нѣсколько разъ отиравалась въ Ирландію и Англію исключительно для того, чтобы тамъ охотиться; въ 1875 году она перевезла въ Норсэмтоншейръ всю свою конюшню. Одна изъ ирландскихъ дамъ, сопровождавшихъ императрицу часто въ ея экскурсіяхъ, рассказываетъ о ней: «Она была очень искусная и осторожная наѣздница и относилась чрезвычайно внимательно къ лошадямъ. Я видала, какъ она съ быстротою лани соскакивала съ лошади и безъ посторонней помощи отодвигала сѣдло, чтобы оно не мѣшало работѣ плечь ея лошади; при этомъ она пользовалась случаемъ, чтобы дать своему любимцу-коню какогонибудь лакомства. У нея были самыя маленькія руки, какія я когда либо видѣла, и самыя длинныя волосы. Волосы покрывали ее, какъ мантия, когда она ихъ распускала, и я могу прибавить, по собственному опыту, что то сердце, которое поразилъ убійца, было одно изъ самыхъ любвеобильнѣйшихъ, какія когда либо бились въ человѣческой груди». Другая дама, часто охотившаяся съ императрицею, говоритъ: «У императрицы была великолѣпная фигура, и ея охотничій костюмъ составлялъ предметъ изумленія при всякой охотѣ, которую она удостоивала своимъ посѣщеніемъ въ Ирландію. Она носила или высокій шелковый цилиндръ, или широкую, слегка вогнутую тирольскую шляпу, украшенную небольшимъ крыломъ. Никогда я не видала, чтобы она была украшена цвѣткомъ или брошью. Одежда ея была сама простота, и единственнымъ замѣтнымъ придаткомъ являлся простой черножелтый вѣеръ, который она или держала въ рукѣ, или возила съ собой прикрѣпленнымъ впереди у сѣдла. Постоянно она пользовалась имъ на стоянкахъ, часто и во время ѣзды. «Она боится за цвѣтъ лица», говорили ирландскія дамы; но дѣло было вовсе не въ этомъ: у императрицы была абсолютная боязнь передъ странствующими фотографами и рисовальщиками, которые лишь искали случая, чтобы запечатлѣть ея миловидное лицо. Последній охотничій сезонъ, проведенный императрицею въ Англіи, былъ въ 1881 году. Аббатство Комбермеръ въ Чешейръ было арендовано ею на два мѣсяца. Ирландскіе торговцы закупали ей лошадей, и конюшня ея заключала не менѣ тридцати охотничьихъ скакуновъ, которые всѣ были тренированы такъ, что въ состояніи были брать любое препятствіе. Когда императрица принимала участіе въ какойлибо охотѣ, то соблюдался особый этикетъ: никто не смѣлъ ѣхать впередъ нея или ея жоака, и если, въ случаѣ пзмѣненія въ направленіи бѣга собакъ, императрица или жоакъ ея на мгновеніе отставали, то тѣ, кто оказывались первыми, направлялись въ сторону. Точно такъ же было въ обычаѣ, чтобы хозяинъ охоты, у котораго охотилась императрица, подходилъ къ своей высокой гостьѣ съ обнаженной головою, чтобы спросить, желаетъ ли ея величество, чтобы свора была еще разъ спущена. Щедрость императрицы была извѣстна всѣмъ. Она полными руками распределяла подарки, и даже начальники отдаленнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ станцій не были забыты ею и получали, къ своему изумленію, кто булавку, кто перстень или какуюлибо драгоценность. Совсѣмъ съ иной стороны изображается императрица австрійская греческимъ филологомъ Христоманосомъ въ «Листкахъ изъ

дневника», изданныхъ въ Вѣнѣ на вѣмецкомъ языкѣ ¹⁾. Христоманось, вмѣстѣ съ братомъ своимъ медикомъ, въ маѣ 1891 года жилъ въ Вѣнѣ, гдѣ оба они обучались въ университетѣ. Здѣсь какъ-то вдругъ они получили черезъ какое-то высокопоставленное лицо, находившееся въ отдаленномъ съ ними родствѣ, приглашеніе явиться въ императорскій дворецъ къ барону Ношчѣ, гофмаршалу императрицы. Оказалось, что для этой послѣдней требовался молодой грекъ, чтобы давать ей уроки и ежедневно нѣсколько часовъ гулять съ нею. Братья были и изумлены, и обрадованы этимъ извѣстіемъ. Между ними начался споръ великодушія, кому воспользоваться милостивымъ предложеніемъ. Наконецъ, медикъ уступилъ, и нѣсколько дней подъ рядъ придворная карета отвозила его въ Лайнцскій замокъ по утрамъ и вечеромъ возвращала обратно. Вскорѣ, однако, по желанію императрицы, занятія были переданы филологу Константину Христоманосу. Молодой грекъ былъ сильно смущенъ, когда въ первый разъ въ саду замка очутился лицомъ къ лицу съ величественной фигурою императрицы, которая стояла передъ нимъ въ простомъ черномъ платьѣ, съ вѣромъ, слегка прислоненнымъ къ щекѣ, и съ бѣлымъ зонтикомъ въ рукѣ, который составлялъ какъ бы ореолъ вокругъ нея. Онъ пробормоталъ нѣсколько безсвязныхъ словъ о чести и счастіи, доставшихся ему на долю, но императрица тотчасъ успокоила его, сказавъ съ улыбкой: «Когда греки говорятъ на своемъ языкѣ, это точно музыка!» Нѣсколько дней послѣ этого Христоманось по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ императрицею въ Лайнцскомъ паркѣ о Греціи, греческой литературѣ и языкѣ, къ которымъ императрица всегда питала сильное пристрастіе. На слѣдующій годъ, когда Христоманось уже сдѣлался докторомъ филологіи, занятія продолжались и происходили теперь въ Гофбургѣ въ Вѣнѣ. Еще позже, тому же молодому греку пришлось быть спутникомъ императрицы во время ея прогулокъ въ Корфу. Христоманось не столько сообщаетъ о фактическомъ содержаніи бесѣдъ своихъ съ императрицею, сколько о томъ впечатлѣніи, которое эти бесѣды на немъ оставили. Поэтому въ «Листкахъ изъ дневника» очень много лиризма. Трагическая судьба Елисаветы, ея гордый непреклонный характеръ, ея красота, надъ которою было бессильно и время, ея необычныя взгляды на все—произвели такое впечатлѣніе на Христоманоса, что въ дневникѣ его императрица является какимъ-то таинственнымъ, неземнымъ существомъ, чѣмъ-то въ родѣ ангела печали, а не человѣкомъ. Она точно «черная лилія въ заколдованномъ саду». Ея блѣдное лицо, изгибъ ея губъ, выразившій несказанное горе, ея «глаза, которые, казалось, хотѣли проникнуть въ непроницаемое», нѣжная и въ то же время величественная фигура ея находятъ въ молодомъ греческомъ ученомъ поэте, который воспѣваетъ ихъ въ чисто пиндаровскихъ выраженіяхъ. Впрочемъ, не одни лишь описанія, но и много очень характерныхъ выраженій императрицы даетъ намъ Христоманось. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. «Когда я нахожусь въ свѣтѣ,— сказала она разъ ему,—я показываю людямъ лишь ту часть своего я, которая у меня обща съ ними. Они тогда изумляются, видя, что я похожа на нихъ. Но я отъ этого ничего не теряю: это то же старое платье, которое время отъ

¹⁾ С. Christomanos, Tagebuchblätter. Wien. 1899.

времени берешь из шкафа и надъваешь на день». По поводу женскаго вопроса императрица разъ сказала Христоманосу, что, по ея мнѣнію, женщины должны бы быть свободны, такъ какъ онѣ часто заслуживаютъ этого гораздо болѣе, чѣмъ мужчины. «Но я,—замѣтила она при этомъ,—противъ излишка образованія. Женщины тѣмъ болѣе стоятъ, чѣмъ онѣ меньше учатся. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ все берутъ изъ собственныхъ фондовъ. То, чему онѣ научаются, лишь уменьшаетъ эти фонды. Онѣ теряютъ свою индивидуальность, чтобы замѣнить ее недостаточными грамматикою и логикою. Въ тѣхъ земляхъ, гдѣ женщины мало учатся, между ними находятся часто существа болѣе глубокія, чѣмъ наши сініе чулки». По поводу одинокихъ своихъ прогулокъ и опасностей, съ ними сопряженныхъ, императрица какъ-то сказала Христоманосу: «Чего мнѣ бояться, особенно если я посѣщаю мѣста, гдѣ людей нѣтъ?.. Въ концѣ концовъ, я всегда нищу свою судьбу; я знаю, что ничто не помѣшаетъ мнѣ въ какой нибудь предназначенный мнѣ день найти ее... Что было бы, если бы я, напримѣръ, утонула? Люди бы сказали: «Зачѣмъ она пошла на море зимою, она, императрица, которая могла бы оставаться въ Гофбургѣ?...» Но это будетъ еще неожиданнѣе, даже для императрицы. Такой конецъ меня вознагради бы за многое»... Какъ видно, у покойной императрицы было какое-то предчувствіе грядущей трагической судьбы, и она не боялась ея.

— Изъ книгъ и статей о Россіи. Между появившимся за послѣднія недѣли книгами и статьями есть нѣсколько такъ называемыхъ «Russica», заслуживающихъ упоминанія. Извѣстнымъ французскимъ знатокомъ славянскихъ литературъ Луи Леже написанъ этюдъ о Мицкевичѣ и Пушкинѣ¹⁾. Авторъ указываетъ на то, что оба великихъ поэта были почти ровесники, и что ихъ литературная извѣстность возникла почти одновременно. Подробно рассказавъ о пребываніи Мицкевича въ Петербургѣ, Одессѣ, Москвѣ, Луи Леже говоритъ о встрѣчахъ обоихъ поэтовъ, причемъ причиною сближенія ихъ называетъ легкое согласованіе русскаго либерализма Пушкина съ польскимъ патріотизмомъ Мицкевича. (Существенно новаго этюдъ не даетъ; необходимо упомянуть, что въ немъ подробно рассмотрѣны упоминанія поэтовъ другъ о другѣ. — Въ послѣднихъ выпускахъ «протоколовъ» англо-русскаго литературнаго общества²⁾ имѣются на ряду съ нѣсколькими переводными статьями, и нѣкоторыя оригинальныя статьи. Таковъ рефератъ Джона Поллена, посвященный сравненію русскихъ и американскихъ поэтовъ («Russian and American Poetry»). Тема реферата взята очень смѣлая, и нельзя сказать, чтобы авторъ достигъ какихъ либо особо замѣтныхъ результатовъ, если не считать указанія кое-какихъ случайныхъ хронологическихъ совпаденій. «Перваго» русскаго поэта Ломоносова Дж. Полленъ сопоставляетъ съ Нааванломъ Пвансомъ изъ Флладельфій, а начальнымъ пунктомъ «новой» поэзіи въ Америкѣ считаетъ выступленіе Лонгфелло, въ Россіи — Пушкина. Сравненіе основныхъ мотивовъ русскаго и американскаго

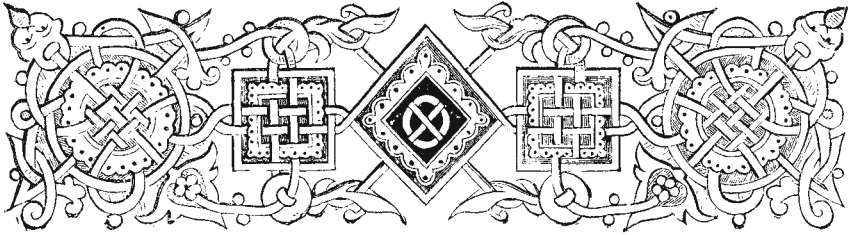
¹⁾ Mickiewicz et Pouchine, par Louis Léger. Revue de Paris, 15 dec. 1898; Revue encyclopédique, 18 fevr. 1899.

²⁾ The Anglo-Russian Literary Society. Proceedings № 22 и 23.

поэзии у Поллена очень несложное. Первой общей чертой обѣихъ литературъ Полленъ считаетъ — «любовь къ отечеству», причемъ имъ проводится весьма странная параллель между «Star Spangled Banner» Фрэнсиса Скоттъ-Кей и — «Многи лѣта, многи лѣта, православный русскій царь»... Жуковского. У Лонгфелло Полленъ видитъ тѣ же мотивы, что у Пушкина; для Лермонтова, Надсона и Фета онъ не находитъ параллели въ американской литературѣ, какъ въ русской поэзіи, но его мнѣнію, не имѣется философски-содержательнаго Уолта Уитмана, серьезнаго и веселаго Уиттира, поэта-профессора-доктора Гольмса, фантастическаго Эдгара Аллена Поэ. Американская поэзія вообще кажется ему не столь «сумрачною» (sombre), какъ русская. Интересъ лишь курьеза представляютъ многія разсужденія Поллена, въ которыя онъ «попутно» вдается относительно шотландскаго происхожденія Романовыхъ и родства русскихъ съ англичанами, благодаря общности скандинавской крови. Миссисъ Бернардъ помѣстила въ тѣхъ же «протоколахъ» статью о «практическомъ приложеніи ученій Толстого къ англійской жизни», гдѣ разсказываетъ о колоніи толстовцевъ, основавшихся въ какомъ-то уголкѣ Англій. Эта статья, какъ видно изъ протоколовъ, вызвала сильные споры, причемъ, какъ и слѣдовало ожидать, большинство членовъ англорусскаго общества оказалось противникомъ «опрошенія». Изъ другихъ рефератовъ, читанныхъ въ томъ же обществѣ, представляетъ еще нѣкоторый интересъ рефератъ Джемса Визента о Всеволодѣ Гаршинѣ, дающій довольно обстоятельныя біографическія свѣдѣнія и оцѣнку весьма симпатичную. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что англорусское общество все болѣе, какъ это замѣтно и по протоколамъ, принимаетъ характеръ чисто англійскаго учрежденія; въ комитетъ его нѣтъ уже ни одного русскаго. — Въ «Revue des Revues», «по поводу разоруженія», появилась статья о «Катковѣ и эволюціи русской дипломатіи»¹⁾. Авторъ этой статьи приводитъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей» рядъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что Катковъ еще въ концѣ 60-хъ годовъ, а особенно въ началѣ 70-хъ годовъ былъ сторонникомъ франкорусскаго сближенія. Далѣе, указывается на перемѣны, временно происшедшія въ направленіи Каткова, и, наконецъ, приводится резюме записки, поданной въ январѣ 1886 года Катковымъ царю. Существенное содержаніе этой записки составляло указаніе экономической опасности для Россіи со стороны Германіи, необходимости для Россіи мира и необходимости союза съ Франціею въ интересахъ борьбы съ разрушительными ученіями. Авторъ статьи находитъ, что безвременная смерть Каткова на нѣсколько лѣтъ отдала заключеніе франкорусскаго союза.

¹⁾ Grégoire Litwof. Katkof et evolution de la diplomatie russe — Revue des Revues, 15 fevr. 1889.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

Къ характеристикѣ императора Александра I.

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ императора Александра I былъ произведенъ обмѣнъ кредитныхъ ассигнацій на новыя. Такъ какъ въ то время всякія распоряженія правительства расходились крайне медленно, то множество лицъ, особенно изъ числа жившихъ въ глуши и хранившихъ деньги при себѣ, не узнавали въ свое время объ окончаніи срока для обмѣна ассигнацій. Такъ случилось и на этотъ разъ на Дону: значительное число донскихъ казаковъ и казачекъ пропустили срокъ обмѣна ассигнацій и, такимъ образомъ, лишились своихъ сбереженій. Приѣздъ императора въ Таганрогъ возбудилъ у нѣкоторыхъ такихъ потерпѣвшихъ надежду исправить дѣло. Съ этою цѣлью нѣсколько казачьихъ станицъ снарядили для отправления въ Таганрогъ цѣлую экспедицію, состоявшую изъ десятковъ двухъ или больше самыхъ древнихъ старухъ. Прибывши на мѣсто и придя ко дворцу, старухи, въ большинствѣ согнувшіяся отъ старости и всѣ вооруженныя длинными клюками, стали просить, чтобы объ нихъ доложили императору. На всѣ вопросы, что имъ нужно, онѣ твердили одно: что имъ нужно видѣть самого батюшку-царя. По докладѣ объ нихъ императору, былъ полученъ приказъ впустить ихъ. При входѣ во дворецъ, несмотря на всѣ доводы и возраженія старухъ, отъ нихъ были отобраны клюки, и онѣ были введены и поставлены въ залъ. При входѣ государя всѣ старухи, какъ это

ни было имъ затруднительно, опустились на колѣни и поклонились въ землю. Государь милостиво приказалъ имъ встать, но не тутъ-то было: несмотря на всѣ успія, старухи только барахтались на полу, но ни одна изъ нихъ не могла безъ привычной клюки подняться. Тогда были позваны люди, и старухи кое-какъ очутились на ногахъ. На вопросъ государя: въ чемъ состоятъ ихъ просьба, — онѣ, кряхтя и съ большимъ трудомъ, стали доставать, кто изъ-за пазухи, кто изъ полуаршиннаго кармана, небольшіе свертки, обернутые платками. Когда процедура сперва развязыванія узелковъ, а затѣмъ развертыванія платковъ была окончена, въ рукахъ у каждой старухи оказались пачки старыхъ, не обмѣненныхъ ассигнацій. Тогда наиболѣе храбрая изъ нихъ обратилась къ государю съ такой рѣчью: «Царь-батюшка! мы принесли тебѣ деньги, намъ онѣ не нужны, а тебѣ онѣ, можетъ быть, понадобятся на что нибудь, такъ ты возьми ихъ себѣ. Намъ ихъ не хотятъ обмѣнить на новыя, тебя же, по твоему приказу, не посмѣютъ послушаться».

Тотчасъ же понявъ, въ чемъ дѣло, государь сказалъ, что прикажетъ обмѣнить ихъ деньги на новыя. Тогда старухи снова хотѣли стать на колѣни, но государь не допустилъ этого и, обласкавъ, отпустилъ ихъ, сдѣлавъ въ то же время распоряженіе, чтобы ихъ ассигнаціи были обмѣнены.

Сообщ. Г. А. Яценко.

II.

Одинъ изъ освободительныхъ опытовъ дореформенной эпохи.

Сознаніе ненормальности крѣпостныхъ отношеній и мысль объ освобожденіи крестьянъ, зародившіяся много раньше, къ концу сороковыхъ годовъ и въ пятидесятые годы, сдѣлали въ обществѣ нашемъ значительные успѣхи. Какъ лучшая часть литературы, такъ и отдѣльныя лица изъ общества были сѣятелями мысли о великой реформѣ, совершенной впоследствии волею императора Александра II. Дѣлались и отдѣльныя попытки хоть частичнаго освобожденія въ тѣхъ предѣлахъ, какіе были въ возможности и во власти частныхъ лицъ. Обзоръ ряда такихъ попытокъ представило бы большой интересъ и имѣло бы несомнѣнное значеніе для характеристики тогдашняго общества. Но исторія для того времени началась только недавно, и попытки эти, въ большинствѣ случаевъ, остаются еще неизвѣстными. Одинъ изъ такихъ опытовъ, увѣчавшійся успѣхомъ, отмѣтимъ мы въ этой замѣткѣ, пользуясь имѣющимися въ нашихъ рукахъ, касающимися его, несомнѣнными данными.

Если въ чуткомъ человѣкѣ крѣпостныя отношенія вызывали вообще чувство горечи и сознаніе ихъ неправоты, то тѣмъ сильнѣе должны были они дѣйствовать на душу, когда примѣнялись къ такимъ сферамъ жизни и дѣятельности, самая сущность которыхъ, казалось, должна бы вопіять о свободномъ трудѣ: въ областяхъ, соприкасавшихся съ культурой, съ искусствомъ. Что можетъ быть тягостнѣе, напримѣръ, какъ представленіе о крѣпостныхъ театрахъ,

оркестрахъ музыки, какіе существовали во множествѣ? Основанная на крѣпостныхъ началахъ фабрика рисуется намъ такъ же теперь, какъ одинъ изъ уголковъ Дантова ада. Условія земледѣльческаго труда, труда «на лонѣ природы», не такъ рѣзко отбѣняютъ тяжесть зависимости, какъ безпощадныя условія труда фабричнаго. Но были еще учрежденія фабричнаго характера, съ отбѣнкомъ культурнымъ, гдѣ работали также крѣпостные люди. Существовали казенныя типографіи, съ наборщиками и печатниками, государственными крестьянами. Одною изъ нихъ была одна изъ старѣйшихъ и обширѣйшихъ въ Россіи московская университетская типографія.

Казенно-работчіе московской университетской типографіи были поселены на окраинѣ Москвы, въ Бутыркахъ, за Бутырской заставой. Оттуда ходили они на работу въ типографію, на Страстной бульваръ. Они находились въ полной зависимости отъ начальника университетской типографіи и подвергались всѣмъ взысканіямъ, до тѣлеснаго наказанія включительно. Разница съ помѣщицкой властью была лишь та, что наказаніе розгами производилось не въ самой типографіи, а въ полиціи, куда препровождался рабочій. При этихъ данныхъ, типографія играла очень значительную роль, какъ источникъ доходовъ просвѣтительнаго учрежденія, каковъ Московскій университетъ. Такое положеніе дѣлъ, ни въ комъ не возбуждая протеста, продолжалось вплоть до 1858 года.

Въ этомъ году, въ іюнь, мѣсто начальника типографіи, по просьбѣ тогдашняго товарища попечителя Московскаго учебнаго округа, графа Уварова, принялъ пріятель его, Ник. Мих. Жемчужниковъ. Тяжелое положеніе дѣлъ, какое онъ засталъ во ввѣренномъ ему учрежденіи, вызвало его на попытку измѣнить судьбу крѣпостныхъ печатниковъ. Съ этою цѣлью онъ вскорѣ же подалъ въ правленіе университета записку о совершенномъ измѣненіи условій быта рабочихъ типографіи, а именно «Объ уничтоженіи дароваго труда и объ учрежденіи задѣльной платы для рабочихъ и училища для подготовленія наборщиковъ».

Такое раскрѣпощеніе печатниковъ, задолго до манифеста объ освобожденіи крестьянъ, провести было, конечно, очень не легко. Графъ Уваровъ, единственный изъ всѣхъ начальниковъ новаго правителя типографіи, горячо поддерживалъ его въ этомъ ходатайствѣ. Записка объ освобожденіи казенно-работчихъ разбиралась правленіемъ университета въ присутствіи Н. М. Жемчужникова, отстаивавшаго лично ея положенія. Изъ всѣхъ членовъ правленія его поддерживалъ одинъ С. М. Соловьевъ; остальные, съ извѣстнымъ Баршевымъ во главѣ, были всѣ противъ записки.

Въ связи съ этимъ дѣломъ, получившимъ значительный откликъ, былъ состоявшийся вскорѣ послѣ того пріѣздъ въ Москву тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго. Его поддержкѣ Жемчужниковъ обязанъ тѣмъ, что то полное измѣненіе судьбы рабочихъ, котораго онъ добивался, было принято и приведено въ исполненіе, и отъ крѣпостнаго труда и крѣпостныхъ отношеній къ начальнику типографіи работчіе ея съ 1858 года перешли на задѣльную плату.

Трудность борьбы, доводы, къ которымъ надо было прибѣгать, и значеніе этого дѣла, какъ одного изъ первыхъ опытовъ раскрытія, сообщаютъ этой запискѣ историческій интересъ и даютъ право на оглашеніе цѣликомъ ея текста. Вотъ онъ:

«Въ правленіе университета. 4-го сентября 1858 года. Господинъ министръ народнаго просвѣщенія, опредѣляя мени на занимаемую мною нынѣ должность, поручить мнѣ, между прочимъ, обратить особенное вниманіе на техническую часть типографіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ настоящее время уже разрѣшена министерствомъ покупка за границею станковъ и машинъ, нужныхъ для усовершенствованія типографскаго искусства. Будучи увѣренъ, что какъ всѣ эти, такъ и еще предстоящія издержки принесутъ пользу типографіи университетской, я, однако, полагаю, что онѣ далеко не приведутъ къ тѣмъ существеннымъ результатамъ, которыхъ министерство, безъ сомнѣнія, и желаетъ, и ожидаетъ, если не будетъ обращено особеннаго вниманія на положеніе казенно-рабочихъ типографскихъ людей. По моему мнѣнію, замѣненіе обязательнаго труда трудомъ вольнымъ есть единственное средство, чтобы довести техническую часть типографскаго дѣла до возможнаго совершенства. Невыгоды обязательнаго труда вообще и въ особенности въ типографіи Московскаго университета, какъ въ учрежденіи, которое по самому основанію своему должно быть, какъ и всѣ прочія типографіи, учрежденіемъ чисто коммерческимъ, слишкомъ извѣстны просвѣщенному начальству университета. Коренное преобразованіе устройства типографіи Московскаго университета въ этомъ смыслѣ есть дѣло тѣмъ болѣе необходимое, что преимущество вольнаго труда передъ обязательнымъ уже давно доказано наукой и нынѣ признается правительствомъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что высшее правительство обратитъ вниманіе и на казенно-рабочихъ людей здѣшней университетской типографіи. Но ограничиться выжиданіемъ окончательныхъ его по этому предмету распоряженій, не сдѣлавъ ничего хотя въ отношеніи справедливаго ихъ вознагражденія за трудъ, было бы, конечно, не согласно съ видами самого правительства. Между тѣмъ, въ настоящее время задѣльная плата казенно-рабочихъ университетской типографіи весьма ничтожна сравнительно съ таковою же платою въ типографіяхъ вольныхъ. Удовольреніемъ въ справедливости этого мнѣнія послужитъ табель, по которой въ здѣшней университетской типографіи положено взымать плату съ заказчиковъ и производить задѣльную плату рабочимъ. По разсмотрѣніи этой табели легко убѣдиться въ томъ, что она составлена совершенно произвольно и безъ всякаго основанія. Такимъ образомъ, въ ней нѣтъ никакихъ правилъ для опредѣленія формата, такъ что названіе того или другаго формата бумаги большимъ или малымъ предоставлено усмотрѣнію заказчика, а потому не удивительно, если большая часть заказчиковъ желаетъ воспользоваться этою неопредѣленностью въ ущербъ выгодамъ типографіи. Очевидно, удобнѣе для издателя, вмѣсто того, чтобы печатать листъ въ 8-ю долю большаго формата, заплатить однимъ рублемъ дороже за наборъ листа вдвое большаго и печатать въ 16-ю долю, которая величиной равнялась бы 8-й долѣ. Наборщикъ же вслѣдствіе этого, почти за одну и ту же плату, долженъ тра-

титъ вдвое больше времени и матеріаловъ. Кромѣ того, въ назначеніи самой платы за трудъ не видно также никакого основанія. Такъ, напримѣръ, за наборъ въ 8-ю долю листа большого формата (шрифтомъ средней величины) положено брать съ заказчикавъ 3 руб. 70 коп., тогда какъ въ другихъ типографіяхъ на долю наборщика приходится за такой листъ, по крайней мѣрѣ, 4 рубля. Взямая такую ничтожную цѣну, университетская типографія, конечно, не въ состояніи производить рабочимъ надлежащую плату, и потому наборщики ея, при всемъ усердіи и прилежаніи къ работѣ, остаются вознагражденными, какъ требовала бы того справедливость, и находятся въ положеніи бѣдственномъ, сравнительно съ наборщиками другихъ типографій. Равнымъ образомъ и рабочимъ въ словолитнѣ назначены цѣны весьма низкія. Вообще о степени произвола въ вознагражденіи за трудъ рабочимъ можно заключить изъ того, что, по назначеннымъ въ университетской типографіи цѣнамъ, наборщики, отъ которыхъ требуется и общее школьное образованіе и полное познаніе своего спеціальнаго дѣла и которые, трудясь съ утра до вечера и нерѣдко по ночамъ и даже въ праздники, исполняютъ основную и главную работу типографіи,—не въ состояніи, однако, заработать того, что получаютъ такъ называемые подъемщики, т. е. исполняющіе работу второстепенную и чисто машинальную.

«Всѣ вышеннеложенныя несообразности таблицы необходимо требуютъ существенныхъ измѣненій, а потому г. факторъ ввѣренной моему управленію типографіи составилъ, по моему порученію, новый по всѣмъ предметамъ расчетъ, который при семъ прилагается. При составленіи онаго были приняты въ соображеніе цѣны, платимыя за работы въ заведеніяхъ гг. Каткова и Селивановскаго, съ нѣкоторымъ, однако, ихъ пониженіемъ, на томъ основаніи, что рабочіе типографіи Московскаго университета избавлены отъ повинностей и пользуются жалованьемъ, обращающимся имъ въ пенсію. Въ этомъ новомъ расчетѣ не упомянуто о деньгахъ, вычитаемыхъ изъ задѣльной платы за доставляемый рабочимъ столъ. И это сдѣлано потому, что, по моему мнѣнію, существующіе теперь обѣдненные столы слѣдуетъ вовсе прекратить. Типографскіе рабочіе, трудясь до ночи и иногда и за полночь, нуждаются гораздо болѣе въ ужинѣ, чѣмъ въ обѣдѣ; и я увѣренъ, что рабочіе будутъ болѣе довольны, если начальство типографіи откажется вовсе отъ внимательства въ доставку имъ пропитанія натурой. Что же касается до задѣльной платы по праздникамъ, то хотя объ ней и не упоминается въ предлагаемомъ расчетѣ, но я полагаю, что въ этомъ случаѣ плату эту слѣдуетъ производить по усмотрѣнію начальника типографіи и подъ отвѣтственностью фактора. Представляя вновь составленный расчетъ на благоусмотрѣніе правленія университета, я увѣренъ, что, въ случаѣ его утвержденія, произойдетъ двойная польза, а именно: 1) эта мѣра, служа переходнымъ состояніемъ для казенно-рабочихъ людей, которые рано или поздно должны быть освобождены отъ крѣпостной, такъ сказать, ихъ зависимости отъ университетской типографіи, приучитъ до нѣкоторой степени и самую типографію дѣйствовать правильно и на основаніяхъ учрежденія коммерческаго, и 2) окажется дѣйствительная возможность къ усовершенствованію технической ея части.

«Въ заключеніе всего, выше мною изложеннаго, считаю нужнымъ прибавить, что, по моему мнѣнію, было бы весьма полезно озаботиться о приготовленіи къ тому времени, когда высшее правительство освободитъ казенно-рабочихъ, особаго класса наборщиковъ, въ которыхъ нынѣ чувствуется такой общій недостатокъ. Для этой цѣли я полагаю бы открыть нынѣ же училище для дѣтей казенно-рабочихъ московской университетской типографіи, съ тѣмъ, чтобы въ оное могли быть принимаемы также дѣти и всѣхъ прочихъ сословій государства. Ученики, окончившіе свое образованіе, въ благодарность за безплатное ихъ тамъ обученіе, могутъ быть обязаны прослужить шесть лѣтъ въ московской университетской типографіи, разумѣется, за задѣльную плату. По окончаніи шестилѣтняго срока, дѣти собственно казенно-рабочихъ имѣютъ право вписаться въ одно изъ сословій по ихъ выбору. Начальство университета и нынѣ заботится постоянно о дѣтяхъ казенно-рабочихъ, но съ основаніемъ предполагаемаго училища попеченія его сдѣлался бы болѣе дѣйствительны, ибо въ настоящее время жалованье, выдаваемое ежемѣсячно нѣкоторымъ изъ дѣтей казенно-рабочихъ, находящимся, какъ значитъ въ особо заведенной для жалованья шнуровой книгѣ, въ училищѣ, врядъ ли приноситъ имъ пользу, такъ какъ, по причинѣ уничтоженія училища собственно для дѣтей типографскихъ рабочихъ, трудно въ настоящее время наблюдать за ихъ воспитаніемъ, имѣть точныя свѣдѣнія о томъ, кто изъ нихъ въ какомъ училищѣ находится, и слѣдить за тѣмъ, чтобы отпускаемыя на нихъ деньги употреблялись по принадлежности и назначенію. Начальникъ типографіи Н. Жемчужниковъ».

Когда вышеприведенный проектъ получилъ официальное утвержденіе и былъ принятъ, то расчетъ новой задѣльной платы, близкой къ существовавшимъ тогда цѣнамъ частныхъ типографій, былъ напечатанъ и вывѣшенъ въ рамкѣ подъ стекломъ въ университетской типографіи, къ общему свѣдѣнію рабочихъ. За проступки, неявку на работу и неприличное поведеніе, въ новыхъ правилахъ назначены были денежныя взысканія, а въ заключеніе правилъ стояли особенно дорогія и многозначительныя слова: «Всякое другое взысканіе, кромѣ денежнаго, за неисполненіе рабочимъ своихъ обязанностей, отнынѣ не допускается». Трудяги печатнаго дѣла избавлялись, наконецъ, отъ наказанія розгамъ.

Вскорѣ вслѣдъ за этимъ послѣдовало оставленіе графомъ Уваровымъ мѣста помощника попечителя Московскаго учебнаго округа. Вѣроятно, — несмотря на проведеніе имъ своего проекта, а, можетъ быть, и вслѣдствіе того, — жизнь начальника типографіи въ учебно-административной средѣ не была особенно сладка, такъ какъ, вслѣдъ за графомъ Уваровымъ подалъ просьбу объ увольненіи отъ должности и г. Жемчужниковъ. Такъ можно заключить изъ слѣдующаго письма его къ министру Ковалевскому, не заключающаго, разумѣется, обвиненія отдѣльныхъ лицъ, но излагающаго лишь общіе мотивы такого рѣшенія его автора:

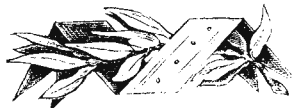
«Милостивый государь Евграфъ Петровичъ! Опредѣляясь на должность управляющаго университетской типографіею, я ожидалъ борьбы и съ ложными понятіями и съ прочно укоренившимися злоупотребленіями. Мои ожиданія

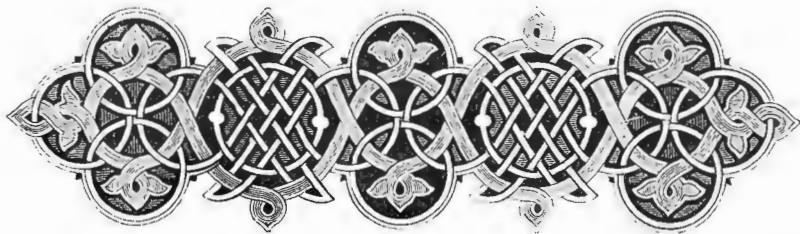
сбылись вполнѣ, какъ я имѣлъ честь доводить до свѣдѣнїя вашего высокопревосходительства въ бытность вашу въ Москвѣ. Но въ успѣхъ этой борьбы я не сомнѣвался потому, что имѣлъ въ виду дѣйствовать заодно съ графомъ Уваровымъ, другомъ моимъ съ дѣтства и убѣжденїя котораго мнѣ были, слѣдовательно, извѣстны. Нынѣ же, когда онъ выходитъ въ отставку, я считаю необходимымъ послѣдовать его примѣру, тѣмъ болѣе, что никто изъ лично мнѣ извѣстныхъ и уважаемыхъ мною людей не находится, но мнѣ соображенїямъ, въ такомъ служебномъ положенїи, которое могло бы доставить эту возможность быть моимъ непосредственнымъ начальникомъ, а между тѣмъ служебная моя дѣятельность по пяти вѣдомствамъ научила меня правилу не искать службы подъ начальствомъ такого человѣка, который мнѣ лично не извѣстенъ, хотя бы онъ и былъ признанъ правительствомъ благонамѣреннымъ и полезнымъ.

«Я почелъ долгомъ откровенно представить причину, по которой я рѣшился оставить занимаемую мною должность. Исполненїе моихъ обязанностей въ томъ смыслѣ, какъ я ихъ понималъ и какъ вы того желали, изъ затруднительнаго дѣлается для меня въ настоящее время невозможнымъ. Но, зная ваши намѣренїя по этому предмету, я имѣю честь обратить ваше вниманїе на г. Миллера, служащаго въ военномъ министерствѣ, за котораго ручаюсь, какъ за себя, въ отношенїи его честности и добросовѣстности и, сверхъ того, признаю за нимъ то преимущество передъ собою, что ему хорошо знакома бухгалтерская часть, и что онъ будетъ имѣть болѣе хладнокровїя для постоянной и тяжелой борьбы, покуда неизбежной при стремленїи къ доброй и полезной цѣли. Москва, 16-го генв. 1859».

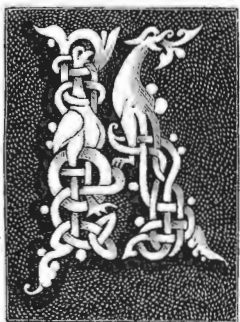
Вслѣдъ за этимъ, не совсѣмъ обычнымъ въ чиновничьей средѣ, объясненїемъ, Н. М. Жемчужниковъ оставилъ должность начальника университетской типографїи. Полную свободу казеннымъ типографскимъ рабочимъ принесъ, наравнѣ съ другими крѣпостными, шестьдесятъ первый годъ. Но московскїе университетскїе типографички все же стали на положенїе почти вольно-рабочихъ и освободились отъ тѣлеснаго наказанїя года на три раньше своихъ собратїй, и, что особенно характерно, по почину и старанїямъ частнаго человѣка.

Сообщ. В. П. Горленко.

С М Ъ С Ъ.

ТЬ ЮБИЛЕЮ Пушкина. I. С. Петербургъ. 1). 10 января, во второмъ засѣданіи комисіи по выработкѣ программы чествованія памяти Пушкина разбиралась программа, выработанная подкомиссіей. Засѣданіе это, какъ и первое, происходило, въ залѣ академіи наукъ подъ предѣтельствомъ августѣйшаго президента академіи великаго князя Константина Константиновича. Программа, выработанная комиссіей, была въ значительной части принята и удостоилась 20 января высочайшаго утвержденія. На основаніи этой программы 1) положено просить подлежащія духовныя власти о распоряженіи отслужить въ день столѣтней годовщины рожденія Александра Сергѣевича Пушкина, 26 мая 1899 года, заупокойную литургію и панихиду по почившемъ поэтѣ: въ Петербургѣ — въ Казанскомъ соборѣ, въ церкви при императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ, въ которомъ воспитывался Пушкинъ, и въ конюшенной церкви, гдѣ происходило отпѣваніе его тѣла; въ Москвѣ — въ церкви Богоявленія, что въ Влоховѣ (въ приходѣ, гдѣ родился поэтъ), и въ Святогорскомъ монастырѣ, Псковской губерніи, — на могилѣ поэта. Доброму усердію духовенства представляется почтить память поэта молитвеннымъ служеніемъ и въ другихъ храмахъ обѣихъ столицъ и прочихъ городовъ, а равно въ церквяхъ при учебныхъ заведеніяхъ. 2) 26 мая, послѣ божественной службы, имѣетъ состояться торжественное публичное засѣданіе императорской Академіи Наукъ, съ произнесеніемъ рѣчей и исполненіемъ особо написанной по сему случаю кантаты. 3) Съ 15 по 26 мая, въ большой конференцъ-залѣ академіи наукъ имѣетъ быть открыта выставка предметовъ, принадлежавшихъ Пушкину, его рукописей,

изданій его сочиненій и проч. 4) Желательно устроить въ память А. С. Пушкина на императорскихъ театрахъ драматическіе и оперные спектакли изъ произведеній поэта, въ апрѣлѣ, на Святой недѣлѣ, въ теченіе 3 дней, причѣмъ въ Петербургѣ въ Александринскомъ театрѣ могутъ быть поставлены сцены изъ Бориса Годунова и другихъ пьесъ, по усмотрѣнію г. директора императорскихъ театровъ, а въ заключеніе апоѳеозъ: А. С. Пушкинъ и его муза, окруженные группами изъ произведеній поэта, а въ Маринскомъ театрѣ исполнены оперы—Евгеній Онегинъ, Русалка и Русланъ и Людмила; въ Москвѣ: въ большомъ театрѣ могутъ быть поставлены сцены изъ пьесъ: «Скупоу Рыцарь», «Русалка», «Каменный Гость», «Борисъ Годуновъ» и апоѳеозъ передъ бюстомъ А. С. Пушкина; артистами, хоромъ и оркестромъ императорскихъ театровъ будетъ исполнена Слава, и будетъ поставлено нѣсколько группъ изъ произведеній поэта. 5) Положено просить всѣ вѣдомства, въ вѣдѣніи коихъ находятся учебныя заведенія, ознаменовать столѣтнюю память А. С. Пушкина соответствующимъ торжествомъ. 6) Желательно устроить въ обѣихъ столицахъ и по всей Россіи, гдѣ представится возможнымъ, рядъ чтеній для народа съ туманными картинами, занимая ихъ изъ произведеній А. С. Пушкина. 7) Разрѣшеннымъ отъ правительства частнымъ обществамъ предоставляется устройство художественныхъ празднествъ въ память А. С. Пушкина, каждому въ отдѣльности или по соглашенію обществъ между собою. 8) На память о юбилейномъ торжествѣ желательно поручить профессору живописи В. М. Васнецову изготовить, по его выбору, иллюстрацію одного изъ произведеній А. С. Пушкина, и, сверхъ того, желательно отпечатать портретъ поэта съ гравюры Райта, доска коей имѣется въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, для распространенія его по Россіи въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ. 9) Положено испросить высочайшее государя императора разрѣшеніе на выбитіе медали въ память празднованія столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина, при чемъ медали эти, серебряныя или бронзовыя, выдать всѣмъ выпускнымъ воспитанникамъ учебныхъ заведеній, которые будутъ удостоены награжденія въ 1899 году, сверхъ получаемыхъ ими наградъ. 10) Положено ходатайствовать предъ его императорскимъ величествомъ объ учрежденіи при императорской академіи наукъ отдѣленія изящной словесности въ память А. С. Пушкина. 11) Положено ходатайствовать предъ его императорскимъ величествомъ: а) о принятіи правительствомъ на себя заботъ по охраненію навсегда въ приличномъ видѣ могилы А. С. Пушкина въ Святогорскомъ монастырѣ, и б) о приобрѣтеніи въ казну усадьбы и, если возможно, всей земли имѣнія Пушкиныхъ, села Михайловскаго, Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи, съ предоставленіемъ псковскому дворянству устроить въ этой усадьбѣ помѣщенія для нуждающихся престарѣлыхъ писателей. Изъ подробностей этой программы особенно слѣдуетъ отмѣтить предложеніе министра финансовъ С. Ю. Витте, принятое комиссіей, объ учрежденіи особаго отдѣленія академіи наукъ—изящной словесности въ память Пушкина. Извѣстно, что теперь существуетъ отдѣленіе русскаго языка и словесности чисто филологическое, и въ члены его не избираются выдающіеся писатели-художники. Съ 1783 г. существовала російская академія, членами которой были Фонви-

зинъ, Книжнинъ, Державинъ, Жуковский, кн. Вяземскій, Пушкинъ и др. Но эта академія была преобразована въ отдѣленіе русскаго языка и словесности изъ экономическихъ соображеній. Академикъ Сухомлиновъ, когда министръ финансовъ предложилъ учрежденіе отдѣленія изящной словесности, напомнилъ этотъ фактъ. 2) «Въ Правительственномъ Вѣстникѣ» сообщено: «Въ высочайше утвержденной 20-го января текущаго года программѣ предполагаемаго чествованія памяти А. С. Пушкина, въ п. 2-мъ говорится: «26-го мая послѣ божественной службы имѣеть состояться торжественное публичное засѣданіе императорской академіи наукъ съ пропзнесеніемъ рѣчей и исполненіемъ особо написанной по сему случаю кантаты». При сочиненіи текста кантаты желательно, въ виду музыкальныхъ требованій, соблюденіе слѣдующихъ условій: 1) продолжительность кантаты въ музыкѣ должна быть отъ десяти до пятнадцати минутъ; сообразно съ этимъ число стиховъ должно простираться приблизительно отъ сорока до шестидесяти; 2) форма кантаты: а) хоръ, б) соло для мужскаго голоса, в) соло для женскаго голоса, г) хоръ вмѣстѣ съ соло; 3) стихи должны быть различныхъ размѣровъ и различнаго числа стопъ, но отнюдь не шестистопные, предпочтительнѣе ямбъ и хорей; доускается періодическое чередованіе длинныхъ и короткихъ стиховъ, напримѣръ, пять стопъ— три стопы, пять стопъ—три стопы и т. д.; строки должны быть удобны для повторенія въ музыкѣ; 4) текстъ кантаты долженъ быть преимущественно лирическаго характера; вступительный хоръ можетъ быть отчасти повѣствовательнаго содержанія; заключительный хоръ долженъ имѣть характеръ гимна; соло мужское и женское должны имѣть соответствующіе отбѣнки и въ текстѣ. Для сочиненія текста кантаты открывается конкурсъ. Лица, желающія принять участіе въ конкурсѣ, приглашаются представить текстъ кантаты въ академію наукъ, на имя непремѣннаго секретаря академіи, не позже 15-го февраля текущаго года и непремѣнно подъ девизомъ, а настоящая фамилія автора должна быть означена въ приложенномъ запечатанномъ пакетѣ». 3) Къ празднованію столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина появится въ свѣтъ первый томъ сочиненій великаго поэта въ академическомъ изданіи, подъ редакціей Л. Н. Майкова. Онъ будетъ заключать въ себѣ лицейскія стихотворенія Пушкина и объясненія къ нимъ редактора. Размѣры тома превышаютъ 40 печатныхъ листовъ, и изъ нихъ 19 содержатъ въ себѣ текстъ стихотвореній, а остальные—комментаріи. Въ основу издаваемаго текста академикъ Л. Н. Майковъ положилъ тщательное изученіе рукописей Пушкина, которое оказалось особенно необходимымъ для лицейскихъ его стихотвореній, потому что большая часть ихъ была издана по смерти автора довольно небрежно, и перепечатывалась въ такомъ видѣ до сихъ поръ. Что касается комментарія, въ немъ, кромѣ вариантовъ, приводятся оригиналы чужихъ произведеній, которыми Пушкинъ подражалъ въ своихъ начальныхъ опытахъ, и сообщаются объясненія историческаго и біографическаго характера. Къ первому тому этого изданія будутъ приложены: два юношескіе портрета Пушкина и нѣсколько снимковъ его почерка и рисунковъ. Работа по приготовленію къ печати критическаго изданія сочиненій Пушкина наложила на академика Майкова обязанность не только обстоятельно ознакомиться съ рукописями великаго поэта,

хранящимися въ общественныхъ собраніяхъ, но и разыскивать ихъ у частныхъ лицъ. Поиски эти были не безуспѣшны: если не было найдено такихъ произведеній поэта, которыя вовсе не были бы извѣстны, за то встрѣчено значительное количество писемъ его, доселѣ не изданныхъ, а также отрывковъ, черновыхъ набросковъ и программъ. Все эти матеріалы, облегчающіе разъясненіе творческой дѣятельности Пушкина, найдутъ себѣ мѣсто въ слѣдующихъ томахъ предпринятаго академіей изданія. Кромѣ бумагъ Пушкина, въ распоряженіе академика Майкова было доставлено значительное количество письменныхъ свѣдѣній о жизни поэта; обработка ихъ дала Л. Н. Майкову возможность составить рядъ статей, изъ которыхъ только сущность можетъ войти въ подготавливаемую имъ біографію поэта; нынѣ же эти статьи печатаются отдѣльнымъ сборникомъ, который будетъ нелишнимъ вкладомъ въ литературу о Пушкинѣ и его произведеніяхъ. Этотъ сборникъ появится также ко времени празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія великаго поэта. 4) Одинъ изъ книгоиздателей выпускаетъ въ весьма оригинальной формѣ полное собраніе сочиненій поэта; оно будетъ заключаться въ десяти крошечныхъ томикахъ въ видѣ десяти коробокъ спичекъ обыкновеннаго формата. Томикъ въ обложкѣ будетъ вдвигаться въ деревянную обложку, и десять такихъ составятъ одну пачку. Предполагается, что цѣна этому миниатюрному изданію будетъ не больше рубля. Въ ознаменованіе того же праздника нѣсколько молодыхъ художниковъ предприняли изданіе альбома изъ 120-ти картинъ къ произведеніямъ Пушкина. 5) С.-петербургскимъ городскимъ управленіемъ предполагается слѣдующимъ образомъ чествовать память столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина: 1) поручить комиссіи по народному образованію избрать изъ своего состава особую комиссію по устройству самаго юбилейнаго Пушкинскаго праздника; 2) ко дню чествованія столѣтней годовщины рожденія поэта раздать оканчивающимъ въ 1899 г. курсъ начальныхъ городскихъ училищъ 4.000 экземпляровъ и посѣтителямъ двухъ читаленъ имени А. С. Пушкина 1.000 экземпляровъ «юбилейнаго Пушкинскаго сборника». На расходъ по изготовленію упомянутаго сборника отпустить заимообразно въ распоряженіе этой комиссіи 9.000 рублей съ тѣмъ, чтобы по распродажѣ остальныхъ напечатанныхъ экземпляровъ означеннаго сборника сверхъ необходимыхъ для надобностей комиссіи получившійся денежный остатокъ сверхъ отпущенной суммы послужилъ къ образованію фонда подъ названіемъ Пушкинскаго на благотворительныя дѣла; 3) въ день 26 мая 1899 года отслужить отдѣльно для учащихся каждаго школьнаго участка панихиды, а въ городскихъ безплатныхъ читальняхъ имени А. С. Пушкина отслужить таковыя до начала чтенія въ нихъ; 4) избрать для устройства Пушкинскихъ школьныхъ праздниковъ день акта городскихъ начальныхъ училищъ—30-е мая и поручить комиссіи по устройству юбилейнаго Пушкинскаго праздника разработать подробную программу предлагаемыхъ школьныхъ праздниковъ, на расходы по устройству которыхъ ассигновать 5.000 рублей; 5) ассигновать въ распоряженіе комиссіи по народному образованію необходимый кредитъ на учрежденіе стипендій имени А. С. Пушкина для выдачи наиболѣе способнымъ ученикамъ и ученицамъ городскихъ училищъ для довершенія ими общаго образованія въ среднихъ и выс-

шихъ учебныхъ заведенійхъ; учредить 4 стипендіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, 4—на высшихъ и педагогическихъ женскихъ курсахъ и 25—въ гимназіяхъ и городскихъ четырехклассныхъ училищахъ. На эти стипендіи открыть кредитъ въ 2.900 рублей въ годъ; 6) войти въ соглашеніе съ владѣльцами дома № 10-й по Мойкѣ, гдѣ скончался поэтъ, о приобрѣтеніи этого дома въ собственность города для помѣщенія въ немъ многокласснаго училища имени А. С. Пушкина и другихъ городскихъ учрежденій съ просвѣтительнымъ характеромъ. Въ случаѣ невозможности воспользоваться для этой цѣли означеннымъ домомъ отвести свободный городской участокъ земли (по Большой Ружейной улицѣ) для постройки на немъ Пушкинскаго школьнаго дома съ 20-ю классами; на сооруженіе этого дома открыть кредитъ въ размѣрѣ 200.000 рублей; 7) войти съ ходатайствомъ о переименованіи Каменноостровскаго проспекта въ проспектъ Александра Пушкина въ виду того, что здѣсь находится лицей, въ которомъ воспитывался поэтъ; 8) позаботиться объ огражденіи мѣста дуэли поэта рѣшеткой съ постановкою здѣсь монумента или часовни; 9) поставить во всѣхъ училищахъ портреты поэта и 10) ассигновать 1.000 рублей попечительству учрежденій въ память А. С. Пушкина въ Святыхъ Горахъ на увеличеніе капитала, обезпечивающаго содержаніе въ надлежащемъ видѣ могилы поэта и учреждаемая его имени богадѣльню и бесплатную читальню въ Святыхъ Горахъ. **II. Москва.** 1) Пушкинская коммисія при московскомъ обществѣ любителей россійской словесности получила нѣсколько заявленій отъ разныхъ лицъ о желаніи ихъ принять участіе въ устраиваемой обществомъ Пушкинской выставкѣ и о предметахъ, обѣщанныхъ уже для выставки. Для ближайшей организаціи всего дѣла по устройству Пушкинской выставки коммисія выдѣлила, какъ передаютъ «Русскія Вѣдомости», особую подкоммисію подъ предѣлательствомъ П. А. Ефремова. Коммисія постановила обратиться черезъ газеты съ воззваніемъ ко всѣмъ лицамъ, владѣющимъ рукописями Пушкина, портретами поэта, его родныхъ, друзей, знакомыхъ, вещами, ему принадлежащими, и проч., съ просьбой доставить эти предметы на Пушкинскую выставку въ Москву; съ подобнымъ же воззваніемъ рѣшено обратиться и къ издателямъ сочиненій Пушкина, иллюстрацій къ нимъ, къ нотнымъ издателямъ и проч. Московское хоровое общество заявило пушкинской коммисіи о своемъ желаніи принять участіе въ празднествахъ въ честь Пушкина. Общество уже приступило къ разучиванію различныхъ хоровъ на слова Пушкина. Какъ извѣстно, обществу любителей россійской словесности обѣщаль свое содѣйствіе по устройству музыкальной части Пушкинскихъ празднествъ директоръ московской консерваторіи В. И. Сафоновъ. 2) Вопросъ о порядкѣ чествованія памяти А. С. Пушкина по случаю предстоящаго столѣтія со дня его рожденія, разсматривавшійся въ Московской думѣ въ засѣданіи 26-го января, возбудилъ довольно оживленныя пренія. Гласный Ѳ. Ѳ. Воскресенскій находилъ недостаточнымъ то, что предложила управа для чествованія памяти великаго поэта, и считалъ необходимымъ открыть еще не менѣе пяти городскихъ начальныхъ училищъ имени А. С. Пушкина, а также приобрѣсти въ собственность города домъ, въ которомъ родился поэтъ. Гласный Н. И. Стуковенковъ предлагалъ организовать общество для пособія нуждающимся ли-

тераторамъ и вообще лицамъ, посвящающимъ себя литературному труду, или въ какой либо другой формѣ оказывать имъ со стороны города помощь. Гласный П. Г. Виноградовъ поддерживалъ предложеніе гласнаго Воскресенскаго объ учрежденіи новыхъ училищъ, если не 5-ти, то хотя 3-хъ. Товарищъ городского головы П. А. Лебедевъ, сочувствуя учрежденію новыхъ школъ въ память столѣтней годовщины со дня рожденія Пушкина, находилъ, что въ этомъ дѣлѣ можетъ быть лишь одно только препятствіе — недостатокъ денежныхъ средствъ; что же касается до организаціи помощи литераторамъ, то предложеніе это едва ли можетъ быть принято, такъ какъ литераторы живутъ во многихъ другихъ городахъ, а управа остановилась на такомъ способѣ чествованія поэта, чтобы учрежденія его имени служили интересамъ населенія Москвы, какъ родины Пушкина. Дума постановила вопросъ объ учрежденіи новыхъ училищъ въ память поэта передать на разсмотрѣніе уличной и финансовой комиссій. Въ своемъ докладѣ управа предлагаетъ между прочимъ ходатайствовать о наименованіи Тверскаго бульвара въ честь поэта Пушкинскимъ. Противъ такого предложенія возражалъ гласный П. А. Найденовъ, заявившій, что лучше всего въ память поэта назвать площадь Тверскихъ воротъ, а не Тверской бульваръ. Гласный С. А. Муромцевъ возражалъ, что если городъ желаетъ чествовать память великаго человѣка, то нужно чествовать какъ слѣдуетъ и не называть его именемъ площади, переполненной постоянно извозчиками, вагонами конно-железныхъ дорогъ, мусоромъ, грязью, и гораздо приличнѣе назвать его именемъ Тверской бульваръ, гдѣ цѣлый день гуляютъ дѣти и учащіеся. Дума большинствомъ 50-ти голосовъ противъ 34-хъ отклонила предложеніе управы о наименованіи Тверскаго бульвара Пушкинскимъ и рѣшила назвать Пушкинскою площадь Тверскихъ воротъ. Затѣмъ согласно предложенію управы дума постановила: 1) 26-го мая 1899 года отслужить отъ города заупокойную литургію и панихиду по А. С. Пушкинѣ въ церкви св. Богоявленія въ Елоховѣ, въ городскихъ начальныхъ училищахъ устроить чтенія съ свѣтовыми картинами, посвященныя жизнеописанію А. С. Пушкина и выдержкамъ изъ его произведеній, и раздать учащимся всѣхъ классовъ избранныя сочиненія А. С. Пушкина; 2) день столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина увѣковѣчить сооруженіемъ зданія народной аудиторіи съ читальнею при ней въ мѣстности, близкой къ дому, въ которомъ родился А. С. Пушкинъ; 3) поручить городской управѣ разработать проектъ означеннаго въ 1-мъ пунктѣ сооруженія и докладъ по сему предмету представить на усмотрѣніе городской думы; 4) учредить въ память А. С. Пушкина стипендію въ 420 рублей въ годъ, выдаваемую одному лицу для окончанія средняго и высшаго образованія, и положеніе объ означенной стипендіи по выработкѣ послѣдняго представить на усмотрѣніе городской думы; назначеніе этой стипендіи предоставить городскому головѣ; 5) ассигновать въ распоряженіе городской управы на означенныя въ первомъ пунктѣ надобности сумму до 10.000 рублей.

3) Ново-александрійскій институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства предполагаетъ чествовать день столѣтія рожденія А. С. Пушкина слѣдующимъ образомъ: 26-го мая отслужить утромъ въ институтской церкви панихиду въ присутствіи всѣхъ служащихъ института, студентовъ и всѣхъ желающихъ

почтить память покойнаго поэта; послѣ панихиды устроить въ честь его въ актовомъ залѣ литературно-вокально-музыкальное утро, на которомъ предполагается прочесть характеристику дѣятельности А. С. Пушкина и отрывки изъ наиболѣе выдающихся его произведеній; затѣмъ студенческой хоръ и оркестръ и студенты-солисты исполнять отрывки изъ сочиненій покойнаго А. С. Пушкина, положенные на музыку; 4) среди московскихъ художниковъ возникла мысль устроить передвижную народную выставку картинъ изъ жизни и сочиненій Пушкина по образцу той выставки, которая была устроена въ 1872 г., во время юбилея Петра Великаго. **III. Псковскимъ губернскимъ комитетомъ** по организаціи чествованія дня столѣтія годовщины рожденія Пушкина намѣчена въ общихъ чертахъ программа предстоящаго празднества. Оно будетъ совершаться одновременно въ двухъ мѣстахъ губерніи: въ городѣ Псковѣ и на мѣстѣ погребенія Пушкина—въ Святогорскомъ монастырѣ, Опочецкаго уѣзда, въ 54-хъ верстахъ отъ города Острова. Наканунѣ въ псковскомъ кафедральномъ соборѣ и въ монастырѣ будетъ отслужена заупокойная всенощная, а на другой день—литургія. Во время празднества, которое будетъ продолжаться въ Псковѣ 3 или 4 дня, будутъ предложены публичкѣ чтенія о жизни и дѣятельности поэта. Кромѣ того, къ этому времени изготовляется для подвешенія пріѣзжимъ депутатамъ и другимъ гостямъ художественный альбомъ съ изображеніями села Михайловскаго, соборнаго Успенскаго храма, Святогорскаго монастыря, кладбища, гдѣ похороненъ поэтъ, и его памятника. Учащимся же въ учебныхъ заведеніяхъ города Пскова, будетъ, кромѣ того, раздаваться приготовленная мѣстнымъ ученымъ археологомъ П. Н. Василевымъ брошюра: «Сохранившіеся слѣды пребыванія А. С. Пушкина въ Псковской губерніи». **IV. Кіевъ.** Правленіе кіевского педагогическаго общества рѣшило: 1) издать особый сборникъ статей, приуроченныхъ по своему содержанію къ средней школѣ, чистый доходъ отъ продажи котораго поступитъ на образованіе фонда на стипендіи имени Пушкина для воспитанія дѣтей членовъ общества; 2) устроить рядъ подготовительныхъ лекцій о Пушкинѣ и 3) устроить 28 мая торжественное (публичное) собраніе членовъ общества съ чтеніемъ соответствующихъ событію рефератовъ. **V. Харьковъ.** Пушкинскую годовщину предполагаютъ почтить учрежденіемъ большой безплатной женской народной школы имени поэта. По проекту г-жи Салтыковой, о которомъ сообщаетъ «Южный Край», первый комплектъ ея ученицъ должны составить тѣ 350 бѣдныхъ дѣвочекъ, которыя посѣщаютъ вечернія занятія при частной женской воскресной школѣ. Желательно, чтобы школа построена была не на окраинѣ; какъ безплатная, она должна быть расположена возможно центральнѣе, чтобы равномерно удовлетворять всѣ окраины, и должна быть одновременно открыта на 9 отдѣленій: именно: 4 первыхъ, 3 вторыхъ и 2 третьихъ: только въ такомъ случаѣ она можетъ удовлетворить всему количеству желающихъ учиться дѣвочекъ. Кромѣ того, желательно, чтобы школа памяти Пушкина была болѣе сложнымъ учрежденіемъ, чѣмъ обычная народная школа въ 3 отдѣленія; въ крайнемъ случаѣ можно бы ограничиться 6 отдѣленіями: 3 первыми, 2 вторыми и 1 третьимъ. Въ виду того, что устройство такой школы, обезпеченіе ея хорошею бібліотекою и музеемъ наглядныхъ пособій и дальнѣйшее веденіе дѣла потребуетъ большого

расхода, г-жа Салтыкова предлагаетъ харьковскому городскому управленію открыть подписку на сооруженіе школы имени Пушкина. **VI. Варшава.** Членами комисіи, составленной по инициативѣ попечителя Варшавскаго учебнаго округа В. Н. Лигина для чествованія памяти Пушкина путемъ составленія и изданія брошюры, избраны: профессора Варшавскаго университета Д. В. Цѣфтаевъ и Е. Ѳ. Карскій, лекторъ А. В. Михайловъ, преподаватели гимназій В. В. Власовъ и П. В. Венедиктовъ. Предсѣдателемъ избранъ профессоръ А. Н. Смирновъ. Брошюру предполагается издать въ двухъ видахъ—отдѣльно для старшихъ классовъ гимназій и отдѣльно для младшихъ и учащихся въ народныхъ училищахъ. Общее количество экземпляровъ доходитъ до 220.000. Изданіе предполагается раздать учащимся 26 мая, въ день столѣтняго юбилея.

VII. Казань. Программа чествованій памяти поэта въ общихъ чертахъ уже установлена для учебныхъ заведеній всѣхъ разрядовъ Приволжскаго края. Въ Казани, а также во всѣхъ городахъ и селахъ, будутъ въ этотъ день отслужены заупокойныя обѣдни съ панихидами въ присутствіи находящихся на лицо учащихся и учащихся (изъ послѣднихъ къ 26 мая многіе уже разъѣдутся по домамъ). Послѣ богослуженія вездѣ состоятся торжественныя акты съ рѣчами объ А. С. Пушкинѣ и чтеніемъ отрывковъ изъ его лучшихъ произведеній. Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, послѣ чтенія біографіи и произведеній поэта, предполагается раздавать портреты поэта и книжки, содержащія въ себѣ то или другое изъ его сочиненій. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ также предполагается въ видѣ наградъ раздать сочиненія Пушкина. Въ университетѣ, послѣ заупокойной обѣдни съ панихидой, состоится торжественное засѣданіе, посвященное памяти Пушкина, съ рѣчами, въ которыхъ будетъ болѣе или менѣе всесторонне освѣщено все великое значеніе его литературной дѣятельности. Предполагается также поставить мраморную доску на тотъ домъ, гдѣ останавливался на короткое время въ Казани нашъ великій поэтъ. Дѣло въ томъ, что, подготавливая свою «Исторію Пугачевского бунта», Пушкинъ счелъ невозможнымъ ограничиться однимъ лишь архивнымъ матеріаломъ и пожелалъ на мѣстѣ собрать отъ старожиловъ кое-какія свѣдѣнія и посѣтить мѣста стычекъ съ Пугачевымъ. Испросивъ у Бенкендорфа два мѣсяца для посѣщенія Казанской и Оренбургской губерній, нашъ поэтъ выѣхалъ 12 августа 1833 г. изъ Петербурга, къ концу мѣсяца онъ уже былъ въ Нижнемѣ, а 5 сентября пріѣхалъ въ Казань. На другой день послѣ своего пріѣзда въ Казань, нашъ поэтъ отправился за 10 верстъ къ Троицкой мельницѣ, гдѣ въ 1774 г. Пугачевскія шайки стояли лагеремъ, а вечеромъ побывалъ у купца Крупеникова, захваченнаго Пугачевымъ въ плѣнъ. 8-го Пушкинъ уже выѣхалъ въ Симбирскъ. Останавливался Пушкинъ, во время своего кратковременнаго пребыванія въ Казани, въ домѣ на углу Рыбноярской и Малой Проломной улицъ; теперь этотъ домъ принадлежитъ купцу Аванасьеву; онъ каменный, двухъэтажный, старинной постройки (его съ той поры не перестраивали); внизу находится какой-то трактиръ; въ общемъ видъ его довольно запущенный. Вотъ на этотъ-то домъ и предполагаютъ поставить мраморную доску. **VIII. Нижегородская губернія. 1).** Въ селѣ Юринѣ, Васильскаго уѣзда, 1-го января, въ помѣщеніи двухъкласснаго училища состоялся «Пушкинскій» литературно-вокальный ре-

черь. Ученики чествовали столѣтнюю годовщину рожденія великаго поэта чтеніемъ и пѣніемъ его произведеній. Въ началѣ вечера учителемъ Капраловымъ была прочитана біографія А. С. Пушкина. Закончился вечеръ чтеніемъ стихотворенія «Памятникъ», читала учительница Воробьева. Портретъ поэта, нарисованный ученикомъ казанской художественной школы Л. О. Овсянниковымъ, былъ украшенъ вѣнкомъ. По окончаніи праздника дѣтямъ были предложены сласти. Утромъ этого же дня была совершена въ классѣ при полномъ сборѣ учениковъ и учительскаго персонала панихида по А. С. Пушкинѣ. 26-го мая ученики, вѣроятно, учиться уже не будутъ, а потому память великаго писателя почтена полугодомъ ранѣе. 2) «Волгаремъ» возбужденъ вопросъ объ изысканіи средствъ на покупку пушкинскаго имѣнія Болдина, Лукояновскаго уѣзда, или, если нельзя пріобрѣсти Болдино, какъ предполагаетъ исковское земство купить Михайловское, основать въ селѣ Болдинѣ Пушкинскую школу, бібліотеку или что нибудь другое, достойное имени творца «Евгенія Онѣгина», «Скупого рыцаря» и др. Извѣстно, что имѣніе это принадлежитъ мѣстному помѣщику А. Л. Пушкину, родственнику умершаго поэта. Замѣчательнымъ памятникомъ старины и пребыванія знаменитаго поэта въ селѣ Болдинѣ, между прочимъ, служитъ роскошный садъ, принадлежащій тому же А. Л. Пушкину. Въ настоящее время отъ этого сада остались одни грустные воспомнанія. Владѣлецъ имѣнія вырубилъ часть этого замѣчательнаго сада на мѣста подъ торговыя заведенія. «Волгарь» рекомендуетъ подумать объ изысканіи средствъ на покупку сада въ селѣ Болдинѣ у А. Л. Пушкина, такъ какъ въ недалекомъ будущемъ можетъ случиться, что на мѣстѣ аллей и цвѣтниковъ вырастутъ уже не торговыя лавки, а кабаки и трактиры. **IX. Самара.** Очереднымъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, между прочимъ, рѣшено ассигновать 500 рублей на устройство въ Исковской губерніи дома въ память А. С. Пушкина. **X. Екатеринославль.** По инициативѣ директора народныхъ училищъ, статскаго совѣтника К. Т. Колабановскаго, разрабатывается программа предстоящаго чествованія 26-го мая памяти А. С. Пушкина всеми народными училищами г. Екатеринослава. Мѣстомъ для этого чествованія предполагается избрать народную аудиторію или же устроить прогулку въ Потемкинъ садъ, гдѣ предполагается устроить гулянье на подобіе того, какое было во время коронаціонныхъ торжествъ. **XI. Рига.** Съ воскресенья, 10-го января, рижская коммисія народныхъ чтеній, первая въ городѣ Ригѣ, начала чествовать предстоящее столѣтіе со дня рожденія Пушкина. На всѣ четыре чтенія въ этомъ мѣсяцѣ въ основной аудиторіи коммисіи на Суворовской улицѣ, въ зданіи соединенныхъ городскихъ училищъ, были назначены произведенія покойнаго поэта: на 10-е января — поэма «Полтава», на 17-е — повѣсть «Капитанская дочка», на 24-е — сказки его и на 31-е число — драма «Борисъ Годуновъ». **XII. Ялта.** Въ собраніи ялтинской городской думы городскимъ головою былъ предложенъ на обсужденіе вопросъ о чествованіи юбилея Пушкина. Гласный, академикъ Н. П. Кондаковъ, поддерживая предложеніе головы, заявилъ, что онъ уже велъ переговоры по этому поводу съ проживающимъ въ Ялтѣ писателемъ А. П. Чеховымъ, причемъ предположено, между прочимъ, поставить на сценѣ городского театра трагедію «Борисъ Годуновъ», если дума ассигнуетъ

на постановку ея 500 рублей. Дума весьма сочувственно отнеслась къ этому проекту и рѣшила просить гг. Кондакова, Чехова, Усатова, Именова и др. взять на себя подробную разработку программы юбилейныхъ празднествъ.

XIII. Тифлисъ. Тифлисское армянское издательское общество готовитъ къ предстоящему столѣтію со дня рожденія А. С. Пушкина большой томъ избранныхъ его сочиненій въ армянскомъ переводѣ съ приложеніемъ біографіи поэта. Переводы частью будутъ взяты изъ армянскихъ періодическихъ изданій, частью будутъ сдѣланы теперь, спеціально для этого изданія. Къ новымъ переводамъ уже приступлено. Среди тифлисскихъ любителей возникла мысль въ день столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина устроить спектакль, въ программу котораго войдутъ живыя картины изъ произведеній великаго русскаго поэта и сцены изъ «Бориса Годунова». Сборъ со спектакля пойдетъ въ пользу предполагаемыхъ въ Тифлисъ вечернихъ курсовъ для взрослыхъ имени А. С. Пушкина.

XIV. Батумъ. Батумская городская дума въ засѣданіи 21-го декабря, по предложенію гласнаго П. Г. Муромова, остановилась на мысли ознаменовать столѣтнюю годовщину рожденія А. С. Пушкина устройствомъ въ Батумѣ народнаго дома. Дума избрала для детальной разработки предложенія названнаго гласнаго особую комиссію.

Историческое общество при Московскомъ университетѣ. Въ послѣднемъ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣдательствомъ профессора В. П. Герье, профессоръ Казанскаго университета Ѳ. Г. Мищенко прочелъ сообщеніе о новой книгѣ Аллара по вопросу о христіанствѣ въ Римской имперіи въ теченіе первыхъ четырехъ вѣковъ. Докладчикъ, главнымъ образомъ, обратилъ вниманіе на неудовлетворительность русскаго перевода цѣннаго сочиненія французскаго историка, происходящую отъ недостаточнаго знакомства переводчика съ предметомъ сочиненія, равно какъ и съ французскимъ языкомъ. Точно также была отмѣчена наличность католической тенденціи въ сочиненіи Аллара. Важнымъ достоинствомъ разобраннаго сочиненія докладчикъ призналъ относительное обиліе фактическаго матеріала, что даетъ возможность читателю самостоятельно оцѣнивать факты и сохранить независимость отъ того, часто односторонняго, освѣщенія ихъ, какое старается придать имъ авторъ. Затѣмъ докладчикъ остановился довольно подробно на гоненіи христіанъ при Неронѣ и предложилъ собственныя поправки къ изложенію Аллара, къ его толкованію свидѣтельствъ Тацита и Светонія. Онъ также отмѣтилъ, что Алларъ не обратилъ вниманія на принципиальную разницу положенія христіанъ въ языческомъ Римѣ и язычниковъ въ христіанскомъ Римѣ послѣ Миланскаго эдикта, возвѣстившаго свободу всѣхъ исповѣданій въ государствѣ.

Археологическое общество въ С.-Петербурѣ. I. 14-го января, состоялось, подъ предѣдательствомъ барона В. Р. Розена, засѣданіе восточнаго отдѣленія. В. Р. Розенъ сдѣлалъ докладъ объ одной повѣсти, приписываемой арабскому писателю Джахизу. Установивъ, что Джахизъ не можетъ считаться авторомъ разбираемой повѣсти, референтъ далъ дословный ея переводъ. Содержаніе повѣсти слѣдующее: очень красивой вдовѣ одинъ сподвижникъ былъ долженъ вручить 1.000 динаровъ, взятые имъ у ея мужа; явившись для уплаты долга, онъ такъ увлекся красотой женщины, что предложилъ ей

2.000 динаровъ, если она согласится сойтись съ нимъ. Получивъ отказъ, сподвижникъ удалился, не заплативъ долга; вдова пошла тогда искать правосудія, но вгдѣ не могла найти его: всѣ три высшихъ должностныхъ лица, которымъ она приносила жалобу, обращались къ ней съ тѣмъ же предложениемъ, какъ и сподвижникъ. Въ отчаяніи она пустилась на хитрости; она пригласила всѣхъ четверыхъ къ себѣ въ одинъ и тотъ же день. Когда же явился къ ней сподвижникъ, то первые трое были уже заключены въ сундукъ о трехъ отдѣленіяхъ, о чемъ, конечно, онъ не зналъ. Она изъявила готовность принять предложеніе сподвижника, если онъ предварительно поклянется ей въ томъ, что онъ дѣйствительно долженъ ей 1.000 динаровъ. Но лишь только онъ поклялся, она прогнала его, а сама пошла жаловаться къ царю. На вопросъ послѣдняго, имѣетъ ли она свидѣтелей, женщина сказала, что имѣетъ сундукъ, который скажетъ всю правду; царь засмѣялся, но тѣмъ не менѣе позволилъ привести сундукъ; тогда женщина, положивъ на сундукъ руку, приказала ему сказать всю правду, грозя въ противномъ случаѣ сжечь его. Конечно, угроза возымѣла дѣйствіе, и изъ сундука тотчасъ же раздались три голоса, клятвенно подтверждавшіе справедливость иска женщины. Повѣсть эта, принадлежащая къ циклу чрезвычайно распространенныхъ рассказовъ объ умныхъ и находчивыхъ женахъ, легко дурачащихъ другихъ, въ арабской версіи возникла, какъ указалъ баронъ В. Р. Розень, въ IX вѣкѣ. Въ дополненіе къ этому сообщенію С. Θ. Ольденбургъ указалъ 10 извѣстныхъ ему восточныхъ вариантовъ данной повѣсти, при чемъ древнѣйшій вариантъ относится къ II—III вѣку до Р. Хр. Такая распространенность повѣсти, по справедливому замѣчанію С. Θ. Ольденбурга, вполне уничтожаетъ высказанное г. Bedier въ его «Fabliaux» мнѣніе, что совершенно сходный древне-французскій рассказъ «Constin du Hamel» возникъ безъ всякаго вліянія восточной литературы. По мнѣнію г. Ольденбурга, родной рассказъ была Индія, откуда онъ при посредствѣ персовъ проникъ къ арабамъ, которыми былъ занесенъ въ Европу. Затѣмъ, С. Θ. Ольденбургъ далъ небольшой критическій отзывъ о роскошно изданномъ путешествіи Свена Хедина на Востокъ. По мнѣнію референта, книга эта, появившаяся уже и на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Свенъ Гединъ. Въ странѣ патріарховъ земледѣлія», не имѣетъ научнаго значенія; авторъ ея изъ многого видѣннаго имъ, къ сожалѣнію, останавливается на наименѣе достойномъ вниманіи, и вдобавокъ рисунки его не внушаютъ довѣрія. II. 22-го января состоялось, подъ предѣтельствомъ А. Θ. Бычкова, засѣданіе общаго собранія. Открывъ засѣданіе, предѣдатель сообщилъ о послѣдовавшей 18-го января смерти почетнаго члена и члена-основателя общества академика А. А. Куника. Въ очеркѣ трудовъ и научной дѣятельности покойнаго А. Θ. Бычковъ обратилъ вниманіе на тотъ живой интересъ къ научнымъ вопросамъ, который сохранилъ А. А. до самой своей смерти; такъ, напримѣръ, за двѣ недѣли до кончины онъ съ живымъ интересомъ обсуждалъ въ засѣданіи археологической комиссіи одно темное мѣсто въ договорѣ Олега съ греками и, предложивъ свою поправку, обѣщавъ въ слѣдующемъ засѣданіи сообщить собранію по этому вопросу матеріалы. Память А. А. Куника была почтена вставаніемъ. Затѣмъ послѣдовало обсужденіе и утвер-

ждение проекта смѣты общества на 1899 годъ. Доходы общества исчислены въ 9.510 рублей 42 копейки, а расходы — 9.510 рублей. Въ смѣту расходовъ на 1899 г., по предложенію Н. И. Веселовскаго, внесено совѣтомъ 200 рублей на производство раскопокъ; эти 200 рублей совѣтъ предполагаетъ вносить въ смѣту ежегодно, исполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Н. И. Веселовскаго, что раскопки кургановъ, чтобы онѣ дали цѣнные научные результаты, должны вестись по извѣстной системѣ обществомъ, а не случайно частными лицами. Затѣмъ были произведены выборы 3-хъ членовъ ревизіонной комиссіи; большинствомъ голосовъ были избраны Н. И. Покровскій, В. В. Латышевъ и А. М. Позднѣевъ. Послѣ этого Н. И. Веселовскій сообщилъ о произведенныхъ имъ прошлымъ лѣтомъ раскопкахъ въ Кубанскій области, по рѣкѣ Ловѣ. Предметовъ было найдено имъ очень немного, такъ какъ изслѣдованные имъ курганы подверглись уже расхищенію грабителей, но въ научномъ отношеніи интересны новыя данныя о конскомъ погребеніи. А именно, въ большомъ курганѣ изслѣдователь обнаружилъ скелетовъ болѣе чѣмъ пятьсотъ лошадей, расположенныхъ совершенно правильно и симметрично вокругъ устроеннаго въ курганѣ шатра. Скелеты находятся, какъ на грунтѣ, такъ и на высотѣ двухъ съ половиной сажень отъ грунта на насыпи; очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло или съ двойнымъ погребеніемъ, или же съ остатками тризны, произведенной на курганѣ послѣ погребенія. Скелетовъ человѣческихъ найдено не было; предметовъ же было найдено немного; таковы: золотое украшеніе съ колчана, желѣзные наконечники, стрѣлы, удила, небольшая разбитая ваза, относимая специалистами къ предметамъ античнаго міра V вѣка до Р. Хр., много черепковъ, обломки мѣдныхъ котловъ, остатки желѣзнаго панцыря. Всѣ эти предметы, кромѣ вазочки, относятся, повидимому, къ такъ называемой сарматской эпохѣ. Но, въ виду скудости находокъ, невозможно дѣлать предположеніе ни о времени погребенія, ни о томъ, какому народу оно принадлежитъ. Затѣмъ были произведены выборы въ дѣйствительные члены гг. М. Я. Дьяконова и И. А. Лося. Оба были выбраны единогласно.

III. 29-го января, въ засѣданіи Русскаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ С. Θ. Платонова, А. А. Сипцынъ сдѣлалъ сообщеніе о фибулахъ такъ называемаго готскаго типа. Указавъ на широкую распространенность такихъ фибулъ и отмѣтивъ, что онѣ имѣютъ двѣ основныя разновидности, докладчикъ высказалъ мнѣніе, что прототипы этихъ двухъ разновидностей уже могутъ быть намѣчены въ древностяхъ южной Россіи, именно въ кievскихъ. Такъ, среди нихъ имѣются серебряныя фибулы въ видѣ сидящей фигуры человѣка, отъ которыхъ путемъ переходныхъ формъ и могутъ быть произведены извѣстныя готскія фибулы въ видѣ звѣриной головки на одномъ концѣ и полукруга на другомъ. Раскопки послѣдняго времени г. Хвойки въ Чигиринскомъ уѣздѣ и г. Авенаріуса въ Полтавской губ. показали, что архангелскія формы готскихъ фибулъ возникли на почвѣ поздне-греческой культуры, а не изъ восточныхъ элементовъ (роксоланы). Второе сообщеніе было сдѣлано тѣмъ же референтомъ и касалось извѣстной записки Ибнъ-Фадлана о болгаряхъ. А. А. Сипцынъ высказалъ предположеніе, что Ибнъ-Фадланъ самъ не былъ въ Болгарахъ, и что записка его составлена была имъ со словъ посланника Сусана (922 г.), вслѣд-

ствіе чего записка эта требуетъ весьма критическаго отношенія къ себѣ. Третье сообщеніе было предложено С. Θ. Платоновымъ и касалось состава московской семибоярщины 1610 года. Изъ одной записки 1616 года референтъ извлекъ перечень тѣхъ бояръ, которые обсуждали съ гетманомъ Жолкѣвскимъ вопросъ о введеніи въ Москву польскаго гарнизона. Этихъ бояръ было семь, именно: князья Θ. П. Мстиславскій, П. М. Воротынскій, А. В. Трубецкой, А. В. Голицынъ и Б. М. Лыковъ, бояре П. Н. Романовъ и Θ. П. Шереметьевъ. Сравненіе этого перечня съ боярскимъ спискомъ 1611 года и съ другими актами того же времени позволяегъ высказать предположеніе, что эти семь именъ даютъ намъ точный составъ боярскаго правительства, дѣйствовавшаго въ Москвѣ въ сентябрѣ 1610 года, въ концѣ того двухмѣсячнаго срока, въ теченіе котораго бояре, по выраженію хронографа, «наслаждались властью». Въ началѣ этого срока, т. е. во второй половинѣ іюля и въ августѣ, въ семибоярщину входилъ, вѣроятно, старшій Голицынъ (Василій) вмѣсто младшаго, Андрея; кромѣ того, лѣтомъ 1610 года былъ близокъ къ боярскому совѣту князь П. С. Курakinъ, позднѣе ставшій въ ряды слугъ Сигизмунда и отошедшій отъ бояръ. Во всякомъ случаѣ, въ составъ семибоярщины врядъ ли могли входить другія лица, кромѣ вышеназванныхъ виднѣйшихъ московскихъ совѣтниковъ.

Археологическій институтъ. Въ годовомъ собраніи, происходившемъ 15-го января, директоръ института Н. В. Покровскій сдѣлалъ обзоръ дѣятельности 18 губернскихъ архивныхъ комиссій. Къ сожалѣнію, архивныя комиссіи слишкомъ запаздываютъ доставленіемъ о себѣ институту свѣдѣній. Характеристика ихъ дѣятельности касалась 1894, 1895 и 1896 годовъ. Особенно дѣятельною оказывается костромская комиссія, благодаря горячему участию въ ея занятіяхъ старшій секретаря Н. Н. Селифонтова. Нижегородская комиссія успѣшно занималась изданіемъ мѣстныхъ историческихъ документовъ и возбудила вопросъ объ охранѣ отъ разрушенія древняго Нижегородскаго кремля и о реставраціи старинной Дмитровской башни съ приспособленіемъ ея подъ художественный музей. Оренбургская комиссія устроила мѣстный историко-этнографическій музей, въ которомъ собрано много любопытныхъ предметовъ древности и естественно-историческихъ коллекцій. Орловская комиссія дѣятельно занималась разборомъ архивныхъ документовъ. Печальное положеніе пермской комиссіи значительно улучшилось. Комиссія устроила выставку древностей Пермскаго края и организовала экскурсію для отысканія и обследованія чудскихъ могильниковъ и для раскопокъ. По части изслѣдованія мѣстныхъ древностей выдѣляется рязанская комиссія, благодаря неутомимости А. П. Черешнина, произведшаго много раскопокъ. Симбирская комиссія занималась разсмотрѣніемъ описей архивовъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій. Музей комиссіи обогатился пожертвованіями вѣсколькихъ лицъ и между прочимъ цѣнной нумизматической коллекціей, поступившей въ музей по завѣщанію А. В. Толстого. Таврическая комиссія заботилась объ охраненіи мѣстныхъ памятниковъ древности при реставраціи Бахчисарайскаго дворца, при сломѣ древней стѣны вблизи деревни Эски-Сарай и въ другихъ подобныхъ случаяхъ и занималась производствомъ раскопокъ. Тамбовская комиссія передала богатая коллекція по палеонтологіи, археологіи, нумизматикѣ и др. отдѣламъ въ

вѣдѣніе мѣстнаго общества по устройству народныхъ чтеній. Общество это воспользовалось коллекціями и лишило комиссію участія въ дальнѣйшей судьбѣ собранныхъ ею коллекцій. Вслѣдствіе этого возникъ антагонизмъ между двумя учрежденіями, вызвавшій у архивной комиссіи желаніе образовать новый историческій музей для передаваемыхъ ей коллекцій. Калужская комиссія просмотрѣла описи дѣлъ нѣсколькихъ учреждений, предѣлатель комиссіи г. Четыркинъ произвелъ раскопки по нижнему теченію Калужки, обнаружившія слѣды до-историческаго человѣка. Съ 1896 г. стала дѣйствовать черниговская, съ 1898 года — владимірская, херсонская и бессарабская архивныя комиссіи.

Общество любителей древней письменности. 8-го января, состоялось общее собраніе подъ предѣлательствомъ Д. Θ. Кобеко. Первое сообщеніе: «Раскольничья повѣсть о сошествіи въ адъ патріарха Никона», было сдѣлано В. Н. Перетцомъ. Докладчикъ въ своемъ рефератѣ, остановившись на общихъ взглядахъ на происхожденіе раскола, указалъ, что на направленіе воззрѣній первыхъ расколочителей имѣли большое вліяніе памятники литературные и эсхатологическія чаянія, которыя сложились особенно опредѣленно въ 1666 г. Лицомъ, которое должно было явиться антихристомъ для людей, религіозно настроенныхъ, но безъ тѣни научной критики, оказался Никонъ, и это отождествленіе его съ антихристомъ сформировалось съ одной стороны на основаніи признаковъ, дѣйствительно не соответствовавшихъ старому русскому представленію о патріархѣ, съ другой — совпаденіемъ нѣкоторыхъ чертъ изъ жизни Никона съ характеристикой антихриста въ памятникахъ эсхатологической литературы. Когда такое отождествленіе совершилось, въ оправданіе его появляются фантастическія повѣсти и сказанія о Никонѣ, какъ антихристѣ или предтечѣ его. Одна изъ такихъ повѣстей, сообщенная референтомъ, представляетъ оригинальное сліяніе народныхъ представленій объ оборотняхъ съ специально-раскольничьимъ о Никонѣ, какъ предтечѣ антихриста. Нѣкій слуга Никона повѣствуетъ старцамъ, сидящимъ въ заключеніи за вѣру, что онъ видѣлъ однажды, какъ Никонъ лежалъ на одрѣ мертвымъ, въ то время какъ душа его путешествовала въ адъ и бесѣдовала съ сатаной. Сатана просилъ Никона всѣхъ крестить въ его имя, но Никонъ коварно предложилъ хитрость: на словахъ крестить въ Троицу, а мысленно обращаться къ дьяволу, призывая его, чѣмъ сатана остался весьма доволенъ и назвалъ Никона сыномъ своимъ возлюбленнымъ. Изъ послѣдующихъ статей сборника видно, что это сказаніе записано въ Соловецкомъ монастырѣ. Отчасти сходныя сказанія о Никонѣ читаются и въ другихъ рукописяхъ. Никонъ является то предметомъ поклоненія для бѣсовъ, со совѣщается съ ними, то носитъ змѣя вмѣсто омофора. Въ обсужденіи реферата принимали участіе П. Н. Лѣдановъ и К. В. Харламовичъ. Затѣмъ К. В. Харламовичъ сдѣлалъ сообщеніе объ открытомъ имъ въ одномъ сборникѣ московской типографской бібліотеки печатномъ экземплярѣ переводной статьи князя А. М. Курбскаго: «Отъ другіе діалектики Іоанна Спанибергера о силогизме вытолковано», которая была пзвѣстна до сихъ поръ лишь въ рукописяхъ. Референтъ указалъ, что оригиналомъ для этой статьи послужила книга Іоанна Спангенберге: «*Trivii erotemata. Hoc est*

grammaticae, dialecticae...» и т. д., третье издание которой вышло в Будапеште в 1560 году. Статья «Отъ другіе діалектики» — буквальный перевод нѣсколькихъ параграфовъ отдѣла этой книги о силогизмахъ съ пропускомъ нѣкоторыхъ правилъ и примѣровъ, съ незначительными измѣненіями и дополненіями. Далѣе П. Н. Шефферъ сдѣлалъ небольшое сообщеніе о средне-болгарскомъ спискѣ Пролога 1337 года, хранящемся въ Императорской публичной библиотекѣ. Докладчикъ отмѣтилъ въ текстѣ этого списка нѣсколько русизмовъ и указалъ на то, что эти русизмы ставятъ на болѣе прочную почву вопросъ о долѣ участія русскихъ въ работѣ надъ текстомъ Пролога въ старый періодъ русской письменности.

Генеалогическое общество. Въ первыхъ числахъ января состоялось засѣданіе общества въ новомъ его помѣщеніи, при музеѣ Императора Александра III. Въ товарищи предѣдателя общества закрытою баллотировкою избранъ былъ графъ С. Д. Шереметевъ. Затѣмъ обсуждался вопросъ о наименованіи изданій общества: князь М. С. Путятинъ предложилъ ихъ назвать «Извѣстіями», графъ М. Н. Муравьевъ — «Сообщеніями», а А. П. Барсуковъ — «Памятными записками»; собраніе постановило принять предложенное правленіемъ общества названіе: «Записки Русскаго генеалогическаго общества». Графъ С. Д. Шереметевъ предложилъ на обзоръ собранію принадлежащій ему портретъ боярина кн. Н. П. Одоевскаго († 1689), одного изъ составителей «Уложенія» царя Алексѣя Михайловича; на портретѣ кн. Одоевскій изображенъ въ боярскомъ костюмѣ, опирающимся на книгу «Уложенія». Портретъ этотъ — донынѣ совершенно неизвѣстный — рѣшено помѣстить, въ снимкѣ, при первомъ выпускѣ «Записокъ» общества. Н. П. Лихачевъ прочелъ рефератъ о «Государевѣ Родословцѣ и Бархатной Книгѣ». Выяснивъ значеніе послѣдней, какъ важнаго официальнаго генеалогическаго источника, докладчикъ указалъ на необходимость: научнаго выясненія ея состава, происхожденія, источниковъ, изъ которыхъ почерпнуты ея свѣдѣнія, и рѣшенія вопроса, насколько цѣлостно она обнимаетъ древніе дворянскіе роды. Упомянувъ о нападкахъ на «Бархатную Книгу» Эмпа, Татищева и нѣкоторыхъ ученыхъ новѣйшаго времени, Н. П. Лихачевъ выразилъ убѣжденіе въ необходимости научной критической провѣрки этого памятника. Въ основу «Бархатной Книги», какъ это видно изъ самаго ея текста, легъ старинный «Государевъ Родословецъ», составленіе котораго докладчикъ, на основаніи указаній мѣстническихъ дѣлъ и другихъ данныхъ, отнесъ къ 1555 году; система, которой придерживались составители «Бархатной Книги», даетъ возможность выдѣлить изъ нея, почти дословно, самый текстъ родословца 1555 г. Упомянувъ о томъ, что русское происхожденіе являлось для служилаго человѣка XVII вѣка обиднымъ и что вслѣдствіе этого въ концѣ XVII вѣка, при подачѣ въ разрядъ родословныхъ росписей, почти все русское дворянство оказалось выѣзжимъ, докладчикъ указалъ на осторожность составителей «Бархатной Книги», воздержавшихся отъ внесенія новыхъ легендъ въ старый родословецъ; съ другой стороны, при припискѣ къ древнимъ родамъ новыхъ поколѣній («Государевъ Родословецъ» съ 1555 по 1680 гг. не былъ пополняемъ), составители «Бархатной Книги», вслѣдствіе отсутствія исторической критики, не вполне справился со своею

задачею, послѣдствіемъ чего явилась приписка къ древнимъ родамъ другихъ, не имѣвшихъ съ ними ничего общаго, какъ, напримѣръ, къ роду Глѣбовыхъ, потомковъ Михаила Сорокоума, ошибочно приписаны были роды Лопухиныхъ, Лаптевыхъ и Назаровыхъ-Глѣбовыхъ, а къ роду Ляпуна Осинина — рода костромичей и рязанцевъ Ляпуновыхъ, благодаря лишь случайному совпадению нѣкоторыхъ именъ и прозвищъ. Докладчикъ полагаетъ, что родословецъ 1555 года, какъ произведеніе дѣятелей «избранной рады», случайно, съ паденіемъ Адашевыхъ, остановившійся на 43 главѣ, заключающей ихъ родословіе, а также и составленная по тому же плану «Бархатная Книга», не представляютъ свода всѣхъ древнихъ и знатныхъ родовъ русскаго дворянства; въ нихъ пропущены такіе роды, какъ Селивановы, Коробины, Ивашкины, Собакны, Нагіе, Веклемишевы, Кондыревы и многіе другіе, когда уже внесены Хвостовы, Новосильцевы и Адашевы, что можетъ быть объяснено лишь какою-то случайностью, на что указываетъ и немедленное появленіе вслѣдъ за государевымъ частныхъ родословцевъ, его пополюявшихъ. Секретарь общества В. В. Руммель предложилъ на разсмотрѣніе членовъ родословецъ, принадлежавшій въ XVII вѣкѣ С. О. Зюзину, находящійся въ собраніи графа А. С. Уварова (подъ № 20) и доставленный гр. П. С. Уваровою. Въ родословцѣ этомъ встрѣчается весьма много указаній на брачныя связи (въ XVI и XVII вѣкахъ) нашихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ, какъ, напримѣръ, князей Мстиславскихъ, Воротынскихъ, Плещеевыхъ, Пожарскихъ и мн. друг. Докладчикъ представилъ составленную имъ на основаніи этого родословца таблицу рода Годуновыхъ, изъ которой видны дотолѣ совершенно неизвѣстныя родственныя отношенія ихъ къ Шуйскимъ, Урусовымъ, Темнымъ и др.

Московская археографическая коммисія. Въ происходившемъ 21-го января, подъ предсѣдательствомъ В. И. Холмогорова, засѣданіи археографической коммисіи Императорскаго Московскаго археологическаго общества, дѣйствительный членъ Ю. В. Готье прочелъ интересный докладъ: «Пѣвѣстія Пальмквиста о Россіи». Подлинныя рукописи, въ количествѣ 50 экземпляровъ-факсимиле, изъ которыхъ докладчикъ почерпнулъ свѣдѣнія о снаряженномъ шведскимъ правительствомъ въ 1673—1674 гг. въ Россію посольствѣ Оксенширна, при которомъ Пальмквистъ состоялъ въ качествѣ военнаго атташе, хранятся въ стокгольмскомъ шведскомъ государственномъ архивѣ. Пальмквисту, не брезговавшему никакими способами, и даже подкупомъ, къ обнаруженію и собиранію всевозможныхъ свѣдѣній, касавшихся русскаго войска, численность котораго въ то время онъ опредѣляетъ въ 300.000, а также его вооруженія и въ особенности артиллеріи и ея состава, удалось собрать много интересныхъ данныхъ по этому предмету. Кромѣ того, имъ сняты были планы съ Новгорода и Пскова въ томъ видѣ, въ какомъ они представлялись въ ту отдаленную эпоху. Планы эти имѣютъ особую археологическую цѣнность. Не меньшій интересъ представляютъ демонстрированныя въ засѣданіи 43 рисунка, характеризующіе вооруженіе войскъ того времени, и около 16 чертежей артиллерійскихъ орудій, снарядовъ и всевозможныхъ при нихъ приспособленій. Преимущественный же интересъ присутствовавшихъ сосредоточивался на общей картѣ древней Россіи, составленной Пальмквистомъ со стра-

тегическими указаніями, выясняющими связь этой карты съ такъ называемымъ большимъ чертежомъ.

Археологическій кружокъ въ гор. Ташкентѣ, начавшій свое существованіе три года тому назадъ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, уже обратилъ на себя вниманіе не только отечественныхъ, но и иностранныхъ ученыхъ обществъ и учреждений, какъ, напримѣръ, Лейпцигскаго археологическаго общества и Стокгольмской академіи наукъ. Особенно важнымъ является открытіе членомъ кружка, полковникомъ Каллауромъ, орхонскихъ надписей въ Аулиеатинскомъ уѣздѣ, что повлекло за собой командировку Финноугорскимъ обществомъ (Société Finno-Ougrienne) особой экспедиціи. Дешифровка открытыхъ надписей произведена извѣстнымъ оріенталистомъ, барономъ В. Р. Розеномъ.

Антропологическое общество. Въ засѣданіи 25-го января, профессоръ А. И. Таренцкій сдѣлалъ сообщеніе: «Къ антропологии айнновъ на Сахалинѣ». Вопросъ о происхожденіи айнновъ давно уже занимаетъ ученыхъ, но и до сихъ поръ, несмотря на существующія изслѣдованія, онъ остается не разрѣшеннымъ. По даннымъ настоящаго времени, можно лишь съ безусловной точностью сказать, что это не монголы и не индѣйцы, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи. Ближайшее и болѣе точное изслѣдованіе айнновъ даетъ поводъ заключить, что они совершенно отличаются отъ всѣхъ окружающихъ ихъ племенъ и должны быть отнесены къ безусловно первобытнымъ народамъ каменнаго вѣка, представляя изъ себя послѣдній остатокъ исчезнувшей расы. Численность ихъ въ настоящее время постепенно уменьшается, частью отъ вымиранія, частью отъ смѣшенія съ другими народами и, вѣроятно, уже недалеко то время, когда айны совершенно исчезнутъ. На Сахалинѣ ихъ теперь остается около 1.500 человѣкъ, а съ живущими на соседнихъ островахъ всего до 17 тысячъ, тогда какъ еще недавно ихъ было до 20 тыс. человѣкъ. Айны замѣчательно кроткій и тихій народъ. Занимаются рыболовствомъ и охотой, но живутъ чрезвычайно скудно. Обращаютъ на себя вниманіе ихъ семейныя отношенія: наблюдается безусловное послушаніе младшихъ старшимъ и отсутствіе какихъ либо наказаній. Между прочимъ, они очень склонны къ пьянству, причѣмъ пьютъ наравнѣ съ мужчинами и женщины, а также и дѣти. Въ общемъ же айны весьма симпатичный народъ.

Постановленіе объ антропологическихъ находкахъ. Императорская археологическая коммисія впродъ, начиная съ текущаго года, при выдачѣ ученымъ обществамъ и лицамъ разрѣшенія производить раскопки во всей Россіи, постановила ставить неизмѣннымъ условіемъ, чтобы черепа и кости, найденныя при раскопкахъ, были препровождаемы въ антропологическій музей Императорскаго общества естествоиспытателей, антропологии и этнографіи.

Къ XI археологическому съѣзду. Вопросъ объ устройствѣ археологической выставки во время XI археологическаго съѣзда, созываемаго въ августѣ нынѣшняго года въ Кіевѣ, окончательно рѣшенъ. Выставка будетъ состоять изъ шести отдѣловъ: 1) первобытныхъ древностей, такъ называемой доисторической археологии, — завѣдующій проф. В. Б. Антоповичъ; 2) церковныхъ древностей — завѣдующій проф. Н. П. Петровъ; 3) историческихъ древностей —

завѣдующій проф. Кіевской духовной академіи В. З. Завитневичъ; 4) книгъ, рукописей и гравюръ—завѣдующій П. М. Каманинъ; 5) классическихъ древностей—завѣдующій проф. Ю. А. Кулаковскій. Предполагается также устроить выставку древнихъ географическихъ картъ и плановъ и двѣ выставки предметовъ церковной старины: одну—въ университетѣ, подъ руководствомъ профессоровъ Лашкарева и Дмитріевскаго, и другую выставку—въ церковно-археологическомъ музеѣ академіи. Предварительный комитетъ по устройству съѣзда рѣшилъ издать полный каталогъ выставки. Многія учрежденія и частныя лица уже начали присылать различные предметы для выставки. Проф. Антоновичъ готовитъ также къ выпуску въ свѣтъ археологическую карту Волыни. Проф. Голубовскій, М. А. Лазаревскій гг. Стороженко и Кивлицкій заняты составленіемъ карты лѣво-бережной Украины въ историческомъ отношеніи. Рѣшено устроить цѣлый рядъ археологическихъ экскурсій при участіи членовъ съѣзда. Предполагается подробно осмотрѣть памятники старины и древняго зодчества въ Луцкѣ, Кременцѣ, Острогѣ, Владимірѣ-Волынскомъ; а также побывать въ Почаевской лаврѣ и Дубно. Другая экскурсія будетъ совершена по Днѣпру, причемъ осмотрѣны будутъ Княжья гора близъ Триполья, Переяславль, Черкассы, а также Бѣлая Церковь и Корсунь. Третья экскурсія состоится въ ближайшихъ окрестностяхъ Кіева—Китаевская пустынь, Межигорье и Вышгородъ. Посѣщеніе Китаева особенно интересно, такъ какъ поселеніе это извѣстно было уже въ XI вѣкѣ; не меньшій интересъ представитъ осмотръ Вышгорода—лѣтней резиденціи великаго князя Владиміра Святаго. Для удобства иностранныхъ гостей будетъ изданъ краткій путеводитель по Кіеву на французскомъ языкѣ. Владѣльцы археологическихъ собраній въ Кіевѣ къ открытію съѣзда готовятся издать каталоги своихъ собраній и открыть ихъ для гостей.

Географическое общество. I. Въ засѣданіи 12-го января, по отдѣлу географіи физической и математической д. чл. гг. Риппашъ и Носковъ сдѣлали отчетъ о работахъ кольской экспедиціи, совершенной ими въ минувшее лѣто. За истекшій годъ кольская экспедиція была одною изъ самыхъ главныхъ, предпринятыхъ стараніями географическаго общества. Экспедиція эта дала много новаго, особенно въ топографическомъ отношеніи, ибо, напримѣръ, положеніе рѣки Варзуги оказалось теперь иное сравнительно съ прежнимъ ея нанесеніемъ на карту. Изслѣдованіе продолжалось около трехъ мѣсяцевъ, отъ 28-го мая до конца августа, и шло отъ устьевъ рѣки Варзуги, вверхъ по ней на сѣверъ, до встрѣчи ея съ рѣкой Паной, гдѣ Варзуга круто поворачиваетъ на востокъ, повернувъ вмѣстѣ съ русломъ рѣки, а затѣмъ на сѣверъ. Экспедиція дошла до верховьевъ названной рѣки, откуда отклонилась на сѣверо-западъ и, дойдя до довольно большихъ возвышенностей, лежащихъ надъ уровнемъ моря болѣе, чѣмъ на двѣ тысячи футовъ, спустилась по рѣкѣ Панѣ до Варзуги и по послѣдней опять къ ея устью. Путешествіе совершалось большею частью на лодкахъ по рѣкамъ, иногда пѣшкомъ. Фауна береговъ Варзуги очень не богата—млекопитающихъ не встрѣчалось, изъ птицъ чечетки, дрозды, утки, видѣли одну змѣю, двухъ ящерицъ; насѣкомыхъ, по случаю холодной погоды, было мало. Послѣ встрѣчи съ рѣкой Паной, Варзуга бѣднѣетъ водой. Послѣ же поворота берега становятся низки, идутъ заросли

и моховыя болота, плесь отъ 50-ти до 60-ти сажень, глубина отъ 2-хъ до 4-хъ аршинъ. Недалеко отъ истоковъ Варзуги находится Каменскій погостъ, гдѣ путешественниковъ встрѣтили 11 лопарей, долженствовавшихъ ихъ сопровождать далѣе. Эти лопари представляли изъ себя очень оригинальную групу: всѣ они были щедры, совершенные лилипуты, одѣтые совсѣмъ не по мѣстности въ шубы и панталоны на вышукъ. Говорятъ они порусски и считаются православными, но крайне невѣжественны и въ религiи, и во всемъ вообще. Температура въ июнѣ доходила въ среднемъ до 16 град., въ июлѣ до 17 град. и въ августѣ 15 град. Къ вечеру и ночью становилось много холоднѣе. Докладъ сопровождался фотографическими снимками, воспроизводимыми на экранѣ. II. Въ засѣданiи 15-го января, по отдѣленiю этнографiи было сдѣлано два доклада. Дѣйствительный членъ Никольскiй сообщилъ «О теятряхъ» и С. Г. Рыбаковъ—«Сентовскiй посадъ (дер. Каргала) близъ Оренбурга—одинъ изъ центровъ мусульманства и татаризма въ Россiи». Теятряи—это народность, свѣдѣнiй о которой очень мало, и они отрывочны. На теятрей никто не обращаетъ вниманiя, и въ скоромъ времени, вѣроятно, они утратятъ свои особенности отдѣльной народности. Существуютъ они въ губ. Пермской, Уфимской, Оренбургской, части Вятской и Самарской. По изслѣдованiямъ Филимонова, теятряи впервые упоминаются въ XVI в., когда они пришли въ названныя мѣстности по разрушенiи Казани. Затѣмъ упоминанiе объ нихъ есть въ актахъ XVIII в. и, наконецъ, въ нашемъ столѣтiи. Были они причислены къ башкирскому обществу, почему Филимоновъ думаетъ, что они были близки къ казакамъ. Теятряское войско существовало почти до XIX в. Наименованiе «теятря», впрочемъ, опредѣляется различно; одни, какъ, напримѣръ, Пгнатъевъ, подъ нимъ разумѣютъ челоѣка, не могущаго платить подушныхъ денегъ, другiе, какъ Гусевъ, этимъ именемъ называютъ хищниковъ, бродягъ. Третьи думаютъ, что оно значитъ поселенецъ, пришлецъ, Филимоновъ говоритъ, что это слово татарское, значитъ свободное и служилое лицо—казакъ. Происходятъ теятряи отъ помѣси татаръ съ башкирцами. За отдѣльную народность ихъ Филимоновъ не признаетъ, а считаетъ ихъ за сословіе военное, служилое изъ инородцевъ по казацкому строю. Но есть мнѣнiе, что теятряи образовались изъ бѣглецовъ башкировъ, смѣшавшихся съ финнами. У нихъ есть свои отличительныя стороны и свое творчество въ пѣсняхъ, сказкахъ. Теятряи дѣлятся на вотчинниковъ и припущенниковъ. По свѣдѣнiямъ 1888 г., въ Вятской губ. теятрей было болѣе 10-ти тыс. Г. Никольскiй подѣлился своими личными наблюденiями надъ жизнью теятрей. Они ведутъ образъ жизни осѣдлый; у нихъ развито земледѣлiе, къ землѣ они прилагаютъ большiя заботы, почему и урожай у нихъ всегда достаточный, хотя мало очень земли. Скотоводство у нихъ развито мало, но безлошадныхъ хозяевъ почти не существуетъ. Деревни у нихъ типа русскаго. Они пьютъ чай, брагу, употребляютъ больше пищу растительную, а мясо всегда варятъ или жарятъ. Всѣмъ этимъ они совершенно отличаются отъ башкировъ. Водка хотя еще и не распространена среди теятрей, но есть шансы, что займетъ у нихъ въ скоромъ будущемъ почетное мѣсто. Всѣ они большiе до нея охотники и, попадая въ русскую сосѣднюю деревню, первый визитъ дѣлаютъ кабаку: сдерживаетъ ихъ еще боязнь

муль и стариковъ. Въ одеждѣ темяри-мужчины мало отлпчаютя отъ башкировъ, только носятъ русскія шубы. Женщины носятъ платья ситцевыя, но въ противоположность башкиркамъ любятъ исключительно бѣлый цвѣтъ, на чтò указывается, какъ на родственность съ финнами, которые отлпчаютя тѣмъ же. Глава семьи отецъ, на женщинѣ лежитъ все хозяйство, но она не раба, какъ у башкирцевъ, а напротивъ совѣтница мужа. Раздѣлы очень рѣдки. Говорятъ, у темярей развита преступность, особенно конокрадство. Краденая лошадь, положимъ, всегда находится, если за нее дадутъ хорошій выкупъ. Другъ у друга темяри никогда не крадутъ. Убийства и разбой у темярей случаются рѣдко. Судъ у нихъ семейный, волостной, очень строгъ. Есть оригинальныя черты и въ обрядахъ. Роды, напримѣръ, совершаются всегда гдѣ нибудь въ укромныхъ мѣстахъ. Если родится мальчикъ, его сейчасъ же показываютъ всѣмъ родственникамъ и отецъ устраиваетъ пиръ, если же дѣвочка—онъ очень огорченъ, уѣзжаетъ сейчасъ же въ лѣсъ и дѣлаетъ видъ, что это его не касается. Похороны происходятъ не сейчасъ же, какъ у башкировъ, а черезъ нѣсколько часовъ, причемъ покойника могутъ провожать на кладбища и женщины. Темяри народъ скрытный, болѣе смѣтливый и хитрый, чѣмъ башкиры, почти въ каждой деревнѣ у нихъ школа. Физически темяри скорѣе подходятъ къ монгольской, чѣмъ финской расѣ. Второй докладчикъ, г. Рыбаковъ, далъ слѣдующія свѣдѣнія относительно Каргалы, или Сеитовскаго посада. Каргала лежитъ въ 18 вер. отъ Оренбурга. Это цѣлый городъ, центръ магометанской образованности, о которомъ поется въ татарскихъ пѣсняхъ. Возникъ онъ въ половинѣ XVIII в., въ разгаръ у насъ политики покровительства магометанству и постройки мечетей. Политика эта повела къ усилению ислама, и только въ срединѣ нашего столѣтія стали замѣчать вредное влiяние татаръ и магометанства на инородцевъ киргизовъ. На развитiе въ мусульманскихъ школахъ невѣжественнаго фанатизма, вреднаго въ политическомъ отношенiи, первый обратилъ вниманiе губернаторъ Катеневъ. Затѣмъ Ильминскiй указываетъ на разлагающее влiяние мусульманской грамотности. Каргала была основана въ 1755 г. татаринoмъ Сеитoмъ. Около него собралось 1.158 душъ, имъ отвели землю, дали привилегiи, освободили отъ рекрутскаго набора. Село стало быстро богатѣть отъ торговли, и черезъ 40 лѣтъ тамъ было уже 4 мечети, теперь же болѣе 7-ми тыс. жителей и 9 мечетей, подобныхъ которымъ не найти во всей Казанской губернiи. Посадъ Каргала теперь на городoвомъ положенiи. Тамъ идетъ оживленная торговля. Огромныя лавки, магазины, ежедневныя базары, но въ 12 часовъ всякая торговля прекращается, вся жизнь замираетъ, и всѣ спѣшатъ въ мечети для молитвы. Призывы къ моленiю раздаются изъ мечетей ежедневно 5 разъ. При каждой мечети существуетъ прекрасно обставленная школа, учениковъ въ нихъ доставляютъ киргизскiя степи и даже Сибирь. Татары въ Каргалѣ живутъ очень замкнуто и чуждаются всего русскаго. Единственный русскiй житель тамъ—урядникъ. Всѣ татары очень плохо говорятъ порусски, женщины же и дѣти совсѣмъ не говорятъ. Русскимъ селиться и торговать не позволяютъ. Обстановка въ домахъ чисто-восточная, у нѣкоторыхъ купцовъ очень богатая. Всѣ татары очень дѣловиты, у нихъ почти не существуетъ пѣсенъ. Они боятся и относятся очень подозрительно ко всякому

пріѣхавшему къ нимъ русскому и въ каждомъ подозрѣваютъ миссіонера. Въ Каргалѣ г. Рыбаковъ познакомился съ Омаромъ—ученымъ мусульманиномъ. Омаръ былъ въ 1894 г. въ Петербургѣ, когда былъ поднятъ вопросъ объ уничтоженіи мусульманскихъ учебниковъ, не прошедшихъ черезъ русскую цензуру; Омаръ хлопоталъ объ отмѣнѣ этого распоряженія, что ему и удалось. Омаръ—фанатикъ, но очень образованъ. У него есть Пушкинъ и Лермонтовъ въ турецкомъ переводѣ г-жи Лебедевой. Въ спорахъ Омаръ дѣлаетъ выдержки изъ Штрауса и Апостоловъ. Онъ—авторъ брошюръ, печатаемыхъ въ Казани по-арабски. III. Въ годовомъ собраніи 20-го января, былъ прочитанъ секретаремъ общества д. ст. сов. Григорьевымъ отчетъ о дѣятельности общества въ 1898 г. Всего членовъ къ январю 1899 г. было 1.085, изъ нихъ августѣйшихъ 19 и дѣйствительныхъ 816. Капиталь общества простирается до 127.400 р. Израсходовано суммъ на изданіе 28.500 руб. Запаснаго капитала 8.500 рублей и неприкосновеннаго 53.400 руб. По прочтеніи отчета вице-предѣдителемъ общества П. П. Семеновымъ были объявлены награды, присужденныя за труды и работы по экспедиціямъ и изслѣдованіямъ 1898 г. Константиновская медаль—Густаву Ивановичу Радде за непрерывную сорокалѣтнюю научную дѣятельность по географическому изученію Россіи (отзывъ о трудахъ Радде написанъ д. чл. Н. П. Кузнецовымъ). Медаль имени Ф. Н. Литке—дѣйств. чл. Пл. Пв. Номеранцеву за трудъ «О фигурѣ геоида въ районѣ Ферганской области» (отзывъ написанъ д. чл. А. А. Тилло). Медаль имени П. П. Семенова, согласно отзыву д. чл. Рыкачева, —В. Р. Клейберу за трудъ «Предсказаніе колебаній уровня воды и глубины перекаатовъ р. Волги». Большая золотая медаль за труды по этнографіи присуждена д. чл. Н. Л. Гондатти за труды, понесенные имъ во время пребыванія среди чукчей, и за обширное изслѣдованіе Анадырской области (отзывъ сдѣланъ предѣдителемъ отдѣленія этнографіи В. П. Ламанскимъ). Медаль имени Н. М. Пржевальскаго присуждена Л. А. Ячевскому за труды по изученію Сибири въ физическомъ, географическомъ и геологическомъ отношеніяхъ. Медали малыя золотыя присуждены: по отдѣленію географіи математической и физической—члену-сотруднику Н. А. Тачалову; по отдѣленію этнографіи—А. А. Ростовскому за карту съ объясненіями о населеніи Битольскаго вилайета (отзывъ д. чл. Ламанскаго); по опредѣленію совѣта—чл. сотруднику Н. А. Зарудному за превосходное исполненіе возложеннаго на него обществомъ порученія по изслѣдованію персидскихъ пустынь. Серебряныя медали: по отдѣленію географіи математической и физической дѣйств. члену П. Б. Риппасу и А. А. Носкову за участіе въ работахъ кольской экспедиціи; д. чл. Поггенполю за труды по изученію ледниковъ Эльбруса; д. чл. С. П. Савинову за обзоръ погоды; А. С. Бируля-Вяльницкому за наблюденія надъ росой; по отдѣленію этнографіи г. Милорадовичу за собраніе сказокъ Полтавской губ.; Герасимову за собраніе пѣсенъ и прозвищъ Новгородской губ., Череповецкаго уѣзда. По отдѣленію статистики—П. Е. Куликову. По опредѣленію совѣта—Млокосѣвичу за услуги, оказанныя имъ д. чл. Кузнецову и Омину при посещеніи ими Кахетин.

Экспедиція въ Монголію. Въ Петербургѣ возвратился изъ своего семимѣсячнаго путешествія по Монголіи Д. А. Клеменць, командированный Импе-

раторской академіей наукъ совмѣстно съ русскимъ географическимъ обществомъ главнѣйшимъ образомъ съ цѣлью изслѣдованія буддійскихъ древностей въ такъ называемой Туфанской котловинѣ. Экспедиція Д. А. Клеменца увѣнчалась большимъ успѣхомъ. Имъ вывезены громадныя и разнообразныя коллекціи. Д. А. Клеменць во время своего путешествія посѣтилъ: городъ Кобдо въ Монголіи, Джунгарскую Гоби, сѣверный и южный склоны Тянь-Шаня и область Мокчунской котловины. Обратный путь совершенъ на Семипалатинскъ черезъ Урунцы и Чугучакъ. Путешественника сопровождали: его жена Е. Н. Клеменць, имѣвшая особое порученіе отъ императорскаго ботаническаго сада, и преподаватель восточныхъ языковъ въ ташкентскомъ реальномъ училищѣ М. С. Андреевъ въ качествѣ переводчика мусульманскихъ языковъ. Всѣ привезенныя коллекціи будутъ переданы въ музей антропологии и этнографіи императорской академіи наукъ.

Экспедиція для изученія Якутскаго края. Организованная на средства извѣстнаго жертвователя П. М. Сибирякова восточно-сибирскимъ отдѣломъ императорскаго русскаго географическаго общества экспедиція для изученія Якутскаго края и его обитателей собрала въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ богатый матеріалъ. Восточно-сибирскій отдѣлъ общества обратился къ императорской академіи наукъ съ просьбою объ оказаніи ему содѣйствія въ дѣлѣ изданія трудовъ якутской экспедиціи. Участниками экспедиціи были между прочимъ и мѣстные интеллигентные жители, прожившіе много лѣтъ въ Якутской области, изучившіе туземныя нарѣчія и хорошо знакомые со страной и ея обитателями. Экспедиціе изучены во всѣхъ отношеніяхъ слѣдующіе народы, населяющіе Якутскую область: якуты — преобладающій по численности и первенствующій по своему значенію народъ; тунгусы, юкагирь, чукчи, ламуты и чуванцы — бродячія племена, населяющія тайгу и каменныя тундры отдаленнаго сѣверо-востока Сибири и очень мало знакомыя даже въ Россіи; особенно богатые матеріалы собраны по ихъ демографіи, этнографіи, антропологии, домашнему, семейному и юридическому быту, ремесламъ и промысламъ, языку, словесности, вѣрованіямъ и обычаямъ. Академія наукъ обратила особенное вниманіе на произведенное В. Н. Гохельсономъ изслѣдованіе малочисленнаго племени юкагировъ, живущихъ на огромномъ пространствѣ въ числѣ около 1.000 душъ. Изслѣдователь въ теченіе 2^{1/2} лѣтъ собралъ богатый матеріалъ для изученія языка этого народа: словари верхне-юкагирскаго и тундренскаго нарѣчія и образцы народной словесности на обоихъ нарѣчіяхъ, составилъ очеркъ грамматики и всесторонне изучилъ бытъ юкагировъ. Въ виду серьезности произведенной работы академія признала умѣстнымъ напечатать ее въ своихъ «Извѣстіяхъ».

Коллекція памяти Ф. М. Достоевскаго. Сынъ покойнаго писателя принесъ въ настоящее время въ даръ императорскому Историческому Россійскому музею Императора Александра III собранную имъ и матерью его А. Г. Достоевскою «Коллекцію памяти Ф. М. Достоевскаго», состоящую изъ собранія бумагъ, книгъ, портретовъ и другихъ памятниконъ покойнаго писателя.

† **А. А. Куникъ.** Въ ночь на 19-е января, скончался одинъ изъ старѣйшихъ академиконъ императорской академіи наукъ, извѣстный историкъ

Аристь Аристовичъ Куникъ (Ernst-Eduard Kunik). Покойный родился 2 (14) октября 1814 года, въ Лигницѣ, въ прусской Силезіи, и довершилъ свое образованіе въ Берлинскомъ университетѣ. По окончаніи тамъ курса со степенью кандидата философій, онъ пріѣхалъ въ Москву и обратилъ на себя вниманіе историка Погодина. «Въ Москвѣ,—писалъ послѣдній въ 1839 году министру С. С. Уварову,—живетъ теперь молодой нѣмецъ Куникъ, изъ Пруссіи, который пріѣхалъ нарочно изучать русскую исторію, какъ изучалъ онъ уже другія словенскія, съ цѣлю передать потомъ нѣмецкой публикѣ вѣрныя извѣстія о всѣхъ словенскихъ племенахъ и ихъ литературахъ... Этотъ г. Куникъ показался мнѣ съ перваго взгляда искренно-любопытнымъ ученымъ, и я пригласилъ его жить къ себѣ, чтобы руководствовать надлежащимъ и полезнымъ для Россіи образомъ къ изученію русской исторіи, и полагаю, что имъ можно воспользоваться для сообщенія черезъ него въ нѣмецкіе журналы вѣрныхъ свѣдѣній о Россіи». (Письма Погодина, М., 1874 г., стр. 44—45). Скоро, благодаря тому же Погодину, А. А. Куникъ былъ лично представленъ Уварову и въ 1840 году гостилъ въ его знаменитомъ имѣніи Порѣчьѣ. Онъ тогда уже перевелъ на нѣмецкій языкъ «Энциклопедію законовѣднія» Неволлина и «Славянскую міѳологію» Касторскаго, а затѣмъ, съ 1841 года, началъ сотрудничать въ Москвитянинѣ. Напримѣръ, въ этомъ журналѣ была помѣщена имъ первая статья: «Литература исторіи въ Германіи» (1841 г., кн. 2 и 3), разборъ «Энциклопедіи» Неволлина (1841 г., кн. 2) и критика на сочиненіе Рейца «Учрежденіе и правовое состояніе Далмаціи» (1842 г., кн. 1). Весною 1842 года Куникъ отправился въ Берлинъ и думалъ тамъ работать, но уже въ ноябрѣ того же года, по совѣту Погодина, снова отправился въ Россію и поселился въ Петербургѣ съ цѣлю поступить на службу. Онъ, дѣйствительно, былъ опредѣленъ, съ 16 февраля 1844 года, сверхштатнымъ хранителемъ при нумизматическомъ музеѣ императорской академіи наукъ, а за сочиненіе *Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven*—«Призваніе шведскихъ Родзовъ финнами и славянами» (Спб., 1844 г.)—избранъ, благодаря особенно Кругу и министру Уварову, въ адъюнкты той же академіи, по кафедрѣ русской исторіи (съ 5 октября 1844 года), и позднѣе—въ экстраординарные академики (2 марта 1850 года). Въ названномъ трудѣ Куникъ явился приверженцемъ нормандской теоріи происхожденія варяговъ и начала Русскаго государства и впервые примѣнилъ къ изученію русской исторіи историко-генетическій методъ языковѣднія. Затѣмъ онъ напечаталъ, преимущественно въ «Запискахъ академіи наукъ», рядъ статей по языковѣднію, русской и всеобщей исторіи и исторіи русской литературы. Изъ нихъ назовемъ труды по исторіи: «О вліяніи иранскаго племени на судьбы семитическихъ народовъ» (1856 г.), «Замѣчанія къ отрывкамъ о варяжскомъ вопросѣ С. Геденова» (1862 г.), «Русско-ливонскіе акты» (1868 г.), «Тохтамышъ и Фирковичъ» (1876 г.), «Извѣстія Аль-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ» (1878 г.), «Печенѣги, торки и половцы» (1888 г.), «Объ описаніи славянскихъ земель Ибрагима Ибнъ-Якуба» (1890 г.), «Почему Византія остается загадкою во всемірной исторіи» и др.; труды по исторіи русской литературы: «Краткое извѣстіе о вновь открытыхъ одахъ Ломоносова» (1855 г.),

«Литературные труды П. И. Кеннена» (1868 г.), «Извѣстія о неизданныхъ трудахъ Посошкова», «Сборникъ матеріаловъ для исторіи императорской академіи наукъ», посвященный жизни и литературнымъ трудамъ Третьяковскаго и Ломоносова и др.; по языкознанію: «О сравнительномъ изслѣдованіи славянскихъ и литовскихъ нарѣчій». Занимаясь въ академіи научными трудами, покойный служилъ одновременно въ должности старшаго хранителя императорскаго Эрмитажа и былъ главнымъ редакторомъ иностранныхъ актовъ Археологической комиссіи. Какъ человѣкъ, покойный отличался замѣчательною аккуратностью. Почти всю свою жизнь онъ провелъ въ ученыхъ занятіяхъ и изысканіяхъ, работалъ безъ устали въ своемъ кабинетѣ или въ бібліотекахъ. Интересы науки поглощали у него всѣ другіе интересы. За свои ученые труды покойный былъ признанъ въ 1876 г. университетомъ св. Владиміра достойнымъ степени доктора русской исторіи *honoris causa*. («Нов. Вр.», № 8225; «Моск. Вѣд.», № 21).¹

† **В. М. Флоринскій**, 3-го января, въ Петербургѣ, скончался послѣ тяжелой продолжительной болѣзни (отъ перерожденія сердца) одинъ изъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей, попечитель Западно-Сибирскаго учебнаго округа, Василій Марковичъ Флоринскій. Томскій университетъ является лучшимъ памятникомъ его энергичной и многосторонней дѣятельности. Когда вопросъ объ открытіи университета въ Западной Сибири былъ рѣшенъ утвердительно, организація новаго университета была всецѣло поручена В. М. Флоринскому, и онъ блестяще исполнилъ порученіе. Ему принадлежитъ какъ избраніе Томска мѣстомъ для учрежденія университета, такъ и самое устройство послѣдняго. Медицинскій факультетъ Томскаго университета получили при немъ образцовую организацію. Главнымъ украшеніемъ университета служатъ клиники — дорогое дѣлание покойнаго, — сосредоточенныя въ особомъ зданіи съ примыкающими къ нему терапевтическимъ, акушерскимъ и хирургическимъ бараками и отдѣльнымъ навильономъ для заразныхъ больныхъ. Всѣ постройки возводились подъ личнымъ наблюденіемъ покойнаго и по цѣлесообразности внутренняго устройства и соответственному приспособленію помѣщеній для врачебныхъ цѣлей удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ современной медицинскои науки. Трудясь въ качествѣ попечителя Западной Сибири въ продолженіе послѣднихъ тринадцати лѣтъ, В. М. сдѣлалъ очень много не только для университета, душою котораго былъ до послѣднихъ дней, но и для дѣла народнаго образованія и развитія умственной жизни на далекой окраинѣ. Благодаря его заботамъ и стараніямъ, школьное дѣло въ Западной Сибири значительно развилось, въ Томскѣ построено зданіе гимназій, приступлено къ сооруженію технологическаго института, устроены въ нѣсколькихъ городахъ общественныя бібліотеки и музеи; въ Томскѣ явилось общество естествоиспытателей и врачей, въ Тобольскѣ — физико-медицинское общество. Занимаясь съ особенною любовью археологическими и антропологическими разысканіями, В. М. основалъ въ Томскѣ, при университетѣ, археологическій музей сибирскихъ древностей, въ которомъ собраны отчасти путемъ личныхъ раскопокъ покойнаго, отчасти пожертвованіями, весьма значительныя и цѣнныя коллекціи преимущественно бронзовыхъ и мѣдныхъ издѣлій и образцовъ древней керамики. Кромѣ то-

го, трудами покойнаго составлена цѣнная университетская библіотека въ Томскѣ. В. М. проходилъ изъ духовнаго званія. Онъ родился въ 1833 году. Отецъ его былъ священникомъ Пермской епархіи. По окончаніи курса въ Пермской духовной семинаріи, покойный поступилъ въ 1853 году въ с.-петербургскую медико-хирургическую академію. Блестяще кончивъ курсъ академіи, В. М. былъ прикомандированъ ко 2-му военному сухопутному госпиталю и занялся подготовленіемъ себя къ профессорскому званію. Онъ изучалъ спеціально акушерство и въ 1861-мъ году защитилъ диссертацию на степень доктора медицины. Затѣмъ покойный провелъ два года за границей, занимаясь изученіемъ избранной имъ спеціальности въ акушерскихъ клиникахъ въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ и Эрлангенѣ и въ патологическихъ кабинетахъ Бишофа и Куссмауля. По возвращеніи въ Россію, В. М. былъ приглашенъ адъюнктъ-профессоромъ медико-хирургической академіи по кафедрѣ акушерства, затѣмъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ и занимался во 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ въ качествѣ ординатора. Помимо научной дѣятельности покойный имѣлъ обширную врачебную практику въ Петербургѣ и пользовался здѣсь репутаціей одного изъ лучшихъ акушеровъ. Въ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ дѣятельность В. М. Флоринскаго сосредоточилась въ Казани. Онъ былъ ординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета по кафедрѣ акушерства и гинекологіи, врачомъ-практикомъ и однимъ изъ энергичныхъ изслѣдователей-археологовъ мѣстнаго края. Съ спеціально археологическою цѣлью В. М. объѣхалъ Оренбургскую, Уфимскую и Пермскую губерніи и въ началѣ 80-хъ годовъ изучалъ древности Казанской губерніи вообще и памятники «камскихъ болгаръ» въ особенности. Въ 1878 году покойный принялъ дѣятельное участіе въ организаціи Казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи. Въ 1884 г. онъ переселился въ Томскъ. Покойный, какъ авторъ, извѣстенъ не только своими спеціально медицинскими произведеніями, но и рядомъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и посвященныхъ разнообразнымъ темамъ. Наибольшую извѣстностью пользуется его «Домашняя медицина—лѣчебникъ для народнаго употребленія». Изъ медицинскихъ сочиненій покойнаго назовемъ наиболѣе крупныя: «Курсъ акушерства и женскихъ болѣзней» (1868—1870 гг., въ двухъ выпускахъ), «Курсъ акушерства—лекціи, читанныя въ Казанскомъ университетѣ» (1883 г.), «Историческій очеркъ чумныхъ эпидемій въ Россіи» и «Обзоръ трудовъ по акушерству и по частной патологіи и терапіи женскихъ болѣзней». Изъ историко-архивныхъ трудовъ покойнаго извѣстны: «Русскіе простонародные травники и лѣчебники; собраніе медицинскихъ рукописей XVI и XVII столѣтій», «Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россіей и Китайскимъ государствомъ съ 1619 по 1792 г.», «Экзаменъ въ аптекарскомъ приказѣ на медицинскую степень въ царствованіе Михаила Теодоровича», «Медицинскій бытъ въ Россіи по извѣстію врача иностранца» и др. Изъ статей В. М. общаго характера цѣнны: «Башкирія и башкиры» (историко-географическое изслѣдованіе; журналъ «Слово» 1874 г.), «Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода» («Дѣло», 1866 г.), «Докторскій экзаменъ», «О характерѣ врачебной дѣятельности на сѣверѣ Россіи («Здоровье» 1874—1875 гг.), «Свѣдѣнія о состояніи и потребностяхъ

русскихъ медицинскихъ факультетовъ» и др. Результатомъ археологическихъ занятій покойнаго въ Сибири и Казани является цѣнный солидный трудъ «Первобытные славяне по памятникамъ ихъ до-исторической жизни», вышедшій въ срединѣ 90-хъ годовъ въ двухъ частяхъ и въ трехъ выпускахъ. («Нов. Вр.», № 8210; «Моск. Вѣд.», № 6; «Русск. Вѣд.», № 7).

† **А. А. Хованскій.** 29 января, въ Воронежѣ, скончался извѣстный труженникъ на поприщѣ филологин, издатель «Филологическихъ Записокъ», Алексѣй Андреевичъ Хованскій. Покойный происходилъ изъ духовнаго званія и родился въ 1816 году. По окончаніи курса въ Саратовской духовной семинаріи, онъ съ 12 октября 1837 года получилъ мѣсто преподавателя русскаго языка и арифметики въ Камышинскомъ духовномъ училищѣ и состоялъ тамъ до 1 августа 1842 года. Послѣ двухгодичной отставки покойный снова выступилъ на педагогическое поприще, занявъ мѣсто преподавателя приготовительнаго класса въ Петровскомъ уѣздномъ училищѣ. Встрѣча и знакомство съ помощникомъ инспектора классовъ Павловскаго кадетскаго корпуса В. А. Половцевымъ побудили А. А. Хованскаго специально заняться изслѣдованіемъ отечественнаго языка и составленіемъ русской грамматики. Въ 1845 году, покойный былъ приглашенъ на службу учителемъ скорописанія во вновь открывавшійся Воронежскій кадетскій корпусъ, гдѣ съ 1849 года началъ преподавать родной языкъ и задумалъ издавать журналъ, въ которомъ помѣщались бы статьи по вопросамъ русской филологин. Но матеріальная необезпеченность долго не давала возможности осуществить эту мечту. Наконецъ, ободряемый педагогами-товарищами по корпусу (особенно М. Ѳ. Де-Пуле и П. В. Малыгинымъ), онъ, по его выраженію, «дерзнулъ» на скудныя учительскія средства предпринять изданіе «журнала, посвященнаго изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по сравнительному языковѣдѣнію и славянскимъ нарѣчіямъ». Плодомъ этихъ стараній и явились «Филологическія Записки», начавшія выходить въ Воронежѣ съ 1860 года и теперь прерванныя кончиною издателя, на пятомъ выпускѣ 1898 года. Поддерживаемый сотрудничествомъ Я. К. Грота, Буслаева и другихъ, покойный нерѣдко выступалъ и съ собственными трудами. Напримѣръ, ему принадлежали статьи: «О практическихъ урокахъ русскаго языка, Семенова» (1864 г., № 5), «Разборъ книги Лавренки: «Грамматическій и психологическій анализъ произведеній Г. Гейне» (1866 г., № 4—5) и «О сѣздѣ учителей русскаго языка и словесности въ Казани» (1867 г., № 1). Въ 1867 году, покойный съ небольшою пенсіей вышелъ въ отставку изъ корпуса, и съ тѣхъ поръ болѣе тридцати лѣтъ исключительно занимался «Филологическими Записками», («Моск. Вѣд.», № 31).

† **И. Ѳ. Красковскій.** 2 января, въ Москвѣ, скончался одинъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника», Ипполитъ Теофиловичъ Красковскій. Покойный родился въ селѣ Березовѣ, близъ Бѣловъжской пущи (Гродненской губ.), и былъ сынъ мѣстнаго православнаго священника. Окончивъ курсъ въ Виленской духовной семинаріи, онъ поступилъ въ Петербургскую духовную академію; по окончаніи курса краткое время былъ учителемъ духовнаго училища въ Варшавѣ. Въ семинаріи П. Ѳ. Красковскій временно прервалъ занятія и, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ товарищей, посту-

пилъ вольноопредѣляющимся въ Преображенскій полкъ и участвовалъ во многихъ стычкахъ съ повстанцами. Въ Варшавѣ, среди поляковъ, которые всѣми средствами старались выразить покойному свою ненависть, Красковскій чувствовалъ себя не на мѣстѣ и въ концѣ шестидесятыхъ годовъ переѣхалъ въ Москву и поступилъ на службу къ М. Н. Каткову, гдѣ скоро приобрѣлъ полное расположеніе и довѣріе. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» П. О. Красковскій взялъ на себя завѣдываніе репортерскою частью и вскорѣ сталъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей московской журналистики. Превосходно образованный, съ цѣльнымъ широкимъ міровоззрѣніемъ, онъ всюду успѣвалъ снискать довѣріе и пользовался большимъ уваженіемъ у всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, что значительно облегчало ему задачу. Во всякое время дня и ночи, когда того требовали обстоятельства, покойный могъ являться къ генералъ-губернатору князю Долгорукову и къ другимъ лицамъ, и ему давали всѣ необходимыя свѣдѣнія. Обладая прекраснымъ литературнымъ талантомъ, онъ вскорѣ занялся чисто-литературною работою и помѣстилъ какъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», такъ и въ «Русскомъ Вѣстникѣ», цѣлый рядъ чрезвычайно живыхъ и интересныхъ разсказовъ. Разказы эти, часть которыхъ вышла отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ «На Западной окраинѣ Россіи» (Москва, 1884 года, два тома), посвящены описанію западно-русскаго края и, главнымъ образомъ, поэтической Бѣловѣжской пущи. Въ концѣ 80-тыхъ годовъ покойный совершилъ поѣздку на Аѳонъ и прожилъ тамъ около года. Плодомъ пребыванія на Аѳонскихъ горахъ явился рядъ писемъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и біографія Макарія Аѳонскаго, игумена св. Пантелеймонскаго монастыря (Москва, 1889 года). По возвращеніи съ Аѳона, покойный продолжалъ завѣдывать славянскимъ отдѣломъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», переводилъ съ польскаго языка, главнымъ образомъ Сенкевича, и изрѣдка писалъ разказы. («Моск. Вѣд.», № 3; «Нов. Вр.», № 8210).

† **В. А. Фидлеръ.** Въ послѣднихъ числахъ января, въ Москвѣ, скончался одинъ изъ литературныхъ работниковъ — Викторъ Александровичъ Фидлеръ. Покойный родился 31-го марта 1849 года въ Москвѣ, первоначальное образованіе получилъ въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1867 году, а затѣмъ поступилъ въ инженерное училище путей сообщенія, но, по болѣзни, черезъ два года долженъ былъ прекратить въ немъ занятія. Покойный сначала вступилъ на педагогическое поприще, по примѣру своего отца извѣстнаго московскаго педагога. Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ въ литературѣ и обществѣ возбуждены были вопросы объ устройствѣ колоній и приютовъ для исправленія несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, и В. А. отдалъ свои труды на служеніе этому дѣлу, занимая сначала должность преподавателя, а затѣмъ директора харьковской земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Дѣло это и впоследствии всегда интересовало покойнаго: онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ сѣздахъ представителей исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ. Затѣмъ В. А. служилъ въ Дельвиговскомъ желѣзнодорожномъ училищѣ. Съ конца 70-хъ годовъ начинается его литературная дѣятельность, въ качествѣ сотрудника нѣкоторыхъ періодическихъ изданій. Въ началѣ 80-хъ годовъ В. А. писалъ московскіе фельетоны въ га-

зетѣ «Голосѣ», сотрудничалъ въ «Свѣточѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ журналахъ «Вѣстникъ Воспитанія» и «Сотрудникъ», въ «Новостяхъ» и въ позднѣйшее время въ «Сынѣ Отечества». Онъ былъ также однимъ изъ членовъ-учредителей кассы взаимопомощи при обществѣ пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ и принималъ самое живое участіе въ дѣятельности ея московскаго отдѣленія, въ которомъ состоялъ секретаремъ и членомъ правленія. В. А. былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ московскаго потребительнаго общества «Взаимная польза», организовавшагося при его содѣйствіи. Въ послѣдніе годы В. А. Фидлеръ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ провинціальной прессы, видя въ ней одно изъ важнѣйшихъ условій духовнаго и общественнаго преуспѣянія Россіи. Нарожденіе каждой новой провинціальной газеты всегда вызывало въ немъ самый живой интересъ. Безкорыстно, часто съ однимъ явнымъ лично для себя ущербомъ, онъ непосредственно принималъ участіе въ провинціальныхъ изданіяхъ. Такъ, одно время онъ состоялъ негласнымъ редакторомъ «Нижегородскаго Листка», а затѣмъ — «Смоленскаго Вѣстника». («Русск. Вѣд», № 31).

† **Н. А. Дингельштедтъ.** 31-го декабря, скончался инспекторъ по сельскохозяйственной части при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Александровичъ Дингельштедтъ. Покойный, по окончаніи курса константиновскаго военнаго училища, первоначально состоялъ на военной службѣ. Затѣмъ, по выходѣ въ отставку въ чинѣ штабсъ-капитана, поступилъ на службу въ телеграфное вѣдомство на Кавказѣ, гдѣ затѣмъ перешелъ въ судебное вѣдомство и былъ послѣдовательно членомъ елисаветпольскаго и тифлискаго окружныхъ судовъ. Въ 1885 году былъ назначенъ помощникомъ губернатора Сыръ-Дарьинской области, въ каковой должности былъ до 1890 года. Инспекторомъ по сельскохозяйственной части при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ Н. А. состоялъ съ 1893 года. Покойный былъ извѣстенъ, и какъ писатель. Послѣ него остался большой трудъ: «Опыты изученія приращенія Туркестанскаго края». Кромѣ того, онъ написалъ много статей по разнымъ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Вѣстникѣ Европы», «Историческомъ Вѣстникѣ» и другихъ журналахъ. («Нов. Вр.», № 8208).

† **И. Л. Силинъ.** 7-го января, въ Москвѣ, скончался на 69-мъ году отъ роду основатель извѣстной антикварной фирмы Иванъ Лукичъ Силинъ. Начавъ свою дѣятельность въ 1852 году, покойный неутомимо собиралъ древнія иконы, рукописи и скоропечатныя книги и стяжалъ собою славу глубокаго знатока нашихъ древнихъ русскихъ памятниковъ. Многія общественныя и частныя собранія при посредствѣ И. Л. Силина обогатились древними иконами и рукописями. Въ шестидесятыхъ годахъ общество древне-русскаго искусства при Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ избрало его своимъ членомъ-сотрудникомъ. Археологическая выставка, бывшая въ Москвѣ при VIII археологическомъ съѣздѣ, дала публикѣ возможность ознакомиться съ обширнымъ и драгоценнымъ собраніемъ покойнаго. Участіе, принятое имъ на выставкѣ, придало громадныя интересы съѣзду. Имя И. Л. Силина было популярно не только въ кругу любителей и собирателей древностей, но и среди ученаго міра. Такіе глубокіе

знатоки древней литературы, какъ Н. С. Тихонравовъ и А. С. Навловъ, очень часто обращались къ нему за совѣтомъ и разъясненіями и всегда находили полное удовлетвореніе. Особенно же любимымъ занятіемъ покойнаго было собираніе древнихъ иконъ. Въ этой области онъ пользовался званіемъ выдающагося знатока. Извѣстныя въ Москвѣ собранія П. М. Третьякова и Е. Е. Егорова были составлены при самомъ ближайшемъ сотрудничествѣ покойнаго. Помогая другимъ собирать древнія иконы и рукописи, П. Л. Силинъ составлялъ и собственную коллекцію: онъ оставилъ послѣ себя обширное собраніе такихъ древнихъ памятниковъ. («Моск. Вѣд.», №№ 9 и 10).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ вопросу объ ископаемыхъ стеклянныхъ шарахъ.

Въ № 422 за 1899 г. журнала «Развѣдчикъ» поставленъ на разрѣшеніе вопросъ о вѣроятномъ происхожденіи стекляннаго ядра въ $3\frac{1}{2}$ дюйма діаметромъ, найденнаго на глубинѣ 8—9 вершковъ при подъемѣ цѣпныи ген. Рымкевичемъ. Совершенно подобное ядро, діаметромъ $3\frac{3}{4}$ дюйма, нѣсколько сплюснутое, изъ темно-зеленаго стекла, вѣсомъ $1\frac{1}{2}$ фунта, имѣется въ моей коллекціи и найдено близъ мѣстечка Городыщи (Минской губ.). Наружный его видъ слѣдующій: поверхность матовая, темная, въ трехъ мѣстахъ концентрическія трещины, образовавшіяся, очевидно, отъ удара о какое-то твердое тѣло; въ одномъ мѣстѣ замѣтна заливка отверстія стекломъ же. Снаружи, въ плоскости, параллельной залптому мѣсту, ясно замѣтно кольцо свѣтло-зеленаго цвѣта, какъ бы уровень какой-то жидкости. На просвѣтъ, половина шара желтовато-зеленаго цвѣта, при чемъ видимое на поверхности кольцо имѣетъ въ центрѣ небольшой, распылчатый сгустокъ. Въ толщѣ стекла замѣтно нѣсколько разной величины воздушныхъ пузырей. Возлѣ того же мѣстечка Городыщи вынаханъ на полѣ осколокъ совершенно подобнаго шара; изъ разсмотрѣнія его видно, что шаръ, часть котораго онъ составлялъ, былъ съ пустою внутри и толщиной стѣнокъ въ 1 дюймъ.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за іюль 1898 г. (стр. 222), въ статьѣ «Раскопки въ Россіи» В. В. Герве, указано на стеклянный шаръ съ жидкостью внутри, найденный въ 1897 г., въ Могилевской губ., и относительно его высказано предположеніе, что въ немъ, быть можетъ, находится святая вода изъ Іордана, привезенная странникомъ. Такое предположеніе не выдерживаетъ критики, такъ какъ едва ли на берегахъ Іордана возможна была отливка подобныхъ стеклянныхъ шаровъ, да и могло ли кому прійти въ голову подобнымъ образомъ консервировать святую воду. Мнѣніе профессора археологиче-

скаго института, Н. П. Веселовскаго, о томъ, что шаръ, найденный генераломъ Рымкевичемъ, есть, скорѣе всего, особый приборъ для приглаживанія и лощенія кожи и тканей, также едва ли основательно, ибо подобный приборъ весьма неудобенъ для этой цѣли, наконецъ, на шарахъ этихъ были бы замѣтны слѣды отъ употребленія ихъ по назначенію, т. е. нѣкоторая потертость, царапины; между тѣмъ, на имѣющемся у меня шарѣ и осколкѣ этого не замѣтно. Правда, поверхность его матовая, но это произошло скорѣе всего отъ вывѣтриванія стекла отъ дѣйствія влажности и воздуха, а вовсе не отъ употребленія. Также лишено основанія и предположеніе, что эти ядра употреблялись для стрѣльбы изъ пушекъ, ибо для этой цѣли они отливались бы сплошными, а не съ пустотой внутри и, затѣмъ, едва ли могъ примѣняться для ядеръ такой сравнительно рѣдкій и дорогой матеріалъ, какъ стекло; наконецъ, по своей хрупкости, сомнительно, чтобы стеклянные ядра когда либо предпочитались, на примѣръ, хотя бы каменнымъ.

Болѣе вѣроятя, что эти шары не что иное, какъ сосуды, въ которыхъ находятся слезы плакальщицъ. Подобный обычай существовалъ, какъ извѣстно, въ древнія времена у многихъ народовъ, и если эти сосуды не могли изготовляться на мѣстѣ, то они доставлялись изъ болѣе культурныхъ странъ, на примѣръ, изъ Римской имперіи. Подобное допущеніе не есть произвольное, такъ какъ окончательно установлено, что древніе римляне вели торговыя сношенія съ теперешней южной Россіей (между прочимъ, вблизи мѣстечка Новогрудокъ, Минской губ., выкопано 7 серебряныхъ монетъ временъ Antoninus'a Aug., изъ коихъ 2 находятся у меня).

Въ подтвержденіе мнѣнія, что шаръ, находящійся у меня, есть не что иное, какъ сосудъ со слезами, служатъ еще и то, что выцараханъ онъ на полѣ, усѣянномъ древними курганами, а также, что подобные сосуды находились неоднократно при обвалахъ береговъ рѣки Варты, вмѣстѣ съ костяками и другими древностями. Нѣсколько такихъ сосудовъ, насколько мнѣ извѣстно со словъ лица, проживавшаго въ той мѣстности, находятся въ одномъ изъ частныхъ музеевъ города Варшавы. Между прочимъ, подобный шаръ, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ, съ пробитымъ внутрь его отверстіемъ, находится на выставкѣ старинныхъ предметовъ у г. Густава Безье (Варшава, Краковское, № 30).

Что же касается мѣстности, въ которой найденъ шаръ генераломъ Рымкевичемъ, то весьма полезно было бы изслѣдовать таковую на предметъ обнаруженія на ней старыхъ могильниковъ, и если бы они оказались, то вопросъ объ этомъ шарѣ могъ бы быть легче разрѣшенъ. Въ виду особаго интереса, который возбуждаютъ вышеупомянутыя ядра, находящійся у меня шаръ, а также осколокъ, могу представить на разсмотрѣніе заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ.

Штабсъ-капитанъ Стабровскій.

II.

О смерти іезуита Мартынова.

Въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1896 г., на страницахъ 356—357, напечатана моя замѣтка къ біографіи іезуита П. М. Мартынова. Въ замѣткѣ допущена маленькая ошибка: вмѣсто — «по словамъ бывшаго воспитателя Н. К. К.», слѣдовало бы напечатать: «бывшаго воспитанника». Во время появленія этой замѣтки въ печати, Мартынова не было уже въ живыхъ, о чемъ я получилъ свѣдѣніе только надняхъ, изъ-за границы, чрезъ посредство патеровъ здѣшней католической церкви св. Екатерины; оказывается, что Мартыновъ умеръ 26-го апрѣля 1894 г., въ Каннѣ, во Франціи.

Г. И. Студенкинъ.

III.

Къ статьѣ: „Кто и когда выдумалъ „Россію“?»

Въ статьѣ подъ этимъ заглавіемъ, помѣщенной въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», г. В. О. Михневичъ разъясняетъ, когда имя «Россія» появилось у насъ впервые, насколько можно судить объ этомъ по письменнымъ памятникамъ. Но это еще не есть прямой отвѣтъ на поставленный въ заглавіи вопросъ, такъ какъ авторъ не объясняетъ, было ли, по его мнѣнію, это имя придумано у насъ, или же перенято отъ иностранцевъ, довольствуясь, въ этомъ отношеніи, опроверженіемъ мнѣнія Даля (на стр. 502).

Впрочемъ, на стр. 504 г. Михневичъ, высказывая совершенно справедливое предположеніе, что форма «Россія» скорѣе и вѣрнѣе вышла отъ принятія первоначальнаго греческаго Ῥωσία, обозначающаго въ древнихъ византійскихъ лѣтописяхъ Русь», повидимому (судя по подчеркнутому выраженію) полагаетъ, что производство формы «Россія» (или «Росія») изъ греческаго Ῥωσία было сдѣлано у насъ въ Россіи въ то время, когда это имя появилось въ письменныхъ русскихъ памятникахъ. Если такъ, то авторъ ошибается.

Слово «Россія» — греческое, дѣйствительно происходитъ отъ слова Ῥωσία (которое значитъ не «Русь», а «русскій»¹⁾), писалось Ρωσία и въ этой самой формѣ Росія встрѣчается и у насъ на монетахъ конца XVII вѣка. Въ Византіи оно было употреблено въ первый разъ не позже 946 года: въ запискахъ императора Константина Багрянороднаго есть замѣтка, слѣдующаго содержанія: «Въ 946 году отправлена грамота съ такимъ заглавіемъ «отъ Константина и Ро-

¹⁾ Но въ смыслѣ не прилагательнаго, а существительнаго. Такъ у большинства византійскихъ лѣтописцевъ; Константинъ Багрянородный подъ Ῥωσία разумѣетъ княжескую дружину, Левъ Діаконъ называетъ русскихъ «товроскифами», которыхъ простонародье (ἡ κοινὴ διάλεκτος) называетъ Ῥωσία.

мава, христілюбивыхъ царей, Ингору ¹⁾, правителю Россіи (Ρωσίας). Тотъ же императоръ, описывая пріѣздъ въ Константинополь княгини Ольги и ея крещеніе, называетъ ее «правительницею Россіи» (ἀρχοντίσσα Ῥωσίας).

Слѣдовательно, имя «Россія» выдумали греки, притомъ не позже первой половины X вѣка, и наши книжники XVII вѣка нашли эту форму готовой въ греческихъ книгахъ.

Д. Соколовъ.

¹⁾ «Ингоръ», т. е. Игорь, по нашей лѣтописи умеръ въ 945 г., стало-быть, или въ Византіи не знали еще о его смерти при отсылкѣ грамоты, или въ лѣтописи годъ его смерти опредѣленъ невѣрно.

РѢДКІЕ ПОРТРЕТЫ.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій.

Мы получили отъ сына поэта Баратынскаго прекрасный фотографическій снимокъ съ портрета его отца, который и прилагаемъ въ настоящей книжкѣ въ художественной гравюрѣ, сдѣланной по нашему заказу граверомъ Панемаркеромъ, въ Парижѣ. Происхожденіе этого портрета объясняется въ нижеслѣдующемъ письмѣ г. Баратынскаго:

«Разсматривая портретъ отца моего, поэта Евгенія Абрамовича Баратынскаго, приложенный къ июльской книгѣ «Историческаго Вѣстника» 1898 года съ замѣткой, озаглавленной: «Рѣдкіе портреты», я узналъ въ немъ портретъ, который дочь поэта, покойная сестра моя Александра Евгеніевна Баратынская, пыталась воспроизвести, по личнымъ ея воспоминаніямъ, въ молодыхъ годахъ отца, руководствуясь при этомъ наиболѣе схожимъ портретомъ его, нарисованнымъ свинцовымъ карандашомъ, извѣстнымъ художникомъ К. Брюловымъ, въ бытность его въ Москвѣ, въ 1839 году, при семъ прилагаемый, въ удачной фотографіи; подлинный же портретъ находится у двоюродной сестры моей Ольги Николаевны Тютчевой, рожденной Путята, такъ какъ по отъѣздѣ Евгенія Абрамовича за границу, осенью 1843 года, этотъ портретъ оставался у моей тетки, сестры моей матери и матери Ольги Николаевны Тютчевой, Софіи Львовны Путята, рожденной Энгельгардтъ. Портретъ, нарисованный моей сестрой, вышелъ въ литографіи въ Петербургѣ, въ концѣ сороковыхъ или пятидесятихъ годовъ, а портретъ, приложенный къ июльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», повидимому, воспроизведенъ съ упомянутаго портрета, о чемъ неизлишнимъ считаю сообщить при посылкѣ фотографіи съ портрета Брюлова. Портретъ же, приложенный къ изданію стихотвореній поэта 1835 года, и воспроизведенные съ него портреты далеки отъ сходства съ моимъ отцомъ. Изъ посмертныхъ изображеній его, самый схожій—это профиль, находящійся на памятникѣ его въ Александро-Невской лаврѣ, воспроизведенный съ гипсовой маски, снятой съ покойнаго, послѣ смерти его, въ Неаполѣ. Снимки съ этого профиля приложены къ посмертнымъ изданіямъ сочиненій поэта 1869 и 1885 годовъ.

«Л. Баратынскій».

СУДЪ ЧЕСТИ ПРИ СОЮЗѢ ВЗАИМОПОМОЩИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Засѣданія 26-го января и 4-го февраля 1899 г.

Присутствовали: К. К. Арсеньевъ, В. А. Манасеинъ, Л. О. Пантелѣевъ, Г. Н. Потанинъ, А. С. Фаминцынъ и П. П. Фавъ-дерь-Флитъ.

Разсмотрѣнiю Суда подлежала жалоба г-жи Макъ-Гаханъ на редактора «Историческаго Вѣстника», С. Н. Шубинскаго.

Въ № 1 «Историческаго Вѣстника» за 1897 г. помѣщена статья Е. Н. Матросова подъ заглавiемъ «Заокеанская Русь», въ которой, между прочимъ, напечатано слѣдующее (стр. 145—146): «Госпожа У., вдова ирландца-корреспондента, носитъ натурально уже не русскую, а англо-ирландскую фамилю... Она стала постояннымъ американскимъ корреспондентомъ нѣсколькихъ изъ «солиднѣйшихъ» столичныхъ (русскихъ) изданiй... Поставляя въ Петербургъ болѣе или менѣе механическiя компиляции выдержекъ изъ англо-американскихъ газетъ и журнальчиковъ, г-жа У. въ то же время пристроилась въ Нью-Йоркѣ въ газетѣ «Sun», которая печатаетъ на своихъ столбцахъ дословные ея переводы русскихъ книгъ и журнальныхъ статей, г-жей У. выдаваемыхъ за свои оригинальныя произведенiя. Въ послѣднее время подверглись такому подстрочному переводу въ «Sun» небезызвѣстныя въ русской литературѣ книги Пругавина—«Проявленiя умственной жизни русскаго народа въ расколѣ» и Кривенки—«На распутьѣ».

Усматривая въ подчеркнутыхъ строкахъ прямое обвиненiе ея въ плагиатѣ, г-жа Макъ-Гаханъ еще въ 1897 г., вскорѣ послѣ учрежденiя Суда Чести, обращалась къ нему съ просьбами о повѣркѣ этого обвиненiя и признанiи его живымъ; но Судъ Чести не считалъ возможнымъ исполнить эти просьбы, такъ какъ г. Матросовъ не состоялъ (и не состоятъ) членомъ Союза Писателей и желанiя отвѣчать на жалобу г-жи Макъ-Гаханъ не выражалъ. Вслѣдствiе сего,

г-жа Макъ-Гаханъ, осенью минувшаго года, заявила Суду Чести, что она проситъ о вызовѣ, для отвѣта по ея жалобѣ, редактора «Историческаго Вѣстника», С. Н. Шубинскаго, въ силу отвѣтственности, которую принимаетъ на себя редакторъ за статьи своихъ сотрудниковъ.

С. Н. Шубинскій, являсь въ засѣданіе Суда, объяснилъ, что, печатая статью г. Матросова, онъ не имѣлъ въ виду обвинять въ чемъ бы то ни было г-жу Макъ-Гаханъ. Узнавъ о впечатлѣніи, произведенномъ на нее статьею, онъ изъявилъ полную готовность напечатать ея опроверженіе и увѣдомилъ объ этомъ С. Н. Кривенко, бывшаго посредникомъ между нимъ и г-жею Макъ-Гаханъ, но никакихъ дальнѣйшихъ сообщеній ни отъ г. Кривенко, ни отъ г-жи Макъ-Гаханъ не получилъ. Въ доказательство этого С. Н. Шубинскій представилъ два письма къ нему С. Н. Кривенко, изъ которыхъ позднѣйшее помѣчено 13-мъ мая (очевидно, 1897 г.).

Узнавъ отъ С. Н. Шубинскаго адресъ Е. Н. Матросова (живущаго въ Съверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ), Судъ обратился къ нему, не какъ къ обвиняемому, а какъ къ свидѣтелю, съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли онъ объяснить основанія, по которымъ имъ взведено на г-жу Макъ-Гаханъ обвиненіе въ плагиатѣ.

Отвѣчая на запросъ Суда, г. Матросовъ, 5-го января 1899 г., объяснилъ, что о неосновательномъ обвиненіи въ плагиатѣ—обвиненіи, равносильномъ клеветѣ въ печати, — не можетъ быть и рѣчи, разъ что нѣтъ точнаго и полнаго наименованія лица обвиняемаго. Г-жа Макъ-Гаханъ означена въ статьѣ только буквою У, а русскимъ читателямъ она извѣстна не настолько, чтобы можно было угадать, по немногимъ даннымъ, приведеннымъ, въ статьѣ, что они относятся именно къ г-жѣ Макъ-Гаханъ. Согласія его, г. Матросова, на разборъ настоящаго дѣла Судомъ Чести Судъ не спрашивалъ, а непосредственное обращеніе къ редактору журнала носитъ на себѣ характеръ незаконномѣрнаго и несудебнаго давленія, рассчитаннаго на извѣстную степень зависимости сотрудника отъ редактора. Жалобы, принесенныя г-жей Макъ-Гаханъ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, причинили уже ему, Матросову, значительный вредъ. Въ виду вышеизложеннаго г. Матросовъ проситъ Судъ рассмотреть жалобы г-жи Макъ-Гаханъ вовсе отклонить. На случай, если бы судъ нашелъ возможнымъ войти въ рассмотрѣніе дѣла по существу, г. Матросовъ указываетъ на то, что замѣтки и статейки г-жи Макъ-Гаханъ, въ нью-іоркской газетѣ «Sun», сами по себѣ не имѣющія ни малѣйшаго литературнаго значенія и не заслуживающія даже серьезнаго обсужденія, были подвергнуты имъ, Матросовымъ, лишь бѣглому просмотру и всѣ произвели на него впечатлѣніе подражаній и переводовъ изъ русскихъ источниковъ и книгъ. «Такъ какъ, однако, — продолжаетъ г. Матросовъ, — источниковъ этихъ у меня подъ рукой не было и нѣтъ, и вообще нынѣ я по возможности избѣгаю русскихъ и вообще славянскихъ книгъ и періодическихъ изданій, предавшихъ

всездѣло литературамъ англійской, французской и нѣмецкой, то поэтому на учиненіи г-жей Макъ-Гаханъ какихъ бы то ни было плагіатовъ я и не настаиваю» (подчеркнуто въ подлинникѣ).

Принимая во вниманіе: 1) что обращеніе Суда Чести не къ автору статьи, содержащей въ себѣ обвиненіе противъ г-жи Макъ-Гаханъ, а къ редактору журнала, гдѣ эта статья напечатана, воспослѣдовало согласно просьбѣ г-жи Макъ-Гаханъ, основанной въ свою очередь на неподвѣдомственности дѣла ея съ г. Матросовымъ Суду Чести, 2) что спрашивать г. Матросова, не согласится ли онъ явиться отвѣтчикомъ по жалобѣ г-жи Макъ-Гаханъ, не представлялось для Суда возможнымъ, такъ какъ, по принятому имъ порядку, онъ никому не предлагаетъ своего посредничества, а приступаетъ къ разсмотрѣнію тѣхъ лишь дѣлъ, по которымъ отвѣтчики состоятъ членами Союза или, по собственному побужденію, выражаютъ готовность подчиниться разбору (Суда Чести;

3) что тяжесть обвиненія кого либо въ плагіатѣ нимало не уменьшается отъ означенія обвиняемаго неполнымъ его именемъ, если для читателей —или хотя бы для вѣкоторой ихъ части — совершенно ясно, на кого упадаетъ обвиненіе;

4) что именно такую ясностью отличается обвиненіе, взведенное г. Матросовымъ на г-жу Макъ-Гаханъ, единственную писательницу, посылавшую изъ Америки корреспонденціи въ русскія періодическія изданія и, притомъ, состоявшую въ замужствѣ съ ирландцемъ-корреспондентомъ и носящую англо-ирландскую фамилію;

5) что если бы даже г-жа Макъ-Гаханъ и была неизвѣстна большинству русской читающей публики—чего отнюдь сказать нельзя,—то указаніе на нее въ статьѣ г. Матросова не могло не быть понятно для редакцій русскихъ газетъ и журналовъ, въ которыхъ печатались ея статьи, и вообще для русскаго литературнаго міра, мнѣніемъ котораго не можетъ не дорожить г-жа Макъ-Гаханъ, и

6) что объясненіе г. Матросова о вредѣ, понесенномъ имъ, будто бы, вслѣдствіе жалобъ г-жи Макъ-Гаханъ, не можетъ имѣть никакого вліянія на разрѣшеніе настоящаго дѣла, такъ какъ самое существованіе этихъ жалобъ рѣшительно ничѣмъ не доказано,—(Судъ Чести находитъ, что основанія, приводимыя г. Матросовымъ къ оставленію жалобы г-жи Макъ-Гаханъ безъ разсмотрѣнія, не заслуживаютъ уваженія.

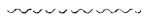
Обращаясь, засимъ, къ существу настоящей жалобы, Судъ Чести находитъ, что единственною цѣлью г-жи Макъ-Гаханъ было опроверженіе обвиненія ея въ плагіатѣ, заключающагося въ статьѣ г. Матросова. Эта цѣль достигнута вполне не только потому, что г. Матросовъ не настаиваетъ на обвиненіи, взведенномъ имъ на г-жу Макъ-Гаханъ, но и потому, что объясненія его обнаруживаютъ полную неосновательность самаго обвиненія. Утверждать, что газетная или журнальная статья—дословный или подстрочный переводъ извѣстнаго произведенія, можно, очевидно, лишь по сличеніи перевода съ под-

линникомъ. Между тѣмъ, книгъ г.г. Пругавина и Кривенко, дословный переводъ изъ которыхъ представляютъ собою, будто бы, статьи г-жи Макъ-Гаханъ въ нью-йоркской газетѣ «Sun», г. Матросовъ, по собственнымъ его словамъ, вовсе не имѣлъ подъ рукой и руководился только впечатлѣніемъ, почерпнутымъ имъ изъ бѣглаго просмотра статей. Въ виду такого объясненія, совершенно оправдывающаго г-жу Макъ-Гаханъ, Судъ Чести признаетъ излишнимъ сличать ея статьи съ книгами г.г. Пругавина и Кривенко. Входить въ обсужденіе поступка г. Матросова Судъ Чести не считаетъ себя въ правѣ, такъ какъ обвиняемымъ по настоящему дѣлу онъ не былъ, и объясненіе его разсматривается Судомъ лишь, какъ показаніе свидѣтеля. Что касается до редактора «Историческаго Вѣстника», то его ни въ чемъ, въ сущности, не обвиняетъ сама г-жа Макъ-Гаханъ, письменно заявившая Суду, что сохраняетъ прежнее уваженіе свое къ С. Н. Шубинскому. Выразивъ, въ свое время, готовность напечатать опроверженіе, которое будетъ ему доставлено г-жею Макъ-Гаханъ, С. Н. Шубинскій соглашается и на напечатаніе въ редактируемомъ имъ журналѣ рѣшеніе Суда Чести.

На основаніи вышензложеннаго, Судъ Чести единогласно постановилъ: признать обвиненіе г-жи Макъ-Гаханъ въ плагиатѣ, взведенное на нее въ статьѣ «Заокеанская Русь», лишеннымъ всякаго основанія и сообщить настоящее рѣшеніе, согласно просьбѣ г-жи Макъ-Гаханъ, С. Н. Шубинскому, для напечатанія его въ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ порядкѣ, опредѣленномъ § 28 устава.

Подлинное подписали: Константинъ Арсеньевъ, Логгинъ Нантелѣевъ, Григорій Потанинъ, Вячеславъ Манассеинъ, Андрей Фаминцынъ, Петръ Фандеръ-Флитъ.

Вѣрно: Константинъ Арсеньевъ.

Между зрителями пронесся было слухъ, что въ послѣднюю минуту герцогъ Шартрскій не рѣшался на полетъ, находя шаръ далеко не безопаснымъ. И дѣйствительно принцъ не переставалъ заявлять всевозможныя новыя требованія.

Аэростатъ, устроенный Этьенномъ Монгольфье для его первыхъ, вмѣстѣ съ братомъ, воздушныхъ полетовъ, былъ сдѣланъ изъ крѣпкаго холста, подложеннаго бумагой, имѣлъ сто десять футовъ въ объемѣ и вѣсилъ пятьсотъ фунтовъ. Посредствомъ разжиженнаго воздуха ему удалось поднять этотъ шарообразный снарядъ, и произведенные съ нимъ до сихъ поръ опыты вполне оправдывали, какъ самое устройство, такъ и подвижность и безопасность шара. Тѣмъ сильнѣе было удивленіе Монгольфье, когда герцогъ Шартрскій вдругъ заявилъ ему, что онъ не довѣряетъ его машинѣ, и что онъ закажетъ себѣ свой собственный шаръ, объемомъ вполонину этого и цилиндрической формы, признаваемой имъ гораздо цѣлесообразнѣе и безопаснѣе.

Извѣстно было, что герцогъ Шартрскій дѣйствительно производилъ этого рода опыты, но Монгольфье видѣлъ, что въ эту минуту не какое либо высшее соображеніе, а недостатокъ мужества возбудилъ у принца эти сомнѣнія. Поблѣднѣвшія щеки дрожащаго принца говорили ясно въ пользу такого предположенія.

Монгольфье, предложивъ теперь и себя въ спутники по полету, умолялъ принца не терять довѣрія и не дѣлать его смѣшнымъ передъ цѣлымъ дворомъ и биткомъ набившейся публикой.

Принцъ еще медлилъ входить въ лодку, хотя все было готово.

— Онъ боится! онъ боится!—послышались на трибунахъ шопотъ и насмѣшки. Старыя и новыя остроты противъ герцога Шартрскаго такъ и сыпались изъ устъ шутниковъ, и даже на трибунахъ, занятыхъ дворомъ, замѣчались недоумѣвающія лица.

Наконецъ раздался звонокъ, возвѣщавшій наступленіе полета, и непріязненныя перешептыванія и ропотъ публики смѣнились громкимъ, радостнымъ: а—а! привѣтствовавшимъ входъ герцога въ лодку.

— Теперь ужъ и вправду поднимается! — вскричалъ веселый Шамфоръ.—Герцогъ Шартрскій возносится, наконецъ, на воздухъ во всемъ своемъ величіи. Повидимому, для воздушной битвы у него все-таки больше мужества, чѣмъ тогда въ морской битвѣ при Кессантѣ славной памяти, гдѣ онъ былъ глухъ, нѣмъ и слѣпъ ко всѣмъ сигналамъ, лишь бы только не вести въ бой корабль, находившійся подъ его командой. Всемирная исторія гласитъ, что французскій принцъ королевской крови, въ то время, когда вихрь сраженія готовъ былъ увлечь и его, укрылся въ прибрежной бухтѣ. Тогда появился портретъ его въ морской формѣ, съ подписью чуднаго стиха изъ псалма: «И онъ увидѣлъ море и обратился вспять»¹⁾! А теперь онъ смотритъ на воздухъ и дѣйствительно поднимается

¹⁾ Souvenirs de la marquise de Créquy, т. V, стр. 123.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1899 г., т. LXXV.

въ его чистѣйшіе слои, не думая улетать прочь, хотя воздухъ такой же хорошій элементъ, какъ и вода, а герцогъ Шартрскій со всѣми элементами природы долженъ былъ бы быть не въ ладу!

— Быть можетъ, черная кошка Гельвеціуса своимъ геройскимъ видомъ придала ему храбрости!—воскликнулъ Мирабо, смѣясь.

— Однако, рядомъ съ кошкой Гельвеціуса, не надо забывать о собакѣ Мирабо! — заговорилъ вновь Шамфоръ.—Посмотрите на вашу великолѣпную миссъ Сару, поднимающуюся на воздухъ такъ величественно и неустрашимо и съ презрѣніемъ позволяющую стоять возлѣ себя герцогу Шартрскому, воздушное мужество котораго все еще для меня сомнительно. Собака Мирабо, по мнѣ, гораздо важнѣе въ этомъ ансамблѣ, чѣмъ кошка Гельвеціуса. Тамъ-тамъ представляетъ собою символъ новыхъ познаній, а собака Мирабо указываетъ на новое дѣло этого столѣтія, возникающее изъ этихъ познаній. Мнѣ уже слышится надъ нашими головами лай вашего великолѣпнаго бульдога, графъ Мирабо. Что за чудо этотъ новый Ноевъ ковчегъ, разсѣкающій тамъ наверху воздухъ, вмѣстивъ въ себѣ кошку Гельвеціуса, какъ познаніе, а собаку Мирабо, какъ дѣйствіе, и окруживъ этими двумя апокалипсическими животными герцога Шартрскаго, перваго представителя негоднаго стараго времени. Это—ковчегъ будущаго! Смотрите, какъ онъ еще стонетъ и качается въ своемъ полетѣ, а затѣмъ, пройдетъ еще минута, и онъ, собравъ всю свою движущую силу, побѣдоносно вознесется по облакамъ вплоть до прекраснаго, вѣчнаго, свободнаго небснаго свода!

Въ то время, какъ наше общество весело бесѣдовало, въ плывущемъ какъ разъ надъ ихъ головами шарѣ приключилось, повидимому, что-то особенное. Герцогъ Шартрскій съ Монгольфье оживленно жестикулировали. Большая публика, еще раньше замѣтивъ это, съ громкими возгласами указывала на новое воздушное приключеніе, дѣлавшееся все болѣе и болѣе страннымъ. Пронесся слухъ, что принцъ опять труситъ и настаиваетъ на томъ, чтобы шаръ былъ спущенъ на твердую землю.

Вскорѣ все это подтвердилось. Страшный, воздухъ потрясающій хохотъ раздался на всѣхъ трибунахъ; слышались всѣмъ извѣстныя шансонетки и остроты, намекавшія на различныя приключенія изъ жизни герцога Шартрскаго.

Теперь ясно можно было видѣть, какъ Монгольфье всѣми силами старался вновь спустить шаръ, едва достигнувшій первыхъ воздушныхъ пространствъ. Настоятельное требованіе принца принудило къ такому поспѣшному возвращенію, тѣмъ болѣе, что своимъ жалкимъ видомъ принцъ давалъ замѣтить, какъ онъ не на шутку страдаетъ при едва начавшемся путешествіи ¹⁾.

¹⁾ О неудачномъ воздушномъ путешествіи герцога Шартрскаго разсказываетъ Лоренти: Histoire des ducs d'Orléans, IV, 20.

— Дѣйствительно! — воскликнулъ Шамфоръ при приближеніи шара къ землѣ, съ которой онъ нѣсколько минутъ тому назадъ поднялся, — человекъ выглядываетъ скверно и, какъ видно, такъ же плохо выдерживаетъ на воздухѣ, какъ и въ соленой водѣ при Кесантѣ. Теперь слова псалмопѣвца должны были бы гласить: «И онъ увидѣлъ воздухъ и обратился вспять!» Итакъ, есть уже два элемента, въ которыхъ можно быть обезпеченнымъ отъ королевскаго принца Франціи, — вода и воздухъ. Остаются еще для нихъ земля и огонь; но, такъ какъ земля, по Жанъ-Жаку Руссо, принадлежитъ народу, то возможно, что придетъ время, когда для этихъ господъ останется свободное мѣстечко лишь въ огнѣ.

— Тише, тише, Шамфоръ! — обратился къ своему другу Мирабо съ пальцемъ на губахъ. — Вашъ остроумный языкъ — это сигнальный колоколь будущаго, я вамъ это уже не разъ говорилъ. Но развѣ уже настало время звонить такъ громко? Полюбуемся лучше на юношу-героя Шартрскаго, который не изволилъ найти облачныя выси достойными себя, а своимъ безцеремоннымъ возвращеніемъ оттуда показалъ, какъ онъ мало придаетъ значенія общественному мнѣнію. Вотъ машина Монгольфье опять подскакиваетъ и укрѣпляется на землѣ канатами. Миссъ Сара, мой храбрый песъ, выпрыгиваетъ первымъ и страшнѣйшимъ лаемъ возвѣщаетъ свою злобу на неудавшееся путешествіе. Кошка Гельвеціуса тихо выползаетъ вслѣдъ за нимъ, дьявольски крутя хвостомъ, точно хочетъ дать понять, что свои мысли объ этомъ событіи она оставляетъ при себѣ. Но вотъ, наконецъ, выходитъ нашъ герцогъ!

Принцъ казался настолько слабымъ, что Монгольфье долженъ былъ его приподнять изъ лодки и проводить подъ руку. Публика, однако, не отнеслась съ тѣмъ вниманіемъ, какого требовалъ его болѣзненный видъ. Какъ только она увидала его среди себя, такъ стала выражать неудовольствіе свистомъ и шиканьемъ, всевозможными восклицаніями и проклятіями.

Но Монгольфье немедленно избавилъ герцога отъ этой бури, уведя его за занавѣсъ.

Ложи, занятая дворомъ, опустѣли еще до этого. Король и королева, какъ только замѣтили несчастный оборотъ зрѣлища и вновь разразившееся противъ герцога Шартрскаго неудовольствіе толпы, тотчасъ же вышли и, сопровождаемые остальными принцами и свитой, поспѣшно направились къ своимъ экипажамъ. Имъ удалось дойти до нихъ прежде, чѣмъ расходившаяся теперь въ большомъ смятеніи публика стала покидать свои мѣста.

Общество госпожи Гельвеціусъ, выйдя изъ трибунъ, сошлось въ самомъ веселомъ настроеніи. Необыкновенное происшествіе развеселило всѣхъ, и даже графъ Мирабо и маркизь Лафайеттъ, всегда въ довольно холодныхъ между собою отношеніяхъ, поклонились теперь другъ другу съ улыбкой и болѣе сердечно.

Госпожа Гельвеціусъ, принявъ руку Франклина, быстро прошла съ нимъ впереди остальной компаніи, по направленію къ своей виллѣ, находившейся въ нѣсколькихъ минутахъ разстоянія.

— Это нехорошій признакъ,—замѣтилъ по дорогѣ Франклинъ,— что публика отнеслась такъ безпощадно къ струсившему принцу. Еслибъ, напримѣръ, наѣздникъ въ циркѣ почувствовалъ головокруженіе, то, безъ сомнѣнія, публика отнеслась бы къ нему съ величайшимъ участіемъ и безчисленными «браво» постаралась бы вознаграждать его за эту неудачу. Сегодня же она была въ такой ярости потому, что этотъ человѣкъ—принцъ, а вы, французы, все еще того мнѣнія, что принцъ инымъ быть не можетъ, какъ храбрымъ и возвышеннымъ, такъ что принца только потому, что онъ принцъ, вы считаете высшимъ существомъ, нежели простого наѣздника, и тутъ-то я вижу, какъ вы еще далеки отъ нашей американской свободы!

Молодой генераль Лафайеттъ, услыжавъ эти слова, подошелъ къ Франклину и сказалъ:

— Вы, значить, хотѣли бы, уважаемый другъ и соотечественникъ, чтобы мы рукоплесканіями усладили герцогу Шартрскому его отсутствіе мужества? Положимъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ вы, быть можетъ, и правы... Да, да, Франція, какъ въ своихъ взглядахъ, такъ и въ своихъ дѣйствіяхъ, лишь медленно послѣдуетъ за толчкомъ, даннымъ Америкою всему міру!

— Точно пѣніе сирены, ласкаютъ слухъ мой слова генерала Лафайетта, называющаго себя и здѣсь, во Франціи, соотечественникомъ американцевъ,—проговорилъ Франклинъ.—О, если бы я могъ съ тѣмъ же правомъ назвать своею Францію, съ какимъ вы называете Америку своею! Право это пріобрѣтено вами навсегда вашей храброю рукою, сражавшеюся за американскую свободу.

— И на будущее время считаю себя никѣмъ другимъ, какъ состоящимъ на службѣ Соединенныхъ Штатовъ, мой дорогой соотечественникъ!—возразилъ Лафайеттъ съ искреннею сердечностью.— Всякая дружба и увѣренія въ вѣрности должны быть время отъ времени подкрѣпляемы, поэтому и меня вы видите опять готовымъ къ путешествію въ Америку. Меня тянетъ туда, и я не могу уже спокойно сидѣть во Франціи. Отсюда вы видите, что и я того мнѣнія, что для Франціи время еще не наступило. Мнѣ хотѣлось бы представиться вашему сенату, привѣтствуя вновь дѣло Америки и предоставляя навсегда въ ея распоряженіе свою руку и сердце. Я очень обрадовался, узнавъ, что увижу васъ сегодня за обѣдомъ у нашей пріятельницы, разчитывая, что, вы возложите на меня много порученій къ Вашингтону¹⁾.

— Да,—отвѣчалъ съ живостью Франклинъ,—прежде всего ска-

¹⁾ Лафайеттъ предпринялъ новое путешествіе въ Америку весною 1784 года. Mémoires du général Lafayette, II, 87.

жите ему, что мы хотѣли бы опять вывести его изъ-подъ тѣни его виноградниковъ въ шумъ общественной жизни. Онъ — благороднѣйшій изъ всѣхъ людей нашего времени, и, безъ сомнѣнія, самой возвышенной чертой его характера было то, что, подобно великому римскому герою Цинцинату, онъ удалился въ мирную сельскую жизнь, какъ только завершилъ свою задачу вождя нашей славной революціи. Вся Европа была поражена, что Вашингтонъ вновь превратился въ простаго гражданина съ береговъ Потомака. Но міру еще нуженъ Вашингтонъ, и безсмертный вождь новѣйшей революціи не можетъ укрываться для разведенія капусты или для скотоводства.

— Мнѣ кажется, — весело воскликнулъ шедшій позади нихъ Шамфоръ, — что отецъ Франклинъ сердится на опозданіе нашего обѣда и оттого такъ презрительно отзывается о продуктахъ сельскаго хозяйства Вашингтона, хотя нашей милѣйшей покровительницей было намъ объявлено, что, между прочими великодѣльями, мы получимъ и вашингтонскую ветчину. Не будемъ же портить этого источника, который, при добромъ содѣйствіи генерала Лафайетта, останется открытымъ и на будущее время. Я рассчитываю еще на стаканчикъ того чуднаго ликера изъ персиковъ, получаемаго также генераломъ Лафайеттомъ съ Вашингтонскаго завода, которымъ, я надѣюсь, мы довершимъ сегодня нашъ культъ Америкѣ. Не достаточныя ли все это причины, чтобы оставить Вашингтона и на будущее время вдали отъ государственныхъ дѣлъ?

Всѣ расхохотались отъ этой забавной выходки Шамфора.

— Въ самомъ дѣлѣ, — замѣтила съ очаровательною улыбкой госпожа Гельвеціусъ, — американскій культъ за нашимъ маленькимъ сегодняшнимъ обѣдомъ долженъ господствовать уже потому, что обѣдъ будетъ простъ и составленъ лишь изъ того, что посылаетъ намъ природа. Разумѣется, я при этомъ не забыла любимаго кушанья Франклина, яицъ съ горчицей, введеннаго имъ впервые въ Парижъ и уже давно не считающагося варварскимъ, а напротивъ любимымъ моднымъ кушаньемъ.

Веніаминъ Франклинъ стукнулъ палкой, въ знакъ удовольствія, и сказалъ, улыбаясь: — Вы переполняете мѣру вашей доброты ко мнѣ; но, съ другой стороны, это возобновляетъ мою печаль, что я не могу всегда быть съ вами и закончить жизнь подъ вашей охраной, мой добрый геній!

Тутъ они приблизились къ привѣтливой виллѣ; слуга открылъ ворота, и всѣ гости вошли.

Франклинъ, не получившій отвѣта отъ госпожи Гельвеціусъ на свое послѣднее объясненіе, всталъ со сложенными накрестъ руками, передъ домомъ, задумчиво разсматривая одно мѣсто надъ входною дверью, гдѣ были замѣтны слѣды находившейся прежде мраморной доски.

— Я только теперь замѣчаю, дорогой другъ мой, — сказалъ онъ почти сердито, — что вы велѣли снять доску, украшавшую фасадъ

вашего дома. На ней была надпись, которую я очень люблю; она прославляла Буало и Жандрона, живших здѣсь до васъ, и была сочинена божественнымъ Вольтеромъ. Я долженъ побранить васъ за это, потому что ни одно слово Вольтера не должно погибнуть, хотя бы самое незначительное слово, вышедшее изъ кующей молніи мастерской его духа. Вѣдь всѣмъ, что только будетъ сдѣлано для новой эпохи свободы и равенства, всѣмъ мы обязаны Вольтеру. Онъ—геній родоначальникъ новаго времени, и американецъ Вениаминъ Франклинъ, какъ его ученикъ и поклонникъ, никогда не перестанетъ падать ницъ при воспоминаніи объ этомъ безсмертномъ.

— Надпись немного стерлась,—отвѣтила госпожа Гельвеціусъ,—доска же казалась мнѣ не крѣпко вдѣланной надъ дверью, а потому я велѣла ее снять и нашла для этого воспоминанія болѣе подходящее мѣсто въ саду. Впрочемъ надпись эта гласила о моихъ предшественникахъ—владѣльцахъ маленькаго дома ¹⁾, а сегодня мы должны сражаться подъ нашимъ собственнымъ знаменемъ. Не такъ ли, графъ Мирабо?

— Да,—воскликнулъ Мирабо съ силой,—и на этомъ знамени прелестною рукой г-жи Гельвеціусъ будетъ вышито слово «свобода»! Но имя Вольтера будетъ всегда самымъ могущественнымъ лозунгомъ, съ которымъ соединятся между собою всѣ умы Франціи. Въ своемъ поклоненіи Вольтеру нашъ великій Франклинъ выразилъ, конечно, настоящій взглядъ на теперешнее положеніе человѣчества. Вѣчно трогательнымъ будетъ для меня разсказъ, о которомъ я безъ слезъ вспомнить не могу, какъ Франклинъ привелъ однажды своего четырехлѣтняго внука къ Вольтеру и просилъ благословить его.

— Дѣйствительно, это была минута, которую я никогда не забуду!—сказалъ Франклинъ, благоговѣнно сложивъ руки.—Съ истиннѣ святымъ выраженіемъ лица Вольтеръ возложилъ обѣ руки на головку мальчика и сказалъ сильнымъ громовымъ голосомъ, проникшимъ мнѣ до мозга костей: свобода! терпимость и честность ²⁾!

— Однако, пройдемъ въ садъ,—сказалъ Франклинъ съ выраженіемъ тихой грусти,—мнѣ бы хотѣлось увидать опять мраморную доску, производившую на меня словами Вольтера всегда такое отрадное для сердца впечатлѣніе!

— А я предлагаю, быть можетъ, и невѣжливо, отложить эту церемонію на послѣ обѣда,—сказалъ Шамфоръ съ забавною настойчивостью.—Если же мое предложеніе не можетъ сейчасъ быть принято единогласно, то я предлагаю созвать наши голодные же-

¹⁾ C'est ici le vrai Parnasse des vrais enfans d'Apollon. Sous le nom de Boileau ces lieux virent Horace; Esculape y paraît sous celui de Gendron.

(Здѣсь истинный Парнасъ истинныхъ дѣтей Аполлона. Подъ именемъ Буало мѣста эти видѣли Горация; Эскулапъ же является здѣсь подъ именемъ Жандрона).

²⁾ Souvenirs de la marquise de Créquy, V, 3.

лудки на народное собраніе и подъ открытымъ небомъ, какъ это нѣкогда дѣлали рыжіе германцы, пустить на голоса.

— Моя же убѣдительная просьба, — возразила госпожа Гельвещусъ, — созвать народное собраніе голодныхъ желудковъ не подъ открытымъ небомъ, а въ моей столовой.

Все общество безъ сопротивленія послѣдовало за любезной хозяйкой, быстро направившейся къ дому. Въ гостиной слуга подаль ей письмо. Поспѣшно распечатавъ его, она прочитала и съ выраженіемъ глубокой печали на лицѣ положила на столъ.

— Дидеро написалъ мнѣ, — сказала она, дожидаясь, причемъ слезы заблестѣли у нея въ глазахъ. — Онъ не придетъ, и кто знаетъ, увидимъ ли мы его. У меня смутное предчувствіе, что ему опять худо, и что встревоженный маркизь Гольбахъ не отпустилъ больного друга въ Отейль. Какъ прискорбно, что такой геній, какъ Дидеро, можетъ быть снятъ у человѣчества, имъ осчастливленнаго.

— Я видѣлъ вчера въ Парижѣ Дидеро, — сказалъ Лафайеттъ, — и посовѣтовалъ ему довѣрить всѣ свои болѣзни нѣмецкому доктору Месмеру, новый способъ лѣченія котораго взбудоражилъ весь Парижъ. Но онъ посмѣялся надо мной и сказалъ, что не можетъ рѣшиться вѣрить въ магнетическую силу пальцевъ, послѣ того, какъ онъ видѣлъ, какъ мало значить на свѣтѣ магнетическая сила умовъ.

— И для генерала Лафайетта, сдѣлавшагося ученикомъ Месмера, это былъ здоровый урокъ! — воскликнулъ графъ Мирабо язвительно. — Всякій настоящій человѣкъ, какъ только захочетъ, имѣетъ въ себѣ самомъ магнетическую силу. Къ чему тутъ еще нѣмецкій шарлатанъ? Дѣло въ томъ, сколько силы воли каждый можетъ вмѣстить въ себѣ, вотъ и весь магнетизмъ. Если у меня достаточно воли, то завтра я могу надъ прекраснѣйшей дѣвушкой въ мірѣ поднять руку и сказать: иди за мной! это я! И она подчинится таинственной силѣ моей воли и пойдетъ за мной, не оглядываясь и не думая ни объ отцѣ и матери, ни о всѣхъ своихъ теткахъ.

Слова эти были встрѣчены общимъ смѣхомъ.

— Если это такъ, то, конечно, Мирабо былъ всегда профессоромъ всѣхъ магнетическихъ лѣченій! — воскликнулъ Шамфоръ.

— Прошу васъ, господа, покончить теперь ваши философскіе споры! — настойчиво заявила госпожа Гельвещусъ, приглашая занять мѣсто за столомъ, гдѣ кому угодно.

III.

Генриетта Гаренъ.

Въ монастырѣ, находившемся по сосѣдству со старинной перковью Сень-Жерменъ де-Прэ въ Парижѣ, жила уже нѣсколько лѣтъ, пансіонеркой, одна молодая дѣвушка, необыкновенная красота ко-

торой, привѣтливость и изящество привлекали тѣхъ немногихъ, которымъ случалось ее видѣть.

Она была родомъ голландка и называлась Генриетта Амелія Гаренъ. Имя это принадлежало ей, какъ незаконной дочери Онно Цвира Гарена, прославившагося въ качествѣ нидерландскаго либеральнаго поэта, а также дѣятельнаго и сильнаго приверженца принца Оранскаго.

По его смерти, послѣдовавшей въ 1779 году, Генриетта, въ то время четырнадцати лѣтъ, была помѣщена въ Парижѣ въ монастырь для окончанія воспитанія и для мѣстопробыванія до тѣхъ поръ, пока жизнь очаровательнаго ребенка не опредѣлится иначе.

Такъ выросла Генриетта, обладавшая лишь маленькой, оставленной ей отцомъ рентой, въ тиши монастыря, гдѣ еще никто почти не видѣлъ ея. Теперь, весною 1784 года, ей наступилъ девятнадцатый годъ, и къ этому времени она такъ пышно развилась душою и тѣломъ, что уединеніе и замкнутость ея теперешней жизни были тѣмъ болѣе печальны.

У Генриетты не было въ Парижѣ ни друзей, ни родныхъ; никто не заботился о ней, и ея выдающіеся умственные успѣхи, равно какъ вся ея прелесть и красота никѣмъ, повидимому, не замѣчались. Монахини и подружки-пансіонерки, съ которыми ей приходилось жить, обращались съ нею безъ малѣйшаго отличія, и Генриетта свыклась уже съ своею мрачною, однообразною жизнью, причемъ, однако, ни ея умственные силы, ни веселость ея нрава не пострадали.

Единственнымъ ея развлеченіемъ былъ монастырскій садъ и устроившіяся иногда лѣтомъ маленькія прогулки въ Отейль и другія парижскія окрестности, въ обществѣ всѣхъ обитательницъ монастыря и подъ надзоромъ почтенной настоятельницы, графини де Монтессю.

Послѣдняя подобная прогулка оставила въ сердцѣ Генриетты особые воспоминанія. Въ Отейлѣ, когда она гуляла съ подругами по полю, она замѣтила обращенное на нее до странности вниманіе одного господина, который, идя ей на встрѣчу, едва увидѣлъ ее, тотчасъ же повернулъ обратно и уже неотступно слѣдовалъ за нею до тѣхъ поръ, пока она не сѣла въ экипажъ для отъѣзда. Въ эту минуту его большіе, могучіе глаза, которыми онъ все время преслѣдовалъ ее и какъ бы держалъ въ своей власти, проникли въ ея душу съ какимъ-то жгучимъ, удивительнымъ, никогда ею не испытаннымъ впечатлѣніемъ.

Генриетта была слишкомъ замѣтно предметомъ этого назойливаго вниманія, чтобы не подвергнуться, по поводу его, насмѣшкамъ ревнивыхъ подругъ и строгому нравоученію настоятельницы.

На другой день незнакомецъ неожиданно появился у заднихъ монастырскихъ воротъ и, по самой невѣроятной случайности, она

тоже пришла къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ, подсматривая и прислушиваясь. Страшно испуганная его привѣтствіемъ, Генриетта, дрожа всѣмъ тѣломъ, скрылась въ темныхъ аллеяхъ сада. Но въ своей одинокой кельѣ она всю ночь напролетъ была занята этимъ явленіемъ, котораго не въ силахъ была отогнать отъ своихъ мыслей, хотя высокая, геройская фигура незнакомца производила на нее скорѣе отталкивающее, устрашающее впечатлѣніе и наполняла ея сердце какимъ-то беспредѣльнымъ трепетомъ.

Это состояніе тревоги и страха еще болѣе усилилось послѣ того, какъ вчера поздно вечеромъ, когда она была еще въ саду, она вдругъ увидала за липами, у своей любимой скамейки, вышедшаго къ ней незнакомца. Неотразимымъ движеніемъ, уклониться отъ котораго она не смогла, онъ приблизился и рѣшился заговорить съ нею, и она была не въ силахъ не слушать его. Она никогда не думала, что можетъ человѣкъ такъ говорить. Онъ говорилъ, а ей видѣлось надъ его головой пламя, наполнявшее свѣтомъ весь потемнѣвшій уже садъ. Но тутъ же почувяла она страшную опасность быть съ нимъ вдвоемъ, когда всѣ ея подруги уже вернулись домой. Найдя въ себѣ силу вырвать свою руку изъ его рукъ и попрощавшись съ нимъ отрывистыми, едва понятными полусловами, направилась она къ монастырю и скрылась прежде, чѣмъ смѣло послѣдовавшій за нею незнакомецъ могъ нагнать ее.

Сегодня, въ то же самое время, Генриетта сидѣла въ своей маленькой комнатѣ, то предаваясь своимъ мечтамъ, то вновь страшась чего-то. Опустивъ на руку свою прелестную бѣлокурую головку, она серьезно и усердно думала объ всемъ, что съ нею произошло въ послѣднее время, и съ свойственной ей правдивостью сознавала, что есть кое въ чемъ упрекнуть ей и себя. Образъ загадочнаго незнакомца вновь предсталъ ея воображенію, и она стала вызывать, какъ бы въ помощь себѣ, всѣ непріятныя ощущенія, возбужденныя въ ней первымъ его появленіемъ. Она сознавала, что это были впечатлѣнія ужаса, и теперь, припоминая эту сильную, властную фигуру, такъ удивительно ей встрѣтившуюся, казалось ей, что всего скорѣе это былъ злой демонъ, подступившій къ ней съ мрачными, пагубными обольщеніями. Лицо его, какимъ она видѣла его въ послѣдній разъ, осталось въ ея воспоминаніи съ чертами отталкивающими, суровыми и дикими. Однако, тутъ же говорила она себѣ, что вчера, въ пылу его рѣчи, когда онъ такъ плѣнительно передавалъ, почему пришелъ сюда, лицо его засіяло лучезарною красотой, и въ ту минуту она сравнила бы его не съ демономъ, а съ божествомъ.

Но Генриетта рѣшила на будущее время стараться возненавидѣть самое воспоминаніе о немъ и изгнать его изъ своихъ мыслей. Прежде всего рѣшилась она не ходить нѣкоторое время въ садъ и отговориться нездоровьемъ, чтобы можно было не выходить въ те-

ченіе нѣсколькихъ недѣль изъ своей комнаты. Доброе дитя было такъ искренно и твердо въ своихъ намѣреніяхъ, что, въ подкрѣпленіе ихъ, опустилось на колѣни передъ висѣвшимъ надъ кроватью образомъ Мадонны и прошептало передъ нимъ усердную молитву своими чистыми устами.

Въ эту минуту кто-то тихо постучалъ къ ней въ дверь, и Генріетта, громко вскрикнувъ отъ ужаса, вскочила съ колѣней, но опять вздохнула свободно, когда дверь открылась и, вмѣсто незнакомаго, смутно ожидаемаго разстроеннымъ воображеніемъ пансіонерки, въ комнату Генріетты вошла одна изъ монахинь. Это была благочестивая сестра Анжелика, старая монахиня, относившаяся съ нѣкоторыхъ поръ къ Генріеттѣ съ особеннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ язвительнымъ и какъ бы подстерегающимъ вниманіемъ, такъ что Генріетта принимала заботы своей пріятельницы съ нѣкоторымъ страхомъ.

Подойдя маленькими шажками и ласково поцѣловавъ Генріетту въ лобъ, сестра Анжелика заглянула при этомъ такимъ пронизывающимъ и испытующимъ взглядомъ ей въ глаза, что Генріетта невольно задрожала, какъ бы испуганная предчувствіемъ дурного извѣстія.

— Я искала тебя въ саду, сестра Генріетта,—начала монахиня,—и надѣялась найти тебя тѣмъ болѣе, что вчера въ этомъ же часу ты была тамъ на скамейкѣ подъ липами и, кажется, очень пріятно провела время. Что значитъ, мое невинное дитя, что ты сегодня не пошла туда?

— Что это значитъ?—торопливо и дрожащимъ голосомъ спросила Генріетта, при чемъ ея замѣшательство и тревога дѣлали излишними всякія объясненія.

— Ну, я не буду тебя мучить; ты—милая добрая дѣвочка, но ты находишься въ ужасной опасности!—проговорила сестра строго и торжественно.

Съ этими словами она взяла Генріетту за руку и посадила рядомъ съ собой на диванъ безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны испуганной, едва переводящей духъ отъ удивленія и страха молодой дѣвушки.

— Въ саду подъ липами сегодня вечеромъ, какъ и вчера, прекрасно, лины такъ же чудно пахнутъ, а возлюбленная заставила тамъ своего рыцаря ждать и ждать напрасно,—прошептала Анжелика таинственнымъ голосомъ.

— Ты все знаешь,—возразила Генріетта, разразившись слезами,—такъ знай же, какъ я мало виновна въ этой встрѣчѣ съ незнакомцемъ, преслѣдованія котораго я ненавижу и видѣться съ которымъ никогда больше не буду. Я дала обѣтъ не выходить изъ этой комнаты, пока не исчезнетъ всякій слѣдъ этого ненавистнаго для меня человѣка!

— Да благословить Пресвятая Дѣва объѣтъ твой, дочь моя!— отвѣтила монахиня и, сложивъ руки, наклонилась передъ ликомъ Мадонны и прошептала молитву. Затѣмъ, съ улыбкой, полной коварства, продолжала:— а я себѣ общала похристіански и добросовѣстно поддерживать тебя въ твоихъ испытаніяхъ. Вотъ почему я была близъ тебя вчера, когда искушитель подошелъ къ тебѣ; проведя, затѣмъ, въ своей кельѣ всю ночь въ молитвѣ за тебя, я была сегодня въ то же самое время на томъ же мѣстѣ, для дальнѣйшаго наблюденія дѣла сатаны надъ тобою. Но прославленный обольститель не нашелъ сегодня своей жертвы на мѣстѣ, а я насладилась лицезрѣніемъ того, передъ которымъ дрожатъ всѣ женщины Франціи и для котораго ничто не свято: ни семья, ни домъ, ни монастырь, ни храмъ Божій!

— О комъ говоришь ты, сестра Анжелика, скажи, Бога ради?— спросила Генріетта, схвативъ руки монахини и боязливо прижимаясь къ ней.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ не знала его имени?—спросила Анжелика, значительно усмѣхаясь.— Ты не знала, что человекъ, преслѣдующій тебя и уже простершій на тебя свою гибельную руку, что этотъ всеобщій обольститель, добравшійся и до тебя, никто другой, какъ графъ Мирабо?

— Нѣтъ, клянусь, я этого не знала, не подозрѣвала даже!— воскликнула Генріетта въ ужасѣ и вся вспыхнувъ. Затѣмъ, опустивъ голову на грудь, она предалась своимъ мыслямъ, совѣмъ забывъ, какъ будто, о присутствіи благочестивой сестры Анжелики.

— Да, графъ Мирабо,—повторила сестра, дѣлая при этомъ крестное знаменіе полуторжественно и полутревожно.— Я тотчасъ его узнала, когда онъ повстрѣчался съ нами въ Отейлѣ, а вчера вечеромъ, при лунѣ, освѣтившей лицо его, я въ этомъ вполнѣ убѣдилась. Бѣдное дитя, это и есть графъ Габріель Рикетти де Мирабо, взоры котораго были самимъ дьяволомъ обращены на тебя и который задумалъ погубить тебя своимъ адскимъ коварствомъ. Власть его велика, и я боюсь, что ты съ своими слабыми силами не сможешь противостоятъ ему!

— Не беспокойся обо мнѣ, сестра!—возразила Генріетта, очнувшись отъ своей мечтательности. Выраженіе ея лица вдругъ измѣнилось; ясная, осмысленная улыбка оживила его.

— А какъ же ты узнала, что это графъ Мирабо?—прибавила она тихо.

— О,—возразила старая монахиня,—развѣ я его не видѣла въ монастырѣ св. Клары, въ Гинѣ, гдѣ онъ два раза пытался увести изъ нашего монастыря прелестную Софи де-Монье! Ты вѣдь знаешь, что я была въ Гинѣ, прежде чѣмъ сюда пріѣхала. Несогласія съ настоятельницей, пожелавшей моего ухода изъ этого монастыря, заставили меня уйти. Тамъ я занимала келью рядомъ съ кельей

Софи и могу похвалиться, что была довѣрительницей ея страданій и ея тайнъ. О, я могла день и ночь читать въ этой измученной душѣ, что значитъ быть обольщаемой графомъ Мирабо!

Этотъ разсказъ возбудилъ живѣйшее вниманіе Генриетты.—Какъ,—воскликнула она съ горящими глазами,—ты была подругой той несчастной Софи, жизнь и страданія которой знаетъ вся Франція? Было ли хоть одно, не лишенное чувства, сердце, въ которомъ бы имена Софи и Мирабо не сплетались въ чудную поэму нѣжности и страданій отъ любви! О, разскажи мнѣ все, что ты знаешь о нихъ; моя душа жаждетъ услышать эту повѣсть; ничто никогда не интересовало меня такъ, какъ судьба Софи и Мирабо!

— Это опасное любопытство, дитя мое,—замѣтила Анжелика строго.—Настоящее дѣло дьявола прежде всего и узнается потому, что оно представляется такимъ привлекательнымъ. Мы, монахини монастыря св. Клары въ Гинѣ, были въ вѣчномъ страхѣ, что графъ Мирабо нападетъ на насъ! Мы боялись, что онъ обольститъ насъ, увезетъ и предастъ участи, одинаковой со столь тяжело испытанной Софи.

Генриетта, не умѣвшая иногда сдержать свою веселость даже въ самыя серіозныя минуты, вдругъ громко расхохоталась. — Но онъ ни разу не приходилъ совращать ваши почтенныя головы и увозить васъ?—спросила она, поддразнивая.

— Нѣтъ, приходилъ, приходилъ! — отвѣтила Анжелика съ поспѣшностью.—Графъ Мирабо приходилъ два раза смущать покой святыхъ кларессинокъ и разбойническою рукой нарушать наши благочестивые правила и порядки. Онъ приходилъ съ намѣреніемъ вновь смутить покой Софи, съ такимъ трудомъ обрѣтенный ею, вновь покорить ея сердце и заставить бѣжать съ нимъ бѣдное существо, все еще находившееся подъ вліяніемъ его чаръ. Эти искушенія лукаваго не могли не потрясти самымъ сильнымъ образомъ меня, стоявшую всѣхъ ближе къ Софи; съ тѣхъ поръ и начались мои страданія грудью, которыя скоро сведутъ меня въ могилу.

— Какъ же относилась Софи къ этимъ стараніямъ своего возлюбленнаго, она, красота, мужество и духъ мученичества которой такъ прославляются всѣми?—спросила Генриетта съ мечтательнымъ блескомъ своихъ чудныхъ глазъ.

— Я тебѣ все разскажу, какъ это было, дитя мое! — возразила монахиня.—Ты знаешь, что Софи Монье взяла большой грѣхъ на душу, давъ себя соблазнить графомъ Мирабо и увести отъ мужа. Конечно, клянусь своимъ святымъ патрономъ, грѣхъ былъ великъ, но, ахъ, Софи было всего девятнадцать лѣтъ, а старому маркизу Монье, обвинчанному съ нею насильно, волею ея матери, было уже почти восемьдесятъ. Это могло только вызвать со всею силою искушенія плоти; и вотъ дьяволъ послалъ для этого одного изъ своихъ самыхъ блестящихъ любимцевъ въ образѣ графа Мирабо, привезеннаго для заключенія въ замокъ Иу близъ Понтарлье.

— Это каждому ребенку во Франціи извѣстно, моя добрая сестра Анжелика, — воскликнула Генриетта, нетерпѣливо ее перебивая. — Кто себѣ не рассказывалъ изъ этой чудной сказки, какъ Софи и Мирабо встрѣтились и полюбили другъ друга, какъ графъ Мирабо, силою закона подвергнутый насилію своего деспота-отца, въ ней нашель своего ангела, который долженъ былъ вознаградить его за долгое и суровое страданіе въ темницѣ? Онъ похитилъ ее, освободивъ ее и себя отъ презрѣнныхъ оковъ, и жилъ съ своей подругой въ Амстердамѣ, въ сладкой идилліи, пока высланные вслѣдъ за ними сыщики не настигли ихъ тамъ и не привезли Мирабо въ Венсеннскій замокъ, а несчастную Софи, по настоянію жаждавшаго мести маркиза Монье, въ монастырь въ Гинѣ!

— Какъ ты все хорошо помнишь, бѣдная дочь моя! — вздохнула Анжелика. — А это опасно, очень опасно знать все это, вѣрь мнѣ! Но, конечно, графъ Мирабо достаточно постарался надъ разглашеніемъ всѣхъ этихъ исторій передъ цѣлымъ міромъ путемъ всевозможныхъ мемуаровъ и сочиненій, изданныхъ имъ о своихъ похиженіяхъ, искусствѣ обольщать и о своемъ коварствѣ!

— Извини, мнѣ кажется, ты обижаешь его! — поспѣшно и горячо возразила Генриетта. — Онъ выпустилъ въ свѣтъ свои мемуары лишь послѣ того, какъ освобожденный изъ Венсеннскаго замка, благодаря смягчившемуся наконецъ гнѣву отца, онъ вновь явился самъ, какъ плѣнникъ, въ Понтарлье, желая, чтобы его процессъ и произнесенный надъ нимъ приговоръ были пересмотрѣны судомъ. Тогда-то онъ выпустилъ свою защиту въ свѣтъ, которую нашъ докторъ недавно давалъ мнѣ прочесть и которая такъ чудно написана, точно это мелодіи, вылившіяся изъ-подъ руки великаго артиста. И развѣ судьи, прежде осудившіе его, не были вынуждены сами признать изъ этой защиты, что смертный приговоръ, произнесенный надъ нимъ за похищеніе Софи, былъ несправедливъ и долженъ быть отмѣненъ? И не было ли при этомъ единственною цѣлью Мирабо повліять своими защитительными воззваніями на освобожденіе Софи и убѣдить въ ея невинности всѣхъ ея обвинителей?

— Нѣтъ, нѣтъ, — съ горячностью возразила сестра Анжелика, — это только казалось его цѣлью, а на самомъ дѣлѣ, когда онъ старался представить свои отношенія къ Софи невинными, ему было важно лишь свое собственное освобожденіе, котораго онъ добивался въ надеждѣ побудить этимъ вновь къ сожителству съ нимъ свою жену, Эмилию де-Мариньянтъ, покинувшую его за его ужасное поведеніе. Онъ хотѣлъ снова завладѣть этой женщиной, или, вѣрнѣе, ея состояніемъ, чтобы съ его помощью открыть себѣ новое поприще въ жизни. Но эти расчеты не оправдались. Процессъ въ Понтарлье хотя и былъ прекращенъ, однако никакой отсюда выгоды для графа Мирабо не вышло. Да, въ прошломъ году, по суду и закону, жена его получила разводъ.

— Это правда,—замѣтила Генриетта тихо и краснѣя,—я забыла, что графъ Мирабо былъ женатъ и оспаривалъ состояніе своей жены... Но вѣдь это значитъ,—прибавила она черезъ минуту,—что онъ опять отвернулся отъ Софи, и что отношенія между ними, казавшіяся заключенными на вѣки, были опять разорваны. Впрочемъ, ты хотѣла мнѣ рассказать про Софи и про посѣщенія графа Мирабо въ вашемъ монастырѣ?

— Да, этихъ ужасныхъ посѣщеній я никогда не забуду!—вздыхнула монахиня, бросивъ набожный взглядъ на ликъ Мадонны, въ надеждѣ найти въ немъ утѣшеніе и поддержку.

— Во время своего обоюднаго заключенія, Мирабо и Софи писали другъ другу самыя великолѣпныя письма. Пользуясь безусловно довѣренностью Софи, я читала нѣкоторыя изъ нихъ, и я же пересылала ея письма венсенскому узнику. Но вдругъ графъ Мирабо получаетъ свободу, и столь когда-то сердечная и страстная, а въ послѣднее время будто разстроивавшаяся переписка принимаетъ сразу совершенно иной характеръ. Графъ Мирабо сталъ ей писать жестокія письма, полныя раздраженія и ревности, и госпожа Малеруа—имя, принятое Софи въ монастырѣ изъ ненависти къ имени своего мужа,—съ неменьшей горечью стала отвѣчать на нихъ. Мирабо упрекалъ ее въ измѣнѣ, приписывая ей недозволенную связь то съ ея духовникомъ, то съ другими лицами, которыхъ она принимала въ своей кельѣ. Правда, что самыя выдающіеся люди въ Гинѣ, привлеченные ея любезностью и кротостью, ежедневно навѣщали ее, выражая ей всячески свое вниманіе и поклоненіе, но не было никого, ручаюсь въ этомъ, кто бы оправдывалъ обвиненія, взводимыя на Софи графомъ Мирабо. Она говорила, что Мирабо только разыгрываетъ роль ревниваго, чтобы имѣть поводъ къ разрыву съ нею. Общимъ другомъ обоихъ былъ нашъ монастырскій докторъ, Изабо, желавшій примирить Мирабо и Софи. Онъ старался устроить свиданіе между ними, на что Софи рѣшилась, несмотря на мои самыя убѣдительныя возраженія. Но докторъ Изабо поставилъ на своемъ, самъ поѣхалъ къ графу Мирабо въ Ножанъ-сюръ-Верниссонъ, снабдилъ его платьемъ и корзиной съ товаромъ мелкаго торговца и въ такомъ видѣ ввелъ его въ келью Софи. Она заставила меня, свою единственную повѣренную, присутствовать при ихъ разговорѣ, чтобы не получить впослѣдствіи упрека въ какомъ либо неприличіи въ стѣнахъ монастыря. Тотчасъ же, вслѣдъ за короткимъ привѣтствіемъ, начались самыя бурныя объясненія между возлюбленными. Мирабо съ невѣроятною силою взводилъ на нее обвиненіе, котораго, однако, ничѣмъ доказать не могъ. Сперва Софи защищалась съ небесною кротостью; затѣмъ, отвѣчая все болѣе и болѣе энергично, стала упрекать его въ томъ же самомъ, при чемъ въ ея обвиненіяхъ не было недостатка въ непровержимыхъ доказательствахъ. А именно, въ то самое время, когда изъ

Венсенскаго замка Мирабо писалъ такія пламенные письма своей Софи, онъ поддерживалъ сношенія съ двумя другими женщинами, которымъ тоже сумѣлъ вскружить головы. Одною изъ нихъ была жена губернатора въ Венсеннѣ, другою же одна изъ принцессъ Франціи, назвать которую я не смѣю.

Вскорѣ эта принцесса, столь страстно имъ заинтересованная, сумѣла облегчать его участь. Своимъ вліяніемъ она устроила то, что онъ могъ хоть изрѣдка выходить изъ замка и ѣздить въ Парижъ, а въ скоромъ времени и полное освобожденіе графа Мирабо было приписано, главнымъ образомъ, ея заступничеству. Вотъ это все было ему высказано теперь Софи съ безопадною откровенностью. Мирабо былъ въ ярости, голосъ его, подобный львиному рычанію, привелъ въ ужасъ весь монастырь. Монахини по своимъ кельямъ, колѣнопреклоненныя, молились, думая, что это самъ искушитель ворвался въ овчарню. Никто не отваживался идти противъ него. Такъ, наконецъ, и разстались они, взаимно ожесточенные и не возстановивъ между собою сердечнаго согласія¹⁾.

— О, какъ это все печально! — воскликнула Генріетта, тяжело вздыхая. — А съ тѣхъ поръ Мирабо и Софи развѣ не встрѣчались мирно? — прибавила она тихо дрожащимъ отъ ожиданія голосомъ.

— Тогда въ монастырѣ мы ежедневно трепетали, боясь, что онъ вернется! — отвѣтила сестра Анжелика. — Но прошло нѣсколько времени, прежде чѣмъ добрая маркиза получила кое-какія свѣдѣнія о Мирабо. Ревность его, повидимому, утихла, и онъ предлагалъ Софи помириться и дать себя увезти; она же была такъ слаба и полна любви, что согласилась на задуманное имъ. Видя, что я, ради ея же вѣчнаго спасенія, встаю противъ этого, она стала чуждаться меня съ упорнымъ молчаніемъ. Но я удвоила свою бдительность, чтобы спасти ее, и, подслушавъ, узнала скоро все, о чемъ они условились между собою. Мирабо сумѣлъ добыть оттискъ нашего монастырскаго ключа и прислалъ Софи ключъ, которымъ она должна была ночью открыть себѣ ворота. День и часъ бѣгства были назначены. Мирабо стоялъ за монастырской стѣной, ожидая свою прекрасную бѣглянку. Но я, подкрѣпивъ себя къ тому молитвой, выдала все нашей настоятельницѣ. Въ ту самую минуту, когда Софи собиралась открыть ворота, она была удержана рукой абэссы. Графъ Мирабо едва успѣлъ убѣжать отъ высланныхъ противъ него монастырскихъ слугъ. Я же въ тиши вкушала торжество праведницы, спасшей Софи отъ гибельнаго для нея возобновленія связи съ Мирабо²⁾.

— А съ тѣхъ поръ графъ Мирабо не пробовалъ больше овладѣть своею Софи? — спросила Генріетта, погружаясь въ мечтательную задумчивость.

¹⁾ Montigny: Mémoires de Mirabeau, III, 288.

²⁾ Cadet de Gassicourt. Essai sur la vie de Mirabeau.

— Мирабо и Софи разлучены навсегда, — возразила монахиня торжественно. — Даже послѣ того, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Софи возвращена полная свобода, графъ Мирабо, говорятъ, не приближался къ ней и вовсе о ней не думалъ.

— Какъ, маркиза де-Монье выпущена теперь изъ монастыря? — спросила Генриетта съ тревогой.

— Смерть ея мужа, маркиза де-Монье, освободила ее наконецъ, — сказала сестра Анжелика. — По условію, уладившему процессъ Мирабо въ Понтарлье, она должна была подписать обязательство, что не покинетъ монастыря, въ которомъ находится, ранѣе смерти своего мужа. Когда же онъ умеръ, Софи наняла домикъ въ Гинѣ, рядомъ съ монастыремъ, служившимъ ей такъ долго убѣжищемъ и утѣшеніемъ и даже соединеннымъ съ ея жилищемъ особымъ ходомъ. Столь она тоже имѣла у благочестивыхъ кларессинокъ, не желая разставаться съ ними и возвращаться въ свою семью, отъ которой видѣла столько недоброжелательства. Такъ-то эта бѣдная страдалница обрѣла на привѣтливыхъ берегахъ Луары свою родину и миръ, и да благословить ее Господь, хотя послѣ того случая она и стала моимъ врагомъ.

Сказавъ это, Анжелика начала шептать тихую молитву, и Генриетта, повинуваясь ея строгому взгляду, благоговѣнно послѣдовала ея примѣру.

— Въ эту минуту я молилась за тебя, чтобы небо охранило и защитило тебя отъ графа Мирабо! — сказала Анжелика, вставая. — Къ тебѣ подкрался самый опасный безбожникъ, и я сочла своею обязанностью оберегать тебя и быть твоею помощью.

— Благодарю тебя, — возразила Генриетта, при чемъ щеки ея опять зардѣлись яркимъ румянцемъ. — Твое намѣреніе прекрасно, и я постараюсь заслужить его, хотя, быть можетъ, опасность и не такъ велика, какъ ты думаешь.

— Ты полагаешь такъ потому, что графъ Мирабо безобразенъ? — съ горячностью возразила старая монахиня. — Это уже есть начало грѣха съ нимъ, если кто считаетъ себя отъ него въ безопасности. Дѣйствительно, въ первую минуту его обезображенное оспою и дикое лицо дѣлаетъ впечатлѣніе ужаса, и ноги подкапиваются при видѣ этой широкоплечей, могучей фигуры. Но этотъ внушаемый имъ ужасъ и есть настоящее чарующее средство, данное ему сатаной надъ міромъ, чтобы онъ могъ губить неминуемо всѣхъ, кого захочетъ. Я сама, увидавъ его нѣсколько разъ, начала было испытывать, какъ этотъ ужасъ мало-по-малу, въ глубинѣ сердца, превращается во что-то совершенно противоположное и свѣтлое. А теперь спокойной ночи, сестра Генриетта! Уже поздно.

Съ этими словами она поспѣшно удалилась, оставивъ Генриетту въ маленькой кельѣ въ самомъ возбужденномъ состояніи.

IV.

Мирабо и Генриетта.

Генриетта, одна въ своей комнатѣ, сидѣла неподвижно все на томъ же мѣстѣ, а воображеніе уносило ее вслѣдъ за разказами сестры Анжелики. Наступила ночь; глубокая тишина окружала забывшееся въ своихъ мысляхъ дитя; лишь изъ монастырскаго сада, куда выходило ея окно, деревья навѣвали ей страшныя мелодіи. Внезапно очнувшись отъ своихъ мечтаній, она стала прислушиваться и бояться, сама не зная чего. Какой-то страшный шопоть и движеніе доносились, казалось ей, сквозь живую изгородь сада.

Вскочивъ съ мѣста и поспѣшно направляясь къ открытому окну, Генриетта плотно закрыла его, зажгла свѣчу и стала боязливо оглядывать всѣ углы комнаты. Тутъ она поняла, что ея испугъ—игра воображенія, и что тамъ, внизу, только усилившійся ночной вѣтеръ шелеститъ по аллеямъ сада. Улыбаясь своему ребячеству, она сѣла и принялась за чтеніе недавно начатой книги. Но ей не удавалось сосредоточить своего вниманія. Отбросивъ книгу, она снова, прислушиваясь, подошла къ окну. Теперь уже ея тонкій слухъ ясно улавливалъ какой-то шопоть въ саду.

Въ ту же минуту она услышала тихій шорохъ у двери и вздрогнула, слегка вскрикнувъ отъ ужаса. Первымъ ея движеніемъ было защелкнуть дверь, но какое-то смутно просвѣчивающееся въ душѣ ея чувство удержало ее отъ этого.

Дверь растворилась, и въ неосвященномъ концѣ комнаты появился человѣкъ, котораго Генриетта, едва владѣющая собой и едва стоя на ногахъ, тотчасъ узнала.

— Это онъ! графъ Мирабо!—тихо прошептала она, отстраняясь рукой, какъ бы для защиты.

— Вы знаете мое имя, Генриетта!—воскликнулъ онъ торжествующимъ голосомъ и быстрымъ, неудержимымъ порывомъ приблизился къ ней и схватилъ ея руки.

Генриетта, какъ уничтоженная, лишенная воли, не сопротивлялась, а онъ прижималъ ея руки къ своей груди и губамъ. Сознаніе, что она выдала себя, произнеся его имя вырвавшимся у нея крикомъ ужаса, доводило ея замѣшательство до крайности. Ей казалось, что она потеряла въ своемъ сердцѣ всю силу сопротивленія ему.

— Генриетта,—вновь началъ графъ Мирабо, со страстью глядя на нее,—я счастливѣйшій изъ людей, потому что вижу, что тѣмъ временемъ вы думали обо мнѣ. Я не хочу развѣдывать, кто вамъ выдалъ имя Мирабо. Да и какое значеніе можетъ имѣть имя, прославившееся до сихъ поръ лишь своими страданіями и преслѣдо-

ваніями! Но оно можетъ подняться и возсіяетъ во всемъ блескѣ новой жизни, которая начнется для Мирабо, если ты захочешь этого, Генріетта! Тебѣ, конечно, сказали то, что вся Франція знаетъ, какъ мучили, пытали и травили до сихъ поръ графа Мирабо. И вдругъ теперь участь моя въ твоей рукѣ, Генріетта! Ты усмиришь бушующую бурю моей жизни и твоими милосердными устами произнесешь надъ нею вѣчный миръ любви!

Генріетта молчала, опустивъ голову на грудь, и слушала его, неподвижная, какъ изваяніе. Она какъ будто боялась, что малѣйшимъ движеніемъ ускоритъ рѣшеніе той силы, которой чувствовала себя подчиненной. Но если, въ страхѣ, она могла оставаться неподвижною, то не могла удержать быстрого и сильного біенія пульса въ дрожащихъ рукахъ, которыя онъ крѣпко держалъ въ своихъ, а это біеніе краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорило ему о ея душевномъ состояніи.

— Повтори мнѣ еще разъ то слово, которымъ ты меня привѣтствовала, Генріетта!—воскликнулъ Мирабо, привлекая ее ближе къ себѣ. Скажи еще разъ: это онъ! и я прочту въ этомъ блаженное для меня признаніе, что ты всѣмъ сердцемъ отдаешься мнѣ и хочешь слѣдовать за мной, чтобы никогда меня не покидать, а оставаться навсегда въ любви и вѣрности, и слѣдовать за мной сегодня же, сейчасъ!

Генріетта слегка покачала головой, не освобождая своихъ рукъ и не произнося ни слова. Только безсознательная, полная предчувствій улыбка скользнула по ея лицу съ выраженіемъ скорѣе зарождающагося счастья, нежели сильной борьбы.

— Ты не хочешь мнѣ отвѣчать,—началъ опять Мирабо самыми ласковыми звуками своего глубокаго, чуднаго голоса,—но вѣдь сердце твое открыто передо мною; и если уста твои отказываются еще разъ сказать мнѣ: это онъ! то сердце твое, когда къ нему я обращусь, молча подтвердитъ мнѣ это. Да, онъ это, онъ, который, разъ увидя тебя, не могъ уже больше не думать о тебѣ и осмѣлился ворваться къ тебѣ за эти монастырскія стѣны, чтобы звать, требовать тебя! Это онъ, тотъ, что, одушевленный твоею молодостью и красотой, постучался къ тебѣ, чтобы возвратить тебя цвѣтущей, свѣтлой жизни, которой ты принадлежишь всею твоею прелестью, всѣмъ твоимъ очарованіемъ. Онъ это, желающій вынести тебя на своихъ сильныхъ и вѣрныхъ рукахъ изъ этой монастырской тюрьмы и открыть тебѣ двери жизни! Иди же скорѣй, слѣдуй за твоимъ другомъ, который любитъ тебя. Все уже готово, и твои тюремщики, купленные мною, не задержатъ насъ, будто и не видя нашего бѣгства.

Генріетта молча и испытующе заглянула ему въ лицо, желая прочесть на немъ серіозность и вѣрность его намѣреній. И увидала она свѣтъ правды и любви, подтвердившій ей все, чего она

втайнѣ желала, и чему могла довѣриться, казалось ей, какъ незыблемой скалѣ. Дикое выраженіе его лица, приводившее ее въ трепетъ, смѣнилось выраженіемъ самой сердечной нѣжности и кротости, и если онъ представлялся ей еще подобіемъ льва, обладающаго безграничною силою, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, она сознавала всѣмъ существомъ своимъ, что этотъ левъ готовъ преклониться передъ ея взглядомъ и словомъ и отдать себя въ ея руки.

Мирабо опять посмотрѣлъ ей пристально въ глаза и сказалъ: такъ иди же, Генриетта, настала пора покинуть это мѣсто. Иди! тамъ твоя свобода, воздухъ, будущность и счастье! На меня смотри только, какъ на своего слугу, который будетъ вѣрно сопутствовать тебѣ, чтобы добыть счастье твоей юной жизни, безирравно похищенное и сокрытое отъ тебя. Пройдетъ нѣсколько часовъ, и ночь, насъ окружающая, сойдетъ съ своихъ черныхъ коней, чтобы преклониться передъ восходящей утренней зарей. И при первомъ солнечномъ лучѣ, который завтра освѣтитъ тебя, ты увидишь себя въ розовомъ блескѣ свободы, никогда еще тобою не виданномъ; ты будешь иначе дышать, мыслить и чувствовать, чѣмъ до сихъ поръ, и должна будешь признать за Мирабо, что онъ отвоевалъ тебѣ, обиженной и одинокой дѣвушкѣ, право твоего существованія и спасъ драгоценное сокровище—юность твою!

Генриетта все еще медлила рѣшеніемъ, или вѣрнѣе не смѣла высказать рѣшенія, едва сознаваемаго ею самой.

— Прежде всего, возьми шаль и мантилью и хорошенько укутайся, ночь холодна,—сказалъ Мирабо, почти повелительно указывая ей взглядомъ своимъ, сопротивляться которому она была не въ силахъ, на то, что ей нужно дѣлать.

Генриетта машинально слѣдовала за этими взглядами, указывавшими на стѣнной шкафъ. Прямо, едва шевеля своей красивой стройной фигурой, она, какъ лунатикъ, повинувась тайно дѣйствующей въ ней волѣ, направилась къ стѣнѣ.

Взявъ шаль и мантилью изъ шкафа, она держала ихъ еще съ минутою въ нерѣшительности, какъ бы стараясь что-то вспомнить. Но Мирабо, быстро подойдя къ ней, окуталъ ее теплою шалью, крѣпко обнявъ при этомъ дорогое созданіе.

Генриетта стояла неподвижно. Глаза ея были какъ будто глубоко внутрь себя замкнуты. Длинные рѣсницы совсѣмъ опустились на нихъ и скрыли ея взоры.

— А теперь возьми шляпу и вуаль, мое дорогое дитя, и покрой твои чудные свѣтлые кудри, потому что на дворѣ сильный ночной вѣтеръ!—продолжалъ Мирабо своимъ перазительно властнымъ голосомъ.

И этому его приказанію Генриетта повиновалась тотчасъ же; быстрымъ движеніемъ руки закрывъ лицо вуалью, стояла она, вся укутанная, какъ бы въ ожиданіи его дальнѣйшихъ приказаній.

Мирабо смотрѣлъ на нее со страстнымъ восторгомъ, а она и подъ вуалью чувствовала, какъ онъ пожиралъ ее огнемъ своихъ пылающихъ глазъ, и, точно увлекаемая какимъ-то электрическимъ лучомъ, стала всматриваться внутрь себя самой.

— Не забудь еще, Генриетта,—началь опять Мирабо,—взять съ собой все, чѣмъ ты еще дорожишь здѣсь изъ твоего маленькаго имущества.

При этихъ словахъ Генриетта громко вздохнула, и теперь внезапная торопливость овладѣла всѣми ея до сихъ поръ будто окованными членами. Она быстро подошла къ шкафу, украшенному старинною рѣзьбой, озабоченно и поспѣшно стала въ немъ выдвигать ящики, сдвинъ за другимъ, усердно роясь въ нихъ. Прежде всего взяла оттуда золотой, унизанный жемчугомъ медальонъ съ портретомъ своего знаменитаго отца. Благоговѣнно поцѣловавъ его, она, съ сияющимъ радостью лицомъ, спрятала его на груди. Съ этой минуты она казалась себѣ болѣе обезпеченной и обнадеженной.

Поблѣднѣвшія щеки вновь оживились румянцемъ, и въ первый разъ она взглянула своими лучистыми глазами на Мирабо. Какъ очарованная смотрѣла на него, будто пробуждаясь отъ сна, и, слегка кивая головой, выражала свое счастье, свое блаженство, что пробужденіе не разрушило сна, а чудомъ превратило его въ истину здѣсь, передъ ея очами.

Но вотъ она опять, легкой поступью газели, направилась къ рѣзному шкафу, взяла оттуда маленькую шкатулку и быстро, почти радостно подойдя къ Мирабо, смотрѣвшему на нее съ восторгомъ, подала ее въ руки ему, взглядомъ давъ понять при этомъ, что она поручаетъ ему сохранность содержимаго. Во всемъ этомъ было что-то столь трогательное и покорное, что графъ Мирабо упалъ къ ея ногамъ и съ бурными ласками сталъ покрывать поцѣлуями ея руки и платье.

Однако, кромѣ невольно вырвавшагося у нея при его входѣ въ комнату восклицанія, Генриетта не проговорила къ нему еще ни одного слова. Между тѣмъ ей казалось, будто долгіе переговоры велись о цѣлой ея жизни, и при этомъ все, что въ душѣ ея жило и тѣснилось, было высказано такъ полно, что ей болѣе нечего прибавлять; она можетъ только молча блаженствовать въ его присутствіи.

Но Мирабо хотѣлъ услышать изъ ея устъ слова, о которыхъ уже раньше умолялъ ее. Обнявъ ее и касаясь ея щеки, онъ тихо спросилъ:

— Готова ли ты слѣдовать за мною, довѣришься ли мнѣ такъ, чтобы одинъ изъ насъ жилъ въ другомъ, и чтобы, живя однимъ дыханіемъ жизни, мы никогда не разлучались, а вѣчно принадлежали другъ другу?

Генриетта молчала, а въ глазахъ ея заблестѣли слезы.

— Я ли это, который пришел первым за сокровищемъ твоей любви?—спрашивалъ далѣ Мирабо съ нѣжною настойчивостью.— Мирабо ли тотъ, кому ты обручилась въ своемъ сердцѣ и съ кѣмъ ты связала себя? Онъ ли тотъ, съ кѣмъ ты охотно пройдеши весь мѣръ, и можетъ ли онъ быть увѣренъ въ твоёмъ прощеніи, твоей любви и милосердіи?

— Онъ это!—прошптала Генриетта едва слышно и опять, будто испуганная, отвернулась отъ него.

— Ты вымолвила слово! — съ бурнымъ, какъ всегда, ликованіемъ воскликнулъ Мирабо. — Ты сказала его, Генриетта, и оно заключило нашъ сладкій союзъ. А теперь идемъ! Пусть двери всѣхъ тюремъ во Франціи откроются любовью и свободой, какъ я открываю тебѣ твои двери, черезъ которыя ты никогда болѣе не возвратишься въ это заточеніе тѣла и души!

Съ этими словами онъ широко раскрылъ двери передъ нею, пропуская ее впередъ, и, чтобы она была увѣрена въ своей свитѣ, высоко поднялъ руку надъ ея головой, дотрогиваясь пальцемъ до ея темени.

Генриетта, которой придавала храбрости сильная защита его руки, шла не робѣя и не мѣшкая по длинному монастырскому коридору, выходявшему на главную лѣстницу. Хотя шаги бѣглецовъ слегка отдавались въ стѣнахъ, однако, спавшія обитательницы келій не были разбужены ими. Все было тихо, и Мирабо съ Генриеттой дошли благополучно до монастырскихъ воротъ. Ворота были открыты, а старой привратницы не было видно.

Они вышли послѣшно на улицу. Въ маленькомъ переулкѣ, въ разстояніи нѣсколькихъ минутъ, ихъ ожидалъ экипажъ. Слуга графа держалъ дверцу открытой. Мирабо усадилъ Генриетту въ экипажъ, быстро умчавшійся среди ночи.

V.

Тайственное дитя.

Экипажъ остановился близъ Бастильской площади, въ улицѣ Ла-Рокеттъ, гдѣ съ нѣкоторыхъ поръ жилъ графъ Мирабо. Первые лучи солнца, пробиваясь сквозь свѣтлѣющій горизонтъ, освѣтили маленькій узкій домъ, въ который Генриетта вступала, подъ руку съ Мирабо, нѣсколько замедляя свои шаги. Въ первую минуту, при видѣ мрачнаго и бѣднаго домика, въ который они входили, она почувствовала себя какъ бы обманутой въ своихъ возбужденныхъ воображеніемъ ожиданіяхъ, обѣщавшихъ ей блестящій графскій замокъ. Но одинъ лишь взглядъ на Мирабо, заботливо сопровождавшаго ее по скользкимъ каменнымъ ступенямъ узкой лѣстницы, вновь

показаль ей все въ радужномъ сіяніи, и она съ бьющимся отъ счастья сердцемъ вошла въ помѣщеніе перваго этажа, открытое передъ ней слугою Мирабо.

Хотя двѣ первыя, смежныя между собою комнаты были довольно обширны, однако необыкновенная ихъ пустота, гдѣ чувствовался недостатокъ даже въ самой необходимой мебели и другихъ предметахъ жилого помѣщенія, производила почти непріятное впечатлѣніе. При такомъ странномъ отсутствіи вещей въ комнатахъ графа Мирабо, не могло, кажется, быть и рѣчи о безпорядкѣ въ нихъ, однако же и онъ бросался въ глаза: немногіе столы и стулья были завалены книгами, бумагами и всевозможными предметами, а разбросанныя по полу рукописи и платье достаточно свидѣтельствовали о неаккуратныхъ привычкахъ обитателя этого жилища.

Графъ Мирабо съ тѣхъ поръ, какъ онъ промѣнялъ свои несчастныя странствованія на пребываніе вновь въ Парижѣ, не успѣлъ еще устроиться подобающимъ его положенію образомъ. Полнѣйшая неувѣренность въ будущемъ, которое онъ собирался устроить себѣ сызнова, а еще больше совершенное разстройство его финансовыхъ обстоятельствъ, приучили его къ бивуачной жизни, никакъ не подходящей для потомка одного изъ старѣйшихъ и знаменитѣйшихъ дворянскихъ родовъ Прованса.

Однако, даже среди болѣе чѣмъ скромной домашней обстановки, Мирабо сумѣлъ сохранить блескъ нѣкоторыхъ аристократическихъ привычекъ. Онъ не только держалъ слугу, но еще одѣвалъ его въ такую великолѣпную, богатую ливрею, что нужда господина не могла быть замѣчена при видѣ слуги. Кромѣ того, онъ имѣлъ секретаря, услугами котораго пользовался при своихъ обширныхъ съ нѣкоторыхъ поръ литературныхъ работахъ, и который помѣщался въ задней комнаткѣ, непосредственно соединенной съ помѣщеніемъ Мирабо. Какъ разъ въ эту минуту раскрылась дверь сосѣдней комнаты и, обвязанная краснымъ платкомъ, въ видѣ тюрбана, голова молодого человѣка выглянула съ любопытствомъ и улыбкой въ полуоткрытую дверь.

— Вы не нужны, господинъ Гарди, — обратился къ нему Мирабо, жестомъ руки заставляя секретаря своего снова удалиться.

Генріетта была блѣдна и измучена. Мирабо приглашалъ ее пойти въ сосѣднюю комнату, гдѣ она найдетъ приготовленнымъ все необходимое для отдыха. Но Генріетта выразила желаніе не оставлять его. Утомленная, она опустилась на диванъ, — одно изъ немногихъ удобствъ въ комнатѣ, — и стала пристально смотрѣть на Мирабо своими кроткими, блестящими глазами, а прелестное лицо ея, блѣдность котораго вновь смѣнилась нѣжнымъ румянцемъ, приняло выраженіе мечтательное и вмѣстѣ сіяющее радостью.

Посреди комнаты, за столомъ, на которомъ, тѣмъ временемъ, слугою былъ поданъ завтракъ, сидѣлъ Мирабо. На неоднократныя

приглашенія принять участіе въ завтракъ Генріетта отвѣчала отказомъ, продолжая сидѣть въ отдаленіи. Но мечтательно слѣдившими за нимъ глазами она находилась неотступно возлѣ него и съ восхищеніемъ наблюдала за всѣми его движеніями.

Окончивъ, по обыкновенію, беззаботно и небрежно свой завтракъ, Мирабо опять сѣлъ у ея ногъ, нѣжно взялъ ея руку и сталъ пытливо смотрѣть ей въ глаза.

— Я послѣдовала сюда за вами, — обратилась она къ нему едва слышнымъ голосомъ, — и не спрашиваю, что со мною будетъ, такъ какъ я по доброй волѣ предала свою судьбу въ ваши руки. Но чувствую, что я вся въ вашей власти. Иначе поступить я не могла, дѣйствуя подъ вліяніемъ какой-то неодолимой силы. Не лишите ли вы меня когда нибудь за это вашего уваженія, графъ Мирабо? Не осудите ли меня втайнѣ за то, что, забывъ всѣ заповѣди и обязанности, я, по одному вашему слову, безпрекословно послѣдовала за вами?

Въ первый разъ обратилась она къ нему съ связной рѣчью. До сихъ поръ она выражала лишь отрывочными звуками то, что происходило въ ней и что сдѣлалось, по отношенію къ нему, сильнѣе всѣхъ побужденій ея строгой всегда и во всемъ совѣсти.

— Ахъ, Генріетта, — со страстью въ голосѣ воскликнулъ Мирабо, — и этими сомнѣніями ты дѣлаешь меня счастливымъ. Они тоже своего рода признанія въ любви. Тѣмъ, что ты съ полнымъ довѣріемъ послѣдовала за мной, ты навѣки обратила меня въ своего должника и раба, и никогда благодарность моя не уменьшится и не перестанетъ лежать у твоихъ ногъ, въ какое бы положеніе измѣнчивая судьба ни бросила насъ. Что такое уваженіе, Генріетта? Отравленное орудіе общественнаго предразсудка. Деспоты и привилегированные классы требуютъ уваженія къ своему исключительному положенію, потому что, обиженные Богомъ, они не въ состояніи основать его, это положеніе, на любви и свободѣ. То, что я былъ бы принужденъ уважать, я могъ бы и презирать. Мы съ тобой, моя дорогая, новые люди любви и свободы, и если мы свободно любимъ другъ друга, по заповѣдямъ Бога и природы, то уже мы достойны уваженія одинъ другого. Подъ нашимъ же небеснымъ треномъ, гдѣ-то тамъ, глубоко, во прахѣ, пусть себѣ барахтается уваженіе или презрѣніе толпы!

Внимательная и счастливая, Генріетта слушала его и только-что хотѣла въ отвѣтъ сказать что-то, какъ послышался тутъ же рядомъ громкій крикъ ребенка. Съ истиннымъ ужасомъ вскочила она и посмотрѣла на графа Мирабо съ выраженіемъ такого явнаго смущенія, что онъ громко засмѣялся.

— Это мой маленькій Люкасъ кричитъ тамъ, — сказалъ Мирабо. — Если хочешь, Генріетта, навѣстимъ его; мнѣ бы очень хотѣлось представить тебѣ и этого маленькаго домочадца. Мальчишка разви-

ваетъ уже, какъ видно, свой сильный грудной голосъ, который доносится сюда.

Съ этими словами онъ всталъ, быстро подвелъ Генриетту къ двери и проводилъ ее по маленькому коридору въ заднюю комнату своего помѣщенія. Здѣсь стояла колыбель, а въ ней лежалъ цвѣтушій, приблизительно двухлѣтній мальчикъ. Хотя именно въ эту минуту онъ находился, какъ видно, въ непріятномъ разладѣ съ няней, однако поражалъ своей необыкновенной красотой и прелестью. Генриетта нерѣшительно вошла въ комнату, но тотчасъ же съ улыбкой восхищенія и съ сильно зарумянившимся лицомъ подошла къ колыбели прелестнаго малютки. Посмотрѣвъ на Мирабо, она увидала на его лицѣ выраженіе такой трогательной нѣжности, какую едва ли можно было представить себѣ на этихъ страстныхъ чертахъ.

Няня, молодая дѣвушка, въ провансальскомъ костюмѣ, по знаку Мирабо, взяла ребенка на руки и держала его для привѣтствія, которое, со стороны графа, сопровождалось такими оживленными ласками и заигрываніями, что ребенокъ не только тотчасъ успокоился, но и перешелъ къ радостному и необузданному ликованію.

— Это мой маленькій, прелестный Коко, котораго имѣю честь тебѣ представить, — сказалъ Мирабо Генриеттѣ, съ трудомъ освобождая свои волосы изъ захватившихъ ихъ маленькихъ ручекъ мальчика.

— Я его усыновилъ, хотя и не далъ ему своего имени, — продолжалъ Мирабо, не переставая ласкать и цѣловать ребенка. — Его зовутъ Люкасъ Монтиньи, и это необыкновенно веселая птичка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очень честный малый. Онъ можетъ равно забавно кувыряться, какъ и выслушивать съ самымъ серьезнымъ видомъ, когда ему толкуютъ, что онъ скоро сдѣлается разумнымъ, и что терзаемая своими тиранами Франція надѣется найти въ немъ своего избавителя и мстителя.

Эта шутка Мирабо была имъ сказана съ такою оригинальною прелестью, что Генриетта, сильно взволнованная, притянувъ ребенка къ себѣ, не могла удержаться, чтобы при этомъ сердечно и нѣжно не пожать опаранную мальчикомъ руку Мирабо.

Взявъ на руки веселое дитя, которое немедленно съ нею познакомилось, она стала съ участіемъ, доходившимъ до восторга, разглядывать его и, кажется, втайнѣ искать сходства съ Мирабо. Глаза ея радостно сіяли при видѣ красоты ребенка, и она не переставала ласкать его. Но вдругъ, положивъ мальчика обратно въ колыбель, она, опечаленная, поникла головой и задумалась. Мирабо, смѣясь, заставилъ ее очнуться и, грозно поднявъ указательный палецъ, сталъ увѣщевать ее бросить постороннія мысли и вновь вернуться къ нему и къ дѣйствительности.

Генриетта, нѣсколько испуганная, со вздохомъ приняла предложенную ей руку для выхода изъ дѣтской.

— Теперь Люкасъ Монтинья опять уснетъ, — сказалъ Мирабо спокойнымъ и пріятнымъ голосомъ, который послѣ его только что строгой рѣчи прозвучалъ новою прелестью для слуха Генриетты.

— Оставимъ же его одного и вернемся къ себѣ. Я обрѣлъ сей-часъ отрадную увѣренность, что отнынѣ мы втроемъ, Мирабо, Генриетта и Коко, составимъ счастливую семью. Не правда ли, Генриетта, ты будешь для этого плутика, котораго я люблю выше всякой мѣры, небеснымъ провидѣніемъ, подъ крыломъ котораго ему удастся сдѣлаться правдивымъ, настоящимъ человѣкомъ? Мы съ тобой будемъ вѣдь отнынѣ неразрывно связаны, не такъ ли? Такъ прими же маленькаго красавца, рожденіе котораго покрыто тайной, въ число остальныхъ боговъ любви нашего союза. Согласна ли ты, Генриетта?

Въ отвѣтъ она многозначительно кивнула головой. Когда же они вернулись въ свою комнату, то въ избыткѣ переполнявшихъ ее чувствъ она бросилась въ его объятія.

— И это твой сынъ, Мирабо? — прошептала она, съ робостью и застѣнчиво глядя на него.

— Весь маленькій человѣкъ—тайна, какъ я уже сказалъ тебѣ, Генриетта!—возразилъ Мирабо уклончиво.

— Онъ сынъ Софи де Монье или графини Мирабо? — продолжала вопрошать Генриетта почти съ мольбой, потому что сердце ея начинало испытывать самое тяжелое изъ всѣхъ мученій, мученіе неизвѣстности; для душевнаго же спокойствія ей казалось необходимымъ раскрыть тайну загадочнаго появленія ребенка.

— Ахъ, невинное дитя мое, — возразилъ онъ съ улыбкой, — вижу, что необычайныя любовныя исторіи Мирабо проникли и въ твой монастырь. И куда только онѣ не проникали! Такъ, что ты знаешь, какъ сильно когда-то Софи и Мирабо любили другъ друга? Это была любовь двухъ мучениковъ общества, очутившихся рядомъ изъ-за страха къ жизни и которые, обрекая себя на гибель въ бурныхъ житейскихъ волнахъ, ухватились одинъ за сердце другого, какъ за якорь спасенія. Благодаря жестокости своихъ родныхъ, она была скована съ дряхлымъ, отвратительнымъ старцемъ, навязаннымъ ей въ качествѣ мужа; я же, будучи, въ силу чудовищнаго и достойнаго проклятія закона, жертвой насилія роднаго отца, таскался цѣлыми годами изъ одной тюрьмы въ другую. Въ Понтарлье, послѣднемъ мѣстѣ моего заключенія, я увидалъ Софи, и мы полюбили другъ друга. Мы любили одинъ въ другомъ свободу, счастье и погубленную молодость. Вотъ въ какое бѣдственное мгновеніе наши судьбы слились вмѣстѣ. И могло ли оно быть иначе? Сначала мы бѣжали каждый отдѣльно и лишь на границѣ Швейцаріи встрѣтились, какъ счастливые союзники. Но нашъ союзъ былъ для обоихъ насъ источникомъ горьчайшихъ страданій и преслѣдованій, вѣрь мнѣ! Въ Голландіи мы прожили, правда, несравненно жизнью любви; однако, и здѣсь былъ, въ извѣстной степени, искусственный

обманъ. Мы никогда не могли вырвать изъ души нашей жало, что любовь наша есть лишь новый ударъ судьбы для насъ обоихъ. Среди этого счастья и вмѣстѣ страданья настигла насъ рука полицейской власти, высланной въ погоню за нами; меня потащили въ Венсеннъ, а Софи въ монастырь, въ Гинѣ, гдѣ въ скоромъ времени у нея родилась дочь, единственный отпрыскъ нашей любви. Но ребенка черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не стало, онъ умеръ, и отъ нашей полной страданіями любви, разлетѣвшейся, какъ мечта, не осталось ничего, кромѣ ткани поэтическихъ мыслей, которую въ нашихъ письмахъ мы растягивали отъ монастыря до тюрьмы и которая, быть можетъ, займетъ однажды между произведеніями нѣжныхъ сердецъ классическое мѣсто! Но мое сокровеннѣйшее сердце, Генриетта, осталось дѣвственнымъ для новой, настоящей любви, для любви къ тебѣ, и въ ней все мое существо обновится и вновь сдѣлается юнымъ! Въ этомъ маленькій крикунъ, Люкасъ Монтиньи, не долженъ намъ быть помѣхой.

Генриетта слѣдила за его разговоромъ съ самымъ страстнымъ вниманіемъ. Каждое его слово было для нея такъ важно и полно содержанія, что она, казалось, брала ихъ глазами съ его устъ и прятала въ глубинѣ сердца. Слушая и глядя на него, лицо ея свѣтилось пламеннымъ благоговѣніемъ и готовностью слѣдовать его велѣніямъ, которыя должны рѣшить ея участь.

Хотя Мирабо достигъ уже зрѣлаго возраста, — недавно ему минуло тридцать пять лѣтъ, — однако, избытокъ молодости еще соединялся въ немъ съ величіемъ силы и изяществомъ въ такой степени, что уничтожалъ всякое впечатлѣніе его пресловутаго безобразія. Въ эту минуту Генриетта больше, чѣмъ кто либо, испытывала на себѣ все волшебство его личности и съ трепетомъ склонялась передъ нею, какъ покорное дитя.

Однако, ея сомнѣнія не вполне разсѣялись. Съ минуту постоявъ въ раздумьи, она опять съ мольбой и вопросительно глядя на него, сказала тихо: — А графиня Мирабо?

— Графиня Мирабо? — повторилъ онъ, вздрогнувъ: — эта прекрасная графиня ни малѣйшаго отношенія ко мнѣ не имѣетъ, равно какъ и къ нашему сожителю, маленькому Люкасу. Эмилиа де-Мариньянъ никогда меня не любила, и въ то время, когда я нуждался въ ней, когда кроткая и услаждающая рука женщины могла помочь, я видѣлъ лишь желѣзную твердость ея характера. Женитьба моя была одна изъ глупостей моей молодости. Но мнѣ въ то время былъ только двадцать одинъ годъ, и свершилъ я эту глупость, желая, послѣ разсѣянной и полной приключеній жизни, исполнить настоятельное требованіе моего отца и обратиться въ сельскаго хозяина въ Провансѣ, честно воздѣлывая родную землю въ нашихъ помѣстьяхъ. Быть можетъ, я былъ бы тоже хорошимъ солдатомъ, такъ какъ семнадцати лѣтъ я былъ уже офицеромъ и участвовалъ

въ походѣ въ Корсику; но, при скупости и недоброжелательствѣ моего отца, я не могъ ожидать, чтобы онъ купилъ мнѣ полкъ. И вотъ я задумалъ попробовать сельской жизни возлѣ богатой и красивой жены, и Эмилиа де-Мариньянъ стала моей женой. Но миръ этой новой жизни оказался такою же обманчивою мечтой, какъ и состояніе моей жены, принадлежавшее будущему, а теперь выражавшееся лишь въ ежегодной рентѣ въ шесть тысячъ франковъ. Эта печальная жизнь съ нею продолжалась только два года, въ теченіе которыхъ, при моемъ несчастномъ талантѣ дѣлать долги, я натравилъ по своимъ пятамъ цѣлый сонмъ кредиторовъ, требовавшихъ съ меня болѣе ста тысячъ франковъ. Это было новымъ поводомъ для моего жестокаго отца взмахнуть опять надо мною бичомъ *lettres de cachet*, убивающимъ даже въ лонѣ семь личную свободу во Франціи. Онъ добылъ новое повелѣніе арестовать меня и опять держалъ меня въ разныхъ тюрьмахъ и крѣпостяхъ, смотря по тому, довольно ли онѣ были мучительны и крѣпки. Тутъ и Эмилиа покинула меня, отказываясь, подъ разными предлогами, связывать свою судьбу съ моею. Съ тѣхъ поръ я ея не видѣлъ. Мальчикъ, родившійся въ первый годъ нашего супружества, умеръ тогда же, а съ нимъ вмѣстѣ и залогъ примиренія съ женой и семьей, на что я такъ долго надѣялся. Эмилиа и я разстались навсегда. Если же до тебя дошли слухи, что послѣ моего освобожденія изъ Венсеннскаго замка я старался вновь соединиться съ нею, то это случилось лишь потому, что въ эту минуту я серьезно думалъ о правильномъ возстановленіи всѣхъ моихъ личныхъ отношеній. Я хотѣлъ выйти, наконецъ, изъ исключительнаго положенія молодыхъ лѣтъ, хотѣлъ вновь явиться въ свѣтъ съ возстановленнымъ социальнымъ положеніемъ, чтобы начать работать всѣми силами и достигнуть высшей и болѣе достойной меня цѣли жизни. Сознаюсь при этомъ, что большія денежныя средства, бывшія теперь уже въ рукахъ Эмилиа, казались мнѣ вѣрнымъ орудіемъ для отвоеванія у нашего извращеннаго общества тѣхъ преимуществъ, которыя пріобрѣтаются съ такимъ трудомъ, когда появляешься съ пустыми руками и карманами. Съ этими средствами я могъ бы легче подняться до той высоты положенія, которое будетъ мнѣ когда нибудь предоставлено Франціей, и поднялъ бы съ собою на эту высоту и Эмилию. Но она, заблуждаясь подъ влияніемъ дурныхъ совѣтовъ своего отца, не согласилась вернуться ко мнѣ, и мы вели сильную и страстную борьбу не только передъ судомъ, но и передъ лицомъ всей Франціи. Она напечатала противъ меня свои мемуары, разорвавшіе послѣднюю между нами связь. Когда же состоялся, наконецъ, нашъ разводъ, сердце мое возликовало по поводу этого новаго вида своего освобожденія! Но вотъ пришла сладчайшая награда за всѣ мои страданія, я увидаль тебя, Генриетта, и эта твоя небесная кротость, доброта и прелесть, сдѣлавшія меня тотчасъ же

твоимъ плѣнникомъ, хотѣть вступить со мною въ долгій союзъ, а въ немъ я вижу счастье, новую жизнь, и новую, съ сегодняшняго дня начинающуюся, великую эпоху моего существованія!

Блестящими, благодарными глазами смотрѣла на него Генриетта, вѣжно ласкаясь къ нему. Ея милое, полное невинности, застѣнчивое личико приняло теперь выраженіе веселой отваги, вновь подкрѣпляющей тѣ рѣшенія, которыя она постановила по отношенію къ Мирабо. Онъ взялъ ее за руку, привелъ къ дивану и сѣлъ рядомъ съ ней.

— Не правда ли, Генриетта, мы вѣдь заключили вѣчный союзъ между собою? — спросилъ онъ, положивъ ей руку на плечо. — Мы будемъ вѣрными товарищами въ жизни, и ты не покинешь меня, а будешь держать судьбу мою подъ охраной твоихъ чудныхъ глазъ, сдѣлавшихся божественнымъ признакомъ моего новаго существованія? И своей кроткой цѣлебной рукой ты дотронешься до всего злого, что есть во мнѣ и что создалось чудовищными отношеніями къ отцу, и приведешь меня къ добродѣтели и совершенству? Да, я чувствую, что все зло, сдѣланное мнѣ безпримѣрнымъ отцовскимъ деспотизмомъ, будетъ заглажено и вознаграждено драгоценнымъ обладаніемъ тобою!

— Какъ могъ ты, такой, какимъ я тебя вижу, имѣть отца, ненавидѣвшаго и преслѣдовавшаго тебя? — спросила Генриетта съ сердечной наивностью.

— О, — воскликнулъ Мирабо съ выраженіемъ горькаго воспоминанія, — ненависть эта была врожденной и омрачала уже первые свѣтлые дни моего дѣтства! Отецъ мой, маркизъ Мирабо, возненавидѣлъ меня прежде всего за то, что я былъ безобразнѣе остальныхъ моихъ братьевъ и сестеръ; далѣе, возненавидѣлъ онъ меня и былъ отъ самаго моего дѣтства до сей поры моимъ злѣйшимъ смертельнымъ врагомъ за то, что, въ минуту гордаго самосознанія юности, я воскликнулъ однажды, что мой отецъ, если бы онъ имѣлъ хотя немного самолюбія, долженъ былъ бы дать мнѣ свободу, потому что моя слава и мои успѣхи были бы тоже славой и успѣхами отца ¹⁾. Этого мой гордый, жестокій отецъ не могъ никогда мнѣ простить и рѣшилъ лучше погубить меня. Онъ, этотъ «Другъ людей» («Ami des hommes»), какъ онъ озаглавилъ одно изъ своихъ знаменитѣйшихъ сочиненій, которымъ хотѣлъ служить интересамъ челоуѣчества и народа, былъ волкомъ въ своей собственной семьѣ, на которую кидался, которую рвалъ и преслѣдовалъ, гдѣ и какъ могъ. Благодаря дружбѣ, которую онъ умѣлъ поддерживать съ министрами короля, ему удалось добыть, одно за другимъ, пятьдесятъ четыре повелѣнія объ арестѣ противъ членовъ своей семьи, изъ-за которыхъ такъ пострадались не только я и мои братья и сестры,

¹⁾ Montigny, Mémoires sur Mirabeau, I, 234, 241.

но и жена его, моя дорогая мать. Кромѣ всевозможныхъ заточеній, этотъ отецъ, другъ людей, осаждалъ еще трибуналы Франціи скандальными процессами, безпрестанно возбуждаемыми противъ насъ. О, черезъ него я хорошо узналъ, что такое деспотъ, и это горькое познаніе, если я и заплатилъ за него лучшею частью моей молодости, послужить однажды къ добру не мнѣ одному, но и всей Франціи. Да, маркизь Мирабо вжегъ во всѣ мои жилы понятіе о томъ, что борьба противъ тираніи есть единственная жизненная борьба нашего времени, на которую скоро должны будутъ подняться всѣ, для кого личность и общество, для кого честь, свобода и счастье не простыя химеры. Благодаря моимъ роковымъ распрямъ съ деспотомъ отцомъ, я увидалъ все зло этой французской монархіи, эти развращенные суды и всюду продажныя, попирающія право и справедливость начальство и власти, которымъ я былъ отданъ въ руки. Я долженъ былъ печально влачить и губить мою молодость по тюрьмамъ и крѣпостямъ; но въ эти долгіе годы заточенія я научился культу свободы и, потерявъ собственную молодость, началъ поклоняться вѣчной юности французскаго народа.

При этихъ словахъ Мирабо вскочилъ и стоялъ одну минуту среди комнаты, какъ бы увлеченный мыслями о будущемъ, задумчивый и неподвижный. А яркій лучъ утренняго солнца, взошедшаго уже на горизонтъ во всемъ своемъ величіи, проникнувъ въ окно, освѣтилъ точно пылающимъ ореоломъ голову Мирабо. Генриетта, долго, съ восторгомъ смотрѣвшая на него издали, теперь тихонько приблизилась къ нему, желая вывести его изъ этого мечтательнаго онѣмѣнія и вернуть къ дѣйствительности. Но, подойдя и увидавъ передъ собою всю мощь его фигуры, она, казалось, не посмѣла этого сдѣлать.

Въ эту минуту онъ что-то тихо шепталъ самъ съ собою, сильно жестикулируя, и Генриетта, дрожа, вновь опустила руку, которой только что хотѣла тронуть его.

Наконецъ, Мирабо замѣтилъ ее, смотрѣвшую на него съ благоговѣніемъ и робкою улыбкою.

— Это ты, мое чудное, доброе дитя!—сказалъ онъ, поглаживая и лаская ея руку.—Прости, что на минуту мысли мои удалились отъ тебя. Но я думалъ теперь о томъ, что такое, въ сущности, деспотизмъ? Деспотизмъ — это губительная ненависть, всюду находящая причину для своего проявленія, притягивающая свой предметъ, какъ змѣя невинную птичку, которая до тѣхъ поръ въ страхѣ порхаетъ кругомъ нея, пока, наконецъ, не въ силахъ болѣе сопротивляться, сама опускается и влѣзаетъ въ ядовитую пасть. Такъ мой отецъ хотѣлъ погубить меня, чтобы доказать превосходство своей воли и силы, но онъ забылъ при этомъ, что я состою изъ собственной матеріи и собственнаго духа, который долженъ обра-

зоваться въ самомъ себѣ, чтобы сдѣлаться способнымъ и достойнымъ къ самосуществованію! Деспотизмъ — это повелитель, тронъ котораго балансируетъ на головахъ рабовъ, потому что ему кажется опаснымъ признать свободу народа и основать свои отношенія съ нимъ на любви и правѣ! Мнѣ вспоминается одно происшествіе изъ моего дѣтства, углубившее пропасть между мною и отцомъ. Однажды отецъ неожиданно засталъ меня въ моей комнатѣ страстно декламирующимъ. Съ насмѣшкой, какъ всегда, говоритъ онъ мнѣ:

— А-а, ты уже упражняешься, чтобы со временемъ играть роль французскаго Демосеена?

— Почему же нѣтъ, отецъ мой?—отвѣчаю я съ веселою отвагою мальчика.—Быть можетъ, однажды будутъ созваны государственные чины Франціи, и тогда я буду говорить!

Отецъ поблѣднѣлъ и повернулъ мнѣ спину. Нѣсколько дней онъ не говорилъ со мною ни слова, но скоро послѣ этого досталъ противъ меня *lettre de cachet* и, по поводу одной любовной интриги, возбудившей всеобщее вниманіе и въ которой я принималъ участіе съ легкомысліемъ семнадцатилѣтняго лейтенанта, заключилъ меня въ крѣпость на островѣ Рэ. Да, да, онъ хотѣлъ даже выслать меня въ голландскія колоніи въ Индіи, убійственный климатъ которыхъ губить почти всѣхъ европейцевъ, отваживающихся бороться съ нимъ. Только самыя убѣдительныя представленія его друзей удержали маркиза Мирабо отъ приведенія въ исполненіе этого покушенія на жизнь собственнаго сына. Но за то онъ рѣшился терзать меня медленнѣе убивающею пыткой, пользуясь малѣйшимъ поводомъ, хотя бы кажущимся, чтобы едва освобожденнаго изъ тюрьмы вновь лишать свободы. Даже теперь, когда мнѣ казалось, что мои мученія окончились, примиреніе его со мною оказывается обманчивымъ. Онъ не только не выплачиваетъ мнѣ сумму, которую, по условію, обязался ежегодно давать мнѣ на мое обзаведеніе и жизнь въ обществѣ, чѣмъ ставитъ меня въ самое затруднительное положеніе, но еще формально заявилъ, что ни онъ самъ, ни фамильное имущество не будутъ отвѣчать за мои долги. Такъ и теперь еще онъ мститъ мальчику, осмѣлившемуся когда-то мечтать о свободѣ Франціи и о будущемъ созывѣ государственныхъ чиновъ.

Въ эту минуту послышался сильный стукъ въ наружную дверь, испугавшій Мирабо. Онъ вдругъ прервалъ свою рѣчь и остолбенился. Стукъ повторился, сопровождаемый нетерпѣливымъ мужскимъ голосомъ, настойчиво и грубо требовавшимъ открытія двери.

Генриетта, отнесясь къ этому совершенно спокойно, шла уже открывать дверь, когда была остановлена значительными знаками, дѣлаемыми ей Мирабо. Съ испугомъ, столь противоположнымъ только что выказанному имъ героическому характеру, онъ приложилъ палецъ

къ губамъ, давая ей этимъ понять о необходимости полного молчанія и тишины.

Генриетта сильно встревожилась. Ей вдругъ пришло въ голову, что это ее розыскиваютъ, и ужасъ, котораго при ея удивительной, полной довѣрія преданности къ Мирабо не было и признака, выразился теперь на ея поблѣднѣвшемъ лицѣ.

Съ другой стороны комнаты открылась дверь; въ нее поспѣшно вошелъ слуга, а за нимъ секретарь Мирабо, Гарди. Подойдя къ графу, они шопотомъ сообщили ему о чемъ-то, выслушанномъ имъ съ тревогой.

— Я думалъ, что это кто нибудь изъ моихъ неотступныхъ кредиторовъ, въ послѣднее время часто сваливающихся на меня во время моего утренняго сна! — сказалъ Мирабо, подумавъ. — Но вы подслушали, что тамъ внизу стоятъ двое полицейскихъ. Это меня удивляетъ. Пусть одинъ изъ васъ сойдетъ внизъ и постарается вступить какъ бы случайно въ разговоръ съ достопочтенными господами сержантами, чтобы узнать, чего они желаютъ. Возможно, что ихъ послалъ сюда мой отецъ; вѣдь во Франціи *lettres de cachet* ежеминутно сыплются изъ облаковъ.

Секретарь, принявъ порученіе, вышелъ изъ комнаты. Когда Мирабо замѣтилъ сидящую на диванѣ испуганную и дрожащую Генриетту, у него, казалось, промелькнула еще и другая мысль.

— Надо и о тебѣ позаботиться, мое сокровище! — сказалъ онъ, поспѣшно подходя къ ней и уводя ее за руку.

Онъ подвелъ ее къ стѣнному шкафу, быстро открылъ его, обнаруживъ при этомъ потайную дверь, которая, при нажатіи имъ пружины, открылась.

— Вотъ входъ въ маленькую комнатку; ее никто не найдетъ! — прошепталъ Мирабо. — Скройся на нѣсколько минутъ, пока мы не узнаемъ, что значать эти полицейскіе розыски. Будь весела и спокойна, Генриетта. Отдаваясь графу Мирабо, ты, конечно, вошла въ царство приключеній, но всѣ твои добрые ангелы охраняютъ твою душу и тѣло.

Гарди вернулся съ извѣстіемъ, что полицейскіе находятся въ поискахъ за молодой дамой, увезенной этой ночью изъ одного парижскаго монастыря и скрытой, какъ думаютъ, у графа Мирабо.

Мирабо велѣлъ тотчасъ же открыть имъ двери. Обыскавъ тщателью повсюду и убѣдясь въ напрасныхъ подозрѣніяхъ, сержанты, съ вѣжливыми поклонами, удалились.

VI.

Госпожа Нэра.

Усиленные полицейскіе розыски вновь возобновились черезъ нѣсколько дней, и Мирабо замѣтилъ, что его квартира служить предметомъ постоянного надзора полиціи.

Настоятельница монастыря, графиня Монтессюи, громко повсюду расточавшая свои проклятія графу Мирабо, прибѣгала ко всѣмъ своимъ вліятельнымъ связямъ въ Парижѣ, чтобы вновь обрѣсти свою бѣжавшую питомицу, спасенію души которой, по словамъ сестры Анжелики, угрожала страшная опасность.

Производимый ею шумъ былъ такъ великъ, что обратилъ вниманіе общества на это приключеніе, и Мирабо сталъ бояться за участь свою и своей новой подруги. Рѣшиться на что нибудь ему казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что вотъ уже нѣсколько дней, какъ Генріетта жила у него, подобно плѣнницѣ, скрываясь въ без-опасной пока, потайной комнаткѣ.

— Мы должны выйти изъ этого тягостнаго положенія!— сказалъ однажды утромъ Мирабо Генріеттѣ, удивленно и радостно смотрящей на него.

— Знаю, — продолжалъ онъ, — что до сихъ поръ ты еще не испытала здѣсь свободы, милое, доброе дитя, хотя глаза твои еще болѣе ясны и блестящи, несмотря на то, что ты вынуждена прятаться за моей тюремной стѣной. Но погоди, моя маленькая пойманная птичка, твой часъ пробьетъ. Я увезу тебя еще дальше, пока не увижу тебя вполне счастливой!

— Развѣ я уже не вполне счастлива? — спросила весело Генріетта. — Здѣсь, у Мирабо, развѣ это заточеніе? Въ монастырской кельѣ было гораздо тѣснѣе; тамъ я не могла плясать и прыгать цѣлый день, какъ здѣсь. И воздухъ тамъ въ саду не былъ такъ прекрасенъ и свѣжъ, какъ тотъ, которымъ я дышу вмѣстѣ съ тобою, другъ мой, и птички въ мрачной зелени деревьевъ, подъ моими окнами, не такъ весело щебетали, какъ твой маленькій Кoko, когда онъ примется смѣшить всѣхъ насъ.

— Твой прелестный нравъ дѣлаетъ тебя довольной, — возразилъ Мирабо, — но я недоволенъ за тебя! И усталъ быть тюремщикомъ бабочки, которой нужно порхать въ родномъ ей весеннемъ воздухѣ. Мы поѣдемъ на нѣкоторое время въ Лондонъ. Тѣмъ временемъ здѣсь все успокоится, и ты вернешься опять со мною сюда совсѣмъ другою и подъ чужимъ именемъ. Мы будемъ тебя выдавать за англичанку, для чего локоны твои довольно свѣтлы, а лицо довольно бѣло и розово, мое сокровище! Лишь бы намъ достать

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ

Магазинъ „Новаго Времени“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1899 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

Аленстевъ, С. Н. Мировая болѣзнь. Малокровіе мужчинъ и женщинъ, блѣдная нечочь, обмороки, мигрени, головокруженія. Предупрежденіе, распознаваніе и различіи. Способы лѣченія. М. 1899. Ц. 25 к.

Аполонскій. Альбомъ стиховъ. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Ахшарумовъ, Д. Д. Поэма о рожденіи, жизни и смерти человека. Подтава. 1898. Ц. 1 р.
Беннетъ, Джонъ. Жаворонокъ. Разсказъ. Перев. съ англ. А. Н. Рождественской. М. 1899. Ц. 50 к.

Берсье. Избранія бесѣды. Пер. А. Забѣлинъ. Спб. 1899. Ц. 80 к.

Биндеръ, Т. Д-ръ мед. Гигіена половой жизни. Перев. съ нѣмец. Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 50 к.

Бобровиновъ, Н. А. Непородческое населеніе Казанской губерніи. Вып. I. Татары, вотяки, мордва. Казань. 1899. Ц. 50 к.

— Что такое хорошій урокъ. Изъ бесѣдъ съ учителями. Казань. 1898. Ц. 50 к.

Борзовъ, И. Устройство и улучшеніе желѣзнодорожныхъ водоснабженій. Вып. I. Приемники, очистители, храненіе и распределеніе воды на станціяхъ. Спб. 1898. Ц. 4 р. 50 к.

* **Боровиновскій, А.** Уставъ гражданскаго судопроизводства съ объясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сенаата. Изд. 4-е (исправл. и дополненное). Спб. 1899. Ц. 6 р. 50 к.

Боровичъ, Л. Основныя начала устройства электрической энергіи. Элементарное практическое руководство для техникумовъ, мастеровъ, монтеровъ и проч. М. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

Бриссо (E. Brissard), проф. Гигіена и лѣченіе астматиковъ. Пер. съ франц. С. Е. Серебренникова. Спб. 1899. Ц. 75 к.

Бѣлелобскій, Н. Желѣзное пролетное строеніе отъ 50 саж. Подупараболическія фермы. Бѣда по виду. Свободныя поперечныя балки. Желѣзныя дороги: Самаро-Златоустовская, Западно-Сибирская. Спб. 1899. Ц. 5 р.

Бѣлелобскій, Н., и **Богуславскій, Н.** Подборъ

поперечныхъ сѣченій и исчисленіе всѣхъ металлическихъ сооруженій. Пособіе по составленію проектовъ мостовъ, стропиль и другихъ металлическихъ сооруженій. Изд. 4-е, вновь пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1899. Ц. 1 р. 60 к.

Вагнеръ, Германъ. Въ полѣ и на лугу. Разсказы о разныхъ животныхъ, растеніяхъ и камняхъ. Перев. съ нѣмец. В. М. Величкиной. М. 1899. Ц. 45 к., въ папкѣ 60 к.

Введенскій, С. Мессіанское значеніе искушеній Господа діаволомъ въ пустынь. М. 1899. Ц. 20 к.

Венгеровъ, С. А. Русскія книги. Т. III. Богатырь-Вавиловъ. Спб. 1899. Ц. 3 р. 50 к.
— Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. Спб. 1899. Ц. 20 к.

Вернь, Жюль. Въ странѣ мѣховъ. Романъ въ 2-хъ ч. М. 1899. Ц. 75 к.

— Паровой домъ. Романъ въ 2-хъ ч. М. 1899. Ц. 60 к.

Верховецъ, Я. Д. Григорій Саввичъ Скворода. Украинскій философъ-проповѣдникъ. Спб. 1899. Ц. 5 к.

— **Иванъ Тихоновичъ Посошковъ.** Бытописатель и экономистъ. Спб. 1899. Ц. 2 к.

— **Петръ Телушкинъ.** Необыкновенный подвигъ русскаго крестьянина. Спб. 1899. Ц. 3 к.

— **Федоръ Григорьевичъ Солдатовъ.** Художникъ-археологъ. Спб. 1899. Ц. 5 к.

Винклеръ, фонъ П. Изъ исторіи монетнаго дѣла въ Россіи. Молдаво-валахская монета (1771—1774). Мѣдныя рубли (1770—1778). Спб. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

Войковъ, А. И., Пастернацкій, Ѳ. И., Сергѣевъ, М. В. Черноморское побережье. Спб. 1899. Ц. 3 р.

Вознесенскій, А., и **Гусевъ, Ѳ.** Житіе и чудеса Св. Николая чудотворца, архіепископа мурлякійскаго, и слава его въ Россіи. Спб. 1899. Ц. 3 р.

Вольфъ, А. (A. Wolff), проф. Учебникъ кожныхъ болѣзней. Съ 71 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣмец. д-ра Ф. А. Дербека. Съ дополн., прилжч. и предисловіемъ О. В. Шеттерсена. Спб. 1899. Ц. 2 р. 50 к.

- Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1899 годъ. Цѣна въ переплетѣ 3 р.
- «Вѣстникъ права».** Журналъ Юридическаго общества при Императорскомъ Сиб. университетѣ. Январь, М. 1. Ц. 2 р.
- Вътринскій, Ч.** Въ сороковыхъ годахъ; историко-литературные очерки и характеристики: Дореформенное время. Вѣдлинскій, Грановскій, Ксандеръ, Боткинъ, Кольцовъ, Гоголь, Пикитенко и П. Аксаковъ, Кн. В. Одоевскій, Щецкинъ. М. 1899. Ц. 2 р.
- Гаане, Вильгельмъ.** Происхождение животнаго міра. Вып. 3 и 4. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Гаррисонъ.** Развитие силы и пароненіе мышць гирими. Съ рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 35 к.
- Гединъ, С.** Въ сердцѣ Азии: Намиръ, Тибетъ, Восточный Туркестанъ. Вып. II. Спб. 1899. Ц. по подпискѣ (6 вып.) 5 р. 50 к.
- Гейне, Генрихъ.** Собраніе сочиненій. Т. IV. Спб. 1899. Ц. 1 р. 75 к.
- Гейнце, Н.** Въ чадѣ измѣны. Историческій романъ конца XVII столѣтія, въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1899. Ц. 2 р.
- Гельвальдъ, Фр.** Земля и ея народы. Переводъ съ нѣмец. подъ ред. Ф. Груздева. Т. I. Живописная Америка. Съ 2 карт. и 160 рис. Т. II. Живописная Азія. Съ картою и 130 р. Спб. 1899. Ц. каждого тома 2 р.
- Гельзенъ, фонъ, Карлъ.** Гигіена новобрачныхъ (Die Hygiene der Fitterwochen). Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 30 к.
- Герасимовъ, П.** Усердіе не по разуму. Спб. 1898. Ц. 10 к.
- Кошечку бросишь—рубль подберешь. Спб. 1898. Ц. 30 к.
- Дома и у турокъ. Разсказъ отставнаго солдата. Спб. 1899. Ц. 30 к.
- Наѣхалъ и чуть не выхалъ. (Разсказъ фельдфебеля). Спб. 1899. Ц. 10 к.
- Грѣхъ и покаяніе Петра Безлицкаго. Спб. 1899. Ц. 15 к.
- Гете, Вольфгангъ.** Эгмонтъ. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Кіевъ. 1898. Ц. 25 к.
- Гетчинсонъ, Г.** Очерки первобытнаго міра. Перев. съ англ. З. И. Журавской. Съ приложеніемъ библиографическаго указателя книгъ и статей по исторіи мірознанія. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Головачевъ, Д.** Высочайше утвержденная подъ предсѣдательствомъ статьи-секретаря Куломзина комисія для изслѣдованія землеуладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области. Матеріалы. 16 вып. Спб. 1898. Ц. за 16 вып. 15 р.
- Голубевъ, С.** Къ исторіи кievской трехсвятительской церкви за вторую половину XVII столѣтія. Кіевъ. 1899. Ц. 40 к.
- Гольшевъ, И. А.** Собраніе сочиненій. Подъ ред. А. Э. Мадъгрень. Т. I. Вып. I. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Гофманъ, К.** Ботаническій атласъ по системѣ де-Кандоля. 80 хромолит. табл. Изд. 2-е. Спб. 1899. Ц. 12 р.
- Гофманъ-фонъ, Эд.** Подлѣ смерти. Популярная лекція. М. 1899. Ц. 30 к.
- Грель, А. Н.** Краткія наставленія о выращиваніи всевозможныхъ съемныхъ огородныхъ и цвѣточныхъ. М. 1898. Ц. 20 к.
- Грефъ, Максъ.** Альбомъ рисунковъ мебели въ стилѣ «рококо». Современная меблировка комнатъ. М. 1898. Ц. 3 р.
- Гупиль.** Руководство къ живописи масляными красками съ прибавленіемъ небольшого трактата о реставрированіи картинъ. Перевелъ, переделалъ и дополнилъ Пав. Марковъ. Изд. 3-е. Спб. 1899. Ц. 1 р.
- Данилевскій, В. Я.** Народный домъ и его общественно-воспитательное значеніе. Харьковъ. 1898. Ц. 25 к.
- Двадцатипятилѣтіе введенія Мартоновскаго производства въ Россіи, 1870—1895.** Сборникъ статей по Мартоновскому дѣлу (съ 3-мя гравюр. и атласомъ черт.). Спб. 1898. Ц. 3 р.
- Днеромъ Н. Днеромъ.** Шесть разсказовъ. Пер. съ англ. С. Займовскаго. Кіевъ. 1898. Ц. 50 к.
- О женихахъ и невѣстахъ. Пер. съ англ. Спб. 1899. Ц. 20 к.
- Донучаевъ, В. В.,** проф. Къ ученію о зонахъ природы. Горизонтальные и вертикальныя почвенныя зоны. Спб. 1899. Ц. 50 к.
- Доуен.** Хирургическая техника. Пер. съ франц. съ предисл. проф. Г. Е. Рейна. Кіевъ. 1899. Ц. 35 к.
- Дудышкинъ, С. Т.** По Западной Европѣ. Картины и очерки природы и жизни народовъ Западно-Европ. государствъ. Книга для чтенія въ семьѣ и школѣ. М. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Дювернуа, Н. Л.,** проф. Пособіе къ лекціямъ по гражданскому праву. Ч. особенная. Вып. I (права вещныя, право авторское и промышленное). Спб. 1899. Ц. 1 р. 25 к.
- Дюга, Л.** Застѣнчивость. Перев. съ франц. Б. Никитинъ. М. 1899. Ц. 60 к.
- Дюма-сынъ, А.** «Джа съ камелиями». Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Пер. съ франц. М. 1898. Ц. 50 к.
- Еске-Хоинскій, Теодоръ.** Последніе римляне. Историч. романъ изъ временъ Феодосія Великаго. Перев. съ польскаго. Петра Лаврова. М. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Жуновскій, В. П.** Phlebitis umbilicalis. Случай гнойнаго воспаления пупочной вены, съ пораженіемъ суставовъ и нѣмией. Спб. 1899. Ц. 30 к.
- Загоснинъ, М. Н.** Полное собраніе сочиненій. Т. VI и VII. Спб. 1899. Ц. по подп. на поля. экз. (10 т.) 15 р.
- Загоснинъ, Н. П.** Исторія права русскаго народа. Лекціи и изслѣд. по исторіи русскаго права. Т. I. Казань. 1899. Ц. 3 р.
- Зелинскій, В.** Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Ч. VI. Критика о Пушкинѣ В. Г. Вѣдлинскаго. М. 1899. Ц. 1 р.
- Земятченскій, П. А.** Желѣзные руды центральной части Европейской Россіи (Южная часть Московскаго каменноугольнаго бассейна). Спб. 1889. Ц. 2 р.
- Краткій учебникъ кристаллографіи. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 к.
- Зиммель, Г., и Нитцше, Ф.** Дарвинизмъ и

- теорія познанія (дарвинист. бібліотека. Вып. I). Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Златчанскій, П.** Прямолинейная тригонометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. 3-е улучш. изд. Одесса. 1899 г. Ц. 75 к.
- Ивановъ, И. И.** Императоръ Александръ II. Біографич. очеркъ. М. 1899 г. Ц. 45 к.
- Иннокентій, іеромонахъ.** Пастырское богословіе въ Россіи за XIX вѣкъ. Троицкая Сергіева лавра. 1899 г. Ц. 2 р.
- Кавелинъ, Н. Д.** Собраніе сочиненій. Т. III. Наука, философія и литература. Спб. 1899. Ц. 4 р.
- Карелинъ, Н. Жанъ Жакъ Руссо.** Опытъ характеристикъ его общественныхъ идей. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Каталогъ газетъ, журналовъ и другихъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ Россіи и за границей на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ, польскомъ и другихъ языкахъ на 1899 годъ, на которые принимается подписка въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.** Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- Кеннинггэмъ, В.** Современная цивилизація въ нѣкоторыхъ ея экономическихъ произведеніяхъ. Пер. съ англ. М. В. Лучицкой подъ ред. проф. Н. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1899 г. Ц. 60 к.
- Кернеръ Ф.-Марилаунъ.** Жизнь растений. Вып. 14—15. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Киччевъ, П. И.** Законъ и жизнь. (Изъ воспоминаній бывшаго адвоката). М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Кобденъ, Ричардъ.** Инга и борьба противъ хлѣбныхъ законовъ. — Рѣчи Кобдена въ парламентъ и на митингахъ. Пер. Е. Н. Каменецкой. (Библи. экономистовъ. Вып. X). М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Ковалевскій, П. И.** Наполеонъ I и эпилепсія. Психіатрические эскизы изъ исторіи. Т. IV. 1899 г. Ц. 1 р.
- Коломининъ, Петръ.** Краткія свѣдѣнія по типографскому дѣлу. (Съ 450 рис.). Спб. 1899 г. Ц. 3 р.
- Кольбъ, Г. Фр.** Исторія человѣческой культуры. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. А. Рейнгольда. Кіевъ. 1899 г. 2 т. II. 3 р. 50 к.
- Коннъ, Г. И.** Два міра. Листки изъ дневника крещенаго еврея. Типы и картинки съ натуры. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Корелли, Мар'я.** Новая женщина (My wonderful wife). Новѣсть. М. 1899 г. Ц. 30 к.
- Корнаковъ, В.** Краткій практическій курсъ геометрическаго черченія и землеустройства въ связи съ необходимыми свѣдѣніями изъ геометріи. 490 черт. въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Приборы и пособія, необходимые для уроковъ геометрическаго черченія и краткаго курса землеустройства въ народныхъ школахъ. 182 чертежа въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 45 к.
- Красновъ, А. Н., проф.** Изъ колебелі цивилизаціи. Письма изъ кругосвѣтнаго путешествія. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Красновъ, П. Н.** Калами въ Африкѣ. Дневникъ начальника конвой Россійской Императорской миссіи въ Абиссинію въ 1897—1898 году. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Крестовскій, Вс. Вл.** Собраніе сочиненій. Т. III. Ц. по подпискѣ (8 т.) 10 р.
- Кругловъ, А. В.** Бабай. Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 10 к.
- Генеральскій Прохоръ. Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 20 к.
- Женскій Аювѣ. Очерки историческаго угла. Изд. 2-е. М. 1899 г. Ц. 25 к.
- Любовь и истина (Духовные мотивы). М. 1899 г. Ц. 25 к.
- На господскую ногу. Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 25 к.
- Приятный мужикъ. Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 15 к.
- Пчела. Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 20 к.
- Степанъ Вельхъ. Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 15 к.
- Умственный мужикъ. Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 15 к.
- Шалыганъ. Разсказъ. М. 1899 г. Ц. 15 к.
- Крыловъ, В., и Литвинъ, С.** Сыны израиля. Драма въ 4-хъ дѣйствійхъ и 5-ти картинахъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Кулаковскій, Юліанъ.** Смерть и безсмертіе въ предствленіяхъ древнихъ грековъ. Кіевъ. 1899. Ц. 1 р.
- Куницкій, С. К.** Начала стетни сооруженій. Построеніе деформаций. Дѣи уругихъ стержней съ шарнирными соединеніями. Съ 20 таблицами въ текстѣ. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- Курчинскій, М. А.** Союзы предпринимателей. Экономическій взглядъ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кустурбовъ, М.** Максимилианъ Робеспьеръ. (Опытъ характеристикъ). М. 1899 г. Ц. 25 к.
- Лашкаревъ, А. Ю.** Иллюстрированная классификація главнѣйшихъ сортовъ луговыхъ травъ съ краткимъ описаніемъ каждой травы въ отдельности. Вып. IV (18 хромолит. табл.). Спб. 1898 г. Ц. за все изд. (6 вып.). 24 р.
- Лейлеръ, Мансъ.** Народные университеты въ Англіи. Перев. О. Латерпера съ предисл. П. Н. Потапенко. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- * **Леонардъ, Н.** Новый торговый и промышленный уставъ въ отношеніи къ нему законоположеніями, распоряженіями и разъясненіями. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Лоренцъ, Н. Ф.** Орнаменты всѣхъ временъ и стилей. Вып. 8-й. Спб. 1899 г. Ц. по подпискѣ на все сочин. (10 вып.) 15 р.
- Майеръ, Адольфъ.** Ученіе о питаніи зеленыхъ растений, изложено въ 25 лекціяхъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. С. П. Ростовцева. М. 1898 г. Ц. 3 р. 25 к.
- Майръ, Георгъ.** Закономерности въ общественной жизни. Пер. съ нѣм. П. Н. Романова. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Максвель, Дж. Клеркъ.** Матерія и движеніе. Пер. съ англ. подъ ред. В. П. Дейнберга. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Общій любимецъ публики. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Уральскіе разсказы. Т. III. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

- Манасинъ, I.** Миръ міра. Мысли непосвященнаго по поводу современныхъ событій международной политики. Спб. 1899 г. Ц. 30 коп.
- Марренъ, П.** д-ръ. Гипнотизмъ въ теоріи и на практикѣ. Пер. съ франц. А. Аюанасьева. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Матеріалы къ пересмотру общаго тарифа жел. дорогъ I и II группъ.** Од. IV, ч. II. Спб. 1899 г. Ц. 5 р.
- Медвѣдевъ, Л. М.** Мирныя пѣсни. Стихотворенія. М. 1899 г. Ц. 35 к.
- Мелюкъ, В. X.** Соціальное равенство. Пер. съ англ. А. А. Величина. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Мельничій, П. Н.** Флоты. Морская война и Англія (къ конференціи о разоруженіи). Изложеніе популярное. Одесса. 1899 г. Ц. 35 коп.
- Мельшинъ, Л.** Кобылка въ пути. Разсказъ. (Изъ жизни смѣльныхъ). М. 1898 г. Ц. 15 к.
- Мережковскій, Д. С.** Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Милль, Дж. С.** Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми примѣненіями къ общественной философій. Пер. съ англ. Е. М. Остроградской подъ ред. О. П. Остроградскаго. Кіевъ, 1899 г. Ц. 3 р.
- Миноръ, Л. С.** Основы леченія табетической атакіи по способу Френкеля. М. 1899 г. Ц. 35 к.
- Морновъ, А. Ц.** Общедоступное руководство къ счетной линейкѣ, съ приложеніемъ чертежа линейки. Вятка. 1898 г. Ц. 20 к.
- Мэхэнъ, А. Т.** Вліяніе морской силы на французскую революцію и Империю. Въ 2-хъ томахъ. Пер. съ англ. подъ ред. П. П. Азбелева. Т. II. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Научно-энциклопедическій словарь.** Вып. 6-й. Спб. 1899 г. Ц. 30 к. Подписная цѣна за все изд. (въ 18 вып.) 4 р., съ перес. 5 р.
- Нашкинъ, Проклятій.** Повѣсть изъ времени царя Алексѣя Михайловича. М. 1899 г. Ц. 75 к.
- Неврологическій Вѣстникъ.** Органъ общ. невропатол. и психіатровъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Т. VI, вып. 4. Казань. 1898 г. Ц. 2 р.
- Невѣжинъ, П.** Промчавшаяся невзгода. Повѣсть. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Немировъ, Г. А.** Разышанная хранина. Статьи по вопросамъ организациіи государств. промышленнаго управленія. I. Главное управл. торг. и промышленности и мѣстные органы (промышленныя палаты). Спб. 1899 г. Ц. 40 к.
- Нетыкъ, М. А.** Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Изд. 2-е. М. 1899 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Новицкій, А. П.** Исторія русскаго искусства. Вып. I. М. 1899 г. Ц. по подпискѣ на все сочин. (12 вып.) 10 р.
- Нордау, Максъ.** Битва трутней. Романъ. Пер. съ нѣм. А. В. Черелькиной. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Обзоры и новости медицины за 1898 годъ.** Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Образованіе.** Педагогическій и научно-попул. журналъ. 1899 г. № 2, Февраль. Ц. 75 к.
- Одесса въ карманѣ.** Иллюстрированный путеводитель г. Одессы и ея окрестностей и календарь на 1899 г. съ прил. новѣйш. плана г. Одессы. Одесса. 1898 г. Ц. 40 к.
- Одесская купля-продажа,** справочный и тарифный указатель, Зимнее грузовое движеніе 1899—99 г. Одесса. 1898 г. Ц. 60 к.
- Ожешко, Э.** О равноправности женщинъ передъ лицомъ знанія, труда и человѣческаго достоинства (открытое письмо къ нѣмецкимъ женщинамъ). Пер. Ст. Собанской. М. 1899 г. Ц. 15 к.
- Оллендорфъ, Г. Г.** Новый способъ выучиться въ 72 урока читать, писать и говорить по-англійски. Изд. 3-е. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Ольшанинъ, Дм.** Невъблемые. Романъ. М. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Орнешно, Э.** Приключенія Яся. Разсказъ. (Пер. съ польск. Г. С.) Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Орловъ, Михаилъ.** Liber Pontificalis, какъ источникъ для исторіи римскаго папства и полемики противъ него. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Остроумовъ, А.** Элементарные уроки пѣнія. Методическое руководство для учителей начальной, училищъ и воспитанниковъ учительск. семинарій. М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Отравленіе.** Признаки отравленія, леченіе отравленій. Составлено подъ ред. д-ра мед. В. И. Раммъ. Спб. 1899 г. Ц. 30 к.
- Павленка, Н. И.** Законъ и административное распоряженіе. Кіевъ. 1898 г. Ц. 20 к.
- Сущность административной юстиціи и основныя черты ея организациіи въ европейск. государствахъ. Кіевъ. 1898 г. Ц. 20 к.
- Пантелъевъ, В. П.** Сухая перегонка дерева. Переработка подсмольной воды на уксусную кислоту, уксуснокислыя соли, метиловый спиртъ, ацетонъ, хлороформъ и йодоформъ. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Перцовъ, П.** Философскія теченія русской поэзіи. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 2 р.
- Петропавловскій, Іоаннъ.** Общедоступныя статьи въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія. Вып. I. Изд. 2-е. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Петрункевичъ, А. М.** Маргарита Ангулемская и ея время. (Историческій очеркъ изъ эпохи возрожденія во Франціи). Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Плещеевъ, Александръ.** Нашъ балетъ (1673—1899). Балетъ въ Россіи до начала XIX столѣтія и балетъ въ С.-Петербургѣ до 1899 г. Изд. 2-е съ предисловіемъ К. А. Сальковскаго. 180 портр. и рис. Спб. 1899 г. Ц. 5 р.
- Поврежденіе на судахъ и ихъ исправленія** судовыми средствами. Составлено подъ редакціей великаго князя Александра Михайловича. Т. II. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Полевой, П. Н.** Пискуинное. Повѣсть. Съ 55 ориг. рис. Е. П. Самокинъ-Судковской. Спб. 1899 г. Ц. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р.
- Полетаевъ, Н.** Возникновеніе обязательствъ. Ц. 15 к.
- Граница уголовной ответственности душевно-больныхъ. Ц. 40 к.

- Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расторженію брака. Ц. 25 к.
- Искъ о признаніи наличности юридическихъ отношеній и его предѣлы. Ц. 30 к.
- Малоизвѣстныя наказанія прежняго времени въ Англіи и Америкѣ. Ц. 10 к.
- Наказъ Императрицы Екатерины II. Ц. 20 к.
- Ответственность акціонернаго общества и его органовъ предъ отдѣльными акціонерами. Ц. 25 к.
- Предѣлы вѣчнаго иска. Ц. 20 к.
- Ученіе Дарвина и смертная казнь. Ц. 10 к.
- Поповъ, П.** Русско-китайскій словарь. Изд. 2-е, испр. и дополн. Пекинъ. 1898 г. Ц. 9 р.
- Полугай.** Подушная настольная книжка для любителей этихъ птицъ. Сост. Г. Я. Одесса. 1898 г. Ц. 40 к.
- Потапенко, И. Н.** Повѣсти и рассказы. Т. XII. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Продана дѣвушка въ дома разврата и мѣры къ ея прекращенію.** М. 1899 г. Ц. 50 к.
- Продовольственный вопросъ въ 1897—1898 г.** Обсужденіе продовольственнаго вопроса въ Общихъ Собраніяхъ Н. В. Д. О. 12, 13, 14, 19 и 26-го марта 1898 г. (съ прилож. 6 картограммъ). Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Пясковский, Николай.** Болѣзни вѣка. Лекція. М. 1899 г. Ц. 30 к.
- Рачинскій, С. А.** Сельская школа. Сборн. статей. Изд. 3-е, дополн. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Рейгардъ, Н. В.** Необходимая оборона. Казань. 1898 г. Ц. 60 к.
- Рескинъ, Джонъ.** Воспитаніе. Книга. Жеплица. Перев. Л. И. Никифорова. М. 1899 г. Ц. 20 к.
- Рихтеръ, Д. И.** Опытъ раздѣленія Европ. Россіи на районы по естественнымъ и экономическимъ признакамъ. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- «Русскій Вѣстникъ». 1899 г. № 2. Февраль. Ц. 1 р. 50 к.
- «Русскій трудъ». № 5. Ц. 20 к.
- «Русское экономическое обозрѣніе». Январь. 1899 г. Ц. 1 р.
- «С.-Петербургъ». Иллюстрированный еженедѣльный журналъ. № 4. Цѣна за годъ съ доставкой и пересылкой 2 р.
- Сахаровъ, А.** По русской землѣ. Географическіе очерки и картины для чтенія въ семьѣ и школѣ. Изд. 3-е, дополн. М. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сводъ законовъ Россійской имперіи** (офиц. изд.). Въ 16 тт. со всѣми относящимися къ нимъ продолженіями въ одной книгѣ. Подъ ред. А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Ч. I и II. Изд. 2-е. Спб. 1899 г. Ц. 12 р.
- Сергій, архим.** Православное ученіе о спасеніи. Изд. 2-е. Казань. 1898 г. Ц. 1 р.
- Сергѣенко, П. А.** Сестра милосердія. Повѣсть. М. 1899 г. Ц. 40 к.
- Сеславинъ, Д. Н.** Русско-нѣмецкій словарь. Спб. 1899 г. Ц. 85 к.
- Самоучитель нѣмецкаго языка для взрослыхъ по методу Туссена и Лангеншейдта. Вып. 3-й. Ц. по подпискѣ за весь курсъ 2 р.
- Самоучитель англійскаго языка для взрослыхъ по методу Туссена и Лангеншейдта. Вып. 5. Ц. по под. за весь курсъ 3 р.
- Самоучитель французскаго языка для взрослыхъ по методу Туссена и Лангеншейдта. Вып. 9-й. Ц. по подл. на первый курсъ 3 р.
- Симоновъ, М.** Замѣтки къ юбилейной по случаю двадцатипятилѣтія Лубенской женской гимназіи запискѣ. Киевъ. 1898 г. Ц. 20 к.
- Сиповскій, В. В.** Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ. (Изъ литературной жизни Пушкина на югѣ Россіи). Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Скрябчинскій.** Самоучитель строительнаго искусства. Въ 5-ти частяхъ, съ 216 черт. и съ прил. атласа на 64 страницахъ. Изд. 7-ое, испр. М. 1899 г. Ц. 3 р.
- Смирновъ, Н. М.** д-ръ. Домашній женскій врачъ. Уходъ за здоровьемъ женщины и самолеченіе женскихъ болѣзней. М. 1899 г. Ц. 1 р.
- Смоленскій, П. О.** д-ръ мед. Простѣйшіе способы изслѣдованія и оцѣнки доброкачественности съѣстныхъ припасовъ, напитковъ, воздуха, воды, жилищъ и проч. Съ 110-ю рис. въ текстѣ. Изд. 3-е испр. Спб. 1899 г. Ц. 3 р.
- Соболевъ, М. Н.** Очерки изъ исторіи всемірной торговли, въ связи съ развитіемъ экономической жизни. М. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Соколовъ, В.** Государственное положеніе религіи въ Германіи по дѣйствующему праву. Казань. 1899 г. Ц. 2 р.
- Соколовъ, Н. М.** Лирика Я. П. Полонскаго. Критическій этюдъ. Спб. 1899 г. Ц. 60 к.
- Справочная книжка** для больныхъ на 1898—1899 г. М. 1898 г. Ц. 20 к.
- Статьи Таможеннаго Устава** о взвѣскахъ и наказаніяхъ, налагаемыхъ по приговорахъ судебныхъ мѣстъ за нарушенія таможенныхъ постановленій. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Стровъ, П. И.** Руководство по культурѣ американскихъ виноградныхъ лозъ. Съ 132 рис. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Стэнли-ленъ-пуль.** Мусульманскія династїи. Хронологическія и генеалогическія таблицы съ историческими введеніями. Пер. съ англ. В. Бертольдъ. Спб. 1899 г.
- Суботинъ, Н.** Исторія такъ называемаго австрійскаго или бѣлокриницкаго священства. Вып. II. М. 1899 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Переписка раскольническихъ дѣятелей. (Матеріалы для исторіи бѣлокриницкаго священства). Вып. III. М. 1899 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Таубе, М.** Принципы мира и права въ международныхъ столкновеніяхъ среднихъ вѣковъ (с. II «Исторіи зарожденія современнаго международнаго права»). Харьковъ. 1899 г. Ц. 2 р.
- Терапевтическій Вѣстникъ** журнала «Современная медицина и гигиена». II-й полутомъ (съ 19 рис. въ текстѣ). Спб. II. 3 р.
- Техническій Енегодникъ,** Справочная кни-

- та для инженеровъ, архитекторовъ, судостроителей, механиковъ и студентовъ, Сост. по Uhland'y Ssator'u, Markow'u и др. Спб. 1899 г. Ц. съ приложениемъ Техническаго календаря на 1899 г. 3 р. Отдѣльно Технической Календарь 1 р.
- Тихомандрицкій, М.**, проф. Курсъ дифференціального и интегрального исчисленій. Съ примѣрами для упражненій. Изд. 2-е, испр. Вып. I. Харьковъ. 1899 г. Ц. съ билетомъ на получ. II-го вып. 2 р. 50 к.
- Тихомировъ, Л.** Земли и фабрика (къ вопросу объ экономической политикѣ). М. 1899 г. Ц. 30 к.
- Тищенко, Ѳ.** Хлѣбъ насущный. Ржаной хлѣбушка—калачу дѣдушка. 1898 г. Ц. 20 к.
- Трубиновъ, К. В.** Печать, какъ власть настоящаго надъ будущимъ. Спб. 1899 г. 30 к.
- Туганъ-Барановскій, М. И.** Статистическіе итоги промышленнаго развитія Россіи (съ диаграммой). Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- 1750 Пратическихкихъ техно-химическихкихъ ренсентовъ.** Изд. 3-е. допозн. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Уманецъ, С. И.** Воспоминанія о князѣ С. В. Шаховскомъ и балтійскіе очерки. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Уставъ Уголовнаго судопроизводства** съ позднѣйшими узаконеніями, законодательными мотивами, разъясненіями Прав. Сената и циркулярами министра юстиціи. Составленъ подъ ред. М. Шрамченко В. Широковымъ. Спб. 1899 г. Ц. 4 р.
- Филипповъ, М. М.** Историческія повѣсти. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Фингеръ, Э.** Везсидіе и безплодіе мужчины. Причины, формы проявленія и способы лѣченія. Пер. съ нѣм. Одесса. 1899 г. Ц. 60 к.
- Финогѣевъ, В. Н.** Полное руководство для городскихъ и уѣздныхъ полицейскихъ управленій, волостныхъ правленій, ставовыхъ приставовъ и полицейскихъ надзирателей. Одесса. 1899 г. Ц. 2 р.
- Фирсовъ, В.** Женское дѣло въ семьѣ и хозяйствѣ. М. 1899 г. Ц. 15 к.
- Флери, Дѣнь и ея лѣченіе.** Пер. съ франц. д-ра В. К. Андреева. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.
- Фулье, Альфредъ.** Бюнтъ и Кантъ. Этюдъ. Перев. Л. Барона. Спб. 1899 г. Ц. 15 к.
- Фурнье, А. (Alfred Fournier), проф.** Руков. къ патологій и терапіи сифилиса. Вып. II. Пер. съ франц. д-ра С. В. Орѣкина. Съ предисл. проф. В. М. Тарновскаго. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фюрстъ, Ливій.** Спутникъ женской гигиены. Одесса. 1898 г. Ц. 30 к.
- Ханыновъ, В. Н.** Къ вопросу о женскомъ ремесленномъ трудѣ въ Россіи. М. 1898 г. Ц. 15 к.
- Чеховъ, Антонъ.** Пестрые рассказы. Изд. 13. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Хмурые люди. Рассказы. Изд. 9-е. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Цесельскій, Т.** Пчеловодство, основанное на наукѣ и многолѣтней практикѣ, или доходное пасычное хозяйство. Ч. I. Природа пчелы. 57 рис. Перев. съ польскаго. Ориг. Н. В. Любарскій. Изд. 2-е. Казань. 1899 г. Ц. 1 р.
- Шантели-де-ля-Соссей, Д. П.** Иллюстрированная исторія религій. Вып. VIII. М. 1898 г. Ц. по подпискѣ (за 10 вып.) 4 р.
- Шейнъ, П. В.** Сборникъ народныхъ дѣтскихъ пѣсень, игръ и загадокъ. М. 1898 г. Ц. 25 к.
- Шелли.** Сочиненія. Перев. съ англ. К. Д. Вальмонта. Вып. 6. Освобожденный Прометей. Лирія. драма. Спб. 1899 г. Ц. 75 к.
- Шляпининъ, И. А.** 1799—1898 г. Къ біографіи А. С. Пушкина (малозвѣстные и не извѣстные документальныя данныя). Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Шопенгауэръ, Артуръ.** О геніи. Переводъ В. М. Спб. 1899 г. Ц. 20 к.
- Шуфъ, Владиміръ.** Крымскія стихотворенія. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Щегловъ, Иванъ¹⁾.** Милліонъ терзавій,— юмористическій романъ. Дачный мужъ,— юмористическіе очерки. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Энгельсъ, Дор.** Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. Перев. П. Болшнякъ, подъ редакціей Н. Спиридонова. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- Юбилейный Альбомъ** журнала «Резвлеченіе» (XL). М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Я. П.** Стихотворенія. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- Яхонтовъ, Александръ.** Житія святыхъ, какъ образовательно-воспитательное средство, и ихъ значеніе для русской школы съ древнихъ временъ. Симбирскъ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоровъ-Давыдовъ, А. А.** Шуркина затѣя и другіе рассказы; сказки и стихотворенія. М. 1899 г. Ц. 60 к.

¹⁾ Изданія А. С. Суворина.

Томики „Дешевой Библиотеки“ А. С. Суворина,

внесенныя въ «Опытъ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Народн. Просвѣщенія. Изд. 2-е 1896 г. и въ первое къ нему дополненіе 1897 г.».

- 45 и 46. Карамзинъ, Н. М. Письма русскаго путешественника. Со статьею О. И. Буслаява, съ портретомъ автора и рисунками. 2 т. Изд. 3-е. Ц. 1 р., на велен. бум. 2 руб.
15. — Великій князь Дмитрій Иоанновичъ, прозваніемъ Донской. Изд. 2-е. Цѣна 10 к., въ пап. 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.
17. — Царствованіе Феодора Иоанновича.—Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Дмитрія.—Состояніе Россіи въ концѣ XVI в. Изд. 3-е. Ц. въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.
20. — Царствованія Бориса Феодоровича и Лжедмитрія. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к.
24. — Царствованіе Василія Иоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Изд. 2-е. Цѣна 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.
- 72а. — История государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.
- 72б. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.
- 77а. — То же. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
- 77б. — То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
89. — То же. Т. V. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
91. — То же. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
94. — То же. Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
95. — То же. Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
96. — То же. Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
97. — То же. Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
98. — То же. Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.
- 70а и 70б. Квитна-Основьяненко, Гр. О. Пать Халавскій. Изд. 2-е. Ц. за двѣ части 50 к., въ папкѣ 58 к., въ переплетѣ 75 к.
79. Козловъ, И. Три поэмы: Чернецъ. — Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая. — Безумная. Съ біографіей и портрет. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.
239. Кольцовъ, А. В. Стихотвор. Съ біографіей, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящномъ переплетѣ 25 к.
- То же. Изящное изданіе. (Напечатано для любителей). 100 экз. на слоновои бумагѣ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к. и 300 экз. на дешевой бумагѣ. Ц. 50 к., въ пер. 90 к.
149. Корнель, П. Горацій. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ М. Чайковскаго. Спб. 1894 г. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ переплетѣ 27 к.
222. — Сидъ. Трагедія. Перев. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.
28. Кокановская. Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.
29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.
30. — Старина. Семейная память. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к.
318. Крыловъ, Васи. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣч. Два портрета, виды памятника и могилы Крылова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пер. 30 к.
7. Ксавье-де-Местръ. Параша-Сибирячка. Разсказъ. Изд. 4-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.
9. Кунольникъ, Н. В. Историческія повѣсти. Кн. I-я (Асдотья Лихончиха. — Куницъ Капустинъ. — Прокуроръ). Съ портретомъ Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленев. бум. 30 к.
10. — То же. Кн. 2-я (И. Сказаніе о сильнѣ изеленомъ сукнѣ. — И. Часовой). Съ портретомъ князя И. О. Долгорукова. Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.
11. — То же. Кн. 3-я (Позументы. — Новый годъ). Съ гравюрой: солдаты Петровскаго времени. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., на вел. бум. 30 к.
14. — То же. Кн. 4-я (Чернышевскій миръ. — Остатъ и Ульяна. — Старый хламъ). Изданіе 2-е. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к., на веленевой бумагѣ 30 коп.
18. — То же. Кн. 5-я (Запорожцы. Историческая быль временъ Екатерины Великой). Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.
33. — То же. Кн. 6-я (Сержантъ Ивановъ или всѣ заодно. — Вольный гетманъ пать Савва. — Староста Меланья). Изданіе 3-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.
100. Ламартинъ, А. Иоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.
6. Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія въ прозѣ. Съ портр. и біограф. М. В. Ломоносова. Изд. 4-е. Ц. 40 к., въ папкѣ 48 к., въ пер. 60 к.

183. Маркъ Аврелій Антонинъ. Къ самому себѣ. Размышленія. Перев. съ греческ. Пл. Краснова. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.

19. Марлинскій, А. (А. А. Бестужевъ). Ама-лятъ-бекъ. Кавказская быль. Съ портрет. автора. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

21. — Стрaшное гаданье. — Два вечера на бивуахъ. — Вечеръ на Кавказскихъ водахъ въ 1824 г. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

22. — Мулла-Нуръ. Быль. Изд. 3-е. Цѣна 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

23. — Разсказъ офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ. — Красное покрывало. — Ночь на кораблѣ. — Осада. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

25. — Фрегатъ Надежда. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

26. — Мореходъ Икитинъ. — Романъ и Ольга. — Замокъ Эйзень. — Шахъ Гуссейнъ. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ переплетѣ 40 к.

32. — Наѣзды. Повѣсть 1613 г. — Измѣнникъ. Изд. 3-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

74. — Лейтенантъ Бѣлозоръ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

75. — Латникъ. Разск. партизанскаго офицера. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

4. Мерзляковъ и Цыгановъ. Русскіи пѣсни. Съ очеркомъ жизни обоихъ поэтовъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

1. Дюма, Ал. Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга 1-я, части 1-я, 2-я и 3-я.

2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.

3. — Три мущкетера. Ром. Книга I-я.

4. — То же. Книга II-я.

5. Бальзанъ. Шагреновая кожа. Романъ.

6. Прево, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Грие. Ром.

7. Крэкъ, А. Д. Эмилій. Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Переводъ съ англійскаго.

8. Кингслей, Ч. Ипатія или новые враги подъ старой личиной. Романъ. Томъ I-й.

9. — То же. Томъ II.

10. Жюль-Зандъ. Орасъ. Романъ.

11. Мериме, П. Жакерія. Сцены изъ феодальныхъ временъ.

12 и 13. Диккенсъ, Ч. Лавка древностей. Ром.

14. Гете, В. Страданія молодого Вертера. Ром.

15. Басанинъ, Маркъ. Клубъ козицкаго дворянства. Романъ.

16. Фильдингъ. Исторія Тома Джомса Найденша. Романъ. Томъ I-й.

17. — То же. Томъ II-й.

18. — То же. Томъ III-й.

19. Ясинскій, Гер. Старый другъ. Романъ.

20. Дюма, А. Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Т. I-й.

21. — То же. Томъ II-й.

22. Золя, Эмилъ. Докторъ Паскаль. Ром.

23. Бульверъ, Эдвардъ, лордъ Литтонъ. Последніе дни Помпеи. Ром. Томъ I-й.

24. — То же. Томъ II-й.

25. Бичеръ-Стоу, Генр. Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ библиографіи этого произведенія Джоржа Будлена. Томъ I-й.

26. — То же. Томъ II-й.

27. Сю, Евгений. Вѣчный жидъ. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й.

28. — То же. Томъ II-й.

29. — То же. Томъ III-й.

30. — То же. Томъ IV-й.

31. — То же. Томъ V-й.

32. Бальзанъ. Женщина тридцати лѣтъ. Ром.

33 и 34. Флоберъ, Г. Госпожа Бовари. Провинціальныя нравы. Ром. Перев. съ франц.

35. Царь изъ дома Давида. Съ англ. Е. М. 36. Янушинъ, П. Великъ Богъ земли русской! и другіе разсказы.

37 и 38. Грандъ, Сара. Небесные близнецы. Перев. съ нѣм. А. Гердъ.

39 и 40. Поз, Эдгаръ. Необыкновенные разсказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовья и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЦЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

